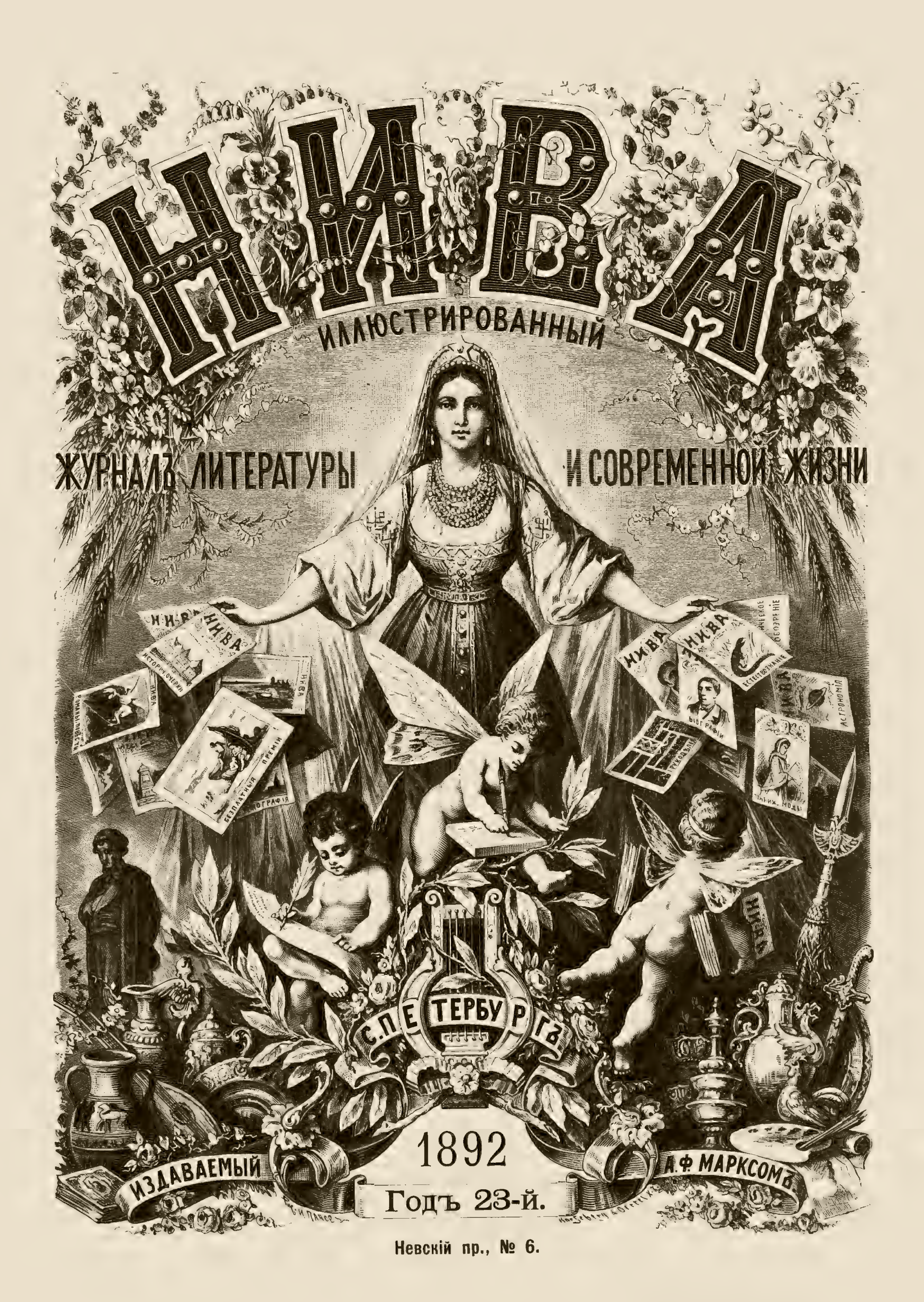

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1892
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 23-й.

Невскій пр., № 6.

XXIII г. — № 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 4 іюля 1892 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ №. прилагается гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы" ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. КОЗЛОВА (составляющее СБОРНИКЪ „Нивы" за ІЮЛЬ).

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮЛЬ 1892 г., съ 31 рис. и отдѣльн. листомъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 39 рисунк. рукодѣльныхъ работъ.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

X.

Поспѣшно сдавъ ручной багажъ носильщикамъ, они быстро послѣдовали за ними въ переполненный поѣздъ.

Первый классъ однако былъ почти пустъ, Англичане у себя дома не расточительны. Леннели, Завольская и Морина оказались одни въ вагонѣ на восемь душъ.

Лидія Львовна, не взирая на присутствіе баронета, немедленно разразилась негодующимъ обвиненіемъ его соотечественниковъ въ лицемѣріи и безсердечности...

— На весь міръ о гуманности, о полицейскихъ порядкахъ своихъ прокричали, а человѣку равнодушно даютъ гибнуть!.. У насъ, въ Россіи, пьяныхъ подбираютъ съ улицъ и хоть не такъ много человѣколюбивыхъ обществъ, но право гораздо болѣе человѣколюбія.

Рѣзкіе свистки прервали ея сердитыя рѣчи. Поѣздъ дрогнулъ и понесся все быстрѣй и быстрѣй, разсѣкая пространство, влетая во мракъ туннелей и вновь извергаясь на яркій свѣтъ, съ грохотомъ и шумомъ оглушительными. Передніе планы, за быстротой, совсѣмъ были не видны: они сливались въ ленту, въ пеструю, полосатую радугу. Только вторые и дальніе планы разстилались богатые, ярко-зеленые, аккуратно размѣренные разноцвѣтными посѣвами, цвѣтущими изгородями.

Лидія Львовна смотрѣла, изумляясь, вспоминая забытое. Ей казалось теперь, что она во снѣ когда-то видывала эти аккуратные муравейники, эти тѣсно сплоченныя вереницы одинаковыхъ домиковъ, переполненныхъ дѣятельною жизнью, какъ пчелиные ульи жужжаніемъ и непрестаннымъ движеніемъ... Эта прессованная сутолока жизни, эта миніатюрность жилищъ и сельскихъ угодій ей казались не реальною человѣческою жизнью, а какою-то временною декораціей, представленіемъ маріонетокъ, безъ опредѣленной сцены, на потѣху зрителей, проносившихся во всѣхъ направленіяхъ въ цѣпяхъ вагоновъ безчисленныхъ поѣздовъ.

Когда послѣ длиннаго туннеля поѣздъ, изъ мрака, вылетѣлъ на Божій день, и вправо и влѣво, какъ на ладоняхъ, оказались два города, раздѣленные лишь по-низу—извивавшеюся въ зеленыхъ берегахъ рѣчкой, испещренною мелкорослой флотиліей, по-верху—полотномъ рельсовъ, Лидія вскричала, не справившись съ удивленіемъ:

— Да что-жъ это за театръ маріонетокъ, эти дома и городки?!. Англичане народъ такой рослый! Мнѣ помнились огромныя зданія, а тутъ все будто лилипуты живутъ, въ тѣснотѣ какихъ-то кирпичныхъ конурокъ!

— Лишней земли у насъ нѣтъ, вы правы, отвѣчалъ ей сэръ-Эдвинъ. — Большаго простору вы, кромѣ помѣщичьихъ парковъ, въ деревняхъ не найдете... Но что касается зданій, вы сейчасъ увидите, что память ваша сохранила вѣрные образы.

Жена его и Катя Морина принялись ей описывать громадность лондонскихъ храмовъ, дворцовъ, музеевъ, пользуясь временнымъ уменьшеніемъ грохота и шума замедлявшаго ходъ поѣзда. Онъ останавливался на станціи Рочестеръ-Чатамъ. По сторонамъ ближайшіе предметы перестали сливаться въ радужныя полосы. Вдоль полотна съ обѣихъ сторонъ замелькали пестрыя объявленія. На перилахъ мостовъ, на заборахъ, на стѣнахъ и галлереяхъ мелкорослыхъ станцій, — все, гдѣ есть мѣстечко прилѣпить листъ бумаги, все заклеено афишами въ рисункахъ, иныя въ сажень величиною. Онѣ чередовались и повторялись безъ конца, мозоля глаза однообразіемъ своего разнообразія.

Всѣ эти внѣшнія подробности чуждой жизни дробили мысли и вниманіе Завольской, не позволяя ей сосредоточиться, но не достаточно развлекали, чтобы снять съ нея неопредѣленный гнетъ, подъ которымъ она чувствовала себя какъ въ тискахъ.

Дверь ихъ вагона неожиданно распахнулась, кондукторъ бросилъ въ нее свертокъ съ зонтикомъ и тростью, потомъ porte-manteau, потомъ кожаный футляръ со шляпой и наконецъ почтительно подсадилъ ихъ владѣльца, пожилаго господина небольшаго роста, съ грушеобразнымъ носомъ и маленькими, очень проницательными глазами.

Господинъ скользнулъ взглядомъ по молодымъ дѣвушкамъ, съ поклономъ и улыбкой извинился, проскользнувъ между ними, но очутившись передъ сэръ-Эдвиномъ Леннелемъ и женой его, окончательно расцвѣлъ.

— Oh! Ah!.. Really! Is it you?.. Very, very glad! [1])

— O! Lord Howerswift!.. Indeed!.. How d'ye do? [2]) въ одинъ голосъ разразились оба и энергически пожали одинъ другому руки, при чемъ новый путешественникъ радушно оскалилъ два ряда превосходно сдѣланныхъ зубовъ, прищурился и какъ-то задергалъ правой стороной носа и глазомъ, будто подмигивая знакомымъ.

— How do you do, lady Lennel? [3]) тотчасъ повернулся онъ, еще радостнѣй осклабившись.—Have had a trip to the continent?.. Пріятно прогулялись?

Леннели объяснили, что они съѣздили всего на нѣсколько дней, собственно навстрѣчу сестрѣ, и вотъ привезли ее и еще одну дѣвицу на житье въ Лондонѣ. Лордъ, если возможно, еще болѣе расцвѣлъ и, переводя масляные глазки съ одной дѣвушки на другую, во все время ея рѣчи вполголоса восклицалъ:

— Oh! Capital!.. Oh! Capital! [4])

Его представили Лидіи и Катѣ, и разговоръ, благодаря словоохотливости лорда, не умолкалъ до самаго Лондона. Онъ совершенно опровергалъ предвзятое мнѣніе о чванствѣ и недоступности англійской аристократіи,—этотъ сморщенный, живой, маленькій человѣчекъ, хотя несомнѣнно принадлежалъ къ ней и титуломъ, и значеніемъ въ парламентѣ, и громаднымъ богатствомъ. Лордъ Нильстонъ, маркизъ Говерсвифтъ, давно ужь былъ дѣдушкой, но сохранилъ любовь къ обществу и въ особенности къ молодежи. Онъ былъ женатъ три раза, а между тѣмъ, овдовѣвъ лѣтъ шесть тому назадъ, чуть не отбилъ невѣсты у роднаго сына, и теперь, во всякое время, говорили злые языки, готовъ обвѣнчаться въ четвертый разъ, то и дѣло тая передъ каждымъ хорошенькимъ личикомъ. Имѣя огромную семью, онъ жилъ почти одинокимъ; при немъ часть года проживали только двѣ его дочери: старшая, леди Алиса, не вышедшая замужъ, и самая меньшая, леди Мэбль, balованная дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Остальныя всѣ были замужемъ и рѣдко навѣщали отца, такъ же какъ и сыновья его, служившіе во всѣхъ службахъ, открытыхъ британскимъ дворянамъ. Только старшій сынъ, въ ожиданіи титула и наслѣдія, которыхъ старикъ совсѣмъ не желалъ ему уступать, спокойно проживалъ въ Лондонѣ на состояніе, оставленное ему матерью.

Отецъ и сынъ другъ друга не любили, хотя соблюдали наружныя дружественныя отношенія. По правдѣ, многіе любили стараго маркиза, хотя всѣ надъ нимъ посмѣивались; но хотя никто не смѣялся надъ виконтомъ Сёливанъ Нильстономъ, никто и не любилъ его,

[1]) О! въ самомъ дѣлѣ! Вы ли это? Очень, очень радъ!

[2]) А! лордъ Говерсвифтъ! Какъ поживаете?

[3]) Какъ вы поживаете, леди Леннель? Прокатились по материку?

[4]) Превосходно!

даже не исключая леди Алисы, его родной сестры по матери, считавшей его безбожникомъ и эгоистомъ.

Несмотря на одинокое житье, маркизъ Говерсвифтъ часто увеселялъ своихъ сосѣдей обѣдами, балами, на которые гости съѣзжались изъ Лондона; а въ сезонъ охоты его старинный за́мокъ, со всѣми феодальными затѣями среднихъ вѣковъ и со всѣми приспособленіями новѣйшаго комфорта, переполнялся посѣтителями.

Все это Лидія Львовна узнала впослѣдствіи отъ сестры, ея мужа и многихъ знакомыхъ. Теперь она только дивилась, „что за милый старичокъ этотъ маркизъ", и рѣшила, что непремѣнно приметъ его приглашеніе погостить въ его помѣстьи.

Она и не замѣтила, какъ пролетѣло время, такъ добродушно и занимательно онъ ихъ смѣшилъ все время.

На мосту, въ самомъ ужь городѣ, была временная остановка — пропускали перекрестные поѣзды. Завольская подошла посмотрѣть въ окно на громадный городъ, туманно разстилавшійся вокругъ; на Темзу, уходившую въ обѣ стороны, со своими вереницами пароходовъ, мачтъ и мостовъ, съ которыхъ ужь свѣтились, блѣдными стрѣлами пронизывая еще свѣтлыя сумерки, разноцвѣтные огни электричества, газа, керосина, отражаясь и дрожа въ водѣ по всѣмъ направленіямъ.

Лордъ Говерсвифтъ указалъ ей влѣво, въ даль, сливавшуюся въ непроницаемую блестящую мглу, на берегъ, сплошь застроенный громадами гранита, и выразилъ надежду, что онъ скоро будетъ имѣть удовольствіе и честь принимать ее „вонъ тамъ".

— То-есть гдѣ же именно? удивилась она. — На рѣкѣ?

— О, нѣтъ! возразилъ онъ, улыбаясь,—надъ рѣкой!.. На нашей парламентской террасѣ. Вы вѣрно захотите видѣть Вестминстеръ, не правда-ли?.. Сэръ-Эдвинъ будетъ такъ добръ, что увѣдомитъ меня о днѣ, обратился онъ къ баронету. —Или, если позволите, я самъ извѣщу васъ, когда у насъ будутъ интересныя пренія, чтобъ вы могли слышать Гладстона, Гартингтона и другихъ нашихъ ораторовъ. Вамъ это вѣрно было бы интересно?

Завольская поспѣшила увѣрить его, что она очень интересуется побывать въ парламентѣ.

— О, это очень, очень интересно! поддержала ее сестра.

Катя Морина сказала, что она два раза была на преніяхъ нижней палаты, но что въ дамской галлереѣ очень плохо слышны спичи.

— А зачѣмъ взбираться въ галлерею? Тамъ тѣсно и жарко! прервалъ ее лордъ. — Я васъ поставлю у самыхъ стеклянныхъ дверей, на скамью подъ окномъ въ House of Commons, во время дебатовъ: самъ вамъ всѣхъ назову и объясню все, если позволите... Я буду имѣть удовольствіе угостить васъ завтракомъ на Вестминстерской террасѣ. Тамъ прекрасный видъ!.. Вы такимъ образомъ дѣйствительно будете имѣть понятіе о парламентѣ!.. Леди Леннель, безъ сомнѣнія, много разъ тамъ бывала, но я былъ бы искренно счастливъ еще разъ предложить ей свои услуги.

Леннели благодарили; Катя радовалась заранѣе предстоящему удовольствію, а Лидія Львовна осчастливила стараго маркиза благодарной улыбкой и пожатіемъ руки, которую тотъ нѣсколько разъ встряхнулъ до боли, осклабляя до ушей свои ослѣпительно бѣлыя челюсти.

Поѣздъ въѣзжалъ подъ громадный стеклянный куполъ станціи Викторіи, въ самомъ центрѣ Вестъ-Энда. Дымъ, свистъ, грохотъ, шипѣніе паровъ, стукъ отворяемыхъ дверей вагоновъ, людской говоръ, суета пассажировъ, бѣготня носильщиковъ, движеніе разнообразныхъ экипажей, невозможная сутолока спѣшной, многомилліонной жизни, на громадныхъ пространствахъ, среди огромныхъ зданій и необъятныхъ парковъ, — со всѣхъ сторонъ сразу охватила, оглушила, поразила непривычную къ такой кипучей сумятицѣ, усталую съ дороги и разбитую нравственно молодую дѣвушку.

Какъ во снѣ проѣхала она пространство между Викторіей и Пикадилли, и ужасно обрадовалась тишинѣ ихъ отдѣльнаго дома, въ цвѣтущемъ скверѣ одного изъ аристократическихъ кварталовъ Лондона, и въ особенности уединенію въ двухъ ея комната́хъ верхняго этажа, прелестно отдѣланныхъ для нея сестрой.

XI.

Уединеніе въ тотъ день однако долго не продолжалось.

— Мы черезъ часъ обѣдаемъ. Сойдешь? Или не прислать-ли тебѣ наверхъ?.. Ты, бѣдняжка, вѣрно очень устала! сказала ей Павла Львовна, проводивъ ее въ ея комнаты.

— Я приду, отвѣчала Лидія.—Я хочу видѣть всѣхъ дѣтей... Или они не обѣдаютъ съ вами?

— О, да! Сегодня всѣ сойдутъ, даже маленькій Эдди.

И леди Леннель поднялась въ третій этажъ, гдѣ гувернантка и няня съ трудомъ сдерживали въ повиновеніи ея дочерей и меньшаго сына. Этотъ шарообразный джентльменъ, еще одѣтый въ пикейныя юбочки, не выдержалъ ареста и выкатился къ ней навстрѣчу съ громкими криками: „Мамма! Мамма!.." Тогда какъ его старшія сестры только нетерпѣливо выглядывали изъ-за дверей, поджидая мать и незнакомую тетю.

Десятилѣтняя миссъ Лена повисла на шеѣ матери и все забыла; но младшая дѣвочка оглянулась и сейчасъ же освѣдомилась недовольнымъ тономъ:

— Well! And where is aunty? [1])

— Вы тетю увидите за обѣдомъ, успокоила ихъ мать. — А теперь пойдемъ къ папа̀... Папа̀ васъ ждетъ внизу, дѣти! И скоро ужь, я думаю, Лео придетъ изъ пансіона.

Лео, названный такъ въ честь дѣда, Льва Николаевича Завольскаго, который былъ еще живъ, когда онъ родился, былъ старшій сынъ, любимецъ матери, красивый крупный мальчикъ двѣнадцати лѣтъ. Въ ту минуту какъ мать съ дѣтьми показалась вверху лѣстницы, его звонкій голосъ раздался внизу. Онъ ужь обнялъ отца и бѣжалъ отъ него вверхъ перепрыгивая черезъ три ступеньки.

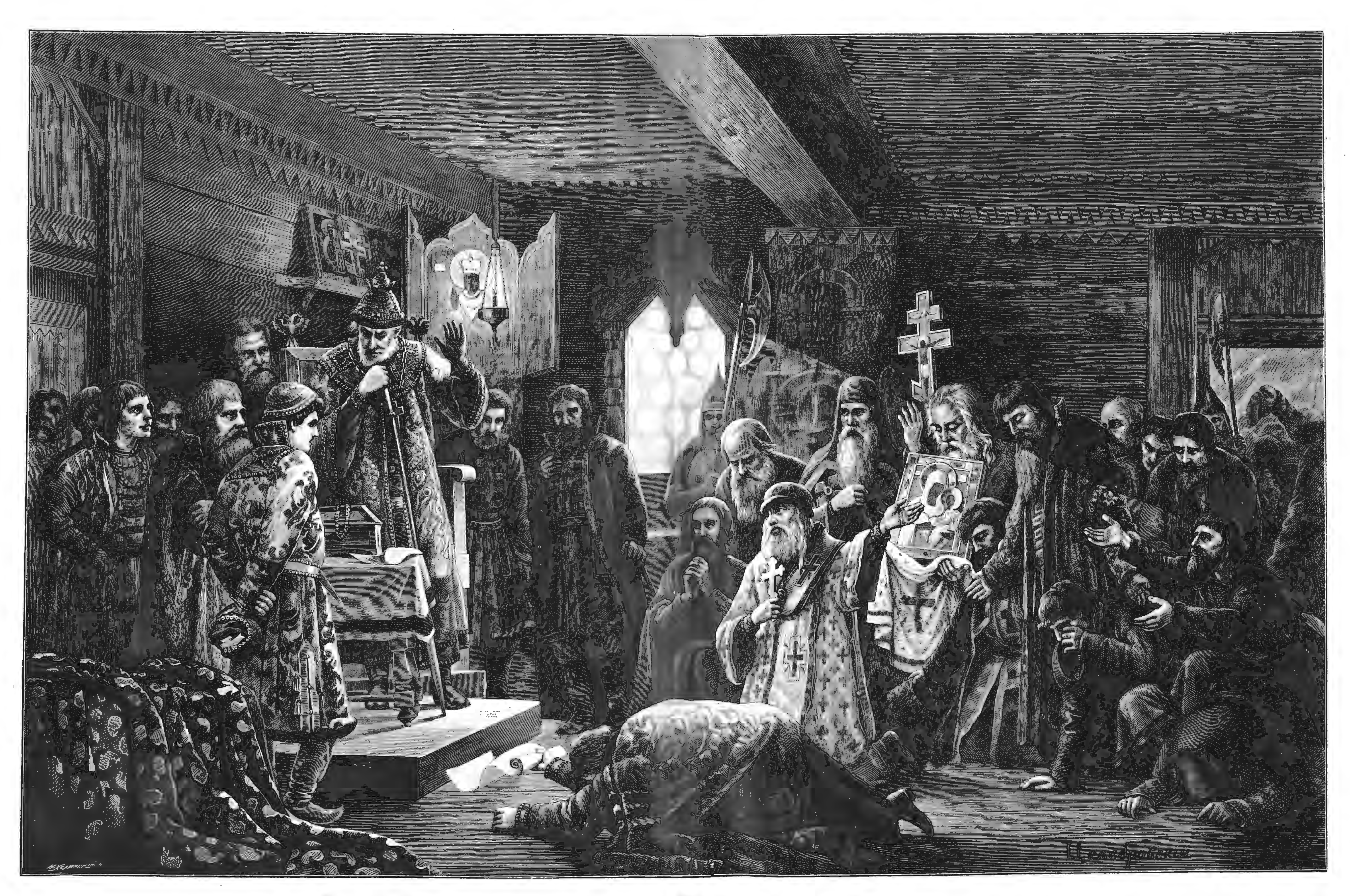
— Ш-штъ! Ш-штъ! погрозили ему сверху. — Тише, Лео!.. Не надо забывать, дѣти, что теперь здѣсь — на полпути къ вамъ — тетя! предостерегла ихъ мать. — Она, бѣдная, устала и не привыкла къ шуму... Вы должны ее поберечь.

Леди Леннель говорила наудачу, полушутя, сама не подозрѣвая, какъ она права. Если бъ видѣла она въ эту минуту утомленную позу и печальное лицо своей сестры, она поняла бы, что отдыхъ ей дѣйствительно нуженъ; отдыхъ не тѣлесный, а нравственный, котораго нигдѣ и ни за какія деньги не добыть...

Лидія Львовна, проводивъ сестру, сѣла въ первое попавшееся кресло, поникла головой на руки, закрывъ ими глаза, и долго такъ сидѣла, стараясь собрать мысли. Въ глазахъ у нея рябило, въ ушахъ гудѣло и звенѣло; въ умѣ мелькали обрывки мыслей, какъ давеча мелькали и проносились мимо оконъ пестрые обрывки предметовъ, сливавшіеся въ яркій хаосъ, неопредѣленный, неуловимый, надъ которымъ преобладало смутное недоумѣніе, вполовину сознанные вопросы: Хорошо ли она поступила? Надо ли было уѣзжать?.. Поможетъ ли ей эта рѣшительная мѣра?.. Свыкнется ли она съ новой жизнью? Снесетъ-ли отчужденіе отъ всего привычнаго, дорогаго съ дѣтства, — отъ всего *своего*, русскаго?..

Ея разлука съ отечествомъ, казавшимся ей теперь

[1]) Хорошо, а гдѣ же тетя?



Московское посольство въ Александровскую слободу въ 1565 г. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Целебровскаго, грав. Хелмицкій.

такимъ далекимъ-далекимъ, — представлялась ей не временною мѣрой, а долгимъ изгнаніемъ. Несмотря на то, что здѣсь она была въ родной семьѣ, Лидія чувствовала себя вполнѣ одинокой, отторгнутой отъ всего роднаго, перенесенной въ среду не только чуждую, но отчасти даже враждебную, враждебную всему русскому. Она не сомнѣвалась во многихъ исключеніяхъ, но масса, въ общемъ, должна быть ей непріязненна, а потому и обоюдно непріятна.

Рѣшившись такъ быстро уѣхать, она объ этомъ не подумала; теперь же, опомнившись, вздохнула о томъ, что сестра ея живетъ именно здѣсь, — въ Англіи, этой вѣчной антагонисткѣ и нападчицѣ на все русское... То ли бы дѣло жить въ Парижѣ!..

Но дѣлать было нечего. Стукъ въ дверь пробудилъ Лидію Львовну, напомнивъ, что надо скоро сойти внизъ...

Миловидная горничная въ бѣломъ передникѣ и гофрированномъ чепчикѣ, кокетливо вздѣтомъ на макушку, пришла предложить свои услуги и къ удивленію Завольской заговорила чистымъ русскимъ языкомъ. Оказалась она уроженкой Петербурга, дочерью англичанина-машиниста на какомъ-то заводѣ, выписанной Павлой Львовной, ради русской практики дѣтямъ, помощницей няни. Эмли Мидъ жила въ домѣ восемь лѣтъ и притворялась, а можетъ и въ самомъ дѣлѣ была гораздо болѣе русской, чѣмъ англичанкой. Она постоянно мечтала о возвращеніи на родину, увѣряя, что „тамъ только и жить!“ Искренни ли были ея рѣчи или нѣтъ, но въ настоящемъ случаѣ онѣ принесли большую пользу. Ея постоянные возгласы, — „ахъ, барышня! Да ужь какъ я обрадовалась своему человѣку, питерскому!.. Ужь какъ я васъ ждала-поджидала — ужь и сказать не могу!..“ пріятно удивили Лидію Львовну и немножко разсѣяли ея грустное расположеніе.

Эмли была болтушка, а болтовнѣ ея былъ плохой разгулъ въ хорошо дрессированномъ household'ѣ Леннелей; она дѣйствительно обрадовалась русской барышнѣ, зная по опыту, что русскіе господа, какъ бы ни были высоко поставлены, со своей прислугой не спѣсивы и охотно позволяютъ горничнымъ бесѣдовать съ собою, если еще сами съ ними не бесѣдуютъ.

Помогая барышнѣ съ дороги умыться и одѣться, Эмли успѣла познакомить ее не только съ характеристикой племянниковъ ея и племянницъ, но и съ гувернанткой, и съ няней, и даже съ большинствомъ прислуги въ домѣ. Лидія слушала въ полъ-уха, больше думала свои думы; когда позвонилъ колоколъ къ обѣду. Она заспѣшила, не желая заставлять ждать себя.

— О, ничего, барышня! Еще это первый звонокъ, — будетъ еще два! успокоила ее Эмли. — По второму сойдете во-время.

„Боже! Какія формальности!“ вздохнулось Лидіи Львовнѣ. „Словно на дѣтей въ благородномъ пансіонѣ!“

Предубѣжденіе невольно заставляло ее во всемъ находить недостатки.

Однако эти предвзятыя недовѣріе и недовольство новой средой и новыми людьми скоро улеглись въ ней и замолкли, уступая искреннимъ, добрымъ отношеніямъ къ ней родственной семьи, въ особенности дѣтей, сразу ее очаровавшихъ. „Aunty“ скоро стала любимицей дѣтей и самою злостною баловницей всѣхъ племянниковъ, въ особенности своей крестницы и тёзки семилѣтней Дилли и мастеръ-Эдвина, младшаго члена семьи. Эти двое, пользуясь ея покровительствомъ, основали въ ея комнатахъ, на перепутьи изъ дѣтскихъ внизъ, свою главную квартиру, гдѣ чувствовали себя гораздо веселѣй, чѣмъ со своей француженкой-гувернанткой или съ англійской няней.

Старшіе, болѣе занятые уроками, меньше тормошили „тетю Лиду“, но и съ ними она охотно возилась по часамъ; съ миссъ Элленъ шила куклы, а съ Лео постоянно по праздникамъ ѣздила верхомъ въ Гайдъ-паркѣ, на ежедневную прогулку въ Ротенъ-Роу, гдѣ отъ часу до четырехъ рыситъ и галопируетъ весь лондонскій свѣтъ отъ семи до семидесяти лѣтъ включительно.

Однимъ изъ величайшихъ удовольствій Лидіи Львовны была верховая ѣзда, но верховая ѣзда — настоящая — по полямъ, лѣсамъ и долинамъ; такая, къ какой она привыкла въ Крыму, въ деревнѣ. Въ Петербургѣ она не хотѣла и слышать о зимней ѣздѣ въ манежѣ, — „вертѣться, какъ бѣлкѣ въ клѣткѣ!“ Да и тутъ, на сравнительномъ просторѣ Гайдъ-парка, тоже не особенно нравилось ей кружиться „размѣреннымъ благоприличнымъ аллюромъ“, среди множества сотоварищей по безцѣльной скачкѣ. Она это находила скучнымъ, но ѣздила ради удовольствія племянника. А племяннику-подростку нравилось галопировать рядомъ съ хорошенькой тетей, на зависть своимъ товарищамъ и ихъ старшимъ братцамъ. Хорошенькую русскую скоро замѣтили и въ столпотвореніи Лондона; она была для этого достаточно оригинально-красива, выдѣляясь изъ сонма хорошенькихъ лицъ вообще, а тѣмъ болѣе въ средѣ зауряднаго британскаго типа. Она среди выдрессированныхъ young ladies своего общества казалась яркой, вольной, искрометной колибри, залетѣвшей къ гладенькимъ канарейкамъ. Не замѣтить ее было трудно, тѣмъ болѣе, что и среда, въ которую она попала въ многогранномъ лондонскомъ обществѣ, принадлежала скорѣе къ высшимъ, нежели среднимъ слоямъ его. Еще фешіонебельный, оживленный весенній сезонъ и не начинался, когда во многихъ кругахъ заговорили о хорошенькой сестрѣ леди Полины Леннель, а сама она была ужь окружена многими поклонниками. Никто здѣсь не могъ бы упрекнуть ее, что она спеціально поощряетъ кого-нибудь одного, но кокетничала Лидія Львовна положительно одинаково со всѣми, очертя голову, рѣшивъ, что ей *надо* развлекаться, *надо* веселиться, *надо* забыть...

По правдѣ сказать забвеніе не приходило и веселья искренняго не было, но разнообразіе жизни развлекало ее, и со стороны казалось, какъ и въ Петербургѣ было, что она весела и беззаботна.

Единственный вздыхатель, котораго она нѣсколько отличала, былъ старый маркизъ Говерсвифтъ. Съ нимъ Лидія была всегда такъ мила, такъ искренно выражала желаніе скорѣе посѣтить его замокъ, побывать на его охотахъ, — на настоящихъ скачкахъ съ препятствіями, а не той размѣренной вальсировкѣ на лошадяхъ, которой она могла ежедневно услаждаться на Ротенъ-Роу, что маркизъ совсѣмъ таялъ.

— Смотри! предупреждала ее Павла Львовна, — разразится твой беззубый селадонъ предложеніемъ... Тогда что ты сдѣлаешь?

— А не знаю, право! Можетъ-быть и выйду за него замужъ. Онъ все-таки милѣе всѣхъ другихъ! смѣясь отвѣчала Лидія.

Съ апрѣля начался съѣздъ изъ деревень и съ материка, „на сезонъ“. На смѣну баламъ, театрамъ, концертамъ, всякимъ зимнимъ увеселеніямъ появлялись цвѣточныя, картинныя и всевозможныя выставки; въ ожиданіи прославленныхъ майскихъ garden parties, у богатыхъ людей устраивались музыкальныя утра въ оранжереяхъ.

На лондонскихъ балахъ Завольская не бывала, пріѣхавъ поздно и не въ бальномъ расположеніи духа; къ тому же наступилъ Великій постъ, и ей захотѣлось, именно потому, что она была внѣ Россіи, строже держаться постановленій православной церкви. На Страстной обѣ сестры каждый день бывали въ Вельбекъ Стритѣ; постоянно встрѣчали, у службъ и въ семьѣ русскаго священника, немногихъ представителей отечества ихъ, жившихъ въ Лондонѣ, но, далѣе визитовъ, знакомства и съ пріѣздомъ Лидіи не шли. Напротивъ, Лидія даже избѣгала соотечественниковъ, довольствуясь

частыми свиданіями съ семьей Мориныхъ, особенно съ Катей, которая чуть не каждый день забѣгала и часто служила ей проводникомъ по лабиринту лондонскихъ парковъ, историческихъ зданій и улицъ, въ которыхъ она старалась всѣмъ интересоваться, не очень часто въ томъ успѣвая...

На зло всѣмъ ея добросовѣстнымъ стараніямъ круговоротъ этой чуждой жизни не увлекалъ ее и не снималъ съ ея сердца гнета. Возвращаясь вечеромъ въ свою комнату, усталая послѣ всевозможныхъ выѣздовъ, зрѣлищъ, прогулокъ, она только и думала: „заснуть бы! Забыться!..“ Но ни сонъ, ни забвеніе не приходили. Неотвязная мысль, неотвязное желаніе овладѣвали ею, и почти каждую ночь она сдавалась, не имѣя силъ бороться съ ними. Она открывала маленькимъ золотымъ ключикомъ, который всегда носила на браслетѣ, портфель: вынимала письмо, нѣсколько писемъ, и перечитывала ихъ.

Одно большое, похожее скорѣй на рукопись чѣмъ на обыкновенное письмо, она перечитывала внимательно: другіе только пробѣгала, иногда поправляла въ нихъ что-нибудь: вычеркивала фразу, замѣняла другой. Иногда задумывалась надъ новыми проектами писемъ, которыя не разъ уже писала, но оставляла въ проектѣ, боясь отослать ихъ по назначенію.

Все это были предполагавшіеся ею отвѣты, на то, большое письмо.

Это письмо Лидія получила еще въ Петербургѣ. Дня два послѣ встрѣчи и окончательной разлуки съ графомъ Луневымъ-Запястьевымъ, ей подали письмо съ городской почты, замѣчательное по своей увѣсистости. Она взглянула только и тотчасъ узнала отъ кого оно... Только разъ она видала, мелькомъ, этотъ почеркъ, когда графъ подписывалъ адресъ на конвертѣ съ деньгами. но признала по первому взгляду. Она въ тотъ вечеръ читала и перечитывала его чуть ли не до утра и потомъ не проходило ночи, чтобъ она не вынимала его изъ своего дорожнаго бювара.

XII.

Заголовка и настоящихъ именъ въ письмѣ этомъ не было: оно вообще не носило характера письма и кому бы въ руки ни попало, никого не могло бы компрометировать, а вѣроятно сошло бы за романическій вымыселъ. Вотъ его содержаніе.

„Вы, конечно, не жалѣете времени потраченнаго на чтеніе романовъ? Не пожалѣйте потратить полчаса на прочтеніе моей исповѣди. Даю вамъ слово, что въ ней будетъ одна правда; но, несмотря на истину того, что служитъ отчасти мнѣ оправданіемъ, я никогда, никому не высказывалъ этого. Это не заслуга: я просто, до сихъ поръ, былъ совершенно равнодушенъ къ мнѣнію о себѣ.

„Донынѣ я былъ увѣренъ, что никогда не выйду изъ этого спокойнаго равнодушія... Много есть людей, которыхъ я искренно уважаю, которыхъ знаю по годамъ. Не могу сказать, чтобъ ихъ доброе обо мнѣ мнѣніе не утѣшало меня, чтобъ я не цѣнилъ ихъ дружбы: но радуясь ей, я предоставляю имъ полное право хранить ее или измѣнять ей, не считая разумнымъ — изъ-за нихъ *будить умершихъ*, — тревожить прошлое, съ такимъ трудомъ улегшееся горе... Еще разъ пережить его мнѣ всегда было труднѣй, чѣмъ лишиться хорошаго мнѣнія пріятелей изъ-за ихъ недоразумѣнія. Но вотъ нашла коса на камень: я неожиданно натолкнулся на новое осложненіе въ своей не богатой спокойствіемъ жизни... Приходится считаться съ прошлымъ, вновь возвратиться къ годамъ пережитаго горя,- ради оправданія одного счастливаго мгновенія... Бываютъ, видно, мгновенія, за которыя человѣкъ чувствуетъ себя отвѣтственнѣй, нежели за годы прошлыхъ прегрѣшеній. Все зависитъ противъ чего и кого прегрѣшеніе, — противъ васъ я не хочу быть грѣшенъ ни единымъ движеніемъ, ни помысломъ, ни недомолвкой.

„Мы знакомы съ вами недавно и не много съ вами бесѣдовали; но я васъ знаю давно и знаю, что полнѣе высказаться — въ общемъ — вы не могли бы, если-бъ мы даже разговаривали цѣлые годы. Вы — воплощеніе моей мечты! Мечты всей жизни, которую я готовъ уже былъ счесть миѳомъ, — неосуществимымъ идеаломъ: вы — воплощеніе правды! Простой, естественной, не рисующейся, безусловной правды во всемъ, — въ поступкахъ, въ движеніяхъ сердца, въ словахъ и въ помыслахъ, — во всемъ!.. Я не говорю, что вы идеалъ добродѣтели, идеалъ совершенства, — нѣтъ! Вы сами отнеслись бы презрительно къ такой льстивой фальши. Быть-можетъ есть на свѣтѣ женщины добродѣтельнѣй васъ и несравненно совершеннѣй, но искреннѣй, правдивѣй, нелицемѣрнѣй въ самыхъ недостаткахъ, чѣмъ вы — не можетъ быть!

„Лицемѣріе и ложь по отношенію къ вамъ — двойной грѣхъ, котораго я на душу не возьму. То что высказало вамъ то мгновеніе, — тотъ единый мигъ, которымъ я лично противъ васъ погрѣшилъ, — правда: я васъ люблю. Я не солгу сказавъ, что вы первая женщина, которую я дѣйствительно, честно и свято люблю...

„Многіе, пожалуй всѣ, знающіе мою жизнь, недовѣрчиво улыбнулись бы моимъ словамъ; но они искренни и истинны, и я отъ нихъ не отрекусь. Мнѣ тридцать пятый годъ. Я женатъ ужь четырнадцать лѣтъ. Въ жену свою я былъ влюбленъ безумно,—какъ влюбляются двадцатилѣтніе юноши въ умѣлыхъ, бывалыхъ и ловкихъ красавицъ, сознающихъ силу своей красоты и только ее одну и признающихъ въ мірѣ. Я знавалъ страсть—слѣпую, одурманивающую страсть; но сознательной, честной любви я не зналъ до той минуты, какъ созналъ ее въ своемъ сердцѣ, тогда... Все равно! Быть-можетъ лучше было бы не упоминать, не говорить объ этомъ днѣ? Но вѣдь *я знаю*, что вы его помните! А скрывать, что я это знаю, что ваши глаза мнѣ тоже высказали многое,—было бы опять-таки фальшью, которой между нами быть не должно. Я не писалъ бы вамъ, если-бъ было иначе. Но такъ какъ оно *не иначе*, а именно такъ, то не могу я допустить, чтобъ вы узнали отъ другихъ, что я бросилъ женщину, которая меня любила горячо, которая и по сію минуту меня любитъ—статься можетъ, и не знали какіе ужасные мотивы были на то... что именно побудило, *принудило* меня ее бросить.

„Я былъ второй въ семьѣ, старше меня на нѣсколько лѣтъ была моя сестра. Она умерла очень молодою и почти всю жизнь прожила въ деревнѣ, съ нашей матерью. Ее почти не знали въ свѣтѣ, даже въ нашемъ многочисленномъ родствѣ ея коротенькая жизнь и смерть прошли незамѣченными; только намъ съ матерью кончина ея была тяжела несказанно. Я любилъ сестру. Она тоже была одна изъ немногихъ чистыхъ душой и нелицемѣрныхъ, по врожденному свойству, а не по принципамъ, заимствованнымъ изъ прописей, страха ради. Сестра, какъ и мать моя, была очень несчастна... Не стану разсказывать подробностей,—мнѣ было бы слишкомъ горько останавливаться на причинахъ несчастія нашей матери; но для того, чтобы все было вамъ понятно, выскажу лишь одно: отецъ мой, оставившій и въ обществѣ и по службѣ безукоризненную о себѣ память, въ семьѣ далеко не былъ такимъ preux chevalier, какимъ всѣ знали его по внѣшности. Онъ вообще не отличался семейными добродѣтелями; долгая же болѣзнь моей матери истощила его терпѣніе до того, что не разъ затѣвались имъ переговоры о разводѣ и вѣроятно къ тому въ концѣ-концовъ и пришло бы дѣло, если бъ онъ скоропостижно не умеръ, ранѣе своей жены.

„Онъ былъ красивый, живой, честолюбивый, преданный мірскимъ интересамъ человѣкъ: ему нужна была представительная, свѣтская жена: а мать моя по нездоровью должна была постоянно жить въ деревнѣ, лѣчилась,

молилась, воспитывала своихъ, любимыхъ страстно, дѣтей и ни въ чемъ не могла быть помощницей отцу. Во многомъ даже не понимала и осуждала его стремленія...

„Однако, она его горячо любила! Любила и скорбѣла за ихъ рознь, которую уничтожить не могла. Когда же разрывъ ихъ дошелъ до конца, когда отецъ задумалъ жениться на другой и предложилъ разводъ,—это величайшее беззаконіе и тягчайшее оскорбленіе ей, безукоризненной женѣ и матери, такъ глубоко ее поразило, что она едва не умерла, опасно заболѣвъ.

„Помню, какой холодный ужасъ, какое омерзѣніе къ одному слову *разводъ*, овладѣвало нами, дѣтьми, среди нашей семейной драмы. Мнѣ тогда было всего десять лѣтъ; я еще не разлучался съ матерью, не выѣзжалъ почти изъ нашего родоваго имѣнія, а потому не могъ имѣть понятія о злобахъ жизни и нашего безнравственнаго вѣка, какъ большинство другихъ дѣтей. Но сестра, на пять лѣтъ меня старше, объяснила мнѣ смыслъ его и послѣдствія... Отецъ, желавшій отказаться отъ нашей матери,—для насъ воплощенія всего добраго, всего святаго; отвергавшій, ради какой-то пришлой, чужой женщины,—ее, а *слѣдовательно*, по убѣжденію нашему, и насъ,—сразу сталъ намъ чуждъ, непріязненъ, страшенъ... Мало того, я положительно сталъ чувствовать паническій ужасъ и отвращеніе къ нему непреодолимое. Онъ, обидчикъ моей матери, причина ея болѣзни, ея несчастія и великаго моего и сестры моей горя,—представлялся мнѣ воплощеніемъ всякаго зла и низости. Мы и презирали, и ненавидѣли, и боялись его до того, что когда онъ неожиданно пріѣхалъ на одинъ день, для необходимаго „дѣловаго свиданія“ съ матерью, едва поправившеюся отъ перваго потрясенія,—мы съ сестрой наотрѣзъ отказались его видѣть. Мы забѣжали въ лѣсъ, а оттуда вечеромъ, вмѣсто того чтобъ вернуться домой, пошли на погостъ къ нашему священнику, прося его съ женой пріютить насъ до отъѣзда отца, до слѣдующаго вечера.

„До сихъ поръ я ясно вижу эту характерную сцену, полную глубокаго смысла, запечатлѣвшуюся въ памяти моей навѣки. Кроткое, испуганное лицо нашего старика, отца Александра; встревоженную жену его, сокрушенно качавшую головой, спѣшно готовя намъ къ ужину; себя, маленькаго, исплаканнаго, проголодавшагося и продрогшаго мальчугана, и дорогую мою сестру, блѣдную, съ горящими смѣлой рѣшимостью глазами, дрожащую отъ негодованія и сдерживаемыхъ слезъ, когда она на всѣ убѣжденія „батюшки“ смириться, вернуться „въ родительскій домъ“, гордо и гнѣвно ему возражала:

„— Родительскаго дома—у насъ нѣтъ!.. Нѣтъ у насъ отца,—одна мать!.. Ее мы чтимъ и любимъ—и къ ней вернемся и никогда ее не оставимъ, когда этотъ человѣкъ уѣдетъ... Его я видѣть не могу и не хочу!

„И на всѣ нерѣшительныя увѣщанія отца Александра, у сестры моей былъ одинъ рѣшительный отвѣтъ:

„— Не могу и не хочу, потому что не умѣю и не могу лгать... Не вы-ли сами, батюшка, учили насъ, что ложь—смертный грѣхъ?.. Что же намъ дѣлать? Свершать смертный грѣхъ,—сознательно лгать или высказать прямо отцу, *что* мы о немъ думаемъ... *что* чувствуемъ къ нему—и тѣмъ еще ухудшить положеніе бѣдной мамы?.. Нѣтъ, нѣтъ! Пусть самъ догадывается о чувствахъ нашихъ къ нему... Пусть знаетъ, что отнынѣ онъ намъ чужой, но лгать я не буду и брата не допущу до лжи!

„Вы видите, что я былъ правъ говоря, что покойная сестра моя тоже была воплощеніемъ правды.

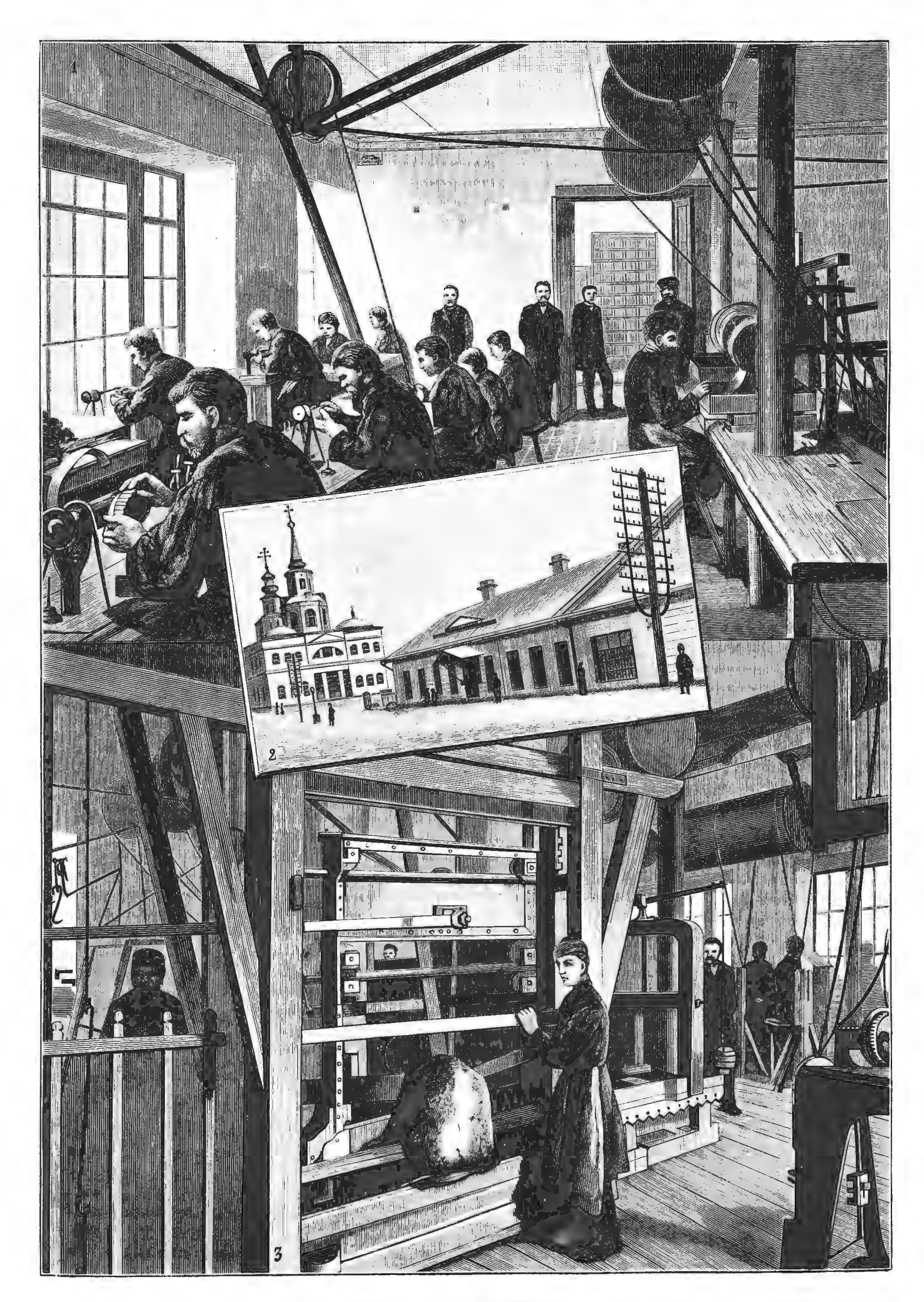
„За правду свою она и погибла... Разводъ, — не правда-ли какое пошлое, безсмысленное слово?.. Разводъ!.. Тогда зачѣмъ же говорить: бракъ? *Таинство брака*, священный союзъ на жизнь и смерть. „Кого Богъ соединилъ,- того человѣкъ да не разлучаетъ“. Всѣ эти формулы нашей церкви, которыя православный человѣкъ,—если православіе въ немъ и вѣра не пустые звуки, не случайныя вывѣски безъ всякаго внутренняго значенія,—привыкъ уважать съ дѣтства, теперь внушаютъ такъ мало уваженія, такъ свободно попираются, нравственно расшатанною интеллигенціей. Разводъ? Такъ значитъ не священный бракъ, а случайный *сводъ*? Не лучше-ль ужь взять у японцевъ ихъ нестѣснительные обычаи: союзъ на извѣстный срокъ, по контракту. Въ хорошемъ случаѣ можно его возобновить, какъ по вольному найму; чего-жь удобнѣй?.. Вотъ только дѣти въ подобныхъ бракахъ—ненужное и нежелательное осложненіе. И на бѣду не безчувственное, а мыслящее и страждущее препятствіе въ свободѣ дѣйствій родителей.. Впрочемъ, большинство родителей нашего времени объ этомъ благоразумно забываютъ.

„Простите, что я невольно вдался въ разсужденія. Озлобленіе мое вамъ станетъ понятнымъ, коль скоро вы убѣдитесь, какъ глубоко я проникнутъ отвращеніемъ къ этой злобѣ нашихъ дней и какимъ великимъ несчастіемъ въ нашей семьѣ были бракоразводныя излишества, такою злою эпидеміей обуявшія въ послѣдніе годы Россію.

„Отецъ, какъ мною уже сказано, не успѣлъ довершить задуманнаго скандала: смерть не дала ему времени. Мы слышали, будто бы главной причиной его внезапной кончины былъ жестокій ударъ и самолюбію его, и чувствамъ: вернувшись неожиданно въ Петербургъ, онъ прямо полетѣлъ къ той женщинѣ, ради которой отрекался отъ своей семьи, и засталъ ее врасплохъ съ молодымъ человѣкомъ, котораго всѣ знали за его соперника, разумѣется, кромѣ его самого, упорно не желавшаго вѣрить легкомысленному поведенію любимой имъ красавицы. Мы послѣ узнали эти грустныя подробности; послѣ узнали и ея имя, и ее самое, эту красавицу, — несомнѣнно рѣдкую красавицу!.. Мы жили въ такомъ уединеніи. Да и кто бы рѣшился насъ извѣщать, когда мать и сестра только и старались избѣгать всякаго напоминанія о послѣднихъ, печальныхъ событіяхъ въ жизни моего бѣднаго отца... Впослѣдствіи, когда я былъ уже юношей, учился и для того поневолѣ проводилъ зимы въ столицѣ, до меня, разумѣется, дошли о нихъ свѣдѣнія; да и то не въ подробности. Я понятно тоже избѣгалъ говорить объ этомъ; не запомнилъ даже фамиліи этой женщины, которую презиралъ глубоко.

„Прошло семь лѣтъ. Сестра моя вышла замужъ за человѣка, котораго любила искренно. Я былъ въ университетѣ; матушка попрежнему жила въ деревнѣ или за-границей съ сестрой. Обѣ не любили Петербурга и, не вынося холода, по большей части зимы проводили на югѣ Европы; лѣтомъ мы всегда бывали вмѣстѣ. Однимъ лѣтомъ однако, когда мы съ матерью собирались на воды, гдѣ не разъ назначали rendez-vous сестрѣ съ ея семьей, она вдругъ сама неожиданно пріѣхала въ нашу деревню съ весны, со своею дочкой, и объявила, что мужъ ея на все лѣто остался въ Парижѣ, а ей надоѣли воды и вообще заграничное житье. Мать написала мнѣ объ этомъ нѣсколько глухо, но по тону письма ея я тотчасъ догадался, что съ сестрою что-нибудь не ладно... До этого времени она никогда не разлучалась съ мужемъ надолго, они жили душа въ душу. Я забылъ сказать, что зять мой служилъ при дипломатическомъ корпусѣ въ Парижѣ, но часто пользовался то командировками, то продолжительными отпусками, чтобъ разъѣзжать по Европѣ: съ нимъ охотно путешествовала и жена его, не стѣсняясь своей дѣвочкой, которую никогда не оставляла одну,—или поручала бабушкѣ, или везла съ собою. Получивъ увѣдомленіе матери о новыхъ распоряженіяхъ, я ломалъ себѣ голову, заранѣе встревоженный, словно по предчувствію... Наконецъ наступило время вакацій, я полетѣлъ въ Малороссію, въ деревню.

(Продолженіе будетъ).



Императорская гранильная фабрика въ Екатеринбургѣ. Съ фот. Метенкова, грав. Рашевскiй.
1. Шлифовальная мастерская. 2. Наружный видъ Императорской гранильной фабрики. 3. Машины для рѣзки камня.

Святая гора Аѳонская.

Ея мѣстность и обитатели.

Проф. **А. Ѳ. Брандта.** (Съ рисунками).

(Окончаніе).

Монастырь Симоно-Петръ, основанный Св. Симономъ на камнѣ (отчего и названіе: камень Симона), буквально виситъ надъ пропастью, и къ нему отъ пристани ведетъ дорога, хотя и хорошо устроенная зигзагами, но почти отвѣсно въ гору. Внутри монастырь чрезвычайно тѣсенъ и теменъ, такъ какъ малая поверхность скалы заставляла возводить зданія въ высоту (рис. 11 и 12).

Монастырь Григоріатъ расположенъ на юго-западной сторонѣ Св. Горы, близъ самаго моря, на утесистомъ краю дикой дебри. Онъ имѣетъ видъ неполнаго четырехсторонника (рис. 13).

Монастырь Діонисіатъ стоитъ въ устьѣ огромнаго ущелья, покрытаго лѣсомъ, и выстроенъ на камнѣ, какъ бы висящемъ надъ моремъ. Расположенный весь на одной скалѣ, обнесенный высокими стѣнами съ крѣпкими бойницами, Діонисіатъ представляется какъ-бы замкомъ среднихъ вѣковъ (рис. 14).

Наконецъ, монастырь Св. Павла стоитъ также въ устьѣ ущелья, у подошвы Аѳона, между двумя потоками, одинъ изъ которыхъ, самый большой на Св. Горѣ, течетъ съ вершины Аѳона. Монастырь основанъ, по преданію, почти въ одно время съ Аѳанасіевой лаврой Св. Павломъ Ксиропотамскимъ (рис. 15 и 16).

Въ центрѣ полуострова находится единственный въ настоящее время городъ Карея. Онъ живописно ютится на вышкѣ, прислоняясь къ горамъ, утопаетъ въ зелени и представляетъ открытый видъ на море. По крутымъ тропинкамъ, на вьючныхъ животныхъ сюда доставляются жизненные припасы и товары: „аѳонская столица", какъ и вся нагорная часть полуострова, лишена проѣзжихъ дорогъ. Городъ, нѣтъ—будемъ скромнѣе—городокъ, мѣстечко представляетъ двѣ-три узкія, какъ вообще на Востокѣ, улицы. Домовъ въ немъ, говорятъ, сотни двѣ. Они вообще короткіе, но сравнительно высокіе. Въ нижнихъ этажахъ разнаго рода лавки и мастерскія, отчасти довольно обширныя и торгующія всѣмъ, начиная отъ колоніальныхъ товаровъ и кончая тканями, посудой и дегтемъ. Каждый изъ двадцати аѳонскихъ монастырей и многіе скиты имѣютъ тутъ свои подворья, и въ каждомъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ по одной домовой церкви; всѣхъ же церквей въ городкѣ насчитывается около 50. Снаружи, впрочемъ, присутствіе ихъ ничѣмъ не обозначено, исключая собора, представляющаго отдѣльную, но невзрачную и скромную по размѣрамъ постройку (рис. 17).

Кромѣ монаховъ, ремесленниковъ и торгашей, по преимуществу изъ болгаръ, вы въ Кареѣ еще изрѣдка встрѣчаете аѳонскихъ стражниковъ въ греческомъ національномъ костюмѣ (рис. 18). Они носятъ бѣлую, до колѣнъ балетную юбку, которая однако шьется изъ 24 аршинъ холста, а потому образуетъ толстѣнный пластъ складокъ и при ходьбѣ раскачивается на подобіе кринолина. Старинное кремневое ружье этихъ воиновъ въ два съ половиною аршина длиною и скорѣе походитъ на пику. Можно-ли изъ него, въ случаѣ надобности, и стрѣлять—этого мнѣ узнать не удалось. Но гдѣ же карейскія женщины? Ихъ нѣтъ ни одной, какъ нѣтъ ихъ и на всей монашеской территоріи полуострова. Даже турецкіе представители власти, и тѣ не имѣютъ при себѣ женъ; а гаремы ихъ находятся въ городѣ Эриссо, въ двухъ часахъ пути отъ монашеской границы.

Вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ доступъ женщинамъ на Святую гору безусловно воспрещенъ. Вмѣстѣ съ женщинами аѳониты не допускаютъ у себя и представительницъ женскаго пола домашнихъ животныхъ: коровъ, овецъ, козъ, даже кошекъ и куръ. Недопущеніе женщинъ въ настоящее время уже хорошо извѣстно нашимъ поклонницамъ; не то было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда впервые установились пароходные рейсы на Аѳонъ. Очевидецъ (*Благовѣщенскій*) разсказываетъ, какъ паломницы рвались переправиться съ парохода на берегъ поклониться святынѣ. „Батюшки, голубчики!" кричали онѣ во всю мочь, „дайте хоть землицы-то аѳонской на память! Пришлите четочекъ, родимые!"

Бывали, однако, случаи, когда менѣе благочестивыя, чѣмъ любопытныя и дерзкія представительницы прекраснаго пола либо хитростью, въ иноческомъ платьѣ, либо насильно вторгались на монашескую территорію. Такъ, въ 1859 г., повѣствуетъ тотъ же очевидецъ, вмѣстѣ съ поклонниками сошла на берегъ одного изъ монастырей и жена пароходнаго капитана, женщина молодая и красивая. Одѣтая очень эффектно и окруженная толпою офицеровъ, она весело подошла къ монастырскимъ воротамъ. Монахи въ ужасѣ и съ угрозами захлопнули ворота передъ самымъ носомъ красавицы. Капитанъ обѣщалъ было жаловаться, но долженъ былъ утихнуть, въ виду извѣстнаго всему свѣту аѳонскаго устава. Дамочка же, на зло монахамъ, подъ руку съ какимъ-то франтомъ, обошла кругомъ всего монастыря, освѣжилась аѳонскою водою, нарвала цвѣтовъ и потомъ сѣла отдыхать противъ воротъ монастыря, лорнируя встрѣчныхъ монаховъ. При такомъ искушеніи отшельники взволновались; многіе взялись за каменья, и начальству стоило не мало труда успокоить братію. Дама же съ храбростью, достойною лучшаго дѣла, не сошла съ мѣста, пока не вернулась изъ монастыря ея компанія и спокойно возвратилась на пароходъ. Пароходъ уѣхалъ; но весь Аѳонъ считалъ себя оскорбленнымъ и нѣкоторые изъ монаховъ удалились въ пустыню, чтобы наединѣ, крестомъ и молитвой вернуть себѣ утраченное душевное равновѣсіе. Впрочемъ, было бы поспѣшно заключить изъ подобныхъ эпизодовъ о томъ, что нерасположеніе аѳонитовъ къ женщинамъ не знаетъ никакой мѣры и предѣла. Достаточно тутъ вспомнить, что во время Крымской войны на Аѳонѣ укрывалось отъ ярости турокъ множество окрестныхъ поселянъ, съ женами и дѣтьми. Монахи обошлись съ ними хорошо и во все время выдавали имъ пищу

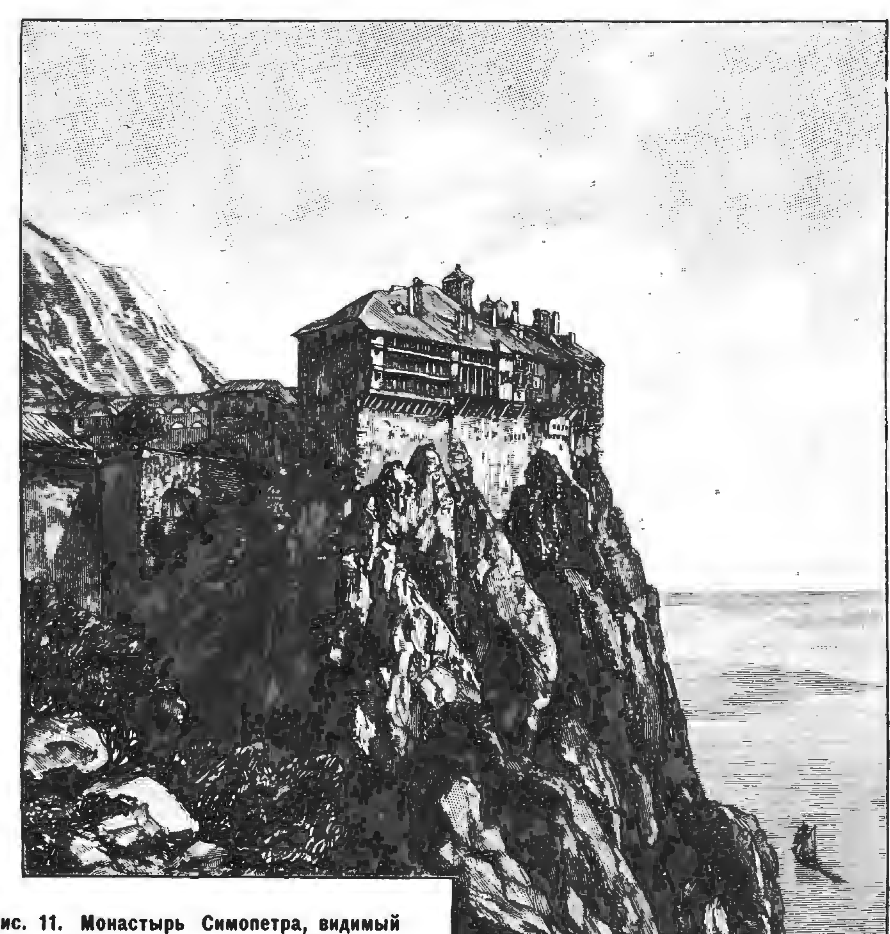


Рис. 11. Монастырь Симопетра, видимый съ моря.

изъ своихъ запасовъ, лишь обязавъ женщинъ клятвою не подходить близко къ монашескому жилью.

Въ общемъ строй жизни аѳонскихъ монастырей тотъ же, какъ и въ другихъ православныхъ монастыряхъ Европы. Мнѣ самому приходилось наблюдать жизнь иноковъ почти исключительно въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, и на основаніи этихъ наблюденій могу заявить, что едва ли гдѣ либо она можетъ быть труднѣе и изнурительнѣе, чѣмъ здѣсь. Ежедневно монахи проводятъ въ церкви не менѣе десяти часовъ; по воскресеньямъ *одна утреня* длится десять и двѣнадцать, а по большимъ праздникамъ даже до четырнадцати часовъ, такъ что монахи почти цѣлыя сутки проводятъ въ церкви. Растягивается служба тѣмъ, что псалмы и каноны поются безо всякихъ пропусковъ и въ службу вставляются поученія, во время которыхъ, однако, братіи разрѣшается сидѣть либо въ формахъ, либо по-турецки, на полу. Принимая во вниманіе, что въ свободное отъ службы время большинство братіи занято разными послушаніями, мы видимъ, что на сонъ остается въ сутки *максимумъ* пять часовъ. Къ этому надо еще присовокупить непитательность пищи, особенно въ посты, когда рыбныя блюда не допускаются, а даются бобы, горохъ, разныя травы, сырой салатъ, а морскіе осьминоги или спруты и каракатицы или сепіи, возбуждающіе въ большинствѣ непривычныхъ одно лишь отвращеніе, считаются лакомствомъ. При такомъ характерѣ пищи, даваемой за трапезой,—впрочемъ не во всякое время,—красное вино составляетъ важное подкрѣпляющее средство. Заслуживаетъ вниманія, что во время трапезы всѣ ѣдятъ молча, въ то время какъ одинъ изъ старцевъ съ возвышенной каѳедры читаетъ поученіе.

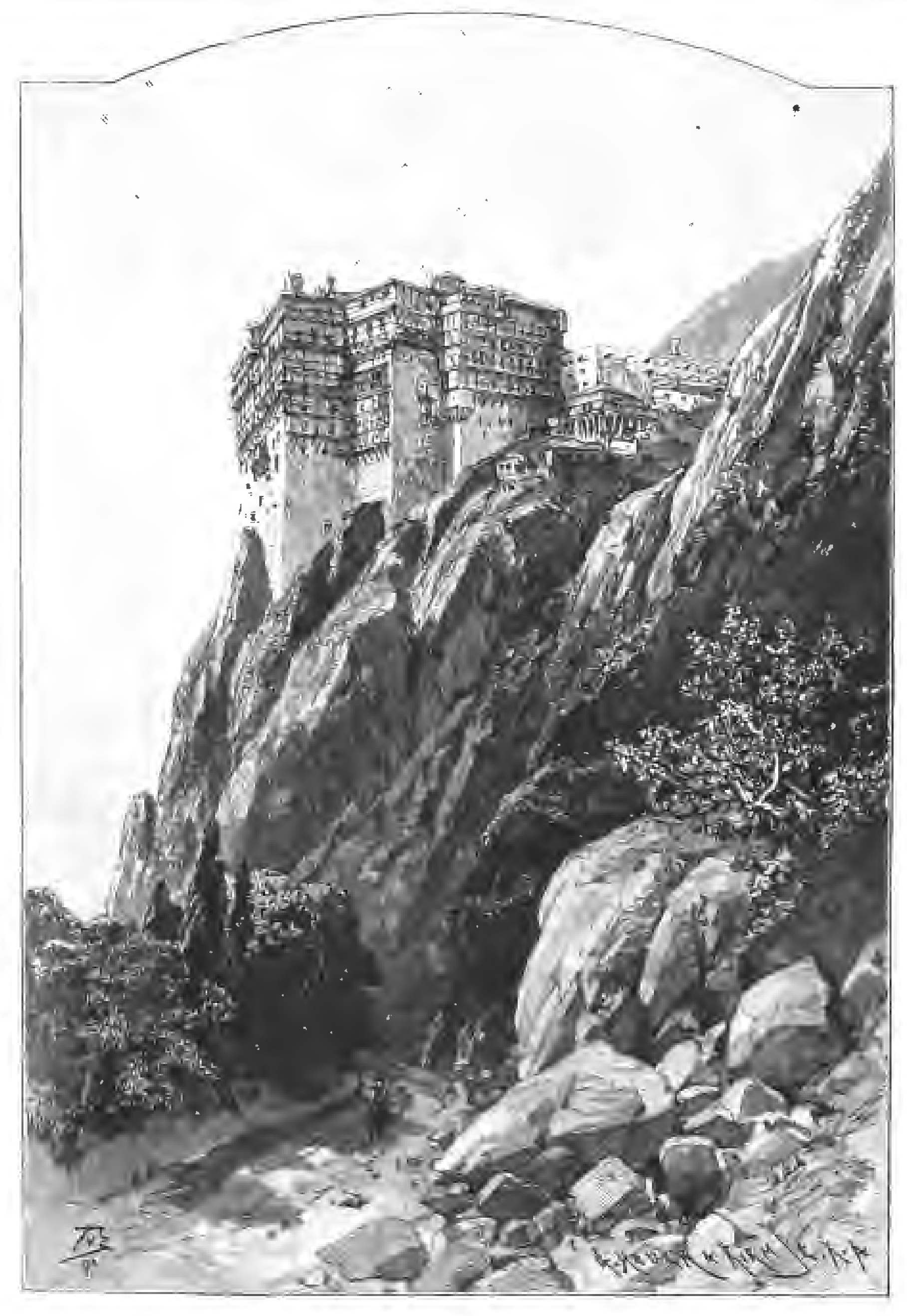


Рис. 12. Монастырь Симопетра, съ суши.

Братія во всемъ подчиняется безусловно игумену. Степень такого подчиненія сказывается уже во внѣшнихъ формахъ обращенія. Встрѣчаясь съ игуменомъ, инокъ падаетъ передъ нимъ ницъ, или, если онъ лицо приближенное, то, по крайней мѣрѣ, низко наклоняется, прикасаясь пальцами до земли. Не всѣ монахи свыкаются со строгими правилами общежительнаго монастыря. Иные изъ нихъ, ставящіе нѣкоторую долю самостоятельности выше полнаго смиренія и располагающіе при этомъ деньгами, арендуютъ у одной изъ обителей клочокъ земли и строятъ себѣ келью, въ которой часто бываетъ по нѣсколько комнатъ и церковь. Такіе монахи принимаютъ къ себѣ бѣдныхъ собратовъ и считаются ихъ старцами.

Подобно келіотамъ, избѣгаютъ общежитія и пустынники, съ тою разницею, что при этомъ руководятся совершенно противоположными мотивами. Они ищутъ себѣ мѣста какъ можно менѣе удобныя для человѣческаго жилья. Лишь изрѣдка они спускаются къ монастырямъ для присутствія на праздничной службѣ, для пріобщенія Св. Таинъ, для продажи за безцѣнокъ или для промѣна на черные сухари своихъ рѣзныхъ издѣлій: образковъ, крестиковъ и ложечекъ. Крошечныя кельи отшельниковъ расположены иногда на почти неприступныхъ крутизнахъ, куда порою можно взобраться не иначе, какъ по веревочной лѣстницѣ (рис. 19). Разсказываютъ объ одной кельѣ, построенной надъ моремъ, на высокомъ утесѣ, съ котораго спускается на веревкѣ корзина, въ которую съ проѣзжающихъ судовъ кладутъ сухари и другіе припасы. Иные изъ пустынниковъ довольствуются пещерой, разсѣлиной въ скалѣ, или даже дупломъ. Нѣкогда одинъ изъ нихъ подлѣ кельи вырылъ себѣ могилу и часто въ ней спалъ, чтобы всегда быть готовымъ къ смерти. Бывали и такіе, которые, ради искупленія грѣховъ и уничиженія плоти, налагали на себя муки Сизифа, таскали изъ пропасти камни до полнаго изнеможенія; другіе носятъ на себѣ тяжеловѣсныя вериги. Въ русскомъ Андреевскомъ скитѣ имѣется коллекція такихъ орудій самоистязанія, снятыхъ разновременно съ покойниковъ. Нельзя не изумляться изобрѣтательности ихъ благочестивыхъ носителей. Эти полупудовые желѣзные кушаки, перекладины, цѣпи не только при ходьбѣ, но и при лежаніи должны были причинять неимовѣрныя страданія, производить намины, пораненія, изъязвленія.

Скроменъ до-нельзя ежегодный бюджетъ аскета, не велики также расходы на каждаго изъ монастырскихъ иноковъ въ отдѣльности; но въ общемъ, при массѣ обитателей, расходы на содержаніе всей совокупности братіи все-таки должны выражаться болѣе или менѣе крупною цифрою. Разбирая вопросъ о томъ, на какія средства существуютъ аѳонскіе монастыри, мы должны дѣлать строгое различіе между старинными греческими и юными русскими. Первымъ пожалованы византійскими императорами, съ которыми они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ, обширныя помѣстья. Правда, часть этихъ помѣстій отнята у нихъ турками; но, тѣмъ не менѣе, у нихъ осталась еще большая поземельная собственность въ окрестностяхъ Аѳона, въ Дунайскихъ государствахъ и въ Россіи. Далѣе, греческіе и другихъ національностей древніе монастыри значительно обезпечены старинными капиталами. Въ иныхъ, можно сказать, прямо противоположныхъ условіяхъ находятся монастыри русскіе: у нихъ нѣтъ имущества, унаслѣдованнаго вѣками; но за ними стоитъ благочестіе Русскаго народа, лептами котораго они и развиваются и приходятъ въ цвѣтущее состояніе. Къ этому слѣдуетъ присоединить неутомимую дѣятельность завѣдующихъ монастырями, выражающуюся въ высокой степени благоустройства и хозяйственности, въ особенности столь замѣтной во всемъ строѣ нашего Пантелеймоновскаго монастыря.

Монастырь этотъ составляетъ цѣлое селеніе, далеко превосходя по занимаемой имъ площади и по числу строеній любой изъ остальныхъ монастырей Святой горы. Отдѣльныхъ корпусовъ, флигелей и домовъ въ немъ насчитывается уже болѣе двадцати. Главные корпуса образуютъ большое карре, замѣня-

ющее вмѣстѣ съ тѣмъ и ограду. Въ центрѣ, среди обширнаго двора, стоитъ соборъ, подлѣ него отдѣльное библіотечное зданіе. Соборъ предоставленъ немногочисленнымъ греческимъ инокамъ; русскіе же соорудили себѣ новый, болѣе обширный, въ одномъ изъ главныхъ корпусовъ. Мелкихъ церквей (параклисъ) по разнымъ монастырскимъ корпусамъ разбросано семнадцать *). Монашескія кельи на сотни братьевъ занимаютъ не малыя пространства по сторонамъ безконечно длинныхъ коридоровъ разныхъ этажей. Въ двухъ страннопріимныхъ домахъ по множеству нумеровъ; третій, громадный, предназначаемый для той же цѣли, строится въ три этажа внѣ двора, на самомъ берегу моря. Тутъ же, въ сторонѣ, помѣщаются отдѣльныя зданія для кузницы, подъ казармы для вольнонаемныхъ рабочихъ, конюшни для муловъ и быковъ; двѣ больнички; двухъэтажный рыбацкій домикъ; а тамъ, выше въ гору,—двѣ отдѣльныя двухъэтажныя столярныя мастерскія. Еще дальше, совсѣмъ въ сторонѣ, стоитъ домикъ, спеціально построенный для храненія керосина: видно, хозяйство не маленькое, если понадобилась для этой цѣли особая постройка. По близости стоитъ маслобойня, съ коннымъ приводомъ, для выжиманія оливковаго масла. Фотографія, и та имѣетъ свой особый, двухъэтажный домикъ. Здѣсь отцомъ-фотографомъ *Вассіаномъ* изготовляются виды Аѳона. И какихъ, какихъ мастерскихъ не пріютилось по главнымъ корпусамъ монастыря? Въ башмачной еженедѣльно шьется по 150 паръ башмаковъ, которые всѣ отчасти расходятся между своими, отчасти раздаются всякому, въ нихъ нуждающемуся, бѣдному монаху. За трапезу можетъ садиться и всякій посторонній, монахъ ли онъ, или міряниня — безразлично. Какія массы приходится готовить на кухнѣ, особенно въ дни праздничные! При мнѣ рыба цѣлыми баркасами поступала въ огромные котлы. Въ одно Свѣтлое Воскресенье пасхальныхъ яицъ роздано 10,000 шт., а на всю Свѣтлую недѣлю ихъ было припасено 80,000. Ознакомившись съ такими данными, я пересталъ изумляться множеству ящиковъ и тюковъ съ товарами, прибывшему въ монастырь на нашемъ пароходѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало также понятнымъ, къ чему монастырю три собственныхъ парусныхъ судна и пароходикъ. На судахъ съ окрестныхъ хуторовъ подвозятся сельскіе продукты. Тѣ же суда ходятъ также до Азовскаго моря, гдѣ монастыремъ устроенъ собственный рыбный заводъ: въ одинъ конецъ на нихъ перевозится масло, а въ другой—икра, соленая и вяленая рыба. Вся совокупность пантелеймоновской

Рис. 14. Монастырь Діонисіатъ.

братіи составляетъ около 1000 человѣкъ, изъ коихъ 700 пребываютъ на самомъ Аѳонѣ, остальные же разсѣяны по принадлежащимъ монастырю хуторамъ, его подворьямъ въ Константинополѣ, Одессѣ и Петербургѣ, и пребываютъ въ Новоаѳонскомъ монастырѣ на западномъ берегу Кавказа, близь Сухума.

От ресурсовъ матеріальныхъ къ умственнымъ, какъ извѣстно, не слишкомъ большой шагъ. Единственнымъ на Аѳонѣ учебнымъ заведеніемъ является эллинское богословское училище въ Кареѣ. Въ него принимаются отъ каждаго изъ монастырей по два молодыхъ монаха; а потому общее число учащихся не превышаетъ немногіе десятки. Не велико, повидимому, и число аѳонскихъ монаховъ, обладающихъ ученой подготовкой; за то посторонніе, особенно археологи и историки, наѣзжаютъ сюда нерѣдко. Знатоки свидѣтельствуютъ, что во всѣхъ знаменитыхъ библіотекахъ Европы, вмѣстѣ

Рис. 13. Монастырь Григоріатъ.

взятыхъ, не наберется столько рукописей по исторіи Византійской имперіи христіанскихъ вѣковъ, какъ на Аѳонѣ; при чемъ имѣется еще и по сію пору масса неразобранныхъ рукописей. Нашъ извѣстный беллетристъ и путешественникъ по Аѳону *Н. А. Благовѣщенскій*, со свойственною ему глумливостью, характеризуетъ небрежное отношеніе аѳонитовъ къ древнимъ пергаментамъ. Ихъ будто бы не только сваливали въ сырыя помѣщенія, но и нарѣзывали на кусочки и нацѣпляли на удочки, ибо пергаментъ оказался очень удобной наживой. На повѣрку оказывается, что преосв. *Порфирій*, съ которымъ ѣздилъ *Благовѣщенскій* 30 лѣтъ тому назадъ, упоминаетъ только объ *одной* рукописи съ обрѣзанными будто бы для этой цѣли краями. Поводъ къ глумленію всегда найдется, лишь было бы на то желаніе; публика же всегда падка на пикантныя произведенія пера. По отзыву новѣйшаго русскаго ученаго, ѣздившаго на Аѳонъ, профессора *Покровскаго*, въ настоящее время аѳонскія библіотеки, за немногими лишь исключеніями, бережно сохраняются, имѣютъ удовлетворительныя помѣщенія и разставлены на полкахъ. Не будучи самъ спеціалистомъ, могу лишь прибавить, что библіотекѣ Пантелеймоновскаго монастыря не только отведено особое, изолированное и потому въ пожарномъ отношеніи безопасное зданіе среди двора—что замѣчено мною уже выше,—но даже приступлено къ изданію въ свѣтъ фотографическихъ копій facsimile съ наиболѣе достопримѣчательныхъ рукописей. Образцы такихъ копій мнѣ показывалъ отецъ-фотографъ. Что касается другихъ памятниковъ древности: иконъ, крестовъ, ковчеговъ и вообще церковной утвари, то они частью и теперь находятся въ употребленіи, частью же, по мѣрѣ замѣны новыми, поступали на храненіе въ кладовыя, а оттуда, по словамъ *Покровскаго*, нерѣдко переходили въ европейскіе музеи: ихъ не мало въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и Москвѣ. Древнѣйшія аѳонскія стѣнописи, по свидѣтельству того же знатока, восходятъ лишь до первой половины XVI вѣка. Наиболѣе цѣнными являются стѣнописи именно *этого* времени возрожденія греческой живописи знаменитымъ художникомъ *Панселиномъ* и его школой. Искусство *Панселина* находилось подъ вліяніемъ Запада; но вмѣстѣ съ тѣмъ мирилось со стилемъ, принятымъ, освященнымъ традиціей православной церкви. Въ произведеніяхъ его все такъ же просто, ясно и опредѣленно, какъ было прежде; но въ то же время красиво и величественно.

Говоря о художествахъ, нельзя не сказать хотя бы нѣсколько

*) Внѣ монастыря въ разныхъ мѣстахъ монастырской земли, въ скитахъ и кельяхъ, насчитывается еще 36 церквей.

Рис. 15. Монастырь Св. Павла.

словъ и объ аѳонскомъ церковномъ пѣніи. Въ чисто-русскихъ монастыряхъ и на русской половинѣ Пантелеймоновскаго, мы находимъ то же стройное, величественное, гармоническое пѣніе, къ которому привыкли въ Россіи. Такимъ образомъ отзывъ *Благовѣщенскаго* объ унылости будто бы пѣнія русскихъ, для настоящаго, по крайней мѣрѣ, времени, не оправдывается. Что же касается пѣнія другихъ національностей, грековъ и румынъ, то надо быть ихъ соотечественникомъ, чтобы находить его пріятнымъ или звучнымъ. Представимъ себѣ унисонные, безъ гармоніи, монотонные напѣвы въ носъ, до-нельзя напоминающіе собою причитанія муллы.

Полюбопытствовалъ я получить нѣкоторое понятіе о постановкѣ лѣчебнаго дѣла на Аѳонѣ. Признаться, не безъ предубѣжденія я переступалъ черезъ пороги лѣчебницъ: ужь черезчуръ плохо аттестовалъ ихъ нашъ *Благовѣщенскій*. Такъ, въ аптекахъ при лѣчебницахъ онъ не видалъ даже вѣсовъ и гирь. Далѣе, онъ разсказываетъ, будто тамъ, гдѣ нѣтъ врача, или онъ находится въ отсутствіи, самому больному вручаютъ ключъ отъ аптеки и онъ, помолившись Богу, самъ себѣ выбираетъ лѣкарство. Вотъ ужь подлинно можно сказать: „Si non è vero è ben trovato“. Я имѣлъ случай ознакомиться съ лѣчебницами Пантелеймоновскаго монастыря. Ихъ насчитывается четыре. Изъ нихъ двѣ предназначены исключительно для греческой братіи и завѣдуются лѣкарями-самоучками изъ монаховъ. Не зная по-гречески, я не могъ съ ними вступить въ бесѣду; но я, повторяю, заходилъ въ двѣ русскія лѣчебницы, куда, узнавъ, что я медикъ, приглашали меня на совѣщаніе. Одна изъ нихъ составляетъ отдѣленіе для неизлѣчимыхъ и хроническихъ больныхъ изъ монаховъ и для мірянъ, другая же предназначена исключительно для монаховъ. При ней аптечка очень мило устроенная, снабженная всѣмъ необходимымъ, *не исключая* вѣсовъ и развѣсокъ. Готовитъ лѣкарство и лѣчитъ—монахъ среднихъ лѣтъ, бывшій военный фельдшеръ, и, надо отдать ему справедливость, лѣчитъ тѣми способами и средствами, которыми пользуются и современные мірскіе наши врачи. Но отчего это монастырь, располагающій такими средствами и заселенный столь многочисленною братіею, не пригласитъ настоящаго дипломированнаго врача? Говорятъ, попытки и были; но, прежде всего, рѣдкій врачъ согласится на аѳонское заточеніе. Къ тому же, монастырскій уставъ не приноровленъ къ правиламъ діэтетики. „Согласно долгу и присягѣ“, врачъ найдетъ, напр., нужнымъ, посадить больнаго на питательную мясную порцію,—не тутъ-то было! Дѣятельность врача направлена на поддержаніе тѣлесной жизни, помыслы же монаха—на уничтоженіе плоти, на жизнь загробную.

Вотъ уже второе тысячелѣтіе „вѣчный народъ, въ которомъ никто не рождается“, подвигами благочестія готовится на Аѳонѣ къ покойной смерти, и смерть раньше времени подкашиваетъ захилѣвшее его тѣло. Но гдѣ же послѣ этого необозримыя вѣковыя аѳонскія кладбища? Ихъ нѣтъ. Наконецъ, намъ показываютъ, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, мѣстечко, то совершенно голое, то усаженное кипарисами или другими деревьями. Только подойдя поближе, вы замѣчаете едва примѣтныя насыпи и на нихъ жиденькіе черные кресты объ одной перекладинѣ, вышиною всего въ аршинъ. На крестахъ незатѣйливыя надписи: монахъ, іеромонахъ, схимонахъ такой-то (слѣдуетъ монашеское имя и *мірская фамилія*) или мірянинъ (разумѣй: паломникъ или рабочій) такой-то; затѣмъ, обозначены еще годъ и день смерти. Въ монастырѣ сотни иноковъ, а на кладбищѣ всего нѣсколько десятковъ могилъ; даже при Пантелеймоновскомъ монастырѣ, съ его болѣе чѣмъ тысячнымъ населеніемъ и тысячами ежегодныхъ поклонниковъ, я насчиталъ всего около сотни могилъ. Такое несоотвѣтствіе объясняется очень просто существованіемъ на Аѳонѣ стародавняго, практикуемаго также въ Италіи и другихъ странахъ римско-католическаго Запада, обычая — предавать покойниковъ землѣ лишь на нѣсколько лѣтъ. На Аѳонѣ кости ихъ выкапываются черезъ три года. Вслѣдъ за тѣмъ они переносятся въ усыпальницу, которую читатель можетъ себѣ, для примѣра, представить въ видѣ сложеннаго изъ дикаго камня простаго домика, длиною сажени въ три или четыре, при ширинѣ въ двѣ или двѣ съ половиною сажени. Въ одномъ изъ монастырей подъ усыпальницу даже не отведено особаго зданія, ибо подъ нею, во второмъ этажѣ, находится какой-то амбаръ. Помѣщеніе усыпальницы тѣсное, низкое, напрашивающееся на свѣжую побѣлку. У задней его стѣны стоятъ простыя дощатыя полки. Спереди нихъ икона съ неугасаемою лампадою; на самыхъ же полкахъ, въ нѣсколько рядовъ выстроены побурѣвшіе черепа съ именемъ на лбу, а иногда и безо всякой помѣтки. Нижнихъ челюстей при черепахъ не полагается: онѣ вмѣстѣ съ остальными костями свалены въ хаотическомъ безпорядкѣ въ большой ларь подлѣ входныхъ дверей. Въ одной изъ видѣнныхъ мною усыпальницъ длинныя кости рукъ

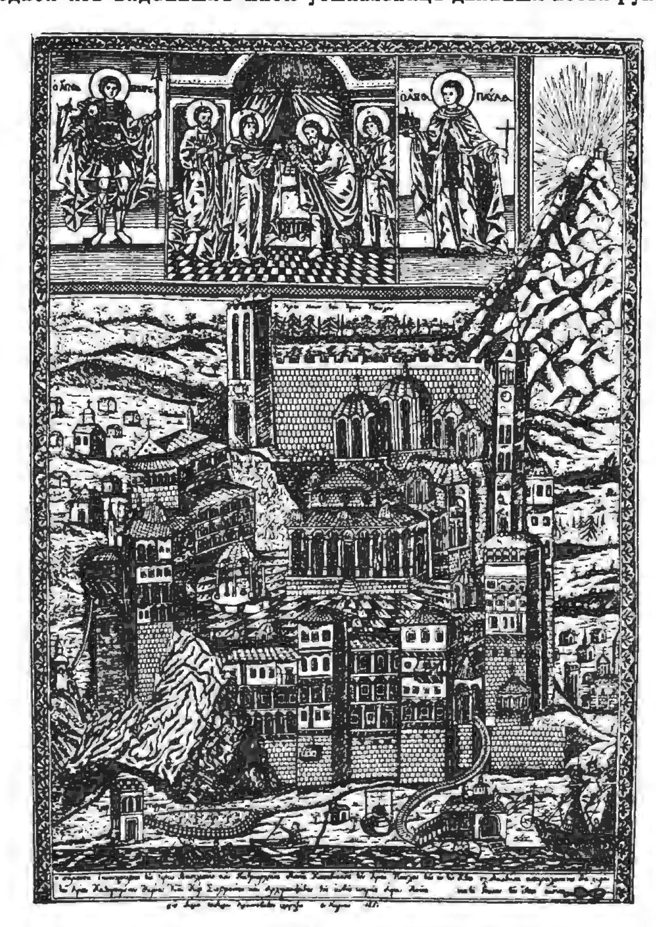


Рис. 16. Монастырь Св. Павла (монашескій рисунокъ).

и ногъ были сложены отдѣльно, какъ полѣнья дровъ. Бывшій со мною препараторъ, очистившій и связавшій на своемъ вѣку не одинъ человѣческій скелетъ, и тотъ очень неодобрительно отнесся къ такому мало почтительному обращенію со смертными останками усопшихъ. Въ странѣ гористой, гдѣ дорожать всякою пядью земли, уступающею лопатѣ, неудобно имѣть постоянныя могилы; но при всемъ томъ смерть уже сама по себѣ такое мало-эстетическое явленіе, что лишать ее послѣднихъ поэтическихъ прикрасъ едва-ли слѣдуетъ. Вспоминаю по этому поводу усыпальницы неаполитанскаго Campo santo. Онѣ имѣютъ видъ изящныхъ мраморныхъ склеповъ или каплицъ, по стѣнамъ съ нишами для каждаго скелета въ отдѣльности; при чемъ ниши задѣланы мраморными плитами, съ высѣченными на нихъ надписями.

Рис. 17. Карея, мѣстопребываніе управленія Аѳонскими монастырями.

Внутренними, монастырскими дѣлами Аѳона вѣдаетъ протатъ,—своего рода синодъ,—собраніе уполномоченныхъ, по одному члену отъ каждаго изъ монастырей, подъ предсѣдательствомъ представителя Лавры, попрежнему удержавшей главенство (рис. 20). Писанныхъ законовъ у протата нѣтъ, а всѣ дѣла рѣшаются имъ по Евангелію и по совѣсти. Протатъ опредѣляетъ размѣры повинностей на общественныя нужды Горы и распредѣляетъ ихъ между монастырями, умиротворяетъ пререкающіеся между собою монастыри, караетъ преступниковъ. Въ описаніи *Благовѣщенскаго* протатъ является какимъ-то таинственнымъ судомъ инквизиціи, который сажаетъ преступниковъ въ мрачную и грязную тюремную башню на хлѣбъ и на воду, а иногда опускаетъ ихъ на веревкѣ въ особое подземелье и оставляетъ безъ пищи до открытія правды. Не могу судить о томъ, насколько эти указанія соотвѣтствовали истинѣ тридцать лѣтъ тому назадъ; а сообщу лишь то, что башню мнѣ показывали, что два года тому назадъ въ ней произошелъ пожаръ и она стоитъ въ развалинахъ, безъ кровли, и даже не было приступлено къ ея возстановленію.

По завоеваніи турками Византійской имперіи, аѳонскіе монахи первые поспѣшили признать ихъ власть, чтобъ выговорить себѣ подтвержденіе тѣхъ привилегій, коими пользовались при греческомъ правительствѣ. Такимъ образомъ, Аѳонъ попрежнему остался исключительнымъ достояніемъ монаховъ, мірянамъ и впредь не разрѣшалось тамъ селиться, былъ подтвержденъ запретъ доступа на гору женщинамъ; а главное, сохранено за нимъ право—самостоятельно распоряжаться внутренними своими дѣлами. Святая Гора была лишь обложена ничтожною огульною податью. Впослѣдствіи подать эта хотя и увеличивалась, но и въ настоящее время, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, составляетъ весьма скромную ежегодную сумму въ 5,000 рублей, т. е. круглымъ счетомъ по 50 коп. съ души. Признавъ власть султана, аѳониты вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались турецко-подданными, да и по настоящую пору всякій вновь постригающійся прежде всего присягаетъ на турецкое подданство. Положимъ, это чистая формальность; однако формальность, несомнѣнно, унизительная, тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ Турціи въ настоящее время не только проживаетъ, но даже состоитъ на государственной службѣ множество иностранцевъ различныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Красный флагъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ развѣвается на одномъ изъ зданій Кареи, уже издалека напоминая путнику о верховной власти султана надъ православными иноками. Высшимъ представителемъ его величества падишаха состоитъ *каймакамъ*, по своимъ обязанностямъ скорѣе всего подходящій къ нашему уряднику. Есть у него и помощникъ. Приключилось-ли гдѣ уголовное дѣло, замерзъ-ли странникъ въ снѣгу при восхожденіи на гору въ неуказанное время года—даютъ знать каймакаму, который не утратитъ случая вынудить по этому поводу неизбѣжный бакшишъ. Существуютъ на Аѳонѣ и таможенные чиновники, точно также не гнушающіеся добровольныхъ приношеній, ибо правительство всѣмъ своимъ служащимъ выплачиваетъ жалованье весьма туго. Вотъ, кажется, и всѣ представители власти.

Рис. 18. Албанецъ Святогорской милиціи.

Султанъ переписывается съ Аѳономъ не на турецкомъ, а на греческомъ языкѣ,—привилегія, заслуживающая быть подчеркнутою. Вообще между аѳонитами и турками установились наилучшія отношенія, основанныя на невмѣшательствѣ и врожденномъ индифферентизмѣ послѣднихъ. Какое дѣло туркамъ до того, хорошіе-ли патріоты обитатели Святой горы? Во время Крымской войны, по приказанію турецкихъ властей, патріархъ предписалъ монастырямъ молиться за успѣхъ турецкаго оружія. Протатъ созвалъ всѣхъ игуменовъ и, послѣ долгихъ споровъ рѣшили предоставить дѣло на волю каждаго изъ монастырей. Изъ нихъ только *три* согласились исполнить предписаніе; всѣ же остальные отказались наотрѣзъ; а правительство преспокойно снесло это ослушаніе *).

Монастыри разныхъ національностей постоянно молятся каждый за свой родной царствующій домъ; о здравіи же султана никто и не заикнется. Впрочемъ, тутъ есть и законная оговорка: православная церковь, какъ извѣстно, вообще молится только за православныхъ. Такъ, греческіе аѳонскіе монахи молятся лишь за королеву и наслѣдника, о королѣ же—умалчиваютъ. Единственный почетъ, оказываемый аѳонитами законному ихъ монарху, заключается въ томъ, что портретъ

*) См. *Благовѣщенскій* l. c.

его допускается въ монастырскія гостиныя въ числѣ другихъ потретовъ Высочайшихъ особъ, ландшафтовъ и прочихъ картинъ. Въ русскихъ монастыряхъ портретамъ особъ нашего Императорскаго Дома отведены наиболѣе почетныя мѣста.

Живя въ ладахъ съ турками, монастыри между собою часто вступали, да, повидимому, и теперь еще вступаютъ въ споры и пререканія. На Аѳонѣ всѣ монастыри православные, а потому тутъ нѣтъ такого соперничества вѣроисповѣданій, которое такъ рѣзко сказывается въ Палестинѣ. На Аѳонѣ наиболѣе интересный поводъ къ соперничеству заключается въ національной жизни. Изъ числа 10,000 иноковъ, около половины, т. е. 5000—греки. За ними по численности слѣдуютъ русскіе, которыхъ около 3000. Третье мѣсто занимаютъ болгары, коихъ 1000. Далѣе идутъ сербы—ихъ 800; потомъ молдаване—350 и, наконецъ, грузины, коихъ всего лишь около 50. Въ прошломъ столѣтіи національная ненависть грековъ къ русскимъ въ смѣшанномъ монастырѣ, старомъ Руссикѣ, разразилась кровавой драмой—греки перерѣзали всѣхъ русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, мучимые совѣстью, они покинули монастырь, развалины котораго до сихъ поръ существуютъ, и нѣсколько верстъ южнѣе построили новый Руссикъ, онъ же Пантелеймоновскій монастырь. На новосельѣ дѣла шли плохо за безденежьемъ, которое въ концѣ-концовъ заставило братію вновь принимать въ свою среду русскихъ. „Аѳонъ дивится, писалъ *Н. А. Благовѣщенскій* лѣтъ тридцать тому назадъ,—что греки и русскіе въ нынѣшнемъ Руссикѣ живутъ до сихъ поръ очень мирно... Но въ этомъ мирѣ пока нѣтъ еще ничего удивительнаго: греки довольны тѣмъ, что управленіе Руссикомъ находится въ ихъ рукахъ, а русскіе тѣмъ, что владѣютъ монастырскими богатствами... Порываются русскіе завладѣть и властью монастырскою; но протатъ этого, конечно, никогда не допуститъ“. Плохимъ пророкомъ оказался нашъ авторъ! Въ его время на всемъ Аѳонѣ насчитывалось 500 русскихъ; въ настоящее же время въ одномъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ ихъ цѣлая тысяча, грековъ же осталось всего 70 человѣкъ, да и тѣ на вымороченномъ положеніи: новые уже не принимаются; игуменъ тоже русскій. При всемъ томъ, наши соотечественники относятся къ своимъ греческимъ собратьямъ съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Такъ за трапезой поученіе читается черезъ день на русскомъ и греческомъ языкахъ; служба въ Свѣтлую ночь смѣшанная, славяно-греческая; мало того,—старый соборъ уступленъ грекамъ.

Рис. 19. Келія Аѳанасія на уступахъ Лавры.

Въ монастыряхъ греческихъ и другихъ національностей число иноковъ едва держится на разъ установившейся нормѣ. Новыхъ построекъ тутъ не воздвигается, да и старыя плохо поддерживаются. Обаяніе Аѳона на Балканскомъ полуостровѣ пало совершенно, что уже видно по ничтожному числу балканскихъ поклонниковъ, посѣщающихъ ежегодно Аѳонъ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ даетъ право заключить, что и средства монастырей едва-ли получаютъ существенныя приращенія. Еще 30 лѣтъ тому назадъ сборщики греческихъ монастырей признавались, что имъ приходится вымогать у поселянъ лепту только подъ страхомъ проклятія Небеснаго; а съ тѣхъ поръ благочестіе народное на Востокѣ не возросло, а еще понизилось. Изо-всѣхъ святогорскихъ монастырей одни только русскіе прогрессируютъ, благодаря религіозности Русскаго народа. Въ западной печати не безъ опаски стали обращать вниманіе на то, что Палестина угрожаетъ сдѣлаться русской колоніей. Быть-можетъ не далеко то время, когда то же начнутъ говорить и объ Аѳонѣ. Смѣю утверждать, что уже теперь Аѳонъ находится на пути къ обрусѣнію; а потому современемъ могъ бы сдѣлаться для насъ и политическимъ оплотомъ.

Смиренная гора разъ уже была охвачена волною патріотическихъ страстей. Въ славную эпоху греческаго возстанія 1821 г. монахи ополчились въ защиту православія отъ магометанства. Монастыри вооружились, благо имѣли тогда еще пушки и разное оружіе противъ морскихъ разбойниковъ. Они стали отливать изъ металлическихъ вещей пули, а изъ иконныхъ ризъ чеканить свою, аѳонскую монету. 2,000 монаховъ на тридцати судахъ двинулись въ походъ; но монахи были разбиты турками сначала на морѣ, а потомъ и на сушѣ, у Ксерксова канала. На Аѳонѣ свѣжи эти воспоминанія, свѣжа и память о страшномъ мщеніи турокъ, которые загнали въ море и потопили большинство возставшихъ, а другихъ бросили въ темницу. Всего погибло тогда до 4,000 монаховъ! Патріотизмъ не составляетъ достояніе однихъ лишь монаховъ греческой національности: развѣ наши отечественные монастыри въ тяжелыя, смутныя годины Руси оставались безучастными зрителями? Изъ числа русскихъ аѳонскихъ иноковъ многіе до своего постриженія носили оружіе въ послѣднюю турецкую войну. Присоединимъ къ этому издавнее твердое вѣрованіе русскихъ аѳонитовъ, что Россіи въ недалекомъ будущемъ суждено вновь водрузить золотой Крестъ на Айія-Софіи. Всякій русскій патріотъ, имѣющій представленіе о Босфорѣ и Дарданеллахъ, гдѣ нѣсколько десятковъ пушекъ могутъ запереть наше Черное море и тѣмъ самымъ наложить тяжелыя цѣпи на мощнаго русскаго гиганта, отъ души долженъ желать, чтобы это вѣрованіе аѳонцевъ осуществилось, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для пользы и славы дорогаго отечества.

Рис. 20. Печать прота Святогорской Аѳонской общины.

Къ рисункамъ.

Московское посольство въ Александровскую слободу въ 1565 г. (Рис. на стр. 592 и 593).

Извѣстно какъ подѣйствовалъ на Грознаго царя отъѣздъ Курбскаго въ Литву. Впервые, послѣ паденія Сильвестра и Адашева, Іоаннъ встрѣчался съ открытымъ сопротивленіемъ. Приверженцы падшей стороны не захотѣли безпрекословно сносить гоненія воздвигнутаго на нихъ царемъ: одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними и близкихъ людей къ Іоанну, отъѣхалъ къ враждебному государю и даже явился предводи-

телемъ его полковъ въ войнѣ съ Москвою. Іоаннъ зналъ какъ велика была сторона Сильвестра и Адашева, какъ многочисленъ былъ сонмъ людей, издавна считавшихъ своимъ правомъ совѣтовать и при первомъ неудовольствіи отъѣзжать. Мысль что враговъ много, что нужно принять мѣры для спасенія себя и своего семейства, и въ случаѣ неудачи приготовить убѣжище на чужбинѣ,—стала господствующею въ умѣ Іоанна. Онъ сталъ готовиться къ борьбѣ. Прежде всего нужно было испытать силы противниковъ, узнать, найдутъ ли они защиту или предастъ ихъ народъ. 3 декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, и выѣздъ этотъ былъ не похожъ на прежніе: теперь онъ взялъ съ собою иконы и кресты, драгоцѣнную золотую и серебряную утварь, платье, деньги и всю казну; выбраннымъ боярамъ, дворянамъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ велѣлъ ѣхать съ женами, дѣтьми, людьми, конями и всѣмъ служебнымъ порядкомъ. Изъ Коломенскаго царь проѣхалъ черезъ Тайнинское къ Троицѣ, а оттуда въ Александровскую слободу.

Въ Москвѣ митрополитъ Аѳанасій, бояре, окольничіе и всѣ приказные люди были въ недоумѣніи и уныніи. Ровно черезъ мѣсяцъ, 3 января 1565 года, царь прислалъ митрополиту списокъ измѣнъ боярскихъ, воеводскихъ и всякихъ приказныхъ людей, клалъ гнѣвъ свой на духовенство, бояръ, окольничихъ и всѣхъ приказныхъ людей. И вотъ царь оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ. Къ купцамъ же и всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ грамоту, чтобъ они себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. „Государь насъ оставилъ!"—вопилъ народъ:—„мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменными? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?" Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали отъ митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: „Пусть царь казнитъ своихъ лиходѣевъ; въ животѣ и въ смерти воля его; но царство да не останется безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный: иного не вѣдаемъ. Мы всѣ съ своими головами ѣдемъ за тобою бить челомъ государю и плакаться." То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: „Пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ: мы сами истребимъ ихъ!" Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными послами святителя Новгородскаго Пимена и чудовскаго архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе епископы: Никандръ ростовскій, Елевѳерій суздальскій, Филоѳей рязанскій, Матѳей крутицкій, архимандриты троицкій, симоновскій, спасскій, андрониковскій; за духовенствомъ вельможи, князья Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій,—всѣ бояре, окольничіе, дворяне и приказные люди, прямо изъ палатъ митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане, чтобы ударить челомъ государю и плакаться.

Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну. Онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу съ приставами, и 5 января впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ царю благословеніе отъ митрополита, епископы слезно молили его снять опалу съ духовенства, съ вельможъ, дворянъ, приказныхъ людей, не оставлять государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ боярамъ видѣть очи царскія. Іоаннъ впустилъ и бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа, многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. „Когда,"—сказали вмѣстѣ и духовные, и государственные сановники,—„когда ты не уважаешь мірского величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса Божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи угодниковъ Христовыхъ. Вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви: первый, единственный монархъ православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной?" Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости; ссылался на исторію; доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣли (обвиненіе новое!) извести царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолвствовали. „Но,"—продолжалъ царь,—„для отца моего, митрополита Аѳанасія, для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь паки взять свои государства; а на какихъ условіяхъ — вы узнаете." Этими условіями, или вѣрнѣе, однимъ условіемъ, оказалось, какъ извѣстно, учрежденіе опричины.

Императорская гранильная фабрика въ г. Екатеринбургѣ. (Рис. на стр. 597).

Основанная въ 1765 году, Императорская гранильная фабрика вначалѣ находилась въ вѣдѣніи министерства финансовъ и затѣмъ, съ 1811 г., перешла въ вѣдомство Кабинета Его Величества. На фабрикѣ, изъ разнообразныхъ, твердыхъ горныхъ породъ, наиболѣе рѣдкихъ яшмъ и цвѣтныхъ камней, добываемыхъ на Уралѣ, производятся вазы, чаши, канделябры, кабинетныя и т. п. вещи съ рельефными рисунками, наборомъ изъ плодовъ и листьевъ, мозаикой и т. д. Работы производятся по рисункамъ, высылаемымъ изъ Кабинета Его Величества. Всѣ издѣлія фабрики составляютъ собственность Кабинета; въ петербургскомъ Эрмитажѣ и на русскихъ и всемірныхъ выставкахъ они обращаютъ на себя вниманіе благодаря замѣчательной тонкости и художественности работы. Фабрика дѣйствуетъ водою. Рабочихъ на фабрикѣ 60 человѣкъ; при ней имѣется школа грамотности съ классомъ рисованія, лѣпленія и рѣзьбы на камняхъ. **В. Метенковъ.**

П. О. Бобровскій. (Портр. на стр. 605).

Авторъ исторіи 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Павелъ Осиповичъ Бобровскій — изъ русскихъ дворянъ Гродненской губерніи (бывшей земли Дреговичей), воспитывался въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ и Дворянскомъ полку; поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ и принималъ участіе въ войнѣ противъ турокъ 1853 года, находясь при Екатеринбургскомъ полку входившемъ въ составъ Мало-Валахскаго отряда. По окончаніи войны поступилъ въ Военную Академію Генеральнаго Штаба, въ которой прошелъ курсъ съ отличіемъ, и вскорѣ послѣ перехода на службу въ Генеральный Штабъ ему было поручено Главнымъ Штабомъ составленіе статистическаго описанія Гродненской губерніи. Результатъ болѣе чѣмъ трехлѣтняго труда молодаго подполковника Бобровскаго выразился обширнымъ сочиненіемъ изданнымъ въ 1863 году департаментомъ Генеральнаго Штаба. За этотъ почтенный историческій трудъ авторъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, дающимся за ученыя заслуги, и золотою медалью отъ Императорскаго Географическаго Общества. О трудѣ этомъ Бобровскому своевременно были даны самые лестные отзывы. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ г. Воронежѣ въ должности корпуснаго оберъ-квартирмейстера, подполковникъ Бобровскій былъ назначенъ на должность баталіоннаго командира въ Константиновское военное училище, въ то время преобразованное изъ Дворянскаго полка. Около того же времени Бобровскій, ознакомившись съ состояніемъ единственнаго въ то время училища для подпрапорщиковъ въ Воронежѣ, напечаталъ историческое изслѣдованіе въ *Военномъ Сборникѣ*, въ коемъ доказалъ необходимость и пользу подобнаго рода учрежденій для образованія и подготовки офицеровъ какъ для пѣхоты, такъ равно и для кавалеріи для всей арміи изъ среды вольноопредѣляющихся. Выдающіяся энергія и способности Бобровскаго обратили на себя вниманіе бывшаго военнаго министра Милютина, уже приступившаго въ то время къ реформамъ по военному вѣдомству, и въ слѣдующемъ 1864 году полковнику Бобровскому было поручено устройство юнкерскихъ училищъ во всѣхъ военныхъ округахъ. Разрѣшеніемъ этого важнаго вопроса, при непосредственномъ участіи бывшаго начальника военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакова, онъ былъ занятъ непрерывно въ теченіе 12-ти лѣтъ. Устроенныя для всей арміи пѣхотныя, кавалерійскія и казачьи юнкерскія училища, не только получили желаемую военнымъ министромъ организацію, но и дали вполнѣ удовлетворительные результаты, снабжая всѣ роды оружія нашей арміи офицерами, основательно приготовленными въ строевомъ дѣлѣ, и достаточно свѣдущими въ кругу своихъ обязанностей въ войскахъ. Результаты плодотворной дѣятельности полковника Бобровскаго, произведеннаго въ 1870 году за отличіе въ генералъ-маіоры, видны изъ обширнаго его втораго труда „Юнкерскія училища", изданнаго въ 1872—1874 гг. въ трехъ томахъ.

Въ концѣ 1875 г. ген.-маіоръ Бобровскій былъ назначенъ начальникомъ Военно-Юридической Академіи. Въ короткое время генералу удалось привести въ исполненіе весьма важную реформу въ этомъ высшемъ заведеніи. Затѣмъ засѣвъ на три года за учебную скамью вмѣстѣ съ офицерами перваго пріема преобразованной въ 1878 г. Академіи, генералъ Бобровскій столь основательно изучилъ общія и военно-юридическія науки, что спустя нѣсколько лѣтъ обогатилъ нашу литературу обширнымъ историко-юридическимъ изслѣдованіемъ объ „Артикулѣ Военномъ Петра Великаго". Первая премія,— большая золотая медаль, имени графа Толстаго, была наградой автору за самостоятельны. изслѣдованія въ области отечественной науки.

Огромнымъ достоинствомъ отличается и только что появившееся въ печати начало (часть 1-ая) „Исторіи старѣйшаго регулярнаго полка нашей арміи", три рисунка изъ которой мы помѣстили въ послѣднемъ нумерѣ нашего журнала, по случаю

250-ой годовщины славнаго 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, завоевавшаго своею доблестною службой всѣ награды, какія только даются отдѣльнымъ частямъ; кромѣ того полкъ этотъ имѣлъ счастье пользоваться въ теченіе почти цѣлаго столѣтія особыми Монаршими милостями Императоровъ, Державныхъ Вождей русской арміи, и носитъ уже болѣе сорока лѣтъ имя Августѣйшихъ Шефовъ — сперва государя наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра II, теперь — благополучно царствующаго Государя Императора Александра III. Многіе годы въ рядахъ его состоятъ Августѣйшія Особы: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Александръ и Алексѣй Михаиловичи.

А. X—ъ.

П. В. Павловъ.

(Портр. на этой стр.).

Платонъ Васильевичъ Павловъ родился 7 сентября 1823 г. въ Нижегородской губерніи; первоначальное воспитаніе получилъ въ дворянскомъ семействѣ, постоянно проживавшемъ въ деревнѣ, а высшее образованіе въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, по историко-филологическому факультету, на которомъ въ то время наиболѣе видными профессорами были: Грефе, Лоренцъ, Устряловъ и братья Ободовскіе.

Въ декабрѣ 1844 года П. В. Павловъ блестяще окончилъ курсъ съ серебряною медалью, и по распоряженію министра, графа С. С. Уварова, былъ оставленъ при институтѣ на годъ для усовершенствованія по исторіи и литературѣ, подъ руководствомъ профессоровъ и академиковъ. Юношей 22 лѣтъ П. В. Павловъ былъ уже магистромъ греческой словесности, публично защитивъ свою диссертацію въ СПБ. университетѣ, а 22 мая 1847 года былъ назначенъ въ Кіевъ адъюнктъ-профессоромъ русской исторіи, послѣ Н. И. Костомарова. Черезъ два года П. В. Павловъ, въ Московскомъ университетѣ, былъ удостоенъ степени доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики.

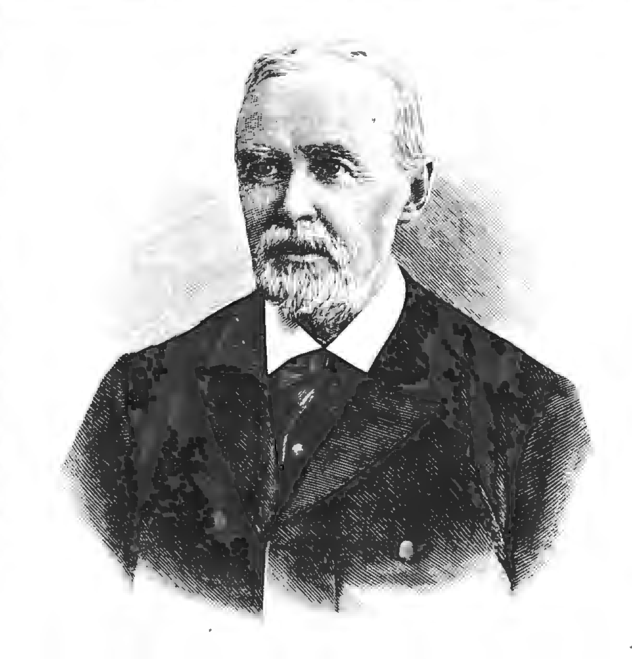
На историко-филологическомъ факультетѣ этого университета замѣчательнѣйшими профессорами были: Грановскій, Кудрявцевъ, Бодянскій, Соловьевъ, Буслаевъ, Катковъ, Леонтьевъ и Шевыревъ. По возвращеніи въ Кіевъ, Павловъ былъ избранъ въ 1850 г. экстраординарнымъ, а въ 1852 году (16 іюня) и ординарнымъ профессоромъ. Четыре года онъ преподавалъ отечественную исторію въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ 1-й и 2-й классическихъ гимназіяхъ. Произведенный въ 1857 году въ статскіе совѣтники (въ каковомъ чинѣ состоитъ понынѣ, т. е. 35 лѣтъ), Павловъ былъ командированъ за-границу, на полтора года, съ ученою цѣлью (для изученія историческихъ памятниковъ, бытовыхъ и художественныхъ). Возвратясь въ Кіевъ, одновременно съ курсомъ русской исторіи онъ прочелъ безмездно курсъ исторіи пластическихъ искусствъ въ связи съ развитіемъ культуры (ранѣе офиціальнаго учрежденія самой каѳедры). По порученію попечителя округа, Н. И. Пирогова, руководилъ въ 1859 году впервые тогда учрежденными въ Кіевѣ частными воскресными школами. Въ декабрѣ 1859 года Павловъ былъ переведенъ въ столицу членомъ археографической комиссіи, въ каковомъ званіи состоитъ и сейчас. Въ то же время, состоя два года библіотекаремъ при министерской библіотекѣ для служащихъ, Павловъ преподавалъ курсъ резонированной всеобщей исторіи въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и руководилъ, съ разрѣшенія министерства Народнаго Просвѣщенія, воскресными школами, возникшими тогда въ столицѣ (по образцу кіевскихъ). Въ 1860 году Павловъ былъ избранъ Петербургскимъ университетомъ на профессорскую каѳедру по всеобщей древней исторіи и читалъ лекціи до временнаго закрытія университета въ ноябрѣ 1861 г.

Съ 1862 по 1875 г., П. В. Павловъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, университетской каѳедры не занималъ, а состоялъ членомъ Археографической комиссіи при министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, безъ содержанія, что и было для него причиной большихъ невзгодъ и матеріальныхъ затрудненій. Благодаря высокому вниманію Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, ему съ 1870 года, по службѣ его въ Археографической комиссіи, было назначено небольшое содержаніе.

Генералъ-лейтенантъ П. О. Бобровскій. Съ фот. Пазети, грав. Шюблеръ.

2 мая 1875 г. П. В. Павловъ былъ утвержденъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, согласно избранію значительнымъ большинствомъ голосовъ университетскаго совѣта, въ званіи ординарнаго профессора университета Св. Владиміра, по вновь учрежденной каѳедрѣ исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ, съ оставленіемъ членомъ Археографической комиссіи; возвратился въ Кіевъ, гдѣ въ теченіе 8 лѣтъ привелъ въ порядокъ и окончательно устроилъ университетскій музей изящныхъ искусствъ по плану имъ самимъ составленному и одобренному извѣстными нѣмецкими археологами. Имъ же было положено начало спеціальной библіотекѣ по части искусствъ при музеѣ. Въ Кіевѣ же П. В. Павловъ содѣйствовалъ, сколько то отъ него зависѣло, успѣшному развитію мѣстныхъ художественныхъ учрежденій. По приглашенію Имп. Академіи Художествъ и Августѣйшаго Президента, Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича, П. В. Павловъ читалъ публичныя лекціи по исторіи изящныхъ искусствъ въ разныхъ городахъ, въ свободное отъ университетскихъ занятій время, и притомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ найдетъ нужнымъ, по собственной программѣ. За чтеніе таковыхъ лекцій П. В. Павлову неоднократно была выражаема признательность мѣстнаго общества.

Въ разные періоды служебной карьеры своей Павловъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ-то: Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Императорскаго Вольно-Экономическаго (по комитету грамотности), Высочайше учрежденной комиссіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, Кіевскаго Драматическаго Общества, Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца при университетѣ Св. Владиміра, Кіевскаго комитета грамотности и двухъ археографическихъ комиссій: кіевской (при генералъ - губернаторѣ) и столичной.



Платонъ Васильевичъ Павловъ (по поводу 50-лѣтія ученолитературной дѣятельности). Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

Учено - литературные труды Павлова выразились многими полезными сочиненіями по греческой словесности, по исторіи русской и всеобщей, по статистикѣ, по части изящныхъ искусствъ. Кромѣ того Павловъ помѣщалъ статьи и въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* подъ редакціей Георгіевскаго, въ старыхъ *Отечественныхъ Запискахъ* подъ редакціей Краевскаго, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* подъ редакціей Каткова, въ *Костромскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Художественныхъ Новостяхъ* подъ редакціей

Сомова, въ мѣстной газетѣ *Кіевлянинъ* и др.

Павловъ же привелъ въ систему и подготовилъ къ изданію „Сибирскія лѣтописи" (съ указаніемъ реальныхъ варіантовъ для Строгановской и Есиповской лѣтописей); въ „Лѣтописяхъ занятій" (т. VI, проток. 1—15) помѣщена его записка о помянутыхъ „Лѣтописяхъ".

Политическое обозрѣніе.

Князь Бисмаркъ продолжаетъ занимать Германію. Газетами ведется горячая полемика относительно образа дѣйствій князя Бисмарка. Многія газеты выставляютъ на видъ офиціозное заявленіе, что если въ чемъ-либо сохраненъ въ силѣ прежній курсъ, такъ именно въ политикѣ относительно Россіи; до войны нынѣ такъ же далеко, какъ было прежде. Католическая *Koelnische Volkszeitung* утверждаетъ, что правительство располагаетъ разоблаченіями о служебной дѣятельности князя Бисмарка, касающимися распространенія имъ въ иностранной печати извѣстій, направленныхъ противъ самыхъ высокопоставленныхъ особъ.

Самъ бывшій канцлеръ продолжаетъ бесѣдовать съ журналистами. Такъ, въ *Muenchener Neueste Nachrichten* напечатано новое interview съ княземъ, который заявилъ, что ему вполнѣ чуждо чувство мести къ его преемнику и что онъ стремится лишь исправлять вредныя отечеству мѣропріятія правительства. Затѣмъ князь сталъ опять полемизировать по вопросу о торговыхъ договорахъ, повторилъ, что въ высшихъ сферахъ сосѣдней имперіи онъ пользуется величайшимъ довѣріемъ, и заявилъ, что заключенный съ Австріею договоръ имѣетъ исключительно оборонительный характеръ. Въ заключеніе князь сказалъ, что причиною его паденія была интрига и что будущею зимою онъ приметъ, быть-можетъ, участіе въ трудахъ рейхстага. Бесѣдуя съ представителемъ газеты *Hamburger Nachrichten*, князь Бисмаркъ заявилъ, что противъ министровъ въ печати и въ парламентѣ нерѣдко говорилось въ гораздо болѣе рѣзкомъ тонѣ, чѣмъ говорилъ о нихъ онъ, Бисмаркъ. „Министрамъ—прибавилъ бывшій канцлеръ—придется выслушать еще не такія вещи, когда послѣдствія принимаемыхъ ими мѣръ станутъ болѣе замѣтны, если только я и рейхстагъ, въ нашей критикѣ, выйдемъ изъ нынѣшнихъ границъ. Я не боюсь того, чтобы моя политическая карьера завершилась судебнымъ обвиненіемъ". Въ органѣ правительства, въ *Имперскомъ Указатель*, какъ бы въ отвѣтъ на все высказанное бывшимъ канцлеромъ, пишутъ: „Фактическое значеніе приписываемыхъ князю Бисмарку газетныхъ заявленій не даетъ правительству никакого повода заниматься ими. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію — вопреки увѣреніямъ *Hamburger Nachrichten*—что графъ Каприви до своего назначенія никогда не стремился къ политической дѣятельности и никогда не имѣлъ, да и не искалъ сношеній ни съ какою изъ политическихъ партій, въ томъ числѣ и съ антибисмарковскою".

Америка и Англія всецѣло поглощены выборами. Первая новаго президента, а Великобританія — членовъ парламента. Пока въ общемъ выбрано: 127 консерваторовъ, 19 уніонистовъ, 108 гладстонцевъ со включеніемъ ирландскихъ націоналистовъ. Министерскіе кандидаты пріобрѣли 15, а гладстонцы 29 мѣстъ.

Въ Мадридѣ, вслѣдствіе установленія новыхъ городскихъ налоговъ, 20 іюня, рыночные торговцы избили полицейскихъ агентовъ, двинулись по улицамъ, принуждая закрывать магазины, и выбивали стекла. Жандармы вмѣшались въ дѣло, тогда раздались выстрѣлы и нѣсколько человѣкъ съ обѣихъ сторонъ было ранено. На главныхъ улицахъ пришлось производить кавалерійскія атаки. Порядокъ былъ возстановленъ, но не надолго. Префектъ легко ушибленъ въ плечо пущеннымъ въ него камнемъ. Взиманіе новыхъ городскихъ налоговъ пріостановлено. Произведено много арестовъ. На другой день вечеромъ произошли опять безпорядки. Жандармы разогнали толпу, при чемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Королева-регентша и король вернулись въ Мадридъ и были восторженно встрѣчены населеніемъ.

Болгарскіе самозванцы чинятъ судъ и расправу надъ обвиненными въ убійствѣ Бельчева. Главными подсудимыми являются Свѣтозаръ Миларовъ, литераторъ Константинъ Поповъ, бывшій чиновникъ, и Георгій Васильевъ, запасный поручикъ болгарской арміи. Всѣ трое обвиняются въ томъ, что вошли въ соглашеніе съ „враждебною" Болгаріи Россіею съ намѣреніемъ облегчить послѣдней возможность причиненія вреда Болгаріи, образовали между собою заговоръ съ цѣлью лишенія жизни принца Фердинанда, и во многихъ другихъ злодѣяніяхъ до убійства Бельчева включительно. Затѣмъ цѣлая группа въ 15 лицъ, въ томъ числѣ бывшій регентъ и неоднократный министръ Болгаріи Петко Каравеловъ, одинъ изъ лучшихъ врачей княжества и тоже бывшій министръ Молловъ (оба выставлены какъ инціаторы дѣла), придворный фотографъ Карастояновъ, училищный инспекторъ и народный представитель Китанчевъ и богатый софійскій негоціантъ Ножаровъ обвиняются въ составленіи заговора съ цѣлью измѣнить существующее правленіе, осуществившагося покушеніемъ на жизнь Стамбулова и убійствомъ вмѣсто его министра Бельчева. Для всѣхъ этихъ обвиняемыхъ, какъ и для другихъ обвинительный актъ требуетъ смертной казни. Кромѣ того, заподозрѣно до 60 человѣкъ, но предварительное слѣдствіе частью прекращено за недостаточностью собранныхъ уликъ, частью пріостановлено за побѣгомъ.

По словамъ корреспондента *Новаго Времени*, значительная часть обвинительнаго акта также посвящена русскимъ агентамъ: ихъ подговорамъ и подкупамъ. Разсказаны цѣлыя басни, напримѣръ, о томъ, какъ эти агенты, совмѣстно съ командиромъ клипера „Забіяка", капитаномъ Селивестровымъ, вывозили въ 1886 г. изъ Болгаріи, подъ видомъ консульскихъ принадлежностей, сундуки, въ которыхъ были скрыты болгарскіе преступники. Много есть и другихъ разсказовъ въ этомъ родѣ и инсинуацій противъ Россіи.

Дѣло подведено подъ компетентность полеваго суда на основаніи закона о разбойникахъ („Разбойники и ихъ укрыватели и соучастники, равно какъ и всѣ лица, которыя съ оружіемъ въ рукахъ будутъ стремиться къ произведенію бунта въ государствѣ, подлежатъ вѣдѣнію полеваго военнаго суда") и военный прокуроръ находитъ, что военный судъ въ данномъ случаѣ необходимъ въ качествѣ „радикальной" мѣры ради избавленія общества „разъ навсегда" отъ разныхъ политическихъ разбойниковъ, не могущихъ, въ силу своей преступной дѣятельности, пользоваться правами прочихъ мирныхъ гражданъ.

Смѣсь.

Пневматическая дорога. Въ Гамбургѣ проектируется новшество въ области путей сообщенія. По сообщенію Лидерса тамъ образовалось общество съ цѣлью перевозить людей за 25—40 пфенниговъ съ пневматической почтой. Для этого построена пробная линія между Гамбургомъ и Бюхеномъ въ 24 километра длиною. Вагонъ проходитъ ее въ 11 минутъ, т. е. со скоростью 110 километровъ въ часъ. Онъ представляетъ собою цилиндръ изъ маннесмановыхъ трубокъ, 2 метровъ длины и 1 метра въ діаметрѣ, въ которомъ можетъ помѣститься не болѣе 3 человѣкъ. Когда пассажиры садятся въ вагонъ, внутренность его наполняется свѣжимъ воздухомъ изъ особыхъ резервуаровъ и цилиндръ плотно замыкается. Несмотря на колоссальную скорость, передвиженіе въ этомъ цилиндрѣ, освѣщенномъ электричествомъ, весьма пріятно. (к.)

Какъ остановить чиханіе. Обыкновенно полагаютъ, что кашель и чиханіе невозможно ничѣмъ остановить прежде, чѣмъ они не пройдутъ сами. Однако докторъ Броунъ-Секаръ говоритъ относительно ихъ слѣдующее: „Кашель и чиханіе можно остановить надавливая на нервы губы ближе къ носу, также надавливаніе около ушей способно остановить кашель. При коклюшѣ этотъ способъ хотя и помогаетъ, но менѣе. При судорогѣ гортанной щели и коклюшѣ, болѣзней такъ часто встрѣчающихся у дѣтей, помогаетъ опусканіе ногъ въ холодную воду или щекотаніе ступни, вызывающее смѣхъ и черезъ это благотворно дѣйствующее на нервы пораженные болѣзнью". (к.)

Мыльная вода является превосходнымъ средствомъ удобренія почвы. Виноградная лоза и плодовыя деревья достигаютъ высшаго развитія, когда почва поливается мыльной водой. (к.)

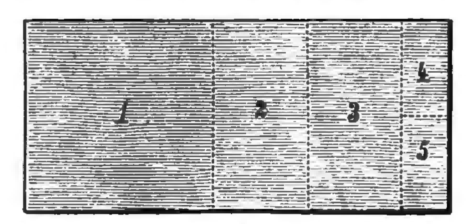
Рѣшеніе задачи № 22 (помѣщенной въ № 15).

1 штука гусей	— 50 к.
39 шт. утокъ.	3 р. 90 к.
60 шт. воробьевъ.	— 60 к.
100 шт.	5 руб.

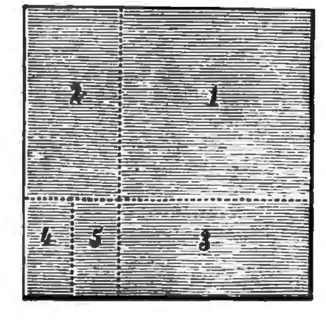
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 692 лицъ, почему фамиліи ихъ, за недостаткомъ мѣста, не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе ребуса № 25 (помѣщеннаго въ № 19).

Береги чужое, а свое—какъ знаешь.



Рѣшеніе геометрической задачи № 26 (помѣщенной въ № 20).



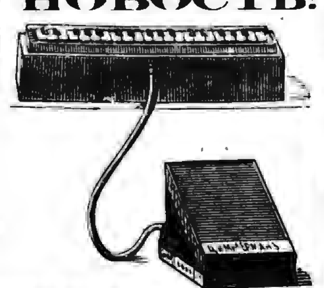
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПБ.** — А. А. Піотровича, О. Піотровичъ, Е. Фендриковой, С. Пассекъ, Н. Волостныхъ; **Батумъ**—Д. Шабашевича, **Воронежъ** — Н. Н. Ларичева, **Кузнецы**—Ф. И. Перова, **Тула** — Н. Н. Головкина, **Тифлисъ**—С. Тигранова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

НОВОСТЬ!



НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключаетъ въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе вдуваніемъ воздуха на № 2 ртомъ, на № 6 и 8 ножною педалью.

№ 2. 2 октавы.	**5** р.
№ 6. 3 октавы, съ ножною педалью.	**17** р.
№ 8. 4 " " " "	**23** р.

Самоучитель Маковскаго 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 р.

ГАРМОНИФЛЮТЫ

въ 3 октавы съ регистромъ . . .	45 р.
" 3½ " " "	60 р.
" 3½ окт. съ регистромъ, трелью и сурдинкой.	75 р.
" 4 октавы съ регистромъ, трелью и сурдинкой	90 р.

Педаль для гармонифлюта 10 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

По полученіи задатка приблизительно ⅓ стоимости, требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.

Москва Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

.І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (11)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

ЭЛЕОПАТЪ

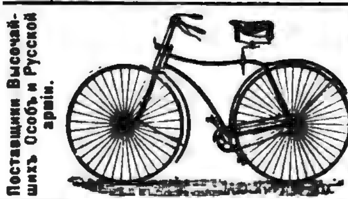
пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Проситъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. Главный складъ: С.-Петербургъ. Демидовъ пер., д. № 1. № 5796

(5)



Около 1000 велосипедовъ на складѣ.

Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ,**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—11

Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

КРЫШКИ

ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЙ СОЧИНЕНІЙ

КОЗЛОВА, ГРИБОѢДОВА и ПОЛЕЖАЕВА.

Крышки (образецъ которыхъ здѣсь помѣщается) изготовлены изъ **лучшаго англійскаго коленкора, съ изящными тисненіями золотомъ и краскою.** Цѣна каждой крышки **25 коп.**, съ пересылкою иногороднымъ — **60 коп.**

Въ виду того, что пересылка **всѣхъ трехъ крышекъ** обойдется дешевле чѣмъ каждой отдѣльно, Контора предлагаетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ **выписывать ихъ разомъ**, и въ этомъ случаѣ, она будетъ высылать ихъ **за 1 р. 40 к. съ пересылкою.**

Съ требованіями обращаться въ контору журнала **„Нива"**, СПБ., Невскій, 6.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. И. КОЗЛОВА.

Изданіе **исправленное и значительно дополненное А. И. Введенскимъ.** Съ біографическимъ очеркомъ и **съ портретомъ Козлова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ. Весьма изящно изданный томъ, въ 8 д. л., 344 стран., на лучшей бумагѣ. СПБ. 1892 г. **Цѣна 1 р.**, а съ пересылкою **1 р. 30 к.**, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 55 коп.**

Издавая въ свѣтъ полное собраніе произведеній И. И. Козлова, мы руководствовались мыслью—воскресить въ памяти потомства поэтическій образъ того, кто нѣкогда сильно повліялъ на русскую умственную жизнь и еще полстолѣтія назадъ вполнѣ заслуженно пользовался большою славою.

Въ основаніе нашего изданія мы положили изданіе 1840 года, съ любовію и знаніемъ дѣла исполненное подъ руководствомъ **В. А. Жуковскаго.** Съ своей стороны мы внесли необходимыя исправленія и дополненія.

Съ требованіями на книгу благоволятъ обращаться въ **СПБ.**, въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6.), а также и ко всѣмъ книгопродавцамъ.

В. № 5768 6—6

ПАВЕЛЪ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. **Москва**, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ОТЪ СОВѢТА МОСКОВСКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА.

Съ Высочайшаго соизволенія 30-е декабря 1893-го года назначено днемъ празднованія полувѣковаго существованія Московскаго Художественнаго Общества и состоящаго при немъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Къ этому времени предполагается: 1) составить историческій очеркъ Общества и Училища съ приложеніемъ біографическихъ свѣдѣній о лицахъ, имѣвшихъ къ этимъ учрежденіямъ отношеніе, и 2) устроить выставку художественныхъ произведеній (живописныхъ, скульптурныхъ и архитектурныхъ) лицъ, учившихся въ Училищѣ или принимавшихъ участіе въ художественной его дѣятельности. № 5847

Въ виду этого Совѣтъ Московскаго Художественнаго Общества покорнѣйше проситъ: 1) всѣхъ, имѣющихъ какія либо свѣдѣнія, могущія послужить матеріаломъ для вышеуказаннаго очерка, не отказать доставить ихъ въ Контору Совѣта по слѣдующему адресу: Москва, Мясницкая, д. Художественнаго Общества*). 2) Г.г. владѣльцевъ вышеуказанныхъ художественныхъ произведеній не отказать Обществу воспользоваться этими произведеніями на время предстоящей выставки **).

Примѣчаніе. Желательно, чтобы при поступающихъ на выставку художественныхъ произведеніяхъ были указанія о времени ихъ исполненія.

Доставку произведеній на выставку и возвращеніе ихъ по принадлежности Общество принимаетъ на свой счетъ. Общество надѣется, что и прочія газеты и журналы не откажутся помѣстить на своихъ страницахъ это объявленіе.

*) Бланки съ вопросными пунктами Контора вышлетъ желающимъ по требованію.

**) Всѣ произведенія, удостоенныя наградъ, будутъ приняты безъ жюри.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. **Вс. Соловьева.** Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

И. ШЕНБРУННЕРЪ.

Поставщикъ Императ. Общ. Охоты.

Москва, Стар. Газетный пер., д. Толмачева.

МАШИННЫЯ ЦЕНТРАЛЬНАГО БОЯ РУЖЬЯ

„Champion"

фабрики Авг. Франкотта и К° въ Люттихѣ *существующей съ 1810 г.*

Въ виду того, что ружья **„Excelsior"** имѣютъ такой громадный успѣхъ я предложилъ фабриканту Августу Франкотту въ Люттихѣ изготовить для меня спеціальный лучшій сортъ ружей подъ маркою **„Champion"**. Авг. Франкоттъ, имѣя самую большую фабрику въ Люттихѣ со всѣми новѣйшими техническими приспособленіями, всегда отличался добросовѣстностью и за послѣдніе года выпуская много дорогихъ и превосходныхъ ружей въ общемъ значительно улучшилъ свои ружья какъ по работѣ, такъ и по бою, и поэтому я надѣюсь, что новый сортъ ружей **„Champion"** будетъ имѣть полный успѣхъ.

1) На каждомъ ружьѣ надпись **„Champion"** Francotte Arms C° на стволахъ, а на замкахъ Francotte Arms C°.

2) Каждое ружье испробовано на разрывъ въ правительственной пробирной палатѣ въ Люттихѣ, а потому имѣетъ предписанныя три правительственныхъ клейма, какъ на стволахъ, такъ и на колодкѣ, кромѣ того, каждое ружье пристрѣлено на заводѣ, а результатъ и зарядъ отмѣченъ на ярлычкѣ.

3) Кромѣ того, при выпискѣ ружья магазинъ высылаетъ пробные листы и 4 пробныхъ заряда для образца.

ПРЕДЛАГАЮ СЛѢДУЮЩІЕ СОРТА:

ОПИСАНІЕ РУЖЕЙ.

№ 1. Стволы англійскаго ленточнаго дамаска (Canons Rubansfin), лѣвый стволъ „чокъ". Матовая планка, цѣвье отъемное, затворъ между курковъ на трехъ крючкахъ, замки въ шейку, курки возвратные, ударники безъ пружинъ, вещи каленыя въ кожѣ и гравированныя, ложа орѣховая пистолетная, кал. 12 и 16, цѣна 45 руб.

№ 2. Стволы букетнаго дамаска (Boston damast), лѣвый стволъ „чокъ", матовая планка, цѣвье отъемное, затворъ между курковъ на трехъ крючкахъ, замки подкладные, курки возвратные, ударники безъ пружинъ, вещи каленыя въ кожѣ и гравированныя, орѣховая ложа пистолетная, кал. 12 и 16, цѣна 55 руб.

№ 3. Стволы букетнаго дамаска (Boston damast fin), лѣвый стволъ „чокъ". Матовая планка, цѣвье отъемное, затворъ между курковъ на трехъ крючкахъ, замки подкладные, курки возвратные, ударники безъ пружинъ, богатая гравировка, вещи закалены въ сѣрый цвѣтъ, ложа пистолетная, кал. 12, цѣна 65 руб.

№ 4. Стволы букетнаго дамаска (Oxford fin), лѣвый стволъ „чокъ", матовая планка, цѣвье пружинное, затворъ между курковъ по системѣ Гринера, тройной, замки подкладные, курки возвратные, вещи мелко гравированы, ударники безъ пружинъ, ложа пистолетная, кал. 12, цѣна 85 руб.

№ 5. Легкое ружье „Champion light gun" вѣсомъ для кал. 12, 6½ ф., кал. 16, 6¼ ф., стволы букетнаго дамаска (Oxford fin), длиною 14½ вершковъ, лѣвый стволъ „чокъ", матовая планка, цѣвье пружинное, затворъ между курковъ по системѣ Скотта, тройной, замки подкладные, курки возвратные, ударники безъ пружинъ, ложа пистолетная, цѣна 85 руб.

Предъидущія ружья, кромѣ № 5, стволы длиною 17 вершковъ, вѣсомъ отъ 7¼—7¾ ф.

№ 6. Стволы букетнаго дамаска (Oxford fin), лѣвый стволъ „чокъ", матовая планка, цѣвье отъемное, затворъ между курковъ по системѣ Скоттъ, тройной, замки подкладные, курки возвратные, ударники безъ пружинъ, мелкая гравировка, ложа пистолетная, кал. 12, цѣна 75 руб.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ РУЖЕЙ

„CHAMPION"

въ Москвѣ, въ оружейномъ магазинѣ

И. ШЕНБРУННЕРЪ.

Каталоги высылаются безплатно по первому требованію. Ш. № 5864

Дозвол. цензур., СПБ, 1 іюля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. № 28 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.). ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 іюля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Церковь въ деревнѣ Пришибъ. Семейная усыпальница Данилевскихъ. Съ картины N., грав. Рашевскій.

Усыпальница Данилевскихъ.

(Рис. на стр. 609).

Село Пришибъ и находящаяся въ немъ церковь съ семейнымъ склепомъ Данилевскихъ, гдѣ похороненъ скончавшійся въ декабрѣ 1890 года извѣстный нашъ беллетристъ Григорій Петровичъ Данилевскій, не лишены историческаго значенія. Село это—родовое имѣніе Данилевскихъ—находится въ Харьковской губерніи въ Зміевскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Крайней Балаклейки, впадающей въ Донецъ, и расположено вблизи четырехъ озеръ, которыя носятъ названія: Клешневатое, Линовое, Узнольное и Перекопское. Возникновеніе Пришиба относится ко второй половинѣ XVII столѣтія, когда жившіе на правомъ берегу Днѣпра казаки, сильно тѣснимые польскими панами, бросали свои поселенія и искали убѣжища въ другихъ мѣстахъ, безопасныхъ отъ польскаго вліянія. Въ это тревожное время, какъ свидѣтельствуютъ семейныя хроники рода Данилевскихъ, казакъ-подолянинъ изъ-за Днѣпра, Данило Даниловичъ Данилевскій, спасаясь отъ вражьяго погрома, поселился съ семействомъ на мѣстѣ нынѣшняго Пришиба и затѣмъ перезвалъ туда многихъ своихъ товарищей, которые впослѣдствіи выбрали его своимъ сотникомъ. Такимъ образомъ возникла довольно значительная слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойницами,—мельницей и небольшою деревянною церковью. Невдали отъ крѣпостцы (нынѣ уже не существующей) сотникъ Данило сталъ заводить хуторъ и далъ ему названіе „Пришибъ,“ которое съ теченіемъ времени было присвоено всему поселенію. Оффиціально названіе Пришибъ упоминается уже въ царской грамотѣ 1685 года. Сотня Даніила Данилевскаго успѣла уже обстроиться и стала богатѣть хлѣбомъ и всякимъ добромъ, какъ вдругъ нагрянули на нее татары, разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, а сотника увели въ плѣнъ на Кубань, откуда однако черезъ три года ему удалось бѣжать и вернуться къ своимъ на Донецъ. Заслуги основателя Пришиба были достойно оцѣнены Петромъ Великимъ. Въ 1699 году сотникъ Даніилъ Данилевскій получилъ жалованную грамоту „за службу и за терпѣніе полонное,“ а въ 1709 году, во время своего проѣзда изъ Азова къ Полтавѣ, царь со свитой остановился въ Пришибѣ, обѣдалъ у сотника Даніила Данилевскаго и тутъ же былъ за крестнаго отца у его новорожденнаго внука; предъ отъѣздомъ же онъ подарилъ для Пришибской церкви два колокола, которые, какъ гласитъ преданіе, самъ поднялъ на колокольню. Вскорѣ послѣ Полтавской битвы царь прислалъ сотнику Данилевскому крѣпостную грамоту на владѣніе значительнымъ количествомъ сотенной земли. Кромѣ упомянутыхъ колоколовъ, Петръ Великій оставилъ въ Пришибѣ и другую память о своемъ пребываніи въ этой мѣстности: передъ домомъ хуторской усадьбы сотника онъ посадилъ жолудь, изъ котораго впослѣдствіи выросъ громадный дубъ, и понынѣ существующій въ саду Пришибскаго помѣстья.—Церковь села Пришиба въ началѣ XVII столѣтія была деревянная и имѣла два престола. Въ 1741 году вмѣсто этой церкви, пришедшей въ ветхость, стараніями изюмскаго полковника Евстафія Данилевскаго (сына сотника Даніила Данилевскаго) была выстроена новая церковь, также деревянная. Нынѣшняя каменная церковь, съ пятью престолами, была заложена въ 1802 году и окончена въ 1817 году усердіемъ Анны Петровны Данилевской, прабабушки Г. П. Данилевскаго.

Кромѣ покойнаго Г. П. Данилевскаго, въ Пришибской церкви похоронены всѣ его предки, начиная съ перваго владѣльца Пришиба, сотника Даніила Данилевскаго.

Посмертныя стихотворенія Г. П. Данилевскаго.

Къ женѣ...

Другъ мой, Юлинька, ужели
Мы на жизненномъ пути
Всѣ цвѣты сорвать успѣли
И другихъ намъ не найти?
Нѣтъ, мой пролѣсокъ безцѣнный,
Чья душа любви полна—
Для того во всей вселенной
Вѣковѣчная весна!..

С.-Петербургъ,
16 февраля 1874 г.

* * *

Средь моря жизненной пустыни,
Искалъ я, брошенный въ волнахъ,
Мнѣ заповѣданной твердыни
На Араратскихъ высотахъ.

И вотъ, съ зеленою маслиной,
Въ ковчегъ осиротѣлый мой
Слетѣлъ твой голосъ голубиный,
Дыша землей, дыша весной.

Сойдя на берегъ лучезарный,
Я въ высяхъ той благой страны
Костеръ воздвигнулъ благодарный,
Да вьётся къ небу дымъ алтарный
Благовѣстителю весны!

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

„Что я засталъ дома—превзошло всѣ мои ожиданія... Сестра моя изнемогла подъ тяжестью поразившаго ее горя. Я не узналъ ее, до того она измѣнилась.

„Измѣнилась неузнаваемо и наша бѣдная мать, глядя на ея страданія, которыя та напрасно старалась скрывать подъ личиной гордаго равнодушія.

„Въ чемъ же было дѣло?.. Въ измѣнѣ мужа и, понятно, въ его желаніи „избавиться отъ гнета“, „сбросить съ себя цѣпи“, словомъ: развестись... Прискучила старая любовь, надоѣла жена, мать законнаго ребенка—и прочь ихъ! О чемъ тутъ думать, въ нашъ безцеремонный, ничѣмъ не стѣсняющійся, вѣкъ?.. Благо за деньги все купить можно. Были бы средства, стало бы мѣднаго лба,- а продажные ходатаи по беззаконному дѣлу, а подкупные лжесвидѣтели — всегда найдутся!

„И нашлись. И свершилось трижды преступное злодѣйство: клятвопреступленіе, гибель семьи, убійство! Да, убійство! Сестра моя не вынесла несчастія, оскорбленія и позора... Въ полгода у нея развилась болѣзнь сердца, и она умерла. Она найдена мертвой въ постели, въ тотъ самый день, какъ изъ Парижа пришла посылка на ея имя,— подарокъ новой супруги ея мужа, въ день ихъ счастливаго бракосочетанія. Во посылкѣ было обручальное кольцо, съ именемъ сестры моей, и нѣсколько ея портретовъ... На какія ухищренія злобы способны иныя женщины!

„— Знаешь-ли ты, на комъ женился твой beau-frère? спросила меня мать, въ день похоронъ сестры. — На баронессѣ Шрейдель... *Тоже* на баронессѣ Шрейдель! На одной изъ этихъ, знаменитыхъ похожденіями, сестеръ... *Едва-ли не на той же самой*...

„Мать моя не договорила, но я понялъ. Я вспомнилъ эту ненавистную фамилію, я вспыхнулъ отъ оскорбительнаго воспоминанія, отъ горькой обиды. Изъ-за баронессы Шрейдель отецъ мой тоже замыслилъ опозорить семью, — развестись съ женой послѣ двадцатилѣтняго супружества, чтобы жениться... Неужели въ самомъ дѣлѣ это была она, та самая женщина?.. Я промучился этимъ вопросомъ нѣсколько времени, но потомъ узналъ, что мать моя ошиблась. То была ея меньшая сестра; сама же она, старшая изъ сестеръ,

та, что польстилась было на титулъ, на состояніе, на высокое служебное положеніе отца, давно уже была замужемъ. За кѣмъ? Я совсѣмъ не интересовался знать. Я радъ былъ бы забыть на-вѣки все, что было связано для меня съ именами, съ какими бы то ни было воспоминаніями объ этихъ прославленныхъ авантюристкахъ.

„Прошло еще три года. Я кончалъ курсъ, готовился къ послѣднимъ экзаменамъ, когда отъ матери моей пришло извѣстіе о болѣзни Ани, моей маленькой племянницы. Она писала, что доктора велѣли увезти ее на Югъ, что онѣ уѣзжаютъ въ Ментону. Сама она, моя мать, я зналъ, дотягивала послѣдніе свои дни; давно уже боролась она съ врожденнымъ недугомъ, слабостью легкихъ, но несчастія послѣднихъ лѣтъ окончательно подорвали ея силы,—самой ей оставалось жить не долго. Доктора меня давно предупредили о ея положеніи... Я готовъ былъ все бросить и летѣть къ ней; но она, предвидя это, умоляла меня „не портить своей будущности",—такъ она писала. Она представляла мнѣ на видъ, что онѣ ѣдутъ въ такіе края, которые не только внучкѣ ея принесутъ пользу, но безъ сомнѣнія и ей дадутъ облегченіе. Она молила окончить все, сдать экзаменъ благополучно, и тогда ужь пріѣхать къ нимъ.

„Скрѣпя сердце, я послушался, зная, что очень огорчу ее, если, не кончивъ курса, безъ аттестата выйду изъ университета. Но черезъ два мѣсяца полетѣлъ къ ней за-границу. Въ Ментонѣ онѣ пробыли лишь раннюю весну; потомъ ихъ послали на лѣто въ сосновые лѣса, на Черныя горы, на границѣ Италіи и Австріи, неподалеку отъ Лайбаха. Я ѣхалъ и дѣлалъ планы касательно нашихъ дальнѣйшихъ путешествій съ матушкой и моей маленькой племянницей. Я очень любилъ дѣвочку. Она такъ напоминала мнѣ мою сестру въ раннюю пору моего дѣтства, когда мои сознательныя чувства едва пробудились, когда впервые я узналъ и полюбилъ ее, крошечную дѣвочку, которая мнѣ казалась ужь совсѣмъ большою... Я мечталъ, что повезу ихъ на зиму не только на югъ Италіи или Франціи, на Мальту, на Мадейру, въ Африку—куда угодно, только бы спасти бѣдную дѣвочку, продлить жизнь моей матери, по возможности укрѣпить ея расшатанное здоровье на возможно долгіе годы. Всѣ мои помыслы, всѣ чувства сердечныя были ими переполнены. О себѣ лично я не думалъ тогда нимало, и если-бъ сказали мнѣ, что я въ этотъ годъ женюсь,—я не повѣрилъ бы этой возможности, такъ далеки были мысли мои отъ женитьбы, отъ женщинъ и любви.

„Боюсь злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, своимъ безконечнымъ разсказомъ. Буду по возможности кратокъ.

„Планамъ моимъ не суждено было сбыться: я не засталъ матери въ живыхъ. Она простудилась на пути съ юга на сѣверъ Италіи, схватила острое воспаленіе и скончалась въ нѣсколько дней. Я ее нашелъ на столѣ, а бѣдную, перепуганную дѣвочку Аню—на рукахъ у незнакомой мнѣ молодой дѣвушки. Она бросилась ко мнѣ въ истерическихъ рыданіяхъ; но когда ея новый другъ, эта случайная сосѣдка по отелю, русская женщина, принявшая вмѣстѣ съ ней послѣдній вздохъ моей матери, хотѣла уйти, Аня отчаянно вернулась къ ней, умоляя ее не оставлять ея, не уходить. Я тоже просилъ ее объ этомъ, просилъ принять осиротѣвшаго окончательно ребенка подъ свое покровительство, пока я опомнюсь и буду въ состояніи самъ о ней позаботиться; я благодарилъ ее за доброту, за ея неоцѣнимыя услуги... Горничная матери моей сказала, что эта дама положительно не отходила отъ умиравшей, а къ Анѣ была добра, какъ мать родная.

„Она была вдова, эта молодая женщина, а не молоденькая дѣвочка, какою показалась мнѣ съ перваго взгляда. Звали ее... все равно! скажемъ, что ее звали Ниной Петровной Павловой,—у нея было имя въ родѣ этого, чисто русское. Она пріѣхала туда тоже лѣчиться, вѣрнѣе отдохнуть въ горномъ, здоровомъ воздухѣ отъ излишествъ слишкомъ свѣтской жизни... Я послѣ узналъ все это. Тогда, въ первые дни моего тяжкаго горя, я ничѣмъ не интересовался, ничего не замѣчалъ, ни даже необыкновенной, чудной красоты этой женщины. Я такъ упалъ духомъ, что совершенно потерялъ голову, и если-бъ не она, не Нина Петровна, я ничѣмъ не съумѣлъ бы распорядиться, ничего устроить... Она сама надоумила меня, что тѣло матери надо отвезть въ Россію; сама распоряжалась всѣмъ. Она предложила мнѣ оставить у нея племянницу, вернуться за ней послѣ похоронъ, когда придетъ время ее увезти на крайній Югъ... Словомъ, она, въ горѣ моемъ и разстройствѣ, положительно явилась моей спасительницей, ангеломъ-хранителемъ бѣдной Ани.

„Нужно-ли кончать мой разсказъ? Я думаю, вы его отгадали. Я проводилъ мать свою до ея послѣдняго земнаго жилища; опустилъ гробъ ея въ церковный склепъ нашей семьи, устроилъ кое-какія дѣла и, очутившись одинъ съ своей тоской въ непривычномъ мнѣ уединеніи, чуть не сошелъ съ ума. О друзьяхъ, о развлеченіяхъ, о занятіяхъ—я не могъ и подумать. Все и всѣ мнѣ опротивѣли... Иногда представлялась мнѣ только Аня, мнѣ ее было несказанно жалко!

„Хотя до осени еще было далеко, но я рѣшился возвратиться въ Лайбахъ, прежде всего озаботиться о ней.

„Я напрасно думалъ, что нуженъ ей. Дѣвочка была совершенно счастлива со своей новой покровительницей. Проживъ возлѣ ихъ виллы, въ сосновомъ лѣсу, не болѣе мѣсяца, видаясь съ Ниной каждый день, цѣлыми днями любуясь „небесной" красотой ея, восхищаясь ея „ангельскими" добродѣтелями, я скоро послѣдовалъ примѣру маленькой Ани: я рѣшилъ, что счастье возможно еще для насъ, но только по близости къ этой неземной красавицѣ, одаренной, думалъ я, всѣми доступными женщинѣ совершенствами.

„Осенью я повезъ племянницу на Мальту. Дѣвочка была очень слаба и врядъ-ли бы могла перенесть разлуку со своей пріемной матерью, но съ нею и со мною была совершенно счастлива. Нина Петровна, не заставляя даже просить себя, прямо сказала, что не оставитъ Ани, что любитъ ее какъ своего, роднаго ребенка, что, будучи совершенно одинока и свободна, можетъ собой располагать и поѣдетъ къ ней, куда бы доктора ни приказали. Она поѣхала съ нами, или вѣрнѣе она повезла Аню, а я поѣхалъ за нею...

„Не погрѣшу противъ нея: она,—любя ее или только меня, не знаю, — была ей точно любящей матерью, заботливой, нѣжной сидѣлкой до послѣдней минуты. Но никакія заботы не помогли осужденной отъ самаго рожденія дѣвочкѣ: она умерла черезъ годъ, заснула на груди Нины, своей *тети-мамы*, какъ она трогательно ее прозвала.

„Нина Петровна казалось была страшно огорчена потерей этого ребенка. Больше меня... Могъ-ли я тогда, только что женившись на ней, на страстно любимой мною женщинѣ, быть очень несчастнымъ?.. Какъ истый эгоистъ, я все забылъ въ своемъ личномъ блаженствѣ.

„Но близко было горе... Быть-можетъ заслуженное моимъ себялюбивымъ легкомысліемъ. Оно сторожило меня при первомъ столкновеніи съ міромъ дѣйствительности, съ жизнью, съ людьми.

„По желанію жены моей, — тогда я былъ увѣренъ, что это собственное *мое* желаніе, — мы долго не возвращались въ Россію; долго даже избѣгали европейскихъ большихъ городовъ, путешествуя по мало посѣщаемымъ окраинамъ около двухъ лѣтъ. Не скажу, чтобъ мое ослѣпленіе продолжалось такъ долго; два года сдерживать себя и жена моя не смогла, несмо-

Обѣдъ въ честь Св. Антонія и Ѳеодосія въ Кіево-Печерской лаврѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Литературный альбомъ. „Василиса Мелентьева“, Островскаго. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. Соломко, гр. Пястушкевичъ.

тря на всю ея привычку къ лицемѣрію и лжи. Счастія, полнаго, блаженнаго счастія хватило на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ несдержанный, вспыльчивый, легко раздражительный нравъ Нины Петровны, а тѣмъ болѣе ея подозрительность, ея ревность, стали проявляться все чаще и сильнѣе, пока я, — даже я сталъ замѣчать, что розы осыпаются съ брачнаго пути нашего, оставляя одни шипы, становившіеся съ каждымъ днемъ колючѣе... Вѣроятно разочарованіе пришло бы и раньше, если-бъ не уединенная жизнь наша, а въ особенности если-бъ не счастіе ожиданія рожденія нашего ребенка. Это ожиданіе продлило мое добровольное ослѣпленіе еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ началѣ третьяго года у насъ родилась дочь,—и нечего говорить, какія чувства проснулись во мнѣ съ рожденіемъ этого ребенка. Ихъ силы хватило на поддержаніе во мнѣ бодрости, желанія жить и нести всѣ тяготы моего обездоленнаго существованія вотъ уже скоро двѣнадцать лѣтъ. Когда я узналъ истину, узналъ постыдное прошлое своей жены, узналъ *кто она*, — я закалился въ сознаніи своихъ отцовскихъ обязанностей, и лишь для нихъ и ими живу. Дитя свое я не пожертвовалъ и не пожертвую своему эгоизму, своему личному благополучію. Какія прегрѣшенія ни тяготятъ прошлаго ея матери, какъ я ее ни презираю, — она, наша дочь, никогда этого не узнаетъ! Я не подвергну ее тому страданію, которое сестра моя и самъ я переносили, *благодаря безнравственности Нины Петровны*. Да, *ея* безнравственности!.. Безнравственности моей жены, матери моего ребенка и вмѣстѣ... бывшей интригантки, добивавшейся развести моего отца! Разлучницы его съ моею матерью!

„Вы понимаете весь ужасъ моего положенія, когда я узналъ, что эта возлюбленная жена моя не кто иная, какъ баронесса Шрейдель... Та самая, извѣстная многими похожденіями интригантка, которая въ двадцать лѣтъ опутала моего отца, а въ тридцать—женила на себѣ сына, сознательно, преднамѣренно скрывъ отъ него, кто она такая и каково ея прошлое, прикрываясь незнакомымъ мнѣ именемъ своего умершаго мужа, брошеннаго ею чуть-ли не въ первый годъ свадьбы...

„Съ тѣхъ поръ я съ ней почти не видался. Она живетъ за-границей, по близости къ нашей дочери, навѣщая ее въ томъ воспитательномъ заведеніи, куда я отдалъ ее, какъ только дѣвочкѣ минуло пять лѣтъ; я навѣщаю дочь почти ежегодно, провожу съ ней мѣсяцъ-два. Иногда вожу ее съ собой, въ свободное отъ ученія время, въ деревню, въ Россію или во Францію. Бѣдная дѣвочка тогда была убѣждена, что матери ея нѣтъ съ нами потому, что она лѣчится, должна быть на водахъ. До сихъ поръ она не подозрѣваетъ, каковы отношенія ея отца и матери, но что̀ дальше будетъ?.. Одному Богу вѣдомо!.. Во всякомъ случаѣ, какъ можно дольше постараюсь, чтобы, живя на нейтральной почвѣ, она ничего не знала... Въ пансіонѣ ей хорошо. Его содержательница—моя давняя добрая знакомая, бывшая гувернантка моей сестры, довѣренная всѣхъ нашихъ семейныхъ дѣлъ. Она не допуститъ ничего дурнаго до моей бѣдной дѣвочки.

„Опять-таки не хочу погрѣшить несправедливостью: вѣроятно жена моя дѣйствительно меня любила,—она круто измѣнилась въ послѣдніе годы. Живетъ монахиней. Говорятъ, болѣетъ... Помоги ей Богъ искупить прошлое! Донынѣ я прощалъ ей... Думалъ, что простилъ свою загубленную жизнь вполнѣ и навсегда. Молю Бога, чтобъ Онъ помогъ мнѣ въ этомъ прощеніи *и теперь*, несмотря ни на что...

„*Не смотря ни на что*—простите-ли и вы меня?“

XIII.

Такъ кончалось длинное письмо безъ подписи, которое Лидія Львовна такъ часто перечитывала, которое мѣшало ея веселью, и сну, и спокойствію.

Много писемъ было ею писано въ отвѣтъ на него, но только одна строчка, тогда же вылившаяся сгоряча, была ему послана:

„Богъ проститъ!.. Дай Онъ вамъ силы кончить счастливо вашу трудную задачу“.

Уѣхавъ изъ Россіи, скучая и тоскуя, несмотря на всѣ развлеченія, Лидія Львовна часто сожалѣла, что не написала ему больше, не вызвала отвѣта на многіе вопросы возбужденные его исповѣдью, не высказала слова утѣшенія. Онъ подалъ примѣръ, — онъ своего письма не подписалъ; могла бы и она не подписывать... А такъ бы хорошо было имѣть хоть одного человѣка, съ кѣмъ побесѣдовать по душѣ!

Слѣдствіемъ такихъ размышленій, такихъ желаній и явились тѣ многія письма, которыя въ минуты тоски писались ею, но назначенія никогда не достигали. Являлось соображеніе: зачѣмъ?.. Не излишне-ли, не вредно-ли, не осложнитъ-ли еще болѣе отношеній?.. Она не развлекалась, не забывала; ей письма Лунева быть-можетъ и были бы утѣшеніемъ, но онъ *могъ* развлечься, *могъ* забыть! Зачѣмъ же мѣшать ему? Напоминать о себѣ лишній разъ... На что-жь было тогда затѣвать этотъ отъѣздъ?

Такъ письма и складывались одно къ другому, составляя нѣчто въ родѣ дневника, не столько внѣшнихъ впечатлѣній, какъ ея помысловъ и внутренняго міра.

Въ концѣ апрѣля сразу стали жаркіе дни. Все зазеленѣло; загородные сады и парки городскіе расцвѣли и стали чудно красивы. Въ одно утро Катя Морина пріѣхала, чтобъ вмѣстѣ съ Леннелями и Лидіей ѣхать въ парламентъ. Наканунѣ было получено приглашеніе лорда Говерсвифта съ извѣщеніемъ, что пренія будутъ очень интересны; будутъ говорить лучшія силы британскаго краснорѣчія, начиная съ Гладстона. Дѣйствительно, дебаты въ нижней палатѣ были тогда особенно обострены: шло дѣло о передачѣ острова Гельголанда нѣмцамъ. Всѣ газеты были переполнены отчетами о нихъ, карикатурами на королеву и маркиза Солсбери, „продающихъ англійскія владѣнія съ аукціона“.

Для интересовавшихся политикой и ея дѣятелями минута для присутствія въ засѣданіяхъ парламента была избрана удачно; но Катерину Ильинишну несравненно болѣе интересовало зрѣлище вообще, а въ особенности чай на Вестминстерской террасѣ; да едва-ли и Лидія Львовна не раздѣляла ея вкусовъ. Онѣ въ этотъ мѣсяцъ изъѣздили весь Лондонъ и успѣли побывать во многихъ оригинальныхъ сборищахъ, куда не часто проникаютъ иностранцы, въ особенности молодыя дѣвушки. Цѣлый вечеръ прослушали онѣ разъ гимны, исповѣди и проповѣди *„воиновъ арміи спасенія“*, мужчинъ и дѣвицъ, въ гробокопательскихъ шляпахъ съ золотыми ярлычками: „Salvation Army“. Нарочно ѣздили въ Сити, въ громадный домъ изъ красныхъ кирпичей, съ огромной, во всю стѣну, сіяющей золотой надписью, гласящей, что это „главная квартира“ и пунктъ соединенія въ Европѣ всѣхъ заправилъ этой многолюдной корпораціи пресловутаго *„генерала Буша“*. Бывали на многихъ митингахъ, сектаторскихъ и другихъ; наслушались въ волю разнообразнаго, ничѣмъ не стѣсняющагося краснорѣчія англичанъ такъ, что оно даже имъ прискучило.

Въ постоянныхъ поискахъ за впечатлѣніями, Завольская не пренебрегала ничѣмъ. Она и здѣсь, на чужбинѣ, сорила деньгами, благотворя безъ разбора, лишь бы только не по шаблону, какъ другіе; она игнорировала благотворительныя учрежденія, но безстрашно разыскивала нищету, даже до закоулковъ Истъ-Энда, куда мало природныхъ англичанокъ дерзали проникать. Она часто приводила въ недоумѣніе и даже страхъ свою сестру эксцентричностью своихъ поступковъ и смѣлостью экскурсій... На всѣ ея предостереженія Лидія возражала, что ничего не боится, потому

что нигдѣ не встрѣчаетъ ни дерзости, ни недоброжелательности, а надо же искать удовлетвореніе пустотѣ ея ни къ чему не пригоднаго существованія. Леди Леннель не ожидала отъ нея такой рѣшительности и независимости взглядовъ... Она безпокоилась ея частыми отсутствіями, но препятствовать имъ не могла.

Лидія Львовна и на сей разъ встрѣтила Катю предложеніемъ побывать на-дняхъ на митингѣ *Expecter*'овъ, „выжидателей“.

Катя расхохоталась.

— Это что еще за штукари такіе?.. Кого или чего они выжидаютъ? спросила она.

— Развѣ вы не слышали объ этой сектѣ?.. Какъ же, она, говорятъ, и у насъ въ Петербургѣ есть. Вѣрно вы знаете о пропагандѣ Редстока, Пашкова и ихъ послѣдователей? Это, кажется, то самое, объяснила Завольская. — Но мнѣ интересно потому, что вотъ Эмли разсказываетъ, что самый главный тамъ заправило — русскій! И будто бы такой фанатикъ, съ такимъ жаромъ проповѣдуетъ, что со многими дурно дѣлается отъ волненія.

— Да пустятъ-ли насъ? Вѣроятно надо имѣть билеты?

— Ахъ, нѣтъ, барышня! тотчасъ же вмѣшалась Эмли, подававшая ей одѣваться.—Кого угодно пускаютъ и даже очень рады!.. Я сколько разовъ тамъ бывала и всегда тамъ народу много. Всѣ слушаютъ, плачутъ, о своихъ грѣхахъ сокрушаются... А какъ начнетъ этотъ баринъ—важный вѣдь онъ—графъ, сказываютъ... Какъ начнетъ всѣхъ утѣшать: „радуйтесь, говоритъ, только вѣруйте въ кровь Христову — и всѣ спасены будете!.. Вы, говоритъ, и оглянуться не успѣете, а ужь Христосъ, нашъ Спаситель, здѣсь, между нами... Поэтому, говоритъ, всякій часъ, всякую минуту ждите и будьте готовы!..“ Тутъ всѣ начнутъ радоваться, вздыхать, перешептываться и сейчасъ—молитвы пѣть... А молитвы у нихъ совсѣмъ особыя.

И русская англичанка, хитро покачивая головой, разсмѣялась.

— Какія же особыя?.. Разскажите, Эмли! просили дѣвушки, понятно заинтересованныя.

— Да какъ вамъ сказать?.. Быдто-бъ и не молитвы совсѣмъ, а... вотъ какъ романсы поютъ: „приди скорѣе! Ждемъ тебя!..“

И Эмли опять сконфуженно разсмѣялась подъ аккомпаниментъ гораздо болѣе откровеннаго смѣха Мориной.

— Ну, вотъ видите! Это стòитъ посмотрѣть и послушать, замѣтила Завольская. — Вотъ Эмли узнаетъ, когда тамъ собираются, и мы пойдемъ съ вами посмотрѣть... Надо обо всемъ имѣть понятіе.

Чудное, кружевное, громадное зданіе парламента, со своими вышками и островерхими и четырехугольными башнями, издали сіяло золотистой рѣзьбой, филиграновыми украшеніями готическихъ, расписныхъ оконъ, высокими шпицами, блиставшими въ мглистомъ освѣщеніи солнца, по-британски затянутаго прозрачной зеленой паровъ. Сквозь желтоватую дымку тумана Вестминстерскія зданія—парламентъ, башня Викторіи, Big-Ben—этотъ лондонскій Иванъ-Великій, готическая церковь Св. Маргариты—историческій перлъ въ коронѣ древняго аббатства, соборъ и цвѣтущій предъ ихъ бронзовыми рѣшетками скверъ, окруженный статуями отшедшихъ политическихъ дѣятелей — казались волшебной декораціей. Полоумное движеніе людей и экипажей, какой-то безостановочный круговоротъ кишѣлъ на площади. Громадные, яркіе, красные, зеленые, синіе, желтые и бѣлые омнибусы, съ крышами, густо усаженными пассажирами, нарядными дамами и мужчинами, поминутно извергались вереницами изъ всѣхъ улицъ. Ихъ везли не лошади, а пары мастодонтовъ, однимъ копытомъ кажется способные продавить мостовую. Между ними сновали всевозможные экипажи — кареты, кэбы, коляски, шарабаны, тильбюри и hansome'ы, кукушки на двухъ колесахъ, съ кучеромъ на запяткахъ; но все это казалось мелочью предъ омнибусами-домами, а ужь пѣшеходы и велосипедисты, безстрашно шмыгавшіе среди этой каши экипажей и лошадей, смотрѣли шустрыми муравьями, которые вотъ-вотъ попадутъ подъ колеса.

Подъ колеса открытаго ландо сэръ-Эдвина Леннеля однако никто не попалъ. Оно благополучно остановилось, въѣхавъ на плиты пространнаго парламентскаго двора передъ входомъ въ Вестминстерскую залу.

Они вошли подъ высочайшіе своды древней, всегда теперь пустой гранитной залы, свидѣтельницы столькихъ историческихъ переворотовъ, столькихъ смертныхъ приговоровъ.

Въ концѣ этой сумрачной залы-галлереи широкія ступени на подъѣздъ членовъ парламента, осѣненный великолѣпнѣйшимъ окномъ-картиной. Сэръ-Эдвинъ повернулъ налѣво, и они вошли въ другую, свѣтлую залу куполомъ, the Lords and Commons Lobby, то-есть сѣни обѣихъ палатъ. Изъ нихъ въ обѣ стороны коридоры, разрисованные историческими картинами, въ нижнюю палату налѣво, въ палату пэровъ—вправо.

Здѣсь Леннель пошептался съ полицейскимъ, и тотъ пошелъ доложить о нихъ маркизу.

Лордъ Говерсвифтъ ждать себя не заставилъ; онъ тотчасъ вышелъ къ своимъ гостямъ, осклабивъ издали вставные зубы, радушно приложилъ всѣ старанія, чтобъ имъ повывихнуть руки, и освѣдомился у дамъ, куда ихъ вести прежде: познакомить-ли со зданіемъ или прямо идти къ залѣ засѣданій?.. Дамы это предоставили его усмотрѣнію, и они готовы ужь были углубиться въ нѣдра дворца, когда со стороны буфета, гдѣ стоя, на скорую руку, закусывали проголодавшіеся члены парламента, отдѣлился молодой человѣкъ и быстро направился къ нимъ, безпечно улыбаясь.

— Good day, father! [1]) привѣтствовалъ онъ маркиза.

Тотъ изумленно обернулся, протянулъ свои „oh! ah! Indeed!“ и подавъ ему, на пожатіе, два пальца, представилъ его:

— Мой сынъ, лейтенантъ флота ея величества, Арчёръ Нильстонъ, сэръ-Эдвинъ Леннель.

Морякъ радушно раскланялся со всѣми и снова обернулся къ отцу. Смуглое, не британскаго типа, лицо его смотрѣло весело.

— Я ждалъ васъ, батюшка. Алиса и Мэбль здѣсь... Онѣ ждутъ васъ тоже на террасѣ...

Онъ хитро усмѣхнулся, окинувъ всѣхъ взглядомъ, будто принимая ихъ въ свидѣтели чего-нибудь очень забавнаго.

Но отецъ его, казалось, не особенно раздѣлялъ его веселіе... Катя Морина ему больше симпатизировала.

— Старикашка-то совсѣмъ не разсчитывалъ здѣсь съ семьею встрѣтиться! шепнула она Лидіи. — А этотъ морякъ премилый!.. Откуда онъ взялся?

— Вѣрно изъ Австраліи приплылъ! пошутила Завольская.

Между тѣмъ Нильстоны объяснились. Оказалось, что сестеръ молодаго моряка пригласила сюда съ собой, въ гости къ мужу, ихъ знакомая пэресса, леди Дёргамъ, заѣхавъ тотчасъ послѣ того, какъ ушелъ ихъ папа; а такъ какъ Мэбль знала, что у отца ея будутъ тоже сегодня на террасѣ гости, то она и просила его предупредить...

— А!.. Ну, что-жъ, очень хорошо!.. Очень радъ! Мы придемъ на террасу сейчасъ! говорилъ старикъ, кивая головой и ожидая, что сынъ ихъ оставитъ.

Но сынъ не оставилъ ихъ. Къ величайшему удовольствію Мориной, онъ попросилъ у дамъ позволенія за ними слѣдовать, и пока отецъ шелъ подъ руку съ леди Леннель, объясняя все сестрамъ и тая какъ

[1]) Добрый день, батюшка.

масло на вешнемъ солнцѣ отъ каждой улыбки Лидіи Львовны, сынъ слѣдовалъ въ арьергардѣ, тоже дѣлая свои замѣчанія, и все время смѣшилъ дѣвушекъ, особенно Катю, разболтавшуюся съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— Вы совсѣмъ не похожи на англичанина! замѣчала она нѣсколько разъ. — Ваши соотечественники рѣдко бываютъ такіе разговорчивые и живые.

Арчёръ отшучивался, увѣряя, что живость въ ихъ семьѣ исключительное качество, равно какъ и чувствительное сердце, способное легко воспламеняться. И при этомъ такъ сжималъ губы, дѣлалъ такую невинную физіономію и устремлялъ такой краснорѣчивый взглядъ въ спину своего папаши, что Морина не могла не смѣяться, рискуя скандализировать всѣхъ встрѣчныхъ — публику и служащихъ и даже полицейскихъ, съ олимпійской важностью прогуливавшихся по всѣмъ коридорамъ.

Маркизъ водилъ ихъ не обычными путями, по такимъ внутреннимъ покоямъ парламента, куда публика обыкновенно не можетъ проникнуть. Показалъ имъ великолѣпныя библіотеки, читальныя залы, кабинеты для частныхъ занятій, громадныя столовыя, гдѣ нѣкоторые прохлаждавшіеся яствами и питіями сотоварищи его покосились въ явномъ недоумѣніи на веселое общество, которое онъ вводилъ въ святая-святыхъ храма всемірныхъ британскихъ интересовъ.

XIV.

Случилось, что они именно проходили парламентскую столовую, когда въ дверяхъ ея показался ражій полисменъ и громкимъ баритономъ возвѣстилъ:

— Division! Division! Division!.. [1])

— Beg pardon!.. Извините!.. Я сію минуту! вскричалъ лордъ Говерсвифтъ, быстро оставивъ руку леди Леннель и на бѣгу уже поспѣшно раскланиваясь.

Всѣ, кто только былъ здѣсь изъ членовъ, повскакали и побѣжали, кто вприпрыжку, кто переваливаясь,— вонъ изъ комнаты, по прямому направленію къ залѣ засѣданій... Это общее неожиданное бѣгство было такъ смѣшно, что Катя такъ и покатилась, къ глубочайшему скандалу невозмутимо-торжественныхъ лакеевъ.

— Что такое? Что случилось?.. Куда они побѣжали?

Леннель и жена его и молодой Нильстонъ принялись объяснять, что всѣ члены парламента, зная напередъ изъ разсылаемыхъ печатныхъ программъ, о чемъ будутъ идти рѣчи и пренія, и всегда заранѣе опредѣливъ свое мнѣніе и голосъ, могутъ свободно оставлять залу засѣданій. Но всѣ должны быть налицо въ минуту *раздѣленія*, голосованія билля, въ палатѣ. Вотъ почему особые полицейскіе чины приставлены наблюдать за ходомъ преній и одинъ другому передаютъ, по всѣмъ направленіямъ, лаконическое слово *дивижіонъ!* то есть: раздѣленіе.

— У каждыхъ дверей, по всѣмъ переходамъ, вы видѣли, объяснялъ морякъ,—стоятъ черезъ каждые двадцать шаговъ полисмены. Это живые телефоны... Какъ пробѣжитъ по ихъ линіямъ магическій возгласъ, такъ всѣ представители и бросаются взапуски перегонять другъ друга!.. Точно мальчишки за подачкой. Только фалды развѣваются и подошвы ихъ lordship's мелькаютъ... О! вы еще нѣсколько разъ сегодня будете имѣть удовольствіе видѣть папашины подошвы!

И точно, они ихъ видѣли еще раза три. Въ самомъ разгарѣ его прочувствованной рѣчи на внутреннемъ дворѣ, гдѣ капелла, въ которой былъ подписанъ смертный приговоръ Карлу I, маркизъ съ полуслова пустился въ бѣгство; и потомъ еще раза два, когда они пили чай, на террасѣ.

Показавъ все зданіе, маркизъ провелъ своихъ гостей къ залѣ засѣданій нижней палаты. Мужчины вошли въ нее; а дамъ лордъ Говерсвифтъ устроилъ возлѣ стеклянныхъ дверей, такъ что имъ все было видно и слышно. Онъ подоспѣлъ какъ разъ во-время, чтобъ дать имъ послушать блестящую рѣчь мистеръ Джорджа Блэка, ратовавшаго за островъ Гельголандъ. Мистеръ Блэкъ, представительный молодой человѣкъ, съ жаромъ возставалъ противъ передачи Германіи этого важнаго, въ случаѣ войны, пункта, увѣряя, что всѣ жители острова — преданные слуги королевы... Рѣчь его нѣсколько разъ прерывалась одобреніями лѣвой, стороны либераловъ, и порицаніями представителей правительства, возсѣдавшихъ направо отъ спикера, вѣрнѣе — *возлежавшихъ*, потому что большинство министровъ крайне безцеремонно растягивались на скамьяхъ.

Большая часть этихъ господъ, пресловутыхъ „стражей британскихъ интересовъ", казались знакомы дамамъ... Лидія недоумѣвала, почему это?.. Ей ужасно странно и неловко было стоять въ такой близости къ парламентскимъ дѣятелямъ, имена которыхъ по газетамъ были ей извѣстны, какъ всему свѣту; видѣть и слушать разглагольствованія всѣхъ этихъ Гладстоновъ, Гартингтоновъ, Черчилей, Бальфуровъ! Какъ она попала чуть что не въ самую залу Палаты Общинъ? Ей казалось это такъ дико, будто снился сонъ.

Лордъ Говерсвифтъ нѣсколько разъ безшумно толкалъ стеклянныя двери, которыя ходятъ туда и назадъ, какъ въ театрахъ; входилъ, прислушивался, выражалъ свои одобренія или порицанія и возвращался къ дамамъ, стоявшимъ на возвышеніи, въ нишѣ противъ зеркальнаго окна въ Палату. Онъ шопотомъ объяснялъ имъ въ чемъ дѣло; указывалъ личности, называлъ министровъ и самыхъ видныхъ дѣятелей, возсѣдавшихъ ближе къ креслу спикера, къ столу за которымъ сидѣли клерки, всѣ въ черныхъ мантіяхъ и уморительныхъ бѣлыхъ парикахъ съ кисточками, которые то и дѣло съѣзжали въ сторону.

— Вотъ сейчасъ будетъ говорить Гладстонъ. Слушайте! Слушайте! посовѣтовалъ онъ, а самъ шмыгнулъ въ залу.

— Гдѣ я ихъ видѣла?.. Я, право, всѣхъ ихъ знаю! шепнула Лидія Мориной.

— Да, Боже мой! Очень понятно: въ карикатурахъ юмористическихъ иллюстрацій!.. Я тоже знаю всѣ ихъ лица!

Лидія Львовна чуть не разсмѣялась, дивясь остроумной догадкѣ Катерины Ильиничны. Она тотчасъ поняла, что та совершенно права. Нельзя мѣсяцъ прожить въ Англіи и не знать ея политическихъ дѣятелей, по смѣхотворнымъ изображеніямъ сотенъ юмористическихъ изданій.

Высокій, блистающій лысой головой и живыми глазами старикъ провелъ свою рѣчь какъ всегда: рѣшительно, убѣдительно, блестяще. „Hear! Hear!.." и всевозможные звуки одобренія не смолкали, пока говорилъ бывшій министръ-либералъ, заступникъ Ирландіи и всѣхъ угнетенныхъ. Громкіе „cheers" раздавались долго еще, когда Гладстонъ умолкъ и сѣлъ на свою скамью, во главѣ „лѣвыхъ".

— Ну, теперь вы имѣете понятіе о нашихъ преніяхъ?.. Теперь пойдемте завтракать! предложилъ маркизъ Говерсвифтъ, и всѣ направились къ террасѣ.

На этой едва-ли не величайшей въ мірѣ Вестминстерской террасѣ было очень людно и красиво. Открытая каменная галлерея саженей десять шириною тянется вдоль всего дворца, омываемая Темзой. Вся она уставлена желѣзными диванами, стульями и столами, у которыхъ собираются группами гости, приглашаемые лордами на чай. Большинство гостей, разумѣется, дамы, преимущественно иностранки-путешественницы или пріѣзжія изъ провинціи. Весной, во время сезона, Вестминстерская терраса всегда смотритъ пестро и весело; но въ этотъ разъ она была особенно оживлена, раскрашена и публикой, и яркимъ солнцемъ.

(Продолженіе будетъ)

[1]) Голосованіе

Бой въ пустынѣ. Съ рис. Кунерта, грав. Крей.

Судоходство по Нижнему Дунаю.

И. Храброва.

Дунай, наиболѣе важная изъ судоходныхъ рѣкъ Европы, какъ извѣстно, почти на всемъ своемъ протяженіи протекаетъ по территоріи Германіи, Австріи и Балканскаго полуострова и только незначительная его часть, при самомъ устьѣ, принадлежитъ Россіи. Собственно наши владѣнія на Дунаѣ начинаются съ рѣки Прута, обнимая собой весь лѣвый берегъ до дельты и лѣвый же берегъ Килійскаго рукава вплоть до устья.

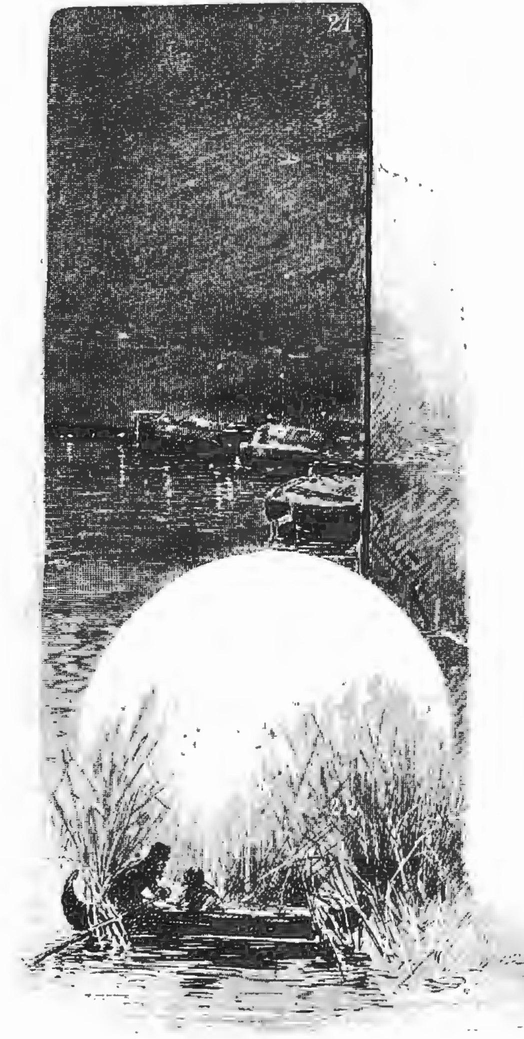
Килійскій рукавъ (рис. 1 и 13)—самый многоводный: около $^3/_4$ всего Дуная вливается черезъ него въ море, и несмотря на это, установить на немъ правильное судоходство довольно трудно, вслѣдствіе сильныхъ заносовъ у самаго устья, закрывающихъ крупнымъ судамъ путь въ море. Извѣстная международная „Европейская Комиссія", принявшая на

13. Килійскій рукавъ у Измаила (русскій берегъ). 14. Румынскій берегъ и отроги Балканъ у Тульчи. 15. Кордонъ пограничной стражи на нашемъ берегу.

себя, по порученію Парижскаго конгресса 1856 г., работы по очисткѣ Нижняго Дуная, главнымъ образомъ имѣла въ виду гарантію свободы судоходства. Опасаясь могущества Россіи, расположенной у устья, она выбрала для судоходныхъ цѣлей рукавъ Сулинскій, несравненно болѣе узкій и маловодный [1]), по принадлежащій незначительной и тогда еще вассальной странѣ — Румыніи. Рукавъ расчищенъ до глубины 16 фут. и представляетъ единственно удобный для торговыхъ сношеній путь. Упирающійся въ самое устье румынскій городъ Сулинъ (рис. 4) пріобрѣлъ поэтому въ послѣднее двадцатилѣтіе огромное значеніе, которое растетъ съ каждымъ годомъ. Городъ состоитъ всего изъ двухъ улицъ, растянутыхъ по берегу и соединенныхъ мѣстами узкими проходами и переулками, имѣетъ нѣсколько мечетей, красивыя зданія и удобную набережную (рис. 11 и 23). Жители, по преимуществу румыны, живутъ очень хорошо благодаря существующему тамъ porto-franco. Въ городѣ также много грековъ и особенно турокъ; послѣдніе почти исключительно рабочіе и занимаются переноской груза на пристани (рис. 12).

Еще недавно имѣлось въ виду предпринять работы по очисткѣ Килійскаго рукава. Была даже снаряжена особая комиссія для изслѣдованія его глубины, изъ инженеровъ военнаго, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ. Произведенныя измѣренія дали неожиданно благопріятные результаты; оказалось, что занесено пескомъ всего лишь пространство въ $^3/_4$ версты, все же остальное русло вездѣ одинаково глубоко и можетъ свободно пропускать суда самаго крупнаго калибра, между

[1]) Около 4% водъ Дуная.



21. Ночевка баржъ у Киліи. 22. Липованы-рыбаки въ камышахъ при устьѣ Дуная.

тѣмъ какъ въ Сулинскомъ гирлѣ фарватеръ до такой степени узокъ, что даже суда Черноморско-Дунайскаго Общества не могутъ поворачиваться на мѣстѣ: если встрѣчаются два парохода, то одинъ почти всегда долженъ замедлить ходъ. Напротивъ, на протяженіи всего Килійскаго рукава, за исключеніемъ упомянутаго мѣста у его устья, могутъ ходить по всѣмъ направленіямъ даже такія суда, какъ „Marengo“ (22 ф.), съ трудомъ пробравшійся къ Кронштадту. Само собой разумѣется, что, если бы когда-либо состоялась очистка, значеніе Сулина упало бы сразу и, напротивъ, сильно поднялись бы города на нашемъ берегу. Къ сожалѣнію, дѣло очистки не пошло дальше измѣреній, донесеній, бумагъ за № и отношеній, и злополучную коммиссію постигла роковая судьба большинства нашихъ комиссій: она испарилась, унеся съ собой послѣднюю надежду русскаго населенія по Дунаю, дождаться когда-нибудь оживленія полумертваго края.

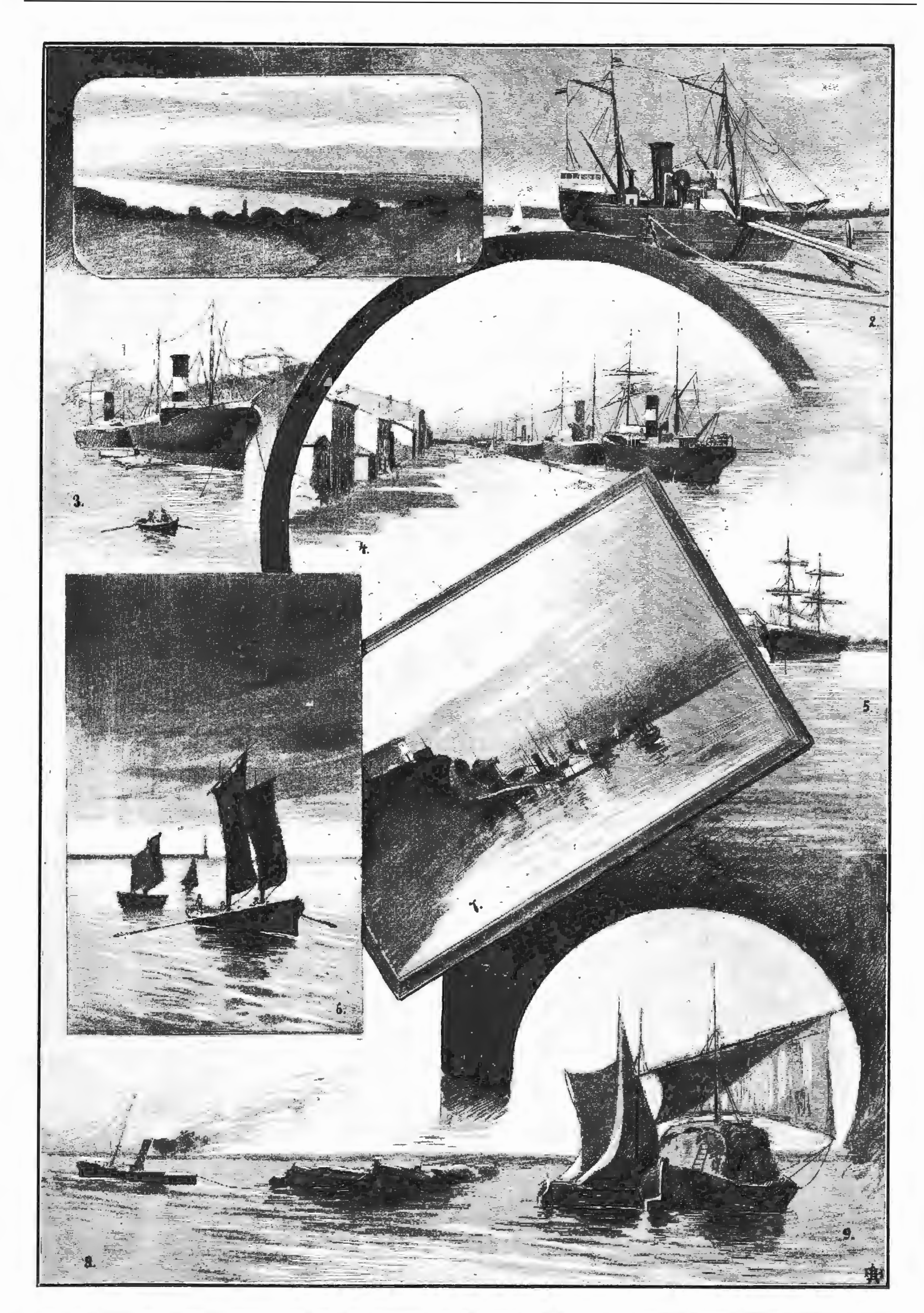
Изъ русскихъ придунайскихъ городовъ самую оживленную торговлю ведетъ *Рени*, заштатный городъ Измаильскаго уѣзда, что объясняется съ одной стороны его выгоднымъ положеніемъ на главномъ руслѣ Дуная (Измаилъ расположенъ на Килійскомъ рукавѣ), а съ другой — удобствомъ сухопутнаго сообщенія: до самаго берега доходитъ жел. дорога (Бендеро-Галацкая вѣтвь Юго-Зап. ж. д.), и такимъ образомъ значительно облегчается привозъ хлѣба изъ сѣверной части Бессарабіи. Ежегодно сотни морскихъ судовъ вывозятъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ огромные запасы зерна, преимущественно кукурузу и рожь. Самая значительная торговля производится страной, совершенно чуждой Дунаю и не прибрежной — *Англіей*. Ея огромные пароходы (рис. 3) безостановочно совершаютъ свои длинные рейсы, принимая грузъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ пунктахъ. Вторая по торговому значенію страна — *Австрія*, затѣмъ уже идутъ *Италія* и Балканскія государства. *Греція* ведетъ довольно бойкую торговлю, которая ограничивается, впрочемъ, побережьемъ Чернаго моря. Небольшія греческія парусныя суда (рис. 5) разъѣзжаютъ между Дунайскими портами и Одессой, Херсономъ, Николаевомъ, Крымомъ, Азовомъ и торгуютъ преимущественно хлѣбомъ и деревомъ; въ послѣднемъ сильно нуждаются мѣстности, расположенныя по Дунаю. Торговля Румыніи производится исключительно при помощи баржъ и буксирныхъ пароходовъ (рис. 8 и 9) и ограничивается райономъ румынскихъ городовъ на Дунаѣ (Тульча [рис. 14], Сулинъ, Исакча, Галацъ и др.). Турецкихъ судовъ почти совсѣмъ не встрѣчается, если не считать небольшія парусныя барки, такъ-называемыя „чамы“ (см. рис. 10), привозящія изъ горныхъ мѣстностей Румыніи камень, котораго на нашемъ берегу нельзя нигдѣ достать.

Что касается русскаго судоходства, то единственнымъ крупнымъ представителемъ его на Дунаѣ является „Общество Черноморско-Дунайскаго пароходства“,—бывшее „Пароходство кн. Гагарина“. Въ распоряженіи Общества имѣется нѣсколько пароходовъ: „Князь Гагаринъ“, „Измаилъ“ (рис. 2 и 16), „Болгарія“, „Русь“, „Сербія“ и др. Послѣдніе ведутъ значительную торговлю съ Балканскими государствами, Болгаріей, Румыніей и Сербіей. „Князь Гагаринъ“ и „Измаилъ“ по преимуществу пассажирскіе пароходы и крейсируютъ между Одессой и городами Киліей, Измаиломъ и Рени. „Князь Гагаринъ“ только весной прибылъ изъ Киля (Германія), гдѣ онъ строился, и отличается необыкновенными удобствами: весь освѣщенъ электричествомъ, внутри отдѣланъ съ комфортомъ, обладаетъ очень изящнымъ видомъ снаружи и имѣетъ большую скорость.

Главнымъ конкурентомъ „Черноморско-Дунайскаго Общества“ является извѣстная австрійская компанія Лойда, „Donaudampfschifffartsgesellschaft“. Его пароходы „Arpad“, „Radetzki“, „Friedrich“, „Orient“ и „Medea“ разъѣзжаютъ въ томъ же районѣ, въ которомъ крейсируютъ пароходы Русскаго Общества, съ тою только разницею, что послѣдніе не заходятъ дальше Желѣзныхъ воротъ, между тѣмъ какъ австрійскіе доходятъ до самой Вѣны. Австрійское Общество имѣетъ во многихъ портахъ свои пристани, напр. въ Измаилѣ (рис. 7 и 18), гдѣ живетъ даже австрійскій консулъ. Впрочемъ, въ послѣднее время значеніе компаніи нѣсколько упало.

Несомнѣнно, что роль наша на Дунаѣ далеко не исчерпывается тѣмъ незначительнымъ сравнительно участіемъ въ торговлѣ, какое выпало здѣсь на долю русскаго судоходства; несомнѣнно также и то, что самое положеніе наше при устьѣ огромной и судоходнѣйшей рѣки Европы даетъ намъ извѣстныя права и преимущества въ политической и экономической жизни придунайскихъ народовъ. Достаточно вспомнить знаменитые переходы черезъ Дунай Румянцева, Дибича, наконецъ послѣдній переходъ въ Турецкую войну, чтобы разсѣялись всякія сомнѣнія о томъ значеніи, какое можетъ и должна имѣть эта рѣка въ судьбѣ Россіи и Балканскихъ государствъ. Невозможно не признать, что въ случаѣ какихъ бы то ни было „осложненій“, выдвинутыхъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса, Дунай немедленно и неминуемо выдвинется на первый планъ.

10. Шкиперъ чама „Транкъ“. 11. Главная улица въ Сулинѣ. 12. Грекъ-продавецъ арбузовъ и дынь на пристани.



1. Видъ Дуная (Килійскій рукавъ), румынскаго берега и отроговъ Малыхъ Балканъ. 2. Пароходъ „Измаилъ“ Русскаго Общ. Дунайскаго Пароходства (Кн. Гагарина). 3. Англійскіе грузовые пароходы у Рени. 4. Пристань въ Сулинѣ. 5. Греческое коммерческое судно у Измаила. 6 Выѣздъ рыбаковъ въ море у Сулина. 7. Австрійская пристань въ Измаилѣ. 8 и 9. Баржи и буксирные пароходы.

Судьба Россіи связалась съ этой рѣкой позже всѣхъ другихъ народовъ, населяющихъ въ настоящее время ея берега, и не ранѣе конца прошлаго столѣтія. Для выясненія нашего положенія на Дунаѣ не лишне будетъ бросить бѣглый взглядъ на ходъ событій, подготовившихъ современное состояніе Дунайскаго судоходства.

Въ глубокой древности Дунай игралъ уже важную экономическую роль. Торговля по немъ велась еще греками, а въ Римскій періодъ усилилась до того, что для защиты ея на Дунаѣ содержался военный флотъ. Въ политическомъ отношеніи Дунай служилъ для Римской имперіи защитой противъ сѣверныхъ племенъ, опустошавшихъ прилегающія къ имперіи области. У Овидія, въ посланіяхъ его изъ Томи (Tristitia, II, III), есть жалобы на отсутствіе защиты отъ набѣговъ дикихъ племенъ, особенно усиливавшихся зимой, когда Дунай покрывался льдомъ и не представлялъ препятствій для перехода границы. Для защиты этихъ областей и самого судоходства по Дунаю при Троянѣ сооружены укрѣпленія, которыя сохранились и до настоящаго времени. Напр., знаменитый „Траяновъ Валъ", доходящій до самаго Болграда (Измаильскаго уѣзда. „Траяновъ Валъ"—ст. Бендеро-Галацкой ж. д.).

Съ эпохой переселенія народовъ торговля по Дунаю пріостанавливается и возобновляется лишь послѣ того, какъ новые народы усѣлись на своихъ мѣстахъ. Судоходство было на первыхъ порахъ весьма затруднительно и совершалось только подъ прикрытіемъ вооруженной силы.

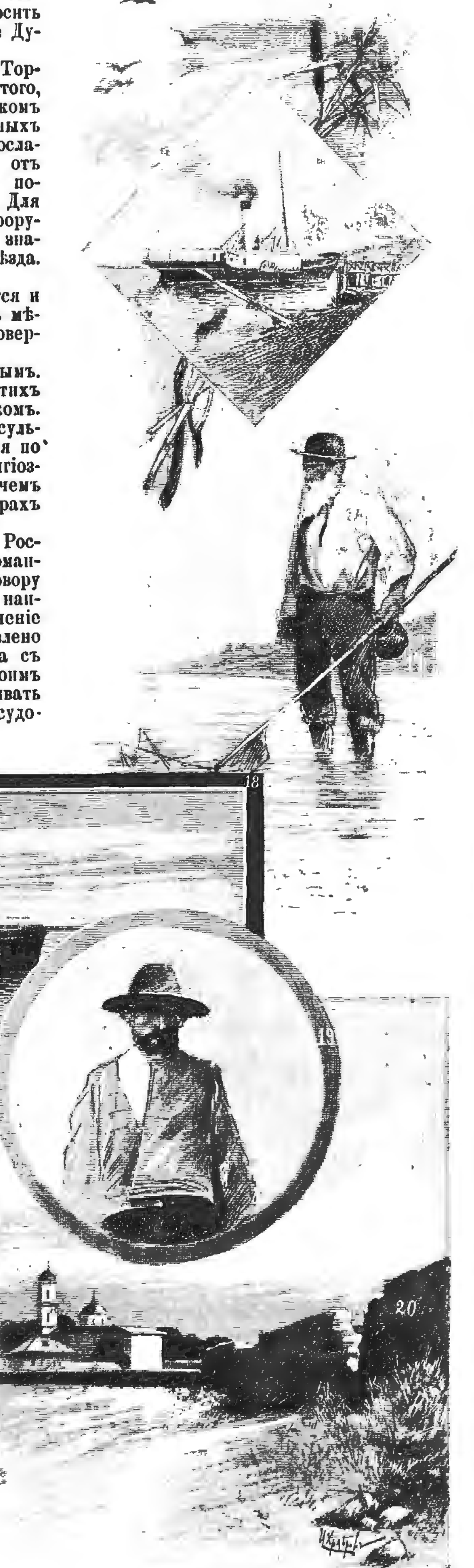
Постепенно однако путь по Дунаю становится болѣе и болѣе безопаснымъ. Особенное значеніе онъ пріобрѣлъ въ эпоху Крестовыхъ Походовъ. Съ этихъ поръ онъ играетъ важную роль посредника между Западомъ и Востокомъ. Завоеванія турокъ, при общемъ антагонизмѣ между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, пріостанавливаютъ сношенія по Дунаю. Съ XVI вѣка политическіе интересы государствъ смягчаютъ религіозную борьбу и торговля по Дунаю мало-по-малу вновь возобновляется, при чемъ съ конца XVII вѣка свобода судоходства выговаривается даже въ договорахъ (договоръ въ Пассаровичахъ 1718 г.).

Въ XIX вѣкѣ къ прибрежнымъ Дунайскимъ странамъ присоединяется Россія. До того времени Дунай былъ рѣкой протекающею во владѣніяхъ Германскаго императора и султана. По Бухарестскому и Адріанопольскому договору Россія пріобрѣтаетъ устья и становится третьей совладѣлицей, притомъ наиболѣе важной, такъ какъ въ ея рукахъ находится ключъ отъ Дуная. Значеніе Дуная усилилось съ 30-хъ годовъ, когда по мысли гр. Сечени установлено было на немъ пароходное сообщеніе. Въ 1840 году Австрія заключила съ Россіей весьма важный въ исторіи Дунайскаго судоходства договоръ, коимъ гарантировалась его полная свобода, при чемъ Россія обязывалась поддерживать устья въ судоходномъ состояніи. Этотъ договоръ былъ плохо выполненъ: судоходство было обременено чрезвычайно тяжелымъ карантиннымъ надзоромъ, за который суда должны были притомъ вносить весьма высокія пошлины [1]). Остатки такого карантина до сихъ поръ сохранилась въ Измаилѣ (см. рис. 20). Между тѣмъ устья не очищались отъ песчаныхъ заносовъ и съ каждымъ годомъ мелѣли. Число крушеній изъ года въ годъ увеличивалось. Фактически судоходство по Дунаю почти прекратилось, и Австрія даже замышляла отправлять свои товары къ Черному морю сухимъ путемъ черезъ турецкую территорію (Добруджу). При такихъ условіяхъ началась Крымская война. Свобода судоходства, въ то время отождествлявшаяся съ отнятіемъ у Россіи устьевъ рѣки, была тоже одной изъ многихъ причинъ этой войны. Въ прелиминарныхъ условіяхъ мира гарантія свободы судоходства играла первенствующую роль. Парижскій миръ 1856 года далъ эту гарантію: онъ объявилъ Дунай международною рѣкой, которая въ качествѣ таковой должна быть открыта для торговыхъ судовъ всѣхъ народовъ. Для обезпеченія этой свободы устья рѣки отнимались у Россіи и присоединялись къ Румыніи, которая объявлена вассальнымъ княжествомъ Турціи. Для руководства по очисткѣ русла установлена упомянутая выше *„Европейская Комиссія"* изъ делегатовъ великихъ державъ. Комиссія тотчасъ принялась за работы и довела глубину Сулинскаго рукава, выбраннаго ею какъ наиболѣе удобный, до 16 футовъ, между тѣмъ какъ передъ Крымской войной она не доходила выше 7—8 футовъ [2]). Въ 1865 году изданъ „Acte public relatif à la navigation des embouchures du Danube jusqu'à Galatz", который служитъ юридическимъ основаніемъ для современнаго судоходства по Нижнему Дунаю. Берлинскій конгрессъ 1878 года вновь сдѣлалъ Россію прибрежною страною. Килійскій рукавъ изъятъ изъ вѣдѣнія „Комиссіи" и отданъ въ прямое владѣніе прибрежныхъ государствъ, Россіи и Румыніи совмѣстно, или порознь, смотря по тому, принадлежитъ берегъ той, или другой странѣ, или находится во владѣніи обѣихъ. Намъ принадлежатъ 5 развѣтвленій Килійскаго гирла и только одно изъ нихъ — Старо-Стамбульское — находится въ совмѣстномъ владѣніи съ Румыніей.

Въ 1882 году „Европейская Комиссія" представила на утвержденіе Европейскихъ державъ выработанный ею регламентъ судоходства по Дунаю. Онъ принятъ всѣми державами, но встрѣтилъ протестъ со стороны Румыніи, которая до сихъ поръ отказывается принять его. „Европейская Комиссія", оказавшая дѣлу судоходства огромныя услуги, существуетъ до сихъ поръ. Она засѣдаетъ въ Галацѣ.

[1]) Въ 1853 году англійское судно должно было оставаться въ Галацѣ 65 дней и уплатило 820 піастровъ карантинныхъ издержекъ.

[2]) Въ 1844 году глубина Дуная=11 фут., въ 1850 г. — 9 фут., передъ Крымской войной — $7^1/_2$ фут.



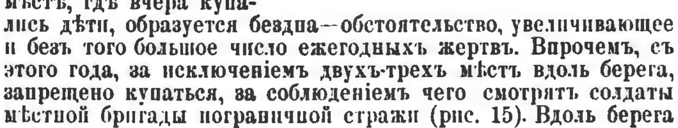
16. Пароходъ „Измаилъ" мѣстной бригады пограничной стражи. 17. Рыбакъ-липованъ. 18. Австрійская и Гагаринская пристань въ Измаилѣ. 19. Болгаринъ перевозчикъ на пристани. 20. Остатки карантинной стѣны и Николаевская церковь въ Измаилѣ.

Вотъ тотъ историческій процессъ, который постепенно привелъ вопросъ о судоходствѣ по Дунаю къ настоящему его состоянію. Изъ этого краткаго очерка видно, какая роль выпадала на долю Россіи съ того времени, когда впервые берега рѣки отошли къ нашимъ владѣніямъ, и какое громадное значеніе до сихъ поръ сохраняется за ней въ силу ея исключительнаго положенія у устья.

Въ юридическомъ отношеніи Дунай, какъ международная рѣка, представляетъ весьма странное явленіе: вмѣсто единаго общаго режима и управленія, какъ это имѣется на другихъ международныхъ рѣкахъ, напр. Рейнѣ, Дунай раздѣленъ на нѣсколько участковъ, каждый со своимъ особымъ режимомъ [1]).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ Дуная, его берегахъ и прибрежныхъ жителяхъ.

Дунай по длинѣ своей — вторая рѣка Европы послѣ Волги; длина его 2,750 килом. (длина Волги—3,340 килом.), между тѣмъ Рейнъ всего 1,100 килом. Килійское устье—самое широкое и глубокое. Ширина его доходитъ мѣстами до 2 и даже $2^1/_2$ верстъ (напр. у Киліи). Глубина мѣняется въ зависимости отъ мѣстности, иногда достигаетъ 150 ф., а напримѣръ подъ Вилковымъ, гдѣ оно засорено, не превышаетъ 5—6 ф. Впрочемъ, въ общемъ, за исключеніемъ этого небольшаго разстоянія, глубина его далеко превосходитъ глубину всѣхъ европейскихъ рѣкъ. Теченіе чрезвычайно быстрое. Послѣднее, вмѣстѣ съ неровностью почвы (въ особенности въ нашемъ устьѣ), производитъ сильные водовороты, увлекающіе массу жертвъ. Водовороты такъ сильны, что не всегда удается справиться съ большою лодкой. Кромѣ того, вслѣдствіе того же быстраго теченія, подмывается глинистый грунтъ и очень часто на мѣстѣ, где вчера купались дѣти, образуется бездна—обстоятельство, увеличивающее и безъ того большое число ежегодныхъ жертвъ. Впрочемъ, съ этого года, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ вдоль берега, запрещено купаться, за соблюденіемъ чего смотрятъ солдаты мѣстной бригады пограничной стражи (рис. 15). Вдоль берега тянутся ветлы и ивы, вмѣстѣ съ акаціей и осокорью, единственная растительность побережья, если не считать разбросанные тамъ и сямъ мелкіе кусты. Въ общемъ, особенно живописныхъ видовъ не много, чему въ значительной степени содѣйствуетъ грязный, желтовато-мутный цвѣтъ воды. Ничего напоминающаго schönen, blauen, и въ особенности blauen—Donau, здѣсь не встрѣчаетъ вашъ взоръ. Берегъ мѣстами низокъ, мѣстами (рис. 14) отличается значительною крутизной. Иногда попадаются отдѣльные хутора, одинокія вѣтряныя мельницы, среди темной зелени бѣлѣютъ кордоны пограничной стражи, встрѣчаются и цѣлыя поселенія, румынскія и липованскія. Послѣднія промышляютъ исключительно рыбною ловлей (рис. 17 и 22).



24. Молдаванскій чабанъ.

23. Прибой у Сулинскаго маяка.

Населеніе вездѣ очень зажиточное и живетъ по преимуществу посѣвами и торговлей. Большинство имѣетъ свои виноградники и продаетъ мѣстнымъ виноторговцамъ свѣжее, только-что выдавленное вино.

Вся мѣстность по Нижнему Дунаю покрыта мелкими озерами, такъ-называемыми лиманами, изъ коихъ нѣкоторые, напр. Кугурлуйскій, Ялпугъ и др., достигаютъ очень большихъ размѣровъ. Всѣ они покрыты по берегамъ густымъ камышемъ, скрывающимъ массу дичи и служащимъ постоянной приманкой мѣстныхъ Немвродовъ.

Проѣзжая на пароходѣ мимо нашихъ береговъ, то и дѣло слышишь блеяніе овецъ и глухое звяканье бубенчиковъ; изъ-за кустовъ высовываются безстрастныя лица молдаванскихъ „чобановъ" (рис. 24), стерегущихъ овецъ, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ и широкихъ шароварахъ. Ихъ унылыя, монотонныя пѣсни далеко еще слышатся вслѣдъ уходящему пароходу, пока шумъ колесъ ихъ не заглушаетъ.

Лѣтомъ всюду мертвая тишина, все живое прячется отъ жары и только бѣлыя рубашки караульныхъ солдатъ мелькаютъ въ темныхъ кустахъ, да загорѣвшія, испачканныя дѣти барахтаются на берегу.

Какъ-то скучно, однообразно и уныло...

Мать.

Очеркъ.

Въ 1883 году пишущему эти строки пришлось жить на дачѣ въ Новой Деревнѣ, подъ Петербургомъ. Множество дуплистыхъ деревьевъ, какъ на островахъ, такъ и въ дачныхъ садахъ въ окрестностяхъ, всегда даетъ пріютъ огромной массѣ горихвостокъ (Silvia phoenicurus). Солнцестоятельная буря, разразившаяся въ началѣ іюня (какъ извѣстно, около времени солнцестояній и равноденствій нормально бываютъ бури, выражающіяся съ различною силою), отличалась въ этомъ году и продолжительностью, и напряженностью. Дня четыре подърядъ, вѣтеръ, казалось, норовилъ оборвать всю листву съ деревьевъ и гнулъ въ дугу рябины, молодыя березки и тополи, ноя, высвистывая и завывая на всѣ лады.

Одна ночь была чрезвычайно бурная, и утромъ въ разныхъ мѣстахъ, на дорогѣ, на дорожкахъ, въ садикахъ около заборовъ—оказалось множество едва оперившихся и полуоперившихся птенцовъ-горихвостокъ. Тревожное „чёчоканье" матокъ, разыскивавшихъ исчезнувшихъ при ночномъ погромѣ дѣтей, или ободрявшихъ найденныхъ, цѣлый день раздавалось со всѣхъ сторонъ. Выкидало-ли птенцовъ изъ гнѣздъ при размахахъ деревьевъ, или перепуганная шумомъ и качкой мелкота сама повыскакала изъ нихъ,—не знаю.

Нѣсколько птенцовъ, хотя и оперившихся, но еще малосильныхъ и безпомощныхъ, досталось и на мою долю. Случайно на дачѣ нашлась клѣтка. Настлавши на дно ваты, пичугъ—что же было съ ними дѣлать?—посадили въ нее и вывѣсили на балконъ, на край, чтобы клѣтку было видно изъ сада. Кричавшія кругомъ, вблизи, горихвостки наводили на мысль, что можетъ-быть какая-нибудь признаетъ въ нихъ своихъ и не побоится прилетѣть къ нимъ.

Расчетъ вышелъ вѣрнымъ. Нѣсколько минутъ спустя съ одного изъ ближайшихъ деревьевъ раздалось характерное щебетанье матки. Птенцы отвѣтили изъ клѣтки слабымъ пискомъ, приподымаясь на лапкахъ и подергивая крылышками.

Но теперь-то и явился для матери вопросъ: быть или не быть, т. е. подлетѣть-ли къ дѣтямъ, засаженнымъ, самымъ необычнымъ образомъ, въ клѣтку, или нѣтъ?

Она перелетѣла съ одной вѣтки на другую, еще разъ, затѣмъ пугливо вспорхнула, перелетѣла на другое дерево, посидѣла, постоянно издавая короткое щебетанье; наконецъ, рѣшительнымъ движеніемъ, сразу, она бросилась къ клѣткѣ, уцѣпилась за нее, трепеща крыльями, посмотрѣла на птенцовъ и тотчасъ же улетѣла.

Черезъ нѣсколько времени повторился тотъ же маневръ, но птичка уже дольше держалась за клѣтку, а птенцы лѣзли къ ней и пищали.

Очевидно, озабоченная мать не теряла времени: убѣдившись, что дѣти живы и сохранны, она, не стѣсняясь странностью ихъ обстановки, прилетѣла или съ пищею, или еще разъ на болѣе внимательную ревизію.

Послѣ того она стала прилетать часто и, несомнѣнно, съ кормомъ, ибо птенцы встрѣчали ее съ видимою радостью и пищали, какъ это бываетъ обыкновенно.

Но долго у клѣтки она не оставалась и отдохнуть на нее не садилась. Видимо, этотъ снарядъ казался ей неудобнымъ для нея лично: ея дѣло было только принести кормъ, и она усердно исполняла его.

Къ вечеру, однако, дѣло осложнилось. Клѣтку нужно было убрать съ края балкона, чтобы обезопасить молодыхъ птичекъ отъ кошекъ. Я повѣсилъ ее на потолокъ выступа крыши надъ балкономъ, на самой срединѣ, такъ что ни одинъ домашній тигръ не могъ до нея добраться.

Горихвостка нашла дѣтей и здѣсь, и продолжала кормить.

Но тутъ она неожиданно столкнулась съ крайними обстоятельствами, а именно, — я вышелъ на балконъ и, забывъ о птенцахъ, остановился у перилъ. Въ это самое время мать

[1]) 1. Верхнія части принадлежатъ Виртембергу, Баваріи, Австро-Венгріи и регулируются регламентомъ 1857 г., не утвержденнымъ великими державами. 2. Участокъ Желѣзныхъ Воротъ порученъ Австро-Венгріи съ правомъ взиманія пошлинъ за судоходство. 3. Отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова—„Смѣшанная Комиссія". 4. Отъ Браилова до моря—„Европейская Комиссія". 5. Килійское устье—принадлежитъ Россіи и Румыніи, и 6. Часть его исключительно русская.

моихъ случайныхъ плѣнниковъ промчалась еще разъ, вѣроятно, съ полнымъ ртомъ червей, надо полагать, очень вкусныхъ съ точки зрѣнія ея и ея семейства. Влетѣвъ сразу, по знакомой уже дорогѣ, на балконъ и увидѣвши вплоть передъ собою, почти подъ самой клѣткой, фигуру человѣка, бѣдная мать потерялась настолько, что сѣла на полъ въ двухъ шагахъ отъ моихъ ногъ и уперлась на мгновеніе въ меня глазами. Трудно передать сколько очаровательнаго и трогательнаго было въ этотъ моментъ въ нѣжной и стройной фигуркѣ сѣренькой птички и въ ея по-человѣчески выразительныхъ темныхъ глазкахъ. Я бы сказалъ, что у ней въ глазахъ стояли слезы, если бы это было принято, и если бы меня не упрекнули въ преувеличеніи. Но тѣмъ не менѣе, фактически вѣрно, что мнѣ прямо въ глаза смотрѣли черезъ какую-то влагу два крошечныхъ зоркихъ милыхъ глаза, въ которыхъ, какъ и въ фигурѣ, выражался и страхъ, и вопросъ, и непреодолимая тяга къ клѣткѣ, и тревога, что этого нельзя, и какая-то рѣшимость.

Въ видѣ крошечнаго созданія, стоявшаго передо мною и смотрѣвшаго мнѣ въ глаза, съ граціозными движеніями головкою, чтобы взглянуть то однимъ, то другимъ глазомъ, передо мною находилось, несомнѣнно, серьозно страдавшее существо, которое какъ бы спрашивало у меня, своими умными глазенками, позволенія сдѣлать то, что она находила важнымъ. Въ вершковомъ, примѣрно, тѣльцѣ ясно чувствовался и сильный характеръ, и великая любовь, и большое горе.

Я стоялъ неподвижно, хотя былъ увѣренъ, что она улетитъ прочь, и досадовалъ на свой выходъ такъ некстати.

Не знаю, что досмотрѣла она, однако, во мнѣ успокоительнаго, или же материнское чувство прямо взяло верхъ надъ всякими соображеніями, но только она вдругъ взвилась и порхнула на клѣтку, висѣвшую, какъ сказано, почти надъ самою моею головою, — и началась возня и пискъ: храбрая мать перекладывала таки добычу въ ротики дѣтей.

Послѣ того, у насъ съ ней уже не было рѣзкихъ столкновеній: горихвостка прилетала и улетала, иногда и при мнѣ, но больше она со мною не переговаривалась. Птенцы жили и обыкновенно сидѣли въ клѣткѣ смирно, оживляясь лишь при визитахъ матери.

Вскормить ихъ у меня ей, однако, не удалось. Въ крышкѣ клѣтки было выломано нѣсколько спицъ вверху и это отверстіе, когда приспособляли клѣтку для помѣщенія найденышей, было заткнуто тряпкою. Желая дать моей горихвосткѣ прямой доступъ къ дѣтямъ и полагая, что они, по слабости силъ, а также и крыльевъ, не будутъ въ состояніи достать до этого мѣста въ крышкѣ, я вытащилъ тряпку. Но увы! черезъ нѣсколько мгновеній одинъ изъ озорниковъ шмыгнулъ въ отверстіе и, шурша крыльями, скользнулъ по наклонной линіи на землю, какъ мнѣ показалось, — за нимъ другой... и клѣтка опустѣла прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться.

Перегнувшись черезъ перила балкона, я увидалъ всего только одного птенчика на заборѣ, а въ саду перелетала, щебеча, не то тревожно, не то побѣдно, старая горихвостка.

Такъ какъ птенцы были уже оперившимися и могли перелетать, то, полагаю, что такой храброй и энергичной пернатой особѣ, какою была матка, удалось собрать ихъ и выкормить.

А.

Темныя пятна на солнцѣ.

Очеркъ **Г. С. Вольтке**.

Въ ночь на 2/14 февраля нынѣшняго года жители Германіи имѣли возможность наблюдать яркое сѣверное сіяніе, и въ тѣ-же ближайшіе дни на обширномъ пространствѣ земной поверхности произошли сильныя магнитныя возмущенія, которыя замѣчены были даже и обыкновенной публикой, такъ какъ они потревожили многихъ абонентовъ телефона; эта магнитная буря, пронесшаяся надъ землей, то тамъ, то сямъ прозвонила также и на электрическихъ сигнальныхъ колоколахъ. Когда на слѣдующій день астрономы направили свои подзорныя трубы на солнце, то сейчасъ же отыскался вѣроятный виновникъ сѣвернаго сіянія и магнитныхъ возмущеній: блестящій солнечный дискъ оказался покрытымъ большими и многочисленными пятнами.

Явленіе это наблюдалъ очень хорошо проф. Л. Вайнекъ съ Пражской обсерваторіи; его сообщеніе напечатано недавно въ *Naturwissenschaftliche Wochenschrift*. Вновь образовавшіяся солнечныя пятна во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ этого вниманія. Самое большое скопленіе пятенъ появилось близь юго-западнаго края солнечнаго диска; оно окружено было общимъ вѣнцомъ или полу-тѣнью. На этомъ пространствѣ насчитали 26 особенно крупныхъ пятенъ. Наибольшее изъ нихъ имѣло невѣроятное распространеніе: его діаметръ достигалъ 2,045 географическихъ миль, былъ слѣдовательно больше діаметра нашего земнаго шара, который равняется всего только 1,720 географическимъ милямъ; другое пятно, къ западу отъ перваго, по величинѣ своей соотвѣтствовало Америкѣ, а вся полутѣнь, окружавшая эти пятна, занимала пространство въ 18,000 географическихъ миль, равное 10,3 земнымъ діаметрамъ.

Солнечныя пятна открыты были въ началѣ XVII столѣтія. Англичанинъ Гарріотъ (Harriot) увидѣлъ ихъ впервые въ 1610 г., но не давалъ себѣ отчета въ сущности этого явленія. Вскорѣ затѣмъ, въ 1611 г., они описаны были Іоанномъ Фабриціемъ изъ восточной Фрисландіи, который призналъ въ нихъ образованія, принадлежащія солнцу. Съ того времени астрономамъ пришлось наблюдать уже безчисленное множество солнечныхъ пятенъ, но видѣнныя въ половинѣ февраля этого года слѣдуетъ причислить къ самымъ большимъ изъ тѣхъ, какія до сихъ поръ были усмотрѣны. Пятна, имѣющія вмѣстѣ съ полутѣнью діаметръ отъ 8,000 до 10,000 миль, считались недавно самыми крупными; между тѣмъ они превосходятъ величину земнаго діаметра въ 5—6 разъ; новѣйшее же пятно оказывается болѣе чѣмъ въ 10 разъ больше того-же земнаго діаметра.

Надо упомянуть, впрочемъ, что въ 1858 г. наблюдалось на солнцѣ пятно еще большихъ размѣровъ чѣмъ вышеописанное. Оно простиралось на 31,000 миль, что составляетъ 18 земныхъ діаметровъ, покрывъ почти $^1/_{36}$ часть всей поверхности солнца. Это пятно, надо думать, было вообще величайшимъ изъ всѣхъ понынѣ усмотрѣнныхъ солнечныхъ пятенъ. На солнцѣ есть довольно мѣста для такихъ образованій, такъ какъ дѣйствительный діаметръ этого свѣтила равняется 108,5 земныхъ діаметровъ или 187,000 географическихъ миль.

Солнечныя пятна не представляютъ собой нѣчто постоянное: они появляются и затѣмъ снова исчезаютъ; средняя продолжительность ихъ существованія отъ 2 до 3 мѣсяцевъ, но въ видѣ исключеній наблюдали пятна и съ 18-мѣсячнымъ существованіемъ.

На фонѣ сіяющаго солнца пятна кажутся намъ темными, но это лишь оптическій обманъ: они представляются такими нашему глазу въ сравненіи съ свободной отъ нихъ поверхностью солнца, которая въ 619,000 разъ ярче свѣтитъ, чѣмъ луна въ полнолуніе, тогда какъ темныя пятна, согласно сдѣланнымъ измѣреніямъ, превосходятъ луну въ этомъ отношеніи лишь въ 5,000 разъ.

Солнце вращается вокругъ своей оси, поэтому и пятна пропадаютъ изъ виду на западномъ краю диска и затѣмъ, если они еще вообще сохраняются, выплываютъ снова наружу уже на восточномъ краю спустя 14 дней послѣ исчезновенія.

Изъ чего состоятъ они? Что они такое?

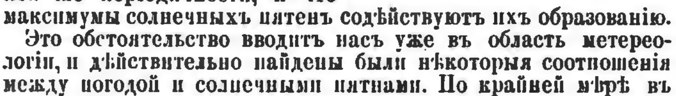
Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи дать опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Наука можетъ только дѣлать предположенія о составѣ солнца.

Одни изслѣдователи, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый лейпцигскій астрономъ Цёллнеръ, думаютъ, что ядро солнца состоитъ изъ раскаленной жидкой массы. Мы глядимъ однако обыкновенно не на поверхность этого огненнаго океана, но лишь на слой одинаково раскаленныхъ газовъ, которые окружаютъ жидкое солнечное ядро. Съ теченіемъ времени солнце понемногу остываетъ. На огненно-жидкой поверхности образуются шлаки, которые плаваютъ на ней въ видѣ громадныхъ островов. Находящіеся надъ ними газы охлаждаются, такъ какъ шлаки эти задерживаютъ испускаемую массой солнца теплоту; газы теряютъ вслѣдствіе этого лучистый блескъ и мы получаемъ тогда возможность взглянуть сквозь нихъ вглубь на поверхность пылающаго океана солнца. Такимъ-то образомъ можно объяснить внезапное появленіе и исчезновеніе солнечныхъ пятенъ.

Противъ этой гипотезы сдѣланы были однако съ другой стороны, а именно бывшимъ римскимъ астрономомъ патеромъ Секки, серьезныя возраженія. Астрономы вычислили, что вѣсъ солнца едва лишь въ половину больше того вѣса, какой имѣлъ бы водяной шаръ одинаковаго размѣра. Но такъ какъ солнце состоитъ главнымъ образомъ изъ желѣза и другихъ тяжелыхъ металловъ, то они должны были бы вѣсить гораздо больше воды, если бы они дѣйствительно находились въ жидкомъ состояніи. Противники Цёллнеровской гипотезы полагаютъ поэтому, что солнце представляетъ собой раскаленную массу газовъ, сжатыхъ подъ страшнымъ давленіемъ. Однако при такомъ предположеніи не удается объяснить всѣхъ явленій на солнцѣ, а также и природу солнечныхъ пятенъ. Мы стоимъ, слѣдовательно, здѣсь предъ загадочными явленіями; но одно, все-таки, мы знаемъ—это то, что солнечныя пятна оказываютъ опредѣленное вліяніе на землю. Ихъ появленіе и исчезновеніе не случайно, а совершается въ извѣстные періоды. Каждыя почти 11 лѣтъ скопляются эти пятна на поверхности солнечнаго диска; когда число ихъ достигнетъ наибольшей величины, оно снова начинаетъ уменьшаться, такъ что по прошествіи пяти лѣтъ ихъ остается лишь очень мало, а то и совсѣмъ ихъ не видать; мы имѣемъ тогда предъ собой минимумъ пятенъ но затѣмъ они опять показываются, пока къ концу 11-лѣтняго періода не наступитъ максимумъ пятенъ.

Кромѣ этого 11-лѣтняго періода имѣется еще второй, твердо установленный, 55—56-лѣтній. Когда максимумы обоихъ періодовъ совпадаютъ во времени, то получается „максимумъ пятенъ I-го класса“.

Мы знаемъ далѣе, что земля есть магнитъ—это показываетъ намъ магнитная стрѣлка. Мы знаемъ затѣмъ, что полярныя сіянія тѣсно связаны съ явленіями земнаго магнетизма, потому что при наступленіи сѣвернаго сіянія магнитная стрѣлка становится неспокойною. Хотя каталогъ полярныхъ сіяній еще несовершененъ, однако онъ показываетъ все-таки, что они бываютъ одинъ годъ чаще, другой—рѣже, а ближайшее изслѣдованіе причинъ этой измѣнчивости обнаруживаетъ, что сѣверныя сіянія появляются чаще всего въ годы максимума солнечныхъ пятенъ, а рѣже всего въ годы минимумовъ. Такую же зависимость проявляетъ и земной магнетизмъ въ своихъ измѣненіяхъ. Сущность явленія полярныхъ сіяній все еще однако скрыта отъ насъ подъ таинственнымъ покрываломъ, и мы не знаемъ поэтому, имѣетъ-ли оно какое-либо значеніе для жизни людей на землѣ. Гораздо важнѣе для практическихъ цѣлей наблюденія, что также и появленіе тончайшихъ перистыхъ облаковъ, которыя выше всѣхъ проносятся по небесному своду, подчиняется подобной же періодичности, и что максимумы солнечныхъ пятенъ содѣйствуютъ ихъ образованію.



Пятна на солнцѣ, по наблюденіямъ проф. Л. Вейнека въ Прагѣ.

Это обстоятельство вводитъ насъ уже въ область метереологіи, и дѣйствительно найдены были нѣкоторыя соотношенія между погодой и солнечными пятнами. По крайней мѣрѣ въ тропическихъ странахъ, каковы: Индостанъ, Бразилія, Китай и Мавританія, замѣчено, повидимому, что количества осадковъ находятся въ зависимости отъ солнечныхъ пятенъ.

Минимумы пятенъ производятъ засухи и даже голодъ, максимумы же приносятъ съ собой ливни и наводненія.

Для нашего европейскаго перемѣнчиваго климата такой выводъ не можетъ быть сдѣланъ во всей его строгости. Тѣмъ не менѣе и у насъ также сдѣлали наблюденія, что именно максимумы солнечныхъ пятенъ 1-го класса имѣютъ своимъ послѣдствіемъ дождливые годы и наводненія. Къ сожалѣнію, періоды пятенъ не строго выражены, солнце лишь приблизительно слѣдуетъ 11- и 55-лѣтнимъ періодамъ, почему и предсказанія дождливыхъ и сухихъ годовъ прямо не надежны. Слѣдуетъ, пожалуй, замѣтить, что въ 1893 г. ожидается максимумъ пятенъ перваго класса. Большія пятна, появившіяся на солнцѣ этого года, кажется, начинаютъ этотъ періодъ съ извѣстной интенсивностью. Мы должны поэтому снова имѣть въ виду прохладное лѣто. Во всякомъ случаѣ вниманіе астрономовъ и метеорологовъ будетъ въ теченіе ближайшаго времени направлено въ сильнѣйшей степени въ сторону нашего дневнаго свѣтила. Надо надѣяться, что результатъ этихъ работъ поможетъ обогащенію науки.

Къ рисункамъ.

Обѣдъ въ день памяти Свв. Антонія и Ѳеодосія въ Кіево-Печерской лаврѣ. (Рис. на стр. 612).

Кіево-Печерская лавра считается матерью всѣхъ нашихъ монашескихъ обителей. Она основана преподобнымъ Антоніемъ, родомъ изъ Любеча, принявшимъ монашество на Аѳонѣ въ 983 году. Еще ранѣе, на томъ мѣстѣ гдѣ стоитъ Лавра, въ пещерѣ подвизался пресвитеръ Иларіонъ, бывшій потомъ митрополитомъ Кіевскимъ. Въ 1013 году преподобный Антоній, возвратясь съ Аѳона, поселился въ Иларіоновой пещерѣ. Слава о его христіанскихъ подвигахъ быстро распространилась повсюду и къ нему для подвижничества стали стекаться иноки всѣхъ сословій, которые и селились въ искапываемыхъ ими пещерахъ въ горахъ около Кіева. Число иноковъ настолько стало значительно, что требовало настоятельства. Преподобный Антоній по своему смиренію отказался отъ этого сана, а выбралъ вмѣсто себя первымъ игуменомъ въ новой обители преподобнаго Ѳеодосія. Сначала построили деревянную церковь надъ пещерами и обнесли ее деревянною стѣною. Затѣмъ въ 1073 г. преподобные Антоній и Ѳеодосій заложили каменную церковь. Ревностнымъ помощникомъ въ этомъ святомъ дѣлѣ былъ великій князь Святославъ Ярославичъ, пожертвовавшій на построеніе новаго храма 100 гривенъ и 50 фунтовъ золота. Знаменитый варягъ Симонъ для этой же цѣли пожертвовалъ златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный—наслѣдіе отца его, князя Варяжскаго. Въ 1077 году церковь была окончена постройкою и освящена. Но еще ранѣе въ 1073 г. 10 іюля преставился преподобный Антоній. Вскорѣ послѣ смерти Антонія скончался и Ѳеодосій. Мощи преподобныхъ въ настоящее время опочиваютъ подъ Великимъ Печерскимъ монастыремъ.

Святая церковь память этихъ Святыхъ совершаетъ 10 іюля. Къ этому дню въ Кіево-Печерскую лавру стекаются десятки тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества.

Для всѣхъ богомольцевъ Лаврою въ память преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія устраивается безплатно обѣдъ. Но такъ какъ лаврская трапеза не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ обѣдать, то выносятся на улицу столы и ставятся около церкви. На представленномъ здѣсь рисункѣ мы и видимъ такого рода обѣдъ.

Предъ началомъ трапезы митрополитъ Кіевскій, облаченный въ мантію, какъ здѣсь и изображено, выходитъ вмѣстѣ со своимъ намѣстникомъ, несущимъ на серебряномъ блюдѣ освященную просфору, изъ церкви на улицу, гдѣ приготовлены столы съ яствами и питіемъ, и благословляетъ трапезу. Послѣ чего и начинается самый обѣдъ.

Обрядъ благословенія трапезы представляетъ величественную картину и исходитъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства.

А. Зыбинъ.

Василиса Мелентьева. (Рис. на стр. 613).

Извѣстный каждому русскому писатель Александръ Николаевичъ Островскій, кромѣ превосходныхъ драматическихъ произведеній—затрогивающихъ разныя стороны современнаго быта, написалъ нѣсколько историческихъ драмъ: „Козьма Захарьевичъ Мининъ Сухорукій“ (1860 г.), „Воевода“ (1863 г.), „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ (1867 г.) и „Василиса Мелентьева“ (1868 г.). Въ послѣдней драмѣ имъ выведена эта честолюбивая женщина, „вдова изъ терема царицы“, которая послѣ цѣлаго ряда происковъ и злодѣяній становится женою Грознаго. Нашъ рисунокъ передаетъ начало четвертаго дѣйствія драмы, гдѣ Василиса, „задумавъ думушку царицей быть“, одѣвается въ свой вѣнчальный нарядъ и спрашиваетъ у теремной дѣвушки Марьи, „умѣетъ-ли царица Анна, какъ лебедь, плавно, неслышными шагами, выступать не колыхаясь? Умѣетъ-ли она такъ прямо стать, такъ гордо поклониться, умѣетъ-ли бровью безъ словъ, сказать тебѣ и гнѣвъ и ласку?“ И на отвѣтъ:

„Да гдѣ-же! Нѣтъ! она у насъ такая
Смиренница. Пошли ей Богъ здоровья
И всякаго добра...“

Восклицаетъ Василиса:

„А я умѣю! Такъ ты пойми-же,
Какъ горько мнѣ, что я, съ такой красою,
Съ такой осанкой царской, я—раба...“

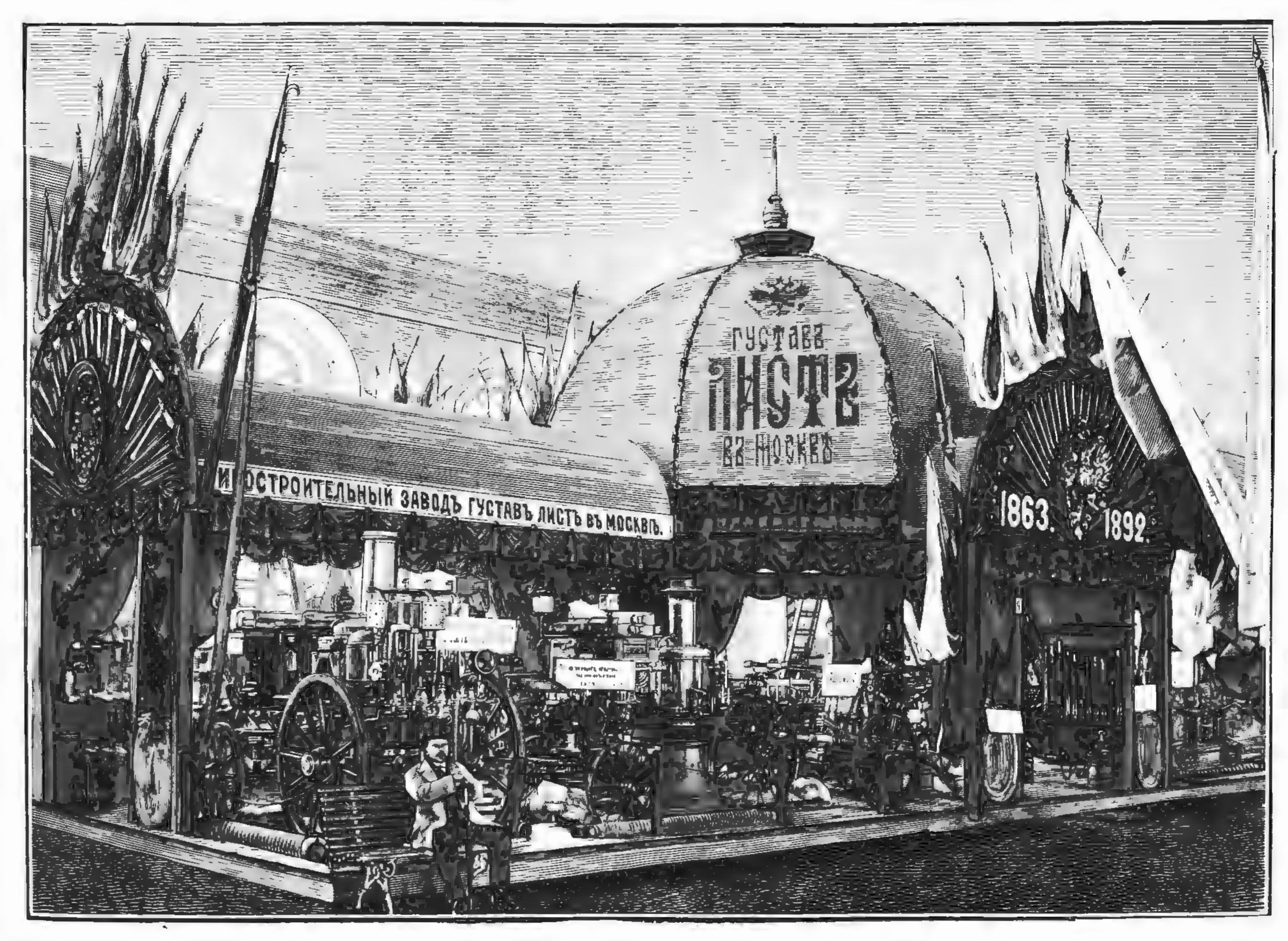
По драмѣ Василиса, ставъ царицей, не находитъ въ томъ счастія, и изведя царицу Анну, умираетъ подъ ножемъ того-же Колычева, который, обезумѣвъ отъ любви къ Василисѣ, опаиваетъ царицу ядомъ.

На дѣлѣ конецъ Василисиной власти былъ иной. Въ одномъ хронографѣ говорится, что первый мужъ ея былъ заколотъ опричникомъ, а сама она кончила жизнь въ новгородскомъ монастырѣ, гдѣ ее постригъ Іоаннъ 1 мая 1577 года за то, что замѣтилъ ея взгляды „на оружничаго Ивана Девтелева князя, коего и казни“.

Бой въ пустынѣ. (Рис. на стр. 617).

Рисунокъ извѣстнаго изобразителя сценъ изъ жизни животныхъ Кунерта передаетъ схватку львовъ съ павіанами. Подобная сцена не должна быть отнесена къ вымыслу художника, такъ какъ въ дѣйствительности цари звѣрей, отваживаясь нападать на отдѣльныхъ обезьянъ, боятся громадныхъ стай павіановъ, живущихъ въ Африкѣ и въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ Азіи. Встревоженные криками сородичей, павіаны, какъ лавина, устремляются на посягнувшаго нарушить ихъ покой и, бросая камни, плоды, куски дерева, обращаютъ его въ бѣгство или побиваютъ. Живя громадными стадами, они, будучи безобразными, грубыми и свирѣпыми, являются самыми

Всероссійская пожарная выставка. Павильонъ СПБ. Пожарнаго Депо. Съ фот. грав. Рашевскій.



Всероссійская пожарная выставка. Павильонъ Московскаго машиностроительнаго завода Г. Листа. Съ фот. грав. Флюгель.

непривлекательными изъ обезьянъ. Обладая головой похожей на голову собаки, они по формѣ тѣла и по нравственнымъ качествамъ должны быть причислены къ самымъ худшимъ изъ всей породы себѣ подобныхъ. Крѣпкіе по тѣлосложенію и очень сильные, они живутъ стадами обыкновенно среди скалъ: деревьевъ они избѣгаютъ и залѣзаютъ на нихъ только въ крайней нуждѣ. Въ своемъ отечествѣ живутъ они мало кѣмъ тревожимые. Хищные звѣри и люди боятся ихъ и избѣгаютъ. Самыми опасными ихъ врагами считаются леопардъ и собака, которые съ какою-то особенною охотой вступаютъ съ ними въ кровавый бой. Болѣе всего павіаны боятся змѣй, и самая маленькая изъ нихъ можетъ обратить цѣлое стадо въ бѣгство. Несмотря на многія отталкивающія качества, павіановъ ловятъ, и въ звѣринцахъ нерѣдко можно видѣть эту обезьяну.

Всероссійская пожарная выставка.

(Рис. на стр. 625).

1. „Густавъ Листъ“ въ Москвѣ. Одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ на Всероссійской пожарной выставкѣ въ С.-Петербургѣ занимаютъ издѣлія завода „Густавъ Листъ въ Москвѣ“.

Начавъ свою дѣятельность въ 1863 году, въ видѣ небольшой мастерской съ 20 рабочими, заводъ въ теченіе 20 лѣтъ разросся въ одно изъ обширнѣйшихъ учрежденій по своей отрасли произведеній. Во время начала дѣятельности завода гидротехническіе снаряды получались изъ-за границы и только изрѣдка изготовлялись въ Россіи, какъ побочная отрасль на нѣкоторыхъ заводахъ, и то по заграничнымъ моделямъ. Густавъ Листъ съ самаго основанія своей мастерской избралъ спеціальностью устройство подобныхъ снарядовъ подъ наблюденіемъ и управленіемъ особыхъ техниковъ, приноравливаясь къ нуждамъ и средствамъ тѣхъ мѣстъ, куда шли его работы.

Благодаря такому направленію, заводъ преуспѣвалъ, и нынѣ, на ряду съ огнегасительными приборами и снарядами, имѣетъ особые отдѣлы для паровыхъ машинъ, подъемныхъ машинъ для шахтъ, машино-строительный отдѣлъ вообще и проч.

Изъ множества выставленныхъ произведеній завода, на выставкѣ особенно интересны его пожарные трубы и насосы, особенно тѣ, которые пригодны въ сельскомъ быту.

Имѣя въ виду, что пожарныя трубы употребляются не часто и подолгу стоятъ въ сараѣ или подъ навѣсомъ, на холодѣ и въ жарѣ, въ сухую и сырую погоду, „Густавъ Листъ“ устраиваетъ ихъ такъ, что онѣ остаются всегда годными къ употребленію. Съ этою цѣлью пожарныя трубы снабжены исключительно металлическими частями, безъ кожаныхъ клапановъ и поршней, которые высыхаютъ или гніютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и устройство пожарныхъ приборовъ такое, что они удобно помѣщаются на крестьянскихъ телѣгахъ и саняхъ, и легко перевозятся.

2. С.-Петербургское Пожарное Депо. Первое, что бросается въ глаза при самомъ входѣ на пожарную выставку—это павильонъ въ видѣ сторожевой башни съ произведеніями С.-Петербургскаго Пожарнаго Депо, снабжающаго всѣмъ необходимымъ не только пожарныя части столицы, но и продающаго на сторону готовыя вещи хорошей работы за недорогую цѣну. Кому приходилось видѣть петербургскихъ пожарныхъ, тотъ не могъ оставить безъ вниманія красивый, даже элегантный видъ ихъ машинъ, приборовъ и всего нужнаго для борьбы съ разъяренною стихіей. Все это работы собственнаго Депо, начиная отъ самыхъ незначительныхъ предметовъ до машинъ, выбрасывающихъ по 28 ведеръ воды въ минуту, и лѣстницъ, вытягивающихся на 12 саженъ, гораздо выше самыхъ высокихъ домовъ въ городѣ.

Вѣнская выставка. (Рис. на стр. 628).

1. Китайскій павильонъ, какъ мы уже сказали, охотно посѣщается дѣтьми днемъ, но имъ не брезгаютъ и взрослые вечеромъ. Это огромное помѣщеніе, въ которомъ устроена сцена; нѣсколько рядовъ креселъ поставлено предъ нею; все же остальное пространство въ залѣ занимаютъ столики, и приходящіе сюда смотрѣть представленіе, обыкновенно заказываютъ себѣ кофе, пиво, шоколадъ и другіе напитки, такъ часто употребляемые вѣнцами. Но замѣчательнѣе всего, что несмотря на такой характеръ публичныхъ увеселеній, тишина господствуетъ въ залѣ образцовая, въ особенности во время исполненія, составляя крайній контрастъ съ тѣмъ, что у насъ дѣлается на музыкѣ, хотя бы въ Павловскѣ; у насъ не ѣдятъ и не пьютъ во время исполненія разныхъ симфоній, но расхаживаютъ по залѣ, громко разговаривая и сопровождая свои бесѣды веселымъ смѣхомъ, шумомъ и пр., мѣшая слушать тѣмъ, которые только для этого, быть-можетъ, и пріѣхали изъ Петербурга. И въ этой мелочи сказывается отношеніе иностранцевъ къ публичности и наше. Гдѣ лучше—предоставляемъ судить всякому.

2. Главный входъ въ „Старую Вѣну“ не менѣе любопытенъ, чѣмъ сама „Старая Вѣна“. Рисунокъ, помѣщаемый здѣсь съ надписью „Высокій рынокъ“, совершенно ясно говоритъ, куда направляется посѣтитель выставки, уплативши за входъ 10 крейцеровъ; онъ идетъ любоваться картиной Вѣны конца XVII столѣтія. Что онъ увидитъ внутри, читатели уже знаютъ изъ № 26 *Нивы*. Но и самыя ворота, ведущія въ „старину“, любопытны по своему устройству, по декораціи на нихъ нарисованной и по исторической надписи. Эти ворота невольно обращаютъ на себя вниманіе всякаго, составляя рѣзкій контрастъ со всѣми остальными постройками, находящимися на главной avenue Пратера; здѣсь пахнетъ „стариной“. Краски этихъ воротъ такъ подобраны, что дѣйствительно кажется, будто они стоятъ уже лѣтъ двѣсти по крайней мѣрѣ,— и въ этомъ, конечно, заключается искусство художниковъ—устроителей „Старой Вѣны“, имена которыхъ не сходятъ съ устъ вѣнской публики.

Съ вѣнской выставки.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

III.

Чтобы закончить съ германскимъ отдѣленіемъ, остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ Verein'ахъ, которые занимаютъ здѣсь довольно значительное мѣсто; ограничимся однако главнѣйшими; назовемъ, во-первыхъ, Männergesangverein, имѣющій свое отдѣльное помѣщеніе и заключающій въ себѣ массу манускриптовъ разныхъ композиторовъ и писателей; это общество основано въ 1843 г. и въ 1868 г. праздновало свое двадцатипятилѣтіе; по этому случаю здѣсь выставлены подарки, полученные имъ къ юбилею: кубки, медали, вѣнки и пр. Во-вторыхъ, Gesellschaft der Musik-Freunde, имѣющее огромное количество членовъ; между разными предметами, обращающими на себя вниманіе, отмѣтимъ рояли Шумана и Гайдна, а также программу перваго концерта Клары Викъ, жены Шумана. Въ-третьихъ, такъ называемый Schubertsbund, выставившій всѣ значки всѣхъ пѣвческихъ обществъ, входящихъ въ его составъ (ихъ кажется больше 300). Еще слѣдуетъ упомянуть объ аппартаментѣ Ротшильда, щеголяющемъ разными инструментами.

Намъ приходится по возможности быть сжатымъ и ограничиваться лишь самымъ главнымъ; перейдемъ къ испанскому отдѣленію, предшествующему русскому. Испанія никогда не славилась своей музыкой, кромѣ разумѣется народныхъ пѣсенъ, и не дала ни одного міроваго композитора; неудивительно поэтому, что музыкальный отдѣлъ ея довольно таки бѣденъ. Если назовемъ канцонетты XV и XVI вѣковъ, сборникъ народныхъ пѣсенъ, композиціи каталонскаго писателя Клаве (для хоровъ), нѣкоторыя произведенія Эславеда, культивировавшаго церковную музыку (въ Мадритѣ), да драмы съ музыкой короля Альфонса, извѣстнаго своимъ покровительствомъ театральному искусству, то этимъ исчерпывается все, что есть здѣсь замѣчательнаго по музыкальной части. Но что поражаетъ своей бѣдностью, такъ это театральный отдѣлъ.

При мысли объ испанской драматической литературѣ, тотчасъ возстаютъ въ памяти колоссы ея въ лицѣ Тирсо-де-Молина, Лопе-де-Вега и Кальдерона, имѣвшіе громадное значеніе не только для литературы своей родины; къ великому удивленію, на выставкѣ нѣтъ не только ихъ рукописей, но даже ихъ печатныхъ произведеній, за исключеніемъ впрочемъ одного тома сочиненій Лопе-де-Вега изданія 1887 г. Нѣтъ также ихъ портретовъ и фотографическихъ снимковъ съ нихъ; любопытные посѣтители выходятъ изъ испанскаго отдѣленія, не познакомившись даже съ изображеніемъ этихъ корифеевъ драматической литературы, составляющихъ гордость Испаніи. Вмѣсто нихъ вы здѣсь видите въ огромномъ количествѣ карточки разныхъ плясуній фанданго да торреадоровъ, напоминающихъ о звѣрской забавѣ, существующей къ стыду испанцевъ до настоящаго времени и извѣстной подъ названіемъ „боя быковъ“.

Не крупнѣе и историческій интересъ итальянскаго отдѣленія, въ которое вы попадаете изъ русскаго, хотя вы здѣсь встрѣчаете отдѣленія: Roma, Milano, Turino, Verrona и пр. Впрочемъ, композитору Доницетти особенно посчастливилось; ему отведено отдѣльное помѣщеніе, въ которомъ стоятъ: его кровать, покрытая желтымъ шелковымъ одѣяломъ, его письменный столъ, кресло и пр.; тутъ же находится и черепъ композитора; никто изъ итальянскихъ старинныхъ маэстро, не исключая даже самого Палестрины, не удостоился такого вниманія. Затѣмъ здѣсь есть разумѣется масса струнныхъ инструментовъ Гварнери, Страдиваріуса и другихъ мастеровъ, славящихся на весь міръ, — огромное количество портретовъ разныхъ композиторовъ и артистовъ, рисунки и снимки костюмовъ различныхъ эпохъ, образцы нотныхъ изданій музыкальныхъ фирмъ и пр.

Драматическій же отдѣлъ крайне мизеренъ; впрочемъ, мы тутъ находимъ въ двухъ отдѣльныхъ шкафахъ костюмы Ристори въ „Маріи Стюартъ“ и „Елизаветѣ, королевѣ англійской“, и цѣлую группу ея карточекъ въ разныхъ роляхъ; выдѣляются

еще тутъ портреты Росси (въ молодости), Сальвини и конечно Масканьи, этого дѣтища шарлатанской рекламы Сондзоньо. Интересна еще здѣсь коллекція музыкальныхъ инструментовъ изъ гражданскаго музея въ Кореѣ. Странно, что звѣзды вокальнаго искусства занимаютъ здѣсь такое незначительное мѣсто, а между тѣмъ итальянская музыка имъ многимъ обязана. Чтобы закончить съ Италіей и перейти къ смежной съ ней Франціи, остается еще упомянуть о печатномъ сборникѣ нотъ для слѣпыхъ, которыя послѣдніе читаютъ при помощи осязанія; сборникъ этотъ любопытенъ.

Французскій отдѣлъ представляетъ собою большую портретную галерею,—это салонъ, гдѣ каждое имя напоминаетъ вамъ о сдѣланномъ его обладателемъ; корифеи же присутствуютъ здѣсь въ болѣе рельефномъ видѣ: цѣлый рядъ бюстовъ—Вольтера, Расина, Корнеля, Мольера и многихъ изъ энциклопедистовъ—говорятъ о цвѣтущемъ періодѣ французской драматической литературы. Но этимъ не ограничивается любовь французовъ къ своимъ дѣятелямъ; названные здѣсь корифеи окружаютъ только помѣщеніе въ видѣ павильона, находящееся посреди залы (въ этомъ павильонѣ выставлены макеты съ декораціями изъ разныхъ оперъ и драматическихъ пьесъ); бюсты другихъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени, композиторовъ и поэтовъ расположены около аппартаментовъ, отведенныхъ отдѣльнымъ группамъ писателей; изъ послѣднихъ назовемъ помѣщеніе Шопена и Дюма-отца; изъ вещей, имѣющихъ значеніе, назовемъ рояль, на которомъ игралъ первый, и письменный столъ, на которомъ писалъ второй.

Переходя затѣмъ къ портретамъ, нужно отдать справедливость французамъ: они никого не забыли; между артистами вы тутъ встрѣтите и Марсъ, и Рашель, и всю плеяду знаменитостей, которыми Франція гордится въ настоящее время. Остановимся на минуту предъ портретомъ Муннэ-Сюлли въ Гамлетѣ, въ роли, о созданіи которой этимъ артистомъ такъ много кричали парижскія газеты. Вы видите предъ собой пожилаго человѣка, лѣтъ сорока, съ дико блуждающимъ взоромъ, находящагося въ порывѣ гнѣва и готоваго на васъ наброситься. Что тутъ гамлетовскаго? возрастъ, выраженіе, внѣшность? На нашъ взглядъ, ни то, ни другое, ни третье; очень можетъ быть, что художникъ невѣрно схватилъ выраженіе артиста, но портретъ скорѣе говоритъ о разбойникѣ, чѣмъ о датскомъ принцѣ. Тѣмъ не менѣе, портретъ интересенъ: онъ доказываетъ, что французамъ все свое дорого, все, имѣвшее успѣхъ, выставляется напоказъ, всякому дѣятелю свое мѣсто.

Не такъ разсуждали составители англійскаго отдѣленія; здѣсь валяли въ одну кучу все, что подвернулось подъ руку. На первомъ планѣ вы видите огромный портретъ (превосходно сдѣланный) извѣстнаго скрипача Сарасате; на вашъ вопросъ: почему онъ въ Англіи? — директоръ отдѣленія любезно вамъ отвѣчаетъ: „потому что онъ много разъ концертировалъ въ Лондонѣ“. Но если вы спросите, почему же нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія для Шекспира, почему нѣтъ здѣсь ни рукописей его, ни предметовъ, рисующихъ его домашнюю обстановку, ни старинныхъ изданій его сочиненій, ни рисунковъ знаменитыхъ артистовъ, игравшихъ въ его время,—вамъ лаконически скажутъ, что онъ вѣдь вездѣ достаточно извѣстенъ; въ новыхъ рекламахъ, молъ, не нуждается; пожалуй, это такъ: Шекспиръ въ рекламѣ не нуждается, а все-таки жаль, что именно въ англійскомъ отдѣленіи вы ничего не находите о Шекспирѣ.

Такимъ образомъ, совершенно отсутствуетъ, можно сказать, драматическая часть, если не считать портретовъ Гаррика, Кина и другихъ артистовъ; за то музыкальная часть сравнительно богато обставлена. Много любопытныхъ автографовъ находится въ помѣщеніи Генделя, котораго англичане считаютъ своимъ композиторомъ; почти на каждомъ его манускриптѣ встрѣчается лаконическая надпись: „S. D. G.“ (Soli Deo Gloria — Единому Богу Слава). Изъ другихъ предметовъ, бросающихся въ глаза въ этомъ отдѣленіи, можемъ отмѣтить: коллекцію изъ сорока инструментовъ Дональдсона, индійскіе инструменты изъ лондонскаго музея „Royal Collège of Music“, арфу въ видѣ лодки, портреты Дженни Линдъ (ея костюмы въ „Дочери полка“, разные подарки, поднесенные ей, и пр.), спинетъ XV вѣка, рояль, на которомъ играла Марія-Антуанета, массу рукописей различныхъ музыкальныхъ свѣтилъ.

Такъ, здѣсь находятся подлинная рукопись Мендельсоновскихъ „Гебридъ“ („Фингалова пещера“), партитура „Митридата“ Моцарта, разныя принадлежности Бетховена: его часы, письма, соната ор. 110 и пр. Между манускриптами слѣдуетъ назвать также таковые Керубини, Тальберга, Шопена, Клементи, Вебера, Баха и др. корифеевъ. Можно прійти къ заключенію, оставляя англійское отдѣленіе, что эта страна особенно изобиловала выдающимися музыкантами и совершенно бѣдна дѣятелями на драматическомъ поприщѣ; такія данныя представляютъ экспонаты, помѣщенные на исторической выставкѣ. Къ счастью, исторія, съ которой видимо мало знакомы составители этого отдѣленія, возстановляетъ истину и говоритъ: не вѣрьте имъ; Англія никогда не имѣла своихъ колоссовъ въ музыкѣ, кромѣ жившаго здѣсь долгое время (около 30 лѣтъ) нѣмца Генделя. Значеніе ея безгранично въ области драмы; она имѣетъ Шекспира, о которомъ на выставкѣ почти ничто не напоминаетъ.

О маленькихъ отдѣленіяхъ, занимаемыхъ Бельгіей и Болгаріей, говорить не станемъ, такъ какъ въ нихъ ничего особеннаго не находится; вездѣ есть образчики народныхъ пѣсенъ, народныхъ инструментовъ, кое-гдѣ рукописи церковной музыки и пр. Этимъ мы и закончимъ нашу бесѣду о *ротондѣ*, т. е. о той части, которая имѣетъ дѣло съ *исторіей* театра и музыки.

В. Баскинъ.

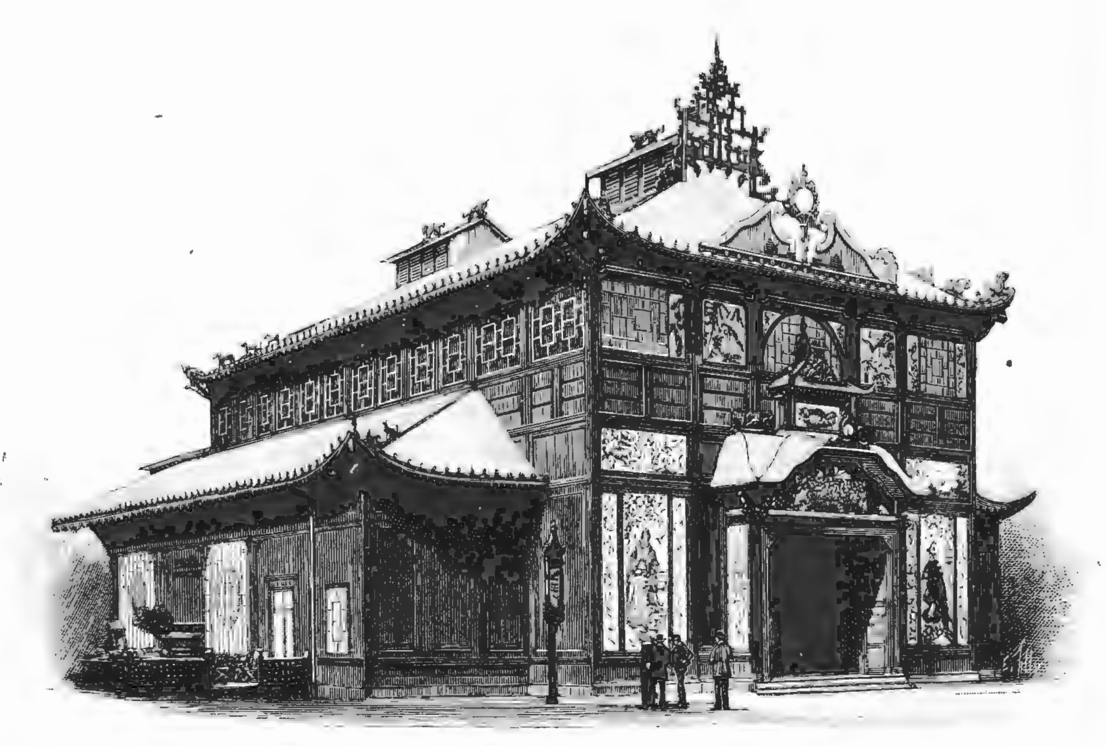
Политическое обозрѣніе.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великими Княжнами Ксеніею Александровною и Ольгою Александровною благополучно возвратились изъ Даніи и во вторникъ, 30 іюня, въ 5¼ часовъ пополудни, изволили прибыть въ Петергофъ.

Въ Берлинѣ, въ *Имперскомъ Указателѣ* опубликованъ указъ отъ 11 (23) мая 1890 года, препровожденный во всѣ германскія и прусскія миссіи. Въ документѣ этомъ сообщается, по поводу опубликованныхъ воззрѣній князя Бисмарка, что по убѣжденію императора, болѣе спокойное настроеніе само собою наступитъ и фактическое значеніе того, что воспроизводилось печатью, будетъ со временемъ оцѣнено также и за границею съ большею правильностью. Императоръ— сказано далѣе—дѣлаетъ различіе между княземъ Бисмаркомъ прежняго и нынѣшняго времени и желаетъ избѣжать всего того что могло бы омрачить обаяніе величайшаго государственнаго человѣка германской націи. Далѣе, въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатана депеша на имя посла князя Рейсса, отъ 9 іюня, въ которой сказано: „Для сближенія князя Бисмарка съ императоромъ недостаетъ, прежде всего, необходимаго условія — именно перваго шага со стороны князя Бисмарка“. Вслѣдъ за тѣмъ, послу предписывается при посѣщеніи Вѣны княземъ Бисмаркомъ ограничиться условными формальностями и отклонить отъ себя приглашеніе на свадьбу графа Герберта Бисмарка. При обсужденіи сообщенія *Имперскаго Указателя* о князѣ Бисмаркѣ большая часть газетъ соблюдаетъ сдержанность. *Freisinnige Zeitung* высказываетъ мнѣніе, что рескриптъ принцу Рейссу обозначаетъ отреченіе отъ Бисмарка до конца его жизни. Другія газеты высказываютъ надежду, что князь пойметъ безполезность борьбы и вступитъ на мирный путь. *Breslauer Zeitung* говоритъ, что никто не могъ бы ниспровергнуть князя Бисмарка, кромѣ собственныхъ его ошибокъ. *Boersen-Zeitung* называетъ упомянутое сообщеніе страннымъ, такъ какъ въ немъ не содержится никакого опроверженія высказываемыхъ княземъ Бисмаркомъ жалобъ. *Vossische Zeitung* предостерегаетъ противъ опубликованія документовъ, компрометирующихъ князя Бисмарка, такъ какъ такимъ образомъ можно нанести ударъ не только бывшему канцлеру, но и имперіи. *Hamburger Nachrichten* по поводу опубликованныхъ въ *Имперскомъ Указателѣ* рескриптовъ относительно князя Бисмарка замѣчаютъ: „Рескриптъ къ посольствамъ доказываетъ, что уже спустя два мѣсяца послѣ увольненія канцлера чувствовалась потребность въ томъ, чтобы дискредитировать за границею носителя германскаго обаянія, который въ теченіе 30 лѣтъ съ успѣхомъ руководилъ политикою. Рескриптъ этотъ былъ бы, вѣроятно, составленъ въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, если бы его авторъ достигъ полнаго соглашенія съ императоромъ, чего, повидимому, не было. Князь Бисмаркъ съ самаго начала былъ намѣренъ жить въ полномъ мирѣ со своимъ преемникомъ и высказалъ редакціи *Hamburger Nachrichten* желаніе не нападать на графа Каприви; но въ этомъ онъ не встрѣтилъ взаимности; началось „бойкотированіе“ Фридрихсруэ. Рескриптъ на имя князя Рейсса, по неопровержимымъ свидѣтельствамъ, былъ не единственнымъ указаніемъ, посланнымъ въ Вѣну. Вмѣшательство въ личное и общественное положеніе князя Бисмарка въ Вѣнѣ должно было быть оскорбительнымъ. Рескриптъ этотъ противорѣчитъ также и тому утвержденію, будто въ Вѣнѣ не было принято офиціальныхъ мѣръ, такъ какъ посланная туда депеша была немедленно доведена до свѣдѣнія графа Кальноки. Мѣсто рескрипта, касающееся сближенія между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ, повидимому, придумано съ трудомъ. Форма этого сближенія — если бы только оно вообще состоялось — едва ли могла бы быть опредѣлена заранѣе. Вмѣшательство органовъ имперской политики въ частныя дѣла бывшаго канцлера является нежеланнымъ для него послѣдствіемъ его вліянія и стремленіемъ заставить носителей власти выйти на такую почву, которая лежитъ внѣ задачъ имперской политики“.

Въ Вѣнѣ полиція закрыла шестнадцать нѣмецко-національныхъ студенческихъ ферейновъ здѣшняго университета за участіе въ оваціяхъ въ честь князя Бисмарка.

1 іюля закрыта парламентская сессія въ Парижѣ. Конч-



Международная выставка театра и музыки въ Вѣнѣ. Китайскій павильонъ. По фот. Виммера, грав. Рашевскій.

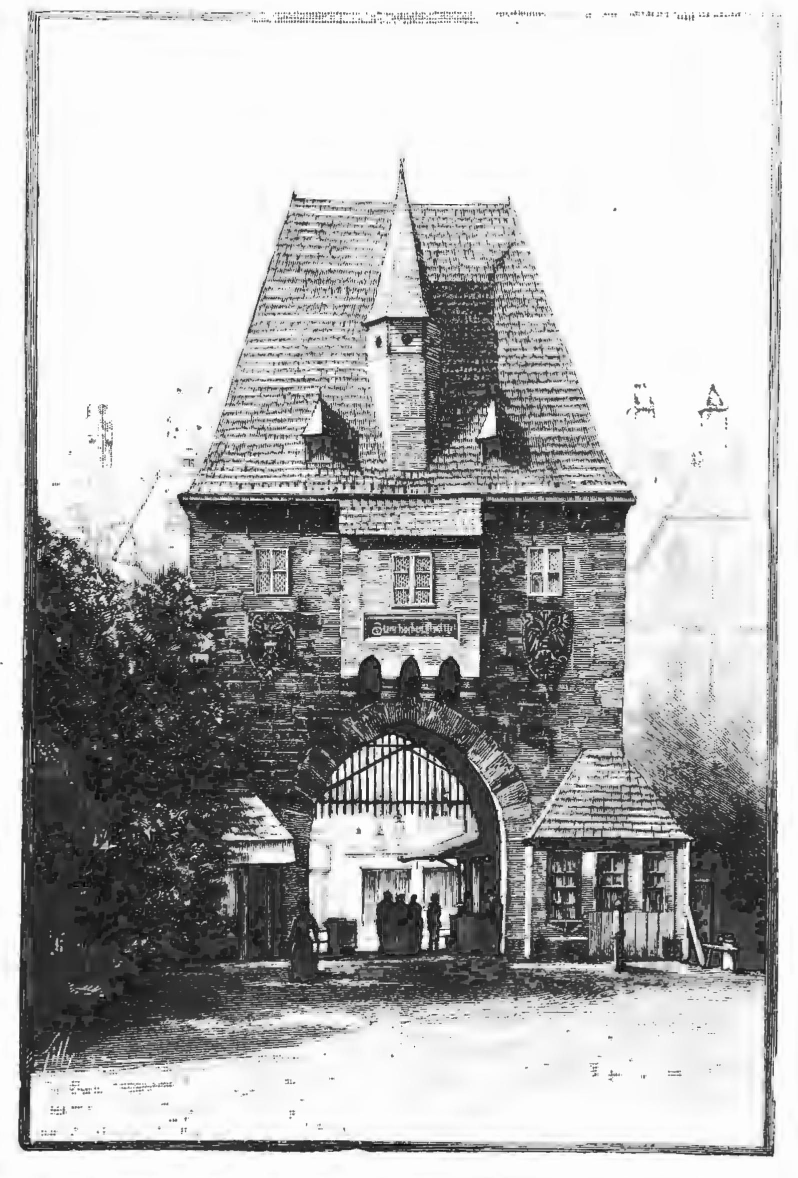
лась она частнымъ министерскимъ кризисомъ. Общественное мнѣніе во Франціи очень недовольно колоніальными дѣлами. Одновременно съ ужасающими извѣстіями изъ Дагомеи получено извѣстіе о безпорядкахъ въ Тонкинѣ.

По поводу дагомейскихъ дѣлъ депутатъ радикалъ Пуркери сдѣлалъ запросъ въ палатѣ и требовалъ единства въ командованіи сухопутными и морскими силами. Разобщенность много вредитъ успѣху экспедиціи. Морской министръ Кавеньякъ заявилъ, что онъ приказалъ начальникамъ сухопутныхъ и морскихъ силъ оказывать другъ другу содѣйствіе. Обсудивъ запросъ радикала Пуркери о положеніи дѣлъ въ Дагомеѣ, палата депутатовъ большинствомъ 287 голосовъ противъ 150 приняла слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную самимъ Пуркери, но отвергнутую Кавеньякомъ: „Палата приглашаетъ правительство придать единство военному командованію и завѣдыванію военными дѣйствіями“. Кавеньякъ подалъ президенту Карно прошеніе объ отставкѣ, и на его мѣсто назначенъ Бюрдо, первымъ распоряженіемъ котораго былъ приказъ полковнику Доддсу принять на себя командованіе сухопутными и морскими силами въ Дагомеѣ.

29 іюня въ Монбризонѣ казненъ Равашоль. Когда поутру чины судебнаго вѣдомства явились въ тюрьму, Равашоль спалъ. Проснувшись, онъ только сказалъ, что чувствуетъ себя вполнѣ бодро и не падетъ духомъ. Онъ одѣлся безъ посторонней помощи, выпилъ стаканъ воды и, узнавъ, что ему не будетъ позволено говорить передъ толпою, выразилъ неудовольствіе. Казнь Равашоля совершена была на тюремной площади. Движеніе по всѣмъ сосѣднимъ улицамъ было закрыто разставленными войсками, которыя отстраняли толпу. Взойдя на помостъ, Равашоль сказалъ: „Я хочу говорить: мнѣ надо сказать коечто“. Но тутъ его положили подъ гильотину; въ ту минуту, когда ножъ гильотины падалъ, Равашоль успѣлъ крикнуть: „Да здравствуетъ анархія!“

Смѣсь.

Новое ружье. На стрѣльбищѣ стрѣлковаго общества въ Амстердамѣ „Claudios civilis“ сдѣланы были недавно въ присутствіи офицеровъ генеральнаго штаба и инженеровъ опыты съ изобрѣтеннымъ итальянцемъ д-ромъ *Фролло* новымъ ружьемъ. Главная особенность его въ томъ, что роль пороха играетъ здѣсь *углекислый газъ*, который, расширяясь, выталкиваетъ пулю. Ружья новой системы имѣются разнаго калибра: въ 6, 8, 10 и 12 миллиметровъ. При стрѣльбѣ изъ 8-калибернаго ружья круглая пуля пробила на разстояніи 50 шаговъ двѣ желѣзныя доски, въ 2 миллиметра толщины каждая. Устройство ружья очень простое. Надъ прикладной скобой, какъ гласитъ описаніе, сдѣланное въ *Mil. Amstr. Zeit.*, помѣщается жестянка длиной около 25 сантим., въ діаметрѣ около 5 сантиметровъ; въ ней-то и находится углекислый газъ на 300 выстрѣловъ. Когда весь запасъ газа истощенъ, пустая жестянка отвинчивается и въ нѣсколько минутъ замѣняется новой. Ружье заряжается такимъ образомъ: открываютъ въ зарядномъ ящичкѣ отверстіе, смѣщеніемъ особаго закрывающаго его рычажка, — вкладываютъ туда пулю, снова сдвигаютъ рычажокъ на прежнее мѣсто и оттягиваютъ курокъ. Ружье д-ра Фролло дѣлаетъ въ минуту 35 выстрѣловъ. Происходящій при этомъ звукъ похожъ на тотъ, который производитъ духовое ружье. Дуло остается совершенно чистымъ и холоднымъ какъ ледъ. Что касается 12-калиберныхъ ружей съ коническими пулями, то объ ихъ пригодности на войнѣ д-ръ Фролло высказывается



Международная выставка театра и музыки въ Вѣнѣ. Входъ на старую рыночную площадь.

съ полной увѣренностью. Опытовъ однако еще не было сдѣлано съ ними. (г. в.)

Платья изъ дерева. Изъ Фрейбурга сообщаютъ, что въ мѣстной химической лабораторіи профессора доктора Мичерлиха сдѣланы опыты надъ выдѣлкою одежды изъ дерева. Посредствомъ химическихъ процессовъ изъ дерева удалось добыть мягкую ткань наподобіе тонкихъ волоконъ. Полученная ткань крайне прочна и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжна. Такимъ образомъ современемъ удастся приготовлять платья изъ дерева. (к.)

Срѣзаннымъ цвѣтамъ, которые начинаютъ вянуть, можно снова придать свѣжій видъ. Для этого надо отрѣзать кончикъ стебля и погрузить оставшійся стебель цвѣтка въ кипятокъ. Этотъ способъ оживлять цвѣты рѣдко удается болѣе двухъ разъ. (к.)

Модные деревья и цвѣты. Исторія представляетъ не мало примѣровъ, что нѣкоторыя растенія играютъ большую роль въ нашей жизни и входятъ въ моду. Лавръ древнѣйшихъ временъ служитъ главнымъ украшеніемъ героевъ и писателей. Цѣлые томы можно бы исписать о лавровыхъ вѣнкахъ и лиліяхъ, занимающихъ видное мѣсто не только въ нашихъ сказкахъ и легендахъ, но и въ исторіи. Лилія служитъ гербомъ династіи Бурбоновъ, и снѣжнобѣлые лепестки ея неоднократно окрашивались въ кровопролитныхъ битвахъ легитимной Франціи. Этотъ цвѣтокъ служилъ символомъ преданности къ этой династіи, и когда король Лудовикъ IX, нуждаясь въ деньгахъ, обратился къ флорентинскому банкиру Медичи, тотъ согласился сдѣлать ему заемъ въ полмильона золотыхъ гульденовъ, только съ правомъ украсить свой гербъ лиліею Бурбоновъ. На праздникахъ, которые устроивалъ въ предмѣстіи Сенъ-Жерменъ въ Тюльери Лудовикъ XVIII, по возвращеніи своемъ во Францію, всѣ дамы являлись съ лиліями въ прическахъ и на груди, выражая тѣмъ свои вѣрноподанническія чувства старинному королевскому дому.

Свой модный сезонъ имѣлъ также и дубъ, и именно въ Англіи. Когда Карлъ II, вновь возведенный Монкомъ, герцогомъ Альбермарль, на престолъ, торжественно въѣзжалъ въ Лондонъ, толпы ликующаго народа привѣтствовали его дубовыми вѣтками; ими украшены были также дома и балконы, и на большомъ праздникѣ, въ тотъ же день устроенномъ ему городомъ, всѣ, дамы появились въ дубовыхъ вѣнкахъ, и это украшеніе, служа доказательствомъ ихъ роялизма, предпочиталось всѣмъ прочимъ въ продолженіе всего сезона. Дубовая вѣтка служила символическимъ воспоминаніемъ опаснѣйшихъ въ жизни этого короля минутъ, когда онъ спасся, благодаря только одному дубу. Разбитый въ сраженіи при Ворстерѣ, преслѣдуемый войсками Кромвеля и оставшись безъ проводниковъ и свиты, онъ искалъ спасенія въ ближайшемъ лѣсу; но и здѣсь не нашелъ никакого убѣжища. Уже слышны ему были шумъ и крики враговъ его преслѣдовавшихъ и мелькалъ сквозь густую листву блескъ ихъ оружія. Еще послѣдній безнадежный взглядъ бросилъ этотъ несчастный потомокъ Стюартовъ вокругъ себя и въ это мгновеніе онъ увидалъ старый дубъ, въ толстомъ стволѣ котораго находилось большое отверстіе. Моментально успѣлъ онъ спрятаться въ это дупло--и шумная ватага пронеслась мимо, не замѣтивъ его.

Одно время былъ въ модѣ также и цвѣтъ картофеля, красовавшійся въ прелестныхъ бѣлокурыхъ волосахъ Маріи-Антуанеты и въ петлицѣ сюртука ея супруга Лудовика XVI. Король желалъ ввести въ употребленіе картофель во Франціи, какъ прекрасное кормовое средство, но народъ этому упорно сопротивлялся. „Сударыня“, сказалъ онъ королевѣ, „для того чтобы возбудить въ народѣ охоту питаться плодами этого растенія, намъ нужно предварительно оказать почетъ его цвѣту. Станемъ его носить.“ Чрезъ нѣсколько дней на одномъ изъ придворныхъ баловъ, королева появилась съ цвѣтами картофеля въ прическѣ, а король въ петлицѣ, а вслѣдъ затѣмъ и всѣ придворныя дамы поспѣшили послѣдовать этому примѣру, такъ что на слѣдующемъ балу цвѣтъ этотъ помѣщался между брильянтами и жемчугомъ въ волосахъ прелестныхъ дамъ всей французской аристократіи. Вскорѣ этотъ цвѣтъ сдѣлался моднымъ и народъ сталъ ревностнымъ подражателемъ двора. И въ народѣ появилось желаніе украшать себя такими же цвѣтами, какъ и аристократія, и за столомъ у себя имѣть тотъ же сваренный картофель, какой ввела у себя королева. Мода, этотъ тиранъ всего свѣта, на этотъ разъ принесла свой прекрасный плодъ. Она принесла голодающей Франціи питательный картофель. (А).

Научныя выставки въ Москвѣ. Комитетъ по устройству конгрессовъ зоологическаго, антропологическаго и археологическаго, имѣющихъ собраться въ Москвѣ въ половинѣ августа этого года, занятъ теперь организаціей соотвѣтствующихъ научныхъ выставокъ, которыя обѣщаютъ быть очень интересными, судя по списку предметовъ и коллекцій, предназначенныхъ для экспонированія. Такъ, между прочимъ, на *Зоологической выставкѣ* представлены будутъ коллекціи, собранныя путешественниками въ послѣднія нѣсколько лѣтъ и еще не бывшія на выставкахъ; коллекціи полезныхъ и вредныхъ животныхъ; различные способы консервированія животныхъ, какъ во время путешествій, такъ и въ музеяхъ; географическія карты, указывающія границы распространенія различныхъ животныхъ въ Россіи; коллекціи ископаемыхъ животныхъ, которыя могли-бы служить изученію до-исторической фауны Россіи.

Еще бо̀льшій интересъ представляетъ выставка предметовъ, относящихся къ *антропологіи и доисторической археологіи*. Здѣсь будутъ выставлены географическія карты съ указаніемъ мѣстонахожденій доисторическихъ предметовъ, открытыхъ въ Россіи; черепа и скелеты, найденные въ могилахъ и курганахъ доисторической эпохи, а также отысканные тамъ архаическіе предметы, преимущественно такіе, которые даютъ матеріалъ для изученія особенностей расы и племени съ антропологической точки зрѣнія; извлеченные изъ пещеръ и кургановъ кости животныхъ и другіе предметы, которые, знакомя насъ съ фауной, флорой и естественными произведеніями той эпохи, могутъ пролить свѣтъ на культуру первобытнаго человѣка; фонографы и фонограммы, воспроизводящіе рѣчь и пѣсни различныхъ народовъ; фотографіи, бюсты, слѣпки съ лица и портреты представителей разныхъ племенъ, населяющихъ земной шаръ; и, наконецъ, предметы, показывающіе сходство въ обычаяхъ и нравахъ, которое обнаруживается при сравненіи многихъ современныхъ народовъ съ первобытными обитателями земли.

Императорское Общество Любителей Естествознанія обѣщаетъ наградить почетными дипломами, жетонами и медалями тѣхъ экспонентовъ, которые выставятъ особенно интересныя коллекціи или окажутъ услуги по организаціи и устройству указанныхъ выставокъ.

Что касается отчетовъ, докладовъ и сообщеній, имѣющихъ быть прочитанными на конгрессахъ, то они должны были быть присланы на имя Комитета по устройству съѣздовъ не позже 1 мая. (в.)

Флигель Маріи-Антуанеты. (Разсказъ Германа Граберша).— Одинъ канониръ парижской національной гвардіи вошелъ съ товарищами своими 10 августа 1792 г. въ Тюилерійскій дворецъ въ самый разгаръ грабежа и разоренія этого великолѣпнаго зданія. Ужаснѣйшія сцены разрушенія слѣдовали одна за другою. Въ концертномъ залѣ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ переступилъ порогъ этой комнаты, готовились выбросить роскошный флигель королевы. Онъ снятъ былъ уже съ эстрады и просовывался въ окно; еще толчокъ—и отъ него остались бы лишьдребезги.

-- Остановитесь! громовымъ голосомъ Стентора крикнулъ на нихъ артиллеристъ.

-- Провались къ дьяволу! было ему отвѣтомъ.—Чѣмъ же этотъ ящикъ лучше картинъ, зеркалъ и другихъ вещей уже выброшенныхъ; и ему туда же дорога!

— Но эта позолоченная вещь можетъ намъ пригодиться, внутри ея звучатъ наши патріотическія пѣсни; поставьте-ка ее на ноги, и вы услышите чудеса.

Канониръ сталъ играть имъ карманьолу, марсельезу и Ça ira и ликующая толпа, заревѣвъ отъ восторга, начала плясать. Инструментъ былъ спасенъ. Затѣмъ онъ съумѣлъ такъ распорядиться, что толпа ушла, а самъ, затворивъ дверь зала на ключъ, выбросилъ его въ садъ. Оставался только одинъ, весьма опрятно одѣтый господинъ, смотрѣвшій влажными глазами на флигель, но не рѣшавшійся объ немъ просить. Озадаченный появленіемъ его въ этомъ мѣстѣ, канониръ спросилъ что ему нужно.

-- Ахъ, милостивый государь,—я Дублетъ, настройщикъ королевы. Послѣ уничтоженія швейцарской гвардіи, я вошелъ сюда вмѣстѣ съ толпою, чтобы сберечь флигель, если бы оказалось возможнымъ. Теперь же, когда вы любезно приняли его подъ свою защиту, мои заботы объ немъ прекращаются—мнѣ остается только подумать о моемъ уходѣ.

-- Не думаете ли вы что это такъ легко? Такъ скоро этого сдѣлать нельзя! Послѣдуйте за мною, если вы не желаете вылетѣть въ окно вмѣстѣ съ этимъ флигелемъ,--я постараюсь избавить васъ отъ опасности.

И безконечными переходами и дальними лѣстницами канониръ вывелъ Дублета изъ дворца, такъ что они разстались только на набережной.

Спустя 41 годъ, въ Домѣ Инвалидовъ, у генерала де-Шампо обѣдалъ одинъ любитель музыки. Послѣ обѣда радушный амфитріонъ пригласилъ его послушать одного, находящагося на попеченіи въ этомъ Домѣ, тонкаго знатока музыки, весьма интереснаго для всякаго дилетанта. Въ одномъ залѣ они увидали стараго офицера, играющаго на раззолоченномъ и полированномъ флигелѣ. Вошедшій съ генераломъ, выпучивъ глаза, воскликнулъ:

-- „Богъ мой! этотъ инструментъ знаю я—это флигель королевы Маріи-Антуанеты. Поднимите крышку и на оборотной сторонѣ ея вы увидите ландшафтъ!

— „Такъ точно, отвѣтилъ де-Шампо, —но откуда вы знаете этотъ флигель?

— Откуда онъ знаетъ его! въ свою очередь воскликнулъ, инвалидъ вскочивъ со своего мѣста,--онъ вѣдь его спаситель—въ чемъ и на мою долю кой-что падаетъ. Онъ тотъ славный канониръ національной гвардіи — мой и флигеля этого спаситель, а я Дублетъ, бывшій настройщикъ королевы.

Встрѣча была вполнѣ сочувственная; бывшій канониръ сыгралъ марсельезу, которую онъ еще не забылъ. Дублетъ поступилъ въ полкъ барабанщикомъ, оставя Парижъ, потому что въ то время тамъ было болѣе другихъ разстроенныхъ предметовъ, чѣмъ роялей. Военная карьера его, въ качествѣ защитника отечества, была очень удачна, и въ 1814 году, бывши уже эскадроннымъ командиромъ, онъ возвратился и поступилъ въ Домъ Инвалидовъ. Случайно попалъ онъ на аукціонную продажу имущества королевы Гортензіи, и какова же была его радость, когда въ числѣ прочихъ вещей оказался и этотъ дорогой ему флигель и когда по удару молотка остался онъ за нимъ!

Бравый канониръ, позже гость Шампо, былъ впрочемъ Алексисъ Синье, ученикъ знаменитаго композиста Мегюля. (А).

Самые дешевые съѣстные припасы. Добрымъ толстокожимъ, слонамъ, и не снилось, что они кромѣ арены цирка могутъ играть важную роль въ народной экономіи. Извѣстный Ньюбери основалъ ферму въ окрестностяхъ С. Франциско для разведенія слоновъ. По его словамъ, мясо слоновъ можетъ служить отличнымъ средствомъ народнаго пропитанія по своей дешевизнѣ и хорошему вкусу. Взрослый слонъ вѣситъ въ среднемъ 210 пудовъ. Изъ него можно добыть 180 пудовъ мяса, годнаго къ потребленію въ пищу. (к.)

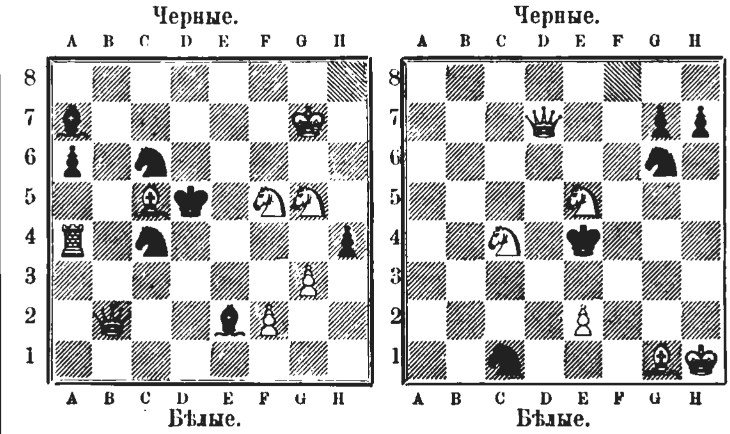
ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 34.
Девизъ Po Labl
I. Призъ VII Конкурса зад. Германскаго Шахматнаго союза.

Задача № 35.
Девизъ „XVI в."
II. Призъ VII Конкурса зад. Германскаго Шахматнаго союза.

Черные. Черные.



Бѣлые. Бѣлые.

Матъ въ 3 хода. Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія задачъ.

№ 23. М. Окунькова (въ № 16 *Нивы*). Съ чернымъ конемъ на е2 (вмѣсто d2) и съ черной пѣшкой на b4. Матъ въ 2 хода.

1. С. а6—d3, ∾; 2. Матъ различными способами.

№ 24. А. П. Шишкина (въ № 16 *Нивы*) матъ въ 4 хода.

1. Л. f3—c3, b4 : c3; 2. Кр. а2 : а3, С. d4—c5+; 3. b3—b4+, С. c5 : b4; 4. С. е7 : b4╪ или 2. . . . b6—b5; 3. С. е7—d8+, С. d4—b6; 4. b3—b4╪.

a) 1. . . . С. d4 : c3; 2. К. f2—d3, С. c3—d2; 3. К. d3—c5, ∾, 4. С. или К. ╪.
b) 1. . . . С. d4 : f2; 2. e2—e3, b4 : c3; 3. Кр. а2 : а3, ∾; 4. С╪ или 2. . . . С. f2 : e3; 3. Л. c3 : e3, b6—b5; 4. С. е7—d8╪.
c) 1. . . . b6—b5; 2. С. е7—d8+, С. d4—b6; 3. Л. c3—c7, b5 : a4; Л. c7—c5╪.
d) 1. . . . С. d4 : e5; 2. Л. c3—c4, b6—b5; 3. С. е7—d8+, С. e5—c7, 4. С. d8 : c7╪.

Рѣшили: **Л. Ѳ. Андрезенъ** (СПБ.) и **Н. С. Дарманъ** (Кронштадтъ).

Алгебраическая задача № 36.

Н. В. П.

Найти *восемь* буквъ при условіи, что если ихъ замѣнить числами соотвѣтственно мѣстамъ ихъ въ русской азбукѣ, то можно замѣтить между такими числами слѣдующую зависимость:

1) Разность чиселъ перваго и предпослѣдняго равна послѣднему.

2) Отношеніе втораго числа къ суммѣ шестаго и третьяго равно $\frac{x+y}{y+z}$ двухъ совмѣстныхъ уравненій: $2x+3y=4z$; $x+3z=2y$.

3) Третье въ степени четвертаго равно разности чиселъ шестаго и седьмаго.

4) Квадратный корень изъ разности чиселъ четвертаго и пятаго равенъ двучлену $\sqrt{14+6\sqrt{5}}-\sqrt{5}$.

5) Второе число относится къ удвоенному послѣднему, какъ первое къ разности четвертаго и шестаго.

6) Разность чиселъ пятаго и третьяго равна x уравненія:

$$\lg 10+\tfrac{1}{2}\lg\left(271+3^{\sqrt{2x}}\right)=2.$$

7) Четвертое и послѣднее, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ трехзначное число; сумма квадратовъ его цифръ равна 77; квадратъ цифры десятковъ на 4 болѣе удесятереннаго произведенія остальныхъ цифръ; если прибавить къ этому числу наибольшее изъ двузначныхъ чиселъ, получимъ число обращенное.

Изъ найденныхъ такимъ образомъ буквъ требуется составить фамилію героя одного извѣстнаго Тургеневскаго романа.

1 внутр. съ выигр. заемъ 1864 г. 55 тиражъ 1-го іюля 1892 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
39	40	500	1731	34	500	3984	2	200000	6613	27	500	9356	41	500	12074	18	500	14131	37	500	16441	39	500
63	50	500	1746	23	500	4005	6	500	6629	16	1000	9399	21	500	12086	41	500	14404	37	500	16513	46	500
71	18	500	1751	33	500	4074	19	500	6632	39	500	9447	41	500	12108	16	500	14418	37	500	16700	23	500
85	12	500	1769	8	500	4118	27	500	6777	23	500	9454	8	500	12361	28	500	14492	15	500	16780	12	500
167	14	500	1775	30	500	4143	10	500	6893	33	500	9475	25	500	12402	49	500	14505	12	1000	16813	6	500
193	21	500	1804	45	500	4145	6	500	6914	32	500	9486	9	500	12447	20	500	14540	27	500	16987	22	500
222	8	500	1847	6	1000	4166	4	500	7045	49	500	9514	44	500	12454	2	5000	14561	1	500	16993	32	500
234	17	1000	1897	40	500	4167	12	500	7094	42	500	9776	47	500	12462	32	500	14608	8	500	17278	2	500
338	13	500	1905	41	500	4286	29	10000	7202	22	500	9823	37	500	12570	3	500	14667	17	500	17373	40	500
351	25	500	2017	42	500	4492	46	500	7267	39	500	9896	45	500	12577	45	500	14735	1	500	17386	39	500
366	43	500	2052	6	1000	4537	35	500	7427	17	500	9974	9	500	12621	28	500	14848	31	500	17494	7	500
379	44	500	2058	16	1000	4587	16	500	7434	23	500	10048	36	500	12640	11	500	14992	25	5000	17510	50	75000
391	50	1000	2072	17	500	4666	34	500	7453	22	500	10112	28	500	12658	44	500	15029	11	1000	17648	29	500
452	32	8000	2131	37	500	4668	47	500	7508	1	500	10202	32	500	12683	45	500	15081	8	1000	17717	18	500
455	48	500	2212	49	500	4831	8	500	7557	38	500	10307	43	500	12707	18	500	15112	42	500	17932	15	10000
465	33	5000	2219	38	500	4850	42	500	7621	46	500	10398	18	500	12740	11	500	15119	10	500	18120	35	500
597	22	500	2232	21	500	4961	48	500	7825	48	500	10479	43	500	12759	26	500	15215	35	500	18290	19	500
615	47	500	2249	3	500	4968	39	500	7829	6	500	10504	4	500	12974	6	500	15265	37	500	18504	23	500
657	2	500	2253	1	500	4970	30	500	8156	20	500	10699	1	1000	13066	39	500	15383	16	500	18670	48	500
743	11	500	2350	30	500	5105	32	500	8289	33	500	10789	12	500	13168	39	500	15402	35	8000	18780	34	500
749	22	500	2438	28	500	5182	9	500	8385	42	500	10809	19	500	13279	48	500	15403	43	500	18826	22	500
759	10	500	2559	40	500	5220	44	500	8471	8	500	10836	9	500	13329	31	500	15450	33	500	18856	16	500
793	37	500	2621	33	500	5314	32	500	8600	11	500	10887	33	500	13452	36	500	15549	38	500	18936	1	500
808	35	500	2736	20	500	5444	47	500	8641	8	500	10898	24	5000	13489	50	500	15596	2	1000	18961	24	500
814	24	500	2769	12	500	5518	45	500	8667	22	8000	10936	34	500	13524	42	500	15634	40	500	18979	17	500
1102	48	500	2855	42	500	5521	18	500	8703	46	500	10984	4	500	13550	5	500	15654	3	500	19264	2	5000
1150	43	500	2895	46	500	5607	1	500	8814	42	500	11020	12	500	13587	7	500	15672	33	500	19268	41	1000
1214	40	500	3031	28	500	5625	42	500	8885	19	500	11201	33	500	13653	12	500	15785	17	500	19329	38	10000
1304	8	500	3118	6	500	5785	39	500	8933	20	500	11240	22	500	13679	48	500	15835	11	500	19387	15	500
1346	39	500	3152	9	500	5801	33	500	8937	8	500	11286	19	1000	13767	47	500	15874	39	500	19508	40	500
1412	43	500	3172	24	500	5853	31	500	8946	32	500	11389	23	500	13782	27	1000	15876	28	500	19621	4	500
1418	32	500	3205	49	500	5854	47	500	8952	14	500	11420	42	500	13803	31	8000	15934	16	500	19812	33	500
1430	49	500	3431	9	500	6027	14	25000	8961	31	500	11453	5	500	13818	26	500	16005	16	1000	19828	35	500
1558	47	5000	3442	28	500	6156	2	500	8971	15	500	11488	6	1000	13862	36	500	16276	43	40000	19830	19	1000
1598	1	500	3579	19	500	6233	44	500	9054	8	500	11775	26	500	13908	28	500	16380	34	500	19881	4	8000
1618	8	500	3681	4	500	6295	35	500	9147	14	500	11784	44	5000	13924	7	5000	16389	46	500	19932	39	500
1652	15	500	3723	23	500	6357	11	500	9278	26	1000	11972	6	1000	13986	21	500	16418	42	500	19938	12	1000
1674	10	500	3867	36	500	6360	38	500	9323	1	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

47, 76, 910, 916, 1071, 1207, 1482, 1759, 2130, 2142, 2572, 2780, 2800, 2837, 2927, 3018, 3026, 3225, 3324, 3501, 3591, 3652, 4484, 4698, 5097, 5544, 5635, 5711, 6231, 6309, 6331, 6378, 6471, 6611, 6778, 6785, 6953, 7071, 7168, 7350, 7423, 7702, 7990, 8134, 8481, 8865, 8950, 9007, 9671, 9682, 9727, 9813, 9859, 10183, 10269, 10352, 10415, 10427, 10453, 10535, 10568, 10633, 10962, 11133, 11326, 12124, 12300, 12540, 12589, 12817, 12893, 12969, 13305, 13378, 13445, 13806, 13938, 14133, 14251, 14255, 14643, 14840, 14883, 15041, 15253, 15293, 15536, 15578, 15717, 16013, 16585, 16618, 16978, 18184, 18193, 18315, 18828, 18950, 19155, 19258, 19413, 19630.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Каюшниковъ**.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАНІЙ

издателемъ журнала „Нива" напечатано **въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ** (всего 500)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

подъ редакціей **А. И. Введенскаго,** печатанное

на лучшей голландской слоновой бумагѣ.

Сочиненія изданы въ 4-хъ томахъ, при чемъ всѣ экземпляры этого изданія **перенумерованы** отъ № 1 по 500.

Для того чтобы сдѣлать книгу по стоимости доступною наиболѣе обширному кругу любителей роскошныхъ изданій, цѣна за нее назначена возможно низкая, а именно **5 руб.** Въ четырехъ коленкоровыхъ переплетахъ, съ кожаными корешками и изящнымъ тисненіемъ золотомъ — **7 руб. Гг. иногородные** благоволятъ прилагать, сверхъ стоимости, на пересылку **по 1 р.** за каждый экз.

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива", Невскій, 6.**

„НЬЮ-ІОРКЪ"

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ

учреждено въ 1845 г.

Высочайше разрѣшено для дѣйствій въ Россіи въ 1885 г.

Капиталъ обезпеченія на 1 января 1892 г. **Р. 265.748,783.** Общество имѣетъ въ Государственномъ Банкѣ:

а) **Постоянный залогъ въ Руб. 500,000 и**

б) **Полный резервъ** премій по заключеннымъ въ Россіи страхованіямъ, составляющій **на 1 Іюня 1892 г. р. 1.921,169.**

Общество подчинено русскимъ законамъ и судамъ и дѣйствія его находятся **подъ постояннымъ и непосредственнымъ контролемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.**

Общество заключаетъ всѣ виды страхованія жизни на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Особеннымъ успѣхомъ въ Америкѣ и во всѣхъ государствахъ Европы пользуется введенная Обществомъ въ 1872 г. **система накопленія прибылей** (§§ 15 и 16 Правилъ, утвержденныхъ Г. Министромъ Внутр. Дѣлъ), **состоящая въ томъ, что прибыли выдаются страхователямъ не ежегодно, а чрезъ извѣстное, ими самими избранное число лѣтъ.**

Результаты, достигнутые въ 1892 г. по полисамъ съ накопленіемъ прибылей:

1) Лицо **43** лѣтъ заключило въ 1872 г. страхованіе въ **4,000 руб. по плану на случай смерти съ уплатой преміи въ продолженіе всей жизни** (§ 8 п. а. Правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ); въ теченіе 20 лѣтъ имъ уплачено премій **Руб. 2,804.**

По истеченіи 20-лѣтняго періода накопленія прибылей Общество предоставляетъ застрахованному право (§ 16 п. 1 Правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) выкупить свой полисъ за наличную сумму **Руб. с. 3,515,** т. е. за каждые внесенные страхователемъ **100 руб.,** онъ можетъ получить обратно **Р. 125,** послѣ того, что онъ въ теченіе 20 лѣтъ пользовался покровительствомъ страхованія въ суммѣ **Р. 4,000.**

2) Лицо **30** лѣтъ заключило въ 1872 г. страхованіе въ **Р. 10,000 по плану смѣшанному** (т. е. на случай смерти и на дожитіе, § 8 п. 3 Правилъ, утвержд. г. Мин. Внутр. Дѣлъ) **съ уплатой преміи въ теченіе 20 лѣтъ.**

Въ теченіе 20 лѣтъ Обществу уплачено премій **Р. 9,706,** срокъ договора окончился въ нынѣшнемъ году, и страхователь получилъ отъ Общества **Р. 16,476,** т. е. на каждые внесенные застрахованнымъ **100 руб.,** Общество выдало ему **170 руб.,** послѣ того, что онъ въ теченіе 20 лѣтъ пользовался покровительствомъ страхованія въ суммѣ **Р. 10,000.**

За подробными разъясненіями просятъ обращаться: № 5874

въ Главное управленіе для Россіи

С.-Петербургъ, Невскій, № 26.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. **Способъ употребленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Цѣна флакону **1 р. 65 к.**; Бензоевое мыло **35 к.** и **50 к.** кусокъ; Опопомада (лучше кольдъ-крема) **1 р.** Упаковка и перес. въ Европ. Россіи **70 к.,** въ Азіатск. **1 р.** Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРИХА,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, № 18–19. **Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарск. магазин. и аптекахъ Россіи.**

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

К. К. МАЗИНГА, въ Москвѣ,

между Воздвиженкой и Знаменкой, Ваганьковскій переулокъ, **пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ** № 5869 и состоитъ изъ 6 классовъ основного и коммерческаго отдѣленій и химико-техническаго отдѣленія дополнительнаго класса. Во всѣ классы воспитанники принимаются приходящими и пансіонерами. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются воспитанники съ 8 лѣтъ. Начало пріемныхъ экзаменовъ 8 августа. Начало ученія 17 августа.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

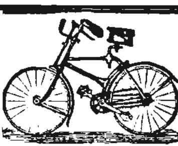
В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 5–4

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Д-ръ Волицкій, возврат. изъ-за границы, лѣчитъ: наружныя, кожчыя, грудныя болѣзни и ракъ. Невск. 71/1, кв. 5. Отъ 1-3 и 6–7½ ч. в.



Большой выборъ вновь полученныхъ велосипедовъ завода Зингера и К° въ Ковентри.

Представитель Генрихъ Георгіевичъ **ЖЕМЛИЧКА** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ.

Высылается прейсъ-курантъ. (5)

Ищу представителей. № 5834

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7–2. № 5607 26–13

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1892 годъ

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

безъ предварительной цензуры

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ"

Условія подписки:	на 1 мѣс. р.	на 1 мѣс. к.	на 3 мѣс. р.	на 3 мѣс. к.	на ½ года р.	на ½ года к.	на годъ р.	на годъ к.
Безъ доставки	—	80	2	—	3	75	6	50
Съ доставкою на домъ въ СПБ.	—	90	2	60	4	50	8	—
Съ перес. во всѣ города Россіи.	1	—	3	—	5	—	9	—

Разсрочка допускается: полугодовая (**5 р.** въ январѣ и **4 р.** къ 1 іюля), по третямъ (**3 р.** въ янв., **3 р.** къ 1 апр. и **3 р.** къ 1 авг.), или же помѣсячно (всего 9 взносовъ, по рублю за каждый мѣсяцъ впередъ).

Требованія на газету адресуются: № 5852 3–2

С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни", Невскій просп., 66.

Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ"

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Основной и запасные капиталы 16.500,000 рублей.

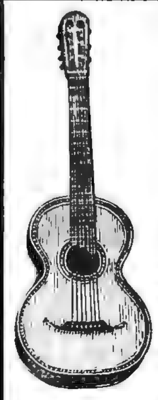
Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1892 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **24,795 лицъ на капиталъ въ 69.328,905 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1892 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. домъ, № 37)** и агентами Общества въ городахъ Имперіи. № 5817 4–4



ГИТАРЫ

въ 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 75 р., 100 р. (отъ 7 р. и дороже съ механизмомъ для настраиванія струнъ). Самоучитель Соколова въ 1½ и 3 р.

По полученіи задатка приблизительно ⅓ стоимости, инструментъ высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

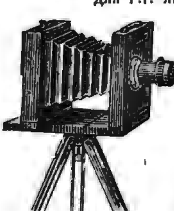
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

для Г.г. любителей.



Вслѣдствіе новѣйш. изобрѣтен. фотографич. искусство такъ легко, что всякій безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна прибора 18, 25, 35, 50 руб. и дор. Ручн. аппараты для моментальныхъ снимковъ 15, 24 р. и дор.

Просимъ не смѣшивать съ рекламируемыми крайне дешев. аппаратами.

Е. КРАУСЪ и К°

фабр. въ Парижѣ, Rue de Bondy, 32.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ въ С.-Петербургѣ, Мойка № 42.

Наставленіе и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно.

№ 5858 2—2

АГЕНТОВЪ 3—3

ищутъ повсемѣстно, для продажи новаго патентованнаго предмета общей потребности.

Deutsche Autocopist Compagnie Berlin N, 24.

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

кусокъ 30 к. Продается вездѣ.

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ И ПОДРАЖАНІЙ ТРЕБУЙТЕ

НАСТОЯЩЕЕ МЫЛО

ИМѢЮЩЕЕ НА ЯРЛЫКѢ КРАСНУЮ ПОДПИСЬ и УТВЕРЖДЕННУЮ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ МАРКУ ЗА №

3374.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ

Ц. № 5789 10—10

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ.

Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19—12

Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КРЫШКИ

ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЙ СОЧИНЕНІЙ

КОЗЛОВА, ГРИБОѢДОВА и ПОЛЕЖАЕВА.

Крышки (образецъ которыхъ здѣсь помѣщается) изготовлены изъ **лучшаго англійскаго коленкора, съ изящными тисненіями золотомъ и краскою.** Цѣна каждой крышки **25 коп.**, съ пересылкою иногороднымъ — **60 коп.**

Въ виду того, что пересылка **всѣхъ трехъ крышекъ** обойдется дешевле чѣмъ каждой отдѣльно, Контора предлагаетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ **выписывать ихъ разомъ**, и въ этомъ случаѣ, она будетъ высылать ихъ **за 1 р. 40 к. съ пересылкою.**

Съ требованіями обращаться въ контору журнала **„Нива"**, СПБ., Невскій, 6.

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. И. КОЗЛОВА.

Изданіе **исправленное и значительно дополненное А. И. Введенскимъ.** Съ біографическимъ очеркомъ **и съ портретомъ Козлова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ. Весьма изящно изданный томъ, въ 8 д. л., 344 стран., на лучшей бумагѣ. СПБ. 1892 г. **Цѣна 1 р.**, а съ пересылкою **1 р. 30 к.**, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 55 коп.**

Издавая въ свѣтъ полное собраніе произведеній И. И. Козлова, мы руководствовались мыслью—воскресить въ памяти потомства поэтическій образъ того, кто нѣкогда сильно повліялъ на русскую умственную жизнь и еще полстолѣтія назадъ вполнѣ заслуженно пользовался большою славою.

Въ основаніе нашего изданія мы положили изданіе 1840 года, съ любовію и знаніемъ дѣла исполненное подъ руководствомъ **В. А. Жуковскаго.** Съ своей стороны мы внесли необходимыя исправленія и дополненія.

Съ требованіями на книгу благоволятъ обращаться въ **СПБ.**, въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6.), а также и ко всѣмъ книгопродавцамъ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (12)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно: Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.

ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10-6 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5742

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ

СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—1

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

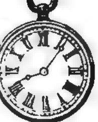
Вазелиновое туалетное мыло	кус.	30 к.
Вазелиновая жирная пудра	кор.	60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ	бан.	35 к.
Вазелиновая помада	бан.	35 к.
Ландышевое молоко	фл.	1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб.

Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ



Г. ВАЛЬТЕРЪ (5)

Спеціалистъ хронометровъ.

СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки.

Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5868

ЗОЛ. МЕДАЛЬ, благодар. короля Эллиновъ и др. Въ 6 уроковъ выучиваю писать красиво и скоро заочно. За одно 7 к. марк. выс. услов. Одесса. Дериб., проф. кал. **Кочидарисъ.**

НОВЫЕ АНГЛІЙСКІЕ ДУХИ

Crab-Apple Blossoms

экстра-концентрированн. Съ освѣжающимъ пріятнымъ запахомъ, долго не выдыхающимся, и поэтому весьма экономные при употребленіи.

Достаточно нѣсколькихъ 2—1 капель. № 5870

Приготовляетъ исключительно **THE CROWN PERFUMERY C°.**

177 New Bond Str. London.

Продажа у всѣхъ главныхъ парфюмеровъ.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

въ громадномъ выборѣ получить и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30—16.

Москва, Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова.

Харьковъ, Московская ул., д. № 2.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО № 580 (9)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

НЕ РЕКЛАМА

а дѣйствительно оказавшіеся ничѣмъ не замѣнимые по прочности кальсоны изъ

ТВИСТЪ

1-й доброт. въ спеціал. маг. бѣлья

Ю. ГОТЛИБЪ,

С.-Петербургъ, по Владимірск., д. 2, уголъ Невск. пр. Цѣна 1 р. 75 к. за каждые. Перес. за 3 штуки 1 р., по Азіатск. Россіи—1 р. 75 к. Менѣе 3-хъ не высыл. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. Предлагаемые кальсоны др. маг. дешевле, не есть Твистъ, а только желаніе поразить дешевизною, ввода покупателей въ заблужденіе. Р. № 5875

Дозвол. ценз., СПБ, 1 іюля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса Ср. Подъяч., № 1.

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XXIII г. № 29 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 іюля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

СПБ. градоначальникъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ фонъ-Валь.

Важный и отвѣтственный постъ градоначальника столицы не могъ долго оставаться вакантнымъ, и 4 мая состоялся Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о бытіи Курскому губернатору, свиты Его Величества генералъ-маіору фонъ-Валю, С.-Петербургскимъ градоначальникомъ.

5 мая В. В. фонъ-Валь выѣхалъ изъ Курска и 7 мая, въ 10½ часовъ утра, прибывъ съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги въ СПБ., прямо съ вокзала отправился въ Казанскій соборъ; приложившись къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, онъ прослѣдовалъ на квартиру къ господину министру Внутреннихъ Дѣлъ, и затѣмъ проѣхалъ въ Новое Адмиралтейство, гдѣ въ этотъ день въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ происходилъ спускъ мореходной канонерской лодки „Гремящій“ и состоялась закладка двухъ новыхъ эскадренныхъ броненосцевъ. Здѣсь, на Галерномъ островкѣ, онъ имѣлъ счастіе представиться Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Великимъ Княгинямъ и Князьямъ, присутствовавшимъ здѣсь при закладкѣ Ихъ Величествами эскадренныхъ броненосцевъ.

С.-Петербургскій градоначальникъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Викторъ Васильевичъ фонъ-Валь. Съ фот. Нужденка, грав Шюблеръ.

Принявъ затѣмъ отъ завѣдующаго наружной полицейской частью, полковника А. Е. Лебедева, сдаточный рапортъ, вступилъ въ управленіе петербургскимъ градоначальствомъ и вечеромъ того же 7 мая издалъ свой первый приказъ.

На другой день, послѣ представленія ему всѣхъ чиновъ полиціи и управленія градоначальства, фонъ-Валь пригласилъ всѣхъ представлявшихся въ церковь градоначальства, гдѣ, помолясь, началъ службу свою ввѣренной его заботамъ столицѣ

Прошлая служба В. В. фонъ-Валя, въ теченіе *шестнадцати* лѣтъ, на административныхъ постахъ, требующихъ неослабной энергіи, автори-

тета, большихъ администраторскихъ способностей, извѣстнаго такта и распорядительности, объясняетъ въ извѣстной степени назначеніе В. В. фонъ-Валя въ Петербургъ.

Викторъ Васильевичъ фонъ-Валь родился въ 1840 году, въ имѣніи своего отца, д. Сигниферъ, на границѣ Лифляндіи съ Эстляндіей.

Происходя изъ почтенной дворянской семьи, фонъ-Валь, получивъ прекрасное домашнее воспитаніе и научную подготовку, вступилъ въ военную службу и по окончаніи образованія въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ былъ, въ 1859 году, произведенъ въ первый офицерскій чинъ.

Во время усмиренія польскаго возстанія въ 1863 году, штабсъ-ротмистръ фонъ-Валь, командуя летучими кавалерійскими отрядами, былъ контуженъ въ одномъ дѣлѣ съ инсургентами. За оказанныя мужество и храбрость въ 1863—1864 гг. фонъ-Валь награжденъ орденами Св. Станислава 2-й ст. съ мечами и Св. Анны 3-й степ. съ мечами и бантомъ, и за боевыя же отличія произведенъ въ ротмистры.

Во время безпорядковъ, бывшихъ въ Варшавѣ въ 1865 году, В. В. фонъ-Валь состоялъ адъютантомъ при намѣстникѣ Царства Польскаго графѣ Бергѣ, и объѣзжая съ нимъ городъ въ коляскѣ, былъ контуженъ въ ногу осколкомъ орсиньевской бомбы, брошенной въ графа Берга изъ окна палаца графа Замойскаго; съ крыши и изъ оконъ этого палаца на графа Берга и его адъютанта фонъ-Валя были бросаемы желѣзныя сковороды со взрывчатымъ веществомъ; въ этомъ же мѣстѣ были брошены и взорвались подъ самой коляской *пять* разрывныхъ бомбъ, убившія подъ конвойнымъ казакомъ лошадь. Въ 1874 году, будучи чиновникомъ особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа, полковникъ фонъ-Валь былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Съ 1876 года начинается административная дѣятельность фонъ-Валя, при чемъ онъ послѣдовательно занимаетъ административные посты: Ярославскаго вице-губернатора, и. д. Гродненскаго губернатора; въ 1879 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества и назначается губернаторомъ въ Харьковъ; затѣмъ послѣдовательно управляетъ губерніями: Витебскою, Подольскою, Волынскою, и наконецъ Курскою. За время его управленія Подольской губерніей дороги и мосты губерніи приведены въ исправность, упорядоченъ весь административный строй и реорганизованъ личный составъ полиціи.

На Волыни В. В. фонъ-Валемъ было обращено особое вниманіе на поддержаніе и возобновленіе древнихъ памятниковъ русской жизни и православія въ краѣ. Такъ, при непосредственномъ его наблюденіи начаты работы по возобновленію древняго собора въ городѣ Острогѣ, построеннаго княземъ Острожскимъ.

Фонъ-Валемъ же былъ поднятъ вопросъ, близящійся нынѣ къ благополучному окончанію — о возобновленіи древняго собора Успенія Божіей Матери въ городѣ Владимірѣ-Волынскѣ (одно изъ величественнѣйшихъ сооруженій), построеннаго великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, внукомъ Св. Владиміра.

Одной изъ важнѣйшихъ заслугъ фонъ-Валя на Волыни были его заботы: о санитарномъ состояніи городовъ и мѣстечекъ губерніи, а въ особенности г. Житоміра, о приведеніи въ блестящее состояніе дорогъ, устройствѣ шоссе (послѣднее посредствомъ примѣненія *впервые* арестантскаго труда), а также устройство въ г. Житомірѣ школы земскихъ полицейскихъ урядниковъ, каковая комплектуетъ этими чинами земскую полицію всего Юго-западнаго края.

Кромѣ неоднократныхъ Монаршихъ благоволеній и Высочайшихъ наградъ, В. В. фонъ-Валь имѣетъ ордена: Св. Анны 1, 2 и 3-й степ. (послѣдній съ мечами и бантомъ), Св. Станислава 1 и 2-й ст. съ Императорской короной (послѣдній съ мечами), Св. Владиміра 3-й и 2-й ст. Изъ иностранныхъ орденовъ В. В. фонъ-Валь имѣетъ: австрійскій Франца-Іосифа Командорскій крестъ, прусскій Краснаго Орла 3-й ст., Прусской короны 2 ст., австрійскій Желѣзной короны, мекленбургъ-шверинскій Вендской короны 2-й ст. и черногорскій князя Даніила I-го со звѣздою.

При прощаніи съ Курскомъ, на долю генералъ-майора фонъ-Валя и его супруги выпало не мало сочувствованій, выразившихся цѣлымъ рядомъ чествованій и другими лестными проявленіями симпатій, пріобрѣтенныхъ ими среди всего городского населенія города Курска. Въ экстренномъ засѣданіи городской думы единогласно постановлено просить генерала принять званіе почетнаго гражданина города Курска и благодарственный адресъ. **А. А. Х—ъ.**

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

Въ ту минуту, когда на террасу входилъ лордъ Говерсвифтъ со своимъ обществомъ, на Темзѣ, подъ самымъ парапетомъ, повстрѣчались два парохода. Одинъ шелъ изъ города въ сады Кью, въ Ричмондъ и Виндзоръ; другой возвращался оттуда, съ хоромъ музыкантовъ, гремѣвшихъ какой-то вальсъ. Палубы обоихъ были переполнены веселой, нарядной публикой, настроенной по-праздничному. Насколько англичане высшаго общества чопорны въ своихъ гостиныхъ, настолько средніе классы безцеремонны и демонстративны, въ особенности на прогулкахъ. Встрѣтясь почти бортъ о бортъ, подъ самой террасой, тоже оживленной большимъ обществомъ, пассажиры пароходовъ привѣтствовали другъ друга и гостей членовъ парламента радушными возгласами, улыбками, киваньями головъ и маханіемъ шляпъ и платковъ.

Зрѣлище было такое оригинально веселое, что Леннели и Завольская остановились пораженные. Неугомонная Катя, пріостановившаяся было съ лордомъ Арчеръ Нильстономъ въ сѣняхъ, передъ фотографіями членовъ парламента, любуясь безобразіемъ мистеръ Бальфура, услышавъ музыку выскочила, какъ бомба, вся сіяющая.

— Посмотрите! Посмотрите! кричала она по-русски и нѣсколько громче, чѣмъ дозволяло британское благоприличіе.—Посмотрите, Лидія Львовна! Ну развѣ я не правду вамъ разсказывала про безцеремонность *рѣчныхъ* нравовъ и обычаевъ у англичанъ?.. На чистомъ воздухѣ, особенно на водѣ — это совсѣмъ другіе люди!

При звукахъ русскаго говора, не совсѣмъ обыкновеннаго на Вестминстерской террасѣ, одна изъ дамъ стоявшая у парапета медленно повернула голову и свысока оглядѣла ихъ. Дама эта, высокая, стройная блондинка, одѣтая очень элегантно вся въ черномъ, была не молода; но даже изъ-подъ вуаля, лицо ея хотя смотрѣло больнымъ, по крайней мѣрѣ сильно истомленнымъ, все-же невольно останавливало вниманіе еще несомнѣнною красотой.

Отъ одной изъ скамей отдѣлились тоже двѣ дамы, направляясь къ ихъ группѣ. Впереди быстро шла смуглая хорошенькая дѣвушка, видимо не слушаясь останавливавшей быстроту ея движеній дамы, которая степенно за ней слѣдовала. Если бы гости Говерсвифта и не были знакомы съ его дочерьми, Мэбль Нильстонъ нельзя было не узнать по сходству съ братомъ ея, лейтенантомъ. Они были родные сестра и братъ, дѣти послѣдней жены маркиза. Леди Алиса, горделиво выступавшая за ней, не имѣла ни малѣйшаго сходства съ ними. Она, поздоровавшись со всѣми, вступила въ степенную бесѣду съ Леннелями; тогда какъ остальные, не исключая и стараго маркиза, вели свою, болѣе оживленную бесѣду.

Мэбль была большая любимица обѣихъ дѣвушекъ. Катерина Ильинична, изъ всей семьи маркиза, ей одной симпатизировала, познакомившись на лету, у Леннелей. Теперь симпатія ея раздѣлилась, перейдя на лорда Арчера, котораго она до сихъ поръ не знала, благодаря почти постоянному пребыванію его въ плаваніяхъ.

Разговоръ сейчасъ-же перешелъ на предполагаемую прогулку по Темзѣ на паровой яхтѣ маркиза. У нихъ, неподалеку отъ парковъ Гемптонъ-Корта, была на рѣкѣ баржа-вилла, на которой, до обычныхъ ежегодныхъ путешествій за границу, они проводили иногда нѣсколько дней въ іюнѣ или іюлѣ. Туда, на эту рѣчную дачу, и собирались они устроить увеселительную поѣздку на цѣлый день, съ музыкой и танцами.

Мэбль разсказывала, что дачу ужь приводятъ въ порядокъ, убираютъ и что если будутъ стоять такіе дни,

то скоро можно будетъ ѣхать. Она просила Лидію непремѣнно уговорить „her friend Katya“ ѣхать съ ними и тутъ-же просила сама Катю и требовала чтобы отецъ просилъ ее... Только къ сестрѣ не рѣшилась-бы балованная миссъ Нильстонъ обратиться съ такой просьбой, и обѣ искусно обходили вопросъ. Леди Алисѣ такое нарушеніе всѣхъ общественныхъ законовъ,—приглашеніе дѣвушки, семьи которой они совсѣмъ не знали, казалось совершеннымъ безобразіемъ; но проученная горькимъ опытомъ, она не вмѣшивалась въ рѣшительныя распоряженія своей сестры.

Лидія наблюдала эту маленькую комедію, разсѣянно отвѣчала на любезности стараго маркиза и не замѣчая, что его вниманіе къ ней очевидно еще болѣе, чѣмъ „выходки миссъ Мэбль“, приводитъ чопорную старую дѣвицу въ благородное негодованіе... Лидія Львовна была развлечена. Сестра только что шепнула ей, указывая глазами на даму въ черномъ, у парапета:

— Смотри, Дилли! Это русская, ужасная оригиналка!.. Говорятъ, какая-то большая аристократка. Послѣдовательница нашего Дальнина, знаешь? Проповѣдника!.. Вотъ что всякую минуту ожидаютъ пришествія Христа.

— Какъ ея фамилія? живо спросила Лидія.

Но сестра ей сказать не могла. Она знала даму за русскую только потому, что ей разъ указали на нее, въ одной благотворительной процессіи, гдѣ она собирала въ пользу бѣдныхъ.

Сѣрые, глубокіе до того что порой казались черными, глаза высокой дамы то и дѣло обращались въ ихъ сторону. И Лидія Львовна смотрѣла на нее не то съ жалостью, не то съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, сжимавшимъ ей сердце,—чувствомъ, которому она не находила ни опредѣленія, ни причины.

Возвратившись домой, Лидія цѣлый день была подъ впечатлѣніемъ этого взгляда и никакъ не могла отвязаться отъ мысли объ этой незнакомой женщинѣ.

Вечеромъ, придя въ свою комнату, она вдругъ что-то сообразила... Подумала и тронула пуговку звонка.

Эмли Мидъ явилась тотчасъ.

— Вы не знаете, Эмли, фамиліи этого русскаго господина, къ которому вотъ, собираются... Что вы утромъ разсказывали? спросила Завольская.

— Ахъ! Графа этого?.. Какъ-же знаю-съ: графъ Дальнинъ ихъ зовутъ.

— Да?.. А... вы не знаете, есть у него жена?

— Жена-съ?.. Нѣтъ... кажется, что они не женатые.

— Не женатъ?.. Я думала... Мнѣ сегодня одну русскую даму показывали и говорили, что она въ этомъ обществѣ Дальнина принимаетъ большое участіе...

— Тамъ много дамъ, барышня. И важныхъ такихъ!.. Все въ каретахъ, съ ливрейными лакеями пріѣзжаютъ.

— Да?.. Ну хорошо, Эмли. Благодарю васъ, вы мнѣ не нужны... Смотрите же узнайте, когда собраніе у графа Дальнина и скажите заранѣе. Мы съ Катериной Ильиничной непремѣнно побываемъ.

XV.

Но побывать на митингѣ чающихъ втораго пришествія—Завольской не пришлось. Оказалось, что русскій аристократъ, стоящій во главѣ этого 1001-го сектантскаго движенія нашихъ временъ, боленъ; уѣхалъ на морской берегъ, въ Брайтонъ, и собранія временно прекращены.

Продолжаются ли они въ Брайтонѣ — этого Лидія Львовна никакъ не могла узнать... Развѣ съѣздить въ Брайтонъ?.. Всего часа два пути. Но если даже и придумать partie de plaisir туда, — что же успѣешь узнать, въ нѣсколько часовъ, въ городѣ, гдѣ пока и знакомыхъ совсѣмъ нѣтъ. Позже, послѣ лондонскаго сезона, многіе собирались туда ѣхать, и сами Леннели предполагали въ іюлѣ провести тамъ нѣсколько недѣль. Надо было ждать.

Между тѣмъ жизнь шла обычнымъ круговоротомъ удовольствій. Въ концѣ апрѣля состоялась увеселительная экскурсія по Темзѣ на паровой яхтѣ маркиза, съ музыкой и обѣдомъ на палубѣ его баржи-виллы; съ прогулкой въ паркъ, дворецъ и картинную галлерею древняго Hampton Court. Въ маѣ, на этой баржѣ, гдѣ кромѣ столовой-палубы уставленной цвѣтами, картинно завѣшанной яркими тентами и подвижными китайскими зонтами, были внизу большая общая комната и десять отдѣльныхъ спальныхъ-каютъ, Завольская и Морина провели три дня.

Ничего не можетъ быть живописнѣй, оригинальнѣй и веселѣй, при условіяхъ хорошей погоды и пріятнаго общества, такихъ лѣтнихъ стоянокъ на рѣчныхъ виллахъ англичанъ. Неподвижныя баржи, со всѣми удобствами дачи, соединены съ берегомъ сходнями и представляютъ лишь pied-à-terre, преимущественно для ночевокъ; жизнь же ихъ владѣльцы, со своими гостями, во время пребыванія на нихъ, ведутъ, словно амфибіи, наполовину водяную. Цвѣтущіе берега Темзы, со своими красавцами-парками, живописными зáмками и виллами, утопающими въ цвѣтахъ, ихъ не привлекаютъ такъ сильно, какъ сама рѣка. Цѣлыми днями у нихъ многообразные спорты на водѣ и въ водѣ; гонки и состязанія въ плаваніяхъ на болѣе или менѣе утлыхъ ладьяхъ, при помощи веселъ, парусовъ и собственныхъ рукъ. Всѣ шлюзы переполнены, отъ ранняго утра до вечера, лодками и лодочками, барками и катерами, ожидающими подъема воды въ мелководныхъ мѣстахъ Темзы. Вотъ вносятся они въ открытыя, вверху теченья, ворота и неподвижно останавливаются, запертые между гранитными стѣнами шлюза. Сверху смотрятъ на нихъ любопытствующіе, гуляющіе, сторожа и мальчишки-нищенки, выпрашивающіе фартингъ, а за пенни, брошенную въ воду, всегда готовые нырнуть на дно, а вынырнувъ передраться. Вода прибываетъ бурля и шипя, и постепенно флотилія подымается на ней, выше и выше, пока не сравняется съ берегами. Какъ только публика, находящаяся на лодкахъ, не принуждена больше подымать головы, чтобъ видѣть находящихся по краямъ шлюза, а напротивъ смотритъ сверху внизъ на зелень и цвѣтники, которые его обыкновенно окаймляютъ, — медленно снимаются затворы, сдерживающіе противуположныя ворота; они широко разверзаются и вода, подхвативъ всю флотилію, плавно, быстро и красиво переноситъ ее черезъ отмель...

А за верхними воротами ужь сплотились вновь прибывающія суда и ждутъ въ свою очередь входа и выхода на рѣчной просторъ.

Такими картинками на верховьяхъ Темзы можно любоваться цѣлые дни; точно такъ же, какъ и множествомъ мелкихъ, живописныхъ виньетокъ, по всему ея теченію: веселыми группами, пріютившимися въ лодкахъ, подъ тѣнью вязовъ и плакучихъ ивъ, чтобъ позавтракать или пообѣдать; шумными пароходами, на палубахъ которыхъ идетъ оживленный плясъ, гремитъ музыка, пока они летятъ, на всемъ ходу; дюжими гребцами облаченными въ ярко-полосатую фланель безъ рукавовъ, перегоняющими паровыя суда, или молодыми дѣвицами, ловко справляющимися, въ одиночку, съ парусомъ и рулемъ.

На лужкахъ, въ прибрежныхъ коттеджахъ, между тѣмъ процвѣтаютъ оживленныя игры, любимыя препровожденія времени британской молодежи обоего пола: крокетъ, крикетъ, лоунъ-теннисъ. Между парками, зáмками и виллами непрерывное движеніе экипажей, верховыхъ и пѣшеходовъ; оживленіе полное! Развлеченій вдосталь.

Но какою усталою душевно и физически утомленною возвратилась Лидія Львовна къ сестрѣ, послѣ этихъ пестрыхъ и разнообразно суетливыхъ дней, проведенныхъ въ гостепріимной семьѣ маркизаГоверсвифта!..

Семейное счастіе. Карт. Г Семирадскаго, грав Шюблеръ.

Свѣжій вѣтеръ. Съ карт. Ганса Даля, грав. Киризе.

Какъ искренно позавидовала она непритворному, задушевному довольству и веселію своей молоденькой подруги!

Катино счастіе было очевидно. Не говоря собственно объ удовольствіяхъ такого „рѣчнаго спорта“, она успѣла по уши влюбиться въ Арчёръ Нильстона; а съ сестрой его уже имѣла сотни плановъ будущаго препровожденія времени въ Селливанъ-Меншіонѣ, замкѣ лордовъ Нильстонъ. Эти планы и замыслы были настолько занимательны для Кати Мориной, что даже нѣсколько ее утѣшали въ неизбѣжномъ уходѣ лейтенанта въ море, по окончаніи лѣтнихъ вакацій.

Іюнь привелъ на очередь Аскотскія скачки, со всѣмъ ихъ бѣшенымъ движеніемъ, съ переселеніемъ всего Лондона изъ постоянныхъ жилищъ въ бараки, балаганы, собственные экипажи, общественные омнибусы и наемные шарабаны — на мѣсто дѣйствія.

Разумѣется, Леннели со своей семьей, за исключеніемъ двоихъ меньшихъ дѣтей, ѣздили туда; они замышляли въ тотъ же вечеръ спокойно вернуться по желѣзной дорогѣ, но имъ это не удалось. Лордъ Говерсвифтъ имѣлъ на мѣстѣ постоянное помѣщеніе для бурныхъ „Аскотскихъ празднествъ“ и пригласилъ ихъ къ себѣ, съ тѣмъ, чтобъ на возвратномъ пути провезть ихъ по всѣмъ правиламъ британскаго благороднаго спорта: въ громадной колымагѣ-шарабанѣ на двадцать душъ, пресловутымъ „four in hand“ [1]). Одинъ изъ его сыновей, третій или четвертый по счету, былъ присяжный возница, знатокъ въ лошадяхъ, упряжи и экипажахъ; чуть ли не одинъ изъ тѣхъ любителей этого спорта, которые прославились извозчичьимъ искусствомъ, con amore разыгрывая роли наемныхъ кучеровъ, — развозя по ночамъ лондонскую публику изъ театровъ и съ баловъ, за обычную плату. Этотъ аристократъ-извозчикъ на сей разъ былъ de la partie и лихо прокатилъ все общество съ Аскотскихъ скачекъ, въ высочайшемъ, громоздкомъ шарабанѣ, ловко правя четверкой заводскихъ коней-красавцевъ, на выносъ.

Этотъ представитель стараго рода Нильстоновъ тоже рѣдко сходился съ членами своей родной семьи, предпочитая держаться особнякомъ, своей, холостой компаніи. Онъ дамскаго общества не долюбливалъ, но соблаговолилъ выказать снисходительное вниманіе Завольской, по поводу ея любви къ лошадямъ и нѣкотораго знанія въ нихъ толку.

Когда Арчеръ добродушно замѣтилъ ему, чтобъ онъ не очень-то ухаживалъ за этой хорошенькой русской, чтобъ не возбуждать „the governor's jealousy“,—ревность папаши,—старшій братъ ему флегматично отвѣтилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, что-жь! Онъ могъ выбрать хуже... I'll bet the old chap might take a worst wife, one of these days!.. [2])

Меньшой Нильстонъ пересказалъ Катѣ такое лестное мнѣніе старшаго брата о подругѣ ея, а та разумѣется передала его Лидіи Львовнѣ, что послужило имъ надолго предметомъ смѣха и коментарій.

Старикъ въ самомъ дѣлѣ такъ явно сталъ выказывать вниманіе Лидіи, что чувство благоприличія окончательно возстало въ Павлѣ Львовнѣ, и она, наконецъ, рѣшилась высказать сестрѣ своей неодобреніе и протестъ противъ ея образа дѣйствій и на сей разъ ужь не шутя, а очень серьезно.

— Ты, моя душа, все шутишь, но я со стороны лучше вижу, чѣмъ ты! сказала она въ заключеніе. — Твое кокетство съ этимъ полоумнымъ старикашкой право не благовидно. Вѣдь замужъ за него ты не пойдешь?.. Зачѣмъ же поощрять его ухаживанія?.. Зачѣмъ возбуждать противъ себя непріязнь семьи его и вообще общественное мнѣніе?.. Ты здѣсь чужая, къ тебѣ не будутъ имѣть снисхожденія... Да, къ несчастію, я, хоть и своя, но оправданія въ этомъ случаѣ тебѣ не вижу.

— Я и сама его не вижу — да и не ищу!

Слова эти вдругъ сорвались, для нея самой неожиданно, съ языка Лидіи Львовны. Она долго молчала, долго слушала искреннія рѣчи сестры, не возражая, но и не соглашаясь съ ней, и вдругъ встала и такъ отчаянно заломила руки, такъ тоскливо глянула на нее, что у Павлы Львовны сердце сжалось и она, тоже вставъ, даже не нашлась, что сказать, кромѣ безцѣльнаго возгласа:

— Милочка! Такъ изъ-за чего же?..

— Изъ-за чего?! горько прошептала Лидія, глядя прямо въ глаза сестрѣ: — изъ-за тоски!.. Изъ-за безумія!.. Изъ-за непоправимой, злой шутки, которую безправно сыграла со мной судьба!

И къ величайшему изумленію, жалости, ужасу сестры, у этой всегда спокойной, всегда веселой дѣвушки вдругъ хлынули градомъ страстныя слезы.

Какъ грозная, неудержимая вешняя буря пронеслись эти слезы; эти давно сдерживаемыя, давно рвавшіяся на волю рыданія. Лидія Львовна сѣла, опустила голову на локоть согнутый на столѣ, спрятавъ лицо свое, выплакалась, пока не вернулись къ ней сознаніе и воля, и черезъ минуту, отеревъ глаза, уже съ улыбкой смотрѣла на сестру.

— Ну, довольно! Прошло!.. Ты, конечно, права: я непростительно и постыдно поступала... Я постараюсь все поправить, но... видишь ли, Павочка! Ужь очень тяжело мнѣ!.. Часто невмоготу съ собою справиться иначе, какъ дурачась!.. Дробясь на мелочи, на шутки... Смѣясь надъ всѣмъ и всѣми, начиная съ себя!.. Съ другимъ я, конечно бы, сдерживалась, пожалѣла бы... Но этотъ семидесяти-лѣтній поклонникъ вѣдь только смѣхъ внушаетъ!

— Но согласись, родная, что вѣдь тѣмъ грѣшнѣй имъ забавляться! прервала было Павла Львовна.

Но младшая сестра и говорить не дала ей, обнявъ ее и цѣлуя:

— Знаю, знаю, знаю!.. Довольно. Замолчи, дружокъ, чтобъ я себя совсѣмъ не возненавидѣла!.. Я ужь и такъ себя презираю... за свою слабость! За неумѣніе справиться... Ну! Все равно. Довольно!.. Спасибо, что открыла мнѣ глаза на... на мое неблаговидное поведеніе!

И Лидія Львовна засмѣялась, словно ни въ чемъ не бывало.

XVI.

Наступилъ іюнь съ его полнымъ расцвѣтомъ, съ золотисто-туманными, жаркими днями. Сады и парки пышно цвѣли съ утра до поздней ночи переполненные людской пестротой. Ботаническіе сады Кью, со своими двадцатью хрустальными павильонами, съ экзотическими прудами и всесвѣтными деревьями-великанами, съ пальмовыми рощами, кіосками и китайскими пáгодами, благоухали на нѣсколько миль въ окружности, представляя собой ужь не собраніе разнообразныхъ теплицъ, а сплошную, открытую, великолѣпную оранжерею.

Въ Гайдъ-паркѣ фешіонебельные экипажи, а въ особенности верховые и амазонки замѣтно рѣдѣли; лондонскій „свѣтъ“ испарялся. Свободные люди разлетались по Европѣ, по водамъ и морскимъ берегамъ; но высшая аристократія еще была прикована къ столицѣ парламентскими обязанностями.

Ждали конца сессіи, закрытія палатъ, чтобъ въ августѣ окончательно разбрестись, оставивъ Лондонъ *пустымъ*—de jure, но никакъ не de facto; исчезающіе на время шести-недѣльныхъ лѣтнихъ праздниковъ счастливцы, какая-нибудь сотня тысячъ, пользующихся вакаціями, незамѣтны въ непрестанномъ движеніи милліоновъ вѣчныхъ тружениковъ, не имѣющихъ возможности отдохнуть.

Большинство знакомыхъ сэръ-Эдвина и леди Леннель

[1]) Четверкой на выносъ.

[2]) Объ закладъ побьюсь, старый шутъ можетъ не нынче завтра взять и худшую жену.

ужъ оставили городъ, а они еще не выѣзжали, хотя ихъ давно ожидала вилла въ Брайтонѣ. Рѣшено было въ это лѣто далѣе окрестностей Лондона не двигаться. Вѣдь по близости, по скорости и удобству сообщеній окрестности Лондона — вся Англія, не исключая ни Шотландіи, ни „Зеленаго острова“ вѣчно голодающихъ и вѣчно шумливыхъ ирландцевъ, которые можно, пожалуй, счесть за предмѣстья столицы. Въ концѣ іюня, наконецъ, Лео Леннель покончилъ переходные экзамены; торжественно водрузилъ на голову четыреугольный блинъ, знаменующій — въ Англіи — избранныхъ школяровъ, удостоившихся награды, и вернулся въ отчій домъ на всѣ вакаціи. Ждать было долѣе нечего. Два часа желѣзно-дорожной сутолоки—и вся семья очутилась на берегу моря.

— Такъ вотъ онъ, Брайтонъ!.. Я его себѣ представляла совсѣмъ инымъ, по описаніямъ въ романахъ! призналась Завольская, послѣ первой же прогулки.

Она, усталая отъ городскаго грома и суеты, мечтала отдохнуть на морскомъ берегу, почти въ деревенскомъ привольи, а вмѣсто тишины и успокоенія нашла шумную, уличную жизнь, вѣчную выставку и вѣчную суету. На бѣду здѣсь даже и дома негдѣ было уединиться. Ихъ вилла, хотя одна изъ лучшихъ, разумѣется была гораздо тѣснѣй, чѣмъ городской домъ и, вся прозрачная, стояла на виду и слуху уличнаго шума. Крики продавцевъ, гулъ экипажей, шарманки, бродячіе оркестры, трубные звуки и завыванія воиновъ арміи Спасенія,—все здѣсь было назойливѣй чѣмъ въ Лондонѣ. Даже на морской просторъ нельзя было полюбоваться минуя вѣчную ярмарку житейской суеты, царившую съ утра до поздней ночи по набережнымъ—и верхней, и нижней...

Пробовала она вставать пораньше, но сутолока начиналась рано. Оставалось ее игнорировать; миновать и взоромъ и мыслями людскую толпу, стараясь забыть о ней... Такъ Лидія Львовна и дѣлала.

Гуляя въ одно утро съ дѣтьми, она заглядѣлась на необозримую ширь спокойнаго, сіявшаго моря, которое впервые увидала такимъ мирнымъ. На горизонтѣ оно сливалось съ небомъ, въ дымкѣ легкаго тумана, горѣвшаго и переливавшагося всѣми радужными цвѣтами опала. Тамъ картинно бѣлѣли безчисленные паруса; разстилали черные и сѣрые хвосты дыма ближніе и дальніе пароходы; серебристыми точками мелькали чайки, вившіяся стаями и качавшіяся на волнахъ, невдалекѣ отъ передвижныхъ будочекъ на колесахъ, для купающихся, которыхъ онѣ совсѣмъ не боятся. На Parade, — какъ англичане почему-то называютъ всякую приморскую набережную, глотая при этомъ первое *а*, такъ что выходитъ совсѣмъ безсмысленное слово *прэдъ*,— стояла обычная утренняя сутолока; сутолока купальная и дѣтская, со множествомъ нянюшекъ и гувернантокъ, съ школьными проповѣдниками, громко поучающими кружки дѣтей, сидящихъ на прибрежномъ пескѣ; со школьниками перебѣгающими отъ одного зрѣлища къ другому: отъ панорамы—къ фокуснику, глотателю огня и шпагъ; отъ пѣвцовъ, *искусственныхъ* негровъ, вымазанныхъ сажей,—къ „философу“, попросту къ клоуну въ фригійскомъ колпакѣ, выкрикивающему толпѣ смѣхотворныя истины и предсказанія.

Всѣ эти мелкія, суетливыя подробности внѣшней, оригинальной жизни англичанъ, давно перестали занимать Завольскую. Вдали, лѣвѣе, не унялись еще шумныя сцены утреннихъ купаній; а по всему сіявшему взморью было разбросано множество оригинальныхъ душегубокъ,—плотовъ или вѣрнѣе бревенъ, соединенныхъ перекладинами; а не то крохотныхъ, полу-подводныхъ лодочекъ „на одного“, которыя не тонутъ лишь благодаря гуттаперчевымъ, воздушнымъ приспособленіямъ. Все это инструменты водныхъ *спортовъ*. На такихъ утлыхъ челнахъ, пловцы забираются далеко въ море и тамъ производятъ, съ ихъ помощью, всевозможныя эволюціи, сальтомортале внизъ головами, соперничая въ ловкости, искусствѣ, неустрашимости и силѣ. На берегахъ многочисленные зрители любуются и аплодируютъ.

Одному такому ловкачу въ полосатомъ трико, уже нѣсколько минутъ производившему морскую гимнастику, такъ громко аплодировали, что аплодисменты покрывали людской шумъ и долетали на высоту, съ которой смотрѣла Завольская. Пробужденная отъ думъ, она невольно вскидывала глаза и съ досадой про себя заключала: „Вотъ клоунъ!.. Навѣрно какой-нибудь лордъ, милліонеръ и представитель древняго рода, кривляется на потѣху зѣвакамъ...“

Она давно рѣшила, что большинство англичанъ, особенно аристократія, въ молодости — клоуны, а къ старости почти всѣ немножко помѣшаны... Таково было ея интимное убѣжденіе, которымъ она ни съ кѣмъ не дѣлилась, но на которомъ лично успокоилась; но на сей разъ ее почему-то эволюціи гимнаста-пловца, въ пестромъ трико, раздражали...

Она старалась и не смотрѣть въ его сторону, слѣдя за повозкой запряженной двумя бѣлыми козлами, въ которой мистеръ Эдди катался въ сопровожденіи няни, гувернантки и двухъ сестеръ, составлявшихъ ему почетную свиту, какъ вдругъ услышала въ двухъ шагахъ отъ себя русскую рѣчь.

— Это, кажется, опять младшій сынъ лорда Соутерлейта тамъ упражняется?.. Головорѣзъ!.. Ужъ сколько отъ отца ему достается!.. На слѣдующемъ митингѣ, Наталья Михайловна, напомните мнѣ сказать старику.

— Хорошо... только... какое намъ дѣло? былъ неохотный, тихо вымолвленный отвѣтъ.

Строгое внушеніе послѣдовало со стороны высокаго, стройнаго, красиваго пожилаго человѣка, стоявшаго у перилъ набережной, лицомъ къ Завольской.

Она невольно полюбовалась этимъ красивымъ, тонкимъ лицомъ, на которомъ явно запечатлѣлась болѣзненная дума.

Лицо стоявшей возлѣ него дамы, одѣтой съ ногъ до головы въ черное, не было сначала видно Лидіи Львовнѣ; но когда она медленно повернулась въ ея сторону, — чтобъ продолжать прогулку съ господиномъ, противъ правилъ не ей подававшимъ руку, а на нее опиравшимся и очевидно еле передвигавшимъ больныя ноги, — Лидія Львовна не могла сдержать движенія: сквозь густую черную вуаль она узнала даму видѣнную ею въ Вестминстерѣ. Глаза ихъ встрѣтились, и опять странное чувство непріятно сжало сердце молодой дѣвушки...

Точно лучъ этихъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ добирался до сердца ея и поражалъ его холодомъ... Но почему?.. Дама была такъ красива и смотрѣла такъ серьезно, глубоко и ласково, что взглядъ ея не могъ быть непріятенъ... А былъ!.. Ей, Завольской, — былъ въ высшей степени тягостенъ и непріятенъ.

Она проводила эту странную пару взглядомъ, и только, когда прошли они и свернули, чрезъ набережную, въ одну изъ поперечныхъ улицъ, сообразила:

„Не Дальнинъ-ли этотъ больной старикъ?.. Навѣрное онъ! Какъ жаль, что я не посмотрѣла внимательнѣй! Отвлеклась ею... Что въ ней такого, чтобъ... пугать меня?.. Не понимаю! У нея какой-то... страшный взглядъ... Кто она?“

Послѣ этой встрѣчи въ Лидіи Львовнѣ съ новой силой проснулось забытое было желаніе попасть на сектантскій митингъ русскаго пропагандиста. Они говорили о „слѣдующемъ митингѣ“, — она сама слышала это; значитъ митинги у нихъ и здѣсь бываютъ!.. Все дѣло въ томъ, чтобъ узнать гдѣ живетъ Дальнинъ, гдѣ они собираются и какъ получить къ нимъ доступъ. Она съ помощью вскорѣ пріѣхавшей гостить къ нимъ Мориной и расторопной Эмли приложили всѣ

старанія и въ теченіе недѣли узнали, гдѣ живетъ графъ Дальнинъ. Узнали также дни и часы, когда къ нему собирались на проповѣдь послѣдователи ученія... Оставалось только туда отправиться, но тутъ-то и была задержка: не хотѣлось Завольской идти смотрѣть на этихъ, съ виду такихъ почтенныхъ русскихъ людей, какъ на актеровъ, не скрывая безцеремоннаго любопытства. Она сознавала, что кромѣ простаго любопытства совершенно никакого интереса не имѣетъ въ этомъ посѣщеніи, а потому охотнѣй бы побывала на митингѣ *экспектеровъ* съ кѣмъ-либо уже тамъ бывавшимъ, въ обществѣ, а не одна.

Находчивая Эмли Мидъ и тутъ помогла.

— Барышня! Да вѣдь тутъ, черезъ дачу отъ насъ, м-ръ Уардлокъ живетъ. Вы бы съ ними, съ ихней супругой... Они бываютъ! Я ихъ и въ городу на этихъ собраніяхъ сама видала! предложила она.

Уардлокъ, издатель довольно извѣстнаго журнала, съ которымъ Завольская познакомилась еще на пароходѣ, переѣзжая Ла-Маншъ, былъ знакомъ съ Леннелями домами. Они другъ у друга бывали, а потому находчивость Эмли—Лидіи очень понравилась и въ тотъ же день, встрѣтившись на Прэдѣ съ женой литератора, она заявила ей о своемъ желаніи. Миссисъ Уардлокъ, маленькая, черненькая, очень нервная женщина, даже обрадовалась и сказала, что давно желала ей предложить посѣтить эту замѣчательную конгрегацію вѣрующихъ, въ которой предсѣдаетъ ея соотечественникъ, — „о! такой благочестивый и такой умный человѣкъ, что рѣчи его невозможно слушать безъ сердечнаго умиленія..."

Рѣшено было, что миссисъ Уардлокъ дастъ знать заранѣе о днѣ собранія у Дальнина; но вдругъ, въ тотъ же день, отъ нея принесли записку, которой она просила къ себѣ „Miss Lydia", если угодно ей предварительно познакомиться съ особой, близко стоящей къ интересующему ее кружку, побывать у нея запросто, въ 5 часовъ вечера.

„У нея будетъ *та* дама!" тотчасъ подумала Лидія, не безъ досады чувствуя, что при одной мысли объ этой женщинѣ у нея сжимается сердце. „Тѣмъ лучше! Узнаю, кто она... Странно было бы, еслибъ мои догадки оправдались!.. Неужели меня именно *съ ней* свела судьба?.."

Ее ужь нѣсколько дней преслѣдовала мысль, что высокая, красивая женщина въ вѣчномъ траурѣ—графиня Лунева... Тамъ,—въ письмѣ его, не было указано ея мѣстопребываніе... Почему-бы дочери ихъ не воспитываться гдѣ-нибудь здѣсь,—въ англійскомъ пансіонѣ?.. Онъ писалъ, что довѣрилъ дѣвочку бывшей гувернанткѣ его сестры; кто могла быть эта гувернантка, повѣренная всѣхъ семейныхъ дѣлъ графовъ Луневыхъ-Запястьевыхъ?. Врядъ-ли француженка или нѣмка. Вѣроятнѣй всего англичанка... Завольская вѣрила предчувствіямъ.

XVII.

Не безъ сильнаго внутренняго волненія позвонила она въ назначенный часъ у дверей сосѣдняго дома. Ей отворила кокетливо одѣтая горничная, и сердце Лидіи Львовны сжалось и еще сильнѣе забило тревогу, когда, взойдя по узенькой лѣстницѣ во второй этажъ, въ нарядную маленькую гостиную, она увидала, что не ошиблась, что въ бесѣдѣ съ хозяйкой дома сидитъ, за чайнымъ переноснымъ столикомъ, та самая „черная женщина", которую она уже два раза видѣла.

Миссисъ Уардлокъ любезно встала ей навстрѣчу и познакомила своихъ гостей

— Miss Lydia Zavolsky! Countess Mikeloff!

Обѣ гостьи оглядѣли другъ друга вопросительно.

У Лидіи словно тяжесть отпала отъ сердца, но смотрѣла она въ недоумѣніи и думала:

„Графиня Микелова! Что за небывалая фамилія?!"

— Я, кажется, имѣла ужь удовольствіе васъ встрѣчать? Въ парламентѣ, съ семьей лорда Нильстона?.. Русскую легко запомнить! удивительно пріятнымъ, звучнымъ голосомъ сказала высокая дама, подавая ей руку.

— Но, кажется, вы сами русская? отвѣтила Лидія, пересиливая себя, чтобъ не отдернуть руки скорѣй, чѣмъ позволяло приличіе.—Я слышала, какъ спутникъ вашъ васъ называлъ,—какъ-то на набережной,—„Наталья Михайловна",—если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь—это мое имя! по-русски заговорила дама, пользуясь тѣмъ, что хозяйка дома отдавала приказаніе горничной подать еще чаю.

— Зачѣмъ же подавать еще? обратилась къ ней Завольская, не принимая, по совершенно непонятному ей самой чувству непріязни къ новой знакомой, ея вызова на русскій языкъ. — Вотъ здѣсь три чашки... Я люблю холодный чай.

Она обошла столикъ и хотѣла сѣсть рядомъ съ графиней, на незанятое, по ея правой рукѣ, мѣсто, противъ свободнаго прибора.

Графиня быстро положила на приборъ руку, словно ограждая его отъ опасности чужестраннаго вторженія.

— Нѣтъ!.. Извините меня! по-англійски заговорила она.—Прошу васъ сюда!

Она другой, свободной рукой, подавала ей стулъ по лѣвую отъ себя сторону.

— Не угодно-ли?.. Вотъ мѣсто!

— Да, прошу васъ, садитесь!.. добавила хозяйка дома.—Сейчасъ подадутъ чай.

Лидія Львовна поспѣшно перешла на другой конецъ столика, смутившись.

— Извините пожалуйста! Я не знала, что это мѣсто занято...

Миссисъ Уардлокъ поспѣшила замять эту маленькую неловкость любезнымъ обращеніемъ къ обѣимъ гостьямъ, объясняя, какъ она рада, что случай привелъ ихъ вмѣстѣ къ ней, такъ какъ миссъ Завольски давно ей выражала желаніе ближе познакомиться съ ихъ симпатичнымъ ученіемъ и просила ее свести на ближайшій ихъ митингъ.

Графиня очень сочувственно отнеслась къ такому желанію молодой дѣвушки; сказала, что они всегда рады прозелитамъ, что двери ихъ собраній „всегда широко открыты всѣмъ христіанамъ, чающимъ пришествія Христа..."

— Извините, прервала ее откровенно дѣвушка, — вѣдь это же непреложный догматъ христіанства. Слѣдовательно, вы готовы всякаго принять въ число вашихъ членовъ?

— Безъ сомнѣнія! Хотя, къ несчастію, далеко не всѣ, такъ называемые христіане, сохранили догматы ученія Христа во всей высокой чистотѣ ихъ.

— Мы,—я говорю о сохранившихъ Символъ Вѣры, о *старающихся* его сохранить, по-крайней мѣрѣ! само-себя поправила молодая дѣвушка, сильно покраснѣвъ,— вѣруемъ въ то, чему насъ учатъ отцы православной греческой церкви.

— О! Православной, католической! Не все-ли равно? перебила ее графиня. — Не въ томъ дѣло, въ какомъ офиціальномъ вѣроисповѣданіи мы рождаемся и какимъ именно учителямъ должны были бы слѣдовать, если-бъ были лишены своего личнаго разумѣнія, способности разсуждать... Чистый разумъ не во все то позволяетъ вѣрить, что намъ проповѣдуютъ учителя...

— Смотря какіе! живо замѣтила Лидія.—Я думаю, что надежнѣе вѣрить толкованіямъ Отцевъ Церкви...

— Но вѣдь они были такіе-же люди! Тоже могли ошибаться! прервала ее пропагандистка, съ рѣзкимъ смѣхомъ, который заставилъ Лидію Львовну непріятно поёжиться.

— О! мы никому не импонируемъ нашихъ мнѣній! опять непріятно усмѣхнулась графиня.—Вольному—воля, спасенному — рай!.. Не правда-ли, dear mistress Wardlock?

(Продолженіе будетъ)

Лѣтомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. М. Рашевскій.

Круппъ и Грузонъ.

Крымская кампанія выдвинула на очередь одинъ изъ вопросовъ военнаго дѣла, которому суждено было скоро завладѣть всеобщимъ вниманіемъ и стать центральнымъ пунктомъ развитія современной артиллеріи,—именно, вопросъ о бронѣ.

Еще задолго до того, при дѣйствіяхъ противъ Гибралтара, французы попытались напасть на знаменитые своею недоступностью укрѣпленія при помощи особыхъ судовъ, представлявшихъ, какъ казалось, достаточныя условія неуязвимости. Это были изобрѣтенныя д'Арсономъ (1782 г.) деревянныя пловучія батареи съ двойными бортами, пространство между которыми наполнялось, въ случаѣ надобности, водой. Но при дѣйствіи калеными ядрами съ гибралтарскихъ фортовъ, эти батареи потерпѣли 13 марта пораженіе: охватываемыя одна за другою пламенемъ, онѣ скоро отказались отъ атаки, и 14 сентября всѣ одна за другою взлетѣли на воздухъ.

Но принципъ пловучихъ батарей, очевидно, не заглохъ во Франціи, ибо она же первая выступила и съ батареями покрытыми желѣзною бронею, которыя были построены по волѣ Наполеона III французскимъ инженеромъ Гьейсомъ (Guieysse); броня ихъ имѣла $3{,}_{94}$ дюйма толщины. Хотя услуги, оказанныя первыми панцырными судами, были не велики, но онѣ уяснили практичность мысли Наполеона III, и въ 1858 году во Франціи былъ построенъ уже броненосный фрегатъ „Глуаръ“ (Gloire), съ болѣе толстою бронею, чѣмъ у батарей Гьейса,—именно въ $4{,}_{73}$ дюйма, а въ 1859 году и англійскій флотъ обогатился батареею „Уорьоръ“ (Warrior), покрытою $4{,}_{49}$ дюймовою бронею.

Нововведеніе принималось, однако, вяло, и большинство моряковъ держалось убѣжденія, что боевая сила судна возрастаетъ съ увеличеніемъ числа орудій на бортѣ, ибо этимъ путемъ увеличивается масса чугуна, бросаемаго въ противника при залпѣ лагомъ, т. е., всѣхъ орудій одного борта. Чѣмъ больше былъ корабль, тѣмъ больше онъ могъ нести орудій, а стало быть, тѣмъ лучше онъ долженъ былъ быть во время боя,—принимая, что другія качества: ходъ, поворотливость и пр. сравниваемыхъ судовъ одинаковы.

Еще въ 1856 году почетныя мѣста, напримѣръ, въ англійскомъ флотѣ, занимали 51-пушечный фрегатъ „Шэннонъ“ (Shannon) и 131-пушечный линейный корабль „Дюкъ-офъ-Веллингтонъ (Duke of Wellington), изъ коихъ первый могъ бросать лагомъ 1,194, а второй—2,374 англійскихъ фунтовъ чугуна. Корабли „Викторп“ (Victory) (121-пушечный), „Мальборо“ (Malborough), „Ройяль Совериньъ“ (Royal Sovereign) и „Принсъ-офъ Вэльсъ (Prince of Wales) (131-пушечные) строились другъ за другомъ въ то же время. Многопушечный фрегатъ считался идеаломъ для самостоятельной морской службы,—крейсерства, набѣговъ и т. п. „Мерримэкъ“ (Merrimac), 60-пушечный паровой фрегатъ Соединенныхъ Штатовъ, посѣтившій Англію въ 1856 году,—крѣпкое, прекрасно построенное изъ дуба судно,—возбудилъ въ англичанахъ энтузіазмъ, и удивленіе, и зависть—онъ могъ бросать лагомъ 1,764 фунта чугуна, т. е., на 570 фунтовъ болѣе „Шэннона“, лучшаго фрегата Англіи, и при этомъ имѣлъ водоизмѣщеніе (4,000 тоннъ) одинаковое съ самымъ большимъ линейнымъ кораблемъ „Дюкъ-офъ-Веллингтонъ“!

Постройка „Уорьора“ въ 1859 году была, поэтому, въ существѣ лишь пробнымъ шагомъ въ неясномъ новомъ направленіи.

Но 9 марта 1862 года на Гэмптонскомъ рейдѣ разыгралось событіе, взволновавшее военный міръ и заставившее парламентъ первой морской державы, Англіи, ударить формальную тревогу.

При самомъ началѣ американской междоусобной войны федералисты, или сѣверяне, должны были оставить Норфолькъ и при этомъ затопили нѣкоторыя суда союза, чтобы они не достались въ руки непріятеля. Въ числѣ ихъ былъ и упомянутый выше „Мерримэкъ“. Южане, или сепаратисты, подняли его и превратили въ судно, не имѣвшее ничего общаго съ прежнимъ гордымъ фрегатомъ, носившимъ 56,000 квадратныхъ футовъ парусовъ, но оказавшееся однимъ изъ самыхъ страшныхъ военныхъ судовъ того времени. Именно, они устроили, срѣзавши верхнюю часть фрегата, панцырную покрышку, изъ 3-дюймовыхъ желѣзныхъ плитъ, надъ палубою. Борта были покрыты также желѣзною бронею, а корма и носъ—сталью. Носъ, кромѣ того, былъ снабженъ выдающимся шпирономъ, такъ что „Мерримэкъ“ могъ поражать противника прямо ударомъ переднею частью, т. е., дѣйствовать, какъ паровой таранъ. Въ амбразуры, сдѣланныя въ бронѣ, выглядывало по четыре 11-дюймовыхъ орудія на бортахъ, да сверхъ того, по одному весьма тяжелому орудію смотрѣло съ кормы и съ носа. Только флагштокъ, труба, небольшая рубка, якоря и баланцы для привѣшиванія гребныхъ судовъ выдавались надъ поверхностію панцыря.

Вотъ это-то новорожденное чудище и столкнулось 9 марта 1862 года съ только что построенною сѣверянами броненосною батареею „Мониторъ“ (Monitor), изобрѣтенною Эриксономъ.

Эта батарея была своеобразною новинкою, еще не виданною дотолѣ въ океанскомъ обществѣ. Корпусъ судна почти весь сидѣлъ въ водѣ, выставляясь лишь на 21 дюймъ надъ ея поверхностью, при чемъ и этотъ низкій поясъ состоялъ изъ 5-дюймовыхъ плитъ желѣза на дубовой подкладкѣ въ 26 дюймовъ толщиною, положенной, въ свою очередь, на полудюймовомъ желѣзномъ внутреннемъ бортѣ. Дубовая же настилка палубы прикрывалась дюймовою желѣзною бронею. Механизмъ и жилыя помѣщенія находились подъ водою. Надъ палубою выдавались лишь крытыя панцыремъ низкія трубы машины, такая же лоцманская будка и круглая башня посрединѣ палубы. Въ башнѣ, построенной изъ 15 рядовъ дюймовыхъ желѣзныхъ листовъ, были прорѣзаны отверстія, закрывавшіяся ставнями, которыя, въ случаѣ надобности, открывались, давая дорогу дуламъ двухъ 11-дюймовыхъ дальгреновскихъ пушекъ. Надъ башнею, или редюитомъ, имѣлась толстая (6-дюймовая) желѣзная крыша, и сверхъ того, канонеры прикрывались, внутри ея, желѣзнымъ щитомъ въ $1^1/_2$ дюйма толщины. Словомъ, это былъ—первый мониторъ.

Появившись наканунѣ передъ крѣпостью Монроэ, „Мерримэкъ“ уничтожилъ безъ всякаго труда стоявшіе на рейдѣ неброненосные фрегаты сѣверянъ „Комберлэндъ“ (Cumberland), „Конгрессъ“ (Congress),—стараго типа, и нанесъ серьезныя поврежденія вѣстовому фрегату „Миннезота“ (Minnesota), спасшемуся отъ разгрома лишь случайно: онъ сѣлъ на мель, гдѣ „Мерримэкъ“ не рѣшился тотчасъ же его атаковать. Возвратясь на другой день, онъ нашелъ подлѣ „Миннезоты“ защитника—„Монитора“, съ которымъ и долженъ былъ вступить въ бой. Послѣ двухъ-часоваго единоборства „Мерримэкъ“ бѣжалъ, потерпѣвши поврежденія, серьезность которыхъ обнаружилась вполнѣ, вѣроятно, лишь впослѣдствіи, такъ какъ въ апрѣлѣ онъ былъ взорванъ самими южанами.

Гибель „Комберлэнда“ и „Конгресса“, оказавшихся прямо неспособными сопротивляться ни тяжелымъ снарядамъ пушекъ „Мерримэка“, ни ударамъ его тарана, а также и беззащитность „Миннезоты“ въ сраженіи 8 и 9 марта наглядно показали, что пѣсня неброненоснаго флота спѣта, если онъ долженъ будетъ имѣть дѣло съ такими противниками, какъ „Мерримэкъ“, или обратившій и его въ бѣгство „Мониторъ“.

Идеалъ многопушечнаго корабля долженъ былъ померкнуть и уступить мѣсто идеалу возможно тяжелаго орудія. Судно съ объемистымъ кузовомъ, еще на-дняхъ считавшееся обладающимъ всѣми боевыми достоинствами, стало именно поэтому негоднымъ, ибо было весьма легкою цѣлью для орудій противника. Пловучая узкая башня съ пушками, стоящая почти надъ поверхностью воды и представляющая, въ силу своей малой величины, цѣль, въ которую трудно попасть, должна была сдѣлаться типомъ сильнаго военнаго корабля.

Бой 9 марта 1862 года произвелъ глубокое впечатлѣніе повсемѣстно; въ Англіи же, по преимуществу заинтересованной въ морскихъ вопросахъ, поднялось смятеніе и въ руководящихъ сферахъ, и въ обществѣ. Несмотря на голоса, настаивавшіе, что панцырныя суда не пригодны для плаваній въ открытомъ морѣ, что океанскими судами должны все-таки остаться корабли прежнихъ типовъ; несмотря и на то, что „Мониторъ“, дѣйствительно, вскорѣ потонулъ при встрѣчѣ съ серьезнымъ штормомъ (29 декабря 1862 г.),—общественное мнѣніе рѣшительно требовало броненосцевъ. По взглядамъ сторонниковъ новаго принципа слѣдовало остановить даже постройки береговыхъ укрѣпленій въ Англіи, чтобы не тратить безполезно средствъ,—разъ на эти средства можно соорудить крытыя бронею суда, которыя и должны образовать необходимую защиту береговой линіи.

Когда, затѣмъ, капитаномъ Кальтомъ было введено важное улучшеніе въ устройствѣ башни, а именно, она была сдѣлана поворотною, такъ что стало легко направлять орудія на любую точку горизонта, и когда американскій двубашенный мониторъ „Міантономо“ перерѣзалъ Атлантическій океанъ, побывавши въ Англіи и въ Россіи и доказавши воочію способность панцырныхъ судовъ также къ дальнимъ плаваніямъ—то кредитъ панцырнаго судна сильно возросъ—броненосцы стали быстро появляться, другъ за другомъ, въ составѣ военныхъ флотовъ различныхъ державъ.

Введеніе тяжелаго вооруженія на судахъ имѣло слѣдствіемъ, во-первыхъ, развитіе пушечнаго и броневаго производства вообще, а во-вторыхъ, существенно повліяло прежде всего на устройство укрѣпленій, назначаемыхъ для береговой обороны.

Въ самомъ дѣлѣ, тяжелый снарядъ долженъ былъ потребовать отъ техники приспособленій для обороны: противопоставленія ему толстой и прочной брони. Техника орудій нападенія, т. е., орудійнаго дѣла, отвѣтила на это еще большимъ увеличеніемъ вѣса и силы удара снаряда, т. е. также и увеличеніемъ его начальной скорости. Въ результатѣ эти причины повели къ созданію новыхъ типовъ орудій,—въ одно время и колоссальныхъ, и исполненныхъ съ мелочною чистотою и точностью, и прочныхъ настолько, насколько это достижимо при лучшихъ матеріалахъ нашего времени, пригодныхъ для этой цѣли. Гладкоствольная чугунная пушка, властвовав-

шая еще во время американской войны, сошла со сцены, и лишь нарѣзныя, стальная и бронзовая, однѣ получили право рѣшающаго голоса на поляхъ сраженій. Коническій стальной снарядъ вошелъ въ общее употребленіе. Калибръ нарѣзныхъ орудій достигъ до 17 дюймовъ. За желѣзною бронею выдвинулась стальная, или же такъ-называемая компаундъ (compound), верхній слой которой состоитъ изъ стали, а нижній изъ желѣза. Въ 30 лѣтъ (съ 1862 г.) толщина ея дошла почти до 20 дюймовъ вообще и до 14 дюймовъ для судовой брони. Броневыя плиты компаундъ, выдѣлываемыя заводомъ Диллингера, въ Саарлуи, имѣютъ слой стали въ 6, а желѣза — въ 8 дюймовъ толщиною. „Мерримэкъ" и „Мониторъ", усовершенствовавшись, различно видоизмѣнившись, взаимно обмѣнявшись тѣми или другими чертами, переродились за это же время въ типы современныхъ броненосцевъ. Наконецъ, панцырное же судно дало побужденіе къ быстрому развитію важной вѣтви нынѣшняго военно-морскаго дѣла,—нападающей мины въ различныхъ ея формахъ.

Что касается береговой обороны, то прежнія земляныя и каменныя укрѣпленія, съ успѣхомъ сопротивлявшіяся ядрамъ орудій старыхъ военныхъ кораблей, должны были оказаться слабыми при теперешнихъ орудіяхъ, и стало необходимымъ найти новые пріемы для сопротивленія имъ. Ближе всего, конечно, было воспользоваться и здѣсь тѣми же средствами, которыя дали столь рѣшительное преобладаніе панцырной батареѣ,— именно, бронею, въ соединеніи съ тяжелымъ орудіемъ. Англія первая взялась за опыты въ этомъ направленіи и за постановку панцырныхъ укрѣпленій на своихъ берегахъ, а за нею послѣдовали и другія державы,— въ числѣ ихъ—и наше отечество. Башня „Монитора" послужила прототипомъ для этихъ укрѣпленій.

Альфредъ Круппъ.

Отъ батарей Гьейса до современныхъ видовъ брони, орудій и типовъ панцырнаго вооруженія техника должна была, очевидно, сдѣлать много шаговъ, развернуть длинный рядъ изобрѣтеній и приспособленій и выдвинуть фалангу талантливыхъ техниковъ и инженеровъ, работавшихъ въ этой области,— начиная съ Гьейса, Дюпюи-де-Лома, Эриксона, Далгрена, Армстронга и др., и кончая первымъ пушкаремъ и первымъ броне-литейщикомъ нашего времени Крупномъ и Грузономъ, съ дѣятельностію которыхъ,—особенно послѣдняго,—мы и намѣрены познакомить читателей въ настоящей статьѣ.

Отчасти потому, что Круппъ родился раньше Грузона на 9 лѣтъ и почти 12 годами прежде него развернулъ свою дѣятельность, но главнымъ образомъ, въ силу поставки своихъ пушекъ чуть не во всѣ арміи міра, такъ что онѣ издавна часто попадаются на глаза,—Круппъ гораздо болѣе популяренъ для массы общества, чѣмъ создатель огромныхъ, сравнительно немногочисленныхъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстнымъ пунктамъ, невиданныхъ большинствомъ общества и, поэтому, малоизвѣстныхъ ему панцырныхъ сооруженій,—хотя для спеціалистовъ произведенія Грузона, его труды и задачи представляютъ, конечно, столь же большой интересъ, какъ и работы Круппа,—тѣмъ болѣе, что практически тѣ и другія находятся въ своеобразной связи другъ съ другомъ. Хотя теоретически броня и пушка прямые враги, а стало быть коренныя задачи фирмы Круппъ, производящей орудія съ возможно большею силою пораженія, прямо противоположны цѣлямъ фирмы Грузона, вырабатывающей броню, предназначаемую для возможнаго предохраненія отъ всякаго пораженія,—практика, тѣмъ не менѣе, ставитъ Крупповскія пушки подъ защиту Грузоновской брони.

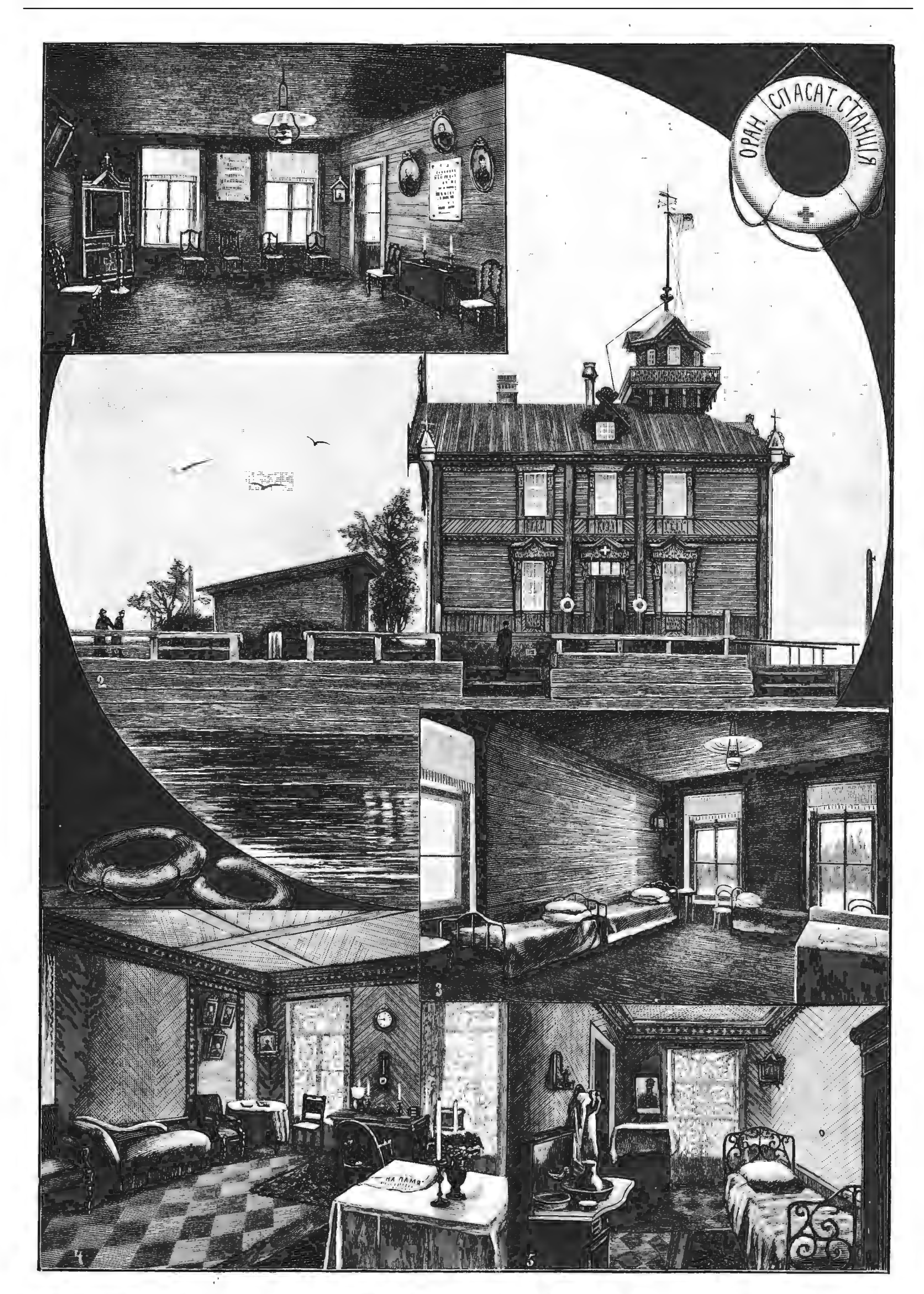
Когда идетъ рѣчь о Круппѣ, обыкновенно разумѣютъ знаменитаго пушечнаго мастера Альфреда Круппа. Между тѣмъ, въ расчетъ слѣдуетъ принимать теперь, строго говоря, трехъ Крупповъ: дѣда, Петра-Фридриха, основателя фирмы, выработавшаго способъ выдѣлки тигельной литой стали, его сына, т. е. Альфреда Круппа, и внука, Фридриха-Альфреда, сдѣлавшагося представителемъ фирмы съ 1887 года.

Круппы принадлежатъ къ древнему, издавна уважаемому роду гражданъ города Эссена. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ въ качествѣ владѣльца оружейной фабрики, еще въ началѣ XVII вѣка. Петръ-Фридрихъ, родившійся 17/5 іюля 1787 года, первоначально занимался торговлею кофе и колоніальными товарами, но въ то же время усердно работалъ надъ вопросомъ о способахъ выдѣлки литой стали, уже открытой англичанами, тщательно сохранявшими, однако, секретъ. Основательныя познанія въ заводскомъ дѣлѣ, пріобрѣтенныя Петромъ-Фридрихомъ Крупномъ, дали ему возможность добиться, въ концѣ концовъ, разрѣшенія задачи, ставшей для него цѣлью жизни. Въ 1819 году онъ заложилъ маленькую сталелитейную фабрику. Но дѣло почти не шло, ибо на него смотрѣли, какъ на прожектера, занятаго фантазіями, а не какъ на дѣловаго человѣка, такъ что умирая (въ 1826 году), обезсиленный борьбою съ разнообразными препятствіями, онъ оставилъ женѣ и четверымъ дѣтямъ фабрику всего съ 4 человѣками рабочихъ, свой секретъ приготовленія литой стали, и завѣщаніе продолжать начатое имъ. Старшему изъ дѣтей, Альфреду, находившемуся въ четвертомъ классѣ гимназіи, было только 14 лѣтъ (род. 26/14 апрѣля 1812 года). Ему именно и пришлось теперь, оставивши ученіе, стать во главѣ семьи,—руководителемъ отцовскаго предпріятія.

Молодой Круппъ вступилъ въ новыя обязанности почти съ однимъ мужествомъ отчаянія, ибо, по его собственнымъ словамъ, онъ долженъ былъ вести дѣло „на счетъ матери,— безъ знанія, безъ опытности, безъ силъ, безъ средствъ и безъ кредита". „При тяжкой работѣ,—часто цѣлыя ночи насквозь", ему приходилось питаться „только картофелемъ, кофе и хлѣбомъ съ масломъ, — безъ мяса" и жить подъ непрерывнымъ страхомъ краха. Круппъ боролся, однако, съ безвременьемъ энергически: на фабрикѣ 20-лѣтняго хозяина въ 1832 году работало все-таки уже 10 человѣкъ. Устройство вальцевъ для выдѣлки ложекъ,—машины, употребляемой серебрянниками, было первымъ значительнымъ успѣхомъ Круппа; на нихъ установился спросъ, позволившій расширить оборотъ и отчасти уплатить старые долги. Въ 1844 году Крупномъ и Шолеромъ была основана въ Берндорфѣ фабрика металлическихъ издѣлій, управленіе которой было поручено второму брату Альфреда, Герману, и которая быстро дошла до блестящаго положенія. Въ 1845 году, когда Круппу было 33 года, и сталелитейное производство стало пріобрѣтать солидность, на фабрикѣ было уже 122 рабочихъ.

Въ роли оружейнаго фабриканта онъ выступилъ въ сороковыхъ годахъ. А именно въ 1843 году имъ представлены были прусскому военному министерству образцы ружейныхъ стволовъ изъ литой стали, которые были, однако, возвращены ему невскрытыми, ибо руководящіе дѣятели того времени полагали, „что прусское оружіе вполнѣ совершенно и не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ". Позднѣе, въ 1847 году, онъ изготовилъ пушку новой системы,— центральную часть ея составляла трубка изъ литой стали, а наружную—чугунная обливка, — которая, несмотря почти на вдвое меньшую толщину стѣнокъ сравнительно съ тогдашними бронзовыми орудіями, прекрасно выдержала, въ 1849 году, пробу.

Въ 1848 году Круппъ принялъ фабрику въ свое исключительное владѣніе. На первыхъ порахъ ему пришлось, однако, столкнуться съ затрудненіями, порожденными смутнымъ временемъ въ Германіи. Производство сократилось, число рабочихъ понизилось до 72 человѣкъ, и для уплаты долговъ Круппъ вынужденъ былъ пожертвовать даже домашнимъ серебромъ, котораго потомъ никогда уже не заводилось въ обиходѣ: во время позднѣйшаго богатства посуда въ его домѣ была изъ нейзильбера съ Берндорфской фабрики брата.



Ораніенбаумская спасательная станція въ память счастливаго избавленія Государя Наслѣдника Цесаревича 29 апрѣля 1891 года въ гор. Отсу въ Японіи. Съ фот. Яковлева, грав. Рашевскій.

1. Пріемный покой. 2. Наружный видъ Спасательной станціи. 3. Лазаретъ. 4. Кабинетъ о. Іоанна 5. Спальня для о. Іоанна.

На берегу Люцинскаго озера.Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, автотипія Демчинскаго.

1 Развалины древняго замка въ г. Люцинѣ. 2. Зданіе одной изъ бывшихъ почтовыхъ станцій на СПБурго-Варш. шоссе (нынѣ развалины). 3. Католическій костелъ (близь с. Рунданъ). 4. Мѣстность близь Шашкова (фольварка) съ видомъ на курганы (т. н. французскія могилы). 5. Общій типъ вѣтряныхъ мельницъ въ деревняхъ Витебской губ. 6. Мѣстность около берега Люцинскаго озера.

Всеобщее вниманіе Круппу удалось обратить на себя въ 1851 году, и съ этихъ поръ „пушечный король“ (Kanonenkönig) уже не сходилъ съ глазъ образованнаго міра. Именно на Лондонской выставкѣ его фабрикою, оправившеюся послѣ кризиса 1848 года и дававшей теперь работу уже 237 человѣкамъ, были представлены: шести-фунтовое орудіе, твердые вальцы высокой полировки, вагонныя оси и другія желѣзнодорожныя принадлежности, а вмѣстѣ съ этимъ необдѣланный кусокъ литой стали въ 137 пудовъ вѣсомъ.

Этотъ кусокъ вызвалъ большой шумъ и положилъ основаніе славѣ Круппа. Англія, родина литой стали, выступила на выставкѣ съ кускомъ всего около 30 пудовъ. Поэтому, легко понять какое впечатлѣніе именно въ Лондонѣ произвела сплошная масса въ 137 пудовъ прекрасной, вполнѣ выдѣланной, стали! Круппу была присуждена весьма высокая награда, „Council Medal“.

Послѣ того на фабрику посыпались заказы, такъ что въ слѣдующемъ году пришлось увеличить число паровыхъ машинъ до четырехъ, вмѣсто бывшихъ раньше двухъ, паровыхъ молотовъ—до шести, вмѣсто четырехъ, и привлечь къ работѣ 340 человѣкъ. Годовое производство стали достигло до 44,225 пуд.

Какъ сказано, на Лондонскую выставку Круппомъ были посланы различные предметы, предназначенные для надобностей желѣзныхъ дорогъ. Выдѣлка этихъ предметовъ, а также частей механизма судовъ, въ особенности колѣнчатыхъ валовъ, составляла одну изъ основныхъ отраслей дѣятельности фабрики и была важнымъ источникомъ ея доходовъ. Въ этой области въ 1853 году и было сдѣлано Круппомъ нововведеніе чрезвычайнаго значенія,—именно, устройство вагонныхъ колесъ безъ шва. До этого времени ободъ колеса дѣлался изъ полосы желѣза, которая сгибалась, сваривалась, и затѣмъ, полученному такимъ образомъ кольцу, дальнѣйшею обработкою, давалась необходимая форма. Въ мѣстѣ соединенія концовъ полосы получался, стало-быть, сварочный шовъ, — недостатокъ крайне вредный, ибо онъ представлялъ лишній источникъ опасностей для поѣзда. Подъ вліяніемъ колебаній температуры, толчковъ колеса при службѣ и пр., сварочный шовъ былъ именно тѣмъ пунктомъ, гдѣ ободъ могъ легко лопнуть. Послѣдствія же этого на ходу, какъ легко понять, могли быть печальными. Между тѣмъ желѣзныя дороги постоянно стремились къ увеличенію скорости поѣздовъ и нагрузки товарныхъ вагоновъ, такъ что сварочный шовъ становился съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе тягостнымъ недостаткомъ. Здѣсь именно и пришелъ на помощь желѣзнодорожному дѣлу Круппъ. Выковывая изъ стали сразу цѣльное кольцо, однородное на всемъ протяженіи, и обдѣлывая его на токарномъ станкѣ, онъ далъ желѣзнымъ дорогамъ прочный и надежный ободъ, безъ всякаго шва. Если сказать, что теперь вагонныя колеса на желѣзныхъ дорогахъ всего земнаго шара дѣлаются, въ сущности, по этому типу, то легко представить какой спросъ былъ предъявленъ Круппу на его новый фабрикатъ: годами выдѣлка колесъ достигала до 65,000 штукъ, изъ которыхъ треть шла въ Англію и Америку. По взгляду свѣдущихъ людей одно это изобрѣтеніе могло бы составить Круппу славу и поставить его въ ряду самыхъ выдающихся дѣятелей по техникѣ желѣзнодорожнаго дѣла.

Изготовленіе орудій, по собственному заявленію Круппа, было „побочною“ статьею въ дѣятельности фабрики, стоившею ему огромныхъ расходовъ, такъ что безъ большихъ барышей отъ „мирныхъ“ фабрикатовъ, онъ сдва-ли бы былъ въ состояніи довести его до необходимой степени высоты.

Значительная удача „пушечнаго короля“ на этомъ поприщѣ относится къ 1854 году, когда ему былъ сдѣланъ заказъ герцогствомъ Брауншвейгъ, и затѣмъ объ его орудіяхъ заговорили съ вниманіемъ. Но въ 1859 году уже и Пруссія заказала ему 300 нарѣзныхъ (рис. 1) орудій изъ литой стали. Нарѣзное орудіе, развиваясь и входя все болѣе и болѣе въ употребленіе, и выдвинуло, собственно говоря, фабрику Круппа: для этихъ именно орудій и была необходима его сталь.

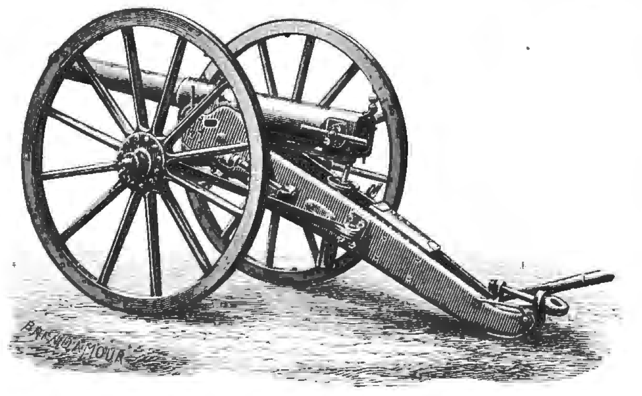


Рис. 1. Легкая 7,5 центиметр. полевая пушка.

Въ 1861 году стальное производство шло такъ широко и къ нему предъявлялись столь новыя требованія, что Круппъ долженъ былъ поставить на фабрикѣ паровой молотъ небывалыхъ дотолѣ размѣровъ, именно въ 3.050 пудовъ, знаменитый „Hammer Fritz“.

Когда Бессемеръ открылъ новый пріемъ полученія стали въ большихъ массахъ выжиганіемъ части углерода изъ чугуна въ особыхъ ретортахъ,—такъ-называемое бессемерованіе,—Круппъ не упустилъ изъ виду значенія минуты, и быстро ввелъ этотъ способъ у себя: въ 1862 году въ Эссенѣ работало уже четыре бессемеровскихъ аппарата (а въ 1889 году число ихъ достигло до четырнадцати).

При войнѣ съ Даніею крупповскія пушки появились въ полѣ: при прусской арміи имѣлось 130 нарѣзныхъ орудій его работы. Послѣ боевой пробы ихъ прусское военное министерство заказало Круппу 300 штукъ новыхъ, устройство которыхъ было проектировано министерствомъ. Въ общемъ Круппъ изготовилъ въ это время для Пруссіи 613 штукъ орудій.

Возрастаніе оборотовъ, а также и ослабленіе силъ съ годами, вынудили Круппа около этого времени (въ 1862 году) отказаться отъ его обычной прежней манеры вести фабричное хозяйство,—именно быть разомъ и рабочимъ, и мастеромъ, и инженеромъ, и купцомъ. Установлено было коллегіальное заводоуправленіе, правда, состоявшее сначала изъ двухъ, но къ концу жизни Круппа достигшее до семи человѣкъ. Войны 1866 и 1876 годовъ высоко подняли и прочно установили репутацію его орудій, хотя въ 1866 году начались было сильныя нареканія на нихъ, ибо они обнаруживали наклонность рваться совершенно неожиданно, т. е. при отсутствіи малѣйшихъ замѣтныхъ пороковъ или признаковъ порчи. Изученіе дѣла показало Круппу, что это зависѣло отъ несовершенства принятой прусскимъ военнымъ министерствомъ системы затвора казенной части, и онъ изобрѣлъ при этомъ свой извѣстный коническій затворъ, сдѣлавшійся нормальнымъ затворомъ пушекъ, заряжаемыхъ съ казны. Но на первыхъ же шагахъ обнаружилось, что въ орудіяхъ большаго калибра давленіе пороховыхъ газовъ достигаетъ при этомъ затворѣ такого напряженія, которому не въ состояніи противостоять и стальной стволъ. Тогда типъ крупповскихъ пушекъ получилъ крайне важное видоизмѣненіе: именно, поверхъ стальнаго цилиндра, представлявшаго собственно стволъ, сталъ надѣваться въ раскаленномъ состояніи другой цилиндръ, тоже изъ литой стали, который, стягиваясь при охлажденіи, сжималъ собою внутренній цилиндръ. Этотъ пріемъ повелъ къ цѣли, и прочность ствола была увеличена до необходимой степени. Бывшее въ 1867 году на Парижской выставкѣ колоссальное орудіе этого типа, 13,99 дюймовое, стволъ котораго вѣсилъ 3.050 пудовъ, а также необдѣланный кусокъ стали въ 2.440 пудовъ произвели сильное впечатлѣніе. Но и этимъ орудіямъ, отъ которыхъ можно было ожидать огромной силы пораженія, на первыхъ порахъ пришлось споткнуться: при пробахъ 1868 года, въ присутствіи императора Вильгельма I, крупповская пушка, заряженная съ казны, оказалась ниже армстронговской, заряжавшейся съ дула. Круппъ протестовалъ, приписывая причину неудачи непригодности прусскаго пороха для орудій большаго калибра и прося повторенія пробы съ русскимъ призматическимъ порохомъ. Его желаніе было исполнено, и при новой пробѣ крупповская пушка осталась побѣдительницею.

На войну 1870 года вся германская артиллерія выступила уже съ нарѣзными стальными орудіями, и грозная сила ея имѣла много случаевъ обнаружиться самымъ блестящимъ образомъ, устанавливая при этомъ и реномэ фирмы Круппъ.

Наконецъ, огромный спросъ на крупповскія издѣлія еще разъ вызвала русско-турецкая война 1877 года.

При развитіи производства, конечно, было введено также много частныхъ усовершенствованій и сдѣлано не мало второстепенныхъ изобрѣтеній. Въ числѣ послѣднихъ работъ Круппа для военныхъ цѣлей нужно упомянуть о скорострѣльныхъ пушкахъ, требованіе на которыя возникло со введеніемъ во флотахъ минныхъ судовъ. Эти орудія могутъ дѣлать до 22 выстрѣловъ въ минуту и стрѣляютъ металлическими патронами, изобрѣтенными В. Лоренцомъ въ Карлсруэ, въ которыхъ, какъ въ ружейныхъ, зарядъ и снарядъ соединены вмѣстѣ въ одной металлической оболочкѣ, снабженной ударнымъ капсулемъ.

Съ окончаніемъ войны 1877 года фабрика Круппа обратила свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на выдѣлку фабрикатовъ „мира“. Между ними одну изъ послѣднихъ новостей составляютъ системы рельсовъ для полевыхъ и лѣсныхъ дорогъ, легко укладываемыя и переносимыя, а также небольшіе вагоны для нихъ.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, ходъ развитія дѣятельности замѣчательнаго человѣка, сдѣлавшаго только собственными силами извѣстнымъ свое имя любому образованному человѣку на землѣ и ставшему настолько высоко, что коронованныя особы, посѣщавшія Германію, обыкновенно бывали и гостями Круппа.

Но помимо славы техника, Круппъ получилъ почетную извѣстность, какъ чрезвычайно заботливый хозяинъ относительно своихъ рабочихъ. Съ одной стороны, несомнѣнно, прирожденная доброта, воспитанная собственною тяжелою жизнью въ молодости, а съ другой—обширный здравый практическій

умъ, подсказывавшій, что его дѣло будетъ тѣмъ устойчивѣе и независимѣе отъ случайностей, чѣмъ тверже будетъ установлена жизнь людей, работающихъ на него, привели Круппа къ такимъ пріемамъ организаціи быта его рабочихъ, которые снискали ему общее вниманіе и уваженіе.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

„Семейное счастіе", картина Семирадскаго.

(Рис. на стр. 636).

Картина профессора Семирадскаго переноситъ насъ въ древній Римъ, въ ту эпоху, когда, съ исчезновеніемъ мелкой поземельной собственности, почти вся земля обработывалась рабами богатыхъ владѣльцевъ. Земледѣльцы, пастухи, винодѣлы и проч. и проч. все это были безправные рабы патриція, надъ которыми онъ былъ воленъ до смертной казни включительно. Вотъ передъ нами такое семейство—вѣроятно пастуха—и однако въ лицахъ ихъ вы не находите и слѣдовъ скорбнаго ихъ положенія. Отецъ и мать—оба ликуютъ при взглядѣ на своего первенца, повидимому забывъ все остальное на свѣтѣ. Эту глубокую мысль—что счастье не въ общественномъ положеніи и не въ преходящихъ благахъ—нельзя было выразить сильнѣе и рельефнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ прилагаемой картины.

Свѣжій вѣтеръ. (Рис. на стр. 637).

Морская даль во мглѣ туманной;
Тамъ тонетъ парусъ какъ въ дыму,
А волны въ злобѣ постоянной
Бѣгутъ къ прибрежью моему.
Изъ нихъ одной, избранной мною,
Навстрѣчу пристально гляжу
И за грядой ея крутою
До камня влажнаго слѣжу.
Къ ней чайка плавная спустилась;
Не дрогнетъ острое крыло.
Но вотъ громада докатилась,
Тяжеловѣсна какъ стекло;
Плеснула въ каменную стѣну,
Вотъ звонко грянетъ на плиту,—
А ужъ подкинутую пѣну
Разбрызнулъ вѣтеръ на лету.

(Фетъ).

Лѣтомъ. (Рис. на стр. 641).

Молодой художникъ, г. Томашевичъ, соединилъ на своемъ рисункѣ въ изящной виньеткѣ всѣ удовольствія лѣтней поры: всевозможныя прогулки, собираніе цвѣтовъ въ букеты, рыбную ловлю и даже уединенное чтеніе въ густой тѣни деревьевъ... Символъ лѣта, цвѣтущая вѣтка плодоваго дерева, тянется позади сборнаго рисунка.

Ораніенбаумская спасательная станція.

(Рис. на стр. 644).

25 сентября 1889 года, въ засѣданіи Кронштадтскаго окружнаго правленія Общества Спасанія на водахъ, подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Ѳ. А. Геркена, былъ рѣшенъ вопросъ о перенесеніи Ораніенбаумской спасательной станціи на такое мѣсто, гдѣ бы та могла оставаться и дѣйствовать при всякомъ состояніи погоды и моря. По этому поводу окружное правленіе обратилось съ просьбою къ Товариществу Ораніенбаумскаго пароходства объ уступкѣ подъ новую станцію мѣста на оконечности земляной дамбы, гдѣ помѣщались ненужныя товариществу касса и сторожка. Товарищество не только безвозмездно уступило это мѣсто, но и очистило его отъ негодныхъ построекъ. Такимъ образомъ былъ рѣшенъ вопросъ о постройкѣ новой спасательной станціи. При этомъ также было рѣшено при новой станціи построить небольшое помѣщеніе для отца Іоанна Кронштадтскаго, въ виду частыхъ его поѣздокъ изъ Кронштадта въ Петербургъ при дурной погодѣ и во время распутицы, поѣздокъ сопряженныхъ часто съ опасностію. Первымъ на это благоугодное дѣло отозвался отецъ Іоаннъ и подписалъ 200 рублей, поручивъ штабсъ-капитану А. А. Костину собирать пожертвованія по двумъ сборнымъ книжкамъ, выданнымъ окружнымъ правленіемъ. Къ 26 января 1891 года г. Костинымъ, много потрудившимся въ этомъ дѣлѣ, было собрано пожертвованій болѣе 6,000 рублей, а потому и рѣшено было, съ благословенія отца Іоанна, приступить къ постройкѣ новой спасательной станціи, по плану составленному безвозмездно инженеръ-капитаномъ А. П. Невѣровымъ. Веденіе же денежной отчетности принялъ на себя казначей окружнаго правленія, капитанъ 1-го ранга М. М. Дубровинъ.

Къ половинѣ мая того же года деревянное зданіе спасательной станціи было уже срублено; 15-го же мая, въ день Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, началась закладка подъ зданіе каменнаго фундамента. При этомъ была поставлена роскошная палатка, убранная флагами, а въ ней икона, пожертвованная бывшимъ атаманомъ станціи, купцомъ С. А. Грибановымъ. Около палатки были поставлены шлюпки, принадлежащія станціи: финка-четверка и новая спасательная желѣзная шлюпка системы Френсиса, выписанная изъ-за границы и названная „Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій". Для совершенія молебствія прибылъ изъ Кронштадта отецъ Іоаннъ, которому предсѣдателемъ правленія контръ-адмираломъ Ѳ. А. Геркеномъ былъ переданъ знакъ Общества Спасанія на водахъ, присланный изъ главнаго правленія. На молебнѣ присутствовали всѣ члены Общества, Кронштадтскій комендантъ В. Н. Брылкинъ и другіе почетные гости.

Совершивъ водоосвященіе и окропивъ мѣсто закладки Святою водою, отецъ Іоаннъ, по обычаю, въ образованное для закладки отверстіе положилъ серебряный рубль, а за нимъ клали деньги и другіе здѣсь присутствовавшіе; послѣ чего отверстіе было задѣлано металлическою, вызолоченною доскою, на которой была вырѣзана слѣдующая надпись: „*Въ память чуда 17 октября 1888 года и счастливаго избавленія Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей ему опасности 29 апрѣля 1891 года въ городѣ Отсу, въ Японіи, сія станція Общества Спасанія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, съ благословенія отца Іоанна Кронштадтскаго заложена 15 мая 1891 года и строится на средства жертвователей, подвигнутыхъ на это доброе дѣло мыслью отца Іоанна*".

Къ 20 ноября постройка станціи была уже окончена. На оконечности дамбы возникло прекрасное двухъ-этажное зданіе въ русскомъ вкусѣ, отдѣланное снаружи рѣзьбою по рисункамъ, составленнымъ безвозмездно инженеръ-полковникомъ М. В. Гакелемъ. Въ первомъ этажѣ дома находится пріемный покой на 4 кровати, въ которомъ поставлена лежанка, наполненный аптечными принадлежностями шкафъ и др. мебель. На стѣнахъ красуются двѣ мраморныхъ доски съ надписями; на одной написано: „Высочайшая Покровительница Общества Спасанія на водахъ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и Государь Императоръ Александръ Александровичъ—первый дѣйствительный членъ Общества, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ изволили осчастливить своимъ посѣщеніемъ Ораніенбаумскую спасательную станцію Кронштадтскаго округа 25 іюня 1883 года". На другой: „Станція построена въ память чудеснаго избавленія отъ опасности Царской Семьи при крушеніи поѣзда 17 октября 1888 года на Курско-Харьковской-Азовской желѣзной дорогѣ и спасенія Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича отъ злодѣйскаго покушенія 29 апрѣля 1891 года, въ городѣ Отсу, въ Японіи. Сооружена на средства пожертвованныя отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ и съ его благословенія его почитателями. Заложена 15 мая и освящена 22 ноября 1891 года. Строитель инженеръ-полковникъ А. П. Невѣровъ". Въ этомъ же этажѣ помѣщается кухня, ванна и комната для женщинъ. Во второмъ этажѣ помѣщаются двѣ комнатки для отца Іоанна: спальня и кабинетъ, настланныя паркетомъ и отдѣланныя сосновыми досками съ рѣзьбою въ русскомъ вкусѣ. Вся мебель пожертвована почитателями отца Іоанна. Въ этомъ же этажѣ находится комната для атамана станціи и помѣщеніе для команды. Весь домъ снабженъ прекрасною вентиляціей и во всѣ помѣщенія проведены электрическіе звонки. Надъ домомъ устроена башня для дозорныхъ. Для накачиванія воды имѣется помпа, которая въ то же время можетъ служить и на случай пожара. Для шлюпокъ построенъ временной сарай.

22 ноября 1891 года, послѣ полудня, состоялось торжественное освященіе станціи отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, въ присутствіи члена главнаго правленія Общества Спасанія на водахъ вице-адмирала Н. И. Казнакова, инспектора Общества генералъ-маіора Суслова, помощника его отставнаго контръ-адмирала Наумова, представителей отъ главнаго правленія: отставнаго генералъ-маіора Чалѣева и капитана 1-го ранга барона Нолькена, членовъ Кронштадтскаго окружнаго правленія, нѣкоторыхъ изъ проживающихъ въ Кронштадтѣ адмираловъ, вновь избраннаго попечителя станціи отставнаго контръ-адмирала Болотникова, Кронштадтскаго головы, многихъ дамъ, состоящихъ дѣйствительными членами Общества и главныхъ жертвователей на сооруженіе станціи и другихъ почетныхъ гостей. Освященіе станціи окончилось завтракомъ, во время котораго была отправлена телеграмма на имя Высочайшей покровительницы Общества, Государыни Императрицы, слѣдующаго содержанія:

„Гатчино. Ея Императорскому Величеству Высокой Покровительницѣ Общества Спасанія на водахъ. Сейчасъ молитвою отца Іоанна Сергіева освящена новая спасательная станція Кронштадтскаго окружнаго правленія въ Ораніенбаумѣ. Да осѣнитъ Господь дѣло спасанія Святымъ Своимъ Духомъ. Да сохранитъ Вседержитель нашу Высокую Покровительницу съ

ея Августѣйшей Семьей на радость намъ на многія лѣта. Позвольте, Ваше Величество, отъ отца Іоанна и всѣхъ членовъ Кронштадтскаго окружнаго правленія принести Вамъ выраженія нашихъ вѣрноподданическихъ чувствъ.

Вице-адмиралъ *Казнаковъ.*
Контръ-адмиралъ *Геркенъ.*"

На эту телеграмму Государыня Императрица милостиво отвѣчала:

„Кронштадтъ. Вице-адмиралу Казнакову. Искренно благодарю васъ, контръ-адмирала Геркена, отца Іоанна и всѣхъ членовъ за выраженіе вашихъ чувствъ и молитвы. Сердечно радуюсь сооруженію новой спасательной станціи и призываю на нее благословеніе Божіе. *Марія.*"

Затѣмъ была послана телеграмма на имя предсѣдателя главнаго правленія, генералъ-адъютанта К. Н. Посьета. Въ заключеніе торжества секретаремъ окружнаго правленія (нынѣ покойнымъ) отставнымъ контръ-адмираломъ Н. А. Рыкачевымъ, былъ прочитанъ очеркъ Ораніенбаумской спасательной станціи, со времени возникновенія ея въ 1871 году, открытой Ораніенбаумскими жителями, братьями Говорливыми.

Предъ началомъ закладки станціи и освященія ея, отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ были сказаны двѣ прекрасныя рѣчи, въ которыхъ досточтимый ораторъ распространился о значеніи и пользѣ вновь открытой станціи и между прочимъ объяснилъ, что дѣло спасанія угодно Богу. Люди—образъ и подобіе Божіе: „*Азъ рѣхъ бози есте*". Потому и оставалось только беречь и хранить это безцѣнное сокровище. Какъ люди опрометчивы, нерадивы, отчаянны и злы, такъ и воздушная и водная стихіи непостоянны и разрушительны. А потому противъ этихъ разрушительныхъ стихій и нужно принимать различныя мѣры, на что первая откликнулась наша матушка Царица, Высокая Покровительница Общества Спасанія на водахъ." Затѣмъ ораторъ благодарилъ въ своихъ рѣчахъ и за уголокъ, который общество отвело для его отдохновенія на случай проѣзда и въ заключеніе призывалъ благословеніе на Государя Императора, Государыню Императрицу, Наслѣдника Цесаревича и весь Царствующій Домъ и на все Общество Спасанія на водахъ и просилъ, чтобы какъ въ природѣ, такъ и въ народѣ была глубокая тишина, довольство и спокойствіе.

Несомнѣнно, что новая спасательная станція принесетъ много пользы въ несчастныхъ случаяхъ на морѣ и много спасенныхъ будутъ молить Господа за ея устроителей.

А. Зыбинъ.

На берегу Люцинскаго озера. (Рис. на стр. 645).

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ второе мѣсто по красотѣ природы, послѣ Виленской губерніи, принадлежитъ Витебской; особенно въ среднихъ и юго-западныхъ ея уѣздахъ, Люцинскомъ и Себежскомъ, гдѣ равнина замѣняется холмистою мѣстностью, пересѣченной множествомъ рѣкъ и озеръ.

Изъ послѣднихъ самое большое—Люцинское озеро, простирающееся около 5 верстъ въ длину и отъ 1 до $1^1/_2$ версты въ ширину. На берегу его расположенъ уѣздный городъ Люцинъ, съ 3,000 жителей, большею частію (2,800) евреевъ. Самый городъ довольно непригляденъ, грязенъ и охватываетъ полукругомъ холмъ, на которомъ возвышаются развалины древняго Орденскаго замка, разрушеннаго пожаромъ въ концѣ XVI столѣтія во время Ливонскихъ походовъ. Въ послѣднее время на юго-восточномъ склонѣ этого холма начаты раскопки, сперва сыномъ люцинскаго городскаго головы, г. Фохтсомъ, а затѣмъ, по его ходатайству, однимъ членомъ Русскаго Археологическаго Общества.

Раскопки дали довольно обильные результаты; найденные предметы: бронзовые обручи, кольца, части кольчугъ, конская сбруя, а также нѣсколько желѣзныхъ боевыхъ топоровъ и кинжаловъ (ножей?), по опредѣленію завѣдывающаго раскопками, относятся къ V и VI вѣкамъ по Р. Х., и отправлены въ Виленскій музей.

Люцинское озеро очень обильно рыбою, особенно щуками и окунями, а берега его чрезвычайно живописны, какъ, напримѣръ, видно изъ прилагаемаго рисунка, представляющаго видъ на озеро съ юго-западнаго его берега.

Хотя черезъ озеро протекаетъ рѣка, и хотя вообще весь уѣздъ изобилуетъ рѣками и рѣчками, однако водяныхъ мельницъ мало, потому что теченіе очень тихое; а потому преобладаютъ вѣтряныя мельницы, построенныя изъ бревенъ и похожія одна на другую, какъ одно яйцо на другое.

Въ послѣднее время городъ Люцинъ почти совсѣмъ потерялъ свое значеніе какъ коммерческій пунктъ своего уѣзда, потому что съ проведеніемъ Пет.-Варш. жел. дор., которая проходитъ чередъ уѣздный городъ Рѣжицу, на разстояніи 32 верстъ отъ Люцина, вся торговля перешла въ Рѣжицу, а въ 1876 году и съѣздъ мировыхъ судей переведенъ туда же, такъ что одно время даже толковали о зачисленіи Люцина въ заштатные города и о переводѣ уѣзднаго управленія въ мѣстечко Корсовку, расположенное при желѣзной дорогѣ и близъ Петербурго-Варшавскаго шоссе.

Это шоссе хотя и поддерживается казной, но представляетъ крайне печальный видъ запущенія и разоренія. Корпусъ его, за исключеніемъ узкой полосы посрединѣ, обросъ мелкой травой; кучи щебня и песку, по краямъ дороги расплылись отъ дѣйствія дождей и тающихъ весною снѣговъ; деревья (березы), окаймлявшія нѣкогда шоссе и придававшія ему видъ безконечной аллеи, частію сломаны вѣтромъ, частію срублены окрестными крестьянами на дрова, а многія, облупленныя мальчишками, высохли и торчатъ безъ листьевъ.

Самый жалкій видъ представляютъ зданія прежнихъ почтовыхъ станцій; это развалины съ заколоченными досками окнами и дверьми, съ обваливающейся штукатуркой и покосившимися трубами. Сквозь заржавленную желѣзную крышу свободно протекаетъ дождь и проглядываетъ солнце; а изъ внутреннихъ помѣщеній давнымъ-давно вывезено все, что можно было вывезти, какъ-то: половыя доски, двери, подоконники и пр.

Если такая развалина находится недалеко отъ лѣсовъ, то, бываетъ, иногда на короткое время въ ней поселится во время рубки лѣса какой-нибудь приказчикъ еврея-лѣсопромышленника, устраивая себѣ въ какомъ-нибудь углу что-то въ родѣ временной конторы; но въ скоромъ времени вѣроятно и это прекратится, потому что не найдется ужъ болѣе такого уголка, способнаго защитить человѣка отъ прихотей погоды.

Въ 20 верстахъ отъ Люцина къ ю.-з., находится мѣстность, еще въ 60-хъ годахъ представлявшая одинъ обширный лѣсъ, но теперь вся эта мѣстность, простирающаяся приблизительно на 500 — 600 дес., представляетъ голые холмы, обтыканные полусгнившими пнями и покрытые мохомъ, негодные для распашки, потому что почва состоитъ изъ наноснаго песку. Уцѣлѣлъ только одинъ Шашковскій лѣсъ, десятинъ около 200, не болѣе; да и тотъ въ 1873 году сильно пострадалъ отъ пожара.

На краю этого лѣса виднѣются два громадныхъ кургана: это могилы погребенныхъ здѣсь весною 1813 года французскихъ солдатъ, погибшихъ частію во время отступленія изъ Россіи отъ холода и голода, а частію при защитѣ маленькаго укрѣпленія, устроеннаго ими на вершинѣ одного холма, недалеко отъ кургановъ, на которомъ еще сохранились слѣды вала и неглубокаго рва.

Населеніе состоитъ здѣсь изъ латышей и бѣлоруссовъ; послѣдніе почти всѣ старовѣры, и православныхъ храмовъ, за исключеніемъ самаго города, мало; только въ Слабодинецкихъ лѣсахъ на границѣ Себежскаго уѣзда православіе сдѣлало успѣхи и въ послѣднее время даже выстроена была церковь и образованъ маленькій приходъ. Латыши всѣ ревностные католики.

Костелы ихъ большею частію деревянные, съ двумя башенками и отдѣльно стоящей каланчей; каменныхъ мало; изъ нихъ живописнымъ мѣстоположеніемъ отличается старинный костелъ въ Рунданахъ, имѣніи, находящемся въ семи верстахъ отъ Шашковскаго лѣса. Около этого костела возвышается, какъ бы защищая его, громадная, тысячелѣтняя липа, одна изъ уцѣлѣвшихъ представительницъ давно минувшаго времени.

Р. Штейнъ.

Машина для стрижки овецъ съ помощью сжатаго воздуха. (Рис. на стр. 649).

Механическая стрижка овецъ имѣетъ большое значеніе въ промышленности, особенно въ Австраліи; не удивительно поэтому, что для усовершенствованія приспособленныхъ къ тому аппаратовъ произведено было много работъ и сдѣлано было много изобрѣтеній. Такимъ образомъ, для стрижки овецъ послѣдовательно употреблялись ремни, струны, система зацѣпляющихъ зубчатыхъ колесъ и др. Приборъ, рисунокъ котораго читатели найдутъ въ этомъ нумерѣ, представляетъ серьезное усовершенствованіе прежнихъ системъ; онъ дѣйствуетъ съ помощью сжатаго воздуха. Способы полученія послѣдняго и регулированія его давленія не представляютъ особаго интереса. Мы ограничимся описаніемъ самой шерстестрижной машины, какъ она изображена на прилагаемыхъ рисункахъ. Она фигурировала на послѣдней сельско-хозяйственной выставкѣ въ Донкастерѣ, организованной Лондонскимъ королевскимъ обществомъ сельскаго хозяйства; изобрѣтена она Михаиломъ Фордомъ (Michael Ford) и прислана была „Австралійскою компаніей стрижки овецъ" изъ Сиднея (Australian Shearer Company).

Устройство машины крайне просто. Двигателю со сжатымъ воздухомъ сообщается попеременное движеніе при посредствѣ створчатаго или двойнаго поршня, играющаго здѣсь роль распредѣляющаго золотника въ паровой машинѣ. Въ свою очередь поршень этотъ приводитъ въ движеніе рычагъ, на другомъ концѣ котораго находится ножъ съ тремя зубцами, который такимъ образомъ быстро движется взадъ и впередъ. Приборъ дѣйствуетъ наподобіе машинокъ для стрижки волосъ, которыя въ послѣднее время вошли въ такое большое употребленіе въ парикмахерскихъ.

Благодаря тому, что двигательною силой въ этомъ аппаратѣ служитъ сжатый воздухъ, движеніе прибора совершается съ большой скоростью, и стригуну остается только водить ножъ по тѣлу животнаго, что не представляетъ ни малѣйшей труд-

Прибытіе американскаго парохода „Лео" въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Г. Броллинга**, грав. Рашевскій.

Пасторъ Талмеджъ, произносящій отвѣтную рѣчь при встрѣчѣ парохода „Лео" въ СПБ. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

ности въ виду гибкости трубокъ, доставляющихъ сжатый воздухъ. Преимущества этой новой шерстестрижной машины заключаются въ слѣдующемъ: она представляетъ меньшую опасность для животныхъ, чѣмъ обыкновенныя ножницы; не требуется никакого предварительнаго обученія для рабочаго; получается бо̀льшее количество шерсти, лучшаго качества, съ меньшими остатками и болѣе длинной, отъ чего и цѣна ея должна быть гораздо выше; притомъ шерсть, получаемая такимъ образомъ съ овцы, имѣетъ всегда одинаковую длину, съ какого бы мѣста на тѣлѣ животнаго ее ни отрѣзали.

Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ новаго прибора, это выборъ двигательной силы. Хотя въ данномъ случаѣ сжатый воздухъ отлично исполняетъ свое дѣло и трудно даже представить себѣ аппаратъ съ болѣе простымъ устройствомъ, но все-таки при современномъ состояніи нашихъ знаній слѣдуетъ отдать предпочтеніе машинамъ приводимымъ въ движеніе электричествомъ, и вотъ почему: во-первыхъ, электрическіе двигатели слабаго напряженія производятъ бо̀льшую работу, чѣмъ двигатели съ сжатымъ воздухомъ при такомъ же простомъ устройствѣ; во-вторыхъ, и это самое важное преимущество, доставляемымъ электричествомъ можно было бы воспользоваться одновременно и для освѣщенія рабочей комнаты во время производства операціи, при чемъ не понадобится даже устраивать особыхъ проводовъ, съ описаннымъ же выше приборомъ это неосуществимо; въ-третьихъ, при размѣщеніи и проведеніи электрическихъ проволокъ незачѣмъ принимать столько предосторожностей, какъ это дѣлается здѣсь (см. рисунокъ № 3), съ цѣлью избѣжать случайнаго ущемленія или внезапнаго сгибанія трубокъ, проводящихъ воздухъ; наконецъ, если заводъ устроенъ, какъ это бываетъ обыкновенно, въ большомъ городѣ, то имѣется возможность абонироваться на пользованіе электрическимъ токомъ извѣстной силы, проведя его куда надо изъ главной машины, распредѣляющей электрическую энергію, вмѣсто того, чтобы заводить у себя полный комплектъ батарей и двигателей. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, слѣдуетъ надѣяться, что шерстестрижныя машины будутъ фигурировать въ скоромъ времени среди многочисленныхъ другихъ примѣненій электричества. **Г. Вольтке.**

Прибытіе парохода „Лео" въ СПБ.

(Рис. на стр. 649 и 652).

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, въ Либаву, а затѣмъ въ Ригу прибыли одинъ за другимъ громадные пароходы нагруженные хлѣбомъ и другими припасами для мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. 2 іюля около полудня прибылъ давно жданный въ сѣверной столицѣ пароходъ „Лео" и остановился у деревяннаго пакгауза въ Новомъ портѣ.

„Лео" — большое красивое купеческое судно, пришелъ подъ англійскимъ флагомъ на кормѣ, а на фокъ-мачтѣ развѣвались у него американскій и русскій флаги. Пароходъ прибылъ изъ Америки черезъ Англію, проведя въ пути 21 день и зайдя только разъ въ Англіи въ г. Старковей, гдѣ пробылъ полторы сутокъ, чтобы пополнить запасы угля для пути. Командуетъ пароходомъ шкиперъ Христіанъ Джонъ Кэнсъ; экипажа 22 человѣка. На пароходѣ прибыли и американцы: редакторъ журнала *The Christian Herald*, насторъ Давидъ Талмеджъ, помощникъ редактора и въ то-же время издатель г. Клопшъ съ молодою красивою супругою. Лица эти являются главными дѣятелями въ сборѣ пожертвованій, прибывшихъ на „Лео".

Пароходъ привезъ для русскихъ благотворительный грузъ: крупу, муку, маисъ, консервы, сухари, коровье масло.

По словамъ *Christian Herald*, пожертвованія дѣлались щедрою рукою. Въ нихъ были, между прочимъ, бриліянты, золотыя браслетки, брошки и даже мѣшокъ съ золотымъ пескомъ изъ Калифорніи. Въ длинномъ спискѣ жертвователей, напечатанномъ въ томъ-же журналѣ, встрѣчаются въ числѣ прочихъ „три маленькихъ дѣвочки съ бабушкой", „три дровосѣка", „пять кочегаровъ" и другія лица не пожелавшія сообщить свои имена. Суммы пожертвованій колебались отъ 50 долларовъ и до одной четверти доллара и поступали рѣшительно отовсюду, изъ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ обширной территоріи Штатовъ. Всего было собрано *Christian Herald*'омъ 31,800 долларовъ.

Встрѣтить судно собралось много зрителей, привѣтствовавшихъ восторженно американцевъ. Когда судно причалило къ берегу, представитель петербургскаго дворянства г. Всеволожскій обратился къ пастору Талмеджу и д-ру Клопшу съ привѣтствованною рѣчью, въ которой, въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, благодарилъ за братскую помощь пострадавшимъ. Вслѣдъ за нимъ говорилъ отъ городскаго управленія и. д. головы г. Прокофьевъ. Его рѣчь была привѣтствіемъ гостямъ, и сердечною благодарностью за помощь. Въ заключеніе рѣчи были переданы капитану парохода Кэнсу—серебряный рупоръ, а его помощнику—серебряный русскій ковшъ. На рупорѣ помѣщенъ гербъ Петербурга и надпись „To Captain C. J. Caines from the City of S.-Petersbourg. 1892". На ковшѣ помѣщенъ такой-же гербъ и надпись: „from the City of S.-Petersbourg. 1892". Когда подарки были переданы, началъ свою отвѣтную рѣчь насторъ Талмеджъ. На своей родинѣ пасторъ пользуется заслуженною славою знаменитаго оратора и его рѣчи и журналъ расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Рѣчь его, хотя произнесенная по-англійски, нерѣдко прерывалась кликами одобренія и произвела сильное впечатлѣніе на слушателей.

Таково было начало чествованій американскихъ гостей въ Петербургѣ. Главнымъ днемъ было 6 іюля, когда американцевъ привѣтствовала городская дума. Александровская зала положительно утопала въ зелени, цвѣтахъ и флагахъ. За эстрадою, на которой стоялъ накрытый зеленымъ сукномъ столъ, выдавался громадный портретъ Императора Александра III въ массивной золоченой рамѣ. По сторонамъ ея красивыми складками ниспадала масса флаговъ Штатовъ Сѣверной Америки, которые эффектно окаймляла тепличная зелень и цвѣты. Съ хоръ, гдѣ находилась масса публики, преимущественно дамъ, были спущены русскіе торговые и американскіе флаги.

Чествованіе началось чтеніемъ адреса, подносимаго городомъ пастору Талмеджу и д-ру Клопшу. Адресъ написанъ въ задушевномъ тонѣ и помѣщенъ въ бюваръ съ серебряной доскою, на которомъ находится гербъ Петербурга и два скрещенныхъ флага: русскій и американскій, а также надпись: „пастору Талмеджу и д-ру Клопшу отъ города Петербурга". Послѣ чтенія адреса и. д. городскаго головы подалъ адресъ пастору Талмеджу. Принявъ адресъ, пасторъ Талмеджъ сказалъ рѣчь, въ которой благодарилъ за честь. Послѣ него выразилъ свою благодарность д-ръ Клопшъ. Когда окончились рѣчи, было подано шампанское, и А. Е. Прокофьевъ провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Тостъ этотъ былъ встрѣченъ восторженными кликами „ура!" и звуками американскаго гимна. Послѣ этого пасторъ Талмеджъ провозгласилъ два тоста: первый за процвѣтаніе Россіи, а второй за здоровье Государя Императора. Долго несмолкавшее „ура!" и звуки русскаго гимна были отвѣтомъ на эти тосты. Когда окончилось чествованіе, всѣмъ собравшимся было предложено шампанское, чай, фрукты и конфеты. Въ шестомъ часу вечера почетные гости оставили залу. Какъ только они показались на лѣстницѣ думы, собравшаяся публика встрѣтила ихъ кликами „ура!" которые ихъ провожали до гостиницы. У подъѣзда публика подхватила пастора Талмеджа и д-ра Клопша на руки и стала качать. Поблагодаривъ народъ за овацію, наши гости прошли въ гостиницу. Толпа не расходилась и восторженными кликами вызывала гостей выйти на балконъ. Когда Талмеджъ и Клопшъ съ русскими и американскими флагами вышли на балконъ, толпа громко ихъ привѣтствовала, но когда пасторъ Талмеджъ провозгласилъ: „Да здравствуетъ Вашъ Императоръ!" восторгъ народа былъ трудно передаваемый. „Ура!" долго не смолкало и наши гости не сходили съ балкона добрыхъ четверть часа. Вечеромъ гости уѣхали въ Москву.

Холера въ Россіи.

Г. С. Вольтке.

Въ началѣ іюня азіатская холера, послѣ долгаго скитанія по разнымъ странамъ Европы и Азіи, заглянула и къ намъ, въ предѣлы Россіи. Нынѣшняя холерная эпидемія въ Россіи по счету четвертая. Какъ и прежнія, она занесена къ намъ изъ Персіи (только послѣдняя бывшая у насъ эпидемія 1865—73 г. пришла изъ Турціи), куда она въ свою очередь проникла изъ общаго для всего міра холернаго очага, изъ Индіи или, собственно говоря, изъ одной только области ея, занимающей пространство въ 7,000 десятинъ между рѣками Гангомъ и Брамапутрой, въ провинціи Бенгаліи. Эта болотистая низменность не имѣетъ естественныхъ стоковъ и подвергается вслѣдствіе этого опустошительнымъ наводненіямъ. Желая предохранить себя и имущество свое отъ гибели, население этой мѣстности дѣлаетъ себѣ искусственныя возвышенности, на которыхъ и воздвигаются всѣ жилища. Землю же для постройки такихъ холмовъ берутъ тутъ же, по близости, вслѣдствіе чего повсемѣстно образуются глубокія выемки, наполняющіяся вскорѣ водой. Эти стоячіе пруды или, какъ называютъ ихъ индусы, „танки", служатъ одновременно и резервуарами воды, которую жители потребляютъ въ пищу и питье, и клоаками, и мѣстами для купанія и стирки бѣлья. Можно себѣ представить послѣ этого грязь танковъ. Въ нихъ-то Кохъ и нашелъ цѣлые милліарды холерныхъ запятыхъ, которыя нигдѣ больше въ обычное (не холерное, благополучное по холерѣ) время въ природѣ не встрѣчаются. Вода танковъ просачивается въ почву и заражаетъ всю окрестную мѣстность: здѣсь, именно, холера представляетъ совершенно обыкновенную, никогда не прекращающуюся болѣзнь.

По временамъ однако, какъ полагаетъ проф. Здекауеръ, чрезъ опредѣленные 18-лѣтніе періоды, совпадающіе, бытьможетъ, съ періодами сильныхъ наводненій въ Индіи, холера выходитъ изъ своего постояннаго мѣста жительства и начи-

наетъ разгуливать по всему свѣту. Собравъ громадную жертву, истребивъ милліоны людей, она затихаетъ, чтобы затѣмъ снова появиться въ тѣхъ же мѣстахъ. Создаются, очевидно, отъ времени до времени въ различныхъ мѣстностяхъ, внѣ главнаго очага заразы лежащихъ, особыя, ближе пока не изученныя, какія-то благопріятныя почвенныя и метеорологическія условія, при которыхъ холерный зародышъ, привезенный изъ своей родины какимъ-либо больнымъ, находитъ себѣ тамъ удобную почву для развитія и дальнѣйшаго размноженія, между тѣмъ какъ въ другіе періоды тотъ же зародышъ погибаетъ въ непривычной для него почвѣ и обстановкѣ. Нѣмецкій ученый Петтенкоферъ полагаетъ, что все дѣло здѣсь въ колебаніяхъ уровня почвенныхъ водъ, соотвѣтственно которымъ холера то получаетъ возможность распространяться далѣе, то замираетъ на мѣстѣ.

Впервые холера вышла изъ предѣловъ Индіи только въ нынѣшнемъ столѣтіи, а именно въ 1817 г. Цѣлыхъ шесть лѣтъ она бродила по Азіи, пока наконецъ, въ іюнѣ 1823 г., появилась у насъ на Кавказѣ и черезъ Баку пробралась, какъ и нынѣшній разъ, въ Астрахань, но дальше Краснаго Яра не пошла. Болѣзнь прекратилась 4 октября „сама собой“, какъ доносило мѣстное начальство. Это было какъ бы первое предостереженіе холеры по адресу Россіи. Три года спустя начинается новое движеніе холеры изъ Азіи къ границамъ Россіи, на этотъ разъ чрезъ Хиву и Бухару. Въ августѣ 1829 г. она разразилась въ Оренбургѣ, въ іюлѣ 1830 вторично посѣтила Астрахань, а 27 іюля появилась въ Тифлисѣ, несмотря на принятыя заблаговременно мѣры предосторожности и устройство карантиновъ, которыми оцѣпляли зараженныя губерніи [1]. Въ теченіе трехъ недѣль въ Астрахани заболѣло 3,633 чел., а умерло 2,935, что составляетъ 95,3%, смертность громадная. Въ теченіе іюля эпидемія заняла все западное прибрежье Каспійскаго моря и отсюда стала распространяться дальше во всѣ стороны въ видѣ радіусовъ по большей части Европейской Россіи. Въ слѣдующемъ 1831 г. эпидемія достигла Петербурга (14 іюня), Варшавы (апрѣль), а отсюда направилась въ Германію и дальше по Западной Европѣ, откуда она затѣмъ вернулась обратно въ Россію въ 1832 году черезъ Кронштадтъ.

Первая пандемія прекратилась въ Россіи въ 1838 г., продержавшись съ нѣсколькими перерывами въ теченіе 10 лѣтъ (считая съ 1829 г.), но холерныхъ годовъ было за это время только восемь (1835 и 1836 были свободны отъ эпидеміи), а если присоединить къ нимъ и 1823 годъ, то девять. Почти вся территорія Европейской Россіи болѣе или менѣе пострадала отъ холеры, которая унесла въ могилу 243,117 человѣкъ, 43,3% всего числа заболѣвшихъ ею, которое = 561,135. Больше всего заболѣло и умерло въ 1831 году, а именно 466,457 и 197,069; холера свирѣпствовала тогда на пространствѣ 48 губерній. Наибольшей смертностью отличалась Бессарабская область, гдѣ въ 1831 г. % умершихъ дошелъ до 20,3. Вообще болѣе всего пострадала и въ первую, и въ послѣдующія эпидеміи южная полоса Россіи, наименѣе — сѣверная. Жертвами холеры пали тогда великій князь Константинъ Павловичъ и фельдмаршалъ Дибичъ, командовавшій арміей, двинутой противъ польскихъ мятежниковъ.

Впечатлѣніе, произведенное на массы первымъ появленіемъ холеры въ Европѣ, было поистинѣ ужасное. Никто раньше не зналъ о существованіи этой болѣзни, и вдругъ, безъ всякой видимой причины, то въ одномъ городѣ, то въ другомъ начинаютъ умирать ежедневно сотни и тысячи народу при самыхъ ужасныхъ припадкахъ. Въ умахъ толпы, не понимавшей болѣзни, и не находившей никакого видимаго источника ея, способнаго объяснить ея появленіе, неизбѣжно должно было возникнуть подозрѣніе, что здѣсь имѣетъ мѣсто не что иное, какъ искусственное, злоумышленное отравленіе народа какими-либо злонамѣренными личностями. Высказанное кѣмъ-либо предположеніе такого рода распространялось съ молніеносною быстротой по цѣлому городу и становилось общимъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ всего населенія, настроеннаго какъ нельзя лучше къ восприятію такихъ слуховъ непонятными, но въ высшей степени стѣснительными для него распоряженіями администраціи, которыя совершенно сбивали его съ обычной житейской колеи и вносили какую-то сумятицу въ привычный для него, безпечный образъ жизни.

Въ результатѣ — массовыя возмущенія, бунты, безпорядки, насилія надъ личностью подозрѣваемыхъ отравителей, которыми обыкновенно считаются врачи и вообще врачебный персоналъ, сопротивленіе принимаемымъ правительствомъ мѣрамъ предосторожности, разгромы холерныхъ больницъ и проч. Всѣ эти явленія повторялись съ удивительнымъ сходствомъ рѣшительно во всѣхъ государствахъ Европы, посѣщенныхъ холерой въ первую пандемію. Такія же волненія и безпорядки происходили въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ какъ появленіе холеры совпало съ польскимъ мятежомъ, то народъ считалъ виновниками болѣзни поляковъ, которые будто бы нарочно отравляли народъ разными снадобьями. Порошки хлорной извести и стклянки съ уксусомъ, которые въ то время, по совѣту врачей, носили съ собой въ карманѣ многіе жители города (тогда думали, что нюханіе этихъ средствъ предохраняетъ отъ заболѣванія), народъ считалъ ядомъ, который разсыпаютъ и разливаютъ повсюду злонамѣренные люди. Прохожихъ останавливали, обыскивали и если находили упомянутыя лѣкарства, то въ доказательство ихъ безвредности заставляли ихъ выпить или проглотить. Возмущенія по поводу первой холеры случились во многихъ городахъ Россіи: Тамбовѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Петербургѣ и др., но самыя сильныя были въ Петербургѣ 21—25 іюня 1831 и въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ въ іюлѣ 1831 г.

Особенно страшную память оставилъ послѣ себя такъ-называемый холерный бунтъ военныхъ поселянъ въ Аракчеевскихъ поселеніяхъ въ Новгородской губерніи. Поселяне, напуганные примѣненіемъ странныхъ противухолерныхъ мѣръ (особенно же окуриванія), пользы которыхъ они не понимали, да и не видѣли, стали волноваться, а когда злоумышленники распространили среди нихъ слухи, что все начальство ихъ и господа вошли въ стачку съ поляками, чтобы отравить народъ на погибель отечества, то подняли открытый бунтъ. Начались страшныя неистовства освирѣпѣвшей черни: почти всѣ офицеры и командиры стоявшихъ въ поселеніяхъ полковъ подверглись жесточайшимъ истязаніямъ, при чемъ многіе изъ нихъ (около 70 штабъ- и оберъ-офицеровъ) были убиты, другіе искалѣчены; наибольшее число убійствъ совершено было 21 іюля въ Старой Руссѣ. Дѣло не ограничилось одними офицерами, та же участь постигала священниковъ, врачей, антекарей, помѣщиковъ и, вообще, всѣхъ „господъ“, которые подозрѣвались въ соучастіи съ поляками, т. е. въ отравленіи народа. Самые невинные порошки или капли объявлялись ядомъ и владѣлецъ ихъ обрекался на смерть. Убійства сопровождались грабежомъ помѣщичьихъ дворовъ и всѣми обычными спутниками погромовъ. Весь округъ военныхъ поселеній находился въ состояніи полной анархіи и потребовались необычайныя мѣры, чтобы возстановить тамъ спокойствіе. Характерная черта этого бунта заключалась въ томъ, что народъ слѣпо вѣрилъ въ измѣну начальства и писалъ доносы на него государю, пока самъ государь императоръ Николай Павловичъ, лично прибывшій на мѣсто безпорядковъ, не разъяснилъ бунтовщикамъ ихъ преступнаго заблужденія.

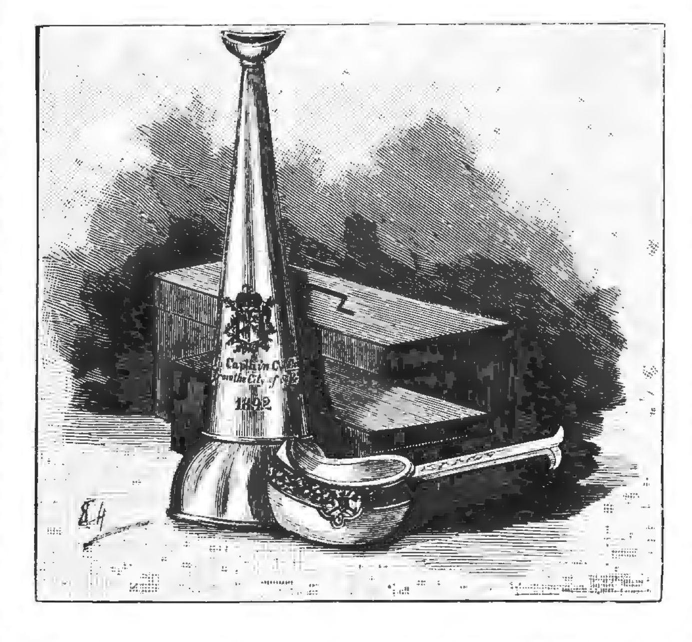
Замѣчателенъ также бунтъ на Сѣнной площади въ Петербургѣ 24 іюня 1831 г. Толпа разнесла холерную больницу, устроенную въ грязномъ переулкѣ на Сѣнной, больныхъ вынесла, мебель и лѣкарства разбила и повыбрасывала на улицу, и въ заключеніе убила врачей и фельдшеровъ. Этотъ бунтъ получилъ историческую извѣстность благодаря тому, что въ усмиреніи его принялъ участіе самъ государь Николай Павловичъ, который пріѣхалъ на слѣдующій день, 25 іюня, прямо изъ Петергофа въ коляскѣ на Сѣнную площадь, гдѣ собралась громадная толпа въ 20—25,000 человѣкъ, остановился у церкви, всталъ въ коляскѣ и, обратясь къ бунтовщикамъ, крикнулъ своимъ звучнымъ голосомъ: „Сѣдыя головы ко мнѣ!.. На колѣни! Молитесь за тѣ жертвы, которыя вы вчера невинно погубили...“ и проч. И вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, пала на колѣни въ раскаяніи за свой поступокъ. Происшествіе это увѣковѣчено для потомства барельефомъ на памятникѣ Николаю I въ Петербургѣ и часовней на Сѣнной площади.

Надо замѣтить, что не малая доля отвѣтственности за тогдашнія волненія народныя падаетъ на администрацію, которая своими нелѣпыми распоряженіями, ежедневно измѣнявшимися и отмѣнявшимися, поселяла неудовольствіе и смуту въ умахъ. Напримѣръ, при появленіи холеры въ Петербургѣ, отданъ былъ приказъ полиціи забирать всѣхъ сомнительныхъ больныхъ въ особыя холерныя больницы. Усердіе полиціи дошло до того, что она врывалась во всѣ квартиры дома, въ которомъ подозрѣвалось присутствіе холернаго больнаго, обыскивала и осматривала всѣхъ и всякаго, казавшагося ей зараженнымъ холерой, немедленно, несмотря на сопротивленіе и самого, иногда мнимаго, больнаго и его родныхъ, забирала его, бросала въ наводившіе ужасъ на народъ холерные ящики (народъ прозвалъ ихъ собачниками) и отвозила въ больницу, гдѣ лѣченіе большей частью ограничивалось кровопусканіемъ, которое производили невѣжественные и вѣчно пьяные цырюльники. Забирали людей и на улицахъ, и въ общественныхъ мѣстахъ, при чемъ мнимый больной оказывался часто свалившимся на мостовую пьянымъ, который, по вытрезвленіи, съ ужасомъ выбѣгалъ изъ холерной больницы въ больничномъ халатѣ и колпакѣ или выскакивалъ изъ собачника, и затѣмъ, конечно, своими разсказами наводилъ еще бо́льшую панику на все населеніе. Послѣ бунта на Сѣнной площади, 25 іюня, вывѣшено было повсюду объявленіе Петербургскаго генералъ-губернатора, коимъ отмѣнялось самое ненавистное для народа распоряженіе, а именно тамъ сказано было: „занемогаемые холерою могутъ по желанію своему оставаться дома, на своихъ квартирахъ, полиція же отнюдь не будетъ вмѣшиваться ни въ отправленіе больныхъ, ни въ принятіе ихъ въ больницы, а будетъ только получать свѣдѣнія отъ домовладѣльцевъ о заболѣвшихъ въ домахъ“ и проч.

[1]) Если холера обнаруживалась хотя бы въ одномъ только городѣ губерніи, уже вся она считалась зараженной и немедленно старались прекратить всякое сообщеніе ея съ другими губерніями. Въ этихъ видахъ губернаторы постоянно извѣщали другъ друга о ходѣ и развитіи эпидеміи въ подвѣдомственной имъ территоріи.

Но за-то издано было другое, не менѣе нелѣпое распоряженіе о немедленномъ оцѣпленіи всякаго дома, въ которомъ окажется холерный больной. Такимъ образомъ жильцы цѣлаго дома оказывались въ буквальной осадѣ и не имѣли возможности выйти на улицу только потому, что въ одной изъ квартиръ кто-нибудь заболѣлъ. Народъ, сочувствуя положенію осажденныхъ, вступалъ въ борьбу съ полиціей, разламывалъ ворота, а то и сами обитатели дома успѣвали сдѣлать это, и затѣмъ моментально весь домъ пустѣлъ: всѣ въ ужасѣ убѣгали изъ зачумленнаго дома. Впрочемъ, и это постановленіе было вскорѣ отмѣнено, такъ же какъ и окуриваніе всѣхъ проходившихъ и проѣзжавшихъ черезъ карантинныя заставы. Эта безцѣльная операція между тѣмъ задерживала цѣлые обозы крестьянъ, привозившихъ въ городъ съѣстные припасы, вызывала громадныя скопленія людей возлѣ карантиновъ, способствуя только усиленію болѣзни. Къ тому же суевѣрная толпа видѣла въ этомъ окуриваніи какое-то злонамѣренное дѣйствіе, имѣющее цѣлью отравленіе народа.

Несмотря однако на то, что холеру тогда не понимали и не умѣли ни лѣчить, ни предупреждать, — сравнительно съ послѣдующими эпидеміями ее нельзя назвать особенно жестокой. Самая ужасная эпидемія была вторая, проникшая изъ Персіи въ Закавказье 16 октября 1846 г., а въ Европейскую Россію въ іюлѣ 1847 г. (Ростовъ-на-Дону). Особенно сильно пострадали въ эту эпидемію губерніи Астраханская и Саратовская и Земля Войска Донскаго, гдѣ смертность достигла 13,3%. Въ маѣ 48 года холера занесена была въ Одессу изъ Константинополя, и такимъ образомъ создался новый очагъ холеры. Въ 1850 году холера временно исчезла изъ Россіи, но въ 1852 снова появилась на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей и вторично достигла Москвы, Петербурга, Польши, а оттуда двинулась въ Западную Европу. Всего холерныхъ годовъ было за время этой эпидеміи 12, въ теченіе которыхъ заболѣло 2.589.833, изъ коихъ умерло 1.032,864, т. е. 39,9% всего числа заболѣвшихъ. Самый страшный годъ для Россіи былъ 1848, когда холера свирѣпствовала на пространствѣ 49 губерній Европейской Россіи, унеся 690,150 человѣкъ изъ 1,742,439 заболѣвшихъ. Во всей Европѣ погибло отъ второй холерной эпидеміи 2½ милліона человѣкъ, переболѣло же громадное количество въ 6 милліоновъ.



Рупоръ и ковшъ, поднесенные СПБ. думой капитану Кэнсу и его помощнику. Рис. Насвѣтевичъ.

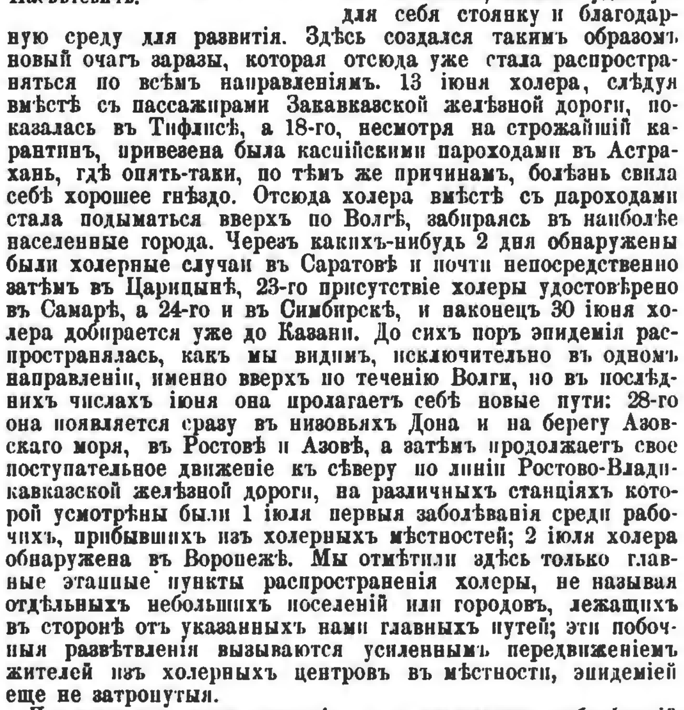
Третья холерная пандемія появилась въ Россіи впервые 26 іюля 1865 г. въ селѣ Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, куда привезла ее семья нѣмецкихъ колонистовъ, прибывшая изъ Турціи, гдѣ въ то время господствовала холера. 29 іюля появились также холерные больные въ карантинѣ Одессы, а вскорѣ болѣзнь занесена была и въ самый городъ, и оттуда пошла гулять по Россіи. Эта эпидемія единственная, проникшая въ Россію не изъ Азіи и въ частности Персіи, а изъ Европейской Турціи. Она была самой слабой по размѣрамъ и проценту смертности, который лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оказался выше единицы. Главный центръ эпидеміи находился въ Бессарабской области и Подольской губерніи, гдѣ смертность достигала въ 1866 г. 6,5% и 5,7%. Эпидемія эта продолжалась въ Россіи цѣлыхъ 9 лѣтъ и закончилась лишь къ 1 января 1874 г., похитивъ въ Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго) 331,363 жизни, 36,8% общаго числа заболѣвшихъ, достигшаго 894,601. Самый плохой годъ былъ 1871, когда заболѣло на пространствѣ 49 губерній 322,711 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 124,831.

Изъ сравненія трехъ бывшихъ въ Россіи эпидемій, мы видимъ, что ожесточенность ихъ все болѣе и болѣе уменьшается. Постепенное ослабленіе смертности обнаруживается совершенно явственно при сопоставленіи соотвѣтственныхъ цифръ:

I эпидемія: умерло 43,3% всего числа заболѣвшихъ.
II „ „ 39,9% „ „ „
III „ „ 36,8% „ „ „

Надо надѣяться поэтому, что появившаяся у насъ въ этомъ году четвертая эпидемія окажется еще слабѣе, что и подтверждается отчасти извѣстіями, приходящими изъ пострадавшихъ мѣстностей.

Со времени прекращенія въ Россіи послѣдней холерной эпидеміи (1874 г.) прошло ровно 18 лѣтъ, и вотъ мы снова уже въ 4-й разъ стоимъ лицомъ къ лицу съ грозной гостьей, надвигающейся на насъ по обыкновенію съ Востока. Нынѣшнее посѣщеніе нельзя однако назвать внезапнымъ и непредвидѣннымъ; напротивъ, начиная съ 1884 года, когда холера впервые обнаружилась въ Европѣ, въ портовомъ городѣ Тулонѣ (лежащемъ на берегу Средиземнаго моря во Франціи), съ году на годъ ждали ея появленія и въ Россіи. Цѣлыхъ 8 лѣтъ сроку дала она намъ, чтобы приготовиться къ ея пріему, чтобы мы могли ее встрѣтить какъ надо. За это время холера успѣла опустошить жесточайшимъ образомъ и по нѣскольку разъ Францію, Испанію, Италію, а также побывать въ Германіи и Австріи, остановившись въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи въ 1890 г. почти у самыхъ границъ Россіи. Успѣли-ли мы достаточно хорошо подготовиться къ встрѣчѣ свирѣпаго выходца изъ Индіи, хорошенько пообчиститься, прибраться и запастись всѣми орудіями борьбы съ нимъ—это покажетъ недалекое будущее. Надо надѣяться, однако, что энергія правительственныхъ органовъ, а также настойчивыя увѣщанія печати заставятъ наконецъ русскіе города и веси, хотя поздно (но „лучше поздно, чѣмъ никогда“), привести себя въ благообразный видъ и сдѣлать все, что предписывается современной гигіеной для воспрепятствованія эпидеміи принять серьезные и опасные размѣры. Благо холера подвигается на этотъ разъ не гигантскими шагами, а потихоньку, отъ одного большаго города къ другому, и не очень разбрасывается по сторонамъ.



Первыя извѣстія о появленіи холеры въ предѣлахъ Россіи относятся къ первымъ числамъ іюня. Изъ Персіи, гдѣ она съ различной силой держится уже 2—3 года, ее перебросило, несмотря на всѣ принимавшіяся на русско-персидской границѣ предосторожности, въ Закаспійскій край; оттуда она проникла по Закаспійской желѣзной дорогѣ съ одной стороны въ Туркестанъ, а съ другой, слѣдуя далѣе черезъ Каспійское море, по тому же тракту, по которому движутся люди и товары, она достигла Баку, и здѣсь, въ невѣроятной грязи этого полуазіатскаго города, при ужасныхъ къ тому почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, среди нечистоплотнаго и скученнаго населенія, нашла удобную для себя стоянку и благодарную среду для развитія. Здѣсь создался такимъ образомъ новый очагъ заразы, которая отсюда уже стала распространяться по всѣмъ направленіямъ. 13 іюня холера, слѣдуя вмѣстѣ съ пассажирами Закавказской желѣзной дороги, показалась въ Тифлисѣ, а 18-го, несмотря на строжайшій карантинъ, привезена была каспійскими пароходами въ Астрахань, гдѣ опять-таки, по тѣмъ же причинамъ, болѣзнь свила себѣ хорошее гнѣздо. Отсюда холера вмѣстѣ съ пароходами стала подыматься вверхъ по Волгѣ, забираясь въ наиболѣе населенные города. Черезъ какихъ-нибудь 2 дня обнаружены были холерные случаи въ Саратовѣ и почти непосредственно затѣмъ въ Царицынѣ, 23-го присутствіе холеры удостовѣрено въ Самарѣ, а 24-го и въ Симбирскѣ, и наконецъ 30 іюня холера добирается уже до Казани. До сихъ поръ эпидемія распространялась, какъ мы видимъ, исключительно въ одномъ направленіи, именно вверхъ по теченію Волги, но въ послѣднихъ числахъ іюня она пролагаетъ себѣ новые пути: 28-го она появляется сразу въ низовьяхъ Дона и на берегу Азовскаго моря, въ Ростовѣ и Азовѣ, а затѣмъ продолжаетъ свое поступательное движеніе къ сѣверу по линіи Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, на различныхъ станціяхъ которой усмотрѣны были 1 іюля первыя заболѣванія среди рабочихъ, прибывшихъ изъ холерныхъ мѣстностей; 2 іюля холера обнаружена въ Воронежѣ. Мы отмѣтили здѣсь только главные этапные пункты распространенія холеры, не называя отдѣльныхъ небольшихъ поселеній или городовъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ указанныхъ нами главныхъ путей; эти побочныя развѣтвленія вызываются усиленнымъ передвиженіемъ жителей изъ холерныхъ центровъ въ мѣстности, эпидеміей еще не затронутыя.

Что касается силы эпидеміи, т. е. количества заболѣваній и смертности, то въ общемъ слѣдуетъ нынѣшнюю холеру признать очень скромной и умѣренной, особенно если сравнить ее съ эпидеміей, господствовавшей въ 1884—90 гг. въ Западной Европѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Неаполѣ, умирало ежедневно по 500—600 человѣкъ. У насъ, слава Богу, холера не приняла такихъ угрожающихъ размѣровъ: число жертвъ ограничивается нѣсколькими единицами

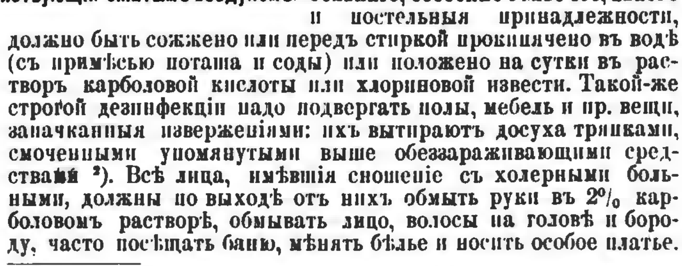
или нѣсколькими десятками заболѣваній и смертей ежедневно. Самыя большія цифры давала въ теченіе нѣсколькихъ дней Астрахань; такъ, 30 іюня тамъ умерло 277 чел. (наивысшая цифра изъ всѣхъ извѣстныхъ съ самаго начала эпидеміи въ Россіи), 1 іюля заболѣло 344, умерло 264, 2 іюля умерло 210, но затѣмъ напряженность холеры начала быстро уменьшаться и снова вернулась къ обычному уровню, не превышающему нѣсколькихъ десятковъ смертныхъ случаевъ ежедневно. Временное усиленіе болѣзни въ Астрахани вызвано было совершенно искусственно: виною тому былъ учиненный чернью разгромъ холерной больницы, при чемъ всѣ больные были отпущены на всѣ четыре стороны или развезены по домамъ, врачи принуждены были скрываться, словомъ, подача помощи заболѣвшимъ въ теченіе ближайшихъ дней послѣ прекращенія безпорядковъ была крайне затруднена или даже совершенно отсутствовала; къ тому же путешествовавшіе свободно по городу холерные больные стали, конечно, новыми источниками заразы. Такіе же безпорядки произошли въ Саратовѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Причинами народныхъ волненій точно такъ же, какъ и во время прежнихъ эпидемій, были различные нелѣпые слухи о томъ, что холера выдумка докторовъ, что здоровыхъ людей нарочно отравляютъ и насильственно помѣщаютъ въ больницы, что хоронятъ живыхъ и тому подобное, словомъ, все то же, что въ бунтахъ 1831 г. и др.

Борьба съ холерой, еще не наступившей, но угрожающей, т. е. ея профилактика, какъ и борьба со всякой другой заразной болѣзнью резюмируется двумя простыми правилами: чистота и осторожность. Подробности же этой системы обусловливаются нѣкоторыми особыми свойствами данной болѣзни, которая занимаетъ положеніе среднее между болѣзнями прилипчивыми (заразительными) и міазматическими (при которыхъ больной человѣкъ не представляетъ никакой опасности для здороваго, напр. малярія или болотная лихорадка; опасность только въ почвѣ, т. е. въ почвенной водѣ).

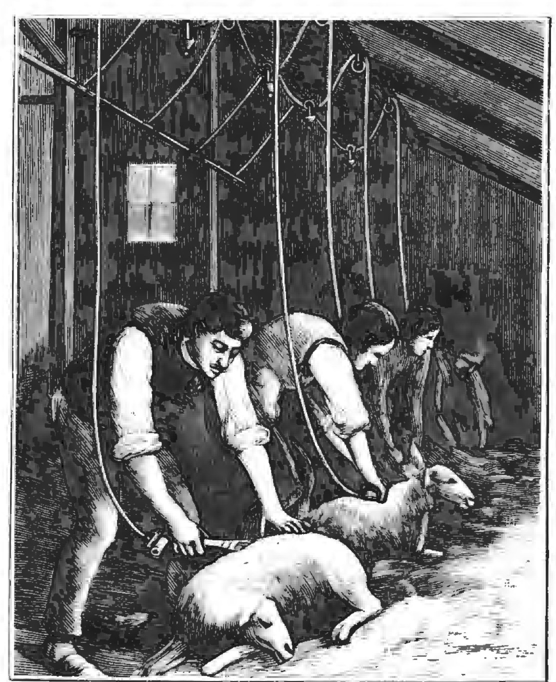
Болѣзнетворное начало холеры, открытая Кохомъ запятовидная бактерія (коммобациллъ), само по себѣ не опасно и не ядовито, но, пролежавши въ хорошей питательной средѣ, какъ-то загрязненной водѣ, гніющихъ органическихъ веществахъ, изверженіяхъ и т. п., оно роскошно развивается и пріобрѣтаетъ при этомъ очень ядовитыя свойства. Стоитъ этому носителю холеры попасть теперь въ *кишечникъ* человѣка, какъ онъ начинаетъ поразительно быстро размножаться, разрушая при этомъ слизистую оболочку кишекъ (главнымъ образомъ, тонкихъ кишекъ), которыя вслѣдствіе этого перестаютъ всасывать пищу, и выдѣляя специфическій ядъ, который проникаетъ въ сосудистую систему и отравляетъ весь организмъ, поражая прежде всего нервную систему. Вслѣдствіе измѣненій въ стѣнкахъ кишекъ, всякая принимаемая внутрь пища, будь то твердая или жидкая, по выходѣ изъ желудка проходитъ затѣмъ безъ всякаго измѣненія чрезъ весь кишечный трактъ и извергается наружу въ видѣ поносныхъ массъ или прогоняется обратно въ пищеводъ и выбрасывается въ видѣ рвоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ кровеносныхъ сосудовъ, прилегающихъ къ кишкамъ, начинаетъ просачиваться въ нихъ, по законамъ осмотическаго обмѣна веществъ, кровяная сыворотка, т. е. жидкая часть крови переходитъ въ обезвлаженныя кишечныя полости, вызывая этимъ сгущеніе крови въ сосудахъ, затрудненіе въ кровообращеніи и наконецъ параличъ сердца. Общее же отравленіе организма выдѣляемымъ ядомъ сказывается между прочимъ въ судорожныхъ сокращеніяхъ мышцъ, особенно въ икрахъ, пальцахъ, бедрахъ и предплечіяхъ. Всѣ ткани умершихъ отъ холеры оказываются совершенно лишенными всякой влаги, доставленіе которой организму представляетъ поэтому самую серьезную заботу врача при лѣченіи холернаго приступа. Въ послѣднее время итальянскій врачъ Кантани предложилъ съ этой цѣлью горячіе клистиры изъ дубильной кислоты и подкожныя впрыскиванія соленой воды; оба средства были испробованы имъ въ послѣднюю холерную эпидемію въ Неаполѣ съ прекраснымъ успѣхомъ, такъ что можно думать, что найдено наконецъ дѣйствительное орудіе для борьбы съ холерой.

Когда болѣзнь достигла полнаго своего развитія и приняла совершенно опредѣленную форму, спасти больнаго, вообще, очень трудно. Слѣдовательно, главная цѣль, къ которой долженъ стремиться каждый, желающій себя уберечь отъ такой опасности,—это предохранить себя отъ заболѣванія, а въ случаѣ заболѣванія, не допустить болѣзни развиться до крайнихъ ея предѣловъ. И то, и другое оказывается обыкновенно въ предѣлахъ человѣческихъ силъ и возможности. Прежде всего, какъ охранить себя отъ заболѣванія? Отвѣтъ изъ предъидущаго ясенъ: не пускать холерный зародышъ къ себѣ въ желудокъ. Попасть онъ можетъ съ пищей или питьемъ. Значитъ—не надо ѣсть такой пищи или пить такой жидкости, въ которой гнѣздится зародышъ болѣзни, и наоборотъ, надо потреблять такую пищу и питье, въ которыхъ зародышъ этотъ совершенно убитъ. Водится онъ въ сырой водѣ, куда проникаетъ изъ почвы, а въ почву изъ изверженій холерныхъ больныхъ, на гнилыхъ или разлагающихся пищевыхъ продуктахъ, да и вообще на томъ, что могло покрываться пылью, содержащей между прочимъ и холерныя запятыя. Убивается этотъ микробъ высокой температурой. Слѣдовательно, надо воду, молоко и пр. кипятить, пищу хорошо проваривать, прожаривать и немного подкислять (3—5 капель соляной кислоты послѣ пріема пищи или на стаканъ чая, воды; полезно пить морсы, домашніе лимонады, немного виноградного уксусу, а также пряности). Холерный микробъ можетъ пристать къ рукамъ нашимъ, которыми мы беремъ хлѣбъ и пр., и такимъ образомъ сами введемъ его себѣ въ ротъ. Чтобы избѣжать этого, надо почаще мыться (кипяченой остуженной водой), а предъ ѣдой вымывать руки.

Въ виду того, что главную и даже, можно сказать, единственную основную опасность представляютъ изверженія холерныхъ больныхъ, въ которыхъ холерныя запятыя кишатъ миллiардами,—какъ непосредственно, при прикосновеніи къ нимъ, такъ и посредственно, вслѣдствіе зараженія ими почвы и воды, — надо изверженія эти сдѣлать безвредными, т. е., уничтожить въ нихъ всякіе болѣзнетворные зародыши, что достигается поливаніемъ ихъ карболовой кислотой, растворомъ сулемы (1 на 5000; ядовита, употреблять осторожно!) и тому подобными дезинфекціонными средствами [1]). Все то, что было загрязнено изверженіями больнаго, особенно бѣлье его, платье и постельныя принадлежности,


должно быть сожжено или передъ стиркой прокипячено въ водѣ (съ примѣсью поташа и соды) или положено на сутки въ растворъ карболовой кислоты или хлориновой извести. Такой-же строгой дезинфекціи надо подвергать полы, мебель и пр. вещи, запачканныя изверженіями: ихъ вытираютъ досуха тряпками, смоченными упомянутыми выше обеззараживающими средствами [2]). Всѣ лица, имѣвшія сношеніе съ холерными больными, должны по выходѣ отъ нихъ обмыть руки въ 2% карболовомъ растворѣ, обмывать лицо, волосы на головѣ и бороду, часто посѣщать баню, мѣнять бѣлье и носить особое платье.

Подробности снаряда для стрижки овецъ. 1. Внутренній видъ. 2. Наружный видъ.


3. Снарядъ для стрижки овецъ, дѣйствующій сжатымъ воздухомъ.

---

[1]) Изверженія эти надо непремѣнно собирать въ особую посуду, въ которую налита смѣсь свѣжегашенной извести съ водой (2 ф. на ведро воды) или 5% карболовая кислота (1 ф. на ведро воды) или хлориновая (бѣлильная) известь (тоже 1 ф. на ведро воды); только продержавъ здѣсь изверженія три часа, можно безопасно выливать ихъ въ клозетъ; выливать же необеззараженныя изверженія воспрещается. Самую же посуду слѣдуетъ затѣмъ прополоскать дезинфицирующимъ растворомъ. Необходимо также тщательно вымывать послѣ всякаго поноса, даже еще не опредѣленнаго, сидѣніе клозета тряпочкой, смоченной 5% карбол. кислотой, и этимъ же растворомъ обливать и сидѣніе, и воронку.

[2]) Тряпки эти затѣмъ сжигаются или по крайней мѣрѣ вымачиваются въ 2% карболовомъ растворѣ въ теченіе 24 часовъ.

Если соблюдать всѣ указанныя мѣры предосторожности, особенно-же относительно холерныхъ изверженій, да еще не ѣсть и не пить въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больной и не хранить тамъ никакихъ припасовъ, то уходъ за нимъ не представляетъ никакой опасности. Доказательствомъ тому служитъ тотъ многократно удостовѣренный фактъ, что врачи, сидѣлки и больничная прислуга не чаще заболѣваютъ холерой, чѣмъ остальные жители города. Нелѣпая боязнь ухаживать за больнымъ ведетъ только къ тому, что заболѣвшіе холерой, которыхъ легко спасти при правильномъ лѣченіи и уходѣ, погибаютъ часто только потому, что ближайшіе къ нимъ люди оставляютъ ихъ совершенно на произволъ судьбы или своимъ трусливымъ поведеніемъ пугаютъ больнаго и тѣмъ ухудшаютъ его положеніе.

По прекращеніи болѣзни надо осторожно собрать всѣ вещи, бывшія въ комнатѣ больнаго, особенно мягкія, не тормоша, не встряхивая и не выколачивая, въ смоченную 2% карболовой кислотой простыню и отправить въ городскую дезинфекціонную камеру, гдѣ такая имѣется, а въ противномъ случаѣ все не особенно цѣнное лучше всего сжечь. Всякій уголокъ въ комнатѣ, которую занималъ больной, долженъ быть самымъ тщательнымъ образомъ дезинфицированъ, начиная съ обоевъ, оконъ, дверей и кончая мебелью, а затѣмъ вся комната провѣтривается раскрываніемъ оконъ въ теченіе 24 часовъ.

Въ случаѣ смерти больнаго, тѣло его должно быть безъ обмыванія немедленно завернуто въ простыню, смоченную 2% карболовой кислотой, и возможно скорѣе удалено изъ квартиры.

Представимъ себѣ теперь тотъ случай, когда холерный микробъ, пользуясь безпечностью человѣка, пробрался-таки къ нему въ желудокъ. Долженъ-ли онъ отъ этого непремѣнно заболѣть? Нисколько. Въ нормальномъ, здоровомъ желудкѣ человѣка для пагубной запятой приготовлено превосходное оружіе—соляная кислота желудочнаго сока, которая для нея сущій ядъ. Вотъ она и погибнетъ тамъ преждевременно, и не удастся ей никакимъ образомъ попасть въ кишечникъ, гдѣ она такъ хорошо чувствуетъ себя именно потому, что сокъ его имѣетъ не кислую, а, напротивъ, щелочную реакцію. Какое-же нравоученіе слѣдуетъ отсюда? А то, что надо имѣть всегда, а въ холерное время, въ особенности, здоровый желудокъ, потому что, разъ кислоты въ немъ мало или совсѣмъ нѣтъ (какъ то бываетъ при катаррахъ), то холерный зародышъ отлично прошествуетъ черезъ желудокъ и здоровешенькимъ заберется въ кишки, а тогда уже воевать съ нимъ куда труднѣе. А чтобы сохранить свой желудокъ здоровымъ и на борьбу съ заразнымъ началомъ—годнымъ и способнымъ, не слѣдуетъ портить его всякой неудобоваримой пищей, въ родѣ, огурцовъ, капусты, окрошки, кислыхъ щей, грибовъ, салата и т. п. кушаній сырыхъ и холодныхъ, а ѣсть только питательныя и хорошо усваиваемыя вещества и главное не объѣдаться. Впрочемъ, образа жизни своего рѣзко мѣнять не слѣдуетъ и на постную діэту переходить незачѣмъ, потому что желудокъ нашъ этого тоже не любитъ. Злоупотребленіе спиртными напитками вредно, но кто привыкъ пить рюмку предъ обѣдомъ, можетъ и не нарушать своей привычки. Такъ какъ всякая простуда, а въ частности простуда живота, дѣлаетъ человѣка менѣе стойкимъ въ борьбѣ съ болѣзнью и также можетъ вызвать разстройство пищеваренія, то въ холерное время совѣтуютъ носить фланелевые набрюшники и теплые шерстяные чулки. Не хорошо также выходить изъ дому натощакъ. Но главное—не робѣть, не пугаться и сохранять спокойствіе духа. Отъ одного страха можетъ поносъ сдѣлаться, желудокъ разстроится, а тамъ гляди и запятая забралась въ кишки. Каждый дѣлай попрежнему свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало, а въ случаѣ разстройства желудка, слѣдуетъ тотчасъ-же послать за докторомъ, потому что холера всегда поносомъ начинается. Не всякій понось есть предвѣстникъ холеры, но по времени надо быть осторожнымъ и на всякій случай съ опытнымъ и знающимъ человѣкомъ посовѣтоваться, а пока докторъ придетъ, слѣдуетъ лечь въ постель, потеплѣе укутаться, выпить потогоннаго (чаю или настоя ромашки, мяты), къ животу приложить припарку изъ горячей золы въ салфеткѣ, а подъ ложечкой—горчичникъ. Если сдѣлаются судороги, надо растирать тѣло больнаго фланелью, напитанной камфарнымъ спиртомъ или водкой съ солью, къ ногамъ поставить бутылки или кувшины съ горячей водой, а то и самоваръ, завернутый въ полотенце. При жаждѣ глотать ледъ. Изъ лѣкарствъ принимаютъ боткинскія, гофманскія или эфирно-валеріановыя капли, черезъ ½ часа по 15—20 капель въ переваренной водѣ или винѣ. Если мѣры приняты, то дѣло поносомъ и окончится, и больной выздоровѣетъ даже тогда, когда этотъ понос былъ первымъ проявленіемъ забравшейся въ организмъ холеры. Ея распространеніе и усиленіе задержано, и опасность миновала.

Если-же холерный понос оставленъ былъ безъ лѣченія, то онъ переходитъ обыкновенно въ холерину, при которой къ поносу присоединяется рвота. Изверженія больныхъ мало-помалу теряютъ окраску и запахъ и становятся похожими на рисовый отваръ. Лѣченіе до прибытія врача то же, но выздоровленіе часто затягивается, а иногда бываетъ и безуспѣшно. Если-же запущена и холерина, то по истеченіи 2 — 3 дней съ начала болѣзни наступаетъ настоящая холера, при которой шансовъ на выздоровленіе не болѣе 50%, т. е., наполовину. Въ виду этого необходимо при первомъ-же поносѣ обращаться къ врачу, да и не только для собственнаго спокойствія, а еще и потому, что такой больной самый опасный изъ всѣхъ. На поносъ онъ вниманія не обращаетъ, считаетъ себя вполнѣ здоровымъ, всюду ходитъ и путешествуетъ и всюду-же заразу (своими изверженіями) сѣетъ, а затѣмъ изъ-за него тысячи народу заболѣваютъ.

Теперь, когда всякій знаетъ, чего ему опасаться надо, а чего бояться не нужно и смѣшно, уберечься отъ заразы не трудно, а если и заболѣетъ, то, принявъ быстрыя мѣры, живо поправится.

В заключеніе совѣтуемъ нашимъ читателямъ обзавестись маленькой домашней аптечкой, въ которой должны быть заготовлены слѣдующія средства: 5% и 2% карболовая кислота для дезинфекціи.—Разведенная соляная кислота (½—1 унція).—Пепсинъ въ порошкѣ (принимать послѣ пищи щепотками, запивая соляной кисл.; помогаетъ пищеваренію).—Капли Боткина, Иноземцева, Пирогова, Тильмана, гофманскія, эфирно-валерьяновыя, анисово-амміачныя; опійная настойка, сѣрный эфиръ (всѣ эти лѣкарства принимать лишь по совѣту врача).—Горчичники, камфора. — Спиртъ горчичный и камфарный (для растиранія).—Клеенка и фланель.—Мѣшокъ для льда.

Политическое обозрѣніе.

Національный праздникъ во Франціи прошелъ 2/14 іюля очень оживленно. Если незамѣтно прежняго громкаго энтузіазма или сказочнаго блеска съ какимъ этотъ день былъ отпразднованъ въ годъ всемірной выставки, тѣмъ не менѣе нынѣшній праздникъ свидѣтельствуетъ о единодушіи и общеніи французовъ всѣхъ слоевъ общества. Въ Парижѣ всѣ дома въ людныхъ частяхъ города съ утра украшены были флагами. Патріотическія манифестаціи происходили передъ памятниками Гамбетты, Жанны д'Аркъ и Страсбурга; къ подножіямъ ихъ положены вѣнки. Манифестаціи прошли спокойно. Дерулэдъ произнесъ рѣчь. Смотръ войскамъ въ Лоншанѣ привлекъ множество зрителей. Президента Карно, выѣхавшаго въ сопровожденіи военнаго министра Фрейсинэ и генерала Мирибеля, привѣтствовали на всемъ пути.

Въ Вѣнѣ 3 іюня рейхстагъ принялъ въ общемъ законопроектъ о валютѣ большинствомъ 190 противъ 92 голосовъ и приступилъ къ спеціальному обсужденію этого закона. Будапештскій рейхстагъ принялъ законъ о валютѣ почти единогласно и сдѣлалъ министру финансовъ фонъ-Векерле оваціи.

Въ Германіи толки о Бисмаркѣ не только не затихли, но даже обострились, и противники въ нынѣшнемъ усердіи лишь мѣшаютъ успокоенію умовъ. По словамъ *Новаго Времени* въ Лейпцигѣ напечатана брошюра „Конецъ князя Бисмарка въ иностранной политикѣ", не встрѣчающая сочувствія даже въ лагерѣ, неиріязненномъ къ Бисмарку. Анонимный авторъ брошюры пытается доказать, что внѣшняя политика Бисмарка съ того времени, какъ онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ (1859 г.) до его отставки 1890 г. отмѣчена цѣлымъ рядомъ ошибокъ, которыя въ концѣ концовъ привели къ полному отчужденію Россіи отъ Германіи и къ заключенію русско-французскаго соглашенія. Авторъ обвиняетъ бывшаго канцлера въ томъ, что онъ успѣшно противодѣйствовалъ прусской военной партіи, которая послѣ русско-турецкой войны и потомъ не разъ старалась побудить императора Вильгельма I начать войну противъ Россіи,—что Бисмаркъ неоднократно пропускалъ благопріятный моментъ для такой войны и, вопреки совѣту Мольтке, требовавшаго войны, заключилъ союзъ съ Австріей. То, что въ глазахъ благомыслящихъ нѣмцевъ должно считаться главной заслугой Бисмарка, анонимный авторъ брошюры вмѣняетъ ему въ тяжкую вину.

Въ Софіи по дѣлу Бельчева, Святославъ Миларовъ, Константинъ Поповъ, Ѳома Георгіевъ и Александръ Карагуловъ приговорены 8 іюля къ смертной казни; поручикъ Васильевъ, Стойя Джудлжевъ и Иванъ Бобековъ—къ тюремному заключенію на 9 лѣтъ, Дмитрій Станковъ — на 16 мѣсяцевъ; Спасъ Лепавцовъ присужденъ къ смертной казни, но передъ совершеніемъ ея онъ долженъ отсидѣть пять лѣтъ въ тюрьмѣ. Петко Каравеловъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 5 лѣтъ, Трайко Китайчевъ — на 3 года, Велковъ — на 15 лѣтъ, Карагуловъ-Македонскій, Моловъ, Карастояновъ, Ножаровъ и Милковъ признаны невинными. Затѣмъ смертный приговоръ относительно Спаса Лепавцова, въ виду признанныхъ судомъ смягчающихъ обстоятельствъ, замѣненъ присужденіемъ къ заключенію въ тюрьму.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

для перевода сочиненій
КОЗЛОВА, ГРИБОѢДОВА и ПОЛЕЖАЕВА.
Подробности смотри въ предъид. № „Нивы“.

КУЗЬМИЧЕВСКАЯ ТРАВА
настоящая **Ephedra vulgaris** (хвойникъ ягодный) 1 руб. за фунтъ въ г. **Бузулукѣ**, Самар. губерн., въ Публичной Библіотекѣ
Н. П. МАТВѢЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ
П. № 5855 Цѣна **1 р.** 2—1
ВОЛЬНО—ОПРАВИТЬСЯ.
Сборникъ анекдотовъ изъ военнаго быта.
Собралъ **Б. А. ВАСЪ.**
Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзн. дорогъ.

ХВОЙНИКЪ настоящ. трава Кузьмича, нынѣшн. майск. сб., отборн., собран. въ цвѣту. Чтобы привлечь вним. публ. цѣна знач. уменьш.: 1 ф. 50 к., 5 ф. по 45 к., 10 ф.—35 к., 20 ф. — 20 к., пудъ 6 р. Прил. опис. употребл. Ищу коммисс. Наложен. плат. съ задат. Адр. Бузулукъ, Самарской губерніи, Г. Н. Кузьминскому. № 5886

В. № 5766 6—5

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна **40** коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ
Главный складъ у Василія Аурихъ: С.-Петербургъ. Колокольная, 18—19.

ПРОСЯТЪ благотворителей, частныхъ лицъ и учрежденія придти на помощь нуждающимся крестьянкамъ Пензенской губ. Мокшанскаго уѣзда, раскупивъ бумажныя матеріи и сукна ихъ работы. Образцы по требованію высылаетъ съ благодарностью Ольга Николаевна Азаревичъ—членъ благотворительнаго Попечительства IV участка Мокшанскаго уѣзда, станція Лунино, Пензенской губерніи.

ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНІЯ!

На многіе поступающіе къ намъ запросы относительно терапевтическаго значенія извѣстнаго въ медицинѣ съ 1601 г., нами разсылаемаго

Oberbrunnen ГЛАВНАГО ИСТОЧНИКА **ЗАЛЬЦБРУННА,**

въ сравненіи съ минеральною водою тамъ же протекающаго источника „Kronenquelle“, часто смѣшиваемой съ нашимъ источникомъ, — мы считаемъ наилучшимъ отвѣтомъ, помѣстивъ ниже **СРАВНИТЕЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНІЕ** важнѣйшаго состава частей обоихъ источниковъ по анализамъ профессоровъ: **FRESENIUS и POLECK.**

1.000 частей содержатъ (въ безводномъ видѣ):	Двууглекислаго натра.	Двууглекислой литины.	Двууглекислой магнезіи.	Сѣрнокислаго натра.
OBERBRUNNEN . . .	**2,152**	**0,013**	**0,474**	**0,459**
Kronenquelle	**0,779**	**0,009**	**0,354**	**0,180**

Главнѣйшія составныя части въ обоихъ источникахъ—двууглекислый и сѣрнокислый натръ; содержаніе **ОБЕРБРУННЕНА ПОЧТИ ВЪ ТРИ РАЗА БОГАЧЕ, ЧѢМЪ** „Kronenquelle“ (по вышеприведеннымъ даннымъ), т. е. паціентъ долженъ выпить **ТРИ БУТЫЛКИ „KRONENQUELLE“**, чтобы усвоить количество важнѣйшихъ составныхъ частей, заключающихся **ВЪ ОДНОЙ БУТЫЛКѢ „OBERBRUNNEN“**. Такъ же и содержаніемъ литины Оберbрунненъ богаче. Ц. № 5884 2—1
Разсылка княжеск. минеральн. водъ въ Оберъ-Зальцбруннѣ, Фурбахъ и Стрибольц.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. D. № 5887 2—1
Зимній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 17 октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію безплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, въ Іюлѣ мѣс. 1892 г. Vossler.

Новая американская скоро-пишущая машина
ГАЛЛЪ.
Самая лучшая и дешевая. Пишетъ всѣ языки и шрифты. Цѣна съ пересылкой и упаковкой 75 р. Описаніе безплатно. Единственный представитель для всей Россіи, Торговый домъ
Ц. № 5883 Э. Штемпель, въ Одессѣ. 3—1
Приглашаются агенты во всѣхъ городахъ.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество табачной фабрики
А. Н. БОГДАНОВЪ и Ко.
рекомендуетъ превосходнаго качества папиросы
ПАРИЖСКІЯ—10 шт. 6 к.
КАЛАЧЪ—10 шт. 5 к.
Получать можно вездѣ. № 5880

АРМИНЪ

Новая венгерская помада для холи и мягкости усовъ и бороды. Банки по 1 р. и по 50 коп. За пересылку полагается 40 коп. Высылается **наложеннымъ платежемъ.** Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Нюпа, Пассажъ, № 52. С.-Петербургъ. № 5795 (6)

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (14)

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.
ДЛЯ КРАСОТЫ КОЖИ
ВОДА де ЛИСЪ де НИНОНЪ

Глицериновое молоко	**Ирисовое молоко**
Весеннее молоко	**Огуречное молоко**
Черемуховое молоко	**Розовое молоко.**

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ
средство для предохраненія отъ загара, веснушекъ и красноты лица.
БОЛЬШОЙ И РАЗНООБРАЗНЫЙ ВЫБОРЪ
косметическихъ и парфюмерныхъ предметовъ, также для купанья, и дорожныхъ принадлежностей, какъ-то: **Англійскія перчатки, полотенца, чепчики, губки; дорожные мѣшки и флаконы, изящные несесеры** и проч. и проч.

ЕДИНСТВЕНН. МАГАЗ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, **№ 32**, домъ Католической церкви. Pt. № 5828 3—3
2) Невскій проспектъ, **№ 66**, у Аничкова моста.
3) Вознесенскій пр., уг. Казанской ул., д. Шредера, **№ 24 — 52.** (Оптовая и розничная продажа).
Магазинъ въ Москвѣ: На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ЗА 5 РУБ. **КРАСИВО ПИСАТЬ** выучиваю всякаго **ЗАОЧНО** (посредствомъ лекцій корреспонденцій) въ 10 уроковъ. **ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ.** Подробное объясненіе преподаванія высылаю **за 2 семикопѣечныя марки.**
ЗА 10 РУБ. **ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ** обучаю **ИНОГОРОДНЫХЪ** вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. По окончаніи выдаю ученику **СВИДѢТЕЛЬСТВО.** Адресъ: Москва, Покровка, д. Бутиковой. Учит. каллигр. и бухгал. А. С. Шиманскому.
БЕЗПЛАТНОЕ обученіе красив. письму и бухгалтер. для народныхъ учителей и учительницъ, на расходъ прилаг. 3 марки по 7 коп.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА
„НОВОСТИ ДНЯ“,
ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ, съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Во второй половинѣ 1892 г. предполагается помѣстить въ **„НОВОСТЯХЪ ДНЯ“** рядъ беллетристическихъ произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ.

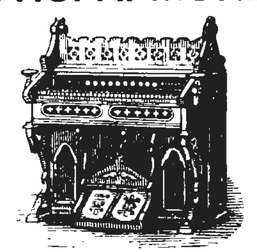
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Ц. № 5844 3—3

Въ Москвѣ:	**На города:**
На 6 мѣсяцевъ . . . . 5 руб.	На 6 мѣсяцевъ . . . . 5 руб. 50 коп.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца въ главной конторѣ „Новости Дня“: **Москва, Мясницкая, домъ наслѣд. Ананова.**
При перемѣнѣ адреса взимается: городскаго на городской и иногородняго на городской—**20** к.; городскаго на иногородный—**30** к. и по **10** коп. съ каждаго мѣсяца.
При перемѣнѣ адреса **ОБЯЗАТЕЛЬНО** должна представляться подписная квитанція. Г.г. иногородныхъ подписчиковъ, возобновляющихъ свои подписки, покорнѣйше просятъ прилагать печатную бандероль, по которой получалась газета.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч., соч. **Вс. Соловьева.** Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ФИСГАРМОНІИ



лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ фабрикъ
въ 85, 100, 125, 130, 140, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400. 450, 500, 550, 650, 800, 1000 р. и дороже.
Самоучитель для фисгармоніи въ 2 рубля.
Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи — **безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д Захарьина.

За **ІЮНЬ** мѣсяцъ петербургскими табачными фабриками выбрано табачныхъ бандеролей на 590.149 руб. 26 коп.

Въ уплатѣ этой суммы фабриканты слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: № 5879

ТОВАРИЩЕСТВО
А. Н. БОГДАНОВЪ и К°.
уплатило **244.560 р. 60 к.**

Колобовъ и Бобровъ	"	19.159	70
Бр. Петровы	"	29.181	20
А. Н. Шапошниковъ	"	40.560	80
Н. К. Соколовъ	"	2.022	—
Т-во А. Ф. Миллеръ	"	7.005	90
А. Шопферъ	"	10.586	60
Оттоманъ	"	14.052	20
Бр. Шапшалъ	"	81.816	70
Т-во Лафермъ	"	68.195	36
Саатчи и Мангуби	"	60.104	—
С. Ю. Шапшалъ	"	7.249	90
Далласъ	"	2.123	10
Босфоръ	"	3.531	20

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

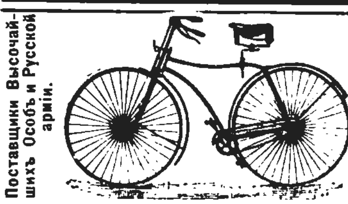
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ (12)

для смягченія кожи. Цѣна за кусокъ 30 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главн. складъ: СПБ., Демидовъ п., д. № 1.

МАРИНОВАНІЕ плодовъ, ягодъ, овощей, грибовъ, рыбы, раковыхъ шеекъ, — всего 77 маринованій. Ц. книги 35 к. деньгами или марками. Адресъ: Саратовъ, молочная Афанасьевой. № 5878

ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО
№ 5800 (10)
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна **50 коп. Остерегаться поддѣлокъ.** Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.



Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**
МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 19 13
Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
Т-ва СПБ. Мех. Производства Обуви
ДЛЯ
Юнкерскихъ Училищъ и другихъ Казенныхъ Учебныхъ Заведеній.

Товарищество доставляетъ въ теченіе многихъ лѣтъ обувь для различныхъ юнкерскихъ училищъ и другихъ казенныхъ учрежденій, и получило разныя одобрительныя свидѣтельства за прочность и доброкачественность товара.

Въ особенности были доставлены слѣдующіе два сорта:
Выростковые сапоги, нечерненые, для чистки ваксою — для ношенія подъ брюками.
Юфтовые сапоги, черненые, изъ смазной юфтовой кожи — для ношенія сверху брюкъ.

ЦѢНЫ:

Выростковые сапоги на 2-хъ подошв. и на красной подкладкѣ.

Сортъ № 326,	длина ноги отъ № 27—31,	вышина голенищъ 7	вершк.	Р.С. 3,45
" № 327,	" " " № 32—36,	" " 8	"	" 4,05
" № 328,	" " " № 37—39,	" " 9	"	" 4,65
" № 129,	" " " № 40—47,	" " 9	"	" 5,50

Юфтовые сапоги на 2-хъ подошв. и съ поднарядомъ.

Сортъ № 329,	длина ноги отъ № 27—31,	вышина голенищъ 7	вершк.	Р.С. 3,20
" № 330,	" " " № 32—36,	" " 8	"	" 3,75
" № 331,	" " " № 37—39,	" " 9	"	" 4,25
" № 331а,	" " " № 40—44,	" " 9	"	" 5,50
" № 138,	" " " № 40—47,	" " 11—12	"	" 6,10

Мѣрка длины ноги снимается съ середины пятки съ внутренней стороны ноги до конца большаго пальца и считается:

№ 27—31 равно 20—22½ центиметр. № 37—39 равно 26½—27¾ центиметр
№ 32—36 " 23—26 " № 40—47 " 28—32½ "

Цѣны дѣйствительны только до изданія новаго прейсъ-куранта и считаются безъ пересылки.

Учрежденіямъ, которымъ мѣрки еще не извѣстны, высылается по заказу пробный ассортиментъ.

Съ заказами обращаться въ Главную Контору Т-ва: въ С.-Петербургѣ, Обводный каналъ, № 134.

СВИДѢТЕЛЬСТВА:

Николаевское Кавалерійское Училище.

С.-Петербургъ, 7 мая 1890 г.

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, въ томъ, что оно поставляло по условію съ училищемъ съ 1886 года по сей 1890 годъ включительно, обувь для юнкеровъ, которая всегда при самомъ строгомъ осмотрѣ и пріемѣ этой обуви была доставляема прочнаго качества сапожнаго товара; въ чемъ удостовѣряю подписомъ и приложеніемъ казенной печати.

Подп.: Подполковникъ Фонъ-Штейнъ.

Кавалергардскій Ея Величества полкъ.

С.-Петербургъ, 15 сентября 1891 г.

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, въ томъ, что доставляемая Товариществомъ обувь для нижнихъ чиновъ полка отличалась всегда прочностію и была изготовляема изъ лучшаго качества сапожнаго товара. Что удостовѣряется подписомъ съ приложеніемъ казенной печати.

Подп. Командиръ полка: Генералъ-Маіоръ Тимирязевъ.

Симбирскій Кадетскій Корпусъ.

Симбирскъ, 26 іюня 1892 г.

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви въ томъ, что поставляемая имъ въ теченіи двухъ лѣтъ обувь для кадетовъ сего корпуса оказалась прочной и сшитой изъ вполнѣ доброкачественныхъ матеріаловъ, что удостовѣряется надлежащею подписью съ приложеніемъ казенной печати.

Подп. Директоръ корпуса: Генералъ-Маіоръ Якубовичъ.

Донской Кадетскій Корпусъ.

Новочеркаскъ, 4 іюля 1890 г.

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, въ томъ, что оно поставляло по условію съ Донскимъ Кадетскимъ Корпусомъ съ 1887 г. по сей 1890 г. включительно обувь для кадетъ, которая всегда при самомъ строгомъ пріемѣ этой обуви была доставляема прочная и лучшаго качества сапожнаго товара, въ чемъ удостовѣряю подписомъ и приложеніемъ казенной печати.

Подп. Директоръ Корпуса: Генералъ-Маіоръ Левачевъ.

Финляндскій Кадетскій Корпусъ.

Фридрихсгамъ, 1 мая 1890 г.

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, въ томъ, что оно поставляло съ 1887 г. по сей 1890 г. обувь для кадетъ, которая всегда при самомъ строгомъ осмотрѣ и пріемѣ этой обуви была доставляема прочнаго и лучшаго качества сапожнаго товара; въ чемъ удостовѣряю подписью и приложеніемъ казенной печати.

Подп. Командиръ роты Финляндскаго Кадетскаго Корпуса: Подполковникъ Шульманъ.

№ 5889

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ"): 3-е изданіе. Ц. 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ .	фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ .	кор. 50 к.
Шведская зубная паста. . .	кус. 30 к.
Шведская амикосовая вода .	фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб.
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

въ громадномъ выборѣ получилъ и высылаетъ прейсъ-куранты по требованію
К. И. ФРЕЛАНДТЪ.
С.-Петерб., у Казанскаго м., уг. Невскаго, д. № 30 16.
Москва, Мясницкая ул., уг. Кривоколѣн. п., д. Соколова.
Харьковъ. Московская ул., д. № 2.

БЛАГО-
ТВОРИТЕЛЬНОЙ 2-й лотереи, билетъ 5 руб., купонъ 1 р. имѣются для продажи. Тиражъ будетъ 1 августа. Порученія изъ провинціи исполняются безъ всякой коммиссіи и немедленно, но не иначе какъ по полученіи денегъ. Банкирскій Домъ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ.
59, Невскій, СПБ. № 5877

МОРИСЪ
СПБ. Невскій, 43/1, уголъ Троицкаго.

Постоянно громадный выборъ **готовыхъ мужскихъ платьевъ новѣйшихъ фасоновъ и матеріи послѣднихъ новостей для заказовъ. Цѣны дешевыя. Спеціальное отдѣленіе военнаго и гражданскаго платья всѣхъ формъ и вѣдомствъ.** № 5850 3—2

КОМПАНІОНОМЪ
или представителемъ, съ капиталомъ, только отъ солидныхъ **фирмъ Москвы и Петербурга,** лицо ведущее торговлю въ Саратовѣ желаетъ принять участіе. Саратовъ, почтамтъ, В. С—чу. ц. № 5882

ЦЕЗАРЬ и МИНКА
въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Лудвига Баварскаго, Е. И. Выс. Принцессы Фридрихъ-Карлъ Прусской, Е. И. Выс. Принцес. Альбрехтъ Прусской и другихъ царствующихъ особъ. К. № 588-

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.

Къ предстоящему охотничьему сезону:
лягавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ, съ гарантіею. Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки, безплатно.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.
(Bahnhof-Wittenberg).

Дозвол. ценз., СПБ., 15 іюля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XXIII
№ 30 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 25 іюля 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ. „Гаданье“. Карт. Е. Г. Дукшта-Дукшинской (исключ. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „Нивѣ“), грав. Хелмицкій.

Послѣдніе цвѣты.

Послѣднихъ цвѣтовъ ты букетъ мнѣ принесъ;
Ихъ краски еще не слиняли,
Еще ихъ не тронулъ губитель-морозъ,
Красой они яркой блистали.

* * *

Но свѣжести не было въ ихъ лепесткахъ,
И не было въ нихъ аромата,
Все видится въ этихъ роскошныхъ цвѣтахъ
Природы послѣдняя трата.

* * *

Послѣдніе гости веселой поры,
Остатки горячаго лѣта,
Печальны мнѣ осени блѣдной дары,
Мнѣ жалко ихъ пышнаго цвѣта.

* * *

Они такъ походятъ на поздній расцвѣтъ
Души въ первый разъ полюбившей
На грустномъ закатѣ промчавшихся лѣтъ,
Всей жизни безплодно погибшей.

А. Романова.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

Она обратилась съ рѣчью исключительно къ хозяйкѣ дома, заговоривъ о томъ, не истинно-ли величественна и потрясающе-справедлива была рѣчь графа Дальнина, на послѣднемъ ихъ митингѣ.

Завольская съ трудомъ преодолѣвала чувство неприязни къ самой проповѣдницѣ и недовѣріе къ ея дѣлу. Любопытство, однако, превозмогло, и она, черезъ минуту, снова къ ней обратилась.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, графиня. Вы, кажется, сказали, что ученіе ваше *чисто* христіанское?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, почему же я никогда, даже Великимъ постомъ и на Пасху, васъ не встрѣчала въ церкви?

— А вотъ именно потому, что я и мои единомышленники слишкомъ хорошіе христіане, чтобъ полагать спасеніе въ однихъ обрядахъ,—чтобъ назначать дни и часы величанію Христа... Мы — славимъ и ждемъ Его ежеминутно! Для насъ Онъ *всегда* воскресъ! Живетъ въ насъ вѣчно!.. Вѣчно въ духѣ пребываетъ со спасенными Имъ, пока Самъ не предстанетъ имъ во плоти!

— Неужели вы только себя считаете спасенными? вскричала Лидія.

— Себя и всѣхъ вѣрующихъ, примирительно вставила, все время молчавшая, хозяйка.

Наталья Михайловна свела брови и поджала тонкія губы, съ такимъ видомъ, будто не совсѣмъ одобряетъ этотъ комментарій...

— Къ несчастью, я должна согласиться, что въ дѣлѣ вѣры много званыхъ, но мало избранныхъ...

— А эти избранные, конечно, ваши послѣдователи? не безъ невольной ироніи вопросила Лидія

— О, не мои! скромно отклонила графиня,—только послѣдователи вѣчныхъ истинъ, заповѣданныхъ человѣчеству его Спасителемъ...

— То есть именно истинъ, которыя проповѣдуетъ графъ Дальнинъ?

Наталья Михайловна величественно склонила голову въ знакъ подтвержденія.

— Я бы не отдала ученію его всего сердца и всей жизни своей, если бы не считала его истиннымъ, сказала она и встала.

Но Лидія Львовна, задѣтая за живое, ужь не хотѣла уняться.

— Ну да! насмѣшливо блеснувъ глазами, продолжала она,—вы, значитъ, убѣждены, что весь міръ, христіане и язычники, равно,—всѣ люди, кромѣ нѣсколькихъ прозелитовъ графа Дальнина, погибнутъ въ геенѣ огненной?

— Нѣтъ предѣловъ милосердію Божію... Я никого не осуждаю.

— Да, но считаете насъ заранѣе осужденными? весело настаивала дѣвушка.—Не кажется-ли вамъ, однако, что такое безмолвное, но поголовное осужденіе не въ духѣ ученія Христа?.. Онъ не чуждался язычниковъ и не отказывалъ имъ въ возможности спастись...

— И мы не отказываемъ! И наши двери всѣмъ, ищущимъ спасеніе, отперты! горделиво блеснувъ глазами отвѣтила гостья госпожи Уардлокъ и, совершенно не сознавая въ самообольщеніи причину невольной усмѣшки своей собесѣдницы, стала прощаться извиняясь недосугомъ, необходимостью быть во-время дома, ради ухода за „дорогимъ наставникомъ“...

— Но онъ, кажется, очень поправился, не такъ-ли? освѣдомилась хозяйка.

— Очень!.. благодаря Небо онъ совершенно пересталъ кашлять и можетъ гораздо лучше ходить.

— Благодаря Небу и вашему неусыпному уходу! замѣтила миссисъ Уардлокъ.—А какъ вы сами себя чувствуете?.. Все-ли благополучно съ вашимъ сердцемъ?

Графиня улыбнулась, качнувъ головой и снисходительно пожавъ плечами.

— Мое сердце?.. Развѣ я на него обращаю вниманіе? отвѣчала она.—Послѣдній мѣсяцъ мучительныхъ припадковъ не было... Но вѣдь это — вопросъ времени! Это хроническое разстройство, отъ котораго, рано или поздно, я должна умереть... Излѣченія ему быть не можетъ.

Она обратилась къ Завольской, любезно подавая ей руку:

— И такъ я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ слѣдующую субботу на нашемъ митингѣ?.. Очень буду рада и надѣюсь искренно, что вы убѣдитесь въ чистотѣ нашихъ вѣрованій.

— Я постараюсь, несовсѣмъ увѣренно произнесла Завольская.

Продолжать рѣчи ей не пришлось, потому что графиня не останавливаясь продолжала говорить, обращаясь больше къ хозяйкѣ дома:

— У насъ, вѣроятно, будетъ очень интересный митингъ! Вы видали нашего юнаго неофита? сына архіепископа изъ Калифорніи?.. О! какой онъ оказывается проповѣдникъ!.. На-дняхъ онъ говорилъ противъ поклоненія иконамъ... Онъ взялъ текстомъ заповѣдь: „не сотвори себѣ кумира“... Ахъ! какъ онъ говорилъ!.. Какая сила! Какой огонь!.. И какъ онъ хорошъ былъ въ своемъ бѣломъ одѣяніи — это прелесть!.. Совершенно вдохновенный пророкъ...

— Такъ у васъ и костюмы? сорвался у Лидіи Львовны вопросъ.

Сѣро-зеленые глаза острой молніей пробѣжали по ней.

— Не костюмы—а одѣяніе! сухо поправила она.—Вамъ-ли, привычной къ парчамъ и золоту православныхъ облаченій, этимъ шокироваться?.. Бѣлый цвѣтъ принятъ у насъ для проповѣдей, потому что онъ символъ чистоты... Въ субботу онъ будетъ говорить о смыслѣ пріобщенія крови Христовой, продолжала она, исключительно обращаясь къ англичанкѣ.

— Да какъ-же такъ? изумилась неугомонная Лидія Львовна,—вѣдь вы же не признаете таинства исповѣди и причастія?

— Вы ошибаетесь, M-lle Zavolsky! Мы, напротивъ, не разъ въ годъ, а ежедневно пріобщаемся этому великому таинству! Этому утѣшительному союзу съ божествомъ!.. Но только мы ему пріобщаемся въ духѣ...

— Ахъ, да! Созерцательно?

— Для избранныхъ — созерцательно; но для слабыхъ духомъ, мы допускаемъ послабленія. Имъ нужна кровь, — мы ее даемъ имъ!.. Или вѣрнѣе сказать: они сами ее берутъ...

— О, Господи!.. Какъ же это? Какую кровь?!

Завольская до того изумилась, что даже по-русски призвала имя Божье, совсѣмъ забывъ, какой это тяжкій грѣхъ въ англійскомъ домѣ. Но хозяйка и не замѣтила этого невольнаго нарушенія британскихъ приличій: она сама была подъ гнетомъ какого-то безпокойства, съ той минуты какъ ея гостья заговорила о таинствѣ общенія со Христомъ. Она охотно остановила бы ея краснорѣчіе, вполнѣ, вѣроятно, понимая неудобства его... Жена литератора *не все* считала разумнымъ и возможнымъ въ ученіи этихъ сектантовъ, хотя и слушала иныя проповѣди ихъ въ сердечномъ умиленіи.

Къ своему искреннему неудовольствію, она не успѣла помѣшать Натальѣ Михайловнѣ докончить своего объясненія.

— Ну да, сказала та,—если ужь фанатикамъ непремѣнно нуженъ вкусъ крови, при таинствѣ духовнаго пріобщенія страданіямъ Распятаго, имъ не воспрещается уколоть себѣ палецъ... Это все-же *настоящая* кровь. А такъ какъ мы сотворены по образу и подобію Божію, то формалисты еще скорѣе могутъ быть этимъ удовлетворены нежели виномъ съ водою... Я знаю нѣсколькихъ нищихъ духомъ въ нашей конгрегаціи, у которыхъ всѣ руки изрѣзаны!..

Она снисходительно усмѣхнулась, сдѣлала общій поклонъ и величественно вышла изъ комнаты.

Лидія Львовна, какъ стояла, такъ и застыла, пораженная...

Когда госпожа Уардлокъ возвратилась, проводивъ графиню, она стремительно закидала ее вопросами:

— Скажите, что она? Сумасшедшая?.. Юродивая?.. Откуда эта самоѣдка — кровоглотательница, проповѣдница полоумной ереси?.. И кто-же она Дальнину?.. Какая-нибудь родственница?.. Это удивительная женщина!.. И какая у нея странная фамилія! Микелова, сказали вы?.. Такихъ графовъ, *Микеловыхъ*, въ Россіи нѣтъ!.. А эта чашка?.. Для кого она готовила эту чашку?.. Почему не позволила мнѣ взять это мѣсто? И что-жъ она, въ самомъ дѣлѣ больна?

Миссисъ Уардлокъ добродушно смѣялась.

— My darling! Вы меня осыпали столькими вопросами, что я не могу отвѣтить сразу!.. Давайте начнемъ съ начала.

И она объяснила, что дама эта разъ или два въ годъ постоянно болѣетъ, какими-то очень опасными припадками болѣзни сердца; что всѣ знакомые знаютъ это и очень сожалѣютъ объ этой „какъ бы то ни было примѣрной христіанкѣ"... Родственница ли она графу Дальнину? Этого она, миссисъ Уардлокъ, не знала; а знала только вѣрно, что графиня всю жизнь свою посвящаетъ святому дѣлу пропаганды „ожиданія втораго пришествія по смыслу евангельской проповѣди Христа", а также служенію немощному проповѣднику этого *„ожиданія"*... Что касается до фамиліи, — въ русскихъ фамиліяхъ она, разумѣется, не знатокъ; быть-можетъ и нѣтъ такой фамиліи! но такъ себя называетъ графиня, — Микеловой или Майкеловой...

— It 's from the christian name Michael, you know! [1]) объяснила миссисъ Уардлокъ.

— Ахъ! Такъ она просто Михайлова?.. догадалась тутъ Завольская.—Я не поняла вашего произношенія... Это понятнѣй, но все же *графовъ* Михайловыхъ—нѣтъ!

— Очень вѣроятно. Я даже слышала, что у нея двѣ фамиліи... Одну она не любитъ называть... У нея были большія семейныя горести, вы знаете. У нея есть, кажется, дѣти, къ которымъ она иногда ѣздитъ... Но съ мужемъ она давно не живетъ.

Лидія Львовна вдругъ побѣлѣла. У нея захватило дыханіе и ноги подкосились такъ, что она должна была поспѣшно сѣсть на ближайшій стулъ.

— What's the matter?.. Что такое?.. Что съ вами? испуганно бросилась къ ней хозяйка дома.

— О, ничего!.. Закружилась голова, не обращайте вниманія. Вотъ и проходитъ... Я склонна къ головокруженіямъ... Да! Такъ эта дама была очень несчастна, говорите вы?

— Была и есть, какъ говорятъ. Ну, что-же?.. Какъ вы себя чувствуете?.. Прошло?..

— О, да! Прошло совсѣмъ... Пожалуйста не безпокойтесь. Какъ же ея настоящая, то есть, другая фамилія?.. Мнѣ было-бы интересно потому, что... я кажется подозрѣваю вѣрно... я знаю такую точно исторію,— сочла благоразумнымъ объяснить Лидія Львовна и прибавила, ради окончательнаго огражденія себя отъ подозрѣній:—въ этихъ печальныхъ семейныхъ драмахъ никого не жаль такъ, какъ дѣтей!

[1]) Это отъ христіанскаго имени Михаилъ.

— Совершенно справедливо! согласилась миссисъ Уардлокъ.—Мужъ мой вамъ вѣроятно скажетъ всю ея фамилію... Очень что-то длинное!.. Онъ какъ-то называлъ... А Michaeloff—она кажется назвалась по своему отцу...

— Да, да! Вѣроятно... Не трудитесь спрашивать M-r Wardlock'a. Мнѣ, вѣдь, безразлично... Я изъ празднаго любопытства спросила... Какое мнѣ дѣло до этой изувѣрки, пріобщающейся собственной крови?.. Сумасшедшая!.. Да! А какъ-же объясните вы еще эту выходку — съ чашкой чая?.. Вотъ она такъ и стоитъ, остывшая, никѣмъ не тронутая.

— Да некому ее было и тронуть! съ особой улыбкой, не то снисходительной, не то иронической, отвѣчала англичанка.—Видите-ли... это, такъ сказать, поэтическая фантазія... Несбыточная,—*вѣроятно* несбыточная надежда, которой утѣшаетъ себя эта бѣдная графиня... И не она одна: всѣ твердо убѣжденные послѣдователи этого ученія, основаннаго на обѣтованіи Христа! Вы знаете, конечно?.. О пришествіи Его въ день и часъ коихъ мы не вѣдаемъ?..

— Безъ сомнѣнія знаю, отвѣтила Лидія.—Но... какое же отношеніе между этимъ ожиданіемъ и остывшей чашкой чая?

— Не только этой чашкой! Графиня Микелова и графъ Дальнинъ и всѣ строгіе ихъ послѣдователи, всегда, за всѣми яствами — завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ, — всегда оставляютъ приборъ и незанятое мѣсто одесную себя.

— Кому? изумилась, все еще не понимавшая, Лидія.

— Oh! But for Him! For our Lord, you see!... [1]) Для Того, Который во всякую минуту можетъ придти и стать между нами.

— Для Христа?!. Приборъ и чашка чая для Іисуса Христа?! несказанно поразилась Лидія Львовна.—Да они рѣшительно сумасшедшіе!.. И превредные!

— О, нѣтъ! Не совсѣмъ такъ! примирительно замѣтила жена литератора. — Они только восторженные вѣрующіе...

— Полноте, миссисъ Уардлокъ! негодуя прервала ее молодая дѣвушка.—Они или полоумные, или хуже того — горделивые лицемѣры!.. Какое право имѣетъ эта Микелова или... кто-бъ ни была она, низводить вѣру въ нашего Господа Іисуса Христа до какой-то жалкой комедіи?.. Оставлять Ему угощеніе и мѣсто за столомъ, да еще рядомъ съ собою!.. Скажите пожалуйста! засмѣялась она презрительно. — Какая-нибудь госпожа, къ старости раскаявшаяся грѣшница, или господинъ, вообразившій себя достойнымъ поучать другихъ и проповѣдывать второе пришествіе, быть-можетъ и самъ-то ничего не понимая, искажая смыслъ Св. Писанія, — будутъ готовить мѣсто *рядомъ съ собой* Господу-Богу?!. Да почемъ они знаютъ, что Христосъ не найдетъ, еслибъ и пришелъ, кого-нибудь подостойнѣе ихъ?.. И вы говорите *не* сумасшествіе!.. Какъ же не сумасшествіе?.. Гордыня, доходящая до безумія, у этихъ несчастныхъ.

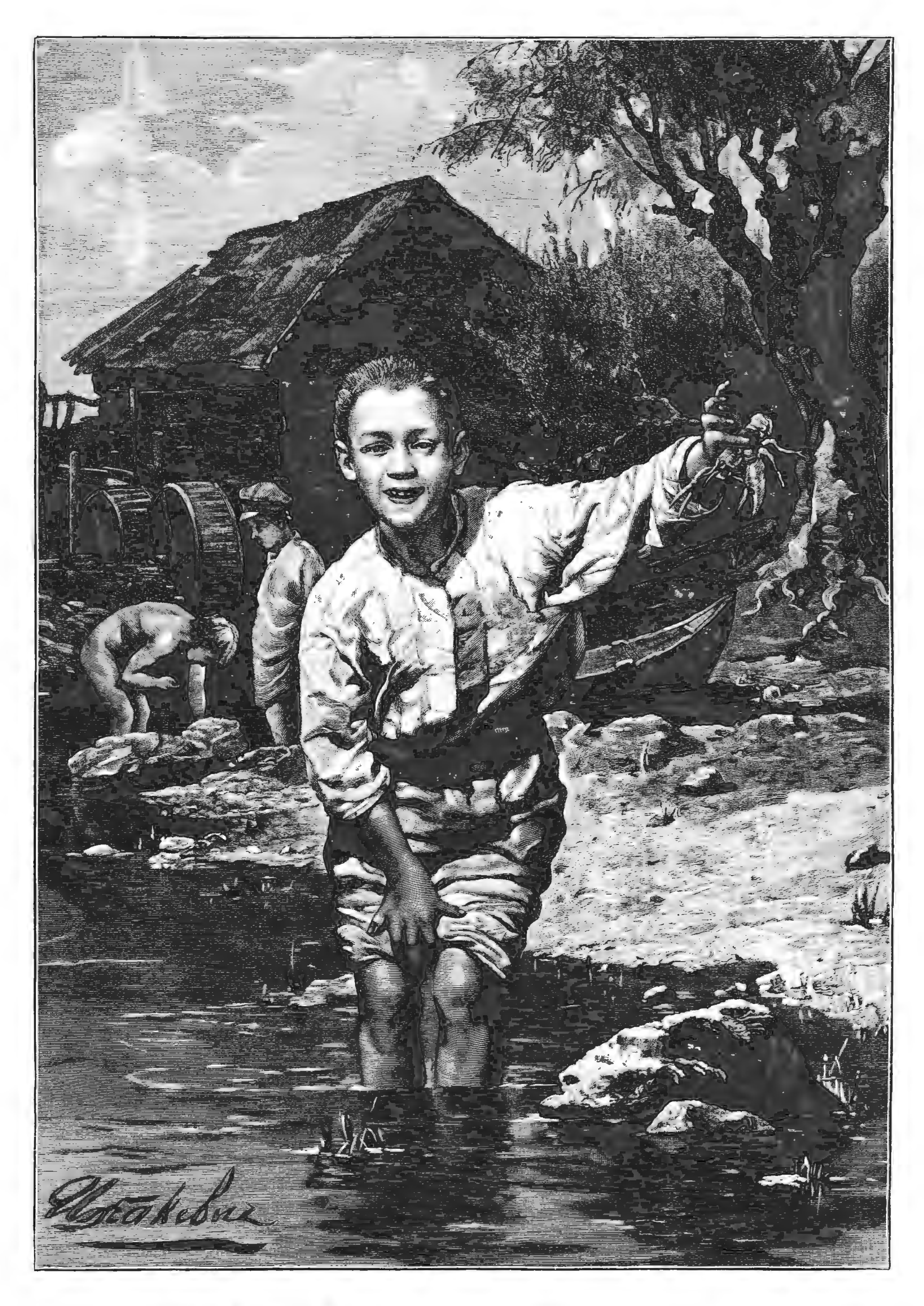
Она сердито встала и поспѣшно надѣвая перчатку вскричала:

— Не пойду я больше къ этимъ безумцамъ!.. Богъ съ ними, совсѣмъ! Пусть угощаются своей кровью, вмѣсто причастія. Я ихъ знать не хочу!

Смущенная миссисъ Уардлокъ уговаривала ее, успокаивала, но безуспѣшно. Лидія Львовна попросила у нея извиненія за свою вспышку, простилась дружески, но на митингъ „экспекторовъ" идти болѣе не хотѣла, какъ англичанка ни убѣждала ее въ краснорѣчіи Дальнина и духѣ благочестія, господствовавшаго въ ихъ собраніяхъ — несмотря на *„нѣкоторыя заблужденія"*...

Сильно взволнованная вышла Лидія изъ дому и едва сдѣлала два шага, какъ услышала горестное восклицаніе:

[1]) Ахъ, для Него! для Господа Нашего!



Вотъ онъ! попался! Ориг рис (собств. „Нивы“) **Ижакевича**, грав. Шюблеръ.

Болгарка. Карт. Эйсмонда, грав. Зайковскій.

— Oh! Really!.. [1]) Неужели вы ужь насъ оставляете?.. Я такъ спѣшилъ чтобы застать васъ и графиню... Ну, что, познакомились?.. Пойдете на ихъ чудодѣйныя собранія?

Завольская подняла глаза на длинную фигуру м-ра Уардлока и улыбаясь отвѣчала:

— Познакомилась... Но на собраніе не пойду.

— Oh! Really! снова вскричалъ литераторъ, на сей разъ радостнымъ тономъ. — Что-жъ такъ? Графиня вамъ не понравилась?

M-r Wardlock смотрѣлъ хитро, многозначительно улыбаясь и благодушно не выпуская руки молодой дѣвушки, послѣ энергическаго shake hands'a [2]).

— Не совсѣмъ...

— Oh?.. Какъ и мнѣ!.. Она не моя фаворитка. Ради жены, я...

— Какъ-же вы только что ее называли *дорогой* графиней?

— О, это такъ себѣ!.. Нечаянно сказалось! захихикалъ добродушный длинный человѣкъ.—Въ сущности я не симпатизирую ихъ пѣснопѣніямъ.

— Ихъ лицемѣрію! строго поправила Завольская.— Она вся, эта графиня,—фальшива съ головы до ногъ.

Она сдѣлала усиліе и равнодушно спросила:

— Кстати! Какъ ея настоящая фамилія?

— Oh! It's a long name, you know! [3]) Это одно изъ вашихъ длинныхъ, трудныхъ именъ... Дайте вспомнить... Loneff, Loneff... первое ничего, но второе—невозможное!

— Лунева-Запястьева? по-русски выговорила Лидія.

— Just so!.. Именно! обрадовался Уардлокъ.—Откуда вы знаете?

— Это въ Россіи фамилія извѣстная... Къ тому же я знала... Слышала объ одномъ графѣ Луневѣ, который разъѣхался съ женой. Можете вы сказать мнѣ, гдѣ учится ея дочь?

— Дочь ея?.. Да, да!.. Я знаю, что она иногда ѣздитъ на островъ Уайтъ... Тамъ вѣдь есть прекрасные пансіоны для дѣвицъ. Быть-можетъ она тамъ?

— Вѣроятно!.. Ну, до свиданія!.. Меня ждутъ дома обѣдать. Goodby, M-r Wardlock.

— Goodby, dear miss Zavolsky! До вечерней прогулки на взморьѣ, не правда-ли?

— O, yes, indeed!.. Непремѣнно!..

„Не ошиблась! Я знала, знала, что это она!.. Отвратительная женщина!.. Безнравственная лицемѣрка! Исковерканная! Фальшивая! Безсердечная!“ аттестовала Лидія мысленно графиню Луневу, — „Нину Петровну Павлову“—по псевдониму данному ей мужемъ въ его письменной исповѣди.

XVIII.

Всѣ-ли эти эпитеты были справедливы?.. Судя по многимъ прегрѣшеніямъ молодости Натальи Михайловны Шрейдель, впослѣдствіи еще два раза законно, а беззаконно несмѣтное число разъ мѣнявшей фамилію,— да!.. Но человѣкъ вообще, а женщины въ особенности, въ жизни подвержены многимъ, часто радикальнымъ перемѣнамъ. Если бы Лидія Завольская *теперь* узнала ближе жену любимаго ею человѣка, то самая любовь эта врядъ-ли помѣшала бы ея честной, прежде всего прямой и справедливой душѣ, признать, что она слишкомъ безпощадное составила заключеніе, что послѣдніе два эпитета, въ настоящее время, къ Луневой не вполнѣ примѣнимы.

Она ошибалась, увлекалась, — но не фальшивила. Что-же касается до безсердечности, то даже безо всякой игры словъ, помимо болѣзни сердца, которою она дѣйствительно страдала, сердце ея такъ много и горько, въ послѣдніе годы, болѣло, что и рада была бы она не чувствовать его въ груди, да сказывалось его присутствіе...

Въ сорокъ лѣтъ эта женщина была наказана именно тѣмъ, чѣмъ грѣшила въ двадцать. Съ молоду ей любить не приходилось, а не разъ случалось разбивать сердца тѣхъ, кто ее любилъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ сама она впервые искренно полюбила, — но любовь ея была презрительно отвергнута... Она разбила жизнь еще одного любившаго ее и, на этотъ разъ, — ею страстно любимаго человѣка; но и собственная жизнь ея была имъ жестоко разбита. Существованіе превратилось ей въ пытку. Десять лѣтъ любить, тосковать по отсутствующему; сознавать его презрѣніе, сознавать что какъ въ жерновѣ повѣшенномъ на шею осужденному въ ней кара и тягота всей его жизни, — такія нравственныя истязанія хуже всякой казни!.. Что смерть? Она не разъ ждала ее и призывала. Графиня Лунева была убѣждена, что давно бы съ собою покончила,— „безъ малодушія, безъ сожалѣній“, думалось ей, — еслибъ не дочь ихъ!.. Это союзное между ними звено, ради котораго, вопреки всему, мужъ ея считалъ себя къ ней навѣки прикованнымъ, являлось свѣтлою точкой въ ея одинокой, безотрадной жизни,—лучемъ надежды на прощеніе его, на ихъ будущее соединеніе.

Наталья Михайловна боялась лишь одного: возможности новой привязанности... Еслибъ мужъ ея полюбилъ другую, полюбилъ не мимолетною вспышкой страсти или минутнаго каприза, а глубокою, честною привязанностью, основанной на уваженіи и на сознаніи взаимности,—всѣ ея надежды на счастливую старость погибли бы невозвратно. Но графъ Петръ Владиміровичъ былъ такой пессимистъ, такъ недовѣрчиво и равнодушно относился къ женщинамъ (она узнала и знала все, что до него касалось) и большую часть времени пропадалъ въ такихъ дальнихъ, безлюдныхъ странахъ, что она надѣялась,—горячо, страстно надѣялась на возможность его прощенія и соединенія ихъ ради дочери.

„Онъ такъ любитъ Ольгу! Онъ такъ боится за нее!.. Онъ пожалѣетъ ее и ради ея спокойствія пощадитъ ея мать!“

Такъ думалось графинѣ, и эта надежда окончить жизнь въ семьѣ съ двумя существами, которыя изъ всего міра одни ей были дороги, поддерживала ея силы.

Въ послѣдніе годы явилась еще одна поддержка, еще одно утѣшеніе: суррогатъ христіанскихъ вѣрованій, представляемый фантастическими проповѣдями послѣдователей лорда Редстока, Пашкова и К°. Впрочемъ, варіаціи на ихъ проповѣдь графа Дальнина нѣсколько разнились отъ этихъ сектантовъ, отвергающихъ всякіе обряды, всякія проявленія наружнаго благочестія кромѣ чтенія Св. Писанія и пѣнія псалмовъ,— даже всякое значеніе личной заслуги, утверждая, что „спасенъ дѣйствительно, радикально и *несмотря ни на какія прегрѣшенія* лишь тотъ, кто слѣпо вѣруетъ единому искупленію кровью Христовой“. У послѣдователей ученія „ожидателей“,—ежеминутно чающихъ явленія Спасителя среди нихъ,—въ Россіи они себя называютъ почему-то „инвергистами“ [1])—есть и обряды, и „ангельскія облаченія“, и нѣчто въ родѣ богослуженія.

Ничего не знавшая ни въ православіи, ни даже въ христіанствѣ вообще; никогда не бывавшая въ церкви, по крайней мѣрѣ не бывавшая у служеній церковныхъ молитвы ради; врядъ-ли до сорока лѣтъ открывавшая когда либо Евангеліе, Наталья Михайловна, познакомившись съ фанатикомъ своихъ своеобразныхъ вѣрованій, Дальнинымъ, схватились за проповѣдь его, какъ за нѣчто особенно благодатное, какъ за откровеніе свыше. Въ ней она нашла успокоеніе и утѣшеніе, дѣятельность благотворительную и постоянное занятіе въ еже-

[1]) Въ самомъ дѣлѣ.
[2]) Рукопожатія.
[3]) У нея длинная фамилія.

[1]) Правильнѣе было бы писать *унфергесты*, такъ какъ это прозваніе очевидно взято съ нѣмецкаго unvergessen — не забывать. „Незабывающіе втораго пришествія“.

минутномъ ожиданіи явленія ей Спасителя,—она *„обрѣла* Христа*“*,—по собственному ея выраженію. Въ этихъ вѣрованіяхъ она была вполнѣ искренна и, *сознательно*, не рисовалась и не злоупотребляла ими. За непреднамѣренные эффекты и рисовку эта изолгавшаяся въ словѣ и дѣлѣ женщина, иначе не понимавшая жизни какъ въ смыслѣ вѣчной комедіи, ужь не могла быть вмѣняема. Она и въ страданіяхъ, сама предъ собой, играла роль жертвы рока, рисуясь ими, собственной жалости ради; она и умирая, въ уединеніи своей комнаты, пока не оставило бы ее сознаніе, безъ сомнѣнія должна была бы *лицедѣйствовать*, потому что это слово для такихъ, какъ она, синонимъ слова—*жить*.

Именно теперь, когда съ нею познакомилась Лидія Львовна, графиня Наталья Михайловна переживала тяжкіе дни, полные тревогъ и сомнѣній. Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, еще весною, до нея стали долетать изъ Россіи тревожные слухи. Ея корреспондентка, жена управляющаго домомъ графа Лунева, бывшая ея горничная, докладывала ей что съ бариномъ что-то не ладно. Что онъ хандритъ, болѣетъ,—приказываетъ по крайней мѣрѣ такъ говорить посѣтителямъ, которыхъ не принимаетъ. Дошло до нея извѣстіе, что „мастерская барина переполнена портретами все одного и того же лица, какой-то барышни, очень хорошенькой“...

У графини, кромѣ преданной ей, хорошо оплачиваемой за преданность, горничной, были двѣ-три корреспондентки изъ большаго свѣта; двѣ-три особы втайнѣ сочувствовавшія ученію графа Дальнина, его горячія поклонницы, знавшія, что она ему нынѣ самое близкое лицо. Одна въ особенности была ей полезна. То была еще очень молодая женщина, горячо преданная не столько смыслу ученія ихъ, какъ имъ самимъ: „Этому чудному, вдохновенному старику и красавицѣ-графинѣ, служащей ему, какъ нѣкогда Марія Магдалина служила своему Божественному Учителю,“—такъ опредѣляла эта восторженная дама отношенія Луневой и Дальнина. Эта особа не принадлежала къ Петербургской коренной аристократіи, въ среду которой была поставлена замужествомъ; она мало знала о прошломъ Натальи Михайловны, да и знать и слушать ничего не хотѣла ей въ ущербъ. Для нея это была „высокая личность“; женщина, покинутая обожаемымъ ею мужемъ; „деспотизмомъ его разлученная съ единственной дочерью“... Женщина — „всю жизнь свою отдавшая дѣламъ благотворенія и проповѣди христіанской“; женщина—„достойная всякаго уваженія и глубокой симпатіи“... Такъ порѣшила эта новая, но искренняя поклонница графини Луневой, познакомившись съ ней года два тому назадъ въ Германіи, на водахъ, гдѣ лѣчился Дальнинъ. Въ прошломъ году она нарочно пріѣзжала для свиданія съ ними въ Лондонъ и еще болѣе утвердившись въ высокомъ мнѣніи о добродѣтели графини и „боговдохновеніи“ проповѣдничества ихъ, готовилась побывать и нынѣшнимъ лѣтомъ и, по возможности, каждый годъ услаждаться ихъ назидательнымъ обществомъ.

Къ этой-то поклонницѣ своей, съ которой, по неотступной просьбѣ ея, она иногда переписывалась, и рѣшилась Лунева обратиться за свѣдѣніями, которыхъ жена управляющаго ей доставить не могла. Прямо спросить ее: правда-ли, что мужъ мой влюбленъ и въ кого? — Лунева не рѣшалась... Ту надо было навести на изобличеніе имени соперницы ея искусными эпистолярными подвохами, чтобы она разузнавала въ наивной увѣренности что не графиня, а сама она интересуется открытіемъ „той безнравственной женщины, которая посягала на чувства женатаго человѣка, на спокойствіе цѣлой семьи.“

На это, разумѣется, приходилось потратить много искусства, — однимъ письмомъ желаннаго результата добиться было едва-ли возможно. Наталья Михайловна уже два мѣсяца занималась письменными упражненіями по этому поводу и вскорѣ надѣялась достигнуть своей цѣли. Въ послѣднемъ письмѣ ея корреспондентки значилось, что она познакомилась дружески со своей сосѣдкой по дачѣ въ Петергофѣ, кузиной мужа ея, княгиней Роксанской... Если было что, Роксанская должна была все знать!.. Графиня Лунева-Запястьева лихорадочно нетерпѣливо ожидала писемъ изъ Россіи.

Въ тотъ-же день, когда она познакомилась съ Лидіей Завольской, вернувшись къ себѣ она нашла письмо изъ Петербурга и съ поспѣшностью голоднаго человѣка, увидавшаго кусокъ хлѣба, набросилась на чтеніе его, хотя оно было не отъ постоянной ея корреспондентки: размашистый, твердый почеркъ адреса на конвертѣ ей былъ слишкомъ знакомъ!.. но въ письмѣ чтенія было немного.

„Если вамъ угодно исполнить просьбу Ольги, которая проситъ моего позволенія видѣться съ вами, не оставляйте Лондона въ концѣ лѣта. Въ августѣ я привезу ее на нѣсколько дней, передъ нашимъ отъѣздомъ на осень въ Италію. Туда вы съ нами ѣхать разумѣется не можете—по какой вамъ угодно причинѣ... Впрочемъ, думаю, на сей разъ предлогъ законный: вѣдь жаркій климатъ очен не хорошъ для больныхъ пороками сердца; вы же постоянно жалуетесь на эту болѣзнь.“

Вотъ все, чтó оказалось въ этомъ письмѣ, подписанномъ именемъ ея мужа, болѣе трехъ лѣтъ съ ней не видавшагося. Графиня Лунева прочла его разъ и другой; потомъ печально опустилась въ кресло, оперпись локтемъ на столъ и крѣпко прижала тонкій почтовый листокъ къ глазамъ и лбу, надѣясь можетъ-быть такимъ движеніемъ сдержать заколовшія ей вѣки слезы... но не сдержала.

„Самъ привезетъ! на нѣсколько дней!.. боится позволить ей со мною видѣться безъ контроля! горько думалось ей.—Все что возможно сдѣлать для отчужденія ребенка отъ матери — имъ сдѣлано все!.. Мало того, что самъ меня не хочетъ ни видѣть, ни знать; но не позволяетъ знать меня и дочери... Боится, что научу дурному!.. Я-ли не смирилась?.. Я-ли не сношу покорно всей тяжести его ненависти? И вотъ, вмѣсто спасиба, вмѣсто привѣта—нѣсколько холодныхъ, саркастическихъ словъ,—насмѣшка надъ моимъ *„порочнымъ“* сердцемъ! Порочно оно,—не оправдываюсь. Только не въ отношеніи тебя! Не въ отношеніи васъ обоихъ, мужа и дочери, страданіемъ за которыхъ я все прежнее, надѣюсь, искупила!.. Боже! Боже! Виновата-ли я, что взростили меня во грѣхѣ, въ неумѣніи отличить чернаго отъ бѣлаго!.. Виновата-ли я, что раньше не встрѣчалась съ честными людьми?... Что узнала впервые человѣка достойнаго честнаго чувства женщины, встрѣтивъ его, когда порочные люди уже въ конецъ испортили мою жизнь, погубили меня?!.“

Такими пенями часто сопровождались слезы этой несчастной. Пени были преувеличены, несправедливы, театральны; но слезы и горе ея глубоки и искренни.

Нѣсколько дней спустя графъ Дальнинъ былъ очень испуганъ извѣстіемъ о внезапной болѣзни своего вѣрнаго друга и помощницы по пропагандѣ. У него въ тотъ день былъ митингъ. Когда *„спасенные“*, какъ называлъ онъ своихъ послѣдователей, уже начали собираться на проповѣдь, онъ послалъ узнать почему нейдетъ графиня... Она жила съ нимъ рядомъ, ихъ раздѣлялъ лишь небольшой цвѣтникъ, и почти цѣлые дни они проводили вмѣстѣ. Слуга принесъ извѣстіе, что графиня получила какія-то вѣрно очень печальныя извѣстія,—письмо, по прочтеніи котораго съ нею сдѣлался жестокій припадокъ ея хроническаго недуга.

Митингъ, на сей разъ, совсѣмъ не удался. Графъ былъ встревоженъ и разсѣянъ, говорилъ мало и безъ подобавшихъ увлеченія и силы. Наконецъ раньше обыч-

наго времени распустилъ благочестивую конгрегацію, прямо заявивъ, что очень безпокоится о заболѣвшей, ихъ „возлюбленной о Христѣ сестрѣ“ и долженъ тотчасъ навѣстить ее.

Графиня Наталья Михайловна нѣсколько дней проболѣла жестоко, едва не умерла. Эти болѣзненные припадки не только бывали мучительны для нея, но и весьма опасны, въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ минутъ. Затѣмъ опасность проходила, но слабость и страданія оставались на болѣе или менѣе продолжительное время; ихъ облегчало только средство само по себѣ довольно опасное,—усиленное вспрыскиваніе морфія, которымъ Лунева начала, въ послѣднее время, злоупотреблять.

Причиной вызвавшей этотъ послѣдній, сильнѣйшій припадокъ были нѣсколько словъ въ письмѣ ея преданной поклонницы, изъ Петергофа. Она писала:

„Я узнала, кто такая та нехорошая дѣвушка, которая жестоко всю зиму кокетничала съ вашимъ мужемъ. Объ ней всѣ говорятъ очень нехорошо, хотя признаютъ ея красоту. Да впрочемъ при желаніи вы можете ее сами видѣть: она теперь гоститъ у сестры своей, въ Лондонѣ. Зовутъ ее Лидія Львовна Завольская. Если вы бываете въ посольской русской церкви, тамъ навѣрное ее увидите...“

Далѣе Наталья Михайловна письма не дочитала. Предъ глазами ея промелькнула красивая, стройная, черноволосая молоденькая дѣвушка, только что ею видѣнная у миссисъ Уардлокъ. Кровь бросилась ей въ голову, потомъ отхлынула вся къ сердцу, захолонувъ и сжавъ его, какъ въ желѣзныхъ тискахъ... Она упала навзничь и потеряла сознаніе.

XIX.

Въ теченіе лѣта леди Леннель нѣсколько разъ предлагала сестрѣ поѣздки по окрестностямъ и въ Лондонъ, ради различныхъ зрѣлищъ выставокъ, спектаклей, фейерверковъ въ Сиденгамскомъ Кристальномъ дворцѣ, которые были, судя по газетамъ, особенно блестящи и удачны въ этомъ сезонѣ. Но она вдругъ перестала всѣмъ интересоваться и никуда ѣздить не желала.

Катя Морина надивиться не могла ея перемѣнѣ и съ горя уѣхала въ свою семью, сообразивъ, что при такомъ настроеніи Лидіи Львовны съ нея прибыли, по части удовольствій, мало. Какъ она ее ни звала на митингъ „спасенныхъ экспекторовъ“, она и туда не пожелала идти, увѣряя, что не стоитъ смотрѣть этихъ полоумныхъ комедіянтовъ.

На Завольскую въ самомъ дѣлѣ нашло нѣчто въ родѣ безпричинной хандры, такъ по крайней мѣрѣ казалось ее окружавшимъ, которые не могли же знать истинной причины ея печалей. Сэръ-Эдвинъ шутя говорилъ, что „миссъ Дилли-старшая заразилась въ Брайтонѣ сплиномъ“; что надо надѣяться на скорую помощь здороваго морскаго воздуха, но что противорѣчить ей нельзя.

— She must have her own way, this dear Miss Svoévolsky! посмѣивался онъ надъ ней въ глаза. — Недаромъ же ее зовутъ *Своевольской!* Она должна имѣть, чего бы то ни стоило, свою волю.

А за глаза баронетъ опять-таки серьезно вступался за свояченицу, говоря женѣ, что Лидію нужно беречь. Что она можетъ имѣть причины, чтобъ нѣсколько уединяться, отдохнуть; быть-можетъ обдумать что-либо, чего они не знаютъ.

— Не имѣла-ли она дурныхъ вѣстей изъ Россіи?.. Или не встрѣтилась-ли съ кѣмъ-нибудь, кого видѣть не желаетъ? разсуждали супруги.

— Она досадовала на встрѣчу съ этой русской графиней, вотъ, что проповѣди Дальнина распространяетъ. Но вѣдь не встрѣтитъ же она ее въ оперѣ, слушая Мельбу? Или на феерiи въ Сиденгамѣ?.. А ужь тѣмъ болѣе въ лагерѣ стрѣлковъ, послѣ-завтра!.. Зову ее въ Уимбльдонъ, посмотрѣть—вѣдь тамъ будетъ самое высшее общество!.. Принцесса Вельская дастъ сама первый выстрѣлъ въ цѣль. Тамъ она увидѣла бы всѣхъ принцевъ и принцессъ. И нашу Великую Княгиню Эдинбургскую, которую ей такъ хотѣлось видѣть! И весь ихъ штатъ, всѣхъ придворныхъ...

— И, пожалуй, многихъ пріѣзжихъ изъ Россіи? прервалъ жену сэръ-Эдвинъ, значительно ей подмигивая.— Быть-можетъ ихъ-то она и не желаетъ встрѣчать.

— О, нѣтъ! Не думаю... И потомъ, кто-же?.. Вѣдь приглашенныхъ такъ мало!.. Мнѣ столько труда стоило достать билеты. Я писала сэръ-Генри Галльфорду, прося доставить ихъ намъ... Нарочно, чтобъ ей сдѣлать удовольствіе, а теперь она отказывается! жаловалась леди Леннель.

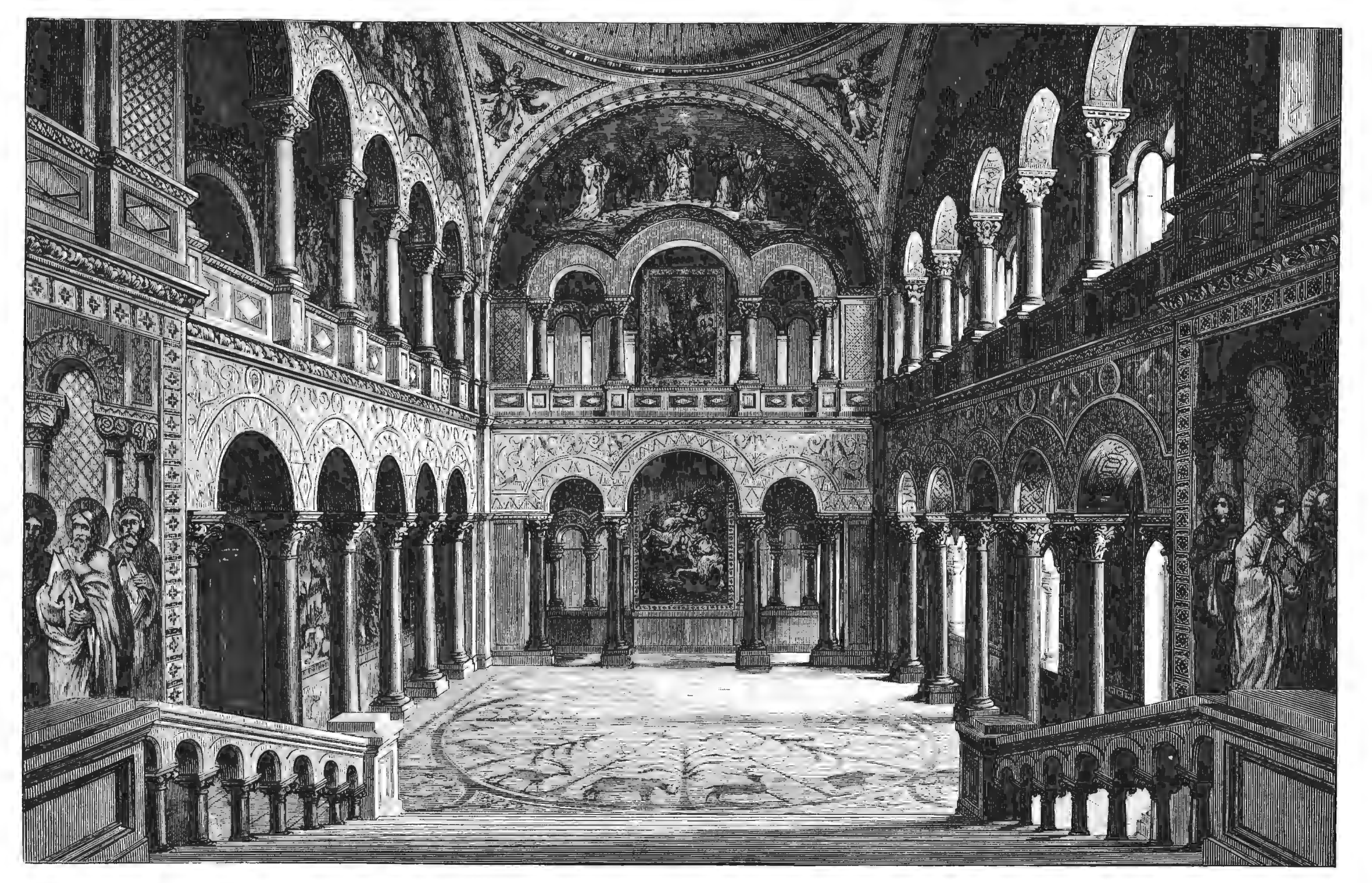
Но несмотря на ея жалобы и уговоры, Лидія осталась непреклонною и не поѣхала ни въ Bisley Camp, на торжественную стрѣльбу въ цѣль королевскихъ стрѣлковъ, ни на еще болѣе торжественный юбилей генерала Буша, Арміи Спасенія, происходившій нѣсколько дней спустя въ Кристальномъ дворцѣ, куда собрались десятки тысячъ народа и многіе зрители спеціально пріѣхали съ континента.

Лидія сама не могла бы опредѣлить, почему встрѣча съ женой Петра Владиміровича нагнала на нее тоску; но долго, нѣсколько недѣль, никакъ не могла ее пересилить. Весь Божій свѣтъ ей былъ не милъ, и не хотѣлось ни одѣваться, ни выѣзжать, ни видѣть никого. Павла Львовна серьезно испугалась, не больна-ли она?.. Въ городѣ, между ихъ многочисленными знакомыми, у нихъ бывали врачи, и ничего не было легче, какъ обратиться къ нимъ мимоходомъ за совѣтомъ. Сюда же просить кого-либо изъ нихъ, значило окончательно разсердить сестру, утверждавшую, что она совершенно здорова,—что, впрочемъ, стало скоро вполнѣ очевидно самой Павлѣ Львовнѣ, даже ранѣе ихъ встрѣчи съ молодымъ врачемъ Стивенсомъ, подтвердившимъ, что Miss Zavolsky единственно страдаетъ хандрой.

Стивенсъ, сначала пріѣхавъ только погостить въ Брайтонъ на недѣльку-другую, къ своему родственнику Уардлоку, потомъ устроился ассистентомъ при какомъ-то докторѣ и остался на все лѣто. Пользуясь свободой „деревенской“ жизни, постоянными прогулками и встрѣчами, онъ чуть не каждый день бывалъ въ обществѣ Леннелей, если не у нихъ самихъ. Лео вдругъ возгорѣлся дружбой къ юному врачу. Ходилъ съ нимъ удить, ѣздилъ верхомъ и катался по морю, то и дѣло отпрашиваясь съ нимъ въ экскурсіи и приводя его съ собою въ домъ. Не трудно было догадаться хозяевамъ дома и самой Лидіи, какой магнитъ притягивалъ къ нимъ мистера Стивенса. На сей разъ Лидію Львовну не только нельзя было упрекнуть въ кокетствѣ, а напротивъ, слѣдовало попенять за черезчуръ нелюбезное обращеніе съ бѣднымъ молодымъ британцемъ. Она положительно дѣлала все, что могла, чуть не до неучтивости, чтобъ показаться ему самой непріятной и неуживчивой особой. Но всѣ ея манеры плохо дѣйствовали. Они, напротивъ, только раздражали мистера Стивенса и подзадоривали его.

Онъ былъ очень неглупый и чуткій малый; кромѣ того, внушалъ положительную къ себѣ симпатію своей миловидностью и добродушіемъ; его не легко было отталкивать нелюбезнымъ обращеніемъ. Какъ ни желала этого Завольская, онъ на удочку не попадался: не сердился на нее и ей не грубіянилъ, а только смущалъ ее своимъ грустнымъ видомъ. Она смертельно боялась, чтобъ онъ не понялъ цѣли ея маневровъ, что было-бы черезчуръ обидно для него, а для нея несказанно непріятно. Поневолѣ приходилось умѣрять свои старанія внушить ему непріязнь, видя очень ясно, что старанія эти желаемыхъ результатовъ не достигаютъ.

(Продолженіе будетъ).

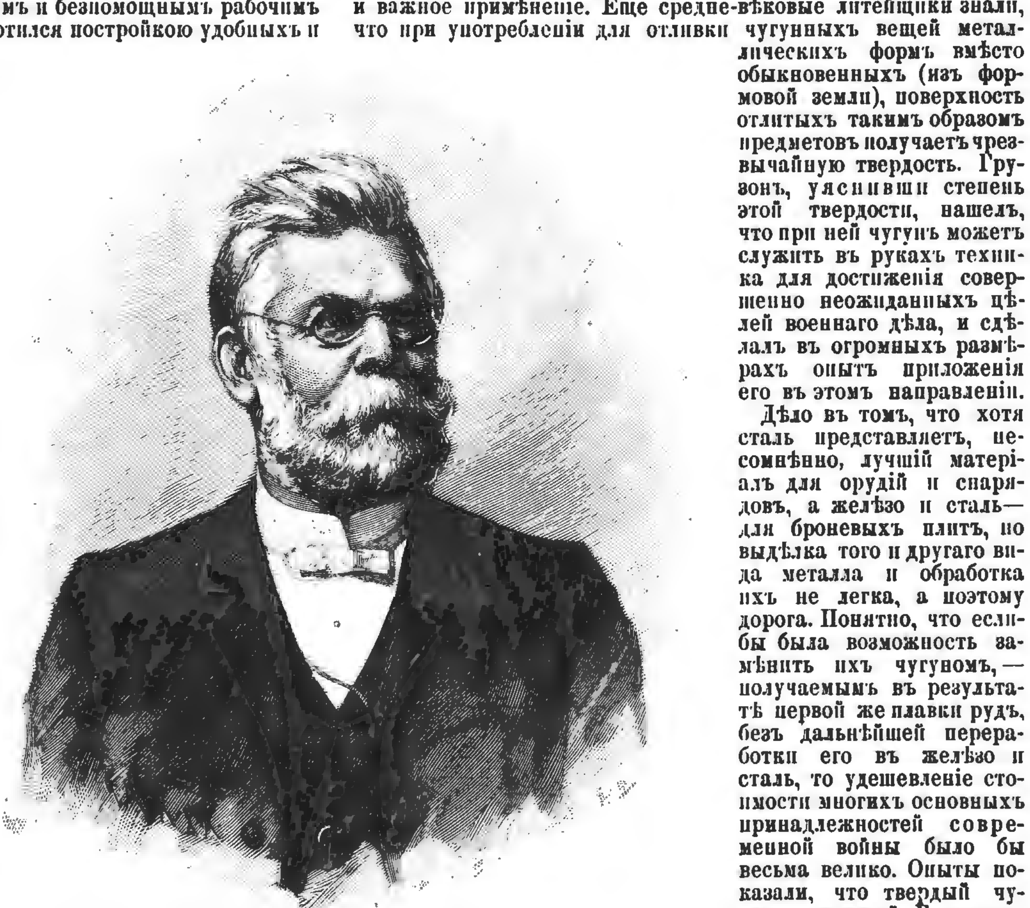


Баварія. Замокъ Нейшванштейнъ. Тронная зала. Съ фот. грав. Клоссъ.

Круппъ и Грузонъ.

(Окончаніе.)

Въ 1853 году Круппъ устроилъ вспомогательную кассу для больныхъ и для семействъ умершихъ рабочихъ, на которую пожертвовалъ весьма крупную сумму, при чемъ ежегодные остатки послужили основаніемъ для кассы пенсіонной. Затѣмъ черезъ три года учреждена была фабричная кухня, изъ которой рабочіе могли получать пищу за небольшую плату; излишекъ же раздавался вдовамъ и больнымъ и безпомощнымъ рабочимъ безвозмездно. Далѣе Круппъ озаботился постройкою удобныхъ и здоровыхъ домовъ въ основанныхъ имъ рабочихъ колоніяхъ: Вестендѣ, Нордгофѣ, Дрейлинденѣ, Шедердорфѣ и Краненбергѣ, въ которыхъ нынѣ можно помѣстить 15.000 человѣкъ. Въ Краненбергѣ бываетъ еженедѣльный торжокъ. Потомъ, въ 1868 году онъ принялъ на себя дѣла Эссенскаго общества потребителей, состоявшаго главнымъ образомъ изъ рабочихъ сталелитейной фабрики и обремененнаго значительнымъ дефицитомъ. При его поддержкѣ и руководствѣ дѣла быстро пришли въ порядокъ, и въ 1875 году доходы потребительскихъ обществъ, какъ въ Эссенѣ, такъ и въ колоніяхъ, достигли уже суммы 3.230.000 марокъ. Вообще Круппъ считался, по мѣрѣ силъ, со всякими нуждами населенія своихъ колоній; кромѣ общей фабричной больницы, онъ устроилъ также эпидемическій госпиталь, купальню съ банями, начальное, техническое и общеобразовательное училища и пр., а во время франко-прусской войны открылъ въ Эссенѣ, уже выходя за предѣлы нуждъ фабрики, лазаретъ на 100 кроватей для раненыхъ.



Германъ Грузонъ.

Въ 1888 году число рабочихъ у Круппа достигало 20.000 челов., а въ составѣ ихъ семействъ числилось 52.809 чел., такъ что фирма давала средства къ жизни всего 73.769 человѣкамъ. Чтобы дать понятіе о колоссальныхъ размѣрахъ Эссенской сталелитейной фабрики, достаточно сказать, что въ томъ-же 1888 году на ней было 370 паровыхъ машинъ съ общею силою въ 27.000 лошадей и 92 паровыхъ молота; для сообщеній внутри ея служили 28 локомотивовъ, почти 1.000 вагоновъ, 60 лошадей, 31 телеграфная станція и 124 телефона; газовый аппаратъ вырабатывалъ свѣтильнаго газа до 1.731.000 куб. футовъ въ день. Для сношеній черезъ моря у фирмы имѣются четыре большихъ парохода.

Стремясь поставить дѣло, въ которомъ возможность безостановочно имѣть сырой матеріалъ, т. е., руду, составляетъ необходимое основаніе, внѣ вліянія случайныхъ неблагопріятныхъ условій, фирма Круппа пріобрѣла въ собственность и арендовала много желѣзныхъ мѣсторожденій и рудниковъ въ Германіи и въ сѣверной Испаніи.

Альфредъ Круппъ скончался на своей виллѣ вблизи Эссена 14 (2) іюля 1887 года, имѣя 75 лѣтъ отъ роду. Нынѣшній представитель фирмы, Фридрихъ-Альфредъ Круппъ, есть его единственный сынъ, родившійся въ 1854 году.

Германъ Грузонъ родился 1 марта (17 фев.) 1821 года въ Магдебургѣ. Въ 1839 году онъ пріѣхалъ въ Берлинъ и началъ учиться здѣсь машиностроенію на локомотивной фабрикѣ Борзинга, слушая въ то же время въ университетѣ математику, естественныя науки и философію. Въ 1846 году Грузонъ поступилъ механикомъ на Берлинско-Гамбургскую желѣзную дорогу, а въ 1851 году получилъ мѣсто старшаго инженера на механической фабрикѣ Вöлерта въ Берлинѣ, на которой и оставался до 1854 года, когда принялъ на себя веденіе дѣлъ Гамбурго-Магдебургской пароходной компаніи въ качествѣ ея директора. Вскорѣ послѣ этого, въ маѣ 1855 года, имъ была заложена на берегу Эльбы верфь подъ фирмою „H. Gruzon, Magdeburg-Bukau“, съ небольшою мастерскою при ней, изъ которой выросъ потомъ теперешній Грузоновскій заводъ.

Основной важный шагъ Грузона, повлекшій за собою рядъ предпріятій, въ которыхъ развернулся и высказался его обширный техническій талантъ, и которыя создали ему громкое имя, заключался во введеніи имъ въ технику новаго матеріала—твердаго чугуна. Строго говоря, этотъ чугунъ открытъ не Грузономъ; онъ лишь воскресилъ его и далъ ему широкое и важное примѣненіе. Еще средне-вѣковые литейщики знали, что при употребленіи для отливки чугунныхъ вещей металлическихъ формъ вмѣсто обыкновенныхъ (изъ формовой земли), поверхность отлитыхъ такимъ образомъ предметовъ получаетъ чрезвычайную твердость. Грузонъ, уяснивши степень этой твердости, нашелъ, что при ней чугунъ можетъ служить въ рукахъ техника для достиженія совершенно неожиданныхъ цѣлей военнаго дѣла, и сдѣлалъ въ огромныхъ размѣрахъ опытъ приложенія его въ этомъ направленіи.

Дѣло въ томъ, что хотя сталь представляетъ, несомнѣнно, лучшій матеріалъ для орудій и снарядовъ, а желѣзо и сталь—для броневыхъ плитъ, но выдѣлка того и другаго вида металла и обработка ихъ не легка, а поэтому дорога. Понятно, что еслибы была возможность замѣнить ихъ чугуномъ,—получаемымъ въ результатѣ первой же плавки рудъ, безъ дальнѣйшей переработки его въ желѣзо и сталь, то удешевленіе стоимости многихъ основныхъ принадлежностей современной войны было бы весьма велико. Опыты показали, что твердый чугунъ, отрытый Грузономъ изъ-подъ вѣковой пыли забвенія, представляетъ вещество, соединяющее въ себѣ достоинства стали и желѣза по отношенію къ нѣкоторымъ кореннымъ потребностямъ военнаго дѣла, но дешевое и гораздо болѣе удобное для обработки, ибо приданіе предмету формы въ желаемыхъ размѣрахъ сводится къ простому процессу отливки. Какъ матеріалъ для брони и гранатъ, онъ обнаружилъ высокія достоинства. При опытахъ, произведенныхъ прусскимъ правительствомъ въ 1864 году, Грузоновскія гранаты врѣзались въ желѣзную броню глубже стальныхъ, и успѣхъ Грузона былъ настолько великъ, что его дѣла быстро начали расширяться. Въ 1869 году на заводѣ были предприняты, поэтому, въ большихъ размѣрахъ новыя постройки, поставлены обширныя строенія и устроены различныя механическія отдѣленія. Въ 1873 году состоялась неудачная проба его панцырной башни, построенной по заданному

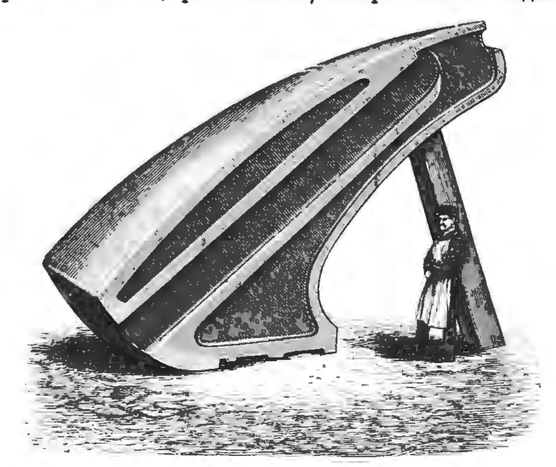


Рис. 2. Панцырная броня для опытовъ стрѣльбы въ Специи (1886).

ему плану прусскаго военнаго министерства, которая была разбита снарядами изъ 5,91-дюймоваго орудія. Неудача произошла отъ того, что броневыя плиты башни были очень тонки: при составленіи плана было упущено изъ вида, что чугунная броня по самому свойству матеріала должна отбрасывать снарядъ, а не задерживать его въ своей толщѣ. Поэтому, Грузонъ въ слѣдующемъ году представилъ новую башню,

Рис. 3. Строящаяся панцырная башня для двухъ 40-центиметр. пушекъ. Наружный видъ.

построенную уже по его собственному плану, изъ чугунныхъ плитъ въ 17,7 дюймовъ толщины, которая выдержала, не получивши пробоинъ, 288 выстрѣловъ изъ 5,91 и 6,70-дюймовыхъ орудій, такъ что пригодность твердаго чугуна для брони выяснилась вполнѣ,—собственно для брони на сухопутныя укрѣпленія, такъ какъ для судовъ чугунная броня тяжела. Повтореніе пробы въ 1882 году дало тѣ же результаты. Но самый большой успѣхъ панцырныя плиты Грузона завоевали въ 1886 году, на пробахъ въ Специи, гдѣ онѣ побѣдоносно выдержали стрѣльбу по себѣ изъ 16-дюймоваго армстронговскаго орудія (рис. 2). Подробныя свѣдѣнія о заводѣ Грузона и техническихъ приспособленіяхъ разнаго рода,—между которыми особенно поражаютъ подъемныя приспособленія, вагоны для перевозки изготовленныхъ кусковъ чугуна и пр., разсчитанные на передвиженіе огромныхъ тяжестей, ибо, напр., самыя большія панцырныя плиты башенъ достигаютъ до 5.067 пудовъ вѣса,—были бы утомительны для читателей. Правильнѣе будетъ, поэтому, дать здѣсь лишь очеркъ главнѣйшихъ типовъ его панцырныхъ сооруженій, въ большинствѣ грандіозныхъ и весьма любопытныхъ.

Въ ряду ихъ на первомъ планѣ стоятъ панцырныя башни и батареи, предназначающіяся главнымъ образомъ для защиты береговъ.

Первымъ элементомъ, какъ башни, такъ и батареи, является панцырная плита той или другой величины и формы, смотря по мѣсту, которое она должна занять,—хотя число формъ вообще ограниченно, такъ какъ формы башенъ и батарей не сложны. Для отливки плиты чугунъ плавится въ особыхъ печахъ, изъ которыхъ сливается въ общій пріемникъ, а оттуда, по достиженіи температуры, наиболѣе благопріятной для отливки, выпускается въ форму, такъ-называемую раковину,—желѣзную, потому что именно отливка въ металлическую форму и придаетъ, какъ сказано, чугуну характерную твердую поверхность. Затѣмъ, плита, послѣ нѣсколькихъ дней (8 — 14), въ теченіе которыхъ она постепенно охлаждается, вынимается изъ формы и особыми подъемными машинами, движимыми, отчасти, паромъ, а отчасти гидравлическими средствами, передается въ отдѣлочныя мастерскія завода. Хотя формы для отливки дѣлаются весьма точно, но такъ какъ плиты должны быть, при составленіи башни, вполнѣ аккуратно пригнаны другъ къ другу, имъ все-таки приходится дать послѣднюю отдѣлку. При большой твердости верхнихъ слоевъ чугуна и при необходимости точно выработать поверхности, которыми плиты взаимно соприкасаются, легко понять, что эта окончательная обработка ихъ совершается далеко не просто и требуетъ многихъ приспособленій. Поэтому, въ ряду машинъ, которыми она производится, находится нѣсколько новыхъ типовъ, изобрѣтенныхъ Грузономъ и высоко цѣнимыхъ спеціалистами. Отдѣланная плита,—которую можно плотно связать съ сосѣдними,—есть своего рода кирпичъ, могущій уже прямо идти въ дѣло. Остается только передать ее на мѣсто назначенія и положить на данный пунктъ въ составѣ постройки, — конечно, опять съ помощію системы перемѣстителей, необходимыхъ для переноски, перевозки и укладки этихъ предметовъ чрезвычайной тяжести, т. е., съ помощію упомянутыхъ подъемныхъ машинъ, особыхъ платформъ для движенія по рельсовымъ путямъ и т. д.

Если строится панцырная башня, то въ составъ ея должны войти такія плиты, изъ которыхъ можно было бы сложить очень плоскій куполъ, незначительно возвышающійся надъ землею, и не высокій панцырный поясъ, лежащій на самой землѣ и имѣющій форму кольца (рис. 3), отрѣзаннаго отъ нижней части другаго купола, нѣсколько бо̀льшихъ размѣровъ и болѣе высокаго, чѣмъ первый. Этотъ поясъ защищаетъ верхнюю часть сложнаго механизма, для котораго верхній куполъ служитъ только крышею, и большая часть котораго помѣщается значительно ниже поверхности почвы. Механизмъ представляетъ цилиндрическую коробку изъ толстыхъ желѣзныхъ брусьевъ и также толстаго листоваго желѣза, дно которой образуется платформою для двухъ тяжелыхъ орудій, стоящихъ рядомъ и выставляющихъ дула въ отверстіе на куполообразной панцырной крышѣ. Цилиндръ свободно вращается около вертикальной оси, такъ что орудія могутъ быть направляемы въ любую сторону горизонта. Поэтому, изъ двухъ ярусовъ брони, видимыхъ снаружи, верхній,—т. е. плоскій куполъ,—будучи, какъ сказано, крышей цилиндра, вращается вмѣстѣ съ нимъ; панцырный же поясъ неподвиженъ. Поясъ состоитъ изъ 14

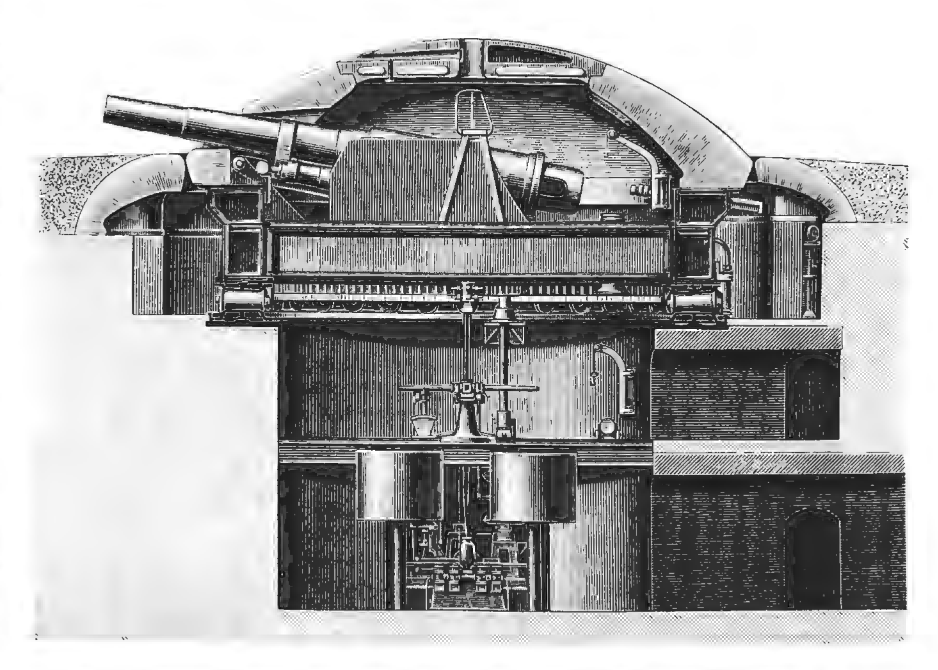
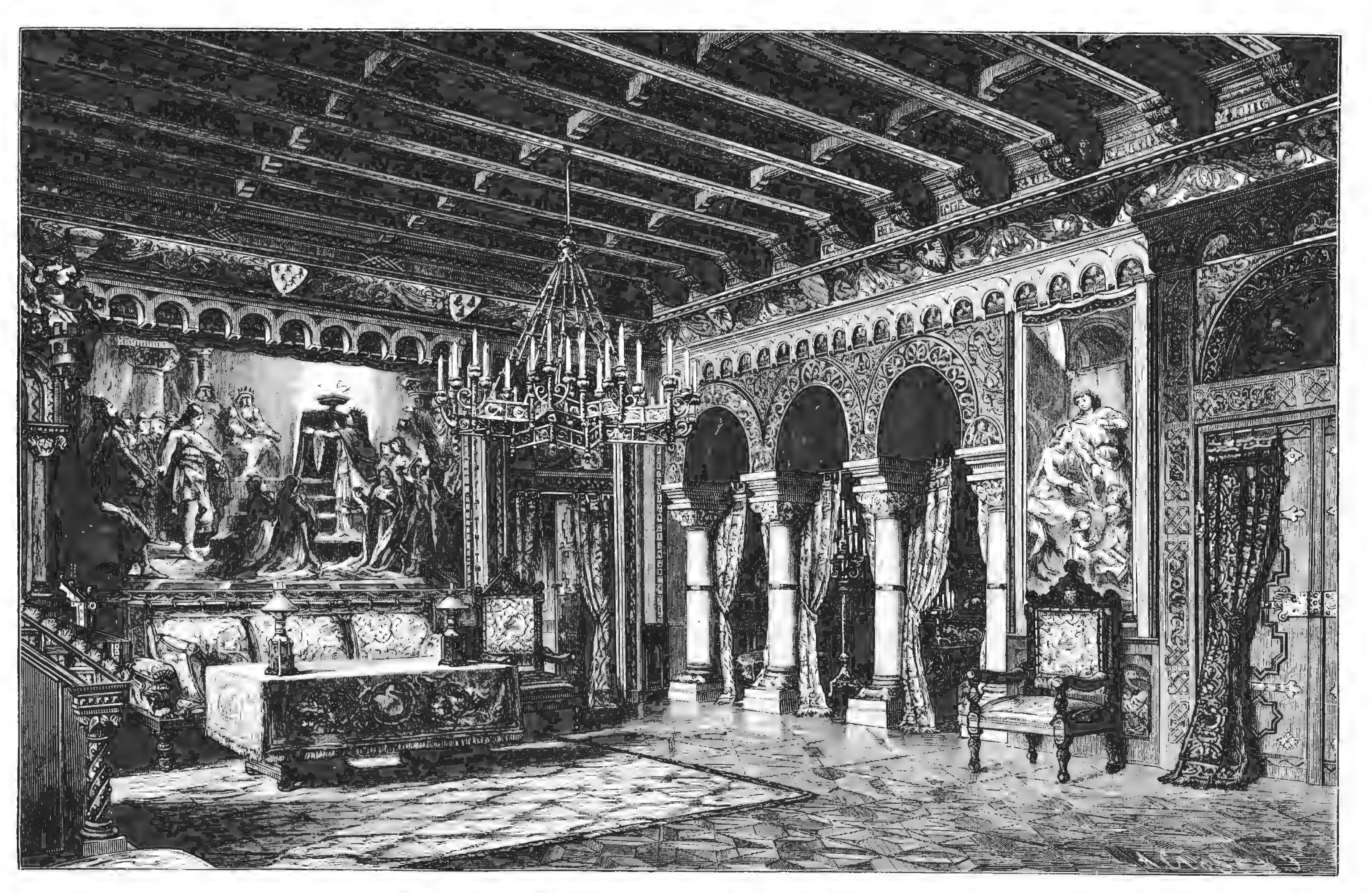
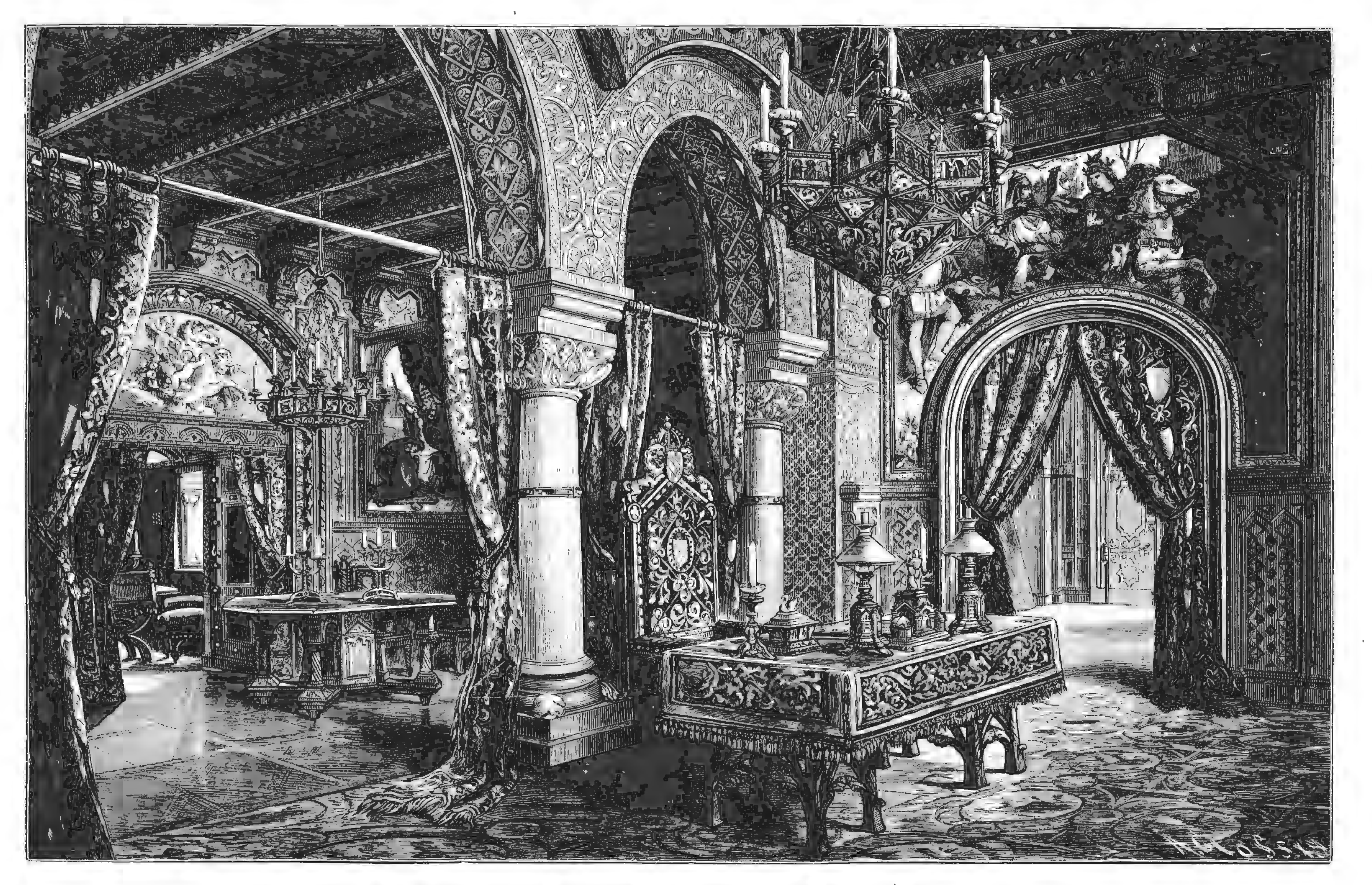


Рис. 4. Внутренній видъ панцырной башни для двухъ 30,5 центиметр. пушекъ съ машинами и ручнымъ приводомъ.

плитъ, пригнанныхъ такъ, что онѣ образуютъ правильное кольцо, а куполъ—изъ 13, въ центрѣ которыхъ лежитъ крышечная плита, составляемая изъ двухъ частей и снабженная отверстіемъ для человѣка и визиромъ для наводки. Башня поворачивается на оси ручнымъ воротомъ или паромъ,—смотря по размѣрамъ, зависящимъ отъ величины стоящихъ въ ней орудій, а также и потому, какая скорость требуется въ дан-



Баварія. Замокъ Нейшванштейнъ. Собственный покой короля Лудвига II. Съ фот. грав. Клоссъ.



Баварія. Замокъ Нейшванштейнъ. Рабочій кабинетъ короля Лудвига II. Съ фот. грав. Клоссъ.

ную минуту при поворотахъ. Башня съ парою 15,76-дюймовыхъ орудій при употребленіи на работу десяти человѣкъ совершаетъ поворотъ на четверть круга, т. е., на 90°, въ три минуты; при дѣйствіи паровой машины, имѣющейся въ башнѣ, въ четыре съ половиною минуты—до пяти—она дѣлаетъ полный оборотъ. При орудіяхъ меньшаго калибра башни могутъ обходиться и безъ пара. Кромѣ верхняго этажа, гдѣ стоятъ орудія, въ башняхъ большаго размѣра имѣются еще два нижнихъ. Въ самомъ низу помѣщается паровая машина, а также находятся массивные грузы, примѣняемые для развитія сильнаго давленія въ гидравлическихъ помпахъ, такъ какъ нѣкоторыя операціи при стрѣльбѣ, а именно, прицѣливаніе и введеніе снарядовъ въ стволъ орудія, производятся съ помощію гидравлическихъ прессовъ, ибо иначе не было бы возможности справляться съ такими тяжелыми предметами, какъ 15,76-дюймовая пушка и гранаты того же калибра. Въ среднемъ этажѣ помѣщенъ шпиль для поворачиванія башни людьми, а также здѣсь находится и приводъ отъ клапана паровой машины на случай надобности употребленія пара. Этажи соединены одинъ съ другимъ лѣстницами. Припасы, заряды и снаряды сохраняются въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, устроенныхъ по сторонамъ колодца самой башни, откуда подаются въ верхнее отдѣленіе; послѣдніе—подъемными кранами. Башня съ двумя 15,76-дюймовыми орудіями требуетъ для управленія и стрѣльбы 39 человѣкъ прислуги, не считая командира и людей резерва (рис. 4).

Вглядѣвшись въ типъ этой своеобразной, довольно сложной и аккуратно исполненной постройки, легко видѣть, что она представляетъ, нѣкоторымъ образомъ, колоссальный двухствольный штуцеръ съ раздѣльными стволами, выставляющими лишь концы дулъ въ отверстіе толстаго чугуннаго ложа, имѣющаго подобіе щита черепахи,—въ которомъ скрыты и механизмъ, производящій выстрѣлы, и многоголовый стрѣлокъ.

Несомнѣнно, такая башня въ извѣстныхъ условіяхъ весьма серьезный противникъ: самый типъ ея,—черепашій щитъ, при огромной толщинѣ плитъ панцыря, наглядно выражаетъ, можно сказать, предѣлъ способности къ тупому пассивному сопротивленію, а почти 16-дюймовыя орудія опредѣляютъ величину способности къ активному дѣйствію. Многія суда, попавши въ сферу дѣйствія ея пушекъ,—если башня защищаетъ берегъ,—могли бы оказаться въ крайне затруднительномъ положеніи, ибо огромное большинство ихъ гранатъ только скользнуло бы по поверхности щита прилегшаго къ самой землѣ чудища, которое само сохраняло бы, однако, непрерывную способность нанесенія тяжелыхъ пораженій.

При необходимости считаться съ подобною башнею нуженъ очень точный огонь тяжелыхъ мортиръ, какъ орудій способныхъ посылать свои снаряды, т. е., бомбы, сверху и бить, такъ сказать, въ темя башни. Въ другихъ случаяхъ, если бы

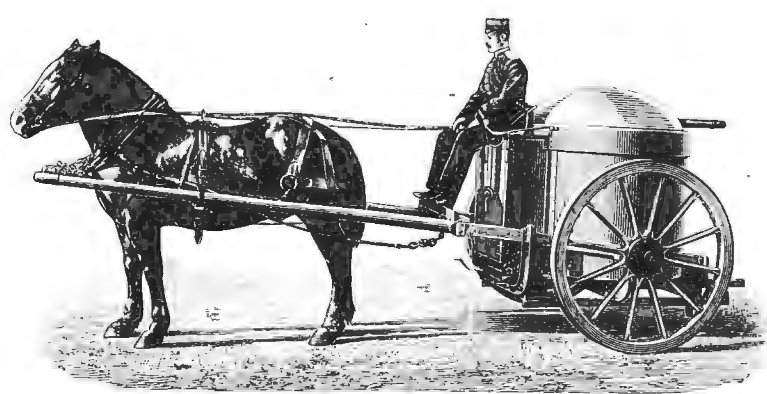


Рис. 6. Перевозный панцырный лафетъ для 3,7 центиметр. скорострѣльной пушки съ запряжкою.

она препятствовала, напр., высадкѣ дессанта, конечно, проще всего сдѣлать высадку, если это возможно, внѣ сферы ея дѣйствія. Нападающему, успѣвшему уже высадиться и развернуться на берегу, — особенно, если онъ нападаетъ врассыпную, когда пальба изъ большекалиберныхъ орудій (по немногочисленнымъ группамъ людей) становится безцѣльною, — она не можетъ особенно грозить, ибо при небольшомъ числѣ команды, уже сама нуждается въ посторонней защитѣ, т. е., прежде всего соотвѣтственнымъ образомъ расположенныхъ другихъ артиллерійскихъ единицъ или пѣхоты.

Чтобы дать представленіе о массивности панцырныхъ башенъ, достаточно сказать, что вѣсъ всей башни для двухъ 15,76-дюймовыхъ крупповскихъ пушекъ равняется, безъ орудій, 205.678,

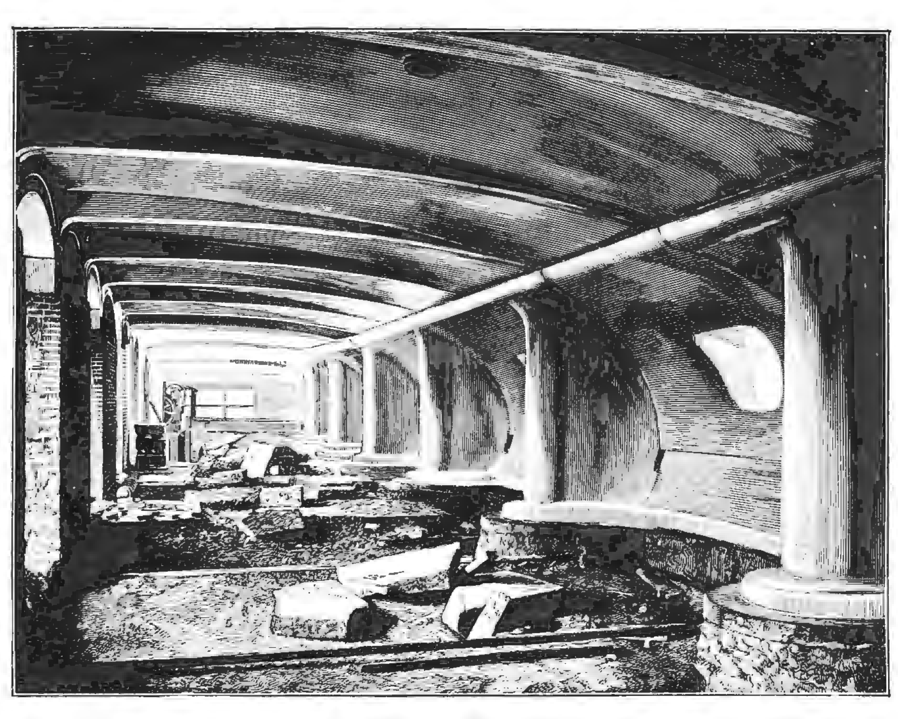


Рис. 5. Строящаяся панцырная батарея для 24-центиметр. пушекъ. Внутренній видъ.

купола 96.459, а панцырнаго пояса 61.050 пудамъ; стволъ же каждаго орудія имѣетъ вѣса около 8.730 пудовъ. Внутренній поперечникъ башни составляетъ 5,9 саж.

Башни этого типа, помимо ихъ первоначальнаго назначенія: служить для защиты береговъ, могутъ быть вводимы въ составъ верковъ, также и крѣпостей, расположенныхъ внутри континента.

Второй типъ панцырныхъ построекъ Грузона, именно панцырныя батареи, при большой простотѣ, отличаются еще большею массивностью и колоссальностью. Эти батареи суть неподвижныя сооруженія для защиты береговой линіи, слагаемыя изъ огромныхъ плитъ чугуна, — хотя по отношенію къ возвышенію ихъ надъ землею и очертаніямъ профиля онѣ близки къ башнямъ. Если бы можно было верхній этажъ башни, представляющей цилиндръ, — ибо она должна вращаться,—разрѣзать въ одномъ мѣстѣ до центра, развернуть и вытянуть по прямой линіи, примкнувши образующееся сзади открытое пространство къ береговому обрыву и выполнивши бронею образующіеся при этомъ разрывы около центра, то получится нѣкоторое подобіе того коридора, который составляетъ типъ Грузоновской батареи (рис. 5).

Лицевая сторона коридора состоитъ изъ чередующихся другъ съ другомъ амбразурныхъ плитъ, имѣющихъ отверстія для орудій, и плитъ столбовыхъ, которымъ дается устойчивость и прочная опора посредствомъ короткихъ и толстыхъ литыхъ столбовъ. Амбразурныя плиты налегаютъ на эти основныя плиты батарейной брони краями. Вся лицевая стѣна основывается на гранитномъ фундаментѣ, вдающемся внутрь коридора отдѣльными выступами подъ столбами. Крышу образуютъ плиты, соединенныя переднимъ краемъ съ лицевыми, а заднимъ лежащія на каменной опорѣ. Передъ батареею выводится неширокій гласисъ изъ гранита. Въ галлереѣ, длина которой зависитъ отъ числа орудій, стоятъ однѣ пушки. Припасы складываются въ другой галлереѣ, составляющей нижній этажъ батареи. Позади орудій имѣется просторный проходъ, по которому гарнизонъ можетъ удобно двигаться между орудіями.

Устройство панцырныхъ батарей въ существѣ, очевидно, просто, но какъ неуязвимость ихъ для противника, такъ и средства нанести ему пораженіе, весьма велики. Особымъ устройствомъ лафета, Minimalschartenlafette, — Грузонъ достигъ того, что амбразура при стрѣльбѣ загораживается въ извѣстной мѣрѣ дуломъ самаго орудія, такъ что вѣроятность проникновенія снарядовъ противника въ батарею черезъ амбразуры незначительна.

На первый взглядъ можетъ показаться, что сооруженіе подобныхъ колоссальныхъ металлическихъ построекъ, притомъ

тщательно исполненныхъ, должно стоить непомѣрно дорого. Имѣя, однако, въ виду, что матеріаломъ для брони является чугунъ, стоящій очень дешево сравнительно со сталью, желѣзомъ и бронзою, постоянно расходуемыми для военныхъ цѣлей, нужно думать, что цѣна панцырныхъ башенъ и батарей не можетъ быть чрезмѣрною: Германія, правительство которой интересуется разработкою этого предмета,—страна относительно небогатая.

Рис. 7. Перевозный панцырный лафетъ для скорострѣльной 3,7 центиметр. пушки въ земляномъ укрѣпленіи.

Изъ приборовъ сравнительно мелкихъ, изготовляемыхъ Грузономъ для военныхъ цѣлей и, безспорно, полезныхъ во многихъ случаяхъ, любопытны панцырные лафеты, изобрѣтенные прусскимъ инженеръ-полковникомъ Шуманомъ, умершимъ въ 1889 году. Они дѣлаются двухъ типовъ: сравнительно тяжелые, предназначаемые для передвиженія по рельсамъ, и легкіе, перевозимые на лошадяхъ. Въ существѣ устройства эти лафеты тѣ же панцырныя башни, но въ миніатюрѣ, и внутри ихъ находится одно орудіе. Лафеты разсчитаны на то, чтобы ихъ можно было легко передвигать и устанавливать на любомъ мѣстѣ.

Крышка лафета вращается, какъ и у панцырной башни. Артиллеристы, сидящіе внутри цилиндра изъ толстаго желѣза, подъ этою крышкою, и защищенные такимъ образомъ отъ пуль и гранатныхъ осколковъ, могутъ осыпать непріятеля градомъ снарядовъ изъ своей скорострѣльной пушки, дѣлая изъ 1,45-дюймоваго орудія до пятнадцати выстрѣловъ въ минуту (рис. 8). Будучи вкопанными въ земляныя укрѣпленія, эти лафеты могутъ оказать большое содѣйствіе защитѣ, представляя притомъ сами по себѣ крайне небольшую цѣль для нападающаго.

Въ числѣ небольшихъ лафетовъ Грузона есть очень интересный типъ: пушка нормально совершенно скрыта внутри коробки лафета; но крышка ея можетъ подниматься, при чемъ пушка беретъ прицѣлъ и посылаетъ выстрѣлъ. Насколько велика точность механизма видно изъ того, что процедура поднятія орудія, прицѣла, выстрѣла и опусканія пушки совершается всего въ полминуты.

Въ 1882 году лафеты Шумана и Грузона прекрасно выдержали пробы, предпринятыя прусскимъ военнымъ министерствомъ, а затѣмъ, въ 1885 году, снова имѣли блестящій успѣхъ при опытахъ въ Бухарестѣ.

Дѣятельность Грузоновскаго завода, какъ и Крупповской фабрики, не ограничивается выдѣлкою фабрикатовъ только для цѣлей войны. Это задача одного изъ отдѣленій завода; другое—выдѣлываетъ фабрикаты для цѣлей промышленности. Главную массу издѣлій послѣдняго рода составляютъ принадлежности для желѣзныхъ дорогъ, мельницъ, прессовъ, подъемныхъ крановъ, машинъ для обработки металловъ, бумажно- и суконно-фабричной промышленности и пр. Фабрикація колесъ изъ твердаго чугуна занимаетъ видное мѣсто въ производствѣ: до послѣдняго времени Грузонъ выпустилъ ихъ болѣе 300.000 штукъ.

Обширный заводъ въ Букау, хотя его и нельзя сравнить съ цѣлою системою заводовъ и рабочихъ колоній знаменитой Эссенской фабрики, занимаетъ около версты протяженія по Вольной улицѣ (Freiestrasse) и вдоль монастырскаго кладбища, къ которому онъ примыкаетъ съ противоположной стороны, и болѣе полуверсты по Маріинской (Marienstrasse). За исключеніемъ обоихъ угловъ, выходящихъ на Маріинскую улицу, изъ которыхъ восточный занятъ домомъ Грузона, а западный зданіемъ заводо-управленія, все это пространство почти сплошь застроено разнообразными корпусами заводскихъ мастерскихъ. Самыя обширныя изъ нихъ суть: панцырныя литейныя, общая литейная, кузницы и лафетныя мастерскія.

Для пробъ издѣлій военнаго назначенія заводъ имѣетъ два стрѣльбища: вблизи Букау и при станціи Магдебургско-Виттенбергской желѣзной дороги Тангергютте; послѣднее имѣетъ около 10 верстъ въ длину.

Очевидно, настоящій сжатый очеркъ задачъ и дѣятельности двухъ выдающихся техниковъ нашего времени, представляетъ въ то же время, въ крупныхъ чертахъ, важнѣйшіе моменты исторіи появленія въ ряду матеріаловъ современной техники литой стали и твердаго чугуна, — двухъ видовъ желѣза, изъ которыхъ высокое значеніе перваго понятно каждому, а второй, по всей видимости, скоро также найдетъ себѣ обширное примѣненіе. Войны и ихъ требованія оказали, въ данномъ случаѣ, серьозную услугу промышленности, ибо длинный путь развитія обоихъ производствъ совершился весь подъ ихъ вліяніемъ,—отъ первыхъ шаткихъ опытовъ до послѣднихъ произведеній, на которыя не только самъ изобрѣтатель, но и мастеръ, исполнявшій работу по готовому проекту, могутъ указать съ гордостью, какъ на свои созданія. **В. Аленицынъ.**

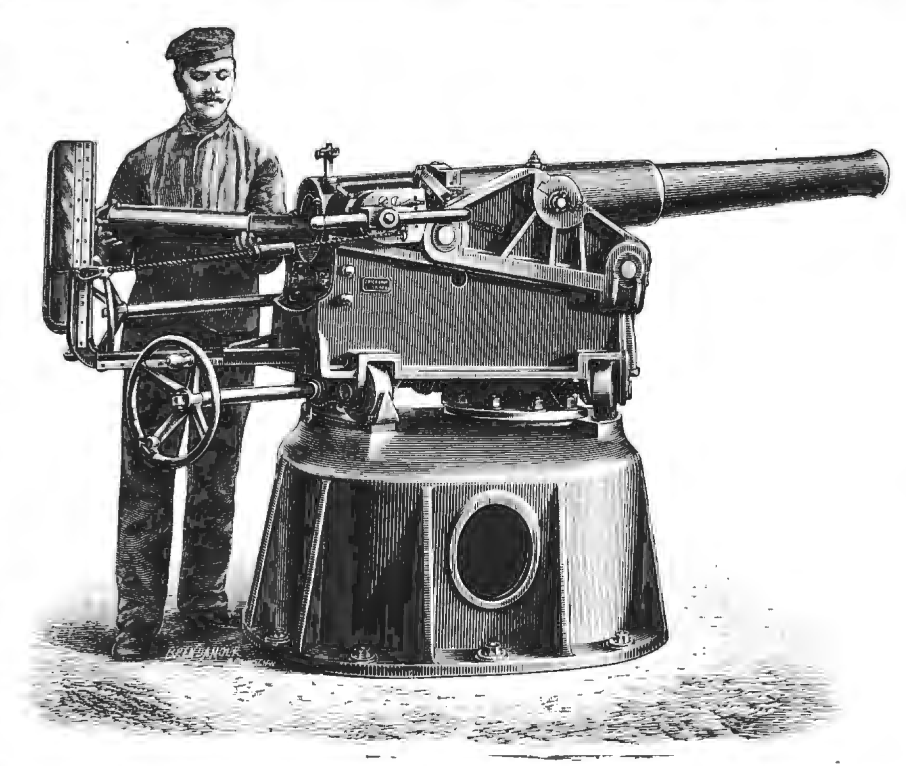


Рис. 8. Скорострѣльная 7,5 центиметр. пушка на лафетѣ для защиты траншей.

Къ рисункамъ.

Гаданье. (Рис. на стр. 657).

Среди русскихъ художницъ работы госпожи Дукшта-Дукшинской занимаютъ выдающееся мѣсто. Окончивъ свое художественное образованіе въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ, она въ своихъ бытовыхъ работахъ передаетъ преимущественно сцены изъ нѣмецкой жизни. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и ея картина „Гаданіе“, гдѣ изображена вѣщунья по картамъ, въ костюмѣ баварской простолюдинки.

Вотъ онъ! попался! (Рис. на стр. 660).

Долго и тихо подкрадывался маленькій охотникъ къ большому синезеленому раку, который глубоко забился подъ камень, наконецъ ему удалось его схватить поперекъ тѣла и онъ съ радостнымъ крикомъ „вотъ онъ!“ вытащилъ изъ воды животное, которое, шевеля лапками и клешнями, тщетно старается освободиться изъ цѣпкихъ пальцевъ мальчугана.

Болгарка. (Рис. на стр. 661).

Болгарки въ молодости нерѣдко отличаются замѣчательной красотой, но вся прелесть ихъ скоро исчезаетъ съ выходомъ замужъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ домашнихъ и полевыхъ работъ. Что касается наряда, то почти въ каждомъ округѣ—свой, болѣе или менѣе пестрый. Особенное вниманіе обращается на вышивку рубашки, воротника, груди и рукавовъ; затѣмъ, какъ женщины, такъ и дѣвушки богато обвѣшиваютъ себя металлическими украшеніями. Неизящны, мѣшкообразные, заимствованные у турокъ, женскіе шаровары, но они начинаютъ мало-по-малу выводиться. Вся хозяйственная работа лежитъ на женщинѣ, полевыя работы, крашеніе, бѣленіе холстовъ, даже строеніе избъ, не говоря уже о домашнемъ обиходѣ.

Зâмокъ Нейшванштейнъ, резиденція покойнаго короля Баварскаго Лудвига II.

(Рис. на стр. 665, 668 и 669).

Извѣстно, какія роскошныя, почти фантастическія зданія воздвигалъ покойный король Лудвигъ Баварскій, тратя на нихъ ни съ чѣмъ несообразныя суммы, истощая государственное казначейство.

Среди причудливыхъ построекъ, которымъ несчастный монархъ посвящалъ большую часть своего времени до окончательной катастрофы — полной утраты разсудка, замокъ Нейшванштейнъ безспорно занимаетъ первое мѣсто и долженъ считаться вполнѣ художественнымъ произведеніемъ. Внутренняя отдѣлка зданія великолѣпна и роскошна до расточительности, но всегда художественна, величественна, и не выходитъ изъ границъ изящнаго, какъ это можно видѣть на прилагаемыхъ рисункахъ. Въ нижнемъ этажѣ зâмка, гдѣ жилъ король, помѣщается кухня съ кладовыми. Кушанья поднимаются механическими приспособленіями до четвертаго этажа. Въ первомъ этажѣ множество комнатъ для прислуги, кладовыя для столоваго серебра и ванны. Во второмъ этажѣ покои пока еще пусты и не отдѣланы. Только въ третьемъ, вполнѣ отдѣланномъ этажѣ находились жилые покои короля. Изъ столовой путь ведетъ въ спальню, голубую съ золотомъ. Особенно замѣчательна здѣсь кровать подъ балдахиномъ съ готическимъ верхомъ, а по стѣнамъ фрески изъ *Тристана и Изольды*. Примыкающій къ ней покой (рис. на стр. 668), самый обширный изо всѣхъ, украшенъ по стѣнамъ фресками изъ саги о Лоэнгринѣ, а цвѣтъ обивки мебели, занавѣсей и драпировокъ — синій. Къ этому покою примыкаетъ оранжерея и искусственный гротъ съ водопадомъ. Наверху грота была приложена искусственная луна, которая показывала всѣ положенія и фазы настоящей. Послѣднимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ короля былъ его рабочій кабинетъ (рис. на стр. 669), раздѣленный колоннами на два помѣщенія, куда можно было пройти какъ изъ столовой, такъ и изъ вышеупомянутаго грота. Настѣнныя фрески относятся къ циклу Тангейзера; обивка мебели и драпировки зеленыя съ золотомъ. На письменномъ столѣ—на рисункѣ справа—стоитъ золотая чернильница превосходной чеканной работы. Къ этому кабинету примыкаетъ слѣва маленькая комната, предназначавшаяся для пріемовъ, но никогда не употреблявшаяся съ этою цѣлью; чаще король тутъ брился, стригся, расчесывалъ свои волосы и разсматривалъ доставляемые ему товары. Стѣны украшены фресками древнѣйшей героической саги о Зигфридѣ кисти Пилоти. Въ четвертомъ и пятомъ этажѣ лежатъ двѣ парадныя залы: тронная и зала пѣвцовъ. Громадная тронная зала (рис. на стр. 665) занимаетъ два этажа въ 2 свѣта. 16 полированныхъ колоннъ изъ краснаго египетскаго порфира поддерживаютъ на высотѣ пятаго этажа галерею, открытую къ залѣ. Сводчатый потолокъ сдѣланъ изъ рѣзнаго дерева; полъ изъ италіанской мраморной мозаики. На одномъ изъ узкихъ концовъ залы 12 мраморныхъ ступеней ведутъ на овальную абсиду, гдѣ долженъ былъ помѣщаться тронъ изъ рѣзной слоновой кости, котораго, впрочемъ, такъ и не было сдѣлано. Стѣны украшены великолѣпными картинами. Надъ трономъ въ радугѣ изображеніе Царя Царей, подъ нимъ цари распространители христіанства: Казиміръ польскій, Стефанъ венгерскій, Генрихъ нѣмецкій, Лудовикъ французскій, Фердинандъ испанскій и Эдуардъ англійскій. Переходъ къ боковымъ стѣнамъ залы составляютъ апостолы, по 6 съ каждой стороны. Затѣмъ слѣдуютъ справа короли и королевы отличавшіеся христіанскими доблестями. На узкой стѣнѣ противъ трона — Св. Георгій поражающій дракона, низверженіе демоновъ и три волхва идущіе къ Младенцу Іисусу, и т. д. Пятый этажъ заключаетъ въ себѣ концертную залу съ изображеніями саги о Нибелунгахъ въ аванзалѣ и саги о Парсифалѣ въ самой залѣ.

Св. Стефанъ, просвѣтитель зырянъ. *)

(Рис. на стр. 673).

Въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Пермской, Вятской, Вологодской и Архангельской мѣстами встрѣчается инородческое населеніе, извѣстное подъ именемъ зырянъ. Въ то время, когда Московскіе великіе князья собирали Русскую землю, въ зырянской странѣ стояли еще повсюду языческія кумирни, и Великій Новгородъ, долго господствовавшій надъ зырянами, заботился почти исключительно о даняхъ съ нихъ, не мысля объ ихъ духовномъ просвѣщеніи. Но въ концѣ XIV вѣка появляется русскій человѣкъ, который съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ предается дѣлу христіанской проповѣди среди зырянъ. Это былъ Св. Стефанъ, первый епископъ Пермскій.

Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ, между 1335 и 1340 гг., въ семьѣ клирика соборной церкви Св. Богородицы. Съ молодыхъ лѣтъ онъ прилежно обучался грамотѣ, читалъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта и получилъ непреодолимое стремленіе къ жизни инока. Въ городѣ Ростовѣ былъ тогда монастырь Св. Григорія Богослова, именуемый Затворъ, въ которомъ было много книгъ, и Стефанъ поступилъ въ него. Ревностно принялся онъ за чтеніе, переписывалъ св. книги и, „желая большаго разума“, научился греческому языку и овладѣлъ имъ въ совершенствѣ. Научившись зырянскому языку еще на родинѣ, онъ составилъ въ то же время зырянскую азбуку, перевелъ на этотъ языкъ съ русскаго необходимыя книги и всею душою предался мысли обратить зырянъ ко Христу. Получивъ благословеніе отъ Коломенскаго епископа Герасима, поставившаго его въ іереи, и старѣйшихъ святителей Московскихъ, взявши съ собою св. мощи, антиминсы, св. муро и все необходимое при освященіи церквей, Стефанъ отправился въ страну зырянъ, и съ этого момента для него начинается жизнь великихъ и изумительныхъ подвиговъ любви къ Богу и къ ближнему.

Въ концѣ 1379 года Стефанъ появился среди зырянъ, жившихъ по рѣкѣ Вычегдѣ, и поднимаясь вверхъ по теченію ея, началъ проповѣдь Слова Божія. Быстро разнеслась о немъ вѣсть въ населеніи, и когда онъ пришелъ въ селеніе Гамъ, жители, подстрекаемые волхвами, встрѣтили его съ враждой, намѣревались даже убить его. Но нравственное вліяніе его было такъ велико и обаятельно, что они приняли его и крестились, хотя тайно сохраняли вначалѣ привязанность къ своимъ кумирамъ. Въ то время селеніе Устьвымъ, при впаденіи рѣки Выми въ Вычегду, было средоточіемъ зырянскаго края, мѣстомъ многолюднымъ, и здѣсь находилась богатая кумирня, святыня зырянъ, со священнымъ близь нея деревомъ. Пришедши туда, Стефанъ поселился на горѣ, вблизи самой кумирни, привлекавшей къ себѣ народъ, и началъ учить Христовой вѣрѣ. Нѣкоторые изъ слышавшихъ вдохновенное слово Святаго крестились, часто приходили къ нему съ вопросами о вѣрѣ и привязались къ нему. Но въ большинствѣ онъ встрѣтилъ упорныхъ враговъ, преслѣдовавшихъ не только его, но и крестившихся, угрозами смерти и злобой. Однажды, когда Стефанъ былъ одинъ, язычники съ яростными воплями окружили его, грозя убить его стрѣлами. Но онъ безстрашно глядѣлъ на нихъ и сказалъ имъ: „Братья, обратитесь къ Господу Богу вѣрою, покаяніемъ и крещеніемъ. Тѣлесная смерть, которую вы нанесете мнѣ своими стрѣлами, малогодна, маловременна, скороминуема; но горе умереть душевною смертью, смерть души — вѣчная мука“. И язычники не сдѣлали ему никакого вреда. И такъ случалось неоднократно. Ревнуя о распространеніи истинной вѣры, Стефанъ поджегъ большую кумирницу зырянъ, когда около нея никого не было, а самъ сѣлъ около нея, ожидая ея разрушенія. Съ топорами и дубинами прибѣжали къ ней кумирники, когда она уже догорала вмѣстѣ съ идолами, и бросились на Стефана; но кротость его обезоружила ихъ, и онъ опять невредимо прошелъ между ними. Около 1380 года Стефанъ построилъ церковь во имя Благовѣщенія. Въ нее собирались и не крещеные, чтобы видѣть красоту церковнаго зданія, и уходя, говорили другъ другу: „великъ Богъ христіанскій; видимъ, что Онъ разоритъ наши древніе храмы, требища и нашихъ боговъ, потому что мы не можемъ состязаться съ этимъ игум-

*) *Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и зырянскій языкъ.* Пособіе при изученіи зырянами русскаго языка. Составилъ *Г. С. Лыткинъ*, преподаватель с.-петербургской шестой гимназіи. СПБ. 1889. Ц. 3 р.

номъ, пришедшимъ изъ Москвы". Но нанести какой-либо вредъ Стефану они не рѣшались. „У него лихой обычай, говорили они,—онъ не начинаетъ боя, но ожидаетъ начала отъ насъ. Если бы онъ дерзнулъ начало біенія, то давно былъ бы растерзанъ. Онъ долготерпѣливъ, и мы не знаемъ, что съ нимъ дѣлать".

Поражало въ Стефанѣ зырянъ и его презрѣніе къ богатству. Когда христіанство среди зырянъ мало-по-малу возросло, онъ ходилъ по странѣ со своими учениками и уничтожалъ богатыя кумирницы, ничего не беря изъ нихъ. „Добрый наставникъ!" говорили ему крещеные, —„скажи намъ, для чего ты извгубилъ такое богатство, которое было собрано въ нашихъ кумирницахъ, и пожегъ его огнемъ, а не взялъ для потребы своей и потребы живущихъ съ тобою учениковъ?" Стефанъ отвѣчалъ имъ: „вы сами знаете, что наши руки служатъ намъ для того, чтобъ удовлетворить потребностямъ моимъ и со мною живущихъ. Я указывалъ вамъ, что трудясь такимъ образомъ, слѣдуетъ помогать немощнымъ". Тщетно волхвы, и особенно старѣйшина ихъ, сотникъ той страны, Памъ, старались противодѣйствовать Стефану. Народъ видѣлъ его духовную силу и презрѣніе къ смерти, и постепенно становился на его сторону. Однажды Памъ предложилъ Стефану вмѣстѣ пройти сквозь огонь и воду, для доказательства, чья вѣра лучше, и Стефанъ безстрашно пошелъ въ зажженную избу и потомъ въ прорубь, а кудесникъ отказался, и люди выдали его Стефану на смерть. Но проповѣдникъ отпустилъ врага, и тотъ былъ изгнанъ изъ предѣловъ зырянскихъ.

Распространивъ христіанство въ странѣ зырянъ, Стефанъ основалъ нѣсколько новыхъ церквей, снабдивъ ихъ священными книгами, имъ же самимъ переведенными на зырянскій языкъ. Новая паства нуждалась въ епископѣ для поставленія священнослужителей и для другихъ дѣлъ церковнаго управленія, и въ 1383 году Стефанъ отправился въ Москву, къ великому князю Димитрію Іоанновичу и митрополиту Пимену съ просьбой дать землѣ архіерея. Но въ Москвѣ справедливо нашли, что лучше самого Стефана невозможно найти епископа для страны зырянъ, и онъ былъ возведенъ въ высокій санъ, хотя по смиренію своему не хотѣлъ его. Воротившись къ зырянамъ, онъ съ новой ревностью принялся за дѣло Христовой проповѣди, отыскивалъ еще не крещеныхъ и увѣщевалъ ихъ. Новгородцы, отъ которыхъ ускользала власть надъ страною, два раза напали на нее; въ другой разъ вогулы внесли въ нее мечъ и опустошеніе, и Стефанъ явился защитникомъ своей паствы. Къ вогуламъ онъ вышелъ самъ навстрѣчу въ облаченіи, и лицо его показалось имъ такимъ грознымъ, что они испугались и ушли, оставивъ все награбленное; новгородскихъ же ушкуйниковъ онъ заставилъ отказаться отъ злодѣяній увѣщаніями, и самъ съѣздилъ въ Новгородъ хлопотать о зырянахъ. Когда, въ 1387 году, у зырянъ насталъ голодъ, епископъ роздалъ свой хлѣбъ неимущимъ и распорядился о подвозѣ его на лодкахъ изъ Устюга и Вологды. Всѣми этими дѣйствіями онъ привлекалъ сердца, и проповѣдываемое имъ ученіе пустило среди зырянъ крѣпкіе корни.

Въ началѣ 1396 года Стефанъ былъ вызванъ въ Москву, куда онъ ѣздилъ и въ 1390 году. Здѣсь, 26 апрѣля, онъ скончался и погребенъ въ монастырѣ Св. Спаса, построенномъ Іоанномъ Калитою и стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Придворный соборъ, что Спасъ-на-Бору, въ Московскомъ кремлѣ. Церковь причла его къ лику святыхъ и имя его встрѣчается уже въ мѣсяцесловахъ XV вѣка.

Св. Стефанъ, Просвѣтитель Вычегодскихъ и Сысольскихъ Зырянъ. Подлинный образъ находится въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ придворномъ соборѣ, что Спасъ-на-Бору. Грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Парламентскіе выборы въ Англіи окончились и итоги ихъ опредѣляются лондонскими газетами въ слѣдующемъ видѣ: 314 сторонниковъ лорда Солсбери и 356 приверженцевъ Гладстона. Въ будущей нижней палатѣ явится до 28% „новыхъ людей", до того не засѣдавшихъ въ парламентѣ. Въ партіи консервативной ихъ насчитываютъ 75 человѣкъ, а у Гладстонцевъ даже 103, что для этой партіи составитъ 38%; новыхъ уніонистовъ 10 человѣкъ, а среди антипарнелистовъ ихъ будетъ болѣе половины. Среди новыхъ членовъ палаты обращаетъ на себя особенное вниманіе депутатъ отъ лондонскаго предмѣстья Финсбери, индусъ Наороджи. Это первый представитель индусскаго племени попавшій въ парламентъ. Проживающіе въ Лондонѣ индусы устроили овацію своему земляку. О впечатлѣніи, произведенномъ въ Индіи избраніемъ въ лондонскомъ предмѣстьи Финсбери депутатомъ индуса Наороджи, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: тринадцать индійскихъ раджей прислали Наороджи почетный подарокъ въ 28,000 ф. стерл. (250,000 руб.). Гайдерабадскій Низамъ, сверхъ того, прислалъ 10,000 ф. ст. съ цѣлью основанія въ Финсбери какого-либо благотворительнаго учрежденія, дабы увѣковѣчить знаменательное событіе вступленія индуса въ британскій парламентъ. Новая палата по профессіямъ депутатовъ состоитъ: изъ 21 банкира и финансиста, 143 адвокатовъ (barrister), 21 прокурора (solicitor), 17 пивоваровъ и винокуровъ, 2 архитекторовъ, 15 углепромышленниковъ, 8 дипломатовъ, 9 инженеровъ, 6 управляющихъ имѣніями, 83 помѣщиковъ, 10 фермеровъ и земледѣльцевъ, 10 желѣзоторговцевъ, 57 фабрикантовъ, 15 рабочихъ, 55 купцовъ, 10 врачей, 35 журналистовъ и издателей, 9 университетскихъ профессоровъ, 51 военнаго, 19 судохозяевъ, 4 биржевиковъ и 1 священника.

Страницы болгарской лѣтописи снова запятнаны кровью! Изъ Софіи пишутъ, что 15 іюля, въ 5 час. утра, казнены Миларовъ, Александръ Карагуловъ, Поповъ и Георгіевъ. Казнь совершена на тюремномъ дворѣ, гдѣ поставлена была большая висѣлица съ четырьмя веревками. Осужденные были напутствованы священникомъ и держали себя съ мужественною покорностью судьбѣ. По прочтеніи смертнаго приговора, Карагуловъ крикнулъ: „Да здравствуетъ Македонія!", а остальные трое закричали: „Да здравствуетъ Болгарія!". При совершеніи казни присутствовали комендантъ крѣпости, военный прокуроръ, судебный приставъ, врачи, общественныя власти и родственники осужденныхъ. Тѣла казненныхъ похоронены на кладбищѣ.

Такъ закончилось позорное дѣло объ убійствѣ Бельчева. Въ немъ играли немаловажную роль якобы русскіе официальные документы. *Journal de St.-Pétersbourg*, отмѣчая „этотъ грустный эпизодъ изъ братоубійственной борьбы, въ которую ввергли Болгарію ея нынѣшніе заправилы", указываетъ на безусловно апокрифическій характеръ нѣкоторыхъ документовъ, упоминавшихся въ этомъ процессѣ, — документовъ, происхожденіе которыхъ было совсѣмъ ложно приписано русскому правительству.

Какого рода это были документы—можно судить по статьѣ *Новаго Времени*, которое пишетъ, что на страницахъ стамбуловской *Свободы* появился въ послѣдніе дни цѣлый рядъ „подлинныхъ", да притомъ еще и „секретныхъ" русскихъ отношеній, донесеній, шифрованныхъ телеграммъ и другихъ подобныхъ курьезныхъ по своему содержанію „документовъ", подложность и поддѣлка которыхъ, до смѣшнаго неумѣлая,

бросается прямо въ глаза. Въ этихъ „офиціальныхъ русскихъ документахъ“ за нумерами и датами фигурируетъ Богъ знаетъ какой вздоръ: и неизвѣстные въ самой даже Россіи „комитеты Славянскаго Благотворительнаго Общества“, члены котораго (въ томъ числѣ и профессоръ русской исторіи Петербургскаго университета Соловьевъ) получаютъ содержаніе изъ Государственнаго Казначейства; расходъ, произведенный въ 1881 году изъ оккупаціоннаго по болгарскому долгу фонда, когда первая уплата братушками долга послѣдовала не раньше 1883 года, какой-то походъ русскихъ добровольцевъ въ Боснію и Герцеговину на помощь страждущимъ отъ австрійской оккупаціи, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ не болѣе и не менѣе какъ 200 милліоновъ франковъ золотомъ; объявленіе принца Фердинанда „внѣ всякаго (русскаго) закона“; подготовленіе возстанія въ Македоніи и накопецъ комплектованіе болгарской арміи на половину русскими солдатами. Всею этою кучею глупаго по своей пошлости хлама въ формѣ точныхъ копій съ шифрованныхъ депешъ и другихъ офиціальныхъ документовъ поспѣшила воспользоваться европейская, преимущественно еврейская, печать. Всѣ эти секретные русскіе документы продалъ Стамбулову самъ авторъ ихъ, выгнанный годъ тому назадъ изъ бухарестской миссіи, вольнонаемный писарь изъ крещеныхъ евреевъ, и еврейскій писарекъ не только получилъ отъ Стамбулова за свое сочиненіе русскихъ секретовъ приличное денежное вознагражденіе, но и взбудоражилъ всѣхъ своихъ европейскихъ соотечественниковъ, наперерывъ другъ передъ другомъ распинающихъ на страницахъ своихъ органовъ „коварную Россію“.

Нашъ *Journal de St.-Pétersbourg* по поводу тѣхъ же документовъ замѣчаетъ: „Едва началось разбирательство дѣла объ убійствѣ Бельчева, какъ разныя иностранныя газеты—въ томъ числѣ и газеты считающіяся серьезными—точно по сигналу, принялись расточать брань по адресу Россіи. Мы обыкновенно не отвѣчаемъ на систематическія клеветы, ограничиваясь тѣмъ, что, при случаѣ, отмѣчаемъ продѣлки, отмѣченныя наглымъ обманомъ. Такой случай представляется и сегодня.

„Вѣроятно, ни *National Zeitung*, ни *Kölnische Zeitung*, ни даже *Neue Freie Presse* не приняли бы явно подложныхъ документовъ, если бы эти документы были сообщены имъ агентствами, доставляющими извѣстнаго сорта печати свѣдѣнія о дѣлахъ на Востокѣ и спекулирующими вмѣстѣ съ нею на легковѣріе публики. Но теперь, когда эти подлоги нашли санкцію со стороны властей, названныя нами газеты, а вслѣдъ за ними и другія, предоставляютъ имъ самое широкое гостепріимство. Онѣ не поморщившись оповѣщаютъ своихъ читателей, что будто бы существовало какое-то распоряженіе русскаго правительства, предписывающее считать принца Фердинанда Кобургскаго какъ бы внѣ закона! Эта нелѣпая инструкція будто бы была послана въ видѣ офиціальной шифрованной телеграммы, которая буквально цитирована съ другими „документами“, сфабрикованными по тому же образцу и принятыми за подлинные софійскими судьями.

„Подобную мистификацію можно бы отнести къ шуткѣ, если бы дѣло не шло о смертныхъ приговорахъ, если бы рѣчь не шла о судѣ, постановляющемъ свои рѣшенія на основаніи подобныхъ актовъ, и о народѣ, подчиненномъ такому режиму, попирающему право и трактаты.

„Что касается газетъ, не брезгающихъ подобнымъ орудіемъ, онѣ заслуживаютъ того, чтобъ имъ напомнить о добросовѣстности и самоуваженіи. Примѣръ *Times* и другихъ крупныхъ органовъ печати, не особенно расположенныхъ къ благосклонности относительно Россіи, которые, однако же, признаютъ жалкую неудачу всякихъ попытокъ, дѣлавшихся въ Софіи, чтобы взвалить на Россію отвѣтственность за то, что происходитъ въ Болгаріи,—этотъ примѣръ, кажется, долженъ побудить названныя газеты къ большей разборчивости и порядочности“.

По поводу холеры.

О ложномъ страхѣ предъ холерными больницами. Одна возможность попасть въ больницу, устроенную для помѣщенія заболѣвшихъ холерой, приводитъ большинство людей въ состояніе паническаго ужаса. Если вы начнете доискиваться причинъ такого необыкновеннаго страха, то окажется, навѣрное, что сами пугающіеся холерныхъ больницъ не могутъ дать себѣ въ томъ отчета. На самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ многочисленныхъ, передающихся изъ рода въ родъ предразсудковъ, когда-то можетъ-быть и имѣвшихъ основаніе въ дѣйствительной жизни но затѣмъ потерявшихъ всякій raison d'être и держащихся исключительно путемъ традиціи. Воспоминанія о лазаретахъ, учрежденныхъ въ первую холерную эпидемію въ Россіи, дѣйствительно, не отвѣчавшихъ предъявляемымъ нынѣ наукой требованіямъ и, вслѣдствіе непониманія болѣзни тогдашними врачами, не приносившихъ никакой пользы насильственно брошеннымъ туда больнымъ,—воспоминанія эти и служатъ собственно основой того нелѣпаго страха, который и нынѣ овладѣваетъ человѣкомъ, когда ему совѣтуютъ лечь въ больницу. Онъ забываетъ при этомъ, что нынѣшнія больницы устроены согласно новѣйшимъ требованіямъ гигіены, по послѣднему слову науки,—что лѣченіе ведется въ нихъ подъ наблюденіемъ опытныхъ врачей основательно изучившихъ всѣ пріемы борьбы съ холерой,—что больницы эти обладаютъ обширными средствами и приспособленіями, недоступными небогатому человѣку, и предоставляютъ больнымъ всѣ удобства и образцовый уходъ со стороны многочисленнаго штата сидѣлокъ, сестеръ милосердія и больничной прислуги. Также неосновательно опасеніе людей, только-что заболѣвшихъ холерой, очутиться въ больницѣ въ удручающей обстановкѣ палаты, наполненной умирающими, и сдѣлаться свидѣтелемъ ужасныхъ припадковъ ихъ. Во всякой благоустроенной больницѣ имѣются различныя отдѣленія для разныхъ періодовъ болѣзни, особыя палаты для легкихъ и особыя для тяжелыхъ больныхъ.

Между тѣмъ для людей небогатыхъ, вынужденныхъ тѣсниться иногда цѣлой семьей въ одной комнатѣ, или одинокихъ, лишенныхъ возможности имѣть уходъ со стороны близкихъ, больница представляетъ громадныя преимущества для первыхъ въ томъ отношеніи, что устраняетъ почти неизбѣжную опасность зараженія всей семьи при заболѣваніи одного какого-либо члена ея *) (холерный больной долженъ непремѣнно помѣститься въ особой комнатѣ, посѣщать которую могутъ лишь лица ухаживающія за нимъ, обязанныя притомъ соблюдать всѣ предписанныя предосторожности), для вторыхъ тѣмъ, что доставляютъ имъ необходимый уходъ. Къ тому же, нигдѣ какъ въ больницѣ не можетъ быть доведено до такого совершенства наблюденіе за больными и систематическое лѣченіе ихъ, не говоря уже о чистотѣ, дезинфекціи, вентиляціи и пр. Вѣдь вотъ по отношенію къ тифу, болѣзни наиболѣе сходной съ холерой, сознаны большинствомъ людей эти преимущества больничнаго лѣченія, и сплошь и рядомъ состоятельныя даже (конечно образованныя) лица предпочитаютъ провести свой тифъ въ больницѣ, чѣмъ на дому. Къ сожалѣнью, относительно холеры мы далеки еще отъ такихъ воззрѣній. Между тѣмъ, вотъ что говорятъ намъ непреложныя цифры о результатахъ лѣченія холеры въ больницахъ и на дому во время эпидеміи въ Берлинѣ въ 1866 и 1873 г. Въ то время какъ въ больницахъ умерло въ эти годы 53 (1866 г.) и 56,3 (1873 г.) % всего числа больныхъ, на частныхъ квартирахъ процентъ этотъ достигъ 72,4 и 74,4%. Что можетъ быть поучительнѣе этихъ чиселъ? Надо замѣтить къ тому, что средняя продолжительность пребыванія больныхъ въ холерныхъ лазаретахъ не превышала 6,4 дня *).

Если бы всякій заболѣвшій во время холерной эпидеміи холернымъ поносомъ, твердо помнилъ о томъ, что дальнѣйшее пребываніе его въ квартирѣ при условіяхъ не допускающихъ ни изоляціи его, ни дезинфекціи его изверженій, можетъ внести смертельное опустошеніе въ цѣлые десятки семей, живущихъ въ томъ же домѣ, и что такимъ образомъ онъ принимаетъ на себя страшную отвѣтственность передъ Богомъ и людьми за жизнь сотенъ людей, то нѣтъ сомнѣнія, что такіе больные не колебались бы ни одной минуты относительно выполненія своего долга передъ ближними и немедленно сами отправились бы въ больницу, разъ только докторъ удостовѣрилъ бы, что у нихъ дѣйствительно начинается холера. Болѣзнь эта совершенно потеряла бы свой губительный повальный характеръ, если бы истинное пониманіе ея и сознаніе важности предписываемыхъ наукой мѣръ предосторожности сдѣлалось общимъ достояніемъ массы. (г. в.)

Планъ организаціи врачебной помощи въ Петербургѣ на случай появленія холерной эпидеміи. Планъ этотъ, разработанный докторами Архангельскимъ и Липскимъ, представленъ нынѣ на заключеніе Городской Управы. Предполагается раздѣлить городъ на возможно бо́льшее число санитарныхъ участковъ и поручить ихъ надзору врача, который будетъ обходить ежедневно свой участокъ для лѣченія на дому заболѣвшихъ холерой и отправленія въ больницу тѣхъ, кого нельзя будетъ оставить дома вслѣдствіе антигигіеничныхъ условій или тѣсноты помѣщенія, затрудняющей изоляцію больнаго и принятіе мѣръ противъ зараженія другихъ жильцовъ квартиры. Въ распоряженіи врача будутъ дезинфекторъ и нѣсколько сестеръ милосердія для ухода на дому за недостаточными больными, которые будутъ получать и медикаменты безплатно. (г. в.)

Намъ сообщаютъ рецептъ средства противъ холеры, найденнаго лѣтъ 50 тому назадъ знаменитымъ нѣкогда Радемахеромъ. Лицо сообщающее свидѣтельствуетъ, что средство это съ успѣхомъ примѣнялось лѣтъ 20 тому назадъ въ Петербургѣ и что имъ были излѣчены сотни больныхъ. Лѣкарство это, состоящее изъ вполнѣ безвредныхъ веществъ, постоянно дѣйствовало успѣшно, если его давали въ началѣ приступовъ болѣзни. Вотъ оно:

Rp. Natri acetici ℥ii
Gummi arabici ℥i
Aquae destillatae ℥vii
Aquae Nicotianae (frigide paratum) ℥i
D.S. Черезъ 2 часа по столовой ложкѣ.

Всѣ эти вещества порознь можно пить въ большихъ дозахъ безъ

*) Цѣлыя семейства вымирали иногда вслѣдствіе того, что продолжалось общеніе между всѣми членами семьи послѣ появленія поноса у одного изъ нихъ, тогда какъ въ этихъ случаяхъ необходима немедленная изоляція его, также какъ это дѣлается при заболѣваніи скарлатиной, дифтеритомъ, оспой и другими заразными болѣзнями.

*) Приведенныя здѣсь численныя данныя мы заимствовали изъ прекрасно составленной статьи объ азіатской холерѣ въ 4-мъ выпускѣ издаваемаго подъ редакціей проф. Тарханова Энциклопедическаго медицинскаго словаря д-ра Виларе́.

малѣйшаго вреда, но и безъ всякой пользы. Всего интереснѣе, что никто не можетъ объяснить, какимъ образомъ это лѣкарство дѣйствуетъ, но помогаетъ оно всегда. Только необходимо, чтобы Aqua Nicotianae была свѣже-приготовленною (frigide parata)—только въ этомъ случаѣ лѣкарство дѣйствительно; если же она застоялась въ аптекѣ, то и лѣкарство съ такою водою оказывается безсильнымъ. Свѣжая же приготовляется въ аптекѣ не болѣе часа.

Смѣсь.

Зоологическій садъ г. Роста въ Петербургѣ съ каждымъ годомъ улучшается и обогащается. Въ нынѣшнемъ сезонѣ содержателемъ устроено новое обширное помѣщеніе для слоновъ, въ видѣ индійской пагоды съ металлическимъ куполомъ, гдѣ эти толстокожія теперь свободно движутся и вполнѣ видны публикѣ. Точно такъ же расширены помѣщенія и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, не говоря уже о великолѣпномъ бассейнѣ морскаго льва, выстроенномъ еще въ прошломъ году. Обычная феэрія, которою и въ нынѣшнемъ году сопровождался бенефисъ г. Роста, не только отличалась всегдашними свойствами этихъ quasi-балетовъ Зоологическаго сада: богатствомъ и роскошью постановки, блескомъ и оригинальностью костюмовъ, особенно кордебалета, но и превзошла всѣ ей предшествовавшія. Въ этой феэріи, называющейся „Въ волнахъ житейскаго моря", особенный успѣхъ имѣла балерина Вѣнскаго театра, г-жа Черале, замѣчательная танцовщица, не только успѣшно преодолѣвающая хореографическія трудности, но и танцующая съ изяществомъ и граціей.

Замѣчательный обычай. Японцы уже издавна крайне своеобразно выражаютъ свое одобреніе актерамъ. Именно они бросаютъ на сцену части своего платья, которыя покупаютъ обратно послѣ спектакля. Такимъ образомъ вызвавшій всеобщее одобреніе актеръ можетъ получить изрядную сумму продавъ накиданныя на сцену платья.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Ребусъ. Задача № 37.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Дозвол. цензур., СПБ., 21 іюля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 31 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ въ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖСК. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 августа 1892 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагается гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ А. С. ГРИБОѢДОВА (составляющее СБОРНИКЪ „Нивы“ за АВГУСТЪ).

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1892 г., съ 30 рис. и отдѣльн. листомъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 10 рисунк. выпильныхъ работъ.

Гвидо Рени.

Италіанскій живописецъ Гвидо Рени родился 4 ноября (23 октября) 1575 года въ Болоньѣ, учился сперва у Кальваэрта, потомъ у Лодовико Караччи, и въ 1605 г. прибылъ въ Римъ, гдѣ скоро пріобрѣлъ себѣ покровителей въ лицѣ папы Павла V и герцога Тосканскаго. Здѣсь между прочимъ написалъ онъ Распятіе Св. апостола Петра (нынѣ въ Ватиканѣ), плафонъ во дворцѣ Роспильози — такъ-называемую *Аврору*, собственно тріумфъ бога Солнца, и Св. Андрея идущаго на крестную смерть. Папѣ Павлу I покрылъ онъ фресками домашнюю капеллу въ Квиринальскомъ дворцѣ и погребальную часовню въ Санта - Марія - Маджоре. Около 1612 г., вернувшись въ Болонью, онъ написалъ Петра и Павла, Виѳлеемское избіеніе младенцевъ и погребеніе Христа, Успеніе пресвятой Дѣвы Маріи и фреску Св. Доминика. Гвидо Рени умеръ 6 (18) августа 1642 г. Несмотря на громадныя суммы, которыя доставлялъ ему заработокъ, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, такъ какъ былъ страстнымъ игрокомъ. Произведенія Гвидо Рени весьма разнохарактерны. Относящіяся къ первому періоду его дѣятельности, отличаются величественными, мощными образами, благородствомъ композиціи и особенною темнотой тѣни, напоминающею натуралистовъ, преимущественно Караваджо. Позднѣе мѣсто величественнаго занимаетъ бо́льшая простота и естественность. Рени писалъ свѣтлымъ и теплымъ тѣлеснымъ тономъ и тщательно отдѣлывалъ свои картины. Произведенія этого средняго періода принадлежатъ къ его наилучшимъ созданіямъ. Впослѣдствіи художникъ изображая тѣло сталъ часто брать холодные, красноватые, а въ тѣняхъ сѣрые и даже черные тоны, причемъ еще проявлялись нѣкоторая холодность чувства, нѣчто изысканное въ позахъ и намѣренное щегольство мастерствомъ. А

Гвидо Рени (по поводу 250-й годовщины смерти—6 (18) августа 1642 г.).
Грав. Лауферъ.

еще позднѣе онъ перешелъ къ серебристому тону, который являлся то исполненнымъ прелести и гармоніи, то совершенно ничтожнымъ и безвкуснымъ; кромѣ того, произведенія его послѣдней эпохи нерѣдко мало обдуманны и наскоро написаны. Изъ многочисленныхъ картинъ его, кромѣ вышеупомянутыхъ, достойны замѣчанія: Голова Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ (Вѣна, Дрезденъ, Лондонъ), 4 сцены изъ миѳа о Геркулесѣ (Лувръ) и Фортуна на земномъ шарѣ (Римъ), съ которыхъ часто дѣлались копіи самимъ авторомъ и его учениками.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

XX.

Не посчастливилось Лидіи Завольской въ Брайтонѣ! Какъ ни избѣгала она двухъ вещей: встрѣчъ съ постоянной спутницей Дальнина и сближенія съ м-ромъ Дональдомъ Стивенсомъ, судьба рѣшительно шла наперекоръ ея желаніямъ. Никакой возможности не было никогда не бывать на набережныхъ; это значило бы не выходить совсѣмъ за предѣлы своей виллы, потому что вся жизнь брайтонцевъ проходитъ на взморьи, да другаго и смысла не имѣетъ коротенькій сезонъ въ приморскихъ городкахъ Англіи. Какою причиной могла бы она объяснить свое заключеніе въ четырехъ стѣнахъ?.. Болѣзнью?.. Но ея не было!.. Да если-бъ и явилось нездоровье, то въ „купальныхъ мѣстахъ" всякіе недуги излѣчиваются морской водой или морскимъ воздухомъ, въ особенности въ хорошую погоду; а дни, какъ на зло, стояли жаркіе, блестящіе. Предлога не было!

Лидія и то измышляла часто причины своему домосѣдству: то интересное чтеніе, то письма, то ушибъ ноги... Но о болѣзняхъ, даже самыхъ невинныхъ, не могло быть и рѣчи: несносный Стивенсъ былъ тутъ какъ тутъ, ради ея изобличенія и успокоенія безпокойства сестры ея

— Oh, no!.. Nothing to be afraid of!.. A trifling matter, I'm sure! *) успокоительнымъ голосомъ тянулъ онъ, добродушно улыбаясь и глядя на нее сладкими, влюбленными голубенькими глазками, которыхъ она не переносила.

Чѣмъ вызывать эти непрошеныя медицинскія консультаціи, успокоительныя для Павлы Львовны, но для нея страшно непріятныя, Завольская предпочитала почти ежедневно, безпрекословно направляться къ всеобщему сборищу; безцѣльно смотрѣть вѣчно переливавшійся калейдоскопъ людскаго движенія, слушать игру незамаскированнаго, плохаго оркестра или пѣніе замаскированныхъ, еще болѣе плохихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, вѣроятно для того и надѣвшихъ маски, чтобъ не такъ стыдно было имъ раздирать слухъ публики. И почти ежедневно, вблизи или вдали, мелькала въ глазахъ ея высокая, траурная фигура, скользили по ней ея холодные, зеленоватые глаза, оставлявшіе Лидіи впечатлѣніе проползшей по ней змѣи.

Въ началѣ августа, впрочемъ, ей предстала возможность не посѣщать взморья, но какою дорогою и печальною цѣною! Маленькій Эдди, а за нимъ въ тотъ же день и Дилли серьезно заболѣли. Открылись скарлатина съ дифтеритнымъ воспаленіемъ горла. Разумѣется, дѣтей сейчасъ же отдѣлили, но встревоженной леди Леннель это показалось недостаточнымъ, надо было старшихъ совершенно удалить изъ дому. Тотчасъ же рѣшено баронету ѣхать съ ними въ Шотландію, къ родственникамъ. Прежде предполагали свезти туда дѣтей на осеннее время, когда старшіе будутъ гостить въ Селливанъ-Мэншіонъ, у Говерсвифта; но теперь Павла Львовна умоляла и сестру свою поѣхать съ Лео, Еленой и сэръ-Эдвиномъ къ ея belle-soeur, за Эдинбургъ.

Лидія объ этомъ и слушать не захотѣла... Ей бросить сестру въ такую минуту?!..

— Со мной останется гувернантка, няня дѣтей! Мнѣ болѣе никого не надо! протестовала леди Леннель. — Я измучаюсь боязнью за тебя, Дилли! Уѣзжай, Бога ради!

— Оставь, пожалуйста! Я не ребенокъ! даже разсердилась Лидія Львовна. — Я тоже тамъ, за тебя, измучаюсь хуже, чѣмъ ты, если брошу васъ теперь!.. Что за вздоръ и какъ не стыдно тебѣ, Пава, такъ обижать меня!

И она осталась въ Брайтонѣ, помогать сестрѣ ухаживать за больными дѣтьми; провела съ ней двѣ-три тяжелыхъ недѣли, въ постоянныхъ трудахъ, въ безсонныхъ ночахъ и вѣчныхъ переходахъ отъ страха къ надеждѣ; но выходила племянниковъ и много устали и горя сняла съ сестры на свои плеча.

Обѣ измучились, похудѣли и физически измѣнились за эти дни тревогъ и печалей; но за то обѣ еще сильнѣе полюбили другъ друга, полнѣе понявъ и оцѣнивъ одна другую.

Лидія Львовна положительно нравственно выросла и окрѣпла душой въ этой борьбѣ на жизнь и смерть.

Нечего и говорить, что больше всѣхъ пострадалъ въ ихъ семейной передрягѣ человѣкъ посторонній въ сущности, но сдѣлавшійся близкимъ обѣимъ сестрамъ, вслѣдствіе своей безконечной преданности и дѣятельнаго участія въ ихъ горѣ. Объ отдаленіи отъ молодаго врача Лидіи Львовны, разумѣется, въ теченіе болѣзни дѣтей не могло быть и рѣчи. О немъ лично, какъ о человѣкѣ имѣющемъ какія-нибудь права на заботы или вниманіе, сестры забыли и думать... Онъ могъ вдосталь пользоваться неизбѣжнымъ сближеніемъ; вдосталь восторгаться и красотой, и нравственными совершенствами Лидіи; вдосталь любоваться ею и въ нее влюбляться, — помѣхъ теперь ему не было... Какъ впослѣдствіи ему придется разсчитываться со своими чувствами?—это было его личное дѣло, его личное горе.

Когда опасность совершенно миновала, гувернанткѣ приказано было привезть обратно старшихъ дѣтей изъ Шотландіи, но не въ Брайтонъ, а прямо въ Лондонъ. Для нихъ еще боялись близости болѣвшихъ сестры и брата. Леннели рѣшили, что проживутъ съ меньшими на морскомъ берегу до половины сентября. Павлѣ Львовнѣ, до тѣхъ поръ пока они окончательно не переселятся въ городъ, Лео не вступитъ въ пансіонъ, а сестры его не начнутъ правильныхъ занятій, не приходилось оставлять семьи; но она очень просила сестру не ждать ее, а ѣхать къ Нильстонамъ съ баронетомъ, въ началѣ сентября, какъ было условлено.

— Хорошо, голубушка! Хорошо... Тамъ видно будетъ! успокоивала ее Лидія, не желая ей противорѣчить, но отнюдь не сгорая желаніемъ промѣнять кукушку на ястреба: сладкіе взоры Стивенса на масляномедовые взгляды маркиза Говерсвифта.

Въ концѣ августа прошелъ періодъ дождей, и какъ разъ къ тому времени, какъ доктора позволили дѣтямъ Леннель выходить на чистый воздухъ, снова стала ясная, въ полдень жаркая погода. Павла Львовна съѣздила въ городъ повидаться со старшими, соскучившимися одиночествомъ, дѣтьми и привезла ихъ горячую просьбу Лидіи навѣстить ихъ тоже поскорѣе. Отецъ ихъ все это время жилъ, какъ самъ онъ говорилъ, на рельсахъ желѣзной дороги, разрываясь между разрозненной семьей. Въ одинъ изъ пріѣздовъ онъ попросилъ свояченицу переселиться съ нимъ на нѣсколько дней въ Лондонъ. У Лениной гувернантки отчаянно заболѣла сестра; она слезно просила ее отпустить хоть на три дня, съ ней повидаться, и просьбы ея невозможно

*) О, нечего бояться, пустяки.

было не уважить, а между тѣмъ баронетъ терялся: какъ ему быть въ это время одному со своей одиннадцатилѣтней дочерью?.. Завольская охотно согласилась его выручить изъ затрудненія.

Тотчасъ по принятіи опеки надъ старшей племянницей, оказалось, что не Лидія Львовна распоряжается дѣйствіями и временемъ миссъ Лены, а миссъ Лена безконтрольно властвуетъ надъ тетушкой. Три-четыре дня проведенные Завольской въ городѣ всѣ прошли въ разъѣздахъ ради увеселенія ея племянниковъ, потому что Лео, наканунѣ обратнаго поступленія въ пансіонъ, тоже хотѣлъ принимать участіе во всѣхъ поѣздкахъ сестры и „тети Лиды“.

Восковыя фигуры M-me Tussaud, львы и слоны Зоологическаго сада; скачущіе бедуины французской выставки, разнообразныя прелести королевскаго акваріума; всевозможныя зрѣлища, однимъ словомъ, и всевозможныя увеселенія юношества, поставляемыя Лондономъ въ безконечно разнообразныхъ формахъ, совсѣмъ закружили голову Лидіи Львовны. У нея въ глазахъ рябило отъ летанія въ вагонахъ и пароходахъ, по темнымъ туннелямъ „подземки“ и надъ городскими крышами, — въ музеи, парки, театры, — безъ отдыха, безъ конца.

Наконецъ, на пятый день вернулась изъ отпуска гувернантка—и молодая дѣвушка вздохнула свободно, считая себя освобожденной... Но не тутъ-то было!

Лео и Лена чуть не удушили ее объятіями, умоляя еще разъ, — „въ послѣдній еще разочекъ“ — поѣхать съ ними въ Сиденгамъ... Тамъ выставка собакъ: Лео обожалъ собачью породу!.. По вечерамъ тамъ чудный балетъ-феерія, великолѣпныя иллюминаціи и фейерверкъ!.. Въ три часа тамъ тоже, на другой сценѣ, идетъ прехорошенькая пьеска...

— Совсѣмъ для дѣтей! Совсѣмъ для дѣтей, но такая интересная! увѣряла Лена. — Если тетя Лида не захочетъ остаться долго, ну, что-жь! Они удовольствуются деннымъ спектаклемъ, панорамами, акваріумомъ, катаньемъ съ американскихъ горъ!.. Мало-ль тамъ, въ Кристальномъ Дворцѣ, забавъ и зрѣлищъ?

— Милые мои, но почему-жь бы вамъ не поѣхать съ миссъ Джюдитъ?.. На что же я вамъ?.. Папа уѣхалъ по дѣламъ; бѣдная мама одна въ Брайтонѣ съ дѣтьми... Мнѣ бы къ ней пора! уговаривала Завольская.

Но племянники протестовали въ одинъ голосъ:

— Однимъ, съ миссъ Джюдитъ? Покорнѣйше благодаримъ!.. Знаю я, какъ съ ней ѣздить: всего она боится! Никуда не пускаетъ!.. Съ ней одной никуда не поспѣешь и ничего не увидишь! кричалъ Лео.

— Къ тому же мама мнѣ пишетъ, — посмотри: еще вчера я получила письмо! Она пишетъ: „дѣтки здоровы, мы съ ними поживаемъ отлично... Веселитесь, пожалуйста, мои милые, и старайтесь развеселить тетю Лиду!“ поддержала брата Лена. — Ты сама говорила, что не видала сада у Crystal Palace! Тогда былъ дождь и вы не могли гулять...

— И говорила тоже что любишь собакъ! А собаки тамъ теперь такія—какъ нигдѣ на свѣтѣ! вставилъ Лео.

— Что собаки?.. Тетя допотопныхъ звѣрей въ Сиденгамскомъ саду не видала! Это просто стыдъ: не видѣть такой чудесной вещи! заключила авторитетно его сестра.

Лидіи Львовнѣ на всѣ эти резонные доводы оставалось только молчать и сдаться, — что она и сдѣлала, вздохнувъ и рѣшивъ, что куда ни шло: проведетъ еще „день на рельсахъ“, какъ говорилъ баронетъ.

На другой день они выѣхали вчетверомъ, съ гувернанткой, въ полдень, верхнимъ путемъ, — *надъ крышами*, а не подъ подвалами. По темной, чадной, удушливой, пропитанной сѣрнымъ запахомъ подземной желѣзной дорогѣ Завольская не захотѣла ѣхать, хотя путь это самый прямой и скорый. Она предвидѣла, что день будетъ утомителенъ и безъ этого, антипатичнаго ей способа путешествія.

И дѣйствительно, хоть и миновали они безконечную прогулку по галлереѣ разрисованной виноградными лозами, подъѣхавъ къ главному подъѣзду, но ходьба вверхъ и внизъ по всѣмъ отдѣламъ громаднаго, стекляннаго павильона, именуемаго дворцомъ,—по всевозможнымъ выставкамъ, картиннымъ и скульптурнымъ галлереямъ, по акваріуму, мастерскимъ, открытымъ лавкамъ и буфетамъ,—страшно утомили Лидію Львовну. И не столько ходьба, какъ шумъ. Сиденгамъ вѣчно переполненъ школьниками, которые до того стучатъ и гремятъ по всѣмъ лѣстницамъ; такъ безпощадно трубятъ, свистятъ, кричатъ и грохочутъ, что у мало-мальски нервнаго человѣка голова не можетъ не разболѣться, какъ разболѣлась и у Лидіи. Когда дѣти, позавтракавъ на террасѣ откуда былъ чудный видъ на паркъ и окрестности, вмѣсто того чтобъ идти гулять, начали проситься въ „трехъ-часовой спектакль“, она взмолилась, прося чтобы шли они туда съ гувернанткой, а ей позволили отдохнуть въ тишинѣ сада.

— Идите, голубчики, съ миссъ Джюдитъ, берите билеты, упросила она своихъ тирановъ.—Я погуляю, а потомъ сяду на скамеечкѣ, что у допотопныхъ прудовъ, возлѣ ихтіозавровъ или той громадной черепахи, которую мы сейчасъ смотрѣли, знаете?.. У поворота, подъ скалой... Тамъ я подожду васъ и тогда, если голова у меня перестанетъ болѣть, — а вы знаете, что воздухъ мнѣ всегда помогаетъ, — можетъ-быть мы и вечерняго представленія и фейерверковъ дождемся! посулила она.

И только этимъ обѣщаніемъ и откупилась на временную волю.

XXI.

Между многими оригинальными особенностями увеселительныхъ мѣстъ для прогулокъ въ окрестностяхъ Лондона, едва ли не самыя оригинальныя принадлежатъ Сиденгамскому Кристальному дворцу, этому помѣщенію первой, по времени, всемірной выставки въ Европѣ, этой махинѣ изъ стекла и желѣза, прикрывающей подъ своими куполами образчики всѣхъ искусствъ и художествъ, фауны и флоры, промышленности и торговли всѣхъ эпохъ. Его увеселительные, ботаническіе и зоологическіе сады, его богатый нечаянностями паркъ растянулся чуть не на полъ-Кентскаго графства. Но нѣтъ въ немъ уголка оригинальнѣе окружности *„Допотопнаго озера“*.

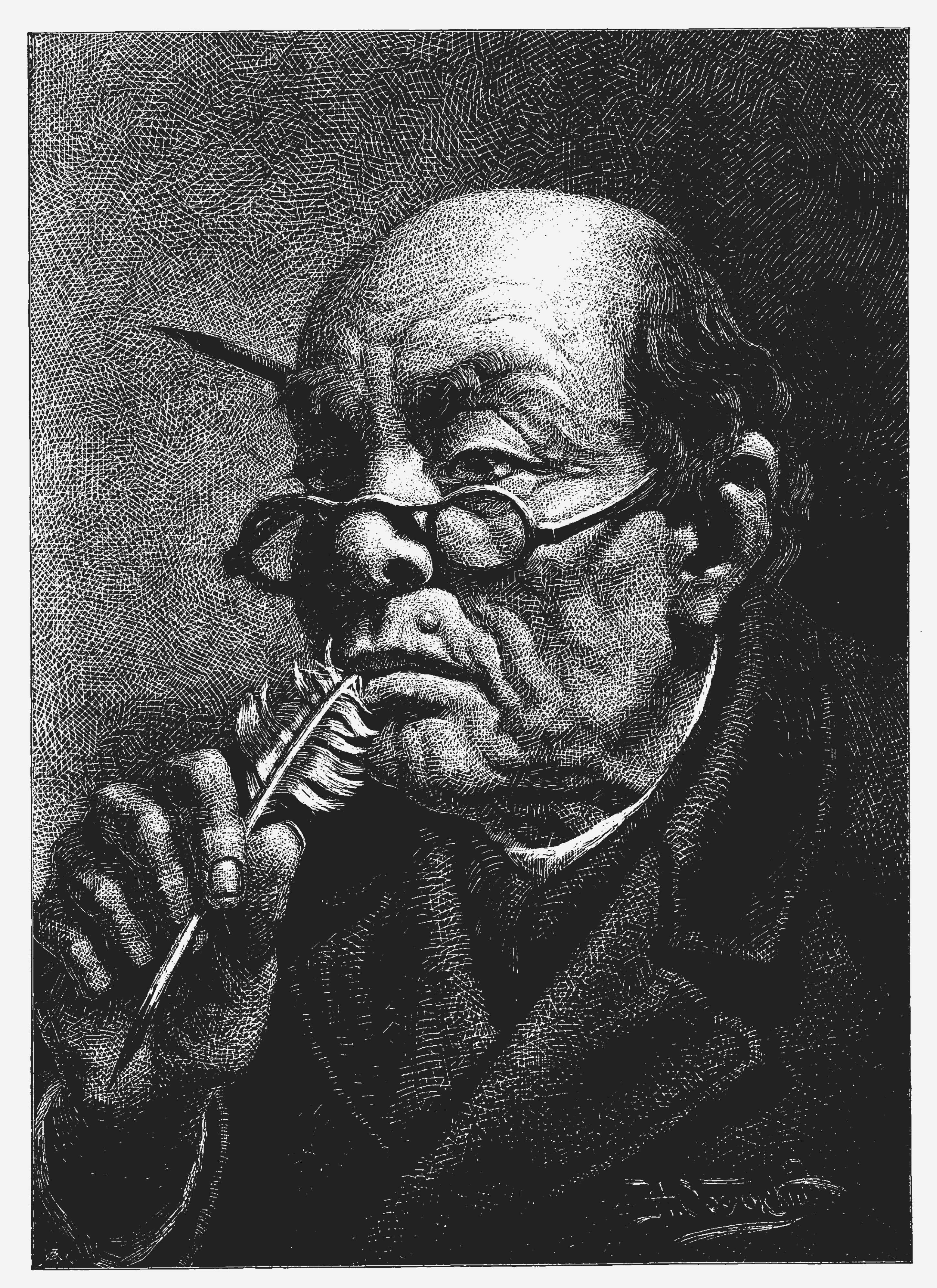
Тамъ, въ чащѣ, настолько же натуральной, сколько искусственной, среди болѣе или менѣе тропической растительности, ютясь подъ скалами и громадными деревьями, прячась на половину въ водахъ или вылѣзая изъ пещеръ, неожиданно выглядываютъ на гуляющихъ новичковъ допотопныя чудища: мегатеріумы и пещерные медвѣди, крылатыя ящерицы и саженныя черепахи, ихтіозавры и плезіозавры. Тамъ стадами пасутся громадные звѣри, давно исчезнувшіе съ лица земли; изъ-за зелени выставляются саженные клыки или хоботы; па скалахъ расправляютъ крылья не то птицы, не то летучія мыши исполинскихъ размѣровъ.

Мимо богатыхъ цвѣтниковъ и расцвѣченнаго нияряднаго павильона; мимо прудовъ заросшихъ громадными водяными лиліями и *„русскихъ горъ“* — изъ дерева вмѣсто льда,—горъ, по которымъ на рельсахъ и колесахъ катило, съ шумнымъ веселіемъ и смѣхомъ, множество *салазокъ* съ дѣтьми и даже взрослыми; мимо звѣринца, зданій панорамъ и діорамъ, мимо всякихъ каруселей и качелей, минуя шумныя мѣста игръ и разнообразныхъ спортовъ, Завольская, отправивъ дѣтей въ театръ, направилась къ уединенной части парка, къ лабиринту.

Изворотливыя тропинки взбѣгали на холмы, кружили ее мимо искусственныхъ скалъ, взводили на уединенные мостики чрезъ потоки или сводили въ узкіе проходы въ чащѣ, — пока не привели въ долинку, живо-

Приживалка. Ориг. рис. перомъ (собств. „Нивы“) Н. Оболенскаго, fac-simile Ангерера.

Лѣтъ 30 тому назадъ необходимый человѣкъ въ купеческомъ домѣ.



Приказная строка. Ориг. рис. перомъ (собств. „Нивы") Н. Оболенскаго, fac-simile Ангерера.

Лѣтъ 30 тому назадъ тоже необходимое лицо въ купеческомъ домѣ.

писно поросшую группами деревьевъ. Небольшое озерцо возлѣ сталактитовыхъ пещеръ то освѣщалось солнцемъ, то одѣвалось тѣнью проносившихся облаковъ. Легкій вѣтерокъ, пробѣгавшій порывами, таинственно шелестилъ кущами зелени, опестренной осенними красками; съ тихими вздохами пригиналъ высокія, нескошенныя травы и шевелилъ листвой надъ головой ея...

Со всѣхъ сторонъ, нѣмые свидѣтели ея уединенной прогулки, ея унылаго расположенія духа, на Лидію Львовну заглядывали безобразныя, громадныя морды, отверстыя пасти рогатыхъ и крылатыхъ чудовищъ изъ глины и папье-маше. Сверху, со скалы смотрѣла на нее крючконосая птица-рыба; изъ-за вѣковаго дуба глубокомысленно уставился мегатерій-гигантъ; снизу осклабилъ челюсти громадный, допотопный крокодилъ, вылѣзавшій изъ озера; а стадо ирландскихъ эльковъ,— выродившихся нынѣ оленей-великановъ, съ цѣлыми лѣсами огромныхъ мшистыхъ роговъ на горделивыхъ головахъ, не обращало на нее никакого вниманія, мирно отдыхая у воды на пригоркѣ.

Лидія Львовна и сама, въ частности, никакого вниманія не обращала на всѣхъ этихъ страшилищъ; она шла, наслаждаясь болѣе тишиной, нежели красотой и оригинальностью картины.

Взглядъ ея скользилъ разсѣянно по нѣмымъ, ископаемымъ зрителямъ ея печали, но они ее не развлекали.

Но то, чего не могла сдѣлать боязнь быть видѣнной выходцами вѣковъ прошедшихъ, сдѣлалъ испугъ съ приближеніемъ живаго существа: шаги, раздавшіеся вблизи, за поворотомъ дорожки, заставили Завольскую быстро оправиться. Она сѣла на скамью и углубилась въ чтеніе альманаха, только что тутъ же, въ Crystal Palace, купленнаго.

Лидія читала первое, что попалось ей, совсѣмъ не понимая читаемаго, такъ мысли ея были далеко, но не подымая глазъ отъ книги. Если-бъ не разсѣянность, она могла бы различить звуки роднаго языка; но она не вслушивалась въ голоса подходившихъ и ихъ не слышала.

Въ долину съ противуположной стороны, отъ птичьяго пруда, шли дама и дѣвочка рядомъ, разговаривая по-русски, а въ нѣсколькихъ шагахъ за ними слѣдовала старушка, очевидно англичанка.

— Что-жъ папа сказалъ тебѣ на это? спрашивала дѣвочку дама.

— Папа сказалъ, что ты не хочешь и не можешь туда ѣхать съ нами. Не можешь потому, что жаркій климатъ тебѣ повредитъ, а не хочешь потому, что тебѣ пришлось бы оставить надолго графа Дальнина, а онъ такой больной, что это было бы грѣшно!

— Да?.. Онъ правду сказалъ тебѣ! тихо замѣтила дама, не подымая глазъ съ земли и повидимому погруженная въ печальныя соображенія.—А объ нашей будущей жизни, когда ты кончишь учиться, такъ и сказалъ: „будущее Богу извѣстно!“ Да?..

— Да, такъ и сказалъ. „Можетъ-быть и будемъ вмѣстѣ въ Россіи жить... Я, говоритъ, о будущемъ никогда не задумываюсь, потому что рѣдко человѣческія предположенія оправдываются...“.

— Папа навѣрное обѣщалъ сюда пріѣхать?

— Да, онъ велѣлъ, чтобъ мы его подождали у прудовъ возлѣ пещеры... Вѣдь это здѣсь?

Онѣ выходили въ эту минуту изъ-за скалы, за поворотомъ которой сидѣла Завольская. Дама не успѣла отвѣтить, сразу узнавъ ее. Она вздрогнула, будто кто прикоснулся къ ней горячимъ углемъ, на секунду пріостановилась и вдругъ, рѣшившись, пошла прямо къ ней.

— Мамочка! тихо замѣтила дѣвочка, — вонъ тамъ другая скамейка.

— Ничего! возразила ей мать такимъ страннымъ, рѣзкимъ тономъ, что Ольга испуганно подняла на нее глаза и смолкла.—Сядемъ здѣсь! Скамейка большая, а это... знакомая!

Онѣ были ужь такъ близко и послѣднія слова были сказаны такъ громко, что Лидія Львовна не могла ихъ не разслышать. Она тоже вздрогнула при звукѣ этого металлическаго голоса, встрепенулась, взглянула, узнала графиню Луневу, и ужь было хотѣла молча уступить ей мѣсто, какъ та дружески протянула ей руку.

— M-elle Zavolsky! Вотъ не ожидала!.. Вы—здѣсь! И одна?

— Нѣтъ... Я жду своихъ! не подымая глазъ, холодно отвѣтила Лидія, едва тронувъ радушно поданную ей руку. — Я собиралась сама идти имъ навстрѣчу.

— Да?.. О, нѣтъ!.. Посидите немного со мною!.. Вы можете легко разминоваться со своими спутниками. Здѣсь такъ много аллей и дорожекъ! мягко убѣждала графиня. — Вотъ, позвольте вамъ представить, — моя дочь... Ольга, иди сюда!

Дѣвочка говорила съ подошедшей дамой-англичанкой. На зовъ матери она обернулась и подошла, улыбаясь...

Лидія взглянула, и вся кровь у нея отлила къ болѣзненно забившемуся сердцу. Высокая, стройная, хорошенькая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка смотрѣла на нее глазами графа Петра Владиміровича, улыбаясь ей его, давно не виданною, но часто во снѣ и на яву ей мерещившеюся улыбкой.

Она едва совладала съ собою. Подкосившіяся подъ ней ноги заставили ее вновь сѣсть на скамью, поздоровавшись съ маленькой графиней Луневой-Запястьевой, которая ласково ее озирала.

Наталья Михайловна хотѣла „удостовѣриться“ и— удостовѣрилась. Внезапная блѣдность и волненіе, котораго Завольская превозмочь не могла, ясно ей подтвердили, что она не только „кокетничала“ съ ея мужемъ, какъ ей писала пріятельница изъ Петергофа,— но что она ея мужа любила... Этого Натальѣ Михайловнѣ было мало. Ей надо было еще узнать, любилъ-ли онъ ее. Дрожь нетерпѣнія била ее внутренно, при мысли, что вотъ сейчасъ онъ тоже будетъ здѣсь. Они встрѣтятся—встрѣтятся неожиданно, при ней. Онъ не сможетъ съ собою совладать! Не сможетъ не выдать себя! Она узнаетъ,—узнаетъ точно всю глубину своего несчастія... Весь вопросъ былъ въ томъ: любитъ-ли мужъ ея эту дѣвушку?.. Эту ненавистную ей, молодую, красивую, „вѣроятно *добродѣтельную,* — о! пошлѣйшее изъ словъ, измышленныхъ людскимъ лицемѣріемъ!—Да, разумѣется, добродѣтельную дѣвушку...“

„Если она его любитъ одна—все спасено! Но если онъ... Онъ, безъ сомнѣнія, забудетъ свои прежнія фразы о преступности развода, о несчастныхъ дѣтяхъ, забываемыхъ эгоистами родителями... Онъ, навѣрное, разведется и женится... *на этой!*“

Пока эти мысли били ей въ мозгъ, сжимали, какъ тисками, тоскливо бившееся сердце и заставляли кровь ея стынуть и вмѣстѣ кипѣть ненавистью къ ней, къ этой сосѣдкѣ своей, сидѣвшей молча и неподвижно,— дисциплинированный во лжи языкъ графини Луневой не умолкалъ ни на секунду, произнося самыя милыя слова привѣта. Она разспрашивала о здоровьи „бѣдныхъ, прелестныхъ дѣтей“ ея сестры; превозносила ея собственное мужество и преданность, и христіанскую любовь въ уходѣ за племянниками; освѣдомлялась, не желаетъ-ли она теперь, когда они снова вернутся въ Лондонъ, порадовать ихъ благочестивыя собранія своими посѣщеніями...

— Ахъ, Боже мой! Простите меня. Мнѣ слѣдовало тогда же, когда мы встрѣтились у миссисъ Уардлокъ, попросить ее: сказать вамъ мое настоящее имя... Вы вѣдь, вѣроятно, не знаете, кто я?..

Лидія Львовна вдругъ встрепенулась. Мысль, что

эта женщина сейчасъ произнесетъ свое... *его* имя, кольнула ее въ самое сердце. Она не хотѣла его отъ нея слышать.

Не глядя на нее, она холодно ее прервала:

— Вы ошибаетесь, графиня, я все о васъ прекрасно знаю... Не трудитесь мнѣ объяснять.

Она сама не ждала, что эти слова у нея вырвутся тономъ такого глубокаго презрѣнія, какого не могла не почувствовать ея собесѣдница. Лидія Львовна не преднамѣренно его выказала, но въ немъ не раскаивалась, услыхавъ по голосу Луневой, что она поняла ея чувства.

— Въ самомъ дѣлѣ? тихо произнесла она. — Вы знаете *все*?.. Все! со вздохомъ повторила она, соображая въ то же время: „ужь не отъ него-ли самого получила она свѣдѣнія и признанія?..“

Горькое чувство обиды смѣнялось все болѣе опредѣленнымъ чувствомъ злобы. Подъ вліяніемъ гнѣвныхъ чувствъ противъ Завольской, графиня начинала терять нить своихъ соображеній и намѣреній... Она не слышала, что дочь уже третій разъ повторяетъ ей просьбу, отпустить ее съ миссисъ Рансвудъ посмотрѣть на полуостровкѣ громаднаго звѣря, взлѣзшаго на дерево.

Старушка-англичанка, содержательница пансіона гдѣ воспитывалась Ольга, наконецъ вывела ее изъ разсѣянности, повторивъ ея просьбу. Она чуяла, не зная кто эта дѣвушка и въ чемъ дѣло, что недобрыя страсти разыгрываются „въ грѣшной душѣ этой несчастной“, какъ она мысленно аттестовала графиню, и считала за лучшее удалить во-время свою воспитанницу.

— Что?.. Что такое?.. Да... осмотрѣть звѣрей... Идите, сдѣлайте одолженіе. Я здѣсь посижу и позову васъ... тогда!

Она запнулась, не желая, чтобъ Лидія знала, что она ждетъ мужа.

— Идите, идите! поспѣшила она добавить. — Осмотрите пруды, звѣрей, гуляйте... А я отдохну здѣсь, пока вы возвратитесь.

XXII.

Она прослѣдила глазами за дочерью и старушкой, скрывшимися въ густой заросли кустовъ, и повернувшись къ молодой дѣвушкѣ, встававшей, чтобъ распрощаться и уйти, авторитетно, за обѣ руки, усадила ее вновь рядомъ съ собою.

— Нѣтъ, Лидія Львовна! — видите, я тоже знаю ваше имя и отчество, — нѣтъ! Ужь вы посидите со мной... Подарите мнѣ десять минутъ вашего времени!.. Вы—*все* знаете, говорите вы?.. Все мое грустное прошлое сложно и очень богато событіями, къ несчастію для меня сложившимися далеко не въ мою пользу. Я вообще довольно равнодушна къ людскому мнѣнію, но не къ мнѣнію тѣхъ людей, которые мнѣ почему-либо симпатичны...

„Судьба моя! Она *тоже*?.. И почти въ тѣхъ же словахъ, какъ онъ писалъ!“ вспомнилось Лидіи письмо Лунева.

Сердце ея тоскливо сжималось; ей хотѣлось уйти подальше, спрятаться отъ этой женщины, въ которой все ей было антипатично, но она не находила силъ оттолкнуть ее. Ей думалось: „лежачаго не бьютъ!“ Она заставляла себя слушать ея льстивыя рѣчи, которымъ не вѣрила.

Графиня Наталья Михайловна, между тѣмъ, добросовѣстно усиливалась скрывать ненависть подъ цѣлымъ потокомъ лжи:

— Къ вамъ я, сама себѣ не объясняю почему, съ перваго взгляда, помните, тогда — на Вестминстерской террасѣ — почувствовала симпатію! увѣряла она, чутко прислушиваясь къ движенію, къ ожидаемымъ нетерпѣливо мужскимъ шагамъ. — Мнѣ было бы очень обидно, если-бъ и вы, на основаніи ложныхъ слуховъ, меня, безъ апелляціи, осудили!

— Помилуйте! Какое право я имѣю?.. И какое вамъ дѣло до моего мнѣнія?

— О, нѣтъ! Есть исключенія!.. Есть единицы, мнѣніемъ которыхъ дорожишь больше, чѣмъ коллективнымъ расположеніемъ общества.

— Безъ сомнѣнія. Но вѣдь я, для васъ, такая же незначительная единица, какъ и всѣ тѣ, изъ которыхъ состоитъ общественное мнѣніе...

— Нѣтъ! Я же говорю вамъ, что какъ это ни странно, но въ вашемъ мнѣніи я бы хотѣла имѣть возможность разсчитывать на снисхожденіе! увлекалась графиня.

Въ желаніи, чего бы то ни стоило, задержать Завольскую, быть свидѣтельницей неожиданнаго свиданія съ ней своего мужа, Лунева увлекалась до паѳоса, до театральной жестикуляціи. Къ величайшему удивленію и неудовольствію Лидіи Львовны, она положила руку ей на-руку и конфиденціально склонившись къ ней, быстро, убѣдительно, горячо заговорила о своемъ прошломъ, о разныхъ несчастіяхъ, объ одинокомъ, загнанномъ дѣтствѣ и бурной молодости безъ призора, безъ добраго участія; среди будто бы непосильныхъ лишеній и соблазновъ. Отецъ, мать, сестры, среда—все и всѣ, по разсказамъ ея, были виновны,—но не сама она!

Она только-что коснулась своей „беззавѣтной, самоотверженной любви къ мужу“ и обдумывала, какъ и чѣмъ ей мотивировать „его жестокую несправедливость“, его вопіющее равнодушіе къ страданіямъ ея, какъ „отверженной жены и матери, отторгнутой отъ своего ребенка“,—какъ вдругъ твердые мужскіе шаги послышались близехонько, за выступомъ скалы, къ которому она сидѣла прямо, лицомъ, а Завольская спиною, повернувшись къ ней.

Графиня быстро и ловко перемѣнила въ своей рѣчи первое мѣстоименіе на третье.

— Да, заговорила она,— есть много въ жизни тяжкихъ испытаній, но нѣтъ тяжеле горя, какъ неудавшаяся семейная жизнь!.. Какъ одиночество жены и матери, любящей мужа и оторванныхъ отъ нея дѣтей...

Еще скрытый скалой, графъ Петръ Владиміровичъ уже слышалъ и узналъ голосъ жены. Выйдя изъ-за нея, онъ ее увидѣлъ en face, печально, кротко улыбавшуюся ему во встрѣчу, но собесѣдницы ея не могъ признать, да и не смотрѣлъ на нее, ища взоромъ Ольгу, дочь свою, ради которой ужь цѣлую недѣлю, затаивъ отвращеніе, терпѣлъ ежедневныя свиданія съ ея матерью.

Онъ былъ ужь въ двухъ шагахъ, когда Лидію поразило внезапное молчаніе графини, а когда она подняла на нее глаза—неопредѣленно странное выраженіе ея лица. Она ничего не успѣла еще сообразить, какъ собесѣдница ея поднялась и привѣтливо улыбаясь, ласковымъ голосомъ проговорила:

— Ахъ! Вотъ, позвольте васъ познакомить: мой мужъ, графъ Луневъ-Запястьевъ,—M-lle Завольская...

Не крикъ, а внезапно захваченное въ груди дыханіе вырвалось изъ груди Лидіи Львовны, побѣлѣвшей до корней волосъ, когда она, внезапно вставъ, очутилась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго считала за тысячи верстъ отъ себя.

Она, вторично въ эти полчаса, должна была схватиться за скамью, чтобъ не упасть. Но на этотъ разъ испугъ ея былъ такъ силенъ, что она едва не лишилась чувствъ... Нужна была вся ея энергія, все присутствіе духа, чтобъ возвратить свои силы, сознаніемъ необходимости овладѣть ими.

Что сталось съ графомъ, когда онъ сознаолъ себя въ присутствіи ихъ обѣихъ, невозможно разсказать. Испугъ, мгновенная радость, а затѣмъ изумленіе, быстро замѣнились однимъ, всепоглощающимъ чувствомъ страстнаго негодованія.

„Она это устроила! Она ее заманила! Она провѣ-

дала, эта змѣя! Эта ужасная, низкая, злобная женщина!" вихремъ пронеслось въ умѣ его.

Уступая всесильному порыву, чувству обиды за оскорбленную любимую имъ женщину, онъ устранилъ взглядомъ и движеніемъ, полнымъ негодованія, свою жену отъ Завольской и, склонившись надъ ней, со страхомъ смотрѣлъ на нее въ ожиданіи.

Лидія Львовна сдѣлала наконецъ героическое усиліе, встала и, не глядя на графиню, протянула ему руку.

— А-а!.. Да я вижу вы знакомы? протяжно замѣтила Наталья Михайловна, не менѣе ихъ обоихъ взволнованная и блѣдная, но подъ улыбкой стараясь скрыть свои чувства.

На театральный возгласъ ея никто не обратилъ вниманія.

— Я слышала, Петръ Владиміровичъ, будто вы уѣхали въ Азіатскую Россію, въ Сибирь? еще совсѣмъ бѣлыми губами вымолвила Лидія.—Я испугалась увидя васъ, именно потому, что сочла васъ за привидѣніе.

Она смотрѣла прямо, печально улыбаясь, но безъ смущенія и ласково въ его глаза, своими глубокими, бархатными глазами.

Графъ Луневъ отвѣчалъ многозначительно:

— А я, Лидія Львовна, не столько бы испугался привидѣнія, какъ вашего присутствія здѣсь и въ обществѣ... графини.

Наталья Михайловна вздрогнула, какъ ужаленная. Но они на нее не смотрѣли.

— Жена ваша встрѣтила меня случайно и задержала здѣсь; а я не считала возможнымъ ее оставить, такъ какъ она просила меня ее выслушать! уже совсѣмъ спокойно объяснила Лидія.— Теперь я прощусь съ ней и... съ вами.

Она поклонилась, не подавая руки, и повернулась, чтобъ уйти, но Луневъ сорвался вслѣдъ за нею.

— Лидія Львовна! Нѣтъ... Вы позволите мнѣ васъ проводить, куда прикажете...

Онъ остановился, какъ облитый холодной водой. подъ строгимъ взглядомъ ея глазъ. Она обернулась и, посмотрѣвъ на него, повелительно вымолвила:

— Нѣтъ! Я буду просить васъ, графъ, позволить мнѣ идти къ своимъ одной... Жена ваша, конечно болѣе меня, нуждается въ вашемъ присутствіи.

И Лидія Львовна не спѣша, твердой поступью, ни разу не оглянувшись на поникнувшаго головой графа Лунева, прошла и скрылась за поворотомъ аллеи.

Она шла бодро пока сознавала, что она у нихъ на виду; но едва скрылась, сознаніе это ее оставило, а вмѣстѣ съ нимъ оставила и энергія, поддерживавшая силы. Въ ушахъ ея звенѣло, сердце болѣзненно замирало и голова мутилась отъ боли, отъ ударовъ крови, какъ молотомъ въ нее стучавшихъ. Она мысленно молила Бога добраться до цвѣтника и сѣсть на видномъ мѣстѣ, чтобъ дѣти ее увидали, сходя съ террасы; но начинала сомнѣваться въ своихъ силахъ, чувствуя что холодѣетъ и что почва у нея куда-то уходитъ изъ-подъ ногъ.

„Что за нелѣпость! Неужели я себя не пересилю?.. Неужели не дойду?" отчаянно думала Лидія, озираясь и помутившимся взоромъ разыскивая скамейку.

Скамейки по близости не было, но она вдругъ почувствовала мощную опору, услышала неявственно, несвязно чей-то голосъ, на который отвѣчать не могла, на секунду совершенно утративъ силы.

Видно потрясенія этого дня были черезчуръ сильны для усталыхъ нервовъ Лидіи Львовны; ея послѣдпія усилія надъ собой ихъ слишкомъ натянули и, не явись такъ во-время ей на помощь, ей вѣроятно пришлось бы, придя въ себя черезъ минуту, подыматься съ травы Сиденгамскаго парка. Но опора подоспѣла въ самый критическій моментъ,—очнулась она на рукахъ перепуганнаго, но не растерявшагося мистера Стивенса.

Молодой врачъ, въ послѣднее время превратившійся чуть не въ тѣнь ея, такъ неотступно за ней слѣдилъ, что едва покончивъ свои обязанности въ Брайтонѣ, полетѣлъ въ Сиденгамъ „къ милымъ дѣтямъ", узнавъ отъ ихъ мамма, что они проводятъ тамъ день; найдя ихъ въ залѣ спектакля одпихъ, то есть, безъ тетушки, онъ изъявилъ опасеніе, что миссъ Лидія легко можетъ заблудиться въ незнакомомъ паркѣ, въ его запутанныхъ, густыхъ аллеяхъ, и по указаніямъ Лео, пошелъ за ней къ „допотопному" пруду.

Онъ весьма кстати увидалъ ее, блѣдною, едва державшеюся на ногахъ; въ ту минуту, какъ силы окончательно ей измѣняли, онъ во-время успѣлъ ее поддержать.

Впослѣдствіи, вспоминая объ этомъ происшествіи, Лидія Львовна всегда печально и снисходительно улыбалась. Ей помнились не только тревожные, любовные взгляды мистера Дональда, не только его заботливые разспросы, но и слишкомъ горячія рѣчи, въ которыхъ ясно излились чувства переполнявшія сердце молодаго врача.

Онъ лучше зналъ мѣстность и сразу открылъ уютную скамеечку въ густой кущѣ зелени, куда усадилъ ее. Въ карманѣ его нашелся и благодѣтельный спиртъ, который помогъ разойтись туману изъ ея головы, а по близости оказалась сторожка, откуда онъ мигомъ вернулся со свѣжей водою. Однимъ словомъ, Дональдъ Стивенсъ явился на сей разъ положительно ея помощникомъ и благодѣтелемъ, что она всегда потомъ сознавала, хотя безъ особой благодарности, вспоминая объ этомъ днѣ. Смутно представлялись ей другія, не совсѣмъ желанныя подробности его заботъ, его горячихъ увѣреній въ вѣчной преданности ей; быть-можетъ даже въ иномъ, болѣе опредѣленномъ и горячемъ къ ней чувствѣ. Вспоминался даже мигъ, когда въ ея взбалмошной головѣ промелькнула такая мысль: „а что-жъ, вѣдь онъ меня искренно любитъ,—не попробовать-ли его порадовать взаимностью? Выходятъ же другія не любя... По крайности хоть осчастливлю одного хорошаго, преданнаго мнѣ человѣка!"

Но едва сознавъ эту мысль, она въ тотъ же мигъ почувствовала внезапное, необъяснимое и ничѣмъ имъ незаслуженное чувство отвращенія къ бѣдному Стивенсу. Ей послѣ жаль было его. Невольно она съ нимъ обошлась такъ рѣзко, такъ холодно поблагодарила за услуги и потомъ, на обратномъ пути въ Лондонъ, была такъ сдержанна и молчалива, что бѣдный юноша совсѣмъ осоловѣлъ, смотрѣлъ и въ дѣйствительности былъ такимъ несчастнымъ, что это воспоминаніе долго смущало Завольскую.

Этотъ день ей не обошелся даромъ и вообще сталъ памятнымъ днемъ не для нея одной. Она не заболѣла, какъ серьезно того опасалась, послѣ неожиданно сильныхъ потрясеній въ Сиденгамскомъ паркѣ,—то есть, не слегла въ острой болѣзни; но ею еще сильнѣе овладѣлъ недугъ полной апатіи, равнодушія ко всѣмъ и ко всему, который ей трудно было превозмогать, и кромѣ того она сдѣлалась до того нервна, что все ее тревожило и пугало.

(Продолженіе будетъ).

Миражи (очерки, легенды, впечатлѣнія).

Вас. И. Немировича-Данченко.

IУ. Испанскіе нищіе.

Яркое солнце, мрачные дома... Вверху—силуэты черныхъ дворцовъ и башенъ, внизу—далеко-далеко унылыя плато безплодной Кастиліи... Синее строгое небо опрокинулось надъ готскимъ городомъ. Мы на площади Зокодаверъ. Какъ здѣсь все рѣзко, преувеличено! Лучи не свѣтятъ, а горятъ и жгутъ; ужъ если тѣнь ляжетъ, такъ и она точно черная ночь рядомъ

Величайшая тайна. Съ карт. А. Геринга, грав. Шваннке.

съ бѣлымъ днемъ. Вонъ подъ старою аркой съ гербомъ давно угасшаго рода—слѣпые пѣвцы. Какъ мало здѣсь измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ такихъ же слушалъ императоръ Карлъ V! Пожалуй, что и лохмотья тѣ же! А ужъ типы-то навѣрное!.. Вы помните тотъ удивительный день, когда тріумфатору казалось, что весь міръ переполненъ его славою? Въ своемъ Альказарѣ, обращаясь къ царедворцамъ, онъ воскликнулъ: „Я думаю, теперь въ Испаніи нѣтъ сердца, которое бы не билось заодно съ моимъ!..“ Еще бы: гордые халифаты Африки впервые смирились передъ мечомъ императора. Пираты были уничтожены, и на все Средиземное море его черный орелъ бросилъ суровую тѣнь своихъ могучихъ крыльевъ. Надо же было ему тотчасъ выйти на эту самую площадь Зокодавера!.. Еще ранѣе, проходя и проѣзжая по ней, онъ замѣчалъ толпу неизмѣнно собиравшуюся въ одномъ изъ ея угловъ. На этотъ разъ Карлъ V заинтересовался, что бы это могло быть такое. Оттуда доносились печальныя ритурнели гитаръ. Старческіе голоса пѣли что-то... Государь обратился къ свитѣ.

— Это не стóитъ вниманія вашего величества.

— Однако?

Оказалось, что изо всѣхъ придворныхъ только одинъ зналъ въ чемъ дѣло.

— Галисійскіе пѣвцы... Народъ мрачный... ничего не стóящій... Ихъ нельзя и сравнивать съ нашими андалузцами...

Карлъ V подошелъ. Толпа разступилась. Она не кричала vive. Вообще въ ея настроеніи не было того, къ чему пріучили императора „вѣрные и благородные“ толедане.

— Что у васъ здѣсь такое?

Молчаніе. Люди безмолвные и сумрачные стали мало-помалу расходиться.

— Я спрашиваю, что здѣсь?

У самой стѣны сидѣло трое слѣпцовъ съ гитарами. Они не могли видѣть, что передъ ними самъ Карлъ V, только почуяли суматоху и встревожились. Послѣднія отзвучія ихъ струнъ казалось еще дрожали въ воздухѣ. Вдругъ Карлу V пришла въ голову блажная мысль. Онъ вообще любилъ порисоваться своимъ великодушіемъ и щедростью.

— Вы откуда? спросилъ онъ у нищихъ.

— Изъ Оренесе, сеньоръ-кавальеро. Изъ Оренесе—города гидальго и нищихъ.

Король улыбнулся. Галисія въ то время была еще вѣрнѣйшею изъ провинцій, за что Филиппъ II впослѣдствіи залилъ ее слезами и кровью.

Карлъ V швырнулъ кошелекъ съ золотомъ на гитару одного изъ пѣвцовъ. Ея струны вздрогнули и загудѣли.

— Должно-быть богатый? шепнулъ тотъ сосѣду.

— Спойте мнѣ пѣсню, которую вы только что пѣли.

— Вашей милости она не понравится.

— Почему? благосклонно улыбнулся императоръ.

— Это пѣсня бѣдныхъ. Она родилась въ дымныхъ лачугахъ Леона и Астуріи. Для богатыхъ и знатныхъ мы поемъ другія—андалузскія и валенсіанскія... Въ Андалузіи и Валенсіи много солнца и смѣха.

— Пойте ту, которую вы пѣли сейчасъ.

Нищимъ было заплачено хорошо. Они во всю свою жизнь не только не имѣли, но и не видѣли такой массы песетъ...

Послышалась печальная ритурнель, такая печальная, что—по словамъ легенды—императору даже плакать захотѣлось. Каждый звукъ—не взвивался къ синему небу, а падалъ о-земь, какъ слеза. Струны точно передавали: какъ стонетъ сердце человѣческое, какъ оно болитъ и исходитъ кровью въ непосильныхъ мукахъ. Когда послѣдній аккордъ этой ритурнели замеръ подъ зноемъ и свѣтомъ, одинъ изъ нищихъ запѣлъ. Сначала Карлъ V не понялъ даже, что это: жалоба или плачъ? Да и сверхъ того, слова пѣсни отличались отъ благороднаго кастильскаго нарѣчія. Такъ дѣйствительно говорили въ дымныхъ хижинахъ Астуріи.

„— Хуана, Хуана!.. Что ты каждое утро и каждый вечеръ выходишь на высокую гору? На высокую, высокую, и стоишь на ея утесѣ и смотришь вдаль? Цѣлый день и цѣлую ночь ты плачешь потомъ запершись и сидя у холоднаго очага во мракѣ.

„— Я смотрю, какъ восходитъ и заходитъ солнце.

„— По солнцу не плачутъ и ночь тоже не провожаютъ слезами. Кого ты ждешь по той дорогѣ, что легла къ намъ черезъ горы? Хуана, Хуана, кто ушелъ по ней отъ тебя?

„— Пять лѣтъ назадъ, король взялъ моего сына Хозе, одѣлъ его желѣзомъ, далъ ему мечъ въ руки и увелъ съ собою по этой дорогѣ далеко-далеко. Послѣ этого опустѣла моя хижина и очагъ ея погасъ. Для кого я стану зажигать его? Въ немъ одни пауки вьютъ свои сѣти... Пять лѣтъ я хожу на высокую гору, пять лѣтъ утромъ и вечеромъ смотрю—не покажется-ли вдали мой Хозе.

„— Хуана, Хуана! Развѣ ты не слышала, какъ императоръ разбилъ невѣрныхъ въ далекой Африкѣ? Въ слѣпомъ страхѣ бѣжали передъ нимъ въ пустыню враги, и ея жаждущіе пески досыта напоила кровь невѣрныхъ.

„— Что мнѣ за дѣло до его побѣдъ?.. Мнѣ-ли имъ радоваться, когда мой Хозе можетъ-быть лежитъ теперь на этихъ пескахъ, безсильно раскинувъ руки, и черный воронъ уже выклевалъ ему глаза... Развѣ эти побѣды вернутъ ему жизнь, огонь моему очагу, счастье моему сердцу, улыбку моему лицу, работника нашему саду?

„— Хуана, Хуана! Или ты не слышала проповѣди нашего капеллана? Онъ говорилъ о томъ, что само Небо благословило Карла V, самъ Богъ послалъ ему побѣду и христіанскій крестъ засіяетъ теперь надъ послѣдними мескитами арабовъ.

„— Что мнѣ за дѣло до Неба и мескитъ, и другихъ прекрасныхъ вещей, которыя существуютъ только для тѣхъ, кто можетъ платить за это! Это Небо вѣдь спокойно смотритъ на мои пустѣющія нивы, на мою холодѣющую лачугу. Этотъ капелланъ ни разу не послалъ утѣшенія въ мое осиротѣвшее сердце. Я не могла ему принести пѣтуха въ воскресенье и индюка въ большой праздникъ. Онъ называетъ меня грѣшницей, потому что мнѣ нечѣмъ заплатить ему за его молитвы! Хозе, мой Хозе, зачѣмъ ты ушелъ отъ меня? Хозе, мой Хозе, зачѣмъ въ мигъ разлуки ты не пронзилъ мнѣ сердца мечомъ, врученнымъ тебѣ Карломъ? Бѣда намъ, бѣда! Слава и побѣды—ему, кровь, нищета и страданія—намъ. Кто будетъ за насъ говорить Небу? Онъ и Небо съумѣлъ купить—во всѣхъ храмахъ за него молятся капелланы...“

Опять послышалась длинная ритурнель гитаръ. Лицо Карла V было мрачно. Когда струны смолкли, второй нищій запѣлъ уже не такимъ страдальческимъ голосомъ. Въ тонѣ его пѣсни слышался гнѣвъ. Она уже не падала слезами о-земь, а съ силою уносилась въ голубую высь.

„— Мы шли мимо бѣдныхъ деревень, запустѣлыхъ полей, мы какъ сокровище собирали слезы несчастныхъ въ наши гитары, жалобы ихъ въ наши сердца. Мы ослѣпли отъ зрѣлища страданій. И теперь, когда мы дотрагиваемся до нашихъ струнъ, съ нихъ вмѣсто веселыхъ пѣсенъ капаютъ слезы, когда хотимъ пѣть—невольно жалуемся и стонемъ“.

Новый напѣвъ струнъ. Темныя тѣни бѣжали по лицу Карла V. Свита потупилась, затаивъ дыханіе. Ждали вспышки гнѣва. Такая тишина стояла кругомъ, точно все замерло и приникло въ ожиданіи грозы. Вотъ-вотъ ударитъ молнія и прокатится громъ... Только одни пѣвцы были спокойны. Они ничего не видѣли своими незрячими глазами.

Третій нищій вдругъ запѣлъ... И казалось какія-то хищныя птицы кричатъ отъ злости и муки—такъ рѣзко и грозно звучалъ его голосъ.

„— Хуана, Хуана! Близокъ часъ... Близокъ часъ. Ты умрешь, а когда-нибудь умретъ и Карлъ V. Смерть равняетъ короля и нищаго. И тѣмъ и другимъ въ могилѣ надо одно и то же мѣсто. Тлѣніе уничтожаетъ главу какъ покрытую вѣнцомъ власти, такъ и струпьями проказы. Хуана, Хуана! Близокъ часъ, близокъ! Оба вы предстанете предъ судилищемъ Божіимъ. Когда тебя спроситъ Христосъ-Іисусъ: „что ты можешь сказать Ему?“ Скажи, чтобы позвали Мадонну, кроткую, чистую Мадонну, Которая тоже плакала о Своемъ Сынѣ кровавыми слезами. И когда Пресвятая придетъ на зовъ твой, спой при королѣ Карлѣ свою пѣсню... Спой, какъ ты ее сейчасъ пѣла передъ нами. Спой эту пѣсню, и ты увидишь, что мольбы капеллановъ слишкомъ тяжелы. Онѣ безсильно остановились на полудорогѣ къ Небу. Богъ ихъ не слышитъ. Къ Его престолу доносятся только слезы несчастныхъ. Имъ и счетъ, и почесть, и слава на небесахъ. Хуана, Хуана, когда Господь тебя спроситъ: „Чего же ты хочешь? Какого наказанія просишь Карлу, могущественному императору цѣлаго міра?“—Прости его. Ты, слабая, помилуй того, передъ кѣмъ теперь трепещетъ вселенная. Прости его ото всей души, потому что онъ въ счастьѣ своемъ несчастнѣе насъ, въ могуществѣ—слабѣе послѣдней слезы твоей, въ блескѣ и величіи—слѣпѣе и темнѣе нашей слѣпоты... Прости его, Хуана! Именемъ твоимъ люди не станутъ пугать своихъ дѣтей, а славный и великій повелитель міра на цѣлые вѣка и народы броситъ свою зловѣщую тѣнь...“

Придворные схватились за мечи.

Карлъ V остановилъ ихъ однимъ движеніемъ руки.

— Оставьте бѣднякамъ пѣсню и слезы. Если мы у нихъ отнимемъ и это—отъ страданій ихъ погаснетъ вселенная, померкнетъ небо и упадутъ звѣзды. Мы и они—идемъ къ одной и той же правдѣ по разнымъ путямъ... Когда твоя Хуана, обратился онъ къ послѣднему нищему,—запоетъ передъ престоломъ Господа, пріятель, то я соберу всѣхъ несчастныхъ страдальцевъ-христіанъ, мучившихся въ злой неволѣ у невѣрныхъ и освобожденныхъ мною. Можетъ-быть Богъ и ихъ захочетъ услышать?

Карлъ V отошелъ, но пройдя нѣсколько шаговъ обернулся.

— Не трогать этихъ нищихъ, пусть свободно поютъ свои пѣсни.

Въ ту же ночь онъ вдругъ проснулся и всталъ.

Мракъ его спальни весь казался наполненнымъ какими-то темными призраками. Мимо его лица полетѣли широкіе рукава ихъ траурныхъ одеждъ... Глаза ихъ горѣли печалью и мукой...

Скоро король уѣхалъ изъ Толедо. Вернулся онъ черезъ недѣлю и, вспомнивъ нищихъ, пошелъ на площадь Зокодавера. Такъ же былъ ярокъ день и мрачны дома, такъ же горячо жгло солнце... Но пѣвцовъ не было нигдѣ. Народъ веселился

вокругъ шутовъ, ломавшихся тамъ, гдѣ еще недавно плакали и жаловались струны. Онъ уже гораздо громче встрѣчалъ своими восторженными криками могущественнаго повелителя.

— Гдѣ нищіе Зокодавера?

Всѣ молчали. Свита или не хотѣла, или не рѣшалась говорить.

— Гдѣ нищіе, что пѣли здѣсь всегда въ углу? спросилъ Карлъ V какого-то ротозѣя, оравшаго ему „vive!“

— Нищіе?.. Ихъ повѣсили...

— Кто, когда?..

— Нѣсколько дней назадъ, главный альгуазилъ.

„Главный альгуазилъ“ былъ тутъ же.

— За что ты ихъ повѣсилъ?

— Государь, въ своей нечестивой пѣснѣ они осмѣлились смѣяться надо мною... И пѣсню эту стали повторять на улицахъ Толедо.

Дни террора въ Нантѣ.

Изъ записокъ бѣглеца.

Э. Мальзова.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія умеръ въ Берлинѣ садоводъ и землевладѣлецъ Жанъ-Жакъ Мильё. Родомъ изъ Эльзаса, онъ явился въ Берлинъ въ началѣ столѣтія и открылъ здѣсь небольшой цвѣточный магазинъ. Трудолюбивый и дѣятельный, онъ съ теченіемъ лѣтъ сдѣлался крупнымъ садоводомъ, построилъ домъ, нажилъ большое состояніе и, что гораздо труднѣе, заслужилъ общее уваженіе.

Юность свою онъ провелъ во Франціи и пережилъ тамъ всѣ ужасы террора первой французской революціи, что отбило у него всякую охоту оставаться въ своемъ несчастномъ отечествѣ. Онъ велъ дневникъ, въ которомъ просто и безъискусственно описаны всѣ событія великой революціи. Этотъ дневникъ весьма интересенъ, благодаря тому, что авторъ былъ очевидцемъ извѣстныхъ нантскихъ поядъ, этого гнуснаго изобрѣтенія безчеловѣчнаго Каррье.

Нашему разсказу мы предпошлемъ коротенькій очеркъ жизни Мильё до 1793 года, къ которому и относится разсказъ.

Жанъ-Жакъ Мильё родился въ 1770 году въ одной изъ деревушекъ верхняго Эльзаса. Мальчикомъ еще онъ поступилъ въ обученіе къ страсбургскому садоводу. Окончивъ свое обученіе, онъ сталъ помощникомъ при садовникѣ графа Жирардена и долгое время жилъ въ Эрменонвилѣ. Отсюда онъ попалъ въ Нантъ, гдѣ въ 1792 году поступилъ на службу къ богатому купцу Рабурдену. У послѣдняго было подъ Нантомъ обширное имѣніе съ великолѣпными садами, надсмотръ за которыми и былъ порученъ молодому садовнику.

Теперь предоставимъ разсказъ самому Мильё:

„Я не могъ желать лучшей жизни, чѣмъ та которую велъ въ Нантѣ. Патронъ мой былъ очень любезный человѣкъ, хорошо оплачивалъ мой трудъ и главное не вмѣшивался въ предоставленную мнѣ часть управленія садами. У него была добрая жена и очаровательныя дѣти: семнадцатилѣтняя дочь Люси и два сына Шарль и Луи, мальчики десяти и девяти лѣтъ. Онъ любилъ жену и дѣтей болѣе всего въ жизни, и тѣ ему отвѣчали такою же любовью. Кромѣ меня въ служебный персоналъ дома входили старушка кухарка, кучеръ Франсуа Луве, жившій въ небольшомъ садовомъ домикѣ, и молодая красивая горничная Мари. Луве еще мальчикомъ поступилъ на службу къ своему хозяину, который отечески заботился объ немъ и рано овдовѣвшей его матери. Намъ жилось хорошо, и никто не думалъ, что это общее счастье скоро нарушится.

Память о вечерахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ въ кухнѣ, навсегда останется въ моей жизни. Я никогда не видывалъ послѣ такой веселенькой и чистой кухни. Вся посуда блестѣла, точно золотая или серебряная, нигдѣ не было ни пылинки. Ко всему этому присоединялись: хорошій ужинъ съ добрымъ мѣстнымъ винцомъ на чистенькомъ столикѣ, задушевная бесѣда, блестящіе глазки Мари и ея очаровательная улыбка. Я по уши былъ влюбленъ тогда въ Мари. Старушка-кухарка, заботясь о благочиніи, строго слѣдила за нами, не позволяя влюбленнымъ вздохамъ вырываться слишкомъ громко.

Политика была обыкновенною темой нашихъ разговоровъ, и конечно всѣ мы были самыми ярыми республиканцами. Убѣжденій нашего хозяина мы не знали; раньше онъ имѣлъ отношенія съ мѣстною знатью, но въ городѣ считался истиннымъ гражданиномъ, участвовалъ въ городскомъ совѣтѣ и даже поставилъ въ своемъ саду статую свободы, видную съ улицы.

Наше республиканское воодушевленіе охладѣло на половину, когда въ городѣ распространились огромные плакаты, прибитые на всѣхъ углахъ и перекресткахъ, съ извѣстіемъ о казни нашего добраго короля; вскорѣ затѣмъ въ октябрѣ вѣсть о казни королевы Маріи-Антуанетты окончательно возстановила насъ противъ кровожаднаго конвента.

Кучеръ Луве обыкновенно молча слушалъ наши разговоры и на наши вопросы относительно его мнѣнія о конвентѣ со смѣхомъ отвѣчалъ: „всѣ они предатели и всѣ подкуплены Питтомъ“. Питта, тогдашняго англійскаго премьера, за его антидемократическія мѣропріятія, французскій конвентъ объявилъ „врагомъ рода человѣческаго“.

Въ день казни королевы, я засталъ господина и госпожу Рабурденъ плачущими. Они дружески слушали меня, пока я порицалъ жестокость конвента, но ничего не отвѣтили. Я перестаалъ сомнѣваться, что если казнь короля и была непріятна большей части населенія Нанта, то казнь беззащитной женщины-королевы окончательно возмутила всѣхъ. Но никто не осмѣливался высказывать своего неудовольствія.

День 27 ноября 1793 года неизгладимо остался въ моей памяти. Хозяева давали обѣдъ. Многочисленные друзья ихъ съѣхались изъ города въ имѣніе. Какъ сейчасъ помню, я былъ въ зеленомъ фракѣ, желтомъ жилетѣ и нанковыхъ панталонахъ. Разговоръ за столомъ шелъ о казни Филиппа Эгалите, герцога Орлеанскаго, и прекрасной мадамъ Роланъ. Ея казнь всѣ называли излишней жестокостью. Вообще хозяинъ былъ противъ казни женщинъ и дѣтей, и всѣ согласились съ нимъ. Потомъ разговоръ перешелъ на празднества, данныя Парижемъ въ честь „богини разума“, на притѣсненіе церкви, и на разсылку по городамъ уполномоченныхъ отъ конвента.

Когда разговоръ зашелъ такъ далеко, всѣ вдругъ пріумолкли точно испугались своей смѣлости. Тогда хозяинъ сказалъ: „мы всѣ добрые патріоты и искренніе приверженцы республики, конвентъ знаетъ насъ и долженъ довѣрять...“

Онъ не кончилъ, какъ въ салонъ вошла Мари, блѣдная и испуганная, и доложила господину, что явился жардармъ съ какою-то важною бумагою.

Рабурденъ велѣлъ пустить жандарма и взялъ у него пакетъ; я видѣлъ, какъ у него задрожали руки, едва онъ взглянулъ на бумагу. Однако онъ овладѣлъ собою и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Друзья мои! Конвентъ посылаетъ къ намъ съ неограниченными полномочіями депутата Карре въ качествѣ своего представителя. Городскія власти должны подчиняться ему безпрекословно.

Глубокое молчаніе воцарилось послѣ этихъ словъ.

— Что тутъ нужно Каррье! сказалъ кто-то.

— Враги патріотизма выдумали это! добавилъ другой.

— Ну, повеселѣвъ сказалъ хозяинъ и поднялъ кубокъ, — да погибнутъ враги республики! А теперь подчинимся конвенту и останемся добрыми патріотами.

Обѣдъ продолжался, но всѣми овладѣло какое-то тоскливое настроеніе. Вскорѣ гости разъѣхались. Оставшись одинъ, хозяинъ вдругъ пошатнулся. Думая, что онъ падаетъ въ обморокъ, я поспѣшилъ поддержать его, но онъ оправился и отослалъ меня и Луве, пожелавъ отдохнуть.

Прошло нѣсколько дней, не принеся ничего важнаго. 1 декабря, когда я занимался въ саду подрѣзываніемъ деревьевъ, вдругъ вбѣжала Мари съ громкимъ крикомъ: „ѣдутъ! ѣдутъ!“ Я поспѣшилъ къ воротамъ и увидѣлъ, какъ по улицѣ катился берлинъ, на облучкѣ котораго возлѣ кучера сидѣлъ вооруженный человѣкъ въ якобинской шапкѣ, а въ экипажѣ сидѣли двое въ длинныхъ плащахъ. Одинъ изъ нихъ съ подстриженной рыжей бородой и былъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, ужасный Карре; другой, имя котораго я забылъ, былъ одинъ изъ секретарей конвента.

Я вернулся къ работѣ и долго еще слышалъ на улицѣ крики народа: Vive la république! Vive la convention! Vive Carrier! постепенно смолкавшіе вдалекѣ.

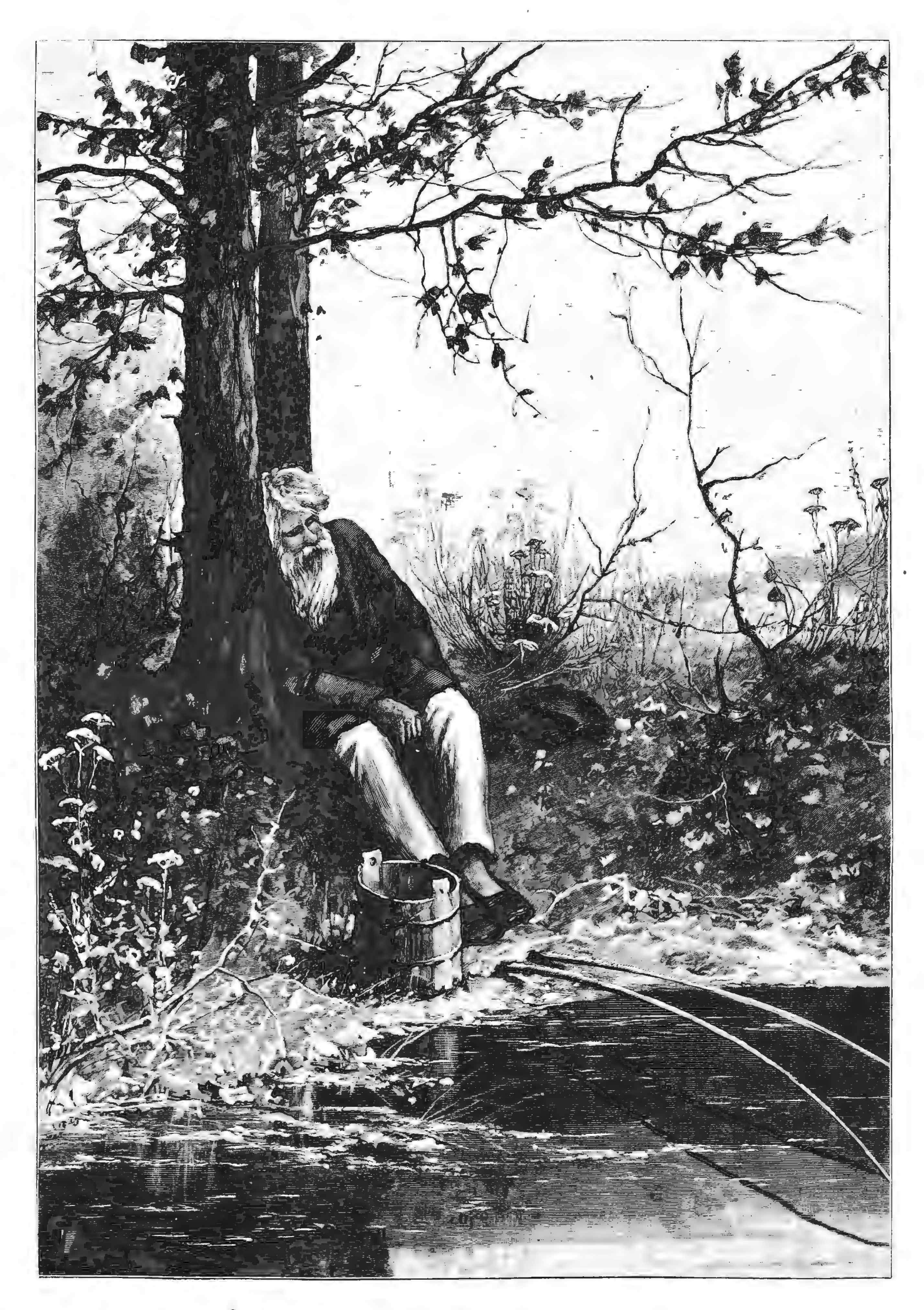
Новые крики опять вызвали меня къ рѣшеткѣ, и я увидѣлъ на этотъ разъ нѣчто иное, чѣмъ неуклюжій берлинъ. На длинной шестиколесной телѣгѣ стояло странное сооруженіе, надъ которымъ возвышались двѣ вертикальныя балки и третья перпендикулярная къ нимъ. На верху этой несложной машины висѣлъ длинный пилообразный ножъ, ярко блиставшій на зимнемъ солнцѣ. То была гильотина. „Vive la convention! Vive Carrier! Vive la guillotine!“ кричали тысячи людскихъ глотокъ. За гильотиной шла толпа вооруженныхъ людей въ красныхъ шапкахъ. Какъ я позднѣе узналъ, это былъ „полкъ Марата“, носившій такое названіе въ честь революціоннаго героя.

И такъ толпа привѣтствовала своего будущаго господина, а изъ оконъ и съ балконовъ сыпался дождь вѣнковъ и цвѣтовъ на красныя шапки солдатъ. Изъ окна нашего дома поднималось трехцвѣтное республиканское знамя, повѣшенное самимъ хозяиномъ.

Въ обѣденный часъ хозяинъ, подобно всѣмъ городскимъ совѣтникамъ, былъ призванъ въ совѣтъ. Они сидѣли тамъ до глубокой ночи. Мнѣ такъ и не удалось узнать, что происходило тамъ. За ужиномъ семья Рабурдена была въ какомъ-то грустномъ настроеніи. Самъ хозяинъ пытался разогнать удручающую всѣхъ тоску веселыми шутками, но это ему не удавалось.

Я рѣдко ходилъ въ городъ, такъ какъ занятіе садомъ поглощало почти все мое свободное время; за обѣдомъ и ужиномъ я узнавалъ въ кухнѣ все что происходило въ городѣ. Пока еще все шло по-старому. Представитель конвента являлся

Сирота. Съ карт. Ларуза, грав. Напиръ.



Задремалъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Писемскаго**, грав. Шюблеръ.

ежедневно въ совѣтъ, окруженный почетнымъ карауломъ изъ красныхъ шапокъ. Граждане имѣли къ нему свободный доступъ. По ночамъ по городу расхаживали патрули солдатъ изъ полка Марата. Ничего болѣе не было, но на всѣхъ лицахъ виднѣлся ужасъ, какъ бы предчувствіе чего-то необыкновеннаго. Все притихло, точно надъ городомъ нависла страшная грозовая туча.

Въ полдень 3 декабря, когда солнце свѣтило весело и ярко точно весною, я шелъ по улицамъ нашего прекраснаго города. Вообще во Франціи я не видалъ города красивѣе и въ то же время злополучнѣе Нанта. Я замѣтилъ, что на улицахъ было тише обыкновеннаго и что многія лавки заперты. На углахъ я замѣтилъ нѣсколькихъ праздношатавшихся санкюлотовъ, съ руками засунутыми въ карманы панталонъ и съ трубками въ зубахъ. На прежней Королевской площади, а теперь площади Республики, я разглядѣлъ гильотину. Она стояла посреди площади на красномъ деревянномъ помостѣ, усыпанномъ пескомъ, столь обширномъ, что на немъ могло уставиться безъ труда 50 человѣкъ. На помостъ вели 10 ступеней.

Около гильотины я увидѣлъ кучку людей, съ любопытствомъ разглядывавшихъ это орудіе. Слышались шуточки и остроты, какъ будто вся эта толпа стояла передъ ярмарочнымъ балаганомъ и два разгуливавшихъ по помосту человѣка съ трубками въ зубахъ были не палачи, а комедіанты. Неподалеку отъ гильотины горѣлъ костеръ, вокругъ котораго грѣлись республиканскіе солдаты.

Посмотрѣвъ гильотину, я пошелъ черезъ площадь къ рыбной лавкѣ, купилъ провизіи и направился къ городскимъ воротамъ, чтобы, выйдя за нихъ, погулять по Лоарѣ. Однако я нашелъ ворота запертыми. Безъ разрѣшенія Карье никто не могъ оставить городъ. Тогда я вернулся домой и принялся за свою работу.

Въ ночь на 5 декабря на городъ обрушился ударъ. Утромъ, сойдя въ кухню, я узналъ, что ночью арестовано до 500 человѣкъ и что въ теченіе дня ожидаются еще аресты въ окрестностяхъ Нанта. Мари дрожала всѣмъ тѣломъ, при всякомъ звонкѣ и стукѣ въ ворота. Я успокоивалъ ее по мѣрѣ силъ. Я помню, что былъ за работой, когда въ садъ вбѣжала Мари съ крикомъ ужаса: „гильотина работаетъ!"

Я во что бы то ни стало захотѣлъ убѣдиться лично въ словахъ Мари и побѣжалъ въ рабочемъ костюмѣ на площадь Республики. И дѣйствительно! Въ ту минуту какъ я подбѣгалъ къ площади, я замѣтилъ блескъ ножа и отрывистый ударъ достигъ моего слуха. Толпа запруживала площадь и при каждомъ паденіи топора кричала: „Vive Carrier! Vive la guillotine!" Я думаю, что многіе кричали просто изъ страха быть заподозрѣнными. У гильотины стояла толпа осужденныхъ. Я насчиталъ до 50 лицъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Руки у нихъ были связаны за спиною, и ихъ окружалъ конвой республиканскихъ солдатъ. Съ мужчинъ были сняты сюртуки, у женщинъ обнажены шеи. У всѣхъ былъ такой ужасный видъ, который поразилъ меня до глубины души. Сколько молодежи было въ этой толпѣ! Въ чемъ провинились они? Я не могъ узнать, слыша повсюду только одинъ короткій и ничего не объясняющій отвѣтъ: „измѣнники!"

Многіе изъ приговоренныхъ тихо плакали, другіе громко кричали и жаловались, что погибаютъ безвинно, третьи сурово молчали, сосредоточенно смотря въ землю. Всѣ были блѣдны и дрожали, многіе впрочемъ отъ холоду, такъ какъ день былъ морозный.

Ихъ разставили по порядку и толкали впередъ какъ овецъ. Оказывавшихъ сопротивленіе тащили безъ церемоніи на роковыя ступеньки. Палачъ равнодушно принималъ несчастныхъ и дѣлалъ свое дѣло. Многіе, дойдя до ступенекъ, падали въ обморокъ, но большинство твердо шло на эшафотъ. Топоръ, блестя въ воздухѣ, падалъ съ однообразнымъ шумомъ. Обезглавленныя тѣла сваливали въ повозки, приготовленныя для этого и стоявшія у гильотины. Онѣ отъѣзжали прочь по мѣрѣ наполненія, замѣняясь новыми. Все происходило гораздо быстрѣе чѣмъ я описываю, такъ что тѣла, брошенныя въ повозки, еще содрогались въ послѣднихъ конвульсіяхъ.

Я не могъ выносить этого ужаснаго зрѣлища и побѣжалъ домой. Переступивъ порогъ кухни, я упалъ въ обморокъ. Нѣсколько глотковъ добраго вина, влитыя мнѣ въ ротъ кухаркою, возстановили мои силы. Мое увлеченіе революціей исчезло во мнѣ совсѣмъ и навсегда. То, что я видѣлъ, показалось мнѣ ужасной и гнусной иллюстраціей къ знаменитымъ словамъ девиза революціи: „liberté, égalité, fraternité". Я плохо спалъ эту ночь и рѣшилъ никогда болѣе не ходить на эти страшныя зрѣлища.

Слѣдующій день, какъ я узналъ въ кухнѣ, гильотина работала безпрерывно. „La guillotine ne va pas mal" и „La mort vomit à grands flots", какъ говорилъ Луве, цѣлый день протолкавшійся на площади Республики. Отъ него мы также узнали, что тѣла казненныхъ бросались въ Лоару, которая въ этотъ день текла волнами труповъ. Воздухъ былъ пропитанъ кровью, а на берегахъ Лоары бродили стаями дикія собаки, а по другимъ извѣстіямъ—голодные волки.

На третій день послѣ вышеописаннаго, я долженъ былъ исполнить порученіе хозяина и проходилъ мимо дома, служившаго прежде школой. Весь домъ былъ наполненъ узниками. Я видѣлъ у оконъ группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей плакавшихъ и ломавшихъ руки. У входа стояла стража изъ якобинскихъ солдатъ. Мнѣ оставалось непонятнымъ, почему тысячи людей, ежедневно казнимыхъ въ Нантѣ, столь безропотно покорялись своей участи. На каждаго солдата изъ этой разбойничьей шайки приходилось десять горожанъ, которые могли бы сбросить это ненавистное иго.

Вначалѣ арестованныхъ кое-какъ судили, обращая вниманіе на ихъ показанія и свидѣтельства; потомъ же когда Карье пообжился въ Нантѣ, онъ сталъ казнить безъ разбору и безо всякаго суда всѣхъ подозрительныхъ ему лицъ. Гибли не только богатые, но даже и бѣдняки. Въ особенности немилость его заслужили священники. Ни одинъ изъ приводимыхъ къ нему священниковъ не ушелъ отъ него цѣлымъ. Но возвращаюсь къ разсказу.

Прошло еще нѣсколько дней. Однажды мы услышали выстрѣлы на равнинѣ St. Mauve. Взобравшись на пригорокъ, мы увидѣли только дымъ застилавшій всю равнину. Кучеръ Луве, толкавшійся по цѣлымъ днямъ на улицахъ, сообщилъ намъ, что на равнинѣ разстрѣляно 120 мужчинъ и женщинъ и что завтра будетъ разстрѣляно еще 500 человѣкъ, такъ какъ главный палачъ при гильотинѣ боленъ отъ утомленія.

— А сегодня ночью, таинственно произнесъ онъ,—произойдетъ кое-что и на водѣ. Я еще не узналъ что, но въ сѣверной гавани стоитъ большая барка съ 90 священниками на борту. Съ ними хотятъ что-то сдѣлать.

Наступилъ вечеръ, и я съ кухаркою и Мари сидѣли молча въ кухнѣ, когда внезапно вошелъ хозяинъ и позвалъ меня. Онъ провелъ меня въ столовую и заперъ за нами дверь. Послѣ этого онъ сказалъ мнѣ:

— Жанъ, могу я тебѣ довѣриться? Надѣюсь ты не измѣнишь мнѣ и моему семейству?

Я увѣрилъ господина въ своей полной преданности, насколько могъ. Тогда онъ сообщилъ мнѣ, что Карье приговорилъ къ смерти его и все его семейство. Приговоръ уже подписанъ и только поспѣшное бѣгство можетъ спасти ихъ. Помогу-ли я ему? Я обѣщалъ ему сдѣлать все отъ меня зависящее и поклялся, что готовъ идти за него на смерть.

Тогда хозяинъ сказалъ:

— Мы убѣжимъ въ полночь. Такъ какъ ворота заперты, то остается одинъ путь водою. Наша лодка достаточно велика, чтобы помѣстить насъ всѣхъ. Женщины и дѣти лягутъ на дно, мы же прикроемъ ихъ холстомъ и будемъ грести втроемъ. Себя мы выдадимъ за садовниковъ, запоздавшихъ на ярмаркѣ въ Нантѣ и ѣдущихъ домой въ деревню. Выбравшись изъ города, мы разными дорогами дойдемъ до Paimboeuf. Въ часѣ пути отъ него живетъ рыбакъ Барретъ. Онъ скроетъ насъ до тѣхъ поръ пока не придетъ англійскій корабль. О подробностяхъ мы поговоримъ выбравшись изъ города.

Я спросилъ, кто будетъ третій.

— Франсуа Луве, отвѣчалъ хозяинъ,—онъ согласенъ на все и уже приготовляетъ на Лоарѣ лодку. А теперь я прошу васъ принять отъ меня это, онъ протянулъ мнѣ набитый золотомъ кошелекъ,—нѣтъ, возьмите, пожалуйста возьмите, продолжалъ онъ, видя что я энергично мотаю головой,—вѣдь благодаря этой случайности вы остаетесь безъ работы.

Несмотря на мои отнѣкиванія онъ заставилъ меня взять золото и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, поспѣшно удалился.

Я пошелъ въ свою рабочую комнату и выбралъ изъ инструментовъ на всякій случай длинный хорошо отточенный садовый ножъ. Затѣмъ черезъ садъ я вышелъ на берегъ Лоары. Луве уже былъ въ лодкѣ. За поясомъ у него было заткнуто два заряженныхъ пистолета. Онъ сталъ патетически говорить о своей преданности хозяину, поминутно хватаясь за ручку пистолета, какъ бы желая показать, что онъ сдѣлаетъ, если кто посмѣетъ заградить ему путь. Мнѣ почему-то не понравилась его напускная храбрость, и я съ трудомъ могъ подавить въ себѣ глухое чувство неудовольствія, вспомнивъ съ какимъ одушевленіемъ онъ разсказывалъ также и о казняхъ несчастныхъ жертвъ, которыхъ называлъ предателями и измѣнниками отечеству. Одну минуту даже подозрѣніе втѣснилось въ мою грудь, но я прогналъ эту мысль, зная благодѣянія, оказанныя хозяиномъ Франсуа Луве.

Мы снесли въ лодку много овощей и капусты изъ саду и стали ожидать хозяевъ. Они не заставили себя ждать. Рабурденъ былъ одѣтъ въ поношенный камзолъ, съ якобинской красной шапкой на головѣ, женщины явились въ костюмахъ вандейскихъ крестьянокъ, оба красивые мальчуганы Шарль и Луи ничѣмъ не отличались по костюму отъ подмастерьевъ садовника. У каждаго былъ мѣшокъ съ съѣстными припасами за спиной. Вѣроятно они уже и раньше подумывали о бѣгствѣ, такъ какъ приготовились слишкомъ скоро.

Женщины и дѣти легли на дно лодки, мы прикрыли ихъ холстомъ, а сверху навалили овощей. Затѣмъ мы съ Луве сѣли на весла, хозяинъ на руль—и тихо поплыли вдоль берега.

Стояла тихая холодная ночь. На небѣ сіяла полная луна. На рѣкѣ и на мостахъ было тихо и только изъ города доносился глухой шумъ. Было около 11 часовъ. Чтобы устранить всякое подозрѣніе, хозяинъ попросилъ насъ запѣть Марсельезу,

и подъ тактъ дружно бьющихъ по водѣ веселъ понеслись надъ широкой рѣкой могучіе звуки этой торжественной пѣсни. Рѣдко во Франціи пѣлась Марсельеза съ такимъ воодушевленіемъ, какъ въ эту ночь.

Мы уже плыли около десяти минутъ и находились въ сѣверной гавани, какъ вдругъ увидѣли большую закрытую барку отдѣлившуюся отъ берега и вышедшую на средину рѣки. На берегу горѣли факелы и при свѣтѣ ихъ мы не замѣтили на палубѣ ни одного человѣка, только вокругъ нея плыли лодки съ якобинскими солдатами въ красныхъ шапкахъ. Мы не могли догадаться, что это было такое. А это былъ громадный гробъ, въ которомъ въ эту ночь Карье приказалъ утопить 90 священниковъ. Солдаты провели барку до средины рѣки и затѣмъ мы увидѣли, какъ она начала медленно погружаться въ воду. Этимъ начались ужасныя нояды Карье, которыя граждане Нанта называли „Луарскими свадьбами", а самъ Карье—„вертикальными ссылками".

Мы уже миновали послѣдній мостъ и вздохнули облегченно, какъ вдругъ съ быстротою молніи подлетѣла къ намъ лодка, наполненная вооруженными людьми.

— Стой, крикнулъ начальникъ,—стой! Кто идетъ? Кто вы такіе?

— Садовникъ Лебренъ, отвѣчалъ спокойно хозяинъ, — мы замѣшкались на ярмаркѣ въ Нантѣ и веземъ домой купленные товары.

— Вашъ паспортъ! крикнулъ начальникъ.

— А ну васъ въ преисподнюю! Такъ мы ихъ для васъ и возимъ! весело засмѣялся хозяинъ.—Ну-ка, почтенные, дорогу: мы и такъ опоздали!

Въ это время лодка такъ близко подошла къ нашей, что касалась ея бортомъ. Въ ней находилось двѣнадцать солдатъ въ красныхъ шапкахъ, вооруженныхъ пиками и ружьями. Надъ лодкой развѣвался флагъ конвента, свидѣтельствуя о томъ, что она была правительственная.

Увѣренность хозяина кажется оказала свое дѣйствіе на начальника солдатъ. Мгновеніе онъ не рѣшался, что ему дѣлать, затѣмъ взялъ пику и ударилъ ею въ кучу капусты. У меня застыла кровь въ жилахъ отъ ожиданія несчастнаго случая. Но къ счастью пика попала между двумя мальчиками, не поранивъ ихъ. Ударь этотъ человѣкъ еще разъ—и все пропало... но онъ повидимому удовлетворился разомъ и сказалъ: „ну, маршъ, убирайтесь со своей капустой!" При этихъ словахъ онъ далъ знакъ людямъ отчаливать. Въ нѣсколько секундъ мы уже были на разстояніи выстрѣла отъ этихъ людей. Хозяинъ дрожащимъ голосомъ окликнулъ своихъ и когда оказалось, что всѣ цѣлы, слезы радости брызнули изъ его глазъ.

Мы плыли всю ночь, не встрѣчаясь съ врагомъ, и когда забрезжило сѣрое утро, мы находились въ незнакомой пустынной мѣстности. Хозяинъ велѣлъ причалить и мы вышли на сушу. Быстро добрались мы до лѣска, развели костеръ и позавтракали чѣмъ Богъ послалъ.

Женщины и дѣти оправились отъ страха, который испытывали въ теченіе всей ночи, проведенной ими безъ сна; мы стали просить хозяина не медлить. Онъ разъяснилъ намъ, что необходимо раздѣлиться на три отряда, чтобы добраться до Paimboeuf'a. Если мы пойдемъ вмѣстѣ, то болѣе вѣроятія попасть въ руки враговъ.

— Я, сказалъ онъ,—съ женой сядемъ въ лодку. Мы поплывемъ вдоль берега и высадимся около Paimboeuf'a, гдѣ насъ ожидаетъ рыбакъ Барретъ. Ты, обратился онъ къ Луве,—возьмешь съ собою Люси и Шарля. Люси будетъ твоей женою, а Шарль сыномъ. Вы идете на работу въ Paimboeuf. И наконецъ вы, Жанъ, сказалъ онъ мнѣ,—возьмете Луи. Онъ будетъ, ну хотя вашъ племянникъ. Вы пойдете вдоль рѣки и завтра въ полдень будете въ Paimboeuf'ѣ.

Затѣмъ хозяинъ описалъ намъ точно путь, по которому мы должны были идти—онъ хорошо зналъ мѣстность и домикъ рыбака Баррета, чтобы мы не ошиблись. Этотъ домикъ находился въ получасѣ ходьбы отъ Paimboeuf'a и стоялъ на дюнѣ.

Насталъ мигъ прощанія, который навсегда останется въ моей памяти. Родители обнимали и цѣловали дѣтей, заливаясь слезами. Тѣхъ трудно было оторвать отъ родителей. Хозяинъ, прежде чѣмъ мы успѣли помѣшать, поцѣловалъ намъ съ Луве руки.

— Мы навѣки будемъ вашими должниками, говорили они,—если вы защитите нашихъ дѣтей и приведете ихъ невредимыми.

Наконецъ они вошли въ лодку и скоро исчезли изъ нашихъ глазъ.

Тогда и мы пустились въ путь. Луве, точно такъ же какъ и хозяинъ превосходно знавшій мѣстность, взялъ Шарля за руку, Люси послѣдовала за ними и они скоро исчезли изъ вида, углубившись въ лѣсъ. Я ободрилъ Луи, и мы съ нимъ быстро пошли вдоль берега.

Мы шли цѣлый день, не встрѣтивъ ни души, и переночевали въ маленькой деревенькѣ, названіе которой я забылъ. Подкрѣпленные сномъ, мы на слѣдующее утро нашихъ странствій достигли Paimboeuf'a. Обогнувъ мѣстечко и пройдя около часу по направленію, предначертанному мнѣ хозяиномъ, мы вскорѣ замѣтили одинокій стоявшій на дюнѣ домикъ. Ошибки не могло выйти, ибо кругомъ не было жилаго мѣста; поэтому мы направились къ этому домику, едва наступили сумерки. Мы ждали ихъ для того чтобы пробраться незамѣченными. Мы ползли вдоль дюнъ и добравшись до дома заглянули въ окно. Велика была наша радость, когда мы увидѣли хозяина и хозяйку, сидѣвшихъ за столомъ въ обществѣ двухъ старыхъ рыбаковъ и одной старушки. Они собирались ужинать. Нельзя было описать ихъ радость, когда они увидѣли насъ. Счастливые родители то осыпали поцѣлуями Луи, то обращались ко мнѣ, не переставая благодарить меня. Общую радость раздѣлили и старички-хозяева.

Мы сѣли за столъ и накинулись на ѣду, но господинъ и госпожа Рабурденъ ничего не ѣли. Они все прислушивались не раздадутся-ли шаги, возвѣщающіе прибытіе прочихъ дѣтей, но часы шли за часами, длинные, томительные часы, а Луве съ остальными дѣтьми все не было. Наконецъ, мы уговорили лечь спать обезумѣвшихъ отъ горя родителей, утѣшая ихъ тѣмъ, что Луве явится завтра утромъ, такъ какъ путь имъ предстоялъ дальше нашего.

Всѣ мы легли въ приготовленныя постели, но никто не могъ сомкнуть глазъ, кромѣ Луи, который какъ повалился, такъ и заснулъ, утомленный длинной дорогой.

Была ужасная ночь. За окнами шумѣла гроза и вѣтеръ, казалось, силился снести ветхій домишко, который дрожалъ, грозя ежеминутно разрушиться. Дождь лилъ какъ изъ ведра и взбушевавшееся море ревѣло. Я лежалъ возлѣ хозяина, но удрученные печалью, оба мы молчали. Я не рѣшался повѣрить ему своихъ подозрѣній насчетъ Луве, опасаясь еще больше растревожить его.

Ночь близилась къ концу, и я впалъ въ какое-то забытье. Вдругъ страшный ударъ въ дверь заставилъ задрожать весь домъ. Мы всѣ сразу вскочили. Всегда мужественный, хозяинъ весь поблѣднѣлъ и дрожалъ какъ осиновый листъ, сжимая мою руку. Второй и третій ударъ выбили дверь, и одновременно съ этимъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

— Выходите вонъ и сдавайтесь! кричали нѣсколько голосовъ,—или мы перестрѣляемъ васъ какъ собакъ!

Ужасъ охватилъ насъ. Женщины крестились, мальчикъ плакалъ, и мы не знали что́ дѣлать. Въ это время въ комнату вбѣжало человѣкъ десять солдатъ въ красныхъ шапкахъ и, прежде чѣмъ мы могли найти оружіе, насъ связали по рукамъ и ногамъ.

Все было потеряно! Мы погибли!

Одинъ изъ рыбаковъ лежалъ на землѣ, пораженный пулею. Его такъ и оставили въ лужѣ крови. Насъ вытащили и посадили въ телѣгу. Два солдата сѣли къ намъ на козлы, остальные влѣзли въ другую телѣгу, и мы тронулись обратно въ Нантъ для страшной казни.

Отъ солдатъ, сидѣвшихъ въ нашей телѣгѣ, мы узнали все. Луве повелъ довѣренныхъ ему дѣтей обратно въ Нантъ. Когда Люси съ братомъ догадались объ его измѣнѣ, они бросились бѣжать, но пули измѣнника настигли ихъ. Онъ связалъ несчастныхъ, обливавшихся кровью, и потребовалъ помощи изъ ближайшей деревни. Подлый человѣкъ! Онъ былъ щедро награжденъ Карье и принятъ въ полкъ Марата.

Когда я увидѣлъ, что намъ не на что надѣяться, мною овладѣло какое-то непостижимое спокойствіе, и я даже заснулъ на днѣ телѣги. Вечеромъ мы прибыли въ Нантъ. Злодѣи даже не исполнили послѣдняго желанія родителей умереть со своими дѣтьми. Мы были заперты въ темницѣ городскаго совѣта, гдѣ провели всю ночь въ темнотѣ, напуренные и голодные.

Послѣ долгихъ часовъ, мука которыхъ увеличивалась еще непроглядною темнотою, царившею въ темницѣ, двери наконецъ распахнулись и насъ вывели на свѣтъ Божій. На дворѣ было свѣтло, и я съ трудомъ могъ узнать хозяина и его жену: они постарѣли за эту ночь. Хозяинъ весь сгорбился, какъ старый-престарый старикъ, а госпожа Рабурденъ съ трудомъ могла двигаться.

Насъ повели на судъ. Въ большой залѣ совѣта сидѣлъ за столомъ Карье и подлѣ него два неизвѣстныхъ мнѣ человѣка. Кругомъ стояли якобинскіе солдаты, безъ стѣсненія разговаривавшіе другъ съ другомъ. Одинъ даже ѣлъ что-то изъ горшка.

Что́ происходило на судѣ — я почти не помню. Тогдашнее состояніе мое было ужасно. Къ намъ обращались съ вопросами, хозяинъ просилъ позволенія умереть съ дѣтьми и благородно выгораживалъ меня. Затѣмъ Карье объявилъ, что приговариваетъ насъ всѣхъ къ смерти, такъ какъ всѣ мы оказались врагами республики. Рыбакъ Барретъ съ женою были тотчасъ же уведены и казнены на гильотинѣ, насъ же всѣхъ снова увели въ тюрьму, на этотъ разъ городскую. Тамъ уже находилось до сотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Наши товарищи по несчастію точно такъ же были измучены ужасными часами, проведенными безъ сна въ темницѣ. И ихъ также осудили на смерть безъ всякаго сострадания. На всѣхъ лицахъ было написано отчаяніе. Мое вниманіе привлекла молодая женщина со скорбнымъ лицомъ, на рукахъ которой покоился ребенокъ, улыбавшійся своей матери. Къ чему получилъ онъ жизнь? Чтобы сейчасъ же съ ней и разстаться? Не проходило часа, чтобы двери не отворялись и

не прибывали новыя жертвы. И все это дѣлалось во имя свободы!

Никто не зналъ, какой родъ смерти ожидаетъ его. Мнѣ было все равно, мной опять овладѣло странное оцѣпенѣніе.

Въ полдень намъ принесли супу, мяса и овощей. Это былъ нашъ завтракъ. Какъ благодѣтельно подѣйствовалъ онъ на меня! Я точно ожилъ, ко мнѣ вновь возвратилась любовь къ жизни и съ ней надежда на спасеніе... Но было-ли оно возможно? Хозяинъ лежалъ въ углу съ женою и маленькимъ Луи, котораго онъ держалъ за руку. Я подсѣлъ къ нимъ и спросилъ, нѣтъ-ли надежды на спасеніе. Хозяинъ отрицательно покачалъ головою и сказалъ:

— Никакой, мой вѣрный Жанъ! Я молю Небо только объ одномъ, чтобы передъ смертью еще разъ увидѣть Люси и Шарля.

Это были послѣднія слова, которыя я услышалъ изъ устъ хозяина. Къ сожалѣнію, не исполнилось и послѣднее его желаніе. Я такъ и не могъ узнать, какая участь постигла нашу милую барышню и ея брата. Вѣроятно они погибли на гильотинѣ еще прежде, чѣмъ насъ привезли въ Нантъ.

Поздно вечеромъ въ темницу вошли вооруженные люди. При свѣтѣ факеловъ насъ вновь связали. Приближался конецъ. Узники прощались другъ съ другомъ со слезами, вздохами и жалобами. Насъ вывели на дворъ и разставили попарно. Я стоялъ позади хозяевъ. Мальчика оставили подлѣ матери,— единственный актъ милосердія, оказанный палачами.

Длинною цѣпью повели насъ черезъ городъ подъ сильнымъ конвоемъ. Когда мы проходили черезъ площадь Республики, всѣ ожидали, что насъ обезглавятъ. Гильотина работала, но площадь была пуста, только нѣсколько зѣвакъ тѣснилось вокругъ эшафота. Мы миновали площадь. Во время печальнаго шествія я почувствовалъ, что связывавшія меня веревки ослабли. Я былъ послѣднимъ, котораго связывали солдаты, и потому меня связали наскоро, совсѣмъ небрежно. Я началъ осторожно двигать руками и достигъ того, что при желаніи могъ скинуть веревки. Снова воскресла во мнѣ надежда на спасеніе, и я заботился только объ одномъ, чтобы палачи ничего не замѣтили.

Мы дошли до рѣки и увидѣли большую плоскодонную барку, стоявшую у берега. Она была предназначена для ста человѣкъ. На низкихъ бортахъ было воткнуто нѣсколько факеловъ, освѣщавшихъ воду и берегъ.

— Насъ утопятъ! сказалъ чей-то голосъ сзади меня.

Я обернулся. Говорилъ старый священникъ. Къ нему подошелъ солдатъ и грубо велѣлъ молчать.

Насъ ввели на барку. Въ лѣвой части помѣщались мужчины, въ правой—женщины и дѣти. Въ срединѣ стояло десятка два солдатъ.

У меня не хватаетъ словъ описывать, что было дальше. Это было такъ ужасно, что у меня и теперь, при одномъ воспоминаніи, встаютъ дыбомъ волосы.

Въ то время, какъ барка медленно выплывала на средину рѣки, солдаты, стоявшіе посрединѣ, какъ дикіе звѣри бросились на женщинъ. Сначала мнѣ показалось, что они хотятъ растерзать ихъ. Они рвали платья съ ихъ тѣла. Напрасны были просьбы и мольбы женщинъ.

— Вамъ не нужно одежды для вашего путешествія! издѣвались солдаты.

Вскорѣ платья грудой лежали посреди барки, составляя добычу разбойниковъ. Бѣдная молодая женщина съ ребенкомъ, сама сбросила съ себя платья и протягивая ребенка къ солдатамъ, воскликнула:

— Я умру, но оставьте въ живыхъ бѣдное дитя!

Одинъ изъ нихъ дѣйствительно взялъ ребенка; глаза матери блеснули надеждой. Но извергъ вдругъ захохоталъ, и со словами: „волченокъ станетъ волкомъ!“ швырнулъ ребенка въ рѣку. Съ дикимъ крикомъ несчастная мать бросилась вслѣдъ за ребенкомъ и исчезла въ волнахъ рѣки.

Это послужило сигналомъ скорѣй кончать. Красныя шапки потащили къ борту мужчинъ и женщинъ и стали толкать въ воду. Страшный крикъ потрясъ тишину ночи. Однихъ сталкивали, другіе бросались въ воду добровольно. Въ борьбѣ со смертью многіе съ отчаяніемъ цѣплялись зубами за борта барки, ихъ отталкивали пиками; другіе пытались плыть, но ихъ настигали пули. Никто изъ злодѣевъ не слушалъ раздирающихъ душу моленій погибающихъ.

Когда меня столкнули въ воду, я въ мгновеніе высвободилъ изъ веревокъ свои руки. Я считался отличнымъ пловцомъ и долго могъ держаться подъ водою. Мнѣ стоило большаго труда выбиться изъ кучи тонущихъ людей. Я нырнулъ подъ барку и плылъ сколько могъ подъ водою. Когда я вынырнулъ, я былъ довольно близко отъ барки, но къ счастью въ эту сторону никто не смотрѣлъ. Все вниманіе мучителей было привлечено той стороной, гдѣ погибали ихъ жертвы. Это было моимъ спасеніемъ. Я подвигался впередъ, постоянно ныряя, и лѣвый берегъ рѣки былъ уже недалеко. Мало-по-малу шумъ смолкалъ, убійство кончилось и барка повернула назадъ, къ правому берегу. Становилось темно и я уже безъ опасности доплылъ до берега, гдѣ дрожа отъ холода упалъ безъ чувствъ.

Оправившись, я добѣжалъ до ближайшей деревни, гдѣ меня пріютилъ одинъ крестьянинъ, который не только не предалъ меня, но и ухаживалъ за мной во время болѣзни, на цѣлый мѣсяцъ приковавшей меня къ постели. Выздоровѣвъ, я немедленно поспѣшилъ къ границѣ и перешелъ ее 28 іюля 1794 года, какъ разъ въ тотъ день, когда Робеспьеръ положилъ на эшафотъ свою отягощенную проклятіями голову.

По справкамъ, которыя я впослѣдствіи наводилъ въ Нантѣ, никто изъ семьи хозяина не остался въ живыхъ. Кучеръ Франсуа Луве уѣхалъ въ Парижъ,—дальнѣйшей судьбы его я не знаю. Мари избѣжала смерти и покинула Нантъ. Послѣ долгихъ розысковъ я нашелъ ее въ Орлеанѣ. Она стала моей женой и спутницей жизни, но послѣ пережитыхъ ужасовъ веселость ея навѣки пропала. **(Б. Н.)**

Къ рисункамъ.

„Приживалка“ и „Приказная строка“.

(Рис. на стр. 680 и 681).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ... Какъ недавно еще эти два типа составляли необходимую принадлежность купеческаго дома средней руки!

Онъ, Сахаръ Сахаровичъ, велъ все юридическія дѣла своего патрона, нерѣдко первогильдейнаго купца, и дѣла больше уголовныя, чѣмъ гражданскія. И самое свойство этихъ дѣлъ, и способъ веденія ихъ и наконецъ сама личность ходатая какъ нельзя лучше обрисовываются въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ Островскаго: бесѣдуютъ купецъ Титъ Титычъ Брусковъ и приказная строка Захаръ Захарычъ:

— Эй ты, Сахаръ Сахарычъ, благодѣтель я тебѣ али нѣтъ?— Благодѣтель батюшка, Титъ Титычъ. — Ты человѣкъ вниманія нестоющій, потерянный человѣкъ, а я тебя призрѣлъ. Не гнушаюсь тобой, къ себѣ въ домъ пущаю. А ты отчего у меня давно не былъ?—Нѣтъ никакихъ возможностей, Титъ Титычъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолѣваютъ. Какъ только къ рынку подходишь, и оттуда ихъ нанесетъ туча-тучей, бѣгутъ, укаютъ: у-у-у! Приказчики изъ лавокъ подсвищутъ: такой гамъ подымутъ, что сквозь землю провалися.—А ты вечеромъ ходи; да не въ этомъ дѣло. Можешь-ли ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?—Кого, Титъ Титычъ?—Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ? — Все равно, Титъ Титычъ.—Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ. Я такъ хочу.—Что же писать прикажете?—А ты вотъ что пиши: что обидѣли такого-то купца, а съ сына онаго купца учитель, противъ всякихъ правъ, взялъ росписку чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и росписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?—Могу-съ.

Для приживалки комментаріи излишни.

Величайшая тайна. (Рис. на стр. 685).

Есть тайны, которыя повѣряются только другу. Онъ одинъ пойметъ и объяснитъ „чѣмъ сердце полно, чѣмъ болитъ!“ Быть-можетъ подобную тайну и сообщаетъ бѣлокурая красавица своей черноокой подругѣ, которая съ улыбкой слѣдитъ за виновникомъ признанія.

Сирота. (Рис. на стр. 688).

На самомъ краю кладбища, въ глухомъ, запущенномъ уголкѣ его, едва примѣтенъ изъ высокой травы съ поблекшимъ вѣнкомъ небольшой крестикъ. У подножія его часто виднѣется молящаяся дѣвушка, которой единственное утѣшеніе и послѣдняя радость тихо покоится вѣчнымъ сномъ въ могилѣ: нѣтъ больше родныхъ у одинокой сироты и некому пригрѣть ее и утѣшить любя. Только слезы и горячая молитва облегчаютъ порой одиночество несчастной, которая приходитъ на кладбище подѣлиться думами со своей родимой и поплакать, съ теплою вѣрой, что ангелъ-хранитель

„Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ!“

Задремалъ. (Рис. на стр. 689).

До разсвѣта поднявшись, отправился къ рѣчкѣ любитель поудить. Вначалѣ весело клевала рыба, но чѣмъ выше подымалось солнце и въ воздухѣ становилось жарче, тѣмъ рѣже погружался поплавокъ въ синюю заводь. Напряженное вниманіе нашего рыболова стало ослабѣвать и наконецъ, пригрѣтый теплыми лучами, онъ тихо задремалъ подъ невнятный плескъ рѣки и шелестъ зеленыхъ вѣтвей.

Носуха на охотѣ. (Рис. на этой стр.).

Эти животныя, стоящія близко къ медвѣдямъ и куницамъ, водятся почти во всей теплой полосѣ восточной части Южной Америки, и всѣ виды ихъ сходны между собой по образу жизни и нраву. Носухи держатся въ большихъ лѣсахъ по Кордильерамъ. Чаще всего встрѣчается такъ-называемая носуха общественная (Nasua socialis), которая не имѣетъ опредѣленнаго притона, ведетъ настоящую цыганскую жизнь, бродитъ цѣлый день по лѣсу и ночуетъ тамъ, гдѣ застигла ее ночь—въ дуплѣ дерева, подъ корнями или забирается на дерево и здѣсь на развилинѣ сучьевъ спитъ до утра. Онѣ питаются растительною и животною пищей, плодами, насѣкомыми, для отыскиванія которыхъ роются носомъ въ землѣ, какъ свиньи, мелкими млекопитающими и птицами. На нашемъ рисункѣ изображена носуха, только-что промахнувшаяся на охотѣ по птицѣ.

Одни дикіе индѣйцы употребляютъ мѣхъ и мясо носухъ, и потому дѣятельно охотятся за ними. Мясо, особенно молодыхъ животныхъ, считается лакомствомъ. Бѣлые обитатели Южной Америки и Мексики охотятся за носухами только ради удовольствія. Отправляются въ лѣсъ со сворой хорошихъ собакъ, которыя вскорѣ отыскиваютъ общество носухъ. Тѣ съ крикомъ бросаются на ближайшія деревья, собаки лаютъ, и охотникамъ легко стрѣлять. На рану эти животныя чрезвычайно крѣпки и надо цѣлить въ убойныя мѣста. Собаки часто хватаютъ ихъ на перебѣжкѣ отъ дерева къ другому, но одной собакѣ не справиться съ носухой, которая отлично умѣетъ пользоваться своими острыми зубами.

Носуха на охотѣ. Рис. Ф. Шпехта.

Политическое обозрѣніе.

Кровавая расправа болгарскихъ самоуправцевъ повсюду вызвала справедливое чувство негодованія и отвращенія. Въ *Figaro* пишутъ: „Каждымъ путешествіемъ принца Фердинанда по Европѣ Стамбуловъ пользуется для совершенія настоящихъ убійствъ. Этому зловѣщему гаеру мало было маіора Паницы, ему потребовались еще четыре трупа на софійской висѣлицѣ! Это истинный позоръ для цивилизаціи нашего времени". Говоря о софійскихъ дѣлахъ, *Temps* замѣчаетъ: „Быть-можетъ, принцъ Фердинандъ и Стамбуловъ когда-нибудь сообразятъ, что они сдѣлали ошибку, позабывъ, что кровавые счеты сводятся кровью же. Бѣдная Болгарія доведена до того, что готова просить о передачѣ ея вновь туркамъ. Европа не можетъ долѣе терпѣть, чтобы для Болгаріи отъ какого-нибудь бѣшенаго безумца зависѣла война, которая должна навѣки разорить ее". *Sonn- und Montagszeitung*, говоря въ передовой статьѣ о софійскихъ казняхъ, доказываетъ, что болгары никогда не могутъ совершить „измѣны" по отношенію къ принцу Кобургскому, потому что правленіе его лишено всякой законной основы. Прежде всего, онъ даже не признанъ своимъ верховнымъ повелителемъ. Вслѣдствіе этого, въ международномъ смыслѣ, принца Кобургскаго слѣдуетъ считать узурпаторомъ. „Пусть не думаетъ Стамбуловъ — прибавляетъ газета — будто его свирѣпость по отношенію къ политическимъ преступникамъ успокоитъ Болгарію; напротивъ, послѣдствіемъ этой свирѣпости будутъ новыя возмущенія."

Дѣйствительно, свирѣпость Стамбулова была безпримѣрною. Исполненіе смертной казни надъ четырьмя осужденными оказалось совершенною неожиданностью какъ для нихъ самихъ и ихъ родныхъ, такъ и для всего софійскаго общества. Даже „въ сферахъ, благосклонныхъ къ режиму терроризующему въ настоящее время Болгарію", указываетъ *Journal de S.-Pétersbourg*, надѣялись на смягченіе кары осужденнымъ и ожидали дня кассаціоннаго разсмотрѣнія поданныхъ жалобъ, увѣренные въ болѣе благополучномъ исходѣ дѣла. Но, какъ оказывается, вмѣсто кассаціонныхъ протестовъ, осужденнымъ было предложено, какъ единственное ихъ право, подать Стамбулову просьбы о помилованіи, и они всѣ наотрѣзъ отказались отъ этого. Каравеловъ, кромѣ того, велѣлъ передать Стамбулову, что придетъ время, когда Стамбуловъ у Каравелова будетъ просить помилованія. Тѣмъ не менѣе никто не вѣрилъ въ кровавый исходъ дѣла Бельчева. Неожиданно, вечеромъ 14 іюля, Стамбуловъ, уполномоченный принцемъ Фердинандомъ, прислалъ приказъ о казни и послѣ того она была назначена на слѣдующій день. Утромъ, около трехъ часовъ, осужденные были разбужены и отведены полуодѣтые изъ V полицейскаго участка, гдѣ они содержались, въ софійскую тюрьму Черную Джамію для казни, съ которой такъ торопились, что лишь за пять минутъ до совершенія ея была окончена постройка громадной, на четыре человѣка, висѣлицы. Въ половинѣ пятаго были разбужены жены и дѣти осужденныхъ и имъ предложено было поспѣшить, если желаютъ, проститься съ приговоренными... За четверть часа до исполненія казни прибылъ священникъ. Всѣ четверо съ полнымъ спокойствіемъ приняли Святые Дары. Вскорѣ послѣ того ихъ навѣстили родственники. Въ пять часовъ приговоренные двинулись въ свой послѣдній путь, при чемъ они сохранили полное спокойствіе и твердымъ шагомъ вышли изъ каземата, среди двойнаго ряда солдатъ, на тюремный дворъ, на которомъ стояла висѣлица съ четырьмя петлями. Тѣмъ временемъ, на дворѣ собрались софійскій комендантъ, военный прокуроръ, полицейскій префектъ съ нѣсколькими инспекторами безопасности, нѣсколько офицеровъ, два врача и родственники осужденныхъ. Секретарь суда прочиталъ приговоръ, который приговоренные выслушали, не обнаруживая ни малѣйшаго душевнаго волненія. Въ роли палача фигурировалъ цыганъ, занимающійся въ Софіи ловлею бродячихъ собакъ. Изъ оконъ тюрьмы смотрѣли другіе, осужденные на заточеніе, въ томъ числѣ и Каравеловъ. Когда палачъ надѣлъ Карагулову на шею веревку, послѣдній закричалъ: „Да здравствуетъ Македонія!" Остальные закричали: „Да здравствуетъ Болгарія!" Какъ только врачи констатировали смерть казненныхъ, наступившую весьма быстро, тѣла въ четырехъ гробахъ были перенесены на фургонъ, который, въ сопровожде-

нія конныхъ жандармовъ, быстро поскакалъ къ кладбищу. Въ шесть часовъ все было кончено. Во время исполненія казни и до погребенія казненныхъ всѣ улицы Софіи были заняты войсками и обывателямъ не позволялось выходить изъ домовъ; въ теченіе цѣлаго дня полиція не допускала прохожихъ останавливаться на улицѣ и разговаривать. Лавки, кофейни и другія общественныя заведенія были весь день закрыты.

Какъ передаются за границей слова газетъ, печатаемыхъ въ Россіи, можно судить по замѣткѣ *Journal de S.-Pétersbourg*, издаваемой на языкѣ болѣе понятномъ въ Европѣ, чѣмъ русскій. Въ газетѣ было напечатано, что смягченія кары обвиненнымъ по дѣлу Бельчева ожидали „даже въ сферахъ, благосклонныхъ къ режиму, терроризующему въ настоящее время Болгарію". Послѣднее заявленіе совершенно искажено въ перепечаткѣ, появившейся въ иностранной печати. Парижскія газеты приписываютъ газетѣ увѣреніе, будто смягченія наказанія ожидали „даже въ кружкахъ, наиболѣе приближенныхъ къ принцу Кобургскому и нынѣшнему болгарскому правительству". Въ германскихъ и австрійскихъ газетахъ мысль исказили инымъ образомъ, напечатавъ, будто „смягченія наказанія ожидали даже въ сферахъ, близко соприкасающихся съ правительствомъ, которому подчиняется принцъ въ настоящее время".

По поводу холеры.

Намъ доставлено **Наставленіе для народа какъ предохранять себя отъ заболѣванія холерой и подавать первую помощь заболѣвшему**, съ предисловіемъ миссіонера А. А. Зыбина. Брошюрка изложена прекрасно, толково и совершенно понятнымъ даже простонародью языкомъ, а въ научномъ отношеніи не уступаетъ лучшимъ изданіямъ этого рода. Но главнымъ отличіемъ ея отъ подобныхъ же книжечекъ является мастерски написанное предисловіе г. Зыбина, переносящее центръ тяжести всего вопроса совсѣмъ въ другую и для мало просвѣщенныхъ умовъ конечно неожиданную сторону. Какъ причины появленія болѣзни въ цѣломъ, такъ и отдѣльныя заболѣванія, и необходимость обращенія къ врачебной помощи, и значеніе врача и лѣкарствъ, и вліяніе страха—все это обосновано на словахъ Св. Писанія, столь утѣшительныхъ для русскаго человѣка. Какъ примѣръ высокаго интереса цитируемыхъ г. Зыбинымъ мѣстъ, приводимъ слѣдующее изъ книги „Премудрости" Іисуса сына Сирахова, гдѣ говорится дословно:

„Не пресыщайся всякою сластію и не бросайся на разныя снѣди, ибо отъ многоядѣнія бываетъ болѣзнь, и пресыщеніе доводитъ до *холеры*. Отъ пресыщенія многіе умерли, а воздержный прибавитъ себѣ жизни."

Цѣна брошюрки всего 2 коп.

Вновь предложенныя средства лѣченія холеры и предохраненія отъ нея.

1) *Креолинъ Пирсона;* предложенъ д-ромъ Гропманомъ, примѣнявшимъ это средство въ Нидерландской Остъ-Индіи при холерѣ и холеринѣ съ большимъ успѣхомъ во время эпидеміи 1889—90 гг. По офиціальнымъ отчетамъ, смертность среди холерныхъ больныхъ, принимавшихъ креолинъ по способу Гропмана, равнялась всего 5%, тогда какъ у другихъ больныхъ она достигала 60%. Въ 15 минутъ креолинъ убиваетъ всѣ холерныя бациллы; если больной еще не вполнѣ заполненъ ими. Гропманъ совѣтуетъ распускать креолинъ въ 100 или 200 граммахъ воды или чая и давать это лѣкарство не только при установленной холерѣ, но и при всякомъ подозрительномъ поносѣ въ размѣрѣ 5 граммъ на одинъ пріемъ взрослому и 2—3 гр. дѣтямъ. Если первая доза извергнута больнымъ, сейчасъ же давать ему вторую, такъ чтобы въ кишечникѣ оставалось отъ 2 до 5 гр. креолина Пирсона.

2) *Водолѣченіе* примѣнялось проф. Винтерницемъ въ его водолѣчебницѣ (Kaltenleutgeben близь Вѣны) и въ частной практикѣ въ холерную эпидемію 1866 г; ни одинъ изъ больныхъ, у которыхъ во время захваченъ былъ холерный поносъ, не погибъ, такъ какъ болѣзнь подъ вліяніемъ водолѣченія останавливалась въ своемъ развитіи. Въ 1850 г. ни одинъ изъ многочисленныхъ членовъ берлинскаго водолѣчебнаго союза не заболѣлъ холерой. Въ виду этого Винтерницъ совѣтуетъ открывать во время эпидеміи дешевыя или безплатныя народныя бани и купальни, особенно для казармъ, ночлежныхъ домовъ, тюремъ и пр. Вода одновременно и очищаетъ тѣло отъ всякихъ приставшихъ къ нему заразныхъ микроорганизмовъ и укрѣпляетъ его, дѣлая болѣе стойкимъ въ борьбѣ съ заразой.

3) *Гофманскія капли и эѳиръ* примѣнялись съ успѣхомъ д-ромъ Вакуловскимъ при лѣченіи нашей домашней холеры (бурный острый желудочно-кишечный катарръ), которая во время холерной эпидеміи переходитъ часто въ настоящую азіатскую холеру.

4) *Смола или деготь* предлагаются какъ предохранительное средство на томъ основаніи, что исторія прежнихъ эпидемій свидѣтельствуетъ, что торговцы этими предметами не заражались холерой.

Въ 7 нумерѣ журнала *Наша Пища* помѣщена статья проф. Здекауера о пищевомъ режимѣ во время холеры. Тамъ же начатъ рядъ статей о способахъ приготовленія кушаній, приноровленныхъ къ питанію въ холерное время.

По духовно-учебному вѣдомству состоялось распоряженіе объ отсрочкѣ занятій до 15 сентября, въ виду появленія холерной эпидеміи.

Министръ Народнаго Просвѣщенія отсрочилъ начало государственныхъ экзаменовъ въ медицинской комиссіи съ 1 сентября на 1 ноября, чтобы дать возможность студентамъ-медикамъ 5-го курса принять участіе въ борьбѣ съ холерной эпидеміей и увеличить имѣющійся на мѣстахъ не въ вполнѣ достаточномъ количествѣ персоналъ врачей.

Обученіе дезинфекціи и уходу за холерными больными. Въ залѣ С.-Петербургской Городской Думы доцентомъ Военно-Медицинской Академіи, докторомъ А. А. Липскимъ, начаты двѣ серіи публичныхъ лекцій: одна—для лицъ, желающихъ поступить въ дезинфекторы во время холеры (такихъ записалось 150), съ практическими занятіями въ городской барачной больницѣ; другая — для дамъ, заявившихъ желаніе принять на себя обязанности сестеръ милосердія по уходу за холерными больными, въ случаѣ появленія эпидеміи, и вообще для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ пріемами ухода за заболѣвшими холерой. Если бы во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи устроены были подобные курсы мѣстными профессорами и врачами, то борьба съ эпидеміей значительно облегчилась бы, такъ какъ въ лицѣ каждой образованной матери семейства врачи нашли бы себѣ разумнаго помощника и толковаго исполнителя всѣхъ мѣръ предосторожности для охраны всей семьи въ случаѣ зараженія одного изъ членовъ ея.

Удешевленіе дезинфекціонныхъ средствъ. Въ виду необходимости возможно дешеваго снабженія населенія постигнутыхъ холерой мѣстностей средствами дезинфекціи, Медицинскій Совѣтъ обязалъ всѣ аптеки продавать ихъ по слѣдующимъ цѣнамъ за фунтъ:

карболовая кислота неочищ. 50%	—	р. 14	к.
„ „ „ 100%	—	„ 21	„
„ „ кристалл. чистая	1	„ 5	„
сѣрная „ неочищенная	—	„ 7	„
хлориновая известь	—	„ 17½	„
сулема	2	„ 62½	„
дестиллированная вода	—	„ 6	„

Такъ какъ находящихся въ Россіи запасовъ дезинфекціонныхъ средствъ оказалось недостаточно, то нынѣ разрѣшенъ безпошлинный пропускъ ихъ изъ-за границы для правительственныхъ и общественныхъ учрежденій съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія продавали ихъ въ розницу частнымъ лицамъ для непосредственнаго употребленія (но не для торговли).

С.-петербургская городская санитарная комиссія открыла уже продажу по пониженнымъ цѣнамъ дезинфекціонныхъ средствъ, въ особенности неочищенной карболовой кислоты, которою комиссія запаслась въ значительномъ количествѣ и которая будетъ продаваться какъ въ самомъ помѣщеніи комиссіи, такъ и при всѣхъ участковыхъ управленіяхъ.

Желательно было бы, чтобы общественныя управленія другихъ городовъ Россіи послѣдовали примѣру столицы и занялись бы безплатной или дешевой раздачей необходимыхъ для производства дезинфекціи средствъ. Этимъ способомъ легче было бы достигнуть очистки города, чѣмъ штрафами, протоколами и пр., особенно по отношенію къ бѣднѣйшимъ жителямъ.

„Объ особенной важности ухода за полостью рта и зубами въ холерное время"—подъ такимъ заглавіемъ вышла въ свѣтъ маленькая брошюрка зубнаго врача Синицына. Авторъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на тѣсную связь, существующую между здоровьемъ ротовой полости человѣка и исправнымъ состояніемъ пищеварительныхъ органовъ, а слѣдовательно и общимъ здоровьемъ человѣка. Въ холерное время значеніе исправнаго рта еще болѣе усиливается, такъ какъ носители холеры, запятовидныя бактеріи, проникаютъ въ организмъ человѣка черезъ ротъ съ загрязненной водой, содержащей эти бактеріи, или съ молокомъ и пищей, на которыя могли попасть частицы холерныхъ изверженій (напримѣръ, при посредствѣ мухъ, сидѣвшихъ на нихъ), или съ влажной (при высыханіи холерные зародыши погибаютъ) пылью улицъ и комнатъ, или съ вводимыми въ ротъ грязными пальцами человѣка, прикасавшагося къ холерному больному, къ его платью, бѣлью и пр. Для того, чтобы избѣжать послѣдней случайности, предъ каждымъ принятіемъ пищи обмывать руки и лицо прокипяченной предварительно водой съ прибавкой ½% карболовой кислоты; для того же, чтобы убить холерные зародыши, уже попавшіе какимъ-либо образомъ въ ротъ, и не допустить ихъ, слѣдовательно, въ желудокъ, необходимо въ холерное время тщательно промывать ротъ и чистить зубы предъ ѣдою, послѣ ѣды и предъ сномъ кислымъ полосканьемъ. Г. Синицынъ рекомендуетъ съ этой цѣлью слѣдующіе составы: 1) смѣсь равныхъ частей ароматическаго и обыкновеннаго уксусу—1—2 чайныхъ ложки на чашку воды (прокипяченной); 2) полосканье составленное изъ дубильной кислоты 32 грана, перечномятной воды 6½ унціи, спирта ложечной травы 1½ унціи; 3) полосканье изъ лимоннаго сока 1 унц. и воды ложечной травы 6½ унц.; 4) бензойной кислоты 48 гранъ, эвкалиптовой настойки ½ унціи, виннаго спирта 3½ унц., перечномятнаго масла 12 капель—1 чайную ложку на стаканъ воды (держать во рту не менѣе минуты); 5) лимонной кислоты 32 грана

и прокипяченной воды 8 унцій; 6) борной кислоты 48 гранъ и прокипяченной воды 6½ унцій; 7) марганцевокислаго кали 4 грана и прокипяченной воды 1 унція—5—8 капель на стаканъ воды *). Дѣти должны чистить свои зубы и мыть ротъ тепловатымъ чаемъ, подкисленнымъ лимоннымъ сокомъ.

Въ виду того, что плохое, неисправное состояніе зубовъ и вообще ротовой полости ведетъ къ различнымъ болѣзнямъ пищеварительныхъ органовъ (катарръ желудка и пр.), слѣдуетъ еще до появленія холеры привести свои зубы и ротъ въ порядокъ, обратившись къ совѣту зубнаго врача. Когда это будетъ сдѣлано, не замедлитъ улучшиться и пищевареніе и затѣмъ придется только слѣдить за тѣмъ, чтобы снова не разстроить его. Авторъ упомянутой брошюры совѣтуетъ питаться предпочтительно сухою пищею, медленно и тщательно пережевывая ее, не переполнять желудка жидкой пищей или напитками (самые полезные: чай съ лимономъ и кофе безъ цикорія); пить умѣренно, глотками. (г. в.)

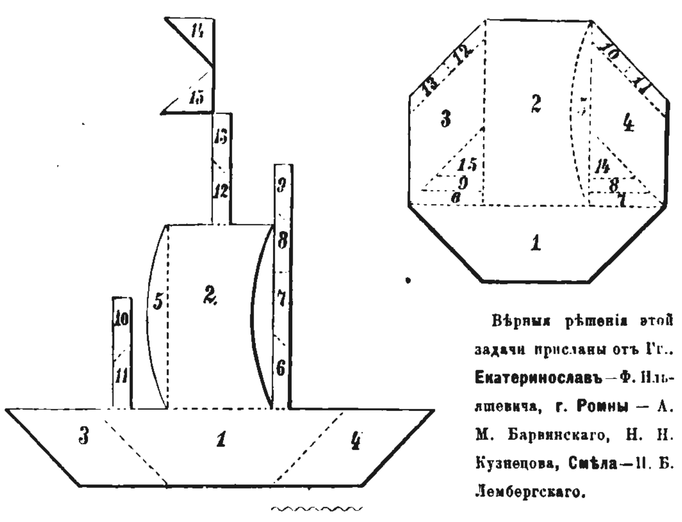
Смѣсь.

Измѣреніе и взвѣшиваніе учащихся дѣтей. Докторъ Г. А. Сомзъ (Soames) сообщилъ недавно въ ученомъ докладѣ результаты предпринятаго имъ правильнаго взвѣшиванія дѣтей, посѣщающихъ школы. Его наблюденія привели его къ слѣдующему важному выводу: ни о какомъ обремененіи учениковъ занятіями не можетъ быть и рѣчи, пока ихъ ростъ не задерживается и вѣсъ тѣла остается въ соотвѣтствіи съ ростомъ. Но если послѣдній начинаетъ замедляться и, вообще, одинаково какъ и вѣсъ, оказывается недостаточнымъ сравнительно съ нормой, то, по мнѣнію д-ра Сомза, обстоятельство это служитъ вполнѣ достаточнымъ оправданіемъ неудовлетворительныхъ успѣховъ ученика и безусловно требуетъ, чтобы такой ученикъ былъ освобожденъ отъ школьныхъ занятій, и чтобы преимущественное вниманіе удѣлено было его тѣлесному развитію.

Новая полярная экспедиція. Норвежскіе журналы сообщаютъ, что вторая экспедиція Нанзена къ сѣверному полюсу двинется въ путь 1 января 1893 г.

*) Кто носитъ искусственные зубы, долженъ ежедневно по нѣскольку разъ вынимать ихъ изо рта чистыми руками и вымывать прокипяченной и подкисленной водою или 1% карболовымъ растворомъ при помощи щетки.

Рѣшеніе геометрической задачи № 30 (помѣщенной въ № 24).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: Екатеринославъ—Ф. Ильяшевича, г. Ромны — А. М. Барвинскаго, Н. Н. Кузнецова, Смѣла—Н. Б. Лембергскаго.

Рѣшеніе ребуса № 29 (помѣщеннаго въ № 22).

„Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому“.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. цензур., СПБ., 29 іюля 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — г. XXIII

№ 32 — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 августа 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

На мотивъ Горація.

Не мраморомъ колоннъ съ рѣзьбою прихотливой,
Не блескомъ золота, не пурпуромъ плащей,
Не льстивой дружбою обманчивыхъ друзей,
Не сребромъ струи фонтана говорливой
Я счастливъ.—Нѣтъ, друзья! Душа моя полна
Живой поэзіей святой и благородной;
Какъ пѣсня соловья—восторженной, свободной;
Кипучей, какъ струя янтарнаго вина.

* * *

Что мнѣ до тѣхъ богатствъ?! Коварная судьба
И времени полетъ играетъ ими властно:
Какъ бурный вихрь цвѣткомъ играетъ безучастно,
Какъ грозный господинъ—покорностью раба.
Нѣтъ! счастіе не въ нихъ!.. Блаженъ удѣлъ пѣвца,
Изведавшаго всѣ восторги вдохновенья,
Блаженъ удѣлъ того, кто пѣснями въ сердца,
Какъ нектаръ, льетъ и жизнь, и наслажденья.

А. М. Ѳедоровъ.

Рис. **Р. Штейна**, грав. Ольшевскій.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

XXIII.

Это былъ день неожиданностей и сюрпризовъ. Воспитательница маленькой Луневой торопила ее скорѣе идти, увѣренная, что они найдутъ уже отца ея на мѣстѣ; но когда онѣ вышли изъ гротовъ, графиня сидѣла на скамьѣ, гдѣ онѣ ее оставили, одна и была въ такомъ странномъ состояніи, что миссисъ Рамсвудъ испугалась. Она милосердно предложила этой, втайнѣ презираемой ею, женщинѣ, опереться на руку ея и поспѣшила увести ее изъ парка ближайшимъ выходомъ, минуя Кристальный дворецъ. Онѣ тутъ же, въ Сиденгамѣ и проводили тѣ нѣсколько дней, которые мать и дочь должны были прожить вмѣстѣ. Графъ Луневъ жилъ въ Лондонѣ и почти каждый день пріѣзжалъ для свиданій съ ними; для жены и дочери нанялъ меблированную виллу, которыя во множествѣ, понедѣльно, отдаются въ окрестностяхъ парка. Ихъ вилла—„Villa Primrose“, какъ гласила надпись на калиткѣ ея,—была близко, но все же гувернантка подозвала кэбъ, такъ какъ видѣла, что графиня съ трудомъ движется; она усадила ее, добросердечно соболѣзнуя ея печали, вполнѣ увѣренная, что причина ея — неаккуратность графа, неявившагося въ паркъ. Онѣ доѣхали очень скоро. Наталья Михайловна прошла въ свою комнату, гдѣ заперлась немедленно, а бывшая гувернантка ея мужа, втайнѣ обѣщая себѣ пожурить его за неделикатную неисправность, предложила Ольгѣ почитать съ нею на верандѣ, пока мамма ее не позоветъ.

— Вы не безпокойте ее, my dear! сказала она.—Ваша мамма, очевидно, нездорова?

— Я думаю она огорчена тѣмъ, что отецъ не пріѣхалъ, разсудила дѣвочка. — Я тоже на него за это сердита. Не правда-ли, нехорошо съ его стороны насъ обманывать?

— О, милое мое дитя, зачѣмъ такъ отзываться о вашемъ папа! скандализованнымъ голосомъ остановила ее воспитательница. — Мало-ли что могло помѣшать ему? Онъ могъ заболѣть... Дѣла могли его задержать... А!.. Вотъ посмотрите: намъ несутъ телеграмму; это навѣрное отъ него.

— Да, да! Надо отнести скорѣй къ мамма! обрадовалась Ольга.

И поспѣшила сбѣжать въ садъ, навстрѣчу разносчику. Но нести извѣстіе матери ей не пришлось: телеграмма была на имя миссисъ Рамсвудъ.

Старушка ее распечатала и прочла съ изумленіемъ: „Привезите Ольгу завтра по-утру. Выѣзжаемъ въ три часа. Графъ Луневъ“.

По первоначальному плану имъ оставалось еще пробыть въ Лондонѣ три дня.

— Вотъ видите, дитя мое, въ раздумьи обратилась старушка къ своей воспитанницѣ, подавая ей телеграмму.—Вѣрно поэтому папа сегодня и не могъ пріѣхать... Вѣрно случилось что-нибудь, что заставляетъ его спѣшить отъѣздомъ на континентъ.

— Такъ какъ же это?.. Неужели онъ не простится съ мамма?!

— Почему же? поспѣшила успокоить ее англичанка.— Можетъ-быть онъ будетъ у насъ вечеромъ... Наконецъ мамма вѣрно пойдетъ провожать насъ... Надо ее предупредить!

И миссисъ Рамсвудъ поспѣшно направилась къ комнатѣ графини, оставивъ Ольгу очень удивленною и чуть-чуть огорченною. Особенно огорчаться печалью своей матери или разлукой съ ней, дѣвочка, почти ее не знавшая, не могла. Съ пяти лѣтъ жила она въ разлукѣ съ ней: лѣтъ съ десяти начала задумываться о странности своей жизни, объ отношеніяхъ своихъ родителей между собою. Но ничего сама по себѣ не могла доискаться, а на ея вопросы—отецъ, мать и миссисъ Рамсвудъ отвѣчать прямо не хотѣли.

„Мамма всегда больна,—ей нашъ климатъ хорошъ; а вашъ отецъ большой путешественникъ,—онъ почти всегда въ разъѣздахъ!“ Вотъ все, что могла она добиться отъ своей воспитательницы.

Отца своего она, однако, ея же стараніями, привыкла уважать и даже любить. Миссисъ Рамсвудъ такъ много ей разсказывала о немъ, о его добротѣ, о семьѣ Луневыхъ, что она по разсказамъ гувернантки и по двумъ лѣтамъ, которыя провела съ отцомъ въ ихъ родовомъ имѣніи, прекрасно знала свою бабушку и тетю и маленькую кузину Аню. О матери же своей она ровно ничего не знала; а только въ послѣднее время стало казаться Олѣ, что если кто-нибудь изъ ея родителей виноватъ въ ихъ разлукѣ, то ужь навѣрное не отецъ.

Съ нимъ, хотя видались они рѣдко, Ольгѣ всегда было весело, спокойно, по душѣ: съ матерью же она чувствовала себя изъ году въ годъ болѣе стѣсненною. Теперь хотя она и призадумалась немножко о вѣроятномъ огорченіи ея, но тѣмъ не менѣе предстоявшее ей путешествіе въ Италію съ отцомъ и старой воспитательницей, которую она очень любила, ее радовало и мысли о немъ ее скоро развлекли.

Въ то время миссисъ Рамсвудъ побывала у ея матери и съ удивленіемъ убѣдилась, что вѣроятно ихъ ускоренный отъѣздъ для нея уже не новость. Прочитавъ телеграмму мужа, графиня спокойно отозвалась, отдавая ее обратно:

— Очень хорошо! сказала она.—Собирайтесь.

— Вы, разумѣется, поѣдете съ нами въ Лондонъ, графиня?

— Я?.. Да... О, да!.. Не знаю, впрочемъ... Во всякомъ случаѣ вы свезете отъ меня графу письмо... Вы отдадите его ему послѣ, выѣхавъ,—въ вагонѣ... Прощальное мое письмо! добавила она и тихо разсмѣялась.

Англичанка вздохнула, вышла и за порогомъ сокрушенно покачала головой.

До вечера она укладывалась и Ольга ей дѣятельно помогала. Вечеромъ, къ обѣду, графиня вышла, но была очень блѣдна и ничего не ѣла.

— Мама, ты не больна? спросила, робко ласкаясь къ ней, Ольга.

— Нѣтъ, не особенно больна, отвѣчала ей мать, глядя на нее съ такой болѣзненной усмѣшкой, которая опровергала ея заявленіе. — Ты знаешь вѣдь, что совсѣмъ здорова я никогда... давно не бывала!

Она взяла маленькую ручку дочери и смотрѣла на нее страннымъ взглядомъ. Жалость, переполнявшая сердце ея,- жалость къ себѣ самой, болѣе чѣмъ къ этому обездоленному ею ребенку,—росла и усиливалась, выжимая жгучія слезы на ея глаза, непривычные плакать ни о чемъ и ни о комъ, кромѣ собственныхъ ея печалей.

И вдругъ Натальѣ Михайловнѣ показалось,—искренно показалось,—что всѣ помыслы ея и всѣ чувства стремятся лишь къ ней, къ ея „бѣдной *сиротке*-дочери“.

Она обхватила Ольгу и страстно, крѣпко прижавъ ее къ груди, залила голову ея слезами, вполнѣ убѣжденная, что о себѣ самой она совершенно забываетъ, „въ великой, святой материнской любви своей“.

Она самой себѣ представлялась въ эту минуту необходимою для будущности, для счастія Ольги; но хотя

убѣжденіе ея было искренно, она себя ни мало не винила ни въ чемъ. Наступившую горькую крайность, какъ и всю общую неурядицу ихъ жизни, Наталья Михайловна относила насчетъ мужа, его одного во всемъ обвиняя. До того извращены и перепутаны были всѣ понятія и чувства этой женщины, что ей и сомнѣнія не являлось въ томъ, что всѣ, какъ она, поймутъ ея самоотверженіе; признаютъ въ ней благородную жертву несчастія непостоянства мужскаго и безграничной преданности жестокому человѣку.

Восторженно повторяя себѣ: „умру для его счастія!“ она въ то же время дѣлала планы, какъ бы устроить, чтобъ *она*,—„та безсердечная, которую онъ любитъ — узнала всю истину“, съ наслажденіемъ останавливаясь на мысли, что сознаніе это можетъ разрушить ихъ счастье; что узнавъ о самоубійствѣ ея, *ради нихъ*, ея мужъ и „*та*“—могутъ отшатнуться другъ отъ друга.

„Я—мертвая стану между ними дѣйствительнѣе, чѣмъ живая!“ двадцать разъ, въ теченіе этого дня, восторженно прорывалась въ ней мысль, и тутъ же она, спохватившись, сама съ собою лицемѣрила, заставляя себя чуть не громко произносить:

„О, пусть будетъ счастливъ!.. Пускай оба будутъ счастливы: я устраню себя съ пути ихъ! Пусть они перешагнутъ черезъ мой трупъ и будутъ счастливы!.. Я не хочу, чтобъ моя постылая, никому не нужная жизнь мѣшала его счастью!“

И она первая благоговѣйно преклонялась предъ величіемъ своего самоотверженія.

Вся эта мелкая, нечестная комедійка превосходно примирялась въ душѣ несчастной, нравственно искалѣченной женщины, съ великой драмой, которая въ то же время бушевала въ ея сердцѣ. Великое горе разбитыхъ надеждъ ея, отчаянная рѣшимость покончить расчеты съ безотрадной жизнью, не препятствовали разыгрываться мелочнымъ страстямъ, коварнымъ, злобнымъ расчетцамъ и мстительнымъ надеждамъ.

— Мама! Мамочка! Зачѣмъ же ты такъ плачешь? отчаянно повторяла Ольга, сама заливаясь слезами. — Вѣдь мы не надолго... Вѣдь только на шесть недѣлекъ... Я вернусь и ты къ намъ пріѣдешь, къ миссисъ Рамсвудъ... Не правда ли, dear m-ss Ramswood?.. Ну, хочешь, я упрошу и папу тогда опять пріѣхать? Опять съ тобою повидаться!.. Хочешь я уговорю его и теперь пробыть еще подольше?

Графиня осилила себя, отерла слезы и сказала:

— Нѣтъ, милое дитя мое! Не надо... Мнѣ ничего не надо!.. только бы ты... Только бы оба вы, съ папà, были счастливы!

— Такъ зачѣмъ же ты такъ ужасно огорчаешься? Такъ плачешь, мама?..

— Плакать мнѣ не диво... Выростешь — узнаешь сколько горя пережила твоя мать... А плачу я потому, что врядъ ли мы съ тобою еще свидимся..

— Какъ?!

Ольга остолбенѣла, испуганно глядя въ глаза матери.

— Не пугайся, милочка. Ты знаешь: я давно больна! Болѣзнь моя неизлѣчима... Вы съ папа уѣзжаете и... очень вѣроятно, что вернувшись меня не застанете въ живыхъ.

— Зачѣмъ имѣть такія мрачныя мысли? вмѣшалась было примирительнымъ тономъ миссисъ Рамсвудъ.

Но ея воспитанница отчаянно ее прервала:

— О! Если такъ, то я не уѣду! Если ты думаешь, что такъ серьезно больна, — я скажу папѣ! Я тебя не оставлю!

— Вы попросите своего папа, миссъ Ольга! внушительно поправила ее гувернантка.

— Ахъ! Не надо, не надо! возразила, скорбно улыбаясь, Наталья Михайловна.—Твой отецъ, Ольга, знаетъ, что дѣлаетъ... Онъ своихъ рѣшеній не мѣняетъ... Сегодня онъ сказалъ мнѣ, что уѣдетъ и мы больше не увидимся...

— Какъ? Онъ сказалъ, что съ тобой больше не увидится? вскричала дѣвочка. — Гдѣ-жъ ты его видѣла?

— Нѣтъ! Нѣтъ! поправилась графиня, сообразивъ, что она не можетъ объяснить дочери мотивовъ этого рѣшенія.—Нѣтъ! Онъ этого не говорилъ, но... я сама такъ думаю. Я чувствую, что долго жить не могу...

— Дорогая графиня! авторитетно прервала ее англичанка. — Не думаете ли вы, что такія рѣчи одинаково вредны и вамъ, и вашей дочери?.. Вы сами говорите, что графъ всегда хорошо знаетъ, что дѣлаетъ, значитъ онъ долженъ завтра ѣхать. Не разстраивайте же, передъ дорогой, свое бѣдное дитя такими, — извините меня, — безцѣльными предвѣщаніями горя. Будущее вѣдомо лишь Богу Единому, а мы, Его разумныя созданія, должны только заботиться о настоящемъ днѣ и не портить нашихъ существованій произвольно.

Взглядъ, который графиня Лунева метнула на непрошеную проповѣдницу, не согласовался со вздохомъ ея и кроткимъ отвѣтомъ.

— Да, вы правы, дорогая миссисъ Рамсвудъ!.. Вамъ, вашимъ заботамъ поручаю я свою дѣвочку, въ случаѣ моей смерти!.. Поберегите ее! Чтобы она, бѣдняжка, не такъ чувствовала свое сиротство...

— О, нѣтъ! Помилуйте!.. У нея отецъ! Хорошій, добрый, заботливый отецъ!.. И потомъ будемъ надѣяться, дорогая графиня, что вы преувеличиваете свою болѣзнь.

Гнѣвное чувство, поднявшееся въ Луневой противъ „этой старой педантки“, заставило ее умолкнуть, чтобъ не разразиться неподобающею, въ данныхъ обстоятельствахъ, рѣзкостью.

— Хорошо. Будущее покажетъ, кто изъ насъ правъ. Я завтра передамъ вамъ письмо... ты, Ольга, отдашь его отцу. Прощай моя дѣвочка!.. До завтра... Еще одно утро — мое, а тамъ...

„А тамъ — простимся навѣки!“ добавила она мысленно, хотя въ глубинѣ ея сердца ужь возставали сомнѣнія...

Но оставшись одна, она не дала имъ мѣста.

Ей вспомнилось гнѣвное лицо ея мужа, его презрительное обращеніе въ то утро, его рѣзкія слова: „Зачѣмъ вы это подстроили?.. Какъ смѣли вы коснуться этой чистой, честной дѣвушки!.. Мало вамъ всего вашего прошлаго?“—„Но я не знала!“ попробовала было она отолгаться...

О! какъ мучительно стыдно ей было теперь вспоминать эту безцѣльную ложь! Какъ мелка, и низка, и глупа показалась она себѣ въ ту секунду, когда онъ метнулъ на нее презрительный взглядъ:

„*Вы* — не знали?.. За какого глупца вы меня принимаете?.. Вы шпіонили! Вы собирали сплетни! Вы исподволь разузнали, высмотрѣли, притянули ее въ свои сѣти и разсчитывали — меня поразить, а ее унизить, уничтожить!.. Вы забыли, графиня, что грязь не ко всѣмъ легко льнетъ?.. Вы ею только себя, даромъ еще разъ, обрызгали!..“

Она тогда вдругъ озлилась и кинула ему:

„Что-жъ? Я вамъ же хотѣла доставить удовольствіе этой пріятной встрѣчи!“

Какъ это было пошло!.. Теперь, въ ночной тиши, запершись въ своей комнатѣ, закрывъ лицо руками, вновь переживая воспоминаніемъ утреннюю сцену въ паркѣ, она мучительно краснѣла за себя. Терзалась, вспоминая лицо его, его голосъ, когда онъ ей отвѣчалъ, отступивъ отъ нея, какъ будто боясь ея прикосновенія:

„Не удовольствіе вы мнѣ доставили этимъ новымъ напоминаніемъ, что для васъ жизнь безъ интригъ, безъ лжи и коварства — немыслима, нѣтъ! Вы только доставили мнѣ доказательство, что змѣя, хоть и мѣняетъ кожу, но остается навѣки той же змѣей!.. За одно искренно благодарю васъ: за то, что вы сами дали мнѣ право окончательно и навсегда ужь отъ васъ отвернуться! Вы подтвердили мое мнѣніе, что чѣмъ дальше

Ни, ни! Ни одного поцѣлуя! Съ карт. Андреотти, грав. Веберъ.

Пандора. Съ карт. фонъ-Гесслина.

и скорѣй я увезу отъ васъ Ольгу, — тѣмъ лучше будетъ это для нея. Пеняйте же на себя, если вы ни меня, ни ее не увидите больше!"

Такъ сказалъ онъ ей и ушелъ, оставивъ ее одну, даже не простившись, не взглянувъ на нее болѣе. Онъ и не видѣлъ, какимъ мучительнымъ, двойнымъ страданіемъ, нравственнымъ и физическимъ вмѣстѣ, исказилось ея лицо,—какъ упала она на скамью, задыхаясь, схватившись за сердце отъ боли, и нѣсколько мгновеній не могла перевести духъ, ожидая, что умретъ... Но боль отошла, она очнулась къ полному сознанію своего положенія, своего отнынѣ вѣчнаго одиночества...

Зачѣмъ же она не умерла?!. Зачѣмъ ей жить?.. Что за злая насмѣшка судьбы—то и дѣло бросать ее въ мучительную близость смерти и снова возвращать къ постылой, ненужной жизни!

Тогда она горько пожалѣла, что нѣтъ съ нею ея завѣтнаго пузырька съ опіумомъ, давно ею заготовленнымъ. Она сразу бы выпила его! Она въ ту секунду чувствовала въ себѣ силу, страстное желаніе тутъ же, на мѣстѣ съ собою покончить, чтобъ заставить его вернуться: заставить его понять, что онъ убилъ ее.

Конечно, это было дѣло поправимое, — вопросъ получаса времени... Но она боялась, — скрытно боялась, самой себѣ стыдясь признаться въ томъ, — что не хватитъ у нея рѣшимости такъ *„отмстить ему"*, безъ сильнаго возбужденія, когда ея чувства улягутся.

Тамъ, въ паркѣ, она еще прямо себѣ сознавалась, что мщеніе—главный, если не единственный мотивъ ея желанія „съ собой покончить". Послѣ ужь она придумала своему намѣренію великодушное побужденіе: „очистить *имъ* путь къ счастію, освободить мужа отъ себя", — и жадно ухватилась за такое „великодушное" настроеніе.

Эта измельчавшая въ эгоизмѣ и въ интригахъ женщина такъ привыкла къ лицемѣрію, къ вѣчнымъ изворотамъ мысли, что сама не замѣчала, какъ лгала и комедіянствовала среди самыхъ трагическихъ обстоятельствъ жизни.

XXIV.

Запершись въ своей маленькой спальнѣ виллы Primrose, графиня рѣшила, что только прочтетъ еще разъ заготовленное ею письмо къ мужу и уснетъ,—сдѣлаетъ все, чтобы заснуть. Заснуть въ эту *послѣднюю* ночь ей казалось необходимымъ, ради сохраненія энергіи и силъ для предстоявшаго ей труднаго дня. На это письмо ею было потрачено нѣсколько часовъ и множество бумаги, валявшейся въ клочкахъ вокругъ нея, пока удалось ей написать его. Задача письма была не легкая: имъ она должна была выразить свою непреклонную рѣшимость умереть, ради его счастія, въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли бы вселить въ графѣ увѣренность, что она не хотѣла сообщать ему, что налагаетъ на себя руки; что, напротивъ, желала скрыть отъ него этотъ печальный фактъ, великодушно позволяя ему винить въ ея смерти болѣзнь ея, — ея давнишній, неизлѣчимый недугъ. Письмо это представляло лебединую пѣснь, достойную хитроумной изворотливости, которой Наталья Михайловна всю жизнь отличалась.

Она перечла его и осталась довольна... Онъ пойметъ! Онъ между строкъ прочтетъ истину... Онъ будетъ гнать ее отъ себя, — будетъ стараться забыть, опровергнуть свои догадки; но онѣ будутъ его преслѣдовать! Ему не удастся ихъ отогнать, — нѣтъ!... Ея самоубійство навѣки чернымъ призракомъ станетъ между ними. Оно отравитъ ихъ счастіе, уничтожитъ самую возможность его!

Да! Это единственный способъ ей отстоять свои права, — быть-можетъ навсегда разлучить ихъ...

„А если онъ скроетъ отъ *нея*?.. Если, самъ страдая, онъ не захочетъ *ее* тревожить своими догадками?.. Женится—и *она* все же, ничего не подозрѣвая, будетъ счастлива!" мелькнула ей мысль, и сердце ея сжалось отъ злобнаго негодованія.

Графиня вскочила и заходила по комнатѣ, заметалась въ тоскѣ.

Какъ бы устроить это?.. Какъ бы сдѣлать, чтобъ она, — именно *она* была убѣждена, что смерть ея не случайность?.. Чтобъ она поняла и прониклась убѣжденіемъ, въ добровольномъ, въ великодушномъ самопожертвованіи ея? Въ совершенномъ ею, ради счастія мужа ея, самоубійствѣ?..

„Написать и ей?.. Сказать, что желаетъ имъ счастія?.. Что сходитъ съ ихъ дороги?.."

Нѣтъ! Это будетъ бѣлыми нитками сшитая хитрость... Надо такъ устроить, чтобъ ни малѣйшее подозрѣніе въ невеликодушіи не могло лечь тѣнью на память о ней...

А-а! Написать не ей, — а Дальнину... Да: Дальнину, подъ видомъ исповѣди... Предсмертной исповѣди своему другу и учителю... Или нѣтъ, не ему: миссисъ Уардлокъ... Да, миссисъ Уардлокъ, — это вѣрнѣе!.. Графъ Дальнинъ можетъ и не разсказать, но Уардлокъ разскажетъ!.. Отъ нея Завольская и всѣ узнаютъ... Что-жь! Ужь рѣшаться подымать на себя руки, такъ, по крайней мѣрѣ, надо достигнуть результатовъ... Чтобъ не даромъ, — чтобъ сказалась на нихъ эта смерть, ими вызванная.

„Сейчасъ же напишу и сама положу въ ящикъ. Пройду чрезъ садъ, — вѣдь почтовый ящикъ тутъ же, черезъ улицу... Да, да!.. Такъ будетъ хорошо! Такъ надо. По крайней мѣрѣ ужь тогда я *должна буду!*.. Тогда навѣрное все будетъ кончено: не станетъ мѣста малодушію!" рѣшила она.

Послѣднія мысли въ ней промелькнули непроизвольно, но она не остановилась на нихъ, стыдясь своего малодушнаго страха, не желая даже себѣ признаться, что старается сама себѣ отрѣзать всѣ пути къ отступленію.

Она вся дрожала отъ возбужденія. Видъ маленькаго темнаго пузырька, ею же приготовленнаго на ночномъ столикѣ, раздражалъ ее. Она схватила его, съ мыслью что не зачѣмъ ему теперь стоять на виду; что вѣдь онъ только завтра, только послѣ ихъ отъѣзда понадобится, и сунула его въ ящикъ стола съ отвращеніемъ, со злостью.

„Теперь — писать! Скорѣй! Скорѣе... Охъ! какъ колетъ сердце!.. Нервы совсѣмъ расходились... Какъ руки дрожатъ!.. Хорошо что опіумъ сослужитъ службу, а вѣдь еслибъ пришлось по-модному,—застрѣлиться,—пожалуй рука бы дрогнула?.. Не удержала бы револьвера!.. Ничего бы не вышло..."

Она разсматривала свои тонкія, изнѣженныя руки, помимо этихъ соображеній, двойнымъ теченіемъ мыслей вспоминая, какъ любовались всѣ ими! Какъ хороши онѣ у нея были!.. Какъ вся она была хороша!..

И слезы, колкія, горькія слезы жалости къ себѣ жгли ей глаза, душили, подступая къ горлу.

„Скорѣе написать и графу Дальнину, и миссисъ Уардлокъ. Ему — исповѣдь, покаяніе... Мольбу о прощеніи ея грѣха, о святыхъ его молитвахъ. Ей..."

Она опустила перо, впервые задавъ себѣ вопросъ:

„А ей-то съ какой стати?.. Подъ какимъ благовиднымъ предлогомъ?.. Ну, да что-жь тутъ думать? Просто, — поручая отнынѣ ей уходъ, заботы о ихъ дорогомъ, покидаемомъ ею учителѣ..." Чего же проще?.. Не можетъ же она не позаботиться о благосостояніи этого дорогаго друга, „когда ея самой не станетъ..."

„Да, да! Надо написать хорошее, доброе, прочувствованное, великодушное письмо этой глупенькой Уардлокъ!" мысленно заключила графиня Лунева.

Она склонилась надъ бумагой... Нѣтъ! Не пишется... Рука не слушается, да и мысли... Мыслей нѣтъ!.. Въ головѣ стукъ, шумъ и какая-то черная пустота.

Графиня сообразила, что надо сдѣлать: она вспомнила.

что за всѣми тревогами этого дня она только разъ морфинировалась. Организмъ ея отвыкъ отъ такого воздержанія. Ужь десять лѣтъ она только себя и поддерживала, только и жила морфіемъ... Скорѣй завѣтный футлярчикъ, иглу. Два-три магическихъ укола— и слабость и дрожь какъ рукою сыметъ!.. Укрѣпятся мышцы и мускулы, энергія и бодрость оживятъ расшатанный организмъ... О! Это было старое, испытанное средство!.. Днемъ—вспрыскиванія морфіемъ; ночью—пріемы внутрь его и всякихъ наркотическихъ снадобій, чтобъ замѣнить искусственнымъ усыпленіемъ отсутствіе натуральнаго, крѣпительнаго сна. Все это были насущныя потребности, необходимости жизни для Натальи Михайловны.

Она потянулась за завѣтнымъ ларчикомъ... Она видѣла, онъ стоялъ на столѣ тутъ же; но ей не хотѣлось вставать за нимъ. Подъ рукой у нея былъ зонтикъ, брошенный ею по возвращеніи изъ парка на кушетку. Лунева взяла его и загнутой ручкой его хотѣла притянуть къ себѣ сафьяный ящичекъ, гдѣ у нея хранился морфій... Но зонтикъ, кромѣ ларчика, еще захватилъ какое-то кружево, тоже небрежно брошенное на письменный столъ: какой-то шнуръ, висѣвшій со стѣны, потянулся за нимъ... Это оказался шнурокъ отъ газоваго рожка, который былъ потушенъ. Графиня предпочитала жечь свѣчи; яркій свѣтъ газа рѣзалъ ей глаза. . Пришлось приподняться; нетерпѣливыми движеніями сильно дрожавшихъ рукъ, распутывать кружево, шнуръ, который обвился вкругъ замочка и не пускалъ футляра. Наконецъ ей удалось, сильнѣе дернувъ, освободить его. Въ лихорадочномъ нетерпѣніи она достала морфинировальную иглу и, вся замирая отъ наслажденія, какъ запойный пьяница, дорвавшійся до завѣтной чарки, на нѣсколько секундъ вся сосредоточилась на несложной операціи, которая должна была оживить ее, влить въ нее бодрость силъ тѣлесныхъ и душевныхъ...

Покончивъ, она откинулась на спинку кресла и нѣсколько времени отдыхала, закрывъ глаза и собираясь съ мыслями, въ то время какъ живительная теплота, пробѣгая по жиламъ, согрѣвала ее и бодрила.

Потомъ графиня Лунева рѣшительно взялась за перо и приступила къ своимъ послѣднимъ, къ своимъ *предсмертнымъ* письмамъ. Рука ея такъ и летала со строки на строку, едва успѣвая передавать бумагѣ наплывъ тѣснившихся въ мозгу ея мыслей. Ея посланіе къ госпожѣ Уардлокъ выходило трогательно, внушительно, патетично... Беззавѣтная преданность, геройское самопожертвованіе сквозили въ каждой строкѣ, поражали въ каждомъ словѣ. Безъ сомнѣнія, оно должно было возбуждать, въ будущихъ читателяхъ, симпатію и благоговѣніе къ женщинѣ способной такъ горячо, такъ благородно, такъ самоотреченно чувствовать! Тѣмъ болѣе, разумѣется, если бы исполнилось ея намѣреніе, проводивъ на другой день мужа, съ собой покончить... Теперь, подъ опьяняющимъ вліяніемъ морфія, она не сомнѣвалась, что у нея хватитъ на то рѣшимости, и съ увлеченіемъ писала. — писала, не замѣчая страннаго, удушливаго запаха, быстро распространявшагося въ комнатѣ...

Прикрывъ глаза рукой, увлекаясь величіемъ своего краснорѣчія, она вздрогнула и оторвалась отъ письма лишь въ ту секунду, какъ надъ ея головой раздался глухой выстрѣлъ и яркій свѣтъ озарилъ комнату со вспыхнувшаго мгновенно потолка.

Отчаянный крикъ графини всполошилъ весь домъ.

Она вскочила, хотѣла бѣжать, но въ ту же секунду схватилась за бокъ и безжизненно упала обратно въ кресло, пораженная на смерть своимъ многолѣтнимъ недугомъ. Прежде чѣмъ огонь, быстро охватившій драпировки, постель ея, кружево и бумаги на туалетѣ и столѣ, успѣлъ коснуться ея самой, разрывъ сердца спасъ ее отъ болѣе мучительной гибели...

Такъ было рѣшено на слѣдующій день докторами по осмотрѣ ея тѣла, почти не затронутаго огнемъ. За то все что лежало на столѣ ея и вся ея постель сгорѣли до-тла. Оказалось, что газовый кранъ былъ, ради чтеній на сонъ грядущій, нелѣпо проведенъ къ кровати возлѣ самаго изголовья. Было совершенно ясно, что пожаръ случился по неосторожности самой графини: поспѣшая достать морфій, она, въ нетерпѣніи не разобравъ, что задѣла шнурокъ отъ крана, дернула его съ такою силой, что онъ открылся. Она ничего не замѣтила, газъ вскорѣ наполнилъ комнату и вспыхнулъ отъ зажженныхъ свѣчей. Все же судьба оказалась къ графинѣ милостива: она избавила ее отъ самоубійства; но только ей пришлось нѣсколько ранѣе разсчитаться съ жизнью, чѣмъ она предполагала...

Къ величайшему счастію всѣхъ обитателей виллы Примрозъ, г-жа Рамсвудъ, прибѣжавъ на крикъ графини, нашла дверь ея спальни запертой изнутри. Еслибъ она ее отворила, огонь прорвался бы скорѣе, охвативъ лѣстницу—единственное сообщеніе всѣхъ четырехъ этажей виллы—и прекратилъ бы всѣ пути къ спасенію. Увидавъ дымъ и пламя, свѣтившееся въ щели, англичанка поняла въ чемъ дѣло и не растерялась. Окно изъ цвѣтника было выбито ражимъ садовникомъ, онъ впрыгнулъ въ комнату и въ окно же вынесъ графиню. Но въ ней ужь не было признаковъ жизни.

Рано утромъ графу Луневу-Запястьеву подали телеграмму миссисъ Рамсвудъ. Она писала:

„Скорѣе пріѣзжайте. Дочь ваша совершенно невредима и здорова, но въ страшномъ отчаяніи за свою мать. У насъ былъ пожаръ. Графиня не выдержала испуга“.

Отославъ это посланіе, старая англичанка стала нетерпѣливо поджидать графа. Хотя всѣ обстоятельства печальной жизни Лунева были ей прекрасно извѣстны и знала она, что смерть графини развяжетъ ему руки, разрѣшитъ многія трудныя задачи и облегчитъ дальнѣйшее существованіе, тѣмъ не менѣе, знакомая съ дѣтства его съ характеромъ и особенностями графа, она была увѣрена, что трагическая смерть жены все таки поразитъ его глубоко.

Еслибъ знала она о свиданіи ихъ въ паркѣ и о сценѣ, происшедшей между супругами, принудившей графа разстаться съ женой въ гнѣвѣ и злобѣ, она была бы еще болѣе за него встревожена.

XXV.

Сентябрь—сезонъ повсемѣстныхъ охотъ, начало родственныхъ и дружескихъ сборищъ въ помѣстьяхъ, въ фамильныхъ резиденціяхъ, въ прадѣдовскихъ замкахъ британской аристократіи. Къ половинѣ мѣсяца Сѐлльванъ-Мэншіонъ, старинный замокъ фамиліи Нильстоновъ, позже унаслѣдовавшихъ титулъ маркизовъ Говерсвифтъ, былъ переполненъ гостями. Старый лордъ былъ въ своей сферѣ; окруженный весельемъ, молодыми, красивыми лицами, „престарѣлый горилла“, какъ не переставала Морина называть добродушнаго маркиза, какъ сыръ въ маслѣ катался.

Катя, не дождавшись Леннелей, радостно позволила себя увезти раньше всѣхъ. Ее похитила Мэбль, подъ предлогомъ нежеланія разставаться съ братомъ въ послѣдній мѣсяцъ его пребыванія въ Англіи. Арчёръ Нильстонъ такъ усердно занимался русскимъ языкомъ съ тѣхъ поръ какъ miss Morine взялась ему преподавать это въ настоящее время необходимое дополненіе образованія британскихъ офицеровъ, что долженъ былъ оставаться въ городѣ. Мэбль это живо устроила, сама заявивъ непреодолимое желаніе тоже учиться по-русски, чтобъ въ оригиналѣ прочитать „War and peace“, „Anna Karenina“, „Fathers and sons“ и др. произведенія Тургенева и Толстаго, надъ которыми, къ слову сказать, нынѣшнія молодыя англичанки

восторгаются точь-въ-точь какъ мы когда-то восторгались надъ ихъ „Копперфильдомъ“ и „Ярмаркой тщеславія“.

Недѣли черезъ три пріѣхали и Леннели съ Завольской. Ранѣе сестры она никакъ не захотѣла ѣхать; да впрочемъ дѣти такъ быстро поправились, что препятствія къ отъѣзду Павлы Львовны и маленькому ея отдохновенію не оказалось. Съ ихъ пріѣздомъ въ Сёлльванъ-Мэншіонѣ оказалось куча русскихъ, и маркизъ заявилъ, что его зàмокъ „has turned out a russian-home“ — превратился въ русскій домъ, и только молилъ, чтобъ и его на старости лѣтъ не усадили за „московскій букварь“.

Однако „обрусѣнію“ зàмка скоро былъ положенъ конецъ, столько наѣхало гостей, чистокровныхъ бриттовъ, что россійскій элементъ, и всего-то заключавшійся въ трехъ женщинахъ, въ немъ совершенно потонулъ. Но тѣмъ не менѣе находились лица сильно боявшіяся русскаго вліянія въ Сёлльванъ-Мэншіонѣ. Леди Алиса очень недружелюбно къ нему относилась. Она даже писала старшему брату, предупреждая его объ опасности — о возможномъ водвореніи въ ихъ семьѣ на правахъ хозяйки „этой *московской* красавицы“, очаровавшей ихъ почтеннаго родителя; она звала его пріѣхать, вступиться за честь ихъ древняго рода, не допустить отца до такого посрамленія, какъ четвертый бракъ съ дѣвчонкой, да еще съ русской. Но виконтъ Сёлльванъ Нильстонъ отвѣчалъ съ обычной ему невозмутимостью, что не пріѣдетъ, потому что, „не имѣя права засадить отца въ сумасшедшій домъ, не видитъ возможности препятствовать его лунатичнымъ дѣяніямъ...“

Объ этомъ письмѣ Катя Морина провѣдать не могла, но вообще раньше всѣхъ проникла враждебное настроеніе къ нимъ, въ особенности къ Лидіи Львовнѣ, чопорной старой дѣвы, и не мало юмористическихъ темъ доставляли ея краснорѣчію эта враждебность и сама леди Алиса. Особенно по вечерамъ, когда, распрощавшись съ хозяевами, маленькая „русская колонія“ собиралась вмѣстѣ, въ отведенныхъ ей комнатахъ, „поболтать еще часочекъ передъ сномъ“... По правдѣ, никто не вызывалъ этихъ „родственныхъ вечернихъ митинговъ“, какъ называла ихъ Морина, кромѣ ея самой. Павла Львовна — и та больше интересовалась болтовней ея, чѣмъ Лидія, поразительно измѣнившаяся за послѣднее время...

Не только радости, но ни малѣйшаго развлеченія не доставляли болѣе Лидіи Львовнѣ ничьи ухаживанія, ни вниманіе Она ужь не искала развлеченій въ кокетствѣ, въ разсѣянной жизни. Она сама себя не узнавала.

(Оконч. въ слѣд. №)

Курица.

Эпизодъ изъ царствованія императора Николая I.

Георгія Миллера.

I.

Позднею осенью, въ концѣ сентября или началѣ октября, подъ вечеръ, по Шестилавочной улицѣ шелъ молодой гвардейскій офицеръ. Судя по неторопливой походкѣ, нѣсколько небрежной, можно было подумать, что спѣшнаго дѣла у него не было, а опущенная голова свидѣтельствовала о невеселомъ настроеніи духа. Занятый своими мыслями, углубившійся, такъ сказать, въ самого себя, онъ едва замѣчалъ прохожихъ, да врядъ-ли и отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тяжело, скверно было у него на душѣ. Матеріальные недостатки, вызывавшіе нерѣдко ироническіе намеки товарищей, и полная невозможность даже въ будущемъ выпутаться изъ нихъ, угнетали его. Отецъ его, небогатый смоленскій помѣщикъ, едва-едва могъ сколачивать пять-шесть сотъ рублей, чтобы помогать сыну, да и то сынъ зналъ, что деньги эти высылаются цѣною большихъ лишеній для остальной, далеко не маленькой семьи. Къ тому же эта поддержка составляла каплю въ морѣ расходовъ, неизбѣжно связанныхъ со званіемъ офицера одного изъ первыхъ гвардейскихъ полковъ. Подкопились должишки, а платить нечѣмъ даже и процентовъ. Приходилось зачастую обѣдать изъ ротнаго котла. Такъ было и сегодня. Только-что пообѣдавъ щами и кашей, съ рублемъ въ карманѣ, безотчетно шелъ онъ по улицѣ; грустныя мысли тѣснились въ головѣ его.

— Баринъ хорошій, купи курицу, остановила его старуха, несшая въ рукѣ птицу.

Машинально остановился офицеръ, вынулъ изъ кармана послѣдній рубль, передалъ его старухѣ и взялъ у нея курицу.

— Да что ты, батюшка, такой хмурый? Дай Богъ тебѣ всего хорошаго Такой ты добрый, помогъ старухѣ. Тебѣ птица принесетъ счастье. Вотъ, попомни старуху. Прощай, родной. Спасибо тебѣ

Съ этими словами они разошлись. Курица, которую теперь держалъ въ рукахъ офицеръ, привела его въ себя. Что же дѣлать съ ней? Надо нести ее домой, въ казармы. Круто повернувшись, не замѣчая ни порывовъ вѣтра, ни накрапывавшаго дождя, быстрыми шагами пошелъ онъ къ Преображенскимъ казармамъ. Можно представить себѣ изумленіе денщика при появленіи барина съ курицей. Впрочемъ, помѣщеніе ей нашлось обширное, такъ какъ изъ трехъ комнатъ казенной квартиры двѣ стояли рѣшительно пустыми. Каша тоже нашлась

II.

Благодаря-ли болтливости денщика, или самъ Ко—вскій проговорился, но скоро въ полку всѣ узнали, что у офицера завелась воспитанница. Шуткамъ не было конца. Всякій офицеръ, приходя къ Ко—вскому, считалъ своею обязанностью принести что-нибудь изъ птичьяго лакомства. Изъ устъ въ уста слухъ о хозяйствѣ Ко—вскаго достигъ графини Разумовской. Эта дама, пользовавшаяся тогда большимъ вліяніемъ, была сама страстная любительница куръ. Въ ея роскошномъ домѣ пернатымъ было отведено нѣсколько комнатъ, устроенъ зимній садъ, всевозможные садки. Заботы и попеченія ея о курахъ доходили до того, что заболѣвшая птица помѣщалась отдѣльно отъ прочихъ, въ особомъ лазаретѣ. Семейство графини состояло только изъ нея самой и барышни-воспитанницы; своихъ дѣтей у графини не было.

Мѣсяцъ или два спустя послѣ покупки Ко—вскимъ курицы, не извѣстно отъ какой причины, куры графини стали одна за другой заболѣвать невѣдомой болѣзнью, имѣвшей часто смертельный исходъ. Графиня была въ отчаяніи. Кто-то изъ ея знакомыхъ, полушутя, далъ ей совѣтъ обратиться къ Ко—вскому, какъ великому знатоку и любителю птицъ, близко знающему недуги пернатаго царства. Конечно, графиня не замедлила воспользоваться добрымъ совѣтомъ и тотчасъ послала дворецкаго съ самой любезной запиской къ Ко—вскому, прося не отказать ей, старухѣ, пожаловать къ ней по весьма нужному дѣлу. Въ запискѣ было сказано, что молодой человѣкъ своимъ посѣщеніемъ окажетъ ей одолженіе, котораго она никогда не забудетъ. Нельзя было не исполнить желанія почтенной статсъ-дамы, и вотъ нашъ офицеръ появляется въ роскошной гостиной графини. Нечего и говорить, что встрѣтили его очень любезно. Послѣ краткаго вступленія графиня приступила къ дѣлу.

— Я слышала, что вы большой знатокъ и любитель куръ, начала она. — Я тоже очень люблю птичекъ. У меня большое горе: мои птички съ нѣкотораго времени хвораютъ и даже умираютъ. Помогите мнѣ. Я буду вамъ очень, очень и навсегда признательна.

Никакія увѣренія Ко—вскаго не были приняты убѣжденной графиней. Дѣлать нечего; съ видомъ знатока вступилъ Ко—вскій въ помѣщеніе куръ. Высокая, свѣтлая комната, превращенная въ садъ, служила жилищемъ болѣе сотни различныхъ, весьма цѣнныхъ куръ.

— Вотъ и мои больные, сказала графиня, вводя Ко—вскаго въ другую комнату, тоже въ видѣ сада, но съ тропической атмосферой.

Импровизированный куриный докторъ увидѣлъ трехъ роскошныхъ представителей перуанской породы. Его осѣнила счастливая мысль. Онъ припомнилъ, что въ дѣтствѣ, въ деревнѣ, ему случалось видѣть, какъ бабы лѣчили куръ отъ типуна на языкѣ, снимая этотъ наростъ, мѣшавшій птицѣ питаться, ногтемъ мизинца.

Графиня между тѣмъ говорила:

— Я въ такомъ горѣ! Это мои фавориты! Представьте, четвертый день ничего не кушаютъ. Скучные, едва ходятъ. Посмотрите, пожалуйста!

Ко—вскій не заставилъ повторять просьбы. Взявъ въ руки курицу, онъ открылъ ей ротъ и къ удовольствію своему увидѣлъ типунъ. Минутнымъ дѣломъ для него было снять

Пребываніе Петра Великаго въ Парижѣ. Малолѣтній Лудовикъ XV посѣщаетъ Петра во дворцѣ Ледигіера въ 1717 году. Ориг. рис. (собств. „Нивы") проф. **Дмитріева-Оренбургскаго**, грав. Флюгель.

этотъ наростъ съ языка. Такъ же поступилъ онъ и съ остальными паціентами.

— Теперь, графиня, я увѣренъ, что имъ будетъ лучше и скоро онѣ совсѣмъ поправятся, успокоилъ онъ старушку. — Надо непремѣнно кормить ихъ отборнымъ пшеничнымъ зерномъ; пить онѣ должны отварную воду. Ручаюсь вамъ за скорое и полное выздоровленіе.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ! Пойдемъ въ столовую, позавтракаемъ чѣмъ Богъ послалъ.

Въ столовой Ко—вскаго ожидалъ очень пріятный сюрпризъ: графиня познакомила его съ ея воспитанницей, дѣвушкой лѣтъ девятнадцати, замѣчательной красоты. Со свойственнымъ ей тактомъ, графиня съумѣла придать завтраку такой характеръ интимности, что молодой человѣкъ не чувствовалъ никакой неловкости. Разговоръ, конечно, преимущественно касался любимой темы графини — ея птицъ. Завтракъ окончился. Обласканный Ко—вскій получилъ приглашеніе бывать за-просто и далъ себѣ слово въ скоромъ времени имъ воспользоваться.

Въ тотъ же вечеръ онъ былъ очень обрадованъ. Графиня, въ благодарность за исцѣленіе куръ, прислала ему, въ большой серебряной клѣткѣ, пару птицъ особенно рѣдкой породы. Клѣтка, конечно, была превращена въ деньги. Чтобы поддержать свою репутацію любителя куръ, Ко—вскій купилъ еще нѣсколько паръ разныхъ куръ. Графиня то и дѣло посылала за нимъ. Зина была съ нимъ всегда очень любезна. Незамѣтно онъ въ нее влюбился.

III.

Зимній сезонъ 1848 г. былъ въ полномъ разгарѣ. Въ обществѣ балы слѣдовали за балами. Маскарады чередовались съ веселыми пикниками. Ожидался большой балъ при Дворѣ. Наконецъ настало 16 января. Къ девяти часамъ вечера роскошныя залы Зимняго дворца утопали въ огнѣ. То и дѣло подъѣзжавшіе экипажи доставляли цвѣтъ высшаго общества. Въ десять часовъ изъ внутреннихъ покоевъ послѣдовалъ Высочайшій выходъ. Раздались звуки Польскаго, государь съ государыней, предшествуемые церемоніймейстерами и гофмаршаломъ, милостиво отвѣчая на поклоны гостей, прошли по залу въ Малахитовую гостиную. За ними слѣдовали члены императорской фамиліи и дипломатическій корпусъ. Въ Малахитовой гостиной послѣдовало представленіе тѣхъ изъ гостей, которые не были удостоены этой чести раньше. Тутъ же вблизи государя находились: свѣтлѣйшій князь Воронцовъ и прибывшій въ столицу князь Паскевичъ. Представлявшихся государынѣ дамъ называла наша знакомая графиня Разумовская. Но вотъ представленіе кончилось.

— Очень интересную новость, обратилась государыня къ супругу, — сообщаетъ мнѣ графиня.

— Что такое?

— Графиня говоритъ, что въ Преображенскомъ полку есть офицеръ... Какъ его фамилія, графиня?

— Ко—вскій, ваше величество.

— Да, Ко—вскій. Такъ этотъ офицеръ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто того, чтобы веселиться съ товарищами, предпочитаетъ заниматься дѣломъ. Онъ хорошій хозяинъ и разводитъ дорогихъ куръ.

— Право? Это очень похвально, замѣтилъ государь. — Такъ познакомьте насъ, графиня, съ вашимъ офицеромъ. Михаилъ, обратился государь къ великому князю Михаилу Павловичу, — у тебя есть Ко—вскій, преображенецъ?... Прикажи его позвать.

Великій князь пошелъ отыскивать нашего куровода. Его сейчасъ же привели.

— Ты что же это мнѣ не сказалъ, что разводишь куръ?.. Я бы помогъ тебѣ. Пойдемъ... Государь желаетъ тебя видѣть.

Легко представить себѣ смущеніе поручика, когда онъ предсталъ передъ государемъ. Графиня представила его государю, который представилъ его Августѣйшей супругѣ.

— Надѣюсь, что вы покажете намъ вашихъ птицъ, сказала императрица. — Я очень люблю куръ; у меня въ Александріи ихъ много. А сколько ихъ у васъ?

— Пока еще не много, ваше величество; но весною думаю увеличить свою коллекцію.

— Очень хорошо, что ты занимаешься дѣломъ, сказалъ государь. — Я очень радъ слышать похвалу тебѣ отъ графини, и даже готовъ помочь тебѣ. Прикажу выдать тебѣ тысячу рублей на хозяйство. Жди насъ съ женой, мы пріѣдемъ къ тебѣ полюбоваться.

— И я прикажу вамъ выдать тысячу рублей на птичекъ, добавила государыня и милостиво подала офицеру руку, которую тотъ поцѣловалъ.

Слухъ объ этой монаршей милости, конечно, тотчасъ же разнесся по двору. Всѣ наперерывъ спѣшили знакомиться съ Ко—вскимъ и поздравить его. Словомъ, онъ сталъ героемъ дня.

Счастливый, довольный вернулся онъ домой.

IV.

Дѣлишки нашего образцоваго хозяина стали замѣтно поправляться. Въ это время онъ получилъ отъ отца изъ деревни немного денегъ, что̀ вмѣстѣ съ подарками царя и царицы дало ему возможность заплатить долги и вздохнуть. Онъ дѣйствительно купилъ нѣсколько паръ рѣдкихъ куръ. Въ домѣ графини, не обходившейся безъ его совѣтовъ, онъ сталъ своимъ человѣкомъ. Отношенія его къ Зинѣ, воспитанницѣ графини, день ото дня становились тѣснѣе и дружественнѣе. Графиня не замѣчала, или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ этихъ отношеній. Ко—вскій и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя въ домѣ графини какъ у родныхъ. Только частыя посѣщенія двухъ молодыхъ людей, блестящихъ представителей золотой молодежи того времени: князей Паскевича и Воронцова, сыновей знаменитыхъ отцовъ, на перебой ухаживавшихъ за красавицей Зиной, нарушали покой нашего героя. Онъ видѣлъ въ нихъ опасныхъ себѣ соперниковъ. Зина хотя и не подавала ни тому, ни другому ни малѣйшаго повода, но ревность все-таки душила его. Дѣло наконецъ дошло до того, что не сегодня—завтра который-нибудь долженъ былъ сдѣлать предложеніе. Ко—вскій рѣшился объясниться съ Зиной. Переговоривъ съ ней, когда графиня была отозвана куда-то на вечеръ и молодые люди остались вдвоемъ, онъ заручился ея согласіемъ и собирался скоро просить согласія графини. Вернувшись въ тотъ вечеръ домой, онъ нашелъ приказаніе князя Паскевича явиться къ нему на другой день по весьма нужному дѣлу. На утро, надѣвъ парадную форму, недоумѣвавшій офицеръ былъ уже къ девяти часамъ въ пріемной князя. Дежурный адъютантъ видимо имѣлъ уже распоряженіе и тотчасъ ввелъ его въ кабинетъ.

— Здравствуй, голубчикъ, любезно встрѣтилъ его князь. — Спасибо, что не отказалъ старику. Постараюсь въ долгу не остаться. Садись. Знаешь-ли, почему я позвалъ тебя?

— Не знаю, ваше сіятельство, но могу ручаться, что если только будетъ въ моихъ силахъ — исполню желаніе ваше, отвѣчалъ находчивый офицеръ.

Князь остался видимо доволенъ отвѣтомъ.

— Ну, спасибо, спасибо! Дѣло такое, что только отъ тебя и зависитъ. А ужъ какъ я-то буду благодаренъ! Да и не я одинъ... Еще свѣтлѣйшій Воронцовъ... Ну, да объ этомъ послѣ. А у меня чего хочешь проси. Коли у государя что̀ надо—попрошу его. Мнѣ, надѣюсь, не откажетъ!

— Ваше сіятельство, никакъ не могу придумать, чѣмъ бы могъ заслужить высокую вашу милость...

— Можешь, можешь!.. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ самыхъ пустякахъ... Не хочешь-ли жениться?.. А невѣста—красавица собой, воспитанная, умница, теперь еще не богатая, но какъ только ты сдѣлаешь предложеніе, станетъ очень и очень богатая. Сирота—стало-быть никакой родни на шею не навяжешь. Сватомъ буду я, а нѣтъ такъ и самъ государь. По рукамъ, что-ли?

— Ваше сіятельство, я никогда не отказался бы отъ столь лестнаго предложенія... Но я только вчера предложилъ руку и сердце одной дѣвицѣ и получилъ ея согласіе.

— Экій ты, братецъ, торопливый какой! что же ты ни съ кѣмъ не посовѣтовался!.. Да вѣдь я думаю это пустяки... Можно немного и пообождать, а тамъ и забудется.

— Ваше сіятельство! Это счастье всей моей жизни. Я люблю эту дѣвушку!.. Мы клялись...

Князь нахмурился.

— Это все мы слыхали. Клятвы, увѣренія... Да что она богата?

— Нѣтъ. У нея ничего нѣтъ!

— А у тебя?.. Эполеты, да двѣ тысячи на пѣтуховъ и куръ. Поздравляю!.. Да вѣдь однѣми курами сытъ не будешь, надоѣстъ, поигралъ графъ словами.

— Я буду служить, работать...

— Это тоже извѣстно. Да кто она такая?.. Не секретъ?

— Воспитанница графини Разумовской.

— Зиночка!?. Что же ты мнѣ раньше не сказалъ?.. Я бы и отговаривать не сталъ. Это другое дѣло. Я искренно желаю тебѣ добра. Зина дѣвушка очень хорошая... Ты говорилъ съ графиней?

— Нѣтъ еще, ваше сіятельство, не успѣлъ.

— Ну, не трудись. Въ четвергъ у меня балъ, — пріѣзжай. Все устрою. Этотъ выборъ дѣлаетъ тебѣ честь; показываетъ, что ты не корыстенъ. Такъ всегда долженъ поступать честный офицеръ. Такъ смотри, не забудь. Въ четвергъ. А теперь поѣзжай къ свѣтлѣйшему; онъ ждетъ тебя. Передай ему нашъ разговоръ. Объясни, что я знаю, на комъ ты женишься и прошу его принять въ тебѣ участіе. Да вотъ, лучше я напишу ему нѣсколько словъ. Вотъ свези.

Ко—вскій откланялся.

V.

У свѣтлѣйшаго Воронцова Ко—вскій встрѣтилъ тотъ же радушный и любезный пріемъ. Прочитавъ записку князя Паскевича, свѣтлѣйшій улыбнулся и видимо довольный обратился къ Ко—вскому:

— Князь рекомендуетъ тебя съ лучшей стороны. Онъ въ восторгѣ отъ благородства твоего выбора; поздравляю тебя. Надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ удовольствіи быть тебѣ полезнымъ. Но прежде скажи пожалуйста, не сынъ-ли ты Андрея Васильевича, съ которымъ я когда-то служилъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство, я его сынъ.
— Что онъ живъ, здоровъ?.. Какъ живетъ?.. Что подѣлываетъ?.. Старый пріятель!
— Отецъ живетъ въ Смоленской губерніи, въ своей деревенькѣ. Послѣднее время онъ очень хвораетъ. Я старшій сынъ. Кромѣ меня, у него восемь человѣкъ дѣтей.
— Будешь писать, кланяйся отъ стараго сослуживца. Очень радъ, что судьба меня свела съ тобою и что я могу его сыну отплатить за услугу, оказанную имъ въ молодости мнѣ. Позволь же мнѣ обращаться съ тобой, какъ съ роднымъ сыномъ. Ты не богатъ, женишься. Я беру на себя устроить состояніе твоей будущей жены. На комъ ты женишься?
— Я еще не смѣю сказать положительно, потому что не имѣю согласія графини Разумовской. Но завѣтнѣйшей мечтой моей было бы жениться на ея воспитанницѣ.
— На Зинѣ! Прекрасно. Такой выборъ дѣлаетъ тебѣ честь. Я увѣренъ, что ты получишь согласіе графини. Очень, очень радъ за тебя! Поздравляю отъ души.
— Благодарю вашу свѣтлость. Не знаю, чему приписать ваше милостивое отношеніе ко мнѣ.
— Напиши отцу. Обрадуй его. Да, впрочемъ, я самъ ему напишу и попрошу благословить тебя. Теперь прощай. Въ четвергъ у князя Паскевича балъ. Ты будешь?
— Князь приказалъ мнѣ явиться.
— Ну, вотъ и прекрасно. Увидимся.
Изумленный, обрадованный, Ко—вскій вышелъ изъ кабинета Воронцова.

VI.

Настала наконецъ, ожидавшійся съ столь понятнымъ нетерпѣніемъ Ко—вскимъ, четвергъ. Къ девяти часамъ вечера великолѣпный домъ князя Паскевича, освѣщенный à giorno, широко открылъ гостепріимныя двери то и дѣло подъѣзжавшимъ гостямъ.

Широкая мраморная лѣстница, устланная дорогимъ ковромъ, и роскошно убранная экзотическими растеніями, со стоявшими по бокамъ гайдуками и скороходами въ богатыхъ ливрейныхъ фракахъ, являла собою прекрасную картину при самомъ входѣ. На верхней площадкѣ этой лѣстницы, кончавшейся зеркальной аванзалой, встрѣчали гостей хозяинъ и хозяйка. Для каждаго вновь прибывающаго у нихъ находилось любезное, радушное слово. Привѣтствовавъ хозяевъ, гости проходили через рядъ горѣвшихъ тысячью огней комнатъ въ гостиную, гдѣ составлялись кружки разговаривавшихъ. Комнаты мало-по-малу наполнялись гостями, но балъ не начинался: ожидали пріѣзда государя и государыни, обѣщавшихъ почтить князя Паскевича своимъ присутствіемъ.

Ровно въ десять часовъ вечера у подъѣзда остановился царскій экипажъ. Князь-хозяинъ сошелъ въ нижнюю пріемную чтобы встрѣтить царственныхъ гостей у самаго входа и сопровождать ихъ по ступенямъ лѣстницы до верху, гдѣ высокая чета встрѣчена была княгиней и дамами. Обмѣнявшись привѣтствіями, государь подалъ руку княгинѣ, и пропустивъ князя съ государыней впередъ, пошелъ въ залу. Едва вступили въ залу, какъ раздались звуки скрытаго за живою изгородью тропическихъ растеній превосходнаго оркестра и безсмертный полонезъ изъ „Жизни за Царя“ огласилъ чертог... Государь, милостиво разговаривая съ княгиней, прошелъ туръ. Пара за парой слѣдовали за нимъ гости блестящей вереницей. Дойдя до двери въ гостиную государь остановился. Тотчасъ вокругъ царской четы образовалась блестящая группа. Князь Паскевичъ съ супругой, свѣтлѣйшій князь Воронцовъ, графъ Адлербергъ, Меншиковъ, Горчаковъ, Барятинскій, графъ Бенкендорфъ, графиня Разумовская, княгиня Оболенская и нѣсколько другихъ дамъ составляли эту группу. Государь далъ знакъ къ началу танцевъ. Тотчасъ раздались звуки Ланнеровскаго вальса и молодой князь Паскевичъ съ великой княгиней Еленой Павловной открыли балъ. Въ числѣ танцующихъ былъ и нашъ знакомецъ, сіявшій удовольствіемъ. Онъ танцовалъ съ Зиной и успѣлъ пригласить ее на кадриль. Государь и государыня, полюбовавшись танцами, прошли въ гостиную, гдѣ образовавшійся кружокъ приближенныхъ началъ бесѣду.
— Ваше величество, обратился къ государю князь, — всегда такъ добры и милостивы къ вашимъ офицерамъ, что я рѣшился просить васъ за одного изъ нихъ.
— Что такое?
— Вы изволите помнить преображенца Ко—вскаго?
— Какъ же, какъ же! Это который такой усердный хозяинъ. Объ немъ, кстати, говорилъ мнѣ вчера Воронцовъ. Жениться хочетъ? Такъ, кажется?
— Точно такъ.
— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Женить его. Я съ женой и благословлю. На комъ онъ хочетъ жениться?
— На воспитанницѣ графини Разумовской. Но сомнѣвается въ согласіи графини. Конечно, если-бъ ваше величество замолвили за него словечко, его счастье было-бъ устроено.
— Что-жъ! Съ удовольствіемъ. Да вотъ и графиня здѣсь, разговариваетъ съ императрицей. Прикажи позвать твоего протеже. Онъ здѣсь?
— Здѣсь.
Князь послалъ адъютанта за Ко—вскимъ; тотъ не замедлилъ явиться.
— Здравствуй, братъ, милостиво обратился къ нему государь. — Князь говорилъ мнѣ, что ты хочешь жениться на воспитанницѣ графини Разумовской. Это дѣло хорошее, въ особенности съ твоими наклонностями къ хозяйству. Князь просилъ меня быть сватомъ. Пойдемъ къ графинѣ. Да кажется, она же и познакомила меня съ тобой.
Государь, князь Паскевичъ и Ко—вскій подошли къ графинѣ, вставшей при приближеніи Николая Павловича.
— Графиня, началъ государь, — я прихожу просить васъ за вашего протеже. Этотъ офицеръ, поручикъ Преображенскаго полка Ко—вскій проситъ у васъ руки вашей воспитанницы. Къ его просьбѣ я присоединяю и мою. Кромѣ того, рекомендую его вамъ, графиня, по отзывамъ его командира, съ самой лучшей стороны. Въ вашихъ рукахъ его счастье. Рѣшайте.
— Такая честь рѣдко выпадаетъ кому на долю, государь. Я такъ восхищена вашимъ великодушіемъ и высокой милостью, что конечно съ радостью согласна. Вотъ только какъ сама Зина?
— Да, въ самомъ дѣлѣ, князь, какъ мы съ тобой объ этомъ не подумали! Ко—вскій, ты говорилъ съ нею? Она согласна?
— Согласна, ваше величество.
— Ну, значитъ дѣло кончено. Когда назначишь день свадьбы, скажи мнѣ. Я буду тебя благословлять. Если хочешь, попрошу императрицу.
— Ваше величество, воскликнулъ осчастливленный Ко—вскій, — не знаю, какъ благодарить за высочайшую милость!
— Не надо благодарить. Служи вѣрой и правдой — вотъ и благодарность. Поздравляю. Ну, отправляйся къ невѣстѣ. Она, я думаю, ждетъ не дождется.

VII.

Черезъ мѣсяцъ состоялась свадьба Ко—вскаго съ Зиной. Государь и государыня осчастливили ихъ своимъ присутствіемъ и благосклонно исполняли обязанности посаженыхъ родителей. Князь Паскевичъ взялъ Ко—вскаго къ себѣ въ адъютанты. Свѣтлѣйшій Воронцовъ тоже сдержалъ свое слово и подарилъ невѣстѣ землю въ Крыму съ превосходными виноградниками. Такимъ образомъ карьера и состояніе нашего пріятеля были обезпечены. Послѣ того, командуя полкомъ, онъ былъ раненъ въ Севастопольскую кампанію и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ умеръ въ Крыму.

Остается сказать нѣсколько словъ о виновницахъ его благосостоянія — курахъ. Кто бывалъ въ Петергофѣ, навѣрно любовался прелестными деревеньками расположенныхъ вкругъ Бабьегонскихъ высотъ. Деревни эти носятъ названія по уменьшительнымъ именамъ дѣтей императора Николая Павловича: Сашино, Костино, Колино, Мишино, Машино. Въ первой изъ нихъ, именно въ Сашинѣ, есть домикъ въ швейцарскомъ вкусѣ очень изящной архитектуры. Въ числѣ разныхъ вещей, находящихся въ этомъ домикѣ, есть нѣсколько куриныхъ чучелъ. Куры, дѣйствительно рѣдкой породы и чучелы набиты замѣчательно хорошо. На ярлыкахъ, висящихъ на серебряныхъ цѣпочкахъ, можно прочесть: „Куры эти, бразильской породы, принесены въ даръ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ поручикомъ л.-гв. Преображенскаго полка Ко—вскимъ въ 1848 году“.

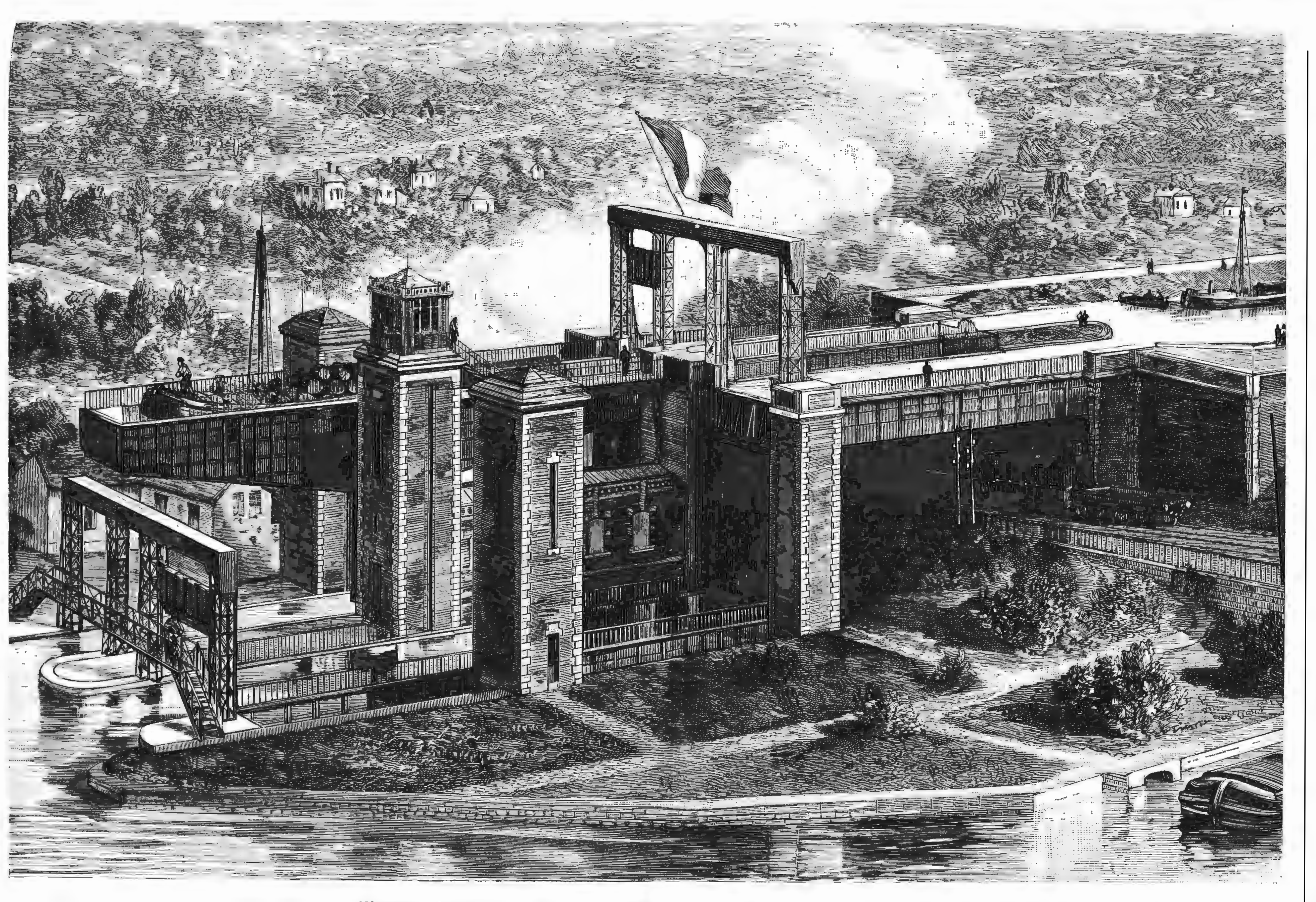
Словоохотливый инвалидъ, охраняющій домикъ, съ удовольствіемъ разсказываетъ изложенную легенду, дополненную и провѣренную близко стоявшими къ дѣйствующимъ лицамъ особами. Интересными подробностями мы обязаны генералъ-лейтенанту Константину Петровичу Дубельту.

Система ароматовъ, развиваемыхъ цвѣтами растеній.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ II томѣ своей „Pflanzenleben“, извѣстный ботаникъ Кёрнеръ фонъ-Марилаунъ представляетъ любопытную и широкую попытку опредѣленія основныхъ группъ, на которыя распадаются запахи, развиваемые цвѣтами растеній, т. е., попытку внести научный порядокъ въ область, представлявшую лишь рядъ разрозненныхъ, хотя, въ большинствѣ случаевъ, общеизвѣстныхъ понятій. Такъ всякій знаетъ, что розы пахнутъ розами, гіацинты—гіацинтами, фіалки — фіалками и т. д. Но отвѣтъ, отчего розы пахнутъ розами и пр.,—это, конечно, уже совсѣмъ другое дѣло, и притомъ весьма сложное. Что въ растительныхъ ароматахъ, такъ называемыя, эфирныя масла играютъ основную роль, это химики выяснили давно, и рядъ этихъ соединеній, — развивающихъ тѣ или другіе ароматы,—можетъ быть полученъ помимо природы, въ лабораторіи, средствами химика. Кёрнеръ пытается теперь установить, къ какимъ главнымъ химическимъ типамъ можно пріурочить все разнообразіе цвѣточныхъ запаховъ.

Онъ различаетъ пять этихъ главныхъ типовъ, а именно ароматы: индолоидные, аминоидные, бензолоидные, парафиноид-

Пастухи. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **И. Волкова,** грав. Флюгель.



Шлюзъ „Les Fontinettes" близъ Сентъ-Омера во Франціи. Грав. Тилли.

ные и терпеноидные. Большинству читателей,—не свѣдущему въ химіи или поверхностно знакомому съ ея основаніями,—было-бы затруднительно разбираться въ понятіяхъ о существѣ и характеристикахъ внутренняго строенія этихъ типовъ; а поэтому, здѣсь можно ограничиться лишь указаніемъ, преимущественно, внѣшнихъ признаковъ названныхъ группъ.

Первую группу образуютъ азотистыя пахучія вещества, образующіяся при разложеніи бѣлковыхъ соединеній. Вещества эти относятся къ дурно-пахучимъ: запахъ ихъ похожъ на запахъ гнилаго мяса, гнилой рыбы, помета животныхъ и пр. Эти далеко не ароматные ароматы развиваются массою растеній: стапеліями южной Африки, баланофореями, нѣкоторыми изъ тропическихъ орхидныхъ, значительнымъ числомъ аристолохій и пр. Множество ароидныхъ, къ которымъ принадлежитъ столь распространенный въ комнатной культурѣ широколистный арумъ, также выдыхаютъ изъ своихъ цвѣтовъ подобный ароматъ, такъ что цвѣтоводы находятъ нужнымъ предостерегать любителей комнатныхъ растеній и указывать, что арумы развиваютъ, при цвѣтеніи, „отвратительный запахъ“.

Несмотря на то, что нашему обонянію подобнаго рода запахи непріятны и могутъ совершенно уронить въ нашихъ глазахъ растенія, распространяющія ихъ, самимъ растеніямъ они оказываютъ большія услуги. Дѣло въ томъ, что такіе запахи привлекаютъ къ цвѣтамъ различныхъ насѣкомыхъ, которымъ падаль и вообще животная гниль служатъ пищею или мѣстомъ для кладки яицъ, при чемъ выходящія изъ яичекъ личинки и питаются именно этими разлагающимися веществами. Чуя пріятный ему запахъ, насѣкомое садится на вонючій цвѣтокъ, полагая, что тутъ падаль, и старательно отъискиваетъ ее, роясь въ немъ. Это именно и нужно растенію: насѣкомое въ то же время пачкается въ цвѣточной пыли, вырабатывающейся на концахъ тычинокъ, и, напудрившись ею, перелетаетъ къ другому цвѣтку; здѣсь,—копаясь снова и въ немъ,—оно сбрасываетъ часть насѣвшей на него пыльцы на рыльце пестика этого другаго цвѣтка,—безъ чего не могло-бы образоваться плода, стало быть, и сѣмянъ. При этомъ, иное насѣкомое можетъ потрудиться попусту, т. е., перешарить въ цвѣткѣ все, до убѣжденія, что никакой въ немъ падали нѣтъ, и перелетѣть на другое мѣсто, гдѣ будетъ снова введено въ такое-же заблужденіе, и т. д.—пока, наконецъ, не натолкнется на дѣйствительную падаль. Но большинство, несомнѣнно, находитъ пригодные для себя соки и въ самихъ этихъ цвѣтахъ. Кромѣ этой услуги, дурные запахи ароматовъ индолоидной группы, могутъ оказывать растеніямъ, развивающимъ ихъ, и другую,—отгоняя животныхъ, вредныхъ имъ, вообще, въ томъ числѣ и такихъ, которымъ, безъ этого, они могли-бы годиться въ пищу.

Ароматы аминоидной группы, въ крайней формѣ, выражаются веществами, напоминающими отдаленно запахъ аммiака (или иначе, — нашатырнаго спирта), какъ, напр., у пахизандры и сангвинаріи,— двухъ растеній Сѣверной Америки. Но въ другихъ случаяхъ, присутствіе амміака, въ силу химическаго соединенія съ нимъ различныхъ спиртовъ или алкоголей, не выражается сколько-нибудь опредѣленно, какъ, напр., въ веществѣ, обусловливающемъ запахъ цвѣтовъ боярышника (Crataegus), зависящій, тѣмъ не менѣе, отъ такъ-называемаго химиками триметилъ-амина, — соединеніе съ амміачною основою. Тотъ-же запахъ, т. е., цвѣтовъ боярышника, съ тѣми или другими отклоненіями, представляютъ цвѣты груши, кизила, рябины, иныхъ таволгъ, краснаго дерна, калины, каштана, бузины, ломоноса и барбариса. Нѣсколько болѣе уклоняющійся, но тогоже типа въ существѣ, запахъ развивается цвѣтами божьяго дерева, дикаго каштана, ослинника (ночная свѣча) и маннаго ясеня. Цвѣты плюща имѣютъ запахъ, похожій на запахъ селедочнаго разсола, а цвѣты альпійскаго мака напоминаютъ, по запаху, отчасти боярышникъ, а отчасти мускусъ.

Такимъ образомъ, запахи двухъ этихъ группъ не принадлежатъ, очевидно, къ благовоннымъ. Но запахи третьей группы,—бензолоидные,—благовонны, и къ ней относятся самые любимые и самые распространенные въ парфюмеріи. Многія изъ веществъ, обусловливающія этотъ родъ ароматовъ, хорошо изслѣдованы химиками, какъ цинамильный алкоголь, салицилальдегидъ, кумаринъ и др. Существенными типами бензолоидной группы Кёрнеръ считаетъ ароматы: гвоздичный, гіацинтовый, нѣкоторыхъ изъ таволгъ, Asperula (душистое растеніе, часто встрѣчающееся въ германскихъ лѣсахъ и идущее на приготовленіе нѣмецкаго „Майскаго напитка“,—Maitrank), ванилевый, сиреневый, ландышевый, резедовый, жасминный, первоцвѣта, акаціевый, фіалковый, цикламеновый, Pawlowniae, илянговый и сливовый.

Разрѣзъ шлюза на каналѣ Neuf-fossé.

Весьма любопытно явленіе, что одни и тѣ же изъ бензолоидныхъ ароматовъ развиваются растеніями самыхъ различныхъ семействъ. Такъ гвоздичный ароматъ оказывается свойственнымъ нѣкоторымъ орхиднымъ, желтой смородинѣ, нарциссу и т. п., гіацинтовый ароматъ встрѣчается у темноцвѣтныхъ пеларгоній, и т. д. Даже столь рѣдкіе ароматы, какъ сиреневый и ландышевый, развиваются другими—хотя и не многими,—вовсе не родственными, цвѣтами; послѣдній, напр., мексиканскимъ кактусомъ Echinocactus Tetani. Рядъ такихъ фактовъ указываетъ, безъ сомнѣнія, что ароматы огромнаго числа растеній, относящихся, по своему запаху, къ бензолоидной группѣ, обусловливаются, въ сущности, довольно ограниченнымъ числомъ химическихъ соединеній, такъ что громадная масса многообразнѣйшихъ растительныхъ организмовъ вырабатываетъ, при цвѣтеніи, одни и тѣ же вещества,—сводящіяся къ немногимъ химическимъ типамъ.

Въ составѣ ароматовъ парафиновой группы химиками изучено довольно много веществъ; напр., валеріановая кислота, обусловливающая запахъ цвѣтовъ различныхъ видовъ валеріаны; пеларгоновая кислота, принимающая участіе въ образованіи аромата розы,—особенно, центифольныхъ розъ; рутовое масло, составляющее причину запаха цвѣтовъ различныхъ рутовыхъ; энантовый эфиръ, который можно считать основаніемъ аромата цвѣтовъ винограда и гледичій, и пр. Къ этой группѣ относятся, далѣе, ароматы: липовый, Datura, Sambucus nigra и капроновый, зависящій отъ капроновой кислоты.

Кёрнеръ считаетъ родственнымъ съ ароматами также этой группы весьма широко распространенный въ цвѣтахъ — медовый ароматъ. Въ чистомъ видѣ это ароматъ, испускаемый свѣжимъ сотовымъ медомъ, и къ нему именно очень приближаются запахи терновника, абрикоса, вишневика, миндальнаго дерева, Herminium, принадлежащаго къ орхиднымъ, клоповника и др. Въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ онъ свойственъ цвѣтамъ множества растеній,—напр., черемухи, альпійской незабудки, ивъ, многихъ тюльпановъ и др. Столь извѣстный слад-

кій ароматъ клевера или кашки представляетъ также одинъ изъ видовъ медоваго аромата.

Въ терпеноидной группѣ наиболѣе извѣстенъ померанцевый ароматъ, обусловливаемый нероліевымъ масломъ и встрѣчающійся, кромѣ цвѣтовъ померанца, также въ цвѣтахъ гарденій, сибирской Pirus baccata и магноліи; въ послѣднихъ нѣсколько видоизмѣненнымъ. Кромѣ того, Кёрнеръ включаетъ въ эту группу еще ароматы лимонный и лавандовый, обусловливаемые лимоннымъ и лавандовымъ маслами.

Къ этимъ основнымъ типамъ и сводится пестрая масса благовоній и зловоній, выдѣляемыхъ цвѣтущими растеніями въ атмосферу. Въ увеличеніи разнообразія ихъ, въ частностяхъ, важное значеніе имѣетъ то, что въ цвѣтахъ различныхъ растеній встрѣчаются два пахучихъ вещества разомъ; въ особенности, медовый ароматъ часто является въ соединеніи съ другими.

Выше было указано, что однородные ароматы развиваются весьма разнородными растеніями. Въ противоположности съ этимъ весьма любопытенъ фактъ, что близко сродные и сходные по наружности виды отличаются различными ароматами. Такъ, напр., въ родѣ Daphne цвѣты одного вида имѣютъ ванилевый, другаго—сиреневый, третьяго—фіалковый и четвертаго—гвоздичный ароматъ. Особенно это рѣзко замѣтно у розъ, гдѣ различные виды можно отличить, закрывъ глаза, по запаху.

Значеніе цвѣточныхъ ароматовъ по отношенію къ самимъ растеніямъ намѣчено при очеркѣ ароматовъ индолоидной группы. Понятно, равнымъ образомъ, какія услуги оказываютъ они животнымъ, которыя, напр., питаются выдѣленіями цвѣтовъ, или жизнь которыхъ вообще связана съ растеніями: ароматъ для нихъ прекрасный руководитель, чтобы найти необходимое растеніе и сразу легко отличить его отъ другихъ.

Но, по всей вѣроятности, цвѣточные ароматы имѣютъ большое значеніе и для людей,—которое, можетъ быть, далеко еще не оцѣнено въ наше время.

Дѣло въ томъ, что цвѣточные ароматы—химическія вещества и, несомнѣнно, способны къ химическому дѣйствію. Вдыханіе ихъ въ себя не можетъ быть безразлично для организма: они должны дѣйствовать на него и прежде всего на нервную систему. Извѣстно, далѣе, что растенія вообще, а въ частности, цвѣтущія и пахучія, нерѣдко составляютъ предметъ пристрастія, и даже страсти,—въ отдѣльныхъ, правда крайне рѣдкихъ, случаяхъ достигающей до степени маніи. Въ умѣренной формѣ любовь къ растеніямъ столь широко распространена, что растенія въ домахъ,—преимущественно ароматическія, хотя и съ грубымъ ароматомъ, какъ, напр., гераніумы, можно встрѣтить даже въ любой деревнѣ. Въ виду этихъ фактовъ невольно приходится остановиться надъ вопросомъ: не вносятъ-ли растенія, именно пахучія, въ обстановку людей нѣкоторыя вещества, дѣйствующія на нервную систему и существенно необходимыя для людей, въ силу ихъ жизни въ искусственныхъ условіяхъ,—причемъ организмъ инстинктивно отыскиваетъ то, что подходитъ для него, а организмъ чуткій и нервный уже требуетъ этого съ нѣкоторою настойчивостью и страстностью. Врачебная наука, отчасти, считается съ этимъ, требуя удаленія изъ комнатъ на время сна иныхъ сильно-ароматическихъ растеній; ландышевая настойка дается врачами при нѣкоторыхъ нервныхъ страданіяхъ сердца и пр.

Далѣе, цвѣточные ароматы, въ видѣ разнообразнѣйшихъ продуктовъ парфюмерной промышленности, составляютъ серьезную принадлежность образованной жизни и, несомнѣнно, принимаютъ свою долю участія въ созданіи бодраго, веселаго и радостнаго настроенія духа: какое-же большое собраніе мыслимо безъ духовъ! Но въ то же время оно,—какъ и веселое настроеніе духа, — не мыслимо безъ извѣстнаго возбужденія нервной системы и здороваго,—по крайней мѣрѣ, на время, — сердца...

Едва-ли можно сомнѣваться, что послѣдующія поколѣнія натуралистовъ выяснятъ, какихъ великихъ друзей люди имѣютъ въ растеніяхъ,—именно, въ цвѣтущихъ и развивающихъ ароматы,—и какими причинами обусловливается потребленіе столь многихъ милліоновъ гіацинтовъ, нарцисовъ, ландышей, розъ и пр., ежегодно производимыхъ и распространяемыхъ въ мірѣ цвѣтоводами всѣхъ странъ, въ особенности, Голландіи, Франціи и Германіи.

Д. Аленицынъ.

Къ рисункамъ.

Ни, ни! (Рис. на стр. 700).

Дѣти солнечнаго всхода,
Пестрыхъ нажитей цвѣты,
Васъ взлелѣяла природа
Въ честь любви и красоты.
Но томленіе разлуки
Выношу я не скорбя;
Другъ мой нѣжный! эти руки
Вьютъ подарокъ для тебя.
Жизнь и душу, страсть и рѣчи,
Сердца нѣжныя предтечи
Вамъ теперь передаю...

Такъ пѣла молодая красавица, въ ожиданіи друга. Но лишь только онъ подошелъ—„ни, ни!“ шепчетъ лукавая шалунья.

Пандора. (Рис. на стр. 701).

Источникомъ всѣхъ золъ и бѣдъ, по разсказамъ древнихъ грековъ, былъ Зевесъ, который въ гнѣвѣ на Прометея за похищенный для людей небесный огонь, рѣшилъ одарить смертныхъ обитателей земли вмѣстѣ съ этимъ благомъ всякими несчастіями. По повелѣнію „отца боговъ и людей“ Гефестъ создалъ изъ земли и воды изваяніе женщины, чрезвычайной красоты и прелести. Всѣ небожители щедро наградили ее всевозможными дарами. Афродита и Муза одарили ее привлекательностью, Гермесъ научилъ льстивой рѣчи и тонкой хитрости, а Аѳина—рукодѣліямъ. Имя этой чудной женщинѣ дали Всеодаренная—Пандора. Самъ Зевесъ вручилъ ей золотой закрытый сосудъ, въ которомъ заключены были всѣ человѣческія бѣдствія вмѣстѣ съ надеждой. Передавая Пандорѣ свой подарокъ, Громовержецъ наказалъ не открывать сосудъ. Послѣ того Гермесъ отвелъ Пандору на землю, а тамъ ее взялъ въ жены Епиметей, братъ Прометея. Не долго могла противостоять красавица Пандора соблазну и вскорѣ открыла завѣтный сосудъ. Мгновенно вырвались оттуда плачъ и печаль, болѣзнь и забота, гнѣвъ и обида, и всѣ безчисленныя несчастія, и стали терзать людей. Только надежду удалось удержать въ сосудѣ. Такъ полагали эллины, что все злосчастіе идетъ отъ женщины, но она-же и держитъ въ своихъ рукахъ надежду.

Свиданіе Петра Великаго съ малолѣтнимъ королемъ Французскимъ, Лудовикомъ XV.

(Рис. на стр. 705).

Петръ Великій, во время своего втораго путешествія по Европѣ, посѣтилъ Францію въ апрѣлѣ 1717 года. Онъ стремился въ Парижъ не только потому, что его привлекала свойственная ему любознательность и желаніе ознакомиться съ городомъ, пользовавшимся всемірною извѣстностью, Петръ имѣлъ также и нѣкоторые дипломатическіе виды на Францію. Съ одной стороны онъ хотѣлъ проложить путь къ сватовству своего сына, царевича Алексѣя Петровича *) на принцессѣ Орлеанской; съ другой стороны, онъ мечталъ даже о возможности устроить (въ будущемъ) бракъ между цесаревною Елисаветою Петровною и малолѣтнимъ королемъ Лудовикомъ XV.

Такъ какъ Франціею правилъ въ это время герцогъ Орлеанскій, заступавшій мѣсто регента, за малолѣтствомъ короля Лудовика XV, то съ его стороны были приняты всѣ мѣры, чтобы оказать возможно-болѣе блестящій и великолѣпный пріемъ знаменитому гостю, которому предшествовала слава побѣдъ, одержанныхъ надъ Карломъ XII. Навстрѣчу русскому царю высланъ былъ одинъ изъ именитѣйшихъ сановниковъ современной Франціи, который встрѣтилъ Петра на границѣ и привезъ его въ Парижъ 26 апрѣля 1717 г.

Петру были приготовлены роскошные покои въ Луврскомъ дворцѣ; но онъ не остался въ отведенной ему половинѣ, гдѣ блескъ и великолѣпіе обстановки его страшно стѣсняли, и охотно переселился въ скромный и уединенный дворецъ де-Лэдигьеръ, близъ арсенала. Но приставленный къ особѣ Петра, ради церемоніала, маршалъ Тессе и почетный караулъ изъ гвардейцевъ все-таки стѣсняли его. Притомъ приходилось безпрестанно принимать разныхъ почетныхъ посѣтителей, являвшихся съ визитомъ, приходилось и имъ отдавать визиты, такъ что у Петра почти не оставалось времени на осмотръ достопримѣчательностей Парижа. Это сердило великаго государя и часто вызывало съ его стороны даже такой способъ дѣйствій, который щепетильнымъ парижанамъ казался верхомъ безцеремонности. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удивительная простота жизни и всѣхъ пріемовъ Петра поражала французовъ, и они говорили о немъ съ удивленіемъ, почти съ восторгомъ. Особенно много толковъ въ придворной средѣ вызвалъ обмѣнъ визитовъ между Русскимъ царемъ и малолѣтнимъ королемъ Французскимъ Лудовикомъ XV.

Черезъ три дня послѣ пріѣзда Петра въ Парижъ, къ скромному дворцу де-Лэдигіеръ подъѣхала громадная вереница богатѣйшихъ придворныхъ экипажей, запряженныхъ цугами коней въ великолѣпной сбруѣ и уборахъ изъ страусовыхъ перьевъ. Изъ передней кареты вышелъ дядька королевскій, герцогъ Виллеруа, вывелъ за руку изъ экипажа семилѣтняго короля, и повелъ его торжественно ко дворцу, занимаемому Петромъ. За королемъ-младенцемъ и за герцогомъ шла многочисленная и блестящая свита. Царь вышелъ королю навстрѣчу, выслушалъ привѣтствіе, которое герцогъ сказалъ отъ лица своего воспитанника, потомъ вмѣсто всякихъ обычныхъ расшаркиваній и церемоніальныхъ поклоновъ, взялъ короля на руки и поцѣловалъ его нѣсколько разъ съ особенною нѣжностью. Послѣ этого оба государя (Петръ по лѣвую руку, король по правую)

*) Незадолго передъ тѣмъ, царевичъ Алексѣй овдовѣлъ, оставшись молодымъ вдовцомъ съ двумя дѣтьми на рукахъ.

очень церемонно вступили во дворецъ. Посидѣвъ немного въ гостяхъ у русскаго царя, обмѣнявшись съ нимъ привѣтствіями и вопросами черезъ переводчика (Петръ не говорилъ по-французски), король прилично раскланялся и удалился. Царь въ тотъ-же день писалъ о немъ въ Россію, супругѣ своей: „Визитовалъ меня здѣшній королище, который пальца на два больше Луки нашего (придворнаго карлика), дитя зѣло изрядное вообразомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ...“

На другой день царь отдалъ визитъ королю, и при этомъ случаѣ опять выказалъ себя чрезвычайно простымъ и ласковымъ въ обращеніи съ ребенкомъ. Увидѣвъ, что король-младенецъ спѣшитъ навстрѣчу ему къ каретѣ, Петръ поспѣшно выскочилъ изъ нея, самъ побѣжалъ навстрѣчу къ Людовику XV, подхватилъ его на руки и внесъ по лѣстницѣ въ залу, нѣжно прижимая къ груди своей.

Придворные, пріученные къ китайскому церемоніалу встрѣчъ и пріемовъ того времени между особами коронованными — не могли надивиться добродушію русскаго царя и тому полному пренебреженію, которое онъ выказывалъ ко всякимъ церемоніаламъ, вынуждавшимъ его терять время безъ пользы.

Художникъ изобразилъ именно тотъ моментъ, когда Петръ вноситъ Людовика XV съ крыльца въ залу, и въ выраженіи лицъ придворныхъ прекрасно передалъ удивленіе, вызванное вполнѣ естественнымъ добрымъ порывомъ царя къ королю-младенцу. **П.**

Пастухи. (Рис. на стр. 708).

Извѣстный читателямъ, талантливый сотрудникъ нашъ, съ обычнымъ мастерствомъ воспроизводитъ передъ нами самую заурядную, но типическую въ своей неизмѣнности сцену. На зарѣ, передъ восходомъ солнца, всѣ избы полусоннаго села оглушаются пронзительною тягучею трелью. Хозяйки торопливо покидаютъ кто постель, а кто и начатыя уже дѣла и спѣшатъ къ хлѣвамъ, выгоняя на паству буренушекъ, пѣгашекъ и прочихъ представительницъ молочнаго хозяйства. На улицѣ, посреди села, стоитъ поднявшій всю эту тревогу пастухъ и крошечный подпасокъ, старательно подыгрывающій ему на своей миніатюрной свирѣли.

Гидравлическій подъемъ судовъ на каналѣ Neuf-fossé близь Сентъ-Омера. (Рис. на стр. 709).

Каналъ Neuf-fossé близь Сентъ-Омера имѣетъ главною задачей обезпеченіе сообщеній Парижа съ лежащими на сѣверъ отъ него мѣстностями и находящимися тамъ морскими гаванями. Вслѣдствіе значительнаго склона почвы у Фонтинетта, здѣсь было устроено 5 шлюзовъ старой системы, которые сильно задерживали судоходство, требуя чтобы каждое судно оставалось въ нихъ 2—2½ часа. Такъ какъ движеніе судовъ въ этой мѣстности очень возросло, то неудобство это становилось все ощутимѣе и настоятельно требовало устраненія. Управленіе каналомъ вынуждено было приступить къ его перестройкѣ и замѣнило 5 шлюзовъ единственнымъ судоподъемомъ, который, будучи построенъ по англійскому образцу, замѣнилъ собою всѣ 5 шлюзовъ, т. е. имѣетъ болѣе 13 метровъ высоты. При этомъ въ краткій промежутокъ времени 20 минутъ переправляются два судна разомъ, такъ что дѣйствіе этого подъема въ 12—15 разъ превосходитъ прежнюю работу шлюзовъ. Теперь судно прямо изъ канала входитъ въ наполненную водой шлюзную камеру въ 45 метровъ длины, 6 метровъ ширины и 2 метра глубины, а затѣмъ вмѣстѣ съ водой и камерой, поднимается однимъ взмахомъ. Собственно поднятіе длится лишь 4—5 минутъ, остальное время, до 15—16 минутъ, употребляется на входъ и выходъ судна, на прилаженіе и скрѣпленіе затворовъ и проч. Такъ какъ весь поднимаемый грузъ составляетъ 842,000 килограммовъ (т. е. приблизительно вѣсъ двухъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ съ 42 вагонами двойной нагрузки каждый), и грузъ этотъ поднимается на высоту 13 метровъ, то работа соотвѣтствуетъ силѣ приблизительно 480 лошадей.

Читатели конечно подумаютъ, что для это нужны громадныя машинныя сооруженія. Ничуть не бывало: вся работа идетъ, такъ сказать, сама собою. Потребную, весьма незначительную силу должна доставить вода Верхняго канала, а постороннюю помощь даже не берутъ въ расчетъ.

На большомъ рисункѣ видно общее расположеніе сооруженій. Передъ нами двѣ шлюзныя камеры, которыя такъ соединены между собою, что одна опускается, когда другая поднимается, совершенно такъ какъ чашки вѣсовъ; только вмѣсто чашекъ здѣсь шлюзныя камеры, а вмѣсто металлическаго коромысла—водяное. Съ Верхняго канала только что вошло въ шлюзную камеру прибывшее судно, нижняя камера готова принять судно. Процессъ этотъ можетъ тотчасъ затѣмъ повториться, и такъ идетъ безъ конца.

Аппаратъ въ главныхъ чертахъ—какъ видно на прилагаемомъ чертежѣ (стр. 710)—состоитъ изъ двухъ шлюзныхъ камеръ листоваго желѣза. Каждая изъ нихъ серединою своей утверждена на стержнѣ поршня, опускающагося въ цилиндръ гидравлическаго насоса, устроеннаго въ шахтѣ. Оба насоса соединены трубкой съ кранами, которые позволяютъ разъединить или соединить ихъ между собою. При открытыхъ кранахъ получаются настоящіе гидростатическіе вѣсы. Если одна камера нагружена тяжелѣе другой, она начинаетъ опускаться, между тѣмъ какъ другая одновременно поднимается.

Когда стержень одного поршня, напримѣръ, поднятъ до самаго верха, а стержень другаго опущенъ до самаго низа, и сообщеніе между ними въ трубкѣ прервано, то приподнятая шлюзная камера будетъ находиться на поверхности верхняго канала, а опущенная на уровнѣ нижняго. Если теперь ввести по судну въ каждую шлюзную камеру и запереть затворы камеръ и канала, при чемъ камеры совершенно изолируются, то это не нарушаетъ равновѣсія. Но какъ только откроемъ кранъ, запирающій соединительную трубку насосовъ, тотчасъ одна камера опустится до той высоты, на которую поднимется другая; для того чтобы довести первую до уровня нижняго канала, ей заранѣе прибавляется вѣсъ (водою) соотвѣтственно давленію поршня.

Всѣ побочныя работы, запираніе затворовъ и проч., исполняются самими насосами. Нагружены-ли вводимыя въ камеры суда или нѣтъ — это все равно: грузъ ихъ вовсе не принимается въ расчетъ. Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что при вводѣ судна въ камеру оно вытѣсняетъ изъ нея столько воды, сколько вѣситъ само судно съ грузомъ или безъ груза. Шлюзная камера слѣдовательно всегда вѣситъ 842,000 килограммовъ съ судномъ или безъ онаго.

Стоимость этого сооруженія простиралась до 1.870,000 франковъ. Работы по сооруженію продолжались около 5 лѣтъ. Но выгода отъ этого предпріятія далеко превзошла затраты.

Протопресвитеръ Н. А. Сергіевскій († 28 іюня 1892). (Портр. на стр. 713).

Въ Москвѣ 28 іюня, въ двѣнадцать часовъ дня, скончался протопресвитеръ Большаго Успенскаго собора Николай Александровичъ Сергіевскій.

Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ представителей отечественнаго духовнаго просвѣщенія. Онъ въ 1860 году основалъ новый духовный журналъ „Православное обозрѣніе“ и стоялъ во главѣ его въ теченіе девяти лѣтъ, пользуясь особымъ довѣріемъ и любовію приснопамятнаго святителя Филарета, мощное слово котораго поддерживало его въ трудахъ служенія и ограждало отъ нареканій и опасностей на пути новомъ и скользкомъ въ это трудное для церкви и отечества время. Изъ крупныхъ богословскихъ работъ его можно указать на извѣстный трудъ: „Твореніе міра и человѣка въ связи съ естествознаніемъ“. Покойнымъ были сдѣланы также многіе переводы иностранныхъ богословскихъ сочиненій, между коими отмѣтимъ главнѣйшіе: „Вѣчная жизнь“ Гизо и „Сущность христіанской жизни“. Публичныя лекціи читанныя имъ въ университетѣ, въ 1871 и 1872 годахъ, вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ и служатъ прекраснымъ пособіемъ для студентовъ при изученіи исторіи церкви.

Н. А. Сергіевскій родился 28-го октября 1827 г. въ городѣ Коломнѣ, Московской губерніи, гдѣ отецъ его, А. А. Сергіевскій былъ сакелларіемъ Успенскаго Коломенскаго собора и инспекторомъ Коломенскаго духовнаго училища, а впослѣдствіи былъ переведенъ въ Москву, на Семеновское кладбище, гдѣ устроилъ церковь и былъ нѣсколько лѣтъ ея настоятелемъ. Первоначальное образованіе Н. А. Сергіевскій получилъ въ Коломенскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ обучался въ Московской духовной семинаріи и Петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ со степенью магистра богословія и 22-хъ-лѣтнимъ юношей былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по классу физико-математическихъ наукъ. Въ 1850 году, онъ былъ перемѣщенъ на должность баккалавра по физикѣ въ Московскую духовную академію. Въ 1854 году, былъ рукоположенъ во священники къ Николаевской церкви, что при Московской духовной семинаріи. По увольненіи отъ профессорской службы при Московской духовной академіи, онъ былъ назначенъ священникомъ къ Знаменской церкви (что въ Зубовѣ), откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ переведенъ въ Петропавловскую церковь, что на Новой Басманной. Будучи энергичнымъ и блестящимъ проповѣдникомъ, благоустроителемъ храма, а также ревнителемъ чиннаго и благолѣпнаго служенія, молодой священникъ отецъ Николай обратилъ на себя общее вниманіе, и въ 1858 году ему было предложено занять каѳедру ординарнаго профессора богословія, логики и психологіи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ переведенъ на священническое мѣсто къ Татіанинской при университетѣ церкви. Въ 1861 году, съ учрежденіемъ въ университетѣ самостоятельной каѳедры философіи, онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ собственно богословія, и эту каѳедру съ честью занималъ до самой своей кончины. Въ 1865 году былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Въ томъ же году былъ командированъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ С.-Петербургъ, Казань, Харьковъ, Одессу и Кіевъ для совѣщанія съ профессорами богословія о лучшей постановкѣ богословскаго образованія въ нашихъ университетахъ. Въ 1871 году покойный предпринялъ цѣлый рядъ публичныхъ

чтеній при университетѣ объ основныхъ истинахъ христіанства, которыя читались имъ и въ слѣдующемъ 1872 году.

Въ мартѣ 1884 года покойный былъ опредѣленъ протопресвитеромъ въ Московскій Большой Успенскій соборъ и назначенъ членомъ Московской синодальной конторы. Кромѣ того, состоялъ членомъ совѣта Православнаго миссіонерскаго братства. Скончался онъ на 65 году жизни, послѣ продолжительной болѣзни, въ своей квартирѣ, въ домѣ Крестовоздвиженскаго монастыря.

1 іюля происходило отпѣваніе и погребеніе покойнаго отца протопресвитера. Въ девятомъ часу утра послѣдовалъ выносъ его гроба въ университетскую церковь: впереди шли съ хоругвями хоругвеносцы Большаго Успенскаго собора, за ними слѣдовало духовенство, имѣя во главѣ преосвященнаго Александра, епископа Дмитровскаго; пѣли синодальные пѣвчіе; гробъ несли на рукахъ. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Александръ, въ сослуженіи четырехъ архимандритовъ и соборнаго духовенства. На отпѣваніе прибылъ высокопреосвященный Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій; кромѣ преосвященнаго Александра и лицъ участвовавшихъ въ совершеніи литургіи, вышли на отпѣваніе: преосвященный Несторъ, настоятель Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря, преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, архимандриты почти всѣхъ монастырей и старшее духовенство Москвы. Во время литургіи, а затѣмъ на отпѣваніи были произнесены четыре надгробныхъ слова: первымъ говорилъ во время причастнаго стиха профессоръ Московскаго университета протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ; во время отпѣванія говорилъ пресвитеръ Большаго Успенскаго собора Г. І. Истоминъ; отъ лица Московской духовной академіи произнесъ рѣчь профессоръ Соколовъ; послѣднимъ говорилъ ректоръ Московской духовной семинаріи протоіерей Н. В. Благоразумовъ, охарактеризовавшій заслуги покойнаго на пользу духовнаго просвѣщенія. Обширный университетскій храмъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ находились студенты университета. Въ началѣ перваго часа окончилось отпѣваніе. Гробъ на рукахъ вынесли сослуживцы покойнаго и близкіе родные. Процессія направилась по Моховой на Семеновское кладбище, гдѣ въ послѣднее время священствовалъ и былъ погребенъ родитель покойнаго.

Протопресвитеръ Николай Александровичъ Сергіевскій († 28 іюня 1892 г.). Съ фот. Шиндлеръ и Мей, грав. Шюблеръ.

Много потрудился покойный протопресвитеръ для Церкви и богословской науки. —ъ.

Политическое обозрѣніе.

27 іюля открылся новый англійскій парламентъ. Засѣданіе началось только въ 2 часа пополудни, а между тѣмъ нѣкоторые члены прибыли въ парламентъ въ 8 часовъ утра, чтобы занять мѣста. Съ часу дня всѣ были на своихъ мѣстахъ. Когда Гладстонъ вошелъ въ залъ, партія его устроила настоящую овацію. Ирландцы встали и, махая шляпами, привѣтствовали его съ восторгомъ. Собравшаяся на улицѣ у парламента толпа также демонстративно привѣтствовала Гладстона.

Засѣданіе открылось тронною рѣчью, необычно краткою на этотъ разъ, въ которой сказано, что такъ какъ законодательныя работы были окончены еще до распущенія прежняго парламента, то не представляется надобности, чтобы народное представительство оставалось въ сборѣ въ необычное время года. Королева выражаетъ надежду, что парламентъ, при возобновленіи своихъ засѣданій, будетъ продолжать путь полезнаго и благаго законодательства прежнихъ сессій.

Въ палатѣ общинъ консерваторы предложили проектъ отвѣта на тронную рѣчь, въ которомъ поздравляютъ правительство съ успѣшнымъ ходомъ законодательства и требуютъ объясненія о намѣреніяхъ оппозиціи относительно „Home rule“. Либералы-же внесли поправку къ проекту адреса, заявляя, что правительство должно пользоваться довѣріемъ палаты общинъ и страны, чего теперешнее правительство не имѣетъ, и что только въ этомъ заключается вопросъ, подлежащій разрѣшенію, все-же остальное неважно и не заслуживаетъ никакого вниманія.

Во время преній по этому поводу Гошенъ заявилъ, что оппозиціи будетъ невозможно долѣе молчать относительно „Home rule“. Партія оппозиціи неоднородная и еще неизвѣстно, можетъ-ли Гладстонъ заручиться согласіемъ всѣхъ независимыхъ націоналистовъ и партіи рабочихъ. „Home rule“ не было выставлено предъ избирателями, какъ главный вопросъ, большинство Великобританіи противъ „Home rule“. На обязанностяхъ уніонистовъ лежитъ противодѣйствовать раздробленію государства.

Гладстонъ въ свою очередь высказалъ, что твердое управленіе и исполненіе законовъ въ Ирландіи невозможны, пока законы не отвѣчаютъ народнымъ симпатіямъ. „Принудительный законъ, говорилъ ораторъ, — не долженъ оставаться въ законодательствѣ ни на секунду долѣе, чѣмъ этого требуютъ условія парламентскаго періода. Отношенія Англіи къ Ирландіи остаются на первой очереди“. Основныя начала билля „Home rule“ таковы: полное, дѣйствительное сохраненіе въ Ирландіи верховной государственной власти съ предоставленіемъ Ирландіи управленія собственными дѣлами и сохраненіемъ выборовъ ирландскихъ депутатовъ въ британскую палату общинъ. Если билль „Home rule“ не будетъ принятъ палатою лордовъ, то это обстоятельство нельзя считать за прекращеніе обязанностей либеральной партіи, она и въ будущемъ году серьезно позаботится удовлетворить значительную часть британскихъ нуждъ.

Возражая Гладстону, Бальфуръ въ палатѣ общинъ выставилъ на видъ, что рѣчь Гладстона оправдываетъ рѣшеніе правительства вызвать передъ своей отставкой еще пренія въ парламентѣ. „Партія, присовокупилъ Бальфуръ, — желающая уничтоженія связи между Англіею и Ирландіею, только частью состоитъ изъ приверженцевъ Гладстона; остальные —это союзники, владычествующіе въ партіи Гладстона“. Палата въ правѣ узнать, какою цѣною куплена поддержка ирландскихъ націоналистовъ: цѣною-ли жизни и имущества ирландскаго народа, или же попущеніемъ дѣйствій динамитчиковъ противъ общества? Уніонисты съ довѣріемъ смотрятъ на будущее, а оппозиція — съ ужасомъ. Чтобы дать странѣ болѣе полезные законы, избиратели опять возвратятся къ уніонистамъ.

Въ палатѣ лордовъ во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, маркизъ Солсбери высказалъ свое удивленіе по поводу того, что лорды оппозиціи молчатъ и не защищаютъ своихъ принциповъ. „Палата лордовъ — сказалъ маркизъ—лучше оберегаетъ взгляды Великобританіи, чѣмъ палата общинъ. Исключительное право рѣшать, изъ какой партіи выбирать членовъ правительства, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, нижней палатѣ, но коль скоро члены правительства избраны, то исключительное положеніе этой палаты кончается, ибо верхняя палата имѣетъ такое же право обсуждать предложенные законопроекты, какъ нижняя палата. Центръ интересовъ въ будущемъ году будетъ въ верхней палатѣ“. Въ заключеніе маркизъ выразилъ надежду, что палата лордовъ встрѣтитъ серьезную задачу съ обычною мудростью и рѣшительностью и не допуститъ себя совратить новыми теоріями и спекулятивными ученіями съ великихъ принциповъ, на которыхъ основано государство.

Смыслъ рѣчи маркиза Солсбери таковъ, что онъ намѣренъ не допускать принятія проекта „Home rule“ палатою лордовъ. Маркизъ думаетъ, что лорды въ правѣ дѣйствовать въ этомъ отношеніи противъ палаты общинъ, такъ какъ большинство Гладстона не могло бы существовать безъ ирландцевъ, между тѣмъ какъ подавляющее большинство англійскихъ и шотландскихъ депутатовъ настроено въ уніонистскомъ духѣ.

Въ *Figaro* напечатано содержаніе бесѣды, которую имѣла съ папою посѣтившая его г-жа Северина. Папа сказалъ, что миссія церкви заключается въ томъ, чтобы защищать слабыхъ и защищаться самой. „Въ настоящее время—прибавилъ Левъ XIII — хотятъ деньгами побѣдить церковь и достигнуть господства надъ народомъ; но ни церковь, ни народъ не поддадутся. Церковь не хочетъ заниматься политикою и ищетъ господства только надъ душами“. Въ заключеніе папа отозвался съ порицаніемъ о тѣхъ священникахъ, которые проповѣдуютъ эльзасъ-лотарингцамъ забвеніе ихъ родины, и заявилъ, что онъ любитъ Францію.

Смѣсь.

Теплота—лучшее орудіе борьбы съ холерой. Такое мнѣніе убѣдительно доказываетъ г. Верещагинъ на страницахъ *Новаго Времени.* Указывая на то, что при холерѣ температура тѣла сильно и быстро падаетъ и больные какъ бы замерзаютъ, и что разсказы людей переживших холерныя эпидеміи свидѣтельствуютъ о несомнѣнно благотворномъ дѣйствіи потѣнія на заболѣвшій холерой организмъ, г. Верещагинъ настоятельно совѣтуетъ всякому, у кого во время эпидеміи появится поносъ или рвота, немедленно, *не теряя ни минуты времени,* позаботиться о томъ, чтобы поскорѣе согрѣть себя и довести до пота. Заставить больнаго вспотѣть—значитъ вылѣчить его, такъ какъ послѣ выдѣленія обильнаго пота, по убѣжденію г. Верещагина, „о дальнѣйшей опасности для больнаго не можетъ быть и рѣчи". Средства для согрѣванія тѣла могутъ быть очень разнообразны: поверхность горячей печи, мѣшки съ горячей золой и согрѣтымъ зерномъ, горячая или паровая ванна, горячо натопленная баня, бутылки съ горячей водой и, наконецъ, поверхность (конечно, обернутая полотенцемъ или т. п.) кипящаго самовара, который приставляется къ похолодѣвшимъ ступнямъ больнаго (Д-ръ Галанинъ совѣтуетъ ставить самоваръ возлѣ кровати подъ тѣмъ-же одѣяломъ, которымъ покрытъ больной: образуется такимъ образомъ домашняя паровая ванна; непосредственное же прикосновеніе къ горячему металлу вызоветъ только обжогъ). По своей доступности даже бѣднѣйшимъ людямъ, такое лѣченіе можетъ принести громадную пользу, особенно въ деревняхъ, гдѣ почти невозможно подать немедленную врачебную помощь больному, и гдѣ больницы и пріемные покои находятся обыкновенно на разстояніи десятковъ верстъ. Г. Верещагинъ совѣтуетъ поэтому издать общепонятное наставленіе для народа въ такомъ именно смыслѣ и ознакомить съ нимъ все сельское населеніе.

Въ подтвержденіе своего взгляда на теплоту, какъ лучшее орудіе борьбы съ холерой, г. Верещагинъ указываетъ на примѣръ англійскихъ миссіонеровъ, которые очень успѣшно предохраняютъ себя отъ зараженія холерой въ Индіи, несмотря на частыя сообщенія съ холерными больными, лишь потому, что постоянно держатъ свое тѣло въ теплѣ, обертывая его дважды толстой фланелью.

Въ той же статьѣ г. Верещагинъ, указывая на вредъ, происходящій отъ скученности холерныхъ больныхъ въ одномъ мѣстѣ, особенно при невозможности устроить основательную дезинфекцію и вентиляцію, что осуществимо лишь въ образцовыхъ больницахъ большихъ городовъ, на сильное развитіе холернаго яда тамъ, гдѣ сразу скопляется много больныхъ и на трудность борьбы съ развивающимися тамъ тяжелыми формами болѣзни, рекомендуетъ примѣнить въ деревняхъ систему изолированія холерныхъ больныхъ въ отдѣльныхъ палаткахъ, полотняныхъ или рогожныхъ, а то и просто въ шалашахъ изъ вѣтвей,—палатки эти устраивать внѣ селеній и обязательно переносить ихъ каждыя сутки на новое мѣсто, а прежнее мѣстостояніе ихъ хорошенько дезинфицировать. Г. Верещагинъ ссылается на опытъ, сдѣланный въ одну изъ прошлыхъ эпидемій однимъ полковымъ командиромъ, который сохранилъ въ живыхъ всѣхъ своихъ людей совершенно такимъ же способомъ, а именно, онъ ежедневно перемѣнялъ стоянку своего полка въ полѣ, дезинфицировавъ сначала мѣсто вчерашняго расположенія. Аналогичный примѣръ представляетъ способъ спасенія гурта скота, въ которомъ появилась сибирская язва, при которой изверженія также очень заразительны. Пока гуртъ перегоняется съ мѣста на мѣсто, отдаляясь, слѣдовательно, отъ своихъ изверженій, болѣзнь не принимаетъ повальнаго характера и не представляетъ особой опасности. (г. в.)

Совѣтомъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества 16-го минувшаго іюня, по представленію Попечительства для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ министерство, утверждены очень изящные жетоны для членовъ этого Попечительства разныхъ разрядовъ. Цѣль учрежденія жетоновъ, кромѣ сохраненія ихъ у членовъ на память объ участіи въ симпатичной дѣятельности Попечительства, имѣетъ особое благотворительное назначеніе, а именно—образованіе спеціальнаго фонда для вспомоществованія ремесленнымъ ученикамъ по выходѣ изъ ученія, на пріобрѣтеніе одежды, инструментовъ, пособія при открытіи собственныхъ мастерскихъ, на случай болѣзни и т. п., а потому надо надѣяться, что жетоны Попечительства, пользующагося расположеніемъ жертвователей, будутъ охотно пріобрѣтаться ради добраго дѣла, съ ними сопряженнаго.

Вліяніе искусственнаго свѣта на насѣкомыхъ и рыбъ.—Всѣмъ извѣстно, какую притягательную силу имѣетъ свѣтъ для нѣкоторыхъ животныхъ, а въ особенности для ночныхъ насѣкомыхъ. Посредствомъ огня, на который они такъ охотно летятъ жечь свои крылья, истребляютъ бабочекъ, гусеницы которыхъ наносятъ сильное опустошеніе нашимъ посѣвамъ, какъ напр. знаменитая виноградница (Tortrix pilleriana). Энтомологи, любители бабочекъ, уже давно пользуются сильно освѣщенными приборами какъ западнями для привлеченія разнообразныхъ породъ, трудно добываемыхъ другимъ путемъ. Одни употребляютъ лампы, снабженныя рефлекторами, усиливающими свѣтъ, другіе просто газовые фонари. Въ Булонскомъ лѣсу, возлѣ самаго Парижа, имѣются цѣлыя аллеи освѣщенныя газовыми фонарями; возлѣ нихъ-то и собираютъ энтомологи бабочекъ, которыя скучиваются здѣсь въ громадномъ количествѣ. Охота бываетъ удобна только въ темныя ночи, въ лунныя же ничего не выходитъ: болѣе яркій свѣтъ небеснаго свѣтила отвлекаетъ насѣкомыхъ отъ устроенной имъ ловушки. Но самыя лучшія западни въ такомъ родѣ это снаряды съ электрическимъ освѣщеніемъ.

Извѣстно, что наши маяки, освѣщенные такимъ образомъ, привлекаютъ массы птицъ, прилетающихъ разбиваться о стекла фонаря; даже рыбы, какъ кажется, охотно направляются къ мѣстамъ ярко освѣщеннымъ этимъ чуднымъ свѣтомъ.

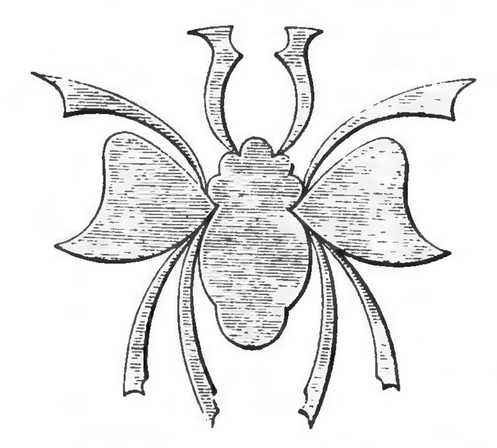
Если одинъ или нѣсколько приборовъ, дающихъ такой бѣлый электрическій свѣтъ, поставлены на удобномъ мѣстѣ, напр. близь лѣса, то уже всѣ прочіе находящіеся тамъ источники свѣта, какъ-то: свѣчи, газъ, керосинъ, не привлекутъ ни одной бабочки. Очевидно, что чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ сильнѣе притяженіе; даже въ лунныя ночи бѣлое электрическое освѣщеніе, болѣе яркое, чѣмъ блескъ нашего спутника, привлекаетъ множество бабочекъ.

Въ Булонскомъ лѣсу собираютъ такимъ образомъ изъ твердокрылыхъ: майскаго жука, водолюбовъ, жужелицъ, кожеѣдовъ; изъ сѣтчатокрылыхъ попадаются муравьельвы (Myrmeleo tetragrammicus), эфемериды, веснянки; изъ прямокрылыхъ зеленый кузнечикъ; изъ двукрылыхъ Chironomus и, наконецъ, изъ семейства чешуекрылыхъ — сфинксы, ночныя бабочки, шелкопряды, затѣмъ микролепидоптеры, моль и проч.

Въ іюлѣ и августѣ бабочки появляются не ранѣе 10 час. вечера, а большей частью еще гораздо позже: сфинксы, ночныя привычки которыхъ всѣмъ извѣстны, никогда не показываются ранѣе 11½ или 12-ти, такъ что они по праву носятъ названіе ночныхъ. Сфинксы описываютъ огромные круги вокругъ свѣта, но или не садятся вовсе, или на очень короткое время, а затѣмъ улетаютъ, между тѣмъ какъ другія бабочки, болѣе или менѣе быстро покружившись вокругъ свѣта, утомленныя, падаютъ здѣсь же на особенно ярко освѣщенныхъ мѣстахъ и спокойно остаются въ такомъ положеніи большую часть ночи.

Главнымъ образомъ стремятся къ свѣту самцы, что въ особенности замѣтно у Sphinx ligustri, Sphinx pinastri, Deilephila euphorbiae, Lasiocampa pruni, Lasiocampa populifolia, Liparis V nigrum,

Геометрическая задача № 38.



Предлагаемую фигуру раздѣлить на части, изъ которыхъ составить эллипсъ.

ШАХМАТЫ
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 39.
III-й призъ VII конкурса Германскаго Шахматнаго союза.
Девизъ: „Emilie".

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 40.
IV-й призъ VII конкурса Германскаго Шахматнаго союза.
Девизъ „Mignon".

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Bombyx neustria, Notacanta tritophus, Dicranura erminea, bifida et furcula и т. д. У слѣдующихъ же родовъ: Lithosia quadra, Liparis salicis, Dicranura vinula, Platypteryx falcula и у большинства ночныхъ бабочекъ представители обоихъ половъ не обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи никакого различія. Между ночными бабочками есть два рода Hybernia и Cheimatobia, у которыхъ самки почти безкрылы, т. е. крылья ихъ находятся въ зачаточномъ состояніи и не позволяютъ имъ летать. Энтомологи, охотящіеся около фонарей Булонскаго лѣса въ холодныя ноябрьскія и декабрьскія ночи, ловили на стеклахъ не только самцовъ этихъ бабочекъ, но и самокъ, которыя быстро бѣгали вокругъ свѣта. Можно предположить, что самки, которыя днемъ остаются въ покоѣ, ночью начинаютъ быстро сновать во всѣ стороны, взлѣзаютъ на деревья, на стѣны или на столбы фонарей и такимъ путемъ достигаютъ наиболѣе освѣщеннаго мѣста, гдѣ къ нимъ присоединяются также летающіе самцы.

За послѣднее время электрическій свѣтъ стали употреблять и при рыбной ловлѣ. Недавно произведены были въ бухтѣ Санъ-Франциско новые опыты въ этомъ направленіи. Когда сильный электрическій свѣтъ былъ пущенъ изъ рыбачьей лодки, рыбы всѣхъ породъ бросились къ нему такъ поспѣшно, что не было даже никакой надобности снабжать сѣти приманкой—ихъ можно было прямо брать и бросать въ лодку. Рыбная ловля оказалась на этотъ разъ поистинѣ дивная. (г. в.)

Изъ области археологіи. Восточная бухта Ментоны ограничивается группою отвѣсно падающихъ въ море скалъ, называемыхъ здѣсь Rochers rouges, и составляющихъ границу Италіи съ Франціей. Среди нихъ проходитъ туннель, связывающій желѣзнодорожныя сѣти обоихъ государствъ. На Итальянской сторонѣ, въ этихъ скалахъ недавно найдена пещера, наполненная нѣжнымъ черноземомъ, совсѣмъ не встрѣчающимся въ окрестностяхъ. Въ пещерѣ нашли три костяка: одинъ мужской и два женскихъ. Мужской скелетъ, у котораго былъ попорченъ черепъ, безъ головы имѣлъ 8 футовъ длины, женскіе—по 7. На шеѣ мужчины было надѣто ожерелье изъ зубовъ какого-то звѣря. Кромѣ того по пещерѣ были разбросаны каменныя орудія и сосуды грубой работы и не отшлифованные. Сдѣланное открытіе привлекло сюда ученыхъ изъ Парижа, Флоренціи и Милана, и они единогласно пришли къ заключенію, что раса теперь найденныхъ скелетовъ гораздо старше расы скелетовъ найденныхъ здѣсь же лѣтъ 8 тому назадъ, которымъ давалось нѣсколько тысячъ лѣтъ. (к.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 5 августа 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | № 33 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXIII | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖСК. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 15 августа 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Шалуны. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Р. Штейна, грав. Шпипперъ.

На берегахъ Невы и Темзы.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Окончаніе).

Чтобъ положить конецъ вздохамъ и попыткамъ къ объясненіямъ въ любви, Лидія Львовна старалась распространить слухъ, что она помолвлена съ какимъ-то завзятымъ патріотомъ, никогда не выѣзжавшимъ изъ Россіи; такъ она просила сестру свою и Морину называть ея вымышленнаго жениха. Въ любви къ этому архи-русскому миѳу она сама полупризналась доктору Стивенсу, чѣмъ дѣйствительно удалось ей если не успокоить его, то удалить отъ себя и прекратить его мечты.

Попросивъ прощенія у своего зятя, она даже нѣсколько разъ съ намѣреніемъ, во всеуслышаніе, заговаривала о томъ, что удивляется, какъ могутъ иныя дѣвушки выходить за чужестранцевъ; что сама она никогда не выйдетъ замужъ иначе какъ за своего соотечественника...

Но эти уловки мало помогали. Принимали-ли ихъ за кокетство или за желаніе прикрыть свои честолюбивыя цѣли до поры до времени, но ихъ леди Алиса къ свѣдѣнію не принимала и боязни своей не оставляла, а папа ея и совсѣмъ будто не слышалъ, не переставалъ умильно таять предъ Лидией Львовной, явно выказывая, что всѣ его помыслы устремлены лишь къ тому, чтобъ ей угодить, доставить ей удовольствіе и по возможности не выходить изъ-подъ лучей ея прекрасныхъ глазъ.

Еслибъ не постоянныя отвлеченія въ огромномъ обществѣ, переполнявшемъ замокъ, отъ назойливыхъ любезностей хозяина дома,—не боязнь къ тому же испортить отношенія зятя съ вліятельнымъ человѣкомъ, да, главное, не полное равнодушіе Лидіи ко всему и ко всѣмъ, она не пробыла бы и трехъ дней въ Сѐлльванъ-Мэншіонѣ. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ она не особенно тяготилась и часто даже не замѣчала вниманія маркиза и комментаріевъ гостей его по этому поводу.

Не суждено было исполниться желаніямъ и расчетамъ графини Луневой-Запястьевой касательно ея соперницы. Неожиданная катастрофа и смерть ея не только помѣшали Завольской узнать ея замыслы преднамѣреннаго самоубійства, онѣ и сами ей долго были неизвѣстны. Госпожа Уардлокъ, на болтливость которой не безъ основанія разсчитывала графиня, безъ сомнѣнія, тотчасъ бы все сообщила ей; но когда Лидія возвратилась изъ Лондона въ Брайтонъ, къ сестрѣ, Уардлоки уже уѣхали въ Швейцарію, въ обычный осенній заграничный туръ, а въ перепискѣ съ Леннелями они не состояли. Случаю угодно было устроить такъ, что ни Завольской, ни сестрѣ ея не попались на глаза тѣ немногія газеты, гдѣ разсказывалось объ этомъ трагическомъ происшествіи; занятая своими личными дѣлами, не знала о немъ долго и Морина, уже бывшая въ Сѐлльванъ-Мэншіонѣ, когда пожаръ Примрозъ-Виллы наконецъ разрубилъ гордіевъ узелъ жизни Лунева. Такъ эта катастрофа и прошла, въ ихъ кругу, совершенно невѣдомою; тѣмъ легче, что въ средѣ лондонскихъ знакомыхъ Леннелей и Завольской никто даже не зналъ фамиліи Луневыхъ-Запястьевыхъ.

Жизнь на новый ладъ, размѣренная по часамъ торжественными собраніями ко второму завтраку и къ позднему обѣду, въ средневѣковую столовую-залу замка, со сводчатымъ потолкомъ рѣзнаго дуба, съ громаднымъ каминомъ, украшеннымъ замысловатыми часами—картой земнаго шара, до самаго потолка вздымавшими свои саженныя стрѣлки; жизнь шумная, переполненная пріемами, прогулками, поѣздками, утренними скачками на кровныхъ лошадяхъ и вечерними концертами выписныхъ изъ Лондона пѣвцовъ; суетливая, разнообразная и вмѣстѣ методичная жизнь занимала Лидію Львовну своей оригинальностью и новизной. Особеннаго, прежняго ея, беззаботнаго веселья, никакая новизна и никакія оригинальности ужь не могли ей возвратить всецѣло; но здѣсь она находила больше интересовъ и невольныхъ отвлеченій отъ угнетавшихъ ее вопросовъ и тревогъ. Бывали даже минуты полнаго забвенія, искренняго увлеченія удовольствіемъ,—задóромъ минуты. Это случалось чаще всего во время верховой ѣзды, среди бѣшеныхъ скачекъ по лугамъ и полямъ многоверстной арены охотъ въ Сѐлльванъ-Мэншіонѣ. Кровожадностью Лидія далеко не отличалась и охоту любила не ради охоты, а ради быстрой ѣзды, которую обожала; она, преслѣдуя одушевленно зайца или дикую козу, отъ всей души желала имъ благополучнаго пути и если бы отъ нея зависѣло, позволяла бы имъ убѣгать безъ конца. Но нестись, разсѣкая воздухъ, не обращая вниманія на препятствія, на чудно дрессированномъ конѣ, послушномъ малѣйшему движенію руки; перелетать заборы, рвы, ручьи, на ряду съ присяжными охотниками, часто перегоняя ихъ, чувствуя словно у нея самой выросли крылья и она летитъ въ пространствѣ вольной птицею — доставляло ей несказанное наслажденіе. Въ немъ даже похвалы, щедро расточаемыя смѣлости ея и ловкости, участія никакого не имѣли. Она признавала въ Сѐлльванъ-Мэншіонѣ наѣздницъ выше себя по искусству, но не по смѣлости, и это сознаніе тѣшило ее и позволяло примиряться съ фальшью обильно сыпавшихся на нее комплиментовъ.

Среди этихъ искусственныхъ возбужденій духа и общественныхъ стѣсненій, помогавшихъ Лидіи съ собою справляться, прошло недѣли двѣ. Пора была думать о возвращеніи въ Лондонъ, такъ какъ баронетъ съ женой все же рѣшили провести осенніе мѣсяцы въ теплыхъ краяхъ. Леди Леннель предоставляла сестрѣ право выбора между Италіей, южной Франціей или даже менѣе посѣщаемой туристами Испаніей. Въ послѣдней сестры еще никогда не бывали; ихъ симпатіи склонялись къ Андалузіи и Гренадѣ, хотя сэръ-Эдвинъ морщился, утверждая, что путешествіе по Испаніи не представляетъ достаточныхъ удобствъ для благоразумныхъ путешественниковъ.

День отъѣзда изъ Сѐлльванъ-Мэншіона былъ назначенъ, когда событія, какъ часто бываетъ, зачередовались быстро одно за другимъ, нѣсколько измѣнивъ эти планы.

Началось съ того, что прослышавъ о скорыхъ сборахъ своихъ гостей, старый лордъ не выдержалъ и разразился формальнымъ предложеніемъ, какъ и ожидала того Павла Львовна. Онъ обратился къ ея мужу, чѣмъ поставилъ бѣднаго сэръ-Эдвина въ весьма непріятное положеніе. Жаль было ему огорчать сумасброднаго старика и вмѣстѣ крайне смѣшно и слегка за него стыдно... Онъ, разумѣется, взялся передать сватовство его своячиницѣ, но предупредилъ маркиза въ своей увѣренности, что принято оно не будетъ: сколько ему извѣстно, миссъ Lydia слишкомъ большая патріотка и едва-ли ужь въ Россіи не просватана.

Очень смутилась Лидія Львовна, услыхавъ объ этомъ рѣшительномъ шагѣ лорда Говерсвифта изъ устъ сестры своей, которой мужъ передалъ это деликатное дѣло.

— Полоумный старикъ! пожала она плечами.—Почему-жъ онъ не вѣрилъ мнѣ, когда я тысячу разъ ясно говорила, что ни за него и ни за какого иностранца не выйду?.. Что-жъ! Надо теперь скорѣе уѣзжать... Непріятно послѣ этого у нихъ въ гостяхъ оставаться!..

— Конечно. Но прежде надо все же дать рѣшительный отвѣтъ! вздохнула леди Леннель.

— Да, разумѣется. Я не буду затруднять этимъ неловкимъ порученіемъ твоего мужа, душа моя! Я сама сегодня отвѣчу маркизу, прощаясь съ нимъ, а завтра, пожалуйста уѣдемъ!.. Да ради Бога, Пава, чтобъ Катя не провѣдала! Чтобы никто не зналъ.

— Ну, еще бы! согласилась Павла Львовна.

Это происходило утромъ, за первымъ завтракомъ, въ ихъ собственныхъ комнатахъ. Послѣ лёнча въ этотъ день никакого общаго развлеченія не предполагалось, такъ какъ вечеромъ готовился парадный обѣдъ съ концертомъ, увеселительными чтеніями актеровъ изъ Лондона, и вечерними танцами.

Только что Завольская возвратилась изъ парка, съ очень непріятной для нея прогулки со старшимъ хозяиномъ замка, и готовилась подняться къ себѣ наверхъ, чтобъ одѣться къ обѣду, какъ Катерина Ильинишна Морина, по своему обыкновенію влетѣвъ какъ бомба изъ отворенныхъ въ гостиную дверей, переняла ее на террасѣ, съ открытымъ письмомъ въ рукахъ.

— Ахъ! Милая Лидія Львовна! кричала она издали.— Знаете, мнѣ пишетъ одна знакомая: та дама... какъ ее? Что помните въ Брайтонѣ вы мнѣ показывали... Русская графиня, послѣдовательница секты этихъ „выжидателей“. Да! Лунева-Запястьева,—вотъ здѣсь, мнѣ пишутъ.

— Ну, да, знаю... Такъ что-же съ ней? измѣнившись въ лицѣ заторопила ее Лидія.

— Она умерла!.. И какъ ужасно! Сгорѣла!..

— Господи!.. Какъ сгорѣла?!.

— Да вы не пугайтесь!.. Чего вы?.. Вотъ нервная какая! Садитесь, я прочитаю вамъ.

И Катя, усадивъ страшно поблѣднѣвшую Лидію Львовну, прочла ей впервые достигшее до нея извѣстіе, вкратцѣ почерпнутое изъ старой газеты ея городскою знакомою, о пожарѣ возлѣ Сиденгамскаго парка и трагической кончинѣ „русской аристократки, графини Луневой-Запястьевой, извѣстной пропагандистки секты Дальнина...“ „Ее вынесли мертвою изъ горѣвшей комнаты“, писала корреспондентка Мориной, „но газеты говорятъ, что она не сгорѣла, а внезапно умерла отъ испуга...“

Лидія Львовна перекрестилась, совершенно забывъ, что привлекаетъ на себя вниманіе довольно многочисленнаго общества, расположившагося на террасѣ.

— Что случилось?.. Any bad news?.. Никакого несчастія, надѣюсь? подошли Мэбль и ея старшая сестра.

— Miss Zavolsky is not well!.. Вамъ дурно, miss Zavolsky? особенно засуетилась леди Алиса.

— О, нѣтъ! Она немножко испугалась! Да и я тоже!.. Представьте, какая ужасная вещь...

И Морина стала разсказывать ту же новость.

XXVI.

На другой день утренній поѣздъ уже уносилъ обратно въ городъ Леннелей, къ величайшему облегченію леди Алисы. Она сочла теперь возможнымъ нѣсколько успокоиться касательно непріятной возможности имѣть новую мачиху, вдвое моложе ея самой.

Рѣшено было пробыть въ Лондонѣ нѣсколько дней всего, ровно столько времени, сколько необходимо было для сборовъ, и ѣхать на Біаррицъ, въ Мадридъ, а позже на югъ Испаніи. Кастилія, Андалузія и Гренада казалось чрезвычайно привлекали любознательность Лидіи Львовны; какъ вдругъ во мнѣніи ея произошла радикальная перемѣна, и она оказалась союзницей сэръ-Эдвина,—сторонницей Италіи, которую только что браковала, утверждая, что знаетъ ее вдоль и поперекъ.

Это случилось внезапно. На третій день по пріѣздѣ въ городъ, въ утреннемъ холщевомъ мѣшкѣ почталіона, противъ обыкновенія, оказалось письмо на ея имя. Писемъ Лидія Львовна почти совсѣмъ не получала, такъ что это посланіе, въ атласистомъ, толстомъ конвертѣ, запечатанное маленькой гербовой печатью и надписанное твердымъ мужскимъ почеркомъ, невольно обратило вниманіе домашнихъ, лежа на общемъ подносѣ для корреспонденціи, на чайномъ столѣ. Никогда не ожидая писемъ, Лидія на нихъ и не посмотрѣла, и не замѣтила бы его, если-бъ сестра ей не сказала:

— Тебѣ письмо, Дилли! Возьми его.

Лидія взглянула, протянула руку, но увидавъ адресъ, опустила ее и смотрѣла издали, вся вспыхнувъ сначала, а потомъ побѣлѣвъ и словно боясь къ нему прикоснуться...

Дѣтей и постороннихъ къ ея счастію не было, а сестра и мужъ ея не только не спросили, но сдѣлали видъ, что совершенно ничего не замѣтили. Только когда Лидія дрожащей рукой взяла конвертъ, посмотрѣла, потомъ, не распечатывая его, встала и не совсѣмъ твердымъ шагомъ ушла изъ столовой, супруги переглянулись. Тревожный вопросъ былъ на лицѣ Павлы Львовны, тогда какъ мужъ ей въ отвѣтъ лукаво улыбнулся и тихо выговорилъ:

— That's the thing, I guess?.. Не разгадка-ли, а?..

Безпокойство и недоумѣніе ихъ продолжались не долго. Цѣлый день Лидія была особенно сосредоточена, серьозна и молчалива, а послѣ обѣда, когда дѣти ушли спать и сэръ-Эдвинъ отправился въ свой клубъ, она, оставшись одна съ сестрой, ей сказала:

— Павочка! Я должна поговорить съ тобой. Пойдемъ ко мнѣ наверхъ... Я должна показать тебѣ письма, все объяснить... Здѣсь неудобно.

— Пойдемъ, милочка! обрадовалась Павла Львовна.— Спасибо, что хочешь со мной подѣлиться своей заботой.

Лидія покраснѣла и тихо объяснила:

— Видишь-ли, прежде я не могла, не имѣла права!.. Теперь я хочу, чтобъ ты все знала и посовѣтовала мнѣ...

— Пойдемъ, душа моя! рѣшительно повторила старшая сестра.

Запершись у себя въ комнатѣ, Лидія открыла свою завѣтную шкатулку, и прежде всего дала сестрѣ прочитать исповѣдь графа Петра Владиміровича. Потомъ въ двухъ словахъ передала свой короткій отвѣтъ ему.

— И больше вы другъ другу не писали? спросила та, покончивъ чтеніе и разспросы.

— Нѣтъ, до сегодня... Сегодня я получила отъ него письмо. Я покажу его тебѣ, но прежде...

— Но прежде ты скажи, наконецъ, кто онъ?.. Я до сихъ поръ не знаю его имени! прервала леди Леннель.

Тутъ Лидія впервые назвала ей фамилію Лунева-Запястьева.

У Павлы Львовны опустились руки, а сама она встала, пораженная соображеніемъ.

— Какъ?!.. Такъ эта женщина... эта несчастная, погибшая сумасбродка была его жена?..

Она переходила изъ удивленія въ удивленіе.

Теперь только начинала она все понимать. Когда же Лидія Львовна разсказала ей и послѣднюю встрѣчу ея съ графиней Натальей Михайловной, дочерью ея и съ графомъ:

— Она тебя нарочно задержала, чтобъ убѣдиться! тотчасъ заключила леди Леннель.

— Я и сама такъ думала. Богъ съ ней!.. Она тоже была несчастна... А теперь искупила еще свои грѣхи такою страшной смертью! вздохнула Лидія.

Но сестра остановила ее совѣтомъ не настраивать себя на сентиментальность. Смерть графини Луневой по всей вѣроятности была мгновенна, а потому несравненно легче многихъ смертей, которыми умираютъ честные, хорошіе люди. Что же касается ея несчастія въ жизни, то судьба воздала ей только должное „и меньше должнаго“—по убѣжденію Павлы Львовны.

— За чѣмъ пошла, то и нашла! заключила она свой приговоръ.—А за что ею были сгублены столько хорошихъ людей?.. За что была ею разбита жизнь ея

Донской монастырь въ Москвѣ (по поводу 300-лѣтія основанія перваго храма въ обители).

Съ фот. Даціаро, грав. Шлипперъ.

Передѣлъ земли между крестьянами. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Ижакевича,** грав. Пудъ.

бѣднаго мужа?.. Вотъ о комъ слѣдуетъ жалѣть, Дилли!

Этотъ совѣтъ вызвалъ на щеки Лидіи Львовны еще болѣе яркую краску.

— Да я и жалѣю его! согласилась она, сдерживая счастливую улыбку, впервые послѣ долгаго времени проступившую на лицѣ ея.—Вотъ прочитай еще сегодняшнее письмо его изъ Флоренціи и мой отвѣтъ.

— Давай, давай! улыбаясь, весело согласилась старшая сестра.

Послѣднее письмо Лунева было такъ не длинно, что она его пробѣжала мигомъ. Онъ писалъ:

„Лидія Львовна!

„Теперь вы ужь, конечно, знаете все?.. Вы знаете, что я свободенъ и можетъ-быть не упрекнете меня въ томъ, что я еще надѣюсь на счастье, что я еще хочу его... Ваше молчаніе будетъ равносильно осужденію,—несогласію поддержать во мнѣ эту надежду. Если же вы захотите отвѣтить,—отвѣчайте мнѣ позволеніемъ видѣть васъ, пріѣхать къ вамъ, жить тамъ, гдѣ вы живете.

Душевно, глубоко и навсегда вамъ преданный

Гр. П. Луневъ-Запястьевъ“.

— Ну?.. А ты что̀ отвѣчала? живо спросила леди Леннель.

— Я не отвѣчала еще... То-есть еще не отослала отвѣта, смущенно улыбаясь поправилась Лидія Львовна.—Вотъ... если тебѣ не очень хочется ѣхать въ Испанію, Павочка,—я отошлю ему это письмо.

Она подвинула сестрѣ еще не сложенный листокъ почтовой бумаги.

„Оставайтесь пока на мѣстѣ. Мы сами ѣдемъ во Флоренцію. До свиданія. Лидія“.

— Отлично! радостно вскричала Павла Львовна, крѣпко обнимая и цѣлуя сестру.—Ѣдемъ завтра же въ Италію!.. То-то Эдвинъ будетъ доволенъ!

— Постой, милая! Ты только не вздумай, что все уже кончено!.. Чтобъ мужъ твой не подумалъ чего-нибудь... смущенно взмолилась Лидія.—Ты вѣдь знаешь теперь, какъ онъ любитъ свою дочь?.. Онъ отъ нея вполнѣ зависитъ... И ужь, разумѣется, не я стану между отцомъ и дочерью!

— О, безъ сомнѣнія ты не нарушишь ихъ семейной гармоніи! коварно согласилась сестра ея.

И въ тотъ же вечеръ баронетъ имѣлъ удовольствіе узнать, что они ѣдутъ не на Тагъ или Гвадалквивиръ, а на благоухающіе берега Арно.

— Мы съ Лидіей рѣшили, что такъ будетъ лучше! объявила ему жена.

Одного взгляда на ея сіяющую улыбку и на Лидіино хотя смущенное, но тоже радостное лицо, было достаточно смѣтливому баронету, чтобъ убѣдиться, что эта перемѣна не спроста и что въ ней заключается нѣчто весьма счастливое. Но, онъ, разумѣется, какъ тонкій дипломатъ и джентльменъ, своей догадки не высказалъ, а лишь почтительно преклонилъ предъ дамами голову и съ полнымъ убѣжденіемъ замѣтилъ:

— Разъ таково желаніе миссъ *Своевольски*, — оно, само собою, должно быть исполнено безъ апелляціи.

— О, если бы вашими устами говорила судьба! вздохнула Лидія Львовна.

Но въ самомъ вздохѣ ея слышалась радость, доказывавшая, что она надѣется, что такъ тому и быть.

КОНЕЦЪ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Картинка для окончанія спектакля **В. Щигрова**.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ладновъ, Петръ Иванычъ — лѣтъ 45, но кажетъ старѣе.

Марья Николаевна — жена его, лѣтъ 27, не дурна, но болѣзненно блѣдна.

Яшинъ, Яковъ Львовичъ — лѣтъ 33, троюродный братъ Ладновой, красивъ, одѣвается по послѣдней модѣ.

Горцевъ, Мелетій Лаврычъ — докторъ, рослый здоровякъ, съ брюшкомъ, пріятель Ладнова.

Мѣсто дѣйствія — одна изъ излюбленныхъ дачныхъ мѣстностей столицы.

Теплый, ясный вечеръ въ концѣ мая. Часть красиваго сада на наемной дачѣ. На первомъ планѣ площадка, усыпанная краснымъ пескомъ, съ изящною садовою мебелью. Отъ площадки налѣво — аллея на дачу, направо — за кусты — на берегъ озера; на заднемъ планѣ рядъ подстриженныхъ акацій, за нимъ рѣшетка, а за рѣшеткой поблескиваетъ озеро; вдали виденъ противоположный берегъ съ дачками въ зелени. При открытіи занавѣса **Ладнова**, *закутанная въ оренбургскій платокъ, сидитъ на диванчикѣ;* **Яшинъ**, *опустивъ голову, ходитъ по площадкѣ. Небольшое молчаніе.*

Явленіе I.

Ладнова и Яшинъ.

Ладнова. Жакъ!.. (*Молчаніе*). Жакъ!

Яшинъ (*останавливаясь*). Что-съ?

Ладнова. Да вы ужь не надулись ли на меня?

Яшинъ (*подходя къ ней*). На васъ, кузина?.. Помилуйте!.. Но, простите, я право не знаю какъ мнѣ быть... Говорить вы мнѣ запретили...

Ладнова. Можете говорить о другомъ.

Яшинъ. О другомъ... Гм!.. Ахъ, Marie... Да когда у меня другихъ мыслей нѣтъ?.. Когда я...

Ладнова (*перебивая*). Человѣкъ столько путешествовалъ... даже въ Алжирѣ былъ — и ничего интереснаго не можетъ разсказать!

Яшинъ. Да, не могу, не могу. Развѣ, глядя на васъ, могу я думать о какомъ-нибудь Алжирѣ? Ахъ! (*Махаетъ рукой и начинаетъ опять ходить*). Ничего не вижу, ничего... Все потонуло въ непроницаемомъ туманѣ! Нѣтъ, вы, кузина, жестоки! Вы не хотите меня понять.

Ладнова (*капризнымъ тономъ*). Перестаньте ходить! Ваша ходьба меня утомляетъ, раздражаетъ. Сядьте! (*Яшинъ останавливается, но не подходитъ къ стулу*). Ну, что̀ я сказала? Какъ вы смѣете не слушаться? Сюда! Садитесь!

Яшинъ (*комически-торопливо садится рядомъ съ Ладновой*). Слушаюсь, слушаюсь. Ну-съ?

Ладнова. Ну, Богъ съ вами, говорите что хотите.

Яшинъ. Да?.. Ручку! Ручку за это!.. (*Ладнова высовываетъ руку изъ-подъ платка, которую онъ съ жаромъ цѣлуетъ*). Такъ говорить? Можно? Подумайте, Marie, какъ я давно васъ не видѣлъ!.. Ахъ, вы очень измѣнились, очень! И это *только* отъ разстроеннаго здоровья... Хороша брачная жизнь — нечего сказать! И вы еще говорите, что любите его... мужа?!.

Ладнова (*улыбаясь*). Ну, ну, дальше...

Яшинъ. Дальше? Извольте-съ! Нѣтъ-съ, любовь румянитъ человѣка, любовь просвѣтляетъ взоръ, весь человѣкъ блеститъ отъ нея, какъ... какъ только что отчеканенный червонецъ, потомъ-съ — аппетитъ у него великолѣпный.

Ладнова. Аппетитъ?

Яшинъ. Да-съ, аппетитъ! Вы вотъ за обѣдомъ-то, я видѣлъ, покушали какъ муха.

Ладнова. Мерси!.. Нѣтъ-съ, я цѣлую котлетку съѣла.

Яшинъ. Котлетку!.. При настоящей взаимной любви пять котлетокъ нипочемъ!

Ладнова. Считали?.. Нѣтъ, послушайте, Яковъ Львовичъ, право же я хорошо себя чувствую. Ну, случается, прихварываю — просто ужь потому, что старухой становлюсь. Вѣдь мнѣ подъ тридцать.

Яшинъ. Черезъ два года будетъ подъ тридцать! Это большая разница! Помилуйте! Въ жизни женщины вашихъ лѣтъ два года много значитъ. Вы должны быть теперь въ полномъ расцвѣтѣ и... что же! вы вянете среди скуки, холода, дремоты сердца. Это... это ужасно!

Ладнова. Сочиняйте, что хотите. Я счастлива, спокойна. Петръ Иванычъ такой милый. Мало вы его знаете.

Яшинъ. Позвольте, позвольте... Что за жизнь вы ведете? Три года какъ вы замужемъ, и безвыѣздно въ этомъ противномъ городѣ!

Ладнова. Извините: въ прошломъ году мы были въ Вѣнѣ.

Яшинъ. Въ Вѣнѣ? Вѣна не Венеція, не Флоренція. Это выборъ „милаго“ Петра Иваныча?

Ладнова. Тамъ былъ въ то время желѣзнодорожный съѣздъ, ну, мужъ и взялъ меня съ собой.

Яшинъ. „Взялъ... съ собой...“ Господи! Такъ что если бы съѣздъ желѣзнодорожниковъ былъ назначенъ на Шпицбергенѣ, то онъ и туда взялъ бы васъ?!. (*Помолчавъ*). Нѣтъ, не шутя: вы его любите? (*Ладнова киваетъ головой*). Да?.. Ну, такъ эта любовь втораго сорта. Такъ любятъ старыя туфли, тетку, болонку, кушетку... Ахъ, ужасно, ужасно! Человѣкъ женился и — залѣзъ по горло въ желѣзнодорожныя бумаги. Онъ ничего не видитъ, а жизнь идетъ. Не губите себя! Вѣдь молодость не вернешь.

Ладнова. Ахъ, это мнѣ все равно.

Яшинъ. Все равно!? Ну, знаете, такая апатія не нормальна. Это — болѣзненное явленіе, какъ хотите! Хорошъ вашъ докторъ! Что же онъ-то смотритъ? На Югъ! Скорѣе на Югъ!

Ладнова. Туда, гдѣ лимоны растутъ...

Яшинъ. Да, да! Вотъ именно, гдѣ лимоны растутъ. Нѣтъ, это... это трагическое положеніе! Дѣла—нѣтъ, любви настоящей — нѣтъ, даже желаній нѣтъ. Понятно: съ каждымъ днемъ все меньше и меньше вкуса къ жизни.

Ладнова. Какъ дѣла нѣтъ? А по хозяйству? Да я и мужу помогаю.

Яшинъ. Охъ! Въ чемъ же это?

Ладнова. У него почеркъ дурной, ну, онъ мнѣ и диктуетъ иногда, а то еще, когда нужна ему справка по тарифной части — такъ я справляюсь.

Яшинъ. О-о!.. И это любящій мужъ! Справки по тарифной части!?. Душегубецъ!

Ладнова (*смѣясь*). Чѣмъ же это не дѣло? Положимъ, скучное, но развѣ веселыя дѣла есть?

Яшинъ (*вскакивая*). Она роется... въ тарифахъ! Я съ ума сойду!

Ладнова. А знаете, разныхъ тарифовъ больше четырехъ тысячъ... Опять вы забѣгали? Сядьте!

Яшинъ (*ходитъ*). Это что-то волшебное... Не понимаю, ничего не понимаю! Терять не только здоровье, но и женственность... женственность!

Ладнова. Сядьте же, вамъ говорятъ! Что вы такъ горячитесь? Что съ вами? Это, наконецъ, интересно.

Яшинъ (*садясь*). А-а, вамъ, *наконецъ*, интересно? Что со мной? Вотъ видите, вы уже настолько потеряли женское чутье, что... Ахъ, еще не поздно! Marie! Позволь мнѣ спасти тебя!

Ладнова. Ужь и „тебя“... Что такое? Я не понимаю.

Яшинъ. Не понимаете? „Что такое?“ А то, что я любилъ и до сихъ поръ люблю васъ... Да-съ! Вотъ что! Троюродное родство не помѣха... Но тогда я былъ безъ средствъ... Я вѣдь не зналъ, что черезъ годъ, совершенно случайно, получу богатое наслѣдство...

Ладнова (*нѣсколько смутясь*). Такъ вотъ что... наслѣдство.

Яшинъ. Да! Я любилъ, молчалъ и страдалъ... Мнѣ казалось тогда, что вы не были ко мнѣ равнодушны. Можетъ-быть, я ошибался? Скажите, Marie, я ошибался?

Ладнова. Оставимъ этотъ разговоръ.

Яшинъ. Повинуюсь. Я высказался. Вы меня поняли. Довольно! Но вопросъ о вашемъ здоровьи еще не рѣшенъ. Послушайте, вамъ положительно нужна перемѣна воздуха, обстановки, впечатлѣній... Вы — больны, просто — больны!

Ладнова. Не то что больна, а такъ какъ-то... Да ничего! Желѣзо буду принимать, начну купаться. Молоко теперь пью по утрамъ—ну, авось (*улыбаясь*) сохраню еще остатки женственности. Нѣтъ, меня больше тревожитъ здоровье Петра Иваныча. Гм! Странно; вѣдь каждый день я его видѣла и въ то же время *какъ-то не видѣла* его, а сегодня разглядѣла. Какъ онъ пожелтѣлъ, постарѣлъ! Ахъ, онъ слишкомъ ужь заработался!.. Вотъ и сталъ хворать. Мелетій Лаврычъ хотѣлъ серьезно разсмотрѣть Петра Иваныча... Ну, что-то онъ скажетъ?.. Пора бы ужь имъ и сюда придти.

Яшинъ. Послѣ „разсмотрѣнія“ вѣрно засѣли за шахматы.

Ладнова (*прислушиваясь*). Слышите? Это у насъ на озерѣ поютъ.

Яшинъ. Дачники?

Ладнова. Да, молодежь. Катаются себѣ на лодочкѣ и поютъ. Счастливые! Легко имъ пока живется.

Яшинъ. Ага! Позавидовали? Значитъ, вамъ-то не легко живется... Ужь сознайтесь!

Ладнова. Позавидовала? Нисколько. *Ихъ* счастья я не хочу. Я ужь не могу себя обманывать.

Яшинъ (*помолчавъ*). Гм!.. А счастье, право, отъ насъ самихъ зависитъ.

Ладнова (*вздохнувъ*). Богъ съ нимъ. Знаете, какой-то писатель сказалъ, что у счастья нѣтъ завтрашняго дня, у него нѣтъ и вчерашняго; прошедшаго — не помнитъ, о будущемъ не думаетъ; у него только настоящее, и то не день, а мгновенье... Стоитъ-ли хлопотать, тревожиться?..

Яшинъ. Такъ можетъ говорить больной человѣкъ.

Ладнова. Мало же вы, Жакъ, знаете жизнь!.. А, вотъ и они!

Явленіе II.

Тѣ же и слѣва выходятъ: Ладновъ и Горцевъ. (*Первый въ тепломъ пальто*).

Ладновъ. Вотъ вы гдѣ! А я думалъ, гуляете около озера.

Горцевъ. Однако какой вечерокъ! Для конца петербургскаго майчика — рѣдкостный.

Ладновъ (*прохаживаясь*). И все-таки безъ такого пальто не выйдешь.

Ладнова. И охота вамъ была за шахматами сидѣть, когда здѣсь такая прелесть! Мы погуляли, а теперь вотъ сидимъ, болтаемъ. Садитесь и вы!

Горцевъ (*садясь*). Дѣйствительно, здѣсь прелестно. Позвольте, какъ это? Да! (*Декламируя*):

Настали дни свѣтлаго мая,
Деревья и травы цвѣтутъ
И по небу синему, тая,
Румяныя тучки плывутъ...

Яшинъ. По синему! По зе-ле-но-му-съ! Синее-то небо во Флоренціи. Хороши румяныя тучки! Онѣ какія-то просто — ну, цвѣта не то рѣпы, не то моркови. Ничего тутъ нѣтъ прелестнаго! Подите!

Горцевъ. Далеко Флоренція-то, вотъ бѣда!

Ладновъ (*остановясь*). Ну, что тамъ... „тучки румяныя“... Очень нужно! А вотъ Мелетій Лаврычъ, она (*кивая на жену*) блѣдновата: что лобъ, что щеки — одного цвѣта... Не хорошо, братецъ, не хорошо! (*Ходитъ*).

Горцевъ. Что хорошаго! Погоди, мы примемся за Марью Николаевну. Я ужь ей желѣзишко прописалъ, ну, а если ferrum non sanat — мышьячекъ-съ!

Яшинъ. Желѣзишко... мышьячекъ!.. Нѣтъ, нуженъ другой климатъ-съ. На Югъ, на дальній Югъ!

Ладновъ. Ужь не въ Алжиръ ли?

Ладнова. Никогда я румянцемъ не блистала. Ахъ, что обо мнѣ толковать!

Ладновъ. Да, но аппетитъ у тебя плохой, голова часто побаливаетъ.

Ладнова. Ахъ, нѣтъ, что обо мнѣ толковать! Послушайте, докторъ, что-жъ вы ничего не скажете о состояніи здоровья Петра Иваныча? Вѣдь вы его изслѣдовали, осмотрѣли?

Ладновъ (*садится*). Ну стоитъ объ этомъ говорить!

Горцевъ. Изслѣдовалъ, осмотрѣлъ и могу сказать...

Ладнова (*мужу*). Какъ не стоитъ? Нѣтъ, извини! Твое здоровье меня тревожитъ! (*Горцеву*): Говорите, говорите, безъ утайки.

Горцевъ (*Ладнову*). Не могу, братъ, ослушаться. (*Ладновой*): Да ничего особеннаго. Будьте, милая барынька, спокойны! И развѣ есть здоровые люди? Абсолютно никто не здоровъ-съ. Иначе и быть не можетъ, ибо, изволите видѣть, при безпрерывной метаморфозѣ веществъ...

Ладновъ (*перебивая*). Постой! Я ужь покороче... Ну, нашелъ онъ у меня нѣкоторое переутомленіе — вотъ и все. (*Подмигиваетъ Горцеву*).

Горцевъ. Не все, мой другъ! А маленькое ожирѣніе сердечка? А увеличеніе печеночки?

Ладнова (*качая головой*). Ну, вотъ видишь? Ахъ, Петръ Иванычъ!

Ладновъ. Что-жъ такое? А у кого этого нѣтъ? Да у него самого, гляди, какое повсемѣстное ожирѣніе! И печеночка, навѣрно, больше моей. Наконецъ, у всякаго порядочнаго, дѣловаго человѣка, съ увеличеніемъ благосостоянія сердце должно быть пожирнѣе. Это въ порядкѣ вещей.

Горцевъ. Острипшь, братецъ, острипшь! Нѣтъ, позволь: если такой органъ, какъ сердце, начинаетъ ожирѣвать... Ты слушай, голубчикъ, слушай! Роль сердца слишкомъ важна, ибо если...

Ладновъ (*перебивая*). Перестань! Ты уже два раза сказалъ „ибо“. Ты жену только напугаешь... Она и то думаетъ, что я совсѣмъ больной. Оставь!

Ладнова. Ну, хорошо, хорошо. (*Горцеву*): И такъ, мнѣ желѣзишко, мышьячку, а ему что?

Горцевъ. А ему меньше заниматься, больше гулять; меньше курить, больше кушать. Вообще, такъ сказать, измѣнить режимъ-съ.

Ладнова (*мужу*). Слышишь?

Яшинъ. Легко сказать дѣловому человѣку: измѣни режимъ!

Горцевъ. Это моя обязанность, а ужь тамъ какъ знаютъ. Народецъ взрослый. Конечно, я могъ бы посовѣтовать имъ отправиться за границу, на воды, но вѣдь для нынѣшнихъ дѣльцовъ погулять гдѣ-нибудь — сущій грѣхъ!

Яшинъ. Н-да, но это касается именно дѣльцовъ, а не женъ ихъ, и поэтому вамъ, докторъ...

Ладновъ (*съ гримасой*). Да, да, конечно! (*Горцеву*): Жена вѣдь свободный человѣкъ. Вотъ и посовѣтуй ей! Что-жь ты ей не рекомендуешь какой-нибудь Карлсбадъ?..

Ладнова. Никуда я одна не поѣду!

Яшинъ. Зачѣмъ-же одной ѣхать?

Ладновъ. Да ужь, конечно, что за путешествіе въ одиночку! А мнѣ—никакъ невозможно. (*Горцеву*): У насъ нынче, съ іюня, большой съѣздъ. Дѣло серьезное... Нынче, братъ, желѣзнодорожные вопросы—краеугольные камни зданія благополучія! Краеугольные!

Горцевъ (*Ладновой*). Вотъ, видите? Что-жъ я тутъ могу...

Ладновъ (*передразнивая*). Вотъ, видите? А я что тутъ могу?.. Да, помилуй, Мелетій Лаврычъ!.. Развѣ я жену держу на привязи? Но если она никуда одна не хочетъ ѣхать?.. Не разорваться-же мнѣ!

Яшинъ (*Ладновой*). Я не понимаю, почему-же не найти спутника...

Ладнова (*мужу*). Зачѣмъ тебѣ разрываться!.. Ужь если кому ѣхать—такъ это тебѣ, а не мнѣ!

Ладновъ (*Горцеву*). Напугалъ-таки ее!

Яшинъ (*Горцеву*). А вы его напугайте! Развѣ Марья Николавна можетъ тутъ оставаться?

Ладновъ (*женѣ, язвительно*). Вотъ тебѣ и кавалеръ!

Горцевъ. Эхъ, господа, если намъ не пугать васъ, то вѣдь сами-то вы палецъ-о-палецъ не ударите! Конечно, строго говоря, здѣшній климатъ—порядочное дрянцо... Но если... (*Умолкаетъ. Въ это время вблизи звучное контральто запѣваетъ*: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...“).

Хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ (*за сценой*).

По широкой,
По широкой, славной, долгой...

Горцевъ. Какъ хорошо поютъ! Здѣшніе дачники?

Контральто (*за сценой*).

Взбушевалася погодка—

Хоръ.

Немалàя,
Немалàя, волновàя...

Ладнова (*Горцеву*). Здѣшняя дачная молодежь.

Контральто (*за сценой, звучнѣе, явственнѣе*).

Ничего въ волнахъ не видно—

Хоръ (*громче*).

Только видно,
Только видно одну лодку...

Яшинъ. Ничего, не дурно. Мимо насъ плывутъ.

Контральто (*за сценой, еще звучнѣе*).

Вы приваливай, ребята—

Хоръ (*еще громче*).

Ко крутому,
Ко крутому бережочку...

Контральто.

Да ко желтому песочку—

Хоръ.

Ко боярскому—
Ко боярскому подворью...

Контральто.

Ко боярскому подворью—

Хоръ.

Да ко Марьину,
Да ко Марьину здоровью!

Горцевъ и Яшинъ (*аплодируя*). Браво! Браво! Bis!

(*Пѣніе умолкаетъ. Лодка съ пѣвцами уплываетъ, но слышно, какъ они переговариваются, смѣются*).

Яшинъ. Слышали? „Ко Марьину здоровью..." C'est charmant! Кузина, это по вашему адресу они пѣли. Я вообще не люблю русскихъ пѣсенъ, но эта... Мило, очень мило!..

Горцевъ (*ударяя себя по лбу*). Ахъ, вотъ мысль! Послушайте, милые вы мои супруги, знаете что?..

Ладнова. Ну, ну, говорите.

Горцевъ. А вотъ что: внизъ по матушкѣ по Волгѣ!

Ладновъ (*съ улыбкой*). Внизъ — ѣхать, что-ли?..

Горцевъ (*горячо*) Да, именно: ѣхать! Обоимъ вамъ ѣхать. Это великолѣпная мысль! Помилуйте: и дешево, и сердито! Что можетъ быть удобнѣе, здоровѣе, проще, какъ проѣхать по этой чудесной рѣкѣ—отъ Рыбинска до Астрахани!

Ладновъ (*свирѣпо взглянувъ на Горцева*). Разумѣется. Что и говорить!

Ладнова. Я на картинахъ только и видѣла Волгу... Красивая!

Яшинъ. Я и понятія о ней не имѣю. Представьте: всѣ рѣки заморскія знаю — Рейнъ, Гвадалквивиръ, Темзу, Сену, Дунай, а Волги до сихъ поръ не видѣлъ!.. Это ужасно! C'est affreux! Но мысль превосходная! Я начинаю вѣрить докторамъ!.. Докторъ, вашу благородную руку!

Горцевъ (*протягивая ему руку*). Извольте-съ. И вы на Волгу не прочь?

Яшинъ. Хоть сейчасъ! Да мнѣ просто стыдно, что я ее не видѣлъ.

Ладнова. Говорятъ, виды тамъ прелестные...

Ладновъ (*сдерживаясь*). Что-жъ, поѣзжайте... Вѣдь я и на Волгу, все равно, не могу. Если-бы не этотъ съѣздъ...

Горцевъ. Съѣздъ! Съѣздъ!.. Да плюнь ты на него!.. Здоровье дороже всякаго съѣзда... Вотъ люди! Какъ будто жизнь не въ обрѣзъ дана... Чего, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ мучиться?.. Человѣку за сорокъ...

Ладновъ. Извини, всего—сорокъ.

Горцевъ. Сорокъ! Отлично! Ну, и пора пожить въ свое удовольствіе. Безсмертенъ ты, что-ли? А вѣдь придетъ „она", съ лезвіемъ косы,—все тогда бросишь, всѣ свои „съѣзды" проклянешь, да ужъ нѣтъ, братъ, ау—поздно будетъ!..

Яшинъ. Дѣльца этимъ не запугаете.

Ладновъ (*смѣясь*). Ничего я не прокляну. Чушь городишь!

Горцевъ. Постой!.. Вѣдь ты на Волгѣ какъ поправишься-то, а?... Просторъ.... Чистый воздухъ... Поѣдешь—на стерлядь сядешь!

Ладновъ. Самъ на нее садись! Я не обжора.

Горцевъ. Обжора! Да ужъ лучше сидѣть на стерляди, чѣмъ въ креслѣ на съѣздѣ.

Ладновъ (*сердито*). Ну, и садитесь на нее... втроемъ!

Горцевъ. Нѣтъ, ты для жены долженъ это сдѣлать!

Ладнова. Нѣтъ, нѣтъ! Для него самого это важно... Петръ Иванычъ! Въ самомъ дѣлѣ, здоровьемъ нельзя шутить... На что ты сталъ похожъ?.. Надо поправить и сердце, и печень... А какъ славно мы прогулялись-бы!.. Сколько тамъ воздуху, простора...

Ладновъ. Да, да!.. Тебѣ, я вижу, хочется на Волгу? Хочется?.. Ну, съ Богомъ... Сдѣлай одолженіе!..

Ладнова (*прищуриваясь*). Что?.. Вѣдь я сказала, что одна не поѣду...

Ладновъ (*тоже прищуриваясь*). Зачѣмъ-же одна...

Яшинъ. Кузина, вы меня обижаете! Я-то на что-жъ? Ну, видимое дѣло, что Петръ Иванычъ положительно не можетъ... Еще-бы! Съѣздъ слишкомъ серьезное дѣло для него. Съѣздъ не можетъ обойтись безъ такого солиднаго спеціалиста, какъ Петръ Иванычъ!..

Ладновъ (*женѣ*). Не обижай его!

Яшинъ. Я человѣкъ гулящій, свободный... Я не только на Волгу, а куда угодно... Хоть на Сыръ-Дарью... (*Съ озера доносится пѣніе*). Кузина! Я въ полномъ вашемъ распоряженіи...

Горцевъ. Вотъ, вотъ! И прекрасно. Чего-же лучше! Поѣзжайте, милая барынька, поѣзжайте съ нимъ. Какъ вы поздоровѣете! Сравнительно съ такой прогулкой желѣзишко и мышьячекъ—дрянь.

Ладновъ (*женѣ*). Ну, вотъ, значитъ, и не одна поѣдешь.

Ладнова. Хорошо, хорошо! Я подумаю... Слышите? Поютъ!

Яшинъ. Дуэтъ... И, кажется, „Не искушай меня безъ нужды..."

Ладнова (*вставая*). Жакъ, идемте на берегъ! Тамъ лучше слышно.

Яшинъ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Ладновъ. Марья Николаевна, тамъ теперь сыро...

Ладнова (*идя подъ-руку съ Яшинымъ*). Ничего, Петръ Иванычъ, я въ калошахъ... Да мы сейчасъ вернемся.

(*Ладнова и Яшинъ уходятъ направо*).

Явленіе III.

Ладновъ и Горцевъ.

Горцевъ. Гм!.. Я удивляюсь, почему тебѣ непремѣнно лично нужно быть на этомъ съѣздѣ?.. (*Ладновъ молча встаетъ и начинаетъ ходить*). А?.. Вѣдь будутъ же протоколы по каждому засѣданію?.. Что?.. (*Ладновъ молчитъ*). Думаешь? Ну, думай, думай. Да, если здоровье расшатается, то благоразуміе требуетъ принятія извѣстныхъ мѣръ... Ужъ противъ этого, братецъ ты мой, нечего сказать. (*Ладновъ останавливается*). Что ты на меня такъ смотришь?.. Плюнь, говорю, на все и поѣзжай! Да и для жены это было бы очень полезно... А?.. Плюнь, право!..

Ладновъ (*плюнувъ*). Спасибо, милый другъ! (*Низко кланяется*).

Горцевъ (*роясь въ карманахъ*). Плюнулъ—ну, и отлично! (*Встаетъ*). Гдѣ же сигарочница? Ахъ, вѣрно, она тамъ, на балконѣ!.. Я живо сбѣгаю. (*Уходитъ налѣво*).

Явленіе IV.

Ладновъ одинъ.

Ладновъ. Спасибо! (*Плюетъ*). Хорошъ другъ-пріятель! Ужъ вотъ удружилъ, чортъ тебя подери!.. На Волгу... до Астрахани... А?!.. А все это—хористы, они, дьяволы! Вишь, дѣлать имъ нечего: катаются, да поютъ глупыя пѣсни... Они и надоумили! Ахъ, говоритъ, „великолѣпная мысль"!.. Черти, право черти!.. (*Задумывается*). Гм! Странно: я до сихъ поръ былъ за жену совсѣмъ спокоенъ, а теперь... какъ *этотъ* баринъ явился.... я сталъ чувствовать какое-то безпокойство... И еще странность: вѣдь ежедневно я видѣлъ жену и, въ то же время, какъ будто ея не было передо мной, а сегодня я ее какъ-то *особенно увидѣлъ*... разглядѣлъ... Да, дѣйствительно, блѣдна, но лицо еще милѣе!.. А если она безъ меня... съ этимъ Жакомъ?.. Нѣтъ, ни за что! (*Ходитъ сильно жестикулируя*). Но что же это такое? Любовь изъ пепла... Искра любви въ пеплѣ?.. Ревность?!.. Ха, ха, ха! О, только этого недоставало!..

(*Слѣва входитъ Горцевъ съ зажженной сигарой*).

Явленіе V.

Ладновъ и Горцевъ.

Горцевъ. Что это ты комаровъ ловишь?

Ладновъ (*кланяясь*). Спасибо, голубчикъ!

Горцевъ. То-то! Васъ не расшевели, такъ и пропадете, погибнете. Когда же поѣдете?

Ладновъ. Что? Для твоего уха, видно, не существуетъ тона... ноты сарказма? За что мнѣ говорить тебѣ спасибо? Ты—болтунъ! Ты... ты... Однимъ словомъ: удружилъ ты мнѣ сегодня, Мелетій Лаврычъ!.. Ахъ, удружилъ!..

Горцевъ. Что?.. Что такое? Да ты эго не шутя сердишься?

Ладновъ. Не до шутокъ мнѣ! У меня тутъ все закипѣло... Кипитъ!..

Горцевъ. Да что я такое сдѣлалъ?

Ладновъ. Сдѣлалъ!.. Каково эго мнѣ при ожирѣніи сердца? А?.. Вотъ, вотъ и печень увеличивается... Пощупай, какъ она вдругъ увеличилась!.. На, на, пощупай! Ты не докторъ, а разбойникъ! Бандитъ!..

Горцевъ. Фу! Да говори толкомъ: что случилось?

Ладновъ. Что случилось!.. Ты—холостякъ, ты ничего не понимаешь... На Волгу! До Астрахани! Вѣдь я же, пойми, чурбанъ ты этакой, не могу ѣхать, а она... она можетъ... безъ меня... Пойми, варваръ!

Горцевъ. Такъ вѣдь не одна же — съ этимъ Яшинымъ...

Ладновъ (*пискливо*). Ну да, чортъ побери, съ нимъ!

Горцевъ. Что-жъ такое?.. Cousinage...

Ладновъ. Кузинажъ!.. Троюродный! Ахъ ты толстопузый младенецъ!.. Боже мой! Вотъ положеніе!.. (*Задумчиво*): Да, да... Она такъ еще молода, такъ хороша... Ей хочется другой жизни, другаго воздуха... Она—больна! Ее и потянуло на Волгу... А тутъ — съѣздъ, я долженъ быть на съѣздѣ... Отпустить ихъ вдвоемъ?.. Такая даль! До Астрахани... Ничего въ волнахъ не видно!.. А?.. Что ты со мной сдѣлалъ?.. У! Такъ бы и повѣсилъ тебя на этомъ деревѣ!..

Горцевъ (*смѣясь*). Вотъ не ожидалъ!.. Ахъ-ты обезьяна, ревнивецъ!..

Ладновъ (*подбѣгая къ нему*). Замолчи!.. Они идутъ... (*Отходя*): Разбойникъ ты, разбойникъ!..

Явленіе VI.

Тѣ-же и Ладнова подъ-руку съ **Яшинымъ.**

Ладнова. Сейчасъ они изъ-за горы выѣдутъ сюда. (*Садится*).

Яшинъ. Дуэтъ у нихъ хорошо вышелъ.

Ладнова. Веселый народъ!.. Жакъ имъ крикнулъ, чтобы они повторили „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", а они хохочутъ въ отвѣтъ.

Горцевъ. Когда-то и я пѣвалъ... Эхъ, молодость, молодость!

Ладнова (*прислушиваясь*). Вотъ, вотъ, слушайте... Плывутъ!

Контральто (*за сценой*).

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ—

Хоръ.

По широкой,
По широкой, славной, долгой...

(*Всѣ кромѣ Ладнова аплодируютъ*).

Контральто (*за сценой*).

Взбушевалася погодка—

Хоръ (*съ участіемъ Ладновой, Яшина и Горцева*).

Немалая,
Немалая, волновая...

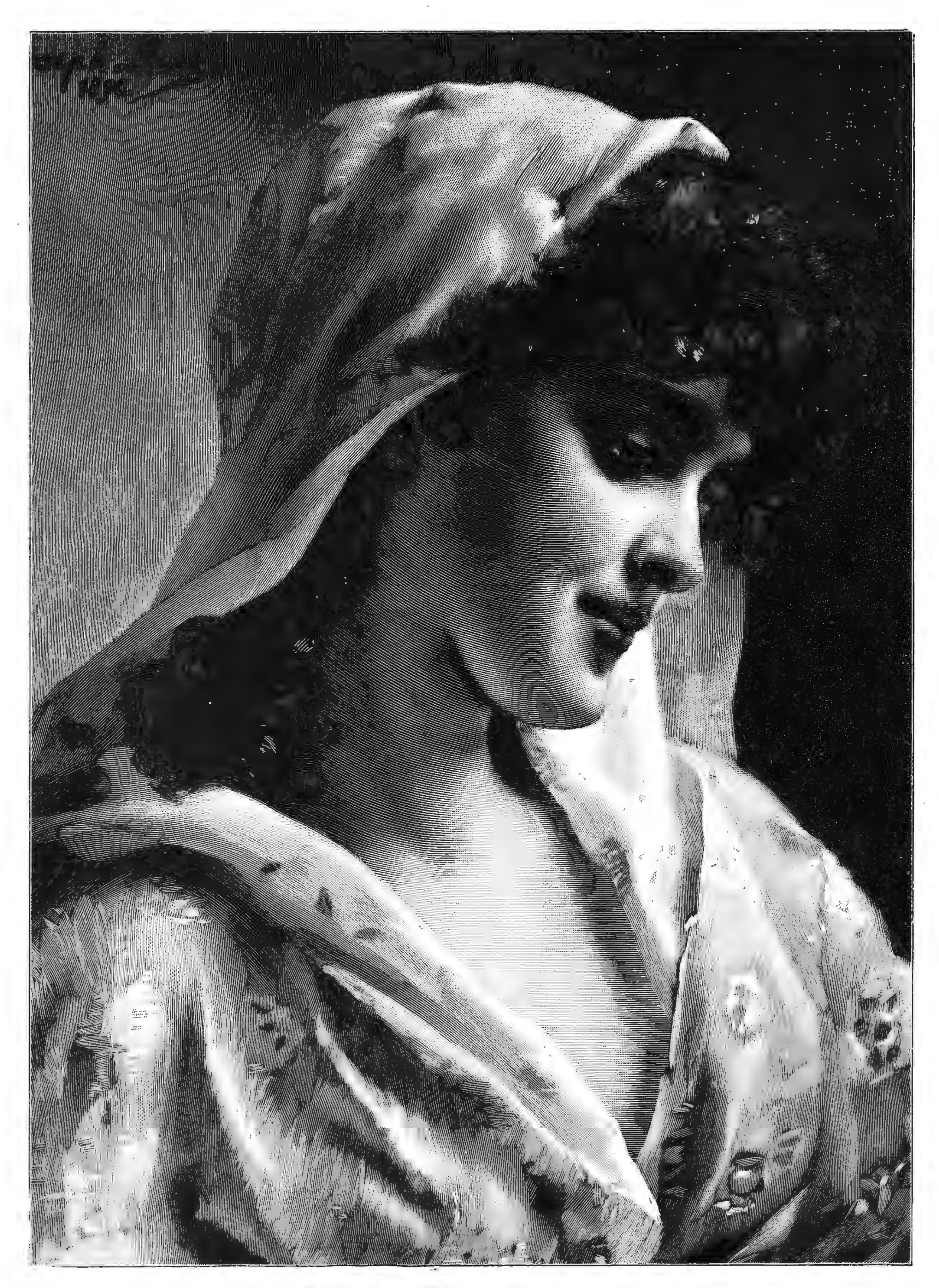
(*Лодка съ пловцами уплываетъ. Слѣдующій куплетъ еще слышенъ, но затѣмъ звуки замираютъ*).

Ладновъ (*подойдя къ женѣ*). Ѣдемъ, Маша!..

Ладнова. Куда?

Ладновъ. Завтра всѣ дѣла устрою и—съ тобой внизъ по матушкѣ по Волгѣ!..

ЗАНАВѢСЪ.



Мечты о счастьѣ. Карт. Лика, грав. Кирмзе.

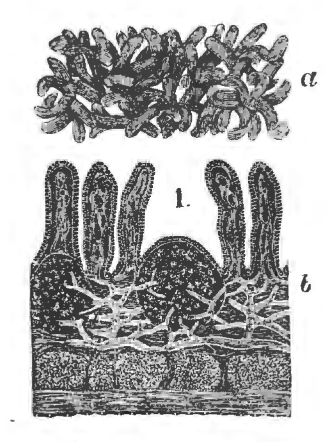
Животныя и растенія и ихъ взаимодѣйствіе въ природѣ.

Проф. **А. Ѳ. Брандта.**

Развѣ со страха въ сумеркахъ лѣсной глуши случается принять какой-нибудь кустъ за дикаго звѣря; при обыкновенныхъ же условіяхъ о подобной ошибкѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Отличительные признаки растеній и животныхъ до того рѣзки, опредѣленны, общеизвѣстны, что, казалось бы, не стоитъ на нихъ и останавливаться. Однако, отъ врѣзавшагося съ дѣтства въ нашу душу представленія до отчетливаго пониманія еще очень далеко, и изъ числа необучавшихся естествовѣдѣнію едва-ли многіе догадаются сразу формулировать, что растенія зеленаго цвѣта, прикрѣплены къ землѣ и не чувствуютъ, тогда какъ животныя двигаются, чувствуютъ и сознаютъ. Къ тому-же, на повѣрку оказывается, что и эти столь очевидные признаки требуютъ поясненій и оговорокъ. Поэтому, предлагаю для начала сличить между собою внѣшній видъ какого-нибудь растенія, положимъ дерева, съ человѣкомъ или четвероногимъ животнымъ.

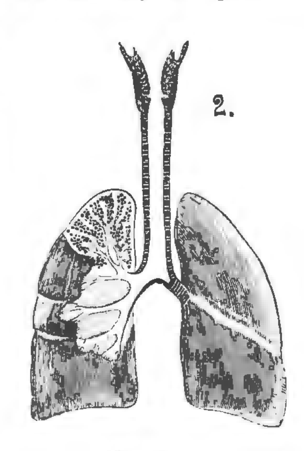
Древесный стволъ, внѣдряясь въ почву, образуетъ многовѣтвистый корень, широко расходящійся во всѣ стороны. Тончайшія его развѣтвленія оканчиваются множествомъ *корневыхъ мочекъ*, нитевидныхъ органовъ малаго объема, но сравнительно съ большою внѣшнею поверхностью. Во избѣжаніе неясности, сдѣлаю маленькое отступленіе объ измѣнчивости соотношенія между объемомъ или массою и внѣшнею поверхностью тѣлъ. Представимъ себѣ какое-нибудь тѣло, положимъ цилиндрической формы, хотя-бы полѣно-круглякъ. При данномъ объемѣ оно имѣетъ и внѣшнюю поверхность извѣстнаго протяженія. Если мы разрубимъ полѣно вдоль пополамъ, то ясно, что на долю каждой половины сверхъ половины первоначальной внѣшней поверхности, придется еще и та новая поверхность, которая произведена топоромъ, и такимъ образомъ пополѣна имѣетъ по сравненіи со своею массою бóльшую внѣшнюю поверхность, нежели цѣлое. Продолжая щепить полѣно далѣе, мы получаемъ осколки съ внѣшнею поверхностью все болѣе и болѣе увеличивающеюся въ сравненіи съ объемомъ. То же самое относительное прогрессивное увеличеніе внѣшней поверхности получается, когда расплетаемъ канатъ. Растрепавъ его на мельчайшія волокна, мы создаемъ въ общей суммѣ наибольшую внѣшнюю поверхность. Корень дерева съ его мочками представляетъ большое сходство съ такимъ расплетеннымъ и растрепаннымъ на волоконца канатомъ. Громадная, сравнительно съ массою внѣшняя поверхность мочекъ есть поверхность всасыванія. Ею мочки впитываютъ изъ почвы влагу и вещества, въ ней растворенныя. Но что поверхность корней въ сравненіи съ тою внѣшнею поверхностью, которую наше дерево выставляетъ на воздухъ? Не великъ каждый листокъ самъ по себѣ: скомкаешь, получаешь шарикъ съ горошину съ малою поверхностью; за то въ расправленномъ видѣ какія у него двѣ сравнительно обширныя поверхности. Любознательному натуралисту пришло въ голову опредѣлить приблизительно число листьевъ на большомъ вязѣ. Онъ сосчиталъ ихъ, конечно, на одной лишь вѣткѣ и полученное число помножилъ на число вѣтвей. При этомъ сумма всѣхъ листьевъ оказалась равною 7.000.000. Затѣмъ онъ измѣрилъ протяженіе верхней и нижней поверхности отдѣльнаго листка и найденную величину помножилъ на семь милліоновъ. При этомъ получилась неимовѣрная величина въ 20.000 квадратныхъ футовъ. Не для услажденія нашего взора созданы милліоны зеленыхъ пластинокъ дерева. Это органы питанія, не менѣе важные, нежели корни. Листья втягиваютъ въ себя изъ воздуха углекислоту, его самую ничтожную составную часть, ибо воздухъ, какъ извѣстно, состоитъ приблизительно на четыре пятыхъ изъ азота, на одну пятую изъ кислорода, а углекислоты содержитъ лишь полпроцента. Листья одарены способностію извлекать изъ углекислоты углеродъ — попросту уголь—и химически соединять его съ тѣми веществами, которыя впитаны изъ почвы корнями, а по сосудистымъ трубочкамъ ствола и вѣтвей протекаютъ къ листьямъ. Извлеченіе изъ углекислоты углерода совершается, конечно, невидимо ни для простаго, ни для вооруженнаго глаза. При этомъ углеродъ не выдѣляется ни на долю секунды въ чистомъ состояніи, хотя бы подъ видомъ мельчайшей копоти, а прямо передается углекислотою химически другимъ веществамъ для новыхъ, болѣе сложныхъ соединеній. Фактическое существованіе въ растеніяхъ углерода доказывается наглядно при сжиганіи хотя бы дровъ. Тѣ же дрова даютъ намъ и представленіе о громадномъ количествѣ углерода, накопленномъ въ деревѣ. Мало того, представленіе это еще ниже дѣйствительности, ибо еще до обугливанія значительное количество углерода улетучивается и сгораетъ въ газахъ пламени. Весь свой углеродъ растеніе получаетъ изъ воздуха, изъ полупроцента его углекислоты. Теперь понятно, на что такъ широко раскидываются вѣтви дерева, на что вся эта сумма листовыхъ поверхностей: ею улавливается столь рѣдко разсѣянная въ атмосферѣ углекислота. И такъ, въ растеніи мы имѣемъ дѣло съ развитіемъ внѣшнихъ питательныхъ поверхностей, подземныхъ и воздушныхъ.

Животное представляетъ не широко раскидистое, а концентрованное, компактное строеніе. Поверхность его, сравнительно съ объемомъ или массою, очень незначительна, да къ тому же не приспособлена къ вбиранію въ себя питательныхъ веществъ, а окружена, подобно стволу дерева, своего рода корою—кожею. Однако, и животное беретъ изъ внѣшняго міра пищу, которая также перерабатывается въ тѣлѣ, сохраняетъ ему жизнь и доставляетъ матеріалъ для роста. Тѣмъ не менѣе способъ пріобрѣтенія питательныхъ веществъ другой. Свою пищу, твердую и жидкую, животное поглощаетъ видимыми массами и препровождаетъ въ желудокъ и кишечный каналъ съ его тонкими, нѣжными, влажными стѣнками, удобными для всасыванія питательныхъ матеріаловъ. Длина кишечника у человѣка превосходитъ длину туловища въ пять или шесть разъ; а потому кишечникъ уже самъ по себѣ имѣетъ изрядную всасывающую поверхность; но поверхность эта еще удваивается складками или гребешками слизистой оболочки, вдающимися въ полость кишки. Однако, и этимъ дѣло не ограничивается. Слизистая оболочка на бóльшемъ протяженіи пищеварительнаго канала густо усажена нитевидными отростками, отчего представляетъ видъ бархата или плюша (рис. 1). На квадратный миллиметръ, стало-быть на пространство шириною съ булавочную головку, приходится отъ одного до двухъ десятковъ такихъ отростковъ или *кишечныхъ ворсинокъ*. Каждая изъ нихъ имѣетъ внѣшнюю поверхность въ десятки разъ превосходящую то основаніе, на которомъ сидитъ ворсинка. Присоедините къ этому, что слизистая оболочка пищеварительнаго канала, кромѣ выступовъ, имѣетъ еще безчисленныя углубленія—микроскопическія железки, въ которыя запрятана также не малая питательная поверхность. Далѣе, какъ бы отростками, продолженіями пищеварительнаго канала являются и крупныя железы—слюнныя, поджелудочная и печень—своими соками обработывающія пищу. Всѣ онѣ состоятъ изъ вѣтвистыхъ каналовъ, въ которыхъ точно также запрятана обширнѣйшая поверхность воздѣйствія на пищу. Трудно вычислить, хотя бы лишь приблизительно, все протяженіе поверхностей органовъ пищеваренія человѣка; но смѣло можно догадываться, что оно во всякомъ случаѣ превосходитъ сумму поверхностей корневыхъ мочекъ большаго дерева.



Кишечныя ворсинки.

Изучая анатомически наши легкія (рис. 2), служащія, подобно листвѣ растенія, для обмѣна газовъ между организмомъ и внѣшнимъ міромъ, мы видимъ, что они уподобляются деревцу вѣтвистыхъ трубочекъ. Мельчайшія изъ нихъ оканчиваются мѣшечками или пузырьками. Изъ тончайшихъ трубочекъ и пузырьковъ и соткана вся мелко-губчатая масса легкихъ. Какъ показываетъ уже приведенный мною примѣръ растрепаннаго каната, чѣмъ больше расщепляется трубка, тѣмъ больше прибавляется все новыхъ и новыхъ поверхностей. Листъ папиросной бумаги можетъ быть смятъ и втиснутъ въ небольшую рюмку; а если представить себѣ листы микроскопической тонины, то и въ наперстокъ ихъ умѣстится много, а въ складкахъ между ними останется еще масса мелкихъ щелей или пустотъ. Опавшая листва вяза, собранная граблями, представляетъ большую рыхлую кучу; но куча эта съежилась бы до ничтожнаго, сравнительно, объема, еслибъ листья ея утончились до микроскопическихъ размѣровъ. Легочные пузырьки и составляются микроскопически тонкими пленками, ограничивающими микроскопическія же полости. Послѣ сказаннаго намъ уже не трудно повѣрить, что наши легкія представляютъ чуть ли не бóльшую поверхность соприкосновенія съ воздухомъ, нежели вся листва большаго дерева. А какая громадная поверхность упрятана въ почкахъ, несмотря на ихъ небольшую величину! Сумма трубочекъ (рис. 3), составляющихъ обѣ наши почки, соотвѣтствуетъ выдѣлительной поверхности



Легкія.

3.

Трубочки почки.

приблизительно въ 320 квадратныхъ футовъ, т. е. равняется площади просторной комнаты.

И такъ, мы видимъ рѣзкую противуположность въ устройствѣ органовъ питанія растеній и животныхъ: у первыхъ питательныя поверхности, т. е. поверхности обмѣна веществъ между организмомъ и внѣшней средой, выпячены наружу, а у вторыхъ ввячены во внутрь тѣла. Отсюда и различіе въ общемъ обликѣ растеній и животныхъ. Смыслъ этого развитія заключается въ неодинаковомъ у тѣхъ и другихъ организмовъ способѣ добыванія пищи. Растеніе совершенно пассивно воспринимаетъ составныя части почвы и воздуха, его окружающихъ; животное само отыскиваетъ свою пищу; а для того должно быть устроено такъ, чтобы обладать способностью передвиженія. Представимъ себѣ большое дерево передвигающимся наподобіе животнаго. Какое треніе испытывали бы волочащіяся по землѣ корневыя развѣтвленія! Какое сопротивленіе воздуху должна бы оказывать вся зеленая, воздушная его часть! Какія требовались бы силы для передвиженія махины съ такими внѣшними поверхностями, въ особенности противъ вѣтра? Природа не примѣняетъ ни домкратовъ, ни паровыхъ машинъ; а устраиваетъ свои созданія цѣлесообразно, способными къ самостоятельной жизни, и притомъ безъ лишней затраты вещества и силы. Отсюда сами собою ясны концентрованныя, сосредоточенныя формы животныхъ. Можно свободно нагрузить желѣзнодорожный поѣздъ милліонами аршинъ холста, свернутыми кусками, и такимъ образомъ припрятать въ немъ громаднѣйшія поверхности ткани; но стоитъ только сшить изъ одного такого куска парусъ и поставить его на паровозъ, чтобы создать тѣмъ самымъ большую помѣху. По вѣтру нашъ поѣздъ, положимъ, хотя и побѣжитъ съ удвоенною быстротою, но не иначе, какъ рискуя опрокинуться при малѣйшемъ своемъ поворотѣ или поворотѣ вѣтра на-бокъ. Въ затишье поѣздъ встрѣтитъ сильное, быть-можетъ, и непреодолимое препятствіе; а при противномъ вѣтрѣ, пожалуй, сталъ бы пятиться назадъ: не легко съ раскрытымъ зонтикомъ идти противъ вѣтра. Былъ-ли хоть одинъ такой сумасбродъ, который заряжалъ бы пушки желѣзными листами? Чтобы перебросить листокъ бумаги, мы должны его скомкать, запрятать его поверхность сопротивленія воздуху.

Теперь мнѣ кажется умѣстнымъ сообщить нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о различіи въ свойствахъ пищи и способѣ питанія въ двухъ царствахъ природы.

Изъ сѣмени можно выращивать прямо въ водѣ съ нѣкоторою лишь примѣсью минеральныхъ веществъ (каковы селитра, поташъ и др.) цѣлое растеніе съ цвѣтами и зрѣлыми плодами, заключающими въ себѣ вполнѣ всхожія сѣмена. Такіе опыты производились надъ горохомъ, фасолью, салатомъ и многими другими растеніями. Ими доказывается, что растеніе не нуждается въ какихъ бы то ни было веществахъ органическихъ, животнаго или растительнаго происхожденія: оно само ихъ фабрикуетъ изъ воды и минеральныхъ веществъ почвы и изъ углекислоты воздуха. Растенія готовятъ такимъ образомъ и крахмалъ, и сахаръ, и бѣлокъ, и масла, и древесину и вообще всякаго рода органическія составныя части изъ простыхъ неорганическихъ соединеній. Этою способностью животныя не обладаютъ, а требуютъ себѣ въ пищу уже готовыя органическія вещества, которыя лишь перерабатываютъ въ своемъ тѣлѣ. Они питаются, какъ извѣстно, либо живыми, либо мертвыми растеніями или животными. Такимъ образомъ весь органическій питательный матеріалъ въ природѣ накопленъ одними растеніями.

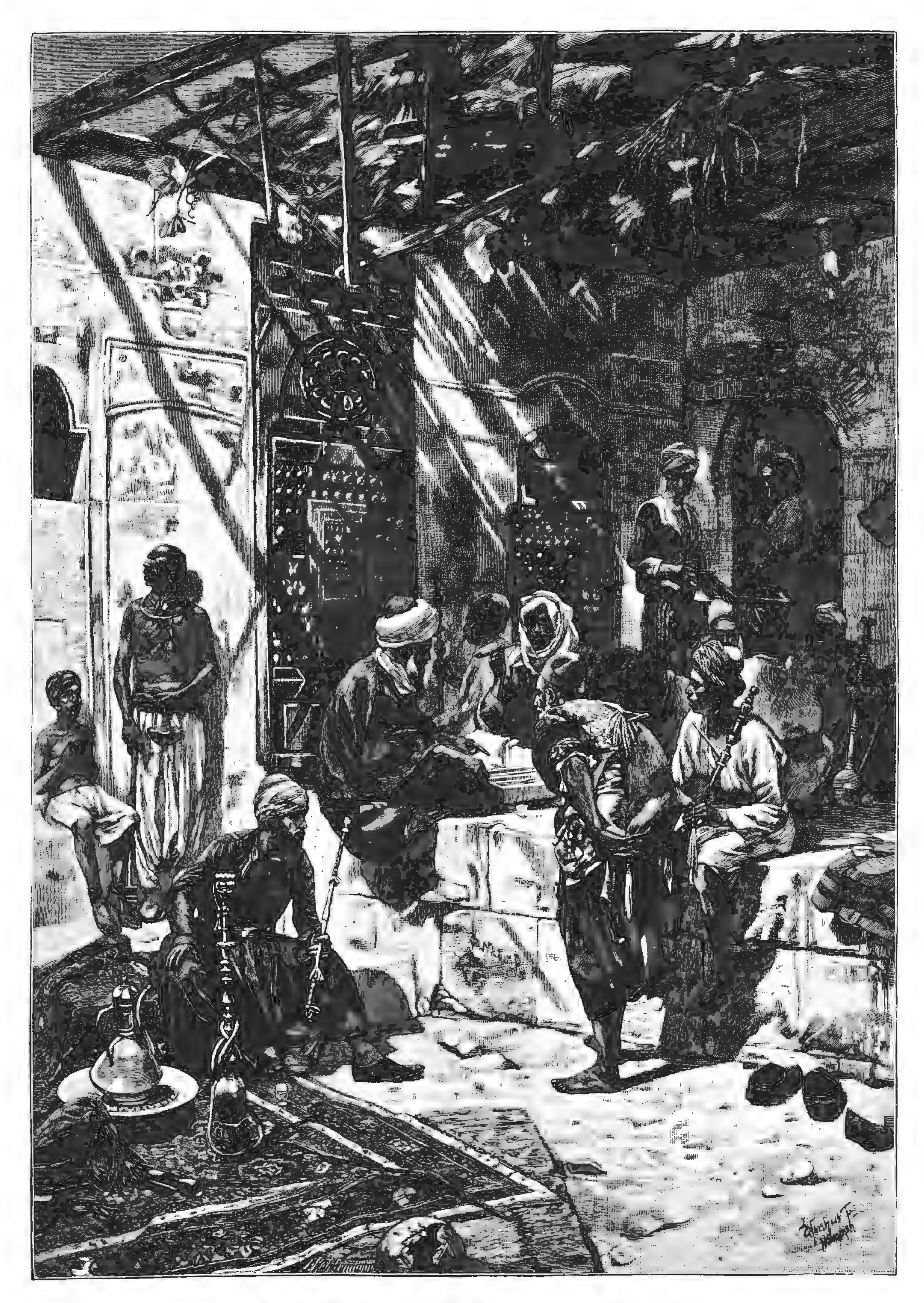
Окунутый въ воду свѣжій листъ или зеленая вѣтка, при солнечномъ освѣщеніи или вообще при дневномъ свѣтѣ, вскорѣ покрывается мелкими воздушными пузырьками — пузырьками кислорода. Тотъ-же самый процессъ выдѣленія этого газа совершается и внѣ воды, непосредственно на воздухѣ; но тутъ прослѣдить его не такъ просто. Выдѣляютъ же растенія кислородъ изъ той углекислоты, которая находится въ атмосферномъ воздухѣ, въ свободномъ состояніи, а въ водѣ въ растворѣ, и воспринимается ими ради извлеченія изъ нея углерода. Накрытыя герметически стеклянным колпакомъ растенія вскорѣ перестаютъ расти, начинаютъ чахнуть и погибаютъ отъ недостатка въ углекислотѣ. Точно также и герметически замкнутыя животныя погибаютъ, да еще гораздо скорѣе растеній, хотя и отъ противоположной причины, а именно отъ недостатка въ кислородѣ, ибо животныя при своемъ дыханіи воспринимаютъ кислородъ, распредѣляютъ его по всему тѣлу и взамѣнъ его выдыхаютъ углекислоту, уже непригодную для дыханія животныхъ, такъ какъ содержащійся въ ней кислородъ слишкомъ крѣпко связанъ химически съ углеродомъ. Въ окрестностяхъ Неаполя, на берегу озера Lago d'Aniano — нынѣ засыпаннаго, какъ источникъ лихорадки — въ береговомъ обрывѣ находится не то трещина, не то яма длиною сажени въ двѣ, въ глубинѣ которой изъ земли выдѣляется углекислый газъ. Это и есть знаменитая Собачья пещера—Grotta dei cani, о которой упоминается даже въ элементарныхъ учебникахъ географіи. Омерзительное зрѣлище представляютъ тѣ судороги, которыя дѣлаются съ собакой, бросаемою, ради опыта, въ эту яму. Ее вытаскиваютъ въ послѣдній моментъ замертво и приводятъ въ чувство... до слѣдующаго, конечно, пріѣзда туристовъ. Углекислота, какъ газъ тяжелый, стелется по подошвѣ „грота"; а потому человѣкъ можетъ безнаказанно входить въ гротъ, но отнюдь не ложиться въ немъ. Причиною задыханія животнаго въ нижнемъ слоѣ пещеры, впрочемъ, не углекислота сама по себѣ — такъ какъ она безвредна,—а недостатокъ въ кислородѣ, который ею вытѣсняется. Бывали случаи, что цѣлые транспорты негровъ-невольниковъ задыхались въ наглухо закрытомъ трюмѣ судна. Во время возстанія въ Остъ-Индіи извѣстное число попавшихъ въ плѣнъ англичанъ было заперто въ помѣщеніе, въ которомъ не было достаточно воздуха и для десятой части заключенныхъ. Несчастные, люди мужественные и добрые товарищи, подъ вліяніемъ ужаса смерти отъ задушенія, забыли все и вступили между собою въ омерзительную схватку, каждый за себя и противъ всѣхъ остальныхъ, лишь бы проложить себѣ путь къ одной изъ узкихъ отдушинъ, гдѣ только и можно было дышать. Объ ужасѣ этой драки повѣствовали тѣ немногіе изъ заключенныхъ, которые остались незадавленными и незатоптанными въ „черной калькутской ямѣ". Это эпизодъ изъ страны далекой и дикой. Но развѣ въ цивилизованной Европѣ не задыхаются человѣческія существа въ ночлежныхъ пріютахъ, переполненныхъ, не вентилируемыхъ классныхъ комнатахъ, залахъ судовъ, общественныхъ собраніяхъ, театрахъ? Глядя на верхніе ярусы переполненнаго театра, можетъ придти на умъ соображеніе, что если-бъ сумма вреда, распредѣляющагося на столь многихъ, сконцентровалась на одномъ изъ присутствовавшихъ, то она равнялась бы убійству. При скопленіи народа вредъ и удушье зависятъ, впрочемъ, не только отъ недостатка въ кислородѣ; но и отъ летучаго яда, выдѣляемаго легкими — въ ничтожныхъ, положимъ, каждымъ въ отдѣльности, количествахъ. Это новѣйшее открытіе знаменитаго *Браунъ-Секара*. Необходимость хорошей вентиляціи въ жилыхъ и всякаго рода общественныхъ помѣщеніяхъ самымъ внушительнымъ образомъ подтверждается этимъ открытіемъ.

Одно время на Западѣ была очень распространена поучительная игрушка, извѣстная подъ названіемъ „міркa Либиха". Нельзя не рекомендовать ее вниманію господъ преподавателей Естественной исторіи *). Это не что иное, какъ запаянный или вообще герметически закупоренный стеклянный сосудъ, колба, графинъ. На самомъ днѣ сосуда песокъ или земля, затѣмъ большой слой воды, а сверху еще нѣкоторое воздушное пространство. Въ грунтъ посажены водяныя растенія; въ водѣ плаваютъ рыбки или другія животныя. Если „мірокъ" устроенъ хорошо, а именно соблюдено извѣстное количественное соотношеніе между растеніями и животными, то организмы живутъ въ немъ, какъ ни въ чемъ не бывало, мѣсяцами и чуть-ли не годами. Не будь въ аппаратѣ растеній, животныя умерли бы уже черезъ нѣсколько часовъ, т. е. послѣ присвоенія ими, путемъ дыханія, наличнаго кислорода, какъ растворевнаго въ водѣ, такъ и находящагося поверхъ ея, въ воздухѣ; при этомъ аппаратъ наполнился бы углекислотой. Не будь въ немъ животныхъ, растенія, по усвоеніи ими всей углекислоты, въ свою очередь были бы обречены на скорую гибель. Въ данномъ же случаѣ ни то, ни другое не можетъ имѣть мѣста. На самомъ дѣлѣ, животныя, постоянно портя воздухъ для самихъ себя и себѣ подобныхъ, исправляютъ его для растеній; а растенія, въ свою очередь, портя его для себя, очищаютъ для животныхъ. При этомъ надо еще замѣтить, что обмѣнъ веществъ въ герметическомъ акваріѣ не ограничивается одними газами. Такъ растенія, кромѣ углекислоты, всасываютъ также и воду и находящіяся какъ въ ней, такъ и въ грунтѣ, минеральныя вещества. На счетъ всѣхъ этихъ веществъ, на придачу къ углекислотѣ, они и питаются, и растутъ. Рыбки въ свою очередь объѣдаютъ растенія, присваивая себѣ органическія вещества, необходимыя для ихъ обмѣна веществъ и роста. Такимъ образомъ въ нашемъ герметическомъ акваріѣ происходитъ безпрерывный захватъ организмами другъ у друга вещества, т. е. круговоротъ вещества, которымъ только и обезпечивается общее равновѣсіе между организмами, населяющими герметическій акварій; а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивается и самое ихъ существованіе.

„Либиховъ мірокъ" представляетъ собою не что иное, какъ

*) О „міркѣ Либиха" много было уже говорено въ „Нивѣ" 1879 г., въ статьѣ „Численное равновѣсіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе".

Въ Биржевомъ скверѣ. Заморская жаръ-птица. Ориг. рис. перомъ Н. Оболенскаго, автотипія Демчинскаго.



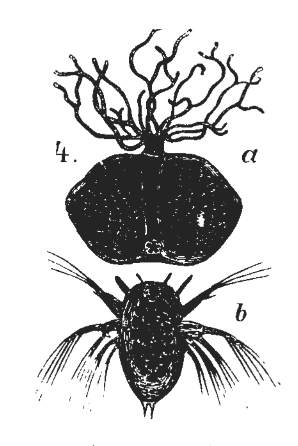
Въ арабской кофейнѣ. Карт. Эйзенгута, грав. Кедеманъ.

сколокъ съ нашей природы, упрощенную ея модель, міръ въ миніатюрѣ. На самомъ дѣлѣ, вся наша планета съ ея сушею, водою и воздушной оболочкой, прикованными къ ней силою притяженія, составляютъ точно также, можно сказать, нѣчто герметически замкнутое. Далѣе, въ открытой природѣ происходятъ рѣшительно тѣ-же явленія круговорота вещества, основанныя на противоположныхъ потребностяхъ и свойствахъ растеній и животныхъ. Для придачи мірку еще большаго сходства съ открытой природой можно увеличить его размѣры, беря самый большой баллонъ или, вмѣсто него, обыкновенный акварій съ приложенной къ нему герметической крышкой, и разнообразить его населеніе, если угодно, также сухопутными животными, устроивъ для нихъ островокъ. Надъ герметическимъ акваріемъ можетъ быть продѣланъ рядъ поучительныхъ опытовъ, въ родѣ слѣдующаго. Въ него сажается пара улитокъ. Улитки отложатъ на листьяхъ, на стѣнкахъ сосуда длинные студенистые, стекловидные комья яичекъ, изъ которыхъ уже черезъ нѣсколько дней вылупится крошечная молодь. Расползаясь по всему мірку, прожорливыя молодыя улитки станутъ объѣдать водяныя растенія, которыя вскорѣ не будутъ въ состояніи вознаграждать своимъ ростомъ потери, тѣмъ болѣе, что улитки не щадятъ ни листовыхъ почекъ, ни молодыхъ побѣговъ. По мѣрѣ умноженія и подрастанія улитокъ, количество растеній будетъ убывать; ихъ не будетъ хватать ни для разложенія углекислоты, выдѣляемой улитками и другими животными, ни для ихъ насыщенія. Исходъ такого опыта предвидѣть не трудно. Чрезмѣрный односторонній захватъ улитками вещества и нарушеніе правильнаго его круговорота поведетъ къ гибели не только растеній, но и самыхъ улитокъ: все содержимое мірка превратится въ гніющую массу. Но отъ насъ зависитъ предупредить такую катастрофу введеніемъ въ мірокъ новаго обитателя, враждебнаго улиткамъ, положимъ—піявки. Питаясь улитками, этотъ хищникъ укрощалъ бы ихъ чрезмѣрное размноженіе и, цѣною многочисленныхъ жертвъ, обезпечилъ бы жизнь остальнымъ и цѣлость всего мірка. Явленія, совершенно аналогичныя только что описаннымъ, разыгрываются и въ открытой природѣ; но лишь въ гигантскихъ размѣрахъ и въ чрезвычайно усложненномъ видѣ. Вещества неорганическія пускаются въ оборотъ и переводятся въ органическія одними лишь растеніями. Отъ растеній они переходятъ къ животнымъ; отъ однихъ животныхъ къ другимъ и, въ состояніи углекислоты и минеральныхъ выдѣленій, опять обратно къ растеніямъ. На этомъ-то и основанъ круговоротъ вещества въ природѣ, основана вмѣстѣ съ тѣмъ и гармонія ея жизни.

Если позволено провести параллель между органической природой и человѣческимъ обществомъ, то можно уподобить земледѣльческій и вообще рабочій классъ царству растеній, добывающему и накопляющему питательный матеріалъ, и притомъ, какъ для собственной пользы, такъ и на пользу непроизводящихъ потребителей, въ природѣ для царства животныхъ. Всѣ метафоры, говорятъ, болѣе или менѣе хромаютъ; должно-быть и моя не безъ грѣха. Тѣмъ не менѣе она можетъ быть и дальше развита и притомъ по поводу того возраженія, которое, повидимому, прежде всего угрожаетъ на него обрушиться. Животныя и растенія—такъ готовы мнѣ возразить — какъ мы только что видѣли, существа противоположныя и по устройству, и по жизнедѣятельности; тогда какъ всѣ люди однородны. Однако, возраженіе это не выдерживаетъ строгой критики, ибо, несмотря на справедливость указанныхъ различій, между растеніями и животными въ сущности нѣтъ принципіальной противоположности, а основное сходство. Постараюсь нѣсколько обстоятельнѣе обосновать это для многихъ изъ числа читателей довольно неожиданное положеніе.

О царствѣ животныхъ мы привыкли судить по высшимъ его представителямъ съ ихъ сложной организаціей. Если мы переведемъ свой взоръ на низшихъ, то замѣчаемъ прежде всего значительное упрощеніе всѣхъ органовъ. Въ какомъ, напр., жалкомъ, ничтожномъ видѣ мы встрѣчаемъ нашу нервную систему у весьма многихъ червей. Есть и такія низшія животныя, у которыхъ она вовсе отсутствуетъ вмѣстѣ съ органами чувствъ. Ни нашего скелета съ его костными рычагами, ни сложной мускулатуры, мы не видимъ у громаднаго числа низшихъ животныхъ существъ. Сердце, кровеносные сосуды, самая кровь оказывается роскошью для весьма многихъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ органахъ дыханія, порою и объ органахъ пищеваренія.

Подъ хвостомъ морскихъ крабовъ нерѣдко попадается мягкое, бѣловатое тѣло, крѣпко къ нему приставшее, точно отъѣвшійся клещъ, котораго и по виду нѣсколько собою напоминаетъ. Сходство это усугубляется тѣмъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ паразитомъ (рис. 4, a). Естественная величина этого организма до лѣснаго орѣха. Названіе его легко запоминается—*Sacculina*, отъ saccus, сакъ, мѣшокъ. На самомъ дѣлѣ, это повидимому не болѣе, какъ мѣшокъ, набитый яйцами, даже лишенный способности шевелиться. У саккулины нѣтъ ни ногъ, ни усиковъ, нѣтъ ни глазъ, ни даже явственной головы; а вмѣсто нея имѣется лишь стебелекъ, которымъ паразитъ приросъ къ „хозяину". На этомъ стебелькѣ вы ищете ротовое отверстіе; но его нѣтъ. Недостаетъ и кишечнаго аппарата. За-то отъ упомянутаго стебелька расходятся развѣтвленныя нити, проникающія въ тѣло рака, пріютившаго у себя непрошенаго гостя. Нити эти оплетаютъ всѣ внутренности хозяина, внѣдряются въ нихъ, и, точно корни растенія, высасываютъ ихъ соки. Но почемъ знать, быть можетъ, Sacculina и вовсе не животное, а просто напросто растеніе? О нѣтъ! Въ молодомъ возрастѣ (рис. 4, b) она имѣетъ ножки, съ помощью которыхъ плаваетъ въ морѣ, имѣетъ глазъ для отыскиванія и желудокъ для переваривания добычи, и, по всему устройству, должна быть отнесена къ низшимъ ракообразнымъ животнымъ. Превращеніе такой молодой саккулины во взрослую прослѣжено шагъ за шагомъ, точно такъ же, какъ и вылупленіе свободно плавающей молоди изъ яичекъ саккулины. Не мало имѣется низшихъ животныхъ, которыя по внѣшнему своему виду еще немного десятилѣтій тому назадъ считались растеніями. Таковы губки, таковы кораллы, образующіе стволы, усаженные животными организмами, столь сходными съ цвѣтками. Когда животная натура такихъ существъ была впервые доказана, ихъ стали относить къ особой группѣ подъ названіемъ зоофитовъ, т. е. животно-растеній.



Саккулина: a) взрослая; b) молодая.

Въ pendant къ растеніеподобнымъ животнымъ укажемъ теперь и на растенія, въ томъ или другомъ отношеніи животноподобныя. Такъ многіе изъ кактусовъ, будучи шаровидными или яйцевидными, представляютъ форму тѣла, сосредоточенную, какъ животныя. Положимъ, такая форма разсчитана у нихъ не на уменьшеніе сопротивленія воздуху при передвиженіи, а на елико возможное уменьшеніе поверхности испаренія, ибо кактусы произрастаютъ въ мѣстахъ засушливыхъ. Однако и подвижность не чужда царству прозябающихъ. Начать съ того, что растенія поворачиваютъ свою листву навстрѣчу солнцу. Кто не наблюдалъ этого явленія на комнатныхъ растеніяхъ? Поворачивая, напр., извѣстное всякому Phyllodendron парадной стороной внутри комнаты, мы всякій разъ замѣчаемъ, что широкіе надрѣзные его листья вновь направляются къ окну, при чемъ столь крѣпкіе ихъ черешки выкручиваются. Повторяя этотъ опытъ два, три раза, можно заставлять послѣдніе извиться наподобіе пробочника. Съ которой бы стороны растеній ни вырастали цвѣтки подсолнуха, ко времени распусканія всѣ, точно по командѣ, смотрятъ въ одну и ту-же сторону, на полдень. Весьма многія растенія періодически, по временамъ дня и ночи, раскрываютъ и закрываютъ свои вѣнчики—несомнѣнный феноменъ движенія. Мимозы или настоящія акаціи съ наступленіемъ сумерокъ складываютъ по швамъ всѣ пластиночки своихъ сложноперистыхъ листьевъ и затѣмъ преклоняютъ и самый листовой черешокъ съ его развѣтвленіями. То же явленіе получается и какъ результатъ сотрясенія или дотрагиванія. Аравійскій путешественникъ Картино расписываетъ, какъ проѣзжая на конѣ по рощѣ мимозъ, онъ оставлялъ за собою деревца съ печально поникшей листвой. Особенною раздражительностью, т. е. способностью реагировать на дотрагиваніе, прославилась низкорослая однолѣтняя мимоза, нерѣдко выращиваемая у насъ въ комнатахъ и извѣстная подъ названіемъ *сензитивы* или *мимозы стыдливой* (Mimosa pudica). При дотрагиваніи она особенно быстро складываетъ и опускаетъ листву и затѣмъ черезъ нѣкоторое время, по наступленіи покоя, вновь расправляетъ и приподымаетъ ее. Въ оранжереяхъ намъ показываютъ какъ экзотическую диковину кустикъ (Hedisarum gyrans), листья котораго въ теплѣ и на свѣту киваютъ въ правильномъ ритмѣ маятникообразно вверхъ и внизъ.—На нашихъ болотахъ во мху растетъ невзрачное растеньице — росянка (Drosera rotundifolia). Его кругловатые листочки величиною всего съ горошину и усажены сверху красными гибкими щетинками съ липкими головками. Раздражая листовую поверхность росянки соломинкой, перышкомъ или чѣмъ либо другимъ, мы видимъ, какъ щетинки сами собою пригибаются къ раздражителю и къ нему прилипаютъ. Если раздражителемъ является насѣкомое, невзначай сѣвшее отдохнуть на листокъ, то и оно падаетъ въ объятія щетинокъ, облѣпляется сокомъ, выдѣляемымъ все въ большемъ и большемъ количествѣ ихъ головками и... всѣ внутренности насѣкомаго растворяются, перевариваются въ этомъ соку. Растворъ впитывается, всасывается листомъ, какъ пищевая вытяжка стѣнками нашего пищеварительнаго канала, а отъ насѣкомаго остается лишь нерастворимый роговой его покровъ. Подобныя явленія замѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ растеніяхъ, изъ числа которыхъ позволяю себѣ упомянуть еще лишь о свойственной западу Сѣверной Америки *мухоловкѣ* (Dionaea muscipula,

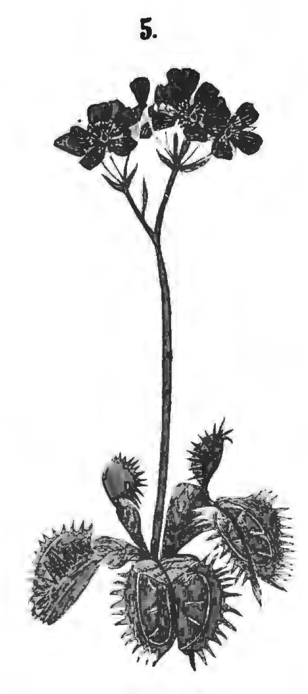
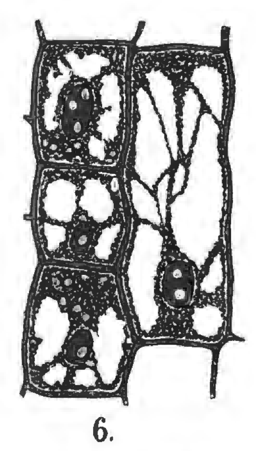

5.
Мухоловка.

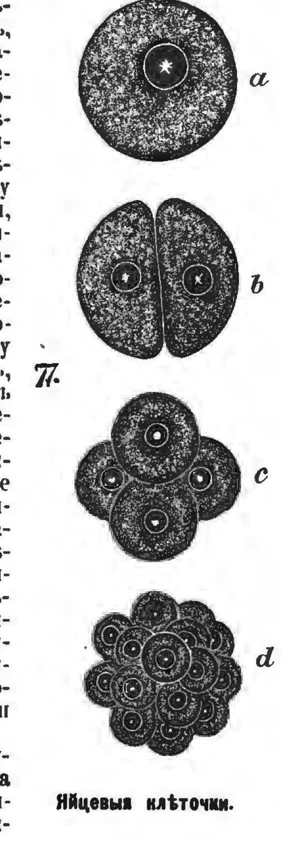
рис. 5). Растеньице это тоже изъ мелкихъ: видѣнные мною экземпляры, могли бы, примѣрно, помѣститься подъ опрокинутымъ стаканомъ. Листья его свѣтлаго, желто-зеленаго цвѣта. При раздраженіи спайки, соединяющей между собою обѣ половины листа, половины эти медленно захлопываются, какъ книга или коробка. Если поэтому на листокъ опустилась муха, то она становится узницею между створками листа и краевыми ихъ шипами. Замѣчая свое плѣненіе, муха старается вырваться наружу между жердями ловушки; но чѣмъ сильнѣе она барахтается, тѣмъ плотнѣе сжимаются и стискиваютъ его, точно щипцами, листовыя створки, тѣмъ обильнѣе становится выдѣляемая на ихъ поверхности жидкость. Въ жидкости насѣкомое утонаетъ и ею растворяется. Растворъ этотъ, какъ у росянки и другихъ „насѣкомоядныхъ“ растеній — всасывается листьями и идетъ на питаніе растеній. Объ этомъ фактѣ догадывались еще въ прошломъ столѣтіи; но лишь въ послѣднія десятилѣтія удалось его вполнѣ доказать экспериментально; при чемъ обнаружилась между прочимъ также возможность кормить данныя растенія и мясомъ, и яйцами.

На мухоловкѣ и росянкѣ мы познакомились одновременно съ тремя свойствами, обыкновенно приписываемыми только животнымъ, т. е. съ чувствительностью, подвижностью и съ питаніемъ готовыми органическими соединеніями. Правда, питаніе этихъ растеній мясною пищею составляетъ для нихъ явленіе до извѣстной степени случайное: основной, непрерывный способъ питанія у нихъ тотъ-же, что и у обыкновенныхъ растеній. Зато существуетъ обширный классъ растеній, питающихся только готовыми животными или растительными веществами. Это грибы. Они произбаютъ либо въ гніющихъ веществахъ, на пняхъ, мертвой листвѣ, на перегноѣ, либо въ живыхъ растеніяхъ и животныхъ. Грибы и микроскопическіе грибки не обладаютъ способностью фабриковать изъ воды, минеральныхъ веществъ и углекислоты органическія соединенія; не обладаютъ потому, что въ нихъ нѣтъ *хлорофилла*, т. е. листовой зелени, вещества находящагося въ листьяхъ и стебляхъ растеній, гдѣ въ видѣ микроскопическихъ зернышекъ (рис. 6), гдѣ въ растворѣ, и обусловливающаго собою зеленый цвѣтъ растеній. Хлорофиллъ-то и имѣетъ упомянутое мною свойство подъ вліяніемъ свѣта разлагать углекислоту и выдѣлять изъ нея углеродъ, который тутъ-же въ моментъ своего освобожденія и соединяется съ веществами, впитываемыми изъ почвы корнями. Грибы могутъ расти и въ потемкахъ: трюфели выкапываются изъ земли, шампиньоны съ успѣхомъ разводятся въ погребахъ, а плѣсени появляются въ самыхъ мрачныхъ подземельяхъ. Грибы, подобно животнымъ, потребляютъ кислородъ и выдыхаютъ углекислоту—за отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ дыханія—конечно, всею своею поверхностью. Какая странная, не правда-ли, противоположность между грибами и остальными растеніями? На повѣрку оказывается, что противоположность эта далеко не такая рѣдкая, какъ это намъ кажется съ перваго раза. Дѣло въ томъ, что подобно грибамъ — и животнымъ — и остальныя растенія потребляютъ кислородъ, который и тутъ идетъ на внутренніе, сокровенные процессы жизни; при чемъ также всюду и вездѣ образуется углекислота, стремящаяся выдѣлиться наружу. Разница лишь въ томъ, что днемъ, т. е. при сильномъ освѣщеніи, обратный, зависящій отъ хлорофилла обмѣнъ газовъ такъ силенъ, что вполнѣ маскируетъ, заглушаетъ потребленіе кислорода; а углекислота, образовавшаяся въ самомъ растеніи, въ немъ же, подъ вліяніемъ хлорофилла, разлагается раньше, чѣмъ успѣетъ выдѣлиться. Выдѣленіе углекислоты становится такимъ образомъ замѣтной лишь впотьмахъ. Повторимъ опытъ погруженія въ стаканъ съ водою зеленой вѣтки или листка, но не въ свѣтлой комнатѣ, а въ темномъ помѣщеніи: вѣтка или листикъ тоже покроются пузырьками; но пузырьки эти будутъ болѣе мелкіе и при анализѣ окажутся углекислотою. Не рѣдко слышится вопросъ о томъ, терпимы-ли растенія въ спальняхъ? Ради успокоенія любительницъ комнатныхъ растеній можно сказать, что выдѣленіе ими углекислоты такъ ничтожно, что бояться ея нѣтъ основанія. Растенія въ спальняхъ могли бы имѣть другія вредныя значенія, а именно увеличеніе сырости въ безъ того сырыхъ помѣщеніяхъ и скопленіе на себѣ пыли, которая разлетается съ нихъ и забирается въ легкія вмѣстѣ съ содержащимися въ ней микробами; но и въ этомъ отношеніи вредъ растеній гораздо меньше вреда драпировокъ, занавѣсокъ, картинъ, мягкой мебели и другихъ резервуаровъ пыли.


6.
Зернышки хлорофилла.

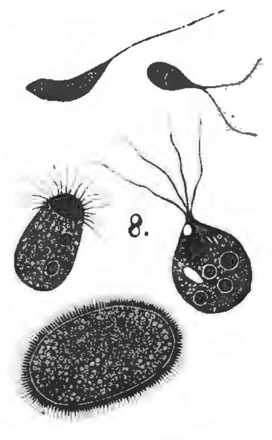
Подхватывая вновь нить нашего изложенія, мы должны констатировать тотъ фактъ, что ни зеленый цвѣтъ, ни неподвижность, ни отсутствіе чувствительности не представляютъ фундаментальныхъ, безусловныхъ отличительныхъ признаковъ растеній отъ животныхъ. Это главное положеніе, проистекающее изъ суммы сказаннаго. Характеръ безсознательности движеній и чувствительности у растеній и сознательности у животныхъ и тотъ стушевывается на низшихъ ступеняхъ органическихъ существъ. Впрочемъ, объ этихъ низшихъ организмахъ рѣчь еще впереди.

Дальнѣйшее, пока еще незатронутое нами сходство между двумя царствами природы заключается въ микроскопическомъ строеніи. Съ помощью микроскопа мы убѣждаемся, что какъ растенія, такъ и животныя построены изъ опредѣленныхъ форменныхъ частицъ, изъ клѣточекъ. Прототипомъ такой клѣточки является клѣточка яйцевая, шарикъ жидковатаго бѣлковиннаго вещества, т. наз. протоплазмы (рис. 7, a). Единичная яйцевая клѣточка представляетъ собою весь животный или растительный организмъ въ его простѣйшемъ, первоначальномъ видѣ. Размножаясь дѣленіемъ (рис. 7 b, c, d), яйцевая клѣточка производитъ милліарды и сотни тысячъ милліардовъ клѣточекъ сложнаго животнаго и растительнаго индивидуума. Яйцевыя клѣточки въ обоихъ царствахъ по виду и составу между собою такъ сходны, что и лучшій знатокъ ихъ не отличитъ. Яйцевая клѣточка питается, растетъ, частицы ея протоплазмы находятся въ движеніи, что видно по перемѣщенію разсѣянныхъ по протоплазмѣ зернышекъ, и по общему измѣненію формы, по отросткамъ, которые протоплазма то тутъ, то тамъ выпускаетъ и опять втягиваетъ. Переливаясь въ такой отростокъ, яйцевая клѣточка можетъ и переползывать. Впослѣдствіи болѣе отдаленные потомки первоначальной клѣточки видоизмѣняются въ различныхъ органахъ сообразно ихъ функціи, измѣняются также въ растеніяхъ и животныхъ, при чемъ животныя клѣточки остаются сплошными, компактными, въ то время какъ растительныя раздуваются вслѣдствіе скопленія въ нихъ жидкости, вытѣсняющей протоплазму въ большей или меньшей степени.



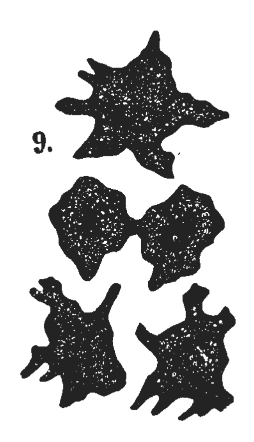
Яйцевыя клѣточки.

Переходя отъ организмовъ крупныхъ и сложныхъ, со ступени на ступень, къ все болѣе и болѣе мелкимъ и простымъ, мы останавливаемся въ концѣ концовъ на цѣломъ мірѣ микроскопическихъ существъ, которыя въ теченіе всей своей жизни пребываютъ въ состояніи одной только клѣточки, и тутъ сталкиваемся и съ такими организмами, которые одними принимаются за растенія, а другими за животныхъ. Одноклѣтный организмъ (рис. 8) на переднемъ концѣ тѣла съ длиннымъ втяжнымъ отросткомъ, служащимъ для плаванія; при основаніи его ротовое отверстіе и даже красное глазное пятнышко—чѣмъ это не животное? Существъ въ этомъ родѣ не мало. Одни изъ нихъ, размножаясь дѣленіемъ, всегда остаются вѣрными однажды присвоенной имъ формѣ; другія-же на нашихъ глазахъ подъ микроскопомъ неожиданно разра-



Одноклѣтные организмы.

стаются въ нитчатую водоросль, въ тину, и такимъ образомъ оказываются свободно плавающими зародышами водоросли. Къ наипростѣйшимъ организмамъ относятся также амебы (рис. 9), столь распространенныя въ болотахъ, лужахъ, да и вообще въ прѣсныхъ и соляныхъ водахъ. Амебы въ сущности весьма походятъ на яйцевую клѣточку. Онѣ не имѣютъ ни глазнаго пятна, ни плавательнаго жгута, ни рта. Ползаютъ онѣ такъ же какъ и яйцевыя клѣточки, т. е. переливаясь своимъ веществомъ во временныя отростки, и при этихъ же основанныхъ на расплываніи движеніяхъ облѣпляютъ инородныя тѣла, втягиваютъ ихъ такимъ образомъ во внутрь своей протоплазмы и, если они удобоваримы, переваривают. Весьма многія амебы самостоятельные, устойчивые при своемъ размноженіи организмы, тогда какъ другія, съ виду совершенно такія-же, оказываются не болѣе не менѣе какъ молодыми ступенями развитія однѣ несомнѣнныхъ низшихъ животныхъ, другія несомнѣнныхъ растеній, какъ напр., грибковъ. Проще комка протоплазмы нельзя себѣ и представить живаго существа; а потому становится правдоподобнымъ, что раньше всѣхъ остальныхъ организмовъ на земномъ шарѣ были созданы существа, въ родѣ нашихъ амебъ. Они могли послужить общимъ источникомъ для развитія съ одной стороны царства животныхъ, а съ другой царства растеній; при чемъ постепенное осложненіе организмовъ представляло собою подобіе процесса развитія изъ столь сходной съ амебой яйцевой клѣточки сложнаго организма.



9.

Амебы.

Осложняясь изъ такихъ простыхъ началъ, организмы не могли идти всѣ по однороднымъ путямъ развитія; ибо однообразіе въ устройствѣ и жизнедѣятельности было бы неминуемо сопряжено и съ одинаковыми потребностями въ питательномъ матеріалѣ. Еслибъ произошли одни только растенія, то—это ясно изъ предъидущаго—они заполонили бы собою всю планету и, истребивъ весь запасъ углекислоты атмосферы, должны бы были погибнуть, точно также и созданныя сами по себѣ животныя не имѣли бы надлежащихъ условій для непрерывнаго своего существованія. Такимъ образомъ круговоротъ веществъ и существъ, на которомъ зиждется вся живая природа, является результатомъ специализаціи организмовъ по двумъ въ извѣстномъ смыслѣ противоположнымъ направленіямъ и, такъ сказать, раздѣленія между ними труда. Одни изъ нихъ, неподвижные, менѣе одаренные, приговорены къ бездушной пассивной роли и заняты приготовленіемъ органическихъ веществъ изъ простыхъ, неорганическихъ матеріаловъ; другіе, а именно болѣе одаренные, свободно передвигающіеся, чувствующіе и соображающіе, присвоивая себѣ это вещество, даютъ ему высшее назначеніе. Кто не признаетъ тутъ аналогіи съ двумя главными классами цивилизованной человѣческой общины: грубымъ рабочимъ производителемъ, и утонченнымъ образованнымъ потребителемъ? Аналогія эта едва-ли чисто случайная, ибо человѣкъ членъ природы и общежитіе его должно было сложиться согласно съ законами природы. Такимъ образомъ раздѣленіе труда между членами цивилизованной общины мы имѣемъ право разсматривать какъ частный случай всеобщаго явленія въ мірѣ организмовъ. Основное это положеніе не опровергается непреложною истиною, что силою своего разума человѣчество заняло подобающее ему главенствующее мѣсто среди природы, сложилось своего рода государство въ государствѣ, микрокозмъ въ макрокозмѣ.

Изъ сказаннаго проистекаетъ естественность, роковая законность возникновенія двухъ классовъ, производителей и потребителей. Только совокупностью этихъ двухъ факторовъ, другъ друга дополняющихъ, обусловливается правильная жизнь народа. Хотя въ машинѣ и различаютъ части преобладающія и второстепенныя; но и безъ второстепенной машина не можетъ правильно работать. Въ этомъ смыслѣ и всѣ части машины и всѣ члены общины въ одинаковой степени существенны и равноправны. Подчеркивая значеніе производителя, нашъ народъ мѣтко сложилъ поговорку: „безъ пахатника не было бы бархатника"; однако, въ настоящее время пора дополнить эту поговорку и противоположной, въ равной степени справедливой: безъ бархатника не было бы пахатника. Эта вторая версія съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе; по мѣрѣ истощенія почвы и вообще непосредственныхъ природныхъ богатствъ и сельскій, и фабричный производитель все больше и больше нуждаются въ интеллигентныхъ руководителяхъ, безъ которыхъ борьба за существованіе становится немыслимой. Государство же нуждается въ разнообразномъ трудѣ всѣхъ своихъ гражданъ; да всѣ они и трудятся, за единичными, конечно, исключеніями, впрочемъ, вовсе не пріуроченными къ какому-нибудь опредѣленному классу.

Къ рисункамъ.

Шалуны. (Рис. на стр. 717).

Выдолбленныя изъ древесныхъ стволовъ лодки, иногда заостренныя съ обоихъ концовъ и называемыя челноками, а иногда похожія на корыто съ приподнятыми боками — очень легки на ходу, но въ то же время чрезвычайно неустойчивы. Надо много осторожности и сноровки, чтобы не опрокинуться. Во избѣжаніе этого неудобства къ бокамъ ладьи прикрѣпляютъ доски, дающія судну больше устойчивости. Но и въ этомъ случаѣ осторожность бываетъ не лишнею, и потому понятна тревога дѣдушки, задумавшаго прокатиться въ вертлявой ладьѣ съ двумя шалунами-внуками.

Донской монастырь въ Москвѣ. По поводу 300-лѣтія основанія перваго и древнѣйшаго изъ храмовъ, построенныхъ въ этомъ монастырѣ.

(Рис. на стр. 720).

Первопрестольная столица Россіи, древняя и величавая Москва, богата обителями, созданными усердіемъ нашихъ царей и именитыхъ гражданъ древней Руси. Въ числѣ этихъ московскихъ обителей одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ *Донской* мужской ставропигіальный монастырь I класса, расположенный въ Москвѣ, за Калужскою заставою, на Воробьевомъ полѣ. Этотъ монастырь былъ основанъ въ 1591 г., по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича (сына Іоанна Грознаго), въ память побѣды, одержанной русскими войсками подъ самою Москвою надъ полчищами Крымскаго хана Казы-Гирея. Побѣда эта была особенно знаменательна для Москвы тѣмъ, что была одержана въ то время, когда большая часть русскаго войска еще находилась во Псковѣ и Новгородѣ, такъ какъ война со Швеціей еще не была окончена. Монастырь указано было основать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла, во время битвы съ ханомъ, ставка съ походною церковью, въ которой находилась чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, нѣкогда сопровождавшая великаго князя Московскаго Димитрія Іоанновича въ его походѣ за Донъ противъ Мамая. Въ ново-основанномъ монастырѣ, въ 1592 г., была закончена постройкою первая монастырская церковь (теплая) во имя этой чудотворной иконы Божіей Матери Одигитріи, получившей изстари названіе „Донской". А такъ какъ ханъ Казы-Гирей со своимъ полчищемъ бѣжалъ изъ-подъ Москвы утромъ 5 іюля, то въ первой монастырской церкви царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, въ 1679 году, устроены придѣлы во имя Св. Преподобнаго Сергія Радонежскаго и во имя Ѳеодора Стратилата, въ честь основателя и создателя храма, царя Ѳеодора Іоанновича. Въ ознаменованіе дня побѣды, патріархомъ Іовомъ установленъ и крестный ходъ, и понынѣ совершаемый въ обители.

Но первоначальная обитель, до конца XVII вѣка, вовсе не походила на нынѣшнюю. Она была и тѣснѣе, и бѣднѣе въ архитектурномъ отношеніи, въ ней была всего одна церковь, вышеупомянутая нами, вмѣсто нынѣшнихъ пяти храмовъ; притомъ же и эта церковь, и самая ограда монастырская были деревянныя. Но въ 1684 г., по обѣту царевны Екатерины Алексѣевны, родной сестры Петра Великаго, начата, а въ 1698 году закончена постройка каменной церкви Донской Божіей Матери на мѣсто прежней, деревянной; въ то же время заложена вокругъ монастыря каменная ограда, законченная не ранѣе 1711 года. О постройкѣ остальныхъ храмовъ въ лѣтописи монастырской, помѣщенной на стѣнѣ, находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ 1711 году имеретинскій царь Арчилъ Вахтанговичъ похоронилъ подъ соборомъ сына своего, царевича Александра, и устроилъ церковь во имя Срѣтенія; въ ней онъ похоронилъ еще двоихъ сыновей и погребенъ самъ (въ 1713 г.). Въ 1714 году царица Прасковья Ѳеодоровна, супруга царя Іоанна Алексѣевича (брата Петра Великаго), вмѣстѣ съ дочерью своею, царевной Екатериной Іоанновной, построили храмъ во имя Тихвинской Божіей Матери. Въ 1796 году заложена (а въ 1798 году освящена) графомъ Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ церковь во имя Св. Александра Свирскаго. Наконецъ, одинъ изъ князей Голицыныхъ въ 1806 году воздвигъ храмъ во имя Св. Архистратига Михаила, достроенный къ 1809 году.

Въ 1812 году, во время нашествія „двунадесяти языкъ", драгоцѣнности весьма древней ризницы Донскаго монастыря были разграблены непріятелемъ; но за то казаки, отбивъ подъ Березиной большую часть обоза „великой арміи", пожертвовали Донскому монастырю значительную долю серебра, награбленнаго непріятелемъ въ Москвѣ. Серебряныя ризы иконъ соборнаго иконостаса въ Донскомъ монастырѣ сдѣланы изъ этого серебра.

Монастырю въ теченіе его 300-лѣтняго существованія даны многія и весьма важныя преимущества. Онъ управляется архимандритомъ. Кладбище монастыря пользуется въ Москвѣ большою извѣстностью.

Несмотря на эту извѣстность, москвичи пропустили безъ вниманія день трехсотлѣтія съ основанія монастыря, торжественно отпразднованный въ обители въ минувшемъ 1891 г. (5 іюля). Въ настоящее время Донской монастырь готовится отпраздновать 19 августа нынѣшняго года трехсотлѣтіе со дня окончанія постройки перваго и древнѣйшаго (нынѣ соборнаго) храма обители. Желая напомнить нашимъ читателямъ объ этомъ достопамятномъ днѣ нынѣшняго года, мы помѣщаемъ въ *Нивѣ* общій видъ знаменитой Донской обители. **П.**

Передѣлъ земли крестьянами.

(Рис. на стр. 721).

Общинное землевладѣніе, спасавшее до сихъ поръ большую часть Россіи отъ пролетаріата, имѣетъ и невыгодныя стороны. Чуть-ли не главную изъ нихъ составляютъ такъ-называемые передѣлы. Какъ извѣстно, вся общинная земля дѣлится между всѣми членами общины на безчисленное количество узкихъ полосъ, что ведетъ за собою плохую обработку земли вслѣдствіе неудобства поперечной пашни, трудности удобнаго окруженія пашни канавами и потери времени на проѣздъ къ отдаленнымъ отъ жилища полосамъ. Но представимъ себѣ, что всѣ эти трудности преодолѣны: усердный хозяинъ-работникъ все наладилъ, полосы свои удобрилъ и ждетъ плодовъ своего труда въ будущемъ. Вдругъ наступаетъ передѣлъ земель, который часто, по настоянію такъ-называемыхъ міроѣдовъ, производится черезъ короткіе сроки. Удобренныя трудами работящаго хозяина земли отходятъ къ новому владѣльцу, а прежнему достаются полосы какого-нибудь лѣнивца, который совершенно запустилъ ихъ въ свое завѣдываніе. Трудно ожидать при такихъ условіяхъ, чтобы крестьянинъ сталъ влагать капиталъ въ землю,

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Кармалинъ. Съ фот. Ясвоина, грав. Шюблеръ.

Видъ Старорусскаго Спасо-Преображенскаго монастыря (по поводу 700-лѣтія существованія). Съ фот. Кузнецова, грав. Шюблеръ.

хотя бы въ видѣ простаго удобренія.

Прилагаемый рисунокъ г. Ижакевича изображаетъ самый процессъ передѣла на границѣ общиннаго землевладѣнія, въ предѣлахъ Малороссіи. Кучка заинтересованныхъ толпится вокругъ писаря, которому въ этомъ случаѣ, какъ грамотному, и книги въ руки. Двое мѣряютъ длину полосы веревкой. Всѣ видимо озабочены, смутно сознавая, что какъ ни кинь, все клинъ будетъ.

Мечты о счастьѣ. (Рис. на стр. 725).

Не черные, блестящіе глаза,
Не искрометный взоръ, яснѣй, свѣтлѣй денницы,
Не милыя черты, не длинныя рѣсницы,
Не свѣжія румяныя уста,
Въ красавицѣ моей дивятъ и очаруютъ,
Не ими нравится и царствуетъ она;
Но свойствами души, но сердца добротою
Она умѣетъ всѣхъ привлечь и привязать...

(Графиня Растопчина).

Заморская жаръ-птица. (Рис. на стр. 728).

Въ томъ мѣстѣ въ Петербургѣ, гдѣ Нева раздѣляется на Большую и Малую, красиво возвышается на берегу зданіе биржи, въ видѣ многоколонной базилики. Позади биржи находится садъ, съ чудесными каштановыми аллеями. Каждое лѣто въ этомъ саду или скверѣ заморскіе купцы выставляютъ свои товары: птицъ, обезьянъ, черепахъ, раковины и другія заграничныя бездѣлушки, на которыя сходится подивиться всякій людъ, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Въ арабской кофейнѣ. (Рис. на стр. 729).

Въ мѣстахъ, населенныхъ мусульманами, кофейни имѣютъ своеобразный, живописный видъ. И самый кофе, который въ нихъ подаютъ, очень крѣпкій, горячій и вкусный, отличается отъ того напитка, который пьется повсемѣстно въ Европѣ подъ названіемъ кофе, нерѣдко со сливками или молокомъ.

Кофе „по-турецки“, какъ его называютъ, не процѣженъ и подается въ маленькихъ чашечкахъ вмѣстѣ съ кофейною гущею, очень ароматною. Такихъ чашечекъ за долгіе часы досуга выпьетъ турокъ или арабъ не мало, прислушиваясь къ розсказнямъ сказочника и покуривая трубку или кальянъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Кармалинъ.

(Портр. на стр. 733).

1 августа исполнилось пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ одного изъ старѣйшихъ генераловъ нашей доблестной арміи, члена Военнаго Совѣта, числящагося по Генеральному Штабу, генерала-отъ-инфантеріи Николая Николаевича Кармалина.

Во всей разносторонней полувѣковой дѣятельности Кармалина особенно рельефно сказались высокое образованіе маститаго юбиляра, его безукоризненная, идеальная честность и выдающіяся административныя способности во время десятилѣтняго управленія Кубанской областью (1873—1883 гг.). Съ переходомъ управленія областью въ его руки, практиковавшіяся дотолѣ злоупотребленія были похоронены навсегда. Будучи поборникомъ гласности, Кармалинъ, черезъ посредство *Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей*, приглашалъ всѣхъ заявлять на страницахъ этого органа о замѣченныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ. Заботы Кармалина о поднятіи экономическаго благосостоянія края и культурномъ его ростѣ сказались въ устройствѣ Новороссійской желѣзнодорожной вѣтви, открытіи станичныхъ школъ съ образцовыми зданіями для нихъ, устройствѣ хлѣбозапасныхъ общественныхъ магазиновъ, станичныхъ правленій, организаціи общественныхъ запашекъ, упорядоченіи казачьихъ общинно-земельныхъ порядковъ. Заслуги Кармалина передъ населеніемъ ввѣреннаго его управленію края не забыты, и кромѣ Высочайшихъ наградъ за вѣрную, полезную службу, мѣстное интеллигентное общество и народъ многократно выражали Кармалину свою искреннюю признательность, и многія станицы присудили Кармалину званіе почетнаго старика.

Главнѣйшей же заслугой Кармалина на Кубани слѣдуетъ признать развитіе школьнаго дѣла въ казачьихъ станицахъ. Въ 1873 году, при вступленіи Н. Н. Кармалина въ управленіе областью, было всего 195 начальныхъ школъ, помѣщавшихся въ обыкновенныхъ жилыхъ домахъ, безъ всякой школьной обстановки; но умѣнье и энергичное участіе новаго начальника вскорѣ поставило школьное дѣло на раціональную почву; контингентъ учителей, благодаря матеріальному обезпеченію, улучшился и школы начали переполняться учащимися, такъ что къ 1880 году было устроено 136 новыхъ школъ, въ спеціально для этого выстроенныхъ зданіяхъ, на что затрачено было до *полумилліона рублей*. Дабы обезпечить навсегда въ матеріальномъ отношеніи вновь устроенныя школы, по иниціативѣ Кармалина, станичныя общества, на означенный предметъ, изъ юртовыхъ своихъ земель выдѣлили 81 участокъ, заключающихъ въ себѣ 20,853 десятины. Арендной платой съ этихъ участковъ покрываются нужды училищъ, а ежегодные остатки поступаютъ въ запасный капиталъ на народное образованіе въ области. Въ 1881 году было уже 264 школы; изъ нихъ 21 женская и 243 мужскихъ.

Для обезпеченія станичныхъ школъ учебными пособіями и книгами, по мысли Н. Н. Кармалина, въ 1879 году былъ учрежденъ войсковой книжный складъ, который и понынѣ снабжаетъ станичныя школы книгами и учебными пособіями по номинальнымъ цѣнамъ.

Благодаря Н. Н. Кармалину, въ Екатеринодарѣ было открыто войсковое реальное училище, учреждена казачья фельдшерская школа, открыта женская школа екатеринодарскаго благотворительнаго общества, предсѣдательницей котораго была супруга его, Любовь Ивановна. Въ томъ же году былъ учрежденъ областной статистическій комитетъ, коего предсѣдателемъ былъ Н. Н. Кармалинъ, дружно работавшій совмѣстно съ секретаремъ комитета, Е. Д. Фелицынымъ и въ сравнительно короткое время ознаменовавшій свою дѣятельность цѣнными статистическими, историческими и этнографическими трудами.

Послѣдній годъ пребыванія своего на Кубани, Кармалинъ ознаменовалъ успѣшнымъ ходатайствомъ по части разрѣшенія изданія первой на Сѣверномъ Кавказѣ частной газеты *Кубань*, возникшей по иниціативѣ и стараніямъ Е. Д. Фелицына и начавшей выходить подъ редакціей Н. Г. Моисеенко.

Собственно же біографическія данныя объ Н. Н. Кармалинѣ сводятся къ слѣдующему:

Николай Николаевичъ Кармалинъ происходитъ изъ дворянъ Рязанской губерніи; родился 25 мая 1824 года; первоначальное образованіе получилъ въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ высшее, спеціальное, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, гдѣ кончилъ полный курсъ наукъ по 1-му разряду. Въ службу вступилъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Московскій полкъ въ 1842 году, 8 августа, а въ 1844 г. былъ произведенъ въ подпоручики. Въ 1847 году поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и произведенъ въ поручики; по окончаніи курса наукъ въ академіи, за отличные успѣхи, произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны въ 1849 году. За оказанную храбрость, при усмиреніи Венгріи и Трансильваніи, получилъ въ 1849 году Монаршее благоволеніе и награжденъ серебряною медалью. Въ 1850 году Кармалинъ былъ причисленъ къ гвардейскому штабу и въ слѣдующемъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса по части генеральнаго штаба. Въ 1852 году за усердную службу произведенъ въ капитаны и назначенъ состоять при штабѣ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, главнокомандовавшаго гвардейскимъ и гренадерскими корпусами. Въ 1853 году былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1855 году Кармалинъ произведенъ въ полковники, а въ 1861 году за отличіе по службѣ въ генералъ-маіоры. Службу на Кавказѣ Кармалинъ началъ съ 1862 года, когда назначенъ былъ исправлять должность генералъ-квартирмейстера Кавказской арміи. Въ 1863 году Кармалинъ принималъ дѣятельное участіе въ двухъ отрядахъ—Джубгскомъ и Адагумскомъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ Кубанской области, а въ 1864 году ему поручено было временное командованіе войсками на лѣвомъ берегу р. Алазани и исправленіе должности начальника Верхняго Дагестана. Въ 1865 году Кармалинъ назначенъ военнымъ начальникомъ Средняго Дагестана, а въ 1869 г.— Эриванскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частью, и въ томъ-же году за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1873 году Кармалинъ былъ назначенъ начальникомъ Кубанской области.

А. X—овъ.

Старорусскій Спасо-Преображенскій монастырь.

(Рис. на стр. 733).

Старорусскій Спасо-Преображенскій первоклассный монастырь, занимающій скромное мѣсто въ ряду русскихъ обителей, въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1892 года, празднуетъ семисотлѣтіе своего существованія.

Основаніе Старорусскому Спасо-Преображенскому монастырю положено въ концѣ XII вѣка при новгородскомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, и владыкѣ новгородскомъ Святомъ архіепископѣ Григоріи, братѣ Святаго архіепископа Іоанна. Основателемъ его и первымъ въ немъ игуменомъ былъ священноинокъ Мартирій, по сказанію I Новгородской лѣтописи, уроженецъ Старой-Руссы. Въ 1192 году онъ построилъ деревянную церковь во имя Преображенія Господня, которую въ томъ же году на праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы освятилъ Св. Григорій, архіепископъ новгородскій, и назвалъ монастыремъ.

Въ слѣдующемъ году основатель обители, преподобный игуменъ Мартирій, по кончинѣ святителя Григорія, вступилъ на новгородскую святительскую каѳедру. Въ 1196 году Св. архіепископъ Мартирій вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго храма построилъ новый каменный, который и освятилъ въ день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, т. е. въ тотъ же день въ который была освящена и первая церковь.

По прошествіи слишкомъ 200 лѣтъ каменный храмъ Преображенія Господня, сооруженный Св. архіепископомъ Мартиріемъ, отъ времени и отъ разореній литовцевъ, совершенно

обветшалъ и грозилъ паденіемъ. Въ 1442 году архіепископъ новгородскій Св. Евѳимій храмъ этотъ разобралъ и на прежнемъ основаніи при содѣйствіи новгородскихъ и старорусскихъ гражданъ воздвигъ новый каменный при князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ и украсилъ его иконописью *).

Въ началѣ XVII столѣтія въ несчастную годину самозванцевъ и междуцарствія Старорусскій монастырь былъ свидѣтелемъ и участникомъ страданій земли русской. Шведы въ то время не разъ опустошали его.

Послѣ шведскаго разоренія стараніемъ и усердіемъ игумена Авраамія въ 1628 году была возобновлена церковь Преображенія Господня съ устройствомъ въ ней вмѣсто деревянной каменной паперти. Въ 1630 году была построена каменная, въ три яруса, колокольня.

Испытавъ въ теченіе семисотъ лѣтъ много превратностей, Старорусскій Спасо-Преображенскій монастырь въ послѣднюю пору началъ было клониться къ упадку. Но въ 1888 году, въ виду ходатайства Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича, съ Высочайшаго соизволенія и по благословенію Святѣйшаго Синода, перенесена въ сей монастырь изъ г. Тихвина древняя святыня г. Старой-Руссы — чудотворный образъ Старорусской Божіей Матери, привлекающій нынѣ множество богомольцевъ какъ изъ города, такъ и изъ другихъ мѣстъ.

По историческому значенію, первое мѣсто между церквами въ Старорусскомъ монастырѣ занимаетъ соборъ въ честь Преображенія Господня, построенный Св. Евѳиміемъ, архіепископомъ Новгородскимъ, на мѣстѣ прежняго храма, сооруженнаго въ 1196 году основателемъ обители, св. архіепископомъ Мартиріемъ.

Первую святыню и драгоцѣнное сокровище не только для Старорусской обители и г. Старой Руссы, но и для всей окрестности, составляетъ чудотворная икона Старорусской Божіей Матери, искони святыня города Старой Руссы. По преданію, святая икона была принесена въ городъ Старую Руссу изъ Эллады въ концѣ десятаго вѣка по Рождествѣ Христовомъ и находилась здѣсь до 1570 г. Около этого времени въ предѣлахъ города Тихвина открылось моровое повѣтріе. Скорбящіе жители обратились съ горячей молитвой къ скорой въ бѣдахъ Заступницѣ, и молитва ихъ была услышана. По волѣ Самой Царицы Небесной изъ Старой Руссы въ Тихвинъ была принесена Старорусская чудотворная икона Божіей Матери и моровое повѣтріе вскорѣ прекратилось. Святая икона съ того времени осталась въ Тихвинѣ, въ Тихвинскомъ Большомъ Богородицкомъ монастырѣ, гдѣ и находилась болѣе трехсотъ лѣтъ.

Хутынскій Варлаамієвъ Спасо-Преображенскій монастырь. (Рис. на стр. 736).

Древніе русскіе города опоясывались обычно двумя рядами твердынь—крѣпкою оградою стѣнъ и башенъ, защищавшихъ города отъ враговъ внѣшнихъ, и поясомъ святыхъ обителей, защищавшихъ мѣстное населеніе отъ козней обще-человѣческаго врага — дьявола. Такимъ поясомъ обителей окружены были всѣ наши сѣверно-русскіе города: и Псковъ, и Москва, и Тверь, и Новгородъ. Самые основатели этихъ обителей, прославленные духовными подвигами, въ воображеніи нашихъ предковъ являлись какъ бы духовными воинами, всегда готовыми защитить отъ напастей мѣстное населеніе, интересы котораго были особенно близки этимъ подвижникамъ при жизни ихъ. Въ томъ поясѣ обителей, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ Новгородъ и понынѣ, одно изъ весьма видныхъ мѣстъ занимаетъ монастырь Хутынскій, нынѣ уже пережившій 700 лѣтъ со времени своего основанія (въ 1192 г.). Онъ основанъ былъ въ концѣ XII вѣка Преподобнымъ Варлаамомъ, въ мірѣ носившимъ имя Алексы Михалевича. Для основанія монастыря Преподобный избралъ урочище *Хутынь* или *Хутино*, на берегу Волхова, ниже Новгорода на 10 верстъ. Преподобный основатель монастыря скончался вскорѣ послѣ заложенія обители, которой и передалъ во владѣніе всѣ свои богатства—села, земли и угодья. Впослѣдствіи, чудесныя исцѣленія и другія явленія и знаменія святости Преподобнаго, совершавшіяся надъ его гробницей, привлекали великое множество богомольцевъ въ обитель и побуждали многихъ богатыхъ міранъ и даже князей новгородскихъ вносить щедрые вклады въ Хутынскій Варлааміевъ монастырь, и вскорѣ обитель обстроилась, украсилась храмами и обнесена была крѣпкою оградою. Крѣпкая ограда не уберегла, однако же, монастырь отъ страшнаго погрома, которому онъ подвергся въ грустную и приснопамятную эпоху Смутнаго времени. Въ 1611 году, когда шведское вспомогательное войско, присланное царю Василію (Шуйскому), обратилось изъ друзей въ злѣйшихъ нашихъ враговъ, предводитель этого войска, Понтусъ Делагарди, задумалъ отвоевать у Московскаго государства Новгородъ и взялъ этотъ городъ обманомъ, по оплошности нашихъ воеводъ. Приступая къ Новгороду, Делагарди оставилъ свою главную квартиру въ Хутынскомъ монастырѣ, при чемъ его сподвижники не постыдились самымъ безсовѣстнымъ образомъ ограбить монастырь, на память о своемъ пребываніи въ его стѣнахъ. Между прочими драгоцѣнностями монастыря шведы унесли и дорогой серебряный покровъ съ гробницы Преподобнаго Варлаамія, въ мѣстномъ Преображенскомъ соборѣ, а въ одномъ этомъ покровѣ было не менѣе 140 фунтовъ серебра. Но когда смуты прекратились, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, монастырь опять обогатился, и рака Преподобнаго возобновлена была въ еще лучшемъ видѣ. Въ числѣ драгоцѣнностей нынѣшней ризницы монастыря уцѣлѣли донынѣ многіе предметы, принадлежавшіе лично Преподобному Варлаамію, а именно: ряса, подрясникъ, епитрахиль, поручи, власяница и металлическій крестъ. Кладбище и усыпальница при монастырѣ хранятъ въ себѣ прахъ многихъ именитыхъ мужей русскихъ; между прочимъ, здѣсь погребенъ и знаменитый поэтъ нашъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ, который часто пріѣзжалъ въ монастырь изъ своей усадьбы Званки (на лѣвомъ берегу Волхова) и завѣщалъ, чтобы его непремѣнно похоронили въ Хутынской обители.

Въ соборѣ Преображенія Господня покоятся подъ спудомъ мощи Преподобнаго Варлаама, въ богатой ракѣ, сдѣланной въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича, иждивеніемъ М. Т. Нахлопова.

Политическое обозрѣніе.

Консервативное министерство Солсбери въ Англіи пало. 31 іюля палата общинъ, большинствомъ 350 голосовъ противъ 310, выразила свое недовѣріе министерству и отсрочила засѣданія до 6 августа. Въ тотъ же вечеръ маркизъ Солсбери выѣхалъ въ Осборнъ и подалъ королевѣ прошеніе объ отставкѣ министерства, а 3 августа въ палатѣ лордовъ маркизъ Солсбери сообщилъ о своей отставкѣ, которая принята королевою. Министры останутся въ должностяхъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будутъ назначены преемники.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, новый кабинетъ сформированъ въ слѣдующемъ составѣ: Гладстонъ—первый лордъ казначейства и хранитель печати; лордъ Гершель—лордъ-канцлеръ; лордъ Кимберлей — статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи и президентъ совѣта; лордъ Розбери—статсъ-секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ; лордъ Рипонъ—статсъ-секретарь колоній; Аскуисъ—статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ; Кэмбель-Банерманъ—статсъ-секретарь по военнымъ дѣламъ; Спенсеръ—первый лордъ адмиралтейства; Гаркортъ—канцлеръ казначейства; Джонъ Морлей—старшій секретарь по ирландскимъ дѣламъ; Тредганъ — секретарь по шотландскимъ дѣламъ; Мунделла—президентъ торговаго департамента; Фаулеръ — президентъ департамента мѣстнаго самоуправленія; Арнольдъ Морлей — генералъ-почтмейстеръ и Экландъ — президентъ совѣта народнаго просвѣщенія. Всѣ названныя лица состоятъ членами кабинета. Лордъ Гаутонъ назначенъ вице-королемъ Ирландіи безъ участія въ засѣданіяхъ кабинета.

У насъ, какъ извѣстно, не было большихъ маневровъ въ текущемъ году. За то во Франціи, по словамъ *Rappel*, они будутъ стоить 3.200,000 фр. и въ нихъ примутъ участіе: 2 армейскихъ корпуса, которыхъ упражненія продолжатся 20 дней, 13 дивизій пѣхоты съ 13-ти-дневными упражненіями; 26 бригадъ пѣхоты съ 14-ти-дневными упражненіями; 3 дивизіи резервовъ, 1 резервная бригада, 4 „смѣшанныхъ“ полка съ упражненіями каждаго отряда по 10 дней, 6 батальоновъ стрѣлковъ (15 дней), 6 дивизій кавалеріи (25 дней), 14 бригадъ кавалеріи (10 дней) и сѣверная бригада (25 дней). Лагерныя упражненія въ Альпахъ продолжатся 90 дней и для 12 отрядовъ только 30 дней; маневры въ Альпахъ — 20 дней съ участіемъ кавалеріи, въ Вогезахъ — маневры 10 дней и лагерныя упражненія 30 дней; кадровые маневры пѣхоты 5 дней и кавалеріи 7 дней.

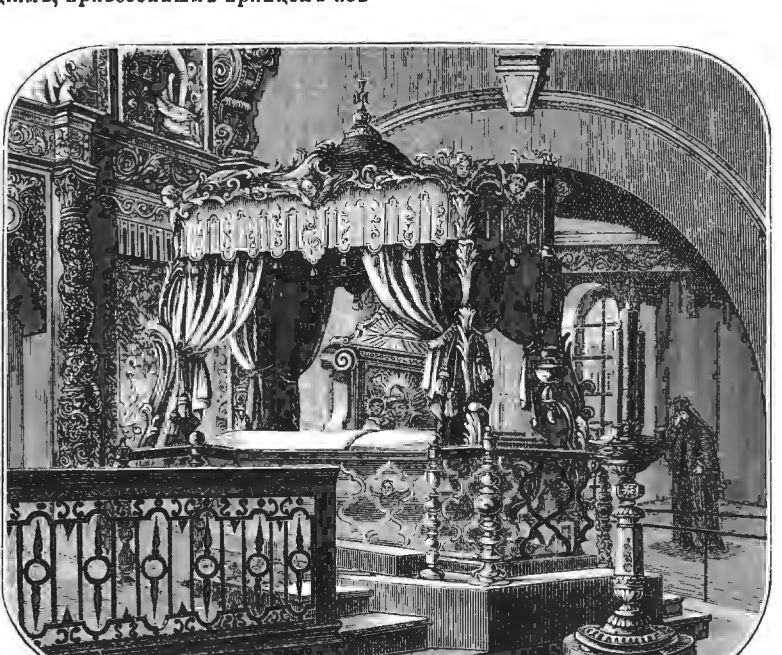
Французскій депутатъ-роялистъ маркизъ Бретейль обратился къ своимъ избирателямъ съ циркуляромъ, въ которомъ онъ заявилъ, что, повинуясь совѣту папы, онъ слагаетъ съ себя депутатскія полномочія, потому что папа лишилъ роялистовъ своего довѣрія. „Новое положеніе,—присовокупилъ маркизъ,—требуетъ новыхъ людей, но я остаюсь убѣжденнымъ, что одна только монархія способна разрѣшить соціальные вопросы“.

30 іюля французско-русскій комитетъ въ Парижѣ былъ извѣщенъ о томъ, что совѣтъ министровъ разрѣшилъ выпускъ лотереи на три милліона франковъ, съ выигрышами на 800,000 франковъ.

Всемірной выставки въ Берлинѣ не будетъ. ***Имперскій Указатель*** сообщаетъ, что императоръ, по докладу имперскаго канцлера графа Каприви, рѣшилъ, что со стороны имперскаго правительства не слѣдуетъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе проекта объ устройствѣ въ Берлинѣ всемірной выставки.

*) Новгород. I лѣтоп. стр. 114. Ист. росс. госуд. Карамзина томъ V, въ примѣчаніи стр. 255.

Послѣ кровавой расправы Стамбуловъ, по пріѣздѣ принца Фердинанда, ѣздилъ въ Константинополь. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ Софіи, поѣздка Стамбулова въ Константинополь состоялась по инструкціямъ, привезеннымъ принцемъ изъ Вѣны. Цѣль поѣздки— добиться аудіенціи у султана подъ предлогомъ обсужденія вопроса о сооруженіи желѣзной дороги изъ Софіи въ Солунь, на самомъ же дѣлѣ выпросить у султана признанія принца болгарскимъ княземъ. Кругъ Кобургскаго надѣялся на успѣхъ миссіи Стамбулова, владѣющаго турецкимъ краснорѣчіемъ и снабженнаго нѣсколькими русскими **документами**, можно думать домашняго приготовленія, чрезвычайно важными для турецкаго правительства. Всевѣдущій *Times* сообщаетъ: „Успѣхъ (!) путешествія принца Фердинанда по Западной Европѣ нашелъ отраженіе въ пріемѣ Стамбулова въ Константинополѣ. Свиданіе перваго министра съ султаномъ продолжалось около получаса. Султанъ привѣтствовалъ Стамбулова съ большою горячностью (?) и хорошо отозвался объ его административныхъ способностяхъ. Онъ изъявилъ полную готовность (?) признать принца Фердинанда, когда наступитъ для него благопріятная минута, и совѣтовалъ болгарскому правительству слѣдовать указаніямъ принца во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Стамбуловъ отвѣчалъ султану увѣреніемъ, что болгарское правительство будетъ стараться въ будущемъ, какъ старалось въ прошедшемъ, дѣйствовать согласно совѣтамъ его величества. Онъ предоставилъ султану рѣшить вопросъ о признаніи принца Фердинанда, увѣривъ его, что принцъ любимъ народомъ, оцѣнившимъ его способности быть на высотѣ своего положенія. Султанъ выразилъ удовольствіе по этому поводу и объявилъ, что онъ серьезно желаетъ, чтобы способности принца Фердинанда были вполнѣ оцѣнены болгарскимъ народомъ.“


Рака преподобнаго Варлаама Хутынскаго Чудотворца, въ Хутынскомъ Новгородскомъ монастырѣ. Съ фот. грав. Флюгель.

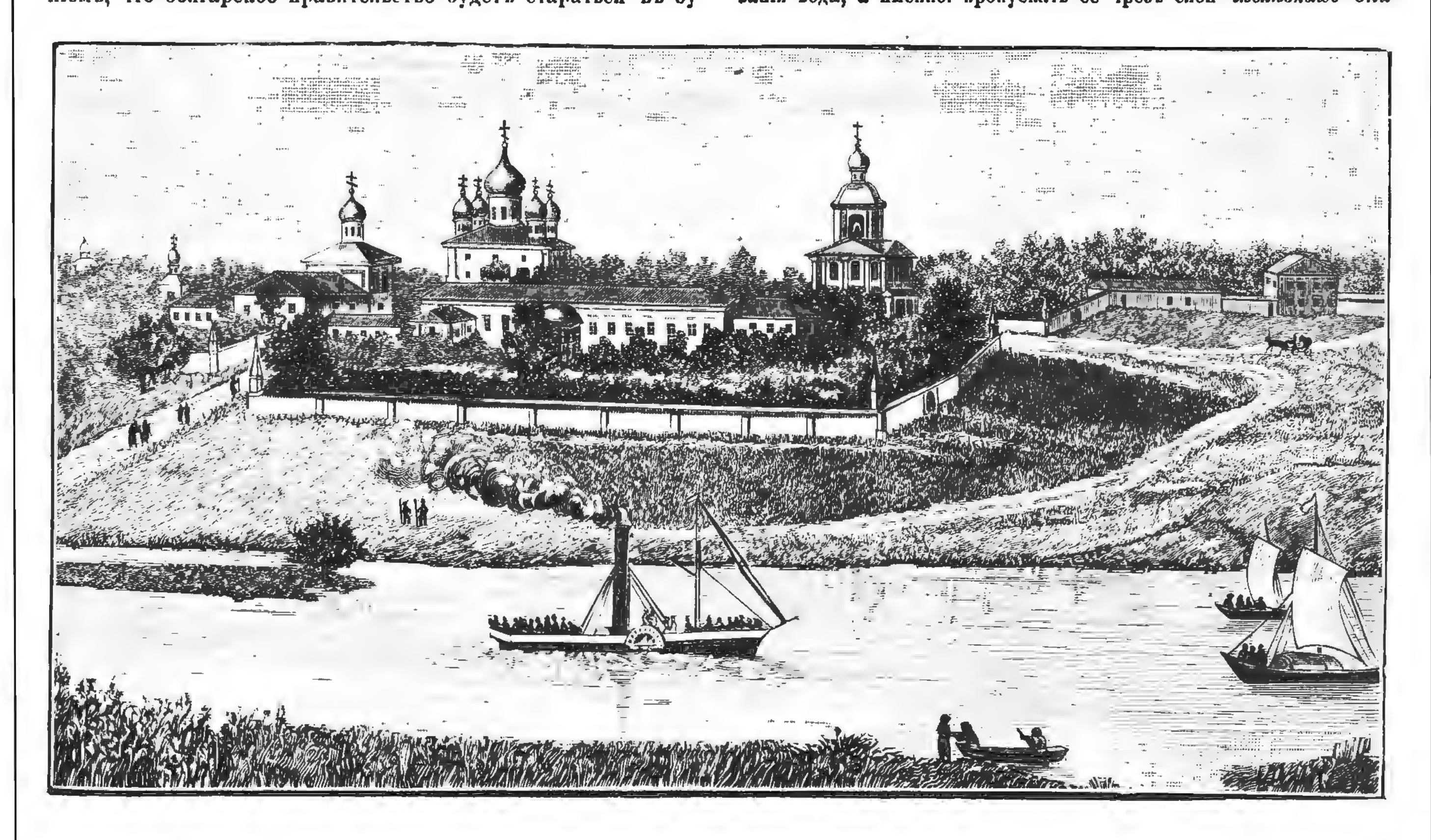
По поводу холеры.

Вновь предложенные способы приготовленія обезвреженной воды:

1) Французскіе бактеріологи А. и В. Бабэ нашли путемъ опытовъ, что прибавка къ водѣ самаго ничтожнаго количества *квасцовъ* (15—25 сантиграммовъ = $3^1/_2$—6 долей на 1 литръ воды) совершенно очищаетъ воду отъ всякихъ примѣсей и микроорганизмовъ. Такую обезиложенную воду можно приготовить домашнимъ способомъ. Широкій цинковый или стеклянный сосудъ, лучше всего шаровидной формы, вмѣщающій 10—40 литровъ воды, снабженный краномъ, наполняютъ водой и прибавляютъ мелко истолченныхъ квасцовъ въ такой пропорціи, чтобы на 10 литровъ воды приходилось $1^1/_2$ грамма квасцовъ; воду размѣшиваютъ затѣмъ деревяннымъ лапчатымъ мѣшаломъ съ отверстіями и покрываютъ сосудъ крышкой изъ бѣлаго желѣза. Послѣ 18—20 часовъ спокойнаго стоянія, вода годна къ употребленію и, будучи совершенно стерилизованной, не представляетъ никакой опасности для здоровья.

2) Тѣ же ученые предлагаютъ еще и другой способъ обезиложиванія воды, а именно: пропускать ее чрезъ слой *желѣзныхъ опилокъ* хорошо насыщенный воздухомъ. Первые дни вода плохо очищается, но на третій день уже оказывается почти совершенно лишенной микробовъ.

3) Г. Ягнъ рекомендуетъ всѣмъ учрежденіямъ, которымъ приходится приготовлять большія количества остуженной кипяченой воды


Общій видъ Варлааміево-Хутынскаго Спасо-Преображенскаго монастыря (Новгор. губерніи). Съ фот. грав. Флюгель.

Тиражъ выигрышей Высочайше разрѣшенной 2-й благотворительной лотереи, произведенный 1, 3 и 4 августа 1892 г. въ Правленіи Государственнаго Банка.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
2	31	250	345	57	250	699	88	250
2	80	250	347	52	250	701	28	250
3	27	250	350	38	250	707	57	250
6	68	250	350	62	250	708	34	250
9	92	250	352	29	250	708	73	250
19	37	250	355	3	250	713	51	250
27	61	250	355	15	250	713	57	250
29	70	250	363	48	250	714	13	250
29	87	250	371	63	1000	731	82	250
30	8	250	377	32	250	736	21	250
39	91	500	378	73	250	737	5	250
42	55	250	379	96	250	742	33	250
47	5	250	381	80	250	743	60	250
48	63	250	381	81	1000	743	83	250
52	65	250	384	35	250	744	60	500
63	76	5000	395	74	250	754	18	250
64	7	250	400	66	250	769	12	250
66	63	250	401	90	250	781	88	500
69	6	250	402	18	250	785	27	250
71	81	250	405	31	250	785	98	250
75	64	250	410	28	250	788	96	250
77	4	1000	411	80	250	791	3	250
91	11	500	411	81	250	794	76	250
103	10	250	411	94	250	801	35	250
108	91	250	418	46	250	805	66	250
115	2	500	423	38	1000	814	82	250
119	80	250	426	13	250	815	99	250
120	28	250	441	68	1000	826	10	250
128	17	250	444	32	250	831	31	250
128	80	250	445	60	250	834	7	250
137	69	250	447	54	250	844	81	250
144	69	250	447	56	250	849	69	250
145	53	250	453	35	250	856	98	250
145	85	250	461	42	500	857	46	250
149	73	250	466	50	500	866	99	250
149	89	250	479	65	250	867	54	250
150	11	250	484	14	250	875	43	250
152	37	250	484	85	250	881	99	500
153	26	250	487	8	250	884	9	250
156	78	250	503	44	250	886	32	250
164	55	250	519	64	500	887	58	250
164	84	250	527	10	250	889	65	500
172	85	250	527	89	250	904	3	250
178	58	250	528	5	250	904	99	250
186	18	250	534	53	250	905	73	250
186	24	250	534	87	250	908	77	250
186	33	250	535	53	250	913	98	250
194	55	250	535	56	250	914	92	250
196	4	250	536	96	250	916	97	250
197	92	250	569	17	250	920	63	250
203	43	250	570	41	250	932	57	250
210	87	1000	570	54	250	935	88	500
212	93	250	572	36	250	936	100	250
215	20	250	573	27	250	939	87	250
222	79	5000	580	94	250	943	10	250
223	30	250	595	98	250	945	100	250
225	60	250	598	51	250	947	91	250
226	38	250	602	95	250	957	83	250
226	65	250	603	81	250	958	37	250
232	64	500	610	35	250	962	16	250
240	56	250	611	10	250	963	100	1000
242	4	250	612	16	250	965	64	250
256	57	250	612	90	250	967	87	250
262	54	250	613	51	250	974	9	250
263	76	250	617	27	250	974	36	250
265	34	250	617	53	250	982	3	250
267	46	250	629	83	250	982	50	250
280	85	250	635	68	250	992	22	250
285	34	250	652	28	500	996	44	250
285	39	250	657	28	250	1008	96	250
288	41	250	659	40	500	1013	18	250
298	32	250	663	87	250	1016	18	250
299	48	250	677	92	250	1018	53	250
300	22	250	680	3	250	1020	8	250
300	86	250	681	68	250	1020	98	250
303	38	250	684	80	250	1024	57	250
303	44	250	690	12	250	1024	72	250
313	40	250	690	67	250	1028	36	250
335	51	250	691	67	250	1029	61	1000
338	66	250	692	98	250	1045	86	250
338	70	350	698	31	250	1051	20	500
341	59	250	698	71	250	1057	73	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
1058	52	250	1373	75	250	1667	71	250
1062	37	250	1378	35	250	1668	82	250
1065	99	500	1380	35	250	1669	56	250
1074	71	250	1388	43	250	1672	11	250
1080	69	250	1394	55	250	1678	38	250
1082	3	250	1398	85	250	1678	88	250
1082	53	1000	1399	75	250	1680	9	10000
1089	59	250	1401	28	250	1681	59	250
1099	8	250	1403	58	250	1686	81	500
1100	17	500	1405	60	250	1687	7	250
1111	58	250	1406	14	250	1692	60	250
1114	11	250	1406	24	1000	1694	13	500
1115	54	250	1406	68	250	1698	13	250
1118	42	250	1407	35	250	1698	47	250
1121	46	250	1409	82	250	1700	81	250
1122	98	250	1410	23	250	1702	94	250
1124	52	250	1412	10	250	1704	5	1000
1136	15	250	1413	49	250	1707	93	250
1137	27	250	1422	73	250	1709	18	250
1140	24	250	1425	41	250	1715	22	250
1149	54	250	1427	35	250	1716	33	250
1161	7	250	1427	74	250	1726	56	250
1170	67	250	1428	74	250	1729	78	250
1172	10	250	1429	33	500	1738	83	500
1173	35	250	1433	15	250	1740	68	250
1173	89	250	1437	85	250	1743	91	250
1174	86	250	1444	45	250	1754	35	250
1178	28	250	1448	39	250	1758	41	250
1178	84	250	1448	40	250	1758	64	250
1185	58	500	1448	71	1000	1759	100	250
1186	34	250	1452	49	500	1760	7	250
1188	97	250	1455	74	250	1761	27	250
1189	61	250	1459	3	250	1765	80	250
1197	37	250	1463	49	250	1769	62	5000
1199	48	250	1466	52	250	1784	26	250
1199	60	250	1469	76	250	1787	66	250
1205	33	250	1470	16	250	1789	22	250
1212	11	250	1472	13	250	1789	52	250
1212	35	250	1472	56	250	1791	99	250
1216	4	250	1472	86	250	1805	35	250
1216	49	250	1481	22	250	1806	5	250
1217	55	250	1486	32	1000	1811	48	250
1217	81	250	1491	11	250	1816	75	250
1221	66	250	1493	45	250	1820	12	250
1223	96	250	1494	12	250	1823	3	250
1224	7	250	1496	12	250	1828	66	1000
1229	78	250	1505	22	250	1831	67	250
1233	78	250	1506	76	250	1834	57	250
1236	9	250	1508	90	250	1839	28	250
1236	24	250	1515	27	250	1844	32	250
1236	36	250	1515	74	250	1845	12	250
1240	9	250	1519	59	250	1856	41	250
1243	75	250	1526	67	250	1862	62	250
1244	46	250	1528	35	250	1862	78	250
1250	65	250	1528	39	250	1863	97	250
1252	55	250	1530	37	250	1880	42	250
1255	85	250	1531	99	500	1881	53	250
1258	31	250	1535	78	250	1881	90	250
1262	34	250	1544	88	250	1885	99	250
1277	76	250	1548	57	250	1886	24	250
1280	88	250	1548	59	250	1888	14	250
1292	54	1000	1557	47	1000	1889	3	250
1295	32	250	1557	79	250	1889	72	250
1296	54	250	1559	11	250	1890	25	250
1301	11	250	1559	98	250	1898	78	250
1306	28	250	1560	69	250	1901	9	250
1312	43	250	1572	87	250	1905	69	500
1316	17	250	1583	89	250	1910	96	250
1324	100	250	1586	49	250	1916	94	250
1325	77	250	1591	51	250	1918	51	250
1330	9	250	1599	30	250	1918	56	250
1331	50	250	1599	79	250	1918	78	250
1347	47	250	1602	24	1000	1919	64	250
1348	97	1000	1610	7	250	1920	12	500
1350	65	250	1616	40	250	1924	38	500
1352	56	250	1635	10	250	1927	39	250
1354	61	250	1643	79	250	1936	79	250
1362	21	250	1647	16	250	1937	63	250
1362	84	250	1648	79	250	1938	60	500
1368	58	250	1653	12	250	1940	22	250
1370	17	250	1663	71	250	1944	32	500
1371	58	1000	1667	21	250	1946	5	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
1958	67	250	2327	49	250	2604	93	250
1959	94	250	2332	68	250	2605	1	250
1960	78	250	2338	55	250	2605	19	250
1961	28	1000	2340	11	250	2610	21	250
1964	76	250	2340	97	250	2611	97	250
1970	22	250	2347	60	250	2617	74	250
1970	68	250	2353	73	250	2618	13	250
1976	77	250	2356	41	250	2619	12	1000
1977	53	250	2359	18	250	2627	94	250
1980	82	250	2363	33	250	2634	18	250
1986	87	250	2376	29	1000	2639	81	10000
2002	56	250	2376	96	250	2644	1	250
2005	93	250	2382	72	250	2651	25	250
2007	64	250	2390	48	250	2666	17	250
2011	94	250	2394	56	250	2667	95	1000
2012	76	250	2396	68	250	2676	51	250
2017	2	250	2396	98	250	2678	63	250
2020	62	250	2402	89	250	2679	95	500
2022	53	250	2408	59	250	2680	89	250
2023	40	250	2409	39	250	2684	34	250
2024	20	250	2413	38	250	2684	79	250
2030	51	250	2413	91	250	2685	71	250
2032	61	250	2414	79	250	2686	22	250
2033	78	250	2418	78	250	2691	4	250
2037	8	250	2422	32	250	2691	12	250
2038	49	250	2422	50	250	2693	65	250
2038	59	250	2428	23	250	2702	22	250
2039	24	250	2429	12	250	2704	49	250
2052	40	250	2435	24	250	2704	60	250
2063	12	250	2436	24	500	2714	3	250
2073	100	250	2437	10	250	2714	9	250
2079	16	250	2437	33	250	2715	55	250
2084	50	250	2437	55	250	2717	8	250
2085	78	250	2438	7	250	2717	99	250
2086	99	250	2440	23	250	2724	53	250
2087	45	500	2440	42	250	2727	43	500
2091	98	250	2446	28	250	2730	21	250
2095	50	250	2452	48	250	2730	54	250
2097	57	250	2452	100	250	2741	18	250
2100	8	250	2453	46	250	2747	28	250
2103	65	250	2456	54	250	2752	92	250
2104	74	250	2459	98	250	2755	81	250
2107	4	250	2460	19	250	2759	29	250
2115	80	250	2464	35	250	2764	49	250
2119	3	250	2465	51	250	2769	13	250
2119	39	250	2469	49	250	2770	70	250
2120	69	500	2474	26	250	2773	18	250
2124	19	250	2474	66	250	2773	51	250
2128	54	250	2481	90	250	2775	56	500
2130	38	500	2488	95	250	2781	3	250
2131	11	250	2493	41	250	2782	2	250
2131	95	250	2495	28	250	2782	23	250
2138	21	250	2498	48	250	2782	25	250
2146	25	250	2498	83	250	2783	16	250
2148	39	250	2500	4	250	2790	57	250
2165	60	250	2502	12	250	2804	88	250
2165	86	250	2506	44	250	2811	43	250
2176	14	250	2509	17	250	2817	31	250
2188	22	250	2509	74	250	2826	57	250
2189	2	250	2510	4	250	2835	99	250
2197	16	250	2514	79	250	2836	36	250
2208	47	250	2516	94	250	2840	46	500
2209	71	250	2519	12	250	2840	60	250
2212	96	250	2540	9	500	2841	51	250
2215	54	250	2540	76	250	2853	57	250
2231	86	250	2546	40	250	2854	88	250
2240	3	250	2553	13	500	2856	40	500
2247	86	250	2553	21	250	2858	11	250
2247	99	250	2553	76	250	2860	75	250
2250	18	250	2553	95	250	2861	24	250
2250	82	250	2557	60	250	2864	13	250
2251	60	250	2558	65	250	2864	82	250
2265	7	250	2563	71	250	2876	77	250
2270	29	250	2563	98	250	2885	1	250
2277	22	250	2565	4	250	2885	69	250
2281	91	250	2565	25	500	2886	44	250
2285	88	1000	2567	41	250	2889	26	250
2292	86	500	2584	21	250	2895	68	250
2301	79	250	2596	98	250	2897	13	250
2315	12	250	2599	13	250	2899	11	500
2316	35	250	2601	77	250	2900	26	250
2322	36	250	2604	5	250	2904	72	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
2922	7	250	3318	10	250	3642	7	250
2925	97	250	3318	52	250	3642	32	250
2931	54	250	3320	8	250	3642	57	250
2933	46	250	3320	11	250	3644	54	250
2936	52	250	3320	99	500	3646	38	250
2946	39	250	3331	100	250	3649	34	250
2954	45	250	3332	68	250	3651	97	500
2965	83	250	3338	33	250	3657	86	250
2967	41	250	3340	15	250	3666	69	250
2967	76	10000	3343	37	250	3671	17	250
2969	57	250	3343	97	250	3673	22	250
2977	97	250	3344	11	250	3677	58	250
2981	44	1000	3344	82	250	3678	99	250
2983	12	250	3350	17	250	3683	15	250
2983	16	250	3365	100	250	3685	33	250
2988	21	250	3368	58	250	3688	3	250
2998	40	250	3369	10	250	3689	81	250
3000	3	250	3370	70	250	3694	16	250
3006	86	250	3372	3	250	3694	68	250
3006	88	250	3373	82	1000	3698	87	250
3010	18	250	3375	49	250	3703	36	250
3015	31	250	3383	6	250	3704	66	250
3020	11	250	3383	76	250	3711	46	250
3020	52	500	3390	11	250	3713	38	250
3025	81	250	3397	28	250	3723	16	250
3029	58	250	3398	87	500	3728	89	250
3029	70	250	3409	28	250	3729	92	250
3032	1	250	3409	98	250	3732	17	250
3032	28	250	3415	26	5000	3733	91	250
3039	71	250	3422	70	250	3739	55	250
3039	96	250	3423	12	250	3740	64	250
3043	90	250	3429	25	250	3746	95	250
3044	11	250	3431	73	250	3748	37	250
3062	9	250	3435	28	250	3755	2	500
3071	66	250	3438	62	1000	3757	51	250
3075	25	250	3440	76	250	3759	89	250
3082	76	250	3440	82	250	3761	60	250
3082	94	250	3441	96	250	3763	55	250
3083	25	250	3449	70	250	3763	91	250
3088	33	250	3451	28	250	3765	80	250
3088	71	250	3459	89	250	3767	61	250
3095	10	250	3460	86	250	3772	81	250
3106	17	250	3462	4	250	3777	11	250
3123	7	250	3466	73	250	3778	26	250
3123	78	250	3471	97	250	3780	46	250
3127	83	250	3492	59	250	3782	7	250
3132	92	250	3493	77	250	3788	16	250
3138	21	250	3495	38	250	3799	51	250
3138	75	250	3495	73	250	3805	86	250
3140	32	250	3495	74	250	3816	34	250
3152	93	250	3498	12	250	3820	3	250
3163	46	250	3504	52	250	3828	86	250
3184	65	250	3514	18	250	3838	36	1000
3185	56	250	3517	82	250	3842	31	250
3191	76	250	3524	18	500	3846	26	250
3193	10	250	3524	61	250	3853	76	250
3196	22	250	3534	64	500	3854	29	250
3198	82	250	3539	23	250	3856	6	250
3199	85	250	3539	88	250	3857	13	250
3202	13	250	3544	2	250	3858	31	250
3207	3	250	3544	72	250	3862	75	500
3208	35	250	3549	59	250	3863	13	250
3212	7	250	3552	42	250	3865	96	500
3219	8	250	3566	1	250	3868	62	250
3224	29	250	3569	42	500	3868	90	250
3224	73	250	3570	25	250	3892	18	250
3235	11	250	3576	39	250	3904	74	250
3236	34	250	3576	57	250	3906	61	250
3237	75	250	3578	44	250	3909	68	250
3247	90	250	3581	15	250	3910	12	250
3251	6	250	3586	8	250	3916	14	250
3252	6	250	3588	55	250	3924	1	500
3252	72	250	3589	91	250	3928	78	250
3257	22	250	3592	58	250	3932	97	250
3267	96	250	3597	63	500	3933	8	250
3271	40	250	3603	22	250	3936	5	250
3272	44	250	3612	49	250	3937	74	5000
3274	86	250	3620	49	250	3945	83	250
3275	57	250	3624	38	250	3950	60	250
3304	80	250	3629	53	250	3950	86	250
3307	17	500	3634	88	250	3957	92	250
3314	38	250	3639	92	250	3960	38	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
3963	36	250	4246	6	250	4603	76	250
3968	36	250	4246	88	250	4609	39	500
3968	67	250	4257	93	250	4612	23	250
3978	41	250	4261	74	250	4615	20	250
3981	22	500	4262	95	250	4626	69	500
3986	4	250	4269	32	1000	4628	5	250
3991	39	250	4293	32	250	4633	72	250
3991	48	250	4298	71	250	4639	41	250
3992	9	250	4304	82	1000	4643	83	250
3993	43	250	4312	34	250	4644	65	250
4001	39	250	4313	93	250	4650	54	250
4002	24	250	4314	49	250	4658	1	250
4003	91	250	4314	64	250	4658	89	250
4006	71	250	4323	97	250	4666	55	250
4011	67	250	4327	50	250	4672	79	250
4019	75	250	4327	54	250	4672	94	500
4019	82	250	4328	76	250	4673	98	500
4022	10	250	4328	100	250	4676	13	250
4022	45	500	4333	8	250	4676	27	250
4023	88	5000	4333	42	250	4678	87	500
4024	79	250	4338	80	250	4679	100	250
4033	53	250	4340	45	250	4682	54	250
4034	75	250	4340	65	250	4686	17	250
4035	49	250	4349	53	250	4690	79	250
4036	15	250	4360	99	250	4696	53	250
4036	72	250	4361	88	250	4699	21	1000
4038	91	250	4361	100	250	4702	44	250
4046	35	250	4362	53	250	4704	53	1000
4052	37	250	4362	71	250	4704	58	250
4058	14	250	4363	29	1000	4708	64	250
4065	25	250	4383	36	250	4709	98	250
4066	5	250	4387	75	250	4710	79	500
4066	87	250	4390	57	250	4733	17	250
4070	15	250	4400	64	250	4733	83	250
4073	46	250	4404	68	250	4737	83	1000
4073	100	500	4405	1	250	4738	89	250
4074	26	500	4407	52	250	4746	92	250
4080	41	250	4413	22	500	4747	76	250
4081	84	250	4418	74	250	4747	95	1000
4089	37	250	4419	61	250	4750	91	250
4090	42	250	4423	16	250	4752	30	250
4096	58	250	4423	83	250	4754	4	250
4103	98	250	4426	27	250	4754	73	1000
4109	22	250	4427	51	250	4754	91	500
4116	86	250	4434	27	250	4758	59	250
4119	15	250	4437	25	250	4763	28	250
4120	82	250	4446	26	250	4766	9	250
4127	30	250	4446	41	250	4768	14	250
4127	53	250	4448	82	500	4777	27	250
4129	68	250	4455	29	250	4791	44	250
4136	12	250	4458	43	250	4796	1	250
4136	77	250	4466	30	250	4810	36	1000
4139	47	250	4466	78	250	4810	52	250
4142	7	250	4488	59	1000	4811	54	250
4152	16	250	4490	14	250	4815	61	250
4152	40	250	4495	97	250	4826	15	250
4152	98	250	4499	10	250	4827	95	250
4155	33	250	4499	38	250	4831	10	250
4158	91	250	4500	15	250	4838	99	250
4160	96	250	4502	74	250	4840	37	250
4163	59	500	4503	30	250	4844	86	250
4171	48	250	4518	63	250	4848	70	250
4171	96	250	4529	31	250	4859	36	250
4172	21	250	4531	83	250	4862	95	250
4172	37	250	4536	53	250	4863	53	250
4173	15	250	4537	64	250	4863	59	250
4173	54	250	4555	16	250	4870	26	250
4180	30	250	4562	100	250	4870	79	250
4180	52	250	4563	100	250	4876	26	250
4182	21	250	4567	77	250	4891	92	250
4186	63	250	4571	10	250	4894	54	500
4186	71	250	4576	49	250	4895	12	250
4194	79	250	4579	98	500	4907	1	250
4198	23	250	4580	24	250	4907	26	250
4205	56	250	4582	67	250	4907	91	250
4235	19	250	4583	76	500	4908	97	250
4238	57	250	4593	1	5000	4909	67	250
4243	34	250	4593	9	250	4910	89	250
4243	59	250	4595	88	250	4912	53	250
4243	89	250	4596	71	250	4918	62	250
4244	34	250	4600	30	250	4920	85	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
4922	44	250	5270	76	250	5625	75	25
4923	74	250	5274	17	1000	5630	20	25
4932	51	250	5276	54	250	5638	3	25
4940	58	250	5277	67	250	5640	34	50
4944	41	500	5290	2	250	5646	4	25
4945	57	250	5295	13	500	5654	73	25
4957	19	250	5297	86	250	5660	10	25
4973	60	250	5306	96	250	5664	30	25
4975	96	250	5308	38	250	5665	70	100
4982	83	500	5310	9	250	5665	82	25
4985	79	250	5313	67	250	5667	90	25
4987	50	1000	5319	13	250	5671	73	25
4987	67	250	5323	42	250	5679	17	50
4988	94	250	5328	45	250	5681	40	25
4995	17	250	5334	20	250	5682	28	100
4996	64	250	5336	34	250	5684	36	25
4996	100	250	5340	18	500	5688	23	25
4999	2	250	5342	38	250	5691	28	50
5000	4	250	5342	49	250	5698	32	25
5001	18	250	5346	12	500	5711	100	25
5012	18	250	5359	53	250	5713	73	25
5012	23	250	5359	77	250	5718	9	25
5015	64	250	5363	19	250	5721	27	100
5026	10	1000	5363	31	250	5722	49	25
5026	84	500	5363	97	250	5723	10	50
5029	45	250	5365	32	250	5732	2	25
5030	8	250	5366	39	250	5732	83	25
5034	29	250	5367	1	250	5732	92	1000
5039	11	250	5368	28	250	5733	27	25
5046	73	250	5368	39	250	5733	37	25
5048	81	500	5377	89	250	5739	36	25
5061	13	250	5392	77	250	5745	81	25
5063	42	250	5397	28	250	5752	86	25
5065	14	250	5399	67	250	5759	52	25
5070	71	250	5405	57	250	5763	93	25
5075	10	250	5407	15	250	5767	20	25
5075	21	250	5410	94	250	5767	42	25
5076	31	250	5417	67	250	5767	69	25
5081	57	1000	5432	27	250	5767	74	25
5092	86	250	5434	2	250	5770	68	25
5092	94	250	5434	30	250	5774	14	25
5100	61	250	5434	67	250	5777	29	25
5103	33	250	5445	98	250	5777	59	25
5104	93	250	5450	32	250	5791	85	25
5110	45	250	5451	41	250	5792	86	25
5112	96	250	5461	88	250	5804	52	25
5113	29	250	5462	74	500	5805	11	25
5115	86	250	5471	55	250	5809	41	25
5119	57	250	5480	70	250	5818	4	25
5119	81	500	5497	16	250	5824	26	25
5134	83	250	5501	93	250	5824	91	25
5144	54	250	5511	39	500	5824	92	25
5148	83	250	5524	6	250	5832	70	50
5151	72	250	5528	47	250	5839	20	25
5157	96	250	5530	56	1000	5841	6	25
5171	75	250	5537	24	250	5845	98	25
5181	3	250	5537	99	1000	5851	93	50
5181	92	250	5538	16	250	5857	10	25
5185	15	250	5546	55	250	5857	40	25
5186	11	250	5548	32	1000	5859	76	25
5186	31	250	5550	71	250	5866	17	25
5191	30	250	5552	14	250	5867	6	25
5195	13	250	5559	41	250	5867	51	25
5196	34	250	5562	82	250	5868	59	25
5200	97	500	5569	19	250	5869	31	25
5203	78	250	5569	80	250	5883	87	25
5207	70	250	5571	93	250	5895	15	25
5213	88	250	5574	80	250	5895	22	25
5215	2	250	5583	100	250	5895	23	25
5217	37	250	5590	90	500	5895	50	25
5217	71	250	5591	65	250	5904	78	25
5229	35	250	5591	83	250	5910	48	25
5237	36	250	5593	78	250	5910	57	25
5238	17	250	5598	43	250	5913	59	25
5240	54	250	5605	63	250	5915	55	25
5240	76	500	5607	55	250	5916	92	25
5246	88	500	5609	3	250	5918	41	25
5249	64	250	5616	76	250	5920	41	25
5252	41	250	5619	91	250	5923	4	25
5254	84	250	5620	87	250	5929	6	25
5257	61	250	5621	42	500	5932	91	25

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
5936	2	250	6311	27	250	6676	87	250	7007	3	250	7287	85	250	7642	51	250
5936	14	250	6311	59	250	6685	58	500	7007	21	250	7288	41	250	7643	22	250
5943	97	250	6312	15	250	6688	26	250	7008	9	250	7300	3	250	7643	82	250
5946	2	250	6316	34	250	6688	40	250	7010	57	250	7300	4	250	7646	51	250
5950	36	250	6324	1	250	6692	81	250	7013	98	250	7304	15	250	7646	89	250
5959	6	500	6325	28	250	6692	100	250	7015	62	250	7309	32	250	7647	97	250
5959	64	500	6330	95	250	6696	67	250	7040	6	250	7313	50	250	7650	2	250
5959	75	250	6334	54	250	6700	25	250	7042	91	250	7313	53	250	7650	20	250
5962	59	250	6337	90	250	6702	3	250	7046	78	250	7315	81	250	7652	3	250
5963	99	250	6344	73	1000	6702	10	250	7050	11	250	7320	19	250	7668	1	250
5971	54	250	6346	20	500	6718	36	250	7050	96	250	7323	92	250	7669	47	250
5971	64	1000	6350	36	250	6734	78	250	7051	56	250	7329	66	250	7669	87	250
5973	65	250	6356	6	250	6736	47	250	7055	53	250	7333	15	250	7669	89	250
5979	12	250	6356	19	250	6736	77	250	7057	100	250	7333	79	250	7690	31	250
5981	73	250	6360	94	250	6737	35	250	7064	63	500	7340	10	10000	7690	89	250
5986	95	250	6366	34	1000	6737	91	500	7069	52	1000	7342	70	250	7693	70	500
5994	55	250	6366	67	250	6753	78	250	7069	74	250	7345	61	250	7702	54	250
5994	67	250	6375	53	250	6758	70	250	7075	49	250	7346	46	250	7708	29	250
5996	47	250	6378	33	250	6758	98	250	7077	82	250	7347	98	250	7709	48	250
6024	12	250	6381	2	500	6764	73	250	7082	3	250	7351	3	250	7716	21	250
6029	48	500	6382	61	250	6769	31	250	7085	13	250	7351	92	250	7724	82	250
6035	56	250	6390	27	1000	6769	97	500	7085	78	1000	7359	84	1000	7725	39	250
6035	57	250	6392	30	250	6771	70	250	7086	67	250	7360	52	500	7727	69	250
6042	1	250	6392	85	1000	6772	8	250	7095	10	250	7362	2	250	7728	47	500
6046	75	250	6403	62	250	6773	66	250	7098	67	250	7364	28	250	7728	79	250
6049	61	250	6406	53	250	6778	34	250	7109	87	250	7374	43	250	7729	71	250
6051	35	250	6408	81	250	6780	11	250	7110	94	250	7374	57	250	7737	54	250
6057	35	500	6410	76	250	6780	71	250	7113	84	250	7380	60	500	7742	65	250
6057	56	250	6412	69	250	6784	89	250	7114	60	250	7384	67	250	7743	41	250
6082	90	250	6421	96	250	6785	50	250	7115	48	250	7394	97	250	7757	41	250
6089	63	250	6423	69	250	6789	45	250	7116	27	500	7395	15	250	7758	35	250
6095	50	250	6433	54	250	6791	75	250	7117	3	250	7397	34	250	7762	71	250
6095	84	250	6435	97	250	6795	91	250	7119	94	250	7399	100	250	7764	31	250
6116	14	250	6436	30	250	6797	37	250	7123	34	250	7410	17	250	7764	65	250
6118	41	250	6438	69	250	6799	28	250	7125	57	250	7414	69	250	7766	85	500
6127	15	250	6446	79	250	6801	76	250	7127	42	250	7418	31	250	7771	2	1000
6133	3	250	6451	20	250	6809	55	250	7127	69	250	7418	68	250	7774	50	250
6137	39	250	6456	81	250	6810	76	250	7127	84	250	7438	33	250	7778	57	250
6142	93	250	6461	53	250	6819	34	250	7131	25	500	7438	72	250	7779	64	250
6146	87	250	6462	26	250	6824	67	250	7143	33	250	7444	57	250	7779	90	250
6150	29	250	6462	51	250	6827	47	250	7145	97	250	7444	76	250	7781	81	250
6152	82	250	6469	25	250	6836	91	250	7146	37	250	7446	49	250	7786	17	250
6154	82	250	6469	74	250	6850	27	250	7150	47	250	7453	26	250	7787	14	250
6156	13	250	6469	96	250	6850	63	250	7155	86	250	7454	23	250	7787	50	250
6163	54	250	6473	86	250	6851	53	500	7160	96	250	7459	22	250	7792	1	250
6168	9	250	6483	46	250	6859	14	250	7166	55	250	7467	86	250	7798	68	250
6184	88	250	6499	100	250	6863	31	250	7175	29	250	7473	16	250	7802	67	1000
6188	87	250	6504	21	1000	6868	4	250	7177	97	250	7480	28	250	7810	75	250
6194	54	1000	6508	76	250	6868	82	250	7178	66	250	7490	74	250	7810	98	250
6194	87	250	6524	97	250	6872	41	250	7181	86	250	7492	48	250	7811	66	250
6197	17	500	6525	73	250	6873	4	250	7183	22	250	7492	98	250	7811	82	250
6204	17	250	6547	17	250	6873	69	250	7183	66	250	7497	94	250	7813	52	250
6205	26	250	6549	9	250	6875	86	250	7186	57	250	7500	94	250	7814	29	250
6208	53	250	6552	27	250	6877	91	5000	7198	41	250	7515	50	250	7814	67	250
6210	46	500	6553	71	500	6886	35	250	7200	95	250	7517	27	250	7821	24	250
6210	50	250	6557	46	250	6891	95	250	7201	22	250	7517	60	250	7821	27	10000
6210	85	250	6557	56	250	6893	68	250	7201	64	250	7523	54	250	7822	8	5000
6211	14	250	6557	57	250	6895	58	250	7205	51	250	7523	77	250	7823	6	500
6214	12	250	6560	1	250	6900	2	250	7208	38	250	7530	89	250	7832	41	250
6219	77	250	6562	33	250	6904	99	250	7208	55	250	7545	88	250	7841	27	10000
6221	4	250	6563	26	250	6905	7	250	7211	100	250	7547	29	250	7841	49	250
6224	44	250	6564	93	250	6910	95	250	7213	28	250	7553	18	250	7853	99	250
6225	6	500	6579	93	250	6921	84	250	7224	18	1000	7556	10	250	7863	59	250
6229	52	250	6585	98	250	6923	28	250	7224	63	250	7556	36	250	7871	68	250
6232	77	250	6588	58	250	6933	22	250	7227	18	250	7558	58	250	7875	100	250
6233	63	250	6592	58	250	6933	74	250	7229	43	250	7560	61	1000	7878	87	250
6238	72	250	6592	74	250	6942	74	500	7240	46	250	7564	5	250	7885	25	250
6241	59	250	6601	47	500	6954	34	250	7243	8	250	7565	48	250	7888	25	250
6241	67	250	6608	20	250	6954	73	100000	7246	80	250	7578	68	250	7890	89	250
6246	5	250	6617	76	250	6964	29	250	7247	63	250	7584	61	250	7897	72	250
6246	63	500	6635	42	250	6964	87	500	7250	11	250	7590	45	500	7898	70	250
6251	32	250	6635	62	250	6978	32	250	7250	22	250	7592	28	250	7899	30	250
6258	31	250	6651	85	250	6978	40	250	7256	99	250	7600	20	250	7900	82	250
6265	76	250	6652	21	500	6979	58	500	7257	61	250	7601	46	250	7912	87	250
6269	61	250	6655	2	250	6980	24	250	7260	21	250	7603	85	250	7927	62	250
6289	28	250	6657	9	250	6983	9	250	7265	25	250	7608	11	250	7942	34	250
6296	86	250	6657	68	250	6983	48	250	7273	65	500	7619	1	250	7944	63	250
6302	42	1000	6660	58	250	6989	90	250	7281	15	500	7622	15	250	7949	47	250
6303	52	250	6661	83	250	6996	45	250	7282	92	250	7622	34	250	7950	87	250
6304	20	250	6664	61	250	6999	43	250	7283	47	250	7622	49	250	7951	3	250
6310	84	250	6668	32	250	7000	86	250	7287	59	250	7633	92	250	7952	26	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
7957	75	250	8364	98	250	8710	15	250	9010	100	10000	9314	18	1000	9661	43	250
7960	8	250	8373	78	250	8710	61	250	9012	64	250	9315	35	250	9662	97	250
7961	86	250	8373	87	250	8713	98	250	9018	41	250	9317	57	250	9666	91	250
7963	51	1000	8381	16	250	8720	25	250	9019	26	250	9327	82	250	9667	6	500
7964	48	250	8381	98	250	8721	74	250	9019	77	250	9333	72	250	9672	68	250
7967	55	250	8397	32	250	8722	80	500	9020	100	250	9350	99	250	9672	87	250
7971	40	500	8399	96	250	8724	96	250	9023	41	250	9358	35	250	9676	64	1000
7982	46	250	8401	5	250	8731	75	250	9029	47	250	9362	6	250	9684	26	250
7991	81	250	8401	55	250	8731	97	250	9031	41	250	9365	27	500	9686	12	250
7992	43	250	8401	99	250	8736	70	250	9031	94	250	9368	81	250	9690	7	250
7993	72	250	8408	38	250	8738	86	500	9038	40	250	9369	87	250	9693	53	250
7994	36	250	8409	19	250	8744	78	250	9038	47	250	9373	29	250	9695	35	250
7999	13	250	8410	48	250	8747	32	250	9043	42	250	9382	49	250	9702	21	250
8019	62	250	8410	86	250	8747	40	250	9044	31	250	9384	27	250	9710	18	250
8027	51	250	8414	44	250	8762	22	250	9050	61	500	9388	81	250	9710	39	250
8031	83	250	8419	14	1000	8763	45	250	9052	77	1000	9390	89	250	9710	42	1000
8038	56	250	8419	54	250	8767	35	250	9052	78	250	9392	13	250	9714	1	250
8040	46	250	8422	34	500	8770	21	1000	9058	39	250	9394	96	250	9719	80	250
8045	88	250	8429	95	1000	8770	56	250	9060	38	250	9401	19	250	9723	61	250
8045	100	250	8432	59	250	8771	50	250	9065	64	250	9401	46	250	9727	5	250
8048	82	250	8433	63	250	8774	99	250	9070	38	250	9408	49	250	9732	69	250
8050	43	250	8433	69	250	8776	94	250	9077	31	250	9408	75	250	9746	68	1000
8068	1	250	8436	54	250	8792	50	500	9080	31	250	9413	71	250	9752	8	250
8068	65	250	8464	43	250	8793	35	1000	9082	95	250	9425	11	250	9752	30	250
8071	43	250	8474	35	250	8795	51	250	9083	37	250	9435	15	250	9767	83	250
8079	41	250	8474	36	250	8795	83	250	9083	95	250	9435	84	250	9770	15	250
8088	3	250	8475	97	250	8799	44	500	9085	78	250	9440	80	250	9771	50	250
8088	6	250	8477	93	250	8803	77	250	9101	43	250	9441	18	500	9778	6	250
8095	8	250	8479	50	500	8807	42	250	9104	65	250	9442	35	250	9783	63	250
8103	70	250	8481	49	500	8811	52	250	9104	94	250	9450	88	500	9784	98	250
8109	5	1000	8492	70	250	8823	55	250	9106	6	1000	9455	52	250	9790	77	250
8120	96	250	8498	8	500	8823	100	250	9106	30	250	9465	74	1000	9790	86	250
8122	34	250	8508	100	250	8827	77	250	9106	80	250	9469	20	250	9796	82	500
8127	18	250	8511	63	500	8829	86	500	9108	20	250	9471	47	250	9796	83	250
8127	23	250	8515	22	250	8833	74	250	9119	19	250	9471	63	500	9802	17	250
8127	68	250	8522	92	250	8836	25	250	9120	16	250	9472	62	250	9804	84	250
8139	25	250	8527	84	250	8839	26	250	9131	100	250	9473	79	250	9805	44	500
8141	86	250	8528	49	250	8850	49	1000	9135	14	250	9479	38	5000	9808	16	250
8148	13	250	8535	54	250	8853	15	250	9144	26	250	9482	16	250	9808	72	250
8148	56	250	8540	67	250	8853	60	250	9145	63	250	9484	57	250	9810	11	250
8158	51	250	8542	17	250	8855	38	250	9146	78	250	9494	89	250	9811	95	250
8166	70	250	8544	7	250	8857	26	250	9147	16	250	9511	24	250	9816	49	250
8169	68	250	8545	12	250	8858	9	250	9152	69	250	9517	6	500	9820	75	250
8176	3	250	8545	40	250	8866	46	250	9152	72	250	9517	48	250	9826	79	250
8197	49	250	8545	53	250	8867	37	500	9153	18	250	9523	49	5000	9832	61	250
8197	95	250	8549	10	250	8870	18	250	9154	70	500	9524	7	250	9835	44	500
8205	18	250	8556	57	250	8872	69	250	9155	5	250	9534	67	500	9837	65	250
8208	2	250	8561	39	1000	8872	93	250	9155	58	250	9538	74	250	9838	1	250
8217	14	250	8561	54	250	8881	1	250	9158	26	250	9540	50	250	9848	27	250
8223	5	500	8563	67	250	8891	49	250	9170	34	250	9543	45	250	9851	89	250
8223	52	250	8571	49	250	8891	89	250	9191	60	500	9548	44	250	9856	25	250
8223	61	250	8572	39	250	8899	51	250	9202	7	250	9548	82	250	9856	72	250
8224	15	250	8584	12	250	8902	56	250	9206	86	250	9549	86	250	9866	30	250
8224	74	250	8584	14	250	8906	58	250	9208	38	250	9553	82	500	9867	27	250
8236	10	250	8586	60	250	8911	61	250	9226	83	250	9554	9	250	9878	91	500
8245	82	250	8593	32	250	8914	8	250	9233	65	250	9558	96	250	9880	2	250
8253	13	250	8599	62	250	8915	8	250	9236	66	250	9559	39	250	9880	77	250
8263	74	250	8600	35	250	8915	68	250	9255	42	250	9560	57	250	9887	3	500
8268	41	250	8601	42	250	8915	86	250	9258	1	250	9572	71	250	9889	94	250
8280	15	250	8603	11	250	8916	28	250	9260	57	250	9579	52	250	9891	84	250
8280	26	250	8611	17	250	8918	98	250	9271	37	250	9585	43	250	9895	8	250
8281	39	250	8611	51	1000	8920	35	250	9274	22	250	9587	60	500	9897	77	250
8283	71	250	8614	66	250	8922	92	250	9277	35	250	9590	44	250	9905	46	500
8286	6	250	8619	87	250	8923	100	250	9282	12	250	9591	36	250	9906	1	250
8286	51	250	8620	74	250	8928	18	250	9284	14	250	9595	30	250	9906	61	250
8294	95	250	8620	94	1000	8928	22	250	9284	58	250	9601	30	250	9906	76	250
8307	32	250	8621	8	250	8932	94	250	9285	8	250	9603	46	250	9916	34	250
8307	43	250	8626	10	500	8934	28	500	9286	44	250	9604	87	250	9923	11	250
8309	98	250	8629	36	250	8939	95	250	9288	93	250	9607	47	250	9924	7	250
8317	27	250	8638	5	250	8954	17	250	9293	56	250	9612	56	250	9924	33	250
8327	84	250	8640	59	250	8955	21	250	9299	94	250	9621	35	250	9924	64	250
8335	46	250	8644	7	250	8963	30	250	9300	95	250	9626	53	250	9925	97	250
8340	12	250	8644	84	500	8963	86	250	9302	16	250	9629	37	250	9926	57	250
8342	88	250	8646	91	500	8979	65	500	9304	83	250	9630	14	250	9926	94	250
8345	18	250	8658	68	250	8980	89	250	9307	17	250	9630	18	250	9933	57	250
8348	86	250	8660	41	250	8981	10	250	9307	59	250	9630	31	250	9936	95	500
8350	60	250	8668	1	250	8982	63	500	9307	63	250	9639	72	250	9955	13	250
8352	10	500	8674	28	250	8989	7	250	9310	87	500	9649	20	250	9955	48	250
8358	28	250	8680	13	250	8989	23	250	9311	17	250	9650	55	250	9965	34	250
8360	46	250	8686	58	250	8989	67	250	9311	71	250	9652	92	250	9967	63	250
8362	49	250	8697	52	500	8998	40	250	9312	18	500	9653	76	250	9968	54	250

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
9968	62	250	10258	25	500	10643	19	250	10977	84	250	11334	34	250	11652	53	250
9969	28	1000	10259	81	250	10644	22	250	10980	5	250	11334	53	250	11655	41	250
9995	2	250	10260	28	250	10644	32	250	10983	60	250	11338	47	250	11655	62	250
10004	49	250	10261	70	250	10656	80	250	10985	58	500	11341	36	250	11656	71	250
10005	82	500	10261	90	250	10666	43	250	10989	90	25000	11343	64	250	11665	95	500
10012	96	250	10262	22	250	10674	2	250	10997	17	250	11344	95	250	11666	7	250
10015	49	250	10267	46	250	10679	64	250	11002	52	250	11346	22	250	11667	82	250
10015	67	250	10272	5	250	10685	87	250	11012	7	250	11352	70	250	11674	9	250
10019	8	500	10278	74	250	10686	53	250	11014	19	250	11355	30	250	11690	59	250
10019	22	250	10279	36	500	10689	49	500	11023	48	50000	11357	62	250	11692	71	250
10019	60	250	10280	5	250	10690	8	250	11035	49	250	11358	49	250	11693	56	250
10019	97	250	10282	91	250	10691	28	250	11036	42	250	11362	89	250	11700	94	250
10022	43	250	10285	18	250	10692	41	1000	11048	90	250	11366	16	250	11701	89	250
10022	83	250	10285	76	250	10698	57	250	11050	53	250	11377	56	250	11708	52	250
10029	27	1000	10293	11	250	10699	90	250	11055	47	250	11381	57	250	11713	10	250
10036	47	250	10304	72	250	10702	1	250	11055	48	250	11383	29	250	11717	50	250
10040	51	250	10310	76	250	10703	39	250	11059	31	250	11392	9	250	11718	13	500
10049	18	500	10326	13	250	10705	21	250	11059	33	250	11392	75	250	11718	64	1000
10051	38	250	10337	89	250	10708	60	250	11060	86	250	11393	37	250	11721	40	250
10051	99	250	10337	98	250	10710	29	1000	11062	70	250	11397	74	500	11726	95	1000
10052	45	250	10338	78	500	10721	55	250	11063	58	250	11401	63	250	11728	57	250
10064	7	250	10342	59	250	10722	10	250	11078	81	250	11414	9	250	11728	61	250
10071	39	1000	10344	77	250	10723	42	250	11081	22	250	11416	31	250	11733	87	250
10071	79	250	10345	87	250	10727	12	250	11082	23	250	11416	36	250	11748	16	250
10087	57	250	10345	89	250	10744	48	250	11087	100	250	11425	70	250	11750	12	250
10089	34	250	10353	58	250	10749	77	500	11093	63	250	11427	95	250	11751	70	250
10090	73	250	10357	50	250	10756	35	250	11106	3	250	11435	46	250	11759	20	250
10091	94	250	10358	11	250	10760	5	250	11115	46	250	11435	99	250	11774	100	250
10094	55	250	10358	74	250	10774	85	250	11115	93	1000	11438	17	250	11776	67	250
10096	11	250	10362	84	250	10778	91	1000	11115	96	250	11446	37	500	11780	93	250
10096	36	250	10365	68	250	10779	18	250	11118	41	250	11450	18	250	11781	48	250
10097	37	250	10366	27	250	10779	93	250	11125	50	250	11456	69	250	11799	3	250
10097	75	500	10369	34	250	10792	46	250	11126	78	1000	11457	29	250	11799	17	250
10102	21	250	10373	79	250	10794	7	250	11135	2	250	11459	41	250	11799	27	1000
10104	77	250	10377	34	250	10794	22	250	11146	47	250	11459	89	250	11807	96	250
10104	92	250	10383	33	250	10799	6	250	11147	85	250	11461	8	250	11808	65	250
10108	89	250	10386	51	250	10814	55	250	11160	64	500	11461	86	250	11808	88	250
10108	100	250	10392	72	250	10814	79	250	11160	81	250	11465	3	250	11811	20	250
10119	55	250	10412	93	250	10816	97	500	11161	39	250	11466	8	250	11811	32	250
10121	21	250	10420	76	250	10817	93	250	11168	7	250	11472	47	500	11811	33	250
10128	1	250	10429	12	250	10831	1	250	11171	17	250	11472	71	250	11815	19	250
10131	43	250	10434	97	250	10841	72	250	11171	83	5000	11480	32	500	11815	42	250
10136	14	250	10444	72	250	10847	17	250	11182	91	250	11481	5	250	11816	57	250
10138	91	250	10459	55	250	10850	75	250	11188	66	500	11514	15	250	11819	92	250
10140	11	250	10477	90	250	10852	74	250	11198	83	250	11514	47	250	11822	33	1000
10140	55	250	10478	95	250	10860	56	250	11209	2	250	11514	79	250	11822	56	500
10143	52	500	10491	37	250	10879	62	250	11218	16	250	11514	99	250	11830	43	250
10144	90	250	10495	100	250	10886	39	250	11220	75	250	11515	71	250	11849	4	250
10152	66	250	10497	41	250	10890	96	250	11221	35	250	11521	22	250	11853	62	1000
10157	61	250	10501	89	250	10891	53	250	11223	71	250	11522	59	250	11859	37	250
10158	10	250	10502	81	250	10891	65	250	11229	20	1000	11532	64	250	11859	74	250
10161	38	250	10504	62	250	10894	2	250	11229	32	250	11539	6	250	11860	10	250
10161	49	250	10516	8	250	10894	98	250	11232	27	250	11549	52	250	11861	44	250
10174	46	250	10521	69	250	10902	2	250	11233	2	250	11549	70	250	11864	40	500
10174	68	250	10528	44	250	10907	20	250	11235	79	250	11551	9	250	11867	65	1000
10181	86	250	10530	1	250	10907	42	250	11236	82	1000	11552	96	250	11869	11	250
10186	66	250	10530	77	250	10909	100	250	11242	33	250	11553	49	250	11869	56	250
10187	42	250	10531	87	500	10916	85	250	11245	31	250	11553	64	250	11871	62	250
10188	23	250	10535	55	250	10917	75	250	11247	46	250	11554	40	250	11873	88	250
10189	96	250	10537	59	250	10917	86	250	11251	8	250	11565	71	250	11890	57	250
10189	100	250	10537	74	250	10920	2	250	11251	95	250	11569	15	250	11891	8	250
10190	7	250	10540	34	250	10925	81	250	11252	21	250	11573	22	250	11893	77	250
10193	91	500	10559	30	250	10926	17	500	11252	96	250	11574	90	250	11901	64	250
10194	23	250	10568	31	250	10927	81	250	11255	31	250	11580	63	250	11902	32	250
10194	67	250	10571	92	250	10933	100	250	11258	66	10000	11588	51	250	11907	45	1000
10199	20	250	10592	31	500	10936	16	250	11261	68	1000	11590	6	250	11912	85	250
10203	59	500	10594	10	250	10936	31	250	11265	100	250	11590	17	250	11914	60	250
10211	66	250	10596	53	250	10937	58	250	11272	6	250	11597	48	250	11930	34	250
10211	74	250	10597	52	250	10940	37	250	11272	40	250	11603	61	250	11933	67	250
10214	34	250	10598	60	250	10944	48	250	11274	73	250	11611	72	250	11934	36	250
10229	22	250	10600	59	250	10944	53	500	11276	26	250	11612	90	250	11935	99	500
10230	74	250	10608	44	250	10949	56	250	11278	16	250	11615	37	250	11937	11	250
10235	96	500	10609	94	250	10953	65	1000	11284	86	250	11624	94	250	11943	39	500
10236	94	250	10618	40	250	10957	82	250	11285	55	250	11627	26	250	11944	71	250
10238	18	250	10621	73	250	10957	97	250	11285	94	5000	11627	32	250	11948	98	250
10238	86	250	10621	89	1000	10961	6	250	11291	13	250	11628	34	250	11958	35	250
10243	59	250	10634	26	250	10961	33	250	11294	89	1000	11634	89	500	11965	43	250
10246	72	250	10636	30	250	10966	40	250	11303	42	250	11640	59	250	11971	62	250
10248	67	250	10636	76	250	10974	80	250	11318	70	250	11644	24	250	11976	21	250
10254	77	250	10638	78	500	10977	55	250	11319	83	250	11644	50	250	11992	8	250
10255	59	250	10639	23	250	10977	80	250	11322	22	250	11652	21	250	11998	18	250

(фабрики, заводы, желѣзнодорожныя станціи, казармы, больницы и т. п.), устроить слѣдующій простой приборъ: вмѣсто самовара взять большой котелъ съ проходящей посрединѣ нагрѣвающей трубой и наглухо привинченной крышкой; котелъ этотъ сообщить съ большимъ латуннымъ вылуженнымъ цилиндромъ, въ который вставленъ *холодильникъ*, т. е. пучокъ малокалиберныхъ латунныхъ луженыхъ трубокъ около шести футовъ высоты. Прокипяченная горячая вода спускается изъ самовара по этимъ трубкамъ внизъ, холодная же вода изъ водопроводнаго крана или бака подымается въ цилиндрѣ мимо этихъ же трубокъ вверхъ, въ самоваръ, для кипяченія. Отъ этого происходитъ одновременное охлажденіе кипяченой воды и нагрѣваніе воды поступающей для кипяченія. Благодаря громадной охлаждающей поверхности, вода выходитъ изъ прибора совершенно годною для питья, такъ какъ температура ея лишь немногимъ выше водопроводной; съ другой стороны, эта послѣдняя входитъ въ самоваръ уже значительно нагрѣтой (вслѣдствіе взаимнаго обмѣна температуръ), такъ что требуется лишь непродолжительное время для того, чтобы довести ее до состоянія кипѣнія. Съ помощью такого прибора, стоющаго 200—300 рублей, можно приготовлять въ теченіе сутокъ до тысячи ведеръ прокипяченной и остуженной воды. (г. в.)

Фальсификація карболовой кислоты. — Произведенные въ Москвѣ анализы обращающейся въ продажѣ неочищенной карболовой кислоты, такъ называемой карболки, обнаружили въ большей части пробъ полное отсутствіе карболовой кислоты и вообще какихъ-либо дезинфицирующихъ веществъ. Извѣстная публикѣ карболка въ лучшемъ случаѣ содержитъ креозолъ, вещество изъ ряда феноловъ, хотя и обладающее дезинфекціонными свойствами, но лишь въ растворимомъ видѣ. Поэтому такую карболку надо обработать предварительно щелочами или сѣрной кислотой, или тщательно перемѣшать съ содержаніемъ выгреба, при чемъ креозолъ механически приводится въ тѣсное соприкосновеніе съ нечистотами.

Общее число умершихъ отъ холеры въ Россіи со дня появленія эпидеміи въ нашихъ предѣлахъ, до 20 іюля включительно, опредѣляется приблизительно, на основаніи печатающихся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* бюллетеней, 25,000 человѣкъ. Наибольшее число смертей приходится на Кавказъ (7,887) и Астраханскую губернію (4,416). За ними слѣдуютъ— Донская область, Закаспійскій край и губерніи Саратовская и Самарская, потерявшія за это время каждая отъ двухъ до трехъ тысячъ жителей. (г. в.)

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. цензур., СПБ., 12 августа 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 34 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6–10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ ПРИЛОЖ 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 22 августа 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Петергофскіе фонтаны.

(Рис. на стр. 741, 742 и 744).

Дивное созданіе Петра Великаго, Екатерины II и императора Николая I, Петергофъ и въ наше время продолжаетъ возбуждать удивленіе какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, а

Рис. 1. Итальянскій фонтанъ.

Рис. 2. Фонтанъ Еввы.

Рис. 3. Открытая бесѣдка.

однажды въ годъ, въ день тезоименитства Государыни Императрицы, 22 іюля, представляетъ зрѣлище достойное волшебныхъ сказокъ „Тысяча и одной ночи“, когда на всемъ протяженіи его безчисленныхъ фонтановъ до самаго моря горитъ колоссальная иллюминація съ чередующимся блескомъ огня и воды.

Какъ извѣстно, Петергофскій паркъ состоитъ изъ двухъ садовъ, Верхняго и Нижняго, предѣльную черту между коими составляетъ большой Петергофскій дворецъ (см. рис. на стр. 744).

Противъ главнаго его фасада въ Нижній садъ спускается такъ-называемая водяная лѣстница, изображенная отдѣльно на этой стр. (рис. 4). Ближе на первомъ планѣ большаго рисунка видна величественнѣйшій изо всѣхъ петергофскихъ фонтановъ, Самсонъ раздирающій льву пасть, изъ которой вода бьетъ на высоту 70 футовъ. Эта группа окружена на лѣстницахъ 16-ю статуями, вазами и чашами съ бьющими изъ нихъ фонтанами.

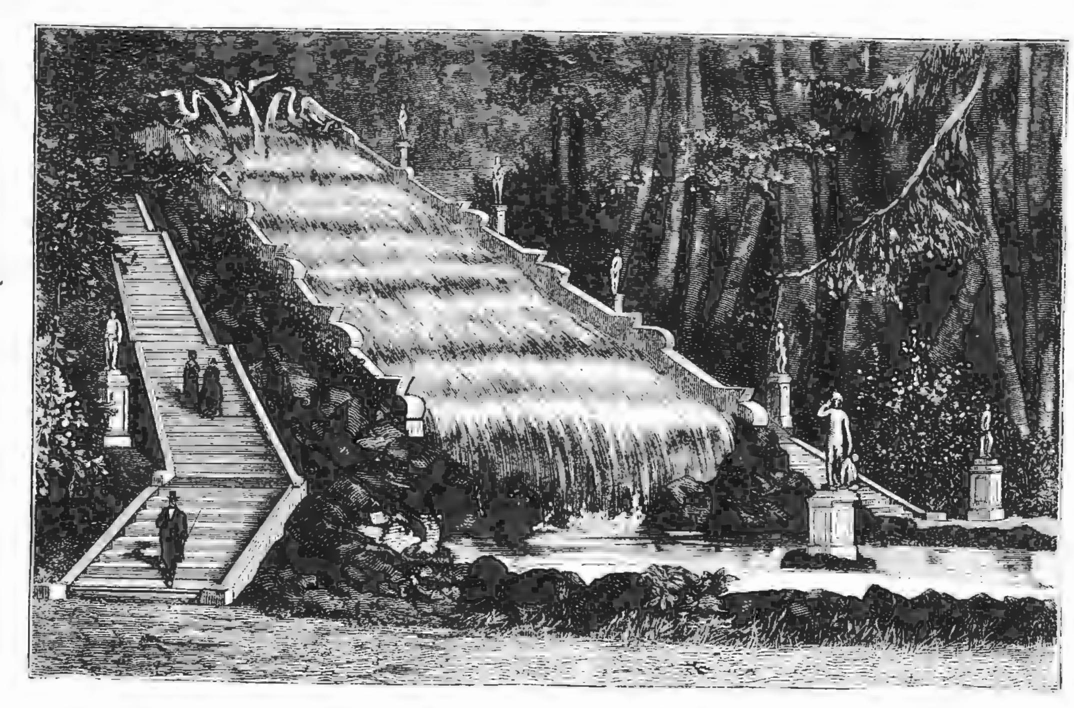


Рис. 4. Водяная лѣстница въ Нижній садъ.

Въ Верхнемъ саду величественной группѣ Самсона соотвѣтствуетъ фонтанъ Нептуна съ трезубцемъ въ рукахъ, окруженнаго дельфинами и тритонами. Въ бассейнѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣщены также дельфины. Всѣ эти фигуры, кромѣ Нептуна, обильно выбрасываютъ воду (рис. 6 на этой стр).

Изъ боковыхъ фонтановъ вдоль идущаго за Самсономъ Гаванскаго канала, замѣчательны фонтаны Еввы (рис. 2 на стр. 741) и Адама. Оба эти фонтана получили названіе отъ украшающихъ ихъ мраморныхъ статуй Адама и Еввы.

Но однимъ изъ красивѣйшихъ петергофскихъ фонтановъ—это безспорно *пирамидный* (рис. 5 на этой стр). Онъ удаленъ отъ прочихъ и представляетъ видъ четырехсторонней пѣнящейся пирамиды. Вода съ силою бьетъ изъ 525 трубокъ съ мраморнаго пьедестала.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны построены два массивныхъ фонтана изъ цвѣтныхъ мраморовъ, называемые италіанскими или римскими. Римскіе фонтаны бьютъ изъ плоскихъ вазъ (рис. 1 на стр. 741).

Отъ фонтана Адама ведетъ тѣнистая аллея къ старинной постройкѣ Монплезиру, сохранившемуся со времени царствованія Петра Великаго. Домикъ голландской архитектуры—Монплезиръ при Петрѣ назывался „попутнымъ дворцомъ“. Видъ съ площадки Монплезирской весьма живописенъ: въ ясную погоду за морскою гладью блестятъ шпиль Петропавловской крѣпости и Исаакіевскаго собора, а на противуположномъ лѣсистомъ Выборгскомъ берегу, въ темной дубовой зелени — бѣлѣетъ загородный дворецъ, построенный Петромъ I и названный имъ также Дубками; влѣво возвышается надъ моремъ грозный Кронштадтъ со своимъ лѣсомъ мачтъ. Видъ моря и постоянный плескъ волнъ дополняютъ очарованіе. Отсюда лучше всего любоваться грандіознымъ фейерверкомъ, пускаемымъ на морѣ 22 іюля.

Рис. 5. Пирамидный фонтанъ.

Рис. 6. Фонтанъ Нептунъ въ Верхнемъ саду.

Дора.

Повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченко.

I.

Что съ нею?..

Она не могла дать себѣ отчета, только ей хотѣлось плакать. Сердце щемило, трудно дышалось, не думалось ни о чемъ, рѣшительно ни о чемъ! Все равно, впереди, казалось ей, были однѣ темныя, темныя тучи.

Какъ проснувшійся въ дурную погоду опять закрываетъ глаза, чтобы не видѣть въ своемъ окнѣ этого скупаго, тусклаго, слезящагося дня, такъ и она отворачивалась отъ того, что ждало ее завтра, послѣ-завтра, черезъ недѣлю, черезъ годъ. Страстная жажда жизни, съ ея радостями и счастьемъ, почему-то смѣнилась полною безнадежностью, и именно сегодня, когда она весь день провела весело, за нею такъ много ухаживали и, по словамъ своихъ подругъ, она имѣла безспорный успѣхъ. Ея остротамъ смѣялись, въ глазахъ говорившей съ нею молодежи она замѣчала искорки увлеченія. Если-бы она захотѣла, онѣ бы разгорѣлись яркимъ пожаромъ. И вдругъ, ни съ того ни съ сего, знакомое ощущеніе тоски холодною рукою сжало ея сердце, въ комнатахъ не хватило воздуха; она боялась задохнуться, и не прощаясь ни съ кѣмъ, тайкомъ выбралась на улицу.

Шелъ дождь. Лужи стояли на мостовой и тротуарахъ. Она промочила насквозь ботинки. Не боясь простудиться, она нарочно сняла платокъ съ шеи. Капли дождя, падавшія ей на горло и казалось насквозь проникавшія ее своимъ холодомъ, приносили ей облегченіе. Но не надолго. На мокрыхъ и скользкихъ ступеняхъ грязной лѣстницы, по которымъ она теперь подымалась въ четвертый этажъ, ей опять стало жутко и скверно. Она опять почувствовала знакомое удушье.

Она даже остановилась раза два, думая, не лучше-ли ей опять уйти на мостовую, подъ это плачущее осенними слезами небо, да ужь очень смокла подъ ними. Нѣсколько поблѣднѣвъ ото всего пережитаго сегодня, она позвонила у двери, покрытой изодранною клеенкой. Колокольчикъ глухо звякнулъ за нею, и тотчасъ же тамъ послышалось хриплое:

— Сейчасъ, сейчасъ... Ты это, Дороѳеюшка?.. Сейчасъ, сейчасъ, погоди... Тѣсто ставлю...

— Я, мама! какъ будто нехотя отозвалась дѣвушка.

И захватанная дверь, скрипя, отворилась передъ нею.

— Фу, какъ тебя захлестало!.. Что-жъ не могли они тебѣ кареты дать, что-ли?

— Они не виноваты!.. Я не простясь ушла.

— Что-жъ такъ? и старуха воззрилась на нее красными больными глазами.—Обидѣли по своему богачеству, что-ли?

— Ну, вотъ! съ неудовольствіемъ отвѣчала вошедшая.—Ты всегда такъ. Просто мнѣ стало скверно, я не простясь и ушла!

— Невры?..

— Нервы, мама, а не невры. Когда ты научишься говорить...

— Ну, ужь меня старуху учить поздно... Слава Богу, тебя научила—и то хорошо... Коли бы оставалась ты затрепанною дѣвчонкой, да не бѣгала въ емназію—не пришлось бы мнѣ теперь и слушать отъ тебя всякихъ глупостевъ.

Дѣвушка не отвѣчала ни слова; она прошла впередъ въ свою комнату и затворилась тамъ.

— Фу, какъ скверно! обвела она все вокругъ потускнѣвшимъ взглядомъ.—Жалко, бѣдно!..

Ей вдругъ стали противны и эти дешевыя литографіи, которыми она хотѣла скрасить свою спальню, и дешевыя французскія иллюстрированныя книжки, купленныя на рынкѣ и въ порядкѣ лежавшія на ея столѣ, и аляповато съ позолотой переплетенные томики Пушкина, Лермонтова, Майкова, Полонскаго и Фета, красовавшіеся надъ ними на полинявшей, къ стѣнѣ подвѣшенной этажеркѣ, и лампа плохо вытертая и пахнувшая керосиномъ. Письменный столъ, купленный по случаю, былъ закапанъ чернилами. Зеленое сукно продралось. Кресло, придвинутое къ окну—тоже протерто. На спинкѣ и на подушкѣ его торчала мочалка. Деревянный, некрашеный полъ зіялъ щелями—наблюденіе за которыми лежало на непосредственной обязанности кота Васьки, единственнаго существа въ этой квартирѣ, довольнаго жизнью и людьми, и не желавшаго ничего лучшаго. Завидѣвъ хозяйку, онъ поднялся съ ея кровати, согнулся верблюдомъ, вытянулся потомъ на переднихъ лапахъ, и вдругъ, вздѣвъ хвостъ трубою, прыгнулъ къ ней на плечи и замурлыкалъ, нѣжно тыкаясь мокрымъ носомъ въ ея щеки.

— Ну тебя, пошелъ! отмахнулась она.

Очутившись на полу, Васька счелъ себя обиженнымъ и зацарапался въ двери. Дѣвушка его выпустила.

— Въ самомъ дѣлѣ, чего это я? Что случилось такое?

Она стала вспоминать все происшедшее сегодня. Никто ее не обижалъ, самолюбіе ея, въ силу особенностей ея положенія, такое чуткое, ни разу не было задѣто. Къ ней были внимательнѣе чѣмъ когда-либо. Старуха Баташова посадила ее рядомъ и нѣсколько разъ гладила ее по головѣ, что она дѣлаетъ рѣдко и со своими дочерьми; и тѣ тоже съ нею были милы. Вѣрочка затащила ее даже къ себѣ и со слезами на глазахъ „открыла ей свою душу“. Открытіе, впрочемъ, заключалось въ томъ, что кузенъ Жоржъ вчера сильно пожалъ ей подъ столомъ руку, а сегодня она нашла у себя въ книгѣ его стихи, начинавшіяся такъ:

Я пережилъ года очарованій,—
Душой остылъ и сердцемъ отгорѣлъ...

И такъ далѣе. Дѣвушку очень удивили „остывшая душа и отгорѣвшее сердце“, потому что Жоржу только что исполнилось восемнадцать лѣтъ. Но она не разхолодила Вѣрочку. Похвалила стихи, посовѣтовала ей переписать и послать ему въ отвѣтъ Лермонтовское „Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“, сама не зная зачѣмъ и почему. Потомъ старшая Баташова, Анюта, держала съ нею конференцію, чѣмъ отдѣлать лифъ своего новаго бальнаго платья. Явившійся послѣ кузенъ Жоржъ не подтрунивалъ по обыкновенію надъ нею, напротивъ, каждый разъ, какъ она лукаво переводила взглядъ съ него на Вѣрочку, страшно краснѣлъ, пыжился, пучилъ грудь и такъ громко сморкался, что старуха изъ другой комнаты крикнула ему:

— Что это ты, Жоржинька, у себя въ носу трубу іерихонскую завелъ, что-ли?

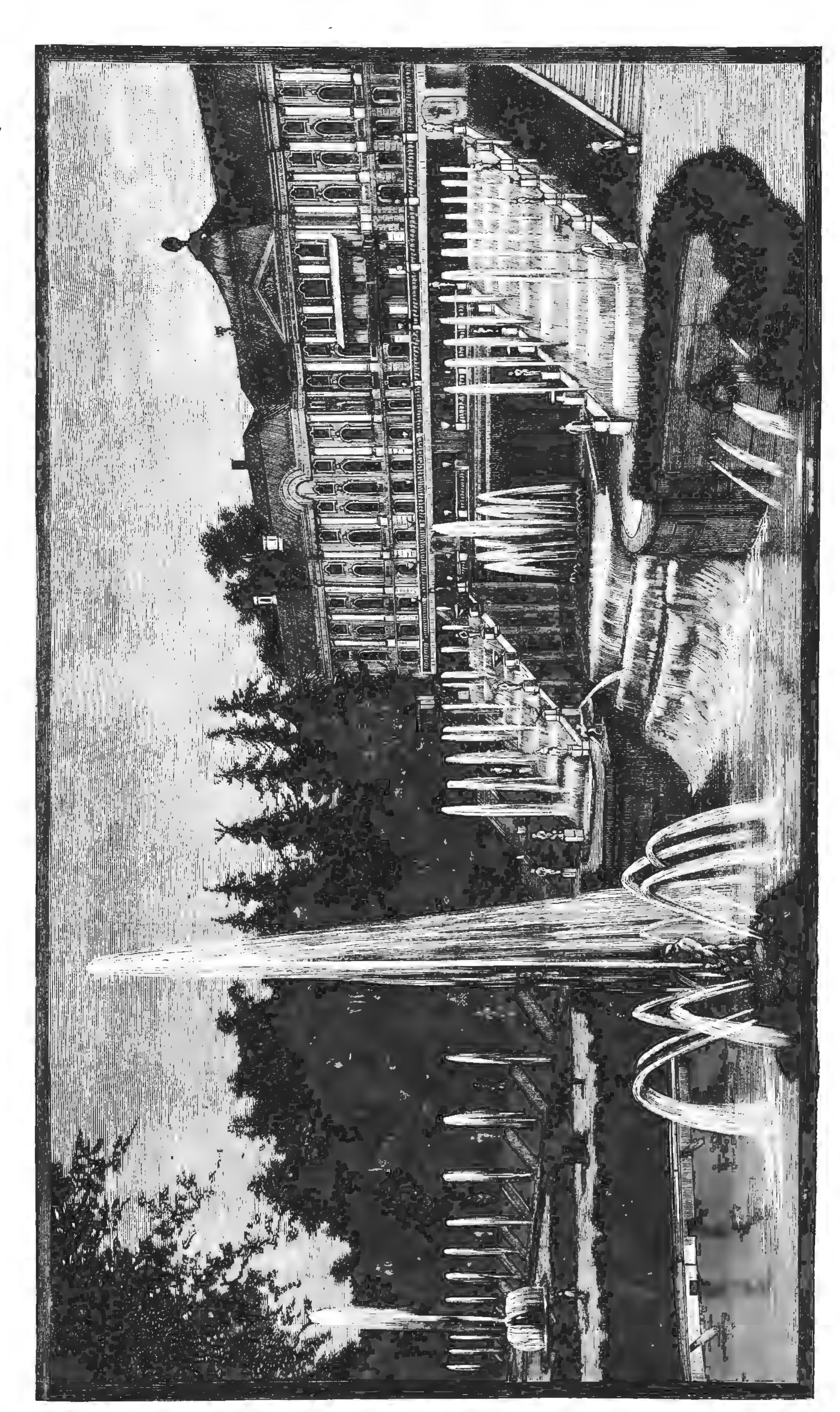
Юноша краснѣлъ еще больше, и щелкая шпорами, извинялся. Пришло много молодыхъ людей. У Баташовыхъ обѣдали по четвергамъ и обѣдали весело. Старуха садилась за столъ рано. Переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, она не измѣнила своихъ привычекъ. И на этотъ разъ она посадила гостью рядомъ съ собою и все время ее заботливо угощала, выбирая ей сама лакомые куски.

— Правда, какая у меня Дорочка красавица?.. Эхъ вы, гуси! смѣялась она глядя на таращившихся на нее кавалеровъ. — Настоящіе гуси... Только... только безъ начинки!..

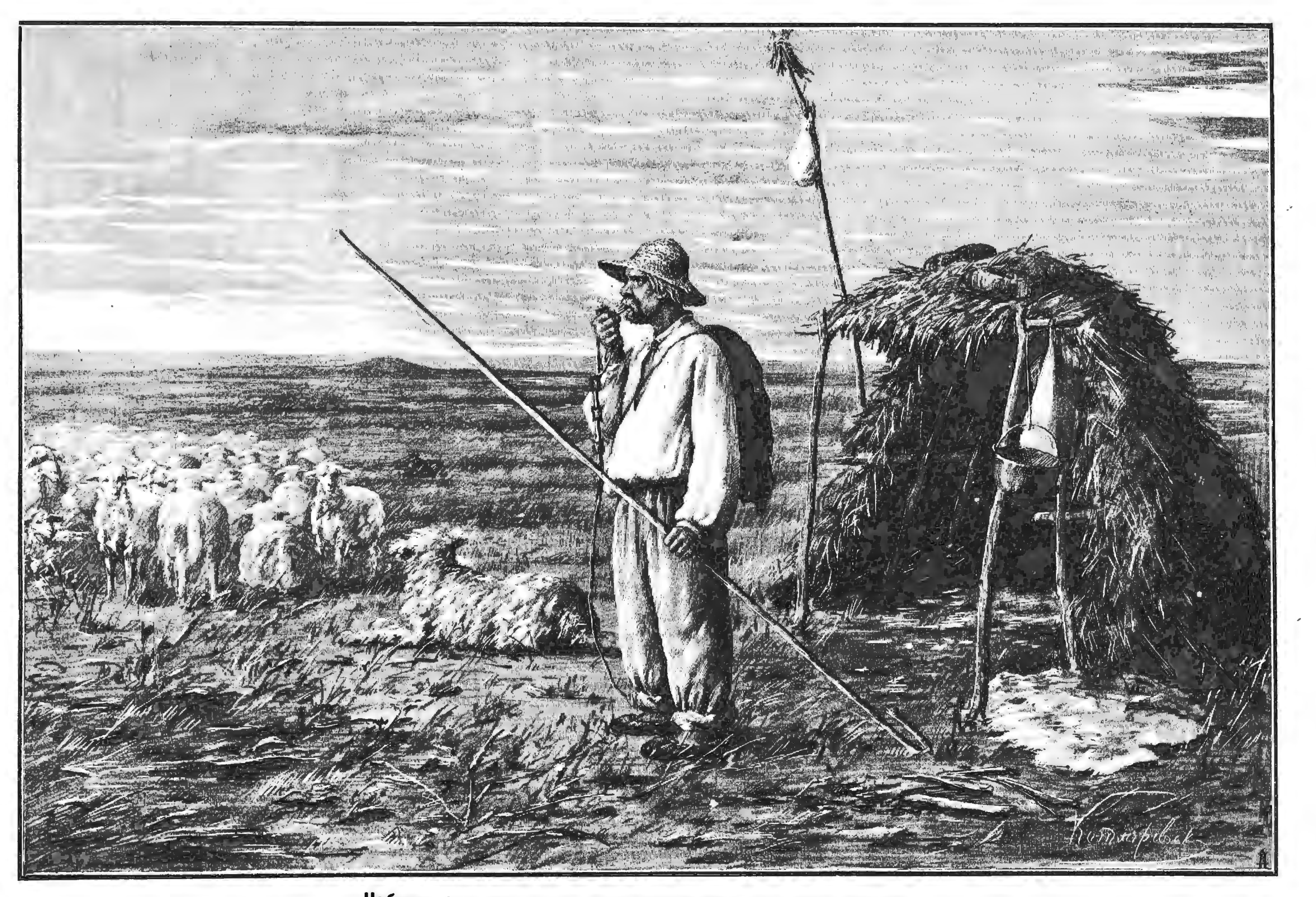
Всѣ расхохотались. Жоржъ было обидѣлся и вступился за себя:

— И я гусь, тетя, по-вашему? и даже плечи поднялъ и щеки надулъ пузыремъ.

— Ты еще больше другихъ. Вы знаете, mesdemoiselles, чѣмъ онъ занимается?.. Мнѣ разсказывали вѣдь! неумолимо продолжала старушка.—Явился онъ въ химическую лабораторію и говоритъ: „тетушка, это я-то,— и вѣдь назвалъ меня!—поручила мнѣ купить для нея карандашъ для бровей...“ Пріѣзжаю я въ магазинъ, спрашиваетъ меня старшій приказчикъ: „понравился вамъ карандашъ?..“ Какой-такой?.. Я просто глаза на него выпучила. Ну, думаю, такъ этого дѣла оставить нельзя. Позвала къ себѣ его Семена и приказываю: узнай мнѣ непремѣнно, что баринъ съ карандашемъ дѣлаетъ, иначе на глаза не показывайся. Является сегодня Семенъ и докладываетъ: сидятъ, говоритъ, передъ зеркаломъ и усы съ бакенами себѣ на разные фасоны рисуютъ.



Большой петергофскій дворецъ съ фонтанами и Самсонъ (видъ изъ-парка).



Чабанъ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Котляревскаго**, автотипія Демчинскаго.

Кругомъ опять расхохотались. Только одна Вѣрочка чуть не расплакалась. Слезы такъ и стояли въ ея хорошенькихъ глазкахъ.

— Вотъ онъ какой у насъ... живописецъ! смѣялась Анюта, не упускавшая случая подтрунить надъ троюроднымъ кузеномъ.

— Онъ Семена боится! прыснулъ одинъ изъ товарищей Жоржа.

— Ну, ты еще! недовольно огрызнулся тотъ.

— Ей-Богу... Придетъ поздно домой—Семенъ ему сейчасъ нотацію и деньги повѣряетъ... Сколько истратилъ? А чуть только Жоржъ прикрикнетъ на него—Семенъ ему: меня къ вамъ папенька для порядка приставилъ, а ежели вамъ угодно баловаться, такъ я его превосходительству отпишу, что на это я своего согласія не давалъ. Пущай ужь они сами съ вами распоряжаются.

Дора замѣтила, что Вѣрочка чуть не въ истерикѣ, и вмѣшалась:

— Ну, и вы тоже хороши! обернулась она къ товарищу Жоржа.

— Что я? вспыхнулъ тотъ, переводя недоумѣвающій взглядъ на дѣвушку.

— Разскажите-ка тетушкѣ, какъ васъ жена вашего эскадроннаго командира на колѣни поставила... въ уголъ. Я вѣдь все знаю. Мнѣ сейчасъ передали.

— Во-первыхъ, не въ уголъ, разгорячился тотъ.

Очевидно до больнаго мѣста дотронулись.

— А во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, все это выдумалъ Жоржъ и вамъ, Дора Петровна, не слѣдовало бы ему вѣрить... Мало-ли что онъ вамъ наскажетъ... Онъ у насъ съ воображеніемъ, стихи пишетъ.

Вѣра благодарно взглянула на нее. Она поняла, что ея подруга просто хотѣла отвлечь вниманіе отъ ея кузена. Потомъ, поймавъ Дору въ другой комнатѣ, она даже ее поцѣловала.

Такъ все шло отлично до прихода Волоцкаго.

Дора сама не знала, почему ея сердце сильнѣе билось при встрѣчѣ съ этимъ общимъ баловнемъ. Разумѣется, она не влюблена въ него. Куда же ей, бѣдной дѣвушкѣ, дочери швейцара въ московскомъ домѣ Баташовой, мечтать даже объ этомъ красавцѣ-милліонерѣ! Смѣшно, а смѣшной она ни за что не хотѣла бы быть. Она поэтому старалась всегда оставаться отъ него подальше, когда онъ являлся — пряталась въ уголъ и, какъ смѣялась надъ нею Анюта, уходила будто улитка въ свою раковину. Тѣмъ не менѣе, она замѣчала давно, что Волоцкой все такъ нетерпѣливо отыскивалъ ее глазами, и, говоря съ другими, часто смотрѣлъ на нее; случалось, выходя изъ комнаты, она видѣла его взглядъ слѣдующимъ за нею и невольно краснѣла. Но она была слишкомъ серьезною дѣвушкой, чтобы хоть на одну минуту допустить съ его стороны что-нибудь такое, чему она могла бы придать значеніе. Мало-ли... Просто нравится ему смотрѣть на нее, какъ на недурную картину, вотъ и все... Сегодня только съ приходомъ Волоцкаго она почему-то разошлась ни съ того ни съ сего, точно сорвалась съ цѣпи. Оживилась, смѣялась сама, смѣшила другихъ такъ, что старушка Баташова не выдержала и обернулась къ Волоцкому:

— Не правда-ли, какая прелесть?.. показала она глазами на Дору.

— Да, я давно любуюсь ею. Дѣйствительно прелесть. И гдѣ вы нашли такую?

Это хорошо слышала Дора, и слова его отдались въ ея сердцѣ съ болью и радостью въ одно и то же время. Ей стало и жутко и весело. Она какъ молодое деревцо расправилась подъ солнцемъ и каждымъ листкомъ своимъ затрепетало счастливое и этими теплыми лучами, ласкающими ихъ, и чистотою воздуха вокругъ. А потомъ, когда мѣсто около нея освободилось, Волоцкой порывисто поднялся и сѣлъ рядомъ. До сихъ поръ онъ никогда не дѣлалъ этого.

— Сегодня васъ не узнать совсѣмъ, заговорилъ онъ, не отрывая отъ нея своего горячаго взгляда.

— Почему это?.. Такая-жъ, какъ всегда.

И она сама почувствовала, какъ голосъ ея вздрогнулъ. Почувствовала—и ей досадно стало. Жизнь пріучила ее прятаться и притворяться.

— Такая же, какъ всегда, повторила она, отводя отъ него свои глаза.

— Ну, нѣтъ. Всегда вы бука; уйдете въ уголъ и оттуда только наблюдаете за всѣмъ.

— Наблюдаю!..

— Да, я давно замѣчалъ это. Не странно-ли, Дора Петровна, мы съ вами знакомы уже годъ цѣлый...

— Неправда, больше, вырвалось у нея.—Два!..

— Ну, вотъ видите, улыбнулся Волоцкой,—цѣлыхъ два года. Первый, впрочемъ, не въ счетъ, не правда-ли? Первый вы еще были гимназисткой и ужасно гордились тѣмъ, что читаете Бокля, такъ что на насъ, простыхъ смертныхъ, не обращали никакого вниманія.

— Такъ въ чемъ же вы нашли странность?

— А въ томъ, что мы съ вами годъ, а по-вашему два, знакомы и говоримъ въ первый разъ. Какъ это такъ вышло?

— Это не моя вина.

— Мнѣ такъ хотѣлось познакомиться съ вами, сдѣлать визитъ вашей матушкѣ. Я только считалъ нужнымъ васъ спросить сначала объ этомъ...

Дора растерялась. Что-то свѣтлою волною накатилось и захватило ее всю. Она задышала часто-часто. Волоцкой даже подмѣтилъ ея благодарный взглядъ.

— Такъ вы согласны, да? Когда же мнѣ позволите, т. е. когда я застану васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Пожалуйста, нѣтъ... совсѣмъ подѣтски вырвалось у нея.

— Почему же? удивился онъ, ничего не понимая и любуясь ея смущеніемъ.

— Нѣтъ... Ни за что, прошу васъ. Право, нельзя... Если бы можно было... я бы...

Какъ ей было объяснить ему, что живутъ они чуть не на чердакѣ, въ скверной и маленькой квартиркѣ, гдѣ вѣчно пахнетъ щами или пирогомъ, что ея мать—жена отставнаго солдата, совсѣмъ простая, безграмотная женщина! Она не стыдилась ея. О, до этой низости она бы не дошла *сознательно*, но она не могла себѣ представить, какъ этотъ блестящій богачъ, такъ остроумно подмѣчавшій въ другихъ смѣшную сторону, встрѣтится съ ея старухой!.. Чѣмъ больше она объ этомъ думала, тѣмъ сильнѣе ее охватывало смятеніе. И вмѣстѣ съ радостью, что онъ наконецъ замѣтилъ ее, какая-то тайная тоска проникала въ ея сердце.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Мама никого не принимаетъ, она всегда больна.

— То-то я ее не видѣлъ никогда съ вами... Ни здѣсь, ни на улицѣ.

— Да... Прошу васъ... Это совсѣмъ, совсѣмъ неудобно... Мы живемъ такъ одиноко...

И вдругъ послѣ этого что-то точно оборвалось въ ея сердцѣ. И улыбка сбѣжала съ лица, и глаза потускнѣли, и вся она поникла какъ-то. Волоцкой еще нѣсколько минутъ посидѣлъ около и тихо спросилъ ее:

— Я васъ обидѣлъ чѣмъ-нибудь?

Когда хотѣлъ, онъ умѣлъ быть искреннимъ.

— Вы? нѣтъ! Чѣмъ же вы можете меня обидѣть? наивно отвѣтила она.

— Такъ... Я не хотѣлъ бы сдѣлать вамъ больно...

И опять въ его голосѣ послышалась нѣжность, заставившая затрепетать ее.

Къ счастію кто-то позвалъ Волоцкаго. Онъ съ неудовольствіемъ отошелъ прочь.

— Я на минуту, извинился онъ, окидывая ее все тѣмъ же горячимъ взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ.

Дора воспользовалась этою минутой, выбѣжала въ другую комнату, изъ другой въ третью, а тамъ въ прихожую, быстро одѣлась и на вопросительный взглядъ удивленной горничной проговорила торопливо и конфузясь:

— Душенька Маша, у меня голова заболѣла... Я не прощалась даже.

Но „душенька Маша“ ее не любила.

Еще бы! изъ такихъ же мужичекъ, какъ и она, а тоже съ барами сидитъ за столомъ и ее называетъ вмѣсто „Марьи Гавриловны“ — „душенькой Машей“.

— Ишь ты! зашипѣла она ей вслѣдъ. — Сорвалась, точно украла что. „Не прощалась“, скажите пожалуйста, такъ это всѣ сейчасъ и замѣтятъ!..

Сидя уже у себя дома, Дора не знала, за что ей приняться.

На завтра надо было подготовиться къ урокамъ, — она съ матерью существовала этимъ, — а между тѣмъ въ головѣ былъ звонъ какой-то, кровь приливала къ вискамъ. Дѣвушка чувствовала, что теперь ей не сосредоточиться ни на чемъ. Все равно, развернетъ книгу— строчки перепутаются и сольются, буквы запрыгаютъ, проступятъ и опять пропадутъ, и во фразахъ, которыя она будетъ вслухъ читать, не окажется для нея ни смысла, ни значенія... Она прилегла на постель, но такъ было еще хуже. Голова горѣла сильнѣе, мягкія подушки охватывали ее невыносимымъ жаромъ, еще тяжелѣе было дышать и такъ становилось жутко, больно, безнадежно на душѣ.

Ей впрочемъ не долго пришлось быть одной среди этого давившаго ее молчанія.

Въ передней звякнулъ колокольчикъ, такъ что она даже вздрогнула.

— Ну, еще кто? съ неудовольствіемъ вслухъ проговорила она.

Послышался шорохъ шлепанцевъ, скрипъ отворявшихся дверей и голоса.

Дѣвушкѣ рѣшительно никого не хотѣлось видѣть въ эту минуту; только-что она пошла къ дверямъ, чтобы запереть ихъ, какъ къ ней заглянула мать съ такимъ радостнымъ лицомъ, что Дора остановилась.

— Дороѳеюшка, Логинъ Григорьевичъ пришелъ.

— Мнѣ-то что? нахмурилась дѣвушка, очевидно съ отвращеніемъ слыша это имя.

— Онъ,—и старуха лукаво подмигнула,—яблоковъ и мармеладу принесъ... Цѣлый платокъ.

— Ну и кушайте съ нимъ на здоровье! Вы знаете, что я этого не люблю.

Мать махнула на нее руками, вошла въ комнату и заперла за собою двери.

— Что ты, послѣдній разумъ потеряла что-ли? Мнѣ вчера начальникъ говорилъ, что Логину Григорьевичу скоро будутъ давать по пятидесяти въ мѣсяцъ одного жалованья, да казенную квартиру съ дровами и освѣщеніемъ, окромѣ наградъ. Ну-ко-сь, это и вся тысяча выйдетъ. Экое тебѣ счастье Господь, дурѣ, посылаетъ! Онъ и то мнѣ, знаешь, стороной: „Дороѳея Петровна настоящій бральянтъ!.. Кабы мнѣ такую жену — вѣкъ бы я Бога молилъ и васъ, бабушка, такъ бы упокоилъ, лучше роднаго сына“. Вонъ онъ какой!

— Знаете, мама, что: живемъ мы съ вами — никому не кланяемся. Такъ ужь лучшаго не ищите и ко мнѣ съ вашими чиновниками не приставайте.

— За кого же ты, за купца что-ли? озабоченно сдвинула та сѣдыя брови.

— Ни за кого, мама. Я совсѣмъ замужъ не пойду. Слышите?

— Ай противъ закона хочешь?.. Не ладно такъ-то, дѣвка, ой, не ладно.

Дора Петровна молчала. Она знала, что убѣждать старуху было совершенно напрасно.

— Такъ какъ же, Дороѳеюшка, какое твое рѣшеніе будетъ? приставала та.

— Ахъ, да оставьте вы меня въ покоѣ! Разъ навсегда я вамъ сказала кажется.

— А онъ,—и старуха меланхолически вздохнула,— новую жилетку себѣ сшилъ, чтобъ тебѣ понравиться, и хорошую жилетку... въ клѣтку... Ну, ухожу, ухожу...

И она живо выбралась вонъ, замѣтивъ слезы на глазахъ дочери.

II.

На другой день старуха Баташова заѣхала къ Дорѣ Петровнѣ, какъ она часто дѣлала это и до сихъ поръ.

— Здравствуй, Марья! встрѣтила она ея мать.

— Ужь какъ обрадовали-то!..

И та бросилась поцѣловать ей руку.

— Ну, ну, поморщилась гостья. — Ты знаешь, я не люблю этого. Тебѣ бы слѣдовало давно отвыкнуть. Слава Богу, у самой дочка-то въ люди вышла. Ея бы постыдилась!

— Ужь она должна вѣкъ Бога за васъ молить, ваше превосходительство. Коли бы вы не отдали ее въ емназію—жить бы ей въ магазинщицахъ въ швейномъ сословіи. Вы все... И она за то, то-есть какъ свѣчка передъ вами горитъ.

— Что съ нею?.. Она вчера ушла и не простилась. Не больна-ли?

— Больна была... Ей-Богу, матушка-барыня, больна была. Нешто иначе она бы посмѣла! Просто безпокоить васъ не дерзнула... Да ежели бы иначе, я ее...

Баташова поморщилась.

— И что ты все, Марья, врешь, право! Точно до сихъ поръ у меня сидишь въ швейцарской, да пьянаго мужа отъ меня прячешь. Вѣдь твоя дочка у насъ какъ родная, чего же ты мнѣ эти узоры разводишь? Дома она?..

— Нѣтъ, по урокамъ побѣжала... Хотѣла я, матушка-генеральша, попросить васъ, да не смѣю.

И старуха въ видимомъ затрудненіи сложила руки на животѣ и завертѣла пальцы одинъ вокругъ другаго.

— О чемъ это? Денегъ вѣрно?

И Баташова впередъ уже засмѣялась.

— Нѣтъ... Денегъ примать мнѣ моя Дороѳеюшка вотъ какъ запретила.

— Ну, въ чемъ же дѣло? Только скорѣй! Мнѣ некогда съ тобой.

— Поговорите вы ей, она васъ слушаетъ!..

И старуха опять потянулась къ генеральской рукѣ.

— Оставь, говорятъ тебѣ! Чего нужно-то? Ты думаешь, я понимаю, когда ты такъ-то?

— Чиновникъ къ намъ ходитъ одинъ, и хорошій чиновникъ, обстоятельный.

— Ну?.. Какой еще чиновникъ?.. И зачѣмъ онъ къ вамъ ходитъ?

— Въ Дороѳеюшку-то онъ вотъ по сіе мѣсто... То-есть по колѣно влюбленъ. А она на него ноль вниманія, и даже замѣсто того, точно онъ какой стулъ безсловесный. Сидитъ онъ, войдетъ дочка-то, посмотритъ этакъ неглежа, „ахъ, вы здѣсь опять“, и, не солоно хлебавши, къ себѣ и щелкъ дверь-то замкомъ. А онъ разъ-то даже въ грудь стукнулъ себя и кричитъ: „въ гробъ меня ваша дочка вгонитъ, либо я запьянствую... Кар-кадилъ въ Зоологическомъ саду — и тотъ много добрѣй вашей дочки!“

— Вотъ что, Марья, ты всегда была большая дура и до сихъ поръ осталась такою. Пожалуйста, ты своей Дорѣ этакихъ животныхъ не показывай. Вотъ какъ Дору увижу, скажу, чтобы она приказала дворнику сокровище твое въ шею гнать!.. Какъ тебѣ не стыдно, Марья! Этакой дочерью тебя Богъ за твою глупость

наградилъ: образованная, красавица, милая!.. А ты какихъ-то чудовищъ водишь! Не безпокойся, она и безъ насъ себѣ жениха найдетъ... Да еще какого, намъ съ тобой и во снѣ такіе не приснятся... Ты ужь объ этомъ не хлопочи.

— Ой, боюсь я, матушка-генеральша! Вотъ какъ боюсь!

— Чего еще?.. Что-то ужь очень ты пуглива стала. Давно-ли это?

— Почитать меня ейные женихи не будутъ, а этотъ-то и теперь, ничего не видя, говоритъ. „хотите, бабушка, я вамъ руку поцѣлую?“ Окромя сладкой водки ничего не пьетъ. Галстуки носитъ шелковые. При часахъ, какъ слѣдуетъ.

— Ну, прощай, прощай... Съ тобой вѣдь не сговоришь

— Такъ какъ же насчетъ ежели? упорствовала старуха.

— Гони вонъ! ужь выходила Баташова на лѣстницу.

— Чиновника-то! ужасалась старуха. — Чиновника-то—вонъ?

— Вонъ, вонъ! Ежели я узнаю, что онъ къ тебѣ ходитъ — и на глаза мнѣ не показывайся... Да вотъ кстати и Дора, замѣтила она ее и остановилась.

Снизу поднималась по лѣстницѣ дѣвушка. Увидя Баташову, она побѣжала къ ней. На ея сегодня утомленномъ и печальномъ лицѣ вспыхнула радостная улыбка.

— Дора, чего ты вчера уѣхала? Сколько я безпокоилась изъ-за тебя!

— Не хорошо себя почувствовала.

— Я за тобой... Поѣдемъ къ намъ обѣдать, а вечеромъ въ театръ. У Вѣры разболѣлись зубы — она остается дома, Анюта поѣдетъ сегодня къ Волошиновымъ. Ну, мы только съ тобою вдвоемъ будемъ. Еще можетъ-быть Волоцкой ко второму акту вздумаетъ Если не боишься проскучать со старухой, то поѣдемъ.. Я одна, правду сказать, не двинусь съ мѣста. Мнѣ одной скучно.

Дора вспыхнула. Она старалась не встрѣтиться глазами съ Баташовой.

„Волоцкой будетъ“, точно что-то запѣло въ ея сердцѣ. „Волоцкой будетъ!“

— Мама, я значитъ ужь до ночи не вернусь, крикнула она старухѣ.

— Слышу, слышу... Такъ гнать? вдругъ вспомнила она совѣтъ генеральши.

Но Баташова только отмахнулась, какъ отъ назойливой мухи, и пошла внизъ.

— Какого еще она тебѣ чиновника нашла? остановилась она у кареты.

— Не знаю... У мамы страсть сватать меня. У нея каждый мѣсяцъ все новые женихи.

— Ну, замужъ-то тебя я выдамъ.

— Я не хочу, потупилась Дора.

— Что?

— Не хочу замужъ.

— Что-жь ты? Старой-то гвардіи и безъ тебя довольно. Слишкомъ ты красива, чтобы въ пиковыя дамы мѣтить. Я тебѣ такого найду, что всѣ позавидуютъ. Не краснѣй, не краснѣй, пожалуйста... Сама я была такая... Ты думаешь, такъ я и повѣрю, что ты замужъ не хочешь? Ужь навѣрное давно приглядѣла себѣ.

Дора откинулась въ уголъ кареты.

Старушка засмѣялась.

— Ну вотъ видишь, развѣ я не права? Чего бы тебѣ иначе прятаться...

Баташова задумалась о чемъ-то, можетъ-быть унеслась въ далекое прошлое, когда она была молода и хороша собою и жила своею личною жизнью, а не интересами и счастіемъ другихъ, хоть и близкихъ людей. Она опустила стекло окна и безразлично смотрѣла на блестящіе магазины, мимо которыхъ катилась ея карета...

— А твоя мать, — ты меня извини, Дорочка, ты знаешь, я тебя люблю какъ свою Вѣру, можетъ-быть чуточку меньше,—твоя мать совсѣмъ не умѣетъ устроиться. Что это она до сихъ поръ какъ одѣвается? Потомъ, я прихожу къ ней, а она мнѣ руку цѣловать норовитъ. Это вѣдь совсѣмъ ей не идетъ, да и меня стѣсняетъ

— Ахъ!.. Я руки опустила. Я ужь не знаю, что̀ дѣлать... Голова кругомъ вертится.

— Откуда это она тебѣ чиновника отыскала? Чудовище какое-то!

— Развѣ я знаю!.. А то еще лавочникъ—мелочная у него въ нашемъ домѣ — подарилъ ей ковровый платокъ, она и давай меня за него сватать. Онъ даже себѣ бороду сбрилъ, „чтобъ вамъ пондравиться“, такъ и объяснилъ мнѣ. Нѣтъ, это ужасно!.. Я вѣдь люблю ее — вѣдь она мнѣ мать, и она меня любитъ, но у насъ ни въ чемъ, ни въ чемъ общаго. Я какъ парія какая-то. Всюду бываю—и никого не могу пригласить къ себѣ. Вы представьте: зашелъ ко мнѣ Жоржъ — она и ему: „вы бы разговорили мою Дороѳеюшку, что она пустое мѣсто просиживаетъ, шла бы замужъ за Логина Григорьевича“.

Старуха ласково взяла ее за руку и удержала ее въ своей.

— Я знаю, Дора, что тебѣ трудно, что-жъ дѣлать Не всѣмъ жизнь дается легко, есть и такіе, кому еще хуже живется. Она не злая по крайней мѣрѣ Я знаю, что ты находишься въ ложномъ положеніи пока, почему и совѣтую тебѣ найти скорѣе порядочнаго человѣка по душѣ и выйти за него замужъ . Повѣрь мнѣ, это будетъ самое лучшее.

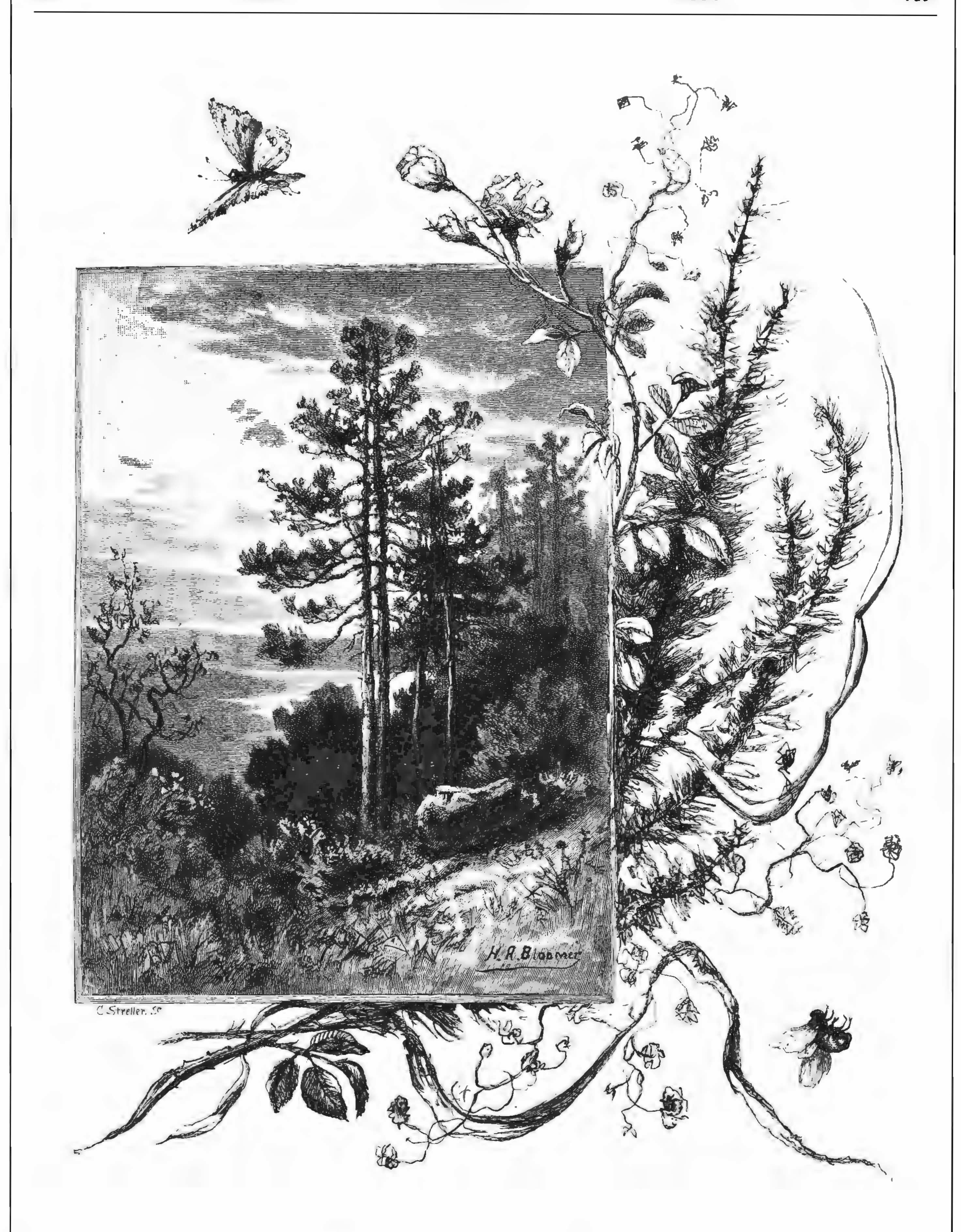
— Какъ же я его приму? Представьте мою маму, разговаривающую съ нимъ Въ самомъ дѣлѣ, это безвыходно. Я никуда, никуда дѣться не могу.. Право, Ольга Семеновна, лучше бы я выросла въ швейцарской или въ магазинѣ швейномъ надрывалась бы, чѣмъ такъ... Вы не можете себѣ представить!.. Вѣдь когда я по лѣстницѣ къ себѣ подымаюсь, такъ мнѣ дурно дѣлается отъ ожиданія какого-нибудь новаго сюрприза! И еще хуже, что она это не со зла дѣлаетъ, а по-своему добра мнѣ хочетъ. Что̀ въ такомъ случаѣ предпринять? Нельзя же и ее по больному мѣсту... Ахъ, какъ тяжело, какъ тяжело!..

— Я давно думала и надумала даже.. Знаешь ты семью Багреневыхъ?

— Эта высокая, худощавая дама и съ нею блѣдная такая дочка?

— Смолянка. Только два года назадъ кончила курсъ въ институтѣ. Тамъ еще двѣ дочки есть.. Онѣ ищутъ учительницу. Ѣдутъ на зиму въ Италію доктора посылаютъ туда Багреневу... Такъ для младшихъ дочерей ея нужна гувернантка. Хочешь, я тебѣ устрою это. Люди богатые, заплатятъ недурно. Что касается до твоего положенія у нихъ, я ихъ нарочно приглашу къ себѣ вечеромъ, чтобы онѣ видѣли, какъ мы къ тебѣ относимся, и не слишкомъ ужь задирали носъ передъ тобою. Во всякомъ случаѣ, до лѣта поживешь въ чудесномъ климатѣ, увидишь рай земной... Я тоже разъ провела весну въ Сорренто, для меня это до сихъ поръ—точно солнышкомъ пригрѣетъ, какъ вспомнишь. Съ матерью я устрою, чтобы она ужь не очень волновалась, а ты тамъ расцвѣтешь, оправишься... Я тебѣ скажу правду, за послѣднее время мнѣ твоя нервность совсѣмъ не нравится! Запустишь себя—плохо будетъ. Не мало насъ при такихъ условіяхъ истеричками дѣлаются и всю свою жизнь разбиваютъ... Да и другимъ отъ этого не легче.

— Знаете, Ольга Семеновна, я отогрѣлась у васъ. Такъ мнѣ хорошо, спокойно... А эти Багреневы, ужасно я боюсь ихъ: такъ отъ нихъ холодомъ вѣетъ.



Сосны. Карт. Блумера, грав. Штреллеръ.

— Вотъ что, Дорочка, пойми ты. Въ людяхъ все зависитъ отъ того, какъ ты себя сразу поставишь. Ни въ какія интимности съ ними не входи. Строго исполняй свои обязанности, ни въ чемъ себѣ не давай поблажки и такимъ образомъ, несмотря на то, что ты у нихъ будешь гувернанткой, твое положеніе окажется вполнѣ независимымъ и спокойнымъ. Ты дѣвушка серьезная и поймешь это сама. Будь Багренева изъ нашихъ — другое дѣло, ты бы какъ своя въ семью вошла... А съ нею надо ухо востро держать... Это ты впередъ знай... Она вѣдь изъ порченыхъ, какъ я ее и ей подобныхъ давно считаю.

— Вѣдь у нея есть сынъ?

— Ахъ, это про котораго она говоритъ mon Гриша и на *ша* дѣлаетъ удареніе? Ему тридцать лѣтъ, а она все еще считаетъ его ребенкомъ... Ну, этотъ просто оболтусъ, тебѣ до него никакого дѣла нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумай: восемь мѣсяцевъ полной независимости, никто въ твою душу не станетъ забираться, потомъ мать мало-по-малу привыкнетъ къ твоему отсутствію и перестанетъ смотрѣть на тебя точно изъ окна швейцарской, и опять все-таки Италія!.. Ты вѣдь про нее только читала!

— Что-жь тутъ думать, Ольга Семеновна!.. Такъ мнѣ все опостыло... Вѣдь только и было у меня счастья, что въ дѣтствѣ и въ гимназіи, и то потому, что я у васъ жила... Взяли вы меня тогда... А потомъ какъ вздумала самостоятельно жить, да маму къ себѣ перевезла—и пошло все кругомъ.

— Значитъ хлопотать?.. Да?.. Даешь мнѣ право съѣздить къ этой барынѣ?

— Дорогая моя! искренно вырвалось у Доры.

— Ну, вотъ и отлично! Завтра же и начну.

— Идеальная головка! продолжала Баташова, любуясь Дорой.—Смуглое лицо, черные волосы и чистые, ясные, какъ у ребенка, голубые глаза въ ободкахъ... Прелесть!.. Будь я мужчина — я бы тебя никому не уступилъ. Ты не очень стягиваешь корсетъ? Нѣтъ? Значитъ у тебя отъ природы такая тонкая и гибкая талія?.. Что, Жоржъ не въ тебя влюбленъ?

— О, нѣтъ! расхохоталась Дора.

— На кого же онъ все пыжится и надувается какъ резиновый шаръ? озабоченно проговорила Баташова.— Я ужь ему въ послѣдній разъ и то говорю: „смотри, батюшка, лопнешь! Во цвѣтѣ лѣтъ ишь какой круглый сталъ; оторви тебя отъ нитки—сейчасъ въ облака улетишь...“ А онъ на это только пучитъ грудь да щелкаетъ шпорами. Представь, поймала его сегодня за стихами! Какъ это тебѣ понравится? Жоржъ и стихи! Первую строчку подсмотрѣла: „Когда судьба гнетать меня устанетъ?“ Я ему говорю: „такого глагола *гнетать* нѣтъ въ русскомъ языкѣ“. А онъ щиплетъ воображаемые усы и вдругъ какъ выпалитъ: „для поэта грамматика не указъ!“ Я такъ и сѣла. „Для какого, спрашиваю, поэта, для тебя что-ли?“ — „А хотя бы, отвѣчаетъ: Лермонтовъ тоже былъ военный“.— „Такъ то Лермонтовъ, дурашка ты этакая!“ Ну, онъ обидѣлся: „вы, говоритъ, ma tante, всегда такъ относились къ моимъ дарованіямъ, а я все-таки экзаменъ выдержалъ третьимъ и за сочиненіе одиннадцать балловъ получилъ. Я сравнивалъ юношескія произведенія Лермонтова съ моими, и нахожу, что мои лучше...“

— Вы знаете, онъ мнѣ свою драму читалъ.

Старушка Баташова подскочила такъ, что ударилась въ потолокъ кареты.

— Драму?! Жоржъ?!. Ты меня не мистифируешь, Дора?

— Нѣтъ... Ей-Богу... Цѣлый вечеръ сидѣлъ у насъ... Мама тоже пришла слушать, только ничего не поняла.

Карета подъѣхала къ дому, гдѣ жила Баташова.

Въ гостиной у нея сидѣлъ Волоцкой. Онъ вспыхнулъ, увидѣвъ Дору.

— Вы у меня обѣдаете? спросила его старуха.

— Нѣтъ, я уже обѣщалъ у дяди. Никакъ не могу отказаться...

— А вечеромъ ко мнѣ въ ложу?

— Не знаю, право. Дѣло въ томъ, что...

— Жаль! перебила его Ольга Семеновна.—Намъ съ тобой, Дорочка, однѣмъ значитъ придется...

— Впрочемъ, обрадованно воскликнулъ Волоцкой,— я вспомнилъ. Сегодня вечеромъ я свободенъ... Буду непремѣнно. Я могу пріѣхать въ театръ прямо съ обѣда у дяди.

— Для меня или для Доры? лукаво улыбнулась старушка.

— Можете-ли вы сомнѣваться... растерялся тотъ.

— „Въ томъ, что я тобою, старухой, вовсе не интересуюсь!“ смѣясь закончила она и прошла въ другія комнаты, оставивъ молодыхъ людей вмѣстѣ.

— Какъ вы сегодня грустны! обратился Волоцкой къ дѣвушкѣ.

— Я? встрепенулась та.—Почему вы думаете? Такая же какъ всегда.

— Нѣтъ... Вчера вы были гораздо оживленнѣе. Васъ не узнать сегодня!

— Ночью голова болѣла, я плохо спала...

И дѣвушка потупилась.

„Эхъ, будь моя воля“, мелькнуло въ головѣ у Волоцкаго, и передъ нимъ точно въ-явь встала сухая и длинная фигура старика-дяди.

— Какъ это жаль, что люди опутаны такою непроглядною сѣтью всевозможныхъ отношеній, зависимостей, обязательствъ! вырвалось у него.—Какъ это жаль, что человѣкъ не всегда свободенъ!.. Иной разъ, кажется, счастье такъ близко, взялъ бы его руками... А тутъ какъ нарочно...

— Я васъ не понимаю! подняла на него Дора свои ясные, наивные глаза.

— То-есть что же вы не понимаете?

— Не понимаю, какъ это человѣкъ не свободенъ. То-есть, еще мы, дѣвушки, дѣйствительно... А вы?.. На вашемъ мѣстѣ, кажется, что захотѣлъ бы, то и сдѣлалъ. Передъ вами всѣ пути — иди по любому... Чего это вы жмуритесь? вдругъ остановилась она.

— Какой у васъ, Дора Петровна, музыкальный голосъ! На васъ не только пріятно смотрѣть, васъ и слушать, не видя, можно...

— Вамъ кажется пора ѣхать къ дядѣ! покраснѣвъ, улыбалась дѣвушка.

(Продолженіе будетъ).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта.**

Переводъ *Е. Евстафьевой.*

I.

Необозримая мутно-сѣрая равнина, принимающая на далекомъ горизонтѣ слабый голубой оттѣнокъ и покрытая тамъ и сямъ темными углубленіями, похожими издали на лужи и озера; мѣстами — пространства почернѣвшей, неправильнымъ кругомъ, выжженой травы съ обрывкомъ газеты, старой тряпкой, черепкомъ посуды, лежащими въ кучѣ золы. Чувство безпрерывнаго утомительнаго движенія, которое, казалось, каждый вечеръ возвращалось къ одному и тому же мѣсту: такъ однообразны ландшафтъ и обстановка и такъ ужасенъ этотъ необъятный горизонтъ, съ нависшимъ сверху темнымъ небеснымъ сводомъ. Известковый вкусъ во рту и на губахъ, ощущеніе грязныхъ пальцевъ, пыль, жара и запахъ скота.

Это была „Великая равнина“; такою и представлялась она двумъ дѣтямъ изъ глубины эмигрантскаго фургона лѣтомъ 1852 года.

Такою они видѣли ее вотъ уже въ теченіе двухъ недѣль — неизмѣнно унылою и монотонной. По временамъ, когда они выходили на дорогу, только самый видъ каравана нѣсколько нарушалъ томительное однообразіе картины. На натянутомъ холстѣ одного изъ фургоновъ стояла надпись большими черными буквами: „Въ Калифорнію!“ на другомъ: „Рой, свинья, или умри“, но ни одна изъ этихъ надписей не казалась дѣтямъ странною или смѣшною. Можетъ-быть потому, что суровый, необщительный характеръ переселенцевъ, временныхъ обитателей фургоновъ, трудно вязался съ бьющимъ на эффектъ характеромъ этихъ девизовъ.

Впечатлѣнія и чувства обоихъ дѣтей были впрочемъ различны. Старшій—мальчикъ лѣтъ одиннадцати, казался новичкомъ въ этой обстановкѣ, между тѣмъ какъ дѣвочка, которая была моложе его года на четыре, навѣрно родилась и выросла въ ней. Пища переселенцевъ была простая, приготовленная менѣе искусно, чѣмъ та, къ которой мальчикъ привыкъ раньше; въ обращеніи ихъ между собою чувствовалась полная свобода и безцеремонность; въ одеждѣ и обычаяхъ простота, граничившая съ неряшествомъ; языкомъ ихъ былъ особый жаргонъ, иногда совсѣмъ непонятный мальчику. Какъ и всѣ его спутники, онъ спалъ не раздѣваясь, завернувшись въ одѣяло; въ дѣлѣ опрятности былъ предоставленъ собственной изобрѣтательности и часто долженъ былъ преодолѣвать всевозможныя трудности, для того чтобы раздобыть воды и полотенецъ. Но, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, лишенія и нужды отчасти даже забавляли его, какъ всякая новизна. Онъ хорошо ѣлъ, крѣпко спалъ и былъ очень доволенъ своей судьбой. Только по временамъ какая-нибудь особенно грубая выходка его спутниковъ, или особенно холодное равнодушіе по отношенію къ нему, пробуждало въ немъ сознаніе чей-то несправедливости, тяжелое чувство своего одиночества, которое, впрочемъ, скоро проходило, какъ всѣ дѣтскія мысли и ощущенія.

Среди эмигрантовъ онъ былъ извѣстенъ какъ сирота, котораго одинъ изъ родственниковъ его мачихи сдалъ на ихъ попеченіе, съ тѣмъ чтобы доставить его другому родственнику въ Сакраменто. Но такъ какъ ребенокъ не жилъ у своей мачихи и она даже не захотѣла проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ, то переселенцы заключили, что она просто хотѣла отдѣлаться отъ пасынка, чего, впрочемъ, не отрицалъ и самъ мальчикъ. Онъ не зналъ на какихъ условіяхъ эмигранты согласились взять его съ собой; онъ только помнилъ, что ему велѣно было „быть расторопнымъ“. Поэтому онъ охотно дѣлалъ все, что ему приказывали, часто съ неловкостью и медлительностью новичка; но такъ какъ всякая работа, которую давали ему, была основана на физическомъ трудѣ, то мальчикъ смотрѣлъ на нее какъ на забаву, и самое путешествіе при такихъ условіяхъ представлялось ему длиннымъ, веселымъ пикникомъ. М-съ Силби, жена начальника каравана и мать его маленькой подруги, не дѣлала никакого различія между нимъ и своей дочерью. Эта женщина, преждевременно состарѣвшаяся, болѣзненная и измученная домашними заботами, не имѣла времени для проявленія своей материнской нѣжности и обращалась съ обоими дѣтьми съ одинаковой рѣзкостью.

Задній фургонъ, скрипя и покачиваясь, медленно и тяжело подвигался впередъ. Копыта быковъ поднимали небольшія облака пыли по обѣимъ сторонамъ дороги. Внутри фургона дѣти играли „въ лавку“. Дѣвочка изображала расточительную и капризную покупательницу, мальчикъ былъ продавцомъ и стоялъ за прилавкомъ, роль котораго игралъ пустой боченокъ изъ-подъ гвоздей, а все содержимое фургона подъ собственными или вымышленными именами, фигурировало въ качествѣ товара, щедро оплачиваемаго сухими бобами и лоскутками бумаги вмѣсто денегъ. Когда приходилось давать сдачу, то клочки бумаги рвались на болѣе мелкіе кусочки. Недостатокъ товаровъ въ магазинѣ пополнялся тѣми, которые уже были куплены и теперь опять возвращались въ лавку подъ новымъ названіемъ. Несмотря, однако, на исключительно благопріятныя условія, при которыхъ происходила торговля, настроеніе рынка было „вялое“.

— Я могу показать вамъ прекрасный простынный холстъ двойной ширины по четыре цента за ярдъ, говорилъ мальчикъ, вѣжливо наклоняясь и опираясь кончиками пальцевъ о прилавокъ, какъ это дѣлаютъ „настоящіе“ торговцы. — Чистое полотно и прекрасно моется, прибавилъ онъ съ важностью.

— У Джэксона оно продается еще дешевле, сказала дѣвочка, съ врожденной двуличностью, свойственной ея меркантильному полу.

— Очень хорошо! сказалъ мальчикъ. — Если такъ, то я не хочу играть.

— Такъ и не играй, сказала дѣвочка равнодушно.

Мальчикъ тотчасъ опрокинулъ прилавокъ; свернутое одѣяло, долженствовавшее изображать собою простынный холстъ, упало на полъ. Это обстоятельство пробудило новую идею въ умѣ торговца.

— Слушай! Давай играть въ „попорченный товаръ“. Я сейчасъ все побросаю на полъ и потомъ буду продавать дешевле, чѣмъ въ лавкѣ.

Дѣвочка не сейчасъ отвѣчала. Предложеніе было слишкомъ дерзко, хотя и заманчиво. Но, подумавъ, она отрицательно покачала головой и занялась своей куклой, а мальчикъ вскарабкался на переднюю часть фургона, гдѣ обыкновенно помѣщался погонщикъ. Неудавшійся проектъ о „попорченномъ товарѣ“ тотчасъ же забылся съ наивнымъ равнодушіемъ всѣхъ молодыхъ животныхъ. Караванъ двигался съ прежней медленностью. Одинъ изъ возчиковъ усѣлся сзади фургона, между тѣмъ какъ другой совсѣмъ спалъ сидя на козлахъ.

— Кла'энсъ! позвала дѣвочка.

Мальчикъ, не оборачиваясь, отвѣчалъ:

— Сьюзи?

— Чѣмъ ты будешь? продолжала дѣвочка.

— Чѣмъ я буду? удивился Кларэнсъ.

— Когда выростешь, пояснила Сьюзи.

Кларэнсъ задумался. Онъ давно рѣшилъ сдѣлаться пиратомъ, смѣлымъ, но великодушнымъ. Но прочитавъ сегодня утромъ въ истрепанномъ „Проводникѣ по пустынѣ“ о Фортѣ Лерами и Китъ Карсонъ, онъ уже готовъ былъ отказаться отъ своей давнишней мечты и сдѣлаться „проводникомъ“, такъ какъ эта карьера казалась ему болѣе доступною и болѣе безопасною. Но изъ состраданія къ невѣжеству Сьюзи, онъ не пустился въ долгія разсужденія и со скромностью, свойственной американскимъ мальчикамъ, объявилъ, что онъ будетъ „президентомъ“. Это было просто и понятно и не требовало длинныхъ поясненій.

— Я буду жѣной священника, сказала Сьюзи, — и у меня будетъ много курочекъ и я буду кормить ихъ. И много платьицъ и яблоковъ, и патоки, и варенья. И много-много платьицъ!

Она сидѣла въ углу фургона спиной къ нему съ куклой въ рукахъ. Онъ могъ видѣть только ея кудрявую головку и ея голыя кругленькія колѣнки, на которыя она старалась натянуть подолъ своей коротенькой юбки.

— Я не хочу быть женой президента, сказала она вдругъ.

— Да хоть бы и хотѣла, такъ не можешь!

— Могу, если захочу!

— Не можешь!

— Могу!

— Нѣтъ, не можешь!

— А почему?

Такъ какъ Кларэнсъ затруднился объяснить почему, по его мнѣнію, Сьюзи не можетъ быть женой президента, то онъ предпочелъ оставить вопросъ открытымъ. Наступило долгое молчаніе. Было жарко и душно. Фургоны еле-еле двигались. Кларэнсъ молча смотрѣлъ на пестрый рисунокъ, который оставляли на дорогѣ копыта быковъ и колеса экипажей. Потомъ онъ подошелъ къ краю фургона и взявшись за него руками приготовился спрыгнуть на дорогу.

— Я немножко пройдусь, сказалъ онъ дѣвочкѣ.

— Мама говоритъ, „нельзя“, сказала Сьюзи.

Кларэнсъ ничего не отвѣчалъ, но спрыгнулъ на дорогу какъ разъ позади медленно вертящихся колесъ. Держась руками за край фургона, онъ могъ идти даже не ускоряя шага.

— Кла'энсъ!

Онъ поднялъ глаза.

— Возьми меня.

Она уже надѣла шляпу и стояла на краю повозки въ выжидательной позѣ поднявъ руки. Кларэнсъ осторожно взялъ ее и спустилъ на землю. Они на минуту остановились глядя вслѣдъ фургону, который двигался впередъ, тяжело покачиваясь, точно лодка по бурному морю. Они подождали минуты двѣ пока онъ отъѣхалъ ярдовъ на сто, затѣмъ побѣжали на перегонку и догнали его почти въ одно время. Повторивъ это раза два или три, они устали и взявшись за руку медленно пошли по дорогѣ. Вдругъ Кларэнсъ вскрикнулъ:

— Сьюзи, посмотри-ка сюда.

Послѣдній фургонъ отъѣхалъ отъ нихъ на довольно далекое разстояніе. Недалеко отъ него на дорогѣ остановилось странное, никогда не виданное имъ существо.

На первый взглядъ это была собака, несчастная, избитая, бездомная собака. Она была такая исхудалая, грязная, имѣла такую тяжелую, неуклюжую походку! Но по мѣрѣ того, какъ они всматривались въ нее, они замѣчали, что сѣроватая шерсть у нея на спинѣ торчитъ щетиной, что на бокахъ у нея разбросаны темныя отвратительныя пятна, и что ея неуклюжая походка происходитъ не отъ усталости или трусости, но свойственна ея природѣ. Когда этотъ странный звѣрокъ повернулъ къ нимъ голову, они увидѣли, что его тонкія губы—слишкомъ короткія для того, чтобы прикрывать его бѣлые зубы—казалось застыли въ постоянной, насмѣшливой улыбкѣ.

— Собачка, собачка! крикнулъ Кларэнсъ. — Поди-ка сюда, собачка!

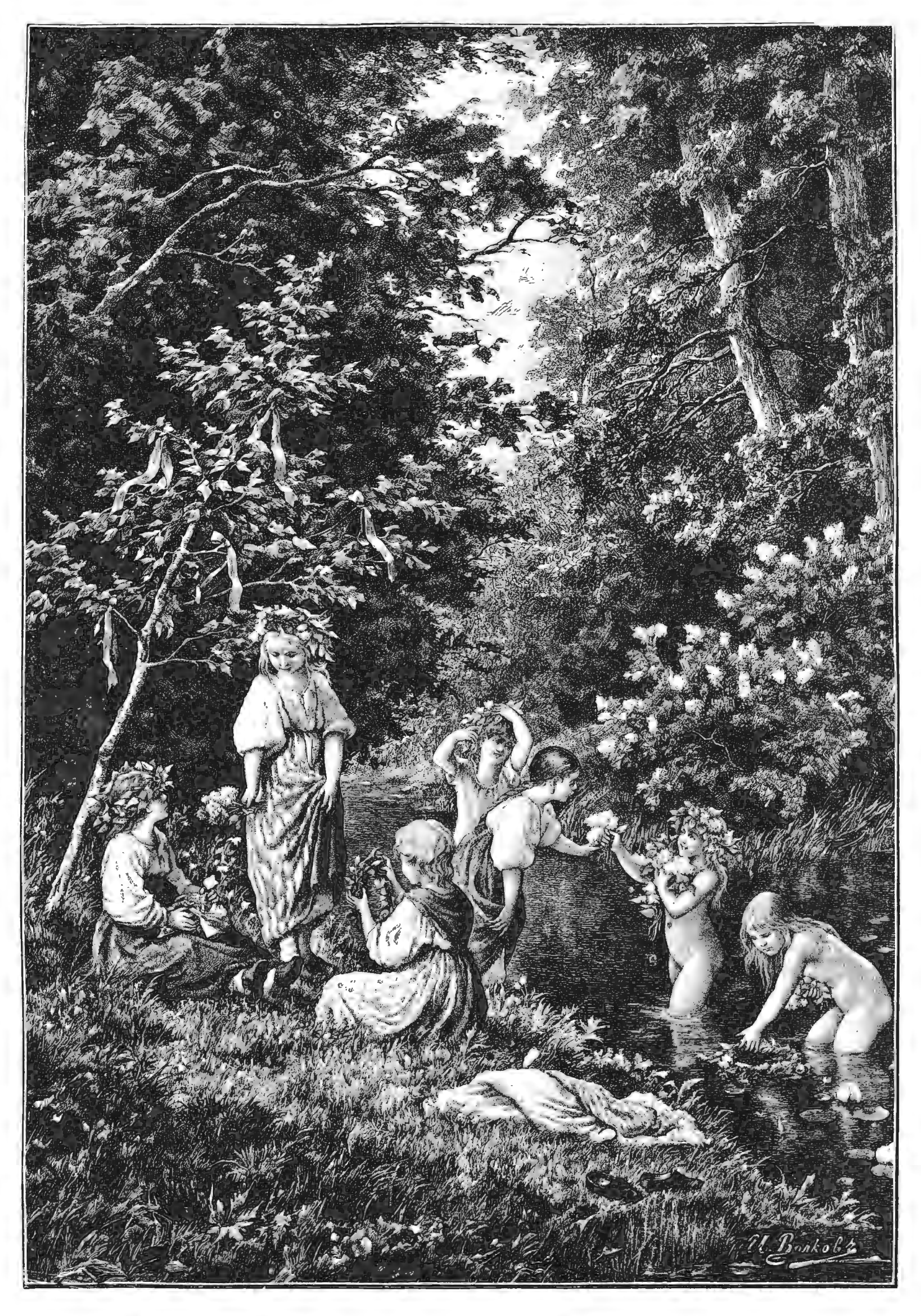
Сьюзи покатилась со смѣху.

— Какой ты глупый! Развѣ ты не видишь, что это не собачка, а койотъ? *)

Кларэнсъ покраснѣлъ. Уже не въ первый разъ дочка піонеровъ приводила его въ смущеніе своими познаніями. Чтобы скрыть свое замѣшательство, онъ быстро возразилъ:

— Я все-таки его поймаю, мы съ нимъ будемъ тогда играть.

*) Койотами въ степи называются собственно краснокожіе, а также степные волки.



Дѣтская забава лѣтомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Волкова, грав. fac-simile Флюгель

Идетъ! Ориг. рис. перомъ **Нѣмчениновой**, грав. Ангереръ.

— Не поймаешь, сказала Сьюзи, покачавъ головой, — онъ бѣгаетъ скорѣе лошади.

Несмотря на это, дѣти побѣжали за страннымъ звѣркомъ. Когда они были отъ него шагахъ въ двадцати, лѣнивое животное, повидимому безъ малѣйшихъ усилій, въ два-три прыжка отскочило отъ нихъ на прежнее разстояніе. Повторивъ это раза три или четыре и найдя такую забаву очень интересной, дѣти наконецъ были раздосадованы тѣмъ, что имъ не удается не только поймать, но даже прогнать страннаго звѣрка, который точно нарочно дразнилъ ихъ своею увертливостью. Наконецъ Сьюзи надоѣла эта игра, и она, сдѣлавъ серьезные глаза, предостерегла своего товарища.

— Кла'энсъ, онъ кусается!

Кларэнсъ поднялъ комъ земли, твердый какъ камень и, забѣжавъ немного впередъ, бросилъ его въ койота. Онъ попалъ удачно, прямо ему въ ногу. Животное издало короткій, непріятный лай и исчезло. Кларэнсъ съ побѣдоноснымъ видомъ вернулся къ своей маленькой подругѣ. Но она смотрѣла въ противуположную сторону и тутъ только мальчикъ въ первый разъ замѣтилъ, что въ своей погонѣ за страннымъ звѣркомъ онъ описалъ большой полукругъ.

— Кла'энсъ, сказала Сьюзи съ короткимъ истерическимъ смѣхомъ.

— Ну?

— Фургоны-то уѣхали.

Кларэнсъ остановился. Это была правда. Не только ихъ фургоны, но и весь поѣздъ, со всѣми быками и погонщиками, исчезъ совершенно, точно его унесъ вихрь, или онъ провалился сквозь землю. Не было даже ни малѣйшаго облака пыли, которое указывало бы на его слѣдъ. Передъ дѣтьми открывалась широкая, безграничная равнина, съ заходящимъ солнцемъ на горизонтѣ и безъ малѣйшихъ признаковъ живой человѣческой жизни. Этотъ громадный, голубой хрустальный куполъ, днемъ полный пыли и огня, а ночью полный звѣздъ и тьмы, который, казалось, давилъ ихъ и отдѣлялъ отъ остальнаго міра, теперь должно-быть приподнялся для того чтобы пропустить поѣздъ и закрылся надъ ними навсегда.

II.

Ихъ первое ощущеніе было — ощущеніе чисто животной свободы.

Они смотрѣли другъ на друга сіяющими глазами, затаивъ дыханіе. Но этотъ внезапный, дикій порывъ скоро прошелъ. Маленькая ручка Сьюзи уцѣпилась за курточку Кларэнса, какъ бы ища его покровительства. Онъ понялъ это и постарался успокоить свою маленькую подругу.

— Они навѣрно не далеко и какъ только замѣтятъ, что насъ нѣтъ, навѣрно сейчасъ же вернутся.

Они пошли поскорѣе. Солнце, которое было ихъ ежедневнымъ путеводителемъ, а также свѣжіе слѣды колесъ, не могли обмануть ихъ. Прохладный вечерній воздухъ, смѣнившій дневную духоту, значительно подбодрилъ ихъ.

— Вѣдь мы не заблудились, не правда-ли? спросила Сьюзи.

— Зачѣмъ заблудиться! сказалъ Кларэнсъ успокоительно. Онъ старался быть бодрымъ, хотя онъ припомнилъ, что часто они по цѣлымъ часамъ оставались одни и никто не освѣдомлялся о нихъ; такъ и теперь ихъ отсутствіе замѣтятъ, вѣроятно, только тогда, когда поѣздъ остановится для ночлега.

Они шли не слишкомъ быстро, но оба устали, можетъ-быть потому, что воздухъ былъ рѣже, или же потому, что оба они были взволнованы. Вдругъ Кларэнсъ остановился.

— Вонъ гдѣ они теперь!

Онъ показалъ на далекомъ горизонтѣ легкое облачко пыли, среди котораго показались на минуту силуэты фургоновъ и тотчасъ же исчезли; самыя облака пыли исчезли какъ миражъ, такъ что весь поѣздъ пропалъ безслѣдно. Они не знали, что эта равнина, казавшаяся совершенно плоской, на самомъ дѣлѣ была покрыта холмами, и исчезнувшій поѣздъ только спустился подъ горку, съ тѣмъ, чтобы опять появиться на вершинѣ слѣдующаго холма. Какъ бы то ни было, но дѣти почувствовали себя обманутыми, и эта обманутая надежда вызвала наружу тотъ фактъ, который оба они старались скрыть. Наибольшее малодушіе проявила, конечно, дѣвочка и начала плакать злыми, отчаянными слезами. Это доказательство слабости еще болѣе укрѣпило рѣшимость мальчика казаться бодрымъ и сильнымъ. Онъ чувствовалъ себя покровителемъ своей маленькой подруги, онъ считалъ себя отвѣтственнымъ за обоихъ. Такъ какъ онъ не могъ смотрѣть на нее какъ на равную, онъ не могъ быть съ ней искреннимъ и откровеннымъ.

— Нечего тутъ хныкать, сказалъ онъ съ полупритворной суровостью. — Перестань! Они сейчасъ остановятся на ночь и пришлютъ кого-нибудь за нами. Да вотъ ужь, кажется, кто-то идетъ.

Но Сьюзи при этихъ словахъ заплакала еще громче и наконецъ бросилась на своего товарища и изъ всѣхъ силъ начала бить его своими маленькими кулачками.

— Они не идутъ! Они не идутъ! Ты самъ знаешь, что не идутъ! Зачѣмъ же ты говоришь?

Потомъ, утомившись отъ слезъ и отъ долгой ходьбы, она бросилась на сухую траву, легла и закрыла глаза.

— Вставай! сказалъ мальчикъ съ блѣднымъ, рѣшительнымъ лицомъ, которое, казалось, постарѣло на нѣсколько лѣтъ.

— Убирайся! всхлипывала Сьюзи.

— Ты хочешь, чтобы я ушелъ и оставилъ тебя одну? спросилъ Кларэнсъ.

Сюзанна украдкой посмотрѣла на него изъ-подъ широкихъ полей своей шляпы и испугалась его измѣнившагося лица.

— У-хо-ди...

Онъ повернулся, какъ бы намѣреваясь уйти, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы посмотрѣть, какъ высоко солнце.

— Кла'энсъ!

— Ну?

— Возьми меня.

Она протянула руки. Онъ нѣжно взялъ ее на руки, положивъ ея голову къ себѣ на плечо.

— Теперь, сказалъ онъ ласково, — ты смотри хорошенько въ ту сторону, а я въ эту, и мы скоро догонимъ нашихъ.

Эта идея понравилась ей. Когда Кларэнсъ прошелъ нѣсколько шаговъ, она спросила его:

— Ты видишь что-нибудь, Кла'энсъ?

— Нѣтъ еще.

— И я также не вижу.

Эта одинаковость результатовъ ихъ наблюденій, повидимому, удовлетворила ее. Она какъ-то неловко лежала у него на рукахъ. Она заснула.

Солнце опустилось еще ниже. Теперь оно было въ уровень съ его глазами. По временамъ ему казалось, что онъ напалъ на слѣдъ пропавшаго поѣзда, и онъ торопился провѣрить свое впечатлѣніе. Черныя пятна мелькали на горизонтѣ въ легкой дымкѣ тумана, а круглыя, красныя облатки—двойники заходящаго солнца — блестѣли тамъ и сямъ на поверхности сѣрой равнины. Чтобы не мучить себя безплодными волненіями, мальчикъ рѣшилъ не смотрѣть, пока не сочтетъ до пятидесяти или до ста, но результатъ всегда бывалъ одинъ и тотъ же. Солнечный дискъ краснѣлъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ горизонту, и теперь зажигалъ всю степь краснымъ огнемъ, но никакого признака человѣческой жизни не видно было на этомъ громадномъ пространствѣ.

Съ трудомъ шагая подъ тяжестью своей ноши, Кларэнсъ старался развлечь себя представленіями о томъ, какъ будетъ открыто ихъ исчезновеніе. Онъ уже слышалъ небрежныя, бранчивыя распоряженія по поводу того, какое мѣсто выбрать для ночлега. Онъ слышалъ недовольный голосъ Джэка Силсби, который останавливался передъ ихъ фургономъ и кричалъ: „Ну, вы тамъ, ребятишки, идите ужинать, да поскорѣе!“ Потомъ онъ слышалъ, какъ приказаніе повторялось, но болѣе рѣзкимъ тономъ. Онъ видѣлъ, какъ бородатый Силсби раздраженнымъ взглядомъ оглядывалъ всѣ закоулки пустаго фургона. Онъ слышалъ вопросъ: „Гдѣ же дѣти?“, который передавался изъ одного фургона въ другой. Онъ слышалъ ругательства, рѣзкій и пронзительный голосъ М-съ Силсби; затѣмъ начальникъ каравана съ однимъ изъ наемныхъ работниковъ отправлялся на поиски. Мальчикъ слышалъ брань и угрозы, обращенныя главнымъ образомъ къ нему, потому что онъ старшій и „долженъ понимать“. Онъ зналъ, что его ждетъ наказаніе за его продѣлку, но самая мысль объ этомъ только подкрѣпляла его мужество.

Наконецъ, онъ остановился изъ боязни упасть отъ усталости. Онъ не могъ идти дальше; онъ задыхался, весь мокрый отъ пота; ноги его подкашивались, въ ушахъ звенѣло, красные круги мелькали въ глазахъ, какъ пятна крови. Наконецъ, направо отъ дороги онъ увидѣлъ небольшой холмикъ, гдѣ онъ надѣялся немного отдохнуть и въ то же время осмотрѣть мѣстность. Но подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что то, что онъ принялъ за холмикъ, было просто кустомъ высокой травы, куда онъ и опустился со своей ношей. Хотя этотъ холмикъ и не могъ служить наблюдательнымъ пунктомъ, но за то доставлялъ Сьюзи мягкую постель и въ то же время защищалъ ее отъ холоднаго западнаго вѣтра. Измученный усталостью, Кларэнсъ самъ заснулъ бы съ удовольствіемъ, но онъ боялся поддаться этому искушенію. Онъ сѣлъ около спящей дѣвочки и, полускрытый высокой травой, не отводилъ глазъ отъ пустыннаго тракта.

Солнце опустилось еще ниже; казалось, оно поглотило часть пространства своими жгучими огнями. По мѣрѣ того, какъ оно опускалось все ниже и ниже, отъ него распространялись по небу яркіе, сіяющіе лучи, точно вѣеръ или, какъ представилось разгоряченной фантазіи мальчика, точно расширенные пальцы чьей-то гигантской руки, ищущей пропавшій поѣздъ. Скоро лучи погасли и солнце зашло, но Кларэнсъ продолжалъ смотрѣть на дорогу, не отводя глазъ. Онъ зналъ, что дневнаго свѣта хватитъ еще часа на два и что теперь, когда горизонтъ не былъ объятъ пламенемъ, предметы были даже яснѣе и рѣзче очерчены, чѣмъ днемъ.

III.

Вмѣстѣ съ заходомъ солнца зловѣщая тишина разлилась надъ равниной. Мальчикъ слышалъ тихое дыханіе Сьюзи и, казалось, могъ различить біеніе собственнаго сердца посре-

ди этого томительнаго безмолвія природы. Во время дневнаго пути постоянно раздавался однообразный скрипъ колесъ, крики и разговоры путешественниковъ и даже ночью тишина нарушалась шумнымъ дыханіемъ скота и движеніями безпокойныхъ спящихъ. Тутъ же не было ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго колебанія воздуха. Кларэнсъ дорого бы далъ, чтобы услышать болтовню Сьюзи и даже звукъ ея голоса, который оживилъ бы эту тягостную тишину. Но онъ твердо рѣшилъ не будить ее даже вздохомъ. Она проснется, захочетъ ѣсть и пить, что онъ тогда будетъ съ ней дѣлать? Ахъ, еслибъ эта долго жданная помощь пришла теперь, пока она спитъ! Онъ думалъ, что если ему удастся возвратить ее родителямъ спящею, не чувствующею страха, голода и жажды,—онъ искупитъ часть своей вины и совѣсть не будетъ его такъ мучить. Но если никто не придетъ за ними и они должны будутъ провести ночь подъ открытымъ небомъ, — впрочемъ, нѣтъ, лучше объ этомъ не думать. Если она проснется и захочетъ пить, можно собрать росы въ горсть или разостлать рубашку и собрать въ нее сразу много-много капель, какъ дѣлаютъ моряки, потерпѣвшіе кораблекрушеніе. Это покажется ей забавнымъ и она будетъ смѣяться. Онъ же не будетъ смѣяться, онъ чувствовалъ, что онъ такъ постарѣлъ, такъ выросъ и возмужалъ въ своемъ одиночествѣ.

Стало темнѣть; теперь, вѣроятно, ихъ разыскиваютъ по фургонамъ. Новое сомнѣніе начало его мучить. Не воспользоваться-ли ему послѣдними моментами дневнаго свѣта и подать о себѣ какой-нибудь знакъ, закричать что-ли? Да, но въ такомъ случаѣ онъ рискуетъ разбудить ее,—зачѣмъ? И страхъ опять увидѣть ее испуганную и плачущую и не знать, чѣмъ успокоить ее, заставилъ его отказаться отъ этой мысли. Но за то онъ тихонько проползъ по травѣ и въ пыли дороги начертилъ крестъ, въ родѣ компаса, съ большимъ печатнымъ W, обращеннымъ къ западу. Эти изобрѣтательныя выдумки и приспособленія очень заняли его. Онъ жалѣлъ, что у него не было какого-нибудь шеста, палки или даже вѣтки, къ которой онъ могъ бы прикрѣпить свой платокъ и выставить въ видѣ сигнала надъ кустомъ травы, гдѣ они сидѣли, на случай, если онъ заснетъ и не увидитъ когда придутъ искать ихъ. Но на равнинѣ нельзя было отыскать ни палки, ни прута, и мальчикъ былъ далекъ отъ мысли предполагать, что эта невозможность сдѣлать свое убѣжище замѣтнымъ спасетъ ихъ отъ еще бо̀льшихъ опасностей.

Вмѣстѣ съ наступившей темнотой поднялся вѣтеръ и долгимъ вздохомъ пронесся надъ степью. Вздохъ превратился въ тихій ропотъ и наконецъ вся равнина, прежде чѣмъ погрузиться въ мертвое молчаніе, точно пробудилась съ смутными жалобами и тихимъ стономъ. Иногда мальчику слышались крики отдаленныхъ голосовъ, по временамъ чей-то шепотъ раздавался у него въ ушахъ. И среди молчанія, которое наступало за каждымъ порывомъ вѣтра, ему слышался скрипъ фургоновъ, глухой топотъ копытъ, чьи-то отрывочныя рѣчи, которыя уносились новой струей вѣтра. Это напряженное состояніе нервовъ довело его до настоящихъ галлюцинацій, пока наконецъ странное оцѣпенѣніе не овладѣло всѣми его чувствами. Раза два или три онъ засыпалъ, совсѣмъ обезсиленный.

Потомъ онъ просыпался, дрожа отъ испуга. Вдругъ шагахъ въ двадцати онъ замѣтилъ какую-то движущуюся фигуру, которая такъ ясно рисовалась на все еще свѣтломъ небѣ, что повидимому была еще ближе. Это была человѣческая фигура, но такая фантастически-растрепанная и оборванная, такая наивно-эксцентричная въ костюмѣ и манерахъ, что казалась созданіемъ дѣтскаго сна. Фигура сидѣла верхомъ, но она представляла такую смѣшную непропорціональность со своей лошадью, тонкія ноги которой такимъ непривычнымъ, хромающимъ галопомъ неслись по колеямъ дороги, что всадника можно было принять за бѣглеца изъ какого-нибудь бродячаго цирка. Высокая шляпа безъ верха и полей—жалкій отбросокъ цивилизаціи—украшенная перомъ индѣйки, была надѣта на голову всадника; на его плечахъ висѣло грязное, оборванное одѣяло, едва прикрывавшее разрисованныя ноги, издали казавшіяся обутыми въ желтые испачканные сапоги. Въ одной рукѣ у него было ружье, другую онъ держалъ надъ глазами, напряженно всматриваясь куда-то вдаль, какъ разъ по тому направленію, гдѣ лежали дѣти. Но сдѣлавъ шаговъ двѣнадцать, онъ повернулъ въ другую сторону, продолжая всматриваться въ ту же таинственную точку на горизонтѣ. Теперь сомнѣнія не было! Это раскрашенное лицо еврейскаго типа, большой крючковатый носъ, выдающіяся скулы, широкій ротъ, глубоко запавшіе глаза, длинные, прямые волосы — это былъ индѣецъ! — не нарисованный, не сказочный индѣецъ, — нѣтъ, индѣецъ настоящій. Мальчикъ не испугался, но онъ почувствовалъ себя неловко, онъ настроился враждебно; онъ съ безсознательнымъ чувствомъ собственнаго превосходства смотрѣлъ на грубыя, животныя черты; низшую индивидуальность онъ судилъ съ точки зрѣнія высшей расы. Но минуту спустя, когда фигура исчезла на западѣ, странный холодъ пробѣжалъ по его тѣлу, хотя онъ еще не сознавалъ, что въ этомъ жалкомъ призракѣ, въ этомъ раскрашенномъ пигмеѣ мимо него прошелъ величественный образъ смерти.

— Мама!

Это Сьюзи закричала во снѣ. Можетъ-быть внезапный страхъ мальчика отозвался въ ея душѣ.

— Шш!..

Онъ началъ смотрѣть туда же, куда смотрѣлъ индѣецъ. Тамъ *было* что-то. Какая-то черная линія двигалась въ возраставшей темнотѣ сумерокъ. Одну минуту онъ боялся отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ видѣлъ. Но черезъ нѣсколько времени онъ убѣдился, что онъ не ошибается. Это былъ слѣдующій караванъ, который нагонялъ ихъ сзади. По быстротѣ, съ которой онъ двигался, видно было, что въ поѣздѣ запряжены были лошади и что онъ спѣшилъ къ ночлегу. Никогда Кларэнсъ не думалъ, что помощь придетъ къ нимъ съ этой стороны. Острые глаза индѣйца давно замѣтили этотъ караванъ европейцевъ и вотъ почему онъ такъ поспѣшно обратился въ бѣгство.

Чужой поѣздъ быстро приближался. Онъ состоялъ повидимому изъ пяти или шести большихъ фургоновъ и нѣсколькихъ всадниковъ. Черезъ полчаса онъ будетъ здѣсь. Но Кларэнсъ колебался разбудить Сьюзи, которая опять заснула; его прежнее суевѣрное желаніе не причинять ей напрасныхъ тревогъ, спасти ее спящей, взяло верхъ надъ всѣми остальными побужденіями. Онъ только поправилъ ей постель и, снявъ съ себя курточку, заботливо укрылъ ее. Потомъ онъ опять посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ подойти поѣздъ. Но тутъ онъ увидѣлъ, что, по какой-то необъяснимой причинѣ, онъ измѣнилъ свое направленіе и, вмѣсто того, чтобы ѣхать по дорогѣ, онъ повернулъ налѣво. Такимъ образомъ черезъ десять минутъ онъ скроется изъ виду. Мальчикъ не зналъ, что ему дѣлать: если разбудить Сьюзи, то она совсѣмъ растеряется отъ страха, а сонную Кларэнсъ не надѣялся пронести ее и половины разстоянія. Онъ могъ бы добѣжать до каравана и придти обратно съ помощью, но оставить ее одну, въ темнотѣ—никогда! Если-бъ она проснулась, она умерла бы отъ страха или пошла бы Богъ знаетъ куда. Нѣтъ! Пусть уходитъ поѣздъ и вмѣстѣ съ нимъ его надежда на спасеніе. Онъ чувствовалъ, что что-то подступаетъ ему къ горлу, но онъ проглотилъ свои слезы и успокоился, хотя ночной вѣтеръ пронизывалъ его насквозь и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Теперь караванъ проходилъ мимо него. Онъ побѣжалъ въ высокой травѣ, размахивая надъ головой шляпой, съ слабой надеждой обратить на себя вниманіе. Но онъ боялся отходить далеко, потому что, оглянувшись, онъ, къ ужасу своему, едва могъ отличить кустикъ травы отъ остальной равнины. Нельзя было терять изъ виду этотъ маленькій холмикъ. Если-бы даже онъ успѣлъ добѣжать до поѣзда и привелъ бы съ собой кого-нибудь, какъ онъ разыщетъ въ темнотѣ этотъ маленькій кустикъ?

(Продолженіе будетъ).

Торфяной мохъ (SPHAGNUM), какъ хорошее дезинфекціонное средство.

Г. В.

Какъ извѣстно, главную опасность во время холерной эпидеміи представляетъ содержимое отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ; просачиваясь изъ этихъ помѣщеній въ почву, оно отравляетъ почвенную воду и дѣлаетъ ее въ высшей степени пригодною для размноженія и развитія холерныхъ и иныхъ микроорганизмовъ. Обезаразить это содержимое и такимъ образомъ сдѣлать его безвреднымъ—составляетъ самую главную и настоятельную потребность города, которому грозитъ появленіе холеры. Особенно важное значеніе имѣетъ эта мѣра для нашей столицы и другихъ городовъ, которые еще не устроили у себя канализаціи *), и гдѣ нечистоты собираются въ устроенныхъ для нихъ ямахъ и періодически вывозятся въ бочкахъ за городъ. Главную опасность этой системы удаленія отбросовъ представляетъ возможность просачиванія грязной жидкости чрезъ стѣны этихъ помѣщеній въ почву, а оттуда въ воду, идущую на приготовленіе пищи и на питье. Поэтому здѣсь необходимо постоянное обеззараживаніе нечистотъ дезинфекціонными средствами, такъ, чтобы онѣ вывозились уже лишенными какъ своихъ заразныхъ свойствъ, такъ и дурнаго запаха.

Въ настоящее время имѣется довольно большой выборъ дезинфекціонныхъ средствъ, однако пользоваться ими должно съ осмотрительностью, такъ какъ по большей части они сами суть сильные яды, также способные отравить почву и содержащуюся въ ней воду, какъ это и случилось во Флоренціи, гдѣ отъ слишкомъ усерднаго вливанія разныхъ химическихъ дезинфекціонныхъ составовъ въ выгребныя ямы, колодезная вода оказалась совершенно непригодной для питья. Вещества эти имѣютъ еще и другіе существенные недостатки: во-первыхъ, обеззараживающее дѣйствіе ихъ продолжается лишь пока ихъ употребляютъ; во-вторыхъ, они не въ состояніи помѣшать просачиванію жидкаго содержимаго клозе-

*) При этой системѣ нечистоты отводятся по подземнымъ трубамъ за городъ, гдѣ ихъ употребляютъ для удобренія почвы.

товъ въ почву, и въ-третьихъ, они обладаютъ обыкновенно очень тяжелымъ запахомъ.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ свободно одно только извѣстное понынѣ дезинфекціонное средство, а именно, *порошокъ изъ торфянаго мха*: онъ не только обеззараживаетъ жидкія изверженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ уплотняетъ ихъ и лишаетъ возможности проникновенія въ почву.

Названіе торфянаго мха или сфагнума (sphagnum) присвоено цѣлой группѣ болотныхъ мховъ, которые образуютъ торфъ и обладаютъ совершенно особымъ строеніемъ слоевища (такъ называется тѣло низшихъ растеній). Листья и стебель этихъ мховъ состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ большихъ полыхъ клѣточекъ, стѣнки которыхъ снабжены спиральными или кольцеобразными утолщеніями окружающими маленькія отверстія. Чрезъ отверстія эти, а также чрезъ стѣнки клѣточекъ, внѣшній воздухъ поступаетъ внутрь растенія и распространяется по немъ съ помощью цѣлой системы волосныхъ каналовъ.

Изъ этого краткаго описанія видно, что вся внутренность растенія представляетъ большую поверхность поглощенія для газовъ и жидкостей, а въ сухомъ видѣ образуетъ также удобное мѣсто для накопленія озона (уплотненнаго кислорода), который жадно вбираетъ въ себя проникающіе внутрь газы, а поглощенныя жидкости окисляетъ и химически измѣняетъ. Этому-то драгоцѣнному свойству торфяной мохъ и обязанъ тѣмъ широкимъ распространеніемъ, которое онъ получилъ за-границей въ качествѣ дезинфекціоннаго средства.

Останавливаясь ближе на строеніи и свойствахъ сфагнума, мы находимъ, что 1) клѣточныя стѣнки, состоящія изъ чистаго углерода, не только сами не гніютъ, но предохраняютъ отъ гніенія и другія вещества, которыя, будучи поглощены растеніемъ и окислены находящимся въ немъ озономъ, удерживаются рыхлой массой мха; 2) дезинфицирующее дѣйствіе торфянаго порошка обусловливается богатымъ содержаніемъ озона въ сухихъ клѣткахъ растенія; смѣшиваясь съ амміакомъ, выдѣляемымъ гніющими органическими веществами, онъ соединяется съ его составнымъ элементомъ — азотомъ и образуетъ азотную кислоту, которая убиваетъ всѣ организованныя существа, въ томъ числѣ и болѣзнетворныя бактеріи; 3) употребленный въ достаточномъ количествѣ, торфяной мохъ уничтожаетъ рѣшительно всякій запахъ, какъ пріятный, такъ и дурной.

Въ виду того, что служащіе для образованія торфа 14 видовъ сфагнума и сами по себѣ нѣсколько различаются своими качествами, да и получающійся изъ нихъ торфъ содержитъ то бо́льшую, то меньшую примѣсь другихъ растительныхъ остатковъ, свойствомъ волосности не обладающихъ, — поглотительная способность приготовляемыхъ въ разныхъ мѣстахъ торфяныхъ порошковъ и подстилокъ также очень различна. Большое значеніе имѣетъ также и глубина, съ которой торфъ добывается: чѣмъ глубже слой, изъ котораго извлекается сырой матеріалъ, тѣмъ слабѣе поглотительныя свойства изготовляемаго изъ него порошка. Такъ, относительно порошка и подстилки сдѣланныхъ изъ нѣмецкаго торфа, анализами Флейшера, Шульца и другихъ установлено, что 100 частей этихъ препаратовъ могутъ поглотить 584—1000 частей воды, при чемъ порошокъ всасываетъ на 25—30% больше чѣмъ торфяная подстилка. Изъ русскихъ торфяныхъ препаратовъ извѣстны анализы варшавскихъ, рижскихъ и райвольскихъ (въ Финляндіи): 100 частей этихъ порошковъ поглощаютъ соотвѣтственно 1,000, 1,000—1,400 и 1,800 частей воды. Наибольшая поглотительная способность райвольскаго порошка объясняется тѣмъ, что онъ приготовляется исключительно изъ самыхъ верхнихъ слоевъ торфа. Порошокъ и подстилка, выдѣлываемые на фабрикѣ въ Райволѣ, уже четыре года распространяются посредствомъ бюро „Вега“, находящагося въ Петербургѣ (Литейный просп., домъ № 57); пудъ лучшаго порошка стоитъ 25 коп., подстилки — 15—18 коп.

Несмотря на то, что полезныя свойства торфянаго мха, какъ дезинфицирующаго средства, были извѣстны уже давно, первое указаніе о томъ въ литературѣ сдѣлано было лишь въ 1850 году д-ромъ Шарикау. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ работъ по этому вопросу, но только въ 1877 году, когда въ Сѣверной Германіи ощущался сильный недостато въ соломѣ, торфъ вошелъ тамъ во всеобщее употребленіе качествѣ подстилки. Примѣру Германіи послѣдовали вско Данія и Швеція, а затѣмъ производство торфяныхъ препа товъ началось и въ Россіи, въ привислинскихъ губерніяхъ балтійскихъ, сѣверо-западныхъ, Смоленской и наконецъ Финляндіи. Въ началѣ 80-хъ годовъ употребленіе торфа д. дезинфекціи сдѣлано было даже обязательнымъ въ нѣкот рыхъ городахъ Европы. Такъ, въ Брауншвейгѣ издано бы. въ 1885 году полицейское распоряженіе, коимъ предписыв. лось: 1) очищать отхожія мѣста каждые 14 дней; 2) послѣ очистки посыпать дно выгребной ямы торфянымъ порошкомъ на 3 сантиметра въ вышину; 3) если яма не успѣла наполниться въ теченіе 14 дней, то нечистоты могутъ оставаться не вывезенными, но съ тѣмъ, чтобы онѣ были обсыпаны и перемѣшаны съ торфянымъ порошкомъ. Всякое нарушеніе этого предписанія наказывается 60 марками денежнаго штрафа или двумя недѣлями ареста. Такимъ же образомъ распорядились и во Флоренціи, и въ короткое время удалось очистить всѣ колодцы и сдѣлать воду годной къ употребленію. Лондонское Сити передѣлало всѣ ватеръ-клозеты въ сфагнумъ-клозеты. Въ Стокгольмѣ городское управленіе пошло еще дальше: дѣло дезинфекціи и очистки городскихъ клоакъ и отхожихъ мѣстъ оно отдало на откупъ одному предпринимателю, который уже во всемъ отвѣчаетъ предъ городомъ. Нечистоты собираются здѣсь въ поставленныя на колеса бочки, которыя наполняются на 1/4 торфянымъ порошкомъ; когда бочка выполнена отбросами, то ихъ посыпаютъ сверху слоемъ сфагнума и вывозятъ за городъ, гдѣ выдѣлываются изъ нихъ удобренія.

5 лѣтъ тому назадъ произведены были опыты съ порошкомъ торфянаго мха также и въ Петербургѣ, при чемъ получены были блестящіе результаты. Отчетъ объ этихъ опытахъ помѣщенъ былъ въ *Журналѣ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества* за 1887 годъ. Послѣ того, какъ содержимое очень дурно пахнущей выгребной ямы перемѣшивалось въ теченіе 20 минутъ съ порошкомъ, исчезъ всякій запахъ, а нечистоты образовали массу, похожую на черноземъ, которую можно было трогать рукой безъ боязни испачкаться.

Сказаннымъ здѣсь достаточно выясняется важное значеніе введенія дезинфекціи торфомъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ, находящихся въ тѣхъ же условіяхъ. Лишь съ помощью торфа удастся намъ съ достаточной быстротой лишить нашу отравленную міазмами почву ея ядовитыхъ свойствъ и помѣшать дальнѣйшему загрязненію нашихъ рѣкъ и каналовъ, въ которые громадными массами вливаются нечистоты чрезъ водосточныя трубы.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать ближайшіе пріемы пользованія указаннымъ дезинфекціоннымъ средствомъ.

Послѣ основательной очистки выгребной ямы, дно ея надо усыпать на 2 вершка слоемъ торфянаго порошка и затѣмъ ежедневно посыпать прибывающія нечистоты тонкимъ слоемъ порошка. Содержимое наполненной ямы обсыпается сначала достаточнымъ количествомъ торфа, а затѣмъ передъ вывозомъ перемѣшивается съ нимъ въ теченіе 20 минутъ. При такихъ условіяхъ выгребная яма не станетъ пропускать жидкости въ почву. Не слѣдуетъ только лить туда воду, такъ какъ, пока она не поглотится торфомъ, онъ не въ состояніи будетъ продолжать свои обязанности дезинфектора, а слѣдовательно большое количество порошка пропадетъ даромъ. Въ каждой дѣтской и больничной комнатѣ надо имѣть этотъ порошокъ, двухъ горстей котораго достаточно, чтобы уничтожить отъ времени до времени появляющійся тамъ дурной запахъ. Особенно полезны могутъ быть пудръ-клозеты тамъ, гдѣ не имѣется ватеръ-клозетовъ; поставленный гдѣ-нибудь въ углу такого клозета маленькій ящичекъ съ торфомъ устраняетъ всякій дурной запахъ. Слѣдуетъ только отъ времени до времени перемѣнять порошокъ. На 12 пудовъ изверженій достаточно максимумъ 1 пуда торфа, чтобы произвести полную дезинфекцію и дезодорацію ихъ. Образующійся при этомъ компостъ служитъ отличнымъ удобреніемъ для огородовъ, фруктовыхъ садовъ и луговъ. Для удобренія поля требуется на десятину 450 пудовъ этого компоста, который содержитъ $1,_{2}$ — $2,_{6}$% азота, $0,_{4}$—$1,_{15}$% фосфорной кислоты и $0,_{6}$—$1,_{35}$% поташа.

Къ рисункамъ.

Чабанъ. (Рис. на стр. 745).

На необозримыхъ степяхъ Новороссійскаго края стережетъ чабанъ (такъ называютъ тамъ пастуховъ) громадныя стада овецъ. Съ мѣста на мѣсто, вдали отъ дорогъ, переходитъ онъ отъ низкихъ равнинъ до вершинъ Таврическихъ, изрѣдка попадаясь случайному путнику, который съ осторожностью пробирается въ сторонѣ отъ стадъ изъ боязни чабанскихъ собакъ, злыхъ, но вѣрныхъ помощниковъ пастуха, въ его одинокой жизни.

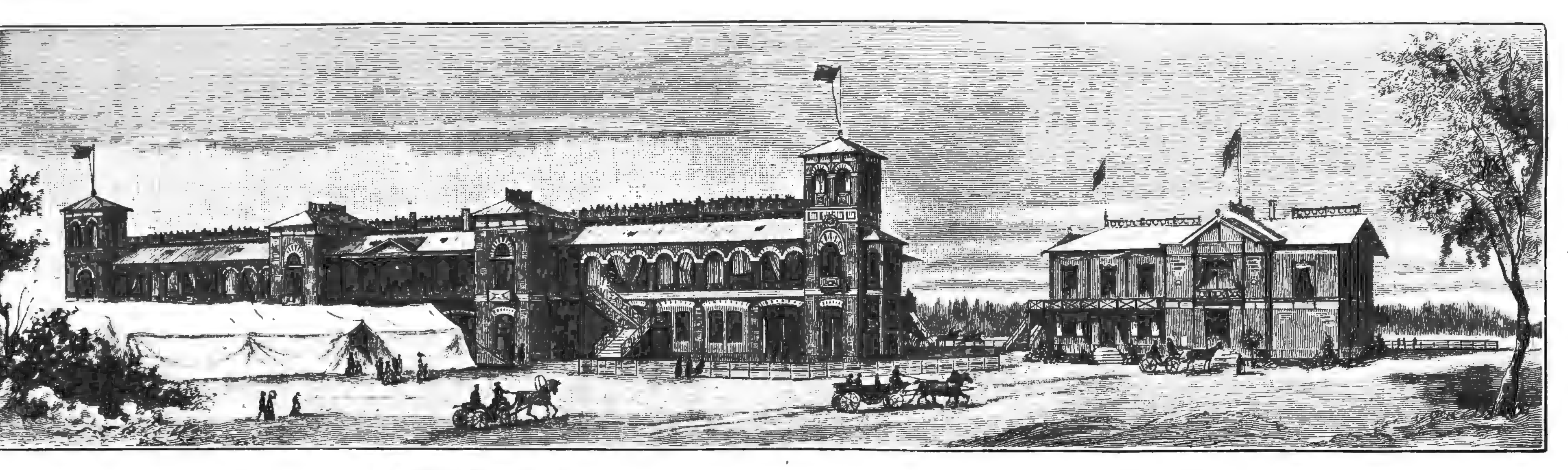
Сосны. (Рис. на стр. 749).

...У ногъ гніетъ столѣтній ломъ,
Гранитъ чернѣетъ, и за пнемъ
Прижался заяцъ серебристый,
А на соснѣ, поросшей мхомъ,
Мелькаетъ бѣлки хвостъ пушистый...

(А. Фетъ).

Дѣтская забава лѣтомъ. (Рис. на стр. 752).

Выдался жаркій лѣтній денекъ. Дома и на полѣ отъ жары не дохнешь, а тѣнистый лѣсъ такъ и манитъ прохладой. Туда и забрело нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ. Усѣвшись на зеленой муравѣ, плетутъ онѣ вѣнки. Но полевыхъ цвѣтовъ имъ показалось недостаточно. Тогда двѣ изъ нихъ забрались въ тихую рѣчку и рвутъ въ ней желтые кувшинчики и бѣлыя лиліи.



Галлереи для зрителей. Царскій павильонъ.

Новый С.Петербургскій ипподромъ на Коломяжскомъ шоссе. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Г. Броллинга,** грав. Рашевскій.

Новый С.-Петербургскій ипподромъ на Коломяжскомъ шоссе. Общій видъ скаковаго круга. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Г. Броллинга,** грав. Рашевскій.

Идетъ. (Рис. на стр. 753).

Рисунокъ перомъ г-жи Нѣмчениновой переноситъ зрителя въ укромный уголокъ малороссійской деревеньки, въ чудную украинскую ночь, когда, по словамъ Гоголя, „необъятный небесный сводъ раздался и вся земля въ серебряномъ свѣтѣ; а чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благуханій“. Въ такую дивную ночь поджидаетъ кого-то ясноокая красавица у плетня. Но вотъ послышались его шаги и въ полуясномъ мракѣ загорѣлись „привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи. и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея“.

Новый ипподромъ Императорскаго Царскосельскаго скаковаго общества близь СПБ.

(Рис. на стр. 757).

12 іюля, въ прекрасный лѣтній день, при громадномъ стеченіи публики, былъ торжественно открытъ новый ипподромъ Императорскаго Царскосельскаго скаковаго общества. Онъ устроенъ по Коломяжскому шоссе, невдалекѣ отъ *Новой деревни*, на землѣ Удѣльнаго Вѣдомства. Вскорѣ послѣ полудня по всѣмъ направленіямъ стремилась къ новому скаковому кругу пестрая толпа. Пѣшкомъ и въ разнообразнѣйшихъ экипажахъ тянулись вереницы любопытныхъ къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда былъ смертельно раненъ на дуэли Пушкинъ. Мѣсто это находится близь конюшенъ новаго ипподрома (!).

Главную часть его составляютъ—царскій павильонъ и роскошное зданіе для публики. Построены они талантливымъ архитекторомъ Л. Н. Бенуа. Трибуна для публики, съ ложами и отдѣльными мѣстами, чрезвычайно удобная, и всѣ другія постройки представляютъ красивое строеніе, посреди живописнаго фона окрестностей. Въ свою очередь, съ верхней галлереи открывается широкій кругозоръ на дачи Лѣснаго корпуса, Ланской станціи, Черной рѣчки, Новой и Старой деревни, Лахты и взморья.

Открытіе совершилось съ особенною торжественностью, въ началѣ 3-го часа. Протянутая чрезъ скаковой кругъ трехцвѣтная лента была разрѣзана Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, при торжественныхъ звукахъ гимна. Вслѣдъ затѣмъ начались скачки, доставившія не мало неожиданностей спортсмэнамъ. Скаковые круги, которыхъ здѣсь два—для гладкихъ скачекъ и скачекъ съ препятствіями, оказались чрезвычайно топкими, и потому часто выигрывали совсѣмъ не тѣ лошади, которыя считались лучшими и быстрѣйшими.

Политическое обозрѣніе.

Въ Петербургѣ нынѣ засѣдаетъ международный желѣзнодорожный съѣздъ. *Московскія Вѣдомости*, придавая этому событію не одно только спеціально-экономическое и техническое значеніе, но и морально-политическое, замѣчаютъ: „Эти шестьсотъ представителей различныхъ государствъ, различныхъ націй, собравшихся съ разныхъ концовъ земли, соединившихся воедино для обсужденія общаго дѣла, работающихъ для общей всѣмъ пользы — не представляетъ ли это, — говоритъ газета, — торжество человѣческой мысли и врожденнаго человѣку стремленія къ общимъ усиліямъ на общую пользу? Конгрессъ — это есть эмблема мирнаго, полезнаго труда, въ которомъ соединяются различные народы. Хоть на время, хоть на нѣсколько дней представители различныхъ государствъ забываютъ всѣ предметы розни, соединяясь въ общемъ дѣлѣ мирнаго труда. Привѣтствуя это столь важное для всѣхъ мирное явленіе, не можемъ не выразить живѣйшей радости по поводу того, что оно имѣетъ мѣсто въ Петербургѣ—въ столицѣ Русскаго Царя, являющагося олицетвореніемъ высшаго миролюбія.“

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано: „Въ послѣднее время, въ иностранной журналистикѣ, преимущественно въ нѣмецкой, англійской и американской, систематически печатаются самыя лживыя извѣстія о разныхъ жестокостяхъ и насиліяхъ, будто бы учиняемыхъ въ Россіи надъ евреями. Такъ, въ недавнее время, неизвѣстный корреспондентъ газеты *Daily News* распространилъ въ Англіи вымышленное извѣстіе, что евреевъ высылаютъ изъ Москвы и Петербурга скованными попарно и препровождаютъ въ такомъ видѣ по этапу пѣшкомъ въ назначенное имъ мѣсто жительства, а въ случаѣ протеста ихъ—въ Сибирь. Корреспондентъ приложилъ притомъ и рисунокъ тяжелыхъ оковъ, который, въ увеличенной фотографіи, распространяется нынѣ въ Англіи, съ цѣлью возбудить общественное мнѣніе противъ Россіи. Всѣмъ, не только русскимъ, но и иностранцамъ, сколько-нибудь знакомымъ съ Россіей, очевидно, что это извѣстіе есть наглая ложь, и что въ Россіи препровождаются въ кандалахъ, притомъ не пѣшкомъ, а по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ или на подводахъ, одни преступники, приговоренные къ каторжнымъ работамъ. По этому примѣру можно судить, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ ненавистники Россіи для распространенія злобныхъ противъ нея чувствъ въ публикѣ. Подобныя клеветы, усердно распространяемыя въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, нерѣдко — въ рисункахъ, разсчитаны на возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ Русскаго Правительства и вызываютъ за границею многообразныя демонстраціи, адресы и подписки, для противодѣйствія чему-то несуществующему. Причиною этого, вѣроятно, слѣдуетъ считать тѣ мѣропріятія, которыя принимаются нашимъ Правительствомъ въ послѣднее время съ цѣлью противодѣйствовать, по возможности, обособленности евреевъ, столь рѣзко проявляющейся во всѣхъ странахъ міра и наносящей ущербъ всѣмъ другимъ народностямъ. Эта обособленность, признаваемая всѣми государствами, наиболѣе рѣзко сказывается въ Россіи, такъ какъ почти половина еврейскаго населенія всѣхъ частей свѣта находится у насъ, тогда какъ въ другихъ странахъ численность евреевъ выражается не болѣе, какъ ничтожными дробями процентовъ; во вниманіе къ послѣднему, мѣропріятія Русскаго Правительства относительно евреевъ не могутъ имѣть одинаковой размѣрности съ мѣропріятіями другихъ государствъ. Если неудобная для правильнаго развитія государственной жизни, вышеуказанная обособленность евреевъ постоянно вызывала и вызываетъ въ Германіи, Англіи и Америкѣ правительственное и общественное противодѣйствія переселенію въ эти страны евреевъ изъ Россіи, то это потому, что страны эти не признаютъ возможности увеличенія у себя того еврейскаго элемента, который, въ настоящее время, имѣется у нихъ налицо. Ни о какихъ жестокостяхъ и насиліяхъ въ Россіи относительно евреевъ не можетъ быть и рѣчи, и всѣ печатныя сообщенія о нихъ остаются сущимъ вымысломъ, способнымъ, однако, къ сожалѣнію, направлять общественное мнѣніе на лживый путь несправедливости и завѣдомой, систематически распространяемой международной клеветы“.

National Zeitung сообщаетъ, что Германскій императоръ недавно въ рѣчи, съ которою онъ на одномъ парадномъ обѣдѣ обратился къ генераламъ, объявилъ, что слухи относительно предстоящаго введенія двухлѣтняго срока службы неосновательны; онъ лучше желаетъ имѣть меньшую численностью армію, но съ болѣе продолжительнымъ срокомъ службы, чѣмъ большую армію съ укороченнымъ срокомъ. Послѣ несочувственнаго отзыва императора о двухлѣтнемъ срокѣ службы, вносимый въ рейхстагъ законопроектъ все еще старательно обсуждается. Газеты центра высказываются рѣзко противъ всякаго увеличенія численности войскъ. Съ другой стороны, слова императора о срокѣ военной службы вызвали сожалѣніе нѣкоторыхъ газетъ. *Фоссова Газета* говоритъ, что рейхстагъ поставитъ условіемъ введеніе двухлѣтняго срока службы, всякій другой законопроектъ о войскѣ потерпитъ пораженіе. Имперскій канцлеръ публично объявилъ возможность двухлѣтняго срока и вѣроятность его смѣщенія увеличилась. Центръ уполномочилъ одного изъ баварскихъ депутатовъ въ рейхстагѣ распространить, что онъ будетъ разсматривать военный законопроектъ крайне осторожно и разрѣшитъ только несомнѣнно необходимое. Свободомыслящіе протестуютъ противъ предположенія, чтобы съ введеніемъ двухлѣтняго срока службы можно было допустить увеличеніе арміи.

Поѣздка Стамбулова въ Константинополь совсѣмъ не имѣла того успѣха и блеска, какими ее разукрасили болгарскія газеты въ содружествѣ съ нѣкоторыми органами европейской печати, охотно распространяющими все недоброе для Россіи. На самомъ дѣлѣ, миссія Стамбулова была настолько печальною, что многіе сомнѣваются въ существованіи самого пріема его султаномъ. Свиданіе съ великимъ визиремъ также осталось безъ результата и оба предложенія: о проведеніи желѣзнодорожной линіи изъ Кюстендиля (въ Болгаріи) къ оттоманской линіи Салоники-Ускубъ-Нишъ и ускореніи казни двухъ лицъ, осужденныхъ по дѣлу Вулковича,—были вѣжливо отклонены. Несмотря на такой печальный для болгарскихъ самозванцевъ результатъ своей миссіи, Стамбуловъ не переставалъ повторять великому визирю, что онъ единственный другъ оттоманскаго правительства, и какъ только онъ, Стамбуловъ, лишится власти, такъ русскіе придутъ въ порты Адріанополя.

По поводу холеры.

Новое средство лѣченія холеры. Капитанъ Страдовскій прислалъ недавно телеграмму въ петербургскую газету *„Новости“* (№ 210), въ которой онъ сообщаетъ, что онъ вылѣчилъ въ городѣ Александрополѣ (въ Закавказьѣ) въ теченіе недѣли 150 больныхъ холерой слѣдующимъ средствомъ: на 5 частей 95-градуснаго спирта настаивается одна часть калгана въ продолженіе пяти дней. Рюмку

такого отстоявшагося настоя даютъ больному, послѣ чего онъ долженъ тотчасъ же запить лѣкарство рюмкой воды; если рвота вновь наступитъ, пріемъ повторяютъ, и холера, по утвержденію Страдовскаго, прекращается. Интересно было бы знать мнѣніе врачей объ этомъ оригинальномъ жизненномъ эликсирѣ.

Общедоступные способы освѣженія и оздоровленія комнатнаго воздуха. Различныя пахучія эѳирныя масла и вообще ароматическія вещества оказываются, по изслѣдованіямъ Шамберлена и другихъ бактеріологовъ, довольно сильными дезинфекціонными средствами, убивая или задерживая развитіе патогенныхъ бактерій. Этотъ научный выводъ находитъ себѣ подтвержденіе въ общеизвѣстномъ фактѣ, что люди обязанные по своей профессіи находиться постоянно въ атмосферѣ ароматическихъ веществъ, какъ-то аптекаря, рабочіе парфюмерныхъ фабрикъ, служащіе въ косметическихъ магазинахъ и пр., менѣе другихъ подвержены эпидемическимъ заболѣваніямъ вообще и холерѣ въ частности. Въ виду этого представляется полезнымъ пульверизировать комнаты и опрыскивать находящіеся въ нихъ предметы душистыми жидкостями, духами, одеколономъ, а еще лучше лѣсною водой, разбавленной на три четверти обыкновенной прокипяченной водой. Можно самому заготовить себѣ хорошую и дешевую дезинфекціонную жидкость по слѣдующему способу: въ большую бѣлую стеклянную банку налить смѣсь воды съ чистымъ русскимъ скипидаромъ въ пропорціи одного фунта скипидара на четыре стакана воды. Смѣсь эту (хорошо размѣшанную) выставляютъ недѣли на двѣ на солнце въ открытомъ мѣстѣ. Образующаяся при этомъ молочная жидкость при пульверизаціи распространяетъ пріятный запахъ хвои. По мѣрѣ израсходованія ея доливаютъ въ банку воды. Указанныя здѣсь дезинфекціонныя жидкости помимо дешевизны отличаются полной безвредностью, чѣмъ выгодно отличаются отъ карболовой кислоты, сулемы и другихъ сильныхъ ядовъ, имѣющихъ дезинфекціонныя свойства.

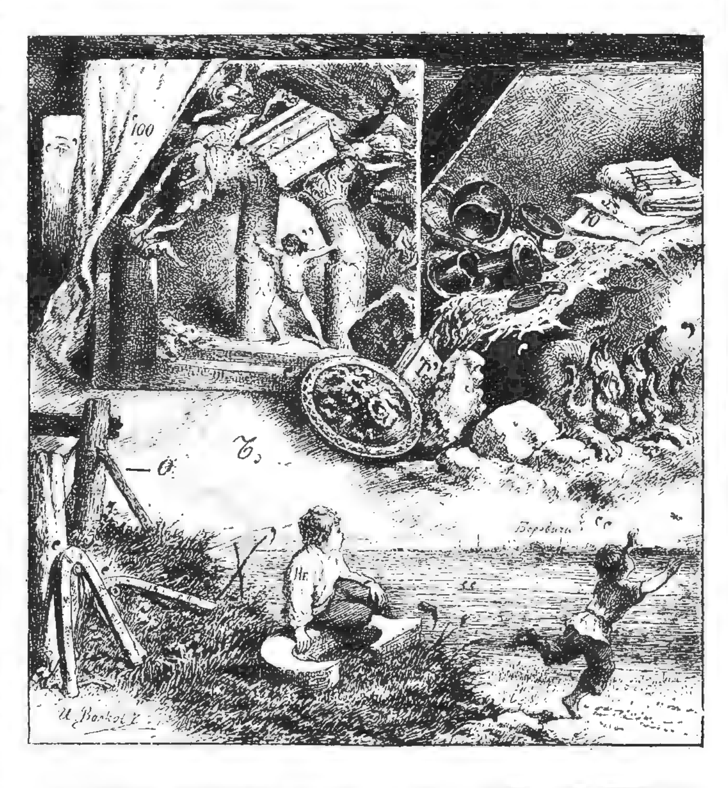
Спеціально для освѣженія воздуха въ дѣтскихъ д-ръ Гольмстенъ рекомендуетъ держать въ комнатѣ, особенно ночью, фосфоръ. Пріобрѣтенную въ аптекѣ по рецепту врача фосфорную палочку кладутъ на блюдце съ водой, такъ чтобы большая часть палочки выступала изъ воды. Часть эта, соединяясь съ кислородомъ воздуха, дымится, образуя фосфорную кислоту, осѣдающую въ водѣ, и чистый кислородъ, озонирующій воздухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очищающій его отъ міазмовъ.

Послѣднія извѣстія изъ Нижняго-Новгорода свидѣтельствуютъ, что эпидемія тамъ быстро утихаетъ: число заболѣваній холерой и процентъ смертности значительно уменьшились и самыя формы болѣзни приняли менѣе злокачественный характеръ. Съѣздъ купцовъ на ярмарку вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе возрастаетъ. Такія же утѣшительныя свѣдѣнія получаются изъ городовъ Астрахани и Баку, въ которыхъ теперь заболѣваютъ и умираютъ отъ холеры лишь нѣсколько человѣкъ въ день.

Стѣнныя и карманныя таблицы о холерѣ. На средства Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской изданы краткія таблички, содержащія перечень мѣръ предохранительныхъ, лѣчебныхъ (до прибытія врача) и обеззараживанія въ случаѣ холеры. Незначительная цѣна (3 коп.—стѣнная таблица и 1 коп.—карманная) дѣлаетъ ихъ доступными даже деревенскому жителю. Продаются онѣ въ магазинѣ Фену въ Петербургѣ.

Начало занятій, а также пріемныхъ и дополнительныхъ испытаній, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, по распоряженію попечителя округа, М. Н. Капустина, отсрочены пока, въ виду появленія холеры, до 1 сентября. Такое же распоряженіе состоялось по кадетскимъ корпусамъ, а также для слушательницъ и пансіонерокъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. (г. в.)

Ребусъ. Задача. № 41.



Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. ценз., СПБ., 19 августа 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 35 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 29 августа 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Князь М. С. Волконскій.

3 сентября сего года исполнится ровно десять лѣтъ, какъ Высочайшимъ указомъ даннымъ Правительствующему Сенату, почетный опекунъ, сенаторъ и оберъ-гофмейстеръ, тайный совѣтникъ князь Михаилъ Сергіевичъ Волконскій назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія.

Крупныя заслуги и многолѣтніе плодотворные труды князя Волконскаго ставятъ его въ ряду государственныхъ дѣятелей на видное мѣсто; не говоря уже о его прежней разнообразной дѣятельности, на настоящемъ высокомъ посту товарища министра князь снискалъ себѣ любовь и уваженіе не только среди сослуживцевъ и подчиненныхъ, но и въ обществѣ, — родители учащейся молодежи и сами учащіеся питаютъ теплыя чувства пріязни и глубокаго уваженія къ князю. За послѣднія десять лѣтъ князь Волконскій, весьма часто замѣщая министра Народнаго Просвѣщенія, много разъ имѣлъ случай дѣлать добрыя дѣла, разрѣшая ихъ собственною властью; не одна мать и вдова обращавшаяся къ князю съ просьбой уходила успокоенною поддержкой временно-исправляющаго должность министра.

Князь М. С. Волконскій. Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Въ апрѣлѣ сего года исполнилось двадцать пять лѣтъ службы князя Волконскаго въ генеральскихъ чинахъ, а потому считаемъ своевременнымъ, помѣщая портретъ князя М. С. Волконскаго, сообщить хотя краткія біографическія свѣдѣнія о немъ.

Князь Михаилъ Сергіевичъ родился въ 1832 году за Байкаломъ, въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ проживалъ его отецъ-декабристъ. Получивъ первоначальное прекрасное воспитаніе и научную подготовку дома въ деревнѣ, онъ поступилъ прямо въ V классъ иркутской гимназіи, въ коей и окончилъ общеобразовательный курсъ, за особо-отличные успѣхи и прекрасное поведеніе былъ награжденъ чиномъ XIV класса и золотою медалью, полученною имъ на торжественномъ актѣ (1849 года) въ гимназіи изъ рукъ генералъ-губернатора, покойнаго графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, память коего онъ недавно почтилъ изданіемъ подъ своей редакціей прекрасной біографіи этого государственнаго человѣка, составленной И. П. Барсуковымъ.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій зачислилъ князя Михаила Сергіевича на службу по главному управленію 30-го ноября того-же 1849 года, за невозможностью поступить въ какой-либо университетъ. Воспитавшись же въ практической школѣ графа Муравьева-Амурскаго, князь въ теченіе семилѣтней службы своей въ Сибири исполнялъ самыя разнообразныя порученія; такъ, онъ участвовалъ между прочимъ въ слѣдственной комиссіи надъ горнымъ вѣдомствомъ Нерчинскаго округа, былъ въ командировкѣ въ западной Сибири для оказанія помощи южно-русскимъ *переселенцамъ* (по случаю свирѣпствовавшей въ средѣ ихъ холеры), между Якутскимъ и Аянскимъ портомъ устроилъ почтовое сообщеніе и привелъ въ порядокъ крестьянскіе поселки, завѣдывалъ снабженіемъ по провіанту Амурской экспедиціи, основалъ *первыя* русскія поселенія на Амурѣ, выведя изъ Сибири и разселивъ почти тысячу крестьянъ на 300-верстномъ разстояніи, между городомъ Николаевскомъ на Амурѣ и Маріинскимъ постомъ, наконецъ двукратно посылался съ дипломатическими порученіями въ Монголію, при чемъ собранныя тамъ свѣдѣнія послужили основаніемъ для третьей Амурской экспедиціи въ 1856 году. За отлично-усердные труды свои Михаилъ Сергіевичъ пожалованъ былъ орденомъ Св. князя Владиміра 4 степени, и, такимъ образомъ, лишь службою пріобрѣлъ права дворянства. Въ 1856 году онъ изъ Монголіи прибылъ курьеромъ въ столицу, а затѣмъ изъ Москвы, въ день священнаго коронованія императора Александра II (26 августа), онъ съ Высочайшимъ манифестомъ о прощеніи всѣхъ декабристовъ, былъ посланъ въ Сибирь, при чемъ тогда же ему Всемилостивѣйше возвращено было и *княжеское* достоинство. Назначенный чиновникомъ особыхъ порученій при сибирскомъ и кавказскомъ комитетахъ, князь М. С. былъ откомандированъ на Кавказъ, гдѣ состоялъ въ комиссіи по разбору пограничныхъ дѣлъ съ Персіей, а при князѣ Барятинскомъ—на правомъ крылѣ кавказской арміи, въ передовыхъ закубанскихъ постахъ.

Впослѣдствіи, около 14 лѣтъ, князь Волконскій былъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, по департаменту законовъ, и два года состоялъ членомъ комиссіи для составленія законоположеній о преобразованіи судебной части, при чемъ издалъ переводъ „устава гражданскаго судопроизводства“ и „наказа судебнымъ мѣстамъ итальянскаго королевства“. За уходомъ свѣтлѣйшаго князя П. И. Ливена, графъ Д. А. Толстой, бывшій тогда министромъ Народнаго Просвѣщенія, предложилъ высокій постъ попечителя (19 ноября 1876 г.) столичнаго учебнаго округа князю Михаилу Сергіевичу, каковой постъ онъ и занималъ съ 1876 по 1880 годъ, затѣмъ два года состоялъ членомъ совѣта министра Народнаго Просвѣщенія, въ 1881 году назначенъ почетнымъ опекуномъ по Вѣдомству Императрицы Маріи, *а въ 1882 году 3-го сентября* Всемилостивѣйше назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, въ 1885 году (27 марта) сенаторомъ, а въ 1890 году (1 января) и оберъ-гофмейстеромъ.

Пожалованный въ камеръ-юнкеры еще въ 1858 году, князь Волконскій, за отлично-усердную службу и особые труды, получилъ много знаковъ отличія до звѣзды ордена Св. Александра Невскаго включительно (1886 г.), а также украшенъ иностранными орденами: итальянскимъ — Св. Маврикія и Лазаря со звѣздою (1864 г.), черногорскимъ—князя Даніила I-й степени (1886 г.), персидскимъ—Льва и Солнца 2 ст. со звѣздою, и по званію „officier de instruction publique de France“, имѣетъ особый знакъ отличія, присвоенный этому почетному званію (1879 г.); сверхъ того князь имѣетъ свѣтло-бронзовую медаль, на Андреевской лентѣ, въ память кампаніи 1853—56 гг., и военный крестъ за службу на Кавказѣ.

Князь Волконскій состоитъ членомъ совѣта и управляющимъ учебною частью Патріотическаго и Елисаветинскаго институтовъ. Всѣ дѣла по части высшаго женскаго образованія въ послѣднія десять лѣтъ разсматривались въ министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ различныхъ комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ князя и всегда находили въ немъ просвѣщенную поддержку.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что князь Волконскій, внукъ по матери извѣстнаго героя 1812 года, генерала Н. Н. Раевскаго, и потомокъ геніальнаго М. В. Ломоносова (троюродный правнукъ основателя русской науки), столѣтній юбилей котораго праздновался съ Высочайшаго разрѣшенія въ 1865 году 4 апрѣля, день сотой годовщины кончины великаго сына Русской земли.

Александръ Хвостовъ.

Дора.

Повѣсть **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе).

III.

Старикъ Волоцкой жилъ въ собственномъ домѣ на Сергіевской.

Александръ Сергѣевичъ, его племянникъ, по мѣрѣ того какъ подъѣзжалъ ближе къ этому дому, становился все озабоченнѣе и озабоченнѣе. Онъ хмурился. Съ его лица сбѣгало то безпечное выраженіе, которое такъ нравилось старухѣ Баташовой, говорившей о немъ: „это, кажется, въ настоящее время едва-ли не единственный молодой человѣкъ, какіе бывали въ наши времена...“ Александръ Сергѣевичъ даже поблѣднѣлъ немного, звоня у подъѣзда.

— Что дядя?.. Здоровъ?.. Какъ его подагра? заботливо спрашивалъ онъ у швейцара, снимавшаго съ него пальто.

— Плохи... по обыкновенію. Даже-съ были сердиты. На Григорія страсть кричали... Потомъ отошли. Завтракали съ аппетитомъ... Про васъ спрашивали.

— Давно? встревожился Александръ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, минутъ десять назадъ... Григорій выходилъ, справлялся, не пріѣзжали-ли вы.

— Кажется, я не опоздалъ?.. Шесть часовъ, ровно, а онъ обѣдаетъ въ половинѣ седьмаго.

И Волоцкой торопливо сталъ подыматься по широкой, заставленной цвѣтами, лѣстницѣ. Дядю онъ засталъ въ кабинетѣ. Тотъ сидѣлъ у камина, вытянувъ ноги на скамейку, одна изъ нихъ была у него завернута въ фланелевое одѣяло. Въ лицѣ у старика не было ничего напоминавшаго его племянника. Въ сдвинутыхъ бровяхъ, въ прямой морщинкѣ прорѣзывавшей лобъ, въ сухомъ и блѣдномъ носѣ, въ безцвѣтныхъ, тонкихъ губахъ читалось даже что-то жесткое; видимое дѣло, старость заставила зачерствѣть этого человѣка и прежде не отличавшагося особенною добротою. Широкій, прямой подбородокъ и выдавшіяся выпуклины лба обнаруживали въ немъ сильный и упорный характеръ. Онъ протянулъ руку племяннику, слабо пожалъ его руку и брезгливо спросилъ:

— Что это, ты кажется ужь и къ обѣду опаздывать началъ? Впрочемъ, это твое дѣло. Если тебѣ со мною скучно — можешь не пріѣзжать. Мнѣ и одному съ моими воспоминаніями хорошо... Я не нуждаюсь въ обществѣ нашей молодежи.

— Помилуйте, дядя, теперь безъ четверти шесть на вашихъ, а на моихъ шесть ровно.

— Я на часы не смотрю... Ну, что у васъ новаго?.. Былъ у Багреневыхъ?

— Нѣтъ! покраснѣлъ племянникъ.—Не былъ, дядя... У нихъ такъ скучно.

— Если ты ищешь шумной жизни, вздорныхъ удовольствій, то у Надежды Анисимовны разумѣется тебѣ покажется скучно... Тамъ не картежничаютъ и не волочатся... Это семья строгая... И разумѣется не молодымъ шалопаямъ измѣнить M-me Багреневу. Только въ моихъ видахъ, другъ мой, чтобы ты ее посѣщалъ чаще. Ты вѣдь хорошо знаешь, что Нинѣ стукнуло девятнадцать лѣтъ и больше году она ждать жениха не будетъ.

— А если я ей вовсе не нравлюсь, дядя? тихо спросилъ Александръ Сергѣевичъ.

— Ну, это, положимъ, — и губы старика Волоцкаго сложились въ еще болѣе жесткую и насмѣшливую улыбку. — Ну, это, положимъ! Она слишкомъ хорошо воспитана, чтобы первой вѣшаться тебѣ на шею... Да и ты съ своей стороны еще ничего не сдѣлалъ для того, чтобы дать ей понять о своихъ чувствахъ, если они у тебя есть, разумѣется... Впрочемъ, ты, другъ мой, совершенно свободенъ. Я желаю тебя соединить съ дочерью моего лучшаго и единственнаго друга. Согласенъ ты — мое духовное завѣщаніе останется въ силѣ и до смерти я буду давать тебѣ столько, сколько тебѣ надо... А не согласенъ—я не неволю... Я не на-

силую чувства. Я не заставляю, мой другъ... Сохрани Богъ! Тебѣ только придется жить па свои три тысячи рублей въ годъ или поступать на службу... въ чиновники... Я тебѣ нарочно еще разъ повторяю объ этомъ съ двумя цѣлями: во-первыхъ, чтобы между нами не было никакихъ недоразумѣній—это разъ, а во-вторыхъ, Багреневу доктора посылаютъ въ Италію... Она поселится съ дочерью Ниной въ Сорренто... Я прикажу конторѣ выдать тебѣ десять или сколько тамъ нужно тебѣ будетъ тысячъ — ты знаешь, я не мелочникъ и въ деньгахъ тебя никогда не стѣснялъ. И такъ, ты получишь деньги и недѣли черезъ двѣ послѣ нихъ выѣдешь туда же... Вы будете вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ, узнаете ближе другъ друга, сойдетесь... Вотъ мои виды!.. Нина хорошей семьи. Фамилія Багреневыхъ стоитъ нашей, и вообще это мое желаніе. Угодно тебѣ исполнить его — я твой; нѣтъ — разстанемся друзьями и я сочту себя въ правѣ распорядиться своимъ состояніемъ, какъ мнѣ подскажутъ мои сердце и умъ. Только тебѣ его не видать, какъ своихъ ушей... Ну, помоги мнѣ подняться... Старость — не радость... Правда, вернулся онъ къ излюбленной темѣ,—правда, Нина не красавица, но очень мила. Она нѣсколько блѣдна и выглядываетъ болѣзненною, но на Югѣ выправится и замужемъ еще больше расцвѣтетъ. Разумѣется, ей далеко до ея матери!

И точно какое-то свѣтлое облако окружило старика Волоцкаго.

Морщины его расправились, глаза засіяли совсѣмъ юношескимъ блескомъ. Онъ остановился, сильно опираясь на руку племянника.

— Нина Анисимовна въ свое время была первою красавицей... За ней, другъ мой, бѣгалъ весь большой свѣтъ того времени. Покойный императоръ Николай отличалъ ее, и разъ на маскарадѣ въ Дворянскомъ Собраніи весь вечеръ ходилъ съ нею подъ-руку... Такихъ какъ она теперь нѣтъ. Я ее какъ сейчасъ помню... Да, мы были дружны... очень дружны...

Голосъ его прозвучалъ какъ-то странно при этомъ. Онъ вздохнулъ и опять двинулся впередъ.

— Ну, веди меня, мой другъ... Молодость, къ сожалѣнію, два раза не возвращается... А мы умѣли ею пользоваться и жили!.. Жили какъ слѣдуетъ—не то, что вы...

Александру Сергѣевичу хотѣлось было сказать дядѣ: „а какъ же вы, такъ проживъ вашу молодость, мѣшаете намъ пользоваться своею“, но у него слова замерли въ горлѣ. Онъ зналъ властный и бѣшеный характеръ старика.

Въ столовой, при видѣ его, Григорій отодвинулъ кресло, и усадивъ старика, подложилъ ему подъ больную ногу скамейку.

IV.

Давали „Отелло“ Верди. Дора вошла въ театръ какъ разъ въ то время, какъ подымалась занавѣсь. Баташова заняла мѣсто впереди, дѣвушка помѣстилась за нею. Она была одѣта не для оперы, и не хотѣла поэтому быть замѣченною. Впимательнымъ взглядомъ обѣжавъ первые ряды, она убѣдилась, что Волоцкаго тамъ не было. Сначала ей показалось, что это онъ стоитъ обернувшись къ ихъ ложѣ спиною. Его тонкая и стройная, съ широкими мощными плечами фигура, его курчавые волосы. Но когда при первыхъ звукахъ оркестра тотъ обернулся и сѣлъ, Дора разочаровалась. Плоское лицо съ круглыми рачьими глазами и ершомъ встопорщенные усы никакъ не могли принадлежать Волоцкому.

— Александра Сергѣевича еще нѣтъ! вырвалось у нея.

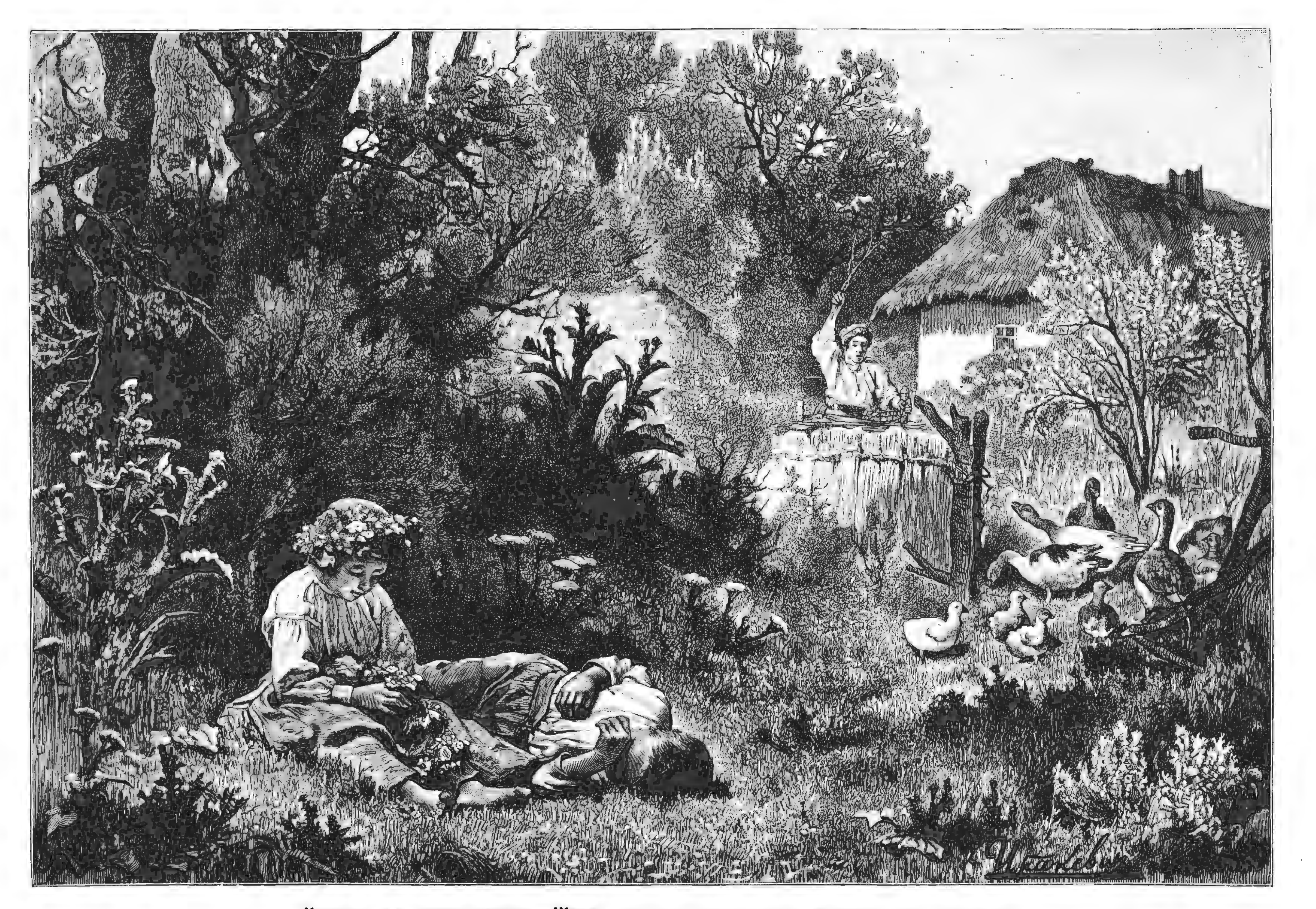
— Онъ никогда къ началу не является. По-ихнему, по-новому, это называется шикомъ, а по-моему просто отсутствіе вкуса. Слушать оперу не съ начала — все равно, что книгу съ середины читать. Не люблю я этого.

Дора забилась въ уголокъ. Отсюда ей было хорошо видно и слышно. Въ оркестрѣ ураганомъ подымалась буря. Crescendo росло и росло, охватывая все какимъ-то хаосомъ взбѣшенныхъ стихій. Слышался ревъ сталкивающихся и разбивающихся волнъ, свистъ вѣтра, гнавшаго ихъ къ утесистымъ берегамъ Кипра, глухіе и тягучіе удары грома и порывистыя движенія корабля, влекомаго грозою. Въ тучахъ гаснутъ багровые отсвѣты робко умирающаго дня. Зловѣщая ночь съ своею теменью идетъ съ востока... Народъ на берегу. Венеціанская галера борется съ моремъ, и вдругъ вдохновенная, словно въ самое лицо бурѣ брошенная, смѣлая фраза Отелло... Это вождь—настоящій вождь, сильный и увѣренный. Это—трагическій мавръ, у котораго въ душѣ родятся и растутъ непогоды, равныя грозовымъ конвульсіямъ южнаго неба и горячечнымъ пароксизмамъ взволнованной ими стихіи. Дора вся ушла въ эту чудную эпопею безконечной любви и мучительныхъ сомпѣній. Кажется, что онѣ родятся въ ея душѣ. Кажется, что это въ ней самой ревѣтъ бѣшеная буря Средиземнаго моря. Великолѣпная музыка Верди захватила ее всю и унесла въ чудный міръ поэтическихъ сказокъ... Она даже не улыбалась, когда вмѣсто Дездемоны, этого весенняго сна, осуществленнаго творческою фантазіей генія, на сцену явилась, вызывавшая только улыбку, г-жа ***ская. Какъ ни мало она походила на Дездемону, но Дора, увлеченная восторгомъ, видѣла и слышала не ее... Дуэтъ, великолѣпный дуэтъ Отелло и Дездемоны, полный огневой страсти съ одной стороны и тихаго экстаза любви съ другой, головокружительныхъ порывовъ и чистой дѣвственной молитвы безгрѣшнаго сердца—являлся ей не такимъ, какимъ его исполняли въ этомъ мірѣ картонныхъ кулисъ, а какимъ его написалъ Верди, партитуру котораго хорошо знала и любила Дора. Широкіе речитативы Отелло, мрачная декламація Яго, кроткая жалоба Дездемоны, всѣ эти детали великой музыкальной драмы точно росли въ ея душѣ, будто въ ней рождались и звучали чудные звуки. Дора весь антрактъ просидѣла молча въ углу, уйдя въ самоё-себя, и такъ неудачно отвѣчала на вопросы Баташовой, что та засмѣялась.

— Ну, ты совсѣмъ теперь утонула въ музыкѣ. Я и забыла, что съ тобой въ оперѣ разговаривать нельзя.

Дора даже перестала замѣчать отсутствіе Волоцкаго. Въ эти минуты онъ ничего бы не прибавилъ къ ея наслажденію. Во второмъ актѣ, когда широкая и величественная мелодія характернаго дуэта Отелло съ Яго, одна изъ лучшихъ, когда-либо написанная Верди—ярко и рѣзко рисовала благородную довѣрчивость перваго и демоническую злобу второго, когда передъ Дорою почти въявь потрясающе развивалась борьба двухъ началъ, когда темный Ариманъ бралъ верхъ надъ свѣтлымъ Ормуздомъ, она даже не слышала, какъ отворилась дверь ложи и сюда вошелъ кто-то... Она не видѣла, какъ къ нему обернулась и говорила ему что-то Баташова. Монологъ Яго она переживала вся похолодѣвшая, охваченная ужасомъ. Въ мрачномъ, печальномъ просторѣ безграничнаго царства зла, широко развивалась Вердіевская тема, звуча проклятіемъ всему сущему, всему, что вѣрило и надѣялось. Богъ призываемый во гнѣвѣ, Богъ жестокій и мстительный, казалось, вселялся во все кругомъ. Человѣкъ дѣлался злодѣемъ уже потому только, что онъ человѣкъ. Месть и ненависть являлись культомъ, вражда—исповѣданіемъ, несчастіе—судьбою. Ложь проступала во всемъ—въ святыхъ обѣтахъ, въ слезахъ печали, въ поцѣлуяхъ любви, въ кроткомъ взглядѣ невинности, въ самоотверженіи гибнущихъ жертвъ, въ высшихъ порывахъ возмущенной чести... Ложь вездѣ и во всемъ. Ложь отъ колыбели до могилы, а за могилою тьма, уничтоженіе, ве-

Трепаніе льна. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Флюгель.



Уголокъ въ окрестностяхъ Кіева. Ориг. рис (собств „Нивы") Ижакевича, грав. Рашевскій.

ликое ничто. Дора не слышала даже рукоплесканій,— они не заглушали этой великой симфоніи, которая все громче и громче звучала въ ея душѣ.

— Ну, отошли? смѣясь спрашивалъ ее Волоцкой въ антрактѣ, когда она, точно проснувшаяся и въ первый разъ его увидѣвшая, улыбалась и не знала, чему именно улыбается.

— Здравствуйте! наконецъ подошелъ онъ къ ней, заглядывая прямо въ ея восторженные глаза.

Дора машинально подала ему руку и только теперь совсѣмъ пришла въ себя.

— Ахъ, это вы!.. вырвалось у нея.

— Слава Богу, я ужь полчаса сижу здѣсь. Вы меня не удостоили замѣтить.

— Оставьте ее... вмѣшалась Баташова.—Я ей завидую... Кто нынѣ умѣетъ такъ наслаждаться музыкой, какъ она? Она вся уходитъ въ нее,—точно на Синаѣ.

— Не ***ская-ли произвела на васъ такое впечатлѣніе?..

— Ну вотъ! обидѣлась Дора.—Я ее даже не видѣла. Для меня во всемъ этомъ главный герой — оркестръ... остальное детали. Вы опоздали, разумѣется... Развѣ можно?.. Вѣдь это не ветхозавѣтныя Лючіи и Сомнамбулы, которыя съ какого конца ни слушай—все отлично.

— Да меня задержали... Мнѣ Ольга Семеновна разсказывала, что вы собираетесь куда-то за-границу... Она только не говоритъ—съ кѣмъ.

— Не знаю... какъ удастся еще... Можетъ-быть ничего и не выйдетъ изъ этого.

— Я ручаюсь, что удастся, засмѣялась Баташова.

— Значитъ мы съ вами пожалуй долго не увидимся?

И такая грустная искренняя нотка прозвучала въ его голосѣ, что Дору всю точно тепломъ обдало.

„Это отъ васъ зависитъ“, хотѣла отвѣтить она, но хорошо что удержалась.

— Багреневы тоже ѣдутъ?.. безразлично проговорилъ онъ, точно для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Какъ же, какъ же! улыбнулась Баташова, державшая еще въ секретѣ то, что Дора поступала къ нимъ.—Какъ же, насчетъ Багреневыхъ даже сплетничали. Повѣрить—такъ старшая M-elle Багренева давно бы ужь должна была называться M-me Волоцкой... По крайней мѣрѣ матушка когда ее спрашиваютъ объ этомъ—таинственно отмалчивается.

— Ну вотъ! съ неудовольствіемъ прервалъ ее Волоцкой, внимательно глядя на Дору, которая, вся поблѣднѣвъ, чутко прислушивалась къ словамъ Баташовой и видимо ждала, что онъ отвѣтитъ на это.—Я не знаю, кто это пустилъ слухи о моемъ сватовствѣ.

— А я знаю. Всего вѣрнѣе—сама матушка. Я уже говорила Дорѣ, что̀ это за персона!.. Впрочемъ и вы сами всегда такъ неопредѣленно отзывались по этому вопросу... А вѣдь смѣшнѣе смѣшнаго—ваша предполагаемая будущая belle mère. Поди-ка кто-нибудь, опиши ее—скажутъ шаржъ.

— Антикъ! Ее, вмѣстѣ съ „mon Grichà“, въ Помпеяхъ нашли при раскопкахъ и забыли во-время въ музей спрятать. Вотъ если бы, Дора Петровна, вы именно съ ними были въ Италіи! вдругъ вырвалось у него.

— Почему? вспыхнула та.

Волоцкой и самъ не зналъ, что онъ своимъ намекомъ попалъ въ цѣль.

— Я тебѣ за него объясню, смѣялась Баташова.— Александръ Сергѣевичъ, разумѣется, за M-elle Багреневой послѣдуетъ въ Италію и тамъ увидитъ тебя. Такимъ образомъ ты самой судьбою предназначена быть тою каплей меду...

Но Дора ужь не слышала.

Начинался поэтически изящный послѣдній актъ, для котораго Верди нашелъ въ своемъ творчествѣ столько нѣжности и кроткой красоты. Со дна подымаются давно забытыя, стертыя дѣйствительностью чувства; какъ Лазарь изъ своего гроба встаетъ давно погребенное... Вы слышите біеніе собственнаго сердца. Баташова вся ушла въ далекое прошлое. Дора—съ „пѣсней объ ивѣ“ и съ „ave Maria“ — унеслась въ какую-то свѣтлую даль... Стѣны театра раздвинулись и исчезли, провалилась сцена... Просторъ былъ вокругъ — и въ этомъ просторѣ она только и чувствовала, что близость Волоцкаго. Онъ сидѣлъ рядомъ съ нею, но ей казалось, что они вдвоемъ летятъ куда-то и весь міръ подъ ними и кругомъ поетъ и плачетъ, и звѣзды несутся вмѣстѣ съ ними, и прохлада кругомъ, и нѣжный свѣтъ. Изрѣдка повторявшаяся страстная тема перваго дуэта заставляла горячо трепетать ея бѣдное сердце. Она даже глаза закрывала, вся отдаваясь дивнымъ созвучіямъ.

— Опять заснула! смѣялась Баташова.

Дора вздрогнула. Рядомъ въ ложахъ подымались. Дамы кутались въ ротонды и шубки, мужчины громко говорили о чемъ-то; партеръ шумѣлъ уходя и верхи надрывались вызывая артистовъ. Начиналась обычная проза дѣланнаго успѣха и патологическаго оранья.

— Вы съ нами? обернулась старуха къ Волоцкому.— Я по-старому живу. У меня вѣдь карета четырехмѣстная. Цѣлый Ноевъ ковчегъ.

— Если позволите.

— Поужинаемъ по-„московски“, а тамъ я возложу на васъ тяжкую обязанность проводить Дору домой. Мнѣ ее сегодня не съ кѣмъ домой отпустить.

— Я и одна!.. всполошилась та, не желая остаться одна съ Волоцкимъ.

— Ну, куда-жь ты ночью одна! Мою карету я должна буду отправить за нашими. Что-жь тебѣ одной на извозчикѣ трепаться... Александръ Сергѣевичъ тебя проводитъ съ удовольствіемъ.

— Еще бы, подтвердилъ тотъ такъ быстро и рѣшительно, что дѣвушка только покраснѣла.

Въ каретѣ онъ усѣлся противъ Доры. Она чувствовала его около и ее отъ этого всю обдавало жаромъ. Даже когда она говорила, голосъ ея вздрагивалъ отъ совсѣмъ ей самой непонятнаго чувства. То онъ звучалъ преувеличенно громко, то замиралъ, и Дора не оканчивала начатыхъ фразъ. Въ потемкахъ кареты она видѣла горячій взглядъ молодаго человѣка. У него была странная манера смотрѣть охватывая ее своимъ взоромъ, и она вся горѣла при этомъ. Ей отчего-то было ужасно стыдно и хорошо въ то же самое время,—такъ хорошо, что она теряла сознаніе всего окружающаго, и такъ стыдно, что дотронься онъ до нея нечаянно, она бы крикнула что было силы.

V.

— Ни одного извозчика!.. Досадно, что мы не попросили Ольгу Семеновну послать за нимъ, недовольно говорилъ Александръ Сергѣевичъ, выйдя на улицу вмѣстѣ съ Дорой.

— А развѣ вы не умѣете ходить пѣшкомъ? насмѣшливо улыбнулась она.—Какой нѣженка!

— Нѣтъ, я ради васъ... оправдывался онъ.

— Меня... Напрасно безпокоитесь...

И ни съ того, ни съ сего что-то горькое прокралось въ ея душу.

— Я выросла на улицѣ—мнѣ не привыкать! вырвалось у нея.

— Вы на меня сердиты? спросилъ онъ, заглядывая ей въ лицо и не понимая, что̀ такое онъ разбередилъ въ ея душѣ.

— Нѣтъ... А развѣ есть за что?..

— Я думалъ... Въ вашемъ тонѣ слышалось раздраженіе.

— Во всякомъ случаѣ, къ вамъ оно не относится.

— Могу я предложить вамъ руку? робко спросилъ онъ.

Странно. Ей ужасно понравилось, что самоувѣренность измѣняла ему, когда онъ говорилъ съ нею. Совсѣмъ другимъ онъ былъ съ ея знакомыми.

Она взяла его подъ-руку. У Александра Сергѣевича рука была сильная и казалась неподвижной. Идя, Дора опиралась на нее, какъ на перила. Сначала ей было непріятно только, что онъ сильно прижималъ ея руку къ своей; она попробовала было освободиться. Онъ почувствовалъ и спросилъ ее:

— Вамъ неудобно?

Сказать *да*—значило дать понять ему, что она замѣтила это. Что-то удержало ее, и она покорно проговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ хорошо, благодарю васъ!..

И дѣйствительно ей стало хорошо. Отъ него вѣяло на нее какимъ-то растомляющимъ тепломъ, чѣмъ-то нѣжащимъ, отъ чего она теряла волю и соображеніе. Она теперь шла молча, молчалъ и онъ, такъ что когда наконецъ Александръ Сергѣевичъ спросилъ ее о чемъ-то, то она вздрогнула и не сообразила въ первое мгновеніе.

— Съ вами ужасно удобно идти! говорилъ онъ.— Совсѣмъ не чувствуешь тяжести...

— Удобнѣе чѣмъ съ M-lle Багреневой? лукаво взглянула она на него.

— И вы!.. Мало ли что покажется Ольгѣ Семеновнѣ! Я ужасно люблю Баташову, только въ ней все-таки москвичка видна. Ужь очень она охотно сплетничаетъ и иногда безо всякаго поводу.

Въ его голосѣ послышалась досада.

— Ого! засмѣялась Дора. — За живое задѣло, значитъ... Только сплетничаетъ... безъ всякихъ основаній. Впрочемъ о васъ и о M-lle Багреневой я и не отъ нея одной слышала...

— Какія глупости! грубо вырвалось у него.

— До больнаго мѣста дотронулась? старалась она разсмѣяться и не могла. — Значитъ, дѣйствительно есть кой-какая правда во всемъ этомъ.

— Ничего не значитъ, а мнѣ дѣйствительно непріятно, что она при васъ объ этомъ говорила.

— Да я-то здѣсь при чемъ? удивилась Дора.

— Вы можете повѣрить этому... неосторожно проговорилъ Волоцкой.

— А вамъ не все равно?

— Должно быть не все... И голосъ его сорвался.

Ей самой сдѣлалось неловко, такъ неловко, что шутка уже сложившаяся въ ней такъ и осталась невысказанною. Она потупилась... Чтобы положить конецъ этому молчанію, она вдругъ проговорила:

— Вы въ самомъ дѣлѣ собираетесь въ Италію эту зиму?

— До сегодняшняго дня не собирался — а теперь поѣду...

— Такъ вдругъ рѣшили? Скоропостижно? уже смѣялась она. — Ни съ того, ни съ сего?

— Пожалуйста не смѣйтесь... Сами знаете, что смѣяться тутъ нечему.

— Что это, дерзость?

— Нѣтъ... Я вамъ не могъ бы сказать ничего непріятнаго, если бы я и хотѣлъ.

— Почему же?

Ей вдругъ стало такъ легко и хорошо... Точно въ ней разсвѣло... И вмѣстѣ съ этимъ какое-то шаловливое настроеніе охватило ее всю.

— Почему же... И...

Она точно оборвала...

— Что *и*?

— И сколькимъ вы, Александръ Сергѣевичъ, говорили то же самое?

— Многимъ... Только вамъ первой искренно.

— А это сколькимъ?

— Вы мнѣ не вѣрите? Чѣмъ я это заслужилъ?

Ей послышалось что-то дѣйствительно сердечное и больное въ звукѣ его голоса.

— Простите, я шучу... вырвалось у нея. — Я не хотѣла обидѣть васъ.

Онъ наклонился къ ея рукѣ и поцѣловалъ кончикъ ея перчатки.

— Послушайте!.. Я у васъ отниму руку.

Она почувствовала, что слѣдовало бы не говорить только, а сдѣлать это. И на себя злилась „за безхарактерность“, какъ она называла, до такой степени злилась, что у ней слезы проступили на глазахъ.

— Въ этотъ разъ я тоже не хотѣлъ оскорбить васъ... Такъ и королевамъ цѣлуютъ руки.

— Странный вы человѣкъ! Я такихъ и не видала... Ужасно странный!

— Чѣмъ это?

— Точно васъ двое! Въ гостиной — вы одинъ, со мною теперь точно иной совсѣмъ идетъ...

— Не иной, а настоящій.

— А тамъ, не настоящій?

— Нѣтъ! Тамъ по утвержденному образцу въ общесалонной формѣ. А съ вами я не могъ бы притворяться... Потому что относительно васъ я...

И вдругъ ей страшно стало какъ бы онъ сейчасъ, сію минуту не кончилъ эту фразу. Она увидѣла вдали спавшаго извозчика и обрадовалась ему какъ другу.

— Пожалуйста, вонъ извозчикъ... Крикните его... досадливо прервала она. — Я устала.

И разомъ воспользовавшись случаемъ вырвала свою руку.

Александръ Сергѣевичъ пошелъ будить извозчика. Дора смотрѣла на удалявшагося Волоцкаго, невольно любуясь имъ.

„Какая это право Баташова безцеремонная, думала она.—Правду говоритъ Александръ Сергѣевичъ, что у нея еще много московскихъ привычекъ. Сегодня вдругъ: „славная, Дора, парочка изъ васъ съ Александромъ Сергѣевичемъ вышла бы!“ Это при немъ... Меня точно заревомъ обдало, а ей ничего, она смѣется себѣ...“

Извозчикъ подъѣхалъ...

— Садитесь.

Волоцкой подсадилъ ее, сѣлъ рядомъ и обнялъ — по странной, крайне неприличной привычкѣ, усвоенной только петербуржцами. Она хотѣла просить его оставить это, но опять что-то удержало ея чувство осторожности и стыда...

„Значило бы — придавая этому важность, показать, что это на нее дѣйствуетъ... Лучше ужь не понимать... и оставить такъ...“

— Вамъ хорошо, удобно.

А рука его еще крѣпче охватывала тоненькій станъ дѣвушки и голосъ слышался надъ самымъ ухомъ. Ей казалось, что она чувствуетъ на своей щекѣ его горячее дыханіе. Она не отвѣчала ни слова... Она даже не слышала его... Въ ея головѣ обрывками проносилось:

„Нѣтъ, не женится... Гдѣ жениться! Я вѣдь изъ Швейцаріи.“

— Что это вы точно потемнѣли совсѣмъ?.. догадался онъ, что ея настроеніе измѣнилось.

— Такъ... Вдругъ стало грустно... Бываетъ. Не обращайте на это никакого вниманія. Мало ли что.

— Отчего это съ вами?.. И какъ это вдругъ?

— Какъ вы любопытны! Что вамъ за дѣло!.. Вамъ живется хорошо. Ну и будьте веселы... Къ вамъ не относится. Мало ли кругомъ мучится народу — не вы вѣдь въ ихъ числѣ.

— А вамъ живется трудно? съ участіемъ спросилъ онъ ее.

Она промолчала, только еще ниже наклонила голову.

— Чего бы я ни сдѣлалъ — не знаю, чтобы вы опять были веселы и улыбались своею хорошею, счастливою улыбкою! У васъ бываетъ такая... ясная! Знаете, въ

нее какъ въ безоблачное небо смотришься. Ей-Богу... Даже говорить неловко, — а кажется схватилъ бы васъ и отъ всего свѣта унесъ куда-нибудь, гдѣ бы все кругомъ было свѣтлое, покойное... Гдѣ бы ничто не заставляло морщиться, какъ сейчасъ, эти бровки... Гдѣ бы ваши губки только и дѣлали, что улыбались.

— Слова!..

— Потребуйте дѣла если вы не вѣрите словамъ.

— Развѣ *надо* требовать дѣла?..

— А между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что вы вѣрите мнѣ, что вы не такъ относитесь ко мнѣ какъ къ другимъ. Совсѣмъ не такъ...

— Лучше ли вамъ отъ этого?.. словно въ забытьи проговорила она.

— Да, для такихъ минутъ жить стоитъ... Жизнь — темна безъ нихъ...

Она чувствовала на своей щекѣ его дыханіе. Его голосъ вздрагивалъ и дрожь эта отдавалась въ ея сердцѣ, которое словно въ тактъ ему неровно билось... Ей то кружило голову, то она замирала вся отъ ожиданія того, что сейчасъ, сію минуту должно случиться...

— Дора Петровна! и въ его словахъ послышалось что-то рѣшительное. — Я давно-давно хотѣлъ остаться съ вами наединѣ... чтобы сказать вамъ...

— Не здѣсь... Не здѣсь... вдругъ забилась она, сама не зная зачѣмъ и почему это дѣлаетъ.—Ради Бога не здѣсь... Потомъ...

— Когда же?.. совсѣмъ уже глупо переспросилъ онъ.

— Тамъ... Дальше, когда-нибудь... Потомъ.. Впослѣдствіи... Тамъ... Здѣсь нельзя Здѣсь вы не знаете... Я чувствую себя тутъ такой несчастной... Такой одинокой...

И вдругъ она отвела его руку, обнимавшую ее...

— Мы пріѣхали!. точно упавшимъ голосомъ проговорила она.—Вотъ мы дома... Я здѣсь живу Прощайте...

Но онъ вдругъ остановилъ ее.

— Послушайте, Дора... Одно слово, только одно слово.

Она сдѣлала послѣднее усиліе, вырвалась отъ него и, уже не слушая, вбѣжала въ ворота, точно за нею гнались, стремительно вскочила въ свою лѣстницу и не переводя дыханія миновала всѣ три этажа... У двери своей квартиры она прислушалась. Внизу все было тихо... Слышно было только какъ гдѣ-то стучитъ маятникъ... Она позвонила.

VI.

Мадамъ Багренева была „барыня"... не въ томъ смыслѣ въ какомъ говорятъ: „онъ настоящій баринъ", нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Барыней она была только потому, что ея мужъ вышелъ въ отставку генералъ-лейтенантомъ, что ея папаша-откупщикъ оставилъ ей большое состояніе и что съ тѣхъ поръ какъ она себя помнила всѣ передъ нею ходили на заднихъ лапкахъ. Она поэтому съ самаго ранняго возраста научилась требовать все и самой за это не давать ничего, фыркать на Божій міръ, считать себя и своихъ стоящими на вершинѣ, а другихъ гдѣ-то далеко внизу,—такъ далеко, что остальное человѣчество казалось ей муравьями и всѣ его интересы въ сравненіи съ ея капризами сводились къ нулю. Когда-то она была очень хороша собою и современный художникъ изобразилъ ее, согласно вкусамъ той эпохи, въ восточномъ костюмѣ лежащею на софѣ и чуть не сплошь осыпанною драгоцѣнностями. Посему она стала носить яркіе капоты съ какими-то раструбами вмѣсто рукавовъ, принимала гостей полулежа, и несмотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ считала себя красавицей... Страсть къ драгоцѣнностямъ у нея осталась. Ее часто встрѣчали въ брильянтахъ и съ громадными жемчугами на шеѣ. Шляпу, напримѣръ, она носила съ совсѣмъ неприличнымъ, растрепаннымъ пижономъ, но аграфъ на ней сверкалъ брильянтами. Она сама находила по старой памяти свои глаза необыкновенно выразительными и поэтому подчеркивала ихъ такою подрисовкою, что они просто казались выпученными, пудра сыпалась съ ея лица на платье; впрочемъ все это не мѣшало ей говорить о своихъ знакомыхъ: „ma chère, она можетъ-быть и прекрасная женщина, но вы посмотрите какъ она мажется и подводитъ себѣ глаза"... Ея величіе не препятствовало ей быть отъявленною сплетницей. Наши россійскія барыни какъ-то умѣютъ совмѣщать эти два качества — и презрѣніе къ другимъ, и самое жгучее любопытство во всемъ, что касается грѣховъ своего ближняго. Со смерти ея мужа у нея было двѣ страсти: во-первыхъ, „mon fils Grichà" — съ удареніемъ на chà, а во-вторыхъ разсказы о своихъ успѣхахъ на придворныхъ балахъ. Дочерей она въ гостяхъ называла своими ангелами, особенно если при этомъ была богатая холостежь, дома — онѣ часто оказывались „клячами". Величіе мадамъ Багреневой не исключало способности ругаться, заимствованной у кучеровъ, такъ какъ у нея былъ свой конскій заводъ. „Клячи" — въ свою очередь не питали къ ней никакихъ нѣжныхъ чувствъ, а брата своего (ce cher Grichà) просто ненавидѣли. Только въ присутствіи старика Волоцкаго она нѣжно обнимала свою старшую Ниночку и смотрѣла на него увлаженнымъ взглядомъ. Что касается до ея успѣховъ въ grand-mond'ѣ, то она сама намекала на свое приключеніе со столь высокою особою, что при одномъ ея имени, она какъ-то вся замирала и старалась показать, что ее охватываетъ священный трепетъ. Куда бы она ни ѣздила, налегкѣ или за границу, все равно ея брильянты и портретъ (одалиска на софѣ) всюду слѣдовали за нею и она обыкновенно въ каждомъ отелѣ требовала софу — и вѣшала этотъ портретъ передъ нею... „Вы узнаете!" томно ласкала она гостя подведенными глазами, принимая его полулежа въ изображенной художникомъ позѣ. И когда наивный посѣтитель все-таки ее не узнавалъ, M-me Багренева рѣшала въ умѣ: „это просто болванъ и неучъ" и мысленно вычеркивала его изъ своей книги живота и изъ своихъ приглашеній на обѣды. „Не стоитъ, дуракъ этакій", награждала она его мысленно. Несмотря на свое богатство, она отлично знала цѣну деньгамъ, и тѣмъ кто въ этомъ отношеніи разсчитывалъ на ея „гранъ-сеньорство" — приходилось горько разочаровываться. Умъ ея вѣчно былъ поглощенъ — помимо воспоминаній о ея прошедшихъ успѣхахъ и миновавшихъ придворныхъ интригахъ, — во-первыхъ, блестящею судьбой ожидавшею ея cher Grichà, а во-вторыхъ, замужествомъ своихъ ангеловъ („клячъ" про себя!). Послѣднихъ она разсчитывала пристроить сообразно ихъ положенію въ свѣтѣ, хотя своимъ величіемъ отогнала бы не одного жениха. Пока была впрочемъ готова только одна изъ нихъ, старшая— Нина. Но судьба этой была рѣшена. Она давно уже покончила все со старикомъ Волоцкимъ и ожидала только предложенія со стороны его племянника. Она считала себя esprit fort и libre penseuse, потому что перечитала всю бульварную французскую литературу, говорила, что она безъ предразсудковъ, потому что какіе-же предразсудки могутъ существовать для *нея*, въ ея высокомъ положеніи, любила помпу и только при этомъ условіи раскошеливалась, и бѣдную Дашу, убиравшую ея волоса, т. е. надѣвавшую ей фальшивые букольки, накладки и шиньоны, часто безжалостно колола булавками, а когда та грозилась уйти, Надежда Анисимовна падала въ обморокъ, говорила что въ людяхъ нынче нѣтъ ни малѣйшей благодарности, корила ее своими благодѣяніями и заболѣвала мигренью. Не то чтобы она была привязана къ Дашѣ, нѣтъ! Она, собственно говоря, терпѣть ее не могла, но та привыкла къ ней— *разъ*; и знала всѣ тайны ея туалета — *два*, а послѣднее для Багреневой было весьма важно... Баташову она очень уважала, т. е. въ переводѣ на общечеловѣческій языкъ: боялась. Во-первыхъ, старуха-москвичка была

Лученье рыбы съ помощью костра. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Юмудскаго, грав. Шюблеръ.

сама остра на языкъ; во-вторыхъ, рожденная княжна Тараканова — она являлась истинною аристократкой, никогда не заботясь объ этомъ; въ-третьихъ, Ольга Семеновна была гораздо богаче Багреневой и слѣдовательно одна изъ дочерей Баташовой могла удостоиться величайшей чести выйти замужъ за „cher Grichà"; въ-четвертыхъ, мужъ Баташовой былъ нѣкогда начальникомъ мужа Багреневой и умеръ Андреевскимъ кавалеромъ и съ титуломъ „высоко-превосходительства"... Поэтому когда Баташова пріѣхала къ ней — Надежда Анисимовна встрѣтила ее столь жаркими объятіями и поцѣлуями, что старуха чуть не расхворалась...

(Продолженіе будетъ).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта**.

Переводъ *Е. Евстафьевой*.

(Продолженіе).

Онъ смотрѣлъ, какъ караванъ медленно проходилъ мимо, а самъ въ отчаяніи продолжалъ размахивать шляпой, бѣгая взадъ и впередъ мимо куста, гдѣ лежала дѣвочка, которой онъ былъ единственнымъ защитникомъ и покровителемъ. Вдругъ онъ замѣтилъ, что трое всадниковъ, которые ѣхали впереди, внезапно измѣнили свою форму. Они уже не были больше рѣзко очерченными, продолговатыми, черными пятнами, но какъ-то стушевались, сдѣлались менѣе ясными, потомъ выросли и съузились и, наконецъ, приняли видъ настоящихъ восклицательныхъ знаковъ. Мальчикъ продолжалъ размахивать шляпой, а всадники становились все выше и уже. Теперь онъ понималъ въ чемъ дѣло: эти черныя пятна, измѣнившія свою форму, были всадники приближавшіеся къ нему.

Онъ побѣжалъ посмотрѣть спитъ-ли Сьюзи, потому что его сумасшедшее желаніе не будить, не безпокоить ее, достигло высшей степени напряженія теперь, когда спасеніе было такъ близко. Она спала тихо и спокойно. Онъ опять побѣжалъ навстрѣчу своимъ спасителямъ.

Всадники повидимому остановились. „Что случилось? Отчего они не ѣдутъ дальше?"

Вдругъ ослѣпительный свѣтъ сверкнулъ въ ночной темнотѣ и надъ головой его пролетѣло что-то, точно птица, и исчезло гдѣ-то вдали. Они стрѣляли изъ ружья, они подавали ему сигналъ, ему, Кларэнсу, точно взрослому человѣку! Онъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы имѣть въ настоящую минуту въ рукахъ ружье и отвѣтить на сигналъ. Но онъ могъ только еще отчаяннѣе замахать въ воздухѣ шляпой.

Одинъ изъ всадниковъ отдѣлился отъ прочихъ и быстрой рысью направился къ Кларэнсу. Онъ подъѣзжалъ все ближе и ближе и казался громаднымъ, могучимъ и ужаснымъ, точно стихійнымъ духомъ этой необъятной равнины. Вдругъ онъ сильнымъ жестомъ вскинулъ свое ружье и мужественнымъ, звучнымъ голосомъ крикнулъ своимъ спутникамъ:

— Стойте! Не стрѣлять!.. Это не индѣецъ—это ребенокъ!

Въ слѣдующій моментъ онъ былъ около Кларэнса и, удержавъ лошадь, обратилъ къ нему свое красивое лицо съ ласковой, покровительственной улыбкой.

— Эй ты, мальчуганъ! Что это значитъ?.. Какъ ты сюда попалъ?

— Я отсталъ отъ каравана м-ра Силсби, сказалъ Кларэнсъ, показывая рукой на потемнѣвшій западъ.

— Отсталъ?.. Давно-ли?

— Часа три назадъ. Я думалъ, что насъ будутъ искать, сказалъ Кларэнсъ, какъ бы извиняясь передъ этимъ высокимъ, привѣтливымъ человѣкомъ.

— Ну, и ты разсчитывалъ ждать здѣсь, пока за тобой придутъ?

— Да, я думалъ, пока не увидѣлъ васъ.

— Зачѣмъ же ты, глупый мальчикъ, не побѣжалъ самъ къ намъ навстрѣчу, вмѣсто того, чтобы звать насъ сюда, отнимать у насъ время?

Мальчикъ опустилъ голову. Онъ зналъ, что его резоны будутъ признаны неуважительными и потому не рѣшался высказывать ихъ.

— Дѣло въ томъ, что тутъ вездѣ бродятъ индѣйцы, продолжалъ незнакомецъ,—и мы могли бы подстрѣлить тебя вмѣсто краснокожаго. Какія такія у тебя сокровища, которыя ты боялся оставить здѣсь?

Мальчикъ продолжалъ молчать.

— Кла'энсъ, послышался изъ куста слабый, сонный голосокъ,—возьми меня.

Ружейный выстрѣлъ разбудилъ Сьюзи.

Незнакомецъ быстро посмотрѣлъ по тому направленію, откуда раздался звукъ. Кларэнсъ вздрогнулъ и опомнился.

— Ахъ, сказалъ онъ горько,—вы разбудили ее! Вотъ почему я боялся уйти. Я не могъ нести ее на рукахъ, и не могъ заставить ее идти, потому что она устала и ей страшно въ темнотѣ. Я не хотѣлъ оставить ее одну, потому что она испугалась бы и я потомъ не могъ бы ее отыскать. Вотъ отчего я не бѣжалъ къ вамъ!

Онъ готовился къ тому, что его будутъ бранить, но теперь ему было все равно, разъ она была спасена и все обошлось благополучно.

Всадники переглянулись.

— Такъ значитъ ты, мальчуганъ, сказалъ первый незнакомецъ, — звалъ насъ только для того, чтобы мы спасли твою сестру?

— Она не сестра мнѣ, сказалъ Кларэнсъ быстро. — Она, просто, маленькая дѣвочка. Дочка м-съ Силсби. Мы вмѣстѣ играли съ ней въ фургонѣ, а потомъ вышли на дорогу. Я виноватъ во всемъ. Я помогъ ей сойти.

Трое всадниковъ приблизились къ Кларэнсу и, опустивъ поводья, внимательно разглядывали мальчика.

— И такъ, сказалъ первый незнакомецъ торжественно, -ты лучше хотѣлъ погибнуть вмѣстѣ съ нею, нежели оставить ее одну, хотя это было единственнымъ средствомъ твоего собственнаго спасенія?

— Да, отвѣчалъ мальчикъ, нѣсколько утомленный этимъ длиннымъ разговоромъ.

— Подойди сюда.

Мальчикъ подошелъ. Незнакомецъ сдвинулъ со лба Кларэнса его старую соломенную шляпу и пристально посмотрѣлъ ему въ лицо. Потомъ, положивъ ему на голову руку, повернулъ его къ своимъ спутникамъ и сказалъ спокойно:

— Каковъ щенокъ, а?

Тѣ съ улыбкой покачали головой.

Голосъ незнакомца звучалъ мягко и ласково, хотя слово „щенокъ" онъ произнесъ выдвинувъ впередъ нижнюю челюсть и придавъ своему лицу комически-свирѣпый видъ бульдога. Прежде чѣмъ Кларэнсъ успѣлъ рѣшить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ ему понимать этотъ эпитетъ—въ ласкательномъ или оскорбительномъ—незнакомецъ протянулъ ему свою, продѣтую въ стремя, ногу и, сдѣлавъ пригласительный жестъ, сказалъ:

— Прыгай сюда!

— А Сьюзи? сказалъ мальчикъ оборачиваясь.

— Посмотри, она уже познакомилась съ Филиппомъ.

Кларэнсъ оглянулся. Сьюзи вышла изъ-за куста и со своимъ, разгорѣвшимся отъ сна личикомъ, и разметавшимися локонами, съ курточкой Кларэнса на плечахъ и со шляпой, спустившейся на спину, она весело смотрѣла въ смѣющіеся глаза человѣка, который склонился надъ ней, протянувъ ей руки. Кларэнсъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Какъ! Эта дикая, упрямая, капризная Сьюзи, которой онъ принесъ столько жертвъ для того, чтобы спасти ее спящею и тѣмъ избѣжать пароксизма криковъ и плача—эта удивительная дѣвочка, повидимому, чувствовала себя прекрасно на рукахъ перваго встрѣчнаго. Впрочемъ, Кларэнсъ не укорялъ ее въ неблагодарности. Онъ былъ счастливъ и за нее, и за себя, и теперь, съ чувствомъ чисто дѣтскаго удовольствія, усѣлся поудобнѣе на сѣдлѣ добраго незнакомца.

IV.

Обратный путь къ каравану былъ новою радостью для дѣтей, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро кончилась. Быстрый галопъ на горячихъ мустангахъ, свистъ ночнаго вѣтра, возрастающая темнота, посреди которой отдаленные фургоны имѣли видъ какихъ-то куполообразныхъ хижинъ — все это было восхитительнымъ финаломъ богатаго приключеніями дня. Благодаря чудному легкомыслію дѣтства, всѣ пережитыя тревоги не оставили по себѣ никакихъ непріятныхъ воспоминаній; дѣти готовы были начать ихъ сызнова, вѣря въ прежній счастливый конецъ. Когда же добрый незнакомецъ уступилъ Кларэнсу поводья, мальчикъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ себя взрослымъ человѣкомъ и восторгу его не было предѣловъ.

Но дѣтей ожидалъ еще болѣе интересный сюрпризъ. Когда они приблизились къ фургонамъ, расположеннымъ кружкомъ въ стройномъ порядкѣ, имѣвшемъ нѣсколько военный характеръ,—они увидѣли, что эти фургоны устроены гораздо лучше тѣхъ, которые были въ ихъ поѣздѣ, и что въ этомъ отношеніи они даже представляли себѣ никогда не виданное ими совершенство. Сорокъ или пятьдесятъ лошадей были привязаны съ внѣшней стороны круга, а въ серединѣ лагеря уже ярко горѣли огни. Передъ однимъ изъ костровъ была раскинута палатка, сквозь открытыя занавѣси которой виднѣлся накрытый бѣлой скатертью столъ. Вѣроятно хозяева хотѣли устроить для нихъ праздникъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы у нихъ каждый день столъ накрывался такъ великолѣпно, думали наивныя дѣти. Кларэнсъ и Сьюзи вспомнили свои обычные обѣды на голыхъ доскахъ подъ открытымъ небомъ или

подъ низкой крышей фургона въ дождливые дни, и удивлялись. Когда же, наконецъ, они остановились и, сойдя съ лошадей, прошли одинъ фургонъ, который былъ устроенъ какъ спальня, а другой какъ кухня, они только переглянулись съ выраженіемъ молчаливаго одобренія. Но и тутъ замѣтна была разница въ отношеніяхъ дѣтей къ окружавшей ихъ новой обстановкѣ. Оба были пріятно поражены. Но удивленіе Сьюзи происходило оттого, что она видѣла совершенно новые для нея предметы, въ дѣйствительной пользѣ которыхъ слегка сомнѣвалась; между тѣмъ какъ Кларэнсъ, вслѣдствіе-ли особенностей его личнаго характера или прежнихъ опытовъ, былъ повидимому убѣжденъ въ томъ, что то, что онъ видѣлъ, было настоящей, обычной жизненной обстановкой, тогда какъ обстановка Силсби была для него нова и непривычна. Къ этому сознанію примѣшивалось чувство оскорбленной гордости за Сьюзи, энтузіазмъ которой въ его глазахъ дѣлалъ ее смѣшною.

Человѣкъ, съ которымъ пріѣхалъ Кларэнсъ и который повидимому былъ главой партіи, отправился въ палатку и минуту спустя вышелъ оттуда въ сопровожденіи нарядной леди, съ которой онъ обмѣнялся на ходу нѣсколькими поспѣшными словами. Эти слова вѣроятно относились къ нему и къ Сьюзи, но Кларэнса въ настоящую минуту они мало интересовали. Его вниманіе было поглощено красивой наружностью этой леди, тѣмъ, что платье ея было чисто и выглажено, что ея волосы были изящно причесаны и что хотя на ней надѣтъ былъ передникъ, но онъ былъ такъ же чистъ какъ платье и даже украшенъ лентами. Когда же она бросилась впередъ и съ очаровательной улыбкой взяла на руки удивленную Сьюзи, Кларэнсъ былъ такъ счастливъ за свою маленькую подругу, что совершенно простилъ ей то, что она его не замѣтила. Ея спутникъ, который, по всей вѣроятности, былъ ея мужемъ, сказалъ ей тихо нѣсколько словъ, указавъ движеніемъ головы на Кларэнса, и она тотчасъ же обратилась къ мальчику и съ той же прелестной улыбкой положила ему на плечо свою маленькую бѣлую руку.

— И вы все время заботились о милой крошкѣ? Она такой ангельчикъ, не правда ли? Вы очень ее любите?

Кларэнсъ покраснѣлъ отъ восхищенія. Правда, ему никогда не приходило въ голову смотрѣть на Сьюзи какъ на посланника небесъ, и я боюсь, что онъ больше былъ заинтересованъ наружностью своей собесѣдницы, нежели ея отзывомъ о его маленькой пріятельницѣ, но онъ все-таки былъ очень счастливъ за Сьюзи. Онъ еще не дошелъ до того возраста, когда впервые является смутное сознаніе могущества вліянія, напр. Джонни на Дженни, когда „Джони" въ полосатой тиковой блузѣ, становится предметомъ вздыханій для „Джени" въ ситцевомъ передникѣ, а слѣдовательно, исходя изъ этого правила, и Кларэнсъ могъ бы влюбиться въ Сьюзи.

Между тѣмъ леди вмѣстѣ съ дѣвочкой удалилась внутрь одного изъ вагоновъ и нѣсколько минутъ спустя появилась опять въ сопровожденіи Сьюзи, вымытой, причесанной и нарядной какъ кукла. Кларэнсъ остался передъ палаткой вмѣстѣ съ мужемъ леди и однимъ изъ его спутниковъ.

— Ну, мальчикъ, ты еще не сказалъ мнѣ какъ тебя зовутъ?

— Кларэнсъ, сэръ.

— Такъ зоветъ тебя Сьюзи, а какъ дальше?

— Кларэнсъ Брантъ.

— Не родственникъ ли полковника Бранта? спросилъ другой человѣкъ небрежнымъ тономъ.

— Онъ былъ моимъ отцомъ, отвѣчалъ Кларэнсъ, радуясь тому, что можетъ считать себя не совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ.

Его собесѣдники переглянулись. Предводитель партіи со страннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на мальчика и спросилъ:

— Вы сынъ полковника Бранта изъ Лунсвиля?

— Да, сэръ, подтвердилъ мальчикъ съ какимъ-то неопредѣленно-тяжелымъ чувствомъ объявшимъ его сердце. — Но онъ теперь умеръ, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Когда же онъ умеръ? спросилъ другой его собесѣдникъ быстро.

— О, уже давно. Я его мало помню. Я былъ тогда очень маленькій, сказалъ мальчикъ какъ бы извиняясь.

— Такъ вы очень мало его помните? Или, лучше сказать, совсѣмъ не помните?

— Нѣтъ! повторилъ Кларэнсъ коротко.

Онъ начиналъ впадать въ отрывистый тонъ, который въ чувствительныхъ дѣтяхъ служитъ признакомъ ихъ неспособности выразить болѣе глубокія чувства. Онъ инстинктивно понималъ, что недостатокъ свѣдѣній о своемъ отцѣ былъ частью того неопредѣленнаго зла, которое кто-то ему сдѣлалъ. Когда же одинъ изъ его допросчиковъ отвернулся, чтобы скрыть насмѣшливую недовѣрчивую улыбку, мальчикъ почувствовалъ себя еще болѣе неловко.

— Какъ вы попали къ Силсби? спросилъ предводитель партіи.

Кларэнсъ разсказалъ, со свойственной дѣтямъ нелюбовью къ практическимъ подробностямъ, какъ онъ жилъ у тетки въ Сентъ-Джо, затѣмъ какъ его мачиха отправила его вмѣстѣ съ караваномъ Силсби въ Калифорнію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться со своимъ двоюроднымъ братомъ. Все это было разсказано имъ съ такимъ невниманіемъ и отсутствіемъ интереса, которое еще болѣе увеличило недовѣріе его спутниковъ, но которое онъ чувствовалъ себя не въ силахъ предотвратить.

Предводитель партіи на минуту задумался, потомъ посмотрѣлъ на загорѣлыя руки Кларэнса и на лицо его вернулась прежняя добродушная улыбка.

— А что, мальчуганъ, я думаю ты голоденъ?

— Да, сказалъ Кларэнсъ робко. — Но...

— Что такое?

— Я хотѣлъ бы немножко помыться, продолжалъ мальчикъ перѣшительно, думая о чисто накрытомъ столѣ, о красивой леди и о Сьюзи, разряженной въ ленты.

— Конечно, сказалъ его покровитель дружески. — Пойдемъ со мной.

Онъ повелъ мальчика въ одинъ изъ фургоновъ, гдѣ находился умывальный столикъ съ фарфоровымъ приборомъ и душистымъ мыломъ, представлявшимъ эффектную противуположность съ помятой оловянной чашкой и кускомъ простаго мыла, изъ которыхъ состояли всѣ туалетныя принадлежности Силсби. Стоя около Кларэнса, онъ наблюдалъ, какъ тотъ совершалъ свои омовенія, съ одобрительной улыбкой, нѣсколько смутившей его protégé. Вдругъ онъ опять отрывисто спросилъ:

— Вы помните домъ вашего отца въ Лунсвилѣ?

— Да, сэръ, но это было такъ давно.

Кларэнсъ помнилъ, что этотъ домъ очень отличался отъ того, гдѣ онъ жилъ въ Сентъ-Джо, но по врожденному чувству скромности постарался избѣжать болѣе подробныхъ описаній. Онъ только сказалъ, что этотъ домъ, кажется, былъ очень великъ. Но этотъ неопредѣленный отвѣтъ вызвалъ еще болѣе рѣзкій вопросъ его покровителя.

— Такъ значитъ вашъ отецъ дѣйствительно былъ полковникъ Гамильтонъ Брантъ изъ Лунсвиля? спросилъ онъ, какъ бы стараясь вызвать мальчика на полную откровенность.

— Да, отвѣчалъ Кларэнсъ, чувствуя, что онъ готовъ придти въ отчаяніе.

— Ну, хорошо, сказалъ его другъ успокоительно, точно ему удалось рѣшить запутанную задачу. — Теперь пойдемъ ужинать.

Когда они приблизились къ палаткѣ, Кларэнсъ замѣтилъ, что ужинъ былъ накрытъ только для хозяина, его жены и еще одного человѣка, котораго они звали „Гарри" и который звалъ хозяевъ „м-ромъ и м-съ Пейтонъ"; остальные же члены партіи живописными группами расположились около втораго костра. Если бы Кларэнсу былъ предоставленъ выборъ, онъ, конечно, присоединился бы къ этой второй группѣ, отчасти потому, что это казалось ему болѣе „похожимъ на мужчину", отчасти же потому, что онъ боялся возобновленія допросовъ. Но въ эту минуту Сьюзи, чопорно возсѣдавшая на импровизированномъ высокомъ сидѣньѣ, отвлекла его вниманіе, указавъ на стоявшій около нея незанятый стулъ.

— Кла'энсъ, заговорила она вдругъ своимъ звонкимъ голоскомъ и съ своей опасной наивной откровенностью, — у нихъ есть цыплята и ветчина, и горячіе пирожки, и варенье, и м-съ Пейтонъ говоритъ, что мнѣ всего, всего дадутъ сколько хочу.

Кларэнсъ началъ чувствовать себя отвѣтственнымъ за поведеніе Сьюзи и теперь съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ какъ она держала серебряную вилку, захвативъ ее посрединѣ своимъ пухлымъ кулачкомъ. Она уже готовилась было опустить ее въ стоящее передъ ней блюдо, когда Кларэнсъ тихо остановилъ ее.

— Веди себя хорошенько.

— Кушай, кушай, моя милочка, сказала м-съ Пейтонъ, подвигая къ ней блюдо и бросая недовольный взглядъ на Кларэнса. — Кушай все, что хочешь, дорогая.

— Это вилка, шепнулъ опять Кларэнсъ, когда Сьюзи вознамѣрилась помѣшать ею стаканъ съ молокомъ.

— Что ты, Кла'энсъ, это ложка, только она раскололась, сказала Сьюзи.

Но м-съ Пейтонъ въ своемъ восторженномъ восхищеніи мало обращала вниманія на эти неправильности и, забывая о самой себѣ, закармливала ребенка всѣми стоявшими на столѣ кушаньями, останавливаясь отъ времени до времени только для того, чтобы поправить локоны Сьюзи, спускавшіеся ей на глаза. М-ръ Пейтонъ казался серьезнымъ и важнымъ. Одну минуту взгляды мужа и жены встрѣтились.

— Она, вѣроятно, теперь была бы такого же возраста, сказала м-съ Пейтонъ съ тихой грустью.

Джонъ Пейтонъ кивнулъ головой, не говоря ни слова, и отвернулся, глядя въ темноту. Человѣкъ, котораго звали Гарри, тоже задумчиво склонился надъ тарелкой, точно онъ читалъ молитву. Кларэнсъ не понималъ кто такое была эта „она" и почему двѣ крупныхъ слезы скатились съ рѣсницъ м-съ Пейтонъ и упали въ стаканъ Сьюзи. Позже онъ узналъ, что Пейтоны потеряли своего единственнаго ребенка и что хорошенькая Сьюзи очень напоминала имъ покойную дѣвочку.

— Я думаю, что мы завтра утромъ догонимъ ихъ поѣздъ, если никто не придетъ за дѣтьми сегодня вечеромъ, сказала м-съ Пейтонъ со вздохомъ сожалѣнія глядя на Сьюзи. — Мо-

Двѣ газели. Съ карт. Бредтъ, грав. Бейеръ.

По дорогѣ на ярмарку. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Глоба, автотипія Демчинскаго.

жетъ-быть намъ придется проѣхать вмѣстѣ небольшое разстояніе, прибавила она робко.

Гарри разсмѣялся, а м-ръ Пейтонъ покачалъ головой.

— Не думаю, чтобы намъ пришлось путешествовать вмѣстѣ, сказалъ онъ серьезно, — тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ никто изъ нихъ партіи не явился на поиски, хотя Питъ и Гэнкъ все время ходятъ патрулемъ по дорогѣ.

— Это такъ безсердечно, это такъ... сказала м-съ Пейтонъ съ внезапнымъ негодованіемъ. — Если-бъ еще дѣло шло объ одномъ мальчикѣ, который самъ можетъ заботиться о себѣ, но чтобы такъ небрежно бросать ребенка, мнѣ это кажется положительно безчеловѣчнымъ!

Въ первый разъ Кларэнсъ почувствовалъ жестокость обвиненія, которое произвело на него тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что оно было высказано этой изящной женщиной съ кроткимъ лицомъ и нѣжнымъ сердцемъ, которую онъ по-своему уже началъ обожать. Вѣроятно м-ръ Пейтонъ замѣтилъ это и постарался придти къ нему на помощь.

— Очень можетъ быть, что они знаютъ лучше насъ въ какихъ надежныхъ рукахъ осталась дѣвочка, сказалъ онъ ласково кивнувъ головой въ сторону Кларэнса. — А очень можетъ быть, что они были сбиты съ толку встрѣчей съ индѣйцами и теперь свернули съ прямой дороги.

Это предположеніе сразу напомнило Кларэнсу того индѣйца, котораго онъ видѣлъ, когда лежалъ въ кустахъ. Не разсказать-ли объ этомъ теперь? Повѣрятъ ли ему или же поднимутъ его на смѣхъ при *ней?* Онъ колебался и наконецъ рѣшилъ сообщить объ этомъ одному м-ру Пейтону, если ему придется остаться съ нимъ наединѣ. Когда ужинъ кончился и онъ помогъ м-съ Пейтонъ убрать со стола и вымыть тарелки, всѣ собрались передъ палаткой вокругъ пылающаго костра. Около другаго костра остальные члены партіи играли въ карты и смѣялись, но Кларэнсъ больше не желалъ присоединяться къ нимъ. Онъ чувствовалъ себя такъ хорошо подъ материнскимъ покровительствомъ своей хозяйки, хотя ему было нѣсколько неловко отъ того, что онъ не могъ тотчасъ же разсказать объ индѣйцѣ.

— Кла'энсъ, начала Сьюзи, своимъ тонкимъ голоскомъ прерывая минутную паузу, — ты умѣешь говорить. Поговори, Кла'энсъ!

На вопросы присутствующихъ Кларэнсъ долженъ былъ объяснить, что „говорить" на языкѣ Сьюзи значило не то, что понимается обыкновенно подъ этимъ словомъ, т. е. способность къ членораздѣльной рѣчи, но умѣнье читать стихи, что мальчикъ и долженъ былъ исполнить по настоянію публики.

— Разскажи имъ, Кла'энсъ, какъ это мальчикъ стоялъ на кораблѣ и говорилъ: „о, мальчикъ, мальчикъ, гдѣ онъ?" говорила Сьюзи, развалившись на колѣняхъ м-съ Пейтонъ и любуясь своимъ украшеннымъ лентами платьемъ. — Это о мальчикѣ, сказала она обращаясь къ м-съ Пейтонъ, — у котораго отецъ никогда не вернется на корабль, хотя онъ все будетъ звать его: „Останься, отецъ, останься еще".

Послѣ этого яснаго и вполнѣ удовлетворительнаго пересказа „Казабіанки" м-съ Юмансъ, Кларэнсъ началъ. Къ сожалѣнію, его чтеніе отзывалось уроками сельскаго учителя, который научилъ его деревяннымъ жестамъ и слишкомъ афектированнымъ пониженіямъ и повышеніямъ тона. Несмотря на это, по временамъ искреннее чувство прорывалось въ голосѣ мальчика, зажигало огонь въ его сѣрыхъ глазахъ и придавало его исполненію истинно драматическій, хотя, въ то же время, дѣтски-наивный характеръ. Иногда онъ забывалъ, что читаетъ чужіе стихи, воображалъ себя на мѣстѣ адмирала Казабіанки, при чемъ таинственность окружающей обстановки, степь, ночь, пылающіе огни — пробуждала въ немъ неясную жажду подвиговъ, предчувствіе какой-то далекой, богатой приключеніями славы, смутное преклоненіе передъ чѣмъ-то ему неизвѣстнымъ; все это возбудило въ немъ сильное волненіе, которое сообщилось и его спутникамъ, такъ что когда онъ кончилъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что игроки, сидѣвшіе у другаго костра, бросивъ свои карты, съ серьезными лицами собрались вокругъ палатки.

V.

— Ты не сказалъ еще разъ: „Останься, отецъ, останься!" замѣтила Сьюзи критически. Потомъ она опять повернулась къ м-съ Пейтонъ и сказала быстро: — А я умѣю танцовать и пѣть. Я умѣю танцовать Гай-Джембури.

— Что это такое Гай-Джембури, душечка? спросила м-съ Пейтонъ.

— А вотъ я вамъ покажу. Пустите меня.

И Сьюзи спустилась на полъ.

Танецъ Гай-Джембури, бывшій безъ сомнѣнія далекаго африканскаго происхожденія, состоялъ изъ трехъ небольшихъ прыжковъ на правой, потомъ на лѣвой ногѣ, при чемъ исполнительница очень высоко поднимала юбки, аккомпанируя себѣ своимъ звонкимъ смѣхомъ. Протанцовавъ съ четверть часа, она чуть не задохнулась отъ усталости, привѣтствуемая громкими аплодисментами всей публики.

— Я умѣю пѣть, пролепетала она съ трудомъ переводя духъ, какъ бы не желая, чтобы аплодисменты прекратились. — Я умѣю пѣть. Ахъ, Боже мой, Кла'энсъ, что бы мнѣ спѣть? прибавила она жалобнымъ тономъ.

— Бэнъ Больтъ, посовѣтовалъ Кларэнсъ.

— Ахъ, да! „О не помнишь ли ты милую Алерсъ Бэнъ Больтъ?" начала Сьюзи не въ тонъ и фальшиво. — „Милую Алерсъ, которая плачетъ отъ радости, когда ты ей улыбаешься и..." А какъ дальше, Кла'энсъ?

— „Которая дрожитъ отъ страха, когда ты хмуришь брови", подсказалъ Кларэнсъ.

— „Которая дрожитъ отъ страха, когда ты хмуришь брови", повторила Сьюзи. — Дальше я забыла. Постойте! Я вамъ спою...

— Молитву, подсказалъ Кларэнсъ.

— Да.

Здѣсь Сьюзи, постоянная участница общей вечерней молитвы, чувствовала себя на болѣе твердой почвѣ.

Самымъ высокимъ дискантомъ, но смѣло и увѣренно, Сьюзи начала извѣстный гимнъ: „Восхвалимъ Бога, источникъ всѣхъ благъ". Къ концу второй строчки прекратились шепотъ и смѣхъ и къ Сьюзи присоединился чей-то низкій, звучный голосъ, къ которому пристали еще десять или двѣнадцать голосовъ и наконецъ гимнъ былъ спѣтъ полнымъ хоромъ, среди котораго нѣжно выдѣлялись сопрано м-съ Пейтонъ и дѣтскій дискантъ Сьюзи. Этотъ гимнъ звучалъ такъ торжественно и странно посреди этой таинственной необъятной равнины, то усиливаясь, то угасая, подобно пламени потухающихъ костровъ.

Наступило глубокое молчаніе и наконецъ всѣ разошлись, при чемъ м-съ Пейтонъ велѣла дѣтямъ поцѣловаться на прощанье, что они и исполнили съ нѣкоторымъ смущеніемъ, такъ какъ никогда не совершали этого обряда раньше. Кларэнсъ остался одинъ съ м-ромъ Пейтономъ.

— Я, кажется, видѣлъ сегодня индѣйца, сказалъ мальчикъ робко.

М-ръ Пейтонъ обернулся къ нему.

— Видѣлъ индѣйца — гдѣ? спросилъ онъ быстро, бросая на Кларэнса тотъ же недовѣрчиво-вопросительный взглядъ, которымъ онъ встрѣтилъ свѣдѣнія объ его имени и родствѣ.

Мальчикъ на минуту пожалѣлъ о своей откровенности, но со свойственнымъ ему упорствомъ онъ еще рѣшительнѣе подтвердилъ свое показаніе. Къ счастью, обладая острымъ зрѣніемъ и хорошей памятью, онъ изобразилъ видѣннаго индѣйца такими типичными красками, которыя придали его описаніямъ характеръ полной правды и несомнѣнности. Пейтонъ на минуту отошелъ, но потомъ опять вернулся вмѣстѣ съ Гарри и еще однимъ изъ своихъ товарищей.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? спросилъ Пейтонъ какъ бы желая ободрить мальчика.

— Да, сэръ.

— Такъ же увѣрены какъ въ томъ, что полковникъ Брантъ вашъ отецъ и что онъ умеръ? сказалъ Гарри съ легкимъ смѣхомъ.

Слезы выступили на опущенныхъ глазахъ мальчика.

— Я не лгу, повторилъ онъ упрямо.

— Я вѣрю вамъ, Кларэнсъ, сказалъ Пейтонъ спокойно. — Но почему вы ничего не сказали объ этомъ раньше?

— Я не хотѣлъ говорить этого при Сьюзи и при *ней*! пробормоталъ мальчикъ.

— При ней?

— Да, сэръ — м-съ Пейтонъ, сказалъ Кларэнсъ краснѣя.

— О, воскликнулъ Гарри насмѣшливо, — до какой степени мы можемъ быть галантны!

— Довольно. Перестань! сказалъ Пейтонъ строго, обращаясь къ своему подчиненному. — Мальчикъ поступилъ прекрасно и я хвалю его за это. Но, продолжалъ онъ, обращаясь къ Кларэнсу, какъ могло случиться, что индѣецъ не замѣтилъ васъ?

— Я лежалъ очень тихо, чтобы не разбудить Сьюзи, сказалъ Кларэнсъ, — и кромѣ того...

Онъ остановился.

— Что такое?

— Онъ слишкомъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило у *васъ* въ обозѣ, сказалъ мальчикъ смѣло.

— Это вѣрно, вмѣшался третій товарищъ, который оказался опытнымъ человѣкомъ, — понятно почему онъ не замѣтилъ мальчика. Этотъ индѣецъ былъ однимъ изъ развѣдчиковъ, остальные же, вѣроятно, намѣревались перерѣзать намъ дорогу. Теперь они находятся между нами и первымъ поѣздомъ, или же прямо слѣдуютъ за нимъ.

Пейтонъ сдѣлалъ быстрое движеніе, какъ бы желая напомнить говорившему о присутствіи Кларэнса, — движеніе, которое мальчикъ замѣтилъ и которому удивился. Затѣмъ всѣ трое заговорили очень тихо, но Кларэнсъ ясно услышалъ заключительное мнѣніе эксперта.

— По-моему, м-ръ Пейтонъ, мы можемъ спокойно провести здѣсь ночь. Видите-ли, еслибъ мы не свернули съ дороги для того, чтобы спасти дѣтей, мы могли бы прямо попасть въ засаду этихъ дьяволовъ. На мой взглядъ это приключеніе принесло намъ великое счастье, такъ что съ помощью небольшаго патруля мы можемъ спокойно ожидать разсвѣта.

М-ръ Пейтонъ обернулся и взялъ Кларэнса за руку.

— Такъ какъ завтра намъ нужно встать рано утромъ, для того, чтобы догнать вашъ поѣздъ, то я совѣтую тебѣ, маль-

чикъ, хорошенько отдохнуть. Самъ я бо̀льшую часть ночи проведу въ сѣдлѣ, такъ что не буду тебя безпокоить.

Онъ провелъ его во второй фургонъ, стоявшій рядомъ съ тѣмъ, куда удалились м-съ Пейтонъ и Сьюзи и гдѣ Кларэнсъ, къ удивленію своему, увидѣлъ письменный столъ, конторку, стулъ и даже этажерку, гдѣ стояло нѣсколько книгъ. На диванѣ была приготовлена ему постель съ непривычной роскошью чистаго бѣлья и мягкихъ подушекъ. Пушистый коверъ покрывалъ полъ тяжелаго фургона, устроеннаго такъ, чтобы предотвратить скрипъ и тряску. Стѣны и потолокъ экипажа были изъ лакированнаго дерева, тогда какъ обыкновенные эмигрантскіе фургоны устраивались изъ большихъ рамокъ, обтянутыхъ грубымъ холстомъ. Въ стѣнахъ продѣланы были стеклянныя двери и выдвижныя окна для воздуха и свѣта. Кларэнсъ полагалъ, что этотъ высокій могущественный человѣкъ, который такъ хорошо ѣздилъ верхомъ, былъ купцомъ или комиссіонеромъ; но скоро долженъ былъ отказаться отъ этой мысли, такъ какъ въ фургонахъ не было никакихъ запасовъ товара и, несмотря на большое количество всевозможной утвари, вся она находилась въ употребленіи. Кларэнсъ ежеминутно готовился спросить м-ра Пейтона, кто онъ такой, но по дѣтской робости и врожденной деликатности никакъ не рѣшался этого сдѣлать. Оставшись одинъ, онъ завернулся въ простыни и долгое время раздумывалъ о приключеніяхъ этого дня и главнымъ образомъ о м-рѣ Пейтонѣ и его странныхъ вопросахъ. Непривычный комфортъ его постели, столь отличающейся отъ пыльнаго одѣяла и жесткой скамьи, которую онъ раздѣлялъ съ однимъ изъ погонщиковъ; чистота, изящество и порядокъ всего окружающаго льстили его инстинктамъ, но въ то же время какъ-то странно тяготили его. Лежать въ такой роскошной постели ему казалось измѣной его прежнимъ суровымъ товарищамъ; онъ чувствовалъ, что онъ утратилъ самостоятельность, которой онъ пользовался въ средѣ ихъ, раздѣляя съ ними нужду и лишенія совмѣстнаго путешествія. Ему казалось, что онъ отдалъ себя въ рабство, принявъ роскошныя вещи, которыя не принадлежали ему. Потомъ онъ началъ вспоминать объ отцовскомъ домѣ, объ его большихъ комнатахъ, широкихъ лѣстницахъ и о холодномъ этикетѣ, который царствовалъ въ немъ. Между массой чуждыхъ и непріятныхъ лицъ припомнились нѣкоторыя болѣе симпатичныя, чѣмъ остальныя; изъ нихъ первое мѣсто занимала старая негритянка — его любимая няня. Отчего это м-ръ Пейтонъ такъ много разспрашивалъ его объ отцѣ? Почему — если это было такъ интересно даже для постороннихъ—его мачиха ничего о немъ ему не разсказывала? И почему она такъ мало походила на эту добрую женщину съ кроткимъ голосомъ, которая была такъ ласкова къ Сьюзи? И зачѣмъ всѣ они такъ мучили его своими распросами? Онъ чувствовалъ, какъ слезы подступаютъ ему къ горлу, но усиліемъ воли онъ подавилъ ихъ и, спустившись съ постели, подошелъ къ окну, открылъ его, чтобы узнать „какъ оно дѣйствуетъ“ и посмотрѣлъ, что̀ дѣлается кругомъ. Дымящіеся костры, звѣзды, которыя сверкали, не давая свѣта, темное движущееся пятно патруля, обходившаго лагерь, — все это заинтересовало мальчика и измѣнило теченіе его мыслей. Онъ вспомнилъ, съ какимъ выраженіемъ сказалъ м-ръ Пейтонъ: „Каковъ щенокъ?“ Это не могло значить чего-нибудь дурнаго. Кларэнсъ опять улегся въ постель.

Онъ началъ теперь раздумывать о томъ, что когда онъ выраститъ, вмѣсто того, чтобы быть проводникомъ и развѣдчикомъ, какъ онъ мечталъ раньше, онъ, подобно м-ру Пейтону, заведетъ свой караванъ и будетъ его предводителемъ. Всѣхъ своихъ прежнихъ товарищей и Сьюзи онъ, конечно, пригласитъ къ себѣ. А для того, чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ м-ръ Пейтонъ ведетъ дѣло, онъ съ Сьюзи будетъ часто приходить сюда играть въ эту игру. Ужъ онъ покажетъ себя, когда выраститъ! Онъ постоянно будетъ носить съ собой ружье и убьетъ много-много индѣйцевъ и будетъ записывать всѣхъ убитыхъ въ большую книгу, такую, какая лежитъ на письменномъ столѣ. Его будутъ знать вездѣ подъ именемъ „Бѣлаго Вождя“, и индѣйцы будутъ бояться его какъ огня. Его караванъ будетъ окружать передовое войско, въ которомъ самъ онъ будетъ первымъ солдатомъ. Въ одинъ прекрасный день произойдетъ кровопролитное сраженіе и когда, разгоряченный битвой, покрытый пылью и копотью пороховаго дыма, прибѣжитъ онъ на минуту въ фургонъ, м-съ Пейтонъ — она тоже будетъ съ ними — скажетъ: „Я вижу теперь, какое счастье для насъ имѣть такого храбраго молодца, какъ Кларэнсъ. Я начинаю лучше понимать его“. А Гарри, который тоже очутится здѣсь, пробормочетъ сердито: „Видно, что этотъ мальчишка въ самомъ дѣлѣ сынъ полковника Бранта. Этакая храбрость!“ и извинится передъ нимъ. Его мачиха тоже явится сюда, какъ всегда холодная и равнодушная, въ бѣломъ бальномъ платьѣ, и скажетъ: „Боже Милостивый, какъ этотъ мальчикъ выросъ! Я очень жалѣю, что такъ мало обращала на него вниманія, когда онъ былъ маленькій“. Но эти мечты становились все менѣе и менѣе ясными, часть фургона какъ бы растаяла въ воздухѣ, и мальчикъ опять увидѣлъ себя покинутымъ и забытымъ посреди голой, пустынной равнины. Увы! рѣсницы спящаго Бѣлаго Вождя, неустрашимаго бойца, безжалостнаго истребителя индѣйцевъ, были мокры отъ горькихъ, непролившихся слезъ!

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Трепаніе льна. (Рис. на стр. 764).

Льняная промышленность у насъ въ Россіи постоянно составляла предметъ попеченій правительства, которое старалось способствовать ея распространенію и нѣсколько разъ наряжало особыя коммиссіи для ея изслѣдованія; несмотря на это, обработка льна существуетъ у насъ преимущественно въ формѣ кустарнаго и крестьянскаго производства. Тѣмъ не менѣе промышленность эта издавна составляетъ важную статью народнаго богатства и занимаетъ множество рукъ. Рисунокъ нашего художника изображаетъ первую изъ операцій при обработкѣ льна—*трепаніе*. Оно производится въ особыхъ помѣщеніяхъ, преимущественно въ губерніяхъ Псковской, Орловской, Владимірской и Лифляндской. Въ день одинъ рабочій или работница можетъ вытрепать два пуда. Есть и трепальныя машины, но у насъ работаютъ такъ-называемою трепалкою: это дощечка съ рукояткою, съ одного бока острая, съ другаго зубчатая. Этимъ-то довольно первобытнымъ инструментомъ бабы и задаютъ льну такую трепку, что про ленъ сложилась загадка: „Били меня, колотили, во всѣ чины производили, на престолъ съ царемъ посадили.“ На нашемъ рисункѣ, усердныя работницы окружены парнями, которые пришли усладить ихъ трудъ веселыми прибаутками и игрой на гармоникѣ, хорошо зная что подъ пѣсню всякое дѣло спорится.

Уголокъ близь Кіева. (Рис. на стр. 765).

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою!
Полдневный зной сюда не проникалъ...
А тамъ вдали сверкаетъ воздухъ жгучій,
Колеблясь какъ будто дремлетъ онъ.
Такъ рѣзко сухъ снотворный и трескучій
Кузнечиковъ неугомонный звонъ...

Лученье рыбы. (Рис. на стр. 769).

Однимъ изъ самыхъ трудныхъ, но въ то же время интересныхъ способовъ ловли рыбы среди рыбаковъ считается охота съ лучемъ и острогою, зубчатою вилою, насаженною на тонкій шестъ. Помимо силы, ловкости и смѣтки, лученье требуетъ вѣрнаго глаза. Зато всѣ трудности у опытнаго рыболова искупляются добычей, состоящей изъ крупной отборной рыбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ лученье не лишено поэтичной прелести: кто разъ испробовалъ этотъ способъ рыбной ловли, тотъ навсегда сохранитъ пріятное воспоминаніе чуднаго зрѣлища. Вотъ какъ описываетъ эту ловлю одинъ изъ любителей ея: „Трудно передать ощущенія, когда темною осеннею ночью ѣдешь на лодкѣ: кругомъ мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая лаемъ собакъ и кряканьемъ утокъ; ярко горитъ смолье, освѣщая путь: на одну минуту мелькнутъ всѣ подробности разнохарактернаго дна озера, малѣйшія его углубленія, каждая ничтожная травинка — и немедленно смѣняются новыми: здѣсь, точно подводное чудовище, лежитъ огромная каряга, растопыривъ свои осклизлыя и обросшія вѣтви; тамъ желтѣетъ песокъ, тутъ зеленѣетъ водяной мохъ, виднѣются длинные стебли лопуха и его огромные ползучіе корни; вотъ и цѣлая чаща остролистной горшницы, пожелтѣвшей отъ осеннихъ морозовъ. Всюду неподвижно стоятъ мелкіе окуньки, пестрѣя своими полосатыми спинками, мелькаетъ неугомонная плотва и бойкіе ельцы; тоненькими сучечками лежатъ на днѣ щурята; медленно, словно нехотя, плыветъ широкій линь. Тихо и безшумно двигается лодка; ни единая капелька не скатывается съ весла невынимаемаго изъ воды. Неподвижно, черною тѣнью рисуясь на огненномъ кругѣ, стоитъ рыбакъ посрединѣ лодки, ближе къ лучу и держитъ наготовѣ острогу. Проворно, но безъ малѣйшаго шума, опускаетъ онъ ее въ воду, вдругъ съ силою нажимаетъ и вытаскиваетъ пойманную рыбу,—ударомъ другой руки снимаетъ ее съ остроги. Трещитъ огонь, искры и обгорѣвшія головешки съ трескомъ и шипѣніемъ падаютъ въ воду, и снова вспыхиваетъ еще болѣе яркое пламя. Вотъ и еще новая добыча, другая, третья,—чѣмъ дальше тѣмъ больше“...

Двѣ газели. (Рис. на стр. 772).

Арабскіе поэты съ давнихъ временъ сравниваютъ своихъ красавицъ съ газелями и въ этомъ сравненіи нѣтъ ничего обиднаго или страннаго. Газель справедливо считается самою красивою изъ антилопъ. Песчано-желтаго цвѣта, граціозное, живое и беззащитное животное невольно заставляетъ любоваться собою, какъ на родинѣ, въ сѣверо-восточной Африкѣ, гдѣ онѣ бродятъ стадами, такъ и въ неволѣ, которую газель легко переноситъ.

Художникъ Ф. М. Бредтъ на своей картинѣ изобразилъ внутренность мавританскаго дома въ Тунисѣ. Здѣсь съ непокрытымъ лицомъ граціозная туземка кормитъ молодую газель, не безъ робости берущую кормъ изъ рукъ свой госпожи.

По дорогѣ на ярмарку. (Рис. на стр. 773).

Три малороссіянки, въ свитахъ и очипкахъ, со своимъ рукодѣліемъ, по дорогѣ на ярмарку пріостановились среди широкихъ полей золотистой ржи, чтобы перекинуться словечкомъ. Этой остановкой воспользовался художникъ и живо набросалъ на бумагу типичныя фигуры хохлушекъ.

Татьяна Алексѣевна Алексѣева. (Портр. на этой стр.).

6 іюля появились первые случаи холернаго заболѣванія въ Нижнемъ-Новгородѣ. На другой же день прибыла изъ Москвы княгиня Шаховская съ отрядомъ сестеръ милосердія общины „Утоли моя печали“ и, переговоривъ съ начальникомъ губерніи, черезъ два часа по пріѣздѣ уже водворилась въ плавучемъ госпиталѣ, поставленномъ четыре версты ниже города, около острова, куда производилась эвакуація больныхъ.

Пріѣздъ княгини съ двадцатью сестрами имѣлъ неоцѣнимыя послѣдствія.

Уже не говоря о медицинскомъ персоналѣ, о почтенномъ докторѣ Рожанскомъ и его сотрудникахъ, которые сбились бы съ ногъ за неимѣніемъ опытныхъ помощницъ, пріѣздъ ихъ былъ привѣтствованъ всѣми очевидцами того поистинѣ ужасающаго труда, выпавшаго на ихъ долю, для спасенія погибающихъ отъ лютой, безпощадной болѣзни.

Вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ эти святыя русскія женщины и дни, и ночи не отходятъ отъ безпрестанно смѣняющихся на койкахъ холерныхъ больныхъ, и результатомъ ихъ гигантской дѣятельности является постепенное возрастаніе процента выздоравливающихъ.

Выздоровѣвшіе разносятъ по городу разсказы о чудесномъ спасеніи, благодаря заботамъ и уходу за ними сестеръ. Молва эта настолько вселила довѣріе въ населеніе, что въ настоящее время въ Нижнемъ-Новгородѣ не можетъ быть и рѣчи о какой-либо паникѣ и ея прискорбныхъ послѣдствіяхъ.

Татьяна Алексѣевна Алексѣева.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Къ сожалѣнію, мы должны сообщить нашимъ читателямъ, что одна изъ сестеръ, Татьяна Алексѣевна Алексѣева, сдѣлалась жертвою своего самоотверженія. По заявленію всего медицинскаго персонала, это была самая неутомимая изъ сестеръ.

Растирая уже почернѣвшаго больнаго и замѣтивъ наконецъ признаки улучшенія, она нагнулась къ его лицу и стала радостно утѣшать его; но въ эту самую минуту, изъ горла больнаго хлынуло изверженіе и попало ей прямо въ открытый ротъ.

Хотя немедленно приняты были всѣ мѣры для обеззараженія полости рта, но черезъ полтора часа у Татьяны Алексѣевны появились всѣ признаки азіатской холеры и черезъ двадцать четыре часа она скончалась, окруженная подругами, которымъ до послѣдней минуты она все время давала наставленія, какъ растирать больнаго, какъ его поворачивать, что дѣлать при такихъ или другихъ осложненіяхъ. Умирая, она не думала о себѣ, а послѣднія мысли были о больныхъ.

Воспроизводимъ портретъ этой святой мученицы, поступившей въ общину „Утоли моя печали“ 16-ти лѣтъ отъ роду, работавшей при княгинѣ Шаховской около восьми лѣтъ и скончавшейся 24-хъ лѣтъ, въ полномъ расцвѣтѣ жизни, „положивши душу свою за други свои“.

С.-Петербургская духовная академія.

(Рис. на стр. 777).

Между Александро-Невской лаврой и Обводнымъ каналомъ концентрируются мужскія духовно-учебныя заведенія столицы: училище, семинарія и академія. Духовная академія занимаетъ угловое мѣсто и фасадомъ обращена къ Невѣ, а правой стороной выходитъ на Обводный каналъ. Зданіе академіи было заложено 10 іюля 1817 года и окончено въ половинѣ 1819 г., до этого же академія помѣщалась въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ такъ-называемомъ Ѳедоровскомъ корпусѣ (между Соборной и Ѳедоровской церквами). Новыя зданія выстроены по ходатайству митрополита Амвросія при ректорѣ академіи архимандритѣ Филаретѣ Дроздовѣ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій). Изъ нѣсколькихъ плановъ, представленныхъ архитекторами, былъ утвержденъ планъ Шарлеманя. Архитектура зданія во вкусѣ Александровскаго времени: трехугольный фронтонъ и колоннада его отличительные признаки; верхъ его увѣнчиваетъ статуя съ крестомъ—символъ христіанской вѣры. Зданіе состоитъ изъ одного большаго корпуса въ 4 этажа, длиною по фасаду 45 саженъ, съ двумя крылами по сторонамъ. Въ срединѣ его помѣщается небольшая церковь, отмѣченная съ улицы колоннадой; по сторонамъ ея два огромные зала: залъ совѣта академіи (въ два свѣта) справа и помѣщенія церковно-археологическаго музея—слѣва. Кромѣ того, въ зданіи насчитывается до 50 комнатъ, изъ которыхъ пять заняты аудиторіями. Позади корпуса тогда же были выстроены два флигеля, одинъ для больницы, другой для бани. За ними, на западъ, раскинутъ огромный садъ. Вслѣдствіе преобразованія академическаго устава и порядковъ въ 1869 г., и вслѣдствіе съ каждымъ годомъ увеличивавшагося наплыва студентовъ для поступленія въ академію, помѣщенія академіи, разсчитанныя только на 120 человѣкъ, при двухъ курсахъ, оказались тѣсными, и посему въ 1881 г. утвержденъ былъ проектъ постройки новаго флигеля, а также двухъ трехъ-этажныхъ пристроекъ къ главному академическому корпусу. Работы окончены были къ концу октября 1882 г. Новый, довольно помѣстительный флигель, стоящій въ академическомъ саду, занятъ теперь библіотекой, квартирой ректора и нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при академіи.

Академическая библіотека очень богата печатными изданіями на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и манускриптами. Въ 1891 г. въ ней было 44,898 названій книгъ въ количествѣ свыше 87,685 экземпляровъ. Отдѣлъ рукописей, наслѣдованный отъ Александро-Невской лавры и отчасти пополненный пожертвованіями, до 1858 года былъ незначителенъ: всего 432 нумера, хотя здѣсь встрѣчались довольно рѣдкіе экземпляры, напримѣръ „Степенная книга“ временъ Алексѣя Михайловича—единственный извѣстный экземпляръ, списки „Просвѣтителя“, „Стоглавника“, хронографовъ и лѣтописей и др., рукописи русскихъ іерарховъ, списокъ сатиръ Антіоха Кантеміра первой редакціи и проч. Въ 1858 г., по ходатайству митрополита Григорія, Св. Синодъ разрѣшилъ перевезти въ академическую библіотеку рукописи и старопечатныя книги изъ Новгородскаго Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Изъ Софійскаго собора было вывезено 1575 рукописей и 485 старопечатныхъ книгъ, а изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1355 рукописей и 383 старопечатныя книги. Въ числѣ рукописей есть очень древніе, рѣдкіе и даже единственные (unici) экземпляры. Въ настоящее время библіотека рукописей имѣетъ 3,827 названій, въ количествѣ 3,913 томовъ.

При академіи существуетъ церковно-археологическій музей, какъ вспомогательное учрежденіе при каѳедрѣ церковной археологіи. Онъ основанъ въ 1879 г. и составился изъ богатыхъ частныхъ пожертвованій разныхъ лицъ (митроп. Исидора, гр. Строганова, Ѳ. Г. Солнцева, Общества любителей дух. просвѣщенія и пр.) и изъ предметовъ закрывшагося въ 1878 г. Новгородскаго земскаго музея. Въ немъ находятся старинныя иконы и рисунки, снимки съ старинныхъ иконъ греческихъ и русскихъ, рисунки храмовъ, разные археологическіе предметы, портреты и проч. Общее число предметовъ коллекціи простирается свыше 3 тысячъ.

При академіи издаются два духовныхъ журнала: *Христіанское Чтеніе* (съ 1821 года) и *Странникъ* (основанный въ 1860 году), и еженедѣльная газета *Церковный Вѣстникъ*, органъ академическихъ профессоровъ.

Въ настоящее время Духовная академія въ своемъ устройствѣ и учебно-воспитательномъ бытѣ основывается на уставѣ 1884 года. Главное завѣдываніе академіей по всѣмъ частямъ лежитъ на ректорѣ, которымъ нынѣ состоитъ преосв. Антоній, епископъ Выборгскій; наблюденіе за студентами возложено на инспектора и его двухъ помощниковъ; академическая корпорація состоитъ изъ 7 ординарныхъ и 10 экстра-ординарныхъ профессоровъ и 8 доцентовъ. Курсъ обученія четырехъгодичный. Студенты изучаютъ общеобязательныя науки богословскія и философскія (исторію философіи, математику, психологію и логику) и предметы одной изъ группъ: историче-

ской (граждан. исторія древняя, новая и русская и исторія раскола) или словесной (исторія литературъ русской и иностранныхъ, и русскій съ славянскимъ языки), кромѣ того одинъ изъ древнихъ и новыхъ языковъ. Всѣ студенты обязательно помѣщаются въ академическомъ общежитіи. Въ настоящемъ году всѣхъ студентовъ было 231, окончило курсъ 47 человѣкъ, изъ которыхъ 31 со степенью кандидата богословія.

Политическое обозрѣніе.

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Н. К. Гирсъ, отправился для поправленія здоровья за-границу и 18 августа, вечеромъ, прибылъ въ Aix-les-Bains. По словамъ *Mémorial Diplomatique*, нашъ посолъ въ Парижѣ, баронъ Моренгеймъ, отправившійся въ Aix-les-Bains, для встрѣчи Н. К. Гирса, пробудетъ тамъ съ недѣлю. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Рибо, сопровождающій президента Карно во время его поѣздки въ Савойю, воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ въ Aix-les-Bains сдѣлать визитъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ.

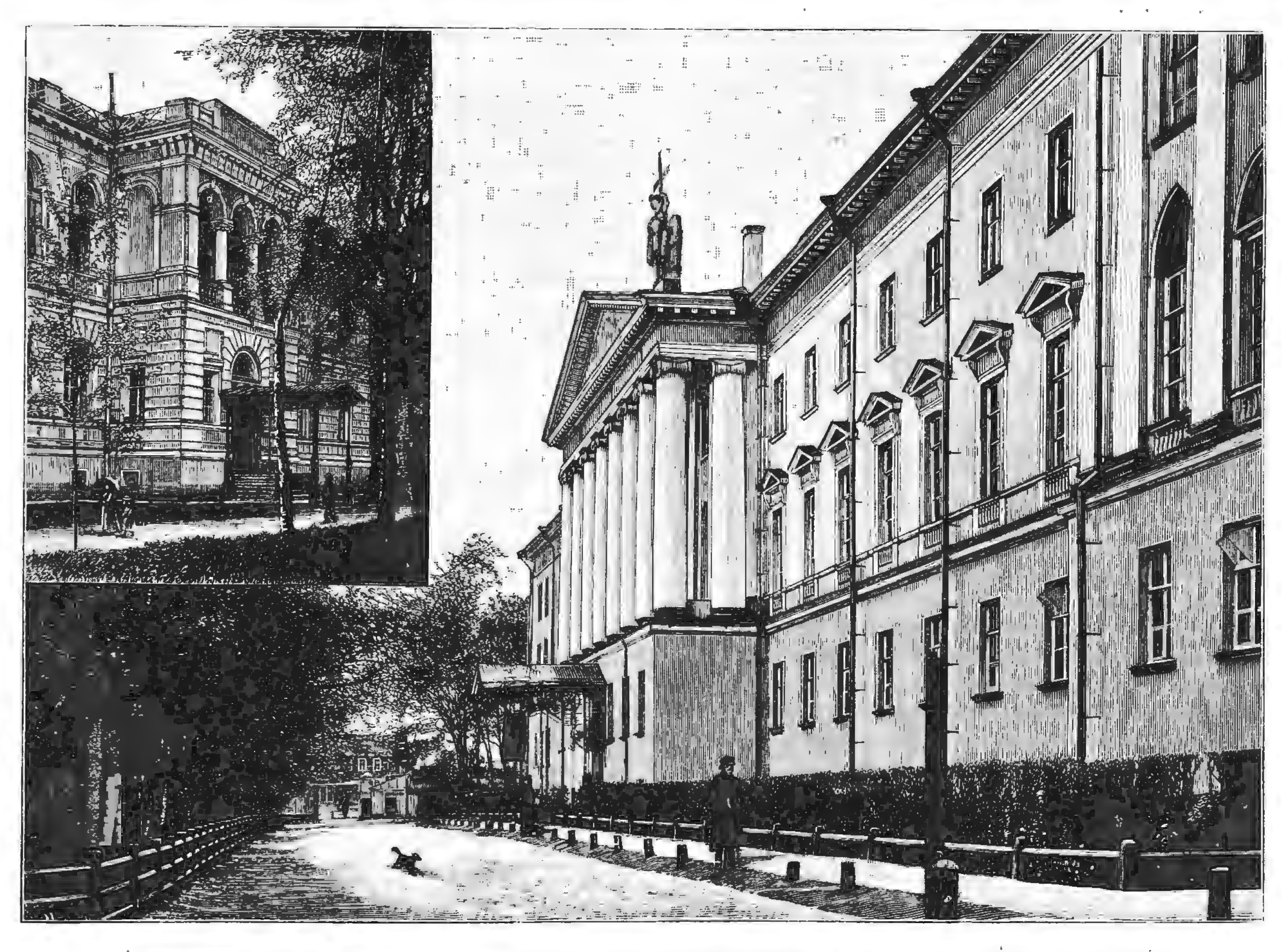
Въ Генуѣ происходятъ торжества по случаю 400-лѣтняго юбилея открытія Америки. Король и королева итальянскіе присутствуютъ на выставкѣ, устроенной въ честь Колумба. Къ этому времени у Генуи соберутся, по словамъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, военныя суда Австро-Венгріи, Германіи, Великобританіи, Франціи, Испаніи, Румыніи, Португаліи, Голландіи, Греціи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Аргентинской республики и Мексики. Предположенный грандіозный смотръ этихъ судовъ должно-быть не состоится. Нашлись недовольные присутствіемъ французскихъ судовъ и тою выдающеюся ролью, какую они играли бы въ этомъ смотру, и все ограничится только стоянкою этихъ флотовъ въ портѣ.

Въ Сербіи произошелъ министерскій кризисъ. Давно уже поговаривали о разногласіяхъ министерства съ регентами. 9 августа, министерство предложило регентству созвать экстренную скупщину для утвержденія торговаго договора съ Австріей и для выбора третьяго регента. Регентство не согласилось. Министерство, переговоривъ со своею партіей, подало въ отставку. Главная причина паденія кабинета Пашича, какъ полагаютъ,—опасеніе регентства, чтобы не былъ выбранъ въ регенты крайній радикалъ. Новый кабинетъ образовался слѣдующимъ образомъ. Вождь либеральной партіи Аввакумовичъ—министръ-президентъ и иностранныхъ дѣлъ, генералъ Богичевичъ — военный, директоръ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ Стояновичъ—финансовъ, ректоръ Великой школы Алковичъ—публичныхъ работъ, профессоръ Великой школы Іованъ Бошковичъ — народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, присяжный повѣренный Рибарцъ — внутреннихъ дѣлъ, Величковичъ—юстиціи, директоръ государственнаго поземельнаго банка Гвоздичъ—торговли.

Изъ нихъ: министръ иностранныхъ дѣлъ, Іованъ Аввакумовичъ, хорошій юристъ и писатель, личный другъ Ристича. Новый военный министръ генералъ Анто Богичевичъ родня Ристичу по женѣ. Военное образованіе Богичевичъ получилъ въ Германіи, которую и считаетъ образцомъ всего лучшаго. Онъ человѣкъ военнаго закала и точное исполненіе приказанія считаетъ для себя обязательнымъ. Рибарцъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, лучшій адвокатъ Сербіи. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ — много своей карьерой обязанный исключительно Ристичу и покровительству Милана, человѣкъ крайне слабаго характера. Министръ торговли Гвоздичъ, мало чѣмъ извѣстенъ, министръ финансовъ Стояновичъ — креатура Ристича. Весь составъ новаго сербскаго кабинета подобранъ такъ, что регентство не найдетъ въ немъ ни малѣйшаго противодѣйствія ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ, и въ силу этой своей, такъ сказать, безличности встрѣченъ не съ особеннымъ удовольствіемъ въ странѣ.

Въ правящихъ кругахъ однако полагаютъ, что новое министерство озабочено поддержаніемъ столь-же тѣсныхъ отношеній къ Россіи, какъ и министерство Пашича. Всѣ новые министры извѣстны преданностью историческимъ національнымъ преданіямъ; разница съ радикалами только въ вопросахъ внутренней политики.

Въ собраніи избирателей въ Ново-Быджовѣ младочешскій депутатъ Пачакъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о дѣйствіяхъ младочешскаго клуба по отношенію къ делегаціямъ. По словамъ оратора, названный клубъ въ свое время сперва обсудилъ вопросъ о томъ, какъ младочешскимъ делегатамъ слѣ-



Библіотека академіи. **Видъ С.-Петербургской Духовной академіи.** Съ фот. грав. Рашевскій.

дуетъ держаться въ вопросахъ о внѣшней политикѣ, а также въ военномъ и боснійскомъ вопросахъ. Въ присутствіи Вашатаго клубъ единогласно рѣшилъ, что младочешскимъ делегатамъ надо высказаться противъ тройственнаго союза и за сближеніе съ Россіей. Только по разрѣшеніи этого вопроса, клубъ приступилъ къ избранію делегатовъ, которые и снабжены теперь обязательными инструкціями къ предстоящему собранію делегацій Австріи.

Смѣсь.

Статистика образованія. Процентное отношеніе общаго числа учащихся къ общему населенію различныхъ странъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Европа.		Коста-Рика	7,0
Германія	18,25	Аргентинская республика	6,5
Англія	16,2	Никарагуа	5,0
Швейцарія	16,0	Урагвай	5,0
Франція	14,64	Венецуэла	5,0
Голландія	14,0	Гватемала	3,0
Австро-Венгрія	11,0	Чили	3,0
Бельгія	10,0	Экуадоръ	2,0
Италія	9,0	*Азія.*	
Америка.		Японія	9,0
Канада	21,5	*Океанія.*	
Соединенные Штаты	20,58	Новая Зеландія	19
Ямайка	11,0	Австралія	18
Тринидатъ	9,0	Гавайскіе острова	11

Процентное отношеніе числа безграмотныхъ къ общему населенію выражается слѣдующими цифрами: въ Сербіи, Румыніи и Болгаріи безграмотныхъ болѣе 80%, въ Испаніи — 63, Италіи — 48, Австро-Венгріи — 42, Ирландіи — 21, Франціи и Бельгіи—15, Голландіи—10, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (въ бѣломъ населеніи) — 8, Шотландіи — 7, Швейцаріи — 2, въ большей части Германіи—1, въ Швеціи, Даніи, Баваріи, Вюртембергѣ и Саксоніи безграмотность встрѣчается крайне рѣдко.

На 100 грамотныхъ умѣютъ читать, писать и считать: 89 въ Германіи, 81 въ Англіи, 77 во Франціи, 75 въ Австріи, 63 въ Италіи, 49 въ Испаніи.

На 100 учащихся получаютъ классическое образованіе: въ Германіи 32, Англіи 21, Франціи 20, Италіи 17, Австріи 13, Испаніи 7. (г. в.)

Запахъ расы. Различные народы имѣютъ различный, свойственный имъ, особый запахъ, по которому они легко узнаются людьми другой расы. Въ *North China Herald* напечатано сообщеніе изъ Нанкина, которое, пожалуй, поможетъ объяснить послѣднія событія въ Китаѣ. А именно, китайцы утверждаютъ, что отъ „чужихъ дьяволовъ,“ — такъ называютъ они европейцевъ, — исходитъ какой-то отвратительный и противный для ихъ носа запахъ. Одинъ китайскій ученый разсказывалъ корреспонденту, что этотъ запахъ ему до такой степени непріятенъ и дѣйствуетъ на него такъ сильно, что онъ чувствуетъ его тотчасъ же въ той комнатѣ, гдѣ побывалъ бѣлый. Мало того, запахъ впитывался въ его платье и, когда онъ приходилъ къ своимъ китайскимъ друзьямъ, тѣ говорили ему: „Ага, ты уже опять былъ у чужихъ, мы по нюху узнаемъ это“. Однако и наоборотъ: бѣлый также чувствуетъ, былъ-ли у него въ комнатѣ китаецъ или нѣтъ. Адольфъ Ерманъ, который изучалъ въ Кяхтѣ этотъ особый китайскій мѣстный или національный запахъ, приводитъ много примѣровъ въ этомъ родѣ. Какъ бы то ни было, китайцы утверждаютъ, что они никогда не будутъ съ бѣлыми на лучшей ногѣ, чѣмъ теперь, потому что не въ состояніи переносить ихъ запаха,—вотъ въ чемъ политическая сторона этого вопроса. (г. в.)

Какъ объясняется скорость и сила свѣта? Много труда, опытовъ и изслѣдованій понадобилось для объясненія этихъ двухъ свойствъ свѣта. Наблюденія за затменіями луны Юпитера дали возможность измѣрить скорость свѣта. Луна Юпитера обращается вокругъ него въ $42^1/_2$ часа, и время начала и конца ея затменія можно вычислить съ какою угодно точностью. Однако была замѣчена постоянно повторяющаяся разница между результатами вычисленія и временемъ наблюденій. А именно въ моментъ приближенія земли къ Юпитеру начало и конецъ затменія предупреждали вычисленія на 14 секундъ, наоборотъ по мѣрѣ удаленія земли опаздывали на такой же промежутокъ времени. Это объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро земля приближается къ Юпитеру, то въ началѣ затменія свѣтъ крайней свѣтящейся точки луны Юпитера достигаетъ земли скорѣе, и наоборотъ онъ долженъ совершить болѣе длинный путь по мѣрѣ удаленія земли отъ Юпитера. Въ $42^1/_2$ часа земля совершаетъ путь въ 590.000 миль. Въ первомъ случаѣ земля совершаетъ этотъ путь по направленію къ лунѣ Юпитера, во второмъ случаѣ—удаляясь отъ нея. Такъ какъ разница въ достиженіи свѣта вычислена въ обоихъ случаяхъ въ 14 секундъ, то изъ этого слѣдуетъ, что скорость свѣта въ 1 секунду равна $\frac{590.000}{14}$ миль, т. е. приблизительно 42,000 милямъ. Для вычисленія же силы свѣта Волластонъ принялъ за единицу мѣръ силу свѣта восковой свѣчи. Желая опредѣлить силу свѣта солнца, онъ наблюдалъ въ телескопъ отраженіе свѣта солнца отъ круглаго шарообразнаго термометра. Для сравненія онъ наблюдалъ также и свѣтъ восковой свѣчи въ выпуклое стекло и помѣстилъ это стекло на такомъ разстояніи отъ свѣчи, что свѣтъ ея и отраженный свѣтъ солнца стали одинаково ярки. Изъ уменьшенія солнечнаго диска на поверхности отраженія и зная разстояніе восковой свѣчи отъ выпуклаго стекла, по законамъ оптики онъ нашелъ отношеніе силъ свѣта солнца и восковой свѣчи. Именно онъ вычислилъ, что 5500 восковыхъ свѣчей, удаленныя отъ предмета на 1 футъ, освѣщаютъ его такъ же, какъ солнце отдаленное отъ него на 20 милліоновъ миль. По его расчету необходимо 1250 квадрильоновъ восковыхъ свѣчей, чтобы онѣ, находясь на мѣстѣ солнца, освѣтили землю съ такою же силой. Точно такъ же опредѣляется сила свѣта и другихъ небесныхъ тѣлъ. (к).

Движеніе населенія въ Россіи за 1889 годъ. По официальнымъ даннымъ о движеніи населенія за 1889 годъ, видно, что во всей Россіи, кромѣ Финляндіи, въ этомъ году народонаселеніе простиралось до 114.378,520 человѣкъ; родилось 5.128,841 и умерло 3.594,541 человѣкъ. Такимъ образомъ, приростъ населенія оказался въ 1.534,300 челов. Въ этомъ отношеніи 1889 г. менѣе благопріятенъ предыдущаго года: рождаемость его ниже, а именно: на 1000 наличнаго населенія равнялась 46,7‰ (въ 1888 г. 47,6‰), а смертность выше—32,7‰ (въ 1888 г. всего 31,0‰); слѣд., приростъ населенія ниже на 2,6‰. Такое усиленіе смертности во всѣхъ возрастахъ, но преимущественно въ дѣтскомъ и старческомъ, является слѣдствіемъ охватившей всю Россію, особенно въ концѣ 1889 года, пандеміи гриппа. По отдѣльнымъ областямъ наибольшій приростъ населенія оказался въ землѣ Войска Донскаго, гдѣ онъ достигъ 21,6‰, а наименьшій въ Прибалтійскомъ краѣ—всего 5,7‰. Въ 21 уѣздѣ и округахъ оказался перевѣсъ числа умершихъ надъ родившимися. Изъ 721 города въ 116 наблюдался перевѣсъ умершихъ. Общее число всѣхъ обращавшихся къ врачебной помощи достигло въ 1889 году 21.491,633 челов., т. е къ врачебной помощи обращалось изъ каждой 1000 населенія 190 чел., при чемъ въ больницахъ пользовалось болѣе 5% всего числа обращавшихся, или около 10 человѣкъ съ каждой 1000 населенія. Въ отчетномъ году одна больница гражданскаго вѣдомства приходилась на 30,100 чел. и одна кровать на 1200 чел. Что же касается до отношенія числа врачебнаго персонала къ числу населенія, то въ 1889 г. оно было слѣдующимъ: 1 врачъ приходился на 11,500 жит., 1 фельдшеръ—7,400 и повивальная бабка на 4,200 способныхъ къ дѣторожденію женщинъ. (г. в.)

Потеря зрѣнія отъ сильнаго вѣтра. Нѣкто Фрейштадтъ въ Берлинѣ покончилъ недавно свою жизнь самоубійствомъ. При изслѣдованіи причины самоубійства обнаружилось, что этотъ до того всегда веселый и довольный жизнью человѣкъ рѣшился наложить на себя руки въ отчаяніи отъ внезапной потери зрѣнія. Дѣло же происходило такимъ образомъ. 25 марта г. Фрейштадтъ возвращался по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ изъ своего роднаго города Лейпцига, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней у своихъ родственниковъ. Сидя въ купэ вагона, онъ вздумалъ открыть окно и высунуться изъ него; при этомъ онъ попалъ въ очень сильную тягу воздуха. Тотчасъ же онъ почувствовалъ рѣзкую боль въ глазахъ, которая постоянно усиливалась и прекратилась лишь въ ночь на 26-ое марта. Но когда г. Фрейштадтъ проснулся на слѣдующее утро, онъ сдѣлалъ ужасное открытіе, что его зрѣніе совершенно исчезло. Приглашенный врачъ долженъ былъ объявить несчастному человѣку, что слѣпота эта останется еще на продолжительное время. Сначала слѣпой переносилъ свое несчастіе съ безропотной покорностью судьбѣ и пытался еще исполнять свои профессіональныя обязанности съ помощью чтеца. Наконецъ однажды въ безсонную ночь несчастный постигъ весь ужасъ своего положенія и принялъ рѣшеніе сдѣлать быстрый конецъ своему существованію. Утромъ его нашли повѣсившимся на дверномъ косякѣ. (г. в.)

Какъ обезвредить воду и сдѣлать ее пріятной для питья? Вопросъ этотъ возбуждаетъ къ себѣ особенный интересъ съ тѣхъ поръ, какъ населеніе пораженныхъ холерой мѣстностей вынуждено пить кипяченую воду. Дѣло въ томъ, что вкусовыя и иныя свойства воды значительно измѣняются, если только она дѣйствительно хорошо прокипячена, т. е., кипѣла ключомъ въ теченіе по крайней мѣрѣ 15 минутъ — условіе абсолютно необходимое для полной стерилизаціи (обезпложенія) воды, для уничтоженія рѣшительно всѣхъ кишащихъ въ ней микроорганизмовъ. Измѣненіе вкуса происходитъ вслѣдствіе того, что при кипяченіи улетучиваются растворенные въ водѣ газы (кислородъ, углекислота) и осаждаются содержащіяся въ ней въ растворѣ соли, какъ-то: углекислая известь, магнезія и др. Другія неудобства, съ которыми приходится имѣть дѣло при употребленіи кипяченой воды, это необходимость, во-первыхъ, остудить ее, во-вторыхъ, принять мѣры къ тому, чтобы въ нее снова не попали изъ воздуха носящіеся въ немъ различные микробы, и въ томъ числѣ бациллы гніенія, которыя, за отсутствіемъ всякихъ конкуррентовъ, убитыхъ при кипяченіи (среди нихъ имѣются въ сырой водѣ совершенно безвредныя бактеріи, приспособившіяся къ ней и потому стойко выдерживающія борьбу съ новыми пришельцами), роскошно развиваются въ охлажденной водѣ, вызывая ея загниваніе. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства необходимо ежедневно на-ново приготовлять свѣжую кипяченую воду и хранить ее въ металлическихъ, фаянсовыхъ или глазурованныхъ сосудахъ.

Мы уже говорили здѣсь о приборѣ г. Ягна, быстро охлаждающемъ кипяченую воду, но не возвращающемъ ей обычнаго вкуса. Этотъ недостатокъ значительно устраненъ въ аппаратахъ устроенныхъ во Франціи по заказу муниципалитетовъ нѣкоторыхъ городовъ, страдающихъ недостаткомъ годной для питья воды, инженерами Руаръ, Женсетъ и Гермеръ. Аппараты эти имѣются двухъ родовъ: неподвижные и подвижные.

Улучшить вкусъ кипяченой воды можно и домашнимъ способомъ, прибавивъ къ ней немного вина, лимонной или соляной кислоты (5 капель на стаканъ воды). Послѣднія двѣ примѣси не только дѣлаютъ воду пріятной для питья, но вмѣстѣ съ тѣмъ убиваютъ совершенно холерныхъ бациллъ.

Изъ опытовъ де-Кристъ-Маса въ институтѣ Пастера слѣдуетъ, что достаточно прибавить шесть дециграммовъ лимонной кислоты на литръ загрязненной воды, взятой прямо изъ Сены, чтобы въ четверть часа убить всѣхъ находящихся въ ней холерныхъ микробовъ; если же прибавить цѣлый граммъ этой кислоты на литръ воды, то будутъ убиты и другія вредоносныя бактеріи, и тогда вмѣсто зараженной воды получится совершенно безвредный, дешевый и пріятный на вкусъ напитокъ. Такимъ образомъ самымъ раціональнымъ средствомъ обезвредить воду и придать ей пріятный вкусъ оказывается прибавленіе къ ней небольшаго количества лимонной кислоты.

Еще одно дезинфекціонное средство. Одинъ литръ (нѣсколько меньше кружки) дегтя смѣшивается съ 1 литромъ 10% горячаго раствора ѣдкаго натра или кали и затѣмъ смѣсь эта разбавляется водой до 20 литровъ. Получающаяся при этомъ жидкость убиваетъ холерныя бациллы въ продолженіе 2—3 минутъ.

(г. в.)

ШАХМАТЫ.

Рѣшенія задачъ № 22 *Нивы*.

№ 27. W. Mieses. Матъ въ 3 хода:

1. Л. e2—e1, f6—f5; 2. Ф. h2—d2, Кр. e4 : e5; 3. К. e3—g4 или f1╪

A. 1. . . .; 2. . . ., f5—f4; 3. Ф. d5╪

B. 1. . . ., f6 : e5; 2. Ф. h2—e2, Кр. e4—d4 или f4; 3. Ф. e2—c4 или g4╪

C. 1. . . ., Кр. e4—d4, 2. К. e3 f5+, 2. Кр. d4—c3 или d5; Л. e3 или Ф. a2╪

Рѣшили: **Н. С. Дарманъ** (Кронштадтъ), **свящ. Богомоловъ** (село Рождественское, Екатеринб. уѣз.).

№ 28. (Шашечная) **Е. Ф. Андрезена.** Запереть дамку и 3 простыя.

1. e7—f8 Д.; 2. c5—a3, 3. a3—c1; 4. f8 : f2.

Рѣшили: А. Благовѣщенскій и **Н. С. Дарманъ** (Кронштадтъ), **В. Н. Кожинъ** (с. Исады), **І. Н. Покровскій**, свящ. станицы Дядьковской (Куб. обл.), **П. Ивановъ** (Елецъ), **В. Веретенниковъ** (Ярославль), **А. Л. Сѣдашъ** (Харьковъ), **Литвиновъ** (Орелъ), **М. Случаковская** (село Сухорабовка, Полтавск. губ.).

Извѣстія. Шахматный турниръ въ Дрезденѣ окончился 19—31 іюля. Первый призъ, 1000 марокъ, взялъ д-ръ **З. Таррашъ**, выигравшій 12 партій изъ 16. Второй и третій призы (750 и 500 м.) раздѣлили **Маковецъ и Поргесъ**, выигравшіе по 10½ партій; четвертый и пятый (300 и 150 мар.) раздѣлили **Вальбродтъ и Марко**, выигравшіе по 10 партій; 6-й и 7-й призы (100 и 60 м.) раздѣлили **Барделебенъ** и **Винаверъ** (по 9½ партій). Спеціальный призъ въ 100 марокъ, пожертвованный барономъ ф. д. Лаза за лучшій результатъ съ игроками, получившими призы, былъ выданъ **Блэкберну**.

На 7-мъ шахматномъ конгрессѣ въ Дрезденѣ призы получили:

за 3-хъ-ходовыя задачи:

1 призъ „Po Labi“ — **I. Pospisil** (Прага).
2 „ „XVI B.“ — **R. Weinheimer** (Вѣна).
3 „ „Emilie“ — **M. Feigl** (Вѣна).
4 „ „Mignon“ — **E. Palkoska** (Прага).
5 призъ „Nec soli cedis“ — **M. Karstedt** (Cottbus).
6 „ „Collegisse juvat“ — **I. Hane** (Берлинъ).

за 4-хъ-ходовыя задачи:

1. „Spiel o. Kunst“ — **O. Fuss** (Ганноверъ).
2. „ „ „ — **Dr. Шиндлеръ** (Штаудингъ).
3. „Ultimo“ — **Шрюферъ** (Бамбергъ).

за лучшую посылку: „Spiel oder Kunst“ — **O. Fuss** (Ганноверъ).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Извлеченіе изъ № 209 „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 30-го іюля 1892 г.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. г.—Недавно, въ № 5.881 *Новаго Времени*, въ одной корреспонденціи изъ Нижняго-Новгорода были сообщены обо мнѣ, непонятно какимъ образомъ, обидныя и вредныя для моей торговой репутаціи небылицы, почему я счелъ себя вынужденнымъ протестовать противъ нихъ и опровергнуть ихъ рядомъ неоспоримыхъ фактовъ въ письмѣ отъ 20 іюля, съ которымъ обратился въ названную газету. Къ сожалѣнію, редакція *Новаго Времени*, несмотря на мою просьбу, письма моего не напечатала, а ограничилась (въ № 5893) нѣкоторыми лишь выдержками изъ моего письма, притомъ мелкимъ шрифтомъ и на самомъ невидномъ мѣстѣ газеты,—выдержками далеко недостаточными и меня не удовлетворяющими.

Въ виду этого, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбой дать мнѣ возможность чрезъ посредство вашей уважаемой газеты опровергнуть взведенную на меня напраслину. Хотя данный случай никакого отношенія къ вашей газетѣ не имѣетъ и имѣть не можетъ, но я смѣю надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ, такъ какъ и я самъ лично, и характеръ моей дѣятельности вамъ не безъизвѣстны.

Невѣрное сообщеніе вышеупомянутой корреспонденціи *Новаго Времени* гласитъ:

„Извѣстный владѣлецъ аптекарскихъ складовъ въ Москвѣ и поставщикъ въ провинцію Кёлеръ предложилъ черезъ своего повѣреннаго Нижегородскому Санитарному Комитету дезинфекціонныя средства съ нѣкоторою уступкой противъ другихъ, хотя и дороже установленной министерствомъ обыкновенной цѣны, и съ тѣмъ чтобъ ему дали монополію на поставку всѣхъ медикаментовъ, а когда ему отказалъ въ этомъ губернаторъ, то предложилъ устроить даровой анализъ товаровъ своихъ противниковъ, въ чемъ, понятно, тоже получилъ отказъ“.

Дѣло, однако, заключается въ слѣдующемъ. Въ числѣ многихъ другихъ, шедшихъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, угрожаемыхъ или уже застигнутыхъ холерною эпидеміей, требованій на дезинфекціонныя средства, я получилъ въ прошломъ мѣсяцѣ одно таковое требованіе и отъ г. начальника Нижегородской губерніи, генералъ-майора Баранова. Заказъ былъ значительный (хлорной извести десять бочекъ, зеленаго мыла десять бочекъ, неочищенной карболовой кислоты десять бочекъ, сѣрной кислоты пятьдесятъ бутылей, сулемы десять пудовъ) и безъ предварительнаго запроса о цѣнахъ, только съ предписаніемъ все требуемое выслать немедленно „большою скоростію“, то есть даже не товарнымъ, а пассажирскимъ поѣздомъ и съ наложеннымъ платежемъ.

При такихъ обстоятельствахъ торговецъ со столь корыстными вожделѣніями, какія предполагаетъ во мнѣ корреспонденція *Новаго Времени*, конечно, счелъ бы себя въ правѣ примѣнить въ настоящемъ случаѣ, съ большою выгодой для себя, именно вышеупомянутыя, казенныя, установленныя Министерствомъ, „обыкновенныя“ цѣны. Но я, какъ нельзя болѣе цѣня оказанное мнѣ высокое довѣріе и имѣя свой строгій взглядъ на требующуюся отъ всякаго порядочнаго человѣка и коммерсанта, особенно въ подобныхъ случаяхъ, деликатность и совѣстливость, исполнилъ этотъ заказъ, — какъ видно изъ слѣдующаго сравненія съ установленными Министерствомъ цѣнами,—по цѣнамъ весьма и весьма умѣреннымъ:

	Цѣны установленныя Министерствомъ.	Цѣны взятыя мною.
Хлорная известь	5 р. 28 к.	4 р. — к.
50-процентная неочищенная карболовая кислота.	3 „ 84 „	4 „ — „
Сѣрная кислота	2 „ 40 „	1 „ 25 „
Сулема.	105 „ — „	60 „ — „

Цѣна зеленому мылу Министерствомъ не опредѣлена, а маленькій излишекъ въ 16 к. на пудъ карболовой кислоты, понятно, далеко не соотвѣтствуетъ тому повышенію цѣнъ карболовой кислоты, — на 50 и болѣе процентовъ противъ „обыкновенныхъ цѣнъ“,— которое вызвано надѣлавшими столько шума казенными покупками этой кислоты за границей.

Затѣмъ, бывшій недавно въ Нижнемъ-Новгородѣ для пріисканія и найма потребовавшагося мнѣ прибавочнаго, противъ прежняго, складочнаго помѣщенія, повѣренный мой долженъ былъ кстати освѣдомиться, по возможности, потребуется ли губернскому санитарному комитету во время ярмарки еще нѣкоторое количество карболовой кислоты, и если да, то какое приблизительно.

Заблаговременное освѣдомленіе о семъ мнѣ было тѣмъ желательнѣе, что, послѣ сдѣланныхъ нашимъ правительствомъ вышеупомянутыхъ покупокъ этого товара за-границей, тамъ стало трудно доставать хорошій, не низкопробный товаръ, даже со значительною надбавкой въ цѣнѣ.

Исполнивъ это порученіе въ одномъ изъ засѣданій Нижегородскаго губернскаго санитарнаго комитета, повѣренный мой ни тамъ и вообще нигдѣ *никакихъ условій не заявлялъ*, а напротивъ, по моей только доброй волѣ, обязалъ меня ничѣмъ не вынужденнымъ обѣщаніемъ держать по крайней мѣрѣ мѣсяцъ цѣну карболовой кислоты бочками не выше 4 р. за пудъ,—обѣщаніемъ, котораго я теперь и придерживаюсь вполнѣ.

Въ томъ же засѣданіи санитарнаго комитета, предсѣдатель его, г. губернаторъ, заявилъ, между прочимъ, о томъ, что, какъ онъ освѣдомился, вмѣсто карболовой кислоты въ настоящее время продаютъ карболку смѣшанную съ мазутомъ; а я одновременно сообщилъ изъ Москвы моему довѣренному, что, по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, изъ-за-границы двинуты въ Россію большія партіи крайне низкопробной карболовой кислоты, не могущей, поэтому, оказывать никакой пользы покупающему ее и разсчитывающему на извѣстное ея дѣйствіе. Все это вмѣстѣ дало моему повѣренному поводъ къ предложенію услугъ одного изъ химиковъ на моей фабрикѣ, но, конечно, при условіяхъ *совершенно исключающихъ возможность заключенія, подобнаго сдѣланному корреспондентомъ „Новаго Времени“*. Хотя это предложеніе, за рѣшеніемъ г. губернатора слѣдить самому за недопущеніемъ поддѣльнаго или низкопробнаго товара на ярмарку, оказалось лишнимъ само по себѣ и поэтому *вполнѣ высказано не было*, но указанія моего повѣреннаго на возможность легкаго сбыта негоднаго продукта, вмѣсто хорошаго, за дорогую цѣну, въ горячую пору, при недостаточномъ знакомствѣ публики съ разновидностями этого товара, принесутъ свою пользу, и я этимъ вполнѣ довольствуюсь.

Дабы яснѣе доказать свою правоту во всемъ этомъ дѣлѣ, я могу еще указать на слѣдующіе *дѣйствительные* результаты переговоровъ въ Нижнемъ и предложеній моего повѣреннаго Нижегородскому Губернскому Санитарному Комитету. Эти результаты сами по себѣ имѣютъ рѣшающее значеніе въ возникшемъ вопросѣ. Укажу только на главные:

1) На новый заказъ г. нижегородскаго губернатора на партію дезинфекціонныхъ средствъ, подобную первой.

2) На другой огромный заказъ не только на медикаменты, но и на всякаго рода госпитальныя принадлежности и на мои цѣльныя виноградныя вина, для снабженія холерныхъ бараковъ по Поволжью. Заказъ этотъ состоялъ круглымъ счетомъ изъ 4000 штукъ пакетовъ, бутылокъ, банокъ и стклянокъ, раздѣленныхъ поровну на 30 отдѣльныхъ комплектовъ. Въ виду крайней спѣшности заказа, я исполнилъ его въ три дня, хотя, при множествѣ еще и другихъ обязательныхъ срочныхъ поставокъ, подобное исполненіе такого заказа было несомнѣнно un tour de force, который едва ли кому у насъ былъ бы по силамъ, и за скорое, успѣшное и заботливое исполненіе этого заказа я уже получилъ

3) официальную благодарность отъ командированныхъ на Волгу профессора Павловскаго и г. Коншевскаго, а равно и обѣщаніе въ скоромъ времени еще новыхъ подобныхъ заказовъ.

Ц. № 5936

Надѣюсь, что, послѣ вышеизложеннаго, читатели ни въ даваемыхъ мнѣ заказахъ, ни въ томъ какъ я ихъ исполняю, не усмотрятъ ничего сколько-нибудь похожаго на домогательства добиться для себя какой-либо монополіи. Вся моя многолѣтняя дѣятельность была борьбой противъ монополіи и за свободную конкуренцію, въ которой побѣждаетъ всегда тотъ, кто даетъ лучшіе продукты по возможно болѣе дешевымъ цѣнамъ.

Москва, 28 іюля 1892 года.

Р. Кёлеръ.

Дозвол. цензур., СПБ., 26 августа 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 36 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 5 сентября 1892 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Я. К. Гротъ.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, девятнадцатилѣтній юноша-лицеистъ, Я. К. Гротъ, окончившій курсъ въ Лицеѣ съ золотой медалью № 1-й и чиномъ IX класса, въ 1832 году, 6 сентября того же года поступилъ на службу въ канцелярію Комитета Министровъ.

Еще за два года до окончанія курса, Я. К. Гротъ началъ свою научно-литературную дѣятельность. Такъ, имъ, по порученію профессора, былъ сдѣланъ въ 1830 году переводъ замѣтки Тилло „О курсѣ французской литературы“ Ферри де-Пиньи: „Cours elémentaire и проч., de la Littérature française, rédigé par Ferry de Pigny“ (съ французскаго). Переводъ былъ въ томъ же году помѣщенъ въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига, въ отдѣлѣ „Критика“ (1830 г. № 29).

И вотъ въ нынѣшнемъ году, въ этомъ мѣсяцѣ, Академія Наукъ празднуетъ *60 лѣтъ* со времени выступленія Якова Карловича Грота на поприще литературнаго и общественнаго служенія Россіи, а съ нею и всему славянству.

Академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ (по поводу 60-лѣтія службы).
Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Плодомъ этихъ занятій были многочисленныя сочиненія, статьи и замѣтки по русской грамматикѣ и лексикологіи, вошедшія въ „Филологическія разысканія“ Грота. Обширный трактатъ „О спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія“ сталъ настольною книгою каждаго русскаго филолога.

Монументальное изданіе Гротомъ сочиненій Державина является трудомъ единственнымъ въ русской литературѣ, да и въ любой европейской оно могло бы считаться образцовымъ по научности пріемовъ и важности историко-литературныхъ объясненій.

Имя академика Грота тѣсно связано съ изученіемъ и многихъ другихъ писателей и дѣятелей прошлаго и нынѣшняго вѣка, напримѣръ Ломоносова, Хемницера, Крылова, Карамзина, Дмитріева, особенно же Екатерины II, какъ государыни и писательницы.

Я. К. Гроту обязана русская литература ознакомленіемъ съ поэтическими сокровищами шведскаго и финскаго Сѣвера, а послѣдній открытіемъ доступа къ языку и литературѣ русской.

Какъ эти, такъ и другіе позднѣйшіе многочисленные труды отвели завидное почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія маститому юбиляру, который такъ долго служилъ отечественному слову вообще и болѣе 35-ти лѣтъ непрерывно въ средѣ Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвелъ Грота въ степень *доктора русской словесности*, на основаніи того параграфа устава, по которому возводятся въ степень доктора знаменитые ученые. Московскій университетъ избралъ Якова Карловича Грота почетнымъ членомъ при чествованіи памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

Имя академика Грота какъ въ лѣтописяхъ научныхъ трудовъ и предпріятій Академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни, сохранится навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. „Академія есть академія *наукъ* и существуетъ *въ Россіи* и для Россіи", вотъ девизъ съ которымъ академикъ Гротъ соображаетъ всѣ свои дѣйствія и стремленія.

Руководясь этимъ началомъ, Гротъ остается вѣренъ и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію Наукъ, и лучшимъ преданіямъ Академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бэра и другихъ свѣтилъ европейской науки.

Что касается нравственныхъ качествъ юбиляра, то нельзя обойти молчаніемъ того, что Гротъ всегда стоялъ за все прекрасное и полезное, справедливое и честное; что дорожа успѣхами отечественнаго просвѣщенія, Гротъ любитъ Россію; что уважая и цѣня отечественныхъ ученыхъ, всегда сочувственно относится къ ихъ трудамъ; что академикъ Гротъ, ставя науку выше всего, выдѣляетъ ее изъ повседневныхъ отношеній, зачастую мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что Гротъ ни на шагъ не отступалъ отъ тѣхъ честныхъ убѣжденій, которыя онъ высказывалъ будучи еще юношей-поэтомъ:

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!

Вотъ минуло ужъ болѣе пятидесяти лѣтъ какъ этотъ обѣтъ былъ данъ Гротомъ и еще ни разу не былъ нарушенъ.

Если прибавить къ этому краткому очерку высокогуманныхъ научныхъ трудовъ юбиляра еще педагогическую его дѣятельность въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ и Александровскомъ Лицеѣ, а также по образованію членовъ Царской Семьи; наконецъ столь многолѣтнее участіе въ трудахъ Императорской Академіи Наукъ, гдѣ Гротъ съ особымъ умѣніемъ примирялъ интересы чистой науки съ условіями народной жизни, и всегдашнее теплое содѣйствіе всякому доброму научному и общественному начинанію, то получится такой итогъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ, который создаетъ для чествуемаго нынѣ юбиляра право на уваженіе и признательность не только современниковъ, но и отдаленнаго потомства.

Яковъ Карловичъ Гротъ родился въ 1813 году; происходя изъ почтенной дворянской семьи, Гротъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и, будучи 11-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ отданъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей, гдѣ и окончилъ курсъ, какъ было уже сказано, въ 1832 году 14 августа, а 6 сентября того же года онъ уже началъ службу въ канцеляріи Комитета Министровъ. Въ 1835 году онъ перешелъ на службу въ Государственную Канцелярію, при чемъ ему много разъ приходилось состоять при государственномъ секретарѣ для исполненія порученій; затѣмъ въ 1841 г. перешелъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ Великаго Княжества Финляндскаго и, будучи произведенъ въ коллежскіе совѣтники, опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской словесности при Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ; по опредѣленію Императорскаго Финляндскаго Сената назначенъ былъ въ слѣдующемъ году экзаменаторомъ русскаго языка по училищамъ Боргоской епархіи, и по предложенію университетскаго совѣта, утвержденному Августѣйшимъ канцлеромъ, организовалъ при университетѣ отдѣльную русскую библіотеку, которою и завѣдывалъ со дня ея основанія. Въ 1845 году, будучи произведенъ въ статскіе совѣтники, Гротъ, по Всемилостивѣйшему назначенію, имѣлъ надзоръ за изданіемъ составленнаго по Высочайшему повелѣнію шведско-русскаго словаря.

Въ 1853 году Гротъ, будучи профессоромъ русской словесности въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, съ соизволенія наслѣдника цесаревича, назначенъ преподавателемъ русской словесности, нѣмецкаго языка, исторіи и географіи къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Александру Александровичамъ. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по положенію Комитета Министровъ, утвержденъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности въ 1855 году и въ слѣдующемъ году, по производствѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ Высочайше утвержденъ въ званіи экстраординарнаго академика по тому же отдѣленію. Въ 1858 году Высочайше утвержденъ, по положенію Комитета Министровъ, ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. По достиженіи наслѣдникомъ цесаревичемъ совершеннолѣтія, Гроту была назначена пожизненная пенсія изъ Главнаго Казначейства по 3 тысячи въ годъ.

Въ разные періоды своей службы Гротъ былъ въ многочисленныхъ командировкахъ съ научной цѣлью какъ въ разныхъ концахъ Россіи, такъ равно и за границей, кромѣ того въ Швеціи (1877 г.) участвовалъ въ празднованіи 400-лѣтняго юбилея королевскаго университета въ г. Упсалѣ.

Я. К. Гротъ состоитъ почетнымъ членомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, многихъ ученыхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и иностранныхъ. Многія благотворительныя общества также считаютъ Грота своимъ членомъ; южно-славянская академія въ Загребѣ избрала Грота въ 1879 году въ почетные члены; Лундскій университетъ въ Швеціи—почетнымъ докторомъ. Въ 1884 году 1 іюня онъ утвержденъ предсѣдателемъ въ отдѣлѣ русскаго языка и словесности. Въ 1883 году избранъ почетнымъ членомъ музеевъ въ Прагѣ, въ 1884 г. получилъ знакъ отличія безпорочной службы за L лѣтъ при знаменательной грамотѣ. Состоитъ почетнымъ членомъ королевскаго Упсальскаго ученаго общества и членомъ-корреспондентомъ Пражской Академіи Наукъ.

Съ 26 сентября 1889 года ординарный академикъ, дѣйств. тайный совѣтникъ Яковъ Карловичъ Гротъ состоитъ вице-президентомъ Императорской Академіи Наукъ.

А. Хвостовъ.

Дора.

Повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

— Ахъ, какая досада!.. mon Gricha, представьте, уѣхалъ куда-то. Онъ такъ будетъ жалѣть, что не видалъ васъ.

— Ну, вотъ, очень мы, старухи, нужны молодежи.

„Мы, старухи", непріятно прозвучало въ ушахъ у Багреневой, и она было собиралась отвѣтить колкостью, да вспомнивъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, разомъ присмирѣла.

— Нѣтъ, Ольга Семеновна, вы не повѣрите, какъ mon Gricha уважаетъ васъ! Такъ уважаетъ, такъ уважаетъ, что я даже ревновать начинаю... Еще вчера онъ говорилъ: „знаете, мамаша, если бы я не былъ вашимъ сыномъ, я бы хотѣлъ быть сыномъ мадамъ Баташовой. Мадамъ Баташова—это... это..."

— Ну, спасибо, спасибо. Я вотъ къ вамъ зачѣмъ: пріѣзжайте ко мнѣ сегодня съ вашимъ Гришей и милыми дочерьми, запросто, чаю откушать.

— Ахъ!.. Я рада. Я очень рада...

И тотчасъ же въ ея мозгу мелькнуло: „а сколько она дастъ за своей старшей, Анютой?.. Интересно бы узнать это?"

— У меня соберутся немного... Будетъ Тумановъ, Волоцкой...

Надежда Анисимовна даже покраснѣла отъ удовольствія. Она давно собиралась окончательно сблизить свою Нину съ Волоцкимъ. Ей казалось, что и молодой человѣкъ неравнодушенъ къ той... Надо было только заставить ихъ видѣться почаще, чтобы планъ его дяди и ея привести къ вожделѣнному концу.

— Кстати я васъ познакомлю со своей protégé и со своимъ другомъ, Дорой Петровной Каждановой. Вы ее встрѣчали у меня... Это такое сокровище: столько ума, сердца! Да вы ее вѣрно помните.

— Какъ же!.. Такая... Кажется, собой недурна еще?

„Недурна, дура ты этакая!" про себя подумала Баташова.

— Да, именно! вслухъ отвѣтила она. — Вы ищете себѣ гувернантку для дочерей за-границу, ну, такъ я вамъ Дорочку могу рекомендовать, какъ друга, а не только какъ отличную гувернантку. Узнаете ее—и отъ души поблагодарите.

— Да?.. Я очень рада... Только она вѣдь кажется изъ простыхъ?

— Именно, притворилась Баташова ничего не понимающей.—Она всѣмъ себѣ обязана, за нее папеньки и маменьки не хлопотали. Это дѣвушка серьезная. Истинный брильянтъ!

— Что-жъ, je ne demande pas mieux! А ея нравственность?

И Багренева сдѣлала необыкновенно умные, по ея мнѣнію, глаза.

— Она подруга моихъ дочерей! разсердилась Баташова.

— Нѣтъ, я, знаете... я не на этотъ счетъ... Я совсѣмъ про другое... Нынче, знаете... Я собственно... бываетъ-ли она въ церкви? нашлась Багренева.

— Что?

Баташовой показалось, что она не разслышала.

— Вѣруетъ-ли она?

— И это спрашиваете вы—дама безъ предразсудковъ! Esprit fort...

— Не для себя... Я, вы знаете, въ перепискѣ съ Герценомъ была когда-то... Я для дочерей... Этимъ ангеламъ...

— Не безпокойтесь... Дора дѣвушка вѣрующая, и горячо вѣрующая, я вамъ говорю, что она моя любимица. Я бы ее не уступила вамъ, да она даромъ хлѣбъ ѣсть не хочетъ. Надо посмотрѣть на нее, когда она молится въ церкви! Такихъ нынче мало.

Надежда Анисимовна пріѣхала вечеромъ къ Баташовымъ, разумѣется съ mon Grichà и со своею Ниной.

— Ты смотри, напутствовала она ее въ каретѣ, — если ты упустишь Волоцкаго, на глаза мнѣ не показывайся. Этого мало, что ему дядя приказалъ. Ты съумѣй сама его приворожить.

— Что-жъ мнѣ его силой что-ли?

— Хотя бы и силой. Въ мое время мы цѣпко хватались за нужныхъ людей... Упустишь — будешь вѣкъ плакаться... А ты, Grichà, обрати вниманіе на Вѣрочку Баташову. За нею полмильона да подмосковная.

У Баташовыхъ время прошло очень мило.

— Она недурна! благосклонно отозвалась о Дорѣ Петровнѣ Багренева.—Въ ней есть нѣчто... distingué... Нельзя и предположить, чтобы она была мужичкой. Tu as quelque chose à me dire? обернулась Надежда Анисимовна къ Нинѣ. — J'ai tout compris... Тебѣ что-нибудь сказалъ Волоцкой?.. Да? всполошилась она.

И она отвела дочь въ сторону.

— Ну, что же?.. Да говори скорѣе!

— Онъ, мама... я не предполагала даже... Онъ *тоже* вдругъ вздумалъ ѣхать въ Италію.

— Eh bien! Я это знала! торжествовала Надежда Анисимовна. — Я это знала. Ему вѣрно дядя строго приказалъ.

— И просилъ у меня позволенія бывать у насъ запросто.

— Нина!.. Я даже отъ тебя не ожидала этого. Поцѣлуй меня, дочь моя. Впрочемъ, ты меня поцѣлуешь дома; здѣсь неловко... Я тобой довольна... Старайся, Нина, не упускай его, поговори съ нимъ, вѣдь учили же васъ чему-нибудь въ Смольномъ. Покажи, что ты не дура!..

— Мамà, я ему вспомню что-нибудь изъ исторіи.

— Только не изъ исторіи... Неправда-ли, qu'elle est jolie en bleu-marin? вдругъ вслухъ проговорила она, видя, что къ ней подходитъ Баташова.

— О комъ это вы? разсѣянно спросила та, захлопотавшись въ качествѣ хозяйки.

— О вашей Вѣрочкѣ. Какой это ангелъ!.. Посмотрите ихъ вмѣстѣ съ Гришà... Вотъ голуби!..

Въ это время мимо нихъ, вся блѣдная, прошла Дора.

— Est-ce qu'elle est malade? Je lui ai trouvé bien mauvaise mine?

— Дора, что съ тобою? забезпокоилась Ольга Семеновна, внимательно вглядываясь въ дѣвушку.

Дѣвушка посмотрѣла разсѣянно на Баташову и, чтобы понять, о чемъ ее спрашиваютъ, сдѣлала надъ собою усиліе: она безсмысленно улыбнулась, опустила глаза внизъ и снова подняла ихъ!

— Что съ тобою, Дора? Ты сегодня мнѣ совсѣмъ не нравишься.

— Со мною?—Ничего... Я сидѣла противъ камина... Голова болитъ. Должно-быть нагрѣло.

— Возьмите, душенька, eau de Raspaille и намочите немного виски! предложила ей любезно Надежда Анисимовна.

Хорошо еще, что она была влюблена во все свое, а то бы она поопасалась взять Дору, при которой совсѣмъ терялась ея дочь.

Дора поклонилась и прошла дальше.

— Elle m'inquiète un peu, bien qu'elle ne se plaigne pas, озабоченно повторила Баташова и пристально посмотрѣла ей вслѣдъ.

„Я васъ люблю... Я васъ люблю... Я васъ люблю...“ звучало еще въ ушахъ у Доры. Кромѣ этого она ничего не слышала и не помнила. *Онъ* уронилъ эти три слова, проходя мимо нея, когда она сидѣла за столомъ, уронилъ, наклоняясь какъ будто для того, чтобы поднять упавшій у нея изъ рукъ альбомъ. „Я васъ люблю“... Какъ хорошо звучитъ это, какъ глубоко отдается въ душѣ... Неужели это она слышала внѣ ея?.. Нѣтъ, какъ будто въ самомъ сердцѣ ея родилось и на минуту блеснуло!.. И какимъ взглядомъ онъ обдалъ ее!.. Одно мгновеніе только, а вся кровь отлила отъ лица, и сладко ей стало, и больно... Она зашаталась. Останься она еще въ гостиной—всѣ бы замѣтили пожалуй... О, она теперь не завидуетъ Нинѣ Багреневой!.. Онъ весь вечеръ провелъ около Нины, вѣроятно такъ, чтобы не замѣтили и не угадали посторонніе. Разумѣется, только для этого. „Я васъ люблю“... Неужели онъ дѣйствительно сказалъ это? Какъ она могла удержаться и не отвѣтить ему сейчасъ, тутъ же? Чѣмъ, какимъ словомъ могла она выразить то, что въ ней творилось? Крикомъ развѣ, полнымъ радости, счастья и въ то же время тревоги и боязни?.. А вдругъ это ей послышалось? Нѣтъ, онъ сказалъ это, дѣйствительно сказалъ. Ахъ, какъ хорошо жить, какъ прекрасенъ міръ, какъ добры и благородны люди!.. Если бы все это — и жизнь, и міръ, и людей — можно было обнять сразу!.. Смѣяться и плакать хочется въ одно и то же время, а нельзя, надо сдерживаться, не показывать, что съ нею. „Я васъ люблю“. „И я люблю тебя, милый, дорогой мой“, ужь шепотомъ говорила она, пряча лицо въ подушки Вѣриной кровати.

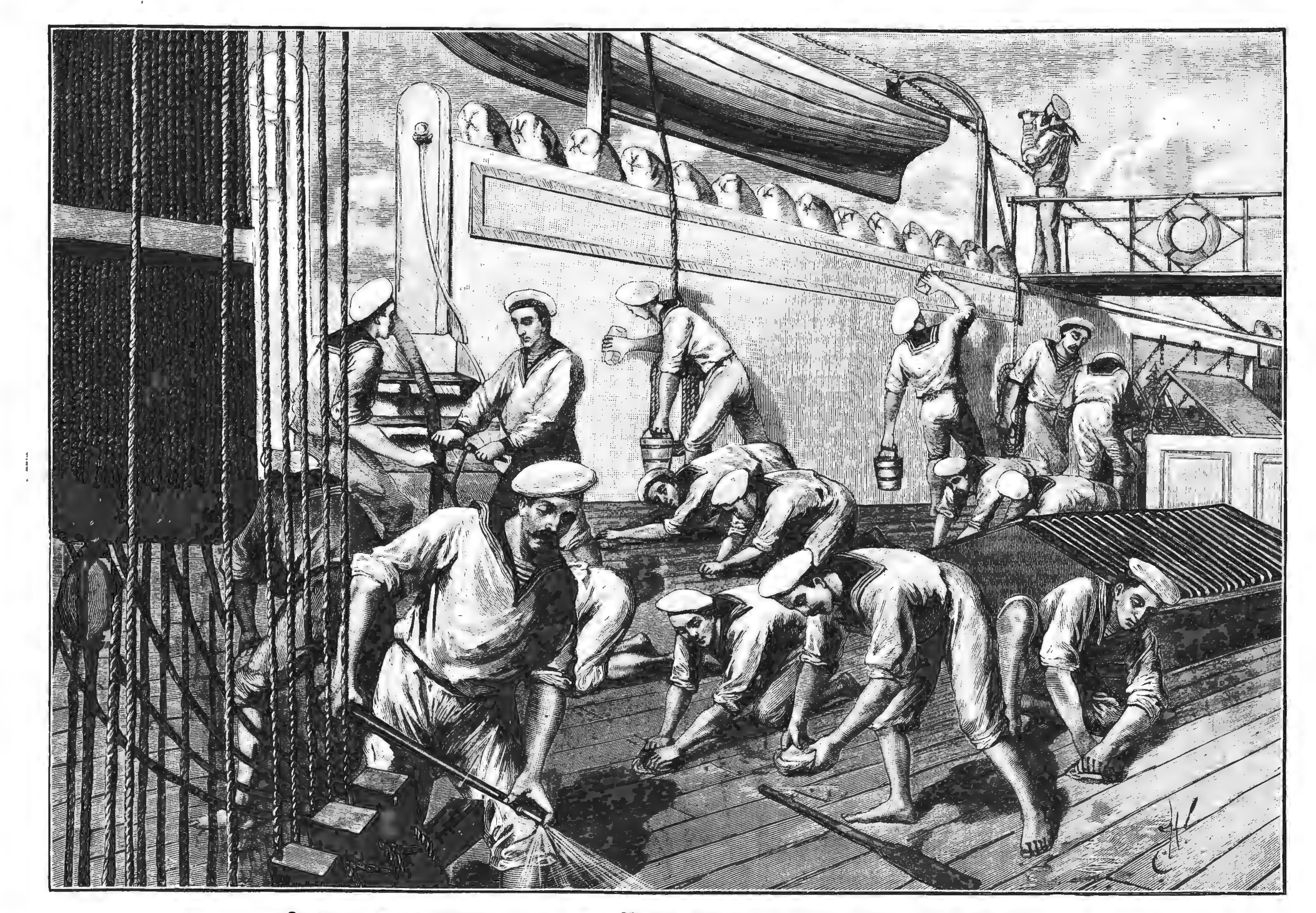
Она заперлась въ ея спальнѣ, чтобы совладать съ собою и не выдать себя тѣмъ постороннимъ, которымъ не было ни малѣйшаго дѣла до *ея* счастья... Нѣтъ, не до *ея*, до *ихъ* обоюднаго. Теперь она ужь не одна... Теперь все раздвоится... Скорѣе бѣжать отсюда прочь. Она не хочетъ здѣсь. „Воображаю, если бы ему пришлось дѣлать предложеніе моей мамà... въ той обстановкѣ!..“ Нѣтъ, нѣтъ!.. Тамъ, подъ другимъ небомъ, гдѣ отъ ея прошлаго ничего не останется, кромѣ ея самой... И онъ еще не знаетъ, что съ нею встрѣтится тамъ... Не знаетъ... А какъ хорошо будетъ это!

VII.

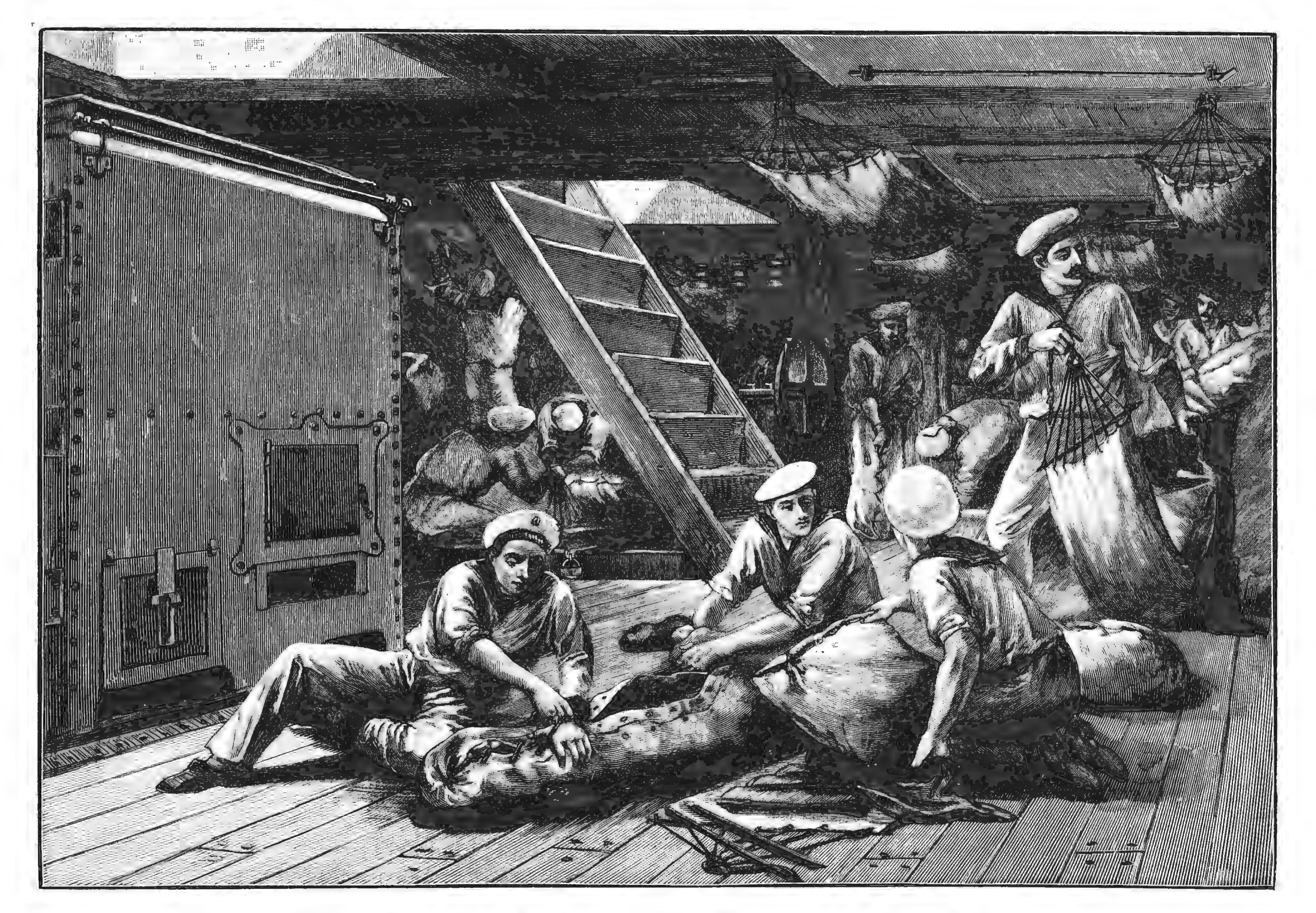
Жоржъ какъ сумасшедшій влетѣлъ въ квартиру къ Дорѣ Петровнѣ и до такой степени своей стремительностью напугалъ ея мать, что та даже присѣла и съ минуту не могла отдышаться.

— Дора Петровна дома?

— Ой!.. ой не могу!.. Погодите, баринъ... Напужали вы меня очень. Въ животѣ даже оборвалось что-то. Дохтуръ сказываетъ печенка у меня тамъ завелась.



Судовая жизнь русскихъ моряковъ. Мытье палубы. Съ наброска Нѣмова, грав. Флюгель.



Судовая жизнь русскихъ моряковъ. „Побудка“. Съ наброска **Нѣмова**, грав. Флюгель.

Николи печенки не было, а теперь завелась, ну, и полыхается. Какъ я спужаюсь—она и полыхается.

Жоржъ щелкнулъ шпорами, сѣлъ противъ нея на стулъ и выпучилъ глаза.

— Чуетъ моя душа, случилось что! еще пуще задрожала она отъ его безмолвія.

— Я къ Дорѣ Петровнѣ собственно...

— Она по урокамъ побѣжала. Скоро будетъ.

— Позвольте мнѣ подождать ее... Вамъ хорошо: вы въ кавалеріи не служите... Я шашку сниму... новаго образца! ни съ того, ни съ сего ронялъ онъ, вздуваясь какъ резиновый шаръ.—Знаете, у Пушкина это очень хорошо выражено: „Я разлюбилъ свои желанья, я пережилъ свои мечты. Остались мнѣ однѣ страданья — плоды сердечной пустоты...“

Марья подперла щеку рукой и вздохнула.

— Я три дня на гауптвахтѣ просидѣлъ! наконецъ разрѣшился онъ первымъ положительнымъ свѣдѣніемъ.

— Чего это?

— Арестованъ былъ. Вотъ какъ! Вы знаете, Лермонтову тоже по службѣ не везло!

— Это кто же такой будетъ? Вы вотъ что, батюшка, успокойте меня... Ужь такъ я умучилась... Генеральша-то, барыня моя, точно меня чумичкой въ лобъ... Хожу я и ничего не могу въ понятіе взять. Дочка-то, слышали, ѣдетъ?

— Куда?

— Не знаю... Сказываютъ: во всѣ заграницы Багреневскихъ дѣтей обучать наукамъ. Для легкаго воздуха. Ужь не знаю, что мнѣ дѣлать... Какъ прослышала я, такъ у меня съ тѣхъ поръ въ этомъ мѣстѣ, — ткнула она себя подъ ложечку,—будто овечій хвостъ дрожитъ. Все дрожитъ... Дрожмя-дрожитъ! Въ заграницахъ-то, батюшка, наши, русскіе люди, православные живутъ, аль нѣтъ?

— Живутъ. „А можетъ-быть и не живутъ!“ подумалъ про себя Жоржъ.

— Вольно живутъ?.. Ничего за это имъ не бываетъ? Ужь такъ я обезпамятѣла, такъ обезпамятѣла... Потому, одна она у меня.—И Марья вдругъ заплакала.—Ростила, ростила, а она вонъ какъ!

— Вернется. Чего вы ревете? Съ войны люди возвращаются, не то что.

— И генеральша-то говоритъ, что черезъ восемь мѣсяцевъ ее въ цѣлости значитъ назадъ доставятъ... А какъ она потонетъ тамъ-то? Сказываютъ, въ заграницахъ-то моря-окіаны... Мнѣ одна странница про мерблюда... Такъ я даже во снахъ его видѣла.

— Сны — это глупости... Вы вотъ что: пироги сегодня пекли?

— Съ капустой... Съ капустой точно пекла...

— Дайте мнѣ, проголодался!.. На гауптвахтѣ-то все спустилъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... А только я ей на вольнодумство благословенія не дамъ. Хоть и въ заграницахъ, а пусть помнитъ мать. Мать-то вѣдь отъ Бога. Отецъ еще такъ себѣ, а матерямъ-то Господь счетъ ведетъ. То-то... Помирать легче. А послѣ: обувать-то, да одѣвать?.. Подушка-то подъ головой такъ завертится... Вентигриновое платье мнѣ подарила генеральша-то! вдругъ радостно закончила она. — Хорошее платье — шуршитъ. Мнѣ и надѣвать-то его страшно. Сказываетъ, сама только два раза носила.

— Какое, какое говорите вы?

— Вентигри, сказываютъ... Цвѣтъ такой.

— Vert de gris, вѣрно?

— Онъ самый... Заграничное слово-то... И портнихѣ заплатить за передѣлку обѣщалась. Къ празднику-то въ церковь обновлю... Я съ отцомъ Веденеемъ говорила про заграницы-то...

— Такого отца нѣтъ! съ глубокимъ убѣжденіемъ заявилъ Жоржъ.

— Ну, вотъ!.. Какъ нѣтъ, еще борода сѣдая и на носу—вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ—бородавка.

— Венедиктъ, а не Веденей. Вы говорили—съ капустой, а сами не даете. Это не обстоятельно съ вашей стороны, обиженнымъ тономъ проговорилъ Жоржъ, давно уже поводя носомъ по направленію къ кухнѣ, откуда пахло пирогами.

Марья сорвалась съ мѣста въ кухню, но видимое дѣло, Жоржу не суждено было попробовать пирога. Въ передней послышался звонокъ, и въ комнату, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы, вошла Дора.

— Жоржъ, здравствуйте!..

Жоржъ тотчасъ же принялъ видъ полнаго отчаянія.

— Что̀ съ вами, что̀ случилось? Драму Сарра Бернаръ не приняла, что-ли?

— Дора, вы все равно что родная... Она меня не любитъ!

И онъ выпучилъ на нее глаза.

— Кто, Сарра Бернаръ?

— Вѣра! Кому же больше?.. Я даже ротмистру нагрубилъ и три дня изъ-за этого на гауптвахтѣ сидѣлъ. Выгнать изъ полка хотѣли, и мнѣ, знаете, все равно. Я хочу въ Туркестанъ проситься, пускай меня убьютъ, и я тогда приду къ ней безъ ноги и безъ руки, *на ходуляхъ!* сгоряча крикнулъ онъ какимъ-то надтреснутымъ, какъ у молодыхъ пѣтушковъ, голосомъ.

— На костыляхъ! смѣялась дѣвушка.

— Все равно, и скажу: „вотъ, смотри, ты этого хотѣла, радуйся“. И пусть она тогда плачетъ. А мнѣ все равно, я буду убитый.

И ему вдругъ такъ стало жаль себя, что онъ прослезился.

— Да что̀ случилось? Говорите толкомъ.

— Вы знаете этого cher Grichà? У насъ его тромбономъ называютъ, потому что онъ глупъ какъ ослиная кожа... Нѣтъ, постойте, чѣмъ это Сампсонъ филистимлянъ?.. Забылъ, ну да все равно. Представьте, какая онъ скотина,—съ утра шампанское пьетъ, точно купецъ московскій!.. И вдругъ Вѣрочка предпочла его мнѣ!

— Почему вы это думаете? заинтересовалась Дора.

— Какъ же, онъ мнѣ самъ по секрету передавалъ, что непремѣнно женится на ней и меня въ шафера звалъ. Только я скорѣе пробью себя навылетъ, чѣмъ... И потомъ вы замѣтили, какой у него глупый носъ?.. Развѣ можно выходить замужъ за человѣка, у котораго такой носъ?.. Сапоги скрипятъ... Совсѣмъ негодяй!..

— Постойте, постойте... Еще нѣсколько словъ — и вы задохнетесь.

— Все равно... Она обрадуется... А я... Я ее такъ любилъ, такъ любилъ, какъ „дай ей Богъ любимой быть другимъ“.

И вдругъ наклонясь, онъ расплакался, но тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Вы знаете... я такъ похудѣлъ отъ этого... На три гнѣзда поясъ укоротился... Ахъ, если бы теперь была война! Я съ отчаянія сейчасъ бы Георгіевскій крестъ получилъ. Посмотрѣлъ бы, что̀ бы она сказала. И при томъ, знаете „mon Grichà“, я его хотѣлъ на дуэль вызвать. А онъ говоритъ, вамъ все равно вѣнчаться нельзя, потому что вы братъ. Во-первыхъ, троюродный—позвольте, это седьмая вода на киселѣ, а во-вторыхъ, я слышалъ, что ежели архіерей захочетъ, такъ ему ничего не стоитъ приказать. Maman знакома со всѣми архіереями. Я ему поцѣлую руку и скажу: mon père, я безъ нея жить не могу! Или въ монахи, или она—одно изъ двухъ!.. Вы, скажу, тоже отецъ семейства...

— Архіерей-то?

— Отчего же нѣтъ?.. Ахъ да, правда. Вы всегда, Дора, говорите правду. Вы удивительно право все знаете. Скажите, что̀ мнѣ дѣлать? Я прямо съ гауптвахты къ вамъ. Я такъ и рѣшилъ: если Дора ничего

не посовѣтуетъ, поѣду въ Бухару и застрѣлюсь. Теперь туда желѣзная дорога есть.

— Зачѣмъ въ Бухару? едва удерживалась дѣвушка отъ хохота, душившаго ее.

— Такъ ужь. Мой товарищъ, Ознобишинъ, перевелся въ Бухару и застрѣлился тамъ.

— Успокойтесь, Жоржъ. Вашъ Гришà все вретъ. Вѣрочка его терпѣть не можетъ. Знаете, какъ она его назвала?.. Вчера онъ кланяется ей въ театрѣ, а она обернулась ко мнѣ и говоритъ: „Посмотри, противный слизнякъ этотъ. Терпѣть его не могу!“

— Ей-Богу?.. Вы не врете, Дора?

— Да-да. Какъ вы выражаетесь, Жоржъ!.. Вы не у себя въ казармахъ...

— Нѣтъ, вы побожитесь! не слушалъ онъ ее.

— Сколько вамъ угодно... Вообще, Жоржъ, вы какъ-то взбаломучены. Разъ вы думаете жениться — вамъ нужно быть серьезнѣе. Ну, какой вы мужъ—посмотрите на себя въ зеркало!

— А я что же говорю... Я и то ужь купилъ себѣ всѣ сочиненія Бѣлинскаго и Исторію Церкви преосвященнаго Макарія. Буду читать... Только вотъ соберусь съ духомъ... И началъ даже — только я ничего не понимаю... У насъ этому не учили... Три страницы на гауптвахтѣ прочелъ—и ни слова. Точно по-китайски написано.

Въ это время Марья внесла пирогъ, отъ котораго даже паръ подымался. Голодный Жоржъ взглянулъ на него такимъ крокодиломъ, что Дора расхохоталась.

— Бѣдный пирогъ!

— Я очень люблю съ капустой, конфузливо признался Жоржъ. — Я и то какъ непогребенная душа былъ все это время.

— Смотрите, какъ бы опять не пришлось разставлять гнѣздъ.

— Захочу похудѣть, всегда успѣю... Нашъ полковой командиръ массажемъ лѣчится.

Черезъ нѣсколько минутъ полъ-пирога какъ не бывало. У Жоржа глаза хотѣли выскочить. Онъ отвалился и блаженно заморгалъ на Дору.

— А знаете... меня тетушка спрашивала, въ кого вы влюблены?

— Что?.. встревожился Жоржъ.—А вы сосплетничали вѣрно, ей-Богу, какія вы всѣ...

— Нѣтъ... И не думала. Съ чего вы взяли?.. Вотъ за это слѣдовало бы дѣйствительно!..

— Почему она узнала? Нѣтъ, почему она узнала?.. Вѣдь она мнѣ теперь проходу не дастъ.

— Спросите у нея. Во всякомъ случаѣ я ей не говорила ни слова.

— Какъ только меня произведутъ въ корнеты, я надѣну бѣлыя перчатки... нѣтъ, то-есть... закажу у Эйлерса букетъ изъ чайныхъ розъ, стану передъ ней на колѣни и скажу: ma tante, благословите меня. Такъ вѣдь кажется?.. Какъ по закону, сейчасъ благословляютъ или потомъ?.. У насъ въ Катехизисѣ объ этомъ ничего не было. Васъ тоже не учили въ женской гимназіи?.. И потомъ, вы знаете, у него уши торчатъ!

— У кого? совсѣмъ ужь перестала понимать его Дора.

Жоржъ, всегда перескакивавшій неожиданно отъ одного предмета къ другому, сегодня отъ волненія превзошелъ самъ себя въ этомъ отношеніи.

— У mon Grichà! Vous êtes éblouissante, ce matin! вдругъ выпалилъ онъ.—Какъ ручки у котла!

— Это вы мнѣ? изумилась Дора.

— А то кому же?.. Ручки у котла — это не у васъ, а у Гришá. Вообще вы ужасно хорошенькая. Мой товарищъ, Смирновъ, признавался мнѣ (мы вмѣстѣ сидѣли на гауптвахтѣ, у него на смотру этишкетъ оборвался. Вы не знаете, что такое этишкетъ? Чему же васъ учили?)... Ну такъ вотъ Смирновъ... Я, говоритъ, не могу видѣть Дору Петровну... Я такъ въ нее влюбленъ, что готовъ броситься съ Петропавловскаго шпица въ Неву.

— Зачѣмъ?.. При чемъ тутъ Петропавловскій шпицъ?

— Чтобы доказать ей... И замѣтьте, это онъ говорилъ avec le visage décomposé par l'angoisse. Послушайте, Дора, отчего бы вамъ не выйти замужъ за Смирнова—это отлично. Вмѣстѣ бы обвѣнчались... Мы даже мечтали съ нимъ. Я было усомнился, говорю: „ты, Смирновъ, можетъ-быть врешь“. А онъ сейчасъ перешелъ на *вы* и официальнымъ тономъ: „Monsieur, vous ne pouvez ignorer maintenant que ce n'est pas une plaisanterie, et que je l'aime à la folie“. Ну, я увидѣлъ, что тутъ пахнетъ дуэлью, и отсталъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, отчего бы вамъ не выйти за него замужъ?

— Прежде всего потому, что я съ нимъ не знакома.

— Это не препятствіе. Онъ сдѣлаетъ визитъ. Онъ сшилъ себѣ новый мундиръ у Нордстрёма... Отлично сидитъ. Ему случай обновить. И потомъ онъ великолѣпно танцуетъ мазурку. Не такъ, какъ mon Grichà. Mon Grichà каблуками щелкаетъ и стучитъ по полу, точно его подковали на острые шипы...

— Что?

— На острые шипы... Вообще ужасная лошадь!

VIII.

Какъ-ни-какъ пришлось Марьѣ помириться съ отъѣздомъ дочери за-границу. Всѣ ея протесты не повели ни къ чему.

Дора Петровна всѣ эти дни была весела какъ птичка въ солнечный день. Она видимо расцвѣтала и глаза у нея горѣли ярче, и на щекахъ проступалъ румянецъ, какъ давно уже у нея не замѣчали. Она возилась съ своей любимицей Вѣрочкой, какъ никогда потѣшалась надъ Жоржемъ.

— Ну, Дорочка, боюсь я, чтобы ты совсѣмъ не осталась въ Италіи, смѣялась Баташова.

— Почему?.. Зачѣмъ я тамъ останусь?

— Ужь очень хорошѣешь. Не по днямъ, а по часамъ. Ишь, такъ и прыщетъ красотою. Какъ бы какой-нибудь итальянскій графъ не подцѣпилъ тебя.

— Итальянскіе графы, авторитетно вмѣшался Волоцкой, — больше насчетъ богатыхъ форестьерокъ... Имъ надо старухъ съ капиталами. Какъ бы мадамъ Багренева не вышла тамъ замужъ.

— Ваша будущая belle-mere? засмѣялась лукаво Дора.

Волоцкой посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ и тотчасъ потерялъ расположеніе духа.

— Вамъ лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно... тихо замѣтилъ онъ.

— О чемъ вы тамъ шепчетесь? вмѣшалась Ольга Семеновна.

— Да вотъ Александръ Сергѣевичъ говоритъ, что онъ пока не объяснился съ M-elle Багреневой... До Италіи отложилъ! Ну, а въ Италіи сейчасъ же наверстаетъ потерянное время.

— Да, въ Италіи дѣйствительно все объяснится!.. потупился онъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что это я дѣлаю? задумался Волоцкой.—Дядя пристаетъ... На свои-три тысячи въ годъ я жить не могу. Я не привыкъ къ бѣдности... Неужели же придется въ самомъ дѣлѣ жениться на Нинѣ? Неужели это не устроится иначе?“

— Да, въ Италіи все это объяснится! повторилъ онъ.

Дора страшно покраснѣла и уткнулась въ работу.

— Что объяснится? тихо переспросила она.

— Кто кого любитъ.

— Ахъ, вы все этотъ глаголъ любить спрягаете... Счастливые люди!..

Дома Дора была очень ласкова съ матерью. Она просиживала съ нею цѣлые вечера и разговаривала о заграницѣ, разсказывала какъ тамъ люди живутъ. Марья слушала разинувъ ротъ, и только когда Дора останав-

ливалась—предлагала ей вопросы въ родѣ; „а насчетъ мерблюдовъ какъ?“

— Какихъ это верблюдовъ, мама?.. Что вы еще это выдумали?

— Кои со стрѣлой на хвостѣ! упорствовала та на несомнѣнной для нея истинѣ.

— Такихъ, мама, и верблюдовъ нѣтъ! смѣялась Дора.

— Ну, вотъ еще... Сама видѣла на картинѣ.

Дора уже хохотала и цѣловала мать.

— Отстань! какъ будто отбивалась та, счастливая вниманіемъ и любовью дочери.

Разъ Дора шла домой съ уроковъ. Осенній день выдался удивительный. Ясный, теплый... какъ будто еще вчера не кружилась снѣговая мятелица по улицамъ. Мостовая и тротуары высохли сразу, воздухъ былъ прозраченъ и Невскій отъ Знаменской площади до конца горѣлъ какою-то пестрою эмалью съ золотою иглой Адмиралтейства вдали. Такіе дни, колоритные, яркіе, рѣдко удаются у насъ на Сѣверѣ; за-то-жъ они и охватываютъ душу какою-то свѣтлою, праздничною радостью.

— Наконецъ-то! послышалось около дѣвушки, радостно послышалось, и такъ неожиданно, что Дора вздрогнула и остановилась.

— Какъ вы меня испугали, Александръ Сергѣевичъ! Откуда вы это взялись, точно изъ земли вынырнули.

— Я ждалъ васъ цѣлыхъ полчаса здѣсь. Я зналъ, что вы пройдете тутъ съ уроковъ.

— Зачѣмъ вы меня ждали?

— Мнѣ надоѣло васъ видѣть при другихъ. Вы позволите мнѣ проводить васъ, да?..

— Провожайте! уже смѣялась она, любуясь Волоцкимъ, съ тѣмъ счастливымъ выраженіемъ лица, которое является только у женщинъ любящихъ и знающихъ, что ихъ любятъ тоже.

— Можно будетъ зайти къ вамъ?

— Я ужь вамъ сказала „нѣтъ“. Разъ навсегда—ко мнѣ нельзя. Нельзя—вы понимаете?

— Странно, вы словно прячетесь отъ меня! забрюзжалъ Волоцкой.

— Да, прячусь...

— Что сей сонъ означаетъ? попробовалъ онъ все обратить въ шутку.

— Много будете знать, скоро состарѣетесь.

— Я хотѣлъ, Дора, спросить у васъ... Какое славное имя Дора, Дорочка.

— Послушайте, Александръ Сергѣевичъ, какъ вы смѣете!.. Кто вамъ позволилъ!.. вспыхнула она.

— Развѣ въ такихъ случаяхъ спрашиваютъ позволенія? продолжалъ онъ все въ томъ же тонѣ безцеремонной шутки.

— Я же не называю васъ Сашей... и голосъ ея дрогнулъ на этомъ имени.

— Знаю, что не называете, а я все-таки буду говорить: Дора. Послушайте, Дора, когда Багренева назначила свой отъѣздъ?

— Вамъ это лучше знать... Вѣдь она ужь совсѣмъ выдала за васъ Нину.

— Не только выдала, но даже, засмѣялся онъ,—намекнула мнѣ, что приданое своей дочери будетъ дѣлать не иначе, какъ въ Парижѣ, разумѣется, если ея ангелъ, Нина, выйдетъ замужъ по *ея* выбору.

— И при этомъ умиленный взглядъ на васъ?.. Какіе вы всѣ...

— А гдѣ это, позвольте спросить, вы *насъ всѣхъ* изучили, Дорочка?.. Неужели до отъѣзда я нигдѣ не увижу васъ такъ, чтобы намъ не мѣшали.

Они дошли до подъѣзда.

— Ну, до свиданія!..

И Дора, не протягивая ему руки, вошла туда. Волоцкой послѣдовалъ за нею.

— Куда вы?

— Вы забыли проститься со мною.

— Потому что я зла на васъ, слышите?.. Въ послѣдній разъ—такъ и быть!

И она протянула ему руку.

Но тутъ случилось, чего Дора никакъ не ожидала. Онъ удержалъ ея руку въ своей, потомъ съ силою притянулъ ее къ себѣ, схватилъ ея голову, повернулъ къ себѣ лицомъ и впился въ ея губы жадно и торопливо, не обращая вниманія на то, что она вся забилась, какъ раненая подъ его поцѣлуемъ.

— Вотъ тебѣ!.. Вотъ тебѣ! прошепталъ онъ, и какъ пьяный, шатаясь, быстро вышелъ изъ подъѣзда.

Дора, прислонясь къ периламъ, простояла нѣсколько минутъ почти безъ сознанія. Потомъ подняла голову—посмотрѣла въ слѣдъ ему... Но въ ея взглядѣ уже ни досады, ни обиды... Онъ былъ полонъ нѣжности и какой-то робкой мольбы... Вернись онъ — у нея не хватило-бы силы бранить его...

— Ахъ какъ хорошо, какъ хорошо!.. шептала она, подымаясь къ себѣ въ четвертый этажъ. Губы ея еще горѣли... На лицѣ тоже теплились слѣды его поцѣлуевъ.

— Скорѣй-бы!..

— Чего скорѣй? съ недоумѣніемъ спросила ее мать.

— Ничего, мама... Такъ...

— Обѣдать что-ли... Все готово... Я сегодня тебѣ ватрушекъ напекла. Удались ватрушки-то... Хотѣла кулебяку загнуть—да тѣсто не поднялось. Ума не приложу что съ нимъ сдѣлалось! Муку должно быть Ѳеклистовъ отпустилъ не важную. Въ заграницахъ-то тебя по-русскому кормить не станутъ. Сказываютъ тамъ народы не чистые. Мышовъ и лягушекъ, прости Господи, натощакъ жрутъ. Голубей тоже жарятъ... Ужь на что птица святая, на образахъ пишутъ.

— Я прилягу, мама, на минуту. Мнѣ что-то не по себѣ.

— А обѣдать? Ватрушкамъ-то тоже... Стынуть прикажешь, что-ли?

— Обѣдать — потомъ... Потомъ—не до того мнѣ совсѣмъ. Голова не тѣмъ занята.

— Устала?

— Немного... Отдохну... Оставь меня, мама, одну... Я черезъ полчаса сама приду... Мнѣ обо многомъ подумать слѣдуетъ... А при васъ, вы сами знаете, я думать не могу.

И она бросилась на постель, припоминая какъ тамъ на лѣстницѣ онъ схватилъ ее всю сильными, безпощадными руками. „Милый, хорошій!“ шептала она мысленно обращаясь къ нему.

IX.

— Мы васъ ждали, ждали, Александръ Сергѣевичъ,—ужь и ждать перестали!..

— Во-первыхъ, Дора, кто это „мы“?

— Мадамъ Багренева, Нина... и я пожалуй, смѣялась она.—Гдѣ это вы пропадали?

— Я слѣдомъ за вами ѣхалъ.

— Если-бы слѣдомъ, вамъ-бы давно надо быть въ Сорренто. Мы въ Римѣ двѣ недѣли даромъ потеряли.

— Зачѣмъ?

— Да Надежда Анисимовна все добивалась представить ко двору будущую мадамъ Волоцкую — свою дочь, она уже рѣшила это — вы знаете. И голосъ дѣвушки дрогнулъ.—А во-вторыхъ, разсчитывала, что не вѣсть за какія заслуги mon Grichà получитъ итальянскій орденъ... А вы только сегодня пріѣхали?.. И вамъ не стыдно... Злой вы, противный, гадкій, я съ вами и говорить не хочу и не говорила-бы если-бы не знала, что меня сейчасъ позовутъ на верхъ. Ни минуты свободной у меня. Хуже чѣмъ въ Петербургѣ. Мнѣ кажется придется васъ видѣть только издали. Вамъ разумѣется это ничего. Вы утѣшитесь tête-à-tête съ Ниной. А мнѣ, я откровенно скажу вамъ, ужасно скучно

Съ пріѣздомъ! Съ карт. Беккера, грав. Гейеръ и Кирмзе.

будетъ... Вы не удивляйтесь, что я такъ болтаю, хотите пари, что сейчасъ мы услышимъ сверху: „Mademoiselle Дора, гдѣ вы? Помогите мнѣ пожалуйста отъискать...“

И не успѣла она еще кончить, какъ сверху дѣйствительно донеслось:

— Mademoiselle Дора, гдѣ вы?..

— Слышали? улыбнулась дѣвушка.

— Да! покачалъ головою Волоцкой. — И это часто такъ?..

— Я здѣсь, Надежда Анисимовна! Я нужна вамъ? вмѣсто отвѣта ему крикнула Дора Багреневой.

— Пожалуйста, душечка... Я безъ васъ какъ безъ рукъ. Помогите мнѣ подъискать шелка...

— Даже и фразы тѣ же самыя, милая Дора! шепнулъ ей Волоцкой.

Но она его уже не слышала и бѣжала по лѣстницѣ вверхъ къ Багреневой.

(Продолженіе будетъ).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта.**
Переводъ *Е. Евстафьевой.*
(Продолженіе).

Ему казалось, что прошло не болѣе минуты, когда онъ проснулся со слабымъ сознаніемъ того, что фургонъ двигался и остановился. Къ своему крайнему удивленію онъ увидѣлъ, что солнце стояло уже высоко и своими жаркими лучами пронизывало вагонъ по всѣмъ направленіямъ. Въ воздухѣ слышался знакомый ему запахъ навоза и пыльной дороги. Экипажъ мѣрно скрипѣлъ и качался, слышалось хлопанье бичей и крики погонщиковъ, потомъ все сразу остановилось. Вѣроятно, они догнали поѣздъ Силсби; черезъ минуту наступитъ развязка странному приключенію и онъ возвратится къ своимъ прежнимъ товарищамъ. Теперь нужно было встать. Но съ утреннею сонливостью, свойственною всѣмъ молодымъ животнымъ, онъ опять завернулся въ одѣяло.

Какъ ему было покойно и пріятно! Кругомъ слышались чьи-то голоса, но они звучали такъ сдержанно и тихо. Въ окно онъ увидалъ одного изъ погонщиковъ, который быстро пробѣжалъ мимо него къ переднему фургону, затѣмъ опять вернулся обратно. Двое голосовъ послышались еще ближе вмѣстѣ съ мягкимъ стукомъ копытъ, ступавшихъ по пыльной дорогѣ.

— Разбудите мальчика и спросите его, сказалъ сдержанный, нетерпѣливый голосъ, въ которомъ Кларэнсъ узналъ голосъ Гарри.

— Подождите лучше, когда придетъ Пейтонъ, сказалъ второй голосъ шепотомъ.—Пусть скажетъ онъ самъ.

— По-моему, лучше сейчасъ же узнать въ чемъ дѣло, проворчалъ Гарри.

— Стойте! Обождите! сказалъ Пейтонъ, присоединяясь къ товарищамъ.—Я *самъ* спрошу его.

Кларэнсъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дверь. Въ ней показался м-ръ Пейтонъ, запыленный и усталый, со страннымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Сколько фургоновъ было въ вашемъ поѣздѣ, Кларэнсъ?

— Ихъ было три, сэръ.

— Не было-ли на нихъ особыхъ примѣтъ?

— Были, сэръ, сказалъ Кларэнсъ быстро. — На одномъ надпись „Въ Калифорнію“, на другомъ „Рой, свинья, или умри“.

М-ръ Пейтонъ смущеннымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Кларэнса, затѣмъ опять опустилъ глаза.

— Сколько васъ было на поѣздѣ? продолжалъ онъ.

— Пять человѣкъ, не считая м-съ Силсби.

— Другихъ женщинъ не было?

— Нѣтъ.

— Встаньте и одѣньтесь, сказалъ онъ спокойно, — и обождите пока я приду. Постарайтесь быть мужественнымъ и не теряйтесь. — Его голосъ дрогнулъ. — Я не знаю еще, что именно случилось, но ты долженъ собраться съ силами, чтобы показать себя мужчиной, Кларэнсъ!

Дверь заперлась и мальчикъ услышалъ удаляющійся стукъ копытъ и замирающіе вдали голоса. Онъ началъ машинально одѣваться, смутно сознавая, что случилось нѣчто небывало-ужасное. Одѣвшись, онъ сталъ тревожно прислушиваться къ тому, что будетъ дальше, чувствуя, что сердце его бьется такъ же сильно, какъ и вчера, когда онъ слѣдилъ глазами за удаляющимся поѣздомъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ этого напряженнаго состоянія и отворилъ дверь. Все кругомъ было тихо и только въ сосѣднемъ фургонѣ раздавалась веселая болтовня Сьюзи. Ужасное, хотя и неопредѣленное предчувствіе, что случилось нѣчто касающееся *ея*, заставило мальчика забыть о послѣднихъ словахъ м-ра Пейтона и онъ, спустившись на землю, со всѣхъ ногъ бросился бѣжать по направленію къ переднему фургону.

На разстояніи сотни шаговъ онъ увидѣлъ одинъ изъ фургоновъ, принадлежавшихъ къ поѣзду Силсби, изъ котораго выпряжены были волы и который темной, неподвижной массой рисовался на ослѣпительно яркомъ небѣ. Около него лежалъ разбитый остовъ втораго фургона, съ вынутыми передними колесами, который какъ бы опустился на колѣни, точно быкъ подъ ударомъ мясника. Еще дальше лежали почернѣвшія, обожженныя развалины третьяго фургона, около котораго собрался весь караванъ м-ра Пейтона. Когда мальчикъ подбѣжалъ, группа разступилась, чтобы пропустить двухъ человѣкъ, которые несли какой-то безпомощный, ужасный предметъ. Кларэнсъ хотѣлъ бѣжать дальше, но его замѣтили присутствующіе и между ними со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія: „Назадъ!“ „Стойте!“ „Держите его!“ Не обращая вниманія на эти крики, мальчикъ бросился къ переднему фургону, тому самому, гдѣ онъ игралъ вмѣстѣ съ Сьюзи, но въ эту минуту кто-то сильной рукой схватилъ его за плечо; это былъ м-ръ Пейтонъ.

— Это фургонъ м-съ Силсби, сказалъ мальчикъ поблѣднѣвшими губами, указывая на развалины.—Гдѣ же она?

— Мы нигдѣ не можемъ ее найти, сказалъ Пейтонъ.—Другіе же... другіе всѣ убиты.

— Она должна быть здѣсь, сказалъ мальчикъ, вырываясь и указывая на фургонъ.—Пустите меня!

— Кларэнсъ, сказалъ Пейтонъ строго, стараясь удержать его за руку, — будь мужчиной! Посмотри сюда. Успокойся и назови намъ тѣхъ, которые лежатъ здѣсь.

Онъ указалъ на какіе-то странные предметы, лежавшіе на землѣ, которые издали казались кучами стараго, грязнаго платья. Какой комически-жалкій видъ имѣли эти лохмотья, одѣвавшія мертвое тѣло! Кларэнсъ медленно обошелъ кругомъ и, осмотрѣвъ ихъ, узналъ своихъ прежнихъ спутниковъ и назвалъ ихъ по именамъ. Но едва успѣвъ сдѣлать то, что отъ него требовали, онъ опять бросился къ переднему фургону.

— Тамъ ничего нѣтъ, сказалъ Пейтонъ, — мы его весь обыскали.

Но мальчикъ, не слушая, бѣжалъ дальше и толпа слѣдовала за нимъ.

Фургонъ м-съ Силсби представлялъ теперь еще болѣе безотрадный видъ, чѣмъ когда-либо. Всевозможная домашняя утварь — горшки, кружки, сковороды, крупа, мыло, одѣяла, платье были свалены въ кучу въ одномъ изъ угловъ фургона. Но въ этой разнородной смѣси острые глаза мальчика замѣтили грязный клочокъ ситца, торчавшій изъ-подъ кучи лохмотьевъ.

— Это платье м-съ Силсби, крикнулъ онъ и бросился въ фургонъ.

Его товарищи переглянулись и съ минуту стояли въ нерѣшительности, но потомъ человѣкъ шесть принялись помогать ему разбрасывать хламъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ вскрикнулъ и откинулся назадъ съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ.

— Великій Боже! Взгляните сюда!

Глазамъ присутствующихъ представилось желтоватое, блѣдное какъ воскъ лицо м-съ Силсби. Кларэнсъ нашелъ, что оно странно измѣнилось: усталыя, озабоченныя черты приняли выраженіе неземнаго мира и покоя. Мальчикъ, вспомнивъ, какъ часто онъ сердилъ ее своими шалостями, почувствовалъ укоры совѣсти, глядя на ея холодное, безстрастное лицо. Онъ подвинулся, желая разсмотрѣть его ближе, но въ эту минуту одинъ изъ его товарищей быстрымъ жестомъ набросилъ ей на голову платокъ, какъ бы желая скрыть отъ его глазъ нѣчто невыразимо ужасное. Онъ почувствовалъ, что его тащутъ назадъ, и въ это время блѣдныя губы одного изъ присутствующихъ прошептали:

— Скальпирована! И ея не пощадили, о Боже!

VI.

Наступили дни и недѣли, казавшіяся Кларэнсу сномъ. Сначала наступилъ промежутокъ времени тяжелаго недоумѣнія и ужаса, когда онъ и Сьюзи держались особнякомъ, вызывая всеобщее, хотя и мало искреннее, сочувствіе своихъ новыхъ спутниковъ и товарищей; затѣмъ похороны м-съ Силсби, устроенныя съ нѣкоторою торжественностью, но которыя, именно благодаря этой торжественности, получили офиціальный характеръ и оставили ихъ холодными и испуганными; за похоронами — дни частыхъ вспышекъ дѣтскаго горя маленькой Сьюзи, которыя становились все рѣже и рѣже, пока наконецъ прекратились совсѣмъ; ночи, въ которыя ему являлось видѣнное имъ въ то памятное утро: широкая равнина, яркое солнце, полуразрушенные скелеты фургоновъ и наконецъ ворохи лохмотьевъ, прикрывавшихъ тѣла его бывшихъ товарищей, и щемящее сожалѣніе о томъ, что онъ не разсмотрѣлъ ихъ ближе и внимательнѣе. Затѣмъ всеобщій интересъ,

возбужденный въ публикѣ къ судьбѣ ихъ, несчастныхъ дѣтей, какъ единственныхъ оставшихся въ живыхъ свидѣтеляхъ катастрофы; разспросы гарнизоннаго офицера одного изъ форпостовъ, красиваго молодаго человѣка въ блестящемъ мундирѣ, который производилъ слѣдствіе и такъ нѣжно ласкалъ хорошенькую Сьюзи, — все это представлялось Кларэнсу сномъ, ужаснымъ и въ то же время интереснымъ какъ сказка.

Такимъ же страннымъ и призрачнымъ казалось дѣтямъ дальнѣйшее путешествіе въ обществѣ ихъ новыхъ товарищей. Въ одно прекрасное утро они замѣтили, что линія горизонта измѣнилась и къ полудню они уже очутились среди холмовъ и деревьевъ, вблизи быстрой и шумной рѣки. Нѣсколько дней спустя они пробирались черезъ высокія горы, вершины которыхъ уходили въ облака и которыя, по увѣренію ихъ спутниковъ, были той самой темной линіей на горизонтѣ, давно уже интересовавшей ихъ. Здѣсь, въ горахъ, погода становилась все холоднѣе и холоднѣе, такъ что, несмотря на то. что было лѣто, костры горѣли всю ночь, а въ фургонѣ м-съ Пейтонъ постоянно топилась печка; потомъ все это исчезло— горы, холмы и рѣки—и они опять увидѣли себя посреди голой, сожженной солнцемъ равнины. Но все это прошло точно сонъ!

Болѣе реальными представлялись имъ лица участниковъ партіи. Они рисовались въ ихъ памяти даже яснѣе, чѣмъ лица ихъ прежнихъ товарищей. Первое мѣсто между ними занималъ, конечно, м-ръ Пейтонъ, которому, какъ имъ было извѣстно, принадлежалъ караванъ, и который былъ такъ богатъ, что ему вовсе и не нужно было ѣздить за золотомъ въ Калифорнію. Его звали „сквайромъ“ и онъ былъ судьей пограничныхъ форпостовъ, и, по мнѣнію дѣтей, могъ „взять подъ арестъ“ каждаго, кого бы ему вздумалось. Рядомъ съ нимъ стояла м-съ Пейтонъ, которая была слабаго здоровья и которой доктора велѣли полгода жить на дачѣ. Она рѣшила усыновить Сьюзи, какъ только кончатся переговоры съ родственниками дѣвочки и будутъ присланы ея бумаги. Затѣмъ слѣдовалъ Гарри, котораго настоящее имя было Генри Бэнгэмъ и который былъ братомъ м-съ Пейтонъ и компаньономъ ея мужа. Главнаго развѣдчика и путеводителя каравана звали Джэсъ Гильдерсливъ, но прозвищу „Бѣлая Ворона“. Только благодаря его опытности и умѣнью, караванъ былъ спасенъ отъ нападенія индѣйцевъ. За нимъ слѣдовали Билль—главный пастухъ, и Джимъ изъ Техаса—великолѣпный наѣздникъ и отчаянный храбрецъ. Таковы были ихъ товарищи, какими они представлялись ихъ дѣтскому воображенію, или же на основаніи толковъ и сплетенъ, ходившихъ среди погонщиковъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ наибольшей симпатіей Кларэнса пользовались тѣ, которые были наименѣе расположены къ нему— именно м-съ Пейтонъ и ея братъ Гарри. По странному капризу человѣческой природы, онъ гораздо меньше цѣнилъ постоянную привѣтливость м-ра Пейтона и прочихъ своихъ спутниковъ, нежели высокомѣрную снисходительность Гарри и холодную вѣжливость м-съ Пейтонъ. Съ страстностью своей натуры, мальчикъ не разъ начиналъ мечтать о томъ, какъ онъ совершитъ неслыханные подвиги храбрости для того только, чтобы заслужить слово одобренія отъ Гарри и ласковую улыбку его сестры.

Но съ теченіемъ времени онъ заинтересовался еще одной личностью, которая въ караванѣ занимала такое низменное, зависимое положеніе, что ее никакъ нельзя было включить въ кругъ вышеупомянутыхъ. Это былъ молодой погонщикъ лѣтъ шестнадцати, испорченный юноша, родители котораго отдали его подъ покровительство м-ра Пейтона въ видахъ исправленія и для того, чтобы удалить его отъ общества товарищей. Обо всемъ этомъ Кларэнсъ ничего не зналъ, но никакъ не по недостатку откровенности со стороны юноши, потому что этотъ молодой джентльменъ при первомъ же разговорѣ съ мальчикомъ, сообщилъ ему, что онъ убилъ трехъ человѣкъ въ С.-Луи и двухъ въ С.-Джо, и что теперь онъ принужденъ скрываться отъ судебнаго слѣдователя. Несомнѣнно было одно, что кромѣ ранней наклонности къ пьянству, куренью и жеванью табаку и карточной игрѣ, молодой человѣкъ имѣлъ большую слабость къ преувеличенію и гиперболамъ. Въ караванѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „Лгуна Джима Гукера“, и его разнообразныя качества представляли для Кларэнса интересную и привлекательную загадку. Съ своимъ грубымъ голосомъ и рѣзкими движеніями, намѣренно выражавшими презрѣніе къ условности свѣтскихъ приличій, онъ соединялъ круглое, добродушное лицо и въ самомъ дѣлѣ былъ „добрымъ малымъ“, когда забывалъ о своей роли мрачнаго, таинственнаго злодѣя.

Прошло всего нѣсколько дней со времени катастрофы, когда Джимъ Гукеръ впервые появился передъ Кларэнсомъ во всемъ блескѣ своего геройства. Сидя верхомъ на индѣйскомъ пони, худощавый Джимъ носился по тракту какъ вѣтеръ, отчаянно держась за поводья, какъ бы съ опасностью ежеминутно быть сброшеннымъ и удерживаясь въ сѣдлѣ только благодаря необычайной смѣлости и силѣ. Неустрашимый ѣздокъ по временамъ совсѣмъ падалъ на землю, цѣпляясь только одной ногой за стремя, потомъ опять вскакивалъ на сѣдло съ ловкостью, требовавшей—какъ казалось Кларэнсу—нечеловѣческихъ усилій. Мальчикъ сидѣлъ съ открытымъ ртомъ отъ страха и волненія, между тѣмъ какъ прочіе погонщики смѣялись, пока, наконецъ, изъ окна одного изъ фургоновъ не раздался спокойный голосъ м-ра Пейтона:

— Этого достаточно, Джимъ. Сойди съ лошади.

И лошадь и ѣздокъ мгновенно скрылись. Нѣсколько минутъ спустя, удивленный Кларэнсъ увидѣлъ, какъ бѣшеный конь спокойно шелъ по пыльной дорогѣ, ни въ чемъ не отличаясь отъ обыкновенной рабочей лошади. Вечеромъ этого дня мальчикъ просилъ Джима объяснить ему эту загадку.

— Видите-ли въ чемъ дѣло, сказалъ Джимъ громко.—Тутъ никто не понимаетъ толку въ лошадяхъ. Никто не подозрѣваетъ, что эта самая лошадь—настоящій мексиканскій скакунъ и что съ ней нужно только обращаться умѣючи. Она ужъ убила двухъ человѣкъ и, навѣрно, убьетъ еще кого-нибудь. Еще на прошлой недѣлѣ она сбросила меня, когда мы разъ остановились на ночлегъ. Я удержался ногой за стремя, а она такъ и проволокла меня болѣе двухъ миль.

— Отчего же вы не высвободили ногу, вѣдь вы могли убиться? спросилъ Кларэнсъ въ волненіи.

— Ну, да, это *вы* такъ сдѣлали бы, сказалъ Джимъ съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія,—но это не въ моихъ привычкахъ. Я ждалъ, пока лошадь не доскакала до самаго крутаго обрыва: когда она помчалась подъ-гору и очутилась такимъ образомъ ниже меня, я перевернулся, схватилъ за поводья и опять вскочилъ въ сѣдло.

Хотя Джимъ старался иллюстрировать это приключеніе съ помощью разнообразныхъ жестовъ, но онъ все-таки не могъ вызвать въ умѣ Кларэнса соотвѣтствующихъ представленій, вслѣдствіе чего мальчикъ и обратилъ вниманіе на менѣе потрясающія подробности.

— А почему лошадь взбѣсилась, м-ръ Гукеръ? спросилъ онъ.

— Почуяла индѣйцевъ, сказалъ Джимъ, угломъ рта небрежно сплевывая табачный сокъ (сплевывать табакъ такимъ способомъ было однимъ изъ многочисленныхъ talents de société Джима, которымъ онъ особенно гордился).—По всей вѣроятности это и были *ваши* индѣйцы.

— Но, возразилъ нерѣшительно Кларэнсъ,—вы говорите, что это было недѣлю тому назадъ, а между тѣмъ...

— Мексиканскіе скакуны чуютъ индѣйцевъ на разстояніи пятидесяти и сотни миль, сказалъ Джимъ безапелляціонно,—и еслибъ судья Пейтонъ послушалъ моего совѣта, то вашему каравану нечего было бы бояться нападенія этихъ краснокожихъ чертей. Но, прибавилъ онъ презрительно, — развѣ есть хоть капля смысла въ этой дурацкой шайкѣ, особенно теперь, когда тутъ развелось столько бабья и ребятъ. Когда-нибудь я по-своему расправлюсь съ этимъ скопищемъ дураковъ. Будутъ они меня помнить, прибавилъ онъ загадочно.

На Кларэнса такъ подѣйствовали таинственные пріемы Джима, что онъ на минуту забылъ какъ презрительный отзывъ о м-рѣ Пейтонѣ, такъ и обидные намеки на Сьюзи и на него самого, и съ любопытствомъ спросилъ:

— А какъ же вы расправитесь?

Джимъ, какъ бы забывая о присутствіи мальчика, съ мрачной серьезностью вытащилъ изъ-за голенища охотничій ножъ и затѣмъ медленно положилъ его обратно.

— Есть важная причина, продолжалъ онъ шепотомъ, хотя кругомъ не было ни одного нескромнаго слушателя,—важная причина, прибавилъ онъ трагически, — по которой дѣло не обойдется безъ кровавой расправы. Тутъ есть двое или трое лишнихъ, которые должны исчезнуть съ лица земли пока я здѣсь. Тутъ погибнутъ можетъ-быть Джэсъ Золотой-Рукавъ, а можетъ-быть Гарри Бэнгэмъ, а можетъ-быть, прибавилъ онъ съ выраженіемъ мрачнаго геройства,—можетъ-быть погибну и я.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же! сказалъ Кларэнсъ, желая быть вѣжливымъ.

Вмѣсто того, чтобы успокоить Джима, это замѣчаніе только усилило его мизантропическое настроеніе.

— Можетъ-быть вы думаете, что я лгу? спросилъ онъ, подступая къ Кларэнсу.—Можетъ-быть вы думаете, что какъ сынъ полковника Бранта, вы имѣете право презирать меня? А можетъ-быть вы разсчитываете, продолжалъ онъ, опять сплевывая на дорогу и опуская руку въ сапогъ,—можетъ-быть вы надѣетесь вывѣдать у меня тайну и потомъ донести обо мнѣ судьѣ?

Оскорбленный этимъ обиднымъ предположеніемъ, Кларэнсъ замолчалъ, несмотря на вызывающія насмѣшки Джима. Къ счастью, въ эту минуту раздался опять повелительный голосъ:

— Довольно болтать, Джимъ Гукеръ!

И отчаянный храбрецъ, Джимъ Гукеръ, мгновенно стушевался. Часа два спустя онъ, однако, опять появился сзади фургона, въ которомъ сидѣли Кларэнсъ и Сьюзи, съ выраженіемъ чувства удовлетворенной мести на лицѣ и съ волосами по индѣйской модѣ спущенными на лобъ.

Въ то время, когда онъ тихонько посмѣивался надъ карточной игрой, которою заняты были дѣти, Кларэнсъ въ первый разъ замѣтилъ, что значительная доля его свирѣпости заключалась въ его волосахъ и что м-ръ Пейтонъ легко могъ бы приручить этого звѣрка съ помощью гребенки и пары ножницъ. Несмотря на это, оригинальная прическа такъ прави-

Поссорились. Съ карт. Мюке, грав. Гейеръ и Кирмзе.

От Петербурга на Гирвасъ, Порпорогъ и Кивачъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") М. Малышева, грав. Рашевскій.

1. Шлиссельбургская крѣпость. 2. Кошкинъ маякъ. 3. На порогахъ. 4. Пароходъ „Олонецъ". 5. Водопадъ Гирвасъ. 6. Порпорогъ. 7. Трешкотъ. 8. Въ пути. 9. Качка. 10. Пароходъ по каналамъ. 11. Надъ бездной.

лась Кларэнсу, что онъ въ теченіе цѣлой недѣли подражалъ Джиму и тоже спускалъ волосы на глаза.

Нѣсколько дней спустя Джимъ опять удостоилъ его интимной бесѣды. Въ то время, когда Кларэнсъ, съ дозволенія м-ра Пейтона, ѣхалъ впереди поѣзда вмѣсто форейтора, его нагналъ Джимъ на своемъ мексиканскомъ скакунѣ, который теперь, навѣрно вслѣдствіе какой-нибудь изобрѣтательной уловки хищнаго мальчишки, ступалъ очень тяжело и даже нѣсколько прихрамывалъ.

— За сколько вы разсчитываете продать эту дѣвчонку, которую вы украли съ поѣзда? спросилъ онъ конфиденціальнымъ тономъ, какъ бы приглашая мальчика довѣриться его скромности.

— Я вовсе не разсчитываю продавать ее, возразилъ Кларэнсъ съ улыбкой.

Въ этой улыбкѣ отразилось вліяніе, которое Джимъ началъ имѣть на него, потому что мальчикъ даже не подумалъ оскорбиться подозрѣніемъ въ такомъ безчестномъ поступкѣ.

— А это было бы недурнымъ дѣльцемъ, замѣтилъ Джимъ многозначительно. — Впрочемъ, можетъ-быть вы украли ее изъ мести?

— О, нѣтъ, вовсе не изъ мести, возразилъ Кларэнсъ быстро.

Какъ ни увѣрялъ Кларэнсъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду продавать Сьюзи или мстить ея родителямъ, Джимъ угрюмо качалъ головой, упорно отказываясь ему вѣрить.

— Не обманывайте меня, говорилъ онъ таинственно.—Развѣ вы боитесь, что я васъ выдамъ? прибавлялъ онъ успокоительно, стараясь убѣдить Кларэнса, что его тайна находится въ надежныхъ рукахъ и что ему нечего опасаться.

Чарующее вліяніе Джима распространилось не на одного Кларэнса. Несмотря на ревнивую привязанность м-съ Пейтонъ и постоянно ласковое отношеніе къ ней всѣхъ прочихъ членовъ партіи, Сьюзи, подобно маленькой Еввѣ, не избѣжала очарованій сатанинскаго Джима. Въ одинъ прекрасный день она украсила свои локоны перьями цапли, въ другой разъ вымазала себѣ лицо и руки желтой и красной охрой, таинственно сообщивъ Кларэнсу, что сдѣлала это по совѣту Джима Гукера.

— Джимъ далъ мнѣ краски и перья, говорила она,—и говоритъ, что когда индѣйцы придутъ и увидятъ меня, они подумаютъ, что я тоже изъ ихъ племени, и убѣгутъ. И Джимъ говоритъ, что еслибъ я показалась имъ, когда они приходили убить папа и мама, то они убѣжали бы.

— Но вѣдь ты же не могла этого сдѣлать, возражалъ практическій Кларэнсъ,—ты все время была у м-съ Пейтонъ.

— Кла'энсъ, сказала Сьюзи покачавъ головой и уставивъ на него свои большие голубые глаза.—Не говори мнѣ этого. Я была тамъ.

Кларэнсъ откинулся назадъ, какъ бы пораженный открытіемъ въ Сьюзи этой способности къ преувеличенію, бывшей, по его мнѣнію, исключительной привилегіей Джима.

— Послушай, попытался онъ еще разъ убѣдить Сьюзи,—развѣ ты не помнишь, что мы вышли изъ фургона раньше, чѣмъ...

— Кла'энсъ, опять повторила дѣвочка спокойно,—пожалуйста не говори мнѣ этого. Я была тамъ. Я „жертва ка'стофы". Всѣ говорятъ это! Всѣ говорятъ мнѣ, что я „жертва ка'стофы".

Кларэнсъ былъ слишкомъ озадаченъ для того, чтобы возразить что-нибудь. Онъ вспомнилъ, что Сьюзи была дѣйствительно очень польщена своей репутаціей „оставшейся въ живыхъ жертвы катастрофы" и что теперь ей вѣроятно хотѣлось жить процентами съ этой славы. Нѣтъ сомнѣнія, что коварный Джимъ замѣтилъ эту тщеславную черту въ характерѣ дѣвочки и постарался поддержать ее. Въ продолженіе двухъ или трехъ дней Кларэнсъ немного сторонился отъ своей маленькой подруги и чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо.

Кларэнсъ началъ подозрѣвать, что м-съ Пейтонъ не одобряетъ его интимности съ Джимомъ и даже считаетъ его отвѣтственнымъ за то пагубное вліяніе, которое этотъ испорченный мальчишка началъ оказывать на Сьюзи. Несмотря на это онъ въ скоромъ времени попался въ одной изъ тѣхъ юношескихъ шалостей, соблазнительности которыхъ иногда не могутъ противустоять даже взрослые и вполнѣ благоразумные люди. Узнавъ въ одинъ прекрасный день, что вблизи каравана бродитъ стадо буйволовъ и что на него организуется охота, въ которой примутъ участіе Гильдерсливъ, Бэнгэмъ и нѣкоторые другіе, Кларэнсъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Джима принять участіе въ этой веселой экскурсіи.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Петербурга на Гирвасъ, Порпорогъ и Кивачъ.

М. Малышева. (Рис. на стр. 793 и 796).

Четвертаго іюня 1892 г. къ 10 часамъ утра всѣ мы, участники этой интересной экспедиціи, собрались уже на пароходѣ, долженствовавшемъ доставить насъ въ Петрозаводскъ.

Размѣстившись, благодаря любезности капитана, болѣе чѣмъ удобно, на пароходѣ, мы всѣ, въ числѣ 12 человѣкъ, поспѣшили перезнакомиться и, какъ люди молодые и веселые, скоро сошлись.

Наконецъ, погрузка окончилась, загудѣлъ свистокъ, начались спѣшныя, послѣднія рукопожатія и поцѣлуи, и на пароходѣ остались только мы, отъѣзжающіе. Еще свистокъ, команда: „сходни прими", на кормѣ забурлилъ руль, колеса стали мѣрно поворачивать своими лопастями и пароходъ „Олонецъ", къ слову сказать, очень удобный, чистый и быстрый, слегка подрагивая, понесъ насъ вверхъ по Невѣ въ невѣдомыя и неизслѣдованныя страны за 600 верстъ къ сѣверу. Путь по Невѣ достаточно извѣстенъ и описывать его не къ чему. Живо промелькнули и Чугунный, и Фарфоровый, и громадный Обуховскій стале-литейный заводы, миновало и Рыбацкое съ его визави, Ново-Саратовской колоніей, лѣтнимъ прибѣжищемъ небогатыхъ интерцевъ. Вотъ и Невскіе пороги у села Ивановскаго остались сзади и черезъ $3\frac{1}{2}$ часа мы въ Шлиссельбургѣ, Шлюшинѣ, какъ зоветъ его народъ, въ древнемъ Орѣшкѣ, какъ говоритъ исторія.

Пароходъ остановился въ Шлиссельбургѣ минутъ на 20, торопясь сдѣлать переѣздъ озеромъ и къ утру попасть въ Свирь, по которой ночью идти не приходится, такъ какъ она изобилуетъ порогами. Вскорѣ передъ нами разстилалось уже во всей своей красѣ дикое и бурное Ладожское озеро. Слѣва на горизонтѣ высится и кажется громаднымъ Кошкинъ маякъ съ массой „гальотовъ", по мелководью не могущихъ подойти къ городу и стоящихъ на рейдѣ, перегружаясь на мелкіе „карбасы", снующіе между городомъ и рейдомъ и молодецки двигаемые руками олонецкихъ дамъ и дѣвицъ, которыя въ силѣ и неутомимости врядъ ли уступятъ непрекрасному полу. Справа — ширь да гладь, которая стала порядкомъ покачивать нашего „Олонца" и, хотя капитанъ и его помощникъ, очень милые и обязательные люди, и увѣряли, что качки нѣтъ, но не прошло и часа, какъ половина пассажировъ уже поняла и почувствовала, что мы въ „морѣ". Переходъ озеромъ длится часовъ 6 и качка въ это время не утихала, все болѣе и болѣе знакомя пассажировъ съ прелестями морскаго путешествія. Озеро очень пустынно, рѣдко-рѣдко медленно проплыветъ на всѣхъ парусахъ неуклюжій гальотъ, своею странною внѣшностью напоминая тѣ знаменитые корабли, на которыхъ Колумбъ открылъ Америку, а Новгородскіе купцы для Европы — Русь-матушку. Къ ночи, часу въ первомъ, томительный переходъ кончился: мы были въ Сермаксѣ, первой станціи на Свири, лежащей на ея устьѣ. Прекратилась качка. Свирь имѣетъ протяженіе на 185 верстъ и вся порожиста. Мѣстами вы ясно видите, какъ пароходъ пыхтя взбирается по водяной горѣ. Теченіе страшное—и если бы не уравновѣшенное руками человѣка русло, врядъ ли можно было бы рисковать плавать по этой прекрасной и живой рѣкѣ.

Теперь пароходы и барки идутъ по ней управляемые опытными мѣстными лоцманами, смѣняющимися черезъ нѣсколько часовъ, и все-таки не рѣдкость встрѣтить суда, сидящія на камняхъ Свири. Быстро промелькнули станціи: Лодейное поле, Важины, Подпорожье, Мятусово, Острѣчины, Гакъ-ручей и — мы въ Вознесеньи, у входа въ Онежское озеро или, какъ здѣсь говорятъ, въ Онегъ. Въ Вознесеньи пароходъ стоитъ долго, часовъ 6, чѣмъ конечно мы и не преминули воспользоваться, чтобы сойти на берегъ, осмотрѣть маленькій городокъ и пообѣдать. Здѣсь увидали мы и побывали на допотопномъ „трекотѣ", который со скоростію двухъ верстъ въ часъ ползетъ по каналу, влекомый бичевой, и перевозитъ богомольцевъ. Въ немъ имѣется и 1 и 2 классы, но Боже васъ сохрани когда-либо отважиться пуститься на немъ. Съ тоски можно сойти съ ума. Онъ напоминаетъ нѣсколько строеніе Ноева ковчега въ миніатюрѣ. Это — барка, въ баркѣ скамьи и перегородки, на скамьяхъ старушки странницы и богомолки, на рулѣ хозяинъ, на мачтѣ флагъ, на берегу лошадь и погонецъ. Въ Вознесеньи пароходъ нашъ вновь тронулся въ путь къ конечной уже своей станціи — Петрозаводску. Онегъ много спокойнѣе и живописнѣе Ладоги. Берега его, которые въ этомъ переходѣ все время слѣва въ виду, гористы и покрыты лѣсомъ; масса мелкихъ лѣсистыхъ островковъ напоминаютъ финляндскія шхеры.

Онегъ приглянулся намъ болѣе Ладоги. Утромъ мы были уже въ виду Петрозаводска. Съ озера онъ довольно живописенъ. Церкви, бѣлыя каменныя постройки, масса зелени придаютъ ему издали веселый и пріятный видъ. Петрозаводскъ городокъ довольно значительный, построенъ онъ конечно Петромъ, который основалъ тутъ чугунно-литейный заводъ, но городомъ собственно онъ названъ недавно. Заводъ работаетъ и теперь, но только мирные горшки и чугуны, а когда-то онъ поставлялъ для нашей артиллеріи пушки и ядра. Въ городѣ два памятника: Петру I и Александру II. Есть музей, но, къ сожалѣнію, еще далеко не полный.

Петръ, конечно, фигурируетъ вездѣ: церкви—по его проектамъ, подсвѣчники—его работы, его же собственноручной работы и деревянный рѣзной аналой, къ несчастію недавно вы-

крашенный бѣлою масляной краской, вѣроятно чтобы чище казался. Все здѣсь напоминаетъ великаго генія, во всѣ далекіе уголки Руси-матушки забросившаго по себѣ памятки.

Есть въ музеѣ модели водопадовъ Кивача и Гирваса, и, надо сказать правду, очень не схожія. Много экземпляровъ по геологіи, масса рудъ, которыхъ въ Олонецкомъ краѣ хоть прудъ пруди и которыя добываются въ рѣкахъ и озерахъ. Видѣли мы и мелкій жемгучъ, еще до сихъ поръ находимый въ нѣкоторыхъ олонецкихъ рѣченкахъ и служащій предметомъ торговли, хотя и въ мизерныхъ размѣрахъ.

Съ Петрозаводска мы должны были перемѣнить способъ путешествія и слѣдовать до крайняго нашего пункта, деревни Устсуны, около 100 верстъ, пѣшкомъ, инструменты же и весь багажъ везти на подводахъ.

Нанявъ рабочихъ и подводы и сдѣлавъ нужныя и ненужныя закупки, мы часа въ два дня выступили на деревню Шую, лежащую верстахъ въ 17-ти отъ Петрозаводска.

Такъ называемая Шуя—это 13 деревень по рѣкѣ Шуѣ, которыя такъ близко и тѣсно построились, что иногда трудно рѣшить, зачѣмъ еще каждому изъ этихъ домиковъ называться по-своему.

При вступленіи въ деревню Лазовщину, гдѣ у насъ предположена была ночевка, съ нами чуть не случилась исторія, могшая въ самомъ началѣ остановить и совсѣмъ даже прекратить нашу экспедицію. Одна изъ нашихъ подводъ съ инструментами чуть не потерпѣла фіаско и не опрокинулась при переѣздѣ въ бродъ. Ночевали мы тутъ въ первый разъ на сѣновалѣ на соломѣ, съ которой въ продолженіе почти двухъ недѣль намъ уже не суждено было разставаться. Утромъ опять полилъ дождь, но мы, уже испытанные трудностями походной жизни, твердо зашагали по грязи, чтобы заночевать въ Кончезерскомъ заводѣ, т. е. сдѣлать переходъ въ 28 верстъ.

Кончезерскій заводъ тоже старинный; онъ получаетъ руду со всѣхъ окрестныхъ озеръ и кормитъ всю округу. Приводится, т. е. приводился, онъ въ дѣйствіе водой, которая, направляемая плотиною, работала безданно-безпошлинно, да въ одинъ прекрасный день, видя, что ей не оказываютъ уваженія и не боятся, что плотина ремонтируется только прибавкой новыхъ заплатъ на старыя дыры, взяла да и снесла и плотину, и мостъ на почтовомъ трактѣ, и берега, спустила и осушила почти до дна все, на нѣсколько верстъ простиравшееся, Пертнаволоцкое озеро, взбаломутивъ воду ниже лежащихъ озеръ такъ, что врядъ-ли тамъ не передохнетъ вся рыба. Заводъ остановился и оставилъ безъ хлѣба всѣхъ работавшихъ на него. Какія будутъ послѣдствія всей этой исторіи—неизвѣстно.

Первые два дня перехода по невылазной грязи подъ дождемъ дали знать себя; почти у всѣхъ насъ ноги были сбиты и мы отъ Кончезерскаго завода рѣшили взять подводы, торопясь въ цѣлости добраться до конечнаго пункта и начать работы. Дождь былъ неумолимъ, поливая насъ, чуть только мы трогались въ путь. У деревни Шушки мы впервые увидали значительные пороги, по которымъ нѣкоторые смѣльчаки ухитряются сплавлять лѣсъ стоя на бревнѣ. Рѣка реветъ, покрытая бѣлой пѣной, теченіе страшное, а олонецкій Блонденъ съ палкой въ рукахъ, въ полной рабочей сбруѣ, въ сапогахъ и сермягѣ, балансируя на скользкомъ, вертящемся бревнѣ, стрѣлою мчится между камнями. Случаи смерти, по словамъ рабочихъ, ***не часты***, одна-двѣ жертвы въ сплавъ. Въ этомъ году, на нашихъ глазахъ почти, какія-нибудь четверть часа спустя послѣ нашего проѣзда, утонулъ въ этихъ порогахъ у Шушки молодой подрядчикъ, отправившись на лодкѣ съ двумя рабочими по порогамъ. Въ деревню Устсуну мы пріѣхали ввечеру и, конечно, первымъ дѣломъ позаботились отдохнуть и обсохнуть, чтобъ утромъ съ бодрымъ духомъ отправиться на Гирвасъ, откуда должна была начаться съёмка.

На всемъ нашемъ пути крестьянскія постройки замѣчательно хороши, можетъ быть благодаря обилію и дешевизнѣ лѣса. Изъ одной олонецкой избы внутри Россіи обстроятъ пожалуй цѣлую деревню. Благодаря этой же ширинѣ и свѣту, и чистота въ избахъ замѣчательная; за все время пребыванія въ олонецкомъ краѣ не видали мы обычныхъ и необходимыхъ сожителей русской избы—таракановъ, клоповъ и прочихъ враговъ рода человѣческаго. Гирвасъ отъ Устсуны въ 12 верстахъ по хорошей лѣсной дорогѣ. Кругомъ сосна, сосна и сосна. Поговаривали кругомъ насъ усиленно о медвѣдяхъ, о томъ, что здѣсь задавилъ медвѣдь лошадь, тамъ корову зарѣзалъ, тутъ его мужикъ повстрѣчалъ, тамъ баба, и поэтому мы, отправляясь въ первые разы на работы, забирали съ собою чуть-ли не цѣлый арсеналъ „магазинокъ“; но на третій, четвертый разъ поняли, что если медвѣди и были здѣсь, то вѣроятно давно удалились. Гирвасъ, этотъ первый водопадъ по Сунѣ, чрезвычайно живописенъ, и трудно сказать—ему, Порпорогу или Кивачу отдать предпочтеніе. Первые два водопада болѣе дики и свободны; Кивачъ уже, стѣсненъ скалами и падаетъ однимъ уступомъ, тогда какъ Гирвасъ и Порпорогъ тремя и четырьмя каскадами. Разсказать о красотѣ этихъ водопадовъ невозможно,—надо ихъ видѣть, чтобы судить. Если бы они были въ Европѣ, а не въ нашемъ далекомъ Олонецкомъ медвѣжьемъ углу, то здѣсь была бы и хорошая дорога, и гостиница, и, пожалуй, утилизировали бы эту громадную массу силы безполезно пропадающей теперь. Впрочемъ, туристы бываютъ и здѣсь, и здѣсь, посреди бѣлой пѣны, на черныхъ скалахъ намалеваны имена дамъ.

Прилагаемые рисунки Гирваса и Порпорога только слегка дадутъ понятіе, что̀ такое эти водопады.

Чудный ропотъ и грохотъ падающей желтой массы воды, кипящей какъ въ котлѣ, брызги, искрящіяся на солнцѣ и переливающіяся радугой, и тишина, глубокая тишина дикаго лѣса,—все это вмѣстѣ волшебно-чарующе дѣйствуетъ на зрителя, и въ сосѣдствѣ съ такою первобытною мощью и красою дѣвственной природы познаешь величіе Бога и поймешь и все ничтожество, и всю страшную мощь Его созданія—человѣка.

Разсказываютъ, что года два назадъ выше Порпорога переправлялись двое рабочихъ на плоту; по свойственной русаку халатности, плотъ они нагрузили настолько, что не справились съ нимъ, ихъ втянуло въ Порпорогъ и оба погибли на глазахъ ожидавшей на берегу матери одного изъ нихъ.

Про Кивачъ тоже сложилось много разсказовъ; есть легенда, что въ древности шайка разбойниковъ заставила крестьянина перевезти ихъ черезъ Суну выше Кивача. Олонецкій Вильгельмъ Телль ловко выпрыгнулъ на прибрежную скалу, а плотъ, оттолкнутый его ногою, умчался въ водопадъ, который и поглотилъ всю шайку.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, говорятъ, былъ такой случай. Переправлялись на лодкѣ трое рабочихъ, весло ихъ переломилось и ихъ втянуло въ „падунъ“ *). Лодку разбило въ щепки, но всѣ три молодца чудомъ избѣгли смерти и невредимо были выкинуты на берегъ. Передаютъ это какъ фактъ, но если это и возможно, то какъ чудо. Суна—рѣка сплавная, по ней проходитъ масса лѣса и Громова, и Русанова, и другихъ лѣсопромышленниковъ. Многія бревна, попавъ въ падунъ, счастливо проходятъ всѣ опасности и выплываютъ ниже, побитыя и поцарапанныя правда, но цѣлыя; другія разбиваются въ куски и на поверхность выплываютъ только щепки; третьи же застреваютъ на камняхъ и образуютъ такъ-называемые „заломы“. Для снятія этихъ заломовъ употребляютъ опять-таки дѣдовскій и чисто-русскій способъ.

Съ берега на берегъ протягиваютъ канатъ, по которому ходитъ на блокѣ подвижная люлька. Въ люльку садится рабочій и, вися надъ клокочущей бездной, накидываетъ на застрявшія бревна петли, которыми ихъ и вытягиваютъ на свободную воду. Представьте себя, читатель, висящимъ на веревочкѣ надъ крутящейся подъ вашими ногами массой пѣны, брызги которой окачиваютъ васъ съ ногъ до головы. Удары воды такъ сильны, что бревна вершковъ 12-ти разбиваются въ щепы. Смѣльчаки получаютъ за свою работу по 1 р., 1 р. 20 к. за рабочій день.

Дождь точно подрядился поливать насъ. Не успѣемъ мы просохнуть, какъ опять мокры съ головы до ногъ. Однако работа подвигалась, и къ сроку, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, была окончена въ главныхъ своихъ задачахъ.

14 іюня на лодкахъ выѣхали мы въ Шушки, откуда по невозможной дорогѣ, слава Богу, версты на 1½ только, перебрались, по колѣна въ водѣ, до Пандозера, гдѣ, вновь сѣвъ на лодки, доѣхали почти до Кивача, высадившись версты за двѣ до быстрины. Кивачъ красивъ, но Порпорогъ и Гирвасъ живописнѣе.

Проведя на Кивачѣ ночь и выспавшись,—подъ постоянный грохотъ и шумъ воды спится хорошо,—мы утромъ сѣли на лодки и поплыли по красивой и быстрой Сунѣ до Андреева-Наволока—деревни, лежащей при устьѣ Суны. Ниже Кивача Суна имѣетъ нѣсколько уступовъ, пороговъ, но всѣ они проходимы на лодкахъ, управляемыхъ ловкими и опытными рулевыми, хотя иногда и эти опытные и ловкіе рулевые не застрахованы отъ крушенія. Одинъ неловкій поворотъ на этой страшной быстринѣ, ударъ о камень—и лодку перевернетъ, а тамъ выбирайся какъ умѣешь. Суна течетъ въ красивыхъ, гористыхъ, сплошь покрытыхъ березовымъ, сосновымъ и ольховымъ лѣсомъ берегахъ, живописно отражающихся въ тихой прозрачной водѣ, которая на порогахъ несется какъ бѣшеный конь, тряся бѣлой развѣвающейся гривой и сыпля пѣной во всѣ стороны. Быстрина мѣстами такъ велика, что лодка несется со скоростью по крайней мѣрѣ 15—20 верстъ. Андреевъ-Наволокъ—деревня на Онегѣ, какъ всѣ деревни, конечно ничѣмъ не замѣчательна, жители всѣ рыбаки, и рыбы, говорятъ, масса. Переходъ, опять пѣшкомъ, отъ Андреева-Наволока до Шуи 27 верстъ, вновь подъ дождемъ въ невылазной грязи, былъ на прощанье самымъ тягостнымъ и томительнымъ переходомъ. Постоянный дождь такъ размылъ дорогу, что нога съ трудомъ вытягивалась изъ этой скользкой, липкой массы. Но это былъ конецъ нашего пути.

Въ Шуѣ насъ ожидалъ отдыхъ и прямое сообщеніе съ нашимъ милымъ „Олонцемъ“ на лодкахъ. Потерпѣвъ въ Ладогѣ вновь порядочную трепку, мы черезъ два дня были уже въ кругу своихъ родныхъ и друзей въ Петербургѣ, грязные, оборванные, но радостные и счастливые исполненіемъ почти всѣхъ нашихъ задачъ.

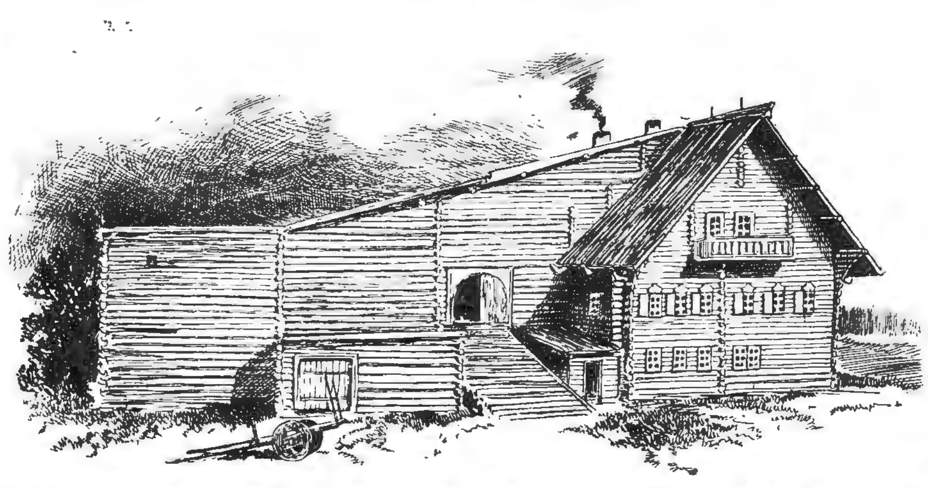
*) Водопадъ.

Къ рисункамъ.

Жизнь на военномъ кораблѣ.

(Рис. на стр. 784 и 785).

Раннее утро субботняго дня. Солнце только что поднялось изъ-за горизонта и обдало снопомъ яркихъ лучей стройный крейсеръ, недвижно стоящій на якорѣ въ виду портоваго города, сверкающаго на солнцѣ правильными рядами бѣлоснѣжныхъ зданій. На суднѣ господствуетъ невозмутимая тишина, нарушаемая лишь легкимъ всплескомъ волнъ, неустанно бѣгущихъ, вдоль блестящихъ, подобно воронову крылу, бортовъ, да тихимъ говоромъ нѣсколькихъ матросовъ изъ вахтеннаго отдѣленія, сгруппировавшихся на бакѣ [1]), вокругъ небольшой кадки съ водой, исполняющей на суднѣ службу пепельницы и плевательницы вмѣстѣ. Матросы, запаливъ ѣдкую махорку, небрежно завернутую въ лоскутки мятой газетной бумаги, перекидываются отрывочными фразами, изрѣдка поглядывая на вахтеннаго унтеръ-офицера, стоящаго въ выжидательномъ положеніи у гротъ-мачты [2]).



От Петербурга на Гирвасъ, Порпорогъ и Кивачъ. Типъ крестьянской постройки въ Олонецкой губ.

— Сичасъ, видно, побудка будетъ, замѣтилъ чернобородый комендоръ [3]), выпустивъ изо рта въ лицо ближайшему сосѣду клубъ ѣдкаго дыма.

— Оно вѣрно, согласился мускулистый атлетъ рулевой.— Вишь, нашъ Рябовъ и дудку уже изъ-за пазухи вытащилъ. Готовъ, значитъ!

— И буркулы свои на мостикъ уставилъ, усмѣхнулся юркій брамсельный [4]).

Дѣйствительно, Рябовъ, бравый бывалый унтеръ, не спускаетъ внимательныхъ глазъ съ вахтеннаго начальника, который, лѣниво прохаживаясь по широкому мостику, перекинутому съ одного борта на другой, никакъ не можетъ окончательно сбросить съ себя чары сладкаго утренняго сна. Лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по всему его тѣлу. Глаза невольно туманятся и смыкаются, несмотря на энергичныя усилія вахтеннаго начальника войти въ обычную служебную колею. Онъ отлично сознаетъ, что скоро наступитъ моментъ кипучей судовой дѣятельности, но тѣмъ не менѣе не въ силахъ отдѣлаться отъ сладостной дремоты, навѣваемой окружающей невозмутимой тишиной. Позднее возвращеніе съ берега не позволило ему выспаться какъ слѣдуетъ. Едва только онъ отдался въ крѣпкія объятья Морфея, какъ настойчивый разсыльный уже разбудилъ его на очередную вахту, съ четырехъ до восьми часовъ утра, самую хлопотливую вахту въ теченіе всей недѣли. Сквозь дремоту, вахтенному начальнику

От Петербурга на Гирвасъ, Порпорогъ и Кивачъ. По порогамъ.

¹) Бакъ—передняя часть верхней палубы до фокъ-мачты (до передней мачты).
²) Гротъ-мачта—средняя мачта.
³) Комендоръ—нижній чинъ, управляющій дѣйствіемъ орудія.
⁴) Брамсельный—нижній чинъ, работающій по расписанію у верхняго (брамселя) паруса.

представляется цѣлый рядъ послѣдовательныхъ работъ по приведенію судна въ надлежащій порядокъ и чистоту. Къ подъему флага, то есть къ восьми часамъ, надо вымыть всѣ палубы, борта и шлюпки, выскоблить рѣшетчатые люки, весла и другіе некрашеные предметы, убраться до педантизма въ самыхъ потаенныхъ уголкахъ обширнаго корабля.

„Команду будить въ половинѣ пятаго", вспомнилъ вахтенный начальникъ приказаніе старшаго офицера и, встрепенувшись, заглянулъ на часы, повѣшенные въ рубкѣ. Было ровно половина пятаго. На бакѣ брякнула одна склянка [1]). Вахтенный начальникъ моментально просвѣтлѣлъ, ободрился, и съ мостика раздалось энергичное, громкое приказаніе:

— Команду будить!

Расторопный Рябовъ только и ждалъ этого приказанія. Однимъ прыжкомъ отлетѣлъ онъ къ люку [2]), склонился въ жилую палубу, вывелъ на своей мѣдной дудкѣ обычную руладу и зычно прокричалъ:

— Вставать, койки вязать!

Жилая палуба мгновенно ожила. Сотни матросовъ, точно пронизанные электрической искрой, почти одновременно выскочили изъ своихъ подвѣшенныхъ коекъ и начали быстро одѣваться, хорошо зная, что не болѣе какъ черезъ пять минутъ раздастся новая команда:

— Койки наверхъ!

Въ этотъ короткій промежутокъ времени каждый спѣшитъ не только одѣться, но и скатать койку наподобіе муравьинаго яйца, скатать плотно, хорошо, чисто, во избѣжаніе строгой нахлобучки отъ вахтеннаго начальника, боцмана и другихъ представителей судоваго начальства, зорко слѣдящихъ, чтобы всѣ койки были связаны по мѣркѣ и аккуратно уложены затѣмъ въ особые ящики (сѣтки), расположенные по обѣимъ сторонамъ верхней палубы.

Но вотъ койки убраны. Команда помолилась Богу и позавтракала. Вооружили брандспойты и вынесли на верхнюю палубу ведра, щетки, мыло, соду, голики, деревянныя лопаточки, мелкій песокъ и наконецъ небольшіе плоскіе куски мягкаго известковаго камня. Засучивъ штаны и рукава рубахъ, матросы разбрелись по обширной палубѣ—приводить въ порядокъ каждый свою часть, строго опредѣленную судовымъ расписаніемъ. Закипѣла энергичная, бойкая работа. Одни, ставъ на колѣни, сильно трутъ палубу вдоль досокъ плоскими камнями, предварительно смочивъ ее и посыпавъ приготовленнымъ пескомъ.

¹) Сутки на суднѣ дѣлятся на шесть частей, по четыре часа каждая, начиная съ полуночи. Время опредѣляется ударами (склянками) въ колоколъ каждый получасъ: половина 1-аго—одинъ ударъ, въ часъ—два и т. д. до восьми склянокъ, которыя бьются такимъ образомъ шесть разъ въ теченіе сутокъ: въ полночь, въ 4 и 8 ч. утра, въ полдень, въ 4 и 8 ч. пополудни.
²) Люками называются отверстія въ палубахъ, сдѣланныя для выхода и свѣта.

другіе скачиваютъ промытыя мѣста изъ брандспойтовъ; третьи всгоняютъ воду голиками и затѣмъ небольшими лопатами выжимаютъ почти до-суха изъ досокъ оставшуюся влагу. Остальные обмываютъ крашеные борта твердыми щетками, смоченными въ мыльной или содовой водѣ. Каждый усиленно старается привести свою часть въ надлежащій, образцовый порядокъ, которымъ обыкновенно такъ щеголяютъ наши военныя суда. Вахтенный начальникъ, боцмана и унтеръ-офицеры озабоченно ходятъ по всей обширной палубѣ и внимательно слѣдятъ за расторопными матросами, своевременно исправляя случайныя упущенія. Всѣ единодушно желаютъ довести судно до щегольскаго состоянія, потому что отлично знаютъ, насколько зорки глаза командира и старшаго офицера, которые непремѣнно высмотрятъ каждое несмытое пятнышко, каждую забытую соринку и сдѣлаютъ строгій разносъ всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ такому упущенію, непозволительному на военномъ корабле. **А. Я. Максимовъ.**

Съ пріѣздомъ!

(Рис. на стр. 789).

Трудно повѣрить, глядя на златокудрую красавицу патриціанку, что художнику, изобразившему ее, теперь 72 года. Съ чисто юношескою виртуозностью и блескомъ красокъ перенесена на полотно гордая головка венеціанки, привѣтствующей дорогаго гостя!

Поссорились.

(Рис. на стр. 792).

Изъ-за чего могъ поссориться молодой голландскій рыбакъ со своею возлюбленною? Конечно изъ-за пустяковъ и больше для того, чтобы послаще помириться. Вѣдь милые бранятся, только тѣшатся.

Профессоръ Рудольфъ Вирховъ.

(Портр. на этой стр.).

Въ истекшемъ августѣ, Москву и Петербургъ посѣтилъ одинъ изъ величайшихъ германскихъ ученыхъ нашего времени, знаменитый профессоръ Рудольфъ Вирховъ. Пріемъ, оказанный профессору Вирхову въ Россіи, далеко выходитъ за предѣлы того гостепріимства, которое каждый образованный народъ готовъ оказать знаменитому ученому. Пребываніе профессора Вирхова въ Петербургѣ обратилось въ рядъ самыхъ единодушныхъ и сердечныхъ овацій, въ которыхъ приняли участіе не одни только русскіе врачи, такъ тѣсно связанные нравственными и умственными узами съ германскимъ ученымъ, но и представители русскаго просвѣщенія вообще. Въ чествованіи профессора Вирхова дружно слились виднѣйшіе дѣятели не только общественныхъ, но и офиціальныхъ сферъ нашей столицы, съ министромъ Народнаго Просвѣщенія графомъ И. Д. Деляновымъ во главѣ.

Еще въ прошломъ году, въ виду особыхъ заслугъ германскаго профессора Рудольфа Вирхова и по случаю семидесятой годовщины его жизни, маститому ученому дарована была отъ Государя Императора Высочайшая награда. Прибытіе его на московскіе международные археологическій и антропологическій конгрессы, 30-го минувшаго іюля, было привѣтствовано общимъ сочувствіемъ какъ со стороны многихъ высокопоставленныхъ лицъ и представителей науки, такъ и вообще,—образованнаго общества.

Въ лицѣ Рудольфа Вирхова чествовался не только первоклассный ученый и глубокій изслѣдователь явленій природы, но и замѣчательный человѣкъ. Необычайная разносторонность знаній, необыкновенно тонкій, аналитическій умъ, еще въ молодые годы выдвинули Вирхова изъ общаго уровня и сдѣлали имя его извѣстнымъ далеко за предѣлами его отечества. Не только въ области науки, но и въ вопросахъ общественной, государственной и политической жизни Германіи вѣское слово Вирхова имѣетъ большое значеніе. Дѣятельность его сказалась не только въ области патологической анатоміи, но, одинаково, и въ области общественнаго здравоохраненія, въ бытовыхъ вопросахъ врачебнаго сословія, въ вопросахъ медицинскаго преподаванія и образованія, медицинской статистики, общественнаго призрѣнія и т. д.

Въ началѣ своей медицинской дѣятельности, сперва прозекторъ въ Шарите, а потомъ знаменитый профессоръ патологической анатоміи въ Вюрцбургѣ и Берлинѣ, публицистъ и общественный дѣятель, Вирховъ, подобно Гельмгольцу, является повсемѣстно представителемъ единства и цѣльности естествознанія. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ Вюрцбургѣ появилась новая сила въ лицѣ Вирхова. Врагъ догматической медицины, преслѣдуя одну только правду въ наукѣ, Вирховъ явился во всеоружіи глубокаго всесторонняго знанія. Въ 1856 году, Вирховъ училъ своихъ слушателей „микроскопически мыслить“, „микроскопически видѣть“ и, такимъ образомъ, свободно читать въ книгѣ природы. Слушатели его лекцій, находясь подъ вліяніемъ совершенно новыхъ, до того неизвѣстныхъ научныхъ истинъ, не переставали заявлять, что при изслѣдованіи Вирховымъ трупа, передъ ихъ изумленными глазами создавалось живое изображеніе страданій человѣка. Въ Берлинѣ, куда Вирховъ былъ приглашенъ на каѳедру патологической анатоміи, онъ вскорѣ основалъ школу, получившую всемірную извѣстность.

Въ 1847 году Вирховъ получилъ командировку въ пострадавшую отъ эпидемическаго тифа провинцію. Командировка эта послужила ему основаніемъ къ важнымъ научнымъ выводамъ относительно патологіи заразныхъ болѣзней, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознаменовалась, впослѣдствіи, цѣлымъ рядомъ важныхъ административныхъ мѣръ.

Прибывъ на мѣсто командировки, для принятія мѣръ, Вирховъ не ограничился предѣлами, предусмотрѣнными медицинскою полиціею. Онъ избралъ новый путь, новое оружіе для борьбы съ подобнаго рода общественными бѣдствіями. Для предупрежденія ихъ, онъ предложилъ вмѣсто употребленія хинина, хлорной воды, соляной кислоты и друг. лѣкарствъ предпринять нѣкоторыя общественныя мѣропріятія, позаботиться объ улучшеніи экономическаго быта населенія и ввести общинное устройство. Эта командировка имѣла на Вирхова огромное вліяніе, выдвинувъ его, какъ гигіениста.

Доказывая въ своихъ отчетахъ, что причины бѣдствій и эпидемій заключаются въ невѣжествѣ народныхъ массъ, онъ ратовалъ за народное образованіе и народное благосостояніе. Изслѣдуя вопросъ всесторонне, Вирховъ не только описываетъ свирѣпствовавшую въ Силезіи болѣзнь тифъ, но даетъ топографическое, геологическое и этнографическое описаніе мѣстности, сообщаетъ данныя о нравственномъ развитіи населенія, о величинѣ земельныхъ участковъ поселянъ, объ ихъ жилищахъ, о характерѣ ихъ питанія, о матеріальныхъ достаткахъ и недостаткахъ. При такомъ широкомъ взглядѣ на задачи общественной гигіены, Вирховъ является не только замѣчательно дальновиднымъ врачемъ-гигіенистомъ, но и выдающимся государственнымъ человѣкомъ.

Весьма замѣчательна учено-публицистическая дѣятельность Вирхова. Такъ онъ писалъ: о лазаретахъ, родильныхъ домахъ, о дезинфекціи городовъ, о зависимости тифозныхъ заболѣваній отъ уровня почвенныхъ водъ, объ этіологіи тифа и канализаціи городовъ, о вліяніи подвальныхъ помѣщеній на здоровье, о предупрежденіи трихинозной болѣзни, о патологической анатоміи и судебной медицинѣ и друг. Его перу принадлежатъ: „Правила и указанія судебнымъ врачамъ при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ“, а также нѣкоторыя выдающіяся и важныя, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, экспертизы. Подъ его редакціей въ 1854 году вышло въ свѣтъ извѣстное руководство: „Частная патологія и терапія“; въ

Профессоръ Рудольфъ Вирховъ. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

одномъ изъ томовъ этого солиднаго труда помѣщенъ обширный трактатъ Вирхова: „О заразныхъ болѣзняхъ на животныхъ"; въ 1876—1877 годахъ, вышло сообщеніе по ветеринаріи, сдѣланное имъ на международномъ гигіеническомъ съѣздѣ въ Брюсселѣ,—„О предохраненіи отъ эпизоотіи."

Выдающаяся сторона характера и научной дѣятельности Вирхова состоитъ въ томъ, что онъ всегда оставался вѣренъ своей доктринѣ, своему призванію, какъ врачъ. Онъ самъ учился медицинѣ съ исторической точки зрѣнія, философски, и такой-же способъ изученія рекомендовалъ другимъ.

Школа, созданная Вирховымъ, очень велика. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что послѣ нѣмцевъ, русскіе занимаютъ въ ней первое мѣсто: имъ принадлежитъ наибольшее, послѣ нѣмцевъ, число работъ въ архивѣ Вирхова. Уже въ XI т. этого архива Пеликанъ помѣстилъ свое изслѣдованіе „о физіологическомъ и токсическомъ дѣйствіи кураре". За работою Пеликана послѣдовали работы Сѣченова, Боткина, Захарьина, Щелкова, Овсянникова, Ковалевскаго, Раухфуса, Виноградова, Покровскаго, Полотебнова, Кошлакова, Руднева, Бурцева, Крылова, Славянскаго, Лашкевича, Успенскаго, Валя, А. Данилевскаго, Клейна, Леша, Равича, Вальтера, Хржонщевскаго, Гиршмана, Афанасьева, Грубе и другихъ. Вся научная дѣятельность Вирхова носитъ чисто реформаторскій характеръ; она всегда была направлена противъ ненормальностей и недостатковъ, представлявшихся въ средѣ представителей медицинскаго сословія. Такимъ-же характеромъ отличается его неутомимая дѣятельность на политическомъ поприщѣ. Какъ извѣстно, Вирховъ является главою прогрессистовъ. **А. Х.**

Политическое обозрѣніе.

Президентъ Французской республики г. Карно совершилъ поѣздку на югъ Франціи, гдѣ присутствовалъ въ Шамбери на празднествѣ по случаю столѣтія присоединенія Савойи къ Франціи. Вся поѣздка президента отъ Фонтенебло до Шамбери была рядомъ восторженныхъ встрѣчъ, свидѣтельствующихъ о расположеніи населенія къ существующей формѣ правленія въ странѣ.

На обратномъ пути г. Карно остановился въ Aix-les-Bains, гдѣ въ то время проживали Е. В. король Эллиновъ, герцогъ Георгій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ—Н. К. Гирсъ. Въ Aix-les-Bains президентъ республики прибылъ 25 августа въ 2 ч. пополудни. Въ числѣ лицъ, встрѣтившихъ президента на вокзалѣ, находился и баронъ Моренгеймъ. Одѣтое въ русскій костюмъ дитя привѣтствовало г. Карно, который, поцѣловавъ ребенка, сказалъ: „Цѣлую Россію". Тотчасъ, по приходѣ президентскаго поѣзда, Рибо и Фрейсинэ поѣхали къ королю Эллиновъ для привѣтствованія его отъ имени французскаго правительства и отъ себя лично. Затѣмъ они отправились къ герцогу Лейхтенбергскому. Немного спустя президентъ Карно посѣтилъ короля Эллиновъ, который встрѣтилъ его на площадкѣ лѣстницы. Послѣ сердечнаго обмѣна рукопожатій король перешелъ съ президентомъ въ гостиную. Никакого политическаго характера свиданіе не имѣло. Король сказалъ, что онъ въ восхищеніи отъ своего пребыванія во Франціи и благодарилъ президента за вниманіе. Далѣе король сообщилъ, что завтра онъ поѣдетъ въ Парижъ, а оттуда въ Вѣну, въ Аѳины же онъ предполагаетъ возвратиться 15 или 16 сентября, такъ какъ 24 сентября — годовой день кончины великой княгини Александры Георгіевны. Бесѣда, отличавшаяся большою сердечностью, продолжалась около двадцати минутъ. Король отдалъ немедленно президенту Карно въ мэріи визитъ, продолжавшійся десять минутъ. Король былъ встрѣченъ воинскими почестями. Затѣмъ президента посѣтилъ герцогъ Лейхтенбергскій. Народъ, узнавъ герцога, привѣтствовалъ его кликами: „Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Царь! Да здравствуетъ принцъ, Карно и республика!" Въ то же время министры Рибо и Фрейсинэ посѣтили г. Гирса. Министры были встрѣчены сыномъ г. Гирса и въ сопровожденіи его вошли въ гостиную, гдѣ г. Гирсъ лежалъ на кушеткѣ и гдѣ находился баронъ Моренгеймъ. Разговоръ продолжался полчаса, и посторонніе лица на свиданіи не присутствовали. Министры освѣдомились о состояніи здоровья г. Гирса, который чувствуетъ себя нѣсколько лучше и предполагаетъ пробыть въ Aix-les-Bains около мѣсяца, затѣмъ отправится въ Каннъ.

Совѣтъ министровъ въ Сербіи, составивъ офиціальную программу правительства, объявляетъ, что правительство, сохраняя идеи и принципы либеральной партіи, не предполагаетъ преслѣдовать партійной политики; его единственная цѣль водворить порядокъ во всѣхъ отрасляхъ администраціи. Часть программы, касающаяся внѣшней политики, возвѣщаетъ хорошія отношенія со всѣми великими державами, уваженіе сосѣдей, исполненіе всѣхъ обязанностей Сербіи передъ иностранными державами и развитіе сербскихъ народныхъ интересовъ. Правительство особенно позаботится о финансахъ страны. Далѣе въ программѣ говорится о предполагаемой монетной реформѣ на началахъ золотой валюты, объ административномъ преобразованіи, состоящемъ въ увольненіи излишнихъ чиновниковъ, о податной реформѣ, уничтоженіи монополій и о поднятіи экономическихъ силъ народа. Предполагается армію преобразовать согласно послѣднимъ требованіямъ военнаго искусства, а великую школу обратить въ университетъ. Слухи о волненіяхъ, грозящихъ безпорядками, лишены основанія. Радикалы приняли устраненіе отъ власти спокойно, въ увѣренности, что событіе 9 августа прекратитъ разладъ и тѣсно сплотитъ партію къ предстоящимъ выборамъ. Радикальные митинги идутъ въ образцовомъ порядкѣ. Властямъ предписано полнѣйшее невмѣшательство. Раздоръ радикаловъ и либераловъ крайне выгоденъ напреднякамъ, проявляющимъ необыкновенную дѣятельность. Во многихъ городахъ и общинахъ происходятъ напреднякція сходки.

По свѣдѣніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, Германскій императоръ отмѣнилъ назначенные въ его присутствіи большіе маневры 8-го и 16-го армейскихъ корпусовъ.

Въ *Times* телеграфируютъ изъ Шанхая: „По телеграфному сообщенію изъ Сингана, отъ 6 сентября (нов. стиля), въ Шенъ-си изувѣчены русскій миссіонеръ и нѣсколько христіанъ изъ туземцевъ".

Смѣсь.

Откуда произошло дѣленіе времени на минуты и секунды? Греческій философъ Гиппархъ (160—125 до Р. Х.), считаемый основателемъ научной астрономіи въ Европѣ, приписываетъ дѣленіе времени Вавилонянамъ. Они, по его словамъ, дѣлили сутки на двѣ равныя части: день и ночь, заключавшія въ себѣ 24 парасанга. Парасангъ въ свою очередь подраздѣлялся на 60×60 частей. Впослѣдствіи это же дѣленіе принялъ и александріецъ Клесибъ, благодаря изобрѣтенію водяныхъ часовъ сравнявшій неравные египетскіе часы. Окончательно же это дѣленіе ввелъ арабскій ученый Абу-Гассанъ въ XIII столѣтіи по Р. Х. (к.)

Животные паразиты на человѣческомъ тѣлѣ. Недавно въ Берлинскомъ Медицинскомъ обществѣ происходило засѣданіе, посвященное интересному вопросу о животныхъ паразитахъ на тѣлѣ человѣка. Засѣданіе это имѣло важное значеніе для общества, благодаря тому, что категорически высказалось за пользу осмотра мяса животныхъ, поступающаго въ продажу. Глазной врачъ, профессоръ Гиршбергъ сдѣлалъ обществу докладъ о финнозномъ заболѣваніи глаза человѣка. Находящійся въ свиньяхъ солитеръ, Taenia solium, содержитъ въ себѣ финны, Cysticercus cellulosae, которыя могутъ перейти и на человѣка, съѣвшаго зараженное мясо. Они обнаруживаются на кожѣ, въ мозгу, въ глазахъ и др. мѣстахъ. Еще въ 1830 году нѣмецкій врачъ, докторъ Шоттъ наблюдалъ болѣзнь послѣдняго органа во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Отецъ германской глазной медицины Альбрехтъ фонъ-Грефе подробно описалъ эту болѣзнь и свидѣтельствуетъ объ ея частыхъ случаяхъ. Финны находятся въ глазу или за сѣтчатой оболочкой, или выступаютъ наружу и влекутъ за собой ослабленіе зрѣнія. Болѣе всего больныхъ приходится на Берлинъ, Саксонію и Тюрингію, тогда какъ въ южной Германіи случаи пораженія глаза финнами чрезвычайно рѣдки. Въ Берлинѣ Грефе наблюдалъ среднимъ числомъ до 100 заболѣваній въ годъ, что подтверждается и докладомъ профессора Гиршберга. За послѣднее десятилѣтіе въ Пруссіи и особенно въ Берлинѣ производится весьма тщательный осмотръ мяса, поступающаго въ продажу. Ежегодно изъ 3 милліоновъ убитыхъ свиней находится до 14,000 финнозныхъ, т. е. одна больная на 200 здоровыхъ. Съ введеніемъ болѣе тщательнаго осмотра свинаго мяса уменьшились и случаи заболѣванія финнами людей. Въ 1886 году среди 46,000 больныхъ глазами профессоръ Гиршбергъ констатировалъ только 2 случая заболѣванія глазъ финнами. Объ уменьшеніи случаевъ заболѣванія глазъ финнами свидѣтельствуютъ и Швейггеръ и Вирховъ. Докторъ Левинъ сообщаетъ, что съ введеніемъ осмотра мяса и Cysticercus на кожѣ сдѣлался рѣдкимъ явленіемъ. (к.)

Образованіе пятенъ на солнцѣ было наблюдаемо въ февралѣ Пражской обсерваторіей. Пятна появились близь югозападнаго конца солнца. Они были окружены обыкновенной пенумброй, длина которой равнялась 0,1 солнечнаго діаметра, а ширина=1/3 длины. Этихъ пятенъ было 26. Длина пенумбры по точнымъ вычисленіямъ оказалась въ 18000 географическихъ миль, т. е. почти 1 1/3 земныхъ діаметра. Одно изъ западныхъ пятенъ по величинѣ равнялось Америкѣ. Пенумбра была сѣро-фіолетоваго цвѣта, который въ южной части ея довольно замѣтно переходитъ въ желтовато-зеленый. Несмотря на то, что солнечныя пятна, только благодаря контрасту съ солнцемъ, кажутся намъ черными, по яркости свѣта они превосходятъ луну въ 5000 разъ, тогда какъ само солнце въ 619,000 разъ ярче луны. Къ сѣверу отъ большой пенумбры находились еще три маленькія группы пятенъ, затѣмъ ближе къ центру солнца еще пять. Наконецъ группы пятенъ дополняли 4, образовавшіяся на сѣверномъ квадратѣ солнца. Всего пятенъ насчитывалось до 70, и многія изъ нихъ превосходили своею величиной Европу. Площадь же большой пенумбры равнялась 108 милліонамъ квадратныхъ миль.

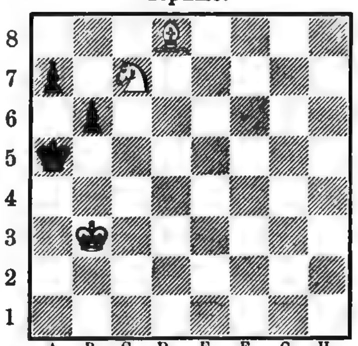
Грандіозный проектъ. Генералъ Анненковъ вмѣстѣ съ двумя французскими инженерами вырабатываетъ въ настоящее время проектъ соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ. (г. в.)

Американская премія. Общество американскихъ издателей газетъ назначаетъ премію въ видѣ золотой медали (содержащей на 250 франковъ чистаго золота) тому, кто найдетъ способъ ускорить и удешевить печатаніе газетъ. (г. в.)

ШАХМАТЫ

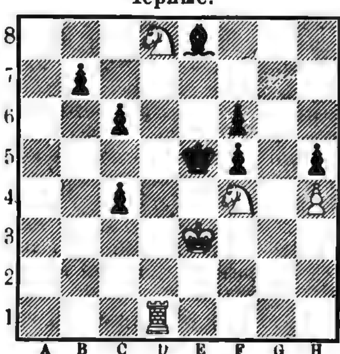
под редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 42.
Л. К. Истоминъ (Харьковъ).
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 43.
А. П. Сусликовъ (Харьковъ).
Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ № 26 *Нивы*.

№ 31. М. К. Гоняева. Матъ въ 2 хода.

1. С. g6, ∾; 2. Матъ различными способами.

№ 32. Э. С. Монтвидъ. Матъ въ 3 хода.

1. К. d4 - b3, Кр. : b3; 2. Ф. e4, ∾; 3. Ф. ≠

A. 1. . . .; Кр. : b5; 2. Ф. a6+, ∾; 3. Ф., С≠
B. 1. . . ., e5—e4; 2. Ф. d5+, Кр. : d5; 3. С. f7≠
C. 1. . . ., c7—c5; 2. К. d2+, ∾; 3. Ф., С≠
D. 1. . . ., ∾; 2. Ф. c6+, ∾; 3. Ф≠

Правильныя рѣшенія прислали:

Обѣихъ задачъ: Н. С. Даржанъ (Кронштадтъ), А. П. Сусликовъ, Л. К. Истоминъ (Харьковъ), Г. Рутенбергъ (Кіевъ).

№ 31: А. Н. Покровскій (Тамбовъ), В. Полетаевъ (с. ст. Андреевское, Романовъ-Борисоглѣб. уѣзда).

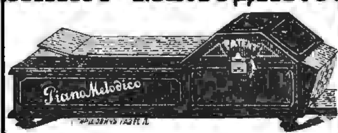
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

При этомъ № прилагаются: 1) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. И. ПОЛЕЖАЕВА (составляющее СБОРНИКЪ „НИВЫ“ за СЕНТЯБРЬ; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1892 г., съ 26 рис. и отд. листомъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 41 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПІАНО-МЕЛОДИКО.



Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій посредствомъ верченія ручкой полностью различныя пьесы; тонъ его пріятный, мелодичный и онъ очень удобенъ, какъ для салонной музыки, такъ и для танцевъ.

Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 70 коп. за метръ (=1½ арш.).

По полученіи задатка приблизительно ⅓ стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

КНИГИ

всевозможныя, русскія, высыл. немедленно

Книжный магазинъ

Ѳ. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія линія № 5.
Принимается подписка на всѣ рус. журналы и газеты по цѣн. редакцій. № 5945 2—1

Садовое заведеніе

А. Е. ШАТИЛОВА,

гор. Козловъ, Тамб. губ. Цѣны умѣренныя.
Прейсъ-курантъ по требованію безплатно.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Лудвига Баварскаго, Е. И. Выс. Принцессы Фридрихъ-Карлъ Прусской, Е. И. Выс. Принцес. Альбрехтъ Прусской и другихъ царствующихъ особъ. В. № 5946

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.

Къ предстоящему охотничьему сезону: лягавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ, съ гарантіею. Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки, безплатно.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу.
(Bahnhof-Wittenberg).

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.
Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.*
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. И. ПОЛЕЖАЕВА.

Подъ редакціей **А. И. Введенскаго.** Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. И. Полежаева, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Изящно изданный томъ въ 8 д. л., 327 стр., на лучш. бумагѣ. СПБ. 1892 г. Ц. 1 р., а съ перес. 1 р. 30 к. Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 55 к.

Назначая наше изданіе для обширнаго круга читателей, мы почли необходимымъ не смѣшивать извѣстныя и дѣйствительно достойныя памяти поэта произведенія съ болѣе слабыми. И потому мы раздѣлили ихъ на два отдѣла. Въ первомъ помѣщено въ существенномъ то, что было въ Солдатенковскомъ изданіи 1857 года, исполненномъ по указанію статей Бѣлинскаго; во второй вошли слабыя лирическія стихотворенія и юмористическія поэмы.

Кромѣ того, **для любителей изящныхъ изданій,** отпечатано небольшое количество книги **на лучшей голландской слоновой бумагѣ.** Цѣна этому изданію 2 р. 50 коп., а въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 3 руб. На пересылку слѣдуетъ прилагать по 50 к. за экз.

Съ требованіями на книгу просятъ обращаться **въ СПБ-гѣ,** въ контору журнала **„Нива“**, Невскій, 6.

КРЫШКИ

ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЙ СОЧИНЕНІЙ
КОЗЛОВА, ГРИБОѢДОВА и ПОЛЕЖАЕВА.

Крышки (образецъ которыхъ здѣсь помѣщается) изготовлены изъ **лучшаго англійскаго коленкора, съ изящными тисненіями золотомъ и краскою.** - Цѣна каждой крышки **25 коп.,** съ пересылкою иногороднымъ — **60 коп.**

Въ виду того, что пересылка **всѣхъ трехъ крышекъ** обойдется дешевле чѣмъ каждой отдѣльно, Контора предлагаетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ **выписывать ихъ разомъ,** и въ этомъ случаѣ, она будетъ высылать ихъ **за 1 р. 40 к. съ пересылкою.**

Съ требованіями обращаться въ контору журнала **„Нива“**, СПБ., Невскій, 6.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE“.

Духи — **ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО**
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. — **Саше.**

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (14)

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

Ober Salzbrunn — Schutz-Marke

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно:
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.

ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10—8 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5742

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

Сигары, сигареты, папиросы, табакъ, турецкій и американскій.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ
СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА.

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—1

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло	кус. 30 к.
Вазелиновая жирная пудра	кор. 60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ	бан. 35 к.
Вазелиновая помада	бан. 35 к.
Ландышевое молоко	фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб.
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (9)

Спеціалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5808

МОРИСЪ

СПБ., Невскій, 43/1, уголъ Троицкой.
Обмундированіе Гг. студентовъ всѣхъ существующихъ формъ, а также гимназистовъ и реалистовъ имѣется въ богатомъ выборѣ готовое и на заказъ.
Доброкачественный матеріалъ, изящный покрой и прочная работа. № 5939
ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ

БРОКАРЪ и Ко.

САНИТАРНЫЯ МЫЛА
Карболовое.
Эвкалиптовое.
Дегтярное.

30, Невскій, 30. № 5950 4—1

Ш. № 5910 10—3

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

(2) МИНДАЛЬНОЕ № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Вассейная ул., д. № 2.

Дозвол. цензур., СПБ., 2 сентября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. — г. XXIII

№ 37 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 12 сентября 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Дворецъ Петра III въ Ораніенбаумѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Дора.

Повѣсть **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе).

Дѣло происходило въ одномъ изъ зданій роскошнаго и изящнаго Hôtel Vittoria въ Сорренто, выросшаго точно изъ скалы надъ моремъ... Мраморныя террасы его, одна надъ другой, висѣли надъ самыми волнами, лѣниво и нѣжно набѣгавшими сегодня далеко внизу на едва замѣтную узенькую отмель... Волоцкому открывалась такая чудная даль, что на минуту онъ позабылъ и неудовлетворенную жажду свиданія съ любимой дѣвушкой, и досаду на эту русскую семью захватившую его—совсѣмъ и всего, и усталь — потому что онъ только что пріѣхалъ изъ Марселя въ Неаполь и изъ Неаполя сюда на пароходѣ не отдыхая... Его совсѣмъ заговорили у Багреневыхъ, и онъ сбѣжалъ внизъ съ страстною надеждой—провести хоть часъ наединѣ съ Дорой... Глядя передъ собою, онъ замечтался и незамѣтно для самого себя началъ декламировать знакомые стихи, пришедшіе ему на память:

Съ террасы мраморной опять сіяетъ море;
Медлительно скользятъ, теряясь на просторѣ,
Какъ чайки, корабли, раскинувъ паруса,
Мизенъ скалистый мысъ и Байскія руины...
Вонъ бѣлый городокъ взобрался на стремнины
И замокъ на скалахъ ушелъ подъ небеса..

Все переполнено и звуками, и блескомъ.
Дробится объ утесъ волна съ немолчнымъ плескомъ
И умирать бѣжитъ въ покой на темный гротъ.
Изъ каждой трещины цвѣтовъ раскрылись глазки...
Такъ ароматъ ихъ густъ, такъ несравненны краски,
Тутъ камень, кажется, и дышитъ и живетъ!

Дѣйствительно, тутъ камни если не дышали и не жили, то сіяли и теплились подъ солнцемъ, лаская взглядъ самыми не передаваемыми оттѣнками и цвѣтами. Кругомъ былъ какой-то праздникъ жизни. Онъ смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ, до того все это было похоже на миражъ. Необъятнымъ храмомъ, свѣтлымъ и радостнымъ, казалось все вокругъ него.

— Да, тутъ именно молиться и любить, любить и молиться.

— Александръ Сергѣевичъ! Гдѣ вы? послышался голосъ Нины съ верхней террасы.

Волоцкой со страхомъ подался назадъ, чтобъ она его не увидѣла, и не отвѣтилъ.

— Мама, онъ вѣрно ушелъ! съ неудовольствіемъ проговорила та. — Что же это такое наконецъ?.. Пріѣхалъ и сейчасъ же ушелъ!..

— Дура! проговорилъ про себя Волоцкой, и тихо сѣлъ въ стоявшее около него на террасѣ кресло.

Ему такъ хорошо было одному въ виду этой чудной картины! Ему въ эти минуты только дышалось глубоко, сознаніе счастья проникало въ душу и кажется безъ конца бы смотрѣлъ онъ кругомъ, боясь, чтобъ кто-нибудь не нарушилъ неосторожнымъ словомъ этого очарованія кругомъ...

— Александръ Сергѣевичъ, да гдѣ же вы!.. прозвучали эти слова сверху.—Идите же скорѣй или я сама сойду за вами. Хотите, мы придемъ къ вамъ?

— Чортъ бы тебя побралъ! проговорилъ онъ про себя. — Нѣтъ, больше нельзя прятаться.

И Волоцкой, вздохнувъ, отозвался.

— Идите сюда!.. Нина хочетъ вамъ показать свою работу.

— Какую?

Ему такъ не хотѣлось трогаться изъ своего поэтическаго уголка.

— Полотенце... Она ужь двѣ недѣли возится съ нимъ, для одного невнимательнаго молодаго лѣнтяя, которому и дѣла нѣтъ до того, что о немъ думаютъ.

„Невнимательный молодой лѣнтяй“, поднявъ взглядъ свой къ небу, словно приглашая его засвидѣтельствовать, до какой степени ему надоѣли эти назойливыя соотечественницы, покорно пошелъ вверхъ.

X.

Въ отель „Витторія“, вверхъ отъ небольшой „marina“, въ его апельсинный садъ тянется громадный туннель — il grotto, какъ называютъ его итальянцы. Онъ высверленъ въ самомъ сердцѣ утеса руками рабовъ древняго Рима. Отъ этой подземной жилы направо и налѣво идутъ меньшія. Вообще все Сорренто стоитъ точно на громадномъ сотѣ, столько здѣсь подъ нынѣшнею почвою стародавнихъ галлерей, пещеръ, гротовъ. Кое-гдѣ утесы растрескались, обнаживъ эти туннели, въ другихъ мѣстахъ они еще тонутъ во mpaкѣ, служа мѣстомъ для жилья летучихъ мышей и для свиданій соррентинскихъ влюбленныхъ. Въ albergo Vittoria попадаютъ снизу черезъ эту темную жилу. Спускаются къ морю ею же. Madame Багренева сегодня проектировала поѣздку къ гротамъ Меты, и наше небольшое общество шло теперь этою сумрачною и прохладною галлереей... Волоцкой немного замѣшкался и теперь догонялъ ихъ. Позади отстала нѣсколько Дора. Александръ Сергѣевичъ тихо предложилъ ей руку, она покачала головой и молча указала на черные силуэты двигавшихся впереди Надежды Анисимовны и Нины съ младшими дочерьми.

— Какъ онѣ мнѣ надоѣли! прошепталъ Волоцкой такъ наклоняясь къ лицу Доры, что та почувствовала на немъ его дыханіе.

Она молчала... Ей было такъ хорошо ощущать близость любимаго человѣка. Больше ничего она и не хотѣла бы въ данную минуту... Въ гротѣ все больше и больше темнѣло. Впереди только въ отверстіи его мерещился золотистый уголокъ какой-то скалы и чистая, блестящая какъ аметистъ морская даль... На ней сверкнулъ на мгновеніе парусъ маленькой лодченки и спрятался за утесъ... Наши миновали отверстіе—окно, пробитое вверхъ въ нёбѣ галлереи хозяиномъ отеля... Мелькомъ блеснули въ немъ яркіе, облитые солнечнымъ свѣтомъ, листья апельсинныхъ деревьевъ и сѣтки винограда, словно торопившагося затянуть скорѣе эту отдушину.

Дора сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, когда почувствовала, что рука Александра Сергѣевича взяла ея руку.

— Сумасшедшій, увидятъ!

— Въ этой темнотѣ? такъ же тихо отвѣтилъ онъ ей и прижался губами къ ея рукѣ.

— Послушайте, Дора, зашепталъ онъ, — намъ надо увидѣться наединѣ... Надо переговорить о многомъ... Наши отношенія такъ не опредѣлились. Надо наконецъ рѣшить разъ навсегда наше будущее.

Она обвела его благодарнымъ взглядомъ. Ее самоё, чистую и цѣломудренную, мучило это. Она изъ чувства весьма понятной деликатности не заговаривала съ нимъ объ этомъ. Она ждала, что онъ наконецъ опомнится и самъ въ этомъ отношеніи придетъ ей на помощь. Потомъ она забывалась въ одуряющей атмосферѣ любви. Его близость кружила ей голову, и она молчала, вся отдаваясь могуществу охватывавшихъ ее ощущеній.

— Какъ же сдѣлать это?

— Найдите возможность завтра встать раньше... Ну, часовъ въ шесть что-ли. Я съ вечера уѣду какъ будто въ Неаполь.

— Понимаете, быстро-быстро шепнулъ онъ Дорѣ,— вмѣсто Неаполя я переночую въ Кастелламаре и вернусь къ шести въ Сорренто... Я буду васъ ждать въ

„bagni della Regina Giovanna"... Понимаете? Возьмите лодку и пріѣзжайте туда... Да?

— Буду... милый!.. Теперь бѣгите, подайте руку *вашей* Ниночкѣ.

— Александръ Сергѣевичъ, гдѣ вы!? послышалось впереди.

Онъ живо выпустилъ ея руку.

— Я здѣсь!.. Догоняю васъ, Надежда Анисимовна, боюсь споткнуться.

— Догоните — предложите руку Ниночкѣ... Мой ангелъ, ты боишься одна?.. Да? слащавымъ голосомъ спросила ее Надежда Анисимовна.

— Боюсь, мама!.. Тутъ такъ страшно, почла своимъ долгомъ снаивничать та, хотя ничего страшнаго кругомъ не было.

— Вотъ, Александръ Сергѣевичъ предложитъ тебѣ руку... Пожалуйста, крѣпче поддерживайте ее. Нина, опирайся сильнѣй на руку Александра Сергѣевича, здѣсь вѣдь такъ круто, еще упадешь чего добраго.

Выходъ впереди все росъ и росъ... Ярче блистало въ немъ сегодня совершенно аметистовое море, глыбами чистаго золота казались въ немъ камни только-что насыпаннаго длиннаго мола... Какія-то мачты недвижно торчали за нимъ. Въ темноту и тишину подземной жилы доносились оттуда голоса рыбаковъ, спускавшихъ большую лодку въ воду... Вдругъ факино, шедшій впереди съ вещами, красивымъ, груднымъ баритономъ запѣлъ:

In questa sera tutta stellata
Dal verde monte pieno di fior
Spira la brezza piu profumata
Flebile canta l'angello ancor...

Голосъ его сильными раскатами повторился сводами туннеля и точно весь его наполнилъ внезапно прорвавшимся чувствомъ.

— Какъ хорошо, правда? шептала Ниночка, повиснувъ на рукѣ Александра Сергѣевича и прижимаясь къ нему, таращила на него свои бараньи глазки.

— Что хорошо? угрюмо переспросилъ тотъ.

— Ахъ, этотъ сумракъ... пѣсня... Вы ничего не чувствуете?

— Во-первыхъ, пѣсня глупая: говоритъ о вечерѣ, когда теперь утро! еще угрюмѣе отвѣчалъ онъ.

— Ну, какая у васъ прозаическая душа! вздохнула Ниночка.

И она шаловливо ударила его вѣеромъ по рукѣ.

— А мнѣ такъ хочется куда-то унестись далеко-далеко, вмѣстѣ со звуками этой пѣсни.

— Далеко-далеко, мечтательно продолжала та. — Правда, какъ бы хорошо, если бы у насъ съ вами вдругъ выросли крылья и мы бы полетѣли надъ этимъ моремъ... вдвоемъ... И знаете, все выше и выше, надъ Везувіемъ, къ тѣмъ вонъ туманнымъ горамъ.

— Благодарю покорно! У меня на высотѣ голова кружится.

— Нина, ты опираешься? спрашивала спереди заботливая маменька.

— Да, мама... Александръ Сергѣевичъ такъ добръ ко мнѣ, онъ все время не оставляетъ меня.

Очевидно, ей не было никакого дѣла до того, что Дора позади отлично видитъ всѣ ея маневры и понимаетъ ихъ.

— Ну, вотъ и выбрались! съ видомъ облегченія вздохнулъ Волоцкой, когда они вышли ужъ на наружный спускъ къ маринѣ.

— Воображаю, какъ я вамъ надоѣла!

Нина очевидно ждала, что тотъ горячо опровергнетъ это. Волоцкой молчалъ. Помощь Нинѣ пришла со стороны.

— Ну, молодымъ людямъ это никогда не надоѣдаетъ! вставила мамаша. — Правда, Александръ Сергѣевичъ, какая я снисходительная мать? Это васъ не удивляетъ? Что-жъ, вѣдь мы только разъ любимъ въ жизни по-настоящему! вдругъ выпалила она и, порывисто обернувшись, обняла и поцѣловала Ниночку, которая при семъ удобномъ случаѣ уронила свою голову ей на плечо. Факино, оглянувшійся въ это время, выронилъ отъ изумленія какой-то сакъ и прошепталъ: „mamma mia!"

— Дора, возьмите мою накидку, она мнѣ здѣсь не нужна, попросила ее Надежда Анисимовна.—Да кстати и этотъ узелокъ.

— Дорочка, и мой ватерпруфъ, пожалуйста!

И Нина бросила его ей на руки.

Дора Петровна нахмурилась. Ей было особенно непріятно это при Волоцкомъ. Она Богъ знаетъ что̀ бы дала, только бы при немъ съ ней обращались не такъ безцеремонно.

— Я сейчасъ передамъ это факино... Carlo!.. Vieni qua!

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! строго остановила ее мамаша. — Факино испачкаетъ еще чего добраго, да кромѣ того ему тяжело будетъ, у него на рукахъ и безъ того много.

Дора, сжавъ зубы, донесла все это до лодки. Она только поблѣднѣла и нахмурилась.

Красавецъ-гребецъ Пеппино уже ждалъ „знатныхъ иностранцевъ" и привѣтствовалъ ихъ своими безконечными „эччеленца". Нина, сходя по ступенямъ въ лодку, не могла разумѣется не поскользнуться и не упасть на руки Александру Сергѣевичу, котораго разбирала въ это мгновеніе страшная охота опустить руки и заставить сантиментальную дѣвицу выкупаться въ морѣ. Рядомъ съ нею сѣла Дора. Александръ Сергѣевичъ сходилъ въ лодку послѣднимъ; онъ заболтался на берегу съ Carlo и не замѣтилъ, что тѣ уже готовы.

— Дора, уступите свое мѣсто Александру Сергѣевичу.

— Я и тутъ усядусь отлично, поспѣшилъ возразить онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Садитесь рядомъ съ Ниной... Я не хочу *васъ обоихъ*, подчеркнула она, — лишать этого удовольствія. Дора, поправьте мнѣ сзади косынку. Теперь хорошо!.. Дора, подайте пожалуйста зонтикъ. Вотъ такъ!.. Дора, захватили-ли вы одеколонъ? Отлично!

Лодка отвалила, граціозно покачиваясь въ прозрачной водѣ.

Теперь Сорренто было наверху. Лодка медленно ползла вдоль утесистыхъ обрывовъ, надъ которыми густыми зелеными облаками лежали сады безчисленныхъ виллъ. По сѣрымъ откосамъ повсюду намѣчивались густыя синія тѣни. Въ извилинахъ берега—крохотныя бухточки, въ нихъ недвижно спало море. Только кое-гдѣ бѣжали круги отъ всплеска рыбы, случайно поднявшейся на его поверхность. Мысъ, отдѣляющій Сорренто отъ Вико-Экуэнзе, былъ весь подъ солнцемъ. Камень его издали казался горячимъ. По его обрывамъ кое-гдѣ сочные, громадные кактусы подставляли знойнымъ лучамъ свои толстыя ладони. Тысячи ящерицъ бѣгали по нагрѣтой поверхности гранита. У самой воды, тамъ, гдѣ отливъ обнажилъ приросшіе къ утесу мхи и зелень, возились крошечные краббы. Дно было видно глубоко, такъ глубоко, что Дора, засмотрѣвшаяся въ него, отличала между камнями сонныхъ рыбъ, медленно двигавшіеся щупальцы пульпъ и бѣлые мѣшки, вмѣстѣ съ водорослями колыхавшихся сепій. Чистота и прозрачность моря здѣсь удивительны. Казалось, на трехсаженной глубинѣ можно рукою достать какого-то вооруженнаго громадными клешнями и еще болѣе длинными зелеными усами урода.

— Вы хотите курить? обернулась Багренева къ Александру Сергѣевичу.

— Если позволите... Факино, у васъ есть спички?

— Не вставайте, не вставайте!.. Дора, возьмите спички у факино и передайте m-r Волоцкому.

Старая пѣсня. Съ карт. К. Кизеля, грав Уніонъ.

— Помилуйте, я самъ! вспыхнулъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, вы ужь сидите, сидите... Ахъ, я сама была молода! Здѣсь, предъ лицомъ этой чудной природы, такъ хочется дать просторъ чувству, не правда-ли? Это только у насъ, на Сѣверѣ, въ нашихъ душныхъ каменныхъ стѣнахъ, люди должны сдерживаться и молчать... А тутъ невольно отдаешься всякому чувству.

— Какому чувству? наивно спросилъ Волоцкой.

— Какъ какому?.. Неужели вы ничего не хотите?

— Хочу... ѣсть!..

Александръ Сергѣевичъ внутренно смѣялся.

— О, проза, проза!.. Нѣтъ, нынѣшняя молодежь скрытна, не то что были мы... Онъ ѣсть хочетъ! Такъ ему и повѣрили! Дора, выньте изъ сумки платокъ и передайте мнѣ... Въ наше время мы не такими были. Дора, будьте добры, гдѣ мой одеколонъ!

Тутъ извилины берега сдѣлались чаще. Въ одномъ мѣстѣ точно трещина пробила ихъ сверху до самой воды. Издали былъ виденъ темный входъ въ это завоеванное моремъ ущелье.

— Ахъ, какъ хорошо тамъ! невольно воскликнула Дора.—Эти темные утесы... Пеппино, поверните туда.

— Зачѣмъ, зачѣмъ! моментально обидѣлась Надежда Анисимовна.—Сидите смирно, Дора. Вы такъ ворочаетесь, что можете лодку опрокинуть.

— Нѣтъ, тамъ въ самомъ дѣлѣ очень красиво, поддержалъ дѣвушку Волоцкой и, не ожидая согласія Багреневой, приказалъ повернуть въ бухту.

— Тамъ нѣтъ солнца... Тамъ будетъ холодно... слабо протестовала та. — Дора, дайте мнѣ накидку... Нина, надѣнь ватерпруфъ... Дора, подайте ватерпруфъ Нинѣ и одѣньте дѣтей... Заверните имъ шеи платками... Выдумаетъ право!

Лодка уже медленно ползла между двумя темными стѣнами расколовшагося утеса. Здѣсь стояла таинственная тишина. Небо вверху казалось голубой лентой съ прорванными зеленью садовъ краями. Кое-гдѣ на отвѣсахъ подымались горныя фіалки, и нѣжный ароматъ ихъ струился въ воздухѣ. Зелеными змѣями опустились внизъ и недвижно повисли среди безвѣтрія какія-то поросли. Одна низко-низко... Вотъ-вотъ задѣнетъ.

— Дора, отведите ее зонтикомъ... Она можетъ задѣть за шляпу Александра Сергѣевича.

— Я развѣ самъ не могу сдѣлать этого? строго обернулся онъ къ Багреневой.

— Ахъ, гдѣ вамъ! Васъ всѣ такъ балуютъ... Женщины, разумѣется! ехидно проговорила та, томно щуря глаза.

И вдругъ, замѣтивъ присутствіе дѣтей, Надежда Анисимовна обернулась къ Волоцкому.

— Вы должно-быть пользуетесь у нихъ большимъ успѣхомъ... Ah, parlez moi de ça?.. Только не при нихъ, не при ней! испугалась она и кивнула на покраснѣвшую Нину.—Mon fils Grichà... О это такой ловласъ!.. Il est irresistible. Впрочемъ, съ материнскою гордостью закончила она,—я это понимаю... Едва-ли какая-нибудь женщина можетъ устоять... И вѣдь замѣтьте, онъ ухаживаетъ не за какими-нибудь тамъ...

Дора вспыхнула и потупилась.

— У него всѣ его побѣды въ свѣтѣ... Да... Такъ пріятно быть мужчиной. У него такія изящныя привычки... Послѣдній разъ онъ мнѣ писалъ: мама—титулованную женщину окружаетъ особенная атмосфера поэзіи... Я безъ ума отъ...

Она вдругъ опомнилась и опасливо взглянула на Дору. Та сидѣла поблѣднѣвъ и не подымая глазъ.

— Онъ, впрочемъ, ужасно влюбленъ въ Вѣру Баташову... Что-жь, я не имѣю ничего противъ этого, заторопилась она.—Ничего. Вѣрочка—прелестна. Я ужь и теперь люблю ее какъ дочь.

— Она не выйдетъ за него! вырвалось у Доры, раздраженіе которой все росло.

— Вѣра за mon cher Grichà?..

Надежда Анисимовна, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ.

— Да... За вашего Григорія Александровича... не выйдетъ.

— Позвольте спросить, почему? гордо вскинула она голову кверху.

— Потому что онъ ей не нравится.

— Mon Grichà?...

Багренева даже привстала, такъ что лодку качнуло во всѣ стороны.

— Да, votre Grichà! передразнила ее Дора.

— Ну, это положимъ... Во-первыхъ, васъ не спрашиваютъ. Вы знайте свое дѣло, а дѣла моего сына васъ не касаются. Между вами слишкомъ большая разница... Мало-ли что вамъ кажется! Съ вами не станутъ откровенничать. Ваше общественное положеніе...

— Вѣра моя подруга... Я знаю это... Я только вчера получила отъ нея письмо.

— Скажите, какія нѣжности!.. Что-жь она пишетъ вамъ? Если это не будетъ съ моей стороны нескромностью...

А у самой что называется въ зобу дыханье сперло.

— Отчего же!.. Она уже помолвлена! наслаждалась Дора эффектомъ своихъ словъ.

Надежда Анисимовна почувствовала, что у нея кружится голова.

— Какъ!.. Это не можетъ быть!.. Помилуйте... да за кого же?

— За своего троюроднаго кузена... Его произвели въ корнеты... Онъ сдѣлалъ предложеніе...

— Это такой толстый... Торопыга?.. негодовала Багренева.

— За Жоржа? ласково улыбался Александръ Сергѣевичъ, понимая негодованіе Доры.

— Да, за Жоржа... За торопыгу,—какъ вамъ угодно было назвать.

— Отличная будетъ парочка... Онъ ее ужасно любитъ. Сколько разъ онъ плакалъ на моей груди... Даже бѣлый жилетъ мнѣ испортилъ, смѣялся Волоцкой.

— Но это не можетъ быть! совершенно ослабѣвъ, бормотала Багренева.—Этого никакъ не можетъ быть... Никакъ, никакъ!.. Я на это никогда, никогда не соглашусь.

— Почему же? торжествовала Дора въ свою очередь.

— Почему?.. Но ее mon Grichà отличилъ своимъ вниманіемъ.

Дора искренно расхохоталась. Теперь праздникъ былъ на ея улицѣ.

Надежда Анисимовна надулась. Потомъ самолюбіе заговорило въ ней сильнѣе обманутыхъ материнскихъ вожделѣній.

Въ глубинѣ залитаго моремъ ущелья была крошечная отмель. Лодка медленно, съ тихимъ шорохомъ всползла носомъ въ мягкій песокъ. Въ глубинѣ, прислонясь къ скалѣ, бѣлѣлъ домикъ рыбака съ наружною каменной лѣстницей. Окна его были завѣшены гирляндами перцу и помидоровъ, на стѣнахъ сушились переплетенныя веревками дыни, на кровлѣ были разставлены сѣти.

— Какъ здѣсь хорошо!.. Не правда-ли? обратился Александръ Сергѣевичъ къ Дорѣ, вспомнивъ, что онъ съ нею до сихъ поръ не сказалъ ни одного слова.—Какъ здѣсь хорошо... Во всякой мелочи сколько красоты... Такъ и просится все это въ картину.

— Да, прелестно... чуть слышно отвѣчала она.

Ея недавнее негодованіе уже смѣнялось тихою грустью.

— Вотъ поэтическій уголокъ... Задумчивый, тихій... продолжалъ Волоцкой.

Нина сидѣла надувшись и не отвѣчала ему. Надежда Анисимовна еще переживала постигшее ее разочарованіе.

Хорошенькая соррентинка показалась вверху. Она вынесла еще развѣсить мокрыя сѣти и запѣла что-то, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ форестьеровъ.

— Что она поетъ, Пеппино? спросилъ Волоцкой у гребца.

Тотъ засмѣялся.

— Онѣ всѣ на этой пѣснѣ помѣшались нынче.

— Вы ее знаете?

— Да... У насъ всѣ вѣдь ее поютъ.

— Не можете сказать мнѣ словъ.

— Вы не поймете, это на нашемъ, неаполитанскомъ нарѣчіи.

Пѣсня точно ласкалась и просилась въ сердце. Нѣжная и веселая—въ одно и то же время, она была такъ къ лицу этой хорошенькой рыбачкѣ. Казалось, въ каждомъ словѣ ея бились пульсы.

— Все-таки, если вы знаете, скажите мнѣ ее.

Пеппино еще разъ улыбнулся, показавъ свои бѣлые, какъ молочная кипѣнь, зубы.

— Я помню только начало, вотъ оно:

Tore mio m'a ditto addio,
E partutto p'e ffrunticre.
Era bella Tore mio
L'anno fatto bersagliere...
E so belle'e bersagliere,
Fanno'e nenne asci a mpazzia
Quanno passeno p'a via
Tutte corrono a vvedé...
E bersagliere venno
E'ppenne pe'cappielle
Un quanta capunciėlle
E galle aimma spennà...

— Что это значитъ?.. Переведите мнѣ.

— Глупости, покраснѣлъ Пеппино.—Просто мужицкая пѣсня... Ее контадинки поютъ.

— Подумаешь, какой аристократъ Пеппино! засмѣялся Волоцкой.—Ему не нравятся мужицкія пѣсни... по-русски заговорилъ онъ, обращаясь къ своимъ надутымъ спутницамъ.

А пѣсня все продолжала, какъ веселая птичка, купаться въ недвижимомъ и полномъ здѣсь прохлады воздухѣ.

— А вы все-таки переведите ее мнѣ, Пеппино, на обыкновенный итальянскій языкъ. Вотъ синьоры желаютъ знать ея содержаніе... старался Волоцкой вывести всѣхъ изъ натянутаго положенія.

— Это, видите-ли, поетъ дѣвушка, у которой ея милый ушелъ въ берсальеры.

Мой Торе сказалъ мнѣ: „прощай!"
И отправился на границу.
Какъ хорошъ собой мой Торе!..
Его сдѣлали берсальеромъ.
Что за прелесть быть берсальеромъ,
Отъ нихъ всѣ дѣвушки сходятъ съ ума.
Когда они идутъ по улицамъ,
Всѣ сбѣгаются посмотрѣть на нихъ.
И берсальеры идутъ
Съ перьями на шляпахъ.
Ахъ!.. Сколько пѣтуховъ ощипали
На эти перья!..

— Что-жь тутъ хорошаго? почему-то обидѣлась Надежда Анисимовна на Дору.

— Я ничего не говорила. Если же вы спрашиваете меня,—я нахожу пѣсню простой, наивной и поэтичной... отрѣзала та.

— Не понимаю!.. пожала плечами Багренева.—Не понимаю, что тутъ поэтичнаго.

Дора улыбнулась и не отвѣтила ни слова.

Багренева взбѣсилась совсѣмъ.

— Вообще, Дора, я должна вамъ сказать, что гувернантки обыкновенно не противорѣчатъ своимъ господамъ... Мнѣ очень жаль, что я должна дѣлать вамъ замѣчанія, но Александръ Сергѣевичъ намъ не посторонній, и при немъ я не стѣсняюсь... Онъ почти что свой уже.

Дора растерялась и не знала, что̀ ей возразить на это.

Каждое слово Надежды Анисимовны рѣзало ее какъ тупой ножъ.

— Что же касается до mon Grichà, то онъ только выиграетъ, если не женится на вашей Вѣрочкѣ. За него всякая княжна пойдетъ. Если кто проиграетъ отъ этого, то разумѣется Вѣрочка.

Дора хотѣла отвѣтить что-нибудь, но въ это время Волоцкой и Нина вышли на берегъ.

— Во всякомъ случаѣ Вѣра стоитъ бо̀льшаго! вырвалось у Доры.

Но тутъ уже не нашлась Багренева и только безпомощно посмотрѣла на Пеппино.

Тотъ вообразилъ, что она безъ него не можетъ выйти, и вдругъ взялъ ее за талію, поднялъ вверхъ и поставилъ на песокъ, улыбаясь и показывая ей великолѣпные зубы.

— Ахъ, какіе они всѣ сильные! мечтательно проговорила Багренева.—А вамъ, Дора, слѣдуетъ быть со старшими почтительной, переходила она въ примирительный тонъ.

— Я, Надежда Анисимовна, исполняю свои обязанности—бо̀льшаго отъ меня не требуйте. Если вамъ я не нравлюсь—скажите... Я завтра же уѣду.

— Вотъ вы уже обидѣлись! изумилась Надежда Анисимовна.—Что же я вамъ сказала такого?.. Въ вашемъ положеніи, Дора, нельзя быть слишкомъ обидчивой.

И догнавъ Волоцкаго съ Ниной она пожаловалась имъ:

— Богъ знаетъ, шепотомъ объясняла она,—какъ всѣ *онѣ* нынче обидчивы стали. Представьте—*эта* вдругъ говоритъ: „если вамъ не нравится, то вѣдь я уѣхать могу". Легко сказать, гдѣ же я тутъ сейчасъ другую гувернантку найду.

— Вамъ въ Дорѣ Петровнѣ Богъ счастье послалъ, а не воспитательницу вашихъ дѣтей только... серьезно обрѣзалъ ее Александръ Сергѣевичъ.

— Я развѣ ее не цѣню?.. Я ее очень цѣню. Она вмѣстѣ съ нами за однимъ столомъ ѣстъ! Но она должна уважать меня... Я ей деньги плачу, я нанимаю ее. И потомъ, вѣдь она дочь швейцара какого-то... И то ужь *онѣ* одолѣли насъ совсѣмъ... Вы, разумѣется, Александръ Сергѣевичъ, защищаете *ихъ* изъ великодушія, но я, слава Богу, знаю „эту хамскую породу". Я еще застала крѣпостныхъ. А при моемъ папашѣ ихъ „наказывали въ конюшнѣ", простите за выраженіе.

Но она уже пришла въ себя.

— Ахъ, Александръ Сергѣевичъ, вы извините меня. Мы, старухи, и не привыкли сдерживаться. Я вовсе не такая, какою кажусь вамъ. Ниночка, мой ангелъ, поцѣлуй меня... Въ доказательство того, что вы во мнѣ ошибаетесь, я даже у нея... Понимаете, у нея сейчасъ передъ всѣми вами, и даже передъ Пеппино... Пеппино, подите сюда!... Даже передъ Пеппино буду просить прощенія... Нина, мой ангелъ, дай я тебя поцѣлую... Это подкрѣпитъ меня... Видите, Александръ Сергѣевичъ, что я для васъ готова сдѣлать?..

Въ это время Дора догнала ихъ.

— Дора Петровна, вы обидѣлись на меня?.. съ видомъ мученицы начала Надежда Анисимовна.

— Да, вы меня оскорбили.

— Я васъ!.. вспыхнула она было, но тотчасъ же сдѣлала видъ, что овладѣла собою.—Впрочемъ, да... Теперь вѣдь въ модѣ самыя лучшія намѣренія истолковывать... Хорошо, пусть—я оскорбила васъ. Люди нашего круга въ этихъ случаяхъ всегда... Дора!.. вдругъ перешла она въ торжественный тонъ.—Я передъ всѣми, и даже передъ Пеппино...

— Пеппино не понимаетъ по-русски, мама, вмѣшалась Нина, которой начинала надоѣдать эта комедія.

— Молчи, не твое дѣло. Онъ все равно видитъ.

Глаза у всѣхъ народовъ одинаковые... И такъ, Дора— замѣтьте это—я прошу у васъ извиненія.

— Я прощаю васъ! сухо отвѣтила ей Дора Петровна.

— Вы... меня!.. Это съ вашей стороны очень великодушно... И я, разумѣется, должна благодарить васъ за это великодушіе... Неправда-ли, Александръ Сергѣевичъ?

— Да! совершенно серьезно отвѣтилъ тотъ.

— Ну, вотъ видите... Теперь дадимъ другъ другу руки и будемъ считать, что между нами ничего не было... Ахъ, Нина, ангелъ мой... Поцѣлуй меня, вѣдь это я все для тебя!..

Дора показала видъ, что не замѣчаетъ протянутой къ ней руки Надежды Анисимовны, и прошла впередъ.

Утесы кругомъ мрачными темными скалами окружали этотъ уголокъ. Кое-гдѣ на высотѣ чернѣли зѣвы гротовъ и пасти уходившихъ въ самое сердце скалы пещеръ.

— Ну, вотъ я все сдѣлала для васъ... Что же вы ничего не говорите? удивилась Надежда Анисимовна.— Дора! разслабленнымъ голосомъ продолжала она. — Нравится вамъ это мѣсто?

— О, да!..

— Вы хотѣли бы поселиться здѣсь?.. Какъ эта рыбачка?.. и пѣть эти пѣсни... о пѣтухахъ... Неправда ли это такая идиллія... Море, скалы, небольшой домикъ. Что ты скажешь, Ниночка?

— Я мама?.. здѣсь очень сыро... Волоса развиваются слишкомъ. Какъ ни завивала ихъ...

— Нѣтъ! Ты не поняла меня... Съ любимымъ человѣкомъ, здѣсь наединѣ...

— Въ отелѣ лучше, мама... Тамъ есть гдѣ сѣсть... Отдохнуть...

— И это нынѣшняя молодежь!—И Багренева опять возвела глаза къ небесамъ. — И это нынѣшняя молодежь. Нѣтъ, въ наше время разсуждали иначе... О, совсѣмъ, совсѣмъ иначе... Мы пѣли бывало: „съ милымъ рай и въ шалашѣ“... Я убѣждена, что это дитя природы— Пеппино совершенно согласится со мною...

Дитя природы въ это время весьма основательно соображало, что если старуха-иностранка таращится на него — то несомнѣнно онъ можетъ разсчитывать на такую „buona-mana“ (на-водку), которая позволитъ ему цѣлый день потомъ лежать брюхомъ вверхъ на нагрѣтомъ солнцемъ золотомъ пескѣ своей „marina“, а вечеромъ до отвалу наѣсться макаронъ.

— Si, si eccelenza! подтвердилъ онъ, самъ не зная что.

Когда они вернулись къ лодкѣ — Надежда Анисимовна такъ кричала и такъ казалась испуганной, что Пеппино опять поднялъ ее своими могучими руками за станъ и перенесъ въ лодку...

— Ахъ, какой онъ сильный!.. Какой сильный!.. Вы, Александръ Сергѣевичъ, тоже сильный... Перенесите такъ Ниночку — я вамъ позволяю...

— Я не съумѣю! разсмѣялся Волоцкой и помогъ Дорѣ войти на ея мѣсто.

— Дора — возьмите накидку...

— И мое пальто! протягивала къ ней его Нина.

— И наши тоже... тормошили ее дѣти.

— Дора, вы довольны? томно спрашивала ее Багренева, очевидно наслаждавшаяся своимъ самоуничиженіемъ.

— Чѣмъ это?

— Тѣмъ, что я извинилась передъ вами!

— Я была бы счастливѣе, если бы вы не подавали повода къ этому.

— Что? изумилась та.

— По крайней мѣрѣ, дѣтямъ былъ бы примѣръ хорошій!.. не удержалась та.

„Ты видишь и слышишь!“ говорилъ взглядъ Надежды Анисимовны устремленный на Александра Сергѣевича... „Ты видишь и слышишь—и все это для тебя...“

Гроты Меты были не далеко.

Минуя отвѣсные изломы и горбины скалъ, у которыхъ точно длинныя зеленыя бороды невѣдомыхъ чудовищъ — колыхались вмѣстѣ съ водою безконечныя морскія поросли, лодка тихо вползала въ подземныя залы — гдѣ вмѣсто потолка висѣли сталактиты, а полы замѣнялись тускло поблескивавшею водой. Бѣлыя прослоины кварца и известняка на стѣнахъ часто принимали причудливыя очертанія. Казалось, что оттуда изъ тьмы внимательно смотрятъ на нашихъ путниковъ безмолвные призраки... Тишина стояла здѣсь такая, что шорохъ весла отдавался подъ черными сводами, повторялся въ какихъ-то другихъ гротахъ и замиралъ, далеко-далеко, въ самыхъ нѣдрахъ этихъ каменныхъ массъ... Изъ однихъ гротовъ въ другіе вели узкіе коридоры-трещины — и лучи, проникая черезъ нихъ, принимали голубовато-серебристый, словно фосфорическій отсвѣтъ.

— Здѣсь, должно быть, удивительный резонансъ! замѣтила Дора, ни къ кому не обращаясь.

— Вы поете?.. спросилъ ее Александръ Сергѣевичъ.

— Да.

— Попробуйте здѣсь...

Кажданова сдѣлала гамму... Казалось каждый выступъ, каждый изломъ утеса повторялъ и удваивалъ ее. Когда она замерла въ одномъ изъ гротовъ — ее вдругъ подхватилъ и отъ начала до конца пропѣлъ второй гротъ... Немного погодя она уже совсѣмъ тихо, точно замирая, донеслась изъ третьяго...

— Нина, вѣдь ты поешь тоже! ревниво подхватила Багренева.

— Да, мама... пою...

— Попробуй... Твой голосъ здѣсь долженъ звучать отлично...

— Что вы хотите, мама?..

— Ужь разумѣется не гамму!.. покосилась та на Дору Петровну.

— Право не знаю что... Развѣ... „Льетъ ливмя дождь — несутся тучи“, слащаво начала она, но дойдя до строчки „Тебя здѣсь нѣтъ, но ты со мною“, вдругъ сконфузилась и перестала.

— Неправда ли, Александръ Сергѣевичъ, какой чудесный голосъ? спрашивала маменька.

— О да! Дорѣ Петровнѣ положительно слѣдуетъ учиться пѣть!..

— Нѣтъ, я про Нину.

— О, разумѣется... Нинѣ Александровнѣ тоже не мѣшало бы. Но у Доры Петровны голосъ для большой сцены совсѣмъ... Сильный, звучный!.. Съ чудеснымъ тембромъ.

— Фи!.. поморщилась Багренева.—Я кажется умерла бы, но не позволила своей дочери поступить на сцену. Никогда бы не позволила!..

— Почему же? улыбался Волоцкой.

— Это хорошо для прачекъ, горничныхъ... швейцарскихъ дѣтей!.. не выдержала она. — Для нихъ это карьера... а для ней... C'est dégradation...

Дора расхохоталась совершенно искренно на этотъ разъ.

— Чему это вы? подозрительно покосилась на нее Багренева.

— Еще лишній поводъ мнѣ работать для сцены... Я вѣдь тоже швейцарская дочь.

— Неужели?.. Я не имѣла въ виду васъ оскорбить, величественно кивнула ей головой Багренева.

— О, вы бы не могли *теперь* оскорбить меня!

И въ словахъ Доры послышался такой смыслъ для нея, что Надежда Анисимовна сочла нужнымъ обратить вниманіе Александра Сергѣевича на красоту Везувія...

— Онъ сегодня спрятался въ тучи... Какъ это въ стихахъ: „Шапку на брови надвинулъ...“

Надъ озеромъ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **А. Писемскаго**, грав. Хелмицкій.

Но очевидно сдерживаться была не въ силахъ Багрепева. Она вдругъ не выдержала и обратилась опять къ Дорѣ.

— Онъ и до сихъ поръ швейцаромъ служитъ?

— Кто... Везувій? смѣялась та.

— Нѣтъ, вашъ папаша?

Александръ Сергѣевичъ нахмурился.

— Я не зналъ этого, Дора Петровна, но мое уваженіе къ вамъ еще болѣе выросло. Вы значитъ всѣмъ себѣ обязаны и себѣ одной...

— Не совсѣмъ. Меня воспитала какъ родную Баташова.

— Какая она милая женщина, Ольга Семеновна!

— Да, такихъ нѣтъ! тронутымъ голосомъ проговорила Дора. — Я ей всѣмъ, всѣмъ обязана...

Но къ счастію лодка въ это время уже подходила къ Соррентскому молу.

Въ туннелѣ Волоцкой, дѣлая видъ, что болтаетъ съ Пеппино, отсталъ и, опять поровнявшись съ Дорой, шепотомъ проговорилъ ей:

— И такъ завтра... Въ шесть часовъ. Bagni della Regina Giovanna...

Она молча кивнула ему головою.

(Продолженіе будетъ).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта**.

Переводъ *Е. Евстафьевой*.

(Продолженіе).

Для осуществленія этого проекта требовалось много хитрости и смѣлости. Рѣшено было, что вскорѣ послѣ отъѣзда охотниковъ, Кларэнсъ попроситъ позволенія покататься на одной изъ упряжныхъ лошадей,—удовольствіе которое часто разрѣшалось ему м-ромъ Пейтономъ. Затѣмъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря онъ сдѣлаетъ видъ, что его лошадь взбѣсилась и понесла. Такъ какъ въ лагерѣ будетъ отсутствовать большинство лошадей и вооруженныхъ всадниковъ, то мало вѣроятности, чтобы кто-нибудь выѣхалъ имъ на помощь. Разъ почувствовавъ себя на свободѣ, они присоединятся къ охотникамъ и, въ случаѣ какихъ-либо возраженій съ ихъ стороны, дадутъ имъ то же самое объясненіе, прибавивъ пожалуй, что они заблудились и теперь не могутъ отыскать дороги къ лагерю. Планъ этотъ удался вполнѣ. Нѣкоторыя подробности разыгрались даже съ эффектомъ, благодаря Джиму, который засунулъ подъ сѣдло Кларэнса репейникъ, и мальчикъ замѣтилъ присутствіе этого посторонняго тѣла только тогда, когда уже сидѣлъ на лошади и она отнесла его на нѣсколько десятковъ саженъ. Джимъ, разумѣется, немедленно бросился къ нему на помощь, и вскорѣ оба очутились за оврагомъ и бахромой изъ буковыхъ кустовъ, окружавшихъ лагерь. Никто за ними не гнался. Потому-ли что погонщики понимали въ чемъ дѣло, или же они полагали, что мальчики могутъ сами выпутаться изъ бѣды, но только никто не тревожился о нихъ.

Почувствовавъ себя на свободѣ, мальчики весело устремились впередъ. Они скоро подъѣхали къ небольшой лагунѣ, оставшейся послѣ разлива главной рѣки, на одномъ изъ притоковъ которой расположенъ былъ лагерь. Къ этой лагунѣ, по увѣренію Джима, буйволы приходили на водопой. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ сошелъ съ лошади и, съ видомъ опытнаго охотника, началъ осматривать мѣстность. Она вся была покрыта полукруглыми впадинами, на которыя Джимъ таинственно указалъ какъ на слѣды буйволовъ. По мнѣнію-же Кларэнса, вся эта равнина ничѣмъ не отличалась отъ обыкновеннаго пастбища, и эта прозаичность обстановки нѣсколько охладила его геройское настроеніе. Какъ-бы то ни было, по оба охотника сочли необходимымъ приготовиться ко встрѣчѣ съ страшными животными и для этого осмотрѣли свое оружіе.

Здѣсь, въ интересахъ истины, я долженъ сознаться, что оно было, хотя и разнообразно, но далеко не полно и не достаточно. Необходимость скрывать свои приготовленія къ охотѣ заставила Джима ограничиться старой двустволкой, которую онъ обыкновенно носилъ черезъ плечо, затѣмъ—охотничьимъ ножомъ и старомоднымъ шестиствольнымъ револьверомъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ „перечницы“, благодаря своему необыкновенному сходству съ этой кухонной принадлежностью. Кларэнсъ запасся индѣйскимъ лукомъ и стрѣлами и небольшимъ топорикомъ, привязаннымъ сбоку сѣдла. Дорогой, Джимъ великодушно предложилъ своему спутнику револьверъ въ обмѣнъ на топоръ. Кларэнсъ сначала согласился съ восторгомъ, потомъ началъ горько раскаиваться, когда увидѣлъ, какой живописный эффектъ производилъ этотъ топорикъ, привязанный къ поясу Джима. Этотъ недостатокъ оружія вознаграждался личной храбростью охотниковъ, всегда выручавшей тѣхъ „молодцовъ“, друзей и товарищей Джима, о которыхъ онъ разсказывалъ самыя невѣроятныя исторіи. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, выстрѣлилъ прямо въ глотку мычащаго буйвола и положилъ его на мѣстѣ. Другой — его интимный пріятель, который, къ сожалѣнію, содержался теперь въ Луисвильской тюрьмѣ за убійство шерифа—очутился однажды одинъ въ стадѣ буйволовъ, не имѣя другого оружія, кромѣ складнаго ножа. Онъ, не долго думая, уцѣпился за гриву самаго большаго буйвола и ударилъ ножемъ между рогами. Такимъ образомъ онъ пробылъ на буйволѣ нѣсколько дней, питаясь его мясомъ, пока наконецъ тотъ, отъ истощенія, вслѣдствіе потери крови, не упалъ на самой границѣ ихъ лагеря. У Кларэнса занималось дыханіе при слушаніи этихъ разсказовъ, хотя въ глубинѣ души шевелилось нѣчто, похожее на сомнѣніе. Но—оба они были одни, посреди царственной, могучей природы, оба опьянѣли отъ жажды геройскихъ подвиговъ, отъ торжественной красоты восходящаго солнца и живительной свѣжести утренняго воздуха, а при такихъ условіяхъ для неопытной юности все кажется возможнымъ.

Поверхность равнины во многихъ мѣстахъ была перерѣзана глубокими трещинами, такъ что мальчики поневолѣ должны были ѣхать осторожнѣе и часто останавливаться. Въ одну изъ такихъ остановокъ Кларэнсъ былъ пораженъ глухимъ монотоннымъ звукомъ, похожимъ на паденіе воды съ большой высоты. Каждый разъ, когда они замедляли шагъ, звукъ становился все слышнѣе и слышнѣе и наконецъ началъ сопровождаться легкимъ, но несомнѣннымъ колебаніемъ почвы, указывавшимъ на близость водопада. Не зная, какъ понять это явленіе, которое только заставляло ихъ подозрѣвать, что ихъ топографія была ошибочна и что они сбились съ дороги, они остановились и тутъ только замѣтили, что странный звукъ *приближался* къ нимъ! Инстинктивно, оба бросились къ лагунѣ. Проскакавъ кустарникъ, окаймлявшій ея берега, Джимъ вдругъ воскликнулъ съ бѣшенымъ восторгомъ: „Вотъ они!“

На первый взглядъ Кларэнсу показалось, что вся равнина представляетъ массу темныхъ волнъ, движущихся по направленію къ нимъ. Всмотрѣвшись внимательнѣе, онъ увидѣлъ громадное стадо буйволовъ, которые съ опущенными головами, съ глазами, горящими дикимъ огнемъ, неслись прямо на нихъ. Замирая отъ страха, онъ, молча, взглянулъ на своего спутника. Увы! этотъ смѣлый охотникъ, этотъ безстрашный герой самыхъ невѣроятныхъ приключеній, въ настоящую минуту совсѣмъ онѣмѣлъ отъ ужаса и изумленія. Его худощавая, смѣшная фигура точно приросла къ сѣдлу, и онъ, судорожнымъ движеніемъ ухватившись за ружье, другой рукой размахивалъ въ воздухѣ топорикомъ. Неизвѣстно сколько времени пробылъ-бы онъ въ такомъ положеніи, но въ этотъ моментъ стадо съ оглушительнымъ трескомъ пробилось сквозь береговой кустарникъ и бросилось прямо на нихъ. Всякое дальнѣйшее колебаніе было невозможно. Мексиканскій скакунъ Джима съ испуганнымъ храпомъ бросился въ сторону, за нимъ послѣдовала лошадь Кларэнса. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ вѣрныя животныя со всѣхъ ногъ неслись по степи, спасая своихъ струсившихъ всадниковъ.

— Куда-же это мы ѣдемъ? пролепеталъ наивно Кларэнсъ.

— Пейтонъ и Золотой Рукавъ навѣрно находятся позади стада и увидятъ насъ, отвѣчалъ Джимъ, едва переводя дыханіе отъ страха.

Стадо было однако гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ охотники, и топотъ сотенъ копытъ слышался прямо сзади нихъ.

— Когда-же мы будемъ за ними охотиться? опять крикнулъ Кларэнсъ, едва попадая зубомъ на зубъ.

— Охотиться за ними! воскликнулъ Джимъ съ внезапно вырвавшейся откровенностью.—Они сами охотятся за нами!

Дѣйствительно ихъ лошади находились теперь какъ разъ посреди стада буйволовъ. Ихъ шумное дыханіе, топотъ копытъ, поднимавшій облака пыли, совсѣмъ оглушили Кларэнса. Онъ видѣлъ какъ Джимъ бѣшено швырнулъ свой топоръ и, доведенный до отчаянія, рѣшился прибѣгнуть къ помощи ружья. Одинъ за другимъ раздались два выстрѣла и, минуту спустя, всадникъ и лошадь исчезли въ облакѣ пыли и пороховаго дыма. Вслѣдъ затѣмъ лошадь Кларэнса споткнулась, и мальчикъ полетѣлъ въ ровъ, почувствовавъ подъ собой что-то мягкое, похожее на подушку изъ шерсти. Это была спина косматаго буйвола. Выстрѣлы Джима, пущенные наудачу, произвели свое дѣйствіе и ранили одного буйвола, который и упалъ въ ровъ прямо передъ лошадью Кларэнса.

Ошеломленный паденіемъ, мальчикъ спустился со спины раненаго животнаго и спрыгнулъ на землю. Потомъ онъ осмотрѣлся: лошади не было, стадо буйволовъ скрылось, и онъ только издали слышалъ выстрѣлы невидимыхъ охотниковъ. Онъ попробовалъ вылѣзть изо рва, но стѣны его были слиш-

комъ круты. Легкій наклонъ, по которому онъ скатился въ оврагъ, находился какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ раненый буйволъ. Когда Кларэнсъ сдѣлалъ попытку какъ-нибудь пробраться къ этой покатости, разъяренный звѣрь съ трудомъ поднялся на ноги и обратилъ къ нему свои, налитые кровью, глаза.

Все это произошло слишкомъ быстро для того, чтобы мальчикъ могъ почувствовать сознательный страхъ, или сообразить всю безвыходность своего положенія. Но самый видъ этой громадной косматой головы, наполнявшей собой все пространство оврага и преграждавшей путь къ спасенію, произвелъ физическое ощущеніе ужаса, которое холодомъ пробѣжало по тѣлу. Мальчикъ пошелъ на другой конецъ оврага, но тамъ крутизна его представляла почти перпендикулярную стѣну футовъ пятнадцати высоты. Еслибъ онъ, карабкаясь по этой стѣнѣ, упалъ внизъ, онъ, вѣроятно, попалъ бы на страшные рога животнаго. Это было-бы ужасно! Слезы выступили у него на глаза, слезы бѣшенства противъ несправедливой судьбы, поставившей его въ такое положеніе. Онъ уставился глазами на своего врага, придумывая какое-нибудь отчаянное средство для нападенія. Онъ вдругъ вспомнилъ о своемъ шестиствольномъ револьверѣ. Онъ прицѣлился прямо въ лобъ животнаго и спустилъ курокъ. Вслѣдъ затѣмъ послышалось слабое щелканье, еще и еще. Осѣчка слѣдовала за осѣчкой. Онъ яростно спустилъ курокъ еще разъ. Раздался одинъ выстрѣлъ, потомъ другой, но оба безъ всякаго результата, такъ какъ пули, вѣроятно, отскакивали отъ крѣпкаго лба животнаго. Онъ съ отчаяніемъ выстрѣлилъ еще разъ. Вслѣдъ за выстрѣломъ послышалось яростное мычанье, и громадное животное начало дико рыть рогами землю, вскидывая наверхъ цѣлые фонтаны камней и песку. Кларэнсъ вскорѣ увидѣлъ что именно было причиной этой ярости. Кровь сочилась изъ его лѣваго глаза пронзеннаго пулей; буйволъ былъ слѣпъ. Странное чувство жалости и угрызеній совѣсти, еще болѣе сильное чѣмъ прежній страхъ—охватило мальчика. Онъ сдѣлалъ это! Не столько изъ чувства самосохраненія, сколько для того, чтобы избѣжать ужаснаго зрѣлища, онъ воспользовался новымъ пароксизмомъ бѣшенства раненаго животнаго, чтобы по отлогому мѣсту выбраться изъ ямы на равнину. Здѣсь онъ бросился бѣжать, не зная куда, только для того, чтобы не слышать этого страшнаго мычанья и не видѣть этого залитаго кровью глаза.

Вдругъ онъ услышалъ отдаленные выстрѣлы. Сначала степь показалась ему совершенно пустою, но, вглядѣвшись, онъ увидѣлъ двухъ всадниковъ, которые быстро приближались къ нему съ осѣдланной лошадью, привязанной сзади — его лошадью. Съ блаженнымъ чувствомъ надежды на спасеніе и горячей благодарностью къ своимъ спасителямъ, онъ хотѣлъ броситься къ нимъ и разсказать свои приключенія. Но когда они приблизились, онъ увидѣлъ что лица ихъ — развѣдчика Гильдерслива и Генри Бэнгэма — далеко не выражаютъ чувства радости при видѣ его, что они выражаютъ скорѣе прямо противуположныя чувства. Обезкураженный этимъ новымъ разочарованіемъ, мальчикъ, молча, остановился.

— Однако довольно этихъ забавъ, сказалъ Гильдерсливъ сердито.—Садитесь на лошадь. Или можетъ быть вы думаете, что весь караванъ будетъ цѣлый день ждать, когда вамъ заблагоразсудится прекратить ваши потѣхи?

Мальчикъ на мгновеніе остановился въ нерѣшимости, потомъ вскочилъ на лошадь, не говоря ни слова.

— Нужно было-бы проучить хорошенько этого мальчишку, оставить его здѣсь денька на два, проворчалъ Бэнгэмъ злобно.

Одну минуту Кларэнсъ готовъ былъ соскочить съ лошади и броситься бѣжать, куда глаза глядятъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ осуществить это намѣреніе, оба его спутника поскакали галопомъ впередъ, и его лошадь невольно должна была слѣдовать за ними, такъ какъ она была привязана къ сѣдлу развѣдчика.

Черезъ два часа они догнали караванъ, находившійся уже въ пути. Судья Пейтонъ, хотя и нѣсколько встревоженный, посмотрѣлъ на Кларэнса съ выраженіемъ ласки и снисхожденія. Сердце бѣднаго ребенка растаяло отъ благодарности и любви къ этому доброму человѣку.

— Ну, мальчикъ, теперь мы *тебя* послушаемъ. Разскажи, какъ было дѣло.

Кларэнсъ быстрымъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ и увидѣлъ Джима съ смущеннымъ, мрачнымъ лицомъ, ѣхавшаго позади всѣхъ. Затѣмъ порывисто и торопливо онъ разсказалъ, какъ онъ упалъ въ оврагъ прямо на спину раненаго буйвола и какъ потомъ выскочилъ изъ своей засады. Легкій смѣхъ слышался среди присутствующихъ, между тѣмъ какъ м-ръ Пейтонъ смотрѣлъ серьезно и недовѣрчиво.

— Какимъ-же образомъ буйволъ могъ попасть въ оврагъ? спросилъ онъ.

— Джимъ Гукеръ ранилъ его изъ ружья, и онъ упалъ, сказалъ Кларэнсъ робко.

Всеобщій гомерическій смѣхъ привѣтствовалъ это объясненіе. Удивленный мальчикъ обвелъ всѣхъ смущеннымъ, печальнымъ взглядомъ, но взглянувъ на своего сегодняшняго спутника, онъ понялъ все: репутація Джима погубила его! Интересное и ужасное охотничье приключеніе, о которомъ онъ далъ правдивѣйшій отчетъ, было признано всѣми нелѣпою и наглою ложью, и мальчикъ съ горечью почувствовалъ, что ему никогда не удастся разубѣдить своихъ спутниковъ и возстановить свой кредитъ въ глазахъ ихъ.

VII.

Это охотничье приключеніе было для Кларэнса послѣднимъ памятнымъ эпизодомъ путешествія. Но мальчикъ долго не зналъ, что этотъ случай вмѣстѣ съ тѣмъ преграждалъ пути для его новой карьеры. Судья Пейтонъ, намѣреваясь усыновить Сьюзи, хотѣлъ сохранить за собою право нѣкотораго опекунства надъ мальчикомъ въ томъ случаѣ, еслибъ онъ получилъ согласіе со стороны таинственнаго родственника, къ которому тотъ ѣхалъ въ Сакраменто. Но противъ этого возстали м-съ Пейтонъ и ея братъ, находя, что дружба Кларэнса съ Джимомъ дѣлаетъ его дурнымъ товарищемъ для Сьюзи, и м-ръ Пейтонъ долженъ былъ согласиться, что наклонность мальчика къ скверному обществу недостойна его рожденія и того воспитанія, которое онъ намѣревался ему дать. Къ несчастію, Кларэнсъ, убѣдившись, что онъ потерялъ довѣріе своихъ покровителей, былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы загладить дурное впечатлѣніе какимъ-нибудь похвальнымъ поступкомъ. Напротивъ, онъ даже усилилъ свою интимность съ Джимомъ, не по чувству симпатіи къ нему, а скорѣе изъ жалости ко всѣмъ загнаннымъ и несчастнымъ. Поэтому, когда они пріѣхали въ Калифорнію, онъ безропотно покорился судьѣ, который порѣшилъ, что мальчикъ одинъ отправится изъ Стоктона въ Сакраменто, и въ томъ случаѣ, если не найдетъ тамъ своего родственника, то вернется обратно къ Пейтонамъ въ одну изъ южныхъ долинъ, гдѣ они намѣревались купить землю.

Эта перспектива перемѣны, независимости и свободы казалась столь привлекательной для Кларэнса, что онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать конца путешествія. Остановка на Соленомъ Озерѣ, переходъ черезъ пустыню Алькали и черезъ дикія Сіерры—неясными картинами остались въ его памяти. Видъ вѣчныхъ снѣговъ, громадныхъ сосенъ, холмовъ, поросшихъ дикимъ овсомъ, быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, похожихъ на водопады, — все производило мгновенное яркое впечатлѣніе, которое сейчасъ же забывалось.

Но однажды утромъ онъ увидѣлъ, какъ весь караванъ окружилъ какого-то прохожаго иностранца, который, вынувъ изъ кожаной сумки пригоршни золотаго песку, показывалъ его своимъ собесѣдникамъ. Кларэнсъ, при видѣ этой массы драгоцѣннаго металла, въ первый разъ почувствовалъ лихорадочный, могучій трепетъ, извѣстный всѣмъ искателямъ золота. Съ замираніемъ сердца слушалъ онъ взволнованные вопросы своихъ спутниковъ и небрежные отвѣты незнакомца. Оказалось, что это золото добыто за 30 миль отсюда и представляло результатъ недѣльной работы трехъ человѣкъ.

— Это еще не особенно много, въ другихъ мѣстахъ добывается вдвое больше.

Всѣ эти слова равнодушно слетали съ устъ небритаго, запыленнаго, небрежно-одѣтаго человѣка съ длинной лопатой и киркой за плечами и походной сковородой, привязанной къ сѣдлу. Но ни одинъ самый блестящій салонный кавалеръ, ни одинъ сказочный рыцарь не имѣли въ глазахъ Кларэнса такого геройскаго вида, какъ этотъ незнакомецъ. Всѣ прежніе идолы мальчика: живописный развѣдчикъ Золотой-Рукавъ, всемогущій судья Пейтонъ, смѣлый молодой офицеръ изъ Форта-Риджъ,—всѣ поблѣднѣли передъ этимъ героемъ въ красной фланелевой курткѣ и высокихъ сапогахъ. Этотъ неотесанный человѣкъ, съ своей небрежной улыбкой, въ которой выражалось невольное сознаніе своего превосходства, былъ живымъ звеномъ между Кларэнсомъ и сокровищами „Тысячи и одной ночи“; онъ былъ настоящимъ олицетвореніемъ Аладина и Синбада Морехода.

Черезъ два дня они достигли Стоктона. Здѣсь Кларэнсъ прежде всего отправился купить себѣ платье, такъ какъ его гардеробъ состоялъ изъ кое-какихъ передѣлокъ изъ старыхъ вещей Пейтона и какого-то необыкновеннаго костюма изъ солдатскаго сукна, сшитаго полковымъ портнымъ въ то время, когда они проѣзжали Фортъ-Риджъ. Но увы! выборъ готоваго платья былъ очень затруднителенъ, такъ какъ въ этой странѣ почти исключительно взрослаго, пришлаго населенія, въ магазинахъ не имѣлось ничего подходящаго для 11-ти-лѣтняго мальчика. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, разысканъ былъ не совсѣмъ свѣжій матросскій костюмъ и какое-то пальто гороховаго цвѣта съ бронзовыми пуговицами. Въ дополненіе къ этому наряду м-ръ Пейтонъ присоединилъ небольшую сумму денегъ и объяснительное письмо къ двоюродному брату мальчика. Почтовая карета отходила въ полдень. Кларэнсу оставалось нѣсколько минутъ для того, чтобы проститься со своими товарищами. Прощаніе съ Сьюзи, совершившееся дня два тому назадъ, не обошлось безъ слезъ и увѣреній со стороны дѣвочки, что она „пойдетъ съ нимъ“ и „никогда его не оставитъ“; когда же пріѣхали въ Стоктонъ, то новизна городскихъ впечатлѣній, а также небольшой подарокъ Кларэнса—первая трата изъ его небольшаго капитала—заставили дѣвочку быстро забыть о своихъ планахъ и намѣреніяхъ. Кларэнсъ бодрился, но, когда небольшой узелокъ съ его вещами былъ положенъ въ

Петрушка. Съ карт. Суходольской, грав. Пейне.

Чумаки на дорогѣ. Съ акварели (собств. „Нивы") академика К. Трутовскаго, грав. Шюблеръ.

карету и онъ остался одинъ, сердце его сжалось, и онъ быстро побѣжалъ къ лагерю своихъ бывшихъ спутниковъ для того, чтобы еще лишнюю минутку побыть вмѣстѣ съ Сьюзи. Смущенный и нѣсколько испуганный, онъ подошелъ къ фургону м-съ Пейтонъ.

— Боже мой! Вы еще не ушли, сказала м-съ Пейтонъ рѣзко. — Можетъ-быть вы нарочно хотите опоздать къ дилижансу?

Минуту раньше, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства одиночества, онъ готовъ былъ сказать: „да", но теперь, при взглядѣ на лицо м-съ Пейтонъ, которая видимо была недовольна его возвращеніемъ, онъ почувствовалъ, что ноги его подкашиваются и слова не идутъ съ языка. Онъ не посмѣлъ посмотрѣть на Сьюзи, но онъ скоро услышалъ ея веселый голосъ изъ глубины фургона, гдѣ она сидѣла:

— Не опоздай, Кла'энсъ, а то дилижансъ уѣдетъ.

И она туда же! Стыдясь своей слабости, онъ постарался принять равнодушный видъ, хотя сердце его обливалось кровью.

— Я хотѣлъ посмотрѣть.. хотѣлъ узнать... гдѣ Джимъ? сказалъ онъ наконецъ смѣло.

Онъ видѣлъ гримасу отвращенія, пробѣжавшую по лицу м-съ Пейтонъ, и съ страннымъ чувствомъ злорадства побѣжалъ обратно къ экипажу. Но тутъ, къ удивленію своему, онъ дѣйствительно нашелъ Джима, который сумрачно наблюдалъ за нагрузкой багажа путешественниковъ. Онъ съ таинственнымъ видомъ пожалъ руку Кларэнсу, какъ бы провожая въ лицѣ его—брата-преступника, отправляющагося на каторгу, и угрюмымъ взглядомъ обвелъ остальныхъ пассажировъ.

— Если случится какая перемѣна, немедленно извѣщу, произнесъ онъ хриплымъ, но ясно слышнымъ шепотомъ.—Не забудь сказать молодцамъ изъ Оврага Убійцъ, что они скоро меня увидятъ.

Хотя Кларэнсъ вовсе не собирался ѣхать въ Оврагъ Убійцъ, ничего не зная о существованіи подобнаго мѣста и даже не подозрѣвая, что самъ Джимъ имѣлъ о немъ не особенно ясное понятіе, но тѣмъ не менѣе порученіе Джима произвело желанный эффектъ: двое или трое пассажировъ со страхомъ посмотрѣли на мальчика, и самъ Кларэнсъ почувствовалъ себя отчасти польщеннымъ, отчасти испуганнымъ тѣмъ, что онъ вступалъ въ жизнь, окруженный такимъ мрачнымъ ореоломъ. Но вскорѣ быстрая ѣзда горячихъ лошадей, яркое солнце, новая мѣстность, дали его мыслямъ другое направленіе и наполняли его опьяняющимъ сознаніемъ свободы и независимости. Онъ съ дѣтскимъ любопытствомъ началъ осматривать своихъ спутниковъ. Ближайшими его сосѣдями были двое какихъ-то джентльмэновъ, одинъ изъ которыхъ, вѣроятно, былъ фермеръ, другой же, одѣтый въ черный сюртукъ, повидимому былъ чиновникомъ или ученымъ. Главное вниманіе Кларэнса привлекла какая-то темноволосая молодая женщина въ черной накидкѣ и безъ шляпы, сидѣвшая посреди нѣсколькихъ человѣкъ мужчинъ, которые усердно ухаживали за ней, осыпая ее довольно двусмысленными любезностями и комплиментами. Кларэнсу особенно нравились ея большіе черные глаза, которые по временамъ встрѣчались съ его взглядомъ, и прелестный иностранный акцентъ ея мелодическаго голоса, звучавшій въ его ушахъ еще пріятнѣе, чѣмъ голосъ м-съ Пейтонъ. Сосѣди его молчали, но вдругъ одинъ изъ нихъ, окинувъ покровительственнымъ взглядомъ гороховое пальто Кларэнса и его мѣдныя пуговицы, спросилъ ласково:

— Далеко ѣдешь, мальчикъ?

— Нѣтъ, сэръ, не далеко, отвѣчалъ Кларэнсъ,—но я только что переѣхалъ Великую равнину.

— А, юнга со степной шхуны! засмѣялся фермеръ. — По платью видно! продолжалъ онъ еще насмѣшливѣе, вызвавъ улыбки на лицахъ прочихъ пассажировъ.

Замѣтивъ удивленіе Кларэнса, юмористъ любезно объяснилъ, что „степной шхуной" на воровскомъ языкѣ называется эмигрантскій фургонъ.

— Я не могъ, пояснилъ Кларэнсъ, наивно глядя въ темные глаза молодой женщины, внимательно смотрѣвшей на него,— я не могъ отыскать въ Стоктонѣ другаго костюма, кромѣ этого; вѣроятно въ Калифорніи совсѣмъ не держатъ готоваго платья для маленькихъ мальчиковъ.

Простота этой рѣчи, повидимому, произвела впечатлѣніе на присутствующихъ, потому что двое собесѣдниковъ молодой женщины послѣ того, какъ она что-то шепнула имъ на ухо, обернулись и съ любопытствомъ посмотрѣли на Кларэнса. Онъ слегка покраснѣлъ и замолчалъ. Въ это время дилижансъ поднимался на гору и потому замедлилъ ходъ. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣлись обширныя хлопчато-бумажныя плантаціи, въ которыхъ попадались кое-гдѣ великолѣпные грозди краснаго дикаго винограда.

— Ахъ, какъ это прелестно! говорила молодая женщина, наклоняя къ окну свою, покрытую чернымъ вуалемъ, головку.— Какъ это красиво приколоть въ волосы!

Одинъ изъ ея сосѣдей, протянувъ изъ окна руку, неловкимъ движеніемъ попытался сорвать вѣтку, но напрасно. Блестящая идея мелькнула въ умѣ Кларэнса. Когда экипажъ началъ подниматься на слѣдующій холмикъ, онъ выпрыгнулъ на дорогу, какъ бы для того, чтобы пройтись пѣшкомъ. На вершинѣ холма онъ догналъ экипажъ, весь красный и смущенный, держа въ рукахъ цѣлый букетъ виноградныхъ вѣтокъ. Вручивъ ихъ одному изъ сосѣдей молодой женщины, онъ вѣжливо прибавилъ:

— Прошу васъ, передайте это лэди.

Легкая улыбка мелькнула на лицахъ сосѣдей Кларэнса, между тѣмъ какъ молодая женщина ласково кивнула ему головой и кокетливо приколола къ своимъ блестящимъ волосамъ красные грозди. Одѣтый въ черное человѣкъ, который до сихъ поръ не произнесъ ни слова, повернулся къ Кларэнсу и сказалъ сухо:

— Ну, молодой человѣкъ, если вы будете преуспѣвать въ томъ же направленіи, то по пріѣздѣ въ Сакраменто безъ затрудненій отыщете себѣ приличный костюмъ.

Кларэнсъ не совсѣмъ его понялъ, но по странно-серьезному взгляду, которымъ посмотрѣли на него сосѣди молодой женщины, онъ заключилъ, что напрасно упомянулъ о своемъ костюмѣ и о томъ, что считаетъ себя маленькимъ мальчикомъ. На будущее время онъ постарается вести себя вполнѣ взрослымъ человѣкомъ. Случай къ этому представился часа два спустя, когда дилижансъ остановился около одного изъ придорожныхъ ресторановъ.

Двое или трое пассажировъ вышли освѣжиться у буфета. Сосѣди Кларэнса начали какой-то безконечный споръ, между тѣмъ какъ веселые собесѣдники черноволосой лэди продолжали смѣяться и шутить со своей дамой. Кларэнсъ выпрыгнулъ изъ дилижанса и съ довольно горделивымъ видомъ вошелъ въ буфетную комнату. Но такъ какъ буфетчикъ не обратилъ на него никакого вниманія, то онъ нѣсколько смутился и, съ минуту простоявъ въ нерѣшительности, опять вернулся къ дилижансу и отворилъ дверь.

— Не желаете-ли вы выпить со мною, сэръ? сказалъ Кларэнсъ, учтиво обращаясь къ своему сосѣду, который былъ къ нему ласковѣе прочихъ.

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ на это предложеніе. Двое изъ собесѣдниковъ молодой дамы поспѣшно обернулись и съ удивленіемъ посмотрѣли на мальчика.

— Смѣлый путешественникъ, совершившій переходъ черезъ степи, предлагаетъ вамъ выпить съ нимъ, пояснилъ одинъ изъ пассажировъ, съ величайшей серьезностью обращаясь къ сосѣду Кларэнса.

— А, вотъ что! возразилъ тотъ, мгновенно измѣняя выраженіе лица и принимая торжественно-важный видъ. — Посмотримъ, чѣмъ-то угоститъ насъ знаменитый путешественникъ.

— Можетъ-быть вы и ваши товарищи тоже присоединитесь къ намъ? робко обратился Кларэнсъ къ джентльмэну, который вмѣшался въ его разговоръ.—А можетъ-быть и вы также выпьете съ нами? сказалъ онъ своему сосѣду, одѣтому въ черное.

— Въ самомъ дѣлѣ, джентльмэны, я нахожу, что мы не имѣемъ права отказываться отъ такого любезнаго предложенія, сказалъ тотъ, съ чопорнымъ видомъ поднимаясь съ мѣста и съ невозмутимой серьезностью оглядывая остальныхъ пассажировъ.—Мы должны цѣнить такое вниманіе со стороны нашего уважаемаго друга.

— Что касается меня, то я нахожу, что знаменитый герой стоитъ на высотѣ своего призванія, замѣтилъ одинъ изъ пассажировъ съ важностью.

Съ своей стороны Кларэнсъ очень желалъ бы, чтобы его товарищи приняли его приглашеніе менѣе офиціально, но такъ какъ они въ эту минуту съ улыбающимися лицами выходили изъ дилижанса, то онъ, слегка смущаясь и радуясь, повелъ ихъ за собой въ буфетъ. Къ сожалѣнію, трактирщикъ вѣроятно и теперь не замѣтилъ бы мальчика, если-бъ его мрачный сосѣдъ не переглянулся съ нимъ, вслѣдствіе чего лицо буфетчика мгновенно измѣнилось и приняло выраженіе необыкновенной серьезности.

— Вотъ этотъ молодой человѣкъ, началъ черный джентльмэнъ торжественно, — мой уважаемый спутникъ, только что совершившій славный переходъ черезъ степи, желаетъ угостить насъ, продолжалъ онъ, почтительно отступая назадъ. Если можно, то я позволю себѣ спросить виски, такъ какъ этотъ напитокъ я предпочитаю всѣмъ прочимъ. Что же касается до молодаго человѣка, то я полагаю, что онъ удовольствуется стаканомъ лимонада.

Кларэнсъ раньше рѣшилъ, что онъ тоже выпьетъ виски, но теперь, не желая отмѣнять приказаній своего гостя и слегка смущаясь тѣмъ, что всѣ трактирные посѣтители окружили его и съ любопытствомъ на него смотрѣли, сказалъ поспѣшно:

— Пожалуйста, стаканъ лимонада.

— Знаменитый путешественникъ совершенно правъ, замѣтилъ буфетчикъ, съ невозмутимымъ лицомъ подавая Кларэнсу стаканъ и вытирая мокрый прилавокъ. — Какъ бы ни привыкъ человѣкъ къ крѣпкимъ напиткамъ, но при перемѣнѣ климата ничего не долженъ пить, кромѣ содовой воды и лимонада.

— А можетъ-быть и вы также выпьете съ нами? спросилъ мальчикъ, радостно краснѣя.

— Я буду крайне польщенъ вашимъ предложеніемъ, сэръ.

— Я полагаю, джентльмэны, что мы можемъ произнести

только одинъ тостъ. Выпьемъ же за здоровье нашего знаменитаго друга. Да не померкнетъ слава его во вѣки вѣковъ!

Здоровье было торжественно выпито. Кларэнсъ, у котораго щеки горѣли отъ удовольствія, въ волненіи выпилъ свое здоровье на-ряду съ товарищами. Но ему хотѣлось бо̀льшаго оживленія, и онъ только спрашивалъ себя, неужели мужчины на своихъ попойкахъ всегда бываютъ такъ сдержанны. Потомъ онъ началъ соображать, сколько ему придется заплатить въ буфетѣ. Кошелекъ свой онъ держалъ наготовѣ, съ гордой радостью предвкушая удовольствіе собственными деньгами заплатить за угощеніе.

— Сколько? спросилъ онъ, съ дѣланной небрежностью раскрывая кошелекъ.

Трактирщикъ окинулъ глазами комнату.

— Вы заказывали угощеніе для всѣхъ, поэтому сочтемъ для круглаго счета двадцать долларовъ—и будемъ квиты.

У Кларэнса сердце упало, хотя онъ уже слышалъ, какъ высоки цѣны въ Калифорніи. Двадцать долларовъ! Это была половина его состоянія. Какъ бы то ни было, но онъ не выдалъ себя и, сдѣлавъ надъ собою геройское усиліе, слегка дрожащими пальцами отсчиталъ деньги. Но ему показалось крайне неделикатнымъ то, что всѣ присутствующіе начали заглядывать въ его кошелекъ, хотя стоявшій съ нимъ рядомъ его черный сосѣдъ постарался подыскать благовидное объясненіе этому нескромному любопытству публики.

— Кошелекъ нашего знаменитаго друга крайне меня интересуетъ. Позвольте мнѣ разсмотрѣть его поближе, сказалъ онъ съ чрезвычайной вѣжливостью, вынимая кошелекъ изъ рукъ Кларэнса. — Этотъ кошелекъ устроенъ по совершенно новому образцу и вполнѣ достоинъ нашего вниманія.

Разсмотрѣвъ кошелекъ со всѣхъ сторонъ, онъ передалъ его своему сосѣду, тотъ въ свою очередь передалъ своему, и всѣ хоромъ объявили этотъ кошелекъ „прелестной вещицей“ „самаго моднаго фасона“. Наконецъ, онъ попалъ въ руки трактирщика, который тоже пожелалъ познакомиться съ его устройствомъ и, осмотрѣвъ его, съ самымъ галантнымъ видомъ самъ опустилъ его въ карманъ Кларэнса. Въ эту минуту вошелъ кучеръ и пригласилъ путешественниковъ садиться въ карету. Пассажиры стремительно бросились къ экипажу, и эпизодъ съ кошелькомъ окончился. Къ удивленію Кларэнса, столь внимательные къ нему друзья вдругъ заинтересовались какимъ-то новымъ пассажиромъ, котораго начали разспрашивать о С.-Франциско и тамошнихъ порядкахъ; онъ же былъ совершенно забытъ. Мальчикъ почувствовалъ себя обиженнымъ и огорченнымъ; наступившее теперь разочарованіе было гораздо сильнѣе минутнаго лихорадочнаго возбужденія. Въ первый разъ въ немъ явилось горькое сознаніе своей незначительности и своей полной непригодности къ той новой самостоятельной жизни, къ которой онъ стремился всей душой.

Отъ жары и тряски экипажа мальчикъ задремалъ и, проснувшись, увидѣлъ, что оба его сосѣда вышли на промежуточной станціи. Они не захотѣли даже проститься съ нимъ! Изъ разговоровъ другихъ пассажировъ онъ узналъ, что высокій человѣкъ въ черномъ былъ извѣстный игрокъ, другой же, похожій на фермера, былъ раньше капитаномъ корабля, теперь же сдѣлался богатымъ купцомъ. Кларэнсу было непріятно, что сосѣди его вышли, потому что онъ хотѣлъ разспросить ихъ о своемъ родственникѣ въ Сакраменто, котораго онъ долженъ былъ такъ скоро увидѣть. Онъ опять попытался заснуть и въ томъ же полудремотномъ состояніи доѣхалъ до Сакраменто. Уже стемнѣло, но магазины и различныя общественныя заведенія были открыты, и кучеръ дилижанса, согласно условію, заключенному съ м-ромъ Пейтономъ, доставилъ Кларэнса по адресу, который мальчикъ, къ счастью, твердо помнилъ. Теперь Кларэнсъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ домѣ его двоюроднаго брата помѣщалась обширная банкирская контора. Онъ выпрыгнулъ изъ дилижанса и со своимъ небольшимъ узелкомъ въ рукахъ вошелъ въ подъѣздъ. Обратившись къ одному изъ клэрковъ, онъ спросилъ „М-ра Джэксона Бранта“.

Джентльмэна съ такимъ именемъ не оказалось въ конторѣ. Самое имя было никому не извѣстно, хотя контора помѣщалась въ этомъ домѣ съ самаго начала ея существованія. Не было ли ошибки въ нумерѣ?

Нѣтъ! Имя, улица, нумеръ дома глубоко врѣзались въ памяти мальчика. Позвольте! Можетъ-быть это было имя одного изъ кліентовъ банка, который, по особымъ соображеніямъ, далъ свой адресъ на имя конторы. Клэркъ, сдѣлавшій такое предположеніе, быстро исчезъ въ сосѣдней комнатѣ. Кларэнсъ съ сильно бьющимся сердцемъ ожидалъ его возвращенія. Клэркъ вернулся. Нѣтъ, такого имени не было въ книгахъ. Джэксонъ Брантъ былъ рѣшительно никому не извѣстенъ.

На одну минуту мальчику показалось, что конторка, къ которой онъ прислонился, шатается, и онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе для того, чтобы устоять на мѣстѣ. Не только разочарованіе—оно было полное; не только мысль о будущемъ, которое казалось безнадежнымъ; не только чувство оскорбленной гордости, оттого что м-ръ Пейтонъ можетъ подумать, что онъ умышленно обманулъ его; ужаснѣе всего было внезапное, горькое убѣжденіе въ томъ, что онъ былъ обманутъ и одураченъ! Въ первый разъ неясное чувство сдѣланнаго ему кѣмъ-то зла выразилось ярко и опредѣленно: отъ него хотѣли *отдѣлаться*, его забросили безсовѣстно и безжалостно, какъ какого-нибудь котенка или щенка!

Вѣроятно мальчикъ не въ силахъ былъ скрыть этихъ чувствъ, потому что клэркъ, который не сводилъ съ него глазъ, пригласилъ его сѣсть, а самъ опять исчезъ во внутреннихъ комнатахъ. Кларэнсъ не могъ дать себѣ отчета, сколько времени онъ оставался одинъ и какъ потомъ, въ томъ же полубезсознательномъ состояніи, пошелъ за своимъ проводникомъ черезъ слѣдующія комнаты и наконецъ вошелъ въ небольшой кабинетъ, въ которомъ какой-то человѣкъ съ суровымъ, озабоченнымъ лицомъ что-то писалъ на конторкѣ. Не поднимая глазъ и только приложивъ бюваръ къ исписанному листу бумаги, этотъ джентльмэнъ спросилъ сухо:

— У васъ, кажется, вышла ошибка съ адресомъ, и вы не можете разыскать вашего родственника? Посмотримъ, не могу-ли я для васъ что-нибудь сдѣлать, продолжалъ онъ, развертывая письмо Пейтона, которое Кларэнсъ подалъ ему. — Можетъ-быть вы желаете отправиться обратно въ Стоктонъ?

— Нѣтъ! сказалъ мальчикъ, чувствуя, что голосъ съ трудомъ повинуется ему.

— Какъ хотите. Знаете-ли вы здѣсь кого-нибудь?

— Ни единой души; потому-то они и отправили меня сюда! воскликнулъ мальчикъ со внезапно вырвавшимся отчаяніемъ.

Онъ чувствовалъ, что слезы набѣгаютъ ему на глаза, и былъ не въ силахъ подавить ихъ.

Эта мысль показалась джентльмэну забавной.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ похоже на то, сказалъ онъ, улыбнувшись странной улыбкой, которая совсѣмъ не смягчала суроваго выраженія его лица.—Есть-ли у васъ деньги?

— Немного.

— Сколько именно?

— Около двадцати долларовъ, сказалъ Кларэнсъ нерѣшительно.

Джентльмэнъ открылъ небольшой боковой ящикъ и, не глядя, вытащилъ оттуда двѣ монеты по десяти долларовъ.

— Вотъ вамъ еще двадцать долларовъ, сказалъ онъ, кладя ихъ на конторку. — Это дастъ вамъ возможность осмотрѣться и прожить нѣсколько дней. Если будете имѣть нужду — придите опять.

Затѣмъ онъ опустилъ перо въ чернильницу, какъ бы давая понять, что аудіенція окончена.

Кларэнсъ отодвинулъ отъ себя деньги.

— Я не нищій, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Джентльмэнъ поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на мальчика своими проницательными глазами.

— Вы не нищій. А я развѣ похожъ на нищаго?

— Нѣтъ, пробормоталъ Кларэнсъ, глядя въ его гордые глаза.

— Но и я могъ бы попасть въ ваше положеніе, и я, конечно, взялъ бы эти деньги и былъ бы благодаренъ тому, кто мнѣ далъ ихъ.

— Если вы позволите мнѣ возвратить ихъ, сказалъ Кларэнсъ, немного пристыженный тѣмъ косвеннымъ обвиненіемъ, которое онъ готовъ былъ возвести на этого человѣка.

— Можете, сказалъ онъ, опять наклоняясь надъ конторкой.

Кларэнсъ взялъ деньги и неловкимъ движеніемъ вытащилъ изъ кармана свой кошелекъ. Онъ въ первый разъ прикасался къ нему съ тѣхъ поръ, какъ трактирщикъ опустилъ этотъ кошелекъ къ нему въ карманъ, и теперь его поразило то, что онъ былъ слишкомъ тяжелъ и полонъ, такъ полонъ, что когда мальчикъ открылъ его, то нѣсколько монетъ разсыпалось по полу.

Джентльмэнъ поднялъ глаза.

— Вы говорили, что у васъ было всего двадцать долларовъ, замѣтилъ онъ сухо.

— М-ръ Пейтонъ далъ мнѣ сорокъ, сказалъ Кларэнсъ, краснѣя и не зная, чѣмъ объяснить это явленіе. — Я выпилъ въ трактирѣ на двадцать долларовъ, пробормоталъ онъ, — но я... я рѣшительно не понимаю, откуда взялись эти деньги.

— Вы *выпили* вина на двадцать долларовъ? съ изумленіемъ спросилъ джентльмэнъ, кладя въ сторону перо и откидываясь на спинку кресла, для того, чтобы удобнѣе разсмотрѣть мальчика.

— Да... то-есть я угостилъ нѣкоторыхъ джентльмэновъ, которые ѣхали со мной въ дилижансѣ.

— Значитъ, вы угостили всѣхъ, которые ѣхали съ вами?

— Нѣтъ, сэръ, я угостилъ только четверыхъ или пятерыхъ и потомъ самого трактирщика. Но вѣдь вы знаете, что въ Калифорніи все такъ дорого!

— Дѣйствительно, въ Калифорніи все очень дорого. Но для васъ это должно быть безразлично, сказалъ онъ, скользнувъ взглядомъ по его кошельку.

— Потомъ они взяли посмотрѣть мой кошелекъ, продолжалъ Кларэнсъ поспѣшно. — И вотъ какъ, вѣроятно, это случилось: кто-нибудь *по ошибкѣ* положилъ свои деньги въ мой кошелекъ. А въ это время какъ разъ нужно было садиться въ дилижансъ.

— По всей вѣроятности, подтвердилъ джентльмэнъ сухо.
— Да, да, иначе быть не можетъ, продолжалъ Кларэнсъ оживляясь, хотя все еще нѣсколько смущенный пристальнымъ взглядомъ своего суроваго собесѣдника.
— Въ такомъ случаѣ, сказалъ джентльмэнъ спокойно, — вамъ теперь не нужны мои двадцать долларовъ.
— Но вѣдь это же не мои деньги, возразилъ Кларэнсъ нерѣшительно. — Я долженъ разузнать, кому онѣ принадлежатъ, и возвратить ихъ. Можетъ-быть, прибавилъ онъ робко, — я могу оставить ихъ здѣсь и потомъ придти за ними, или же прислать того человѣка, которому онѣ принадлежатъ?
Съ величайшимъ вниманіемъ онъ началъ отдѣлять излишекъ отъ тѣхъ денегъ, которыя далъ ему м-ръ Пейтонъ, и отъ тѣхъ двадцати долларовъ, которые только-что получилъ. Излишекъ равнялся сорока долларамъ. Онъ положилъ ихъ на конторку передъ джентльмэномъ, который, не переставая смотрѣть на него, всталъ и отворилъ дверь.
— М-ръ Ридъ!
Явился клэркъ, который провожалъ Кларэнса.
— Примите деньги на храненіе отъ...
Онъ остановился и вопросительно посмотрѣлъ на Кларэнса.
— Кларэнса Бранта, сказалъ мальчикъ, краснѣя отъ волненія.
— Отъ Кларэнса Бранта. Возьмите этотъ вкладъ и выдайте ему расписку.
Онъ остановился, пока клэркъ, съ выраженіемъ недоумѣнія въ глазахъ, принималъ деньги, потомъ опять взглянулъ на Кларэнса и сказалъ:
— Можете явиться за деньгами, когда хотите, и вышелъ въ слѣдующую комнату, заперевъ за собой дверь.
Надѣюсь, читатель пойметъ, почему Кларэнсъ, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ чувствовалъ себя подавленнымъ сдѣланнымъ имъ горькимъ открытіемъ, теперь опять ожилъ и поднялся въ собственныхъ глазахъ. Онъ ужь не былъ нищимъ, несчастнымъ, покинутымъ мальчикомъ; нѣтъ, онъ былъ кліентомъ банка! вкладчикомъ! дѣловымъ человѣкомъ, подобно всѣмъ тѣмъ взрослымъ людямъ, которые толпились въ слѣдующей комнатѣ. Съ нимъ, Кларэнсомъ, бесѣдовалъ человѣкъ, имя котораго стояло на дверяхъ зданія, человѣкъ, о которомъ его дорожные спутники говорили съ завистью и почтеніемъ, потому что это былъ знаменитѣйшій банкиръ во всей Калифорніи. Не удивительно, если впечатлительный мальчикъ забылъ все остальное, забылъ цѣль своего посѣщенія, забылъ даже тотъ фактъ, что оставленныя имъ деньги онъ не считалъ своей собственностью, и теперь вышелъ изъ банка, надѣвъ шляпу нѣсколько на-бокъ и съ гордымъ видомъ глядя на прохожихъ.
Часа черезъ два къ банкиру явился другой посѣтитель. Это былъ похожій на фермера человѣкъ, дорожный товарищъ Кларэнса. Онъ назвалъ себя капитаномъ Стэвеномъ и, какъ привилегированное лицо, тотчасъ же былъ допущенъ къ банкиру. Послѣ первыхъ привѣтствій и краткихъ дѣловыхъ разговоровъ, капитанъ спросилъ небрежно:
— Нѣтъ-ли мнѣ писемъ?
Банкиръ, не отрывая глазъ отъ конторки, кончикомъ пера указалъ на букву S, стоявшую на-ряду съ прочими въ алфавитномъ порядкѣ на одной изъ клѣтокъ ящика, прикрѣпленнаго къ стѣнѣ. Капитанъ, разобравъ письма, остановился, держа одно изъ нихъ въ рукахъ.
— Послушайте, Кардэнъ, тутъ есть письмо на имя Джона Силсби. Оно было здѣсь десять недѣль тому назадъ.
— Ну, такъ что же?
— Подъ этимъ именемъ извѣстенъ человѣкъ, убитый въ степи индѣйцами. На-дняхъ въ газетахъ было помѣщено подробное описаніе этой катастрофы. На этомъ письмѣ нѣтъ марки; кто положилъ его сюда?
М-ръ Кардэнъ вызвалъ клэрка. Оказалось, что письмо было оставлено здѣсь нѣкіимъ Брантомъ Фанкіеромъ до востребованія.
Капитанъ Стэвенъ улыбнулся.
— Ну, этотъ Брантъ слишкомъ занятой человѣкъ для того, чтобы вспомнить опять объ этомъ письмѣ. Къ тому же я слышалъ, что онъ въ настоящее время скрывается гдѣ-то на югѣ. Коллинъ Джонсонъ, его товарищъ, ѣхалъ со мной въ обратномъ дилижансѣ изъ Стоктона.
— Вы пріѣхали на сегодняшнемъ дилижансѣ изъ Стоктона? спросилъ Кардэнъ, поднимая глаза.
— Да, я проѣхалъ до станціи „Десять-Миль“, а остальное проѣхалъ верхомъ.
— Замѣтили-ли вы въ дилижансѣ одного страннаго маленькаго человѣчка — вотъ такого роста — похожаго на убѣжавшаго школьника?
— Еще-бы! Этотъ карапузъ вздумалъ угощать меня водкой!
Кардэнъ вскочилъ со стула.
— Такъ значитъ онъ не лгалъ мнѣ!
— Нѣтъ. Мы, конечно, приняли его приглашеніе, но потомъ вознаградили бѣднаго мальчугана за его расходы. — А зачѣмъ вы это спрашиваете?
Но м-ръ Кардэнъ былъ уже въ слѣдующей комнатѣ, около того клэрка, который провожалъ Кларэнса.
— Помните вы этого мальчика, Бранта, который былъ здѣсь?
— Точно такъ, сэръ.
— Куда онъ пошелъ?
— Не знаю, сэръ.
— Подите и разыщите его сейчасъ-же. Осмотрите всѣ гостиницы, рестораны и питейные дома и приведите его непремѣнно. Возьмите кого-нибудь съ собой, если не справитесь сами. Но только дѣйствуйте скорѣе.
Къ полуночи клэркъ вернулся со своихъ безуспѣшныхъ поисковъ. Былъ самый разгаръ ночнаго оживленія: магазины, конторы, кофейни, игорные дома — горѣли огнями и кишѣли народомъ. Улицы были переполнены многочисленной толпой — жадной къ деньгамъ и наслажденію, честолюбивой и преступной. Но посреди тяжелаго грубаго топота взрослыхъ людей — легкій звукъ шаговъ безпріютнаго ребенка затерялся и исчезъ навсегда.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Дворецъ Петра III въ Ораніенбаумѣ.

(Рис. на стр. 801).

Въ 1743 году Ораніенбаумъ съ дворцомъ, паркомъ, садами, оранжереями и прочими придворными постройками и жильями отданъ былъ императрицею Елисаветою въ даръ избранному ею наслѣднику престола, великому князю Петру Өеодоровичу, которому впослѣдствіи предстояло царствовать подъ именемъ Петра III. Великій князь Петръ Өеодоровичъ, не дорожившій благами семейной жизни и не съумѣвшій постигнуть великаго ума своей супруги (будущей Екатерины Великой), предпочиталъ ея обществу голштинскихъ солдатъ и офицеровъ, съ которыми проводилъ большую часть времени въ экзерциціяхъ и смотрахъ. Чтобы свободнѣе предаваться этимъ упражненіямъ, онъ даже построилъ въ Ораніенбаумѣ тотъ дворецъ, который изображенъ на нашемъ рисункѣ, въ настоящемъ № „Нивы“, и окружилъ его высокими валами и глубокими рвами, черезъ которые перекинутъ былъ около единственныхъ воротъ подъемный мостъ. Этотъ дворецъ-крѣпость былъ наименованъ „*Петерштадтъ*“, и самъ великій князь почитался комендантомъ этой крѣпости, а его голштинцы составляли ея гарнизонъ. Отъ этихъ затѣй Петра III сохранился теперь только самый корпусъ его небольшаго и очень простенькаго дворца, да каменныя ворота съ высокимъ шпилемъ надъ стеклянною башнею, съ которой караулъ долженъ былъ наблюдать приближеніе мнимаго непріятеля. Въ башню съ обѣихъ сторонъ воротъ ведутъ лѣстницы, выложенныя изъ кирпича въ стѣнной кладкѣ. Самый дворецъ — двухъ-этажное зданіе; въ верхнемъ этажѣ, гдѣ живалъ Петръ III, — не болѣе трехъ комнатъ. Одна изъ нихъ, служившая ему спальней, маленькимъ потайнымъ ходомъ соединялась съ нижнимъ этажемъ. Въ комнатѣ, смежной со спальнею, лѣтъ тридцать тому назадъ, сохранялась довольно оригинальная особенность: полъ у этой комнаты былъ съ музыкой, и никто не могъ пройти черезъ эту комнату такъ, чтобы шаги его не вызывали извѣстныхъ музыкальныхъ отголосковъ подъ поломъ. Въ настоящее время дворецъ пустъ; музыка подъ поломъ средней комнаты давно испорчена или вынута; потайной ходъ запертъ и задѣланъ. Кругомъ дворца-крѣпости еще виднѣются остатки рвовъ и валовъ бывшей земляной крѣпости, мирно поросшіе травой и кустарниками.

Старая пѣсня. (Рис. на стр. 804 и 805).

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной,
Эти звуки — бредъ неясный,
Томный звонъ струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навѣваютъ эти звуки
Ласковые сны.

(А. Фетъ).

Надъ озеромъ. (Рис. на стр. 809).

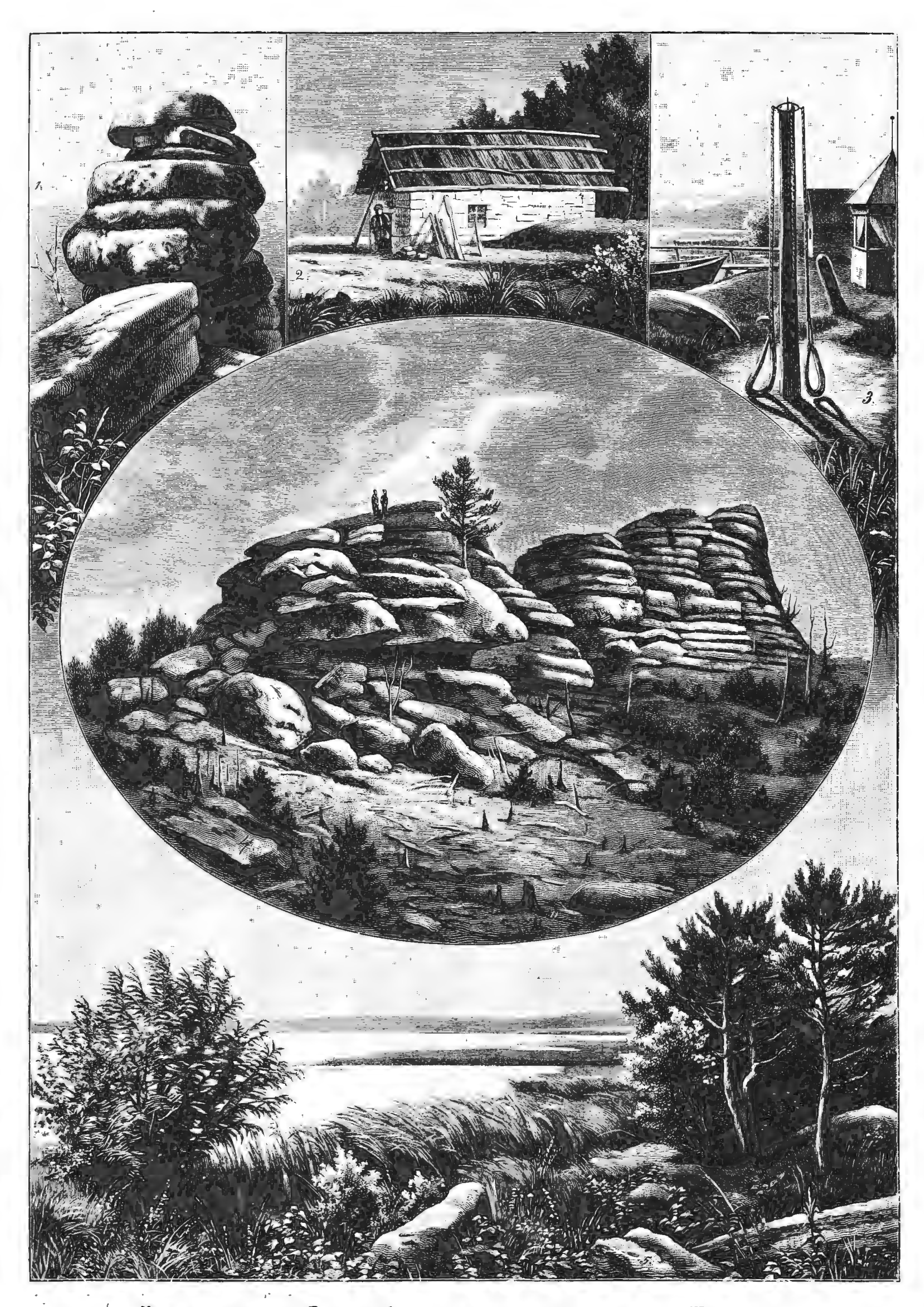
Далеко раскинулось озеро у подножія пригорка, поросшаго молодымъ лѣсомъ. Посреди густой травы, усѣянной полевыми цвѣтами, присѣла молодая женщина и залюбовалась чуднымъ видомъ, открывшимся передъ нею.

Петрушка. (Рис. на стр. 812).

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ цѣлая компанія маленькихъ зрителей за смѣшными похожденіями „Петрушки“, главнаго дѣйствующаго лица въ пьесахъ, разыгрываемыхъ маріонетками. Но внимательнѣе всѣхъ смотритъ черный, кудластый пудель на появленіе черной куклы, которая дразнитъ языкомъ. Кажется, вотъ-вотъ, и онъ бросится на сцену и отомститъ этому пугалу за всѣ злоключенія бѣднаго „Петрушки“.

Чумаки. (Рис. на стр. 813).

Академикъ живописи, Константинъ Александровичъ Тру-



Изъ окрестностей Екатеринбурга. Съ натуры рис. Денисовъ, грав. Шлипперъ.

1. Шарташскія каменныя палатки съ восточной стороны. 2. Избушка рыболововъ. 3. Мѣсто для прогулокъ около озера. 4. Общій видъ Шарташскихъ каменныхъ палатокъ. 5. Шарташское озеро.

товскій, уроженецъ Курской губерніи, гдѣ и нынѣ живетъ, неподражаемъ въ изображеніи малороссійскихъ сценъ и типовъ. На нашемъ рисункѣ имъ воспроизведены на привалѣ уже исчезающіе теперь чумаки, перевозящіе на волахъ по малороссійскому краю грузы. За дешевую плату везутъ они съ Чернаго моря соль на Сѣверъ, а изъ Украйны на Югъ хлѣбъ, но съ такою медленностью, что онъ иногда прорастаетъ у нихъ на возахъ, пока достигнетъ мѣста своего назначенія.

Шарташское озеро и Шарташскія каменныя палатки.

(Изъ окрестностей Екатеринбурга).
(Рис. на стр. 817).

Г. Екатеринбургъ (Пермской губ.) расположенъ на одномъ изъ живописныхъ пунктовъ Средняго Урала. Невысокія горы и холмы, скрытые, въ большинствѣ случаевъ, подъ покровомъ лѣсовъ, хотя вообще мало замѣтны, но, несомнѣнно, чувствуются всюду, выражаясь спусками и подъемами улицъ въ городѣ,—дорогъ и тропинокъ въ лѣсу, разнообразіемъ очертаній береговъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, случайно вырывающимися изъ-подъ почвы грудами камней, принадлежащихъ къ кореннымъ горнымъ породамъ мѣстности, каменныхъ гребней, обрывовъ и пр. Вообще рисунокъ пейзажей мягокъ и покоенъ. Почти нигдѣ линіи не представляютъ тѣхъ изломовъ, тѣхъ рѣшительныхъ взмаховъ къ небу, тѣхъ внезапныхъ падеиій, которые столь характерны для болѣе молодыхъ горъ, какъ, напр., Альпы, — развѣ только, въ небольшой степени, на каменныхъ гребняхъ, „шиханахъ“, „городищахъ“ и пр., вѣнчающихъ иногда вершины возвышенностей. Уралъ въ теченіе вѣковъ понизился, осыпался и утратилъ крутизну склоновъ.

Этотъ характеръ окрестностей Екатеринбурга сохраняется на большомъ разстояніи отъ него: вездѣ—пологіе холмы, между которыми льется множество мелкихъ и значительныхъ струй живой воды, а на болѣе обширныхъ низменныхъ мѣстахъ разстилаются озера или моховыя болота. Хвойный лѣсъ—прежде всего сосна съ примѣсью березы, осины, рябины, ольхи (гдѣ почва сыра)—одѣваетъ обыкновенно скаты. Лѣтомъ климатъ пріятенъ: воздухъ не сухъ, много тепла, много свѣта, такъ что въ картинахъ природы есть и яркость, и богатые переливы тоновъ, и мягкіе оттѣнки, и рѣзкій блескъ переднихъ плановъ, и нѣжныя дымки далей.

Какъ въ ближайшихъ окрестностяхъ, такъ и вдали отъ города не мало красивыхъ уголковъ, и нѣкоторые изъ нихъ пользуются большою любовью жителей, составляя обычныя мѣста для загородныхъ прогулокъ. Въ числѣ такихъ уголковъ, лежащихъ недалеко отъ города, первое мѣсто занимаетъ безспорно Шарташское озеро. Это излюбленная горожанами мѣстность, прекрасно извѣстная и дѣтямъ, и старцамъ, и городскимъ властямъ, и послѣднему оборванцу. Дѣло въ томъ, что „въ полѣ чай пить“ есть одно изъ любимыхъ лѣтнихъ удовольствій населенія Екатеринбурга, хотя это скромное понятіе, разумѣется, заключаетъ въ себѣ весьма много другихъ, начиная отъ немудреной закуски къ чаю до полнаго вооруженія для основательнаго кутежа. Шарташъ представляетъ всѣ удобства для этого. На немъ „есть все“, какъ увѣряютъ: рыба, дичь, интересныя мѣста, лѣсъ, вода, тростники, лодки, камни и даже „каменныя палатки“. Хотя нынѣшній Шарташъ рѣшительно измѣнился сравнительно съ прошлымъ, такъ какъ живая природа его много утратила въ свѣжести, но все-таки въ немъ не мало привлекательнаго.

Это обширное озеро, около 3—5 верстъ въ поперечникѣ по разнымъ направленіямъ, лежитъ верстахъ въ 3 къ востоку отъ города. По сѣверному и сѣверо-восточному берегу его идетъ почтовая дорога къ Березовскому заводу, вдоль которой расположено зажиточное и большое село Шарташъ, имѣющее до 800 жителей, почти сплошь старообрядцевъ-безпоповцевъ. Въ старые годы „шарташинцы“ пользовались репутаціею самыхъ удалыхъ распорядителей на сибирскомъ трактѣ—тѣхъ особаго рода (по мѣстному выраженію) „портныхъ, которые работаютъ на большой дорогѣ березовой иглой“ (т. е. кистенемъ), и если вѣрить разсказамъ, то, вѣроятно, многія лошади, тащившія тяжелые возы товаровъ съ Ирбитской и Ивановской ярмарокъ по избитой, либо затопленной грязью дорогѣ, были избавлены отъ окончательнаго надрыва силъ наблюдавшими за трактомъ шарташинцами, предупредительно снимавшими съ возовъ лишній грузъ. Конечно, эта репутація, на самомъ дѣлѣ, отнюдь не можетъ относиться ко всему населенію. Подкарауливаніе обозовъ было, конечно, дѣломъ нѣсколькихъ сорви-головъ, но такъ какъ прочная солидарность между прежними старообрядцами, не имѣвшими обыкновенія выдавать другъ друга, настолько затрудняла всякіе розыски, что они не приводили ни къ чему, то дурная слава ложилась на всѣхъ. Вредъ, причинявшійся разбойниками, былъ, вѣроятно, не особенно великъ, такъ какъ въ повѣствованіяхъ мѣстныхъ жителей объ этомъ скорѣе слышится нѣкоторое удивленіе къ удальству, и совсѣмъ не слышно раздраженія. Послѣ проведенія желѣзной дороги на Тюмень, это, конечно, отошло въ область преданій. Жители Шарташа—вообще смышленые, предпріимчивые люди и отличаются, какъ мужчины, такъ и женщины, красотою, прекраснымъ сложеніемъ и высокимъ ростомъ.

На противоположномъ берегу озера, покрытомъ сосннякомъ, подходящимъ къ самой водѣ, находятся лишь одинокія рыбачьи избушки. Этотъ берегъ и служитъ обычнымъ мѣстомъ для лагерной стоянки огромнаго полчища „чайниковъ“, дымы которыхъ курятся, въ праздничные дни, на всемъ его протяженіи.

На этомъ же берегу находятся и „каменныя палатки“.

„Палатки“ эти—остатокъ древняго гребня на вершинѣ горы, состоящаго изъ слоистаго гранита. Онъ сильно потерпѣлъ отъ атмосферныхъ и климатическихъ вліяній, такъ что нынѣ имѣетъ видъ четырехъ довольно высокихъ нагроможденій изъ толстыхъ гранитныхъ плитъ-столбовъ (крайній изъ нихъ, восточный, изображенъ на рисункѣ въ лѣвомъ верхнемъ углу), обмытыхъ дождевою и снѣговою водою, съ округленными ребрами и гладкою поверхностью. Эти плиты весьма типичны: каждая изъ нихъ какъ бы обтесана по краямъ—косо, сверху внизъ, такъ что нижніе края выдаются, давая своеобразный видъ всему столбу. Это зависитъ отъ того, что верхніе края, подвергаясь вліянію дождя, снѣга и солнечныхъ лучей, скорѣе вывѣтриваются и смываются, тогда какъ нижніе находятся подъ защитою всей толщи плиты и поэтому разрушаются медленнѣе. Вообще, впечатлѣніе отъ этихъ палатокъ оригинально: кажется, будто плиты наложены другъ на друга искусственно, чѣмъ и объясняется названіе ихъ.

Посмотрѣть палатки, влѣзть на нихъ, посидѣть и полежать на плоскомъ темени столбовъ, глядя на открывающуюся отсюда панораму, считаетъ долгомъ почти всякій посѣтитель озера, тѣмъ болѣе, что теперь это очень удобно: лѣсъ, нѣкогда окружавшій палатки, вырубленъ, и сине-сѣрая масса ихъ, отливающая на темени то ярко-желтымъ, то красноватымъ цвѣтомъ, благодаря корѣ изъ лишайниковъ, обросшей мѣстами камни, бросается въ глаза еще издали. Въ прежніе годы отъискать ихъ въ лѣсу можно было лишь при хорошемъ знаніи мѣстности. Вѣроятное татарское или башкирское названіе палатокъ (джюртъ-ташъ, четыре камня) дало имя и самому озеру (?).

Но до осмотра палатокъ или послѣ него, большинство посѣтителей Шарташа обращается къ чаю, ухѣ и катанью на лодкахъ. Самовары, либо чайники, чаще всего привозятся съ собою, но за ухою и лодками приходится обращаться къ рыболовамъ, въ силу чего рыбачьи избушки составляютъ также немаловажный элементъ въ обстановкѣ Шарташа. Это своего рода первобытные рестораны: тутъ кромѣ рыбы, главнымъ образомъ, окуней, можно найти самоваръ, чайныя принадлежности и проч. (верхній рисунокъ въ срединѣ представляетъ одну изъ этихъ избушекъ). Большой спросъ на уху заставилъ рыбаковъ выучиться приготовлять ее очень недурно и быстро, хотя и не опрятно. Около избушекъ имѣются грубо сколоченныя изъ досокъ бесѣдки со столами и скамейками, а такъ какъ вкусы съѣзжающейся публики различны, то у иныхъ есть приспособленія и во вкусахъ новѣйшаго времени, — въ родѣ „исполинскихъ шаговъ“ (верхній правый рисунокъ), о которыхъ еще въ 60-хъ годахъ Шарташъ не имѣлъ никакого понятія.

Подъ вечеръ, когда жара спадетъ, любители выбираются на лодкахъ на озеро. Подгулявшій людъ шумитъ, и надъ зеркальной поверхностью водной равнины, сіяющей въ заревѣ заката, разносятся смѣхъ, крики, говоръ, временами пьяный ревъ, звуки гармоники, бренчанье гитары, раскатистая русская пѣсня, а то и оперный мотивъ.

Шарташъ богатъ рыбою, особенно окунями, и удильщики держатся на немъ и лѣтомъ, и зимою. Зимою рыбу здѣсь удятъ въ маленькихъ прорубяхъ, на „блесну“ (крючокъ съ блестящею оловянною пластинкою).

Въ былые годы на озерѣ водилось не мало водяной птицы,—именно, въ юго-западномъ болотистомъ углу (нижній рисунокъ), такъ что лѣтомъ выстрѣлы по берегамъ были болѣе привычнымъ звукомъ, чѣмъ пискъ гармоники и проч. Теперь птицы мало, и только при перелетахъ на озеро, попрежнему, сваливаются большія стаи утокъ, и осенью, часто вмѣсто звуковъ разгула раскатываются звуки выстрѣловъ. **В. А.**

Преосвященный Николай. (Портр. на стр. 820).

Назначенный въ прошломъ году епископъ Алеутскій и Аляскинскій, преосвященный Николай, въ мірѣ Михаилъ Зіоровъ, происходитъ изъ духовнаго званія, родился въ 1851 году, въ городѣ Новомиргородѣ, Херсонской губерніи. Отецъ его, священникъ Захарій Зіоровъ, посвятилъ всѣ свои силы на воспитаніе единственнаго сына, и по достиженіи имъ десятилѣтняго возраста, отдалъ его въ лучшее ближайшее учебное заведеніе — въ дворянское Златопольское училище, впослѣдствіи преобразованное въ гимназію. Окончивъ тамъ курсъ наукъ, Михаилъ Зіоровъ былъ опредѣленъ въ Одесскую духовную семинарію и, окончивъ съ отличіемъ курсъ ея, поступилъ въ Московскую духовную академію, изъ коей въ 1875 году вышелъ со степенью кандидата богословія. М. З. Зіорову было предложено мѣсто преподавателя въ Рязанской духовной семинаріи, гдѣ впослѣдствіи онъ былъ назначенъ инспекторомъ. Здѣсь, кромѣ своихъ наставническихъ обязанностей, М. З. Зіоровъ занималъ нѣсколько почетныхъ должностей, которыя исполнялъ съ рѣдкимъ и примѣрнымъ усердіемъ, принесшимъ извѣстные благотворные плоды; семи-

нарскія зданія были отстроены при его непосредственномъ участіи и руководствѣ, согласно его практическимъ указаніямъ; дѣлопроизводства братства Св. Василія Рязанскаго и историко-статистическаго комитета были поручены ему и исполнялись имъ съ особой тщательностью и знаніемъ дѣла. Занимая впослѣдствіи должности инспектора въ семинаріяхъ Вологодской и Могилевской, онъ въ 1887 году, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, получилъ назначеніе исправлять должность директора Могилевской семинаріи и въ томъ же году былъ постриженъ въ монашество съ нареченіемъ имени *Николай*; обрядъ постриженія совершалъ преосвященный Сергій, епископъ Могилевскій и Мстиславскій. Въ ноябрѣ того же года указомъ Святѣйшаго Синода онъ былъ утвержденъ ректоромъ Могилевской семинаріи и возведенъ тѣмъ же епископомъ Сергіемъ въ санъ архимандрита, съ награжденіемъ набедренникомъ. Въ 1889 г. онъ назначенъ ректоромъ Тифлисской духовной семинаріи, и съ этой послѣдней должности, на 16-мъ году учебно-воспитательной дѣятельности, 29 сентября 1891 года, въ Петербургѣ, хиротонисованъ во епископа Алеутскаго и Аляскинскаго.

Въ бытность свою въ Рязани, Вологдѣ, Могилевѣ и въ Тифлисѣ, епископъ Николай работалъ во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, попечительствахъ, братствахъ, былъ редакторомъ *Духовнаго Вѣстника Грузинскаго Экзархата*, предсѣдателемъ тифлисскаго епархіальнаго училищнаго совѣта и братства Св. Андрея Первозваннаго, цензоромъ проповѣдей, членомъ совѣта Общества возстановленія православія на Кавказѣ, почетнымъ членомъ многихъ благотворительныхъ Обществъ, а также братства Пресвятыя Богородицы при Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ. Будучи еще въ Вологдѣ, онъ принималъ также участіе, въ качествѣ предсѣдателя, въ коммиссіи по дѣламъ о раскольникахъ Вологодской губерніи, а въ Рязани участвовалъ въ собесѣдованіи съ раскольниками. Его дѣятельность по устройству и преумноженію церковно-приходскихъ школъ на Кавказѣ обратила на него вниманіе преосвященнѣйшаго Палладія, экзарха Грузіи, и архимандритъ Николай получилъ *особыя совершенныя* благодарности его высокопреосвященства.

Алеутская епархія, по своей отдаленности, въ странѣ свободы—Новомъ Свѣтѣ, на крайнемъ западѣ Сѣверной Америки, гдѣ при полной религіозной свободѣ существуетъ масса различныхъ сектъ и вѣроисповѣданій, не исключая и буддизма, можетъ только тогда успѣшно бороться со всѣми разнообразными препонами и соблазнами, которые постоянно встрѣчаются на жизненномъ пути исповѣдующихъ православную вѣру Христову, если этой самостоятельной и отвѣтственной епархіей управляетъ достойный этого высокаго положенія, энергичный, образованный архипастырь.

Въ лицѣ преосвященнаго Николая, наши братья по вѣрѣ получили достойнѣйшаго пастыря. Преосвященный Николай, въ настоящее время всего сорока лѣтъ отъ роду, находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ физическихъ и духовныхъ; его разнообразная плодотворная дѣятельность можетъ служить порукой за его будущее апостольское служеніе православной Церкви вдали отъ роднаго края.

Преосвященный имѣетъ ордена Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Нины, архимандритскій и кандидатскій кресты, набедренникъ. Кромѣ того, онъ удостоился получить Высочайшую благодарность отъ Государыни Императрицы за пожертвованія въ пользу раненыхъ во время турецкой войны и—отъ Государя Наслѣдника за пожертвованія на добровольный флотъ. Доброта и доступность—отличительныя черты характера преосвященнаго Николая и какъ между его бывшими воспитанниками, такъ и сослуживцами и подчиненными снискали ему общія любовь и уваженіе.

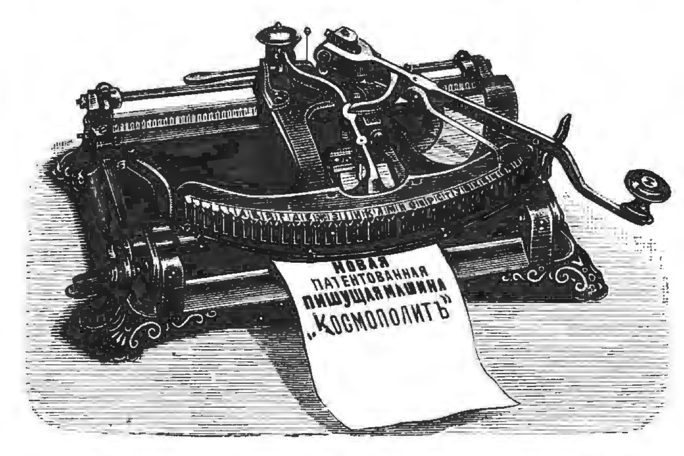
А. А. Хвостовъ.

Новое изобрѣтеніе.

(Пишущая машина „Космополитъ").

Пишущія машины распадаются на двѣ группы: клавіатурную, наиболѣе извѣстными и распространенными представителями которой являются машины Ремингтона и Гаммондъ и рычажную. Въ этой послѣдней группѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія недавно изобрѣтенная машина „Космополитъ" чрезвычайно простой и прочной конструкціи, превосходящая къ тому же по красотѣ шрифтовъ всѣ безъ исключенія приборы этого рода.

Она не имѣетъ ни молоточковъ, ни рычажковъ, ни проволочекъ и состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ нижней массивной чугунной платформы на бронзированныхъ ножкахъ, и верхней металлической части—санокъ, передвигающейся во время письма автоматически. Она чрезвычайно удобна по своимъ размѣрамъ, имѣя 8 вершковъ въ длину, 6½ вершковъ въ ширину и 3½ вершка въ вышину. Отпечатываніе буквъ и отдѣленіе слова отъ слова производятся рукоятками. Машина имѣетъ приспособленіе для установки ширины поля, и за нѣсколько буквъ до окончанія строки маленькій звонокъ предупреждаетъ пишущаго, что необходимо приготовиться къ переносу или окончанію слова. По окончаніи строки, небольшою зубчаткою съ собачкою, бумага передвигается на извѣстное разстояніе и образуетъ пространство между строками, которое можно сдѣлать, по желанію, шире и уже. Бумага зажимается плотно между двумя валиками, изъ которыхъ одинъ, имѣющимся съ лѣвой стороны платформы рычажкомъ, при вкладываніи бумаги поднимается и затѣмъ опускается. Писать машиною можно на бумагѣ разной толщины и разнаго формата.



Впереди, на верхней части машины помѣщаются каучуковые алфавиты, по порядку буквъ, по которымъ вмѣстѣ съ ручкою ходитъ небольшой указатель, чтобы во время письма не сбиться при направленіи на букву. Всѣхъ алфавитовъ, помѣщающихся на пластинкахъ, къ машинѣ прилагается: 3 латинскихъ, 2 русскихъ и 1 русскій запасный, и эти пластинки прикрѣпляются къ машинѣ посредствомъ винта съ гайкою, что дѣлается чрезвычайно быстро и просто. Машина имѣетъ 3 подушки, мѣняющіяся очень просто и быстро: одну для обыкновенныхъ копировальныхъ чернилъ, одну для гектографическихъ чернилъ и одну для литографской краски, что даетъ возможность воспроизводить написанное гектографомъ и переводить на литографскіе камни.

Машина „Космополитъ" такъ проста въ употребленіи, что на ней можетъ писать *каждый грамотный человѣкъ безъ спеціальнаго изученія* и въ нѣсколько дней пріобрѣсти необходимый навыкъ для быстраго письма. Писать ею можно не только по прямой линіи, горизонтально, но и вертикально, что особенно важно при писаніи *счетовъ, смѣтъ, отчетовъ* и т. п. Эти несомнѣнныя преимущества машины, при ея сравнительной дешевизнѣ (95 р.), повели къ тому, что въ короткое время она получила уже довольно широкое примѣненіе. Въ настоящее время къ ней приспособляется еще русскій курсивный шрифтъ, что составитъ новое немаловажное удобство.

Продается пишущая машина „Космополитъ" исключительно у оптика О. Рихтера въ С.-Петербургѣ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Генуѣ, какъ мы сообщали, нынѣ происходятъ великолѣпныя торжества по случаю четырехсотлѣтія открытія Новаго Свѣта. Празднества состоятъ изъ парадпаго спектакля въ „Carlo Felice", посѣщенія королевскою четою выставки, нѣсколькихъ баловъ, парадпаго обѣда, гонки и праздника въ портѣ. Городъ великолѣпно убранъ, и населеніе, по общимъ отзывамъ, гостепріимно встрѣчаетъ иностранныхъ гостей. Но самымъ выдающимся событіемъ безспорно является присутствіе въ портѣ иностранныхъ и итальянской эскадръ. Никогда въ немъ не вмѣщалось столько судовъ, общая водоизмѣстимость которыхъ равняется 218,396 тоннамъ.

Въ Геную королевская чета, съ принцемъ Неаполитанскимъ, графомъ Туринскимъ и герцогомъ Генуэзскимъ, въ сопровожденіи министровъ, прибыла изъ Специи на королевской яхтѣ „Savoia" 27 августа и была встрѣчена пушечными салютами фортовъ и судовъ и кликами „ура" итальянскихъ и иностранныхъ экипажей, колокольнымъ звономъ и восторженными кликами народа. Тотчасъ по выходѣ на берегъ, ихъ величества принимали въ воздвигнутомъ на набережной павильонѣ мѣстныхъ властей, послѣ чего среди горячихъ овацій прослѣдовали въ королевскій дворецъ.

На другой день, послѣ полудня, король при торжественной обстановкѣ принималъ французскаго адмирала Ріенье и капитана перваго ранга румынскаго флота Уреско, вручившихъ его величеству собственноручныя письма президента Карно и короля Карла. Затѣмъ Ріенье и Уреско представлялись королевѣ. Аудіенція Ріенье имѣла весьма сердечный характеръ и продолжалась около часа. При въѣздѣ адмирала во дворецъ и отъѣздѣ его, народъ привѣтствовалъ французскаго чрезвычайнаго посла кликами: „да здравствуетъ Франція!" На

привѣтствіе адмирала Ріенье и на переданные имъ поклонъ и пожеланія президента республики, король отвѣтилъ: „Поклону и пожеланіямъ г. Карно я и мой народъ придаемъ большую цѣну. Французское правительство явило намъ доказательство дружбы, которою мы дорожимъ и которая согласуется съ нашими собственными чувствами и съ нашей живой симпатіей къ Франціи“.

31 августа король, въ сопровожденіи принца Неаполитанскаго, графа Туринскаго, герцога Генуэзскаго и всѣхъ министровъ, осматривалъ въ теченіе всего утра адмиральскія суда Франціи, Испаніи, Австро-Венгріи, Англіи и Германіи, а также главныя суда прочихъ державъ. На французскомъ адмиральскомъ кораблѣ король пробылъ около часу, подробно его осмотрѣлъ и присутствовалъ на ученьи. Французскіе моряки прошли мимо короля церемоніальнымъ маршемъ, и его величество отозвался съ похвалою объ ихъ выправкѣ. Осмотру судовъ другихъ націй король посвятилъ нѣсколько меньше времени. Короля встрѣчали вездѣ пушечными салютами, исполненіемъ итальянскаго народнаго гимна и криками „ура“.

Газеты сообщаютъ слѣдующую подробность изъ посѣщенія президентомъ Французской республики Aix-les-Bains. Прибывъ въ городскую ратушу вмѣстѣ съ министрами Рибо и Фрейсине, г. Карно принялъ послѣдовательно членовъ муниципальнаго совѣта, а затѣмъ учителей и делегацію дѣтей, учащихся въ мѣстныхъ школахъ. Одинъ мальчикъ, одѣтый въ русскій костюмъ, поднесъ г. Карно букетъ и произнесъ стихи, слѣдующаго содержанія: „Папа сказалъ мнѣ, что Россія другъ нашей Франціи; вотъ почему я считаю за счастье, въ русской одеждѣ, поднести вамъ эти скромные цвѣты—дань нашихъ юныхъ сердецъ“. При громкихъ кликахъ: „да здравствуетъ Россія!“ Карно поцѣловалъ мальчика со словами: „Я цѣлую Россію“.

Графъ де-Моресъ недавно заявилъ письмомъ, напечатаннымъ въ нѣсколькихъ парижскихъ газетахъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ руководитель крайнихъ радикаловъ, г. Клемансо, смѣялся въ коридорахъ палаты депутатовъ надъ манифестаціями поборниковъ франкорусскаго сближенія и противодѣйствуетъ ему. На это заявленіе, г. Клемансо обратился къ барону Моренгейму съ письменнымъ протестомъ, въ которомъ говоритъ, что заявилъ себя въ коридорахъ палаты приверженцемъ этого союза и только порицаетъ проявляемый въ этомъ отношеніи избытокъ усердія.

Въ отвѣтъ на это, баронъ Моренгеймъ въ письмѣ къ Клемансо говоритъ, что онъ съ радостью узналъ о выраженныхъ Клемансо чувствахъ искренней и живой симпатіи и о его пожеланіяхъ общему, одинаково дорогому для нихъ дѣлу. Благодаря этому, разсѣются невольныя недоразумѣнія, отнынѣ невозможныя. Баронъ Моренгеймъ раздѣляетъ мнѣніе Клемансо и осуждаетъ всякій избытокъ усердія.

Въ восточной Галиціи, заселенной массою русскаго народа, стоятъ города, мѣстечки и дворы съ польскимъ и еврейскимъ населеніемъ, гдѣ ведется въ настоящее время усиленная полонизація и римско-католическая пропаганда. По словамъ *Галицкой Руси*, въ русскихъ селахъ, на которыя приходится всего 10—15 человѣкъ католиковъ, воздвигаются величественные костелы, или устраиваются іезуитами духовныя миссіи, точно среди язычниковъ, и темою проповѣдей служатъ обыкновенно „схизма“ и „рубли“. Старанія эти ни къ чему не ведутъ и, какъ замѣчаетъ *Кіевское Слово*, „галичане бѣгутъ съ родины въ Россію“. Бѣгутъ, въ полномъ значеніи этого слова, оставляя непроданными дома, скотъ и даже одежду и хлѣбъ, словно спасаясь отъ нашествія варваровъ. Пограничныя съ Австріей русскія села и деревни наполнены бѣжавшимъ изъ-за рубежа родственнымъ намъ по крови и вѣрѣ народомъ, спасающимся, по его словамъ, „отъ жида, пана и ксендза, отъ которыхъ житья не стало“. Повторяются времена Хмѣльницкаго, когда Украинскій народъ бѣжалъ за Днѣпръ во владѣнія Русскаго Царя. Какъ пишутъ изъ Староконстантинова, „съ 5 августа ежедневно въ бродъ черезъ рѣку Збручъ переправляется по 100 и 200 душъ (не считая дѣтей), не обращая вниманія на запрещеніе австрійскихъ властей. Жутко становится, слушая разсказы переселенцевъ объ австрійскихъ властяхъ и порядкахъ: налогомъ обложены не только скотъ и лошади, но даже собаки, кошки и домашняя птица... Всѣ разсказы обыкновенно заканчиваются надеждой, что Русскій Царь накажетъ Австріяка, побьетъ его и возьметъ Галицію подъ свою высокую державу...“

Преосвященный Николай, епископъ Алеутскій.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Страшный пожаръ уничтожилъ цѣлый городъ Мозырь, Минской губерніи. Въ 3 часа пополудни загорѣлась маленькая избушка на берегу рѣки, а къ 7 часамъ вечера уже не существовало города, имѣвшаго по послѣднимъ статистическимъ даннымъ 18 тысячъ жителей. Все это населеніе осталось буквально безъ крова и пищи. Сгорѣли всѣ булочныя, мясныя, всѣ лавки со всѣмъ находившимся въ нихъ товаромъ. Во всемъ городѣ не осталось ни одной курицы, ни куска хлѣба. Лишь на слѣдующій день стали подвозить припасы изъ сосѣднихъ деревень къ расположившимся на площадяхъ несчастнымъ погорѣльцамъ. За исключеніемъ зданія мужской прогимназіи, всѣ казенныя и городскія зданія стали жертвою пламени: казначейство, помѣщеніе съѣзда мировыхъ судей, камеры мировыхъ судей, судебнаго слѣдователя, судебныхъ приставовъ, воинское присутствіе со всѣми дѣлами, городская управа и др. Шесть человѣкъ погибло въ бушевавшемъ пламени, разносимомъ вѣтромъ на громадное пространство; линія огня протянулась на пять верстъ. Убытки громадные. Почти всѣ жители лишились всего своего имущества и сдѣлались нищими. Организація немедленной помощи этимъ тысячамъ несчастныхъ представляется дѣломъ крайней необходимости, и одна только широкая благотворительность изъ всѣхъ городовъ русскихъ можетъ облегчить сколько-нибудь положеніе погорѣльцевъ. (г. в.)

Оперные часы, послѣднее слово искусства изготовленія часовъ, будутъ фигурировать на всемірной выставкѣ въ Чикаго. Изобрѣлъ ихъ одинъ французскій инженеръ, работавшій долгое время у Эдисона. Пока стрѣлка обходитъ весь циферблатъ, часы играютъ подърядъ одну за другой четыре оперы: Лоэнгринъ, Фаустъ, Вильгельмъ Телль и Гугеноты. Благодаря примѣненію фонографа, достигнута поразительная тождественность съ настоящими голосами отдѣльныхъ исполнителей (Патти, Решке и др.) и хоровъ и музыкой оркестра парижской оперы. Сами исполнители выступаютъ въ видѣ каучуковыхъ куколокъ, своими лицами, жестикуляціей и пр. передающихъ съ замѣчательной точностью изображаемыхъ ими живыхъ артистовъ. Изобрѣтатель этихъ часовъ работалъ надъ ними слишкомъ десять лѣтъ. (г. в.)

Понятливость бекасовъ. Кому приходилось наблюдать за бекасами, тотъ могъ замѣтить, что они прилетаютъ на свои старыя мѣста, держа всегда въ лапкахъ маленькую вѣточку, которую, прежде чѣмъ опуститься, бросаютъ на-земь. Очевидно, что этой вѣточкой они пользуются въ теченіе всего продолжительнаго путешествія, особенно, когда имъ приходится перелетать чрезъ обширныя водныя пространства. Бросивъ свою вѣточку въ воду, бекасъ можетъ на ней спокойно отдыхать даже во время бури. (г. в.)

Натуральное вино. На съѣздѣ русскихъ винодѣловъ, состоявшемся въ Кишиневѣ съ 1 по 5 февраля, между прочимъ, разбирался вопросъ относительно установленія понятія о натуральномъ винѣ. Избранная по этому поводу комиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. Меликова, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *Натуральнымъ чистымъ виномъ* считать такое вино, къ которому не прибавлено никакихъ веществъ, какъ наприм., спирта, сахара и проч., за исключеніемъ тѣхъ, которыя употребляются въ техникѣ винодѣлія.

2) *Сдобреннымъ натуральнымъ* виномъ считать натуральное вино, къ которому добавленъ спиртъ или сахаръ въ такомъ количествѣ, чтобы довести содержаніе спирта до средней нормы спирта

въ винѣ данной мѣстности. Добавляемый спиртъ обязательно долженъ быть винный, или изъ выжимокъ и хлѣбный, но въ послѣднихъ двухъ случаяхъ хорошо ректификованный. Сахаръ долженъ быть тоже самаго высшаго качества (свекловичный или тростниковый.)

3) *Искусственнымъ натуральнымъ* виномъ считать вино, приготовленное изъ виноградныхъ выжимокъ путемъ добавленія чистаго свекловичнаго сахара.

4) *Фальсифицированнымъ* виномъ считать вино, къ которому прибавляется: a) глицеринъ; b) глюкоза (крахмальный сахаръ); c) неочищенный спиртъ; d) сахаринъ; e) салициловая кислота; f) красящія вещества изъ каменноугольнаго дегтя и прочія вредныя примѣси. Въ больныхъ винахъ, подверженныхъ уксусному броженію, коммиссія считаетъ вреднымъ нейтрализацію углекислой известью, почему такія вина должны быть отнесены къ категоріи фальсифицированныхъ. (г. в.)

„La Reyne le veult". Этими словами древняго нормано-французскаго языка англичанъ королева Великобританіи изъявляетъ свое согласіе на обнародованіе билля (закона), принятаго обѣими палатами парламента. Какъ извѣстно, каждый билль, общій или частный, для своего опубликованія нуждается въ утвержденіи королевы. До Генриха VIII согласіе это должно было каждый разъ быть даваемо парламенту лично, на словахъ; но затѣмъ парламентскимъ актомъ установлено было, что оно можетъ быть изъявляемо также и письменно, за королевской подписью. Если королева желаетъ лично объявить свою волю представителямъ своего народа, то въ такихъ случаяхъ соблюдаются всѣ старинныя формальности, придававшія этому акту замѣчательную торжественность. Прежде чѣмъ королева вступитъ въ палату лордовъ, ее ожидаетъ уже въ гардеробной клеркъ парламента, гдѣ онъ прочитываетъ ея величеству листъ со спискомъ биллей и выслушиваетъ ея повелѣнія относительно ихъ. Затѣмъ королева занимаетъ мѣсто на тронѣ, и клеркъ снова прочитываетъ ей титулъ (заглавіе) каждаго билля въ отдѣльности. Королевское согласіе на него клеркъ возвѣщаетъ парламенту, если это билль общаго характера, поставленными въ заголовкѣ нашей замѣтки словами: „La Reyne le veult" (того желаетъ королева); если же это частный билль, то согласіе выражается въ слѣдующей, также традиціонной формѣ: „Да будетъ по вашему желанію". Когда рѣчь идетъ о какомъ-либо финансовомъ биллѣ, которымъ парламентъ разрѣшаетъ израсходованіе извѣстной суммы или взиманіе какого-либо налога, то раздается возгласъ клерка: „Королева благодаритъ своихъ подданныхъ, принимаетъ ихъ приношеніе и даетъ свое согласіе". При каждомъ возвѣщеніи своей воли королева наклоняетъ немного голову. Въ случаѣ отказа королевы утвердить парламентскій билль, клеркъ объявляетъ: „Королева подумаетъ". Когда согласіе королевы объявляется чрезъ комиссаровъ, то лорды-комиссары прочитываютъ королевское порученіе, при чемъ соблюдаются точно такія же формальности, какъ если бы королева присутствовала лично. Съ 1597 г. было всего только три случая отказа англійскихъ королей отъ утвержденія парламентскихъ актовъ; послѣдній разъ это было въ 1707 г., когда королева Анна Шотландская не пожелала подписать билль о милиціи. (г. в.)

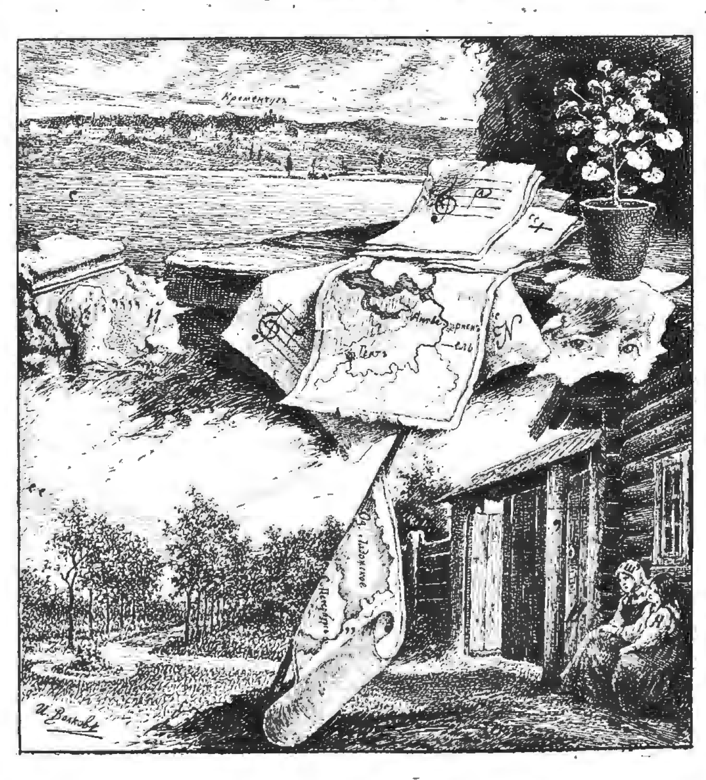
О вступившемъ недавно на престолъ великомъ герцогѣ Гессенскомъ Эрнстѣ-Лудвигѣ находятся интересныя сообщенія въ мемуарахъ его матери, покойной великой герцогини Алисы. Въ ея письмѣ къ Англійской королевѣ описываются въ крайне привлекательномъ свѣтѣ первые годы юнаго принца: „Я очень рада, пишетъ она, что тебѣ понравился портретъ моего беби, хотя фотографія передаетъ его не въ совершенствѣ; сынъ мой—красивый ребенокъ съ большими глазами, правильнымъ ротикомъ и подбородкомъ, только носъ его немного коротокъ. Веселый и чрезвычайно живой онъ совсѣмъ не знаетъ покоя." Когда великогерцогскую чету посѣтило несчастье, именно младшій сынъ ихъ Фриттіе умеръ, упавъ изъ окошка, Эрнстъ долго не могъ утѣшиться въ смерти брата. Черезъ годъ родители посѣтили его мавзолей съ Эрнстомъ, и Алиса оставила описаніе этого дня: „Мы отправились въ мавзолей, дѣти несли вѣнки, чтобы возложить ихъ на гробницу своего братца. Эрнстъ сердечно говорилъ о братѣ, и слёзы слышались въ его голосѣ. Очевидно, эта ужасная смерть оставила въ его сердцѣ неизгладимыя воспоминанія; вотъ что сказалъ онъ: „„если и я умру, и ты, и всѣ прочіе, то отчего мы не можемъ умереть всѣ сразу? Я не могу умирать одинъ, какъ Фриттіе.""" Вотъ что пишетъ Алиса о своемъ старшемъ сынѣ въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ: „Мнѣ кажется, что рѣдко мать и сынъ могутъ такъ любить и понимать другъ друга, какъ мы съ Эрнстомъ. Намъ не надо словъ, онъ читаетъ въ моихъ глазахъ, какъ и я понимаю по его глазкамъ все, что происходитъ въ его маленькомъ любящемъ сердцѣ." Въ заключеніе этой замѣтки приводимъ характеристику нынѣшняго Гессенскаго государя, заключающуюся также въ мемуарахъ его матери: „Эрнстъ благородный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, въ немъ нѣтъ того высокомѣрія, которое иногда встрѣчается у особъ королевской крови, онъ чуждъ эгоизма и готовъ помочь всякому; сознаніе своего долга и чести, любовь къ истинѣ, уваженіе закона и горячая вѣра въ Бога—вотъ отличительныя черты его характера." (к.)

Значеніе международнаго почтоваго союза увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ 1874 году основанный въ Бернѣ, онъ обнималъ 40 милліоновъ квадратныхъ километровъ съ 350 милліонами жителей. На вѣнскомъ почтовомъ конгрессѣ прошлаго года оказалось, что въ настоящее время онъ обнимаетъ поверхность въ 96 милліоновъ квадратныхъ километровъ съ 946 милліонами жителей. Всѣ государства міра, за исключеніемъ Капа, Оранжевой республики и Китая, были представлены на Вѣнскомъ конгрессѣ, впрочемъ за первыя 2 государства приняла на себя представительство Англія, что же касается Китая, то, храня свои вѣковыя традиціи, онъ уклоняется отъ участія въ международномъ почтовомъ союзѣ. Однако благодаря стараніямъ европейскихъ государствъ и тамъ учреждено одно бюро. Всѣ государства добиваются введенія общихъ почтовыхъ марокъ. Конгрессъ разбиралъ 2 вопроса: во-первыхъ, установленіе цѣны на марки и, во-вторыхъ, установленіе наказаній за поддѣлку марокъ и за употребленіе уже бывшихъ въ обращеніи марокъ. Почтовый союзъ въ настоящее время имѣетъ 170,000 бюро съ 700,000 служащихъ. Ежедневно черезъ него идетъ 41 милліонъ писемъ, пакетовъ и посылокъ, что составляетъ въ годъ 15 милліардовъ.

Убыль людей во Франціи во время войнъ 1791—1890. — Въ трудѣ, представленномъ Парижской академіи наукъ, авторъ — докторъ Ланьо — старается, на основаніи офиціальныхъ источниковъ, вычислить человѣческія потери Франціи во время войнъ истекшаго столѣтія, отъ 1791 — 1890 года. Вычисленія его ужасны. По отношенію къ человѣческимъ жертвамъ 1791—1799 г. онъ руководствуется переписью. Въ этотъ промежутокъ времени призвано къ знаменамъ 2,080,000 французовъ. Изъ нихъ, по графу Гарнье, пало 720,000; по другимъ демографамъ—1,500,000. Съ 1799 г. по 1815 г. служило 3,153,598. На поляхъ битвъ остался одинъ милліонъ, другой погибъ въ больницахъ и лагеряхъ. Съ 1815 г. по 1851 г. потери были незначительны, несмотря на походъ въ Грецію и Алжиръ. Въ Крымскую кампанію погибло 95,615 французовъ: 10,240—на полѣ сраженія, 85,375—въ лазаретахъ. Итальянскій походъ стоилъ 12,173 французскихъ жизней. Потери мексиканскаго похода остались неизвѣстны. Однако вычислено, что всѣ войны имперіи отъ 1851 — 1869 г. унесли 356,000 жизней. Потерю 1870 года Ланьо вычисляетъ по слѣдующему методу: въ 1866 году Франція имѣла 38,192,064 жителей, изъ которыхъ на потерянныя области приходилось 1,597,239. Въ 1872 году насчитывали жителей 36,102,921. До 1866 года народонаселеніе ежегодно увеличивалось 3,6 на 1000, такъ что съ 1866 по 1872 годъ приростъ долженъ былъ составить 816,900, тогда какъ статистика показываетъ уменьшеніе народонаселенія на 491,905. Такимъ образомъ на войну 1870 года и на Коммуну приходится 1,308,805 человѣческихъ жизней. Изъ этого краткаго перечня видно, что за послѣднія сто лѣтъ Франція во время войнъ пролила цѣлое море своей собственной крови. (в.)

Комиссія по устройству празднованія столѣтняго юбилея города Одессы недавно закончила выработанную ею программу. Это рѣдкое торжество будетъ, между прочимъ, увѣковѣчено нѣсколькими капитальными постройками. Прежде всего будетъ воздвигнутъ новый соборный храмъ въ память юбилея, на средства, добровольно жертвуемыя городскимъ населеніемъ; далѣе городъ ассигнуетъ 60,000 рублей на разведеніе зоологическаго и акклиматизаціоннаго сада въ Одессѣ; 25,000 рублей—на расширеніе и улучшеніе Ришельевскаго бульвара; 10,200 рублей — на изданіе подробнаго историческаго описанія города Одессы и 5700 рублей — на изданіе систематическаго собранія постановленій Одесской городской Думы. (в.)

Ребусъ. Задача № 44.



2 внутр. съ выигр. заемъ 1866 г. 53 тиражъ 1-го сентября 1892 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
8	33	500	2210	29	8000	4614	33	500	7330	9	500	9810	9	500	12709	33	500	15150	3	500	17399	41	500
43	47	500	2254	19	500	4706	27	500	7336	48	500	9824	50	500	12762	36	500	15176	48	500	17405	6	500
76	46	500	2255	49	500	4751	21	5000	7353	9	500	9966	4	25000	13010	31	500	15182	44	8000	17530	47	500
157	27	500	2266	39	500	4808	8	500	7406	16	500	10009	35	500	13038	10	500	15200	40	500	17560	46	500
175	42	500	2377	12	500	4831	35	500	7418	14	500	10037	24	500	13097	49	500	15217	18	500	17597	31	500
195	10	500	2381	31	500	4855	37	500	7460	8	500	10088	36	500	13103	13	500	15222	47	5000	17642	48	500
453	30	500	2570	12	500	4865	17	500	7505	34	75000	10277	42	500	13109	21	1000	15250	4	40000	17704	18	500
562	42	500	2588	42	500	4970	38	500	7544	10	500	10350	14	500	13180	49	500	15380	42	500	17704	47	500
607	43	500	2590	19	500	5025	34	500	7548	18	500	10633	46	1000	13230	41	500	15461	7	500	17803	17	500
628	8	500	2618	5	500	5112	32	500	7568	36	500	10826	18	500	13233	34	500	15464	26	500	17837	38	5000
633	43	1000	2668	30	500	5139	18	500	7644	6	500	10982	40	500	13302	23	500	15495	21	500	17922	38	1000
666	26	500	2820	36	500	5288	49	1000	7693	4	500	11066	43	500	13321	30	500	15530	43	500	17976	49	500
700	36	500	2823	41	500	5302	11	500	7719	45	1000	11079	46	500	13354	19	1000	15554	46	500	18066	21	1000
727	18	500	2915	10	500	5515	48	500	7883	13	500	11176	20	500	13433	31	500	15591	21	500	18089	16	500
772	44	500	3016	37	500	5518	23	500	7966	32	5000	11214	25	500	13476	9	500	15604	7	500	18237	36	500
789	13	500	3072	13	500	5562	46	500	8027	28	500	11298	14	500	13581	40	1000	15698	39	500	18241	3	500
864	49	200000	3188	21	500	5698	13	500	8032	15	500	11305	18	500	13582	28	500	15970	36	500	18296	41	500
901	30	500	3402	11	500	5938	33	500	8080	19	500	11309	18	500	13755	29	500	16154	8	500	18347	47	500
904	14	500	3438	19	500	6001	25	500	8177	2	500	11320	34	500	13794	22	8000	16161	26	500	18651	37	5000
966	5	500	3459	23	1000	6003	2	500	8538	18	500	11343	33	500	13855	10	1000	16319	33	500	18705	37	500
966	48	1000	3504	33	500	6147	18	500	8618	34	500	11348	45	500	13972	33	500	16417	3	500	18745	32	500
984	23	500	3527	48	1000	6174	47	500	8620	12	500	11497	10	500	14038	23	500	16466	16	500	18774	29	500
986	49	500	3567	18	500	6178	39	1000	8634	31	500	11536	12	500	14089	25	500	16498	44	500	18779	48	10000
988	4	500	3579	8	500	6240	47	500	8720	5	500	11564	25	500	14201	16	500	16518	13	500	18832	36	500
1038	9	500	3732	8	1000	6268	50	500	8784	35	500	11732	46	500	14214	41	500	16583	16	500	18854	40	500
1111	8	500	3749	25	5000	6286	39	500	8942	32	500	11834	30	10000	14238	30	500	16597	23	500	18958	31	500
1166	8	500	3766	26	500	6373	20	500	9052	18	500	11870	37	500	14287	10	500	16809	49	500	18993	33	5000
1231	29	1000	3774	35	500	6425	26	500	9104	39	500	11874	29	500	14526	23	500	16905	47	8000	19362	50	500
1234	44	500	3782	12	500	6647	49	10000	9122	41	500	12024	10	500	14583	26	500	16969	48	500	19440	26	500
1242	11	500	3812	38	500	6649	45	500	9185	39	500	12078	23	500	14613	45	500	17976	21	500	19481	8	500
1258	30	500	3818	8	500	6662	36	500	9210	33	500	12110	45	500	14658	45	500	17026	12	500	19511	50	500
1338	24	5000	4187	45	500	6705	10	500	9517	50	500	12169	39	500	14660	46	500	17027	37	500	19526	30	500
1408	31	500	4441	42	500	6731	20	500	9536	15	500	12253	36	500	14778	31	8000	17166	45	500	19628	12	1000
1490	47	500	4443	8	500	6875	40	500	9547	35	500	12371	11	500	14869	50	500	17170	48	500	19628	33	500
1545	35	500	4524	35	500	7016	41	500	9584	38	500	12410	9	500	15069	18	500	17218	8	500	19729	18	500
1622	34	500	4536	38	500	7079	47	1000	9598	16	500	12425	27	500	15129	8	500	17334	4	500	19758	49	500
1777	9	500	4587	19	500	7153	36	500	9658	50	1000	12470	40	500	15147	33	500	17367	32	500	19773	17	500
2155	20	500	4599	41	500	7199	35	500	9756	17	1000												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

187, 405, 878, 955, 1276. 1368, 2088, 2534, 2689, 2778, 2796, 2941, 3580, 3610, 3717, 4070, 4214, 4562, 4649, 4992, 4999, 5138, 5204, 5307, 5375, 5451, 5481, 5710, 5754, 5814, 5900, 6259, 6361, 6804, 7175, 7459, 7495, 7632, 7851, 8197, 8271, 8338, 8354, 8775, 8959, 9037, 9403, 9404, 10128, 10372, 10406, 10413, 10519, 10755, 10939, 11010, 11026, 11186, 11261, 11462, 11712, 11918, 11947, 11962, 13020, 13044, 13354, 13518, 14469, 14623, 14678, 15053, 15667, 15909, 16032, 16268, 16358, 16415, 16439, 16773, 16860, 17049, 17255, 17427, 17545, 17605, 17757, 17799, 18240, 18651, 18837, 18974, 19074, 19230, 19698, 19988.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
И. И. КОЗЛОВА.

Изданіе исправленное и значительно дополненное А. И. Введенскимъ. Съ біографическимъ очеркомъ и съ портретомъ Козлова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Весьма изящно изданный томъ, въ 8 д. л., 344 стран., на лучшей бумагѣ. СПБ. 1892 г. Цѣна 1 р., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 55 коп.

Съ требованіями на книгу благоволятъ обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“ (Невскій 6.), а также и ко всѣмъ книгопродавцамъ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ

и уходъ за аккумуляторами. Составилъ Селомэисъ. Перевелъ съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Съ 81 рис. и 2 таблицами. Ц. 1 р. 25 коп. Продается во всѣхъ книж. магазинахъ. Главный складъ въ книжн. магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., д. 2).

ВНОВЬ ОТКРЫТО № 5949 2—2

МУЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ПАНСІОНЪ Р. К. СЛИВИНСКАГО

со вступительн. курсами каз. среднеучебн. завед. Ученики принимаются приходящ. и живущими. Обученье, репетированіе и практика иностран. языковъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Музыка и пѣніе за отдѣльную плату. Справляться ежедневно съ 11—2 ч. до 20 Сентября, въ кв. въ д. Игумнова на Землянкѣ, бл. Высокаго м., въ Москвѣ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (15)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ подделокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

П. № 5490 12—11

БРОКАРЪ и К°.

ОДЕКОЛОНЪ
ЭКАЛИПТОЛЪ
для дезодоризаціи воздуха.

80, Невскій, 80.

№ 5951 4—1

Вышло новое изданіе

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ!

Научно-практическіе совѣты по сельскому и домашнему хозяйству. Составилъ *А. Альмединген*ъ. Часть II. (185 совѣтовъ). Цѣна ея та-же что и первой части—50 коп. Продается во всѣхъ книж. магазинахъ. Глав. складъ въ книжн. магазинѣ Луковникова (СПБ. Лештуковъ пер., д. 2). Mt. № 5957

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно: Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.

ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.

10—9 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5742

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА, въ СПБ—гѣ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. С. ГРИБОѢДОВА

подъ редакціей А. И. Введенскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. С. Грибоѣдова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Очень изящно изданный томъ, въ 8 долю листа, 392 страницы, на лучшей бумагѣ. СПБ. 1892 г. Ц. 1 руб., а съ пересылкою 1 р. 30 к., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, 1 р. 30 к., а съ пересылкою 1 р. 60 коп.

При изданіи нашего собранія сочиненій Грибоѣдова, мы воспользовались всѣми сдѣланными до сихъ поръ изысканіями, исчерпывающими все, что изъ написаннаго Грибоѣдовымъ было разбросано въ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ или могло быть добыто въ рукописяхъ. Мы расположили произведенія по родамъ, что съ особенною наглядностью обнаруживаетъ свойства ума и таланта творца „Горя отъ ума“. Тексты произведеній Грибоѣдова взяты нами тѣ, которые, по нашему мнѣнію, болѣе авторитетны.

Съ требованіями на книгу просятъ обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6.), а также и ко всѣмъ книгопродавцамъ.

Отъ Комитета по сбору пожертвованій и сооруженію Св. Храма во имя Апостола Петра и часовни въ деревнѣ Лахта.

На песчаномъ берегу Финскаго залива, близь деревни Лахты, одиноко стоитъ громадная сосна, широко раскинувъ свои полусгнившіе сучья, лишенные вѣтвей. На высотѣ 2—3 аршинъ на этой соснѣ укрѣплена неизвѣстною рукою самая убогая со стекломъ кіота, уставленная почернѣвшими и полинявшими отъ времени разныхъ размѣровъ иконами. Присутствіе въ этой кіотѣ самой незатѣйливой лампады и посуды для деревяннаго масла несомнѣнно указываетъ на то, что иногда заботливою рукою бѣднаго селянина здѣсь зажигается и теплится лампада. Какое-то особенное чувство пробуждаетъ въ сердцѣ эта кіота на одиноко стоящей полусгнившей соснѣ. № 5959

Кто бы могъ подумать, что эта убогая сосна съ кіотой есть единственный памятникъ русскаго народа о великомъ христіанскомъ подвигѣ Великаго Преобразователя Россіи и Основателя великой сѣверной столицы, ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-го.

Изъ исторіи извѣстно, что онъ, 1-го ноября 1724 года, спасая утопающихъ близь Лахты, простудился и получилъ тяжкій недугъ, который и свелъ его въ могилу.

Прошло съ тѣхъ поръ слишкомъ полтораста лѣтъ, много пронеслось бурь и непогодъ надъ тѣмъ мѣстомъ, вѣковая сосна давно уже лишилась зеленыхъ вѣтвей, и сучья ея уже почти сгнили, но ни бушующій вѣтеръ, ни рокочущія волны морскія, ни протекшее время не могли изгладить изъ памяти народа воспоминанія о самоотверженномъ подвигѣ христіанской любви къ своему ближнему ВЕЛИКАГО МОНАРХА.

Съ другой стороны, сколько свершилось перемѣнъ съ тѣхъ поръ въ судьбахъ нашего отечества: Россія за это время, чрезъ прорубленное могучею рукою ПЕТРА „окно въ Европу“, успѣла сдѣлаться Великою Европейскою Державою, а сѣверная столица ея—великимъ европейскимъ городомъ, даже Лахта многое сдѣлала въ своемъ развитіи,—но по сіе время жалкая, съ убогою кіотою сосна есть единственный памятникъ великаго подвига ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Крѣпкіе вѣрою въ Бога и любовію къ своимъ Монархамъ, великодушные сыны Россіи! Сердце Ваше скажетъ, что это мѣсто должно быть незабвенно для отчизны и достойно можетъ быть увѣковѣчено единственно храмомъ Божіимъ, какъ памятникомъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ христіанскому подвигу ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I-го.

Въ настоящее время сооруженіе храма во имя Апостола Петра въ деревнѣ Лахта, какъ мѣстѣ, наиболѣе безопасномъ отъ наводненій, и сооруженіе часовни на берегу залива, подъ сосною, составляетъ задачу учрежденнаго съ благословенія Его Высокопреосвященства Комитета. Не имѣя какихъ либо опредѣленныхъ средствъ для осуществленія своего предпріятія, Комитетъ по сооруженію св. Храма и часовни на Лахтѣ всецѣло разсчитываетъ въ данномъ случаѣ на теплое участіе и дѣятельную поддержку этому святому дѣлу всѣхъ истинно-русскихъ людей.

Пожертвованія принимаются по адресу: Его превосходительству контръ-адмиралу Александру Ивановичу Петрову (Васильевскій островъ, уг. Малаго проспекта и 12 линіи въ собств. домѣ), а также и по подписнымъ листамъ Комитета.

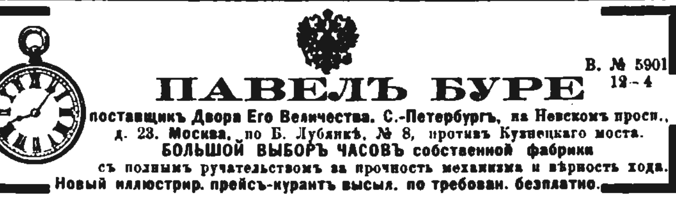
ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 5887 2—2

Зимній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 17 октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію безплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ

Гогенгеймъ, въ сентябрѣ мѣс. 1892 г. Vossler.



В. № 5901 12—4

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ 56-ой ПРОБЫ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛІАНТОМЪ.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ. БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

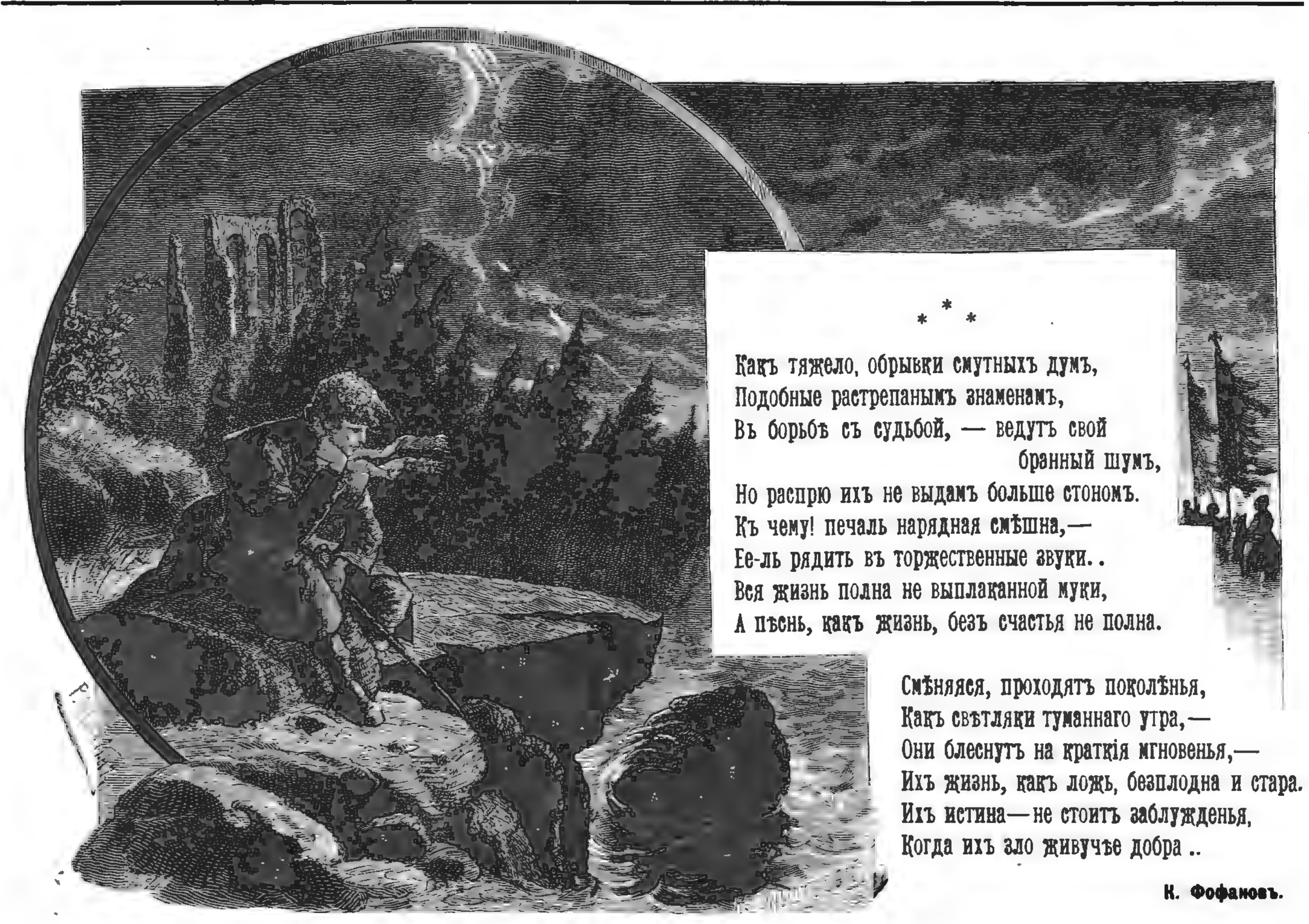
При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ Товарищества Росс. Америк. резиновой мануфактуры.

Дозвол. цензур., СПБ., 9 сентября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 38 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6–10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 19 сентября 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



* * *

Какъ тяжело, обрывки смутныхъ думъ,
Подобные растрепанымъ знаменамъ,
Въ борьбѣ съ судьбой, — ведутъ свой
бранный шумъ,
Но распрю ихъ не выдамъ больше стономъ.
Къ чему! печаль нарядная смѣшна,—
Ее-ль рядить въ торжественные звуки..
Вся жизнь полна не выплаканной муки,
А пѣснь, какъ жизнь, безъ счастья не полна.

Смѣняяся, проходятъ поколѣнья,
Какъ свѣтляки туманнаго утра,—
Они блеснутъ на краткія мгновенья,—
Ихъ жизнь, какъ ложь, безплодна и стара.
Ихъ истина—не стоитъ заблужденья,
Когда ихъ зло живучѣе добра..

К. Фофановъ.

Сонетъ. Рис. Р. Штейнъ, грав. Ольшевскій.

Дора.

Повѣсть **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе).

XI.

Дора проснулась сегодня рано. Она даже испугалась, открывъ глаза. Ей казалось, что она опоздала, что Александръ Сергѣевичъ уже ждетъ ее тамъ... Тамъ, гдѣ сегодня должно рѣшиться такъ много! Она слишкомъ много страдала и мучилась всѣ эти дни, оставаясь по вечерамъ одна, наединѣ со своими думами и желаніями. Дѣвушка мало знала жизнь, но и ее поражала странная неопредѣленность всего, что до сихъ поръ говорилъ ей Александръ Сергѣевичъ.

„Неужели онъ смотритъ на меня какъ на игрушку?" безотвязно гвоздила ее тоскливая мысль. „Неужели пока я для него развлеченіе, а потомъ онъ равнодушно отойдетъ отъ меня прочь, чтобы жениться на Нинѣ... Я могу быть только женой его и ничѣмъ инымъ. Только женой."

И она, встрѣчаясь съ нимъ въ эти дни, чутко прислушивалась къ тому, что онъ ей скажетъ, не намекнетъ ли хоть однимъ словомъ на это, но Волоцкой изрѣдка становился мраченъ, хмурился, потомъ, увидѣвъ ее, старался точно отогнать какую-то безотвязную мысль и насильственно улыбался ей. Какъ-то онъ сказалъ ей проходя мимо: „Дора, Дора, какъ я люблю васъ!" „А дальше?" строго спросила она его. Онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее и очевидно не понялъ. Ничего не понялъ! Только вчера, кажется, ему самому пришло въ голову, что надо же уяснить ихъ отношенія, придти къ чему-нибудь опредѣленному. Къ чему? Она этого не знала. Ей страшно было даже загадывать объ этомъ. А что если все, все чему она вѣрила, на что надѣялась, разлетится прахомъ? Если онъ ей скажетъ, что женой его она быть не можетъ... Имъ вѣдь это кажется такъ легко, такъ просто. Онъ пообѣщаетъ свою любовь, вѣрность и такъ далѣе... только не имя! Только не положеніе его жены. О, противъ этого возмущается вся ея плебейская гордость... Она не считала себя ровней ему,— и только заикнись онъ сегодня объ этомъ,—она знала, что у нея хватитъ силы и энергіи отказать ему и прекратить навсегда ихъ знакомство... Остановясь на этомъ, Дора поспѣшно одѣлась, подольше нѣсколько оставалась у зеркала. Женскій инстинктъ подсказывалъ ей, что именно сегодня ей надо быть красивѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Когда она вышла, пышность южнаго утра охватила ее чарующей прелестью.

Несмотря на ранній часъ, апельсинныя и лимонныя деревья, подъ только что поднявшимся солнцемъ, ярко горѣли своими блестящими, точно эмальированными листами... Въ ихъ массѣ матовымъ золотомъ отливали дозрѣвавшіе плоды. Сквозь густые своды аллей, затканныхъ плющемъ и виноградомъ, едва-едва прорѣзывалось темное сегодня небо.

„Должно быть жарко будетъ", думала про себя Дора, проходя черезъ Hôtel Vittoria и его садъ къ туннелю внизъ.

На вершинахъ горъ еще лежали бѣлыя облака. Только кое-гдѣ они лѣниво подымались, обнажая сѣрыя скалы. Синими тѣнями и лиловатыми пятнами изъ расщелинъ прорывалась всякая поросль. Дора сорвала по пути розу и приколола ее, всю осыпанную росою, къ себѣ на грудь. На площадкѣ, гдѣ аллея кончалась, только одна большая пальма, точно расправлявшая въ свѣтѣ и зноѣ свои утомленные ночною прохладою громадные перистые листья, заслоняла небо передъ нею. Тишина пока царила кругомъ. Должно быть Сорренто еще не просыпался. У бѣло-мраморнаго памятника Торквато Тассо не было никого. Ни одинъ кучеръ не щелкалъ бичемъ подъ каштанами площади. Только слѣпаго нищаго Джакомо какая-то старуха выводила на его постоянное мѣсто въ тѣнь стараго дома и усаживала на соломенный плетеный стулъ. Весь Сорренто вѣрилъ, что подать сольдо [1]) Джакомо утромъ, значитъ купить себѣ удачу на цѣлый день, и Дора, невольно улыбаясь этому суевѣрію, въ то же самое время перебѣжала дорогу и бросила слѣпому монету. Въ туннелѣ было темно, только внизу у входа ярко голубѣло море. Дора живо пробралась черезъ эту подземную жилу и очутилась внизу въ marina. Тутъ тоже мало кто проснулся. Какая-то хорошенькая дѣвчонка, кудлатая и большеглазая, запѣла ей навстрѣчу „un soldo, Signora, un soldo", показывая ей въ поясненіе одинъ палецъ и потомъ зажестикулировала всею кистью, какъ будто опуская въ ротъ макароны. Дѣвушка дала ей сольдо и спросила, проснулись ли лодочники.

— Антоніо проснулся и увезъ уже форестьера въ „bagni della Regina".

— Какого, высокаго, черноволосаго?.. догадывалась Дора.

— Да, да!.. Такого красиваго!.. У него еще такія хорошія вещи болтаются на цѣпочкѣ... Вотъ тутъ.

— А кто еще есть здѣсь у васъ?

— Больше никого. Всѣ спятъ. Сегодня будутъ долго спать. Вчера всю ночь ловили пьевръ подъ камнями и на огонь.

Эту „marina" отъ сосѣдней отдѣлялъ только мысокъ, на которомъ весь бѣлый, подъ старымъ деревомъ, поднимался домъ гдѣ жили doganieri. Одинъ изъ нихъ уже торчалъ на бѣлой террасѣ, глядя въ море. Дора живо обогнула выступъ утеса и очутилась по другую сторону, гдѣ море глубже входило въ землю и бѣлѣли прислонившіеся къ скаламъ дома, высокіе какъ башни и узкіе, съ такою же церковью. Всякій разъ, когда Дора бывала здѣсь, ей казалось, вотъ-вотъ сползутъ сверху темныя массы гигантскихъ камней и раздавятъ совсѣмъ жалкую рыбачью деревушку.

— Лодку, синьора? подскочилъ къ ней черномазый рыбакъ, очевидно замѣтившій ее изъ окна своей хижины.

— Да... Bagni della Regina!

— Сейчасъ. Если не жалко будетъ четырехъ франковъ для eccelenza, такъ я позову своего брата Carlino и мы живо докатимъ туда.

„Eccelenza" жалко не было, и на крикъ перваго вышелъ еще болѣе черномазый молодецъ съ яркимъ краснымъ платкомъ на шеѣ и глазами совсѣмъ навылетъ.

Трудно было бы самой Дорѣ Петровнѣ опредѣлить, что она чувствовала въ тѣ минуты когда лодка съ нею скользила мимо соррентинскихъ скалъ. Съ моря вѣяло прохладой.

— Ессо, signora! (Вотъ!) указалъ ей гребецъ на узкій входъ въ Bagni della Regina.

Казалось, лодкѣ никакъ не проникнуть туда, но онъ ловко повернулъ ее и она живо проскользнула въ этотъ райскій уголокъ... Представьте себѣ большую капеллу, гдѣ вмѣсто купола синѣетъ глубокое, благоговѣйное небо, а вмѣсто пола недвижнымъ зеркаломъ стоитъ прозрачная какъ хрусталь вода. Тѣнь, тишина, уединеніе. Сверху сползаетъ сюда цѣпкая поросль, изъ трещинъ утесовъ тысячи цвѣтовъ поднялись и напоили весь окрестный воздухъ своимъ нѣжнымъ ароматомъ. Изрѣдка залетитъ сюда пташка, забьется въ гущину какого-нибудь дерева, запоетъ въ ней, и кажется, что звуки ея пѣсни подхватываются и повторяются каждымъ камешкомъ этой чудной капеллы. Преданіе говоритъ, что здѣсь была купальня королевы Джо-

[1]) Мелкая мѣдная монета.

ванны. Истина гораздо древнѣе этой сказки. Во времена оны—эта капелла была вся покрыта сводами, рухнувшими тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ въ море и еще до сихъ поръ замѣтными тамъ. Купальня, громадная и круглая какъ базилика, принадлежала вѣроятно какому-нибудь римскому богачу. Отъ нея остались слѣды ступеней вверхъ, гдѣ заслоненная платанами, апельсинами и лимонными деревьями, магноліями и каштанами, въ ихъ ревнивой тѣни красовалась, вѣрно, бѣломраморная вилла.

— Вы здѣсь? крикнула Дора и сама расхохоталась глупости своего вопроса.

Въ одномъ мѣстѣ стѣна капеллы нѣсколько отступила. Тутъ былъ мелкій песокъ и прохлада. На одномъ изъ камней здѣсь сидѣлъ Александръ Сергѣевичъ. Увидѣвъ Дору, онъ просвѣтлѣлъ и снялъ шляпу.

— Не обманули? улыбался онъ. — Я ужь усталъ ждать васъ.

— Я не обманываю никогда!.. подчеркнула она невольно, злясь на самоё себя.

Какъ только она увидѣла Александра Сергѣевича, тотчасъ же почувствовала, что въ ней слабѣетъ рѣшимость говорить съ нимъ серьезно.

— Я думалъ вамъ не удастся... вырваться.

— Отчего? Всѣ спятъ еще и долго не встанутъ!

— Ну, здравствуйте.

И онъ пожалъ ей обѣ протянутыя ему руки.

Гребецъ съ глазами навылетъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, хитро улыбнувшись, спросилъ уже у Волоцкаго:

— Когда синьоръ прикажетъ пріѣхать?

— Въ восемь.

— Benissimo... будетъ исполнено... Не дастъ ли намъ чего-нибудь сеньоръ, чтобы намъ *тоже* не было скучно ждать.

Александръ Сергѣевичъ бросилъ имъ золотой, но промахнулся и золотой шлепнулся въ воду. Гребецъ съ глазами навылетъ не растерялся. Онъ мигомъ оказался въ водѣ и, не давъ золотому даже упасть на дно, вынырнулъ, держа его въ зубахъ.

— Это все намъ? спросилъ онъ совершенно счастливый хотя и мокрый.

— Да, вотъ еще! ловите, смѣялся Волоцкой.

И онъ бросилъ второй.

Лодочники заорали evviva и, благословляя principe, живо убрались отсюда.

Александръ Сергѣевичъ слѣдилъ за лодкой нетерпѣливымъ взглядомъ и, когда она исчезла въ щели, соединявшей „королевскую купальню“ съ моремъ порывисто обернулся.

— Дора, здѣсь неудобно сидѣть... Могутъ наѣхать любопытные форестьеры, и тогда выйдутъ еще, чего добраго, сплетни.

— Я ничего не боюсь. Я чувствую себя правой. И пришла — какъ бы пришла всякая на моемъ мѣстѣ. Намъ нужно, Александръ Сергѣевичъ, столковаться обо многомъ, а бояться — бояться мнѣ нечего.

— Да я за тебя боюсь.

— Куда же дѣваться?

— О, я не даромъ знаю Сорренто, лучше любаго неаполитанца. Дай мнѣ руку. Ты видишь эту трещину! точно жилка... правда... Ну вотъ надъ нею камни... Ступай осторожнѣе... Ради Бога не поскользнись.

— Трудно идти.

— Ну такъ извольте тогда не двигаться и не мѣшать мнѣ, засмѣялся онъ, и не успѣла она еще сообразить въ чемъ дѣло, какъ онъ мигомъ наклонился и поднялъ ее на воздухъ. — Держись за мою шею... Я какъ козелъ по горамъ царапаюсь.

И дѣйствительно онъ почти вбѣжалъ на крутой отвѣсъ, ставя ноги въ едва замѣтныя скважины и неровности камня. Когда онъ былъ вверху — онъ поставилъ ее на ноги.

— Усталъ?

— О нѣтъ... Посмотри внизъ.

На противоположную сторону шелъ другой скатъ — тамъ была вторая маленькая капелла... которую Волоцкой сквозь жилку показалъ Дорѣ; туда просачивалось море и наполняло ее, оставляя свободными кучку камней и небольшую полоску чистаго золотаго совсѣмъ песку между ними.

— Здѣсь никогда нѣтъ солнца... И уединеніе!.. Мы будемъ какъ на необитаемомъ островѣ... Оттуда никто не придетъ... Развѣ если съумѣетъ лазить по скаламъ такъ же, какъ я... А это трудно.

— Ну, Дора, теперь здравствуй, по-настоящему...

И онъ, взявъ ея голову сильными руками своими, такъ что она уже не могла отвести ее, жадно сталъ цѣловать ея полураскрытыя и разомъ отъ внутренняго жара высохшія губы.

— Ну полно, полно!.. Садись рядомъ. Вотъ такъ. Дай мнѣ насмотрѣться на тебя. Ты знаешь, въ прошломъ году я заглядывалась на тебя, когда думала, что ты этого не видишь. И вотъ, ты мой теперь... Надолго ли?.. вырвалось у нея.

— Зачѣмъ загадывать!

— Въ вѣчной любви ты не клянешься значитъ? улыбнулась она.

— Нѣтъ... И онъ нахмурился. — Я никогда не лгу... Я знаю, что я люблю тебя больше жизни. Что для меня теперь ты — *все*, мое *все*... Но вѣчность! вѣчность... зачѣмъ задумываться объ этомъ... для меня вѣчность — вотъ эти три часа пока мы будемъ одни... Ахъ, Господи, я не могу подумать безъ ужаса о томъ, что сегодня опять долженъ буду таскать подъ руку эту идіотку — ангела Ниночку и слушать сладости ея мамаши. Послушай, Дорочка, бѣжимъ отъ нихъ...

— То есть это ты бѣги отъ нихъ... Я-то при чемъ же?

— Если бы не ты, я бы сбѣжалъ.

— Я не знаю, не уйду ли и я. Мое положеніе невыносимо. Я такихъ, какъ она, еще не видала. Она принимаетъ меня совершенно за свою горничную.

— Уйдемъ...

— Какъ же уйти?.. Не съ тобою ли вмѣстѣ?

— А то съ кѣмъ же?

— Въ качествѣ чего-же? грубо вырвалось у нея. Она вспыхнула и, уже негодуя, посмотрѣла на Александра Сергѣевича. — Въ качествѣ бѣглой, на которую потомъ станутъ пальцами указывать всѣ. Безъ возврата домой.

Онъ поблѣднѣлъ и нахмурился. Его самого мучила все это время неопредѣленность ихъ положенія. Онъ понималъ, что тянуть нельзя, что рано или поздно придетъ моментъ, когда имъ нужно будетъ такъ или иначе устроить свою жизнь. Но Волоцкой былъ человѣкомъ своего времени. Ему казалась страшною бѣдность. Онъ колебался, что ему дѣлать? Ему хотѣлось увѣрить себя въ томъ, что дядя ему не откажетъ, и въ то же время онъ слишкомъ хорошо зналъ своего старика.

Она, тоже блѣдная, смотрѣла на него и ждала.

— Послушай, Дора, ты меня любишь? да?

— Это для тебя вопросъ? строго переспросила она.

— Разъ любишь — значитъ мнѣ вѣришь?

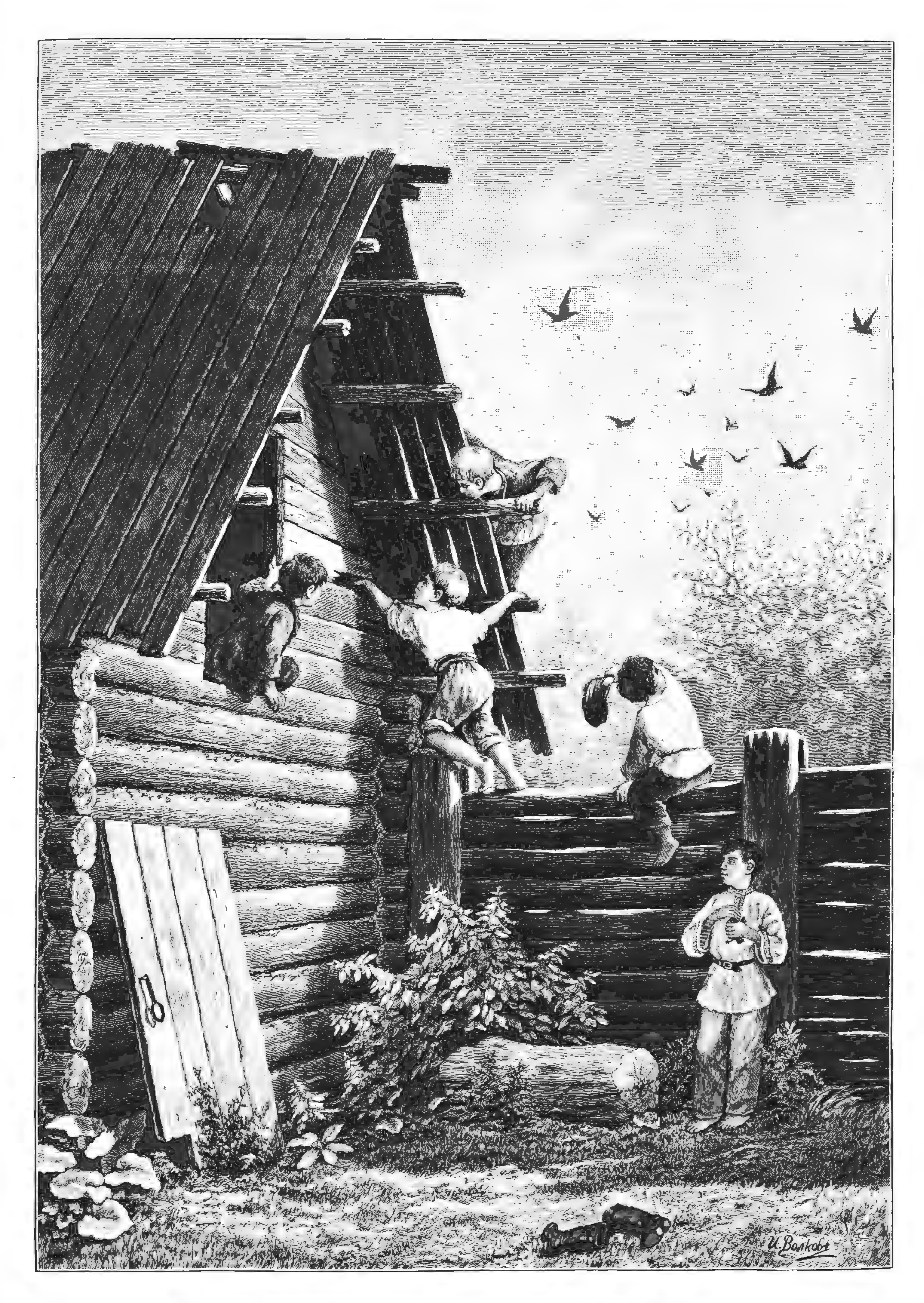
— Какъ Богу!..

— Ну такъ даю тебѣ слово, что ты будешь моей женой... Только — и не спрашивай меня почему, я не могу жениться на тебѣ теперь... На это нужно мнѣ мѣсяцъ — два по крайней мѣрѣ... Есть одно обстоятельство... Оно, пойми, пока сильнѣе меня... И я не могу ничего сдѣлать. Я прошу только вѣрить мнѣ... Мнѣ надо съѣздить въ Петербургъ сначала и тамъ устроить все... И тогда...

Она смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза и ничего не понимая.

— Не смотри на меня такъ. Мнѣ кажется, что ты

Боярыня на побывкѣ въ монастырѣ. Ориг рис. (собств. „**Нивы**") **С. Соломко**, грав. Шюблеръ.



Маленькіе разбойники. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **И. Волкова,** грав Рашевскій.

сомнѣваешься во мнѣ — и этого довольно, чтобы я разбилъ себѣ голову объ эти камни.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не сомнѣваюсь... Я повторяю, вѣрю тебѣ какъ Богу... Но я ничего не понимаю.

— Мы можемъ, мы должны ждать еще... только мѣсяцъ, два — пойми ты. Мнѣ нужно только мѣсяцъ, два!

— Послушай, вдругъ вырвалось у Доры. — Я твоя... Я люблю тебя... Зачѣмъ же ты точно извиняешься передо мною... Я только не могу стать въ такое положеніе, въ какомъ ты самъ потерялъ бы ко мнѣ уваженіе. Я тебѣ вѣрю... Ты говоришь — значитъ есть причины. Если ты мнѣ ихъ не открываешь,— значитъ и на это у тебя есть основаніе... Я готова была бы ждать тебя не два мѣсяца, а всю жизнь...

И сама не зная чего, она положила голову къ нему на плечо и заплакала.

Онъ тихо ласкалъ ее, не отводя глазъ отъ нея.

— Чего ты? спрашивалъ онъ ее.

— Такъ... сейчасъ пройдетъ... Ужь слишкомъ я намучилась все это время... У Баташовой избаловали меня... А эта... О если бы зналъ ты, какъ она оскорбляетъ меня! Ты, милый, не удивился, что я вчера держала себя съ нею такъ?.. Вѣдь это отъ отчаянія! Она точно догадывается, что что-то сильнѣе меня самой привязываетъ меня къ ней, къ этому несчастному мѣсту, и обращается со мною поэтому какъ...

— Довольно!.. Еще немного погоди... Я сдѣлаю все!

А самъ онъ думалъ въ тѣ же минуты—какъ ей сказать объ этомъ. Какъ сказать ей! Женщины слишкомъ сантиментальны, чтобы понять это, слишкомъ сантиментальны. „Она, разумѣется, отвѣтитъ мнѣ, что ее не пугаетъ бѣдность... Еще бы! Всѣ онѣ такъ. А приведись столкнуться съ нею — сейчасъ же первыя опустятъ крылья. Одной ей ничего... А семья съ нищетою—это слишкомъ ужасно. И въ то же время она никогда-никогда не проститъ мнѣ, что я хоть одну минуту колебался принести дядю съ его мильонами въ жертву нашей любви.“ И въ то же время онъ невольно задумывался, какъ бы устроить все это, какъ онъ напишетъ или скажетъ старику Волоцкому, очевидно заинтересованному такъ или иначе въ томъ, чтобы судьба Нины была связана съ его племянникомъ и чтобы наслѣдство перешло къ нимъ обоимъ.

Къ чести Александра Сергѣевича надо прибавить, что ему ни на минуту не приходило въ голову воспользоваться довѣріемъ дѣвушки и обмануть ее... Онъ какъ-то старался только не думать о томъ, что̀ выйдетъ.

Ему его двѣ-три тысячи въ годъ казались почти нищетою.

Ему трудно было оторваться отъ того міра, къ которому онъ привыкъ, ходить пѣшкомъ, жить гдѣ-то въ меблированныхъ комнатахъ, отказывать себѣ во всемъ. Это не жизнь, это одинъ ужасъ!.. И поэтому онъ невольно вздрогнулъ, когда Дора, тоже о чемъ-то думавшая въ это время, спросила его:

— Такъ ты даешь мнѣ слово, да?

— Да, да! горячо подхватилъ онъ, взявъ ея маленькія красивыя руки въ свои и наклоняясь, чтобы поцѣловать ее. Но она отодвинулась отъ него и рѣшительно проговорила:

— Ну, такъ если ты меня любишь, любишь какъ свою жену, поклянись мнѣ еще разъ въ томъ, что до того дня, когда ты будешь въ состояніи сдѣлать мнѣ предложеніе, ты не поцѣлуешь меня. Что мы будемъ встрѣчаться какъ братъ и сестра.

— Это еще зачѣмъ?.. Развѣ ты меня боишься?

— Нѣтъ, я себя боюсь!

И Дора встала, направляясь къ выходу отсюда.

XII.

Сегодня съ утра дулъ сирокко. Парило, воздухъ былъ пропитанъ электричествомъ. Море вздувалось и шипѣло. Словно въ слѣпомъ ужасѣ по небу стремительно неслись черныя изорванныя тучи. То и дѣло сверкали молніи и гремѣло надъ Искіей, Прочидой и Мизенами... На террасахъ Hôtel Vittoria въ Сорренто сновали, не зная куда дѣваться, растомленные и озлившіеся форестьеры. Сирокко именно такимъ образомъ дѣйствуетъ на нервныхъ людей. Кажется, дышать нечѣмъ, и раздраженіе вскипаетъ, и только ищешь предлога, на что бы накинуться... Иногда, моментами наступала странная тишина, когда, казалось, все кругомъ старалось притаиться—и горы, кутавшіяся со страху въ туманъ, и море, кровожадно облизывавшее голые и изорванные утесы и бѣжавшее взбѣшенными волнами умирать въ темнотѣ глубокихъ гротовъ, и зелень, опускавшаяся безпомощно и покорно. Но дыханіе африканскихъ пустынь, насыщенное горячими парами Средиземнаго моря, черезъ которое оно пролетало, опять наносило зловѣщія тучи, срывало туманы съ горныхъ вершинъ, безжалостно къ самой землѣ клонило оливки и апельсинныя деревья; съ дикимъ свистомъ пробѣгало оно по узкимъ коридорамъ ущелій, вырывало бездны среди взбаломученнаго моря, раздирая небесныя нѣдра, выбрасывало оттуда безчисленныя молніи, громило страшными ударами угнетенную и безъ того землю и, не освѣживъ воздуха, уносилось дальше...

Подъ отелемъ Витторія, внизу, стояла бѣлая пѣна... Изъ нея темными отвѣсами подымались скалы. Всѣ лодки были вытащены на землю. Въ „маринѣ“ гребцы и рыбаки забрались домой, все точно вымерло кругомъ...

— Александръ Сергѣевичъ, разскажите что-нибудь Ниночкѣ. Вы видите, какъ она, бѣдная, скучаетъ.

Онъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Надежду Анисимовну.

— Что же разсказать?.. про бѣлаго бычка развѣ?..

— Нѣтъ, болѣе интересное. Ахъ! ныла Багренева,— въ наше время молодежь умѣла занимать барышень.

— Вѣроятно, барышни были интереснѣе! не удержался Волоцкой отъ прямой дерзости.

Ниночка вопросительно подняла подмазанныя бровки къ чолкѣ и безпомощно посмотрѣла на мама̀.

— Ахъ, мсье Волоцкой, на васъ вѣрно тоже дѣйствуетъ этотъ сирокко?

— Почему вы думаете?

Онъ сжалъ даже зубы, точно удерживаясь отъ того, чтобы не крикнуть.

— Такъ!.. Скажите, о чемъ вы это вчера вечеромъ часа полтора бесѣдовали съ Дорой здѣсь на террасѣ?

— Мало-ли!.. Я не помню... Развѣ въ каждомъ своемъ словѣ я долженъ отдавать отчетъ кому-нибудь?

— Бѣдная!.. Она пожалуй вообразитъ... Мнѣ ее жаль!

— Что вообразитъ?..

Александръ Сергѣевичъ едва терпѣлъ.

— Какъ что!.. Вы, Волоцкой, баринъ, красавецъ, аристократъ, цѣлые вечера проводите съ нею на террасѣ—и не у нея закружится голова!.. Я бы и не обвинила ее даже.

— Она очень интересная особа, и съ нею весело, обо всемъ говорить можно. Ее все интересуетъ. И потомъ она превосходно образована, такъ понимаетъ природу, какъ рѣдкая „барышня“, знаетъ иностранныя литературы, поэтовъ...

— Ой-ой-ой, сколько похвалъ!.. Впрочемъ, это ея ремесло: она должна все знать, за это ей деньги платятъ... Бѣдная Дорочка!

— Почему бѣдная?

— Мама, оставьте! со злостью прервала Ниночка.— Развѣ не видите, что Александръ Сергѣевичъ съ недавняго времени очень заинтересовался нашей гувернанткой... Онъ только съ ней и находитъ удовольствіе бесѣдовать.

— Ужь не влюблены-ли вы?.. Вотъ было бы смѣшно! нервно проговорила Багренева.

— Почему же смѣшно?

— Ахъ, Боже мой! раздражалась Надежда Анисимовна.—Вы, человѣкъ нашего круга...

— Да чѣмъ же Дора Петровна хуже другихъ?.. Всмотритесь въ нее. Вѣдь это предразсудокъ; да и какой же я аристократъ? Вѣдь наши прадѣды изъ простыхъ выслужились при Петрѣ.

— Швейцарская подданная! принудила себя улыбнуться Ниночка.—Вы видѣли ея мама̀?

Александръ Сергѣевичъ молчалъ.

— Нѣтъ, не видали?.. Вы кончили, душенька, занятія съ дѣтьми? разомъ обернулась Багренева къ вышедшей на террасу Каждановой.

— Да... Саша сегодня лѣнилась, но это понятно — сирокко каждому дѣйствуетъ на нервы.

— У васъ тоже есть „невры“? нарочно спростонародничала Надежда Анисимовна.

— О, нѣтъ! Я вѣдь не привыкла распускать себя...

И Дора Петровна, нетерпѣливо поводя плечами, подошла къ периламъ террасы... Оливковыя деревья, выращенныя надъ нею, въ этотъ моментъ растрепалъ внезапно-налетѣвшій вѣтеръ. Онъ приподнялъ полы платья Каждановой и зашлепалъ ими о балюстраду, потомъ сорвался къ морю, взбилъ волны, бѣжавшія къ берегу, ударилъ ихъ однѣ о другія и въ цѣлыхъ тучахъ брызгъ и пѣны понесся дальше... Ударъ грома разразился около; молнія должно-быть ударила позади въ горы. Дора на минуту закрыла глаза.

— Дора, вамъ говорятъ! слышалось за нею.

Она обернулась. Она дѣйствительно ничего не слышала передъ тѣмъ.

— Что такое?.. Громъ мѣшалъ мнѣ слушать.

— Попросите человѣка подать намъ кофе, мнѣ и Ниночкѣ. Ниночка, мой ангелъ, говорятъ, кофе полезно въ сирокко.

Дора подошла къ дверямъ, потомъ точно раздумала, круто обернулась и вернулась къ периламъ террасы.

— Вы сказали?.. Я, кажется, приказала вамъ.

— Нѣтъ, Надежда Анисимовна. Ваши просьбы я исполняю всегда съ удовольствіемъ, какъ и всякія. Но что̀ касается до вашихъ приказаній, — они могутъ относиться только до того, что̀ касается воспитанія вашихъ дочерей. Съ этимъ же вы можете обратиться сами къ лакею.

Надежда Анисимовна поблѣднѣла. Она закуталась въ платокъ, точно ей было холодно.

— Дора Петровна! подошелъ къ ней Александръ Сергѣевичъ, подавая ей руку, — пойдемте на минуту въ садъ.

Онъ точно понялъ опасность минуты и, предупреждая неизбѣжное столкновеніе, хотѣлъ увести ее.

Они вышли подъ недоумѣвающими взглядами М-ше Багреневой и ея ангела Ниночки.

— Что случилось такое между вами? спросилъ Александръ Сергѣевичъ Дору.

— Ахъ, не спрашивайте!.. Мое положеніе невыносимо!.. Она просто оскорбляетъ меня! Представьте себѣ...

— На *вы*, Дора?

— Богъ знаетъ что̀ со мной случилось! представь себѣ: сегодня утромъ она призвала меня къ себѣ и сдѣлала мнѣ выговоръ за то, что я отвлекаю тебя отъ ея дочери. Потомъ влетѣла Нина, расплакалась и стала меня упрекать, что ты почти ужь сдѣлалъ ей предложеніе, что не будь меня и т. д... Черезъ часъ является ко мнѣ мамаша со своими платками и приказываетъ мнѣ ихъ вымыть на томъ основаніи, что прачка дѣлаетъ это небрежно и портитъ кружева... Я отказалась, и въ дверяхъ она, какъ будто ни къ кому не относясь, позволила себѣ сказать: „это удивительно до чего нынче дошли мужи̂чки“. Потомъ Нина вдругъ догнала меня въ коридорѣ и спросила: „неужели вы думали его, т. е. тебя, женить на себѣ?“ Какова институтка!

Въ свою очередь на террасѣ разыгрывалась буря.

— Что это такое, Нина? недоумѣвая, спрашивала ее мать.

— Она просто ему на шею вѣшается, только вы это, мама, не замѣчаете или не хотите видѣть!

— Но вѣдь это же неприлично!.. Это нашу семью компрометируетъ! Про насъ подумаютъ, Богъ знаетъ что! негодовала Багренева, потирая одну руку о другую и точно что-то смывая съ нихъ.

— Я знаю только одно: пока эта Дора здѣсь—мнѣ нечего и думать о Волоцкомъ.

— Неужели ты думаешь, что можетъ быть какой-нибудь выборъ между тобой и какою-нибудь дворняжкой?

— Оставьте, пожалуйста, мама, эти глупости. Потомъ вы меня сами станете упрекать, что я упустила Волоцкаго. Нужна ваша слѣпота, чтобы не видѣть.

— Что, что̀ еще?

— А то, что онъ глазъ съ нея не спускаетъ.

— Но помилуй, она груба!.. C'est une fille, ma chère. Посмотри на этотъ яркій румянецъ, вѣдь это только у мужичекъ... И всѣ пріемы мужицкіе. Вчера вдругъ пошла пѣшкомъ гулять, куда же — въ Масса Лубрензе!.. Вѣдь это два часа туда!.. Совсѣмъ дворникъ!..

— Какъ бы то ни было, но Волоцкому это нравится. И если я не выйду за него замужъ—не я буду виновата. Вольно же было брать эту... швейцарку...

А сирокко дулъ все сильнѣе и сильнѣе, раздражая еще болѣе и безъ того взбудораженные нервы.

— Я бы сама сейчасъ отъ нихъ ушла! жаловалась, чуть не плача, въ саду Дора Александру Сергѣевичу.— Мое положеніе стало невыносимо.

— Что же тебѣ мѣшаетъ?

— Вотъ напишу Баташовой. Она дала мнѣ право обращаться къ ней.

— Зачѣмъ?

— Не могу же я уйти безъ гроша денегъ!.. Куда же я дѣнусь?

— Дора, и тебѣ не стыдно? Да ради Бога возьми у меня.

— Я еще не жена ваша и не понимаю, какъ вы, *вы* могли предложить мнѣ это.

— Ну, мнѣ кажется, этотъ сирокко всѣхъ взбаломутилъ, засмѣялся Волоцкой.

Теплый, охватывающій душнымъ паромъ, вѣтеръ съ зловѣщимъ свистомъ пронесся по аллеямъ, срывая лепестки розъ и унося съ собою листья, опавшіе съ деревъ. Грохотъ моря доносился сюда глухо. Вдали, на зло сирокко, слышалась полувосточная пѣсня, занесенная на сицилійское поморье сарацинами.

— Дора!

— Что вамъ?

— Во-первыхъ, оставь это *вы*, а во-вторыхъ, разъ ты не думаешь сейчасъ итти туда въ комнаты и на террасу, поѣдемъ въ Мету побродить по ея улицамъ.

— Поѣдемъ... Дѣваться все равно некуда!

— Благодарю!.. Если бы было куда, значитъ, ты бы со мной не поѣхала! Вотъ не ожидалъ!

— Ахъ, всѣ вы мнѣ такъ надоѣли!.. И зачѣмъ я только сюда явилась!

XIII.

Изъ-за высокихъ стѣнъ садовъ направо и налѣво отчаянно колыхались деревья подъ бѣшеными порывами сирокко. Нѣсколько разъ просыпался на улицы дождь, теплый и крупный, но не успѣвалъ еще онъ оросить мостовой и стѣны домовъ, какъ тотъ же вѣ-

теръ накидывался, подхватывалъ тучи и уносилъ ихъ далеко отсюда.

— Il cattivo tempo! (дурная погода!) оборачивался Франческо—кучеръ, нанятый Александромъ Сергѣевичемъ.

— Andate presto (поѣзжайте скорѣй)!

И тотъ гналъ свою крошечную, но необыкновенно бойкую и веселую лошаденку мѣстной сицилійской породы, лошаденку, ростомъ съ большую собаку, но способную проскакать сломя голову верстъ двадцать съ пятью-шестью человѣками въ экипажѣ за спиною.

Мелькнуло и осталось позади Сантъ-Анджело съ красивою церковью, и опять по сторонамъ потянулись высокія стѣны домовъ. Наконецъ, бѣлая Мета, мѣстами затопленная зеленью, мѣстами отодвигающая ее своими высокими домами, тѣсно сдвинувшимися, чтобы сдѣлать болѣе прохладными и тѣнистыми улицы, раскинулась по сторонамъ.

— Александръ Сергѣевичъ!

— Что вамъ?

— Бросимъ извозчика, пойдемъ пѣшкомъ.

— Въ сирокко?

— Что-жь дѣлать, все же лучше. Здѣсь, несмотря на сирокко, такъ хорошо.

— Только не при такомъ небѣ!

Небо дѣйствительно, какъ и подобаетъ въ сирокко, стало сѣро-свинцовое. По немъ ползли тучи длинною грядою, извиваясь точно чудовищная змѣя, одна за другою... Везувій совсѣмъ ушелъ въ свою темную шапку. Море казалось безграничнымъ, потому что и Торре-Анунціата, и Портичи, и Неаполь съ Поцуоли и Мизенами, и Искія съ Прочидой были теперь подъ завѣсою дождя, совершенно прятавшаго ихъ въ свою мглу. Южный вѣтеръ гналъ какую-то лодку прямо на середину залива. Гребцы тамъ поставили парусъ, и она неслась стремглавъ... Мокрая зелень около нашихъ путниковъ висѣла безпомощная, осыпаясь крупными каплями влаги. Надъ Сорренто и Метой тучи то обнажали утесистыя вершины горъ, то снова медленно надвигались на нихъ.

Александръ Сергѣевичъ, молча, шелъ съ Дорой Петровной.

— Куда же итти, Дора? спрашивалъ ее Александръ Сергѣевичъ.

— А пойдемъ вотъ по этой улицѣ.

— Ты называешь это улицей?

— А то какъ же?

— Просто коридоръ.

Справа и слѣва этого коридора высокіе дома, выстроенные капризно, сообразно вкусу ихъ хозяевъ, одни съ террасами, другіе съ балконами, третьи съ каменными наружными лѣстницами, причудливо прилѣпившимися къ стѣнамъ и выводившими на крыши, четвертые, гдѣ жилыя комнаты помѣщались за арками, а подъ арками цѣлые дни сидѣли и работали семьи, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ на тротуарѣ, пятые, сплошь обвѣшанные краснымъ перцемъ, помидорами, дынями, дозрѣвавшими такимъ образомъ на стѣнѣ, шестые съ претензіями на изящество, расписанные невиданными фресками, полустершимися, загадочными...

— Ну, что-жь, еще дальше пойдемъ, да?

— Разумѣется, а вы устали, Александръ Сергѣевичъ?

Странно, они, сами не замѣчая того, постоянно переходили на *вы*, очевидно между ними пока не было настоящей короткости. Отношенія ихъ еще хранили на себѣ отпечатокъ вчерашняго сближенія. Оба не привыкли пока другъ къ другу и еще болѣе стѣснялись чѣмъ прежде. Прежде между ними не было перваго поцѣлуя, которымъ они обмѣнялись, и пока этотъ поцѣлуй не сталъ дѣломъ обыкновеннымъ, пока они не перешли черезъ него, онъ, казалось, постоянно горѣлъ у нихъ на губахъ и заставлялъ ее краснѣть, а въ немъ вызывалъ неудовлетворенную жажду еще болѣе сильныхъ ощущеній и недовольство сегодняшнимъ днемъ.

— Нѣтъ, я никогда не устаю, отвѣтилъ онъ.—Дальше будетъ марина.

(Продолженіе будетъ).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта**.

Переводъ *Е. Евстафьевой*.

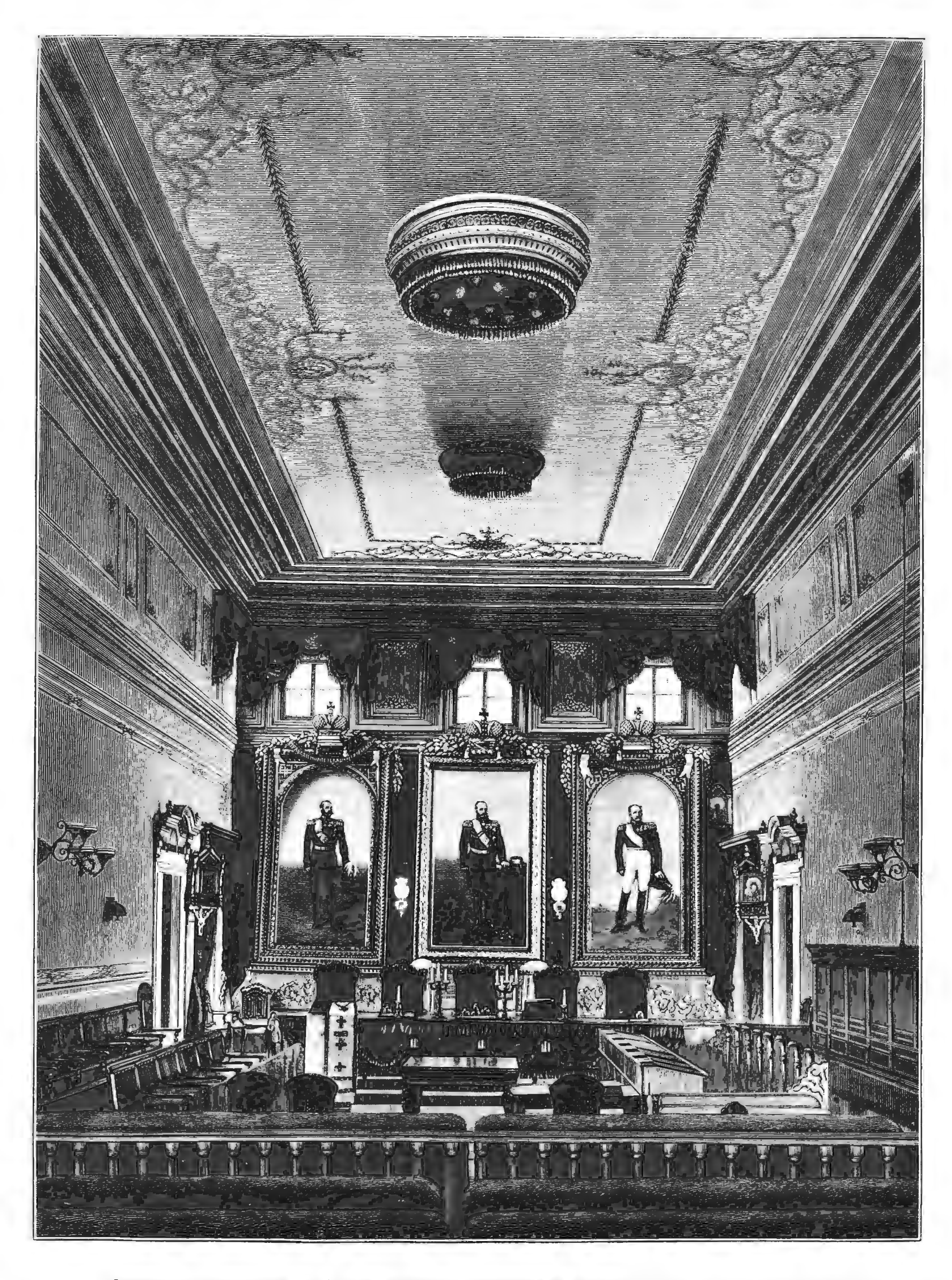
(Продолженіе).

VIII.

Когда Кларэнсъ вышелъ изъ банка и очутился одинъ на шумной улицѣ, ему пришло въ голову, что такъ какъ онъ теперь брошенъ на произволъ судьбы и предоставленъ самому себѣ, то почему-бы ему сейчасъ-же не отправиться на ближайшій золотой пріискъ. Мысль—вернуться къ м-ру Пейтону и Сьюзи, вернуться отверженнымъ, брошеннымъ ребенкомъ, казалось ему слишкомъ горькой и унизительной, и онъ ни минуты не остановился на ней. Онъ только рѣшилъ купить себѣ кое-какія необходимыя для рудокопа вещи и отправиться на пріискъ сейчасъ-же послѣ ужина. Онъ порядкомъ проголодался и уже предвкушалъ наслажденіе пойти въ ресторанъ и заказать себѣ обѣдъ по своему вкусу, но на первыхъ-же шагахъ его встрѣтило маленькое разочарованіе. Когда онъ вошелъ въ одинъ изъ трактировъ, находившіеся тамъ посѣтители начали съ такимъ обиднымъ вниманіемъ оглядывать его странный костюмъ, буфетчикъ сталъ такъ подозрительно коситься на него, что несчастный мальчикъ совсѣмъ растерялся и, пробормотавъ что-то, похожее на извиненіе, вышелъ вонъ изъ ресторана. Идя по улицѣ, онъ встрѣтилъ булочную, гдѣ подкрѣпилъ свои силы инбирнымъ пряникомъ и стаканомъ лимонада. Въ сосѣдней мелочной лавкѣ онъ купилъ селедокъ, копченаго мяса и сухарей для своего будущаго продовольствія на пріискахъ. Затѣмъ въ продолженіе часа имъ были пріобрѣтены вещи, необходимыя, по его мнѣнію, для рудокопа; во избѣжаніе любопытныхъ вопросовъ со стороны продавца, онъ сказалъ, что покупаетъ ихъ по порученію пріятеля. Этотъ инвентарь состоялъ изъ сковороды, одѣяла, лопаты и кирки, которыя онъ оставилъ въ лавкѣ булочника, игравшей роль его временной главной квартиры. Цѣнность этихъ вещей показалась ему огромной; когда все было куплено, у него осталось всего четыре доллара. Какъ-бы то ни было, но онъ былъ въ восхищеніи отъ своихъ покупокъ и съ дѣтской наивностью наслаждался волшебною силой денегъ, благодаря которой онъ сдѣлался обладателемъ такихъ прекрасныхъ вещей.

Между тѣмъ лихорадочное прикосновеніе уличной толпы—какъ это ни странно—еще болѣе увеличило его одиночество, а ея буйная веселость и грубыя развлеченія дѣйствовали на него отталкивающимъ образомъ. Въ освѣщенныхъ окнахъ виднѣлись кружащіяся нарядныя фигуры, вездѣ слышались звуки музыки и пѣнія, раздавались крики пьяныхъ гулякъ, которые или собирались толпой у дверей ресторановъ, или же шумными группами двигались по улицамъ, толкая локтями прохожихъ и приглашая ихъ идти куда-то, гдѣ очень весело,—все это пугало его и возбуждало его отвращеніе. Мальчикъ и раньше бывалъ въ грубомъ обществѣ, но онъ никогда не видалъ такой распущенности. Въ этой распущенности было что-то жалкое и унизительное, что болѣзненнымъ образомъ дѣйствовало на впечатлительнаго ребенка. Идя дальше, онъ вдругъ услышалъ пистолетный выстрѣлъ и увидѣлъ толпу любопытныхъ, собравшуюся у дверей какого-то дома; подойдя ближе, онъ замѣтилъ чью-то безпомощную фигуру, тяжело склонившуюся къ стѣнѣ. Эта картина поразила его ужасомъ, но она все-же подѣйствовала на него менѣе сильно, чѣмъ общій тонъ настроенія этой человѣческой массы, ея, почти звѣрское, буйство и разнузданность.

Думая пробраться сквозь густую толпу собравшихся зѣвакъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сильнымъ толчкомъ втолкнулъ его въ открытую дверь этого дома, и мальчикъ, къ удивленію своему, вдругъ очутился въ длинной, богато-украшенной и ярко освѣщенной комнатѣ, въ которой толпились люди и, молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, съ тревожными, или притворно-равнодушными лицами смотрѣли на столы, стоявшіе посреди комнаты. Эти столы были покрыты картами и большими безпорядочными кучками золота и серебра. Всѣ молчали, и только щелканье и стукъ шарика слоновой кости



Александровская зала Таганрогскаго окружнаго суда. Съ фот. Шикъ, грав. Рашевскій.

и какая-то непонятная, монотонная фраза, которую отъ времени до времени лѣниво произносилъ одинъ изъ присутствующихъ, нарушали мертвую тишину. Мальчикъ инстинктивно понялъ, гдѣ онъ находится: это былъ игорный домъ!

Ободренный обманчивой тишиной, господствовавшей въ залѣ, и тѣмъ, что всеобщее вниманіе было слишкомъ поглощено картами, мальчикъ потихоньку подошелъ къ одному изъ столовъ. Онъ весь былъ покрытъ картами, на которыхъ лежали кучки золотыхъ монетъ. Осмотрѣвшись, Кларэнсъ увидѣлъ, что онъ стоялъ около карты, на которой не было денегъ. Какой-то человѣкъ, стоявшій рядомъ съ нимъ, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на мальчика и затѣмъ положилъ штукъ шесть золотыхъ монетъ на пустую карту. Заинтересованный всѣмъ происходившимъ въ залѣ, Кларэнсъ не обратилъ вниманія на то, что его сосѣдъ выигралъ два и даже три раза этою одной картой. Замѣтивъ наконецъ, что игрокъ, собирая выигранныя деньги, съ улыбкой смотритъ на него, онъ въ смущеніи хотѣлъ отойти на другой конецъ стола, гдѣ стояла другая группа играющихъ. Случилось, что около него опять оказалась пустая карта. Прежній сосѣдъ Кларэнса, протянувъ черезъ столъ руку, положилъ на эту карту большую сумму и опять выигралъ! Тогда всѣ прочіе игроки съ страннымъ вниманіемъ начали смотрѣть на Кларэнса, нѣкоторые изъ зрителей улыбнулись, и мальчикъ, краснѣя и смущаясь, направился къ выходу. Но тутъ онъ почувствовалъ, что кто-то держитъ его за рукавъ и, оглянувшись, увидѣлъ перваго своего сосѣда, который съ ласковой улыбкой совалъ ему въ руку три золотыхъ монеты.

— Вотъ ваша доля, мальчикъ, возьмите, шепнулъ онъ.

— Доля—за что? пробормоталъ Кларэнсъ въ крайнемъ изумленіи.

— За то что вы „принесли мнѣ счастье", пояснилъ этотъ человѣкъ.

Кларэнсъ остановился въ нерѣшимости.

— Значитъ я... я тоже долженъ играть этими деньгами? спросилъ онъ, съ любопытствомъ разсматривая эти монеты и не зная, какъ понять слова незнакомца.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ тотъ поспѣшно.—Боже сохрани, не дѣлайте этого. Вы проиграете ихъ навѣрно! Развѣ вы не понимаете, что вы можете приносить счастье только другимъ, а не себѣ. Спрячьте ихъ лучше въ кошелекъ и ступайте домой!

— Но мнѣ вовсе не нужны эти деньги! Я вовсе не желаю брать ихъ! воскликнулъ Кларэнсъ, припомнивъ манипуляціи съ его кошелькомъ въ трактирѣ и чувствуя, что онъ готовъ утратить вѣру во все человѣчество.—Вотъ вамъ ваши деньги!

Онъ вернулся къ столу и положилъ ихъ на первую пустую карту, попавшуюся ему на глаза. Въ слѣдующій моментъ банкометъ потянулъ ее къ себѣ, и мальчикъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Вотъ видите, сказалъ его сосѣдъ, глядя на него съ суевѣрнымъ страхомъ. — Что я вамъ говорилъ? Всегда такъ бываетъ! Ну, а теперь, прибавилъ онъ грубо, — убирайтесь пока цѣлы, если не желаете спустить здѣсь послѣднюю рубашку.

Кларэнсъ не ожидалъ, конечно, вторичнаго приказанія. Еще разъ окинувъ взглядомъ комнату, онъ началъ пробираться сквозь толпу стоявшую у дверей. Но тутъ онъ замѣтилъ какую-то женщину, сидѣвшую въ уголкѣ за „колесомъ фортуны", лицо которой показалось ему знакомымъ. Несмотря на необыкновенный головной уборъ, похожій на корону, который она надѣла на себя какъ „Богиня Счастья", онъ замѣтилъ въ ея волосахъ небольшую вѣтку краснаго винограда, а въ короткомъ, монотонномъ возгласѣ, которымъ она приглашала посѣтителей, -онъ узналъ милый иностранный акцентъ. Это была женщина изъ дилижанса. Съ чувствомъ внезапнаго страха, что она можетъ узнать его и, пожалуй, тоже пригласитъ „попытать счастья", онъ бросился къ выходу и убѣжалъ.

Очутившись на улицѣ, онъ опять былъ подхваченъ потокомъ шумной, дикой, лихорадочно возбужденной толпы народа, наводнявшаго собой въ тѣ времена этотъ полуцивилизованный городъ. Эта толпа наводила на него ужасъ, и онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своемъ путешествіи; онъ дорого-бы далъ, чтобы опять подышать чистымъ воздухомъ широкой равнины и увидѣть опять своихъ прежнихъ товарищей. Онъ вернулся въ лавку булочника, собралъ свои покупки и, нагрузивъ ихъ на свои дѣтскія плечи, свернулъ въ ближайшій переулокъ и скоро достигъ границы города.

Онъ сначала намѣревался взять экипажъ, который довезъ-бы его до ближайшаго пріиска, но такъ какъ наличный капиталъ его былъ очень незначителенъ, то онъ рѣшилъ пойти пѣшкомъ по большой дорогѣ. Послѣ получасовой ходьбы, — городскіе огни и ихъ отраженіе въ мутной, мелкой рѣчкѣ исчезли позади его. Воздухъ былъ свѣжъ и тихъ. Полная луна ярко освѣщала разбросанныя тамъ и сямъ хлопчатобумажныя плантаціи и высокія смоковницы, подобно часовымъ сторожившія дорогу. Пройдя нѣкоторое разстояніе, онъ сѣлъ подъ одной изъ нихъ и скромно поужиналъ купленными запасами; но такъ какъ ему захотѣлось пить, а кругомъ не было ни ручья, ни колодца, то онъ принужденъ былъ спросить воды въ ближайшей тавернѣ. Хозяинъ трактира любезно предложилъ ему выпить чего-нибудь покрѣпче, но онъ отказался и на вопросы его отвѣтилъ, что догоняетъ своихъ друзей, которые ушли впередъ. Новый приступъ недовѣрія къ людямъ заставилъ мальчика прибѣгнуть къ этой невинной лжи, казавшейся вполнѣ правдоподобной, благодаря его спокойнымъ, беззаботнымъ манерамъ, не допускавшимъ и подозрѣнія въ томъ, что этотъ мальчикъ въ сущности былъ безпріютнымъ бродягой.

Было уже далеко за полночь, когда усталый физически, но счастливый и полный надеждъ, онъ свернулъ съ пыльной дороги и пошелъ черезъ поле, поросшее дикимъ овсомъ, съ тѣмъ спокойнымъ чувствомъ, съ какимъ путешественникъ направляется къ своей гостинницѣ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ колосья росли особенно густо и достигали высотой почти до плеча взрослаго человѣка, онъ примялъ ихъ и положилъ на нихъ свое одѣяло. Вмѣсто подушки онъ положилъ свой узелокъ, затѣмъ завернулся въ одѣяло и скоро заснулъ.

Онъ проснулся при солнечномъ восходѣ свѣжій, бодрый и голодный. Но онъ долженъ былъ отложить свой завтракъ, такъ какъ ему хотѣлось сварить кофе, а кругомъ не было воды; притомъ-же разводить огонь въ такой густой травѣ было рисковано. Болѣе подходящее къ его требованіямъ мѣсто онъ отыскалъ около кучки небольшихъ вербъ на берегу почти высохшаго потока. Огонь развелъ онъ очень скоро, но въ приготовленіи завтрака большого искусства не обнаружилъ: кофе былъ черезчуръ крѣпокъ, а ветчина и селедки много проиграли оттого, что варились въ одномъ и томъ-же сосудѣ. На этомъ оригинальномъ завтракѣ недоставало только Сьюзи, и мальчикъ съ горечью вспомнилъ ея холодность при прощаньи. Но новизна его положенія, сіяющее солнце, чувство свободы, пробуждающаяся кругомъ жизнь — изгнали изъ его ума все кромѣ надеждъ на лучшее, счастливое будущее. Связавъ свой узелокъ, онъ пошелъ дальше. Въ полдень его нагналъ какой-то погонщикъ, или рудокопъ и въ благодарность за пачку спичекъ подробно указалъ дорогу къ пріискамъ. Онъ безъ малѣйшаго недовѣрія выслушалъ разсказъ Кларэнса о томъ, что онъ потерялъ своихъ товарищей и только посовѣтовалъ на будущее время быть осторожнѣе. Теперь наступила самая трудная часть путешествія, такъ какъ дорога шла въ гору, и Кларэнсъ двигался очень медленно и скоро вынужденъ былъ остановиться для ужина. Здѣсь новая удача ему улыбнулась. У дороги стоялъ какой-то дряхлый пустой дилижансъ съ выпряженными лошадьми, которыхъ погонщикъ поилъ у родника. Увидѣвъ Кларэнса, онъ предложилъ ему за небольшое вознагражденіе, въ размѣрѣ одного доллара, довезти его поклажу до Бэки-Миллъза, потомъ, замѣтивъ, что мальчикъ очень утомился, за ту же плату согласился довезти и его самого. Этотъ новый знакомецъ Кларэнса имѣлъ видъ добродушнаго гуляки, не совсѣмъ оправившагося послѣ городскихъ развлеченій.

— Вижу я, мальчуганъ, что ты прокутилъ деньжонки, которыя родители дали на проѣздъ. Что дѣлать! Со всякимъ бываетъ!

Умудренный опытомъ своей двухдневной свободы, Кларэнсъ не сталъ опровергать этого предположенія и даже очень хитро улыбнулся. Хозяинъ дилижанса готовъ былъ начать длинный, подробный разсказъ о томъ, какія съ нимъ бывали приключенія, но Кларэнсъ откровенно заявилъ, что онъ очень усталъ и хочетъ спать. Дѣйствительно, не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, растянувшись на жесткомъ полу дилижанса.

Проснувшись, онъ увидѣлъ себя посреди лѣсистыхъ горъ. Бэки-Миллъзъ представлялъ собою небольшой разбросанный поселокъ, и Кларэнсъ, для того чтобы избѣжать любопытныхъ вопросовъ со стороны своего возницы, не доѣзжая до поселка выпрыгнулъ изъ дилижанса вмѣстѣ со своими пожитками и, бросивъ на ходу поспѣшное „до свиданья", исчезъ въ лѣсной чащѣ. Онъ зналъ, что ближайшій пріискъ находился на разстояніи пяти миль, дорога же къ нему обозначалась длинными деревянными перилами, похожими на стоки для воды, которыя шли по скату горъ, то показываясь, то исчезая за деревьями. Свѣжій воздухъ, прохладная тѣнь сосновыхъ деревьевъ, чудный бальзамическій запахъ смолы — все это оживило мальчика и привело его въ прекрасное расположеніе духа. Путеводныя перила по временамъ спускались въ глубокія лощины, поросшія густымъ лѣсомъ, по временамъ же лѣпились по крутымъ горнымъ скатамъ, висѣвшимъ надъ бездонными пропастями. Къ полудню, онъ подошелъ къ какой-то дорогѣ, вѣроятно проложенной поселенцами,—и тутъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что какъ самая дорога, такъ и вся прилегавшая къ ней почва была яркаго краснаго цвѣта. Все окружавшее: древесные стволы, колеи на дорогѣ, видиѣвшіяся тамъ и сямъ небольшія лужи воды—все имѣло этотъ характерный кровавый оттѣнокъ. Этотъ красный цвѣтъ становился еще ярче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ кусками бѣлаго кварца, торчавшими наподобіе бѣлыхъ зубовъ изъ почвы, или же неровными слоями пересѣкавшими дорогу. Кларэнсъ взялъ разсмотрѣть одинъ изъ этихъ кусковъ. Онъ весь былъ пронизанъ какими-то свѣтлыми жилками и блестящими кубиками металла, похожаго на золото.

Дорога теперь начала спускаться къ извилистому потоку,

запруженному плотиной. Берега его были покрыты кучами ила, какими-то странными деревянными корытами и блестѣвшими среди деревьевъ бѣлыми холщевыми палатками. Деревья во многихъ мѣстахъ были срублены, а трава выжжена. Чувство разочарованія охватило мальчика. То, что онъ видѣлъ, было такъ заурядно, пошло, вульгарно. Неужели это и есть „пріискъ"? Неужели эти бородатыя, полунагія, перепачканныя фигуры, которыя копошились въ грязной водѣ, стекавшей съ деревянныхъ желобовъ,—были искатели золота? Ничего романтическаго, величественнаго не было ни въ нихъ самихъ, ни въ окружавшемъ. Несмотря на это, мальчикъ, однако, такъ заглядѣлся на происходившую передъ нимъ сцену, что совершенно не замѣтилъ, какъ при поворотѣ дороги вдругъ наткнулся на какое-то жилище.

Это была очень оригинальная постройка—наполовину изъ холста, наполовину изъ досокъ. Въ отворенную дверь можно было видѣть внутреннее устройство передней комнаты. На стѣнахъ были прикрѣплены досчатыя полки, посреди комнаты стоялъ прилавокъ, заваленный разнообразною провизiей, коекакими принадлежностями туалета, желѣзнымъ и бакалейнымъ товаромъ, безъ всякой системы и порядка; въ углу находился столъ, на которомъ стояла полуведерная бутыль и три или четыре грязныхъ стакана. Двое какихъ-то неряшливо одѣтыхъ господъ, въ измятыхъ шляпахъ, надвинутыхъ на лобъ, съ косматыми волосами и длинными бородами, стояли у дверныхъ косяковъ и курили. Поглощенный своими мыслями, Кларэнсъ съ разбѣгу налетѣлъ на нихъ и остановился.

— Потише, молодецъ, гляди куда идешь, сказалъ одинъ изъ нихъ, не вынимая изо рта трубки.

— Если вы, молодой человѣкъ, ищете вашу мамашу, то она съ тетей Дженни ушла пить чай къ пастору Дулиттлю, замѣтилъ его товарищъ небрежно. — А вамъ приказала обождать.

— Я... видите-ли... я иду на пріиски, добывать золото, объяснилъ Кларэнсъ нерѣшительно. — Мнѣ сказали, что нужно идти этой дорогой.

Бородатые джентльмэны переглянулись и, вынувъ изо рта трубки, въ одинъ голосъ крикнули:

— Эй, кто тамъ, подите-ка сюда скорѣе!

На этотъ зовъ изъ задней комнаты появилось человѣкъ шесть такихъ же косматыхъ бандитовъ, которые, спокойно облокотившись на прилавокъ и не выпуская изо рта трубокъ, начали съ любопытствомъ разсматривать мальчика.

Кларэнсу сдѣлалось неловко.

— Курьезный мальчуганъ, началъ наконецъ одинъ изъ нихъ, вынувъ изо рта трубку и съ удивленіемъ глядя на Кларэнса изъ-подъ широкихъ полей своей измятой шляпы.—Я съ удовольствіемъ далъ бы сто долларовъ, чтобы пріобрѣсти себѣ такую игрушку.

— А я не пожалѣлъ бы и полутораста... мнѣ давно хочется имѣть такого молодца для личныхъ услугъ.

— Позвольте, джентльмэны, началъ одинъ изъ бандитовъ, который первый заговорилъ съ Кларэнсомъ. — Взглянемъ на вопросъ съ высшей точки зрѣнія и примемъ въ соображеніе нѣкоторыя побочныя обстоятельства. Обратите вниманіе, джентльмэны, что этотъ молодой человѣкъ,—по костюму и наружности совершенный новичекъ въ нашемъ дѣлѣ,—долженъ былъ, однако, преодолѣть величайшія трудности для того, чтобы добраться сюда. Изъ этого я заключаю, что предстоящій здѣсь юный джентльмэнъ—образецъ смѣлости и ловкости и вполнѣ стоитъ двухсотъ долларовъ, которые я и предлагаю ему.

Эта рѣчь, благодаря предшествовавшимъ опытамъ Кларэнса въ сношеніяхъ съ калифорнійцами, только усилила недовѣріе его къ посѣтителямъ таверны. Онъ еще настойчивѣе повторилъ:

— Я хотѣлъ спросить, ведетъ-ли эта дорога на пріискъ? И повернулся, чтобы выйти изъ трактира.

— Да это и есть пріискъ, а джентльмэны, которыхъ вы видите передъ собой, — рудокопы, сказалъ первый его собесѣдникъ важно. — Позвольте вамъ ихъ представить... Прежде всего—вотъ вамъ Шаста Джимъ, вотъ Коротконогій Билль, вотъ Грязный Бобъ, вотъ Косматый Дикъ, вотъ Герцогъ изъ Чатамъ-Стрита, вотъ Живой Скелетъ, а вотъ и я, вашъ покорный слуга!

— Не можете-ли вы сказать намъ, прекрасный юноша, обратился къ нему Живой Скелетъ, который, несмотря на свое прозвище, былъ очень коренастымъ малымъ.—Не можете-ли вы сказать намъ, какой благодатный вѣтеръ занесъ васъ въ наши страны, и гдѣ тотъ волшебный мраморный дворецъ, который пустуетъ теперь во время вашего отсутствія?

— Я пріѣхалъ въ Стоктонъ два дня тому назадъ, сказалъ Кларэнсъ недовольнымъ тономъ, понимая, что ему незачѣмъ скрывать истину.—Я пріѣхалъ въ Сакраменто, чтобы разыскать своего двоюроднаго брата, который тамъ больше уже не живетъ. Я въ этомъ не вижу ничего смѣшнаго! Сюда на пріиски я пришелъ затѣмъ, чтобы добывать золото, такъ какъ... такъ какъ мистеръ Силсби, тотъ человѣкъ, который долженъ былъ привезти меня сюда и отыскать моего двоюроднаго брата, былъ убитъ индѣйцами.

— Стой, стой, мальчикъ... я тебѣ помогу! сказалъ первый его собесѣдникъ, вставая съ мѣста.— *Тебя* индѣйцы не убили, потому что еще раньше ты убѣжалъ изъ фургона вмѣстѣ съ дочерью Силсби, и Пейтонъ взялъ васъ обоихъ къ себѣ, а черезъ два дня вы догнали разбитый караванъ Силсби, гдѣ всѣ люди были убиты...

— Совершенно вѣрно, сэръ, сказалъ Кларэнсъ, чувствуя, что у него дыханіе остановилось отъ удивленія.

— Ну, а кромѣ того, продолжалъ человѣкъ, и потеръ лобъ, какъ бы для того, чтобы помочь своей памяти,—когда ты лежалъ одинъ въ равнинѣ, ты увидалъ одного изъ этихъ краснокожихъ такъ же близко, какъ видишь меня, и ты смотрѣлъ на поѣздъ Пейтона и боялся дохнуть и пошевельнуться, чтобы не разбудить дѣвочку...

— Да, да, повторилъ Кларэнсъ быстро.

— А затѣмъ Пейтонъ принялъ тебя за индѣйца и выстрѣлилъ. А потомъ помнишь, какъ ты убилъ буйвола и вмѣстѣ съ нимъ упалъ въ оврагъ?..

— Да, сказалъ Кларэнсъ, краснѣя отъ радости и удивленія.— Какъ же вы все это знаете?

— Какъ я знаю? повторилъ его собесѣдникъ протяжно, поглаживая пальцами усы.—Развѣ ты не помнишь, что *ты уже былъ здѣсь раньше?*

— Раньше?.. Я былъ здѣсь раньше? повторилъ удивленный Кларэнсъ.

— Ну да, раньше. Вчера вечеромъ... Правда, что вчера у тебя волосы были длиннѣе, и ты былъ выше ростомъ. Ты ругался и плевался гораздо больше, чѣмъ сегодня. Ты выпилъ столько виски, сколько и мнѣ не впору, а уходя—занялъ у меня пятьдесятъ долларовъ, чтобы пойти обратно въ Сакраменто. Изъ этихъ денегъ, вѣроятно, уже ничего не осталось... а?

У Кларэнса голова закружилась отъ изумленія и ужаса. Или онъ сходилъ съ ума, или же эти люди были какіе-нибудь могущественные волшебники, которые теперь захватятъ его и не выпустятъ отсюда. Онъ хотѣлъ убѣжать, но всѣ встали и окружили его. Въ отчаяніи онъ воскликнулъ:

— Что это за мѣсто?

— Въ народѣ оно называется Оврагомъ Убійцъ.

Оврагъ Убійцъ! Лучъ пониманія блеснулъ въ умѣ Кларэнса. Оврагъ Убійцъ! Можетъ-быть Джимъ Гукеръ былъ здѣсь вчера подъ его именемъ и разсказалъ всѣмъ его исторію?

Мальчикъ съ умоляющимъ видомъ обратился къ своему первому собесѣднику:

— Что онъ былъ старше меня и выше ростомъ? А лицо у него было круглое и маленькіе глаза?.. Онъ говорилъ хриплымъ голосомъ? спрашивалъ Кларэнсъ растерянно.

— Да... О, онъ вообще совсѣмъ не былъ на тебя похожъ, говорилъ его собесѣдникъ, какъ бы раздумывая и что-то соображая.—Кто васъ знаетъ, сколько васъ тутъ шатается по пріиску!

— Я не знаю—кто тутъ былъ и что говорилъ, сказалъ Кларэнсъ рѣшительно, не желая говорить чего-либо обиднаго о своемъ прежнемъ товарищѣ.—Я этого не знаю, и мнѣ до этого дѣла нѣтъ! Я знаю только, что я—Кларэнсъ Брантъ изъ Кентукки... Я выѣхалъ вмѣстѣ съ Силсби изъ Сентъ-Джо, а теперь иду на пріиски, и вы не смѣете останавливать меня.

Человѣкъ, который первый говорилъ съ Кларэнсомъ, бросилъ на него проницательный взглядъ, затѣмъ повернулся къ своимъ товарищамъ. Джентльмэнъ, котораго звали Живой Скелетъ, подвинулся къ мальчику своимъ массивнымъ тѣломъ и, уставившись на него глазами, замѣтилъ въ раздумьи:

— А вѣдь этотъ мальчишка ужасно похожъ на Бранта... Совсѣмъ Брантъ, двѣ капли воды!

— Вы не родственникъ-ли полковника Гамильтона Бранта изъ Луисвиля? спросилъ одинъ изъ рудокоповъ.

Опять этотъ неотвязный вопросъ! Бѣдный Кларэнсъ готовъ былъ заплакать отъ какого-то невыносимо обиднаго чувства. Неужели его опять подвергнутъ такому же допросу, какъ и у Пейтоновъ.

— Да, сказалъ онъ наконецъ,—я его сынъ, но мой отецъ уже умеръ... И вы это знаете!

— Умеръ?.. Разумѣется, умеръ... Конечно, умеръ! подтвердили всѣ хоромъ.

— Ну положимъ, что полковникъ теперь умеръ и погребенъ, замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія Герцогъ изъ Чатамъ-Стрита, который до сихъ поръ не сказалъ еще ни слова.— Допустимъ! Ну, а что же ваша мама говоритъ на этотъ счетъ? Ужъ не думаетъ-ли она опять выходить замужъ?

Кларэнсу показалось, что при этихъ словахъ товарищи сильно подтолкнули въ бокъ Герцога изъ Чатамъ-Стрита, но мальчикъ, не отвѣчая на вопросы, повторилъ упрямо:

— Я пріѣхалъ въ Сакраменто, чтобы разыскать моего двоюроднаго брата, Джэксона Бранта; но его тамъ не было.

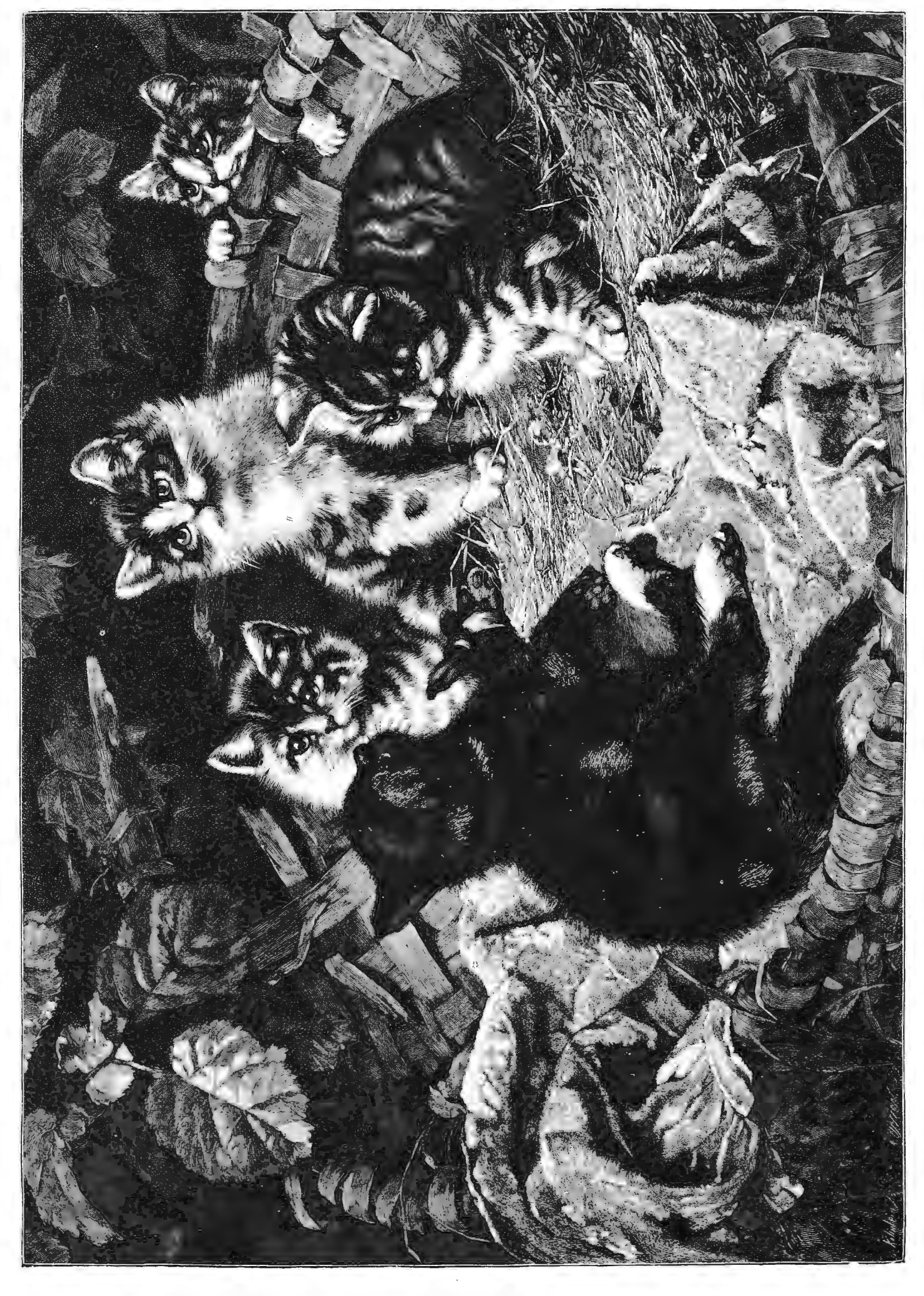
— Джэксонъ Брантъ? повторилъ первый изъ его собесѣдниковъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ. -Ваша мать говоритъ, что это вашъ двоюродный братъ?

— Да, это мой двоюродный братъ, повторилъ Кларэнсъ устало.—Прощайте.

— Постой, постой, мальчикъ! Куда же ты идешь?

— Рыть золото, сказалъ Кларэнсъ.—И вы не имѣете права запретить мнѣ.. Я знаю законы.

Интересныя новости. Карт. Сулакроа.



Посѣщеніе больнаго. Съ карт. Ю. Адама, грав. Уніонъ.

Онъ слышалъ, какъ м-ръ Пейтонъ говорилъ объ этомъ въ Стоктонѣ, и теперь ему казалось, что эти люди, которые въ эту минуту перешептывались другъ съ другомъ, стали къ нему добрѣе и больше не дразнили его. Тотъ, который первый заговорилъ съ нимъ, положилъ ему на плечо руку и сказалъ:

— Отлично! Иди со мной, я покажу тебѣ, гдѣ рыть золото.

— Кто вы такой? спросилъ Кларэнсъ.—Вы назвали себя „я"?

— Зови меня Флиннъ... Томъ Флиннъ.

— И вы мнѣ покажете, гдѣ я могу рыть самъ?

— Покажу.

— А знаете, заговорилъ Кларэнсъ, съ довѣрчивой улыбкой глядя въ глаза этому человѣку,—вѣдь я могу принести „счастье".

Его спутникъ посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ и съ странной серьезностью, какой не ожидалъ отъ него Кларэнсъ, сказалъ:

— Я знаю, что ты можешь принести счастье!

— Да, повторилъ Кларэнсъ быстро, пока они вмѣстѣ шли по дорогѣ,—вчера я принесъ счастье одному человѣку въ Сакраменто...

И мальчикъ съ величайшей серьезностью разсказалъ объ этомъ приключеніи въ игорномъ домѣ. Затѣмъ, движимый таинственной симпатіей къ этому странному человѣку, онъ разсказалъ, какъ онъ угощалъ своихъ дорожныхъ товарищей въ тавернѣ, какъ они наполнили его кошелекъ деньгами и какъ онъ деньги эти положилъ въ банкъ на храненіе. Однимъ словомъ, пока они дошли до пріиска, Флиннъ зналъ всю исторію Кларэнса. Въ одномъ только мальчикъ не былъ откровененъ: какъ ни былъ онъ убѣжденъ въ вѣроломствѣ Джима Гукера, онъ упорно старался видѣть въ его поступкѣ только товарищескую шутку.

Наконецъ, они остановились на склонѣ холма, покрытаго густой травой. Кларэнсъ снялъ съ плечъ лопату, отвязалъ сковороду и посмотрѣлъ на Флинна.

— Копай, гдѣ хочешь, сказалъ его спутникъ небрежно.—Вездѣ есть золото. Набери полную сковороду грязи, пойди вонъ къ тому шлюзу, подставь сковороду, и пусть вода течетъ на нее, а ты только слегка помѣшивай рукой, прибавилъ онъ, дѣлая рукой вращательное движеніе.—Мѣшай до тѣхъ поръ, пока не смоешь всю грязь и на днѣ не останется одинъ черный песокъ. Въ этомъ пескѣ и заключается „цвѣтъ". Не бойся вмѣстѣ съ пескомъ смыть золото: этого ты не могъ бы сдѣлать, если-бъ даже захотѣлъ. Ну, а теперь оставайся здѣсь, жди, пока я вернусь.

Затѣмъ дружески кивнувъ мальчику головой и даже изобразивъ на своемъ лицѣ нѣкоторое подобіе улыбки, онъ быстро исчезъ въ чащѣ лѣса.

Кларэнсъ не терялъ времени. Выбравъ мѣсто, гдѣ растительность была не такъ густа, онъ началъ копать и выбросилъ на траву пласта два красноватой земли. Когда онъ наполнилъ ею сковороду и поднялъ ее на плечо, онъ былъ пораженъ ея тяжестью. Онъ не зналъ, что эта тяжесть происходитъ отъ желѣзнаго осадка, отъ котораго зависѣлъ и красный цвѣтъ почвы. Подойдя къ шлюзу, похожему на большой деревянный жолобъ, онъ началъ осторожно промывать содержимое сковороды. Послѣ первой промывки, со сковороды стекла мутно-красная жидкая грязь, и на днѣ ея остался осадокъ мелкаго, чернаго песку. Онъ опять налилъ воды, размѣшалъ и — о, радость!—крошечные, желтые шарики, немногимъ больше булавочной головки, заблестѣли въ пескѣ. Онъ смылъ его прочь. Его товарищъ былъ правъ: болѣе легкія частицы песку, вслѣдствіе вращательнаго движенія воды, подымались вверхъ, между тѣмъ какъ желтые кусочки, силой собственной тяжести, крѣпко пристали ко дну сковороды. Эти желтые кусочки и были „цвѣтъ"—золото!

Сердце Кларэнса встрепенулось отъ радости. Призраки богатства, независимости, могущества поднялись передъ его ослѣпленными глазами, но въ эту минуту чья-то рука легко дотронулась до его плеча.

Онъ вздрогнулъ. Онъ такъ поглощенъ былъ своимъ дѣломъ, что совсѣмъ не слыхалъ топота копытъ двухъ лошадей, и теперь, поднявъ глаза, съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Флинна, который сидѣлъ верхомъ на лошади и велъ на поводу другую.

— Ты умѣешь ѣздить верхомъ? спросилъ онъ коротко.

— Да, пробормоталъ Кларэнсъ.—Но...

— Никакихъ „но"! У насъ осталось всего два часа, чтобы доѣхать до Бэки-Миллъзъ и сѣсть тамъ на дилижансъ. Бросай этотъ хламъ, прыгай на лошадь и поѣзжай со мной.

— Но я только-что отыскалъ золото! сказалъ мальчикъ взволнованно.

— А я только-что отыскалъ твоего двоюроднаго брата... Садись!

Онъ придержалъ лошадь и быстрымъ движеніемъ не столько помогъ, сколько насильно посадилъ мальчика на сѣдло второй лошади, и минуту спустя оба всадника неслись съ быстротою вѣтра по дорогѣ къ Бэки-Миллъзъ.

IX.

Внезапно оторванный отъ своихъ радужныхъ плановъ и надеждъ, но слишкомъ подвластный вліянію своего друга, Кларэнсъ молча ѣхалъ съ нимъ рядомъ и только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ осмѣлился спросить:

— Гдѣ мой двоюродный братъ?

— Онъ живетъ въ одномъ изъ южныхъ графствъ, за двѣсти миль отсюда.

— Мы ѣдемъ къ нему?

— Да.

Они поскакали еще быстрѣе. Только подъѣхавъ къ довольно крутому спуску, они пустили лошадей шагомъ. Кларэнсъ замѣтилъ, что Флиннъ отъ времени до времени бросалъ на него внимательные взгляды изъ-подъ своей широкополой шляпы. Это его нѣсколько смущало, но, къ удивленію, не уменьшало его странной симпатіи къ этому человѣку.

— Ты никогда не видалъ своего двоюроднаго брата? спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кларэнсъ.—И онъ никогда меня не видѣлъ. Я думаю, что онъ совсѣмъ меня не знаетъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Кларэнсъ?

— Двѣнадцать.

— Ну, ты достаточно взрослый мальчикъ для того, чтобы выслушать то, что я тебѣ разскажу. Ты не испугаешься и не упадешь въ обморокъ, какъ старая баба. Ты не такъ воспитанъ... Видишь-ли въ чемъ дѣло. Твой двоюродный братъ—всѣмъ извѣстный негодяй и мошенникъ, котораго давно слѣдуетъ повѣсить. Недавно онъ убилъ человѣка, и теперь его ищутъ для того, чтобы предать суду. Потому-то ты и не могъ отыскать его въ Сакраменто! Что ты на это скажешь?

Кларэнсъ нашелъ, что его пріятель хватилъ слишкомъ далеко. Онъ, однако, не хотѣлъ говорить ему чего-нибудь обиднаго и только, поднявъ на него свои ясные глаза, промолвилъ съ улыбкой:

— Я скажу, что вы такой же мастеръ приврать, какъ и Джимъ Гукеръ.

Его спутникъ остановился и бросилъ на него удивленный взглядъ, затѣмъ, внезапно расхохотавшись, помчался впередъ, съ бѣшенствомъ стегая кнутомъ свою лошадь и наполняя лѣсъ раскатами своего буйнаго хохота. Потомъ онъ успокоился и только торопилъ Кларэнса ѣхать скорѣе, для чего безпрестанно стегалъ его лошадь. Къ счастью, Кларэнсъ былъ хорошимъ наѣздникомъ—обстоятельство, которое Флиннъ сразу оцѣнилъ по достоинству, потому что при такой бѣшеной скачкѣ, менѣе искусный ѣздокъ могъ бы двадцать разъ свалиться съ лошади.

Наконецъ на противоположной горѣ показались разбросанные балаганы Бэки-Миллъза, облитые румянымъ свѣтомъ вечерней зари.

Положивъ руку на плечо своего молодаго друга, Флиннъ наконецъ прервалъ долгое молчаніе.

— Послушай, мальчикъ, началъ онъ, проведя рукой по глазамъ, на которыхъ Кларэнсъ, къ удивленію своему, замѣтилъ слезы.—Я хотѣлъ съ тобой пошутить... испытать тебя. Ты правъ, твой двоюродный братъ не можетъ быть разбойникомъ и убійцей. У него характеръ такой же кроткій, ласковый и добрый, какъ и у тебя. Онъ очень любознательный человѣкъ, любитъ науку и живетъ, зарывшись въ книги, въ большомъ красивомъ домѣ, построенномъ на испанскій манеръ. Онъ мало интересуется своими соотечественниками и даже перемѣнилъ имя, такъ что его зовутъ теперь—донъ-Хуанъ Робинсонъ. Онъ очень богатъ. У него обширное помѣстье, много скота и лошадей, прибавилъ Флиннъ, любуясь красивой посадкой Кларэнса.—Ты будешь жить у него счастливо и привольно.

— Нѣтъ, промолвилъ нерѣшительно Кларэнсъ, которому перспектива житья у богатаго родственника казалась повтореніемъ пребыванія у Пейтоновъ.—Мнѣ лучше хотѣлось бы остаться здѣсь и добывать золото *съ вами*.

— А мнѣ кажется, что тебѣ гораздо лучше жить у твоего родственника, сказалъ Флиннъ тѣмъ безапелляціоннымъ тономъ, какимъ произносятся судебныя рѣшенія.

— Но вѣдь по всему видно, что моему двоюродному брату нѣтъ до меня никакого дѣла. Онъ не пріѣхалъ въ Сакраменто, никого не прислалъ за мной, даже не написалъ мнѣ, настаивалъ Кларэнсъ съ сдержаннымъ негодованіемъ.

— *Тебѣ* онъ ничего не писалъ, мальчикъ, но онъ написалъ человѣку, которому поручилъ доставить тебя въ Сакраменто, именно Джэку Силсби, и адресовалъ письмо на имя банка. А такъ какъ Силсби умеръ, то онъ и не могъ получить письма, поэтому письмо черезъ меня банкиръ пересылаетъ твоему кузену. Пока ты возился у шлюзовъ, я получилъ это письмо съ курьеромъ. Припомнивъ твою исторію, я взялъ на себя смѣлость вскрыть это письмо и узналъ изъ него, что твой двоюродный братъ проситъ Силсби немедленно доставить тебя къ нему. Какъ видишь, я исполняю то, что долженъ былъ сдѣлать Силсби.

Всякія сомнѣнія и подозрѣнія, которыя могли возникнуть въ умѣ Кларэнса, мгновенно разсѣялись, когда онъ встрѣтилъ пристальный и властный взглядъ своего страннаго друга. Даже его обманутыя надежды на независимость и свободу были забыты: ихъ вытѣснило новое горячее чувство къ этому чужому человѣку, такому заботливому и предупредительному, несмотря на свою дикую, суровую наружность.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

На побывкѣ въ монастырѣ. (Рис. на стр. 828).

Женскія обители въ древней Руси существенно розпились отъ нынѣшнихъ по своему значенію и той тѣсной связи съ жизнью русской женщины, какой нынѣшнія женскія обители совсѣмъ не имѣютъ. Въ монастырь, какъ въ пріютъ, укромный и желанный, уходили тѣ женщины, которыя, лишались мужей или семьи; туда же укрывались онѣ, покончивъ свои связи съ міромъ и исполнивъ свой долгъ по отношенію къ роднымъ и близкимъ. Въ монастырѣ же находили себѣ пріютъ и тѣ дѣвушки, которыя не выходили замужъ или не желали выйти, чувствуя смолоду наклонность къ одиночеству и подвижничеству. Въ средѣ высшаго сословія древне-русскаго общества женская обитель, слѣдовательно, должна была играть весьма важную роль, и во многихъ случаяхъ служила единственнымъ исходомъ, единственнымъ прибѣжищемъ, куда женщина могла преклонить голову и гдѣ, не найдя въ жизни ни счастія, ни дѣла, ни заботъ, соотвѣтствующихъ ея назначенію, находила по крайней мѣрѣ покой и возможность укрыться отъ соблазна. Но, по особому и весьма странному обычаю, укоренившемуся въ древне-русской жизни, женскія обители играли въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно особую роль, не соотвѣтствовавшую ихъ значенію. Многіе князья и бояре, желая избавиться отъ опостылѣвшихъ имъ женъ, преспокойно отсылали ихъ на житье въ монастырь и постригали тамъ насильно. Монастырь, какъ мѣсто ссылки и насильственнаго постриженія, становился для такой невольной монахини не мѣстомъ успокоенія, а мѣстомъ долгой, нескончаемой муки, нескончаемаго истязанія, которое должно было продлиться всю жизнь и окончиться только съ ея смертью. Такъ, великій князь Московскій Василій III сослалъ въ монастырь и постригъ свою супругу, Саломонію (Сабурову), чтобы имѣть возможность жениться на Еленѣ Глинской; такъ, Петръ Великій заключилъ въ монастырь свою первую супругу, Евдокію (Лопухину), не сойдясь съ нею характеромъ. Въ концѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ этотъ обычай сильно распространился въ высшемъ сословіи и служилъ какъ бы замѣною развода или легчайшею его формою, на которую современное духовенство смотрѣло сквозь пальцы.

Художникъ имѣлъ въ виду именно эту черту древне-русскихъ нравовъ, когда набрасывалъ рисунокъ, помѣщенный въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Здѣсь видимъ мы молодую боярыню, повидимому, обреченную на невольное иночество. Она еще не успѣла скинуть съ себя мірскую одежду, не успѣла еще порвать связи съ жизнью, — всѣ ея помыслы, всѣ желанія, всѣ упованія и привязанности еще тамъ, въ кругу близкихъ и милыхъ. Но монастырская стѣна уже отдѣляетъ ее отъ всего житейскаго, а молодыя инокини, облеченныя въ темную одежду, напоминаютъ ей, что все для нея кончено, что ей уже нечего ждать, нечего желать и не на что надѣяться... **П.**

Маленькіе разбойники. (Рис. на стр. 829).

У мелкихъ пташекъ не мало разныхъ враговъ. Среди нихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ человѣкъ. Ради вкуснаго мяса или красиваго оперенія, пернатыя истребляются во множествѣ. Уничтоженіе безвредныхъ животныхъ должно строго наказываться, если оно производится для забавы. Чаще всего подобное печальное явленіе замѣчается у подрастающаго поколѣнія, которое иногда предоставлено въ своихъ забавахъ и играхъ самому себѣ и не имѣетъ добраго призора и нужнаго руководства. Случается, что цѣлыя ватаги ребятишекъ совершаютъ набѣги на деревья или старыя запустѣлыя строенія. Если они тамъ отыщутъ гнѣзда съ яйцами или молодыми птенцами, то безцѣльно разоряютъ ихъ и притомъ, иногда, безсердечно губятъ все, что̀ въ нихъ найдутъ. Всякій кому приведется замѣтить подобныя продѣлки, долженъ изъ жалости къ неповиннымъ птичкамъ удержать отъ подобныхъ шалостей дѣтей, которыя отъ нихъ только ожесточаются и грубѣютъ.

Александровская зала Таганрогскаго окружнаго суда. (Рис. на стр. 833).

При постройкѣ зданія Таганрогскаго окружнаго суда, коллежскимъ совѣтникомъ К. Н. Компено-Варваци пожертвованъ былъ для залы засѣданій по уголовнымъ дѣламъ портретъ императора Александра II. Во время нахожденія до 1 октября 1883 года Таганрогскаго окружнаго суда въ раіонѣ Одесской судебной палаты, въ судѣ было получено сообщеніе старшаго предсѣдателя той палаты о томъ, что, по всеподданнѣйшему докладу господина министра Юстиціи, Государь Императоръ въ 11 день ноября 1881 года Всемилостивѣйше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства Одесской судебной палаты--о сохраненіи *на вѣчныя времена* въ залахъ судебныхъ засѣданій палаты и состоящихъ въ округѣ ея окружныхъ судовъ портретовъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Таганрогскій окружный судъ считаетъ, что съ переходомъ его въ раіонъ Харьковской судебной палаты онъ не лишился этой Высочайшей милости. Затѣмъ въ 1884 году, при настоящемъ предсѣдателѣ суда В. Н. Мордухай-Болтовскомъ, лицами судебнаго вѣдомства округа Таганрогскаго окружнаго суда, при участіи нѣкоторыхъ обывателей города Таганрога, собрана была сумма на пріобрѣтеніе портрета Государя Императора Александра III, который, съ разрѣшенія министра, былъ поставленъ въ той же залѣ засѣданій по уголовнымъ дѣламъ. Послѣ сего, Таганрогскою городскою Думою, въ 1884 году, въ бытность городскимъ головою А. Н. Алфераки, ассигнована была сумма на постановку въ залѣ окружнаго суда портрета блаженныя памяти императора Александра I Благословеннаго. Наконецъ, мировые судьи Ростовскаго-на-Дону судебнаго округа, при бывшемъ своемъ предсѣдателѣ А. М. Баташевѣ, пожертвовали въ ту же залу икону Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго съ лампадою. По всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра Юстиціи Д. Н. Набокова, въ 16 день мая 1884 года, Государь Императоръ соизволилъ на разрѣшеніе поставить въ залѣ засѣданія Таганрогскаго окружнаго суда портретъ блаженныя памяти императора Александра I Благословеннаго и наименованіе означенной залы „Александровскою“.

Зала эта хорошо отдѣлана, стѣны ея, двери и потолокъ расписаны художникомъ масляною краскою различными рисунками. На потолкѣ нарисовано, между прочимъ, шесть медальоновъ, въ которыхъ изображены: въ двухъ—двуглавые орлы, какъ государственный гербъ, въ двухъ—Ѳемиды и, наконецъ, въ двухъ—судебные уставы, законы и книгы дѣлъ. Императорскіе портреты являются произведеніями петербургскихъ художниковъ, а рамы золоченыя, прекрасной работы. Рамы портретовъ императоровъ Александра II и I одинаковой формы; на первой изъ нихъ, вверху, какъ бы на лентѣ, написано: „Правда и милость да царствуетъ въ судахъ“, а на другой: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“.

На противуположной стѣнѣ противъ Императорскихъ портретовъ сдѣланъ мраморный кругъ, на которомъ написано: „Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича соизволеніемъ, послѣдовавшимъ въ 16 день мая 1884 года, настоящая зала именуется „Александровскою“. Кругъ этотъ, съ надписью подъ Императорскою короною, показываетъ работу художника. Вся зала превосходно убрана золочеными карнизами съ пунцовыми шелковыми гардинами, а присутственный столъ покрытъ краснымъ сукномъ съ отдѣлкою золотыми бахромою и кистями. Мебель въ залѣ американскаго орѣха, а скамья подсудимыхъ чернаго дуба. Зала освѣщается газомъ. Полъ той части залы, въ которой происходитъ засѣданіе суда, до рѣшетки, отдѣляющей публику, покрытъ линолеумомъ. На двухъ же входныхъ дверяхъ въ залу, съ наружной стороны, на мраморныхъ доскахъ, подъ Императорскою короною, написано: „Александровская зала“.

Интересныя новости. (Рис. на стр. 836).

Французская революція конца прошлаго вѣка передѣлала все по-своему. Отъ нея не убереглись даже одежды и, вмѣсто напудренныхъ париковъ, пышныхъ робовъ съ длинными таліями, модницы разрядились въ костюмы, въ какихъ онѣ изображены на нашей гравюрѣ.

Посѣщеніе больнаго. (Рис. на стр. 837).

Бѣдный кисенька повредилъ себѣ лапку. Теперь ему нельзя ни прыгать, ни бѣгать подобно своимъ сверстникамъ, и онъ долженъ скучать, лежа въ корзинкѣ. Но товарищи его не позабыли и собрались у него, чтобы развлечь одинокаго больнаго.

Князь П. А. Вяземскій. (Портр. на стр. 840).

Съ перваго взгляда чествованіе памяти замѣчательныхъ людей представляетъ характеръ чего-то случайнаго, насильственно вторгающагося въ нашу повседневную жизнь и нарушающаго правильный ходъ ея. Но, съ другой стороны, это невольное отвлеченіе нашихъ мыслей отъ обычной прозы дѣлъ и занятій, это обязательное обращеніе къ тому, что временемъ отброшено далеко отъ насъ, чрезвычайно благотворно: оно даетъ намъ возможность взглянуть съ новой точки зрѣнія на наше настоящее и на самихъ себя, провѣрить наши собственныя помышленія, желанія и дѣйствія.

Пожалуй, насъ упрекнутъ, что мы не скажемъ ничего новаго; но вѣдь понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другаго; къ тому же и цѣль чествованія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству.

Въ сентябрѣ текущаго года Императорская Академія Наукъ чествуетъ память академиковъ князя Петра Андреевича Вяземскаго (род. 12 іюля 1792 г.) и Петра Александровича Плет-

пева *) (род. 10 августа 1792 г.) по поводу сотой годовщины со дня ихъ рожденія.

Въ ряду первостепенныхъ писателей нашихъ князь П. А. Вяземскій отличается особенно высокимъ нравственнымъ достоинствомъ; съ юныхъ лѣтъ кн. П. А. видѣлъ прекрасный примѣръ Н. М. Карамзина, литературные взгляды котораго вообще сдѣлались закономъ для цѣлой школы писателей, гордившихся названіемъ его послѣдователей: не искать легкаго успѣха въ одобреніи мало смыслящей толпы, дорожить только сочувствіемъ немногихъ, но просвѣщенныхъ судей, не унижать своего достоинства ни дѣломъ, ни словомъ, — таковы были правила, которымъ слѣдовали въ числѣ прочихъ послѣдователей Карамзина и князь П. А. Вяземскій и послѣдующее поколѣніе лучшихъ изъ русскихъ писателей.

Князь П. А. Вяземскій родился въ Москвѣ 12 іюля 1792 года. Отецъ его, князь Андрей Ивановичъ, былъ женатъ на Евгеніи Ивановнѣ Орейли, происходившей изъ одной аристократической ирландской фамиліи. Дѣтство князя Петра Андреевича протекло при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ въ стѣнахъ родительскаго дома, гдѣ любящая и добрая мать положила прочное начало образцовому воспитанію, на которое въ доброе старое время обращалось огромное вниманіе. Кромѣ матери воспитаніе и образованіе юнаго князя Петра было поручено еще гувернерамъ французамъ и „русскому дядькѣ“ Никитѣ. Этотъ послѣдній былъ простой, но грамотный человѣкъ, который не давалъ ребенку забывать родной языкъ и научилъ своего питомца русской грамотѣ. Благодаря этому же „дядькѣ“, юный князь полюбилъ стихи. Все окружавшее князя Петра Андреевича въ дѣтствѣ, начиная со старинной обстановки: привлекательныя картины сельской природы подмосковныхъ отцовскихъ имѣній; блестящее общество, собиравшееся въ домѣ отца, въ числѣ коего нерѣдко являлись замѣчательные представители тогдашней литературы, какъ напримѣръ Карамзинъ—все это способствовало къ развитію въ князѣ Петрѣ Андреевичѣ литературнаго направленія и страсти къ авторству; такъ что, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ отданъ въ „Петербургскій іезуитскій пансіонъ“ патера Чижа, онъ тамъ уже началъ писать стихи.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (по поводу сотой годовщины со дня рожденія). Грав. Шюблеръ.

Изъ этого пансіона кн. П. А. перешелъ въ пансіонъ при Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, но вскорѣ возвратился въ Москву, гдѣ и закончилъ свое высшее образованіе подъ руководствомъ профессоровъ Ф. Ф. Рейса, Буле, Рейгардта и другихъ. На пятнадцатомъ году кн. П. А. былъ уже круглый сирота: мать умерла въ 1802 г., отецъ въ 1806 году. Опекуномъ юнаго князя былъ назначенъ по просьбѣ отца нашъ знаменитый историкъ Н. М. Карамзинъ,—подъ руководствомъ котораго юный князь находился даже въ первые годы его службы въ Московской Межевой канцеляріи. Въ этотъ же періодъ князь П. А. выступилъ впервые на литературное поприще, помѣстивъ въ *Вѣстникъ Европы* нѣсколько *посланій* къ *друзьямъ* и нѣсколько довольно мѣткихъ эпиграммъ.

Въ тяжелую годину нашествія французовъ, въ 1812 году, будучи уже женатымъ на княжнѣ В. Ѳ. Гагариной, князь П. А. Вяземскій поступилъ въ военную службу и былъ зачисленъ въ кавалерійскій полкъ, сформированный на средства графа Мамонова; но вскорѣ его взялъ къ себѣ въ качествѣ адъютанта графъ М. А. Милорадовичъ. Состоя при графѣ въ день знаменитой Бородинской битвы, онъ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ безпримѣрномъ сраженіи, и хотя подъ нимъ были убиты двѣ лошади, къ счастію, онъ остался невредимъ и еще вынесъ изъ-подъ страшнаго огня раненаго генерала Бахметева. За этотъ подвигъ князь удостоился получить изъ рукъ графа Милорадовича орденъ Владиміра четвертой степени. По окончаніи войны князь П. А. Вяземскій нѣкоторое время занимался литературными трудами и чтеніемъ классиковъ съ профессоромъ Московскаго университета Х. А. Шлецеромъ. Къ этому времени относятся его „Посланіе къ Жуковскому“, стихи „На смерть Кутузова“ и „Пѣснь на взятіе Парижа“. Эти произведенія князя-поэта заслужили особое вниманіе, и Общество Любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Будучи другомъ Карамзина и Жуковскаго, П. А. Вяземскій былъ участникомъ въ литературномъ Арзамасскомъ обществѣ, хранившемъ славныя традиціи, охраняемыя Жуковскимъ и позднѣе принятыя Пушкинымъ. Въ 1817 году князь П. А. получилъ назначеніе въ Варшаву на должность переводчика и редактора офиціальныхъ бумагъ, гдѣ ему пришлось перевести рѣчь государя, произнесенную по-французски на Варшавскомъ сеймѣ, а затѣмъ польскую хартію съ дополнительными къ ней уставами. Въ бытность князя въ Варшавѣ имъ написано одно изъ лучшихъ стихотвореній „Первый снѣгъ“, считающееся и въ настоящее время образцомъ русской поэзіи. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Царствѣ Польскомъ князь П. А. возвратился въ Москву, гдѣ съ Н. А. Полевымъ издавалъ *Московскій Телеграфъ* до 1829 года, помѣщая въ немъ много стихотвореній и критическихъ статей. Въ 1829 году имъ написана подробная біографія Д. И. Фонвизина, автора „Недоросля“. Поступивъ на службу въ Министерство Финансовъ, кн. П. А. Вяземскій дослужился въ 1853 г. до званія члена въ Совѣтѣ Министерства Финансовъ, въ коемъ состоялъ онъ по 1855 годъ; во время служенія въ финансовомъ вѣдомствѣ князю приходилось много путешествовать, при чемъ, кромѣ Западной Европы, онъ посѣтилъ отдаленный Востокъ, побывавъ и въ Палестинѣ; всѣ эти страны оставили глубокіе слѣды въ душѣ поэта и имъ онъ посвятилъ многія поэтическія свои произведенія.

Послѣ восточной войны, въ 1855 году, князь Вяземскій былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, и хотя пробылъ на этомъ посту всего три года, но успѣлъ все же обратить вниманіе на распространеніе училищъ, поднялъ вопросъ объ упорядоченіи цензуры и содѣйствовалъ снятію опалы съ славянофиловъ. Будучи ординарнымъ академикомъ, князь П. А. Вяземскій послѣдція двадцать лѣтъ своей жизни посвятилъ исключительно литературѣ, по большей части составляя воспоминанія о *миломъ прошломъ*, выходившія подъ именемъ *Старой записной книжки.*

Вотъ краткія біографическія данныя о князя П. А. Вяземскомъ. Съ его именемъ связано воспоминаніе о корифеяхъ нашей литературы, объ ея возрожденіи: Пушкинъ — этотъ *поэтическій мессія* былъ другомъ князя П. А.; въ то же время жили и писали Карамзинъ, Жуковскій, Дмитріевъ, Батюшковъ, Баратынскій, Языковъ, Давыдовъ, Ханыковъ. Кромѣ этихъ лицъ домъ отца князя П. А. посѣщался всѣми путешественниками, пріѣзжавшими въ Москву, учеными, художниками иностранцами, а также родовой русской аристократіей: князья Бѣлосельскій, Я. П. Лобановъ-Ростовскій, П. В. Лопухинъ, графъ А. Р. Воронцовъ, Лопухинъ, Мятлевъ и др. были друзьями отца князя П. А. Вяземскаго.

Оцѣнку литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго можно найти у Гоголя, Милюкова, отчасти у Жуковскаго и Пушкина. Мы же, ограничиваясь приведеніемъ краткихъ біографическихъ данныхъ о князѣ П. А. Вяземскомъ, скажемъ,

*) Портретъ П. А. Плетнева былъ помѣщенъ въ „Нивѣ“ за 1891 годъ (№ 6) по случаю исполнившагося 25-ти-лѣтія со дня его смерти.

что какъ поэтическія, такъ равно и прозаическія произведенія его важны въ томъ отношеніи, что при чтеніи ихъ воскресаетъ передъ нами цѣлый періодъ русской литературы и общественнаго движенія и та борьба за свои идеи и благородныя начала, положенныя еще Карамзинымъ, наслѣдованныя Жуковскимъ и принятыя Пушкинымъ.

Князя П. А. Вяземскаго еще при жизни много разъ чествовало общество, литераторы и Академія Наукъ. И вотъ, въ настоящее время празднованіе сотой годовщины дня рожденія поэта-академика князя П. А. Вяземскаго, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны Императорской Академіи Наукъ и общества, и, какъ мы уже сообщили, въ этомъ мѣсяцѣ чествуется подобающимъ образомъ память поэта.

Какъ извѣстно изъ этой статьи, въ одинъ день съ чествованіемъ памяти князя П. А. Вяземскаго, чествуется также память одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей великой эпохи русской литературы, Петра Александровича Плетнева. Будучи однимъ изъ близкихъ друзей Пушкина, Гоголя и Жуковскаго (о характеристикѣ поэзіи послѣдняго П. А. Плетневымъ оставлены драгоцѣнныя данныя), П. Плетневъ стяжалъ себѣ славу несравненнаго профессора и блестящаго ученаго, къ коему не только учащіеся, но и товарищи литераторы и ученые относились съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ. Достаточно

Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій, въ Бозѣ почившій 7-го сентября 1892 г.

У гроба почившаго митрополита Исидора, въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры. Рис. В. Поляковъ, автотипія Кройса.

сказать, что А. С. Пушкинъ посвятилъ ему своего „Евгенія Онѣгина“, Гоголь всегда очень охотно просилъ отзыва о своихъ сочиненіяхъ у П. А. Плетнева. При блестящемъ образованіи П. А. Плетневъ надѣленъ былъ добрымъ сердцемъ, высокимъ умомъ и чуткой отзывчивой душой.

Х—овъ.

Митрополитъ Исидоръ.

(† 7 сентября 1892 г.).

Православная Россійская Церковь понесла тяжелую утрату: 7 сентября, въ 9 часовъ вечера, скончался высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій, священно-архимандритъ Александро-Невской лавры, первенствующій членъ Святѣйшаго Синода.

Въ лицѣ почившаго архипастыря Россія потеряла одного изъ просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей, съ именемъ котораго связаны всѣ замѣчательныя событія въ Русской Церкви за цѣлые полвѣка. Недавно помѣщенная въ нашемъ журналѣ біографія высокопреосвященнаго (см. *Нива* 1889 г., № 48) раскрываетъ передъ нами въ краткихъ чертахъ многотрудную и неутомимую дѣятельность его, оставившую глубокіе слѣды всюду, куда проникали взоръ и вліяніе покойнаго. Во время управленія Могилевской епархіей въ 40-хъ годахъ, Исидоръ ревностно содѣйствовалъ дѣлу возсоединенія уніатовъ; экзархомъ Грузіи (съ 1844 г.) принялъ на себя апостольскій трудъ въ возстановленіи и распространеніи христіанства среди полудикихъ кавказскихъ народовъ, возобновлялъ заброшенные и разрушенные храмы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ христіанство должно было уступить силѣ мусульманскихъ вліяній, и созидалъ новые. Возведенный въ 1856 году, въ день коронованія императора Александра II, въ санъ митрополита, занимая съ 1858 года каѳедру кіевскую, а черезъ два года с.-петербургскую, просвѣщенный архипастырь обратилъ вниманіе на положеніе и образованіе духовенства. При его непосредственномъ участіи преобразованы духовныя академіи, семинаріи и училища, открыто множество женскихъ епархіальныхъ училищъ, бытъ духовенства улучшенъ. Почившему архипастырю Русская Церковь обязана развитіемъ стройной и гуманной системы борьбы съ расколомъ, особенно со штундою, для чего неоднократно созывались соборы епископовъ. Наконецъ, преосвященный Исидоръ оставилъ по себѣ память, какъ истинно-христіанскій благотворитель, не только въ качествѣ попечителя и предсѣдателя совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, но и въ качествѣ совершившаго „много незримаго добра, извѣстнаго лишь ему самому и тѣмъ немногимъ, кому онъ довѣрялъ“ — слова, сказанныя при его гробѣ. Почившему архипастырю обязанъ своимъ существованіемъ Александро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, и на 80,000 р., имъ же пожертвованные, учреждены въ Новгородской епархіи въ селѣ Званкѣ и при Деревяницкомъ монастырѣ женскія училища.

Высокопреосвященный Исидоръ, въ мірѣ Яковъ Сергѣевичъ Никольскій, родился 1 октября 1799 года, въ селѣ Никольскомъ, Тульской губерніи, гдѣ отецъ его былъ псаломщикомъ. Старѣйшій изъ архипастырей Русской Церкви, онъ участвовалъ или въ избраніи, или въ посвященіи почти всѣхъ современныхъ іерарховъ нашихъ. Митрополитъ Кіевскій Іоанникій и митрополитъ Московскій Леонтій—были его викаріями въ С.-Петербургской митрополіи.

Рис. на стр. 841 изображаетъ высокопреосвященнаго Исидора во гробѣ, въ соборѣ Александро-Невской лавры, со стороны алтаря. Прахъ его преданъ успокоенію въ построенной почившимъ церкви—Св. Исидора Пелусіота, подъ солеею передъ мѣстною иконою Спасителя, по правую сторону царскихъ вратъ, въ новомъ склепѣ, приготовленномъ заранѣе по распоряженію самого покойнаго архипастыря.

Политическое обозрѣніе.

Вслѣдъ за генуэзскими празднествами, окончившимися блестящимъ баломъ на французскихъ судахъ „Formidable“ и „Courbet“, 8 сентября Римъ отпраздновалъ двадцатидвухлѣтнюю годовщину вступленія итальянскихъ войскъ въ вѣковой городъ. По этому случаю столица Италіи была убрана флагами, а вечеромъ иллюминована. Послѣ полудня депутація отъ офицеровъ отправилась въ Пантеонъ и возложила вѣнокъ на гробницу Виктора-Эммануила. Другой вѣнокъ возложенъ депутаціею на мраморную плиту, указывающую мѣсто, гдѣ была пробита брешь у Porta Pia. Здѣсь городской голова произнесъ рѣчь, послѣ чего прочитана телеграмма короля, въ которой сказано: „Генуэзскія празднества явились не только чествованіемъ итальянскаго генія, но залогомъ мира и освященіемъ единства, необходимаго Италіи“.

Во Франціи только-что закончились большіе маневры. На заключительномъ смотру войскамъ, собраннымъ въ окрестностяхъ Монморильона, присутствовали президентъ Карно и военный министръ Фрейсине. Части дѣйствующей и территоріальной арміи дефилировали въ образцовомъ порядкѣ. Президента Карно привѣтствовали восторженно, а русскихъ офицеровъ встрѣтили кликами: „Да здравствуетъ Россія“. Послѣ смотра президентъ Карно пригласилъ иностранныхъ офицеровъ и генералитетъ на большой банкетъ. На немъ г. Карно провозгласилъ тостъ въ честь арміи, а Фрейсине удостовѣрилъ успѣшный результатъ пробнаго участія территоріальныхъ войскъ въ маневрахъ дѣйствующей арміи и объявилъ, что въ будущемъ году будетъ участвовать на маневрахъ армейскій корпусъ, состоящій исключительно изъ территоріальныхъ войскъ при собственныхъ штабахъ. Министръ поздравилъ генерала Кольса и провозгласилъ тостъ въ честь президента Карно и національной арміи. Кольсъ, отвѣчая министру, сказалъ, что Фрейсине — великій государственный человѣкъ и патріотъ, положившій всѣ свои усилія, всю жизнь свою на дѣло преобразованія національной арміи. Русскій военный агентъ баронъ Фредериксъ, говоря отъ имени военныхъ агентовъ, сказалъ, что они увезутъ съ собою на родину неизгладимое воспоминаніе о маневрахъ, послѣ чего провозгласилъ тостъ въ честь войскъ и ихъ доблестныхъ вождей, принявшихъ военныхъ агентовъ такъ сердечно.

На обратномъ пути въ Парижъ г. Карно побывалъ въ Пуатье, а затѣмъ въ Шательро. Въ Шательро президентъ, во время осмотра оружейнаго завода, былъ привѣтствованъ русскими офицерами, наблюдающими за заготовкою 500,000 ружей, заказанныхъ Россіей. Президентъ Карно пожалъ руки русскимъ офицерамъ и долго съ ними бесѣдовалъ. Въ Пуатье, на банкетѣ, данномъ въ честь президента Карно отъ городскаго управленія, Карно, отвѣчая на рѣчь мэра, сказалъ: „Сдѣлать лучшую оцѣнку благъ республики, чѣмъ та, которая сдѣлана вами, невозможно. Блага эти признаны всѣми и населеніе Пуатье горячо проявило сегодня свою преданность республикѣ. Подобныя манифестаціи являются для правительства самою цѣнною наградой за его старанія поднять родину. Почести эти должны относиться къ самой странѣ: она сама хочетъ видѣть осуществленіе того нравственнаго единенія, примѣръ котораго поданъ арміею; страна сама обязываетъ насъ сохранять миръ, благодаря которому всѣ помыслы наши получать в зможность обратиться къ реформамъ, ожидаемымъ рабочими, — реформамъ, которыя могутъ быть выполнены только во время мира. Намъ предстоитъ увѣнчать дѣло нашихъ отцовъ открытіемъ для Франціи новой эры мира и согласія. Вы желаете, чтобы тому, кто вамъ отвѣчаетъ, суждено было еще долго продолжать это дѣло. Я глубоко тронутъ этимъ пожеланіемъ. Позвольте мнѣ устранить изъ него все, что есть въ немъ личнаго, и оставить въ силѣ только патріотическую мысль, которою это пожеланіе проникнуто. Франція желаетъ согласія, свободы, мира и всеобщаго уваженія; республика съумѣетъ сохранить ихъ за нею. Франція всегда найдетъ преданныхъ людей, готовыхъ повиноваться ея волѣ, когда ей придется ввѣрить свое знамя новой стражѣ. Передъ высшимъ интересомъ родины и республики — личности стушевываются.“ Слова эти были встрѣчены восторженными продолжительными рукоплесканіями и криками: „Да здравствуетъ Карно!“

На-дняхъ въ Мецѣ открытъ тихо и скромно памятникъ объединителю Германіи, императору Вильгельму I. Открытіе совершилъ, въ отсутствіе молодаго императора, намѣстникъ края, Гогенлоэ, произнесшій краткую рѣчь, въ которой выставилъ, что памятникъ долженъ напоминать не только о завоеваніи края, но и о томъ, что послѣдствіемъ завоеванія былъ продолжительный періодъ мира. Ораторъ присовокупилъ, что необходимо продолжить дѣло ассимиляціи вновь завоеванныхъ германскихъ областей и обезпечить сохраненіе ихъ за Германіей, какъ оплотъ ея могущества и единства. „Дай Богъ— сказалъ въ заключеніе намѣстникъ,—чтобы въ теченіе многихъ вѣковъ памятникъ возвышался среди нѣмецкаго населенія и чтобы на стражѣ его стояли нѣмцы“.

Изъ Константинополя телеграфируютъ, что 5 сентября тамъ арестовано 2,000 сохтъ. Они посажены 6 сентября на пароходы, которые и вышли въ тотъ же день изъ порта съ запечатанными приказами. Войскамъ приказано оставаться въ казармахъ. Въ появившейся затѣмъ офиціальной замѣткѣ мѣра эта объясняется необходимостью очистить учебныя заведенія отъ сохтъ, которыхъ слишкомъ много. 9 сентября утреннія турецкія газеты конфискованы. Мѣра эта вызываетъ множество толковъ.

Смѣсь.

Новое антисептическое средство, дерматоль, вѣроятно въ скоромъ времени совершенно вытѣснитъ іодоформъ. Іодоформъ безспорно прекрасное средство для хирургическихъ перевязокъ; въ особенности при извѣстныхъ страданіяхъ, каковы туберкулозныя пораженія костей и суставовъ, онъ оказываетъ специфическое, антитуберкулозное дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе іодоформу присущи нѣкоторыя отрицательныя свойства: прежде всего онъ не можетъ назваться безвреднымъ и потому даже въ небольшомъ количествѣ часто производитъ тяжелыя отравленія. Кромѣ того іодоформъ нерѣдко вызываетъ *гиперсекрецію*, или усиленное выдѣленіе изъ раны сукровицы и гнойной матеріи (секрета); рана краснѣетъ, является припухлость и сыпь на окружающихъ частяхъ. Другое болѣе поверхностное, однако чрезвычайно непріятное свойство іодоформа—это его отвратительный запахъ, надолго пропитывающій всю квартиру и обстановку больнаго. Наконецъ, у врачей и больныхъ, имѣющихъ дѣло съ іодоформомъ, нерѣдко встрѣчается такъ-называемая *идіосинкразія,* болѣзненное явленіе, выражающееся въ очень тягостной зудящей сыпи по всему тѣлу. Новоизобрѣтенный въ фармакологическомъ институтѣ Бреславльскаго университета *дерматоль* представляетъ собою средство, совершенно свободное отъ всѣхъ вышеприведенныхъ непріятныхъ свойствъ іодоформа; это чрезвычайно мелкій нѣжный порошокъ желтаго цвѣта, безъ всякаго запаха, легко поддающійся переработкѣ въ мазь, карандаши, пластыри и т. п. На фабрикахъ перевязочныхъ средствъ добывается дерматольный газъ, имѣющій передъ іодоформнымъ то преимущество, что при стерилизованіи не разлагается на составныя части. Всѣ препараты изъ дерматоля имѣютъ специфическое, высушивающее, вяжущее дѣйствіе. Въ противоположность іодоформу дерматоль замѣтно уменьшаетъ отдѣленія. Это относится преимущественно ко всевозможнымъ свѣжимъ ранамъ, порѣзамъ, ссадинамъ, пролежнямъ; цѣлебное дѣйствіе дерматоля испытано и при застарѣлыхъ язвахъ съ разрушенными тканями: употребленіе дерматоля замѣчательно быстро возстановляетъ кожу. Дерматоль полезенъ при обжогахъ, нарывахъ на ступнѣ и голени, при потливости, какъ присыпка для дѣтей, и т. п. Тогда какъ при употребленіи іодоформа нужно соблюдать осторожность, дерматоль можетъ быть рекомендованъ всѣмъ и каждому, какъ средство, безусловно признанное безвреднымъ. Въ гинекологической клиникѣ профессора Фрича въ Бреславлѣ дерматоль ложками сыплютъ въ брюшную полость, при чемъ ни разу не было замѣчено малѣйшаго признака отравленія. Благодаря своей безвредности, отсутствію запаха, а главное своимъ положительнымъ свойствамъ, дерматоль, какъ домашнее средство, стоитъ выше всѣхъ другихъ антисептиковъ. Цѣна его такая же, какъ и іодоформа. Чтобы сдѣлать его еще доступнѣе и обезпечить ему самое широкое распространеніе, фабрики красокъ въ Гехстѣ на Майнѣ пустили въ продажу дешевую присыпку, содержащую 10 процентовъ дерматоля. Она обладаетъ всѣми свойствами этого послѣдняго и можетъ быть въ особенности рекомендована передъ наступленіемъ жаркаго времени года. (в.)

Какую почву любитъ роза? — Рыхлая глинистая почва считается самой лучшею для успѣшнаго разведенія розъ. Такъ какъ корни розоваго куста разрастаются вглубь, то землю предварительно нужно хорошо вскопать. За неимѣніемъ во многихъ садахъ подходящей почвы, нужно умѣть ее составить. Такъ, песчаная почва требуетъ значительной примѣси глины, кромѣ того компоста и стараго коровьяго навоза. Жирный черноземъ разбивается третьей долею глины, которая особенно необходима при содержаніи въ немъ извести. На исключительно глинистой, къ тому же сырой и вязкой землѣ роза также растетъ плохо; глину нужно разрыхлить пескомъ, золой и удобреніемъ. Если почва совсѣмъ не годится для розы, нужно выкопать яму, глубиною въ 1 метръ, и наполнить ее вспаханной землею съ поля съ примѣсью старой, употреблявшейся для какой-нибудь постройки глины; за неимѣніемъ послѣдней, ее можетъ замѣнить простая вывѣтрившаяся глина. Роза требуетъ старательно приготовленной почвы и частой поливки навозною жижей, которая предварительно разбавляется водою. Безъ соблюденія этихъ условій и самаго тщательнаго ухода розы не выйдутъ удачными.

Японская реклама. Одинъ книгопродавецъ въ Токіо напечаталъ слѣдующее объявленіе: „Мои цѣны дешевы, какъ на лотерейные билеты; книги изящны, какъ поющая дѣвушка; печать прозрачна, какъ кристаллъ; бумага крѣпка, какъ слоновая кожа; пересылка совершается такъ же скоро, какъ летитъ пушечное ядро; обращеніе съ покупателями предупредительно, какъ на бортѣ пароходовъ двухъ конкурирующихъ обществъ.“ (в.)

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1892 Г.
десяти акварелей извѣстныхъ художниковъ.
(Подробности см. въ предъидущ. № „Нивы“).

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. цензур., СПБ., 16 сентября 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 39 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 26 сентября 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

400-лѣтіе открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ.

12 октября 1892 года исполнится 400 лѣтъ съ того дня, когда съ первыми лучами восходящаго солнца предъ глазами европейцевъ показался неизвѣстный имъ дотолѣ Новый Свѣтъ, открытый благодаря генію и настойчивости Колумба.

Знаменитый путешественникъ раздѣляетъ участь многихъ другихъ великихъ людей, о жизни которыхъ имѣются лишь скудныя и сбивчивыя свѣдѣнія.

Христофоръ Колумбъ (или Коломбо) родился въ 1446 или 1447 г. въ итальянскомъ приморскомъ городѣ Генуѣ Подрастая, онъ сталъ помогать своему отцу Доменико въ его ремеслѣ ткача, а потомъ и самъ сдѣлался шерсточесомъ и вступилъ въ городской цехъ въ качествѣ подмастерья Генуэзцы, какъ и вообще жители итальянскихъ торговыхъ приморскихъ городовъ были всѣ природные моряки, неудивительно, поэтому, что и молодаго Колумба влекло въ морскую даль, и 14-лѣтнимъ юношей онъ вступаетъ впервые на корабль Гдѣ и какъ провелъ Колумбъ слѣдующія 20 лѣтъ своей жизни, до сихъ поръ не удалось надлежащимъ образомъ выяснить. Извѣстно, что онъ предпринималъ въ это время далекія путешествія по океану посѣтилъ на югѣ Гвинею, а на сѣверѣ Фарерскіе острова и прошелъ еще 100 миль на западъ отъ Тулэ

400-лѣтіе открытія Америки Христофоръ Колумбъ
Съ портрета приписываемаго А. Ринкону

Въ то время — въ 70-ыхъ годахъ XV столѣтія — столица Португаліи, Лиссабонъ, благодаря славнымъ открытіямъ португальцевъ на югѣ и слухамъ о замышлявшихся тамъ постоянно новыхъ предпріятіяхъ и экспедиціяхъ, сталъ центромъ притяженія для смѣлыхъ и предпріимчивыхъ головъ, для искателей приключеній со всей Европы, но въ то же время и для серьезныхъ и любознательныхъ мореплавателей, географовъ и ученыхъ. Тысячи иностранцевъ съѣзжались туда со всѣхъ концовъ свѣта и съ жадностью прислушивались ко всякимъ извѣстіямъ, привозимымъ моряками изъ вновь открытыхъ странъ. Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, среди множества сумасбродовъ и фантазеровъ, тутъ попадались и глубокіе мыслители, и идеалисты, мечтавшіе о новыхъ путяхъ для человѣчества и фанатики католицизма, помышлявшіе о дальнѣйшемъ распространеніи святой вѣры среди милліоновъ язычниковъ. Въ этой-то пестрой и разноязычной толпѣ мы встрѣчаемъ и Колумба, привлеченнаго сюда общимъ теченіемъ, и здѣсь мало-по-малу зрѣетъ въ головѣ генуэзца смѣлый планъ путешествія въ Индію по невѣданному до сихъ поръ пути чрезъ Атлантическій океанъ на западъ. Въ Лиссабонѣ онъ женил-

ся на дочери моряка Бартоломео Муницъ-Перестрелло, который отличился на службѣ у Генриха Мореплавателя своими удачными экспедиціями и за колонизацію острова Порто-Санто (близъ Мадейры) получилъ его въ наслѣдственный ленъ. Тестя уже не было въ живыхъ, и Колумбъ поселился съ молодой женой на принадлежавшемъ имъ отдаленномъ островѣ Атлантическаго океана. Разбирая здѣсь оставшееся послѣ стараго моряка имущество, Колумбъ нашелъ множество географическихъ картъ, корабельныхъ книгъ, путевыхъ дневниковъ и цѣлую библіотеку географическихъ сочиненій на различныхъ языкахъ. Здѣсь были и классическія произведенія Аристотеля, Сенеки, Плинія, Страбона, и описаніе путешествій Марко Поло по Китаю и Индіи (въ концѣ XIII вѣка), и сочиненіе кардинала и извѣстнаго ученаго Пьера д'Айльи, вышедшее въ 1410 г. подъ заглавіемъ „Imago mundi". Особенное вліяніе имѣла на него послѣдняя книга, гдѣ собраны были воедино географическія представленія древнихъ, и на основаніи разнообразныхъ данныхъ выводилось заключеніе, что водное пространство, отдѣляющее западные берега Испаніи отъ восточныхъ—Индіи, можетъ быть пройдено всего въ нѣсколько дней.

Живя на Порто-Санто, Колумбъ имѣлъ возможность слышать еще множество разсказовъ моряковъ, сновавшихъ то и дѣло мимо острова, занимавшаго выгодное географическое положеніе, такъ какъ сюда очень часто заходили суда, плававшія между портами Европы, островами Азорскими, Мадейрой, Канарскими, Зеленаго Мыса и берегами Африки. Они разсказывали Колумбу о видѣнныхъ ими вдали, по ту сторону Атлантическаго океана островахъ, о берегахъ неизвѣстнаго материка, которые, по ихъ мнѣнію, принадлежали Великой Татаріи, о различныхъ необыкновенныхъ предметахъ и чуждыхъ растеніяхъ, которые попадались имъ на поверхности океана. Разсказы островныхъ жителей о пригнанныхъ къ берегу съ запада трупахъ людей неизвѣстной расы и о показывавшихся на горизонтѣ баркахъ съ чужестранцами дополняли свѣдѣнія Колумба. Все это укрѣпляло Колумба въ мысли, что, отправившись на западъ, онъ послѣ непродолжительнаго плаванія непремѣнно встрѣтитъ твердую землю, по всей вѣроятности, острова, которые, согласно описанію Марко Поло, усѣиваютъ моря, омывающія восточные берега Китая и Индіи. Для провѣрки правильности своихъ возрѣній Колумбъ вступилъ въ переписку съ выдающимися географами, или, какъ ихъ называли тогда, космографами Мартиномъ Бегаймомъ, составителемъ перваго земного глобуса, и Паоло Тосканелли, знаменитымъ флорентинскимъ врачемъ и астрономомъ.

Флорентинскій ученый еще ранѣе Колумба пришелъ къ мысли о возможности достигнуть Индіи, слѣдуя по прямому пути на западъ отъ береговъ Европы черезъ Атлантическій океанъ; у него были готовы даже подробный планъ такого путешествія и морская карта, составленная по Птоломею и Марко-Поло, на которую были нанесены острова Азорскіе, Канарскіе, Зеленаго Мыса—у береговъ Стараго Свѣта, миѳическіе острова Антилія и Св. Брандана — посреди океана, на полъ-пути изъ Европы въ Индію, и наконецъ Ципангу и множество болѣе мелкихъ острововъ вдоль восточныхъ береговъ Азіи; на ней были указаны даже разстоянія между всѣми этими пунктами. Еще въ 1474 г. Тосканелли изложилъ свой планъ путешествія въ Индію португальскому королю Альфонсу V чрезъ посредство своего друга, придворнаго каноника Фердинанда Мартинеца; къ письму, съ которымъ онъ обратился къ Мартинецу, приложена была также упомянутая выше, собственноручнымъ изготовленная, карта. Никакихъ однако практическихъ результатовъ это предложеніе Тосканелли тогда не имѣло.

И вотъ, Колумбъ, провѣдавъ въ Лиссабонѣ, куда онъ часто ѣздилъ сбывать приготовляемыя имъ географическія карты, о письмѣ и картѣ Тосканелли, обратился къ послѣднему съ просьбой прислать ему копіи обоихъ документовъ.

Флорентинскій космографъ не ограничился, однако, однимъ исполненіемъ желанія совершенно неизвѣстнаго ему ранѣе просителя, но еще постарался укрѣпить его въ его „благородномъ великомъ стремленіи къ путешествію въ тѣ страны, гдѣ произрастаютъ пряности"; онъ ободрялъ его на совершеніе великаго дѣла, увѣряя, что предстоящій путь совсѣмъ не такъ труденъ, какъ это думаютъ, и притомъ вполнѣ безопасенъ, а съ другой стороны рисовалъ ему блестящія перспективы, ожидающія его на противоположномъ концѣ океана. Одобреніе со стороны Тосканелли было для Колумба послѣднимъ толчкомъ, приведшимъ въ движеніе давно уже созрѣвшую мысль. Отнынѣ онъ смотритъ на себя какъ на избраннаго Провидѣніемъ человѣка, которому предназначено распространить христіанство среди многочисленныхъ языческихъ народовъ Азіи и собрать тамъ богатства для борьбы съ невѣрными, изгнанія турокъ изъ Европы и освобожденія Гроба Господня изъ рукъ мусульманъ. Само имя свое онъ считалъ символомъ такого назначенія, такъ что впослѣдствіи онъ сталъ писать его не „Christophoros", а „Christoferens", что въ дословномъ переводѣ значитъ несущій Христа, т. е. приносящій христіанство язычникамъ. Въ жизни Колумба настаетъ активный періодъ.

Ближайшая задача состояла для него въ томъ, чтобы отъискать средства для снаряженія далекой заморской экспедиціи, заручиться покровительствомъ какой-либо великой державы для защиты отъ возможныхъ посягательствъ на вновь открытыя страны со стороны частныхъ лицъ или другихъ правительствъ, обезпечивъ путемъ договора какъ для себя, такъ и для своего потомства, извѣстное участіе въ ожидаемыхъ отъ предпріятія неисчислимыхъ выгодахъ, матеріальныхъ и иныхъ. И онъ завязалъ переговоры съ португальскимъ дворомъ.

Это было, вѣроятно, въ 1483 году. Король передалъ проектъ генуэзца на обсужденіе особой ученой коммиссіи, которая, кажется, признала его несбыточною мечтой фантазера. Но, по всей вѣроятности, Колумбу не столько повредило въ глазахъ предпріимчиваго короля неблагопріятное заключеніе коммиссіи, сколько размѣръ потребованнаго имъ вознагражденія въ случаѣ успѣха предпріятія: никому неизвѣстный чужеземецъ безъ титула и состоянія, онъ требовалъ для себя возведенія въ дворянское достоинство, званія перваго адмирала океана, признанія его вице-королемъ и несмѣняемымъ пожизненнымъ намѣстникомъ всѣхъ земель и острововъ, которые онъ надѣялся открыть и завоевать, при чемъ губернаторы каждаго отдѣльнаго острова и земли должны назначаться королемъ изъ трехъ избранныхъ вице-королемъ кандидатовъ, и, наконецъ, права собственности на десятую часть всего, что будетъ найдено, добыто и получено въ территоріи его вице-королевства, какъ-то: золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, жемчуговъ, рѣдкостей и прочихъ произведеній страны, съ тѣмъ чтобы всѣ эти почетныя званія, права и преимущества переходили по наслѣдству изъ рода въ родъ къ старшему въ мужскомъ потомствѣ Христофора Колумба. Король Іоаннъ II опасался предоставить такія обширныя права, чтобы не создать себѣ впослѣдствіи въ лицѣ вице-короля Индіи могущественнаго соперника, и переговоры были прерваны.

Между тѣмъ, Колумбъ издержалъ всѣ имѣвшіяся у него деньги и вынужденъ былъ прибѣгнуть къ займамъ. Около этого же времени онъ потерялъ жену. Неудачи и несчастья, казалось, преслѣдовали его, и въ 1484 году, разочарованный и обнищавшій, онъ тайно отъ кредиторовъ покинулъ Лиссабонъ и направился въ южную Испанію. Здѣсь судьба, повидимому, снова начала благопріятствовать Колумбу. Въ домѣ герцога Медины Чели онъ нашелъ радушный пріемъ и въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ пользовался гостепріимствомъ просвѣщеннаго вельможи, въ лицѣ котораго онъ нашелъ могущественнаго покровителя и ходатая предъ сильнѣйшими властителями въ Испаніи, находившимися въ союзѣ брачномъ и политическомъ,—Фердинандомъ Аррагонскимъ и Изабеллой Кастильской. Благодаря предстательству Медины Чели и архіепископа толедскаго, кардинала Мендосы, Колумбу удалось получить въ 1488 г. аудіенцію у королевы Изабеллы и изложить предъ царственною слушательницей существенныя черты своего плана. Проектъ его путешествія въ Индію встрѣтилъ здѣсь гораздо болѣе сочувствія. Развернутая краснорѣчивымъ итальянцемъ перспектива обращенія милліоновъ язычниковъ въ лоно католической церкви, освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ и пріобрѣтенія громадныхъ сокровищъ, не могла не расположить набожную и фанатически настроенную противъ магометанъ королеву въ пользу человѣка, преслѣдовавшаго такія благочестивыя цѣли. Политическое состояніе Испаніи было, однако, совсѣмъ не таково, чтобы можно было пускаться въ дорого стоющія заморскія экспедиціи: на Пиринейскомъ полуостровѣ приходила къ концу многовѣковая борьба съ маврами, и правительства Аррагоніи и Кастиліи напрягали всѣ свои силы, чтобы нанести рѣшительный ударъ Гранадскому калифату и отнять у него послѣднія владѣнія въ Испаніи. И вотъ, чтобы оттянуть время и въ то же время удержать нетерпѣливаго генуэзца, предложеніе его велѣно было обсудить особой ученой коммиссіи, собравшейся при университетѣ въ Саламанкѣ. Испанскіе ученые въ громадномъ большинствѣ отнеслись также крайне недовѣрчиво къ представленнымъ Колумбомъ объясненіямъ. По большей части это были закоснѣлые въ своихъ схоластическихъ предразсудкахъ богословы, утверждавшіе, на основаніи священныхъ текстовъ, что земля плоское тѣло, что существованіе антиподовъ немыслимо и пр. Самъ авторъ проекта также не внушалъ имъ уваженія и довѣрія: его вдохновенная вѣра въ свое божественное избраніе для освобожденія Гроба Господня и распространенія христіанства по всей землѣ предъ грядущимъ свѣтопреставленіемъ, его ссылки на библейскія пророчества, которыя онъ относилъ къ самому себѣ, наконецъ, его требованія, такъ мало гармонировавшія съ внѣшностью бѣднаго и незнатнаго иностранца, — все это производило на членовъ коммиссіи впечатлѣніе мистическаго бреда. Нашелся лишь одинъ голосъ Діего де-Діаца, позже архіепископа Севильскаго, который взялъ подъ свою защиту дѣло Колумба. Послѣ многолѣтнихъ проволочекъ, Колумбъ въ 1491 году добился того, что его предложеніе будетъ подвергнуто серьезному обсужденію лишь по окончаніи войны съ маврами.

Колумбу было уже тогда 45 лѣтъ, и дальнѣйшая отсрочка могла быть гибельной для всего предпріятія. Разсчитывать же на скорое окончаніе войны было невозможно, такъ какъ Гранада упорно защищалась. Съ горькимъ сознаніемъ безплодно

прожитыхъ годовъ, Колумбъ удалялся изъ Испаніи, намѣреваясь во Франціи въ третій разъ попытать счастье.

Но судьбѣ угодно было связать дѣло Колумба съ именемъ Испаніи. Замѣчательный случай привелъ его обратно ко двору Фердинанда и Изабеллы. Идя пѣшкомъ по дорогѣ въ Хуэльву, гавань на южномъ берегу Испаніи близь Палоса, Колумбъ, обезсиленный усталостью и мучимый голодомъ, присѣлъ, съ маленькимъ сыномъ своимъ Діего на рукахъ, отдохнуть у воротъ стариннаго францисканскаго монастыря Ла-Рабида, расположеннаго у самаго берега Атлантическаго океана (см. рис. на стр. 864). Въ это время проходилъ мимо настоятель монастыря, почтенный Хуанъ Перецъ де-Мархена. Услышавъ голосъ нищаго чужестранца, просящаго хлѣба и воды для себя и ребенка, игуменъ подошелъ къ нему, пригласилъ къ себѣ въ келью и, угадавъ въ незнакомцѣ человѣка необыкновеннаго, сталъ разспрашивать его о судьбѣ, доведшей его до такого положенія. Настоятель монастыря оказался не простымъ, безвѣстнымъ монахомъ, а вліятельной особой при дворѣ и духовникомъ королевы Изабеллы. Проникшись совершенно справедливыми доводами Колумба и видя его благочестивыя стремленія, Перецъ написалъ непосредственно самой королевѣ подробное письмо, въ которомъ выступилъ краснорѣчивымъ защитникомъ Колумбова проекта. Немедленно по полученіи этого письма Изабелла потребовала къ себѣ и самого составителя его и въ концѣ концовъ склонилась на убѣжденія своего духовника, обѣщавъ предоставить Колумбу три судна; вмѣстѣ съ тѣмъ она вручила ему 53 дуката для передачи Колумбу, чтобы тотъ могъ явиться ко двору въ приличномъ видѣ, соотвѣтственномъ ожидающему его назначенію.

Когда Колумбъ прибылъ въ лагерную стоянку царствующей четы подъ Гранадой, мавританская крѣпость находилась наканунѣ сдачи. Настало и для Колумба время торжества: король и королева согласились серьезно заняться предложеніемъ Колумба и въ торжественной аудіенціи выслушать его доводы. Умному и краснорѣчивому итальянцу не трудно было убѣдить корыстолюбиваго и честолюбиваго Фердинанда въ громадныхъ выгодахъ предпріятія, которое потребуетъ лишь ничтожныхъ затратъ, за то принесетъ Испаніи и ея монарху всемірную славу, могущество и богатство.

Все, казалось, шло прекрасно, но когда рѣчь зашла объ условіяхъ договора, то непомѣрныя требованія Колумба снова чуть не испортили всего дѣла. Напрасно королевскіе комиссары и друзья генуэзца уговаривали его уменьшить свои притязанія: Колумбъ упорно стоялъ на своихъ первоначальныхъ условіяхъ. Между тѣмъ и испанскій король опасался дарованіемъ обширныхъ правъ и полномочій создать впослѣдствіи цѣлый рядъ серьезныхъ столкновеній съ будущимъ несмѣняемымъ и наслѣдственнымъ вице-королемъ Индіи. Дальнѣйшіе переговоры были прерваны, и неутомимый генуэзецъ снова взялся за страннической посохъ и вторично отправился во Францію. Кардиналу Мендоцѣ и казначею королевы Сантъ-Анжелю, продолжавшимъ указывать Изабеллѣ на неисчислимыя выгоды предпріятія, удалось во-время уговорить ее дать свое согласіе на всѣ поставленныя Колумбомъ условія, и гонецъ, немедленно отправленный съ порученіемъ вернуть Колумба съ дороги, успѣлъ догнать его еще на испанской территоріи.

Наконецъ, 17 апрѣля 1492 года въ Санта-Фе подписанъ былъ обѣими сторонами договоръ въ томъ именно смыслѣ, какъ хотѣлъ Колумбъ. Теперь оставалось построить и снарядить три годныхъ для дальняго плаванія корабля. Закипѣла работа, и къ началу августа того же 1492 года три каравеллы уже стояли въ гавани города Палоса, вполнѣ готовыя къ отплытію. Большія заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежатъ тремъ братьямъ Пинзонамъ, представителямъ одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій Палоса, принявшимъ дѣятельное участіе не только въ расходахъ, но и въ вербовкѣ экипажа кораблей, и только благодаря ихъ личному авторитету и вліянію среди мѣстныхъ жителей удалось нанять нужное число людей въ столь опасное плаваніе. Будучи сами прекрасными моряками, они взяли на себя также и непосредственное управленіе двумя кораблями. Наибольшей по величинѣ каравеллой, „Santa Maria“, плывшей подъ адмиральскимъ флагомъ, командовалъ самъ Христофоръ Колумбъ, капитанами „Пинты“ и „Нинны“ были Мартинъ-Алонзо и Винченте-Янецъ Пинзоны, третій же братъ, Франциско-Мартинъ, состоялъ штурманомъ на „Пинтѣ“. Вопреки распространенному мнѣнію, каравеллы эти представляли крѣпкія суда, вполнѣ приспособленныя для плаванія по океану и хорошо снабженныя людьми и съѣстными припасами. Сами корабли изображены у насъ на стр. 861, а въ заголовкѣ нашей статьи помѣщенъ портретъ начальника экспедиціи, Христофора Колумба, представляющій снимокъ съ портрета, который приписывается кисти испанскаго художника и современника великаго путешественника, Антоніо дель-Ринконъ. Согласно описанію, Колумбъ былъ человѣкъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; на нѣсколько красноватомъ и продолговатомъ лицѣ его, усѣянномъ веснушками, блестѣли живые и проницательные свѣтло-голубые глаза; голова была покрыта рано посѣдѣвшими волосами, имѣвшими первоначально свѣтло-красный оттѣнокъ; вся мощная фигура его свидѣтельствовала о желѣзной силѣ характера и внушала къ себѣ невольное уваженіе.

3 августа 1492 года маленькая эскадра снялась съ якоря и вышла изъ Палосской гавани въ безбрежный океанъ. Слѣдуя указаніямъ карты Тосканелли, Колумбъ направилъ свои корабли къ Канарскимъ островамъ, чтобы затѣмъ отсюда взять курсъ прямо на западъ, такъ какъ на параллели Канарскихъ острововъ должны были встрѣтиться предполагаемые острова Антилія и Ципангу. Поврежденіе, происшедшее въ рулѣ „Пинты“, заставило эскадру простоять цѣлый мѣсяцъ въ одной изъ гаваней Канарскихъ острововъ, такъ что лишь 6 сентября можно было продолжать путешествіе. Дулъ въ высшей степени благопріятный для нашихъ моряковъ сѣверо-восточный пассатъ, и корабли, подгоняемые ровнымъ и постояннымъ вѣтромъ, быстро подвигались впередъ. Чтобы не смущать команду слишкомъ большими разстояніями, ложившимися ежедневно за судами, Колумбъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ завелъ два лагъ-буга: въ одномъ, секретномъ, онъ записывалъ настоящее количество пройденныхъ миль, а въ другомъ, доступномъ каждому матросу, нѣсколько уменьшенное. Изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ собственноручнаго дневника Колумба мы узнаемъ, что 13 сентября имъ замѣчено было впервые отклоненіе магнитной стрѣлки—открытіе, составившее, по словамъ Гумбольдта, „эпоху въ лѣтописяхъ морской астрономіи“. Явленіе это страшно напугало команду кораблей, которая думала, что магнитная стрѣлка, этотъ важнѣйшій проводникъ моряка, отказывается отнынѣ служить имъ. Лишь когда, по приказанію Колумба, они цѣлую ночь провѣряли направленіе компаса по полярной звѣздѣ, они убѣдились, что магнитная игла нисколько не измѣнила имъ. Погода все время стояла отличная, мягкая, и люди чувствовали себя бодро и весело, какъ вдругъ 16-го сентября суда вступили въ такъ-называемое Саргассово море; куда только хваталъ глазъ, все необъятное пространство океана было загромождено невѣроятнымъ скопленіемъ громадныхъ водорослей, чрезъ которыя лишь съ большимъ трудомъ удалось пробраться каравелламъ. Путешественники полагали, что, выйдя изъ этого „моря“, они скоро замѣтятъ землю, и, дѣйствительно, нѣсколько разъ на горизонтѣ обрисовывались силуэты острововъ, но при приближеніи они оказывались миражами — явленіе, обычное въ тропическихъ странахъ. Всякое подобное разочарованіе отражалось крайне плохо на состояніи духа матросовъ, которыхъ и такъ уже вначалѣ смущалъ не прекращавшійся и не измѣнявшій своего направленія пассатъ, что заставляло ихъ сомнѣваться въ возможности обратнаго путешествія домой, потомъ періодъ полнаго затишья, господствующаго въ извѣстное время года въ экваторіальной области. Колумбу, впрочемъ, удавалось всегда успокоить людей своими толковыми разъясненіями и внушить имъ необходимое терпѣніе.

Держась 30-й параллели, Колумбъ перерѣзывалъ Атлантическій океанъ въ самой широкой его части, и если бы онъ продолжалъ и дальше плыть по этому направленію, то достигъ бы Флориды или нынѣшняго сѣверо-американскаго штата Виргиніи. Но показавшіеся 8 октября, когда эскадра находилась къ югу отъ Бермудскихъ острововъ, первые признаки земли, сухопутныя птицы, заставили его измѣнить курсъ изъ западнаго въ сѣверо-западный. Прошло, однако, два дня, а земли все еще не было видно. Люди начали жаловаться на безконечное странствіе по океану и отказывались итти далѣе. Колумбу удалось опять успокоить команду указаніемъ на близость цѣли, на ожидающія всѣхъ выгоды и богатства; онъ напомнилъ о наградѣ въ 10,000 мараведи пожизненной пенсіи (около 125 рублей на наши деньги) и другихъ богатыхъ подаркахъ, обѣщанныхъ королевой первому, кто увидитъ твердую землю, и наконецъ съ недопускающей никакихъ колебаній твердостью объявилъ, что рѣшено плыть дальше. Ходячіе разсказы объ открытомъ бунтѣ матросовъ, выказанной при этомъ Колумбомъ неустрашимости и проч. надо причислить къ числу изобрѣтенныхъ впослѣдствіи басенъ.

11 октября стали появляться на водѣ несомнѣнные признаки близости земли: зеленый тростникъ, выдѣланный кусокъ дерева, вѣтка съ ягодами и пр. Люди сразу ожили и наперерывъ другъ передъ другомъ старались заслужить королевскую награду. Вся команда трехъ каравеллъ безсмѣнно и неотлучно находилась на мачтахъ и реяхъ, съ жадностью вглядываясь въ таинственную даль. Однако и этотъ день прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Около 10 часовъ вечера самъ Колумбъ со своей адмиральской вышки замѣтилъ, однако, на горизонтѣ какой-то движущійся и мелькающій свѣтъ. Нѣсколько человѣкъ, которыхъ онъ подозвалъ къ себѣ, подтвердили его наблюденіе: земля, очевидно, была уже недалеко. Всю эту свѣтлую лунную ночь люди не смыкали глазъ. Наконецъ, 12 октября, въ 2 часа утра, пушечный выстрѣлъ съ „Пинты“, заранѣе условленный сигналъ, возвѣстилъ всѣмъ путешественникамъ о появленіи земли на горизонтѣ. Первый увидѣлъ ее матросъ *Родриго де-Тріана*. Тотчасъ же Колумбъ велѣлъ убрать паруса, и стали ждать разсвѣта. При лучахъ солнца взорамъ европейцевъ предсталъ чудный, поросшій богатой растительностью, островъ, на плоскомъ берегу котораго стояли совершенно голые

400-лѣтіе открытія Америки. Прибытіе Колумба на островъ Гванагани. Рис по картинѣ Д. Пуэбла, грав Уніонъ.

обитатели его, съ изумленіемъ глядѣвшіе на невиданныхъ ими бѣлыхъ бородатыхъ людей и ихъ корабли.

Съ развѣвающимся королевскимъ штандартомъ въ одной рукѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ другой, въ пурпурной мантіи, Колумбъ первымъ ступилъ на дѣвственную почву Новаго Свѣта; преклонивъ колѣна, онъ цѣловалъ землю и горячо молился Богу. Въ избыткѣ восторженныхъ чувствъ многіе изъ спутниковъ Колумба бросились на-земь и, рыдая, обнимали се; другіе благоговѣйно возносили молитвы къ небесамъ. Рисунокъ на страницѣ 848 и 849 изображаетъ этотъ великій моментъ, когда Колумбъ, окруженный своими спутниками и дикими островитянами, именемъ короля и королевы Испаніи вступаетъ во владѣніе открытой имъ землей. Вслѣдъ затѣмъ всѣ спутники Колумба присягнули ему, какъ вице-королю и намѣстнику Испанскихъ монарховъ. Островъ этотъ, который туземцы называли Гванагани, Колумбъ назвалъ именемъ Спасителя, — *Санъ-Сальвадоръ*. Это — небольшой коралловый островокъ изъ группы Лукайскихъ или Багамскихъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Ватлингова острова (Watling-Island).

Дивная тропическая природа Санъ-Сальвадора, его благоухающій воздухъ, мягкій и теплый климатъ, роскошная, невиданная никогда, растительность, великолѣпно окрашенные представители пернатаго царства и пр., не заставили путешественниковъ забыть главной цѣли экспедиціи—добычи золота. Замѣтивъ у дикарей продѣтыя въ носу золотыя украшенія (которыя они, впрочемъ, охотно обмѣнивали на стеклянные бусы, красныя шапочки, колокольчики и тому подобныя блестящія или пестрыя бездѣлушки), Колумбъ сталъ разспрашивать ихъ, гдѣ можно добыть золото въ большомъ количествѣ. Туземцы знаками объяснили ему, что въ юго-западномъ направленіи отъ острова находится страна, изобилующая золотомъ. Колумбъ рѣшилъ, что это и есть богатый „Золотой островъ Ципангу", о которомъ разсказывалъ такія чудеса Марко Поло. Слѣдуя указаніямъ дикарей, Колумбъ, снявшись 14 октября съ якоря, отправился на его поиски и открылъ такимъ образомъ еще нѣсколько острововъ той-же Багамской группы. Тщетно, однако, искали испанцы желаннаго металла, его нигдѣ не оказывалось, хотя на каждомъ островѣ жители продолжали указывать бѣлымъ то на западъ, то на юго-западъ, когда ихъ спрашивали о мѣстѣ нахожденія золота. Позднѣйшіе біографы Колумба часто обвиняли его въ томъ, что всѣ его путешествія были въ сущности одними только поисками золота. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что Испанія ждала отъ предпринятой имъ экспедиціи, главнымъ образомъ, вывоза необходимаго ей золота, что, получивъ обширныя права и привилегіи, Колумбъ чувствовалъ себя въ положеніи должника испанской короны и считалъ себя обязаннымъ прежде всего исполнить данное ему порученіе — привезти побольше драгоцѣннаго металла, драгоцѣнныхъ камней и пряностей, которыя одни только и могли въ то время придать цѣнность вновь открытымъ землямъ.

28 октября эскадра достигла самаго большаго острова Вестъ-Индіи, Кубы, который Колумбъ принялъ за часть материка Азіи. Полагая, что поблизости долженъ жить и самъ великій ханъ, онъ отправилъ во внутрь страны чрезвычайное посольство, которое должно было вручить хану подарки и собственныя письма короля и королевы испанскихъ, заключить съ нимъ мирный союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть попутно страну и ея произведенія. Переводчикомъ посольства состоялъ ученый еврей Луисъ-де-Торресъ, который зналъ по-еврейски, халдейски и арабски—языки, распространенные въ Азіи. Экспедицію эту постигло жестокое разочарованіе: туземцы не понимали ни одного изъ упомянутыхъ языковъ, а великій ханъ оказался жалкимъ князькомъ, жившимъ въ большой деревнѣ; ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней нигдѣ испанцы не находили, но за то они познакомились съ неизвѣстнымъ имъ ранѣе растеніемъ—табакомъ и научились у туземцевъ курить его.

По возвращеніи посольства Колумбъ направился къ востоку вдоль сѣвернаго берега Кубы и 6 декабря очутился въ виду острова, который, по сходству его растительности съ испанской, онъ назвалъ Эспаньолой (Espanola, т. е., маленькая Испанія); нынѣ онъ называется Гаити. Передъ входомъ въ одну изъ гаваней острова, адмиральскій корабль „Санта-Марія" разбился о песчаную отмель. Колумбъ и часть его команды перешла на „Нинну", а остальная высажена была на берегъ съ тѣмъ, чтобы основать первую колонію испанцевъ въ новой странѣ. Изъ остатковъ погибшаго судна построенъ былъ фортъ, названный Ла-Навидадъ; это было первое поселеніе европейцевъ въ Новомъ Свѣтѣ, а оставленные въ немъ 39 человѣкъ — первые колонисты Америки. На этомъ-же островѣ Эспаньолѣ, который Колумбъ изображаетъ настоящимъземнымъ раемъ, найдены было также впервые значительныя золотыя розсыпи въ рѣкѣ Ріо-дель-Оро (т. е. — золотая рѣка). Колумбу и его спутникамъ удалось пріобрѣсти здѣсь у туземцевъ въ обмѣнъ на разныя бездѣлушки довольно большое количество золота. Теперь можно было возвратиться домой все-таки уже не съ пустыми руками, и если не съ грудами золота, то съ надеждами на ихъ полученіе въ будущемъ.

16 января Колумбъ обратно отправился въ Европу. Обратный путь этотъ былъ менѣе благополученъ. Къ западу отъ Азорскихъ острововъ страшная буря, свирѣпствовавшая 13 и 14 февраля, чуть было не потопила обѣ каравеллы, которыя и безъ того успѣли уже сильно пострадать отъ водящихся въ вестъ-индскихъ водахъ червей-древоточцевъ, просверливающихъ днища кораблей. Колумбъ, видя себя на краю гибели, желалъ только одного, чтобы вѣсть объ его открытіи дошла до Европы. Написавъ на пергаментѣ краткое сообщеніе о своемъ путешествіи и открытыхъ имъ земляхъ, обернулъ бумагу клеенкой, вложилъ все это въ деревянный ящикъ и бросилъ въ волны океана, въ надеждѣ, что съ помощью вѣтра онѣ донесутъ его до Европейскихъ береговъ. Къ вечеру 14 февраля буря утихла, а на слѣдующее утро на горизонтѣ показалась земля; это былъ островъ „Санта-Марія", самый юго-восточный изъ Азорскихъ. Здѣсь Колумбъ чуть-было не попалъ въ руки португальскаго губернатора острова, который, кажется, уполномоченъ былъ королемъ захватить въ плѣнъ отважнаго генуэзца, если тотъ появится въ португальскихъ водахъ. Однако на этотъ разъ также, какъ и 3 марта, когда снова сильная буря обрушилась на корабль, находившійся уже въ виду Лиссабона, Колумбъ счастливо избѣжалъ грозившей ему опасности. 4 марта 1493 г. „Нинна" вошла въ устье рѣки Таго, и Колумбъ тотчасъ-же отправилъ гонца къ испанской королевской четѣ съ извѣстіемъ о счастливомъ прибытіи въ Европу и о сдѣланныхъ открытіяхъ, а другаго къ королю Португальскому, у котораго онъ просилъ позволенія войти въ Лиссабонскую гавань; при этомъ онъ сообщалъ ему, что вернулся не изъ Гвинеи или какихъ-либо иныхъ португальскихъ владѣній, а прямо изъ Индіи и Ципангу, которыхъ онъ достигъ, отправившись чрезъ океанъ прямо на западъ.

Вѣсть о прибытіи судна изъ неизвѣстныхъ дотолѣ странъ, нагруженнаго золотомъ, никогда невиданными животными, растеніями и странными людьми (Колумбъ взялъ съ собой въ Европу нѣсколько индѣйцевъ, которыхъ онъ хотѣлъ показать своимъ повелителямъ), съ быстротою молніи облетѣла всю Португалію, и безконечныя толпы народа стекались сюда посмотрѣть великаго путешественника, его судно и грузъ; съ утра до вечера толпились посѣтители на борту корабля. 8 марта король Португальскій пригласилъ Колумба въ свою резиденцію и на слѣдующій день принялъ его въ высшей степени благосклонно, со всѣми почестями, въ торжественной аудіенціи. Несмотря на совѣты придворныхъ впутать генуэзца въ какую-либо исторію, заставить его драться и измѣннически умертвить, чтобы такимъ образомъ уничтожить результаты его открытій, Іоаннъ II отпустилъ отъ себя почетнаго гостя такъ-же милостиво, какъ и принялъ. Наконецъ, 15 марта 1493 г., Колумбъ бросилъ якорь въ той-же Палосской гавани, откуда онъ вышелъ 7½ мѣсяцевъ тому назадъ. Можно себѣ представить удивленіе и восторгъ жителей города, когда ихъ родственники и знакомые, которыхъ они считали уже погибшими, вернулись домой, привезя съ собою много золота.

Колумбъ отправилъ въ Барселону, гдѣ находился тогда испанскій дворъ, втораго гонца съ извѣщеніемъ о благополучномъ возвращеніи въ отечество, а вслѣдъ за нимъ и самъ отправился туда же въ сопровожденіи своихъ спутниковъ и индѣйцевъ. Его путь отъ Севильи до Барселоны былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ: повсюду ликующія толпы народа привѣтствовали великаго путешественника. Особенной торжественностью отличался въѣздъ въ Барселону. Во главѣ пестрой кавалькады изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ шествовали герольды, за ними шли фантастически разрисованные дикари со всѣми своими золотыми украшеніями, затѣмъ слѣдовали люди, которые несли ярко окрашенныхъ попугаевъ и другихъ красивыхъ птицъ, дорогія пряности, растенія и деревья, далѣе выступали носильщики, нагруженные различными издѣліями дикарей изъ золота и драгоцѣнными камнями; шествіе заключалъ самъ Колумбъ, окруженный цвѣтомъ испанскаго рыцарства.

Не менѣе торжественно встрѣтила его королевская чета. На городской площади былъ разбитъ золотой балдахинъ, и здѣсь, сидя на тронѣ, ихъ королевскія величества, окруженныя всѣмъ дворомъ, ожидали прибытія героя. Когда Колумбъ вошелъ въ королевскій шатеръ, монархи Испаніи встали и приняли его, какъ человѣка самаго высшаго ранга, а когда онъ преклонилъ колѣна, чтобы поцѣловать протянутыя ему навстрѣчу руки, они велѣли ему встать и усадили рядомъ съ собой, что считалось въ Испаніи знакомъ величайшей королевской милости; это было высшее отличіе, какого только могъ удостоиться испанскій подданный. Въ глубокомъ молчаніи и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали король, королева и вся собравшаяся здѣсь толпа народа краснорѣчивый и вдохновенный разсказъ Колумба объ его путешествіи, о видѣнныхъ имъ земляхъ, роскошной природѣ и людяхъ, кроткихъ, мирныхъ и склонныхъ къ принятію христіанства, о богатствахъ вновь открытой страны, которыя, судя по привезеннымъ пробамъ золота, должны быть неизмѣримы. На полу передъ трономъ разложены были въ порядкѣ произведенія Вестъ-Индіи, издѣлія и орудія дикарей, ящики съ золотомъ и драгоцѣнными каменьями; здѣсь же сидѣла живописная группа краснокожихъ индѣйцевъ; все это должно было наглядно представить природу и населеніе новыхъ владѣній испанской короны (см. рис. на стр. 857).

Когда Колумбъ кончилъ, король и королева упали на колѣни, благодаря Бога за оказанныя имъ милости; всѣ присутствующіе послѣдовали ихъ примѣру, хоръ соборныхъ пѣвчихъ запѣлъ „Te Deum“, площадь огласилась восторженными кликами народа. Этотъ день былъ днемъ наибольшаго торжества для Колумба, лучшимъ днемъ всей его жизни, зенитомъ его славы. Царственная чета не переставала осыпать его милостями и знаками благоволенія. Всѣ ранѣе обѣщанныя права и привилегіи были вновь торжественно подтверждены и кромѣ того ему дарованъ былъ дворянскій гербъ, изображенный на стр. 864. Въ двухъ верхнихъ четвертяхъ поля помѣщаются гербы Кастиліи и Леона, внизу въ правомъ углу знакъ его адмиральскаго достоинства—пять якорей, а въ лѣвомъ — символъ его заслугъ, золотые острова на голубыхъ волнахъ моря. Впослѣдствіи, уже послѣ смерти открывшаго Новый Свѣтъ, къ этому рисунку присоединена была развѣвающаяся лента съ надписью: „Por Castilla y por Leon nuevo mundo kallò Colon“, т. е. „Колумбъ подарилъ Кастиліи и Леону Новый Свѣтъ“.

Въ маѣ того же 1493 г. начались обширныя приготовленія ко второй поѣздкѣ въ Индію. На этотъ разъ правительство дѣлало все, чтобы ускорить отправленіе экспедиціи. Теперь уже не три каравеллы отправлялись въ океанъ, а цѣлый флотъ изъ четырнадцати каравеллъ и трехъ большихъ транспортныхъ судовъ; болѣе тысячи вооруженныхъ людей находилось подъ начальствомъ адмирала. Колумбу поручено было основать нѣсколько колоній въ новой странѣ, а затѣмъ уже продолжать дальнѣйшія открытія и постараться, главнымъ образомъ, проникнуть въ сердце Индіи, на большіе міровые рынки государствъ Манги, Ципангу и Катая. Корабли нагружены были зерномъ, овощами, виноградными лозами и другими европейскими произведеніями, а также всевозможными домашними животными для культивированія ихъ въ тропическихъ странахъ; искусные ремесленники всякаго рода должны были составить зерно будущихъ европейскихъ поселеній. Въ этомъ путешествіи приняли участіе представители многихъ знатнѣйшихъ фамилій Испаніи, побуждаемые страстью къ приключеніямъ или жаждой быстраго обогащенія; многіе изъ нихъ играли важную роль въ послѣдующей исторіи Вестъ-Индіи. Эскадру сопровождалъ особый назначенный папой въ новыя испанскія владѣнія апостолическій викарій съ одиннадцатью священниками; для занятія различныхъ административныхъ должностей Колумбъ везъ съ собой цѣлый штатъ королевскихъ чиновниковъ.

25 сентября 1493 г. эскадра вышла изъ гавани Кадикса, и черезъ 20 дней, 3 ноября, корабли уже стояли на якорѣ у одного изъ многочисленныхъ острововъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Малыхъ Антильскихъ. Одинъ за другимъ открыты были Колумбомъ острова Доминика, Гваделупа и многіе другіе и наконецъ наименьшій изъ Большихъ Антильскихъ острововъ—Порто-Рико. 27 ноября суда появились предъ фортомъ Навидадомъ. Но никто не отвѣчалъ на пушечные выстрѣлы, которыми привѣтствовали европейцы своихъ покинутыхъ здѣсь въ прошломъ году собратій; все кругомъ было безмолвно и мертво. Изъ разспросовъ туземцевъ выяснилось, что колонисты, вопреки увѣщаніямъ Колумба, позволяли себѣ всевозможныя насилія надъ мирными островитянами и, наконецъ, довели ихъ до страшной мести: фортъ былъ совершенно разрушенъ, а защитники его перебиты до послѣдняго человѣка.

Въ десяти легуасахъ къ востоку отъ Навидада Колумбъ заложилъ первый европейскій городъ въ Новомъ Свѣтѣ, названный имъ въ честь королевы Изабеллой. Посланныя внутрь страны двѣ экспедиціи для поисковъ золота вернулись съ самыми лучшими извѣстіями: въ горахъ Цибао и вытекающихъ изъ нихъ рѣчекъ они нашли богатѣйшія золотоносныя жилы и розсыпи. Самъ Колумбъ во главѣ большаго отряда отправился туда, чтобы удостовѣриться лично въ справедливости полученныхъ сообщеній. Въ этой мѣстности, которую Колумбъ назвалъ Вега-Реаль (королевская равнина), построенъ былъ небольшой фортъ Св. Ѳомы, и въ немъ оставлены были 56 человѣкъ, въ томъ числѣ много рудокоповъ. Возвратившись въ Изабеллу, Колумбъ назначилъ намѣстникомъ своимъ брата Діего, а самъ съ тремя кораблями направился на западъ продолжать свои открытія и прежде всего изслѣдовать южный берегъ острова Кубы. Узнавъ отъ жителей его, что къ югу находится богатая золотомъ страна, Колумбъ повернулъ въ указанномъ направленіи и открылъ четвертый и послѣдній изъ Большихъ Антильскихъ острововъ, Ямайку, названный имъ Сантъ-Яго. Здѣшніе дикари оказались болѣе воинственными: увидѣвъ приближающіяся къ берегу суда, они осыпали ихъ своими стрѣлами, но достаточно было нѣсколькихъ выстрѣловъ, чтобы разсѣять толпу. При этомъ впервые употребили въ дѣло вывезенныхъ изъ Европы свирѣпыхъ и кровожадныхъ бульдоговъ, наводившихъ ужасъ на дикарей и заслужившихъ себѣ такую печальную славу въ исторіи завоеванія Америки испанцами. Туземцамъ пришлось оставить сопротивленіе и вступить съ бѣлыми въ мирныя сношенія. Однако, и на Ямайкѣ золота не оказалось. Тогда Колумбъ рѣшилъ продолжать изслѣдованіе южнаго берега Кубы. Открытый имъ архипелагъ или, лучше сказать, цѣлый лабиринтъ мелкихъ островковъ (онъ назвалъ его „Садомъ Королевы“), а также чрезвычайно большое протяженіе южнаго берега Кубы окончательно убѣдили Колумба, что предъ нимъ материкъ Азіи, а именно, полуостровъ Малакка („Золотой Херсонесъ Птоломея“), который, согласно описанію Марко Поло, дѣйствительно, окаймленъ цѣлой массой острововъ. Поэтому, онъ не придалъ никакого значенія заявленію одного индѣйскаго кацика (князька), что Куба — островъ. Плохое состояніе судовъ и истощеніе запасовъ провіанта къ тому же заставили эскадру поспѣшить обратнымъ возвращеніемъ въ Изабеллу.

Чрезмѣрные труды, лишенія и ночныя бодрствованія, между тѣмъ, до того утомили Колумба, что онъ впалъ въ состояніе, близкое къ летаргіи. Когда онъ очнулся, возлѣ постели его сидѣлъ братъ Варѳоломей, прибывшій тѣмъ временемъ изъ Испаніи съ тремя кораблями. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, наступившихъ для колоніи, его помощь явилась какъ нельзя болѣе кстати. Одновременно пришлось усмирять мятежныхъ испанцевъ и возставшихъ дикарей, выведенныхъ изъ терпѣнія жестокостями, вымогательствами и различными насиліями, которыя позволяли себѣ испанцы, оставленные подъ начальствомъ Маргарита въ фортѣ Св. Ѳомы. Маргаритъ съ частью своихъ солдатъ удалился въ Эспаньолу, овладѣлъ нѣкоторыми изъ стоявшихъ въ гавани судовъ и отплылъ въ Европу. Индѣйцы собрались въ громадномъ количествѣ, подъ предводительствомъ могущественнаго князька Каонабо, и осадили фортъ Св. Ѳомы. Какъ только Колумбъ оправился отъ болѣзни, онъ самъ во главѣ 200 испанцевъ и нѣкотораго числа союзныхъ индѣйцевъ выступилъ противъ громаднаго войска дикарей. 25 марта 1495 г. произошло первое серьезное сраженіе между бѣлыми и краснокожими. Огнестрѣльное оружіе, невиданныя дикарями лошади и, наконецъ, бульдоги сдѣлали свое дѣло: сопротивленіе индѣйцевъ было сломлено навсегда, и отнынѣ они обязались платить ежегодную дань въ видѣ золотаго песка.

Между тѣмъ вернувшіеся въ Испанію Маргаритъ и его товарищи стали распространять неблагопріятные слухи о положеніи колоній, утверждали, что Эспаньола—безплодный островъ, а не плодородная, изобилующая золотомъ страна, жаловались на деспотическую тиранію чужестранцевъ, Колумба и его братьевъ. Придворная партія, враждебная Колумбу, завидовавшая его славѣ и выпавшему на его долю высокому почету, не замедлила воспользоваться этими сообщеніями, чтобы вызвать при дворѣ къ нему недовѣріе, и въ августѣ 1495 г. въ Эспаньолу прибылъ особый уполномоченный для изслѣдованія на мѣстѣ положенія дѣлъ въ колоніяхъ. Обстоятельство это заставило Колумба поспѣшить въ Испанію, чтобы оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Передавъ управленіе колоніями брату Варѳоломею, онъ вторично отплылъ въ Европу 10 марта 1496 г. Вмѣстѣ съ нимъ возвращались въ отечество 250 испанцевъ, частью больныхъ, частью недовольныхъ или безполезныхъ для колоній людей; кромѣ нихъ на кораблѣ находились 30 плѣнныхъ индѣйцевъ. Три мѣсяца продолжалось это путешествіе при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: все время дулъ восточный пассатъ, крайне замедлявшій плаваніе, а полное истощеніе всѣхъ припасовъ чуть было не довело команду до голодной смерти или каннибализма, такъ какъ уже собирались зарѣзать индѣйцевъ. Къ счастью, 10 іюня показались берега Испаніи, и корабль бросилъ якорь въ гавани Кадикса.

Снова прослѣдовалъ Колумбъ, сопровождаемый блестящей свитой, въ тріумфальномъ шествіи ко двору королей. Здѣсь ожидалъ его, какъ и прежде, очень милостивый пріемъ; о различныхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ не было и помину, и монархи охотно выслушивали его предложенія, касавшіяся дальнѣйшаго развитія колоній. Начались сборы къ третьей экспедиціи; но на этотъ разъ чрезвычайно трудно было набрать достаточное количество людей для поселенія въ новой странѣ и для разработки золотыхъ пріисковъ; не хватало даже матросовъ для корабельной службы. Причиной тому были ложные слухи, распространенные Маргаритомъ и тому подобными искателями приключеній, которые мечтали найти въ Индіи груды золота и возможность вести беззаботную жизнь, а между тѣмъ должны были тамъ трудиться, подвергаясь болѣзнямъ и лишеніямъ. Такія извѣстія быстро охладили первый пылъ, и никто почти не соглашался теперь добровольно слѣдовать за Колумбомъ въ страну всякихъ бѣдствій. Тогда Колумбу пришла въ голову несчастная мысль населить колоніи преступниками, обязанными прожить въ нихъ опредѣленное число лѣтъ вмѣсто того, чтобы отбыть положенное имъ наказаніе на родинѣ. Выходъ изъ затрудненій былъ найденъ, но результаты потомъ оказались чрезвычайно печальными. 30 мая 1498 года покинулъ Колумбъ берега Испаніи съ шестью кораблями. Дойдя до Канарскихъ острововъ, онъ отправилъ три корабля съ различными припасами прямо въ Эспаньолу, а самъ съ прочими судами направился сначала къ островамъ Зеленаго Мыса, а затѣмъ, взявъ юго-восточный курсъ, рѣшилъ переѣзжать океанъ близь экватора, чтобы провѣрить темныя извѣстія, слышанныя имъ на Кубѣ и Ямайкѣ, о существованіи къ югу отъ этихъ острововъ обширнаго материка. Восемь страшныхъ дней путешественники провели среди океана въ экваторіальной области полнаго безвѣтрія, неимовѣрно страдая отъ жары и жажды. Совершенно измученные, они увидѣли, наконецъ, 31 іюля три подымающіяся изъ воды горныя

вершины. Это былъ самый южный изъ Антильскихъ острововъ, получившій отъ Колумба за свой характерный видъ имя „La Trinidad“, которое за нимъ остается досел҄ѣ. Пышная растительность, покрывавшая островъ, совершенно разрушала одно изъ распространенныхъ тогда заблужденій, что у экватора почва представляетъ совершенно голую, выжженную солнцемъ пустыню. Огибая Тринидадъ, моряки замѣтили на югѣ узкій проливъ, отдѣляющій этотъ островъ отъ дельты Ориноко. Здѣсь передъ Колумбомъ впервые длинной и узкой полосой протянулись на горизонтѣ низменные берега Америки, но онъ принялъ ее за островъ и назвалъ La Isla Santa—Святой Островъ. Слѣдуя вдоль сѣвернаго берега его, онъ открылъ еще два маленькихъ острова: Маргариту и славящуюся своими жемчужными ловлями Кубагуу, гдѣ путешественники вымѣняли у дикарей много жемчужинъ. Дальнѣйшему изслѣдованію материка помѣшало сильное нездоровье адмирала, который страдалъ болѣзнью глазъ и мучился приступами лихорадки. Пришлось поспѣшить въ Эспаньолу. Управленіе островомъ сосредоточивалось теперь въ городѣ Санъ-Доминго, построенномъ во время отсутствія Колумба братомъ его Варѳоломеемъ, согласно указаніямъ вицекороля, при устьѣ рѣки Озамы, на южномъ берегу Эспаньолы, поблизости отъ найденныхъ незадолго до его отъѣзда богатыхъ золотыхъ копей. Здоровый климатъ гористой мѣстности, на которой построенъ былъ городъ, привлекъ сюда мало-по-малу и всѣхъ жителей Изабеллы, страдавшихъ на островѣ отъ лихорадки. Санто-Доминго быстро росъ, развивался и сталъ скоро столицей острова, Изабелла же все больше и больше падала и теперь представляетъ лишь однѣ развалины. Весь островъ Колумбъ нашелъ въ состояніи полнѣйшей анархіи. Испанскіе колонисты, недовольные суровымъ управленіемъ намѣстника Колумба, Варѳоломея, составили заговоръ на жизнь братьевъ-генуэзцевъ, а затѣмъ подняли открытый бунтъ. Руководителемъ мятежниковъ былъ самъ главный судья острова, Франциско Ролданъ, нѣкогда облагодѣтельствованный Колумбомъ и имъ же назначенный на эту должность. Сильное подкрѣпленіе получили бунтовщики, когда имъ удалось сманить на свою сторону часть людей, прибывшихъ съ высланными впередъ Колумбомъ тремя каравеллами. Вице-король первымъ дѣломъ озаботился прекращеніемъ анархіи и, въ виду преобладающей численности мятежниковъ, рѣшилъ согласиться на всѣ поставленныя ими условія мира, съ тѣмъ, конечно, чтобы впослѣдствіи расправиться какъ слѣдуетъ съ разбойниками. На борту своего корабля подписалъ онъ позорный договоръ, коимъ Ролданъ и всѣ его товарищи не только получали полную амнистію, но и все слѣдуемое имъ за прежнее время жалованье, да еще подарки въ видѣ участковъ земли и пр.

Въ письмѣ, отправленномъ тотчасъ же къ монархамъ Испаніи, Колумбъ указывалъ на критическое положеніе колоніи, и просилъ прислать ему опытнаго въ законахъ судью, который могъ бы разрѣшать возникавшія недоразумѣнія. Не дремали, однако, и враги Колумба. Мятежники въ свою очередь старались очернить въ глазахъ короля и королевы какъ братьевъ вице-короля, такъ и его самого. Извѣстіе о постановленномъ противъ нѣкоторыхъ новыхъ заговорщиковъ смертномъ приговорѣ дало новую пищу врагамъ Колумба для обвиненія его въ чрезмѣрной жестокости. Не малую роль играла въ этомъ національная нетерпимость испанцевъ, которые никакъ не могли помириться съ тѣмъ, что вице-королемъ Индіи состоитъ не испанецъ, а генуэзецъ, и что этому чужестранцу должны подчиняться кровные испанскіе гидальго. Самъ Колумбъ повредилъ себѣ въ мнѣніи единственной защитницы его королевы Изабеллы тѣмъ, что присылалъ постоянно въ Испанію суда, нагруженныя индѣйскими невольниками, которые затѣмъ продавались на рынкахъ Севильи. Когда сердобольная королева узнала, что возвратившіеся въ Испанію мятежники привезли съ собой индѣйскихъ женщинъ, она велѣла спросить, какъ это случилось, и, получивъ въ отвѣтъ, что женщины эти были подарены имъ Колумбомъ, съ негодованіемъ воскликнула: „Какое право имѣетъ адмиралъ дарить моихъ подданныхъ?“ и тотчасъ же приказала освободить всѣхъ привезенныхъ въ Испанію и проданныхъ въ рабство индѣйцевъ и вернуть ихъ назадъ въ Эспаньолу. Между тѣмъ выручка отъ продажи рабовъ была главнымъ источникомъ доходовъ, изъ которыхъ покрывалась хотя нѣкоторая часть громадныхъ издержекъ испанской казны на экспедиціи Колумба, а обѣщанныя золотыя горы и сокровища все еще оставались въ области мечтаній. Королевская чета Испаніи склонялась на доводы людей, утверждавшихъ, что Колумбъ доказалъ свою неспособность къ управленію колоніями. Рѣшено было послать особаго чрезвычайнаго уполномоченнаго для изслѣдованія положенія дѣлъ и регулированія различныхъ спорныхъ вопросовъ. Казалось, что принятое ими рѣшеніе находится въ полномъ согласіи съ собственнымъ желаніемъ Колумба, но на самомъ дѣлѣ всѣ права вице-короля Индіи могли быть совершенно уничтожены: уполномоченному предоставлено было право въ случаѣ необходимости потребовать отъ вице-короля передачи всѣхъ крѣпостей, оружія, судовъ, строеній и прочаго королевскаго имущества. Къ тому же этимъ уполномоченнымъ былъ Франциско Бобадилла, котораго современники описываютъ какъ пристрастнаго человѣка и честолюбиваго интригана.

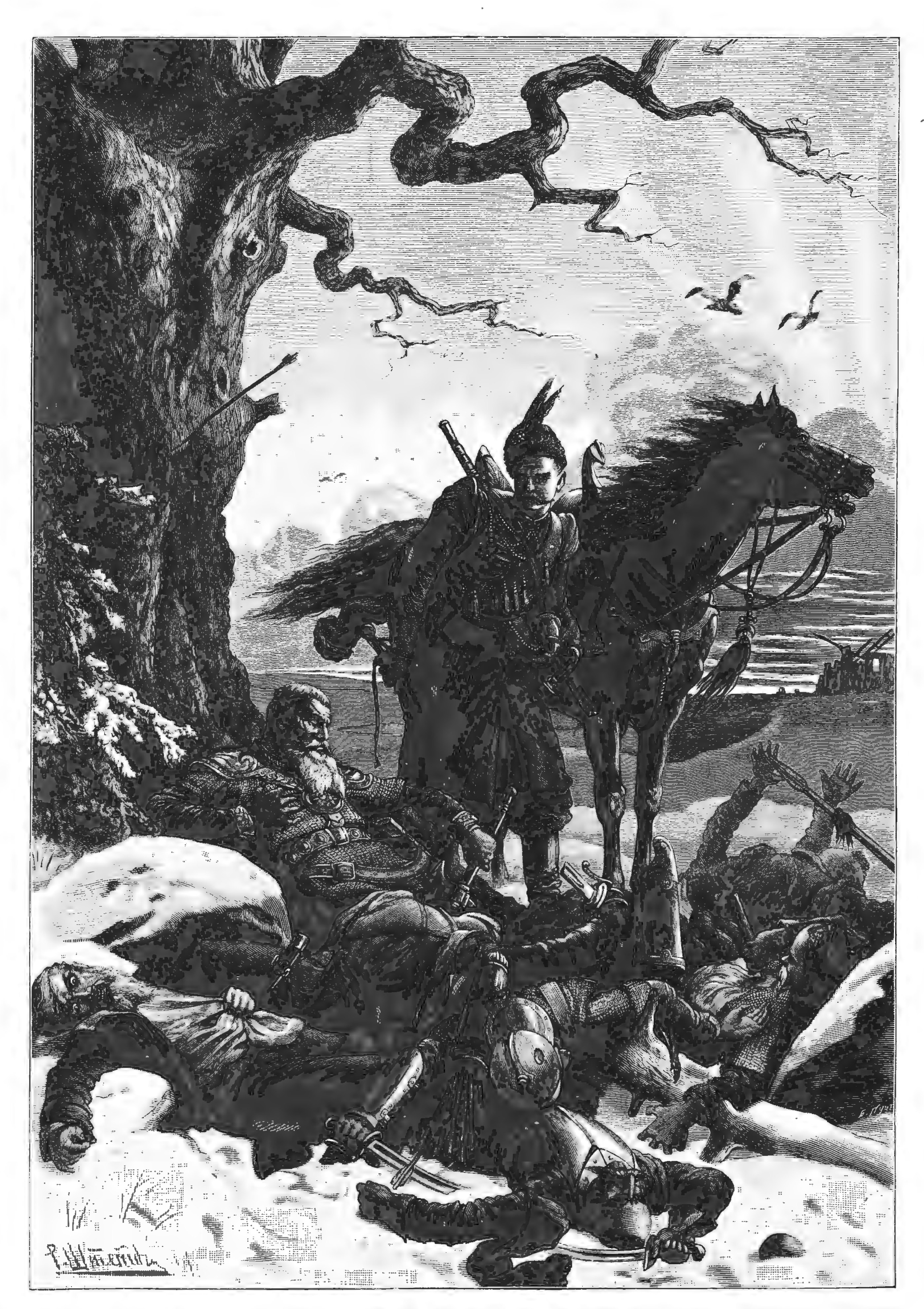
23 августа 1500 года Бобадилла прибылъ въ Санъ-Доминго и первое, что онъ увидѣлъ тамъ,—были качавшіеся на висѣлицѣ трупы двухъ казненныхъ испанцевъ. Ни самого адмирала, ни брата его Варѳоломея въ городѣ тогда не было, и Бобадилла занялся въ тотъ же день допросами жителей, пріѣзжавшихъ къ нему на корабль со всевозможными жалобами на вице-короля и его братьевъ. Онъ не счелъ даже нужнымъ дождаться прибытія адмирала, чтобы выслушать его объясненія; на слѣдующій день онъ сошелъ на берегъ, велѣлъ прочитать всему собравшемуся у дверей храма народу данное ему королевское полномочіе и потребовалъ отъ Діего Колумба немедленной передачи цитадели Санъ-Доминго и заключенныхъ въ ней преступниковъ. Когда тотъ колебался сдѣлать это безъ вѣдома брата, Бобадилла, велѣлъ сломать ворота крѣпости и освободить всѣхъ заключенныхъ. Все имущество и даже личныя бумаги вице-короля были конфискованы, и въ занимаемомъ имъ домѣ поселился Бобадилла. Затѣмъ онъ отправилъ къ Колумбу курьера съ королевскимъ письмомъ, которымъ вице-король Индіи приглашался повиноваться всѣмъ распоряженіямъ, которыя признаетъ нужнымъ сдѣлать Бобадилла, и немедленно явиться къ нему. Донъ Діего былъ закованъ въ цѣпи и посаженъ на бортъ одной изъ стоявшихъ на якорѣ каравеллъ. Такъ же поступили съ самимъ Колумбомъ: лишь только онъ появился въ Санъ-Доминго, его арестовали, надѣли на него оковы и заключили въ крѣпостной башнѣ. До сихъ поръ еще стоитъ эта башня, и еще теперь можно видѣть выдолбленное въ толстѣйшей крѣпостной стѣнѣ маленькое пространство, въ которомъ, согласно преданію, сидѣлъ въ цѣпяхъ великій человѣкъ, открывшій человѣчеству новый міръ (см. рис. на стр. 864).

Колумбъ опасался за самую жизнь свою и, когда за нимъ пришелъ въ тюрьму офицеръ Аллонзо де-Виллейо въ сопровожденіи вооруженныхъ людей, чтобы отвезти его на корабль, готовый къ отплытію въ Европу, то старый адмиралъ былъ убѣжденъ, что его ведутъ на казнь. На кораблѣ находились и оба брата Колумба, тоже въ цѣпяхъ. Напрасно уговаривали адмирала и Аллонзо, и капитанъ судна, относившіеся къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, позволить снять съ него оковы,—Колумбъ, ссылаясь на то, что онѣ возложены на него по приказанію короля, отклонилъ ихъ предложеніе. Напротивъ того, онъ рѣшилъ сохранить эти цѣпи, какъ память о наградѣ, какой удостоились его великія заслуги.

Когда вѣсть о прибытіи Колумба и его братьевъ въ Кадиксъ въ цѣпяхъ распространилась по Испаніи, стыдъ и смущеніе овладѣли испанскимъ народомъ. Изъ письма Колумба къ кормилицѣ принца Донъ-Хуана, очень знатной и вліятельной дамѣ при дворѣ королевы, узнали и монархи Испаніи о постигшей великаго человѣка несправедливости. Сознавая, что въ этомъ дѣлѣ зашли уже слишкомъ далеко, они тотчасъ же постарались снять съ себя всякое подозрѣніе въ томъ, что арестованіе Колумба и наложеніе оковъ на него сдѣланы были съ ихъ вѣдома и согласія.

Они отправили немедленно въ Кадиксъ гонца съ приказаніемъ освободить заключенныхъ и оказать имъ всѣ присвоенныя ихъ званію почести. Колумбъ получилъ собственноручное королевское письмо, въ которомъ выражено было искреннее сожалѣніе о случившемся и содержалось приглашеніе явиться въ Гранаду ко двору. Къ письму приложены были 2000 дукатовъ. Колумба монархи приняли чрезвычайно милостиво. Слезы выступили на глазахъ королевы, когда она увидѣла изможденнаго старика, тѣнь прежняго Колумба; потрясенный всѣмъ пережитымъ, палъ онъ къ ногамъ своей покровительницы и нѣкоторое время не могъ говорить отъ волненія. Всѣми способами старались теперь загладить нанесенную Колумбу обиду и заставить его забыть испытанный позоръ; но когда онъ попытался завести рѣчь о возвращеніи ему правъ вицекоролевства въ открытыхъ земляхъ, то ему пришлось убѣдиться, что король не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія возстановлять его прежнее положеніе. Къ тому имѣлись теперь, дѣйствительно, серьезныя основанія. Цѣлымъ рядомъ экспедицій, предпринятыхъ Ожӗдой, Пинзономъ, Нинно и другими лицами, было уже установлено, что поблизости отъ найденыхъ Колумбомъ острововъ находится цѣлый міръ, скрывающій неизмѣримыя сокровища, и сосредоточить власть надъ всей этой территоріей въ одномъ лицѣ, облеченномъ верховными правами, представлялось крайне опаснымъ. Колумба увѣряли, что его нынѣшнее положеніе временное и окончится, когда дѣла въ колоніяхъ придутъ въ порядокъ, пока же ему возвращено было все конфискованное Бобадиллой имущество, дано вознагражденіе за всѣ понесенныя имъ отъ того убытки и обезпечено полученіе установленной по договору части изъ доходовъ открытыхъ имъ земель. Бобадилла былъ отозванъ, а преемникомъ его назначенъ Николай Овандо, испытанный и способный человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ. За нимъ послѣдовалъ въ Вестъ-Индію цѣлый флотъ изъ 30 кораблей, на которомъ собрано было до 2500 человѣкъ, въ томъ числѣ много знатныхъ испанцевъ, отправившихся искать счастья въ Новомъ Свѣтѣ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отплытія Овандо, 9 мая 1502 года, выступила въ путь четвертая и послѣдняя экспедиція Колумба изъ четырехъ каравеллъ съ 150 людьми; адмирала сопровождали братъ его Варѳоломей и 13-ти-лѣтній сынъ



Литературный альбомъ. „Бояринъ Орша" М. Ю. Лермонтова. Арсеній находитъ смертельно раненаго боярина на полѣ битвы. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Р. Штейна,** грав. Пуцъ.

Фердинанда. 15 іюня показалась Мартиника, одинъ изъ Караибскихъ островов, а черезъ двѣ недѣли эскадра Колумба стояла уже въ гавани Санъ-Доминго. Оттуда собирался тогда отплыть обратно въ Европу флотъ Овандо, и среди его пассажировъ находились Бобадилла и Ролданъ, самые заклятые враги Колумба. Опасаясь возникновенія какихъ-либо безпорядковъ въ случаѣ появленія адмирала въ Санъ-Доминго, губернаторъ города, Овандо, запретилъ Колумбу войти въ устье рѣки. Сильно опечаленный, удалился Колумбъ со своимъ кораблемъ въ бухту Азую, гдѣ онъ рѣшилъ выждать предсказанной имъ бури. Несмотря на предостереженія его, эскадра Овандо вышла въ море, но не успѣла дойти до юго-восточнаго мыса Эспаньолы, какъ поднявшійся ураганъ налетѣлъ на суда и потопилъ ихъ всѣ, за исключеніемъ одного хрупкаго суденышка, слабѣйшаго изъ всѣхъ двадцати судовъ. Замѣчательно, что спаслось какъ разъ то судно, на которомъ находилось возвращаемое Колумбу имущество, Бобадилла же и Ролданъ нашли смерть въ волнахъ океана.

Сильнымъ морскимъ теченіемъ суда Колумба отнесены были къ южному берегу Кубы. Здѣсь путешественникамъ повстрѣчалась большая индѣйская лодка (каноэ) съ 25-ю гребцами. Люди эти, должно быть, прибыли издалека, такъ какъ испанцамъ никогда еще не приходилось видѣть у дикарей такихъ признаковъ культуры. Съ величайшимъ интересомъ разсматривалъ Колумбъ мѣдные топоры и колокольчики, хлопчатобумажныя одѣяла разныхъ цвѣтовъ, всякаго рода утварь, кувшины и оружіе изъ глины, камня и дерева. Здѣсь впервые познакомились европейцы съ бобами какао, который индѣйцы употребляли въ пищу или обмѣнивали на другія дорогія вещи. Чужестранцы указывали Колумбу на западъ, гдѣ, по ихъ словамъ, онъ долженъ найти большую богатую, культивированную землю, населенную трудолюбивыми жителями. Тамъ лежали берега Юкатана. Но Колумбъ, глубоко убѣжденный, что онъ находится вблизи португальскихъ владѣній въ Индіи, стремился только къ тому, чтобы, обогнувъ южную оконечность Кубы, найти проходъ къ Остъ-Индіи. Это было исключительною задачей. Переѣхавъ Караибское море въ юго-западномъ направленіи, онъ достигъ береговъ Гондураса и отсюда направился къ востоку, держась все время въ виду берега. Сильныя бури чуть-было не потопили его кораблей, а мощныя теченія затрудняли движеніе впередъ, такъ что понадобился цѣлый мѣсяцъ на то, чтобы добраться до восточнаго мыса Гондураса. Слѣдуя къ югу, Колумбъ достигъ сначала страны Коста-Рики („богатый берегъ“, названа такъ за найденныя въ ней золотыя и серебряныя руды), а затѣмъ изобилующей золотомъ Верагуи (потомки Колумба получили титулъ герцоговъ Верагуа).

Это послѣднее путешествіе Колумба было самымъ несчастнымъ и неудачнымъ изъ всѣхъ: то страшнѣйшіе ливни задерживали его долгое время въ какой-либо бухтѣ, то опасные враги кораблей—черви-древоточцы—разъѣдали и дырявили судно до того, что надо было останавливаться для исправленія громадныхъ поврежденій, то безпрерывныя ужасныя бури загоняли ихъ надолго въ попутныя бухты; дважды суда теряли свои якоря, паруса, снасти и лодки. Скрѣпя сердце, Колумбъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ прохода въ Остъ-Индію и вернуться назадъ въ Верагуу. Но и обратный путь былъ полонъ тѣхъ же опасностей: свирѣпыя бури, яростные ливни, грозившіе потопить корабли, невиданный никогда водяной смерчъ и тому подобныя приключенія заставляли участниковъ экспедиціи каждую минуту ждать близкой смерти; когда, наконецъ, послѣ мѣсячнаго плаванія, каравеллы вошли въ устье рѣки Ріо-Беленъ (Виѳлеемъ) въ Верагуѣ, вдругъ рѣка страшно вздулась, сорвала корабли съ якорей и чуть-было не изломала ихъ въ щепы. „Не знаю, подвергался-ли хотя одинъ человѣкъ бо̀льшимъ ужасамъ!“ воскликнулъ послѣ этого Колумбъ.

Ближайшее изслѣдованіе мѣстности обнаружило здѣсь богатѣйшія залежи золота, которымъ, казалось, пропитана была вся земля. Верагуа оказывалась самымъ дорогимъ владѣніемъ Испаніи, и Колумбъ рѣшилъ основать здѣсь новую колонію, которая должна была затмить самую Эспаньолу. Предполагалось оставить здѣсь одинъ изъ четырехъ кораблей со всѣмъ его экипажемъ подъ начальствомъ Варѳоломея Колумба. Но когда дикари, раньше относившіеся къ бѣлымъ очень дружески, увидѣли, что чужестранцы имѣютъ серьезное намѣреніе поселиться въ ихъ странѣ, то сразу превратились въ заклятыхъ враговъ и стали нападать на европейцевъ. Колумбъ надѣялся однако, что братъ съумѣетъ въ концѣ концовъ усмирить индѣйцевъ, и велѣлъ выйти своимъ тремъ кораблямъ изъ устья рѣки и стать въ морѣ. Но когда изъ посланнаго за водой внутрь страны отряда вернулся всего одинъ только человѣкъ, который сообщилъ объ избіеніи прочихъ индѣйцами и объ ужасномъ положеніи поселенцевъ, подвергавшихся опасности при малѣйшемъ удаленіи отъ форта, Колумбъ вынужденъ былъ отказаться отъ своего проекта и забрать съ собой обратно на корабль всѣхъ оставленныхъ на берегу людей, что̀ удалось ему не безъ труда только послѣ девятидневнаго ожиданія благопріятнаго вѣтра, съ потерею судна, засѣвшаго на мели. Измученный нравственно опасеніями за жизнь своего брата и его людей и жестокой лихорадкой, Колумбъ не разъ былъ близокъ къ смерти. Онъ совершенно палъ духомъ и въ письмѣ къ монархамъ Испаніи горько жаловался на свою злосчастную судьбу.

Полусгнившія и разъѣденныя червями суда были въ такомъ положеніи, что надо было торопиться въ Эспаньолу. На пути пришлось бросить еще одно судно. Еле-еле добрались 24 іюня 1503 года уцѣлѣвшія двѣ каравеллы до сѣвернаго берега Ямайки, гдѣ онѣ моментально погрузились въ воду до самой палубы. На этихъ-то палубахъ и пришлось несчастнымъ странникамъ устроить себѣ жилища, пока придетъ откуда-нибудь помощь. Скоро всѣ запасы провіанта были истощены, и людямъ грозила голодная смерть. Къ счастью, предпріимчивому и отважному капитану Діего Мендецу, уже не разъ оказывавшему всей экспедиціи громадныя услуги, удалось войти съ индѣйцами близь лежащей деревни въ соглашеніе, по которому они обязались поставлять испанцамъ рыбу, дичь и хлѣбъ за кораллы, бусы, колокольчики, гребешки и т. п. Зная, однако, непостоянство индѣйцевъ, Колумбъ рѣшилъ отправить кого-либо въ Санъ-Доминго просить у Овандо помощи. Это было поистинѣ безумное по смѣлости предпріятіе, такъ какъ предстояло переплыть въ хрупкой индѣйской каноэ около 600 верстъ, отдѣляющихъ восточный конецъ Ямайки отъ Санъ-Доминго, по бурному морю, перекрещиваемому многочисленными теченіями. Отважный Мендецъ вызвался совершить одинъ эту опасную экспедицію. Съ нимъ было 6 индѣйскихъ гребцовъ. Первая попытка кончилась неудачей: на Мендеца напали индѣйскіе пираты, ограбили его и едва не убили. Спасшись какимъ-то чудомъ отъ смерти, вернулся онъ къ Колумбу съ тѣмъ, чтобы предпринять сейчасъ же вторую поѣздку, но лишь съ бо̀льшими предосторожностями. Вооруженный эскортъ шелъ по берегу до самой восточной оконечности Ямайки, охраняя двѣ плывшія мимо каноэ. Въ каждой было по шести испанцевъ и по 10 индѣйскихъ гребцовъ; одну велъ Мендецъ, другую генуэзецъ Фіеско, который, въ случаѣ благополучнаго прибытія въ Санъ-Доминго, долженъ былъ вернуться назадъ сообщить объ этомъ Колумбу. Экспедиція двинулась съ Ямайки въ началѣ августа 1503 г.

Между тѣмъ, опасенія Колумба начали сбываться: индѣйцамъ надоѣло ежедневно трудиться для бѣлыхъ, тѣмъ болѣе, что получаемыя въ обмѣнъ бездѣлушки скоро потеряли въ ихъ глазахъ свою прежнюю прелесть. Среди испанцевъ, терпѣвшихъ во всемъ крайнюю нужду, началось глухое броженье. 48 человѣкъ команды, подъ начальствомъ бывшаго капитана де-Поррасъ, попытались вырваться изъ своего бѣдственнаго положенія, бросивъ товарищей. Грабя и опустошая индѣйскія деревни, двинулись они по пути, проложенному Мендецомъ, и затѣмъ пустились въ море; но бури вынудили ихъ вернуться на островъ.

Томительно проходили дни, недѣли и мѣсяцы, но ни Фіеско, ни Мендецъ не возвращались. Колумбъ и его спутники терпѣли недостатокъ въ предметахъ первой необходимости. Адмиралу пришла въ голову мысль воспользоваться предстоявшимъ 29 февраля 1504 г. луннымъ затменіемъ для того, чтобы снова пріобрѣсти вліяніе на дикарей. Наканунѣ затменія онъ сталъ угрожать индѣйцамъ гнѣвомъ боговъ, если они будутъ попрежнему морить бѣлыхъ голодомъ, и объявилъ имъ, что сегодня же ночью они убѣдятся въ этомъ: луна потеряетъ свой обычный блескъ. Недовѣрчиво, хотя и не безъ тайнаго страха, внимали индѣйцы словамъ адмирала. Когда же предсказаніе его сбылось, ими овладѣлъ такой ужасъ, что они поклялись доставлять бѣлымъ жизненные припасы.

Мендецъ, между тѣмъ, испытавъ невѣроятныя лишенія и трудности, добрался, наконецъ, до Эспаньолы и, узнавъ, что Овандо находится въ походѣ противъ возставшихъ индѣйцевъ, пѣшкомъ отправился къ нему просить помощи для адмирала. Семь долгихъ мѣсяцевъ задерживали его здѣсь подъ разными предлогами, прежде чѣмъ дали разрѣшеніе снарядить въ Санъ-Доминго судно насчетъ Колумба. Какъ только Мендецъ выѣхалъ изъ губернаторской резиденціи, Овандо рѣшилъ послать къ мѣсту крушенія адмиральскихъ судовъ своего довѣреннаго человѣка Эскобара, изъ партіи Ролдана, чтобы выяснить на мѣстѣ положеніе дѣлъ и разузнать, не замышляетъ-ли чего-либо бывшій вице-король для возвращенія себѣ прежней власти. Объ оказаніи помощи несчастнымъ страдальцамъ не заботились, даже издѣвались надъ положеніемъ Колумба: Овандо велѣлъ передать ему губернаторскій подарокъ—бочку вина и кусокъ свинаго сала, и увѣрить его, что ему не замедлятъ оказать помощь, какъ только придетъ изъ Испаніи корабль побольше. И исполнивъ это порученіе, Эскобаръ со своимъ судномъ немедленно удалился.

Колумбъ имѣлъ неосторожность сообщить находящимся на островѣ мятежникамъ объ ожидаемой имъ помощи, обѣщая имъ прощеніе и возвращеніе на родину подъ условіемъ изъявленія покорности. Но бездѣльники вмѣсто благодарности стали предъявлять еще болѣе наглыя требованія, а затѣмъ, получивъ отказъ, стали принимать мѣры къ тому, чтобы овладѣть спасительными кораблями, какъ только они появятся у берега. Предполагалось даже захватить въ плѣнъ адмирала и заставить его согласиться на всѣ вымогательства. Колумбу не

оставалось ничего, какъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ во главѣ оставшихся вѣрными людей противъ бунтовщиковъ и заставить ихъ смириться. Сраженіе кончилось смертью или плѣномъ мятежниковъ. Оставшіеся въ живыхъ получили прощеніе, вновь присягнувъ на вѣрность адмиралу; лишь главный зачинщикъ былъ взятъ подъ арестъ.

Это случилось 20 мая 1504 года, а 28 іюня явилась наконецъ помощь въ видѣ двухъ судовъ, изъ которыхъ одно было снаряжено Мендецомъ, а другое прислано было послѣ долгихъ колебаній Овандо.

13 августа того же года Колумбъ принятъ былъ самымъ дружественнымъ образомъ губернаторомъ Санъ-Доминго, который, однако, въ то же время освободилъ Порраса. 12 сентября великій человѣкъ, открывшій Новый Свѣтъ, послѣдній разъ простился со страной, которая была для него источникомъ высочайшей славы и глубочайшаго униженія. Съ тяжелымъ чувствомъ, разбитый въ конецъ физически и нравственно, вице-король Индіи и адмиралъ океана покидалъ навсегда открытый имъ міръ, чтобы уже никогда болѣе въ него не возвращаться.

7 ноября 1504 года прибылъ Колумбъ нищимъ и больнымъ старикомъ въ страну, изъ которой онъ выѣхалъ 12 лѣтъ тому назадъ полный силъ и великихъ замысловъ. Теперь уже никто не интересовался пріѣздомъ великаго мореплавателя. Когда же онъ сталъ требовать возстановленія его во всѣхъ принадлежащихъ ему правахъ и титулахъ и уплаты слѣдуемой ему части доходовъ съ вице-королевства, то всѣ были даже удивлены. Подъ разными предлогами испанское правительство откладывало удовлетвореніе его справедливыхъ требованій и, наконецъ, предложило ему промѣнять свой титулъ и права вице-короля Индіи на какой-либо титулъ и владѣнія въ Кастиліи. Доброй покровительницы Колумба, Изабеллы, тогда уже не было въ живыхъ (она скончалась вскорѣ по его возвращеніи въ Испанію), а Фердинандъ оставался глухъ ко всѣмъ просьбамъ генуэзца. Колумбъ соглашался отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу сына Діего, но и это предложеніе не имѣло успѣха. Онъ уже предвидѣлъ, что ему придется скоро жить подаяніями. На минуту блеснула для него надежда, когда онъ узналъ, что на престолъ Кастиліи взошла сестра Изабеллы. Немедленно послалъ онъ къ новой царственной четѣ своего брата Варѳоломея просить признанія его заслугъ. Молодые монархи дали обѣщаніе позаботиться объ удовлетвореніи интересовъ Колумба, но эта добрая вѣсть уже не застала его въ живыхъ: 20 мая 1506 года, окруженный лишь немногими друзьями, онъ тихо скончался въ Вальядолидѣ (въ Кастиліи), 60 лѣтъ отъ роду. Его послѣднія слова были: „In Manus Tuas, Domine, commendo spiritum meum“ („Въ руки Твои, Господи, предаю духъ свой“). На стр. 860 изображенъ домъ, въ которомъ провелъ послѣднія минуты своей бурной жизни знаменитый генуэзецъ. Мѣстная газета ни единымъ словомъ не упомянула о великомъ событіи, совершившемся въ ея стѣнахъ, и поэтому еще въ 1508 году нѣкоторые географы въ своихъ сочиненіяхъ упоминали, что Колумбъ до сихъ поръ живетъ при испанскомъ дворѣ.

Замѣчательна судьба и бренныхъ останковъ великаго мореплавателя. Сначала они погребены были въ Вальядолидѣ, затѣмъ въ 1513 году перенесены въ Севилью. Въ томъ же году начали строить роскошный соборъ въ Санъ-Доминго, чтобы исполнить, наконецъ, послѣднюю волю Колумба, который въ завѣщаніи просилъ похоронить его тѣло въ этомъ городѣ. Соборъ оконченъ былъ лишь въ 1541 году, и перенесеніе туда останковъ адмирала, открывшаго Новый Свѣтъ, состоялось между 1541 и 1549 гг. Когда островъ Гаити уступленъ былъ въ 1795 г. испанцами Франціи, ихъ національная гордость не могла допустить, чтобы прахъ человѣка, подарившаго имъ цѣлый свѣтъ, хранился въ рукахъ чужестранцевъ. Въ томъ же году раскопали устроенную съ правой стороны главнаго соборнаго алтаря гробницу, гдѣ, согласно преданію, похороненъ былъ Колумбъ, и найденные тамъ остатки свинцоваго гроба съ костями заключены были въ позолоченный свинцовый гробъ и перевезены съ военными и церковными почестями въ Гавану, главный городъ острова Кубы, и установлены въ тамошнемъ соборѣ возлѣ главнаго алтаря; въ 1822 г. сдѣлана была надъ гробницей плита съ медальоннымъ портретомъ Колумба.

Но судьбѣ, видно, было угодно, чтобы хотя послѣдняя воля великаго человѣка осталась не нарушенной. Во время работъ, производившихся въ Санъ-Домингскомъ соборѣ въ 1877 году, случайно найденъ былъ рабочими маленькій свинцовый гробъ, помѣщавшійся между стѣной собора и тѣмъ мѣстомъ, откуда въ 1795 г. извлеченъ былъ испанцами предполагаемый прахъ Колумба. Гробъ этотъ (см. рис. на стр. 864) покрытъ со всѣхъ сторонъ надписями, которыя свидѣтельствовали, что содержащіяся въ немъ человѣческія кости—останки Христофора Колумба. Въ присутствіи Санъ-Домингскаго епископа, членовъ правительства, консуловъ всѣхъ государствъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ произведено было тщательное изслѣдованіе важной находки, которое убѣдило всѣхъ присутствовавшихъ, что здѣсь именно покоится Колумбъ, открывшій Америку; кости же, похороненныя испанцами въ Гаваннѣ, были сына его, Діего Колона, бывшаго въ 1509—23 гг. генералъ-губернаторомъ испанскихъ колоній въ Вестъ-Индіи и погребеннаго въ Санъ-Домингскомъ соборѣ рядомъ съ отцомъ (имъ и былъ выстроенъ дворецъ, изображенный на стр. 860 и названный въ память великаго адмирала „Колумбовымъ“). Гордые испанцы не хотѣли, однако, признать своей ошибки и подняли горячій споръ, въ которомъ старались доказать, что прахъ Колумба находится въ Гаваннѣ. Въ настоящее время, благодаря новому замѣчательному изслѣдованію, произведенному со всей тщательностью Рудольфомъ Кронау 11 января 1891 года въ присутствіи всѣхъ находящихся въ Санъ-Доминго консуловъ и членовъ высшаго правительства, споръ этотъ надо считать поконченнымъ. Свинцовый гробъ вынутъ былъ изъ стекляннаго гроба, запирающагося тремя ключами, обернутаго широкой шелковой лентой, концы которой припечатаны были въ 1877 году печатями всѣхъ упомянутыхъ выше лицъ, и помѣщающагося въ постоянно запертой гробницѣ. На днѣ свинцоваго гроба виднѣлись нѣсколько шейныхъ и спинныхъ позвонковъ, части костей рукъ и ногъ; подлѣ стоялъ сосудъ съ прахомъ, въ который превратились разсыпавшіеся отъ времени останки Колумба. На наружной крышкѣ гроба вырѣзано D. de la A. P-ex A-te, первыя буквы испанскихъ словъ, означающихъ „Открыватель Америки, первый адмиралъ“; на внутренней сторонѣ той же крышки имѣется надпись, замѣтная и на нашемъ рисункѣ, которая въ переводѣ гласитъ: „Знаменитый и замѣчательный мужъ, донъ Кристоваль Колонъ“; на боковыхъ стѣнкахъ гроба вырѣзаны буквы: C, C, A, иниціалы словъ Cristoval Colon, Almirante. Внѣ свинцоваго гроба, въ стеклянномъ—лежали серебряная пластинка, очевидно, бывшая когда-то прибитой къ крышкѣ свинцоваго гроба, съ вырѣзанными на ней надписями („Cristoval Colon“ на одной сторонѣ и цѣлый рядъ сокращенныхъ испанскихъ словъ на другой, означающихъ „послѣднія части останковъ перваго адмирала Кристоваля Колона, открывателя“) и свинцовая пуля, засѣвшая въ тѣлѣ Колумба во время одного изъ сраженій и освободившаяся сама собой послѣ распаденія останковъ великаго человѣка. Вѣроятность такого предположенія подтверждается словами его дневника, гдѣ онъ жалуется, что его старая рана снова открылась.

Во многихъ городахъ земнаго шара поставлены были впослѣдствіи памятники Колумбу: въ Барселонѣ, на Кубѣ, въ Мексико. Въ 1862 г. вспомнилъ наконецъ о своемъ знаменитомъ соотечественникѣ родной его городъ Генуя и поставилъ ему роскошный памятникъ на площади Acquaverde (см. рис. на стр. 861). Мраморная статуя Колумба покоится на якорѣ; у ногъ его склонилась фигура Америки. Пьедесталомъ служитъ круглая колонна, украшенная носами кораблей; вокругъ нея на особыхъ постаментахъ сидятъ четыре аллегорическія фигуры: религія, наука, сила и мудрость; внизу сдѣланы рельефныя изображенія различныхъ событій изъ жизни великаго путешественника. На передней сторонѣ цоколя стоитъ надпись: „Христофору Колумбу отечество“. Великолѣпные и колоссальные памятники предполагается теперь поставить также въ Чикаго и въ Ріо-де-Жанейро.

Г. Вольтке.

Дора.

Повѣсть **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе).

Какъ вездѣ на этомъ берегу, ходъ въ марину вымощенъ крупными каменьями и шелъ колѣнами-зигзагами круто внизъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, казалось, довольно было сдѣлать лишній шагъ, чтобы полетѣть въ бездну, открывавшуюся подъ ихъ ногами, на днѣ которой глухо кипѣло и волновалось сегодня море.

Онъ поддерживалъ ее, но она, смѣясь, разгорѣвшаяся отъ идеи, пришедшей ей сейчасъ въ голову, быстро шла впередъ, отталкивая его руку и прибавляя шагъ.

— Упадете!.. Упадешь, Дора, поправился онъ.

— Нѣтъ!.. Послушай, Александръ, ты не боишься Надежды Анисимовны?

— Нѣтъ. Что за вопросъ!

— Возьмемъ сейчасъ лодку.

— Ну, при чемъ же тутъ боязнь?

— И поплывемъ мимо Сорренто, мимо той террасы, на которой постоянно сидитъ она.

— Ты не соображаешь, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Что̀ бы ни вышло, я не могу отказать себѣ въ

Рыбаки на Невѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Курылина, грав. Флюгель.

400-лѣтіе открытія Америки. Пріемъ Колумба въ Барселонѣ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія.

Съ карт. Балака, грав. Уніонъ.

удовольствіи увидѣть бѣшенство ея и Ниночки. Ради Бога, Саша, поѣдемъ, если ты меня любишь.

Онъ засмѣялся.

Въ маринѣ никого не было.

Александръ Сергѣевичъ постучался въ одну дверь. Выползъ какой-то лохматый морякъ. Услышавъ о желаніи покататься по морю, онъ посмотрѣлъ на море, на небо, на югъ.

— Э!.. Что это вамъ пришло въ голову?

— Не мнѣ, смѣялся онъ.—Синьора желаетъ этого.

— Женщинамъ всегда приходятъ въ голову глупости...

— Кланяйся и благодари! по-русски замѣтилъ ей, смѣясь, Волоцкой.

— Женщины всегда взбалмошны! еще разъ подчеркнулъ лохмачъ.—Синьора развѣ не знаетъ, что сегодня сирокко?

— Отлично знаю. Согласны везти вы насъ, или нѣтъ?

— Можетъ быть гроза.

— Это ужь наше дѣло.

— Какъ хотите, но я меньше десяти лиръ не возьму!

— Браво! Спускайте лодку...

— И кромѣ того buona-mana (на чай).

— Хорошо, хорошо!

Морякъ задумался.

— Можетъ-быть вамъ двухъ гребцовъ надо?

— Ну, двухъ, только скорѣе!

— Тогда двадцать лиръ—и баста!

— Берите двухъ! шепнула Дора.

— Ну, скорѣе спускай лодку и зови другаго гребца! Только если сейчасъ не сдѣлаешь это, я возьму лодочниковъ изъ другой, сосѣдней марины!

— Джакомо, Джакомо! заоралъ лодочникъ.

Въ домѣ отворилось окно, изъ него выглянула еще болѣе заспанная и кудлатая голова.

— Выходи! на сицилійскомъ patoi заговорилъ этотъ.— Сирокко, дай ему Богъ здоровья, двухъ дураковъ форестьеровъ пригналъ къ намъ. Обѣщали золотой и buona-mana.

Кудлатая голова моментально исчезла; спустя нѣсколько мгновеній второй лодочникъ уже сбѣгалъ къ пристани, застегиваясь на ходу и бормоча про себя: „Santa Madonna, какіе ослы эти англичане! Что бы мы дѣлали, бѣдные маринайи, если бы такихъ болвановъ не было на свѣтѣ?!“

— Ты проѣдешь мимо Сорренто.

— Хорошо!

— Въ виду террасъ отеля Витторіи гребите какъ можно медленнѣе. Такъ? ты этого хотѣла, Дора?

— Да, да, именно. Можетъ-быть, я дѣлаю величайшую глупость, но безъ этого я бы чувствовала себя несчастнѣйшимъ существомъ сегодня... Слышишь?

Лодочники сдвинули въ море, глухо кипѣвшее у береговъ, свое неуклюжее суденышко. Оно сейчасъ же клюнуло носомъ въ волны, потомъ поднялось на кормѣ, качнулось направо, налѣво и опять обрушилось впередъ въ нежданно образовавшуюся въ водѣ воронку.

— Ну, Дора, смотри, не струсь!.. Насъ будетъ качать сильно.

Вмѣсто отвѣта она, не ожидая лодочниковъ, спрыгнула въ batello. Оно еще сильнѣе качнулось подъ нею, такъ что дѣвушка чуть не упала въ воду... Первое время какъ ни старались оба marinaio, имъ никакъ не удавалось отчалить... Прибой постоянно выбрасывалъ лодку на песокъ отмели. Надо было опять ее сдвигать. Наконецъ, воспользовавшись минутою сравнительнаго затишья, они сильно налегли на весла и отодвинули ее отъ берега.

— Ну-ко еще!..

Второе такое усиліе — и между лодкою и берегомъ вдругъ уже образовалось много зеленыхъ хребтовъ волнъ, катившихся на отмель... Черезъ нѣсколько времени марина вся казалась сбѣжавшейся въ одну кучку бѣлыхъ домиковъ, а сверху, надъ ними, уже нависли виллы Меты съ ихъ садами и стѣнами. Волны бѣшенно налетали, но лодка легко подымалась носомъ вверхъ, пропускала ихъ подъ килемъ за корму и, страшно кувыркаясь, одолѣвала пространство. Дора должна была поминутно хвататься за борта, чтобы не свалиться. Замѣтивъ это, Александръ Сергѣевичъ озабоченно спросилъ ее:

— Не вернуться-ли, пока еще есть время?

— Ну, вотъ еще! съ неудовольствіемъ отказалась она.—Это такъ пріятно, сознаніе опасности... Или вы можетъ-быть боитесь Надежды Анисимовны?

Тотъ только пожалъ плечами и про себя подумалъ: „Лодочникъ, пожалуй, правъ, говоря о женской глупости“.

Лодка два раза уже зачерпнула воды.

Дора только смѣялась.

То и дѣло издали росла волна, вспѣнивалась, грозною зеленою массой набѣгала на жалкую лодченку, внезапно вырастала надъ ея бортомъ, и казалось, еще мгновеніе, и она наводнитъ ее кипящею влагой... Но это мгновеніе проходило, лодка взлетала на гребень, падала въ какую-то шипѣвшую бездну по другую его сторону, а гребень бѣжалъ уже дальше разбиться о влажные утесы береговъ или тихо умереть въ черныхъ гротахъ. Часто суденышко попадало въ такія глубокія размоины, что берега совсѣмъ уходили изъ глазъ Доры. На мгновеніе видно было только сѣрое небо, все въ тучахъ, да бѣсновавшіяся кругомъ волны. Но еще мигъ, точно чьи-то ладони подымаютъ лодку высоко-высоко вверхъ, такъ что небо, казалось, опускалось къ ней съ страшною быстротою, а море уходило внизъ.

Изъ всѣхъ виллъ на берегу слѣдили за смѣлыми пловцами.

На террасы выходилъ народъ.

Надежда Анисимовна только что немного отдохнула. Въ комнатѣ было душно. Сирокко донималъ ее. Голова болѣла, ей тяжело дышалось.

— Ниночка, пойдемъ, мой ангелъ, на террасу.

Ниночка отъ нечего дѣлать занималась истребленіемъ мухъ. Она ловила ихъ рукою и топила въ умывальникѣ, куда предварительно, вмѣстѣ съ водой, налила бензину, чтобы мухи скорѣе умирали.

— Ниночка!

— Сто двадцать одна... Сто двадцать двѣ.

— Ниночка!.. Что ты дѣлаешь?

— Мухи надоѣли... Мухъ топлю!.. Сто двадцать три.

— Брось, дитя мое, глупости... Пойдемъ на террасу. Вѣроятно, Александръ Сергѣевичъ тамъ уже... Ты будь съ нимъ посмѣлѣй... Вызови на интимность.

— Ахъ, мама, я васъ увѣряю, что онъ начинаетъ увлекаться Дорой.

— Онъ просто, какъ всякій молодой человѣкъ, шалитъ. Для тебя у него серьезныя намѣренія, ну, а съ нею отчего же и не поразвлечься!.. Тамъ ничего опаснаго быть не можетъ.

Онѣ вышли и сѣли въ кресла.

— Посмотри, мама, видишь далеко лодку... Вотъ треплетъ ее... Утонула!.. Нѣтъ, опять вынырнула... Опять пропала въ волнахъ... Она не доберется до берегу.

— Какіе-то сумасшедшіе вздумали кататься... Должно-быть, англичане.

— Ахъ!.. Нѣтъ, опять выскочила.

Лодка подходила все ближе и ближе.

— Гдѣ Дора?.. Кликни мнѣ ее. Я хочу на свободѣ сдѣлать ей выговоръ.

Ниночка пошла искать ее. Доры нигдѣ не было.

— Что это Александръ Сергѣевичъ заперся... скучно...

И Надежда Анисимовна, свѣсясь со своей террасы на нижнюю, куда выходила комната Волоцкаго, крикнула его имя.

Никто ей не отозвался. Она крикнула еще разъ. Выскочилъ лакей.

— Signora? вопросительно отнесся онъ къ ней.

— Нашъ знакомый... русскій господинъ въ 64-мъ нумерѣ—дома?

— О, нѣтъ!.. Уже часа два какъ его не видно.

— Мама, ты знаешь, они вѣрно вмѣстѣ ушли.

— Кто?

— Волоцкой съ Дорой.

— Ну, вотъ... Станетъ онъ такъ явно аффишировать себя!.. Ты просто ревнуешь, и тебѣ чудится.

— Можетъ-быть, я и ошибаюсь.

— Еще бы!..

— Ахъ!

— Что ты?

— Лодка эта... Она сейчасъ черпнула воды бортомъ... Вотъ смѣлые люди... Надо посмотрѣть.

Ниночка бросилась за биноклемъ.

— Мама!

— Ну, что еще?

— Да вѣдь это они.

— Кто?.. Опять примерещился Волоцкой съ Дорой?

— Я тебѣ говорю—они! плачущимъ тономъ повторяла дочь.

— Дай бинокль... Въ самомъ дѣлѣ... Что̀ за безстыдство.. Это изъ рукъ вонъ!.. Нина, я завтра же прогоню эту дѣвчонку. Ты увидишь—уберется она, и Александръ Сергѣевичъ успокоится и будетъ твой опять... Не плачь, мой ангелъ.

Дора нарочно, точно угадывала, попросила Александра Сергѣевича встать. Этотъ моментъ и выбрала Надежда Анисимовна, чтобы взглянуть въ бинокль.

— Богъ знаетъ, чему ихъ учатъ... Негодныя!.. бѣсновалась она.—Нина, завтра же ея не будетъ въ домѣ, и Александръ Сергѣевичъ съ раскаяніемъ возвратится къ тебѣ.

— Послушай, Александръ, теперь прикажи ему пристать именно къ отелю Витторія, говорила между тѣмъ Дора.

Лодка, клюнувъ и словно захлебнувшись налетѣвшею на нее волною, повернулась и быстро пошла къ берегу. Всѣ террасы отеля были заняты любопытными. Два англичанина воспользовались случаемъ подержать пари, разобьетъ лодку или нѣтъ. Къ крайнему сожалѣнію державшаго за первое, она пристала вполнѣ благополучно. Вся мокрая отъ брызгъ и дождя, Дора подала руку Александру Сергѣевичу и соскочила на берегъ. Нина слѣдила сверху ревнивымъ взглядомъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта.**

Переводъ *Е. Евстафьевой.*

(Продолженіе).

Пріѣхавъ въ Бэки-Милльзъ, они воспользовались нѣсколькими минутами, оставшимися до пріѣзда дилижанса, для того чтобы наскоро закусить въ тавернѣ. При этомъ Кларэнсъ замѣтилъ, что его пріятель, несмотря на свое платье и наружность, придававшія ему самый подозрительный видъ,—всюду былъ встрѣчаемъ съ уваженіемъ и даже подобострастіемъ. Такъ, напримѣръ, ему безъ протеста были уступлены два лучшихъ мѣста въ дилижансѣ; когда же Флиннъ съ небрежнымъ и даже презрительнымъ видомъ предложилъ „выпить", то приглашеніе это было встрѣчено общимъ согласіемъ всѣхъ посѣтителей таверны, не исключая даже двухъ, щегольски одѣтыхъ джентльмэновъ, которые все время держали себя особнякомъ.

Кларэнсъ былъ очень польщенъ вліятельною ролью своего товарища и, замѣтивъ устремленные на него внимательные взгляды пассажировъ, старался подчеркнуть свою фамильярность съ этимъ бородатымъ героемъ.

На другой день, къ полудню, они вышли изъ экипажа на одной промежуточной станціи, и Флиннъ въ короткихъ словахъ объявилъ Кларэнсу, что теперь они опять поѣдутъ верхомъ. Казалось, было очень трудно достать лошадей въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, но кондукторъ шепнулъ нѣсколько словъ станціонному смотрителю, и у крыльца явилась пара горячихъ мустанговъ.

Послѣдніе два дня они ѣхали верхомъ, останавливаясь на ночь у друзей Флинна, жившихъ по преимуществу въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, куда путешественники обыкновенно пріѣзжали ночью и уѣзжали съ зарей. Каждому маломальски опытному человѣку было бы ясно, что Флиннъ съ намѣреніемъ избѣгалъ торныхъ дорогъ и людныхъ центровъ, но мальчикъ былъ слишкомъ наивенъ, чтобы объяснять поведеніе своего друга какими-нибудь предосудительными мотивами.

На слѣдующей станціи Кларэнса ожидалъ сюрпризъ. Они пріѣхали въ городъ къ вечеру и остановились въ гостиницѣ, которая, по нѣкоторымъ признакамъ, была тоже игорнымъ домомъ. Кларэнсъ проснулся поздно утромъ и, сходя съ лѣстницы, для того, чтобы сѣсть на лошадь, увидѣлъ, что Флинна не было и что на его лошади сидѣлъ какой-то красивый, изящно-одѣтый незнакомецъ. Только услышавъ знакомый смѣхъ и восклицаніе: „Прыгай скорѣе, мальчикъ!" Кларэнсъ узналъ своего друга. Это былъ Флиннъ, но Флиннъ обритый, причесанный и одѣтый въ прекрасно-сшитый костюмъ.

— Ты не узналъ меня? спросилъ Флиннъ.

— Не узналъ, пока вы не заговорили, отвѣчалъ Кларэнсъ.

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ его пріятель и пришпорилъ лошадь.

Когда они проѣзжали по улицамъ города, Кларэнсъ, который уже успѣлъ привыкнуть къ косматымъ волосамъ и нерасчесанной бородѣ своего друга, теперь началъ слегка бояться его. Его, теперь открытый, профиль былъ такъ строгъ и мраченъ, его глаза были такъ печальны. Мальчикъ не могъ дать отчета, видѣлъ-ли онъ когда-нибудь этого человѣка, но онъ чувствовалъ, что эти суровыя, красивыя черты соединены съ какимъ-то грустнымъ, тягостнымъ воспоминаніемъ. Потомъ Кларэнсъ началъ думать, что, если-бъ онъ могъ привыкнуть къ его лицу, онъ полюбилъ бы его еще больше. Но онъ видѣлъ его такимъ единственный и послѣдній разъ, потому что раннимъ вечеромъ этого дня они пріѣхали къ мѣсту своего назначенія.

Это было низкое строеніе съ красной черепичною кровлей, виднѣвшейся сквозь темную зелень грушевыхъ и фиговыхъ деревьевъ. Передъ домомъ находился большой четыреугольный, окруженный стѣнами, дворъ, гдѣ они и сошли съ лошадей. Флиннъ сказалъ нѣсколько словъ по-испански вышедшимъ къ нимъ навстрѣчу слугамъ и подъ ихъ предводительствомъ прошелъ по деревянной галлереѣ въ длинную, низкую комнату, которая съ полу до потолка была наполнена книгами и картинами. Здѣсь Флиннъ велѣлъ Кларэнсу подождать, а самъ пошелъ отыскивать хозяина, который находился въ другой части зданія.

Кларэнсъ совсѣмъ забылъ о своемъ двоюродномъ братѣ, забылъ о цѣли своего путешествія, увлеченный новыми перспективами и планами на будущее. Онъ никогда не видалъ такого множества книгъ, не могъ вообразить такихъ великолѣпныхъ картинъ и гравюръ. Оставшись одинъ, онъ вскарабкался на стулъ, чтобы разсмотрѣть прекрасную картину, изображавшую морскую битву, какъ вдругъ услышалъ голосъ Флинна.

Его другъ вошелъ въ комнату, въ сопровожденіи какого-то пожилаго джентльмэна, наружностью напоминавшаго иностранца,—это, по всей вѣроятности, и былъ искомый родственникъ. Кларэнсъ слѣзъ со стула и въ смущеніи остановился передъ своимъ кузеномъ. Онъ приготовился къ обычному допросу о своемъ отцѣ и семействѣ; онъ даже придумалъ коекакія невинныя подробности для того, чтобы придать нѣкоторую полноту и разнообразіе тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ имѣлъ о своей семьѣ; но поднявъ глаза онъ увидѣлъ, что его родственникъ казался еще болѣе смущеннымъ, чѣмъ онъ самъ. Флиннъ понялъ, что его вмѣшательство необходимо.

— Вы, конечно, мало помните другъ друга, началъ онъ угрюмо.—Ты, Кларэнсъ, вѣроятно, даже не знаешь, что твоего кузена зовутъ теперь донъ-Хуанъ Робинсонъ; поэтому, чѣмъ раньше ты забудешь о Джэксонѣ Брантѣ, тѣмъ лучше. Я знаю твоего кузена уже давно и надѣюсь, что вы полюбите другъ друга. Впрочемъ, какъ знаете, прибавилъ онъ еще болѣе угрюмымъ тономъ.

Онъ повернулся, чтобы выйти изъ комнаты, оставивъ Кларэнса наединѣ съ его сконфуженнымъ родственникомъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, мальчикъ взглянулъ на своего кузена и спросилъ робко:

— Могу я посмотрѣть эти книги?

Пожилой джентльмэнъ остановился, повидимому, пріятно заинтересованный этой просьбой.

— Ахъ, ты умѣешь читать? И ты любишь книги?

— Да, отвѣчалъ Кларэнсъ, и такъ какъ его кузенъ не отводилъ отъ него своего задумчиваго взгляда, то онъ прибა-

вилъ: — Мои руки довольно чисты, но, если хотите, то я могу еще разъ вымыть ихъ.

— Ты можешь посмотрѣть ихъ, сказалъ донъ-Хуанъ, улыбаясь, — а такъ какъ это старыя, пыльныя книги, то ты вымоешь руки потомъ.

И обратившись къ Флинну, онъ сказалъ съ видомъ облегченія:

— Вотъ что̀ я сдѣлаю: я научу его по-испански!

Они вышли изъ комнаты, и Кларэнсъ съ жадностью набросился на книги. Это были старыя книги, нѣкоторыя очень древнія, въ странныхъ переплетахъ, изъѣденныхъ червями.

400-лѣтіе открытія Америки. Домъ, гдѣ скончался Колумбъ, въ Вальядолидѣ. По фот. грав. Кронау.

Нѣкоторыя были на иностранныхъ языкахъ, нѣкоторыя на англійскомъ языкѣ, съ красивыми гравюрами и иллюстраціями. Онъ готовъ былъ совсѣмъ погрузиться въ чтеніе, когда вдругъ услышалъ на дворѣ топотъ копытъ и голосъ Флинна. Онъ побѣжалъ къ окну и увидѣлъ, что его другъ сидѣлъ уже верхомъ и прощался съ хозяиномъ дома.

На одну минуту Кларэнсъ почувствовалъ, какъ сердце его сжимается отъ горечи. Флиннъ — его единственный другъ! Флиннъ—повѣренный его дѣтскихъ радостей и горестей, надеждъ и опасеній! Флиннъ—его герой—уходилъ отъ него, не сказавши ему ни одного привѣтливаго слова на прощанье! Правда, достаточно было того, что онъ взялъ на себя трудъ привезти его къ опекуну, но неужели ему не жаль бросить его, неужели онъ не могъ сказать на прощанье хоть одно ласковое слово? Еслибъ на мѣстѣ Флинна былъ кто-нибудь другой—мальчикъ могъ бы сдержать себя, скрыть глубокое чувство обиды, но съ нимъ онъ не въ состояніи былъ этого сдѣлать. Онъ уронилъ книгу, побѣжалъ на галлерею, оттуда на дворъ, какъ разъ въ ту минуту, когда Флиннъ выѣзжалъ уже за ворота.

Мальчикъ испустилъ громкій, отчаянный крикъ, и этотъ крикъ достигъ до ушей всадника. Онъ удержалъ лошадь, повернулъ ее назадъ и съ выраженіемъ нетерпѣнія ожидалъ Кларэнса. Но волненіе мальчика еще болѣе увеличилось отъ того, что его кузенъ остановился на галлереѣ, заинтересованный приключеніемъ, а одинъ изъ лакеевъ, стоявшій у воротъ, бросился къ всаднику, услужливо ожидая приказаній. Но Флиннъ движеніемъ руки отослалъ его прочь и, обратившись къ Кларэнсу, сказалъ сурово:

— Ну, что еще тамъ такое?

— Ничего, отвѣчалъ Кларэнсъ, стараясь удержать горячія слезы, набѣжавшія на его глаза. — Но вы хотите уѣхать, не попрощавшись. Вы были такъ добры ко мнѣ, и я... я хотѣлъ поблагодарить васъ.

Яркая краска залила лицо Флинна. Бросивъ подозрительный взглядъ на галлерею, онъ сказалъ поспѣшно:

— Это *онъ* послалъ тебя?

— Нѣтъ, я пришелъ самъ, я слышалъ, что вы уѣзжаете.

— Отлично! Прощай!

Онъ наклонился, какъ бы съ намѣреніемъ пожать протянутую руку Кларэнса, но удержался и, усмѣхнувшись натянутой улыбкой, вынулъ изъ кармана золотую монету и подалъ ее мальчику.

Кларэнсъ взялъ монету, затѣмъ гордымъ движеніемъ швырнулъ ее лакею и, отступивъ на шагъ, сказалъ, блѣдный какъ смерть:

— Я не затѣмъ... Мнѣ не нужны ваши деньги. Я хотѣлъ только проститься съ вами.

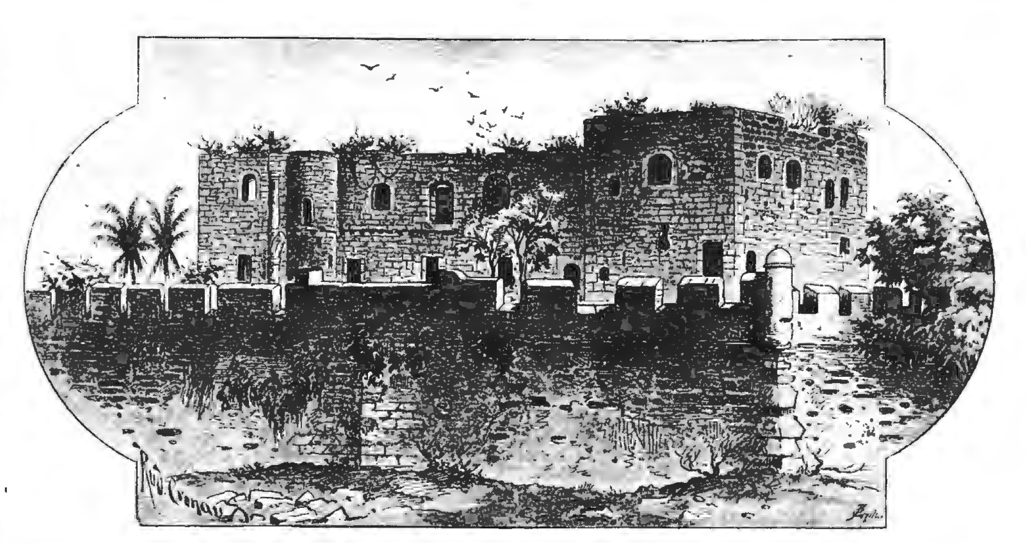
Онъ не узналъ своего голоса, онъ не помнилъ себя отъ горечи и обиды.

Гость и хозяинъ обмѣнялись быстрыми взглядами, при чемъ въ глазахъ Флинна блеснулъ какой-то странный огонь гордаго восхищенія; но когда Кларэнсъ поднялъ глаза, онъ уже уѣхалъ. Мальчикъ пошелъ домой, чувствуя, что его сердце разрывается отъ горя, но въ это время въ его ушахъ раздался веселый голосъ его новаго родственника.

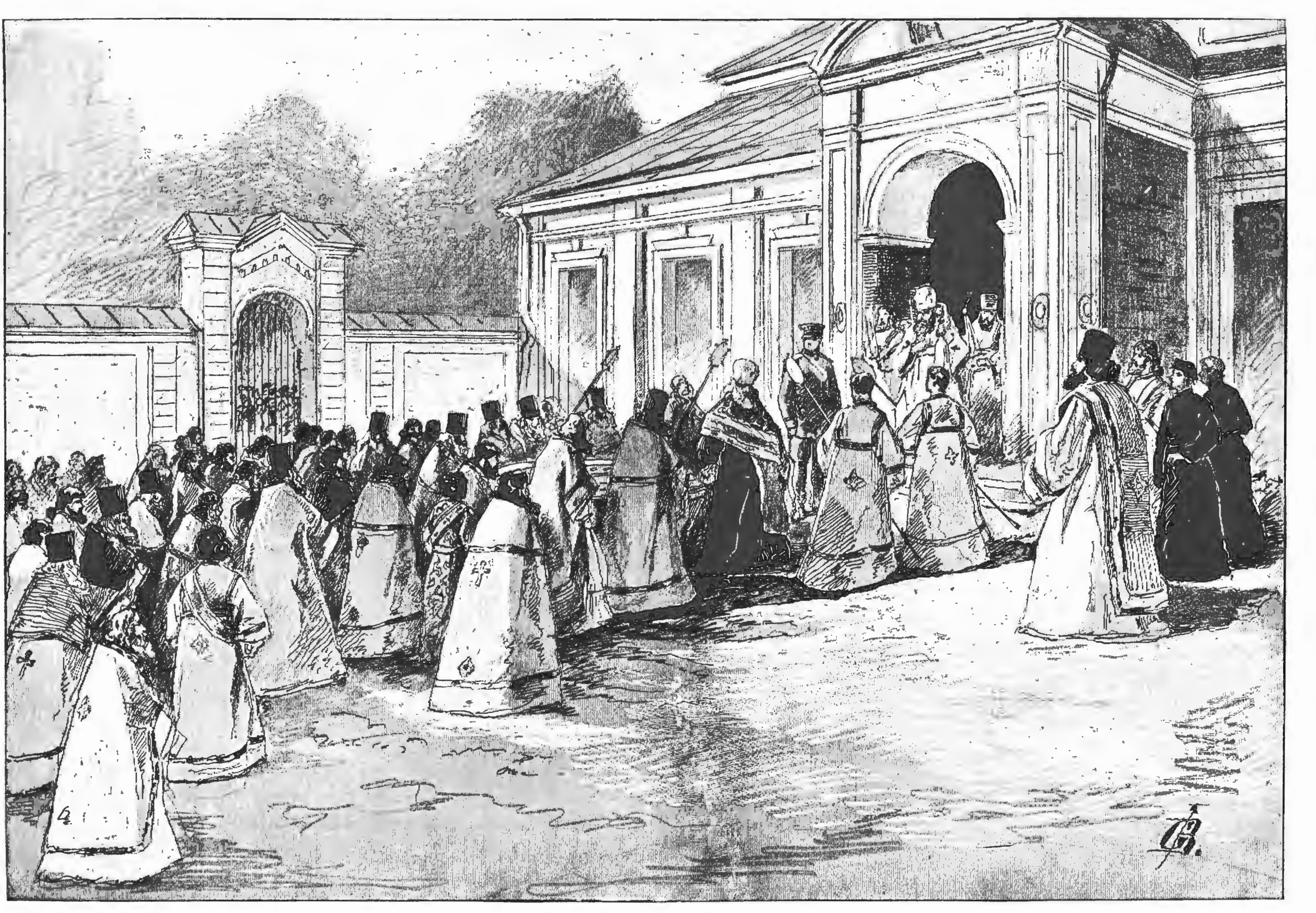
— Muy hidalgamente, Кларэнсъ, сказалъ донъ-Хуанъ съ одобрительной улыбкой. — Я чувствую, что изъ тебя выработается настоящій гидальго!

X.

Теперь начались для Кларэнса однообразные годы отдыха и покоя. Въ теченіе этого времени онъ узналъ, что Джэксонъ Брантъ или донъ-Хуанъ Робинсонъ — ихъ родственныя узы были слишкомъ слабы, а послѣ отъѣзда Флинна онѣ какъ бы съ общаго согласія игнорировались обоими — онъ узналъ, что этотъ джентльмэнъ былъ скорѣе испанецъ, чѣмъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ. Раннее пребываніе въ Нижней Калифорніи, женитьба на богатой мексиканской вдовѣ, которая, скончавшись бездѣтной, оставила его единственнымъ наслѣдникомъ своего состоянія, наконецъ какая-то странная особенность темперамента и вкусовъ почти совсѣмъ уничтожили въ немъ національныя черты. Онъ страстно любилъ книги и съ презрѣніемъ относился къ практичности и дѣловитости своихъ соотечественниковъ. Чѣмъ больше узнавалъ его Кларэнсъ, тѣмъ необъяснимѣе казалось ему его знакомство съ Флинномъ, но такъ какъ мальчикъ относительно этого пункта былъ такъ же сдержанъ, какъ и относительно вопроса о своемъ родствѣ съ донъ-Хуаномъ, то онъ скоро рѣшилъ, что причиной знакомства былъ властный характеръ его прежняго друга, и пересталъ объ этомъ думать. Онъ скоро вошелъ во вкусъ праздной и свободной жизни, которую онъ велъ въ El Refugio. Утромъ онъ ѣздилъ верхомъ по полямъ и холмамъ, гдѣ паслись стада его кузена, послѣ обѣда и вечеромъ онъ сидѣлъ въ библіотекѣ, гдѣ безконтрольно пользовался всѣми находившимися тамъ книгами. Добродушный донъ-Хуанъ попробовалъ дать ему нѣсколько уроковъ испанскаго языка, но способный мальчикъ въ самое короткое время такъ основательно практически изучилъ этотъ языкъ, что помощь донъ-Хуана оказалась лишнею, и онъ съ спокойной совѣстью могъ сложить съ себя бремя этой педагогической задачи. Какъ это часто бываетъ въ жизни, которая ставитъ приговоры о человѣкѣ на основаніи какого-нибудь случайнаго факта, такъ и репутація мальчика среди обывателей El Refugio вполнѣ упрочилась послѣ приключенія съ золотой монетой, полученной на прощанье отъ Флинна. Благодарный слуга



400-лѣтіе открытія Америки. Развалины Колумбова дворца въ Санъ-Доминго. Съ натуры рис. Кронау.



Погребеніе митрополита Исидора. Митрополитъ Кіевскій и Галицкій Іоанникій встрѣчаетъ тѣло почившаго митрополита Исидора у входа въ Исидоровскую церковь. Съ фот. генерала Пасвѣтевича, рис. Г. Бродлингъ.

не замедлилъ разсказать этотъ случай своимъ товарищамъ, и тѣ, съ пристрастіемъ жителей Юга ко всему эффектному и героическому, тотчасъ признали въ молодомъ джентльмэнѣ hijo de la familia и настоящаго гидальго по рожденію и воспитанію. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ этотъ поступокъ на женскую половину многочисленнаго служебнаго персонала El Refugio.

— Божія Матерь свидѣтельница, что это истина, говорила бабушка Чуча, разсказывая внимательнымъ слушательницамъ объ этомъ происшествіи.—Самъ Доминго божится и клянется, что это правда. Когда пріѣхалъ этотъ американскій провожатый съ нашимъ молодымъ джентльмэномъ, то этотъ провожатый, видите-ли, вздумалъ уѣхать обратно, не спросивши позволенія. Ну, а нашъ молодой гидальго разсердился на его невѣжество, прибѣгаетъ и говоритъ: „Какъ, говоритъ, вы смѣете уѣзжать не спросивши позволенія? Вы, говоритъ, со мной забыли проститься“. Ну, а провожатый, дерзкій такой, даетъ молодому джентльмэну золотую монету въ 20 пезовъ. Маленькій гидальго взялъ монету да и говоритъ: „А, говоритъ, вы думаете, что я нищій, что даете мнѣ деньги!“ да этакимъ манеромъ взялъ и бросилъ деньги Доминго.

Вообще Кларэнсъ очень быстро привыкалъ къ hacienda своего родственника, такъ что по прошествіи трехъ лѣтъ донъ-Хуанъ, къ удивленію своему, убѣдился, что этотъ неопытный и, повидимому, лѣнивый четырнадцатилѣтній мальчикъ зналъ практическое хозяйство лучше его самого и былъ очень порядочнымъ администраторомъ. Кромѣ того, этотъ полуграмотный ребенокъ прочиталъ почти всѣ книги его библіотеки и былъ развитъ и знающъ не по лѣтамъ. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда донъ-Хуанъ отрывался отъ своего книжнаго міра, онъ радовался, что, несмотря на полную безграничную свободу, которую онъ предоставилъ Кларэнсу, мальчикъ не испортился и остался тѣмъ же честнымъ ребенкомъ, какимъ былъ раньше. Хотя въ отношеніяхъ обоихъ родственниковъ не было ничего похожаго на сантиментальность, но донъ-Хуанъ былъ убѣжденъ, что Кларэнсъ искренно преданъ его интересамъ. Мало-по-малу мальчикъ сдѣлался ему необходимымъ: онъ оживлялъ этотъ угрюмый домъ одинокаго вдовца, онъ сдѣлался радостью и утѣшеніемъ своего благодѣтеля.

Поэтому Кларэнсъ былъ крайне удивленъ, когда однажды утромъ донъ-Хуанъ, съ тѣмъ смущеннымъ видомъ, какой онъ имѣлъ въ день ихъ первой встрѣчи, спросилъ его, какую карьеру думаетъ онъ избрать. Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе страненъ, что донъ-Хуанъ, какъ всѣ люди, ведущіе созерцательный образъ жизни, былъ очень мало озабоченъ планами на будущее и интересами карьеры. Поэтому первое, что пришло мальчику въ голову,—было то, что его родственникъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и что онъ, Кларэнсъ, причина этого недовольства. Онъ былъ такъ увѣренъ въ этомъ, что, не отвѣчая на вопросъ своего кузена и только стараясь припомнить что-либо изъ предшествовавшихъ событій, которыя могли-бы вызвать неудовольствіе донъ-Хуана, со своей всегдашней откровенностью спросилъ:

— Что-нибудь случилось? Я сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ донъ-Хуанъ поспѣшно. — Но видишь-ли, мнѣ кажется, тебѣ пора подумать о будущемъ, по крайней мѣрѣ приготовиться къ нему. Я нахожу, что тебѣ необходимо болѣе правильное воспитаніе. Необходимо посылать тебя въ школу. Такъ непріятно, прибавилъ онъ съ досадой, какъ бы забывая о присутствіи мальчика и слѣдуя теченію своихъ собственныхъ мыслей, — какъ разъ въ то время, когда ты сдѣлался мнѣ полезенъ, когда твое странное положеніе въ этомъ домѣ получило нѣкоторый смыслъ и вся эта прошлая чепуха... Т.-е. ты понимаешь, Кларэнсъ, вдругъ перебилъ онъ себя, замѣтивъ блѣдное лицо и потемнѣвшіе глаза мальчика. — Ты понимаешь, что смѣшно держать дома мальчика твоихъ лѣтъ и не посылать его въ школу.

— Вы находите, что это смѣшно? повторилъ Кларэнсъ настойчиво.

— Я нахожу, что я, я комиченъ и смѣшонъ, сказалъ донъ-Хуанъ поспѣшно. — Впрочемъ, довольно! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Завтра я отправлюсь въ Санъ-Хозе переговорить съ отцомъ секретаремъ іезуитской коллегіи, и ты можешь сейчасъ же поступить туда. Это прекрасное заведеніе и очень близко отъ нашей усадьбы.

На этомъ разговоръ и кончился.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Бояринъ Орша. (Рис. на стр. 853).

Рисунокъ даровитаго иллюстратора Р. Штейна изображаетъ сцену изъ послѣдней главы извѣстной поэмы Лермонтова. Арсеній встрѣчаетъ на полѣ битвы умирающаго Оршу.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ,
Обезображенныхъ мечемъ,
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ проталъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто-бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ.
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
„Вотъ мѣсто,—мертвый иль живой
Онъ здѣсь...
... И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: „это онъ!“

Рыбаки на Невѣ. (Рис. на стр. 856).

На Невѣ, во многихъ мѣстахъ попадаются „тони“. Рыбу ловятъ на нихъ неводами чаще съ берега, при чемъ мѣсто ловли отгораживаютъ „заколомъ,“—бревнами, вбитыми въ дно рѣки. Гдѣ заколъ ставится посреди рѣки, тамъ же на бревнахъ строится сторожка или жилье для рыбаковъ. Ловить начинаютъ, какъ только съ рѣки сойдетъ ледъ. Сперва ловится корюшка, потомъ пойдетъ лососка, къ осени—ряпушка и наконецъ сиги. Попадаются также окуни и ерши, рѣже головли. Большую рѣдкость составляютъ осетры и стерлядь. Ловятъ преимущественно ночью, когда идетъ большая рыба. Неводъ завозятъ на лодкѣ, какъ это нарисовано у насъ, затѣмъ выматываютъ воротомъ и наконецъ сѣть вытягиваютъ руками. Ѣздить на тони и смотрѣть, какъ ловятъ рыбу, составляетъ не малое удовольствіе, и на тоняхъ часто можно видѣть посѣтителей, тутъ же угощающихся ухой изъ свѣжей рыбы.

Погребеніе тѣла митрополита Исидора.

(Рис. на стр. 861).

Погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго, высокопреосвященнѣйшаго Исидора, послѣдовало въ пятницу 11 сентября. Вскорѣ послѣ восьми часовъ утра въ Свято-Троицкій соборъ Александро-Невской лавры стали собираться высшіе чины Святѣйшаго Синода и духовенство, бѣлое и черное. У гроба встали осѣнявшіе рипидами тѣло митрополита четыре діакона, а за ними четыре іеромонаха въ черномъ облаченіи. Множество вѣнковъ покрывали подножіе катафалка. Въ ногахъ стояли послушники съ патріаршимъ крестомъ, свѣчами и посохомъ. Соборъ былъ переполненъ молящимися, съ ранняго утра собравшимися помолиться объ усопшемъ.

Въ десятомъ часу въ лавру прибылъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій, высокопреосвященный Іоанникій, только что прибывшій изъ Кіева. На паперти большаго, построеннаго въ честь Св. Троицы собора митрополита ожидали архимандриты въ мантіяхъ, діаконы съ дикиріемъ и трикиріемъ, и іеромонахъ со Св. Крестомъ. Прибывшій съ вокзала митрополитъ Іоанникій, приложившись ко Св. Кресту, вошелъ въ соборъ, гдѣ долго молился передъ образами; затѣмъ, обойдя балдахинъ, подъ которымъ покоилось тѣло усопшаго митрополита, приготовился къ чину святительскаго облаченія. Послѣ облаченія началась заупокойная литургія, которую совершалъ митрополитъ Іоанникій въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ.

На заупокойной литургіи присутствовали: Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ съ супругою Великою Княгинею Елисаветою Ѳеодоровною, Великая Княгиня Марія Павловна, Великіе Князья Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ, министры Народнаго Просвѣщенія, Военный и Юстиціи и много другихъ высокопоставленныхъ особъ. Вмѣсто запричастнаго стиха, священникъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, Ѳ. Н. Орнатскій сказалъ прочувствованное слово.

По окончаніи литургіи, для отпѣванія тѣла, изъ алтаря вышло бѣлое и черное духовенство, архимандриты, епископы, архіепископы и митрополиты. Обойдя катафалкъ, за нимъ встали для отпѣванія митрополиты: Іоанникій—Кіевскій и Галицкій и Леонтій—Московскій и Коломенскій, архіепископъ Варшавскій и Холмскій Флавіанъ, епископы: Германъ, членъ Святѣйшаго Синода, Псковскій и Порховскій Гермогенъ, Воронежскій и Задонскій Анастасій, Камчатскій, Курильскій и Благовѣщенскій Гурій, Виленскій и Житомірскій Модестъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Антоній и викарные Николай и Никандръ, архимандриты и все прочее духовенство. Во время отпѣванія были прочтены протоіереями

столичныхъ церквей пять евангелій и пять посланій апостоловъ. По окончаніи отпѣванія духовенство простилось съ почившимъ митрополитомъ.

Въ 3 часа 15 минутъ дня архимандриты подняли съ катафалка гробъ съ тѣломъ почившаго митрополита и въ предшествіи крестнаго хода вынесли, при пѣніи невскихъ пѣвчихъ, изъ собора Св. Троицы. Впереди крестнаго хода псаломщикъ несъ фонарь, за нимъ діаконы — запрестольный крестъ и четыре хоругви. Далѣе слѣдовали воспитанницы женскаго епархіальнаго училища и чины Святѣйшаго Синода и Духовной Консисторіи. Позади нихъ шло духовенство, имѣя впереди діаконовъ. За ними духовные чины Синода и Консисторіи. За протоіереями несли на четырехъ бѣлаго глазета подушкахъ: двѣ панагіи, наперсный крестъ, митру, бѣлый съ брильянтовымъ крестомъ клобукъ и четки. Послѣ нихъ шелъ клиръ невскихъ пѣвчихъ въ синихъ кафтанахъ. Далѣе іеромонахи съ образами и затѣмъ уже высшее духовенство: архимандриты, епископы, архіепископы и митрополиты. Впереди гроба несли Св. Евангеліе и святительскую лиловую бархатную мантію и шли духовникъ почившаго съ образомъ и послушники съ патріаршимъ крестомъ, посохомъ и свѣчею. По сторонамъ гроба шли иподіаконы, осѣнявшіе его четырьмя рипидами.

Самый гробъ былъ несомъ архимандритами и протоіереями въ митрахъ.

Крестный ходъ съ тѣломъ почившаго митрополита обошелъ вокругъ собора, при чемъ на каждой сторонѣ его совершалась краткая литія и чтеніе Св. Евангелія. Обойдя соборъ Св. Троицы, духовная процессія направилась къ Исидоровской церкви. Ко времени прибытія праха святителя по обѣ стороны двора построились шпалерами духовныя лица въ бѣлыхъ ризахъ. На паперти, для встрѣчи тѣла, всталъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій Іоанникій съ четырьмя иподіаконами съ дикиріемъ, трикиріемъ и кадилами. Благословивъ гробъ, митрополитъ Іоанникій ввелъ духовную процессію съ гробомъ въ храмъ. Пѣвчіе встрѣтили его прибытіе пѣніемъ. Гробъ былъ внесенъ въ церковь и установленъ надъ приготовленной на солеѣ могилою. Могила выложена камнемъ и обтянута бѣлымъ глазетомъ. Послѣ литургіи гробъ былъ опущенъ въ могилу. Послѣ „вѣчной памяти“, при чемъ хоругви были наклонены къ могилѣ митрополита, осѣняя ее, могила была задѣлана.

Политическое обозрѣніе.

Столѣтняя годовщина провозглашенія первой республики была отпразднована 10 (22) сентября въ Парижѣ съ невѣроятнымъ великолѣпіемъ. Торжество началось церемоніей въ Пантеонѣ. Тамъ г. Лубэ произнесъ рѣчь о возникновеніи республики, миротворное дѣло которой — сказалъ онъ — облегчитъ упраздненіе старинныхъ партій и поможетъ мирному разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ. Флоке прибавилъ, что нынѣшняя республика внушила уваженіе къ себѣ во всѣхъ и сочувствіе нѣкоторыхъ. „Республика—сказалъ онъ въ заключеніе—должна заняться соціальными вопросами“. Шальмель-Лакуръ развилъ ту мысль, что учрежденіе республики было необходимостью. Всѣ эти рѣчи были покрыты громкими рукоплесканіями. Повсюду при появленіи Карно, министровъ и Флоке толпа привѣтствовала ихъ восторженно. Устроенныя послѣ полудня шествія по обоимъ берегамъ Сены вышли очень блестящими. Весь путь, по которому они проѣзжали, былъ переполненъ народомъ; толпа встрѣчала сочувственными кликами колесницы, которыя съ трудомъ пробивались сквозь милліонную толпу. Народъ восторженно кричалъ: „Да здравствуетъ республика!“ Въ давкѣ нѣсколько человѣкъ были помяты.

Совѣты папы Льва XIII, примириться съ существующимъ правительствомъ во Франціи, встрѣчены неодинаково французскими католиками. Представитель графа Парижскаго Оссонвиль произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ слѣдующее: „роялисты поняли, что папа не можетъ требовать, чтобы они отказались отъ возстановленія монархіи; поэтому они остаются при своемъ почтительномъ сопротивленіи“. „Роялисты и присоединившіеся къ республикѣ католики — прибавилъ онъ — могутъ дѣйствовать на будущихъ выборахъ заодно, если отъ роялистовъ не станутъ требовать какихъ-либо отреченій, на которыя они не согласятся никогда“.

10 сентября въ Кремонѣ состоялся банкетъ, на которомъ присутствовало 150 избирателей. На этомъ банкетѣ министръ общественныхъ работъ произнесъ рѣчь, заслуживающую вниманія. Въ ней онъ сказалъ, что господствующій въ Италіи кризисъ обусловливается общимъ кризисомъ, усиленнымъ здѣсь еще кризисами муниципальнымъ и банковымъ. Какъ разъ въ то время, когда Италіи приходилось расходовать четыре миліарда на общественныя работы, она вынуждена была увеличить расходы по военному вѣдомству. Ошибочно видѣть въ этомъ фактѣ послѣдствіе тройственнаго союза; это не болѣе, какъ результатъ общихъ условій Европы, заставившихъ всѣ государства прибѣгнуть къ вооруженіямъ. Даже Швейцарія, несмотря на нейтралитетъ, вооружается сравнительно больше, чѣмъ Италія. Министръ присовокупилъ, что должно сократить до безусловной необходимости расходы на вооруженія и на общественныя работы, чтобы имѣть возможность улучшить финансовое положеніе. Кабинетъ, состоящій изъ людей сравнительно еще молодыхъ, обладаетъ для этого достаточнымъ мужествомъ.

Въ Генуѣ, 14 сентября, послѣ полудня состоялось открытіе конгресса морскаго международнаго права въ присутствіи хранителя печати, властей и 250 делегатовъ. Хранитель печати привѣтствовалъ членовъ конгресса отъ имени короля и сказалъ что Италія можетъ по праву считаться колыбелью морскаго права. Министръ присовокупилъ, что стремленія Италіи направлены лишь къ служенію, совмѣстно съ другими націями, дѣлу мира и цивилизаціи. Итальянское правительство съ живѣйшимъ интересомъ будетъ слѣдить за трудами конгресса и исполнено рѣшимости ввести зрѣлыя реформы, которыя явятся результатомъ этихъ трудовъ. Въ заключеніе хранитель печати прочелъ телеграмму короля, привѣтствующаго конгрессъ, имѣющій цѣлью установленіе единаго морскаго законодательства.

Freisinnige Zeitung, на основаніи военныхъ источниковъ, вычисляетъ, что введеніе двухгодичнаго срока службы требуетъ увеличенія штатовъ мирнаго времени на 7,000 офицеровъ и 25,000 унтеръ-офицеровъ. Въ послѣднихъ уже теперь ощущается недостатокъ.

Р. Вирховъ, въ еженедѣльной газетѣ свободомыслящихъ *Nation*, написалъ статью подъ впечатлѣніями своей недавней поѣздки въ Россію. Въ ней знаменитый ученый съ большой похвалой отзывается о нашихъ больницахъ и другихъ городскихъ учрежденіяхъ; очень понравилось ему также русское гостепріимство. Своихъ соотечественниковъ Вирховъ упрекаетъ въ томъ, что они безъ всякаго основанія относятся слишкомъ пренебрежительно ко всему русскому; по мнѣнію маститаго ученаго, нѣмцамъ, напротивъ, слѣдовало бы заняться изученіемъ русскаго языка, чтобы поближе познакомиться съ Россіей. Въ заключеніе Вирховъ совѣтуетъ образованнымъ нѣмцамъ работать въ духѣ примиренія съ Россіей и сохраненія съ нею мира.

Трудно себѣ представить то негодованіе, какое охватило недружелюбные Россіи органы германской печати. Они обвиняютъ Вирхова, якобы подкупленнаго любезностью и гостепріимствомъ русскихъ, въ политической недальнозоркости и едва-ли не въ государственной измѣнѣ.

Эмиръ Абдуррахманъ издалъ прокламацію, которая и была прибита къ воротамъ Джеллалабада. По словамъ *Times*, въ ней написано: „Да будетъ извѣстно вождямъ шинварійскихъ, момендскихъ и гильзайскихъ племенъ, что я призвалъ себѣ на помощь два отряда британскихъ войскъ. Никому изъ васъ не слѣдуетъ питать никакихъ подозрѣній относительно ихъ намѣреній, равно какъ и они никакихъ подозрѣній относительно васъ не имѣютъ. Войска эти я поставлю на берегахъ Аму-Дарьи, чтобы отразить русскихъ, этихъ тирановъ-кафировъ, такъ чтобы Афганистанъ былъ свободенъ“. Та же газета, отмѣчая отношенія Абдуррахмана къ Англіи, пишетъ: „Абдуррахману, конечно, извѣстно, что онъ намъ полезенъ, но съ другой стороны мы ему „необходимы“. Вѣдь онъ хорошо знаетъ, что мы охраняемъ его страну не только отъ вторженія народа, уже пожравшаго вокругъ себя столько историческихъ государствъ, какъ ничѣмъ неудержимая волна, но и служимъ ему главнымъ оплотомъ противъ революціонныхъ стремленій его собственныхъ подданныхъ“.

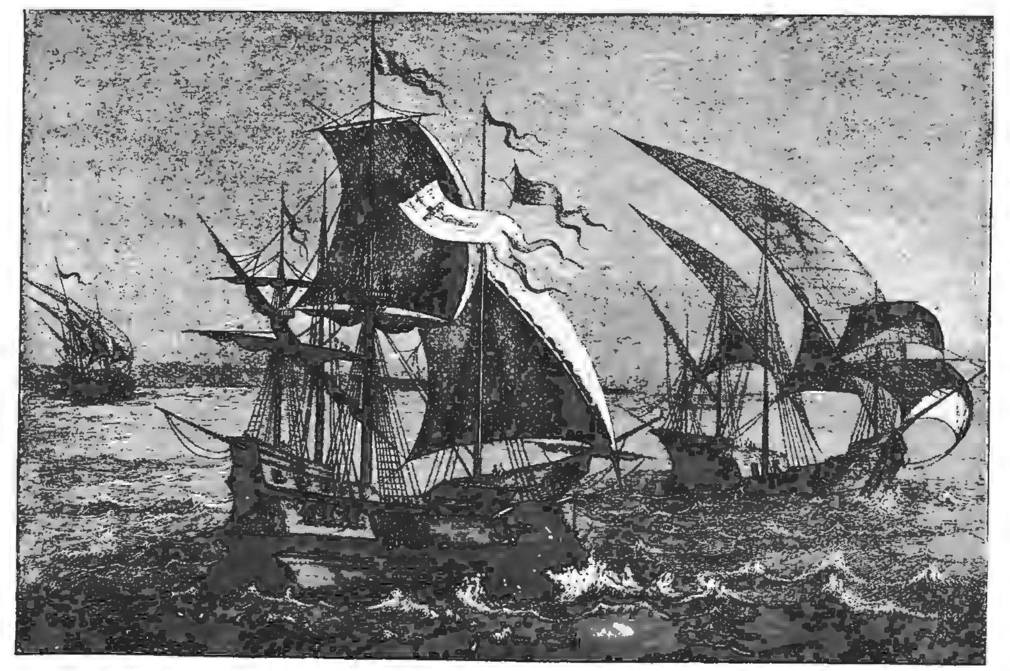
При чтеніи подобныхъ строкъ невольно вспоминаются слова безсмертнаго нашего баснописца, совѣтующаго „не трудиться считать кумушекъ“.

Смѣсь.

О будущемъ значеніи Капской земли, какъ страны винодѣлія по преимуществу помѣщена интересная статья въ „Новой Цюрихской Газетѣ“, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующее: „Между тѣмъ какъ разведеніе винограда въ Европѣ грозитъ погибнуть отъ совокупнаго дѣйствія филоксеры и головни, въ Капской землѣ, напротивъ, при энергическомъ содѣйствіи правительства, винодѣліе все болѣе и болѣе прогрессируетъ. Оно, впрочемъ, не представляетъ чего либо новаго тамъ; мы знаемъ, что первые отводки рейнской виноградной лозы были привезены на мысъ Доброй Надежды еще въ 1653 году. Едва ли найдется другой такой же благопріятный для успѣшнаго развитія виноградной лозы климатъ, чѣмъ въ западной части Капской земли, гдѣ винодѣліе составляетъ главное занятіе жителей. Лица вполнѣ компетентныя увѣряютъ, что нигдѣ въ мірѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ участковъ земли въ Калифорніи и Южной Франціи, нѣтъ такой почвы для винограда, климатическія условія которой могли бы хоть приблизительно сравниться съ преимуществами, представляемыми въ этомъ отношеніи Капской землею. Насколько производительность Кап-

ской виноградной лозы превосходитъ производительность лозы въ другихъ странахъ, краснорѣчиво говорятъ цифры, приводимыя барономъ Бабо (Pom. Monatshefte), однимъ изъ первыхъ авторитетовъ въ вопросахъ винодѣлія. По его вычисленіямъ, съ одного гектара виноградника ежегодно получается: въ Италіи и Сѣверной Америкѣ—14,5 гектолитровъ, въ Испаніи 17 гектолитровъ, въ Греціи 17,75 гектолитровъ, во Франціи 18,25 гектолитровъ, въ Австріи 18,5 гектолитровъ, въ Венгріи и Германіи 24 гектолитра, въ Алжирѣ 24,5 гектолитра, въ Швейцаріи 42 гектолитра, въ прибрежныхъ округахъ Капской земли 86,5, во внутреннихъ областяхъ ея 173 гектолитра. Эти цифры доказываютъ огромный перевѣсъ производительности винодѣльныхъ районовъ Капской земли надъ всѣми другими занимающимися винодѣліемъ странами; въ отношеніи качества винограда анализъ также далъ очень благопріятный результатъ. Если принять въ соображеніе, что въ настоящее время Капская земля насчитываетъ около 70 милліоновъ виноградныхъ лозъ, но что, по мнѣнію знатоковъ, подъ виноградниками находится лишь самая малая часть годныхъ для этого участковъ земли, то намъ откроется гигантская перспектива будущности винодѣлія на мысѣ Доброй Надежды. Къ тому же Капская земля уже пережила нашествіе филоксеры, и опытъ показалъ, что Капскія лозы успѣшнѣе борются съ болѣзнью, чѣмъ лозы другихъ странъ. Такимъ образомъ не лишено справедливости мнѣніе, что Капская земля будетъ когда-нибудь всемірной поставщицей вина. Если до настоящаго времени конкуренція Капской земли на европейскомъ винномъ рынкѣ еще не даетъ себя чувствовать, то это слѣдуетъ приписать единственно тому обстоятельству, что выработка вина тамъ не достаточно хорошо поставлена, т. е. не ведется съ нужнымъ знаніемъ дѣла. Поэтому Капское правительство пригласило изъ Европы спеціалистовъ и поручило имъ принять надлежащія мѣры для усиленія экспортной способности страны. Комиссія объѣздила всѣ винодѣльческіе округа, чтобы ознакомиться съ существующимъ порядкомъ вещей, и результаты своихъ изысканій изложила въ пространномъ докладѣ правительству. По мнѣнію комиссіи, южно-африканскія лозы представляютъ превосходный матеріалъ для производства вина перваго сорта. Недостаетъ только хорошаго ухода за виноградниками и умѣнья приготовлять вино. Правительство купило одинъ изъ луч-

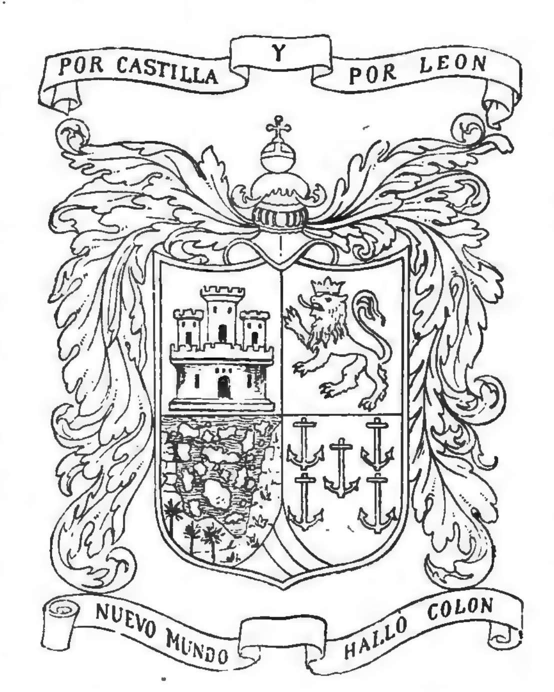
400-лѣтіе открытія Америки. Памятникъ Колумбу въ Генуѣ.



400-лѣтіе открытія Америки. Каравеллы Колумба. Со старинной гравюры въ соч. де-Лорга „Колумбъ“.

шихъ участковъ съ виноградниками и устроило образцовое винодѣліе: тамъ въ большихъ размѣрахъ производятся опыты, касающіеся воздѣлыванія винограда и производства вина, и обучаются на практикѣ молодые винодѣлы. Главное вниманіе устремлено на то, чтобы по новому способу приготовлять вина съ меньшимъ процентомъ алкоголя, болѣе чистыя и разсчитанныя на европейскій вкусъ. Какъ отдѣльныя фирмы, такъ и составившееся спеціально для этой цѣли общество, прилагаютъ всѣ усилія, чтобы обезпечить этимъ винамъ хорошій сбытъ въ Европѣ. (в.)

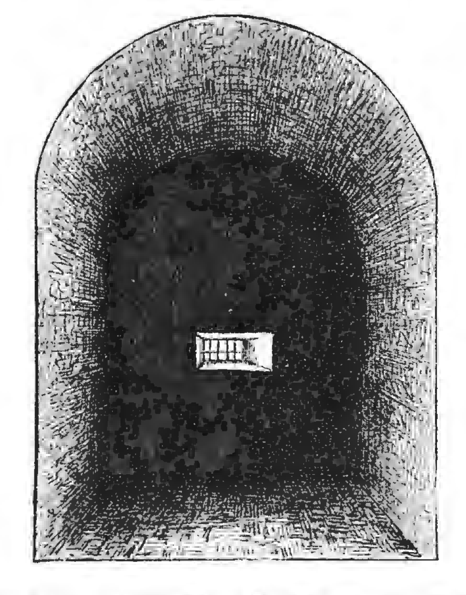
Электрическая желѣзная дорога со скоростью 250 километровъ. Этотъ типъ желѣзной дороги имѣетъ въ виду Францъ Бендтъ въ „Nation", говоря объ успѣхахъ электротехники въ ближайшемъ будущемъ. Скорость 250 километровъ въ часъ дала бы возможность развить сообщеніе между главными городами и однимъ ударомъ разрѣшила бы квартирный вопросъ въ Берлинѣ. Въ вышеупомянутой статьѣ объ „Электротехникѣ и пассажирскомъ движеніи", возможность такой скорости обсуждается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Нужно свыкнуться съ мыслью, что въ будущемъ, благодаря электричеству, достигнется большая скорость передвиженія. Скорость паровыхъ двигателей не удовлетворяетъ болѣе новѣйшимъ требованіямъ передвиженія. Увеличеніе скорости посредствомъ этихъ машинъ, — скорость, превышающая 1000 километровъ въ часъ, можетъ быть достигнута лишь въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ и сопряжена съ большими опасностями. Сообщаемое поѣзду неровное движеніе толчками не только портитъ всю настилку пути, но разрушаетъ составныя части вагоновъ, а что всего важнѣе, облегчаетъ возможность сойти съ рельсъ. Въ этомъ случаѣ остается только прибѣгнуть къ панацеѣ нашего времени, электричеству. Извѣстный электротехникъ, Карлъ Циперновскій, набросалъ планъ электрической желѣзной дороги новаго типа, для скораго сообщенія между городами, а Будапештская фирма Ганцъ и К° взяла на себя изготовленіе новаго локомотива - вагона, который долженъ замѣнить прежніе поѣзда. По новой системѣ изобрѣтатель надѣется достигнуть средней нормальной скорости 250 километровъ въ часъ. Это достаточно ясно видно изъ того, что колеса новаго сооруженія проходятъ въ секунду 70 метровъ. Колеса, служащія для движенія, одной высоты съ локомотивомъ-вагономъ. На своихъ концахъ они ограничены параболическими плоскостями, задача которыхъ — по возможности уменьшать сопротивленіе воздуха. Каждый вагонъ можетъ вмѣстить 40 пассажировъ. Для достиженія такой скорости движенія необходимо 800 лошадиныхъ силъ. Новая система достигаетъ этого посредствомъ четырехъ электродвигателей, каждый въ 200 лошадиныхъ силъ. Весь планъ новаго желѣзнодорожнаго пути задуманъ въ видѣ высокой насыпи съ двумя колеями, отстоящими одна отъ другой на 10 метровъ, во избѣжаніе опасности отъ значительной воздушной тяги при разъѣздѣ двухъ встрѣчныхъ поѣздовъ. Превосходныя предохранительныя приспособленія, тормаза и сигналы, прочно обезпечиваютъ безопасность движенія".

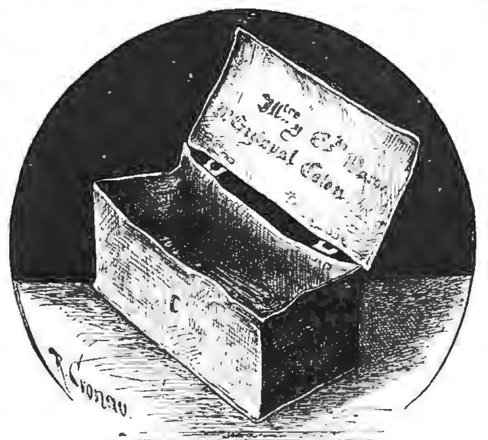


400-лѣтіе открытія Америки. Гербъ Колумба

Гладстонъ о Данте. Изъ Лондона сообщаютъ: „Горячка парламентскихъ выборовъ и вербовка голосовъ, повидимому, совершенно завладѣла умами; всѣхъ и каждаго интересуетъ только политика. При всеобщемъ напряженіи молодыхъ силъ страны спокоенъ одинъ только маститый глава либераловъ. Гладстонъ даже въ предшествовавшіе выборамъ тревожные дни нашелъ время заниматься своей любимою наукой и въ одномъ изъ нумеровъ „Nineteenth Century" трактуетъ о вопросѣ, учился ли Данте въ Оксфордѣ. Онъ старается доказать цитатами изъ „Божественной Комедіи", что поэтъ лично зналъ Англію, и подкрѣпляетъ эти субъективные доводы отрывками изъ писемъ Боккачіо къ Петраркѣ. Если согласиться съ тѣмъ, что Данте дѣйствительно былъ въ Англіи, то вопросъ о его пребываніи въ Оксфордѣ, конечно, разрѣшается самъ собою, такъ какъ въ то время Оксфордъ былъ единственнымъ мѣстомъ въ Англіи, которое могло имѣть для ученаго и поэта извѣстный интересъ и нѣкоторую привлекательность". (в.)

400-лѣтіе открытія Америки. Монастырь Ла-Рабида, въ Испаніи.


400-лѣтіе открытія Америки. Темница въ цитадели Санъ-Доминго, гдѣ былъ заключенъ Колумбъ. Рис. Кронау.


400-лѣтіе открытія Америки. Свинцовый гробъ Колумба. Рис. Кронау.

Температура солнца. Свѣдѣнія, имѣющіяся о величинѣ, удаленности и массѣ солнца, такъ же какъ о химическомъ составѣ его раскаленной оболочки, настолько полны, что почти не допускаютъ сомнѣній; тогда какъ во взглядахъ на температуру нашего свѣтила существуетъ большое разногласіе. Въ этомъ отношеніи мнѣнія ученыхъ колеблются между нѣсколькими тысячами и пятью милліонами градусовъ, и вполнѣ достовѣрно только то, что жаръ на поверхности солнца на много выше тѣхъ градусовъ теплоты, какіе мы въ состояніи вызвать искусственно. Причина, почему мы такъ мало знаемъ объ истинной температурѣ солнца, кроется въ незнаніи нами закона лучеиспусканія при высокихъ температурахъ, такъ что получающіеся отъ вычисленій выводы варіируются, смотря

по той или другой гипотезѣ относительно связи и соотношенія между температурой и лучеиспусканіемъ. Недавно французскій физикъ Ле-Шателье производилъ опыты надъ отношеніемъ лучеиспусканія и температуры при градусахъ тепла отъ 700° до 1800° и вывелъ формулу, съ помощью которой температура источника тепла узнается по силѣ лучеиспусканія. Эта формула, повидимому, самая точная изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ; примѣнивъ ее къ солнечному лучеиспусканію, Ле-Шателье пришелъ къ тому выводу, что истинная температура раскаленной солнечной фотосферы должна быть выше 7600 градусовъ. Раскаленная атмосфера солнца имѣетъ нѣсколько низшую температуру, тогда какъ температура внутри солнечнаго ядра превосходитъ всякое представленіе и должна имѣть наивысшій градусъ жара. (в.)

Метеорологическій способъ опредѣленія высоты выпавшаго дождя, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго примѣра, очень простъ. Дождевую воду собираютъ въ четырехугольную воронку, продолжающуюся внизъ въ видѣ очень узкаго сравнительно съ ней сосуда. Положимъ, что въ длину и ширину воронка имѣетъ по 30 сантиметровъ и, слѣдовательно, дно ея = 900 кв. сант., продолженіе же воронки имѣетъ въ разрѣзѣ всего 9 квадр. сантим., то есть, во 100 разъ уже ея. Ясно само собой, что слой воды, который занялъ бы въ воронкѣ, положимъ, 1 миллиметръ въ высоту, опустившись внизъ, въ узкій конецъ ея, поднялся бы на 100 миллим., такъ какъ объемъ его долженъ остаться неизмѣннымъ ($900\times1=9\times100$). Наоборотъ, если мы видимъ, что въ узкомъ сосудѣ вода образовала, напр., столбикъ въ 33 миллим. высоты, то въ самой воронкѣ получился бы лишь тончайшій слой въ $^1/_3$ миллим. Для такихъ-то случаевъ, то есть, когда дождя выпадаетъ очень мало, такъ что измѣреніе высоты дождеваго слоя представляется затруднительнымъ въ отношеніи точности и возможность ошибки при отсчитываніи долей миллиметра очень велика, приборъ этотъ оказывается особенно полезнымъ. Точность его показаній была бы еще выше, если бы метеорологія выработала способъ точнаго опредѣленія потери воды посредствомъ испаренія; поправки на эту величину имѣютъ значеніе въ особенности при очень малыхъ количествахъ выпавшаго дождя. (г. в.)

Что такое роса? — Прежде роса вообще считалась полезной, ей приписывалось освѣжающее дѣйствіе на растенія. Однако въ послѣднее время профессоръ Е. Вольни въ Мюнхенѣ, на основаніи многолѣтнихъ изысканій, съ достаточною убѣдительностью доказываетъ, что это издавна установившееся мнѣніе не безусловно вѣрно. По его словамъ, роса образуется не изъ сгущеннаго воздуха, какъ обыкновенно объясняютъ это явленіе, но изъ выступающихъ изъ земли водяныхъ паровъ; такимъ образомъ роса есть продуктъ всасыванія корнями воды, которая впослѣдствіи, выступая на надпочвенныхъ частяхъ растенія, на нихъ осаждается. И такъ роса не падаетъ, но поднимается. Отсюда слѣдуетъ, что болѣе или менѣе обильная роса зависитъ отъ количественнаго содержанія воды въ почвѣ; въ время засухи роса почти отсутствуетъ. Если-же растенія поутру имѣютъ болѣе свѣжій видъ, то это скорѣе можно приписать тому, что вѣтви и листья, вслѣдствіе непрерывнаго притока почвенной влаги, въ связи съ уменьшеніемъ испаренія въ болѣе прохладные часы ночи, наполняются живительною влагой и пріобрѣтаютъ новую силу. Роса полезна этому процессу тѣмъ, что, обволакивая растеніе, содѣйствуетъ уменьшенію испаренія. (в.)

Камфарное дерево, съ недавняго времени пересаженное во Флориду, разводится тамъ съ большимъ успѣхомъ и обѣщаетъ гораздо болѣе выгоды, чѣмъ какое бы то ни было другое полезное растеніе. Въ послѣдніе годы цѣны на азіятскую камфару необыкновенно поднялись, такъ какъ увеличилось ея потребленіе, въ связи со спросомъ на целлулоидъ. Целлулоидъ, продуктъ пироксилина и камфары, замѣняетъ слоновую кость и служитъ разнаго рода промышленнымъ и художественнымъ цѣлямъ; онъ идетъ на приготовленіе не только всевозможныхъ бездѣлушекъ и украшеній, но и полезныхъ предметовъ, медицинскихъ и научныхъ приборовъ, гуттаперчеваго бѣлья, искусственныхъ зубовъ и тому подобнаго. Чѣмъ безпощаднѣе истребляются слоны, тѣмъ рѣже и дороже слоновая кость, тѣмъ сильнѣе потребленіе ея суррогата—целлулоида. Что Африка теряетъ съ истребленіемъ слоновъ, то выигрываютъ въ Азіи и Америкѣ плантаторы камфары. Интересно то обстоятельство, что флоридская камфара имѣетъ совсѣмъ другой, болѣе крѣпкій запахъ, чѣмъ камфара японская, хотя послѣдняя есть основное растеніе этого типа. Тутъ мы видимъ то же явленіе, что и на виноградной лозѣ. Одинъ и тотъ же сортъ винограда, въ Венгріи дающій хорошее туземное вино, на Рейнѣ производитъ благороднѣйшій напитокъ съ превосходнымъ букетомъ, а въ Калифорніи, напротивъ того, вино „слишкомъ американское" для европейца, чтобы оно могло ему нравиться. Почва и климатическія условія вліяютъ на качества плода болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. (в.)

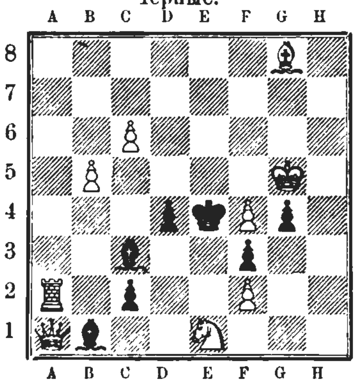
Толща земной коры содержитъ, какъ извѣстно, значительную долю *углекислой извести*. Известковый камень, или известнякъ, зачастую происхожденія животнаго. Такъ, скорлупки губчатыхъ животныхъ въ теченіе тысячелѣтій образовали мѣловыя скалы; коралловые полипы неутомимо трудились надъ постройкою рифовъ; гигантскія причудливой формы доломиты Тироля также созданія крошечныхъ живыхъ существъ, и передъ ними самыя исполинскія постройки, возведенныя человѣческими руками, кажутся работою карликовъ. Но откуда животныя берутъ известь, тѣмъ болѣе, что въ морской водѣ она содержится лишь въ самомъ ничтожномъ количествѣ? На это даютъ отвѣтъ двое шотландскихъ ученыхъ, Вудгэдъ и Ирвинъ, изысканія которыхъ привели къ тому выводу, что животныя обладаютъ особою способностью превращать заимствованный изъ морской воды гипсъ въ твердую углекислую известь и выдѣлять эту послѣднюю. (в.)

ШАХМАТЫ
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 45.

К. Конделикъ (Прага).

Черные.



Бѣлые.

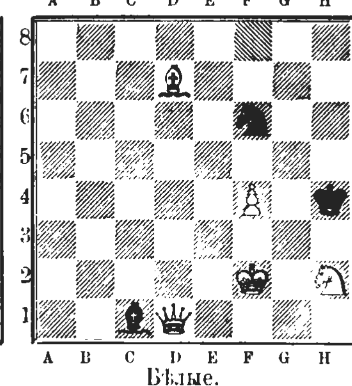
Матъ въ 3 хода.

Задача № 46.

Коцъ и Кокелькорнъ.

Посвящается А. Андерсену (1878 г.).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

ПАРТІЯ № 6.
Дебютъ двухъ коней.

Шестая партія матча. Играна 12 января 1892 г.

	В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.		В. Стейницъ. Бѣлые.	М. Чигоринъ. Черные.
1.	e2—e4	e7—e5	17.	С. f4 : e3	С. c5 : e3	33.	С. f3—g2	С. d4—e5
2.	К. g1—f3	К. b8—c6	18.	К. b1—c3 7)	Л. a8—b8 8)	34.	Ф. d2—e3	Л. d8—d7
3.	С. f1—c4	К. g8—f6	19.	Л. a1—b1	Ф. d8—d7	35.	Л. f1—e1	f7—f6
4.	К. f3—g5	d7—d5	20.	b2—b4	К. a5—b7	36.	b4—b5	К. c6—d4
5.	e4 : d5	К. c6—a5	21.	b4—b5	К. b7—d8	37.	Ф. e3—f2	Ф. d6—b8 10)
6.	С. c4—b5 +	c7—c6	22.	С. e2—g4	Ф. d7—d4 9)	38.	С. g2—e4	К. d4—e6
7.	d5 : c6	b7 : c6	23.	Л. b1—b3	c6 : b5	39.	Л. e1—f1	Л. d7—f7 11)
8.	С. b5—e2	h7—h6	24.	К. c3 : b5	Ф. d4—c5	40.	С. e4 : g6	Кр. g7 : g6
9.	К. g5—h3	С. f8—c5	25.	Л. f1—f5	Ф. c5—e7	41.	Ф. f2—f5+	Кр. g6—g7
10.	0—0 1)	0—0 2)	26.	К. b5—c3	Л. b8 : b3	42.	Ф. f5 : e6	Ф. b8—b7
11.	d2—d3	К. f6—d5 3)	27.	a2 : b3	С. e3—d4	4 .	d3—d4	С. e5—b8
12.	c2—c4	К. d5—e7	28.	К. c3—d5	Ф. e7—d6	44.	Л. f1—g1+	Кр. g7—f8
13.	Кр. g1—h1	С. c8 : h3 4)	29.	b3—b4	g7—g6	45.	Ф. e6—f5	С. b8—d6
14.	g2 : h3	К. e7—f5 5)	30.	Л. f5—f1	К. d8—c6	46.	c4—c5	Сдался.
15.	f2—f4	e5 : f4 6)	31.	Ф. d1—d2	Кр. g8—g7			
16.	С. c1 : f4	К. f5—e3	32.	С. g4—f3	Л. f8—d8			

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ партіи по телеграфу („Сборникъ Нивы" № 12 за дек. 1891 г.) Стейницъ игралъ здѣсь 10. d2—d3, что по мнѣнію М. Чигорина нѣсколько лучше.

2) *Schachzeitung* полагаетъ, что чернымъ слѣдовало играть 10 . . . g7—g5, 11. Кр. h1, g4; 12. К. g1, К. e4; и черные выигрываютъ качество. Это однако невыгодно для черныхъ, такъ какъ бѣлые за качество удерживаютъ 2 лишнія пѣшки въ безопасномъ положеніи. Чигоринъ приводитъ слѣдующіе варіанты въ пользу бѣлыхъ: 12. . . . К. f6—e4; 13. f2—f3 (а не 13. С. e2 : g4?), К. e4—f2+; 14. Л. : f2, С. : f2; 15. fg. Или 13. f2—f3, gf; 14. С. : f3, К. f2+; 15. Л. : f2, С. : f2; 16. Ф. e2, С. : g1 (16. Ф. или С. d4, c3 и т. д.); 17. Ф. : e5+, Ф. e7!; бѣлые, мѣняясь ферзями, получаютъ за качество двѣ пѣшки, или же: 18. Ф. : h8+, Кр. d7; 19. d3 и если Ф. e1, то 20. С. d2, Ф. f1; 21. С. g4+. Кр. ∾; 22. Ф. послѣ шаховъ переводится на e2. Кромѣ 13. f2—f3 бѣлые могли играть также и 13. С. d3.

3) Чтобы вызвать c2—c4 и перевести коня на e7 и впослѣдствіи на f5.

4) На 13. . . . f7—f5 могло послѣдовать: 14. f2—f4 или К. b1—c3, f4; 15. К. e4, С. b6; 16. К. g1, К. f5; 17. К. f3 и т. д. съ безопаснымъ положеніемъ для бѣлыхъ.

5) Если 14 . . . f7—f5, то 15. К. c3 или 15. С. e3, С. : e3; 16. fe, Ф. b6; 17. Ф. c1. Сильнѣе было 14. . . . Ф. d7, напр: 15. С. g4, f5; 16 С. e2, Л. ad.8; если 17. f4, то К. g6; на 15. f2—f4 черные отвѣтили бы С. d4. У бѣлыхъ слабыя пѣшки d3 и h3.

6) Чигоринъ въ виду „сложности и неопредѣленности представлявшихся варіантовъ" уклонился отъ первоначальнаго намѣренія продолжать 15. . . . Ф. h4; 16. Ф. e1! (16. fe, К. g3+) Ф. : e1; 17. Л. : e1, ef; 17. С. : f4, Л. fe8. Вмѣсто 16. Ф. e1 (!)? бѣлые могли однако играть проще и сильнѣе 16 С. g4!, и если 16. . . . К. e3; то 17. С. : e3, С. : e3; 18. fe, что повидимому не въ пользу черныхъ.

7) Теперь уже у бѣлыхъ явно выигранная партія: 2 лишнихъ пѣшки на ферзевомъ флангѣ при неуязвимости положенія; при этомъ у черныхъ конь a5 не имѣетъ никакой будущности. Партія эта доказываетъ, что раннія мѣны фигуръ не въ пользу черныхъ въ данномъ варіантѣ (деб. 2-хъ коней).

8) Лучше было, какъ указываетъ Чигоринъ, 18. . . . c5!; если 19. К. d5—, С. d4; 20. Л. b1, К. c6; и если 21. b4, то cb; 22. К. : b4, К. : b4; 23. Л. : b4, Л. b8 съ нѣкоторыми шансами на ничью, основанными на разноцвѣтности слоновъ.

9) Если 22. . . . f7—f5; то 23. bc!, Ф. : c6+ (23. . . . К. : c6; 24. Л. : b8; 25. К. : b8; Ф. f3 и т. д. если Ф. : d3, то 26. К. d5); 24. С. f3, Ф. d6; 25. Л. : b8, Ф. : b8; 26. d4 и бѣлые выигрываютъ посредствомъ 2-хъ проходныхъ пѣшекъ.

10) Лучше было 37. . . . Л. f7.

11) 39 . . . С. d4 нѣсколько продлило бы игру.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу новыя изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ—гѣ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. КОЗЛОВА.

Изданіе **исправленное и значительно дополненное А. И. Введенскимъ.** Съ біографическимъ очеркомъ **и съ портретомъ Козлова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ** въ Лейпцигѣ. Весьма изящно изданный томъ, въ 8 д. л., 344 стран., на лучшей бумагѣ. СПБ. 1892 г. **Цѣна 1 р.**, а съ пересылкою **1 р. 30 к.**, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 55 коп.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. С. ГРИБОѢДОВА

подъ редакціей **А. И. Введенскаго.** Съ біографическимъ очеркомъ и **портретомъ А. С. Грибоѣдова**, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Очень изящно изданный томъ, въ 8 долю листа, 392 страницы, на лучшей бумагѣ. СПБ. 1892 г. **Ц. 1 руб.**, а съ пересылкою **1 р. 30 к.**, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и краскою, **1 р. 30 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 коп.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. И. ПОЛЕЖАЕВА.

Подъ редакціей **А. И. Введенскаго.** Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. И. Полежаева, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Изящно изданный томъ въ 8 д. л., 327 стр., на лучш. бумагѣ. СПБ. 1892 г. Ц. **1 р.**, а съ перес. **1 р. 30 к.** Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 55 к.**

Кромѣ того, **для любителей изящныхъ изданій**, всѣ три сочиненія отпечатаны въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ **на лучшей голландской слоновой бумагѣ.** Цѣна каждому сочиненію по **2 руб. 50 коп.**, а въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ **по 3 руб.** На пересылку слѣдуетъ прилагать **по 50 коп.** за книгу.

Съ требованіями просятъ обращаться въ **СПБ—гъ**, въ Контору журнала **„Нива“**, Невскій, № 6.

ВЪ РЕАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ

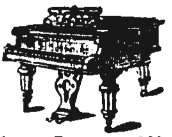
Н. М. ХАЙНОВСКАГО

начало вступительныхъ экзаменовъ 15-го сентября, 17-го сентября годичный актъ, начало ученія 21-го сентября.

Училище имѣетъ всѣ права казенныхъ Реальныхъ училищъ.

Москва, Волхонка, противъ Храма Спасителя. Ц. № 5971 2—1

Обширнѣйшій складъ въ Россіи!!



Прежде чѣмъ купить ФИСГАРМОНІЮ РОЯЛЬ или ПІАНИНО просимъ требовать безплатно нашъ иллюстр. пр.-курантъ. Инструм. всѣхъ фабрикъ. Рояли отъ 500 р. Піанино отъ 375 р. Фисгармонія отъ 75—2000 руб. Механич. піанино 600 руб. № 5972

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

ГЕРМАНЪ и ГРОССМАНЪ,

первое музыкальн. депо въ Имперіи.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, 33.
Варшава, Мозовецкая ул., № 16.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

№ 5930 (2)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЬ** *красными чернилами.* Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5976 (1)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

изданное **А. Ф. Марксомъ,** подъ редакціею **А. И. Введенскаго, съ біографіею и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. БРОКГАУЗОМЪ въ Лейпцигѣ.**

Въ это изданіе вошло все до сихъ поръ извѣстное по рукописямъ или печатному тексту, А МНОГОЕ ВПЕРВЫЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ смыслѣ слова изданіе **исправленное, тщательно свѣренное съ рукописями** или съ печатнымъ текстомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній былъ установленъ самимъ авторомъ. Сочиненія напечатаны на лучшей бумагѣ и заключаются въ 4-хъ частяхъ, сброшюрованныхъ **въ два тома** in 8°, **объемомъ въ 79 печатныхъ листовъ (1264 страницы).**

Предлагаемое изданіе по полнотѣ содержанія и изящной внѣшности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ изданій.

Цѣна за экземпляръ полнаго собранія сочиненій **1 р. 50 к.**, а съ перес. **2 руб.** Въ двухъ коленкоровыхъ, тисненыхъ красками, **переплетахъ 3 руб.**, а съ пересылкою **2 руб. 50 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБ., въ контору журнала „Нива“, Невскій, 6.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

Б. Морская, № 17, бель-этажъ, рядомъ съ Кумбергомъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться **въ Контору журнала „Нива“**, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

АРМИНЪ

Новая венгерская помада для холи и мягкости усовъ и бороды.

Банки по 1 р. и по 50 коп. За пересылку полагается 40 коп. Высылается наложеннымъ платежемъ.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Главный складъ: Г. Нюпа, Пассажъ, № 53. С.-Петербургъ. № 5795 (9)

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ 56-ой ПРОБЫ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛІАНТОМЪ.

Пересылаю наложеннымъ платежемъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE“.

Духи — ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. — Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (15)

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и воцаренія Елисаветы. **Изд. 3-е.** СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 сентября 1892 г. Р. 2.586.356 61.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (18)

Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

НОВАЯ КНИГА:
СПУТНИКЪ

МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владѣльцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. **Сочиненіе С. Нотовича.** Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к., безъ переплета 3 р. Иногородные адресуютъ: **Въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66.** Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и др.

Ц. № 5933 20—3

Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:

ДО ПОТОПА.

Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Составилъ **Ж. Рони.** Съ 16 рисунками въ текстѣ. Цѣна 50 коп. Продается во всѣхъ книжн. магазинахъ. Главный складъ въ книжн. магазинѣ П. Луковникова (СПБ. Лештуковъ пер., 2).

№ 5974

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только 3 года.

Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1892 г.

ДЕСЯТИ АКВАРЕЛЕЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

По примѣру прошлаго года, Конторою журнала „Нива“ изготовлена большая партія багетныхъ рамъ, для акварелей „Художественнаго Альбома“, сдѣланныхъ **подъ орѣхъ, съ рѣзьбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ.** Въ каждую раму вставленъ картонъ, на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Рамы продаются по той-же недорогой цѣнѣ, что и въ прошломъ году, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 р. 25 к. за раму со стекломъ. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 5 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ—за 10 р. 50 коп.

Г.г. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются **безъ стеколъ,** вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. 15 к. за раму. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 5 руб. 25 коп., а при покупкѣ 10 рамъ за 9 р. 75 коп.

Требованія г.г. иногороднихъ исполняются лишь при условіи выписки **не менѣе пяти рамъ**—единовременно. **Цѣна** за 5 рамъ (со вставленными картонами и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою **5 рублей,** а при выпискѣ не менѣе **10 рамъ—8 р. 50 к.,** съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы будутъ высылаться по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

☛ **„Художественный Альбомъ“** будетъ разосланъ Г.г. подписчикамъ въ **октябрѣ мѣсяцѣ,** но покупатели рамъ получаютъ его теперь-же, т. е. вмѣстѣ съ рамами. Г.г. иногороднымъ подписчикамъ „Альбомъ“ высылается также одновременно съ отправкою рамъ. ☚

При покупкѣ рамъ г.г. городскіе и московскіе подписчики благоволятъ предъявлять подписные билеты на „Ниву“, а г.г. иногородные прилагать печатный адресъ съ бандероля, подъ которымъ получается ими „Нива“.

Дозвол. цензур., СПБ., 23 сентября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. № 40 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 3 октября 1892 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ОКТЯБРЬ. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1892 г. съ 28 рис. и отд. лист. съ 27 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 34 рис. выпильныхъ работъ.

Министръ Путей Сообщенія А. К. Кривошеинъ.

Высочайшею волею 30 августа текущаго года гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества А. К. Кривошеинъ назначенъ управляющимъ министерствомъ Путей Сообщенія; бывшій же управляющій этимъ министерствомъ, д. с. сов. С. Ю. Витте, получилъ въ управленіе министерство Финансовъ, переданное ему заболѣвшимъ д. т. сов. И. А. Вышнеградскимъ.

Главнѣйшая дѣятельность А. К. Кривошеина протекла въ провинціи, гдѣ онъ, служа по выборамъ, былъ городскимъ головой (въ Ростовѣ-на-Дону), предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей и предводителемъ дворянства. А. К. Кривошеинъ получилъ серьезное научное образованіе; общее научное развитіе дало ему возможность возвыситься надъ узкою, чисто-технической стороною того спеціальнаго дѣла, во главѣ котораго въ настоящее время онъ поставленъ. Съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, съ государственною стороною тѣхъ вопросовъ, которые связаны съ путями сообщенія, А. К. Кривошеинъ ознакомился, будучи членомъ желѣзнодорожнаго совѣта и тарифныхъ учрежденій министерства Финансовъ.

Министръ Путей Сообщенія А. К. Кривошеинъ. Съ фот. Пазетти, грав Шюблеръ.

Дѣятельность А. К. Кривошеина, какъ директора Хозяйственнаго департамента министерства Внутреннихъ Дѣлъ, заслуживаетъ особаго вниманія; будучи назначенъ 21-го ноября 1891 года на этотъ отвѣтственный постъ въ самый острый моментъ кризиса продовольственнаго дѣла, потребовавшаго самой усиленной дѣятельности и необходимости проведенія реформы въ принципахъ дѣятельности и личнаго состава департамента, завѣдующаго наиболѣе важными вопросами государственнаго хозяйства. Въ очень непродолжительное время управленія Хозяйственнымъ департаментомъ Кривошеинымъ, успѣло проявиться новое отношеніе центральнаго управленія къ вопросамъ городскаго и земскаго хозяйства, предпринята коренная реформа статистики страховаго и продовольственнаго дѣла, и

послѣ благополучнаго исхода борьбы правительства съ послѣдствіями неурожая, проведена, имѣющая громадное значеніе, мѣра расплаты крестьянъ за отпущенную имъ въ зернѣ ссуду зерномъ жё, пудомъ за пудъ. Мѣра эта, которая, при удачномъ и умѣломъ проведеніи и развитіи ея, можетъ самымъ кореннымъ и благотворнымъ образомъ повліять на экономическую будущность нашего крестьянства, была выработана А. К. Кривошеинымъ совмѣстно съ его ближайшими сотрудниками и проведена имъ съ успѣхомъ, что составляетъ несомнѣнную заслугу. Прощаясь съ департаментомъ, онъ не преминулъ замѣтить, что назначеніемъ на отвѣтственный постъ управляющаго министерствомъ Путей Сообщенія онъ обязанъ, между прочимъ, и дружной работѣ своихъ подчиненныхъ, такъ какъ, благодаря этой работѣ, ему удалось установить такіе порядки въ Хозяйственномъ департаментѣ, за которые онъ теперь отличенъ Высочайшимъ вниманіемъ при выборѣ преемника С. Ю. Витте. Выражая за это свою признательность служащимъ въ Хозяйственномъ департаментѣ, онъ указалъ на то, что между ними, конечно, не всѣ одинаково были имъ довольны. Нѣкоторые, быть можетъ, находили его излишне строгимъ и требовательнымъ. Но будучи требовательнымъ къ другимъ, онъ, въ то же время, не относился съ особою снисходительностью и къ себѣ. Это основаніе для успѣха общаго дѣла. Но, думая о дѣлѣ, онъ въ то же самое время думалъ сплотить служащихъ въ одну семью, гдѣ бы царила дружба и взаимное довѣріе. Въ короткое время онъ не могъ осуществить этой своей завѣтной мысли, но будетъ счастливъ узнать, что она осуществлена его преемникомъ. Рѣчь произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ служащихъ. Наступившій моментъ прощанія былъ истинно-сердечнымъ, и всѣми выражалось искреннее сожалѣніе объ утратѣ такого начальника, какимъ былъ А. К. Кривошеинъ.

Аполлонъ Константиновичъ Кривошеинъ родился въ 1835 г. въ городѣ Николаевѣ, Херсонской губерніи; сначала воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище, гдѣ и закончилъ образованіе въ офицерскихъ классахъ, преобразованныхъ впослѣдствіи въ Артиллерійскую академію. Уѣхавъ вскорѣ затѣмъ за-границу, Кривошеинъ прожилъ тамъ болѣе 6 лѣтъ, изъ которыхъ въ теченіе первыхъ трехъ продолжалъ свои занятія высшими математическими науками и слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France, а послѣдніе три года провелъ въ командировкахъ, состоя при статсъ-секретарѣ Мансуровѣ, на котораго была возложена обязанность озаботиться устройствомъ быта православныхъ паломниковъ на Востокѣ и, преимущественно, въ Святой Землѣ. По возвращеніи изъ Іерусалима, Яффы и Египта въ Россію, А. К. Кривошеинъ поселился въ провинціи, гдѣ и посвятилъ себя всецѣло общественной дѣятельности — сперва въ званіи городскаго головы города Ростова-на-Дону, а затѣмъ въ званіи предсѣдателя мировыхъ судей; былъ также предсѣдателемъ мѣстнаго комитета торговли и мануфактуръ и комитета донскихъ гирлъ, и въ теченіе пяти трехлѣтій состоялъ предводителемъ дворянства въ Ростовскомъ уѣздѣ и Таганрогскомъ градоначальствѣ.

Во время пребыванія А. К. Кривошеина во главѣ городскаго управленія Ростова-на-Дону, въ городѣ были положены прочныя основанія многимъ прекраснымъ начинаніямъ по части общаго благоустройства, общественнаго призрѣнія, а также по улучшенію жизненныхъ условій мѣстной бѣдноты. Служа по выборамъ безмездно, Кривошеинъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе и симпатіи, и плодотворная дѣятельность его, какъ предводителя дворянства, была неоднократно отмѣчаема выраженіемъ ему общественной признательности. Въ 1880 году Кривошеинъ былъ пожалованъ званіемъ камергера Высочайшаго Двора и назначенъ членомъ отъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ во внутреннее управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Состоя въ этомъ званіи болѣе 5 лѣтъ, Кривошеинъ успѣлъ обстоятельно ознакомиться съ состояніемъ нашихъ путей сообщенія, а будучи членомъ совѣта по тарифнымъ дѣламъ при министерствѣ Финансовъ, Кривошеинъ изучилъ на практикѣ финансовыя мѣропріятія по тарифной желѣзнодорожной системѣ. Въ минувшую тяжелую годину Кривошеинъ былъ назначенъ директоромъ Хозяйственнаго департамента министерства Внутреннихъ Дѣлъ и членомъ коммиссіи по устройству благотворительной лотереи въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Считаемъ не лишнимъ сообщить и нѣкоторыя генеалогическія данныя о фамиліи Кривошеиныхъ. Дѣдъ Аполлона Константиновича, еще въ дѣтствѣ зачисленный въ сержанты при императрицѣ Екатеринѣ II, 13 лѣтъ отъ роду уже былъ офицеромъ, а впослѣдствіи былъ Оренбургскимъ комендантомъ. Отецъ Кривошеина, въ 1805 году, шестнадцати лѣтъ, былъ выпущенъ изъ Морскаго кадетскаго корпуса въ офицеры въ Невскій морской полкъ и назначенъ состоять при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ; принимая участіе во всѣхъ войнахъ первой четверти нынѣшняго вѣка, онъ, служа въ безсмертномъ гусарскомъ полку, выказалъ отличное мужество и храбрость, сражаясь въ 1812—13 годахъ въ отрядѣ партизана Фигнера; когда безсмертный гусарскій полкъ былъ расформированъ, весь составъ офицеровъ вышелъ въ отставку.

Затѣмъ отецъ Аполлона Константиновича изъ отставки былъ приглашенъ своимъ товарищемъ по Морскому корпусу адмираломъ Лазаревымъ, занимавшимъ тогда постъ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, на службу и былъ назначенъ начальникомъ надъ Николаевскимъ портомъ.

А. Х—ъ.

Дѣло досадительное дѣло.

Историческій разсказъ **П. Н. Полеваго.**

I.

Мудреное порученіе.

20 сентября 1738 года фельдмаршалъ графъ Минихъ былъ крайне озадаченъ прибытіемъ курьера изъ Петербурга прямо въ Хотинъ, гдѣ въ то время находилась штабъ-квартира русской арміи, выступившей противъ турокъ.

Еще не далѣе, какъ вчера, Минихъ получилъ отъ герцога Бирона отвѣтъ на всѣ свои запросы относительно предстоявшихъ военныхъ дѣйствій противъ Порты, — и вдругъ, новый курьеръ и новыя депеши! Притомъ, и самое полученіе этихъ новыхъ депешъ сопровождалось довольно курьезными обстоятельствами, на которыя всѣ обратили вниманіе.

Курьеръ, привезшій депеши,—громадный, атлетически-сложенный мужчина лѣтъ тридцати-пяти, безостановочно примчавшійся на перекладныхъ изъ самаго Питера въ Хотинъ, едва держался на ногахъ отъ утомленія, когда его ввели въ переднюю фельдмаршала.

Съ великимъ трудомъ досталъ онъ изъ сумки пакетъ съ бумагами, но не отдалъ его адъютанту Миниха, отвѣтивъ ему густымъ и сиплымъ басомъ:

— Отъ его свѣтлости приказано передать въ „собственныя руки“ господина фельдмаршала.

Дѣлать было нечего, пришлось ввести пыльнаго и грязнаго курьера въ пріемную, биткомъ набитую военными всѣхъ чиновъ, давно уже ожидавшими „утренней репрезентаціи“. Самъ фельдмаршалъ вышелъ изъ кабинета къ курьеру.

— Отъ его свѣтлости вашему сіятельству въ собственныя руки передать! рявкнулъ во всю глотку курьеръ, вытягиваясь и усиленно моргая красными, воспаленными отъ солнца и пыли глазами.

И когда Минихъ принялъ пакетъ изъ рукъ курьера, тотъ вдругъ зашатался и грохнулся на полъ. Произошла суматоха.

Къ нему тотчасъ же подскочили адъютантъ Миниха и два ординарца, чтобы поднять его и посмотрѣть, что съ нимъ случилось. Оказалось, что курьеръ уже спалъ, оглашая пріемную фельдмаршала густѣйшимъ храпомъ.

Суровый фельдмаршалъ, взглянувъ на него съ улыбкою, приказалъ бережно уложить его въ дежурной комнатѣ и дать ему хорошенько выспаться. Потомъ, старый воинъ и опытный дипломатъ, повертѣвъ въ рукахъ пакетъ, насупилъ брови, пробѣжалъ какія-то шифрованныя надписи на немъ и, никого не удостоивъ ни словомъ, ни взглядомъ, поспѣшно удалился въ свой кабинетъ и заперся въ немъ на ключъ.

— Ну, теперь ужь видно намъ „марширъ на хаусъ“! Не дождаться его будетъ! заворчалъ одинъ изъ сѣдыхъ, старыхъ полковниковъ, обращаясь къ адъютанту Миниха.

— Да, пожалуй, репрезентація сегодня вовсе будетъ отмѣнена, замѣтилъ адъютантъ, пожимая плечами и поднимая брови.

— Шутка-ли сказать, продолжалъ ворчать старый полковникъ, переминаясь съ ноги на ногу,—съ семи часовъ стоимъ здѣсь, почитай, до полудня—и все безъ проку!

— Что̀ дѣлать!.. Самъ изволишь видѣть, какъ господинъ фельдмаршалъ занятъ: на вчерашнія депеши отвѣтить не успѣлъ, а тутъ ужь новый курьеръ и новыя депеши.

— Важныя депеши получены! оживленно передавалъ своимъ товарищамъ въ другомъ углу пріемной молодой драгунскій офицерикъ.—Новыя, и очень важныя!.. Впередъ приказано продвинуть армію... къ Дунаю!

— Полно врать!.. Откуда слышалъ? приступили къ нему товарищи, окруживъ его плотною стѣною.

— Самъ слышалъ отъ адъютанта... нашему же командиру говорилъ! продолжалъ утверждать пылкій юноша, который изъ всего разговора полковника съ адъютантомъ успѣлъ разслышать слова: „новый курьеръ и новыя депеши", а все остальное дополнилъ своей фантазіей.

— Ахъ, хорошо бы продвинуться къ Дунаю-то! проговорилъ вполголоса одинъ изъ офицеровъ-товарищей. — Такъ надоѣлъ этотъ Хотинъ проклятый!

— Надоѣли и жиды-канальи, что даромъ не хотятъ провіанту доставлять! подсмѣялся кто-то со стороны.

— Не жиды—бездѣлье надоѣло! Стоимъ тутъ, какъ оглашенные, прости Господи, словно и шагу ступить впередъ не смѣемъ.

— Давно бы ужь съ туркой за Дунаемъ бились, замѣтилъ кто-то изъ молодежи съ серьезнымъ видомъ знатока,—да вотъ, говорятъ, все австріякъ лукавитъ: напросился, было, съ нами въ союзъ, а теперь, что̀ называется, ни шьетъ, ни поретъ!

— Что̀ намъ австріякъ теперь!? горячо заговорилъ драгунскій офицерикъ. — Теперь депеши получены... Вчера курьеръ, а сегодня опять новый курьеръ и новыя депеши... Ясно, что хотятъ насъ двинуть, а австрійца къ чорту послать!

И вся молодежь, окруживъ бѣлокураго юношу, поддаваясь обаянію его твердой увѣренности, заговорила весело о предстоящемъ походѣ послѣ долгой и скучной стоянки, и вѣсть о „новомъ курьерѣ", „новыхъ и важныхъ депешахъ" съ быстротою молніи распространилась изъ фельдмаршальской пріемной по всѣмъ частямъ войска, собраннаго въ Хотинѣ, ожививъ всѣ сердца надеждами на близкое начало военныхъ дѣйствій, которыхъ всѣ давно и нетерпѣливо ожидали.

А между тѣмъ, какъ эти оживленные толки шли въ пріемной фельдмаршала среди военной молодежи, самъ фельдмаршалъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, все еще вертѣлъ загадочный толстый пакетъ въ рукахъ и внимательно разглядывалъ его со всѣхъ сторонъ. Пакетъ былъ запечатанъ малой печатью Бирона, которую онъ носилъ постоянно на пальцѣ въ перстнѣ и прикладывалъ только къ пакетамъ, заключавшимъ въ себѣ акты первѣйшей государственной важности или конфиденціальнѣйшія бумаги самаго щекотливаго свойства. Но этого мало: на лицевой и на задней сторонѣ пакета имѣлись четко выписанныя рукою его сіятельства шифрованныя надписи, гласившія такъ:

„Откройте пакетъ, замкнувшись на ключъ въ кабинетѣ; прочтите бумаги и, не снимая съ нихъ копій, исполните то, что̀ приказывается вамъ этимъ ордеромъ отъ нижеписаннаго числа. Самыя бумаги и сей ордеръ возвратите намъ съ тѣмъ же курьеромъ ровно черезъ шесть часовъ послѣ полученія ихъ. За невыполненіе сего порученія въ величайшей точности, курьеръ подвергнуться долженъ потерѣ жизни".

— Что̀ за загадка?.. И что̀ за спѣхъ такой! съ досадою ворчалъ про себя графъ Минихъ, бережно развертывая пачку мелко исписанной бумаги, вложенную въ конвертъ.

На самомъ верху пачки лежалъ слѣдующаго рода ордеръ, писанный также шифромъ:

„Понеже изъ Швеціи,—прочелъ въ немъ Минихъ,— посланъ въ турецкую сторону съ нѣкоторою важною комиссіею и съ письмами баронъ Синклеръ (который ѣдетъ не своимъ именемъ, но подъ именемъ одного называемаго Гогберха), то сего Синклера, ради высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ, всемѣрно потребно зѣло тайнымъ образомъ перенять въ Польшѣ со всѣми имѣющимися при немъ письмами".

— Синклеръ?.. Синклеръ?! повторилъ графъ Минихъ, отрываясь отъ чтенія и какъ бы что-то припоминая. — Ужь это не тотъ-ли самый бездѣльникъ Синклеръ, что въ прошломъ году изъ секретнаго шведскаго аусшусса былъ посланъ съ тайными комиссіями въ Константинополь и пробрался черезъ всѣ наши линіи?.. Пробрался, а потомъ съ полгода жилъ въ Львовѣ и шпіонилъ, наблюдая за нашими войсками!.. О! Это тройная шельма, Donnerwetter! Эту шельму я бы охотно проучилъ, по-свойски проучилъ бы!

И онъ снова перешелъ къ чтенію ордера, въ которомъ далѣе значилось:

„Ежели о семъ, вышереченномъ Синклерѣ, по вопросамъ гдѣ увѣдаете, то немедля ни часа отправить имѣете въ то мѣсто двухъ или трехъ надежныхъ офицеровъ, которые искали бы его увидѣть и съ нимъ компанію свести или инымъ какимъ образомъ съ нимъ познакомиться. И тѣмъ офицерамъ имѣете дать ордеръ, дабы сего бездѣльнаго человѣка стерегли и аплевировали яко шпіона, и для сего на пути, или въ какомъ другомъ скрытомъ мѣстѣ, гдѣ бы поляковъ не было, его настигли и изловили. И ежели таковой случай найдутъ, то старались бы его умертвить или въ воду утопить, а письма прежде безъ остатка отобрали..."

Дойдя до этого мѣста, Минихъ въ величайшемъ волненіи прервалъ чтеніе и, бросивъ бумагу на столъ, сталъ ходить взадъ и впередъ по кабинету.

„Что же это такое?.. Тайное убійство!.. Гнусное убійство... И они смѣютъ его отъ меня требовать... И его свѣтлость дерзаетъ побуждать меня къ исполненію подобныхъ тайныхъ комиссій?.. А, каково?.. И хочетъ еще все свалить на мою отвѣтственность: предписываетъ, чтобы я копій не снималъ съ его ордера и подлинникъ вернулъ бы... Не смѣетъ по̀-просту расправиться съ шведскимъ шпіономъ и вздернуть его на первую осину... а мнѣ смѣетъ приказывать, чтобы я сыскалъ ему подлыхъ убійцъ между надежнѣйшими офицерами!.. А! Каково!.."

И умный, горячій Минихъ шагалъ сердито изъ конца въ конецъ кабинета, закинувъ руки за спину и громко звякая шпорами на толстыхъ ботфортахъ.

„Да, да! продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою,— я охотно вздернулъ бы этого негодяя Синклера на висѣлицу, при всей арміи вздернулъ бы... Но самому шпіонить,—слѣдить за нимъ... подсылать убійцъ?.. Тьфу, мерзость какая!"

И онъ сжималъ кулаки въ безсильной злобѣ и грозилъ ими какому-то грозному, отдаленному врагу, потомъ вдругъ садился опять за столъ и грызъ съ досады ногти, придумывая какой-нибудь выходъ изъ своего тяжелаго непріятнаго положенія.

И долго-долго сидѣлъ фельдмаршалъ надъ своимъ столомъ, обдумывая мудреное порученіе, данное ему его свѣтлостью.

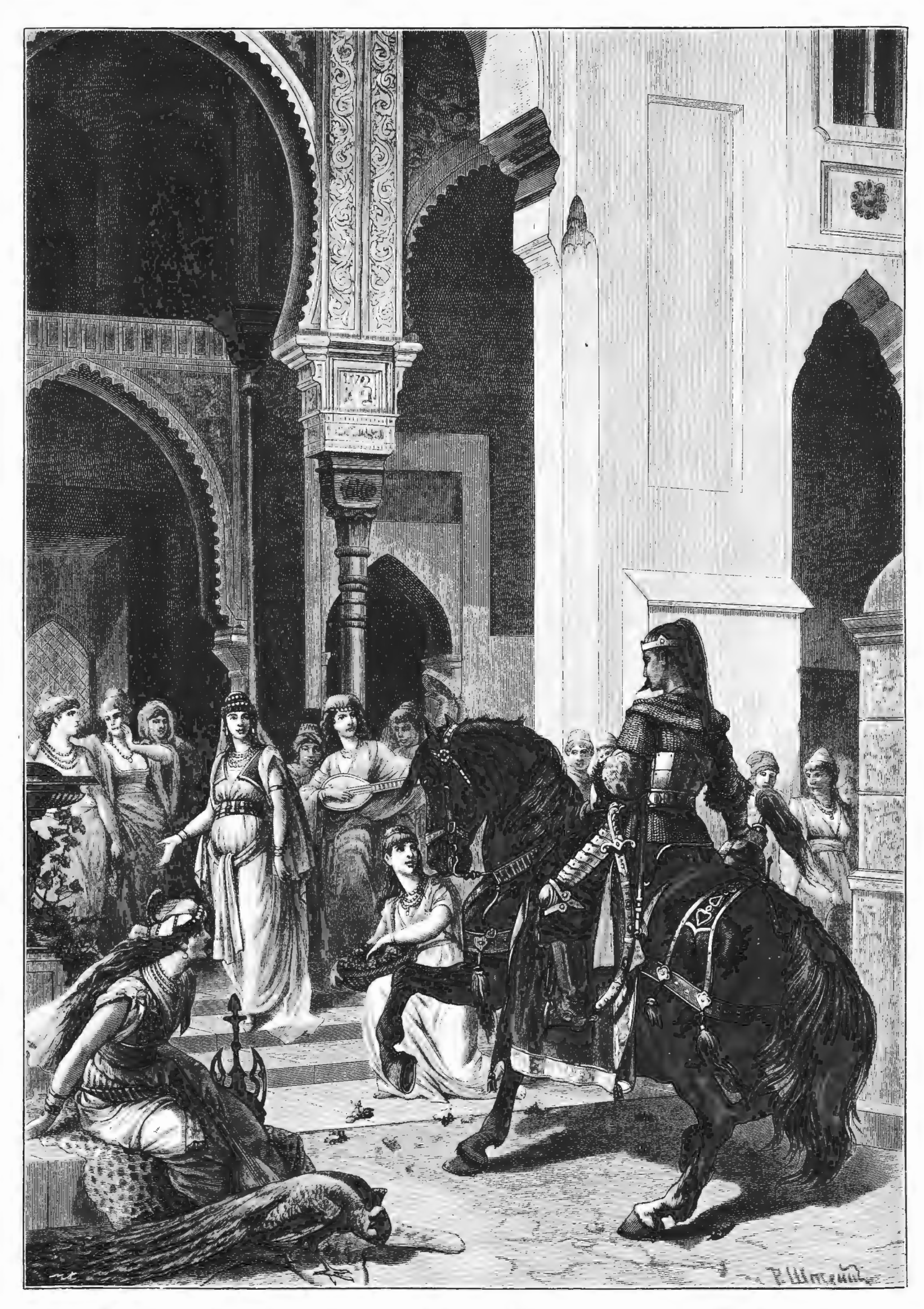
Наконецъ, онъ остановился на одномъ какомъ-то рѣшеніи—остановился безповоротно и, быстро схвативъ перо, занесъ въ свою памятную книжку кое-какія бѣглыя замѣтки и соображенія, тщательно сличивъ ихъ съ ордеромъ его свѣтлости и съ другими бумагами, вложенными въ пакетъ привезенный курьеромъ. Затѣмъ, соображаясь съ тайнымъ шифромъ, занесеннымъ въ ту же памятную книжку, Минихъ начерталъ на листѣ бумаги:

„Тайная и важная комиссія вашей свѣтлости какъ наискорѣе будетъ исполнена. Минихъ."

И обернувъ этимъ листомъ бумаги, присланныя изъ

Кончина патріарха Никона, на рѣкѣ Которосли въ гор. Ярославлѣ.

Ориг рис (собств „Нивы") Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Пястушкевичъ.



Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила“. Ратмиръ въ волшебномъ замкѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Хелмицкій.

Петербурга, фельдмаршалъ вложилъ ихъ въ толстый сѣрый конвертъ, запечаталъ своею перстневою печатью и приказалъ будить курьера, который ровно черезъ шесть часовъ, по прiѣздѣ въ Хотинъ, выѣхалъ въ обратный путь на самой бѣшеной почтовой тройкѣ, какая нашлась въ мѣстной почтовой конторѣ. Офицеры и солдаты, толпившiеся на улицахъ городка, видѣли, какъ этотъ громадный и сильный мужчина, вскочивъ въ тряскую телѣжонку, немедленно схватилъ дюжаго ямщика за воротъ и сталъ методически тузить его въ спину своими огромными кулачищами, покрикивая сиплымъ басомъ:

— Пойми, каналья, кого ты везешь!

Напрасно вертѣлся ямщикъ, избѣгая ударовъ, крича на коней, отчаянно настегивая кнутомъ по всѣмъ по тремъ. Курьеръ продолжалъ свою работу, пока телѣга и тройка со стукомъ, звономъ и грохотомъ не скрылась въ облакѣ пыли, поднятой ею на дорогѣ.

— Да, этакого чорта поневолѣ будешь помнить! И въ вѣкъ не забудешь! поговаривали между собою солдатики, перемигиваясь и глядя вслѣдъ курьеру.

II.

Надежнѣйшие офицеры.

Въ небольшой, полуразвалившейся старой мечети Хотина, на время пребыванiя здѣсь штабъ-квартиры русской армiи, по приказанiю графа Миниха, была наскоро устроена военная тюрьма, раздѣленная на нѣсколько отдѣльныхъ, темныхъ и тѣсныхъ карцеровъ, постоянно охраняемыхъ часовыми. Въ двухъ крайнихъ къ главному выходу карцерахъ этой временной тюрьмы, уже около двухъ недѣль подъ-рядъ содержались два важныхъ арестанта. Караульный офицеръ, назначаемый въ караулъ при тюрьмѣ, обходя по коридору камеры арестантовъ, ежедневно могъ видѣть сквозь рѣшетчатое окошечко одной изъ нихъ, первой отъ входа, красную, угреватую и носастую физiономiю высокаго, рыжаго мужчины, который свирѣпо хмурилъ густыя брови, крутилъ рыжiй усъ и посылалъ вслѣдъ офицеру какое-нибудь нѣмецкое или англiйское бранное слово.

Рядомъ съ этимъ карцеромъ, караульный офицеръ никогда никого не видѣлъ въ окошкѣ, но за то почти всегда слышалъ или густѣйшiй храпъ, или беззаботнѣйшее посвистыванье какихъ-то бравурныхъ польскихъ маршей и мазурокъ.

По списку арестантовъ, въ первой камерѣ значился капитанъ Кутлеръ, „изъ аглицкихъ нѣмцевъ“, а во второй—драгунскiй поручикъ Левицкiй, котораго часовые прозвали за его вѣчное посвистыванье „Свистуномъ-Казимирычемъ“.

Оба эти офицера содержались подъ арестомъ въ тюремныхъ камерахъ, по приказанiю фельдмаршала, за такъ-называемые „непорядочные“ поступки; но эти поступки были въ такой степени „непорядочными“, что даже суровый и взыскательный Минихъ предалъ Кутлера и Левицкаго военному суду, который неминуемо долженъ былъ отнестись къ нимъ очень строго.

Кутлеръ, одинъ изъ тѣхъ иноземцевъ-авантюристовъ, которые наводнили нашу армiю въ послѣднiе годы царствованiя Петра, былъ человѣкъ способный, распорядительный и очень пригодный на войнѣ. Во многихъ военныхъ дѣлахъ онъ выказалъ холодное мужество и отчаянную рѣшимость. Но въ мирное время онъ былъ человѣкомъ невозможнымъ: вѣчно пьяный и въ пьянствѣ буйный, онъ относился къ службѣ небрежно, съ солдатами обращался грубо и жестоко и велъ такую распущенную жизнь, которая была рѣшительно несовмѣстима ни съ какою воинскою дисциплиною. На его квартирѣ происходили шумныя оргiи: одна изъ нихъ, недѣли двѣ тому назадъ, закончилась страшною дракою гостей Кутлера съ домохозяевами-евреями. Кутлеръ принялъ въ этой дракѣ непосредственное участiе и своими собственными руками закололъ двухъ евреевъ.

Левицкiй былъ промотавшiйся польскiй шляхтичъ, который поступилъ на русскую службу, потому что ему негдѣ было приклонить голову: на службѣ онъ пристрастился къ игрѣ и сталъ играть нечестно, обыгрывая своихъ товарищей навѣрняка, при помощи различныхъ шулерскихъ прiемовъ и продѣлокъ. Товарищи, наконецъ, поймали его на одномъ изъ фортелей, уличили и выгнали изъ своего общества. Тогда Левицкiй прикинулся оскорбленнымъ, привязался къ одному изъ младшихъ своихъ товарищей, вынудилъ его на поединокъ и убилъ наповалъ, выстрѣливъ въ него прежде, нежели секунданты подали знакъ къ началу дуэли.

Обоихъ—и Кутлера, и Левицкаго—ожидалъ въ близкомъ будущемъ позорный судъ и суровый приговоръ, и эти ожиданiя, длившiяся уже довольно долго, начинали страшно печалить обоихъ арестантовъ.

„Ужь какъ бы тамъ ни осудили — да лишь бы поскорѣе!“ думалъ каждый изъ нихъ про себя, шагая въ темнотѣ по своей камерѣ или ворочаясь, во время безсонной ночи, на жесткой скамейкѣ, прикрытой плохимъ сѣнникомъ.

Но несмотря на то, что это желанiе было неоднократно высказываемо обоими узниками, они оба совершенно растерялись, когда подъ вечеръ 21 сентября въ тюрьму явился караульный офицеръ и, отворивъ двери обѣихъ смежныхъ камеръ, пригласилъ капитана Кутлера и поручика Левицкаго слѣдовать за нимъ...

— Куда?.. Зачѣмъ? невольно сорвались вопросы съ языка.

— Объяснять не обязанъ, отвѣчалъ караульный офицеръ, — исполняю ордеръ начальства.

Кутлеръ и Левицкiй въ тревогѣ и смущенiи опустили головы и двинулись изъ тюрьмы подъ прикрытiемъ полувзвода рослыхъ мушкатеръ, которые мѣрно шли въ ногу, держа мушкеты на плечо. Эскортъ, сопровождавшiй узниковъ и предшествуемый офицеромъ, перешелъ двѣ-три улицы, въ темнотѣ, уже окутавшей весь городъ, потомъ свернулъ въ переулокъ — и, къ ужасу обоихъ узниковъ, остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ фельдмаршалъ съ главнѣйшими лицами своей свиты.

„Что съ нами будетъ?.. Чѣмъ порѣшатъ съ нами? Неужели — все кончено?..“ думалъ каждый изъ узниковъ про себя.

Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданiя, которыя показались и Кутлеру, и Левицкому цѣлою вѣчностью, — изъ дома фельдмаршала выбѣжалъ одинъ изъ его адъютантовъ, передалъ шепотомъ офицеру какое-то приказанiе, и офицеръ, обратившись къ Кутлеру и Левицкому, произнесъ вполголоса:

— Извольте слѣдовать за мною...

Какъ они вошли въ домъ фельдмаршала, кого встрѣтили они въ его прихожей и прiемной,—этого ни Кутлеръ, ни Левицкiй не могли потомъ себѣ уяснить... Они помнили только, что очутились въ обширной полутемной комнатѣ передъ какою-то дверью, около которой безпрестанно сновали офицеры, побрякивая на ходу шпорами, и на цыпочкахъ перебѣгали писаря, съ толстыми пачками бумагъ подъ мышками. Здѣсь офицеръ сдалъ ихъ на руки адъютанту, который распахнулъ передъ ними роковую дверь и шепнулъ имъ на ухо:

— Входите! Графъ васъ ждетъ!

Со страшнымъ замиранiемъ сердца, неуклюже и робко переступили они порогъ ярко освѣщеннаго кабинета и, отвѣсивъ низкiй поклонъ графу, который сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ, спиною къ дверямъ, ни живы, ни мертвы, вытянулись у притолоки.

Графъ дописалъ еще нѣсколько строкъ, которыя закончилъ подписью съ большимъ росчеркомъ, потомъ

обсушилъ перо о столъ—и вдругъ быстро обернулся на стулѣ въ сторону Кутлера и Левицкаго.

На сердцѣ у нихъ обоихъ захолонуло отъ того суроваго и презрительнаго взгляда, которымъ графъ смѣрилъ ихъ съ ногъ до головы.

— Нѣмецки — говорите? рѣзко и порывисто спросилъ онъ ихъ, не спуская съ нихъ своего взора, остраго и холоднаго какъ сталь.

— Гово-римъ, чуть слышно отвѣтили Кутлеръ и Левицкій.

— Sie sprechen deutsch? звонко и твердо отчеканилъ графъ и продолжалъ по-нѣмецки:—такъ извольте внимательно меня выслушать, извольте вникнуть въ каждое мое слово!..

Онъ взялъ со стола только что дописанную бумагу и, указывая на нее, спросилъ:

— Знаете ли вы, господинъ капитанъ, и вы, господинъ поручикъ, что̀ это за бумага?

Мертвое молчаніе было отвѣтомъ на страшный вопросъ фельдмаршала: ни у капитана, ни у поручика языкъ не шевельнулся во рту.

— Эта бумага — подписанный мною вашъ приговоръ! громко и торжественно произнесъ графъ, не спуская глазъ съ капитана и поручика, которые только моргали глазами и чуть замѣтно шевелили пальцами рукъ, вытянутыхъ по швамъ.

— Да!! Приговоръ!! вдругъ произнесъ Минихъ, вскакивая съ мѣста и топнувъ ногою такъ, что и Кутлеръ, и Левицкій невольно вздрогнули. — Приговоръ, который будетъ исполненъ завтра утромъ... завтра на разсвѣтѣ, и избавитъ храбрую русскую армію отъ людей негодныхъ, недостойныхъ званія русскаго офицера, позорящихъ славный русскій мундиръ!

И у Кутлера, и у Левицкаго сердце упало и замерло; они оба почувствовали, какъ мурашки забѣгали у нихъ въ спинѣ и нижняя челюсть стала вздрагивать, не повинуясь никакимъ усиліямъ воли.

— Я, властью мнѣ данною, продолжалъ графъ, вдругъ понижая голосъ и сдерживая свой гнѣвный порывъ, — присудилъ васъ обоихъ къ лишенію чести и къ позорной казни. Но... я... человѣкъ; я не хочу лишать... васъ... жизни... Чести вамъ вернуть я не могу — это не въ моей власти... А жизнь подарить я вамъ могу, если вы согласитесь выполнить нѣкоторыя условія...

При этихъ словахъ и Кутлеръ, и Левицкій готовы были броситься графу въ ноги; но они не смѣли вѣрить своему счастію и молчали въ оцѣпенѣніи.

— Да говорите же: согласны ли выполнить то, что̀ я вамъ укажу? почти крикнулъ графъ.

— При-ка-зы-вай-те, чуть слышно прошепталъ Левицкій.

— Если вы хотите заслужить помилованіе, вы должны будете сегодня же бѣжать отсюда... Сегодня ночью...

Кутлеръ и Левицкій не вѣрили ушамъ своимъ.

— Да — сегодня ночью! твердо и настойчиво продолжалъ Минихъ.—И, по моему приказанію, вамъ даны будутъ всѣ средства къ побѣгу: хорошіе кони, деньги, дорожное платье — даже оружіе...

„Ничего, рѣшительно-таки ничего не понимаемъ“, думали про себя Кутлеръ и Левицкій, совершенно безсознательно вперивъ взоръ въ строгое лицо фельдмаршала и стараясь найти смыслъ въ его словахъ.

— За вами слѣдомъ... я пошлю надежныхъ, преданныхъ мнѣ людей, которые не спустятъ васъ съ глазъ и будутъ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ. Въ городѣ Барѣ вы получите инструкціи, по которымъ должны будете дѣйствовать и исполнить буквально одно секретнѣйшее, опаснѣйшее и... долженъ сказать — позорнѣйшее порученіе, угодное его свѣтлости, герцогу Бирону. Если вы хоть на волосъ уклонитесь отъ исполненія данныхъ вамъ инструкцій,— люди, посланные мною за вами вслѣдъ, будутъ имѣть право убить васъ, какъ военныхъ дезертировъ, или же предать васъ въ руки мѣстныхъ властей, которыя исполнятъ надъ вами подписанный мною приговоръ... Если же вы успѣшно исполните возложенное на васъ порученіе, вамъ будутъ даны всѣ средства, чтобы укрыться отъ руки правосудія — и вы даже получите крупную денежную награду... Такъ вотъ — выбирайте!

— Мы... на все... согласны! трепетно проговорили и Кутлеръ, и Левицкій, низко наклоняя головы.

Графъ Минихъ хлопнулъ въ ладоши.

Дверь тотчасъ отворилась, и вошелъ адъютантъ.

Фельдмаршалъ кивнулъ головою, указывая на Кутлера и Левицкаго, и сказалъ:

— Отвести ихъ въ кордегардію и держать ихъ тамъ до моего ордера.

— Слушаю, ваше сіятельство! отвѣчалъ адъютантъ, отворяя дверь и указывая дорогу обоимъ арестантамъ.

Въ ту же ночь, часа два-три спустя, двое какихъ-то всадниковъ, въ офицерскихъ треуголкахъ и въ широкихъ дорожныхъ плащахъ, выѣхали изъ Хотина, по дорогѣ къ Каменцу-Подольскому, проѣхали черезъ линію русскихъ войскъ, всюду совершенно правильно отдавъ пароль, и мелкой рысцой направились къ польскому рубежу.

III.

Два претендента.

Минула зима 1739 года, особенно суровая въ Польшѣ и въ прилегающихъ къ ней прусскихъ и австрійскихъ провинціяхъ. Вслѣдъ за суровою зимою наступила весна—сухая, холодная, вѣтряная, скупая на тепло и на краски... Даже въ самой Варшавѣ деревья стояли до половины мая почти голыя, едва опушенныя полуразвившейся, блѣдно-зеленой почкой, и варшавяне, избалованные обычною раннею весной, приходили просто въ отчаянье отъ этихъ запоздавшихъ холодовъ...

Но вотъ, въ 20-хъ числахъ мая, холодный и рѣзкій „московскій вѣтеръ“ смѣнился мягкимъ западнымъ вѣтромъ, и сразу наступили жаркіе, вешніе дни съ перепадающими по ночамъ обильными, теплыми дождями. Природа, оживленная вешнимъ тепломъ, засіяла, заблистала невообразимою роскошью красокъ, наполнилась стройнымъ разнообразіемъ звуковъ...

Закопошились и варшавяне, словно муравьи въ муравейникѣ, пригрѣтомъ лучами солнца. Цукерни, пивныя и огрудки наполнились пестрымъ, нарядпымъ людомъ, который высыпалъ изъ домовъ на улицы. Глядя на эти веселыя лица, прислушиваясь къ этому несмолкаемому шуму, говору и смѣху толпы, можно было ясно понять, что теперь у всѣхъ варшавянъ только гульба на умѣ, что теперь наступившая весна всѣмъ имъ вскружила головы и что каждый изъ нихъ, стараясь забыть объ ежедневныхъ дѣлахъ и заботахъ и даже о предстоящей войнѣ, думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе присоединиться къ толпѣ, наполняющей улицы, и пойти подышать воздухомъ въ Саксонскій садъ, Іерусалимскую аллею или въ тѣнистый паркъ Лазенокъ.

Это чарующее, одуряющее вліяніе весны, охватившее всѣхъ варшавянъ, испытывалъ на себѣ даже холодный, спокойный и разсчетливый цесарскій резидентъ, гофратъ Киннеръ, давно уже поселившійся въ Варшавѣ и потому успѣвшій порядкомъ ополячиться. Онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ посматривалъ на часы, стоявшіе въ углу его дѣловаго кабинета, и ожидалъ, когда стрѣлка остановится на двухъ часахъ, чтобы тотчасъ же закрыть двери своей резидентской канцеляріи и направиться въ Саксонскій садъ, гдѣ его ожидала встрѣча съ почтеннымъ паномъ маршалкомъ Эпимахомъ Збунчало и его несравненной красавицей-дочкой... Но часы, какъ на зло, тянулись не-

выносимо долго, до двухъ часовъ оставалось еще 3/4 часа, а народъ такъ и валилъ въ его канцелярію то за справками, то за пропискою заграничныхъ паспортовъ, то съ прошеніями и докучными хлопотами о какихъ-то расчетахъ и торговыхъ интересахъ. Секретарь гофрата Киннера, маленькій, сѣденькій, рябенькій человѣчекъ, то и дѣло прибѣгалъ въ его кабинетъ изъ канцеляріи съ пачкою бумагъ подъ мышкой и подкладывалъ ихъ подъ руку господина резидента, приговаривая:

— Вотъ эти необходимы... къ подписи! А эти только „къ свѣдѣнію“... А по этимъ еще нужно справки навести...

— Да будетъ-ли этому конецъ! нетерпѣливо говорилъ секретарю гофратъ Киннеръ, пробѣгая бумаги и выставляя подъ ними свою кудреватую подпись.—Вѣдь вы же видите, что скоро два часа...

— Сейчасъ окончимъ, панъ гофратъ! почтительно отвѣчаетъ маленькій человѣчекъ и пододвигаетъ Киннеру еще двѣ бумаги.

— Окончимъ, окончимъ! А это еще что? спросилъ Киннеръ, тыкая пальцемъ въ пододвинутыя бумаги.

— Это — къ подписи вамъ... Два паспорта для русскихъ офицеровъ, ѣдущихъ въ Бреславль.

— Въ Бреславль? За коимъ чортомъ ихъ туда несетъ?.. Сегодня третій паспортъ въ Бреславль подписываю... Одинъ по-утру, шведскому купцу какому-то, Гогберху что-ли?.. А теперь какому-то капитану Кутлеру и поручику Левицкому... Ну, тотъ торговый человѣкъ, а этимъ-то что нужно въ Бреславлѣ?..

— Они должно-быть не съ тѣмъ-ли купцомъ и ѣдутъ! замѣтилъ секретарь. — Пришли и попросили сначала паспорта въ Дрезденъ заготовить... А потомъ объ этомъ купцѣ спросили и говорятъ: „ну, коли онъ въ Бреславль, такъ, значитъ, и намъ туда же нужно...“ Съ нимъ вмѣстѣ у нихъ подрядъ какой-то казенный на армію...

— Ну, провались они! Вотъ вамъ ихъ паспорты! И больше никого не принимать! сказалъ Киннеръ, поднимаясь изъ-за стола какъ разъ въ ту самую минуту, когда часовая стрѣлка остановилась на двухъ часахъ, и часы звонко пробили два.

Отдѣлавшись отъ докучнаго секретаря, гофратъ Киннеръ удалился на нѣсколько минутъ въ свою уборную и вышелъ оттуда гладко выбритый, въ напудренномъ парикѣ съ буклями, въ щегольскомъ шелковомъ французскомъ кафтанѣ моднаго стальнаго цвѣта съ золотыми пуговицами.

Бодро выпятивъ впередъ грудь, прикрытую богатой кружевной манишкой, гофратъ Киннеръ повернулся два раза передъ зеркаломъ, осмотрѣлъ себя съ головы до башмаковъ, принялъ изъ рукъ своего слуги трость съ золотымъ набалдашникомъ и шляпу съ темнымъ перомъ и направился къ выходу, повидимому, очень довольный собою.

„Этотъ кафтанъ мнѣ къ лицу“, думалъ почтенный резидентъ.— „Взглянувши на меня, никто, пожалуй, не дастъ мнѣ и 40 лѣтъ, хотя мнѣ и подъ 50... Но вѣдь эти дѣвчонки ужасно много придаютъ значенія внѣшности и лѣтамъ мужчины... Имъ нужно казаться моложе и нравиться! А вѣдь сегодня именно панъ Эпимахъ и обѣщалъ мнѣ дать отвѣтъ на предложеніе мое, касающееся его дочки...“

И въ этихъ мысляхъ гофратъ Киннеръ спустился съ лѣстницы, перешелъ черезъ улицу и вошелъ въ ворота Саксонскаго сада, минуя аллеи, сплошь залитыя пестрою толпою гуляющихъ, въ которой польскіе жупаны и кунтуши мѣшались съ французскими модными кафтанами. Онъ направился на одну изъ самыхъ уединенныхъ дорожекъ, позади Брюлевскаго палаца, гдѣ, на обычномъ мѣстѣ, на угловой скамеечкѣ, сидѣлъ полный, здоровый и румяный мужчина лѣтъ 60, въ богато расшитомъ кунтушѣ съ откидными рукавами и бархатной шапкѣ съ золотою кистью.

— Мое глубокое почтеніе пану Эпимаху! проговорилъ Киннеръ, низко кланяясь румяному толстяку и осторожно приподнимая шляпу, прикрывавшую пудреный парикъ.

— А! Панъ Киннеръ! Очень радъ! проговорилъ панъ Эпимахъ, приподнимаясь навстрѣчу резиденту, и указалъ ему на мѣсто рядомъ съ собою.

(Продолженіе будетъ).

Дора.

Повѣсть **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

(Окончаніе).

XIV.

Дора поднялась къ себѣ въ комнату. Александръ Сергѣевичъ вышелъ на террасу.

— Что съ вами? спросилъ онъ Ниночку, которая сидѣла, надувшись.

— Ничего, такъ... Спросите у мамà.

Очевидно, Ниночка отвыкла ужь отъ лестнаго имени, даннаго ей Багреневой.

— Ахъ, у насъ мигрень отъ этого сирокко! вступилась мамаша.—Александръ Сергѣевичъ, я хотѣла сказать вамъ... Мы на васъ смотримъ почти какъ на роднаго... Развѣ можно такъ рисковать собою!

— Когда?.. Гдѣ?

— Да вотъ сейчасъ... въ морѣ. Я не удивляюсь, что взбалмошной дѣвчонкѣ, показала она глазами на комнату Доры,—влетѣло въ голову поѣхать кататься. Ей терять нечего. А вы то, вы... Ну, набѣжалъ бы штормъ, опрокинуло лодку... И притомъ—какое общество! Достойно-ли это васъ?.. Позвольте мнѣ вамъ сказать, какъ матери... Вы помните вашу мать,—что бы она чувствовала въ это время? И какъ бы она посмотрѣла на ваше сближеніе?

— Какое и съ кѣмъ?

— Mais mon Dieu! Это бросается въ глаза.

— Я васъ не понимаю! притворился Волоцкой.

— Et bien, expliquez moi donc, mon cher ami, la scène étrange de tout à l'heure.

— Какая сцена?..

Потомъ вдругъ Александръ Сергѣевичъ расхохотался. Ему захотѣлось пошкольничать.

— А, впрочемъ, Надежда Анисимовна, много будете знать, скоро состаритесь... Успокойтесь, пожалуйста. Ничего особеннаго не случилось, поправился онъ.— Нина Александровна, не хотите-ли покататься со мною по морю, вдвоемъ.

— Я... я... я боюсь.

— А вотъ Дора Петровна не боится... Я ее засталъ гуляющей. Она была въ маринѣ. Ну, оттуда сюда ближе въ лодкѣ, чѣмъ пѣшкомъ по горамъ... Мы и поѣхали.

— Бѣдная дѣвушка! вздохнула Багренева.

— Кто это? живо обернулся Волоцкой.

— Дора! Кому же быть?

— Чѣмъ же она бѣдная?.. Денегъ у нея мало, только.

— Et vous n'avez pas encore compris... Бѣдный молодой человѣкъ.

— Non je l'avoue...

Волоцкаго началъ злить этотъ тонъ состраданія, принятый Надеждой Анисимовной.

— Voyons, cherchez bien dans votre coeur... шепотомъ говорила она, наклоняясь къ нему.

— Dans mon coeur?.. Вы меня удивляете. При чемъ тутъ мое сердце?

Грёзы. Съ карт. Габріеля Макса, грав. Кенлейнъ.

— Oui... Au fond de votre coeur. S'il ne s'y trouve rien de dangereux pour vous et pour elle.

— Je ne sais pas deviner les enigmes!.. громко отрѣзалъ онъ.

— Ну, а если она увлечется...

Александру Сергѣевичу вдругъ сталъ до-нельзя противенъ тонъ ея въ эту минуту. Богъ знаетъ, чего бы онъ ни далъ, чтобы отъ нея отдѣлаться. Къ счастію, въ эту самую минуту явился на террасу Carlo съ телеграммой.

— Per signor Volozky! кричалъ онъ еще издали.

Волоцкой развернулъ ее—прочелъ. Неаполитанскій банкиръ Мерикоферъ увѣдомлялъ его о переводѣ на его имя десяти тысячъ франковъ. Волоцкой воспользовался случаемъ уйти на время отъ этой женской войны, которая столь безпощадно велась изъ-за него. Онъ извинился и сошелъ въ садъ.

— Дора, дорогая моя!.. Я едва выбрался оттуда.

— А, что?

— Наша поѣздка совсѣмъ взбаломутила дамъ.

— Ахъ, какъ это положеніе невыносимо! тяжело вздохнула Дора.

Александръ Сергѣевичъ видѣлъ, какъ она вытерла себѣ глаза.

Ниночка, сбѣжавшая, было, внизъ, замѣтила, что Волоцкой переговаривался съ гувернанткой. Она притаилась, выждала, когда Александръ Сергѣевичъ вышелъ въ садъ и исчезъ въ его апельсинныхъ аллеяхъ. Послѣ этого Ниночка тотчасъ же поднялась къ мамà и наябедничала ей.

— Будь спокойна, я распоряжусь!.. Помолчи пока...

И было во-время. Тѣмъ болѣе, что въ эту минуту на террасу, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла Дора. Для этого свиданія дѣвушка вооружилась всѣмъ своимъ мужествомъ.

— Вы очень кстати! величественно обратилась къ ней Багренева.

— Да?.. мелькомъ посмотрѣла она на нее.

— Именно... Я давно хотѣла вамъ сказать... Вы, mademoiselle, очень плохо исполняете свои обязанности.

— Какъ!?. Саша и Оля отлично знаютъ свои уроки. Имъ на завтра заданы и объяснены другіе... Письменныя упражненія Оля окончила. Саша не могла, потому что въ сирокко у нея тоже болитъ голова...

Дора говорила преувеличенно спокойно и холодно, садясь въ кресло около.

— Да, но вы должны быть постоянно при дѣтяхъ.

— Извините меня, но мы точно уговаривались съ вами у госпожи Баташовой... Я даю только уроки вашимъ дѣтямъ и слѣжу за тѣмъ, чтобы они ихъ учили. Я не бонна... и не мать!..

— Кажется, вы мнѣ хотите читать лекціи о моихъ обязанностяхъ?

— Нѣтъ, я только отвѣчаю вамъ.

— Я плачу вамъ деньги не за то, чтобы вы отвѣчали. Вообще я нахожу ваше поведеніе...

И она запнулась.

— Что вы находите въ моемъ поведеніи?

— Вы вѣшаетесь на шею ему!.. шопотомъ проговорила Багренева, вся красная, указывая глазами въ сторону, гдѣ исчезъ Волоцкой.

— Я... Напротивъ, въ качествѣ учительницы вашихъ дѣтей, я нахожу совсѣмъ неприличнымъ и для нихъ далеко не полезнымъ, что Нина Александровна, разумѣется, слѣдуя вашимъ инструкціямъ, вѣшается на шею къ Волоцкому при всѣхъ.

— Что вы сказали... какъ вы смѣли!

Но тутъ уже въ Дорѣ сказалось ея происхожденіе. Глаза ея сверкнули, она поблѣднѣла.

— Вы мнѣ надоѣли, Надежда Анисимовна, съ вашими глупыми капризами.

— Ахъ!.. Ахъ, мнѣ дурно!

— Мнѣ еще хуже было отъ вашихъ дикихъ выходокъ. Я не привыкла къ этому, хоть и родилась въ швейцарской, что столько разъ великодушно вы мнѣ напоминали. Я не горничная у васъ и не обязана давать вамъ отчета ни въ чемъ.

Но Надежда Анисимовна только моргала, очевидно, совсѣмъ растерявшись отъ неожиданности.

За нее вступилась Ниночка.

— Мадемуазель Каждапова, прошу васъ оставить насъ въ покоѣ.

— Лучше этого я ничего не желаю.

— Вы, разумѣется, понимаете, что послѣ этого вы намъ не нужны больше. Мы васъ сегодня же разсчитаемъ.

— Можете уѣзжать! обрѣла даръ слова Багренева.

— И, разумѣется, мы напишемъ обо всемъ госпожѣ Баташовой.

— Чтобы она знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло...

— И была бы впередъ осторожнѣе въ своихъ рекомендаціяхъ.

— О, не безпокойтесь, вставила наконецъ Дора,— Ольга Семеновна отлично освѣдомлена уже о томъ, что вы такое. Разумѣется, она повѣритъ не вамъ... Не искательницѣ богатыхъ невѣстъ для своихъ сыновей и такихъ же жениховъ для своихъ дочерей... Во всякомъ случаѣ я рада, что если вашъ cher Grichà и остался съ носомъ, то этому отчасти помогла и я. Вѣрочка была слишкомъ юна, чтобъ отличать золото отъ мишуры.

— Вонъ, вонъ отсюда! уже шипѣла Надежда Александровна.

— Успокойтесь, госпожа Багренева. Терраса принадлежитъ одинаково всѣмъ... Что же касается до вашихъ намековъ на мое поведеніе съ Александромъ Сергѣевичемъ, то... то... Я не хотѣла говорить при вашей дочери, но она все равно видѣла и знаетъ... Устраивайте такъ, чтобы лодочникъ Пеппино не очень ужь явно навѣщалъ васъ. Вы стали басней для цѣлаго дома... На васъ всѣ указываютъ пальцами. Вчера англичанки, живущія рядомъ съ вами, говорили хозяину, что онѣ не могутъ терпѣть больше такого скандала. И ужь, разумѣется, я у васъ не останусь послѣ этого... Мнѣ себя упрекнуть не въ чемъ. И я дорожу своей репутаціей. Желала бы, чтобы и вы болѣе берегли свою, если не для себя,—вы уже стары,—такъ хоть для вашихъ дочерей.

Надежда Анисимовна была совсѣмъ уничтожена.

— Нина, мой ангелъ, обратилась она къ дочери.

— Ахъ, мама, оставьте меня въ покоѣ!.. И не упрекайте впередъ, если Александръ Сергѣевичъ отъ насъ отдѣлался. Вашъ Пеппино, я думаю, и ему извѣстенъ настолько же, насколько этой... этой особѣ! кивнула она на Дору.

— Прощайте! разомъ успокоившись и улыбаясь, прошла мимо нихъ Дора. — Позвольте, Надежда Анисимовна, оказать вамъ послѣднюю услугу... Наклеивайте лучше ваши брови... Одна—въ жару, должно-быть, вашего негодованія—отдѣлилась и торчитъ. Желаю вамъ удачи съ... Пеппино!.. ужь искренно хохотала она, уходя къ себѣ.

Но возбужденіе ея длилось не долго.

Въ своей комнатѣ она успѣла только дойти до кровати и упала на нее, истерически рыдая. Потомъ такъ же разомъ встала.

„Надо сообщить обо всемъ Баташовой!..“

Она освѣжила лицо холодною водою и только тогда начала обдумывать, что ей дѣлать.

Сирокко крупными каплями теплаго дождя застучалъ къ ней въ двери. Такъ прошло съ часъ.

Оставаться здѣсь, хотя бы и самой платя за себя, было нельзя. Надежда Анисимовна, особенно въ отсутствіи Александра Сергѣевича, способна была на всякій скандалъ. Она съумѣла бы сдѣлать Дорѣ невозможнымъ

ея пребываніе въ Сорренто. Все-таки здѣсь всѣ знали, что она была гувернанткой у Багреневой, не даромъ та въ книгѣ отеля, безцеремонно присвоивъ себѣ званіе княгини, записала: Madame la princesse Nadine Bagregnieff, sa fille et sa suite... Да, оставаться здѣсь нельзя, никакъ нельзя. Придется уѣхать и прожить гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, до отвѣта Баташовой, которой она напишетъ сейчасъ же или даже телеграфируетъ...

Александръ Сергѣевичъ въ нервномъ возбужденіи вернулся назадъ.

Его волненіе не улеглось. Сирокко не успокоивалъ, а раздражалъ его еще больше. Проходя по улицамъ Сорренто, онъ задыхался отъ этой духоты... Когда онъ выбрался за городъ, — было не лучше. Море зловѣще шипѣло внизу, по небу быстро бѣжали, словно испуганныя, разорванныя тучи. Везувій то показывался изъ тумана, то кутался въ него опять. Прохлады не было и тутъ... Физическая усталость скоро дала себя знать, и, взявъ перваго извозчика, онъ вернулся въ отель.

— Что-то Дора дѣлаетъ, бѣдная! и чувство безконечной жалости шевельнулось въ немъ.

— Александръ Сергѣевичъ... Какъ вы кстати... встрѣтила его Надежда Анисимовна.—Ахъ, что мы пережили въ эту минуту... Если-бы вы видѣли.

— Что случилось...

— Эта мужланка...

— О комъ вы говорите? строго нахмурился Волоцкой.

— Ну, разумѣется, о ней, о Каждановой!.. Теперь, слава Богу... Все кончено.

— Что еще? спросилъ Александръ Сергѣевичъ съ такимъ мучительнымъ выраженіемъ въ голосѣ, что будь Багренева подогадливѣе, она бы не продолжала въ этомъ тонѣ...

— Я ее выгнала!.. На всѣ четыре стороны... Она насъ компрометтировала... Я ничего не имѣла противъ того, какъ вы себя держали... Вы—молодые люди—привыкли не стѣсняться и дѣлать все, что вамъ приходитъ въ голову, безъ всякой, разумѣется, серьезной цѣли... Когда бѣдная Ниночка, этотъ ангелъ, плакала, я говорила ей: „душа моя, Александръ Сергѣевичъ развлекается. Не обращай на это вниманія, не станетъ онъ придавать значенія какой-нибудь горничной...“

— Послушайте, Надежда Анисимовна.

— И слушать ничего не хочу. Вамъ не на что жаловаться, васъ всѣ любятъ. Vous êtes heureux, comme un roi; ne vous plaignez donc pas... Я поэтому успокоила Ниночку... Вы даже можете къ ней пойти — сейчасъ... Она въ своей комнатѣ... Я, говоритъ, мама пойду молиться...

— Что?

— Молиться!..

— Позвольте... Вы сказали мнѣ, что совсѣмъ отказали M-lle Каждановой.

— То-есть просто ее выгнала...

Волоцкому ударило въ голову.

Всѣ его колебанія уступили мѣсто твердой рѣшимости...

— Вы совершенно напрасно поторопились...

А мысли вихремъ такъ и неслись въ его головѣ.

„Счастье выше денегъ“, думалъ онъ. „Ну переживемъ трудную пору, а тамъ, все-таки съ нею вмѣстѣ... Счастливъ бываешь по-настоящему только разъ въ жизни—а богатство придетъ еще!..“

— Вы совершенно напрасно поторопились. Тѣмъ болѣе, что я именно сегодня хотѣлъ серьезно переговорить съ вами... Мнѣ надоѣло болтаться одному. А во Флоренціи есть православная церковь...

M-me Багренева и теперь еще не поняла ничего.

— Нина, Ниночка!.. радостно крикнула она.

— Такъ вы... вы дѣлаете предложеніе... Такъ намъ понять?

— Да... И сейчасъ представлю вамъ свою невѣсту...

Нина, выскочившая изъ своей комнаты на зовъ матери, остановилась, какъ вкопаная. Надежда Анисимовна—сидѣла, ничего не понимая, и моргала глазами, усиливаясь сообразить, что все это такое... Александръ Сергѣевичъ сжалъ зубы до боли, подошелъ къ периламъ террасы — перегнулся черезъ нихъ и крикнулъ внизъ:

— Дора!.. Не можете-ли подняться къ намъ на верхъ?

Та въ это время выходила изъ своей комнаты. Услышавъ безцеремонное приглашеніе Александра Сергѣевича, она вспыхнула. Сердце ея забилось часто-часто... У нея даже голова закружилась на минуту... Но она быстро совладала съ собою и поднялась...

— Вотъ, Надежда Анисимовна... Александръ Сергѣевичъ взялъ Дору за руку и крѣпко сжалъ ее.—Вотъ, Надежда Анисимовна, позвольте мнѣ представить вамъ мою невѣсту... Я на васъ разсчитывалъ, какъ на посаженую мать... Но... но вы теперь, разумѣется, откажетесь сдѣлать намъ эту честь, и мнѣ придется телеграфировать моимъ знакомымъ во Флоренцію, чтобы они тамъ уже устроили все... Дора, мы ѣдемъ туда завтра...

— Позвольте, мама, что-жъ это такое! вдругъ вступилась Ниночка.

Багренева повела на нее помутившимся взглядомъ...

КОНЕЦЪ.

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта**.

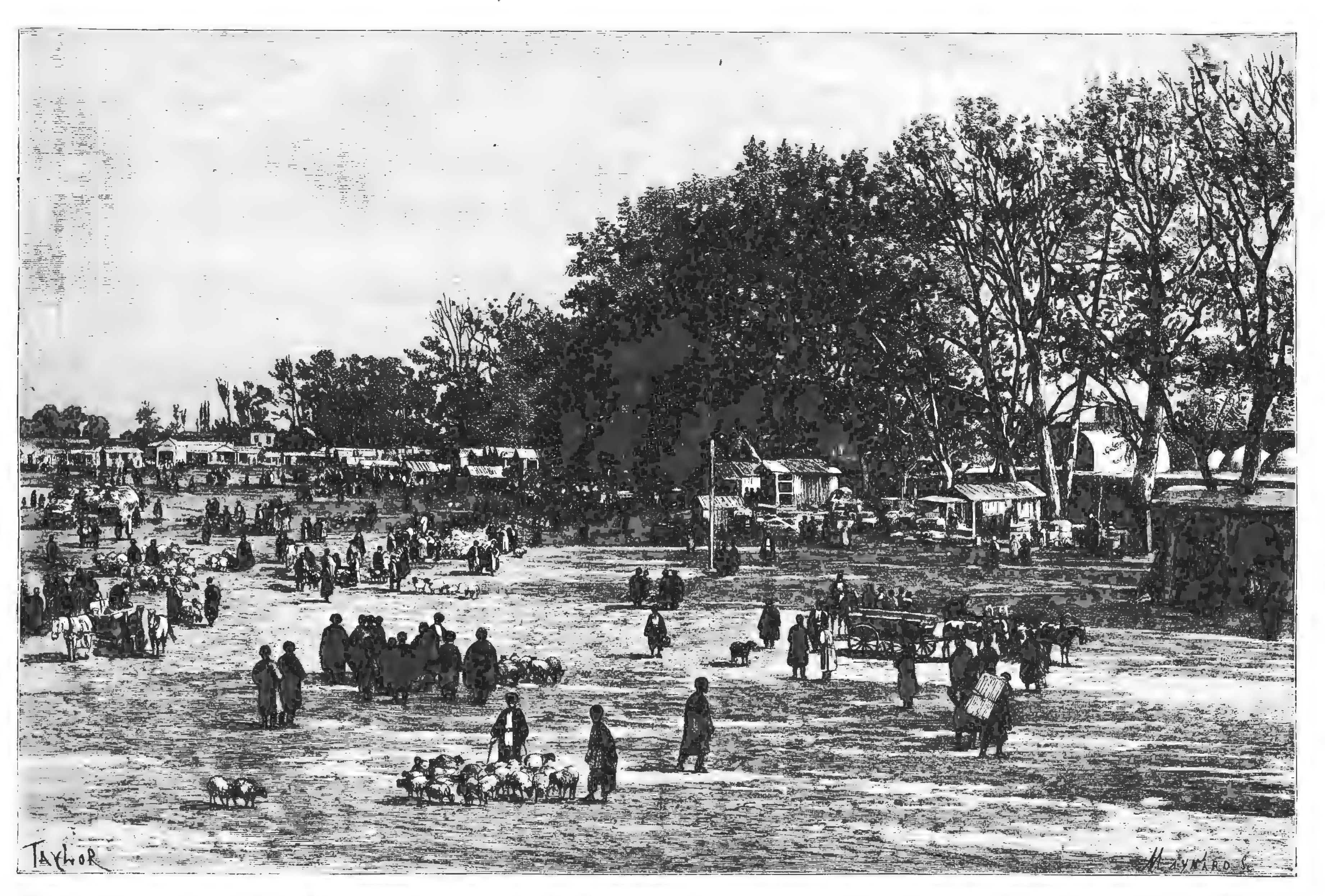
Переводъ *Е. Евстафьевой.*

(Продолженіе).

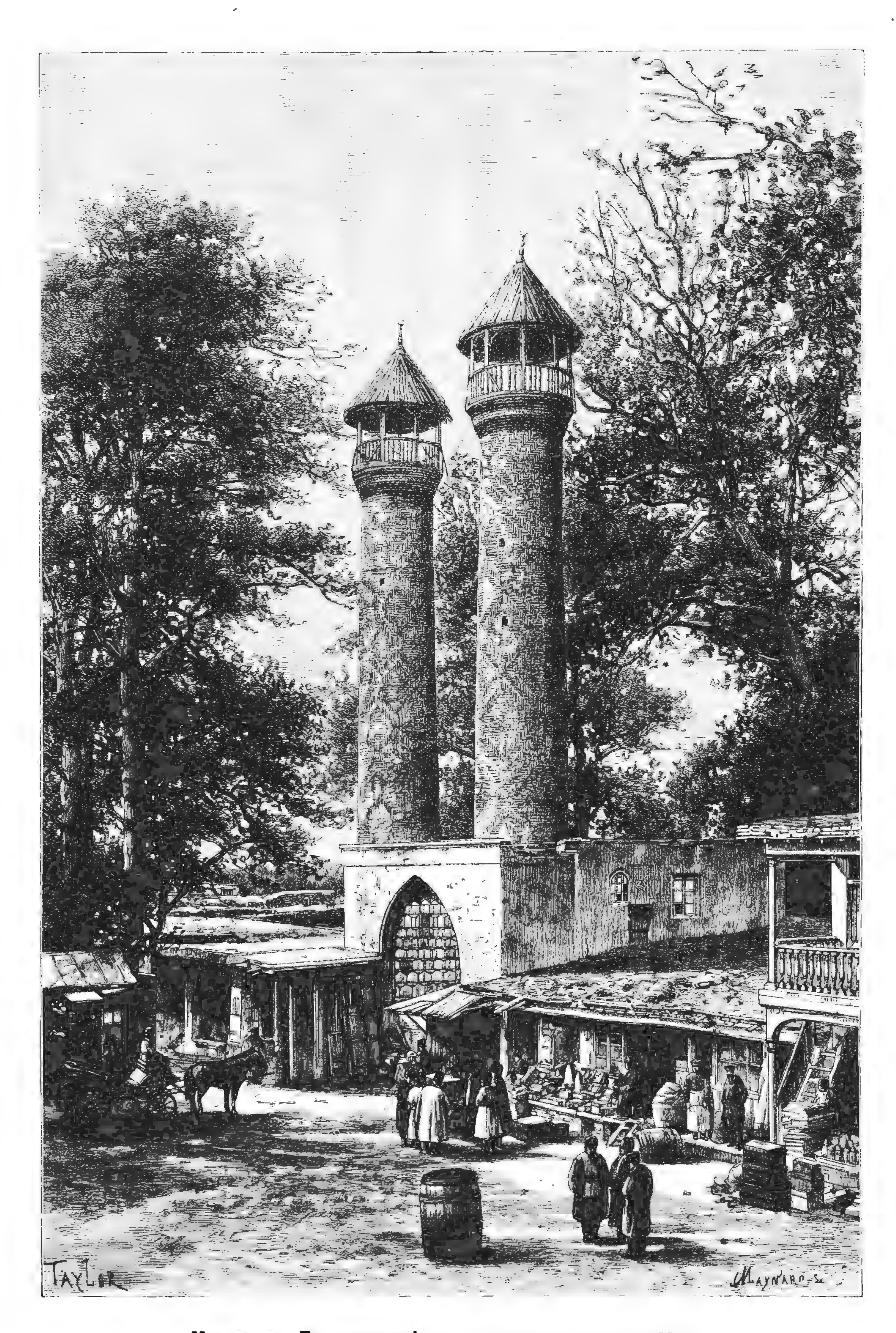
Не трудно догаться, что первою мыслью Кларэнса было бѣжать. Сдѣланное имъ открытіе произвело на него крайне тяжелое впечатлѣніе. Бѣдный Кларэнсъ, вѣрившій до сихъ поръ въ любовь своего родственника, старавшійся честно исполнять свои обязанности по отношенію къ нему, вдругъ узналъ, что его положеніе въ домѣ „смѣшно“. Во время послѣобѣденной прогулки верхомъ и въ теченіе долгой, безсонной ночи онъ раздумывалъ о словахъ своего кузена и, наконецъ, рѣшилъ, что тотъ былъ правъ. Да, онъ поступитъ въ школу, будетъ много учиться, будетъ работать, насколько хватитъ силъ для того, чтобы какъ можно скорѣе добиться свободы и независимости. Онъ проснулся успокоенный. Во времена счастливой юности намѣреніе и исполненіе кажутся намъ такими близкими, такъ необходимо вытекающими одно изъ другаго!

На слѣдующій день онъ былъ принятъ въ коллегію въ качествѣ ученика и пансіонера. Положеніе донъ-Хуана, какъ богатаго помѣщика, его испанскія и католическія симпатіи дѣлали его молодаго родственника желаннымъ питомцемъ заведенія, но и тутъ Кларэнсъ съ первыхъ же шаговъ не могъ не замѣтить, что отецъ Собріенте, начальникъ коллегіи, по временамъ смотрѣлъ на него съ страннымъ, задумчивымъ любопытствомъ, а иногда предлагалъ вопросы, которые заставляли мальчика опасаться возобновленія старыхъ допросовъ объ его родителѣ. Но вообще директоръ заведенія былъ человѣкъ прекрасно воспитанный и очень образованный, хотя въ глазахъ легкомысленныхъ юношей онъ былъ самымъ обыкновеннымъ патеромъ съ большими, мягкими какъ подушки, руками, съ такими же большими ногами, обутыми въ какіе-то необыкновенные, безформенные башмаки, которыми онъ безшумно протаптывалъ тернистые пути, ведущіе къ счастью его юныхъ питомцевъ. Проходя по тихимъ монастырскимъ галлереямъ, Кларэнсъ чувствовалъ надъ собой покровительственную, отеческую руку патера Собріенте, а въ ночной тишинѣ спальни онъ иногда слышалъ тяжелые шаги и шумное дыханіе своего слонообразнаго ментора.

Отношенія Кларэнса къ товарищамъ вначалѣ были далеко не изъ пріятныхъ. Потому-ли, что они считали его любимцемъ



Майданская площадь въ Елисаветполѣ. Рис. по фот. Тайлоръ, грав. Мэнаръ



Мечеть въ Елисаветполѣ. Рис. по фот. Тайлоръ. грав. Мэнаръ.

патера, или потому, что онъ былъ имъ просто не по-душѣ какъ иностранецъ, но только они встрѣтили его язвительными насмѣшками, отъ которыхъ не замедлили перейти и къ болѣе нагляднымъ проявленіямъ своей неприязни. Но на первыхъ же порахъ они убѣдились, что этотъ, повидимому, кроткій и сдержанный, юноша обладалъ очень крѣпкимъ, деревенски-сильнымъ кулакомъ, которымъ онъ скоро расправился со своими задорными товарищами. Тогда одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ, вступившись за побѣжденныхъ, взялся проучить, какъ слѣдуетъ, дерзкаго новичка. Онъ сдѣлалъ ему формальный вызовъ, который Клärэнсъ принялъ съ готовностью и быстротой, не мало изумившей его противника. Это былъ юноша лѣтъ восемнадцати, первый въ школѣ силачъ и непобѣдимый борецъ. Однимъ ударомъ онъ сбилъ Кларэнса съ ногъ и разбилъ ему лицо въ кровь. Тогда мальчикъ, въ которомъ проснулись дремавшіе въ немъ кровожадные инстинкты, вскочилъ и какъ кошка бросился на своего противника, повалилъ его на землю и сталъ его душить. Драка приняла настолько серьезные размѣры, что призваны были воспитатели, которые съ трудомъ оттащили Кларэнса, не помнившаго себя отъ бѣшенства. Противникъ его скрылся, и съ этого дня никто уже не рѣшался оскорблять и дразнить Кларэнса.

Сидя передъ отцомъ Собріенте въ больницѣ со своимъ распухшимъ и перевязаннымъ лицомъ и глазами, передъ которыми еще не исчезъ кровавый туманъ, Кларэнсъ почувствовалъ на своемъ колѣнѣ мягкую руку патера.

— Сынъ мой, сказалъ священникъ кротко,—ты не принадлежишь къ нашей церкви, и я не имѣю права просить тебя повѣдать мнѣ тайну твоей души. Но, какъ доброму товарищу, Клэро, какъ другу, скажи мнѣ, старому отцу Собріенте, искренно и правдиво, какъ ты всегда говоришь, скажи мнѣ одно: не боялся-ли ты?

— Нѣтъ, сказалъ Кларэнсъ злобно.—Завтра я еще не такъ искалѣчу его!

— Тише, тише, сынъ мой! Не о *немъ* теперь рѣчь, нѣтъ. Я имѣю въ виду нѣчто гораздо болѣе ужасное. Не боялся-ли ты—онъ остановился и, уставивъ на мальчика свои свѣтлые, проницательные глаза, которые, казалось, видѣли его душу насквозь, прибавилъ:—*себя самого?*

Кларэнсъ вздрогнулъ отъ неожиданности, потомъ залился слезами.

— Такъ, такъ, продолжалъ священникъ кротко,—мы нашли нашего дѣйствительнаго врага. Мы будемъ бороться съ нимъ и съ Божіей помощью побѣдимъ его.

Воспользовался-ли Кларэнсъ урокомъ, или-же его геройскія качества были настолько оцѣнены школьниками, что навсегда обезпечили его отъ повторенія подобныхъ приключеній—какъ-бы то ни было, но этотъ эпизодъ былъ скоро забытъ. Такъ какъ его товарищи мало дружились съ нимъ, то для него было безразлично, относились-ли они къ нему съ дѣйствительнымъ уваженіемъ, или-же были только лицемѣрно услужливы, какъ оно подобаетъ слабымъ. Во всякомъ случаѣ его занятія выиграли оттого, что онъ принималъ мало участія въ товарищескихъ забавахъ и развлеченіяхъ. Точно такъ-же не мало услугъ ему оказало то разнообразное, хотя и безпорядочное чтеніе, которымъ онъ увлекался въ домѣ своего кузена. Оно сообщило ему множество разнородныхъ свѣдѣній, а та безграничная свобода, которою онъ пользовался послѣдніе три года, развила въ немъ такую смѣлость и оригинальность сужденій, которая часто изумляла его наставниковъ.

Къ концу перваго года онъ былъ первымъ ученикомъ въ заведеніи по развитію и способностямъ. Онъ пользовался большей свободой, нежели прочіе ученики, и отецъ Собріенте нашелъ необходимымъ предписать ему развлеченія и прогулки, для того чтобы отвлечь его отъ усиленныхъ книжныхъ занятій. Донъ-Хуанъ въ изобиліи снабжалъ его карманными деньгами, къ которымъ мальчикъ, благодаря своимъ спартанскимъ привычкамъ, относился съ страннымъ, рѣдкимъ въ его лѣта, презрѣніемъ. Онъ, впрочемъ, всегда былъ одѣтъ съ щепетильной опрятностью и со своей красивой наружностью и сдержанными манерами, былъ очень изящнымъ молодымъ джентльмэномъ.

Проходя однажды по Аламедѣ, тѣнистой аллеѣ, насаженной первыми братьями миссіонерами между деревней Санъ-Хозе и монастыремъ Санта-Клара, онъ увидѣлъ двойную вереницу молодыхъ дѣвушекъ, воспитанницъ монастыря, вышедшихъ на свою обыкновенную прогулку. Посмотрѣть поближе на эту процессію было любимѣйшей мечтой каждаго школьника коллегіи, мечтой, которая рѣдко осуществлялась, благодаря вмѣшательству братьевъ-наставниковъ, бдительно наблюдавшихъ за своими питомцами во время такихъ встрѣчъ на улицахъ. Кларэнсъ, однако, въ противность своимъ товарищамъ, относился къ этимъ дѣвицамъ съ глубокимъ равнодушіемъ юноши, который въ пятнадцать лѣтъ считаетъ себя застрахованнымъ отъ всякихъ романическихъ увлеченій. Онъ уже почти прошелъ мимо, но въ эту минуту изъ-подъ кокетливо украшенной лентами шляпки одной изъ воспитанницъ на него сверкнулъ бойкій взглядъ темно-синихъ глазъ, показавшійся ему знакомымъ. Еще мгновеніе, и онъ вспомнилъ: это была Сьюзи! Онъ остановился и хотѣлъ заговорить, но, та быстрымъ жестомъ и выразительнымъ взглядомъ указала ему на двухъ монахинь, шедшихъ впереди и позади процессіи, и велѣла ему слѣдовать за ними. Онъ повиновался и на почтительномъ разстояніи пошелъ за дѣвушками. Пройдя немного дальше, Сьюзи уронила платокъ и вернулась поднять его. Подойдя къ Кларэнсу, она бросила на него быстрый взглядъ своихъ синихъ глазъ и опять побѣжала на свое мѣсто. Процессія прошла дальше, но когда Кларэнсъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Сьюзи уронила платокъ, онъ увидѣлъ небольшой клочокъ бумаги, сложенный треугольникомъ. Онъ былъ слишкомъ скроменъ для того, чтобы поднять билетикъ, пока дѣвочки не совсѣмъ скрылись изъ глазъ, и продолжалъ идти дальше. Вернувшись обратно, онъ поднялъ бумажку. На ней почеркомъ школьницы нацарапано было слѣдующее: „Приходи въ шесть часовъ къ большой грушѣ, что у каменной ограды“.

Кларэнсъ былъ очень обрадованъ и въ то же время смущенъ этой встрѣчей. Онъ только не понималъ необходимости этого таинственнаго свиданія. Хотя онъ зналъ, что, какъ воспитанница заведенія, она должна была подчиняться правиламъ, но онъ надѣялся, что отецъ Собріенте, по своему расположенію къ нему, позволитъ ему открыто встрѣчаться со своей маленькой подругой, о которой онъ много ему разсказывалъ и которая была теперь единственнымъ живымъ памятникомъ его трагическаго прошлаго. Честной натурѣ мальчика это таинственное свиданіе казалось измѣной отцу Собріенте, который относился къ нему съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ. Какъ-бы то ни было, но онъ въ назначенное время былъ около монастырской стѣны, осѣненной раскидистыми вѣтвями большаго грушеваго дерева. Въ этомъ мѣстѣ въ стѣнѣ находилась рѣшетчатая калитка, которой, повидимому, давно уже не пользовались.

Появится-ли она на вѣтвяхъ дерева, или же влѣзетъ на стѣну? Такъ, навѣрно, поступила-бы Сьюзи въ прежнее время. Но, къ удивленію, онъ услышалъ щелканье ключа, калитка творилась, и оттуда выскользнула Сьюзи. Схвативъ его за руку, она сказала:

— Теперь бѣжимъ, Кларэнсъ!

И, прежде чѣмъ онъ успѣлъ возразить что-нибудь, она побѣжала со всѣхъ ногъ. Они бѣжали по переулку, и это бѣгство напоминало Кларэнсу ихъ давнишнее приключеніе въ прэріи. Онъ посмотрѣлъ на свою спутницу, хорошенькую и рѣзвую, какъ бабочка. Она выросла, ея фигурка сдѣлалась изящной и граціозной. Она одѣта была съ большимъ вкусомъ, модно и дорого, какъ одѣваются избалованныя дѣти. Ея пышные золотистые локоны спускались на спину и на плечи, большіе, яркіе, голубые глаза, капризный ротикъ, маленькія руки и ноги были тѣ же, какими онъ помнилъ ихъ въ дѣтствѣ. Онъ хотѣлъ разсмотрѣть ее на свободѣ, но она отрицательно покачала головой и со смѣхомъ понеслась дальше. Добѣжавъ до перекрестка, они завернули за уголъ и остановились, совсѣмъ задыхаясь отъ усталости.

— Ты хочешь совсѣмъ убѣжать изъ школы? спросилъ Кларэнсъ со страхомъ.

— Нѣтъ, только такъ, чуть-чуть. Только для того, чтобы опередить другихъ дѣвочекъ, отвѣчала она, поправляя свои локоны и шляпу.—Видишь, Кларэнсъ, объяснила она съ важнымъ видомъ,—мама пріѣхала и живетъ здѣсь въ гостинницѣ уже около недѣли, и меня отпускаютъ къ ней каждый день, какъ приходящую. Тутъ есть три, или четыре дѣвочки, съ которыми я выхожу вмѣстѣ съ одной изъ сестеръ-монахинь, но только сегодня я убѣжала раньше, чтобы повидаться съ тобой.

— Но... началъ было Кларэнсъ.

— О, не бойся; всѣ дѣвочки знаютъ объ этомъ, и онѣ всѣ помогали мнѣ. Онѣ выйдутъ не раньше, какъ черезъ полчаса, и когда придутъ съ сестрой въ гостинницу, къ мама, то я уже буду тамъ. Понимаешь?

— Да, сказалъ Кларэнсъ съ выраженіемъ нѣкотораго сомнѣнія.

— А теперь мы пойдемъ въ кафе, гдѣ продаютъ чудесное мороженое, хочешь? Тутъ есть прелестное кафе, рядомъ съ гостинницей. У меня есть деньги, прибавила она быстро, такъ какъ Кларэнсъ остановился въ нерѣшимости.

— И у меня тоже, сказалъ Кларэнсъ, слегка краснѣя.—Пойдемъ.

Сьюзи оправила платье и шляпку, и они пошли чинно и чопорно, точно большіе.

— Послушай, опять началъ Кларэнсъ съ своей обычной настойчивостью, желая обезпечить за собой законное право видѣться со своей подругой дѣтства. — Ты, вѣдь, знаешь, что я учусь въ коллегіи и отецъ Собріенте, нашъ директоръ, знаетъ вашу начальницу, и такъ какъ онъ очень добръ ко мнѣ, то онъ навѣрно позволитъ намъ видѣться другъ съ другомъ, когда мы этого пожелаемъ.

— Какой ты глупый, сказала Сьюзи, — развѣ ты не понимаешь, что ты теперь...

— Что же я?

Дѣвочка метнула на него блестящій взглядъ своихъ голубыхъ глазъ.

— Развѣ ты не понимаешь, что мы теперь уже большіе?— Вѣдь, *они* ужасно какъ строги относительно молодыхъ джентльмэновъ! Если-бъ они только подозрѣвали, что ты и я...

Новый блестящій взглядъ дополнилъ то, чего не сказано было словами.

Кларэнсъ съ удовольствіемъ выслушивалъ эти подробности, слегка конфузясь и краснѣя.

— Представь себѣ, продолжала Сьюзи, — Мэри Роджерсъ, которая шла со мной въ парѣ, думала, что ты совсѣмъ уже большой и настоящій испанецъ! — Ну, а я, вдругъ перебила она себя,—выросла я? Скажи мнѣ, Кларэнсъ, не правда-ли я очень выросла?

— Очень выросла, подтвердилъ Кларэнсъ.

— А, не правда-ли какое у меня хорошенькое платье? Это еще не самое красивое — у меня есть еще лучше, все отдѣланное кружевами. Но, вѣдь, и это тоже прелесть какое, какъ ты думаешь, Кларэнсъ?

Кларэнсъ нашелъ, что и платье, и его обладательница были очаровательны, и открыто высказалъ это. Сьюзи удовольствовалась этимъ отвѣтомъ и, замѣтивъ, что прохожіе съ любопытствомъ смотрятъ на нихъ, опять приняла чинный видъ, съ которымъ они и дошли до кофейни.

— Сядемъ подальше къ стѣнѣ, Кларэнсъ, сказала она шепотомъ,—чтобы насъ меньше было видно, и спросимъ малиноваго мороженаго, потому что лимонное и ванильное здѣсь отвратительны!

Они усѣлись въ нишѣ, убранной зеленью, которая придала имъ видъ молоденькой пары нарядныхъ пастушковъ. Въ первую минуту они чувствовали нѣкоторое смущеніе, которое Сьюзи постаралась разсѣять.

— Знаешь, начала она, — у насъ теперь всѣ ужасно волнуются, потому что начальница смѣнила французскаго учителя. У насъ былъ молодой, а теперь намъ дали старика, и всѣ дѣвочки очень недовольны.

И это все, о чемъ она находила говорить съ нимъ, встрѣтившись послѣ пятилѣтней разлуки!

Кларэнсъ не зналъ, какъ начать разговоръ о прошломъ. Наконецъ, наклонившись надъ блюдечкомъ мороженаго, онъ спросилъ:

— А ты все еще любишь оладьи съ яблоками, помнишь какія готовила м-съ Силсби?

— О, да, отвѣчала она съ легкимъ смѣхомъ, —но намъ теперь не даютъ ихъ.

— А Мози (черный понтеръ, который имѣлъ обыкновеніе выть, когда Сьюзи начинала пѣть), онъ и теперь также аккомпанируетъ тебѣ во время пѣнія?

— О, его уже давно нѣтъ у меня, сказала Сьюзи равнодушно.— У меня теперь есть большой ньюфаундлэндъ и черный пони, разсказывала она, давая понять, какъ баловали ее ея пріемные родители, которыхъ она очень развязно называла „папа“ и „мама“, очевидно нисколько не смущаясь воспоминаніями о родной, покойной матери. По ея разсказамъ видно было, что Пейтоны были очень богатые люди, которые, помимо обширныхъ земельныхъ владѣній въ Южной Калифорніи, имѣли помѣстье близъ Санта-Клара и домъ въ Санъ-Франциско. Подобно всѣмъ дѣтямъ, ея ближайшія по времени впечатлѣнія были для нея сильнѣйшими. Кларэнсъ напрасно старался вызвать въ ней какое-нибудь воспоминаніе о прошломъ.

— Ты помнишь Джима Гукера?

— Ахъ, да, вѣдь онъ убѣжалъ вскорѣ послѣ твоего отъѣзда! Но, представь себѣ, что съ нимъ было! Какъ-то на-дняхъ я съ папа была въ ресторанѣ въ Санъ-Франциско, и, вдругъ, вообрази, кто подаетъ намъ обѣдъ? Джимъ Гукеръ. Представь себѣ, Джимъ Гукеръ служитъ лакеемъ! Папа началъ его разспрашивать, но мнѣ, понимаешь, неловко было говорить съ нимъ. Подумай только: лакей! прибавила Сьюзи, презрительно приподнявъ свои круглые плечики.

Кларэнсъ хотѣлъ разсказать Сьюзи о приключеніи Джима въ Оврагѣ Убійцъ, но остановился на полусловѣ. Ему не хотѣлось, чтобы его маленькая подруга могла сказать что-нибудь рѣзкое о человѣкѣ, который, по его мнѣнію, былъ такъ гонимъ судьбой.

— Кларэнсъ, сказала дѣвочка, таинственно наклоняясь къ нему и движеніемъ глазъ указывая на хозяина и посѣтителей кофейни.—Я боюсь, что они догадываются.

— Догадываются? перебилъ Кларэнсъ.

— Ну, да. Развѣ ты не видишь, какъ они смотрятъ?

Кларэнсъ положительно не замѣчалъ, чтобы они были предметомъ преимущественнаго вниманія со стороны хозяина, или посѣтителей салона, но при этихъ словахъ Сьюзи онъ еще сильнѣе почувствовалъ острое ощущеніе удовольствія, какое испытывалъ съ самаго начала свиданья со своей подругой.

— Значитъ, ты живешь со своимъ отцомъ? спросила Сьюзи, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Ты хочешь сказать съ моимъ двоюроднымъ братомъ? поправилъ Кларэнсъ, улыбаясь.—Ты, вѣдь, знаешь, что мой отецъ умеръ задолго до моего знакомства съ тобой.

— Да; это *ты* такъ думаешь, Кларэнсъ, но папа говоритъ, что это неправда. Но замѣтивъ удивленный взглядъ и разстроенное лицо мальчика, она быстро прибавила: — Я шучу, шучу, онъ, дѣйствительно, твой кузенъ.

— Конечно, я долженъ знать это лучше, сказалъ Кларэнсъ, стараясь подъ улыбкой скрыть непріятное смущеніе, подобное тому, какое въ былое время вызывали въ немъ разспросы Пейтоновъ.—Меня къ нему привезъ одинъ изъ его друзей.

И Кларэнсъ вкратцѣ разсказалъ о своемъ путешествіи изъ Сакраменто и объ открытіи Флинномъ письма, адресованнаго Силсби. Но онъ скоро замѣтилъ, что этотъ разсказъ нисколько не интересовалъ Сьюзи. Она сидѣла, опершись подбородкомъ на руку и внимательно разглядывала его лицо, при чемъ легкая, плутовская улыбка скользила на ея губахъ.

— Знаешь что, Кларэнсъ, сказала она, когда онъ кончилъ.— Попроси твоего кузена купить тебѣ широкополую sombrero и плащъ съ золотыми кистями. Это будетъ такъ тебѣ къ лицу! Въ этомъ костюмѣ ты можешь кататься по Alameda, когда мы выходимъ гулять.

— Но, вѣдь, я могу видѣться съ тобой или у твоихъ родителей, или въ монастырѣ, сказалъ Кларэнсъ.—Отецъ Собріенте и мой кузенъ навѣрное постараются устроить это.

Но Сьюзи многозначительно покачала головой.

— Нѣтъ, никто не долженъ знать нашей тайны! Ни папа, ни мама,—въ особенности мама. Боже сохрани, если они узнаютъ, что мы видѣлись съ тобой послѣ всего, что было!

Трудно передать выраженіе голубыхъ глазъ и комически серьезный тонъ, которымъ были сказаны эти слова. Послѣ нѣкоторой паузы, Сьюзи продолжала:

— Нѣтъ, мы больше не встрѣтимся съ тобой, Кларэнсъ, если только Мэри Роджерсъ не возьмется помогать намъ. Она мой лучшій, мой единственный другъ, и такъ любитъ меня!.. У нея въ жизни было много горестей, ей запретили видѣться съ *нимъ*,— Сьюзи вздохнула,—и она, конечно, приметъ къ сердцу мои интересы. А теперь, Кларэнсъ, сказала она, понизивъ голосъ и окинувъ бѣглымъ взглядомъ посѣтителей кофейни,— ты можешь поцѣловать меня на прощанье.

Она ловко сдвинула шляпу въ сторону залы и, подъ тѣнью ея широкихъ полей, протянула къ Кларэнсу свое свѣжее личико.

Смѣясь и краснѣя, мальчикъ поцѣловалъ ее два раза. Послѣ этого Сьюзи встала и съ кокетливымъ вздохомъ оправила платье, натянула перчатки, и со словами: „Прошу васъ, не провожайте меня, сэръ, я могу дойти одна“, прошла мимо озабоченнаго хозяина и лакеевъ, стоявшихъ у входа. Остановившись у дверей, она еще разъ церемонно поклонилась и, сказавъ: „Добрый вечеръ, м-ръ Брантъ!“ вышла изъ кофейни. Кларэнсъ посмотрѣлъ вслѣдъ ея элегантной, маленькой фигурѣ съ блестящими волнами волосъ, падавшихъ на ея спину и плечи подобно золотой мантіи, потомъ повернулся и пошелъ въ противоположную сторону.

Онъ вернулся домой въ состояніи чрезвычайно страннаго возбужденія. Разумѣется, онъ очень радъ былъ видѣть Сьюзи, тѣмъ болѣе, что она первая узнала его и пошла ему навстрѣчу. Тѣ затрудненія, которыми она старалась обставить ихъ дальнѣйшія свиданія, мало его озабочивали и даже придавали болѣе забавный характеръ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. Но ему непріятно было то, что эта встрѣча пробудила въ немъ его прежнія недоумѣнія и страхи, смутное недовольство, сознаніе зла, которое кто-то ему причинилъ,—короче, чувства, которыя онъ считалъ похороненными въ El Refugio пять лѣтъ тому назадъ. Намекъ Сьюзи на его отца, скептицизмъ Пейтона—навели его на мысли и подозрѣнія, несовмѣстимыя съ его открытой, честной натурой. Неужели онъ никогда не разъяснитъ себѣ эту тайну? Бросивъ взглядъ на прожитые имъ годы, онъ рѣшилъ, что сегодняшнее приключеніе было скорѣе преддверіемъ будущаго, нежели воспоминаніемъ о прошедшемъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Кончина патріарха Никона. (Рис. на стр. 872).

Въ одномъ изъ предшествующихъ №№ *Нивы* (см. № 5) мы помѣстили рисунокъ художника Земцова, изображающій „Судъ надъ патріархомъ Никономъ“, и тогда подробно говорили обо всѣхъ причинахъ, вызвавшихъ это печальное историческое событіе, и о его послѣдствіяхъ. Однимъ изъ послѣдствій суда надъ Никономъ была ссылка его въ отдаленный Ѳерапонтовъ монастырь *), гдѣ онъ былъ содержимъ подъ стражею до самой кончины царя Алексѣя Михайловича. Патріархъ Іоакимъ, преемникъ патріарха Никона по управленію Русскою Церковью, враждебно относившійся къ Никону, крайне опасал-

*) Нынѣ упраздненный; онъ находился въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губ., въ 15 верстахъ отъ уѣзднаго города Кириллова.

ся того, чтобы царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ не вернулъ опальнаго патріарха изъ ссылки, когда вступитъ послѣ отца своего на престолъ. Неудивительно, что, тотчасъ по воцареніи Θеодора Алексѣевича, враги Никона приступили къ юному царю съ новыми жалобами на Никона и съ такими обвиненіями противъ него, что царь дозволилъ имъ отправить въ Θерапонтовъ монастырь особыхъ слѣдователей и дьяковъ, которые должны были допросить Никона по 300 различнымъ пунктамъ. Никонъ отвѣчалъ смѣло и твердо и совершенно опровергъ всѣ взведенныя на него обвиненія. Но враги его все же добились того, что онъ былъ переведенъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на житье и окруженъ здѣсь еще болѣе строгимъ надзоромъ, нежели въ Θерапонтовомъ монастырѣ. Притомъ положеніе Никона еще значительно ухудшилось тѣмъ, что помѣщеніе, отведенное для него въ монастырѣ, было очень тѣснымъ, неудобнымъ и угарнымъ. По счастію, около юнаго царя нашлось лицо, справедливо и благопріятно относившееся къ Никону: то была царевна Татьяна Михайловна, родная тетка царя Θеодора. Она ближе ознакомила своего племянника-царя съ исторіею паденія Никона и внушила ему благую мысль — отнестись къ знаменитому старцу съ тѣмъ уваженіемъ, какого онъ заслуживалъ. Въ концѣ 1680 года, царь Θеодоръ посѣтилъ Воскресенскій монастырь, любимую обитель Никона, восхищался постройками, которыя были тамъ Никономъ воздвигнуты, и изъявилъ желаніе, чтобы эти постройки были Никономъ и довершены при жизни его. Выразивъ это желаніе, юный царь какъ бы угадалъ задушевную мысль самого Никона, которому хотѣлось окончить жизнь въ Воскресенскомъ монастырѣ и тамъ же быть погребеннымъ. Но царь встрѣтилъ сильныя препятствія со стороны патріарха Іоакима и дважды долженъ былъ созывать соборъ изъ русскихъ епископовъ, чтобы доставить Никону возможность вернуться изъ ссылки въ его излюбленную обитель. Заручившись согласіемъ собора, царь Θеодоръ, слыша о томъ, что патріархъ Никонъ сильно хвораетъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ,— отправилъ туда дьяка Чепелева съ порученіемъ перевезти Никона, „живаго или мертваго“, въ Воскресенскій монастырь. Это было въ 1681 году. Съ радостью принялъ Никонъ царскую милость и немедленно изготовился къ пути, несмотря на тяжкую болѣзнь, которая мало оставляла надежды на его выздоровленіе. До рѣки Шексны Никона съ большимъ трудомъ провезли на саняхъ (это было въ августѣ), а по Шекснѣ — на стругѣ (рѣчномъ суднѣ), на которомъ устроено было для больнаго старца переносное дорожное ложе. Изъ Шексны, по желанію Никона, поплыли не вверхъ по Волгѣ, а внизъ — до Ярославля. Его сопровождали въ этомъ плаваніи: дьякъ Чепелевъ, архимандритъ Кириллова монастыря (духовникъ Никона) и нѣсколько иноковъ. Немного не доѣзжая Ярославля, Никонъ почувствовалъ себя такъ дурно, что (близъ Толгскаго монастыря) пріобщился Св. Таинъ и приготовился къ смерти; однакоже продолжалъ путь и, достигнувъ Ярославля, приказалъ остановить стругъ у берега р. Которосли, противъ Спасскаго монастыря. Толпы народа сбѣжались на берегъ — навстрѣчу Никону. Всѣ спѣшили, наперерывъ, изъявить ему свою радость и благоговѣніе, цѣлуя со слезами его руки и ноги. Граждане вступили въ воду и съ большимъ трудомъ потащили стругъ на себѣ къ Спасскому монастырю, по мелководной Которосли. Изъ Спасскаго монастыря, навстрѣчу Никону, вышли настоятель съ братіею и воевода Ярославскій. Но Никонъ уже не могъ говорить: смертный часъ его наступалъ. Усердіе гражданъ и знаки глубокаго уваженія, оказываемые ему всѣми гражданами, только истощали послѣднія силы умирающаго. Тогда царскій дьякъ и архимандритъ Бѣлозерскій рѣшили отодвинуть стругъ къ противоположному берегу — и во время этого передвиженія наступила торжественная минута смерти Никона. Въ то время, когда духовникъ совершалъ надъ нимъ „послѣдованіе при исходѣ души отъ тѣла“—Никонъ самъ оправилъ на себѣ волосы, бороду и одежду, благословилъ окружающихъ и, сложивъ на груди руки, отошелъ въ вѣчность. Это совершилось 17 августа, въ 4 часа пополудни (1681 г.).

Художникъ, избравъ этотъ торжественный моментъ для рисунка, помѣщаемаго нами въ нынѣшнемъ № *Нивы* (см. стр. 872), придалъ ему обстановку, вполнѣ вѣрную исторіи и соотвѣтствующую тому настроенію, которое преобладало въ минуту кончины Никона въ средѣ людей, окружавшихъ умиравшаго патріарха. Всѣ лица проникнуты однимъ чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ послѣднимъ минутамъ жизни великаго человѣка, такъ много пострадавшаго и потрудившагося на своемъ вѣку на пользу Русскаго народа и Русской Церкви. **П. П.**

Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила“ Пушкина. Ратмиръ въ волшебномъ замкѣ.

(Рис. на стр. 873).

Рисунокъ Р. Штейна напоминаетъ то мѣсто изъ поэмы Пушкина, гдѣ разсказывается, какъ

Младой Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужь думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу;
Но день багряный вечерѣлъ...
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою;
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ;
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ,
Чернѣютъ башни на углахъ
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой...
. . . .
Она манитъ, она поетъ—
И юный ханъ ужь подъ стѣною.
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою...
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ, съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой...

Грёзы. (Рис. на стр. 877).

Въ нѣжной улыбкѣ томность мечтанія
  Юности блещетъ огнемъ,
Ночи въ ней лунной слито сіяніе
  Съ жаркимъ полдневнымъ лучемъ.
Дума-ль безмолвная искрой случайною
  Вспыхнетъ на скромномъ челѣ—
Въ ней своей прелестью, въ ней своей тайною
  Скажется небо землѣ.

(А. И. Подолинскій).

Елисаветполь. (Рис. на стр. 880 и 881).

Въ 175 верстахъ по Закавказской желѣзной дорогѣ къ юго-востоку отъ Тифлиса, на притокѣ рѣки Куры, Ганджи-чаѣ, лежитъ губернскій городъ *Елисаветполь* или Ганджа (по-туземному). Нѣкогда Ганджа была обширнымъ городомъ, свидѣтельствомъ чего являются лежащія у города 32 кладбища. Въ исторіи имя Ганджи упоминается впервые въ XI вѣкѣ: въ 1088 году турецкій эмиръ Вузанъ отнялъ его у армянъ. Около 1235 года городомъ овладѣваютъ монголы, а затѣмъ онъ попадаетъ въ руки персовъ. Въ началѣ XVII вѣка, при шахѣ Абасѣ, построенъ новый городъ, который существуетъ и понынѣ. Мѣстность стараго города находится отъ него въ 7 верстахъ, гдѣ стоитъ въ настоящее время „зеленая“ мечеть. Въ 1712—1724 годахъ въ городѣ построена крѣпость. Въ 1804 г. Ганджа была занята русскими войсками, подъ начальствомъ князя Цицiанова, и получила названіе Елисаветполя, въ честь императрицы Елисаветы Алексѣевны, супруги императора Александра Благословеннаго. По Гюлистанскому трактату, въ 1813 году Елисаветполь вмѣстѣ съ Ганджинскимъ ханствомъ присоединенъ къ Россіи и обращенъ въ уѣздъ Тифлисской губерніи.

Нынѣ въ городѣ насчитывается свыше 20.000 жителей, преимущественно мусульманъ. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Ганджи: на правомъ берегу находится „Килисса-кендъ“ или церковная деревня, обитаемая армянами; на лѣвой сторонѣ стоитъ крѣпость и раскинулся новый городъ „Порашенъ“. Здѣсь живутъ большею частію мусульмане. Главное занятіе жителей составляютъ садоводство и огородничество. Фрукты: инжиръ, гранаты и орѣхи самые крупные въ краѣ, вишня и черешня лучшія въ Закавказьѣ; сливы, персики, абрикосы растутъ почти безъ всякаго ухода. Кромѣ того жители занимаются шелководствомъ и торговлею. Особеннымъ своеобразіемъ отличается большая Майданская площадь со своими громадными деревьями, въ тѣни которыхъ раскинулся подъ открытымъ небомъ живописный, пестрый базаръ. На одной сторонѣ этой площади возвышаются два минарета у входа въ огромную и прекрасную персидскую мечеть, лучшую во всемъ Закавказьѣ и носящую названіе торговой. Посреди двора, на которомъ растутъ громадные платаны, возвышается мечеть. Дворъ окруженъ стѣною, ко внутренней сторонѣ которой прилегаетъ свыше полусотни комнатъ, служащихъ пріютомъ для странствующихъ богомольцевъ и помѣщеніемъ для школъ.

Ж. Э. Ренанъ. (Портр. на этой стр.).

Недавно скончавшійся въ Парижѣ *Жозефъ-Эрнестъ Ренанъ*, былъ однимъ изъ выдающихся ученыхъ второй половины нынѣшняго столѣтія. Онъ родился 27 февраля 1823 года въ м. Трэгье, въ департаментѣ *Côtes du Nord*, и отъ ранней юности предназначилъ себя духовному званію. Незадолго до своего посвященія въ духовный санъ, Ренанъ поддался нѣкоторымъ сомнѣніямъ по отношенію къ своему призванію, сталъ считать себя недостаточно подготовленнымъ къ высоконравственной обязанности, которую собирался возложить на себя,—и вдругъ покинулъ семинарію Св. Сюльниція, въ которой получилъ превосходную научную и каноническую подготовку. Напрасно уговаривали юношу его наставники, суля ему въ будущемъ блестящую карьеру въ области католической іерархіи: 22-хъ-лѣтній Ренанъ остался непреклоненъ и съ 1846 года посвятилъ себя всецѣло изученію семитическихъ языковъ, которыми старательно занимался уже и на семинарской скамейкѣ. Весьма талантливый и чрезвычайно усидчивый Ренанъ, въ короткое время успѣлъ сдѣлать такіе успѣхи въ изученіи избранной имъ спеціальности, успѣлъ напечатать въ научныхъ журналахъ такой замѣчательный рядъ статей по семитическому языковѣдѣнію, что весь ученый міръ Франціи обратилъ на него особенное вниманіе, и не далѣе какъ въ 1856 году онъ былъ уже единогласно избранъ въ члены Академіи Надписей, а въ 1860 году отправленъ, по порученію правительства, съ научною цѣлью въ путешествіе по Сиріи. Здѣсь, занимаясь преимущественно изученіемъ территоріи древней Финикіи, Ренанъ составилъ тотъ блестящій отчетъ о своемъ научномъ путешествіи, благодаря которому, вскорѣ послѣ возвращенія во Францію (1862 г.), онъ получилъ одну изъ каѳедръ въ Collège de France, какъ профессоръ еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго языковъ. Однако, профессоромъ Ренанъ оставался не долго. Подъ впечатлѣніемъ своего путешествія и посѣщенія мѣстностей, священныхъ для каждаго вѣрующаго по воспоминаніямъ о земной жизни Спасителя и началѣ христіанства, Ренанъ напечаталъ книгу о „Жизни Христа", поразившую всѣхъ своимъ излишнимъ свободомысліемъ и слишкомъ матеріальнымъ истолкованіемъ основъ христіанства. Книга эта вызвала такую бурю противъ Ренана, что онъ долженъ былъ немедленно покинуть свою профессуру и даже отказаться отъ предложеннаго ему мѣста библіотекаря въ Парижской Императорской библіотекѣ. Онъ поспѣшилъ удалиться изъ Парижа и отправился въ продолжительное путешествіе по Египту (въ іюнѣ 1863 г.). Только уже много лѣтъ спустя, послѣ паденія Имперіи (1871 г.), Ренанъ получилъ вновь разрѣшеніе продолжать свои лекціи въ Collège de France и только въ 1879 году былъ окончательно избранъ въ члены Парижской Академіи.

Жозефъ-Эрнестъ Ренанъ († 20 сентября 1892 г.). Съ фот. грав. Барановскій.

Труды Ренана чрезвычайно разнообразны и научная дѣятельность его настолько плодовита, что всѣ его сочиненія, изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ и статьи журнальныя едва могли-бы вмѣститься въ сорока объемистыхъ томахъ. Сочиненія эти, касаясь, съ одной стороны, церковно-историческихъ вопросовъ, съ другой — главнымъ образомъ— вращаются въ области сравнительнаго изученія семитическихъ языковъ и того богатѣйшаго запаса историко-этнографическихъ свѣдѣній, который доставляютъ постоянно открываемыя въ новѣйшее время клинообразныя надписи Ассиріи и Вавилоніи. Изъ этой мудреной и темной области строгихъ научныхъ изслѣдованій, Ренанъ отвлекался иногда къ живому и всестороннему обсужденію вопросовъ современности и даже къ области литературы сатирической, въ которой смѣло осмѣивалъ недостатки современнаго французскаго общества и его выдающихся дѣятелей. Замѣтимъ, въ заключеніе, что Ренанъ—первый изъ французскихъ ученыхъ—сталъ вносить въ свои труды результаты, добытые нѣмецкою наукою.

Ренанъ скончался 20 сентября, въ Парижѣ, отъ паралича легкихъ.

Крестный ходъ въ Троице-Сергіеву Лавру.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

Въ жизни городовъ, какъ и въ жизни народовъ бываютъ событія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, производящія сильный переворотъ въ обычномъ, спокойномъ, правильномъ теченіи жизни. Къ числу такихъ именно событій и принадлежитъ нынѣшнее празднованіе 500-лѣтней годовщины преподобнаго Сергія, незабвеннаго основателя одной изъ самыхъ дорогихъ русскому сердцу обителей — Троице-Сергіевой Лавры. Событіе это ознаменовалось грандіознымъ крестнымъ ходомъ, съ которымъ Московскія святыни двинулись изъ первопрестольной столицы и, соединившись на пути со всѣми мѣстными святынями и святынями ближайшихъ къ Москвѣ губернскихъ городовъ — направились въ Лавру, отстоящую отъ Москвы на 60 верстъ.

Уже заранѣе стало всѣмъ извѣстно, что крестный ходъ тронется изъ Москвы 21 сентября, что онъ пробудетъ въ пути четыре дня и въ канунъ праздника Св. Сергія вступитъ въ обитель. Заранѣе стали извѣстны всѣмъ и предварительно назначенные пункты остановокъ крестнаго хода и всенароднаго множества для отдыха и ночлега... Закипѣла усиленная дѣятельность земства, администраціи и духовенства во всѣхъ селахъ и приходахъ, по всему пути отъ Москвы и до Троицкой Лавры; проснулись и алчные инстинкты корыстолюбія въ мѣстномъ населеніи, которое спѣшило воспользоваться удобнымъ случаемъ для легкой наживы... Я рѣшился во что бы то ни стало принять участіе въ этомъ неудержимомъ проявленіи народнаго религіознаго чувства и потому также изготовился къ слѣдованію въ Лавру пѣшкомъ, въ общей толпѣ богомольцевъ. Я ожидалъ сильныхъ, потрясающихъ впечатлѣній; но, признаюсь, то, что мнѣ пришлось увидѣть, превзошло всѣ мои ожиданія, и я считаю долгомъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателями вашего журнала. Ограничусь именно только этими личными впечатлѣніями, не распространяясь о значеніи самаго празднества 500-лѣтія, такъ какъ знаю, что въ сентябрѣ прошлаго года, въ *Нивѣ*, были приведены подробныя свѣдѣнія и о преподобномъ Сергіи, и о его обители.

Мнѣ не пришлось присутствовать при самомъ выступленіи крестнаго хода съ Московскими святынями изъ Кремля и затѣмъ съ толпою богомольцевъ — отъ Крестовой заставы. Не пришлось слѣдовать за крестнымъ ходомъ и въ теченіе всего перваго дня пути, который былъ употребленъ на переходъ отъ Москвы до Мытищъ, мѣста первой остановки и перваго ночлега. Тѣмъ болѣе былъ я пораженъ, когда вышелъ на разсвѣтѣ, 22 сентября, навстрѣчу крестному ходу, двигавшемуся отъ Мытищъ къ Пушкину. На широкомъ шоссе, пролегающемъ отъ Москвы къ Троицѣ, происходило нѣчто такое, что и описать очень трудно... Крестный ходъ еще и не показы-

вался вдали на дорогѣ, слабо освѣщенной розовымъ отблескомъ зари, а уже мимо меня, во всю ширину пути, мчались сотни повозокъ всякаго рода, отъ простой телѣги до роскошныхъ ландо и колясокъ, отъ простыхъ извозчичьихъ дрожекъ до неуклюжихъ линеекъ, предназначенныхъ для перевозки смѣны хоругвеносцевъ, страшно утомляющихся подъ тяжестью переносимыхъ ими хоругвей. Всѣ эти повозки и экипажи неслись впередъ, какъ-бы убѣгая отъ наступавшей на нихъ толпы богомольцевъ, которая, широкою, темною волною двигалась издали, захватывая собою и самую дорогу, и окраины пути. По приблизительному, наглядному расчету, при взглядѣ на эту толпу съ высоты, можно было опредѣлить ея численность въ 20—25,000 человѣкъ. И эта толпа составляла только авангардъ всей той несмѣтной массы народа, которая двигалась изъ Москвы за крестнымъ ходомъ!

Пропустивъ эту толпу мимо себя, я увидѣлъ наконецъ приближающіяся святыни, окруженныя многочисленнымъ духовенствомъ и освѣщенныя первыми лучами восходящаго солнца. По бокамъ этого свѣтлаго, ярко-блиставшаго пятна, темною громадою двигалось цѣлое море людей, которому не видать было ни конца, ни края... Всѣ шли безъ шапокъ, несмотря на очень свѣжій утренникъ и часто перепадавшій холодный дождь, налетавшій вмѣстѣ съ пронзительными, свистящими порывами вѣтра. И что это было за дивное, торжественное настроеніе! Въ громадныхъ толпахъ не видно было ни одного хмѣльнаго человѣка, не слышно было ни одного празднаго, рѣзкаго, грубаго слова; въ верстѣ разстоянія отъ святынь никто даже не курилъ на ходу! Во многихъ проходившихъ мимо меня толпахъ народа, въ которыхъ пестро были перемѣшаны и полы, и возрасты, и сословія, слышалось громкое, усердное пѣніе священныхъ пѣснопѣній. Выдѣлялись и особыя группы, какъ бы составлявшія нѣкоторый стройный, спѣвшійся хоръ, исполнявшій молитвенное пѣніе подъ руководствомъ случайныхъ регентовъ, строго слѣдившихъ за вѣрностью напѣва. Признаюсь вамъ, что всякій, видѣвшій эту многотысячную толпу, одушевленную однимъ общимъ желаніемъ и стремленіемъ, никогда не забудетъ вынесеннаго имъ впечатлѣнія и научится еще болѣе цѣнить и уважать русскаго человѣка [1]).

Смѣшавшись съ толпою, я послѣдовалъ за нею до села Братовщины, гдѣ былъ назначенъ второй ночлегъ для святынь и богомольцевъ. Не стану передавать тѣхъ безчисленныхъ неудобствъ и лишеній, которыми было обставлено наше шествіе и въ этотъ, и въ слѣдующіе дни. Большинству богомольцевъ приходилось питаться плохимъ чернымъ хлѣбомъ, который продавался въ разныхъ мѣстахъ пути, очень немногимъ избраннымъ доставалась на долю кружка горячаго чая, и весьма многимъ приходилось ночью дрогнуть на холоду, подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ или на соломѣ въ крестьянскомъ одворкѣ. Но нигдѣ не слыхалъ я ни жалобъ, ни нерекоровъ ни какого бы то ни было гласно выраженнаго недовольства.

Умилительна и торжественна была встрѣча крестнаго хода со святынями Нижняго-Новгорода и Владиміра-на-Клязьмѣ, у такъ-называемаго „Креста", т. е. часовни, заключающей въ себѣ деревянный крестъ, поставленный на мѣстѣ дивной встрѣчи двоихъ друзей: святителя Стефана Пермскаго съ преподобнымъ Сергіемъ... Вся громадная толпа народа, присутствовавшая при этой встрѣчѣ, наглядно и осязательно могла убѣдиться въ томъ, что на отдаленнѣйшихъ концахъ Русской земли одно и то же чувство одушевляло всѣхъ русскихъ людей въ эти знаменательные дни...

Послѣ ночлега въ селѣ Воздвиженскомъ (кажется, самаго неудобнаго изъ всѣхъ) крестный ходъ очень рано двинулся впередъ, чтобы около полудня прійти въ Троицкій посадъ. За нѣсколько верстъ отъ посада, громадныя толпы народа вышли навстрѣчу крестному ходу, къ которому присоединились подошедшія изъ Хотькова монастыря хоругви и икона Смоленской Божіей Матери. Многіе изъ встрѣчниковъ, чтобы лучше обозрѣть шествіе крестнаго хода, взбирались на сосны и ели придорожнаго лѣса; а когда крестный ходъ вступилъ въ посадъ — не только улицы, но и всѣ крыши домовъ, всѣ заборы были усѣяны народомъ. На Соборной площади, передъ Святыми воротами Лавры, соединенные крестные ходы были встрѣчены выступившимъ изъ Лавры монашествомъ и духовенствомъ, которое привѣтствовало пришельцевъ торжественнымъ молебствіемъ и вмѣстѣ съ принесенными святынями Московскими, Нижегородскими, Владимірскими, Смоленскими и Черниговскими вступило въ Святыя ворота Лавры. Здѣсь святыни были распредѣлены между соборами Лавры, изъ которыхъ Троицкій вмѣстилъ въ себѣ, сверхъ того, всѣ драгоцѣнные дары, принесенные въ Лавру изъ различныхъ концовъ Русской земли. Между ними особенное вниманіе обращаетъ на себя хоругвь, пожертвованная Нижнимъ-Новгородомъ, изъ позлащеннаго серебра, вѣсомъ слишкомъ въ два пуда, усыпанная вокругъ иконы крупными брильянтами.

Въ седьмомъ часу вечера начались всенощныя во всѣхъ церквахъ Лавры и Троицкаго посада, съ утра украсившагося флагами; а вечеромъ — вся Лавра, колокольня, Святыя ворота и стѣна, обращенная къ Соборной площади, освѣтились весьма изящною иллюминаціей. Весь посадъ гудѣлъ тысячами голосовъ безчисленной народной толпы, которая окружала Лавру и благоговѣйно прислушивалась къ гармоническому перезвону Лаврскихъ колоколовъ.

По окончаніи всенощной всѣ храмы Лавры были открыты для богомольцевъ; пестрою, непрерывною вереницею потянулись они черезъ всѣ храмы, прикладываясь къ святынямъ и мощамъ преподобнаго Сергія. И при всемъ этомъ безконечномъ движеніи громадной массы народа, нигдѣ ни шума, ни безпорядка, ни малѣйшаго замѣшательства, и все то же благоговѣйное настроеніе...

Подъ утро, передъ началомъ ранней обѣдни, Лавра, во избѣжаніе давки и тѣсноты, закрылась для всѣхъ, и въ Святыя ворота были допускаемы только тѣ лица, которымъ розданы были билеты. По окончаніи литургіи, владыка митрополитъ сталъ служить благодарственный молебенъ, во время котораго двинулся изъ собора Лаврскій крестный ходъ, сопровождаемый Ихъ Императорскими Высочествами В. Кн. Сергіемъ Александровичемъ и Супругою его Елисаветою Ѳеодоровною. За ними слѣдовала блестящая свита сановниковъ и московской знати...

Въ крестномъ ходѣ этомъ несены были величайшія святыни Лавры, современныя преподобному Сергію, а за ними и всѣ святыни Московскія, и всѣ дары, принесенные въ Лавру различными духовными депутаціями. Крестный ходъ останавливался у Казачьей, у Пятницкой, у Пѣвческой башни, и вездѣ служилъ молебны съ возглашеніемъ молитвъ преподобному основателю обители. Ничего торжественнѣе и величественнѣе этого священнаго шествія нельзя себѣ представить! Это зрѣлище должно сохраниться у каждаго изъ видѣвшихъ его на всю жизнь!

Съ возвращеніемъ крестнаго хода въ Святыя ворота Лавры — празднество закончилось трапезою въ покояхъ митрополита и въ Лаврской Трапезѣ. Толпы народа отхлынули отъ стѣнъ Лавры и стали подвигаться къ станціи желѣзной дороги — на отдыхъ послѣ усиленнаго напряженія послѣднихъ трехъ дней... Колокола Лавры и посада сопровождали насъ, удаляющихся, торжественнымъ и радостнымъ перезвономъ, къ которому мы прислушивались съ невольнымъ умиленіемъ...

Политическое обозрѣніе.

21 сентября въ Пештѣ открылась сессія делегацій. Послѣ рѣчи президента, императоръ Францъ-Іосифъ прочиталъ рѣчь, въ которой говорилось „что, со времени послѣдней сессіи делегацій внѣшнее положеніе дѣлъ не измѣнилось; отношенія ко всѣмъ державамъ остались вполнѣ дружественными, а связь съ союзными государствами и на будущее время должна способствовать сохраненію мира. Потребность всѣхъ народовъ въ спокойствіи оказываетъ умѣряющее вліяніе на международныя отношенія. Притомъ, и усилія австро-венгерскаго правительства въ теченіе прошлаго года были направлены къ улаженію экономическихъ вопросовъ, и къ заключенію выгодныхъ договоровъ. Рядомъ съ вступившими уже въ силу договорами съ Германіей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей, окончены переговоры о договорѣ и съ Сербіей. Общую сумму требованій на армію и военный флотъ правительство опредѣлило самымъ добросовѣстнымъ образомъ, признавъ только самые необходимые расходы. Доходовъ Босніи и Герцеговины будетъ и въ нынѣшнемъ году достаточно для покрытія расходовъ по управленію этими землями, тѣмъ болѣе, что экономическая жизнь ихъ постоянно развивается".

На другой день, вопреки обычаямъ, пришлось графу Кальноки высказаться о внѣшней политикѣ имперіи, при чемъ министръ вторилъ рѣчи императора Франца-Іосифа. Рѣчь графа Кальноки была отвѣтомъ на заявленіе младочешскаго депутата Эйма высказавшаго, со стороны чешскаго народа, недовѣріе къ союзу съ Германіей и къ восточной политикѣ Австріи, вызывающей недоразумѣнія съ Россіей. По мнѣнію Эйма Австріи слѣдовало бы, напротивъ, стремиться къ сближенію съ Россіей. На это заявленіе графъ усомнился, чтобы такъ думалъ весь чешскій народъ. Затѣмъ, онъ добавилъ, что отношенія между австрійскимъ и русскимъ дворами неизмѣнно дружественныя. О томъ, что делегатъ Эймъ говорилъ относительно сближенія между Германіей и Россіей, министерству иностранныхъ дѣлъ ничего неизвѣстно. Что касается Востока, то тамъ прогрессъ и значеніе Австріи упрочиваются. Болгарія идетъ впередъ, (!) то же дѣлаетъ и Греція. Надо надѣяться, что и въ Сербіи дѣла установятся, въ Турціи же не произошло ничего, что могло бы вызвать перемѣны въ общемъ положеніи дѣлъ. Перемѣна министерства въ Англіи тоже никакихъ опасеній возбуждать не можетъ, такъ какъ оно въ иностранной политикѣ будетъ держаться направленія торійскаго кабинета. На востокѣ и на западѣ Европы продолжаются, правда, вооруженія; но всѣ народы и общественное мнѣніе уже свыклись съ этимъ явленіемъ и видятъ въ немъ только залогъ мира.

[1]) Не мѣшаетъ здѣсь припомнить, что порядокъ во время слѣдованія крестнаго хода былъ вездѣ образцовый, а всѣ полицейскія власти, слѣдовавшія за 60,000 толпою, ограничивались 50 урядниками и 50 казаками!

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1892 Г.
десяти акварелей извѣстныхъ художниковъ.
(Подробности см. въ предъидущ. № „Нивы“).

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ІИСУСЪ

(сынъ **Навина**). Повѣствован. изъ библейск. временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.** Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. **А. Земцова.** С.-Петербургъ 1890 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

Ш. № 5910 10—5

МОРИСЪ

СПБ. Невскій, 43/1, уголъ Троицкой.

Постоянно громадный выборъ **готовыхъ мужскихъ платьевъ новѣйшихъ фасоновъ и мѣховыхъ вещей, а также и матеріи послѣднихъ новостей для заказовъ. Цѣны дешевыя. Спеціальное отдѣленіе военнаго и гражданскаго платья всѣхъ формъ и вѣдомствъ.** № 5938 4—3

Ц. № 5917 6—3

РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое нѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Ш. № 5922 20—8

3-ій ВЫИГРЫШНЫЙ

(Дворянскій) заемъ, 2 ноября тиражъ, продаетъ на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

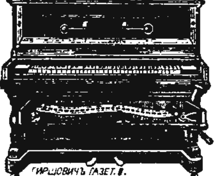
59, Невскій, СПБ. № 5987 4—1

Предлагаются пріобрѣтенныя съ аукціона **10-лѣтней выдержки настоящія гаванскія** сигары фабр. **„Моравиль“, пріятныя на вкусъ,** тонкаго аромата, стоимость въ продажѣ не **ниже** 12 руб. сотня—за 4 р. 50 коп., въ Азію 6 р. съ пересылкою. Деньги высылать **Казань, Веніамину Антоновичу Гисси.** № 5941

10000 ЭКЗ. Американскій электрическій звонокъ (весь металл.) Выпис. получ. инструк. для устр. безъ помощи мастера. Опис. высыл. за 7 коп. марк. **№ 5993** Заводъ **„СИЛА и СВѢТЪ“,** СПБ. у Зоолог. сада, Татарскій пер., 12.

ПИТОМНИКЪ

плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ,
превосходной культуры,
И. Г. Карлсонъ въ Воронежѣ.
Самый **большой** и **обстоятельный** въ Россіи, **богато**-иллюстрированный, каталогъ высылается желающимъ за 25 коп. почт. марками. **№ 5984**



МЕХАНИЧЕСКІЯ ПІАНИНО

на которыхъ руками можно играть какъ на обыкновенн. піанино, а также посредствомъ верченія ручки исполнять артистически всѣ танцы, русскія пѣсни и оперныя пьесы, **цѣною въ 600, 650, 750, и 850 руб., рекомендуетъ**

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ, 4—1

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрированный прейсъ-курантъ. Ц. № 5970

БЕЗПЛАТНО

въ вагонныхъ портфеляхъ I и II кл. Николаевской, СПБ.-Варшавской, Нижегородской, М.-Брестской, М.-Курской и Юго-Западныхъ ж. д., кромѣ „Спутниковъ“, имѣются къ услугамъ пассажировъ изящные **„ПУТЕВОДИТЕЛИ“,** заключ. въ себѣ росписаніе поѣздовъ всѣхъ ж. д. и массу разныхъ другихъ свѣдѣній.

Первоклассный алькалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализы и подробности объ источникѣ высылаетъ по почтѣ безплатно:
Контора отправки княжескихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННѢ.
ФУРБАХЪ и СТРИБОЛЬ. Зальцбруннъ, въ Силезіи.
10—10 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 5742

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и воцаренія Елисаветы. **Изд. 3-е.** СПб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

РИТМИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ

въ 60 прелюдіяхъ для фортепіано, соч. **Э. Конюса** (въ двухъ тетрадяхъ, по 2 руб. каждая). Это руководство, предназначенное для среднихъ и высшихъ классовъ консерваторій, одобрено Петербургской, Варшавской, Брюссельской, Вѣнской консерваторіями и Женевской музыкальной Академіей.

Изобрѣтенія и усовершенствованія покупаетъ заводъ **„Сила и Свѣтъ“** въ СПБ.

ВАЖНО по своей практичности и удобству, эластичные вязаные кальсоны
безъ внутренняго шва.
Особенно рекомендую для верховой ѣзды. Цѣна: крученые въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки по 2 р. за каждые.

Въ спеціальномъ магазинѣ бѣлья
№ 5989 **Ю. ГОТЛИБЪ,**
С.-Петербургъ, по Владимірской, уголъ Невскаго пр. **Пересылка за каждыя 3 штуки 1 р.,** по Азіятской Россіи 1 р. 75 коп. **Менѣе 3-хъ штукъ не высылается.** При пересылкѣ **необходима мѣра пояса и длина.**

МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ И ФОКУСОВЪ

М-мъ Р. МЕЛАМЕДЪ

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. 18.

За 2 рубля

высылаетъ коллекцію въ 10 волшебныхъ аппаратовъ и за 1 руб. 80 коп. портфель **„Забава для всѣхъ“** съ 10 интересными фокусами, съ объясненіями и иллюстрированнымъ прейсъ-курантомъ разныхъ новостей; за пересылку наложеннымъ **Mt. № 5986** платежомъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
Косметическіе спермацетовые,
(2) **личные** № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

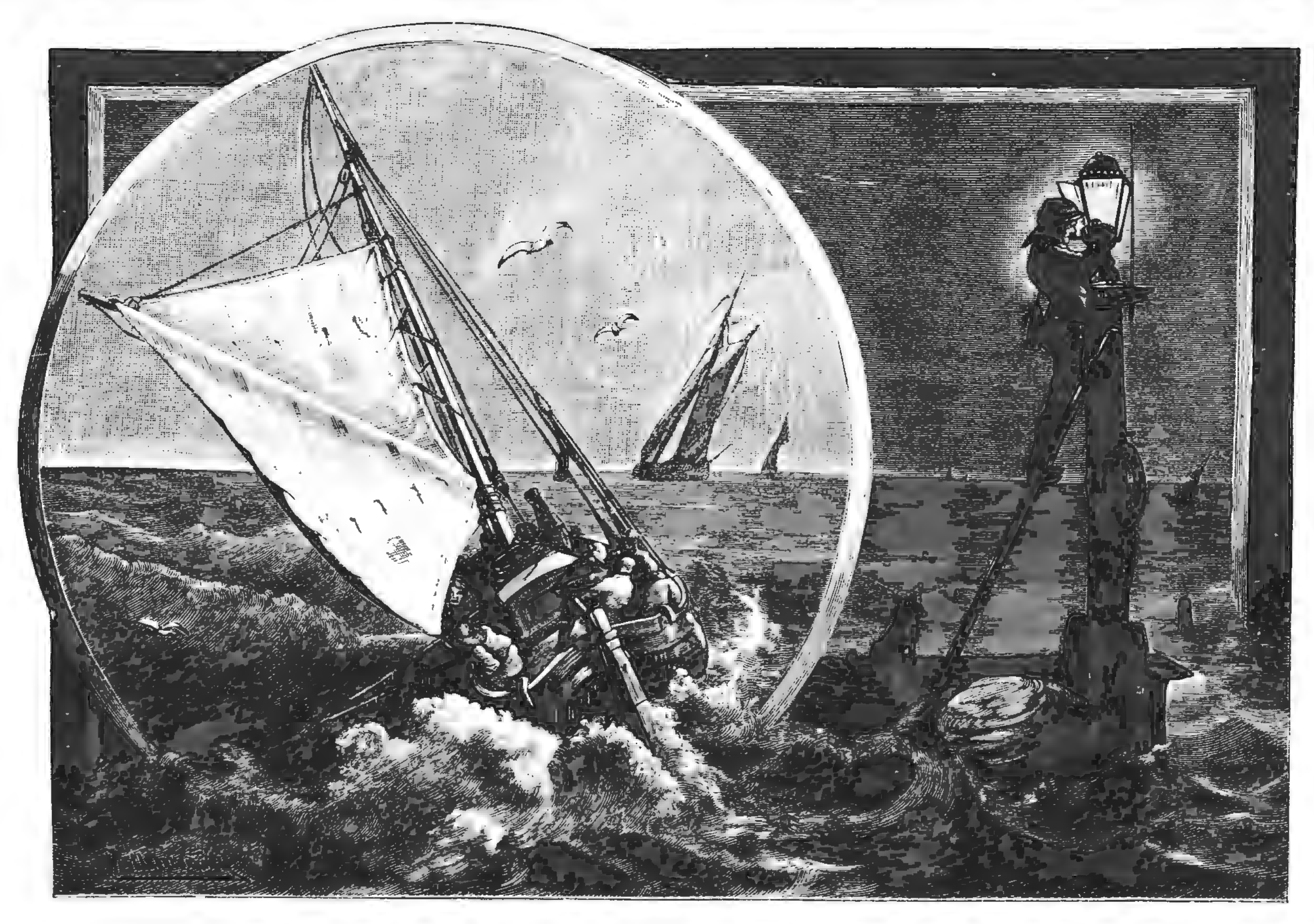
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, **кожа лица дѣлается** чистою. **Удобное** средство **въ дорогѣ,** гдѣ лицо особенно подвержено **вліянію** пыли и **вѣтра.** Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ,** С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Дозвол. цензур., СПБ., 30 сентября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 41 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—1(РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 10 октября 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



Отправка рыбы въ Ревель на продажу. — Сторожъ заправляющій фонарь на пристани близъ рыбацкой деревни.

Изъ быта крестьянъ-рыболововъ на островѣ Наргенѣ близъ Ревеля. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Р. Штейна**, грав. Шлипперъ.

Стихотворенія

А. Фета.

I.

Роящимся мечтамъ летѣть давъ волю
Къ твоимъ стопамъ,
Тебя никакъ смущать я не дозволю
Любви словамъ.

Я знаю, мы изъ разныхъ поколѣній
Съ тобой пришли,
Несходныхъ словъ и разныхъ откровеній
Мы принесли.

Передъ тобой во храминѣ сердечной
Я затворюсь
И юности ласкающей и вѣчной
Въ ней помолюсь.

II.

О, какъ волнуюся я мыслію больною,
Что въ мигъ, когда закатъ такъ дѣвственно хорошъ,
Здѣсь на балконѣ ты лицомъ передъ зарею
Восторга моего быть-можетъ не поймешь.

Внизу померкшій садъ уснулъ. Лишь тополь дальній
Все грезитъ въ вышинѣ и ставитъ листъ ребромъ
И зыблетъ, уловя денницы блескъ прощальный,
И чистымъ золотомъ, и мелкимъ серебромъ.

И вѣрить хочется, что все, что̀ такъ прекрасно,
Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный этотъ мигъ,
По небу и душѣ проходитъ не напрасно,
Какъ оправданіе стремленій роковыхъ.

Ѕѣло досадительное дѣло.

Историческій разсказъ **П. Н. Полевого.**

(Продолженіе).

Разговоръ завязался о погодѣ, перешелъ на предстоявшій сеймъ, потомъ коснулся общаго положенія европейскихъ дѣлъ и войны русскихъ съ турками и даже „коварныхъ козней“ петербургскаго кабинета. Но, несмотря на всю любезность обоихъ собесѣдниковъ, было видно, что разговоръ ихъ не клеится, что каждый изъ нихъ своими округленными фразами старается прикрыть что-то иное, чего бы ему не хотѣлось сразу высказать. Наконецъ, гофратъ Киппнеръ не вытерпѣлъ.

— Почтеннѣйшій панъ Эпимахъ, сказалъ онъ, нервно теребя свою манишку и перебирая пуговицы камзола,— извините меня, если я прямо перейду къ вопросу... вопросу... который... вы понимаете...

— Да, да! Конечно... отчего же? поспѣшилъ отвѣтить панъ Эпимахъ, поглядывая вдаль, на толпы гуляющихъ.

— Вотъ уже болѣе недѣли я жду отвѣта вашего на предложеніе мое, касательно панны Маріи.

— Да, да! Но видите-ли, панъ гофратъ!.. Я-то, что̀ до меня касается, я очень радъ, весьма польщенъ и... и... Но вѣдь вы же не знаете нашей польской бабы?! Вѣдь, это совсѣмъ не то, что̀ вы думаете!

— То-есть, позвольте... Какъ же? Панна Марія такая красавица, такая умница, такая...

— Те-те-те—это все прекрасно!.. Но не въ этомъ дѣло! Въ нихъ, во всѣхъ сидитъ такая дурь... такая дурь... что имъ и чортъ не братъ!

— Какъ это понять, почтеннѣйшій панъ Эпимахъ? съ нѣкоторой тревогой и съ большимъ достоинствомъ произнесъ гофратъ Киппнеръ.

— А вотъ судите сами... Я ей передалъ о вашемъ предложеньи... Ну, представилъ, что вы—почтенный человѣкъ и резидентъ его цесарскаго величества... Чуть не посолъ...

— И что же она?

— А только и всего, что выслушала меня внимательно, серьезно, посмотрѣла мнѣ въ самыя очи — и расхохоталась.

— О-о! протянулъ гофратъ Киппнеръ, выпрямляясь важно.—Вы, панъ Эпимахъ, особа почтенная, и вы дозволили... Такой отвѣтъ!.. О-о!..

— А что̀ же будете вы дѣлать съ ней? Что̀?.. Насмѣявшись вдоволь, она мнѣ высказала напрямикъ, что теперь готова выйти замужъ только за своего двоюроднаго брата, за Болеслава Пржепельскаго,—того, который получилъ недавно эти громадныя имѣнья на Волыни... Я говорю ей, что не позволю, пока онъ не съѣздитъ въ Дрезденъ, къ наияснѣйшему пану королю, который долженъ утвердить его привилеи на эти имѣнья. А она мнѣ говоритъ: „Ну что-жъ? Пусть съѣздитъ... я подожду... и все-жъ ни за кого другаго замужъ не пойду...“ Ну, согласитесь сами, что̀ же я съ ней буду дѣлать!

Киппнеръ пожалъ плечами и только собирался было высказать какую-то глубокомысленную сентенцію относительно необходимости повиновенія дѣтей родителямъ, какъ вдругъ, на поворотѣ дорожки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамейки, показалась стройная молодая дѣвушка, одѣтая по послѣдней французской модѣ въ блѣдно-розовую шелковую робу, съ кружевами и бантами, и въ нѣжно-голубое атласное манто̀, съ широкими рукавами. Шляпка съ перьями на широкихъ поляхъ, прикрывала ея роскошные волосы, которые блестящими, вьющимися, золотистыми прядями ниспадали ей на лобъ и плечи. Слѣдомъ за нею шелъ высокій и плечистый юноша, лѣтъ 23, въ богатомъ синемъ жупанѣ, въ щегольской бархатной маяркѣ и въ красныхъ сафьянныхъ сапогахъ съ серебряными подковами. Стараясь поспѣть за дѣвушкой, онъ нетерпѣливо теребилъ свой молодой усъ и побрякивалъ на ходу своей кривой саблей съ богатѣйшей золотою насѣчкой.

Дѣвушка почти подбѣжала къ отцу, милымъ кивкомъ головы отвѣтила на поклонъ Киппнера и тотчасъ заговорила, обращаясь къ пану Эпимаху, то ласкаясь къ нему, то заливаясь серебристымъ смѣхомъ:

— Я прибѣжала къ тебѣ просить защиты!.. Да, да! Защити ты меня пожалуйста отъ этого волынскаго медвѣдя!.. Онъ просто невозможенъ сегодня въ обществѣ! Представь себѣ: никому ко мнѣ подойти не даетъ! Такъ и рычитъ на всѣхъ и вотъ сейчасъ готовъ вцѣпиться въ каждаго!.. Смѣшно ужасно—я и смѣюсь... а онъ все злится... Ха-ха-ха! Все дуется!

— Опять поссорились? Который разъ сегодня, съ утра? съ улыбкой спросилъ панъ Эпимахъ, ласково трепля дочку по плечу.

— Да какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не взбѣситься? горячо заговорилъ юноша, обращаясь къ дядѣ. — Самъ посуди! Со всякой дрянью входитъ въ разговоры, любезничаетъ направо и налѣво... Слушаетъ всякій вздоръ, который напѣваютъ ей въ уши франты какіе-то, жидконогіе!..

— Скажите! Самъ надѣлъ красные сапоги—и загордился, какъ пѣтухъ какой-нибудь! продолжала, смѣясь, панна Марія.—Подошелъ ко мнѣ маркизъ дю-Мьель,—ты его вѣдь знаешь, папа?—заговорилъ со мною пофранцузски... А панъ Болеславъ, ничего не понимая, такіе страшные глаза сталъ дѣлать, что я расхохоталась, наконецъ.

— А если такъ, такъ я же вотъ сегодня, ночью сегодня, уѣду! Вотъ не посмотрю ни на что,—уѣду въ Дрезденъ! сердито проговорилъ панъ Болеславъ, отворачиваясь отъ панны Маріи.

— Только посмѣйте! ласково сказала панна, грозя юношѣ вѣеромъ.—Если уѣдете сегодня—такъ и знайте: между нами все кончено! Все, рѣшительно все!

Юноша посмотрѣлъ пристально на панну Марію.

— Да не держи ты его, вступился было панъ маршалокъ.—Ему давно бы уже нужно ѣхать, хлопотать у короля о подтвержденьи привилеи на маіонты, а то пожалуй...

— Нѣтъ! строго сказала панна Марія.—Съ нимъ такъ нельзя. Ему нельзя дать много воли! Онъ можетъ отсюда ѣхать только тогда, когда я позволю!.. Слышишь, панъ Болеславъ! А за то, что ты такъ дерзко говорилъ со мною теперь, да еще при панѣ Кипнерѣ,—изволь сейчасъ еще разъ идти со мною на главную аллею и слушать, какъ дю-Мьель станетъ со мною любезничать!

И она, въ одинъ мигъ, птичкой вспорхнула съ мѣста, подхватила юношу подъ руку и потащила его за собою.

Панъ Эпимахъ съ улыбкой посмотрѣлъ вслѣдъ молодой парочкѣ, а потомъ обратился къ Кипнеру и сказалъ ему не безъ ироніи:

— Ну, вотъ вы—тоже особа почтенная и почти посолъ его цесарскаго величества, а не угодно-ли вамъ съ нею сговориться, или разумно убѣдить ее въ чемънибудь!.. Нѣтъ, какъ хотите, панъ Кипнеръ, а мой совѣтъ... мой дружескій совѣтъ...

— Я понимаю васъ! проговорилъ гофратъ Кипнеръ, поднимаясь со своего мѣста,—и желаю вамъ удачи съ вашимъ богатымъ женихомъ.

И онъ, холодно раскланявшись съ паномъ Эпимахомъ, повернулся на каблукахъ и направился къ воротамъ Саксонскаго сада, крѣпко опираясь на трость и нервно теребя пуговицы своего камзола.

IV.

Пріятная встрѣча.

Только недѣли двѣ спустя панъ Болеславъ Пржепельскій вырвался, наконецъ, изъ-подъ ферулы своей очаровательной кузины и, послѣ очень нѣжнаго прощанья съ нею, послѣ обѣщанія писать ей съ дороги изъ каждаго города, направился въ Дрезденъ, гдѣ въ то время пребывалъ король Августъ со всѣмъ своимъ дворомъ. Путь его лежалъ на Ловичъ, Ленчицу, Калишъ и далѣе, черезъ прусскія владѣнія до Бреславля, гдѣ уже дорога направлялась прямо къ саксонской границѣ.

Панъ Болеславъ, богатый помѣщикъ, послѣ смерти отца вступившій весьма недавно въ обладаніе своими обширными землями на Волыни, ѣхалъ очень удобно, на почтовыхъ, въ отличной собственной нетычанкѣ, гдѣ у него кромѣ всякихъ бауловъ-чемодановъ было еще и особое помѣщеніе для дорожныхъ запасовъ и особый ящикъ для нѣсколькихъ бутылокъ старки и венгерскаго, которыя юноша на всякій случай захватилъ съ собою въ дорогу. Ѣхалъ онъ, не спѣша, отдыхая на станціяхъ, останавливаясь въ богатыхъ придорожныхъ корчмахъ для завтрака и обѣда, располагаясь на ночлегъ, какъ у себя дома, разспрашивая у евреевъ-факторовъ и евреевъ-хозяевъ о проѣзжихъ, объ окрестныхъ помѣщикахъ, о цѣнахъ на лошадей.

Вѣрный данному слову, панъ Болеславъ не только изъ каждаго города, но даже изъ каждаго мѣстечка отправлялъ своей дорогой кузиночкѣ письма съ весьма подробными, но и удивительно наивными описаніями своего путешествія, надъ которыми панна Марія, вѣроятно, хохотала до слезъ,—такъ вѣрно передавали они весь нравственный обликъ ея милаго „волынскаго медвѣдя", какъ привыкла она его называть съ дѣтства. Въ промежутки между письмами и неизбѣжными эпизодами пути, юноша, важно развалясь въ своей нетычанкѣ и покачиваясь на пружинныхъ подушкахъ, думалъ только о паннѣ Маріи и о своей послѣдней бесѣдѣ съ нею.

„Вотъ пріѣду въ Дрезденъ, отыщу тамъ своего зятя, графа Морица Ржевусскаго, представлюсь королю, добьюсь утвержденія моихъ привилей на владѣніе подольскими маіонтками матери, покончу этимъ процессъ съ родней и тотчасъ опять въ Варшаву. Тогда панну Марію за ручку и къ дядѣ Эпимаху... Такъ и такъ, молъ, пожалуйте въ костелъ! Конечно, съ его стороны никакихъ препятствій! Свадьбу закатимъ такую, что вся Варшава затрещитъ, и укатимъ на Волынь, къ себѣ..."

— Ну, пошелъ! Пошелъ! Погоняй!

Такъ заканчивались обычно мечты пана Болеслава.

Но станція слѣдовала за станціей, корчма за корчмой; дорога тянулась скучною, ровною полосою; по бокамъ ея мелькали тѣ же вытянутыя въ струнку деревья; по сторонамъ виднѣлись тѣ же деревни съ высокими соломенными крышами, съ гнѣздами аистовъ, съ однообразнымъ стилемъ костеловъ... На каждой станціи почтарь трубилъ тотъ же призывъ и такъ же фальшивилъ, обрываясь на предпослѣдней нотѣ. Тѣ же еврейскія рожи выглядывали изъ-за каждаго столба галлерейки въ корчмѣ; такъ же подбѣгали факторы съ предложеніями всевозможныхъ услугъ; тѣ же надписи были выставлены всюду надъ дверями и въ окнахъ корчмы.

Всѣ эти впечатлѣнія были настолько однообразны и безцвѣтны, что наконецъ и крылья воображенія стали ослабѣвать у пана Болеслава, и онъ началъ отъ души желать какого-нибудь приключенія, какого-нибудь разнообразія, чего-нибудь выходящаго изъ ряда этой противной дорожной обыденщины...

Такъ доѣхалъ, наконецъ, панъ Болеславъ до нѣмецкаго мѣстечка Нейштадта, гдѣ и рѣшился остановиться въ лучшей корчмѣ, содержимой евреемъ Шмулемъ Фрейдензономъ.

Первое, что бросилось ему въ глаза, когда его нетычанка остановилась у воротъ корчмы, были два всадника, на добрыхъ коняхъ, закутанные въ широкія бурки-славутки съ откиднымъ куколемъ... Они подъѣхали къ воротамъ корчмы почти одновременно съ паномъ Болеславомъ, ловко спѣшились, внимательно осмотрѣли коней и, ослабивъ у нихъ подпруги, передали поводья въ руки конюху-нѣмцу.

— Выводи ихъ и поставь въ конюшню; но не разсѣдлывай, пока мы не прикажемъ! сказалъ одинъ изъ всадниковъ, который былъ повыше ростомъ.

„Какъ жаль, что нѣмцы!" подумалъ панъ Болеславъ, вылѣзая изъ нетычанки.—„Кабы были поляки, такъ можно бы по крайней мѣрѣ хоть словечкомъ перемолвиться".

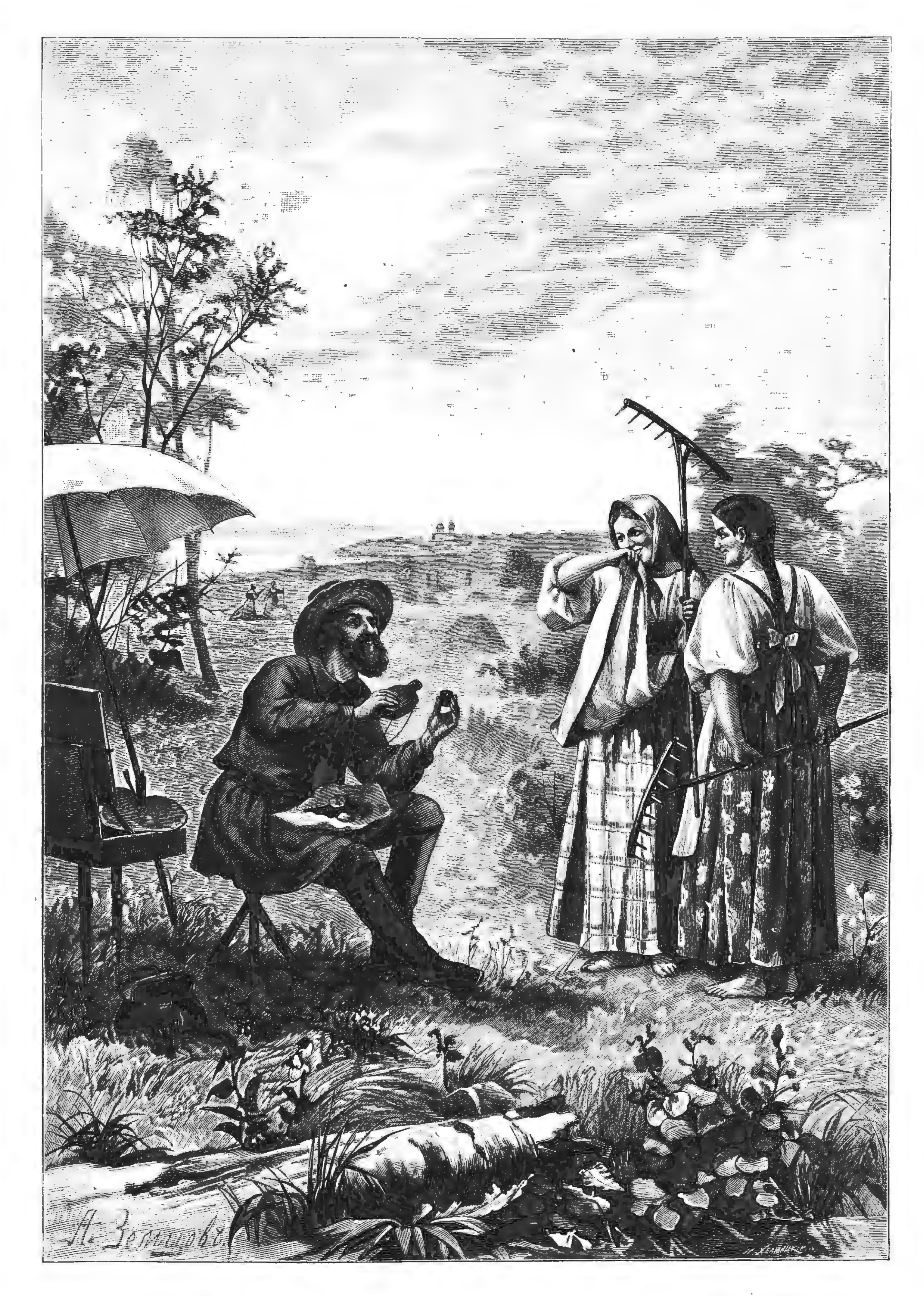
Но едва успѣлъ панъ Болеславъ вступить въ общую комнату корчмы, какъ услышалъ позади себя очень пріятный мужской голосъ, который спрашивалъ его на чистомъ польскомъ языкѣ:

— Панъ, кажется, полякъ?

— Ну, да, конечно! отозвался съ величайшимъ удовольствіемъ панъ Болеславъ, оборачиваясь въ сторону говорившаго.

Онъ увидѣлъ передъ собою плотнаго мужчину сред-

Листья осыпаются.Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Шильдера, автотипія мастерской „Нивы".



Лакомки. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Хелмицкий.

няго роста, съ очень пріятнымъ лицомъ, пухлыми щеками и маленькими усиками. Онъ одѣтъ былъ въ платье какого-то страннаго, полувоеннаго покроя. Широко улыбаясь и оскаливая бѣлые, ровные зубы, онъ привѣтливо протягивалъ руку пану Болеславу.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ его панъ Болеславъ.

— Панъ Михалъ Пржиклоньскій, поручикъ русской службы, отрекомендовался плотный мужчина, крѣпко пожимая руку юноши. — А это мой товарищъ, баронъ фонъ-Шафгаузъ! добавилъ онъ, знакомя юношу со своимъ спутникомъ, высокимъ, рыжимъ мужчиною съ краснымъ носомъ и густѣйшими усищами.

Панъ Болеславъ назвалъ себя, и панъ Пржиклоньскій, какъ истый полякъ, тотчасъ припомнилъ, что на Волыни онъ слыхалъ о Пржепельскихъ, объ ихъ лѣсахъ и имѣніяхъ и даже разсказалъ, какъ онъ какъ-то гостилъ въ Волыни у нѣкоего Левицкаго, какъ вмѣстѣ съ нимъ охотился... Разговоръ тотчасъ, конечно, перешелъ на охоту, и юноша въ восхищеніи воскликнулъ:

— Вотъ неожиданность! Въ Нѣметчинѣ — и вдругъ столкнуться съ полякомъ, съ охотникомъ!.. Чудесно, право! Я было принялъ васъ обоихъ за нѣмцевъ, а тутъ оказывается, что съ землякомъ свела судьба, да еще съ офицеромъ русской службы! Вы знаете, я самъ чуть-чуть не угодилъ туда же, въ драгуны... Чуть не уѣхалъ къ Миниху! Хотѣлось, чортъ возьми, съ турками подраться...

И юноша сразу разсказалъ о своихъ замыслахъ, о цѣли своего путешествія, о своихъ мечтахъ и, конечно, пригласилъ офицеровъ закусить съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ. На столѣ явились ветчина, колбаски, сыръ, оленьи языки, маринованная дикая коза, серебряная фляжка со старкой и серебряныя чарки къ ней. Бесѣда между земляками оживилась и шла безъ умолку: только рыжій баронъ все молчалъ и ѣлъ и пилъ, молча, то высоко поднимая густыя брови, то покручивая свои рыжіе усищи.

— А вы куда же ѣдете? спросилъ, наконецъ, юноша, когда ужъ все разсказалъ о себѣ пану Пржиклоньскому.

— А мы... имѣемъ здѣсь... Хм! казенное порученіе имѣемъ...

— Какъ? Здѣсь? Въ Пруссіи?

— Да. Здѣсь... Депеши передать должны... Въ Берлинъ заѣдемъ... И тоже вотъ поджидаемъ одного подрядчика оттуда, довольно уклончиво и видимо путаясь, отвѣчалъ панъ Пржиклоньскій.

— Оттого-то вы и не велѣли разсѣдлывать коней? спросилъ совершенно наивно панъ Болеславъ.

Пржиклоньскій перемигнулся съ молчаливымъ рыжимъ барономъ и отвѣтилъ:

— Да, оттого именно! А почему вы такъ объ этомъ спрашиваете?

— А очень просто почему! Вотъ если бы вы здѣсь заночевали, мы роспили бы съ вами бутылочку-другую доброй венгжинки, поболтали бы объ охотѣ...

Какъ разъ въ это время Шмуль явился на порогѣ и съ почтительнымъ поклономъ, обращаясь къ Пржиклоньскому, сказалъ ему:

— Васъ просятъ выйти на минутку...

Пржиклоньскій тотчасъ вышелъ и черезъ минуту возвратился снова.

— Отложено до завтра, сказалъ онъ по-русски, обращаясь къ своему рыжему спутнику. — Сегодня не пріѣдетъ...

— Значитъ, вы остаетесь ночевать! весело воскликнулъ панъ Болеславъ.—Вашъ подрядчикъ не пріѣдетъ? Вотъ и отлично!

— Да, остаемся ночевать, сказалъ съ улыбкою Пржиклоньскій.

— Очень радъ! Очень радъ! Эй, Шмулька, тащи сюда скорѣе венгерское изъ нетычанки!.. Тамъ въ ящикѣ направо!

Явилось венгерское; бесѣда стала еще оживленнѣе, еще задушевнѣе... Стаканы звонко чокались... Рѣчь шла о Польшѣ, о сеймѣ, о Россіи, о войнѣ съ турками. Только рыжій баронъ все попрежнему молчалъ, хоть и хлопалъ стаканъ за стаканомъ.

Наконецъ, панъ Пржиклоньскій не выдержалъ.

— Знаете, панъ Болеславъ, сказалъ онъ, наклоняясь къ юношѣ,—вѣдь товарищъ-то мой смертно скучаетъ! Говоритъ онъ только по-русски, да по-нѣмецки, а попольски — ни-ни! Вы извините меня, если я его потѣшу — сыграю съ нимъ въ картишки; онъ до картъ охотникъ страстный!

И перемолвившись между собою двумя словами, товарищи вынули карты изъ кармана, вытащили кошельки и стали играть, по талеру и по два талера на ставку... Рыжій все выигрывалъ и загребалъ своей широкой лапой, покрытой волосами и веснушками... Пржиклоньскій все проигрывалъ и, видимо, начиналъ горячиться. Пану Болеславу, уже порядочно хлебнувшему венгжинки, игра показалась и занятною, и чрезвычайно простою, почти глупою. Ему казалось, что онъ все сразу отлично понялъ, и когда рыжій, положивъ выигранныя деньги въ карманъ, отказался продолжать игру, панъ Болеславъ самъ предложилъ Пржиклоньскому:

— Давайте! Сыграемъ со мной!

— Что-жъ, пожалуй! Такъ, для шутки!

— Только я по талеру играть не стану! сказалъ юноша. — Не стóитъ! Давайте по золотому!

— О, панъ Болеславъ! То крупная игра—смотрите! Я вамъ не совѣтую... Я такъ крупно не люблю играть.

— Нѣтъ, нѣтъ! По золотому!

И вытащивъ изъ кармана кошелекъ, туго набитый червонцами, юноша поставилъ червонецъ на карту.

Поставилъ — и проигралъ. Поставилъ два — и выигралъ. Удвоилъ — и проигралъ. И дальше, больше — то смѣясь, то мысленно посылая карты ко всѣмъ чертямъ, юноша такъ увлекся игрой, что даже не замѣтилъ, какъ, проигравъ всю ночь напролетъ, спустилъ всѣ червонцы, бывшіе у него въ кошелькѣ.

— Мнѣ право стыдно, сказалъ панъ Пржиклоньскій,— я не хотѣлъ васъ обыграть. Да, знаете ли что? Поставьте на карту серебро... вотъ эти чарки и фляжку. Можетъ-быть и отыграетесь?

Юноша поставилъ на карту серебро, потомъ дорогіе англійскіе карманные часы, перстни, потомъ все платье, до жупана, даже бричку-нетычанку... все! И все спустилъ...

Когда послѣдняя карта была убита, онъ поднялся со стула и потянулся... Было уже совсѣмъ свѣтло. Рыжій баронъ давно ужъ спалъ на скамьѣ въ углу, оглашая всю корчму своимъ густымъ храпомъ. Панъ Пржиклоньскій преспокойно укладывалъ въ карманы деньги, часы, перстни, серебряные кубочки и фляжку и передавалъ Шмулю приказанія насчетъ платья и нетычанки, выигранныхъ у пана Болеслава.

— Жаль, право, очень жаль! сказалъ онъ, обращаясь къ юношѣ. — И вѣдь не странно ли? Какъ не везло мнѣ съ барономъ — а васъ вотъ обыгралъ... Право жаль!

— Ну, есть о чемъ жалѣть! сказалъ юноша, сильно взволнованный, но стараясь придать своему голосу выраженіе полнаго равнодушія. — Еще молоды! Отыграемся... Пржепельскіе и не въ такихъ бѣдахъ бывали!

— Люблю молодца за храбрость! Отличный былъ бы изъ васъ драгунъ! сказалъ ему въ утѣшеніе Пржиклоньскій и хотѣлъ еще что-то добавить; но Шмуль явился на порогѣ и шепнулъ ему:

— Пожалуйте сюда! Васъ спрашиваютъ.

Панъ Михалъ быстро повернулся на каблукахъ, вышелъ за дверь и, тотчасъ возвратившись, сталъ поспѣшно будить барона:

— Вставай, скорѣе вставай! Ѣхать пора...

— А! Что такое? спросонья разспрашивалъ рыжій, протирая глаза.

— Черезъ часъ — ждутъ! шепнулъ Пржиклоньскій.

И оба товарища, на ходу пожавъ руку пану Болеславу, быстро накинули плащи, нахлобучили шапки и мигомъ исчезли за дверью. Черезъ минуту топотъ ихъ коней прогремѣлъ подъ окошкомъ и замеръ въ отдаленьи по дорогѣ.

— Недурно! сказалъ самъ себѣ юноша, укладываясь на лавку около стѣны. — Не ожидалъ я, признаюсь!.. Ну, да теперь не до того!

Голова у него была страшно тяжела — словно свинцомъ налитая; всѣ члены ломило отъ усталости. Глаза слипались, какъ-будто медомъ смазанные... Онъ еще разъ окинулъ взоромъ всю комнату и столъ, съ разбросанными на немъ картами и пустыми бутылками, — и заснулъ мертвымъ сномъ.

V.

Одиссей хитроумный.

Часа полтора спустя, къ воротамъ корчмы подъѣхалъ еще одинъ путникъ на отличномъ ворономъ конѣ, въ сѣромъ дорожномъ плащѣ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ и въ пуховой шляпѣ съ сѣрымъ шнуромъ. Хотя высокая, стройная и сильная фигура этого путника, его правильное лицо съ орлинымъ носомъ и большими темными глазами ни мало не напоминали внѣшность купца или странствующаго приказчика, однако же онъ, видимо, хотѣлъ казаться чѣмъ-то въ родѣ этого. Въ его одеждѣ все было широко сшито, все было просто и пестро. Синій кафтанъ съ роговыми пуговицами и огромными нашивными карманами сидѣлъ на немъ неуклюже; изъ-подъ кафтана выглядывалъ малиновый шелковый жилетъ со свѣтлыми разводами. Ноги отъ колѣнъ были обуты въ поношенныя штиблеты, спускавшіяся на сапогъ изъ грубой кожи, съ толстой подошвой, подбитой гвоздями. Увѣсистая сумка висѣла у него черезъ плечо на широкомъ ремнѣ изъ глянцевитой кожи. Къ сѣдлу, кромѣ кобуръ, изъ которыхъ торчала пара отличныхъ пистолетовъ съ серебряной насѣчкой, былъ приляженъ сзади еще довольно объемистый чемоданчикъ — ни дать, ни взять, какъ у всѣхъ странствующихъ приказчиковъ, развозящихъ по ярмаркамъ образцы товаровъ.

Едва только Шмуль успѣлъ завидѣть этого новаго путника, какъ кубаремъ скатился съ лѣстницы и подлетѣлъ къ стремени незнакомца съ такою быстротою и ловкостью, какой нельзя было ожидать отъ этого костляваго сына Израиля.

— Excelenz! Господинъ графъ... Господинъ баронъ! затараторилъ онъ по-нѣмецки.

— Молчи, скотина! процѣдилъ сквозь зубы незнакомецъ. — Я тебѣ ни графъ, ни баронъ: — я просто купецъ, слышишь ли? Купецъ Іоганнъ Гогберхъ!

— Помилуйте... какъ это можно? заговорилъ, было, Шмуль.

Но незнакомецъ свирѣпо нахмурилъ брови, поднесъ сжатый кулакъ къ самому носу Шмуля и сказалъ ему еще тише, и еще внушительнѣе:

— Я—купецъ Іоганнъ Гогберхъ! Понимаешь? А если у тебя хоть разъ съ языка сорвется Excelenz, то я на тебя наплюю, и ты моихъ червонцевъ, какъ своихъ ушей, не увидишь!

— Ну, хорошо же, господинъ купецъ! Ну, пожалуйте къ намъ — мы очень можемъ васъ понимать.

Мнимый купецъ слѣзъ съ коня, самъ отцѣпилъ свой чемоданъ отъ сѣдла, вынулъ изъ кобуръ пистолеты, окинулъ все это взглядомъ и, бросивъ поводья на руки Шмулю, сталъ подниматься на хорошо знакомую ему лѣстницу. Переступивъ порогъ общей комнаты, онъ осторожно и зорко окинулъ ее однимъ общимъ взглядомъ, замѣтилъ слѣды картежной игры на столѣ, пустыя бутылки на окнѣ и подъ столомъ — потомъ увидѣлъ пана Болеслава, который все еще лежалъ въ растяжку на скамьѣ... Лицо незнакомца изобразило нѣкоторую тревогу; онъ хотѣлъ было опять юркнуть за дверь, но, присмотрѣвшись, убѣдился въ томъ, что Пржепельскій спитъ какъ убитый, — и пробрался на цыпочкахъ черезъ общую комнату въ особую каморку направо.

Здѣсь онъ скинулъ съ себя плащъ, бросилъ пуховую шляпу на столъ, бережно поставилъ на столъ свой сѣдельный чемоданчикъ, потомъ внимательно осмотрѣлъ пистолеты и сунулъ ихъ подъ шляпу.

Какъ разъ въ это время дверь каморки скрипнула, и Шмуль въ почтительнѣйшей позѣ остановился у притолоки.

— Можетъ быть, панъ хочетъ чего-нибудь покушать или выпить съ дороги? спросилъ онъ, внимательно вглядываясь въ умное и правильное лицо пріѣзжаго.

— Ты лучше скажи мнѣ, старая израильская свинья, зачѣмъ ты меня не предупредилъ, что у тебя тутъ гость — проѣзжій? А? Знаешь, что я этого не люблю!

— Ахъ, господинъ ба... купецъ! Всегда-то вы браниться любите—я знаю, что вы хорошій, добрый, щедрый... И долженъ вамъ сказать, добавилъ Шмуль шепотомъ, — что это у меня совсѣмъ не гость.

— Какъ не гость? Ну, постоялецъ, что ли?

— И не постоялецъ, совсѣмъ не постоялецъ!

— Да кто же онъ? настойчиво допрашивалъ пріѣзжій у Шмуля.

— Кто онъ? Васъ, господинъ купецъ, я много лѣтъ ужь знаю... А его не знаю... Но только думаю, что это совсѣмъ глупый человѣкъ!

— Да я тебя не спрашиваю — глупъ ли, уменъ ли онъ? А кто таковъ?

— Панъ какой-то, изъ самой Польши... И богатый, пребогатый... И встрѣтилъ тутъ двухъ — тоже пановъ (такъ, лайдаки какіе-то) и проигралъ имъ 6000 злотыхъ польскихъ, и серебро, и даже и нетычанку — все, все проигралъ! и спитъ... Можетъ спать!

Мнимый купецъ выслушалъ все это нахмурившись, молча, какъ-будто соображая что-то про себя.

— Такъ, значитъ, онъ не изъ *опасныхъ?* сказалъ онъ, наконецъ, исподлобья поглядывая на Шмуля.

— О, вей миръ! Опасныхъ! Онъ такой, что вотъ проспится теперь, и встанетъ, и я дамъ ему шапку и скажу прощайте! А самъ пойду на базаръ и продамъ его жупаны, его кунтуши, его бурку и его нетычанку... Вотъ онъ какой!

— Это, значитъ, тѣ, что обыграли этого дурня, — тѣ тебѣ и подарили все это?

— Подарили? Ой, какъ можно? Не подарили, продали за двѣсти злотыхъ... Самъ отдалъ денежки...

— Отдалъ двѣсти злотыхъ, а купилъ на тысячу, небось?

— Можетъ быть и больше, милостивый панъ купецъ... Потому ужь очень тѣ спѣшили уѣхать...

— Это мерзавцы-то, которые обыграли поляка? спросилъ, нахмурившись, проѣзжій. — Одинъ высокій рыжій, усатый; а другой — поменьше, плотный!

— Ай, ай, ай! Панъ купецъ ихъ знаетъ! Тѣ самые! А какъ ихъ знаетъ панъ купецъ?

Проѣзжій насупилъ брови и процѣдилъ сквозь зубы:

— Тоже хотѣли обыграть меня!.. Да вотъ не удалось. А не видалъ-ли ты, куда они поѣхали?

— Какъ не видѣть! Конечно видѣлъ. Вотъ такъ поѣхали.—изъ воротъ направо, по дорогѣ въ Грюнбергъ.

— А!.. протянулъ какъ-то особенно выразительно проѣзжій. — Ну, такъ мнѣ больше ничего, покамѣстъ,

не нужно. Только ты теперь на базаръ не ѣзди, погоди... Мнѣ, можетъ-быть, тебя придется послать куда-нибудь... или порученье дать... Ступай, я позову потомъ.

Шмуль низко поклонился и исчезъ за дверью.

Проѣзжій заперъ дверь на крюкъ, осмотрѣлъ всѣ уголки комнаты, потомъ снялъ съ головы темный, курчавый парикъ, бережно повѣсилъ его на спинку стула и сѣлъ къ столу. Здѣсь вынулъ онъ изъ чемодана карту Силезіи, на которой очень подробно обозначены были даже всѣ дороги, и сталъ разсматривать ее, то поглаживая свой гладко выбритый подбородокъ, то проводя ладонью по коротко остриженнымъ волосамъ, въ которыхъ уже начинала проглядывать сѣдина.

„Да, думалъ онъ про себя, водя пальцемъ по картѣ,— теперь я, кажется, попался. Трудно будетъ проскочить. Только съ Грюнберга мнѣ можно будетъ свернуть на югъ. Но туда-то какъ добраться? Я знаю: эти двое негодяевъ уже стерегутъ меня по этой дорогѣ! Два раза я ихъ обманулъ и ускользнулъ отъ нихъ... За-то теперь... теперь...“

И онъ задумался надъ картой.

„Сзади тоже ѣдутъ по слѣдамъ моимъ какіе-то подозрительные люди... Не знаю—кто они?.. Но не рѣшусь вернуться. Одинъ остался путь впередъ—и здѣсь до Грюнберга пробиться надо, во что бы то ни стало! Тутъ остается одно: или проѣхать, или сейчасъ же, здѣсь же, вотъ въ этомъ каминѣ сжечь депеши, которыя везу. Но вѣдь это стыдъ, срамъ... Что скажутъ въ Стокгольмѣ? Старая лиса—баронъ Синклеръ далъ себя перехитрить какимъ-то русскимъ и австрійскимъ шпіонамъ! Это сочтутъ за трусость, быть-можетъ, истолкуютъ даже какъ измѣну. Нѣтъ—тысячу разъ нѣтъ! Пробьюсь или дамъ себя убить, но ни за что не отступлю“.

И онъ вскочилъ въ волненіи и долго ходилъ взадъ и впередъ по каморкѣ, то пожимая плечами, то сомнительно качая головою. Наконецъ, онъ остановился передъ маленькимъ окошечкомъ, которое выходило въ огородъ, густо засаженный горохомъ, среди котораго, въ острастку воробьямъ, торчало безобразнѣйшее чучело, прикрытое жидовской шляпой съ широкими обтрепанными полями и пріодѣтое жалкими лохмотьями долгополаго лапсердака, давно уже отслужившаго свой вѣкъ.

Баронъ Синклеръ долго глядѣлъ на это чучело, потомъ сталъ улыбаться какою-то особою, странною улыбкой, которая относилась къ какимъ-то его соображеніямъ, и вдругъ ударилъ себя по-лбу ладонью.

— Ну, да, конечно такъ! Именно такъ, а не иначе! сказалъ онъ самъ себѣ, не сводя глазъ съ забавнаго чучела. — Какая мысль чудесная!.. Тутъ тоже нужно пугало, чтобъ воробьевъ, если и не спугнуть, такъ хоть глаза имъ отвести... Да, да!

И онъ поспѣшно подошелъ къ двери, отложилъ крюкъ и властнымъ голосомъ человѣка, который знаетъ себѣ цѣну, кликнулъ Шмуля.

Еврей мигомъ явился на зовъ.

— Пойди сюда поближе! твердо и серьезно сказалъ ему баронъ Синклеръ, становясь у стола и опираясь о столъ рукою.

Еврей приблизился шага на два, но все же остановился на благородной дистанціи отъ барона.

— Я — купецъ Гогберхъ, сказалъ баронъ внушительно, — и хочу тебѣ, купцу и извѣстному плуту Шмулю Фрейдензону, предложить гешефтъ, очень выгодный гешефтъ; но предупреждаю тебя, что ты на этотъ гешефтъ долженъ согласиться немедленно и безпрекословно, потому что мнѣ некогда терять съ тобою времени.

— Что угодно господину купцу,—я бѣдный еврей. господинъ Гогберхъ меня не обидитъ.

— Сколько далъ ты этимъ шуллерамъ за платье и нетычанку молодаго дурня, что храпитъ теперь за стѣною?

— Чистыя денежки далъ... Двѣсти злотыхъ далъ.

— Сейчасъ неси сюда все это платье. Я у тебя куплю и платье и нетычанку, и дамъ тебѣ за все хорошую цѣну. Ну, мигомъ, поворачивайся!

И баронъ топнулъ ногой въ подтвержденіе словъ. Еврей шмыгнулъ за дверь и вскорѣ вернулся съ большимъ узломъ платья, еще недавно составлявшаго собственность пана Болеслава.

Баронъ взялъ платье изъ рукъ еврея, быстро пересмотрѣлъ его и бросилъ въ уголъ на скамью. Потомъ вскрылъ свой чемоданъ, досталъ оттуда кошелекъ и, отсчитавъ кучку денегъ, сказалъ еврею:

— Бричку я не смотрю. Даю тебѣ за все пятьсотъ злотыхъ. Тсс!.. Молчать, безъ разговоровъ!.. Слушай дальше. Еще прибавлю двѣсти, когда ты въ точности исполнишь то, что̀ прикажу... Сейчасъ ступай отсюда на лѣстницу, сбери всякій старый стеклянный хламъ, кастрюли, сковороды, битыя тарелки и, проходя мимо дверей общей комнаты, гдѣ онъ спитъ, все это бухни на полъ, и подними содомъ такой, чтобы онъ, этотъ дурень, проснулся... Тсс! молчать и слушать! Когда проснется и позоветъ тебя, ты тотчасъ явись къ нему и будь съ нимъ грубъ и дерзокъ.

— Какъ можно, господинъ ба... купецъ! Да онъ меня побьетъ.

— Ну, что̀ за важность!.. Не въ первый разъ—за то вѣдь двѣсти злотыхъ... Деньги хорошія! Да и притомъ я бить тебя не дамъ (мнѣ это вовсе не нужно) и тотчасъ явлюсь къ тебѣ на помощь въ случаѣ нужды... Но если ты покажешь видъ, что знаешь меня или заикнешься о нашей сдѣлкѣ, даю тебѣ мое баронское слово, что я тебѣ влѣплю пулю въ лобъ... вотъ изъ этого самаго пистолета.

Шмуль весь съежился и осторожно попятился къ дверямъ.

— Такъ, значитъ, понялъ меня?

— Все отлично понялъ, господинъ купецъ.

— Пошелъ же... Дѣйствуй!

(Продолженіе будетъ).

Находка въ степи.

Повѣсть **Брэтъ-Гарта**.

Переводъ *Е. Евстафьевой*.

(Окончаніе).

XI.

Давно уже прозвонили къ вечернѣ, когда онъ вернулся въ коллегію. Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ одного изъ отцовъ, который вмѣсто того, чтобы обратиться къ нему съ вопросомъ, отвѣтилъ на его поклонъ съ такимъ странно-ласковымъ взглядомъ, который очень удивилъ мальчика. Онъ отправился въ кабинетъ отца Собріенте, гдѣ, къ большому неудовольствію, засталъ его на совѣщаніи съ тремя или четырьмя братьями-наставниками, которые, казалось, нѣсколько смутились при его появленіи. Кларэнсъ хотѣлъ поспѣшно удалиться, но отецъ Собріенте, окинувъ многозначительнымъ взглядомъ своихъ товарищей, прекратилъ конференцію и позвалъ мальчика обратно. Неясно волнуемый предчувствіемъ чего-то дурнаго, Кларэнсъ началъ поспѣшный разсказъ о своей встрѣчѣ съ Сьюзи и о томъ, какъ онъ желалъ бы, чтобы отецъ Собріенте позволилъ ему видѣться съ его подругой дѣтства. Старикъ смотрѣлъ въ открытые глаза мальчика съ задумчивой, сочувствующей улыбкой.

— Я только что хотѣлъ отпустить тебя къ... къ донъ-Хуану Робинсону, сказалъ онъ ласково.

Отецъ Собріенте раньше сказалъ бы „къ твоему кузену“, и теперь замѣна этого названія церемоннымъ полнымъ именемъ непріятно поразила Кларэнса.

— Но мы объ этомъ поговоримъ послѣ. Садись, сынъ мой,

Обрядъ омовенія рукъ послѣ пріема иноземныхъ посольствъ Московскими царями.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Шюблеръ.

я теперь свободенъ и мы потолкуемъ. Отецъ Педро говоритъ, что ты теперь прекрасно переводишь. Я очень доволенъ тобой, сынъ мой, очень.

Лицо Кларэнса просіяло довольной улыбкой. Его смутные страхи начали разсѣиваться.

— И ты, говорятъ, прекрасно переводишь съ диктовки? Отлично! У насъ есть свободный часокъ, и ты покажи мнѣ свое умѣнье. Я буду ходить взадъ и впередъ и диктовать тебѣ на моемъ бѣдномъ англійскомъ языкѣ, а ты передашь это на хорошемъ испанскомъ. Такимъ образомъ мы проведемъ время и пріятно и полезно.

Кларэнсъ улыбнулся. Такіе пріемы преподаванія и воспитанія были въ обычаяхъ добраго патера.

Мальчикъ сѣлъ за письменный столъ передъ чистымъ листомъ бумаги съ перомъ въ рукахъ. Отецъ Собріенте нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ своими тяжелыми, безшумными шагами. Пройдя раза два или три по комнатѣ, священникъ понюхалъ табаку и торжественно-гробовымъ голосомъ началъ слѣдующее:

— Въ писаніи сказано, что грѣхи отцовъ отразятся на дѣтяхъ, хотя легкомысленные грѣшники и пытаются убѣжать отъ этого закона строгаго, но справедливаго. Несчастные слѣпцы! Какъ часто злые люди, избѣгнувшіе наказанія сами, подвергаютъ той же участи близкихъ и любимыхъ! Но развѣ видъ страданій невинныхъ можетъ подѣйствовать на ихъ закоренѣлую въ грѣхѣ душу? Представимъ себѣ это, Кларэнсъ.

— Сэръ, сказалъ Кларэнсъ почтительно, прерывая свое упражненіе.

— Я хочу сказать, продолжалъ священникъ слегка кашлянувъ,—представимъ себѣ отца семейства. Представимъ себѣ человѣка самонадѣяннаго и своевольнаго, который оскорбилъ законы божескіе и человѣческіе и сдѣлалъ своимъ идоломъ то суетное божество, которое люди называютъ „честью"! Представимъ этого человѣка, игрока по профессіи, преступника между людьми, отверженнаго церковью, покинувшаго семью и друзей, жену, которую онъ долженъ былъ любить, сына, котораго долженъ былъ воспитать,—для того только, чтобы предаться своимъ пагубнымъ страстямъ. Представимъ себѣ этого несчастнаго въ ту минуту, когда передъ нимъ является мысль о сынѣ, которому въ наслѣдство онъ оставляетъ стыдъ и безчестье, но который, по своему характеру и привычкамъ, не можетъ идти порочной стезей по слѣдамъ своего отца. Каковы должны быть чувства родителя...

— Отецъ Собріенте, сказалъ Кларэнсъ тихо.

Въ эту минуту мальчикъ неожиданно почувствовалъ на своемъ плечѣ мягкую покровительственную руку священника и увидѣлъ передъ собой его лицо съ дрожащими отъ волненія губами.

— Что ты хотѣлъ сказать, Кларэнсъ? спросилъ онъ поспѣшно.—Говори, сынъ мой, не бойся. Ты хотѣлъ спросить...

— Я только хотѣлъ знать, нужно-ли послѣ слова „padre" ставить глаголъ въ мужескомъ родѣ? сказалъ Кларэнсъ наивно.

Отецъ Собріенте шумно высморкался.

— Разумѣется, разумѣется! При нѣсколькихъ существительныхъ предпочтеніе отдается мужескому роду, сказалъ онъ серьезно.—Посмотримъ, прибавилъ онъ, наклонясь надъ головой мальчика и бѣгло просматривая его работу. — Хорошо, очень хорошо! Теперь, продолжалъ онъ, проводя рукой по лбу,—мы попробуемъ сдѣлать обратное упражненіе. Я буду говорить по-испански, а ты будешь переводить по-англійски. Что бы такое?.. Да! Для разнообразія возьмемъ форму небольшаго разсказа.

Кларэнсъ, не имѣвшій вкуса къ высокопарнымъ отвлеченностямъ, съ удовольствіемъ согласился и взялъ перо. Отецъ Собріенте, не прекращая своей безшумной прогулки, началъ:

— На плодородныхъ равнинахъ Гвадалахары жилъ однажды нѣкій кабаллеро, имѣвшій большія стада и земли, жену и сына. Онъ былъ характера вспыльчиваго и жестокаго, любилъ опасныя приключенія, часто затѣвалъ ссоры, имѣвшія кровавую развязку. Онъ предавался излишествамъ, игрѣ и пьянству, чѣмъ подъ конецъ разстроилъ свое состояніе и удалилъ отъ себя своихъ друзей и знакомыхъ. Его жена, подавленная горемъ и стыдомъ, умерла, оставивъ младенца-сына. Черезъ годъ вдовецъ женился во второй разъ. Его новая жена была такого же бѣшенаго темперамента, какъ и мужъ. Между ними начались ссоры, которыя кончились тѣмъ, что мужъ бросилъ жену и сына и навсегда уѣхалъ изъ С.-Луи,—я хочу сказать—изъ Гвадалахары. Въ чужой землѣ, подъ вымышленнымъ именемъ, онъ продолжалъ свою безпутную жизнь, пока, наконецъ, двумя или тремя проступками навсегда отрѣзалъ себѣ возвращеніе въ цивилизованный міръ. Его покинутая жена и мачиха ребенка помирилась со своей судьбой и, запретивъ произносить въ своемъ присутствіи имя мужа, распространила слухъ о его смерти, скрывъ его существованіе даже отъ сына, котораго отдала на попеченіе своей сестрѣ. Но сестра тайнымъ образомъ вступила въ сношеніе съ отцомъ ребенка и, подъ предлогомъ отправить мальчика къ двоюродному брату, на самомъ дѣлѣ послала его къ отцу. Вѣроятно, движимый укорами совѣсти, недостойный человѣкъ...

— Остановитесь, сказалъ вдругъ Кларэнсъ.

Онъ отбросилъ перо и, поднявшись во весь ростъ, сталъ передъ своимъ воспитателемъ.

— Вы хотите сказать мнѣ что-то, отецъ Собріенте, выговорилъ онъ съ усиліемъ. — Говорите прямо, умоляю васъ. Для меня невыносима эта тайна. Я не ребенокъ, я имѣю право знать все! То, что вы разсказали мнѣ—не сказка, я вижу это по вашему лицу. Это исторія моего... моего...

— Твоего отца, Кларэнсъ, сказалъ священникъ дрожащимъ голосомъ.

Мальчикъ отступилъ назадъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Моего отца, повторилъ онъ.—Живъ онъ или умеръ?

— Онъ былъ живъ, когда ты въ первый разъ уѣхалъ изъ дому, сказалъ старикъ, схвативъ руку Кларэнса. — Это онъ, подъ именемъ твоего двоюроднаго брата, послалъ за тобой. Онъ былъ живъ все время, пока ты былъ здѣсь, такъ какъ это онъ стоялъ за спиной твоего вымышленнаго родственника донъ-Хуана. Это онъ отдалъ тебя въ эту школу. Онъ былъ живъ, Кларэнсъ, но онъ жилъ подъ именемъ и репутаціей, которая могла бы наложить на тебя неизгладимый позоръ. Теперь же онъ умеръ, умеръ въ Мексикѣ, сражаясь въ рядахъ инсургентовъ. Да успокоитъ Господь его душу!

— Умеръ, повторилъ Кларэнсъ, дрожа.—Только теперь!

— Извѣстія о возстаніи и его судьбѣ пришли только часъ тому назадъ, продолжалъ патеръ.—Его участіе въ этомъ дѣлѣ было извѣстно только одному донъ-Хуану. Онъ хотѣлъ скрыть отъ тебя правду, какъ этого и желалъ покойникъ. Но я и мои братья-сослуживцы рѣшили иначе. Я не умѣлъ только подготовить тебя къ этому извѣстію, прости меня.

Кларэнсъ горько разсмѣялся.

— Простить васъ?.. Чѣмъ былъ для меня этотъ человѣкъ!? воскликнулъ онъ съ страстнымъ порывомъ.—Онъ никогда не *любилъ* меня! Онъ бросилъ меня, сдѣлалъ мою жизнь сплошною ложью. Онъ никогда не пытался отыскать меня, придти ко мнѣ, протянуть мнѣ руку!

— Тише! тише! сказалъ священникъ съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, кладя на плечо мальчика свою большую руку и принуждая его сѣсть на прежнее мѣсто.—Ты самъ не знаешь что говоришь. Подумай—вспомни, Кларэнсъ! Не было-ли въ твоей жизни кого-нибудь, кто дружески отнесся къ тебѣ, кто заботился о тебѣ во время твоихъ странствованій и къ кому сердце твое обращалось съ невольною любовью? Вспомни, Кларэнсъ, ты самъ разсказывалъ мнѣ о такомъ человѣкѣ. Пусть сердце твое заговоритъ въ его оправданіе, въ оправданіе покойника!

Глаза мальчика вспыхнули огнемъ. Схвативъ рукавъ своего собесѣдника, онъ сказалъ взволнованнымъ шепотомъ:

— Былъ такой человѣкъ, котораго всѣ боялись,—Флиннъ, который привезъ меня съ пріисковъ. Да, я считалъ его другомъ моего родственника и я былъ съ нимъ откровеннѣе, чѣмъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, чѣмъ даже съ вами, и я думаю, я думаю, отецъ мой, что я любилъ его больше всѣхъ. Я считалъ, что я поступаю дурно, но я безумно привязался къ нему и въ то время, когда всѣ боялись его, я радовался, что этотъ, страшный для всѣхъ человѣкъ, относился ко мнѣ такъ ласково. Но и онъ бросилъ меня, не сказавъ мнѣ слова на прощанье, и когда я побѣжалъ за нимъ...

Мальчикъ опустился на кресло и закрылъ лицо руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ отецъ Собріенте настойчиво. — Не истолковывай поступка его въ дурную сторону. Повѣрь, что онъ изъ гордости хотѣлъ скрыть отъ тебя родство съ человѣкомъ, котораго всѣ ненавидѣли и презирали, и что это было частью наказанія, наложеннаго имъ на себя. Но знай, что даже въ ту минуту, когда ты съ такимъ презрѣніемъ бросилъ его подарокъ, онъ гордился тобой и любилъ тебя больше, чѣмъ когда-либо. Да, мой бѣдный мальчикъ, этотъ человѣкъ, къ которому Богъ направилъ твои дѣтскія стопы въ Оврагѣ Убійцъ, человѣкъ, который привезъ тебя сюда и по какому-то праву—неизвѣстному мнѣ—заставилъ донъ-Хуана принять на себя имя твоего родственника, этотъ человѣкъ — Флиннъ, этотъ Джэксонъ Брантъ—игрокъ, этотъ Гамильтонъ Брантъ—преступникъ, былъ твоимъ отцомъ! О, да! Плачь, сынъ мой! Твои слезы любви и прощенія смоютъ грѣхъ съ его души!

Движеніемъ руки онъ привлекъ къ себѣ Кларэнса, и мальчикъ тихо опустился передъ нимъ на колѣни. Священникъ положилъ руку на его склоненную голову и, поднявъ глаза къ небу, произнесъ на старомъ испанскомъ языкѣ:

— И ты, несчастный, взволнованный духъ, успокойся.

. . . .

Уже разсвѣтало, когда добрый патеръ отеръ послѣднія слезы съ глазъ Кларэнса.

— Теперь, сынъ мой, сказалъ онъ съ ласковой улыбкой,—не забудемъ жизненныхъ, насущныхъ интересовъ. Хотя твоя мачиха не имѣетъ на тебя никакихъ юридическихъ правъ, такъ какъ сама отказалась отъ нихъ, но не мнѣ указывать тебѣ, какъ ты долженъ себя вести по отношенію къ ней. Ты же вполнѣ свободенъ и независимъ.

Онъ всталъ, и открывъ ящикъ бюро, вытащилъ оттуда банковую книгу и передалъ ее удивленному мальчику.

— Это было *его* желаніе, Кларэнсъ, чтобы и послѣ смерти

его ты не могъ доказать своихъ родственныхъ правъ. Воспользовавшись твоимъ вкладомъ въ банкъ м-ра Кардэна, онъ на твое имя дѣлалъ ежемѣсячные взносы, которыми м-ръ Кардэнъ распоряжался по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ твой крошечный капиталъ увеличился въ нѣсколько тысячъ разъ. Теперь, Кларэнсъ, ты не только свободенъ, ты богатъ и ты самъ можешь выбрать себѣ имя, какое хочешь.

— Я сохраню имя моего отца, сказалъ мальчикъ просто.

— Amen, подтвердилъ отецъ Собріенте.

Здѣсь кончается хроника дѣтскихъ годовъ Кларэнса Бранта. Какъ воспользовался онъ своимъ богатствомъ и независимостью, какое участіе принимали въ его судьбѣ поименованныя здѣсь лица—составитъ можетъ быть предметъ будущаго сочиненія.

КОНЕЦЪ.

Кто же оскорбленъ?

Посвящается Елизаветѣ Владиміровнѣ Калиновской.

С. Ломницкаго.

I.

Въ 1880 году Степанъ Юрьевичъ Орлицкій окончилъ курсъ юридическаго факультета въ одномъ изъ нашихъ южныхъ университетовъ и зачислился въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Поселившись на одной изъ фешенебельныхъ улицъ, продолжая работать и посѣщая судебныя засѣданія, онъ, при его хорошихъ средствахъ, могъ спокойно выжидать, пока его практика образуется сама собою. Такъ прошелъ годъ съ лишнимъ. Возвратясь однажды изъ суда, Орлицкій принялся за чтеніе только что полученныхъ кассаціонныхъ рѣшеній, но не успѣлъ онъ пробѣжать глазами нѣсколькихъ строкъ, какъ у парадной двери раздался звонокъ, затѣмъ послышались торопливые шаги лакея, который не замедлилъ доложить, что господинъ Зарайскій желаетъ переговорить по дѣлу.

— Проси! сказалъ Орлицкій.

Онъ былъ нѣсколько даже удивленъ тѣмъ, что къ нему, молодому адвокату, въ такое позднее время,—было уже около восьми часовъ вечера,— могъ явиться кліентъ. Притомъ же и погода разыгралась не на шутку: сухой холодный восточный вѣтеръ подымалъ на улицѣ цѣлые холмы мелкаго, какъ песокъ, снѣга, крутилъ имъ въ воздухѣ и мелъ, образуя новые снѣжные сугробы.

Почти вслѣдъ за лакеемъ въ комнату вошелъ незнакомый господинъ и, не снимая пальто, съ цилиндромъ въ лѣвой рукѣ, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Орлицкій.

— Вы—господинъ Орлицкій? спросилъ незнакомецъ, отыскивая глазами стулъ.

— Я.—Садитесь. Что вамъ угодно? сказалъ Орлицкій, придвигая кресло.

Зарайскій усѣлся и сталъ быстро потирать руки; по временамъ онъ вздрагивалъ и дѣлалъ тщетныя усилія заговорить. Нѣсколько минутъ длилось какое-то неловкое молчаніе; въ теченіе этого времени Орлицкій могъ разглядѣть своего кліента.

Зарайскій былъ выше средняго роста, стройный мужчина, лѣтъ тридцати; коротко остриженные волосы обрамляли его высокій, нѣсколько четыреугольный лобъ; изъ-подъ темныхъ густыхъ бровей глядѣли сосредоточенно и даже нѣсколько сурово большіе темносиніе глаза; правильный римскій носъ и узкія сжатыя сухія губы придавали еще болѣе суровости его нѣсколько удлиненному бритому лицу.

Зарайскій тоже пытливо поглядывалъ на молодаго адвоката, которому шелъ всего двадцать шестой годъ. Орлицкій, казалось, выглядѣлъ еще моложе, благодаря прозрачной бѣлизнѣ своего лица, покрытаго легкимъ румянцемъ; вьющіеся темные волосы, большіе живые, немного навыкатъ, черные глаза, небольшая русая бородка и такіе же усы еще болѣе оттѣняли эту прозрачность его лица. Съ перваго взгляда Орлицкій могъ бы казаться крайне застѣнчивымъ человѣкомъ, если-бъ его красивый вздернутый носъ и нѣсколько большія красныя губы не придавали его лицу видъ какой-то задорной безпечности.

Адвокатъ первый прервалъ молчаніе.

— Вы, кажется, сильно озябли,— не прикажете ли чаю съ коньякомъ? сказалъ Орлицкій, стараясь скрыть нотку сострадація, которая какъ-то невольно звучала въ его голосѣ.

Онъ слегка нажалъ кнопку электрическаго звонка.

— Буду очень благодаренъ... Извините, пожалуйста, что я вошелъ къ вамъ, не снявъ въ передней пальто, но я такъ озябъ...

Сказавъ это, Зарайскій поднялся со стула и сталъ поспѣшно снимать пальто.

— Оставайтесь лучше такъ, сказалъ Орлицкій и, взявъ Зарайскаго за руку, усадилъ на прежнее мѣсто,— въ пальто вы скорѣе согрѣетесь, а вотъ кстати и чай, добавилъ онъ, указывая на лакея, который входилъ въ комнату, держа въ рукахъ подносъ.— Это будетъ очень кстати, продолжалъ Орлицкій, наливая полновѣсную рюмку коньяку и передавая ее Зарайскому.

Послѣдній очень быстро и даже съ нѣкоторою жадностью проглотилъ коньякъ и принялся отхлебывать горячій чай.

— Такъ вотъ, насчетъ дѣла... началъ Зарайскій, откинувшись на спинку кресла и принимая болѣе удобную позу.— Лѣтъ пять тому назадъ умерла моя бабушка по матери, графиня Зборовская; фамилію эту вы, вѣроятно, слыхали?

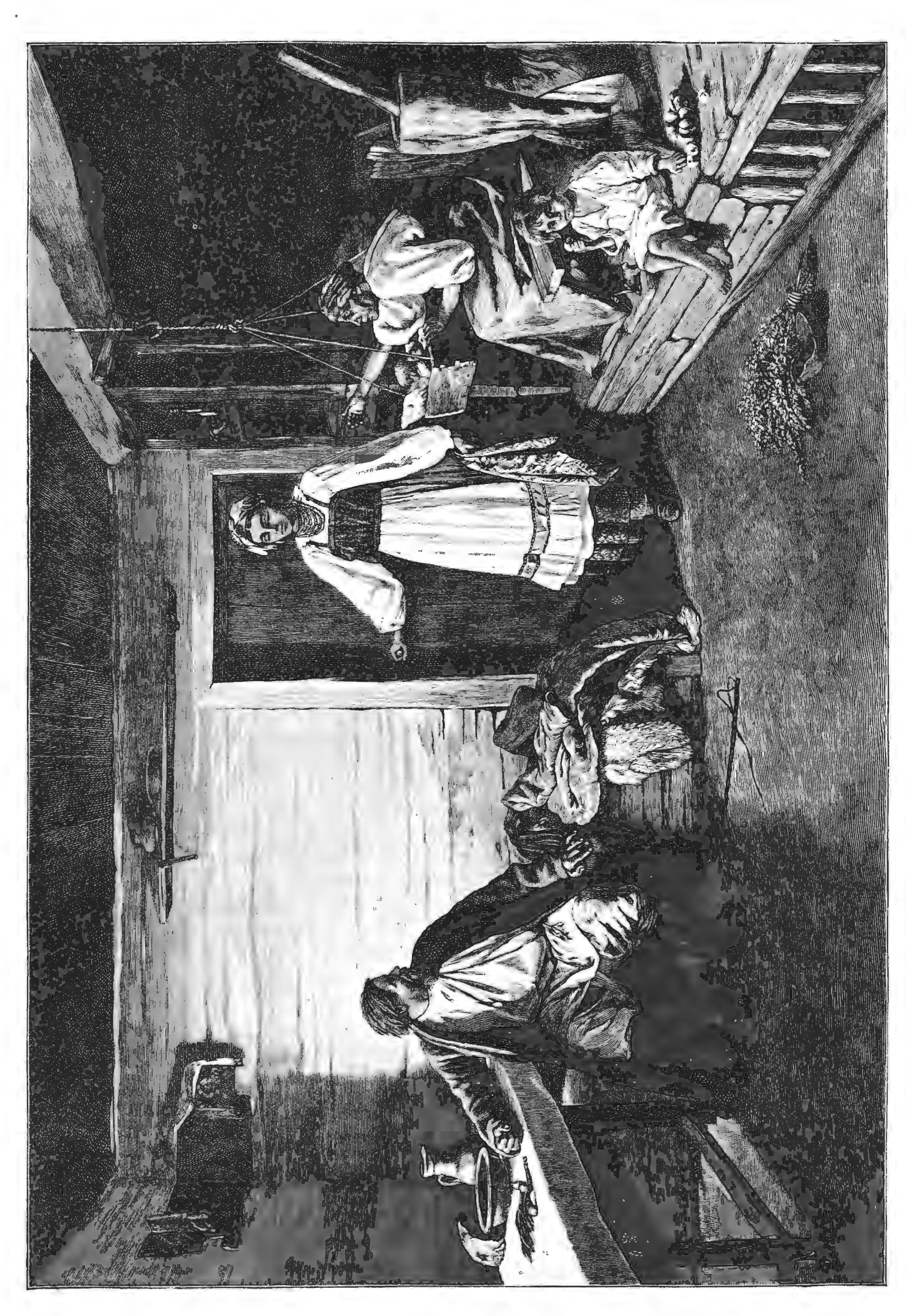
Довольно часто.

— Единственными наслѣдниками ко всему ея имуществу, которое превышало полтора милліона рублей, остались мы, ея внуки; насъ трое: братъ, сестра и я. Матери мы лишились очень рано; я, по крайней мѣрѣ, вспоминаю ее очень смутно; затосковавшій отецъ поступилъ въ монашескій Орденъ Кармелитовъ,—мы католики,—а наше воспитаніе предоставилъ покойной бабушкѣ, которая, будучи сама очень религіозной женщиною, старалась исполнить свои обязанности въ отношеніи насъ по своему крайнему разумѣнію: и вотъ въ качествѣ гувернеровъ и учителей нашихъ явились патеры всевозможныхъ наименованій. Конечно, результаты такого воспитанія не замедлили сказаться: братъ мой четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ іезуитскую коллегію въ Галиціи,— нѣчто въ родѣ лицея съ гимназическимъ и университетскимъ курсомъ, гдѣ всѣ предметы читаются съ точки зрѣнія „ихъ преподобій“, а система воспитанія направлена исключительно къ тому, чтобы оканчивающій курсъ лицея былъ вполнѣ подготовленъ ко вступленію въ орденъ іезуитовъ. Вы теперь поймете, почему старшій братъ мой Леопольдъ уже состоитъ въ настоящее время ректоромъ той же самой коллегіи. Сестру Софію они убѣдили постричься въ монахини ордена „Sacre-Coeur“, а я одиннадцати лѣтъ былъ взятъ на воспитаніе братомъ, который состоялъ тогда еще только преподавателемъ коллегіи. Іезуиты, какъ изволите видѣть, хорошо знали о томъ, какое, сравнительно громадное, наслѣдство мы должны будемъ получить, и употребили всѣ усилія, чтобы ни одна копѣйка изъ этого состоянія не ушла изъ ихъ рукъ. Но въ отношеніи меня ихъ расчеты не оправдались, и, несмотря на всѣ ихъ старанія, я вышелъ изъ лицея и желалъ было поступить на медицинскій факультетъ Краковскаго университета; но въ это время послѣдовала кончина моей бабушки, и я направился въ Россію получить наслѣдство. Не утомляю ли я васъ подробностями?

— Ничуть,—вашъ разсказъ начинаетъ интересовать меня; будьте только вполнѣ откровенны: адвокатура требуетъ чистосердечной исповѣди со стороны кліента, и она гарантируетъ вамъ тайну присягой, данной суду каждымъ, поступающимъ въ это званіе.

— Казалось бы, продолжалъ Зарайскій,— что не только въ силу закона, но и въ силу нравственныхъ и религіозныхъ основаній, ни братъ мой, ни сестра не имѣли ни малѣйшаго права выступать тоже въ качествѣ наслѣдниковъ. И положительный законъ, насколько мнѣ это извѣстно, и всѣ уставы монашескихъ орденовъ воспрещаютъ монашествующимъ наслѣдовать. Да оно и понятно: давшій торжественно обѣтъ бѣдности и отреченія отъ всѣхъ благъ міра сего считается умершимъ для всѣхъ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя касаются пріобрѣтенія имущества. Вѣроятнѣе всего, братъ и сестра не сдѣлали бы этого; объ этомъ позаботились другіе: орденъ іезуитовъ приказалъ брату и сестрѣ получить ихъ долю наслѣдства,— кусокъ былъ лакомый, такъ какъ приходилось имъ около милліона рублей. Не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о моихъ правахъ, ни о плутнѣ іезуитовъ, я первый настоялъ на томъ, чтобы сестра, при дѣлежѣ наслѣдства, получила равную съ нами долю,— по закону, кажется, ей слѣдовала только четырнадцатая часть изъ недвижимаго. Спустя полгода послѣ смерти бабушки мы раздѣлили наслѣдство; оно все состояло изъ громадныхъ имѣній въ одной изъ самыхъ плодороднѣйшихъ губерній въ Россіи; имѣнія эти были проданы нами нашимъ же родственникамъ графамъ Зборовскимъ за полтора милліона. Іезуиты, подъ именемъ брата и сестры, получили милліонъ наличными деньгами; моя доля пятьсотъ тысячъ рублей состояла изъ небольшой части наличныхъ денегъ, а остальное въ видѣ вполнѣ благонадежныхъ векселей покупщиковъ. Получивъ деньги, іезуиты начали постройку большаго монастыря и лицея въ Пруссіи возлѣ Бреславля, а такъ какъ деньги эти были добыты все же именемъ моего брата, то, чтобы польстить его самолюбію, они поручили ему постройку зданій и назначили его настоятелемъ воздвигаемаго монастыря и ректоромъ будущаго лицея. Но случилось такъ, что постройки были закончены во время разгара пресловутаго культуркампфа, и не успѣли еще іезуиты переселиться въ это новое гнѣздо, какъ Бисмаркъ, не долго думая, приказалъ обратить всю эту постройку въ кавалерійскія казармы.

— Признаться, замѣтилъ Орлицкій, довольно неожиданное перемѣщеніе капиталовъ: прусскія казармы были выстроены на ваши кровныя деньги. Но дѣло не въ этомъ. Скажите, по-



Гдѣ была? Съ картины **К. Трутовскаго**, грав. Шюблеръ.

Пляска съ мечами. Съ карт. Ивановича, грав. Жонаръ.

жалуйста, обратился онъ къ Зарайскому,—какимъ образомъ были совершены довѣренности отъ имени вашего брата и сестры; они, вѣдь, сами лично въ Россію не являлись за полученіемъ наслѣдства.

— Отъ ихъ имени ходатайствовалъ какой-то частный повѣренный. Почему васъ интересуетъ вопросъ о совершеніи довѣренностей? сказалъ Зарайскій.

— Весьма понятно, отвѣтилъ Орлицкій, — такъ какъ совершеніе этихъ довѣренностей есть двойной подлогъ: подлогъ со стороны подписывающаго эту довѣренность и подлогъ со стороны нотаріуса, совершающаго ее.

— Теперь я понимаю цѣль вашего вопроса, сказалъ Зарайскій, — а то, признаться, вначалѣ недоумѣвалъ. Да, дѣйствительно, здѣсь былъ подлогъ; не даромъ, вѣдь, іезуиты долго отыскивали подходящаго нотаріуса, пока наконецъ не нашли такого, котораго они съумѣли убѣдить, что такого рода подлогъ необходимъ въ интересахъ католической церкви и вообще: „ad majorem Dei gloriam“. Аргументъ этотъ они подкрѣпили еще тѣмъ, что за совершеніе двухъ довѣренностей уплатили нотаріусу двѣ тысячи гульденовъ. Сестра была вызвана въ Лембергъ или въ Краковъ, хорошо не помню, и здѣсь ночью въ стѣнахъ монастыря нотаріусъ совершилъ процедуру засвидѣтельствованія довѣренности. Да не только этотъ нотаріусъ, но и многіе сдѣлали бы то же самое: іезуиты вообще, а въ Австріи въ особенности, — это громадная сила; къ ихъ услугамъ всегда даже и подложные паспорты, когда имъ приходится отправляться въ Россію.

— И это, конечно, тоже „ad majorem Dei gloriam“, добавилъ Орлицкій и зашагалъ по комнатѣ.

Разсказъ Зарайскаго очевидно дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на молодаго адвоката.

— Получивъ векселя и деньги, я направился въ Пештъ, продолжалъ Зарайскій, — здѣсь жила моя тетка. По дорогѣ, на одномъ изъ вокзаловъ, чуть ли не въ Прерау, я повстрѣчалъ стараго арендатора корчмы въ нашихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ. Мошко Вайсерманъ—такъ звали почтеннаго кабатчика—очень обрадовался, увидѣвъ меня. Слово за слово, мы разговорились; оказалось, что и онъ тоже направляется въ Пештъ по своимъ торговымъ дѣламъ. Я не стану утруждать васъ разсказомъ о томъ, какъ я умудрился потерять все громадное состояніе; скажу только, что Вайсерманъ никакихъ торговыхъ дѣлъ въ Пештѣ не имѣлъ; онъ просто слѣдилъ за мною съ цѣлью заполучить векселя графовъ Зборовскихъ. Онъ зналъ хорошо благонадежность этихъ векселей. Вскорѣ онъ достигъ своего; въ стачкѣ съ нѣсколькими плутами, подъ видомъ необычайно выгодныхъ сдѣлокъ и предпріятій, онъ предложилъ мнѣ бланкировать эти векселя, что, конечно, я и сдѣлалъ. Векселя такимъ образомъ попали въ руки Мошки Вайсермана и компаніи, а вашъ покорнѣйшій слуга остался ни при чемъ. Я не оправдываю себя, — съ моей стороны это было преступное легкомысліе, а тѣмъ болѣе, что въ это время я уже былъ женатъ. Старуха-тетка, монашествующіе братъ и сестра, хотя и старше меня годами, но не могли дать мнѣ разумнаго совѣта, а тѣмъ болѣе, что по нашимъ взглядамъ на вещи, мы были людьми совершенно противоположныхъ убѣжденій, и въ моемъ разореніи они видѣли только Божью кару за то, что я не пожелалъ вступить въ орденъ іезуитовъ. Не забудьте, что тогда мнѣ было всего двадцать четыре года. На оставшіяся крохи я съ ребенкомъ и женой перебивались коекакъ въ теченіе пяти лѣтъ; кромѣ того я зарабатывалъ деньги уроками англійскаго языка: жена давала уроки пѣнія;—она превосходная пѣвица. Если-бъ вы видѣли, какой у меня чудный ребенокъ: двѣ капли воды — мать, а мать вѣдь не дюжинная красавица.

Лицо Зарайскаго при этихъ словахъ стало до того грустнымъ, до того жалкимъ, что такъ и казалось, что изъ его красивыхъ синихъ глазъ вотъ-вотъ брызнутъ слезы.

— На-дняхъ я получилъ письмо отъ нѣкоего Лисецкаго; онъ ранѣе того былъ управляющимъ нашими наслѣдственными имѣніями; тотъ пишетъ мнѣ, что за короткое время до своей смерти покойная бабушка выиграла по процессу тысячу пятьсотъ десятинъ земли въ одной изъ самыхъ лучшихъ губерній въ Россіи. При утвержденіи въ правахъ наслѣдства меня и іезуитовъ, никто объ этомъ ничего не зналъ и что въ настоящее время къ этому имуществу наслѣдницею признана сестра моя; при этомъ Лисецкій выразилъ удивленіе, почему и я не хлопочу о томъ же. Собравшись кое-какъ на послѣднія деньги, я направился въ Россію; по дорогѣ повидался съ сестрою. Изъ разговоровъ съ нею я узналъ, что никакого наслѣдства она не получала, и сама же она заявила мнѣ, что, въ качествѣ монашествующей, не имѣетъ на это никакого права; погоревала она надъ моимъ тяжелымъ положеніемъ, но чистосердечно призналась, что не только помочь мнѣ не можетъ, но что часто у нея не хватаетъ десяти крейцеровъ на покупку почтовой марки, когда ей хочется написать мнѣ. Тогда для меня стало ясно, что это новая продѣлка іезуитовъ. Выставить вторично наслѣдникомъ брата они не посмѣли,—въ настоящее время онъ уже слишкомъ извѣстное и офиціальное лицо въ іезуитскомъ орденѣ, а потому легче всего и безопаснѣе было воспользоваться для своихъ цѣлей именемъ сестры, безвѣстной монахини. Повторяю, сестра моя здѣсь рѣшительно ни при чемъ. Прежде, чѣмъ направиться къ вамъ, я побывалъ въ мѣстномъ судѣ,—письмо Лисецкаго подтвердилось вполнѣ. Что вы на это скажете?

— Хорошо обдуманное и ловкое мошенничество, замѣтилъ Орлицкій,—но борьба съ этими плутами очень трудна, а то, пожалуй, и невозможна. Но, быть можетъ, вашъ братъ... спохватился вдругъ Орлицкій, вспомнивъ разсказъ Зарайскаго.

— Вы желаете смягчить вашъ приговоръ, прервалъ Зарайскій. — Я не въ обидѣ за брата; плутуетъ, какъ и всѣ они. „Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“.

— Конечно „ad majorem Dei gloriam“, замѣтилъ Орлицкій.—Однако,—шутки въ сторону,—если придется вести это дѣло, то необходимо хорошо обдумать средства борьбы. Вѣдь, если я сдѣлаю въ этомъ направленіи одинъ шагъ, они сдѣлаютъ ихъ десять; они въ состояніи представить десятки самыхъ формальныхъ удостовѣреній о томъ, что ни вашъ братъ, ни сестра ваша никогда въ монашествѣ даже и не состояли. Да, пожалуй, они еще станутъ обвинять меня и васъ въ желаніи захватить чужое имущество... Въ собраніи доказательствъ по этому дѣлу, продолжалъ Орлицкій,—необходима величайшая осторожность; необходимо собирать доказательства такъ, чтобъ іезуиты ничего объ этомъ не знали или, по крайней мѣрѣ, чтобы они не догадывались, съ какою цѣлью собираются эти доказательства. Въ этомъ случаѣ можно было бы дѣйствовать черезъ мѣстнаго епископа; но, къ сожалѣнію, по уставу іезуитскаго ордена, никакой епископъ не имѣетъ ни малѣйшаго права не только надзора и контроля, но вообще какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла ордена, а равно и въ дѣла тѣхъ учрежденій, которыя находятся въ непосредственномъ завѣдываніи іезуитовъ. Къ числу такихъ учрежденій принадлежатъ женскіе монастыри ордена „Sacre-Coeur“. Іезуиты уже давно обратили свою дѣятельность на воспитаніе юношества, и монастыри „Sacre-Coeur“—это іезуитскія учрежденія для воспитанія въ надлежащемъ духѣ молодаго женскаго поколѣнія. Необходимо опасаться малѣйшаго промаха, чтобы не остаться въ глупомъ положеніи. Съ виду же все это дѣло весьма несложно. Необходимо только представить суду доказательства того, что ваша сестра состоитъ въ монашествѣ, затѣмъ документы, доказывающіе ваше родство съ нею, и просить судъ утвердить васъ въ правахъ наслѣдства, оставшагося послѣ монашествующей сестры вашей, какъ послѣ умершей. И она, дѣйствительно, умерла для всѣхъ юридическихъ отношеній.

Зарайскій слѣдилъ за каждымъ словомъ Орлицкаго, не спуская съ него глазъ. Орлицкій немного волновался; онъ ходилъ по комнатѣ большими шагами, часто проводилъ рукою по своему большому, бѣлому какъ снѣгъ, лбу и время отъ времени останавливался у стола, чтобы прихлебнуть чаю.

— Скажу вамъ откровенно, обратился Зарайскій къ Орлицкому, — что прежде чѣмъ явиться къ вамъ, я справлялся о васъ. Рекомендовалъ мнѣ обратиться къ вамъ Лисецкій,—вы его знаете?

— Первый разъ слышу эту фамилію.

— Слѣдовательно, ему говорили о васъ. Здѣсь въ городѣ мнѣ рекомендовали васъ, какъ человѣка богатаго и вполнѣ независимаго; говорятъ, что вы мало дорожите практикою.

— Смотря какою, сказалъ улыбаясь Орлицкій.

Зарайскаго повидимому покоробило это замѣчаніе; онъ какъ-то съежился и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ боязни, выжидающе поглядывалъ на Орлицкаго, который продолжалъ шагать по комнатѣ.

— Къ какому же разряду вы причислите мое дѣло? спросилъ Зарайскій неровнымъ и далеко неувѣреннымъ голосомъ.

— Ваше дѣло вполнѣ правое. У такого дѣла и нравственная подкладка хороша, да и законъ на вашей сторонѣ. Чего же вамъ больше, сказалъ Орлицкій.

При этихъ словахъ Зарайскій преобразился; онъ, что называется, просіялъ, какъ-то необычайно бодро поднялся со стула и подошелъ къ Орлицкому.

— Вашихъ словъ я ждалъ какъ приговора... Такъ вы примете на себя веденіе моего дѣла, неправда-ли?

— Весьма охотно, сказалъ Орлицкій, всѣми силами стараясь скрыть овладѣвшую имъ радость.

Для него это было первое довольно сложное и трудное дѣло. Сложное и трудное не по массѣ запутанныхъ юридическихъ отношеній, а по своему характеру, по силѣ и значенію того противника, съ которымъ ему придется встрѣтиться лицомъ къ лицу. Вѣдь предстояла борьба съ іезуитскимъ орденомъ, борьба не шуточная—поймать ихъ на плутнѣ, разоблачить ихъ преступную дѣятельность, даже, быть можетъ, съ немалою опасностью для себя лично. Развѣ это не имѣло вполнѣ захватывающаго интереса для него, молодаго начинающаго адвоката. Орлицкій былъ такъ неимовѣрно доволенъ тѣмъ, что въ его руки переходитъ такое дѣло, что не только готовъ былъ отказаться отъ всякаго гонорара, но, кажется, самъ заплатилъ-бы кліенту за такое задорное, живое, полное отчаянной борьбы дѣло.

— Признаться, сказалъ Зарайскій,—я рѣшилъ было не уходить отъ васъ ранѣе, чѣмъ вы не согласитесь принять мое дѣло. Я

готовъ былъ умолять васъ на колѣняхъ. Я не говорю уже о себѣ лично,—вы видите, что я пришелъ къ вамъ голодный, въ легкомъ лѣтнемъ пальто чуть-ли не при двадцати градусахъ мороза... Меня-то нелегкая не возьметъ; а вотъ когда я вспомнилъ, что моя жена и ребенокъ голодаютъ, да мерзнутъ отъ холода въ нетопленой комнатѣ, такъ я и рѣшилъ, что не уйду отъ васъ, пока вы не скажете ваше *да*. Спасая мое состояніе, вы избавите отъ цѣлаго ряда несчастій двухъ ни въ чемъ не повинныхъ людей... Ни жена, ни ребенокъ ничуть не повинны въ томъ, что я такъ легкомысленно потерялъ мои громадныя средства. Такъ позвольте мнѣ благодарить васъ отъ имени этихъ беззащитныхъ и голодныхъ!.. А дастъ Богъ, получимъ имѣніе,—половина ваша. Имѣніе это стоитъ не менѣе четырехсотъ тысячъ,—тамъ вѣдь тысяча десятинъ лѣсу. Вѣрите-ли, если-бъ вы потребовали двѣ-трети стоимости этого имѣнія, я сейчасъ же подписалъ бы сдѣлку и былъ бы очень радъ такому исходу нашихъ переговоровъ.

— Такого гонорара вы мнѣ и не предлагайте. Пользоваться чужимъ тяжелымъ положеніемъ я не желаю, да это и не въ моихъ привычкахъ, сказалъ Орлицкій. — И вообще этого не допускаетъ этика нашего сословія. Если дѣло будетъ окончено благополучно, то вы меня вознаградите какъ сможете, но и то въ суммѣ не свыше пяти процентовъ, исключая денегъ затраченныхъ мною на расходы по дѣлу.

— Вы сдѣлали мнѣ большое одолженіе, принявъ на себя веденіе моего дѣла, сказалъ Зарайскій.—Окажите мнѣ и вторую милость: позвольте мнѣ самому опредѣлить размѣръ вашего вознагражденія.

— По-моему, замѣтилъ Орлицкій,—это вопросъ пока преждевременный. Скажите, при васъ имѣются какіе-нибудь документы?

— Ихъ немного, но все же они подтвердятъ несомнѣнную правдивость всего того, что я сообщилъ вамъ, сказалъ Зарайскій, вынимая изъ боковаго кармана пальто чуть-ли не десятокъ сложенныхъ вчетверо документовъ, желтыхъ отъ времени и захватанныхъ пальцами.

Орлицкій принялся разсматривать документы.

— Да, вы правы, сказалъ онъ спустя нѣкоторое время.

Затѣмъ онъ отложилъ бумаги въ сторону и взглянулъ на Зарайскаго; тотъ съ сожалѣніемъ поглядывалъ на пустой стаканъ и очевидно стѣснялся попросить еще чаю.

— Знаете-ли, продолжалъ Орлицкій,—намъ необходимо закусить. Я оставлю васъ на минуту и распоряжусь.

Орлицкій направился въ столовую.

— Ты прекрасно сдѣлалъ, что пришелъ. Я думала вызвать тебя сюда, обратилась къ нему молодая миловидная женщина. Она сидѣла въ качалкѣ, и, по цѣлой массѣ разбросанныхъ кругомъ тряпокъ и катушекъ съ нитками, можно было заключить, что шитье здѣсь было въ полномъ ходу. При входѣ Орлицкаго, она отложила работу въ сторону.

— Степанъ Юрьевичъ, неужели ты его такъ оставишь?

— Какъ это? спросилъ недоумѣвающе Орлицкій.

— Неужели онъ будетъ продолжать странствовать въ лѣтнемъ пальто въ такой морозъ?

— Признаться, я объ этомъ не подумалъ.

— Этого мало, ты долженъ будешь еще подумать и о его женѣ и ребенкѣ,— ихъ, несчастныхъ, тоже такъ нельзя оставить.

— Слушаю-съ! сказалъ онъ и, шутливо вытянувшись въ струнку, сдѣлалъ подъ-козырекъ.

— Все это пока заботы ближайшаго будущаго, а ты распорядись о немедленномъ удовлетвореніи голода моего кліента, а то съ голодухи онъ, пожалуй, станетъ каннибаломъ, и отъ твоего мужа и костей не останется.

— Ты ступай къ своему кліенту. Я сейчасъ же распоряжусь, сказала Орлицкая.

Спустя четверть часа Зарайскій съ величайшимъ аппетитомъ доканчивалъ громадный кусокъ холоднаго ростбифа и, немедля, затѣмъ перешелъ къ рябчикамъ.

— Не правда-ли, настоящій эскимосъ, подшучивалъ онъ, вытирая губы салфеткой. — Съ утра, кромѣ стакана чаю, я ничего не ѣлъ. Въ жизни, вѣдь, все можетъ случиться, добавилъ Зарайскій, какъ бы въ оправданіе своего чрезмѣрнаго аппетита.—Въ которомъ часу прикажете мнѣ завтра явиться къ вамъ?

— Часовъ въ десять. Кстати, — пожалуйста оставьте мнѣ самый подробный адресъ вашей супруги; мнѣ это необходимо, сказалъ Орлицкій.

— Вы желаете провѣрить меня? замѣтилъ нѣсколько обидчиво Зарайскій.—Впрочемъ, вы меня совершенно не знаете и имѣете полное право сдѣлать это.

— Хотя я имѣю полное право сдѣлать это, но адресъ этотъ мнѣ необходимъ потому, что моя жена желаетъ позаботиться о вашей семьѣ, а вамъ я совѣтую, и даже ставлю это необходимымъ условіемъ принятія мною вашего дѣла,—во-первыхъ, занять у меня сто рублей, а во-вторыхъ, воспользоваться моимъ зимнимъ пальто. У меня ихъ кстати два, и я весьма охотно подѣлюсь съ вами.

Говоря это, Орлицкій дѣлалъ видъ, что продолжаетъ разсматривать документы.

— При этомъ, продолжалъ онъ,—я считаю долгомъ заявить вамъ, что все это ни къ чему васъ не обязываетъ, и если вы придете къ тому заключенію, что кто-либо другой изъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ быть вамъ полезнѣе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ я, то, ничуть не стѣсняясь, вы можете обратиться къ нему. Я говорю это не съ цѣлью порисоваться передъ вами, но я желаю оградить себя отъ всякихъ нареканій, на случай если-бъ дѣло окончилось ничѣмъ. Ручаться за исходъ этого дѣла я не могу, и все, что я могу сдѣлать въ отношеніи этого дѣла,—это только то, что приказываетъ мнѣ моя совѣсть, законъ и обязанности моей профессіи.

— Я не нахожу словъ благодарить васъ, началъ было Зарайскій, но не докончивъ фразы, онъ сталъ кусать губы и усиленно заморгалъ глазами.

— Вы устали, немного разстроены, а потому и нервничаете, заговорилъ Орлицкій, желая замять неловкость положенія. — Вамъ необходимо хорошо отдохнуть съ дороги и выспаться, а завтра пожалуйте ко мнѣ.

Зарайскій простился, при чемъ Орлицкій самъ проводилъ его въ переднюю, подалъ ему свое теплое на ватѣ пальто и всунулъ въ руку сторублевую бумажку.

Едва Зарайскій успѣлъ скрыться за парадною дверью, какъ навстрѣчу Орлицкому изъ столовой появилась его жена. Ольга Николаевна Орлицкая всего второй годъ была замужемъ; молодая, полная жизни и въ высшей степени изящная женщина, она въ то же время была одарена недюжиннымъ умомъ и отзывчивостью на все хорошее. Этотъ умъ и доброта свѣтились въ ея сѣрыхъ живыхъ глазахъ и озаряли ея молодое, полное жизни и энергіи лицо.

— Если-бъ ты отказался принять на себя веденіе этого дѣла, обратилась она къ мужу, — я перестала бы уважать тебя. Отказаться отъ такого дѣла, значило бы струсить. Весь вашъ разговоръ я слышала случайно; въ будуарѣ у меня холодно, я перешла въ столовую; дверь была не затворена, и я случайно узнала все. Сколько ты думаешь послать ей?

— Рублей сто.

— Послушай, мой милый, я прибавлю еще своихъ пятьдесятъ. Не забудь, — у нея ребенокъ. Ты самъ скоро будешь отцомъ. Пойми положеніе матери при такихъ обстоятельствахъ.

— Ты прекрасно сдѣлаешь... Вотъ ея подробный адресъ. Завтра же зайди въ банкъ и переведи деньги телеграммой. Славная ты у меня! добавилъ Степанъ Юрьевичъ, глядя на жену съ улыбкой удовольствія, и сталъ осыпать ее поцѣлуями.

— А у меня все приданое для Боба уже готово, сказала она, счастливо улыбаясь и краснѣя.

Она давно уже рѣшила, что ихъ первый ребенокъ непремѣнно будетъ сынъ и она назоветъ его Борисомъ.

Долго еще за полночь Орлицкій все шагалъ по гостиной, обдумывая планъ будущей борьбы. Наконецъ, уставъ, онъ прилегъ на постель, но вмѣсто сна всю ночь проворочался съ-боку-на-бокъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Изъ быта крестьянъ-рыболововъ на островѣ Наргенѣ. (Рис. на стр. 889).

Не даромъ говорится въ народѣ: „кто на морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не маливался...“ Въ этомъ наглядно могъ бы убѣдиться каждый, побывавшій на прибрежьяхъ и островахъ нашего бурнаго Балтійскаго моря—хоть бы на островѣ Наргенѣ, напримѣръ, о которомъ такъ живо напоминаютъ намъ прилагаемые къ нынѣшнему № *Нивы* рисунки талантливаго художника-туриста.

Налѣво, передъ нами крытый, палубный рыбачій ботъ, въ которомъ ежедневно съ Наргена отправляется запасъ свѣжей рыбы въ Ревель. Рѣзкій морской вѣтеръ гнетъ его на-бокъ, вздувая его паруса; морская пучина кипитъ и клокочетъ кругомъ, чайки съ зловѣщимъ свистомъ носятся и вьются въ сѣромъ, туманномъ воздухѣ; а смѣлые рыбаки, привычные къ морю съ дѣтства, спокойно смотрятъ въ лицо вѣчно окружающей ихъ опасности и, зорко слѣдя за рулемъ и снастями, думаютъ только о томъ, какъ они продадутъ въ Ревелѣ рыбу и сколько получатъ за свой тяжкій трудъ и за преодолѣваемыя ими опасности.

Направо, береговой сторожъ зажигаетъ цвѣтной фонарь на пристани рыбацкой деревни... Онъ знаетъ, какъ важно для запоздалаго въ морѣ товарища-рыбака или инаго морехода—увидѣть издали знакомый, манящій, трепетный свѣтъ береговаго фонаря, который зоветъ къ себѣ и указываетъ дорогу въ надежную пристань. И вотъ, несмотря ни на дождь, ни на бурный вѣтеръ и ненастье, онъ покидаетъ свой теплый кровъ и лѣзетъ на столбъ, чтобы вздуть въ фонарѣ (красномъ, синемъ или зеленомъ) огонекъ, который будетъ далеко бросать по морю свой привѣтный, ласкающій лучъ... „Авось и увидятъ?“ думаетъ онъ. „Авось -и доѣдутъ?..“

Лакомки. (Рис. на стр. 892).

Свой рисунокъ А. Земцовъ назвалъ „Лакомки“. Окончивъ этюдъ и довольный своею работой, художникъ собрался было заморить червячка, но заприметилъ двухъ деревенскихъ молодокъ. Онѣ подошли посмотрѣть, какъ баринъ картинки пишетъ, а онъ, какъ на грѣхъ, перестал работать и, потчуя, заговариваетъ съ деревенскими красавицами.

Листья обсыпаются. (Рис. на стр. 893).

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ,
Лишь вдали красуются, тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ...

А. Толстой.

Обрядъ омовенія рукъ послѣ пріема иноземныхъ посольствъ Московскими царями. (Рис. на стр. 897).

Рисунокъ академика Дмитріева-Оренбургскаго, помѣщаемый нами въ нынѣшнемъ № *Нивы*, изображаетъ торжественный пріемъ иноземнаго посла въ Грановитой Палатѣ. Такіе торжественные пріемы бывали въ московской придворной жизни явленіемъ довольно рѣдкимъ и потому именно обставлялись чрезвычайнымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Не только самая Грановитая Палата, для подобныхъ пріемовъ, убиралась дорогими коврами и обставлялась по стѣнамъ и около средняго столба громаднымъ запасомъ золотой и серебряной посуды, но и всѣ лѣстницы, сѣни, переходы и дворцовые покои, по которымъ приходилось проходить посольству во дворцѣ до Грановитой Палаты, украшались по стѣнамъ особымъ „шатернымъ нарядомъ,“ т. е. дорогими цвѣтными матеріями. Непрерывный рядъ царедворцевъ, различныхъ чиновъ и степеней, стоялъ стѣною во всѣхъ дворцовыхъ покояхъ на пути посольства и поражалъ иноземцевъ блескомъ и роскошью своихъ парчевыхъ и бархатныхъ кафтановъ. Но, вступивъ въ Палату и увидѣвъ царя, сидящаго на тронѣ, въ такъ-называемомъ „большомъ нарядѣ“, окруженнаго важнѣйшими сановниками и всѣми символами его державной мощи — иноземцы бывали ослѣплены необычайными богатствами царской казны. Не только весь нарядъ государя — его шапка, бармы, платно — горѣлъ крупнѣйшими драгоцѣнными камнями и сплошь былъ усаженъ жемчужинами въ добрый каленый орѣхъ; но и тронъ царскій, иконы надъ трономъ и по бокамъ его также блистали золотомъ, рубинами, алмазами, яхонтами и изумрудами. Красавцы-юноши, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, съ золотыми цѣпями на груди, съ позлащенными топориками на плечахъ, стояли передъ царемъ въ видѣ почетной стражи. Бояре и патріархъ сидѣли и стояли въ Палатѣ, кругомъ стѣнъ и около трона, въ глубокомъ и почтительномъ молчаніи. Въ ближайшемъ разстояніи отъ трона стояли и *стряпчіе* государевы, т. е. тѣ чиновники, которые носили за государемъ и подавали ему, въ случаѣ надобности, его посохъ, его платокъ, коврикъ подъ ноги его, складной стулъ и т. п. Среди этихъ стряпчихъ, въ Грановитой Палатѣ, иноземцы обращали особенное вниманіе на одного, который держалъ на серебряномъ блюдѣ полотенце и, по данному знаку, подавалъ государю серебряный рукомойникъ и такую же лоханку, въ которой царь мылъ руки, а потомъ вытиралъ ихъ полотенцемъ, лежавшимъ на блюдѣ. Этотъ обрядъ омовенія совершался государемъ каждый разъ, когда ему приходилось принимать изъ рукъ иноземцевъ привозимыя ими грамоты или допускать ихъ „къ рукѣ“. Вѣроятно, при этомъ имѣлся въ виду подобный же обычай византійскаго придворнаго этикета; но легко можетъ быть, что къ „омовенію рукъ“ побуждалъ и тотъ предразсудокъ противъ всего иноземнаго, какъ противъ нечистаго и *бусурманскаго*, который былъ сильно распространенъ въ старой Московской Руси. Этотъ предразсудокъ вывелся у насъ только со временъ Петра Великаго, который вошелъ въ ближайшее общеніе съ иноземцами и всѣхъ заставилъ слѣдовать въ этомъ отношеніи своему примѣру.

Художникъ изобразилъ намъ на своемъ рисункѣ именно тотъ моментъ, когда иноземный посолъ, только что представившій царю грамоту отъ своего государя, удаляется отъ трона, расшаркиваясь и раскланиваясь. Царь принялъ грамоту и положилъ ее около трона на особый *стоянецъ* (или столикъ), а самъ тотчасъ же приступилъ къ „омовенію рукъ“, желая очистить себя отъ той нечисти, которая могла передаться ему черезъ прикосновеніе къ грамотѣ, писанной въ „иновѣрныхъ, европскихъ странахъ“.

Само собою разумѣется, что этотъ странный обычай „омовенія рукъ“ долженъ былъ производить на иноземцевъ очень тяжелое и непріятное впечатлѣніе. По этому обычаю они слишкомъ ясно и осязательно могли убѣдиться въ томъ, какъ смотрятъ на иноземцевъ въ Московіи, и, конечно, относились къ московскимъ людямъ съ недовѣріемъ и подозрительностью. Только тогда, когда русскіе люди стали сами бывать за границей и подолгу жить тамъ, измѣнились ихъ ложные взгляды на иноземцевъ и иновѣрцевъ: вмѣстѣ съ этою перемѣною взглядовъ измѣнился и дворскій этикетъ, и „обрядъ омовенія рукъ“ сохранился только въ памяти археологовъ и историковъ, какъ любопытная черта нашей прошлой жизни...

П. П.

Гдѣ была? (Рис. на стр. 900).

На нашихъ выставкахъ художественныхъ произведеній рѣдко попадаются картины въ родѣ работы академика Трутовскаго, подъ названіемъ „Гдѣ была?“, гравюра съ которой помѣщена на стр. 900. Не только прекрасная по выполненію, она приковываетъ къ себѣ вниманіе зрителя драматичностью содержанія, переданнаго съ замѣчательною наблюдательностью и чувствомъ художественной мѣры.

Въ избѣ, написанной съ присущею художнику отчетливостью и правдивостью, за столомъ сидитъ пожилой мужъ-крестьянинъ, неожиданно вернувшійся домой. У двери стоитъ его молоденькая женка. Она одѣта по-праздничному: въ богатую кисейную рубаху и красный сарафанъ, голова повязана новымъ платкомъ, на шеѣ — бусы. На лицѣ, съ котораго не успѣлъ сбѣжать румянецъ, замѣтны и слѣды недавняго веселья, и страхъ передъ расправой. „Гдѣ была?“ грозно спрашиваетъ мужъ, ударяя жилистымъ кулакомъ по столу, и свирѣпо поглядываетъ на жену. А тутъ еще старуха, покачивая люльку съ груднымъ ребенкомъ и указывая костлявой рукой на невѣстку, жалуется на непосѣду и, быть-можетъ, уговариваетъ сына поучить жену...

Пляска съ мечами. (Рис. на стр. 901).

Художникъ Ивановичъ въ своихъ работахъ знакомитъ зрителей съ событіями и сценами изъ жизни населенія западной окраины Балканскаго полуострова. На его картинѣ „Пляска съ мечами“ воспроизведенъ этотъ своеобразный танецъ, исполняемый подъ нехитрую музыку и похлопываніе въ ладоши разгулявшихся воякъ.

М. И. Писаревъ. (Портр. на стр. 905).

Въ Михайловскомъ театрѣ 16-го сентября состоялось чествованіе одного изъ выдающихся русскихъ драматическихъ артистовъ—Модеста Ивановича Писарева, по случаю исполнившагося въ этотъ день двадцатипятилѣтія его артистической дѣятельности.

Достаточно поименовать тѣ города, изъ которыхъ были получены въ день юбилея поздравительныя сердечныя телеграммы, чтобы судить насколько М. И. Писаревъ извѣстенъ въ Россіи. Всѣ московскіе театры почтили высокоуважаемаго артиста въ этотъ день привѣтствіями, Казань и Кіевъ, Саратовъ и Вильна, Орелъ и Одесса, Ялта и Варшава, Смоленскъ и Рига и многіе другіе города, въ коихъ имѣются драматическіе театры и на подмосткахъ коихъ появлялся М. И. Писаревъ, не забыли его въ этотъ день.

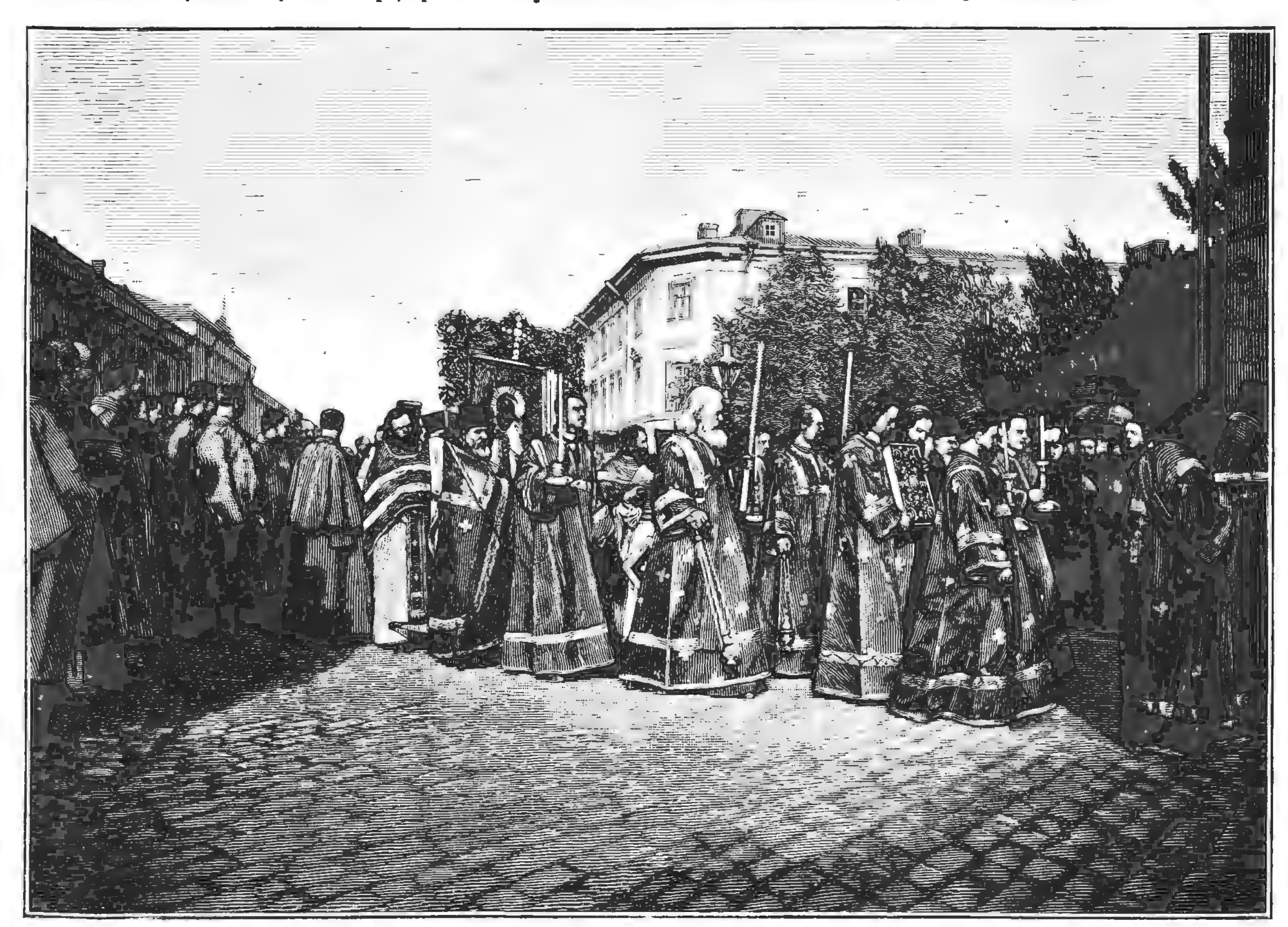
Критика давно признала М. И. не имѣющимъ себѣ соперниковъ на характерныя и сильно драматическія роли, требующія игры глубоко обдуманной и въ то же время вдохновенной. М. И. создалъ цѣлый рядъ художественныхъ образовъ и типовъ; Іоаннъ Грозный, Ананій Яковлевъ, Левъ Красновъ, Несчастливцевъ, Русаковъ, Корякинъ и множество другихъ останутся навсегда запечатлѣнными въ сердцахъ всѣхъ, видѣвшихъ М. И. зрителей. Писаревъ по праву считается однимъ изъ „столповъ“ петербургскаго Императорскаго драматическаго театра.

М. И. Писаревъ обладаетъ въ высокой степени всѣми данными, необходимыми для широкой сценической дѣятельности,— большимъ драматическимъ дарованіемъ, прекрасною, сценическою представительной наружностью, прекрасною школой и высшимъ научнымъ образованіемъ, столь необходимымъ для артиста, который поставилъ себѣ задачею не только развлекать и доставлять эстетическое наслажденіе, но и поучать зрителей.

М. И. Писаревъ родился въ г. Каширѣ, Тульской губерніи, въ 1841 году 2 февраля. Дѣтство провелъ въ деревнѣ своего отца въ Каширскомъ уѣздѣ, а по достиженіи 11-ти лѣтъ поступилъ въ 4-ю московскую гимназію (бывшій Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ), гдѣ и пробылъ до четвертаго класса. Отсюда онъ перешелъ въ 1-ю московскую гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ. Высшее научное образованіе М. И. Писаревъ получилъ въ Московскомъ Императорскомъ университетѣ, по юридическому факультету. Любовь къ театру возбудилъ въ немъ А. А. Григорьевъ, знаменитый критикъ, въ то время учитель въ 1-й московской гимназіи. Черезъ него М. И. познакомился, еще въ очень юные годы, съ Островскимъ, Писемскимъ, Меемъ и другими извѣстными писателями, общество которыхъ имѣло, естественно, сильное вліяніе на впечатлительнаго юношу. Позднѣе М. И. Писаревъ сблизился съ Некрасовымъ и Тургеневымъ. Еще будучи гимназистомъ, Писаревъ принималъ дѣятельное участіе въ любительскихъ спектакляхъ, часто посѣщавшихся М. С. Щепкинымъ, П. М. Садовскимъ и К. Н. Полтавцевымъ. Знакомство съ тогдашней образцовой труппой московскихъ артистовъ оказало также не малое вліяніе на развитіе въ М. И. сценическаго дарованія. Черезъ годъ по окончаніи курса въ университетѣ М. И. поступилъ на сцену въ Симбирскѣ въ 1867 году; онъ дебютировалъ въ роли Безсуднаго въ пьесѣ Островскаго „На бойкомъ мѣстѣ“, при чемъ имѣлъ большой успѣхъ.

М. И. Писаревъ. Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

И. А. Мельниковъ. Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.



Крестный ходъ кругомъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора въ С.-Петербургѣ. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Выступивъ затѣмъ въ роли Арбенина въ „Маскарадѣ", Лермонтова, молодой артистъ принятъ былъ восторженно симбирскою публикой. Затѣмъ М. И. игралъ съ такимъ же успѣхомъ въ городахъ: Оренбургѣ, Самарѣ, Казани, Астрахани, Саратовѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Ставрополѣ (кавказскомъ), Одессѣ и во многихъ большихъ городахъ провинціи. Въ 1872 году М. И. Писаревъ былъ приглашенъ въ Москву на гастроли въ „Народный театръ", во время политехнической выставки. Здѣсь онъ далъ тридцать спектаклей, за которые почтенъ золотою медалью. Въ 1876 году, по приглашенію г. Вильде, Писаревъ поступилъ въ труппу Московскаго артистическаго кружка и въ томъ же году выступилъ впервые передъ петербургскою публикой на сценѣ столичнаго клуба художниковъ. Здѣсь онъ имѣлъ огромный успѣхъ. Въ 1886 г. въ Москвѣ открылся „Пушкинскій театръ", М. И. былъ приглашенъ туда на первыя драматическія роли и прослужилъ въ Москвѣ пять лѣтъ—два года въ „Пушкинскомъ", два года въ „Русскомъ театрѣ" Корша и одинъ годъ въ „Драматическомъ театрѣ" Лентовскаго. Въ 1885 году М. И. Писаревъ перешелъ на Императорскую петербургскую сцену, украшеніемъ которой онъ служитъ и въ настоящее время.

Въ день своего юбилея М. И. Писаревъ выступилъ въ пьесѣ „Въ неравной борьбѣ" и былъ встрѣченъ долго несмолкавшими рукоплесканіями зрителей, а по окончаніи роли Таболина-Турскаго въ третьемъ актѣ—вышедшій на вызовы артистъ долженъ былъ принимать изъ оркестра множество вѣнковъ и подарковъ.

Дѣятельно подвизаясь на поприщѣ драматическаго искусства, М. И. Писаревъ находитъ возможнымъ удѣлять часть своего времени литературнымъ и педагогическимъ занятіямъ. Въ бытность въ Московскомъ университетѣ, онъ состоялъ при редакціи журнала *Антрактъ* въ качествѣ рецензента, печаталъ стихи и статьи о театрѣ въ *Развлеченіи*, въ *Оберточномъ Листкѣ* и въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Педагогическая его дѣятельность началась въ Московскомъ Филармоническомъ Обществѣ въ 1883 году; пробывъ здѣсь два года, М. И. сталъ преподавать сценическое искусство въ школѣ Петербургскаго Литературно-Драматическаго Общества. Широкое поле для дѣятельности въ этомъ направленіи открылось М. И. Писареву съ основаніемъ въ 1888 году высшихъ драматическихъ курсовъ при Императорскомъ Театральномъ училищѣ. Многіе изъ учениковъ и ученицъ М. И. успѣли уже занять прочное положеніе на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ. **X—ъ.**

И. А. Мельниковъ. (Портр. на стр. 905).

Въ нынѣшнемъ году, 24 сентября, исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Александровичъ Мельниковъ началъ свою блестящую артистическую карьеру на сценѣ Императорской Петербургской русской оперы. Для отдѣльной личности—это періодъ не малый, а для артиста-пѣвца весьма почтенный. За четверть вѣка служенія И. А. Мельникова искусству, въ разныхъ журналахъ, а также и на страницахъ *Нивы* не разъ бывали помѣщаемы портреты, біографіи и самые лестные отзывы о талантливомъ артистѣ, а потому въ настоящее время, помѣщая портретъ Мельникова по случаю его юбилея, мы ограничимся лишь краткой привѣтственной замѣткой. 24 сентября въ скромной квартирѣ И. А. Мельникова рано утромъ получены были телеграммы, письма, подношенія, лавровые вѣнки, а съ 11 часовъ къ юбиляру начали прибывать многочисленные поклонники и почитатели даровитаго артиста, представители музыкальной критики и хорошіе знакомые и товарищи-артисты. Здѣсь и состоялось скромное чествованіе юбиляра.

Въ настоящее время Мельниковъ—почетный членъ труппы русской оперы, гордость и слава Маріинскаго театра. Его чудный голосъ, чарующій красотой и задушевностью звуковъ, художественное музыкальное исполненіе представляютъ собою рѣдкій природный даръ, обработанный прекрасной школой. Этотъ даръ ставитъ И. А. Мельникова на ряду съ знаменитѣйшими баритонами, каковы: Форъ, Котоньи, Кашманъ и Граціани. Первый блестящій дебютъ рѣшилъ дальнѣйшую карьеру Мельникова, и съ тѣхъ поръ онъ на Маріинской сценѣ создалъ много ролей, участвуя болѣе чемъ въ сорока операхъ.

Обладая также драматическимъ талантомъ, Мельниковъ былъ замѣчательно хорошъ, какъ въ сильныхъ драматическихъ роляхъ, такъ равно и въ лирическихъ партіяхъ.

Иванъ Александровичъ Мельниковъ когда-то одинъ несъ на себѣ весь репертуаръ нашей оперной сцены; въ настоящее время онъ дѣлитъ его съ молодыми силами; самъ же, будучи болѣе свободенъ, предпринимаетъ устройство концертовъ, въ коихъ приглашаетъ участвовать начинающихъ артистовъ, и всегда съ охотой дѣлится съ ними своею опытностью по части художественнаго исполненія. Имъ же основанъ прекрасный хоръ при С.-Петербургской городской думѣ, принимающій участіе въ его популярныхъ концертахъ, между которыми особенно выдается благотворительный концертъ въ Коммерческомъ училищѣ въ пользу недостаточныхъ учениковъ этого заведенія, гдѣ самъ И. А. получилъ образованіе.

Всеобщее уваженіе къ артисту не прошло незамѣченнымъ, и Государь Императоръ удостоилъ И. А. Мельникова чести получить званіе солиста Двора Его Императорскаго Величества.

Александръ X—ъ.

Празднованіе 500-лѣтія со дня кончины Преподобнаго Сергія въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. (Рис. на стр. 905).

Празднованіе столь дорогой для всѣхъ русскихъ людей пятисотой годовщины, минувшей со дня кончины Преподобнаго Сергія, происходившее по всему лицу Земли Русской, нашло себѣ, конечно, горячій отголосокъ въ стѣнахъ столицы, построенной Петромъ Великимъ, глубоко чтившимъ память Сергія. Главнымъ центромъ празднества былъ здѣсь Сергіевскій всей артиллеріи соборъ, что на Литейной, на углу Сергіевской улицы. Въ то время, когда въ Исаакіевскомъ соборѣ и въ другихъ главныхъ соборахъ столицы совершались архіерейскія богослуженія, громадная толпа народа собралась по обѣ стороны Литейной и Сергіевской улицъ, около Сергіевскаго собора, и выжидала здѣсь крестнаго хода, который по окончаніи литургіи и молебновъ долженъ былъ двинуться кругомъ храма. Около храма выстроены были войска и военно-учебныя заведенія, для которыхъ храмъ служитъ приходомъ, а именно: въ пѣшемъ строю взводъ юнкеровъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, по взводу отъ Технической и Пиротехнической артиллерійскихъ школъ и по сводному взводу отъ лейбъ-гвардіи 1-й, 2-й и гвардейской конно-артиллерійской бригадъ. Въ самый соборъ пускали только по билетамъ, такъ какъ онъ весь былъ сплошь занятъ блестящимъ составомъ высшаго военнаго начальства, представителями артиллерійскаго вѣдомства и другими высокопоставленными лицами. Сверхъ того, въ соборѣ дано было мѣсто членамъ Сергіевскаго братства, Славянскаго Благотворительнаго Общества, а также старцамъ и дѣтямъ, которые призрѣваются Сергіевскимъ приходскимъ пріютомъ. По окончаніи литургіи, настоятелемъ собора о. Капитономъ и протопресвитеромъ военнаго и морскаго вѣдомствъ о. Желобовскимъ были сказаны приличествующія торжеству рѣчи о заслугахъ Преподобнаго Сергія и его великомъ значеніи въ средѣ русскаго народа. Затѣмъ мѣстная икона Преподобнаго Сергія была вынута изъ стѣны, вставлена въ раму, обвитую гирляндами живыхъ цвѣтовъ, и поднята на плечи священнослужителями, которые двинулись изъ храма, предшествуемые причтомъ и пѣвчими, съ предносимымъ крестомъ, хоругвями и свѣтильниками; этотъ крестный ходъ и обошелъ кругомъ храма, привѣтствуемый со стороны войска гимномъ „Коль славенъ". По возвращеніи въ соборъ отслужено было молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, Августѣйшему Генералъ-Фельдцейхмейстеру и Великимъ Князьямъ, коихъ тезоименитства совпадали съ днемъ празднества. Послѣ окончанія молебствія пропѣта была вѣчная память великому князю Московскому Дмитрію Іоанновичу (Донскому) и въ Бозѣ почившимъ императорамъ Петру I, Павлу I, Александру I, Николаю I и Александру II, и императрицамъ—Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, Екатеринѣ II и великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.

Одновременно съ этимъ торжественнымъ богослуженіемъ память Преподобнаго Сергія праздновалась весьма торжественно въ окрестностяхъ Петербурга, въ Сергіевской пустыни, что на Петергофской дорогѣ, около Стрѣльны. Толпы народа сошлись и съѣхались въ эту обитель изъ всѣхъ окрестныхъ населенныхъ мѣстъ, а изъ столицы прибылъ крестный ходъ, какъ бы для привѣтствія обители съ ея праздникомъ. Около монастырской трапезы происходила даровая раздача богомольцамъ превосходнаго чернаго хлѣба, выпеченнаго въ обители. Вечеромъ въ тотъ же день, въ Петербургѣ, въ трехъ мѣстахъ, происходили бесѣды о подвижнической жизни Преподобнаго Сергія: одна, послѣ вечерни, въ Сергіевскомъ соборѣ; другая — въ залѣ Городской Думы, гдѣ словесное изложеніе сопровождалось туманными картинами, иллюстрирующими жизнь Преподобнаго; третья — въ Соляномъ Городкѣ. Въ то же время Сергіевское братство, освятивъ въ этотъ знаменательный день свою новую столовую, открыло въ ней раздачу бѣднымъ обѣдовъ и чая.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ *Нивы* мы дадимъ въ художественномъ исполненіи снимки съ крестнаго хода въ Троице-Сергіеву Лавру, полученные намъ изъ Москвы, и сообщимъ еще нѣкоторыя малоизвѣстныя свѣдѣнія о святыняхъ обители.

Политическое обозрѣніе.

Императоръ Германскій, послѣ недолгаго пребыванія въ Веймарѣ, на золотой свадьбѣ великогерцогской четы,—отправился въ Вѣну, куда и прибылъ 29 сентября въ полдень. Высокій гость былъ встрѣченъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и эрцгерцогами: Карломъ-Лудвигомъ, Францемъ д'Эсте, Фердинандомъ, Альбрехтомъ, Фридрихомъ, Вильгельмомъ и Райнеромъ.

На вокзалѣ находились всѣ германскіе офицеры съ принцемъ Леопольдомъ Прусскимъ и герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнскимъ во главѣ. Императоры нѣсколько разъ обнялись. Германскій императоръ поцѣловалъ также эрцгерцоговъ Карла-Лудвига и Альбрехта. Оба государя прослѣдовали прямо въ Шенбруннъ, гдѣ ихъ ожидали высшіе придворные чины и графы Кальноки и Таафе. Во время пріема въ Шенбруннѣ, императоръ Вильгельмъ, въ противоположность прошлому посѣщенію Вѣны, особенно отличилъ графа Таафе продолжительнымъ разговоромъ и вручилъ ему знаки ордена Чернаго Орла. Кромѣ этого событія газеты отмѣчаютъ посѣщеніе молодымъ императоромъ графа Кальноки и продолжительную съ нимъ бесѣду. Вообще пребыванію императора Вильгельма придаютъ въ Вѣнѣ политическое значеніе. Такъ *Fremdenblatt*, органъ графа Кальноки, пишетъ: „Непреклонному геніальному уму императора Вильгельма удалось достигнуть того, что въ Германіи всѣ партіи видятъ въ немъ справедливаго третейскаго судью націи. Европа удивляется спокойному и хладнокровному характеру императора, подъ охраною котораго миръ только и можетъ преуспѣвать. Съ понятнымъ чувствомъ удовлетворенія будутъ констатированы императоромъ чувства взаимнаго высокаго уваженія и дружбы, обнаруживаемыя офицерами обѣихъ армій. Сказавшаяся при этомъ сердечность можетъ существовать лишь въ арміяхъ, исполненныхъ сознанія, что ихъ верховные вожди предназначаютъ ихъ къ самой возвышенной совмѣстной задачѣ, а именно къ охранѣ права и мира. Послѣдовавшія недавно въ австрійскихъ делегаціяхъ заявленія довѣрія къ графу Кальноки, какъ манифестація въ пользу мира, ясно доказали, что наша монархія твердо держится тройственнаго союза, а населеніе съ признательностью и довѣріемъ взираетъ на своихъ государей, подъ могущественною охраною которыхъ можетъ лучше всего оставаться ненарушимымъ миръ Европы".

6 октября возобновляется сессія французской палаты, которой придется разрѣшить не мало вопросовъ значительной важности. Особенно интересуютъ многихъ во Франціи дѣло о стачкѣ горнорабочихъ въ Кармо, торговый договоръ съ Швейцаріей, столкновеніе суда съ неофиціальной биржей и колоніальный вопросъ. Что касается послѣдняго, то французская экспедиція въ Дагомеѣ близится къ благопріятной развязкѣ. 22 сентября произошло сраженіе между колонною полковника Додса и дагомейскою арміею, состоявшею изъ 10,000 воиновъ при 10 орудіяхъ, заряжающихся съ казенной части. Послѣ трехчасоваго боя дагомейцы бѣжали въ сѣверномъ направленіи, оставивъ на мѣстѣ 200 труповъ и много скорострѣльныхъ ружей германскаго образца. На найденныхъ на полѣ сраженія гранатахъ оказалась марка завода Круппа. Съ французской стороны убито 8 человѣкъ, ранено 32. Повелитель дагомейскій Беганцинъ присутствовалъ на сраженіи и бѣжалъ первымъ. Дагомейцы обнаружили много храбрости и сопротивленія. Колонна продолжаетъ начатое до сраженія движеніе и встрѣтила четыре непрерывныя оборонительныя линіи, укрѣпленныя Беганциномъ. Три изъ нихъ достались французамъ послѣ сраженія 24 сентября, а четвертая линія, устроенная на дорогѣ отъ р. Уэмъ до Абомея, будетъ атакована въ скоромъ времени. Состояніе духа и здоровье въ войскахъ отличныя.

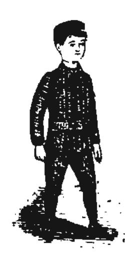
27 сентября на пути въ Петровацъ, въ Сербіи, было совершено нападеніе на г. Пашича. По его словамъ, вечеромъ, въ его экипажъ, послѣ крика „стой!", сдѣлано метрахъ въ 30-ти два выстрѣла скакавшимъ сзади всадникомъ, который оказался при арестѣ мѣстнымъ полицейскимъ. Въ отобранномъ револьверѣ найдено, кромѣ двухъ выпущенныхъ патроновъ, три патрона, давшихъ осѣчку.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: **Генрихъ Блоккъ**, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 5—2

Mme ЗИНА



СПБ. Мойка, № 64.

Дѣтскія платья, пальто и шляпы.

КОСТЮМЫ для мальчиковъ изъ синяго (bleu marin) чевіота, фасоны англійскій и матросскій, на:

1	2	4	6	8	10	12	лѣтъ
2½	3	3½	4	4½	5	5½	руб.

Пересылка въ провинцію за 3 ф.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Увѣдомляю Гг. заказчиковъ, что магазинъ мой, подъ фирмою:

Э. АЛЬВАНГЪ, Портной

переведенъ съ Екатерининской ул. на

Невскій пр., д. № 34, кв. 2, противъ Думы,

и надѣюсь, что Гг. кліенты почтятъ меня своими заказами. Въ магазинѣ получена партія заграничныхъ матерій.

Mt. № 5999 **Ш. Земанъ.**

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ ЦАНѢ (корол. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, удостоенный золотыхъ и серебряныхъ медалей, какъ государственныхъ, такъ и разныхъ любительскихъ обществъ.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Вел. Кн. Павла Александровича, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Лудвига Баварскаго, Е. И. Выс. Принцессы Фридрихъ-Карлъ Прусской, Е. И. Выс. Принцес. Альбрехтъ Прусской и другихъ царствующихъ особъ. R. № 6003

Предлагаетъ, какъ спеціальность заведенія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ, до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.

Къ предстоящему охотничьему сезону: лягавыхъ, борзыхъ, таксъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ, съ гарантіею. Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки, безплатно

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА". 25—1

Пишетъ въ 8 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

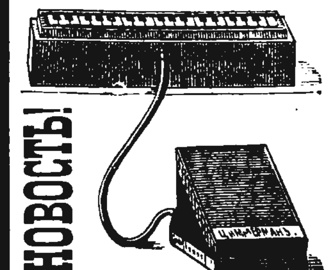
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 5998

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ — **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ.



НОВОСТЬ!

Новѣйшій общедоступный музыкальный инструментъ, заключаетъ въ себѣ объемъ тоновъ полной хроматической гаммы о 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ октавахъ. Голоса приводятся въ движеніе вдуваніемъ воздуха — на № 2 ртомъ, на № 6 и 8 ножною педалью.

№ 2. въ 2 октавы . . . . 5 р.
№ 6. „ 3 октавы, съ ножн. педалью. 17 р.
№ 8. „ 4 „ „ „ „ 23 р.

Самоучитель Маковскаго 1 руб. 2 тетради нотъ его же по 1 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

По полученіи задатка приблизительно ⅓ стоимости, требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — **Москва**, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Изданъ **Ф. Павленковымъ** и поступилъ въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ:

3-Й ТОМЪ ПОЛН. СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА.

Въ составъ его входятъ: 1) „Холодный домъ" и 2) „Повѣсть о двухъ городахъ". Т. I: „Давидъ Копперфильдъ". Томъ II: „Домби и сынъ". Томъ IV („Крошка Доррить" и „Большія ожиданія") печатается. Цѣна каждаго тома, равнаго 75 журнальнымъ листамъ, — **1** руб. **50** коп. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2). Mt. № 6000

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (18)

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1889 года.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.

Разнообразныя косметическія свойства этого состава сдѣлали его важною потребностью для туалета.

Туалетный Уксусъ Віолетъ де Пармъ
Карболовый Туалетный Уксусъ
Туалетный Уксусъ де ла Ноблесъ.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

Произведенія С.-Петербургской Химической Лабораторіи въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Pt. № 5997 2-1

Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская багетная и рамочная фабрика.

С.-Петербургъ.

Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5965 (4)

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

(3) МИНДАЛЬНОЕ № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ**, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

НЕ РЕКЛАМА

а дѣйствительно оказавшіеся ничѣмъ не замѣнимые по прочности кальсоны изъ

ТВИСТЪ

1-й доброт. въ спеціал. маг. бѣлья

Ю. ГОТЛИБЪ,

С.-Петербургъ, по Владимірск., д. 2, уголъ Невск. пр. Цѣна 1 р. 75 к. за каждыя. Перес. за 3 штуки 1 р., по Азіатск. Россіи — 1 р. 75 к. Менѣе 3-хъ не высыл. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина. Предлагаемые кальсоны др. маг. дешевле, не есть Твистъ, а только желаніе поразить дешевизною, вводя покупателей въ заблужденіе. Р. № 6905

ОСВѢЖАЮЩАЯ ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ

(Invigorating Lavender Salts).

Новая, весьма пріятнаго запаха, нюхательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то пріятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящ. въ флаконѣ, закупоренн. короною. **THE CROWN PERFUMERY C° 177** New Bond Street, London. Прод. во всѣхъ лучш. парфюмерн. магаз. и.

3-ій ВЫИГРЫШНЫЙ

(Дворянскій) заемъ, 2 ноября тиражъ, продаетъ на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, Невскій, СПБ. № 5987 4—2

Дозвол. цензур., СПБ., 7 октября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. № 42

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.). ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 17 октября 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес 20 к

А. В. Кольцовъ.

19 октября исполняется пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, Алексѣя Васильевича Кольцова, имя котораго перейдетъ въ дальнѣйшее потомство въ томъ же блескѣ славы, какою оно пользуется нынѣ [1]). Среди русскихъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ, Кольцову принадлежитъ совершенно особенное мѣсто, на которомъ онъ не находитъ соперниковъ и, вѣроятно, никогда не найдетъ. Человѣкъ необыкновеннаго ума и почти геніальнаго таланта поэтическаго, но лишенный школьнаго образованія, т. е. не подвергавшійся вліяніямъ чуждой образованности, онъ съ своею чуткою поэтическою душою выросъ весь подъ вліяніемъ русской народной жизни и русской природы и нашелъ въ нихъ поэтическіе мотивы. И если въ суммѣ явленій общественнаго самосознанія русскаго необходимо и литературное отраженіе духа и идей и простаго народа, то тѣмъ самымъ великое значеніе Кольцова въ русской литературѣ становится внѣ всякой возможности отрицанія. Пятидесятая годовщина смерти поэта призываетъ русское общество почтить память его воспоминаніемъ о его личности и заслугахъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ (по поводу 50-лѣтія со дня его смерти).
Грав Шюблеръ

Кольцовъ родился въ 1809 году, 2 октября, въ Воронежѣ, въ семьѣ довольно зажиточнаго мѣщанина, по промыслу „прасола“ — торговца рогатымъ скотомъ. Это была совершенно простая русская семья, и о воспитаніи ребенка въ ней не могло быть никакихъ вопросовъ: предоставленный самому себѣ, онъ росъ почти безъ призора, ходилъ босикомъ по лужамъ и болотамъ и едва не разстроилъ на всю жизнь своего здоровья. Лѣтъ 8 — 9-ти Кольцовъ началъ обучаться грамотѣ у одного изъ воронежскихъ семинаристовъ и учился настолько успѣшно, что могъ поступить прямо въ уѣздное училище, минуя приходское, соотвѣтствовавшее теперешнимъ начальнымъ училищамъ. Въ уѣздномъ училищѣ онъ пробылъ, однако, всего годъ и четыре мѣсяца: отецъ его нашелъ, что мальчику, по свойству предстоя-

[1]) Раздѣляя общее уваженіе къ таланту почившаго поэта, мы съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ сообщить нашимъ подписчикамъ, что въ Ноябрьскомъ сборникѣ *Нивы*, который будетъ приложенъ къ 45 № журнала и выйдетъ въ свѣтъ 7 ноября сего года, мы удѣлимъ видное мѣсто произведеніямъ А. В Кольцова. Въ этой книжкѣ сборника мы помѣстимъ подробную біографію поэта и полное собраніе его стихотвореній, посвятивъ имъ болѣе половины нашей книжки, а также и дадимъ прекрасный портретъ Кольцова, гравированный на стали Ф А Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

щихъ ему занятій, учиться больше не зачѣмъ. Передъ двѣнадцати-лѣтнимъ Кольцовымъ открылась практическая жизнь; онъ началъ помогать отцу въ его промыслѣ, ѣздилъ съ нимъ лѣтомъ въ поля и степи для надзора за выпасавшимся скотомъ, а зимою — на базары съ приказчиками, для закупки и продажи товара. Тутъ онъ имѣлъ возможность близко видѣть деревенскій бытъ и родную природу въ ихъ и поэтическихъ, и мрачныхъ сторонахъ. Случалось ему цѣлые дни проводить въ грязи, на холодномъ осеннемъ вѣтру, спать на голой землѣ, а въ ясные дни видѣть поля и степи во всей ихъ красотѣ и привлекательности.

Но эта дѣйствительность не мѣшала развитію таланта. Еще въ училищѣ онъ пристрастился къ чтенію. Первыя книги, которыя онъ прочиталъ, были сказки о Бовѣ-королевичѣ, Ерусланѣ Лазаревичѣ и т. п.; особенно сильное впечатлѣніе произвели на него арабскія сказки „Тысяча и одной ночи“. Мало-по-малу Кольцовъ сталъ тратить только на покупку книгъ деньги, получаемыя отъ отца на лакомства. Купивъ однажды сочиненія Дмитріева, онъ почти пересталъ читать прозу. Не имѣя никакого понятія о версификаціи, онъ, однакоже, началъ писать стихи, конечно, очень плохіе. Къ счастію, хорошаго цѣнителя своихъ опытовъ онъ нашелъ въ Кашкинѣ, содержателѣ книжной лавки и библіотеки, гдѣ онъ покупалъ книги. Кашкинъ, угадавъ талантъ Кольцова, подарилъ ему „Русскую Просодію“, которую посовѣтовалъ хорошенько изучить. Знакомство и дружба съ Кашкинымъ получили въ жизни Кольцова большое значеніе; подъ его руководствомъ онъ познакомился съ сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига и др., которыя не могли не повліять на его литературное развитіе. Вскорѣ Кольцовъ познакомился и близко сошелся съ семинаристомъ Серебрянскимъ, молодымъ человѣкомъ, замѣчательно умнымъ, тоже писавшимъ стихи, и эта новая дружба имѣла еще бо́льшее вліяніе на него; въ Серебрянскомъ онъ нашелъ не только чуткаго цѣнителя своихъ стихотвореній, но и человѣка, отъ котораго онъ могъ многому научиться. На родинѣ Кольцовъ въ это время уже пользовался нѣкоторою извѣстностью въ качествѣ самоучки-поэта. Случай свелъ его съ сыномъ воронежскаго помѣщика Станкевичемъ, тогда студентомъ, который, познакомившись со стихами Кольцова, одобрилъ ихъ и одно изъ нихъ, „Перстень“, отослалъ въ *Литературную Газету*, гдѣ оно было напечатано въ 1831 г. Въ томъ же году Кольцовъ ѣздилъ по дѣламъ своего отца въ Москву и черезъ Станкевича познакомился со многими писателями. Въ 1835 году, также при помощи Станкевича, издана была небольшая книжка стихотвореній Кольцова (18 пьесъ) и обратила общее вниманіе на „поэта-прасола“. Съ этого времени въ лучшихъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ начали печататься его стихотворенія. Извѣстность Кольцова росла; пріѣзжая въ Москву и Петербургъ въ 1836 и 1838 гг., онъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, княземъ Одоевскимъ, подружился съ Бѣлинскимъ. Новыя знакомства были для него полезны и въ практическомъ отношеніи; черезъ нихъ онъ добился рѣшенія нѣсколькихъ запутанныхъ тяжбъ своего отца, который сначала не видѣлъ никакого толку въ занятіяхъ сына стихами. Жуковскій, пріѣзжавшій въ 1837 году съ Наслѣдникомъ Русскаго Престола въ Воронежъ, видѣлся часто съ Кольцовымъ, и это, конечно, оказало большое вліяніе на положеніе поэта на родинѣ. Въ 1840 году Кольцовъ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Воротившись оттуда на родину, онъ тяжко заболѣлъ чахоткой, которая и свела его въ могилу 19 октября 1842 года. Послѣдніе годы своей жизни Кольцовъ провелъ въ положеніи весьма печальномъ, почти въ одиночествѣ, въ разладѣ со своими родными и бывшими знакомыми и друзьями.

Въ Воронежѣ воздвигнутъ Кольцову памятникъ, и его именемъ названъ бульваръ, находящійся въ самомъ центрѣ города. **В.**

Зѣло досадительное дѣло.

Историческій разсказъ **П. Н. Полевого.**

(Продолженіе).

VI.

Дешевое благодѣяніе.

Солнце давно уже перешло за полдень, когда панъ Болеславъ очнулся, наконецъ, отъ своего тяжелаго сна, который не принесъ ему желаннаго отдыха. Ему и во снѣ казалось, что передъ нимъ все еще сидитъ за столомъ тотъ же благообразный и полный панъ Михалъ, что онъ спокойно и ровно достаетъ своими тонкими пальцами изъ колоды карту за картой и кладетъ направо, налѣво, направо, налѣво...

„Бита!“ говоритъ панъ Михалъ и протягиваетъ руку за золотомъ.

Но пану Болеславу ужь кажется, что протягиваетъ онъ не ту же красивую, тонкую и бѣлую руку, а какую-то лапу, хищную, скрюченную, съ огромными, загнутыми ногтями на концахъ пальцевъ.

И опять то же ловкое, почти граціозное движеніе рукъ. Опять направо, налѣво — и въ концѣ-концовъ тотъ же возгласъ:

„Бита!“

Очнувшись отъ этого мучительнаго кошмара, панъ Болеславъ окинулъ взглядомъ комнату и понялъ, что видѣнный сонъ былъ страшною дѣйствительностью... Понялъ, что онъ совершилъ какую-то невѣроятную безсмыслицу, что онъ какъ ребенокъ поддался какой-то непростительной слабости, и вотъ, на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ, очутился въ какомъ-то ужасномъ, безвыходномъ положеніи, изъ котораго мудрено было выпутаться.

— У меня нѣтъ ни гроша!.. Меня никто здѣсь не знаетъ... Даже съ письмомъ-то послать не на что... Да и срамъ какой!.. Какъ глупо! Что́ скажетъ панна Марія и дядя, и другіе всѣ, когда узнаютъ... Какъ смѣяться будутъ пріятели. Тьфу, чортъ возьми, какая мерзость!

И онъ, все еще лежа на скамейкѣ, ерошилъ рукою свои славные каштановые кудри и немилосердно теребилъ маленькіе темные усики.

— Но, вѣдь, и сидѣть здѣсь и ждать, пока пришлютъ мнѣ деньги изъ Варшавы—это просто невозможно!.. Нужно ѣхать—скорѣй добраться до Бреславля и оттуда послать нарочнаго къ Ржевусскому въ Дрезденъ. Но какъ добраться до Бреславля—тутъ пожалуй еще миль 5—6 наберется?

И онъ ломалъ себѣ голову, напрасно пускаясь во всякія соображенія и измышленія и не приходя ни къ какому осмысленному рѣшенію.

Вдругъ, около самой двери, на лѣстницѣ корчмы что-то рухнуло, загремѣло, зазвенѣло и разсыпалось, дребезжа и звуча на всѣ лады. Вслѣдъ за этимъ раздался вопль, кликъ, брань и такой шумъ и гвалтъ, какъ будто всѣ черти выскочили изъ преисподней и, перебивая другъ друга, загалдѣли на отборнѣйшемъ еврейскомъ жаргонѣ.

Панъ Болеславъ встревожился, вскочилъ и бросился было къ двери, чтобы взглянуть на то, что̀ случилось на лѣстницѣ; но, остановившись посрединѣ комнаты, онъ сообразилъ, что такое неумѣстное любопытство несовмѣстно съ его достоинствомъ, и рѣшилъ, что лучше будетъ просто позвать хозяина и отъ него узнать объ этомъ гвалтѣ.

— Эй, хозяинъ!.. Шмуль!.. Шмулька! крикнулъ юноша во весь голосъ.

Тогда голоса за дверью смолкли, дверь пріотворилась, и Шмуль просунулъ голову изъ-за нея.

— Ну, что вы такъ нахально кричите? сказалъ онъ, съ неудовольствіемъ поглядывая на юношу и потряхивая своими длинными пейсами.

Панъ Болеславъ такъ былъ озадаченъ самымъ тономъ рѣчи Шмуля, что даже не вникъ надлежащимъ образомъ въ смыслъ его словъ.

— Что̀? Что̀ такое? сказалъ онъ, внимательно вглядываясь въ лицо еврея.—Что̀ ты сказалъ?

— Что̀ я сказалъ, то и сказалъ... И прошу пана не звать меня Шмулькой, когда я купецъ Шмуль Фрейдензонъ,—а вы кто такой, что такъ кричите?

Кровь бросилась въ голову пана Болеслава; какіе-

то огненные круги заходили у него передъ глазами. Онъ бросился къ двери и, прежде чѣмъ Шмуль успѣлъ ее захлопнуть, схватилъ его за шиворотъ лапсердака и втащилъ въ комнату.

— А! Кто я?.. Ты хочешь знать, кто я? хрипѣлъ, захлебываясь отъ злобы, Болеславъ, встряхивая еврея и нанося ему ударъ за ударомъ. — Я панъ Янъ Болеславъ Пржепельскій съ Пищова, съ Зеленой Гуры, съ Пржепельска!..

Шмуль завылъ благимъ матомъ, поднялъ на ноги весь домъ. Дверь на лѣстницу распахнулась настежь: въ ней показались какія-то еврейки съ ребятами на рукахъ, какіе-то старики и дѣти. И все это завыло, загоготало, вторя жалобному воплю Шмуля, но не смѣя переступать порога комнаты, въ которой происходила потасовка.

Въ самый разгаръ этой расправы, дверь направо отворилась, и въ комнату вошелъ мужчина высокаго роста и весьма почтенной наружности, одѣтый въ темное полукафтанье и въ глянцевые ботфорты со шпорами.

— Не дѣло дѣлаете, молодой человѣкъ! сказалъ онъ по-польски, съ нѣсколько иностраннымъ акцентомъ, спокойно и наставительно.—Пану Яну Болеславу Пржепельскому съ Пржепельска—не слѣдуетъ марать руки объ еврея.

Эти слова, произнесенныя твердо и съ большимъ достоинствомъ, сразу образумили юношу, который отбросилъ Шмуля въ сторону и остановился посрединѣ комнаты, сложивъ руки на груди.

— Ай, вай миръ! Милостивый господинъ! завопилъ еврей, бросаясь въ ноги къ незнакомцу.—Избавьте меня отъ этого злодѣя: я прошу его мнѣ заплатить за ночлегъ, и потомъ пусть идетъ... А онъ не хочетъ, да еще кричитъ, дерется...

— Прочь! крикнулъ незнакомецъ на еврея. — Гони всѣхъ вонъ и дверь запри: я самъ узнаю отъ ясновельможнаго пана, за что онъ тебя такъ хорошо училъ?

Шмуль бросился къ дверямъ, отчаянно размахивая руками, выскочилъ на лѣстницу и накрѣпко захлопнулъ дверь въ общую комнату корчмы.

— Позвольте мнѣ узнать,—съ кѣмъ я имѣю честь встрѣтиться здѣсь? спросилъ панъ Болеславъ, обращаясь къ незнакомцу.

— Я—такой же проѣзжій, какъ и вы! Услышалъ шумъ и позволилъ себѣ сюда явиться въ томъ предположеніи, что я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, любезно отвѣтилъ незнакомецъ.—Что же касается до моего имени и званія, то долженъ вамъ сказать, что я шведскій баронъ и путешествую по Европѣ инкогнито, подъ именемъ купца Гогберха.

Тогда Болеславъ сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку барону.

— Очень-очень радъ, что встрѣтился съ благороднымъ человѣкомъ, и полагаю, что, хотя вы иностранецъ, вы поймете то ужасное положеніе, въ которомъ я случайно очутился... Да! Вы, кажется, можете быть мнѣ полезны, если того пожелаете?

— Готовъ охотно служить вамъ, чѣмъ могу! сказалъ баронъ, пожимая руку Болеславу и усаживаясь съ нимъ рядомъ около стола.

Тогда Болеславъ, волнуясь, путаясь и спѣша, изложилъ ему все, что съ нимъ случилось, и свой печальный разсказъ закончилъ словами:

— У меня нѣтъ ни гроша, нѣтъ ни платья, ни экипажа,—ну, рѣшительно ничего! А между тѣмъ я непремѣнно долженъ ѣхать дальше,—долженъ сегодня же быть въ Бреславлѣ, чтобы оттуда послать нарочнаго въ Дрезденъ, къ зятю моему, графу Ржевусскому.

Баронъ все выслушалъ внимательно и съ видимымъ участіемъ.

— Мнѣ очень-очень жаль васъ, молодой человѣкъ! Мнѣ очень хочется помочь вамъ,—самъ бывалъ молодъ и тоже не разъ попадалъ въ такой просакъ... Но, видите-ли, деньгами я не могу снабдить васъ: денегъ могу вамъ дать очень немного... пятьдесятъ—шестьдесятъ талеровъ. Но могу вамъ предложить и платье дорожное, и лошадь мою, и даже чемоданъ, на всякій случай. Вы доберетесь до Бреславля, остановитесь въ гостиницѣ: „Zum Goldenen Löwen"—и тогда, дня черезъ два, мы съ вами тамъ увидимся!

Болеславъ вскочилъ съ мѣста и бросился обнимать великодушнаго барона.

— Благодарю, благодарю васъ отъ души! съ чувствомъ воскликнулъ онъ. — Вы меня выводите изъ такого затрудненія, что право я и не знаю, какъ и чѣмъ съумѣю васъ отблагодарить?..

Баронъ скромно и мило улыбнулся.

— Поѣдете до Бреславля... Тамъ встрѣтимся и ужь тогда объ этомъ поговоримъ!.. А теперь, признаться сказать, мой добрый, истинно дружескій совѣтъ вамъ: не медлите и поѣзжайте, пока еще засвѣтло можно доѣхать. А то тутъ, говорятъ, неподалеку отъ Грюнберга, случаются иногда съ проѣзжающими очень непріятные эпизоды.

— О, помилуйте! Я ничего не боюсь,—но, конечно, зачѣмъ же медлить? Ѣхать я готовъ хоть сейчасъ.

— Вотъ и отлично. Я велю вамъ осѣдлать моего Буцефала и сейчасъ принесу вамъ платье, какимъ могу съ вами подѣлиться... по-братски.

И баронъ, улыбаясь своею милою улыбкою и мягко выступая, направился къ дверямъ своей комнаты.

„Вотъ человѣкъ-то! Вотъ благодѣтель-то! подумалъ Болеславъ, съ самою искреннею признательностью поглядывая вслѣдъ барону.—Вѣдь, просто изъ петли спасъ!"

Нѣсколько времени спустя баронъ вернулся и вынесъ Болеславу свой сѣрый плащъ и пуховую шляпу со шнуромъ, напялилъ на плечи ему свой широкій приказчичій кафтанъ, помогъ натянуть на ноги штиблеты; затѣмъ сунулъ въ карманъ кафтана кошелекъ съ шестьюдесятью талерами и, указывая на свой сѣдельный чемоданчикъ, добавилъ:

— Тутъ вы найдете кое-что изъ дорожнаго запаса. Тамъ съѣстное... да двѣ перемѣны бѣлья на всякій случай! А вотъ и еще кое-что не безполезное!

И онъ вынулъ изъ кармана пару небольшихъ пистолетовъ и положилъ ихъ на столъ передъ Болеславомъ.

— У меня другіе есть, побольше! Но и эти недурны—бьютъ отлично! Желаю, однако-жъ, чтобы вамъ не пришлось ихъ пускать въ дѣло!

И баронъ дружески пожалъ руку юношѣ, который, въ порывѣ благодарности, расцѣловалъ своего благодѣтеля въ обѣ щеки и такъ поспѣшно сбросилъ съ себя все платье, что даже позабылъ вынуть изъ кармана свои бумаги и паспортъ.

Четверть часа спустя, вороной конь барона былъ поданъ къ крыльцу; Болеславъ вставилъ ногу въ стремя, ловко вскочилъ въ сѣдло и, собравъ поводья, еще разъ крикнулъ барону, который смотрѣлъ на его отъѣздъ съ крыльца:

— Благодарю! Еще разъ благодарю! Да благословитъ васъ Богъ и Матерь Божья!

— Счастливаго пути! сказалъ баронъ, какъ-то странно улыбаясь.

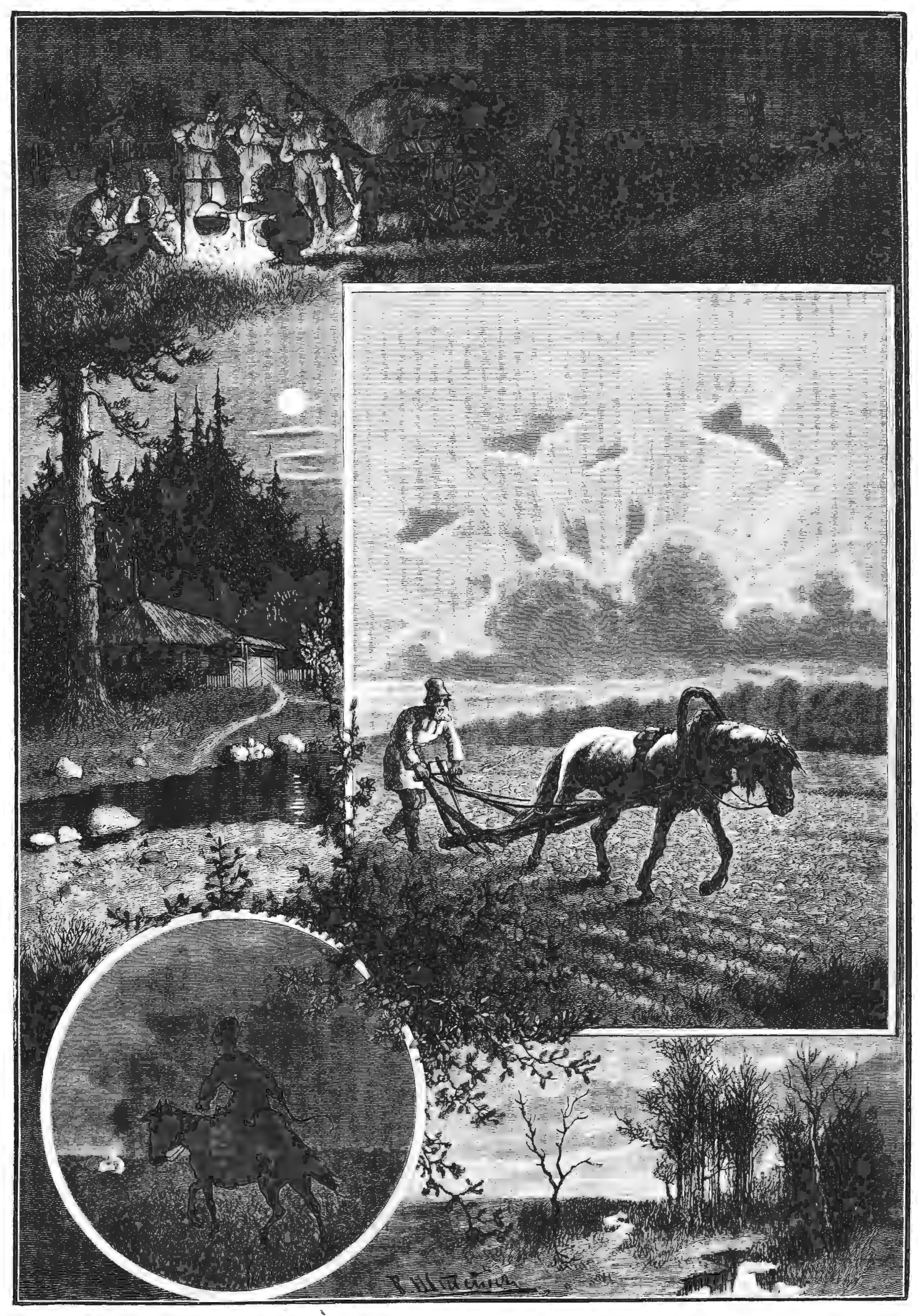
А когда юноша пустилъ коня и крупною рысью проскакалъ мимо толпы евреевъ, ожидавшей его у воротъ, баронъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и чуть слышно сказалъ про себя:

„Издали, — какъ двѣ капли воды похожъ на меня! Не поручусь за то, что мы съ тобою свидимся въ Бреславлѣ".

VII.

„Не тотъ!"

Только ужь проскакавъ крупною рысью около полу-



Хижина лѣсника. Ночлегъ чумаковъ. Пѣсня пахаря.
Путникъ. Осень.

Изъ стихотвореній Кольцова. Ориг рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Рашевскій.

Подъ зонтикомъ. Съ карт фонъ-Бергена, грав. Кадеманъ.

мили, панъ Болеславъ успѣлъ окончательно очнуться отъ того тяжелаго угара, который нагнала на него вчерашняя недобрая встрѣча и безсонная ночь, проведенная въ игрѣ и въ подкрѣпленіи упадавшихъ силъ излишними пріемами старки и венгерскаго. Только тутъ онъ въ состояніи былъ взглянуть вполнѣ трезво и разумно на все, что̀ съ нимъ случилось. Припоминая отдѣльные эпизоды изъ своей встрѣчи съ паномъ Михаломъ и его молчаливымъ, сумрачнымъ спутникомъ, онъ даже удивлялся тому, что не обратилъ вниманія на странность ихъ поведенія, на сбивчивость отвѣтовъ пана Михала, когда онъ сталъ разспрашивать его о цѣли ихъ путешествія, на какія-то странные и болѣе чѣмъ двусмысленные переговоры пана Михала съ какими-то лицами на лѣстницѣ и со Шмулемъ.

„Понять не могу, какъ это я не обратилъ вниманія на всѣ эти мелочи—и почему не остерегся? И какъ я глупо ввязался съ нимъ въ эту игру! Ну, кто меня тащилъ? Кто толкалъ играть? Да, и начавши игру, опять-таки я поступилъ чистѣйшимъ дуракомъ: слѣдовало бы просто взять двадцать—тридцать червонцевъ и бросить! Потѣшился молъ и полно!“

И, увлекаясь самопорицаніемъ, благоразумный панъ Болеславъ сталъ даже припоминать и многія другія подробности, которыя почему-то, во время увлеченія игрою, ускользали отъ его вниманія. Такъ, напримѣръ, припоминалось ему, что дважды во время игры, онъ видѣлъ, какъ панъ Михалъ перекинулъ карту справа налѣво, а подъ конецъ ужь слишкомъ усердно подливалъ ему вина въ стаканъ, а свой все оставлялъ нетронутымъ.

„Да, наконецъ, и то сказать: откуда взялись ихъ карты? Вдругъ, вѣдь, появились на столѣ! Какъ это въ голову мнѣ не пришло, что сами карты могли быть у нихъ какія-нибудь... мошенническія!? Да, да, теперь я вижу, что это были вовсе не офицеры русской службы, а скорѣе какіе-нибудь странствующіе игроки, проходимцы... И рѣшительно, даю себѣ отнынѣ слово, быть умнѣе и осторожнѣе по отношенію къ людямъ, особенно въ дорогѣ“.

Такъ благоразумно и зрѣло размышляя, панъ Болеславъ продолжалъ ѣхать по дорогѣ къ Грюнбергу и, въ промежутки между своими назидательными размышленіями, восхищался невольно тѣмъ чудеснымъ конемъ, котораго такъ обязательно уступилъ ему этотъ благороднѣйшій, добрѣйшій шведскій баронъ. Конь былъ, дѣйствительно, чудесный! Отлично выѣзженный, благонравный, не крѣпкоуздый, не тряскій; а сила-то какая, бѣгъ! Видно было по всему, что баронъ былъ отличный знатокъ въ лошадяхъ и выбралъ себѣ надежнаго коня, который былъ способенъ свободно пробѣжать въ день миль 6 или даже 7—а въ случаѣ какой-нибудь недоброй встрѣчи на дорогѣ—и изъ бѣды могъ выручить... Поди-ка, угонись за нимъ! И панъ Болеславъ, страстный любитель лошадей, нарочно горячилъ коня, пускалъ его то вскачь, то галопомъ, то, вдругъ сдерживая его снова рукою, заставлялъ его прыгать черезъ придорожные кусты и канавы.

„Нѣтъ, я бы ни за что̀ и никому не отдалъ такого коня! Удивляюсь, право, какъ это баронъ рѣшился дать его на подержаніе... Да, не могу не признать того, что я, Янъ Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепельска, кругомъ обязанъ этому человѣку и готовъ ему служить всю жизнь за то, что онъ...“

Вдругъ конь пана Болеслава шарахнулся въ сторону, очевидно, чѣмъ-то испуганный... Панъ Болеславъ сдержалъ его и тутъ только замѣтилъ, что рядомъ съ его конемъ бѣжитъ по дорогѣ старый еврей, какъ двѣ капли воды похожій на Шмуля Фрейдензона, и что-то кричитъ и поясняетъ ему на своемъ жаргонѣ, усиленно размахивая руками...

„Откуда онъ вывернулся и какъ я его прежде не замѣтилъ—не понимаю! думалъ панъ Болеславъ.—И что̀ онъ тамъ лопочетъ по-своему—чортъ его разберетъ!“

А старый еврей все бѣжитъ о̀-бокъ съ конемъ и все что-то бормочетъ, указывая ему въ сторону отъ дороги на какую-то деревушку. И панъ Болеславъ только и можетъ понять изъ всей его рѣчи, что еврей называетъ его: „геръ баронъ“.

„Должно-быть факторъ какой-нибудь? подумалъ Болеславъ, не уменьшая рыси коня и съ улыбкой поглядывая на запыхавшагося еврея. — Вѣрно высланъ на дорогу зазывать проѣзжихъ въ корчму?.. Ну, пусть пробѣгается...“

А еврей все бѣжитъ и въ грудь себя бьетъ, и кричитъ что-то, и, наконецъ, выбившись изъ силъ, хватается за поводья Болеславова коня, съ видимымъ желаніемъ силою заставить его остановиться и свернуть съ дороги.

Это ужь показалось Болеславу дерзостью.

— Прочь!.. крикнулъ онъ во всю глотку и замахнулся на еврея хлыстомъ.

Тотъ отскочилъ, какъ ошпаренный, и панъ Болеславъ поднялъ своего воронаго на дыбы и пустилъ его вскачь. Старый еврей постоялъ еще съ минуту на дорогѣ, посмотрѣлъ вслѣдъ юношѣ, сомнительно качая головою и, свернувъ съ дороги, побрелъ боковою тропинкой въ деревню.

Проѣхавъ еще съ полмили, Болеславъ далъ вздохнуть своему доброму скакуну, тѣмъ болѣе, что дорога, начиная отъ этого мѣста, стала довольно трудною. То она шла черезъ небольшіе сосновые перелѣски, то пересѣкала вязкія болотца, поросшія низкимъ кустарникомъ и подернутыя легкою дымкою тумана, который ясно отдѣлялся отъ сырой почвы, потому что время уже клонилось къ вечеру и солнце было близко къ закату. Кругомъ—ни корчмы, ни деревни, ни отдѣльной хижины. Вдали, на небольшомъ подъемѣ дороги, темнѣетъ густой сосновый боръ.

„Вотъ за этимъ боромъ, какъ его проѣду, всего ужь четверть мили останется до Грюнберга, думалъ Болеславъ, оглядываясь по сторонамъ дороги. — Вѣрно про этотъ самый лѣсъ и говорилъ мнѣ мой благодѣтель баронъ. Ну, да мало-ли что̀ болтаютъ люди... Всего не переслушаешь. Такими-ли лѣсами ѣздили мы на Волыни—да миловалъ же Богъ отъ напастей“.

Въ этихъ мысляхъ панъ Болеславъ въѣхалъ въ небольшой перелѣсокъ, гдѣ дорога была очень песчаною, а потому, сдержавъ воронаго, поѣхалъ шагомъ. Кругомъ тишина; въ воздухѣ запахъ сосны и вечерняя прохлада; только вѣтерокъ шелеститъ по вершинамъ. Вотъ направо, на бугоркѣ около дороги, высокій черный крестъ съ распятіемъ, огражденный полуразвалившеюся рѣшеткой. Въ то время, какъ панъ Болеславъ, по привычкѣ дѣтства, снялъ шляпу и сталъ креститься, творя про себя молитву Господу и Божіей Матери, подъ ноги его коня, съ лаемъ и визгомъ бросилась маленькая, косматая и старая собачонка. Панъ Болеславъ сталъ оглядываться во всѣ стороны, чтобы отыскать ея хозяина, и замѣтилъ въ кустахъ около рѣшетки стараго нищаго въ лохмотьяхъ; онъ сидѣлъ на травѣ, протянувъ на дорогу босыя ноги, тонкія какъ спицы, и, низко кланяясь проѣзжему, поднималъ къ нему свою рваную шапку, не произнося ни слова.

Болеславъ сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда кошель, полученный отъ барона, и, не найдя въ немъ мелочи, швырнулъ талеръ въ шапку нищаго, который низко ему поклонился.

— Далеко-ли тутъ до Грюнберга? спросилъ онъ у старика, придерживая своего коня.

Старикъ отрицательно мотнулъ головою, а затѣмъ, указывая клюкою впередъ, знаками старался растолковать Болеславу, что туда ѣздить не слѣдуетъ. Старикъ былъ нѣмъ отъ рожденія.

Болеславъ понялъ знаки нѣмаго и посмотрѣлъ на него вопросительно. Нѣмой поднялъ вверхъ два пальца лѣвой руки, а правою рукою провелъ по горлу.

„Чтò за чортъ! подумалъ Болеславъ.—Недоброе онъ пророчитъ... Какъ будто остерегаетъ отъ кого-то?.. Э-э, да что мнѣ на него смотрѣть... Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. Стыдно Пржепельскому изъ Пржепельска пугаться раньше времени... Впередъ!“

И, позабывъ о томъ, что онъ такъ благоразумно собирался быть осторожнымъ и осмотрительнымъ въ дорогѣ, онъ кивнулъ головою старику и пустилъ коня крупною рысью.

Полчаса спустя онъ уже ѣхалъ густою сосновою чащею, черезъ которую пролегала узкою лентою дорога, и самъ внутренно посмѣивался надъ тѣми опасеніями, которыя ему внушилъ старый нищій своими таинственными знаками.

Вдругъ сзади раздался топотъ. Скачутъ—и слышно, какъ гонятъ, понукая, коней.

„Чтò бы это значило?“ подумалъ Болеславъ, прислушиваясь.

И затѣмъ, оглянувшись, увидалъ, какъ изъ-за поворота дороги появились два всадника, которые во всю прыть мчали вслѣдъ за нимъ. Это была, очевидно, погоня.

Когда эти всадники приблизились къ нему уже сажень на двадцать, онъ даже замѣтилъ, что они были въ черныхъ маскахъ,—и только тогда встревожился не на шутку. Онъ пустилъ своего воронаго во всю прыть и весь отдался чарующему впечатлѣнію его бѣшеной скачки. Лѣсъ мчался мимо такъ быстро, что всѣ его деревья слились въ одну сплошную темную полосу; холодный вечерній воздухъ *рѣзко дулъ* ему въ лицо; синяя даль надвигалась, словно набѣгала на него, когда онъ по временамъ взглядывалъ впередъ на пустынную лѣсную дорогу. А вороной мчался во весь опоръ, вытянувъ впередъ стройную мускулистую шею, распустивъ по вѣтру хвостъ и гриву и пробуждая молчаливый темный лѣсъ звонкимъ топотомъ своихъ копытъ. Но добрый конь уже успѣлъ сдѣлать почти три мили, и, видимо, эта бѣшеная скачка была теперь ему не подъ силу—до города даже и за лѣсомъ оставалось еще съ четверть мили, а лѣсу не видно было конца. Вороной работалъ изо всѣхъ силъ, съ удивительнымъ самоотверженіемъ: онъ какъ будто понималъ, что спасаетъ своего всадника отъ опасной погони. Но онъ начиналъ уже тяжело дышать и громко отфыркиваться, скокъ его становился менѣе ровнымъ—энергія, видимо, слабѣла. Болеславъ понималъ, что еще 15—20 минутъ этой бѣшеной скачки, и добрый конь грохнется на землю и не поднимется больше.

А всадники въ маскахъ уже настигали, уже были отъ него въ двадцати шагахъ. Онъ ясно различалъ у себя за спиною дробный топотъ ихъ коней, звяканье ихъ стремянъ и уздечекъ; слышалъ, какъ они понукали коней, слышалъ свистъ ихъ хлыстовъ; слышалъ, какъ они что-то кричали ему по-нѣмецки, называя его „барономъ“.

Тогда Болеславъ рѣшился на послѣднее, отчаянное средство. Укоротивъ поводья, онъ напрягъ всѣ силы, чтобы нѣсколько замедлить бѣгъ своего разскакавшагося коня, выхватилъ одинъ изъ пистолетовъ, привсталъ на стременахъ, обернулся, нацѣлилъ пистолетъ въ ближайшаго всадника и спустилъ курокъ.

Осѣчка!..

И въ ту же минуту этотъ всадникъ налетѣлъ съ злобнымъ крикомъ на Болеслава, чуть не смялъ его вмѣстѣ съ конемъ и почти въ упоръ направилъ въ грудь юноши дуло большаго сѣдельнаго пистолета.

— Стой!.. Стой!.. Не стрѣляй! крикнулъ ему, наскочивъ сзади, другой всадникъ по-русски, вглядѣвшись въ лицо Болеслава.—Это не тотъ, не тотъ!

Эти слова подѣйствовали магически. Всадникъ, налетѣвъ уже на Болеслава, вдругъ опустилъ руку съ пистолетомъ, злобно сверкнулъ изъ-подъ маски глазами и рванулъ потнаго коня въ сторону. Его примѣру послѣдовалъ и его товарищъ. Они еще разъ оглянулись на Болеслава, обмѣнялись двумя-тремя словами и, пустивъ коней рысью, вскорѣ скрылись на потемнѣвшей лѣсной дорогѣ, оставивъ пана Пржепельскаго изъ Пржепельска въ крайнемъ недоумѣніи.

VIII.

Анлевировали.

Проводивъ юношу, баронъ Синклеръ преспокойно вернулся наверхъ въ свою каморку, снялъ съ себя пудреный парикъ, снялъ щегольской французскій кафтанъ, потомъ развязалъ узелъ съ польскими нарядами пана Болеслава и сталъ подбирать себѣ такой костюмъ, который бы могъ сдѣлать его наиболѣе неузнаваемымъ... Подобравъ все съ величайшею тщательностью, отъ сапогъ и до шапки, баронъ Синклеръ вскрылъ свою сумку, вынулъ оттуда три карты, исчерченныя какими-то крючками, крестиками и значками, и большой бумажникъ, биткомъ набитый письмами, кредитивами на разные города и проѣздными грамотами, писанными на имя разныхъ лицъ — шведа-купца Гогберха, маіора русской службы Эзеншмидта, саксонскаго подданнаго Виреніуса и другихъ лицъ, подъ личиною которыхъ долженъ былъ въ разныхъ городахъ являться и проѣзжать ловкій агентъ Стокгольмскаго секретаря аусшусса. Затѣмъ, онъ взрѣзалъ острымъ ножемъ заднюю сторону сумки, вынулъ зашитый подъ кожею толстый пакетъ, вложенный въ бархатную малиновую сумочку и перевитый золотымъ шнуромъ съ кистями и печатями, и тотчасъ же зашилъ эту сумочку въ спинку одного изъ Болеславовыхъ жупановъ, который предполагалъ надѣть на себя. Окончивъ эту работу, почтенный баронъ установилъ на столѣ небольшое складное зеркальце, вынулъ изъ чемодана русый, длинноволосый парикъ, ловко надѣлъ его на голову, подклеилъ себѣ подъ носъ большіе свѣтлорусые усы, завитые въ кольца, быстро подмолодилъ себѣ лицо, при помощи бѣлилъ и румянъ, а нѣсколькими ловкими штрихами карандаша около глазъ и носа совершенно измѣнилъ выраженіе лица. Потомъ, пріодѣвшись въ цвѣтные сапоги, съ серебряными подковами, въ красные широкіе штаны и въ синій жупанъ съ золотымъ позументомъ, баронъ надвинулъ себѣ на голову малиновую суконную маярку, подтянулся пестрымъ тканымъ поясомъ, лихо подбоченился и, крутя свой подклеенный усъ, кликнулъ стараго Шмуля:

— Эй, Шмуль! Шмулька! кричалъ баронъ по-польски. — Живѣй, сюда!

И когда Шмуль турманомъ вспорхнулъ наверхъ, то, взглянувъ на барона, совсѣмъ оторопѣлъ отъ изумленія:

— Господинъ ба... купецъ, господинъ... панъ... Тьфу, пропасть! Да вы... просто я и не знаю... какъ сказать! твердилъ старый еврей, оглядывая мнимаго пана со всѣхъ сторонъ.

— Или ты не узналъ пана Яна Пржепельскаго изъ Пржепельска! крикнулъ со смѣхомъ баронъ, лихо притопывая каблукомъ.

— Ай, ай, ай! Ай вей миръ! Можно о червонномъ объ закладъ побиться, что господинъ купецъ—не купецъ, а польскій панъ, заправскій польскій панъ!

— Ну, это все отлично! Но не въ этомъ дѣло, а вотъ въ чемъ:—сейчасъ впрягай пару самыхъ лучшихъ твоихъ коней (а я знаю, какіе у тебя есть кони!) въ нетычанку этого безмозглаго пана и дай мнѣ надежнаго молодца въ провожатые... Я ѣду сейчасъ же въ Грюнбергъ...

— Какъ? вы тоже думаете ѣхать сегодня?.. Вѣдь, вамъ придется Грюнберговскимъ лѣсомъ ѣхать поздно... и туда пріѣхать ночью...

— Ну? Такъ что же?

— Я за пана не боюсь, лукаво заговорилъ старый еврей. — Панъ храбрый, умный... охъ, онъ умный! Панъ вездѣ пройдетъ и проѣдетъ... Но мои коньки... коньки-то мои... вѣдь они дорогіе...

— Ахъ ты, старая лиса! Ты обо мнѣ не думаешь, а о своихъ коняхъ заботишься... Были бы они цѣлы!.. Хорошъ гусь!

— Впрягай сейчасъ же! сказалъ баронъ, бросивъ еврею деньги.—Когда впряжешь, принеси мнѣ расписку въ томъ, что деньги за лошадей получилъ и продалъ ихъ мнѣ. Ну, пошелъ! впрягай! нетерпѣливо добавилъ баронъ, видя, что Шмуль не трогается съ мѣста.

— Сейчасъ! Сію минуточку... За́разъ! А только смѣю ли я просить господина...

— Какого чорта тебѣ еще нужно?

— Я бѣдный еврей... И дѣти у меня есть, и внуки у меня есть... И маленькія есть, и...

— Ну!

— Отдайте мнѣ платье панское, которое вамъ не нужно... Вотъ, что здѣсь на лавкѣ лежитъ...

Баронъ очень внушительно взглянулъ на еврея, вынулъ изъ кармана толстую золотую луковицу и, указывая ему пальцемъ на ея стрѣлки, сказалъ твердо и спокойно:

— Вотъ видишь ли, Шмуль, эти стрѣлки? Онѣ показываютъ, что теперь уже половина пятаго, и я даю тебѣ четверть часа сроку на то, чтобы впрячь коней и принести мнѣ расписку; если въ этотъ срокъ ты подашь лошадей къ крыльцу, то приходи за деньгами и бери себѣ платье панское... Если ты опоздаешь, хоть на одну минуту, я спрячу деньги въ карманъ, изрѣжу платье въ мелкіе кусочки и наплюю на твой домъ. Нога моя не переступитъ твоего порога!

Шмуль понялъ, что больше нечего разсуждать,— и, оглянувшись еще разъ на кучи талеровъ, стремглавъ бросился внизъ по лѣстницѣ исполнять приказаніе барона.

Баронъ, между тѣмъ, внимательно осмотрѣлъ свои превосходные пистолеты, подвинтилъ кремни, насыпалъ свѣжаго пороху на полки и, засунувъ оба пистолета за поясъ, накинулъ бурку-славутку на плечи...

— Готово! Все готово, господинъ купецъ... господинъ панъ... или какъ вашей милости угодно! воскликнулъ вошедшій въ это время Шмуль, подавая барону расписку.

Баронъ внимательно прочелъ ее, положилъ въ карманъ, взялъ въ руки свой дорожный мѣшокъ и, указавъ Шмулю на талеры и на платье Болеслава, вышелъ изъ каморки на лѣстницу.

Шмуль, не сбирая денегъ и не разбирая платья, поспѣшно замкнулъ каморочку ключемъ, а самъ поспѣшилъ къ нетычанкѣ, которая стояла у крыльца, запряженная парою крѣпкихъ гнѣдыхъ коньковъ, нетерпѣливо мотавшихъ головами и звонко бившихъ копытомъ о деревянный помостъ двора корчмы.

Но баронъ, человѣкъ, видимо, очень опытный въ путешествіяхъ, прежде чѣмъ сѣсть въ свою повозку, осмотрѣлъ внимательно колеса и оси ея, потомъ сталъ осматривать упряжку, ворча что-то сквозь зубы и то поправляя шлею здѣсь, то подтягивая пряжку тамъ.

— И будьте спокойны, милостивый панъ, все въ порядкѣ... все, какъ слѣдуетъ!

— Знаемъ мы вашу жидовскую запряжку! проворчалъ въ отвѣтъ ему баронъ и, только закончивъ свой осмотръ, сѣлъ, наконецъ, въ нетычанку.

— Счастливаго пути милостивому пану! крикнулъ Шмуль, низко кланяясь, когда дюжій жидъ, сидѣвшій на козлахъ нетычанки, щелкнулъ бичемъ и тронулъ коней съ мѣста.

— Живъ буду, такъ и опять скоро свидимся, съ улыбкой сказалъ баронъ, кивнувъ головой старому плуту.

Когда же нетычанка выѣхала изъ мѣстечка на дорогу, баронъ обратился къ своему возницѣ со слѣдующею краткою, но сильною рѣчью, по энергіи достойной древнихъ полководцевъ:

— Слушай ты, жидовское отродье! Поѣзжай, не спѣша, не очень крупной рысью; но если я тебѣ прикажу, — пускай лошадей во весь опоръ... скачи безъ оглядки... Слышишь!

— Слушаю, панъ!

— Довезешь меня до Грюнберга благополучно, я тебѣ дамъ двадцать талеровъ награды... А если я замѣчу, что ты лукавишь, — я первому тебѣ всажу пулю въ затылокъ.

— Слушаю, панъ!

Затѣмъ баронъ усѣлся поудобнѣе, откинулся на спинку нетычанки и весь погрузился въ сознаніе своего превосходства надъ остальными смертными и въ удивительную тонкость своихъ расчетовъ.

„Да“, думалъ онъ съ гордостью, — „это даже очень хорошо, что дураки есть на свѣтѣ: умнымъ людямъ жить на свѣтѣ отъ этого становится легче. Вѣдь вотъ не подвернись тутъ этотъ польскій дурень, такъ мнѣ, пожалуй, и не вывернуться бы изъ этой петли... А теперь? Какъ все отлично устроилось! Я имъ подставилъ чучело... Пусть гонятся за нимъ, пусть нападаютъ, пусть стрѣляютъ — а я тѣмъ временемъ и проскользну! Барона Синклера нѣтъ больше! Баронъ переродился въ польскаго пана! Ха, ха, ха!“

И онъ улыбался своею обычною хитрою улыбкою и потомъ опять начиналъ разсчитывать:

„Если дѣйствительно эти двое негодяевъ поджидали меня тамъ въ Грюнбергскомъ лѣсу, то они, конечно, погнались за нимъ... Если догнали и убили — то поспѣшили скрыться... Если не догнали, то погнались за нимъ до Грюнберга въ надеждѣ тамъ перенять его, по пути къ Бреславлю. Во всякомъ случаѣ, не ждутъ же они всѣхъ проѣзжихъ по дорогѣ!..“

И въ этихъ мысляхъ и расчетахъ баронъ спокойно продолжалъ ѣхалъ далѣе, не погоняя своего возницу.

— Здѣсь, говорилъ онъ самъ себѣ, оглядывая дорогу въ концѣ первой мили, — ко мнѣ бы вышелъ Бо̀рухъ, корчмарь сосѣдняго мѣстечка, если бы мнѣ грозила опасность на дорогѣ... Но Боруха нѣтъ—значитъ, дорога чиста.

И онъ ѣхалъ дальше, спокойно смотря на наступавшій вечеръ, и въѣхалъ въ перелѣсокъ, когда ужь начинало темнѣть. И около рѣшетки высокаго креста съ распятіемъ уже не было того старика-нищаго, который тутъ обычно сидѣлъ на дорогѣ.

„Ну, значитъ, все надежно и безопасно!“ подумалъ баронъ.

— Эй, какъ тебя тамъ звать,—прибавь-ка рыси конямъ! крикнулъ онъ еврею.—Хочу еще до ночи поспѣть въ Грюнбергъ.

Еврей защелкалъ бичемъ, и кони поскакали, оглашая потемнѣвшій лѣсъ звонкимъ топотомъ копытъ и стукомъ колесъ нетычанки. Вдругъ на одномъ изъ поворотовъ пути, изъ-за куста, словно изъ земли, выросла темная фигура высокаго всадника и стала поперекъ дороги.

Еврей заметался на козлахъ и невольно сдержалъ коней, чтобы не наѣхать на всадника, который стоялъ неподвижно.

— Пошелъ! Пошелъ, жидовское отродье! крикнулъ баронъ по-нѣмецки, давая здоровенный тумакъ въ спину еврею.

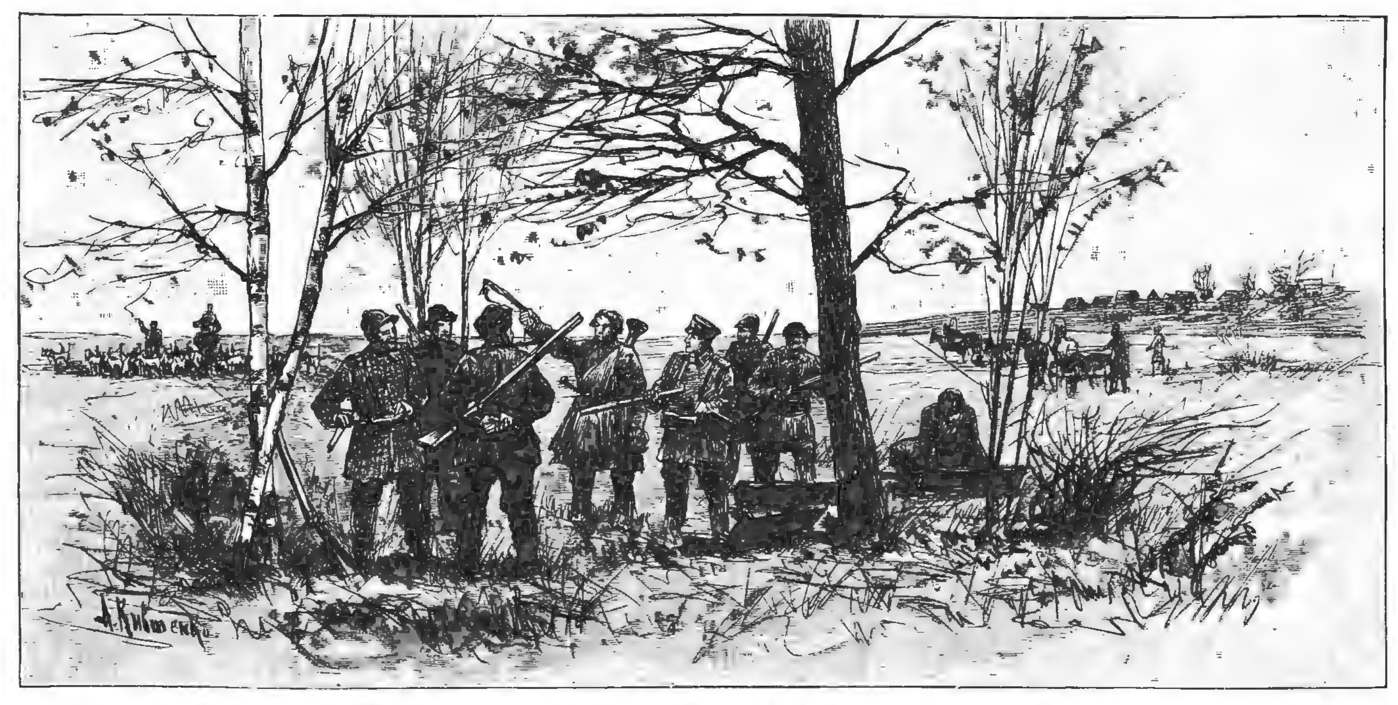
— Halt! грубо крикнулъ ему всадникъ, хватая одну изъ лошадей подъ уздцы.

— Гвалтъ! Вай миръ! завопилъ на весь лѣсъ дюжій еврей, бросая бичъ и возжи и соскакивая съ козелъ нетычанки.

Баронъ не растерялся. Собравъ одной рукой возжи,

Облава На охоту По хорошей дорогѣ. Ориг. рис. **А. Кившенко**, грав. Рашевскій.

Облава. На охоту По плохой дорогѣ. Ориг. рис. **А. Кившенко**, грав. Рашевскій.



Облава. Пріѣхали. Рѣшеніе вопроса, откуда бросать гончихъ. Ориг. рис. **А. Кившенко**, грав. Рашевскій.

онъ другой выхватилъ пистолетъ и, цѣлясь въ всадника, крикнулъ ему грозно по-польски:

— Какъ смѣешь ты задерживать меня въ дорогѣ?! Прочь, или буду стрѣлять!

— Кто ты? крикнулъ ему всадникъ по-нѣмецки, въ отвѣтъ на угрозу.

— Я панъ Бжуховецкій съ Кракова! крикнулъ баронъ и спустилъ курокъ.

Но въ это самое мгновеніе кто-то, невидимый, сбоку, сильно ударилъ его по рукѣ,—и два выстрѣла грянули разомъ, пробуждая гулкое лѣсное эхо.

Баронъ видѣлъ только, какъ что-то сверкнуло, почувствовалъ, какъ пороховой дымъ пахнулъ ему въ лицо, и, выронивъ пистолетъ, съ глухимъ стономъ повалился на бокъ. Страшная, жгучая и рѣжущая боль въ боку и спинѣ вдругъ лишила его всякаго самообладанія, охватила все существо его и, въ ощущеніи этого невыносимаго физическаго страданія, потопила на мгновеніе всѣ побужденія, всѣ помыслы, все сознаніе. Барону показалось, что тяжелая, теплая шапка опустилась ему на голову, сдавила ему темя и виски и закрыла глаза непроницаемымъ мракомъ.

— Да ну! Живѣе! Все бери!.. Разберемъ послѣ... А то еще накроютъ, пожалуй...

— Небось, теперь не вырвется, отвѣчалъ другой голосъ.—Все будетъ наше!

И сознаніе опять покинуло барона.

— Нашелъ, нашелъ! радостно говорилъ между тѣмъ Левицкій, вытаскивая завѣтный бархатный мѣшокъ съ депешами изъ взрѣзанной спины жупана.—Вотъ! вотъ онъ! добавилъ онъ, поспѣшно и судорожно ощупывая находку и дрожащими руками вскрывая ее, при свѣтѣ потайнаго фонаря.

— Нашелъ,—такъ поскорѣе все бросай! твердилъ ему Кутлеръ, держа его за рукавъ.—Я слышу топотъ по дорогѣ... Тутъ дѣло о головѣ идетъ!

И оба, быстро выскочивъ изъ нетычанки, вскочили на коней, свернули въ сторону съ дороги къ лѣсу и мигомъ скрылись во мракѣ, за ближайшими деревьями.

(Продолженіе будетъ).

Съ гончими.

(Рис. на стр. 917, 918, 920, 921 и 924).

Послѣ долгаго, сплошнаго ненастья почти за весь сентябрь, выдалось нѣсколько красныхъ деньковъ, и мы большою компаніей, человѣкъ въ десять, отправились на охоту, въ имѣніе Ивана Петровича Криворогова, славившагося на весь околотокъ своею стаей костромичей. Извѣстно, что у всѣхъ русскихъ охотниковъ гончія — непремѣнно костромскія, хотя возьмите на выборъ три-четыре такія стаи — и ни одна изъ нихъ не будетъ похожа на другую. Но у нашего любезнаго хозяина, конечно, были настоящіе костромичи; по крайней

Облава Счастливый нумеръ. Ориг рис. **А. Кившенко.** грав. Рашевскій.

мѣрѣ, въ нашей средѣ не возникало на этотъ счетъ сомнѣній, которыя глубоко бы его огорчили.

Пріѣхавъ къ разсвѣту на N-скую станцію Николаевской желѣзной дороги, мы размѣстились по-двое на извощичьихъ таратайкахъ и двинулись далѣе. Предстояло верстъ сорокъ проселкомъ, и сначала все шло какъ нельзя лучше. Твердая грунтовая дорога шла перелѣсками, въ рѣзкомъ утренникѣ, нечувствительномъ благодаря полушубкамъ и шведскимъ курткамъ; посвистывали синицы, прыгая по голымъ вѣткамъ совершенно облетѣвшихъ деревьевъ, звонко чокали дрозды, перелетая ныряющимъ полетомъ съ опушки на опушку, лошадки бѣжали скорою мелкою рысью, ямщики то и дѣло подбодряли ихъ веселыми прибаутками, таратайки быстро катились, гулко стуча колесами... Веселая бесѣда не смолкала...

Но вотъ мы вступили въ полосу недавняго дождя — и лошади разомъ сбавили прыти... Глинистая дорога размякла въ какой-то кисель, изъ котораго лошади, понуривъ головы и надсѣдаясь въ хомутахъ, едва вытаскивали колеса... Попадая то въ ту, то въ другую колею, таратайки кренились то направо, то налѣво, при чемъ мы хватались другъ за друга, чтобъ не вылетѣть... Но тутъ экипажъ ухалъ въ зажору — и насъ обдавало цѣлымъ фонтаномъ брызгъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Лошади едва двигаются, а бока наши отъ постоянной качки начинаютъ чувствительно ныть—и конца, кажется, нѣтъ этому странствованію, тѣмъ болѣе, что мы хорошо знаемъ, какъ еще далеко до Криворожской усадьбы.

Вдругъ — представьте себѣ нашу радость — на взлобьѣ небольшой покатости, насупротивъ сиротливой деревушки, видимъ верховыхъ и громадную стаю гончихъ на смычкахъ (т. е. сомкнутыхъ цѣпью попарно, ошейникъ къ ошейнику). Это Иванъ Петровичъ самъ выѣхалъ намъ навстрѣчу. Мгновенно, воспрянувъ духомъ, мы забыли усталость и всѣ непріятности: съ сіяющими глазами выслушали мы сообщеніе нашего хозяина и доѣзжачаго Завойки, что вонъ въ томъ дальнемъ островѣ, сейчасъ, передъ нами, куда показываетъ доѣзжачій арапникомъ, есть волчій выводокъ, а въ Борохинскомъ клину — козы. Мало того, въ нѣсколькихъ верстахъ дальше крестьяне выслѣдили лосей и обѣщали облаву Нужно-ли говорить, какъ эти вѣсти подѣйствовали на охотниковъ?! Ружья были распакованы изъ ящиковъ, боевые патроны на поясѣ; рѣшеніе вопроса, откуда бросать гончихъ, не замедлило: порѣшили начать съ волковъ.

Мы пошли занимать нумера (мѣста, на которыхъ стоятъ стрѣлкамъ), стараясь выбирать лучшіе лазы (вѣроятные пути звѣря, гонимаго собаками изъ лѣсу), а Завойка, съ громаднымъ рогомъ за плечами, взобрался на свою калмыцкую лошадь и поспѣшилъ къ стаѣ своихъ костромичей, съ тѣмъ чтобы заѣхать съ противоположной намъ опушки, разомкнуть тамъ гончихъ и бросить ихъ въ лѣсъ противъ насъ.

Иванъ Петровичъ, въ качествѣ любезнаго хозяина, указывалъ намъ лучшіе лазы.

— Вотъ здѣсь станьте, за сосенку, говорилъ онъ одному, — а вы пройдите шаговъ сто правѣе; тамъ ложокъ будетъ — отличное мѣсто.

Едва успѣли мы занять нумера и осмотрѣть ружья, какъ вдали завылъ рогъ Завойки и самъ онъ загоготалъ, такъ что стонъ пошелъ по лѣсу... Нѣсколько минутъ молчанія... Вдругъ гдѣ-то далеко тявкнула и залилась гончая, очевидно по горячему слѣду.. За вожакомъ, одна за другою, застонали всѣ прочія, и, дѣйствительно, дивно подобранные голоса слились въ тотъ непередаваемый хоръ, отъ котораго охотничье сердце бьется какъ подстрѣленный голубь..

Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, открывалась широкая просѣка,

или, лучше сказать, лѣсная поляна, рѣдко, кое-гдѣ, усаженная деревьями. И вотъ, я вижу вдали, по этой полянѣ, валитъ наискось ко мнѣ вся стая, словно припадая мордами къ землѣ, заливаясь по горячему слѣду... Не успѣлъ я подивиться, какъ я могъ прозѣвать звѣря, — вдругъ вся стая словно споткнулась, заметалась, разсыпалась и стала бросаться вразбродъ, опуская чутье къ землѣ и высоко поднимая гоны (хвосты)... Гончія потеряли слѣдъ. Теперь все стало ясно: не я прозѣвалъ звѣря, а собаки, сбившись со слѣду, вылетѣли на поляну, гдѣ онъ и не думалъ бѣжать... Опять завылъ Завойкинъ рогъ въ глубинѣ лѣса, гончія вернулись на призывъ, и снова залилась одна, другая, и снова застоналъ лѣсъ въ общемъ хорѣ... Дѣло, значитъ, поправилось: гончія опять на слѣду...

Стою я на своемъ нумерѣ и слышу вдругъ, невдалекѣ передо мною, вправо, хруститъ вѣтка валежника... Я перебѣжалъ на звукъ, всматриваюсь — тутъ поляна кончалась извилистымъ оврагомъ, и на днѣ одного изъ отроговъ стояли кучкой три громадные волчища, очевидно почуявшіе меня и не знавшіе что имъ дѣлать — вернуться-ли назадъ на собакъ или попытать счастья — прорваться мимо меня... Хотя разстояніе было далеко не въ мѣру, я тѣмъ не менѣе вскинулъ ружье и послалъ дублетъ... Два волка, поджавъ хвосты и закинувъ уши, стрѣлой шмыгнули въ кусты вдоль по нумерамъ... Третій кувырнулся было, но тотчасъ оправился и послѣдовалъ за ними... Бацъ! бацъ! раздалось на сосѣднемъ нумерѣ. Пафъ! — нумеромъ дальше, и потомъ: о-го! го! го! Па! па! и опять о-го! го! го!.. еще дальше. Очевидно, волки шли по линіи.

Гонъ былъ конченъ. Стая высыпала на выстрѣлы изъ лѣса на опушку со страшнымъ гамомъ. Выскакалъ и Завойка, свернулся какъ-то на-земь со своего калмыка и сталъ смыкать гончихъ съ помощью подскакавшихъ выжлятниковъ. Когда сошлись стрѣлки, оказалось, что убиты два волка и одинъ изъ нихъ былъ застрѣленъ Иваномъ Петровичемъ, но картечей въ немъ оказалось гораздо больше, чѣмъ полагается на зарядъ. Вѣроятно, это былъ мой подранокъ, но я не хотѣлъ портить удовольствія нашему хозяину и промолчалъ о своемъ дублетѣ.

За то меня совершенно вознаградили козы. Я занялъ мѣсто на просѣкѣ между хвоей и чернолѣсьемъ, на опушкѣ рѣдкаго еще осинника, и скоро ко мнѣ сталъ приближаться самый горячій гонъ. Я уже взводилъ курки, какъ вдругъ гонъ сталъ затихать, сначала незамѣтно, потомъ все скорѣе и скорѣе... Очевидно, коза дала кругъ и увела за собою стаю на другіе нумера. „Такая ужь видно незадача сегодня — пути не будетъ!“ подумалъ я съ огорченіемъ. Но вотъ гонъ опять слышнѣе, ближе, ближе, слышны уже голоса отдѣльныхъ гончихъ, тенора, баритоны и басы... Вдругъ, на просѣку громадными скачками выносятся одна за другою двѣ козы... Бацъ! бацъ!.. Одна ткнулась на мѣстѣ; козелъ, пробѣжавъ шаговъ сорокъ, взвился на дыбы и опрокинулся... „О-го! го! го!“ завопилъ я на весь лѣсъ и уже не слыхалъ ни чужихъ выстрѣловъ, ни охотничьяго рога, а когда мы сошлись опять всѣ вмѣстѣ, я только повторялъ: „подлинно счастливый нумеръ! Вотъ это счастливый нумеръ“.

Облава на лосей была отложена до завтра, и на ней мнѣ пришлось быть простымъ зрителемъ. Лоси вышли на правый флангъ стрѣлковъ, а я стоялъ ближе къ лѣвому. За то, по свойству моего нумера, мнѣ хорошо была видна дѣйствовавшая цѣпь притаившихся за древесными стволами охотниковъ. Гонимые не собаками, а загонщиками, лоси шли неспѣшною рысью. Ихъ было три: быкъ и двѣ лосихи. Выйдя на линію, они пріостановились — и тутъ-то Иванъ Петровичъ промазалъ изъ обоихъ стволовъ по неподвижной цѣли. Лоси кинулись вправо по линіи, на третьемъ или на четвертомъ нумерѣ быкъ чуть споткнулся, но впрочемъ всѣ трое благополучно унесли свои шкуры изъ негостепріимнаго бора.

Вечеромъ, послѣ сытнаго обѣда и обильныхъ возліяній въ честь патроновъ охоты, мы съ трофеями возвращались въ столицу, везя съ собой и сдѣланные на мѣстѣ рисунки Кившенка, на которыхъ мы изображены. **В. К.**

Кто же оскорбленъ?

Посвящается Елизаветѣ Владиміровнѣ Калиновской.

С. Ломницкаго.

(Окончаніе).

II.

На слѣдующій день Зарайскій, придя къ Орлицкому, вручилъ ему полную довѣренность.

— А вмѣсто всякихъ сдѣлокъ, сказалъ онъ, — вы лучше возьмите вотъ это.

Зарайскій вынулъ изъ боковаго кармана два векселя по тридцати тысячъ рублей.

— Это хотя отчасти будетъ вамъ гарантіею уплаты слѣдуемаго вамъ въ будущемъ гонорара. При этомъ, я говорю вполнѣ серьезно, что буду считать для себя величайшею обидой, если вы не согласитесь принять этихъ векселей. Кстати, вчера хозяинъ гостиницы, гдѣ я остановился, сказалъ мнѣ, что если имѣніе это перейдетъ ко мнѣ, то предлагаетъ продать ему на срубъ пятьсотъ десятинъ лѣса по четыреста рублей за десятину,—это составитъ уже двѣсти тысячъ. Но я думаю, дадутъ и больше. Слѣдовательно, предлагаемый вамъ мною гонораръ не составитъ даже и десяти процентовъ,—а десять процентовъ,—это почти что ваше вознагражденіе по таксѣ.

— Относительно того, приму-ли я эти векселя или нѣтъ, я ничего пока сказать вамъ не могу, заявилъ Орлицкій. — Кажется, это будетъ противно правиламъ нашей профессіональной этики; да кромѣ того и сумма гонорара слишкомъ велика.

— Оставьте пока въ сторонѣ вашу этику, возразилъ Зарайскій. — Чѣмъ я, напримѣръ, смогу вознаградить васъ, если вы затратите массу времени и денегъ и въ результатѣ дѣло провалится; наконецъ, имѣйте въ виду, что всѣ мы смертны, что предъ самымъ окончаніемъ дѣла я могу умереть, и тогда кто же вознаградитъ васъ? Вы скажете, что мои наслѣдники; но вѣдь они могутъ кончить это дѣло миромъ; живутъ они постоянно за границею; что же, отправляться вамъ въ Венгрію и предъявлять искъ о гонорарѣ? Да въ случаѣ даже присужденія, можете-ли вы что-нибудь получить съ нихъ, тѣмъ болѣе, если случится, что къ тому времени и у нихъ-то печѣмъ будетъ уплатить вамъ. Во всякомъ случаѣ, этихъ векселей я обратно ни подъ какимъ видомъ не возьму, а если пожелаете заключить условіе со мною, то пусть они остаются въ обезпеченіе условія. Вы столько сдѣлали для меня...

— Получить условіе, да еще и векселя — это будетъ уже совсѣмъ походить на ростовщичество, замѣтилъ Орлицкій. — Относительно принятія мною этихъ векселей я вамъ дамъ отвѣтъ завтра.

Въ тотъ же день Орлицкій отправился къ своему патрону, которому сообщилъ всѣ подробности дѣла.

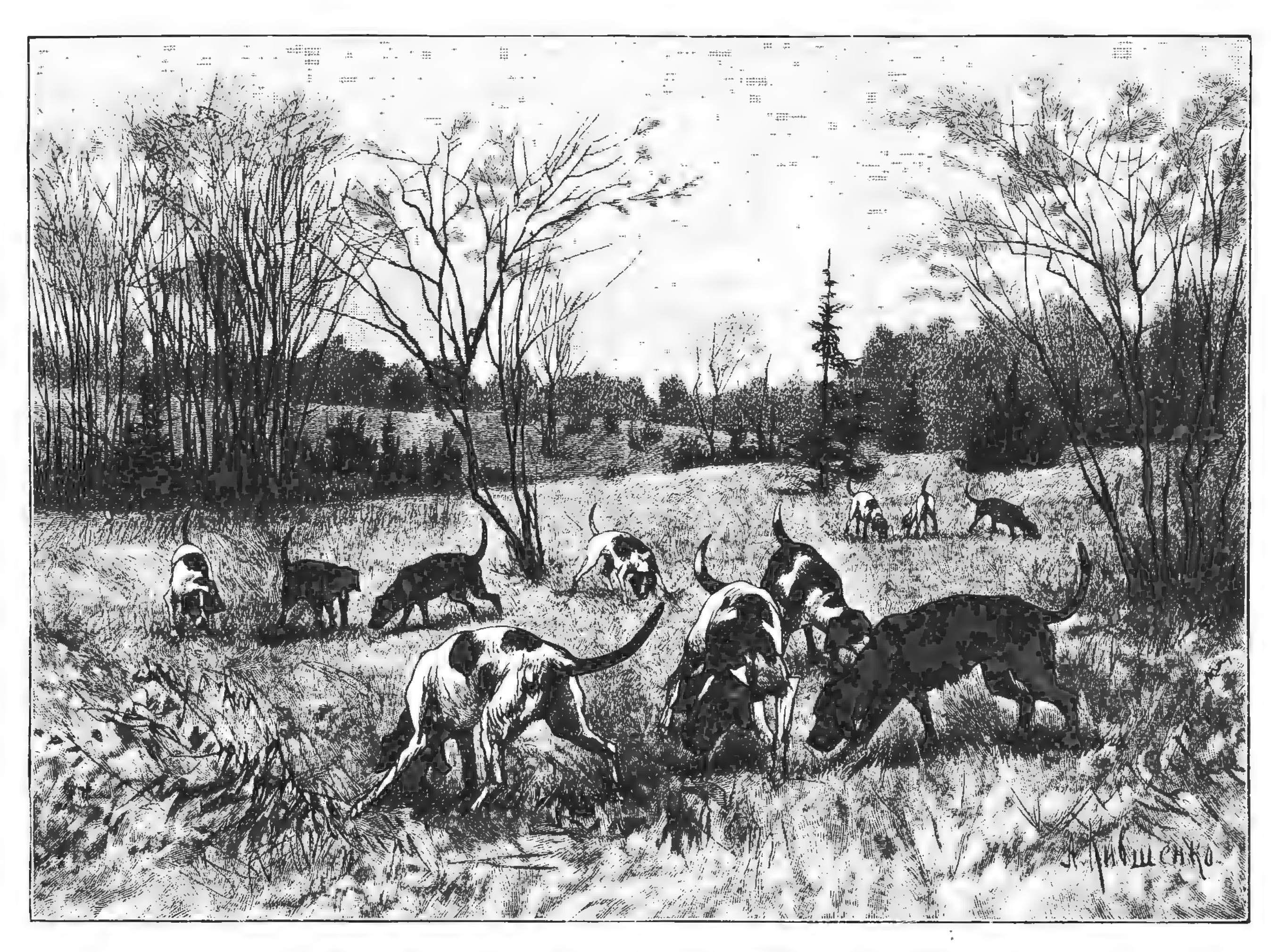
— Дѣло въ высокой степени интересное, сказалъ патронъ.— А что касается векселей, то возьмите ихъ непремѣнно. Господинъ кліентъ за послѣднее время совсѣмъ жуликомъ сталъ; посмотрите въ мои книги, и вы убѣдитесь, что нѣтъ ни одного года въ теченіе всей моей практики, чтобы за кліентами не осталось двѣ-три тысячи; всѣ мы и благодѣтели, и отцы родные, пока мы необходимы господину кліенту, а закончили вы ему его дѣло — поминай какъ звали! Даже, каналья, спасибо не скажетъ. Запутается господинъ кліентъ въ своихъ сдѣлкахъ, наглупитъ; вмѣсто состоянія останутся у него только безграмотные документы, и является тогда къ присяжному повѣренному, чуть не въ ногахъ ползаетъ: „благодѣтель, спасите!“ И вотъ начинаетъ нашъ братъ распутывать всю эту глупую канитель; работаетъ какъ волъ, днемъ торчитъ въ засѣданіяхъ суда, по вечерамъ пялитъ глаза, создавая стройный процессъ изъ натасканной къ нему всякой бумажной рухляди; вѣчно роется въ неимовѣрной путаницѣ безалабернаго законодательства и въ результатѣ, возстановивъ честь или благосостояніе господина кліента, онъ за свой трудъ не получаетъ ничего, или хорошо если половину условленнаго. А попробуйте-ка начать предъявлять къ нимъ иски объ уплатѣ гонорара, увидите, какъ завопитъ публика: „помилуйте, грабятъ кліентовъ, разбой на большой дорогѣ!“ Такъ-то, мой молодой другъ, съ кліентомъ будьте осмотрительны: надуетъ, какъ пить дать! Собери я всѣ тѣ деньги, что остались у меня за господиномъ кліентомъ, котораго мы якобы грабимъ, то мои дѣти были бы хотя немного обезпечены, а я не таскалъ бы векселей въ общество взаимнаго кредита каждый разъ при наступленіи срока платежа за квартиру. Не забывайте, что у насъ съ вами нѣтъ двадцатаго числа, а ужь о пенсіи и говорить нечего.

Поученіе подѣйствовало; Орлицкій, возвратясь домой, заперъ векселя Зарайскаго въ ящикъ.

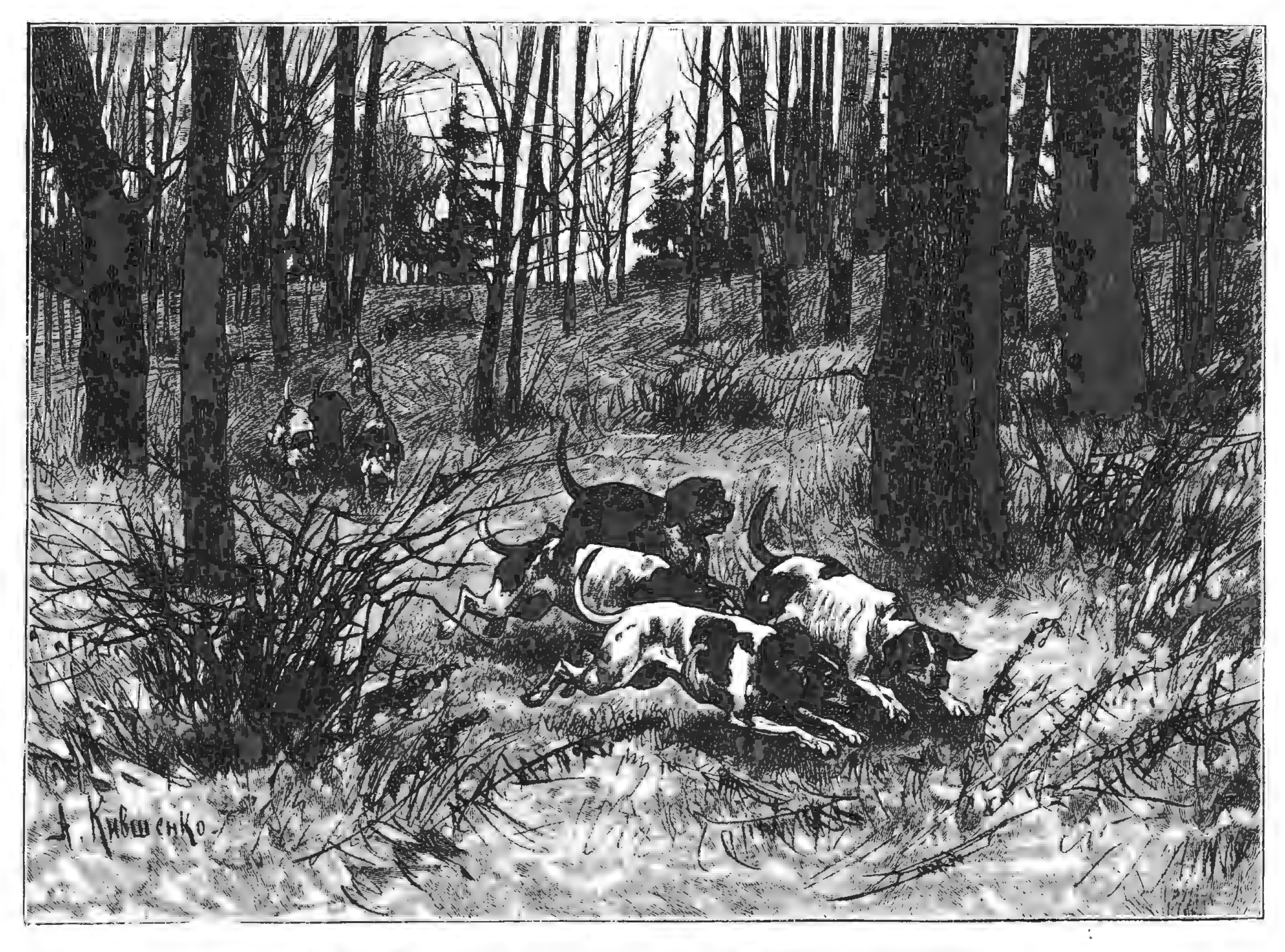
По дѣлу Зарайскаго пришлось добывать много необходимыхъ документовъ за тридевять земель, что сопряжено было съ большими расходами. Что же касается полученія главнаго, основнаго документа — удостовѣренія подлежащихъ австрійскихъ властей о томъ, что Софія Зарайская состоитъ въ монашествѣ, то Орлицкій пока только обдумывалъ этотъ вопросъ.

Однажды поутру, проснувшись довольно поздно, Орлицкій быстро одѣлся и, едва успѣвъ проглотить стаканъ чаю, направился въ австрійское консульство.

Явившись къ консулу, съ которымъ онъ и ранѣе того часто встрѣчался, Орлицкій съ цѣлью соблюсти тайну отъ іезуитовъ объяснилъ ему, что его, Орлицкаго, кліентъ, нѣкто Зарайскій, потерялъ совершенно изъ виду сестру свою Софію Зарайскую, которая, насколько ему извѣстно, вначалѣ поступила въ качествѣ послушницы въ монастырь „Sacre-Coeur“ въ Регенсбургѣ, въ Баваріи, но что затѣмъ случилось съ нею, онъ не знаетъ.



Облава. Слѣдъ потеряли. Ориг. рис. **А. Кившенко,** грав. Рашевскій.



Облава. По горячему слѣду. Ориг. рис. **А. Кившенко,** грав. Рашевскій.

Облава. Приближеніе лосей. Ориг. рис. А. Кившенко, грав. Рашевскій.

— Въ виду этого у меня къ вамъ покорнѣйшая просьба, обратился Орлицкій къ консулу, — не приметъ-ли само консульство на себя разслѣдованія о томъ, гдѣ въ настоящее время находится Софія Зарайская; состоитъ-ли она въ монашествѣ и если да, то въ которомъ году она сдѣлала свое послѣднее „votum" и получила постриженіе въ качествѣ монахини; при этомъ я прошу васъ, чтобы это было сдѣлано исключительно отъ имени консульства, такъ какъ ваше авторитетное слово будетъ имѣть свое значеніе; а какая бы сумма ни потребовалась на расходы, я внесу ее немедленно.

— Очень радъ служить вамъ, сказалъ консулъ, очевидно, польщенный словами Орлицкаго.

— Еще одна небольшая просьба, поторопился сказать Орлицкій. — Будьте столь добры, потребуйте, чтобы дознаніе, произведенное полиціею, было провѣрено и засвидѣтельствовано прокуратурой; иначе, насколько мнѣ извѣстно, дознаніе безъ такого подтвержденія, согласно австрійскимъ законамъ, не имѣетъ значенія вполнѣ оффиціальнаго, авторитетнаго акта.

— Прекрасно, сказалъ консулъ, — и это будетъ вамъ сдѣлано.

Черезъ нѣсколько часовъ заявленіе Орлицкаго вмѣстѣ съ деньгами было доставлено консулу.

„Имѣя дѣло съ такими плутами, какъ іезуиты, поневолѣ приходится хитрить", думалъ про себя Орлицкій, возвращаясь домой изъ консульства. — „Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ".

Пока, въ ожиданіи полученія необходимыхъ документовъ, Орлицкій довольно часто приглашалъ Зарайскаго къ себѣ обѣдать. Зарайскій былъ пріятнымъ собесѣдникомъ: онъ былъ очень остроуменъ, зналъ почти всѣ европейскіе языки, много читалъ и прекрасно игралъ на роялѣ. Зачастую послѣ обѣда Зарайскій усаживался за рояль и по преимуществу игралъ только тѣ пьесы, которыя любила его жена; онъ игралъ мотивы тѣхъ пѣсенъ, которыя она пѣла; необходимо добавить, что ея фотографическую карточку онъ постоянно носилъ при себѣ. Жена и ребенокъ, казалось, были альфой и омегой существованія Зарайскаго.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ; всѣ документы, за исключеніемъ извѣстій изъ консульства, были уже на-лицо. „Что же это мой консулъ мѣшкаетъ", думалъ однажды Орлицкій, сидя за обѣдомъ и слушая разсказъ жены объ интригахъ между членами только-что открывшагося какого-то женскаго благотворительнаго общества. Его размышленія были прерваны появленіемъ лакея, который подалъ довольно большой пакетъ съ консульскою печатью. Орлицкій не распечаталъ, а просто рванулъ пакетъ, и началъ быстро пробѣгать глазами большой, красиво и четко исписанный на двухъ страницахъ листъ бумаги; читая, Орлицкій краснѣлъ и самодовольно улыбался.

— Громъ побѣды раздавайся! обратился Орлицкій къ присутствовавшему здѣсь же Зарайскому, передавая ему документы.

Это было подробнѣйшее дознаніе австрійской полиціи, провѣренное и засвидѣтельствованное прокуратурою, о томъ, что Софія Зарайская въ 1870 году поступила въ монастырь „Sacre-Coeur" въ качествѣ послушницы; въ 1873 году она дала первое „votum", а затѣмъ въ 1876 году получила послѣднее и окончательное постриженіе, послѣ котораго перешла въ монастырь того же ордена въ Лембергъ, гдѣ и по настоящее время состоитъ въ качествѣ монахини.

— Какой вы умный человѣкъ! почти вскричалъ Зарайскій, прочтя документъ.

— Берите-ка на тарелку еще кусочекъ цыпленка, сказалъ улыбаясь Орлицкій.—Обѣдъ, вѣдь, не ждетъ, а для комплиментовъ и послѣ обѣда времени будетъ довольно.

Во все время обѣда Зарайскій не спускалъ глазъ съ Орлицкаго; казалось, онъ любовался имъ; въ глазахъ Зарайскаго свѣтилась цѣлая бездна благодарности.

Черезъ два дня Орлицкій подалъ въ соотвѣтствующій судъ прошеніе объ утвержденіи Зарайскаго въ правахъ наслѣдства по всему недвижимому имуществу, оставшемуся послѣ вступившей въ монашество сестры его, Софіи Зарайской. Слушаніе дѣла въ судѣ было назначено черезъ двѣ недѣли. Въ то же время Орлицкій просилъ Зарайскаго списаться съ Лисецкимъ и просить его слѣдить за дѣйствіями частнаго ходатая, обладавшаго полною довѣренностью монашествующей Софіи Зарайской, т. е. довѣренностью отцовъ-іезуитовъ.

Не прошло и недѣли со дня подачи въ судъ прошенія Орлицкимъ по дѣлу Зарайскаго, какъ однажды въ передней квартиры Орлицкаго раздался сильный, нетерпѣливый звонокъ. Въ кабинетъ къ Орлицкому быстро вошелъ Зарайскій; по его лицу и движеніямъ можно было замѣтить, что онъ былъ взволнованъ.

— Узнали, подлецы! Прочтите, сказалъ Зарайскій, передавая Орлицкому письмо.

Орлицкій взглянулъ на подпись.

— Что это, братецъ откликнулся?! Интересно, сказалъ онъ и началъ пробѣгать глазами письмо.

Въ письмѣ этомъ Маріанъ Зарайскій выражалъ цѣлую массу ужасовъ, приправленныхъ неимовѣрнымъ количествомъ восклицательныхъ знаковъ; письмо было полно угрозъ, запугиванія, самыхъ униженныхъ просьбъ и религіозныхъ мотивовъ. Наконецъ, Маріанъ Зарайскій предлагалъ брату получить немедленно пятьдесятъ тысячъ, подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ веденія дѣла и въ отказѣ заявилъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе удостовѣреніемъ о монашествѣ сестры, каковое удостовѣреніе, какъ онъ убѣдился, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Предо мною на столѣ лежатъ копіи пресловутаго удостовѣренія, а также копіи документовъ и прошенія, поданнаго твоимъ адвокатомъ. Но повѣрь мнѣ, будь твой адвокатъ семи пядей во лбу, онъ ничего не подѣлаетъ, такъ какъ сестра наша Софія никогда въ монашество не вступала, и мы докажемъ это въ самомъ скоромъ времени. Имѣй въ виду также, что всѣ векселя твои, выданные тобою въ разное время въ Пештѣ, находятся въ настоящее время у меня въ рукахъ, и еслибъ даже ты добился чего-нибудь, то это тебѣ впрокъ не пойдетъ; все пойдетъ на погашеніе этихъ векселей; я двину противъ тебя и такія пружины, о которыхъ ты не имѣешь еще ни малѣйшаго понятія. Не поздоровится также и твоему самонадѣянному адвокату".

— Что же, сказалъ улыбаясь Орлицкій,—„будетъ буря, мы поспоримъ!" Ручаюсь, что и я не сегодня—завтра получу посланіе въ томъ же духѣ.

Орлицкій поднялся съ мѣста, позвонилъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Спроси секретаря, обратился онъ къ вошедшему лакею,—вынулъ-ли онъ почту изъ ящика.

— Секретарь еще не приходили-съ, а я видѣлъ, почтальонъ опускалъ письма въ нашъ ящикъ.

— Вотъ ключъ, вынь письма и принеси сюда; только поворачивайся живѣй!

Лакей немедленно возвратился, держа нѣсколько писемъ въ рукѣ.

— Вотъ оно, сказалъ Орлицкій,—тотъ же почеркъ и печать. Воображаю, сколько здѣсь восклицательныхъ знаковъ.

Орлицкій вскрылъ письмо.

„Во имя религіи, которую оба мы исповѣдуемъ, во имя блага общей матери нашей католической церкви, я прошу и умоляю васъ оставить то дѣло, которое вы начали по довѣренности безумнаго брата моего. Къ стыду нашей семьи, братъ мой дошелъ до невѣроятной крайности безчестія, желая ограбить свою родную сестру. Не знаю, вольнымъ или невольнымъ пособникомъ являетесь вы въ его адскихъ начинаніяхъ, но имѣйте въ виду, что все это дѣло сатаны, который брата моего и васъ толкаетъ на преступленіе, которое вы никогда не въ состояніи будете искупить ни въ сей, ни въ будущей жизни".

Затѣмъ шелъ длинный рядъ убѣжденій, который заканчивался слѣдующей угрозой:

„Если же, несмотря на всѣ мои доводы, вы будете продолжать вести это дѣло, то я настою на томъ, чтобы сестра возбудила противъ васъ обвиненіе въ судѣ въ томъ, что, сговорившись съ братомъ моимъ, и ложно выдавая ее за монашествующее лицо, вы желали воспользоваться ея состояніемъ;—повторяю: сестра моя, Софія, никогда въ монашество не вступала".

Затѣмъ слѣдовала приписка о томъ, что всѣ расходы, какіе понесъ Орлицкій по этому дѣлу, будутъ возвращены ему немедленно и въ десять разъ больше израсходованной суммы.

Въ волненіи окончилъ Орлицкій чтеніе этого письма и, бросивъ его въ уголъ стола, принялся писать отвѣтъ.

Едва-ли, когда-либо, іезуитскому патеру, Марьяну Зарайскому, приходилось читать такое письмо.

„Всегда я считалъ іезуитовъ, писалъ Орлицкій,—негодяями и величайшими лжецами, злоупотребляющими именемъ Бога и церкви, но никто такъ блестяще не оправдалъ составившихся во мнѣ убѣжденій, какъ вы, милостивый государь". Далѣе слѣдовало множество комплиментовъ, все въ томъ же родѣ, и письмо заканчивалось отвѣтомъ на угрозу: „Я крайне сожалѣю, что вы не находитесь въ настоящее время въ Россіи, а то я счелъ бы своимъ священнымъ долгомъ—предать васъ суду за подлоги и мошенничество, которое вы проявили, какъ въ первомъ дѣлѣ, при дѣлежѣ наслѣдства, на которое ни вы, ни ваша сестра не имѣли ни малѣйшихъ правъ, такъ какъ оба вы уже состояли въ монашествѣ, такъ равно и въ данномъ случаѣ. Что же касается вашихъ будущихъ выходокъ противъ меня, то я ихъ ничуть не опасаюсь; противъ вашей клеветы я всегда найду защиту въ судѣ и у нашего правительства, которое знаетъ, что такое іезуиты, а потому и изгнало ихъ, какъ негодныхъ членовъ общества". Въ концѣ письма Орлицкій тоже сдѣлалъ приписку: „Сегодня же посылаю подробную докладную записку мѣстному генералъ-губернатору о томъ, чтобы онъ принялъ свои мѣры въ отношеніи имущества, которымъ мошеннически владѣютъ іезуиты, выдавая монашествующую Софію Зарайскую за свѣтское лицо".

Въ тотъ же день дѣйствительно послана была генералъ-губернатору докладная записка, съ приложеніемъ нотаріальныхъ копій всѣхъ документовъ.

Оставалось всего пять дней до засѣданія въ судѣ. Слѣдя за ходомъ дѣла, Орлицкій пока не видѣлъ ни одного оффиціальнаго шага со стороны іезуитовъ.

„Едва-ли послѣ всего этого они рискнутъ продолжать подлогъ!“ думалъ Орлицкій, подъѣзжая къ нотаріальной конторѣ, гдѣ ему необходимо было засвидѣтельствовать копіи какихъ-то документовъ.

Въ конторѣ онъ нашелъ двухъ очень приличной наружности стариковъ, которымъ нотаріусъ читалъ проектъ закладной: „А въ тѣхъ деньгахъ заложила она, Софія Зарайская, ему, графу Зборовскому, собственно принадлежащее ей недвижимое имѣніе...“

Услышавъ эти слова, Орлицкій вспыхнулъ; онъ быстро вышелъ изъ конторы, усѣлся на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ гнать, что есть мочи.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ кабинетѣ предсѣдателя суда и ходатайствовалъ о томъ, чтобы тотъ собственною властью наложилъ запрещеніе на имѣніе Софіи Зарайской. Предсѣдатель очень внимательно выслушалъ объясненіе Орлицкаго, потребовалъ изъ канцеляріи дѣло, и черезъ полчаса Орлицкій имѣлъ въ рукахъ просимое опредѣленіе.

Положеніе іезуитовъ казалось безвыходнымъ: судъ не могъ не утвердить Зарайскаго въ правахъ наслѣдства; широковѣщательныя письма патера, Марьяна Зарайскаго, не произвели ни малѣйшаго эффекта; наконецъ, послѣдняя плутня съ фиктивною закладной не выгорѣла; плутня эта была придумана довольно ловко: впослѣдствіи оказалось, что одновременно съ угрожающими письмами, „его преподобіе“, патеръ Марьянъ, отдалъ приказаніе заложить имѣніе, считающееся якобы собственностью Софіи Зарайской,—графамъ Зборовскимъ, въ суммѣ восьмисотъ тысячъ рублей.

Передавъ старшему нотаріусу опредѣленіе о запрещеніи, Орлицкій сдѣлалъ формальное заявленіе прокурору суда о совершающемся мошенничествѣ.

Дѣло близилось къ концу, и окружный судъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій утвердилъ Зарайскаго въ правахъ наслѣдства.

Орлицкій торжествовалъ: это было первое изъ ряда выходящее дѣло; дѣло,—которому онъ далъ ходъ и о которомъ начали поговаривать въ обществѣ.

Зарайскій былъ неузнаваемъ,—одна мысль, что его жена и ребенокъ перестанутъ голодать, приводила его въ неистовый восторгъ: онъ постоянно только и мечталъ о томъ, чтобы выписать ихъ въ имѣніе и поселиться навсегда въ Россіи.

Необыкновенно сіяющій, съ письмомъ въ рукѣ, вошелъ однажды Зарайскій въ кабинетъ Орлицкаго.

— Знаете-ли, когда человѣку повезетъ, то уже везетъ во всемъ! На-дняхъ жена съ ребенкомъ будутъ здѣсь,—вотъ ея письмо. Когда мои дѣла еще были хороши, я занялъ три тысячи рублей одному изъ ея родственниковъ; въ настоящее время онъ возвратилъ ихъ женѣ... Вы увидите, что это за женщина,—какъ она будетъ вамъ благодарна!

Повертѣвшись затѣмъ нѣсколько минутъ, Зарайскій ушелъ; ему не сидѣлось: онъ былъ слишкомъ счастливъ.

III.

Получивъ исполнительный листъ на вводъ во владѣніе, Орлицкій поджидалъ Зарайскаго, чтобъ условиться о времени поѣздки на мѣсто: но прошла недѣля,—Зарайскій не являлся; прошло еще нѣсколько дней, и Орлицкій рѣшилъ, было, послать за нимъ, какъ однажды поутру секретарь заявилъ Орлицкому, что какой-то господинъ желаетъ поговорить съ нимъ по дѣлу Зарайскаго и ждетъ въ гостиной.

— Просите сюда.

Длинная, черномазая фигура, съ гладко-выбритымъ лицомъ и боязливо бѣгающими, блестящими черными глазами, предстала предъ Орлицкимъ.

— Прежде чѣмъ приступить къ переговорамъ, вы не откажите прочесть это письмо, сказалъ появившійся незнакомецъ.

По почерку на конвертѣ, Орлицкій узналъ руку Зарайскаго. Письмо, состоявшее изъ нѣсколькихъ строкъ, было юридически неграмотное: подпись Зарайскаго была засвидѣтельствована нотаріусомъ.

„Милостивый государь, Степанъ Юрьевичъ! гласило письмо.— По нѣкоторымъ соображеніямъ, я рѣшилъ прекратить дѣло о полученіи мною наслѣдства послѣ сестры моей, Софіи Зарайской, а потому покорнѣйше прошу васъ, сдѣлать въ судѣ соотвѣтствующее заявленіе“.

Тяжело дыша, съ поникшей головою, читалъ Орлицкій это письмо.

„Вотъ, думалъ онъ,—результаты самаго добросовѣстнаго, самаго сердечнаго отношенія къ дѣлу“.

Теперь ему все стало ясно, теперь онъ понялъ цѣль пріѣзда жены Зарайскаго и его продолжительное отсутствіе; онъ видѣлъ также, что предъ нимъ стоитъ переодѣтый іезуитъ.

Дѣлая невѣроятныя усилія надъ собою, Орлицкій старался казаться невозмутимымъ.

— Что вы мнѣ еще скажете? спросилъ онъ.

— Вашъ кліентъ, Зарайскій, слава Богу, въ настоящее время совершенно образумился и находится уже на пути въ Америку, а мнѣ поручилъ вручить вамъ десять тысячъ и получить его обязательства.

— Да вы-то кто такой?

— Я уполномоченъ господиномъ Зарайскимъ...

— Не о томъ спрашиваю... Ваша профессія, или званіе, наконецъ общественное положеніе?

— Объ этомъ я въ свое время скажу, отвѣтилъ іезуитъ, взглянувъ исподлобья на Орлицкаго.

— Пока я скажу вамъ, что я ближайшій другъ семьи Зарайскихъ и, видя, что одинъ изъ нихъ затѣялъ такое безбожное дѣло, я постарался примирить ихъ. Вашъ кліентъ получилъ десять тысячъ ежегодной аренды и со стыдомъ уѣхалъ въ Америку.

— Какъ это со стыдомъ? Предъ кѣмъ это ему вдругъ такъ стало стыдно? Стыдно становится только за безчестный поступокъ! говорилъ Орлицкій, цѣдя каждое слово сквозь зубы. Недобрые огоньки сверкали въ е глазахъ.

— Все это дѣло безчестное, невозмутимо сказалъ іезуитъ.

— Такъ, по-вашему, и я велъ безчестное дѣло? сказалъ Орлицкій, постепенно блѣднѣя.

— Да, но вы...

Громкая, страшной силы пощечина, которую отвѣсилъ Орлицкій іезуиту, прервала дальнѣйшій разговоръ.

Высокая, худощавая фигура іезуита попятилась въ уголъ комнаты и остановилась, какъ вкопаная; ни одинъ мускулъ, казалось, не дрогнулъ на его лицѣ, глаза его были опущены внизъ.

Зажавъ кулаки и, сверкая глазами, стоялъ предъ нимъ Орлицкій, блѣдный, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Почему ты, негодяй, не дерешься со мною? Что ты молчишь? заговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Я христіанинъ, сказалъ іезуитъ, стараясь скрыть дрожаніе голоса,—а евангеліе, какъ вамъ извѣстно, учитъ насъ...

— Оно прежде всего учитъ насъ, прервалъ его Орлицкій,— не мошенничать, не совершать подлоговъ, не выдавать монашествующихъ за свѣтскія лица и не дѣлать отъ ихъ имени захватовъ чужаго имущества!.. Таковъ это у васъ обѣтъ бѣдности и отреченія отъ міра сего! Какая подлость! Вѣдь вы выписали сюда жену Зарайскаго, вы воспользовались скудоуміемъ женщины, увѣривъ ее, что ея мужъ губитъ себя этимъ дѣломъ; вы заставили ее пригрозить мужу полнымъ разрывомъ, если онъ не согласится на ваши требованія!.. А сколько религіозныхъ мотивовъ и запугиваній вы употребили, чтобъ обмануть эту несчастную женщину! Орлицкій говорилъ все это быстро, прерывистымъ голосомъ.—Да и все это вы, господа, продѣлали только „ad majorem Dei gloriam“! неправда-ли?

Іезуитъ молчалъ и дрожащею рукою вытиралъ тонкимъ, надушеннымъ батистовымъ платкомъ крупныя капли пота, выступившія у него на лбу. Его лѣвый глазъ и половина лица налились кровью. Орлицкій все стоялъ предъ нимъ, ожидая отвѣта, пока, наконецъ, видъ этого оскорбленнаго человѣка, который даже пальцемъ не шевельнулъ въ свою защиту, не издалъ ни единаго стона, окончательно не обезоружилъ разсвирѣпѣвшаго.

Одно только чувство подавляло Орлицкаго и заставляло его сердце сжиматься до невыносимой боли,—это было щемящее чувство горькой обиды, которую онъ ничѣмъ не заслужилъ; сюда прибавилось еще и сознаніе того, что его самолюбію нанесенъ ударъ, нанесенъ ловко и безповоротно. И вотъ онъ, Орлицкій, положившій душу свою въ это дѣло, остается только въ качествѣ посторонняго зрителя надругательства іезуитовъ надъ закономъ, логикою и справедливостью.

Обезсиленный, шатаясь на ногахъ, подошелъ Орлицкій къ столу, вынулъ изъ ящика векселя Зарайскаго, нервно разорвалъ ихъ и бросилъ на столъ, чуть-ли не въ лицо іезуиту.

Собравъ осторожно клочья разорванныхъ векселей, тотъ завернулъ ихъ въ листъ бѣлой бумаги и, вынувъ изъ кармана большую пачку тѣсно-связанныхъ сторублевыхъ ассигнацій, положилъ ихъ на столъ предъ Орлицкимъ.

— Потрудитесь пересчитать, сказалъ онъ тихимъ, ровнымъ голосомъ.

— Потрудитесь лучше убраться отсюда вонъ! отвѣтилъ ему Орлицкій.—А денегъ мнѣ вашихъ не надо... у васъ вѣдь всѣ деньги пріобрѣтены безчестными средствами! Вотъ гдѣ имъ мѣсто!.. Орлицкій нервно схватилъ всю пачку ассигнацій и со всего размаха швырнулъ ими въ пылавшій каминъ.—Я бы и васъ всѣхъ туда отправилъ! обратился онъ къ іезуиту, съ исказившимся отъ злости лицомъ.

Невозмутимо смотрѣлъ іезуитъ на всю эту сцену, проводивъ только взглядомъ пачку ассигнацій по направленію къ камину. Въ этомъ взглядѣ Орлицкій подмѣтилъ цѣлую массу затаенной ироніи.

— Въ настоящее время, обратился іезуитъ къ Орлицкому,— единственно въ назиданіе вамъ, я не скрою отъ васъ, кто я такой... Необходимо вамъ знать, что вы оскорбили человѣка, который и старше, и образованнѣе васъ,—я давно уже состою ректоромъ коллегіи, которая ничѣмъ не хуже любаго изъ вашихъ университетовъ.

— Какъ?.. Что?

— Да, я — Марьянъ Зарайскій! сказалъ онъ и, не подымая глазъ, медленно вышелъ изъ комнаты.

Къ рисункамъ.

Изъ стихотвореній А. В. Кольцова.

(Рис. на стр. 912).

Художникъ съ большимъ искусствомъ передаетъ въ картинахъ поэтическія описанія Кольцова. Содержаніе этихъ картинокъ не можетъ быть лучше выражено, какъ самими стихами народнаго поэта.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
. . . .
Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ...

Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной...
. . . .
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.

Домикъ лѣсника.

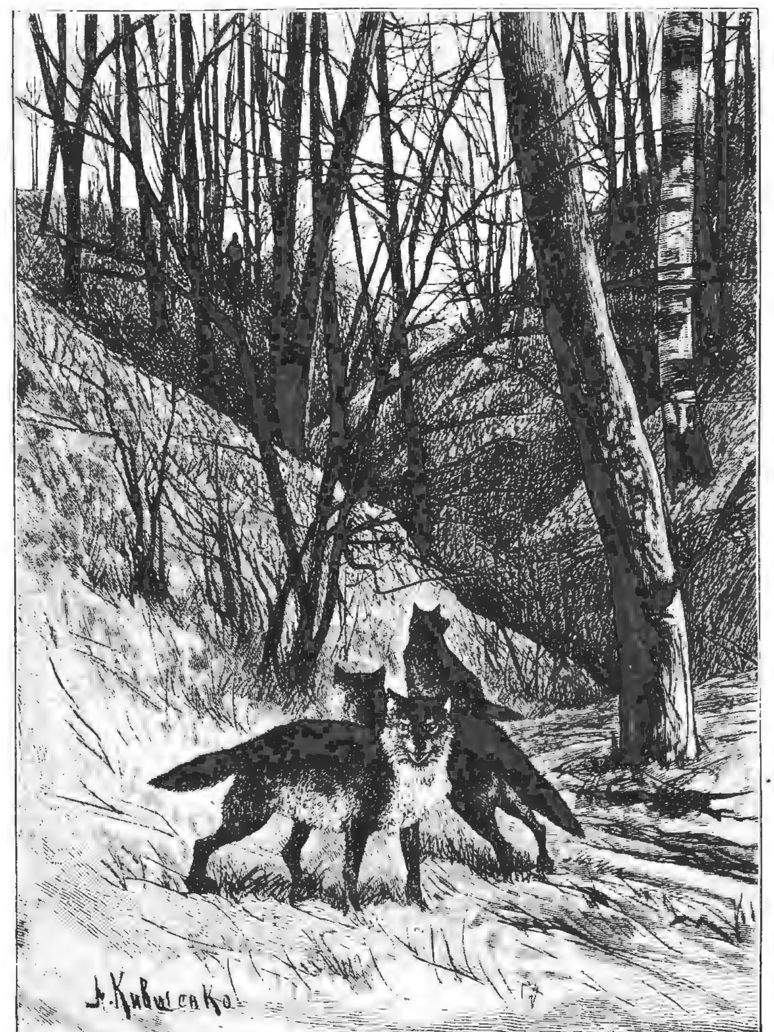
Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.
. . . .
Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Караулитъ царскій боръ—
Лѣсной староста, съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.
И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой...

Путникъ.

Унылый путникъ, запоздалый
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу; на своей
Клячонкѣ тощей и усталой
Держу я путь къ тому огню...

Осень.

Настала осень—непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лицо природы,
Не веселъ видъ нашихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло:
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлый день...



Облава. Между двухъ огней. Ориг. рис. **А. Кившенко**, грав. Рашевскій.

Подъ зонтикомъ. (Рис. на стр. 913).

Дождь льетъ, какъ изъ ведра, и маленькія шалуньи довольны какъ рыбки въ водѣ. Подъ громаднымъ зонтикомъ, онѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, звонко шлепаютъ по лужицамъ ножками. Онѣ вполнѣ счастливы и нисколько не заботятся о томъ, что промочатъ ножки и испортятъ платьица, за что дома ихъ не похвалятъ.

Открытіе Ириновской желѣзной дороги.

(Рис. на стр. 925).

Удобство и дешевизна путей сообщенія составляютъ безспорно одно изъ главныхъ условій развитія экономическаго благосостоянія государства Давая, съ одной стороны, возможность быстрой и дешевой доставки сырья и матеріаловъ къ пунктамъ потребленія, съ другой стороны, облегчая провозъ продуктовъ къ рынкамъ, хорошіе пути значительно вліяютъ на цѣны и сбытъ товаровъ.

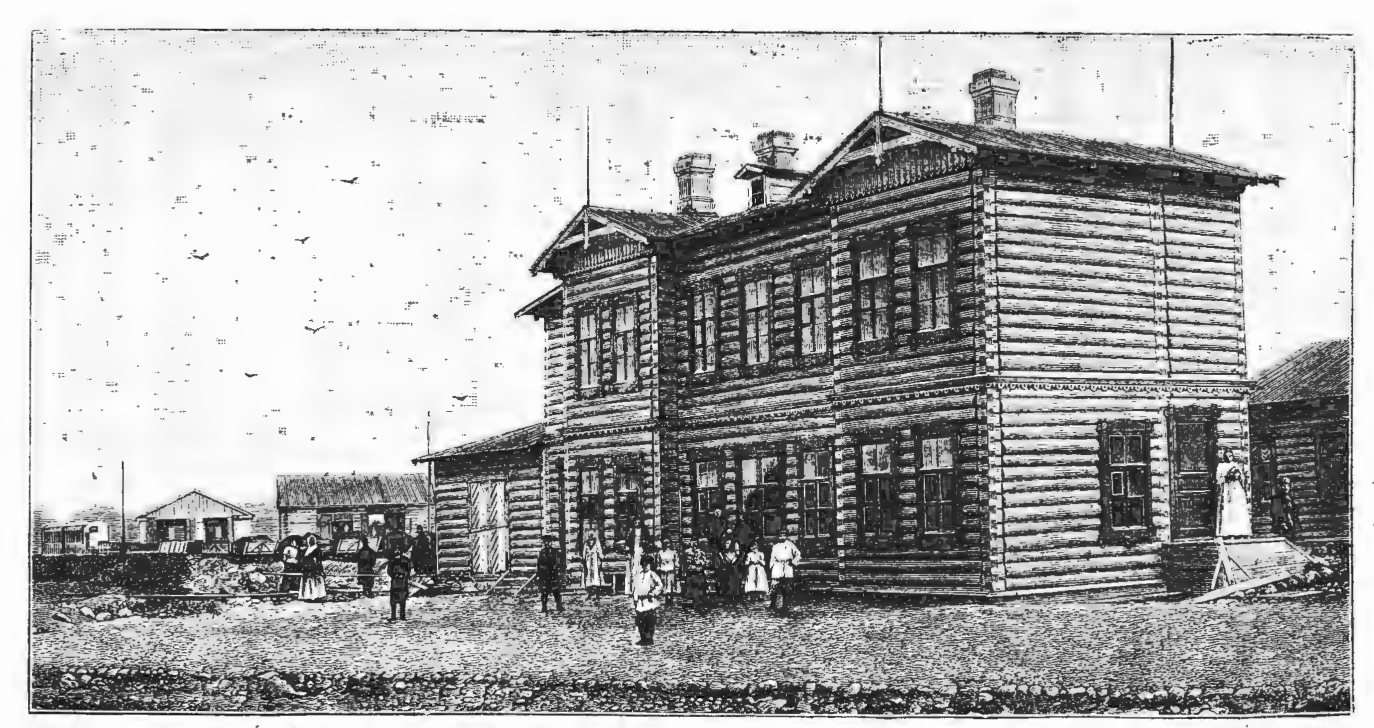
Въ западной Европѣ не найдется значительнаго завода или фабрики, или крупнаго сельско-хозяйственнаго заведенія, которое не было-бы связано удобнымъ путемъ съ желѣзнодорожною сѣтью или съ водяными сообщеніями Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать о Россіи, въ которой недостатокъ путей сообщенія составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ развитія земледѣльческой, горной, фабричной и прочихъ отраслей промышленности. Вездѣ и всюду, слѣдовательно, нужны дороги и дороги дешевыя. Таковы являются *легкіе*, узкоколейные, постоянные и передвижные рельсовые пути, конные и паровые; поэтому нельзя не привѣтствовать начинаніе, сдѣланное въ этой области барономъ П. Л. Корфомъ, устроившимъ за собственный счетъ и страхъ подъѣздной желѣзно-дорожный Ириновскій путь.

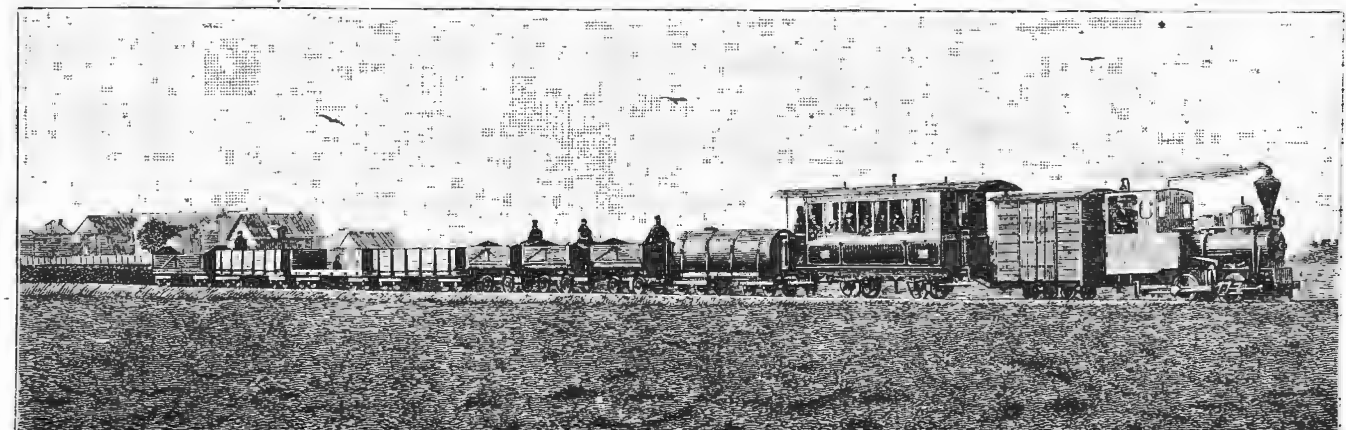
Узкоколейные пути получили въ настоящее время широкое примѣненіе какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, и дали вездѣ блестящіе результаты для развитія торговли и промышленности.

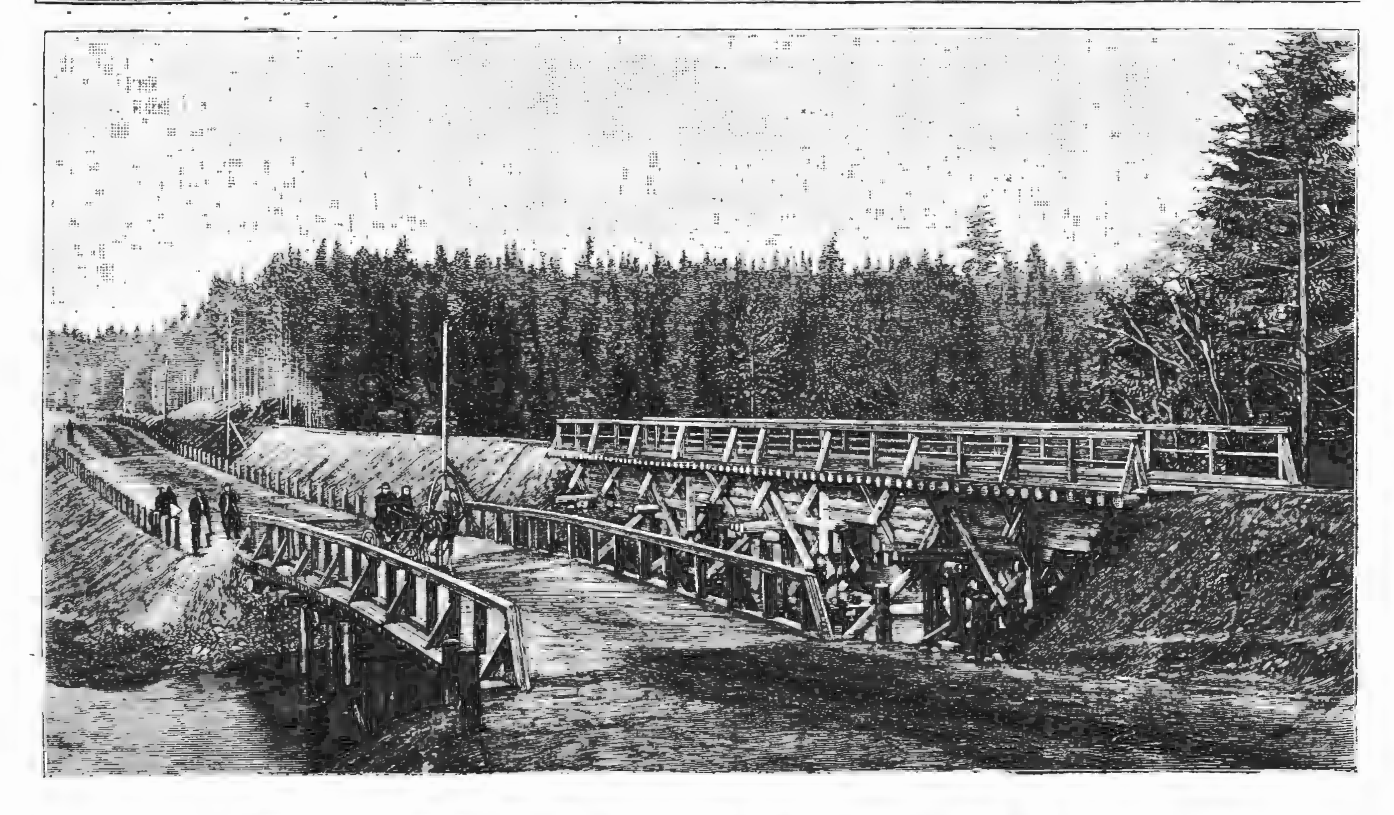
Образецъ первой легкой и передвижной желѣзной дороги можно было видѣть уже въ 1874 году на Берлинской выставкѣ. Но только черезъ два года, во Франціи, одному значительному сельскому хозяину, Дековиллю, удалось устроить удобную передвижную желѣзную дорогу, приспособленную для всякаго рода промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ цѣлей. Вслѣдъ за Дековиллемъ явился цѣлый рядъ изобрѣтателей въ этой отрасли промышленности, и въ настоящее время дѣло это доведено до высокой степени совершенства. Ириновская желѣзная дорога устроена по американской системѣ Артура Коппеля.

14-го сентября состоялось торжественное открытіе Ириновскаго подъѣзднаго узкоколейнаго желѣзнодорожнаго пути, проложеннаго между С.-Петербургомъ и селеніемъ Ириновкой Шлиссельбургскаго уѣзда. Почипъ постройки и ея осуществленіе принадлежитъ барону П. Л. Корфу — владѣльцу деревни Ириновки. Значеніе Ириновской дороги пока исключительно промышленное — передача и утилизація продуктовъ торфяно-брикетнаго завода, эксплоатируемаго барономъ П. Л. Корфомъ, но въ недалекомъ будущемъ по этой дорогѣ въ лѣтнее время, навѣрное, будетъ усиленное пассажирское движеніе, ибо уже теперь многіе петербуржцы пріобрѣтаютъ небольшіе земельные участки, для постройки, вблизи вновь проведенной дороги, дачъ для лѣтняго отдыха; предполагается также устройство общежитія для дѣвушекъ, не желающихъ выходить замужъ; при общежитіи будетъ выстроена церковь; здѣсь же задумано основаніе женскаго миссіонерскаго общества, мысль о которомъ зародилась еще въ прошломъ году.

При открытіи дороги на Охтенскомъ вокзалѣ былъ отслуженъ молебенъ, затѣмъ былъ поданъ первый пассажирскій поѣздъ, состоявшій изъ вагоновъ 2-го, 3-го и 4-го классовъ; по окропленіи святой водой, въ вагоны помѣстились почетные гости: представители министерства, строители дороги, представители печати, и поѣздъ совершилъ первый пробѣгъ до станціи „Пороховые" и обратно на Охтенскую станцію, гдѣ хозяиномъ дороги, барономъ П. Л. Корфомъ, былъ предложенъ всѣмъ присутствующимъ роскошный завтракъ, на коемъ первый тостъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора, предложенный барономъ Корфомъ, былъ встрѣченъ восторженнымъ „ура" всѣхъ присутствовавшихъ. Затѣмъ были предложены тосты за новыхъ министровъ: Путей Сообщенія и Финансовъ; за присутствовавшихъ на открытіи дороги Петербургскаго губернатора, егермейстера графа Толя, представителей отъ министерства Путей Сообщенія В. В. Салова и В. С. Сумарокова. Было произнесено нѣсколько рѣчей, изъ коихъ нельзя пройти молчаніемъ прекрасную рѣчь извѣстнаго знатока сельскаго хозяйства В В. Черняева. Послѣ тостовъ въ честь баронессы Корфъ и присутствовавшихъ дамъ, строитель доро-







Ириновская узкоколейная желѣзная дорога. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

1) Охтенскій вокзалъ. 2) Подвижной составъ. 3) Второй мостъ между Пороховымъ и Ржевкой.

ги, представитель фирмы Артуръ Коппель въ Россіи, г. Ф. Гохъ поднесъ барону Н. Л. Корфу альбомъ видовъ Ириновской дороги, три снимка изъ котораго и помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. **А. Хвостовъ.**

Политическое обозрѣніе.

Наибольшее вниманіе прошлую недѣлю привлекли къ себѣ засѣданія австро-венгерскихъ делегацій въ Пештѣ, особенно по вопросамъ внѣшней политики. Младочешскій депутатъ Эймъ неоднократно выражался противъ существующаго положенія дѣлъ въ этой области и настаивалъ даже на томъ, чтобы въ публичномъ засѣданіи было выражено недовѣріе чешскаго народа къ тройственному союзу. Сославшись на прежнія объясненія графа Кальноки въ бюджетной комиссіи, онъ заявилъ, что „младочешскіе делегаты считаютъ долгомъ публично выразить настроеніе и взгляды чешскаго народа во всей ихъ горькой истинѣ. Народъ этотъ питаетъ глубокое недовѣріе ко всякому совмѣстному съ Германіей дѣйствію, такъ какъ этимъ какъ бы оправдывается насиліе, переносимое въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Всѣ славяне проникнуты желаніемъ, чтобы признано было ихъ кровное родство и единство ихъ духовныхъ стремленій. Пусть не выдвигаютъ противъ этихъ стремленій пугала политическаго панславизма, этого вымысла нѣсколькихъ профессоровъ. Гораздо опаснѣе для Австріи нѣмецко-національное движеніе“. Затѣмъ Эймъ привелъ историческія указанія на стремленія Германіи къ расширенію и сказалъ: „Германія хочетъ низвести Австрію на степень новой Пруссіи, и будущая „великая Германія“ должна, по предположенію, охватить Тріестъ и устья Дуная“. Проводя въ своей рѣчи идею, что тройственный союзъ налагаетъ на Австрію колоссальныя военныя тягости и что Германія пользуется Австріею, какъ громоотводомъ отъ антипатіи русскаго народа къ Германіи, г. Эймъ указывалъ, что естественнымъ союзникомъ Австріи является Франція, эта историческая союзница Россіи. Не панслависты, а австрійскія и династическія чувства подсказываютъ союзъ съ Россіей. На Балканскомъ полуостровѣ у Австріи имѣются только торговые интересы и австрійской крови изъ-за турецкаго вопроса проливать не слѣдуетъ. Чешскіе представители, какъ вѣрноподданнѣйшая оппозиція Австрійскаго императора, не требуютъ коалиціи съ Россіею, а только дружескихъ связей съ этою державою.

Членъ высшаго чешскаго дворянства, графъ Букой, заявилъ, что тройственный союзъ вовсе не такое чудовище, какимъ изображаетъ его Эймъ, взгляды котораго не болѣе, какъ поэтическая вольность. Делегатъ хорватъ Спинчичъ сказалъ, что въ виду стремленій Германіи къ распространенію своей власти до Адріатическаго моря, онъ не можетъ поддерживать союза съ Германіей и Италіей, которыя одинаково желаютъ угнетать южныхъ славянъ. Вождь поляковъ Яворскій выразилъ мнѣніе, что тройственный союзъ стоитъ на стражѣ берлинскаго договора. Какую же роль — спрашиваетъ Яворскій — предназначаютъ Австріи въ союзѣ съ республиканскою Франціей и самодержавною Россіей? Вѣдь это значитъ направить остріе меча противъ Германіи и вызвать пожаръ во всей Европѣ. Несправедливо также, по мнѣнію Яворскаго, чтобы всѣ славяне питали симпатіи къ Россіи.

Старочехъ Месникъ, возражая Эйму, замѣтилъ, что онъ не могъ говорить отъ имени всего чешскаго народа, когда самъ Палацкій былъ на сторонѣ оборонительнаго союза съ Германіей. Словенскій делегатъ Григорчичъ заявилъ, что онъ одобряетъ тройственный союзъ. Въ своей рѣчи депутатъ Плеперъ (нѣмецко-либеральной партіи) высказалъ, что не слѣдуетъ опять растравлять старую, зажившую уже рану, нанесенную Австріи Пруссіей. Въ свое время онъ видѣлъ въ союзѣ трехъ императоровъ опору мира, но сама Россія изъ-за болгарскихъ дѣлъ противится сближенію съ Австріей. Заключительною была рѣчь графа Кальноки, высказавшаго, что онъ горячо желаетъ наилучшихъ отношеній съ Россіей. Эймъ, очевидно, домогается торговаго договора, но и онъ, министръ, желаетъ того же. Теперь слѣдуетъ обождать, что отвѣтитъ Россія. Восточная политика Австріи, пассивная до предѣловъ возможнаго, становится еще безучастнѣе. Всякій, кто только пожелаетъ, можетъ взять Балканскій полуостровъ. Относительно союза съ Италіей министръ сказалъ: „Пока мы не подверглись нападенію, до тѣхъ поръ постановленія договора никакой силы не имѣютъ; на Россію же мы не нападаемъ“. Графъ Кальноки заключилъ рѣчь свою заявленіемъ, что нынѣшняя иностранная политика остается неизмѣнною.

Вслѣдъ затѣмъ делегація вотировала смѣту министерства иностранныхъ дѣлъ.

Французскій депутатъ Мильвуа поздравилъ телеграммою младочешскихъ делегатовъ въ Пештѣ по поводу рѣчи Эйма.

Засѣданіе французской палаты депутатовъ началось спокойно 6 октября. Депутаты Дюнюи и Миллеранъ обратились къ правительству съ запросомъ относительно событій въ Кармо; въ своихъ рѣчахъ они доказывали, что горнорабочіе защищаютъ свои права противъ отсталой акціонерной компаніи, и приглашали правительство принять мѣры предосторожности. На запросъ отвѣчалъ Віеттъ, указавшій, что существующіе законы не позволяютъ государству эксплоатировать копей Кармо, но что президентъ товарищества копей Рейллъ принимаетъ посредничество Віетта и Дубэ. Вслѣдствіе этого заявленія, пренія по запросу прекратились безъ вотированія мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, послѣ чего палата высказалась за неотложность внесеннаго передъ тѣмъ предложенія, направленнаго къ пересмотру горнаго законодательства.

Полковникъ Доддсъ доноситъ изъ Дагомеи морскому министру, что 10 октября очищенная непріятелемъ позиція при Салори была занята войсками. Оставленныя въ лагерѣ и на дворѣ запасы продовольствія свидѣтельствуютъ о поспѣшности отступленія дагомейцевъ. Колонна, продолжая движеніе, встрѣтила 12 октября по ту сторону Уэме аванпосты дагомейцевъ, которые засѣли за сильными прикрытіями въ 10 кил. отъ Каны. Четыре человѣка были при этомъ убиты и двадцать ранены.

Англійская печать съ нѣкотораго времени занимается Памиромъ и мнимыми посягательствами на него русскихъ. Отвѣтомъ за всѣ страхи по этому вопросу можетъ быть письмо, полученное газетою *Times* отъ генерала Эди (Adye), бывшаго губернатора Гибралтара, въ которомъ говорится, что Памиръ никакъ не можетъ служить базисомъ наступательнаго движенія русскихъ противъ Индіи; поэтому вопросъ, кому владѣть этою мѣстностью, не имѣетъ никакого значенія.

Смѣсь.

Обувь скоро понизится въ цѣнѣ. Даже въ самой консервативной области промышленности, именно на кожевенныхъ заводахъ, вводятся электрическія машины для обработки кожи. Весь процессъ приготовленія кожи вмѣсто прежнихъ 8—10 мѣсяцевъ занимаетъ всего отъ 24 до 72 часовъ. (к).

Первая частная лабораторія для изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ устраивается въ мѣстности втораго Парголова, по Финляндской жел. дор., лѣтомъ текущаго года. Одновременно такія же лабораторіи будутъ открыты въ Стрѣльнѣ, по Шлиссельбургскому тракту и въ другихъ дачныхъ мѣстностяхъ. (г. в.)

Температура Гольфстрема. Тамъ, гдѣ Гольфстремъ выходитъ изъ Мексиканскаго залива, температура его достигаетъ почти 25° R., стало быть выше температуры воды на экваторѣ въ самые сильные жары. Въ суровыя зимы, когда суда, гонимыя крѣпкимъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ вдоль восточнаго берега С. Америки, покрываются льдомъ и чуть не тонутъ отъ его тяжести, они изъ послѣднихъ силъ стремятся на востокъ, къ Гольфстрему. Густая пелена тумана стелется надъ его болѣе теплыми водами, которыя кромѣ того отличаются отъ остальной массы блѣднозеленой воды своимъ темносинимъ цвѣтомъ. Перемѣна температуры такъ велика, что на суднѣ длиною въ 90 метровъ, пересѣкающемъ предѣльную черту Гольфстрема, не разъ наблюдалась очень значительная разница въ градусахъ, при измѣреніи t° воды съ носовой и кормовой частей судна. (в.)

Тарифный комитетъ постановилъ ввести немедленно на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ *льготный тарифъ* (со скидкой 75%) на перевозку въ мѣстности неблагополучныя по холерѣ какъ санитарныхъ отрядовъ (врачей, студентовъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія), такъ и дезинфекціонныхъ средствъ. Расчетъ этихъ пассажировъ съ дорогами будетъ производиться на станціяхъ назначенія на основаніи удостовѣренія пригласившихъ санитарный отрядъ лицъ и учрежденій. (г. в.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ив. М. Х....ву въ Полтавѣ; А. Е. Д....чу въ Кіевѣ.

На ваши запросы, почему именно Троице-Сергіева Лавра праздновала 500-лѣтіе кончины преп. Сергія въ нынѣшнемъ, а не въ прошломъ году, отвѣтъ находится въ статьѣ нашего извѣстнаго писателя Е. Л. Маркова, помѣщенной въ *Новомъ Времени* (№ 5961), отъ 2 октября 1892 г. Изъ словъ почтеннаго писателя, который былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ настоятелемъ Лавры, ученымъ архимандритомъ Леонидомъ, оказывается, что празднество 500-лѣтія было въ прошломъ году отложено Лаврою *на годъ, только въ виду неурожая*, постигнувшаго большую часть Россіи. Многіе наивные люди пытались даже ставить въ укоръ *Нивѣ* то, что она посвятила памяти преподобнаго Сергія обширную статью въ сентябрѣ 1891 года—т. е. въ тотъ именно срокъ, который удостовѣренъ всѣми научными данными и авторитетомъ самой Лавры... Теперь правота *Нивы* настолько же очевидна, насколько очевидны заблужденія ея наивныхъ порицателей.

Само собою разумѣется, однакоже, что *Нива* не могла не отозваться и въ нынѣшнемъ году на грандіозное проявленіе всенароднаго уваженія къ памяти Св. Сергія, выразившееся въ громадномъ крестномъ ходѣ изъ Москвы къ Троицѣ... Объ этомъ ходѣ и о самомъ празднествѣ мы помѣщаемъ статьи въ №№ 40, 41 и ближайшемъ 43.

При этомъ № разсылается гг. годовымъ подписчикамъ главная художеств. премія „Нивы“ на 1892 годъ—АЛЬБОМЪ „НИВЫ“ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. (3) № 5976

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЫ

въ 12 р., 15 р., 20 р. и до 100 р.

ФЛЕЙТЫ

отъ 2 до 60 руб.

и всѣ другіе **духовые инструменты** реком. въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ

Ц. № 6006 4—1

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами** и **марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи **А. Энглундъ,** С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

СРЕДСТВО ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ И ЛИЦА

ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ (GELÉE PHILODERMINE)

ЛЕМЕРСЬЕ

ЦѢНА 35 К.

ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ ИЗОБРѢТАТЕЛЯ A. Lemercier & Co

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ У А. РАЛЛЕ и Ко МОСКВА, Ф. ШАБЕРТЪ МОСКВА, ПОКРОВКА Д. БР. ОБОЛЕВЫХЪ

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ

Ш. № 5922 20—10

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ, Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел. отъ 5 р. 50 до 15 р.

„ стальн. черн. отъ 11 до 25 р.

„ серебряные отъ 12 до 50 р.

„ золотые отъ 25 до 500 р.

„ регуляторы двухнедѣльнаго завода отъ 17 до 55 р.

Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE".

Духи — ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. — Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (16)

НАШИ НОВОСТИ.

Аппаратъ для усиленія свѣта лампъ. Придѣлывается къ любой лампѣ и значительно усиливаетъ ея свѣтовую силу. Ц. 2 р. ◆ **Штопальный аппаратъ** чинитъ чулки, бѣлье и матерію скоро и прочно. Ц. 1 р. ◆ **Предохранитель** отъ лопанія ламповыхъ стеколъ. Ц. 1 р. ◆ **Брюковыпрямитель.** Ц. 2 р. 50 коп. и многое другое. **Заказы высылаются немедленно.**

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп. 4.

Складъ новыхъ изобрѣтеній.

Каталогъ (иллюстр.) **всѣхъ изобрѣтеній за 10 коп. марку.** № 6009

3-ій ВЫИГРЫШНЫЙ

(Дворянскій) заемъ, 2 ноября тиражъ, продаетъ на условіяхъ дешевыхъ и добросовѣстныхъ БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, Невскій, СПБ. № 5987 4—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ТОВАРИЩЕСТВА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Съ цѣлью воспользоваться пріобрѣтенною нами многолѣтними и тщательными стараніями известностью, одинъ изъ фабрикантовъ обуви помѣстилъ на подошвѣ его издѣлій клеймо, очень схожее съ нашимъ, и вводитъ этимъ въ заблужденіе покупателей.

Помѣщаемъ здѣсь оба клейма:

(Поддѣльное).

(Наше).

Налѣво помѣщено поддѣльное, — направо—наше. Каждый видитъ, такимъ образомъ, что поддѣлка явная и разница замѣтна лишь при самомъ внимательномъ разсмотрѣ. Обувь съ подобнымъ поддѣльнымъ клеймомъ имѣетъ сходство съ нашими

„СКОРОХОДАМИ"

Она была пріобрѣтена въ магазинѣ одного торговца обувью и въ настоящее время выставлена для осмотра въ нашей главной Конторѣ, СПБургъ, Обводный каналъ, № 184.

Не желая допустить, чтобы пріобрѣтенная нами извѣстность страдала отъ подобныхъ поступковъ, мы предлагаемъ

БОЛЬШОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ

каждому, кто сообщитъ намъ о поддѣлывающемъ наше клеймо, но такимъ образомъ, чтобы виновный въ поддѣлкѣ могъ бы быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности.—Нашихъ же почтенныхъ покупателей покорнѣйше просимъ при покупкѣ обуви тщательно обращать вниманіе на наше фабричное клеймо, такъ какъ только послѣднее гарантируетъ, что купленная обувь дѣйствительно нашего производства.

№ 6011

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:

ВЪ РАЗДУМЬИ.

Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи **Е. СОЛОВЬЕВА.** Цѣна 75 к. Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2). Mt. № 6007

ОЧЕНЬ ВАЖНО!

ОЧЕНЬ ВАЖНО!

Траву „Кузьмича" Эфедра **своего майскаго 1892 года сбора** по 1 р. фунтъ высылаетъ складъ травы **„Кузьмича", Ивана Игнатьевича Матвѣева,** купеч. сына въ гор. Бузулукѣ, Сам. губ. Высылается почтой и наложеннымъ платежемъ съ приложеніемъ способа употребленія.

Имѣются благодарственные отзывы. № 6013

№4711.

Ц. № 5917 8—4

РОЗОВОЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,

ПРОЗРАЧНОЕ

КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Дозвол. цензур., СПБ., 14 октября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 43

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 24 октября 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Я. Б. Княжнинъ.

Въ прошломъ 1891 году исполнилось столѣтіе по смерти, а въ настоящемъ году полтора вѣка по рожденіи Якова Борисовича Княжнина, замѣчательнаго представителя русской трагедіи въ литературную эпоху Екатерины Великой. Исторія русской литературы хранитъ о немъ память, какъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей, своими литературными произведеніями благотворно повліявшемъ на современное ему общество.

Княжнинъ родился въ 1742 году, во Псковѣ. По довольно распространенному обычаю того времени, онъ получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ его отца, придававшаго особенное значеніе *нравственному* развитію мальчика Когда ему исполнилось 15 лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ и отдали въ ученье къ профессору Академіи Наукъ Модераху, который прилежно занялся съ нимъ математикой, исторіей, географіей и

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

особенно хорошо познакомилъ его съ языками французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ. Прекрасно по тому времени образованный, молодой человѣкъ поступилъ на службу въ Иностранную коллегію переводчикомъ, но скоро перешелъ въ военную службу, подъ начальство графа К. Гр. Разумовскаго. Знакомство съ иностранными литературами и склонность къ литературнымъ занятіямъ скоро вывели его на тотъ путь, который доставилъ ему весьма почетную извѣстность между современниками. Въ 1769 году онъ написалъ трагедію „Дидона"; представленная сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, на придворномъ театрѣ, въ присутствіи императрицы, пьеса имѣла большой успѣхъ и сразу завоевала ему видное мѣсто въ литературѣ. Успѣхомъ трагедіи Княжнинъ обязанъ былъ всего болѣе благородному направленію своего ума, — главная мысль и цѣль ея заключалась въ томъ, что величіе души выра-

жается въ побѣдѣ надъ страстями и что достойная человѣка страсть - есть любовь къ отечеству. Въ то же время въ трагедіи сказались и основныя черты его таланта: уступая въ даровитости своему предшественнику, тогда знаменитому, Сумарокову, онъ прекрасно пользовался иностранными образцами для выраженія своихъ идей; его „Дидона“ была написана въ подражаніе „Дидонѣ“ Метастазіо, и многія мѣста ея представляютъ простую передѣлку произведенія итальянскаго поэта. Трагедія послужила поводомъ къ знакомству Княжнина съ Сумароковымъ, съ которымъ онъ сошелся близко, и впослѣдствіи женился на его дочери Екатеринѣ, занимавшейся также литературою.

Разстройство имѣнія и какія-то другія неблагопріятныя обстоятельства вынудили, между тѣмъ, Княжнина выйти въ 1772 году въ отставку; онъ уединился въ семейной жизни и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Въ 1772 году онъ написалъ трагедію „Владиміръ и Ярополкъ“, за которою слѣдовали „Росславъ“ (1784), „Титово милосердіе“ (1785), „Софонисба“ (1786), „Владисанъ“ (1786) и „Вадимъ Новгородскій“ (1789) и переводы трагедій Расина: „Сидъ“, „Смерть Помпея“ и „Цинна“. За исключеніемъ „Росслава“ и „Вадима“ названныя трагедіи представляютъ передѣлки и подражанія французскимъ и итальянскимъ трагедіямъ; но въ нихъ высказываются высокія понятія объ истинной чести, гражданскомъ долгѣ, патріотизмѣ и человѣколюбіи, выражая благородный образъ мыслей автора. Въ лучшей изъ нихъ, „Росславѣ“, по выраженію самого автора, изображается „не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ—любовь къ отечеству“. „Вадимъ“ при жизни Княжнина и даже позже не былъ напечатанъ, дважды запрещенный за якобы республиканскія идеи, которыя только влагаются въ уста противниковъ власти Рюрика и совершенно ослабляются основной идеей трагедіи, чисто монархической, и рѣчами другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Позже трагедій Княжнинъ обратился къ комедіи и написалъ пьесы: „Хвастунъ“ (1786), „Чудаки“ (1790), „Неудачный примиритель, или: безъ обѣду домой поѣду“ (1790), „Трауръ, или утѣшенная вдова“; затѣмъ нѣсколько комическихъ оперъ, какъ-то: „Несчастіе отъ кареты“ (1779), „Сбитенщикъ“, „Притворно-сумасшедшая“, „Мужья, женихи своихъ женъ“ и пр. Въ нихъ авторъ является тѣмъ же представителемъ благородныхъ стремленій своего вѣка, осмѣивая общественные пороки: невѣжество, лѣнь, тщеславіе, поклоненіе чинамъ и т. д. Въ комедіяхъ Княжнина, большею частію не оригинальныхъ, но приноровленныхъ къ русской жизни и очерчивающихъ современные автору общественные нравы, много остроумія и соли, и двѣ главныя ихъ нихъ: „Хвастунъ“ и „Чудаки“, долго держались на сценѣ и даже вызывали подражанія. Княжнинымъ написано не мало стихотвореній, одъ, посланій и другихъ различныхъ мелкихъ сочиненій; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: „Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ“, „Рѣчь въ публичномъ собраніи Академіи Художествъ“, „Рѣчь къ кадетамъ“, „Письма къ княгинѣ Дашковой, на случай открытія Академіи Россійской“, „Отрывокъ толковаго сатирическаго словаря“, „Исповѣданіе Жеманихи, посланіе къ сочинителю былей и небылицъ“, „Отъ дяди стихотворца Рифмоскрыпа“, „Нѣсколько басенъ и сказокъ“.

Литературные труды Княжнина, оригинальные и переводные, обратили на него вниманіе извѣстнаго дѣятеля екатерининскаго времени, И. И. Бецкаго, который въ 1779 году сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и поручилъ ему преподаваніе русской словесности въ Кадетскомъ корпусѣ. Въ качествѣ секретаря Бецкаго онъ помогалъ ему и при устройствѣ воспитательныхъ домовъ. Позже Россійская Академія сдѣлала его своимъ членомъ, и онъ принималъ участіе въ составленіи академическаго словаря русскаго языка и въ издававшемся при Академіи „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“.

Личнымъ своимъ характеромъ Княжнинъ былъ необыкновенно симпатиченъ. Скромность его доходила до застѣнчивости. Послѣ перваго представленія „Дидоны“ кто-то сказалъ ему: „вы нашъ Расинъ“,—и Княжнинъ отвѣтилъ: „ради Бога, тише говорите; кто-нибудь услышитъ ваши слова и впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ“. Послѣ перваго представленія „Росслава“ публика настойчиво вызывала автора, но онъ не рѣшился появиться на сценѣ, и вмѣсто него вышелъ актеръ Дмитревскій, исполнявшій роль Росслава. Скромность и дружелюбное обращеніе, соединенныя съ многостороннимъ образованіемъ, привлекали къ Княжнину всѣ сердца; домъ его былъ постоянно мѣстомъ собранія ученыхъ, писателей и поэтовъ, и молодые изъ нихъ всегда находили въ немъ радушный и теплый пріютъ. Умеръ Княжнинъ въ 1791 году.

Ѳѣло досадительное дѣло.

Историческій разсказъ **П. Н. Полевого.**

(Продолженіе).

IX.

„Какъ куръ во щи!“

Когда панъ Болеславъ очутился одинъ на дорогѣ, среди лѣса, который начиналъ уже покрываться сумракомъ вечера, когда онъ такъ странно и такъ случайно избавился отъ смерти, уже висѣвшей у него надъ головою,—онъ въ первую минуту совсѣмъ оторопѣлъ. Судорожно сжавъ въ рукѣ поводья коня, который фыркалъ и моталъ головою, панъ Болеславъ никакъ не могъ отдать себѣ отчета во всемъ случившемся.

„Откуда они взялись? Эти двое? Налетѣли на меня какъ буря,—чуть съ ногъ не сбили... И вдругъ тотъ, задній, что-то крикнулъ—и этотъ тотчасъ и пистолетъ опустилъ, и копя осадилъ... И оба какъ сквозь землю провалились!“

И только тогда, когда топотъ коней замолкъ въ отдаленіи, панъ Болеславъ тронулъ коня съ мѣста и въ тревожномъ раздумьѣ поѣхалъ далѣе.

„И кто же были эти люди въ маскахъ? Я не успѣлъ ихъ разглядѣть, но... но мнѣ почему-то показалось, что они похожи на тѣхъ двоихъ... что встрѣтились въ корчмѣ и обыграли меня! Одинъ повыше, другой пониже,—плотный!.. И кони у нихъ какъ будто тѣ же?“

И чѣмъ далѣе ѣхалъ панъ Болеславъ, тѣмъ больше убѣждался въ томъ, что онъ не ошибается.

„То все поджидали какого-то богатаго подрядчика, припоминалъ онъ постепенно,—а тутъ, какъ услыхали, что кто-то ѣдетъ и черезъ часъ прибудетъ,—вдругъ съ мѣста сорвались и—на коней... И что это за богатый подрядчикъ? Дѣла у нихъ съ нимъ... или просто они его ограбить хотятъ? Чортъ знаетъ что такое?“ думалъ панъ Болеславъ, труся мелкой рысцой по дорогѣ и подъѣзжая уже къ самой опушкѣ лѣса.

И вдругъ, по какой-то особенной, непонятной комбинаціи идей, панъ Болеславъ напалъ на мысль, что тотъ богатый подрядчикъ, котораго эти негодяи поджидали въ корчмѣ, былъ не кто иной, какъ этотъ самый шведскій баронъ, инкогнито путешествующій по Европѣ, подъ именемъ купца Гогберха—что-ли?

„Да, да! Непремѣнно онъ — и никто другой! Онъ вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда и пріѣхалъ... По добротѣ душевной, онъ отдалъ мнѣ и коня своего, и то дорожное платье, въ которомъ самъ ѣхалъ до Нейштадта, прикидываясь купцомъ или купеческимъ приказчикомъ. По этому-то платью они меня и приняли за моего благодѣтеля, барона, а когда я обернулся къ нимъ, они узнали меня и поскакали назадъ... Назадъ?! Ужь не ему-ли навстрѣчу, не его-ли поджидать гдѣ-нибудь по дорогѣ... О, если такъ...“

И панъ Болеславъ остановилъ коня, въ сильнѣйшемъ волненіи.

„Если такъ, то прямой долгъ чести, обязанность моя велитъ мнѣ ѣхать обратно, во что бы то ни стало... И что бы ни случилось съ нимъ,—я долженъ поспѣшить къ нему на помощь, навстрѣчу, избавить отъ бѣды и оберечь его отъ злодѣевъ!“

Онъ рѣшительно повернулъ своего воронаго и погналъ его обратно по дорогѣ, которую начиналъ уже застилать вечерній мракъ.

Сырой и холодный вѣтеръ тянулъ по лѣсу, съ зловѣщимъ шумомъ покачивая его вершины; ночныя птицы вылетали на дорогу, присаживались на мгновеніе и потомъ размашисто взлетали къ лѣсу. Филинъ жалобно кричалъ въ своемъ дуплѣ и крикъ его прямо отдавался въ лѣсной чащѣ. А панъ Болеславъ все погонялъ усталаго коня, спѣша на избавленіе своего благодѣтеля-барона отъ опасности, которая могла ему угрожать, и ни мало не думая о томъ, что онъ самъ подвергается большой опасности.

Въ лѣсу было уже почти темно, когда панъ Болеславъ вернулся на мѣсто встрѣчи своей съ двумя замаскированными всадниками, и чуть только двинулся дальше, какъ до его слуха явственно долетѣлъ отдаленный топотъ коней, стукъ копытъ по дорогѣ,—и вдругъ раздался выстрѣлъ, и другой, и разсыпался дробнымъ эхомъ по лѣсу.

„Напали!.. Грабятъ! мелькнуло въ горячей головѣ юноши.—Впередъ, скорѣе впередъ!“

И онъ пустилъ вскачь вороного, безжалостно нахлестывая его потные бока и шею.

Выскочивъ изъ-за поворота дороги, панъ Болеславъ увидѣлъ вдали, среди мрака, какіе-то два огонька, которые очень проворно сновали и мелькали то взадъ и впередъ, то вверхъ и внизъ, то разбѣгались въ стороны, то сливались въ одно красноватое, свѣтящееся пятно. Затѣмъ одинъ огонекъ исчезъ, другой остался на мѣстѣ.

Проскакавъ еще двѣ-три минуты во всю прыть, панъ Болеславъ, наконецъ, почти наткнулся на бричку, запряженную парой коней, которые испуганно шарахнулись въ сторону и, вѣроятно, опрокинули бы бричку, если бы не были крѣпко привязаны къ дереву. На дорогѣ, около самыхъ колесъ брички, стоялъ потайной фонарикъ съ открытымъ забраломъ. Изъ брички доносился чей-то глухой, слабый стонъ.

Панъ Болеславъ мигомъ спѣшился, бросивъ поводья на шею своего усталаго, тяжело дышавшаго коня, подхватилъ съ дороги фонарь и бросился къ бричкѣ.

Страшная картина представилась его глазамъ! Въ нетычанкѣ, въ его собственной нетычанкѣ, лежалъ ничкомъ человѣкъ, одѣтый въ его польское платье, изорванное, изрѣзанное, окровавленное. Гладко остриженная голова его уперлась въ уголъ нетычанки и, видимо, дѣлаетъ какія-то усилія, чтобы повернуться и приподняться, между тѣмъ какъ безсильно протянутыя и вывернутыя руки лежали безъ движенія.

— Ахъ, милостивый Боже!.. Кто тутъ?.. Кто?.. воскликнулъ панъ Болеславъ, отступивъ въ ужасѣ.

Глухой стонъ былъ ему единственнымъ отвѣтомъ. Тогда юноша поставилъ фонарь на козлы, приподнялъ лежавшаго въ бричкѣ, съ большимъ трудомъ перевернулъ его навзничь, и узналъ барона, несмотря на то, что у него были подклеенные усы и все лицо, покрытое мертвенною блѣдностью, было перепачкано кровью.

— Баронъ!.. Избавитель мой!.. Ахъ, они злодѣи!.. Что они надѣлали!.. И зачѣмъ я не поспѣлъ къ вамъ раньше!

И онъ съ участіемъ сталъ осматривать рану барона, стараясь платкомъ остановить кровь, которая лилась изъ нея неудержимо. Рана была безусловно смертельная—грудь была пробита навылетъ, немного пониже сердца. Баронъ видимо уже отходилъ. Широко открытые, потускнѣвшіе глаза его были неопредѣленно устремлены въ пространство, полуоткрытыя уста подергивались предсмертными судорогами, изрѣдка испуская тяжелое дыханіе, среди котораго пану Болеславу послышалось нѣчто въ родѣ шепота.

Онъ наклонился къ самымъ устамъ барона, и ему показалось даже, что онъ разслышалъ:

— Все отняли... Умираю... Виноватъ...

Черезъ минуту еще одинъ тяжелый вздохъ, еще глухой стонъ — и нѣчто въ родѣ хрипѣнія. Грудь умирающаго высоко поднялась и опустилась; онъ потянулся и перестaлъ дышать.

Болеславъ преклонилъ колѣно около нетычанки и, сложивъ руки, горячо помолился за спасеніе души человѣка, съ которымъ такъ странно и такъ не во-время столкнула его судьба. Онъ все еще считалъ его, по простотѣ души, своимъ благодѣтелемъ, и твердо рѣшился, не отходя отъ тѣла, остаться здѣсь до утра.

Но до его слуха вскорѣ донесся издали топотъ коней и стукъ колесъ, и щелканье бича, и громкіе голоса многихъ людей, перекликавшихся издали.

„Ну, вотъ и слава Богу! подумалъ панъ Болеславъ. — Сюда ѣдутъ. Спѣшитъ кто-то... Вѣрно изъ ближняго поселка... узнали, прослышали объ убійствѣ. Можетъ быть, поймали даже злодѣевъ! Дай-то Богъ!..“

И точно, вдали, между деревьями замелькали огни, и изъ-за ближайшаго поворота дороги показались двѣ мужицкія телѣги, запряженныя парами коней; въ телѣгахъ сидѣли люди, вооруженные вилами, косами и просто дубьемъ. Около телѣгъ, верхомъ скакали люди съ фонарями и факелами. Всѣ они галдѣли и кричали что-то по-нѣмецки, повидимому, стараясь сами себя подбодрить и еще издали напугать разбойниковъ, о которыхъ имъ столько ужасовъ насказалъ перетрусившій возница барона. Завидѣвъ издали огонекъ фонаря надъ нетычанкой и тѣнь склонившагося надъ нею человѣка, храбрецы пріостановились было на минуту, сбились въ кучу, посовѣтовались между собою, но когда кто-то крикнулъ, что разбойникъ „*только одинъ*“, то вся эта разношерстная братія съ крикомъ и визгомъ двинулась впередъ, пососкакивала съ коней и телѣгъ и шумно окружила нетычанку, около которой стоялъ панъ Болеславъ, только что окончившій свою молитву за упокой души барона.

— Добрые люди! обратился было къ нимъ панъ Болеславъ по-польски, указывая на трупъ барона. — Вотъ вѣдь какое случилось несчастіе...

Но ему не дали договорить.

— Кто ты, злодѣй и разбойникъ!? набросился на него храбрѣйшій изъ храбрыхъ еврей-корчмарь изъ сосѣдняго селенія, грозя ему кулакомъ и хватая его за шиворотъ.

Но въ отвѣтъ на этотъ вопросъ получилъ такого тумака, что сразу полетѣлъ подъ колеса нетычанки.

— Я панъ Янъ Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепелья — вотъ кто я! Слышишь, каналья! крикнулъ во все горло разсвирѣпѣвшій юноша.

Стоявшіе около него люди попятились, а еврей-корчмарь, быстро вскочивъ на ноги и отдалившись на благородную дистанцію, тоже крикнулъ ему по-польски:

— А зачѣмъ ты здѣсь?.. А зачѣмъ ты его убилъ? А тебя надо связать. Гвалтъ!.. Вяжи, вяжи его!

На пана Болеслава бросилось пять-шесть человѣкъ, и послѣ нѣкоторой борьбы, порядочно помявъ ему бока, скрутили ему руки кушаками за спину.

— Говори, зачѣмъ ты его убилъ? продолжалъ приставать корчмарь, теперь уже смѣло наступая на Болеслава.

— Оселъ!.. Не я его убилъ—это мой другъ! Мой благодѣтель понимаешь! крикнулъ опять юноша.

— А кто онъ такой?.. Какой панъ?.. Откуда?

— Я имени его не знаю... Знаю, что онъ шведскій баронъ... И встрѣтились мы съ нимъ въ Нейштадтѣ.

— Ай-ай-ай, какая ложь! Говоритъ, что это шведскій баронъ,—обратился еврей къ толпѣ, — а онъ одѣтъ какъ польскій панъ! Эй, Янкель, Янкель!

Изъ толпы вышелъ еврей-возница.

— Ну, Янкель, посмотри хорошенько на этого злодѣя, на разбойника. Тотъ-ли это, что на васъ напалъ?

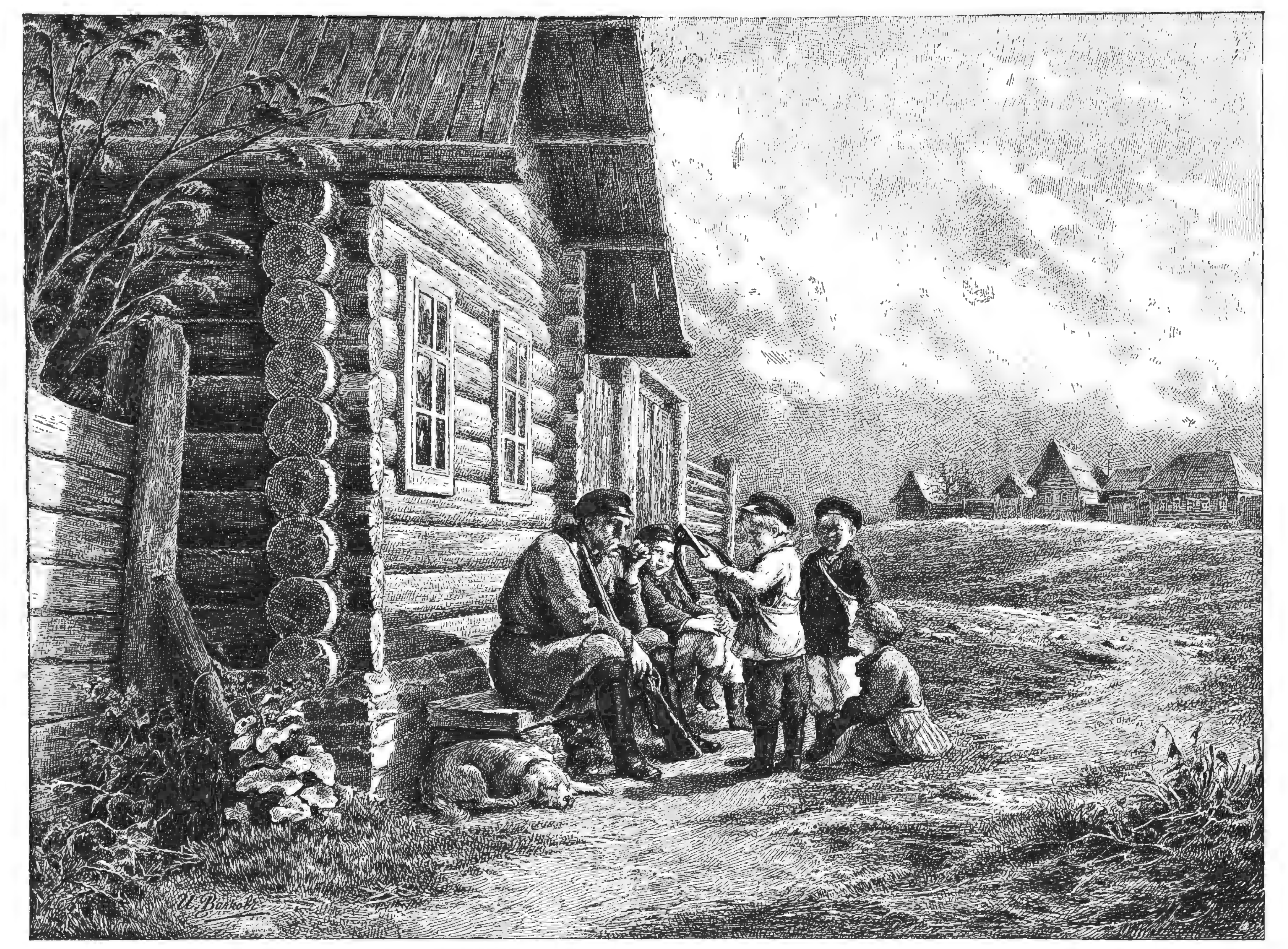
Янкель выпучилъ глаза на Болеслава, потомъ закачалъ въ сомнѣніи головой и отвѣтилъ:

— Можетъ-быть и тотъ... Только онъ былъ не одинъ. Ихъ было два, три, пять... Ихъ было десять человѣкъ!

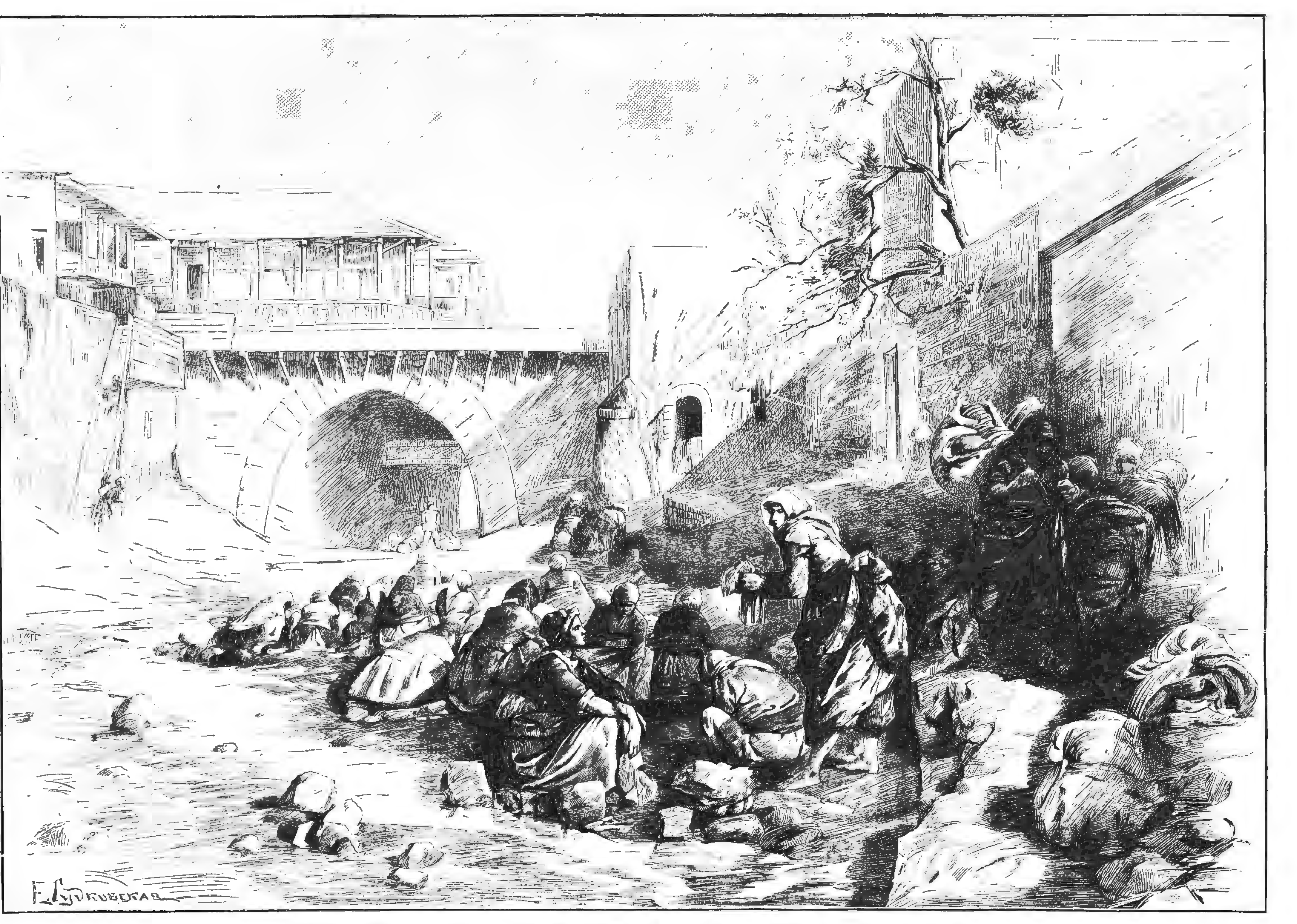
— Что онъ вретъ! заговорилъ въ бѣшенствѣ панъ Болеславъ.—На меня самого напали здѣсь же недалеко... А я ѣхалъ спасти барона.. помочь ему!

— Э-э, полно намъ зубы заговаривать!.. Знаемъ мы васъ!.. Бери его... Сажай въ телѣгу! Повеземъ его въ Грюнбергъ, въ тюрьму - тамъ разберутъ!

И несмотря на всѣ увѣренія и доводы, несмотря на отчаянное сопротивленіе пана Болеслава, его подхватили, подняли въ нетычанку, усадили рядомъ съ тру-



Дѣти и охотникъ. Ориг. рис. (собст. „Нивы") и Волкова, автотипія Ангерера.



Тифлисскія женщины, моющія ковры въ горячихъ сѣрныхъ источникахъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Е. Судковской, грав. факсимиле Шлипперъ.

помъ барона, и торжественно двинулись впередъ, къ Грюнбергу.

„Часъ-отъ-часу не легче! думалъ панъ Болеславъ.— Что-же это будетъ? Что скажутъ Эпимахъ и панна Марія?“

X.

Гофратъ Кипнеръ торжествуетъ.

Панъ Эпимахъ и панна Марія рѣшительно недоумѣвали, и не знали, что имъ думать о панѣ Болеславѣ.

Послѣ его отъѣзда изъ Варшавы, панна Марія, въ первые пять дней получала отъ своего жениха по письму, потомъ по письму въ два дня, потомъ ни слова...

Въ послѣднемъ письмѣ онъ еще писалъ, что вечеромъ долженъ переѣхать черезъ прусскую границу, назначалъ день своего пріѣзда въ Бреславль, съ величайшею точностью разсчитывалъ все время, которое будетъ ему потребно, чтобы доѣхать до Дрездена—и вдругъ, какъ въ воду канулъ.

Первые пять-шесть дней, въ теченіе которыхъ писемъ получено не было, панна Марія надула губки и посердилась. Она даже сказала отцу, что считала своего „милаго волынскаго медвѣдя“ гораздо лучше другихъ мужчинъ, а теперь видитъ, что онъ такой же, какъ и всѣ. Въ слѣдующіе пять дней она уже такъ была разгнѣвана молчаніемъ пана Болеслава, что даже не позволяла отцу о немъ заговаривать.

— Не смѣйте, не смѣйте говорить о немъ! Онъ не такой, какъ всѣ эти противные мужчины,—онъ хуже всѣхъ!

Въ отвѣтъ на это, панъ Эпимахъ попытался было замолвить словечко въ оправданіе Болеслава, намекнувъ на то, что, молъ, бываютъ разныя дорожныя случайности.

— Это нисколько не должно мѣшать ему писать свои глупыя письма съ разными нѣжностями на четырехъ страницахъ! почти крикнула панна Марія, притопывая своей крошечной ножкой.

— Положимъ—это такъ! глубокомысленно замѣтилъ панъ маршалокъ.—Но могутъ же быть и такія... такія обстоятельства... которыя, пожалуй, и помѣшаютъ...

— Какія?.. Какія?.. Говорите, придумывайте въ его оправданіе!

— Ну, мало-ли что... Заболѣлъ, напримѣръ...

— Заболѣлъ? переспросила панна Марія, и невольная тревога помрачила на мгновеніе ея хорошенькое личико.—Пустяки!.. Онъ не можетъ заболѣть—этакій здоровякъ, медвѣжатникъ...

— О-го-го!.. И не такіе здоровяки болѣютъ... и даже... даже...

— Не заболѣлъ... не заболѣлъ! упрямо твердила панна Марія. — Вы это только меня разжалобить хотите! А онъ не стоитъ жалости! Теперь уже цѣлыхъ десять дней ни полслова...

Панъ Эпимахъ потерялъ терпѣніе и, возвыся голосъ, сказалъ съ досадою:

— Вотъ всѣ вы такія! Точь-въ-точь покойница жена, царство ей небесное! Вамъ только того и нужно, чтобы въ головѣ у мужчины торчали ваши тряпки, шляпки, юбки, ваши платья, ваши ножки,—чортъ побери! И чуть только мужчина у васъ не подъ каблукомъ, вамъ сейчасъ лѣзетъ въ голову, что онъ и измѣнилъ, и вздыхаетъ около другой! Сознайся, вѣдь и тебѣ эта же дурь лѣзла въ голову!.. Я толкомъ говорю тебѣ, что съ нимъ вѣрно что-нибудь такое случилось! Можетъ-быть даже такое, что и не до писемъ ему, — а ты все свое!

— Да что же такое? уже съ безпокойствомъ спросила панна Марія, вглядываясь въ лицо отцу. — Говорите! Вы можетъ-быть знаете, что именно?

— Ничего не знаю!.. Но вѣдь въ дорогѣ,—это не у себя дома! Лошади понесли, бричку опрокинули... разбился?

Панна Марія всплеснула руками и сбиралась ужь разжалобиться, когда вошелъ слуга и доложилъ пану маршалку, что къ нему пріѣхалъ панъ Кипнеръ, и хочетъ повидаться съ нимъ по дѣлу.

— Проси его! сказалъ панъ Эпимахъ, почти обрадованный тѣмъ, что это посѣщенье избавляло его отъ разговора, который тревожилъ панну Марію.

Гофратъ Кипнеръ вошелъ въ гостиную пана маршалка, какъ всегда, изящный, чистенькій, напудренный, щеголевато-принаряженный. Вошелъ, держа въ одной рукѣ трость съ золотымъ набалдашникомъ, въ другой—шляпу съ перомъ. Граціозно наклоня голову сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, онъ поклонился и пану-маршалку и его дочери и опустился въ кресло, пододвинутое слугою.

Послѣ обмѣна первыхъ, неизбѣжныхъ привѣтствій, гофратъ Кипнеръ откашлялся и съ какимъ-то особеннымъ напускнымъ участіемъ спросилъ у пана Эпимаха:

— Ну, что? Какія вѣсти имѣете о вашемъ юномъ Анахарсисѣ?

— Ровно никакихъ, и, признаюсь, я даже этимъ нисколько не смущенъ! отвѣтилъ панъ-маршалокъ, стараясь казаться какъ можно болѣе спокойнымъ. — Вѣрно, въ Дрезденѣ, занятъ дѣлами!

— Да, да... конечно. Долженъ бы уже доѣхать! замѣтилъ, какъ будто вскользь, гофратъ Кипнеръ и поглядѣлъ на потолокъ.

— Ахъ, панъ Кипнеръ! Вы, пожалуйста, не вѣрьте отцу! горячо вступилась вдругъ панна Марія. — Онъ только такъ прикидывается, что спокоенъ, а между тѣмъ у самого кошки скребутъ на сердцѣ—отъ этой неизвѣстности!.. Сами посудите! Каждый день писалъ,—и вдругъ вотъ уже десять дней ни слова...

— Гм! глубокомысленно проворчалъ Кипнеръ и насупилъ брови.

— И сейчасъ только, передъ самымъ вашимъ приходомъ, отецъ мнѣ такихъ страховъ, такихъ ужасовъ насказалъ о разныхъ случайностяхъ въ дорогѣ... И все чтобы оправдать, чтобы выгородить этого противнаго пана Болеслава!

— Да! Это точно. Панъ-маршалокъ правъ! Случайности въ дорогѣ бываютъ *пренепріятныя!* какъ-то особенно язвительно сказалъ гофратъ Кипнеръ, съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Удареніе это было столь выразительно, что и отецъ, и дочь одновременно взглянули на господина резидента, и въ глазахъ ихъ выразился тревожный вопросъ.

— Можетъ-быть вы что-нибудь знаете о нашемъ Болеславѣ? сказалъ панъ-маршалокъ, съ нескрываемымъ безпокойствомъ.

— Я?.. Н-нѣтъ!.. Что же я могу знать? сталъ отнѣкиваться Кипнеръ. — Вамъ *все это* лучше должно быть извѣстно!

— Что такое *все*?.. Позвольте васъ спросить: что вы подразумѣваете подъ словами—*все это?* горячо и настойчиво сталъ приступать панъ Эпимахъ.

— То-есть, эти непріятныя случайности, о которыхъ вы же сами изволили... излагать... сообщать вашей дочери...

— А!! Теперь я все понимаю! вскрикнула панна Марія, вскочивъ съ мѣста.—Все, все понимаю! Вы оба въ заговорѣ?! Вы оба отлично знаете, что Болеславъ меня обманулъ, что онъ мнѣ измѣняетъ, что онъ уѣхалъ къ другой невѣстѣ... съ которой они съѣхались и обвѣнчались на дорогѣ!.. И вы скрываете!.. Вы меня обманывали!..

— Да замолчишь-ли ты, панна Марія!? крикнулъ въ свою очередь выведенный изъ терпѣнія маршалокъ.—Ну, что ты околесную плетешь!.. Дай мнѣ толкомъ допросить пана Кипнера!

— Да нечего ужъ... на что!.. Все знаю заранѣе, что вы мнѣ можете сказать! Мы, женщины, такъ зорки, такъ чутки... что мы...

„Ни дать, ни взять, какъ матушка!" подумалъ про себя панъ Эпимахъ, и ужъ хотѣлъ безъ церемоніи взять дочку за руку и выпроводить ее въ другую комнату, когда гофратъ Кипнеръ торжественно поднялся съ мѣста и произнесъ, скроивъ очень постную рожу:

— Панна Марія... то, что я знаю о панѣ Болеславѣ, то, что я долженъ сказать вамъ... О, то гораздо хуже всего, что бы вы могли о немъ предположить! То, что я считаю долгомъ дружбы сообщить вамъ... просто ужасно... у-жа-сно!..

— Да что же это за загадка, чортъ побери! загремѣлъ, наконецъ, взбѣшенный панъ Эпимахъ. — Не мучьте вы насъ... говорите все, что знаете! Вѣдь мы не дѣти!

Гофратъ Кипнеръ отступилъ на два шага, сложилъ руки на груди и глухо произнесъ;

— Вашъ панъ Болеславъ человѣка убилъ!

— Ахъ! вскрикнула панна Марія, боязливо прижимаясь къ отцу.

— Вотъ видишь-ли? сказалъ панъ Эпимахъ. — Съ этакой горячей башкой мало-ли что можетъ случиться?.. Однако-жъ, позвольте, панъ Кипнеръ, продолжалъ онъ, обращаясь къ резиденту. — Вы объ этомъ такъ говорите... странно какъ-то? *Какъ* убилъ? Вотъ въ чемъ вопросъ... Я самъ, ужъ если на то пошло, — троихъ убилъ на своемъ вѣку, но...

— О! вы не такъ убили, почтенный панъ маршалокъ! поспѣшно перебилъ его Кипнеръ.—Вы не такъ убили!.. Вы не могли такъ убить!

— Но какъ же?.. Какъ было дѣло?

— Право... мнѣ больно повторять... Мнѣ не хотѣлось бы васъ огорчать—и въ особенности панну Марію... Вѣдь, это же ея женихъ...

— Говорите! смѣло сказала панна Марія, которой ужъ ничто не казалось страшнымъ послѣ того, какъ призракъ измѣны пана Болеслава исчезъ.

— Страшно сказать! проговорилъ Кипнеръ, складывая руки.—Членъ такой честной семьи, потомокъ такого благороднаго рода... и убилъ человѣка на дорогѣ... на большой дорогѣ,—съ цѣлью грабежа!

— Вы — мерзкій лжецъ и клеветникъ! крикнула вдругъ панна Марія, поблѣднѣвшая какъ полотно и сверкая глазами.—И если вы не скажете откуда... Кто вамъ это сказалъ... я... я сама... отецъ... Мы..

Она была страшна, неузнаваема.

— Да, да! Откуда эта ложь? Покажите, докажите, если жизнь вамъ дорога! крикнулъ и панъ маршалокъ, отстраняя дочь и выдвигаясь впередъ.

— Къ сожалѣнію, добрые друзья мои, скромно произнесъ Кипнеръ, нисколько не смущаясь впечатлѣніемъ, которое его вѣсть произвела на отца и на дочь,—къ сожалѣнію, въ томъ, что я вамъ сообщилъ, нѣтъ ни тѣни клеветы! Дурныя вѣсти, вы сами знаете, доходятъ скорѣе хорошихъ... И вотъ...

Тутъ онъ сунулъ руку въ боковой карманъ кафтана и вытащилъ оттуда большой пакетъ, а изъ пакета бережно вынулъ какую-то бумагу, раскрылъ ее, и указывая пальцемъ на ея строчки, онъ сказалъ:

— Вотъ извѣщенье бреславльскаго оберъ-амта о томъ, что нѣкій „Янъ Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепельска на Волыни" убилъ и ограбилъ на дорогѣ между Нейштадтомъ и Грюнбергомъ какого-то купца, котораго личность еще не удостовѣрена... Убійца же не только уличенъ многими свидѣтелями, но и самъ сознался въ убійствѣ и имя свое открылъ. Въ данную минуту онъ посаженъ въ Бреславльской тюрьмѣ, и надъ нимъ наряжено строжайшее слѣдствіе.

— Янъ Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепельска—сынъ моей сестры, мой племянникъ... убилъ и ограбилъ! проговорилъ панъ Эпимахъ, какъ будто самъ не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ этихъ словъ.

— Да нѣтъ же... нѣтъ! Этого быть не можетъ,—хотя бы десять оберъ-амтовъ такъ рѣшили и цѣлую бы кучу бумаги объ этомъ исписали! крикнула панна Марія, топая ножкой.—И если не вы лжецъ, не вы клеветникъ, панъ Кипнеръ, такъ этотъ оберъ-бреславльскій пишетъ чепуху и безсмыслицу!

Гофратъ Кипнеръ бережно свернулъ бумагу, вложилъ ее въ конвертъ и положилъ въ карманъ.

— Что же вы думаете теперь дѣлать? сказалъ онъ, съ притворнымъ участіемъ, обращаясь къ пану маршалку, который все еще стоялъ какъ растерянный.— Въ Варшавѣ вамъ оставаться неудобно.

— Да мы и не останемся! сказала панна Марія.— Мы сегодня же, сейчасъ же ѣдемъ въ Бреславль!

— Такъ, такъ! Вѣрно рѣшила дочка!.. Въ Бреславль сегодня же! сказалъ встрепенувшійся панъ маршалокъ.— Тамъ добьемся правды и не дадимъ нашего юношу— ни вамъ, ни оберъ-амту въ обиду.

XI.

Дѣло запутывается.

Богоспасаемый городъ Бреславль еще былъ погруженъ въ мирный и глубокій сонъ... Утро чуть брезжилось, освѣщая пѣтухи и кресты на колокольняхъ церквей и высокіе гребни черепичныхъ крышъ, когда два человѣка, судя по одеждѣ, разсыльные мѣстнаго городскаго оберъ-амта, подошли по узенькой Marienstrasse къ дому ратсгера Конрада Штромберга, поднялись на ступеньки крылечка передъ входною дверью и усердно стали колотить въ скобку двернымъ молоткомъ, изображавшимъ какого-то невиданнаго звѣря.

Звонкій гулъ ударовъ, непрерывно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, разнесся по всей улицѣ и перетревожилъ всѣхъ сосѣдей почтеннаго ратсгера. Во всѣхъ сосѣднихъ домахъ стали поочередно открываться стекольчатыя съ мелкимъ переплетомъ окна; заспанныя, недовольныя лица бюргеровъ въ вязаныхъ колпакахъ стали высовываться изъ оконъ и выглядывать на улицу; всѣ, видимо, старались отгадать причину такого нежданнаго нарушенія тишины и спокойствія. Вопросы: „что случилось?", „что вамъ надо?", „ужъ нѣтъ-ли гдѣ пожара?" такъ и сыпались на разсыльныхъ... Но тѣ мрачно и таинственно молчали, даже не оглядываясь на оклики знакомыхъ имъ людей, и продолжали сыпать ударъ за ударомъ въ толстую желѣзную скобу, прочно придѣланную къ дверямъ ратсгера Штромберга.

Наконецъ, эта дверь отворилась, разсыльные въ нее вошли и плотно захлопнули ее за собою.

— Что это? Въ такую рань? Зачѣмъ? Что случилось? раздались отовсюду голоса растревоженныхъ сосѣдей, которые спѣшили обмѣняться этими вопросами изъ окна къ окно, черезъ улицу.

— Ужъ нѣтъ-ли войны какой? глубокомысленно замѣтилъ сапожникъ Фристъ, всегда отличавшійся тонкостью политическихъ соображеній.

Но важный вопросъ, поднятый Фристомъ, такъ и остался неразрѣшеннымъ, потому что какъ разъ въ это время дверь въ домѣ ратсгера Штромберга отворилась настежь и самъ ратсгеръ вылѣзъ изъ нея всею своею тучною особою, сопровождаемый на почтительной дистанціи обоими разсыльными городскаго оберъ-амта. Вся фигура Штромберга, въ форменномъ платьѣ, надѣтомъ впопыхахъ и застегнутомъ наполовину, и въ старомъ парикѣ, сбившемся на сторону вмѣстѣ со шляпою, изображала собою спѣхъ и тревогу. Ни на кого не глядя, не отвѣчая даже ни на чьи поклоны и грузно опираясь на толстую трость, онъ съ видимымъ волненіемъ шагалъ по срединѣ улицы, и шелъ настолько скоро, насколько ему позволяли его тучность и неиз-

бѣжная одышка. Всѣ видѣли, какъ, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ по Marienstrasse, онъ свернулъ направо и скрылся за угломъ переулка.

— Э-э! Вонъ онъ куда! замѣтилъ глубокомысленно Фристъ.—Это не въ ратушу!.. Это всего скорѣе въ тюрьму! Ужь нѣтъ-ли тамъ бѣды какой?

— Да, да! Въ тюрьму! Пойдемъ, посмотримъ, прослѣдимъ! послышались голоса любопытныхъ бюргеровъ, и сразу на улицѣ явилась порядочная кучка этихъ почтенныхъ гражданъ, которые, подъ предводительствомъ Фриста, двинулись вслѣдъ за быстро шагавшимъ ратсгеромъ Штромбергомъ.

А самъ ратсгеръ Конрадъ-Вольфгангъ Штромбергъ, такъ внезапно и непріятно потревоженный совершенно необычнымъ стукомъ въ дверь его дома, такъ поспѣшно поднятый своей супругой съ мягкаго пуховика, былъ не на шутку взволнованъ тою вѣстью, которую принесли ему разсыльные оберъ-амта... Онъ такъ сладко спалъ, уткнувшись въ свою подушку, и такъ ясно видѣлъ передъ собою тотъ опрятный столикъ гостиницы „Zum Goldenen Löwen", за которымъ онъ вчера провелъ весь вечеръ со своимъ пріятелемъ ратсгеромъ Клиппе и осушилъ обычное количество кружекъ, рѣшая очень важный, хотя и совершенно мирный вопросъ! Ратсгеръ Клиппе утверждалъ, что бульваръ, который городъ предполагаетъ развести около Маріинской церкви, слѣдуетъ засадить кленами, а ратсгеръ Штромбергъ отстаивалъ липу. Продолжая тотъ же споръ и во снѣ, почтенный ратсгеръ собирался уже поразить своего противника цѣлымъ рядомъ самыхъ вѣскихъ доводовъ въ пользу липы, какъ вдругъ въ двери гостиницы сталъ кто-то неистово стучать и надъ самымъ ухомъ Штромберга раздался громкій голосъ его супруги:

— Вставай, вставай скорѣе! Къ тебѣ пришли посыльные изъ оберъ-амта и требуютъ тебя немедленно въ тюрьму!

— Въ тюрьму?! Почему же именно въ тюрьму? попытался было возразить Штромбергъ, который со сна никакъ не могъ сообразить, какое отношеніе имѣли посыльные и тюрьма къ его блестящимъ доводамъ въ пользу липы.

Но супруга настоятельно теребила его за рукавъ рубашки и за уголъ подушки и продолжала кричать:

— Скорѣй вставай! Очень важное дѣло! Посыльные ждутъ тебя въ сосѣдней комнатѣ.

И когда послѣ этого ратсгеръ высунулъ изъ-за двери голову въ сосѣднюю комнату и услышалъ отъ посыльныхъ необычайную вѣсть о какомъ-то страшномъ убійствѣ около мѣстечка Грюнберга и о томъ, что убійца пойманъ и доставленъ крестьянами въ тюрьму съ „поличнымъ",—онъ ужасно взволновался, заспѣшилъ и опрометью бросился въ тюрьму, гдѣ ему, какъ предсѣдателю оберъ-амта, этой высшей судебной инстанціи г. Бреславля, предстояло тотчасъ же снять допросъ съ убійцы...

Во дворѣ обширной и крѣпкой бреславльской тюрьмы почтенный ратсгеръ Штромбергъ нашелъ уже остальныхъ своихъ сотоварищей, младшихъ ратсгеровъ, которые ожидали его прихода, осматривая трупъ мнимаго польскаго пана, привезенный въ нетычанкѣ, и снимали предварительныя показанія съ евреевъ и крестьянъ, изловившихъ убійцу на мѣстѣ преступленія.

— Гдѣ же убійца? спросилъ ратсгеръ Штромбергъ, обмѣнявшись привѣтствіями со своими товарищами.

— Я приказалъ надѣть ему ручные и ножные кандалы для безопасности, сказалъ вполголоса ратсгеръ Клиппе, отводя Штромберга въ сторону.—Его теперь заковываютъ... Должно-быть закоренѣлый злодѣй... Но только, очевидно, нѣмецъ или шведъ, а прикидывается полякомъ... Кричитъ, ругается по-польски, такъ что къ нему и подступу нѣтъ!

— А эти что̀ говорятъ? спросилъ Штромбергъ, кивая головой на толпу крестьянъ и евреевъ.

— Говорятъ, что накрыли злодѣя на мѣстѣ преступленія въ то время, когда онъ снималъ платье со своей жертвы... А этому, пожалуй, можно и повѣрить, потому что все платье убійцы въ крови, все какъ есть... Кровью перепачканы и руки, и лицо.

— Гм! глубокомысленно произнесъ Штромбергъ, вдумчиво нахмуривъ брови.

— Злодѣй былъ, впрочемъ, не одинъ, продолжалъ докладывать Клиппе. — Если вѣрить показанію еврея, ихъ было даже десять человѣкъ.

— О-о! протянулъ Штромбергъ.—Такому показанію, конечно, вѣрить трудно... Но все же надо поскорѣе приступить къ допросу, чтобы не упустить сообщниковъ злодѣя... Велите привести его подъ надежнымъ конвоемъ въ камеру D; туда же зовите всѣхъ ратсгеровъ и протоколиста.

Полчаса спустя, когда всѣ ратсгеры чинно усѣлись за столомъ въ камерѣ D, и протоколистъ занялъ свое мѣсто, четверо тюремныхъ сторожей ввели туда высокаго и стройнаго молодца, одѣтаго въ нѣмецкое платье. Онъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ. Слѣдомъ за сторожами шли два солдата съ мушкетами, которые помѣстились по бокамъ дверей, плотно замкнутыхъ однимъ изъ сторожей.

— Кто ты? спросилъ ратсгеръ Клиппе, обращаясь къ арестанту.

— Не понимаю, отвѣчалъ по-польски молодой человѣкъ, пожимая плечами.

— Какъ тебя зовутъ? произнесъ Клиппе, возвышая голосъ.

Тотъ же отвѣтъ и то же пожатіе плечами со стороны молодаго человѣка.

Тогда протоколистъ, полякъ по происхожденію, вызвался быть переводчикомъ и сталъ передавать ратсгерамъ рѣчи подсудимаго, который на ихъ вопросы отвѣчалъ черезъ протоколиста.

— Я панъ Янъ-Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепельска на Волыни. Ѣхалъ изъ Варшавы по дѣламъ своимъ въ Дрезденъ къ наияснѣйшему пану королю Августу III...

— А гдѣ же твои бумаги? Твой паспортъ?

— Бумаги я должно-быть забылъ въ томъ платьѣ, что скинулъ въ корчмѣ, въ Нейштадтѣ.

Ратсгеры переглянулись между собою, посовѣщались, и самъ ратсгеръ Штромбергъ спросилъ юношу:

— Какъ же ты говорилъ, что ты полякъ изъ Волыни, что ты богатый панъ и ѣдешь къ королю, а одѣтъ ты въ нѣмецкое платье и въ карманѣ у тебя сыскали только 59 талеровъ, да пару карманныхъ пистолетовъ.

— На мнѣ платье не мое, а вотъ этого самаго барона, котораго убили два злодѣя, тѣ самые, что и на меня нападали незадолго передъ тѣмъ.

— Какого барона? Онъ польскій панъ, а не баронъ! На немъ все платье польское, отъ шапки и до сапогъ.

— На немъ все платье мое! И бричка-нетычанка подъ нимъ моя! А у меня и платье, и пистолеты, и конь—все баронское... Даже деньги въ карманѣ—и тѣ онъ же мнѣ далъ!

Ратсгеры переглянулись между собою съ недовѣрчивой улыбкой.

— Значитъ, ты зналъ его и можешь намъ сказать, какъ его имя?

— Зналъ, а имени сказать вамъ не могу, потому и самъ его не знаю... Онъ мнѣ сказалъ, что онъ шведскій баронъ, а странствуетъ подъ именемъ купца...

— Побойся Бога! Не путай и не заставляй насъ напрасно время терять! Искреннимъ признаніемъ ты можетъ-быть еще спасешься какъ-нибудь отъ висѣлицы... Но говори же намъ по совѣсти, за что̀ ты его убилъ?

Тирольская дѣвушка. Съ карт. Ф. Дефрегера, грав. Веберъ.

— Да я же его не убивалъ! съ отчаяніемъ воскликнулъ панъ Болеславъ. — Онъ мой благодѣтель; онъ избавилъ меня отъ страшной бѣды... Онъ выручилъ меня...

— Какъ же ты не знаешь имени твоего благодѣтеля?

— Не знаю — клянусь въ томъ именемъ Божьимъ! отвѣчалъ панъ Болеславъ и разсказалъ имъ, при какихъ условіяхъ онъ встрѣтился съ барономъ, и какъ съ нимъ разстался.

Ратсгеръ Штромбергъ слушалъ, слушалъ, потомъ, видимо, теряя терпѣніе, перервалъ его разсказъ на полусловѣ и приказалъ его вывести изъ комнаты.

— Господа! обратился онъ, видимо, разгнѣванный, къ своимъ сотоварищамъ.—Я думаю, что и вамъ точно такъ же какъ и мнѣ, совершенно очевидна лживость показаній этого негодяя... Онъ путается, противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу — онъ принимаетъ насъ за олуховъ, которые глупо развѣсили уши... Предлагаю перейти къ допросу свидѣтелей, которые, быть можетъ, уяснятъ намъ дѣло...

Стали вводить свидѣтелей, стали допрашивать ихъ каждаго порознь; но ихъ показанія, касавшіяся только поимки злодѣя, ничего не уяснили изъ предыдущаго, да и самый фактъ поимки изображали въ совершенно противурѣчивомъ видѣ. Еврей-возница барона билъ себя въ грудь и утверждалъ самымъ положительнымъ образомъ, что разбойниковъ напало десять человѣкъ; что нападали разомъ и „тутъ стрѣляли, и тамъ стрѣляли“— а этотъ лошадей держалъ... Храбрый корчмарь доказывалъ, что видѣлъ издали троихъ разбойниковъ, которые грабили пана въ нетычанкѣ, и что онъ самъ схватилъ двоихъ, а третій ускакалъ на лошади...

— Гдѣ же дѣвался другой разбойникъ?

— Я на нихъ первый бросился — и ухватилъ ихъ вотъ этакъ... Другіе не поспѣли—вотъ онъ и вырвался, и убѣжалъ въ самый темный лѣсъ.

Крестьяне либо оказывались незнайками, либо утверждали, что точно видѣли, какъ этотъ злодѣй стоялъ нагнувшись надъ нетычанкой съ фонаремъ и грабилъ убитаго.

Записавши всѣ эти показанія, ратсгеры опять приказали ввести „злодѣя“, и стали уличать его въ убійствѣ, требуя признанія и выдачи сообщниковъ.

Но панъ Болеславъ стоялъ упорно на своемъ.

— Убилъ не я, убили тѣ два негодяя, которыхъ я встрѣтилъ въ корчмѣ Шмуля Фрейдензона и которые обыграли меня въ карты.

— Кто же эти негодяи? съ недовѣрчивой улыбкой спросилъ у пана Болеслава ратсгеръ Штромбергъ.

— Они выдавали себя за русскихъ офицеровъ... Они и на меня потомъ напали, когда я пустился въ дорогу въ бароновомъ платьѣ и на конѣ барона...

— Чортъ знаетъ, что̀ за путаница! обратился ратсгеръ Штромбергъ къ ратсгеру Клиппе. — Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ и ловкимъ мошенникомъ... Вѣдь эти поляки — я знаю ихъ — ужь если изъ нихъ выдастся каналья, такъ ужь такая... Но на сегодня довольно, господа! Сейчасъ отправлю разсыльныхъ въ Нейштадтъ, для привода сюда еврея Шмуля Фрейдензона: тотъ, какъ я думаю, долженъ намъ дать ключъ къ разгадкѣ.

На другое утро, опять всѣ собрались къ допросу въ камеру D, куда прежде всего ввели знакомаго намъ Шмуля Фрейдензона. Старый еврей, одѣтый въ весьма приличный и чистый лапсердакъ и въ бархатную черную ермолку, держалъ себя передъ ратсгерами чинно и степенно, говорилъ съ удивительнымъ тактомъ и вѣсомъ, наклоняя голову на-бокъ и прижимая обѣ руки къ груди... Отъ каждаго слова его такъ и вѣяло непреложною истиною.

— Кто этотъ баронъ, котораго убили злодѣи въ лѣсу? спросили Шмуля ратсгеры.

— Баронъ! Какой же онъ баронъ — когда онъ самъ говорилъ мнѣ, что онъ купецъ Гогберхъ! И я его очень зналъ, и онъ очень часто у меня бывалъ съ товарами...

— А кто эти русскіе офицеры, что̀ обыграли въ твоей корчмѣ этого поляка?

— Совсѣмъ они не русскіе, и совсѣмъ не офицеры... Одинъ высокій рыжій, съ усами... Тотъ нѣмецъ... А другой — полякъ... Какіе же они русскіе?... И совсѣмъ они съ нимъ въ карты не играли; а между собой играли...

— А какъ же этотъ... злодѣй-то... платьемъ помѣнялся съ тѣмъ... съ купцомъ Гогберхомъ? И коня ему отдалъ, и бричку у него взялъ...

— А почемъ я знаю? Я этого не видѣлъ? Какъ у хорошихъ господъ бываетъ: ты мнѣ дай свою вещь, а я тебѣ дамъ свою—и помѣнялись: и платьемъ помѣнялись, и конемъ помѣнялись, а потомъ злодѣю стало жаль свое платье и свою бричку — и вотъ онъ напалъ, и говоритъ: давай назадъ...

И еще цѣлый день ушелъ на допросы, на очныя ставки, на собираніе свѣдѣній о загадочномъ убійствѣ, и ратсгерамъ стало ясно, что изъ свода общихъ показаній никакъ нельзя добиться истины и дознаться, кто именно убилъ мнимаго пана по дорогѣ между Нейштадтомъ и Грюнбергомъ? Злодѣй, пойманный съ поличнымъ, умолялъ ратсгеровъ навести справки о его личности въ Варшавѣ и въ Дрезденѣ; Шмуль Фрейдензонъ клялся и божился, что этотъ „дурной человѣкъ“ все вретъ; разсказывалъ, какъ онъ и ему, бѣдному еврею, не хотѣлъ платить за ночлегъ и самого его „чуть не убилъ“...

Къ концу третьяго дня допроса, почтенный ратсгеръ Штромбергъ, наконецъ, убѣдился въ томъ, что необходимо дѣйствительно удостовѣрить личность „злодѣя“ справками въ Варшавѣ и Дрезденѣ. Онъ приказалъ засадить его въ тюрьму, а всѣхъ свидѣтелей распустить по домамъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Спасеніе брамина.

Разсказъ **Р. Гарбе.** Переводъ **Е. Б--ъ.**

— Лилавати, Гопа! Скорѣй помогите мнѣ задвинуть засовомъ входныя двери и заперсть ставни нижняго этажа: я слышу приближеніе процессій и боюсь, какъ-бы онѣ не столкнулись около нашего дома?

На торопливый зовъ купца Кришнады, по лѣстницѣ послышались быстрые шаги двухъ женщинъ, и въ минуту всѣ необходимыя предосторожности были приняты. Когда дверь была задвинута крѣпкимъ, желѣзнымъ засовомъ, всѣ поуспокоились.

Это происходило въ Бенаресѣ, въ октябрѣ 1840 года, въ день Могаррема мусульманъ. Въ этотъ же день, какъ нерѣдко случается, приходился одинъ изъ многочисленныхъ индусскихъ праздниковъ, и обѣ общины съ двухъ разныхъ сторонъ направлялись торжественными процессіями, каждая къ своей святынѣ; магометане—къ мечети Аурангцеба, стройные минареты которой высились надъ священнымъ городомъ индусовъ; приверженцы туземной религіи — къ близь-лежащему храму Бишешарнота. Оба шествія неминуемо должны были встрѣтиться въ одной изъ узкихъ улицъ торговаго квартала, которая вела отъ рынка „Чандни-Чаукъ“ (лунный свѣтъ) къ большой мечети.

Въ этой улицѣ стоялъ домъ Кришнады. Семейство купца съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣло изъ оконъ верхняго этажа, ожидая, что будетъ. Слѣва уже раздавались заунывные возгласы магометанъ: „Горе Гассану, горе Гуссейну!“ *) Справа все яснѣе слышалось молитвенное бормотанье индусовъ. Еще нѣсколько минутъ и обѣ процессіи встрѣтились у дверей Кришнады. Возгласы и молитвы съ обѣихъ сторонъ невольно смолкли и на мгновеніе водворилось глубокое, какъ бы выжидательное молчаніе. Тогда изъ переднихъ рядовъ индусовъ выступилъ высокій молодой человѣкъ, съ рѣзкими, энергичными чертами и, очевидно, иностраннымъ типомъ лица:

*) Въ воспоминаніи объ умерщвленныхъ сыновьяхъ халифа Али и Фатимы.

— Подайтесь въ сторону, пропустите насъ впередъ! повелительно обратился онъ къ мусульманамъ.

Крикъ негодованія заглушилъ его слова:

— Ступайте сами назадъ, невѣрныя собаки!

И стоявшіе въ переднихъ рядахъ магометане съ угрожающимъ видомъ подняли свои палки, которыми предусмотрительно запаслись въ виду предстоявшаго столкновенія.

Индусы съ ропотомъ начали отступать. Ихъ парламентеръ, высокій юноша, посмотрѣлъ на своихъ единовѣрцевъ съ видомъ безграничнаго удивленія, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ.

— Какъ? воскликнулъ онъ,—вы хотите уступить этимъ мясникамъ, этому нечистому сброду?! Остановитесь и гоните ихъ назадъ!

Но магометане съ яростными криками окружили отважнаго юношу и въ одно мгновеніе онъ былъ отрѣзанъ отъ своихъ. Тутъ произошло нѣчто неожиданное: молодой храбрецъ вырвалъ у ближайшаго изъ нападающихъ его палку, и прежде чѣмъ пораженные изумленіемъ магометане успѣли придти въ себя, уложилъ одного за другимъ четырехъ человѣкъ.

Восклицаніе удивленія вырвалось у Гопы, которая все время, притаивъ дыханіе, слѣдила изъ окна за разыгрывавшейся внизу сценой.

— Смотрите, смотрите, это Магадева, сошедшій съ неба, чтобы уничтожить всѣхъ враговъ нашей вѣры!

Но въ ту же минуту она испуганно вскрикнула: ея мнимый богъ получилъ страшный ударъ въ грудь и упалъ у самой двери ихъ дома. Какой-то рыжебородый мулла, сверкая глазами кричалъ, расталкивая толпу своихъ единовѣрцевъ:

— Пропустите меня, я прикончу эту собаку!

Охотно разступилась толпа передъ фанатикомъ, въ поднятой рукѣ котораго сверкалъ ножъ; но, прежде чѣмъ онъ достигъ своей жертвы, на глазахъ у всѣхъ неожиданно распахнулись двери дома, чьи-то руки втащили въ нихъ потерявшаго сознаніе индуса, и никто не успѣлъ опомниться, какъ послышался звукъ задвигаемаго засова.

Магометане яростно бросились къ дверямъ, стараясь ихъ выбить, но прочное дерево устояло. Суматоха длилась еще нѣсколько минутъ, пока наконецъ не явились блюстители порядка, подъ начальствомъ англійскаго чиновника, которому была подчинена полиція.

Видъ страшнаго саиба, показывавшагося на улицахъ города лишь въ экстренныхъ случаяхъ, подѣйствовалъ на возбужденную массу отрезвляющимъ образомъ. Многіе были арестованы, остальные разбѣжались. Разгнѣванный англичанинъ кричалъ вслѣдъ уходящимъ:

— Всѣ вы заслуживаете, чтобы могилы вашихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ были осквернены кровью убитыхъ собакъ паріевъ!

Между тѣмъ молодой индусъ лежалъ безъ признаковъ жизни на каменныхъ плитахъ сѣней. Чалма съ него свалилась и густые волосы, цвѣта воронова крыла, спутанными прядями закрывали лобъ и виски. Спасшій его купецъ, пристально всмотрѣвшись въ блѣдное, выразительное лицо, сказалъ про себя:

„Этотъ человѣкъ не изъ нашихъ мѣстъ. Хотѣлъ бы я знать, къ какой кастѣ онъ принадлежитъ? онъ походитъ на потомковъ нашего древняго рода воиновъ!“

Потомъ, позвавъ слугу, приказалъ ему перенести раненаго въ свою спальню. Лилавати и Гопа освѣжили холодной водою его голову, и скоро, къ ихъ радости, — незнакомецъ тревожно зашевелился и открылъ глаза. Съ удивленіемъ осмотрѣвшись въ незнакомой комнатѣ, юноша нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ и всталъ.

— Кто бы вы ни были, сказалъ онъ, — вы спасли меня... Благодарю васъ!

Въ его словахъ проглядывалъ оттѣнокъ величія и снисходительности.

— Скажи намъ прежде: кто ты, и какой касты? перебилъ купецъ.

— Меня зовутъ Рамтшандра; я браминъ изъ Джейпура въ Раджпутанѣ, а совершилъ я это продолжительное путешествіе въ святой городъ съ цѣлью—научиться здѣсь у знаменитѣйшихъ наставниковъ нашей страны всему, чему не могъ научиться на родинѣ.

Кришнада въ знакъ согласія склонилъ голову и нѣсколько времени молчалъ; онъ видимо ожидалъ другаго отвѣта, такъ какъ молодой человѣкъ совсѣмъ не походилъ на ученаго.

— Давно вы въ нашемъ городѣ? снова спросилъ онъ.

— Только съ недѣлю. Я еще не привыкъ къ вашей жизни и опасаюсь, что никогда не привыкну. Здѣшній народъ смотритъ на меня какъ на дикаго звѣря.

— Ну, звѣрь не звѣрь, а что вы порядочная горячка, въ этомъ мы имѣли уже случай убѣдиться, съ улыбкой сказалъ Кришнада. — Благодарите боговъ, что они сегодня избавили васъ отъ большой опасности... Вы, какъ браминъ, конечно не пожелаете остаться подъ моею кровлею дольше, чѣмъ необходимо; но, прежде чѣмъ мы разстанемся, узнайте наши имена: я купецъ Кришнада, это моя сестра — вдова Лилавати, а это дочь—Гопа, мужъ которой теперь въ Кашмирѣ.

Лилавати уже успѣла закрыть лицо фатою, не столько для того, чтобы чужой человѣкъ не увидѣлъ ея раньше времени поблекшихъ чертъ, страдальческаго выраженія и гладко выстриженныхъ волосъ, какъ потому, что таково строгое предписаніе закона по отношенію къ индусскимъ вдовамъ. Гопа смотрѣла на молодаго брамина твердо и безъ малѣйшаго смущенія; отецъ рано пріучилъ ее къ общенію съ людьми и ознакомилъ со своими дѣлами больше, чѣмъ это обыкновенно принято въ семьяхъ индусовъ, гдѣ жизнь женщины ограничивается предѣлами тѣсной *зенаны;* такимъ образомъ она постепенно утратила пресловутую робость индусскихъ дѣвушекъ и женщинъ. Гопа была поразительно хороша собою, высокаго роста, съ роскошно развитыми формами, благородными очертаніями лица и большими, миндалевидными глазами, выражавшими умъ и доброту. По желанію отца, она закрывала лицо только выходя изъ дому; дома же показывалась друзьямъ и знакомымъ своего отца безъ покрывала. Такъ же мало она слѣдовала и туземному обычаю — обвѣшивать себя всевозможными украшеніями; лишь на лбу ея, въ волнистыхъ волосахъ, красовалась изящная золотая подвѣска съ крупными жемчужинами, да руки у сгиба были обхвачены тяжелыми, серебряными браслетами, съ замкомъ въ видѣ двухъ змѣиныхъ головокъ.

Рамтшандра, словно ослѣпленный, смотрѣлъ на нее нѣсколько времени, потомъ сказалъ:

— Клянусь всѣми богами, ни одна женщина изъ касты браминовъ, у насъ въ Индустанѣ, не постыдилась бы походить на васъ!

Гопа не была бы женщиной, при томъ женщиной Индіи, если бы это наивное выраженіе восхищенія не польстило ея тщеславію. На ея губахъ мелькнула едва замѣтная улыбка удовольствія; но, желая показать молодому брамину, что она вовсе не считаетъ себя ниже его, молодая дѣвушка поспѣшила отвѣтить:

— Я никогда не желала принадлежать къ высшей кастѣ и довольствуюсь тѣмъ, что я дочь и жена купца!

Рамтшандра былъ изумленъ. Ему очевидно никогда не приходила въ голову мысль, чтобы какая-нибудь женщина на свѣтѣ могла жить, не питая желанія принадлежать къ кастѣ браминовъ. Поклонившись женщинамъ, онъ направился къ выходу. Съ Кришнадой онъ простился, сказавъ ему:

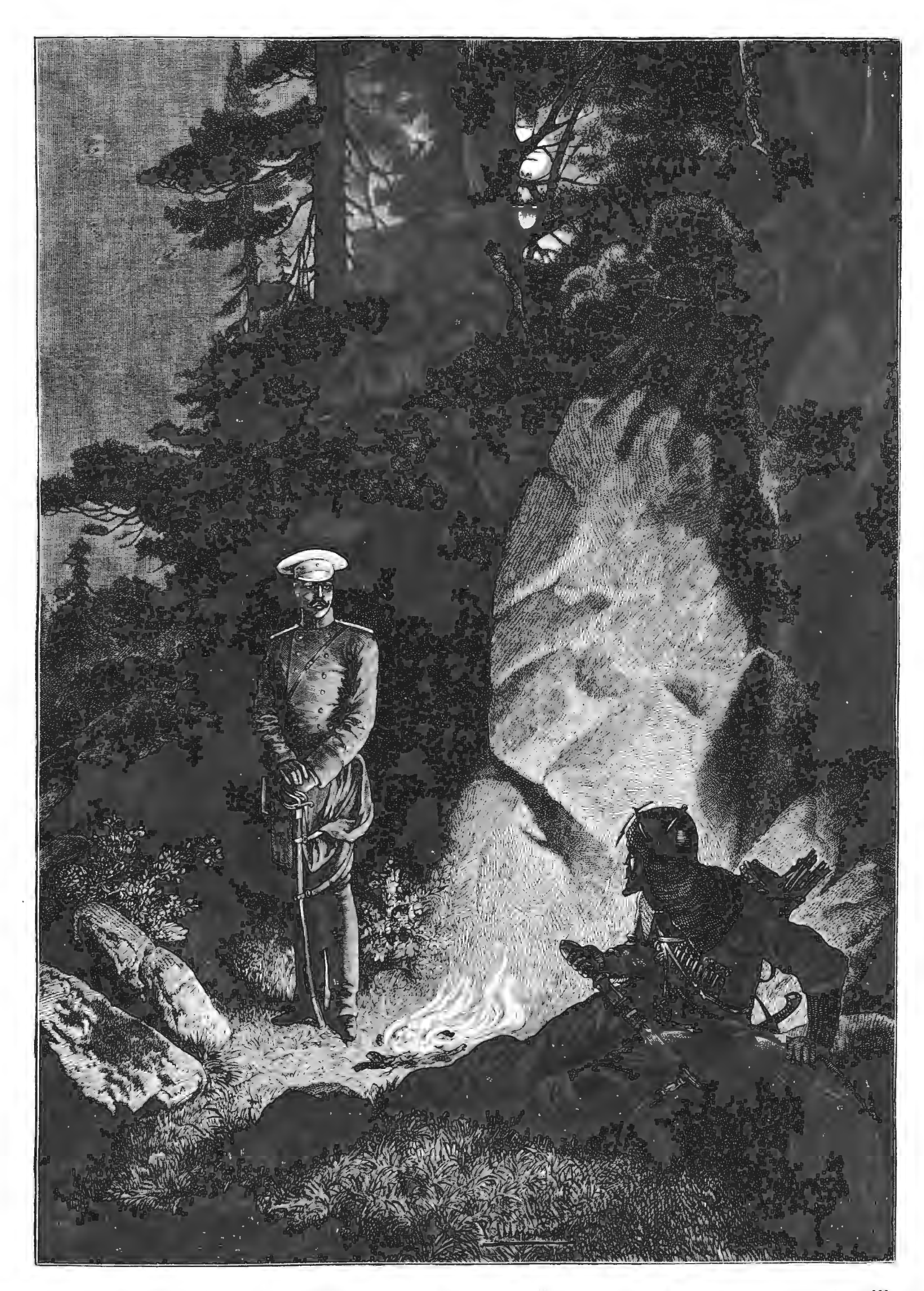
— Да воздадутъ вамъ боги за то, что вы сегодня для меня сдѣлали! Салямъ!..

Рамтшандра началъ свои занятія у извѣстнѣйшихъ бенаресскихъ учителей. Слѣдуя обычному ходу образованія, онъ хотя и не пренебрегалъ курсами высшей грамматики, риторики и тому-подобныхъ наукъ, однако, съ самаго начала, охотнѣе всего занимался философіей, — не казуистическими тонкостями логики, которыя обыкновенно больше всего удовлетворяютъ остроумію ученыхъ индусовъ, но болѣе глубокою мудростью грандіознаго индійскаго пантеизма. Симпатіями своихъ товарищей по ученію онъ не пользовался, да и не давалъ себѣ труда искать сближенія съ ними; всецѣло и страстно поглощенный наукою, онъ жилъ только ею и для нея. Но уже черезъ нѣсколько недѣль, радость, спокойствіе и довольство, наполнявшія все его существо, смѣнились печалью; забота впервые наморщила ясное дотолѣ чело молодаго ученаго.

Рамтшандра пріѣхалъ въ Бенаресъ съ малыми средствами и большими надеждами; онъ нисколько не сомнѣвался въ возможности скоро пріискать себѣ какое-нибудь занятіе, которое бы обезпечило его скромныя потребности въ годы ученія. Его надежды не сбылись. Отъ пяти до шести тысячъ молодыхъ людей съ такими же жизненными цѣлями, какъ и онъ, жили въ священномъ городѣ, почти всѣ въ самыхъ скромныхъ условіяхъ; сотни изъ нихъ были безъ всякихъ средствъ, зарабатывая себѣ трудомъ все необходимое для жизни. Рамтшандра не имѣлъ никакихъ доходовъ и, какъ начинающій, не могъ разсчитывать на участіе къ нему учителей. Если-бъ еще онъ позанимался у нихъ года два и имѣлъ случай отличиться, тогда его положеніе было бы далеко сноснѣе. Но теперь каждый мѣсяцъ приносилъ новыя и новыя заботы, пока однажды Рамтшандра, уплативъ по счету, увидѣлъ, что у него остаются лишь средства для возвращенія на далекую родину.

Съ глубокимъ вздохомъ принялъ онъ неизбѣжное рѣшеніе, отказаться отъ жизненныхъ идеаловъ и вернуться въ родительскій домъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней изъ Бенареса отходилъ караванъ въ столицу Раджпутаны; онъ долженъ былъ къ нему присоединиться.

На другое утро, совершивъ предписываемое закономъ омовеніе въ водахъ священной рѣки, Рамтшандра, понуривъ голову, принялся бродить по узкимъ улицамъ; суета и движеніе толпы не отвлекали его отъ ряда тяжкихъ думъ. Вдругъ онъ остановился и поднялъ глаза. Да, это то самое мѣсто, гдѣ произошло столкновеніе съ магометанами и гдѣ онъ, къ стыду своему, узналъ, какъ труслив индусъ. А вотъ и домъ Кришнады. Слѣдуя внушенію минуты, онъ постучалъ въ дверь: онъ хотѣлъ проститься съ единственнымъ человѣкомъ въ Бенаресѣ, который былъ къ нему добръ.



Литературный альбомъ. „Измаилъ-Бей“ Лермонтова. Встрѣча Измаилъ-Бея съ соперникомъ у горы Шайтана.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

Маленькая любительница кошекъ. Съ карт. Гюртъ-дю-Френа, грав. Пейне.

Кришнада встрѣтилъ молодаго брамина съ радостью, но тотчасъ же выразилъ удивленіе по поводу его унынія.

— Какъ? вы хотите уѣзжать изъ Бенареса спустя какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ?.. Но по какой причинѣ?

— Самая пошлая изъ всѣхъ заботъ гонитъ меня отъ моихъ занятій, которыя,—увы!—едва только начались, мрачно отвѣчалъ Рамтшандра,—забота о насущномъ хлѣбѣ!

Кришнада съ минуту раздумывалъ, потомъ всталъ, положилъ руку на плечо молодаго человѣка и сказалъ съ подкупающею ласкою въ голосѣ:

— Рамтшандра, боги до сихъ поръ благословляли мое предпріятіе; у меня больше средствъ, чѣмъ мнѣ нужно...

Рамтшандра хотѣлъ вскочить со своего мѣста; яркая краска залила его лицо, но Кришнада удержалъ его.

— Видите-ли, продолжалъ онъ, — я никогда не находилъ времени заниматься науками, хотя мнѣ этого очень хотѣлось. Если вы не боитесь отъ времени до времени зайти въ домъ купца и разсказать ему о старыхъ временахъ нашей страны, о битвахъ нашихъ знаменитыхъ героевъ и о другихъ достойныхъ изученія предметахъ, то старый купецъ будетъ въ долгу у васъ, а не вы у него... Не возражайте, прошу васъ, и берите!

Кришнада отперъ обитый желѣзомъ сундукъ и вынулъ оттуда тяжелый, кожаный кошель.

Послѣ минутнаго колебанія, браминъ подошелъ къ Кришнадѣ и сказалъ:

— Благодарю васъ!

Его голосъ звучалъ мягче и теплѣе, чѣмъ когда бы то ни было раньше.

Будто на крыльяхъ, съ блескомъ радости и надежды во взорахъ, выпорхнулъ Рамтшандра изъ дома купца. Онъ далъ себѣ слово, изо всѣхъ силъ добиваться самостоятельнаго существованія и какъ можно скорѣе возвратить своему великодушному доброжелателю полученную отъ него сумму. Если бы онъ оглянулся, то въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа увидѣлъ бы Гопу, смотрѣвшую ему вслѣдъ.

Съ этого дня молодой браминъ часто заходилъ въ домъ купца, но за его столъ не смѣлъ садиться: раздѣливъ пищу съ лицомъ низшей касты, онъ совершилъ бы ничѣмъ неискупимое преступленіе и навсегда лишился бы преимуществъ своей касты.

Около четырехъ лѣтъ прошло съ того дня, которымъ начинается нашъ разсказъ. Кто за это время не видѣлъ Кришнады, тотъ съ перваго взгляда на его озабоченное лицо понялъ бы, что въ его домѣ многое перемѣнилось. Въ одной изъ комнатъ перваго этажа передъ нимъ стоялъ его бухгалтеръ, бенгалецъ съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи и толстыми губами, и докладывалъ своему господину о состояніи дѣлъ. Кришнада, довольно долго слушавшій его въ молчаніи, наконецъ прервалъ его рѣчь съ явнымъ неудовольствіемъ:

— Довольно!.. Твои цифры ясно говорятъ мнѣ, что дѣла идутъ все хуже и хуже. Теперь въ Бенаресѣ благоденствуютъ только тѣ купцы, которые смотрятъ на честную торговлю, какъ на второстепенное занятіе, а всѣ свои наличныя деньги отдаютъ бѣднымъ людямъ за ростовщическіе проценты... Дѣйствительно, дѣло зашло слишкомъ далеко!

— Не унывайте, господинъ, утѣшалъ его бухгалтеръ,—слѣдующіе мѣсяцы подаютъ большую надежду на поправленіе дѣлъ; жатва ожидается такая, какой уже давно не было, и кто, подобно вамъ, безъ устали стремится завязывать новыя торговыя сношенія, тотъ можетъ нынѣшнею осенью ожидать большихъ барышей.

При послѣднихъ словахъ вошелъ слуга съ докладомъ:

— Господинъ, тамъ у воротъ стоитъ какой-то человѣкъ, онъ желаетъ васъ видѣть.—Это—Лакшманъ изъ Кашмира.

Радостно вскочилъ Кришнада со своего мѣста и съ восклицаніемъ: „Мой товарищъ дѣтства! Добро пожаловать!“—поспѣшилъ къ выходу. Въ дверяхъ онъ обернулся и сказалъ бухгалтеру, который, собравъ свои бумаги, хотѣлъ уходить:

— Сдѣлай все возможное, чтобы намъ досталась поставка зерна въ Непалъ!

Въ слѣдующую минуту онъ былъ уже въ объятіяхъ друга.

— Кришнада!

— Лакшманъ, ты-ли это? Вѣдь ужь *лѣтъ* двадцать, какъ мы не видались! Однако, какъ мало ты перемѣнился за это долгое время!

— Я также узналъ бы тебя между сотнями людей,—отвѣчалъ Лакшманъ;—мнѣ кажется только, что „веселый Кришнада“,—помнишь, мы такъ называли тебя въ дѣтствѣ,—уже не попрежнему веселъ? Напротивъ того,—на лбу глубокая складка! Тебѣ нехорошо? Или тебя озабочиваетъ торговля?

— Да, и это... А твои дѣла какъ?

— Очень хороши, благодареніе богамъ! Я никогда не раскаивался въ томъ, что молодымъ человѣкомъ переѣхалъ со своимъ маленькимъ наслѣдіемъ въ Кашмиръ. Тонкія ткани моей новой родины всегда находятъ хорошій сбытъ. Теперь я здѣсь съ товарами на сумму ста тысячъ рупій слишкомъ. Палатки я велѣлъ разбить подъ самымъ городомъ. Ты долженъ еще сегодня придти полюбоваться на тонкія матеріи: онѣ тебѣ понравятся!—Здѣсь Лакшманъ прервалъ свою рѣчь, посмотрѣлъ на пріятеля испытующимъ взоромъ и спросилъ, понизивъ голосъ: — Кришнада! стало-быть тебя гнететъ не одна лишь забота о дѣлахъ?.. Что значитъ это скорбное выраженіе на твоемъ лицѣ? Говори, что заставляетъ тебя страдать?

— Пойдемъ, сядемъ, отвѣчалъ Кришнада, — въ короткихъ словахъ этого не разскажешь.

Пока оба усаживались, поджавъ ноги, на подушки—одинъ противъ другаго, Лакшманъ замѣтилъ:

— Тому восемнадцать лѣтъ умерла твоя жена; такъ ты писалъ мнѣ; она оставила новорожденнаго ребенка, кажется—дочь?

Глаза Кришнады засіяли невыразимою нѣжностью:

— Да, это Гопа,—мое единственное дитя, вся моя радость; она не только добра, она очень красивая и умная дѣвушка!—Потомъ со вздохомъ тихо прибавилъ: — Только бы она была счастлива!

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ, въ раздумьѣ опустивъ глаза, наконецъ энергично тряхнулъ головою, будто желая отогнать тяжелыя думы, и началъ свой разсказъ:

— Ты едва-ли помнишь, Лакшманъ, что у меня есть младшая сестра, по имени Лилавати. Она почти еще въ колыбели была обвѣнчана съ однимъ мальчикомъ нашей касты, который только начиналъ говорить и ужъ конечно не имѣлъ понятія о томъ, что такое бракъ. Черезъ два года послѣ свадьбы этотъ мальчикъ умеръ отъ оспы...

Лакшманъ сочувственно покачалъ головою:

— Большое, очень большое горе для вдовы, которой предстоитъ цѣлая жизнь, полная лишеній и самоотреченія, такъ какъ законъ воспрещаетъ ей вторичное вступленіе въ бракъ. Дѣйствительно, тяжелая участь! Саибы, владѣющіе теперь страною, нехорошо поступили, уничтоживъ нашъ старый обычай, по которому вдова слѣдовала за мужемъ на костеръ: скорый конецъ въ пламени и увѣренность въ томъ, что этимъ она очиститъ себя и мужа отъ грѣховъ и съ нимъ вмѣстѣ будетъ блаженствовать въ небѣ Вишну—развѣ это не гораздо лучше, чѣмъ жизнь вдовы на землѣ?

Кришнада нѣсколько разъ утвердительно кивнулъ головою и продолжалъ:

— Мнѣ трудно даже припомнить, что сестра моя съ того времени выстрадала; какъ бѣдное, маленькое существо, не подозрѣвавшее, что такое вдова, было закутано въ траурную одежду, лишено своего природнаго украшенія, волосъ — жалость смотрѣть!—Она сама не знала своей наружности; бѣжитъ, бывало, къ подругамъ на улицу, а тѣ—у меня душа содрогалась!—разбѣгаются во всѣ стороны съ криками ужаса, чтобы избѣжать дурной встрѣчи съ овдовѣвшимъ ребенкомъ... Чужіе люди гнали ее палками назадъ домой. Это повторялось нѣсколько разъ; потомъ бѣдная, запуганная Лилавати уже не выходила изъ дому, едва отваживаясь посмотрѣть въ окно. Такъ проходилъ годъ за годомъ. Потомъ эта дурная, мало питательная пища, предписываемая вдовамъ, частые дни поста, въ которые не дозволено дотрогиваться до хлѣба и воды... Къ чему все это?

— Нехорошо надъ этимъ задумываться, возразилъ Лакшманъ,—такова воля боговъ, всегда ведущая къ какой-нибудь хорошей цѣли, хотя бы мы ея и не сознавали?

Лакшманъ былъ съ головы до ногъ индусъ, совершенно во вкусѣ браминовъ.

Но Кришнада, казалось, не слышалъ замѣчанія своего фаталиста-пріятеля и продолжалъ:

— Когда Лилавати выросла и сдѣлалась разумною, она все переносила съ трогательнымъ терпѣніемъ, исполняла всѣ предписанія пурохита, домашняго жреца, и постилась болѣе чѣмъ добросовѣстно, часто до полнаго изнеможенія... О, какъ больно смотрѣть на это нѣмое страданіе! Иногда я украдкой наблюдалъ за нею въ то время, когда мимо нашего дома проходило веселое свадебное шествіе, когда сіяющій счастьемъ юноша велъ въ свой домъ цвѣтущую подругу. Я хорошо видѣлъ, какъ вздымалась грудь моей несчастной сестры, какъ ея пальцы судорожно впивались въ одежду. Она знала, что ей въ этой жизни навсегда отказано въ супружескомъ счастьѣ; но хоть бы слово сожалѣнія сорвалось съ ея устъ! Наши родители умерли, а Лилавати перешла въ мой домъ, чтобы замѣнить моему ребенку мать. Не могу высказать, какъ я ей благодаренъ, и однако я не могъ облегчить ея существованія... Да! постановленія браминовъ суровы, а еще суровѣе пурохитъ, который, благодаря своей непреклонной волѣ, пріобрѣлъ такое вліяніе въ нашей общинѣ, что никто не осмѣливается ему противорѣчить. Послѣдній мѣсяцъ довершилъ наше несчастье: бѣдная сестра заболѣла злокачественной лихорадкой; уже нѣсколько недѣль, какъ она мучится, и теперь такъ изнурена, что мы опасаемся за ея жизнь. Но это еще не все, меня гнететъ еще одна тяжкая забота...

— Еще не все, бѣдный другъ?

— Да, сказалъ Кришнада,—я сначала не хотѣлъ тебѣ говорить, но можетъ-быть именно отъ тебя узнаю что-нибудь о Чампакѣ, такъ какъ ты изъ Кашмира.

— О Чампакѣ? управляющемъ виноградниками нашего магараджи? съ удивленіемъ переспросилъ Лакшманъ.—Я хорошо его знаю; но зачѣмъ тебѣ знать о немъ?

— Онъ мой зять, мужъ Гопы.

Лакшманъ даже приподнялся съ мѣста; лицо его выражало изумленіе.

— Чампакъ твой зять!?

Но онъ быстро оправился и осторожно началъ:

— Чампакъ очень красивый мужчина, онъ въ большой милости у молодаго государя...

— Говорятъ, вашъ дворъ живетъ очень весело?

— О, да, въ Кашмирѣ жить умѣютъ...

— И любятъ веселыхъ женщинъ? Не скрывай отъ меня, другъ; скажи, что сдѣлалось съ Чампакомъ? Справедливо-ли то, что я уже давно подозрѣвалъ?

— Дѣлать нечего, слушай, отвѣчалъ Лакшманъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ Чампакъ сталъ наперсникомъ нашего магараджи и неразлученъ съ нимъ день и ночь... въ Кашмирѣ перестали отзываться о немъ съ уваженіемъ. Мнѣ отъ души жаль тебя и твою дочь.

Кришнада застоналъ будто отъ боли:

— Великіе боги! И это мужъ Гопы!

Лакшманъ нѣсколько разъ въ волненіи прошелся по комнатѣ, потомъ подошелъ къ Кришнадѣ, который сидѣлъ, закрывъ глаза рукою, и спросилъ:

— Но, ради всего на свѣтѣ, какимъ образомъ ты породнился съ Чампакомъ?

Съ трудомъ оправился Кришнада и сказалъ:

— Такъ-точно, какъ мы всѣ въ нашей странѣ роднимся съ нашими зятьями. Гопа была извѣстна въ кастѣ какъ красивое, умное дитя; я считался болѣе состоятельнымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Поэтому не было отбоя отъ присяжныхъ сватовъ и свахъ, осаждавшихъ меня съ предложеніями жениховъ. Однако, ужасная судьба моей бѣдной сестры служила мнѣ предостереженіемъ и я какъ можно дольше откладывалъ бракъ дочери. Несмотря на то, что въ кастѣ уже начинался ропотъ, я все еще надѣялся, что дождусь, когда Гопа будетъ взрослою, и уже тогда принцу ей подходящаго и достойнаго мужа. Такъ она росла до девяти лѣтъ. Тутъ однажды ко мнѣ явились посланные отъ касты и объявили мнѣ, что, послѣ всѣхъ моихъ отказовъ, они обязаны напомнить мнѣ по законамъ касты о наступленіи послѣдняго срока для замужества Гопы. Если она въ теченіе мѣсяца не найдетъ себѣ мужа, то я буду исключенъ изъ касты. Мнѣ не нужно говорить тебѣ, что значитъ для насъ потеря касты? Это гибель во всѣхъ отношеніяхъ. Что было дѣлать?! Я сталъ поспѣшно искать зятя; тутъ и представился этотъ Чампакъ, котораго до того я почти не зналъ. Купеческій сынъ, въ подходящемъ возрастѣ, онъ только-что съ большими надеждами поступалъ на службу къ магараджѣ Кашмира. Девять лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ домѣ, мы отпраздновали свадьбу. Было условлено, что Чампакъ черезъ четыре года, по обычаю, пріѣдетъ за своею женой. Въ первые годы онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ намъ въ гости и производилъ хорошее впечатлѣніе. Но вотъ уже пять лѣтъ, какъ онъ глазъ не кажетъ, и знакомые съ насмѣшкою меня спрашиваютъ: „Ну, когда же пріѣдетъ Чампакъ?“ или: „Вашъ зять все еще не пріѣхалъ за женой?“ А письма, которыя онъ мнѣ по этому поводу пишетъ, полныя извиненій и увертокъ... Ребенокъ, и тотъ пойметъ въ чемъ дѣло! Теперь я знаю печальную истину; но тсс!.. вотъ моя дочь.

При послѣднихъ словахъ въ комнату вбѣжала Гопа съ горестнымъ восклицаніемъ:

— Отецъ, отецъ!

Увидѣвъ незнакомаго человѣка, она смутилась.

— Лакшманъ, другъ моего дѣтства, изъ Кашмира, сказалъ Кришнада; а Гопа съ горечью прибавила, вскинувъ голову:

— Онъ пріѣхалъ конечно для того, чтобы сказать намъ, какъ страшно тоскуетъ Чампакъ по своей женѣ?

Лакшманъ поклонился съ учтивостью свѣтскаго человѣка и отвѣчалъ:

— Я не говорилъ съ вашимъ супругомъ, но знаю его и не сомнѣваюсь, что какъ скоро его сложныя обязанности позволятъ ему...

— Вы не сомнѣваетесь? прервала Гопа, подходя къ нему и смѣло глядя ему въ лицо.— Въ этомъ домѣ говорятъ только правду, Лакшманъ!

Потомъ обернулась къ отцу и съ огорченнымъ видомъ сообщила ему, что состояніе больной Лилавати въ послѣдніе нѣсколько часовъ сильно ухудшилось. На гостя она больше не обращала вниманія; а тотъ между тѣмъ слѣдилъ за нею удивленнымъ взоромъ и думалъ про себя:

„Клянусь богами, необыкновенно самостоятельная дѣвушка! Если бы Чампакъ зналъ, какая у него жена въ Бенаресѣ, онъ не гонялся бы за другими, бьюсь объ закладъ“.

Кришнада старался успокоить дочь, но она рѣшительно отклоняла всѣ его утѣшенія.

— Нѣтъ, отецъ, повѣрь, ей все хуже; она стонетъ, бредитъ и въ жару требуетъ воды. Она очевидно не знаетъ, что сегодня ея постный день. Она теперь заснула, совершенно обезсиленная. Я молю боговъ ниспослать ей долгій, освѣжающій сонъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Литературныя бесѣды.

Арс. Введенскаго.

И. С. Тургеневъ.

Кто изъ русскихъ читателей не соединяетъ съ именемъ Ивана Сергѣевича Тургенева представленіе о лучшихъ дняхъ своей жизни духовной, о лучшихъ чувствахъ и благородныхъ порывахъ, волновавшихъ его. Въ русской литературѣ, богатой великими дарованіями, были поэты, которымъ исторія отведетъ болѣе видное мѣсто, не едва-ли кто изъ нихъ съ такою безконечною нѣжностью касался душевныхъ струнъ читателя, вызывалъ такія симпатичныя душевныя движенія. Среди того поколѣнія, которому онъ былъ сверстникомъ, онъ былъ истиннымъ „властителемъ думъ“, съ благородною твердостью и безъ лицепріятія отвѣчавшимъ на вопросы, выроставшіе тогда, и этимъ нелицепріятіемъ, въ концѣ концовъ, даже возстановившимъ противъ себя узкихъ теоретиковъ и доктринёровъ. Примѣръ—„Отцы и дѣти“, и судьба этого прекраснаго произведенія русской литературы. Какъ всякій человѣкъ и всякій поэтъ, онъ, конечно, не могъ избѣжать увлеченій, какъ въ „Наканунѣ“, гдѣ идеализированы лица, быть-можетъ не совсѣмъ заслуживающія идеализаціи, но и эти увлеченія его носятъ печать такой благородной правдивости и непреклоннаго служенія истинѣ, что изображенія дѣйствительности остаются вполнѣ вѣрными, и увлеченія автора не помѣшаютъ вамъ разглядѣть ихъ настоящій характеръ и историческое значеніе.

Тургеневъ вышелъ на литературное поприще, или, вѣрнѣе, нашелъ на немъ свою дорогу, въ такую эпоху, которая не допускаетъ уже только служеніе красотѣ, эстетическимъ побужденіямъ. То непосредственное отношеніе къ жизни, которое въ той же мѣрѣ свойственно литературѣ каждой страны, каждаго народа, какъ и отдѣльному человѣку въ послѣдовательномъ развитіи его мысли поэтической,—та эпоха, когда для литературы еще „новы всѣ впечатлѣнья бытія“, говоря словами Пушкина, величайшаго ея представителя, отходила уже въ историческое прошлое. И Тургеневъ, отдавъ дань отживавшему романтизму въ своихъ стихотвореніяхъ, пошелъ по пути, какой указывало ему время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отказался ни отъ чего и все принесъ съ собою въ литературу, что было прекраснаго и благороднаго въ литературной, поэтической непосредственности предшествовавшаго цвѣтущаго періода; не даромъ онъ считалъ себя „ученикомъ Пушкина“; но не Гоголя, и не Лермонтова. Пушкинъ, этотъ величавый геній русской литературы, „на все отозвался сердцемъ своимъ, что проситъ у сердца отвѣта“, что вѣчно тревожитъ умъ и чувство человѣка, нисколько не заботясь о томъ, входитъ-ли предметъ его вдохновенія въ число временныхъ задачъ и вопросовъ, которыми увлекалась общественная мысль; и Тургеневъ, своею чуткою натурою угадывая общественное настроеніе, большею частію относился къ нему свободно, постоянно отзываясь на тѣ вѣчныя движенія человѣческой души, которыя, какъ поэтъ, онъ носилъ въ самомъ себѣ. И этимъ именно, а не отвѣтами только на „вѣлнія времени“, онъ былъ дорогъ огромному большинству читателей. Тургеневъ былъ прежде всего поэтъ, въ самомъ истинномъ значеніи этого слова, а не пропагандистъ какихъ-либо соціальныхъ и общественныхъ „идей“ и „убѣжденій“ своего времени.

Это настроеніе и направленіе поэтическаго таланта Тургенева доказывается почти единственною въ своемъ родѣ его любовью къ природѣ, необыкновенно чуткимъ пониманіемъ эстетическихъ вліяній, которыя она обнаруживаетъ на душу человѣка. Помните-ли восхитительныя, полныя жизни описанія Тургеневымъ природы Полѣсья? Помните-ли чудную картину солнечнаго заката въ „Лишнемъ Человѣкѣ“, когда его созерцаютъ только-что расцвѣтающая женская душа и наивный человѣкъ, самъ безконечно влюбленный въ эту дѣвушку и думавшій въ порывѣ чувствъ ея найти отвѣтъ на свои собственныя чувства? Природа дышала для Тургенева почти человѣческими чувствами, и когда онъ хотѣлъ изобразить обаяніе страстнаго пѣнія въ „Пѣвцахъ“, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ сравнить его съ впечатлѣніемъ глубоко-поэтической картины, въ которой бѣлая чайка, сидящая на берегу морскомъ, распростираетъ свои крылья навстрѣчу восходящему солнцу. И это сравненіе высказано Тургеневымъ такими мощными, полными поэтической правды, словами, что читатель отдается ему во власть и какъ бы дѣйствительно слышитъ чудные звуки родной пѣсни.

И совершенно то же самое въ сферѣ вообще всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Тургеневъ не пренебрегаетъ самыми простыми, ничего въ себѣ не заключающими величаваго или исключительнаго, душевными движеніями. И какими простыми, немногими, и въ то же время многозначительными словами умѣлъ онъ выразить сложное чувство, глубоко трогающее читателя, вызывающее на глаза невольныя слезы. Въ томъ же

„Лишнемъ Человѣкѣ“ есть всего только три строчки, въ которыхъ отражается однако цѣлая огромная драма. Мы говоримъ о томъ мѣстѣ, гдѣ Тургеневъ описываетъ ласки „порочнаго“ отца, однако же неизмѣримо больше любимаго сыномъ, чѣмъ „высокодобродѣтельная мать“, отъ „добродѣтели“ которой никому не живется легче. Помните-ли, какъ этотъ „порочный“ отецъ ласкаетъ и цѣлуетъ тайкомъ сына своими „дрожащими губами“, и какъ, въ теченіе всей своей жизни, сынъ не можетъ вспомнить этихъ сценъ своего дѣтства безъ того, чтобы рыданія не рвались изъ груди его. И такихъ картинъ полныхъ жизни, самой простой и обыкновенной, но многозначительной, разсѣяно множество повсюду въ его произведеніяхъ, представляющихъ именно поэтому неизсякаемый источникъ благороднѣйшихъ впечатлѣній для читателя. И если бы въ произведеніяхъ Тургенева ничего другаго и не было,—и этого одного было бы достаточно, чтобы упрочить за нимъ выдающееся мѣсто въ русской литературѣ.

Въ Тургеневѣ современники его искали и находили, и цѣнили главнымъ образомъ нѣчто иное. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху, когда, какъ мы сказали, простое, непосредственное отношеніе къ природѣ и жизни было уже поколеблено. Въ обществѣ русскомъ, въ глубинахъ его духовной жизни, совершались перевороты, возникали новыя направленія мысли, нарождались и формировались новые типы людей русскихъ, подъ вліяніемъ развивавшагося въ разнообразныхъ слояхъ европейскаго просвѣщенія. И Тургеневъ былъ чуткимъ инструментомъ, тотчасъ же звучно отзывавшимся на всѣ подобныя явленія духовной жизни русской. Направленіе умовъ еще только обозначалось, а онъ уже въ яркой картинѣ представлялъ его читателямъ со всѣми его характерными особенностями. Еще нарождался только новый типъ русскаго человѣка, а Тургеневъ уже знакомилъ съ нимъ общество, представлялъ его въ самыхъ характерныхъ чертахъ. Каждый его романъ, каждая повѣсть была для читателей какъ бы откровеніемъ: то, что каждому изъ нихъ случалось встрѣчать и видѣть по частямъ, безъ сознанія его соотношенія къ общей умственной жизни русской, вдругъ выростало передъ его глазами въ сложномъ и прекрасномъ образѣ, который самъ говорилъ о своемъ значеніи въ жизни. Какое поразительное впечатлѣніе производили на читателей такіе образы, какъ Рудинъ, Базаровъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лишній Человѣкъ и проч., и проч.! Мы, для которыхъ то время стало прошлымъ, уже не можемъ съ полною силою представить себѣ все необыкновенное вліяніе, которое производили на русское общество созданныя Тургеневымъ картины скрытаго для обыкновенныхъ глазъ умственнаго движенія въ тогдашней Россіи: но и для насъ поразительна эта необыкновенная чуткость художника, его поэтическая прозорливость. И если художникъ умѣлъ съ такой силой улавливать еще только нарождавшіяся и крѣпнувшія явленія, то, само собой разумѣется, ему легче было изображать людей обыкновенныхъ русскихъ, съ типическими особенностями въ нихъ русской натуры. И въ произведеніяхъ Тургенева передъ нами русская натура развертывается въ яркихъ образахъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, съ своими достоинствами и недостатками. Нужно-ли перечислять произведенія нашего художника, въ которыхъ эта черта его таланта проявилась со всею своею силой? Достаточно назвать „Живыя мощи“, „Смерть“, „Вешнія воды“, чтобы дать объ ней совершенно ясное представленіе.

Нерѣдко приходится слышать, что Тургеневъ въ силѣ психологическаго анализа и изображенія далеко уступаетъ другимъ нашимъ писателямъ,—напр. Достоевскому. Это мнѣніе не лишено основаній, но его нельзя преувеличивать. Тургеневъ отличается отъ Достоевскаго, если говорить уже объ этомъ колоссѣ художественной психологіи, главнымъ образомъ своимъ методомъ, скорѣе, чѣмъ сущностью. Достоевскій знакомитъ васъ съ психологіей человѣческой русской души совершенно иначе, чѣмъ Тургеневъ: онъ, такъ сказать, погружаетъ васъ самихъ на дно „моря страстей“, передъ вами непосредственно выростаютъ чудища этого моря, грозящія вамъ смертельными объятіями; вы съ ужасомъ смотрите на нихъ, трепещете при ихъ приближеніи, вы сами дышете ихъ атмосферой, задыхаетесь и нерѣдко не въ состояніи наблюдать и разобраться въ законахъ, движущихъ этою жизнью. Тургеневъ же, если продолжать сравненіе, ставитъ васъ въ безопасное мѣсто, на палубу крѣпкаго корабля, и освѣщаетъ то же самое дно морское яркимъ электрическимъ сіяніемъ; вы видите то же, но только безъ ощущенія близости страшныхъ чудовищъ—и спокойно созерцаете, что, конечно, не мѣшаетъ вамъ постигнуть не менѣе характеръ той жизни на ея глубинѣ. Но для читателя очаровательно то, что Тургеневъ прекрасно зналъ истинную силу своего таланта и умѣлъ выходить изъ представлявшихся затрудненій. Такъ, когда онъ заставляетъ Рудина краснорѣчиво говорить о своей заграничной жизни въ домѣ Ласунской, онъ не влагаетъ самой этой рѣчи въ уста героя, обходитъ ее, какъ не сдѣлалъ бы Достоевскій; но онъ умѣетъ схватить и обрисовать общее впечатлѣніе отъ нея—и читатель остается удовлетвореннымъ.

Величавому таланту такой силы, какою владѣлъ Тургеневъ (художникъ притомъ вдумчивый и проницательный)—такому таланту было бы несвойственно отсутствіе художественнаго такта и художественной мѣры. И его произведенія, дѣйствительно, совершенны въ смыслѣ цѣлостности и законченности: въ нихъ никогда нѣтъ ничего лишняго и ничего недоговореннаго. Притомъ онъ отличается чарующей красотою, силой и образностью языка. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ представляетъ, послѣ Пушкина, почти исключительное явленіе среди великихъ русскихъ художниковъ слова. Онъ зналъ, какъ много значитъ языкъ въ художественномъ произведеніи, и тщательно отдѣлывалъ его, какъ скульпторъ одѣлываетъ каждую малѣйшую часть своей статуи; не даромъ Тургеневъ и завѣщалъ въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“—беречь русскій языкъ, какъ великое достояніе русскаго народа. И за то, если въ произведеніи Тургенева вы измѣните почти любое его выраженіе, вы тотчасъ же почувствуете, что мысль, высказанная имъ, измѣняется, теряетъ цѣнные оттѣнки, измѣняетъ свой характеръ. Стройною чредою текутъ мысли Тургенева и такою же стройною чредою слѣдуютъ имъ ихъ образныя формы.

Къ рисункамъ.

Дѣти и охотникъ. (Рис. на стр. 932).

Къ кому, какъ не къ настоящему охотнику лучше всего было обратиться будущему Немвроду, и вотъ онъ, показывая самострѣлъ собственной работы, разспрашиваетъ его, какъ и куда надо пойти на охоту.

Тифлисскія женщины, моющія ковры.

(Рис. на стр. 933).

Среди отраслей различныхъ мануфактурныхъ производствъ юго-восточной окраины нашей обширной Имперіи—Кавказа—одно изъ выдающихся мѣстъ занимаетъ шерстяное дѣло. Мѣстныя климатическія условія, дешевизна содержанія скота, почти круглый годъ питающагося свѣжей травой и листвой горныхъ древесныхъ породъ, содѣйствуютъ успѣшности скотоводства. Эти причины главнѣйшимъ образомъ и служатъ объясненіемъ тому, что на Кавказѣ рѣдкій поселянинъ, независимо отъ того татаринъ-ли онъ, грузинъ, армянинъ, имеретинъ или полудикій обитатель горныхъ ущелій, не считаетъ въ своемъ хозяйствѣ двухъ-трехъ десятковъ овецъ и барановъ. Не рѣдкость на Кавказѣ встрѣтить и стадо, въ нѣсколько тысячъ головъ этого скота, принадлежащее одному владѣльцу.

На лѣто, съ наступленіемъ жаркой погоды, стада эти уходятъ въ горы и спускаются съ высотъ лишь въ сентябрѣ. Но самая горячая пора для скотоводовъ—это пора стрижки. Тутъ кипитъ дѣятельная работа. Надо шерсть разсортировать, промыть и распродать. Эта работа занимаетъ цѣлыхъ два мѣсяца. Затѣмъ болѣе тонкая шерсть, годная для тканья матерій, изъ которой кавказцы такіе мастера шить себѣ и семьямъ красивую одежду и обувь, раздается по деревнямъ, гдѣ женщины сперва прядутъ шерстяную нить, а потомъ изъ этой нити ткутъ матеріи. Такія матеріи, въ кускахъ до двадцати пяти аршинъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, если и уступаютъ европейскимъ въ самой выдѣлкѣ съ технической стороны, то по качеству представляютъ чистую шерсть безъ всякой примѣси. Изъ болѣе грубой шерсти выдѣлывается обувь, и, наконецъ, самая грубая баранья шерсть идетъ на бурки и папахи, оберегающія кавказца отъ зноя и холода.

По поводу серебряной свадьбы Ихъ Королевскихъ Величествъ короля и королевы Эллиновъ.

Наслѣдная принцесса Софія и малолѣтній принцъ Георгъ Константиновичъ. Наслѣдный принцъ Константинъ Георгіевичъ. Принцесса Марія Георгіевна.

Король Георгъ I. Королева Ольга Константиновна.

Принцъ Николай Георгіевичъ. Принцъ Георгъ Георгіевичъ.

Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ.

Принцъ Андрей Георгіевичъ. Принцъ Христофоръ Георгіевичъ.

На югѣ Кавказа, ближе къ персидской границѣ, гдѣ овцеводство преимущественно тонкорунное, почти въ каждомъ аулѣ, женщины занимаются выдѣлкой ковровъ. Ковры эти хотя и подходятъ, по сорту, къ персидскимъ, но значительно уступаютъ имъ въ качествѣ. Вообще лучшими коврами восточнаго производства считаются: текинские, іомудскіе и бухарскіе:—они ровнѣе стригутся и ткань ихъ гораздо плотнѣе.

По большей части, ковры, выдѣлываемые по деревнямъ, скупаются оптомъ перекупщиками, которые нанимаютъ на извѣстный періодъ времени работницъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы работа была готова въ началѣ октября. Соткавъ коверъ, ткачихи сдаютъ его въ стрижку. Коверъ длинной шерсти наматывается очень плотно и туго на валъ, діаметромъ почти въ три четверти аршина. Затѣмъ двое рабочихъ повертываютъ валъ, а третій, ножницами, имѣющими видъ плоскаго серпа, обрѣзаетъ шерсть до требуемой длины. Но это еще не все. Когда этотъ рабочій окончитъ свою работу, тогда на смѣну ему является мастеръ этого дѣла, который даетъ ковру окончательную отдѣлку

Существеннымъ недостаткомъ такихъ ковровъ является то, что они очень скоро пачкаются; въ особенности этимъ страдаютъ ковры яркихъ оттѣнковъ. Въ деревняхъ незнакомы со способомъ ихъ чистки. Въ Тифлисѣ, въ той части города, которая называется Майданъ, гдѣ находятся горячіе сѣрные источники, устроенъ бассейнъ, служащій исключительно для промывки ковровъ. Самое мытье ковровъ производится слѣдующимъ образомъ. Коверъ погружается въ бассейнъ въ развернутомъ видѣ и долженъ находиться въ водѣ, подвергаясь дѣйствію сѣрной щелочи, въ теченіе двухъ сутокъ. Потомъ онъ стирается такъ, какъ у насъ стираютъ бѣлье, при помощи особенной травы, свернутой въ видѣ мочалокъ. Никакого мыла или вообще другаго средства, кромѣ самой воды не употребляется. Послѣ этого коверъ помѣщается подъ источникъ непосредственно и такимъ образомъ смываются съ него остатки травы. Затѣмъ вымытый коверъ растягиваютъ и сушатъ, не подвергая дѣйствію лучей солнца, въ какомъ-нибудь сараѣ или вообще закрытомъ помѣщеніи. По истеченіи 3—4 дней, трудно отличить мытый коверъ отъ новаго. **Г. М.**

Тирольская дѣвушка. (Рис. на стр. 937).

Уроженецъ Тироля, Францъ Дефрегеръ, извѣстенъ, какъ живописецъ, превосходно передающій типы своей родины. Въ картинахъ, этюдахъ и портретахъ онъ съ выдающимся талантомъ, ярко и правдиво набрасываетъ сцены и фигуры изъ народной жизни обитателей этого края. Самая незначительная картинка, даже простой эскизъ—воспроизводятъ передъ зрителями земляковъ художника, въ сильныхъ, живыхъ и яркихъ чертахъ... Лучшимъ образцомъ его манеры можетъ служить гравюра на стр. 937, представляющая миловидную тирольскую дѣвушку.

Измаилъ-Бей. (Рис. на стр. 940).

Художникъ, въ своемъ рисункѣ, изобразилъ слѣдующую сцену извѣстной поэмы Лермонтова:

. . . Кто-жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,
Лежитъ поодаль Измаилъ...
. . . Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что же? Призракъ видитъ онъ:
Передъ огнемъ стоитъ, спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой...
—Чего ты хочешь отъ меня?
— „Гостепріимства и защиты?"
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
„Свой путь въ горахъ я потерялъ,
Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
И казаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага ночнова —
Равно ты можешь. Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!"
—Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь,—садись и грѣйся.—
(Лермонтовъ).

Маленькая любительница кошекъ. (Рис. на стр. 941).

Надоѣло играть нашей крошкѣ съ куклой. Куда ни положи, какъ ни поставь или посади ее, она послушно и безжизненно подчиняется волѣ своей маленькой госпожи. Совсѣмъ иное дѣло котята; они такіе подвижные, живые, веселые! И вотъ маленькая любительница кошекъ, бросивъ на полъ недавнюю подругу своихъ игръ, отправляется съ новыми друзьями на новыя затѣи.

По поводу серебряной свадьбы Ихъ К. В. короля и королевы Эллиновъ. (Портр. на стр. 945).

Еще не далѣе какъ лѣтомъ нынѣшняго года вниманіе всѣхъ европейскихъ государей было привлечено тѣмъ многознаменательнымъ семейнымъ торжествомъ, которое праздновалось въ Копенгагенѣ, привѣтствуемое горячими восторгами всего датскаго народа, искренно и глубоко преданнаго своему маститому вѣнценосцу. Въ настоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, въ столицѣ Греческаго королевства, главою котораго является также отрасль благословеннаго Датскаго королевскаго Дома, празднуютъ другой семейный праздникъ, который служитъ какъ бы откликомъ отпразднованной нынѣшнимъ лѣтомъ золотой свадьбы Датской королевской четы. Мы говоримъ о той серебряной свадьбѣ, которую справляютъ нынѣ въ Аѳинахъ Е. К. В. король Эллиновъ Георгъ I и его Августѣйшая Супруга, королева Эллиновъ Ольга Константиновна.

Прилагая при этомъ № *Нивы* общую группу, изображающую Ихъ Королевскія Величества и все ихъ Августѣйшее семейство, мы почитаемъ пріятнымъ для себя долгомъ сообщить здѣсь важнѣйшія подробности о каждомъ изъ членовъ королевской семьи, помѣщенныхъ въ нашей группѣ.

Его Королевское Величество король Эллиновъ Георгъ I (по рожденію принцъ Вильгельмъ Датскій) родился въ Копенгагенѣ 24 декабря 1845 г. Принялъ предложенный ему Греческимъ народнымъ Собраніемъ Престолъ Греческій въ іюнѣ 1863 г. и вступилъ на престолъ 31 октября того же года, подъ именемъ Георга I. 15 (27) октября 1867 г. сочетался бракомъ въ С.-Петербургѣ съ Е. И. Высочествомъ Вел. Кн. Ольгою Константиновною (род. 22 августа 1851 года). Семейство И. К. Величествъ состоитъ въ настоящее время, по кончинѣ ихъ дочери, принцессы Александры Георгіевны (сконч. въ Москвѣ въ сентябрѣ 1891 г.) изъ шести членовъ (пяти сыновей-принцевъ и одной дочери-принцессы), а именно:

1) Наслѣдный принцъ *Константинъ*, герцогъ Спартанскій, род. въ Аѳинахъ, 21 іюля (2 августа) 1868 г. Женатъ на принцессѣ Прусской, Софіи-Доротеѣ-Ульрикѣ-Алисѣ (род. въ Потсдамѣ 14 іюня 1870), родной сестрѣ императора Вильгельма II. У нихъ сынъ, принцъ Георгъ Константиновичъ.
2) Принцъ *Георгъ*, род. въ Корфу, 24 іюня 1869 г.
3) Принцъ *Николай*, род. въ Аѳинахъ, 21 января 1872 г.
4) Принцесса *Марія*, род. въ Аѳинахъ, 3 марта 1876 г.
5) Принцъ *Андрей*, род. въ Аѳинахъ, 1 февраля 1882 г.
6) Принцъ *Христофоръ*, род. въ Павловскѣ, 29 іюня 1888 г.

Всѣ дѣти короля Георга I исповѣдуютъ греко-каѳолическую вѣру.

П. М. Свободинъ. (Портр. на стр. 947).

Труппа Александринскаго театра лишилась внезапно одного изъ своихъ даровитѣйшихъ членовъ: Павла Матвѣевича *Свободина*, скончавшагося отъ разрыва сердца въ Михайловскомъ театрѣ 9 октября, во время представленія „Шутниковъ" Островскаго.

Свободинъ умеръ 42 лѣтъ (род. въ 1850 г.), въ полномъ развитіи дарованія. Это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ артистовъ, прекрасно владѣвшій и литературнымъ перомъ; его произведенія (прозой и стихами) помѣщались въ *Артистѣ* (прелестный очеркъ „Лицедѣи"), *Живописномъ Обозрѣніи, Русской Мысли, Сѣверномъ Вѣстникѣ, Новомъ Времени* и др. Покойный Свободинъ (настоящая его фамилія Вольфъ) — воспитанникъ Петербургскаго театральнаго училища; онъ обратилъ на себя вниманіе еще будучи девятилѣтнимъ мальчикомъ и играя на сценѣ въ „Гувернерѣ" Дьяченка. Но тогдашній заправило драматическаго театра, П. С. Федоровъ, не призналъ въ немъ дарованія и Свободину пришлось долгое время мыкаться по провинціи, пока онъ наконецъ не выступилъ въ Москвѣ въ частномъ театрѣ Корша, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Здѣсь онъ сразу сталъ любимцемъ публики и печать справедливо указывала, что его надлежащее мѣсто — на казенной сценѣ. Мы помнимъ его успѣхи въ Москвѣ въ такихъ разнохарактерныхъ роляхъ, какъ Джекъ Купо въ „Assomoir" Зола, Мишоне въ „Адріеннѣ Лекуврерѣ", Любима Торцова („Бѣдность не порокъ"), Счастливцева („Лѣсъ"), Никона („Горькая судьбина") и др. Въ послѣднее время онъ особенно выдѣлилъ роль Зоненштейна въ „Татьянѣ Рѣпиной", Оргона въ „Тартюфѣ", Муромскаго въ „Свадьбѣ Кречинскаго" и др. Это былъ артистъ, жившій искусствомъ и для искусства. Каждую роль онъ отдѣлывалъ до мельчайшихъ подробностей; всѣмъ еще вѣроятно памятенъ типъ, созданный этимъ превосходнымъ артистомъ въ роли Звѣздинцева въ „Плодахъ просвѣщенія" гр. Л. Толстого.

На похоронахъ Свободина собралось весьма много литераторовъ и артистовъ. Извѣстіе о кончинѣ его всѣхъ одинаково поразило и каждый спѣшилъ сказать ему послѣднее прости. Миръ праху его! **В. Б.**

По поводу празднованія 500-лѣтія со дня кончины преподобнаго Сергія. (Рис. на стр. 947 и 948).

Общее и благоговѣйное вниманіе, привлеченное грандіоз-

нымъ московскимъ крестнымъ ходомъ въ Троице-Сергіеву лавру, побуждаетъ насъ еще разъ возвратиться къ тому горячему и сильному религіозному порыву, который былъ вызванъ во всей Россіи празднествомъ Св. Сергія. Въ нынѣшнемъ № *Нивы* мы помѣщаемъ двѣ копіи съ фотографій, присланныхъ намъ изъ Москвы и живо передающихъ то народное движеніе, которое подняло на ноги десятки тысячъ народа и направило ихъ вслѣдъ за святынями въ четырехдневное странствованіе, полное всякаго рода неудобствъ и лишеній. Первая изъ этихъ фотографій изображаетъ моментъ вступленія митрополита въ часовню у Св. Креста, что на 1-й Мѣщанской, на пути къ Троицкому (Ярославскому) шоссе. Вторая фотографія представляетъ выступленіе святынь и богомольцевъ изъ Крестовской заставы (крайняго пункта Бѣлокаменной) на самую дорогу. Толпа, провожавшая богомольцевъ до заставы, возвращается въ Москву, между тѣмъ какъ шествіе продолжаетъ медленно двигаться дальше...

Въ дополненіе того, что было уже сообщено нами о приснопамятномъ празднествѣ Троице-Сергіевой Лавры (см. №№ *Нивы* 40 и 41), кстати напомнимъ здѣсь нашимъ читателямъ о тѣхъ величайшихъ святыняхъ, которыя хранятся отчасти въ Троицкомъ Соборѣ Лавры, отчасти въ ея богатѣйшей ризницѣ. Мы при этомъ вовсе не думаемъ утруждать вниманія читателей перечисленіемъ несмѣтныхъ богатствъ и драгоцѣнностей, которыми переполнена сокровищница лавры... Мы не упомянемъ ни о золотыхъ сосудахъ, осыпанныхъ крупными изумрудами, алмазами и рубинами; ни о дивныхъ панагіяхъ, заключающихъ въ себѣ рѣдкостныя, въ гусиное яйцо опалы, ни объ архимандричьихъ и архіерейскихъ облаченіяхъ, унизанныхъ дивнымъ жемчугомъ въ орѣхъ величиною, ни о напрестольныхъ Евангеліяхъ въ пудовыхъ золотыхъ окладахъ, ни о безцѣнныхъ сіонахъ и седмисвѣщникахъ, пожертвованныхъ митрополитомъ Платономъ (Левшинымъ), устроившимъ и приведшимъ въ порядокъ лаврскую ризницу... Все это давно уже описано подробно въ обстоятельныхъ описяхъ Троице-Сергіевой Лавры, составленныхъ съ ученою тщательностью и добросовѣстностью. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе только на тѣ сокровища знаменитой обители, которыя *современны самому преподобному основателю ея* или относятся къ его личному церковному и домашнему обиходу.

Павелъ Матвѣевичъ Свободинъ († 9 октября 1892 г.).
Съ фот. Ануфріева, грав. Шюблеръ.

Въ ряду этихъ святынь, конечно, первое мѣсто занимаютъ святыни, принадлежавшія преподобному Сергію, а именно — его келейныя иконы. Двѣ изъ нихъ хранятся за стекломъ, у раки съ мощами преподобнаго Сергія (съ восточной стороны). Одна изъ нихъ — Божія Матерь „Одигитрія", кажется греческаго письма; другая — Святитель Николай Чудотворецъ. На обѣихъ живопись замѣчательно хорошо сохранилась. Обѣ иконы не велики (7 вершковъ въ длину и 6 въ ширину) и украшены весьма древними серебряными, вызолоченными окладами.

Тутъ-же, около раки, хранится и священническая риза преподобнаго Сергія, сшитая изъ простой холстины и украшенная по верху оплечьемъ изъ синей крашенины; изъ той-же матеріи нашиты на ризу кресты. Къ этой ризѣ, по матерьялу и

(Продолженіе на стр. 950).

По поводу празднованія 500-лѣтія со дня кончины преподобнаго Сергія. Моментъ вступленія митрополита въ часовню Св. Креста (что на 1-й Мѣщанской, въ Москвѣ). Съ фот. грав. Рашевскій.

По поводу празднованія 500-лѣтія со дня кончины преподобнаго Сергія. Выступленіе святынь и богомольцевъ изъ Крестовской заставы. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

Въ наступающемъ 1893 году *„Нива“* будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же самой программѣ, постепенно расширявшейся въ теченіе 23-лѣтняго существованія журнала, подъ непосредственнымъ вліяніемъ быстро возраставшихъ литературныхъ и художественныхъ требованій нашего общества. Строго выработанная въ настоящее время наша программа имѣетъ въ виду одну постоянную цѣль: возможно-полное удовлетвореніе нравственныхъ, умственныхъ и художественныхъ потребностей **русской семьи.** Выполняя эту програму, нашъ журналъ и въ 1893 году, какъ и въ прошлые годы, дастъ своимъ читателямъ рядъ беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей и разсказовъ), принадлежащихъ перу нашихъ лучшихъ писателей, и рядъ статей научныхъ, изложенныхъ въ общедоступной формѣ. Рядомъ съ этимъ богатымъ матеріаломъ, въ журналъ войдутъ болѣе мелкія статьи, знакомящія нашихъ читателей съ успѣхами знанія, съ новѣйшими открытіями и изобрѣтеніями, съ выдающимися явленіями русской и міровой, политической и общественной жизни, или же доставляющія каждому полезныя свѣдѣнія, немаловажныя въ домашнемъ обиходѣ.

Вышеуказаннымъ направленіемъ журнала опредѣляются и его художественныя задачи. Въ огромной массѣ иллюстрацій, которыя въ немъ будутъ помѣщены въ 1893 году, наши читатели постоянно будутъ видѣть яркое отраженіе современнаго состоянія русскаго и иностраннаго искусства. Въ нашемъ журналѣ будутъ воспроизведены лучшія картины, появившіяся на выставкахъ въ теченіе года, а также и оригинальные рисунки русскихъ художниковъ, изготовленные спеціально для *Нивы*, и художественные снимки типовъ и бытовыхъ сценъ изъ русской народной жизни... Въ дополненіе къ этому художественному запасу, мы помѣстимъ отъ времени до времени и лучшія произведенія старой школы, въ которыхъ олицетворяются важнѣйшія эпохи развитія русскаго и европейскаго искусства. Сверхъ того, къ статьямъ научнаго содержанія будутъ прилагаемы необходимые пояснительные чертежи и рисунки.

Относительно распредѣленія литературнаго и художественнаго матеріала, „Нива“ въ 1893 году сохранитъ ту форму, которую она имѣла въ послѣдніе два года. Сверхъ

52 №№ еженедѣльнаго журнала,

дающихъ въ болѣе короткіе сроки пріятное и полезное чтеніе, знакомящее читателей съ выдающимися событіями русской и заграничной жизни, подписчики получатъ

12 КНИГЪ „СБОРНИКА“

(каждая въ объемѣ отъ 200 400 страницъ убористой печати), въ которыхъ, не стѣсняясь мѣстомъ, редакція *Нивы* будетъ печатать въ полномъ объемѣ или крупными частями беллетристическія произведенія и болѣе обширныя статьи научнаго содержанія. Чтобы дать понятіе людямъ, незнакомымъ съ *Нивою*, о томъ обиліи литературнаго матеріала, который вмѣщаютъ въ себѣ ежегодно книжки „Сборника“, мы замѣтимъ здѣсь кстати, **что въ одномъ только 1892 г. 12 книжекъ „Сборника Нивы“ заключаютъ въ себѣ около**

3300 страницъ

интереснаго и поучительнаго чтенія.

Изъ двѣнадцати книгъ сборника и въ наступающемъ году, точно такъ же, какъ въ два предшествующіе года,

три книги получатъ особое постоянное назначеніе.

Съ цѣлью литературно-образовательною, редакція *Нивы* поставила себѣ задачею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давать читателямъ журнала, **въ этихъ трехъ книгахъ,** подъ общимъ наименованіемъ **„Русской классической библіотеки“**, лучшія изъ классическихъ сочиненій русскихъ писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка, имѣющія важное значеніе въ исторіи русской литературы. Къ этимъ классическимъ сочиненіямъ будутъ приложены необходимыя объясненія и примѣчанія, а также и біографіи авторовъ, съ прекрасно-гравированными на стали портретами ихъ. Внося „Русскую классическую библіотеку“ въ составъ книгъ своего „Сборника“, редакція *Нивы* имѣетъ въ виду, что бо́льшая часть избранныхъ ею классическихъ произведеній существуетъ въ настоящее время или въ давно-распроданныхъ и притомъ весьма небрежныхъ изданіяхъ, или въ весьма дорогихъ, недоступныхъ публикѣ, изданіяхъ академическихъ, и такимъ образомъ подвергается незаслуженному забвенію. Вотъ почему собраніе подобныхъ классическихъ произведеній, изданныхъ редакціею *Нивы*, должно будетъ имѣть несомнѣнно-общій интересъ. Мы полагаемъ, что среди разнообразныхъ читателей *Нивы*, многіе, только при посредствѣ нашей „Русской классической библіотеки“, впервые получатъ возможность пріобрѣсти эти классическія произведенія для своихъ библіотекъ; а многіе другіе даже впервые ознакомятся съ такими произведеніями русской литературы, которыя были имъ извѣстны прежде въ отрывкахъ или въ характеристикахъ учителей и учебниковъ. Надѣемся, что и тѣ, и другіе—будутъ намъ одинаково признательны...

Итакъ, въ наступающемъ 1893 году, въ числѣ 12 ежемѣсячныхъ книгъ „Сборника“, подписчики получатъ **въ АПРѢЛѢ, АВГУСТѢ и ДЕКАБРѢ**

три тома произведеній классическихъ русскихъ писателей, а именно:

Сочиненія М. В. ЛОМОНОСОВА.

Сочиненія Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II.

Сочиненія Д. И. фонъ-ВИЗИНА.

Произведенія всѣхъ этихъ писателей будутъ изданы подъ редакціей **А. И. Введенскаго**, такъ же тщательно, какъ и вышедшія въ свѣтъ изданія сочиненій **Лермонтова**, въ **1891** году, и **Грибоѣдова, Полежаева, Козлова и Кольцова** *) въ истекающемъ **1892** году. Къ каждому изъ трехъ томовъ будетъ приложенъ портретъ автора, гравированн. на стали.

Для помѣщенія въ №№ **„Нивы“** и книгахъ **„Сборника“ 1893 г.** мы пріобрѣли громадный запасъ литературныхъ произведеній **лучшихъ современныхъ писателей**; но здѣсь ограничимся упоминаніемъ только нѣкоторыхъ, наиболѣе крупныхъ пріобрѣтеній нашего запаса, какъ-то: Послѣднее посмертное произведеніе: историч. разсказъ

Ив. Ал. ГОНЧАРОВА

„ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ“.

Сергѣя Атавы (Терпигорева), **„Сморчки“**. Повѣсть.
П. Д. Боборыкина, „Обнищалый“. Повѣсть.
Кн. М. Н. Волконскаго, „Воля судьбы“. Историческ. романъ въ 3 частяхъ изъ временъ Екатерины II.
Мар. Всев. Крестовской, „Первое счастье“. Повѣсть.
Евгенія Маркова, „Желѣзная дорога“. Разсказъ.
Н. Д. Маслова, „Одинъ изъ многихъ“. Повѣсть.
Вас. И. Немировича-Данченко, „Отозвалось“. Повѣсть.
К. Орловскаго, „Сильный человѣкъ“. Романъ.
П. Н. Полевого, „Въ овечьей шкурѣ“. Разсказъ.
И. Н. Потапенко, „Звѣзда“. Романъ.
Графа Е. А. Саліаса, „Джеттатура“. Истор. разск.
Графа Соллогуба, „Геній“. Разсказъ.
К. Тхоржевскаго, „Сутки на позиціи“. Разсказъ.
О. Чюминой, „Призваніе“. Разсказъ.

*) Въ Сборникѣ за Ноябрь сего года.

(Продолженіе на оборотѣ).

Нашу обычную **художественную премію** на будущій годъ будетъ представлять собою **роскошный**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ,

заключающій въ себѣ **десять акварелей,** по оригиналамъ **извѣстнѣйшихъ художниковъ**, а именно:

1) **„Русская молодица“**, академика **С. Ѳ. Александровскаго.**
2) **„Вечеръ на Невѣ“**, художн. **А. К. Беггрова.**
3) **„Запорожецъ“**, акад. **С. И. Васильковскаго.**
4) **„Находка“**, художника **Н. Н. Каразина.**
5) **„Царевна Софія получаетъ у Троицы письмо Василія Голицына“**, художника **К. В. Лебедева.**
6) **„Юдиѳь“**, профессора **Ганса Макарта.**
7) **„У околицы“**, профессора **К. Е. Маковскаго.**
8) **„Гетманъ“**, академика **И. Е. Рѣпина.**
9) **„Охота на волка“**, профес. **Н. Е. Сверчкова.**
10) **„На баштанѣ“**, академика **К. А. Трутовскаго.**

Альбомъ-премія **„Нивы“** на 1893 годъ разошлется

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,

въ красивой картонной папкѣ (10. вершк. длины и 8 вершк. ширины, по размѣру картинъ). Папка, съ внѣшней стороны, будетъ украшена изящной акварелью художника **Н. Н. Каразина.** При албомѣ приложится отдѣльный листъ съ объяснительнымъ текстомъ къ картинамъ и характеристикой художниковъ.

По альбомамъ, уже изданнымъ нами въ предъидущіе два года и по тѣмъ лестнымъ отзывамъ, какими они были встрѣчены со стороны художниковъ, столичной и провинціальной печати, гг. подписчики „Нивы“ могутъ судить объ альбомѣ будущаго, 1893 года. Къ этому мы можемъ только прибавить, что съ постепеннымъ усовершенствованіемъ нашего артистическаго заведенія, явилась возможность еще болѣе улучшить выполненіе художественныхъ произведеній, и такимъ образомъ, альбомъ 1893 года долженъ будетъ оставить за собою все, что до сихъ поръ было издаваемо нами въ этомъ родѣ.

Въ этомъ подписчики наши и публика будутъ имѣть возможность убѣдиться сами, такъ какъ альбомъ *Нивы*, на 1893 г. будетъ выставленъ нами черезъ нѣсколько недѣль у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Россіи.

Сверхъ всего вышеуказаннаго, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, гг. подписчики получатъ безплатно **12 ежемѣсячныхъ №№**

ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ,

дающихъ въ теченіе года болѣе 300 гравюръ костюмовъ новѣйшихъ парижскихъ фасоновъ, съ ежемѣсячн. прилож. болѣе чѣмъ 300 выкроекъ въ натуральн. величину и около 300 рисунк. рукодѣльн. и выпильн. работъ—словомъ:

ПОЛНЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Вдобавокъ при каждомъ модномъ нумерѣ печатаются **рецепты** для кухни, **полезные совѣты** по домашнему хозяйству, общедоступной техникѣ, цвѣтоводству и пр.

При № 1 „НИВЫ“ на 1893 г. подписчики получатъ:

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1893 ГОДЪ

въ изящно-отпечатанной красками виньеткѣ.

(Подписная цѣнк см. на 1-ой страницѣ этого №).

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала **„Нива“**, Невскій пр., д. № 6.

нашитымъ изъ синей крашенины крестикамъ, подходитъ и епитрахиль преподобнаго. Кромѣ этихъ облаченій преподобнаго, отмѣтимъ еще его *схиму*, изъ грубой темной шерстяной матеріи, съ нашитымъ на ней изображеніемъ Св. Креста и молитвенными словами, изъ голубоватой тесьмы. Рядомъ съ этими святынями, въ томъ-же шкафу, помѣщается и деревянный посохъ Св. Сергія, деревянная ложка его, и обломокъ ножа въ кожаныхъ темныхъ ножнахъ съ ременными привязями. Замѣтимъ при этомъ, что посохъ преподобнаго Сергія и его келейныя иконы были несены во время крестнаго хода 25 сего сентября, кругомъ обители.

Въ ризницѣ же сохраняются и деревянные сосуды, служившіе Св. Сергію при богослуженіи въ его первоначальной, имъ самимъ срубленной деревянной церкви.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки упомянемъ еще о той небольшой иконѣ-складнѣ, которая поставлена надъ южными дверьми алтаря. На этомъ складнѣ, въ трехъ частяхъ его изображены: на одной—явленіе Богоматери Св. Сергію, на другой—Іоаннъ Предтеча, на третьей—Святитель Николай. Всѣ эти иконы писаны на доскѣ отъ гроба Св. Сергія. Такъ какъ имя преподобнаго не разъ бывало кличемъ русскаго воинства, которое устремлялось на врага и восклицая: *Сергій! Сергій!*—одерживало побѣды, то и цари наши, изстари, брали съ собою эту икону-складень въ походы; такъ, она была съ Іоанномъ Грознымъ подъ стѣнами Казани, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ—въ Польскомъ походѣ, съ Петромъ Великимъ—подъ Полтавою. Извѣстно также, что эта икона сопровождала русское воинство въ походахъ 1812 года, 1855 года и въ 1877 году, во время войны за освобожденіе славянъ. Эта великая и достопамятная святыня тоже участвовала въ крестномъ ходѣ 25 сентября.

Политическое обозрѣніе.

На-дняхъ *Kölnische Zeitung* сообщилъ, что военнымъ законопроектомъ численность арміи по штатамъ мирнаго времени на срокъ съ 1 октября 1893 г. по 31 марта 1899 г. опредѣляется, среднимъ числомъ, въ 492,068 человѣкъ въ годъ. Предполагается, что въ пѣхотныхъ войскахъ нижніе чины будутъ вообще служить два года; число унтеръ-офицерскихъ мѣстъ подлежитъ опредѣленію имперскимъ бюджетомъ. Въ объяснительной запискѣ къ проекту указано на то, что военно-политическое положеніе измѣнилось не къ выгодѣ Германіи и требуетъ съ ея стороны коренныхъ мѣръ. Прежній перевѣсъ Германіи въ этомъ отношеніи исчезъ: Франція выставляетъ, по штатамъ военнаго времени, 4.053,000, а Россія 4.556,000 человѣкъ; поэтому національныя боевыя силы должны быть исчерпаны вполнѣ. Единовременные расходы исчислены въ 66.800,000 марокъ; изъ нихъ 61.000,000 ассигнуется на 1893—94 г., а остальныя деньги на послѣдующее время. Постоянные расходы опредѣлены въ 64.000,000 марокъ, изъ которыхъ на первое время ассигнуется 58.400,000 марокъ. *Имперскій Указатель*, не отрицая вѣрности сообщенныхъ выше свѣдѣній, ограничился только заявленіемъ, что въ *Kölnische Zeitung* опубликованъ текстъ военнаго законопроекта и объяснительная записка къ нему. Такъ какъ законопроектъ этотъ доставленъ былъ въ союзный совѣтъ въ видѣ документа секретнаго, опубликованіе котораго въ нынѣшнемъ положеніи дѣла, т. е. ранѣе обсужденія въ союзномъ совѣтѣ, не предполагалось правительствомъ, то *Kölnische Zeitung* могла узнать содержаніе проекта не иначе, какъ незаконнымъ путемъ.—Полковникъ Доддсъ доноситъ по телеграфу изъ Дагомеи, что наступательная колонна продолжала свое движеніе. 13 октября Доддсъ занялъ большой непріятельскій лагерь, сдѣлавъ обходное движеніе съ сѣвера. 14 октября войска расположились бивуакомъ къ сѣверу отъ деревни Като, при чемъ была отбита произведенная непріятелемъ атака. На слѣдующій день были опять отбиты двѣ послѣдовательныхъ атаки. Во время второй атаки дагомейцы очутились между двухъ огней и понесли чувствительныя потери. За эти дни французы потеряли 10 человѣкъ убитыми и 85 человѣкъ ранеными. Доддсъ заявляетъ, что какъ только будутъ возобновлены запасы продовольствія, онъ атакуетъ линію рѣки Като, которую защищаетъ дагомейскій отрядъ, имѣющій въ своемъ составѣ тѣлохранителей Беганцина. По частнымъ сообщеніямъ, гранаты новаго образца, начиненныя мелинитомъ, произвели въ рядахъ дагомейцевъ ужасающее дѣйствіе. Тѣла убитыхъ представляли какую-то кашу.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По примѣру прошлаго года и въ предупрежденіе постоянно поступающихъ просьбъ гг. подписчиковъ о высылкѣ имъ втораго экземпляра подписнаго бланка на „Ниву“, при этомъ № Контора разсылаетъ его въ двухъ экземплярахъ, съ покорнѣйшею просьбою передать второй экз. кому-либо изъ знакомыхъ, которые пожелали-бы подписаться на „Ниву“ 1893 года.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При этомъ № прилагаются: 1) для гг. иногородн. подписч. (за исключ. Московскихъ) иллюстриров. прейсъ-кур. торг. дома подъ фирмою „Базаръ Марокъ" въ СПБ. 2) для гг. городскихъ подписчиковъ объявленiе отъ книжн. магазина Н. Фену и К°. въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ., 21 октября 1892 г. Изданiе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскiй, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | г. XXIII

№ 44 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 31 октября 1892 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Не мсти врагамъ!

Не мсти врагамъ:
Ты причинилъ бы имъ страданья,
Но отъ стыда, отъ состраданья
Еще вдвойнѣ изнылъ бы самъ.
Не мсти врагамъ!
Плати добромъ:
Добромъ ты ихъ обезоружишь,
Друзей въ нихъ, можетъ быть, заслужишь,
Не поступившись самъ ни въ чемъ.
Плати добромъ!

В. Авенаріусъ.

Не мсти врагамъ! Ориг. рис (собств „Нивы") **Р. Штейна.** грав. **Флюгель.**

Дѣло досадительное дѣло.

Историческій разсказъ **П. Н. Полевого.**

(Окончаніе).

XII.

Дѣло становится вопросомъ.

Дней пять спустя, послѣ этихъ Бреславльскихъ событій, когда вѣсть объ усердной дѣятельности почтенныхъ ратсгеровъ, засѣдавшихъ въ мѣстномъ оберъамтѣ, еще не успѣла перелетѣть саксонскую границу, весь польскій королевскій Дворъ, проживавшій въ Дрезденѣ, готовился къ блестящему балу въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ король Августъ III собирался торжественно чествовать пріѣздъ одного изъ родственныхъ ему принцевъ австрійскаго царствующаго Дома. Весь городъ былъ занятъ приготовленіями къ этому торжеству и переполненъ толками о томъ великолѣпіи, которое должно было просто ослѣпить гостей, удостоенныхъ приглашенія къ придворному балу. Особенно много ходило по городу разсказовъ о фейерверкѣ, которымъ балъ долженъ былъ закончиться, и, надо сказать правду, эти нѣсколько преувеличенные разсказы не особенно приходились по-нутру скромнымъ и умѣреннымъ дрезденцамъ.

Но болѣе всего предстоящимъ торжественнымъ баломъ при Дворѣ короля Августа былъ недоволенъ русскій дипломатическій агентъ при польскомъ Дворѣ, баронъ фонъ-Кейзерлингъ,—человѣкъ чрезвычайно расчетливый и ненавидѣвшій роскошь Августова Двора, которая нерѣдко вынуждала его къ несвоевременнымъ и весьма значительнымъ расходамъ. Вотъ и теперь, для этого бала, ему пришлось тоже изготовить себѣ новый костюмъ, который, несмотря на разныя, весьма тонкія, экономическія уловки, все же долженъ былъ обойтись ему не менѣе 123 талеровъ — и богатый, но скупой баронъ очень неохотно вынималъ эту кругленькую сумму изъ своего кармана... Его желчь противъ роскоши и всякихъ излишнихъ расходовъ въ особенности разыгралась подъ вечеръ, когда его камердинеръ приготовилъ ему новое платье въ его уборной и напомнилъ своему господину, что уже пора собираться на балъ...

Мрачнѣе ночи сѣлъ баронъ передъ зеркаломъ, и только что собирался задать перцу парикмахеру, который прилаживалъ ему на голову высокій пудреный парикъ съ большими буклями, какъ въ дверяхъ уборной явился камердинеръ и почтительнѣйше доложилъ господину барону, что его желаютъ видѣть какіе-то двое пріѣзжихъ изъ Россіи:

— Скажите имъ, чтобы убирались къ чорту! Теперь не время для пріемовъ...

— Я говорилъ имъ, что вы сбираетесь ко двору, что вамъ некогда... Но они сказали, что у нихъ есть важное дѣло...

— Не смѣйте разсуждать! Извольте исполнить мое приказаніе!.. Для важныхъ дѣлъ есть завтрашній день! крикнулъ баронъ сердито топая ногой.

Камердинеръ удалился, а баронъ уже обернулся было въ сторону парикмахера, завивавшаго кудри парика, какъ дверь въ уборную снова скрипнула, и камердинеръ опять явился на порогѣ, съ запиской на серебряномъ блюдѣ.

— Что тамъ еще? спросилъ онъ грозно, готовясь обрушиться на камердинера съ новою бурею.

— Эти пріѣзжіе господа вышли на лѣстницу, но приказали вамъ сказать, что вы будете жалѣть, если не прочтете вотъ этой ихъ записки...

И онъ подалъ графу записку, на которой были начертаны какія-то каракули.

Баронъ фонъ-Кейзерлингъ быстро пробѣжалъ глазами записку и измѣнился въ лицѣ.

— Верните этихъ господъ съ лѣстницы, сказалъ онъ съ трудно подавленнымъ волненіемъ, быстро пряча записку въ карманъ, — проведите ихъ въ мой кабинетъ, и, *какъ можно учтивѣе*, попросите ихъ подождать... Я сейчасъ одѣнусь и выйду къ нимъ.

И тотчасъ послѣ этого на барона напалъ такой духъ кротости, что онъ ни слова не сказалъ парикмахеру, когда тотъ окончилъ свою работу; а слугу, подававшаго ему кафтанъ, камзолъ, ордена и шпагу, назвалъ даже „любезнымъ другомъ“, прося его оправить складки камзола и потуже застегнуть стразовыя пряжки на башмакахъ.

Нѣсколько минутъ спустя, баронъ, въ полномъ блескѣ своего бальнаго придворнаго наряда, вошелъ въ свой кабинетъ и, тревожнымъ взглядомъ обведя его кругомъ, увидѣлъ передъ собою двѣ какія-то темныя фигуры, которыя было довольно трудно разсмотрѣть при свѣтѣ восковыхъ свѣчъ, тускло горѣвшихъ на рабочемъ столѣ барона.

Незнакомцы поднялись и поклонились барону фонъ-Кейзерлингу, который почему-то почувствовалъ легкую внутреннюю дрожь при взглядѣ на этихъ людей, не внушавшихъ ему довѣрія.

— Вы... тѣ самые... о которыхъ я получилъ извѣщеніе отъ его свѣтлости? довольно нерѣшительно спросилъ баронъ, обращаясь къ незнакомцамъ по-нѣмецки.

— Тѣ самые, лаконически отвѣчалъ ему тотъ, который былъ повыше ростомъ и съ рыжими усами.

Осторожный баронъ повернулся на каблукахъ и, плотно притворивъ дверь кабинета, заперъ ее на ключъ.

— Въ чемъ же... дѣло? спросилъ онъ, усаживаясь въ кресло у стола и обращаясь съ вопросомъ къ рыжему.

— Возложенная на насъ комиссія, продолжалъ рыжій,—17 іюня исполнена.

— И-и-исполнена?! невольно содрогаясь, перебилъ баронъ фонъ-Кейзерлингъ, хватаясь за ручку кресла.

— Исполнена, преспокойно подтвердилъ рыжій.—и мы должны передать вамъ тѣ важныя бумаги, которыя нами перехвачены на дорогѣ между Нейштадтомъ и Грюнбергомъ.

— Гдѣ же онѣ?.. Гдѣ же онѣ? заторопился баронъ, едва сдерживая волненіе и протягивая къ рыжему руку, у которой пальцы явственно дрожали.

— Онѣ здѣсь, у меня въ карманѣ, попрежнему спокойно продолжалъ рыжій, похлопывая своей огромной ручищей по лѣвому карману своего полукафтанья.—Но прежде, чѣмъ я вамъ ихъ передамъ, вы обязаны дать намъ честное слово, что вы укроете насъ въ вашемъ домѣ на нынѣшнюю ночь и обезпечите намъ безопасность нашего отъѣзда отсюда въ Россію.

Баронъ опустилъ протянутую руку и задумался на мгновеніе.

— Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ, обращаясь къ рыжему.

— Нигдѣ. Мы только что прибыли въ городъ пѣшкомъ и никого еще здѣсь не видали, кромѣ вашихъ слугъ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ въ настоящую минуту покинуть мой домъ, а слугамъ моимъ прикажу даже не принимать васъ болѣе, если бы вы вторично ко мнѣ пожаловали.

— Но позвольте... У насъ есть инструкція, перебилъ барона рыжій.

— Извольте меня дослушать! Я прикажу васъ больше не принимать: но это ни мало не помѣшаетъ вамъ явиться въ мой домъ... только не съ парадняго крыльца. Вотъ вамъ ключъ отъ калитки сада, которая вы-

ходитъ въ переулокъ, направо отъ воротъ моего дома. Ровно въ два часа ночи вы отопрете это калитку и у входа въ садъ встрѣтите лицо, которое проводитъ васъ въ одинъ изъ садовыхъ павильоновъ. Тамъ я увижусь съ вами и переговорю о дальнѣйшемъ. А до тѣхъ поръ побродите по городу и полюбуйтесь на фейерверкъ въ королевскомъ саду.

Рыжій и его спутникъ приняли ключъ изъ рукъ барона, поклонились ему, и когда онъ отперъ передъ ними дверь кабинета, они медленно направились черезъ залу къ передней.

— Комиссія исполнена! прошепталъ вслѣдъ имъ, съ невольнымъ содроганіемъ, баронъ фонъ-Кейзерлингъ.— Вотъ звѣри-то... И какъ спокойно объ этомъ докладываютъ... Эй! крикнулъ баронъ слугѣ.—Карету мнѣ! Да приказать швейцару, чтобы онъ этихъ проходимцевъ не смѣлъ ко мнѣ и на порогъ пускать!..

Всю эту ночь, вернувшись съ бала, баронъ фонъ-Кейзерлингъ тайно проработалъ въ садовомъ павильонѣ, вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ помощникомъ, тайнымъ совѣтникомъ Сумомъ и тѣми двумя „исполнителями комиссіи“, которыхъ надо было укрыть на эту ночь и во что бы то ни стало спровадить изъ Дрездена на слѣдующій день. Работа заключалась въ томъ, что оба дипломата переснимали самыя тщательныя копіи со всѣхъ депешъ Шведскаго Двора, заключавшихся въ завѣтномъ бархатномъ мѣшечкѣ Синклера, и эти копіи сложили въ особую кожаную сумку, которую предназначено было отправить съ надежнымъ человѣкомъ къ Вѣнскому Двору, а всѣ оригиналы сунули обратно въ тотъ же бархатный мѣшечекъ для отсылки къ его свѣтлости, герцогу Бирону, въ Петербургъ.

На слѣдующій день тайный совѣтникъ Сумъ очень поспѣшно собрался въ путь и выѣхалъ съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ въ Вѣну, и черезъ Австрію въ Россію, захвативъ съ собою въ дорогу какихъ-то двухъ никому неизвѣстныхъ людей, въ качествѣ слуги и курьера.

Но послѣ отъѣзда Сума, баронъ фонъ-Кейзерлингъ сталъ просто неузнаваемъ. Онъ рѣшительно ничѣмъ не могъ серьезно заняться: бродилъ по комнатамъ или по саду заложивъ руки за спину и все что-то обдумывая, что-то соображая. А то вдругъ приказывалъ сѣдлать себѣ верховую лошадь, уѣзжалъ кататься за городъ, и возвращался домой только уже поздно вечеромъ.

Видно было, что имъ овладѣла какая-то страшная тревога, что онъ мѣста себѣ нигдѣ найти не можетъ.

Наконецъ, дней черезъ пять, отъ Сума изъ Вѣны было получено письмо, въ которомъ шифромъ написано было только:

„Депеши доставлены—отступленіе обезпечено“.

Только тутъ ужъ баронъ вздохнулъ полной грудью и спокойно приготовился ко всякимъ случайностямъ, и когда на другой день одинъ изъ придворныхъ короля Августа сообщилъ ему, подъ величайшимъ секретомъ, слухъ объ убійствѣ шведскаго политическаго агента гдѣ-то около Бреславля, баронъ Кейзерлингъ совершенно спокойно отвѣчалъ ему:

— Да. Я объ этомъ еще вчера слышалъ, и это для меня не новость. Мнѣ даже сообщали, что его убилъ какой-то полякъ, и что этотъ злодѣй содержится въ Бреславльской тюрьмѣ.

Еще черезъ день уже весь Дворъ, а затѣмъ и весь Дрезденъ во всеуслышанье повторялъ разсказъ о страшномъ убійствѣ со всѣми подробностями; затѣмъ уже дошли въ Дрезденъ и такіе слухи—будто убійство совершено не полякомъ, а двумя русскими офицерами, которыхъ разыскиваютъ и надѣются изловить.

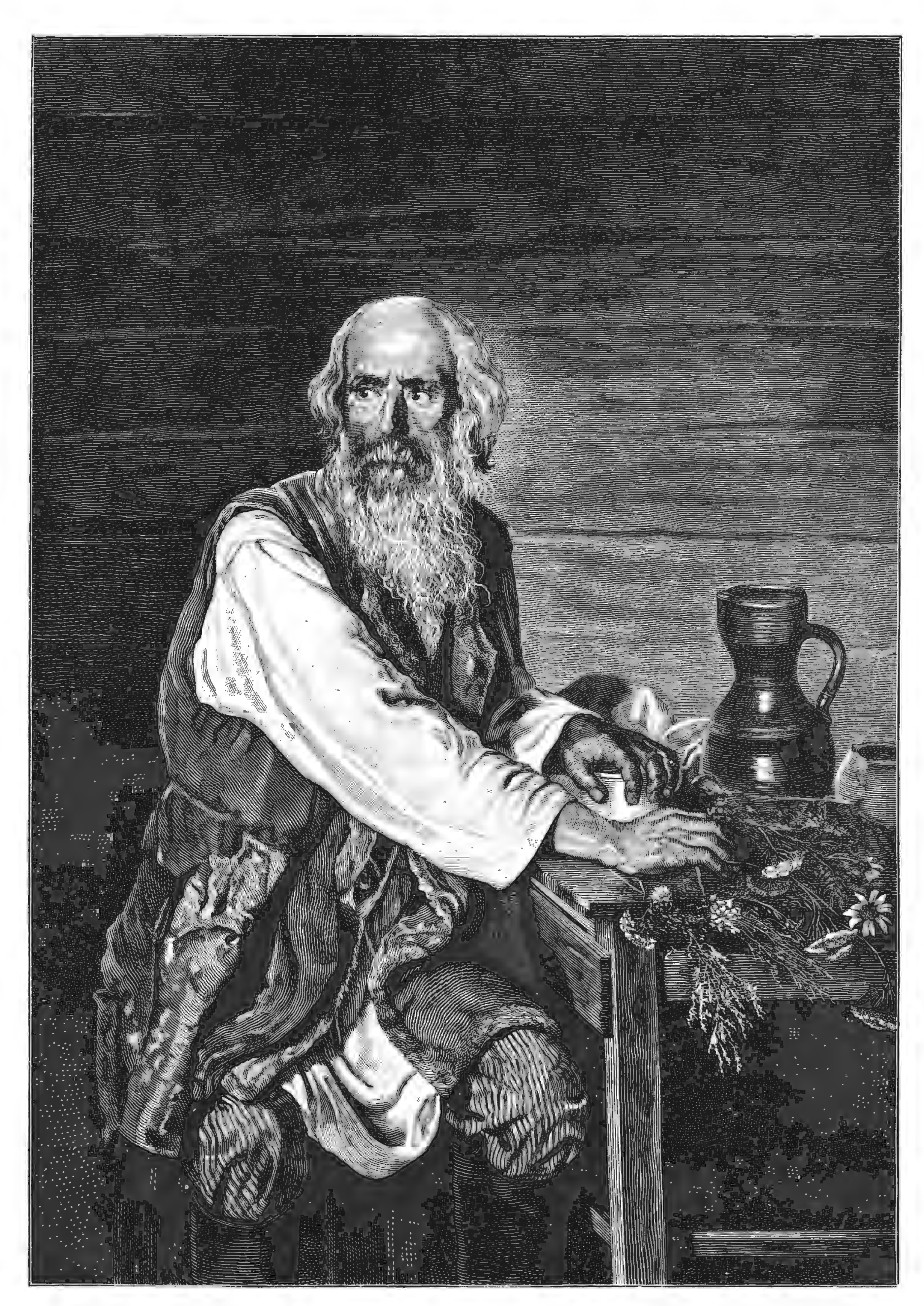
Какъ только всѣмъ попались на зубокъ эти „русскіе офицеры“, такъ всѣ въ одинъ голосъ и завопили о коварствѣ Россіи, о ея злокозненныхъ намѣреніяхъ, о ея варварствѣ, о томъ, что ея политика не останавливается ни передъ какими средствами въ достиженіи цѣлей. Барона фонъ-Кейзерлинга засыпали вопросами и запросами, официальнаго, неофиціальнаго, полуофиціальнаго и конфиденціальнаго характера. Онъ, то и дѣло, отписывался, опровергая „низкую клевету“, взводимую на русскихъ офицеровъ. Онъ даже говорилъ, что если въ этомъ слухѣ есть хоть капля правды, то онъ желаетъ, чтобы убійцъ изловили и выставили на общій позоръ. Но слухъ повторялся настойчиво, появился во всѣхъ газетахъ, вызвалъ страшный взрывъ негодованія въ Швеціи и Пруссіи. Курьеры съ офиціальными сообщеніями и донесеніями полетѣли во всѣ стороны, и уже въ половинѣ іюля 1739 года вызвали формальную декларацію Россійскаго Двора, въ которой всѣ „чужестранные Дворы“ извѣщались открыто, что слухъ объ участіи „какихъ-то русскихъ офицеровъ“ въ убійствѣ Синклера не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Но къ тому экземпляру этой „совершенно искренней“ деклараціи, который былъ присланъ изъ Петербурга къ барону Кейзерлингу, самъ Биронъ добавлялъ внизу тревожную приписку:

„Такихъ убійцевъ, ежели они точно изъ нашихъ людей суть, надлежитъ самымъ тайнымъ образомъ отвесть и содержать, пока не увидимъ, какое окончаніе сіе дѣло получитъ“.

Несмотря на всѣ заботы Кейзерлинга и его старанія о сохраненіи дѣла въ тайнѣ, графу Ржевусскому и родственникамъ обвиняемаго въ убійствѣ Пржепельскаго удалось таки добыть въ Варшавѣ отъ Кипнера имена тѣхъ русскихъ офицеровъ, которые вслѣдъ за купцомъ Гогберхомъ переѣхали черезъ прусскую границу. Имена ихъ были напечатаны въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе. Швеція ухватилась за эти имена и требовала удовлетворенія. Положеніе Петербургскаго кабинета становилось крайне затруднительнымъ; положеніе фонъ-Кейзерлинга въ Дрезденѣ сдѣлалось невозможнымъ. Къ нему приставали со всѣхъ сторонъ—и нѣмцы, и поляки; отъ него назойливо требовали объясненій, которыхъ онъ не могъ дать; при немъ открыто ругали Россію и русскихъ. Онъ писалъ въ Петербургъ отчаянныя письма и умолялъ Бирона, чтобы возбужденному противъ Россіи общественному мнѣнію даны были самыя ясныя, самыя непреложныя оправданія противъ обвиненій, взводимыхъ на русскихъ офицеровъ. Тогда Биронъ, раздосадованный огласкою затѣяннаго имъ темнаго дѣла и озадаченный тѣмъ шумомъ, который оно надѣлало въ Европѣ, рѣшился свалить отвѣтственность на Миниха. Онъ отправилъ къ Миниху строжайшій приказъ разслѣдовать сіе „мерзостное приключеніе“.

„Хотя мы никако не чаемъ, чтобъ кто изъ нашихъ офицеровъ съ пренебреженіемъ всей чести и совѣсти въ такомъ на большой дорогѣ убивствѣ виннымъ быть могъ; то однакожъ вы сіе дѣло жесточайше изслѣдуйте и безъ всякаго уклоненія и малѣйшей утайки намъ обстоятельно донесите“.

Но хитрый Минихъ, давно уже подготовленный къ такому обороту дѣла, отвѣчалъ тотчасъ же, что „въ семъ мерзостномъ приключеніи ни малѣйшаго участія не имѣетъ; а что до поименованныхъ въ Берлинской вѣдомости Кутлера и Левицкаго касается, то ихъ въ полковыхъ актахъ россійской арміи не находится, такъ какъ они еще въ прошломъ 1738 году дезертировали и тогда же изъ списковъ исключены; и ежели понынѣ подъ именемъ россійскихъ офицеровъ по разнымъ мѣстамъ въ Польшѣ живутъ, то онъ за нихъ отвѣтствовать не обязанъ“. Биронъ поспѣшилъ препроводить это донесеніе Миниха къ Кейзерлингу, который разослалъ съ него копіи и къ Берлинскому, и къ Вѣнскому



Знахарь. Съ карт. **М. Молова** (исключит. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**"), грав. Шлипперъ.

Первый снѣгъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **И. Волкова**, грав. Ангереръ.

Двору— но не разсѣялъ ни чьихъ сомнѣній. Политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался тучами и, можетъ быть, дѣло дошло бы даже до открытаго разрыва между Россіей и Швеціей, если бы Бирона не выручила женщина.

XIII.

Женщина выручила.

Между тѣмъ какъ дѣло объ убійствѣ барона Синклера разрасталось въ важный политическій инцидентъ и служило поводомъ къ цѣлому ряду дипломатическихъ запросовъ, циркуляровъ, донесеній и диспозицій—ни въ чемъ неповинный панъ Болеславъ уже третью недѣлю отсиживалъ въ тѣсномъ и темномъ казематѣ Бреславльской тюрьмы, питаясь неудобоваримою арестантскою пищею и при каждомъ движеніи побрякивая ручными и ножными кандалами, которые невыносимо натирали его нѣжное и выхоленное шляхетское тѣло.

„Что за чертовщина!“ думалъ онъ не разъ, разсуждая самъ съ собою во время своего нескончаемаго и грустнаго досуга. — „Вѣдь нужно же было мнѣ такъ влопаться! Самъ напросился въ тюрьму... Попался какимъ-то плутамъ въ руки—далъ себя облопошить глупѣйшимъ образомъ, и вотъ — сиди тутъ ни за что, ни про что... Я былъ готовъ своею жизнью жертвовать за барона — а меня въ убійствѣ обвиняютъ! Я завѣряю имъ честнымъ словомъ польскаго родовитаго пана, а мнѣ не хотятъ вѣрить... А этотъ негодяй и разбойникъ Шмуль Фрейдензонъ несетъ имъ всякую чепуху — и ему вѣрятъ, и его слушаютъ... Я просилъ позволенія писать къ графу Ржевусскому въ Дрезденъ и къ пану Энимаху въ Варшаву—мнѣ отказали: я хотѣлъ обратиться къ королю Августу — мнѣ сказали, что на это необходимо получить сначала разрѣшеніе изъ Берлина... Тьфу, пропасть! Да чѣмъ же это кончится?“

И онъ съ досадою билъ кулакомъ въ стѣну своего каземата и сердито ворочался на жесткой соломѣ, посылая къ чорту и бреславльскій оберъ-амтъ, и проклятую корчму Шмуля Фрейдензона, и то скопленіе случайностей, которыя, роковымъ образомъ, привели его чуть не на край гибели.

Во время одного изъ такихъ порывовъ, панъ Болеславъ услышалъ въ коридорѣ шаги и голоса, потомъ бряцанье тяжелой связки ключей, которую кто-то перебиралъ, вставляя ключъ въ замокъ двери каземата... Замокъ щелкнулъ дважды — дверь отворилась, и тюремщикъ пропустилъ въ нее ратсгера Клиппе и протоколиста.

Панъ Болеславъ посмотрѣлъ на нихъ, сердито нахмуривъ брови, и даже не приподнялся со своей лавки.

— Меня прислалъ къ вамъ предсѣдатель оберъ-амта, старшій ратсгеръ Конрадъ Штромбергъ, сказалъ Клиппе, обращаясь къ Болеславу черезъ переводчика,— и приказалъ вамъ передать, что оберъ-амтъ рѣшилъ...

— Знаю, что онъ рѣшилъ! съ бѣшенствомъ воскликнулъ панъ Болеславъ, вскакивая съ лавки и потрясая кандалами: — онъ рѣшилъ казнить ни въ чемъ неповиннаго человѣка! Онъ рѣшилъ отнять у меня жизнь, тогда какъ я...

— Да нѣтъ же! Нѣтъ! Дослушайте, ради Бога! перебилъ его протоколистъ-переводчикъ. — Оберъ-амтъ рѣшилъ перевести васъ изъ этого каземата въ болѣе свѣтлое и болѣе удобное мѣсто заключенія...

— Не хитрите, пожалуйста! Не лукавьте со мною! крикнулъ еще громче панъ Болеславъ. — Ужь лучше скажите прямо, что приговоръ надо мною произнесенъ! Я очень хорошо знаю, что осужденныхъ на казнь переводятъ обыкновенно въ лучшія помѣщенія, чтобы усладить имъ послѣднія минуты жизни...

— Панъ Янъ Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепельска! торжественно и офиціально возгласилъ протоколистъ. — Бреславльскій оберъ-амтъ получилъ новыя данныя по дѣлу объ убійствѣ, въ которомъ вы обвинялись, и назначилъ это дѣло къ новому разслѣдованію, а потому рѣшилъ: снять съ васъ кандалы и перевести васъ въ лучшее помѣщеніе, въ верхнемъ жильѣ здѣшней тюрьмы.

— Мнѣ и здѣсь хорошо... Напрасно оберъ-амтъ безпокоится! проворчалъ панъ Болеславъ, отворачиваясь отъ протоколиста и отъ ратсгера Клиппе.

Однакоже онъ не противился, когда, по знаку Клиппе, къ нему подошелъ тюремный кузнецъ, ловко расклепалъ его ручныя и ножныя оковы и бросилъ ихъ въ уголъ каземата.

— Ваше дѣло идетъ отлично, успѣлъ тѣмъ временемъ шепнуть пану Болеславу протоколистъ, — за васъ хлопочутъ вліятельныя лица и есть надежда на скорое освобожденіе...

— Пожалуйте наверхъ, за нами! — добавилъ онъ громко, указывая пану Болеславу дорогу черезъ безконечный тюремный коридоръ къ назначенной ему новой камерѣ.

Эта камера была довольно порядочною и довольно просторною комнаткой, съ нѣкоторыми даже удобствами. Такъ, вмѣсто лавки съ жесткимъ соломенникомъ, здѣсь стояла весьма опрятная кровать съ тюфякомъ и подушкою и даже съ одѣяломъ. Кромѣ кровати въ этой комнатѣ стояли еще столъ и стулъ и, собственно говоря, только рѣшетчатое окно, довольно высоко пробитое въ толстой стѣнѣ, напоминало о томъ, что новое помѣщеніе пана Болеслава тоже принадлежитъ къ числу тюремныхъ казематовъ.

Но, по особенно странному свойству человѣческой природы, панъ Болеславъ въ этомъ новомъ своемъ помѣщеніи сталъ чувствовать себя гораздо хуже, нежели въ прежнемъ тѣсномъ и темномъ казематѣ. Тутъ его и кормили лучше, и обращались съ нимъ мягче и вѣжливѣе, а между тѣмъ онъ переносилъ свое здѣшнее заключеніе гораздо нетерпѣливѣе чѣмъ прежнее, и ужасно надоѣдалъ тюремщику своими ребяческими капризами, жалобами и придирками всякаго рода. Тѣ пять-шесть дней, которые онъ провелъ здѣсь, въ безплодномъ ожиданіи возможнаго освобожденія, на которое намекнулъ ему протоколистъ, показались ему цѣлою вѣчностью... Онъ такъ скучалъ, такъ тосковалъ, до такой степени истомился желаніемъ поскорѣе выйти на свѣтъ Божій, на просторъ и волю, что вѣроятно слегъ бы въ постель, еслибъ въ одно прекрасное утро къ нему не явился опять тотъ же ратсгеръ Клиппе съ тѣмъ же протоколистомъ и не заявилъ ему, что старшій ратсгеръ Конрадъ Штромбергъ разрѣшилъ ему свиданіе съ роднымъ его дядею, паномъ Энимахомъ Збунчало, подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы это свиданіе происходило въ присутствіи ратсгера Клиппе и протоколиста.

— Дядя! Панъ Энимахъ Збунчало! воскликнулъ панъ Болеславъ, внѣ себя отъ радости и чуть не прыгнувъ на шею ратсгеру Клиппе. — Да гдѣ же онъ? Гдѣ?

Ратсгеръ Клиппе повернулъ ручку двери, отворилъ ее—и старый панъ Энимахъ, какъ буря, ворвался въ комнату, и бросился въ объятія пана Болеслава, который плакалъ отъ радости какъ ребенокъ и называлъ старика самыми нѣжными именами.

— Успокойся, голубчикъ!.. Не хорошо!.. На насъ смотрятъ... Вспомни Муціевъ и Деціевъ! шепталъ племяннику панъ-маршалокъ, самъ не замѣчая того, что и у него слезы капаютъ на сѣдые усы.

Когда и дядя, и племянникъ нацѣловались и немного поуспокоились, панъ Болеславъ, не выпуская руки пана Энимаха изъ своихъ рукъ, взглянулъ ему прямо въ глаза и спросилъ:

— А ну-ка, дядя! скажи мнѣ чистосердечно, искренно — повѣрилъ бы ты тому, чтобы Янъ Болеславъ Пржепельскій изъ Пржепельска могъ убить человѣка на большой дорогѣ?..

— То-есть, какъ тебѣ сказать, дружище! заговорилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ панъ-маршалокъ. — Съ такой горячею башкою, какъ у тебя, мало ли что можетъ случиться на дорогѣ! И я не стану отрицать, что точно усомнился на твой счетъ, когда этотъ негодяй Кипнеръ такъ положительно передалъ намъ о тебѣ эту скверную вѣсть... Но за то панна Марія такъ за тебя вступилась, такъ горячо тебя стала защищать, что я ей не посмѣлъ перечить... И мы тотчасъ поѣхали сюда и стали хлопотать...

— О дорогая! О безцѣнная панна Марія! съ восторгомъ воскликнулъ панъ Болеславъ. — Теперь, когда мое освобожденіе уже близко, я съумѣю ей доказать...

Панъ-маршалокъ грустно и сомнительно покачалъ головой.

— Твое освобожденіе вовсе не такъ еще близко, какъ ты думаешь, дорогой мой Болеславъ! сказалъ онъ. — Тутъ теперь такая заварилась каша, что ее не скоро и расхлебаешь. Вѣдь недостаточно того, что я да панна Марія увѣрены въ твоей невинности!.. Дѣло, понимаешь ли, пріобрѣло государственную важность!.. Теперь уже всѣ почти увѣрены въ томъ, что не ты убилъ этого проклятаго шведскаго барона, а какіе-то два проходимца, назвавшіеся русскими офицерами; но вѣдь тутъ въ дѣло впутались три державы... Швеція точитъ зубы на Россію... Пруссія оскорблена тѣмъ, что убійство совершено на ея территоріи... Россія старается съ себя свалить отвѣтственность... Шведскій резидентъ при Берлинскомъ дворѣ настаиваетъ, чтобы съ убійцею или убійцами барона было поступлено по всей строгости законовъ. Польскій король, по заявленію моему и графа Ржевусскаго, требуетъ твоего немедленнаго освобожденія: а здѣшнія власти, которыя по оплошности упустили изъ рукъ настоящихъ убійцъ, требуютъ такихъ осязательныхъ доказательствъ твоей невиновности, какихъ никто кромѣ Господа Бога и доставить не можетъ... А ихъ въ этомъ упорствѣ поддерживаетъ баронъ Кейзерлингъ, русскій резидентъ при польскомъ королевскомъ дворѣ, которому нужно выиграть время, чтобы мирно уладить непріязненныя отношенія Швеціи къ Россіи...

— Да помилуй! воскликнулъ въ отчаяніи панъ Болеславъ. — Я-то тутъ при чемъ! Мнѣ-то какое же дѣло до этихъ отношеній между Швеціей и Россіей?.. Вѣдь я изъ-за нихъ сгнить могу здѣсь въ тюрьмѣ...

— Ну, вонъ ужь ты куда занесся! перебилъ племянника панъ Энимахъ. — Дѣло идетъ не о годахъ, а о недѣляхъ...

— Хорошо тебѣ такъ разсуждать! О недѣляхъ?! А каково мнѣ ихъ тутъ отсиживать, мучиться неизвѣстностью, ожиданіями, опасеніями! Терзаться разлукою съ панной Маріей...

— Э-э! Полно, панъ Болеславъ! То, что ты говоришь, недостойно кровнаго родовитаго шляхтича! Я еще разъ повторяю тебѣ: вспомни Деціевъ и Муціевъ! Лучше представлять себѣ дѣло, какъ оно есть, чѣмъ обольщать себя какими-то сладенькими надеждами... Въ утѣшеніе и въ примѣръ тебѣ скажу, что твоя безцѣнная панна Марія оказывается гораздо потверже и похрабрѣе тебя. Она не падаетъ духомъ: она хлопочетъ о тебѣ, ѣздитъ ко всѣмъ, говоритъ безъ умолку въ твою пользу... и то не даетъ покоя своими слезными прошеніями наияснѣйшему пану королю Августу, то, вмѣстѣ съ Ржевусскимъ, осаждаетъ Кейзерлинга разными новыми комбинаціями на пользу твоего оправданія, то собираетъ всякія улики противъ тѣхъ свидѣтелей, которыя тебя сдуру обвинили въ мнимомъ убійствѣ...

— Несравненная, дорогая невѣста моя! невольно воскликнулъ панъ Болеславъ, съ восторгомъ слушая то, что панъ маршалокъ сообщалъ о своей дочери.

— Да, да! Это — бѣсъ дѣвка! И, надо тебѣ сказать — предѣловая! Такъ всѣми и вертитъ — такъ и заставляетъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ. Вѣдь вотъ настояла-таки на томъ, что здѣшнія власти рѣшили арестовать этого негодяя Шмуля Фрейдензона... И хоть самъ онъ успѣлъ бѣжать, но при обыскѣ его корчмы нашли много такого, что прямо свидѣтельствуетъ въ твою пользу: напримѣръ, твое платье, а въ платьѣ и твои бумаги...

— Забытыя въ дорожномъ жупанѣ когда я переодѣвался въ баронское платье?!..

— Тѣ самыя. Но такъ какъ и такія вѣскія данныя, какъ эти бумаги, и какъ побѣгъ Шмуля — все же не могутъ прямо привести къ твоему освобожденію изъ прусской тюрьмы, то панна Марія пріобрѣла теперь союзника въ лицѣ самого прокуратора іезуитскаго ордена, бискупа Ляхновскаго... Благодаря ему и я къ тебѣ сюда пробрался... А вѣдь ты ужь знаешь, что если баба и попъ примутся сообща за какое-нибудь дѣло, то они и самого дьявола поставятъ втупикъ... Ну, такъ смотри же, не падай духомъ, другъ, и будь достоинъ твоихъ достойныхъ и знаменитыхъ предковъ!

И старый панъ маршалокъ, расцѣловавшись съ племянникомъ, любезно раскланялся съ ратсгеромъ Клиппе и протоколистомъ, и вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ камеры.

XIV.

Да, панна Марія была энергичная, умная и настойчивая дѣвушка! Въ теченіе двухъ недѣль, послѣ пріѣзда своего въ Бреславль изъ Варшавы, она не знала покоя ни днемъ, ни ночью: два раза успѣла съѣздить въ Дрезденъ, добилась аудіенціи у короля Августа, подняла на ноги всю свою знатную родню, исписала цѣлыхъ двѣ дести почтовой бумаги на всякіе прошенія и доклады, измучила почтенныхъ ратсгеровъ своими докучными хлопотами въ пользу пана Болеслава и тщетными просьбами о свиданіи съ нимъ, громоздила Оссу на Пеліонъ,— и въ конецъ измучилась сама, убѣдившись въ томъ, что ускорить освобожденія своего милаго она никакъ не можетъ, пока не будетъ такъ или иначе исчерпанъ политическій конфликтъ, вызванный убійствомъ барона Синклера.

Убѣдившись окончательно въ своемъ безсиліи, панна Марія вспомнила и о той послѣдней и высшей инстанціи, къ которой прибѣгаютъ всѣ страждущіе, когда видятъ, что для нихъ все потеряно. Она бросила всѣ хлопоты, отказалась отъ всякихъ ходатайствъ и комиссій—и, накинувъ на плечи темный плащъ, а чудные волосы свои прикрывъ темною шляпкою съ широкими полями,—направилась изъ гостиницы, гдѣ она стояла съ отцомъ, въ ближайшій костелъ. Ей безотчетно хотѣлось плакать и молиться, молиться и плакать, и излить душу передъ Тѣмъ, Кому близки всѣ людскія горести и страданія, потому что Онъ Самъ пострадалъ за всѣхъ...

Какъ силенъ, какъ горячъ былъ этотъ порывъ панны Маріи, можно судить по тому, что она рѣшилась одна уйти изъ дома, не сказавшись отцу, и даже не замѣтила, какъ перебѣжала двѣ улицы и перешла черезъ широкую площадь, застроенную шалашами и лавченками мелкихъ торговцевъ, которые наперерывъ зазывали къ себѣ „милую барышню“. Миновавъ толпу назойливыхъ калѣкъ и нищихъ, расположившуюся на ступеняхъ сумрачнаго костела, панна Марія торопливо окропила себя у входа святою водою и вступила подъ темные своды храма, обставленнаго по стѣнамъ богатыми гробницами князей, графовъ и бароновъ, съ мраморными и золотыми гербами и нескончаемыми эпитафіями и бросилась къ подножію громаднаго рас-

пятія, которое возвышалось на особой Голгоѳѣ, у одного изъ алтарныхъ столповъ.

Здѣсь все накипѣвшее на сердцѣ горе излилось горячимъ потокомъ въ самой искренней, самой задушевной молитвѣ и въ такихъ неутѣшныхъ, неудержимыхъ слезахъ и рыданіяхъ, какихъ еще никогда не знала вѣтреная, счастливая, избалованная панна Марія. Притомъ ей некого было стыдиться, некого было стѣсняться,—костелъ былъ пустъ и безмолвенъ, а какія-то двѣ старушки, усердно и тихо молившияся въ сторонѣ, даже не замѣчали присутствія панны Маріи у подножія Голгоѳы.

Панна Марія и сама не могла бы отдать себѣ отчета въ томъ, какъ долго длился этотъ порывъ, которому она отдалась всей душою: но и слезы, и безотчетныя слова молитвы еще лились изъ ея наболѣвшаго сердца, когда она почувствовала присутствіе какого-то живаго существа у себя за спиною и почти въ то же время чья-то легкая и холодная рука прикоснулась къ ея плечу.

Панна Марія вздрогнула, обернула назадъ свое заплаканное и покраснѣвшее отъ слезъ лицо—и увидѣла передъ собой высокаго, сухаго старика въ темной сутанѣ, съ молитвенникомъ и четками въ рукахъ.

— Отчаянье—великій грѣхъ, дочь моя! строго сказалъ онъ по-польски, обращая къ паннѣ Маріи свое умное и правильное лицо и останавливая на ней глубокій, проницательный взоръ своихъ сѣрыхъ глазъ.— Наши горести такъ же суетны, какъ и наши радости,— и у Великаго Учителя нашего много есть средствъ для врачеванія язвъ нашего сердца...

Панна Марія, не поднимаясь съ колѣнъ, глядѣла на старика-аббата и молча продолжала плакать. Крупныя слезы неудержимо текли изъ ея прекрасныхъ очей.

— Откройся мнѣ! Скажи, въ чемъ твое горе, дочь моя? Быть-можетъ, Всевышнему угодно будетъ помочь тебѣ черезъ мое грѣшное посредство и ходатайство.

И онъ повелительнымъ мановеніемъ руки указалъ ей на исповѣдальное кресло, къ которому тихо направился, перебирая четки.

Панна Марія безпрекословно послѣдовала за аббатомъ и, сотворивъ молитву, сѣла рядомъ съ нимъ на скамью кающихся, у исповѣднаго окошечка.

— Говори,—я слушаю тебя! произнесъ вполголоса старый аббатъ, откинувшись на спинку кресла, закрывъ глаза и продолжая перебирать четки.

Панна Марія стала говорить—и говорила долго, горячо, страстно, убѣдительно, ничего не скрывая, не упуская ни малѣйшей подробности изъ той странной и загадочной путаницы, въ которую попалъ панъ Болеславъ и изъ которой теперь было такъ мудрено его высвободить.

Старикъ-аббатъ все слушалъ, слушалъ, не открывая глазъ—и то проводя желтою и исхудалою рукою по лбу, исчерченному частыми и тонкими морщинами, то вновь принимаясь перебирать четки.

— Ты кончила, дочь моя? мягко и спокойно проговорилъ аббатъ, когда панна Марія, облегченная своею долгою и горячею исповѣдью, наконецъ смолкла.

— Да, мнѣ нечего больше сказать вамъ.

— Въ такомъ случаѣ помолимся,—сказалъ аббатъ,— и попросимъ Господа, чтобы Онъ просвѣтилъ насъ и помогъ намъ Своимъ Совѣтомъ.

И онъ, открывъ глаза и перелиставъ молитвенникъ, сталъ шепотомъ молиться, чуть замѣтно шевеля тонкими и блѣдными губами. Потомъ, не оборачиваясь въ сторону панны Маріи, старикъ-аббатъ, какъ бы про себя, произнесъ вполголоса:

— Богъ всемогущъ и милосердъ и никогда еще не покидалъ своими милостями насъ, грѣшныхъ общниковъ братства Іисусова! Братство наше велико и могущественно: связи есть у насъ всюду,—по всему лицу земному, — слѣдовательно и въ Россіи... Мы можемъ многое для тебя сдѣлать, если и ты, со своей стороны, рѣшишься на нѣкоторыя жертвы въ пользу нашего братства... Завтра, около этого же времени приди сюда вмѣстѣ съ отцомъ твоимъ, скажи любому канонику, что ты желаешь говорить съ бискупомъ Ляхновскимъ, и я надѣюсь, что мы, общими силами, прійдемъ къ такому соглашенію, которое утѣшитъ твое горе...

Онъ поднялся со своего мѣста, благословилъ ее и неслышными шагами направился въ сакристію, шепча какую-то молитву и перебирая четки.

На другой день, въ назначенный часъ, и отецъ, и дочь явились въ тотъ же костелъ, спросили бискупа Ляхновскаго и были проведены къ нему черезъ боковую дверь въ сакристіи. Панна Марія, едва только бискупъ переступилъ порогъ пріемной, узнала въ немъ своего вчерашняго духовника. Она бросилась цѣловать ему руки; самъ панъ маршалокъ подошелъ подъ благословеніе бискупа.

Бискупъ, подаривъ ихъ ласковой и милой улыбкой, опустился на диванъ, указалъ имъ на два кресла, поставленныя рядомъ съ диваномъ, оправилъ на груди золотое распятіе высоко-художественной работы, и сказалъ тихо и мягко:

— Я уже болѣе недѣли, какъ знаю о вашемъ дѣлѣ... о вашемъ печальномъ и, можно сказать, безвыходномъ положеніи... Я даже самъ хотѣлъ предложить пану маршалку мои услуги для того, чтобы выпутать его и дочь его изъ этого прискорбнаго недоразумѣнія... Но Богу угодно было направить панну Марію прямо ко мнѣ—и я считаю эту случайную встрѣчу нашу за указаніе Свыше. Я готовъ вамъ служить и прямо могу вамъ обѣщать—полную свободу сношеній и свиданій съ паномъ Пржепельскимъ съ завтрашняго-же дня, а черезъ три недѣли полное оправданіе пана Пржепельскаго отъ взведеннаго на него обвиненія и освобожденіе его отъ тюремнаго заключенія.

Панна Марія вскочила со своего мѣста и бросилась цѣловать руки бискупа. Панъ маршалокъ насупилъ густыя брови, покрутилъ сивый усъ и произнесъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, пожимая плечами:

— Все это прекрасно... И... и... весьма желательно. Но я хотѣлъ-бы знать, какъ это должно случиться?..

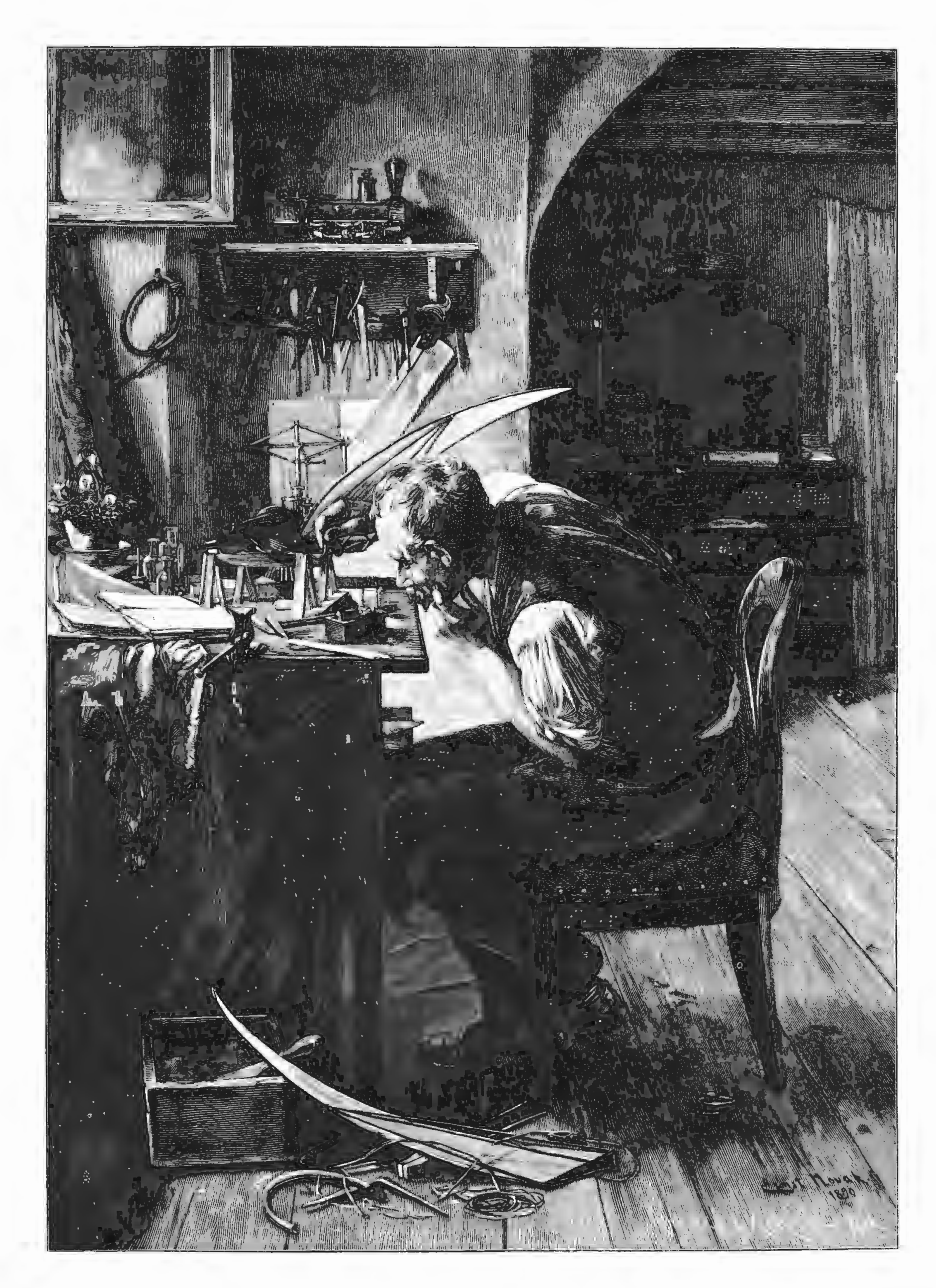
Бискупъ сложилъ руки на груди и набожно возвелъ очи къ небу:

— О, несчастные!.. Въ ихъ душѣ и на горчичное зерно не отыщется вѣры...

Потомъ онъ обернулся къ пану Эпимаху и произнесъ спокойно и съ большимъ достоинствомъ:

— Вамъ угодно знать, какъ все это произойдетъ? Вы, какъ Ѳома невѣрующій, хотите вложить перстъ вашъ въ язвы... Извольте — я поясню вамъ весь мой планъ, или скорѣе—*нашъ* планъ. Вы видите передъ собою ничтожнаго червя, недостойнѣйшаго изъ грѣшныхъ рабовъ Божіихъ; но этотъ червь, этотъ рабъ имѣетъ счастіе принадлежать къ великому и могущественному братству Іисусову... Братство наше видитъ многое такое, чего никто не видитъ; и знаетъ многое изъ того, чего никто не знаетъ. И вотъ, благодаря этому дару, намъ извѣстно, что теперь происходитъ въ Петербургѣ, и мы можемъ даже преподать тамъ совѣтъ, который придется какъ нельзя болѣе кстати герцогу Бирону... Онъ имъ воспользуется—этотъ могущественный герцогъ Биронъ,—потому что онъ теперь въ большомъ затрудненіи... Онъ поступитъ именно такъ, какъ мы ему укажемъ—и Швеція будетъ вполнѣ удовлетворена... Ergo: вашъ племянникъ будетъ немедленно освобожденъ, по требованію шведскаго правительства...

Панъ маршалокъ молчалъ и слушалъ, пораженный необыкновеннымъ спокойствіемъ и увѣренностью бискупа; а тотъ продолжалъ:



Изобрѣтатель. Съ карт. Е. Новака, грав. Кирмзе.

— За эту услугу — немаловажную, конечно, — наше братство потребуетъ отъ васъ ничтожнаго вознагражденія... Вы теперь-же дадите мнѣ письменное обязательство за себя и за вашего племянника, что ни въ вашихъ литовскихъ, ни въ его обширныхъ волынскихъ имѣньяхъ, вы не допустите въ костелы ни одного ксендза иначе, какъ по моему выбору и указанію, и не продадите ни одной пяди земли какому-бы то ни было изъ монашескихъ орденовъ, кромѣ Іисусова. Когда-же все обѣщанное мною совершится—вашъ племянникъ долженъ будетъ внести на нужды нашего ордена 20,000 злотыхъ... И только! Если вы согласны на эти, болѣе чѣмъ снисходительныя условія, то я сейчасъ вручу вамъ перстень, который вы покажете смотрителю тюрьмы, и тотъ немедленно допуститъ, сначала васъ, а черезъ два дня и вашу дочь къ ежедневному свиданію съ паномъ Пржепельскимъ.

Бискупъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда перстень съ сердоликовой печатью, и, показывая его пану Эпимаху и паннѣ Маріи, спросилъ:

— Согласны?

— Конечно, согласны! отвѣчали въ одинъ голосъ и отецъ, и дочь.

Бискупъ позвонилъ. Вошелъ секретарь, съ кипой бумагъ подъ мышкой, и съ почтительнымъ поклономъ подалъ бумаги бискупу.

— Если согласны — то прочтите всѣ эти бумаги, и затѣмъ скрѣпите ихъ вашими подписями, панъ маршалокъ. А вы, панна Марія, надѣньте на палецъ мой перстень—и да утѣшитъ Господь вашу молодую и чистую душу.

Ровно три недѣли спустя, бреславльскій оберъ-амтъ получилъ изъ Берлина приказаніе — немедленно освободить изъ тюрьмы содержавшагося тамъ пана Яна Болеслава Пржепельскаго изъ Пржепельска, неправильно обвиненнаго въ убіеніи шведскаго агента барона Синклера... Около того-же времени, и баронъ фонъ-Кейзерлингъ въ Дрезденѣ былъ крайне изумленъ слѣдующимъ „секретнѣйшимъ сообщеніемъ“, полученнымъ отъ герцога Бирона:

„Пакеты Синклерскихъ писемъ чрезъ тайнаго совѣтника Сума исправно нами получены. Письма сіи мы изобрѣли скрытнымъ образомъ въ Швецію и къ тамошнему двору доставить... Того ради мы къ тому иного способа кромѣ сего не изыскали, что вымыслили письмо якобы отъ римско-католицкаго духовнаго писанное, въ коемъ онъ показалъ, что одинъ незнаемый ему человѣкъ подъ секретомъ исповѣди ему открылъ, какъ онъ, купно съ нѣкоторыми другими лицами, былъ прельщенъ корыстью и шведскаго офицера ради ограбленія на дорогѣ подстерегъ и убилъ, и обрѣтавшіяся при немъ письма и вещи тому духовному возвратилъ... А тотъ духовный якобы направилъ ихъ въ Швецію...“

„Недурно придумано!“ подумалъ фонъ-Кейзерлингъ, читая это сообщеніе и невольно удивляясь тому, что такой плохой дипломатъ, какъ Биронъ, съумѣлъ отыскать такой ловкій выходъ изъ непріятнаго и затруднительнаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ.

Но, нѣсколько дней спустя, громъ русскихъ пушекъ, раздавшійся подъ Хотиномъ и при Ставучанахъ, грозно прогремѣлъ по всей Европѣ, и блестящія побѣды, одержанныя Минихомъ надъ турками, отвлекая вниманіе политиковъ въ сторону Дуная, заставили всѣхъ окончательно позабыть о „мерзостномъ и зѣло досадительномъ дѣлѣ Синклера“.

Въ заключеніе нашего разсказа намъ остается еще сообщить объ участи, постигнувшей исполнителей пресловутой „комиссіи“ герцога Бирона. Объ этихъ темныхъ дѣятеляхъ сохранились кое-какія указанія въ офиціальныхъ бумагахъ прошлаго вѣка. Одна изъ нихъ сообщаетъ намъ, что 16 іюля 1739 г., въ „Шлиссельбурхъ препровождены два человѣка, которыхъ оттуда надлежитъ немедленно отвезти въ Сибирь, въ отдаленное и такое мѣсто, гдѣ-бы они тайно и скрытно содержаны быть могли, дабы отнюдь никто объ нихъ ничего увѣдать не могъ“. Этихъ двоихъ секретныхъ ссыльныхъ, которые оказались Кутлеромъ и Левицкимъ, приказывалось держать подъ самымъ строгимъ и бдительнымъ надзоромъ, не допуская никакихъ сношеній съ ними и не дозволяя имъ писать кому-бы то ни было. Но въ то же время, начальнику конвоя, приставленнаго къ этимъ ссыльнымъ, вмѣнялось въ обязанность „во всемъ съ учтивостью безъ озлобленія съ ними поступать и токмо имъ твердить, чтобы они для собственной ихъ безопасности себя въ тайнѣ держали“.

Изъ другаго акта узнаемъ, что въ 1743 г., уже въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, Кутлеру и Левицкому дозволено было выѣхать изъ Сибири и поступить на службу въ Казанскій гварнизонъ „съ тѣмъ, однакоже, чтобы они перемѣнили фамиліи: Кутлеръ назвался-бы Туркелемъ, а Левицкій—Липевичемъ.“

Тамъ вѣроятно и закончили они свое темное и тревожное существованіе...

Спасеніе брамина.

Разсказъ **Р. Гарбе.** Переводъ **Е. Б—ъ.**

(Продолженіе).

Кришнада, прослезившись, обратился къ пріятелю:

— Теперь ты видишь, Лакшманъ, сколько у насъ горя!

Лакшманъ всталъ, чтобы распрощаться, но вошедшій слуга доложилъ о новомъ гостѣ:

— Рамтшандра, браминъ.

— Какъ всегда, добро пожаловать, сказалъ Кришнада и попросилъ друга остаться. — Познакомься прежде съ Рамтшандрой; это очень замѣчательный человѣкъ, очень умный. Несмотря на его молодость, слава объ его учености наполняетъ весь городъ; во многихъ отрасляхъ знанія онъ превзошелъ своихъ учителей.

Взоры всѣхъ обратились къ входившему молодому брамину, который, поздоровавшись съ Кришнадой и его дочерью, участливо спросилъ о здоровьѣ больной вдовы.

— Боюсь, Рамтшандра, что Лилавати очень плоха,—печально отвѣчалъ Кришнада.

— Жалѣю отъ всей души, сказалъ браминъ. — Но, я вижу, у васъ кто-то чужой? можетъ-быть, я помѣшалъ?..

— Нѣтъ, Рамтшандра, оставайтесь! Это мой старый пріятель съ дальняго Сѣверо-Запада.

Лакшманъ низко поклонился со словами:

— Дружба брамина оказываетъ высокую честь этому дому.

Но Рамтшандра отклонилъ любезность рѣшительнымъ движеніемъ руки.

— О, нѣтъ, меня привязываетъ къ этому дому чувство благодарности!—Затѣмъ, не давая возражать Кришнадѣ, продолжалъ: — Дайте мнѣ кончить! Кто скажетъ, что я оказываю этому дому честь, тотъ долженъ узнать, что̀ вы для меня сдѣлали. Не только жизнью своею я вамъ обязанъ, Кришнада, но и образованіе я не могъ бы довершить, если бы...

Тутъ Кришнада рѣшительно перебилъ:

— Довольно, довольно! Перестаньте, Рамтшандра.

— Нѣтъ, Кришнада, возразилъ тотъ твердо, — вы сейчасъ узнаете, отчего я именно сегодня долженъ говорить съ вами объ этомъ. Вы знаете, что я началъ давать уроки новому судьѣ нашего города, сагибу Уайту?

— Да, я объ этомъ слышалъ, сказалъ Кришнада.—Какія же у васъ съ нимъ отношенія?

— Признаюсь, сначала я отнесся недовѣрчиво къ приглашенію ежедневно по нѣсколько часовъ объяснять ему наши старыя преданія за хорошую плату. Правители страны пользуются каждою возможностью узнать настроеніе народа во всѣхъ его слояхъ. Поэтому я подумалъ, что мой сагибъ, подъ предлогомъ уроковъ, хочетъ у меня выпытать, что̀ думаютъ и говорятъ брамины о правительствѣ.

— Что же, это правда? спросила Гопа, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рамтшандра, — у него это чистѣйшая

жажда знанія, совершенно такая же, какъ была у меня, когда я пріѣхалъ сюда изъ Джейпура. И при этомъ онъ, несмотря на свое высокое положеніе, очень обходительный человѣкъ, съ открытымъ характеромъ, — полная противоположность съ другими сагибами, холодными и высокомѣрными.

— Мы всѣ знаемъ ихъ, печально замѣтилъ Кришнада. — Изъ каждаго ихъ слова, изъ каждаго взгляда видно, какъ эти сильные господа насъ презираютъ!

— Мой сагибъ не таковъ, онъ обходится со мною какъ съ равнымъ себѣ и зоветъ меня другомъ. Моя симпатія къ нему также растетъ съ каждымъ днемъ, и часто я порицаю себя за такія чувства къ человѣку не нашей религіи и національности. А когда онъ съ безкорыстнымъ рвеніемъ старается постичь глубочайшую мудрость нашего нар да...

— И вы открываете ему все,—этому варвару?! воскликнулъ Лакшманъ, удивленіе котораго росло съ каждой минутой. — Развѣ это хорошо?

— Не думаю, чтобы это было дурно, отвѣчалъ Рамтшандра,—времена измѣнились.—Прежде знаніе было достояніемъ лишь моей касты; теперь имъ могутъ обладать всѣ. Теперь въ нашей странѣ начинаютъ печатать древнія священныя книги; каждый можетъ ихъ покупать и, кто знаетъ языкъ, можетъ читать. Скажите: если сагибъ желаетъ изучить нашу мудрость, не лучше-ли, чтобы онъ ее понималъ вполнѣ, и не превратно? Я помогаю ему въ ясномъ пониманіи ея. Ибо если мудрость браминовъ будетъ возвѣщена на дальнемъ Западѣ, то она не должна быть туманнымъ сплетеніемъ неясныхъ идей, надъ которыми будутъ съ удивленіемъ качать головой: она должна сіять подобно солнцу такъ, чтобы мыслители Запада могли указать на Индію и сказать: „Да, свѣтъ идетъ оттуда!“

Гопа блестящими глазами смотрѣла на молодаго ученаго, голосъ котораго звучалъ вдохновенно; видно было, что она ему сочувствуетъ.

Но Лакшманъ сказалъ съ неудовольствіемъ:

— Что за дѣло сагибамъ до мудрости браминовъ? Какое имъ дѣло до Индіи вообще?

— Они—не намъ чета!—возразилъ Рамтшандра.—Мы съ древнѣйшихъ временъ жили такъ, какъ будто кромѣ насъ не было на свѣтѣ другихъ странъ и народовъ. На всемъ пространствѣ земнаго шара нѣтъ другаго такого народа, какъ мы, избранные Брамы, отъ созданія міра. Но въ сагибахъ горитъ всепожирающее пламя: оно побуждаетъ ихъ изслѣдовать самые сокровенные уголки земли и все подчинить себѣ. Я думаю, они уже владѣютъ почти всѣмъ земнымъ шаромъ и изыскиваютъ средства пробраться на звѣзды, чтобы и ихъ подчинить своей власти. И не только всѣмъ обладать хотятъ они,—лучшіе изъ нихъ хотятъ и все знать,—все, что было и что есть.

— Да, это правда, подтвердилъ Кришнада,—они удивительный народъ; мы имъ обязаны многимъ хорошимъ.

Лакшманъ нахмурилъ брови; въ домѣ его друга повѣяло новыми вѣяніями, которыя были ему противны до глубины души.

А Рамтшандра, желая вернуться къ начатому разговору объ англійскомъ судьѣ, продолжалъ:

— Сначала я не хотѣлъ согласиться брать за свои занятія вознагражденіе отъ человѣка, который посвящаетъ себя нашей наукѣ изъ чистой, благородной жажды знанія. Но потомъ я подумалъ, что не должно упускать удобнаго случая для возвращенія вамъ, Кришнада, того, что вы великодушно мнѣ одолжили. Вотъ на первый разъ, хоть и немного.

Съ этими словами онъ подалъ Кришнадѣ кошелекъ; тотъ смѣрялъ его удивленными глазами.

— Вы оскорбляете меня, Рамтшандра. Вы могли знать, что я не занимаюсь отдачей денегъ въ ростъ, а тѣмъ болѣе вамъ. Спрячьте ваши деньги, и больше о нихъ ни слова.

Рамтшандра покраснѣлъ.

— Кришнада, вы меня смущаете. Зачѣмъ мнѣ деньги? У меня теперь есть все, что нужно. Я не семьянинъ, чтобы собирать богатства.

— Я вамъ посовѣтую, что дѣлать, Рамтшандра! вступилась съ улыбкою Гопа.—Отнесите ваши сбереженія на базаръ, гдѣ такъ много выставлено книгъ, такихъ большихъ и толстыхъ, что просто страшно на нихъ смотрѣть.

Браминъ посмотрѣлъ на нее съ благодарностью,—она угадала его завѣтное желаніе,—и воскликнулъ:

— О, вы, добрые, благородные люди, какъ я вамъ обязанъ! Ахъ, не разъ уже я сокрушался о томъ, что законы касты мѣшаютъ мнѣ сойтись съ вами такъ близко, какъ того желаетъ моя душа!

Кришнада нѣсколько разъ кивнулъ головой и прибавилъ:

— Да, хорошо было бы, Рамтшандра, если бы вы принадлежали къ моей кастѣ и не должны были избѣгать болѣе тѣснаго общенія съ нами. Тогда вы могли бы быть ежедневнымъ гостемъ за моимъ столомъ и я охотно далъ бы вамъ въ жены Гопу, не страшась за будущее, какъ теперь.

Щеки молодой дѣвушки при этихъ словахъ вспыхнули яркимъ румянцемъ; но овладѣвшее ею смущеніе вдругъ смѣнилось чувствомъ испуга, такъ какъ доносившіеся издали стоны больной постепенно приближались и наконецъ въ дверяхъ показалась Лилавати. Она шаталась, судорожно придерживаясь за дверной косякъ; щеки ея глубоко ввалились и впалые глаза были неподвижно устремлены вверхъ. Когда Кришнада и Гопа бросились къ ней навстрѣчу и осторожно поддерживая повели ее къ кушеткѣ, она начала говорить отрывисто и съ трудомъ, прерывая свою рѣчь частыми стонами:

— Я дольше не могла усидѣть въ моей комнатѣ... Когда я проснулась, мнѣ стало такъ страшно... такъ невыносимо страшно... Я увидѣла демоновъ съ исполинскими когтями... Они съ дикимъ смѣхомъ бросались на меня и говорили, что сегодня моя свадьба... Мритъю, богъ смерти, придетъ меня сватать... О, Кришнада!..

Съ крикомъ ужаса прижималась больная къ брату, который старался ее успокоить, между тѣмъ какъ Гопа въ отчаяніи ломала руки.

— О, какъ горитъ... О, Кришнада... Гопа... дайте мнѣ пить!

— Бѣдная Лилавати, возлюбленная сестра, съ трудомъ выговорилъ Кришнада,—сегодня твой постный день.

— Что ты говоришь?! простонала больная. — Мой постный день сегодня?.. Да, это правда... Говори, Кришнада... какъ долго еще продлится этотъ день?

— Еще восемь часовъ, Лилавати.

— Восемь часовъ! повторила она и пронзительно вскрикнула. — Нѣтъ, я не выдержу!.. Каплю воды, братъ... Прошу тебя... Одну только каплю!

Превозмогая себя, Кришнада просилъ ее отказаться отъ ея требованія.

— Лилавати, дорогая сестра, подумай! Всю свою жизнь ты строго исполняла то, что предписано вдовамъ; всѣ эти долгіе годы ты слѣпо слушалась пурохита. Мы находили утѣшеніе въ томъ, что за твой примѣрный образъ жизни ты удостоишься высшаго блаженства въ будущей жизни. Слушай, милая Лилавати, выздоровѣвъ, ты будешь горько упрекать и себя, и насъ, если мы сегодня исполнимъ твою просьбу.

— Въ будущей жизни? помолчавъ, сказала Лилавати, — въ будущей жизни, говоришь ты, Кришнада?.. А если нѣтъ будущей жизни?...

Всѣ присутствующіе содрогнулись. Рамтшандра шепнулъ про себя:

„О, если-бъ это была правда, что говоритъ больная! Какое благо для всѣхъ существъ—не возрождаться тысячи и тысячи разъ для новыхъ мучительныхъ жизней!“

Лилавати старалась приподняться съ кушетки и, хватаясь за ея края слабѣющими руками, молила:

— Гопа, Кришнада... Ужели вы мнѣ дадите умереть отъ жажды! Вы... вы... Это-ли ваша благодарность... за все, что я цѣлыми годами для васъ дѣлала... За то, что я тебѣ, Кришнада... воспитала дочь... сдѣлала изъ нея хорошую женщину...

Голосъ ей измѣнилъ, она задыхалась и судорожно прижимала пальцы къ горѣвшимъ губамъ. Вдругъ снова раздался ея потрясающій крикъ:

— Воды, воды!

— Нѣтъ, отецъ, дольше я этого не вынесу, сказала Гопа.— Я дамъ ей напиться.

И отецъ отвѣчалъ:

— Я не буду тебѣ мѣшать, Гопа.

Молодой браминъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Гопа хотѣла пробѣжать мимо него; но онъ быстро преградилъ ей путь и воскликнулъ:

— Гопа, несчастная, что ты хочешь дѣлать?! Ужели желаніе больной тебѣ дороже постановленія боговъ?

Но Гопа, гнѣвно сверкая глазами, отвѣчала:

— Это говоришь ты, Рамтшандра, ты, котораго я считала добрѣе и лучше другихъ людей! Развѣ у тебя каменное сердце? развѣ тебя не трогаетъ чужое горе, какого еще не бывало на свѣтѣ?! Вся моя душа разрывается, а ты мнѣ проповѣдуешь о волѣ боговъ!

Рамтшандра былъ внѣ себя; онъ схватилъ ее за руку и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

Но она вырвалась и черезъ минуту уже вернулась изъ другой комнаты съ кружкой воды. Вдругъ она остановилась какъ вкопанная, руки ея безсильно повисли: въ дверяхъ стоялъ пурохитъ.

— Благословеніе на васъ! прозвучалъ его низкій голосъ. — Я только-что совершилъ богослуженіе въ вашей молельнѣ... Онъ остановился, удивленно озираясь.—Что здѣсь случилось?

Съ кушетки раздался хриплый стонъ Лилавати:

— Воды... каплю воды!

А Кришнада, указывая на больную, сказалъ:

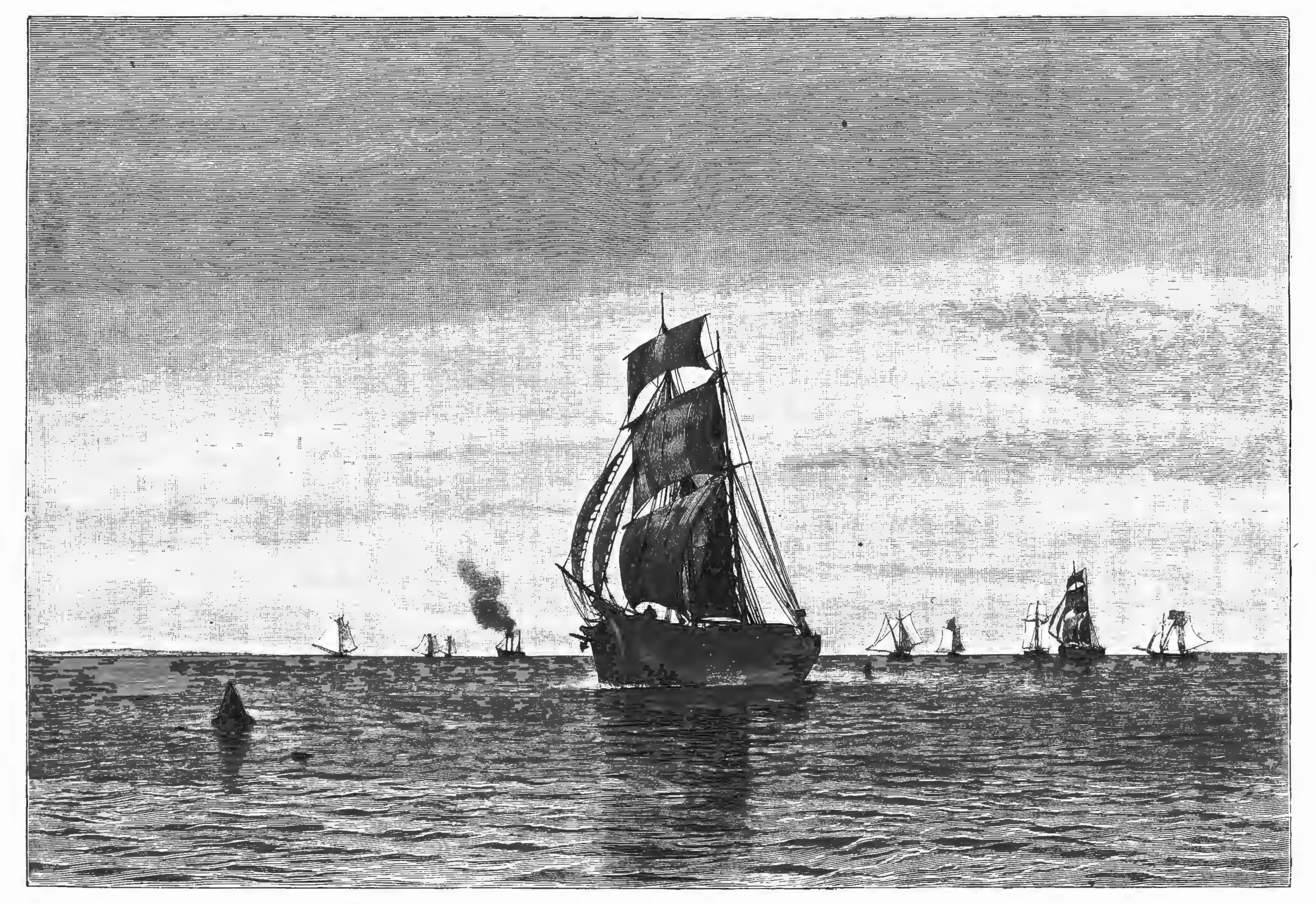
— Смотрите, досточтимый пастырь, какую муку терпитъ моя несчастная сестра!

— Грустно, очень грустно, отвѣчалъ пурохитъ.—Но сегодня постный день вдовъ... А! Я теперь понимаю, почему вы испугались, когда я вошелъ: вижу кружку воды въ рукахъ Гопы... Безумная, ты хотѣла обременить свою душу и душу больной такимъ тяжкимъ грѣхомъ?!

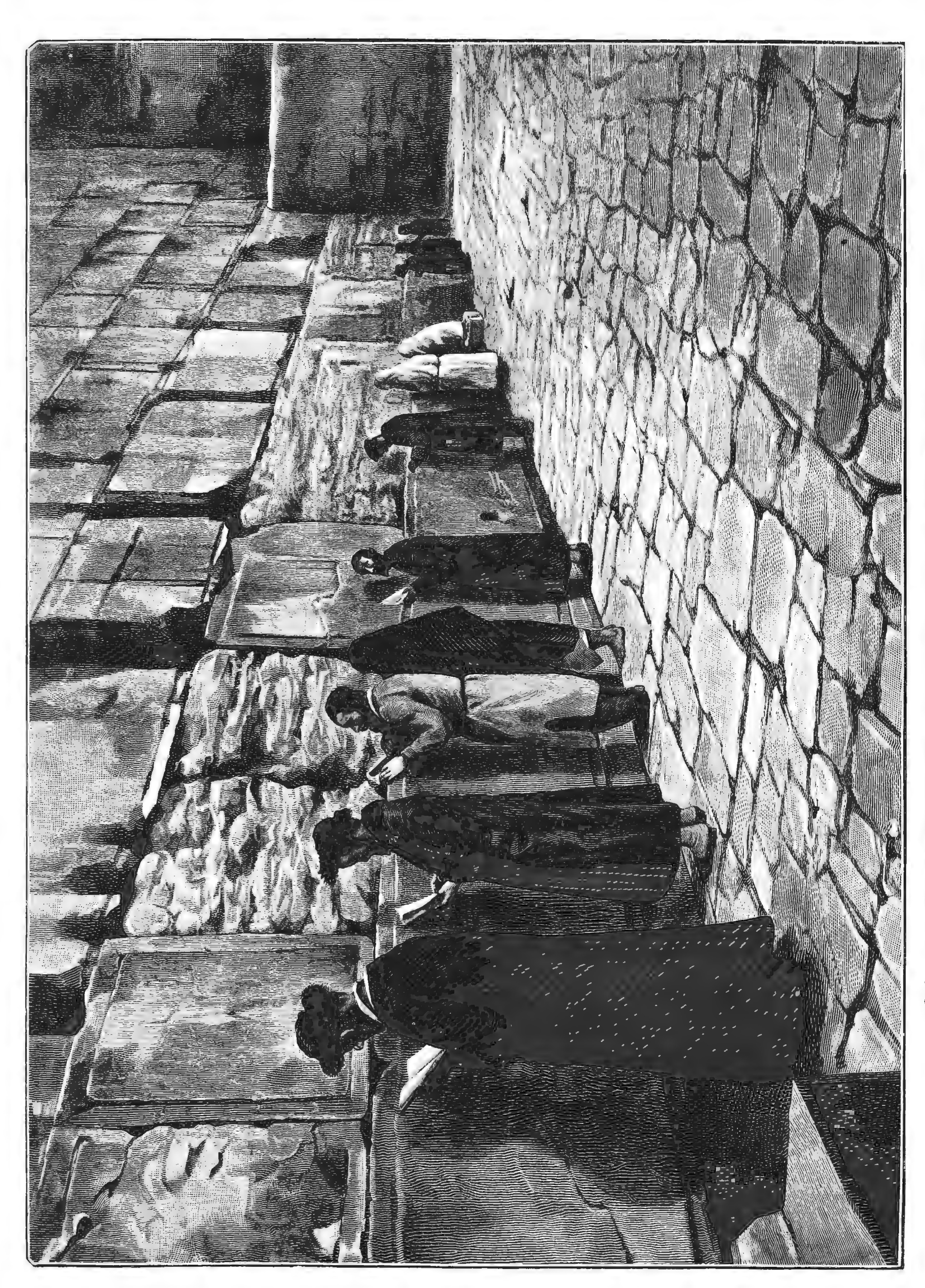
Все слабѣе становилось хрипѣніе умирающей:

— Воды, воды!

Гопа встрепенулась и бросилась къ ней мимо жреца съ восклицаніемъ:



Вѣтерокъ подымается. Съ акварели (собств. „Нивы") А. Бенуа, грав. Рашевскій.



„Стѣна плача" въ Iерусалимѣ. Ориг. рис. (собств. **„Нивы"**) **Околовича**, грав. Флюгель.

— Пускай это грѣхъ, но я облегчу ея муку!

Когда она добѣжала до кушетки, страданія Лилавати уже прекратились навсегда; Гопа безсильно опустилась возлѣ нея на колѣни. Присутствующіе мужчины были глубоко потрясены; только пуронтъ сказалъ съ торжественнымъ спокойствіемъ:

— Благо ей, что она умерла, не преступивъ божественныхъ постановленій! А на тебя, Гопа, я долженъ наложить наказаніе.

Съ этими словами онъ направился къ двери.

Кришнада съ мольбою поднялъ руки къ небу:

— Вы, великіе боги, возьмите у меня все, одно только сохраните мнѣ—жизнь мужа Гопы!

На слѣдующій день былъ большой праздникъ Дурга, и по этому случаю громадное стеченіе народа въ знаменитомъ „храмѣ обезьянъ“, воздвигнутомъ въ прошломъ столѣтіи на южномъ краю Бенареса одною набожною царицей. Не только самое зданіе, но и берега рядомъ съ нимъ устроеннаго четыреугольнаго пруда, и могучія старыя деревья вокругъ, — все было полно этими неопрятными, крикливыми животными, которыя, въ полномъ сознаніи своей святости и неприкосновенности, весело рѣзвились и позволяли себя кормить благочестивымъ индусамъ. Кто осмѣлился бы умертвить хоть одну изъ обезьянъ, тотъ совершилъ бы преступленіе противъ страшной богини и былъ бы растерзанъ разъяренной толпой; лишь въ самое послѣднее время англійское правительство почувствовало себя достаточно сильнымъ для того, чтобы настоять на водвореніи обезьянъ исключительно въ стѣнахъ храма. Съ трехъ сторонъ святилище окружено гладкими, высокими стѣнами, и только съ четвертой надъ главнымъ входомъ красуется полусферическій куполъ и два меньшіе, по краямъ стѣны. Узкія ворота ведутъ прежде всего на паперть, поддерживаемую двѣнадцатью высѣченными изъ камня колоннами; отсюда, на нѣсколько ступенекъ ниже, въ открытый дворъ храма, на которомъ происходятъ жертвоприношенія. Посреди этого двора стоитъ самый храмъ — причудливое, тяжелое зданіе, внутри котораго скрыто изображеніе страшной Дурга. Вѣроятно, намекая на ея кровожадность, и весь храмъ выкрашенъ охрой въ красный цвѣтъ.

Въ день праздника на паперти храма немолчно раздавался глухой барабанный бой, а въ кумирнѣ жрецы оглушительно звонили въ два большихъ колокола. Земля положительно дымилась отъ массы пролитой крови. Съ восхода солнца благочестивыми индусами пригонялись въ храмъ цѣлыя вереницы буйволовъ, козъ и овецъ; жрецы уставали колоть животныхъ, шеи которыхъ для этой цѣли ущемлялась въ крѣпкія деревянныя вилы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ храма стояли продавцы съ большими корзинами особенно любимыхъ обезьянами хлѣбныхъ растеній. Приходящіе обязательно покупали корму для посвященныхъ богинѣ животныхъ; у кого не было съ собою посуды, тотъ бралъ напрокатъ у продавца мѣдное блюдо. Обезьяны, еще не пресыщенныя подобными приношеніями, стремглавъ бросались навстрѣчу каждаго входящаго и жадно хватали кормъ съ предложеннаго имъ блюда. Порою какой-нибудь хвостатый шутникъ выхватывалъ полное блюдо изъ рукъ набожнаго приносителя и съ радостнымъ визгомъ, просыпавъ половину приношенія, устремлялся на сосѣднее дерево или на зубцы храма; но другія обезьяны не давали ему долго торжествовать: съ крикомъ бросались за нимъ, и завязывалась борьба, во время которой спорное блюдо нерѣдко летѣло со звономъ внизъ, на головы толпившихся у входа индусовъ, еще болѣе увеличивая смятеніе и шумъ. Кому удалось благополучно проникнуть внутрь храма, тотъ съ крикомъ и бранью проталкивался къ изображенію богини, которая, высунувъ длинный языкъ, смотрѣла выпученными глазами на своихъ почитателей. Съ колѣнопреклоненіями и восклицаніями: „Хвала тебѣ, Дурга, великая мать!“ они клали у подножія идола цвѣточныя гирлянды, зерна риса и хлѣбныхъ злаковъ и проливали молоко,— все это безъ всякаго порядка, какъ попало. Жгучее солнце Юга припекало груды жертвъ, и невыносимо тяжелый запахъ разложенія наполнялъ воздухъ, хотя этого и не замѣчала непрерывно-возраставшая толпа народа. Уходившіе бросали мѣдныя и серебряныя монеты на большое оловянное блюдо, стоявшее подъ особой охраной жреца; онъ жаднымъ взоромъ слѣдилъ за каждою падавшею монеткой и въ промежуткахъ восклицалъ громовымъ голосомъ, заглушая шумъ толпы и рѣзкій звонъ колоколовъ:

— Дурга, наша общая мать, недовольна вами. Правда, она ѣла и пила, но вы даете ей мало денегъ, и богиня въ этомъ году погубитъ васъ вмѣстѣ съ вашими дѣтьми. Для того, чтобы она побѣдила демоновъ, мы должны поддерживать ее жертвоприношеніями, и потому намъ нужны деньги—много денегъ!

Уходившіе еще разъ доставали свои кошельки, и звеня летѣли монеты въ тарелку, которую, какъ скоро она наполнялась, жрецъ незамѣтно и ловко опоражнивалъ.

Между вновь прибывшими было и два европейца; они остановились въ сторонѣ отъ другихъ, и съ нескрываемымъ отвращеніемъ смотрѣли на дикую давку передъ храмомъ. Одинъ изъ нихъ былъ сборщикъ податей, другой—командиръ расквартированнаго въ Бенаресѣ англійскаго батальона.

— Не будемъ входить, сказалъ первый,—я не выношу этого раздирающаго шума и страшнаго зловонія. Достаточно и одинъ разъ видѣть этотъ отвратительный культъ.

Офицеръ согласился съ нимъ и насмѣшливо замѣтилъ:

— И это народъ, „мудрость“ котораго старается постигнуть нашъ добрый Уайтъ! Изо-дня-въ-день корпитъ онъ надъ книгой и всѣ свои свободные часы проводитъ съ этимъ чернымъ, предпочитая его намъ. Хоть бы разъ пришелъ поиграть съ нами на бильярдѣ! Просто не постигаю такого человѣка.

— Я знаю Уайта еще съ Оксфорда, гдѣ мы вмѣстѣ учились, сказалъ сборщикъ. — Это умный человѣкъ, далеко опередившій всѣхъ на нашемъ курсѣ. Но онъ всегда былъ нѣсколько страннымъ, и уже въ то время избѣгалъ общества товарищей. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ онъ говорилъ мнѣ о своемъ желаніи поступить на индійскую государственную службу для того только, чтобы имѣть возможность изучать индійскую философію. Поэтому онъ усердно занимался санскритскимъ языкомъ. Онъ идетъ своей дорогой, и съ нея его не собьешь. Наши власти очень его цѣнятъ за его блестящіе экзамены, иначе онъ не получилъ бы здѣсь въ такіе молодые годы доходной должности судьи.

Но слова сборщика податей ничуть не убѣдили офицера; онъ повторилъ съ видомъ насмѣшливаго высокомѣрія:

— Индійская философія! и прибавилъ, указывая на нѣсколькихъ индусовъ, которые съ поклонами кормили обезьянъ.— Хороша философія, поучающая воздавать обезьянамъ божескія почести!

— Ну, сказалъ съ улыбкою сборщикъ,—точка зрѣнія браминовъ, конечно, выше всего этого—иначе Уайтъ такъ не увлекался бы ею.

— Не думаю, возразилъ офицеръ, съ видомъ человѣка увѣреннаго въ безошибочности своихъ сужденій даже о самыхъ незнакомыхъ предметахъ,—черный останется чернымъ.

Они не знали, какъ близко былъ браминъ, о которомъ они говорили. Рамтшандра какъ разъ въ это время проходилъ мимо англичанъ съ пуронтомъ, котораго мы видѣли въ домѣ Кришнады. Послѣдній взглянулъ на храмъ и сказалъ:

— Здѣсь молится чернь со своими жрецами. Это хорошо, что у насъ можно служить богамъ различно,—простому народу по-своему, высшимъ сословіямъ по-своему. Но какой огромный контрастъ! Мы, ученые брамины, понимаемъ естество боговъ совершенно иначе, чѣмъ эти необразованные жрецы въ общественныхъ храмахъ. Безъ сомнѣнія, мы должны признать ихъ за браминовъ; но они дальше отъ Брамы, чѣмъ мы. Они ничего не знаютъ о нашихъ священныхъ книгахъ; ихъ богослуженіе глупо. Одно въ нихъ достойно похвалы—умѣнье властвовать надъ умами черни; въ этомъ отношеніи мы можемъ у нихъ поучиться. О, Рамтшандра, мы не должны ослабѣвать въ стремленіи держать высшія касты подъ своимъ вліяніемъ,— теперь менѣе чѣмъ когда-либо, подъ властью ненавистныхъ саибовъ. Но что съ тобой, Рамтшандра? Ты какъ будто меня не слушаешь...

Рамтшандра пробудился отъ своей задумчивости.

— Простите, сказалъ онъ,—я думалъ о другомъ. Никогда еще я не былъ такъ потрясенъ, какъ вчера въ домѣ Кришнады. Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ, и когда, чтобы немного успокоиться, бралъ книгу, передъ моими глазами все начинало кружиться и въ ушахъ раздавался душу раздирающій крикъ Лилавати... Я слышу его еще теперь... О, это ужасно!

— Рамтшандра, сказалъ пуронтъ, — ты молодъ и впечатлителенъ. Когда ты достигнешь моего возраста, то поймешь, что съ человѣкомъ можетъ случиться многое еще хуже того, что ты видѣлъ вчера. Молись Брамѣ о ниспосланіи твоему духу покоя, приличествующаго его избранникамъ, — такого покоя, съ какимъ божественный Гангъ тысячелѣтіе за тысячелѣтіемъ струится мимо нашего священнаго города.

— Я пробовалъ молиться, мрачно отвѣчалъ Рамтшандра,— но не могъ. Я слышалъ крикъ Лилавати: „Воды, хоть каплю воды!“ Зачѣмъ вчера, какъ разъ вчера пришелся постный день вдовъ?

— Зачѣмъ, спрашиваешь ты, Рамтшандра? Не думаешь-ли ты, что ради какой-нибудь вдовы долженъ измѣниться порядокъ дня и ночи? Или—что міровые законы должны колебаться для человѣка, который томится жаждой?

Пуронтъ испытующимъ окомъ посмотрѣлъ на молодаго брамина, и продолжалъ болѣе строгимъ тономъ:

— Скажи, Рамтшандра, когда вчера Гопа въ своемъ ослѣпленіи пошла принести воды, исполнилъ-ли ты свой долгъ, старался-ли ее удержать?

— Да, я это сдѣлалъ. Однако сомнѣваюсь, хорошо-ли я поступилъ.

— Ты сомнѣваешься, хорошо-ли это! воскликнулъ пуронтъ.— Ты самъ бредишь, Рамтшандра. Ты, для котораго всегда такъ дороги были наши священныя постановленія. Совѣтую тебѣ пойти домой и лечь спать.

— Скажи мнѣ еще одно, медленно проговорилъ Рамтшандра, едва удостоивая вниманія слова негодующаго пуронта.—Если —

какъ учитъ наша религія — человѣкъ во всемъ, что съ нимъ случается, пожинаетъ лишь плоды своихъ собственныхъ поступковъ, если онъ только получаетъ награду или наказаніе за дѣла совершенныя имъ въ этой жизни или въ прежнія его существованія, то что же значатъ для насъ боги?

Пуронтъ отвѣчалъ:

— Они распредѣляютъ награду за хорошіе поступки и направляютъ благочестивыхъ къ добру. Они читаютъ въ сердцѣ человѣка, ибо они всевѣдущи и всемогущи...

Рамтшандра прервалъ пуронта:

— Всевѣдущіе... Значитъ они знали, что Лилавати умретъ отъ жажды въ постный день вдовъ. Всемогущіе... Значитъ они могли до этого не допустить! Я думалъ, что высшее свойство боговъ—благость; но это заблужденіе: иначе они не дали бы Лилавати умереть отъ жажды.

— Остановись, Рамтшандра, безбожникъ! вскричалъ пуронтъ внѣ себя отъ негодованія. — Божества дѣйствительно благи; но развѣ ты можешь своими близорукими глазами познавать ихъ пути? Ты смотришь на эту краткую жизнь и не думаешь о рядѣ безчисленныхъ рожденій, въ которыя существа испытываются и воспитываются богами до тѣхъ поръ, пока, очистившись отъ всего земнаго, они не восходятъ къ своимъ руководителямъ, и въ концѣ своего поприща—къ великому покою Брамы. Впрочемъ, я не люблю разговора о благости и милости боговъ. Думай лучше о ихъ повелѣніяхъ и законахъ, — ими держится міръ. Сакбы всегда говорятъ о своемъ милостивомъ Богѣ... А! вотъ въ чемъ дѣло! Теперь мнѣ все ясно... Тебя портитъ общество саиба. Хотѣлъ бы я, чтобы этотъ проклятый варваръ...

— Ни слова о немъ! горячо прервалъ Рамтшандра фанатика.—Ты не знаешь его. Саибъ хорошій человѣкъ; такой же хорошій, какъ ты.

— Ты непочтителенъ, Рамтшандра, строго остановилъ его пуронтъ, — быстрые успѣхи въ наукахъ ослѣпили тебя; ты болѣе не чтишь ни возраста, ни опытности; я уже давно съ горестью это замѣтилъ.

Рамтшандра чувствовалъ себя пристыженнымъ; онъ сознавалъ, что далеко зашелъ, и сказалъ:

— Прости меня, достойный пастырь, но я боюсь, что уже не могу перемѣниться. Если кто-нибудь несправедливъ по отношенію ко мнѣ или кому другому, то во мнѣ все кипитъ, какъ въ морѣ тифонъ, вздымающій волны до самаго неба. Я не могу владѣть собою.

Пуронтъ, немного помолчавъ, сказалъ смягченнымъ тономъ:

— Рамтшандра, отчего ты не послѣдуешь моему совѣту и не возьмешь себѣ жены? Повѣрь, безбрачная жизнь не годится для такой огненной головы, какъ твоя.

Рамтшандра отмахнулся рукою, но пуронтъ продолжалъ:

— Я жалѣю, что твои родители не устроили твоего брака еще въ дѣтствѣ. Но дѣло поправимо: самыя уважаемыя семьи нашей касты съ радостью отдали бы тебѣ своихъ дочерей.

— Зачѣмъ вы настаиваете именно на моемъ бракѣ? возразилъ Рамтшандра.—Развѣ многіе брамины не остаются цѣлую жизнь неженатыми?.. И я такъ поступлю.

— Очень немногіе остаются безбрачными, значительно сказалъ пуронтъ,—и это совсѣмъ иныя натуры, не тебѣ чета:— тихіе, кроткіе люди, находящіе высшее счастье жизни въ отреченіи отъ міра, въ набожной созерцательности.

— Вы знаете, сказалъ молодой человѣкъ,—мою страстную любовь къ наукѣ и мое честолюбіе; кромѣ того, я ненавижу всякія оковы... Нѣтъ, я не могу жениться.

— Это единственная причина, Рамтшандра? испытующе спросилъ пуронтъ.

И когда молодой человѣкъ отвѣтилъ ему съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— Да, разумѣется!

Тогда пуронтъ остался видимо доволенъ.

— Я вѣрю этому, Рамтшандра... Но мое личное мнѣніе, что жена и ребенокъ не помѣшаютъ тебѣ учиться и наблюдать. За-то они, можетъ быть, исцѣлили бы тебя отъ страсти къ умствованіямъ. Ты слишкомъ много умствуешь, Рамтшандра! Здѣсь наши дороги расходятся. Прощай!

Оба брамина дошли, между тѣмъ, почти до Гатскихъ горъ и до береговыхъ построекъ Ганга. Послѣ того, какъ старшій распрощался, Рамтшандра продолжалъ идти дальше, желая присутствовать при сожженіи трупа Лилавати, которое должно было происходить за нѣсколько часовъ до захода солнца, а оно уже склонялось къ западу. Направляясь къ знакомому мѣсту сожиганія труповъ, Рамтшандра задумался надъ послѣдними словами пуронта.

„Я—слишкомъ много умствую? шепнулъ онъ про себя.—И этого мнѣ не разрѣшается! Развѣ цѣлый міръ, со всѣмъ, что въ немъ есть, не вызываетъ на размышленія? Куда я ни посмотрю, вездѣ цѣпь неразрѣшимыхъ загадокъ. Не загадка-ли законы природы?.. Какъ же надъ ними не призадуматься? Даже наши священныя книги, и тѣ полны загадокъ и—какъ мнѣ кажется — противорѣчій. Наставники, правда, называютъ ихъ мнимыми, внесенными нарочно для того, чтобы пытливый умъ изучающаго старался самъ отыскать настоящій путь; но часто, очень часто я вижу въ нихъ полную несоотвѣтственность съ толкованіями учителей. Ахъ... не скоро еще я достигну до того предѣла нашихъ знаній, гдѣ обитаетъ миръ! Я борюсь съ волнами и хочу переплыть. Но иногда теченіе меня подхватываетъ такъ сильно, что я начинаю тонуть... Полно, Рамтшандра, ты не утонешь, если будешь держаться за одно незыблемое въ мірѣ—за законы браманизма".

Вдругъ его мысли приняли иное направленіе:

„Что подразумѣвалъ пуронтъ, когда такъ испытующе смотрѣлъ на меня и спрашивалъ, единственно-ли изъ честолюбивой жажды знанія я не желаю вступить въ бракъ?.. Что онъ могъ думать?.. Вздоръ!"

Онъ замедлилъ шаги, такъ какъ былъ уже на разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ мѣста сожиганія труповъ.

„Сегодня тлѣнная оболочка Лилавати будетъ предана пламени, размышлялъ онъ.—Она сама пребываетъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и можетъ наслаждаться самымъ безоблачнымъ счастьемъ въ награду за свою вѣрность долгу. Но что это была за жизнь! Ужаснѣе существованія шакала и собаки парія, которые все-же гложутъ кости и могутъ по желанію утолять жажду. А сколько тысячъ и милліоновъ несчастныхъ вдовъ такъ страдали и страдаютъ... И Гопа можетъ... Страшная мысль!"

Онъ вздрогнулъ и поднялъ глаза. Тутъ онъ увидѣлъ невдалекѣ мистера Уайта, своего ученика, сидѣвшаго на камнѣ и срисовывавшаго полуразрушенныя береговыя постройки. Рамтшандра подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ:

— Салямъ, саибъ!

Мистеръ Уайтъ поднялъ голову и воскликнулъ:

— А, это вы, Рамтшандра... Салямъ! Присаживайтесь ко мнѣ. Я очень люблю это мѣсто и еще сегодня утромъ былъ здѣсь, чтобы видѣть купающихся индусовъ. Зрѣлище этой живописной толпы въ пестрыхъ одеждахъ доставляетъ мнѣ каждый разъ новое удовольствіе. Чудная картина, ей-Богу! Хотѣлось бы быть художникомъ, чтобы ее изобразить красками.

— А когда я смотрю на утреннее омовеніе индусовъ, сказалъ Рамтшандра, — какъ не похоже мое чувство на ваше, саибъ! Благоговѣніе массъ увлекаетъ меня, гимнъ просится на мои уста при видѣ этой тысячной толпы, вдохновляемой священнымъ одушевленіемъ.

— Или могуществомъ привычки, улыбнулся мистеръ Уайтъ.

Рамтшандра нахмурилъ брови, но продолжалъ, не смущаясь:

— Очиститься отъ грѣховъ предыдущаго дня посредствомъ погруженія въ Гангъ. А вы... вы говорите: „прекрасная картина!" и хотите ее рисовать... Я никогда васъ не пойму.

— За-то *я васъ* хорошо понимаю.

— Такъ! сказалъ Рамтшандра. — Вы имѣете преимущество знать о насъ больше, чѣмъ я о вашемъ народѣ. Скажите мнѣ, саибъ,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья,—какъ это возможно, чтобы вы, такъ много заботящіеся о чистотѣ, всегда одѣтые съ безукоризненною опрятностью, могли ѣсть и пить въ присутствіи людей не вашего сословія? Развѣ вы не чувствуете, какъ это васъ оскверняетъ?

— Нѣтъ, Рамтшандра, съ улыбкою отвѣчалъ англичанинъ,— этого мы не чувствуемъ. Вы—другое дѣло; въ васъ это чувство привито воспитаніемъ; быть можетъ оно даже врожденное, унаслѣдованное изъ рода въ родъ въ продолженіе столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ установился этотъ обычай.

— Обычай! горячо подхватилъ браминъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ установился такой обычай? Вы не вѣрите, что этотъ порядокъ вещей такъ же старъ, какъ міръ, что строгое разграниченіе кастъ на священной почвѣ Индіи было съ самаго начала волей Творца?.. Но нѣтъ, вы не можете этого понять. Не будемъ спорить объ этомъ. Скажите мнѣ что-нибудь другое. Вы, саибы, съ вашей государственною и свѣтскою мудростью; вы, подчинившіе себѣ землю и тайныя силы природы, какъ вы можете быть до такой степени ослѣплены, чтобы такъ мало охранять добродѣтель вашихъ женъ,— эту величайшую святыню мужа. Ваши женщины живутъ какъ вы; дѣлаютъ то, что имъ нравится; идутъ—куда имъ вздумается; шутятъ съ другими мужчинами, какъ съ собственнымъ мужемъ...

— И несмотря на это, такъ же добродѣтельны, какъ индусскія женщины, прервалъ мистеръ Уайтъ.—Истинная добродѣтель не нуждается въ присмотрѣ; она сама себя охраняетъ. Познакомьтесь съ нашими женщинами, Рамтшандра, и ихъ душевныя свойства будутъ для васъ настоящимъ откровеніемъ.

— Я вѣрю вамъ, саибъ, зная, что вы меня не обманете, сказалъ Рамтшандра, и продолжалъ, покачивая головой. — Только это удивительно, въ высшей степени удивительно! Какъ вы полагаете, справилась-ли бы индусская женщина съ такой неограниченною свободой?

— Разумѣется, если бы она была такъ же воспитана, какъ наши.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Ваши обычаи удивительны, непостижимы. Какъ вы всѣ вмѣстѣ ѣдите и пьете, точно такъ же и женитесь, какъ попало; поэтому о вашихъ дѣтяхъ нельзя сказать, какого они сословія и кто они такія.

— Да, Рамтшандра, отвѣчалъ англичанинъ, — мы женимся, какъ ты сказалъ, какъ попало. Насъ сводитъ или одинаковый уровень развитія, или обстоятельства, а прежде всего взаимная склонность.

— И вы допускаете это?.. Я не буду ссылаться на наши книги закона, потому что для васъ онѣ ничего не значатъ. Но посмотрите кругомъ себя, на природу. Вы увидите, что въ мірѣ животныхъ каждая порода держится особо, страшась общенія съ другой, чуждою ей породой. Развѣ тигръ сходится съ пантерою, или орелъ—съ коршуномъ? Почему же у людей браминъ долженъ имѣть право вступать въ бракъ съ дочерью купца, купецъ съ дочерью воина, воинъ съ дочерью кули?

— Невѣроятное ослѣпленіе!

— Нѣтъ, саибъ, это вы слѣпы, ибо не видите границъ, воздвигнутыхъ небожителями. Вы, въ своемъ заблужденіи, уничтожили ихъ, поэтому спасеніе на-вѣки для васъ недостижимо.

— Теперь, Рамтшандра, вы затрогиваете нѣчто такое, о чемъ я также совершенно иного мнѣнія, спокойно сказалъ мистеръ Уайтъ.—Всѣ ваши системы, которыя я съ вами прохожу, хотятъ достигнуть спасенія (въ смыслѣ освобожденія каждой отдѣльной души отъ мукъ земнаго существованія) при посредствѣ разума, въ томъ или другомъ его проявленіи. Я же ищу спасенія въ области нравственной и думаю, что каждый можетъ его достичь еще въ этой жизни. Послѣдователи Будды, Просвѣщеннаго, котораго вы, брамины, изгнали изъ страны, ближе къ истинному пониманію спасенія, чѣмъ вы. Не сердитесь на мои слова, Рамтшандра, и отвѣтьте мнѣ еще на одинъ вопросъ: всѣ тѣ, кого вы только что назвали,—браминъ, воинъ, кули и другія ваши безчисленныя касты,—не подходятъ ли онѣ подъ одну категорію—людей?

— Нѣтъ, рѣшительно возразилъ Рамтшандра, — слово *человѣкъ* означаетъ общность строенія, означаетъ существо, имѣющее голову, туловище, руки и ноги; но вы не убѣдите меня, чтобы это была одна порода—никогда!

— Я могъ ожидать этого отвѣта, сказалъ судья и, съ минуту подумавъ, продолжалъ:—Вы, разумѣется, не сомнѣваетесь въ томъ, что въ вашихъ жилахъ течетъ совершенно чистая кровь браминовъ, безъ всякой примѣси?

— Не сомнѣваюсь, строго отвѣчалъ спрошенный.—Прошу и васъ въ этомъ не сомнѣваться. Тутъ идетъ дѣло о томъ, что для меня выше всего,—о моемъ единственномъ достояніи.

Но мистеръ Уайтъ, задавшись какою-нибудь мыслью, не привыкъ останавливаться на половинѣ дороги и потому не обратилъ вниманія на слова брамина.

— Случалось-ли вамъ видѣть когда-нибудь, продолжалъ онъ спрашивать,—ваше лицо въ зеркалѣ?

— Разумѣется, съ удивленіемъ сказалъ Рамтшандра. — Но что же изъ того?

— Вы вѣрно замѣтили, что чертами лица вы совершенно не походите на здѣшнихъ браминовъ?

— Ничего мудренаго: вѣдь я изъ Раджпутаны.

— Однако ваше лицо имѣетъ особый своеобразный отпечатокъ, какого мнѣ не случалось видѣть на лицахъ другихъ браминовъ ни въ одной изъ областей Индіи. Выслушайте-ка спокойно то, что я вамъ сейчасъ скажу, Рамтшандра. Знаете-ли вы, что въ древности, раньше еще, чѣмъ ваши теперешніе своды законовъ вступили въ силу, бракъ въ вашей странѣ не былъ обставленъ такими строгими правилами, какъ теперь? Мужчина, избравъ себѣ первую жену изъ своей касты, имѣлъ право брать другихъ женъ изъ низшихъ кастъ; но дѣти, независимо отъ происхожденія матери, всѣ слѣдовали кастѣ отца. Такимъ образомъ отъ женщины воинской или ремесленной касты могъ произойти браминъ. Теперь сообразите, Рамтшандра, какъ мало чистыхъ браминскихъ родовъ въ Раджпутанѣ и подумайте о знаменитыхъ военныхъ родахъ вашего отечества; не могли-ли гордыя дочери воиновъ нравиться вашимъ предкамъ, въ то время, когда такія склонности еще не считались предосудительными?.. Повѣрьте мнѣ, въ вашихъ жилахъ течетъ больше крови воиновъ, чѣмъ браминовъ,—это доказываетъ весь вашъ характеръ. На вашемъ мѣстѣ я гордился бы такою примѣсью силы къ моей крови.

Рамтшандра молчалъ. Брови его сдвинулись, лицо приняло мрачное выраженіе. Никогда еще онъ не думалъ о томъ, что теперь казалось ему такъ очевидно. Да и какъ могъ онъ думать: даже въ наше время брамины такъ щекотливы, что приходятъ въ негодованіе при самомъ невинномъ разговорѣ о ихъ происхожденіи. Но какъ опровергнуть саиба? Наконецъ Рамтшандра проговорилъ:

— Чтобы судить о расѣ, нужно принадлежать къ нашему народу. Могучій внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что вы неправы.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Знахарь. (Рис. на стр. 956).

Вотъ онъ сидитъ — угрюмый и вдумчивый, замкнутый въ себѣ и несообщительный... Передъ нимъ на столѣ разбросаны тѣ травы и злаки, тѣ корни и поросли, которые онъ одинъ умѣетъ сбирать, сушить и сохранять, онъ одинъ умѣетъ варить и парить, готовя изъ нихъ отвары и настойки, порошки и втиранья, на пользу тому, кто ему любъ, на муку тому, кто не любъ и не угоденъ... Недаромъ онъ *знахарь*! Онъ много знаетъ такого, чему не мѣшало бы поучиться у него нашимъ докторамъ... Онъ, съ дѣтства живя среди природы, весь вѣкъ свой зорко и внимательно слѣдитъ за тѣмъ тѣснымъ уголкомъ, который представляетъ для него вселенную; онъ точно знаетъ въ ней всякую былинку, твердо помнитъ весь рядъ своихъ долгихъ, разнообразныхъ наблюденій, подкрѣпленныхъ завѣщанными ему дѣдомъ и прадѣдомъ тайнами природы. Помнитъ онъ, сверхъ того, и всѣ тѣ *наговоры, причитанья* и *нашептыванья*, въ которыхъ вѣщая сила слова, сливаясь съ тайною силою природы, вызываетъ и направляетъ ея дивныя силы на зло и на благо, по произволу знахаря. И вотъ, идетъ къ знахарю болящій за исцѣленіемъ, идетъ любящій за приворотнымъ корнемъ, идетъ и хилый за подкрѣпленіемъ падающихъ силъ. И всѣмъ онъ нуженъ, и всѣмъ онъ страшенъ, и и всѣ передъ нимъ шапку ломятъ; а онъ—суровый, угрюмый и мрачный—сидитъ себѣ сиднемъ надъ своими зельями, корешками и травами, и шепчетъ свои вѣщія заклинанія и заговоры, вторя отголоскамъ повѣрій и преданій, долетѣвшимъ до него изъ глубокой, сѣдой старины.

Первый снѣгъ. (Рис. на стр. 957).

Первый снѣгъ! Деревья еще не успѣли сбросить разноцвѣтный осенній уборъ, а первый снѣжокъ, предтеча зимы, кружась и сверкая, покрываетъ серебряною пылью умирающую природу. Первый снѣгъ! Прощайте игры и забавы на открытомъ воздухѣ, въ саду, въ полѣ, въ лѣсу... Придется оставаться въ комнатахъ въ эти наступающіе долгіе, скучные, туманные дни. Больше всѣхъ чувствуютъ это вынужденное затворничество дѣти, и потому понятна та грусть, съ которою порой ребенокъ встрѣчаетъ первый снѣгъ.

Изобрѣтатель. (Рис. на стр. 961).

Картина Эрнеста Новака переноситъ зрителя въ мастерскую одного изъ тѣхъ изобрѣтателей, которые все свое время, свои познанія и средства тратятъ на осуществленіе несбыточныхъ проектовъ. Сосредоточенный и настойчивый, онъ много дней и ночей провелъ за рабочимъ столомъ, устраивая летающую машину или нѣчто въ этомъ родѣ, въ надеждѣ удивить міръ, прославиться и разбогатѣть. Неудачи и лишенія его не останавливаютъ, и онъ, весь поглощенный своими исканіями, приноситъ въ жертву имъ и здоровье, и познанія, и время.

Вѣтерокъ подымается. (Рис. на стр. 964).

Эта картина художника напоминаетъ намъ извѣстные стихи А. Фета:

...Въ заливѣ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпела,
Далеко небеса ушли—
И къ нимъ морская даль ушла.
Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

„Стѣна плача“ въ Іерусалимѣ. (Рис. на стр. 965).

Мѣстность Іерусалима — этого древнѣйшаго города Палестины — переполнена величавыми развалинами и остатками глубокой, сѣдой старины. Всѣ эти остатки и развалины, по многимъ и весьма разнообразнымъ причинамъ, до сихъ поръ еще весьма мало изслѣдованы; раскопки и археологическое разслѣдованіе іерусалимскихъ древностей еще только начинаются въ настоящее время и должны будутъ, вѣроятно, современемъ, привести къ такимъ же любопытнымъ выводамъ и открытіямъ, какъ раскопки Шлимана въ Малой Азіи.

Къ числу весьма любопытныхъ памятниковъ Іерусалима принадлежатъ и остатки его древней стѣны, нѣкогда разрушенныхъ римлянами, послѣ того какъ они, одолѣвъ іудеевъ, взяли ихъ главный городъ и уничтожили ихъ царство. Стѣна эта, мѣстами весьма толстая и даже доселѣ еще весьма высокая (напр., въ той части, которая обращена къ Іосафатовой долинѣ), кое-гдѣ проходитъ на краю древняго, глубокаго рва, а кое-гдѣ почти равняется съ землею, и представляетъ собою громадные бугры вѣковаго мусора. Кладка стѣны весьма разнообразна: болѣе правильная въ верхнихъ частяхъ, она состоитъ изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ въ нижнихъ, ближайшихъ къ основанію, и отчасти напоминаетъ собою циклопическія постройки пелазговъ древней Греціи. Около такихъ-то остатковъ стѣны, отличающихся древнею кладкою, а также и около какихъ-то заложенныхъ камнями древнихъ воротъ, доселѣ съ благоговѣніемъ собираются евреи. Ихъ почти всегда можно тамъ встрѣтить небольшими группами. Приникнувъ къ стѣнѣ головою или прислонясь къ стѣнѣ руками, они устремляютъ взоры въ какія-то книжки, по которымъ бормочутъ священныя изреченія и псалмы. Предполагаютъ, что они приходятъ сюда по обѣту—оплакивать свое древнее разоренное царство и вспоминать о его минувшемъ величіи.

Въ Бозѣ почившая королева Виртембергская Ольга Николаевна. (Портр. на этой стр.).

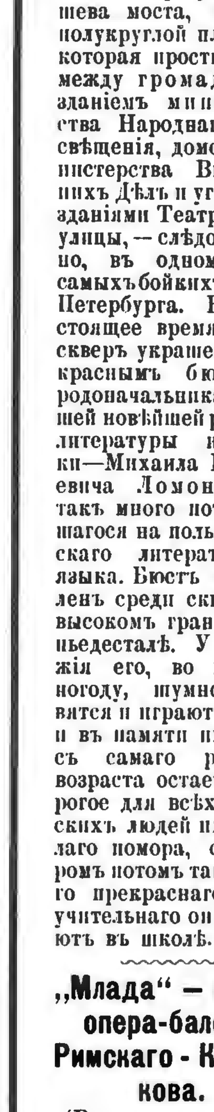
18 октября телеграфъ принесъ печальную вѣсть еще объ одной тягостной утратѣ, понесенной Россійскимъ Императорскимъ Домомъ. Въ этотъ день скончалась ея величество вдовствующая королева Виртембергская, Ольга Николаевна, родная тетка Государя Императора и младшая изъ дочерей императора Николая I. Въ послѣднее время жизни, ея величество, давно уже страдавшая недугомъ, который свелъ ее въ могилу, пожелала для облегченія своихъ страданій и подкрѣпленія силъ переѣхать на Констанцкое озеро, въ Фридрихсгафенъ. Но и здѣсь облегченія не послѣдовало—и смерть наступила ранѣе, чѣмъ даже можно было ожидать, по общему ходу болѣзни. Королева скончалась на 71 году своей жизни (родилась 30 августа 1822 года), къ великому и вполнѣ искреннему горю всѣхъ своихъ подданныхъ, которые чрезвычайно любили въ Бозѣ почившую королеву Ольгу Николаевну за ея доброту и доступность, и вообще за прекрасныя, высокія качества души, вполнѣ соотвѣтствовавшія той поразительной красотѣ, которою русская великая княжна блистала въ молодости. Въ 1846 году (13 іюля) сочетавшись бракомъ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ Карломъ-Фридрихомъ-Александромъ (вступившимъ на престолъ въ 1873 г.), Ольга Николаевна съумѣла полюбить свою новую родину и привлечь къ себѣ сердца всѣхъ обширною и общеполезною благотворительною дѣятельностью. Съ одной стороны, покровительствуя искусствамъ, королева Виртембергская, съ другой стороны — старалась оказать посильную помощь каждому страждущему и нуждающемуся. Вполнѣ оцѣнивая эти свойства своей августѣйшей супруги, король Карлъ основалъ въ 1880 г., въ честь ея, орденъ Ольги, жалуемый лицамъ обоего пола, добровольно принимающимъ на себя тяжкій трудъ ухода за больными и ранеными воинами. Этотъ орденъ состоитъ изъ серебрянаго креста съ изображеніемъ на серебрѣ эмалеваго краснаго креста и вензелей короля и королевы; лента при орденѣ черно-красная.

Въ Бозѣ почившая королева Виртембергская Ольга Николаевна.
(† 18 октября 1892 г.).

Тѣло въ Бозѣ почившей королевы Ольги Николаевны было перевезено изъ Фридрихсгафена въ Штутгартъ, для погребенія въ фамильной королевской усыпальницѣ.

Памятникъ Ломоносову въ скверѣ у Чернышева моста. (Рис. на стр. 971).

Въ послѣднее двадцатилѣтіе Петербургъ, вообще довольно бѣдный зеленью и садами, сталъ, мало-по-малу, восполнять этотъ весьма существенный недостатокъ тѣмъ, что его слишкомъ многочисленныя и слишкомъ обширныя площади стали обращаться въ скверы. Пыльныя и грязныя въ ненастное время мостовыя замѣняются на этихъ площадяхъ гладко-укатанными, опрятными дорожками, пролегающими среди газона и группъ зелени. Тамъ, гдѣ прежде трудно было и пробраться не запылившись и не запачкавшись, теперь явились мѣста, удобныя для отдыха и прогулки, для дѣтскихъ игръ и веселой бѣготни. Въ короткое время устроены, такимъ образомъ, нѣсколько новыхъ скверовъ и бульваровъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде были некрасивые пустыри, склады всякаго ненужнаго хлама или шумныя биржи ломовыхъ извозчиковъ. Однимъ изъ послѣднихъ въ числѣ этихъ скверовъ былъ тотъ, который въ настоящую минуту наименованъ *Ломоносовскимъ*.



Это—скверъ у Чернышева моста, на той полукруглой площади, которая простирается между громаднымъ зданіемъ министерства Народнаго Просвѣщенія, домомъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ и угловыми зданіями Театральной улицы, — слѣдовательно, въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Петербурга. Въ настоящее время этотъ скверъ украшенъ прекраснымъ бюстомъ родоначальника нашей новѣйшей русской литературы и науки—Михаила Васильевича Ломоносова, такъ много потрудившагося на пользу русскаго литературнаго языка. Бюстъ поставленъ среди сквера на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ. У подножія его, во всякую погоду, шумно рѣзвятся и играютъ дѣти, и въ памяти ихъ уже съ самаго ранняго возраста остается дорогое для всѣхъ русскихъ людей имя смѣлаго помора, о которомъ потомъ такъ много прекраснаго и поучительнаго они узнаютъ въ школѣ.

„Млада" — новая опера-балетъ Римскаго-Корсакова.

(Рис. на стр. 972).

„Млада", опера-балетъ г. Римскаго-Корсакова, должна считаться первой крупной новинкой текущаго сезона. „Млада" имѣетъ свою исторію. Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, бывшій директоръ казенныхъ театровъ Гедеоновъ написалъ планъ и сценарій для оперы-балета; балетную часть музыки написалъ Минкусъ, а оперную взялись сочинить гг. Кюи, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ и Мусоргскій, теперь уже умершіе. Затѣя Гедеонова однако почему-то не состоялась, и только уже въ 1889 г. г. Римскій-Корсаковъ задумалъ написать свою „Младу", съ которой мы теперь и имѣемъ дѣло.

Дѣйствіе „Млады" разыгрывается въ славянскихъ земляхъ Балтійскаго поморья въ IX или X вѣкѣ. Фабула вращается на слѣдующемъ. Арконскій князь Яромиръ полюбилъ ругскую княжну Младу; ее возненавидѣла Войслава, дочь ратарскаго князя Мстивоя, такъ какъ она сама любитъ Яромира, и отравила невѣсту, во время обрученія ея съ Яромиромъ. Послѣ этого, Войслава всячески старается завлечь Яромира, котораго вездѣ и повсюду преслѣдуетъ тѣнь Млады. Между тѣмъ Мстивой совѣтуетъ дочери „приворожить арконскаго князька"; въ противномъ случаѣ онъ грозитъ силой взять Аркону. Войслава обращается къ содѣйствію богини любви Лады, но подошедшая старуха Святохна предлагаетъ ей стать послушной рабой Морены (богиня подземныхъ царствъ) и въ такомъ случаѣ сулитъ ей оказать всякое содѣйствіе. Какъ разъ въ

это время наступаетъ праздникъ Купала, на который прибываетъ и Яромиръ со своей свитой.

Ему собственно нравится Войслава, но въ сновидѣніи онъ получаетъ указаніе на то, что Млада была ею отравлена; онъ, конечно, этому не вѣритъ; убѣждается же онъ тогда, когда Млада является между нимъ и Войславой въ хороводѣ, какъ разъ въ то время, когда имъ нужно цѣловаться, и еще болѣе, когда „стародавніе князья“ (Само и Чехъ; Кій, Щекъ и Хоривъ, и наконецъ Ванда и Любуша) прямо говорятъ ему: „отомсти Войславѣ“. Тутъ онъ закалываетъ ее, и въ апоѳеозѣ является съ Младой, ведущей его въ небесные чертоги боговъ. Но такъ какъ Морена обѣщала помочь Войславѣ, то этому обстоятельству удѣленъ цѣлый актъ („Млада“ въ четырехъ дѣйствіяхъ), въ которомъ Чернобогъ (въ образѣ козла) для прельщенія души Яромира вызываетъ египетскую царицу Клеопатру; но ея очарованія оказываются безуспѣшными и Яромиръ все-же остается вѣренъ своей Младѣ. Въ противоположность духамъ тьмы выведены еще боги свѣта (Лада, Радегастъ и пр.), которымъ приносятся жертвы.

Это краткое изложеніе сюжета „Млады“ ясно указываетъ намъ, что авторъ широко воспользовался для драмы и фантастическимъ элементомъ; въ связи съ этимъ элементомъ, онъ охотно удѣляетъ мѣсто и танцамъ, и обрядамъ древнихъ славянъ. Словомъ, названіе „опера-балетъ“ вовсе не исчерпываетъ всего, что далъ композиторъ въ этомъ произведеніи. Однако его нельзя причислить ни къ драмѣ, ни къ балету, ни къ оперѣ въ обыденномъ смыслѣ этого слова; композиторъ, принадлежа къ группѣ нашихъ новаторовъ въ музыкѣ, старается быть оригиналенъ и новъ, не только по музыкѣ, но и по пріемамъ, по формамъ своей драмы. Въ итогѣ его балетъ не балетъ, а опера — не опера; все какъ-то выходитъ шиворотъ на выворотъ: оперные пѣвцы танцуютъ, танцовщица играетъ драматическую роль. Въ томъ и другомъ случаѣ оркестръ не перестаетъ гремѣть, и слушатель выходитъ изъ театра съ какимъ-то шумомъ въ головѣ.

Для пѣнія у солистовъ въ „Младѣ“ ничего нѣтъ; все замѣнено или просто речитативами, и мало выразительными къ тому-же, или же на лучшій конецъ аріозами; но и таковыхъ очень мало; въ большинствѣ же случаевъ всѣ разговариваютъ подъ непрестанный громъ оркестра. Партіи для солистовъ написаны очень неудобно, несмотря на увѣренія автора въ „Предисловіи“ къ „Младѣ“, что „всѣ сольныя, хоровыя и оркестровыя партіи написаны *удобоисполнимо*“ (курсивъ въ подлинникѣ). Артистамъ приходится кричать, а не пѣть, и несомнѣнною заслугою ихъ является уже то, что они не отказались отъ своихъ партій. Исключеніемъ является пѣсенка Лумира (эпизодическая роль чешскаго пѣвца).

Самую содержательную часть составляетъ музыка „Млады“. Извѣстно, что г. Римскій-Корсаковъ—это одинъ изъ тѣхъ художниковъ, для которыхъ внѣшняя сторона дѣла всегда беретъ верхъ надъ внутренней; именно *описательная* музыка составляетъ его область. И вотъ онъ далъ картину служенія Чернобогу, которая поражаетъ своими эффектами, оркестровыми красками, необычными ритмами; словомъ, тутъ г. Римскій-Корсаковъ далъ полный просторъ своему умѣнью обращаться съ инструментами, хотя нужно тутъ-же сказать, что эта сложная музыкальная техника можетъ заинтересовать музыканта, а не публику,—и дѣйствительно публика осталась холодной ко всему произведенію; ни одинъ нумеръ не былъ повторенъ; правда, индѣйскую пляску просили повторить, но это потому, что г-жа Скорсюкъ вноситъ много жизни въ этотъ танецъ; затѣмъ, ни одинъ исполнитель не удостоился аплодисментовъ. Поставлена и разучена „Млада“ превосходно, какъ это только и возможно на казенной сценѣ, обладающей такими громадными средствами.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

19 октября, въ присутствіи императора, императрицы Германскихъ и иностранныхъ государей, состоялось освященіе реставрированной замковой церкви въ Виттенбергѣ. По окончаніи церемоніи, за завтракомъ въ домѣ Лютера, императоръ, поднявъ бокалъ, который былъ поднесенъ городомъ реформатору Лютеру на свадьбу его въ 1525 году, провозгласилъ тостъ за германскихъ евангелическихъ государей, правительства и вольные города.

20 октября въ Прагѣ происходило совѣщаніе тѣхъ делегатовъ, которые присланы были туда чешскими депутатами всѣхъ партій въ Чехіи, Моравіи и Силезіи для обсужденія вопроса объ общемъ съѣздѣ. Въ предсѣдатели выбранъ былъ делегатъ отъ моравскаго высшаго дворянства, графъ Эгбертъ Белькреди. Послѣ продолжительныхъ преній, во время которыхъ со всѣхъ сторонъ высказано было желаніе объединенія, Ригеръ предложилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что присутствующіе на совѣщаніи представители Чехіи, Моравіи и Силезіи стоятъ за введеніе чешскаго государственнаго права, требуютъ, чтобы корона имѣла надлежащаго представителя, а также желаютъ, чтобы, въ интересахъ общей пользы, между участвующими партіями постоянно соблюдалось единодушіе. Резолюція эта принята единогласно. Чешскія газеты съ восторгомъ привѣтствуютъ это сліяніе всѣхъ чешскихъ партій — высшаго дворянства, младочеховъ и старочеховъ.

По словамъ *Галицкой Руси*, эмиграціонное движеніе среди русскихъ селянъ, пріостановившееся на время, возобновляется съ новой силой. По этому поводу, какъ сообщаютъ изъ Львова, полицейскій областной комитетъ разослалъ всѣмъ общинамъ на русской границѣ циркуляръ съ предложеніемъ навести справки о матеріальныхъ, политическихъ и соціальныхъ причинахъ, побуждающихъ къ переселенію въ Россію.

На бывшемъ, 15 октября, въ Туринѣ избирательномъ банкетѣ министръ Бринъ сказалъ, что ни одна держава не настроена такъ миролюбиво и не содѣйствовала такъ много поддержанію мира, какъ Италія. „Этому — присовокупилъ министръ — мы обязаны полнымъ исчезновеніемъ недовѣрія со стороны союзниковъ и друзей, которые даже послѣ совершившихся у нихъ перемѣнъ въ правительственныхъ сферахъ не мѣняютъ о насъ мнѣнія, потому что наши желанія и мысли остаются неизмѣнными. Такая перемѣна произошла недавно въ Англіи, на дружбу которой Италія привыкла разсчитывать, такъ какъ обѣ державы исполнены въ одинаковой степени желаніемъ сохранить миръ. Охранительныя цѣли, ими преслѣдуемыя, вполнѣ естественны; мы идемъ безъ всякихъ усилій по одному и тому-же пути и даже безъ предварительныхъ соглашеній. Миръ, котораго такъ очевидно и рѣшительно желаетъ Италія, успокоиваетъ всѣхъ и придаетъ правительству необходимую силу для достиженія цѣлей внутренней политики, полезныхъ для націи“.

Стачники въ Кармо, послѣ рѣшенія Лубэ, рѣшили было сначала не прекращать стачки до тѣхъ поръ, пока компанія не согласится принять вновь на службу всѣхъ рабочихъ. Но благоразуміе взяло наконецъ верхъ и забастовщики Кармо единогласно постановили, 19 октября, возобновить работы.

Французы подвигаются все далѣе, въ глубь Дагомеи. Французское морское министерство получило отъ полковника Додса телеграмму изъ Котоны, отъ 19 октября, которою онъ доноситъ, что дагомейская армія, въ полномъ составѣ, произвела 8 и 9 октября ожесточенную атаку на Акну, но была отбита съ большимъ урономъ. Беганзинъ просилъ начать переговоры, и Додсъ поставилъ ему условіемъ, чтобы онъ очистилъ Кото; Беганзинъ отказался. Тогда французская колонна, получившая 14 октября подкрѣпленія, возобновила дѣйствія и овладѣла двумя линіями укрѣпленій между Акной и Котоной, а потомъ взяла Котону и линіи Кото, которыя оказались еще болѣе сильными, чѣмъ всѣ встрѣчавшіяся донынѣ. Въ этихъ различныхъ дѣлахъ французы потеряли 10 человѣкъ убитыми и 73 ранеными. Полковникъ Додсъ стоялъ 19 октября лагеремъ на западъ отъ Кото, на дорогѣ въ Кану, готовый возобновить движеніе впередъ. Онъ сообщаетъ, что сопротивленіе дагомейцевъ стало слабѣе, и что дагомейцы понесли со времени начала кампаніи большія потери.

Смѣсь.

Положеніе о 1-мъ съѣздѣ Русскихъ Зодчихъ, при С.-Петербургскомъ Обществѣ Архитекторовъ въ С.-Петербургѣ въ 1892 году. Съѣздъ созывается съ цѣлью взаимнаго сближенія Русскихъ Зодчихъ и возможно большаго распространенія между техниками свѣдѣній о современномъ состояніи этого дѣла.

Предсѣдатель и Секретарь Съѣзда избираются С.-Петербургскимъ Обществомъ Архитекторовъ и утверждаются Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Каждый отдѣлъ выбираетъ изъ своей среды Предсѣдателя и Секретаря.

Предсѣдатели Съѣзда и его отдѣловъ вмѣстѣ съ Секретаремъ Съѣзда образуютъ Совѣтъ Съѣзда, которому подлежатъ: разсмотрѣніе всѣхъ административныхъ вопросовъ, могущихъ возникать на Съѣздѣ, заготовленіе и окончательная редакція резолюцій Съѣзда и разсмотрѣніе отдѣльныхъ мнѣній, которыя могли бы поступить отъ Членовъ Съѣзда послѣ принятія резолюцій—не позже, однако, одной недѣли по закрытіи его засѣданій.

Членами съѣзда могутъ быть: а) Дѣйствительные Члены существующихъ въ Россіи Архитектурныхъ обществъ. б) Архитекторы и Инженеры Гражданской строительной части. в) Представители Правительственныхъ и Общественныхъ учрежденій. г) Ученые, занимающіеся разработкою вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ гражданско-строительному дѣлу.

Лица, упомянутыя въ предъидущемъ пунктѣ, желающія быть Чле-

нами Съѣзда, заявляютъ о томъ Правленію С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ заблаговременно.

Входный билетъ и отличительные знаки для Членовъ Съѣзда раздаются въ Правленіи С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ. При этомъ за билетъ, знакъ и экземпляръ программы Съѣзда взимается съ каждаго Члена единовременно по 10 руб.

По открытіи Съѣзда, дѣятельность Общества Архитекторовъ по отношенію къ Съѣзду прекращается и дѣла передаются Предсѣдателю Съѣзда.

Занятія Съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ Съѣзда и въ постановленіи резолюцій по обсуждающимся вопросамъ; печатаніе докладовъ, ровно какъ преній, вполнѣ или въ извлеченіи, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта Съѣзда по соглашенію съ ихъ авторами.

По принятіи резолюціи Совѣтъ Съѣзда, послѣ приведенія всѣхъ дѣлъ его въ порядокъ, представляетъ ихъ въ Правленіе С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ со своимъ заключеніемъ о дальнѣйшемъ направленіи возбужденныхъ на Съѣздѣ вопросовъ.

Во время Съѣзда будетъ ежедневно выходить, подъ редакціею редактора изданія С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ „Зодчаго“, дневникъ Съѣзда, заключающій въ себѣ необходимыя для гг. Членовъ Съѣзда справки и свѣдѣнія, программу распредѣленія занятій и краткій отчетъ засѣданія.

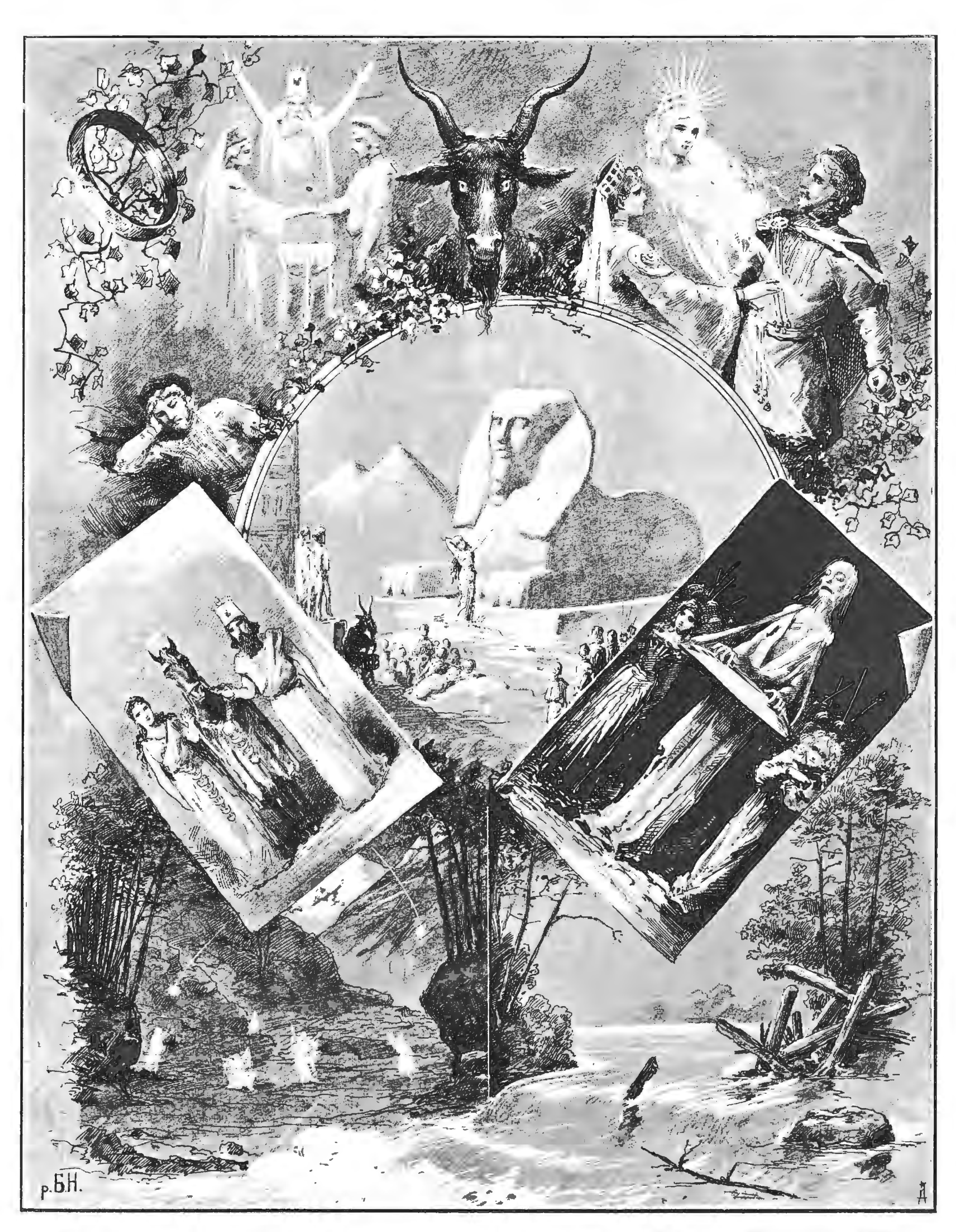
Во время Съѣзда имѣютъ быть произведены спеціально технические осмотры. Равнымъ образомъ во время Съѣзда имѣютъ быть устраиваемы спеціальныя выставки.

Предполагаемое распредѣленіе занятій 1-го Съѣзда Русскихъ Зодчихъ въ С.-Петербургѣ въ 1892 г.

Съѣздъ продлится 7 дней, съ 9 по 16 декабря 1892 года. 9 декабря, въ среду, въ 2 ч. дня состоится торжественное открытіе Съѣзда Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Почетнымъ Предсѣдателемъ Общества Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ зданіи Императорской Академіи Художествъ; сейчасъ же послѣдуетъ: сформированіе отдѣловъ Съѣзда и выборы Предсѣдателей и Секретарей этихъ отдѣловъ; осмотръ архитектурной выставки, спеціально устроенной, по случаю Съѣзда, въ залѣ

(Продолженіе на стр. 974).

Памятникъ М. В. Ломоносову въ скверѣ у Чернышева моста.
Съ фот. генерала Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.



„Млада“—новая опера-балетъ Римскаго-Корсакова. Поставлена въ 1-й разъ 20 октября 1892 г. на сценѣ Маріинскаго театра въ СПБ.

I дѣйствіе. Обрученіе Млады съ Яромиромъ.
II дѣйств. Жрецъ и жрица ведутъ священ. коня.
III дѣйств. Слетающіяся тѣни усопшихъ душъ.

Чернобогъ, въ видѣ козла.
Сцена въ царствѣ Клеопатры.

Млада является Яромиру.
Кощей, играющій на гусляхъ.
IV дѣйств. Потопъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1893 г.

Въ наступающемъ 1893 году *Нива* будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ-же объемѣ и по той-же самой программѣ, постепенно расширявшейся въ теченіе 23-лѣтняго существованія журнала, подъ непосредственнымъ вліяніемъ быстро возраставшихъ литературныхъ и художественныхъ требованій нашего общества. Строго выработанная въ настоящее время наша программа имѣетъ въ виду одну постоянную цѣль: возможно-полное удовлетвореніе нравственныхъ, умственныхъ и художественныхъ потребностей **русской семьи.** Выполняя эту программу, нашъ журналъ и въ 1893 году, какъ и въ прошлые годы, дастъ своимъ читателямъ рядъ беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей и разсказовъ), принадлежащихъ перу нашихъ лучшихъ писателей, и рядъ статей научныхъ, изложенныхъ въ общедоступной формѣ. Рядомъ съ этимъ богатымъ матеріаломъ, въ журналъ войдутъ болѣе мелкія статьи, знакомящія нашихъ читателей съ успѣхами знанія, съ новѣйшими открытіями и изобрѣтеніями, съ выдающимися явленіями русской и мировой, политической и общественной жизни, или же доставляющія каждому полезныя свѣдѣнія, немаловажныя въ домашнемъ обиходѣ.

Вышеуказаннымъ направленіемъ журнала опредѣляются и его художественныя задачи. Въ огромной массѣ иллюстрацій, которыя въ немъ будутъ помѣщены въ 1893 году, наши читатели постоянно будутъ видѣть яркое отраженіе современнаго состоянія русскаго и иностраннаго искусства. Въ нашемъ журналѣ будутъ воспроизведены лучшія картины, появившіяся на выставкахъ въ теченіе года, а также и оригинальные рисунки русскихъ художниковъ, изготовленные спеціально для *Нивы*, и художественные снимки типовъ и бытовыхъ сценъ изъ русской народной жизни.

Сверхъ того, къ статьямъ научнаго содержанія будутъ прилагаемы необходимые пояснительные чертежи и рисунки.

Относительно распредѣленія литературнаго и художественнаго матеріала, *Нива* въ 1893 году сохранитъ ту форму, которую она имѣла въ послѣдніе два года. Сверхъ

52 №№ *еженедѣльнаго журнала,*

дающихъ въ болѣе короткіе сроки пріятное и полезное чтеніе, знакомящее читателей съ выдающимися событіями русской и заграничной жизни, подписчики получатъ

12 КНИГЪ „СБОРНИКА“

(каждая въ объемѣ отъ 200—400 страницъ убористой печати), въ которыхъ, не стѣсняясь мѣстомъ, редакція *Нивы* будетъ печатать въ полномъ объемѣ или крупными частями беллетристическія произведенія и болѣе обширныя статьи научнаго содержанія. Чтобы дать понятіе людямъ, незнакомымъ съ *Нивою*, о томъ обиліи литературнаго матеріала, который вмѣщаютъ въ себѣ ежегодно книжки **„Сборника“**, мы замѣтимъ здѣсь кстати, **что въ одномъ только 1892 году 12 книжекъ „Сборника Нивы“ заключаютъ въ себѣ около**

3300 страницъ

интереснаго и поучительнаго чтенія.

Изъ двѣнадцати книгъ сборника и въ наступающемъ году, точно такъ-же, какъ и въ два предшествующіе года,

три книги получатъ особое постоянное назначеніе.

Редакція *Нивы* поставила себѣ задачею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давать читателямъ журнала, **въ этихъ трехъ книгахъ,** подъ общимъ наименованіемъ **„Русской классической библіотеки“**, лучшія изъ классическихъ сочиненій русскихъ писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка, имѣющія важное значеніе въ исторіи русской литературы. Къ этимъ классическимъ сочиненіямъ будутъ приложены необходимыя объясненія и примѣчанія, а также и біографіи авторовъ, съ прекрасно-гравированными на стали портретами ихъ. Внося „Русскую классическую библіотеку“ въ составъ книгъ своего „Сборника“, редакція *Нивы* имѣетъ въ виду, что бо́льшая часть избранныхъ ею классическихъ произведеній существуетъ въ настоящее время или въ давно-распроданныхъ и притомъ весьма небрежныхъ изданіяхъ, или въ весьма дорогихъ, недоступныхъ публикѣ, изданіяхъ академическихъ, и такимъ образомъ подвергается незаслуженному забвенію. Вотъ почему собраніе подобныхъ классическихъ произведеній, изданныхъ редакціею *Нивы*, должно будетъ имѣть весомнѣнно-общій интересъ. Мы полагаемъ, что среди разнообразныхъ читателей *Нивы*, многіе, только при посредствѣ нашей „Русской классической библіотеки“, впервые получатъ возможность пріобрѣсти эти классическія произведенія для своихъ библіотекъ; а многіе другіе даже впервые ознакомятся съ такими произведеніями русской литературы, которыя были имъ извѣстны прежде въ отрывкахъ или характеристикахъ учителей и учебниковъ. Надѣемся, что и тѣ, и другіе—будутъ намъ одинаково признательны...

И такъ, въ наступающемъ 1893 году, въ числѣ 12 ежемѣсячныхъ книгъ „Сборника“, подписчики получатъ

въ АПРѢЛѢ, АВГУСТѢ и ДЕКАБРѢ

три тома произведеній классическихъ русскихъ писателей, а именно:

Сочиненія М. В. ЛОМОНОСОВА.

Сочиненія

Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II.

Сочиненія Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА.

Произведенія всѣхъ этихъ писателей будутъ изданы подъ редакціей **А. И. Введенскаго,** такъ же тщательно, какъ и вышедшія въ свѣтъ изданія сочиненій **Лермонтова, въ 1891 году,** и **Грибоѣдова, Полежаева, Козлова** и **Кольцова** въ истекающемъ **1892 году.** Къ каждому изъ трехъ томовъ будетъ приложенъ портретъ автора, гравированный на стали.

Для помѣщенія въ №№ **„Нивы“** и книгахъ **„Сборника“ 1893 г.** мы пріобрѣли громадный запасъ литературныхъ произведеній **лучшихъ современныхъ писателей;** но здѣсь ограничимся упоминаніемъ только нѣкоторыхъ, наиболѣе крупныхъ пріобрѣтеній нашего запаса, какъ-то:

Послѣднее посмертное произведеніе: историческій разсказ

Ив. Ал. ГОНЧАРОВА

„ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ“.

Сергѣя Атавы (Терпигорева), **„Сморчки“**. Повѣсть.
П. Д. Боборыкина, „Обнищалый“. Повѣсть.
Кн. М. Н. Волконскаго, „Воля судьбы“. Историческій романъ въ 3 частяхъ изъ временъ Екатерины II.
Маріи Всев. Крестовской, „Первое счастье“. Повѣсть.
Евгенія Маркова, „Желѣзная дорога“. Разсказъ.
Н. Д. Маслова, „Одинъ изъ многихъ“. Повѣсть.
К. Орловскаго, „Сильный человѣкъ“. Романъ.
П. Н. Полевого, „Въ овечьей шкурѣ“. Разсказъ.
И. Н. Потапенко, „Звѣзда“. Романъ.
Графа Е. А. Саліаса, „Джеттатура“. Историческій разсказъ.
Графа Соллогуба, „Геній“. Разсказъ.
К. Тхоржевскаго, „Сутки на позиціи“. Разсказъ.
О. Чюминой, „Призваніе“. Разсказъ.

Нашу обычную **художественную премію** на будущій годъ будетъ представлять собою **роскошный**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ,

заключающій въ себѣ **десять акварелей,** по оригиналамъ **извѣстнѣйшихъ художниковъ,** а именно:

1) **„Русская молодица“**, академика **С. Ѳ. Александровскаго.**
2) **„Вечеръ на Невѣ“**, художника **А. К. Беггрова.**
3) **„Запорожецъ“**, академика **С. И. Васильковскаго.**
4) **„Находка“**, художника **Н. Н. Каразина.**
5) **„Царевна Софія получаетъ у Троицы письмо Василія Голицына“**, художн. **К. В. Лебедева.**
6) **„Юдиѳь“**, профессора **Ганса Макарта.**
7) **„У околицы“**, профессора **К. Е. Маковскаго.**
8) **„Гетманъ“**, академика **И. Е. Рѣпина.**
9) **„Охота на волка“**, профессора **Н. Е. Сверчкова.**
10) **„На баштанѣ“**, академика **К. А. Трутовскаго.**

Альбомъ-премія **„Нивы“** на 1893 годъ разошлется

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,

въ красивой картонной папкѣ (10 вершк. длины и 8 вершк. ширины, по размѣру картинъ). Папка, съ внѣшней стороны, будетъ украшена изящной акварелью художника **Н. Н. Каразина.** При альбомѣ приложится отдѣльный листъ съ объяснительнымъ текстомъ къ картинамъ и характеристикой художниковъ.

По альбомамъ, уже изданнымъ нами въ предъидущіе два года и по тѣмъ лестнымъ отзывамъ, какими они были встрѣчены со стороны художниковъ, столичной и провинціальной печати, гг. подписчики *Нивы* могутъ судить объ альбомѣ будущаго, 1893 года. Къ этому мы можемъ только прибавить, что съ постепеннымъ усовершенствованіемъ нашего артистическаго заведенія, явилась возможность еще болѣе улучшить выполненіе художественныхъ произведеній, и такимъ образомъ, альбомъ 1893 года долженъ будетъ оставить за собою все, что до сихъ поръ было издаваемо нами въ этомъ родѣ.

Въ этомъ подписчики наши и публика будутъ имѣть возможность убѣдиться сами, такъ какъ альбомъ *Нивы* на 1893 г. будетъ выставленъ нами черезъ нѣсколько недѣль у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Россіи.

Сверхъ всего вышеуказаннаго, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, гг. подписчики получатъ безплатно **12 ежемѣсячныхъ №№**

ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ,

дающихъ въ теченіе года болѣе 300 гравюръ костюмовъ новѣйшихъ парижскихъ фасоновъ и съ ежемѣсячно прилагаемыми большими листами, заключающими въ себѣ болѣе 300 выкроекъ въ натуральн. величину и около 300 рис. рукодѣльн. и выпильн. работъ—словомъ:

ПОЛНЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Вдобавокъ при каждомъ модномъ нумерѣ печатаются **рецепты** для кухни, **полезные совѣты** по домашнему хозяйству, общедоступной техникѣ, цвѣтоводству и пр.

При № 1 *Нивы* на 1893 г. подписчики получатъ:

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1893 ГОДЪ

въ изящно-отпечатанной красками виньеткѣ.

(Подписная цѣна см. на 1-ой страницѣ этого №).

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала *Нива*, Невскій пр., д. № 6.

Академіи Художествъ. Вечеромъ въ 8 ч. -- пріемъ Членовъ Съѣзда С.-Петербургскимъ Обществомъ Архитекторовъ (въ кв. Общества).

Занятія Съѣзда раздѣляются на пять отдѣловъ: 1) Отдѣлъ Художественный. 2) Отдѣлъ Техническій и Строительныхъ матеріаловъ. 3) Отдѣлъ Строительно-Законодательный. 4) Отдѣлъ Санитарнаго Зодчества. 5) Отдѣлъ общихъ вопросовъ.

Фонофотографія гласныхъ буквъ. На послѣднемъ международномъ конгрессѣ физіологовъ въ Льежѣ г. Германъ сообщилъ объ изобрѣтенномъ имъ способѣ фотографированія звуковыхъ колебаній, производимыхъ голосомъ человѣка при произношеніи гласныхъ буквъ. Гласныя выговаривались нараспѣвъ передъ фонографомъ Эдиссона; происходившія при этомъ звуковыя колебанія воспроизводились затѣмъ на микрофонѣ. Послѣдній снабженъ зеркаломъ, которое отражаетъ свѣтъ электрической лампы на записывающій цилиндръ. Цилиндръ этотъ покрытъ чувствительной фотографической бумагой и помѣщается внутри другаго, наружнаго цилиндра, имѣющаго по окружности одну только щель для пропусканія лучей, отраженныхъ отъ зеркала микрофона. Звуковыя колебанія воздуха передаются чрезъ фонографъ микрофону, а этотъ послѣдній при посредствѣ колеблющагося отраженія пламени въ зеркалѣ сообщаетъ ихъ фотографической пластинкѣ, на которой получается изображеніе этихъ колебаній въ видѣ зазубренной кривой линіи, имѣющей конечно различную форму для разныхъ гласныхъ. (г. в.)

Искусственное образованіе шаровидной молніи помощью статическаго электричества. Лепелю въ Лондонѣ удалось воспроизвести шаровидную молнію при помощи слѣдующаго приспособленія двухъ мѣдныхъ проволокъ. Концы отъ сильной электрической машины помѣщены были на нѣкоторомъ разстояніи отъ раздѣлявшей ихъ слюдяной пластинки. Какъ только машина начинаетъ работать, слѣдовательно, пока напряженіе электрическаго тока еще слабо — между концами проволокъ появляется миніатюрная шаровидная молнія въ видѣ маленькихъ красноватыхъ и блестящихъ шариковъ, которые перемѣщаются болѣе или менѣе быстро въ обоихъ направленіяхъ отъ одного полюса къ другому, а иногда остаются нѣкоторое время неподвижно на одномъ мѣстѣ. По мѣрѣ усиленія тока явленіе это исчезаетъ, и между концами проволокъ появляется обычная электрическая искра. (г. в.)

Отравленіе Волги нефтью. Г. Гриммъ въ *Вѣстникѣ Рыболовства* сообщаетъ, что количество нефти въ Волгѣ, въ 1887 г. достигло 32 милліоновъ килограммовъ, а въ 1889 г. составляло уже 50 милліоновъ килограммовъ. Такое громадное поступленіе нефти въ рѣку обусловливается плохимъ состояніемъ деревянныхъ судовъ, служащихъ для перевозки этого матеріала.

ШАХМАТЫ

подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Рѣшенія задачъ № 28 „Нивы“.

№ 34 Девизъ „Po Labi“ **I. Pospisil** (Прага).

Матъ въ 3 хода.

1. **Л. a4–a5**, К : b2; 2. К. e3+, Кр. e5; 3. f4‡
a) 1. . . . , К. c4 : a5; 2. К. e3+, Кр. : c5; 3. К. e4‡
b) 1. . . . , К. c6 : a5; 2. К. e7+, Кр. : c5; 3. К. e4‡
c) 1. . . . , С. : c5; 2. Ф. f6, ∞; 3. Ф., К‡
d) 1. . . . , С. b8; 2. С. b4+, ∞; 3. К‡
e) 1. . . . , С. b6; 2. С. b4+, ∞; 3. К., Л‡
f) 1. . . . , С. d3; 2. С. d4+, ∞; 3. К., Л‡

№ 35. Девизъ „XVI в.“ **Weinheimer** (Вѣна).

1. **Кр. h1–h2**, К. g6 : e5; 2. К. d6, Кр. f4; 3. Ф. f5‡
1. . . . ; 2. . . . , Кр. d5; 3. e4‡
a) 1. . . . , К. f4; 2. К. d2+, Кр. : e5; 3. С. d4‡
b) 1. . . . , К. h4; 2. Ф. g4+, Кр. d5; 3. e4‡
c) 1. . . . , К. : e2; 2. Ф. d3+, Кр. f4; 3. С. e3‡
d) 1. . . . , b5; 2. К. d6+, Кр. d5; 3. e4‡ или 2. . . . , Кр. f4; 3. Ф‡

Обѣ задачи рѣшили: **Н. С. Даржанъ** (Кронштадтъ) и **А. П. Сусликовъ** (ст. Мерефа, Харьковск. губ.).

Въ 42 № *Нивы*, въ **Почтовомъ ящикѣ**, вкралась опечатка, которую спѣшимъ исправить. Тамъ сказано: „нашъ извѣстный писатель Е. Л. Марковъ“, слѣдуетъ читать: *Евгеній Львовъ*.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

для Гг. иногородныхъ составлены коллекціи:

въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція, даже 5 р., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекціи въ 25, 50 и 100 р. особенно пригодны для **большихъ семействъ, школъ, пріютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр.**

Покорнѣйше прошу дать заказы на эти коллекціи **немедленно**, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, **которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.**

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 20—31. **БАЗАРЪ МАРОКЪ**

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ превосходными искусственными БРИЛЛІАНТАМИ:

№ 254. **Золотое кольцо.** Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 401. **Золотой браслетъ.** Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. **Золотая брошка.** Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. **Золотая булавка.** Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.
№ 353. **Золотыя серьги.** Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. **Золотыя серьги на винтикахъ съ больш. искусств. бриллiантомъ.** Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ пересылается безплатно. Товаръ пересылаю наложеннымъ платежемъ. № 6041 7—1

„НЬЮ-IОРКЪ"

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. **Руб. 265.748.783.**

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 октября 1892 г. **Р. 2.614.937 95.**

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (20)

Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

Въ началѣ будущаго года появятся два первыхъ тома роскошно издаваемаго, иллюстрируемаго КАРАЗИНЫМЪ сочиненія:

ПУТЕШЕСТВІЕ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА на Востокъ.

Въ силу особыхъ благопріятныхъ условій есть возможность сдѣлать это сочиненіе доступнымъ по цѣнѣ. Оно будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ большаго формата, около **60** печатныхъ листовъ и **400** иллюстрацій. Первый томъ — Греція, Египетъ; второй — Индія; третій — Цейлонъ, Ява, Сіамъ, Сайгонъ, Китай, Японія; послѣдній — Сибирь, Уральскъ. При единовременномъ взносѣ денегъ автору-издателю (князю Эсперу Эсперовичу Ухтомскому. С.-Петербургъ, Шпалерная, № 26) стоимость всего сочиненія — **20 р., каждаго отдѣльнаго тома** — 7 р. Внесшіе до 1 февр. 1893 г. — **12 р.** за 2 тома, получаютъ остальные за **10 р.**, уплативъ оные до 1 дек. 1893 г. Желающіе вносятъ за два переплета на цѣлое сочиненіе 5 р., за одинъ на два тома—три. При поступленіи въ продажу цѣна изданія возвысится. Состоящіе на Государственной службѣ пользуются **разсрочкой черезъ казначеевъ**, внося въ теченіе года до 1 ноября 1893 г. по **5 рублей каждые три мѣсяца.** Первый взносъ не позжѣ 1 февр. Иногороднымъ книги высылаются съ наложеннымъ платежемъ за пересылку. 2—2 Ш. № 6033

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА

ежемѣсячный журналъ новѣйшей иностранной литературы.

Второй годъ изданія.

12 книгъ (до **4,000** стран.), **3** р. съ перес. и дост. въ годъ.

Помѣщаются исключительно выдающіяся новинки извѣстныхъ авторовъ: англійскихъ, французскихъ, норвежскихъ, шведскихъ, нѣмецкихъ, польскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, чешскихъ и др.

Содержаніе книгъ за 1892 г.: Bene Nati. Ром. **Ожешко.** Послѣ переворота. Ром. **Крофордъ.** Въ чужой средѣ. Разск. **Киплинга.** Мелисса. Ист. ром. **Эберса.** Ингэръ. Драма **Ибсена.** Моя женитьба. Раз. **Берты Суттнеръ.** Рѣдкій банкротъ. Ром. **Фр. Коппэ.** Дядя изъ Калифорніи. Пов. **Брэтъ-Гарта.** Тирса. Ром. **Гиссинга.** Переселенцы. Ром. **Рейтера.** Шпіонъ. Разск. **А. Додэ.** Мои часы. Разск. **Марка Твэна.** Разгромъ. Ром. **Э. Зола.** Казакъ. Пов. **Зах. Мазоха.** Три письма. Разск. **М. Серао.** Дезирэ. Разск. **Прево.** Фортуна. Ром. **Килланда.** Привалъ. Разск. **Уйда.** Идиллія. Пов. **Гарриса.** Нимвродъ. Ром. **Онэ.** Дитя счастья. Ром. **Фр. Шпильгагена** и мн. др. Р. № 6044

СПБ., Троицкая, 36.

При подпискѣ на 1892 г. высылаются всѣ вышедшіе №№ съ января. Журналъ за прошлый (1891) годъ весь разошелся.

Въ 1893 г. (третьемъ году изданія) „Всемірная Библіотека" будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ 1891 и 1892 гг.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la **SAISON D'HIVER**, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & CIE
PARIS.

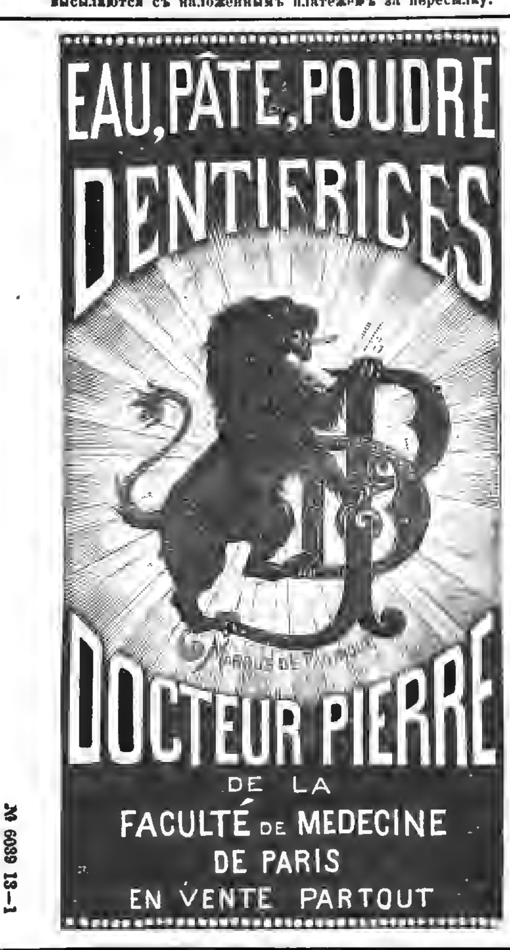
Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN TOUTES LANGUES

Р. № 6024 3—2



№ 6039 13—1

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ЗАБОТА.

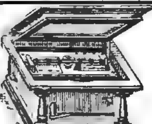
Романъ **Г. Зудермана.** Переводъ съ 14-го нѣмецкаго изданія. **Ц. 60 коп.** Продается во всѣхъ книжн. магазинахъ. Главн. складъ въ книжн. магазинѣ Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., д. 2). Мt. № 6037

Ш. № 5910 10—1

Ш. № 5922 20—12

БЕЗПЛАТНО

въ вагонныхъ портфеляхъ I и II кл. Николаевской, СПБ.-Варшавской, Нижегородской, М.-Брестской, М.-Курской и Юго-Западныхъ ж. д., кромѣ „Спутниковъ", имѣются къ услугамъ пассажировъ изящные **„ПУТЕВОДИТЕЛИ"**, заключ. въ себѣ росписаніе поѣздовъ всѣхъ ж. д. и массу разныхъ другихъ свѣдѣній.



НОВОСТЬ! СИМФОНІОНЫ

Музыкал. ящики съ перемѣняющ. нотами

Малые ручные безъ пьесъ	6 р.
„ **заводные**	16 р.
Ноты къ нимъ по 35 коп.	
Большіе 60-ти-тонные безъ пьесъ	30 р.
„ 84-хъ „ „ „	45 р.
„ Sublime Harmonie	80 р.

Ноты къ нимъ по 60 коп., 75 коп. и 1 руб. Иллюстриров. прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ—безплатно. 4 - 1 Ц. № 6035

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

Въ виду громаднаго спроса на изготовленныя нами

РАМЫ для премiи „Нивы“ 1892 г., десяти акварелей извѣстнѣйшихъ художниковъ, мы вновь заказали большую партію рамъ, что даетъ намъ возможность предложить ихъ Гг. подписчикамъ **по цѣнѣ еще болѣе низкой,** чѣмъ онѣ продавались до сихъ поръ, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 руб. за раму со стекломъ. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 4 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ—за 8 р. 50 коп.

Г.г. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются **безъ стеколъ,** вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. за раму. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 4 р. 50 к., а при покупкѣ 10 рамъ за 8 р. 50 коп.

Требованія г.г. иногороднихъ исполняются лишь при условіи выписки **не менѣе пяти рамъ**—единовременно. **Цѣна** за 5 рамъ (со вставленными картонами и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою **4 рубля,** а при выпискѣ не менѣе **10 рамъ—7 р. 50 к.,** съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы высылаются по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ уплачивается адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

Рамы сдѣланы **подъ орѣхъ, съ рѣзьбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ.** Въ каждую раму вставленъ картонъ, на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Съ требованіями просятъ обращаться въ **СПБ.,** въ контору журнала **„Нива“,** Невскій, 6.

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписчиковъ (за исключен. Московскихъ) прейсъ-курантъ парфюмернаго магазина Рузанова въ С.ПБ.

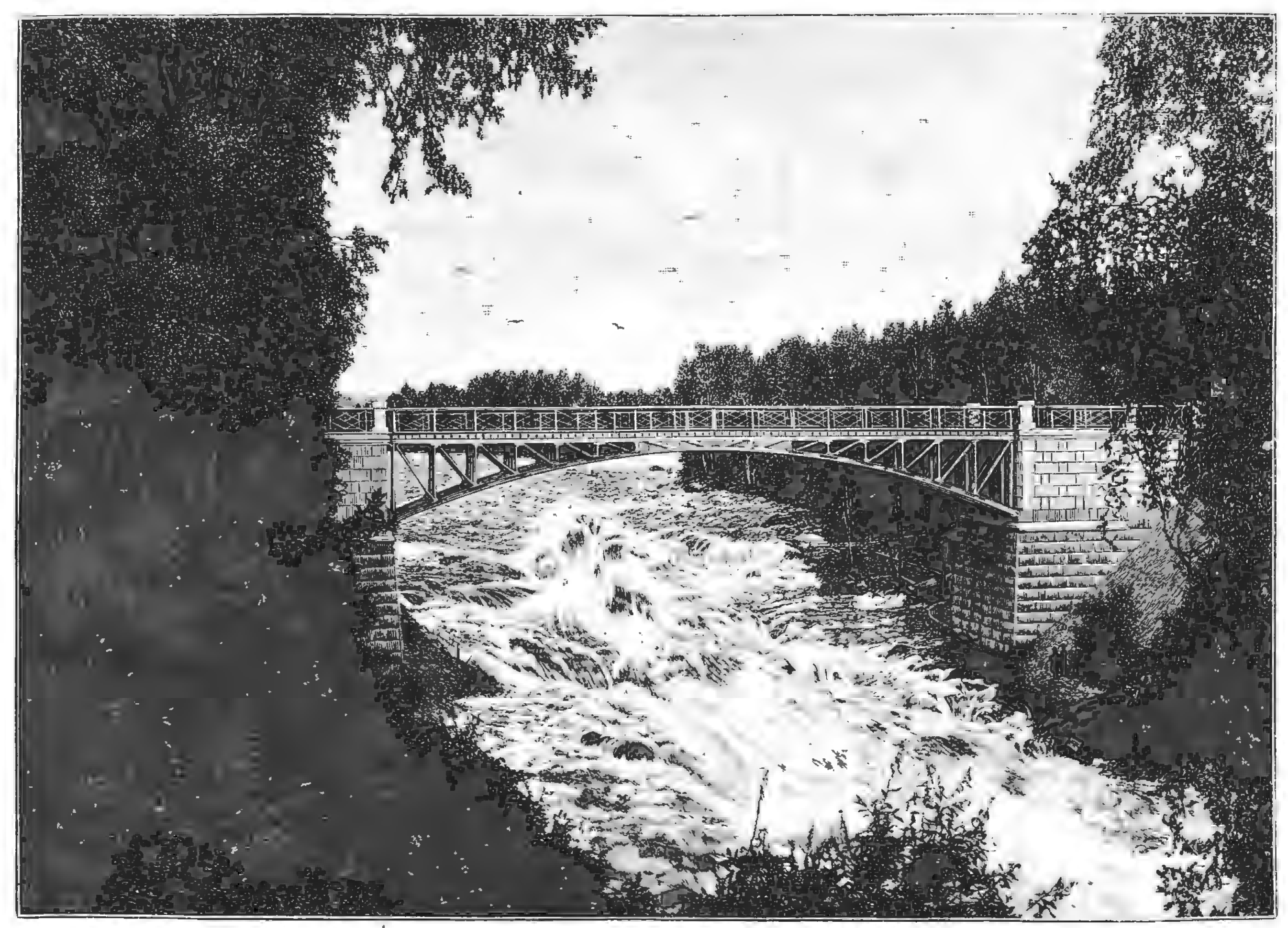
Дозвол. цензур., СПБ., 28 октября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

XXIII г. № 45 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 7 ноября 1892 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА НОЯБРЬ съ приложеніемъ СОЧИНЕНІЙ КОЛЬЦОВА.** 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1892 г. съ 27 рисунками и отд. лист. съ 30 чертеж. выкр. въ натур. величину и 29 рис. рукодѣльныхъ работъ.



Новый желѣзный мостъ черезъ водопадъ Иматра въ Финляндіи. Съ фот Диля, грав Рашевскій.

На Синеморскихъ буграхъ.

Житейская драма.

Романъ **В. П. Желиховской.**

I.

Раннее, румяное апрѣльское утро еще вѣяло свѣжестью. Тѣни съ востока еще ложились, длинныя, по яркой зелени береговъ и по свѣтлой глади водъ. На безчисленныхъ водныхъ путяхъ изъ Волги въ Каспій, на широкомъ раздольѣ залива, извѣстнаго подъ названіемъ Синяго-Морца, усѣяннаго цвѣтущими островами, разливалось такое богатство блеска и свѣжести, такая прелесть красокъ, что взоръ тонулъ, очарованный, въ необъятной шири мелководныхъ разливовъ, въ свѣжей зелени очертаній безчисленныхъ островковъ и береговъ, поросшихъ тальникомъ, вербой да камышомъ.

Въ безконечномъ раздольѣ воднаго и птичьяго царства, въ глубокой, горячей синевѣ неба стаями носились и заливались на всѣ лады суетливыя, голосистыя пташки. Онѣ гнѣздились въ густыхъ, цвѣтущихъ заросляхъ; блистающими точками переливались въ поднебесьи и звонко перекликались и пересвистывались въ неумолчной радости жизни...

Цѣлыя стаи серебристо-бѣлыхъ чаекъ-мартышекъ то вылавливали добычу изъ воды на-лету, то неподвижно качались на зыби рѣчекъ и ериковъ. Вотъ потянулись съ песчаной косы на островокъ утки-длинношейки... Бѣлоснѣжная пара дикихъ гусей грузно опустилась на воду въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лѣниво качавшейся у бережка маленькой парусной лодки.

Человѣкъ, праздно растянувшійся въ ней у руля, поглядѣлъ на нихъ, покосился на ружье, лежавшее возлѣ, и снова полузакрылъ глаза, мечтательно вглядываясь изъ-подъ широкополой соломенной шляпы въ это море свѣта и красокъ, въ эту непробудную тишь, гладь и Божью благодать...

Сидѣвшій въ той же лодкѣ черномазый киргизъ, въ коленкоровомъ платкѣ съ красной каймою, по лѣтнему положенію повязанномъ бантомъ, съ развѣвающимися на бритой головѣ концами, сложилъ весла одно на другое и смотрѣлъ осклабившись на своего равнодушнаго спутника.

— Бачка!.. А бачка баринъ! заговорилъ наконецъ киргизъ. — Стрѣльни ружья! предложилъ ему, не выдержавъ, его черномазый гребецъ.—Ишь, тамъ, птицъ балшой! — Онъ мотнулъ головнымъ бантомъ въ сторону гусей. — А то, вишь, утка леталъ... Давай, я буду бить!

Киргизъ потянулся къ ружью.

Господинъ въ соломенной шляпѣ встрепенулся, посмотрѣлъ на него и положилъ на ружье руку.

— Не надо, Абатыръ! Пусть живутъ!.. Я дичи не люблю.

Черномазый еще больше осклабился, прищурившись и весь сморщившись отъ солнечнаго свѣта.

— А за что ружья бралъ? резонно спросилъ онъ.

И не дождавшись отвѣта, продолжалъ, дивясь неразумію „бачки барина“ и указывая на рѣчку:

— Вишь: леща плилъ! Сазанъ плилъ! Стриладка плилъ — ничаво не вымалъ!.. За что рано вставалъ, суда ѣзжалъ?.. Тцъ, тцъ, тцъ! укоризненно зацокалъ онъ языкомъ, качая головой.

Баринъ глянулъ на него и добродушно разсмѣялся, подумавъ самъ:

„И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я бралъ ружье и удочки?.. Богъ съ ними! Въ другой разъ не возьму... Какой я рыболовъ и охотникъ?.. На что себя и другихъ обманывать?“

— Я, братъ Абатыръ, не люблю убивать! сознался онъ.—Я люблю вотъ такъ, лежать, смотрѣть и думать... Эхъ, хорошо это все, Абатыръ! Правда?

Онъ махнулъ кругомъ рукою, окинувъ взглядомъ воду, небо и землю; отмахнулся, снявъ шляпу, отъ кружившихся мошекъ и, откинувъ со лба русые волосы, снова надѣлъ шляпу.

— Правда, хорошо? повторилъ онъ. — Ну, вотъ, я буду читать,—онъ вынулъ изъ кармана газету,—а ты, Абатыръ, греби потихонечку, вдоль бережка, ериками поплывемъ... Если нужно повернуть — скажи, я руль возьму! Ну, съ Богомъ!..

— Съ Богомъ, бачка, да куда?—опять, покачавъ головой и языкомъ зачмокавъ, вопросилъ киргизъ.—Домой гайда, что-ли?

— Домой гайда! скомандовалъ было баринъ.—Стой! вдругъ спохватился онъ, — на Дамбу прежде, гайда!.. Греби на Дамбинскій промыселъ... Да нельзя-ли парусъ поставить, чтобъ скорѣй было?..

Онъ вынулъ часы и взглянулъ.

Киргизъ объяснилъ, что парусъ нельзя теперь поставить: не по вѣтру грести надо; а какъ выйдутъ изъ ерика въ Морцо, тогда можно и парусъ наладить.

— Ну, какъ знаешь, братъ Абатыръ, согласился господинъ.

И какъ можно удобнѣй усѣвшись у борта лодки, онъ началъ было читать; но видно газета была не особенно занимательна, хотя и трактовала о политикѣ и „матерьяхъ важныхъ“ съ апломбомъ всѣхъ провинціальныхъ газетъ, потому что вскорѣ рука чтеца сама собою опустилась, и вновь онъ, незамѣтно для себя, ушелъ въ свои размышленія, нѣжась въ теплѣ и свѣтѣ, съ наслажденіемъ вдыхая чудный воздухъ, напитанный испареніями травъ и близкаго моря, безотчетно наслаждаясь переливами свѣта и красокъ всюду кругомъ.

II.

Мечтательный господинъ этотъ былъ не важная птица: всего-на-все учитель скромной первоначальной школы для кочующихъ поблизости киргизъ. Звали его Михаилъ Андреевичъ Іуліяновъ; учился онъ въ мѣстной губернской гимназіи и дальше (несмотря на страстную охоту къ знаніямъ) не пошелъ, столько же по бѣдности родителей, сколько и по слабости здоровья. Хорошо окончивъ гимназическій курсъ, Іуліяновъ попытался было съѣздить въ Казань и поступилъ даже въ университетъ; но вскорѣ закашлялъ, заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать, услышавъ отъ медиковъ, что у него легкія не въ порядкѣ (хотя не очень-то онъ имъ вѣрилъ); но ради матери, умолявшей его поберечь здоровье, онъ вернулся на родину и поступилъ на службу.

Онъ былъ одинъ сынъ у матери, потерявшей двоихъ возрастныхъ сыновей и вообще видѣвшей много въ жизни горя. Только дѣтство и ранняя молодость ея были сравнительно счастливы. Она жила безбѣдно при жизни отца, учителя музыки, зарабатывавшаго достаточно, чтобы дать семьѣ скромное довольство. Всѣ дѣти его, что называется, пошли хорошо; одинъ изъ дядей Іуліянова съ материнской стороны и теперь насторствовалъ въ приволжской богатой колоніи, — родные его по матери были лютеране. Она одна, „по собственной винѣ своей“, какъ говорили о ней родственники, „загубила себя“, влюбившись въ офицера, русскаго, да вдобавокъ изъ поповичей и притомъ порядочнаго кутилу и пьяницу...

Мать Михаила Андреича наслѣдовала отъ отца талантъ и любовь къ музыкѣ; но и эти музыкальныя способности, это единственное ея развлеченіе почему-то всегда чрезвычайно раздражало ея супруга, капитана Іуліянова. Онъ говорилъ, что эта музыка вѣчно напо-

минаетъ ему *колбасничество* жены, то-есть ея нѣмецкое происхожденіе...

Къ досадѣ браваго капитана всѣ трое сыновей его отличались любовью къ музыкѣ и большими музыкальными способностями; но онъ ни за что не позволялъ имъ „развивать колбасницкія дарованія". Худшей обиды не могло быть Іуліянову, какъ похвалить музыкальныя дарованія его дѣтей или предсказать имъ славную музыкальную карьеру въ будущемъ.

— Что-съ? раздражительно перебивалъ онъ предсказателя.—Въ трубочисты лучше своего сына отдамъ-съ, нежели въ пѣвцы или бряньчаки позволю идти-съ!.. Не было Іуліяновыхъ-съ скомороховъ, и не будетъ-съ!

Со зла капитанъ никогда не называлъ дѣтей по ихъ именамъ, а прозвалъ троихъ сыновей Ананіемъ, Азаріемъ и Мисаиломъ.

— Пѣвучіе отроки-съ они у меня! говаривалъ онъ требовавшимъ объясненія этихъ библейскихъ кличекъ.— Ихъ въ пещь огненную всадить-съ, съ ихъ мамашей въ придачу, и будутъ они, поджариваясь, Творца въ пѣснопѣніяхъ славить-съ. Да-съ! Они—Азарій, Ананій и Мисаилъ у меня возрастаютъ... Что дѣлать-съ?.. Дѣдушкины внучки-съ! Самъ виноватъ я, что съ колбасниками породнился. Будутъ теперича Іуліяновы съ цимбалами да арфами по дворамъ ходить!

Такими рѣчами капитанъ раздражалъ себя и окончательно отравлялъ жизнь семейству. Онъ нѣсколько смягчился, впрочемъ, когда умерли его старшіе сыновья. Михаилу Андреичу легче жилось, чѣмъ братьямъ его. Вскорѣ неугомонный капитанъ и самъ умеръ. Марія Богдановна осталась на попеченіи единственнаго сына и нынѣ жила вмѣстѣ съ нимъ, въ незатѣйливомъ помѣщеніи школы, на одномъ изъ безчисленныхъ, такъ-называемыхъ по низовьямъ Волги, песчаныхъ бугровъ, служащихъ мѣстомъ кочевья для киргизовъ. Мать и сынъ не скучали одиночествомъ. Онъ никогда не любилъ городскаго шума, не нуждался въ обществѣ, совсѣмъ его впрочемъ не зная; любилъ только свои книги, на которыя тратилъ добрую половину жалованья, скрипку да карандаши и краски, къ которымъ особенно пристрастился за послѣднее время. Мать избавляла его отъ всякихъ хозяйственныхъ хлопотъ и была совершенно счастлива спокойной жизнью самъ-другъ съ сыномъ. Если когда-либо что̀ ее теперь смущало, такъ это вопросъ: „а что̀ Миша будетъ дѣлать, когда я умру?.. Кто ему все изготовитъ, починитъ, погладитъ?" Невольно порой набѣгала и такая дума: „Хорошо бы ему жениться! Одинокому трудно вѣкъ-вѣковать... Хорошо, если-бъ Богъ послалъ добрую, богобоязненную, трудолюбивую хозяюшку!.."

Іуліяновъ только смѣялся, когда случалось матери выдавать ему свои мечты... Да она и сама понимала, что онѣ несбыточны: куда бѣдному пролетарію семьей обзаводиться?.. Да къ тому же вѣдь хорошія, добрыя, непритязательныя невѣсты не растутъ какъ камышъ по песчанымъ буграмъ! Гдѣ ихъ сыщешь?

III.

У выхода изъ узкаго ерика киргизъ перестал грести, распустилъ и наладилъ парусъ; и вотъ лодочка лихо накренилась, подхваченная попутнымъ вѣтромъ съ моря, легонькой *моряной*, вздула свое конусообразное бѣлое крылышко и вынеслась плавной зыбью Синяго-Морца на широкій просторъ залива. Блестящая водная гладь со всѣхъ сторонъ охватила ее... Она казалась точкой съ береговъ, къ которымъ летѣла безъ помощи веселъ. Вдали зеленѣлъ Ольгинскій рыбный промыселъ. Рядомъ чернѣли широкія, плоскодонныя прорѣзныя рыбницы, служащія для своза съ тоней добычи, которую вытащатъ ватаги неводчиковъ со дна рѣчнаго своими сѣтями-волокушами. Около нихъ дымилъ пароходъ въ ожиданіи наполненія рыбницъ рыбою...

Михаилу Андреичу хорошо былъ извѣстенъ бытъ населенія большихъ промысловъ въ низовьяхъ Волги. Онъ не любилъ этого дѣла и избѣгалъ бывать на промыслахъ; но теперь Іуліяновъ рѣшилъ, что надо заѣхать на Дамбу, къ его пріятелю и другу дѣтства, Якову Карловичу Штоллю, доктору, постоянно разъѣзжавшему по главнымъ пунктамъ Синеморскихъ владѣній. И побесѣдовать съ пріятелемъ хотѣлось, да кстати и зазвать его на Красные-Бугры, гдѣ нужна была его медицинская помощь.

Благодаря попутной морянѣ, не успѣлъ Михаилъ Андреичъ передумать всѣхъ своихъ думъ, какъ на водной глади вдали, красиво, легко и отчетливо выяснились разноцвѣтныя промысловыя постройки на сваяхъ. Голубые домики, зеленыя крыши, высокій павильонъ подъ куполомъ, съ рѣзною вышкой и съ осетромъ на флюгерѣ; на новенькомъ плоту для уборки рыбы, безустанное движеніе бабъ въ пестрыхъ платкахъ и кофтахъ, и въ бѣлыхъ шароварахъ вмѣсто юбокъ, и мужиковъ въ красныхъ рубахахъ. Всѣ снуютъ взадъ и впередъ, гремя пустыми и нагруженными рыбою тачками. Картина была яркая, оживленная,—ею можно было залюбоваться!

Подплыли ближе, спустили парусъ; лодочка пристала къ плоту, не привлекая ничьего вниманія. Всѣ были заняты на плоту, по лабазамъ и выходамъ [1]); некогда было отвлекаться посторонними наблюденіями. Самое кипучее время еще не наставало: *сельдь* еще не шла съ моря въ Синеморскіе банки [2]) и ерики; но надо было ждать ее съ каждымъ днемъ и спѣшить, какъ возможно скорѣй, покончить дѣло съ воблой.

На лодочку обратили вниманіе развѣ только дѣти, усыпавшія берегъ возлѣ плота; на рукахъ многихъ были маленькіе ребята, съ которыми имъ поручено было няньчиться.

„Не видать Яшиной косной [3]) что-то! подумалъ Михаилъ Андреичъ черезъ минуту, внимательно оглядѣвъ суда и лодки, стоявшія у плота на пристани. — Развѣ не пришелъ-ли на пароходѣ?"

У пристани стоялъ довольно большой пароходъ *Агара* и паровой катеръ, на которомъ только что прибылъ управляющій. Всю флотилію синеморцевъ легко узнать по ея бирюзовой окраскѣ.

— Голубчикъ! окликнулъ учитель матроса, забрасывавшаго ведро съ парохода. —Не знаете-ли, не здѣсь-ли Яковъ Карлычъ Штолль?

— Это докторъ-то нашъ?.. Не знаю!.. Развѣ что на катерѣ съ управляющимъ пришелъ, а съ нами не бывалъ.

— А дохтуръ здѣсь будетъ! вмѣшалась въ разговоръ дѣвочка-подростокъ, грузившая со многими товарками сухую воблу на баржи.

— Онъ нонѣ теткѣ Анисьи пальцы рѣзалъ, да Митькѣ-хромому глаза выдувалъ... Онъ и посейчасъ, поди, въ казармѣ людей рѣжетъ!

— А гдѣ тутъ у васъ казарма, дѣвочка? Нельзя-ль меня проводить?

— Нѣту-ти!.. Я не могу отъ урока уйтить! А вотъ Машка вамъ покажетъ.

И она, замахавъ руками, принялась кричать еще громче, перекрикивая визгливо пѣвшихъ за работой бабъ:

— Машк-а-а!.. Слышь-ты!.. Покажи барину казарму-ти!.. Проводи къ дохтуру барина!..

Іуліяновъ выскочилъ на берегъ и пошелъ вслѣдъ за махонькой дѣвчонкой, тащившей въ грязномъ кулечкѣ младенца, съ головенкой безпомощно откачнув-

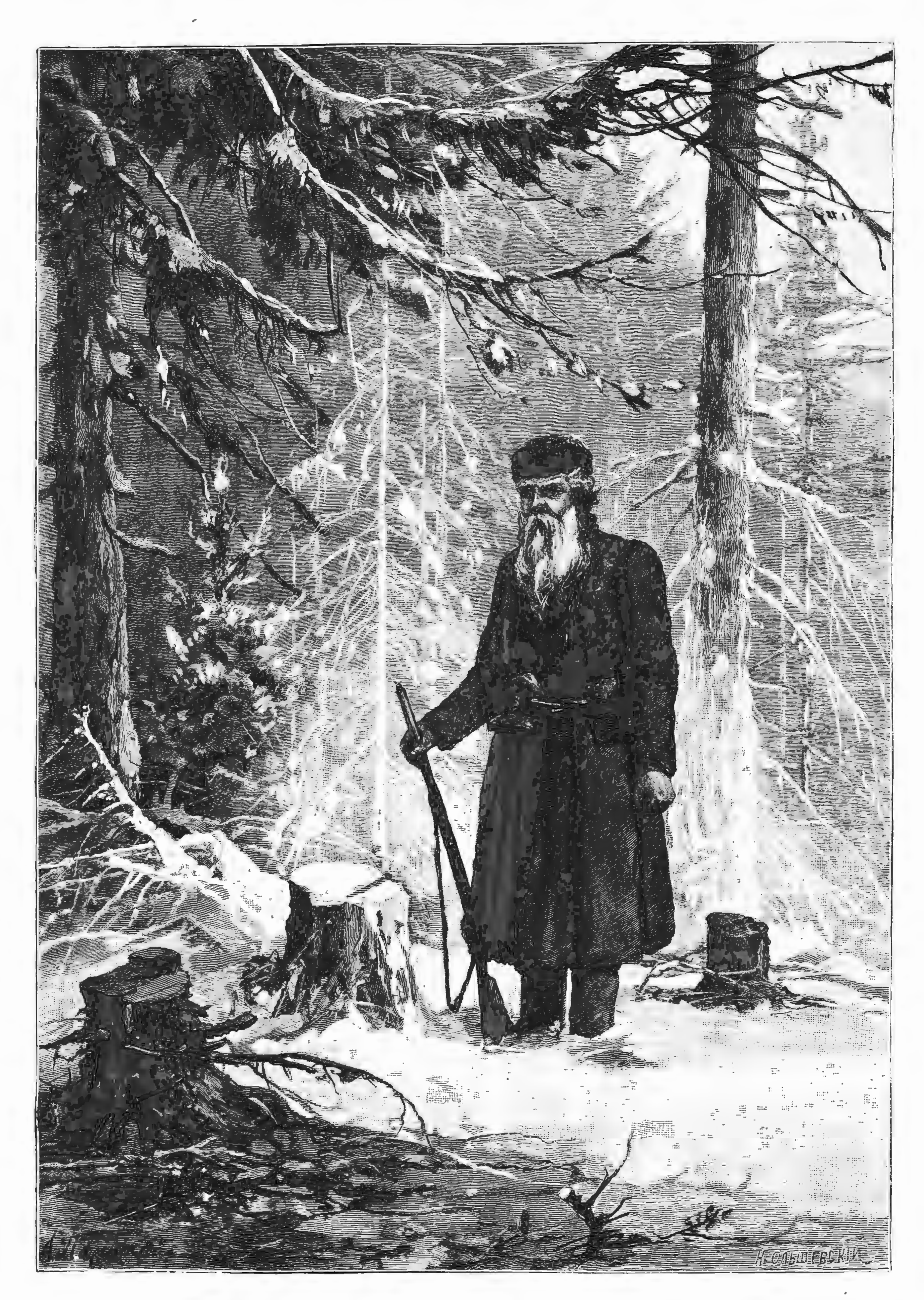
[1]) Выхода—громадные ледники съ ларями на полу, то есть съ огромными чанами или ваннами для соленья сельди. Въ каждомъ ларѣ мѣстится до 60,000 рыбъ.

[2]) Мелкіе протоки. Въ многочисленныхъ рѣчкахъ устья Волги, а не въ ней самой, главный уловъ.

[3]) Косная — мѣстное названіе гребной лодки съ навѣсомъ для ночевки.

Преслѣдованіе русской одежды въ Петровское время.

Оригин. рис. (собств. „Нивы") проф. Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Пястушкевичъ.



Порубка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) акад. А. Писемскаго, грав. Ольшевскій.

шейся на-сторону. Машка, любопытно поглядывая на „барина“, оборачиваясь на ходу, бѣжала, не обращая никакого вниманія на эту мотавшуюся головенку. „Баринъ“ шелъ, печально глядя на отвисшую челюсть младенца, на его не промытые, заплывшіе матеріей глазки и невольно думалъ:

„Ну, зачѣмъ ты, горемычный, на свѣтъ уродился?.. За какіе грѣхи тянешь страдальческое существованіе и скоро-ль наступитъ конецъ твоему земному искусу?“

Но на сей разъ философія его не успѣла увлечь. Машка остановилась неожиданно-скоро передъ длиннымъ, бревенчатымъ домомъ на высокихъ сваяхъ, какъ и всѣ береговыя постройки на промыслахъ, ткнула пальцемъ вверхъ и сказала:

— Вò казарма-ти!.. Цыцъ! прикрикнула она на младенца, издавшаго слабый пискъ, въ родѣ мяуканья, и запѣла, мотаясь вмѣстѣ съ нимъ изъ стороны въ сторону:—А-а!.. а-а!.. а-а!.. А!..

Іуліяновъ смотрѣлъ издали на бившуюся о плечо уходившей дѣвочки головенку младенца и едва могъ припомнить, за чѣмъ онъ пришелъ...

IV.

Его окликнулъ изъ окна казармы веселый молодой голосъ:

— Мишуточка!.. Ты-ли?.. Съ какихъ небесъ свалился?

Учитель очнулся и поднялъ глаза.

— Здравствуй, Яша!.. Я къ тебѣ.

— Въ чемъ дѣло?.. „Herz, mein Herz! Warum so traurich?..“ Или ужь не заболѣла-ли Марья Богдановна, не дай Богъ? перемѣнилъ онъ вдругъ голосъ, съ смѣшливаго на серьозный.

— Нѣтъ... Богъ миловалъ! нерѣшительно отвѣтилъ Іуліяновъ. — Матушка здорова, но... другіе... Есть у насъ, голубчикъ, больные. Не можешь-ли побывать?

— Побыв-ать?.. протянулъ докторъ Штолль, не отрывая глазъ съ больной руки мужика, которую перевязывалъ у окошка казармы, и продолжая свое дѣло.— Побывать-то, видишь-ли, дружище, я могу—и не могу! Все въ нашихъ рукахъ, смотря по нуждѣ и сроку!.. А... для кого тебѣ я понадобился?

— Для больнаго! быстро отвѣтилъ Михаилъ Андреичъ.—Не всѣ-ли болящіе для врача равны?

Докторъ довернулъ бинтъ, скрѣпилъ его, и вдругъ поднялъ глаза, — каріе, блестящіе, веселые глаза—и глянулъ въ окно, на своего пріятеля.

— Ты какъ думаешь, любезный другъ: владѣлецъ Синеморскихъ промысловъ платитъ мнѣ за то, чтобы я лѣчилъ его промысловыхъ больныхъ, или чтобъ разъѣзжалъ по дѣламъ благотворительности?

Іуліяновъ отвѣтилъ ему не словами, а только продолжительнымъ, нѣсколько озадаченнымъ взглядомъ. Докторъ прочелъ, помимо недоумѣнія, нѣкоторую печаль въ кроткихъ голубыхъ глазахъ пріятеля и поспѣшилъ оговориться:

— Разумѣется, если тебѣ нужно, я могу отлучиться на нѣсколько часовъ. Въ больницѣ у меня, да и вообще на промыслахъ, пока, слава Богу, еще не такъ много больныхъ. Погоди, я сейчасъ къ тебѣ выйду.

Докторъ бережно обтеръ свои инструменты, прибралъ все въ кожаный несессеръ и вышелъ на крыльцо.

— Здравствуй, еще разъ! сказалъ онъ, протянувъ товарищу руку.

По наружности, оба молодые человѣка были такъ же мало схожи, какъ и по характерамъ. Іуліяновъ былъ высокій блондинъ съ правильными чертами и задумчивыми голубыми глазами, съ небольшой курчавой бородкой и усами. Штолль былъ средняго роста, широкоплечій, стройный, но сильно сложенный, темно-волосый мужчина, съ темными, блиставшими жизнью, а порой и юморомъ глазами, съ открытымъ лицомъ, пріятнымъ, несмотря на его неправильность. Свою профессію Штолль не только уважалъ—онъ преклонялся предъ нею, и ничѣмъ въ мірѣ не восторгался такъ искренно и съ такимъ увлеченіемъ, какъ удачной операціей. Іуліяновъ боялся крови и ранъ какъ нервная барышня, а войну вообще считалъ преступной бойней; докторъ, напротивъ, мечталъ о возможности войны, какъ о средствѣ къ пріобрѣтенію извѣстности и славы.

Поздоровавшись, Штолль опять спросилъ:

— Да откуда ты сюда попалъ?.. Нарочно, что-ли, за мной?

— Да, почти что. Нынче вѣдь праздники, два дня сряду, объяснялъ Іуліяновъ. — Вотъ я вздумалъ на взморье прокатиться, да сюда и заѣхалъ... Думалъ, быть-можетъ и ты посвободнѣй, такъ не удастся-ли тебя залучить къ намъ?

— Нѣтъ, дружище! протянулъ докторъ.—Какіе намъ, докторамъ, да поварамъ праздники?.. Развѣ болѣзни да голодъ дни разбираютъ?... Въ будни и въ праздники люди ѣдятъ и помираютъ.... Это ужь такое наше горе!

Докторъ ухмыльнулся и смотрѣлъ, посмѣиваясь, въ лицо Михаила Андреича, рядомъ съ нимъ направляясь къ пристани, мимо запертыхъ выходовъ и широко открытыхъ лабазовъ, гдѣ шла горячая работа, при непрерывномъ, визгливомъ бабьемъ пѣніи.

— Да что-жъ ты не скажешь, для кого я тебѣ понадобился? спросилъ онъ.

— Да видишь-ли, голубчикъ, сосѣди у меня тамъ, кочевье киргизское, такъ одна женщина... Хорошая такая, старая киргизка больна: крѣпко руку повредила.

— Больна?! воскликнулъ докторъ, даже пріостановившись отъ удивленія.—Такъ это ты меня для корсачки?.. Да еще для старой!.. Батюшки!.. Вотъ буду я хлопотать!.. Для корсачки!?.. Да ты, Мишенька, сбрендилъ!

Штолль даже фыркнулъ и расхохотался отъ всей души.

Учитель остановился, сначала посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи, потомъ вспыхнулъ.

— Ну, знаешь-ли, это противно! вскричалъ онъ.— Это такъ пошло, такъ недостойно, что я бы не повѣрилъ, что ты способенъ!

Онъ отвернулся и ускорилъ шаги въ негодованіи.

Штолль, смѣясь, догналъ его и обнялъ сзади обѣими руками.

— Ну! ну! ну!.. Полегче, дружище!.. Не серчай! Не бранись... Ужь лучше ты мнѣ скажи: что тебѣ до этой карги старой за дѣло?.. Добро бы молоденькая корсачка, — ну!.. На безрыбьи — ракъ рыба!.. Мы бы это поняли...

— Отстань, Яковъ!.. Слышишь?.. Оставь меня! раздражительно отбарахтывался Іуліяновъ отъ ласкъ пріятеля.

— Да что ты нынче злющій какой? дивился докторъ.—Ужели за то, что я непочтительно о твоей паціенткѣ отозвался? добродушно не унимался Штолль.— Ну, прости, не буду!.. Я вѣдь не зналъ, что ты съ своей корсачкой покумился... Чѣмъ она себѣ ручку повредила?.. Говори!

— Господи! какое безсмысленное, мужицкое названіе: корсаки, корсачки! корилъ его товарищъ.—Удивляюсь, откуда оно тебѣ полюбилось?

— Да не все-ли равно: киргизы, корсаки?.. Ну, ну, ну! Успокойся. Такъ и быть—заѣду, посмотрю, нельзя-ли, ради тебя, возстановить здоровье этой интересной дамы... Только еще покажутъ-ли ее мнѣ?.. Да, впрочемъ, вѣдь она старая!.. Только бы толку отъ нея добиться. Впрочемъ, самъ увижу, какъ тамъ она себя искалѣчила.

— Добьешься толку, если соблаговолишь отнестись по-человѣчески. Она отлично по-русски говоритъ, смягчился Іуліяновъ.

— Н-ну?!.. Диво!

— Ничего дивнаго. Вся семья въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими была. Долго въ Астрахани жили... Отецъ переводчикомъ служилъ...

— Чей отецъ?.. Старухинъ?

— Какъ—старухинъ?..

— Да больной-то!

— Нѣтъ!.. Она—тетка!.. Эти киргизы по фамиліи—Темировы,—отецъ, сестра его и дочь. Жена Урбаза Темирова этого, мать дѣвушки, умерла давно. Ее взростила тетка, которую она ужасно любитъ....

— Э-ге-ге-э!.. Вотъ оно что! А ларчикъ-то просто открывался. Давно бы такъ и сказалъ: M-elle Темирова, значитъ, есть такая! Ради нея хлопочу! Вотъ бы и понялъ я сразу; а то колеситъ черезъ пень въ колоду!..

— Перестань, Яша!.. Ну, не болтай вздору. Совсѣмъ-то ты испортился, какъ я на тебя погляжу.

— Ну, нич-шево! какъ говоритъ Бисмаркъ. Исправлюсь. Вотъ пріѣду на Красные Бугры, вылѣчу liebe Tante корсачку, опять пай-мальчикомъ стану! шутилъ докторъ.

Они вышли на плотъ, служившій вмѣстѣ пристанью, въ то время, какъ катеръ *Оля* давалъ второй свистокъ. На немъ управляющій промыслами отходилъ обратно домой, на Алгару, одинъ изъ наибольшихъ, центральныхъ Синеморскихъ промысловъ, гдѣ онъ проводилъ каждую весну и каждую осень,—время разрѣшаемое закономъ для лова.

Яковъ Карлычъ попросилъ Іуліянова подождать и побѣжалъ переговорить съ начальствомъ.

Михаилъ Андреичъ остался въ сторонѣ, одинъ, глядя въ золотисто-стальную гладь залива, по обыкновенію мало замѣчая окружавшую его суетливую дѣятельность, изъ-за собственныхъ мыслей, въ которыя имѣлъ способность погружаться сразу.

— Ну-ну-ну! пробудилъ его обычный возгласъ доктора.—Куда воспарилъ, въ нѣмомъ созерцаніи? Очнись! Спускайся на землю и прямо на пароходъ *Алгару*. Онъ сейчасъ долженъ на Чурку идти и я съ нимъ домой туда отправлюсь... Поѣдемъ ко мнѣ? Переночуешь, а завтра утречкомъ, если особыхъ казусовъ въ больницѣ не будетъ, такъ и быть, махну съ тобой на твой Бугоръ... Согласенъ?

— Отчего-жъ! Я свободенъ... Матушку предупредилъ, что за тобой заѣду.

— Ну, вотъ и распрекрасно!.. Пойдемъ. Слышишь—свиститъ?.. Черезъ три часа у меня будемъ.

Они пошли было и ужъ Михаилъ Андреичъ вступилъ на сходни, да вдругъ остановился, вспомнивъ свою лодочку и Абатыра.

— Вотъ только скажу человѣку, гребцу своему... Вѣдь у меня тутъ лодка.

— Ахъ, да! Корсакъ твой?.. То-бишь... Киргизъ! Не безпокойся: мы твоего киргиза на пароходъ возьмемъ, а лодку—на буксиръ. Вотъ я сейчасъ распоряжусь, попрошу капитана... Идемъ, голубчикъ, идемъ!

V.

Алгара только и ждала доктора. Едва пріятели вступили на палубу,—матросы сняли сходни и пароходъ заработалъ колесами.

Штолль тотчасъ захлопотался о самоварѣ: на гостепріимныхъ синеморскихъ пароходахъ, все, что до чайку касается, всегда въ порядкѣ и изобиліи. О служащихъ тамъ заботятся,—дѣлай только каждый свое дѣло; а не дѣлаешь—не взыщи!.. Докторъ зналъ это, и такіе порядки ему нравились. Онъ былъ изъ людей строго исполняющихъ свой долгъ, до самыхъ мелочныхъ обязательствъ; но за то и требующихъ себѣ должнаго, до самой послѣдней іоты.

Подростокъ-матросъ живо принесъ кипящій самоваръ; вынулъ изъ буфета все нужное, даже до свѣжаго лимона и англійскихъ морскихъ бисквитовъ, и накрылъ чисто столъ въ уютной каютѣ. На пароходѣ, кромѣ Штолля, еще было двое служащихъ, и за китайской травкой всѣ разговорились. Всѣ, кромѣ Іуліянова; онъ былъ не рѣчистъ вообще, хотя иногда увлекался любезными ему, отвлеченными по большей части, тэмами, до краснорѣчія; но такіе разговоры ему рѣдко приходилось вести.

Въ каютѣ было сильно накурено и очень жарко. Михаилъ Андреичъ вышелъ на палубу, а потомъ и докторъ, со своей рижской сигарой, поднялся по крутой лѣсенкѣ, вслѣдъ за нимъ.

— Ты, попрежнему, не куришь? обратился онъ къ пріятелю.

— Попрежнему, мой милый. Вѣроятно, никогда не научусь, къ большому удовольствію матушки... Она убѣждена, что это должно меня оградить отъ чахотки.

— И легочной, и карманной! подтвердилъ Штолль.—Преглупая привычка деньги дымомъ выпускать! Я бы страшно себя уважалъ, если-бъ имѣлъ силу воли бросить это безцѣльное препровожденіе времени... Да вотъ—не бросаю! Видно никогда мнѣ самоуваженія не стяжать!

Они шли, пользуясь половодіемъ, узкими ериками, значительно сокращающими путь въ рѣку Чурку. По берегамъ этихъ, безчисленныхъ по этой сторонѣ Волги, протоковъ, кочуютъ киргизы, переселяясь съ бугра на бугоръ, смотря по нуждамъ ихъ стадъ и табуновъ. Одно такое переселеніе происходило именно теперь, на глазахъ пріятелей.

Киргизы переправлялись на новое пастбище, по другую сторону рѣчки, уложивъ, вѣрнѣе — наваливъ грудой, сложенныя кибитки, домашній скарбъ и усадивъ какъ попало свои семьи, включая въ то число младенцевъ и новорожденныхъ телятъ и ягнятъ, въ утлыя лодченки-бударки. Домашній скотъ—верблюды и верблюжата, лошади съ жеребятами, быки, коровы, телята и бараны, все это переправлялось своими средствами: кто вбродъ, кто вплавь, усердно погоняемое крикливыми мальчишками, верхомъ на лошадяхъ и верблюдахъ. Въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ ребячьихъ и женскихъ голосовъ. Мужчинъ почти не было:—всѣ работали на ватагахъ, по тонямъ. Много тутъ было картинныхъ подробностей, достойныхъ кисти.

Одинъ большой верблюдъ перебрался черезъ рѣку ранѣе другихъ, съ двумя взмостившимися между его горбовъ ребятишками. Онъ поднялся на песчаный бугоръ и, пережевывая жвачку, съ величайшимъ презрѣніемъ слѣдилъ глазами за бѣжавшимъ пароходомъ; въ то время какъ его сѣдоки, черномазые мальчикъ и дѣвочка, усердно, но безуспѣшно, подгоняли его зелеными вѣтвями ивы.

— Такъ и просятся на картинку! сказалъ учитель, указывая на нихъ.

— Да, издали они бываютъ живописны. Но вблизи!..

Докторъ презрительно сморщился и покачалъ головой.

Іуліяновъ почему-то покраснѣлъ. Краска вообще легко проступала на его лицѣ.

— Да ты бывалъ-ли когда въ кибиткѣ у зажиточныхъ киргизъ? спросилъ онъ.

— А не знаю, право! Они, кажется,—что бѣдные, что богатые,—одинаково грязны!

— Вотъ то-то, что *кажется*, голубчикъ мой! А все, что кажется—болѣе или менѣе миѳъ!.. Конечно киргизъ пролетарій, киргизъ простолюдинъ...

— Будто между ними есть и *не* простолюдины? перебилъ Штолль.

— Киргизъ—почти нищій, у котораго едва хватаетъ скудныхъ средствъ на уплату податей и поддержаніе впроголодь семьи,—продолжалъ, не обращая вниманія на перерывъ, Михаилъ Андреичъ,—тотъ поневолѣ оборванъ и грязенъ. Но развѣ чище наши мужики? По-моему

киргизъ-бѣднякъ ужь потому не хуже русскаго нищаго, что не пьетъ!

— Слова нѣтъ... Законъ Магомета для тѣхъ, кто его придерживается, великое благо!

— Да, киргизы всѣ почти хорошіе мусульмане.

— Говорятъ, даже большіе фанатики! снова прервалъ докторъ.

— Ужь не знаю, фанатики-ли? не имѣлъ случая въ томъ убѣдиться!. Но въ чемъ убѣжденъ вполнѣ, болѣе трехъ лѣтъ состоя съ народомъ этимъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, это въ томъ, что киргизы религіозный, честный и, сравнительно, очень чистоплотный народъ!

— Ну-ну! Ужь и будто бы? воскликнулъ недовѣрчиво Штолль.

— Увѣряю тебя... Да ты потрудись побывать въ ихъ кочевьяхъ, да и посравни ихъ переносныя кибитки— съ избой нашего мужика. У самаго бѣднаго киргиза всегда найдутся подушки, одѣяла, войлоки и циновки для ночнаго отдыха. И всегда они чисто свернуты въ углу его кибитки И жена его, и дѣти сидятъ не на грязномъ. зараженномъ всякой нечистотою, полу, а на чистыхъ подстилкахъ, на коврикахъ или циновкахъ.. А ужь у богатыхъ людей такая чистота, такая даже роскошная обстановка!.. Ты, голубчикъ, здѣсь безъ году—недѣлю: не знаешь! Вѣрно и не бывалъ въ парадныхъ кибиткахъ, у состоятельныхъ кочевниковъ... А я знаю!

— Тебѣ и книги въ руки! согласился Яковъ Карлычъ.—Спорить не стану, пока самъ не провѣрю.. А вотъ, какъ съ твоей легкой руки начну лѣчить разныхъ тетушекъ Абатыровыхъ и Теримовыхъ, или какъ ихъ тамъ прозываютъ? Тогда смотри самъ за чистотой своихъ protégés,—не то плохо придется!

— Прозываютъ ихъ не такъ! улыбнулся Іуліяновъ.— Старикъ, глава семьи,—Урбазъ-бекъ-Темировъ, а фамилія сестры его, кажется, Идычіева. Она вдова.. зовутъ ее Муслиме. Все это я узналъ послѣ долгаго знакомства... Киргизы, вѣдь, не любятъ говорить, какъ ихъ зовутъ. Это у нихъ не въ обычаѣ! Они даже въ семьяхъ другъ друга—матерями, сестрами, братьями, дядями. и такъ далѣе величаютъ.. А не по именамъ

— Воображаю, какая путаница отъ этого происходитъ!.. Въ большихъ-то семьяхъ! засмѣялся докторъ

— У нихъ рѣдки большія семьи... Да въ случаѣ крайности назовутъ и по имени, но безъ нужды не любятъ упоминать именъ.

— Боятся сглазу, вѣроятно!. Моя нянюшка, помнишь, Сидоровна, бывало никогда чужимъ, пока я маленькимъ былъ, не говорила, какъ меня зовутъ, чтобы не сглазили!.. Нѣтъ, серьезно, Миша! Какъ же зовутъ твою любовь?

— Какую любовь?

— Ну-ну-ну! Да полно!.. Не знаю я тебя что-ли?.. Чего-жь краснѣешь? Даромъ, что-ли?.. Ну-ну, говори, какъ зовутъ M-lle Теримову? приставалъ Штолль

— Темирову! поправилъ Іуліяновъ.—У нея хорошенькое имя: Альме

— Альме! Совсѣмъ героиней романа звучитъ! Когда же крестины и свадьба?. Ее вѣдь прежде окрестить надо? Только имени не мѣняй. хорошенькое! болталъ докторъ.—И знаешь что, дружище? Ты, пожалуй, меня на свадьбу не зови, а позови на крестины твоей будущей супруги... Въ кумовья!

Умоляющій взглядъ товарища въ пору остановилъ болтовню неугомоннаго доктора. И онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ, нимало не помышляя, что своими праздными шутками задѣлъ очень больную струну въ сердцѣ друга.

Однако, въ теченіе сутокъ, проведенныхъ Михаиломъ Андреичемъ на богатомъ, очень людномъ и благоустроенномъ Синеморскомъ промыслѣ, Чуркѣ, въ гостяхъ у своего пріятеля, докторъ началъ подозрѣвать, что нечаянно предположилъ истину. Несмотря на праздничный день, Іуліяновъ съ ранняго утра началъ обнаруживать признаки нетерпѣнія. Онъ едва далъ время Штоллю обойти и покончить дѣло въ зданіи больницы, какъ ужь началъ допрашивать когда они поѣдутъ?.. скоро-ли онъ освободится?

— А ты бы вотъ что. походилъ бы по промыслу! Посмотрѣлъ бы наши новыя постройки! совѣтовалъ докторъ пріятелю

— Богъ съ ними! Я знаю, что все отлично!

— Да, братъ.. Дѣйствительно все здѣсь теперь хорошо, только не дай Богъ намъ такихъ равнодушныхъ цѣнителей имѣть, каковъ ты! смѣялся Штолль, трудясь надъ составленіемъ какого-то порошка —Ужь на что лучше моей больницы? Чисто, свѣтло. просторно, удобно! Игрушечка,—а не больница! А ты все морщишься и ни на что смотрѣть не хочешь!

— Да Богъ съ тобой, Яша! Я всѣ камеры, давеча, съ тобой обходилъ и вотъ битый часъ богатствомъ и порядкомъ твоей латинской кухни любуюсь, но посуди же самъ я уѣхалъ вчера на зарѣ!. Маменька можетъ думать, что я въ морѣ утонулъ.

— А твой Абатыръ на что? Ты забываешь, что онъ вчера въ лодкѣ твоей вернулся и объяснилъ Марьѣ Богдановнѣ, что ты у меня и со мной же сегодня пріѣдешь?.. Э-э, братъ, шалишь! Не маменька у тебя на умѣ!.

Онъ сразу оборвалъ свои шутки, замѣтивъ, какъ непріятно онѣ подѣйствовали на товарища его дѣтства.

— Ну-ну-ну! Успокойся.. Вотъ только сбѣгаю еще въ дѣтское отдѣленіе, туда,—гдѣ у насъ особое помѣщеніе для заразныхъ больныхъ. Посмотрю, какъ у меня нынче корь и дифтеритъ со скарлатиной и прочими его прелестными сестрицами поживаютъ—и затѣмъ я твой!.. Вѣдь намъ надзиратель свою *Варю* даетъ,—мигомъ на Буграхъ у тебя очутимся! Этотъ катеръ—скороходъ замѣчательный! Не безпокойся: переносную аптечку съ собой возьмемъ и увидишь, какъ скоро все родство, не только что тетушку M-lle Almée, на ноги поставимъ.

Часа черезъ два — Іуліяновъ и Штолль, и точно „бѣжали“, — по обычному выраженію жителей Волжской дельты,—на Красные Бугры; и солнце еще было высоко, когда они до нихъ добѣжали благополучно.

(Продолженіе будетъ)

Спасеніе брамина.

Разсказъ **Р Гарбе** Переводъ **Е Б—ъ.**

(Продолженіе).

Собесѣдники, углубившись въ разговоръ, не замѣчали, что уже нѣкоторое время были предмстомъ наблюденія Проходившіе мимо пять или шесть браминовъ остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи и смотрѣли на нихъ съ явнымъ недоброжелательствомъ

— Рамтшандра опять съ саибомъ; они повидимому неразлучны, замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Я не довѣряю Рамтшандрѣ, сказалъ другой, и желая понравиться, прибавилъ — я ненавижу Рамтшандру.

На это первый насмѣшливо возразилъ:

— Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ нѣсколькихъ уроковъ саибъ тебя уволилъ и пригласилъ Рамтшандру. Вѣроятно, онъ смыслитъ больше тебя.

Задѣтый за живое браминъ бросилъ на товарища злобный взглядъ и поторопился отвѣтить.

— Мнѣ не понравилось обхожденіе саиба, вотъ почему я отъ него ушелъ; но, какъ мнѣ кажется, ты менѣе всѣхъ имѣешь причину насмѣхаться: ты думаешь, мы не знаемъ, что нѣсколько недѣль тому назадъ Рамтшандра одержалъ надъ тобою верхъ въ состязаніи на премію раджи Дарбганскаго?

Литературный альбомъ. „Пери и Ангелъ“ Жуковскаго. Ориг рис. (собств. „Нивы“) и Волкова, грав. Пястушкевичъ.

Въ разговоръ вмѣшался третій браминъ:

— Не ссорьтесь! Всѣ мы имѣемъ основаніе недолюбливать высокомѣрнаго Рамтшандру. Въ бесѣдѣ съ нами, онъ говоритъ такъ, какъ будто считаетъ себя выше насъ!

— Его манера говорить, прибавилъ другой, — не допускаетъ даже попытки противорѣчію... Въ высшей степени непріятно умолкать передъ младшимъ! Смотрите, такъ же повелительно онъ говоритъ теперь съ саибомъ.

Браминъ, котораго съ самаго начала подняли на смѣхъ, чувствовалъ теперь потребность придираться ко всѣмъ, въ чьихъ взорахъ онъ прочелъ явную насмѣшку.

— Только съ тою разницею, что саибъ улыбается, и не умолкаетъ,—ввернулъ онъ.

По говорившій, будто не слыша замѣчанія, продолжалъ:

— Не понимаю саиба: эти важные господа обыкновенно не допускаютъ такого съ собою обращенія со стороны кого-либо изъ нашего народа.

Внезапно произошло смятеніе: съ одной изъ ближайшихъ улицъ послышались предостерегающіе возгласы:

— Агори! Слѣпой Агори! Берегитесь!

Брамины немедленно разсыпались во всѣ стороны, и тамъ, гдѣ они только-что высказывали свою зависть къ значенію и преимуществамъ Рамтшандры, показался слѣпой старикъ въ лохмотьяхъ и съ палкою въ рукѣ, которою онъ безпомощно ощупывалъ вокругъ себя дорогу. Старикъ былъ извѣстенъ во всей окрестности какъ принадлежащій къ тому классу людей, о которыхъ индусъ-браманистъ упоминаетъ не иначе какъ съ омерзѣніемъ. Изъ всѣхъ паріевъ на сѣверѣ Индіи агори считается самымъ презрѣннымъ; одного вида его достаточно, чтобы обратить въ бѣгство всѣхъ, кто не заклейменъ печатью одного съ нимъ происхожденія, и даже другіе паріи отъ него отворачиваются.

Съ жалобнымъ стономъ несчастный старецъ остановился.

— Горе мнѣ! Гдѣ я? На базарѣ, куда я попалъ противъ воли, толпа оттѣснила отъ меня моего мальчика... Какъ я теперь найду дорогу? Слышу, какъ люди съ крикомъ отъ меня убѣгаютъ. О, зачѣмъ я родился! Проклятіе всему творенію!

М-ръ Уайтъ услышалъ стоны и замѣтилъ слѣпаго:

— Взгляните въ ту сторону, Рамтшандра; какой-то бѣдный слѣпой старикъ, очевидно потерявшій своего поводыря! И какъ каждый отъ него бѣжитъ! Что это значитъ?

Рамтшандра отвернулъ голову по направленію къ рѣкѣ и отвѣчалъ:

— Это агори, саибъ, я его хорошо знаю. Ему слѣдовало бы бояться подходить къ людскому жилью и осквернять своимъ видомъ другихъ. Законъ браминской религіи предписываетъ, чтобы эти выродки человѣчества жили въ пустынныхъ, заброшенныхъ мѣстахъ. Въ прежнія времена онъ не осмѣлился бы ступить на почву нашего священнаго города: его бы побили камнями. Но съ тѣхъ поръ, какъ вы, чужеземцы, владѣете нашей страной, многое дурное дозволено, и многое хорошее запрещено.

— То есть, по *вашему* мнѣнію! досадливо сказалъ англичанинъ. — Можете ли вы упрекнуть этого человѣка въ чемъ-нибудь помимо его происхожденія?

— Нѣтъ. Но развѣ этого не довольно!

М-ръ Уайтъ заволновался.

— Старикъ ощупью направляется къ рѣкѣ; если онъ такъ пойдетъ дальше, онъ можетъ утонуть.

— Туда ему и дорога, выродку! сказалъ презрительнымъ тономъ Рамтшандра;—жаль только священной воды.

Глаза судьи блеснули гнѣвомъ.

— Это человѣкъ, Рамтшандра, воскликнулъ онъ,—такой же человѣкъ какъ ты! И онъ нуждается въ помощи.

Съ этими словами онъ подошелъ къ слѣпому, который былъ уже близко отъ нихъ, и взялъ его подъ руку. Браминъ точно застылъ на своемъ мѣстѣ, обративъ на англичанина неподвижный, изумленный взоръ.

— Благодарю тебя, сказалъ старикъ своему невидимому покровителю: — ты также агори?

— Нѣтъ, другъ мой. Идемте, я васъ доведу до дому. Гдѣ вы живете?

Но старикъ не двигался: онъ былъ глубоко потрясенъ и не могъ придти въ себя отъ безграничнаго удивленія. Наконецъ онъ далъ волю чувствамъ:

— Ты не агори и ты ко мнѣ прикасаешься! Боги, всемогущіе боги, благодареніе вамъ! Подъ конецъ моей жизни это несказанное счастье! Человѣкъ — не агори, беретъ мою руку и называетъ меня другомъ! Да, это правда, вы боги добры, безконечно добры.

Пока англичанинъ медленно уводилъ парія, въ Рамтшандрѣ, который все еще стоялъ будто прикованный на томъ же мѣстѣ, происходила сильная внутренняя борьба. Глаза его, обращенные къ уходившимъ, ничего не видѣли: онъ будто замеръ, только мысль лихорадочно работала. Наконецъ и она стала проясняться:

„Что это было? Что здѣсь случилось? Во снѣ ли это, или наяву? Нѣтъ, это правда. Саибъ ушелъ. Что сказалъ онъ мнѣ такое, что его слова огнемъ прожгли мнѣ душу! „Это человѣкъ, Рамтшандра, человѣкъ какъ ты!“ Если это правда, если онъ правъ? А какъ пламенно старый агори благодарилъ боговъ за то, что человѣкъ не его касты коснулся его и назвалъ его другомъ... Какъ? И въ паріяхъ, которыхъ мы считаемъ ниже отвратительныхъ гадовъ, такія-же чувства, какихъ не постыдился бы любой браминъ! О боги, просвѣтите меня!.. Но нѣтъ, сколько я ни взывалъ къ вамъ, вы оставались нѣмы на всѣ мои мольбы. Вы такъ же жестоки, какъ и ваши заповѣди!.. Ваши заповѣди?.. А если правда то, что говоритъ саибъ, и божественныя постановленія... дѣло человѣка? Нѣтъ... нѣтъ! Невозможно, чтобы *человѣческими* законами милліоны существъ осуждались на самую гнусную нищету, на отчаяніе и погибель! Я сойду съ ума отъ этой мысли!“

— Râm, Râm sat hai, — Богъ, Богъ одинъ истиненъ, прозвучалъ вдали монотонный возгласъ.

Все ближе, ближе, — и шесть носильщиковъ, повторяя въ тактъ молитвенный припѣвъ, понесли къ ближайшему мѣсту сожиганія тѣло, покрытое сѣрымъ сукномъ и положенное на простую плетеную цыновку. Они сложили свою ношу на заранѣе приготовленный костеръ и отошли въ сторону. Человѣкъ изъ низшей касты *домсовъ,* на обязанности которыхъ въ Бенаресѣ лежитъ прибыльная и переходящая къ его потомству обязанность зажиганія погребальнаго костра, стоялъ съ факеломъ въ рукѣ, ожидая знака, чтобы приступить къ дѣлу. Рамтшандра пробудился отъ своей задумчивости и подошелъ къ костру; онъ зналъ, что это трупъ Лилавати, такъ какъ въ кругу провожавшихъ его друзей и знакомыхъ увидѣлъ Кришнаду, стоявшаго съ поникшей головой. Когда онъ сталъ рядомъ съ нимъ, купецъ сказалъ:

— Еще немного, и прахъ моей бѣдной сестры смѣшается съ священными волнами Ганга.

— Вы должны радоваться за нее, Кришнада, сказалъ Рамтшандра. — Кто такъ прожилъ жизнь, какъ она, тотъ теперь несравненно счастливѣе всѣхъ насъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Кришнада, — но брату, который столько лѣтъ видѣлъ ея страданія и только одни страданія,—не легко забыть прошлое.

За нимъ стоялъ Лакшманъ. Его лицо выражало нерѣшительность; онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то взволнованъ и не зналъ, что ему дѣлать.

— Бѣдный другъ! прошепталъ онъ. — Однако я долженъ ему сказать...

Съ этими словами онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и вполголоса позвалъ:

— Кришнада!

Купецъ обернулся:

— И ты здѣсь, Лакшманъ, благодарю тебя. Я зналъ, что ты не пропустишь этой церемоніи... Но мнѣ сдается, что у тебя еще что-то на сердцѣ?

— Да, Кришнада, къ сожалѣнью. Я сегодня получилъ письмо изъ Кашмира... съ разными извѣстіями... Тамъ было нѣсколько словъ о... Чампакѣ, твоемъ зятѣ.

— Вѣрно ничего хорошаго? мрачно замѣтилъ Кришнада. — Могу себѣ представить.

— Да, ничего хорошаго. — Лакшманъ сдѣлалъ паузу: сообщить печальное извѣстіе было еще труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. — Ты, конечно, пожелаешь узнать... ты долженъ знать...

Кришнада сильно испугался.

— Онъ не боленъ, не боленъ тяжело? поспѣшно спросилъ онъ, и когда Лакшманъ утвердительно кивнулъ головой, вскричалъ: — нѣтъ, нѣтъ, Лакшманъ, не говори мнѣ! Только одного не говори! Скажи, что Чампакъ укралъ, что онъ какъ преступникъ посаженъ въ тюрьму, хотя бы на всю жизнь... Не говори только, что онъ боленъ.

Онъ, точно защищаясь, протянулъ руки къ другу, который глухимъ голосомъ разсказывалъ:

— Чампакъ, какъ всегда, сопровождалъ магараджу на охоту. Молодой государь горячъ, необузданъ и необдуманъ... Выстрѣлъ его, предназначавшійся оленю, попалъ Чампаку въ грудь... Онъ тутъ же умеръ...

Кришнада беззвучно опустился на землю, стоявшіе подлѣ подхватили его. Отблескъ пылавшаго костра озарилъ его искаженное горемъ лицо. Рамтшандра бросился къ нему съ воплемъ:

— Всемогущіе боги, что я слышу? Гопа—вдова!

Въ тѣ годы, когда происходили описываемыя нами событія, англійскіе правительственные чиновники въ Индіи еще не были такъ обременены служебными занятіями, какъ нынѣшніе, для которыхъ понятіе о досугѣ сдѣлалось почти чуждымъ. Тогда даже высшіе сановники имѣли достаточно времени для занятій личными дѣлами и интересами. Къ полудню м-ръ Уайтъ обыкновенно освобождался отъ обязанностей по службѣ и остальную часть дня могъ совершенно спокойно посвящать своимъ научнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ, спустя нѣсколько дней послѣ бесѣды съ Рамтшандрой у Гатсовъ, мы находимъ его въ уютномъ кабинетѣ его „бунгало“ — дома, который, какъ большинство европейскихъ домовъ въ той мѣстности, отличался не щегольствомъ убранства, но всѣми необходимыми въ тропическихъ странахъ удобствами. Всѣ двери и окна были открыты для возможно болѣе свободнаго доступа

воздуха и только снаружи завѣшены цыновками изъ тонкаго соломеннаго плетенія. Надъ головою англичанина шелестилъ, правильно покачиваясь, *панка*, огромный туземнаго устройства вѣеръ, приводимый въ движеніе посредствомъ веревки двумя сидѣвшими на верандѣ кули. На полу были разостланы тигровыя шкуры, стѣны обвѣшаны рогами антилопъ и другими охотничьими трофеями. М-ръ Уайтъ, читавшій за своимъ письменнымъ столомъ, посмотрѣлъ на часы.

„Сегодня Рамтшандра заставляетъ себя ждать... Съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, въ немъ произошла удивительная перемѣна. Вначалѣ онъ боязливо на меня косился, точно боялся чего-то, и когда я задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, который не относился къ нашимъ занятіямъ, отъ него нельзя было добиться ни слова. А теперь... вопросы, на которые онъ въ послѣдніе дни требуетъ у меня отвѣта, заставляютъ предполагать въ немъ какой-то душевный переворотъ. Рамтшандра, надѣюсь, ты еще меня порадуешь... Однако воспользуюсь временемъ, и сведу счеты со слугою.“

Онъ громко позвалъ человѣка, завѣдывавшаго его хозяйствомъ, общимъ въ Индіи названіемъ должности:

— Ханзама!

Явившійся на зовъ индусъ низко поклонился, прикасаясь обѣими руками ко лбу:

— Салямъ, саибъ, что прикажете?

— Кто разбилъ стаканъ на томъ столѣ?

— Саибъ, онъ самъ упалъ, отвѣчалъ слуга.

— Самъ собою, какъ всегда, насмѣшливо сказалъ судья. — А лампа также сама сломалась?

— Нѣтъ, саибъ, мускусная крыса бѣжала мимо и опрокинула ее.

М-ръ Уайтъ давно привыкъ встрѣчать подобныя объясненія своего слуги съ хладнокровіемъ, которое каждый европеецъ въ Индіи долженъ себѣ усвоить, чтобы не жить въ постоянномъ раздраженіи.

— Хорошо, сказалъ онъ, — ступай на базаръ и купи новую лампу. Но слушай: если въ моемъ домѣ еще разъ что-нибудь само собою упадетъ или крыса опрокинетъ...

— Саибъ, этого никогда больше не случится.

— Теперь сочтемся. Что ты сегодня издержалъ? продолжалъ м-ръ Уайтъ.

— Семь рупій портному, потомъ еще шесть; изъ нихъ четыре на мясо, овощи, хлѣбъ и молоко, и двѣ кузнецу, который подковалъ вашу верховую лошадь. За все пятнадцать рупій.

— Сколько будетъ семь и шесть?

Этотъ заданный строгимъ тономъ вопросъ произвелъ впечатлѣніе: слуга задрожалъ и началъ униженно извиняться:

— Ахъ, тринадцать, саибъ. Простите, мы, бѣдные люди, такъ плохо считаемъ!

— Молчи! воскликнулъ м-ръ Уайтъ. — Я знаю, что вы можете считать лучше меня. Подай-ка сюда мой хлыстъ.

Ханзама со страхомъ и мольбою протянулъ руки:

— Ахъ, саибъ, не гнѣвайтесь на меня! Вы мой отецъ и моя мать. Пусть боги сдѣлаютъ васъ магараджею Европы!

— Очень вѣроятно! насмѣшливо улыбнулся судья и обратился къ другому слугѣ, только-что появившемуся въ дверяхъ: — что скажешь, Судіу?

— Селямъ, саибъ, отвѣчалъ тотъ. — На дворѣ стоитъ и не осмѣливается сюда войти какой-то мальчикъ. Онъ принесъ вамъ въ подарокъ корзину плодовъ и говоритъ, что вы вчера проводили его слѣпаго отца.

Англичанинъ былъ пораженъ:

— Вотъ гдѣ въ Индіи я встрѣчаю благодарность: — въ самомъ низкомъ слоѣ народа! Внеси сюда плоды, обратился онъ къ слугѣ и съ неудовольствіемъ прибавилъ, когда тотъ не тронулся съ мѣста: — ну, скоро ты пойдешь?

— Этотъ мальчикъ агори, саибъ! извинился слуга; а другой выслушалъ это извѣстіе съ видимымъ содроганіемъ.

— А, такъ? сказалъ м-ръ Уайтъ, — и прикосновеніе къ нему осквернитъ тебя. И тебя также, ханзама?

— Да, саибъ.

— Смотрите: ложь и обманъ васъ не оскверняютъ, а принять корзину съ плодами изъ рукъ невиннаго ребенка вы не можете — это васъ оскверняетъ!

— Да, саибъ, серьезно подтвердилъ первый изъ слугъ, — если это агори.

М-ръ Уайтъ всталъ.

— Такъ я пойду самъ. О, темная сила предразсудка, свившая себѣ главное гнѣздо въ Бенаресѣ!

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, слуги пошли къ другой двери, съ трудомъ сдерживая смѣхъ:

— У всѣхъ саибовъ въ головѣ неладно, сказалъ одинъ. — Обманъ — оскверняетъ!

Другой отозвался:

— Если ихъ не обманывать, то кого же другаго?

Скоро м-ръ Уайтъ вернулся съ корзиною плодовъ въ рукахъ въ сопровожденіи Рамтшандры, котораго встрѣтилъ на верандѣ. Молодой браминъ на видъ былъ очень жалокъ.

— Садитесь, пригласилъ его судья. — Какъ вы поживаете, Рамтшандра?

— Не такъ хорошо, какъ всегда, отвѣчалъ тотъ необыкновенно слабымъ голосомъ. — Начнемте.

Онъ открылъ принесенную книгу и неувѣренно посмотрѣлъ въ нее, между тѣмъ какъ судья, съ перомъ въ рукѣ, слѣдилъ за нимъ испытующимъ взоромъ. Черезъ минуту Рамтшандра объявилъ, что не понимаетъ этого мѣста.

— Въ первый разъ слышу это изъ вашихъ устъ, сказалъ м-ръ Уайтъ и продолжалъ съ участіемъ: — не будемъ сегодня заниматься. Вы больны, Рамтшандра?

— Нѣтъ, я не боленъ, но пережилъ слишкомъ много тяжелаго за послѣднее время.

— Да, подтвердилъ м-ръ Уайтъ. — Вы мнѣ разсказывали о несчастьи въ семействѣ вашего друга Кришнады. Такое сочувствіе дѣлаетъ вамъ честь, Рамтшандра.

— Ахъ, вы знаете еще далеко не все, простоналъ молодой браминъ; — мужъ Гопы умеръ, Гопа вдова, Кришнада въ отчаяніи. Думаю, что и я этого не перенесу.

Оба съ минуту помолчали; потомъ англичанинъ спросилъ:

— Вы вѣрно часто видѣли Гопу?

— О да, очень часто. Отецъ не держалъ ее такъ замкнуто, какъ большинство дѣвушекъ и женщинъ въ нашемъ народѣ. Гопа очень умна. Кришнада имѣетъ обыкновеніе обо всемъ съ нею совѣтоваться и любитъ, чтобы она всегда выходила къ гостямъ.

— Гопа должно быть хороша собой? продолжалъ, понизивъ голосъ, м-ръ Уайтъ; а молодой человѣкъ съ живостью воскликнулъ:

— Она прекрасна какъ богиня Лакшми, выходящая изъ морской пѣны.

— Сказать, чего вамъ недостаетъ, Рамтшандра? Вы любите Гопу.

Это было произнесено очень тихо, тономъ, выражавшимъ самое теплое участіе; но браминъ быстро вскочилъ, словно пораженный смертельнымъ ударомъ.

— Что вы говорите, саибъ?! Развѣ вы не знаете, что я браминъ, а Гопа дочь купца и къ тому же — вдова!

— Прежде всего я знаю одно, со спокойною увѣренностью отвѣчалъ судья, — что вы мужчина, молодой мужчина, и что сердце горячо бьется у васъ въ груди. Когда такіе молодые люди часто встрѣчаются съ дѣвушками достойными любви, то обыкновенно начинаютъ къ нимъ чувствовать неодолимое влеченіе. Такова воля Творца.

— Это вы называете волей Творца? медленно переспросилъ Рамтшандра, словно не разслышавъ.

— Да, разумѣется! А что касается вдовства Гопы, — скажите мнѣ, Рамтшандра, жила-ли она когда-нибудь съ мужемъ?

— Нѣтъ, никогда. Она была обвѣнчана ребенкомъ и ребенкомъ Чампакъ ее оставилъ.

— Тогда въ чемъ же дѣло? Какая же она вдова, если никогда не была женою? Развѣ такой бракъ можетъ имѣть значеніе?

Браминъ, отвѣчавшій на послѣдніе вопросы низко опустивъ голову, готовъ былъ снова вспыхнуть.

— Саибъ, не оскорбляйте моей религіи! вскричалъ онъ.

— И не думаю, возразилъ судья, — ибо богослужебные обряды не религія. Повѣрьте мнѣ, Рамтшандра, вы стоите на истинномъ пути къ просвѣщенію. Еще немного, и вы научитесь отличать волю Божію отъ постановленій браминовъ. Другъ, не смотрите такимъ безумнымъ взоромъ; то, что вы чувствуете, не безчеститъ васъ, но не сомнѣвайтесь дольше: вы любите Гопу.

Рамтшандра вскочилъ въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Если вы говорите правду, я погибшій человѣкъ!

Съ этими словами онъ бросился къ дверямъ.

Въ слѣдующіе дни судья напрасно ожидалъ брамина въ назначенные для занятій часы.

. . . .

Десять или двѣнадцать самыхъ почтенныхъ купцовъ Бенареса обступали несчастнаго Кришнаду въ его домѣ. Онъ сидѣлъ у стола, опустивъ голову на руки, и принималъ соболѣзнованія товарищей, къ которымъ примкнулъ и Лакшманъ.

— Благодарю васъ, друзья! говорилъ онъ, — только... пожалуйста, оставьте меня одного!.. Кажется, вамъ еще что-то нужно? говорите!

Нерѣшительно началъ старшій изъ посѣтителей, которые всѣ были присланы кастою:

— Уже восемь дней, какъ мы получили печальное извѣстіе о смерти твоего зятя.

— Восемь дней? повторилъ Кришнада, — можетъ быть, — я не считалъ, сколько разъ солнце восходило и заходило... а ночь не приносила мнѣ успокоенія.

Купцы помолчали; потомъ старшій изъ нихъ спросилъ опять:

— Кришнада, правда ли, что, какъ я слышалъ, Гопа, твоя дочь, все еще ходитъ въ цвѣтныхъ платьяхъ и голова у нея не обрита, какъ подобаетъ вдовѣ?

— Правда, подтвердилъ Кришнада, — я запретилъ ей... Больше объ этомъ не говорите!

— Наша обязанность говорить объ этомъ, пробудить тебя отъ твоего тупаго отчаянія и напомнить о законахъ нашей касты.

Продавецъ бубликовъ въ Крыму. Ориг рис. (собств. „Нивы") Н. Кравченко. автотипія Ангерера.

Гитаристка. Картина Бомпьяни Баталья, грав. Пейне.

— Сердце приказываетъ мнѣ другое возразилъ Кришнада.— Я не могу! Сжальтесь! Оставьте меня въ покоѣ!

Снова наступило тягостное молчаніе; ему положилъ конецъ одинъ изъ присутствовавшихъ, стоявшій ближе всѣхъ къ Кришнадѣ:

— Опомнись, подумай, кто и что ты! Всѣмъ намъ больно, но такъ должно быть.

— Нѣтъ, воскликнулъ несчастный, —этого не должно быть! Нѣтъ! Если Гопа, мое прекрасное дитя, лишится роскошныхъ волосъ, разсыпающихся по ея плечамъ, если она будетъ терпѣть такія мученія, какъ моя сестра... я сойду съ ума... да, клянусь богами, сойду съ ума, я это чувствую.

Тогда глава депутаціи заговорилъ строгимъ тономъ:

— Кришнада, мы здѣсь не только какъ твои друзья, но и какъ твои судьи. Мы присланы кастой, которая сегодня держала по этому предмету совѣтъ и рѣшила..

— А, вотъ какъ! воскликнулъ Кришнада. — вы уже грозите!

— Очень сожалѣю, но мы должны. Здѣсь нѣтъ выбора. Другъ, приди въ себя, обѣщай мнѣ, что до завтрашняго дня Гопа...

Кришнада не далъ ему кончить и закричалъ въ совершенномъ отчаяніи:

— Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ!

— Это твое послѣднее слово, ты говоришь съ полнымъ сознаніемъ?

— Да, мое послѣднее слово! Я перенесу все, что бы изъ этого ни вышло!

Тогда ораторъ возвысилъ голосъ и сказалъ строгимъ торжественнымъ тономъ:

— Такъ услышь же волю нашей касты! Если ты желаешь преступно нарушить божественные законы, то съ сегодняшняго дня ни одинъ купецъ не войдетъ въ твой домъ, ни одинъ не будетъ вести съ тобою дѣлъ. А когда мы встрѣтимъ тебя на улицѣ, мы отвернемся отъ тебя, какъ незнакомые. Пойдемте, друзья, мы исполнили нашъ долгъ.

И, не кланяясь Кришнадѣ, купцы вышли.

Несчастный былъ исключенъ изъ своей касты; но онъ все еще не могъ понять, какъ товарищъ его дѣтства уходитъ, не удостоивая его взгляда.

— И ты, Лакшманъ, воскликнулъ онъ, — и ты со мною не прощаешься?

Лакшманъ отвѣчалъ уже въ дверяхъ:

— Воля боговъ для меня выше человѣческой дружбы.

И послѣдній оставилъ отнынѣ зачумленный домъ.

Въ ту же минуту въ комнату вбѣжала Гопа, бросилась передъ отцомъ на колѣни и судорожно охватила его руками.

— Отецъ, отецъ, я все слышала... Мы пропали!

— Боюсь, дитя, что это такъ,—беззвучно прошепталъ Кришнада. — Я знаю этихъ жестокихъ людей: они сегодня же напишутъ моимъ иногороднымъ корреспондентамъ — всѣмъ, съ кѣмъ я велъ дѣла. Съ торговлей дѣло покончено.

— Нѣтъ, отецъ, нѣтъ! воскликнула Гопа, — я сейчасъ же одѣнусь въ трауръ и обрею себѣ волосы.

— Ты этого не сдѣлаешь, я не позволю!

— Позволь мнѣ, отецъ, заклинаю тебя! Если я еще сегодня покажусь во вдовьемъ одѣяніи, то каста отмѣнитъ свой приговоръ и удовлетворится небольшой пеней...

Но Кришнада былъ непоколебимъ.

— Нѣтъ, дочь моя! сказалъ онъ, — лучше вмѣстѣ умремъ,— сейчасъ, если такъ должно быть.

Въ дверяхъ появился слуга; онъ видимо не рѣшался что-то сказать.

— Что тебѣ? прикрикнулъ на него Кришнада, — ты мнѣ мѣшаешь.

— Господинъ, одно только слово! просилъ слуга, — когда купцы отъ васъ вышли, то пошли къ бухгалтеру въ магазинъ и что-то ему тихо сказали. Черезъ минуту ушелъ и онъ, поручивъ мнѣ передать вамъ...

Онъ запнулся и, когда Кришнада, дрожа отъ нетерпѣнія, закричалъ:

— Что? Говори сейчасъ!—тотъ боязливо попятился.

— Ахъ, господинъ, страшно! Не смотрите на меня такъ строго, я дрожу всѣмъ тѣломъ...

— Говори, несчастный! Что онъ сказалъ?

— Чтобы вы поискали себѣ другаго бухгалтера... между паріями...

Едва успѣвъ сказать эти слова, слуга исчезъ за дверьми.

Гопа болѣзненно застонала, а Кришнада отъ ярости заскрежеталъ зубами.

— Мошенникъ, собака! И это за все то, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ! За то, что я изъ жалости много лѣтъ тому назадъ взялъ его въ свой домъ, когда онъ умиралъ отъ голоду! Однако нужно скорѣе посмотрѣть, не довершилъ ли онъ свою подлость воровствомъ.

(Окончаніе будетъ).

Новыя скорости курьерскихъ поѣздовъ.

Ничто такъ краснорѣчиво не говоритъ о происшедшемъ въ послѣднія два столѣтія громадномъ переворотѣ въ международныхъ сношеніяхъ, какъ сравненіе цифровыхъ данныхъ. Такъ, въ Саксонскомъ курфюршествѣ, по почтовому росписанію 1681 года—число приходящихъ и отходящихъ почтъ для Лейпцига въ недѣлю не превышало 12; тогда какъ двѣсти лѣтъ спустя, въ 1881 году, въ томъ же городѣ за одинъ день насчитывалось приходящихъ почтъ 56, отходящихъ—54. Но, требованія растутъ вмѣстѣ съ средствами ихъ удовлетворенія. Разумѣется, за семьдесятъ лѣтъ своего существованія, желѣзныя дороги не переставали совершенствоваться, особенно въ отношеніи точности и безопасности движенія. Однако, несмотря на всѣ старанія техники въ этомъ направленіи, нѣкоторые недочеты не могли быть устранены и до наше время. Такъ, пользованіе паромъ все еще происходитъ при далеко не благопріятныхъ условіяхъ, обходясь поэтому слишкомъ дорого; вагоны все еще имѣютъ неуклюжую форму и подвергаются непріятнымъ толчкамъ, а что особенно важно,—скорость движенія, по нынѣшнимъ понятіямъ, когда „время—деньги“,— слишкомъ незначительна. Лучшіе курьерскіе поѣзда дѣлаютъ лишь 80—100 километровъ въ часъ; небольшое ускореніе,— на 10—20 верстъ,—уже достигается цѣною большихъ затратъ и затрудненій. Ощутительныя перемѣны въ настоящемъ порядкѣ вещей зависятъ отъ успѣховъ техники, если она, благодаря какому-нибудь новому открытію, въ родѣ, напр., электричества, получитъ совершенно новыя основанія. Однако и въ этомъ дѣлѣ слишкомъ большая поспѣшность нововведеній не можетъ быть желательна, въ виду огромнаго распространенія существующаго типа желѣзныхъ дорогъ и капиталовъ, затраченныхъ на нихъ.

Ближайшая цѣль будущаго сводится приблизительно къ слѣдующему: повышеніе скорости движенія, введенія электричества какъ производительной силы и, наконецъ, замѣна длинныхъ поѣздовъ отдѣльными вагонами, наподобіе вагоновъ конножелѣзной дороги, которые совершали бы свои рейсы между отдаленными центрами съ гораздо бо̀льшею подвижностью и экономіею времени.

Значительное повышеніе скорости при паровомъ двигателѣ недостижимо въ виду ограниченныхъ размѣровъ машиннаго котла: увеличеніе этого послѣдняго дало бы въ результатѣ мертвый грузъ, въ ущербъ полезной тяжести пассажировъ и клади. Къ этому бы присоединилось неудобство отъ еще болѣе неровнаго хода локомотива, поршни и рычаги котораго, двигаясь съ бѣшеною скоростью, потрясали бы, конечно, машину, а съ нею и весь поѣздъ.

Поэтому рѣшено отказаться отъ производительной силы пара и прибѣгнуть къ панацеѣ нашего времени—электричеству. Электрическая динамо-машина обладаетъ той простотою движенія, которой долгое время и почти безуспѣшно старались достигнуть въ паровой машинѣ. Работающая электрическая сила дѣйствуетъ сразу вращательно, не прибѣгая къ такимъ неудобнымъ передаточнымъ частямъ — каковы рычаги и шатуны, при помощи которыхъ прямолинейный толчокъ пара долженъ сначала передаться круговому движенію маховыхъ колесъ. Это въ высшей степени упрощаетъ дѣйствующій механизмъ и уменьшаетъ занимаемое имъ пространство.

Къ сожалѣнію, скорость желѣзнодорожнаго движенія встрѣчаетъ еще одну неустранимую помѣху въ томъ отношеніи, что развивающаяся при слишкомъ быстрыхъ оборотахъ колесъ центробѣжная сила быстро ихъ разрушаетъ. Такъ, при скорости поѣзда—250 километровъ въ часъ (стало-быть втрое скорѣе обыкновеннаго курьерскаго поѣзда), — колесо, имѣющее въ діаметрѣ $2\frac{1}{2}$ метра, вращается около своей оси со скоростью 70 метровъ въ секунду. Несмотря на то, что при теперешнемъ состояніи техники на колеса можетъ быть употребленъ самый лучшій матеріалъ, достиженіе этой максимальной скорости, все же подвергало бы поѣздъ опасности.

Другое ограниченіе скорости—слѣдствіе такъ-называемаго *сцѣпленія*, т. е. тренія колеса о рельсы. Какъ при втаскиваніи на гору тяжестей, человѣкъ долженъ непремѣнно имѣть подъ ногами твердую точку опоры, чтобы не поскользнуться и не быть увлеченнымъ внизъ тяжестью, такъ же и колесо должно находить достаточно опоры, чтобы подвигать машину впередъ, иначе она будетъ вертѣться на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, при подъемахъ и кривизнахъ пути, скорость поѣзда не можетъ превышать 200 километровъ въ часъ.

Въ предѣлахъ выше намѣченныхъ положеній важною новинкою является проектъ электрической желѣзной дороги, составленный извѣстнымъ инженеромъ Карломъ Циперновскимъ и пештской фирмой Ганцъ и К°. Проектъ этотъ, обратившій на себя вниманіе спеціалистовъ, долженъ безъ сомнѣнія возбудить интересъ въ публикѣ. Рѣшено установить локализированное скорое сообщеніе, и прежде всего—между Вѣною и Пештомъ, двумя центрами, которые поддерживаютъ между собою оживленныя политическія и торговыя сношенія, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ часть тѣхъ важныхъ въ стратегическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ линій, которыя соединяютъ Востокъ съ одной стороны съ Берлиномъ и Гамбургомъ, съ другой—съ Парижемъ и Гавромъ.

Каждый поѣздъ состоитъ изъ одного цѣльнаго сооруженія,

совмѣщающаго въ себѣ локомотивъ и вагоны—пассажирскій, почтовый и багажный. Число отправляемыхъ поѣздовъ зависитъ отъ бо́льшей или меньшей оживленности движенія; однако промежутокъ между отходомъ двухъ поѣздовъ не долженъ быть меньше 10 минутъ, во избѣжаніе катастрофы, весьма возможной при проектируемой скорости 250 километровъ въ часъ. Электрическій вагонъ будетъ имѣть значительную длину—45 метровъ, при ширинѣ только 2,15 метра. Представимъ себѣ вагонъ въ шесть-семь разъ длиннѣе обыкновеннаго, и мы получимъ понятіе объ этой необычайной длинѣ. Концамъ вагона придана форма параболическихъ плоскостей, наподобіе плуга или—еще лучше—носа панцырнаго судна, чтобы лучше преодолѣвать сопротивленіе воздуха, для чего, по приблизительному вычисленію, требуется ни болѣе, ни менѣе какъ 250 лошадиныхъ силъ! Спереди и сзади находится по одному машинному отдѣленію; каждое снабжено двумя электро-двигателями на двѣ пары колесъ. Эти колеса имѣютъ въ діаметрѣ 2,5 метра и доходятъ почти до самой крыши вагона, который не стоитъ на нихъ какъ обыкновенный желѣзнодорожный вагонъ, но виситъ между ними, почти касаясь земли, что сообщаетъ ему особенную устойчивость и не допускаетъ толчковъ и сотрясеній, нерѣдко сбрасывающихъ поѣздъ съ рельсовъ. Обѣ системы колесъ, разумѣется, снабжены подшипниками; отъ одного къ другому идутъ желѣзныя рѣшетчатыя связи, составляющія двѣ продольныя стѣны вагоннаго остова. Между обоими машинными отдѣленіями находится купэ для 40 пассажировъ и помѣщенія для служебнаго персонала, почтовыхъ чиновниковъ и клади.

Необходимый электрическій токъ проводится по двумъ мѣднымъ рельсамъ, проложеннымъ посреди колеи, на высотѣ ½ метра надъ землею и составляющимъ, такимъ образомъ, воздушный проводникъ. Двѣ пары соприкасающихся колесъ, скользя по этимъ рельсамъ, получаютъ отъ нихъ электрическую энергію и передаютъ ее электродвигателямъ. Вагонъ вѣситъ шестьдесятъ тоннъ и долженъ преодолѣвать подъемы въ 10‰. Количество силы, требуемой имъ для движенія, сводится приблизительно къ 800 лошадиныхъ силъ. Противъ опасности сойти съ рельсовъ, особенно страшной при чрезвычайной скорости хода, изобрѣтатель старается обезпечить себя съ нѣсколькихъ сторонъ: прежде всего посредствомъ высоты колесъ и длины вагона, потомъ посредствомъ двойныхъ закраинъ у колесъ, которыми рельсъ плотно обхваченъ съ обѣихъ сторонъ. Если колесо съ одной стороны вагона поднимется, чтобы соскочить съ рельса, то колесо противоположной стороны нажимаетъ внѣшней закраиной на свой рельсъ и препятствуетъ уклоненію вагона въ сторону. Если и этого недостаточно, то находящіяся на концахъ его предохранительныя приспособленія, устроенныя очень низко, также могутъ обхватывать рельсы, удерживая вагонъ отъ паденія. Наконецъ, вагонъ сидитъ между колесами такъ глубоко, что только 100 миллиметр. отдѣляютъ его отъ мѣдныхъ рельсовъ, служащихъ проводниками электрическаго тока; такимъ образомъ, при малѣйшемъ опущеніи вагона, онъ ударяется о проводникъ, который смягчаетъ ударъ, и по которому — какъ говоритъ изобрѣтатель — кузовъ вагона можетъ скользить.

При грозящей опасности дѣйствуетъ Вестингаузовскій тормазъ, хотя въ самомъ началѣ, пока вагонъ во всю мочь мчится впередъ, задерживающимъ образомъ дѣйствуетъ самое давленіе воздуха. Вмѣстѣ съ тѣмъ электродвигатель также обладаетъ прекраснымъ свойствомъ превращаться изъ производителя энергіи въ ея потребителя, что достигается надлежащею перестановкою и внесеніемъ сопротивленій; такимъ образомъ и онъ дѣйствуетъ какъ тормазъ.

Такъ какъ при большой скорости поѣздовъ переводъ стрѣлокъ можетъ быть роковымъ, то путь на всемъ своемъ протяженіи будетъ двухколейный. Интересно то, что разстояніе между обѣими колеями должно составлять по крайней мѣрѣ 10 метровъ, иначе при разъѣздѣ поѣздовъ представляется серьезная опасность столкновенія двухъ воздушныхъ теченій. Особенной заботливости требуетъ вся настилка пути: прежняя настилка изъ щебня слишкомъ податлива, поэтому во всю длину рельсовъ подъ нихъ будетъ подведенъ фундаментъ. Путь долженъ быть очень устойчивъ и совершенно неподвиженъ, съ возможно большею массою фундамента, который бы могъ принимать толчки вагона.

Какъ ни кратокъ настоящій очеркъ, онъ все-таки даетъ понятіе о превосходно задуманной новой желѣзнодорожной системѣ, которая можетъ осуществиться благодаря электричеству и будетъ служить средствомъ сообщенія при новыхъ скоростяхъ. Разумѣется, осуществленіе задуманнаго не обойдется безъ затрудненій, быть можетъ даже совершенно непредвидѣннаго свойства.

Литературныя бесѣды.

«Записки охотника» Тургенева.

Привычное представленіе, которое соединяется съ „Записками охотника" Тургенева, есть представленіе о рядѣ художественныхъ очерковъ, проникнутыхъ одною идеею, направленныхъ къ одной цѣли, и именно къ доказательству несправедливости существовавшаго тогда крѣпостнаго права. Самъ Тургеневъ неоднократно высказывался въ этомъ именно смыслѣ. Но какъ ни вѣско свидѣтельство самого художника, въ представленіи этомъ необходимо признать много преувеличеннаго. Дѣятельность каждаго писателя неизбѣжно проникнута, конечно, одною идеею, всѣ его произведенія неизбѣжно носятъ печать его личности съ его характеристичными стремленіями, — и только въ этомъ смыслѣ можно признать за „Записками охотника" приписываемое имъ значеніе. Самая исторія ихъ происхожденія какъ нельзя лучше доказываетъ это. Послѣ довольно большаго ряда стихотвореній и стихотворныхъ разсказовъ, да еще двухъ-трехъ повѣстей, Тургеневъ, уже почти рѣшившійся оставить литературное поприще, написалъ и отдалъ въ *Современникъ*, перешедшій тогда въ руки Панаева и Некрасова, небольшой очеркъ „Хорь и Калинычъ", который и былъ напечатанъ въ „Смѣси"; — очевидно ему большаго значенія не придавалось. Неожиданный громкій успѣхъ его вернулъ Тургенева къ литературѣ и къ ряду подобныхъ же очерковъ. Такимъ образомъ начало „Запискамъ охотника", какое бы ни придавали имъ значеніе, было случайностью. Но и затѣмъ въ доброй половинѣ ихъ нѣтъ даже того характера, который имъ приписывается. Какимъ образомъ могли быть орудіемъ въ борьбѣ противъ крѣпостнаго права такіе очерки, какъ „Ермолай и мельничиха", „Пѣвцы", описанія охоты съ плоховатой собакой и странноватымъ дворовымъ на птицъ, сопровождаемой невольнымъ купаньемъ по случаю непригодности къ плаванію по озеру взятаго суденышка, и т. п.? Еще менѣе къ этой роли могутъ быть пріурочены разсказы въ родѣ „Гамлета Щигровскаго уѣзда", въ которыхъ крѣпостное право не имѣетъ почти ровно никакого отношенія ни къ самой фабулѣ разсказа, ни къ деталямъ его. Въ самомъ „Хорѣ и Калинычѣ" довольно трудно найти хотя бы отдаленный намекъ на несправедливость тяжелой личной зависимости отъ произвола владѣльца: Хорь, какъ онъ ни несвободенъ, повидимому совсѣмъ не чувствуетъ гнета крѣпостнаго права,—онъ богатъ, сохраняетъ рѣзкія индивидуальныя черты силы и твердости характера и совсѣмъ не похожъ на „раба"; его пріятель Калинычъ — просто мужицкая художественная натура, человѣкъ мало-практичный, прямо почти противоположный Хорю; читатель не видитъ въ разсказѣ рѣшительно ничего, что говорило бы о ихъ крѣпостной неволѣ...

Выводъ этотъ самъ собою представляется уму читателя, какъ скоро онъ отнесется къ „Запискамъ охотника" съ подобающею критикою. Есть, однако, въ этихъ прекрасныхъ очеркахъ такіе элементы, которые до нѣкоторой степени оправдываютъ воззрѣніе на нихъ, — воззрѣніе, возникшее, конечно, позже, и давшее основаніе самому автору принять его; „Записки охотника" явились какъ бы выдѣленными изъ остальныхъ произведеній Тургенева, имѣющими спеціальный характеръ борьбы, направленной на крѣпостное право. Дѣло въ томъ, что въ полной своей совокупности онѣ представляютъ яркую картину жизни русской деревни — крестьянъ и помѣщиковъ, и жизни притомъ преимущественно духовной, а не матеріальной, не бьющей въ глаза собственно ея экономическими отношеніями; и въ этой картинѣ народъ является передъ читателемъ такимъ мощнымъ и полнымъ силъ элементомъ русской жизни, что невольно *могъ* наводить на мысль о несправедливости духовной и особенно матеріальной опеки надъ нимъ, а помѣщики въ той же картинѣ—далеко не безупречные люди, т. е. самые обыкновенные, притомъ со слѣдами вліянія на нихъ владѣльческой беззаботности и легкомыслія, испорченности жизнью безъ труда — не особенно мирятъ съ мыслью, что въ ихъ рукахъ, въ ихъ полной власти и произволѣ тысячи и десятки тысячъ тѣхъ крестьянъ. Тургеневъ былъ только художникъ въ этой картинѣ, а совсѣмъ не проповѣдникъ; онъ далъ только вѣрную картину дѣйствительности, и уже эта дѣйствительность могла наводить на мысли о крѣпостномъ правѣ. Каждый очеркъ самъ по себѣ подобнаго обширнаго значенія, конечно, имѣть не могъ; но вмѣстѣ они говорили сочувственными мыслями тѣмъ, кто раздѣлялъ эти мысли. Тургеневъ, какъ истинный художникъ, не могъ преслѣдовать тенденціозныхъ цѣлей, но его сочувствіе было на сторонѣ несвободнаго народа, и оно сказалось въ его изображеніяхъ; и въ этомъ только смыслѣ онъ и могъ самъ говорить о своей „борьбѣ" противъ несправедливаго общественнаго устройства, противъ стѣсненій, наложенныхъ на свободное развитіе талантливаго и сильнаго русскаго племени. И то, что говоримъ мы, относится къ большой половинѣ очерковъ, а ни въ какомъ случаѣ не ко всѣмъ, и это обстоятельство прямо указываетъ на отсутствіе въ нихъ намѣренной, прямой тенденціи.

Но это самое свойство „Записокъ охотника", о которомъ мы говоримъ, ихъ, по изяществу, безтенденціозная художе-

ственность и дѣлаетъ ихъ для насъ, для потомковъ драгоцѣнными. Если бы онѣ, дѣйствительно, имѣли значеніе только орудія борьбы и пропаганды, время поставило бы ихъ въ разрядъ историческихъ явленій, любопытныхъ и поучительныхъ для историка, но значительно утратившихъ интересъ для обыкновенныхъ читателей. Крѣпостное право давно не существуетъ, и что же поучительнаго и живаго не историческаго нашли бы мы въ томъ орудіи, которое направлено было когда-то противъ него? „Записки охотника“ превращались бы въ литературное явленіе момента, для него существовавшее и вмѣстѣ съ нимъ отошедшее въ историческое прошлое. Но разъ это были художественныя произведенія, изъ которыхъ только могла быть извлечена тенденція, они получаютъ значеніе болѣе вѣчное, и позднѣйшіе потомки найдутъ въ нихъ столько же поучительнаго, сколько и современныя имъ поколѣнія. Въ этомъ для насъ ихъ главнѣйшее значеніе.

Художественное значеніе „Записокъ охотника“, значеніе правдивой картины русской жизни, необычайно велико. Тургеневу первому удалось подмѣтить самыя характерныя черты русской души и, быть-можетъ, всего болѣе онѣ находятъ для себя выраженія именно въ „Запискахъ охотника“. Многія произведенія позднѣйшія въ нѣхъ имѣли уже свои основные, наиболѣе существенные элементы. Что такое, напримѣръ, Чулкатуринъ, этотъ „лишній человѣкъ“, какъ не простое видоизмѣненіе „Гамлета Щигровскаго уѣзда“? И тотъ, и другой одинаково родоначальники длиннаго ряда Тургеневскихъ героевъ, вооруженныхъ, повидимому, всѣми средствами для полезной дѣятельности въ обществѣ, но слабыхъ волею, почти безъ борьбы уступающихъ мѣсто другимъ на общественной аренѣ, въ виду непризнанія ихъ обществомъ, хотя имъ, конечно, хорошо извѣстно, что всякое общество трудно мирится со всякими новаторами и носителями непривычныхъ для него идей; и тотъ, и другой, въ то же время, всѣмъ своимъ умственнымъ направленіемъ, характеромъ образованія (что особенно относится къ „Гамлету Щигровскаго уѣзда“) до значительной степени лишены почвы въ своемъ обществѣ и находятъ ее развѣ только въ какихъ-нибудь родовыхъ „Овечьихъ Водахъ“, гдѣ имъ представляется полная возможность дароваго прозябанія въ мечтахъ на крѣпостномъ трудѣ.

„Записки охотника“ естественно распадаются на три рода очерковъ. Одинъ изъ нихъ всецѣло принадлежитъ характеристикѣ русскихъ народныхъ массъ, и въ нихъ съ наибольшею силою отражена русская душа, та естественная, прирожденная русская душа, которая не прошла подъ различными многообразными вліяніями европейскихъ идей. Изученіе этихъ очерковъ съ указываемой стороны представляетъ несомнѣнную важность,—въ нихъ можно найти если не рѣшенія, то важные элементы для рѣшенія многихъ явленій нашей жизни, какъ исторической, такъ и современной. Очерки Тургенева показываютъ намъ въ основѣ русской души, напримѣръ, характернѣйшее отрицательное отношеніе къ „земнымъ благамъ“, вообще къ плотской жизни, и связанное съ нимъ какое-то спокойное, почти фаталистическое отношеніе къ смерти. Быть-можетъ, народъ вынесъ подобныя *чувства* — потому что это не сознательныя мысли — изъ своихъ вѣковыхъ испытаній. Какое значеніе могли получить въ глазахъ народа богатство, роскошь, удобства жизни, когда одно нашествіе толпы татаръ, одна суровая война съ окружающими враждебными народами превращали въ прахъ результаты многолѣтнихъ усилій? И какую цѣну могла имѣть жизнь, подверженная суровымъ трудамъ, лишеніямъ и опасностямъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ? На почвѣ бѣдствій выростаетъ вѣра, которая, со своею надеждою на загробную награду за страданія, становится драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ души, и русскій человѣкъ, готовый жить, пока живется, смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти. И Тургеневъ нарисовалъ удивительную картину этого смиренія передъ неизбѣжнымъ фактомъ смерти: умирающій русскій человѣкъ заботится не о себѣ, не жалѣетъ объ утрачиваемыхъ наслажденіяхъ жизни, а почти исключительно о томъ, чтобы перейти въ другой міръ съ соблюденіемъ всѣхъ порядковъ, такъ сказать, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія. Такъ относятся къ жизни и смерти самыя дѣловитыя натуры, исполненныя практическихъ стремленій къ порядку въ домѣ; но что же говорить о натурахъ художественныхъ, болѣе беззаботныхъ о практической, дѣловой жизни? Наиболѣе сильный образъ, говорящій объ этихъ свойствахъ русской души, мы найдемъ въ очеркѣ „Живыя мощи“. Тургеневъ отразилъ въ своихъ очеркахъ и ту русскую способность къ глубочайшимъ увлеченіямъ, къ неизмѣримой силѣ чувства, къ беззавѣтнѣйшей преданности любимому дѣлу. Въ „Пѣвцахъ“ мы неожиданно находимъ въ натурахъ, повидимому примитивныхъ и грубыхъ, поразительную мощь сложныхъ душевныхъ движеній; а рядомъ съ этимъ все-таки пренебрежительное отношеніе къ практическому, дѣловому, разсчитанному существованію, приближающееся къ какому-то оригинальному безпутству и легкомыслію. Но въ этомъ же свойствѣ кроется объясненіе историческаго величія нашего отечества, сыны котораго всѣмъ способны пожертвовать для высшаго блага, для высшей идеи.

Два другіе рода очерковъ изображаютъ высшіе слои русскаго народа. Одни изъ нихъ характеризуютъ русскую помѣщичью жизнь, не особенно близко, впрочемъ, касаясь отношеній помѣщиковъ къ подвластнымъ имъ крестьянамъ. Главная основная ихъ черта — характеристика жизни людей, соціальными условіями поставленныхъ въ исключительную возможность жить безъ дѣятельности, почему въ средѣ ихъ развиваются искусственные интересы, занятія безъ строго опредѣленныхъ цѣлей общественной пользы и, наконецъ, въ результатѣ, паденіе нравственныхъ представленій объ ихъ общественныхъ обязанностяхъ и правахъ. Третій родъ очерковъ посвященъ изображенію типовъ, появлявшихся тогда въ русской жизни подъ вліяніемъ ознакомленія съ европейскимъ просвѣщеніемъ, съ литературами и формами тамошней жизни. Таковъ очеркъ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“. Но эти послѣдніе, какъ отчасти и вторые, по своему характеру, уже примыкаютъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Тургенева.

Арсеній Введенскій.

Къ рисункамъ.

Мостъ черезъ Иматру. (Рис. на стр. 977).

Однимъ изъ самыхъ живописныхъ, хотя и невысокихъ водопадовъ или скорѣе пороговъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, является Иматра, въ Выборгской губерніи, образуемая подводными грядами на рѣкѣ Вуоксѣ, недалеко отъ выхода ея изъ Сайменскаго озера. Русло рѣки въ этомъ мѣстѣ съуживается съ 83 сажень до 20 и на значительномъ протяженіи съ шумомъ и ревомъ „алмазна сыплется гора“, по выраженію безсмертнаго Державина. Круглый годъ любопытные посѣщаютъ Иматру, чтобы полюбоваться этимъ красивымъ зрѣлищемъ среди дикой финской природы. Сообщеніе съ одного берега на другой долгое время производилось по проволочнымъ канатамъ, переброшеннымъ черезъ водопадъ, по которымъ на блокѣ ходила большая корзина. Нынѣ надъ пѣнящеюся Иматрой построенъ удобный мостъ, изображенный на стр. 977.

Преслѣдованіе русскаго платья при Петрѣ Великомъ. (Рис. на стр. 980).

Послѣ возвращенія изъ перваго путешествія по Европѣ, царь Петръ Алексѣевичъ рѣшился произвести крутой переворотъ въ нашихъ общественныхъ нравахъ и обычаяхъ. Желая побѣдить упорную приверженность русскаго человѣка къ нѣкоторымъ сторонамъ его старициннаго быта и поколебать предразсудки, связанные съ его внѣшностью и покроемъ стариннаго русскаго платья, Петръ задумалъ прежде всего ввести *брадобритіе* и выдалъ указы о перемѣнѣ платья. Этимъ былъ нанесенъ жестокій ударъ народному самолюбію и сильно оскорблено чувство національной гордости. Многіе, даже изъ тѣхъ лицъ, которыя близко стояли къ государю и сочувствовали его преобразованіямъ, не могли примириться съ этими указами Петра, которые напрасно раздражали народъ противъ него и его нововведеній. Въ какой степени русскому человѣку было трудно разстаться съ бородою и стариннымъ русскимъ платьемъ—видно изъ того, что указы Петра о брадобритіи и перемѣнѣ платья во многихъ мѣстахъ подали поводъ къ серьезнымъ волненіямъ и мятежамъ, какъ внутри Россіи, такъ и на окраинахъ ея...

Эти строгіе указы были выданы въ свѣтъ въ 1700 г. (4 января); въ нихъ значилось: „Боярамъ и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ Московскимъ, и дьякамъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ служилымъ, и приказнымъ, и торговымъ людямъ, и людямъ боярскимъ, на Москвѣ и въ городахъ — носить платье: венгерскіе кафтаны, верхніе, длиною по подвязку, а исподніе, короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ“. Въ августѣ того же года указы были повторены съ еще бо́льшими подробностями и всюду прибиты у городскихъ воротъ; для образца, около воротъ, повѣшены и чучелы, наряженныя въ новое платье. Въ 1701 г. послѣдовали новые указы, съ новыми добавленіями и съ новыми мѣрами строгости противъ ослушниковъ. Въ этихъ указахъ было совершенно точно обозначено:

„Всякихъ чиновъ людямъ Московскимъ и городовымъ жителямъ, и которые помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне, пріѣзжая, живутъ на Москвѣ для промысловъ, кромѣ духовнаго чина и пашенныхъ крестьянъ—носить платье Нѣмецкое, верхнее Саксонское и Французское, а исподнее—камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки Нѣмецкія; и ѣздить всѣмъ на Нѣмецкихъ сѣдлахъ. А женскому полу всѣхъ чиновъ, также и попадьямъ, и дьяконницамъ, и церковныхъ причетниковъ женамъ, и драгунскимъ, и солдатскимъ, и стрѣлецкимъ женамъ, и дѣтямъ ихъ—носить платье и шапки и кунтуши; а исподніе—юпки и башмаки Нѣмецкіе же. А Русскаго платья и черкесскихъ кафтановъ и тулуповъ, и армяковъ, и штановъ, и сапоговъ, и башмаковъ, и шапокъ отнюдь никому

не носить, и на Русскихъ сѣдлахъ не ѣздить, и мастеровымъ людямъ не дѣлать, и въ рядахъ ими не торговать“.

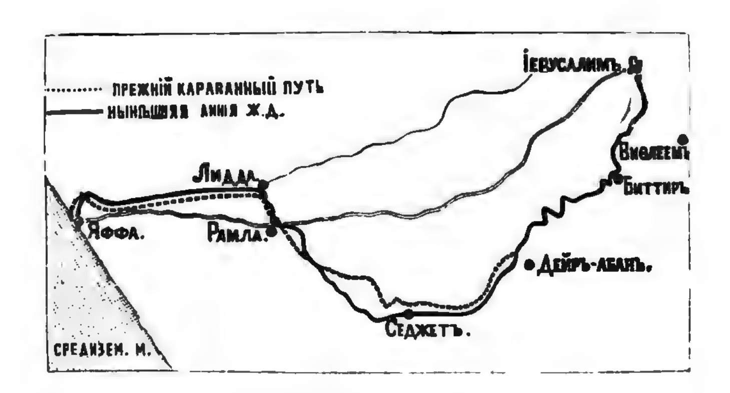
Съ ослушниковъ указа въ воротахъ брали тяжкую пошлину и притомъ обрѣзали имъ полы у русскаго платья, которое потомъ, волей-неволей, приходилось передѣлывать по иноземному образцу. Даже и мастеровымъ людямъ, которые, послѣ этого указа, осмѣлятся дѣлать запрещенное платье, указъ грозилъ жестокимъ наказаніемъ.

Художникъ изобразилъ на помѣщаемомъ нами рисункѣ одну изъ тѣхъ сценъ, которыя въ тягостное, переходное время эпохи преобразованія, были весьма обыкновенными явленіями и чуть-ли не ежедневно происходили у городскихъ воротъ и заставъ Москвы. **П.**

Порубка.

(Рис. на стр. 981).

Съ наступленіемъ зимы, а съ нею вмѣстѣ долгихъ ночей и снѣжной непогоды, въ которую рѣдко кто выберется изъ дому, недобрые люди дѣлаютъ хищническіе набѣги на чужіе лѣса, позабывъ укоры совѣсти и страхъ передъ судомъ и наказаніемъ. Только поутру случается замѣтить тѣ безсовѣстныя опустошенія чужой собственности, какія учиняются подобными злоумышленниками.



Карта новой желѣзной дороги изъ Яффы въ Іерусалимъ.

Литературный альбомъ. „Пери и Ангелъ“ Жуковскаго. (Рис. на стр. 985).

По сказаніямъ Парсовъ, существуютъ духи, ниже ангеловъ, которые отвратились отъ зла, вѣчно борются съ демонами и помогаютъ людямъ въ добрыхъ дѣлахъ. Ихъ называютъ *пери*. Они лишены неба, живутъ въ воздухѣ, цвѣтахъ радуги, въ облакахъ и питаются благоуханіемъ цвѣтовъ. Легенды о нихъ нерѣдко пересказывались европейскими поэтами, а изъ русскихъ поэтовъ—Жуковскимъ, Подолинскимъ и др.

Сюжетъ нашего рисунка заимствованъ изъ повѣсти „Пери и Ангелъ“ перваго изъ этихъ поэтовъ, въ которой разсказывается о страданіяхъ Пери, лишенной рая, и ея стремленіяхъ попасть туда. Видя скорбную Пери, „ангелъ, стражъ эдемской двери“, сказалъ ей:

„. . . . Упованье!
Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
Лети—найди—судьба проститъ;
Впускать утѣшно примиренныхъ.

И Пери устремилась на землю за святымъ даромъ. Этотъ моментъ и переданъ на нашемъ рисункѣ.

Продавецъ бубликовъ въ Крыму.

(Рис. на стр. 988).

Въ Крымскихъ татарскихъ пекарняхъ продаются крендели изъ отварнаго тѣста, напоминающіе по вкусу бублики, хотя они больше бубликовъ по размѣру. Очень вкусные, они раскупаются не только мѣстнымъ населеніемъ, но и пріѣзжими, въ изобиліи посѣщающими благодатный южный берегъ полуострова. Нерѣдко можно тамъ встрѣтить татаръ, продающихъ ихъ въ разносъ. Одинъ изъ нихъ и зарисованъ молодымъ художникомъ Н. Кравченко.

Гитаристка. (Рис. на стр. 989).

Въ Испаніи, особливо въ южной ея части, попадаются цыганы или, какъ ихъ тамъ называютъ, гитаны, въ качествѣ уличныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Нашъ рисунокъ передаетъ удачно схваченную фигуру такой гитаны. Темноглазая и смуглая, съ краснымъ платкомъ на черныхъ кудрявыхъ волосахъ,

Открытіе новой желѣзной дороги изъ Яффы въ Іерусалимъ. Станція Іерусалимъ. По рис. J. N. грав. Флюгель.

она, лукаво улыбаясь, съ неописуемымъ увлеченіемъ или нѣгою позвякиваетъ на гитарѣ одну изъ своеобразныхъ пѣсенъ, которыя распѣваютъ въ Испаніи гитаны.

Желѣзная дорога въ Іерусалимъ. (Рис. на стр. 993).

14 сентября настоящаго года открыта желѣзная дорога, соединяющая Яффу, лежащую на берегу Средиземнаго моря, съ Іерусалимомъ. Дорога сооружена обществомъ французскихъ общественныхъ работъ подъ покровительствомъ Оттоманскаго правительства. Протяженіе пути почти 80 верстъ, но вслѣдствіе того, что Іерусалимъ расположенъ на высотѣ слишкомъ 350 саженъ надъ поверхностью моря, постройка дороги сопряжена съ большими трудностями и расходами. Каждый километръ (т. е. немного менѣе русской версты), при ширинѣ въ 1,4 аршина, стоилъ около 40 тысячъ рублей, а все предпріятіе обошлось свыше 3 съ половиною милліоновъ. Первая часть пути отъ Яффы до Дейръ-Абана тянется по едва примѣтному подъему. Поѣздъ проходитъ тутъ по плодороднымъ равнинамъ, къ сожалѣнію, очень нездоровымъ по климату, особенно около станціи Седжедъ, гдѣ господствуетъ почти непрерывная лихорадка. Тѣмъ не менѣе по всему протяженію пути въ этомъ мѣстѣ линія тянется среди безконечныхъ полей съ маисомъ, воздѣлываемымъ туземцами. Вторая часть пути пробирается по тѣснинамъ, среди дикихъ скалъ и утесовъ. Станція Биттиръ представляетъ цвѣтущій оазисъ среди этой дикой природы. Попадается нѣсколько садовъ и виноградниковъ, которые вскорѣ опять смѣняются безжизненною пустынною мѣстностью. Наконецъ поѣздъ подходитъ къ Іерусалиму послѣ четырехчасоваго пути. Прежде путникъ добирался изъ Яффы въ Іерусалимъ въ два дня тяжелаго путешествія по пыльной и раскаленной пустынѣ. Въ первый день достигалъ до города Рамлы, гдѣ нынѣ построена станція, и отсюда съ большими трудностями взбирался въ неудобныхъ повозкахъ и экипажахъ въ горы, ведущія къ Іерусалиму. Такихъ путешественниковъ въ святой городъ ежедневно насчитывалось среднимъ числомъ до 60; но число ихъ, въ виду улучшенія сообщенія и удешевленія его, безспорно увеличится.

Въ день открытія дороги мѣстное населеніе проявляло не мало удивленія при видѣ паровозовъ, украшенныхъ пальмовыми вѣтвями и увѣшанныхъ турецкими и французскими флагами. Въ Іерусалимѣ улемъ въ сопровожденіи другихъ лицъ магометанскаго духовенства прибылъ на новую желѣзную дорогу, произнесъ предписанныя молитвы и присутствовалъ при убіеніи трехъ барановъ на рельсахъ, до прохода по нимъ паровозовъ. Какъ только эта жертва была совершена, какъ при звукахъ военной музыки и несмолкаемыхъ крикахъ, мясо животныхъ было раздѣлено на куски и роздано городскимъ нищимъ. Послѣ того медленно двинулись въ путь локомотивы, таща за собой первый поѣздъ. Праздникъ окончился блестящимъ банкетомъ, на которомъ присутствовало до 200 приглашенныхъ.

Сенаторъ Н. С. Таганцевъ. (Порт. на стр. 996).

5 сентября состоялось чествованіе 25-лѣтія профессорской дѣятельности извѣстнаго криминалиста, сенатора, профессора уголовнаго права, Николая Степановича Таганцева.

Хотя четверть-вѣковая учено-литературная и профессорская дѣятельность сама по себѣ уже составляетъ большую заслугу юбиляра, но блестящія дарованія Н. С. Таганцева, въ связи съ обширной эрудиціей и здравымъ взглядомъ на задачи и требованія жизни, еще болѣе возвысили его значеніе, доставивъ ему почетное общественное положеніе въ ряду высшихъ руководителей судебно-уголовной практики въ Россіи.

Николай Степановичъ Таганцевъ происходитъ изъ купеческой семьи. Онъ родился въ Пензѣ, 19 февраля 1843 года. По окончаніи курса въ пензенской гимназіи, Н. С. Таганцевъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, въ коемъ въ 1862 году удостоенъ степени кандидата. Въ слѣдующемъ году былъ командированъ на два года за границу съ ученою цѣлью и обязательствомъ прослужить за каждый годъ командировки два года по вѣдомству министерства Народнаго Просвѣщенія. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1867 году онъ блестяще защитилъ магистерскую диссертацію, и тогда же былъ допущенъ къ чтенію лекцій по уголовному праву въ С.-Петербургскомъ университетѣ, будучи назначенъ въ 1868 году приватъ-доцентомъ; одновременно онъ занялъ каѳедру уголовнаго права и энциклопедіи права въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Въ 1870 году, 5-го февраля, по защитѣ докторской диссертаціи, Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета удостоенъ степени доктора уголовнаго права, и утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а въ 1871 году ординарнымъ профессоромъ. Въ 1876 году исправлялъ должность декана юридическаго факультета и произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Съ этого времени Н. С. Таганцевъ былъ приглашаемъ къ участію въ различныхъ коммиссіяхъ и былъ, между прочимъ, удостоенъ Высочайшаго благоволенія: за ревностное и полезное участіе въ трудахъ коммиссіи *о тюремномъ преобразованіи*. Въ 1881 г. Н. С. Таганцевъ былъ назначенъ членомъ особаго комитета *для начертанія проекта новаго уложенія о наказаніяхъ*, а въ 1883 году назначенъ былъ представителемъ отъ министерства Юстиціи въ составъ учрежденной, при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіи для пересмотра устава *о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій*; а затѣмъ и во всѣ прочія коммиссіи, въ засѣданіяхъ которыхъ разрѣшались важные юридическіе вопросы. Въ 1887 году Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату Н. С. Таганцеву повелѣно быть сенаторомъ съ производствомъ въ тайные совѣтники и назначеніемъ присутствовать въ уголовномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, послѣ чего онъ предсѣдательствовалъ и въ особой коммиссіи, обсуждавшей необходимыя измѣненія во вновь изданныхъ для Финляндіи уголовныхъ узаконеніяхъ.

Н. С. Таганцевъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ иниціаторовъ-основателей петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Кромѣ того Н. С. Таганцевъ состоитъ уже много лѣтъ членомъ „общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ", гдѣ онъ неоднократно избирался въ члены комитета и предсѣдатели. Литературные и ученые труды Н. С. Таганцева настолько извѣстны всѣмъ, что мы о нихъ распространяться не будемъ. Многіе изъ трудовъ его составляютъ настольную книгу для юристовъ, и потому дожили уже до 5, 6 и даже *седьмаго изданія*.

Н. С. Таганцевъ имѣетъ всѣ русскіе ордена включительно до ордена Св. Владиміра II-й степени, а также отъ французскаго правительства знакъ отличія присвоенный званію „Officier de l'instruction Publique de France". Въ день юбилея, 5-го сентября, состоялось (у юбиляра на дому) скромное чествованіе Н. С. Таганцева, въ коемъ приняли участіе многіе друзья и почитатели почтеннаго ученаго, среди которыхъ не мало было и его учениковъ. Въ этотъ день отъ имени литературнаго фонда Н. С. Таганцева привѣтствовала особая депутація,—а Совѣтъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія (въ которомъ Н. С. читаетъ лекціи съ 1868 года) положилъ даже ходатайствовать передъ попечителемъ училища, Е. В. Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, о возведеніи Н. С. въ званіе заслуженнаго профессора Училища Правовѣдѣнія, при чемъ Совѣтъ училища свое постановленіе мотивировалъ тѣмъ, что личныя дарованія Н. С. Таганцева и ревностное отношеніе къ преподаванію не могли не оказать рѣшительнаго воздѣйствія на научную подготовку воспитанниковъ училища, призванныхъ, по окончаніи курса, примѣнять пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія на практикѣ; а просвѣщенное участіе Н. С. Таганцева въ занятіяхъ совѣта не мало содѣйствовало правильной постановкѣ учебной и воспитательной части въ Училищѣ Правовѣдѣнія.

А—дръ Х—ъ.

Сара Бернаръ. (Портр. на стр. 996).

Весь образованный Петербургъ восхищается въ настоящее время замѣчательною игрою французской артистки Сары Бернаръ. Въ 1881 году она посѣтила нашу столицу и увлекла всѣхъ видѣвшихъ ее своею очаровательною игрою. Прошло одиннадцать лѣтъ и Сара Бернаръ снова является предметомъ удивленія и похвалъ петербургской увлекающейся публики. Какъ сказочный Протей, являясь въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, она положительно околдовываетъ зрителя, который невольно позабываетъ, что артисткѣ сорокъ девятый годъ и что у нея есть внуки. Передъ его восхищенными взорами проходятъ, чередуясь, образы то безпечной и живой Жильберты, то поэтической Маріи Готье, то влюбленной и ревнивой Флоріа Тоски, то страстной и величественной Клеопатры. Разнообразію нѣтъ предѣла и во всѣхъ роляхъ она умѣетъ силою неувядаемаго таланта воплотить образы, созданные вдохновеніемъ драматурговъ. Предположенія, высказанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, при выпускѣ Сары Бернаръ изъ Парижской консерваторіи, оправдались, и худощавая, бѣлокурая дѣвочка, нисколько не привлекавшая къ себѣ своею внѣшностью, обратилась въ знаменитую артистку, которую знаетъ вся Европа и Америка. Этой извѣстности много способствовала за это время ея полная приключеній скитальческая жизнь по бѣлу свѣту, о которой сложились цѣлыя легенды. Но ихъ не опровергаетъ сама артистка, наученная опытомъ тому, что громкая извѣстность—половина успѣха. Но и помимо шума, производимаго повсюду пріѣздомъ несравненной артистки, всякій, кому удастся повидать ее на сценѣ, убѣдится, что предъ нимъ замѣчательная лицедѣйка, достойная той громкой славы, которая всюду окружаетъ имя Сары Бернаръ.

Политическое обозрѣніе.

Ихъ Имп. Высочества В. К. Сергій Александровичъ и супруга его В. К. Елисавета Ѳеодоровна, по пріѣздѣ въ Римъ, посѣтили Папу въ Ватиканскомъ дворцѣ (27 окт.) и были приняты съ величайшими почестями. Визитъ продолжался полчаса. Вслѣдъ затѣмъ Ихъ Имп. Выс. посѣтили кардинала Рамполла, который немедленно отдалъ визитъ Ихъ Высочествамъ отъ лица Папы.

Въ Германіи военный законопроектъ обсуждается на всѣ лады. Непріятное впечатлѣніе производитъ мысль, поданная желѣзнымъ канцлеромъ — возложить часть военныхъ тягостей на союзниковъ, такъ какъ, вслѣдствіе разстроенныхъ финансовъ Италіи, тягости эти обратятся преимущественно на Австро-Венгрію.

Общее вниманіе обращено на тронную рѣчь при открытіи прусскаго сейма въ Берлинѣ. Въ ней сказано: „По счетамъ 1891—92 г. оказывается недобора 42 милліона вслѣдствіе увеличенія желѣзнодорожныхъ расходовъ; недоборъ этотъ надо покрыть путемъ займа. Въ текущемъ году тоже нельзя ожидать благопріятнаго заключенія росписи. Хотя положеніе финансовъ и не внушаетъ опасеній, однако необходимо соблюдать величайшую бережливость; поэтому къ увеличенію содержанія чиновникамъ не будетъ пока приступлено". Далѣе въ тронной рѣчи заявлено о внесеніи законопроекта о преобразованіи налоговъ, который изложенъ въ извѣстныхъ уже основныхъ чертахъ. Дѣло идетъ не объ увеличеніи податнаго бремени, а о возмѣщеніи 102 милліоновъ марокъ, утрачиваемыхъ казною вслѣдствіе отказа ея отъ государственныхъ реальныхъ налоговъ. Кромѣ того, въ тронной рѣчи объявлено о внесеніи законопроектовъ по избирательному праву, о расширеніи сѣти государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. О внѣшней политикѣ въ тронной рѣчи не сказано ни слова.

Въ Брюсселѣ открылось учредительное собраніе. Открытіе не обошлось безъ враждебныхъ манифестацій. По городу расхаживали нѣсколько группъ рабочихъ, изъ коихъ нѣкоторые прибыли изъ провинціи; всѣ распѣвали марсельезу и кричали: „Да здравствуетъ всенародное голосованіе!" На пути слѣдованія королевскаго кортежа и въ окрестностяхъ палаты стояли массы народа. Произведено нѣсколько арестовъ за возмутительные возгласы при слѣдованіи короля въ палату. Король въ собраніи прочелъ тронную рѣчь, въ которой заявилъ, что палата будетъ продолжать изученіе проектовъ, составленныхъ для улучшенія быта рабочихъ, и констатировалъ, что экономическое положеніе Бельгіи удовлетворительно, а отношенія ко всѣмъ державамъ отличныя. Въ концѣ тронной рѣчи сказано, что Бельгія никогда не измѣнитъ своимъ обязанностямъ нейтральной державы.

По сообщенію изъ Праги, въ старочешскомъ клубѣ Ригеръ, говоря о недавнемъ совѣщаніи чешскихъ делегатовъ Чехіи, Моравіи и Силезіи, назвалъ это совѣщаніе многозначащею манифестаціей, въ виду того, что высшее дворянство присоединилось ко всѣмъ требованіямъ собравшихся делегатовъ. При этомъ Ригеръ разразился рѣзкими нападками на министерство графа Таафе и на нѣмцевъ.

24 октября открылась въ Вѣнѣ осенняя сессія австрійскаго рейхсрата. Министръ финансовъ Штейнбахъ внесъ предварительный бюджетъ на 1893 годъ. Расходы исчислены въ 608 мил. при 887,291 гульд. излишка. Въ числѣ статей, по которымъ требуются бо̀льшіе противъ прошлогоднихъ расходы, заключается статья по увеличенію военной полиціи и жандармеріи въ Галичинѣ, на что требуется полмилліона гульденовъ.

Парижъ снова въ тревогѣ и страхѣ отъ динамитчиковъ. 27 октября въ полицейскомъ участкѣ улицы Bons Enfants произошелъ взрывъ. Въ 11¼ ч. на Avenue de l'Opéra, передъ помѣщеніемъ правленія товарищества копей Кармо, два полицейскихъ агента нашли бомбу въ формѣ котелка; агенты доставили бомбу въ участокъ, но какъ только стали ее изслѣдовать, произошелъ взрывъ, при чемъ четыре человѣка были убиты наповалъ и одинъ былъ раненъ смертельно. Никогда еще динамитный взрывъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія на парижанъ, какъ теперь. Негодованіе всеобщее. Въ палатѣ, при обсужденіи запроса, соціалистскіе депутаты, замѣшанные въ дѣло Кармо, были осыпаны бранными возгласами. Консерваторы обвиняютъ правительство въ слабости. Нѣкоторыя изъ газетъ, какъ напримѣръ *Journal des Débats*, порицаютъ радикаловъ и соціалистовъ, поощрявшихъ стачку въ Кармо; радикалы, съ своей стороны, заявляютъ, что подобныя преступленія не имѣютъ ничего общаго съ политическими партіями. Высшій чиновникъ сыскной полиціи поѣхалъ въ Кармо для спеціальнаго разслѣдованія.

Искусство.

Сотое представленіе „Евгенія Онѣгина" Чайковскаго было отпраздновано нашей сценой и публикой (за два мѣсяца записавшейся на этотъ спектакль) какъ того заслуживаетъ это произведеніе, имѣющее всѣ права считаться лучшей между операми нашего знаменитаго композитора. Сюжетъ „Онѣгина" какъ нельзя болѣе подошелъ къ дарованію композитора и онъ дѣйствительно далъ образцовое произведеніе, дожившее въ сравнительно-короткое время до сотаго представленія. Любопытно, однако, что именно этой оперѣ пришлось долгое время бороться съ равнодушіемъ администраціи, пока она попала на большія сцены; сначала „Онѣгинъ" шелъ на ученическихъ консерваторскихъ вечерахъ; затѣмъ его давали на частныхъ любительскихъ сценахъ и наконецъ уже онъ пробрался на казенныя сцены, сперва—московскую, а потомъ и петербургскую.

Центромъ вниманія фешенебельной публики, собравшейся чествовать „Онѣгина", былъ, конечно, самъ авторъ, котораго стали вызывать уже послѣ первой картины перваго акта; каждое его появленіе сопровождалось громомъ аплодисментовъ и вставаніемъ всѣхъ зрителей; г. Чайковскій выходилъ и одинъ, но въ большинствѣ случаевъ съ исполнителями главныхъ партій, — г-жами Фигнеръ (Татьяна), Долиной (Ольга) и Каменской (няня) и г.г. Яковлевымъ (Онѣгинъ), Фигнеромъ (Ленскій) и др. Композитору при первомъ выходѣ его поднесли огромный лавровый вѣнокъ; такіе же знаки уваженія оказаны были всѣмъ названнымъ исполнителямъ — дамамъ цвѣты, а мужчинамъ—вѣнки; впрочемъ, г-жѣ Долиной также поднесли вѣнокъ съ надписью: „Ольгѣ"; сверхъ того, она получила цѣнный подарокъ—ящикъ съ серебромъ.

Между вѣнками особенное вниманіе обратилъ на себя вѣнокъ г. Яковлева съ римской цифрой „L", потому что сотое представленіе оперы, о которой мы говоримъ, совпало съ пятидесятымъ *его* исполненіемъ заглавной партіи, которую артистъ этотъ можетъ смѣло считать одной изъ лучшихъ въ своемъ репертуарѣ, такъ какъ она прекрасно подходитъ къ его голосовымъ средствамъ лирическаго баритона. Успѣхъ имѣли всѣ исполнители, и въ особенности чета Фигнеръ; онъ самъ даетъ прекрасный образъ Ленскаго, выдвигая эту незначительную роль на первый планъ, но г-жа Фигнеръ, при всемъ своемъ стараніи, какъ въ пѣніи, такъ и въ игрѣ, не олицетворяетъ пушкинской Татьяны. И все какъ будто есть, и все въ сущности на мѣстѣ, соотвѣтственно требуемому, а все-таки нѣтъ Татьяны.

Дирекція щегольнула для сотаго представленія тремя новыми декораціями: садомъ въ домѣ Лариныхъ, гдѣ происходитъ объясненіе между Онѣгинымъ и Татьяной (третья картина перваго дѣйствія), за̀ломъ на балу у Лариныхъ (первая картина втораго дѣйствія) и сценой дуэли Онѣгина и Ленскаго (вторая картина втораго акта); нельзя сказать, чтобы эти декораціи произвели на публику особенно сильное впечатлѣніе; лучшая изъ нихъ все-таки садъ (работа академика Бочарова). Но большой эффектъ произвели костюмы, и между ними преимущественно роскошные и изящные въ первой картинѣ послѣдняго дѣйствія, на балу въ Петербургѣ, гдѣ Онѣгинъ случайно встрѣчается съ Татьяной Греминой. Костюмы эти не только богаты, но исторически вѣрны и вполнѣ соотвѣтствуютъ изображаемой эпохѣ.

Г. Чайковскій можетъ быть вполнѣ доволенъ такимъ отношеніемъ къ нему, какъ со стороны дирекціи, блеснувшей роскошной постановкой его лучшей оперы къ сотому представленію, такъ и со стороны публики, столь горячо привѣтствовавшей и принимавшей своего любимаго композитора. Это дѣйствительно былъ торжественный спектакль, попасть на который было очень трудно. Въ скоромъ времени предстоитъ познакомиться съ новымъ произведеніемъ г. Чайковскаго, съ его одноактной оперой „Іоланта"; вмѣстѣ съ ней въ одинъ вечеръ данъ будетъ его новый двухъактный балетъ „Щелкунчикъ"; оба эти сочиненія написаны не на русскіе сюжеты. Въ портфелѣ автора однакоже лежитъ уже опера „Бэла", написанная на сюжетъ изъ Лермонтова. **В. Баскинъ.**

Смѣсь.

Классы акварельной живописи. Всѣхъ любителей акварели и, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, кто хотѣлъ-бы поучиться этому роду живописи, можетъ порадовать пріятное извѣстіе о томъ, что вскорѣ открываются въ Петербургѣ классы акварельной живописи подъ руководствомъ академика С. Ѳ. Александровскаго. Въ новой, прекрасной мастерской, устроенной въ домѣ архитектора Шретера на Алексѣевской улицѣ, даровитый акварелистъ дважды въ недѣлю будетъ преподавать за недорогую плату живопись водяными красками, начиная съ первыхъ началъ искусства до возможнаго совершенства въ немъ.

Первый дамскій художественный кружокъ отпечаталъ свой отчетъ за сезонъ 1891—1892 г. Основанный 10 лѣтъ тому назадъ на скромныхъ началахъ, онъ торжественно отпраздновалъ свой юбилей 26 февраля настоящаго года. За это время Кружокъ достигъ блестящаго положенія. Число членовъ его доходитъ до 90 и годовой оборотъ—до 12.755 рублей 8 копѣекъ. Изъ этой суммы особенно щедрою рукою выдаются вспомоществованія нуждающимся художникамъ. Въ отчетѣ помѣщенъ длинный перечень лицъ, облагодѣтельствованныхъ пособіями „Кружка", начиная отъ 3 рублей и до 100 рублей, въ однѣ руки. Всего оказано пособія 131 лицу на сумму 2,975 рублей.

Геройскій подвигъ казака. Въ „Кавказѣ" напечатанъ приказъ по 1-му Горно-Моздокскому полку, слѣдующаго содержанія:

„3 сентября, утромъ, разъѣздъ Эрюкскаго поста, 3-й сотни казаки Павелъ Колотилинъ и Кириллъ Острецовъ, по дорогѣ къ Анзовскому посту были встрѣчены залпомъ 6—8 разбойниковъ, устроившихъ засаду въ узкомъ ущельи. Находившійся впереди казакъ Колотилинъ, раненый въ бокъ, упалъ, лошадь его убита; ѣхавшій сзади казакъ Острецовъ, также раненый въ ногу, видя неспособность къ защитѣ Колотилина и зная обычай здѣшнихъ разбойниковъ звѣрски добивать и обирать оружіе беззащитныхъ раненыхъ, слѣзъ съ лошади, приблизился насколько можно къ Колотилину и

лицомъ къ лицу началъ перестрѣлку съ шайкой. Нѣсколько разъ часть разбойниковъ бросалась къ раненымъ, но Острецовъ, самъ въ это время получивъ еще рану въ грудь и двѣ въ поясницу, съ изумительнымъ присутствіемъ духа, хотя и съ застилавшимся отъ изнеможенія взоромъ, продолжалъ геройски отстаивать своего товарища. Имъ было выпущено одиннадцать патроновъ, и разбойники бѣжали, не устоявъ противъ одного врага, грознаго необыкновенною энергіей и великою любовью къ братьямъ-товарищамъ. Раненые были доставлены на постъ, гдѣ казакъ Острецовъ умеръ".

Въ заключеніе приказа, полковой командиръ полковникъ Домантовичъ говоритъ:

„Завтрашняго числа назначается торжественное погребеніе павшаго героя. Вѣчная память истинно доблестному воину; пусть завѣщанныя имъ непоколебимое мужество, высокое чувство самоотверженія и выручки товарищей никогда не изгладятся изъ памяти полка. Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ сотняхъ, постахъ и командахъ, копію его отослать въ станицу Солдатскую, въ семью казака Острецова".

Атаманъ Терскаго казачьяго войска приказалъ въ первый же праздничный день отслужить вездѣ панихиды по Острецовѣ, что и было исполнено повсемѣстно въ Терской области 4 октября. Начальникъ 1-й кавказской казачьей дивизіи, со своей стороны, объявивъ о воинской почести, возданной по приказанію наказнаго атамана памяти храбраго Острецова, прибавляетъ:

„Предписываю приказъ этотъ прочесть во всѣхъ сотняхъ и на постахъ, дабы каждый изъ насъ зналъ, что честная и храбрая служба всегда и всюду отзовется добромъ."

Разорванныя бумажныя деньги. Очень интересное бюро существуетъ при министерствѣ финансовъ Соединенныхъ Штатовъ. Оно находится въ Вашингтонѣ и называется „Redemption-Division". На него возложено возстановленіе разорванныхъ бумажныхъ денегъ. Въ немъ занимаются молодыя женщины, которыя обязаны изъ множества разнообразныхъ остатковъ банковыхъ билетовъ возстановлять ихъ для владѣльцевъ. Клочки поврежденныхъ билетовъ склеиваются и такимъ образомъ спасаются цѣлыя тысячи долларовъ. Склейка производится такъ ловко и такъ искусно, что реставрированные билеты пускаются снова въ ходъ, или казначейства по желанію выдаютъ за нихъ новые билеты.

Для дамъ, служащихъ въ этомъ бюро, дѣло значительно было-бы облегчено, если бы владѣльцы порванныхъ денегъ не относились къ дѣлу такъ неразумно. Именно, зачастую владѣльцы, прежде чѣмъ отослать поврежденную водою или огнемъ бумажку въ бюро, сами пытаются возстановить ее, чѣмъ окончательно портятъ, не имѣя необходимой для этого сноровки, и уже въ крайне плачевномъ видѣ отсылаютъ бумажку въ бюро. Это обыкновенно дѣлаютъ бѣдняки, для которыхъ потеря каждаго билета составляетъ громадное лишеніе. Напротивъ богатые люди отсылаютъ въ бюро поврежденныя бумажныя деньги въ ихъ первоначальномъ видѣ. Огонь, какъ извѣстно, обративъ бумажку въ листъ пепла, дѣлаетъ буквы и цифры стоящія на ней свѣтлѣе общаго фона ея. Если, напримѣръ, пачка банковыхъ билетовъ превратилась въ пачку листовъ пепла, то дамы бюро спасаютъ для владѣльца стоимость билетовъ слѣдующимъ образомъ. Онѣ отдѣляютъ билеты одинъ отъ другаго тонкими длинными ножичками и затѣмъ вносятъ въ особый реестръ ихъ нумера. Владѣльцу же выдаются новые билеты. Такъ же поступаютъ и съ деньгами, сгорѣвшими въ бумажникахъ. Однажды послѣ одного пожара въ бюро былъ присланъ бумажникъ, который находился въ сгорѣвшемъ и обратившемся въ пепелъ платьѣ. Толстая кожа бумажника превратилась въ обуглившійся слой, а банковые билеты находившіеся въ немъ превратились почти въ пепелъ. Дамы осторожно срѣзали крышку бумажника и, внося въ реестръ нумера сожженныхъ банковыхъ билетовъ, спасли 700 долларовъ.

Поврежденныя водою бумажныя деньги спасаются еще лучше; здѣсь все дѣло въ правильной сушкѣ.

Конечно, дамамъ не всегда бываетъ пріятно заниматься своимъ дѣломъ, потому что часто доставляются въ бюро бумажники, которые валялись по цѣлымъ годамъ гдѣ-нибудь въ помойныхъ ямахъ, грязныхъ канавахъ и т. п.

Особенно много уничтожается бумажныхъ денегъ въ домашнихъ печахъ. Люди, не желающіе помѣщать своихъ денегъ въ банкъ, часто прячутъ ихъ на лѣто въ печкахъ, опасаясь воровъ. Въ началѣ осени кто-нибудь изъ семьи, не зная этого, затопитъ печку, и деньги, разумѣется, погибаютъ. А это по большей части дѣлаетъ бѣдный людъ и погибшія деньги бываютъ нерѣдко сбереженіемъ цѣлой жизни, послѣдними средствами несчастныхъ. Изъ такихъ сожженныхъ денегъ удается спасти только очень малую часть, такъ какъ онѣ доставляются въ бюро въ видѣ мелкаго пепла.

Дѣти, которыя любятъ играть вообще разноцвѣтными бумажками, комнатныя собаченки, привыкшія теребить клочки бумаги, которыми съ ними забавляются господа, являются тоже важными факторами въ дѣлѣ уничтоженія бумажныхъ денегъ.

Мыши и крысы тоже нерѣдко, прогрызая дно сундука, гдѣ хранятся деньги, обращаютъ ихъ въ бумажную труху. Въ домѣ одного фермера въ Техасѣ при разборкѣ пола было найдено мышиное гнѣздо сдѣланное изъ клочковъ бумажныхъ денегъ. При этомъ случаѣ Вашингтонскія дамы бюро спасли 400 долларовъ изъ 900.

Опыты г. Дефо съ муравьями. Французскій естествоиспытатель Дефо недавно произвелъ интересные опыты надъ муравьями. Онъ опускалъ въ сосудъ съ водою муравья. Животное двигалось въ теченіе 90 секундъ подъ водою и только по истеченіи этого срока переставало двигаться и повидимому лишалось жизни. Но когда онъ вынималъ муравья изъ воды и клалъ на листъ пропускной бумаги, животное начинало мало-по-малу приходить въ себя, движенія его сначала были тихи и слабы, а затѣмъ оно какъ ни въ чемъ не бывало поднималось и начинало бѣгать по бумагѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія подъ водою, животное приходило въ себя черезъ полчаса; послѣ двѣнадцати часовъ пребыванія подъ водой, жизненная сила возвращалась къ муравью черезъ нѣсколько часовъ. Нѣкоторые муравьи оживали даже послѣ сточасоваго пребыванія подъ водою. Это удивительное свойство объясняетъ тотъ фактъ, что при сильныхъ дождяхъ и даже наводненіяхъ, муравьи остаются подъ водою безъ всякаго вреда для себя. (к.)

Профессоръ Николай Степановичъ Таганцевъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Сара Бернаръ. Съ фот. Арона, грав. Шюблеръ.

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" за НОЯБРЬ съ приложеніемъ СОЧИНЕНІЙ КОЛЬЦОВА. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за НОЯБРЬ 1892 г. съ 27 рис. и отд. листъ съ 30 черт. выкроекъ въ натур. велич. и 29 рис. рукод. работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Списокъ библіотекъ, книжныхъ и другихъ магазиновъ, гдѣ выставлена

Главная премія „НИВЫ“ на 1893-й годъ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ,

исполненными fac-simile по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, а именно: 1) **„Русская молодица“**, академика **С. Ѳ. Александровскаго**; 2) **„Вечеръ на Невѣ“**, **А. К. Беггрова**; 3) **„Запорожецъ“**, **С. И. Васильковскаго**; 4) **„Находка“**, **Н. Н. Каразина**; 5) **„Царевна Софія получаетъ у Троицы письмо Василія Голицына“**, **К. В. Лебедева**; 6) **„Юдиѳь“**, профессора **Ганса Макарта**; 7) **„У околицы“**, профессора **К. Е. Маковскаго**; 8) **„Гетманъ“**, **И. Е. Рѣпина**; 9) **„Охота на волка,“** профессора **Н. Е. Сверчкова**; 10) **„На баштанѣ“**, академика **К. А. Трутовскаго**. Размѣръ картинъ 10 вершковъ вышины и 8 вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью художника **Н. Н. Каразина**.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, мы разослали альбомъ въ нижепоименованные библіотеки и магазины для того, чтобы гг. подписчики „Нивы“ ea 1893 г. могли заранѣе ознакомиться съ нимъ и наглядно убѣдиться въ высоко-художественномъ исполненіи картинъ.

Альбомъ можно видѣть:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и въ книжн. магаз.: И П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Битепажа, А. И. Бортневскаго, М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луковникова (бывш. Цвылева), Н. Г. Мартынова, „Народная Польза“, „Новаго Времени“, Н. П Петрова, М. В. Попова, Карла Риккера, П. В. Смирнова, М. М. Стасюлевича, И. Л. Тузова, И. Д. Тяпкина, Н. О. Фену, Цинзерлинга (бывш. Мелье и К), Эггерса и К°., Эриксона.

Въ Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ линіяхъ), въ книжн. магаз. В. В. Думнова, „Новаго Времени“, А. Ланга, Ф. А. Богданова, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Александрова, Шапошникова, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина.

Въ Архангельскѣ: въ Обществ. библ.
„ **Астрахани:** въ „Прикаспійск. книжн. магазинѣ“ и въ кн. складѣ „Народныхъ чтеній“.
„ **Аккерманѣ:** у кн. А. Анбиндера.
„ **Баку:** у книгопродавца Тараева.
„ **Батумѣ:** у книгопр. М. Николадзе.
„ **Бердянскѣ:** въ кн. маг. Гаврилицы и К. и у книгопрод. Г. А. Эдигера.
„ **Борисоглѣбскѣ:** у П. Дурново.
„ **Брестъ-Литовскѣ:** въ кн. маг. Варгафтига.
„ **Бѣлостокѣ:** у кн. І. Каганъ.
„ **Варшавѣ:** въ книжн. магаз. В. М. Истомина, Карбасникова и Флегонтова.
„ **Вильно:** въ кн. маг. Сыркина и Стракуна.
„ **Витебскѣ:** у книгопродавцевъ Мендельсона и В. П. Магеровскаго.
„ **Владивостокѣ:** въ Морской Библіотекѣ.
„ **Владикавказѣ:** въ книжн. магазинѣ Червинской.
„ **Владимірѣ:** въ книжн. магазинахъ А. А. Бѣлянкина и И. П. Иванова.
„ **Вологдѣ:** въ маг. Д. В. Волоцкаго.
„ **Воронежѣ:** въ кн. маг. М. П. Савостьянова, Агафонова и В. В. Юркевича.
„ **Выборгѣ:** у кн. К. Ольденбурга.
„ **Вяткѣ:** въ кн. маг. А. И. Залѣсской.
„ **Гомелѣ** (Мог. г.): у книгопродавца Я. Г. Сыркина.
„ **Гродно:** въ кн. маг. „Народная Польза“.
„ **Дерптѣ:** въ Русской Библіотекѣ.
„ **Динабургѣ:** у кн. К. Іозеса и у Я. Падежина.
„ **Екатеринбургѣ:** въ книжн. маг. Пономарева, Н. В. Пироговскаго и у кн. Бабинова.
„ **Екатеринодарѣ:** у кн. П. Т. Галладжіанца.
„ **Екатеринославѣ:** у книгопрод. Шаффермана и въ кн. маг. Ульмана и К°.
„ **Елисаветградѣ:** въ книжн. магазинѣ Золотарева и Н. К. Менчицъ.

Въ Ельцѣ: у кн. В. Д. Степанова.
„ **Житомірѣ:** у книгопр. Савчука.
„ **Иркутскѣ:** въ маг. при тип. Сизыхъ.
„ **Казани:** у кн. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, Н. П. Алексѣева, Н. Я. Башмакова, А. С. Дубровина и въ муз. маг. „Восточная лира.“
„ **Калугѣ:** въ кн. магазинѣ наслѣдн. Мясникова и въ Городск. Общ. Библіот.
„ **Кишиневѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха и Лихтанскаго.
„ **Кіевѣ:** въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, Корейво, гг. Гинтера и Малецкаго, Іогансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз.“ и у И. А. Розова.
„ **Керчи:** въ кн. маг. А. Г. Дервисье.
„ **Ковно:** въ кн. маг. „Общ. любит. чтенія“ и въ магаз. І. С. Мандельштама.
„ **Козловѣ:** въ кн. маг. Муравьева и у П. П. Дурново.
„ **Костромѣ:** въ кн. маг. Бененева, Д. П. Бѣлянкина, Соколова и А. П. Бубнова.
„ **Кременчугѣ:** въ библ. И. М. Саддъ.
„ **Кронштадтѣ:** въ кн. маг. „Кроншт. Вѣстн.“ и въ магаз. В. С. Чекунова.
„ **Курскѣ:** въ кн. маг. Кашкина, Переплетенко и М. Н. Дружинина.
„ **Кутаисѣ:** въ кн. маг. Бр. Чиладзе.
„ **Кѣльцахъ:** въ магаз. Леонъ и К°.
„ **Либавѣ:** въ кн. маг. Р. Пуце.
„ **Лебедяни** (Тамб.): въ магазинѣ В. И. Чурилина.
„ **Лодзи:** у кн. Р. Шатке и Г. М. Стракуна.
„ **Ломжѣ:** въ магаз. А. Рихтера.
„ **Люблинѣ:** у кн. Кизеветтера.
„ **Минскѣ:** въ кн. маг. Б. А. Городенскаго, въ библ. С. Ф. Савицкой, Е. Френкеля и В. Фрумкина.
„ **Митавѣ:** у книгопр. Бестгорна.
„ **Мелитополѣ:** у кн. Г. И. Лифшица.
„ **Могилевѣ:** въ кн. маг. Сыркина.
„ **Моршанскѣ:** въ книжн. магазинѣ М. Прокофьева.
„ **Немировѣ** (Под. г.): у книгопродавца Р. Шера.
„ **Нижнемъ-Новгородѣ:** въ кн. маг. „Первая Нижегор. артель“.
„ **Николаевѣ** (Херс.): у М. О. Шаха и М. А. Ефанова.
„ **Новгородѣ:** въ кн. маг. И. И. Дорреръ и въ конт. типогр. А. С. Федорова.
„ **Новочеркасскѣ:** въ кн. маг. П. В. Ананьевой и въ маг. Прокофьева.
„ **Нѣжинѣ** (Черн. г.): въ магаз. Якубовича и Болотникова.
„ **Одессѣ:** у кн. Е П. Распопова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Аксюка, И. А Розова, Я. Х. Шермана, В. Г. Суворова и у кн. Свистунова.
„ **Омскѣ:** въ кн. маг. В. М. Орлова.
„ **Орлѣ:** въ кн. маг. В. Д. Кашкина и въ магаз. „Орловскаго Вѣстника“.
„ **Орлѣ** (станц. О.-В. ж. д.): у К. В. Гессъ.
„ **Оренбургѣ:** въ книжн. магазинѣ Мих. Арх. Братства.
„ **Острогожскѣ:** въ библ. Рѣдкина.

Въ Пензѣ: въ кн. маг. Н. А. Магницкаго, В Н. Алексѣева и И. И. Добровольнаго.
„ **Перми:** въ кн. маг. О. П. Петровской.
„ **Петрозаводскѣ:** въ „Алексѣевск. Общ. Библіотекѣ“.
„ **Петроковѣ:** у кн. А. Панскаго.
„ **Пинскѣ:** у кн. М. Н. Штрика.
„ **Полтавѣ:** въ кн. маг. Е. Ф. Богоявленскаго и К°.
„ **Полоцкѣ:** въ кн. маг. М. А. Екатова.
„ **Прагѣ** (Австрія): у Э. Валецка.
„ **Псковѣ:** въ кн. маг. Ю. Вольфрама.
„ **Радомѣ:** въ магаз. Р. Чарнецкой.
„ **Ревелѣ:** въ кн. маг. Клуге и Штремъ и у кн. Вассермана.
„ **Ригѣ:** въ книжныхъ магазинахъ А. В. Витлина и Н. Киммеля.
„ **Ростовѣ-на-Дону:** въ книжн. маг. Теръ-Абраміана и Ѳ. С. Романовича.
„ **Рыбинскѣ:** въ магаз. И. В. Смирнова.
„ **Рязани:** въ кн. маг. С. С. Шемаева.
„ **Самарѣ:** въ книжн. магазинѣ Плотникова и Грау.
„ **Саратовѣ:** въ кн. магаз. „Приволжская книжная торговля“.
„ **Севастополѣ:** въ книжн. магазинѣ О. А. Протопоповой.
„ **Симбирскѣ:** въ кн. маг. Н. И. Юргенса.
„ **Симферополѣ:** въ кн. маг. Н. Н. Шматько, въ Городской Библіотекѣ и у кн. С. Б. Синани.
„ **Скопинѣ** (Ряз.): въ кн. маг. М. Л. Сафонова.
„ **Славянскѣ** (Хар.): у А. В. Мандрыкина.
„ **Смоленскѣ:** въ кн. маг. С. А. Клестова и въ библ. М. Ф. Лавровой.
„ **Ставрополѣ:** въ книжн. магазинѣ М. Т. Тимофѣева.
„ **Сувалкахъ:** въ магаз. С. Левиновской.
„ **Таганрогѣ:** въ книжномъ магазинѣ П. И. Линицкаго.
„ **Тамбовѣ:** въ кн. маг. Зотова.
„ **Твери:** въ маг. Муравьева.
„ **Тифлисѣ:** въ кн. маг. „Центральная кн. торг.“, Л. Б. Хидденель и въ конт. А. И. Евангулова.
„ **Томскѣ:** въ книжн. магазинѣ Манушина и Михайлова.
„ **Тулѣ:** въ кн. маг. Л. И. Пузыревскаго, В. П. Звѣгинцева и А. Д. Львова.
„ **Уфѣ:** въ кн. маг. Блохина.
„ **Харьковѣ:** въ книжн. маг. „Новаго Времени“, въ библ. Бирюкова, въ конт. Ф. Н. Константинова и у книгопр. П. А. Брейтигама.
„ **Херсонѣ:** въ кн. маг. М. О. Шаха.
„ **Черниговѣ:** въ книжн. магазинѣ Данюшевскаго.
„ **Череповцѣ:** въ книжн. магазинѣ Ф. Н. Лаговскаго.
„ **Эривани:** у кн. С. Г. Теръ-Мартиросянца.
„ **Ярославлѣ:** въ книжн. магазинѣ И. Н. Соболева.
„ **Ѳеодосіи:** у книгопр. Л. М. Надель и въ магаз. Б. О. Фонштейнъ.

ДЕШЕВО и МИЛО.

Превосходнаго вкуса и аромата табакъ 1 р. 40 коп. фунтъ. Остатки отъ 1-хъ сорт. кручен. папиросъ. Качество его внѣ всякаго сравненія. Единственный складъ его въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., 21 (уг. Пант.), въ табач. магаз. А. Смирнова. Высылается почтою во всѣ мѣста Россіи. 2—1

ЗА 5 РУБ. КРАСИВО ПИСАТЬ

выучиваю всякаго ЗАОЧНО (посредствомъ лекцій корреспонденцій) въ 10 уроковъ. ЗА УСПѢХЪ ГАРАНТІЯ. Подробное объясненіе преподаванія высылаю за 3 семикопѣечныя марки. Ш. № 6051 (1)

ЗА 10 РУБ. ДВОЙНОЙ ИТАЛІАНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

обучаю ИНОГОРОДНЫХЪ вполнѣ и основательно въ 2—3 мѣсяца. При окончаніи выдаю ученику СВИДѢТЕЛЬСТВО. Адресъ: Москва, Покровка, д. церк. Іоанна Предтечи, у Земл. вала. Учит. каллигр. и бухгал. А. С. Шиманскому.

ИНТЕРЕСНЫЯ НОВОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ И СТАРЫХЪ!

За ТРИ только рубля

высылаю всѣ нижепоименованныя 15 новѣйшихъ игръ и фокусовъ, интересныхъ для каждаго общества и удобныя для **подарковъ.**

1 Волшебный стаканъ. 1 Магнитный колоколъ съ фокусомъ. 1 Секретный карманъ. 1 Цѣнный секретъ какъ получить обѣдъ когда денегъ нѣтъ. 1 Игра Хитрые трубочисты. 1 Волшебная камера для фокусовъ съ картами. 1 Фокусъ разгадать сколько кому лѣтъ. 1 Японская игра жумъ! жумъ! 1 Волшебный гвоздь. 1 Волшебная веревка. 6 Фокусн. картинъ. 1 Новая американская игра, карманный бильярдъ. 1 Фокусн. портфеликъ. 1 Волшебная коробка и 1 Волшебный портсигаръ съ интересн. секретомъ.

Ко всѣмъ фокусамъ и играмъ прилагаются подробныя объясненія для руководства оными.

Цѣна за всѣ вышеозначенныя вещи лишь три рубля.

(За пересылку уплачивается при полученіи посылки).

Требованія и деньги прошу высылать по слѣдующему адресу: въ гор. НАРВУ С.-Петерб. губ. № 6047

КУПЦУ

Веніамину Давидовичу МИХАЙЛОВСКОМУ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE".

Духи — ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО — ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. — Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (17)

Поступила въ продажу новая книга въ пользу бѣдныхъ матерей и дѣтей, пострадавшихъ отъ цынги, тифа и холеры въ 1892 году:

„РУССКИМЪ МАТЕРЯМЪ".

Сборникъ разсказовъ о матеряхъ и дѣтяхъ, составленный изъ произведеній С. Аксакова, А. Апухтина, К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гоголя, графа А. Голенищева-Кутузова, Ѳ. Достоевскаго, Днѣпровой-Чайки, В. Короленко, Кота-Мурлыки (Н. Вагнера), В. Лихачева, Н. Лѣскова, А. Майкова, Д. Марковича, Д. Мережковскаго, С. Надсона, Н. Некрасова, И. Никитина, А. Плещеева, А. Подолинскаго, Я. Полонскаго, В. Слѣпцова, И. Сурикова, Л. Толстого (изъ неизданныхъ воспоминаній), И. Тургенева, Г. Успѣнскаго, В. Чайченко, О. Чуминой, Т. Шевченко, Е. Шелеметьевой и др.

Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

Къ сборнику приложены рисунки Е. Бемъ, В. Маковскаго, Н. Касаткина, К. Лебедева и В. Переплетчикова.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія — Москва, у Ильинскихъ воротъ, книжн. магаз. И. Д. Сытина и Ко. — Петербургъ, Садовая, магазинъ Сытина.

1893. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1893.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ И САМУЮ ДЕШЕВУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ"

(4-й годъ изданія).

Правительственныя распоряженія.—Административныя новости.—Свѣдѣнія изъ общественной русской жизни. — Московскій дневникъ. — Театральная хроника. — Спортъ.—Биржевая и торговая хроника.—Мануфактурные и хлѣбные рынки.— Скотопригонный дворъ.—Корреспонденціи.—Телеграммы собствен. корреспондент. и „Сѣверн. Телеграфн. Агентства." — Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія.—Смѣсь: шутки, каламбуры и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи

годъ 5 р. ½ года 3 р. 1 мѣсяцъ 60 к.

Адресъ: **Москва.** Ц. № 6046 2—1

Почтовыя марки не принимаются.

НОВОЕ 2 Р. ИЗОБРѢТЕНІЕ! 2 Р.

Аппаратъ для усиленія свѣта лампъ. Можетъ быть придѣланъ къ любой лампѣ и значительно усиливаетъ ея свѣтъ. Цѣна 2 руб. Единственное агентство для Россіи, С.-Петербургъ, складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій просп. 4. Заказы высылаются немедленно. **Каталогъ (иллюстрированный) всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку.**

НОВѢЙШІЕ № 6050

парижскіе искусственные

БРИЛЛІАНТЫ

замѣч. подражаніе по блеску, игрѣ и огню настоящимъ драгоцѣннымъ.

Эти бриллiанты достигли такого совершенства, что безъ химич. изслѣдов. **не возможно отличить ихъ отъ настоящихъ,** въ чемъ можно убѣдиться въ нашей Конторѣ, гдѣ выставлены для сравненія искусствен. и настоящіе бриллiанты въ золотой и серебряной оправѣ: **кольца, серьги, браслеты, брошки, шпильки, медаліоны** и пр.

Продаетъ Главн. складъ и фабрика

Т-ва „Парижская Компанія", въ Варшавѣ, Бѣлая ул., № 10.

Каталогъ съ 1000 рис. за 28 коп. марками.

ЗАИКАНІЕ

и другія дизартрическія разстройства рѣчи лѣчатся физіологомъ рѣчи. Пріемъ по средамъ и четвергамъ отъ 3—4 ч.—Больш. Конюшенная ул., д. 10, кв. 83. К. Линде.

EAU, PÂTE, POUDRE DENTIFRICES DOCTEUR PIERRE DE LA FACULTÉ DE MEDECINE DE PARIS EN VENTE PARTOUT

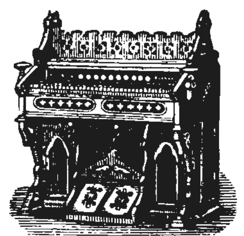
№ 6039 12—2

П. № 5431 12—13

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ. Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.* ОСТЕРЕГАТЬ Я ПОДДѢЛОКЪ!

ФИСГАРМОНІИ

фабрики **Шидмайера**



и другихъ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ фабрикъ въ 85, 100, 125, 130, 140, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 650, 800, 1000 руб. и дороже.

Самоучитель для фисгармоніи 2 рубля.

Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.

Москва. Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 5—4

Открыта подписка на музыкальный журналъ **„МУЗА“** (1893-й годъ). С.-Петербургъ, Невскій просп., № 22 (при музык. маг. А. Битнера). Цѣна въ годъ съ доставк. на домъ (во всѣ города Россіи). . . 5 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО

изъ редакціи „Муза“ (СПБ., Невскій, 22) новое сочиненіе **Ю. Капри „Украинская пѣсня“**. На пересылку прилагаются 6 двухкопѣечныхъ почт. марокъ. № 6031 3—3

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré, renfermant toutes les modes nouvelles pour la **SAISON D'HIVER**, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
PARIS.

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Tous les renseignements nécessaires à la bonne exécution des commandes, ainsi que les conditions d'expédition, sont indiqués dans le Catalogue.

CORRESPONDANCE EN TOUTES LANGUES

Pt. № 6024 3—8

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

Для переплета полнаго собранія стихотвореній

А. В. КОЛЬЦОВА

Конторою журнала „Нива“ изготовлены

КОЛЕНКОРОВЫЯ КРЫШКИ,

тиснены золотомъ и краскою. Цѣна за крышу 25 коп., а съ пересылкою 60 к.

Хотя стихотворенія Кольцова сброшюрованы въ Ноябрьской книгѣ „Сборника“, но они изданы такъ, **что каждый желающій легко можетъ отдѣлить ихъ отъ остальной части „Сборника“ и переплести какъ совершенно самостоятельное изданіе.**

Требованія просятъ адресовать въ **СПБ—гъ**, въ Контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

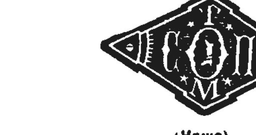
ТОВАРИЩЕСТВА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО

ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Съ цѣлью воспользоваться пріобрѣтенною нами многолѣтними и тщательными стараніями—извѣстностью, одинъ изъ фабрикантовъ обуви помѣстилъ на подошвѣ его издѣлій клеймо, очень схожее съ нашимъ, и вводитъ этимъ въ заблужденіе покупателей.

Помѣщаемъ здѣсь оба клейма:

(Поддѣльное).



(Наше).

Налѣво помѣщено поддѣльное, — направо—наше. Каждый видитъ, такимъ образомъ, что поддѣлка явная и разница замѣтна лишь при самомъ внимательномъ разсмотрѣ. Обувь съ подобнымъ поддѣльнымъ клеймомъ имѣетъ сходство съ нашими

„СКОРОХОДАМИ“

Она была пріобрѣтена въ магазинѣ одного торговца обувью и въ настоящее время выставлена для осмотра въ нашей главной Конторѣ, СПБургъ, Обводный каналъ, № 134.

Не желая допустить, чтобы пріобрѣтенная нами извѣстность страдала отъ подобныхъ поступковъ, мы предлагаемъ

БОЛЬШОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ

каждому, кто сообщитъ намъ о поддѣлывающемъ наше клеймо, но такимъ образомъ, чтобы виновный въ поддѣлкѣ могъ бы быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности.—Нашихъ же почтенныхъ покупателей покорнѣйше просимъ при покупкѣ обуви тщательно обращать вниманіе на наше фабричное клеймо, такъ какъ только послѣднее гарантируетъ, что купленная обувь дѣйствительно нашего производства.

№ 6011 (2)

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—16
№ 5607

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

№ 6012 10—2

...рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ. .	фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ .	кор. 50 к.
Шведская зубная паста. . .	кус. 30 к.
Шведская амикосовая вода .	фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПБ.

Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская
багетная и рамочная фабрика.

С.-Петербургъ.

Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5966 (8)

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 октября 1892 г. Р. 2.614.937 95.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (21)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

КНИГИ

всевозможныя, русскія, высыл. немедленно

Книжный магазинъ

Ѳ. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія линіи № 5.

Принимается **подписка** на всѣ рус. журналы и газеты по цѣн. редакцій. № 6026 2—3

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. арш., сукно (неворсов.) 1 р. 35 коп., по прочности и дешевизнѣ незамѣнимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы и исполняются порученія на особо льготныхъ условіяхъ.

Магазины: СПБ., Владимірская, № 6; Васил. Остр., 4-я линія, домъ 53; Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6053

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Большая Суровская линія, № 134.

Продажа безъ запроса. Образцы высылаются безплатно. Ш. № 6052 2—1

ПИШУЩАЯ МАШИНА 25—3

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 5998

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, В. Морская, 21

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ и тракта № 27) объявленіе отъ книжн. магазина И. Л. Тузова въ СПБ.

Дозвол. ценсур., СПБ., 4 ноября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 14 октября 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Амальетта. Съ карт. А. Пассини, грав. Кирмзе.

Стихотвореніе.

Амальетта.

… Она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣднiй близокъ часъ.
Дохнетъ тепло любви: младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко,
И гребень, ласково-разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительный по пышнымъ волосамъ…

(А. Фетъ).

На Синеморскихъ буграхъ.

Житейская драма.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

VI.

Мѣсяцевъ за восемь до всего разсказаннаго, на этихъ самыхъ Красныхъ Буграхъ стояла ясная, теплая осень, съ очень темными ночами, какъ всегда бываетъ на Югѣ, но за то съ яркими, даже жаркими полуднями и чудесными вечерами. Окончивъ денную работу и пообѣдавъ съ матерью, Михаилъ Андреичъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать далекія прогулки, для моціона и для душевнаго отдохновенія, отъ кропотливаго, далеко не легкаго дѣла обученія ребятишекъ русскому языку, очень мало распространенному среди киргизовъ вообще, а тѣмъ менѣе между ихъ ребятишками. Большаго разнообразія въ прогулкахъ по окрестностямъ школы быть не могло: почти отовсюду пѣшеходу преграждали путь, болѣе или менѣе глубокіе и широкіе, протоки; рукава рѣкъ и рѣчонокъ,—дѣтей одной пра-матери—Волги. Но Іуліяновъ довольствовался своими песчаными берегами; своими зелеными тропками въ чащѣ тальника, вербы, осоки да камыша, притоновъ всякой пернатой, болотной твари.

Каждый день, какъ спадалъ дневной жаръ, онъ уходилъ въ свои безцѣльныя странствія.

— Иду потолочься въ лучахъ заходящаго солнца! говорилъ онъ матери, если она его окликала.

Такъ любилъ онъ посмѣиваться надъ самимъ собою, серьезно думая, что въ общемъ составѣ вселенной онъ такъ же незамѣтенъ, какъ комаръ, толкущійся въ лучахъ солнца и трубящій свою недолгую пѣсню...

Находившись до усталости, онъ садился гдѣ-нибудь на прибрежной травкѣ, на песчаномъ обрывѣ, и подолгу слѣдилъ за всѣмъ, всегда находя новое разнообразіе въ окружавшемъ его однообразіи, никогда не уставая думать, сравнивать, дѣлать предположенія... Одиночество его не тяготило — напротивъ, онъ любилъ его!

Возвращаясь поздно, онъ иногда находилъ только приготовленный матерью для него ужинъ, а ее заставалъ ужь въ постели; но если случалось ранѣе оторваться отъ своего любимаго одиночества, Іуліяновъ брался за скрипку, Марья Богдановна садилась за старенькое піанино,—благоговѣйно сбереженное ею, какъ подарокъ отца,—и на диво проходившихъ или плывшихъ мимо рыбаковъ и кочевниковъ, звуки Шубертовскихъ мелодій, а не то и болѣе классическихъ произведеній нѣмецкихъ маэстро, раздавались изъ оконъ низенькаго домика и далеко разносились по молчаливымъ окрестностямъ.

Чѣмъ ближе дѣло подходило къ зимѣ, чѣмъ болѣе удлиннялись осенніе вечера, тѣмъ чаще вечернія прогулки замѣнялись концертами или чтеніями... Сынъ читалъ рѣдко вслухъ: Марья Богдановна мало находила въ чтеніи интереса. Она шила возлѣ него, штопала или чинила бѣлье, на него глядя, пока ее не начинало клонить ко сну. Тогда Михаилъ Андреичъ обыкновенно предлагалъ:

— А что, мамочка! Поужинаемъ,—да и на боковую?

Закусывали, чѣмъ Богъ послалъ, обыкновенно остатками обѣда, и расходились къ тому времени, какъ часы въ школьной залѣ били десять.

И такъ проходилъ день за днемъ, проскользалъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ и годъ миновалъ незамѣтно.

Такъ прошли четыре года ихъ пребыванія на Красныхъ Буграхъ, среди кочующихъ киргизовъ. Не даромъ Іуліяновъ говорилъ своему пріятелю, что хорошо знаетъ ихъ бытъ. Въ своихъ прогулкахъ ему не разъ случалось посѣщать сосѣднія кочевья. Онъ зналъ хорошо семьи своихъ учениковъ. Многія кочевья были поблизости школы; но ему случалось ѣздить въ гости и въ дальнія ставки, по приглашеніямъ богатыхъ киргизовъ.

Разъ, — случилось это въ прошломъ августѣ, — навѣстилъ его зажиточный Урбазъ-Бекъ-Темировъ, киргизъ, служившій довольно долго въ Астрахани, при управляющемъ кочевниками, сравнительно цивилизованный, грамотный человѣкъ. Если-бъ не значительное наслѣдство, оставленное ему братомъ, — въ табунахъ, верблюдахъ и рогатомъ скотѣ, требующихъ пастбищъ и кочевой жизни, Урбазъ-Бекъ, быть-можетъ, навсегда остался бы въ городѣ; но это наслѣдіе совпало какъ разъ со временемъ его вдовства. Онъ сильно тосковалъ по женѣ и сдался на просьбы родственниковъ, въ особенности старшей, вдовой сестры, постоянно съ нимъ жившей и жаждавшей дѣятельности, большаго хозяйства, на привычномъ привольи. Муслиме была энергичная, умная и очень способная женщина. Она, не показывая и виду, всѣмъ заправляла въ домѣ брата, начиная съ него самого. Способности свои она доказала блистательно тѣмъ, что очень быстро научилась, живя въ городѣ, не только говорить, *но и читать по-русски, печатное и даже писаное*, когда ей понадобилось вести судебное дѣло съ наслѣдниками мужа, ее обидѣвшими. Она добилась своего: выиграла процессъ и заставила ихъ заплатить судебныя издержки... За этотъ подвигъ, получившій громкую извѣстность въ кочевьяхъ, Муслиме Идычева пользовалась великимъ уваженіемъ между своими родичами. Не только братъ ея, а и многіе киргизы, главы многокибитныхъ ставокъ, прибѣгали къ ней за совѣтами въ дѣлахъ; но за то многіе родственники и сторонники ея покойнаго мужа, пользовавшіеся по богатству своему тоже сильнымъ вліяніемъ, ее ненавидѣли. Муслиме, за ея близкое общеніе съ христіанами и дружество съ русскими, выставляли отступницей отъ вѣры отцовъ. Даже и брата ея—„чиновника“—болѣе изъ-за нея, чѣмъ за его собственное расположеніе къ русскимъ, тоже недолюбливали. Но ему никто не смѣлъ явно выказывать нерасположенія: слишкомъ былъ онъ независимъ, вліятеленъ; слишкомъ сильнымъ покровительствомъ у начальства въ Астрахани пользовался; а главное, слишкомъ полезенъ былъ всѣмъ своимъ, каждому готовый помочь въ нуждѣ и за каждаго вступиться.

Темировъ навѣстилъ Іуліянова, чтобы заявить ему о своемъ близкомъ сосѣдствѣ. Онъ взялъ въ аренду сосѣдніе заливные луга, на которыхъ травы всегда держались всю осень, и перекочевка его уже началась.

— Просимъ милости къ намъ въ гости! говорилъ онъ. — Васъ и матушку вашу... У меня дочь, сестра вдовая, обѣ по-русски знаютъ. Онѣ ей рады будутъ!.. Двое мальчиковъ тоже, родственники мои, въ школу будутъ ходить къ вамъ, учиться. Завтра приведу!

И точно, на другой день явились новые ученики и стали ходить аккуратно. Собрался и учитель навѣстить новаго сосѣда и остался имъ доволенъ. Въ качествѣ старухи и дамы передовой, предразсудками не стѣснявшейся, къ нему вышла въ парадную кибитку и хозяйка Урбазъ-Бека, Муслиме. И она очень просила къ себѣ въ гости Марью Богдановну; но та долго не могла собраться въ дальнюю для нея прогулку.

Недѣли три спустя, въ чудный, ясный вечеръ, мечтательныя скитанія завели Михаила Андреича, незамѣтно для него, въ близость ставки Темировыхъ. Онъ уже возвращался домой, когда набрелъ на неглубокую лощинку, между двухъ бугровъ, и присѣлъ здѣсь отдох-

путь, на камень, у самаго берега. Солнце уже сѣло; быстро спускались сумерки; но на этотъ разъ темнота не наступала: подымалась луна во всей красѣ своей...

Михаилъ Андреичъ, сидя въ глубокой тѣни лощины, подъ бережкомъ, обрывавшимся въ ерикъ, луны не видѣлъ, но любовался волшебными переливами ея свѣта, и далеко-далеко занесся мыслями... Вдругъ песокъ и мелкій ивнякъ рядомъ съ нимъ зашуршали... Кто-то шелъ за бугромъ; тихій говоръ и сдержаный смѣхъ не разсѣяли его думъ, какъ не разсѣивали его всплески рыбъ, шорохъ летучихъ мышей, чуть не задѣвавшихъ его крыльями, въ своемъ ошалѣломъ полетѣ.

Но вотъ двѣ длинныя тѣни проскользнули надъ головой его и опустились на водную гладь. Шедшіе, очевидно, остановились... Вслѣдъ за тѣмъ раздались надъ нимъ голоса, веселые, молодые женскіе голоса, говорившіе на привычномъ для слуха Іуліянова, но непонятномъ ему языкѣ.

Онъ хотѣлъ было подняться, но вдругъ подумалъ: зачѣмъ ему спугивать гулявшихъ дѣвушекъ-киргизокъ, вышедшихъ подышать чистымъ воздухомъ. Михаилъ Андреичъ зналъ, что большинство киргизокъ показываются только жениху и никогда не видятъ мужчинъ.

„Что-жь мнѣ пугать ихъ?“ подумалъ онъ и продолжалъ сидѣть неподвижно въ тѣни, ожидая ихъ ухода.

Но онѣ уходить и не думали. Стройныя тѣни на рѣкѣ вдругъ сократились... Гулявшіе очевидно сѣли на песокъ, надъ самой его головою...

„Ну! Вотъ тебѣ разъ!“ подумалъ Іуліяновъ. — „Попалъ въ осадное положеніе!.. Что какъ онѣ тутъ надолго расположатся; а маменька-то ждетъ-пождетъ меня съ чтеніемъ и ужиномъ!“

Вдругъ его слухъ поразило чисто произнесенное русское слово. Одинъ голосъ произнесъ назидательно:

— Маль-чикъ! Маль-чикъ!.. Балашка — мальчикъ!

Другой отвѣчалъ ему смѣхомъ, очевидно отказываясь повторить незнакомое слово, тогда какъ первый настаивалъ, какъ видно, уговаривая. Быстро лились ихъ киргизскія рѣчи. Наконецъ второй, болѣе возмужалый, голосъ выговорилъ вслѣдъ за первымъ, но очень дурнымъ произношеніемъ и въ то же время заливаясь глупымъ смѣхомъ:

— Мал-шыкъ!

— Маль-чикъ! поправилъ первый и оба опять затараторили по-своему.

„Ага! Я попалъ на урокъ русскаго языка!“ неслышно смѣясь подумалъ учитель. — „Ну, послушаемъ этой педагогіи!“

Первый голосъ продолжалъ наставительно:

— *Балашка* — мальчикъ! *Кызъ* — дѣвочка!

Второй голосъ неохотно, со смѣхомъ, коверкалъ русскія слова и пересыпалъ ихъ потоками киргизскихъ; послышалась какая-то возня на пескѣ. Потомъ одна изъ дѣвушекъ вдругъ закричала:

— Хошъ!.. Хошъ, кызъ! и вскочила.

Но другая ее удержала и снова усадила. Та отбивалась со смѣхомъ; подруга ея и сердилась, и смѣялась, и уговаривала. Наконецъ, въ шуточной борьбѣ, обѣ упали на песокъ съ визгомъ и хохотомъ. Одна требовала повиновенія, поучая:

— *Хошъ* — прощай! *Хошъ, кызъ* — прощай, дѣвушка!

Другая отказывалась повторять.

Песокъ сыпался на голову притаившагося учителя. Луна, подымаясь съ каждымъ мгновеніемъ выше, грозила вотъ-вотъ открыть его убѣжище...

„Увидятъ онѣ меня, если сейчасъ не уберутся!“ думалъ онъ, невольно усмѣхаясь смѣху надъ его головой: — „и окажусь я въ преглупомъ положеніи!.. Еще подумаютъ, что я нарочно!.. И зачѣмъ я, глупый, сразу не всталъ?..“

Вдругъ песокъ посыпался сильнѣе.

„Господи! Да онѣ еще свалятся на меня!“ отчаянно подумалъ Іуліяновъ.

Онѣ не свалились, но свалился вдругъ такой комъ глины, что препорядочно его ушибъ и заставилъ забыть поневолѣ всякія соображенія и сразу подняться... Женщины взвизгнули, вскочили и бросились бѣжать со всѣхъ ногъ, какъ угорѣлыя.

Воцарилось полное молчаніе...

„Слава Богу, ушли!“ думалъ, отряхаясь и расправляя ушибенное плечо, бѣдный учитель. — „Вотъ такъ попался!.. Въ другой разъ буду осторожнѣй избирать мѣста отдохновенія. Это кто-нибудь изъ Темировскихъ... Дочь, вѣроятно?.. Я какъ разъ возлѣ его кибитокъ“.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ нагнулся: на пескѣ, ярко блистая въ лунномъ сіяньи, лежало что-то... Іуліяновъ поднялъ серебряный поясъ, въ дорогой золотой оправѣ.

„Часъ отъ часу не легче: вотъ еще и находка!“ подумалъ онъ съ неудовольствіемъ. — „Или не брать?.. Оставить... Найдутъ сами? Ну, а какъ кто другой раньше придетъ?.. Онѣ теперь, пожалуй, побоятся и выйти-то изъ кибитки... Глупыя дѣвчонки!.. Это навѣрное дочь Темирова, съ какой-нибудь служанкой-наперсницей!“ думалъ онъ, унося съ собой поясъ.

На другой день Марья Богдановна побывала у сосѣдей и познакомилась съ тетушкой Муслиме: а возвратившись объявила сыну, что онъ точно нашелъ поясъ Альме Темировой и что она ее видѣла и никогда еще не видывала такой хорошенькой дикарки.

Это знакомство повело къ сближенію старухъ-сосѣдокъ, а затѣмъ и къ болѣе важнымъ послѣдствіямъ.

Вначалѣ обычай долго пересиливалъ личное расположеніе: Темировъ съ сестрой не сразу допустили Іуліянова увидать Альме. Но разъ допустивъ, должны были скоро отказаться отъ всякихъ предразсудковъ.

Къ зимѣ Урбазъ-Беку по дѣламъ пришлось ѣхать въ Астрахань на довольно продолжительное время. Зима была снѣжная и суровая, какія часто бываютъ на устьяхъ Волги. Старая Муслиме такъ сдружилась съ Марьей Богдановной, что заявила брату, будто она въ его отсутствіе боится быть одна въ степи, и упросила перенести ихъ кибитки поближе къ школьному помѣщенію, что̀ и было исполнено. При такой близости и частыхъ обоюдныхъ посѣщеніяхъ ужь невозможно было оградиться отъ встрѣчъ Альме съ Михаиломъ Андреичемъ.

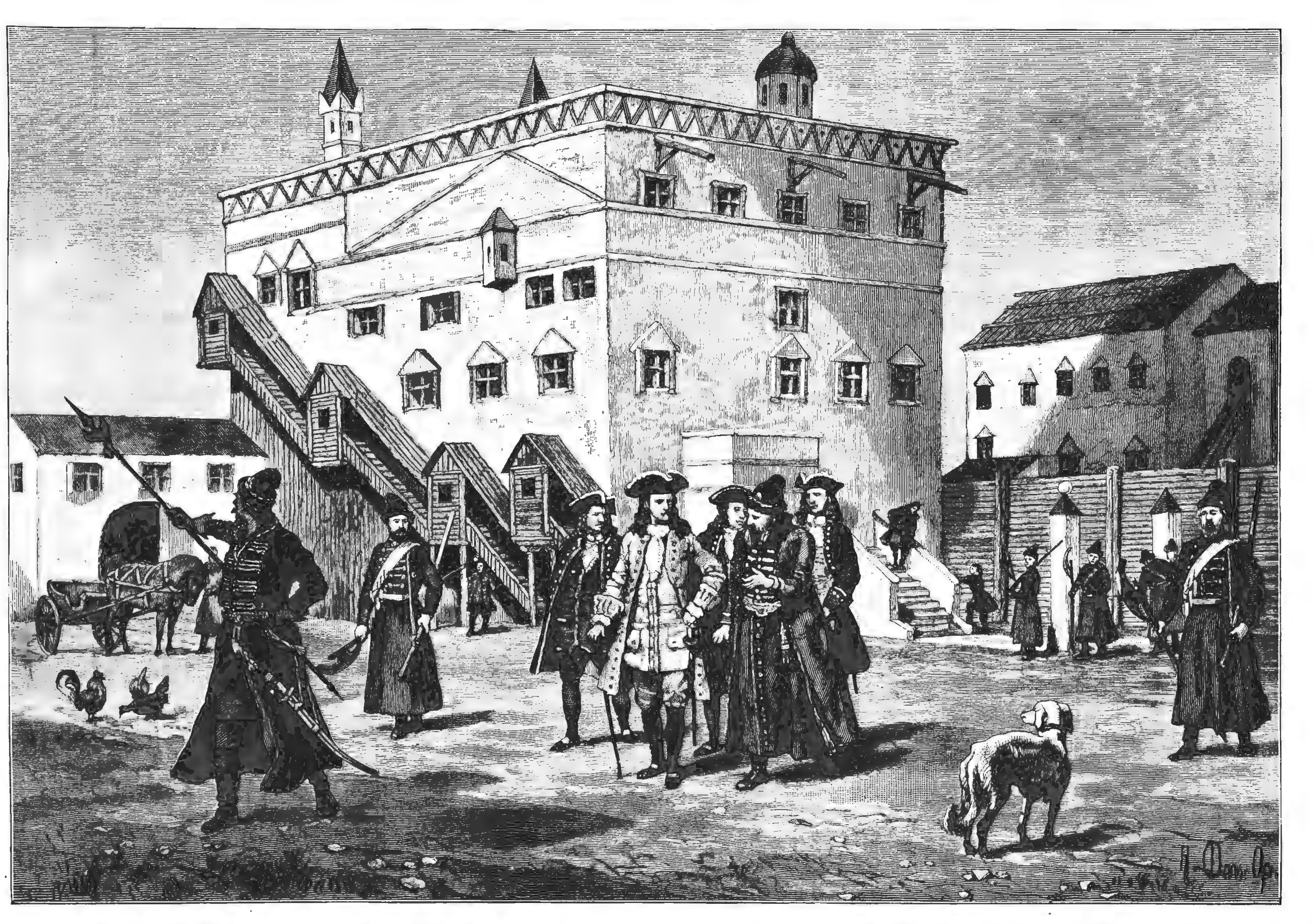
Молодость обоихъ, красота молодой дѣвушки и невольное сближеніе среди глуши, отдѣленной отъ всего остальнаго міра, скоро сдѣлали свое дѣло: докторъ былъ вполнѣ правъ, предположивъ, что пріятель его неравнодушенъ къ киргизкѣ, хотя никакъ не предполагалъ, что Іуліяновъ дѣйствительно ужь готовъ жениться на полуграмотной дикаркѣ... Меньше всѣхъ въ этомъ дѣлѣ знала Марья Богдановна, хотя давно порѣшила, что ея сыну жениться необходимо и что врядъ ли ему найти въ городѣ лучшую невѣсту, чѣмъ Альме Темирова (если только ее окрестить въ истинную вѣру) — эта единственная дочь и наслѣдница Урбазъ-Бекъ-Темирова.

VII.

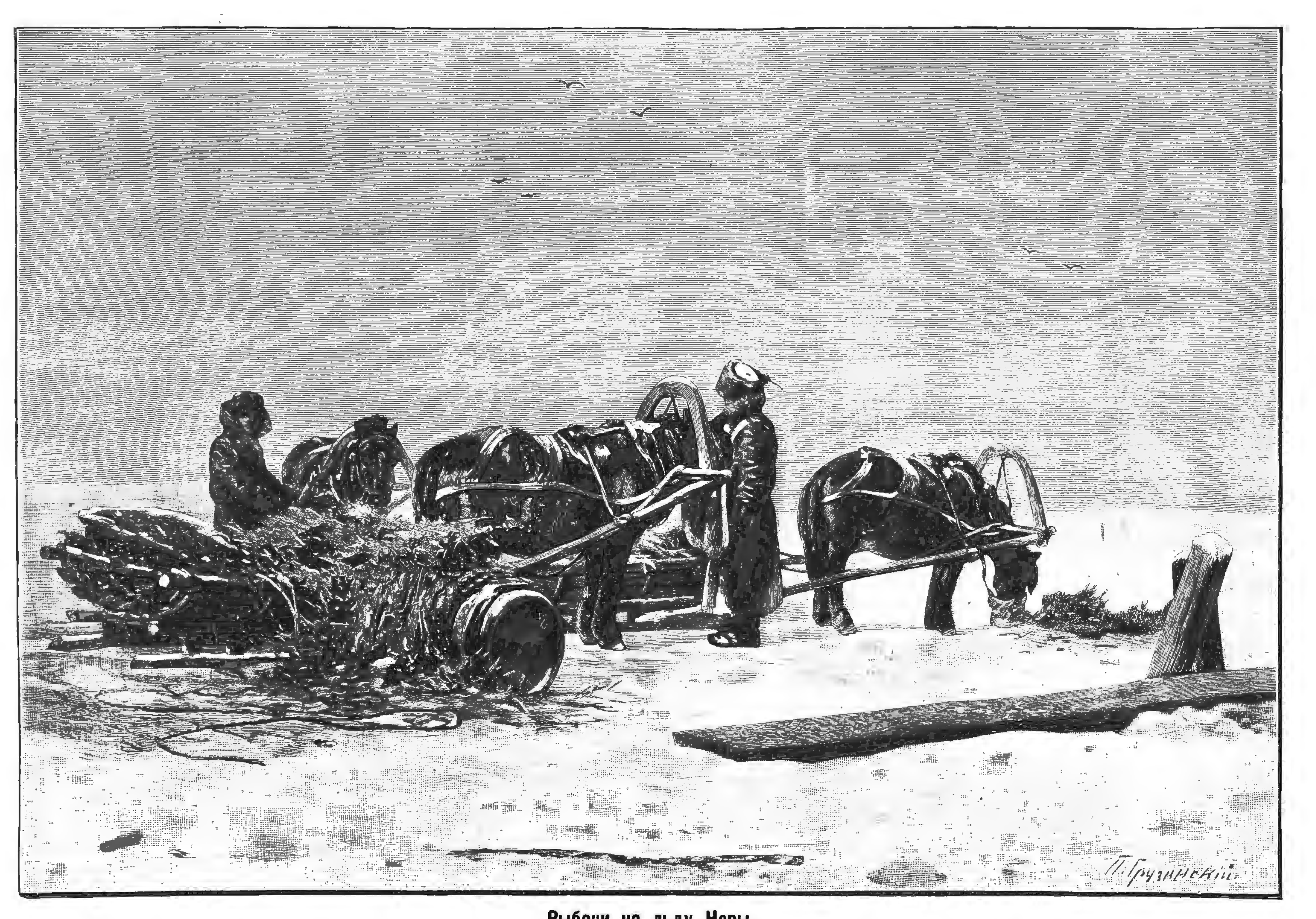
Марья Богдановна очень обрадовалась пріѣзду Штолля. Она вообще была женщина веселаго, общительнаго нрава, любила принимать гостей, а „Яшеньку“ въ особенности жаловала по дружбѣ съ семьей его и многимъ воспоминаніямъ прежнихъ лѣтъ, — воспоминаніямъ съ теченіемъ времени утратившимъ горечь...

Она было приготовила дорогимъ гостямъ и обѣдъ, и чай, и кофе; такъ что докторъ немедленно поднялъ ее на-смѣхъ, увѣряя, что она вообразила, будто они къ ней явятся съ дикаго острова, гдѣ шесть мѣсяцевъ вареной пищи не видали!..

— Вотъ такого кофейку, какъ вы умѣете варить, дорогая тетя Марихенъ, дѣйствительно давно не пивалъ.



Прогулка посла во дворѣ Посольскаго дома въ Москвѣ въ XVII в. Ориг рис. (собств. „Нивы“) проф. **Дмитріева-Оренбургскаго**, грав. М. Рашевскій.



Рыбаки на льду Невы.

Карт. **проф. Грузинскаго** (исключит. право воспр. въ грав. и т. п. принадл. „**Нивѣ**“), съ фот. Бр. Карбини, грав. Флюгель.

Угостите!.. И пѣночки есть?.. Помните, какъ я ихъ у васъ слизывалъ, прибѣгая изъ гимназіи?

— Ну, какъ-же! Какъ-же!.. Какъ не помнить?.. Знаю, что любишь! Приготовила... Кушай на здоровье, голубчикъ. Я рада что ты пріѣхалъ... И тебя-то повидать рада, и тому что вылѣчишь руку моей бѣдной киргизкѣ... Сказывалъ тебѣ Мишенька?

— Я говорилъ, маменька!.. Только вѣдь что-жъ разскажешь?.. Посмотрѣть надо-бы скорѣе!..

— А вотъ сейчасъ, сейчасъ пойдемъ!.. Дай ему только хоть стаканчикъ кофейку выкушать.

И она принялась разсказывать Штоллю, пока тотъ съ аппетитомъ пилъ кофе, съ густыми сливками и сдобной булкой, какъ именно повредила себѣ руку Муслиме, какъ лѣчилась домашними средствами и что изъ этого вышло...

— Хорошаго не вышло ничего? смѣялся докторъ, наскоро допивая кофе. Ужь это само собой!.. Ну, идемте! Я готовъ... Надѣюсь, что антонова огня не успѣло еще открыться у вашей знакомой, танте Марихенъ?.. Да если и открылся, не бѣда! Мы сейчасъ ей негодную въ употребленіе руку отнимемъ — а новую, здоровую, живымъ манеромъ приставимъ!

— Ну! Не дай Богъ!.. Ишь что еще выдумалъ, балагуръ!

— Да пусть ужь языкомъ мелетъ! Лишь-бы помогъ... Вы, маменька, пойдете?

— Пойду, голубчикъ, пойду!.. Почему-же!

На крыльцѣ подъ ноги имъ бросился громадный лохматый песъ, овчарка, визжа и ласкаясь къ Михаилу Андреичу.

— А-а! Пріятель!.. Давно не видались?.. Здравствуй, братъ, здравствуй!

— Неужели—Барсукъ? спросилъ Штолль.—Вотъ громадина сталъ!.. Не узналъ-бы!

— Барсукъ, Барсукъ, какъ-же!.. Славный песъ вышелъ!.. Добрый намъ сторожъ!

— Да, съ нимъ не страшно, куда угодно! сказала Марья Богдановна. Умный, да сильный такой!.. Любитъ меня съ Мишей ужасно. Такъ и смотритъ въ глаза, чуть кто къ намъ подходитъ.

— Врага не подпуститъ, если-бъ нашлись на насъ злоумышленники! улыбнулся Іуліяновъ.—Ну, пойдемъ! Пойдемъ въ гости, Барсукъ!

— Ужь это вотъ и кибитки ихъ? удивился Штолль, увидавъ киргизскую ставку въ нѣсколькихъ саженяхъ, на фонѣ зелени у берега рѣчки.

— Да. Близкіе наши сосѣди.

— Абатыръ назадъ возвращается! замѣтила старушка. — Бѣгалъ навѣрное ихъ предупредить о нашемъ приходѣ.

— Напрасно! шутливо прервалъ докторъ, искоса глянувъ на пріятеля.—Мнѣ-бы лучше хотѣлось ихъ врасплохъ застать!

Іуліяновъ снисходительно улыбнулся.

— Для того чтобъ вѣрнѣе убѣдиться въ своей несправедливости? сказалъ онъ. — Онъ, видите-ли, споритъ, маменька, что у киргизовъ страшная нечистота!

— Н-нѣтъ! Этого нельзя сказать!.. отвѣтила мать.— Они вообще очень чистоплотный народъ: по десяти разъ въ день моются, по своему закону. Разумѣется, очень бѣдные, при кочевой жизни въ кибиткахъ и не могутъ они быть безукоризненно опрятны. Но не грязнѣй другихъ простолюдиновъ.

— И я ему то же говорилъ. Здравствуй, Абатыръ!

— Здравствую, баринъ! осклабился киргизъ.—Я твоя милость риба ймалъ!.. Балшой рыбъ!.. Харошъ!

— Да! Да! Я забыла сказать тебѣ, Миша: онъ на обратномъ пути изъ Чурки сюда умудрился отличную стерлядь выловить... Спасибо ему! Славной ухой и заливнымъ тебя угощу.

Киргизъ, все продолжая блистать зубами и веселымъ выраженіемъ плутоватыхъ глазъ, пошелъ назадъ къ школѣ, сморщивъ насмѣшливо носъ, прищурившись и внутренно посмѣиваясь надъ чудакомъ-бариномъ.

— А надъ тобою, Миша, онъ подсмѣивается! добродушно заявила Марья Богдановна.—Абатыръ-то нашъ!.. Зачѣмъ ты ружье съ собою бралъ? И удочки тоже?.. Передъ нимъ, говоритъ, гуси-утки летаютъ! *Судакъ* да *тарашка* въ лодку къ намъ лѣзутъ, — а баринъ и не смотритъ!.. Самъ не стрѣляетъ — и мнѣ не даетъ ни ружья, ни удочки!

— Ну вотъ, вотъ!.. Узнаю пріятеля! хохоталъ Штолль.— Ужь поступалъ-бы ты прямо въ секту этихъ, какъ ихъ?.. Индійцевъ-то, что души свои спасаютъ, кормя своимъ грѣшнымъ тѣломъ блохъ, клоповъ и всякую гадину.

— Ахъ-ахъ! Развѣ-жъ есть такіе дураки? изумилась Іуліянова.

— Есть, Марья Богдановна! Есть, какъ-же!.. Развѣ Миша вамъ не разсказывалъ. Они, видите, думаютъ, что по смерти ихъ душа, пожалуй, переселится въ насѣкомое или животное, а потому позволятъ скорѣе себя съѣсть тигру, ужалить змѣѣ или искусать гіенѣ, но ни за что не станутъ защищаться, чтобы ихъ не убить. Какъ ихъ зовутъ то-бишь, Миша?.. А?..

— Джаины, неохотно отвѣтилъ Іуліяновъ.

— Вотъ-вотъ-вотъ! Джаины!..

— Они, должно быть, совсѣмъ дураки! спокойно замѣтила Марья Богдановна.

— А Миша имъ чрезвычайно симпатизируетъ! смѣялся Штолль.—Хорошо, что онъ не родился въ Индіи, не то бы непремѣнно отдалъ себя звѣрямъ на съѣденіе.

— Ну, хорошо! Довольно надо мной потѣшаться! остановилъ его товарищъ.—Вотъ Темировъ идетъ къ намъ навстрѣчу.

— Онъ одинъ?.. Безъ дамъ? вскричалъ Штолль.— А я надѣялся познакомиться...

— Ну, уймись-же! поспѣшно остановилъ его Михаилъ Андреичъ. — Не забывай, что всѣ они знаютъ по-русски.

— Такъ что-же такое?... Развѣ я что оскорбительное... Напротивъ! Со всякимъ решпектомъ.

Урбазъ-Бекъ-Темировъ прервалъ, но не на долго, балагурство доктора, который не любилъ стѣсняться. Поздоровавшись съ сосѣдями и со Штоллемъ, старый киргизъ поблагодарилъ его за посѣщеніе, высказалъ увѣренность въ томъ, что онъ облегчитъ страданія его сестры, и немедленно повелъ доктора въ ея кибитку. Къ удовольствію Якова Карлыча, весьма интересовавшагося дамскимъ персоналомъ, вокругъ больной было много женщинъ; но всѣ онѣ такъ были укутаны покрывалами, что любопытство его удовлетворилось не сразу... Впрочемъ онъ, увидавъ больную руку Муслиме, тотчасъ до того увлекся предстоявшимъ ему дѣломъ, что позабылъ о существованіи Альме, которую желалъ видѣть, и обо всѣхъ киргизкахъ въ мірѣ, кромѣ той добродушной старухи, которой ему предстояло помочь.

Бѣдная женщина сильно была поранена отъ кисти руки до локтя острымъ камышомъ, на который наткнулась нѣсколько дней тому назадъ. Его вынули, но въ разныхъ мѣстахъ остались большія занозы и одна изъ нихъ повредила надкостную плеву и причинила сильныя страданія. Пришлось-таки доктору повозиться, а бѣдной старухѣ потерпѣть крѣпко, пока были очищены и перевязаны ея раны. Она мужественно вынесла болѣзненную операцію, отказавшись отъ хлороформа, который предлагалъ докторъ. Зато, когда омытая и присыпанная іодоформомъ рука ея была ловко забинтована и подвязана недвижимо, — облегченіе сказалось тотчасъ-же.

Муслиме не знала какъ и благодарить доктора и Іуліянова за то, что онъ привезъ его. Она оживилась и расхлопоталась о пріемѣ и угощеніи, достойномъ дорогихъ гостей. Какъ гости ни отказывались, отговари-

ваясь сытостью и необходимостью доктору сейчасъ-же ѣхать обратно, чтобы быть на своемъ посту утромъ, пришлось покориться требованіямъ хозяевъ.

Всѣ перешли изъ особой женской кибитки въ общую, такъ сказать пріемную, очень нарядную кибитку. Вся она была мягко устлана коврами; стѣны ея снаружи были изъ тонкихъ бѣлыхъ войлоковъ расшитыхъ цвѣтными узорами, а внутри изъ дорогихъ персидскихъ и текинскихъ ковровыхъ полосъ, поддержанныхъ легкой, ярко-красной деревянной рѣшеткой. Высокій потолокъ куполомъ, изукрашенъ искусно подвѣшенными и изящно перепутанными, разноцвѣтными вышивками. Нѣсколько низкихъ, широкихъ дивановъ были установлены по стѣнамъ, покрыты тюфяками, а поверхъ ихъ богатыми шелковыми матеріями. Мягкія подушки въ бархатныхъ и атласныхъ наволокахъ были разбросаны по диванамъ.

Штолль никакъ не ожидалъ такой изящной роскоши. Въ очень хорошемъ расположеніи духа онъ воздалъ должную честь и угощенію Темировыхъ: чаю, сушенымъ фруктамъ и кумысу, который самъ хозяинъ, большимъ серебрянымъ ковшомъ разливалъ по стаканамъ.

— А вотъ я не могу его пить! замѣтила Марья Богдановна, не воздержавшись отъ гримасы, глядя какъ „Яшенька" пилъ да похваливалъ кобылье молоко.— Никакъ не могу себя заставить забыть, что это такое!

— Предразсудокъ, мамочка! Чѣмъ ваша любимая буренушка чище дойной кобылицы?

— Нисколько не чище!.. Кумысъ—дивный, здоровый напитокъ! Я бы еще съ большимъ удовольствіемъ его пилъ, если-бъ почтенный хозяинъ не трудился его самъ наливать! обратился къ Темирову Штолль.—Скажите, Урбазъ-Бекъ, зачѣмъ вы себя утруждаете такой работой, которую могла-бы исполнять ваша дочка?.. Вы вѣдь жили въ городѣ, знаете, что въ семейныхъ домахъ чай, кофе и все такое, всегда разливаютъ молодыя барышни, — дочери хозяевъ дома!.. Развѣ у васъ дѣвицы не исполняютъ никакихъ хозяйственныхъ обязанностей?

Михаилъ Андреичъ побагровѣлъ отъ этой школьнической выходки. Онъ съ опасеніемъ взглянулъ на Темирова, но тотчасъ успокоился: сѣдовласый киргизъ улыбался благодушно, поглаживая бороду.

— Нѣтъ! покачалъ онъ головой. — У насъ такого закона нѣтъ; вы сами знаете, что наши дѣвушки къ гостямъ не выходятъ. Мужчины ихъ не видятъ!.. Съ десяти — до семнадцати лѣтъ, взглядъ посторонняго мужчины для скромной киргизской дѣвицы—позоръ!.. Даже самъ женихъ ее не видитъ. А ровно въ семнадцать лѣтъ женихъ получаетъ право видѣться съ невѣстой, у нея бывать...

— Да какой женихъ? вопросилъ докторъ, корча удивленіе.—Если никто, никогда ее не видѣлъ!

— Это ничего!.. У насъ, у мусульманъ, такъ бываетъ: родители сватаютъ дѣтей своихъ, когда они еще совсѣмъ младенцы. Въ семнадцать лѣтъ они знакомятся и тогда—свадьба!

— Ну, спасибо! Я бы такъ никогда не женился... Прежде надо знать, какая невѣста, каковъ женихъ?.. Прежде надо полюбить дѣвушку, — а тогда ужь жениться! протестовалъ Штолль.

— Правда! Правда! неожиданно поддержала его мнѣніе Муслиме.—У васъ, у русскихъ, лучше этотъ законъ, чѣмъ у насъ!

— Вы — благородная женщина, Муслиме! восторженно воскликнулъ Штолль.

„Ахъ! Боже мой, онъ ее такъ прямо по имени и бацаетъ!" опять встревоженно подумалъ Іуліяновъ. „Вѣдь говорилъ я ему, что у нихъ это не принято!.. Невозможный человѣкъ!"

Но опасенія его опять оказались излишними, такъ какъ ни Темировъ, ни его сестра и не думали обижаться, а очень забавлялись болтовней и выходками веселаго доктора. Тотъ продолжалъ, не смущаясь ничѣмъ:

— Вы благородная женщина и я охотно пожму вашу правую руку, когда мнѣ удастся ее совсѣмъ вылѣчить! А пока,—позвольте лѣвую, вотъ такъ!

И онъ, не дожидаясь отвѣта, схватилъ и крѣпко пожалъ руку старухи, покатывавшейся со смѣху.

— Я слышалъ, что у васъ пре-хо-ро-шенькая племянница, многоуважаемая Муслиме? Вы смотрите, не позволяйте ее выдавать замужъ за такого человѣка, котораго она любить не будетъ.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?.. хохотала старуха.—Надо такъ, что любитъ!

— Еще бы!.. Непремѣнно такъ надо! согласился докторъ.—А для того, чтобъ ваша племянница... какъ ее зовутъ?

— У насъ не въ обычаѣ говорить имена, вмѣшался хозяинъ, косясь на стоявшую въ кибиткѣ прислугу.

— Въ самомъ дѣлѣ? опять притворился незнающимъ Штолль, уловивъ смущенный взглядъ пріятеля. — А!.. Ну, не надо. Такъ я говорю, что для того, чтобъ племянница ваша могла выбрать себѣ хорошаго жениха, надо чтобъ она не пряталась, когда у васъ гости, а выходила ко всѣмъ! обратился онъ къ старухѣ.

— Нѣтъ, такъ у насъ нельзя! покачалъ головой Темировъ, не обращая вниманія на быстрыя, тихія рѣчи, которыми его засыпала Муслиме на родномъ языкѣ.— Моей дочери не приходится идти противъ обычаевъ роднаго народа.. Зачѣмъ-же?

— А что-жъ?.. Развѣ у нея тоже есть женихъ съ малыхъ лѣтъ?

— Я этого не говорю... Я дочери своей желаю счастія... Но надо уважать старые законы...

— Умные законы! А глупыхъ не надо уважать, а надо ихъ выводить! брякнулъ докторъ.—На то и умные люди, чтобъ передѣлывать нехорошіе обычаи и вводить новые, умнѣе...

— Зачѣмъ я буду думать, что мой отецъ былъ не такой умный, какъ я? спросилъ Урбазъ-Бекъ.

— Затѣмъ, что люди, живя, становятся умнѣе! Больше узнаютъ, учатся! возразилъ Штолль.

— Ну, не всѣ! замѣтилъ Іуліяновъ.—Очень многое на свѣтѣ, что прежде было лучше, испорчено самими-же людьми.

— Не хочешь-ли ты съ ними философствовать, шутникъ? по-нѣмецки вставилъ Штолль, пользуясь тѣмъ, что Темировъ, наконецъ, обратилъ вниманіе на киргизскія рѣчи сестры своей.

— А ты, что же, хочешь ихъ обидѣть? по-нѣмецки же возразилъ Михаилъ Андреичъ.—Сколько бы они ни опередили свой народъ въ понятіяхъ, но всему же есть мѣра!

VIII.

Но тутъ произошла неожиданная диверсія.

Доводы старой Муслиме, очевидно, осилили мнѣніе главы семейства и очевидно стало тоже, что она знала заранѣе, что такъ будетъ, потому что по первому ея слову одна изъ прислужницъ вышла изъ кибитки и почти въ ту же минуту явилась обратно вдвоемъ, съ молодой киргизкой. Альме была такъ разряжена, что видимо заранѣе знала о предстоящемъ выходѣ къ гостямъ. На ней былъ надѣтъ, поверхъ легкаго шелковаго халата, подпоясаннаго дорогимъ золотымъ поясомъ, другой халатъ, изъ великолѣпной матеріи, затканной цвѣтами изъ серебра и золота. Смуглыя, худенькія руки ея всѣ были унизаны дорогими перстнями, а на головѣ красовался такой уборъ, подъ тяжестью котораго гнулась эта миніатюрная головка: соболья дорогая опушка ея высокой шапки была полуприкрыта ея малиновымъ, бархатнымъ верхомъ, съ узорами изъ кованаго золота. Бѣлое легкое покрывало,

наброшенное сверхъ всего, окутывало ее до ногъ, не совсѣмъ однако плотно прикрывало миловидное лицо киргизки.

„Эге-ге! Вотъ такъ лакомый кусочекъ! невольно подумалъ докторъ и глянулъ на своего пріятеля.—Да ты-де, Миша, не дуракъ, и губа у тебя не дура!..“

Михаилъ Андреичъ, между тѣмъ, стоялъ отвернувшись, и на его вспыхнувшемъ лицѣ было выраженіе не веселое... Не то, чтобы досады, а скорѣе печали и словно бы чисто-физической боли.

„Съ чего это онъ?.. Неужели безсеребренность его возмутилась? мелькнула доктору догадка.—Ахъ! Наивная душа!“

Но тотчасъ же мысли его были отвлечены отъ пріятеля обратившимся къ нему Урбазъ-Бекомъ.

— Вотъ моя дочь, сказалъ онъ.—Къ гостямъ она обыкновенно не выходитъ, кромѣ самыхъ намъ близкихъ, вотъ такихъ добрыхъ сосѣдей! указалъ онъ на Іуліяновыхъ.—Но вы—докторъ! А у дочери моей, сестра говоритъ, часто голова болитъ... Можетъ быть вы ей поможете. Сестра моя старше меня, умная женщина... Пусть будетъ, какъ она говоритъ!

— У васъ болитъ голова? съ улыбкой обратился Штолль къ своей новой паціенткѣ, почтительно ей поклонившись.—Племянница ваша вѣдь по-русски знаетъ? повернулся онъ къ Муслиме, пользуясь тѣмъ, что Темировъ разговаривалъ съ Марьей Богдановной, которая успокаивала его тѣмъ, что у молодыхъ дѣвицъ часто бываютъ головныя боли въ ранней молодости.

— Это не опасно! увѣряла она.—У меня самой страшныя были головныя боли.

И она принялась описывать ему, какія именно.

— Да! Да! между тѣмъ закивала доктору головой старая Муслиме.—Она знаетъ по-русски! Она говоритъ!

— Вотъ и отлично!.. А скажите мнѣ, милая барышня, часто-ли носите вы эту пудовую каланчу на вашей головкѣ? спросилъ Штолль, безцеремонно дотрагиваясь до шапки Альме.

Она, опустивъ голову, смотрѣла исподлобья, улыбаясь, но было видно, что она или не слышала, или не совсѣмъ поняла слова доктора.

Тетушка была догадливѣй. Она разсмѣялась, и отрицательно мотнувъ головой, отвѣчала за нее:

— Нѣту! Нѣту!.. Не часто... Когда гости, хорошіе, только!

— А!.. Ну, то-то-же!.. А то какъ же вашей головкѣ не болѣть?.. Поневолѣ разболится отъ такой тяжести!.. А я вамъ совѣтую и для хорошихъ гостей ее не надѣвать... Жарко вѣдь въ ней?.. Хотя она очень красивая! Очень!.. Вы ее можете носить въ рукахъ и показывать!.. Снимите-ка ее, право!.. Чтобъ еще хуже голова не заболѣла.

Альме засмѣялась, осмотрѣлась, плутоватымъ взглядомъ вопросительно посмотрѣла на тетку, на отца; но обошла взоромъ молодыхъ людей. Однако Штоллю показалось, что улыбка ея стала нѣжнѣе и румянецъ вспыхнулъ ярче, когда глаза ея мгновенно скользнули мимо Іуліянова.

„Ишь, счастливецъ, тихоня этакій!“ подумалъ докторъ.

Муслиме что-то сказала по-киргизски молодой дѣвушкѣ, и та, быстро пригнувшись и не раскрывая покрывала, сняла тяжелый головной уборъ, сложила его на руки теткѣ и осталась не простоволосой, какъ ожидалъ докторъ, а въ шелковомъ малиновомъ платкѣ, плотно перетягивавшемъ ей волосы, завязаннымъ врозь концы на затылкѣ.

— Ну, вотъ!.. Скажите, пожалуйста, у васъ еще и платокъ!.. Ну, возможно-ли такъ кутать голову?.. Какъ ей не болѣть!.. Скажите, а вы никогда не бываете безъ платка?

Дѣвушка отрицательно покачала головой

— Напрасно!.. Волосы—лучшій головной уборъ для женщины! У васъ навѣрное прекрасные волосы?.. Большие? Вотъ такъ?

Штолль вскочилъ съ мѣста и сдѣлалъ рукою жестъ съ головы до ногъ

— Вотъ такъ? Да?.. смѣясь допрашивалъ онъ смѣющихся женщинъ.—А позвольте-ка мнѣ эту штуку! взялся онъ за снятую шапку. — Ой-ой-ой!.. Никакъ фунтовъ десять будетъ?.. Въ одной этой балаболкѣ, взвѣсилъ онъ на рукѣ золотую кисть,—должно быть фунта три!

И докторъ, къ всеобщему смѣху и окончательному смущенію своего товарища, неожиданно надѣлъ себѣ на голову шапку молодой киргизки.

Она и тетка ея такъ и покатились со смѣху.

Темировъ только покачалъ укоризненно головой, впрочемъ тоже улыбаясь, и замѣтилъ Іуліянову:

— Веселый, очень веселый человѣкъ докторъ!

— Да, онъ всегда такой, согласился тотъ не безъ смущенія.—Вы знаете русскую пословицу: горбатаго—могила исправитъ! Въ гимназіи онъ такой былъ, и теперь...

— И всегда останусь! перебилъ его Штолль.—Развѣ не лучше быть веселымъ, чѣмъ вотъ такъ кукситься?

И онъ скорчился весь, подперевъ кулакомъ щеку и сдѣлавъ такую уморительную, старушечью плаксивую рожу, что не только киргизки, но и Марья Богдановна залились смѣхомъ, а хозяинъ, и даже самъ Михаилъ Андреичъ не могли не усмѣхнуться.

— Шутъ гороховый! аттестовалъ онъ пріятеля.

— Ну-съ!.. А теперь—мнѣ пора! сказалъ Яковъ Карлычъ, положивъ шапку на тюфякъ около старой хозяйки, и обратился къ ней съ серьезнымъ лицомъ, превратившись сразу изъ шалуна въ глубокомысленнаго врача.

Онъ далъ инструкцію, какъ и что дѣлать, въ случаѣ, если-бъ рука ея стала хуже болѣть; но выразилъ надежду, что этого не будетъ, дня два-три, когда надо будетъ перемѣнить перевязку.

— Если будетъ возможно, я побываю; если же не пріѣду черезъ три дня, такъ значитъ мнѣ отлучиться невозможно! говорилъ онъ. — Тогда ужь вы ко мнѣ пріѣзжайте сами... Да! Да вотъ и барышню захватите: пусть прогуляется. Головкѣ лучше будетъ!.. Вѣдь вашъ законъ прогулки дозволяетъ?

Докторъ всѣмъ пережалъ руки, не исключая и дѣвушки, которая не успѣла отдернуть своей руки, никакъ этого не ожидая, но выдернула ее со смѣхомъ и зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ, глянувъ немного испуганно на отца. Старикъ только головой покачивалъ на выходки неугомоннаго гостя, но тѣмъ не менѣе проводилъ гостей съ поклонами за нѣсколько саженей отъ своей ставки.

— Ну, братъ, молодецъ ты!.. Ай да барышня!.. Ай да Альме Теримовна! разразился Штолль, не взирая ни на какіе протесты Іуліянова, какъ только они очутились внѣ слуха и вида кибитокъ.—Отличные люди!.. Отличная невѣста!.. И отличное у нея, вѣрно, приданое! восторгался онъ. — Окрестимъ ее!.. И въ одинъ оборотъ руки—васъ поженимъ! А?.. Марья Богдановна!

— Что ты?!.. Что ты, Богъ съ тобой! Что̀ выдумалъ? отмахивалась отъ него озадаченная старушка, а сама улыбалась, не привыкнувъ лицемѣрить.

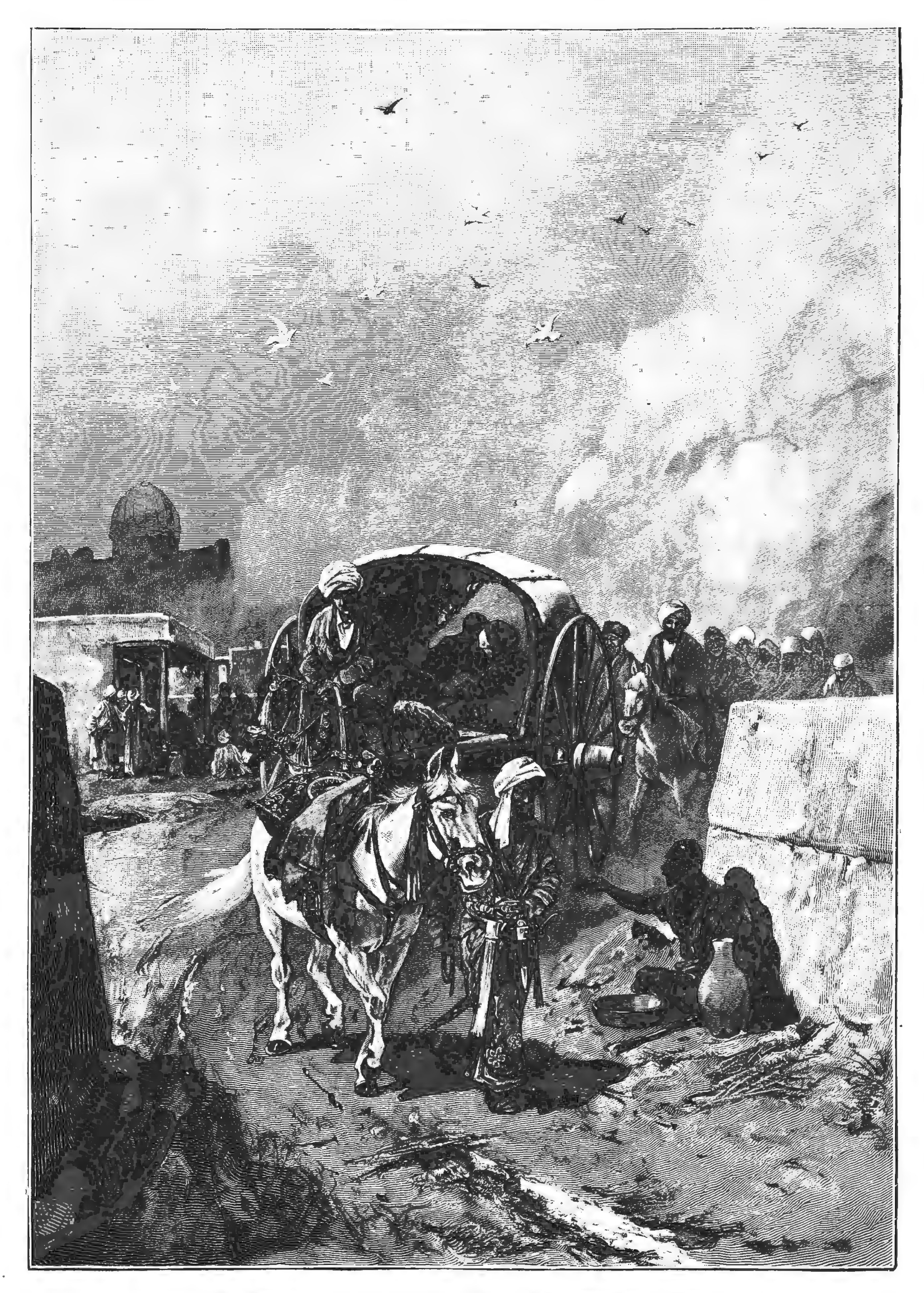
Не лицемѣрилъ и сынъ ея, когда прервалъ шутки своего друга простымъ замѣчаніемъ

— Если-бъ зналъ ты, голубчикъ, какъ это приданое, о которомъ ты такъ восторженно говоришь, стоитъ у меня поперекъ горла,—не сталъ бы мнѣ поминать о немъ!.. Ни вѣроисповѣданіе Альме, ни ея происхожденіе и невѣжество, ничто такъ рѣшительно не раздѣляетъ насъ, какъ это богатство ея, мнѣ совсѣмъ не милое и не нужное!.. Ты вѣдь знаешь меня, а потому я и не боюсь тебѣ сказать это прямо. Сумасшедшимъ ты, быть можетъ, меня считаешь, но безчестнымъ лгуномъ—не сочтешь!

— Ахъ ты, рыцарь безъ упрека! Донъ-Кихотъ ты неисправимый! вздохнулъ Штолль, и спорить съ нимъ не сталъ.

Онъ только переглянулся съ Марьей Богдановной, пожалъ незамѣтно плечами и перемѣнилъ разговоръ

(Продолженіе будетъ)



На базаръ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Флюгель.

Спасеніе брамина.

Разсказъ **Р. Гарбе**. Переводъ **Е. Б—ъ**.

(Окончаніе).

Гопа осталась одна и, ломая руки, начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

„Все это несчастье только изъ-за меня!“ думала она, — „но что я сдѣлала, чтобы навлечь его? Бракъ съ Чампакомъ? Но я была ребенкомъ,—я его не знала. Каста мнѣ его дала, та самая каста, которая теперь хочетъ погубить насъ съ отцомъ. Могла-ли я, смѣла ли я противиться? О нѣтъ! И наша ли это вина, что Чампакъ умеръ? Пусть страдаетъ молодой раджа Кашмира, который его застрѣлилъ; но мы, — зачѣмъ же мы будемъ страдать?“

Она услышала, какъ кто-то произнесъ ея имя и обернулась; лицо ея прояснилось, такъ какъ, незамѣченный ею, въ комнату входилъ Рамтшандра.

— Ахъ, это вы, Рамтшандра, сказала она, идя къ нему навстрѣчу, — это любезно съ вашей стороны. Всѣ эти дни вы не показывались... Скоро вы совсѣмъ перестанете у насъ бывать.

Голосъ ея при послѣднихъ словахъ дрогнулъ отъ внутренняго волненія.

Рамтшандра удивленно взглянулъ на молодую дѣвушку:

— Что вы говорите, Гопа? Почему такъ?

— Вы должны знать,—печально отвѣчала Гопа, — что мой отецъ изгнанъ изъ своей касты. Изгнанъ за то, что не хотѣлъ обречь меня на страданія, подобно Лилавати и всѣмъ другимъ вдовамъ.

Браминъ отступилъ.

— Это сурово. Я не могу повѣрить... Вашъ отецъ не хотѣлъ...

— Теперь вы знаете все. Идите. Полагаю, что послѣ этого больше не увижу васъ въ нашемъ домѣ.

— Ну, это мы еще посмотримъ, Гопа! воскликнулъ съ внезапнымъ волненіемъ Рамтшандра; но тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ. — Я еще не выразилъ вамъ моего соболѣзнованія по случаю смерти вашего супруга. Вы надѣялись скоро переѣхать на вашу новую родину... Эта смерть васъ очень огорчаетъ?

— Не болѣе, чѣмъ смерть всѣхъ другихъ людей. Чѣмъ для меня былъ мужъ? Развѣ я его знала? Мы не обмѣнялись и десятью словами.

— И можетъ быть, утѣшалъ Рамтшандра, — вы не были бы съ нимъ счастливы?

— Мнѣ самой кажется, что не была бы. Но что значитъ счастье женщины въ этой странѣ! съ горечью говорила Гопа.— И несмотря на это, если бы мнѣ пришлось въ качествѣ жены Чампака цѣлую жизнь переносить такое горе, отъ котораго можетъ разбиться женское сердце, я все охотно перенесла бы ради моего отца. Бѣдный, бѣдный отецъ! Онъ говорилъ о смерти. Да! умереть для насъ было бы лучше! Еще нѣсколько недѣль, и намъ придется просить милостыни. Смерть Чампака для насъ страшное бѣдствіе!

Слезы заглушили ея голосъ; она отвернулась и закрыла лицо покрываломъ.

Рамтшандра почувствовалъ, какъ вся кровь въ немъ закипѣла; онъ долженъ былъ прижать руку къ сердцу, которое, казалось, хотѣло разорваться, такъ сильно билось въ его груди. Самообладаніе покинуло его; онъ бросился къ молодой дѣвушкѣ и съ страстнымъ возгласомъ: „Гопа, Гопа!“ заключилъ ее въ свои объятія.

Но въ ту же минуту онъ отшатнулся. Гопа вырвалась изъ его рукъ и величаво стала посреди комнаты; она съ презрѣніемъ посмотрѣла на брамина, который почти не сознавалъ того, что съ нимъ происходитъ, и сказала дрожавшимъ отъ негодованія голосомъ:

— Прочь, несчастный! Такъ вотъ въ чемъ дѣло? это-ли твоя дружба! Теперь мнѣ извѣстна причина, по которой браминъ почтилъ этотъ домъ своей благосклонностью! Вы, брамины, вы, избранники великаго Бога, не знаете, что значитъ стыдъ... Мой отецъ спасъ тебѣ жизнь; лучше бы онъ оставилъ тебя издохнуть подъ дверьми какъ бѣшеную собаку! Благодаря моему отцу ты сдѣлался тѣмъ, что ты есть... И вотъ твоя благодарность? Не возражай, молчи! Звукъ твоего голоса безчеститъ этотъ домъ. Отецъ и я... мы не были достойны сѣсть съ тобою за одинъ столъ, потому что глупый законъ твоей касты... нѣтъ, не законъ, — твое собственное высокомѣріе тебѣ это воспрещало. Да, выслушай истину изъ устъ женщины! А теперь, когда мы въ несчастьи и всѣми оставлены, когда насъ никто не защититъ, теперь я достаточно хороша для того, чтобы мною позабавиться... О! парія, который подметаетъ на улицахъ соръ, и тотъ лучше тебя! Это говоритъ тебѣ вдова, на которую ты смотришь какъ на вещь, никому не принадлежащую, — ты и всѣ тебѣ подобные...

Рамтшандра, самъ въ лихорадочномъ волненіи, напрасно пытался нѣсколько разъ прервать бурный потокъ ея рѣчи, въ которой она изливала свое негодованіе.

— Нѣтъ, Гопа, нѣтъ! умолялъ онъ. — Клянусь тебѣ всѣми богами! Выслушай меня...

— Я ничего больше не хочу слышать изъ твоихъ устъ! воскликнула она, — за то выскажу тебѣ еще одну истину на прощанье! Въ эти дни со времени смерти Лилавати мнѣ многое стало вполнѣ ясно. Божественный законъ, о которомъ вы, брамины, всегда говорите, считая себя первыми его хранителями, не что иное какъ ложь и обманъ! Жалкое существованіе, на какое вы осуждаете бѣдныхъ паріевъ, еще въ старину было возведено въ законъ тебѣ подобными изъ презрѣннаго себялюбія. А масса, тупоумная масса, повѣрила вашимъ словамъ и томилась въ этихъ оковахъ изъ столѣтія въ столѣтіе. Вы, брамины, не стражи, вы бичи нашего народа!

Рамтшандра смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

„Откуда снизошло дѣвушкѣ откровеніе, которое только теперь начинаетъ прокрадываться ко мнѣ въ сердце?“

— Нѣтъ, этого мало, продолжала негодующая Гопа, — вы хуже свирѣпыхъ волковъ, врывающихся въ овчарню, потому что отъ волковъ можно защититься, а отъ васъ — нѣтъ защиты! Вы съ вашими мѣдными лбами неуязвимы, когда говорите:—„это воля боговъ, чтобы вдовы погибали въ горѣ и отчаяніи“. Я говорю тебѣ, въ нашей странѣ вдовы пролили больше слезъ, чѣмъ воды въ Гангѣ. Но васъ ничто не трогаетъ. Скорѣе растаютъ вѣчные ледники Гималайевъ, чѣмъ желѣзная броня, облекающая сердце брамина... За то втайнѣ вы подползаете, какъ гады, вы приближаетесь къ вдовамъ, человѣческую природу которыхъ отрицаете, вы избираете ихъ предметомъ своихъ преступныхъ желаній. О, это уже слишкомъ!

Наконецъ чувство старой дружбы къ Рамтшандрѣ взяло верхъ въ ея сердцѣ надъ негодованіемъ, и молодая дѣвушка предалась тихому глубокому горю.

— И ты, Рамтшандра, ты, которому я такъ вѣрила, также не лучше другихъ!

Рыданіе заглушило ея голосъ; она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Браминъ былъ глубоко потрясенъ происшедшей сценой, однако мало-по-малу пришелъ въ себя: съ души будто скатилось какое-то бремя.

„Устами женщины мнѣ возвѣщена истина, которая должна побѣдить,—и побѣдитъ! Но ко мнѣ она была несправедлива. Съ этого дня я уже не браминъ, я человѣкъ.“

Въ эту минуту вернулся Кришнада и, увидѣвъ Рамтшандру, печально его привѣтствовалъ:

— Радъ васъ видѣть въ послѣдній разъ... А теперь простимся!

— Нѣтъ, отецъ и другъ мой, твердо сказалъ Рамтшандра.— Я знаю все, что случилось; Гопа мнѣ разсказала — и не только это... Кришнада, я вижу накрытый столъ. Вы еще не обѣдали. Позвольте и мнѣ съ вами...

— Въ своемъ-ли вы умѣ, Рамтшандра? прервалъ его изумленный Кришнада.

— Болѣе чѣмъ когда-либо, другъ мой.

Купецъ былъ изумленъ и вмѣстѣ радостно- взволнованъ, однако счелъ своимъ долгомъ сдѣлать заблуждавшемуся, на его взглядъ, юношѣ серьезное увѣщаніе.

— Какой порывъ, другъ мой! Правда, порывъ благородный, но обдумайте свой поступокъ: если вы раздѣлите съ нами нашу трапезу, то не только всѣ брамины,—самые ваши родители и братья съ отвращеніемъ отъ васъ отвернутся.

Вызванное Кришнадой воспоминаніе, казалось, на минуту поколебало намѣреніе брамина. Онъ простоналъ:

— Бѣдный старикъ-отецъ! Дорогая моя мать, и вы, братья! Неужели никогда въ жизни я уже не услышу вашего голоса? Горе мнѣ и вамъ!

Но онъ быстро оправился и со словами: „Наперекоръ всему! Я знаю мой путь!“—подошелъ къ столу.

Еще съ минуту длилось колебаніе: въ этотъ важный моментъ жизни онъ разрывалъ со своимъ прошлымъ, со всѣми прежними жизненными цѣлями... Потомъ онъ сѣлъ за столъ и проглотилъ нѣсколько кусковъ.

— Такъ, теперь дѣло сдѣлано, сказалъ онъ.—Оковы заблужденія съ меня спали, я свободенъ.

Кришнада, слѣдившій за молодымъ человѣкомъ, въ молчаніи, съ глубокою серьезностью, подошелъ къ нему, и, положивъ ему на плечо руку, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Желаю, чтобы вы никогда не пожалѣли о своемъ поступкѣ, мужественный Рамтшандра. Но если-бъ это и случилось, вы можете быть увѣрены, что отъ меня никто не узнаетъ о томъ, что я видѣлъ.

— Я никогда не пожалѣю, возразилъ Рамтшандра, — но удивленіе, выражающееся въ вашихъ глазахъ, станетъ еще больше, когда вы услышите, чего я отъ васъ жду... Судьбѣ, повидимому, угодно, чтобы я былъ вамъ обязанъ всѣмъ и даже высшимъ земнымъ счастьемъ.

— Говорите, другъ мой, чего вамъ угодно? Я васъ не понимаю.

— Въ эти дни, продолжалъ Рамтшандра, — все мое бытіе было съ нечеловѣческою силою проникнуто однимъ чувствомъ, съ тѣхъ поръ какъ я внялъ голосу природы, который въ на-

шей странѣ подавленъ постановленіями браманизма... Кришнада, отдайте мнѣ въ жены вашу дочь Гопу!

— Рамтшандра, что я слышу? въ тягостномъ замѣшательствѣ проговорилъ купецъ. — Какъ я долженъ васъ понимать? Что вы подъ этимъ подразумѣваете? Вѣдь Гопа вдова.

Рамтшандра остановилъ его движеніемъ руки.

— Нѣтъ, она не вдова, хотя бы это утверждалъ каждый изъ нашихъ земляковъ. Гопа—дѣвушка по божескому и человѣческому закону. И даже если-бъ она была въ самомъ дѣлѣ вдовою, то все-таки могла бы сдѣлаться женою другаго.

— Рамтшандра, тебя ослѣпляетъ страсть, возражалъ Кришнада. — Это невозможно... Ни одинъ жрецъ въ нашей странѣ не соединитъ васъ. И сама Гопа этого не пожелаетъ: она благочестива и уважаетъ законъ.

Но Рамтшандра съ пылающимъ взоромъ вскричалъ:

— Если она не захочетъ, я буду стоять передъ нею на колѣняхъ и умолять ее до тѣхъ поръ, пока пламя моей любви не перейдетъ и на нее. Я не откажусь отъ нея, хотя бы мнѣ пришлось бороться съ цѣлымъ свѣтомъ. Однако я надѣюсь, что она пожелаетъ, что она *должна* пожелать! Среди нашего народа конечно не найдется жреца, который согласился бы соединить узами брака меня, отверженнаго брамина, со вдовою, дочерью отверженнаго купца. Но саибъ-судья — это сдѣлаетъ, и заключенный имъ бракъ будетъ дѣйствителенъ—хотя и не для нашихъ прежнихъ друзей. Да и на что мы теперь имъ нужны, и на что они намъ? Онъ будетъ дѣйствителенъ для насъ, будетъ имѣть такое же значеніе, какъ всякій другой брачный союзъ въ этой странѣ.

Покачивая головой, Кришнада направился къ дверямъ, чтобы переговорить съ дочерью.

— Не вѣрится, чтобы это было возможно, шепталъ онъ, — такъ это хорошо!.. А, вотъ и ты, Гопа.

Молодая дѣвушка была все еще блѣдна отъ волненія. Гнѣвнымъ взоромъ смѣряла она Рамтшандру, котораго уже не думала встрѣтить въ домѣ отца, и указывая на него отцу, сказала:

— Остерегайся этого брамина, — онъ осмѣлился затронуть честь твоего дома.

Рамтшандра вспыхнулъ и хотѣлъ говорить; но превозмогъ себя и смолчалъ. Кришнада съ испугомъ смотрѣлъ то на дочь, какъ бы опасаясь за ея разсудокъ, который могъ помутиться отъ поразившаго ее горя, — то на Рамтшандру, недоумѣвая, что все это значитъ? Наконецъ онъ подозвалъ молодую дѣвушку къ себѣ:

— Иди сюда, Гопа, послушай, что я тебѣ скажу! Тотъ, котораго ты назвала браминомъ, больше не браминъ: онъ всего нѣсколько минутъ тому назадъ ѣлъ и пилъ за моимъ столомъ.

Гопа сдѣлала шагъ назадъ.

— Вы это сдѣлали? вы, Рамтшандра?

— Я старался его остановить, продолжалъ Кришнада, — но онъ не слушалъ моихъ увѣщаній. Свою касту, своихъ родителей, братьевъ и сестеръ, — все онъ покинулъ для того, чтобы въ несчастіи быть нашимъ другомъ.

Уста Гопы дрогнули — она хотѣла что-то сказать — и не могла.

— И еще нѣчто долженъ тебѣ сообщить, дитя мое. Приготовься услышать самое необычайное извѣстіе, какое когда-либо доходило до твоего слуха... Рамтшандра проситъ твоей руки: онъ желаетъ, чтобы ты была его законной женой!

Гопа опустила глаза въ землю, дрожь пробѣжала по ея тѣлу... Рамтшандра медленно подошелъ къ ней и сказалъ необычайно мягкимъ голосомъ:

— Гопа, я давно тебя любилъ, но убѣдился въ этомъ всего лишь нѣсколько дней тому назадъ.

Сіяющимъ взоромъ взглянула дѣвушка ему въ лицо, прислонилась къ его плечу и шепнула:

— Я всегда тебя любила и всегда это знала.

Они безмолвно обнялись, а Кришнада со слезами на глазахъ восторженно поднялъ руки къ небу:

— Вамъ, боги, благодареніе за то, что послѣ всего горя я дожилъ до такой счастливой минуты! Если на землѣ проявляется воля единаго Божества, то я въ этомъ вижу ея проявленіе! Вдругъ онъ прислушался: — Я слышу шаги... Разойдитесь, дѣти.

Рамтшандра и Гопа едва успѣли отойти другъ отъ друга, какъ распахнулась дверь, и на порогѣ появился пуроитъ. Кришнада и дочь его не могли удержать восклицанія испуга при видѣ неожиданнаго и нежеланнаго гостя. А Рамтшандра гордо выпрямился и спокойно ждалъ; онъ зналъ, что дѣло не обойдется безъ тяжелой борьбы, но чувствовалъ себя къ ней приготовленнымъ. Пуроитъ вошелъ безъ обычнаго благословенія и обратился къ одному Рамтшандрѣ:

— Извѣстно ли тебѣ, Рамтшандра, что домъ, въ которомъ ты теперь находишься, нечистъ?

— Я знаю только, — спокойно возразилъ юноша, — что его посѣтило несчастье, и больше ничего.

— Говорю тебѣ, онъ нечистъ, потому что эта недостойная дѣвушка...

Рамтшандра не далъ ему кончить.

— Ни слова о ней! Мнѣ кажется, ты имѣешь дѣло только со мной, а не съ моими друзьями.

— Хороши друзья! издѣвался старый браминъ. — Въ слѣдующій разъ тебя уже можно будетъ искать въ хижинахъ паріевъ. Вотъ что я тебѣ скажу: если ты еще разъ переступишь этотъ порогъ, то будешь наказанъ строже, чѣмъ думаешь. А теперь иди отсюда сейчасъ же.

— Нѣтъ!

— Какъ? ты осмѣливаешься упорствовать? Еще разъ повторяю: уходи отсюда. Я приказываю тебѣ!

Со спокойствіемъ, которое почти испугало Кришнаду и боязливо къ нему прижавшуюся Гопу, Рамтшандра отвѣчалъ:

— Приказывать можетъ тотъ, кто имѣетъ власть настоять на исполненіи своего приказанія. Вы позволили чужеземцамъ отнять у васъ власть — трусы вы! Теперь въ этой странѣ приказываютъ саибы.

— Ага, такъ вотъ въ чемъ дѣло! вскричалъ пуроитъ. — Ты сдѣлался льстецомъ саибовъ. Скоро, конечно, мы услышимъ, что Рамтшандра, ученый браминъ, принялъ вѣру христіанъ?

— О нѣтъ, сказалъ юноша,—не въ томъ дѣло: а въ томъ, что саибы правятъ нашей страной мудро и справедливо.

— И кротко, продолжалъ издѣваться пуроитъ;—по крайней мѣрѣ они кротко обращаются со своимъ — шпіономъ, Рамтшандрой!

Этого было для Рамтшандры слишкомъ много; вся долго сдерживаемая имъ злоба наконецъ съ неудержимой силой прорвалась наружу.

— Молчать! Если еще одно подобное слово сорвется съ твоего злаго языка, я проучу тебя, безстыднаго, по-свойски.

Съ поднятою рукою онъ бросился на пуроита; но Кришнада, удержавъ его, просилъ успокоиться. Пуроитъ сказалъ презрительнымъ тономъ:

— Ты не можешь меня оскорбить, неистовый мальчишка! Жди своей кары!—и направился къ выходу.

— Стой! крикнулъ Рамтшандра;—я повѣдаю тебѣ еще одно, что должно быть принято въ соображеніе, когда на общемъ собраніи касты вы займетесь опредѣленіемъ мнѣ наказанія: сегодня я ѣлъ и пилъ за столомъ моего друга и отца Кришнады, на дочери котораго, Гопѣ, скоро женюсь!

Выраженіе неописуемаго отвращенія исказило лицо пуроита, когда онъ услышалъ эти слова.

— Тьфу! проговорилъ онъ; — сегодня-же отлученіе касты падетъ на твою грѣшную голову. Никто такъ не заслужилъ его какъ ты, въ преступномъ упорствѣ попирающій волю боговъ!

— Боговъ! повторилъ Рамтшандра.—Я не боюсь ихъ. Боги Брама, Вишну и Шива еще не выше всего во вселенной, ибо надъ ними пребываетъ Одно великое и недѣлимое...

Пуроитъ дрожалъ отъ негодованія:

— Пусть твой языкъ присохнетъ къ гортани! Ты осмѣливаешься отрицать глубочайшую мудрость нашего народа, чтобы представить въ лучшемъ видѣ свои грѣховныя прихоти! Проклинаю тебя: да соберутся надъ твоей головою всѣ земныя бѣды, и да не спасешься ты и послѣ тысячи рожденій; нѣтъ! спасенія ты не найдешь никогда!

— Спасеніе! крикнулъ Рамтшандра вслѣдъ уходившему жрецу.—Я нашелъ его. Другаго нѣтъ въ Индіи: это—спасеніе изъ оковъ вашего лжевѣрія, изъ душу притупляющихъ узъ браманизма!

Гопа съ выраженіемъ восторга на лицѣ подошла и прижалась къ Рамтшандрѣ.

— Возлюбленный, какъ это было ужасно! Но ты, ты боролся какъ герой! Нѣтъ, какъ богъ.—Она продолжала, улыбаясь:—Такимъ ты уже разъ явился мнѣ, когда я четыре года тому назадъ видѣла тебя въ стычкѣ съ мусульманами.

Лицо Кришнады приняло озабоченное выраженіе.

— Вся ваша жизнь, дѣти, будетъ борьбой, и — опасаюсь—тяжелой. Да не ослабѣваетъ ваше мужество! Съ печалью предвижу, что не много буду въ состояніи вамъ помочь въ этой жизненной борьбѣ.

— Пусть тебя это не печалитъ, отецъ, нѣжно сказала Гопа;—насколько сможемъ, мы будемъ тебѣ поддержкой. Тебѣ мы обязаны всѣмъ нашимъ счастьемъ.

А Рамтшандра прибавилъ:

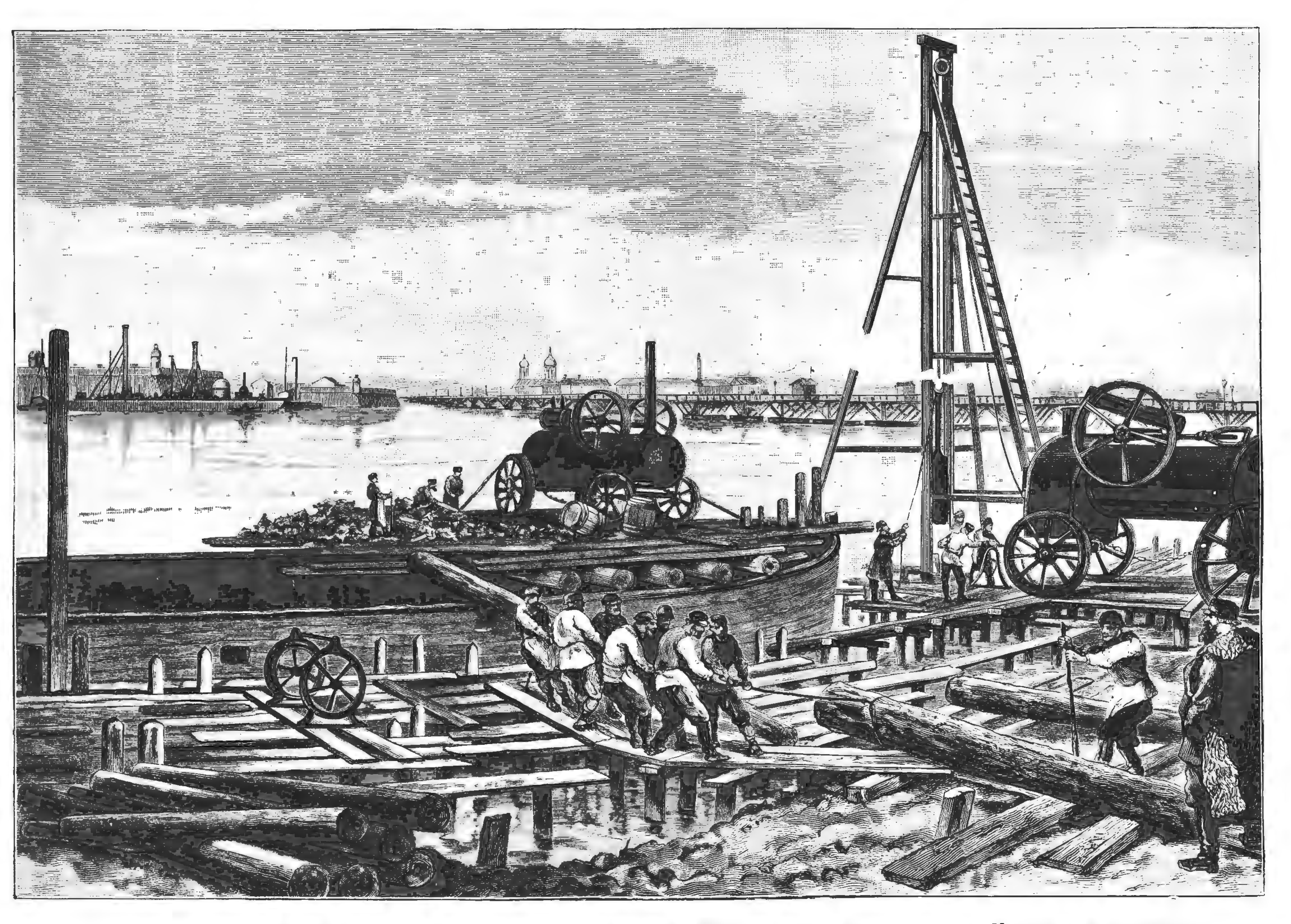
— Мы этого никогда не забудемъ. Положись на мою силу и бодро смотри въ будущее, какъ и мы.

— Вы молоды, отвѣчалъ Кришнада,—вы можете дождаться коренныхъ перемѣнъ въ нашей странѣ, а я не дождусь ихъ. Да и нѣтъ въ этомъ надобности: кому выпала на долю одна такая радость, какъ сегодня мнѣ, тотъ жилъ не напрасно. Идите сюда, дѣти, мы должны спокойно обсудить, что теперь дѣлать.

Три счастливыхъ союзника только-что усѣлись для совѣщанія, какъ неожиданный гость заставилъ ихъ снова подняться съ выраженіемъ величайшаго удивленія на лицахъ, такъ какъ человѣкъ, показавшійся въ эту минуту въ дверяхъ, былъ не кто другой, какъ м-ръ Уайтъ, очевидно встревоженный. Но уже въ слѣдующую минуту лицо входившаго просвѣтлѣло и на немъ выразилось изумленіе.

— Вотъ гдѣ вы, Рамтшандра?.. Слава Богу, что вижу васъ здоровымъ и невредимымъ! сказалъ онъ и, обращаясь къ Кришнадѣ, прибавилъ:

— Простите, что я вхожу въ вашъ домъ. Это случилось вслѣдствіе того, что я безпокоился о Рамтшандрѣ.



Предварительныя работы для перемѣщенія Троицкаго моста въ СПБ. на новое мѣсто, противъ Мраморнаго переулка.

Ориг. рис. Броллинга, грав. Рашевскій.

Кришнада низко поклонился.

— Вашъ приходъ, саибъ, приноситъ честь моему дому. Добро пожаловать.

Профессоръ Веніаминъ Михайловичъ Тарновскій.
Съ фот. Ясвоина, грав. Шюблеръ.

— Благодарю васъ, Кришнада, отвѣчалъ англичанинъ.—Это Гопа, не правда-ли?

— Да, это мое имя, саибъ; откуда вы меня знаете? съ улыбкой спросила дѣвушка.

— Пріятель Рамтшандры—можетъ-ли васъ не знать! сказалъ тотъ и, не замѣчая стыдливаго румянца Гопы, обратился къ Рамтшандрѣ:

— Послѣ того, какъ вы всѣ эти дни не приходили къ на-

Александръ Леонтьевичъ Обермиллеръ, лейбъ-хирургъ Двора Его Императорскаго Величества († 10 августа 1892 г).
Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

значенному часу, я сталъ тревожиться. Уже въ послѣднее ваше посѣщеніе мнѣ показалось, что вы больны. Сегодня я отправился на вашу квартиру и нашелъ ее пустою. Мнѣ указали на домъ Кришнады. Здѣсь передъ домомъ я засталъ все въ какомъ-то необычайномъ волненіи и на всѣ вопросы по-

Новый желѣзно-дорожный мостъ черезъ р. Вуоксу, по пути на Иматру. Съ фот. грав Рашевскій.

лучалъ уклончивые отвѣты. Опасаясь какого-нибудь несчастья, я вошелъ сюда и съ радостью вижу, что ошибся.

— Ахъ, саибъ, извинился Рамтшандра; — я долженъ былъ дать вамъ знать о томъ, что не могу придти къ вамъ. Простите, совсѣмъ упустилъ это изъ виду: слишкомъ многое случилось такое, что совершенно меня сбило съ толку... Сегодняшній день—самый важный во всей моей жизни.

— Ты хочешь все сказать саибу? въ стыдливомъ замѣшательствѣ прервала Гопа жениха.—Пожалуйста, не дѣлай этого.

— Я все скажу, Гопа, сказалъ Рамтшандра:—онъ насъ пойметъ.—Видите, саибъ, священный шнуръ еще на моей шеѣ.— Онъ досталъ изъ-подъ верхней одежды простой бѣлый шерстяной шнурокъ, служащій отличіемъ касты браминовъ, разорвалъ его и отбросилъ далеко въ сторону. — Онъ порванъ... послѣдній наружный знакъ, связывающій меня съ моей кастой. Съ браманизмомъ покончено.

— Рамтшандра, объясните мнѣ... воскликнулъ англичанинъ, съ изумленіемъ слушавшій и смотрѣвшій на пріятеля.

— Это не трудно, и даже въ короткихъ словахъ, отвѣчалъ Рамтшандра.—Кришнада, этотъ лучшій, благороднѣйшій человѣкъ, какой когда-либо существовалъ на землѣ, сегодня исключенъ изъ касты купцовъ за то, что, повинуясь влеченію своего сердца, онъ отстоялъ дочь отъ недостойной пытки, отъ безконечнаго горя мнимаго вдовства. Я благословляю его за это.

— А! Начинаю понимать, воскликнулъ судья.

А Рамтшандра, привлекая къ себѣ зардѣвшуюся Гопу, сказалъ: — Теперь и я сбросилъ съ себя оковы моей касты. Гопа будетъ моей женой!

Тогда глаза судьи засіяли непритворною радостью.

— Благодареніе Небу. Первая черта истинной человѣчности въ Бенаресѣ! шепнулъ онъ, охваченный отраднымъ чувствомъ довольства, вызваннаго сознаніемъ успѣшной дѣятельности на пользу ближняго.

А Рамтшандра продолжалъ:

— Я рѣшился побороть все, что бы ни послала мнѣ судьба. Мы бѣдны, но я чувствую въ себѣ силу для тяжелой работы. И если понадобится, я готовъ поступить въ носильщики, готовъ поденно работать на поляхъ...

— Такое намѣреніе дѣлаетъ вамъ честь, Рамтшандра, сказалъ англичанинъ,—я удивляюсь вамъ. Но теперь моя обязанность: взять васъ подъ свое покровительство. Здѣсь, среди народа, который васъ оттолкнулъ, вы трое не можете оставаться. У меня во дворѣ есть второй бунгало; переходите туда и предоставьте мнѣ о васъ позаботиться. Потомъ уже мы увидимъ, что предпринять дальше. А если кто-нибудь изъ вашихъ земляковъ подойдетъ къ вамъ слишкомъ близко, тотъ объ этомъ пожалѣетъ,—даю слово! Я имѣю власть васъ защитить и ею воспользуюсь.

— Какъ намъ это принять отъ васъ? съ трудомъ произнесъ Рамтшандра.

Гопа бросилась передъ судьею на колѣни со словами:

— О, саибъ, защитникъ бѣдныхъ, великій и добрый!

Англичанинъ поднялъ ее, ласково сказавъ:

— Встаньте, Гопа. Передъ людьми не стоятъ на колѣняхъ!

И, обращаясь ко всѣмъ троимъ, прибавилъ:

— Вы не подозрѣваете, чѣмъ я вамъ обязанъ. Вы вернули мнѣ потерянную вѣру въ вашъ народъ; въ васъ я вижу будущее этой страны!

Къ рисункамъ.

Прогулка посла. (Рис. на стр. 1004).

Долгое татарское иго, много вѣковъ тяготѣвшее надъ древнею Русью, не прошло даромъ для русскихъ людей... Много внеслось въ русскую жизнь и обычаевъ, и чертъ жизни, заимствованныхъ прямо отъ азіятскихъ кочевниковъ; огрубѣли нравы, слѣдствіемъ чего явилось затворничество и теремная жизнь женщинъ, явились новыя отношенія къ власти, ввелись невѣдомыя древней Руси казни и жестокія мѣры взысканій... Рядомъ съ этими непривлекательными чертами, явилось и много наивныхъ, смѣшныхъ, странныхъ обычаевъ, прямо заимствованныхъ въ русскую жизнь изъ кочевническаго юрта, изъ общества, проникнутаго восточнымъ лицемѣріемъ и преклоненіемъ передъ внѣшнею, лицевою, казовою стороною жизни. Эта послѣдняя черта древне-русскихъ нравовъ особенно ярко сказывалась въ тѣхъ пріемахъ иноземныхъ пословъ и посольствъ, которые наѣзжали отъ времени до времени въ Московское государство съ Запада. Такое посольство вступало въ предѣлы Русской земли не иначе, какъ подъ руководствомъ особыхъ приставовъ и дьяковъ Посольскаго Приказа, свѣдущихъ въ умѣньи владѣть иностранными языками и опытныхъ въ обращеніи съ иноземцами. Такимъ дьякамъ и приставамъ, отправляемымъ навстрѣчу посольствъ къ западному рубежу, давалась подробнѣйшая инструкція, въ которой съ величайшею точностью было обозначено, что слѣдовало дѣлать приставу, какъ о послахъ заботиться, какъ и гдѣ ихъ угощать, о чемъ съ ними говорить и на какіе ихъ вопросы отвѣчать или не отвѣчать вовсе. Въ то же самое время, ко всѣмъ мѣстнымъ воеводамъ, намѣстникамъ и городскимъ посольствамъ, посылались такія же, не менѣе подробныя инструкціи, и въ нихъ было выписано, какъ и гдѣ встрѣчать посольства, какъ ихъ чествовать, чѣмъ довольствовать, а главное, какъ „показывать“ имъ свой городъ и иныя населенныя мѣста той или другой области. „Показывать“ приказано было съ лучшей, лицевой, казовой стороны, стараясь скрыть все непригладное, ненарядное—всю изнанку. Для этой цѣли указывалось везти посольство по лучшимъ улицамъ города, а на время ихъ проѣзда сгонять на эти улицы наиболѣе зажиточную часть населенія, „въ лучшихъ кафтанахъ и праздничныхъ одеждахъ“ и т. д. Затѣмъ, по прибытіи въ Москву, посольства привозились на избранное и назначенное для ихъ жительства подворье и разомъ попадали въ то же самое положеніе, въ какомъ до послѣдняго времени находились европейскіе посланники, по пріѣздѣ въ Китай, Сіамъ или въ иныя азіятскія, полудикія государства. Посольское подворье, у всѣхъ входовъ и выходовъ, тщательно охранялось особою стражею, которой приказано было строго-на-строго никого изъ свиты посольской съ подворья не выпускать ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ. Для наблюденія за самими послами, при нихъ безотлучно находились тѣ же дьяки и пристава, которые сопровождали ихъ отъ рубежа до Москвы. Эти лица обязаны были неотступно, шагъ за шагомъ, всюду слѣдовать за послами, отвѣчать на ихъ вопросы по указанному шаблону, обращать ихъ вниманіе на то, что считалось лучшимъ и достойнѣйшимъ вниманія въ столицѣ, и отвлекать ихъ взоры отъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя могли имъ дать невыгодное понятіе о Московіи. Иностранцы, въ описаніи своихъ путешествій по древней Руси, горько жалуются на это неусыпное шпіонство приставовъ и на то, что имъ, при всемъ желаніи, нѣтъ никакой возможности узнать правду о Московскомъ государствѣ...

Художникъ, пользуясь рисунками, сохранившимися въ иллюстрированномъ путешествіи Олеарія, очень вѣрно передалъ на предлагаемомъ нами рисункѣ всю ту обстановку, въ которой происходилъ каждый выходъ иноземнаго посла изъ дома, даже каждая его прогулка по его собственному подворью. Онъ окруженъ отовсюду „глазами“ и „ушами“; его стерегутъ зорко, опасаясь въ немъ враждебнаго соглядатая — пришельца изъ тѣхъ западныхъ, „европейскихъ“ государствъ, которыя не даромъ представлялись гражданамъ до-петровской Руси и чуждыми, и „бусурманскими“. **П.**

Рыбаки зимою. (Рис. на стр. 1005).

Гравюра на стр. 1005 воспроизводитъ одну изъ картинъ недавно умершаго академика батальной живописи П. Н. Грузинскаго, біографію котораго читатели могутъ найти въ № 19 *Нивы* за прошлый годъ. На ней изображены рыбаки, по одеждѣ финны, или какъ ихъ называютъ—чухны, съ мороженою рыбою въ саняхъ, отдыхающіе на пути къ рынку.

На базаръ. (Рис. на стр. 1009).

Въ облакѣ ѣдкой пыли пробирается по узкимъ и извилистымъ закоулкамъ одного изъ туркестанскихъ городковъ цѣлый караванъ туземцевъ. Впереди идетъ въ богатомъ нарядѣ туркменъ, ведя подъ-уздцы красивую бѣлую лошадку мѣстной породы, за нимъ двигается повозка двуколка, подъ навѣсомъ которой, покрывшись чадрами, укрылось нѣсколько женщинъ, а вдали слѣдуютъ верхами другіе обитатели сосѣдняго кочевья, ѣдущіе на городской базаръ. Путешествіе видимо изнурило всѣхъ, и живописная толпа медленно двигается впередъ подъ палящими лучами солнца, отъ котораго всѣ стараются укрыться въ дома или подъ навѣсы. Только нищему, черному какъ смоль отъ загара, ни почемъ убійственный солнопекъ, и онъ, сидя на перекресткѣ, попрошайничаетъ цѣлый день.

Работы по постройкѣ Троицкаго моста.
(Рис. на стр. 1012).

Быстро развивающаяся городская жизнь нашей сѣверной столицы, жизнь, бьющая неудержимымъ ключемъ, а отчасти и все усиливающееся съ каждымъ годомъ передвиженіе значительной массы петербургскаго населенія изъ центральныхъ частей города на окраины, въ особенности на Каменноостровскій проспектъ и на берега Малой Невки (между Выборгской Стороной и Новой Деревней), вынудили С.-Петербургскую Управу серьезно подумать о замѣнѣ дорого-стоящаго пловучаго Троицкаго моста постояннымъ каменнымъ мостомъ черезъ Неву. Послѣ долгихъ сборовъ и обсужденій, одинъ изъ многихъ, представленныхъ Управѣ, проектовъ новаго Троицкаго моста былъ утвержденъ и нынѣшнею осенью приступлено было къ нѣкоторымъ предварительнымъ работамъ, которыя оказалось необходимо привести въ исполненіе прежде, чѣмъ положить основаніе работамъ по постройкѣ будущаго моста.

Для того, чтобы эти работы начать, надо было перевести Троицкій мостъ на другое, новое мѣсто, внизъ по теченію, противъ переулка у Мраморнаго дворца. Чтобы

этотъ переводъ былъ возможенъ, надо было на обоихъ берегахъ Невы устроить новые подъѣзды и подъемы береговаго уровня почвы, вбить въ рѣчное дно по обѣ стороны рѣки по нѣскольку сотъ свай для постройки постоянныхъ, неразводныхъ частей моста, а на Петербургской Сторонѣ даже придать совсѣмъ иное направленіе прилегающей къ мосту части Каменноостровскаго проспекта. Для этой цѣли, между однимъ изъ передовыхъ верковъ Петропавловской крѣпости и самыми бастіонами ея, проложена новая шоссированная дорога. Эта дорога въ настоящее время уже готова; готовы по бокамъ ея и тротуары, обсаженные по бокамъ молодыми деревцами. Самый мостъ, прежде его перевода на новое мѣстое, ремонтируется, и при этомъ, къ краямъ нѣсколько понижается въ общемъ уровнѣ мостоваго полотна подъ отдѣльными плашкотами. Эта довольно трудная работа предпринята потому, что, по теперешнему позднему времени года, нельзя было приступить къ капитальному и весьма значительному подъему береговъ въ мѣстахъ укрѣпленія моста. До начала зимы, однакоже, всѣ работы, необходимыя для открытія движенія по мосту, будутъ окончены. Въ настоящее время, къ подъѣзднымъ частямъ моста, какъ на Петербургской Сторонѣ, такъ и около Мраморнаго дворца, уже проложены перемощенные въ новомъ направленіи рельсы конно-желѣзной дороги.

Нашъ художникъ, въ весьма точномъ рисункѣ съ натуры, изобразилъ начало этихъ важныхъ для столицы работъ, и тѣ сооруженія, которыя были временно установлены около береговъ Невы, на Дворцовой набережной, для необходимыхъ предварительныхъ гидравлическихъ работъ.

Проф. Веніаминъ Михайловичъ Тарновскій.

(Портр. на стр. 1013).

Профессоръ В. М. Тарновскій принадлежитъ къ числу тѣхъ именитыхъ русскихъ врачей, которые пользуются почетомъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. На-дняхъ врачебное сословіе, по поводу исполнившагося 30-ти-лѣтія службы В. М. Тарновскаго, чествовало его какъ одного изъ талантливѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ представителей русской медицинской науки.

Тарновскій по медицинскому своему образованію принадлежитъ Московскому университету, въ которомъ и окончилъ курсъ по медицинскому факультету въ 1859 году, не имѣя и 20 лѣтъ отъ роду. Какъ разъ въ это время за границей въ области медицинской науки открывалась новая эра для изученія той области медицины, которую Тарновскій избралъ спеціальностью. Новыя вѣянія увлекли и молодаго Тарновскаго; но онъ рѣшилъ итти самостоятельнымъ путемъ и тотчасъ по окончаніи курса отправился въ Петербургъ, въ Калинкинскую больницу, располагающую огромнымъ матеріаломъ для научныхъ изслѣдованій по этой отрасли медицины.

Несмотря на крайне недружелюбный пріемъ со стороны тогдашнихъ врачей больницы (поголовно нѣмцевъ), Тарновскій со свойственной ему энергией произвелъ массу наблюденій и опытовъ, при помощи которыхъ ему удалось придти къ выводамъ, имѣющимъ большое значеніе въ современной медицинѣ. Съ тѣхъ поръ Тарновскій никогда не покидалъ Калинкинской больницы, всегда принималъ близкое участіе въ достиженіи больницею ея главнѣйшихъ цѣлей, въ ознаменованіе чего въ настоящее время поставленъ въ больницѣ портретъ проф. Тарновскаго, на ряду съ портретомъ другаго знаменитаго русскаго врача, С. П. Боткина, который столько же принесъ пользы общему дѣлу больницъ города Петербурга, сколько Тарновскій, въ частности, Калинкинской больницѣ, какъ высшій руководитель всего ея врачебнаго персонала.

Въ маѣ 1868 года Тарновскій былъ конференціею Медико-Хирургической Академіи удостоенъ званія частнаго преподавателя, и въ 1872 г. преподаваніе его предмета отдѣлено отъ каѳедры хирургіи.

Какъ преподаватель, онъ обучилъ болѣе 20 поколѣній врачей, и Россія ему обязана подготовкою многихъ дѣятелей, вполнѣ способныхъ къ борьбѣ съ болѣзнью, производящею громадныя опустошенія въ Россіи. Многолюдная аудиторія, которую онъ до сихъ поръ видитъ передъ собою, доказываетъ, съ какимъ глубокимъ интересомъ учащаяся молодежь относится къ его словамъ. Въ то же время, въ другой его аудиторіи (въ Калинкинской больницѣ) нѣсколько поколѣній женщинъ-врачей пріобрѣтали знанія и учились гуманному обращенію съ тѣми несчастными, отъ которыхъ большинство сторонится съ опасеніемъ.

Профессоръ Тарновскій принадлежалъ всегда къ сторонникамъ высшаго женскаго образованія, былъ однимъ изъ главныхъ учредителей прежнихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, которые вплоть до закрытія пользовались его особенною заботливостью, а въ настоящее время стоитъ въ ряду неустанныхъ дѣятелей по устройству будущихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Тарновскій считается еще основателемъ одного учрежденія — это Русское сифилидологическое и дерматологическое общество, открывшее свои засѣданія въ октябрѣ 1885 г., сначала въ квартирѣ основателя общества и его безсмѣннаго предсѣдателя. По времени возникновенія это было первое въ Европѣ ученое общество врачей-спеціалистовъ; впослѣдствіи этому примѣру послѣдовали Парижъ, Вѣна, Берлинъ, Москва и др. Въ короткое время авторитетъ этого общества сталъ настолько солиднымъ, что Медицинскій Совѣтъ и Петербургское Городское Управленіе обращались къ нему за указаніями по вопросамъ, касающимся его спеціальности.

Вообще говоря, имя Тарновскаго стало настолько почтеннымъ и популярнымъ не только среди врачей, но и во всѣхъ слояхъ русскаго общества, что даже Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній обратилось въ свое время къ профессору Тарновскому съ просьбою составить краткое руководство, предназначенное для ознакомленія молодыхъ людей съ основными требованіями гигіены относительно юношей, уже достигнувшихъ половой зрѣлости. Въ виду этого Тарновскій выпустилъ въ свѣтъ въ 1886 г. руководство подъ заглавіемъ „Половая зрѣлость“—книгу, крайне полезную для молодежи.

Нельзя умолчать и еще объ одной біографической чертѣ В. М. Тарновскаго—его отношенія къ товарищамъ по наукѣ, къ слушателямъ и къ паціентамъ. Профессоръ Мансуровъ, московскій спеціалистъ, такъ выражается по этому предмету: „всѣ произносятъ его имя съ уваженіемъ, съ чувствомъ глубокой благодарности; всѣ отзываются о немъ, какъ о высокогуманномъ и безкорыстномъ человѣкѣ, готовомъ прійти ко всякому на помощь словомъ и дѣломъ...“ Всѣ знающіе Тарновскаго вполнѣ подтвердятъ правдивость этихъ словъ.

М. А.

А. Л. Обермиллеръ. (Портр. на стр. 1013).

Военно-Медицинскій Ученый Комитетъ понесъ недавно (10-го августа) тяжелую утрату. Совершенно неожиданно скончался одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ непремѣнныхъ членовъ его, лейбъ-хирургъ Двора Его Императорскаго Величества и инспекторъ врачебной части Министерства Императорскаго Двора, тайный совѣтникъ Александръ Леонтьевичъ Обермиллеръ. Смерть постигла его на 64 году жизни и на 40-й годовщинѣ службы въ военно-врачебномъ вѣдомствѣ.

Еще будучи студентомъ Императорской Военной Медико-Хирургической Академіи, Обермиллеръ былъ отличенъ незабвеннымъ нашимъ Н. И. Пироговымъ, который предоставилъ ему счастливую возможность совершенствоваться въ хирургіи подъ его руководствомъ, какъ въ анатомическомъ театрѣ, такъ и вообще при производствѣ операцій въ клиникѣ. Едва покойный кончилъ въ 1853 г. курсъ академіи, какъ уже въ январѣ 1854 г. онъ зачисленъ былъ на службу въ госпитальную хирургическую клинику, завѣдываемую Пироговымъ, а въ октябрѣ того же года А. Л. былъ отправленъ во время тягостной Крымской войны въ Севастополь. Здѣсь великая княгиня Елена Павловна предоставила проф. Пирогову полную свободу сформировать по своему усмотрѣнію небольшой отрядъ врачей-хирурговъ на ея иждивеніи съ тѣмъ, чтобы они находились въ непосредственномъ его вѣдѣніи и никуда не назначались военнымъ вѣдомствомъ безъ согласія профессора; въ числѣ такихъ избранниковъ былъ и А. Л. Обермиллеръ. Тысячи раненыхъ и больныхъ прошли черезъ руки этого врача. Но и труды хирурга въ теченіе цѣлыхъ $6^1/_2$ мѣсяцевъ были въ высшей степени научны и плодотворны. Послѣ того прошло 23 года и покойному пришлось снова работать съ маститымъ своимъ учителемъ и встрѣтиться съ нимъ въ другой страшной и кровопролитной войнѣ, на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ подъ Плевной. И здѣсь повторилось то же самоотверженіе и та же кипучая дѣятельность хирурга.

Каждый, кому приводилось встрѣчаться съ свѣтлою личностью А. Л., было-ли то въ частномъ обществѣ, на службѣ, около постели больныхъ, во дворцахъ или въ хатѣ бѣдняка,—каждый выносилъ послѣ свиданія съ нимъ самое пріятное впечатлѣніе: сердечность, привѣтливость, прямота, преданность своему долгу и, вдобавокъ ко всему этому, полная доступность, несмотря на его высокое положеніе при Дворѣ и на службѣ! Какъ точный до педантизма исполнитель служебнаго долга, А. Л. былъ постоянно привлекаемъ Военно-Медицинскимъ Ученымъ Комитетомъ къ весьма разнообразной ученой дѣятельности и всѣ порученія исполнялъ онъ съ завиднымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. При этомъ нельзя не вспомнить о чрезвычайно симпатичной и рѣдкой чертѣ его характерѣ, а именно: посвятивъ всю жизнь свою на пользу больныхъ и раненыхъ, какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время (онъ былъ членомъ Главнаго Управленія Краснаго Креста), онъ, какъ непремѣнный членъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, не забывалъ увѣчныхъ и въ отставкѣ ихъ; разбирая тысячи дѣлъ о лицахъ, подлежащихъ покровительству Комитета о раненыхъ, А. Л. при назначеніи изъ инвалиднаго капитала пенсій и пособій увѣчнымъ и ихъ семьямъ, всегда старался по возможности защитить и отстоять въ Комитетѣ права на пенсію инвалидовъ, поставленныхъ въ невозможность снискивать пропитаніе собственными трудами. Щедро награжденный за свою службу Высочайшими милостями (онъ имѣлъ всѣ знаки отличія до Св. Александра Невскаго включительно), А. Л. Обермиллеръ былъ и въ гробу почтенъ искренними слезами тѣхъ, которые лишились въ немъ благодѣтеля и безкорыстнаго врача.

В. Пр—въ.

Новая желѣзная дорога на Иматру.

(Рис. на стр. 1013).

20 октября открылось пассажирское движеніе по новой желѣзной дорогѣ отъ Выборга на извѣстный водопадъ Иматру. Дорога эта составляетъ часть желѣзнодорожнаго пути изъ Выборга въ городъ Йоенсуу, внутри Финляндіи, протяженіемъ въ 340 верстъ и окончится постройкой черезъ два года. Теперь, съ открытіемъ дороги, на водопадъ Иматру можно проѣхать всего въ шесть часовъ времени. Выѣхавъ изъ Петербурга въ 9 час. утра—въ 4 часа пополудни уже можно быть на Иматрѣ. Новая линія дороги проложена на 40 верстъ отъ Выборга до станціи Антреа, а затѣмъ отъ этой станціи спеціальная вѣтвь уклоняется къ Иматрѣ на 30 верстъ. Длина всего пути до Иматры, такимъ образомъ — 70 верстъ. Новоустроенная вѣтвь строителемъ ея, инженеромъ Брандеромъ, передана 18-го октября въ вѣдѣніе управленія правительственныхъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ. Эта новая желѣзная дорога тянется по ровной, живописной мѣстности. Своеобразная, суровая, но красивая природа Финляндіи, съ озерами и скалами, постепенно переходитъ въ болотистыя пространства, по мѣрѣ приближенія къ Ладожскому озеру. Но и на этой неблагодарной почвѣ нерѣдко встрѣчаются хорошо обработанные участки земли.

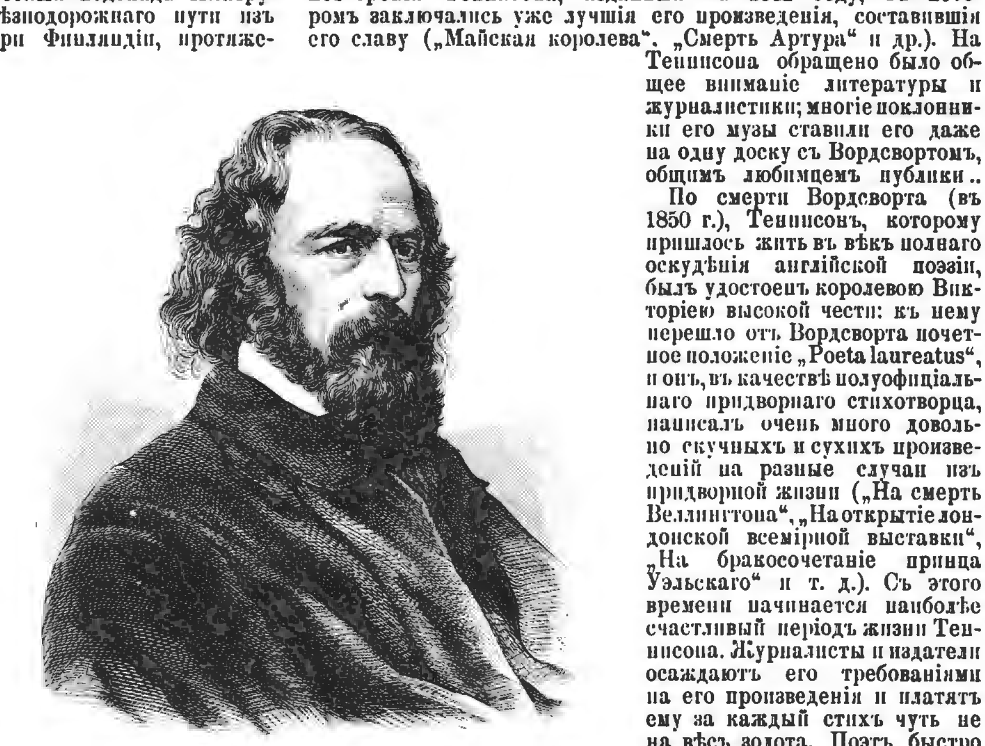
Черезъ рѣку Вуоксу перекинутъ длинный желѣзнодорожный мостъ (рис. на стр. 1013). Съ него открывается очень красивый видъ на окружающую мѣстность. На нашемъ рисункѣ мостъ занятъ необычайно длиннымъ поѣздомъ. Этотъ поѣздъ везъ по новой дорогѣ членовъ желѣзнодорожнаго международнаго конгресса. Обыкновенные поѣзда гораздо короче.

Альфредъ Теннисонъ.

(Портр. на этой стр.).

Извѣстный англійскій поэтъ **Альфредъ Теннисонъ** скончался недавно (2 октября сего года) на 83 году жизни. Біографія Теннисона, котораго портретъ мы помѣщаемъ въ этомъ № *Нивы*, значительно отличается отъ множества другихъ поэтическихъ біографій и автобіографій своею чрезвычайною простотою и немногосложностью въ смыслѣ фактическомъ. Можно смѣло сказать, что немногимъ поэтамъ музы благопріятствовали въ такой степени, какъ Теннисону, и немногіе поэты съумѣли такъ благоразумно воспользоваться счастіемъ, выпавшимъ на ихъ долю...

Теннисонъ родился въ 1810 году въ Соммерби, въ графствѣ Линкольнъ. Онъ былъ сыномъ пастора, который воспиталъ его очень просто и сурово. Юношей поступилъ онъ въ Кэмбриджскій университетъ, гдѣ и окончилъ полный курсъ наукъ; юношей (ему не было и 20 лѣтъ) издалъ въ свѣтъ свои первые поэтическіе опыты. Критика встрѣтила ихъ съ неумолимою строгостью, но не отбила охоты къ поэзіи у Теннисона, который въ 1833 году вновь выступилъ съ маленькимъ сборникомъ своихъ лучшихъ поэмъ и лирическихъ произведеній. На этотъ разъ критика отнеслась къ нему милостивѣе и снисходительнѣе; однакоже отзывы ея не только не удовлетворили самолюбиваго поэта, но даже возбудили его серьезное негодованіе... Онъ печаталъ, по своему собственному уразумѣнію, лучшее изъ того, что могла дать его лира, а критика равнодушно относилась къ прекрасному и отмѣчала мелочные недостатки! Поэтъ скупилъ всѣ непроданные экземпляры этого втораго изданія своихъ стихотвореній и сжегъ ихъ. Вниманія критики удостоился только третій сборникъ стихотвореній Теннисона, изданный въ 1842 году, въ которомъ заключались уже лучшія его произведенія, составившія его славу („Майская королева". „Смерть Артура" и др.). На Теннисона обращено было общее вниманіе литературы и журналистики; многіе поклонники его музы ставили его даже на одну доску съ Вордсвортомъ, общимъ любимцемъ публики..



Альфредъ Теннисонъ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

По смерти Вордсворта (въ 1850 г.), Теннисонъ, которому пришлось жить въ вѣкъ полнаго оскудѣнія англійской поэзіи, былъ удостоенъ королевою Викторіею высокой чести: къ нему перешло отъ Вордсворта почетное положеніе „Poeta laureatus", и онъ, въ качествѣ полуофиціальнаго придворнаго стихотворца, написалъ очень много довольно скучныхъ и сухихъ произведеній на разные случаи изъ придворной жизни („На смерть Веллингтона", „На открытіе лондонской всемірной выставки", „На бракосочетаніе принца Уэльскаго" и т. д.). Съ этого времени начинается наиболѣе счастливый періодъ жизни Теннисона. Журналисты и издатели осаждаютъ его требованіями на его произведенія и платятъ ему за каждый стихъ чуть не на вѣсъ золота. Поэтъ быстро богатѣетъ... Критика превозноситъ его, отмѣчая похвалами выше всякой мѣры его лучшія произведенія, напримѣръ **„Романсы изъ круга сказаній объ Артурѣ", „Гарольда", „Бекета"** и многія другія, явившіяся въ послѣдній періодъ его жизни. Среди этихъ похвалъ, богатства и полнаго, обезпеченнаго покоя, Теннисонъ и достигъ своего весьма преклоннаго возраста и скончался въ прекрасномъ имѣніи, которое пріобрѣлъ себѣ на знаменитомъ островѣ Уайтѣ. Останки его преданы землѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, рядомъ съ прахомъ другихъ знаменитыхъ англійскихъ поэтовъ.

Беганзинъ, владыка Дагомейскій.

(Рис. на этой стр.).

Упорная и кровопролитная борьба французовъ съ дагомейцами въ Африкѣ обратила всеобщее вниманіе на повелителя этихъ темнокожихъ, Беганзина. Нося въ дѣйствительности имя Бедазинъ - Госсу - Бовелэ, т. е. зерно міра, владыка акулъ, онъ достигъ нынѣ пятидесятаго года. Его отецъ Да-да-желе-лэ, въ 1889 году, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, весело отплясывалъ въ присутствіи французскаго посольства, и вскорѣ послѣ того отъ неизвѣстной причины скончался. Не столь дальновидный и не столь искусный въ политикѣ сынъ его, Беганзинъ вскорѣ по вступленіи на престолъ поддался вліянію двухъ совѣтниковъ, честолюбивыхъ и неспособныхъ. Одинъ изъ нихъ прежде служилъ лакеемъ у германскаго консула въ Видахѣ, другой — родной братъ амазонки, приближенной къ фавориткѣ Беганзина. Эти совѣтники увѣрили принца Кондо Ша-да-ко, (когда онъ сталъ королемъ Беганзиномъ), въ безсиліи Франціи. Этимъ объясняется та дерзость, съ которою повелитель Дагомеи нарушилъ договоры съ Франціей и захватилъ ея подданныхъ въ Африкѣ. На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ сидящимъ около своего воинскаго тамъ-тама, эмблемы его силы; тамъ-тамъ — это огромный барабанъ, увѣшанный че-

Беганзинъ, король Дагомейскій.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Крейсеръ 1-го ранга „Рюрикъ", въ томъ видѣ, въ какой онъ будетъ приведенъ послѣ оснастки.

Спускъ „Рюрика" съ эллинговъ Балтійскаго завода. Государь Императоръ объѣзжаетъ крейсеръ „Рюрикъ" на катерѣ.

Ориг. рис. Игнаціуса, грав. М. Рашевскій.

ренами враговъ, павшихъ отъ рукъ его воиновъ. На головѣ у короля шляпа съ широкими полями, на шеѣ тройное ожерелье изъ жемчуговъ, а вокругъ ногъ обмотанъ кусокъ дорогой ткани. Въ такомъ видѣ онъ принималъ еще недавно своихъ подданныхъ и воиновъ. Нынѣ Беганзинъ покинулъ свой городъ съ дворомъ и тщетно старается отразить французовъ, неторопливо, но настойчиво пробирающихся среди множества трудностей и опасностей къ резиденціи короля, подъ начальствомъ генерала Додса.

Спускъ крейсера 1-го ранга „Рюрикъ", въ СПБ.

(Рис. на стр. 1017).

22 октября, на эллингѣ Балтійскаго завода, происходило большое торжество—спускъ на воду громаднаго крейсера *Рюрикъ*. Крейсеръ *Рюрикъ* есть важное явленіе не только въ исторіи нашего флота, но и въ исторіи всѣхъ европейскихъ флотовъ, вмѣстѣ взятыхъ. По своему водоизмѣщенію (10,933 тонны), крейсеръ „Рюрикъ"—*самое большое военное судно, когда-либо выстроенное въ Россіи*, и самый большой крейсеръ въ мірѣ, а по значительной длинѣ своей (426 футовъ) „Рюрикъ" оказывается *самымъ длиннымъ изъ существующихъ военныхъ судовъ всѣхъ флотовъ*. Съ тѣхъ поръ, какъ крейсерство было признано главнымъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ борьбы для Россіи съ ея врагами на морѣ, типъ крейсеровъ постоянно развивался и возрасталъ въ русскомъ флотѣ, восходя отъ клиперовъ, корветовъ и фрегатовъ до такихъ величавыхъ и грозныхъ судовъ, какъ „Владиміръ Мономахъ", „Дмитрій Донской" и „Память Азова". Послѣднее десятилѣтіе въ жизни нашего флота, по волѣ Державнаго Вождя Русскаго народа, стало особенно знаменательнымъ именно потому, что въ Россіи стали строиться суда совершеннѣйшаго типа, вполнѣ приспособленныя къ потребностямъ крейсерской службы и въ то же время грозныя по своему военному значенію. Спущенный въ настоящее время „Рюрикъ", при 18-ти-узловомъ ходѣ, который, благодаря большому своему водоизмѣщенію и выдающейся длинѣ, онъ будетъ въ состояніи удерживать и въ океанѣ; при многочисленной дальнобойной и скорострѣльной артиллеріи, приспособленной для продольнаго огня; при внушительной броневой защитѣ всѣхъ жизненныхъ частей судна, — „Рюрикъ" будетъ въ состояніи совершать паровые переходы отъ Кронштадта до Владивостока, на разстояніи 19,000 морскихъ миль, безъ возобновленія запасовъ топлива. Этимъ разстояніемъ въ 19,000 миль, проходимыхъ крейсерскимъ ходомъ, опредѣляется и районъ военныхъ операцій крейсера изъ Владивостока, какъ базиса. И при всѣхъ этихъ высокихъ качествахъ, *Рюрикъ*, по мнѣнію компетентныхъ судей, есть еще не послѣднее слово нашей морской техники. Уже теперь приступаютъ, на Балтійскомъ заводѣ, къ постройкѣ втораго громаднаго крейсера въ 11,700 тоннъ (водоизмѣщенія) съ машиною въ 14,500 силъ; а за этимъ имѣютъ въ виду еще бо́льшіе морскіе колоссы.

Гроверъ Клэвландъ. (Портр. на стр. 1020).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ только-что окончились выборы новаго президента. Болѣе 11 милліоновъ избирателей подали свой голосъ. Борьба партій окончилась и выборная горячка, о которой нельзя себѣ составить понятія въ Европѣ (а тѣмъ болѣе въ Россіи), уже улеглась и жизнь войдетъ скоро снова въ свою колею.

До этого, почти 6 мѣсяцевъ длилась неизвѣстность, подъ гнетомъ которой находилось все населеніе въ Штатахъ. Два начала руководили окончившуюся борьбу: протекціонизмъ безъ мѣры и пониженіе пошлины. Эти два начала воплотились въ двухъ лицахъ, стоявшихъ во главѣ двухъ партій, соперничающихъ 32 года изъ-за власти въ государствѣ. Съ одной стороны Гроверъ Клэвландъ, кандидатъ демократовъ; съ другой — генералъ Веньяминъ Гаррисонъ, представитель республиканцевъ. Они оба уже были однажды президентами: Клэвландъ съ 1884 по 1888 годъ, а Гаррисонъ съ 1888 по 1892 годъ, и оба уже соперничали другъ съ другомъ дважды.

Въ 1888 году хотя за Клэвланда было подано 5,538,434 голоса, а за Гаррисона 5,440,551; тѣмъ не менѣе побѣду одержалъ послѣдній, такъ какъ за него было подано болѣе голосовъ *по штатамъ*, а именно: 233 или на 65 выборовъ болѣе, чѣмъ за Клэвланда. Въ Соединенныхъ Штатахъ, помимо всеобща о голосованія, президентъ избирается выборами по штатамъ, изъ которыхъ наиболѣе населенные, какъ Нью-Іоркъ и Пенсильванія, имѣютъ 36 и 32 голоса, а безлюдные, въ родѣ Вайо минга, Сѣверной Дакоты и Дэлавара только по 3. Общая сумма такихъ голосовъ 444, изъ которыхъ въ настоящее время 277 получилъ Клэвландъ. Выборомъ его нація хотѣла выразить, какъ ей не понутру пришлись пошлины Макъ-Кинлея, которыя главнымъ образомъ и помѣшали вторичному избранію Гаррисона. Гроверъ Клэвландъ родился въ Кальдвеллѣ, въ Нью-Джерсеѣ, 18 марта 1837 года.

Открытіе памятника Пржевальскому въ Александровскомъ скверѣ, въ СПБ. (Рис. на стр. 1020).

20 октября сего года, въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ прекраснаго Александровскаго сквера въ С.-Петербургѣ, открытъ памятникъ знаменитому нашему путешественнику, *Николаю Михайловичу Пржевальскому*, совершившему четыре громадныхъ путешествія въ Центральную Азію, безпримѣрно-богатыхъ по тѣмъ результатамъ, которые были путешественникомъ добыты и внесены въ область географіи и естествовѣдѣнія.

Н. М. Пржевальскій родился 31 марта 1839 г. въ с. Кимборово. Смоленской губ. Онъ происходилъ по прямой линіи отъ малорусскаго казака Корнилія Парвальскаго, котораго потомки въ XVI в. вступили въ службу къ польскимъ королямъ и отъ нихъ получили дворянство, при чемъ и фамилія ихъ была переначена на польскій ладъ. Однако, уже съ начала XVIII в. Пржевальскіе были и чисто-русскими людьми, и православными.

Въ 1849 г. Н. М. поступилъ въ Смоленскую гимназію, гдѣ и окончилъ полный курсъ наукъ. По выходѣ изъ гимназіи опредѣлился въ военную службу въ Полоцкій полкъ, изъ котораго поступилъ впослѣдствіи въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Здѣсь онъ окончилъ курсъ въ 1863 г. и еще четыре года не могъ посвятить себя выполненію своей давней мечты — посвятить себя дальнимъ странствованіямъ по неизслѣдованнымъ и малоизвѣстнымъ странамъ. Наконецъ, съ 1867 года начались его путешествія съ двухлѣтняго пребыванія и дальнихъ переѣздовъ по новопріобрѣтенному (въ 1860 г.) Уссурійскому краю.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ обратился къ высшему начальству съ ходатайствомъ о снаряженіи его въ экспедицію для изслѣдованія Центральной Азіи, и совершилъ это странствованіе въ теченіе 2-хъ лѣтъ (1870—1873), имѣя при себѣ только двоихъ казаковъ и 8 верблюдовъ! А въ результатѣ получилось: 11,000 верстъ пройденнаго пути (изъ которыхъ 5,300 верстъ сняты глазомѣрною съемкою) и громадныя естественно-историческія коллекціи, обогатившія флору и фауну Азіи множествомъ новыхъ данныхъ!.. За первымъ путешествіемъ послѣдовало второе (1876—1877 гг.), за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ; третье путешествіе (7,180 верстъ пройденныхъ въ теченіе 1879—1880 гг.) въ Тибетъ и къ верховьямъ Желтой рѣки; четвертое путешествіе (7,325 верстъ, въ теченіе 1883—1885 гг.) для изслѣдованія сѣверной окраины Тибета и бассейна рѣки Тарима. Возведенный за это послѣднее путешествіе Государемъ Императоромъ въ чинъ генералъ-маіора, Пржевальскій за всѣ свои путешествія былъ удостоенъ и нашимъ Географическимъ Обществомъ, и Лондонскимъ, и Стокгольмскимъ, и Венгерскимъ, и Итальянскимъ географическими обществами ихъ высшихъ наградъ. Постановленіемъ совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества одинъ изъ открытыхъ Пржевальскимъ хребтовъ былъ наименованъ въ 1887 г. *хребтомъ Пржевальскаго*. 18 августа 1888 г. Пржевальскій выступилъ изъ Петербурга въ свое пятое путешествіе, а 20 октября того же года неожиданно скончался отъ брюшнаго тифа въ городѣ Караколѣ. Согласно выраженному имъ желанію, онъ былъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, преданъ землѣ на пустынномъ берегу Иссыкъ-Куля, и надъ прахомъ его воздвигнутъ прекрасный памятникъ (рисунокъ его былъ помѣщенъ въ *Нивѣ* за 1889 г., № 11). 11 марта 1889 г. Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на переименованіе города Каракола (Семирѣченской области) въ *Пржевальскъ*. Но только въ нынѣшнемъ году законченъ памятникъ знаменитому путешественнику въ С.-Петербургѣ. При его открытіи, на памятникъ возложены были вѣнки отъ Смоленскаго дворянства и петербургскаго Общества Садоводства. Рисунокъ памятника сдѣланъ былъ генераломъ Бильдерлингомъ; лѣпныя работы исполнены академикомъ Шредеромъ.

7-го ноября, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался

Викторъ Петровичъ Клюшниковъ,

много труда посвятившій въ послѣдніе годы своей жизни редактированію журнала *„Нива"*. Такъ какъ въ день этого горестнаго событія № 46 уже находился въ печати, то мы были вынуждены отложить портретъ и некрологъ покойнаго до слѣдующаго 47 № *„Нивы"*.

Политическое обозрѣніе.

Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ, на обратномъ пути на родину изъ Греціи, гдѣ Его Высочество присутствовалъ на серебряной свадьбѣ королевской четы, посѣтилъ, по приглашенію Австрійскаго императора, Вѣну. Прибытіе совершилось 31 октября въ $8^{3}/_{4}$ ч. вечера. Для встрѣчи Его Высочества, въ вокзалъ Южной желѣзной дороги, роскошно-убранный австрійскими и русскими гербами и флагами, прибыли императоръ и всѣ эрцгерцоги, всѣ въ мундирахъ русскихъ полковъ, шефами которыхъ они состоятъ. Когда придворный поѣздъ сталъ подходить къ станціи, раздались звуки русскаго народнаго гимна и императоръ быстро направился къ вагону-салону, навстрѣчу выходившему изъ него Цесаревичу. Императоръ протянулъ Его Высочеству обѣ руки и трижды облобызалъ его. Такимъ же сердечнымъ характеромъ отличалось привѣтствованіе Цесаревича эрцгерцогами. На другой день поутру Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ импе-

раторскій склепъ Капуцинскаго монастыря и возложилъ вѣнокъ на гробъ австрійскаго наслѣднаго принца. Потомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ у обѣдни въ домовой церкви русскаго посольства, гдѣ многочисленная публика горячо привѣтствовала Его Высочество. Когда Наслѣдникъ Цесаревичъ вернулся въ Гофбургъ, императоръ проводилъ Его Высочество въ покои императрицы, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ пробылъ продолжительное время. Въ 5 часовъ состоялся большой парадный обѣдъ при участіи императора, императрицы, вдовствующей наслѣдной принцессы Стефаніи, эрцгерцогини Маріи-Терезіи и другихъ эрцгерцогинь и эрцгерцоговъ. Всѣми обращено вниманіе на то, что императрица, уже нѣсколько лѣтъ не принимавшая участія въ придворныхъ торжествахъ, на этотъ разъ отказалась въ честь Наслѣдника Цесаревича отъ своего замкнутаго образа жизни. По окончаніи параднаго обѣда Наслѣдникъ Цесаревичъ простился съ императрицею, послѣ чего императоръ со своимъ Августѣйшимъ Гостемъ отправился въ императорскій оперный театръ. Изъ театра императоръ провожалъ Наслѣдника Цесаревича на вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги, куда для прощанія съ Его Высочествомъ прибылъ князь Лобановъ-Ростовскій съ членами русскаго посольства. Императоръ нѣсколько разъ пожалъ руку Наслѣднику Цесаревичу и два раза Его поцѣловалъ. Въ 10½ часовъ вечера придворный поѣздъ отбылъ въ Волочискъ.

Всѣ мѣстныя газеты полны подробностями пребыванія Его Высочества въ Вѣнѣ, при чемъ особенно обращается вниманіе не только на торжественность пріема Высокаго Гостя, но и на то, что нынѣшній пріѣздъ его встрѣтилъ радостное сочувствіе не въ однихъ придворныхъ кругахъ, но также и въ народѣ".

Отголоскомъ на это настроеніе вѣнскаго общества было заявленіе, сдѣланное въ рейхстагѣ депутатомъ Люгеромъ, который, по поводу преній о бюджетѣ, коснулся внѣшней политики и сказалъ, что лучшій залогъ мира для Австро-Венгріи—это сближеніе съ Россіей.

Въ то время, когда Наслѣдника Цесаревича чествовали торжественнымъ пріемомъ въ Вѣнѣ, другіе два члена Августѣйшаго Семейства, Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи были желанными гостями въ Парижѣ, гдѣ они провели нѣкоторое время и по приглашенію президента Карно приняли участіе въ охотѣ, устроенной для Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ паркѣ Рамбулье. Легко можетъ быть, что это пребываніе высокихъ гостей въ Парижѣ подало газетѣ *Matin* поводъ къ утвержденію того, что союзный договоръ между Франціей и Россіей уже подписанъ. Это извѣстіе, отмѣченное иностранными газетами, прошло почти незамѣченнымъ въ парижской прессѣ, гдѣ все вниманіе всѣхъ органовъ теперь поглощено оживленными преніями въ палатѣ по поводу новаго закона о печати, который долженъ положить предѣлъ разнузданности нѣкоторыхъ органовъ, прямо подстрекающихъ къ убійствамъ и открытому бунту. Лубэ, отвѣчая на нападки соціалистовъ блестящею рѣчью, доказалъ, что новый законъ вызывается вопіющею необходимостью.

Вниманіе берлинскаго общества было привлечено въ послѣдніе дни весьма многочисленнымъ съѣздомъ соціалъ-демократовъ, на которомъ рабочій вопросъ съ различными его деталями составляютъ новую тему обсужденія. Въ то же время въ Лондонѣ, въ Трафальгаръ-скверѣ, тотъ же рабочій вопросъ собралъ митингъ въ 50,000 человѣкъ и на немъ, огромнымъ большинствомъ, было рѣшено, что правительство должно будетъ приступить къ общественнымъ работамъ въ помощь рабочему классу, страдающему отъ безработицы.

При общемъ весьма миролюбивомъ настроеніи довольно страннымъ диссонансомъ являются заботы султана объ укрѣпленіи проливовъ, ради которыхъ вызванъ былъ въ Константинополь знаменитый бельгійскій инженеръ-генералъ Бріальмонъ. Этотъ спеціалистъ нашелъ укрѣпленія проливовъ весьма слабыми и предложилъ свой планъ, который оказывается неисполнимымъ для Турціи при нынѣшнемъ положеніи ея финансовъ.

Любопытный обмѣнъ сношеній произошелъ между румынскимъ королевскимъ домомъ и папою по поводу предстоящаго бракосочетанія румынскаго наслѣднаго принца Фердинанда (католика) съ принцессой Маріей Эдинбургской (протестанткою). Папа далъ свое согласіе на бракъ съ тѣмъ, чтобы будущіе сыновья принца румынскаго слѣдовали религіи отца, а дочери—религіи матери.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Господину издателю журнала „Нива" Адольфу Федоровичу Марксу.

Полученные отъ Васъ 21 Октября экземпляры изданнаго Вами, въ видѣ главной преміи журнала „Нива" 1892 г., художественнаго альбома, съ 10 акварелями—для поднесенія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и Августѣйшимъ Дѣтямъ Ихъ Императорскихъ Величествъ — представлены по высокому назначенію; и за это поднесеніе повелѣно объявить Вамъ благодарность.

Генералъ-Адъютантъ Гр. Воронцовъ-Дашковъ.

31 Октября 1892 года.

Разныя извѣстія.

— Государственный Совѣтъ утвердилъ представленіе министра Внутреннихъ Дѣлъ, согласно которому на крестьянскіе надѣлы не могутъ быть обращаемы взысканія для удовлетворенія претензій постороннихъ лицъ.

— Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Гос. Сов. были подвергнуты обсужденію проекты положенія о введеніи въ Имперіи новыхъ налоговъ и увеличеніи размѣра обложенія различныхъ продуктовъ и предметовъ, внесенные управляющимъ Министерствомъ Финансовъ.

— На-дняхъ въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ разсматриваться вопросъ объ увеличеніи числа податныхъ инспекторовъ. Въ настоящее время ихъ насчитывается до 500, предположено прибавить еще сто одинадцать инспекторовъ.

— Въ настоящую сессію Государственнаго Совѣта будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ о назначеніи пенсіи учителямъ народныхъ училищъ.

— На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта вносится вопросъ о предоставленіи городамъ права на движимыя имущества, оставшіяся выморочными послѣ смерти ихъ владѣльцевъ.

— Въ текущую сессію Государственнаго Совѣта, по словамъ *Рус. Вѣд.*, будетъ разсмотрѣнъ выработанный особою коммиссіею проектъ правилъ о принятіи и оставленіи русскаго подданства.

— Земствами нѣкоторыхъ южныхъ губерній возбужденъ вопросъ объ устройствѣ земскихъ бюро для урегулированія наплывовъ рабочихъ; ходатайствуютъ о разрѣшеніи нынѣшнею зимой съѣзда представителей нѣкоторыхъ земствъ для выработки мѣръ, могущихъ остановить наплывы непроизводительные.

— На разсмотрѣніе Министерства Финансовъ поступили ходатайства нѣкоторыхъ земствъ и сельскихъ обществъ о закрытіи питейныхъ заведеній въ мѣстностяхъ, потерпѣвшихъ въ нынѣшнемъ году отъ неурожая.

— Въ субботу, 31 октября, состоялось общее собраніе членовъ вновь учрежденнаго въ С.-Петербургѣ Литературно-артистическаго кружка, возникшаго изъ бывшаго артистическаго. Въ настоящее время кружокъ насчитываетъ 57 членовъ. По уставу число членовъ ограничено 150.

— На-дняхъ утвержденъ уставъ устраиваемаго въ столицѣ „С.-Петербургскаго Общества поощренія женскаго художественно-ремесленнаго труда".

— На-дняхъ уже представленъ въ Государственный Совѣтъ проектъ о „женскомъ медицинскомъ институтѣ",—такъ предполагается назвать бывшіе „врачебные курсы" для женщинъ.

— Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія учредило по средамъ въ своемъ храмѣ братскія собранія, на которыхъ производится оцѣнка проповѣдей священниковъ. Первое подобное собраніе происходило 28 октября въ присутствіи духовника Ихъ Величествъ прот. Янышева.

— Сооружаемый на заводѣ Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ для заграничныхъ путешествій Императорскій поѣздъ будетъ къ веснѣ будущаго года оконченъ. Въ его составъ, безъ локомотивовъ, войдутъ 17 вагоновъ.

— 31 октября, въ помѣщеніи И. Р. Техническаго Общества состоялось открытіе состоящей подъ покровительствомъ Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской первой ярмарки продуктовъ плодоводства и огородничества.

— На-дняхъ происходило освященіе электрической станціи военнаго вѣдомства, устроенной для освѣщенія цѣлаго ряда казенныхъ учрежденій, помѣщающихся на Выборгской сторонѣ: Императорской Военно-Медицинской академіи и ея клиникъ и клиническаго госпиталя, Михайловской клиники баронета Вилье, Михайловской артиллерійской академіи и училища, Фельдшерской школы, Пиротехнической школы, Естественно-Историческаго зданія и Военной тюрьмы.

— Окончились пріемные экзамены гг. офицеровъ въ Николаевскую академію Генер. Штаба. Допущено къ экзамену 249 человѣкъ, принято—138, т. е. на 68 чел. болѣе противъ установленнаго комплекта. Этимъ усиленнымъ пріемомъ имѣется въ виду общее возвышеніе уровня военнаго образованія въ рядахъ русской арміи.

— 2 ноября, въ большой залѣ Думы состоялось первое засѣданіе Городскаго по воинской повинности присутствія по призыву всѣхъ подлежащихъ исполненію воинской повинности въ нынѣшнемъ году.

— 4 ноября исполнилось пятидесятилѣтіе художественной дѣятельности заслуженнаго профессора Императорской Академіи Художествъ по классу баталической живописи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Богдана Павловича Виллевальде.

— 3 ноября педагогическій міръ чествовалъ пятидесятилѣтнюю педагогическую дѣятельность предсѣдателя учебнаго комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и директора гимназіи Общества, А. А. Голи-

цынскаго. Поздравить юбиляра прибыли министръ Нар. Просв. ст.-секретарь графъ Деляновъ, тов. министра князь Волконскій, попечитель СПБ. уч. округа Капустинъ и многія другія высокопоставленныя лица и представители учебнаго вѣдомства.

— Въ продолженіе года благотворительныя общества при петербургскихъ городскихъ больницахъ оказали, какъ видно изъ послѣднихъ отчетовъ, разнаго рода пособій 2,720 нуждающимся больнымъ и выздоровѣвшимъ и ихъ дѣтямъ, на что израсходовали 17,500 рублей.

— Скончавшеюся лѣтомъ прошлаго года заграницею г-жею Череновскою завѣщанъ капиталъ въ 10,000 руб. для выдачи изъ его процентовъ пособій на приданое выходящимъ замужъ дѣвицамъ, окончившимъ курсъ въ женскихъ институтахъ. Первая выдача пособій, согласно волѣ завѣщательницы, будетъ произведена въ 1894 г.

— Предполагавшаяся лотерея въ пользу строющейся Петербургской консерваторіи не осуществится; точно также рѣшена въ отрицательномъ смыслѣ проектированная лотерея для усиленія средствъ Общества „Краснаго Креста".

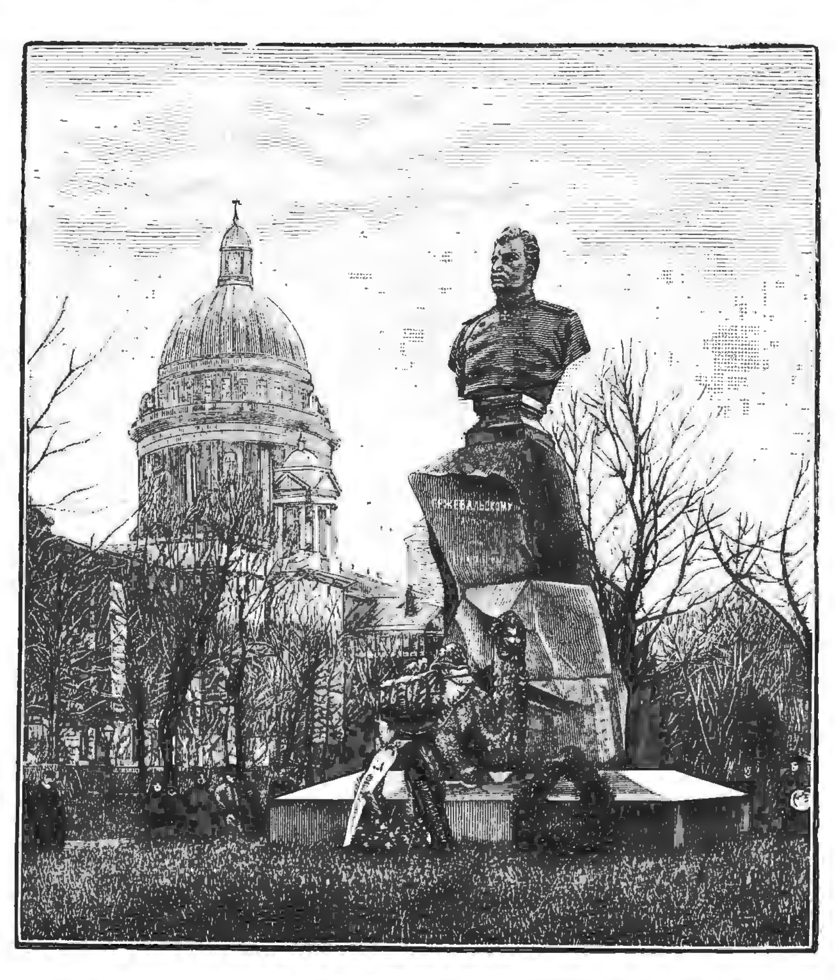
— Въ продолженіе октября въ 16-ти селахъ С.-Петербургской губерніи состоялись приговоры о закрытіи съ 1 января 1893 г. въ ихъ селеніяхъ кабаковъ и трактировъ съ продажею крѣпкихъ напитковъ и вообще не пить водки. За неисполненіе приговоровъ установлены штрафы, которые пойдутъ на пособія бѣднымъ передъ большими праздниками: Рождествомъ Христовымъ и Св. Пасхи.

— 1 ноября въ Москвѣ, въ торжественномъ засѣданіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, праздновалось пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности почетнаго члена общества, товарища Августѣйшаго Предсѣдателя историческаго музея, И. Е. Забѣлина.

— Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири вносится на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ объ отводѣ земель переселенцамъ въ этомъ краѣ, до сихъ поръ стоявшемъ внѣ удобныхъ условій для переселенія.

— Варшавскія газеты сообщаютъ, что въ настоящее время на фабрикахъ и заводахъ Лодзи и окрестныхъ начались испытанія по русскому и польскому языкамъ лицъ, занимающихъ должности мастеровъ и старшихъ техниковъ. Не обнаружившіе удовлетворительныхъ успѣховъ будутъ съ 1 января 1893 г. уволены отъ службы.

Гроверъ Клэвландъ — новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ.



Памятникъ Н. М. Пржевальскому въ Александровскомъ скверѣ, въ СПБ.
Съ фот. грав. Флюгель.

— Въ Варшавскомъ военномъ округѣ, огромномъ по значенію, протяженію и числу войскъ, введена весьма совершенная организація въ сношеніяхъ частей между собою. Въ Варшавѣ, при окр. штабѣ, свои — телеграф., телефонная и почтовая — военныя станціи. Въ штабѣ находится и почта — ящикъ, въ который опускаются въ разныя части войскъ и военныя мѣста пакеты, которые вынимаются два раза въ день. Вѣстовой привозитъ бумаги въ штабъ и забираетъ пакеты своей части. Для экстренныхъ и важныхъ дѣлъ служатъ телефонъ и телеграфъ.

— На С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, на участкѣ отъ Ландварово до Варшавы, устроено телефонное сообщеніе, установленъ 171 телефонъ на протяженіи 371 версты. Они помѣщены на 12 станціяхъ, въ квартирахъ участков. начальниковъ ремонта пути, и въ 31 казармѣ дорожныхъ мастеровъ; остальные помѣщаются въ будкахъ сторожей.

— Въ видахъ поддержанія рыбопромышленности на Волгѣ, правленіе Общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги рѣшило устроить въ Тамбовѣ, Козловѣ, Рязани и на нѣкоторыхъ станціяхъ желѣзной дороги рыбные склады.

— По словамъ *Харьк. Губ. Вѣд.*, мѣстныя желѣзно-дорожныя управленія получили циркуляръ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ о томъ, что въ виду особенно похвальныхъ отзывовъ о женскомъ трудѣ, управляющій Министерствомъ Путей Сообщенія нашелъ возможнымъ допустить женщинъ къ желѣзно-дорожной службѣ въ количествѣ 20 проц., въ отдѣленіяхъ-же статистики — до 30 проц.

— Харьковское Акціонерное Общество для развитія хмѣлеводства и торговли туземнымъ хмѣлемъ, за выставленный русскій хмѣль, урожая текущаго года, удостоено высшей награды — почетнаго диплома и большой золотой медали въ Парижѣ на „Международной" выставкѣ алкоголя и иныхъ продуктовъ броженія.

— Изъ свѣдѣній, собранныхъ о профессіональномъ образованіи, оказывается, что въ Россіи существуетъ 1,500 школъ, при которыхъ устроены учебныя мастерскія.

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г. 6-й тиражъ 2 ноября 1892 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
105	40	500	2155	15	1000	3889	30	500	6128	48	500	8471	48	500	10091	45	500	12213	47	500	14040	26	500
127	31	500	2338	49	500	3986	40	10000	6133	13	500	8489	34	500	10105	50	500	12260	28	500	14201	1	8000
221	22	500	2362	46	500	4152	13	500	6198	14	8000	8551	8	500	10202	13	500	12284	37	500	14211	40	500
267	12	500	2366	41	500	4160	45	500	6338	36	500	8561	22	500	10280	17	500	12347	40	500	14223	11	500
298	36	500	2484	48	1000	4165	28	500	6348	10	1000	8591	17	500	10290	29	500	12379	16	500	14374	34	500
337	46	75000	2494	47	500	4225	21	500	6373	45	500	8655	17	500	10350	2	500	12486	19	1000	14406	7	500
544	22	500	2522	38	500	4232	1	500	6375	35	500	8690	31	500	10361	42	500	12514	26	500	14416	45	5000
686	40	500	2526	28	500	4438	35	500	6385	42	500	8691	15	500	10405	38	1000	12516	43	500	14458	48	500
725	22	500	2602	19	500	4485	11	500	6491	13	500	8786	15	500	10416	47	500	12532	35	500	14501	6	500
765	33	500	2608	24	500	4609	24	500	6508	35	500	8797	15	500	10470	27	1000	12543	3	500	14564	37	5000
791	27	500	2631	39	1000	4740	1	500	6632	34	500	8834	14	500	10478	6	500	12843	48	500	14568	47	500
963	7	500	2697	16	500	4746	40	500	6657	10	500	8869	39	500	10514	49	5000	12912	32	500	14694	38	500
1038	25	500	2810	49	500	4789	13	40000	6730	32	500	9045	37	500	10620	10	500	12925	37	500	14755	19	500
1072	14	1000	2860	42	500	4808	17	500	6766	34	500	9091	30	500	10708	4	500	12·64	3	200000	14833	34	500
1106	20	500	2867	1	500	4949	19	500	6767	6	500	9097	17	500	10785	1	25000	12966	15	500	14860	11	5000
1156	43	500	2896	5	8000	4992	27	500	6810	32	500	9106	30	500	10994	19	500	12977	50	500	14890	1	500
1187	42	500	2916	37	500	4999	44	500	6872	5	500	9171	32	500	11009	47	500	13056	15	500	14897	29	1000
1255	1	500	3014	39	1000	5021	6	500	6997	4	500	9196	30	500	11120	28	500	13121	15	500	14977	49	1000
1343	3	500	3082	9	5000	5091	19	500	7067	46	500	9200	2	500	11143	27	500	13152	39	500	15093	4	500
1375	24	500	3085	33	500	5125	24	500	7068	44	500	9220	50	500	11170	42	8000	13154	23	500	15145	17	500
1388	35	500	3113	7	500	5259	36	500	7118	31	500	9226	4	500	11174	11	500	13157	48	500	15164	26	500
1444	36	500	3119	47	1000	5346	49	500	7158	30	500	9348	25	500	11190	28	500	13182	23	500	15263	21	500
1459	39	500	3140	40	500	5390	17	1000	7240	16	500	9379	44	500	11256	22	500	13187	3	500	15423	9	500
1515	46	500	3141	21	500	5408	13	500	7275	4	500	9472	23	500	11256	46	500	13291	42	500	15456	48	500
1527	10	500	31·4	6	500	5448	44	500	7293	17	500	9507	22	500	11354	28	500	13345	49	500	15494	43	500
1552	12	500	3183	41	500	5463	6	500	7355	12	500	9615	47	500	11450	40	500	13360	39	500	15558	20	1000
1624	31	1000	3191	1	5000	5614	12	500	7830	26	500	9687	38	1000	11471	37	10000	13374	24	500	15·99	4	500
1667	25	500	3208	35	500	5665	33	500	7844	50	500	9693	31	500	11514	5	500	13414	34	500	15616	50	500
1693	26	500	3236	49	500	5771	46	500	7867	48	500	9822	38	500	11577	36	500	13423	10	500	15633	27	500
1801	49	500	3246	19	500	5812	49	500	7996	8	500	9928	46	500	11633	36	500	13428	31	500	15759	18	500
1954	32	1000	3285	35	1000	5815	48	10000	8033	18	8000	9956	25	500	11645	8	500	13440	46	500	15787	22	500
1956	40	500	3393	44	500	5843	40	500	8152	44	500	9994	11	500	11720	28	500	13572	24	5000	15788	35	500
2051	45	500	3440	45	500	5980	31	500	8157	22	500	10026	19	500	11792	48	500	13590	34	500	15791	38	500
2067	34	500	3518	13	500	5996	19	500	8266	5	5000	10033	28	500	11830	1	500	13603	28	500	15845	3	500
2084	36	500	3570	2	500	6019	46	500	8271	49	500	10054	19	500	12083	50	500	13685	12	500	15868	32	1000
2094	3	500	3730	50	500	6089	35	500	8361	11	500	10058	48	500	12095	48	500	13828	18	500	15885	3	500
2130	13	1000	3786	18	500	6102	28	500	8373	24	500	10073	50	500	12122	31	500	13875	7	500	15910	25	500
2150	44	500	3811	47	500	6123	4	500	8418	7	500												

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

За редактора издатель А. Ф. Марксъ.

СИМФОНІОНЫ.

По тону они подходятъ къ швейцарскимъ музыкальнымъ шкатулкамъ; вмѣсто вала у нихъ стальные нотные листы, которые легко мѣняются.

№ 3. Съ ручкой, без нотъ, 6 руб. Ноты по 35 коп.

№ 5. Заводной, безъ нотъ, 16 руб. Ноты по 35 коп.

№ 7. Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб. Ноты по 60 коп.

№ 9. Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 коп.

№ 12. Заводной, 84 тонн. „Sublime harmonie", безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.

№ 15. Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Piccolo", безъ нотъ, 125 р. Ноты по 1 р. 50 коп.

Новосты! часы съ музыкой (съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва. Кузнец. мостъ, д. Захарьина.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вышло новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ДОНЪ КИХОТЪ.

Сервантеса.

Въ сокращенномъ переводѣ для юношества. Съ 43 рисунками. Цѣна 50 коп. Въ папкѣ 60 к. Въ переплетѣ 90 к. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова (СПБ. Лештуковъ пер., 2). Mt. № 6070

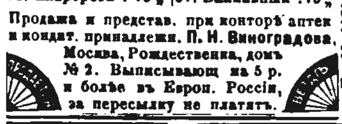
ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ИЗЪ ОЧИЩЕН. ВОДКИ ДОМАШНИМЪ ПРОСТЫМЪ СПОСОБОМЪ РАЗНЫХЪ НАПИТКОВЪ *ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПО ВКУСУ И ДЕШЕВИЗНѢ*

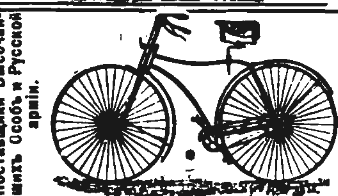
1.	Англійская горькая на 1 бут.	10 к.
2.	Желудочная	10 „
3.	Анисовая	10 „
4.	Травникъ	10 „
5.	Полынная (абсентъ)	15 „
6.	Хинная	15 „
7.	Померанцевая	15 „
8	Ерофеичъ (старин.)	30 „
9.	Мятная } Новость	15 „
10.	Лимонная } Новость	15 „
11	Рябиновая наливка	15 „
12.	Вишневая наливка	15 „

Для приготовленія ликеровъ замѣняющихъ по вкусу лучшія заграничныя марки:

51. Бенедиктинъ (Монахоръ) за бан. 75 к.
52. Розов., бан. 75 к. | 55. Чайный, бан. 75 „
53. Мараскинъ. 75 „ | 56. Абрикотинъ. 75 „
54. Шартрезъ. 75 „ | 57. Ванильный. 75 „

Продажа и представ. при конторѣ аптек и кондит. принадлежн. П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2. Выписывающ на 5 р. и болѣе въ Европ. Россіи, за пересылку не платятъ. Ц. № 6075





Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—4 Ц. № 5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

Только что поступилъ въ продажу

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно:

1) Профессора И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря близь Сухумъ-Кале".
2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ".
3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ".
4) Профессора Н. Д. ДМИТРІЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО: „У колодца".
5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатьма".
6) А. М. КОТЛЯРЕВСКАГО: „Спряталась". (Сцена изъ малоросс. жизни).
7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго".
8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРІО: „Близь Ай-Петри въ Крыму".
9) Профессора К. Е. МАКОВСКАГО: „Бояринъ".
10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблоковъ".

Картины заключены **въ роскошную папку** (10 вершк. длины и и 8 вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенную акварелью акад. **С. Ѳ. Александровскаго.** Каждая картина въ альбомѣ печатана **15—20 красками,** на лучшей **бѣлой бристольской бумагѣ,** и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Цѣна **3 р.** съ пер., для гг. подписчиковъ „Нивы" **2 р.** съ пер.

Требованія просятъ адресовать въ **СПБ—гъ,** въ Контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

ВНИМАНІЮ УЧАЩИХСЯ.

Къ предстоящ. полугод. письм. работ. вышла **справочн. книга по русскому правописанію, разрѣшающая всѣ случаи сомнѣнія при письменн. изложеніи. Сост. Н. Вославцевъ.** Ц. 50 к. Прод. въ кн. маг. Фену и „Нов. Вр."

ІИСУСЪ

(сынъ Навина). Повѣствован. изъ библейск. временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.** Перев. съ нѣм. съ 58-ю грав. въ текстѣ, по рис. художн. **А. Земцова.** С.-Петербургъ 1890 г. Ц. **2** р., съ перес. **2** руб. **20** коп.

XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ. XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1893** годъ Ц. № 6036 6—2

„НОВОСТИ ДНЯ",

большая ежедневная газета.

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, газета „Нов. Дня" и въ **1893** году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ; кромѣ того, ежедневно помѣщаются интересные фельетоны и еженедѣльно будутъ помѣщаться портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Съ доставкой на годъ. . . . **9** р. — к.	Съ доставкой на 3 мѣсяца . . . **3** р.
„ „ „ шесть мѣс. **5** „ **50** „	„ „ „ 1 мѣсяцъ . . . **1** „

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ".

Золотая медаль Москва 1882 г.

СИБИРСКІЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

мѣховыхъ товаровъ

А. М. МИХАЙЛОВА

въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, собств. домъ № 8.

ОБШИРНЫЙ ВЫБОРЪ

Сибирскихъ и Американскихъ мѣховыхъ товаровъ

во всѣхъ издѣліяхъ.

ДЕПО МОРСКИХЪ БОБРОВЪ И ВОРОТНИКОВЪ.

Спеціальное отдѣленіе готовыхъ, крытыхъ мужскихъ и дамскихъ мѣховыхъ вещей.

Сибирскія дохи или ергаки на всевозможныхъ мѣхахъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Вещи, купленныя въ моемъ торговомъ домѣ, если почему бы то ни было не соотвѣтствуютъ желанію купившаго или выписывающаго, принимаю обратно: при личной покупкѣ въ трехдневный, а отъ выписывающихъ—въ мѣсячный срокъ, и по желанію покупателя исполняю другія или возвращаю деньги обратно.

Ц. № 6078 **А. Михайловъ.**

№ 6109 10—8

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

Сигары, сигареты, папиросы, табакъ, турецкій и американскій.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазинахъ или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—?

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло	кус. 30 к.
Вазелиновая жирная пудра	кор. 60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ	бан. 35 к.
Вазелиновая помада	бан. 35 к.
Ландышевое молоко	фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб.

Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская багетная и рамочная фабрика.

С.-Петербургъ.
Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5966 (9)

КНИГИ

всевозможныя, русскія, высыл. немедленно

Книжный магазинъ

Ѳ. А. БОГДАНОВА.

Москва, Петровка, Петровскія линіи № 5. Принимается подписка на всѣ рус. журналы и газеты по цѣн. редакцій. № 6026 (4)

КЪ ПРАЗДНИКУ

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРКИ.

Аппаратъ для прорѣзанія и обметыванія петель 2 р. 50 к. ◆ Штопальный аппаратъ цѣна 1 р., чинитъ чулки, полотно, матеріи и проч. Аппаратъ для шитья и починки перчатокъ 1 р. 50 к. Единств. Агентство для Россіи: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій проспектъ 4. Заказы высылаются немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 к. марку.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ (14)

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5808

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5976 (5)

ЛИТЕРАТУРЫ

XXIII г. | № 47

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 ноября 1892 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Высокопреосвященный Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

На вакантную, по смерти Исидора, митрополита С.-Петербургскаго, Новгородскаго и Финляндскаго, каѳедру Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 18-го октября 1892 г. назначенъ экзархъ Грузіи, архіепископъ Палладій, съ титуломъ митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, Свято-троицкія Александро-Невскія Лавры священно-архимандрита и первенствующаго члена Святѣйшаго Синода. Новый митрополитъ С.-Петербургскій—не чужой для Петербургской епархіи; онъ извѣстенъ ей, и ея дѣла ему знакомы; здѣсь впервые началось его епископское служеніе, въ санѣ епископа Ладожскаго, викарія С-Петербургскаго митрополита, съ 1866 г А предъ этимъ онъ проходилъ должность ректора Петербургской духовной семинаріи, и слѣдовательно въ духовенствѣ тогерешней своей епархіи найдетъ многихъ прежнихъ своихъ учениковъ. До своего настоящаго высокаго назначенія высокопреосвященный Палладій проходилъ епископское служеніе во многихъ епархіяхъ съ постоянною пользою для Церкви и вездѣ оставляя о себѣ добрую память, какъ объ архипастырѣ благодушномъ и благожелательномъ. Мы сообщимъ здѣсь лишь нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о предшествовавшей дѣятельности новаго владыки Петербургскаго.

Высокопреосвященный Палладій, митрополитъ С-Петербургскій и Ладожскій.
Съ фот Здобнова, грав Шюблеръ

Высокопреосвященный Палладій—въ мірѣ Павелъ Ивановичъ Раевъ—сынъ священника Нижегородской епархіи, родился 20 іюня 1827 г.; среднее образованіе получилъ въ Нижегородской духовной семинаріи, а высшее въ Казанской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1852 г. со степенью магистра. По окончаніи курса былъ въ родной семинаріи преподавателемъ логики и психологіи, и, кромѣ того, татарскаго языка. Не оставляя службы при семинаріи, онъ былъ рукоположенъ въ свя-

щенники, а послѣ вдовства, въ 1861 г., постригся въ монахи и былъ назначенъ инспекторомъ семинаріи. Въ 1862 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита, и въ слѣдующемъ году былъ переведенъ инспекторомъ въ Петербургскую семинарію, и здѣсь былъ ректоромъ съ 1864 по 1866 г. Въ 1866 г. былъ рукоположенъ въ епископа Ладожскаго, викарія Петербургской епархіи, а въ 1869 г. получилъ назначеніе на самостоятельную каѳедру въ Вологду. Отсюда онъ былъ назначенъ на каѳедру Тамбовскую (1873—1876) и потомъ Рязанскую (1876—1882). Памятникомъ его пастырской дѣятельности въ этихъ епархіяхъ остались основанныя при немъ общества: миссіонерское противораскольническое Богородично-Казанское въ Тамбовѣ и Святаго Василія Рязанскаго въ Рязани. Духовенство ввѣренныхъ ему епархій выразило свое почтеніе и любовь къ своему архипастырю учрежденіемъ стипендій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ честь его имени. Церковная и Верховная власть отличила полезную дѣятельность архипастыря наградами. Въ 1879 и въ 1885 г. онъ вызываемъ былъ для присутствованія въ Св. Синодѣ; въ 1883 г. присутствовалъ при короновании Государя Императора. Санъ архіепископа онъ получилъ въ Рязани въ 1881 г., а въ 1886 г. ему указано быть архіепископомъ Казанскимъ. Въ этой епархіи, обширной и населенной инородцами и раскольниками, предстояло высокопреосвященному Палладію широкое поприще дѣятельности, и онъ много сдѣлалъ для миссіонерства и религіознаго просвѣщенія своей паствы. Съ особенною любовію заботился архипастырь Казанскій о нуждахъ и процвѣтаніи воспитавшей его академіи, о чемъ съ благодарностью вспоминаетъ въ недавно изданной „Исторіи Казанской духовной академіи" почтенный историкъ, профессоръ Знаменскій. Во время своего святительства въ Казани высокопреосвященный Палладій постоянно называлъ академію: „наша дорогая академія"; его ходатайству академія обязана расширеніемъ теперь обширныхъ зданій; но его же иниціативѣ и при его крупномъ пожертвованіи при ней основано благотворительное общество вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. Со временемъ его святительства въ Казани совпало крупное въ нашей церковной жизни событіе: съѣздъ въ Казани архіереевъ поволжскихъ и сѣверо-восточныхъ епархій для обсужденія нуждъ и потребностей этой мѣстности. И въ подготовленіи къ этому съѣзду, и въ дѣятельности его архіепископу Казанскому, конечно, пришлось имѣть немаловажное значеніе. Постановленія съѣзда по ихъ цѣлесообразности были одобрены Св. Синодомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже были предписаны къ повсемѣстному руководству и исполненію.

Какъ многоопытному и выдающемуся своими заслугами между іерархами, высокопреосвященному Палладію указано было, въ 1886 г., Высочайшею волею быть экзархомъ Грузіи и постояннымъ членомъ Св. Синода. Вскорѣ послѣ этого онъ удостоенъ былъ рѣдкой и для архіепископовъ награды—брильянтоваго креста на клобукѣ. Назначеніе его совершилось при затруднительныхъ обстоятельствахъ: нужно было утишить страсти и умиротворить здѣшнюю паству. Миролюбивый и благодушный пастырь достигъ этого съ рѣдкимъ успѣхомъ. Доказательствомъ чего служитъ благодарственный адресъ, покрытый подписями 2000 грузинъ и поднесенный ему вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ архіерейскимъ посохомъ, въ 1889 г. Заботы высокопреосвященнаго Палладія о религіозномъ просвѣщеніи, благочиніи церковнаго служенія и возстановленіи памятниковъ христіанской древности были удостоены милостиваго Высочайшаго рескрипта. Въ нынѣшнее лѣто, во время эпидеміи, паства грузинская имѣла особый случай оцѣнить заботливую попечительность о ней своего архипастыря. Несмотря на жаръ и зной, онъ оставался неотлучно въ своемъ каѳедральномъ городѣ и дѣйствовалъ для успокоенія устрашенныхъ эпидеміей умовъ и для облегченія несчастія. Такое по-истинѣ пастырское дѣйствованіе не прошло незамѣченнымъ для населенія и возбудило особое почтеніе къ личности владыки, нашедшее себѣ отголосокъ и въ мѣстныхъ органахъ печати.

Зная предшествующую дѣятельность высокопреосвященнаго Палладія, паства Петербургская въ правѣ надѣяться, что встрѣтитъ въ немъ архипастыря попечительнаго и заботливаго, миролюбиваго и любвеобильнаго.

(П. П. В.)

Мѣсяцъ и роза.

Онъ.

Всталъ я рано надъ горой,
Чтобъ расцвѣтъ увидѣть твой,
И гляжу съ мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь;
Но навстрѣчу мнѣ твой кустъ
Не вскрываетъ алыхъ устъ.

Она.

Не сравнится вздохъ ничей
Съ красотой твоихъ лучей,
Но не имъ будить меня:
Жду лобзаній жаркихъ дня,
Жду вѣнчаннаго царя;
Для него таитъ заря
Благовонныя красы
Подъ алмазами росы.

А. Фетъ.

На Синеморскихъ буграхъ.

Житейская драма.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

Взойдя въ катеръ, докторъ удивился: въ носовой части его лежалъ тяжелый свертокъ, оказавшійся прекраснымъ ковромъ тонкой текинской ткани.

— Что это такое?.. Кому?.. Куда? вопросили пріятели.

— А это изъ кибитокъ темировскихъ принесли. Абатыръ сказывалъ—отъ старухи, отъ его сестры, значитъ, Якову Карлычу въ подарокъ, отвѣчалъ матросъ.

— Ну ужь это... Зачѣмъ же?.. Слишкомъ ужь это... смутился докторъ.

— Вотъ то-то-же! улыбнулся Іуліяновъ, провожавшій доктора. — Ты сомнѣвался, найдется-ли у нихъ конвертъ для приличнаго вознагражденія врачу. Для такого пакета, указалъ онъ на коверъ,—дѣйствительно не нашлось бы!

Катеръ быстро скрылся изъ глазъ учителя, а онъ еще медлилъ вернуться въ домикъ, гдѣ ждала его мать, перебирая, по желанію его, ноты. Заря на западѣ потухала. Звѣзды и тонкій серпъ молодаго мѣсяца выяснились на чистомъ небѣ; цвѣтные фонарики „Вари" скрылись за поворотомъ берега, а Михаилъ Андреичъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ.

„Придетъ-ли она сегодня?.. Вырвется-ли? думалъ Іуліяновъ, тихими шагами направляясь къ своему домику, откуда уже раздавались звуки фортепьяно.—Обѣщалась, когда я уѣзжалъ... Не забыла-ли?" продолжалъ онъ думать.

Нѣтъ! Альме не забыла.

Когда все угомонилось въ ставкѣ и во всѣхъ девяти кибиткахъ ихъ, Альме выскользнула изъ-подъ цыновки той, которую занимала вмѣстѣ съ теткой.

Муслиме даже не ворохнулась. Измученная нѣсколькими безсонными ночами, она теперь съ наслажденіемъ, сладко и крѣпко заснула.

Альме проскользнула на другую сторону кибитки и прислушалась. Она стояла и ждала послѣдней, призывной мелодіи. Звуки на скрипкѣ и піанино явственно долетали сюда изъ открытыхъ оконъ школы... Нѣтъ!.. Еще не то играютъ, но все равно: лучше, безопаснѣе ей отойти отсюда подъ тѣнь кустарника и тамъ дождаться условнаго сигнала... Но что это не идетъ Руайда?.. Одной какъ-то страшно!.. Условіе было: когда потухнетъ огонь въ кибиткѣ отца... Онъ давно потушенъ, что-жъ она не выходитъ?..

А-а!.. Вотъ она, наконецъ!

Изъ другой кибитки выскользнула тѣнь. Молодой мѣсяцъ былъ ужь низко; самъ догоралъ, мутно-желто-

ватымъ свѣтомъ никого и ничего на землѣ не освѣщая...

— Руайда!.. Это ты? шепнула Альме.

И сердце ея забилось крѣпко отъ страху, что это вышла другая, не преданная ей на жизнь и смерть молодая служанка, съ которой она выросла въ тѣсной дружбѣ, въ которой была увѣрена, какъ въ себѣ самой.

— Я! Я!.. Не бойся! отвѣчалъ веселый голосъ той самой служанки, съ которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Альме гуляла, уча ее по-русски, когда онѣ впервые встрѣтили Іуліянова и такъ напугались.

— Пойдемъ... Теперь ужь скоро! шепнула радостно Альме.

И обѣ дѣвушки, осторожно перебѣгая отъ куста къ кусту, въ минуту очутились на берегу рѣчки, подъ прикрытіемъ густо разросшейся вербы. Тутъ они перевели духъ и насторожились.

Вотъ раздался знакомый аккордъ, и вслѣдъ за нимъ полились призывные, молящіе звуки серенады Шуберта.

Это была одна изъ любимѣйшихъ мелодій Маріи Богдановны. Она любила ею оканчивать свои музыкальные вечера съ сыномъ.

Затѣмъ, музыка смолкла и самъ Іуліяновъ явился на обычное мѣсто свиданія. И вотъ, въ то время, какъ отецъ, мать и тетка сладко спали, не чая обмана, молодые люди, чуть не каждую ночь видясь и бесѣдуя подъ охраной вѣрной служанки, ужь все порѣшили. Не только вполнѣ безразличная въ понятіяхъ о своемъ или чужихъ вѣроисповѣданіяхъ киргизка, но даже чудакъ безсребренникъ, ей милый и ее горячо любившій, окончательно рѣшились обойти препятствія ихъ раздѣлявшія, и быть женой и мужемъ.

Въ этотъ самый вечеръ Іуліяновъ ей сказалъ еще разъ:

— Скажи отъ меня, Альме, дорогая моя, своей теткѣ, что мнѣ не нужно твоего богатства: ты только одна мнѣ мила и нужна! Я знаю, — послѣ вѣроисповѣданія твоего, которое ты должна измѣнить, если хочешь быть мнѣ женой по закону,—пожалуй даже больше, чѣмъ оно, препятствіе между нами—твое богатство!.. Такъ я готовъ отказаться отъ него совершенно!.. Пусть берутъ родные ваши всѣ табуны и все, что твой отецъ имѣетъ... Я такъ и скажу ему и всѣмъ, какъ говорю тебѣ... Когда ты скажешь мнѣ, что Муслиме все знаетъ и что я могу говорить съ отцомъ твоимъ,—я сейчасъ скажу ему, что люблю тебя, и хочу, чтобъ ты была моей... Но *ты одна!* Мнѣ больше ничего не нужно!

Альме слушала его, но не совсѣмъ раздѣляла его странныя мысли, и даже ихъ не совсѣмъ понимала.

Она вѣрила, что онъ ее любитъ не ради ея денегъ, ея стадъ и табуновъ, и дорогихъ уборовъ; но если они у нея есть, такъ чѣмъ же они ему мѣшаютъ?.. Она этого никакъ не могла взять въ толкъ, и такъ ему и говорила... Зачѣмъ отдавать свое?.. Чужаго желать не надо! И другимъ, бѣднымъ, надо помогать. Это она знала. Но развѣ богатство грѣхъ или несчастіе? Зачѣмъ отъ него отказываться?

Сначала она горячо протестовала противъ его рѣшенія, но потомъ замолчала, вполнѣ согласившись съ разумнымъ мнѣніемъ своей вѣрной подруги. Руайда ей сказала, чтобъ она съ нимъ не спорила...

— Это онъ такъ только теперь говоритъ, увѣренно заключила практичная Руайда. — Онъ хочетъ, чтобъ ты знала, какъ крѣпко онъ тебя любитъ... Будто ужь ни о чемъ другомъ и заботиться не будетъ во всю жизнь!.. А, небось, когда вы будете жить вмѣстѣ, онъ будетъ самъ радъ, что въ его кибиткѣ не голыя стѣны и земля, а хорошіе ковры и мягкія подушки!

Такъ Альме и порѣшила: не противорѣчить своему милому, но и не исполнять его вздорныхъ требованій.

Рѣшено было, что она, долѣе не откладывая, во всемъ признается старой Муслиме и попроситъ ее сначала приготовить отца; а тогда ужь онъ самъ, Іуліяновъ, обратится къ Темирову и лично посватается за его дочь.

IX.

Старикъ-киргизъ говорилъ правду: онъ не избиралъ своей дочери жениха съ малыхъ лѣтъ, во многомъ отказавшись отъ обычаевъ своего народа, хотя не любилъ въ томъ сознаваться. Но отъ нѣкотораго послабленія въ исполненіи дикихъ обычаевъ и нѣкоторой терпимости въ сношеніяхъ съ христіанами до согласія на бракъ единственной дочери съ православнымъ, слѣдовательно до полнаго отреченія отъ вѣры своего народа—еще было далеко!.. Муслиме ужаснулась даже и первыхъ намековъ племянницы. Она посовѣтовала ей, пока, скрывать свои безумныя надежды, обѣщавъ только отклонить брата отъ мысли о необходимости тотчасъ же пріисканія для Альме жениха — мысли, начинавшей въ послѣднее время серьезно озабочивать Урбазъ-Бека-Темирова.

Въ претендентахъ недостатка быть не могло, но Темирову хотѣлось найти человѣка, который могъ бы быть по душѣ его дочери, а такихъ не находилось; всѣ были ей до того противны, что она слезно просила не неволить ее замужествомъ, каждый разъ, какъ отецъ указывалъ ей на какого-нибудь жениха. Но наконецъ выискался такой, который пришелся по вкусу даже снисходительному и чадолюбивому отцу Альме. Новый искатель руки ея былъ человѣкъ богатый, съ большими связями не только у киргизовъ, но и въ средѣ начальства, точно такъ же состоявшій на службѣ, какъ и самъ Урбазъ-Бекъ, поручикъ Судалкубай-Урузамъ-Мамбетовъ. Онъ не разъ дрался въ рядахъ русскихъ въ Закаспійскомъ краѣ, за что имѣлъ нѣсколько знаковъ отличія; былъ тоже однимъ изъ передовыхъ людей среди киргизскаго высшаго сословія, хотя ревностный мусульманинъ. Женившись, по обычаю, ранѣе двадцати лѣтъ, Судалкубай Мамбетовъ овдовѣлъ въ тотъ же годъ и уѣхалъ изъ ихъ мѣстъ на войну, не желая вторично жениться. Теперь онъ возвращался на родину, обязанный выйти въ отставку по завѣту умершаго недавно отца, завѣщавшаго ему большое наслѣдство и заботы о многочисленной малолѣтней семьѣ своей. Мамбетовъ былъ двадцатипятилѣтній стройный, даже красивый молодецъ. Не было самой богатой дѣвушки-киргизки, которая съ радостью не пошла бы за него; но родной его дядя, мулла Сеидъ-Газы-Мамбетовъ, заранѣе намѣтилъ для него Альме Темирову и переговорилъ уже съ отцомъ ея.

Зная, что намѣренія его касательно устройства судьбы дочери всегда были непріятны ей и сестрѣ, Урбазъ-Бекъ ничего не говорилъ имъ о проектахъ муллы Сеида, ожидая, что не предупрежденная Альме скорѣе сама прельстится бравымъ поручикомъ, когда увидитъ его, по обыкновенію киргизскихъ женщинъ, сквозь щели своей кибитки. Онъ даже нарочно не сказалъ имъ, что ожидаетъ вскорѣ посѣщенія жениха и только велѣлъ и на слѣдующій день не снимать раскинутую для пріема доктора парадную палатку.

Это заставило смѣтливую Муслиме тотчасъ догадаться, что братъ ея ожидаетъ еще какихъ-то гостей, о пріѣздѣ которыхъ почему-либо не желаетъ заранѣе сообщать домашнимъ... Но почему?.. Старая киргизка была слишкомъ умна, чтобъ разспрашивать брата. Смекая про себя въ чемъ дѣло, она только приняла свои мѣры; а когда племянница обратилась къ ней съ несвоевременнымъ признаніемъ и просьбами о помощи, она между прочимъ обратила ея вниманіе и на этотъ многознаменательный фактъ.

Альме удивилась и встревожилась... Развѣ къ нимъ будутъ гости?.. Кто такіе?.. Откуда?.. Почему же отецъ не сказалъ имъ?

Муслиме не умѣла удовлетворить ея любопытству, но не хотѣла и успокоивать. Тревога и недоумѣніе женщинъ продолжались однако не долго. Въ тотъ же вечеръ глава семьи имъ объявилъ, что на завтра не-

Выѣздъ императора Петра II изъ села Измайлова на соколиную охоту.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") проф. Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Флюгель.

Литературный альбомъ. „Потопъ“, романъ Генриха Сенкевича. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) З. Флери, грав. Пупъ.

обходимо приготовить обильное угощеніе; ихъ посѣтятъ почетные гости—Сеидъ-Газы-Мамбетовъ, съ племянникомъ и нѣкоторыми родственниками.

— Что это имъ вздумалось? удивилась Муслиме. — Они къ тебѣ по дѣлу или куда-нибудь проѣздомъ?.. И съ какимъ же племянникомъ? У него ихъ много!

— Со старшимъ, что вернулся недавно со службы изъ-за моря, объяснилъ старикъ. — Заслуженный, достойный уваженія человѣкъ, несмотря на молодые годы... Устраивается новымъ хозяйствомъ. Можетъ статься хочетъ лошадей или верблюдовъ у меня купить... Будь и ты наготовѣ, Альме! Мулла Сеидъ твой старый другъ и учитель: онъ навѣрное пожелаетъ тебя видѣть.

— Неужели мнѣ выходить къ молодымъ, незнакомымъ мужчинамъ? недовольно спросила Альме, не поднимая головы отъ работы — ковровой полосы, которую ткала, сидя на коврѣ, устилавшемъ кибитку.

— Не къ незнакомымъ, а къ нашему старому другу, учившему тебя грамотѣ, служителю Пророка... Съ какихъ поръ ты стала такой строгой, что не желаешь показываться даже муллѣ Сеиду? недовольно спросилъ отецъ.

Альме покраснѣла и еще ниже пригнулась къ ручному станку; однако отвѣчала твердо:

— Не ему, а тѣмъ, которые съ нимъ пріѣдутъ, не хочу я показываться. Ты самъ знаешь, отецъ, почему я ненавижу гостей... Ни одно посѣщеніе не обходилось безъ непріятныхъ для меня пересудовъ и разговоровъ!

— Она еще не можетъ забыть глупыхъ рѣчей Гурбаева и его матери, засмѣялась Муслиме. — Какъ они тебя корили, что ты хочешь свой родъ осрамить: дочку въ просолъ солишь! Въ старыхъ дѣвкахъ ее хочешь оставить?

— Не всѣ рѣчи бываютъ глупы!.. И не всѣ посѣтители одинаковы! возразилъ Урбазъ-Бекъ и вышелъ изъ кибитки сестры.

Муслиме принялась журить племянницу за рѣзкость и несдержанность; а потомъ, видя, что Альме не противорѣчитъ, а молчитъ, угрюмо склонившись надъ рукодѣльемъ, перешла на воспоминанія о Судалкубаѣ Мамбетовѣ, его богатой семьѣ, ранней женитьбѣ и вдовствѣ. Она хвалила его доблести — храбрость, добрый, привязчивый нравъ, его умъ и красоту. А сама посматривала украдкой: не заинтересуется-ли Альме?.. Но Альме словно воды въ ротъ набрала—ни-гу-гу! Только челнокъ быстро бѣгалъ въ ея рукахъ изъ стороны въ сторону, а блестящіе глаза сердито слѣдили за нимъ.

— Ты сама завтра увидишь, какой онъ красавецъ! заключила старуха свои похвалы.

— Ты его десять лѣтъ не видала! наконецъ гнѣвно промолвила дѣвушка. — Откуда тебѣ знать?.. Можетъ онъ состарился и перемѣнился такъ, что ты его и не узнаешь!

— Какой вздоръ! разсмѣялась добродушная Муслиме. — Вовсе не десять, а всего пять!.. Развѣ можетъ красивый юноша съ девятнадцати по двадцать четыре года измѣниться до неузнаваемости? Не дурачься, Альме!.. Ужь куда бы лучше было, если-бъ тебѣ понравился Судалкубай, чѣмъ...

Но Альме и договорить ей не дала! Заткнула уши и закричала, что ей все равно, уродъ или красавецъ ожидаемый гость, потому что она его не увидитъ: она на завтра будетъ больна! Она это чувствуетъ, знаетъ навѣрное!

Упрямица сдержала слово. Она объявила на слѣдующій день, что нездорова, что головы поднять не можетъ,— такъ она болитъ у нея, и пролежала все утро, не слушая уговоровъ тетки, охая и стоная каждый разъ, какъ входилъ отецъ, до того, что онъ повѣрилъ и очень встревожился ея болѣзнью. Муслиме боялась высказать брату свое мнѣніе о страданіяхъ балованной дочки, хотя сама не вѣрила ея болѣзни, и была совершенно права: едва она вышла принимать гостей и въ кибиткѣ осталась одна Руайда, Альме поднялась и расхохоталась.

— А ну-ка, посмотримъ, точно-ли такой красавецъ мой новый женихъ! вскричала она.

И подбѣжала къ служанкѣ, давно засматривавшей въ завѣтную щелку между войлоками и цыновками кибитки на пріѣздъ почетныхъ гостей, съ многочисленной свитой.

Руайда, не особенно удивившись такому быстрому исцѣленію, стала громко восторгаться и выхвалять молодого Мамбетова; но госпожа ея отнеслась къ нему равнодушно.

— Такъ-себѣ, такой же, какъ и всѣ наши! Терпѣть не могу этихъ черныхъ, смуглыхъ людей! заключила она.

— А такіе желто-бѣлые, какъ русскіе люди, лучше? сомнительно спросила Руайда.—Мнѣ наши лучше нравятся!

— А мнѣ нѣтъ! обрѣзала ее Альме. — Русскіе сами лучше и лучше живутъ!.. Опротивѣли мнѣ эти кибитки!

— А я такъ не могла бы въ деревянномъ или каменномъ жильѣ жить! настаивала Руайда. — Душно тамъ!.. Я бы задохлась и соскучилась, все на одномъ мѣстѣ.

— Развѣ можно соскучиться съ любимымъ человѣкомъ?.. Дорогой мой! Красавецъ! страстно воскликнула Альме, вдругъ всплеснувъ руками, обернувшись въ ту сторону, гдѣ была школа. — Нѣтъ такого другаго!.. Одни его бирюзовые глаза чего стоятъ!.. Точно кусочки голубаго неба сіяютъ!.. Уйду!.. Руайда, вспомни мое слово: если добромъ отецъ меня не отдастъ — уйду съ моимъ милымъ, ненаглядным! Окрещусь и повѣнчаюсь съ нимъ. Тогда ужь никто не посмѣетъ насъ разлучить.

Но тайно убѣгать со своимъ суженымъ Альме не пришлось. Не пришлось за нее свататься законнымъ порядкомъ, прося согласія отца, и Михаилу Андреичу... Судьба все рѣшила по-своему.

Дня черезъ два послѣ посѣщенія муллой Сеидъ-Газы-Мамбетовымъ и племянникомъ его ставки Темировыхъ, рано утромъ изъ хозяйской кибитки выбѣжалъ старый киргизъ Сугарали, слуга Урбазъ-Бека, и какъ шальной началъ сзывать всѣхъ на помощь, крича, что господину его дурно, что господинъ его умираетъ.

Перепуганные киргизы всполошились. Женщины бросились будить госпожъ, но Муслиме уже вставала и встревоженная Альме, вся дрожа какъ въ лихорадкѣ, одѣвалась. Когда она вбѣжала въ кибитку отца, онъ ужь врядъ-ли ее могъ видѣть: глаза его закатились, онъ лежалъ на своихъ войлокахъ весь вытянувшись и только по временамъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ въ предсмертной агоніи...

Въ школѣ, по обыкновенію въ шесть часовъ утра вставшіе, Іуліяновы были удивлены какими-то воплями и завываніями, доносившимися въ открытыя ихъ окна. Кто это воетъ?.. Что случилось?... Они не могли понять...

Работница, появившаяся съ кипящимъ самоваромъ, разрѣшила ихъ недоумѣніе: Урбазъ-Бекъ-Темировъ приказалъ долго жить!.. Скоропостижно скончался, и вотъ надъ его-то тѣломъ семья и служанки справляютъ обрядъ голошенія...

Михаилъ Андреевичъ и чаю не захотѣлъ пить; онъ бросился къ кибиткамъ сосѣдей въ страшномъ волненіи. Абатыръ, попавшійся ему навстрѣчу, разсказалъ, что никто не понимаетъ, отчего умеръ Темировъ. Что наканунѣ онъ былъ совершенно здоровъ и никогда не жаловался ни на какую боль... Что Муслиме въ страшномъ отчаяніи, боится не отравленъ-ли онъ, и не знаетъ, что ей дѣлать.

— Какъ что̀ дѣлать?! вскричалъ Іуліяновъ. — Разумѣется надо дать знать въ городъ! Послать за становымъ! За урядникомъ!.. Произвесть дознаніе! Слѣдствіе...

Михаилъ Андреевичъ вдругъ сообразилъ, что̀ все, что̀ онъ предлагаетъ, Абатыру несовсѣмъ понятно; да и не ему объ этомъ надо говорить. Онъ чуть не бѣгомъ побѣжалъ къ Муслиме. Но ему не удалось устроить все законнымъ порядкомъ. Муслиме не могла согласиться съ его доводами. Все, на что̀ она рѣшилась, это дать знать своимъ родичамъ, ближайшимъ сосѣдямъ, о смерти брата и похоронахъ его, — которыя и отложить надолго невозможно было по жаркому, лѣтнему времени,—да послала гонца за муллой Сеидомъ.

Мулла пріѣхалъ на другой же день, и быстро разлагавшееся тѣло Урбазъ-Бека-Темирова было предано землѣ по всѣмъ обрядамъ мусульманства, съ подобающимъ почетомъ и даже пышностью, но безъ вмѣшательства властей и медицинскаго дознанія, на которомъ напрасно настаивалъ учитель и Штолль, заѣхавшій вечеромъ и страшно изумленный неожиданной кончиной отца осиротѣвшей Альме.

Прощаясь съ ними послѣ обильныхъ поминокъ, мулла Сеидъ-Газы-Мамбетовъ сказалъ старшей хозяйкѣ:

— Ну, какъ же теперь будете вы однѣ управляться, безъ главы, безъ покровителя и защитника?.. Надо, надо скорѣе наслѣдницѣ Урбазъ-Бека найти себѣ достойнаго супруга...

— Богъ поможетъ — найдетъ! отвѣчала Муслиме. — Только теперь не время объ этомъ думать... Убита она смертью отца! Бѣдняжка совсѣмъ расхворалась.

— Да, да, да!.. Знаю, знаю! задумчиво отозвался мулла.—Ну, и что-жъ вы, думаете все такъ же здѣсь оставаться?

— Пока здѣсь, конечно... Куда же намъ спѣшить?.. Теперь скоро сѣнокосъ. Вѣдь здѣсь лучшія пастбища... Нашимъ табунамъ здѣсь приволье. Что же! Зачѣмъ уходить?

— Ну, а къ зимѣ-то ужь надо на старыя кочевки, поближе къ намъ, къ своимъ добрымъ сосѣдямъ, возвратиться?.. Не такъ-ли?.. Вѣдь у насъ съ покойнымъ братомъ твоимъ чуть не порѣшено было одно важное дѣло! понизилъ голосъ мулла, многозначительно приклонившись къ Муслиме.—Не знаю, говорилъ-ли тебѣ что̀ почтенный Урбазъ-Бекъ?

— Какъ же! Какъ же! Говорилъ, знаю! поспѣшно отвѣчала старуха, безпокойно оглядываясь. — Только теперь, самъ знаешь, не надо ее тревожить.

— Подождемъ, подождемъ! согласился мулла.—Жаль, что она тогда была больна, а вотъ теперь задержка! Такое несчастіе!.. Ты вѣдь согласна, думаю, что лучшаго мужа, какъ нашъ Урузамъ-Судалкубай, племянницѣ твоей найти трудно?

— Согласна! Разумѣется, согласна!

— Ну, такъ и знай, что нынѣшней же осенью мы съ тобой это дѣло покончимъ! рѣшилъ мулла Сеидъ.

— Покончимъ съ помощью Аллаха! со вздохомъ согласилась Муслиме, сама не вѣря тому, что̀ говорила.

X.

Наступалъ май мѣсяцъ. По всѣмъ Синеморскимъ и другимъ промысламъ волжской дельты стоялъ самый разгаръ „сельдяной“ горячки: сельдью-бѣшенкой были завалены всѣ плоты, запружены всѣ Синеморскія банки, переполнены всѣ умы и всѣ сердца мѣстныхъ обывателей-рыбопромышленниковъ и астраханскихъ купцовъ. О ней только и говорилось на биржѣ, въ мѣстной печати; только и перекрикивалось съ пароходовъ на баржи, съ баржей на косныя, съ косныхъ на рыбницы, съ рыбницъ на бударки по всѣмъ двумъ-стамъ протокамъ Волги. Стонъ стоялъ на нихъ отъ переличекъ въ рупоры поголовно охрипшихъ хозяевъ, управляющихъ, арендаторовъ, метавшихся словно угорѣлые, кто отъ радости на богатомъ уловѣ, кто отъ тревоги па недоловѣ, кто отъ зависти и печали,—всѣ въ лихорадкѣ!

Въ просторныхъ лабазахъ и выходахъ каждый день погребались, въ тысячахъ пудовъ соли, милліоны рыбъ; на каждой тонѣ, каждые полчаса, серебристые, живые водопады сельдей низвергались изъ неводовъ въ рыбницы; сотни пароходовъ бѣгали по всѣмъ направленіямъ, своэя на буксирѣ длинные хвосты судовъ, кишѣвшихъ рыбой, съ тоней на промыслы; тысячи рабочихъ рукъ принимали ее на плотахъ, разбирали, потрошили, низали, солили, провѣшивали. Всѣ рѣчки и ерики были покрыты отбросками ловли, на которые смѣло набрасывались всякіе пернатые хищники.

На всѣхъ Синеморскихъ промыслахъ, отъ зари до зари, кипѣла безустанная дѣятельность. Работы всѣмъ прибавилось. Даже доктору, у котораго на рукахъ дѣти мерли, какъ мухи, отъ кори, дифтерита и скарлатины, преимущественно появляющихся вмѣстѣ съ сельдью.

Яковъ Карловичъ такъ былъ занятъ, что вечерами какъ снопъ падалъ на постель и едва отсыпался. О чемъ-либо постороннемъ, — о чтеніи, о знакомыхъ, о матери родной не было минутки свободной подумать!.. Добросовѣстенъ былъ онъ до педантизма, да къ тому же еще природная энергія, живость; ярая прыть молодыхъ силъ не хотѣла знать покоя...

Въ одинъ вечеръ однако онъ засидѣлся долѣе обыкновеннаго. На Чуркинскомъ промыслѣ были гости: санитарная комиссія пожаловала и, покончивъ обзоръ, засидѣлась, принявъ радушное приглашеніе управляющаго поужинать и заночевать. Разговоры шли разумѣется всего болѣе о рыбныхъ дѣлахъ, да о болѣе или менѣе удовлетворительномъ гигіеническомъ положеніи промысловъ однихъ или другихъ владѣльцевъ; но порой переходили и на частныя дѣла.

— Что это затѣялъ вашъ пріятель Іуліяновъ, докторъ? обратился къ Штоллю одинъ изъ гостей, пожилой врачъ, астраханскій старожилъ: — женится на киргизской богачкѣ! На дочери бывшаго переводчика Темирова... Вотъ, что умеръ недѣли три тому назадъ, кажется!

— Неужели?! такъ и встрепенулся докторъ, да и всѣ промысловые служащіе насторожили уши, очень удивленные.

— Какъ же! продолжалъ чиновникъ.—Пріѣзжали въ Астрахань хлопотать о дозволеніи окрестить ее. По собственному-де желанію... И разрѣшеніе жениться тоже взялъ. Смотрите, въ шафера позоветъ васъ... Танцовать на свадьбѣ будете!

— Почему нѣтъ?.. Только мнѣ онъ ничего не говорилъ. Я, впрочемъ, съ нимъ и не видался, съ самыхъ похоронъ этого старика, отца невѣсты...

— Да, да, да!.. Подцѣпилъ наслѣдницу! Молодецъ!

— Погодите еще! сомнительнымъ тономъ замѣтилъ другой членъ санитарной комиссіи, многозначительно понизивъ голосъ: — цыплятъ по осени считаютъ!.. Выйдетъ ли что изъ этого сватовства!

— А почему же?.. Дѣвушка совершеннолѣтняя, свободная... И родныхъ-то у нея никого, кромѣ тетки, да и та согласна и сама съ нею пріѣзжала хлопотать...

— Такъ они теперь въ городѣ? спросилъ Штолль.

— То-то, что нѣтъ! отвѣчалъ господинъ, выражавшій сомнѣніе. — Ужь лучше бы оставались въ Астрахани... Безопаснѣе бы дѣло было!

— Безопаснѣе?.. Какая-жъ опасность, помилуйте!

— Да такая опасность, что киргизы народъ не буйный, но за себя постоятъ. И большіе фанатики, вѣрьте мнѣ!.. А тутъ имъ вдвойнѣ обида: вѣрѣ ихъ оскорбленіе, и по карману ихъ бьютъ... Какъ же, помилуйте! Богатѣйшая невѣста отъ нихъ уходитъ!.. Сотня, другая тысячъ изъ ихъ кибитокъ къ русскимъ, къ христіанамъ уйдетъ. Тутъ есть за что вступиться...

— Неужели Темирова такъ богата?

— А, конечно... Распродайте-ка ея табуны, да верблюдовъ, да скотъ!

— Да Урбазъ-Бекъ и деньги порядочныя имѣлъ, замѣтилъ одинъ изъ промысловыхъ.

— Ну, вотъ то-то же!.. Легко ли имъ такой лакомый кусокъ упустить?.. Да еще и киргизка-то, говорятъ, красивая?

— Хорошенькая! подтвердилъ Штолль.

— Вотъ видите!..

— На ней, говорятъ, Мамбетовъ сватался? спросилъ Штолля одинъ изъ служащихъ.

— Я, право, не знаю!

— А я знаю! вмѣшался чиновникъ, служащій въ управленіи кочевьями. У насъ, когда еще Судалкубай Мамбетовъ не пріѣзжалъ и отецъ его живъ былъ, говорили, что онъ женится на Темировой и будетъ первымъ изо всѣхъ киргизскихъ богачей. Другой Мамбетовъ, мулла ихъ, даже разсказывалъ, будто бы это дѣло рѣшенное.

— Ага-га! Теперь понимаю изъ-за чего онъ, этотъ мулла Сеидъ, негодуетъ! засмѣялся первый чиновникъ.— Онъ страхъ какъ разноситъ старуху эту, тетку... Говоритъ, что она помѣшанная, совсѣмъ идіотка!

— Кто?.. Муслиме Идычева? изумились промысловые служащіе. —Эге-ге! Нашелъ идіотку!

— Да это у нихъ Василиса премудрая! смѣялись всѣ. — Да она въ палатѣ, въ Астрахани, чиновниковъ по своимъ дѣламъ загоняла!.. Бой-баба была!.. Развѣ что теперь состарилась.

— Она еще молодцомъ смотритъ! замѣтилъ Штолль.

И разсказалъ съ какимъ мужествомъ старая киргизка перенесла болѣзненную операцію надъ ея рукой.

XI.

Кто зналъ Альме годъ тому назадъ, не узналъ бы въ ней ту рѣзвую дикарку, какой она была прежде: она измѣнилась чрезвычайно за послѣдніе мѣсяцы, а за послѣдніе дни, со смерти отца, стала совсѣмъ неузнаваема, до того смотрѣла серьезной и сосредоточенной. Дѣло въ въ томъ, что много тревогъ пережила она въ это короткое время, помимо горя объ отцѣ, котораго она глубоко любила.

Не прошло и недѣли со смерти Урбазъ-Бека, какъ на Красный Бугоръ неожиданно явились совсѣмъ незваные и нежеланные гости: дальній родственникъ Темирова, какой-то дядя, котораго онъ не признавалъ и даже очень не любилъ при жизни; а съ нимъ какой-то служащій по управленію кочевниками, изъ мелкотравчатыхъ, и опять-таки мулла Сеидъ-Газы-Мамбетовъ, которому, какъ видно, на мѣстѣ не сидѣлось отъ боязни, что племянникъ его упуститъ богатую невѣсту-сироту. Чиновникъ, повидимому большой пріятель новаго родственника, давно извѣстнаго Муслиме, хотя онъ никогда не бывалъ у ея брата, очень развязно объявилъ, что присланъ отъ правительства, заявить дочери покойнаго Темирова, что отнынѣ она должна во всемъ повиноваться „почтеннѣйшему“ Непефчень-Гали Аджигову, назначенному къ ней опекуномъ.

У бѣдной Альме, услыхавшей это изъ-за приподнятыхъ, по-лѣтнему, войлоковъ кибитокъ, душа въ пятки ушла. Но Муслиме не растерялась.

Спокойно поклонилась она и заявила, что безъ сомнѣнія ея племянница будетъ покорна закону, но что она вышла изъ дѣтскаго возраста, а потому выборъ покровителя принадлежитъ ей самой. Почтенный гость ея, вѣрно, шутитъ?.. Ему ли не знать русскихъ законовъ и разницы опеки и попечительства?.. Альме, впрочемъ, и послѣдняго не нужно: въ прошломъ мѣсяцѣ ей минулъ двадцать одинъ годъ.

Чиновникъ нѣсколько растерялся отъ такого неожиданнаго отпора и знанія законовъ „старой вѣдьмы-корсачки“. Его пріятель, старшій Аджиговъ, весь побагровѣвъ отъ злости, сослался было на авторитетъ муллы; но тотъ, втайнѣ дивясь разуму старухи и сочувствуя ей вполнѣ, его не поддержалъ. За-то оправившійся чиновникъ заявилъ, что какъ бы то ни было, а надъ имуществомъ покойнаго Урбазъ-Бека *навѣрное* будетъ назначено попечительство, потому что невозможно оставить его на расхищеніе, въ слабыхъ рукахъ молодой, неопытной дѣвушки и старухи.

На прощаніе Аджиговъ, разгоряченный неудачей и нѣсколькими чарками водки, заносчиво заявилъ, что онъ намѣренъ самъ ѣхать въ городъ и требовать, чтобъ дѣла его умершаго племянника отданы были въ его вѣдѣніе и надзоръ за сиротой порученъ именно ему, а никому другому.

Хотя Муслиме отнеслась, повидимому, очень презрительно къ неосновательнымъ притязаніямъ Аджигова, но въ душѣ они все же ее смутили. Законнымъ порядкомъ онъ ничего не могъ имъ сдѣлать, но все же могъ сдѣлать имъ очень много непріятностей и зла. Альме же была совсѣмъ перепугана...

Мулла, думая ее успокоить своимъ покровительствомъ, еще болѣе напугалъ ее. Онъ пожелалъ ее видѣть и, по праву духовнаго лица, пока остальные сбирались въ путь, пошелъ въ ея кибитку.

— Ты не бойся этого стараго кляузника, сказалъ онъ ей таинственнымъ шепотомъ.—Я нарочно пріѣхалъ, узнавъ, что онъ задумалъ, чтобъ сказать, что мы не дадимъ тебя въ обиду. Онъ вѣдь сутяжникъ,—все свое достояніе по судамъ, въ тяжбахъ съ родственниками оставилъ. Да сверхъ того — пьяница! Такая ужь вся семья!.. Но ты не бойся ихъ. Найдутся у тебя покровители получше, подостойнѣе и посильнѣе Аджиговыхъ! пробасилъ мулла Сеидъ-Газы-Мамбетовъ.

Онъ простился, увѣренный, что Альме его понимаетъ вполнѣ и что она рада-радёшенька выйти за красавца Судалкубая. Каково-же было изумленіе и негодованіе его, когда не позже десяти дней послѣ этого, Сеидъ-Газы услышалъ, что дочь Темирова съ теткой въ Астрахани; что Муслиме усиленно хлопочетъ по какому-то дѣлу *въ консисторіи*. Что онѣ даже были у преосвященнаго и обѣ чрезвычайно обласканы имъ и гражданскими властями. Что бы это значило?.. Неужели Альме рѣшилась измѣнить вѣрѣ предковъ?.. Какая тому причина?.. Темировы всегда были хорошіе магометане. Ужь не любовь-ли какая завелась? Не хочетъ-ли она выйти замужъ, вмѣсто его племянника, за какого-нибудь русскаго офицера или чиновника?.. Но гдѣ могла она видѣть его?. Да нѣтъ, не можетъ быть!

Мулла Сеидъ никогда не видалъ русскаго школьнаго учителя на Красныхъ Буграхъ. Школа такъ мало посѣщалась.. Онъ почти позабылъ о ея существованіи, да къ тому же слышалъ, что Іуліяновъ живетъ не одинъ, съ семьей, и почему-то былъ увѣренъ, что онъ уже пожилой, женатый человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя и не вѣрилось ему, но онъ положилъ все разузнать и, разумѣется, сдѣлать все возможное, чтобы браку воспрепятствовать.

Мулла былъ ревностный мусульманинъ и не могъ отнестись равнодушно къ такому дѣлу.

Дѣйствительно, перепуганная двойнымъ вмѣшательствомъ, Альме рѣшилась не откладывать своей свадьбы, и высказала прямо избранному жениху свое рѣшеніе. Муслиме, любившей ее горячо и совершенно равнодушной къ вопросамъ вѣры, оставалось только помогать имъ.

XII.

Въ то самое утро, когда Штолль узналъ о предстоящей женитьбѣ Іулянова, его пріятель, Михаилъ Андреевичъ, былъ озабоченъ послѣдними приготовле-

Петербургскіе типы. Факельщикъ. Ориг. рис. (собств „Нивы“) академика **С. Александровскаго,** автотипія Ангерера.

ніями къ своей свадьбѣ. Онъ плылъ къ сосѣднему селенію, возлѣ котораго былъ одинъ изъ рѣдкихъ въ тѣхъ мѣстахъ храмовъ. Въ немъ онъ рѣшился на-дняхъ свершить одновременно два обряда: крестить Альме и тутъ же съ нею повѣнчаться. Всѣ формальности были окончены; оставалось только переговорить съ священникомъ; назначить день и часъ, и пріискать въ селеніи гостепріимный домикъ, гдѣ-бы невѣста его могла остановиться, отдохнуть и приготовиться къ вступленію въ новую жизнь.

Іуліяновъ, по обыкновенію, самъ сидѣлъ у руля, какъ всегда погруженный въ мысли и гораздо болѣе занятый ими, чѣмъ направленіемъ лодки, о которомъ ему иногда напоминалъ Абатыръ, сидѣвшій у веселъ вмѣстѣ съ другимъ киргизомъ, Ахметкой, изъ Темировскихъ служителей. Вода была высока послѣ сильнаго разлива, затопившаго многіе острова; она, по мѣстному выраженію, *задумалась*,—остановилась неподвижно между прибылью и убылью. Киргизы гребли дружно; имъ приходилось усиленно работать, несмотря на попутный вѣтерокъ, вздувавшій ихъ парусъ, потому что шли противъ теченія. Изрѣдка попадались имъ встрѣчныя лодки, но мало.

Только осенью киргизскія кибитки снова появляются по берегамъ и на островкахъ, долго сохраняющихъ зелень послѣ продолжительнаго потопленія. Тогда они оживаютъ. Въ это же весеннее утро Іуліяновъ, на двадцати верстахъ, едва встрѣтилъ двухъ человѣкъ; да и тѣ, проскользнувъ на утлыхъ бударкахъ, скрылись, исчезнувъ въ безконечной водяной шири и глади.

Даже берегъ, къ которому они около полудня пристали, казался съ перваго взгляда незаселеннымъ; только одна колокольня да церковные кресты, выглядывавшіе изъ-за зелени, указывали на присутствіе села, до котораго не было и версты.

Іуліяновъ выскочилъ на песчаный берегъ, вслѣдъ за Абатыромъ, притянувшимъ лодку вплотную къ землѣ, и сказавъ, что вернется черезъ часъ, зашагалъ большими шагами, по обыкновенію опустивъ голову и глядя подъ ноги, но мало что видя въ дѣйствительности.

Голосъ Абатыра вызвалъ его изъ обычной разсѣянности и раздумья:

— Баринъ! А бачка баринъ! Я съ тобой иди на деревня! Тамъ меня кумъ... Можна?

— Можно. Пойдемъ! отозвался Михаилъ Андреичъ.— Только скажи Ахмету, чтобъ онъ посидѣлъ, не бросалъ лодки... А то, неровенъ часъ: не на чѣмъ будетъ домой вернуться! улыбнулся онъ.

Абатыръ, по обычаю, осклабился, сверкнувъ на солнцѣ зубами, и обернувшись, закричалъ что-то товарищу, укрѣплявшему лодку у берега.

Господинъ и работникъ пошли рядкомъ.

— Ты только у кума не пропади, замѣтилъ Іуліяновъ,—я вѣдь скоро... Ты приходи черезъ часикъ къ попу, возлѣ церкви... знаешь? Я тамъ буду.

Киргизъ только головой кивнулъ въ отвѣтъ и оба скрылись изъ глазъ Ахмета.

(Продолженіе будетъ).

Дремлющая жизнь.

К. Гольштейна.

Дивное таинство совершается кругомъ насъ каждую весну, во время пробужденія природы! Среди безчисленныхъ загадокъ жизни это едва-ли не самая удивительная? Всюду въ природѣ, и въ животномъ, и въ растительномъ царствѣ смерть означаетъ конецъ жизни: за ней слѣдуютъ тлѣніе и распаденіе. А между тѣмъ мы видимъ, что и животныя и растенія, и милліоны зародышей пребываютъ всю зиму въ неподвижномъ и оцѣпенѣломъ состояніи... Ошибочно было бы, однако же, думать, что они — мертвы. Мы знаемъ, что въ нихъ еще таится искорка жизни, которую весенній вѣтерокъ раздуетъ въ яркое пламя. Хотя и незамѣтно, но все-таки бьется тихонько сердце животныхъ во время зимней спячки, также и въ лягушкѣ, и въ змѣѣ, которыя перезимовываютъ подъ листьями и въ тинѣ, ихъ органы продолжаютъ дѣйствовать — въ томъ и другомъ случаѣ сохраняется слѣдъ жизни, vita minima, какъ говорятъ естествоиспытатели. Не пребываютъ также въ покоѣ желтѣющія сѣмена и почки многихъ растеній: есть между ними такія, которыя, прежде чѣмъ прорастутъ весною, должны бываютъ достигнуть зрѣлости зимою. Взгляните, въ темномъ погребѣ лежитъ выкопанный осенью изъ земли картофель; повидимому, онъ пребываетъ въ полномъ покоѣ, не даетъ никакихъ ростковъ. Но, вотъ, приходитъ весна, и хотя въ погребѣ такъ же темно, какъ и прежде, хотя температура въ немъ и теперь такая же, какъ зимою, однако, картофель начинаетъ прорастать.—Отчего-же? оттого, что пришла пора его. Очевидно, почка не спала въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ: ея клѣточки продолжали трудиться надъ развитіемъ зародыша.

Безконечный рядъ такихъ явленій привелъ ученыхъ къ предположенію, что въ существахъ живыхъ никогда дѣло не доходитъ до полной остановки жизненныхъ явленій, — и даже въ тѣхъ животныхъ и растеніяхъ, которыя находятся въ состояніи зимней спячки, мнимо-умершихъ, безжизненныхъ на видъ, происходитъ, хотя и крайне ничтожный, обмѣнъ веществъ: считается невозможнымъ, чтобы въ живомъ еще существѣ можно было на извѣстное время совершенно прекратить жизненныя отправленія, а затѣмъ снова, по желанію, пробудить ихъ. Въ этихъ на видъ мертвыхъ существахъ жизнь только дремала; она никогда не удалялась вполнѣ изъ ихъ организма, сохраняя ему жизнеспособность. Безжизненное еще не мертво; ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что безжизненное можетъ быть жизнеспособнымъ. Правда, часы мы можемъ остановить на любой срокъ и затѣмъ снова пустить ихъ въ ходъ, но отважится-ли кто-нибудь продѣлать такой опытъ надъ живымъ существомъ, т. е., заставить его умерсть, потушить въ немъ жизнь окончательно, а затѣмъ, по прошествіи многихъ дней, недѣль или годовъ, снова вызвать его къ дѣятельности?

Такъ думали прежде — ну, а теперь? Теперь такой опытъ выполненъ былъ уже безчисленное множество разъ опытными изслѣдователями; имъ удавалось пріостанавливать „вѣчный круговоротъ“ вещества въ живыхъ организмахъ, а потомъ снова въ любое время его возстановлять. Голландскій ученый Лёвенгукъ, открывшій микрокосмъ, т. е. міръ микроскопическихъ организмовъ, произвелъ первые удачные опыты такого рода надъ крошечными коловратками. Это хотя и очень мелкія созданьица, но все же обладающія довольно сложнымъ организмомъ: у нихъ есть ротъ, жевательный аппаратъ, желудокъ и кишка; сердца, положимъ, нѣтъ, но за то существуетъ весьма чувствительная нервная система и есть даже пара глазъ; на головѣ у нихъ помѣщается вѣнецъ изъ рѣсничекъ, который онѣ приводятъ въ вращательное движеніе и съ помощью этого аппарата движутся въ водныхъ глубинахъ, при чемъ длинный приростокъ на задней части тѣла служитъ имъ рулемъ. Имъ знакомы трудности борьбы за существованіе; нѣкоторыя изъ нихъ строятъ себѣ для защиты трубки; не чужды имъ также радости и страданія любви, ибо и у нихъ есть самцы и самки.

Когда въ 1701 г. Лёвенгукъ изслѣдовалъ подъ микроскопомъ собранную имъ съ кровельнаго жолоба высохшую пыль, смочивъ ее предварительно водою, то онъ никакъ не подозрѣвалъ, что въ такой сухой массѣ могутъ существовать живыя существа. Каково же было его изумленіе, когда подъ его микроскопомъ, у него на глазахъ, капля воды ожила, и тотчасъ же сотни коловратокъ быстро засновали взадъ и впередъ. Лёвенгукъ повторилъ опытъ: онъ снова подвергъ коловратокъ высыханію: видѣлъ, какъ онѣ съеживались, превратились, наконецъ, въ пылинки, которыя только опытный глазъ изслѣдователя могъ отличить отъ прочихъ, дѣйствительно мертвыхъ, пылинокъ, и затѣмъ, когда, по прошествіи многихъ недѣль или мѣсяцевъ, онъ опять смочилъ эти пылинки, онѣ стали разбухать, высунули впередъ свой приростокъ, выпустили свои нѣжныя рѣснички и снова начали весело сновать въ водяной каплѣ.

Сорокъ лѣтъ спустя, другой весьма свѣдущій изслѣдователь невидимаго органическаго міра, Турбевилль Нидгемъ, сообщалъ президенту лондонскаго „Royal Society“ слѣдующее: „Вскрывъ какъ-то маленькое зерно угричной пшеницы, я увидѣлъ внутри мягкое волокнистое вещество. Подъ микроскопомъ оно оказалось состоящимъ изъ пучковъ длинныхъ нитей, не обнаруживавшихъ ни малѣйшаго признака жизни или движенія. Чтобы лучше разглядѣть отдѣльныя части препарата, я впустилъ на предметное стеклышко каплю воды, какъ вдругъ, къ моему величайшему изумленію, эти мнимыя волокна отдѣлились другъ отъ друга, ожили и какъ-то странно задвигались: въ теченіе 9 или 10 часовъ подъ-рядъ они извивались, оставаясь на мѣстѣ и не перемѣщаясь впередъ. Я убѣжденъ, что это водяныя животныя. Ихъ можно назвать червями, угрицами или змѣйками, съ которыми они очень сходны“.

Эти пшеничныя угрицы (изъ отряда круглыхъ червей), на

самомъ дѣлѣ могутъ быть вновь оживлены даже и послѣ того, какъ онѣ пролежатъ въ дернѣ, въ совершенно высушенномъ видѣ, цѣлыхъ пять лѣтъ. Извѣстны случаи, когда даже спустя 27 лѣтъ подобныя высушенныя животныя, при смачиваніи, возрождались снова къ жизни.

Опыты натуралистовъ XIX столѣтія могли лишь подтвердить изслѣдованія ихъ предшественниковъ. Положимъ, и прежде, да и теперь еще находятся противники, которые утверждаютъ, что въ организмѣ подобныхъ животныхъ сохраняется все время небольшое количество влаги, допускающее нѣкоторый обмѣнъ веществъ; но такое предположеніе весьма маловѣроятно, такъ какъ созданьица эти оживали даже тогда, когда ихъ въ совершенно высушенномъ видѣ сохраняли въ безвоздушномъ пространствѣ, гдѣ они должны были потерять послѣдніе остатки влаги, отдавъ ее окружающему пространству.

Имѣются еще и другіе факты, указывающіе на возможность оживленія животныхъ послѣ полнаго прекращенія въ нихъ всякихъ жизненныхъ явленій. Какъ извѣстно, явленія эти связаны съ присутствіемъ жидкости или влаги въ организмѣ: въ твердой, неподвижной массѣ немыслимъ какой-либо обмѣнъ веществъ. Такую твердую, неподвижную массу представляетъ, между прочимъ, животная ткань, совершенно замерзшая, превратившаяся въ ледъ. И дѣйствительно, развѣ можетъ биться у лягушки сердце, окаменѣвшее въ кусочекъ льда, можетъ-ли двигаться въ жабрахъ рыбы кровь, застывшая въ ледъ? Въ замерзшемъ животномъ господствуетъ, повидимому, полный покой: не совершается болѣе обмѣнъ веществъ, нѣтъ болѣе и жизни; въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, можно говорить объ остановкѣ жизни, какъ говорятъ объ остановкѣ часовъ. Все это такъ ясно и понятно само собой. Оказывается, однако, что не всѣ животныя умираютъ въ состояніи полнаго замерзанія.

Путешествуя по крайнему Сѣверу Америки, знаменитый изслѣдователь полярныхъ странъ, сэръ Джонъ Франклинъ имѣлъ случай наблюдать, какъ оттаявала и оживала въ теплѣ мерзлая рыба. „Однажды мы видѣли, пишетъ онъ,—какъ одинъ изъ карповъ, проведшій 36 часовъ въ состояніи полнаго замерзанія, потомъ въ теплѣ настолько ожилъ, что сталъ весело прыгать вокругъ насъ.“.

Такого же рода свѣдѣнія сообщаетъ и другой путешественникъ по Америкѣ. „Вылуженныя изъ-подо льда и положенныя на ледъ при температурѣ воздуха ниже 0°, рыбы почти моментально замерзали. Въ такомъ состояніи полной безчувственности ихъ сохраняли много часовъ и даже дней. Чтобы вызвать ихъ снова къ жизни, достаточно положить ихъ въ холодную воду; мало-по-малу они въ ней оттаяваютъ и начинаютъ плавать“. Для наблюденія этого явленія не стоитъ и ѣздить такъ далеко: явленія эти знакомы нашимъ русскимъ рыбакамъ и рыботорговцамъ, которые пересылаютъ лещей, окуней и щукъ въ замерзшемъ видѣ на открытыхъ платформахъ; по прибытіи на мѣсто назначенія, ихъ нерѣдко оживляютъ посредствомъ оттаиванія.

Подобные же опыты произведены были надъ лягушками. При медленномъ оттаиваніи не только сердцебіеніе и дыханіе возстановлялись, но и вообще лягушка настолько оправлялась, что ее потомъ нельзя было разыскать среди подругъ, не подвергавшихся отмораживанію.

Изъ жизни растеній мы ограничимся лишь однимъ примѣромъ. Экспедиція Норденшильда на кораблѣ „Вега“ зимовала у сѣверныхъ береговъ Сибири въ мѣстности, гдѣ температура падала иногда до —30 и —40°, а однажды достигла даже —46°. На вершинѣ довольно высокаго песчанаго холма, которую почти непрерывно обдували ледяные сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры,—участники экспедиціи наблюдали кустъ ложечной травы (Cochlearia fenestralis). Кустъ этотъ лѣтомъ 1878 г. началъ цвѣсти и успѣлъ даже образовать плоды. Когда наступила зима, плоды еще не созрѣли, растеніе покрыто было цвѣтами, цвѣточками, почками и сочными зелеными листьями, и надо было ожидать, что переполненныя соками, нѣжныя ткани растенія теперь окончательно погибнутъ отъ продолжительныхъ зимнихъ холодовъ. Однако, лѣтомъ 1879 г. кустарникъ этотъ, ткани котораго, безъ всякаго сомнѣнія, подвергались въ теченіе долгаго времени охлажденію до температуры — 30° и, слѣдовательно, насквозь промерзали, снова ожилъ и продолжалъ свой ростъ и развитіе, прерванные въ началѣ зимы, такъ, какъ будто никакой остановки не было: листья функціонировали, какъ и въ прошедшее лѣто, цвѣточныя почки раскрылись и на вѣточкахъ распустились новые цвѣты“.

Это изумительное состояніе, въ которое могутъ впадать и часто впадаютъ живыя растенія и животныя, совершенно отлично отъ мнимой смерти и зимней спячки, и знаменитый физіологъ Преперъ, который пытался ближе изслѣдовать его, придумалъ для него также и особое названіе: онъ назвалъ его *анабіозомъ*, а живые организмы, въ немъ пребывающіе, анабіотическими, что означаетъ безжизненный, — но не мертвый;—безжизненный, но жизнеспособный.

Анабіотичны, прежде всего, яйца и созрѣвшія сѣмена. Они безжизненны; въ нихъ не совершается никакого обмѣна веществъ, они лежатъ бездѣятельно до тѣхъ поръ, пока какой-либо внѣшній толчокъ не разбудитъ дремлющія въ нихъ силы, пока, подъ вліяніемъ-ли одного тепла, или тепла и влажности, они не начнутъ развиваться, прорастать. Садовникамъ и сельскимъ хозяевамъ давно уже извѣстно, что сухое растительное сѣмя необыкновенно стойко противъ внѣшнихъ вліяній. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ: сѣмена различныхъ растеній по возможности хорошо высушили и затѣмъ въ теченіе трехъ часовъ подвергали дѣйствію сухаго пара въ 100°; послѣ того ихъ посѣяли, и оказалось, что изъ числа взятыхъ для опыта сѣмянъ проросли: чечевица—49%, журавлиный горохъ—50%, чеснокъ—60%, пшеница—75%, майоранъ—78% и дыни—96%.

Даже при обыкновенныхъ способахъ храненія, сѣмена различныхъ растеній сохраняютъ свою способность къ прорастанію въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Особенный интересъ представляютъ, конечно, случаи необыкновенно долгаго анабіоза. Послѣ того, что говорено было объ анабіозѣ въ животномъ царствѣ, насъ не должно удивить, что сѣмена рѣдьки и огурца оказались еще всхожими по прошествіи 17 лѣтъ, а мальвы—спустя 23 года; еще поразительнѣе фактъ, что сѣмена дынь прорастали чрезъ 40—50 лѣтъ, а мимозы чрезъ 60—80 лѣтъ; разсказываютъ, что турецкіе бобы дали ростки по прошествіи цѣлыхъ 200 лѣтъ и развились въ значительную, высокоползущую бобовину. Неоднократно утверждали также, что удавалось, будто бы, вырастить найденныя въ египетскихъ гробницахъ пшеничныя зерна, пролежавшія тамъ болѣе 2,000 лѣтъ. Такое сообщеніе сдѣлано было около 60 лѣтъ тому назадъ графомъ Штернбергомъ; но до сихъ поръ еще нуждается въ подтвержденіи. Однакоже, другой случай, гдѣ также обнаружилась всхожесть зеренъ, сохранявшихся тысячу лѣтъ въ сухомъ видѣ, удостовѣренъ совершенно точно. Въ 1834 году въ мѣстности La Mouzie St. Martin, въ департаментѣ Дордоньи, во Франціи, при распахиваніи земли подъ виноградникъ, наткнулись случайно на могилу съ каменными гробами; черепа находившихся тамъ скелетовъ покоились на кучахъ сѣмянъ, какъ на подушкахъ. Археологъ Одьеръ вынулъ изъ одной открытой въ его присутствіи могилы всѣ бывшія тамъ сѣмена и завернулъ ихъ въ бумагу; взглянувъ на нихъ два дня спустя, онъ замѣтилъ, что сѣмена стали прорастать. Посѣявъ ихъ тотчасъ же въ цвѣточныхъ горшкахъ, ему удалось вырастить изъ нихъ нѣсколько растеній, которыя цвѣли и принесли плоды; между ними былъ также и голубой василекъ. Тщательное изслѣдованіе могилы обнаружило, что она принадлежитъ римской эпохѣ, а именно, III—IV вѣку послѣ Р. Х. Оказалось, такимъ образомъ, что сѣмена, пролежавъ въ могилѣ около 1,500 лѣтъ, сохранили все-таки свою способность къ прорастанію.

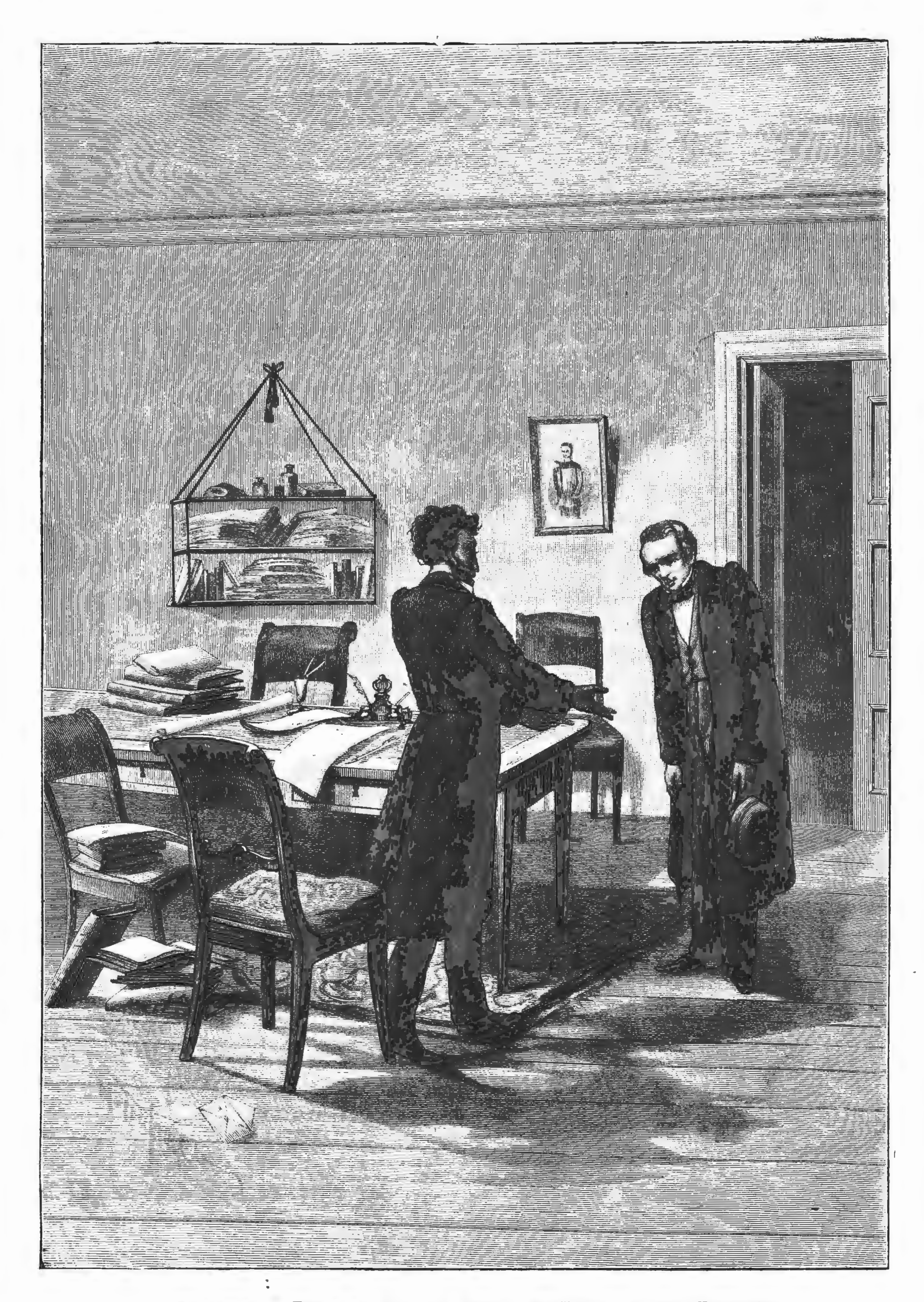
Анабіотическое состояніе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для живыхъ существъ, такъ какъ оно позволяетъ имъ, при наступленіи пагубныхъ для жизни внѣшнихъ условій, пережидать неудобное для роста время, чтобы затѣмъ въ благопріятную минуту пробудиться къ новой жизни.

Наука, въ своемъ постоянномъ движеніи впередъ, успѣла уже значительно расширить извѣстные намъ предѣлы жизни. Повсюду, куда мы ни взглянемъ, видимъ безчисленные зародыши жизни; ими переполнены земля и вода; они же невидимо носятся въ воздухѣ. Даже микроскопическія бактеріи производятъ свои зародыши въ видѣ *споръ* (безконечно малыхъ шариковъ), въ которыхъ таятся, однако, страшныя силы; развиваясь, онѣ способны сдѣлаться или угрозой и пагубой для здоровья и жизни человѣка, или, напротивъ, невидимыми благодѣтелями рода человѣческаго, оплодотворяющими почву и приготовляющими въ ней питательныя вещества для нашихъ культурныхъ растеній.

Эти зародыши жизни, уносимые вмѣстѣ съ пылью въ надземныя высоты, носятся среди облаковъ по небесной лазури, пока счастливая случайность, какая-нибудь дождевая капля, не снесетъ ихъ снова на землю, гдѣ начнется для нихъ новая жизнь.

Многіе естествоиспытатели,—среди нихъ выдающіеся ученые, составляющіе гордость и украшеніе науки,—находятъ возможнымъ допустить, что невидимые микроскопическіе зародыши, вздымаемые вѣтромъ вмѣстѣ съ пылью съ поверхности земли, возносятся до самыхъ границъ атмосферы, въ тѣ высоты, гдѣ воздухъ уже сливается съ міровымъ пространствомъ. Носясь тамъ въ надзвѣздныхъ мірахъ, они притягиваются однимъ изъ скитальцевъ вселенной — метеоритомъ или кометой, и вмѣстѣ съ ними мчатся затѣмъ въ бѣшеномъ вихрѣ чрезъ міровое пространство, вмѣстѣ съ ними попадаютъ на другое небесное тѣло и, если найдутъ тамъ необходимыя для ихъ развитія жизненныя условія, то очнутся отъ своего оцѣпенѣнія и на чуждой имъ планетѣ заживутъ новою жизнью. Такъ обмѣниваются своими обитателями планета съ планетой, одна солнечная система съ другой, и, по выраженію поэта, „звѣзда съ звѣздою говоритъ!“

Эта теорія космическихъ существъ и разносящихъ зародыши метеоритовъ, допускающая также возможность занесенія и къ намъ на землю зародышей жизни изъ другихъ міровъ, имѣетъ, однако, и своихъ рѣшительныхъ противниковъ, которые признаютъ изложенную выше гипотезу фантастической. Однако, Гельмгольцъ, авторитетъ среди натуралистовъ, оправ-



Кольцовъ у Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Бореля, грав. Хелмицкій.

дываетъ гипотезу и называетъ ее въ высшей степени правдоподобной. „Она представляется мнѣ, говоритъ онъ, — вполнѣ законной научной попыткой, послѣ того, какъ всѣ наши усилія произвести искусственно живые организмы изъ безжизненнаго вещества потерпѣли полное крушеніе, такъ что мы теперь поневолѣ спрашиваемъ себя: произошла-ли вообще когда-либо и гдѣ-либо жизнь *первоначально*, и не такъ-ли же стара она, какъ и сама матерія? Не получили-ли зародыши живыхъ существъ (переносившіеся съ одного небеснаго тѣла на другое) свое развитіе всюду, гдѣ они нашли для того благопріятную почву?“

Гипотеза космическихъ существъ была предложена въ 1865 году Г. Ф. Рихтеромъ. Съ тѣхъ поръ бактеріологія сдѣлала большіе успѣхи, и *споры бактерій* оказались въ высшей степени живучими существами и, насколько намъ извѣстно изъ произведенныхъ до сихъ поръ опытовъ, даже продолжительное отсутствіе влаги не вліяетъ на нихъ нисколько.

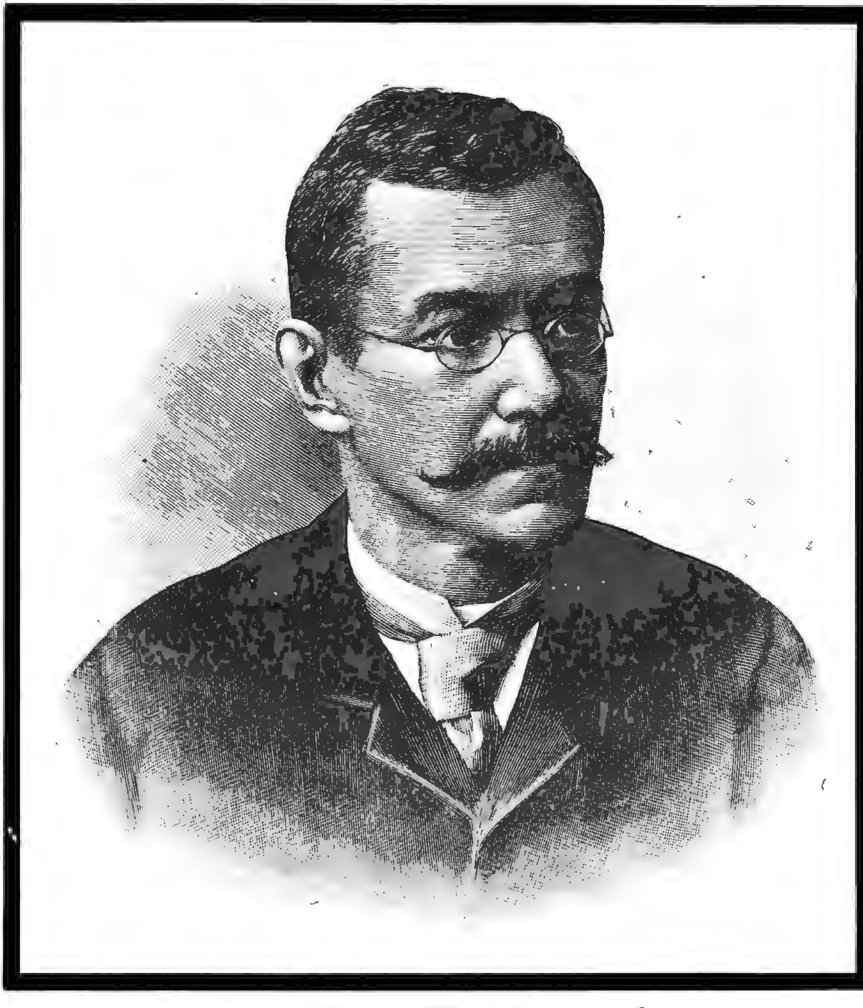
Бактеріологія сдѣлала вмѣстѣ съ тѣмъ еще одно важное открытіе: она обнаружила существованіе такихъ бактерій, которыя, въ противоположность всѣмъ извѣстнымъ намъ живымъ организмамъ, могутъ жить только при отсутствіи кислорода, для которыхъ газъ этотъ, животворящій весь животный и растительный міръ, оказывается сущимъ ядомъ. Эти анаэробныя (безвоздушныя) бактеріи погибаютъ отъ малѣйшихъ слѣдовъ кислорода, если онѣ находятся въ то время въ періодѣ развитія и роста; лишь *споры* ихъ могутъ сохранить въ этой разрушительной для нихъ атмосферѣ свою жизнеспособность; попавъ затѣмъ въ годную для нихъ питательную среду, въ пространство, свободное отъ кислорода, онѣ тотчасъ-же прорастаютъ.

Не указываютъ-ли эти исключенія изъ законовъ земной жизни на то, что упомянутыя бактеріи переселились на землю съ другихъ небесныхъ міровъ, атмосфера которыхъ не содержитъ кислорода?

Есть и такія бактеріи, которыя могутъ жить и въ кислородѣ, и, безъ него; можетъ быть, и ихъ предки были когда-то пришельцами на землѣ? Потомки-же, хотя и приспособились мало-по-малу къ новымъ условіямъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не совсѣмъ отрѣшились отъ старыхъ привычекъ рода.

Все это приводитъ къ тому выводу, что слѣдовало-бы подвергнуть анализу метеорные камни съ помощью всѣхъ точныхъ методовъ новѣйшей науки въ отношеніи присутствія въ нихъ хотя-бы какихъ-либо слѣдовъ микроскопическихъ организмовъ.

Пробуждающаяся жизнь, являющаяся передъ нами въ яркомъ блескѣ весенняго дня, очаровываетъ и восхищаетъ милліоны людей; а мимо дремлющей жизни большею частью мы проходимъ безъ всякаго вниманія. Но тому, кто умѣетъ вглядываться въ глубь явленій природы, — и ничтожнѣйшій, безжизненный, однако жизнеспособный, зародышъ кажется столько же достойнымъ вниманія, какъ и самый мощный, гордый дубъ. То, что поверхностному взгляду кажется мертвымъ и неподвижнымъ, на самомъ дѣлѣ кроетъ въ своихъ нѣдрахъ зародыши жизни. Дремлющая жизнь проникаетъ всю природу, покрываетъ своими зародышами крошечную землю и наполняетъ ими безпредѣльную вселенную.



В. П. Клюшниковъ († 7 ноября 1892 г.). Съ фотогр. Демчинскаго, грав. Шюблеръ.

Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ. Съ фот. грав. Пястушкевичъ.

Къ рисункамъ.

Выѣздъ императора Петра II на соколиную охоту изъ села Измайлова.

(Рис. на стр. 1028).

Въ свое время, по поводу одного изъ художественныхъ рисунковъ нашего извѣстнаго акварелиста и рисовальщика Шарлеманя мы изложили (въ № 10 *Нивы* за 1888 г.) тѣ печальныя условія, въ которыхъ росъ и развивался юный внукъ Петра Великаго — сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича. Припомнимъ въ данномъ случаѣ читателямъ *Нивы*, что всѣ люди, близко стоявшіе къ юному императору, послѣ опалы и ссылки Меншикова, были узкіе, своекорыстные честолюбцы, способные преслѣдовать только свои частныя, личныя, ничтожныя цѣли и нимало не заботившіеся о благѣ той многомилліонной массы русскаго народа, которою предстояло править юному императору. Для того, чтобы легче добиться своихъ цѣлей, эти недостойные люди старались покорить себѣ волю юнаго императора, направляя всѣ стремленія его молодой души на одно постоянное исканіе удовольствій, возбуждая въ немъ

жажду къ наслажденіямъ, которыя были ему слишкомъ преждевременны по возрасту его и недостаточной еще физической зрѣлости, развлекая его постоянно то балами и пріемами при Дворѣ, то шумными выѣздами на охоты, загородныя гулянья, звѣриныя травли и т. п. При этомъ, приближенные императора держались постоянно одной и той же системы: ни на минуту не оставлять императора одного и не допускать его до сношеній съ людьми новыми и не принадлежавшими къ ихъ партіи. Для того, чтобы удалить юношу отъ всѣхъ государственныхъ заботъ и дѣлъ, для того, чтобы пресѣчь всякія попытки стороннихъ лицъ проложить къ нему дорогу съ челобитьями или какими бы то ни было искательствами—лица, близко стоявшія къ императору, старались по полугоду и болѣе держать его вдали отъ Москвы, въ великолѣпныхъ царскихъ подмосковныхъ дворцахъ и селахъ, переполненныхъ разнообразными затѣями прихотливой и находчивой на всякія забавы русской старины.

Въ числѣ такихъ забавъ старались воскресить и одну изъ любимѣйшихъ царскихъ потѣхъ добраго стараго времени — соколиную охоту, нѣкогда (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) великолѣпно обставленную особымъ, привилегированнымъ сословіемъ сокольниковъ и кречатниковъ, и въ изобиліи снабженную рѣдкими, дорогими, превосходно „вынашенными" ловчими птицами. Для этой цѣли приближенные императора часто увлекали его къ долгому пребыванію въ селѣ Измайловѣ *)— старинной, излюбленной, хозяйственно-обставленной усадьбѣ московскихъ царей, которые любили здѣсь заниматься хозяйствомъ и охотою: и тѣмъ, и другимъ, въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Здѣсь были разведены огромные фруктовые сады, скотные дворы болѣе чѣмъ на 1,000 головъ скота; среди садовъ выкопаны были пруды, насаженные самою разнообразною рыбою; къ садамъ примыкалъ громадный звѣринецъ, простиравшійся на 16 верстъ и переполненный всякими породами лѣсного звѣря. Самыя дворцовыя постройки, отчасти и доселѣ уцѣлѣвшія въ с. Измайловѣ, были громодныя, тяжелыя, вѣковыя. Особенно любопытна соборная церковь во имя Покрова Богородицы, построенная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по образцу Московскаго Успенскаго собора, и при этой церкви трехъ-этажная башня, вмѣщавшая въ верхнемъ этажѣ колокола, а въ среднемъ — обширную залу, въ которой собиралась иногда Дума боярская на частныя засѣданія, во время лѣтняго пребыванія царя Алексѣя Михайловича въ с. Измайловѣ. Сюда-то наѣзжалъ Дворъ съ молодымъ императоромъ и въ Измайловскомъ дворцѣ надолго устанавливалось шумное веселье и ликованье наѣхавшей гурьбы знатныхъ гостей... Пиры чередовались съ прогулками, балы и куртаги съ охотами, скачками и облавами...

Художникъ избралъ весьма удачно тотъ именно моментъ изъ жизни юнаго императора Петра II, когда онъ, окруженный вершниками, псарями, музыкантами, доѣзжачими и сокольниками, выѣзжаетъ на соколиную охоту. Онъ одинъ сидитъ въ шляпѣ, среди приближенныхъ, которые сидятъ съ обнаженными головами, выказывая всѣ внѣшніе признаки подобострастнаго почтенія къ юношѣ-Вѣнценосцу. Модная, выписанная изъ-за границы коляска, въ которой ѣдетъ императоръ, расписана яркими разводами и золотомъ, запряжена шестерикомъ превосходныхъ коней, сѣрой масти въ яблокахъ. Кучеръ, форрейторъ и лакеи на запяткахъ коляски, одѣты въ безукоризненныя ливреи, сшитыя по новѣйшему европейскому фасону. Но во всей этой свитѣ, окружающей императора, незамѣтно того строгаго „порядка и чина", которые вносятся въ среду придворной служки и челяди внутреннею, твердо-установившеюся дисциплиною и традиціей. Сокольники и вершники ѣдутъ вразсыпную, смотрятъ по сторонамъ, перебрасываются рѣчами съ народомъ, который стоитъ по сторонамъ дороги и отвѣшиваетъ низкіе поклоны; музыканты и псари бѣгутъ и впереди, и сзади коляски, смѣясь и переговариваясь между собою... Во всемъ замѣтны тотъ разладъ и неурядица, которыя всегда бываютъ внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго непорядка... И въ этомъ разладѣ, въ этой неурядицѣ замѣтно, что у всѣхъ участвующихъ въ самомъ выѣздѣ на соколиную охоту—вовсе не охота на умѣ, а гульба и забавы, и желаніе какъ-нибудь убить праздное время... П.

Литературный альбомъ. „Потопъ", Г. Сенкевича.

(Рис. на стр. 1029).

Имя польскаго писателя Генриха Сенкевича извѣстно читателямъ нашего журнала. Въ немъ помѣщались его небольшіе разсказы, а въ № 27 — 1885 г. можно найти портретъ и біографію знаменитаго романиста. Все написанное имъ отличается большимъ талантомъ, а его романы „Огнемъ и мечемъ", „Потопъ", „Безъ догмата"—прославили въ переводахъ его имя по всей Европѣ.

Нашъ рисунокъ напоминаетъ то мѣсто романа „Потопъ", гдѣ описывается какъ герой разсказа, сумасбродный Андрей Кмицицъ, отправляется въ засцянокъ Бутримовъ, чтобы отметить имъ за смерть своихъ сподвижниковъ и друзей Углика, Зенда, Раницкаго, Кокосиньскаго, Кульвеца и Рекуца. „Сотня всадниковъ летѣла, сломя голову, по широкой снѣжной дорогѣ, а впереди мчался панъ Андрей, словно одержимый злымъ духомъ, безъ шапки, съ обнаженною саблей.—Месть Кмицица была самою ужасною, такъ какъ его люди были изъ такихъ, которымъ нечего было терять. Эти бездѣльники и оборванцы, безъ крова и дома, были люди низшихъ классовъ, бѣжавшая изъ войска прислуга и разные преступники, преслѣдуемые закономъ. Видомъ они походили на гайдамаковъ. Оружіе у всѣхъ ихъ было разное. Одни въ шлемахъ, отнятыхъ у непріятеля, другіе въ казацкихъ шапкахъ, въ капюшонахъ; одни въ полинялыхъ кафтанахъ, другіе въ полушубкахъ,—съ ружьями, копьями, луками и бердышами, на худыхъ, шершавыхъ лошадяхъ съ польскою, московскою и турецкою сбруей.

Факельщикъ. (Рис. на стр. 1033).

Факельщикъ, такъ превосходно схваченный и такъ пластически переданный мастерскимъ карандашомъ высокоталантливаго сотрудника *Нивы*, принадлежитъ уже къ типамъ отживающимъ въ нашей столицѣ, какъ и тѣсно связанный съ типомъ факельщика типъ мелкаго гробовщика... Выгодное и прибыльное „похоронное дѣло" переходитъ изъ рукъ частныхъ дѣятелей въ руки цѣлыхъ компаній, которыя, на манеръ парижскихъ „Похоронныхъ бюро", вносятъ не только порядокъ, но даже роскошь въ погребеніе, въ то-же время обусловливая ихъ опредѣленной и не особенно дорогой таксой. При этомъ факельщикъ является однимъ изъ нарядныхъ украшеній процессіи: весь обшитый галунами, въ щеголеватой треуголкѣ, онъ прилично и чинно слѣдуетъ съ красивымъ фонаремъ въ рукахъ, о-бокъ съ дрогами, обитыми бѣлымъ глазетомъ и запряженными цугомъ коней въ бѣлыхъ попонахъ.

Не таковъ типъ, представленный нашимъ художникомъ! Передъ нами человѣкъ неизвѣстнаго званія—одинъ изъ „непомнящихъ родства"—исключительно промышляющій ремесломъ факельщика „по вольному найму" у разныхъ гробовщиковъ и мастеровъ „похороннаго дѣла"... Его нанимаютъ на общей похоронной биржѣ, въ одномъ изъ мелкихъ и дрянныхъ трактировъ на окраинѣ города, напяливаютъ на него дрянной черный плащъ, приглаженный на всякій ростъ и на всякія плеча, даютъ ему въ руки помятый и грязный фонарь — и плетется онъ по грязи до кладбища, вслѣдъ за похоронной процессіей, обряженной въ старыя лохмотья и плохенькій трауръ... Плетется до того вожделѣннаго момента, когда можно будетъ въ толпѣ прочихъ факельщиковъ обступить распорядителя похоронъ и назойливо требовать отъ него подачки „на чаекъ", чтобы сбѣгать въ ближайшій питейный домъ, опохмѣлиться шкаликомъ водки... И на завтра—то же, и такъ до скончанія собственнаго незавиднаго существованія.

Кольцовъ у Пушкина. (Рис. на стр. 1036).

Извѣстный поэтъ нашъ, Кольцовъ, впервые вышедшій изъ такого слоя общества, который менѣе всего могъ имѣть отношенія къ поэзіи, былъ по самой натурѣ своей, человѣкомъ весьма скромнымъ и застѣнчивымъ. Когда, въ 1836—38 гг., ему пришлось знакомиться съ кружкомъ петербургскихъ и московскихъ литераторовъ и журналистовъ, онъ чувствовалъ себя чрезвычайно смущеннымъ и стѣсненнымъ, по непривычкѣ къ свѣтскому обществу, въ которомъ все ему было чуждо и странно, кромѣ болѣе или менѣе искреннихъ отношеній къ нему, какъ къ поэту-прасолу—слѣдовательно, одной изъ диковинокъ современной литературы. И. С. Тургеневъ, который видѣлъ Кольцова, на вечерѣ у Плетнева, описываетъ его намъ въ слѣдующихъ, удивительно правдивыхъ чертахъ:

„Въ комнатѣ (кромѣ другихъ лицъ) находился еще человѣкъ. Одѣтый въ длиннополый, двухбортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубой бисерной часовой цѣпочкой и шейный платокъ съ бантомъ — онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги и изрѣдка покашливалъ, торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушивался внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское,—въ родѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противность тому, что, повидимому, слѣдовало-бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей; напротивъ, почти всегда носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья... Это былъ поэтъ Кольцовъ".

По свидѣтельству самого Кольцова, онъ не чувствовалъ себя робкимъ и стѣсненнымъ только въ обществѣ нашего великаго поэта, Пушкина. Пушкинъ, какъ человѣкъ свѣтскій и много видѣвшій на своемъ вѣку, понялъ состояніе души скромнаго поэта-прасола, когда тотъ впервые вступилъ въ его кабинетъ, и потому поспѣшилъ встрѣтить его съ распростертыми объятіями, обласкалъ и очаровалъ своею любезностью... На рисункѣ, помѣщенномъ нами, художникъ вѣрно передалъ впечатлѣніе этой первой и знаменательной встрѣчи двухъ поэтовъ...

Викторъ Петровичъ Клюшниковъ. (Портр. на стр. 1037).

Въ субботу, 7 ноября, въ 6 часовъ вечера, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался редакторъ *Нивы* В. П. Клюшниковъ. Покойный Викторъ Петровичъ былъ редакторомъ

*) Село Измайлово лежитъ въ Московской губерніи и уѣздѣ, въ 3 верстахъ отъ Москвы, за Преображенскою заставою, по лѣвую сторону Владимірскаго шоссе.

Нивы въ первыя пять лѣтъ ея изданія, затѣмъ съ 1876 по 1878 г. онъ издавалъ собственный журналъ *Кругозоръ*, долгое время жилъ въ Москвѣ и, вернувшись въ Петербургъ только уже въ 1887 г., снова занялъ здѣсь мѣсто редактора *Нивы*, на которомъ и оставался въ послѣднія пять съ половиною лѣтъ жизни. Онъ съ любовью относился къ своему дѣлу, и выполнялъ его вполнѣ добросовѣстно. Притомъ онъ обладалъ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, мягкостью, обходительностью; былъ прекраснымъ товарищемъ, а въ сношеніяхъ съ людьми—истиннымъ джентльмэномъ. Его нравственная и литературная честность, недюжинный умъ и серьезное образованіе, а также и строго выработанный литературный вкусъ невольно бросались въ глаза каждому, кто сколько-нибудь близко зналъ покойнаго. И Виктора Петровича глубоко цѣнили, любили и уважали не только его друзья и люди близко стоявшіе къ нему по журналу, но и всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

Миръ памяти скончавшагося, -- онъ писатель былъ талантливый и честный... „Талантливый и честный — въ двухъ словахъ заключена властительная сила! Одушевленъ былъ ею этотъ прахъ, освящена теперь его могила!“. Эти слова поэта такъ идутъ къ В. П. Клюшникову. Это былъ, дѣйствительно, честный писатель, гордившійся своимъ призваніемъ, твердо помнившій завѣтъ, что съ словомъ надо обращаться осторожно. Воспитанный на идеяхъ и образцахъ корифеевъ русской мысли и литературы хорошаго стараго времени, Викторъ Петровичъ былъ однимъ изъ немногихъ литераторовъ, державшихся лучшихъ литературныхъ традицій, усвоившихъ себѣ манеру и стиль настоящихъ мастеровъ прежней школы. Многія житейскія обстоятельства, многія неблагопріятныя условія помѣшали дарованію Виктора Петровича развиться вполнѣ, развернуться во всю ширь. Но во всякомъ случаѣ это былъ безспорный талантъ—свѣжій, своеобразный, во всѣхъ, немногихъ своихъ произведеніяхъ, начиная отъ романа „Марево“ и кончая послѣдней его беллетристической вещью „Пляска мертвыхъ“.

Въ приснопамятную эпоху шестидесятыхъ годовъ, Викторъ Петровичъ, глубоко потрясенный и возмущенный многимъ, вокругъ него происходившимъ, мужественно сказалъ *вѣскую правду* въ своемъ „Маревѣ“. Дорого обошлась ему эта правда—это трезвое слово на пиру охмѣлѣвшихъ. Однако и эти люди не могли отрицать въ молодомъ авторѣ „Марева“ выдающагося таланта. Мы помнимъ живо, какую сенсацію произвелъ названный романъ. Его авторъ подвергся глумленію, нападкамъ всякаго рода, долго его преслѣдовавшимъ. И тѣмъ не менѣе, даже литературные враги Виктора Петровича не могли не признать, что въ своемъ „Маревѣ“, написанномъ горячо, размашисто, ярко, онъ не переступилъ границъ искусства, далъ картину вполнѣ художественную, далъ не карикатуры, а живыхъ людей, облеченныхъ плотью и кровью, далъ образы, вѣрные дѣйствительности, нерѣдко изображенные мастерски. Трезвые люди, которыхъ не увлекъ вихрь тогдашняго движенія—и которые съ болью въ сердцѣ смотрѣли на развѣнчиваніе Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, на изувѣрское попираніе искусства,—еще болѣе оцѣнили молодой, многообѣщавшій талантъ автора „Марева“—этого выдающагося произведенія, доставившаго извѣстность Виктору Петровичу. Остальныя его произведенія: „Нѣмая“, „Большіе корабли“, „Цыгане“, „Немарево“, „Барышни и барыни“ (*Нива*, 1874) слабѣе перваго романа, но и въ нихъ есть несомнѣнныя достоинства: живость, правдивость, много красокъ, теплоты, задушевности; это вещи вполнѣ художественныя, поэтичныя, одухотворенныя мыслью, запечатлѣнныя искренностью.

Викторъ Петровичъ происходилъ изъ дворянъ и родился 10 марта 1841 года въ сельцѣ Алексіановкѣ, Гжатскаго уѣзда Смоленской губерніи. Его отецъ, докторъ, Петръ Петровичъ Клюшниковъ былъ женатъ на Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ Ушаковой и приходился роднымъ братомъ извѣстному въ сороковыхъ годахъ поэту и дѣятельному члену кружка Н. В. Станкевича, Ив. Петр. Клюшникову, которому его племянникъ много обязанъ своимъ развитіемъ и литературнымъ вкусомъ. Дѣтство свое Викторъ Петровичъ провелъ въ Москвѣ и здѣсь-же получилъ первоначальное образованіе въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, а затѣмъ въ 4-й гимназіи, тогда преобразованной изъ дворянскаго института. Въ гимназіи онъ учился съ 1851 по 1857 годъ и пользовался уроками нѣкоторыхъ членовъ кружка Станкевича, въ томъ числѣ и поэта В. И. Красова, преподававшаго Виктору Петровичу русскую словесность. Уроки эти не остались безъ вліянія на впечатлительную натуру юноши, который еще на школьной скамьѣ почувствовалъ влеченіе къ литературѣ. Въ 1857 г. онъ поступилъ въ Московскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, и по окончаніи курса въ 1861 г. со степенью кандидата, уѣхалъ въ свое имѣніе Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда, гдѣ провелъ лѣто и осень съ дядей, Ив. Петровичемъ, съ благословенія котораго онъ, спустя три года, выступилъ въ литературѣ. Вернувшись въ 1862 г. въ Москву, Викторъ Петровичъ опредѣлился на службу помощникомъ секретаря въ 8-й департаментъ Правительствующаго Сената, но прослужилъ всего около года и затѣмъ занялся преподавательской дѣятельностью въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Однако и это длилось не долго, и Викторъ Петровичъ нашелъ родную стихію, весь отдавшись литературѣ. Послѣ сотрудничества въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, *Литературной Библіотекѣ* Ю. М. Богушевича и *Зарѣ* В. В. Кашпирева, онъ въ 1870 г. сдѣлался редакторомъ только что основаннаго тогда журнала *Нива* и оставался редакторомъ *Нивы* до половины 1875 г. Затѣмъ, принявшись за изданіе своего собственнаго журнала, *Кругозоръ*, онъ разорился на этомъ предпріятіи и, продавъ его Г. Д. Гоппе, уѣхалъ въ 1880 г. въ Москву, гдѣ очень близко стоялъ къ М. Н. Каткову, завѣдывая однимъ отдѣломъ *Московскихъ Вѣдомостей*, а потомъ редактируя *Русскій Вѣстникъ* съ 1883 по 1886 годъ. Снова вернувшись въ Петербургъ и редактируя *Ниву* (съ 1887 г.), онъ, помимо нѣсколькихъ беллетристическихъ очерковъ, помѣщалъ здѣсь и научныя статьи. Кромѣ названныхъ изданій, В. П. Клюшниковъ участвовалъ въ *Дѣтскомъ Чтеніи* и *Дѣтскомъ Отдыхѣ*, гдѣ помѣстилъ повѣсти для юношества: „Другая жизнь“ и „Государь-отрокъ“. Подъ его же редакціею вышелъ „Энциклопедическій всенаучный словарь“, въ 3-хъ томахъ.

Да почіетъ съ миромъ Викторъ Петровичъ! Добрую, прекрасную память оставилъ онъ въ сердцахъ своихъ друзей и всѣхъ лицъ, которые понимали вполнѣ этого безупречнаго человѣка и цѣнили его чистое, чуткое сердце...

Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ. (Рис. на стр. 1037).

Людская память очень коротка... Грустными примѣрами людской забывчивости полна исторія величайшихъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества. Въ виду этой непростительной забывчивости, нельзя не относиться съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ тѣмъ памятникамъ, которыми русское общество старается увѣковѣчить память дѣятелей, оказавшихъ услуги русской литературѣ и наукѣ. Особенно важны такіе памятники въ городахъ провинціальныхъ, на родинѣ этихъ „именитыхъ мужей Земли Русской“, гдѣ ихъ земляки могутъ постоянно съ нѣкоторою, весьма естественною, гордостью взирать на памятникъ, напоминающій о заслугахъ человѣка, который между ними жилъ и былъ извѣстенъ или даже близокъ многимъ. Эти мысли невольно возбуждаетъ въ насъ помѣщаемый въ нынѣшнемъ № *Нивы* памятникъ поэту Кольцову въ Воронежѣ, воздвигнутый лѣтъ тридцать тому назадъ, и надо сказать правду: весьма недурной и по мысли, и по выполненію. По поводу недавно отпразднованной 50-ти-лѣтней годовщины дня кончины поэта воронежское городское общество рѣшило поставить вокругъ этого памятника (воздвигнутаго въ воронежскомъ городскомъ скверѣ) новую металлическую рѣшетку, вмѣсто нынѣшней деревянной, и новые фонари. Вмѣстѣ съ этимъ предположено Лѣсную улицу — одну изъ лучшихъ въ Воронежѣ — назвать *Кольцовскою* и сверхъ того ходатайствовать о Высочайшемъ разрѣшеніи всероссійской подписки на устройство втораго намогильнаго памятника Кольцову, намѣсто нынѣ имѣющагося, весьма некрасиваго и покрытаго малограмотными надписями.

Экзархъ Грузіи, высокопреосвященный Владиміръ.

(Портр. на стр. 1040).

По назначеніи экзарха Грузіи высокопреосвященнаго Палладія на петербургскую митрополичью каѳедру Высочайшею волею, указано было занять вакантную каѳедру Грузинскую преосвященному Владиміру, епископу Самарскому и Ставропольскому. Въ настоящемъ санѣ своемъ онъ титулуется экзархомъ Грузіи, архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ и получаетъ званіе члена Св. Синода. Грузинская каѳедра высоко стоитъ по чести между другими низшими архіерейскими каѳедрами. Потому назначеніе туда обыкновенно падаетъ на лицъ своимъ предыдущимъ архіерейскимъ служеніемъ заявившихъ себя съ наилучшей стороны. Каѳедра Грузинская часто служила переходною ступенью къ каѳедрѣ митрополичьей: такъ было для скончавшагося Исидора, митрополита С.-Петербургскаго, и для нынѣ здравствующихъ митрополитовъ Іоанникія и Палладія. Нынѣшній экзархъ еще молодой іерархъ и не долго проходилъ епископское свое служеніе. Но служеніе это было дѣятельно и плодотворно, пріобрѣло ему особенную любовь и почтеніе общества и выказало съ наилучшихъ сторонъ его дѣятельность высшимъ властямъ. Внѣшняя біографія новаго экзарха не велика и не разнообразна.

Высшее богословское образованіе онъ получилъ въ Кіевской духовной академіи и окончилъ здѣсь курсъ со степенью кандидата богословскихъ наукъ, въ 1874 году. По окончаніи курса былъ назначенъ преподавателемъ въ Тамбовскую духовную семинарію. Во время служенія здѣсь онъ былъ рукоположенъ во священника. Служеніе его въ бѣломъ духовенствѣ было непродолжительно. Въ 1885 г. онъ былъ постриженъ въ монашество и въ санѣ архимандрита назначенъ былъ настоятелемъ Козловскаго Троицкаго монастыря. Въ томъ-же году отсюда переведенъ былъ въ Новгородъ настоятелемъ Антоніева монастыря и проходилъ это служеніе до 1888 года, когда онъ возведенъ былъ въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи. Викаріатское епископство въ обширной Новгородской епархіи могло служить прекрасною школою и-

подготовкою для самостоятельнаго епископства. Высокопреосвященный Владиміръ проявилъ здѣсь весьма оживленную дѣятельность и особенное умѣнье и тактъ. Его объѣзды епархіи, для ревизіи церквей, и распоряженія, печатанныя обыкновенно въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, выказали въ немъ внимательнаго церковнаго администратора. Особенно много заботился высокопреосвященный Владиміръ о церковномъ учительствѣ. Къ этому дѣлу онъ привлекъ и воодушевилъ мѣстное духовенство и самъ служилъ для него примѣромъ и образцомъ. Владыка проповѣдывалъ въ Новгородѣ усердно и часто, и его проповѣди и поученія производили замѣтное впечатлѣніе въ новгородскомъ обществѣ и привлекали къ его ораторской каѳедрѣ многочисленныхъ слушателей изъ различныхъ слоевъ общества. И своею полезною дѣятельностью, и тактичнымъ обращеніемъ съ людьми, высокопреосвященный Владиміръ умѣлъ пріобрѣсти въ короткое время всеобщее почтеніе и особенныя симпатіи въ Новгородѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ сердечныя привѣтствія, съ которыми проводили новгородцы владыку, когда ему назначено было, въ 1891 году, занять самостоятельную епископскую каѳедру въ Самарѣ. Непродолжительное служеніе его въ Самарѣ совпало съ тяжелымъ для края временемъ: 1892 годъ былъ, какъ извѣстно, несчастнымъ годомъ неурожая и къ тому-же холерной эпидеміи. И здѣсь высокопреосвященный Владиміръ оказался на высотѣ своего положенія, и своею дѣятельностью и цѣлесообразными распоряженіями старался, на сколько возможно, облегчить тяжкое народное бѣдствіе своей новой епархіи. Возведенный въ награду за свою полезную дѣятельность на высокую каѳедру Грузинскаго экзархата, въ своей новой епархіи — обширной, разноплеменной и разноязычной, высокопреосвященный Владиміръ найдетъ, конечно, весьма широкое поприще для примѣненія своихъ административныхъ способностей и заботъ о христіанскомъ просвѣщеніи и церковномъ учительствѣ.

Высокопреосвященный Владиміръ, экзархъ Грузіи, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій. Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

Высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ Холмскій и Варшавскій.

(Портр. на этой стр.).

Высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ Холмскій и Варшавскій, предстоятель одной изъ видныхъ, важныхъ и отвѣтственныхъ каѳедръ въ русской іерархіи, можетъ быть названъ, по времени самостоятельнаго епископскаго служенія, однимъ изъ младшихъ іерарховъ русской Церкви. Но и по важности своей каѳедры, и по продолжительности церковнаго служенія, можетъ быть причисленъ къ нашимъ старѣйшимъ іерархамъ. Въ настоящемъ году исполняется уже двадцатипятилѣтіе служенія его со дня рукоположенія въ іеромонахи. Высокопреосвященный Флавіанъ, до посвященія своего въ епископскій санъ, проходилъ долгое и разнообразное служеніе Церкви въ низшихъ іерархическихъ степеняхъ, которое можно назвать и прекрасною школою для приготовленія къ его настоящему высокому служенію. Высокопреосвященный Флавіанъ прежде всего монахъ, и въ монашествѣ началось и долго продолжалось его первоначальное церковное служеніе. Высокопреосвященный происходитъ не изъ духовнаго сословія, какъ большинство нашихъ іерарховъ, а изъ дворянскаго. Не духовная школа дала ему образованіе, а свѣтская: онъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Но курса здѣсь не кончилъ и прервалъ свое образованіе для монашескихъ подвиговъ. До окончанія полнаго курса, онъ въ 1863 г. поступилъ въ Московскій Симоновъ монастырь и проходилъ здѣсь монашеское послушаніе до 1866 г. Въ этомъ году онъ далъ монашескій обѣтъ, посвященъ былъ въ санъ іеродіакона и перемѣстился въ Казань, въ Спасопреображенскій монастырь. Въ слѣдующемъ 1868 г. онъ былъ рукоположенъ здѣсь въ санъ іеромонаха. Въ такомъ санѣ онъ проходилъ съ 1868—1873 г. служеніе при Таврическомъ архіерейскомъ домѣ. Пребываніе въ Казани и въ Таврической іерархіи было для него поприщемъ для миссіонерской дѣятельности. Въ 1873 г. онъ отправился въ Китай и сдѣланъ былъ членомъ Пекинской православной миссіи. Чрезъ шесть лѣтъ, въ 1879 г., онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита и назначенъ былъ начальникомъ нашей Пекинской миссіи. Этотъ важный миссіонерскій постъ онъ занималъ до 1883 г., когда былъ уволенъ отъ этой должности по прошенію. Изъ Китая онъ прибылъ въ Петербургъ и принятъ былъ въ число братіи Александро-Невской лавры. Это время покоя для высокопреосвященнаго Флавіана было непродолжительно. Въ 1885 г. ему указано было быть епископомъ Аксайскимъ, викаріемъ Донской епархіи. Послѣ кратковременнаго служенія здѣсь, онъ въ томъ же 1885 г. былъ перемѣщенъ въ Холмско-Варшавскую епархію, на викаріатство Люблинское. Подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Леонтія, нынѣшняго митрополита Московскаго, въ санѣ его викарія, занималъ эту каѳедру высокопреосвященный Флавіанъ до 1891 г. Въ этомъ году состоялось назначеніе высокопреосвященнаго Леонтія на Московскую митрополичью каѳедру и каѳедра Холмско-Варшавская оказалась вакантною. Высокопреосвященный Флавіанъ, какъ хорошо знакомый по своему шестилѣтнему служенію съ условіями жизни края и съ духовными нуждами епархіи, могъ явиться естественно преемникомъ высокопреосвященнаго Леонтія. Высшая власть и указала ему занимать каѳедру Холмско-Варшавскую. Таковое назначеніе было принято съ радостью мѣстнымъ обществомъ, особенную любовь и почтеніе котораго онъ успѣлъ уже пріобрѣсть своею дѣятельностью въ санѣ епископа Люблинскаго. Скоро высокопреосвященный Флавіанъ удостоенъ былъ пожалованіемъ сана архіепископскаго, который соотвѣтствуетъ важному и отвѣтственному значенію занимаемой имъ каѳедры.

П. П. В.

Высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ Холмскій и Варшавскій. Съ фот. Здобнова, грав. Шюблеръ.

Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

(Портр. на этой стр.).

Торжественное чествованіе пятидесятилѣтія ученой дѣятельности И. Е. Забѣлина было совершено въ размѣрахъ внушительныхъ и имѣло дѣйствительно величавый характеръ. Въ библіотечной залѣ Музея въ день юбилея побывала, можно сказать, вся ученая Россія въ лицѣ своихъ представителей и депутатовъ отъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ, чтобы привѣтствовать знаменитаго ученаго и засвидѣтельствовать почтеніе къ его высокимъ научнымъ заслугамъ. Находимъ невозможнымъ перечислять всѣ общества и учрежденія, привѣтствовавшія юбиляра адресами и приславшія своихъ депутатовъ.

Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности И. Е. собственно падаетъ на 25-е апрѣля, такъ какъ этого числа въ 1842 году въ *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* былъ напечатанъ первый трудъ его: „Нѣсколько словъ о богомольныхъ царскихъ походахъ“. За этимъ скромнымъ началомъ послѣдовалъ безконечно длинный рядъ работъ, бѣглое перечисленіе которыхъ превысило бы размѣры нашей статьи. Не можемъ, однакоже, не напомнить здѣсь о двухъ главныхъ и капитальныхъ его работахъ: „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ“ и „Исторія русской жизни съ древнихъ временъ“. Эти капитальные труды Забѣлина извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ и ярко характеризуютъ его направленіе и ученое значеніе. Забѣлинъ—археологъ по преимуществу и съ его именемъ связана исторія нашей археологіи отъ скромнаго начала ея до настоящаго виднаго положенія. Онъ историкъ нашего стариннаго быта и въ этой области сдѣлалъ болѣе, нежели кто-либо другой. Забѣлинъ знатокъ древнихъ вещей, всю жизнь свою пересматривавшій старыя иконы, сосуды, оружіе; въ архивахъ онъ перерылъ и перечиталъ всякія описи, счеты и расходныя книги. Но, благодаря счастливымъ дарованіямъ своего ума, онъ не сдѣлался ни мелочнымъ археологомъ, ни сухимъ архивистомъ. Отъ такой узкости его спасла обобщающая сила крупнаго ума; на вещественные памятники и архивныя записи онъ смотрѣлъ лишь какъ на матеріалъ для того, чтобы „выяснить типическія черты народной жизни, понять народъ, какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ цѣльномъ образѣ“. Такъ самъ онъ объясняетъ свою методу въ статьѣ „Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей“. Разумная метода привела его къ самымъ блестящимъ результатамъ. Что сдѣлали Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ для исторіи государственной, то же сдѣлалъ Забѣлинъ для нашей бытовой исторіи. Въ этомъ его сила и значеніе; здѣсь онъ мастеръ и образецъ. Нельзя, впрочемъ, забывать совершенно услугъ его и въ другихъ областяхъ историческаго знанія: онъ высказалъ много взглядовъ и идей, если иногда и спорныхъ, то всегда оригинальныхъ и остроумныхъ, указывающихъ новыя стороны предмета и исправляющихъ результаты прежнихъ изслѣдователей.

И. Е. Забѣлинъ. Съ фот. Барщевскаго, грав. Шюблеръ.

Забѣлинъ самоучка и всѣмъ обязанъ своему труду и таланту. Родился онъ 17 сентября 1820 года въ Твери отъ бѣднаго чиновника; на седьмомъ году осиротѣлъ и получилъ воспитаніе въ Преображенской школѣ при Московскомъ Приказѣ Общества Призрѣнія. Бѣдному мальчику нельзя было думать о дальнѣйшемъ образованіи и съ 17 лѣтъ онъ началъ службу при Оружейной Палатѣ канцелярскимъ служителемъ второго разряда. Бѣдная и мало обезпеченная служба здѣсь (119 руб. жалованья), а потомъ при Дворцовой Конторѣ познакомила его съ актами и архивною работою и опредѣлила его дальнѣйшую судьбу. Скромный чиновникъ въ 1850 и 1853 годахъ уже получилъ двѣ уваровскія преміи за работы: „О металлическомъ производствѣ въ Россіи“ и „Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценинаго дѣла въ Россіи“. Этотъ періодъ дѣятельности Забѣлина закончился изданіемъ „Быта царей“, къ которому предшествовавшія работы были приготовленіемъ. Съ 1859 года Забѣлинъ въ качествѣ члена археологической комиссіи, въ продолженіе 17 лѣтъ, неутомимо занимался раскопками кургановъ въ Южной Россіи, которыя обогатили науку новыми фактами, а Эрмитажъ — богатыми коллекціями. Результатомъ этого періода работъ былъ второй капитальный трудъ: „Исторія русской жизни“. Съ 1876 г. Забѣлинъ вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Теперь маститый юбиляръ состоитъ предсѣдателемъ Общества Исторіи и Древностей и работаетъ, по порученію Городской Думы, надъ исторіей Москвы.

Василій Назаровичъ Каразинъ (по поводу 60-лѣтія со дня смерти).
Съ современнаго миніатюрнаго портрета на слоновой кости, грав. Шюблеръ.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Портр. на этой стр.).

Основатель Харьковскаго университета, Василій Назаровичъ Каразинъ, принадлежитъ къ замѣчательнымъ и даже рѣдкимъ русскимъ дѣятелямъ настоящаго столѣтія. Но по какой-то

странной судьбѣ, преслѣдовавшей его при жизни, его почти совсѣмъ забыли и по смерти. Теперь припомнили Каразина и торжественно празднуютъ пятидесятилѣтній юбилей со дня его смерти, послѣдовавшей 4 ноября 1842 г. По поводу юбилейнаго торжества приводимъ краткія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ.

Василій Назаровичъ Каразинъ родился въ имѣніи своего отца, въ селѣ Кручикъ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи, 30 января 1773 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Кременчугскомъ и Харьковскомъ частныхъ пансіонахъ и потомъ опредѣлился сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Досуги военной службы дали ему возможность къ научнымъ занятіямъ и онъ съ усердіемъ изучалъ естественныя науки и Св. Писаніе. Онъ скоро рѣшилъ оставить непривлекательную для него военную службу, получилъ отставку и просилъ заграничный отпускъ. Не получивъ таковаго, онъ вздумалъ уѣхать тайно. На пути его поймали, арестовали и потребовали объясненія. „Я желалъ укрыться отъ Твоего правленія, страшась его жестокостей". Такое объясненіе своему поступку далъ Каразинъ въ своей запискѣ императору Павлу. Несмотря на это, Павелъ простилъ его и указалъ ему поступить на службу „коллежскимъ переводчикомъ". Въ день восшествія на престолъ Александра I Каразинъ какъ-то пробрался въ его кабинетъ и положилъ тамъ письмо, наполненное восторженными привѣтствіями, совѣтами и благожеланіями молодому императору. Случайно разыскали сочинителя и представили императору, который благодарилъ автора и приблизилъ его къ себѣ. На другой же день Каразинъ разсуждалъ съ государемъ о необходимыхъ преобразованіяхъ, которыя, по его мнѣнію, нужно было начать съ народнаго образованія. Каразинъ начерталъ проектъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, написалъ „Правила народнаго образованія", представилъ проектъ преобразованія Виленскаго и уставъ Харьковскаго университета, проектъ устройства народныхъ училищъ. Нужно замѣтить, что Каразинъ въ то время господства крѣпостнаго права имѣлъ ясное убѣжденіе о несправедливости этого права въ его существовавшей формѣ и выработалъ планъ улучшенія быта крестьянъ и отношеній къ нимъ помѣщиковъ. Въ своемъ имѣніи онъ устроилъ крестьянъ наилучшимъ для нихъ образомъ. Любимая мысль Каразина, объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, стоила ему большихъ заботъ, непріятностей и пожертвованій: онъ заложилъ для этого свое имѣніе и впалъ въ долги. Къ тому же явились большія непріятности по службѣ, и Каразину пришлось удалиться въ отставку, въ свою деревню. Здѣсь онъ отдался сельскому хозяйству и естественно-научнымъ занятіямъ, приведшимъ его ко многимъ полезнымъ въ практическомъ отношеніи открытіямъ. Между тѣмъ началась въ политикѣ реакція, и Каразинъ не стѣсняясь говорилъ о „вредномъ направленіи, которое взяло просвѣщеніе". Вѣрный подданный, нѣкогда близкій къ государю и получившій отъ него приказъ всегда говорить, по своему убѣжденію, правду, былъ за это, въ эпоху преобладанія Аракчеева—посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, а послѣ этого былъ высланъ въ свое имѣніе съ обязательствомъ жить тамъ безвыѣздно и ни съ кѣмъ не переписываясь безъ посредства губернатора. Императоръ Николай дозволилъ Каразину выѣздъ изъ имѣнія, кромѣ Петербурга. Опальный отшельникъ съ терпѣніемъ и бодростью духа до глубокой старости занимался хозяйствомъ и наукою. Путешествуя по Крыму съ цѣлью усовершенствовать виноделіе, онъ простудился и умеръ въ Николаевѣ.

Подъ современнымъ (весьма рѣдкимъ) портретомъ Каразина, который мы воспроизводимъ на стр. 1041 нынѣшняго № *Нивы*, его важныя заслуги русскому обществу изложены въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „Виновникъ учрежденія въ Россіи Министерства Народнаго Просвѣщенія; основатель Харьковскаго университета; составитель и правитель дѣлъ Филотехническаго общества, Высочайше утвержденнаго въ 1811 году; помѣщикъ, поставившій первый крѣпостныхъ людей на степень существъ свободныхъ (каковыми, 40 лѣтъ спустя, хотѣлъ ихъ сдѣлать Русскій Царь, указомъ 1842 года, апрѣля 2 дня); водворитель цвѣтущей торговли и благосостоянія въ городѣ Харьковѣ; членъ разныхъ ученыхъ обществъ; первый изъ естествоиспытателей, подавшій мысль о возможности сдѣлать изъ метеорологіи науку точную, полезную для людей"... Этотъ портретъ, писанный на кости, принадлежитъ внуку В. Н. Каразина, извѣстному нашему художнику—Н. Н. Каразину.

Ю. Ф. Платонова. (Портр. на стр. 1044).

Искусство понесло на истекшей недѣлѣ большую утрату; умерла бывшая артистка Императорскихъ театровъ, Юлія Федоровна Платонова, долгое время служившая украшеніемъ русской національной оперы. Фактъ самъ по себѣ очень печальный потому, что многочисленные ученики и ученицы лишились хорошаго профессора пѣнія (покойная занималась преподаваніемъ пѣнія со времени оставленія сцены), и общее сожалѣніе на похоронахъ Платоновой выразилось тѣмъ, что главною, преобладающею массою, въ числѣ шедшихъ за гробомъ, были ея ученики и ученицы.

Тринадцать лѣтъ сряду эта артистка пользовалась любовью публики, была всегда на виду, восхищала посѣтителей театра и композиторовъ, проходившихъ съ нею ея партіи (Даргомыжскаго, Сѣрова); тринадцать лѣтъ имя ея не переставало красоваться на афишахъ. Въ теченіе этого времени она создала роли почти въ пятидесяти операхъ—и постоянно плѣняла всѣхъ своимъ пріятнымъ, симпатичнымъ голосомъ, своею одушевленною игрою, своимъ поразительнымъ чувствомъ мѣры въ исполненіи принятой на себя партіи.

Тотъ же тактъ и умѣлость покойная Платонова внесла и въ свою преподавательскую дѣятельность, послѣ того, какъ она покинула сцену. Она относилась къ выполненію своихъ обязанностей горячо и усердно, и ея ученики и ученицы не забудутъ всего, что ею сдѣлано. Съ благодарностью будутъ они вспоминать о своей почившей преподавательницѣ, которая умѣла вложить душу въ свое трудное дѣло.

Похороны Платоновой были, однакоже, немноголюдны; кромѣ учениковъ и ученицъ печальный кортежъ сопровождали нѣкоторые оперные артисты изъ старыхъ сослуживцевъ покойной артистки (гг. Направникъ, Мельниковъ, Стравинскій), директоръ консерваторіи г. Іогансонъ и др. Ученики и ученицы Платоновой возложили массу вѣнковъ на гробъ ея. **В. Баскинъ.**

Политическое обозрѣніе.

10 ноября въ Берлинѣ состоялось открытіе рейхстага, а на другой день въ Римѣ король открылъ парламентъ. Въ тронной рѣчи Германскаго императора видное мѣсто отведено военному законопроекту. Послѣ упоминанія о неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи, въ рѣчи говорится что при существованіи всеобщихъ дружественныхъ отношеній и при увѣренности въ поддержкѣ союзныхъ государствъ, можно питать надежду, что Германія не встрѣтитъ препятствій въ мирныхъ своихъ стремленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, увеличеніе вооруженныхъ силъ въ другихъ государствахъ требуетъ дальнѣйшаго соотвѣтственнаго развитія оборонительной силы, а также дальнѣйшаго примѣненія испытаннаго на дѣлѣ принципа воинской повинности, чѣмъ и обусловливается вносимый законопроектъ, касающійся иного порядка установленія численности арміи по штатамъ мирнаго времени. Въ заключеніе сказано, что правительство сознаетъ размѣры требующихся на это жертвъ; но несмотря на значительное увеличеніе расходовъ, союзныя государства въ перечисленіи нѣкоторыхъ статей доходовъ въ ихъ пользу найдутъ надлежащія средства къ покрытію этихъ расходовъ.

Рѣчь эта была встрѣчена молчаніемъ. Ясно, что она не удовлетворила многихъ въ Германіи, особливо тѣхъ, кто ожидалъ энергическаго указанія на безусловную необходимость военной реформы. Нѣкоторыя газеты высказываютъ неудовольствіе, что судьба законопроекта поставлена въ зависимость отъ пріемовъ защиты его имперскимъ канцлеромъ, который ведетъ дѣло въ рейхстагѣ нерѣшительно, какъ бы заискивая у всѣхъ партій, и то приводя доводы въ пользу необходимости новаго закона, то взывая къ патріотизму.

Въ тронной рѣчи Итальянскаго короля указывается на генуэзскія празднества, которыя являются доказательствомъ, что отношенія Италіи ко всѣмъ державамъ дружественны. Итальянское правительство, вмѣстѣ съ союзниками, заботливо старается предохранить Европу отъ всякаго повода къ разногласіямъ.

Въ Парижѣ министерство Лубэ выпуталось изъ затруднительнаго положенія и благополучно провело предложеніе объ измѣненіи законовъ о печати. Послѣ четырехдневныхъ преній, во время которыхъ всячески старались скомпрометировать министерство, палата высказалась за неотложность закона о печати и большинствомъ 329 голосовъ противъ 228 рѣшила 6 ноября перейти къ обсужденію его по статьямъ.

Но только кончились эти пренія, какъ палата снова встревожена новымъ дѣломъ, которое обѣщаетъ надѣлать больше шуму, чѣмъ пресловутый процессъ Вильсона. Какъ извѣстно, апелляціонному суду предано правленіе общества Панамскаго канала, съ престарѣлымъ Фердинандомъ Лессепсомъ во главѣ. 9 ноября въ палатѣ обсуждался запросъ по дѣламъ этого общества и палата постановила большинствомъ 311 голосовъ противъ 243 назначить слѣдственную коммиссію изъ 33 членовъ. Затѣмъ вотировано поздравленіе генералу Доддсу.

Этимъ поздравленіемъ заканчивается дагомейская экспедиція. Французскія войска вступили въ Абомею безъ боя и Беганцинъ бѣжалъ, предавъ огню свой дворецъ.

Рейхсратъ въ Вѣнѣ былъ свидѣтелемъ сценъ небывалыхъ въ австрійской парламентской практикѣ. 6 ноября членъ нѣмецко-либеральной партіи профессоръ Менгеръ рѣзко напалъ на младочеховъ и неоднократно назвалъ ихъ государственными измѣнниками. Младочехи самымъ энергичнымъ образомъ протестовали. Президентъ призвалъ къ порядку Менгера, который, однако, тотчасъ возобновилъ свои обвиненія. Тогда младо-

чехи помѣшали Менгеру продолжать рѣчь. Президентъ пріостановилъ засѣданіе, но возбужденіе все усиливалось и пришлось засѣданіе закрыть. На другой день младочехъ Мазарыкъ предложилъ примѣнить къ Менгеру строжайшее парламентское взысканіе, а именно выразить ему неодобреніе. Через два дня, 10 ноября, рейхсратъ высказалъ послѣ продолжительныхъ преній большинствомъ 156 голосовъ противъ 104 неодобреніе депутату Менгеру.

Въ Буда-Пештѣ произошли перемѣны въ составѣ министерства, составленнаго Векерле. Всѣ прежніе министры приняли свои прежніе портфели; только на вакантную должность венгерскаго министра двора назначенъ графъ Людвигъ Тисса, а на должность министра внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто вышедшаго въ отставку графа Сапари — президентъ высшей счетной палаты Карлъ Іеронимп.

Въ Бѣлградѣ засѣдаетъ въ настоящее время комиссія по заключенію русско-сербскаго торговаго договора. Со стороны Россіи участвуютъ въ комиссіи посланникъ Персіани и д. ст. сов. Тимирязевъ, со стороны Сербіи — министръ-президентъ Авакумовичъ и министръ торговли Гвоздичъ.

Разныя извѣстія.

— На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта представленъ проектъ обращенія недвижимыхъ дворянскихъ имѣній въ срочно-заповѣдныя.

— Государственный Совѣтъ одобрилъ проектъ положенія о фотографическихъ лабораторіяхъ и присяжныхъ фотографахъ при прокурорахъ судебныхъ палатъ.

— Государственнымъ Совѣтомъ утвержденъ на-дняхъ проектъ Министерства Финансовъ о повышеніи существующаго нынѣ налога на нефть съ 40 к. на 60 к. для легкихъ маслъ и на 50 к.—для тяжелыхъ.

— На разсмотрѣніи Министерства Финансовъ находится ходатайство о разрѣшеніи продажи вина въ запечатанной посудѣ изъ бакалейныхъ лавокъ.

— Занятія комиссіи по пересмотру устава Государственнаго Банка начнутся въ январѣ.

— Вопросъ объ увеличеніи числа податныхъ инспекторовъ рѣшенъ, какъ мы слышали, утвердительно.

— Съ Высочайшаго соизволенія, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія образована особая комиссія для пересмотра льготъ по образованію при отбываніи воинской повинности, съ участіемъ въ ней представителей отъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, въ вѣдѣніи которыхъ имѣются учебныя заведенія.

— Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ разработанъ законопроектъ объ ограниченіи пьянства въ народѣ; предполагается установить, чтобы всѣ мѣста торговли спиртными напитками закрывались наканунѣ праздниковъ въ 6 часовъ вечера и открывались по прошествіи сутокъ.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы, начиная съ будущаго года, всѣ приходорасходныя смѣты сословныхъ учрежденій (купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій) передавались предварительно ихъ расходованія на разсмотрѣніе губернскаго начальства.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ поставленъ на очередь вопросъ объ обязательности знанія государственнаго русскаго языка для муллъ, кадіевъ, катиповъ и т. п. лицъ магометанскаго духовенства въ Крыму.

— Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ образована комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ учрежденіи правительственнаго контроля надъ дѣйствіями страховыхъ акціонерныхъ обществъ.

— По слухамъ, въ скоромъ времени проектируется повысить акцизъ на спиртъ до $^3/_4$ к. съ градуса.

— Въ Министерствѣ Юстиціи выработанъ, какъ сообщаетъ *Судебная Газета*, проектъ положенія общаго закона о наказуемости ростовщическихъ дѣйствій.

— При Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ образована въ настоящее время спеціальная комиссія, на которую возложена обязанность выяснить вопросъ: какіе кустарные промыслы могутъ приготовлять товары для потребностей казенныхъ учрежденій, земствъ и городскихъ управленій.

— Военное вѣдомство рѣшило не выписывать болѣе изъ-за границы велосипедовъ для военно-охотничьихъ командъ, а дѣлать ихъ въ мастерскихъ С.-Петербургскаго арсенала.

— Военный министръ, особымъ приказомъ отъ 26 октября сего года, заявилъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ Брянскаго, Путиловскаго и Александровскаго заводовъ на торгахъ, происходившихъ въ Артиллерійскомъ Управленіи по поводу заказа 1,000 фугасныхъ бомбъ, вслѣдствіе чего заказъ на законномъ основаніи былъ переданъ заводу Рудницкаго (№ 246 *Правительственнаго Вѣстника*).

— 10 ноября происходило отпѣваніе и погребеніе тѣла скончавшагося, 8 ноября, члена Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанта, адмирала Ѳедора Михайловича Новосильскаго. На отпѣваніе покойнаго прибыли въ соборъ св. Спиридонія, въ Главномъ Адмиралтействѣ, Его Императорское Величество Государь Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ и Сергій Михаиловичъ.

— Въ настоящее время идетъ дѣятельная подписка на сооруженіе на Лахтѣ храма во имя св. апостола Петра на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1724 году Петръ Великій, спасая утопающихъ, простудился и слегъ на смертный одръ. Комитетъ по сооруженію этого храма увѣдомляетъ жертвователей, что уже собрано 2,315 рублей и что дальнѣйшія пожертвованія принимаются контръ-адмираломъ А. И. Петровымъ.

— Количество дѣлъ у столичныхъ мировыхъ судей С.-Петербурга въ такой степени возросло съ тѣхъ поръ, какъ имъ переданы взысканія по суммамъ до 500 рублей, что столичный мировой съѣздъ вошелъ въ городскую управу съ представленіемъ объ увеличеніи числа мировыхъ участковъ въ столицѣ на 4, а судебныхъ приставовъ на 2. Представленіе съѣзда утверждено.

— Въ будущемъ году кружокъ русскихъ художниковъ устраиваетъ выставку своихъ произведеній въ Парижѣ.

— Съ января торговцы Ново-Александровскаго рынка открываютъ для своихъ мальчиковъ-торговцевъ воскресные классы счетоводства, въ которыхъ будетъ преподаваться и хоровое пѣніе.

— Въ Петербургѣ ходитъ слухъ о предстоящемъ въ самомъ непродолжительномъ времени возвышеніи акциза на табачныя издѣлія уплатой въ казну отъ 2 до 3 рублей съ каждаго выработаннаго пуда табаку. При такихъ условіяхъ на сотню папиросъ новый налогъ ляжетъ не болѣе, какъ въ размѣрѣ 1—2 коп.

— Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, начавъ свою дѣятельность съ 1,300 рублей, за время своего существованія, т. е. за десять лѣтъ, израсходовало, какъ видно изъ послѣдняго отчета, свыше 307,000 рублей и за всѣмъ тѣмъ владѣетъ въ настоящее время тремя домами и денежнымъ капиталомъ свыше 92,000 рублей. Общее число пособій, оказанныхъ бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ за этотъ періодъ времени, достигаетъ 21,904 (включая 1,625 случаевъ вспоможенія родителямъ).

— На-дняхъ послѣдовало утвержденіе ходатайства Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ его уставѣ и, между прочимъ, о включеніи въ кругъ дѣятельности Общества—защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

— Говорятъ, что фабриканты Царскосельскаго и Петергофскаго уѣздовъ возбуждаютъ ходатайство о томъ, чтобы на будущее время не разрѣшалось открытія кабаковъ и портерныхъ лавокъ вблизи ихъ фабрикъ.

— 4 ноября, въ Москвѣ послѣдовало освященіе и открытіе университетской глазной клиники, на Дѣвичьемъ полѣ. Эта глазная клиника приноровлена ко всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки.

— Въ 1894 году въ Москвѣ будетъ устроена всероссійская художественно-промышленная и сельскохозяйственная выставка. Одновременно съ устройствомъ этой выставки предполагается установить порядокъ, по которому всероссійскія выставки будутъ устраиваться черезъ каждыя десять лѣтъ въ Москвѣ, занимающей центральное положеніе по отношенію ко всей остальной Россіи.

— Въ память 500-лѣтія со дня блаженной кончины преподобнаго Сергія, лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, выразило желаніе пожертвовать въ общество хоругвеносцевъ московскаго каѳедральнаго храма Христа Спасителя капиталъ въ 20,000 рублей на устройство пріюта для престарѣлыхъ и нуждающихся въ призрѣніи членовъ всѣхъ московскихъ обществъ хоругвеносцевъ, безплатной лечебницы и аптеки, школы для дѣтей хоругвеносцевъ и домовой церкви.

— Московскіе литераторы и артисты устраиваютъ свой клубъ, который, по словамъ московскихъ газетъ, будетъ носить названіе „Кружокъ литераторовъ, артистовъ, художниковъ и музыкантовъ“. Уставъ его уже разрабатывается и въ декабрѣ будетъ представленъ на утвержденіе.

— Въ засѣданіи харьковской городской думы 5 ноября постановлено: въ память основателя Харьковскаго университета Каразина, ассигновать 1,000 рублей на памятникъ, назвать одну изъ новыхъ улицъ и второе городское училище его именемъ. Предположено образовать путемъ подписки капиталъ на стипендіи въ университетѣ и въ городскихъ училищахъ. Частная подписка гласныхъ дала 600 р. Всего на постановку памятника имѣется теперь 12,500 р.

— Въ предстоящемъ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи будетъ обсуждаться вопросъ объ учрежденіи новыхъ должностей: 1) кустарнаго техника и мастеровъ-инструкторовъ для обученія кустарей улучшеннымъ пріемамъ ихъ производствъ и 2) фармацевта—для наблюденія за сельскими аптеками.

— Священникъ Владимірской церкви въ Саратовѣ Андрей Шанскій за оказанный имъ во время бывшихъ въ Саратовѣ безпорядковъ выдающійся подвигъ самоотверженія и мужества награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

— Общество одесскихъ врачей вырабатываетъ правила для „суда чести“, который предполагается ввести въ средѣ одесскихъ врачей. Судомъ этимъ будетъ затронутъ вопросъ и о публикаціяхъ, которыми врачи какъ-бы зазываютъ къ себѣ паціентовъ. Находятъ, что это несовмѣстимо съ достоинствомъ званія врача.

— По распоряженію г. попечителя дерптскаго учебнаго округа, во всѣхъ мореходныхъ училищахъ Прибалтійскаго края вводится русскій преподавательскій языкъ.

— Въ ноябрѣ, въ Гельсингфорсѣ открывается акварельная выставка „Общества русскихъ акварелистовъ“. Для устройства ея недавно пріѣзжали въ Гельсингфорсъ художники-акварелисты: А. Н. Бенуа, А. Бенуа-Конскій и Г. Л. Лебурде.

— На содержаніе русской народной школы

въ Гельсингфорсѣ, финляндскій сенатъ рѣшилъ отпускать ежегодно по 3,000 марокъ.

— Абоскимъ губернаторомъ внесенъ въ финляндскій сенатъ вопросъ объ учрежденіи въ Финляндіи мѣстной сельской полиціи (урядниковъ) на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ она существуетъ въ Имперіи. Сверхъ того, отъ мѣстной финской полиціи будетъ требоваться знаніе русскаго языка.

— Изъ донесеній директоровъ народныхъ училищъ видно, что земствами многихъ губерній возбуждены ходатайства о разрѣшеніи въ мѣстныхъ земскихъ школахъ чтеній по гигіенѣ, доступныхъ для пониманія учащихся, а также и о томъ, чтобы этого рода чтенія могли устраиваться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ среди грамотныхъ крестьянъ.

— Мы слышали, что окончательно рѣшено, по переходѣ въ казну Московско-Брестской желѣзной дороги, съ присоединеніемъ къ ней Тереспольской линіи, управленіе обѣихъ дорогъ перенести въ Минскъ-губернскій.

— Управляющій уральскимъ горнымъ училищемъ, горный инженеръ Китаевъ командированъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Южную Африку для изученія примѣняющихся тамъ способовъ разработки золотоносныхъ мѣсторожденій, а также для ознакомленія съ дѣйствующими въ южно-африканской республикѣ узаконеніями, регламентами и инструкціями, касающимися горнаго дѣла.

— Въ видахъ поощренія въ Кубанской области коннозаводчиковъ къ упроченію существующихъ породъ лошадей и къ улучшенію ихъ кровными производителями, признано одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ установленіе въ области состязаній молодыхъ лошадей на призы. Для этой цѣли образовано „Кубанское скаковое общество“. Въ настоящее время и. д. начальника Кубанской области и наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска обратился къ коннозаводчикамъ и коноводчикамъ области съ особымъ приглашеніемъ принять участіе въ этомъ полезномъ дѣлѣ и записаться въ члены общества.

— Мы слышали, что въ Министерство Путей Сообщенія вносится ходатайство о продленіи линіи Грязе-Царицынской желѣзной дороги до Дубовки.

— По словамъ газетъ, Комитетъ министровъ призналъ необходимость прокладки, при первой возможности, рельсоваго пути отъ Екатеринбурга до одной изъ станцій Златоустъ-Челябинской дороги.

Смѣсь.

Одна изъ желательныхъ гигіеническихъ мѣръ. Газета *Врачъ*, въ 42 №, на стр. 926, сообщаетъ, что Тарифный Комитетъ постановилъ: ввести немедленно на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ льготный тарифъ (скидку на 75%) на перевозку въ мѣста, неблагополучныя по холерѣ, какъ санитарныхъ отрядовъ (врачей, студентовъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія), такъ и дезинфекціонныхъ средствъ — однако эта вполнѣ цѣлесообразная и благодѣтельная мѣра гдѣ-то, повидимому, застряла, такъ какъ объ осуществленіи ея до сихъ поръ ничего не слышно.

И помимо холеры, въ рѣдкомъ поѣздѣ желѣзныхъ дорогъ, между сотнями перевозимыхъ ими пассажировъ, не найдется одинъ или болѣе больныхъ, требующихъ немедленнаго пособія или даже отдѣленія отъ остальныхъ, въ виду возможнаго распространенія ими заразныхъ болѣзней.

Хотя на случай заболѣванія у оберъ-кондуктора имѣется ящикъ съ нѣсколькими лѣкарственными веществами, но недостаетъ толковаго для неврача (кондуктора) наставленія о выборѣ между ними—средствъ, годныхъ въ данномъ случаѣ.

Телеграмма къ желѣзно-дорожному врачу одной изъ ближайшихъ станцій можетъ не застать его на мѣстѣ, такъ какъ онъ обязанъ посѣщать служащихъ на его участкѣ больныхъ. Если даже онъ или фельдшеръ и встрѣтятъ больного на станціи, то по кратковременности остановокъ на нихъ поѣзда, они не успѣваютъ основательно изслѣдовать больного и приготовить ему лѣкарство.

Ю. Ф. Платонова. Съ фот. Лоренца, грав. Шюблеръ.

Между тѣмъ на одномъ поѣздѣ съ захворавшимъ очень часто ѣдетъ и врачъ, который охотно займется этимъ, если только кондукторъ пригласитъ его къ больному; но, чтобы кондукторъ зналъ о присутствіи въ поѣздѣ врача, желательно, чтобы на станціи отправленія, при покупкѣ билета врачемъ или студентомъ медицины, заявляющимъ о своемъ званіи и готовности служить ближнему, накладывался на таковой особый штемпель, дающій оберъ-кондуктору право пригласить его къ больному и ввѣрить ему выборъ лѣкарства.

Для того-же, чтобы побудить врачебный персоналъ къ заявленію своей профессіи, могло-бы послужить распространеніе на оный, существующей уже для гг. офицеровъ, льготы на занятіе мѣста въ вагонахъ высшаго класса, если таковое свободно. Ухаживая за одержимыми приличиыми и заразительными болѣзнями, врачи вѣдь подвергаютъ здоровье и жизнь свою не меньшей опасности, чѣмъ воинъ на полѣ сраженія, какъ доказываетъ статистика.

Ходатайство объ этой льготѣ должно быть поднято на ближайшемъ V Пироговскомъ съѣздѣ врачей.

Желѣзнымъ дорогамъ предлагаемая для врачей и медицинскихъ студентовъ льгота, а равно и приспособленіе для случайно заболѣвающихъ пассажировъ небольшаго отдѣленія на 2—3 кровати въ одномъ изъ вагоновъ, обойдется намного дешевле, чѣмъ обязательное введеніе въ составъ каждаго поѣзда особаго санитарнаго вагона съ фельдшеромъ, разрабатываемое (судя по № 5982 *Новаго Времени* отъ 23 октября 1892 г.) въ Министерствѣ Путей Сообщенія.

Движеніе ледниковъ. Въ 1890 г. принцъ Роланъ Бонапартъ, желая точно измѣрить движеніе ледниковъ, сдѣлалъ нѣсколько зарубокъ на поверхности ледниковъ Дофинэ и затѣмъ снялъ ее на планъ, при чемъ мѣсто нахожденія зарубокъ было опредѣлено относительно постоянныхъ опредѣленныхъ пунктовъ мѣстности. Сравнивая положеніе этихъ мѣтокъ въ нынѣшнемъ году съ тѣмъ, которое онѣ имѣли раньше; онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ перемѣстились. При чемъ обнаружилось, что въ однихъ мѣстахъ ледники подвинулись впередъ, въ другихъ отступили. Такимъ образомъ удалось установить совершенно точно, что то постоянное наростаніе ледниковъ, которое замѣчалось въ Альпахъ 35 лѣтъ тому назадъ, нынѣ прекратилось и общее обратное движеніе ихъ, если еще и не началось, то должно скоро начаться. Съ цѣлью расширить поле своихъ наблюденій и опредѣлить общіе законы этого явленія, принцъ Роланъ Бонапартъ въ прошломъ году сдѣлалъ еще 15 замѣтокъ въ Альпахъ и кромѣ того 20 въ Пиринеяхъ. (г. в.)

Свѣтящійся метательный снарядъ. Одинъ итальянецъ придумалъ метательный снарядъ, который обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ. При ударѣ о какое-либо твердое тѣло снарядъ разрывается и при этомъ даетъ сильный свѣтъ, сила котораго, по измѣренью изобрѣтателя, равна 100,000 восковыхъ свѣчей. Такимъ образомъ можно будетъ освѣтить мѣстность, занятую непріятелемъ, и самого непріятеля. (г. в.)

Подводное мореплаваніе. На верфяхъ братьевъ Милльяро въ Савонѣ, въ Италіи, спущена была недавно подводная лодка, которая будетъ употребляться для рыбной ловли и разыскиванія драгоцѣнныхъ вещей, потерянныхъ въ морѣ. Лодка построена изъ стали, имѣетъ овальную форму, электрическій приводъ и спиральный двигатель; длина ея $8^1/_2$ метровъ, при вышинѣ въ $3^1/_2$ метра и ширинѣ $2^1/_2$ метра. Она можетъ въ продолженіе 6 часовъ оставаться подъ водою на глубинѣ 100 метровъ.

Искусство.

— Г-жа Познанская, извѣстная наша талантливая піанистка, послѣ участія въ симфоническомъ собраніи и квартетномъ вечерѣ Русскаго Музыкальнаго Общества, дала свой концертъ, привлекшій много публики. Артистка сыграла большую программу, и между прочимъ „Карнавалъ“ Шумана и нѣсколько пьесъ Шопена. Г-жа Познанская имѣла солидный успѣхъ. Она отправляется концертировать въ Москву и другіе города (Кіевъ, Харьковъ, Одесса и др.).

— Г. Архангельскій намѣренъ и въ текущемъ сезонѣ дать рядъ историческихъ хоровыхъ концертовъ. Первый состоится въ началѣ декабря и будетъ посвященъ Баху (Мотетъ № 4), Гайдну и Мендельсону.

— По слухамъ, артистка Императорскихъ театровъ, г-жа Ильинская, переведенная на Александринскую сцену изъ Москвы, по болѣзни покидаетъ сцену навсегда. Артистка эта прослужила четырнадцать лѣтъ.

— Г. Аполлонскій, артистъ Александринской труппы, ставитъ въ свой первый бенефисъ „Марію Шотландскую“ Бьернстерна-Бьернсона, исполняя въ ней роль герцога Дарнлея (Марію играетъ г-жа Савина).

— Дѣла частной русской оперы въ Москвѣ подъ управле-

ніемъ г. Прянишникова идутъ хорошо; изъ вновь поставленныхъ тамъ оперъ имѣли успѣхъ „Аида", „Донъ-Жуанъ", „Майская ночь" г. Римскаго-Корсакова и др.

— А. Г. Рубинштейнъ недавно дирижировалъ симфоническимъ собраніемъ въ Бреславлѣ; въ этотъ же вечеръ подъ его управленіемъ выступила его талантливая ученица, г-жа Якимовская, имѣвшая успѣхъ.

— Въ настоящее время гастролируетъ въ Берлинѣ, въ театрѣ Лессинга, г-жа Дуве, пользующаяся здѣсь громаднымъ успѣхомъ. Въ Берлинѣ же недавно концертировали двѣ наши соотечественницы: пѣвица г-жа Жеребцова и піанистка г-жа Маркова (ученица А. Г. Рубинштейна); обѣ очень понравились.

— Слухи о приглашеніи въ текущемъ году на нашу оперную сцену на гастроли братьевъ Решке—невѣрны. Къ намъ пріѣдетъ на нѣсколько гастролей изъ Москвы г-жа Фостремъ, на мѣсто которой командируется изъ Петербурга г-жа Сонки. Г-жа Фостремъ достаточно, впрочемъ, знакома петербургской публикѣ по концертамъ; она выступитъ въ „Эсклармондѣ", „Ромео и Джульеттѣ" и нѣкоторыхъ другихъ операхъ.

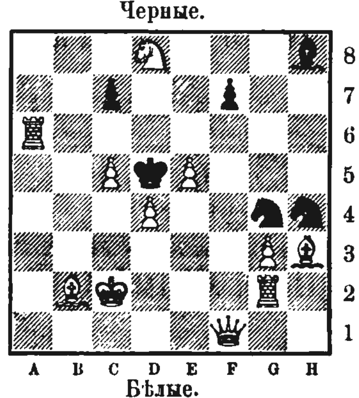
— На нашей Маріинской сценѣ ожидается цѣлый рядъ дебютовъ: г-жи Корсовой, дочери извѣстнаго московскаго баритона, въ партіи „Іоланты" (въ новой оперѣ г. Чайковскаго), г-жи Литвиновой, ученицы Петербургской консерваторіи по классу профессора пѣнія г-жи Ирецкой, въ партіи Джильды въ „Риголетто", г. Шахламіанца въ „Джіокондѣ" и молодаго баритона г. Фитингофа, еще неизвѣстно въ какой оперѣ.

— Драма Островскаго „Гроза" переведена на нѣмецкій языкъ и скоро будетъ поставлена въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ. Переводится также „Симфонія" г. Чайковскаго и „Татьяна Рѣпина".

ШАХМАТЫ

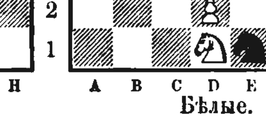
подъ редакціей Э. С. Шифферса.

Задача № 47. М. Окунькова (Сима). Черные.



Бѣлые. Матъ въ 3 хода.

Задача № 48. К. Вержбицкаго (Маріуполь). Черные.



Бѣлые. Матъ въ 2 хода.

Корреспонденція.

Л. Д. С. (Нерчинскій заводъ).

„Шахматное обозрѣніе" стоитъ въ годъ—5 р.—Редакторы Д. И. Сарнінъ и П. П. Бобровъ. Москва. Остоженка, Штатный пер., д. Полякова.

Гг. Рудину, Ружину и Никитину. Задачи ваши напечатать не можемъ.

Г. М. И. Туманову (Сызрань). Изъ вашихъ 3-хъ шашечныхъ задачъ—2 оказались стараго типа и слишкомъ легки, а третья имѣетъ второе рѣшеніе.

За редактора издатель А. Ф. Марксъ.

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА 1893 Г. съ доставкою и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.**

Годъ 3-й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ Редакціи, Верейская, 16, соб. и въ Конторѣ, Гостиный Дворъ, Магазинъ Пантелеева, № 63. № 6015 10—3

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ . .	фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ .	кор. 50 к.
Шведская зубная паста . . .	кус. 30 к.
Шведская амикосовая вода .	фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПБ.

Парфюмеръ I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ФОТОГРАФІИ.

Студіи, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés" и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая посылка высылается за 5 р. Катал. по 20 к. **Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Hauptpostfach.** Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (2)

Большая Морская, 5, бель-этажъ
JOSEPH, дамскій парикмахеръ.
Возвратясь изъ Парижа, имѣетъ честь увѣдомить дамъ, что онъ привезъ прелестныя новости: **шляпы, наколки и Fantaisies, Жэ и черепаховыя издѣлія, Вуали и цвѣты для невѣстъ.**
Orkidée и Tintoret парфюмерныя произведенія для дамъ. Pt. № 6057 2—2

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

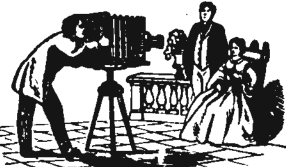
(4) МИНДАЛЬНОЕ № 5914

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 85 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!



ТОЛЬКО 5 руб.

Высылается настоящій фотографическій аппаратъ съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. **Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій пр., 4. Заказы немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 10 к. марку.** № 6088

Вышло новое изданіе **Ф. Павленкова:**

ТРУДЪ и КАПИТАЛЪ.

Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи. Переводъ **В. Свидерскаго.** Цѣна 20 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ въ книжн. маг. П. В. Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., № 2).

ЗАИКАНІЕ

лѣчитъ проф. **Леонъ БЕРКАНЪ.** СПБ. Невскій, д. 81, кв. 10. № 6082 4—1

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 5—5

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
можно купить изъ первыхъ рукъ на фабрикѣ **L. P. Schuster in Markneukirchen in Sachsen.** Иллюстрированный каталогъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ, цитръ, гитаръ, барабановъ, струнъ, музыкальныхъ принадлежностей, гармоникъ, музыкальныхъ произведеній высылается безплатно и франко. № 6060 (3)
Обращаться съ требованіями можно на нѣмец., французск. и англійск. языкахъ.

СРЕДСТВО ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ РУКЪ И ЛИЦА
ЖЕЛЕ ФИЛОДЕРМИНЪ (GELÉE PHILODERMINE) ЛЕМЕРСЬЕ
ЦѢНА 35 к.
ТРЕБОВАТЬ ПОДПИСЬ ИЗОБРѢТАТЕЛЯ A. Lemercier
ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ У А. РАЛЛЕ и К° МОСКВА, Ф. ШАБЕРТЪ МОСКВА, ПОКРОВКА Д. БР. СОБОЛЕВЫХЪ.
РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ И ПАРФЮМЕРНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ
Ш. № 5922 20—15

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи.
Требовать *зелено-золотистый ярлыкъ.*
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

КАПИТАНЪ
ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева.** Изданіе **3-е.** СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ:

Привилегія въ Россіи за № 13192.

Ароматическія лепешки для крѣпкихъ напитк. и для приготовл. фрукт. лимонада

Фабрики ГЛЕШКЕ и ВИДНЕРЪ.

СТРЕМЯННАЯ УЛИЦА, № 22, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

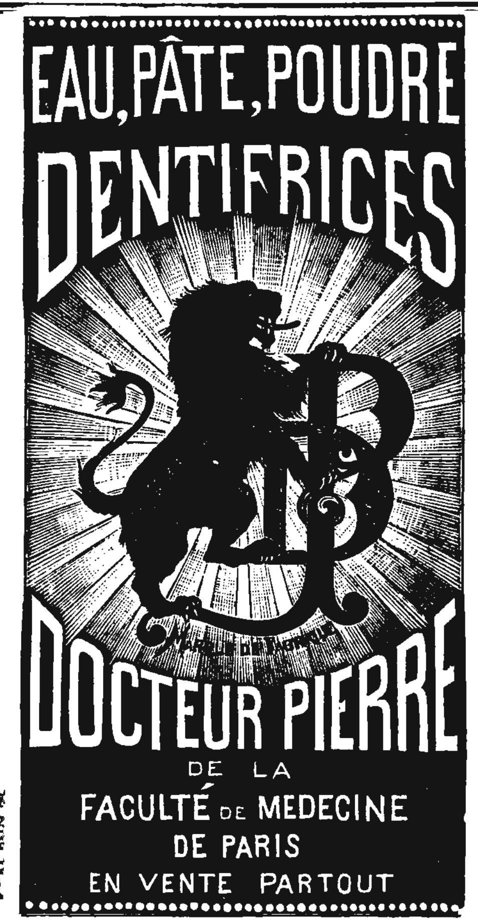
Разрѣшенныя спб. врач. управл., какъ несодержащія въ составѣ своемъ вредн. здоровью веществъ.

ЛЕПЕШКИ ДЛЯ ВОДОКЪ И ЛИКЕРОВЪ ПО 15 К. ЗА ШТУКУ: аракъ, коньякъ, ромъ, абсентъ (полын.), женевръ (можжевел.), киршвассеръ, нордгейзеръ-корнъ (стара вудка), рябиновая, голландская водка, рижская бальзамная водка, англійская горькая, царская горькая, авгостура горькая, желудочная горькая, швейцарская травяная, бенедиктинъ, шартрезъ (желтый), мараскино, кюрасо, мандариновый, императорскій (абрикотинъ), розовый, ароматный, ванильный, кюммель-алашъ, мятный.

ЛЕПЕШКИ ДЛЯ ЛИМОНАДОВЪ ПО 10 К. ЗА ШТ. НА 3 СТАКАНА: ананасовая, абрикосовая, банановая, вишневая, грушевая, земляничная, лимонная, малиновая, персиковая, смородинная черная.

Приложенный къ каждой лепешкѣ способъ употребленія указываетъ, какимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ изготовляется лимонадъ, а изъ обыкновенной очищенной водки — спеціальная водка или ликеръ. Получать можно: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ — въ аптекарскихъ магазинахъ, въ провинціи въ аптекарскихъ магазинахъ и многихъ аптекахъ. Иногороднимъ товаръ высылается почтою съ наложеннымъ платежомъ. № 6091

ХИМИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ЛЕПЕШЕКЪ. По изслѣдованіи доставленныхъ въ С.-Петербургскую городскую лабораторію образцовъ „ароматическихъ лепешекъ для приготовленія крѣпкихъ напитковъ, ликеровъ и лимонадовъ", фирмы Глешке и Виднеръ, анилиновыхъ красокъ и другихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено. С.-Петербургъ, 27-го іюня 1892 г. подъ № 537. (Подп.) завѣдывающій лаборат., профессоръ военно-медицинской академіи **ПРЖИБЫТЕКЪ.**



№ 6039 12—4

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ"

Подписная цѣна газеты на 1893 годъ.

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ 30 „	„ 1 „	1 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости" будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ **Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей"**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается **разсрочка,** при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 руб. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб. № 6086 8—1

ПАВЕЛЪ БУРЕ

В. № 5901 12-9

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. **Москва,** по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

№ 6012 10—4

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА

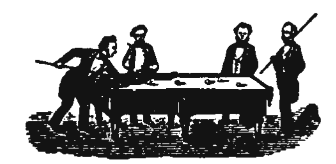
БРОКАРЪ и К°.

предлагаетъ

ПОСЛѢДНІЯ **НОВОСТИ!**

ДУХИ „КОРИЛОПСИСЪ ЯПОНСКІЙ“ „ЛЮБИ МЕНЯ“ „КОНЕЦЪ ВѢКА“

№ 6025 2—2



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египет-скаго моста, домъ № 7—2. № 5607 26—18

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (20)

„НЕДѢЛЯ“

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій: еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ.“

„НЕДѢЛЯ“ выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ 52 нумеровъ въ годъ.

„КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ выходятъ ежемѣсячно, въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ.

Въ 1892 году въ „НЕДѢЛѢ“ и въ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ принимали участіе: **Я. В. Абрамовъ, В. П. Авенаріусъ, В. Л. Величко, проф. А. Н. Веселовскій, П. И. Вейнбергъ, М. И. Венюковъ, В. В. Водовозовъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, В. А. и В. П. Гайдебуровы, Н. Л. Гладкій, В. Л. Дѣдловъ, А. Я. Ефименко, И. Н. Захарьинъ, А. Г. Каррикъ, А. Ф. Кони, проф. П. И. Ковалевскій, проф. А. Н. и П. Н. Красновы, М. В. Крестовская, Ц. А. Кюи, К. В. Лаврскій, В. П. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, М. Н. Мазаевъ, А. Н. Майковъ, Евг. Л. Марковъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, П. О. Морозовъ, П. Е. Накрохинъ, Н. Н. Нечаевъ, Л. Е. Оболенскій, Я. П. Полонскій, В. О. Португаловъ, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, Е. И. Раппапортъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій, К. К. Случевскій, С. Н. Сыромятниковъ, В. А. Тимирязевъ, А. А. Тихоновъ (Луговой), графъ Л. Н. Толстой, Н. Н. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, Ант. П. Чеховъ, Н. В. Яковлева, проф. И. И. Янжулъ и др.**

Подписка на 1893 г. открыта.

№ 6067 3—2

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ и журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“—девять рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 4.

Редакторъ-издатель П. А. Гайдебуровъ.

1893. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1893.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ И САМУЮ ДЕШЕВУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

(4-й годъ изданія).

Правительственныя распоряженія.—Административныя новости.—Свѣдѣнія изъ общественной русской жизни. — Московскій дневникъ. — Театральная хроника. — Спортъ.—Биржевая и торговая хроника.—Мануфактурные и хлѣбные рынки.—Скотопригонный дворъ.—Корреспонденція.—Телеграммы собствен. корреспондент. и „Сѣверн. Телеграфн. Агентства.“ — Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія.—Смѣсь: шутки, каламбуры и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи

годъ 5 р. 1/2 года 3 р. 1 мѣсяцъ 60 к.

Адресъ: **Москва.** Ц. № 6046 2—2

Почтовыя марки не принимаются.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Пластырная бумага, разрѣшенная Медицинскимъ Департаментомъ. Требовать съ этикетами Fayard et Blayn. Имѣется во всѣхъ лучшихъ аптекахъ. № 5?8 (16—?)

ПОДПИСКА на 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ. № 6079 7—2

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: **На годъ—9 руб., на полгода—5 руб., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; за границу: на годъ—17 руб., полгода 9 руб.**

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднымъ, желающимъ ознакомиться съ **„РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ“**, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за **восемь** семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: **С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.** Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

СКРИПКИ . отъ 2—100 р.
ГИТАРЫ . . . „ 3— 75 р.
БАЛАЛАЙКИ. „ 1— 20 р.
МАНДОЛИНЫ „ 10— 75 р.
ЦИТРЫ . . . „ 8— 75 р.

а также всѣ остальные струнные инструменты и принадл. реком.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ,

Москва. Петровка, д. Волкова. Требуйте иллюстрир. прейсъ-курантъ.

Ц. № 5965 4—2

ПРИГЛАШАЮТСЯ АГЕНТЫ

во всѣхъ слояхъ общества на весьма выгодныхъ условіяхъ для распространенія между своими знакомыми общеполезнаго и хорошо зарекомендованнаго литературнаго произведенія. Ц. № 6076 2—2

Предл. письм. па № 18817 въ бюро б. Доничъ, на Софійкѣ, въ Москвѣ.

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ

для Гг. иногородныхъ составлены коллекціи:

въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

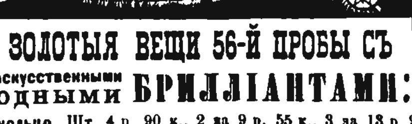
и каждая коллекція, даже 5 р., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекціи въ 25, 50 и 100 р. особенно пригодны для большихъ семействъ, школъ, пріютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр.

Покорнѣйше прошу дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

Товаръ пересылаю налож. платеж.

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 20—31.

БАЗАРЪ МАРОКЪ



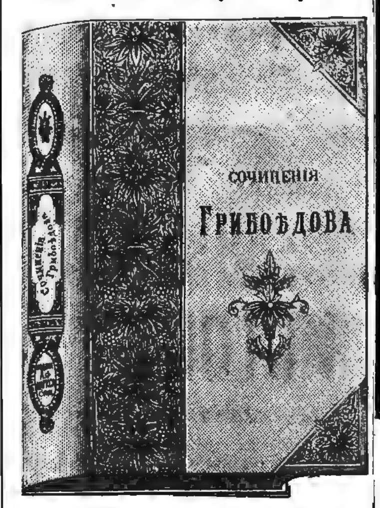
ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ превосходными искусственными БРИЛЛІАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ съ больш. искусств. бриллiантомъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к. № 6041 7—4
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

КРЫШКИ

для переплета полныхъ собраній сочиненій

КОЗЛОВА, ГРИБОѢДОВА, ПОЛЕЖАЕВА и КОЛЬЦОВА.



Крышки (образецъ которыхъ здѣсь помѣщается) изготовлены изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ изящными тисненіями золотомъ и краскою. Цѣна каждой крышки 25 коп., съ пересылкою иногороднымъ — 60 коп.

Въ виду того, что пересылка всѣхъ четырехъ крышекъ обойдется дешевле чѣмъ каждой отдѣльно, Контора предлагаетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ выписывать ихъ разомъ, и въ этомъ случаѣ, она будетъ высылать ихъ за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій, 6.

Еще къ празднику!

Кромѣ вещей опубликован. въ прошломъ номерѣ, поступили еще слѣдующія: Англійская пишущая машина 8 р. ◆ Земной глобусъ укладывающійся въ карманъ 4 р. ◆ Барометръ—картинка измѣняющая цвѣтъ по погодѣ 1 р. ◆ Скоропечатная машина 15 руб. Адресъ: С.-Петербургъ, складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій просп. 4.

Заказы высылаются немедленно.

Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6084

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ ЛИЛИПУТЪ

...о шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

3—1 **Е. КРАУСЪ и Ко.** № 6090

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ. Rue de Bondy, 32.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. приборъ. высыл. каждый за семи коп. поч. марку.

Только что поступилъ въ продажу

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно:

1) Профессора И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Чернаго моря близь Сухумъ-Кале“.
2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ“.
3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“.
4) Профессора Н. Д. ДМИТРІЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО: „У колодца“.
5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатьма“.
6) А. М. КОТЛЯРЕВСКАГО: „Спряталась“. (Сцена изъ малоросс. жизни).
7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго“.
8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРІО: „Близь Ай-Петри въ Крыму“.
9) Профессора К. Е. МАКОВСКАГО: „Бояринъ“.
10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблоковъ“.

Картины заключены **въ роскошную папку** (10 вершк. длины и 8 вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенную акварелью акад. **С. Ѳ. Александровскаго.** Каждая картина въ альбомѣ печатана **15—20 красками**, на лучшей **бѣлой бристольской бумагѣ**, и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Цѣна **3 р.** съ пер., для гг. подписчиковъ „Нивы“ **2 р.** съ пер.

Требованія просятъ адресовать въ СПБ—гъ, въ Контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

Въ январѣ 1893 г. выйдетъ въ свѣтъ новое изданіе

РОССІЙСКІЙ
ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ.

Изданіе это заключаетъ въ себѣ всѣ изображенія нашихъ Царей и Царицъ, исполненныя по подлиннымъ портретамъ Ихъ Величествъ, находящимся въ Императорскихъ Дворцахъ, хромолитографическимъ способомъ; будетъ имѣть большой форматъ 4° и выходить выпусками до десяти изображеній въ теченіе каждаго года. Въ продолженіе трехъ лѣтъ будутъ выпущены, въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ портреты Царственныхъ Особъ Дома Романовыхъ, съ краткимъ на этихъ портретахъ жизнеописательнымъ текстомъ.

Менѣе четверти вѣка остается теперь до *трехсотлѣтія* съ того великаго дня, какъ, въ 1613 году, молодой бояринъ Михаилъ Романовъ всенародно избранъ былъ на царство. Съ тѣхъ поръ судьба нашего Отечества неразрывно была связана съ царствованіями его потомковъ, и Россія, подъ скиптромъ ихъ, изъ незначительнаго московскаго царства достигла настоящаго міроваго своего могущества. А потому народъ русскій, среди котораго грамотность идетъ быстрыми шагами впередъ, въ виду наступающаго *трехсотлѣтія* Царственному Дому Романовыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, отнесется съ живымъ сочувствіемъ къ изданію портретовъ Русскихъ Царей, которое познакомитъ его съ историческимъ его прошлымъ.

Подписная цѣна на изданіе до января 1893 года, т. е. до перваго выпуска Царственныхъ изображеній, за 10 портретовъ, имѣющихъ выйти въ теченіе года:

Безъ доставки . . . . . 1 р. 20 к.
Съ доставкою . . . . . 1 р. 70 к.

Послѣ же перваго выпуска подписная цѣна увеличивается:

Безъ доставки . . . . . 1 р. 50 к.
Съ доставкою . . . . . 2 р. — к.

Подписка принимается въ Петербургѣ на Большой Морской, домъ № 30, въ конторѣ „Русскаго Вѣстника“, и денежные пакеты адресуются подписчиками на имя издателя-редактора **Корнилія Александровича Бороздина** въ ту же редакцію „Русскаго Вѣстника“. № 6087

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. арш., сукно (неворсов.) 1 р. 35 коп., по прочности и дешевизнѣ незамѣнимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы и исполняются порученія на особо льготныхъ условіяхъ.

Магазины: СПБ., Владимірская, № 6; Васил. Остр., 4-я линія, домъ 58; Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6053 10—3

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ С. СТУ и Ко. ПРЕДОСТЕРЕГАЕМЪ ОТЪ ПОДДѢЛКИ НАШЕЙ МАРКИ. НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ,

самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемыя по тону и качеству, отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Альты, віолончели, басы. Смычки 1½—50 мар. Футляры 3½—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Сора, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Вывозъ. Оптов. продажа.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ.

№ 6093 Крейцнахъ. 4—1

ЭЛЕГАНТНЫМЪ
ОСОБАМЪ

Изящная послѣдн. Парижская новость: изъ накладнаго золота, съ искусств. брилліант. не мѣняющими своего вида и имѣющими блескъ настоящ. брилліантовъ, 3 вещи: брошь, браслетъ и серьги за 3 р., 5 р., 10 р. и 15 р. Тоже золотыя 56 пробы за 25 р., а также имѣются и другія золотыя вещи. Иногороднымъ при полученіи 20% задатка высылаются по почтѣ съ наложен. платежемъ. Пересылка и упаковка на счетъ заказчика. Съ требованіемъ обращаться въ Торговый домъ Александръ и Ко, поставщикъ арт. Имп. театр. Пассажъ № 36. СПБ. Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3½, 5, 7, 10, 15, 25 р. и дор.

СКРИПКИ ¾, ½ и ¼ величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ.

Самоучитель Баганца въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р.

АЛЬТЫ и ВІОЛОНЧЕЛИ.

ГИТАРЫ въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. (Отъ 7 р. съ механизмомъ для струнъ). Самоучитель Соколова по 1½ и 2½ р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированн. прейсъ-курантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская багетная и рамочная фабрика.

С.-Петербургъ.

Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. 6 № 5966 (10)

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 октября 1892 г. Р. 2.614.937 95.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5853 (23)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ЭЛЕОПАТЪ
ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. (6) № 5976

ПИШУЩАЯ МАШИНА 25—4
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 5998

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, В. Морская, 21.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородн. подписчиковъ пробный нумеръ газеты „День“ № 1591, затѣмъ 2 объявленія: 1) отъ банкирской конторы Генриха Блокъ въ СПБ.; 2) отъ чайнаго магазина Н. Е. Киселева въ Москвѣ (послѣднее за исключеніемъ Московскихъ подписчиковъ).

Дозвол. ценсур., СПБ., 18 ноября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XXIII

№ 48 | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 ноября 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Д. И. Фонъ-Визинъ.

1 декабря настоящаго года исполняется сто лѣтъ со дня смерти незабвеннаго автора „Бригадира“ и „Недоросля“, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей прошлаго вѣка, представителя благороднаго образа мыслей своего времени, „друга честныхъ людей“, по выраженію одного изъ критиковъ его.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ по своему происхожденію принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, вполнѣ обрусѣвшему, хотя и вышедшему изъ нѣмецкой земли. Предки его владѣли тамъ разными замками, потомъ были рыцарями ордена Меченосцевъ. Въ войну Грознаго съ Ливоніей два брата Фонъ-Визины были взяты въ плѣнъ, а потомки ихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ приняли православіе и стали вполнѣ русскими людьми. Отецъ Дениса Ивановича былъ человѣкъ небогатый, но въ высшей степени честный. Служа въ ревизіонъ-коллегіи въ Москвѣ и имѣя свой собственный домъ, этотъ человѣкъ, „не имѣвшій случая просвѣтить себя ученіемъ“, но въ то же время человѣкъ „большаго здраваго разсудка“, выдѣлялся въ чиновничьемъ мірѣ независимостью характера и благородствомъ. „Государь мой, говорилъ онъ обыкновенно просителю, приходившему къ нему съ подарками, — сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права“. Мать Дениса Ивановича „имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко; сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало“. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ благородныхъ личностей и росъ Фонъ-Визинъ, родившійся въ 1745 году.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ (по случаю столѣтія со дня смерти).
Съ совр. портр. грав. Нейманъ.

Учить его начали рано, лѣтъ четырехъ, такъ что онъ не помнилъ себя безграмотнымъ. Но средства отца не позволяли учить его дома иностраннымъ языкамъ, которые тогда уже становились необходимою принадлежностью образо-

ванія, и Денисъ Ивановичъ вмѣстѣ со своимъ братомъ былъ отданъ въ открытую тогда гимназію при Московскомъ университетѣ. Учили въ ней, какъ разсказываетъ самъ Фонъ-Визинъ, плохо; тѣмъ не менѣе онъ съ благодарностью вспоминаетъ о ней. Онъ выучился въ ней языкамъ латинскому, „положившему основаніе нѣкоторымъ его знаніямъ", и нѣмецкому. Латинскій языкъ помогъ ему впослѣдствіи овладѣть и французскимъ. Юноша рано выдѣлялся изъ толпы сверстниковъ. Еще въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ замѣчательную впечатлительность. Однажды отецъ разсказывалъ дѣтямъ исторію Іосифа Прекраснаго, и Денисъ Ивановичъ, тронутый судьбою проданнаго братьями Іосифа, горько расплакался. Въ гимназіи онъ выдѣлялся своею прямотою и не прибѣгалъ ко лжи и увертиамъ, когда не зналъ, о чемъ его спрашивали. Вмѣстѣ съ тѣмъ рано сказался въ немъ и острый сатирическій умъ. „Острыя слова мои, разсказываетъ онъ самъ,—носились по Москвѣ, а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные огласили меня злымъ и опаснымъ мальчишкой; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ". Начальство отличало Фонъ-Визина, какъ способнѣйшаго ученика, и онъ получалъ медали.

Въ 1758 году, тогдашній директоръ университета, отправляясь въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ кураторомъ его, Ив. Ив. Шуваловымъ, взялъ съ собою нѣсколькихъ изъ питомцевъ университетской гимназіи, а въ числѣ ихъ и Фонъ-Визина. Эта поѣздка въ Петербургъ получила въ жизни Дениса Ивановича очень важное значеніе. Здѣсь онъ былъ представленъ Ломоносову, увидѣлъ въ первый разъ театръ, произведшій на него глубокое впечатлѣніе, и познакомился въ домѣ дяди съ актерами Волковымъ и Дмитревскимъ. По возвращеніи въ Москву, въ апрѣлѣ 1759 года, въ день коронаціи Елисаветы Петровны, онъ былъ произведенъ въ студенты; съ этого собственно времени начался для него университетскій курсъ по философскому факультету, на которомъ читали многіе хорошіе профессора. Фонъ-Визинъ слушалъ, между прочимъ, извѣстнаго въ свое время Рейхеля, который обратилъ на даровитаго юношу вниманіе и помѣстилъ въ своемъ журналѣ четыре переводныя статьи Фонъ-Визина; съ особенною же любовью онъ слушалъ логику у профессора Шадена, и въ то же время занимался переводомъ одного изъ нѣмецкихъ нравоучительныхъ романовъ, и началъ переводить съ французскаго стихами „Альзиру" Вольтера.

Въ 1762 году, когда на престолъ вступила Екатерина, Денисъ Ивановичъ окончилъ университетъ. Нужно сказать, что по обычаю того времени, онъ еще въ дѣтствѣ, въ 1754 году, былъ записанъ въ военную службу, въ Семеновскій полкъ, и числился уже въ полку сержантомъ гвардіи. Но въ военную службу онъ не пошелъ, а вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Двора, поступилъ въ иностранную коллегію переводчикомъ. Быстро выдѣлялся онъ и на службѣ. Тогдашній канцлеръ М. И Воронцовъ поручалъ Фонъ-Визину переводъ важнѣйшихъ бумагъ, а когда случилось отправлять къ герцогинѣ Шверинской пожалованный ей орденъ Св. Екатерины, передача его поручена была Денису Ивановичу, который съумѣлъ заслужить благосклонность и герцогини, и русскаго посла при ея Дворѣ. Въ октябрѣ 1763 года, числясь на службѣ въ иностранной коллегіи, онъ прикомандированъ былъ въ качествѣ секретаря къ кабинетъ-министру И. П. Елагину, при которомъ и состоялъ до 1769 года.

Въ 1766 году Фонъ-Визинъ написалъ своего „Бригадира" Комедія эта произвела такое впечатлѣніе, что весь Петербургъ заговорилъ о ней, и разные вельможи начали наперерывъ приглашать автора къ себѣ на обѣды и чтенія; а читалъ Фонъ-Визинъ превосходно. Графъ Г. Г. Орловъ сказалъ о новой комедіи императрицѣ; Екатерина пожелала слышать ее. Съ обычнымъ мастерствомъ прочиталъ Денисъ Ивановичъ „Бригадира" императрицѣ въ Петергофѣ, и комедія получила еще большую славу. Встрѣтивъ его въ слѣдующіе дни въ саду, министръ иностранныхъ дѣлъ и воспитатель наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича, Никита Ивановичъ Панинъ сообщилъ ему о желаніи цесаревича слышать чтеніе его комедіи. Дня черезъ три, немедленно по переѣздѣ въ Петербургъ, Фонъ-Визинъ явился съ этою цѣлью къ Панину. Вотъ что самъ Фонъ-Визинъ разсказываетъ объ этомъ событіи въ его жизни. „Одѣвшись (Панинъ), повелъ меня къ великому князю и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда, сказалъ графъ,—ваше высочество ее услышите". Потомъ, подошедъ ко мнѣ: „Вы, сказалъ, извольте остаться при столѣ его высочества". Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми лицами Двора своего сѣли около меня. Черезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье (эту сцену и изображаетъ рисунокъ нашъ на стр. 1053). Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. „Я вижу, сказалъ онъ мнѣ,—что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу..." За чтеніемъ у великаго князя слѣдовалъ рядъ другихъ чтеній въ домахъ знати. Фонъ-Визинъ сдѣлался въ короткое время литературною знаменитостью и перезнакомился со всѣми высокопоставленными лицами и выдающимися людьми.

Въ 1769 году Фонъ-Визинъ перешелъ на службу къ Панину, и съ этого времени для него начинается настоящее дипломатическое поприще. Черезъ его руки проходятъ всѣ бумаги министерства, и онъ принимаетъ даже непосредственное участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Служба у Панина доставила ему и состояніе. Получивъ въ награду отъ императрицы 9,000 душъ крестьянъ, министръ оставилъ себѣ только 5,000, а остальныя раздѣлилъ между своими секретарями, при чемъ на долю Фонъ-Визина досталось 1,180 душъ. Около того же времени, женитьба на одной богатой вдовѣ совершенно упрочила его матеріальное положеніе. Въ 1778 году Фонъ-Визинъ съ больною женой былъ за границей, прожилъ въ Парижѣ нѣсколько мѣсяцевъ и познакомился съ многими тамошними учеными и писателями, особенно съ Мармонтелемъ.

По возвращеніи изъ-за границы Фонъ-Визинъ продолжалъ свои занятія литературой, и въ 1782 году, 24 сентября, въ первый разъ дана была на театрѣ его знаменитая комедія „Недоросль", окончательно упрочившая его славу.

Фонъ-Визинъ, по натурѣ своей чрезвычайно живой и впечатлительный, не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Смерть Панина, его защитника и покровителя (въ 1783 году), страшно поразила его, и онъ сильно началъ хворать. Вскорѣ послѣ того, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ около 8 мѣсяцевъ. Здоровье его, однакоже, не поправилось, и въ 1785 году параличъ лишилъ его свободнаго употребленія языка и лѣвой руки и ноги. Въ 1786 году онъ снова уѣхалъ въ Европу, былъ въ Вѣнѣ, Карлсбадѣ и въ Венгріи; но не оправился отъ своего недуга. Вернувшись въ Россію, онъ въ 1788 году собирался, однако, издавать журналъ „Другъ честныхъ людей или Стародумъ", но цензура не разрѣшила изданія. Сильно страдая, прожилъ онъ еще около четырехъ лѣтъ, и 1 декабря 1792 года умеръ.

Сверхъ „Бригадира" и „Недоросля" Фонъ-Визинъ написалъ еще нѣсколько комедій, сатирическихъ стихотвореній (басню „Лисица-казнодѣй", „Посланіе къ слугамъ" и проч., и проч.), разсужденій, и наконецъ автобіографію „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ". Хотя произведенія эти и не имѣютъ такого значенія, какъ знаменитыя комедіи его, но всѣ они полны ума и той честности мысли и высокихъ убѣжденій, которыя дѣлаютъ его однимъ изъ передовыхъ людей и либераловъ Екатерининскаго времени. Онъ оставилъ по себѣ память, какъ о человѣкѣ добромъ и любезномъ, веселомъ и необыкновенно остроумномъ. Близкое общество его составляли всѣ лучшіе писатели того времени, и между ними Державинъ, Богдановичъ и Дмитревскій. **В.**

Послѣдній вечеръ Фонъ-Визина.

Въ интересныхъ вообще воспоминаніяхъ Ив. Ив. Дмитріева, извѣстнаго поэта и министра, мы находимъ, между прочимъ, и разсказъ о знакомствѣ его съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. Разсказъ этотъ извѣстенъ нашимъ историкамъ литературы; несмотря на это, мы находимъ приличнымъ и благовременнымъ напомнить его ко дню юбилея Фонъ-Визина. Знакомство Дмитріева съ Фонъ-Визинымъ продолжалось одинъ только вечеръ, *послѣдній вечеръ* въ жизни Фонъ-Визина; на слѣдующее утро онъ былъ во гробѣ... Уже само по себѣ интересно такое совпаденіе. Но, кромѣ этого, въ разсказѣ Дмитріева находятся и цѣнныя указанія для характеристики умонастроенія и личнаго характера Фонъ-Визина въ послѣднее время, можно даже сказать—въ послѣднія минуты его жизни.

Дмитріевъ былъ въ это время почти-что при началѣ своей литературной и жизненной карьеры; онъ не сдѣлалъ еще ничего крупнаго въ литературномъ отношеніи, но былъ принятъ, какъ писатель, въ литературный кругъ и нашелъ покровителя въ лицѣ тогдашняго корифея, Державина. Державинъ и познакомилъ Дмитріева съ Фонъ-Визинымъ, котораго до сихъ поръ Дмитріевъ не зналъ лично и даже никогда не видалъ, можетъ быть по той причинѣ, что Денисъ Ивановичъ болѣлъ и часто оставлялъ по своему болѣзненному состоянію столицу и даже Россію для путешествія въ чужіе края. Свиданіе и произошло въ домѣ Державина.

„Назначенъ былъ день и часъ", — разсказываетъ Дмитріевъ.—„Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдственность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи". Фонъ-Визинъ только-что возвратился изъ своего бѣлорусскаго помѣстья.—„Уже онъ не могъ владѣть одной рукой; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался". Денисъ Ивановичъ началъ разспрашивать своего собесѣдника, читалъ-ли онъ его сочиненія и какъ они пра-

вится ему. Такой разговоръ о себѣ, можно думать, Фонъ-Визинъ завелъ совсѣмъ не по присущей часто авторамъ страсти усладиться похвалами и комплиментами за свой счетъ со стороны собесѣдника, а для того, чтобы сразу опредѣлить свойство ума и характера своего собесѣдника, какъ думаетъ объ этомъ и самъ Дмитріевъ. Собесѣдники обмѣнялись мнѣніемъ и насчетъ производившаго тогда сенсацію литературнаго явленія, именно „Душеньки“ Богдановича, и согласились, что она *прелестна*. „Потомъ Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ ему свою комедію „Гофмейстеръ“; хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія, авторъ глазами, киваніемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя ему самому нравились“. Понятное дѣло, Денису Ивановичу, великому артисту въ чтеніи своихъ драматическихъ произведеній, чтеніемъ „Бригадира“ приводившему нѣкогда въ восторгъ императрицу, наслѣдника престола и всѣхъ вообще своихъ слушателей, не легко было слушать свое собственное произведеніе въ чтеніи другаго. Конечно, слушатели „Гофмейстера“ сильно сожалѣли, что самъ авторъ, рѣдкій чтецъ, былъ теперь почти безъ языка. Впрочемъ, больной физически, Фонъ-Визинъ сохранилъ и любовь къ литературѣ, и наблюдательность, и остроуміе; бесѣда съ нимъ не только не составляла тягости, но была оживленна и пріятна. „Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Несмотря на трудность разсказа (произношенія), онъ заставлялъ насъ неоднократно смѣяться“. Денисъ Ивановичъ остроумно сообщилъ своимъ собесѣдникамъ о своихъ литературныхъ наблюденіяхъ въ уѣздной глуши и въ Москвѣ. „Во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного русскаго литератора, городскаго почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. — Которую-же изъ одъ его вы признаете лучшей? спросилъ Фонъ-Визинъ. — Ни одной не случилось читать, отвѣтствовалъ почтмейстеръ“. Съ такимъ литераторомъ еще можно имѣть дѣло: онъ неспособенъ нанести большаго безпокойства. А въ Москвѣ отъ молодыхъ стихотворцевъ, желавшихъ познакомиться съ знаменитымъ писателемъ и посвятить его въ свое творчество, приходилось плохо. Замѣчательные попадались экземпляры. „Однажды докладываютъ мнѣ: *пріѣхалъ трагикъ*. „Принять его“, сказалъ я, и чрезъ минуту входитъ авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его *въ новомъ вкусѣ*. Нечего дѣлать, прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ самая необыкновенная: у всѣхъ трагедіи кончаются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня или главное лицо умретъ естественною смертью. И въ самомъ дѣлѣ—заключилъ Фонъ-Визинъ—героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и наконецъ издохла“.

Разсказъ Дмитріева о предсмертномъ вечерѣ Дениса Ивановича ни въ какомъ случаѣ не надо забывать въ біографіи и характеристикѣ Фонъ-Визина и всегда надо имѣть въ виду при чтеніи „Чистосердечнаго признанія въ дѣлахъ и помышленіяхъ“ и нѣкоторыхъ другихъ позднихъ произведеній Фонъ-Визина. По этимъ произведеніямъ можно пожалуй придти къ заключенію, что въ послѣдніе годы своей жизни Фонъ-Визинъ радикально измѣнился и въ смыслѣ убѣжденій, и въ смыслѣ личнаго характера. Онъ представляется намъ мрачнымъ, разочарованнымъ, отрицающимъ свое прошлое, обличающимъ себя и вѣчно кающимся въ грѣхахъ и заблужденіяхъ,—чѣмъ-то въ родѣ Гоголя. Конечно, жизнь заставила его разочароваться во многомъ, а тяжкая и продолжительная болѣзнь не могла не повліять на него удручающимъ образомъ. Но все это не дастъ еще права говорить о радикальной перемѣнѣ въ убѣжденіяхъ и характерѣ поэта. Личныя впечатлѣнія наблюдательнаго Дмитріева показываютъ, что и въ послѣдній вечеръ своей жизни Фонъ-Визинъ сохранилъ тѣ черты, съ которыми мы привыкли представлять автора „Бригадира“ и „Недоросля“.

П. П. В.

На Синеморскихъ буграхъ.

Житейская драма.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

Но Ахметъ не долго былъ одинъ. Только-что онъ было расположился поудить на досугѣ, вынулъ изъ лодки удилище, а въ карманѣ досталъ удочку: приправилъ лесу, на крючокъ изловилъ большущаго кузнечика вмѣсто червя и забросилъ удочку, какъ изъ заросли, за его спиной, показался человѣкъ, тоже киргизъ, и подошелъ къ нему, обычной имъ, развалистой походкой.

— Здорово! Откуда будешь? спросилъ онъ по-ихнему, садясь возлѣ и вынимая изъ кармана коротенькую носогрѣйку.

— Здравствуй!.. Съ Красныхъ Бугровъ прибѣжалъ. А ты, здѣшній?

— Не дальній... Что-жь это, развѣ по вашимъ мѣстамъ тарашка перевелась, что ты къ намъ удить пришелъ?

— Не по своей волѣ я сюда пришелъ.

— То-то же! Видѣлъ я: русскаго привезъ... Учителя, а?

Ахметъ молчалъ, занятый движеніями поплавка.

— Учителя, что-ль?.. Что-жь не скажешь?

— Да тебѣ какое дѣло?! огрызнулся Ахметъ.

Пришедшій помолчалъ. Закурилъ свою носогрѣйку, понюхалъ ею, примялъ затрещавшій огонь большимъ пальцемъ и продолжалъ:

— А у тебя языкъ отвалится, что-ли, добромъ отвѣчать своему человѣку? Мало нами русскіе помыкаютъ, чтобъ мы еще другъ на друга огрызались!.. Ты вонъ мальчишка, а у меня ужъ сѣдина! Я къ тебѣ съ ласковымъ словомъ, а ты меня по-собачьи...

Молодой киргизъ промолчалъ, смущенный упрекомъ.

— Вотъ и видно изъ чьихъ ты! продолжалъ, покуривая, пришедшій. — И спрашивать не стану, самъ скажу: изъ темировскихъ ты... Видно тоже въ русскую вѣру переходишь? Вы вѣдь всѣ измѣнники, вѣроотступники!

— Чего ругаешься... Самъ такой! буркнулъ Ахметъ.

— Нѣтъ, я не такой! Аллаху и Пророку его не измѣню, какъ ваши тамъ, на Красныхъ Буграхъ, госпожи... Родился правовѣрнымъ и умру правовѣрнымъ! А онѣ, видно, всѣхъ своихъ холоповъ въ русскую вѣру обратятъ, да и сдадутъ въ солдаты!

— Что ты мелешь... Прошли тѣ времена, когда людьми, какъ скотиной помыкали. Теперь, что русскіе господа, что наши—надъ людьми не бахвалятся! Хочу служу, пока платятъ, а не хочу—уйду! И никто ничего мнѣ не сдѣлаетъ, пока я самъ ни въ чемъ не провинюсь.

— Да?.. А какъ же ты думаешь, парень: кто сильнѣй—люди или Аллахъ? Кому служить, кого больше бояться надо?

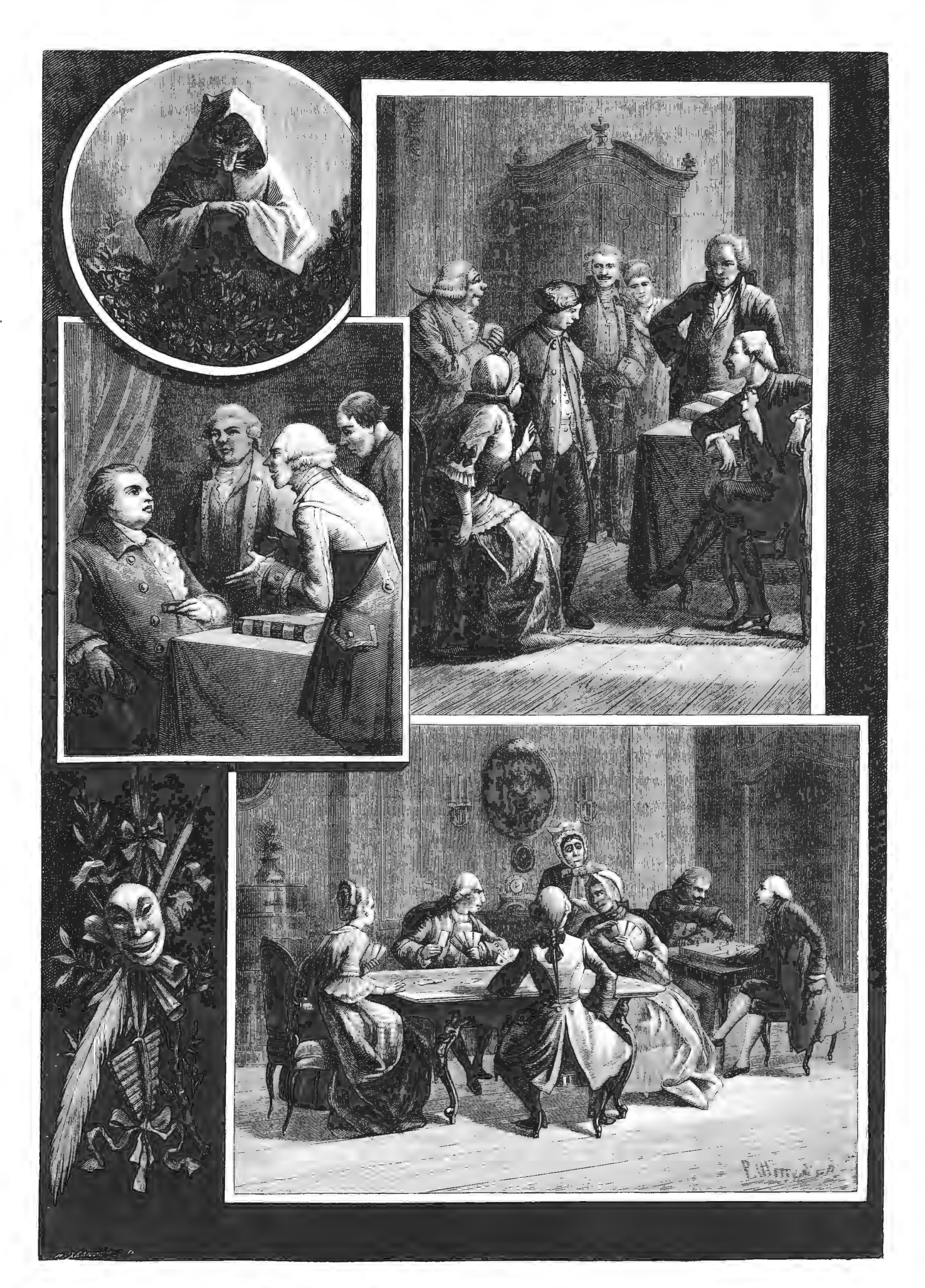
— Чего мнѣ бояться, если я дурнаго не дѣлаю!

— Какъ не дѣлаешь? А развѣ хорошо, что ты, правовѣрный, помогаешь христіанину совратить душу въ ложную вѣру русскихъ, непризнающихъ Пророка? Поди, всѣмъ вамъ, темировскимъ, вѣдомо, что его сирота, по неразумію несмысленному, свою душу погубить затѣяла? Вотъ ты учителя сюда привезъ для чего? Онъ съ ихъ муллой согласится теперь, какъ и когда ее въ христіанство совратить, да ихъ повѣнчать, чтобы отнять ея достояніе въ свою пользу, у насъ, у киргизовъ!.. Ему что нужно? Добро ея! Темировскіе табуны, верблюды да деньги!.. А зачѣмъ то, что киргизы наживали, — русскій возьметъ? Вамъ какая прибыль отъ того будетъ? Ничѣмъ тебя не поблагодаритъ, за то что ты ему помогаешь своихъ братьевъ грабить!

— Да чѣмъ я-то виноватъ? Какъ я могу имъ помѣшать? прервалъ Ахметъ, совсѣмъ озадаченный.

— Можешь! одушевленно прошепталъ старый киргизъ.—Можешь спасти свою госпожу, неразумную, отъ вѣчной погибели! Заработать себѣ хорошую награду, какой никогда не дождешься отъ поганаго русскаго!.. Хочешь, я научу?

— Говори! процѣдилъ сквозь зубы Ахметъ, еще не совсѣмъ увѣренный.



Литературный альбомъ. Изъ сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Хелмицкій.

Лисица-казнодѣй.
Посланіе къ слугамъ моимъ.
Недоросль. Дѣйств. IV, явл. VIII.
Бригадиръ. Дѣйств. IV, явл. IV.

Фонъ-Визинъ, читающій „Бригадира“ въ салонѣ цесаревича Павла Петровича.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Борель. грав. Шюблеръ.

Но вдругъ онъ приступилъ къ дѣлу прямо, оставивъ въ сторонѣ соблазнительныя щедроты Пророка:

— А что дадутъ за помощь? Десять рублей дадутъ?

— Дуракъ! сплюнувъ презрительно, заявилъ киргизъ.—Сто дадутъ!

У Ахмета сверкнули узенькіе глазки и тонъ сразу измѣнился. Онъ положилъ на песокъ удочку и озабоченно сморщивъ свое старообразное, темно-бурое лицо, сдвинулъ обрывокъ войлочной шапки на затылокъ, сосредоточенно уставился на песокъ и сказалъ:

— Говори, что̀ надо дѣлать?

XIII.

Михаилъ Андреичъ между тѣмъ успѣшно покончилъ свои переговоры. Всѣ бумаги, необходимыя для крещенія и брака его съ Темировой, были у него въ порядкѣ; священникъ, взглянувъ на нихъ, рѣшилъ тотчасъ же, что будетъ къ его услугамъ, когда ему угодно. Воспріемниками могли быть матушка попадья и отецъ ея, жившій у нихъ на покоѣ, престарѣлый священникъ; слѣдовало только озаботиться о свидѣтеляхъ. Свидѣтелей Іуліяновъ самъ имѣлъ въ виду: Штолля, надзирателя одного изъ ближайшихъ промысловъ и жившаго тутъ же въ селѣ, знакомаго, „водяпаго барина“ по народной кличкѣ, то-есть надсмотрщика за извѣстнымъ райономъ казенныхъ водъ. Лазевичъ, этотъ самый „водяной баринъ“, былъ налицо. И онъ, и самъ священникъ очень радушно предлагали свои „хаты“ къ услугамъ жениха и невѣсты, въ знаменательный для нихъ день.

— Пароходъ мнѣ обѣщанъ однимъ изъ синеморскихъ, говорилъ Іуліяновъ, — до самой Астрахани. Да вѣдь вотъ бѣда съ этой селедочной сутолокой! Не знаешь, когда выберется денекъ посвободнѣй? Всѣ суда и всѣ люди теперь, денно и нощно, въ работѣ.

— Вотъ то-то и дѣло! Самое горячее рабочее время. Страда наша рыбная! подтвердилъ Лазевичъ.

— Да вѣдь ужъ кончается! замѣтилъ священникъ.— Подождите деньковъ десять — двѣнадцать, всѣ пароходы свободны будутъ.

— Невозможно! вскричалъ Іуліяновъ и тотчасъ же смутился излишней горячности протеста, сообразивъ, что его слова могутъ быть иначе перетолкованы. — Женщины боятся! объяснилъ онъ.—Родственники моей невѣсты, дикари какіе-то, напугали ее и тетку, и даже мою матушку...

— Да что же они могутъ сдѣлать? Положимъ, имъ должно-быть очень непріятно упустить такую невѣсту! замѣтилъ Лазевичъ.—Но чего же бояться?

— Ну вотъ, подите!.. Всего,—и поджога, и грабежа, всякаго насилія и преступленія боятся.

— Скажите пожалуйста! ужаснулся священникъ.

— Да и маменька за нихъ боится.. Собирается до свадьбы въ Астрахань, приготовить намъ тамъ квартиру и встрѣтить насъ послѣ вѣнца.

— Такъ отсюда—прямо въ городъ? спросилъ чиновникъ.

— Прямо въ городъ! Муслиме ужъ все устроила... сама намъ и помѣщеніе наняла! улыбаясь невольно, сообщилъ учитель. — Распорядительная! Да вотъ только проситъ, чтобъ какъ можно скорѣе мы повѣнчались и уѣзжали. Тогда, говоритъ, буду покойна за васъ и отлично со всѣмъ и со всѣми справлюсь!

— Молодчина! Я-бъ ее въ киргизскіе воеводы опредѣлилъ! порѣшилъ „водяной баринъ“.

— Чай, ей поручите всѣмъ имѣніемъ супруги править? спросилъ священникъ.

— Это ихъ дѣло! махнулъ рукой Іуліяновъ, весь покраснѣвъ.—Я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь.

Собесѣдники его переглянулись.

— Та-акъ-съ! поддакнулъ священникъ, поглаживая бороду.—Такъ будемъ ждать-съ, будемъ ждать-съ. Тогда, наканунѣ, можетъ вѣсточку пришлете?

— Непремѣнно, батюшка! Я съ вечера васъ извѣщу! А къ полудню и сами будемъ... Имѣю честь кланяться.

Учитель распрощался и въ сопровожденіи хозяина и его гостя вышелъ за ворота, гдѣ его встрѣтилъ, съ смѣющейся рожей, Абатыръ, о которомъ онъ было и забылъ.

— Пойдемъ теперь въ Чурку, сказалъ онъ ему по дорогѣ,—мнѣ надо у доктора побывать. Ты знаешь, какъ тутъ поближе пройти?

— Знай, знай! отозвался киргизъ. — Мой всѣ ерикъ знай... Будемъ близко бѣги, толка баринъ рулъ хорошо смотри: я буду говори, куда правилъ! осклабился онъ, съ очевиднымъ недовѣріемъ ко внимательности и умѣнью „бачки барина“.

— Хорошо, хорошо! Буду тебя слушаться! улыбнулся въ отвѣтъ ему Іуліяновъ.

Неподалеку отъ ихъ лодки, въ маленькомъ заливѣ протока, между камышомъ, отвязывалъ свою бударку киргизъ, разговаривавшій съ Ахметкой. Онъ отошелъ отъ него, какъ только заслышалъ шаги возвращавшихся учителя и Абатыра. Они близехонько проскользнули мимо его челнока; онъ приподнялъ лохматую шапку имъ въ привѣтъ и тѣ отвѣчали ему кивками; только Абатыръ поморщился и замѣтилъ товарищу, слишкомъ дружелюбно закивавшему головой:

— Ты откуда этого вора знаешь?

— Знаю... Видалъ! тотчасъ отвѣчалъ нахмурившись мальчишка.

— Поменьше съ такими якшайся... Воръ онъ и разбойникъ! Добру не научитъ!

— Чего меня учить? Я самъ знаю!

— Ну да, знаешь!.. А съ Муссой Кирджаевымъ все же не водись... Не мало онъ такихъ какъ ты въ бѣду ввелъ, а самъ чистъ оставался! Онъ своего тестя обокралъ, убилъ его и жену свою, да и показалъ на сосѣдей ихъ: будто бы сосѣдъ съ досады, что онъ женился на его бывшей невѣстѣ, въ отсутствіе его ихъ зарѣзалъ, ограбилъ и кибитки ихъ поджогъ.

— А можетъ и впрямь сосѣдъ убилъ и поджогъ!.. Ты почемъ знаешь?

— Не я одинъ знаю. Всѣ говорятъ! За Муссой много разбойничьихъ дѣлъ, не это одно...

— Говорятъ! Мало-ли что про кого говорятъ? проворчалъ Ахметъ.—Вонъ и про этого... говорятъ!

— Про кого? изумился Абатыръ.

— Да про него... Про господина нашего! незамѣтно шевельнулъ Ахметъ бровями на Іуліянова, который не понималъ ихъ говора.

— Про господина?.. Ахъ ты, дурень!.. Да кто что можетъ сказать на него?

— Чего лаешься?! обозлился мальчишка.—Самъ на Муссу говоришь, что другіе говорятъ; ну, и про этого то самое сказываетъ народъ!

— Какой народъ?.. Что сказываютъ-то?.. Скажи толкомъ!

— Толкомъ и говорю: то самое, что ты про Муссу. Что нашъ господинъ, Урбазъ-Бекъ, не запросто померъ, а отравилъ онъ его, чтобы жениться на дочери и все богатство его себѣ забрать.

Такъ и напустился Абатыръ на него. Да какъ онъ смѣетъ такое непутное врать? Да гдѣ тотъ негодяй, который могъ сказать это?.. Избить его, какъ собаку, надо, а не повторять его мерзостныя слова!.. Его господинъ до того недѣлю и не видывалъ Урбазъ-Бека, и одинъ изъ всѣхъ настаивалъ, чтобъ позвали доктора и всякое начальство, чтобъ узнали, отчего онъ вдругъ умеръ, а безъ того не хоронили.

— Чего ты сердишься на него, Абатыръ? спросилъ, наконецъ, Іуліяновъ, обративъ вниманіе на повтореніе имени его покойнаго сосѣда.—Что вы про Урбазъ-Бека говорите?

— Такъ!.. Ахметка дуракъ! лаконически заявилъ Абатыръ по-русски, и замолкъ.

Но, хотя Ахметъ еще хуже его понималъ русскій языкъ, но ругательства отъ дурака и выше,—изучилъ прекрасно. Онъ надулся на Абатыра, а еще больше обозлился на ни въ чемъ неповиннаго „барина"... Мусса Кирджаевъ видно правду говоритъ, что онъ, русскій этотъ учитель, околдовалъ Темировыхъ. И вотъ, Абатыра, тоже!.. Да что тутъ толковать!.. Въ такомъ дѣлѣ надо своимъ помочь, хоть бы и даромъ, а не то что...

Ахметъ даже зажмурился и головой встряхнулъ, ослѣпленный воспоминаніемъ о посулахъ своего соблазнителя. Благо не трудно сто-рублевку-то заработать. Сто рублей! А?.. Цѣлое состояніе! Онъ и во снѣ не видывалъ такихъ деньжищъ.

У Ахмета даже сердце сжалось и скорѣе забилось отъ восторженныхъ мечтаній о томъ, что̀ доставитъ ему этотъ капиталъ.

— А что̀, вѣдь мы долго еще не придемъ? спросилъ Іуліяновъ, осмотрѣвшись среди водной шири, взъерошенной волнами, съ прыгавшими бѣлыми гривками пѣны.

— Ничего, бачка! Придемъ!.. Два часа придемъ, отвѣчалъ Абатыръ приналегая на весла.

Іуліяновъ вынулъ часы. Было около четырехъ. Онъ разсчиталъ, что ранѣе полночи, — если-бы даже онъ провелъ у Штолля не болѣе получаса, — ему дома не быть. Придется матери его и... *всѣмъ* побезпокоиться за него, потому что онъ обѣщался возвратиться до темноты... А темноты, повидимому, придется захватить часа на четыре, если только не встрѣтится попутный пароходъ, да не подцѣпитъ ихъ на буксиръ.

У Ахметки часовъ не было, но онъ, глядя на солнце, точно такъ же разсчитывалъ время, размышляя, что пожалуй Мусса и правъ былъ, говоря давеча, что если запоздаютъ они, да въ темноту будутъ мимо Черной Косы проходить, такъ онъ, Ахметка, сегодня же можетъ свои деньги заработать. Посвистать да постонать, какъ свистятъ и стонутъ, въ мѣстахъ ихъ, удоды—не трудно!.. Остальное не его дѣло.

„Тамъ вѣдь подъ самымъ берегомъ придется идти... Пожалуй, что Мусса свое дѣло и сдѣлаетъ!" размышлялъ Ахметъ, то и дѣло поглядывая исподлобья на Іуліянова.

Раза два Іуліяновъ встрѣтилъ устремленный на него взглядъ Ахмета, и подумалъ, что у этого мальчишки нехорошій взглядъ... Воровской и недоброжелательный.

— Ты что такъ смотришь на меня, Ахметъ? спросилъ онъ однажды.

Но киргизъ ничего не отвѣтилъ, потупился и нѣкоторое время избѣгалъ его взгляда, но потомъ опять сталъ всматриваться...

Іуліяновъ сидѣлъ склонившись слегка надъ книгой, — онъ рѣдко выѣзжалъ безъ какого-либо чтенія; киргизу, когда онъ взглядывалъ на него, были лишь видны, изъ-подъ соломенной шляпы, его усы и борода, да тонкая рука, которою онъ ихъ поглаживалъ. Изрѣдка снималъ онъ шляпу и отбрасывалъ съ бѣлаго, не загорѣвшаго лба густые волосы; его задумчивые голубые глаза разсѣянно обѣгали рѣку и берега, и вновь устремлялись въ книгу. Въ такія минуты киргизъ съ особенной жадностью оглядывалъ его тонкія черты, его высокій лобъ и ясные глаза.

Онъ хмурилъ брови, онъ какъ-то странно съёживался и даже усмѣхался собственнымъ мыслямъ. Но когда онѣ останавливались на радужномъ представленіи сторублевки, у него духъ захватывало отъ счастья. Все его мѣдно-желтое лицо, съ расплывшимися, черной оспой изъѣденными чертами, расплывалось еще болѣе въ широкую улыбку, открывавшую мелкіе, рѣдкіе зубы, заостренные словно у хищнаго звѣря. Ахметка щурился, какъ котъ при видѣ мыши, и начиналъ тихонько посвистывать.

Мусса Кирджаевъ зналъ, къ кому обратиться за содѣйствіемъ и помощью.

Парохода не видали они ни единаго до самаго промысла. Солнце стояло уже совсѣмъ низко, когда они, наконецъ, догребли до Чуркинской пристани и, казалось, оба киргиза изъ силъ совсѣмъ выбились.

XIV.

Штолль въ этотъ день былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа по случаю счастливо удавшейся операціи, въ исходѣ которой онъ сильно сомнѣвался, потому что субъектъ, молодой рабочій, былъ очень слабъ и изнуренъ предварительной болѣзнью.

Онъ встрѣтилъ пріятеля съ распростертыми объятіями и тотчасъ потащилъ къ себѣ пить чай.

— Надѣюсь—ты ночуешь?.. Куда же ѣхать такую даль, на ночь глядя... Какъ?.. Нѣтъ?.. На полчаса? Да Богъ съ тобой, я не пущу... Да на чемъ ты?.. На своей душегубкѣ?.. Ни за что не пущу!.. Вѣдь придется отвѣчать за тебя предъ Tante Marie!.. забросалъ онъ его разспросами и уговорами.

Но о слухахъ, дошедшихъ до него наканунѣ, Штолль не сказалъ ни полслова.

Іуліяновъ, впрочемъ, не сталъ ждать вопросовъ, а прямо приступилъ къ дѣлу:

— За стаканъ чаю скажу спасибо, если скоро дашь! сказалъ онъ, входя вслѣдъ за хозяиномъ въ уютныя двѣ комнатки докторскаго помѣщенія.—А пріѣхалъ я къ тебѣ по дѣлу и съ просьбой... Она, вѣроятно, тебя удивитъ...

— Ага! Такъ правда?.. не выдержалъ Штолль.—Въ шафера звать меня хочешь, дружище?

— Да, въ свидѣтели этакой... необходимой церемоніи, началъ было, заранѣе путаясь и краснѣя, Іуліяновъ.

— Какой этакой необходимой? быстро перебилъ, не понявъ его, докторъ.

— Да ну, конечно, потому, что вся эта процедура весьма сложна и стѣснительна. Особенно людямъ, которые не любятъ изъ себя дѣлать... предметъ любопытства!

— Да! Въ такомъ смыслѣ...

— Понятно въ такомъ, и больше ни въ какомъ!.. Для честныхъ людей это не легко и является камнемъ преткновенія...

— Однако, милый другъ, ты это что же проповѣдуешь?.. Свободную любовь, что-ли? разсмѣялся Штолль, суетясь съ чаемъ.

— О, разумѣется свободную! вскричалъ Іуліяновъ.— Въ самомъ честномъ и святомъ ея смыслѣ—свободную!.. Хороша любовь изъ-подъ ярма!.. Но, впрочемъ, я согласенъ, что большинство человѣчества необходимо связывать для того, чтобъ оно было честно и что-либо считало для себя священнымъ... Къ несчастію и стыду нашему—это такъ!

— Ну, ну! подгонялъ Штолль, смѣясь.—Рѣшайся!.. Хоть для тебя узы, налагаемыя закономъ, и представляются излишними !Хоть и безъ нихъ ты былъ бы всю жизнь любящимъ супругомъ, но тѣмъ не менѣе—тебя надо обвѣнчать! Такъ?..

— Да, такъ... Я говорю же, что пріѣхалъ просить тебя...

— Пѣть „Исаія ликуй"!.. Прекрасно! Знаю, и готовъ держать вѣнецъ надъ тобою или *ею*...

— Это все равно!.. Ахъ, Боже мой! вѣдь и ей еще шафера нужно!

— Необходимо! потѣшался его смятеніемъ Штолль.— Однако, кто же эта таинственная *она?*.. Ты до сихъ поръ мнѣ еще не сказалъ, на комъ женишься?

— Не сказалъ?.. удивился Михаилъ Андреичъ.—Ну, да это все равно!.. Ты самъ прекрасно знаешь.

Докторъ чуть не обварился, расхохотавшись.

— Ахъ! Чудакъ ты, Мишенька, право!.. Никакъ выговорить имени ея не можешь. А?.. Ну что-жъ, не правъ я былъ, когда это пророчилъ?.. Честь имѣю поздравить съ великолѣпной партіей!

— А ну его, это великолѣпіе! вскричалъ Іуліяновъ.— И ты туда же!.. До чего мнѣ отвратительно это всеобщее подозрѣніе въ корыстолюбивыхъ видахъ моихъ на богатство Альме...

— Знаю, знаю, батенька! успокоилъ его добродушно пріятель. — Кому и знать твою безсребренность, какъ не мнѣ?!.. Но, тѣмъ не менѣе, человѣчество на томъ стоитъ, и если-бъ невѣста твоя, вмѣстѣ со своей хорошенькой особой, не доставляла тебѣ полнаго обезпеченія отъ людскихъ золъ и заботъ, — я, признаюсь, менѣе бы за тебя радовался.

— И очень напрасно!.. Отъ какихъ заботъ и золъ, скажи пожалуйста? прервалъ его досадливо пріятель.— Словно деньги ограждаютъ отъ горя, отъ болѣзней, отъ потерь?..

— Ну, братъ, если не ограждаютъ вполнѣ, то во многомъ затрудняютъ развитіе всѣхъ сихъ золъ и удаляютъ ихъ отъ счастливыхъ избранниковъ фортуны.

— Не знаю—удаляютъ-ли! Не вижу!.. Впрочемъ, вѣрьте или нѣтъ, а меня лично не коснется то, что не мнѣ принадлежитъ. Я своею жизнью вполнѣ доволенъ и ее измѣнять не буду.

— То-есть какъ же это понимать прикажешь? снова разсмѣялся Штолль. — На разныхъ половинахъ вы, что-ли, жить будете?.. Она на богатой, а ты на плохенькой? Или когда она будетъ въ хорошей шубѣ на рысакѣ катить, ты возлѣ будешь въ пальтишкѣ, вѣтромъ подбитомъ, пѣтушкомъ бѣжать?.. Ахъ, ты шутъ, ты, гороховый!.. Когда тебя жизнь, наконецъ, выправитъ?

— Никогда,—въ томъ смыслѣ, который ты подразумѣваешь, хладнокровно отозвался Іуліяновъ, потягивая чай.

— Ну, не жизнь — такъ хорошенькая жена. Альме навѣрное окажется практична за двоихъ.

— Не думаю... Надѣюсь, что нѣтъ!.. Какъ я ее ни люблю, но усумнился бы на ней жениться, если-бъ замѣтилъ, что мы не сходимся въ понятіяхъ. Нѣтъ!.. Она дитя природы. Она будетъ довольна немногимъ, простою жизнью, безъ излишествъ...

— Ты думаешь?.. Не потребуетъ модныхъ шляпокъ, по цѣнѣ равныхъ ея собольей золотой шапкѣ?.. Ахъ, кстати!..

И Штолль разсказалъ свой сонъ, въ которомъ онъ воевалъ съ киргизской шапкой Альме; а со сна перешелъ на то, что говорили наканунѣ заѣзжіе доктора и мѣстные служащіе о злобствованіи муллы и родственниковъ его невѣсты.

— Да пусть они не плачутся! вскричалъ Іуліяновъ, снова весь побагровѣвъ.—Имъ же оно и вернется! На ихъ нужды, на ихъ дѣтей пойдетъ Темировское достояніе... Мы рѣшили такъ, и Альме вполнѣ согласна...

— На *ихъ* дѣтей? прервалъ, не давъ ему договорить, докторъ. — А ваши-то дѣти при чемъ же останутся?.. Альме согласна?.. Что ты, братецъ, за околесицу несешь, Богъ съ тобой!

— Совсѣмъ не околесицу! горячо возразилъ Іуліяновъ.—Мы устроимъ хорошее дѣло! И нашимъ дѣтямъ, дастъ Богъ, хватитъ, и своихъ родичей она облагодѣтельствуетъ... Мы все уже рѣшили. У насъ будетъ школа для киргизскихъ дѣтей... Я самъ буду и вести ее, и въ ней преподавать... Да ты чего смѣешься? Не зли меня, Яшка!.. Что за цинизмъ, смотрѣть въ глаза человѣку и смѣяться, словно онъ идіотъ или лгунъ!

— Что ты! Помилуй Богъ!.. Я только насчетъ того, что если будетъ, при школѣ вашей, больница, меня не забудь!

Штолль, со смѣхомъ, перегнулся къ товарищу, и хлопнувъ его по плечу, воскликнулъ:

— Эхъ, ты! идеалистъ безпардонный!.. Мечтатель!.. Все бы тебѣ просвѣщать, да исцѣлять человѣчество!

— Да ужь мои-то, безкровныя исцѣленія, цѣлительнѣе твоихъ ампутацій были бы... Навѣрное!

— Ну, врешь, братъ! Я сегодня такую чистенькую операційку продѣлалъ, — любо-дорого!.. А что до благодѣяній человѣчеству, по твоимъ философскимъ рецептамъ, такъ еще бабушка на-двое сказала: поздоровится-ли отъ нихъ!

— Хорошо, хорошо!.. Городи чепуху, Богъ тебѣ прости!.. Только вотъ посовѣтуй: кого же бы еще мнѣ въ свидѣтели взять?

Они стали обсуждать этотъ вопросъ, и рѣшили отправиться къ надзирателю промысла, съ нимъ посовѣтоваться, порѣшить, когда возможно будетъ Іуліянову воспользоваться свободнымъ пароходомъ, и окончательно условиться насчетъ дня свадьбы.

День, наконецъ, былъ назначенъ съ общаго совѣта. Навѣрняка ничего обѣщано не было, но Штолль надѣялся, что ему самому удастся пріѣхать и сопровождать жениха съ невѣстой на катерѣ управляющаго.

— Да это все равно, какъ-нибудь мы доѣдемъ, сказалъ Іуліяновъ. — Только бы васъ тамъ застать всѣхъ на мѣстѣ.

И онъ всталъ прощаясь.

Солнце ужь сѣло. Вечеръ былъ облачный и вѣтряный. Докторъ изъ силъ выбился, доказывая, что безумно плыть ночью въ такую даль на крохотной лодчонкѣ, и упрашивалъ остаться на ночь.

— Вѣдь все равно, раньше утра на Красныхъ Буграхъ не будешь! убѣждалъ онъ.

— Ну, что-жъ! И не буду. А все же увидятъ онѣ, что я ихъ не обманулъ: все, что зависѣло отъ меня, сдѣлалъ, чтобъ ранѣе быть дома.

Докторъ укоризненно покачалъ головой.

— Ну, ужь видно быть тебѣ у Альме Теримовны подъ башмачкомъ! сошкольничалъ онъ.

— Устали вы, бѣдняги? обратился Іуліяновъ къ своимъ киргизамъ, сходя въ лодку. — А дѣлать нечего, придется пожалуй всю ночку поработать.

— Лучше спалъ остаться! посовѣтовалъ добродушно Абатыръ.—Вѣтра дуетъ! Не скоро дома придомъ.

— Ничего, братцы!.. Поблагодарю васъ!

— Ничиво! Садись, баринъ! къ удивленью промолвилъ Ахметъ, самъ хватаясь за весла.

— Ишь ты! Молодецъ, Ахметъ! похвалилъ Іуліяновъ.—До свиданія, Яша, голубчикъ. Пожалуйста же будьте аккуратнѣе!

— Ну еще-бы!.. Эхъ! Упрямецъ ты, этакій! напутствовалъ его Штолль, стоя на мосткахъ переброшенныхъ съ берега.—Постой!

Онъ спрыгнулъ за нимъ въ лодку и заложивъ руку въ карманъ спросилъ по-нѣмецки:

— Любезный другъ! Есть-ли у тебя такая, необходимая вещица?.. Навѣрное нѣтъ!.. Возьми-ка, на всякій случай.

Іуліяновъ почувствовалъ въ рукѣ холодную сталь револьвера, который пріятель ему насильно сунулъ въ карманъ, въ ту же секунду перепрыгнувъ обратно на берегъ.

— Боже мой!.. Зачѣмъ это? смѣялся Михаилъ Андреичъ, протягивая ему его въ то время, какъ Абатыръ ужь оттолкнулся весломъ отъ пристани.—Возьми назадъ, пожалуйста!.. Что за вздоръ!

Докторъ замахалъ руками, отступая.

— Ни-ни-ни!.. Пусть будетъ у тебя. Не тяжелое орудіе и мѣста не пролежитъ, а пригодиться можетъ!.. Какъ знать, чего не знаешь?

— Я вѣдь, ты знаешь, фаталистъ!.. Вѣрю, что чему быть—того не миновать!.. Врядъ-ли бы даже въ крайности у меня поднялась рука... До свиданія!

— Счастливое плаваніе!

Если вѣрить, что порой людскія добрыя чувства и пожеланія благодѣтельно вліяютъ на судьбу человѣческую, то очень можетъ быть, что доброе напутствіе доктора устранило въ ту ночь грозу, собравшуюся близко-близко надъ головой его пріятеля...

Все шло, по его мнѣнію, вначалѣ, прекрасно. Безлунная, бурная ночь была такъ черна, что невозможно было отличить земли отъ воды; нѣсколько разъ натыкались они на мели, на острова. Къ полуночи, по расчетамъ Ахметки,—все чаще и звонче упражнявшагося,

Митрополитъ Филаретъ (по поводу 25-лѣтія со дня кончины его:—19-го ноября 1867 г.). Грав. Шюблеръ.

Удивительно счастливо миновалъ онъ ея, на сей разъ: но, къ несчастію его, она себя ничѣмъ не обнаружила: никто, кромѣ быть можетъ Ахмета, не зналъ и не узналъ никогда, какъ близко носилась смерть надъ его головою.

Самый неожиданный случай вырвалъ изъ рукъ разлакомившагося Ахметки, обѣщанную ему за предательство, сторублевку!..

несмотря на трудную работу, въ подражаніи стонамъ удодовъ,—они должны были быть ужь близехонько къ Черной Косѣ... Но вѣтеръ дулъ противный, и съ такою силой, что заворачивалъ утлую бударку ихъ и мѣшалъ грести.

И плыли они долго... Ахметкѣ казалось, вотъ-вотъ— сейчасъ должна показаться коса. Сейчасъ долженъ блеснуть огонекъ, если только Мусса сдѣлалъ все такъ,

какъ говорилъ... У-у... Какой вѣтеръ!—Чуть шапки съ Ахмета не сорвалъ. Онъ только успѣлъ за нее схватиться, поднялъ голову... Что это?.. Огонь?.. Только за лодкой, а не впереди, куда онъ засматривалъ. Огонекъ!.. Два разноцвѣтныхъ огонька, да еще какіе яркіе.. Бѣгутъ, приближаются... Да это пароходъ обгоняетъ ихъ?.. Ахъ,—чтобъ его всѣ черти разнесли!.. Вотъ не во-время...

Ахметка все это сообразилъ и зачертыхался, когда ужь неожиданное появленіе парохода окончательно разрушило всѣ его соображенія.

Пароходъ шелъ медленно, опасаясь мелей. Онъ не замѣчалъ, въ темнотѣ, лодки, но Абатыръ приложилъ руки рупоромъ ко рту и его окликнулъ. Ему отвѣчали. Замедлили ходъ, спрашивая, въ чемъ дѣло? Съ лодки объяснили: учитель-де, на Красные Бугры,—не возьмете-ли на буксиръ, если мимо идете?..

Люди оказались знакомые.

Минутъ черезъ десять Абатыръ, съ наслажденіемъ закуривъ свою трубчонку, сидѣлъ, какъ король, сложивъ праздно руки, и посматривалъ по сторонамъ, пока лодочка разсѣкала весело воду въ волнистомъ хвостѣ парохода; а Михаилъ Андреевичъ, гостепріимно принятый на палубу, отогрѣвался отъ вѣтра и брызгъ, за стаканомъ чая, въ командирской каютѣ.

Вскорѣ чернымъ языкомъ выступила длинная, несчаная коса. На самомъ ея крутомъ поворотѣ, у бережка ярко горѣлъ костеръ...

— И что это за дурни въ такую ночь костры разводятъ! подивился Абатыръ, сплюнувъ въ воду.

Ахметъ, лежавшій на брюхѣ плашмя на днѣ лодки, приподнялся, поглядѣлъ и вдругъ обозлился.

— Ругаться тебѣ не за что! закричалъ онъ злобно, снова кидаясь плашмя. — Людямъ нельзя, что-ли, погрѣться?.. Чему тутъ горѣть, на пустой косѣ?

— А ты чего орешь-то? удивился Абатыръ. — Кто тебя трогаетъ, щенокъ ты этакій?.. Съ чего брешешь?..

Ахметка въ отвѣтъ только зубами самъ себя за рукавъ такъ хватилъ, что сукно затрещало. Онъ припалъ крѣпко ртомъ къ рукѣ, чтобъ не закричать громко:

„Хорошо тебѣ:—сто-рублевка-то у *тебя* мимо носа не пролетѣла!“

Злость и досада душили его.

XV.

Переимчивая, способная, Альме Темирова удивительно легко и быстро приноравливалась къ обстоятельствамъ и требованіямъ своей новой жизни. Она не совсѣмъ еще измѣнилась во внѣшности, однако значительно смягчила рѣзкія черты киргизскаго костюма; носила шелковый халатъ поверхъ обыкновенной юбки, шелковый головной платокъ повязывала такъ, что были нѣсколько видны ея густые, черные волосы, а киргизскую обувь, со времени поѣздки своей въ городъ, рѣшительно перемѣнила на общеевропейскую. Она понимала, что ей первой здѣсь было-бы самой неловко переодѣться сразу; а потому совершала исподволь реформы въ своемъ костюмѣ, рѣшившись на Красныхъ Буграхъ никого не поражать своимъ превращеніемъ; но въ день крещенія своего и брака, вмѣстѣ съ прежней вѣрой и прежней жизнью, она навсегда рѣшилась оставить и прежнюю одежду. Женихъ ея былъ совершенно равнодушенъ къ этимъ подробностямъ; хотя-бы Альме продолжала носить всегда свои халаты и пояса, это ему было безразлично!.. За то мать его усиленно ратовала за то, чтобъ все приданое Альме дѣлалось въ городѣ, на европейскій ладъ.

Въ ту недѣлю, что они провели въ Астрахани, она настояла, чтобъ все существенно необходимое было сразу куплено готовое и заказано; такъ чтобъ ея невѣстка пріѣхала въ городъ, „какъ всѣ люди“, не привлекая ничьего вниманія никакими странностями костюма. Каждый день Марья Богдановна требовала, чтобъ Альме, приходя ее навѣщать, надѣвала свои новыя вещи, пріучалась-бы ходить въ длинныхъ платьяхъ и въ шляпкѣ; и много было по этому поводу смѣха и разговоровъ, не только въ школьномъ домѣ, но и въ кибиткахъ, между прислугой, слышавшей отъ Руайды о томъ, что дѣлалось въ школѣ. Руайда одна слѣдовала въ городъ за своей госпожей, одна видала ее въ европейскомъ платьѣ. Она была дѣйствительно ей предана; но, по глупости, не соображала, что еще сильнѣе возбуждаетъ такими разсказами неудовольствіе противъ молодой госпожи своей среди ея дворни; въ особенности, нѣкоторыя старыя женщины и Сугарали, довѣренный человѣкъ по всѣмъ дѣламъ Урбазъ-Бека, были весьма недовольны и смущены „отступничествомъ“ единственной его дочери. Сугарали громко обвинялъ Муслиме за потворство въ такомъ богопротивномъ дѣлѣ. Онъ находилъ, что она гораздо болѣе виновна, чѣмъ молодая госпожа его...

Муслиме оправдывалась, заявляя, что своимъ согласіемъ она только избѣгла лишнихъ ссоръ и непріятностей.

— Альме не изъ кроткихъ! Она и противъ воли отца пошла бы смѣло, говорила она, — а я что могла сдѣлать?.. Я и сама ее уговаривала выйти за Мамбетова, да она-то говорила, что скорѣе утопится, чѣмъ выйдетъ за кого-нибудь кромѣ учителя... Что-жъ было мнѣ безполезный шумъ подымать и ссориться съ ней?.. Я ее люблю какъ дочь родную! Не могу не желать ей счастія, а учитель человѣкъ хорошій.

— Хорошій!.. Да вѣра-то его не хороша!

— Э, полно вздоръ молоть!.. Вѣры всѣ учатъ честными и добрыми быть! возражала вольнодумная Муслиме.—Христіанская вѣра—древнѣе нашей. Самъ великій Пророкъ уважалъ Христа и Матерь Его Марію... Онъ самъ многое перенялъ изъ ученія Іисуса, а христіане тоже уважаютъ Магомета... Вонъ учитель, ужь какой ученый, а послушала бы ты, какъ хорошо онъ говоритъ про мусульманство и другія вѣры... Богъ—одинъ!..

Болѣе всѣхъ была недовольна ею и возбуждала противъ Іуліянова всю дворню столѣтняя старуха, по имени Уашъ, бабушка Ахметки. Сама того не зная, Уашъ своимъ крикомъ и бранью сильно дѣйствовала на рѣшимость внука помѣшать этой свадьбѣ, хотя бы цѣною жизни учителя, сдѣлавшагося ему окончательно ненавистнымъ. Ахметъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Кирджаевымъ. Дня черезъ три послѣ поѣздки въ церковь, Абатыръ, зайдя въ ставку, увидалъ тамъ Муссу въ самой дружеской бесѣдѣ съ нимъ и другими двумя киргизами, возлѣ кибитки, гдѣ жила Уашъ.

Абатыръ и виду не показалъ, что замѣтилъ нежеланнаго гостя; но потомъ сказалъ Сугарали, что онъ напрасно допускаетъ въ ставку такихъ подозрительныхъ людей, какъ Мусса Кирджаевъ, завѣдомый воръ и убійца.

Старикъ удивился. Онъ Муссу въ лицо не зналъ. Видѣлъ какихъ-то чужихъ, но Ахметка сказалъ, что это пришли родственники ихъ, люди Испефченя Аджигова, провѣдать его бабку.

— Ужь не знаю,—родственникъ Кирджаевъ Уашѣ, или вретъ Ахметъ,—думаю, что вретъ, потому никогда о томъ прежде не говорилъ; но не совѣтую тебѣ, Сугарали, позволять людямъ вашимъ вѣдаться съ этимъ разбойникомъ, а тѣмъ болѣе пускать его сюда... сказалъ Абатыръ.

Совѣты его, однако, не подѣйствовали. Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ Абатыръ, ловя по близости рыбу, увидалъ снова Ахметку съ Кирджаевымъ на ихъ берегу еще съ какимъ-то молодымъ мальчишкой-киргизомъ.

Какъ только Ахметъ примѣтилъ Абатыра, сейчасъ

сказалъ что-то своимъ собесѣдникамъ. Они сѣли въ лодку, на которой приплыли, и живо отчалили.

„Они затѣваютъ разбой, это вѣрно... сказалъ себѣ Абатыръ.—Хорошихъ себѣ помощниковъ подобрали Аджиговы... Что говорить!.. Чтобъ они не подожгли насъ, Богъ помилуй!.. Надо мнѣ ночью караулить, да Барсука науськивать, чтобъ лучше сторожилъ".

Въ ту же ночь опасенія киргиза отчасти оправдались: онъ и двое сторожей, ходившіе дозоромъ, вспугнули троихъ людей, спустивъ на нихъ собакъ. Эти неизвѣстные люди бродили, очевидно прячась подъ кустами и заборами, вокругъ школьныхъ построекъ; когда же ихъ окликнули Абатыръ и сторожа, они бросились бѣжать со всѣхъ ногъ къ берегу. За ними погнались собаки; впереди всѣхъ летѣлъ Барсукъ, и должно-быть таки хорошо хватилъ котораго-нибудь за икры, что послышался одновременно и человѣческій крикъ, и визгъ собаки, и возвратился бѣдный Барсукъ съ охоты сильно встрепанный... Однако злоумышленники успѣли спрыгнуть въ лодку и были ужь далеко, когда люди добѣжали до того мѣста, гдѣ подъ берегомъ была она привязана. Абатыръ еле разсмотрѣлъ въ ночной темнотѣ чернѣвшее среди рѣки суденко.

Если бы могъ онъ прослѣдить далѣе за летѣвшей подъ сильными ударами шести веселъ лодчонкой, онъ узналъ бы, что негодяи находившіеся на ней имѣли еще нѣсколько соумышленниковъ, поджидавшихъ ихъ на другомъ берегу, съ большой крытой косной и съ нѣсколькими лошадьми на придачу. Побѣгъ, а быть-можетъ и увозъ кого-нибудь съ Красныхъ Бугровъ былъ задуманъ двумя способами и предусмотрительно.

Въ то же время, въ ставкѣ киргизской, проснувшійся Сугарали вышелъ взглянуть, на кого разлаялись, вслѣдъ за школьными псами, и ихъ собаки, и очень удивился: двѣ тѣни отбѣжали отъ кибитки, гдѣ спали обыкновенно Муслиме съ племянницей, при его появленіи... Сугарали окликнулъ ихъ, но отвѣта не получилъ. Тѣни исчезли за кустарникомъ.

XVI.

Наступилъ и послѣдній день, канунъ свадьбы Альме съ Іуліяновымъ.

Всѣмъ заранѣе распорядившись, все уложивъ своими руками, Марья Богдановна не безъ слезъ благословила сына и будущую жену его, распрощалась съ Муслиме на время, а съ Красными Буграми и многими ихъ обитателями, какъ она думала, навсегда, и приготовилась отплыть около полудня въ Астрахань. Съ нею ѣхали Руайда и старый Сугарали, не безъ труда примирившійся съ необходимостью послужить до конца дочери своего господина.

Альме очень любила своего жениха, однако ея расчеты на счастье были построены не на одной взаимной любви. У нея былъ живой умъ и много любознательности. Она не даромъ до десяти лѣтъ прожила въ городѣ; не даромъ ребенкомъ бывала въ домахъ, гдѣ люди жили богато и весело!

Если-бъ зналъ только Михаилъ Андреичъ, куда залетали мечты его невѣсты... Въ какихъ совсѣмъ-совсѣмъ посторонних ему сферахъ витаетъ она въ то время, какъ онъ, приноравливая простую рѣчь къ дѣтскому ея пониманію, пытался передать ей свои понятія о жизни, о задачахъ ея и обязанностяхъ, ею налагаемыхъ на каждаго разумнаго человѣка, какъ можно проще и понятнѣй. Она его не слушала... Ей было рѣшительно все равно, о чемъ бы онъ ни трактовалъ... Она обыкновенно думала о другомъ, лишь бѣгло отвѣчая на вопросы его, слушаетъ-ли она, понимаетъ-ли:

— Да, да, да! Разсказывай... я такъ люблю, когда ты говоришь!

А еще чаще заставляла его умолкать на время еще болѣе убѣдительно и краснорѣчиво: обвивала рукой его шею и горячо цѣловала глаза его—за то, что они „такіе ярко-голубые", губы—за то, что онѣ „такъ хорошо умѣютъ говорить", а все лицо — за то, что она его „такъ крѣпко любитъ"...

Этотъ аргументъ дѣйствовалъ сильнѣе всѣхъ. Онъ окончательно убѣждалъ Михаила Андреича, что Альме съ нимъ солидарна во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ и вожделѣніяхъ...

Лицемѣрной Альме не была, однако не умѣла и быть вполнѣ откровенной. Ей часто приходилось сдерживать удивленіе, даже негодованіе, вызываемое его странными рѣчами; а онъ самъ, простой и довѣрчивый, принималъ ея молчаніе за согласіе и сочувствіе...

На утро послѣ той ночи, когда Абатыръ со сторожемъ прогнали злоумышленниковъ, у нихъ даже вышла распря. Марья Богдановна, Муслиме и сама Альме настаивали на необходимости вооружить людей; Михаилъ Андреичъ этого ни за что не хотѣлъ позволить. Онъ находилъ, что безчеловѣчно давать людямъ средства къ убійству, поощрять жестокость и кровопролитіе.

— Да какъ же такъ? Вѣдь эти негодяи не даромъ ночью приплыли!.. У нихъ тоже были преступныя намѣренія противъ насъ! Какъ же намъ не защищаться,— настаивала его мать, а за ней и другія женщины. — Не дать же намъ поджечь, ограбить, убить себя.

— Они ужь вѣрно были съ ножами и ружьями! замѣтила Альме.

— Однако, никто изъ нихъ не стрѣлялъ. Даже въ Барсука, хотя онъ преизрядно потрепалъ кого-то изъ нихъ, возразилъ ей улыбаясь Іуліяновъ. — Да я увѣренъ, что эти воришки такого трусу спраздновали, что теперь ужь къ намъ не вернутся.

— Ахъ, Миша, Миша! Какой ты странный человѣкъ! воскликнула Марья Богдановна.—Какіе воришки?.. Статочное-ли дѣло, чтобъ это были простые воры... Четыре года мы здѣсь живемъ, и никто никогда о воровствѣ и не слыхивалъ...

— Да! Врядъ-ли эти негодяи были простые воры, говорила, покачивая головой, старая киргизка.

Она очень побаивалась, чтобъ это не были продѣлки Аджиговыхъ, зная старика Испефченя-Гали за дерзкаго пройдоху, способнаго на все. Оставшись одна съ женихомъ своимъ, она горько высказала ему, что, уступая своимъ мягкосердечнымъ, вздорнымъ опасеніямъ за безопасность какихъ-то негодяевъ, онъ рискуетъ ихъ собственнымъ благополучіемъ.

— Неужели ты пожалѣлъ бы убить разбойника, который захотѣлъ бы насъ разлучить? въ негодованіи спросила она.

И разсердилась еще болѣе, когда Михаилъ Андреичъ смѣясь возразилъ ей, что онъ „никакого вниманія не обратилъ бы на *желаніе* такого дурака, не обагряя однако рукъ своихъ его кровью"...

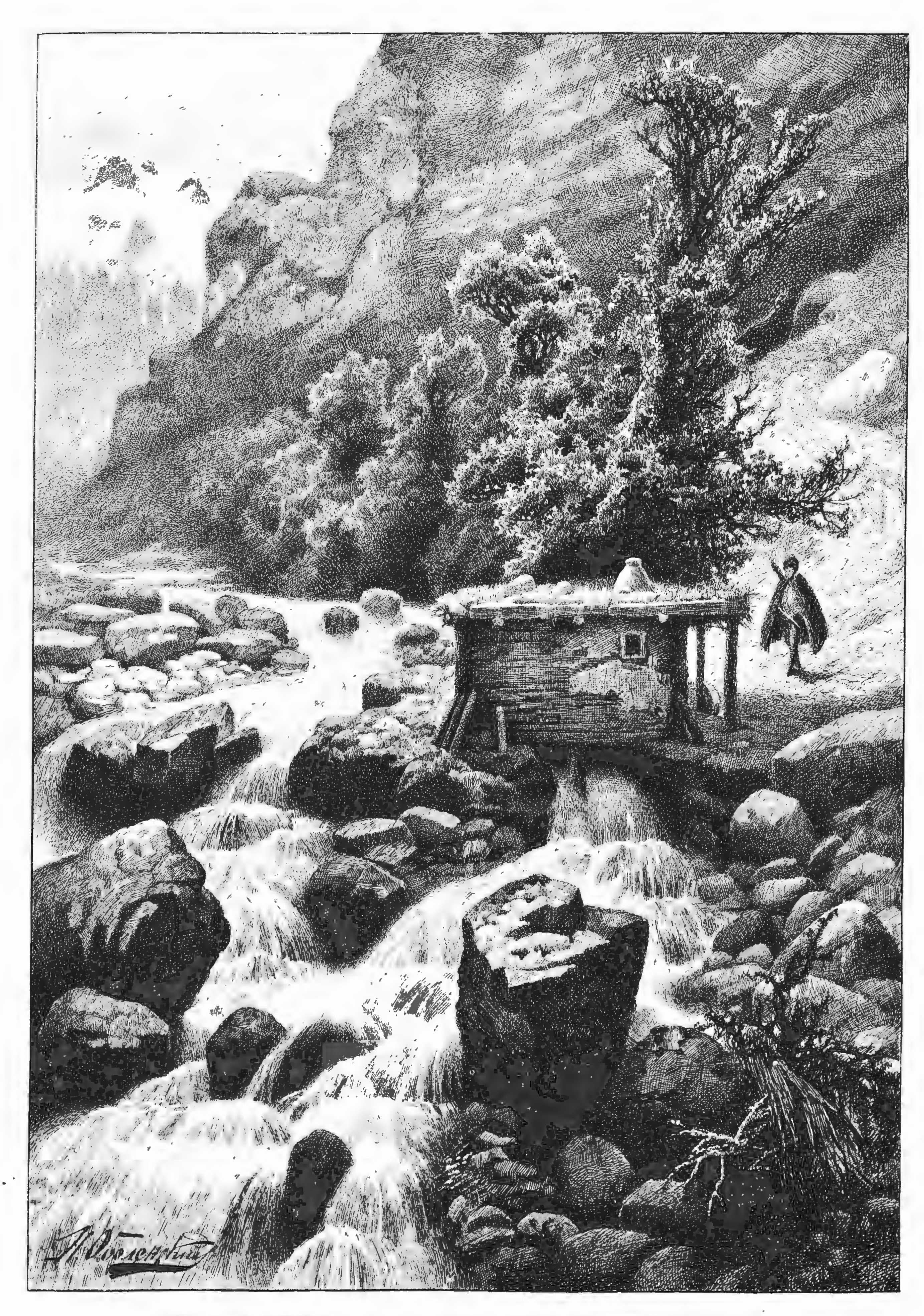
— Какъ! вскричала она.—Ты бы далъ себя и меня убить, вмѣсто того, чтобъ его уложить на мѣстѣ?

— Тебя — ни за что бы не далъ, смѣясь отвѣчалъ Іуліяновъ, и прибавилъ, обнимая ее: — Полно, милая, сочинять сказки! Никто насъ съ тобой убивать не захочетъ, да и мы, дастъ Богъ, проживемъ жизнь безъ такихъ преступныхъ дѣлъ, какъ убійство!.. Никто не воленъ въ жизни и смерти нашей, какъ Богъ, насъ создавшій: этому я твердо вѣрую. Придетъ часъ — и возьмется у насъ Божій даръ — жизнь земная. А какимъ орудіемъ и способомъ — опять-таки воля Божія!..

— Другъ ты мой! вступилась услышавшая его изъ другой комнаты Марья Богдановна,—да ты это беззаконіе, полную безнаказанность проповѣдуешь!.. Какъ же такъ возможно?.. Значитъ, разбойникъ меня убьетъ и въ отвѣтѣ не будетъ?.. Да такъ житья честнымъ людямъ не будетъ, если убійцъ и разбойниковъ оставлять безнаказанно.

2

Мораванка въ праздничномъ костюмѣ. Съ карт. Рицбергера, грав. Пейне.



Чеченская мельница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

— Вотъ правду твоя мать говоритъ! Въ этомъ нашъ законъ лучше вашего: убійцъ убивать надо.

— Вовсе не лучше,—горячо прервалъ Альме ея женихъ.—Дурные люди безнаказанны не останутся: Божье правосудіе ихъ накажетъ! А люди не должны сами равняться съ ними, осуждая ихъ за убійство. Вѣдь убивая ихъ, мы дѣлаемъ такое же преступленіе! Какъ же вы этого не понимаете?.. Они убили—мы убиваемъ! Чѣмъ же мы лучше ихъ?

На эту тему довольно долго говорилъ Іуліяновъ, стараясь истолковать свои убѣжденія какъ можно яснѣй. Ни Альме, ни мать его, трудившаяся въ смежной комнатѣ надъ укладкой ихъ вещей, болѣе его не оспаривали, обѣ остановившись на примирительной мысли: зачѣмъ огорчать его противорѣчіемъ?.. Богъ съ нимъ! Пускай тѣшится словами.

Но въ тотъ же вечеръ, именно наканунѣ отъѣзда Марьи Богдановны въ городъ, съ полнаго ея одобренія и съ согласія всѣхъ трехъ женщинъ, хорошія двустволки изъ оружія, оставшагося послѣ Темирова, были выданы Абатыру и двумъ другимъ людямъ, ночнымъ сторожамъ, съ приличнымъ запасомъ патроновъ и краснорѣчивыми наставленіями.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Къ сочиненіямъ Фонъ-Визина. (Рис. на стр. 1052).

Лисица-казнодѣй. Художникъ живо изображаетъ характернѣйшій моментъ разсказа, передаваемаго Фонъ-Визинымъ въ его баснѣ. Вотъ она, эта Лисица-казнодѣй, „съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ, взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіющая надъ тѣломъ свирѣпаго льва: „О, рокъ! Лютѣйшій рокъ! Кого лишился свѣтъ!..“ и вызывающая замѣчаніе крота: „О, лесть подлѣйшая!..“ и отвѣтъ собаки: „Чему дивишься ты, что знатному скоту льстятъ подлые скоты?“...

Посланіе къ слугамъ моимъ. „На что сей созданъ свѣтъ? И какъ мнѣ въ ономъ жить... На что сотворены медвѣдь, сова, лягушка? На что сотворены и Ванька, и Петрушка?“ спрашиваетъ Фонъ-Визинъ у своихъ слугъ, и получаетъ въ отвѣтъ ихъ тупоумныя разсужденія. Очевидно, на первомъ планѣ передъ нами говоритъ Петрушка: „Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка; лишь надобно потверже то узнать, какъ лучше, живучи, игрушкой той играть. Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти, лишь только-бъ удалось получше жить до смерти!..“. Такова мудрость лакея Петрушки.

Сцена изъ **„Недоросля“**. Передъ нами экзаменъ, дѣлаемый Правдинымъ Митрофану. Не написано-ли на лицѣ послѣдняго, что въ его мудрой головѣ одна и та же дверь можетъ быть и именемъ существительнымъ, и прилагательнымъ, смотря по тому, „приложена-ли она къ своему мѣсту“, или „еще не навѣшена“? Вотъ и папенька молодаго недоросля, восхищенный его познаніями, и чадолюбивая маменька, находящая, что и „безъ наукъ люди живутъ и жили“, а что географія „и наука-то не дворянская, такъ какъ на то есть извозчики, чтобы знать везти куда прикажутъ. Тутъ и Скотининъ, убѣжденный что всѣ Скотинины крѣпколобы... Не весело положеніе среди этой компаніи Стародума и Правдина, замѣчающаго, что „дуракъ“—должно быть „имя прилагательное, такъ какъ оно прилагается къ глупому человѣку“...

Сцена изъ **„Бригадира“**. Тутъ, за картами и за шахматами вся коллекція типовъ, изображенныхъ Фонъ-Визинымъ въ его комедіи. За шахматами—Бригадиръ, властный человѣкъ, ничему не придающій цѣны, кромѣ чина и военной службы; противъ него—совѣтникъ, типъ стараго взяточника, лихоимца и ханжи, разсуждающій такъ, что „виноватый плати ему за вину свою, а правый за свою правду“. За карточнымъ столомъ Бригадирша, находящая, что „скучны всѣ тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша“, и потому говорящая только объ овсѣ, сѣнѣ и кормѣ людей и лошадей. Но вотъ и представители „образованія“, полученнаго черезъ посредство французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ: совѣтница—глупая кокетка, щеголиха, воспитанная на французскихъ романахъ, и Бригадирскій сынокъ Иванушка, побывавшій въ Парижѣ, вывезшій оттуда нѣсколько ни къ селу, ни къ городу примѣшиваемыхъ имъ французскихъ фразъ и питающій благородное убѣжденіе, что быть русскимъ—„это такой defaut, котораго ничѣмъ уже загладить нельзя“. Бригадиръ, считающій жену дурой, и сынокъ его — сходятся въ склонности къ совѣтницѣ, а совѣтникъ, напротивъ, восхищенъ Бригадиршей. Сообразно всему этому идутъ и рѣчи за столами. Совѣтница восклицаетъ: „Въ кёрахъ волю“, а Иванушка сыплетъ фразами въ родѣ: „Саппрандеръ шесть матедоровъ“ и т. д. Софья, которую прочатъ за Иванушку, и Добролюбовъ, женихъ ея, со своими простыми человѣческими понятіями, являются вопіющимъ противорѣчіемъ общей картины самобытнаго невѣжества и поверхностной лже-образованности“...

Филаретъ (Дроздовъ), — митрополитъ Московскій.

(Портр. на стр. 1057).

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, при первой вѣсти о смерти Московскаго митрополита Филарета († 19 ноября 1867 г.), одинъ русскій писатель весьма характерно изобразилъ значеніе почившаго архипастыря въ такихъ выраженіяхъ: „Митрополита Филарета не стало!.. Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не навнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая... Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствовавшаго до конца духа. Смолкло художественное, важное слово, полвѣка, и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха“... И теперь, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, все еще чувствуется утрата великаго руководителя дѣлъ церковныхъ, ощущается его мощное вліяніе, а значеніе его личности и дѣлъ опредѣляется точнѣе и является въ новомъ свѣтѣ. Въ Бозѣ почившій первосвятитель Московскій принадлежалъ къ тѣмъ мощнымъ, дѣйствительно крупнымъ историческимъ дѣятелямъ, которые по смерти долго живутъ въ своихъ дѣлахъ, въ благоговѣйной памяти народа. За эти двадцать пять лѣтъ усердно собирались матеріалы для біографіи Филарета, образовалась уже цѣлая литература, цѣлая библіотека. Трудно указать въ нашей церковной исторіи новаго времени дѣятеля, равнаго Филарету по широтѣ и разнообразію дѣятельности. Краснорѣчивый ораторъ, глубокій и тонкій богословъ, превосходный церковный администраторъ, политическій дѣятель, имѣвшій неоспоримое вліяніе во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ нашей государственной жизни цѣлыхъ три четверти столѣтія — таковъ былъ первосвятитель Московскій! Его личная біографія тѣсно соединяется съ исторіей нашего отечества за долгій періодъ времени. И какая это разнообразная и интересная біографія!—Молодой, скромный учитель Лаврской семинаріи обращаетъ на себя вниманіе свѣтила Екатерининскаго вѣка, знаменитаго Платона, митрополита Московскаго, и тотъ видитъ въ немъ соперника въ краснорѣчіи. Переведенный на ученыя должности въ Петербургъ, онъ и здѣсь скоро выдѣляется какъ администраторъ, ученый и проповѣдникъ и обращаетъ на себя вниманіе общества. Несмотря на интриги и недоброжелательства, нареканія и происки, которые пришлось встрѣтить Филарету въ Петербургѣ, онъ быстро пошелъ вверхъ и въ 1817 г. былъ уже епископомъ Ревельскимъ, викаріемъ Петербургской епархіи. Какъ человѣкъ близкій къ Голицыну, онъ принялъ горячее участіе въ дѣлахъ Библейскаго общества и широко развилъ свою просвѣтительную дѣятельность. Но министерство Голицына пало, и Библейское общество прекратило свою дѣятельность, въ политикѣ началась реакція, пріобрѣли кредитъ и силу Аракчеевъ, Магницкій и извѣстный архимандритъ Фотій. Теперь Филаретъ явился гонимымъ. Правда, государь оказалъ ему особое расположеніе, сдѣлавъ его вмѣстѣ съ довѣренными лицами, Голицынымъ и Аракчеевымъ, хранителемъ великой государственной тайны о наслѣдіи престола. При императорѣ Николаѣ Филаретъ былъ уже великимъ авторитетомъ и нравственнымъ руководителемъ церковнаго управленія. Въ прошлое царствованіе онъ былъ взысканъ особенными милостями Государя, и не только всѣ важнѣйшія церковныя дѣла рѣшались при его авторитетномъ участіи, но даже дѣла и предначертанія государственныя предлагались его сужденію. Первосвятитель Московскій сдѣлался всероссійскою славою и пріобрѣлъ благоговѣйное почтеніе всей Россіи и православнаго Востока. Предъ смертію своею онъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей епископскаго служенія. По рѣчамъ, адресамъ и многоразличнымъ депутаціямъ тогда можно было составить себѣ понятіе о его широкой дѣятельности, о всеобщей славѣ и безпримѣрномъ, всеобщемъ къ нему почтеніи. Вскорѣ послѣ юбилея святитель скончался, но и теперь православный народъ помнитъ его и молитвенно преклоняется предъ его гробницею въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ.

Мораванка. (Рис. на стр. 1060).

Австро-Венгерская имперія одна изъ самыхъ разноплеменныхъ государствъ. Входящіе въ составъ ея народы отличаются другъ отъ друга не только по вѣроисповѣданію и нат ріи, но и по политическимъ правамъ и степени просвѣщенія. Болѣе всѣхъ—славянскихъ племенъ, которыя составляютъ свыше 47% всего населенія, затѣмъ германскихъ племенъ 22%

и романскихъ 11%. Нѣсколько болѣе послѣднихъ венгровъ, которыхъ почти 15%. Кромѣ этихъ главныхъ народностей въ Австро-Венгріи не мало евреевъ, цыганъ, армянъ и грековъ. Славянскія племена въ свою очередь дѣлятся на чеховъ со словаками, поляковъ, русскихъ, хорватовъ, сербовъ и словенцевъ. Болѣе всего изъ этихъ народностей—чеховъ, и населяютъ они Чехію, Моравію, Силезію и Сѣверную Венгрію. Въ Моравіи славянъ болѣе 72% всѣхъ обитателей и живутъ они тамъ съ VI вѣка. Несмотря на всевозможныя превратности судьбы, они до сего времени сохранили свой языкъ и образъ жизни, рѣзко отличаясь и по наружности отъ господствующаго въ странѣ германскаго племени. Типичную представительницу обитателей Моравіи живо передаетъ картина Рицбергера, помѣщенная на стр. 1060.

Чеченская мельница въ Аргунскомъ ущельи.

(Рис. на стр. 1061).

У народовъ, живущихъ при условіяхъ первобытнаго хозяйства, теперь еще встрѣчаются однѣ лишь ручныя мельницы, растирающія хлѣбное зерно въ муку, а первымъ шагомъ къ усовершенствованію механическаго способа въ этомъ процессѣ служатъ водяныя мельницы горцевъ Кавказа. Устройство ихъ самое не хитрое. Надъ горнымъ потокомъ складывается немудреная деревянная клѣть, въ полу которой продѣлывается отверстіе и въ него пропускается толстый стержень, а на концѣ его прикрѣпляется зубчатое колесо, приводимое водою въ движеніе. Верхняя часть стержня впущена въ два, одинъ на другой положенные, жернова размалывающіе зерно. Вотъ и весь секретъ этихъ мельницъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и находящаяся въ Аргунскомъ ущельи, изображенная на нашемъ рисункѣ. Но если механизмъ ихъ не поражаетъ своею замысловатостію, да и постройки ихъ не щеголяютъ своимъ зодчествомъ, то мельницы эти интересны тѣмъ, что онѣ очень часто служатъ сборнымъ и любимымъ пунктомъ для досужей части населенія ауловъ. Сюда являются нуждающіеся въ помолѣ и ждутъ очереди со своимъ зерномъ, сюда же приходятъ и кумушки со своими маленькими ребятами, приносятъ съ собою ручныя работы, усаживаются на лужайкѣ и калякаютъ между собой. Обязанность мельника возлагается ауломъ обыкновенно на какого-нибудь одинокаго бобыля, уже не молодаго; онъ чинитъ мельницу, наблюдаетъ за очередью помола и подобно кузнецу пользуется въ народѣ репутаціей знахаря. Онъ все знаетъ, много болтаетъ всякаго вздору и старается придавать себѣ какую-то загадочность.

Германъ-Лудвигъ-Фердинандъ фонъ-Гельмгольцъ.

(Портр. на стр. 1064).

Въ текущемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности знаменитаго германскаго ученаго Германа фонъ-Гельмгольца. Гельмгольцъ родился 31 августа 1821 года въ Потсдамѣ, гдѣ отецъ его былъ учителемъ гимназіи, съ 1838 года изучалъ медицину въ Берлинскомъ университетѣ, въ 1842 году, получивъ степень доктора медицины, состоялъ ординаторомъ въ Берлинскомъ Шаритэ, а въ 1843 году занималъ мѣсто военнаго врача въ Потсдамѣ. Въ 1848 году онъ былъ приглашенъ преподавателемъ анатоміи въ Берлинскую академію художествъ и ассистентомъ при анатомическомъ музеѣ, съ 1849 до 1855 года занималъ каѳедру физіологіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ; съ 1855 по 1871 года читалъ физіологію въ Боннѣ и Гейдельбергѣ, и наконецъ съ 1871 года читаетъ физику въ Берлинскомъ университетѣ. Гельмгольцъ состоитъ членомъ всѣхъ главныхъ академій Европы, имѣетъ множество почетныхъ отличій и въ 1883 году былъ возведенъ Германскимъ императоромъ въ дворянство. Рѣдкій ученый новѣйшихъ временъ образованъ такъ разносторонне, какъ Гельмгольцъ. При своей геніальной изобрѣтательности, онъ совмѣщаетъ въ себѣ знаніе физики, физіологіи, философіи, математики и естественныхъ наукъ. Въ первомъ періодѣ (1842—71 г.) своей дѣятельности Гельмгольцъ является по преимуществу физіологомъ. Въ области физіологіи Гельмгольцъ выступилъ съ рѣшеніемъ одной изъ основныхъ задачъ этой науки, доказавъ, что происходящіе въ организмѣ химическіе процессы и животная теплота слѣдуютъ общему физическому закону сохраненія энергіи. Въ сочиненіи *„О происхожденіи силы“*, изданномъ въ 1847 г., онъ доказалъ, что всѣ явленія природы слѣдуютъ основнымъ законамъ механики. Главнымъ образомъ Гельмгольцъ разработалъ физіологію чувствъ. Въ то же время онъ изобрѣлъ для обозрѣнія внутренности глаза зеркало, при помощи котораго медицина глаза сдѣлала громадные успѣхи за послѣднее время. Вскорѣ за тѣмъ Гельмгольцемъ были разработаны теорія аккомодаціи глаза, анализъ движеній глаза и ученіе о цвѣтовыхъ ощущеніяхъ. Всѣ изслѣдованія Гельмгольца по физіологической оптикѣ собраны въ его сочиненіи: *„Руководство къ физіологической оптикѣ“*. Также и ученіе о слухѣ обязано своимъ развитіемъ Гельмгольцу. Находя крупные недочеты въ физической теоріи распространенія слуха, онъ разрабатываетъ заново теорію звучащихъ трубъ, даетъ новый взглядъ на „колебанія“ и на „комбинаціонные тоны“, открывая новую категорію послѣднихъ. Съ изслѣдованіями Гельмгольца о слухѣ идутъ рука-объ-руку его наблюденія относительно механической сущности колебаній воздуха. Результатомъ послѣднихъ является съ одной стороны разрѣшеніе нѣкоторыхъ гидродинамическихъ проблемъ, съ другой стороны теорія вокальныхъ звуковъ. Проникая далѣе въ физіологическую сторону акустики, Гельмгольцъ доказываетъ способность уха анализировать звукъ на „простые тоны“ и устанавливаетъ объясненіе тембра звуковъ, впервые намѣченное Омомъ. Акустическое ученіе Гельмгольца содержится въ его сочиненіи *„Ученіе о звуковыхъ ощущеніяхъ“*. Въ области анатоміи Гельмгольцъ одинъ изъ первыхъ указалъ на взаимную зависимость нервныхъ волоконъ и нервныхъ клѣточекъ. Кромѣ того, онъ впервые измѣрилъ быстроту, съ какою распространяется раздраженіе по нервамъ,—время, въ теченіе котораго чувственное впечатлѣніе доходитъ до сознанія, и импульсъ воли передается мускуламъ — чѣмъ устранилъ существовавшій предразсудокъ о крайней быстротѣ этихъ процессовъ. Ему обязана также своимъ развитіемъ и спеціальная механика мускуловъ. Съ 1871 года Гельмгольцъ исключительно занимался физикой. Первыя работы его изъ этого періода относились къ электродинамикѣ. Кромѣ того, онъ работалъ за это время надъ трудными вопросами электрохиміи и термохиміи, свѣтовыхъ явленій, энергіи вѣтра и волнъ. Работы Гельмгольца съ 1842 по 1882 годъ собраны въ 2-хъ большихъ томахъ его научныхъ изслѣдованій. Но и послѣднія работы великаго ученаго свидѣтельствуютъ, что его энергія далеко еще не исчерпана. По особенной скромности, Гельмгольцъ не захотѣлъ торжественно праздновать день 50-ти-лѣтія своего докторства, такъ что всѣ поздравленія и дипломы ученыхъ комиссій были доставлены къ нему на квартиру—въ его отсутствіе. **К.**

Профессоръ Г. П. Виллевальде.

(Портр. на стр. 1064).

Въ виду юбилея извѣстнаго художника-баталиста Г. П. Виллевальде, напоминаемъ нашимъ читателямъ о долгомъ и разнообразномъ служеніи русскому искусству почтеннаго юбиляра. Г. П., сынъ баварскаго уроженца, служившаго при Павловскомъ дворцѣ, родился въ Павловскѣ, въ 1818 г. Первоначальное художественное образованіе получилъ у иностранца Юнгштедта, а съ 1838 г. въ Академіи Художествъ, подъ руководствомъ К. Брюлова и Зауервейда. Въ теченіе четырехлѣтняго курса онъ получилъ всѣ отличія, установленныя для того, чтобы быть пенсіонеромъ Академіи. За конкурсную программу: „Битва при Фершампенуазѣ“ онъ получилъ большую золотую медаль и званіе художника XIV кл., въ 1842 г., и въ слѣдующемъ году былъ отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ живописи. Пробывши тамъ немного болѣе года, онъ былъ вызванъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ для окончанія работъ умершаго профессора Зауервейда. Императоръ Николай полюбилъ талантъ художника и съ этого времени оказывалъ ему неизмѣнное покровительство. Виллевальде назначенъ былъ учителемъ рисованія великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Между тѣмъ, Академія дала ему за работы званіе академика, скоро затѣмъ профессора, а въ 1848 г. онъ получилъ и штатную должность при Академіи по классу баталической живописи. Съ этого времени почтенный юбиляръ посвятилъ себя баталической живописи и, можно даже сказать, создалъ русскую баталическую живопись и баталическій жанръ. Средствъ для этого въ его распоряженіи было много. Въ 1849 году онъ былъ отправленъ въ главную квартиру арміи, дѣйствовавшей въ Венгріи, потомъ онъ съ художественными цѣлями былъ командированъ на Дунай, въ Крымъ, на Кавказъ и въ послѣднюю войну опять на Дунай и въ Малую Азію. Вездѣ онъ собиралъ матеріалъ для своихъ картинъ, и, при усердной работѣ, создалъ ихъ очень большое количество. Мы упоминаемъ здѣсь нѣкоторыя, по ихъ особенному достоинству: „Сраженіе подъ Карсомъ“, „Атака лейбъ-гусаръ подъ Варшавой“, „Сдача Шамиля“, „Сраженіе при Бронн“, „Сраженіе при Гроховѣ“, „Сраженіе при Унтеръ-Телишѣ 8-го іюня 1849 г. въ Трансильваніи“, „Сраженіе при Гравеллотѣ подъ командою гр. Мольтке“, „Сдача Гергея“ и проч. Между картинами военно-историческаго жанра особенно заслуживаютъ вниманія: „Башкиры во Франціи“, „Императоръ Александръ въ Дрезденѣ“, „Казаки въ Бауценѣ“, „Казаки на Рейнѣ“ и мн. др. Многочисленныя картины Виллевальде почти исключительно находятся во дворцахъ и галлереяхъ Высочайшихъ особъ. Публика, иностранная и русская, знаетъ ихъ по выставкамъ: Парижской, Вѣнской, Антверпенской, Берлинской, всероссійской Московской и академическимъ. Юбиляръ до послѣдняго времени не положилъ еще кисть въ сторону; изъ его класса вышли наши баталисты Шарлемань, Риццони, Ковалевскій, Грузинскій, Самокишъ.

Могила Фонъ-Визина.

(Рис. на стр. 1061).

Прахъ знаменитаго русскаго сатирика Дениса Ивановича Фонъ-Визина покоится на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры среди старыхъ, давно заброшенныхъ могилъ многихъ „орловъ“ царствованія Екатерины, вблизи бѣломраморнаго памятника Ломоносова. Огромная каменная глыба его могилы заросла мохомъ, на чугунной плитѣ едва читается:

„Статскій Совѣтникъ Ден. Ив. Фонъ-Визинъ, родился 1745 года Апрѣля 3-го, скончался 1 Декабря 1792 года“. На плиту положенъ большой металлическій вѣнокъ.

Дочь полка. (Портр. на стр. 1065).

Въ Варшавѣ 4 ноября состоялось бракосочетаніе Маріи ленькая Айше совершила съ полкомъ, въ патронной двуколкѣ, которая замѣняла ей люльку, весь походъ до стѣнъ Царьграда. Ласки и заботы нѣжно ухаживавшихъ за ней офицеровъ и солдатъ сохранили ей жизнь во все время труднаго перехода.

Съ тѣхъ поръ полкъ не разлучался съ ребенкомъ, котораго офицеры постановили считать „дочерью полка“ и воспитать

Проф. Германъ Гельмгольцъ (по поводу 50-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Готфридъ Павловичъ Виллевальде, проф. живописи. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Константиновны Кексгольмской съ корнетомъ 33 драгунскаго Изюмскаго полка А. І. Шлеммеръ. Имя новобрачной хорошо извѣстно не въ одной только Варшавѣ. Судьба ея, похожая на сказку, пересказывалась и описывалась не разъ.

Событія послѣдней турецкой войны останутся памятными на-вѣки. Изъ памяти участниковъ въ походѣ не изгладились картины гибели и смерти, кровавый отблескъ которыхъ со смертныхъ полей разливался по всему свѣту, возмущая душу и вызывая грустныя думы. Посреди грозныхъ и мрачныхъ событій войны случилось незамѣтное въ то время происшествіе, воспоминаніе о которомъ, какъ свѣтлый лучъ изъ темнаго царства, свято живетъ въ рядахъ Кексгольмскаго полка. Происшествіе это воочію передаетъ, что въ груди у закаленнаго въ битвахъ русскаго солдата всегда бьется доброе, любящее сердце.

Среди грознаго, леденящаго душу своимъ видомъ поля битвы — рядовой Кексгольмскаго полка Михаилъ Саенко поднялъ 12 января 1878 г. крошечную, замерзавшую дѣвочку - турчанку. Ма-

Могила Фонъ-Визина на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Съ фот. грав. Тарновскій.

какъ родную дочь. Окрещенная въ православіе, она получила имя Маріи; наименованіе полка послужило ей фамиліей.

По повелѣнію покойной императрицы, Марія Кексгольмская воспитывалась пенсіонеркой Ея Величества въ Варшавскомъ Александро-Маріинскомъ институтѣ, и успѣшно окончила въ немъ курсъ въ 1890 г. Въ тотъ же годъ „дочь полка“ удостоилась быть представленной Ихъ Величествамъ на большихъ Волынскихъ маневрахъ.

Въ послѣдніе два года красавица Марія Константиновна была душой и царицей безконечнаго ряда блестящихъ праздниковъ роднаго полка, привлекавшихъ все русское общество Варшавы.

Нынѣ окончились заботы полка о своей дочери. Послѣ двухъ недѣль послѣднихъ прощальныхъ торжествъ, устроенныхъ Кексгольмскимъ полкомъ, совершилось 4 ноября ея бракосочетаніе съ корнетомъ Шлеммеръ. Достойно и пышно отпраздновали отцы день новой жизни своей любимицы, 15 лѣтъ проведшей въ ихъ полковой семьѣ.

Въ этомъ торжествѣ Кексгольмцевъ приняли участіе многія тысячи

людей. Всѣ служившіе въ полку за послѣдніе годы и, конечно, всѣ любившіе свою дочь—отозвались безконечнымъ числомъ писемъ и телеграммъ съ самыми горячими и искренними пожеланіями. Между прочими была получена телеграмма отъ запаснаго рядоваго Михаила Саенко, того самаго солдата, который первый нашелъ малютку и устроилъ ей колыбель въ двуколкѣ. При отъѣздѣ новобрачной вмѣстѣ съ молодымъ супругомъ къ мѣсту его служенія, фельдфебель полка Житній произнесъ ей трогательную по простотѣ слѣдующую рѣчь: „М. К., Отъ имени нижнихъ чиновъ, моихъ товарищей, пришелъ я послѣднимъ попрощаться съ вами и пожелать вамъ много счастья и добра“. Новою милостью и новымъ доказательствомъ любви и вниманія былъ въ этотъ день польщенъ полкъ своимъ шефомъ—Австрійскимъ императоромъ, приславшимъ на свадьбу своего представителя флигель-адъютанта полковника Клепша для привѣтствія и поздравленія полка и для врученія новобрачной роскошнаго подарка въ видѣ золотаго браслета съ алмазнымъ вензелемъ Августѣйшаго шефа. Офицеры-отцы, кромѣ значительнаго капитала, ими составленнаго за 15 лѣтъ, подарили своей дочери богатое столовое серебро и серебряный чайный сервизъ.

Трогательныя отношенія какъ офицеровъ, такъ и солдатъ Кексгольмскаго полка, завершившись этою свадьбою, доказали наглядно, какъ просто и крѣпко соединяетъ въ себѣ нашъ солдатъ суровость воина и доброту русскаго человѣка. **Б. А.**

Марія Константиновна Кексгольмская, дочь Кексгольмскаго полка.
Съ фот. Міецковскаго, грав. Шюблеръ.

Ѳ. М. Новосильскій. (Портр. на этой стр.).

Въ ночь на 8-е ноября скончался на 85-мъ году жизни генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, адмиралъ Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій. Каждому моряку хорошо извѣстно это славное имя, съ которымъ неразрывно связано воспоминаніе о многихъ подвигахъ, занесенныхъ на страницы отечественной военной лѣтописи.

Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій († 8 ноября 1892 г.)
Съ фот. Деньера, грав. Хелмицкій.

Происходя изъ дворянъ Тверской губерніи, Ѳ. М. Новосильскій родился въ 1808-мъ году въ Твери, гдѣ служилъ его отецъ. На одиннадцатомъ году Ѳедоръ Михайловичъ былъ отданъ въ Морской кадетскій корпусъ и затѣмъ вскорѣ зачисленъ въ Балтійскій флотъ гардемариномъ. Полный курсъ онъ окончилъ въ 1823-мъ году, былъ произведенъ въ мичманы и назначенъ въ 8-й флотскій экипажъ, въ Петербургѣ. Прослуживъ здѣсь около шести лѣтъ, онъ, въ чинѣ лейтенанта, былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, въ 32-й экипажъ, и назначенъ на незабвенный въ исторіи нашего флота бригъ „Меркурій“. Въ 1829-мъ году 14 мая Ѳедоръ Михайловичъ участвовалъ на этомъ бригѣ въ славномъ сраженіи *противъ двухъ* турецкихъ линейныхъ кораблей. Экипажемъ брига было рѣшено защищаться до послѣдней крайности и, въ случаѣ невозможности дальнѣйшей обороны, — схватиться съ однимъ изъ непріятельскихъ кораблей. При этомъ офицеры положили, что тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ, долженъ взорвать крюйтъ-камеру выстрѣломъ изъ пистолета, заранѣе приготовленнаго. Но побѣда осталась на нашей сторонѣ. Слабый сравнительно бригъ разбилъ два непріятельскихъ корабля. Это былъ подвигъ, безпримѣрный въ исторіи всѣхъ морскихъ войнъ!!. За участіе въ этомъ сраженіи Ѳедоръ Михайловичъ получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта, орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, пожизненный пенсіонъ двойнаго оклада жалованья и дарованное всѣмъ участникамъ славнаго дѣла право помѣстить въ своемъ фамильномъ гербѣ *пистолетъ* въ воспоминаніе геройскаго рѣшенія ихъ. Послѣ турецкой кампаніи 1829-го г. Ѳ. М. участвовалъ во многихъ замѣчательныхъ дѣлахъ на Кавказѣ при Шенсуя, Сочѣ, Туапсѣ и многихъ другихъ. Въ войнѣ 1853 года, во время знаменитаго Синопскаго боя, Ѳ. М. Новосильскій имѣлъ свой флагъ на 120-типушечномъ кораблѣ „Парижъ“ (капитанъ Истоминъ) и командовалъ лѣвой колонной кораблей при истребленіи турецкой эскадры. Отчетливость и правильность маневровъ корабля „Парижъ“, уничтожившаго два турецкихъ фрегата, корветъ и срывшаго береговую батарею, такъ восхитили адмирала Нахимова, что онъ приказалъ въ пылу боя сигналомъ объявить „Парижу“ благодарность. Но это не могло быть исполнено—всѣ сигнальные флаги были перебиты. За Синопъ Ѳ. М. былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Во время осады Севастополя Ѳ. М. командовалъ 2-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи и находился постоянно на 4-мъ бастіонѣ, прозванномъ французами „бастіономъ смерти“. За оборону Севастополя Ѳ. М. награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени и золотою саблею, украшенной брильянтами. Въ сентябрѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ войскъ Николаевскаго гарнизона, а 25-го октября того-же года получилъ новое назначеніе главнаго командира Кронштадтскаго порта и кронштадтскаго военнаго губернатора. Тутъ Ѳедору Михайловичу предстояла не легкая дѣятельность. Вся зима 1855-го года и начало 1856-го года прошли въ военныхъ приготовленіяхъ, которыя, слава Богу, оказались ненужными, но тѣмъ не менѣе были выполнены, потребовавъ отъ высшаго кронштадтскаго начальства усиленной дѣятельности. По заключеніи мира наступилъ рядъ громадныхъ преобразованій во флотѣ, наступила новая эпоха, сначала винтовыхъ, а потомъ броненосныхъ судовъ, и все это, разумѣется, отражалось въ Кронштадтѣ—главномъ сосредоточіи нашихъ морскихъ силъ. Въ самомъ городѣ управленіе Ѳ. М. ознаменовалось постройкой укрѣпленій и преградъ Сѣвернаго фарватера, укрѣпленіями на косѣ и постройкою форта „Константинъ“, постройкою церквей Богоявленія на кладбищѣ, постройкою двухъ маяковъ на Кроншлотѣ и на Военномъ лугу, открытіемъ гимназій, устройствомъ новыхъ мостовыхъ и шоссе и другими заботами по благоустройству города. За свою многолѣтнюю полезную службу Ѳ. М. удостоился многихъ Высочайшихъ наградъ и неоднократно выраженныхъ Монаршихъ благоволеній. Въ 1863-мъ году онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1866-мъ—членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1870-мъ году Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями, при чемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ повелѣно: въ воспоминаніе доблестныхъ заслугъ въ достопамятную эпоху геройской защиты Севастополя, ленту св. Владиміра 1-й степени продолжать носить сверхъ мундира (по существующимъ

правиламъ эта лента носится подъ мундиромъ). Въ 1879 году Ѳ. М. получилъ орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, а въ 1885 году—брильянтовые знаки этого ордена.

Такимъ образомъ, Ѳ. М. Новосильскій, взысканный милостями трехъ Императоровъ, имѣлъ всѣ ордена высшихъ степеней. Прослѣдивъ исполненную подвиговъ жизнь Ѳедора Михайловича, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ славныхъ представителей русскаго геройства, и имя его не исчезнетъ со страницъ русской исторіи. **А. Х—овъ.**

Открытіе электрической станціи на Выборгской сторонѣ. (Рис. на стр. 1068).

На Выборгской сторонѣ устроена станція для освѣщенія электричествомъ въ зданіи Военно-Медицинской академіи, въ клиникѣ для душевно-больныхъ, въ Артиллерійской академіи и другихъ казенныхъ учрежденіяхъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ.

Красивое зданіе станціи, съ середины котораго тянутся проводы по всѣмъ направленіямъ и позади котораго высоко поднимаются трубы, видимыя издалека, воспроизведено нами въ гравюрѣ на стр. 1068.

Открытіе станціи происходило 31 октября. Къ 4-мъ часамъ дня собрались туда профессора Военной-Медицинской академіи, учебный персоналъ Артиллерійскаго училища и представители всѣхъ учрежденій, которыя были заинтересованы въ устройствѣ электрической станціи.

Торжество происходило въ машинномъ отдѣленіи и началось съ молебствія. Въ концѣ его діаконъ провозгласилъ вѣчную память профессору Петрову, въ память котораго и построена электрическая станція.

Послѣ молебствія предсѣдатель строительной коммиссіи, проф. Н. Е. Егоровъ, изложилъ исторію возникновенія станціи.

Послѣ рѣчи профессора, г. военный министръ провозгласилъ тостъ за Государя Императора.

Хоръ исполнилъ народный гимнъ.

Торжество закончилось приведеніемъ въ дѣйствіе освѣщенія, какъ на самой станціи, такъ и въ другихъ зданіяхъ.

Политическое обозрѣніе.

Заграничная поѣздка Августѣйшихъ братьевъ Государя Императора, Ихъ Высочествъ Владиміра Александровича и Сергія Александровича, съ супругами, произвела замѣтное впечатлѣніе. Повсюду наши Великіе Князья встрѣчали самый горячій пріемъ. 17 ноября Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна прибыли въ Потсдамъ. Сдѣлавъ на другой день поутру нѣсколько визитовъ, Ихъ Высочества завтракали у герцога Іоганна-Альбрехта Мекленбургъ-Шверинскаго. Въ 7 час. вечера у императрицы происходилъ большой обѣдъ, къ которому было разослано 30 приглашеній. Въ 11 час. вечера Ихъ Высочества отбыли въ Петербургъ. Великій Князь Сергій Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, во время пребыванія своего въ Англіи, неоднократно посѣтили ея величество королеву Викторію, у которой 13 ноября присутствовали на обѣдѣ. Въ числѣ прочихъ приглашенныхъ къ столу были Гладстонъ съ супругою, лордъ Розберри, русскій посолъ Стааль съ супругою и лордъ Кимберлей. На другой день, въ субботу, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы, Великій Князь Сергій Александровичъ съ супругою присутствовалъ на торжественномъ молебствіи, которое совершено было въ лондонской русской церкви. Затѣмъ Ихъ Высочества обѣдали въ русскомъ посольствѣ.

Во Франціи министерство Лубе пало. За послѣднее время удачно избѣгнувъ цѣлаго ряда затрудненій, оно понесло пораженіе откуда совсѣмъ не ожидало, и притомъ по дѣлу, которое оно само возбудило. Какъ извѣстно, по настоянію министра Рикара было начато судебное преслѣдованіе заправилъ Панамскаго Общества, неудачныя дѣла котораго давно тревожили публику, ходили слухи о подкупахъ со стороны компаніи, но впослѣдствіи заглохли. И вотъ, когда это Общество, по требованію Рикара, подверглось преслѣдованію, у тѣхъ депутатовъ, у которыхъ совѣсть не была спокойна по этому дѣлу, проявилось неудовольствіе противъ „неудобнаго" министра, а съ нимъ и всего кабинета. Масло въ огонь подлилъ Делагэ со своими quasi-разоблаченіями. Учреждена была комиссія дознанія. На первыхъ порахъ ее постигли однѣ неудачи. У Делагэ матеріальныхъ доказательствъ своихъ разоблаченій не оказалось. Комиссія обратилась къ министерству и въ палату. Лаферонэ внесъ запросъ объ обстоятельствахъ, коими сопровождалась смерть барона Рейнака, скомпрометированнаго въ Панамскомъ дѣлѣ, причемъ потребовалъ, чтобы тѣло Рейнака было вскрыто. Рикаръ протестуетъ и заявляетъ, что правительство исполнило свой долгъ, но на незаконныя мѣры согласиться не можетъ.

Бриссонъ, предсѣдатель комиссіи дознанія, настаивалъ на вскрытіи тѣла Рейнака и внесъ составленную въ этомъ смыслѣ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. Лубе заявляетъ тогда, что онъ оказалъ полнѣйшее содѣйствіе комиссіи дознанія, но что можетъ принять только простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, который палата отклонила большинствомъ 304 голосовъ противъ 209. Министры подали г. Карно прошенія объ отставкѣ.

Несмотря на эти событія, французскія газеты не оставили безъ вниманія рѣчь графа Каприви. При этомъ онѣ считаютъ ее не особенно блестящею. *Justice* говоритъ, что уваженіе, обнаруживаемое къ могуществу Франціи, свидѣтельствуетъ, что время принесло ей пользу и что она можетъ съ довѣріемъ относиться къ будущему. *Figaro* замѣчаетъ, что тройственный союзъ не такъ устойчивъ, какъ прежде; о немъ говорится немного.

Въ самомъ рейхстагѣ Рихтеръ указалъ на то, что графъ Каприви говорилъ годъ тому назадъ совершенно иначе, чѣмъ въ недавнее время, хотя условія съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнились и вѣроятность войны ни на волосъ не увеличилась. Франція, Италія и Австрія — сказалъ Рихтеръ — не увеличили своихъ вооруженныхъ силъ. Если рейхстагъ отклонитъ военный законопроектъ, то потому, что Германія достаточно сильна, чтобы встрѣтить всякія случайности. Графъ Каприви возразилъ, что онъ и годъ тому назадъ былъ такъ же, какъ теперь, убѣжденъ, что военныя силы Германіи недостаточно эксплуатируются. По словамъ канцлера, привлекать къ службѣ пожилыхъ людей, когда 60,000 молодыхъ и годныхъ въ строй къ ней не привлекаются, значитъ дѣлать ошибку въ военномъ, экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Въ Бухарестѣ 15 ноября открытъ парламентъ. Въ тронной рѣчи говорится о выгодахъ брака наслѣднаго принца съ дочерью герцога Эдинбургскаго, о дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ. Что касается спора съ Греціею о наслѣдствѣ, оставленномъ въ Румыніи въ пользу Греческаго короля, въ рѣчи сказано, что Румынія настаиваетъ на своихъ державныхъ правахъ и рѣшила ихъ защищать противъ каждаго безъ вызова, но и безъ слабости.

Въ *Le Journal* напечатанъ документъ, выдаваемый газетою за переводъ возобновленнаго договора о тройственномъ союзѣ. По смыслу 4-й статьи этого договора, Австрія и Германія окончательно признаютъ право и политическое положеніе Рима, какъ столицы Италіи. Статьею 7-ю опредѣляются условія содѣйствія каждой изъ союзницъ. Въ случаѣ войны между Германіей и Россіей, Италія мобилизуетъ свои войска на французской границѣ и объявляетъ Франціи войну, если та приметъ сторону Россіи; если-же между Франціей и Италіей произойдетъ столкновеніе, то Германія будетъ поступать на тѣхъ-же условіяхъ. Другими статьями утверждается превращеніе оборонительнаго союза, въ случаѣ опасности, въ союзъ наступательный.

Президентъ переселенческой комиссіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Чандлеръ въ бесѣдѣ съ журналистами сказалъ, что онъ вскорѣ представитъ законопроектъ, по которому всякій переселенецъ долженъ знать читать и писать на родномъ языкѣ и располагать 100 долларами, если одинокъ, и бо̀льшею суммою, если у него есть жена и дѣти. Сверхъ того, Чандлеръ ратуетъ за запрещеніе эмиграціи въ теченіе пяти лѣтъ, чтобы поддержать существующую норму заработной платы.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Въ пятнадцатый день сего ноября, Супруга Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Маврикіевна разрѣшилась отъ бремени Сыномъ, нареченнымъ Олегомъ.

Повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы сей Новорожденный Князь Императорской Крови, по принадлежащему Ему, какъ правнуку Императора, титулу, во всѣхъ, гдѣ приличествуетъ, случаяхъ былъ именуемъ Высочествомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Гатчина.
15 ноября 1892 года.

— 14 ноября, въ Высокоторжественный день Рожденія Государыни Императрицы, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества слушали Божественную литургію въ церкви Собственнаго Его Величества (Аничкова) Дворца. Затѣмъ, въ залахъ Дворца былъ поданъ завтракъ. Въ 3 часа пополудни, Ихъ Величества съ Великою Княжною Ксеніею Александровною отбыли изъ С.-Петербурга въ Гатчину.

— Государыня Императрица Всемилостивѣйше соизволила на объявленіе благодарности отъ Августѣйшаго Ея Императорскаго Величества Имени, протоіерею кронштадтскаго Андреевскаго собора, отцу Іоанну Сергіеву, за благотворительное усердіе его на пользу дѣтскихъ пріютовъ.

— Бывшій испанскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ, маркизъ Кампо-Саградо оставилъ свой постъ и назначенный на его мѣсто графъ де-Виллагонзало имѣлъ честь вручить уже свои ввѣрительныя грамоты.

— По смѣтѣ государственныхъ расходовъ за первые восемь мѣсяцевъ текущаго года произведено платежей 762.712,000 р.; болѣе, чѣмъ въ прошломъ году за тотъ же періодъ на 105.259,000 р.

— 5 ноября въ Варшавѣ открылась выставка сѣмянъ.

— Въ городѣ Орлѣ устроена телефонная сѣть.

— Отъ Главн. Упр. почтъ и телеграфовъ объявлено, что страна зулусовъ (Zoululand), острова Дружества, Товарищества или Тонга (Tonga) и Самоа (Samoa) вошли въ составъ всемірнаго почтоваго союза.

— Для полученія въ будущемъ 1893 году изъ С.-Петербургскаго почтамта частными лицами и учрежденіями, безъ особыхъ формальностей, всякаго рода корреспонденціи, почтамтомъ будутъ выдаваемы, съ 1 декабря, билеты, съ платою за отдѣльный для каждой экспедиціи по 1 р. 50 к., а за общій 3 руб.

— Вслѣдствіе неурожая въ провинціи Хорасанъ (Персія) вывозъ оттуда зерна воспрещенъ.

— По случаю столѣтія со дня смерти автора „Недоросля" и „Бригадира",—1 декабря на Петербургской казенной сценѣ будетъ дана вторая изъ названныхъ комедій при новой обстановкѣ.

— Въ Москвѣ предполагается цѣлый рядъ „этнографическихъ концертовъ", цѣль которыхъ ознакомить публику съ музыкой всѣхъ національностей, населяющихъ наше отечество. Во главѣ этого дѣла стоятъ московскіе музыканты, гг. Блараибергъ, Кленовскій и Мельгуновъ. Пока имѣется въ виду музыка славянскихъ народностей,— великороссовъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ и поляковъ. Но иниціаторы предполагаютъ включить въ свои программы и образцы музыки финской, молдаванской, татарской, кавказской и др. Концерты начнутся не раньше будущаго года.

— Въ началѣ декабря поставлены будутъ на Маріинской сценѣ въ первый разъ новая опера г. Чайковскаго „Іолланта" въ одномъ актѣ и новый балетъ его же (въ одинъ вечеръ) „Щелкунчикъ" на сюжетъ сказки Гофмана, въ двухъ дѣйствіяхъ. Участвуютъ лучшія силы.

Смѣсь.

Сколько въ Россіи земли? По послѣднимъ свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности, пятьдесятъ губерній Европейской Россіи занимаютъ площадь въ 406.896,927 дес., не считая кочевьевъ калмыковъ и киргизовъ (15.159,000 дес.), островов Архангельской губерніи и внутреннихъ водъ. Лѣсу у насъ 157.616,608 дес., пахотныхъ полей 106.666,453 дес., пастбищъ и другихъ угодій—64.806,253 дес.; болота-же, дороги, пески и неудобныя земли занимаютъ 77.807,613 дес.

Самыя обширныя владѣнія принадлежатъ казнѣ—159.532,359 дес. Крестьяне по надѣлу владѣютъ—138.277,484 дес. Наконецъ, частныя владѣнія занимаютъ площадь въ 109.087,084 дес.

Американская актриса Ада Реганъ удостоилась особеннаго вниманія. Она будетъ позировать въ качествѣ модели для великолѣпной статуи Правосудія, которая изготовляется изъ серебра для постановки на золотомъ пьедесталѣ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. Миссъ Реганъ удостоилась этой чести потому, что она представляетъ собой, по мнѣнію художниковъ, „одинъ изъ совершеннѣйшихъ типовъ американской женственности". Артистка эта—ирландка; настоящая фамилія ея—Креганъ.

Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ симъ доводитъ до свѣдѣнія гг. кавалеровъ и сопричисленныхъ къ орденамъ, что подробная публикація капитула о тѣхъ изъ нихъ, кои вступили въ настоящее время въ комплектъ пенсіонеровъ по орденамъ, припечатана въ № 232-мъ газеты *Правительственный Вѣстникъ* и № 231-мъ газеты *Русскій Инвалидъ*.

Происхожденіе алмаза. Нѣкто Футь нашелъ въ провинціи Аризона (въ Соединенныхъ Штатахъ) много метеоритовъ, заключавшихъ въ себѣ очень маленькія зерна алмаза. Главная масса этихъ метеоритовъ состояла изъ желѣза, въ которомъ замѣчались маленькія пустоты, заполненныя черноватымъ веществомъ; въ этомъ послѣднемъ и найдены были зернышки алмаза. Однако, то обстоятельство, что эти желѣзныя массы найдены были на склонѣ вулканической сопки, вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе относительно ихъ происхожденія изъ небесныхъ сферъ, такъ какъ они могли быть извержены когда-то вулканомъ. Какъ бы то ни было, эта находка представляется въ высшей степени интересной съ точки зрѣнія существующей теоріи образованія алмаза. (г. в.)

Ртуть въ Россіи. *Journal de Saint-Pétersbourg* сообщаетъ, что въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. существуютъ богатыя залежи ртути. Мѣстные заводы выпускаютъ ежегодно 32,000 килограммовъ этого металла. Недавно открыты и другіе заводы на Кавказѣ и въ Дагестанѣ. Извѣстно, что ртуть встрѣчается въ природѣ довольно рѣдко; въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ она найдена только въ Испаніи, Австріи, Соединенныхъ Штатахъ и Италіи. (г. в.)

Волки продолжаютъ вносить громадныя опустошенія въ стада Россіи и Норвегіи. Въ Россіи, въ одной Новгородской губ., за одинъ годъ насчитали 3480 барановъ и 17,000 мелкихъ домашнихъ животныхъ, сдѣлавшихся добычею волковъ; потеря эта оцѣнивается въ 137,000 рублей. Въ Самарской губ. эта цифра достигаетъ до 300,000 руб. На сѣверѣ Норвегіи потери не менѣе ужасны. (г. в.)

Нашествіе кроликовъ на Австралію. Какой-то сентиментальный полковникъ, поселившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Австраліи, вздумалъ развести у себя кроликовъ, чтобы „имѣть въ своемъ домѣ хотя что-нибудь, что напоминало бы ему объ его родинѣ." Затѣя эта стоила уже самому полковнику 1,250,000 франковъ, а населеніе колоніи съ тѣхъ поръ несетъ ежегодно громадные убытки болѣе чѣмъ на 18 милліоновъ франковъ. Дѣло въ томъ, что эти неизвѣстные дотолѣ Австраліи грызуны въ новомъ ихъ отечествѣ чрезвычайно размножились, наводнили всѣ поля и стали производить страшныя опустошенія. Дошло до того, что несчастные австралійцы вынуждены были обратиться къ Пастеру съ просьбой испробовать у нихъ въ большихъ размѣрахъ найденное имъ средство истребленія кроликовъ, которое заключается въ искусственной прививкѣ этимъ животнымъ куриной холеры. (г. в.)

Новыя агатовыя копи. Въ Мексикѣ, близь Эль-Цехо, открыты недавно очень значительныя залежи агата высокаго качества, чистой воды и окрашеннаго въ самые различные и очень нѣжные оттѣнки цвѣтовъ. (г. в.)

Новое взрывчатое вещество. Англійскіе журналы сообщаютъ объ изобрѣтеніи новаго взрывчатаго вещества, которое обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что не взрывается даже отъ сильнѣйшихъ ударовъ, а лишь отъ сотрясеній, производимыхъ взрывами гремучей ртути. (г. в.)

Улучшеніе свойствъ алюминія. Рейнгардтъ Маннесманъ утверждаетъ, что прибавленіе къ алюминію небольшого количества минерала вольфрама сообщаетъ ему замѣчательную сопротивляемость дѣйствію воды, какъ горячей, такъ и холодной, соляной кислоты и другихъ реактивовъ. (г. в.)

Глубочайшій буровой колодецъ во всемъ мірѣ вырытъ былъ недавно для геологическихъ изысканій, въ Шладебахѣ, въ Германіи. Онъ имѣетъ 1743 метра въ глубину. (г. в.)

Всемірная выставка въ Антверпенѣ должна состояться въ 1894 г. Муниципальное управленіе рѣшило поддерживать это предпріятіе всѣми зависящими средствами. (г. в.)

Продолженіе Закаспійской желѣзной дороги отъ Самарканда до Ташкента—дѣло рѣшенное. Дорога будетъ строиться на счетъ казны подъ главнымъ руководствомъ генерала Анненкова, который надѣется окончить эту важную линію въ теченіе трехъ лѣтъ.

Чувствительность обезьянъ. Одинъ изъ жителей Индіи сообщилъ о замѣчательномъ наблюденіи, сдѣланномъ имъ случайно надъ обезьянами. Наткнувшись какъ-то разъ на стадо этихъ животныхъ, онъ убилъ одно изъ нихъ и затѣмъ сейчасъ тутъ-же и похоронилъ. Каково-же было его удивленіе, когда, придя на это мѣсто чрезъ нѣсколько дней, онъ увидѣлъ плачущую надъ могилой своего друга обезьяну. Она явственно выражала свою печаль и, очевидно, все это время оставалась на могилѣ убитаго сородича, оплакивая его безвременную кончину. (г. в.)

Рѣдкій примѣръ сомнѣнія. Про барона Ц., прозваннаго при Берлинскомъ дворѣ вторымъ Мюльгаузеномъ, пустили слухъ, что онъ умеръ. Черезъ нѣсколько дней онъ появился во дворцѣ.

— Я думалъ, что вы умерли, сказалъ ему Фридрихъ Вильгельмъ IV.

— Кто сказалъ это? Увѣряю васъ, ваше величество, что я живъ и вполнѣ здоровъ.

— А я все-таки сомнѣваюсь, отвѣчалъ король,—потому-что разсказывалъ мнѣ объ этомъ такой человѣкъ, которому я повѣрю въ 10 разъ скорѣе, чѣмъ вамъ. (к.)

Величайшая пушка въ мірѣ будетъ послана Круппомъ на всемірную выставку въ Чикаго; она вѣситъ 122 тонны (болѣе 7500 пудовъ). Всего ассигновалъ Круппъ на выставку своихъ произведеній 7,500,000 франковъ. (г. в.)

Психологическая лабораторія на всемірной выставкѣ въ Чикаго будетъ производить въ теченіе шести мѣсяцевъ наблюденія надъ психологіей посѣтителей—ихъ чувствами, ощущеніями, живостью ихъ движеній, простыми умственными процессами, памятью и т. д., а затѣмъ весь собранный матеріалъ будетъ обработанъ для цѣлей статистики. (г. в.)

Исчезающее племя. Изъ племени, населявшаго Андаманскіе острова (въ восточной части Индѣйскаго океана), осталось въ настоящее время всего лишь нѣсколько человѣкъ; потомство ихъ очень слабосильно, и дѣти ихъ умираютъ вскорѣ послѣ рожденія, или въ очень раннемъ возрастѣ. Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ вымираетъ цѣлый народъ. (г. в.)

Простой способъ узнать чистый кофе состоитъ въ слѣдующемъ. Смолотый кофе опускаютъ въ холодную воду. Чистый кофе окрашиваетъ воду только въ продолженіе очень долгаго времени, тогда какъ если къ кофе подмѣшаны разные суррогаты, холодная вода окрашивается сразу. (к.)

Башмаки и ботинки легко можно сдѣлать непромокаемыми, погрузивъ ихъ на нѣсколько часовъ въ сильный мыльный растворъ, благодаря чему кожа пропитывается жирной кислотой и становится непромокаемой. (к.)

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1893 ГОДА
СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1893 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1893 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1893 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1893 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями — НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

Коховскій туберкулинъ, повидимому, начинаетъ пріобрѣтать существенное значеніе какъ средство противъ своевременно распознаннаго туберкулоза у скота. Какъ сообщаетъ „Deutsche med. Wochenschrift“, уже теперь во многихъ штатахъ Сѣверной Америки допускается въ продажу лишь молоко тѣхъ коровъ, которыя признаны свободными отъ туберкулоза. Нужныя для этихъ изслѣдованій значительныя количества туберкулина заготовляются въ институтѣ Пастера въ Парижѣ. (в.)

Мясной экстрактъ. Либиховская компанія приготовленія мяснаго экстракта въ Фрей Бентасѣ (Южная Америка) въ теченіе пяти мѣсяцевъ убила 208,000 головъ рогатаго скота, въ теченіе одного мая 43,000 головъ или по 1,650 головъ въ день. Такого количества убойнаго скота компанія еще никогда не достигала. (в.)

Электрическая станція на Выборгской сторонѣ въ СПБ.
Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Пястушкевичъ.

Переходъ спирта въ молоко матери. Klingemann показалъ, что этиловый алкоголь не переходитъ въ молоко людей и животныхъ, если онъ употребляется въ небольшихъ количествахъ (до 50 куб. с. pro dosi). При большихъ дозахъ (свыше 100—200 куб. с.) появляются слѣды спирта въ молокѣ, — до 0,5%.

За редактора
издатель **А. Ф. Марксъ.**

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Въ концѣ года, при наплывѣ подписчиковъ, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять **огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ**, а городская почта въ **послѣдніе дни передъ праздниками** принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ. **Въ виду этого и во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ Гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву" 1893 года ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.**

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

для Гг. иногородныхъ составлены коллекціи:

въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція, даже 5 р., такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекціи въ 25, 50 и 100 р. особенно пригодны для большихъ семействъ, школъ, пріютовъ, базаровъ, собраній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр.

Покорнѣйше прошу дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ въ ихъ составъ вошли всѣ заграничныя новости, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ.

Товаръ пересылаю налож. платеж.

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 20—31. **БАЗАРЪ МАРОКЪ**

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ СЪ превосходными искусственными БРИЛЛІАНТАМИ:

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к.
№ 358. Золотыя серьги на винтикахъ съ больш. искусств. брилліантомъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 9 р. 40 к. № 6041 7—5
№ 401. Золотой браслетъ. Шт. 19 р. 75 к., 2 за 37 р. 80 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2 за 13 р. 90 к.
№ 503. Золотая булавка. Шт. 3 р., 2 за 5 р. 65 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

на годъ 5 р.	на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р.	на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р.	на 1 мѣс. 50 к.
За границу на годъ 10 р.	Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 20. Вых. ежедневно. 12 кн. роман., разск. и очерк. Редакт. И. В. Скворцовъ. Издатель А. А. Греве.

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р.— послѣдующіе по 1 р. № 6063 3—2

ЗАИКАНІЕ № 6082 4—2

и другіе недостатки произношенія лѣчатся безъ помощи лѣкарствъ и операцій Профессоромъ ЛЕОНОМЪ БЕРКАНОМЪ Основат. Института для заикъ въ Марсели. СПБ. Невскій, 81, кв. 10. Пріемъ отъ 2—4 ч. д.

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А. М. ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка. въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности и свѣжести лица; лицо остается всегда чистымъ. Цѣна банки 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ Ц. № 6036 6—3

„НОВОСТИ ДНЯ",

большая ежедневная газета.

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, газета „Нов. Дня" и въ 1893 году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ; кромѣ того, ежедневно помѣщаются интересные фельетоны и еженедѣльно будутъ помѣщаться портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Съ доставкой на годъ . . . 9 р. — к.	Съ доставкой на 3 мѣсяца . . . 3 р.
„ „ „ шесть мѣс. 5 „ 50 „	„ „ „ 1 мѣсяцъ . . . 1 „

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ".

XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1893 ГОДЪ. принимается ПОДПИСКА 1893 ГОДЪ.

Самая распространенная въ Россіи

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СВѢТЪ"

сообщаетъ важнѣйшія правительственныя распоряженія, телеграммы, торговыя и другія извѣстія одновременно со всѣми большими, дорогими газетами хотя по цѣнѣ дешевле ихъ въ четыре раза.

● ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ●
съ доставкою въ спб. или пересылкою по имперіи

НА ГОДЪ	НА ПОЛГОДА	НА ТРИ МѢС.
Съ 1 января по 31 декабря. 4 р.	Съ 1 января или съ 1 іюля. 2 р.	съ 1 янв. 1 апр. съ 1 іюля 1 окт. 1 р.

№ 6101 3—1

СВѢТЪ и РОМАНЫ

ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ,

состоящимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, иллюстрированныхъ рисунками выдающихся художниковъ.

За 1 годъ: СВѢТЪ и 12 том. роман. 8 р.
За 1/2 года: СВѢТЪ и 6 том. роман. 4 р.
За 3 мѣс: СВѢТЪ и 3 том. роман. 2 р.

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ, Редакція газеты «Свѣтъ», Невскій, домъ № 138.

РЕДАКТОРЪ ИЗДАТЕЛЬ В. В. КОМАРОВЪ.

„БУДИЛЬНИКЪ"—БЕЗОПАСНЫЙ ДРУГЪ ДОМА.

Его преимущества передъ другими „друзьями дома" неисчислимы:

1) „Будильнику" 29 лѣтъ. Онъ опытенъ, но не легкомысленъ. Веселъ, остроуменъ и всегда приличенъ.

2) Онъ не надоѣдаетъ: является точно и аккуратно,—разъ въ недѣлю, въ назначенный день и часъ.

3) „Будильникъ", какъ другъ дома, всегда съ запасомъ самыхъ свѣжихъ новостей: показываетъ массу интересныхъ карикатуръ и рисунковъ. Смотрите, мотайте на усъ и смѣйтесь.

4) За симъ заводитъ умную бесѣду: о политикѣ, погодѣ, общественныхъ дѣлахъ и соленыхъ огурцахъ. Вашъ другъ дома шутитъ, остритъ, каламбуритъ, направляя свои стрѣлы по адресу выдающихся событій политической, столичной и провинціальной жизни.

5) Дружески пожуривъ „кого слѣдуетъ" за границей и въ столицахъ, онъ переходитъ въ нашу провинцію. Это одна изъ самыхъ любимыхъ его областей. Онъ цѣлую недѣлю рыщетъ по провинціи и, во время визита, преподноситъ вамъ итоги курьезовъ.

6) У него есть еще приложенія къ каждому номеру: вотъ вамъ библіографическая рѣдкость 1793 г., а вотъ и новинка — полный текстъ лучшихъ „веселыхъ пьесъ", только что появившихся на сценѣ. И этого мало.

7) Въ теченіе 1893 года одинъ № „Будильника" будетъ уступленъ самой публикѣ, отъ которой ожидаются мнѣнія о нашихъ артистахъ, литераторахъ и художникахъ. „Обрисовать" художниковъ, „описать" литераторовъ и „разгримировать" артистовъ,—такова также задача вашего друга дома.

8) Бывая у васъ еженедѣльно, вашъ другъ дома, кромѣ того, дастъ вамъ на Пасху роскошную премію—

„БАСНИ КРЫЛОВА въ ЛИЦАХЪ." № 6095 5—1

(2-й выпускъ: 10 картинъ, исполненныхъ фототипіей, и текстъ басенъ).

Первый выпускъ въ 1892 году имѣлъ очень большой успѣхъ. На этотъ разъ „Будильникъ" выбралъ наиболѣе типичныя басни и поручилъ иллюстраціи къ нимъ лучшимъ художникамъ: гг. Савицкому, Трутовскому, Богатову и друг.

9) „Будильникъ", какъ другъ дома, имѣетъ еще преимущества — не опасно оставлять его наединѣ съ женой и онъ не разоряетъ займами мужа.

Если вы желаете имѣть его другомъ дома, — вотъ что ожидаетъ вашъ карманъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ, съ пересылкой во всѣ города, съ преміей 10 руб., безъ преміи—9 руб., на 1/2 года (безъ права на премію) 5 руб.

10) Какъ другъ дома, „Будильникъ" допускаетъ также разсрочку: при подпискѣ ПЯТЬ рублей, остальные ПЯТЬ руб. въ маѣ 1893 г.

11) Наконецъ, АДРЕСЪ этого единственнаго друга дома, по которому слѣдуетъ пересылать подписныя деньги:

Москва, Тверская, д. Гинцбурга, Редакція „Будильника".

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,

рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE".

Духи	ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА.	Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (18

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ на 1893 г.

съ доставкою и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.**

Годъ 3-й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ Редакціи, Верейская, 16, соб. и въ Конторѣ, Гостиный Дворъ, Магазинъ Пантелеева, № 63. № 6015 10—4

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО

имѣетъ двойную выгоду. Неумѣющій можетъ посредствомъ верченія ручки артистически исполнять самыя трудныя пьесы, увертюры, танцы и проч., а играющій кромѣ того находитъ въ немъ обыкновенное піанино заграничной работы, пре красного тона и отдѣлки. Выборъ нотъ очень большой.

Цѣна безъ нотъ 600 р. и 750 р.
Ноты по 1 р. 25 к. за метръ(=1½ арш.).

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Механическій музыкальный инструментъ со струнами, оригинально пѣвучій тонъ, похожій на тонъ оркестра изъ мандолинъ.

Цѣна безъ нотъ 80 р. Ноты по 70 коп. за метръ.

Каталоги нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло .	кус. 30 к.
Вазелиновая жирная пудра .	кор. 60 к.
Вазелиновый кольдъ-кремъ .	бан. 35 к.
Вазелиновая помада	бан. 35 к.
Ландышевое молоко	фл. 1 р.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб.
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

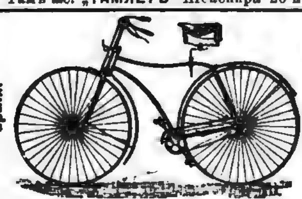
Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская багетная и рамочная фабрика.
С.-Петербургъ.
Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5966 (11)

Образцовые **САМОУЧИТЕЛИ.**

Съ указ. чист. произнош. Сост. по америк. системѣ д-ра Розенталя, Ал. Месковскій. **ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗ.** Ц. пространн. изд. 3 р. 40 к. съ пер. 3 р. 80. Общедост. 75 к. съ пер. 1 р. **НѢМЕЦКАГО ЯЗ.** Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 40 к. 1-й вып. 40 к. съ пер. 50 к. (марк.). Складъ у Ал. Ант. Месковскаго, СПБ. Знаменская, 53.
☛ Образцовая сист. является подражаніемъ указанной самою природою методы.
☛ Тамъ же: „ГАМЛЕТЪ“ Шекспира 20 к.

Поставщики высочайшихъ Особъ и Русской арміи.



Около 1000 велосипедовъ на складѣ.
Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ **ВЕЛОСИПЕДОВЪ.**

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) **Ж. БЛОКЪ.**

МОСКВА. С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № 5982 Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—5
Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. № 5607 26—19
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

СТРАХОВАНІЕ

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденномъ въ 1881 году.

Общество „Россія“ заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

1) **Страхованіе отдѣльныхъ лицъ** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастьяхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ, театрахъ, на охотѣ, на водѣ, на льду; при исполненіи служебныхъ обязанностей; **вообще вездѣ—дома и внѣ дома,**—съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ таковаго;

2) **Коллективныя страхованія** служащихъ и рабочихъ **на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п.** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи этими лицами служебныхъ обязанностей.

Къ 1 января 1892 года въ Обществѣ „Россія“ было застраховано по годичнымъ полисамъ 100.775 лицъ на капиталы: въ 79.120.426 руб. на случай смерти и въ 92.889.946 руб. на случай инвалидности.

Въ 1892 г. дивидендъ страхователей составляетъ 14%.

Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, соб. домъ, № 37), въ Главныхъ Агентствахъ и во всѣхъ Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

№ 5992 6—5

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акціонерное Общество подъ фирмою:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

Измайловскій проспектъ, № 27.
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ, Парижъ, 1890 года.
ПРЕДЛАГАЮТСЯ:

ВЕЩЕСТВА ДЛЯ КУРЕНІЯ.

О ДЕ ЛАВАНДЪ
АМБРЕ ТРОЙНОЙ И ДВОЙНОЙ
ПРИДВОРНАЯ ВОДА ДЛЯ КУРЕНІЯ
ЛѢСНАЯ ВОДА.

КУРИТЕЛЬНАЯ БУМАГА. — КУРИТЕЛЬНАЯ ЛЕНТА.
КУРИТЕЛЬНЫЯ СВѢЧИ, весьма ароматическія.

ХИМИЧЕСКАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

Произведенія С.-Петербургской Химической Лабораторіи въ продажѣ у извѣстныхъ торговцевъ парфюмерными товарами и въ аптекарскихъ магазинахъ. Рt. № 6023 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 (восьмой) годъ на
еженед. (52 нумера) иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства и домоводства

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

№ 6085 2—2

К. И. Масленникова, СПБ., Надеждинская, 43. Много рисунковъ. Безплатно: отвѣты на вопросы, раскраш. архитект. проекты, разныя сѣмена, „Альбомъ типовъ домашн животныхъ“. 6 р. въ годъ съ перес. 21 к. на заказн. перес. и укуп. Альбома.

№ 6012 10—5

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

СИГАРЫ, СИГАРЕТЫ, ПАПИРОСЫ, ТАБАКЪ, ТУРЕЦКІЙ и АМЕРИКАНСКІЙ

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ
ПЕРВАЯ СИГАРНАЯ ФАБРИКА въ РОССІИ
СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1839 ГОДА

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин. или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—2.

„НЬЮ-ІОРКЪ“

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 октября 1892 г. Р. 2.614.937 95.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (24)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (15)
Спеціалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 5808

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5976 (7)

Ш. № 5922 20—16

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подписчиковъ (за исключ. московскихъ) пробная лекція бухгалтеріи преп. ком. наукъ С. Я. Лиліенталь въ Москвѣ.

Дозвол. ценз., СПБ., 25 ноября 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", „ПАРИЖС. МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 5 декабря 1892 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются: 1) **СБОРНИКЪ «НИВЫ» ЗА ДЕКАБРЬ.** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ДЕКАБРЬ** 1892 г. съ 24 рис. и отд. лист. съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 31 рис. рукодѣльныхъ работъ.

П. Д. Боборыкинъ.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ представителей того литературнаго поколѣнія, которое непосредственно слѣдовало за знаменитой литературной плеядой сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, происходитъ отъ старриннѣйшаго, вышедшаго изъ Литвы, дворянскаго рода, извѣстія о которомъ сохранились отъ временъ Симеона Гордаго и даже Александра Невскаго. Родился онъ 15 августа 1836 года, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ домѣ дѣда со стороны матери, генералъ-маіора Григорьева. Отецъ Петра Дмитріевича, штабсъ-капитанъ Дмитрій Васильевичъ Боборыкинъ, по мѣсту рожденія и службы не былъ нижегородцемъ; между тѣмъ мать его, женщина болѣзненная, страдавшая сильнѣйшими нервными болями, оставалась и послѣ замужества въ домѣ своего отца. Здѣсь, при матери, и провелъ Петръ Дмитріевичъ все свое дѣтство и юность, до самаго поступленія въ университетъ.

Учить его начали рано: лѣтъ шести-семи онъ помнитъ себя уже грамотнымъ. Десяти лѣтъ, въ 1846 году, онъ поступилъ въ гимназію, классическую (съ однимъ латинскимъ языкомъ), по окончаніи полнаго курса которой, въ 1853 году, былъ принятъ безъ экзамена въ Казанскій университетъ, по камеральному разряду юридическаго факультета. На второмъ курсѣ Петръ Дмитріевичъ, между тѣмъ, увлекся химіей и, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о Дерптскомъ университетѣ, о возможности тамъ изучать избранную науку во всей ея спеціальности, съ третьяго курса, въ концѣ 1855 года, перешелъ въ Дерптъ, на физико-математическій факультетъ по спеціальному отдѣленію химіи. Занятія органической химіей вызвали въ немъ сильный интересъ къ наукамъ біологическимъ, и онъ снова, черезъ два года, сдавъ уже полукурсовой кандидатскій экзаменъ, перешелъ на факультетъ медицинскій, на которомъ и прослушалъ уже всѣ теоретическіе и практическіе предметы до конца 1860 года.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Въ Дерптѣ же проснулся въ Петрѣ Дмитріевичѣ интересъ къ литературѣ, вызванный въ немъ знакомствомъ съ европейскими писателями, а всего больше тогдашнимъ возрожденіемъ русской литературы, появленіемъ новыхъ русскихъ журналовъ, изученіемъ сочиненій Бѣлинскаго и т. п. Это было теченіемъ общимъ среди русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, жившихъ тогда въ отчужденіи отъ нѣмцевъ, и на товарищескихъ собраніяхъ въ зиму 1858—59 г. Боборыкинъ одинъ изъ первыхъ началъ рядъ чтеній беллетристическаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кружкѣ развилась страсть къ театру: студенты ставили съ благотворительной цѣлью акты изъ „Горе отъ ума“ и цѣлыя комедіи Гоголя и Островскаго. Все это имѣло сильное вліяніе на выборъ Петромъ Дмитріевичемъ литературной дороги. Онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что несмотря на значительный въ немъ интересъ къ положительному знанію, ученаго изъ него не выйдетъ; онъ разсудилъ даже не держать выпускнаго экзамена по медицинскому факультету, а пріобрѣсти кандидатскую степень по одному изъ факультетовъ въ Петербургѣ и затѣмъ окончательно предаться профессіональной литературной дѣятельности. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ въ 1861 году сдалъ кандидатскій экзаменъ по административному разряду юридическаго факультета и представилъ диссертацію по предмету полицейскаго права: „О мірскихъ капиталахъ въ сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассахъ у государственныхъ крестьянъ“ и съ тѣхъ поръ онъ началъ настоящую жизнь писателя.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе всей послѣдующей жизни Петръ Дмитріевичъ не оставлялъ научныхъ занятій, преимущественно слушая лекціи знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ. Такъ въ теченіе нѣсколькихъ зимъ онъ слушалъ лекціи въ Парижѣ— въ Collége de France, въ Сорбоннѣ, Медицинской школѣ, въ Музеѣ и въ школѣ Изящныхъ Искусствъ—по философіи, исторіи философіи, старому французскому языку, по исторіи всеобщей и французской литературъ, политическимъ наукамъ, исторіи искусствъ, естественнымъ наукамъ и пр., у профессоровъ: Франка, Карò, Жана Лабулэ, Бодрильяра, Мезьера, Морѝ, Ломени, Сенъ-Рена-Тальяндье, Филарета Шаля, Тэна, Ренана, Клодъ-Бернара, Бертелò, Катрфажа и др., посѣщалъ лекціи въ консерваторіи по театральному искусству; въ Вѣнѣ, для подготовки себя къ преподаванію дикціи и декламаціи, слушалъ лекціи профессора Стракоша и бралъ частные уроки сольфеджей (вокальнаго чтенія нотъ); съ тою же цѣлью бралъ уроки декламаціи и въ Парижѣ, у частнаго профессора, замѣчательнаго чтеца Аншеля Рикура; въ зиму 1865—66 г. прослушалъ въ Парижѣ курсъ гармоніи у профессора консерваторіи Демозена; въ Берлинѣ ходилъ на лекціи Гнейста, Момзена, Вирхова. Новымъ языкамъ Петръ Дмитріевичъ учился всю жизнь: по-французски и по-нѣмецки—съ дѣтства, англійскимъ сталъ заниматься въ Дерптѣ; позже, преимуществено живя за границей, онъ близко познакомился съ языками итальянскимъ, польскимъ и испанскимъ; въ семидесятыхъ уже годахъ заново бралъ уроки латинскаго языка. На четырехъ изъ новыхъ языковъ, не считая русскаго, Петръ Дмитріевичъ можетъ свободно говорить и писать.

Литературная дѣятельность началась для Петра Дмитріевича въ 1858 г. комедіей, теперь утерянной,—„Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, позже переработанной подъ заглавіемъ „Фразеры“. Слѣдующая его комедія, „Однодворецъ“, написанная въ студенческіе же годы, въ вакаціонное время, въ деревнѣ отца, появилась въ 1860 году въ печати въ *Библ. для чт.* По переѣздѣ въ 1861 году въ Петербургъ онъ сблизился съ редакціей названнаго журнала, выходившаго тогда подъ редакціей Писемскаго, который и предложилъ молодому литератору писать для изданія фельетоны. Петръ Дмитріевичъ скоро отдался, однако, дѣятельности беллетристической и уже съ января 1862 года началъ печататься его извѣстный романъ „Въ путь-дорогу“. Когда Писемскій перешелъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, Петръ Дмитріевичъ въ 1863 году купилъ *Библіотеку для чтенія* у издателя ея, В. П. Печаткина, располагая значительными средствами, именно имѣніемъ, завѣщаннымъ ему въ Нижегородской губерніи дѣдомъ. Журналъ, впрочемъ, успѣха не имѣлъ и въ половинѣ 1865 года долженъ былъ закрыться, оставивъ своему издателю, истратившему на него все наслѣдство, большіе долги.

Съ тѣхъ поръ Петръ Дмитріевичъ, живя то въ Россіи, то за границей, началъ сотрудничать во всѣхъ значительныхъ русскихъ изданіяхъ. Разностороннее образованіе дало его литературной дѣятельности широкій характеръ. Въ теченіе 30 лѣтъ имъ написано множество журнальныхъ и газетныхъ статей, фельетоновъ, корреспонденцій и пр., подъ разными псевдонимами. Но, конечно, главный центръ тяжести его литературной дѣятельности лежитъ въ беллетристическихъ трудахъ, доставившихъ имени его всеобщую извѣстность. Имъ написанъ рядъ большихъ романовъ: „Въ путь-дорогу“ (1863—65), „Въ чужомъ полѣ“(1866), „Жертва вечерняя“ (1868), „На судъ“ (1869), „Солидныя добродѣтели“ (1870), „Дѣльцы“ (1871—73), „Полжизни“ (1873), „Докторъ Цибулька“ (1874), „Лихія болѣсти“ (1876), „Сами по себѣ“ (1878), „Китай-городъ“ (1882), „За работу“ (1885), „Изъ новыхъ“ (1887), „На ущербѣ“ (1890), „Василій Теркинъ (1892). Съ 1869 г., начали появляться также повѣсти и разсказы его. Въ этотъ длинный періодъ имъ написаны повѣсти: „По-американски“, „Поддѣли“, „Въ усадьбѣ и на порядкѣ“, „Долго-ли?“, „Ранніе выводки“, „Пристроился“, „Въ наперсникахъ“, „Крашеная вода“, „Безъ мужей“, „Презрѣнный“, „Проѣздомъ“, „Измѣнникъ“, „Поумнѣлъ“, „Обречена“, и разсказы: „Фараончики“, „Посестріе“, „Еретикъ“, „Умереть—уснуть“, „Первый балъ“, „Внучка“, „Въ башнѣ“, „Псарня“, „Безвѣстная“, „Голубой лифъ“, „У плиты“, „Вторая отъ воды“, „За красненькую“, „По-русски“, „Молодые“, „По чужимъ людямъ“. „При номерахъ“, „Морзъ и Юзъ“, „Три афиши“, „Ушло“. „Вольнонаемная“. „Въ отъѣздъ“, „Послѣдняя депеша“, „Покончилъ“, „Трупъ“. Въ послѣднее время, въ 1888—1889 г., въ газетѣ *Новости* напечатанъ рядъ очерковъ и разсказовъ Петра Дмитріевича, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны пять „идиллій“:—„нѣмецкая“, „французская“, „испанская“, „итальянская“ и „англійская“, и разсказы „Пересилило“ и „Коварство и любовь“. Многія изъ названныхъ произведеній, какъ „Въ путь-дорогу“, „Въ чужомъ полѣ“, „Жертва вечерняя“, „Солидныя добродѣтели“, „Лихія болѣсти“, „Полжизни“, „Псарня“ „Фараончики“, „Посестріе“ и пр. имѣютъ характеръ автобіографическій, отражая факты и впечатлѣнія личной жизни автора. Петръ Дмитріевичъ не оставлялъ и дѣятельности драматурга. Сверхъ ком. „Однодворецъ“ имъ написаны слѣдующія драматическія произведенія, появлявшіеся то на сценѣ, то въ печати: драма „Ребенокъ“ (1861 г.), др. „Старое зло“, въ передѣлкѣ „Большіе хоромы“ (1860), др. „Въ мірѣ жить—мірское творить“ (1864); ком. „Иванъ да Марья“ (1867), сцены: „Не у дѣлъ“ (1877), ком. „Сытые“ („Сытые Китай-города“) (1879 г.), ком. „Старые счеты“ (1883), „Докторъ Мошковъ“ (1884), др. „Клеймо“ (1886), ком. „Съ собою“ (1887), ком. „Божья коровка“ (1889). Писалъ Петръ Дмитріевичъ и на иностранныхъ языкахъ. Такъ, имъ написаны: статья „Phénomènes du drame moderne“ въ журн. Philosophie Positive (1868), „The Nihilism in Russia“ въ „Fortnightly Review“ (1868); авторскій переводъ той же статьи въ „Revue Britannique“; „Le culte du peuple dans la litterature russe contemporaine“ въ „Revue internationale“ (1886); „J. Tourgueniev, Notes d'un compatriote“ въ „Revue indépendante“. Еще въ студенческіе годы въ Дерптѣ Петръ Дмитріевичъ перевелъ учебникъ химіи Лемана (изданный Вольфомъ) и первый томъ физіологіи Дондерса—послѣдній въ сотрудничествѣ съ однимъ товарищемъ, В. Бакстомъ; впослѣдствіи для одного журнала имъ переведены—комедія Гольдони „Вѣеръ“ и разсказъ Золя „Наводненіе“, а для одного сборника разсказовъ для дѣтей—маленькая сказка Карменъ-Сильвы изъ румынскихъ легендъ.

Такова обширная литературная дѣятельность Петра Дмитріевича. Но онъ извѣстенъ такъ же какъ опытный преподаватель и лекторъ преимущественно по театральному искусству, а также по исторіи литературы. Первая серія его публичныхъ лекцій о театрѣ прочитана имъ въ зиму 1871—1872 года въ клубѣ художниковъ. За ними, по зимамъ 1875—1877 г. слѣдовали двѣ серіи лекцій „О реальномъ романѣ во Франціи“ (3 изъ нихъ появились въ *Отеч. Зап.*) и „Островскій и его сверстники“ (напеч. по частямъ въ журналахъ). Въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ неоднократно организовалъ драматическіе курсы, ведя классъ декламаціи; въ 1885—1886 г. при Драматическомъ Обществѣ прочиталъ четыре лекціи „О новомъ русскомъ театрѣ.“ Чтенія его въ „Шекспировскомъ кружкѣ“ по психологіи творчества напечатаны въ *Вѣстн. Европы* и въ *Вѣстн. изящныхъ искусствъ.*

В.

На Синеморскихъ буграхъ.

Житейская драма.

Романъ **В. П. Желиховской.**

(Окончаніе).

XVII.

За Маріей Богдановной, собравшейся ѣхать въ чемъ Богъ пошлетъ, лишь бы наканунѣ свадьбы сына добраться до Астрахани, къ величайшей радости ея „прибѣжалъ катерокъ“ съ ближняго промысла, добытый стараніями преданнаго ей Яшеньки. Съ нимъ пришло отъ него и письмецо, всѣхъ порадовавшее и вмѣстѣ насмѣшившее.

Порадовалъ ихъ Штолль извѣщеніемъ, что ранешенько утромъ, даже, быть можетъ, если съ вечера удастся

вырваться пораньше, такъ—къ полночи самъ онъ явится на пароходѣ на Красные Бугры съ тѣмъ, „чтобъ имѣть честь сопровождать жениха и невѣсту къ мѣсту ихъ вѣнчанія"...

„Я нарочно постараюсь пріѣхать заранѣе, чтобъ замѣнить отсутствующую Марью Богдановну, писалъ докторъ:—она уѣдетъ—кто же васъ благословитъ, мои милыя дѣти? И кого вы, бѣдные, будете слушаться?.. Не плачьте, дѣтки: я вамъ замѣню и папеньку, и маменьку... Одного только боюсь: я такъ буду красивъ въ своемъ новенькомъ полуфрачкѣ, что совѣтую тебѣ, дружокъ, приказать своей невѣстѣ закрывать глаза, какъ только я въ двери!.. Иначе—я ни за что не ручаюсь!.. Я тебя очень люблю, но если Альме вдругъ возьметъ,—да въ меня и влюбится,—я за себя не ручаюсь!.. Если твоя невѣста прикажетъ намъ,—мнѣ съ моимъ великолѣпнымъ полуфрачкомъ,—стать съ собой въ церкви рядомъ, а тебѣ велитъ надъ нами вѣнецъ держать, что ты тогда скажешь?.. По дружбѣ совѣтую тебѣ везти ее въ церковь по ихъ, магометанскому, обычаю: укутавъ ее такъ крѣпко въ простыню, чтобъ не могла она ни единымъ глазкомъ увидать меня и въ особенности моего костюма!.. Вотъ!.. Я честно васъ предупредилъ; теперь сами оберегайте свое счастіе, а я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за будущее..."

— Скажите пожалуйста, фатишка какой! вскричала Марья Богдановна, когда Михаилъ Андреевичъ громко прочелъ имъ письмо.—Ты скажи ему, Миша, что какъ увижу его въ первый разъ — до̀-красна надеру уши: пусть о себѣ не воображаетъ!

Альме не такъ искренно смѣялась, какъ обѣ старухи. Ее, съ непривычки, немного смутила такая шутка. Она только сказала, покраснѣвъ и отрицательно покачавъ головой:

— Нѣтъ!.. Я чернявыхъ мужчинъ не люблю—у доктора волоса и глаза на наши, киргизскіе похожи!

— Глупости! Не правда!.. Вздоръ говоришь, Альме! вступилась ея тетка, у которой Штолль былъ въ большомъ фаворѣ:—докторъ такой красивый! Такой умный! Такой веселый!.. Всякая дѣвушка можетъ его полюбить...

Муслиме, взглянувъ на Іуліянова, вдругъ перемѣнила тонъ. Смѣтливая старуха замѣтила, что ему не по себѣ.

— Разумѣется, когда любишь одного, — всѣ другіе мужчины не нравятся! прибавила она.

— А неужели, Альме, если бъ я покрасилъ себѣ волосы въ черную краску, ты бы меня разлюбила? спросилъ Михаилъ Андреевичъ, пытливо глядя грустными глазами въ лицо своей невѣсты.—Значитъ, ты не меня любишь, а мои свѣтлые волосы и глаза?

Прощаніе жениха и невѣсты съ Марьею Богдановною, съ Руайдой и со старымъ Сугарали было трогательное, но не особенно печальное, хотя Іуліянова разливалась въ слезахъ, обнимая сына. Она и плакала, и улыбалась, и, разумѣется, въ сущности, была за него такъ счастлива, какъ никогда еще не бывала. Сугарали смотрѣлъ сумрачно: за то Руайда сіяла, въ ожиданіи веселой перемѣны жизни и скораго свиданія со своей молодой госпожей.

Вотъ скрылся катеръ, на всѣхъ парахъ уносившій счастливую мать; унялось и волненіе за нимъ на рѣкѣ. Послѣдніе всплески набѣжали блестящими волнами на отлогіе берега, разбились, расплескались мимолетной пѣной, зашипѣвъ на пескѣ у ногъ Альме и жениха ея, и слились въ общую гладь.

— Какъ хочешь!.. Объ этомъ мы послѣ подумаемъ... Пойдемъ въ комнату,—сказала Альме, постоявъ немного.

— А я было хотѣлъ тебѣ предложить пройтись по берегу... Проститься съ нимъ! сказалъ Михаилъ Андреевичъ.

— О, нѣтъ! Нѣтъ, теперь жарко!.. Лучше вечеромъ пойдемъ гулять... Я теперь не хочу... Теперь лучше ты мнѣ поиграй, а я послушаю... Такъ я люблю! Такъ хорошо тебя слушать!.. Ахъ, какъ бы я хотѣла у тебя такъ научиться играть!

И Альме увела его въ домъ, стараясь по дорогѣ *заговорить*, чтобъ онъ не догадался объ истинной причинѣ ея отказа. Съ нѣкоторыхъ поръ она боялась солнца,—ей очень не хотѣлось загорѣть!.. Въ числѣ вновь пріобрѣтенныхъ ею вещей былъ красивый шелковый зонтикъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала возможности имъ прикрываться; но здѣсь, среди *своихъ*, нынѣ ненавистныхъ ей кибитокъ, она не рѣшалась открыть его. А между тѣмъ, желая прибыть въ городъ какъ можно болѣе красивой и привлекательной, Альме усердно вытиралась каждый вечеръ какимъ-то составомъ, добытымъ для нея Руайдой, и очень избѣгала солнечныхъ, палящихъ лучей.

Этотъ послѣдній день Муслиме провела въ матеріальныхъ заботахъ о племянницѣ. Она бесѣдовала съ племянницей вполголоса въ опустѣлой спальнѣ Марьи Богдановны, полной сундуковъ и тюковъ, которые должны были идти съ ними завтра на пароходѣ; въ сосѣдней комнатѣ, тоже опустѣлой, съ забитыми на-глухо въ ящикахъ піанино и книгами Іуліянова, онъ коротал послѣобѣденное время, наигрывая на скрипкѣ, въ ожиданіи своей нареченной. Но Альме, несмотря на то, что сама его просила поиграть, на сей разъ плохо слушала его музыку. Рѣчи тетки сильнѣе ее интересовали, хотя Муслиме и утверждала, что племянница ея не должна позволять себѣ никакихъ излишествъ: она совсѣмъ не такъ богата, какъ воображаетъ...

— При нашихъ малыхъ требованіяхъ и простомъ житьѣ, ты, конечно, очень богата, говорила Муслиме.—Но при новой жизни своей, тебѣ надо быть очень осмотрительной!.. Между русскими твои тысячъ десять, двѣнадцать годоваго доходу совсѣмъ не большое богатство. Многіе между ними, даже въ Астрахани, не только что въ столицахъ, тратятъ гораздо, гораздо больше и то не считаютъ себя богачами.

— Если такъ, такъ какъ же быть мнѣ съ его затѣей, — съ этой школой, о которой онъ только и думаетъ?.. Вѣдь она вѣрно должна будетъ дорого стоить! замѣтила Альме.

Идычева возстала такъ горячо противъ „этой глупости", что Альме сразу поняла, что она не должна въ ней потворствовать будущему супругу.

— Я думала, что онъ шутитъ и тогда же ему сказала, что онъ говоритъ вздоръ!.. Да, впрочемъ, не бойся: мать его не глупая женщина, — она его до этого не допуститъ! заключила Муслиме свои практическія наставленія.

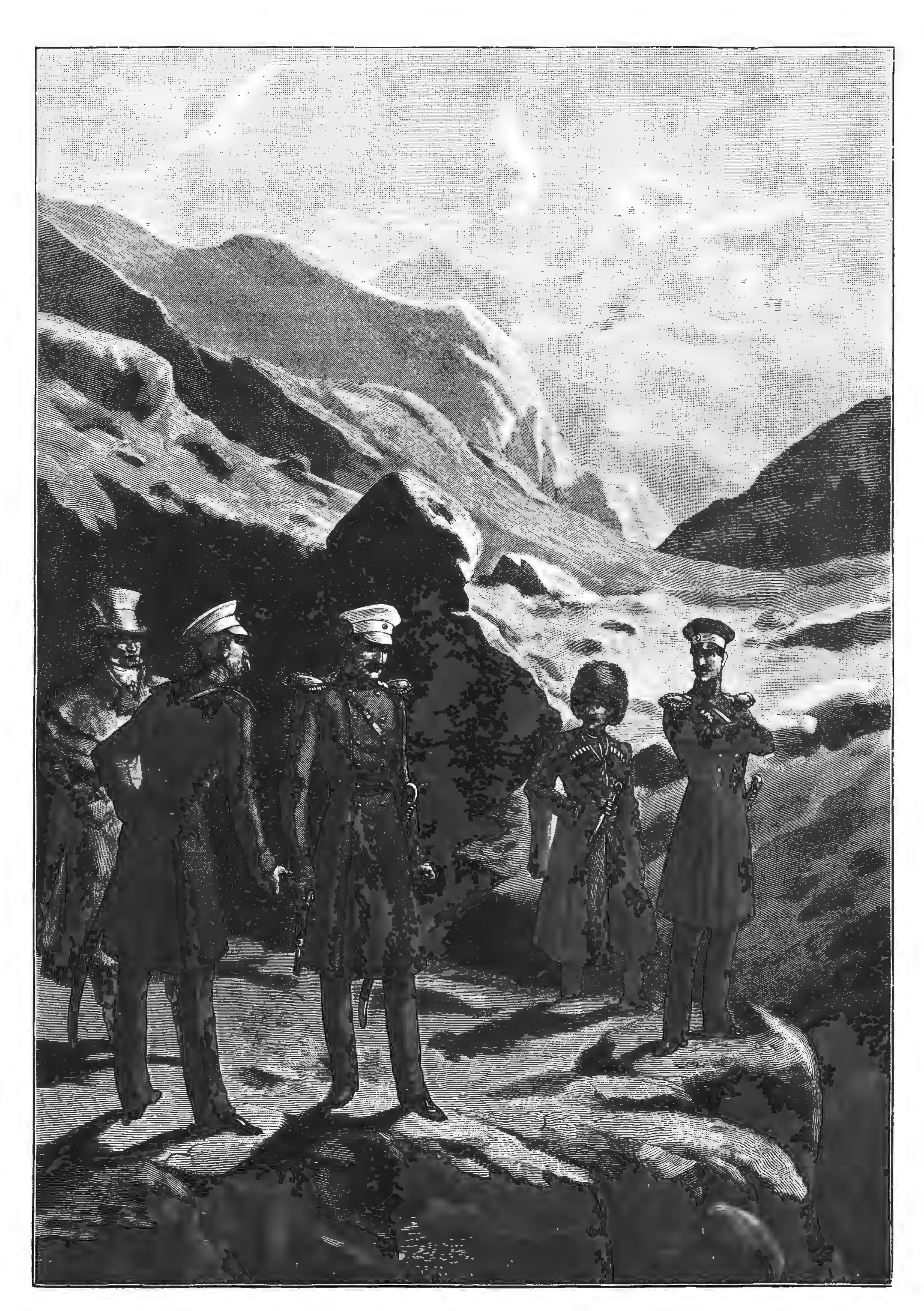
А изъ смежной комнаты, между тѣмъ, уже лились милые для Альме, такъ много ей напоминавшіе звуки серенады Шуберта:—наскучивъ одиночествомъ, Михаилъ Андреевичъ вздумалъ ими призвать свою невѣсту.

И она поняла его намѣреніе и откликнулась, невольно улыбаясь:

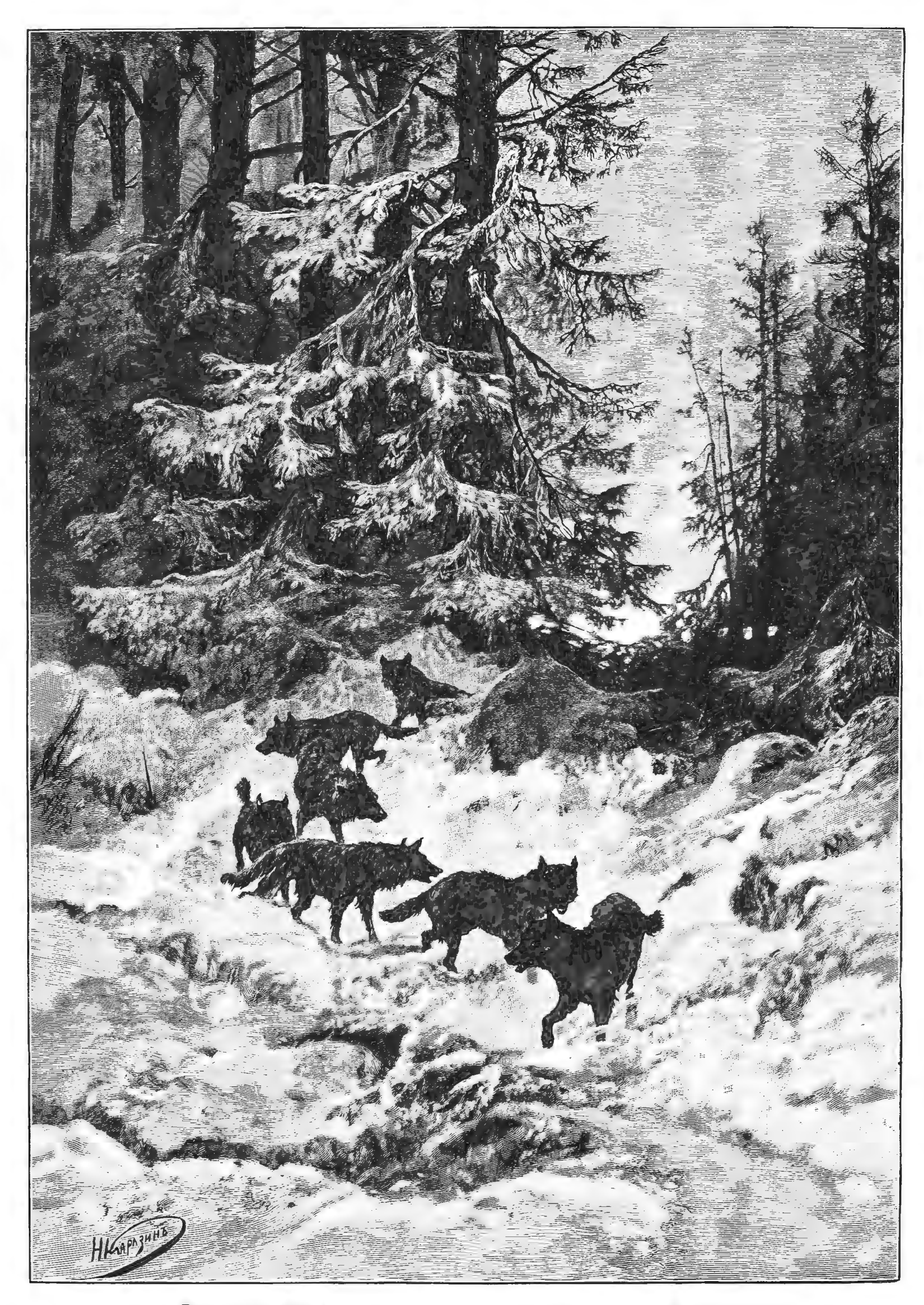
— Сейчасъ! Сейчасъ приду!..

Весь вечеръ они провели втроемъ, шутя съ старой киргизкой, выспрашивая ее, заставляя разсказывать о своемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, уговаривая пріѣзжать къ нимъ въ гости почаще, не засиживаться въ своихъ кибиткахъ. Альме оспаривала ея мнѣніе, что кочевая жизнь здоровѣй, чѣмъ городская; а женихъ ея, напротивъ, поддерживалъ, соглашаясь, что человѣкъ тѣмъ здоровѣе и счастливѣе, чѣмъ менѣе отвыкаетъ отъ матери-природы, которая обращается въ злую мачиху лишь для неблагодарныхъ, чуждающихся ее дѣтей.

Солнце садилось багровое, предвѣщая на утро вѣтеръ, но теперь было тихо. Прямо передъ крыльцомъ на свѣтломъ небѣ выяснялся серпъ молодаго мѣсяца: а на западѣ горѣло цѣлое море волнистыхъ облаковъ. Зелень и строенія представлялись окрашенными багрянцемъ, и отливали и золотомъ, и рубинами. Воды каза-



Литературный альбомъ. „Герой нашего времени“ Лермонтова. Дуэль Печорина съ Грушницкимъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Шлиперъ.



Воровская вязка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

лись то расплавленной мѣдью, то темной сталью, подернутой живымъ серебромъ; а мелькавшія суда до мельчайшихъ подробностей вырѣзались на этихъ расцвѣченныхъ фонахъ то рѣзкими черными силуэтами, то алыми, то багровыми крыльями парусовъ. Песчаные бугры береговъ теперь дѣйствительно были *красными* буграми.

— Ну, что подобное увидимъ мы за тѣсными стѣнами города?.. Что можетъ быть красивѣй, величественнѣй такой картины? повторялъ Іуліяновъ. — Пойдемте походить! Грѣшно въ послѣдній нашъ вечеръ,—*въ такой* вечеръ сидѣть дома!.. Муслиме,- пойдемте съ нами на берегъ.

— Ась? по-астрахански отозвалась, изумившись, Муслиме.

— Пойдемъ прогуляться, посмотрѣть на Божью красу! повторилъ Іуліяновъ.

— Я-то?.. Да Богъ-же съ вами!.. Когда это я гулять ходила?.. Мнѣ и отсюда и небо, и солнце видать хорошо!.. Идите вы себѣ съ Богомъ, а я вотъ ужинать приготовить велю... Нынче вѣдь доктора надо ждать.

— Ну, если онъ сегодня и пріѣдетъ, то поздно. Вѣрнѣе, что къ утру, —самъ писалъ!

— А все же надо, чтобъ ужинъ ему готовъ былъ... Вы идите себѣ, не заботьтесь: я все приготовлю и пришлю за вами Абатыра... Далеко вы не уйдете?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы рано вернемся.

— Да такъ и надо, потому люди эти... Воры. что бродили вчера... Кто ихъ знаетъ? Далеко не ходите! уговаривала Муслиме.

Іуліяновъ только засмѣялся, назвавъ ее трусихой: но Альме обѣщалась вернуться, когда смеркнется.

— Завтра надо рано вставать, со всѣми проститься! напоминала ей тетка.- Не забудь, что еще пришли изъ другихъ ставокъ люди съ тобой попрощаться.

— Пришли—получить подарки! засмѣялась Альме.— Мнѣ бы хотѣлось дождаться доктора.

— Если только онъ придетъ до полуночи! отозвался Іуліяновъ.—Не бойтесь, Муслиме: я не позволю ей уставать, слишкомъ поздно засиживаться... Въ полночь она будетъ у васъ въ кибиткѣ.

— Да я васъ, можетъ быть, и здѣсь дождусь! напутствовала ихъ старуха.

XVIII.

Вечеръ дѣйствительно былъ волшебно прекрасенъ. Рѣдко возможно любоваться такимъ живописнымъ переходомъ жаркаго дня въ ароматную ночь, какимъ въ эту послѣднюю прогулку любовался Іуліяновъ!

Никогда не чувствовалъ онъ себя такимъ счастливымъ, такимъ бодрымъ. Полной жизнью жилось ему и полной грудью дышалось въ тотъ памятный, дивный и великолѣпный майскій вечеръ.

Да, онъ былъ счастливъ, потому что все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ любимъ, что онъ не только счастливъ самъ, но и даетъ счастіе своей Альме!

Сознаніе это было величайшимъ благомъ, какое Альме могла ему дать. Онъ именно былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, для которыхъ духовныя радости выше всѣхъ другихъ, возможныхъ на землѣ.

— Знаешь-ли, милая, что я скажу тебѣ? закончилъ онъ свои рѣчи, когда они дошли до мыса, языкомъ выдававшагося въ днѣ рѣки, и остановились, охваченные багровымъ свѣтомъ заката. — Не пугайся и не дивись моимъ словамъ: я убѣжденъ, что счастливѣе, чѣмъ теперь мы—мы никогда не будемъ!.. Если бъ теперь, сейчасъ, вотъ такъ обнявшись, мы могли здѣсь умереть,—это была бы блаженная смерть!

Онъ засмѣялся ея испуганному возгласу и гнѣвнымъ, громкимъ протестамъ. Онъ нѣжно удержалъ ее, когда она, очевидно смутившись его безумнымъ желаніемъ, отпрянула отъ обрывистаго, подмытаго края берега.

— Что ты? Богъ съ тобой! Развѣ ты думаешь, что я сошелъ съ ума? смѣясь, успокоивалъ онъ ее. — Не бойся! Не вздумаю приводить въ исполненіе своихъ словъ, хотя, ну — право-же, глубоко убѣжденъ, что правъ...

Альме перебила его горячими просьбами не говорить такихъ страшныхъ вещей, не пугать ее. Она его такъ любитъ! Она такъ счастлива!.. Она хочетъ долго-долго, много лѣтъ,—всегда любить его и быть счастливой!.. А онъ выдумалъ говорить о страшной, черной, холодной смерти!..

— Ты права, моя милая!.. сказалъ ей Іуліяновъ между двумя поцѣлуями.—Истинная любовь вѣчна и все переживаетъ, и никогда не можетъ умереть!

Она успокоилась, вѣроятно, по-своему понявъ его слова, и прижалась къ нему любовно, передумывая свои, ему невѣдомыя мысли; онъ тоже молчалъ, любуясь зрѣлищемъ, котораго Альме не замѣчала.

Солнце въ то время уже закатилось; но въ то-же мгновеніе небо и воды словно вспыхнули пожаромъ. Все заалѣло и побагровѣло, постепенно сгущаясь и темнѣя; звѣзды замигали на востокѣ золотыми лучами, а костры рыболововъ зажглись по тонямъ.

— Ужъ не докторъ-ли? предположила Альме, кивнувъ на пароходъ, бѣжавшій мимо.

— Гдѣ-же!—Еще девяти нѣтъ!.. Онъ, я думаю, еще и не выѣзжалъ, отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ.

И точно: пароходъ описалъ полукругъ, послѣдніе лучи его фонарей разбѣжались по волнамъ, разбились у самыхъ ногъ ихъ зелеными и красными блестками, и пароходъ повернулъ въ другую сторону. Клубы чернаго дыма, вылетавшіе изъ трубы его, темной аркой разостлались по небу, и на мгновеніе въ этой темной рамѣ, на фонѣ огненно-краснаго заката, вырѣзался черный силуэтъ парусной лодки...

— Смотри! Смотри, Альме, какая красивая картинка! вскричалъ Іуліяновъ.—Присядемъ здѣсь немножко, а потомъ и домой, чтобы не заставлять Муслиме долго ждать насъ.

— Да, да! согласилась дѣвушка.—Знаешь, все это сегодня такое страшное, —махнула она рукой вдоль горизонта.—Красное, черное! Точно кровь!.. Я не люблю! Не хорошо!.. Лучше скорѣй домой!.. На крыльцѣ посидимъ, тамъ подождемъ доктора, а то здѣсь холодно...

И она вздрогнула, прижимаясь къ нему.

— Что ты, милая?.. Такъ тепло! Посмотри, —песокъ еще совсѣмъ горячій! участливо отозвался Михаилъ Андреевичъ, обнявъ ее одной рукой и прислоняя къ себѣ.—Ахъ! Постой, тебѣ вотъ это мѣшаетъ!

И онъ вынулъ изъ боковаго кармана револьверъ Штолля, такъ и оставшійся, забытый имъ.

— Что это? изумилась Альме.—Пистолетъ?.. Заряженный?

— Да, но не бойся? Онъ такъ не опасенъ.

— Да я совсѣмъ не боюсь! Я даже сама сколько разъ стрѣляла! прервала его Альме. — Я только не знала, что ты такой умный! Съ собою носишь пистолетъ... это хорошо!

Вокругъ нихъ всякая жизнь затихала. Смолкли, еще недавно издали доносившіяся съ тоней, однообразныя пѣсни неводчиковъ, тянувшихъ сѣти. Смолкъ послѣдній щебетъ и птичій гомонъ въ зеленомъ тальникѣ и въ всходахъ молодаго камыша; смолкъ окончательно и людской говоръ, порой долетавшій съ Красныхъ Бугровъ или съ судовъ, изрѣдка скользившихъ мимо, безшумно, словно привидѣнія...

Воцарялось то мертвое затишье, которое охватываетъ эти пустынные берега вмѣстѣ съ темнотой. Промысловый и кочевой людъ живетъ заодно съ природой: ложатся съ солнцемъ и встаютъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Пойдемъ домой! прошептала Альме, безпокойно пожимаясь.

Ей пришли въ голову тѣ люди, которые бродили здѣсь запрошлой ночью, и давно было страшно, только она стыдилась сознаться въ томъ.

— Что ты, Альме, душа моя! испугался Іуліяновъ.— Ужъ не больна-ли?.. Ты, кажется, дрожишь?

— Нѣтъ!.. Но... пойдемъ домой... Что это, чу?!.

Она остановилась, привставъ на одно колѣно, опираясь на плечо его и чутко прислушиваясь.

— Что это значитъ?.. Ты слышишь? повторила она.

— Что?.. Да просто птица... Ихъ здѣсь тысячи такъ кричатъ.

— Ночью?!. сердитымъ шопотомъ переспросила Альме.— Какія же птицы поютъ по ночамъ?

— Разныя! смѣясь отвѣчалъ Михаилъ Андреевичъ, нарочно говоря какъ можно громче, чтобъ ее ободрить.— Вотъ сейчасъ только-что кричали гуси за рѣкой... Филины кричатъ, совы...

— Тс-съ!.. Слышишь?

— Да слышу, прекрасно: удодъ кричитъ.

— А я тебѣ говорю, что это не птица, а человѣкъ! промолвила увѣренно дѣвушка, быстро подымаясь.

— Ну, что-жь!.. Пускай поетъ, если ему нравится.

Альме вдругъ протянула руку вправо и сказала:

— Онъ тамъ кричитъ, а мы здѣсь пойдемъ!

— Зачѣмъ намъ идти обходомъ, когда прямо гораздо ближе?

— Ахъ,—слушайся меня!.. Я туда не пойду! Тамъ воры! Тамъ разбойники!.. Я знаю!.. Киргизы всегда кричатъ, какъ птицы или какъ звѣри, когда на разбой призываютъ.

— Какой разбой? Богъ съ тобою... Только-что солнце зашло, еще никто не спитъ. Какой воръ такъ рано выйдетъ на свой добрый промыселъ? посмѣивался Михаилъ Андреевичъ.—Это маменька тебя напугала своей трусостью!

— Пойдемъ... Пойдемъ отсюда! тянула его вправо Альме.—Да молчи-же! Молчи!.. Зачѣмъ ты такъ громко говоришь? Молчи-же! шопотомъ умоляла она.

Но онъ не хотѣлъ замолчать, напротивъ, онъ нарочно говорилъ и смѣялся такъ громко, стараясь ободрить ее, увѣрить, что бояться имъ нечего.

Вдругъ яркій свѣтъ озарилъ ихъ.

— Что это?.. Пожаръ?

— О, нѣтъ! Это просто горятъ камыши!

— Камышъ такъ поздно не жгутъ! шептала Альме побѣлѣвшими губами.—И такъ близко къ намъ!.. Между кибитками и школой... и нами! А вотъ и еще! въ другомъ мѣстѣ!.. Это нарочно!.. Это поджогъ! Скорѣй! Скорѣй сюда!

Альме бѣжала къ берегу. Она надѣялась успѣть проскользнуть къ школѣ возлѣ самой воды, но потянувшій съ запада вѣтерокъ быстро несъ по землѣ пламя наперерѣзъ имъ.

Они метнулись въ другую сторону. Іуліяновъ и самъ теперь увидалъ, что дѣло не ладно. Высокое пламя перебѣжало поперекъ узкаго мыса, огненной ширмой заслонивъ имъ обратный путь... Онъ схватилъ за руку Альме и молча, быстро пошелъ впереди ея къ единственному еще не охваченному пламенемъ проходу, чрезъ песчаную рытвину по другую сторону берега... Но едва они туда вступили, три черныхъ тѣни загородили имъ путь.

— Стрѣляй! Стрѣляй въ нихъ! закричала Альме, хватаясь за Іуліянова, сама ища на груди его револьверъ.

Голосъ ея замеръ, подавленный чѣмъ-то тяжелымъ, наброшеннымъ ей на голову: четыре сильныхъ руки окутали ее и оторвали отъ Іуліянова, задыхающуюся, ослѣпленную...

„Неужели стрѣлять?! Неужели убить ихъ?!“ промелькнуло въ умѣ его.

Но онъ не успѣлъ выхватить револьвера, какъ вмѣстѣ съ нимъ свалился на землю, лицомъ въ песокъ.

Третій человѣкъ ударилъ его сзади дубиной по головѣ. Кровавое облако пронеслось предъ Іуліяновымъ, и онъ замертво упалъ, выпустивъ изъ рукъ револьверъ.

Человѣкъ взмахнулъ снова дубиной,—но вдругъ остановился и, быстро пригнувшись, обшарилъ карманы Іуліянова. Ему блеснулъ револьверъ... Онъ поднялъ, осмотрѣлъ и бросилъ.

„Зачѣмъ его брать?.. Еще пожалуй уликой будетъ... Вотъ *это* другое дѣло!..“ Ахметка сунулъ за пазуху бумажникъ Іуліянова и бросился вслѣдъ за Кирджаевымъ и ихъ сподвижникомъ.

Онъ едва успѣлъ впрыгнуть въ лодку, на днѣ которой лежала безъ чувствъ Альме, крѣпко увернутая въ войлокъ, какъ послышался яростный лай. Собаки и люди бѣжали съ Красныхъ Бугровъ; но дымъ и пламя, крутившіеся вихрями, выжигая бурьянъ и высокій тростникъ, временно преградили имъ путь...

Лодка оттолкнулась отъ берега, быстро понеслась и скрылась охваченная мракомъ, никѣмъ не замѣченная.

XIX.

Пламя и дымъ еще стлались поясомъ по мысу; еще люди бѣгали, какъ угорѣлые, разыскивая Альме и жениха ея, подъ вопли Муслиме и другихъ сбѣжавшихся изъ кибитокъ женщинъ, когда раздался свистокъ парохода, и онъ, сіяя цвѣтными фонарями и освѣщенными люками каютъ, подошелъ къ пристани.

Докторъ Штолль издали замѣтилъ пожаръ, услышалъ жалобный вой и лай собакъ и людскіе крики и въ недоумѣніи и испугѣ выскочилъ на землю.

Муслиме встрѣтила его рыданіями: „поджогъ! убійство! Нѣтъ ни Іуліянова, ни Альме!.. Навѣрное оба убиты злоумышленниками!..“

Насилу добился Яковъ Карлычъ въ чемъ дѣло.

— Да обыскали-ли тотъ конецъ косы?.. Быть можетъ они въ той сторонѣ гуляли? сказалъ онъ.

— Невозможно пройти туда! Огонь не пускаетъ... Камышъ подожженъ не просто: сначала видно всѣ ходы были имъ завалены и сразу негодяи подожгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Нельзя пробраться!

— А лодки на что? закричалъ Штолль и самъ бросился къ берегу рѣки.

Муслиме съ Абатыромъ до того растерялись, что имъ лодки и въ голову не пришли.

Въ нѣсколько минутъ двѣ лодки, полныя людей причалили къ тому мѣсту, гдѣ часъ тому назадъ Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ со своей невѣстой, любуясь фантасмагоріей свѣта и тѣней на небѣ и землѣ.

Завыванія Барсука тотчасъ открыли имъ лощину, гдѣ попрежнему безжизненно лежалъ Іуліяновъ, разбросавъ руки по песку, устремивъ полуоткрытые глаза въ небесныя глубины, словно ихъ призывая въ свидѣтели беззаконія надъ нимъ совершеннаго.

Съ крикомъ бросилась къ нему старая киргизка:

— Вотъ!.. Вотъ онъ!.. А Альме?.. Гдѣ-же Альме?!.

Докторъ сердито отстранилъ ее:

— Тише!.. Кого вы спрашиваете?.. Дайте прежде узнать, живъ-ли онъ?

Онъ заботливо склонился къ груди своего бѣднаго пріятеля... Да! Іуліяновъ еще былъ живъ. Слабое біеніе пульса удостовѣрило въ томъ его друга.

— Огня! Побольше огня! Свѣтите мнѣ! закричалъ онъ, быстро разстегивая жилетъ Іуліянова и осматривая его внимательно.

Онъ убѣдился, что наружныхъ поврежденій и ранъ на тѣлѣ нѣтъ. Стонъ вырвался у пострадавшаго лишь когда ему тронули голову.

— Мерзавцы! озлобленно прошепталъ докторъ:—его пришибли сзади, по головѣ!.. Дайте воды!

Штолль долго возился, стоя на колѣняхъ надъ товарищемъ, давая ему нюхать эѳиръ, примачивая голо-

ву, пока наконецъ тотъ открылъ глаза и сознательнѣй посмотрѣлъ на него.

Альме нигдѣ не находилась.

Женщины выли, ударяя себя въ грудь, крича что ее убили, что она сгорѣла. На Муслиме страшно было смотрѣть, до того была она растерзана. Она сорвала съ головы всегдашній головной уборъ, — каланчу изъ накрахмаленнаго, какъ картонъ, бѣлаго миткаля; рвала свои растрепавшіеся, сѣдые волосы, избила себѣ всю грудь и лицо, опалила всю одежду и пообжигала ноги, бѣгая по тлѣвшему камышу, разыскивая исчезнувшую племянницу.

— Ее увезли! Ее украли эти разбойники! Эти изверги! кричала она.— Живую или мертвую ее увезли и замучаютъ, если сразу еще не убили.

Она бросалась на песокъ и въ дикомъ отчаяніи выла, какъ раненое животное.

Люди между тѣмъ, усердно таскавшіе воду, залили огонь такъ, что образовался безопасный ходъ между смрадными, курившимися камышами. Абатыръ, по приказу доктора, сбѣгалъ съ нѣсколькими людьми и принесъ нѣчто въ родѣ носилокъ, какой-то плетень на палкахъ, покрытый чѣмъ-то наскоро; на него положили раненаго и перенесли въ домъ, въ его опустѣлую, неуютную комнату, которую ему суждено было оставить не для брачнаго вѣнца, какъ ожидалъ онъ,—а для могилы!

Несмотря на всѣ старанія доктора, онъ не могъ спасти своего друга. Острое воспаленіе мозга, вызванное ударомъ Ахметкиной дубинки, въ два дня унесло Іуліянова. Возвратившаяся впопыхахъ изъ города Марья Богдановна ужь не застала сына въ памяти.

Полное сознаніе вернулось къ нему лишь на нѣсколько минутъ, вскорѣ послѣ того, какъ его перенесли и Штолль сидѣлъ возлѣ его кровати.

Онъ долго сначала смотрѣлъ на доктора широко открытыми, вдумчивыми глазами и наконецъ сказалъ, еле слышно:

— Возвращенъ... Возвращенъ на путь?.. Да! Сошелъ было съ рельсовъ, но... возвращенъ!

Штолль, увѣренный, что онъ бредитъ, сталъ однакоже прислушиваться.

— Да!.. Fatum!.. Сбился, было, съ колеи... Но вотъ— возвращенъ насильственно! прошепталъ Іуліяновъ.

Докторъ молчалъ, соображая.

— Спасибо, Яша! громче вымолвилъ Михаилъ Андреевичъ, поднявъ на него глаза.—Не за тѣмъ ты пріѣхалъ... но хорошо, что ты здѣсь...

Штолль, смущенный, взволнованный, озабоченно перемѣнилъ ему компрессъ.

Черезъ минуту Іуліяновъ взялъ его за руку и снова зашепталъ:

— Да, голубчикъ, матери жалко!.. Ужь ты не оставь ее!.. Она не будетъ въ тягость: у нея пенсія, маленькая... Но ей... тяжко будетъ одной!.. Ты ужь... ее пожалѣй!

Онъ опустился тяжело, закрывъ глаза, зажавъ болѣзненно губы. На его рѣсницы проступили слезы.

Вдругъ Штолль вспомнилъ объ Альме.

Чтобъ найти ее, помочь ей,—необходимо знать хоть какія-нибудь примѣты ее похитившихъ негодяевъ. Ему ясно было, что ее увезли.

Онъ рѣшился спросить:

— Миша, милый другъ, скажи, узналъ ты ихъ?

— Кого? слабо спросилъ тотъ, подымая глаза.

— Да негодяевъ этихъ, которые напали на васъ? Чуть не убили тебя!.. Кто это были?

Іуліяновъ отрицательно шевельнулъ головой и тотчасъ застоналъ.

— Не шевелись, Бога ради!.. Если можешь: припомни!.. Киргизы были они?.. О—навѣрное киргизы!.. Разбойники!.. Въ лицо ты не успѣлъ ни одного увидѣть?

— Нѣтъ!.. Да зачѣмъ тебѣ?..

— Какъ зачѣмъ? вскричалъ было докторъ; но въ пору вспомнилъ, что объ Альме сказать нельзя. — Надо же ихъ разыскать и наказать!

— А!.. Наказать?.. Ты думаешь? чуть слышно переспросилъ больной и усмѣхнулся.—Ну, такъ радъ я, что никого не видалъ! Имѣю возможность... безъ обмана сказать, что... не знаю и... никого не виню!

Онъ съ трудомъ договорилъ.

Съ этимъ послѣднимъ словомъ прощенія и примиренія,—какъ передалъ потомъ докторъ Марьѣ Богдановнѣ,—угасли совершенно духовныя силы Михаила Андреевича. Бѣдная старуха застала его въ послѣдней, безпокойной, тяжкой агоніи.

Послѣ смерти и похоронъ сына она сама съ ногъ свалилась и тяжко заболѣла. Яковъ Карловичъ Штолль, исполняя завѣтъ друга, перевезъ ее къ себѣ и ухаживалъ за ней, какъ за родной матерью.

XX.

Прошло съ полгода... Наступила ранняя осень тогоже года.

Синеморскіе промыслы, какъ и все устье Волги, еще не оживлялись, но уже близко было время осенняго улова; вскорѣ вновь откроются промысловые лабазы для пріема *частиковой* и *красной* рыбы *), вновь огласятся бабьимъ пѣніемъ и стукомъ тачекъ плоты; а на тоняхъ раздадутся заунывные припѣвы ловцовъ, далеко разнося по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ вѣковѣчное „эй ухнемъ“ русскаго рабочаго люда.

Но пока еще стояли дни сравнительнаго бездѣйствія, покоя и безлюдія.

Многіе служащіе на промыслахъ, пользуясь свободой, проживали въ Астрахани и окрестностяхъ или совсѣмъ разбрелись по отпускамъ. Штолль далеко не уѣхалъ; онъ мечталъ о продолжительномъ зимнемъ отпускѣ, о поѣздкѣ въ чужіе края, а пока довольствовался довольно частыми поѣздками въ городъ, къ своей родной семьѣ, возлѣ которой устроилась и осиротѣвшая, сильно одряхлѣвшая старушка Іуліянова.

Разъ, въ сѣренькій, не очень жаркій, но тихій денекъ, большая гребная лодка остановилась у плота, на Чуркинскомъ промыслѣ. Изъ нея вышелъ старый киргизъ, знакомый намъ Сугарали, бывшій довѣренный человѣкъ Урбазъ-Бека Темирова, и спросилъ, не здѣсь-ли докторъ? Нельзя-ли его видѣть?..

На его счастіе Штолль пріѣхалъ изъ Астрахани наканунѣ и еще не уѣзжалъ, собираясь вечеромъ обратно. Онъ тотчасъ вышелъ къ киргизу.

Сугарали объяснилъ, что присланъ изъ ставки госпожъ своихъ, бывшей Темировой и Муслиме Идычевой, съ покорнѣйшей просьбой послѣдней, — если досужно доктору, - тотчасъ навѣстить ихъ, по важному дѣлу...

— Кто-же боленъ? спросилъ Штолль.

— Муслиме давно больна. Ей ужь не долго съ нами пожить! отвѣтилъ киргизъ. — Но она, должно быть, не потому... не для лѣченія васъ проситъ.

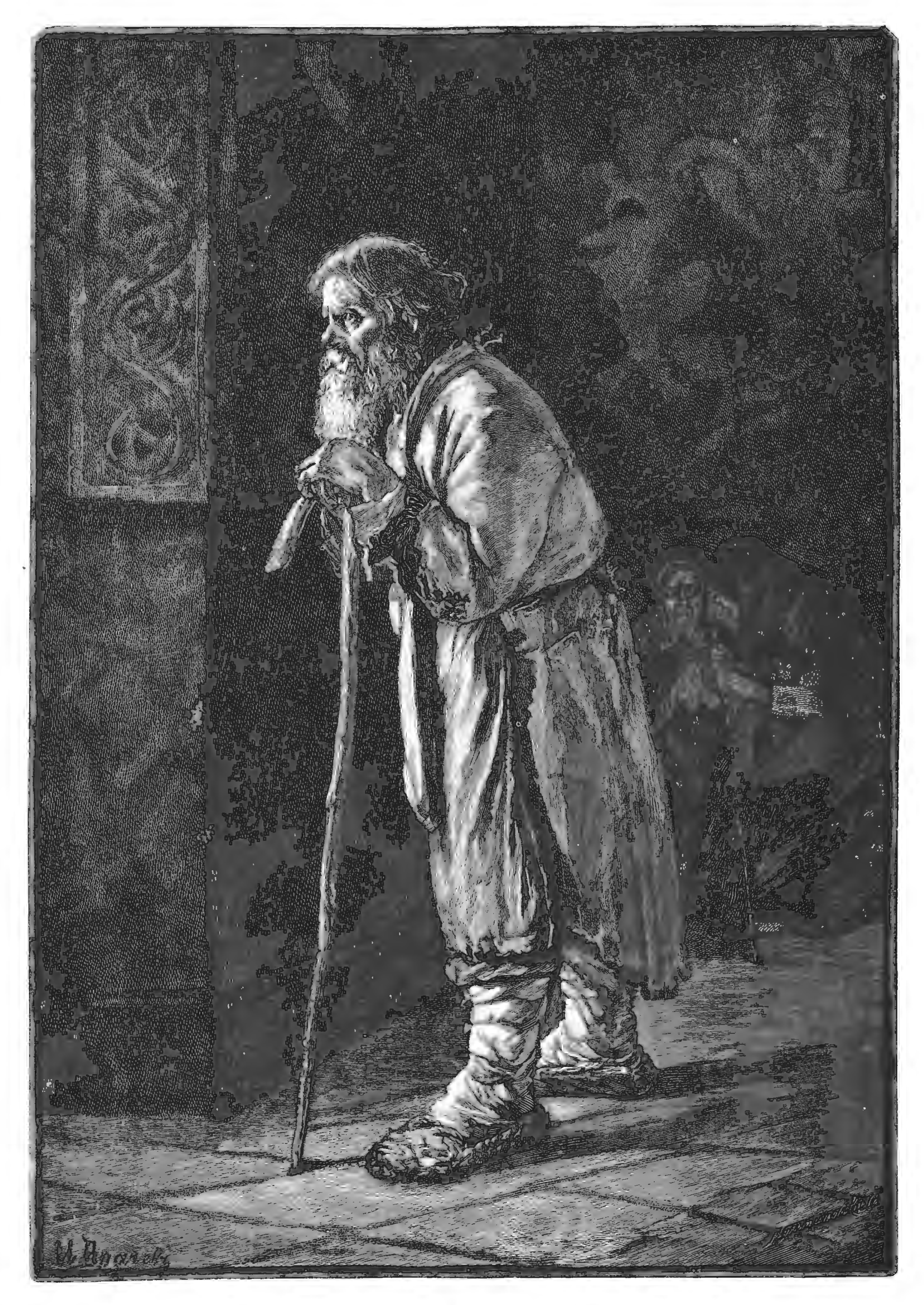
— Не для лѣченія? изумился докторъ.—Ну, что-жь, хорошо! Я могу сбѣгать на Красные Бугры, у меня паровой катеръ. Живо слетаемъ.

— Нѣтъ, сударь, мы ближе стоимъ,—сказалъ Сугарали.—Неподалечку отъ Дамбы, возлѣ Синяго-Морца ерикъ такой, небольшой... Тамъ нашъ господинъ, Джелалъ-Мамбетовъ, заливные луга арендуетъ. Не знаю какъ зиму, а лѣто все тамъ прокочевали.

— Да, да, да!.. Ну, что-жъ! Тѣмъ лучше, что ближе!.. Идемъ!

Они направились къ катеру, подцѣпили къ нему лодку киргиза, а его самого Штолль пригласилъ съ собой. Ему хотѣлось разспросить его о новомъ житьѣ-бытьѣ Альме Мамбетовой. Онъ зналъ, что мул-

*) Красная — самая крупная рыба: бѣлуга, осетръ, севрюга и стерлядь. Частиковая — помельче изъ крупныхъ: лещъ, судакъ, сазанъ, щука.



На паперти. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **И. Врачева**, грав. Мультановскій.

лѣ Сейду удалось-таки перевести въ свою семью состояніе Темировыхъ и будущее наслѣдіе Идычевой: онъ женилъ на Альме другаго племянника, болѣе покладливаго, чѣмъ Судалкубай Урузами.

Сугарали говорливостью не отличался, однако Штоллю удалось отъ него выпытать, что господинъ ихъ человѣкъ не злой, никого не обижаетъ, а жену даже любитъ...

— Она вѣдь у насъ что дитя малое нынѣ: безобидная,—послушна и тиха, какъ никогда прежде не бывала, со вздохомъ пояснилъ киргизъ.

— Да—ее опоили зельемъ какимъ-нибудь, Сугарали! замѣтилъ докторъ. — Она теперь не въ умѣ, — помѣшанная...

Киргизъ неопредѣленно пожалъ плечами.

— Да, продолжалъ Штолль:—видно когда она очнулась съ нею трудно было справиться тѣмъ негодяямъ, которые убили Михаила Андреевича, а ее увезли съ собою. Вотъ они ее и опаивали, чтобъ она тиха была.

— Да она... ничего! снова пожавъ плечами возразилъ киргизъ.—Что-жь, она безумнаго ничего не дѣлаетъ. Очень тихая и добрая, когда ее не обижаютъ, но только ничего не хочетъ ни работать, ни говорить... Въ хозяйство не вмѣшивается!.. Не хорошо будетъ, когда Муслиме и я умремъ: обкрадывать ихъ будутъ.

— Развѣ мужъ ея глупый? сорвалось у доктора.

— Да нѣтъ — не глупый, а очень молодой, — радъ, что сталъ богатымъ... Часто въ гости ѣздитъ, все на охоту, да въ Красный-Яръ, съ товарищами пируетъ. Его и теперь у насъ нѣтъ: покупать новыхъ лошадей поѣхалъ...

Сугарали умолкъ. Задумался и докторъ, покуривая свою рижскую сигару.

— Я хочу спросить васъ, сказалъ опять Сугарали, исподлобья глянувъ на доктора,—не знаете-ли вы...

— Что? опомнился тотъ.

— Да вотъ—наши женщины, знахарки, говорятъ, что будто бы это можетъ пройти?

— Что пройти, Сугарали,—говорите яснѣе.

— Да эта... болѣзнь или... что вотъ теперь сдѣлалось съ дочерью Урбазъ-Бека...

— Ахъ, да! Ея сумасшествіе?.. Очень можетъ быть...

— Наши женщины, старая эта Уашъ, Ахметкиной матери мать... Знаете ее?

— Мать? — нѣтъ. А что, скажи, пожалуйста, Сугарали: куда дѣвался этотъ мальчишка, вашъ Ахметъ?.. Вѣдь его сильно подозрѣвали въ убійствѣ Михаила Андреевича...

Киргизъ только рукой махнулъ.

— Убили его. Тогда же, скоро, убили... Подрался онъ за что-то съ разбойникомъ однимъ, Мусса Кирджаевъ, зовутъ. Онъ его и убилъ...

— Какъ?.. И всѣ это знаютъ?

— Знаютъ. Дрались — у насъ это часто,—пояснилъ киргизъ,—Мусса его въ грудь кулакомъ, а къ вечеру Ахметка и умеръ.

„Хорошенькіе у насъ здѣсь нравы!“ подумалъ Штолль и прибавилъ:

— Вы что-то объ Альме говорили, Сугарали?

— Да. Я говорилъ: Муслиме и другія женщины надѣются, что, когда у нея будетъ ребенокъ, — она поправится... Можетъ такъ быть, а?..

Штолль поспѣшилъ утѣшить старика, что это весьма вѣроятно и возможно.

Но вотъ берега зазеленѣли ярче. Появились кустарники, деревья, свѣжая, густая трава и на ней пасущійся скотъ.

Сугарали сказалъ, что сейчасъ ихъ ставка, и докторъ оживился.

Вотъ показались и кибитки, болѣе похожія на тростниковые шалаши, по лѣтнему еще положенію непокрытыя войлоками. Въ иныхъ были приподняты и цыновки на дверяхъ и насквозь видна вся неказистая обстановка: сундуки, постели, сложенныя грудой на землѣ; высокія кадки съ кумысомъ. На войлокахъ сидѣли женщины въ своихъ бѣлыхъ крахмальныхъ за́мкахъ на головахъ; шили, ткали или кормили грудныхъ младенцевъ. А тутъ-же, рядомъ съ ними, торчали головы новорожденныхъ телятъ или барашка, укрытыхъ подъ сѣнь общаго жилья, наравнѣ съ малыми дѣтьми...

— Вотъ кибитка Муслиме... а вотъ и молодая госпожа наша смотритъ! сказалъ Сугарали.

Штолль посмотрѣлъ, куда онъ ему указывалъ.

Особнякомъ, на самомъ берегу, подъ развѣсистыми ивами онъ увидалъ шалашъ побольше, будто почище другихъ, хотя далеко не такой великолѣпный, какъ тотъ, гдѣ впервые видалъ онъ Альме съ ея теткой, на Красныхъ Буграхъ. Да и сами онѣ ужь не тѣ!..

Пестрый коверъ на дверяхъ кибитки приподнятъ изнутри и стройная молодая женщина, вся въ бѣлыхъ складкахъ, драпирующихъ ее съ головы до ногъ, большими, удивленно-раскрытыми черными глазами смотрѣла на доктора, словно его не узнавая; а изъ глубины кибитки печальной улыбкой привѣтствовало его желтое, изможденное страданіемъ, старческое лицо Муслиме.

Едва-ли докторъ узналъ бы ихъ обѣихъ, если бъ не былъ предупрежденъ. Не нужно было быть особенно прозорливымъ, чтобъ видѣть съ перваго взгляда, что одна изъ этихъ женщинъ на краю могилы, а другая,— при жизни умерла духовно!

Штолль не долго пробылъ на ставкѣ.

Онъ переговорилъ съ Муслиме, успокоилъ и ее, какъ Сугарали, насчетъ вѣроятнаго исцѣленія племянницы ея; ей самой оставилъ нѣсколько снадобій, которыя, какъ самъ онъ зналъ прекрасно, помочь ей не могли, а отъ нея принялъ весьма удивившее и растрогавшее его порученіе, и черезъ часъ оставилъ ихъ.

Порученіе это заключалось въ томъ, что Муслиме просила доктора передать отъ нея, какъ предсмертное ея завѣщаніе, Марьѣ Богдановнѣ нѣсколько банковыхъ билетовъ стоимостью въ пять тысячъ рублей.

— Скажите ей, что я знаю какъ трудно жить одинокимъ бѣднымъ старухамъ! говорила доктору старая киргизка.—Скажите, что я очень люблю ее и очень любила ея сына!.. Въ память его прошу ее принять отъ меня этотъ послѣдній подарокъ.

Докторъ въ тотъ же день передалъ деньги по принадлежности, но старушка Іуліяновна не рѣшилась ими воспользоваться: она завѣщала капиталъ этотъ на киргизскую школу, гдѣ училъ ея покойный сынъ.

КОНЕЦЪ.

Литературныя бесѣды.

А. А. Фетъ.

(Литературная характеристика).

На А. А. Фета-Шеншина, недавно сошедшаго съ поприща жизни, существуетъ въ русскомъ обществѣ совершенно опредѣленное воззрѣніе: онъ—„чистый художникъ“ въ сферѣ поэзіи, пѣвецъ человѣческаго чувства и красоты природы. Дѣйствительно въ тѣ дни, когда въ области мысли русской возникали и падали острыя направленія и увлеченія, смѣнявшія другъ друга, когда и поэзія и пластическое искусство присоединялись къ нимъ, Фетъ неизмѣнно оставался вѣренъ своей особенной области поэзіи, рисуя все тѣ же картины русской природы и самой простой жизни чувства. Этотъ характеръ его литературной дѣятельности выступаетъ тѣмъ рельефнѣе, что поэтъ нашъ обладалъ обширнѣйшимъ образованіемъ, былъ знатокомъ въ сферѣ исторіи и литературы и древняго міра, и новѣйшихъ эпохъ, и затѣмъ въ сферѣ философіи,—обстоятельство, исключающее всякую мысль о томъ, что для него могли оставаться чуждыми вопросы русской общественной жизни. При большомъ умѣ и исключительномъ образованіи онъ долженъ былъ понимать глубже и многостороннѣе, и тѣмъ не менѣе не

становился ни на одну изъ враждующихъ сторонъ, не дѣлалъ свою музу служительницей ни одной изъ нихъ, и свободно отдавался своимъ лирическимъ порывамъ.

Въ этомъ—объясненіе всей его литературной исторіи. Выступивъ на поэтическое поприще еще въ 1840-мъ году книжкою стихотвореній, озаглавленной „Литературный пантеонъ", онъ вначалѣ не часто обращалъ на себя вниманіе критики; время „чистой поэзіи", непосредственныхъ вдохновеній отъ природы и жизни тогда проходило. Но, какъ это часто бываетъ, болѣе или менѣе игнорируемый критикой, онъ овладѣлъ вниманіемъ читающей публики. Чарующій стихъ, проникнутый необыкновенной простотой и искренностью, такъ сказать, прозрачностью чувствъ выражаемаго имъ, и плѣнительныя картины природы, родной русской природы, невольно привлекали къ себѣ симпатіи, очаровывали слухъ и воображеніе. Кто не знаетъ такихъ перловъ поэзіи Фета, какъ „Шопотъ, робкое дыханье" или „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ"? Кто не слыхалъ или не читалъ замѣчаній насчетъ отсутствія „сказуемаго" въ первомъ изъ этихъ стихотвореній, и въ то же время не поддавался чарующей прелести ихъ, не чувствовалъ въ нихъ звуковъ родныхъ душѣ, непосредственному чувству природы?

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Тургеневу поэтъ нашъ предполагаетъ, что „чужда и молчалива" передъ нимъ стоитъ „олива, иль зонтикъ пихты молодой"—вѣчно юной итальянской природы, но что

„... вѣчно радужныя грезы
Тебя влекутъ подъ тѣнь березы,
Къ ручьямъ земли твоей родной".

Стихи эти прежде всего, конечно, имѣютъ примѣненіе къ самому поэту нашему. Непосредственнымъ источникомъ его вдохновеній была именно русская природа, съ которою онъ сроднился съ дѣтства, которая была передъ его глазами, говорила живымъ языкомъ его поэтическому чувству. Въ этомъ—характернѣйшая черта Фетовской поэзіи. Ничего предвзятаго, никакой примѣси теоретическихъ представленій о красотѣ въ нее не входило элементомъ. Помните-ли слова Гоголя: „Бѣдна природа въ тебѣ (въ Руси)... не очаруютъ взора дерзкія ея дивы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства"... Но вотъ именно въ этой-то „бѣдной" природѣ съ отсутствіемъ въ ней „дерзкихъ дивъ" Фетъ находилъ неисчерпаемый источникъ вѣчной красоты. И какъ просто, съ какимъ изумительнымъ отсутствіемъ всякихъ эффектовъ умѣлъ онъ вызывать въ читателѣ то же поэтическое настроеніе, которое владѣло имъ. Изъ сложной картины природы онъ какъ бы инстинктивно выбиралъ нѣсколько яркихъ и рѣзкихъ чертъ, бросалъ ихъ на бумагу, и передъ читателями возникала полная, ясная и яркая картина, не требующая никакихъ поясненій и деталей, чтобы оставить по себѣ глубокое эстетическое впечатлѣніе. Поэтъ говоритъ:

Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ,
И рѣки блестятъ извивы.
Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью;
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.

И что же нужно еще, чтобы оставить яркое впечатлѣніе тихаго и яснаго вечера, чтобы вызвать въ читателѣ рядъ томительно-сладкихъ и мучительныхъ думъ и чувствъ, сопровождающихъ поэтическое впечатлѣніе отъ природы? А между тѣмъ этими краткими стихами и исчерпывается все стихотвореніе нашего поэта.

Скажутъ: поэтъ самъ съузилъ свою поэтическую сферу, не отвѣчалъ на все, „что проситъ у сердца отвѣта". Но Фетъ не принадлежалъ къ талантамъ первостепеннымъ, къ тѣмъ огромнымъ дарованіямъ, которыя могутъ и умѣютъ слить въ себѣ временное съ вѣчнымъ, находить въ первомъ только отраженіе послѣдняго. И благо ему, что онъ угадалъ и строго удержалъ за собою свою особую область поэзіи, въ которой онъ могъ оставаться постоянно искреннимъ и глубокимъ носителемъ поэтической правды. И дѣло его живучѣе и плодотворнѣе, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Временныя направленія и увлеченія падутъ, смѣнясь новыми, общественныя задачи станутъ историческимъ достояніемъ, но вѣчная жизнь природы и чувства человѣческаго останется. На любви къ природѣ, на чувствѣ ея красоты, какъ на первичномъ элементѣ, только и возникаютъ сложныя душевныя свойства: любовь къ истинѣ, къ знанію, чувство красоты нравственной природы и все, что вноситъ въ общественную жизнь свѣтлые идеалы. И тотъ, что умѣлъ могущественно вызывать въ душѣ человѣка великое и плодотворное чувство природы, ея вѣчной красоты и правды, принадлежитъ къ полезнѣйшимъ дѣятелямъ на поприщѣ жизни человѣческой.

А. И. Введенскій.

Изъ области чудеснаго.

(Самовоспламененіе человѣческаго тѣла. — Электрическія искры исходящія отъ человѣка. — Мистриссъ Эбботъ и ея представленія. — Бенаретская „вѣдьма").

Вопросъ о чудесномъ начинаетъ все болѣе и болѣе интересовать собою ученый міръ. Европа насчитываетъ уже у себя нѣсколько научныхъ обществъ и органовъ печати, спеціально посвященныхъ строго безкорыстному, всестороннему изслѣдованію такого рода явленій, какъ духовная передача мыслей, гипнотизированіе на разстояніи, появленіе призраковъ и т. д. Прежнее полупрезрительное, полуравнодушное отношеніе ученыхъ къ этимъ глубоко-загадочнымъ явленіямъ начинаетъ мало-по-малу уступать мѣсто тщательному ихъ изученію.

Въ числѣ такихъ загадочныхъ явленій видное мѣсто занимаетъ такъ-называемое самовозгораніе человѣческаго тѣла. Было предложено не мало гипотезъ для научнаго объясненія этого таинственнаго феномена. Одни изъ ученыхъ объясняли его, какъ скопленіе въ тѣлѣ значительнаго количества электричества, другіе, исходя изъ того факта, что самовоспламененіе будто бы наблюдается главнымъ образомъ у лицъ, злоупотребляющихъ спиртными напитками, искали причину его въ горючести тканей тѣла, обусловленной пропитываніемъ ихъ алкоголемъ, третьи полагали отыскать ключъ къ загадочному явленію въ скопленіи въ тѣлѣ значительныхъ количествъ фосфора, или же въ отдѣленіи самовоспламеняющагося газа и т. д., и т. д. Горячимъ противникомъ всѣхъ этихъ химическихъ теорій былъ, между прочимъ, знаменитый Либихъ, вообще относившійся крайне скептически ко всѣмъ сообщеніямъ о занимающемъ насъ явленіи. Тѣмъ не менѣе однако-жъ, случаевъ самовозгоранія человѣческаго тѣла, или же, по крайней мѣрѣ, отдѣленія отъ него искръ извѣстно въ литературѣ не мало. За послѣднія два столѣтія ихъ опубликовано до пятидесяти, и многіе изъ нихъ заслуживаютъ полнѣйшаго довѣрія.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ случаевъ подобнаго рода, основанный на авторитетѣ извѣстнаго итальянскаго астронома Біанкини, описанъ въ знаменитыхъ „Философскихъ изслѣдованіяхъ" Лондонскаго королевскаго общества за 1745 годъ *). Сущность его заключается въ слѣдующемъ: монахъ Марія Бартоли, пришедши на ярмарку въ Филетто, остался ночевать у одного своего родственника. Едва успѣлъ онъ войти въ отведенную ему для ночлега комнату, какъ оттуда послышались крики и стоны. Сбѣжались всѣ домашніе и увидѣли монаха распростертымъ на полу и объятымъ легкимъ, дрожащимъ пламенемъ, которое, по мѣрѣ приближенія къ нему постороннихъ, какъ будто уменьшалось и, наконецъ, исчезло совершенно. Призванный врачъ Баталья нашелъ, что покровы правой руки больнаго почти вовсе отдѣлились отъ тѣла, и на другой же день открылась въ ней гангрена; покровы туловища были также очень повреждены. На третьи сутки гангрена страшно распространилась; больной чувствовалъ страшную жажду, ужасныя судороги; бредъ и спячка быстро смѣнялись у него. На четвертыя сутки онъ умеръ. Посѣтивъ страдальца въ послѣдній разъ, докторъ Баталья замѣтилъ, что тѣло его гніетъ и ногти сами собою сходятъ съ пальцевъ лѣвой руки. Передъ воспламененіемъ, монахъ почувствовалъ какъ бы сильный ударъ въ правую руку и въ то же время увидѣлъ на рубашкѣ искру, отъ которой полотно затлѣлось. Ночь была тихая, прохладная; въ комнатѣ не пахло гарью, не видно было дыма, только лампа, незадолго передъ тѣмъ наполненная масломъ, была совершенно пуста и суха, и свѣтильня ея вся испепелилась. Если въ предыдущемъ случаѣ связь самовоспламененія тѣла съ чрезмѣрнымъ развитіемъ въ немъ электричества представляется лишь вѣроятной, то въ приводимомъ ниже она является не подлежащей сомнѣнію:—

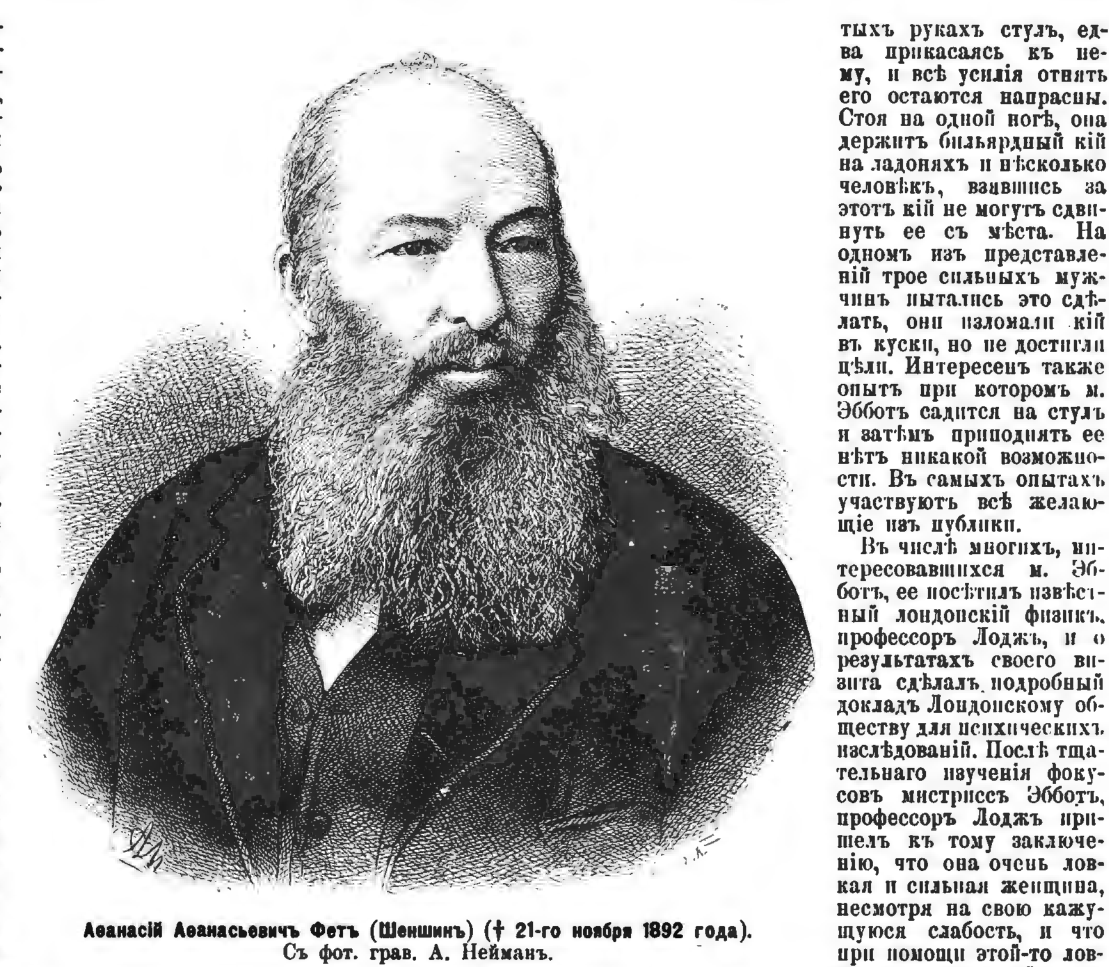
Екатерина Гейсъ, дѣвушка лѣтъ семнадцати, *непьющая* и, хотя, нѣжнаго тѣлосложенія, но пользовавшаяся хорошимъ здоровьемъ, вдругъ начала страдать сильною головною болью. Вечеромъ 21 февраля 1825 года, занимаясь шитьемъ и переставляя свѣчу, она внезапно почувствовала необыкновенный жаръ въ тѣлѣ и сильный обжогъ на указательномъ пальцѣ лѣвой руки, который весь покрылся голубымъ пламенемъ длиною около полутора дюйма и издававшемъ какой-то сѣрнистый запахъ. Она опускала палецъ въ воду, обертывала мокрыми тряпками—но все было напрасно: огонь не погасалъ, напротивъ того, вода повидимому лишь способствовала таинственному горѣнію. Бѣдная дѣвушка захватила пламя фартукомъ — и фартукъ загорѣлся! Наконецъ, ей удалось потушить огонь молокомъ. Оконечность ея руки покрылась пузырями, какъ отъ обыкновеннаго ожога, и Гейсъ долгое время не могла владѣть ею.

Примѣры извлеченія электрическихъ искръ изъ человѣческаго тѣла наблюдались неоднократно и въ новѣйшее время. Одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ подобнаго рода „электрическаго невроза" былъ описанъ извѣстнымъ парижскимъ ученымъ докторомъ Ферé въ *Le Progrès Medical* отъ 5-го іюня

*) Лондонское королевское общество—высшее ученое учрежденіе Англіи, соотвѣтствующее континентальнымъ академіямъ наукъ.

Литературный альбомъ. „Русланъ и Людмила“ А. Пушкина. Людмила передъ зеркаломъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) С. С. Соломко, грав. Мультановскій.

1884 года. Подъ его наблюденіемъ въ этомъ году находилась одна молодая женщина 29-ти лѣтъ, крайне нервная и впечатлительная. Еще будучи дѣвушкой, она замѣчала, что волосы ея издаютъ въ темнотѣ искры, при чемъ бываетъ слышенъ трескъ. Впослѣдствіи явленіе это усилилось и съ 1884 года стало постояннымъ. Во время сырой погоды оно исчезало. Пальцы больной притягивали къ себѣ мелкіе предметы — кусочки бумажекъ, обрѣзки ленточекъ и т. д. Прикосновеніе бѣлья къ тѣлу также сопровождалось трескомъ и свѣтомъ. Самое бѣлье часто приставало къ тѣлу такъ сильно, что мѣшало движеніямъ больной. Если больную заставляли потереть руками разъ двѣнадцать шерстяную матерію и т. п., то матерія заряжалась электричествомъ, приставала къ мебели и начинала издавать искры до ½ дюйма длиною. Душевные аффекты (испугъ, гнѣвъ и т. д.) вызывали болѣе сильные разряды, особенно на голеняхъ, при чемъ являлось чувство непріятнаго укола. Подъ вліяніемъ электрическихъ ваннъ состояніе этой несчастной живой электрической батареи нѣсколько улучшилось.



Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ (Шеншинъ) († 21-го ноября 1892 года).
Съ фот. грав. А. Нейманъ.

Паціентка доктора Ферé обращала на себя вниманіе исключительно лишь чрезмѣрнымъ развитіемъ въ ея тѣлѣ электричества. Въ настоящее время въ Петербургѣ имѣютъ нѣкоторый успѣхъ представленія одной молодой американки, мистриссъ Анни Эбботъ, также повидимому обнаруживающей какія-то „электрическія" свойства, хотя явленія этого рода и отступаютъ у ней на второй планъ.

Миссъ А. Эбботъ—молодая, миловидная женщина небольшаго роста и повидимому слабаго тѣлосложенія. Родилась она въ штатѣ Джорджіа Сѣверо-Американскаго Союза. Представленія свои она начала давать въ Америкѣ еще въ половинѣ 80-хъ годовъ. Сама она ничего не говоритъ о своихъ опытахъ, фокусы это или нѣтъ—она только показываетъ ихъ и предоставляетъ судить какъ кому угодно; но, судя по отзывамъ многихъ, организмъ мистриссъ Эбботъ положительно представляетъ исключительное явленіе: она не можетъ носить карманныхъ часовъ, такъ какъ они очень скоро портятся, хотя она и пробовала заказывать себѣ особые часы, помѣщавшіеся въ кожаныхъ футлярахъ; передъ грозою два переднихъ рѣзца верхней ея челюсти пріобрѣтаютъ свойства притягивать къ себѣ желѣзныя и стальныя вещи; золотые браслеты, брошки, серьги и т. п. украшенія дамскаго туалета оставляютъ у нея на тѣлѣ какіе-то черные знаки. Сверхъ того, она обладаетъ способностью излѣчивать головную боль путемъ простаго прикладыванія рукъ къ головѣ больныхъ. Подобнаго рода опытъ былъ ею продѣланъ, между прочимъ, надъ наслѣдникомъ англійскаго престола, принцемъ Уэльскимъ.

Собственно „фокусы", продѣлываемые ею, заключаются въ слѣдующемъ:—она держитъ въ открытыхъ рукахъ стулъ, едва прикасаясь къ нему, и всѣ усилія отнять его остаются напрасны. Стоя на одной ногѣ, она держитъ бильярдный кій на ладоняхъ и нѣсколько человѣкъ, взявшись за этотъ кій не могутъ сдвинуть ее съ мѣста. На одномъ изъ представленій трое сильныхъ мужчинъ пытались это сдѣлать, они изломали кій въ куски, но не достигли цѣли. Интересенъ также опытъ при которомъ м. Эбботъ садится на стулъ и затѣмъ приподнять ее нѣтъ никакой возможности. Въ самыхъ опытахъ участвуютъ всѣ желающіе изъ публики.

Въ числѣ многихъ, интересовавшихся м. Эбботъ, ее посѣтилъ извѣстный лондонскій физикъ, профессоръ Лоджъ, и о результатахъ своего визита сдѣлалъ подробный докладъ Лондонскому обществу для психическихъ изслѣдованій. Послѣ тщательнаго изученія фокусовъ мистриссъ Эбботъ, профессоръ Лоджъ пришелъ къ тому заключенію, что она очень ловкая и сильная женщина, несмотря на свою кажущуюся слабость, и что при помощи этой-то ловкости и мышечной силы она и продѣлываетъ свои на первый взглядъ дѣйствительно изумительныя штуки. Но произвольнаго измѣненія м. Эбботъ вѣса своего тѣла профессоръ объяснить не могъ.

Замѣтимъ, что Лоджъ далеко не принадлежитъ къ числу ученыхъ, безусловно отвергающихъ возможность такъ-называемыхъ сверхъестественныхъ явленій. Напротивъ того, въ своей смѣлой рѣчи, произнесенной имъ въ сентябрѣ истекшаго года въ Кардифѣ въ качествѣ президента физической секціи Британской ассоціаціи для развитія наукъ, онъ прямо, открыто высказался въ томъ смыслѣ, что наступило наконецъ время для людей науки серьезно заняться изученіемъ явленій, реальность которыхъ засвидѣтельствована такимъ множествомъ вполнѣ компетентныхъ лицъ.

Алексѣй Дмитріевичъ Гачаховъ († 14-го ноября 1892 г.).
Съ фот. Везенберга и К°, грав. Хелмицкій.

На ряду съ м. Эбботъ мы можемъ познакомить читателей еще съ одной „чародѣйкой", но дающей свои представленія уже не въ цивилизованной Европѣ, а въ далекой Индіи, этой классической странѣ всякаго рода чудесъ. Первыя извѣстія объ ней были сообщены однимъ англичаниномъ, мистеромъ Гендерсономъ, видѣвшимъ ее лично. Тотчасъ же послѣ появленія этого сообщенія въ *Daily Graphic*, въ нумерѣ отъ 25 ноября истекшаго года, Лондонское психическое общество вошло въ сношеніе съ его авторомъ и полученныя отъ него подробныя свѣдѣнія опубликовало въ январской книжкѣ своего журнала за текущій годъ.

Индійская чародѣйка живетъ въ Бенаресѣ, въ одномъ изъ буддійскихъ храмовъ этого города. Она — древняя, сморщенная старуха, крайне отвратительной, отталкивающей наружности, настоящая „вѣдьма" (devil-woman), подъ каковымъ прозвищемъ и извѣстна въ городѣ; глаза ея горятъ какимъ-то мерцающимъ, фосфорическимъ огнемъ, волосы въ темнотѣ свѣтятся и издаютъ искры. Европейцы

посѣщаютъ ее, повидимому не особенно часто; публичныхъ представленій она вовсе не даетъ, „фокусы“ же свои показываетъ приходящимъ къ ней лицамъ въ небольшой комнатѣ, тускло освѣщенной свѣтомъ одинокой лампы, взимая за это по двѣ рупіи ($2^1/_2$ франка), при чемъ деньги поступаютъ всецѣло въ собственность жрецовъ храма. Очевидецъ, Гендерсонъ такъ описываетъ ея „фокусы“:

„Старикъ-жрецъ принесъ козленка, казавшагося крайне испуганнымъ, и поставилъ его у дверей; вѣдьма ждала, пока онъ немного успокоится, и затѣмъ подняла свои руки. Тогда животное начало медленно подвигаться къ ней, наконецъ упало на-бокъ, и уже въ такомъ положеніи продолжало свое движеніе совершенно пассивно, какъ бы влекомое какой-то сверхъестественной силой“. Подобные же фокусы были продѣланы съ кошкой, двумя голубями и змѣей. Голуби подвигались къ вѣдьмѣ по воздуху какимъ-то особымъ образомъ, совершенно не похожимъ на обыкновенный летъ; мистеръ Гендерсонъ не увѣренъ даже, были-ли при этомъ распростерты ихъ крылья. Но особенно поразителенъ фокусъ со змѣей: животное было поставлено въ совершенно вертикальное положеніе, и притомъ такимъ образомъ, что хвостъ его не былъ подогнутъ на полу, такъ что змѣя стояла совершенно прямо, какъ палка, опираясь лишь на конечную точку хвоста.

Въ заключеніе мистеръ Гендерсонъ свидѣтельствуетъ объ опытахъ, продѣланныхъ вѣдьмой надъ нимъ самимъ и надъ однимъ туземнымъ парнемъ чернорабочимъ („кули“). Этотъ послѣдній былъ приглашенъ въ комнату прямо съ улицы послѣ того, какъ прибывшій вмѣстѣ съ Гендерсономъ лакей его, калькуттскій уроженецъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ отказался подвергнуться эксперименту. Прежде всего вѣдьма велѣла „кули“ снять халатъ, и когда онъ остался такимъ образомъ въ одной лишь полотняной рубашкѣ, она начала магнетизировать его — или, какъ теперь выражаются, гипнотизировать при помощи пассовъ; затѣмъ, подложивъ свои руки подъ руки магнетизируемаго, она медленно подняла его на воздухъ фута на два отъ поверхности пола и, наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько новыхъ пассовъ, послѣ которыхъ гипнотизируемый какъ бы одеревенѣлъ, вѣдьма ловкимъ движеніемъ руки повернула его на-бокъ, подняла въ этомъ положеніи до высоты своей груди — и тѣло кули оказалось какъ бы висящимъ горизонтально въ воздухѣ. Хотя мистеръ Гендерсонъ и не пробовалъ обводить вокругъ него рукой или палкой, чтобы окончательно удостовѣриться въ отсутствіи какихъ-нибудь ловко замаскированныхъ подпорокъ, тѣмъ не менѣе онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что никакой фальши въ опытѣ не было, и что тѣло кули такимъ образомъ дѣйствительно плавало въ воздухѣ, упираясь ногами въ старуху и слегка прикасаясь къ одной изъ ея рукъ. Глаза его во все время оставались открытыми, но неизвѣстно, сохранялъ-ли онъ при этомъ сознаніе или нѣтъ: руки и ноги его были тверды, какъ желѣзо.

Наконецъ мистеръ Гендерсонъ рѣшилъ подвергнуться опыту и самъ. Во все время производства его онъ сохранялъ полное сознаніе и ясно помнитъ то странное ощущеніе, которое испыталъ въ моментъ отдѣленія ногъ отъ пола при поднятіи тѣла на воздухъ. „Однакожъ, замѣчаетъ онъ, — я не могу быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что все испытанное мною во время производства опыта имѣло мѣсто въ дѣйствительности, а не было какой-нибудь гипнотической галлюцинаціей, навѣянной на меня вѣдьмой“. Вообще нельзя не сознаться, что вслѣдствіе непринятія авторомъ строгихъ мѣръ противъ возможности мистификаціи, сообщаемые имъ интересные факты теряютъ значительную долю своей цѣнности. **Ф. Б.**

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Герой нашего времени“.

(Рис. на стр. 1076).

Въ „Героѣ нашего времени“, въ которомъ безсмертный поэтъ передалъ образъ „разочарованнаго“ смертнаго, привыкли видѣть самого поэта, то суетнаго въ свѣтскихъ увлеченіяхъ, то гордаго и самолюбиваго. Если Печоринъ дѣйствительно отраженіе самого Лермонтова, то нельзя безъ волненія читать то мѣсто повѣсти „Княжна Мери“, которое иллюстрировано на стр. 1076 Ральфомъ Штейномъ. Невольно вспоминается роковая кончина поэта. „На небольшой площадкѣ, будто нарочно покрытой мелкимъ пескомъ для поединка, собрались Печоринъ и Грушницкій съ секундантами. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыми уже бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока“. Одного изъ стоящихъ на площадкѣ скоро не станетъ: именно того, кто „блѣдный, какъ полотно“ стоитъ съ опущеннымъ пистолетомъ и отказывается стрѣлять. Причину этой „трусости“, какъ назвалъ поступокъ Грушницкаго капитанъ, помнятъ всѣ, читавшіе повѣсть.

Воровская вязка. (Рис. на стр. 1077).

Хорошо извѣстный въ Россіи хищникъ-волкъ понемногу исчезаетъ на западѣ Европы, благодаря безпощадному и непрерывному истребленію. Но въ нашемъ обширномъ и малонаселенномъ отечествѣ онъ частый и непріятный гость деревень и малонаселенныхъ мѣстечекъ. Прожорливый и жадный, для утоленія голода волкъ ищетъ себѣ добычу вездѣ. Лѣтомъ, когда скотъ выгоняется на поля, набѣги его на человѣческое жилье бываютъ не частыми, но зимою волкъ не знаетъ удержу своему хищничеству. Для бо́льшаго успѣха и сопротивленія въ это время года онъ соединяется въ стаи и совершаетъ настоящія облавы. При такихъ разбойническихъ набѣгахъ волки идутъ вереницей, и каждый старается, подобно краснокожимъ во время ихъ походовъ, не только идти одинъ за другимъ, но и попадать на слѣдъ впереди идущаго звѣря; такимъ образомъ нельзя бываетъ опредѣлить число животныхъ въ стаѣ. Когда они при такомъ передвиженіи примѣтятъ добычу, то окружаютъ ее и стараются помѣшать отступленію. Болѣе слабые и молодые волки начинаютъ заманивать намѣченную жертву, а старые вступаютъ въ борьбу, чтобы прикончить съ нею. Послѣ того вся стая съ остервенѣніемъ кидается, и вмигъ отъ побѣжденнаго противника не остается ни косточки.

На паперти. (Рис. на стр. 1081).

Служба кончилась. Богомольцы понемногу удалились изъ храма. Въ притворѣ замѣтно только нѣсколько старушекъ, присѣвшихъ отдохнуть послѣ долгой службы, а заодно и покалякать о мірскихъ дѣлахъ. Скоро и онѣ удалятся, и церковь запрутъ. Не замѣчаетъ происходящаго вокругъ высокій старикъ, опершійся на посохъ. Изъ-подъ сдвинутыхъ бровей смотрятъ тусклые глаза куда-то въ даль, и весь онъ, кажется, отлетѣлъ своими мыслями отъ всего земнаго.

Людмила передъ зеркаломъ. (Рис. на стр. 1084).

Появленіе одного изъ капитальныхъ произведеній Пушкина, поэмы „Русланъ и Людмила“, принадлежащаго къ его почти юношескимъ произведеніямъ (1817—1820), надѣлало много шума въ литературномъ мірѣ того времени. Необыкновенная простота и прелесть стиха и отсутствіе дѣланности въ стилѣ — такъ были новы тогда, что критики раздѣлились положительно на два враждебные лагеря. Нѣкоторые сравнивали ее съ „Душенькой“ Богдановича, а иные вовсе отказывались признать въ ней какія-либо литературныя достоинства. Нынѣ не только Россія, но и весь образованный міръ, знакомый съ поэмой по переводамъ, читаетъ съ восторгомъ ее. Однимъ изъ первыхъ оцѣнилъ безсмертное твореніе Пушкина геніальный поэтъ-музыкантъ, создавъ на ея сюжетъ оперу. Сцена, представленная на прекрасномъ рисункѣ С. С. Соломко, одна изъ самыхъ поэтичныхъ страницъ поэмы. Въ замкѣ Черномора „три дѣвы красоты чудесной“ явились Людмилѣ, облекли ее въ роскошныя одежды, опоясали жемчужнымъ поясомъ. Передъ нею волшебное зеркало. Но мимолетное желаніе ея полюбоваться собою, едва она отстранила покрывало — исчезло, взглядъ потупленъ, и „если женщина“

„На зло привычкѣ и разсудку
„Забудетъ въ зеркало взглянуть —
„То грустно ей ужъ не на шутку“...

А. А. Фетъ (Шеншинъ). (Портр. на стр. 1085).

21-го ноября въ Москвѣ скончался на 72-мъ году жизни нашъ даровитый поэтъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ-Шеншинъ. Смерть застала его за подготовленіемъ изданія новаго полнаго собранія стихотвореній и новаго тома воспоминаній. А. А. родился 23-го ноября 1820 года въ сельцѣ Новоселкахъ, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ дома, а 13-ти лѣтъ поступилъ въ учебное заведеніе Крюммера въ городѣ Верро, Лифляндской губерніи, откуда перешелъ въ Москву, въ частный пансіонъ М. П. Погодина. Завершилъ свое образованіе А. А. въ Московскомъ университетѣ на словесномъ факультетѣ. Въ 1844 году, по окончаніи курса, А. А. поступилъ юнкеромъ въ орденскій кирасирскій полкъ. Прослуживъ въ немъ около девяти лѣтъ, А. А. перешелъ въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ. Въ 1856 году А. А. вышелъ въ отставку, женился на М. П. Боткиной и съ 1860 года поселился въ деревнѣ. Съ 1866 по 1877 годъ А. А. служилъ по выборамъ участковымъ мировымъ судьею мценскаго округа. Въ 1877 году А. А. переѣхалъ на житье въ Курскую губернію. Еще въ 1859 году А. А. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, а въ 1886 году Императорская Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Торжественно отпразднованъ былъ въ 1889 году пятидесятилѣтній юбилей нынѣ усопшаго поэта. Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ юбиляра въ званіе камергера Высочайшаго Двора. Въ настоящемъ нумерѣ мы посвящаемъ А. А. Фету отдѣльную литературную

бесѣду, выясняющую его значеніе въ области русской изящной литературы, нѣсколько же стихотвореній поэта, написанныхъ имъ въ послѣднее время, пріобрѣтены уже нами и появятся на страницахъ *Нивы* въ ближайшемъ будущемъ.

А. Д. Галаховъ. (Портр. на стр. 1085).

И еще засыпана могила надъ однимъ изъ выдающихся въ нашемъ литературномъ мірѣ дѣятелей. Въ субботу, 14-го ноября, скончался ветеранъ-писатель и педагогъ, Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ, имя котораго извѣстно было во всѣхъ окраинахъ и уголкахъ Россіи. Чуть-ли не два поколѣнія учащихся ознакомились съ отечественными литературными богатствами по его хрестоматіи, появлявшейся въ книжныхъ магазинахъ въ двадцати изданіяхъ. Онъ честно и добросовѣстно занимался на пользу просвѣщенія юношества въ теченіе всей почти жизни. Онъ былъ дворянинъ Рязанской губерніи, родился въ 1807 году, гдѣ отецъ его занималъ разныя должности по выбору дворянства. Азбукѣ и первымъ правиламъ ариѳметики научился онъ у сельскаго священника, былъ затѣмъ отданъ въ уѣздное училище, откуда переведенъ въ рязанскую гимназію. Какъ тутъ, такъ и впослѣдствіи, при высшемъ образованіи въ Московскомъ университетѣ, онъ стоялъ всегда впереди своихъ товарищей. При выпускѣ изъ университета удостоенъ былъ наградою золотой медали. Избралъ онъ по окончаніи наукъ педагогическое поприще сперва въ частныхъ домахъ, потомъ служилъ въ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ и инспекторомъ классовъ въ нѣсколькихъ институтахъ вѣдомства Императрицы Маріи. Затѣмъ онъ былъ профессоромъ русской словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, а съ 1865 года, почти двадцать лѣтъ, ординарнымъ профессоромъ исторіи русской литературы и словесности въ Филологическомъ институтѣ. Галаховъ присутствовалъ по приглашенію Св. Синода въ коммисіи, учрежденной для пересмотра и радикальнаго улучшенія устава духовныхъ академій, былъ членомъ Московскаго общества любителей русской словесности и членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. Дѣятельность его на поприщѣ литературы и просвѣщенія была разнообразна и плодотворна; съ 1827 г. онъ сотрудничалъ во всѣхъ выдающихся періодическихъ изданіяхъ. Его сочиненіе „Исторія древней и новой русской литературы", въ 2-хъ частяхъ, было удостоено Академіею Наукъ преміи. Статьи его большею частью были философскаго и филологическаго содержанія, по исторіи литературы и не мало касались педагогическихъ наукъ. Самою-же большою популярностью пользовалась составленная имъ „Русская хрестоматія", подвергавшаяся, при первыхъ изданіяхъ, гоненію нѣкоторыхъ критиковъ пятидесятыхъ годовъ.

Фельдмаршалъ Блюхеръ. (Портр. на стр. 1088).

1742—1819.

Ровно сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 4-го декабря 1742 г., родился въ Ростокѣ Гебгардъ-Леберехтъ Блюхеръ, князь Вальштадтскій, знаменитый германскій полководецъ, принимавшій участіе въ битвахъ союзныхъ съ русскими войскъ. Отецъ его, кассельскій дворянинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Бюловъ и владѣлъ значительными помѣстьями въ Мекленбургской провинціи. Гебгардъ былъ младшимъ изъ его семи сыновей. Всѣ они получили поверхностное образованіе. Въ 1757-мъ году отецъ отправилъ его на островъ Рюгенъ къ одному помѣщику. Тутъ нежданно заговорила въ немъ прирожденная страсть къ военному дѣлу. Онъ тайкомъ ушелъ изъ имѣнія помѣщика и поступилъ волонтеромъ въ находившійся неподалеку прусскій отрядъ гусаръ. Три года спустя, онъ былъ произведенъ въ корнеты и взятъ адъютантомъ ген. Беллинсомъ, а въ 1761-мъ году, въ чинѣ лейтенанта, уже отличился въ сраженіи подъ Фрейбергомъ. Но затѣмъ на служебную карьеру Блюхера повліяла несчастная его страсть къ игрѣ и строптивость характера, такъ что онъ вскорѣ былъ уволенъ въ отставку. Женившись на красавицѣ-дочери саксонскаго полковника фонъ-Мелинга, онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Сперва управлялъ имѣніемъ тестя, потомъ купилъ самъ имѣніе въ Помераніи, при чемъ оказался замѣчательнымъ хозяиномъ. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма II онъ вновь былъ принятъ на службу въ прежній полкъ съ чиномъ майора; во время голландскаго похода Блюхеръ былъ произведенъ въ оберъ-лейтенанты, а въ 1791-мъ году назначенъ полковникомъ „красныхъ" гусаръ. Въ началѣ французской войны онъ особенно отличился при Кайзерлаутернѣ въ 1793-мъ г. и Киррвейлерѣ въ 1794-мъ г. и произведенъ въ генералъ-майоры, а въ 1801-мъ г. уже въ генералъ-лейтенанты и назначенъ былъ прусскимъ губернаторомъ въ Вестфаліи съ пребываніемъ въ Мюнстерѣ. Послѣ смерти жены, въ 1789-мъ г., онъ вторично женился на Амаліи фонъ-Коломбъ. Вслѣдствіе разныхъ военныхъ неудачъ князя Гогенлоэ на Одерѣ и при Ратцау, онъ сначала былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Помераніи, но въ 1812-мъ году, вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній, долженъ былъ оставить званіе главнокомандующаго и переѣхалъ на жительство въ Силезію.

Вскорѣ по настоянію Витгенштейна Блюхеръ, произведенный въ генералы-отъ-кавалеріи, назначенъ былъ командующимъ прусскими войсками въ этой провинціи, энергически содѣйствовалъ успѣхамъ подъ Бауценомъ и Гайнау. Относясь недовѣрчиво вообще къ принятому плану войны и не сочувствуя пріостановкѣ 4 іюня военныхъ дѣйствій, онъ съ возобновленіемъ ихъ, съ необыкновенной горячностью двинулся впередъ и 26 августа разбилъ корпусъ Макдональда, захвативъ 105 пушекъ, очистилъ Силезію, перешелъ у Вартенбурга Эльбу и 16 октября одолѣлъ Мармона у Мекерта, за что произведенъ былъ въ фельдмаршалы и почтенъ вниманіемъ и ласкою всѣхъ союзныхъ монарховъ. Въ главной квартирѣ во Франкфуртѣ онъ, не взирая на уловки австрійскихъ дипломатовъ, настоялъ на дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и переходѣ границы, прямо требуя похода на Парижъ. Въ самый первый день 1814 года Силезскій отрядъ переправился черезъ Рейнъ у Мангейма. Испытавъ неудачи въ сраженіи при Бріеннѣ, Блюхеръ, по соединеніи своего отряда съ главною арміею у Ларотьера, рѣшился съ собственными силами двинуться впередъ на Парижъ, но, къ сожалѣнію, Наполеону удалось окружить его и нанести чувствительную потерю. Однако Блюхеръ, отступивъ къ Шалону, удачно соединилъ уцѣлѣвшія части отряда, присоединился къ центру и затѣмъ успѣлъ снова заручиться дозволеніемъ начать самостоятельныя дѣйствія; смѣло двинулся впередъ и, соединясь съ отрядомъ Бюлова, 9-го и 10-го марта выигралъ сраженіе при Лаонѣ. Страдая отъ болѣзни, онъ вынужденъ былъ отдавать приказанія, лежа въ экипажѣ, достигъ сердца Франціи и участвовалъ въ штурмѣ Монтмартрскихъ укрѣпленій. Въ самомъ вступленіи въ Парижъ онъ не участвовалъ, и 2-го апрѣля долженъ былъ сложить съ себя командованіе. Фридрихъ-Вильгельмъ III пожаловалъ ему тогда титулъ князя Вальштадтскаго и значительное помѣстье Трейбницъ въ Силезіи. Во время сопутствованія союзнымъ монархамъ въ Лондонъ, онъ удостоился тамъ неслыханныхъ овацій, почетнаго званія доктора Оксфордскаго университета и титула почетнаго гражданина города Лондона. Удрученный тяжкими недугами, онъ жилъ затѣмъ въ своемъ имѣніи въ Шлезвигѣ на покоѣ, изрѣдка посѣщая Берлинъ.

По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы онъ былъ назначенъ уже главнокомандующимъ прусской арміей, и оказался въ Бельгіи достойнѣйшимъ товарищемъ Веллингтона. 16-го іюня 1815 года онъ оказалъ громадную помощь англійскому полководцу, разбившему французовъ, но тутъ едва не попалъ въ плѣнъ, упавъ съ раненой подъ нимъ лошади. Два-же дня спустя подъ Белль-Аліансомъ онъ былъ положительно спасителемъ Веллингтона, котораго Наполеонъ едва не обошелъ съ обоихъ фланговъ. Отказавъ въ перемиріи, онъ разбилъ послѣдовательно непріятеля подъ Севромъ, Плесси и Исси, и 29-го числа вторично явился подъ стѣнами Парижа. Въ главной квартирѣ въ Сенъ-Клу Фридрихъ-Вильгельмъ III снялъ съ себя звѣзду Желѣзной Короны и надѣлъ ее на Блюхера.

Напряженная его дѣятельность и сильная душевная энергія поддерживали долго его физическія силы. Съ заключеніемъ, однако, мира наступило отдохновеніе, а съ нимъ явственно сталъ обнаруживаться тѣлесный недугъ. Въ 1819 г. Блюхеръ ѣздилъ въ Карлсбадъ, но то была тщетная попытка возстановить безвозвратно потерянное; едва успѣлъ онъ возвратиться въ свое силезское имѣніе, какъ его уже не стало, 12-го сентября того-же года.

Ѳ. Ѳ. Германъ. (Портр. на стр. 1088).

15 ноября, въ 3 часа дня, скончался одинъ изъ старѣйшихъ столичныхъ врачей, тайный совѣтникъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Германъ, бывшій главный врачъ Обуховской больницы. Въ теченіе пятидесятишестилѣтняго своего пребыванія въ Обуховской больницѣ Ѳ. Ѳ. Германъ снискалъ себѣ общую любовь и уваженіе какъ среди своихъ сотоварищей, такъ равно и всѣхъ служащихъ въ больницѣ и вообще всѣхъ лицъ, имѣвшихъ сношеніе съ покойнымъ. Внимательное и заботливое отношеніе Ѳ. Ѳ. Германа къ больнымъ сдѣлали его весьма популярнымъ среди столичнаго населенія, а безукоризненный порядокъ въ больницѣ и вполнѣ раціональное управленіе столь обширнымъ дѣломъ упрочили за покойнымъ славу прекраснаго администратора.

Ѳ. Ѳ. Германъ уроженецъ С.-Петербурга, родился 22 марта 1811 г.; первоначальное образованіе получилъ въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ, курсъ въ которомъ и окончилъ въ 1826 году, послѣ чего поступилъ на службу ученикомъ въ аптеку, пробывъ въ коей около трехъ лѣтъ, успѣшно выдержалъ экзаменъ на провизора и въ 1829 году поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, откуда черезъ четыре года, послѣ блестяще выдержаннаго экзамена, выпущенъ былъ со званіемъ лекаря перваго разряда и награжденъ серебряною медалью. Тотчасъ по окончаніи курса молодому врачу было предложено мѣсто сверхштатнаго ординатора въ Обуховской больницѣ, куда онъ поступилъ 9 сентября 1833 года; здѣсь-то, въ этой больницѣ, покойный Ѳ. Ѳ. прошелъ постепенно всѣ медицинскія должности: сперва младшаго ординатора, затѣмъ старшаго ординатора и старшаго врача женской больницы, а съ 1862 года Ѳ. Ѳ. былъ назначенъ главнымъ докторомъ больницы и директоромъ фельдшерской школы при ней.

Въ теченіе своей многолѣтней службы Ѳ. Ѳ. Германъ полу-

чилъ много Высочайшихъ наградъ, а отъ общества и городскаго управленія ему выражались неоднократно признательность и поощреніе. Въ 1883 году городское управленіе и служащіе въ Обуховской больницѣ торжественно отпраздновали пятидесятилѣтій юбилей Ѳ. Ѳ. Германа въ званіи врача одной и той же больницы, а въ 1887 году былъ отпразднованъ второй юбилей, по случаю 25-ти-лѣтія пребыванія Ѳ. Ѳ. Германа въ должности главнаго доктора. Хотя послѣдніе два года Ѳ. Ѳ. Германъ находился въ отставкѣ, но въ виду его продолжительной полезной службы городу, ему было сохранено его содержаніе. Наканунѣ выхода въ отставку, въ 1890 году, 1 апрѣля, Ѳ. Ѳ. Герману Высочайше была пожалована брильянтами украшенная табакерка.

Ѳ. Ѳ. Германъ въ разное время написалъ много ученыхъ статей и изслѣдованій по многочисленнымъ вопросамъ изъ его врачебной практики. Ѳ. Ѳ. Германъ состоялъ также совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта, въ коемъ голосъ его считался однимъ изъ авторитетныхъ.

Пользуясь репутаціей искуснаго и опытнаго врача, Ѳ. Ѳ. Германъ имѣлъ значительную частную практику, и многіе изъ его бывшихъ кліентовъ явились 19 ноября на похороны уважаемаго врача и прекраснаго человѣка, чтобы отдать послѣдній долгъ почившему. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Ѳ. Ѳ. Германъ до болѣзни, сведшей его въ могилу, сохранилъ всегда бодрый видъ, и по портрету, помѣщаемому въ настоящемъ нумерѣ, на видъ ему нельзя дать тѣхъ лѣтъ, что онъ прожилъ. Портретъ снятъ всего два года назадъ.

Фельдмаршалъ Блюхеръ (по поводу 150-й годовщины его рожденія— 4 дек. 1742 г.).

Н. Д. Масловъ.

(Портр. на стр. 1089).

Николай Дмитріевичъ Масловъ родился 23 марта 1833 года. Мать его, Марія Дмитріевна, была дочерью извѣстнаго Дмитрія Борисовича Мертваго, записки котораго напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ*. Отецъ его, Дмитрій Николаевичъ Масловъ, былъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ (впослѣдствіи раздѣлившагося на департаменты окладныхъ и неокладныхъ сборовъ) въ Министерствѣ Финансовъ, и въ то время, когда процвѣтали винные откупа, обогатившіе не одного чиновника, прославился своею безкорыстною дѣятельностью и оставилъ по себѣ добрую и столь долговѣчную память, что его до сихъ поръ не забыли въ Министерствѣ Финансовъ. Такимъ же аккуратнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей и вѣрнымъ слугою отечеству былъ и сынъ его, Николай Дмитріевичъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Германъ († 15 ноября 1892 г.).
Съ фот. Романовича, грав. Шюблеръ.

Въ 1850 году онъ поступилъ въ военную службу юнкеромъ въ резервный баталіонъ Астраханскаго гренадерскаго полка и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики. Первое время онъ исполнялъ обязанности полковаго и баталіоннаго адъютанта. Въ 1857 году назначенъ адъютантомъ пермскаго губернатора, генерала Огарева, черезъ два года адъютантомъ къ начальнику штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генералу Веймарну. Въ 1861 году Н. Д. перевели на Кавказъ адъютантомъ къ начальнику главнаго штаба кавказской арміи, генералу Карцеву; здѣсь Н. Д. отличился въ дѣлахъ противъ горцевъ, за что получилъ Кавказскій крестъ. Пробывъ два года на Кавказѣ и прослуживъ еще годъ въ качествѣ старшаго адъютанта при временномъ генералъ-губернаторѣ губерній Казанской, Пермской и Вятской, генералѣ Тимашевѣ, Н. Д. навсегда оставилъ строевую службу, которая была ему не по душѣ. Въ 1864 году онъ получилъ мѣсто смотрителя Астраханскаго военнаго госпиталя, а черезъ три года переведенъ въ Петербургъ и назначенъ старшимъ помощникомъ управляющаго дѣлами Главнаго военнаго госпитальнаго комитета. На этомъ мѣстѣ прослужилъ онъ 12 лѣтъ и пріобрѣлъ репутацію знатока госпитальнаго дѣла; поэтому нѣсколько разъ получалъ онъ командировки для осмотра провинціальныхъ больницъ. Въ 1879 году Н. Д. былъ назначенъ членомъ отъ Военнаго Министерства въ Военно-Окружномъ Совѣтѣ Туркестанскаго военнаго округа. Здѣсь пробылъ онъ всего три года, потому что его слабое здоровье не выдерживало ташкентскаго климата. Въ 1882 году Н. Д. произвели въ генералъ-маіоры и вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ въ отставку. Однако черезъ два года онъ вновь поступилъ на службу, но на этотъ разъ въ Министерство Финансовъ. Въ 1886 году онъ получилъ мѣсто управляющаго Ковенскою Казенною Палатой, въ 1887 году переведенъ на то же мѣсто въ Калугу. Незадолго до смерти, въ 1891 году, Н. Д. вышелъ окончательно въ отставку, поселился въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 18 ноября 1892 года.

Съ молодыхъ лѣтъ Н. Д. питалъ большую любовь къ литературѣ и писалъ беллетристическія вещи и серьезныя статьи. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Военнаго Сборника* и даже принималъ участіе въ редакціонной работѣ. Въ 1866 году онъ напечаталъ въ Астрахани свой разсказъ „Анна Алексѣевна“. Въ 1877 году появился его романъ „Затрата юныхъ силъ“. Въ *Нивѣ* помѣщены его романы „Изъяны

воли". „Другъ друга не поняли". Въ слѣдующемъ году появится его повѣсть „Одинъ изъ многихъ".

Въ лицѣ покойнаго Николая Дмитріевича Маслова мы потеряли не только талантливаго беллетриста, но и отличнаго человѣка. Онъ имѣлъ немного знакомыхъ, но много друзей,—и кого онъ любилъ—того любилъ по-русски, т. е. отъ всей души. За друга онъ всегда стоялъ, какъ за самого себя, для друга онъ готовъ былъ на всякую жертву; это была самая выдающаяся и очень симпатичная черта его характера.

Николай Дмитріевичъ Масловъ († 18 ноября 1892 г.).
Съ фотогр. грав. Хелмицкій.

Проектъ новаго способа рекламы въ Лондонѣ.

(Рис. на этой стр.).

Постоянные туманы и собирающіяся вслѣдствіе нихъ надъ столицей Англіи облака дали возможность проявиться остроумію англичанъ въ новой и довольно оригинальной формѣ: — на землѣ не хватило, видно, имъ мѣста для рекламы, и англичане хотятъ перенести ее на небо. Они предполагаютъ, при помощи волшебнаго фонаря съ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ, навести на облако текстъ объявленія, которое, отразившись въ гигантскихъ размѣрахъ, разумѣется, будетъ бросаться каждому въ глаза.

Предполагаемый эффектъ такихъ объявленій на ночномъ небѣ Лондона изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Х. Д. Алчевская.

(Портр. на стр. 1092).

(1862—1892).

Въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Харьковѣ происходило чествованіе *30-ти-лѣтней* непрерывной народно-педагогической дѣятельности учредительницы, преподавательницы и нынѣ попечительницы столь извѣстной на Руси харьковской „женской воскресной школы", жены харьковскаго помѣщика Христины Даніиловны *Алчевской*.

Христина Даніиловна происходитъ изъ почтенной семьи Журавлевыхъ и родилась 4 апрѣля 1841 г. въ городѣ Борзнѣ, Черниговской губерніи. Получивъ тщательное образованіе въ образцовомъ нѣжинскомъ пансіонѣ, Х. Д. съ юныхъ лѣтъ посвятила себя трудному дѣлу народнаго образованія, и въ 1862 году (13 мая) она уже является ревностной преподавательницею первой въ Харьковѣ женской воскресной школы, которая, благодаря ея горячему и неослабному за весь 30-ти-лѣтній періодъ участію, поставлена нынѣ превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Еще въ 1871 году извѣстный ревнитель просвѣщенія, баронъ Н. А. Корфъ, далъ самый лестный отзывъ о харьковской школѣ; въ 1873 году харьковская Дума, съ профессоромъ С. Гордіенко во главѣ, въ особомъ адресѣ выразила Х. Д. благодарность за ея неусыпные труды на пользу народнаго просвѣщенія, а въ 1874 году Х. Д. имѣла счастіе получить за полезную педагогическую дѣятельность свою, драгоцѣнный подарокъ изъ кабинета Его Величества. Въ этой

Проектъ новаго способа рекламы въ Лондонѣ. Объявленія на облакахъ. По рисунку въ „Black & White", грав. Рашевскій.

школѣ не только образцово ведется самое преподаваніе (на 400 ученицъ свыше 40 преподавательницъ), но обращаетъ на себя вниманіе и организація педагогическихъ совѣтовъ, педагогическіе дневники учащихся и обширная библіотека. Въ „педагогическихъ дневникахъ“ находится цѣлый рядъ наблюденій надъ духовною жизнью ученицъ школы. Этимъ дневникамъ, по преимуществу, обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ извѣстная книга „Что читать народу?“ (критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія), представляющая собою томъ въ 800 стр. мелкой печати въ два столбца. Изъ литературныхъ работъ Х. Д. заслуживаютъ еще вниманія: 1) „Огородникъ“, разсказъ въ *Д. Чт.* 1870 г., № 13; 2) „Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ“ (Хар. 1881 года), и 3) „Драматическія произведенія — какъ они понимаются народомъ“ (*Сѣв. В.* 1887 г., № 3).

На Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. Х. Д. получила высшее отличіе за свою дѣятельность и учебно-литературныя работы—diplôme d'honneur и акад. пальмы по званію „l'officier de l'instruction publique de France“.

Пятидесятилѣтіе оперы „Русланъ и Людмила“.

Празднованіе пятидесятилѣтія геніальнаго произведенія Глинки „Русланъ и Людмила“ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, празднованіе и полувѣковой самостоятельности русской національной музыки; это событіе имѣетъ обще-русское значеніе. Любопытно поэтому обратиться назадъ и посмотрѣть, что представляла собою русская музыка въ эпоху созданія „Руслана“. За исключеніемъ „Жизни за Царя“,— этой первой побѣды въ области завоеванія мѣста среди царствовавшей на сценахъ у насъ итальянщины, — ни одной русской оперы не было, если не считать „Ивана Сусанина“ Кавоса, да „Аскольдовой могилы“ Верстовскаго за національныя русскія произведенія. Да и „Жизнь за Царя“ въ высшихъ, такъ называемыхъ аристократическихъ, кружкахъ называли не иначе, какъ la musique des cochers.

На музыку въ то время смотрѣли, какъ на пріятное препровожденіе времени; она была достояніемъ меньшинства, людей обезпеченныхъ матеріально; играли для своего удовольствія; никакихъ консерваторій и какихъ-бы то ни было музыкальныхъ учебныхъ заведеній въ то время не было. Не было также и серьезно подготовленныхъ музыкантовъ-теоретиковъ, у которыхъ можно было-бы чему-нибудь научиться. Глинка, какъ извѣстно, проходилъ теорію музыки съ Деномъ за-границей (въ Берлинѣ). Все увлекалось итальянской музыкой; итальянскимъ композиторамъ были предоставлены всѣ сцены. Положимъ, народное направленіе, вызванное событіями 1812 года, не замедлило сказаться и въ искусствѣ, а также и въ музыкѣ; но все это вѣдь были не болѣе, какъ попытки, болѣе или менѣе удачныя; истымъ выразителемъ національнаго духа въ музыкѣ былъ Глинка, и его „Жизнь за Царя“ должна считаться первымъ основаніемъ, главнымъ фундаментомъ русской народной оперы.

Не въ лучшемъ состояніи находилась въ то время и музыкальная критика; писавшіе о музыкѣ были такими-же диллетантами, какъ и игравшіе на разныхъ инструментахъ; не было людей,—или такихъ было очень мало,—которые въ состояніи были-бы растолковать массѣ значеніе такого произведенія, какъ „Русланъ и Людмила“; какъ писавшіе противъ Глинки (Булгаринъ), такъ и стоявшіе за Глинку (Сенковскій и др.), не имѣли въ сущности никакого вѣса въ глазахъ публики въ смыслѣ авторитетовъ. Неудивительно поэтому, что Глинка послѣ „Руслана“ какъ-то разъ сказалъ своей сестрѣ, что ея Мишу поймутъ черезъ 25 лѣтъ, а его „Руслана“— черезъ сто лѣтъ. Но геніальный авторъ, къ счастію, ошибся: и самъ онъ гораздо раньше былъ понятъ, да и „Русланъ“ его раньше оцѣненъ по достоинствамъ. Цѣлыя поколѣнія молодыхъ композиторовъ и музыкантовъ воспитаны на произведеніяхъ Глинки и онъ ужь давно признанъ родоначальникомъ русской музыки.

Не мало содѣйствовали этому и толкователи Глинки, не только русскіе (Стасовъ, Сѣровъ, Ларошъ, Кюи, Ивановъ и др.), но и иностранные (Берліозъ, Фетисъ, Листъ и др.). Глинка породилъ цѣлую литературу, по его стопамъ пошло большинство русскихъ композиторовъ, обратившихся къ изученію русской народной пѣсни и ея особенностей. Трудно себѣ представить у насъ серьезнаго композитора, который не изучилъ-бы до тонкости партитуры „Руслана“,— эту неисчерпаемую сокровищницу мелодіи и пріемовъ инструментовки, этотъ родникъ фантазіи и геніальнаго вдохновенія. И несмотря на несмѣтныя богатства творчества, разсѣянныя щедрой рукой въ „Русланѣ“, — главнѣйшій упрекъ — отсутствіе дѣйствія въ цѣломъ и связи между отдѣльными сценами, — остается въ полной силѣ; „изъ „Руслана“ дѣйствительно можно сдѣлать десять такихъ оперъ, какъ „Жизнь за Царя“ (слова Глинки); но все-же въ немъ нѣтъ требуемаго сценическимъ произведеніемъ дѣйствія.

Это вполнѣ сознавалъ самъ великій творецъ „Руслана“, какъ видно изъ „Записокъ“ его (изд. А. Суворина). „Вмѣсто того, чтобы сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно будетъ уладить впослѣдствіи“. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ: „Осмотрѣвшись однако-же, я нашелъ, что общей связи между частями моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора (Кукольника) и Мишу Гедеонова. По случаю отъѣзда Ширкова въ Украйну (Ширковъ — первый либреттистъ, написавшій первый актъ и часть второго), Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы... Такимъ образомъ стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали: Марковичъ, Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я“.

Отсюда не трудно заключить, почему либретто такъ нескладно было скроено. Еще любопытнѣе то мѣсто въ „Запискахъ“, гдѣ Глинка говоритъ о составителѣ плана оперы. Вотъ оно: „Я писалъ оперу по кусочкамъ и урывками; мысль объ этомъ сюжетѣ подалъ мнѣ князь Шаховской; я надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; преждевременная кончина его предупредила исполненіе моего намѣренія... Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня все болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями *К. Бахтуринъ* (курсивъ въ подлинникѣ); онъ взялся сдѣлать планъ оперы и написалъ его *въ четверть часа подъ пьяную руку*. И вообразите! Опера сдѣлана по этому плану! Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! Какъ это случилось?— самъ не понимаю“.

А между тѣмъ, по „первоначальному плану“, приложенному къ „Запискамъ“ и составленному самимъ Глинкой, видно, что связь между сценами и лицами была полная. Остается только сожалѣть, что геніальный авторъ поддался вліянію многочисленныхъ совѣтчиковъ.

За-то по музыкѣ мы имѣемъ въ „Русланѣ“ капитальное созданіе, равное которому едва-ли найдется во всей европейской музыкальной литературѣ. Въ ней геній Глинки стоитъ на одной высотѣ съ геніемъ Моцарта. Какую бы область опернаго письма ни взять, „Русланъ“ стоитъ на недосягаемой высотѣ. Кромѣ того, что музыка этой оперы въ высшей степени красива, она безконечно мелодична; каждое ея дѣйствующее лицо представляетъ собою законченный музыкальный характеръ, какъ герои „Донъ-Жуана“; самъ Русланъ, Фарлафъ, Ратмиръ, Финнъ, Горислава, и даже второстепенныя лица, какъ напримѣръ Свѣтозаръ, Наина, Баянъ,—всѣ удивительно охарактеризованы музыкально, и притомъ не посредствомъ искусственно придуманныхъ характерныхъ фразокъ, придаваемыхъ тому или другому герою, а органически, т. е. характеристика вытекаетъ прямо изъ ихъ музыкальныхъ рѣчей. Каждое лицо имѣетъ свой собственный языкъ и свою музыкальную физіономію.

Едва-ли нужно повторять, что по инструментовкѣ Глинка открылъ въ этой оперѣ новые и невѣдомые до него горизонты. Это одно изъ тѣхъ произведеній, которое необходимо тщательно изучать. Вотъ здѣсь, по всей вѣроятности, и кроется причина, почему „Русланъ“ не сразу былъ понятъ. Приходившіе въ оперу не находили обычнаго „дѣйствія“ и слушали „концертъ въ костюмахъ“, какъ выразился Сѣровъ. Для того же, чтобы оцѣнить всѣ богатства этой оперы въ смыслѣ народности ея элементовъ, въ смыслѣ геніально-созданныхъ характеровъ, въ смыслѣ глубокой ея поэзіи, и, наконецъ, въ смыслѣ образца техническаго,—тогдашніе слушатели не были подготовлены; вотъ почему такой сравнительно знатокъ и любитель музыки, какъ графъ Віельгорскій, часто говаривалъ Глинкѣ: „c'est un opéra manqué“.

Но непопулярность „Руслана“ была только явленіемъ временнымъ. Трудно себѣ представить такія великія произведенія искусства, которыя оставались бы непризнанными. „Русланъ“ въ настоящее время не только признанъ музыкантами, но ставится въ образецъ, какъ опера, во всѣхъ вышеисчисленныхъ отношеніяхъ. Сознаніе колоссальной художественности этого произведенія постепенно проникаетъ въ массу, и можно смѣло сказать, что слава „Руслана“, составляющаго гордость нашей національной музыки, все будетъ расти и расти, и чѣмъ дальше мы отойдемъ отъ времени созданія его, тѣмъ болѣе приблизимся къ нему, и тѣмъ болѣе будетъ расширяться его популярность. Мы еще сравнительно мало цѣнимъ этотъ перлъ творчества вообще и глинкинскаго въ особенности. Настанетъ еще время, когда „Русланъ“ завоюетъ себѣ мѣсто на всѣхъ европейскихъ сценахъ, и только тогда будетъ вполнѣ удовлетворено наше національное самолюбіе. **В. Басинъ.**

Разныя извѣстія.

— Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ принялъ званіе Почетнаго Попечителя Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ.

— Составлена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Д. М. Сольскаго, изъ членовъ И. А. Вышнеградскаго, Н. Х. Бунге, министровъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, путей сообщенія и государственнаго контроля, для разсмотрѣнія проекта Сибирской желѣзной дороги.

— 7-го ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ существованія Туркестанскаго генералъ-

губернаторства. Прошло четверть вѣка дѣятельности русскихъ людей въ томъ краѣ и о прежнихъ тяжелыхъ временахъ у туземнаго населенія осталось только одно воспоминаніе. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ нынѣ покойный К. П. Кауфманъ.

— День чисто русскаго праздника ордена Св. Георгія чествовался 26-го ноября съ обычнымъ торжествомъ въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ.

— Восьмой съѣздъ русскихъ лѣсоводовъ рѣшено назначить 1-го августа 1893 года въ Кіевѣ.

— Почти всѣ наслѣдники покойнаго митрополита Исидора изъ получаемаго ими наслѣдства рѣшили пожертвовать библіотеку покойнаго Петербургской Духовной Академіи.

— 27-го ноября было отпраздновано въ Маріинскомъ театрѣ пятидесятилѣтіе оперы „Русланъ и Людмила“.

— Сенаторъ А. Н. Марковичъ принесъ въ даръ Публичной Библіотекѣ собственноручную партитуру Глинки „Марша Черномора“, написанную въ 1838 г. Драгоцѣнный вкладъ этотъ займетъ, конечно, видное мѣсто въ великолѣпномъ собраніи автографовъ Публичной Библіотеки.

— Вдова только что сошедшаго въ могилу поэта Шеншина (Фета) удостоилась получить сочувственныя телеграммы отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Великой Княгини Александры Іосифовны, Великаго Князя Константина Константиновича и Королевы Греческой Ольги Константиновны.

— О. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) избранъ почетнымъ членомъ Петербургской Духовной Академіи.

— Акцизъ на спички увеличенъ.

— Нашъ знаменитый композиторъ П. И. Чайковскій въ истекшемъ мѣсяцѣ избранъ на общемъ собраніи отдѣленій Парижской академіи изящныхъ искусствъ корреспондентомъ академіи. Другими кандидатами были: бельгійскій композиторъ Бенуа и нѣмецкій, извѣстный Максъ Брухъ. Г. Чайковскій, кандидатура котораго была предложена Амбруазомъ Тома и Паладилемъ, получилъ 32 голоса; Бенуа — только 3, а Брухъ — ни одного. Званіе члена-корреспондента дается только иностранцамъ и равносильно званію дѣйствительнаго члена. Изъ русскихъ художниковъ до сихъ поръ получилъ это званіе одинъ только г. Антокольскій.

— Въ Александринскомъ театрѣ состоялся бенефисъ талантливой и старѣйшей артистки нашей драматической труппы, г-жи Жулевой, поставившей послѣднюю новинку, трехъ-актную пьесу г. М. Чайковскаго (брата знаменитаго композитора), „День въ Петербургѣ“. Г-жѣ Жулевой устроены были большія оваціи и поднесены подарки.

— Г. Крыловъ, драматургъ, читалъ недавно въ Москвѣ, въ Обществѣ любителей россійской словесности, вновь имъ написанную одноактную сцену въ стихахъ: „Въ глуши Сибири“; содержаніе ея относится къ XVIII вѣку, ко времени царствованія Анны Іоанновны.

— Состоящее при Кэмбриджскомъ университетѣ „Musical Society“ будетъ въ скоромъ времени праздновать пятидесятилѣтній юбилей своего существованія. На музыкальномъ фестивалѣ, устраиваемомъ по этому поводу, будетъ исполнено нѣсколько большихъ сочиненій Брамса, которому университетъ поднесетъ дипломъ на званіе доктора honoris causa. Вице-президентъ университета офиціально пригласилъ композитора пріѣхать на празднество.

— Новая опера, для которой Румынская королева (псевдонимъ ея — „Карменъ-Сильва“) написала текстъ, а герцогъ Эдинбургскій — музыку, „Meister Manole“, исполнена недавно съ успѣхомъ въ Кобургскомъ придворномъ театрѣ. Королева была очень довольна, узнавъ объ успѣхѣ оперы.

— Во время приближающихся праздниковъ въ Академіи Художествъ состоится выставка многочисленныхъ этюдовъ пейзажиста И. И. Шишкина.

— На-дняхъ на петербургскихъ улицахъ прохожіе останавливались съ удивленіемъ при неожиданной встрѣчѣ съ элегантнымъ кэбомъ (англійскимъ одноконнымъ экипажемъ), подъ верхомъ котораго устроена была электрическая лампочка, ярко озарявшая сѣдоковъ и красную обивку внутри экипажа.

— 2 декабря исполнилось двадцать пять лѣтъ дѣятельности первой въ Россіи женщины-врача, г-жи Н. П. Сусловой, имѣющей докторскій дипломъ за защищенную ею докторскую диссертацію въ Цюрихѣ.

— „Ревизоръ“ Гоголя вновь переведенъ на англійскій языкъ А. А. Сайномъ; первый переводъ появился въ Лондонѣ два года назадъ.

— Недавно состоялось испытаніе новаго топлива. Изобрѣтено средство превращать падающій осенній листъ въ прекрасный горючій матеріалъ. Эксперты признали это топливо въ пять-шесть разъ дешевле соотвѣтствующаго количества дровъ.

Политическое обозрѣніе.

Министерскій кризисъ въ Парижѣ разрѣшился не легко. Виновнику паденія прежняго министерства, Бриссону, не удалось привлечь въ составъ кабинета необходимыхъ лицъ и онъ отказался устроить его. Отказы послѣдовали затѣмъ со стороны Казиміра Перье, Лубэ и Девеля, къ которымъ обращался президентъ Карно съ тѣмъ же предложеніемъ. Наконецъ Рибо удалось заручиться согласіемъ необходимаго числа лицъ для образованія министерства. Въ „новомъ“ министерствѣ остались все старые министры, за исключеніемъ двухъ: министра торговли Роша и ненавистнаго многимъ депутатамъ министра юстиціи Рикара. По его предложенію было начато панамское дѣло. Вмѣсто нихъ въ составъ министерства вошли Зигфридъ, принявшій портфель Роша, и Дюпюи. Послѣдній получилъ портфель министерства народнаго просвѣщенія, который находился у Буржуа, а Буржуа заступаетъ мѣсто Рикара. Во главѣ кабинета будетъ находиться Рибо.

25 ноября президентъ Карно предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ новыхъ министровъ и подписалъ декретъ о сформированіи новаго кабинета. Вслѣдъ затѣмъ министры совѣщались о деклараціи, съ которою они предполагаютъ выступить въ парламентѣ. Новый кабинетъ заявитъ твердую рѣшимость держаться принципа разграниченія законодательной и судебной власти. Правительство соглашается на непосредственное обсужденіе запроса, который будетъ внесенъ по этому предмету тотчасъ по прочтеніи министерской деклараціи. Что касается до внѣшней политики — правительство заявитъ о хорошихъ отношеніяхъ Франціи со всѣми націями и выскажется весьма опредѣленно о миролюбивыхъ намѣреніяхъ кабинета, при чемъ выставитъ на видъ, что участіе въ кабинетѣ прежняго министра иностранныхъ дѣлъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что никакой перемѣны въ направленіи внѣшней политики не произошло.

Слѣдственная комиссія по панамскому дѣлу продолжаетъ свои засѣданія. Допрошено множество лицъ и просмотрѣно не мало документовъ. По слухамъ, раскрытое взяточничество поражаетъ наглостью и размѣрами. По извѣстіямъ, проникшимъ въ газеты, на прессу было израсходовано до 2 милліоновъ, при чемъ газета *Figaro* получила 500,000 франковъ, а *Petit Journal* 300,000 франк. Изъ выдающихся лицъ называютъ замѣшанными сенатора Накэ, сенатора и редактора *Temps* Эбрара, Пру и другихъ. Эбраръ, говорятъ, якобы получилъ за промышленную комиссію отъ знаменитаго Эйфеля 1½ милліона франковъ при обѣщаніи доставить ему работы въ компаніи. Съ каждымъ днемъ появляются новые слухи и разоблаченія, правдивость которыхъ докажетъ только судебное дѣло.

Во время пребыванія въ Марселѣ русскаго судна „Силачъ“, офицеры его присутствовали 24 ноября на представленіи „Африканки“ въ Большомъ театрѣ. Оркестръ исполнилъ сперва русскій народный гимнъ, который присутствовавшіе выслушали стоя, а потомъ „Марсельезу“. Манифестація завершилась кликами: „Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Франція!“

Въ Берлинѣ рейхстагъ занятъ обсужденіемъ бюджета. Буль заявилъ, что націоналъ-либералы согласны на увеличеніе военныхъ требованій, поскольку это допускаютъ жизненные интересы имперіи. Депутатъ Рикертъ сообщилъ, что новый военный законопроектъ явился сюрпризомъ и вызвалъ общее недовольство. Свободомыслящая партія желаетъ обсудить законопроектъ, но въ то же время не упускать изъ виду экономическія силы страны; что же касается подстрекательствъ противъ Россіи, то это шовинизмъ. Имперскій канцлеръ выразилъ мнѣніе, что военный законопроектъ стѣснитъ соціалистскую агитацію.

Въ Пештѣ католическая газета *Magyar Allam* взываетъ къ дамамъ венгерской аристократіи, которая въ свое время мужественно боролась за церковь, предлагая имъ поднять агитацію, чтобы „провалить“ законопроектъ о допущеніи браковъ христіанъ съ евреями, а теперь агитировать противъ проектовъ Векерле относительно гражданскаго брака.

Въ Болгаріи затѣваются большія перемѣны. По свѣдѣніямъ *Свободы*, состоялось совѣщаніе правительственной партіи, на которомъ министры предложили слѣдующія перемѣны конституціи: 1) включить въ конституцію титулъ князя, его право жаловать ордена и т. п.; 2) сократить число депутатовъ, чтобы они избирались на каждые 20,000, а не на каждые 10,000 жителей; 3) разъяснить статью конституціи, касающуюся тайной подачи голосовъ; 4) учредить два новыхъ министерскихъ поста; 5) измѣнить ст. 38, на основаніи которой дѣти князя должны исповѣдывать православную вѣру. Выставляется на видъ, что статья эта лишаетъ дѣтей князя предоставленной всякому гражданину свободы совѣсти. Въ случаѣ, если предположенія эти будутъ приняты двумя третями народнаго собранія, они будутъ подвергнуты разсмотрѣнію учредительнаго собранія.

Нѣкоторое объясненіе предстоящихъ перемѣнъ находится въ *Neue Freie Presse*. Газета приводитъ извѣстіе изъ Рима, что принцъ Кобургскій обращался къ папѣ за разрѣшеніемъ вступить въ бракъ съ принцессою одного изъ бывшихъ итальянскихъ царственныхъ домовъ, но папа отвѣтилъ, что онъ дастъ согласіе только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣти отъ этого брака были воспитаны въ католической вѣрѣ. Другія газеты сообщаютъ, что дѣло идетъ не о католической принцессѣ, а о дочери богатаго еврея, который ставитъ условіемъ брака, чтобы дѣти до 16-лѣтняго возраста не исповѣдывали никакой религіи.

Въ Вашингтонѣ 24-го ноября появилось ежегодное посланіе президента Гаррисона къ конгрессу. Оно начинается указа-

ніемъ на весьма благопріятныя условія торговли и промышленности Соединенныхъ Штатовъ и на ихъ еще небывалое благосостояніе. Затѣмъ заявлено, что результатъ президентскихъ выборовъ долженъ быть принятъ страною. Далѣе въ посланіи предлагается вполнѣ предоставить усмотрѣнію новаго конгресса вопросъ о пересмотрѣ тарифовъ. Гаррисонъ предвидитъ, что вслѣдствіе новой таможенной политики наступятъ для фабрикантовъ и рабочихъ тяжелыя времена. Если монетная конференція останется безъ практическихъ послѣдствій, то торговыя условія заставятъ государства, которыя къ этому не были до сихъ поръ расположены, войти въ соглашеніе съ Соединенными Штатами, чтобы обезпечить увеличеніе чеканной монеты, необходимой для міровой торговли; Соединенные Штаты должны принять мѣры противъ отлива золота въ Европу.

Смѣсь.

Изъ жизни фельдмаршала Блюхера. Онъ былъ человѣкъ до того прямой и искренній, что подъ старость часто говаривалъ: „если бъ въ молодости я получилъ толковое образованіе и не увлекался бы такъ женщинами и картежной игрой, то слава Наполеона была бы иной.“ Въ высшей степени энергичный и рѣшительный исполнитель, онъ былъ очень плохой стратегикъ и, сознаваясь въ этомъ, выбиралъ себѣ начальниками штаба изъ числа генераловъ, получившихъ высшее военное образованіе. Онъ долго такимъ образомъ держался генерала Гнейзенау. Однажды, послѣ выиграннаго сраженія, на обѣдѣ главнокомандующаго, когда гости были уже веселы отъ вина, онъ озадачилъ всѣхъ вопросомъ: способенъ-ли кто изъ присутствующихъ поцѣловать свою голову? Общее недоумѣніе. Всѣ стали переглядываться... „А я могу“, сказалъ Блюхеръ, всталъ съ мѣста, обойдя столъ, подошелъ къ Гнейзенау, и запечатлѣлъ звучный поцѣлуй на лбу достойнаго своего помощника.

Анекдотъ изъ жизни Россини. Однажды „пезарскій лебедь“, какъ итальянцы называли автора „Севильскаго Цырюльника“, гулялъ со своимъ пріятелемъ по бульвару. Навстрѣчу имъ попался Мейерберъ и спросилъ у Россини, какъ онъ поживаетъ.

— Скверно, очень плохо... Постоянныя головныя боли, ревматизмъ въ ногахъ, безсонница, боль въ пояснице, кашель — меня одолѣваютъ; плохо, плохо; чувствую, что скоро настанетъ мой конецъ и придется повторить извѣстную фразу Бетховена: Plaudite amici comedia finita est... Да, что дѣлать! Съ этимъ надо мириться...

— Что вы, что вы, маэстро! Дастъ Богъ поправитесь, вы такого сложенія, что проживете еще сто лѣтъ; мы еще услышимъ ваши пѣсни...

Христина Даніиловна Алчевская.
Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Когда они разошлись, пріятель Россини сказалъ: — Маэстро, если вы такъ плохо себя чувствуете и такъ опасно больны, пойдемте лучше домой, ложитесь въ постель, а я позову доктора; вы знаете, какъ намъ всѣмъ дорого ваше здоровье...

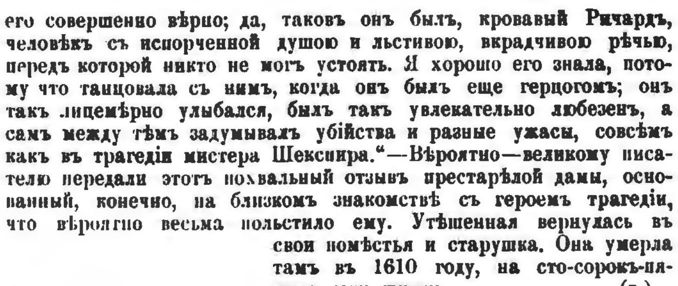
— Ха, ха, ха... засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ Россини. — Я боленъ?! Да я еще его переживу...

— Зачѣмъ же вы сказали...

— Отчего же не доставить ему величайшаго удовольствія?

Дама „кроваваго“ Ричарда. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и долговѣчныхъ женщинъ XV, XVI и XVII столѣтія — была Катарина Фицджеральдъ, вышедшая замужъ за графа Десмонда въ 1483 году, послѣднемъ году правленія Эдуарда IV. Въ молодости она отличалась большой красотой и блистала при дворѣ, гдѣ на одномъ балу ей досталась честь, совершенно вскружившая ей голову, танцовать съ герцогомъ Глочестерскимъ, будущимъ королемъ Ричардомъ III. Вообще она страстно предавалась танцамъ и перестала танцовать лишь на сотомъ году жизни, полагая, что, когда дѣло подошло къ старости, ей уже не совсѣмъ прилично было веселиться съ молодежью. Однако она оставалась веселой, жизнерадостной и очень крѣпкой до ста сорока лѣтъ, когда ее постигло несчастье; она лишилась вдовьей пенсіи, которою до тѣхъ поръ пользовалась, живя въ своемъ небольшомъ помѣстьи близь Инчиквина. Причина была та, что тогдашній графъ Десмондъ, представитель фамиліи, принималъ участіе въ одномъ политическомъ заговорѣ, по обнаруженіи котораго его имущество было конфисковано, онъ самъ спасся бѣгствомъ и уже не былъ въ состояніи аккуратно уплачивать своей прабабкѣ то, что ей слѣдовало по праву.

Въ такой бѣдѣ энергичная стосорокалѣтняя дама предприняла въ маѣ 1605 года путешествіе въ Лондонъ, чтобы испросить у Іакова I, какъ милость, продолженія пенсіи изъ конфискованнаго имущества. Король принялъ ее чрезвычайно милостиво и немедленно исполнилъ ея просьбу. При дворѣ съ нею обошлись съ величайшимъ уваженіемъ; эта замѣчательная, несмотря на такіе преклонные годы, еще крѣпкая и словоохотливая старушка была въ нѣкоторомъ родѣ живою хроникой англійской исторіи, такъ какъ жила при девяти короляхъ и королевахъ и всѣхъ ихъ знала лично. Для ея развлеченія король приказалъ дать въ театрѣ пьесу Шекспира „Ричардъ III,“ въ которой заглавную роль исполнялъ съ обычнымъ мастерствомъ геніальный Бэрбеджъ. По окончаніи спектакля почтенная старушка сказала, кивая головой: „Авторъ представилъ



его совершенно вѣрно; да, таковъ онъ былъ, кровавый Ричардъ, человѣкъ съ испорченной душою и льстивою, вкрадчивою рѣчью, передъ которой никто не могъ устоять. Я хорошо его знала, потому что танцовала съ нимъ, когда онъ былъ еще герцогомъ; онъ такъ лицемѣрно улыбался, былъ такъ увлекательно любезенъ, а самъ между тѣмъ задумывалъ убійства и разные ужасы, совсѣмъ какъ въ трагедіи мистера Шекспира.“ — Вѣроятно — великому писателю передали этотъ похвальный отзывъ престарѣлой дамы, основанный, конечно, на близкомъ знакомствѣ съ героемъ трагедіи, что вѣроятно весьма польстило ему. Утѣшенная вернулась въ свои помѣстья и старушка. Она умерла тамъ въ 1610 году, на сто-сорокъ-пятомъ году жизни. (в.)

Драгоцѣнная пробка. Одинъ изъ самыхъ большихъ, замѣчательныхъ и цѣнныхъ алмазовъ въ мірѣ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія принадлежалъ богатому семейству Демидовыхъ. Жившая въ то время въ Парижѣ вдовствующая графиня Демидова имѣла обыкновеніе посвящать каждый день отъ трехъ до четырехъ часовъ посѣщенію бѣдныхъ, — подымалась къ нимъ въ мансарды и, сохраняя строгое incognito, щедро надѣляла нуждавшихся милостыней. Добрая дама, по какому-то странному капризу, всегда надѣвала на себя въ этихъ случаяхъ старую турецкую шаль: такъ какъ часто передъ посѣщеніемъ бѣдныхъ ей нужно было сдѣлать нѣсколько визитовъ своимъ знакомымъ, то она придумала соединить двѣ такія различныя вещи, какъ туалетъ для мансардъ и туалетъ для богатыхъ салоновъ. Съ этой цѣлью она закалывала старомодную шаль золотой булавкой, въ которую былъ вставленъ брильянтъ. Бѣдные замѣчали только большой платокъ, богатые — цѣнный камень. Разъ графиня вечеромъ вернулась въ свой дворецъ и, снимая шаль, замѣтила, что брильянтъ исчезъ; онъ вѣроятно выпалъ изъ оправы. Графиня тотчасъ же велитъ запрягать лошадей и опять объѣзжаетъ всѣ мансарды, которыя посѣщала въ этотъ день.

— Не нашли ли вы чего-нибудь? Я потеряла вещицу изъ стекла въ формѣ груши; это фамильное украшеніе, я очень къ нему привязана. Поищите хорошенько! Ищите же!

Напрасный трудъ. Наконецъ графиня приходитъ къ одной бѣдной вдовѣ.

— Вы потеряли стеклянную вещицу, добрая госпожа? Нѣтъ, я ничего не находила... Впрочемъ постойте: дѣти сегодня играли какой-то стеклянной пробочкой. не ее ли вы ищете? А можетъ быть ея тамъ ужъ нѣтъ!

Но драгоцѣнная „пробочка“ нашлась-таки среди сора, и графиня Демидова отблагодарила вдову за возвращеніе брильянта тѣмъ, что обезпечила будущность всѣхъ ея дѣтей. (в.)

Нечувствительные органы. Въ противоположность внѣшнимъ органамъ, наружные покровы которыхъ чрезвычайно чувствительны, внутренніе органы обыкновенно этой способностью не отличаются. Печень, селезенку и почки, кишечникъ и желудокъ можно рѣзать, не причиняя человѣку ни малѣйшей боли. Мускулы также довольно нечувствительны. Хирурги на основаніи опыта утверждаютъ, что во время операцій самая сильная боль бываетъ при отдѣленіи кожи: гдѣ оканчиваются чувствительные нервы; между тѣмъ, какъ послѣ, при прорѣзаніи мускульныхъ пучковъ, боль относительно не велика. Мозгъ совершенно лишенъ чувствительности. Уже Галенъ замѣтилъ, что мозговую массу можно трогать, не причиняя никакой боли. Многочисленные опыты съ животными показали, что отъ мозга можно отдѣлять кусокъ за кускомъ, и животныя нисколько не страдаютъ. Какъ велика разница въ чувствительности между органами внѣшними и внутренними видно изъ того, что когда мы погружаемъ палецъ въ теплую воду, температура которой колеблется между 33 и 37 градусами, мы можемъ указать разницу въ температурѣ до $1/5$ градуса. Напротивъ того, при лихорадкѣ мы не замѣчаемъ повышенія температуры даже на нѣсколько градусовъ и иногда жалуемся на ознобъ, когда на самомъ дѣлѣ наша внутренняя температура далеко выше нормальной.

Эта нечувствительность внутреннихъ органовъ безъ сомнѣнія представляетъ большое преимущество для здоровья человѣка. Представимъ себѣ только, что бы было, если бы ко всѣмъ раздраженіямъ,

Смотр. на стр. 1094.

РЕБУСЪ НА ПРЕМІИ. № 49.

За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначается 40 премій (на сумму 304 рубля), состоящихъ изъ слѣдующихъ книгъ: 3 экз. „Фауста“ Гёте, съ рисунками Зейбертца, въ кожаномъ тисненомъ переплетѣ, **цѣна экземпляру 40 руб.** (1 экз. для городскихъ подписчиковъ и 2 экз. для иногородныхъ подписчиковъ); **2 экз. „Исторія Искусствъ“, П. П. Гнѣдича,** въ роскошн. перепл., **цѣна 7 руб.** (1 для городск. и 1 для иногор. подписч.); **по 5 экз. „Въ Старой Москвѣ“,** большой историч. ром. **гр. Е. А. Саліаса, цѣна 2 р. 50 к., „Изъяны воли“,** ром. **Н. Д. Маслова, цѣна 1 р. 50 к.** и **„Іисусъ“,** ром. **Эберса, цѣна 2 руб.** (каждая изъ этихъ 5 премій будетъ представлять собою всѣ три романа, 2 экз. городск. и 3 экз. иногородн. подписч.); **по 5 экз. „Разсказы и очерки“ Вс. Соловьева, цѣна 2 р. 50 к., „Повѣсти и разсказы“ П. П. Гнѣдича, цѣна 2 р.** и **„Разсказы“ (о дѣтяхъ) Н. Морскаго (Лебедева), цѣна 2 р.** (каждая изъ 5 премій состоитъ изъ всѣхъ трехъ книгъ, 2 экз. городск. и 3 экз. иногородн. подписч.); **по 5 экз. „Княжна Острожская“, цѣна 2 р., „Касимовская невѣста“, цѣна 2 р.** и **„Царь-дѣвица“, цѣна 2 р.** — три историческихъ романа **Вс. Соловьева** (каждая премія будетъ состоять изъ всѣхъ трехъ романовъ, 2 экз. городск. и 3 иногородн. подписч.); **по 5 экз.** соч. **Вс. Соловьева: „Юный императоръ“,** ром., **цѣна 2 р., „Капитанъ гренадерской роты“,** ром., **цѣна 2 р., „Навожденіе“,** ром., **цѣна 2 р.** (каждая премія будетъ состоять изъ всѣхъ трехъ романовъ, 2 экз. городск. и 3 экз. иногор. подписч.); **по 5 экз. „Шесть комедій“ П. П. Гнѣдича, цѣна 2 р.** и **„Двуногій волкъ“,** ром. **Н. Н. Каразина, цѣна 2 руб.** (каждая изъ 5 премій состоитъ изъ обѣихъ книгъ, 2 экз. городск. и 3 иногор. подписч.); **по 5 экз. „Повѣсти и разсказы“ Вс. Крестовскаго, цѣна 1 р. 25 к.** и **„Гуттаперчевый мальчикъ“,** пов. **Д. В. Григоровича, ц. 1 р. 25 к.** (каждая премія состоитъ изъ обѣихъ книгъ, 2 экз. городск. и 3 экз. иногородн. подписч.); и **5 экз. „Альбомъ Нивы“ 1892 г.,** съ 10-ю акварелями извѣстн. художниковъ, **цѣна 3 р.** (2 экз. городск. и 3 иногор. подписч.).

Всѣ полученныя до **2** января 1893 г. вѣрныя рѣшенія ребуса пронумеруются по порядку ихъ поступленія (городскія и иногородныя отдѣльно) и затѣмъ, **по жребію,** будутъ распредѣлены между ними преміи. **Рѣшеніе ребуса, фамиліи и адреса лицъ, на рѣшенія которыхъ пали преміи (съ обозначеніемъ названія премій),** напечатаются въ № 2 „Нивы“ 1893 г.

получаемымъ извнѣ, прибавились ощущенія процессовъ, происходящихъ во внутреннихъ органахъ; наша способность чувствовать не давала бы намъ ни минуты покоя. Или что бы было, если бы желудокъ обладалъ, подобно языку, способностью различать вкусы! Одна постоянная смѣна вкусовыхъ ощущеній отъ разнообразныхъ яствъ, вводимыхъ въ желудокъ въ теченіе дня, могла-бы вызывать непрерывную тошноту.

Только при воспаленіи внутреннихъ ограновъ нервы достигаютъ той степени чувствительности, какая необходима для раздраженія нервныхъ центровъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда во внутреннихъ органахъ происходитъ какіе-нибудь необычные процессы, мы ощущаемъ въ нихъ боль и изъ этого справедливо заключаемъ о заболѣваніи органа. (в.)

Телефонъ между Нью-Іоркомъ и Чикаго. Не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ извѣстнѣйшіе физики Стараго Свѣта, даже многіе члены академій наукъ утверждали, что вѣсть полученная тогда изъ С.-Америки объ изобрѣтеніи *телефона*, или какъ въ то время называли *говорящаго телеграфа*, не что иное какъ американская утка. Между тѣмъ въ началѣ истекающаго года былъ уже проложенъ телефонный кабель по Ламаншскому каналу для сообщенія между Парижемъ и Лондономъ и въ настоящее время устроены сообщенія почти между всѣми столицами Европы. А теперь съ 18-го октября телефонъ, по системѣ изобрѣтателя Грагама Белля, дѣйствуетъ между Нью-Іоркомъ и Чикаго, на разстояніи 950 миль или болѣе 1500 верстъ. Телефонное сообщеніе между этими двумя городами производится по двумъ мѣднымъ проволокамъ. Интересны нѣкоторыя свѣдѣнія объ устройствѣ его: мѣди употреблено на проволоку 23.000 пудовъ, проложена она на 42.000 столбахъ изъ кедра и каштановаго дерева вышиною въ четыре сажени. Кабели по возможности избѣгались, и проложены только по русламъ рѣкъ близь Нью-Іорка. По значительности расходовъ на устройство этого телефона рѣшено взимать за пользованіе имъ по 9 долларовъ, или почти по 18 рублей, за пять минутъ переговора, но общество американскихъ телефоновъ увѣрено, что расходы ихъ вполнѣ и въ скоромъ времени окупятся, какъ вслѣдствіе предстоящей въ будущемъ году всемірной выставки въ Чикаго, такъ и по значительности торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ между обоими городами. Другое такое же сообщеніе устроено между Нью-Іоркомъ и Бостономъ; слѣдовательно въ настоящее время сдѣланъ опытъ передачи человѣческаго голоса на разстояніи 1200 миль, или приблизительно 2000 верстъ.

Искусство.

Къ юбилею „Руслана“. Въ геніальности творчества Глинки есть много общаго съ творчествомъ Моцарта; какъ для послѣдняго, такъ и для перваго писаніе было потребностью души. Любопытную замѣтку по этому поводу находимъ въ „Дневникѣ Кукольника“ (*Баянъ* 1888 г.).

Глинка въ 1838 г. писалъ ему, что онъ объ оперѣ и не думаетъ. „А опера, ты спросишь?.. Опера... и ты воображаешь, я стану продолжать ее—не потому-ли развѣ, что ты обѣщалъ публикѣ за меня?.. Я тебѣ скажу прямо—покамѣстъ Гедеоновъ директоръ, я не буду въ самомалѣйшемъ сношеніи съ театромъ. Муза моя не докучлива, молчитъ—и слава Богу“.

Въ „Дневникѣ“ по этому случаю помѣчено: „Сегодня Петрова знатно отколола новую арію для „Руслана“—„Любви роскошная звѣзд“—чудо въ своемъ родѣ! Я зналъ, что Миша вретъ, будто бы не будетъ писать оперу; но муза требуетъ и онъ пишетъ, но какъ-то странно,—*безъ либретто и плана*, который у него въ головѣ только урывками.

„Ноетъ, жмется—смотришь, является неожиданно новый нумеръ. И въ каждомъ новомъ нумерѣ искусство сказывается сильнѣе, торжественнѣе, геній блещетъ ярче, полетъ неистощимой фантазіи шире!“

Глинка иногда пользовался совершенно случайными явленіями для своихъ геніальныхъ цѣлей. Напримѣръ, случайно прослушанная пѣсня чухонскаго извозчика пригодилась ему для знаменитой баллады Финна; сообщенныя ему еще до замысла о „Русланѣ“ секретаремъ персидскаго посольства Гайвазовскимъ три татарскія мелодіи послужили: двѣ для лезгинки и одна для андантe Ратмира „И жаръ, и зной“.

Въ 1839 г., присутствуя по обязанности во дворцѣ въ день бракосочетанія великой княгини Маріи Николаевны, Глинка нашелъ поводъ для счастливаго вдохновенія; находясь на хорахъ во время обѣда и слыша стукъ ножей и вилокъ, онъ задумалъ изобразить этотъ стукъ въ звукахъ; мы ихъ имѣемъ въ интродукціи перваго акта въ „Русланѣ“.

Вотъ какъ описываетъ П. А. Степановъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (*Русская Старина* 1871 г.) портретъ Глинки во время созданія „Руслана“ въ 1841 г.:

„Глинка усиленно занялся „Русланомъ“. Обыкновенно въ 11 часовъ я уѣзжалъ со двора и возвращался въ два. Глинка, весь въ себѣ сосредоточенный, въ творческой работѣ, ходилъ по комнатамъ; я старался пройти не развлекая его, и потомъ всматривался.

„То онъ подойдетъ къ фортепіано, возьметъ нѣсколько аккордовъ, спѣшитъ въ свою комнату и скоро пишетъ на большихъ нотныхъ листахъ, разложенныхъ по его столу; опять ходитъ, опять записываетъ, часто безъ помощи инструмента.

„Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ стемнѣетъ, и тогда, утомленный, онъ ложился и жаловался на боль и усталость. Обѣдъ возстановлялъ его силы и вечеромъ онъ бывалъ веселъ и разговорчивъ“.

Обратимся къ „Воспоминаніямъ“ А. Н. Сѣрова (*Искусства*, 1860 г.). Здѣсь мы находимъ любопытныя свѣдѣнія относительно пѣнія Глинки и отзывовъ автора „Руслана“ объ этой оперѣ.

„Голосъ Глинки былъ теноръ, не особенно высокій, не особенно красиваго тембра, но чисто-грудной, звучный, иногда на высокихъ нотахъ металлически-рѣзкій и во всемъ регистрѣ необыкновенно гибкій для страстнаго драматическаго выраженія.

„Иногда являлись звуки съ тембромъ нѣсколько носовымъ, только это приходилось всегда такъ кстати, что даже не могло считаться недостаткомъ; произношеніе словъ самое явственное, декламація вѣрнѣйшая, превосходная. Онъ „отчеканивалъ“ въ своемъ пѣніи каждое слово.

„Поэзія его исполненія не передаваема!.. Онъ былъ въ высшей степени „объективенъ“, погружался въ самую глубину исполняемаго, заставлялъ слушателей жить тою жизнью, дышать тѣмъ дыханіемъ, которое вѣетъ въ *идеалѣ* исполняемой пьесы; оттого въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ былъ *характеръ*, *воплощеніе*...“

На разспросы объ особенности музыки „Руслана“ Глинка разсказалъ Сѣрову: „Есть кое-что. Есть, напримѣръ, гамма изъ шести цѣлыхъ тоновъ. Она очень дика въ эффектѣ и служитъ у меня вездѣ, гдѣ является Черноморъ. Да и вообще стараюсь даже бывалые эффекты произвести не такъ, какъ у другихъ, совсѣмъ *поинаковому*.

„Есть у меня буря, только не такъ, какъ въ „Barbiere“, въ „Теллѣ“ и другихъ разныхъ операхъ; будетъ вой, вѣтеръ, какъ въ русской печной трубѣ“. Буря, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходитъ во второмъ актѣ въ сценѣ съ головой.

Въ августѣ Сѣрову пришлось услышать отъ Глинки слѣдующій отзывъ объ увертюрѣ къ „Руслану“: „На прошлой недѣлѣ, баринъ, кончилъ я увертюру. Такой темпъ взялъ, что летитъ на всѣхъ парусахъ; „presto“ веселое, какъ увертюра въ моцартовскомъ „Фигаро“.

„Только, разумѣется, характеръ другой, русскій. Начинается и оканчивается *кулакомъ*, а въ срединѣ „бѣды“ для віолончелей—кантабиле на самыхъ высокихъ нотахъ. Въ разработкѣ „злобы“, кажется, не мало; останетесь довольны“.

А вотъ что пишетъ Кукольникъ въ своемъ „Дневникѣ“ отъ 9 ноября 1842 г.: „Репетиціи „Руслана“ идутъ цѣлыми актами; причемъ обнаруживаются *длинноты*, какъ говоритъ Миша... Но Миша въ отчаяніи: увѣряетъ, что *опера никуда не годится*!

„Вольно же ему быть Глинкой, а не Беллини, или Россини... Тѣ пишутъ оперы для современной публики, а онъ—для потомства. Въ „Русланѣ“ дѣйствительно—два ужасные недостатка: въ цѣломъ это слишкомъ геніальное произведеніе для нашей публики,—не поймутъ.

„Отдѣльныя же части до того восхитительны въ малѣйшихъ деталяхъ, что жаль тронуть что-либо изъ нихъ. Миша не вѣритъ этому и хочетъ выкидывать цѣлыя сцены. Я умоляю его обождать полной репетиціи; тогда виднѣе будетъ“.

Извѣстны также слова Глинки сестрѣ его: „ея Мишу поймутъ черезъ 25 лѣтъ, а его „Руслана“ черезъ 100 лѣтъ“. **В. Б.**

Живой паяцъ.

Если стать около шкапа съ зеркальною дверью такъ, чтобы была видна изъ-за его грани одна лишь половина человѣка, то стоящему въ нѣкоторомъ отдаленіи будетъ казаться, что онъ видитъ полный абрисъ, такъ какъ видная ему половина тѣла отразится въ зеркалѣ. Если теперь находящійся у шкапа поднимаетъ руку, то въ отраженіи тоже поднимется рука; поднимаетъ онъ ногу,—и покажется будто обѣ ноги подняты. Движенія эти, повторенныя нѣсколько разъ, производятъ очень забавное, комическое впечатлѣніе.

ШАХМАТЫ

Рѣшенія шахматныхъ задачъ, №№ 32 и 36 „Нивы".

№ 39. Девизъ **„Emilie" M. Feigl'я** (№ 32 „Нивы") матъ въ 3 хода.
1. e2 — e4, С. e6; 2. К f 8†, Кр. f6; 3. e5‡.
a) 1 ...., С. d5; 2. Ф : d5†, Кр. f6; 3. Ф. f5‡.
b) 1 ...., К. h8—f7; 2. Ф. d5†, Кр. f6; 3. Ф. f5‡.
c) 1 ...., С. b8; 2. Ф. f1, ∾; 3. Ф. a1‡.
d) 1 ...., Кр. f6; 2. Ф. d8†, ∾; 3. п. К‡.
e) 1 ...., ∾; 2. Ф. d6†, К : d6; 3. С. g7‡.
№ 40. Девизъ **„Mignon" E. Palkoska** (№ 32 „Нивы") матъ въ 3 хода.
1. Л. e8—f8, К : e6; 2. Ф. f5†, Кр : f5; Л : f7‡.
Или 2. .. Кр. f6, ∾; 3. Ф. f7‡.
a) 1 ..., Кр : e6; 2. Ф. e4†, Кр. d7; 3. Ф. e8‡.
Или 2. .. Кр. f6; 3. Ф. e5‡.
b) 1 ..., К. a5∾; 2. Л : f7†, Кр : e6; 3. Ф. c4‡.
c) 1 ..., h6 или Кр. e7; 2. Ф : b7, ∾; 3. Ф. f7‡.
d) 1 ..., К : f3; 2. Ф. f5†, ∾; 3. Ф. f7‡.
№ 42. **Л. К. Истомина** (Харьковъ) матъ въ 3 хода.
1. Кр. b3—a3, a7—a6; 2. Кр. b3, b5; 3. К∾‡.
A. 1 ..., b6—b5; 2. К. e6†, Кр. a6; 3. К‡.
№ 43. **А. П. Сусликова** (Харьковъ) матъ въ 2 хода.
1. Л. d7, ∾; 2. Л. К‡.

Правильныя рѣшенія прислали:

Всѣхъ задачъ: **Е. Ѳ. Андрезенъ, Ф. Г. Ходуновъ** (СПБ.); **Н. С. Даржанъ** (Кронштадтъ); **А. П. Сусликовъ** (Харьковъ). №№ 42 и 43.—**М. Ивановъ, В. Н. Покровскій, Н. П. Смирновъ** (Москва); **Л. В. Гончаровъ, И. Ф. Вельцъ,** (Кіевъ); **И. Ф. Штрандманъ** (Вейсенштейнъ); **Н. Филипповъ** (Темиръ-Ханъ-Шура); **А. Н. Псировскій** (Тамбовъ); **А. В. Благовѣщенскій** (Кронштадтъ).

При семъ № прилагаются: 1) СБОРНИКЪ „НИВЫ" за ДЕКАБРЬ. 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ДЕКАБРЬ 1892 г. съ 24 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выкроекъ въ натур. велич. и 31 рис. рукод. работъ.

За редактора издатель **А. Ф. Марксъ.**

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ" 1893 ГОДА
СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ" 1893 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1893 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1893 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1893 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями — НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

„НИВА" 1893 г.
со многими безплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получатъ въ теченіе **1893** года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива", въ каждомъ №отъ 6—10 рис. и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

12 КНИГЪ ежемѣсячнаго безплатнаго литературнаго приложенія, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ", содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, изъ коихъ три книги (за АПРѢЛЬ, АВГУСТЪ и ДЕКАБРЬ) будутъ заключать въ себѣ **собранія сочиненій**

**М. В. Ломоносова,
Императрицы Екатерины II и
Д. И. Фонъ-Визина.**

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано **въ отдѣльномъ томѣ**, подъ редакціею **А. И. Введенскаго**, съ портретами авторовъ гравированными на стали.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „НИВЫ", заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ исполненныхъ fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „РУССКАЯ МОЛОДИЦА", академика С. Ѳ. Александровскаго; 2) „ВЕЧЕРЪ НА НЕВѢ", А. К. Беггрова; 3) „ЗАПОРОЖЕЦЪ", С. И. Васильковскаго; 4) „НАХОДКА", Н. Н. Каразина; 5) „ЦАРЕВНА СОФІЯ ПОЛУЧАЕТЪ У ТРОИЦЫ ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ГОЛИЦЫНА", К. В. Лебедева; 6) „ЮДИѲЬ", профессора Ганса Макарта; 7) „У ОКОЛИЦЫ", профессора К. Е. Маковскаго; 8) „ГЕТМАНЪ", И. Е. Рѣпина; 9) „ОХОТА НА ВОЛКА", профессора Н. Е. Сверчкова; 10) „НА БАШТАНѢ", академика К. А. Трутовскаго. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 8 вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью художника Н. Н. Каразина.

12 №№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія **рукодѣльныхъ и выпильныхъ** работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

„Стѣнной календарь" на **1893 г.** печатанный красками.

Въ одномъ изъ первыхъ №№ будущаго года начнется печатанемъ

послѣднее посмертное произведеніе

Ив. А. ГОНЧАРОВА.

Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА" (А. Ф. МАРКСУ), Невскій пр., № 6.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.
Въ виду громаднаго спроса на изготовленныя нами

РАМЫ для преміи „Нивы" 1892 г., десяти акварелей извѣстнѣйшихъ художниковъ, мы вновь заказали **большую партію** рамъ, что дастъ намъ возможность предложить ихъ Гг. подписчикамъ **по цѣнѣ еще болѣе низкой**, чѣмъ онѣ продавались до сихъ поръ, а именно:

Для Г.г. городскихъ подписчиковъ по 1 руб. за раму со стекломъ. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, онѣ уступаются за 4 р. 50 коп., а при покупкѣ не менѣе 10 рамъ—за 8 р. 50 коп.

Г.г. иногороднымъ подписчикамъ рамы высылаются **безъ стеколъ,** вслѣдствіе того, что не смотря на тщательную упаковку, стекла въ дорогѣ легко могутъ разбиться.

Г.г. московскіе подписчики благоволятъ обращаться за рамами въ контору **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи), гдѣ онѣ продаются (безъ стеколъ) по 1 р. за раму. Покупающимъ не менѣе 5 рамъ, таковыя уступаются за 4 р. 50 к., а при покупкѣ 10 рамъ за 8 р. 50 коп.

Требованія г.г. иногороднихъ исполняются лишь при условіи выписки **не менѣе пяти рамъ**— единовременно. **Цѣна** за 5 рамъ (со вставленными картонами и безъ стеколъ), съ ящикомъ и упаковкою **4 рубля**, а при выпискѣ не менѣе **10 рамъ—7 р. 50 к.**, съ ящикомъ и упаковкою.

Рамы высылаются по желѣзной дорогѣ или черезъ транспортную контору и стоимость пересылки ихъ уплачивается адресатами на мѣстѣ, при полученіи ящика.

Рамы сдѣланы **подъ орѣхъ, съ рѣзьбою, золотымъ ободкомъ и со стекломъ**. Въ каждую раму вставленъ картонъ, на которомъ должна быть укрѣплена картина, такъ что всякій можетъ вставить картину самъ, не прибѣгая къ помощи переплетчика.

Съ требованіями просятъ обращаться **въ СПБ.**, въ контору журнала **„Нива"**, Невскій, 6.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Въ концѣ года, при наплывѣ подписчиковъ, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять **огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ**, а городская почта въ **послѣдніе дни передъ праздниками** принимаетъ лишь небольшие списки новыхъ подписчиковъ. **Въ виду этого и во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ Гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву" 1893 года ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.**

ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

съ портретомъ автора, гравированн. на стали, и фа симиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія.

3 тома in 8, более 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошн. коленкор. перепл. съ золот. тиснен.— **8 р., съ перес. 9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы" — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе

ГЁТЕ „ФАУСТЪ"

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы" 35 р., пересылка за 35 фунт. по разстоянію.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 р., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы" 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, въ СПБ.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя **красками**, на 1892 г., по показанному образцу, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

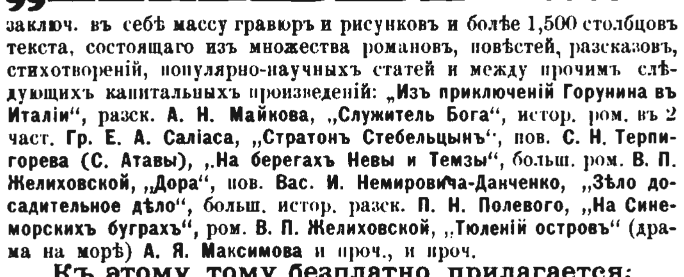
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"): 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

РОСКОШНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

23 декабря 1892 г. поступитъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ" 1892 г.



заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: **„Изъ приключеній Горунина въ Италіи"**, разск. **А. Н. Майкова**, **„Служитель Бога"**, истор. ром. въ 2 част. **Гр. Е. А. Саліаса**, **„Стратонъ Стебельцынъ"**, пов. **С. Н. Терпигорева (С. Атавы)**, **„На берегахъ Невы и Темзы"**, больш. ром. **В. П. Желиховской**, **„Дора"**, пов. **Вас. И. Немировича-Данченко**, **„Зѣло досадительное дѣло"**, больш. истор. разск. **П. Н. Полевого**, **„На Синеморскихъ буграхъ"**, ром. **В. П. Желиховской**, **„Тюленій островъ"** (драма на морѣ) **А. Я. Максимова** и проч., и проч.

Къ этому тому безплатно прилагается:

1) **Двѣнадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ"**, состоящихъ изъ роман., повѣст., разск., стихотв., научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: **„Май мѣсяцъ въ Петербургѣ"**, очеркъ **И. А. Гончарова**, **„Городъ и деревня"**, пов. **Д. В. Григоровича**, **„Соломонія Сабурова"**, ист. разск. **Сизова**, **„Шарикъ"**, разск. **Г. П. Данилевскаго**. **„Другъ друга не поняли"**, разск. **Н. Д. Маслова**, **„Какъ они разошлись"**, разск. **Вас. И. Немировича-Данченко**, **„Борисъ Кутлинскій**, пов. **кн. М. Н. Волконскаго**, **„Исторія двухъ зипуновъ"**, разск. **П. Н. Полевого**, **„Умники"** пов. **П. Д. Боборыкина**, **„Такіе дни"**, разск. **гр. Е. А. Саліаса**, **„Сорвалось"**, разск. **И. Н. Потапенко**, **„Юдоль"**, рапсодія **Н. С. Лѣскова**, **„У отца Іоанна Кронштадтскаго"**, разск. **И. Щеглова"**, **„Довѣренное лицо"**, разск. **кн. М. Н. Волконскаго** и пр. **Стихотворенія**: А. Александрова, В. Величко, Д. Мережковскаго, К. Фофанова и др. Научная лѣтопись, **задачи**, игры, библіографія, смѣсь и пр. **Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ полныя собранія сочиненій: И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова.**

Каждое собраніе сочиненій издано въ видѣ **отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ** гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

2) **Художественный альбомъ „НИВЫ", заключающій въ себѣ:**

10 КАРТИНЪ, исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: **Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковскаго, Навозова.** Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7½ вершк. ширины. Картины выдаются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью акад. **С. Александровскаго.**

3) **12 №№** ежемѣсячнаго приложенія **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ"**, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

4) **12 ЛИСТОВЪ** ежемѣсячнаго приложенія **рукодѣльныхъ и выпильныхъ** работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральн. величину.

Цѣна полному экземпляру „НИВЫ" со всѣми приложеніями **5 р.** На пересылку слѣдуетъ прилагать **за 22 фунта** по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошн. коленкор. переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ" 1 р. 60 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ" (3 переплета „Сборника") и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Полежаева и Кольцова (4 переплета) 1 р. 75 к. Пересылка переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ" за 1892 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется 9 р. **Пересылка на счетъ заказчика.**

Попечительство о слѣпыхъ.

Б. Конюшенная, № 1, кв. 24.

Открытое въ 1881 году **Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ** посвящаетъ главнѣйше свою дѣятельность обученію слѣпыхъ доступнымъ имъ ремесламъ и подготовленію ихъ къ самостоятельному труду.

Для облегченія такимъ слѣпцамъ сбыта ихъ издѣлій, Попечительствомъ открыты **въ С.-Петербургѣ два магазина**: одинъ по Загородному просп., № 6, близь Владимірской ул., а другой при училищѣ слѣпыхъ на Аптекарскомъ островѣ, Песочная ул., д. № 37, въ которыхъ продаются, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ и лучшей доброты, всякаго рода **щетки**, разныя плетеныя изъ ивы **корзины, стулья, столы** и т. д., плетеные изъ соломы и суконныхъ кромокъ **ковры и маты** и всякія **женскія рукодѣлія**.

Тамъ же принимаются заказы на всѣ поименованные предметы. № 6110

СИБИРСКОЕ ТРИКО

чистой новой шерсти, 2 арш. ширины, отъ 1 р. 60 коп. арш., сукно (неворсов.) 1 р. 35 коп., по прочности и дешевизнѣ незамѣнимы для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ, охотничьихъ, для гг. чиновниковъ, контористовъ, техниковъ, помѣщиковъ, врачей и проч.

Иногороднымъ высылаются образцы и исполняются порученія на особо льготныхъ условіяхъ.

Магазины: СПБ., Владимірская, № 6; Васил. Остр., 4-я линія, домъ 53; Рига, Больш. Новая улица, 15. № 6053 10—5

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

№ 5930 (4)

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. **Цѣна 50 коп.** Остерегаться **поддѣлокъ**. Требовать подпись **А. ЭНГЛУНДЪ** *красными чернилами*. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева**. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Подробное объявленіе высылается за 6 двухконѣечныхъ марокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1893 годъ. ежемѣсячный Изд. годъ 3-й.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МУЗА"

Музыкальный журналъ „МУЗА" будетъ выходить 20-го числа каждаго мѣсяца **тетрадями нотъ** въ 30—34 страницъ большаго **формата**.

„МУЗА" помѣщаетъ на своихъ страницахъ пьесы для **фортепіано** въ 2 и 4 руки, **романсы, танцы**, дѣтскія пьески и пѣсенки, сочиненія для **скрипки**, для **віолончели**, народныя пѣсни и мн. др.

„МУЗА" печатаетъ **исключительно** сочиненія, имѣющія **безспорное** значеніе въ музыкальномъ отношеніи и по **красотѣ** мелодій представляющія наибольшій интересъ для каждой **музыкальной семьи**.

„МУЗА" имѣетъ дѣтскій отдѣлъ, назначенный служить пособіемъ при музыкальныхъ занятіяхъ съ дѣтьми.

Одновременно съ первою тетрадью музык. журнала **„МУЗА"**, гг. подписавшіеся на 1893 годъ получатъ

РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ:

АЛЬБОМЪ ОПЕРНЫХЪ ФАНТАЗІЙ

подъ заглавіемъ № 6118

„ОПЕРА ВЪ САЛОНѢ"

безплатно. 3—1

За прежніе годы всѣ экз. **„МУЗЫ"** распроданы.

Подписная цѣна въ годъ. . 4 р. 50 к.

Съ доставкою и перес. . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается у **А. Битнера**.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 23.

НА ЮГЪ!!

политико-экономич. поэма Ивана Волгина.

I. **Югъ и Сѣверъ**. А. Картины Юга. Б. Сѣверный край. В. „Взаимно нужны мы другъ другу,—Югъ Сѣверу, а Сѣверъ Югу"...

II. **Пути къ Югу**. Прошлое. Судьба Волги. Географическое хозяйство. Оживленіе пустыни. Прогрессъ.

III. **Что намъ нужно?** Круговой путь культуры. Колонизація. Океанъ. Народное образованіе. Въ будущемъ.

IV. **Южные братья**. Два ига. Будущіе друзья. Славяне. Палестина. Абиссинія. Мусульмане. Индія. Китай. Японія. Малайя. Австралія. Кораллада. Новая жизнь. Развѣнчанные кумиры. Заключеніе.

Продается въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и друг. Цѣна 80 коп., съ пересылкою 1 руб. № 6115

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ .	фл. 80 к.
Шведскій зубной порошокъ .	кор. 50 к.
Шведская зубная паста. . .	кус. 30 к
Шведская миндальная вода .	фл. 75 к.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПБ.

Парфюмеръ I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 9 р. 50 к. **„Лилипутъ"** удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, больніе и тяжелые бинокли.

2—2 **Е. КРАУСЪ и К°.** № 6090

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ **Парижъ. Rue de Bondy, 32.**

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ курантъ оптич. и фотограф. прибор. высыл. **каждый** за семи коп. поч. марку.

МАГАЗИНЪ

КОВРОВЪ и МАТЕРІЙ для МЕБЕЛИ СПЕЦІАЛЬНО

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Зеркальная линія, по Садовой улицѣ

№ 56. КАШИНЦЕВА. № 56.

Домъ существуетъ съ 1766 года.

Шелковыя, шерстяныя, пеньковыя и бумажныя мебельныя матеріи, лучшихъ иностранныхъ и русскихъ фабрикъ. Ковры бархатные, булавчатые русскіе и иностранные, всевозможныхъ размѣровъ и цѣнъ. Эксминстеръ и Восточные ковры. Тюль, гардины, ламбрекенъ, покрывала. Скатерти, антимакассары, всѣхъ сортовъ и величинъ. Готовыя портьеры и сторы. Аграманты, кисти и шнуры. Кустарныя издѣлія.

Почетный отзывъ Парижской выставки 1889 года.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ магазинъ закрытъ. № 6119

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ"

Подписная цѣна газеты на 1893 годъ.

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ 30 „	„ 1 „	1 „ 50 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости" будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ **Москву**, въ **контору „Русскихъ Вѣдомостей"**, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается **разсрочка**, при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 руб. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 руб. № 6086 3—2

Объ изданіи новаго иллюстрированнаго журнала

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ"

Издатель петербургской газеты „Новости" задался мыслью создать художественный журналъ, который еженедѣльно давалъ-бы читателямъ иллюстрированные обзоры текущей общественной жизни въ исполненіи первоклассныхъ художниковъ и писателей и примѣнительно къ цѣлому ряду требованій, не находящихъ себѣ еще удовлетворенія въ существующей нынѣ иллюстрированной печати. Каждый иллюстрированный обзоръ долженъ представлять собою, по возможности, объективное, безпристрастное, незлобивое и строго-приличное отраженіе дѣйствительности за ближайшій промежутокъ времени. Осуществленіе этой задачи требуетъ преодолѣнія массы самыхъ разнообразныхъ техническихъ трудностей, но издатель журнала не пощадитъ никакихъ нравственныхъ усилій и матеріальныхъ средствъ для того, чтобы достойнымъ образомъ справиться съ этой тяжелой задачей.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ"

выходитъ по четвергамъ.

Подписная цѣна журнала: безъ доставки и пересылки: на 1 годъ—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 75 к. Съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 руб., на 2 мѣс.—1 руб.

За ноябрь и декабрь 1892 года гг. подписчики—городскіе и иногородные—уплачиваютъ только **одинъ рубль**.

Подписывающіеся на „Новости" вмѣстѣ съ „Петербургской Жизнью" на 1893 годъ доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ на „Новости" только одинъ рубль.

Отдѣльные №№—15 к.

Письма и деньги адресуются: „Петербургъ, Контора газеты „Новости", Невскій, 10".

Издатель О. К. НОТОВИЧЪ.

Открыта подписка на ежедневную газету

„НОВОСТИ"

1893 ГОДА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1-е (большое) изданіе.

	На годъ. р. к.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Безъ доставки . . .	14 50	13 —	12 —	10 50	9 80	9 —	8	6 80	5 50	4 —	2 80	1 50
Съ доставкой въ СПБ.	16 —	15 —	18 50	12 —	11 —	10 —	9	7 50	5 80	4 50	8 30	1 80
Съ перес. иногородн.	17 —	15 50	14 50	13 50	12 50	11 30	10	8 50	7 —	5 50	4 —	2 —
За границу	26 20	24 50	23 —	21 —	18 50	16 —	14	12 —	10 —	8 —	6 —	3 50
на 2-е (малое) изданіе:												
Съ доставкой въ СПБ.	9 —	8 50	8 —	7 50	7 —	6 50	6	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
Съ перес. иногородн.	10 —	9 50	9 —	8 50	8 —	7 —	6	5 —	4 —	3 —	2 —	1 —
За границу	18 —	—	—	—	—	—	10	—	—	6 —	—	2 —

Подписывающіеся на „НОВОСТИ" вмѣстѣ съ „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНЬЮ" доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ на „Новости" только одинъ рубль.

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою; взносы по разсрочкѣ производятся: гг. иногородними подписчиками: **1-го изданія** при подпискѣ—7 руб. (вмѣстѣ съ журналомъ „Петербургская Жизнь" 8 р.), въ концѣ марта—7 р. и въ началѣ августа—3 руб.; городскими: при подпискѣ—5 р. 50 к. (вмѣстѣ съ журн. „Петербургская Жизнь" 6 р. 50 к.), въ концѣ марта—5 р. 50 к. и въ концѣ іюня—5 р. **2-го изданія иногородними при подпискѣ—4 р. (вмѣстѣ съ журн. „Петербургская Жизнь" 5 р.), въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюня—3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р. (вмѣстѣ съ журналомъ „Петербургская Жизнь" 4 р.) въ концѣ марта—3 р. и въ концѣ іюля—3 р. Подписка принимается только съ 1 чис. кажд. мѣс. и не далѣе конца текущаго года.**

Деньги и письма адресуются: въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „Новости" (Невскій, № 10). Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости".

№ 6120 Редакторъ-издатель О. К. Нотовичъ.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЫ

въ 12 р., 15 р., 20 р. и до 100 р.

ФЛЕЙТЫ

отъ 2 до 60 руб.

и всѣ другіе духовые инструменты реком. въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ 4—2

Ц. № 6006

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва. Петровка, д. Волкова.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.

ОСВѢЖАЮЩАЯ ЛАВАНДУЛОВАЯ СОЛЬ

(Invigorating Lavender Salts).

Новая, весьма пріятнаго запаха, нюхательная соль. Если открыть пробку флакона на нѣсколько минутъ, то пріятный запахъ распространится по воздуху, освѣжая его. Только настоящ. въ флаконѣ, закупоренн. короною. **THE CROWN PERFUMERY C° 177 New Bond Street, London.** Прод. во всѣхъ лучш. парфюмерн. магазин.

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРКИ:

Аппаратъ для прорѣзанія и обметыванія петель 2 р. 50 к.◆ Штопальный аппаратъ 1 р. чинитъ чулки, полотно, матеріи и пр.◆Аппаратъ для шитья и починки перчатокъ 1 р. 50 коп. Единств. Агентство: СПБ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. **Заказы исполняются немедленно.** Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣт. и подарковъ за 10 к. марку.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 г. НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

8-й годъ изданія.

Москва, Долгоруковская ул., № 71.

Еженедѣльное изданіе, необходимое для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ, для школъ и во всякой семьѣ. Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты, указанія и понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ, со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства. **Каждый подписчикъ получитъ:**

1) **50 №№** „Ремесл. Газеты".

2) 100 листовъ рисунковъ образцовыхъ издѣлій: для столяровъ, обойщиковъ, слесарей, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ (моды Руссела и др.) и пр.

3) Календарь для ремесленниковъ и

4) Альбомъ новѣйшихъ рисунковъ по разнымъ ремесламъ.

Этотъ альбомъ будетъ разосланъ вмѣстѣ съ № 1 „Рем. Газ."

Каждый подписчикъ найдетъ въ „Ремесленной Газетѣ" **много такихъ указаній, которыя принесутъ ему значительныя выгоды.** Редакція сверхъ того оказываетъ возможное содѣйствіе гг. подписчикамъ отвѣтами на разные ихъ запросы.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями: 6 р. въ годъ съ перес. и доставкой, за ½ года 4 р.

„Ремесленная Газета" одобрена Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія. № 6121

МѢДНЫЯ КЛИШЕ, ГРАВИРОВАНІЕ НА ДЕРЕВѢ

КЛИШЕ

А. У Р О, С.-Петерб., Загородный пр., д. 5.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ можно купить изъ первыхъ рукъ на фабрикѣ **L. P. Schuster in Markneukirchen in Sachsen.** Иллюстрированный каталогъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ, цитръ, гитаръ, барабановъ, струнъ, музыкальныхъ принадлежностей, гармоникъ, музыкальныхъ произведеній высылается безплатно и франко. № 6060 (4)

Обращаться съ требованіями можно на нѣмец., француз. и англійск. языкахъ.

ПОДПИСКА на 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ"

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ" остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „РУССКАЯ ЖИЗНЬ" была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ. № 6079 7—4

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: **На годъ—9 руб., на полгода—5 руб., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; за границу: на годъ—17 руб., полгода 9 руб.**

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднымъ, желающимъ ознакомиться съ **„РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ"**, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за **восемь** семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: **С.-Петербургъ, Большая Морская, 21.** Редакторъ-Издатель **А. Пороховщиковъ.**

БИБЛІОТЕЧКА СТУПИНА

ИЗЯЩНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ

ДѢТСКІЯ КНИЖКИ. Р. № 6109

Азбука-картинка	Рисовальщикъ.	Проказы Мишки.
Первинка. Кошка	Ариемет. Крошка	Чудес. животныя
Азбучка Крошка.	Поздр. стихотв	Лисичка-сестр.
Франц. азбучка.	Всего по немногу	О Рыбакѣ и Рыбк.
Книжка Малютка	Матушка Москва	О Царѣ-Салтанѣ.
Бабуш. сказки.	Старик.-Годовик.	О купц. Остолопѣ
Дѣтки-малолѣтк.	Русскія басни.	О мертв. Царевн.
Дѣтскія пѣсенки	Крѣпост. Зайчики	О Золот. Пѣтушкѣ
Балагуръ. Забава	Красн. Сарафанч.	Кон.-Горбунокъ.
Ручн. тѣни. Елка	Освобожд. Руси.	Царь Богатырь.
Игра въ солдаты	Царства природ.	Алеша Поповичъ
Чародѣй. Колосья	Удив. червячокъ.	Садко и Буслаевъ
Приключ. Коли.	Собака. Обезьяна.	Илья Муромецъ.
Степк. Растрепк.	Слоны-Забавники	Добрын. Никитич.

по 10 коп. (На рубль высыл. 10 книжекъ).

ПОЛУЧАТЬ МОЖНО У ИЗДАТЕЛЯ

А. Д. СТУПИНА

МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ УЛИЦА, рядомъ съ Ремесленной управой. Складъ въ С.-Петерб. у ТУЗОВА, КУЗИНА и ПАНАФИДИНА и у извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Россіи.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ. Январь.	Іюль.	По четвертямъ года. Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ СПБ. въ конторѣ журнала	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Печковской и магазинѣ Карбасникова	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ доставкой въ СПБ.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто **разсрочки**, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ г. **безъ повышенія годовой цѣны.** Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: *Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9;* въ *Москвѣ* въ конторѣ Н. Печковской, въ книжн. магаз. *Н. П. Карбасникова* и друг.

Въ теченіе 1892 г. въ „Сѣв. Вѣстн." было, между прочимъ, напечатано: **„Золото"**, ром. *Д. Мамина-Сибиряка*; **Жена**, пов. *А. Чехова*; **Севилья**, *В. Немировича-Данченко*; **Законныя жены**, очерки *Ольги Шапиръ*; **Трупъ**, разск. *П. Боборыкина*; **Vae victis**, отрывокъ неоконч. романа *Софьи Ковалевской*; **Петербургскій случай**, пов. *К. Баранцевича*; **Грани жизни**, ром. *А. Луговаго*; **Общество грамотности**, разск. *Каронина*; **Передъ чѣмъ-то**, *П. Боборыкина*; **Обида**, пов. *А. Шеллера* (Михайлова); **Дневникъ Маріи Башкирцевой**; **Софья Ковалевская** (Что я пережила съ нею и что она разсказывала мнѣ о себѣ), *Леффлеръ ди-Кайянелло*, перев. со шведск. Статьи: **Неурожаи въ Россіи и ихъ причины**, *Л. Весина*; **Право и справедливость**, проф. *С. Муромцева*; **Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка**, проф. *Ѳ. Леонтовича*; **Наканунѣ новаго столѣтія**, проф. *Алексѣя Веселовскаго*; **Вѣнская музыкально-театральная выставка** и др. *В. Стасова*; **Кавалеры и круглоголовые**, проф. *Максима Ковалевскаго*; **Врагъ съ Востока**, *Влад. Соловьева*; **Борьба растеній съ засухой**, проф. *К. Тимирязева*; **Генрихъ Ибсенъ и его пьесы**, *Н. Минскаго*; **Судебная фотографія**, *И. Щегловитова* и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) **Областной отдѣлъ.** 2) **Земскій отдѣлъ.** 3) **Провинціальная печать.** 4) **Новыя книги.** 5) **Письма изъ Америки**, *В. Макъ-Гахана*; **Письма изъ Парижа**, *Роберъ де Серизи*; **Письма изъ Италіи**, *Л. Рускина*. 6) **Внутреннее обозрѣніе.** 7) **Политическая лѣтопись** проф. *А. Трачевскаго* и 8) **Литературныя замѣтки** *А. Волынскаго.* П. № 6117 2—1

Издательница **Л. Я. Гуревичъ.** Редакторъ **М. Н. Альбовъ.**

1893 ГОДЪ. ПРИНИМАЕТСЯ **ПОДПИСКА** 1893 ГОДЪ. № 6101 3 2

Самая распространенная въ Россіи

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СВѢТЪ"

сообщаетъ важнѣйшія правительственныя распоряженія, телеграммы, торговыя и другія извѣстія одновременно со всѣми большими, дорогими газетами хотя по цѣнѣ дешевле ихъ въ четыре раза.

● ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ●

съ доставкою въ спб. или пересылкою по имперіи

НА ГОДЪ Съ 1 января по 31 декабря **4 р.** **НА ПОЛГОДА** Съ 1 января или съ 1 іюля **2 р.** **НА ТРИ МѢС.** съ 1 янв. 1 апр. съ 1 іюля 1 окт. **1 р.**

СВѢТЪ и РОМАНЫ

ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ,

состоящимъ изъ произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, иллюстрированныхъ рисунками выдающихся художниковъ.

За 1 годъ: СВѢТЪ и 12 том. роман. 8 р.

За ½ года: СВѢТЪ и 6 том. роман. 4 р.

За 3 мѣс: СВѢТЪ и 3 том. роман. 2 р.

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ, Редакція газеты «Свѣтъ», Невскій, домъ № 136.

РЕДАКТОРЪ ИЗДАТЕЛЬ В. В. КОМАРОВЪ.

ВѢСТНИКЪ Иностранной Литературы на 1893 г.

съ доставкою и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.** № 6015 10—

Годъ 3-й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ въ Редакціи, Верейская, 16, соб. и въ Конторѣ Гостиный Дворъ, Магазинъ Пантелеева, № 63.

ПРІЯТНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ
ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКУ.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО

имѣетъ двойную выгоду. Неумѣющій можетъ посредствомъ верченія ручки артистически исполнять самыя трудныя пьесы, увертюры, танцы и проч., а играющій кромѣ того находитъ въ немъ обыкновенное піанино заграничной работы, прекраснаго тона и отдѣлки. Выборъ нотъ очень большой.

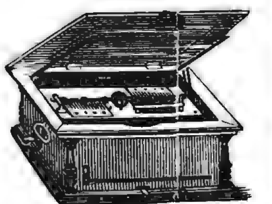
Цѣна безъ нотъ 600 р. и 750 р.
Ноты по 1 р. 25 к. за метръ(=1½ арш.).

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Механическій музыкальный инструментъ со струнами, оригинально пѣвучій тонъ, похожій на тонъ оркестра изъ мандолинъ.
Цѣна безъ нотъ 80 р. Ноты по 70 коп. за метръ (= 1½ арш.).

СИМФОНІОНЫ.

По тону подходятъ къ швейцарскимъ музыкальнымъ шкатулкамъ; вмѣсто вала — стальные нотные листы, которые легко мѣняются.



Съ ручной, безъ нотъ, 6 р. Ноты по 35 к.
Заводной, безъ нотъ, 16 р. Ноты по 35 к.
Заводной, 60 тонн., безъ нотъ, 30 руб. Ноты по 60 коп.
Заводной, 84 тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 коп.
Заводной, 84 тонн. „Sublime Harmonie", безъ нотъ, 80 р. Ноты по 1 руб.
Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Piccolo", безъ нотъ, 125 р. Ноты по 1 р. 50 коп.

Новость! Часы съ музыкой
(съ механизмомъ 100-тоннаго симфоніона), безъ нотъ, 250 руб. Ноты по 1 р. 50 коп.
Каталоги нотъ для этихъ инструментовъ и иллюстрированный прейсъ - курантъ безплатно.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
По полученіи задатка приблизительно ⅓ стоимости заказа требуемое высылается съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослыхъ и дѣтей
выучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дня. Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

ЗАИКАНІЕ

№ 6082 4—3

и другіе недостатки произношенія лѣчатся безъ помощи лѣкарствъ и операцій
Профессоромъ ЛЕОНОМЪ БЕРКАНОМЪ
[illegible] Институтъ для заикъ въ Марсели. СПБ. Невскій, 91, кв. 10. Пріемъ отъ 2—4 ч. д.

Только что поступилъ въ продажу

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ
СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно:

1) Профессора И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „Лунная ночь на берегу Черного моря близъ Сухумъ-Кале".
2) Академика А. Н. БЕНУА: „Вечеръ".
3) Профессора А. П. БОГОЛЮБОВА: „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ".
4) Профессора Н. Д. ДМИТРІЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО: „У колодца".
5) Натаніеля ЗИХЕЛЯ: „Фатьма".
6) А. М. КОТЛЯРЕВСКАГО: „Спряталась". (Сцена изъ малоросс. жизни).
7) Профессора Н. А. КОШЕЛЕВА: „Изъ дѣтства Петра Великаго".
8) Профессора Л. Ф. ЛАГОРІО: „Близъ Ай-Петри въ Крыму".
9) Профессора К. Е. МАКОВСКАГО: „Бояринъ".
10) В. И. НАВОЗОВА: „У яблоковъ".

Картины заключены **въ роскошную папку** (10 вершк. длины и 8 вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенную акварелью акад. **С. Ѳ. Александровскаго.** Каждая картина въ альбомѣ печатана **15—20 красками,** на лучшей **бѣлой бристольской бумагѣ,** и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ. На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Цѣна **3 р.** съ пер., для гг. подписчиковъ „Нивы" **2 р.** съ пер.

Требованія просятъ адресовать въ **СПБ—гъ,** въ Контору журнала „Нивы" (Невскій, 6).

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе
А. Ф. МАРКСА:

Полное собраніе стихотвореній
А. В. КОЛЬЦОВА

изданное подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ біографіею и портретомъ поэта, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. СПБ. 1892 г. Ц. 50 к., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 75 к. На пересылку слѣдуетъ прилагать по 20 коп. за экземпляръ.

Хотя изданныя до сихъ поръ стихотворенія А. В. Кольцова очень распространены въ Россіи, но въ нашемъ изданіи помѣщено **много новаго матеріала** (стихотвореній, варіантовъ и пр.), который до сихъ поръ еще не появлялся въ печати, и такимъ образомъ оно является **первымъ по полнотѣ** собраніемъ стихотвореній нашего поэта.

Съ требованіями на книгу просятъ обращаться въ **С.ПБ-гъ,** въ контору журнала **„Нива"**, Невскій, д. № 6.

СѢМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ В. Е. ГРАЧЕВА.

Продажа луговыхъ, [illegible], огородныхъ и цвѣточныхъ сѣмянъ.
СПБ., [illegible] полкъ, Дровяная улица, собств. домъ (противъ 12 роты).

I ЗАЕМЪ

съ выигрышами, 2 января тиражъ, продаетъ за наличныя и съ разсрочкою платежа.
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
59, НЕВСКІЙ, СПБ.
№ 6108 5—2

БРОКАРЪ и К°.
ИЗОБРѢТАТЕЛИ
№ 5633 6—6
ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
ГЛИЦЕРИНОВАГО МЫЛА СЪ ПРЕМІЕЙ
ГЛИЦЕРИНОВОЙ ПУДРЫ.

Собственный магазинъ: Невскій, 33, въ С.-Петербургѣ.

Ч. ГОФМАНЪ.
Русско-Американская
багетная и рамочная фабрика.
С.-Петербургъ.
Складъ фабрики: Невскій пр., д. № 11.
№ 5565 (13)

„НЬЮ-ІОРКЪ"
Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. **Руб. 265.748.783.**
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 октября 1892 г. Р. 2.614.937 95.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (25)
Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

КОНТОРА
ЕГОРА МАЙЕРЪ
въ Москвѣ
(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашеній, покорнѣйше просятъ **предъявить** неотлагательно (хотя разсчетъ по обмѣну производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмѣна на другіе, невышедшіе въ тиражъ. Ш. № 6097 3—2

Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою.

Всякія справки о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣты будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

Ц. № 5917 6—5

РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ПИШУЩАЯ МАШИНА 23—5
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. [illegible] отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № [illegible]
Единственный складъ для всей Россіи
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 31.

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подписчиковъ 2 объявленія: 1) отъ сѣмянной торговли В. Е. Грачева въ СПБ.; 2) отъ книжнаго магазина В. И. Губинскаго въ СПБ. (послѣднее за исключ. московскихъ подписчиковъ).

Дозвол. цензур., СПБ., 2 декабря 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. № 50

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выдавъ 12 декабря 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ніагарскій водопадъ зимою. Съ фот. грав. Лоэсъ.

Ніагарскій водопадъ зимою.

Грандіозный водопадъ С. Америки, скованный застывшими громадами, представляетъ въ высшей степени интересную, оригинальную по красотѣ картину. Рѣка Ніагара, соединяющая два озера Эріэ и Онтаріо, грозно-величественна въ своемъ теченіи. Но едва лишь подуетъ мертвящій природу сѣверный вѣтеръ и взломаетъ ледяные покровы Эріэ,—цѣлыя ледяныя горы рвутся въ р. Ніагару; безобразная ихъ масса толпится, страшныя глыбы неистово лѣзутъ другъ на друга и властно одолѣваютъ рвущіяся воды, скрывая ихъ подъ собою на долгіе зимніе мѣсяцы. Дикій ревъ падающихъ въ лѣтнее время водъ (около 35 т. кубическихъ саж. въ секунду), заглушающій пушечные выстрѣлы, и въ тихую погоду слышный на разстояніи 35—40 верстъ, часто зимою, точно потерявшій энергію, затихаетъ, точно умираетъ подъ безформенными глыбами льда. Въ это время множество путешественниковъ отправляются къ мѣсту водопада для того, чтобы пробраться по льду съ одного берега на другой. Дорога для этой оригинальной прогулки не легка; нужна подмога особыхъ палокъ съ желѣзными наконечниками и крюками, и необходимъ опытный проводникъ. Рѣка Ніагара (по мѣстному произношенію Нейегере) длиною не болѣе 50 верстъ, идетъ по границѣ штата Нью-Іорка и Канадской провинціи Онтаріо. Бурно рвется она при истокѣ изъ озера Эріэ и, пробѣжавъ около пяти верстъ, падаетъ съ высоты 60—70 саж., образуя феноменальное паденіе водъ почти въ двѣ версты шириною; затѣмъ, у образовавшагося острова Гаат-Исланда (козьяго), развѣтвляется на два неравные рукава. Оба водораздѣла сливаются опять въ бѣшеный потокъ, промываютъ глубокое русло, образуя мрачное ущелье въ отвѣсно стоящихъ каменныхъ стѣнахъ. Пробѣжавъ десять верстъ по страшному коридору, Ніагара точно смиряется послѣ гигантскаго дѣла, спокойно и весело бѣжитъ въ озеро Онтаріо.

Глазомѣрная съемка.

Картинка съ натуры **Моховнина.**

Къ подъѣзду дома, занимаемаго поручикомъ Ахматовымъ, подвели двухъ осѣдланныхъ лошадей. Вскорѣ дверь отворилась, и на крыльцо вышелъ драгунскій офицеръ лѣтъ 23-хъ, средняго роста, съ черненькими усиками и едва пробивающейся бородкой.

— Здорово, Бондаренко! обратился онъ къ солдату, державшему лошадей.

— Здравія желаю, отвѣчалъ тотъ, весело глядя на красивое и доброе лицо молодаго офицера.—Ваше благородіе, продолжалъ онъ,—далеко изволите ѣхать? У Машки правая передняя подкова хлябаетъ.

— Научишься ты когда-нибудь называть лошадь настоящимъ ея именемъ?!—Машка, да Машка! Повтори: Ядвига.

— Итьвика, проговорилъ Бондаренко, виновато улыбаясь.

— То-то-же! Мы поѣдемъ, не торопясь, въ Новопанское, подкова выдержитъ. Давай!

Бондаренко, не выпуская поводьевъ своей лошади, одной рукой взялъ подъ-уздцы Ядвигу, а другой натянулъ правое стремя. Стройная, рыжая кобылка, на тонкихъ ногахъ и съ выточенной шеей, нервно задвигалась на мѣстѣ.

— Тпрр...прр!.. Стой, Машка! обратился къ ней солдатъ.

Ахматовъ разобралъ поводья, вложилъ въ стремя лѣвую ногу и, высоко перенеся правую черезъ крупъ, мягко опустился на сѣдло. Ядвига рванулась было, но, почувствовавъ поводья въ хорошо извѣстной ей хозяйской рукѣ, покорно согнула шею и, пожевывая удила, шагомъ тронулась съ мѣста.

Драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Ахматовъ, стоялъ въ уѣздномъ городѣ, находившемся, сравнительно, въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другіе уѣздные города: кромѣ положенной администраціи, тамъ стоялъ кавалерійскій полкъ, находился окружный судъ, и имѣлся клубъ, въ которомъ ежедневно собиралось нѣсколько человѣкъ для игры въ карты, а разъ въ мѣсяцъ устраивались балы, собиравшіе не однихъ только городскихъ жителей, но и окружныхъ помѣщиковъ съ женами и дочерьми.

На одномъ изъ этихъ баловъ прошедшею зимою, появилась новая дама—жена мироваго судьи Никольскаго, только-что вышедшая за него замужъ, хорошенькая блондинка съ черными глазами. Она, разумѣется, имѣла большой успѣхъ, еще болѣе увеличенный въ глазахъ провинціаловъ тѣмъ, что Софья Михайловна пріѣхала въ эту глушь изъ Москвы. Мужъ ея давно былъ извѣстенъ полку, жилъ въ 12-ти верстахъ, въ своемъ имѣніи Новопанскомъ, до женитьбы часто ѣздилъ въ городъ, чтобы отвести душу съ господами офицерами, и—сколько-бы съ ними ни выпивалъ, никогда никто не видалъ его окончательно захмѣлѣвшимъ. Очень ужь онъ былъ здоровъ и крѣпокъ: лѣтъ ему было сорокъ, средняго роста, въ плечахъ—косая сажень, брюнетъ, съ коротко остриженными волосами и бородой. Служилъ онъ прежде въ военной службѣ; поселившись-же въ деревнѣ,—былъ выбранъ въ мировые судьи, постановлялъ строгіе приговоры и сталъ грозой для провинившихся. Блѣдное лицо его никогда не улыбалось.

— Смотри, шутливо говорили Ахматову его товарищи,—не ухаживай за Софьей Михайловной, достанется тебѣ отъ Никольскаго.

А между тѣмъ образъ Софьи Михайловны неотступно преслѣдовалъ за послѣднее время молодаго человѣка; да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, было ему не увлечься! Изъ всей толпы поклонниковъ, окружавшихъ хорошенькую блондинку, она оказывала ему явное предпочтеніе, принимала охотно его руку, чтобы пройтись между танцами, часто выбирала его въ мазуркѣ и кокетливо обѣщала свою дружбу, если онъ съумѣетъ заслужить ея довѣріе. Ахматовъ пользовался всѣми случаями, чтобы чаще видѣть Софью Михайловну, умѣлъ узнавать всякій разъ, когда она бывала въ городѣ и, будто невзначай, заходилъ въ тѣ дома, гдѣ могъ ее встрѣтить. Въ Новопанское онъ ѣздилъ рѣдко: присутствіе мужа, подозрительно, какъ ему казалось, поглядывавшаго на него, стѣсняло его. Смущался онъ еще и тѣмъ, что Софья Михайловна нисколько не мѣнялась при мужѣ, держала себя точь-въ-точь такъ-же, какъ и въ его отсутствіи, такъ-же кокетничала и шутила. „Не дурачитъ-ли она меня?“ приходило ему въ голову.

Съ наступленіемъ лѣта, у города состоялся большой лагерный сборъ: пришла дивизія пѣхоты, полкъ кавалеріи, артиллерія: —ежедневно начались ученія. Все время отъ утра до вечера было занято службой, и Ахматову давно уже не удавалось встрѣтиться съ М-me Никольской. Обыкновенно, въ теченіе двухъ, трехъ дней послѣ того, что онъ ее видѣлъ, впечатлѣнія послѣдней встрѣчи всецѣло занимали его, гдѣ-бы онъ ни былъ, что бы ни дѣлалъ—передъ нимъ стоялъ образъ Софьи Михайловны. Ему вспоминались малѣйшія подробности разговора съ ней, выраженіе ея лица, ему казалось, что онъ жить безъ нея не можетъ; но дни чередовались, интересы текущей жизни постепенно охватывали его и, незамѣтно для самого себя, онъ до того успокоивался, что могъ и ѣсть, и спать, и дѣломъ заниматься...

Въ приказѣ по полку значилось, что всѣ строевыя ученія на завтрашній день отмѣняются и гг. офицерамъ предписывается произвести глазомѣрную съемку верхомъ; для полученія заданій—собраться утромъ у командира полка. Къ семи часамъ вечера того-же дня съемки должны быть представлены.

На столѣ въ кабинетѣ полковника лежалъ листъ бумаги съ написанными заданіями.

— Не угодно-ли, господа, самимъ выбрать направленіе, сказалъ полковникъ, указывая на списокъ.

„Рѣшительно мнѣ помогаетъ счастливая звѣзда“, подумалъ Ахматовъ, увидѣвъ между прочими задачами: N. N. (названіе города), тире, Новопанское; и онъ четко написалъ свою фамилію противъ этихъ двухъ словъ.

Когда Ахматовъ въ сопровожденіи вѣстоваго выѣхалъ изъ дома, было два часа. Погода стояла жаркая. Солнце, казалось, прожигало насквозь.

Выѣхавъ изъ города, Ахматовъ снялъ надѣтую черезъ плечо доску съ прикрѣпленной на ней бумагой, и приготовился чертить, но Ядвига, почувствовавъ, что поводъ брошенъ, потянула рысью. Пріудержавъ ее и успокоивъ голосомъ, Ахматовъ принялся за дѣло.

Бондаренко, не запинаясь, разрѣшалъ всѣ предлагаемые ему вопросы. Доѣхавъ до мостика, Ахматовъ спросилъ его, какъ онъ думаетъ, можетъ-ли тутъ пройти артиллерія? Мостъ состоялъ изъ перекинутыхъ съ одного берега топкаго, болотистаго ручья на другой двухъ почернѣвшихъ отъ времени балокъ, съ набросанными на нихъ сучьями и хворостомъ.

— Такъ точно, ваше б-діе, можетъ, успокоительнымъ тономъ отвѣтилъ Бондаренко.—Мостъ, извѣстно, и не вынесетъ чего добраго такой тяжести, да лошадки низомъ вытянутъ, ваше б—діе!

Вообще, Бондаренко не признавалъ никакихъ затрудненій при исполненіи воли начальства. За это качество Ахматовъ любилъ и цѣнилъ его и, какъ образчикъ исполнительности своего вѣстоваго, съ восторгомъ разсказывалъ, какъ онъ послалъ его однажды за извозчикомъ, но въ цѣломъ городѣ не оказалось свобод-

наго, и какъ онъ, Ахматовъ, въ окошко увидѣлъ Бондаренка, останавливавшаго извозчика съ какимъ-то господиномъ, и какъ послѣ долгихъ переговоровъ господинъ этотъ слѣзъ, Бондаренко занялъ его мѣсто и побѣдоносно подкатилъ къ крыльцу. Какими путями и доводами достигъ онъ цѣли—онъ не объяснилъ, а повторялъ только:

— Какъ же, ваше б-діе, никакъ не можно было такъ вернуться.

Чѣмъ дальше подвигались путники, тѣмъ сильнѣе занимала Ахматова мысль о предстоящей встрѣчѣ. Сначала, пока дорога шла извилисто и постоянно попадались одиночныя деревья, строенія, которыя слѣдовало наносить на карту, приходилось ѣхать шагомъ. Ядвига не сбивала болѣе на рысь: вытянувъ свою длинную, тонкую шею и медленно переступая съ ноги на ногу, она плавно покачивала всадника. Слѣпни и мухи досаждали ей; она на минуту останавливалась, встряхивалась всѣмъ тѣломъ, и, если Ахматовъ собирался въ это время поставить на бумагѣ кружокъ или точку,—по всей картѣ выходила длинная, ломаная запятая.

Послѣднія пять верстъ дорога шла пустынными полями, никакихъ замѣтокъ дѣлать не приходилось, и Ахматовъ, несмотря на жару и на то, что у Ядвиги подкова „хлябаетъ", тронулся крупной рысью. Воображеніе его рисовало радужныя сцены предстоящаго свиданія; съ каждой минутой любовь его все болѣе и болѣе разгоралась, сердце отъ переполнившаго его чувства и быстраго аллюра сильно билось. Ахматову стало хорошо на душѣ, а Ядвига такъ легко и охотно несла его, такъ мѣрно отбивала темпъ: разъ, разъ, разъ... онъ ощущалъ въ себѣ такой запасъ силы, молодости, веселья, и ясный, какъ радостная улыбка, день такъ соотвѣтствовалъ тому, что происходило въ немъ самомъ, что все существо его было объято безпредѣльнымъ счастьемъ.

Въѣхавъ въ деревню и миновавъ церковь, они повернули направо, вдоль садоваго плетня, и внеслись во дворъ господскаго дома. Бондаренко на ходу еще спрыгнулъ съ лошади, и не успѣлъ еще поручикъ остановиться у подъѣзда, какъ усердный вѣстовой держалъ уже потемнѣвшую отъ пота Ядвигу подъ-уздцы и старательно тянулъ правое стремя.

— Какъ это мило съ вашей стороны, m-r Ахматовъ, что вы не забываете друзей, сказала, встрѣчая его въ передней, Софья Михайловна.—На-дняхъ ко мнѣ пріѣхала сестра, очень милая барышня, можете за ней ухаживать и, надѣюсь, не соскучитесь.

Ахматовъ взглянулъ на нее съ упрекомъ и смѣшался. Онъ часто терялъ при ней голову, въ началѣ же каждой встрѣчи—непремѣнно.

— Вы слишкомъ скромны... проговорилъ онъ.

— Миша, Владиміръ Николаевичъ пріѣхалъ! Выходи, обѣдать пора! крикнула она мужу.

Въ сосѣдней комнатѣ что-то завозилось, раздались тяжелые шаги, дверь отворилась, и вошелъ Никольскій, въ шведской кожаной курткѣ и въ высокихъ простыхъ сапогахъ.

— Здравствуйте, юноша, пробасилъ онъ, глядя на Ахматова своимъ насмѣшливымъ взглядомъ.—Во-время пріѣхали: и водка на столѣ, и барыни все о васъ вспоминаютъ.

Ахматову показалось, что при этихъ словахъ глаза Никольскаго засвѣтились слишкомъ недружелюбно. Ему стало не по себѣ. Онъ ужь старался не глядѣть на Софью Михайловну, сегодняшній день особенно прелестную. На ней было широкое бѣлое платье, перехваченное пунцовымъ поясомъ, — туалетъ совершенно простой, но онъ былъ ей къ лицу, и Ахматову казалось, что никогда не видалъ онъ ее такой красивой, какъ сегодня. Вскорѣ появилась ея сестра, поразительно на нее похожая, съ такимъ же живымъ, красивымъ лицомъ и стройной талiей,—Екатерина Михайловна. Она съ любопытствомъ осмотрѣла Ахматова, протянула ему руку и смѣло заговорила, какъ со старымъ знакомымъ.

Перешли въ сосѣднюю комнату и сѣли за столъ.

— Ну, что же, выпьемъ по наперсточку, сказалъ Никольскій.

Дѣйствительно, къ водкѣ теперь были поданы обыкновенныя, небольшія рюмки, взамѣнъ прежнихъ, *холостыхъ* шкаликовъ съ полъ-стакана, съ надписями въ родѣ: „Пей, касатикъ,—свѣтъ увидишь".

— Женушкины нововведенія, замѣтилъ Никольскій, указывая на рюмки.—И предупреждаю—болѣе одной теперь пить не полагается.

При этихъ словахъ онъ ласково потрепалъ своей огромной, мохнатой рукой руку жены.

Во все продолженіе обѣда онъ болѣе съ гостемъ не говорилъ, не обращалъ на него никакого вниманія, много ѣлъ, ничего не пилъ и изрѣдка перебрасывался словами съ дамами. Прежней грубости и рѣзкости въ немъ не замѣчалось; онъ присмирѣлъ, будто слѣдилъ за собой; разговаривая не кричалъ и былъ осторожнѣй въ выраженіяхъ.

Неловкость, которую ощущалъ Ахматовъ отъ угрюмости хозяина, скоро исчезла. Молодой человѣкъ сталъ шутливо разсказывать о городскомъ обществѣ, о новостяхъ, о полковой жизни; дамы оживленно поддерживали бесѣду, которая приняла веселый, непринужденный характеръ.

— А съ Марьей Семеновной Хариной вы не знакомы? смѣясь спросилъ Ахматовъ Софью Михайловну.—Нѣтъ? Это здѣшняя помѣщица, немолодая уже, всю жизнь безвыѣздно прожившая въ нашемъ уѣздѣ. Въ прошломъ году поѣхала она куда-то на воды за границу полѣчиться и вернулась оттуда ярой протестанткой. Теперь у ней одинъ только разговоръ — о протестантствѣ. Съ кѣмъ ни встрѣтится—объ одномъ этомъ только и говоритъ. На-дняхъ я ей попался: полчаса продержала, да въ концѣ концовъ такъ на меня разсердилась... Страсть! Я сказалъ ей, что протестантство выдѣлилось изъ католичества. „Быть этого не можетъ, крикнула она, — католичество уже послѣ народилось!" — „Помилуйте, Марья Семеновна, говорю я ей, — само имя доказываетъ, что противъ чего-то протестовали, а въ данномъ случаѣ, именно, противъ католичества". — „Ну, ужь тамъ я, батюшка, не знаю, съ азартомъ набросилась она на меня, — противъ чего протестовали, но никогда не повѣрю, чтобы была религія древнѣе протестантизма!" И пошла, пошла! Я просто не зналъ, какъ мнѣ отъ нея спастись!

Дамы смѣялись.

— Да и въ городѣ у васъ много Гоголевскихъ типовъ, сказала Софья Михайловна. — Впрочемъ, я не всѣхъ еще знаю, потому не могу судить, но все-таки изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ нравитесь мнѣ одинъ вы.

„И такъ-таки говоритъ при мужѣ", подумалъ про себя Ахматовъ. — „Она смотритъ на меня, какъ на мальчишку, и хочетъ свести съ ума, чтобы послѣ насмѣяться".

Мысль о возможности сыграть глупую роль и стать забавой „бездушной кокетки" сильно охладила его воодушевленіе.

По окончаніи обѣда Никольскій сейчасъ же удалился, вѣроятно, спать, а остальное общество перешло на террасу.

— Что это съ вами сдѣлалось, Владиміръ Николаевичъ? спросила Софья Михайловна.—Вамъ взгрустнулось или вы устали?

— Я? Нѣтъ, я не усталъ... я задумался.

— Но мысли ваши, кажется, очень невеселыя, и чтобы ихъ перемѣнить, вотъ вамъ цвѣтокъ, приколите его на грудь и думайте о немъ.

Съ этими словами она сорвала красный піонъ и съ лукавой улыбкой подала его Ахматову.

Постники! Съ карт. Г. Розати, грав. Кезебергъ

— Вамъ извѣстно значеніе этого цвѣтка? вполголоса спросила его Екатерина Михайловна.

Такія тонкости, какъ разговоръ цвѣтами, не были знакомы Ахматову; онъ не зналъ, что собственно олицетворяется піономъ, но ясно видѣлъ, что съ нимъ кокетничаютъ. Въ сердцѣ опять закралась надежда, уныніе прошло, онъ вновь оживился.

Софья Михайловна, однако, не объяснила ему значеніе піона:

— Если вы этого не знаете, то узнаете впослѣдствіи, а пока сохраняйте піонъ и больше о немъ думайте.

Ахматовъ видѣлъ, что присутствіе его пріятно Софьѣ Михайловнѣ, что онъ ей симпатиченъ и что за нимъ признано право быть „ея" кавалеромъ; по крайней мѣрѣ сестра ея держалась въ сторонѣ, не предъявляла никакой претензіи на его вниманіе и ободряла его въ ухаживаніи за Софьей Михайловной.

Проведенный затѣмъ вечеръ былъ однимъ изъ такихъ, которые запечатлѣваются надолго: Ахматовъ не могъ-бы передать о немъ словами, это былъ рядъ впечатлѣній, съ полуслова понятыхъ намековъ и понятыхъ въ желаемомъ смыслѣ. Напримѣръ, Софья Михайловна сѣла за рояль и начала пѣть. Голосъ у нея былъ небольшой, не обработанный, но пріятный, и слова романсовъ она выговаривала съ чувствомъ. Ахматовъ слушалъ, не спуская съ нея глазъ. Запѣла она, между прочимъ, „Тройку" и при словахъ:

„Не теряйте дни златые
Ихъ не много въ жизни сей"

съ улыбкой обернулась на Ахматова. У молодого человѣка сердце захватило: онъ понялъ эту улыбку за поощреніе его любви, за обѣщаніе взаимности и рѣшился въ этотъ-же вечеръ провѣрить свою догадку. Нарочно-ли или случайно Софья Михайловна запѣла романсъ:

„Тихая, звѣздная ночь,
Трепетно свѣтитъ луна,
Страстно тебя я люблю
Въ тихую, звѣздную ночь"...

Слова эти тоже отвѣчали надеждамъ Ахматова. Онъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ и былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ взволнованъ, что отошелъ къ окну, чтобы выраженіемъ лица не выдать того, что въ немъ происходило.

— Вамъ надоѣло пѣніе, пойдемте гулять, сказала Софья Михайловна, вставая.

— Мнѣ ваше пѣніе никогда не можетъ надоѣсть, никогда!.. Я-бы вѣкъ цѣлый васъ слушалъ,—отвѣтилъ съ жаромъ Ахматовъ.

— Вы очень любезны, но говорите это не искренно. Если-бы въ самомъ дѣлѣ вамъ было пріятно наше общество, вы-бы сегодня не уѣхали, а остались-бы подольше.

— Вы... вы этого хотите?

— Но, можетъ быть, вамъ нельзя, вамъ будутъ непріятности по службѣ...

— Ахъ, мнѣ все равно! сказалъ онъ съ убѣжденіемъ. — Я остаюсь съ большимъ, съ большимъ удовольствіемъ, добавилъ онъ, пристально смотря въ глаза своей хорошенькой собесѣдницы, чтобы усилить значеніе своихъ словъ и видѣть, какое они произведутъ на нее впечатлѣніе.

Софья Михайловна такъ-же открыто глядѣла на него, она немного покраснѣла, лицо ея было серьезно, одни глаза улыбались.

— Ну, пойдемте гулять, сказала она. — Катя, ты пойдешь?

Екатерина Михайловна, очень занятая своей работой, вышиваньемъ, отказалась.

— Я вамъ покажу свое хозяйство, сказала Ахматову Софья Михайловна, когда они вышли въ садъ.—Единственное, что я пока умѣю дѣлать въ деревнѣ, это — разводить цвѣты. Вѣдь я прожила всю свою жизнь въ Москвѣ и объ овсѣ и соломѣ не имѣю никакого понятія.

Ахматовъ былъ очень взволнованъ: оставшись съ ней на нѣкоторое время вдвоемъ, онъ рѣшилъ приступить къ роковому объясненію и приближеніе этой минуты приводило его въ такой трепетъ, что онъ охотно-бы отказался отъ своего намѣренія и предоставилъ-бы событіямъ идти самимъ собою; но, съ другой стороны, ему приходило въ голову,—что, если она ждетъ и желаетъ, чтобы онъ высказался, тогда—молчать—значитъ проявить робость, столь презираемую женщинами въ мужчинахъ и вслѣдствіе этого упасть въ ея глазахъ и погубить дѣло. Онъ не зналъ, что онъ ей скажетъ, но рѣшилъ говорить сейчасъ-же, не теряя времени. Онъ совсѣмъ-было собрался съ духомъ, въ умѣ вертѣлась уже начальная фраза, онъ почувствовалъ въ себѣ вдругъ достаточно смѣлости, страхъ объясненія болѣе не пугалъ его, а былъ даже ему пріятенъ, но слова его не успѣли сорваться съ языка, потому что какъ разъ въ это время Софья Михайловна замѣтила:

— Кажется, дождикъ будетъ.

Ни въ тонѣ этой фразы, ни въ выраженіи лица собесѣдницы не было ничего такого, что могло-бы измѣнить его рѣшеніе. Между тѣмъ только что приготовленныя слова остановились въ горлѣ, кровь отъ вновь охватившаго его волненія бросилась въ голову и онъ не въ силахъ уже былъ вымолвить то, что за минуту передъ тѣмъ казалось ему такимъ легкимъ. Какъ ни негодовалъ на себя Ахматовъ, но рѣшился отложить объясненіе до другого раза. Допустивъ себѣ отсрочку, онъ ощутилъ облегченіе въ родѣ того, которое испытываетъ человѣкъ, избавившійся отъ опасности: онъ сразу успокоился, повеселѣлъ и снова затѣялъ тотъ легкій, съ примѣсью ухаживанья, разговоръ, который англичане называютъ flirt.

— Отчего вы не женитесь, Владиміръ Николаевичъ? Изъ васъ вышелъ-бы хорошій мужъ. Хотите, я васъ сосватаю?

— Благодарю васъ за участіе, но я не чувствую расположенія къ женитьбѣ. Особенно теперь... добавилъ онъ значительно.

Онъ замолчалъ и ждалъ, не спроситъ-ли она его, что-же такое теперь съ нимъ происходитъ особенное? Произошла пауза.

— Чтобы жениться, надо полюбить, сказалъ онъ. — Вотъ почему я еще холостъ.

— А когда вы полюбите, то непремѣнно женитесь? Знаете, я за васъ боюсь: молодые люди такъ неосторожны и такъ часто бываютъ опрометчивы;—имъ необходимо имѣть около себя человѣка положительнаго, совѣтомъ котораго они могли-бы пользоваться. Хотите, я займусь вашей будущностью?

— Съ восторгомъ и полнѣйшимъ довѣріемъ вручаю вамъ свою судьбу.

— Только помните, сказала она, смѣясь,—я буду требовать отъ васъ полной откровенности и не совѣтую что-либо отъ меня скрывать: я хорошій сердцевѣдъ и вижу даже то, о чемъ мнѣ не говорятъ.

— Вотъ какъ... Скажите-же въ такомъ случаѣ, имѣю я теперь что-нибудь на сердцѣ?

— Вы хотите меня провѣрить? Хорошо, но только направимся къ дому, скоро пора ужинать.

Они прибавили шагъ и нѣкоторое время шли молча. Лицо Софьи Михайловны стало серьезно, она задумалась. Ахматовъ замеръ въ ожиданіи.

— Вы отвѣтите на мой вопросъ? умоляющимъ голосомъ промолвилъ онъ, наконецъ.

— На какой? Ахъ, да! вспомнила она и съ улыбкой взглянула на сконфуженное и взволнованное лицо Ахматова. — Вы уже увлечены... вамъ нравятся... черные глаза!—Она разсмѣялась.

— Да, вы правы, тихо проговорилъ Ахматовъ. — Эти черные глаза я всегда вижу передъ собой... ими только и живу, ихъ только и могу любить!..

Въ это время они подошли къ дому и начали подыматься на террасу. Еще нѣсколько шаговъ и они очутятся въ комнатѣ, гдѣ присутствіе сестры и мужа положитъ конецъ разговору. Софья Михайловна взялась уже было за ручку двери.

— Еще одно слово, остановилъ ее Ахматовъ. Судорога схватила его горло, онъ хотѣлъ говорить, и не находилъ выраженій.

— Могу-ли я надѣяться... Умоляю, скажите: какъ относится ко мнѣ эта... эта блондинка?..

Софья Михайловна быстро къ нему обернулась, сухо проговорила: „я не сказала вамъ, что она блондинка", и исчезла въ дверяхъ.

Ахматовъ остался одинъ на террасѣ. Мучительныя чувства охватили его: оскорбленное самолюбіе и сознаніе, что онъ отвергнутъ, приводили его въ отчаяніе.

„Что я буду дѣлать, думалъ онъ, — и что отвѣчу мужу, если она все ему разсказала и онъ потребуетъ объясненій?..—я наговорю ему тогда дерзостей, онъ вызоветъ меня на дуэль вотъ самый легкій выходъ изъ моего положенія!"

Его размышленія были прерваны приходомъ Екатерины Михайловны.

— Что вы здѣсь дѣлаете одни, отчего не идете въ комнаты?

Къ счастью для Ахматова, такъ стемнѣло, что нельзя было разглядѣть выраженіе его лица.

— Я любуюсь вечеромъ, отвѣтилъ онъ, силясь придать голосу возможно спокойное выраженіе. — Посмотрите, какъ здѣсь хорошо...

И они, облокотясь на перила, стали разговаривать. Ахматовъ самъ не зналъ, что говорилъ, но старался говорить много и скоро, чтобы скрыть свое волненіе.

Между тѣмъ, верхушки деревъ зашелестили, закачались, затрепетала драпировка на балконѣ, пахнуло ароматной свѣжестью, и вдругъ со свистомъ и грохотомъ, неся передъ собою вертящійся столбъ пыли, налетѣлъ вихрь. Деревья рванулись, замахали вѣтвями, крупныя капли дождя застучали по крышѣ дома и дорожкамъ сада; ослѣпительно блеснула молнія, и, сливаясь въ одинъ гулъ съ громомъ, хлынулъ ливень.

Екатерина Михайловна не боялась грозы.

— Ахъ, какъ славно! повторяла она.

Величественное зрѣлище разыгравшейся стихіи оживило Ахматова. Онъ ощутилъ въ себѣ то же облегченіе, которое испытывала освѣженная природа послѣ гнетущаго зноя. Войдя въ домъ и встрѣтивъ Никольскаго, онъ былъ почти покоенъ.

— Будете въ другой разъ поэзіей заниматься? ласковымъ тономъ, но съ обычнымъ суровымъ выраженіемъ лица спросилъ Никольскій вошедшихъ.—Пойдемте ужинать, Соня ждетъ въ столовой.

Не безъ замѣшательства переступилъ молодой человѣкъ порогъ и украдкой взглянулъ на хозяйку. У ней былъ озабоченный видъ, она, казалось, была поглощена хлопотами объ ужинѣ. Когда сѣли за столъ, она не подымала глазъ со своей тарелки, молчала; разговоръ же поддерживали Екатерина Михайловна и Никольскій.

— Что ты такъ присмирѣла, Соня? спросилъ ее мужъ.—Тебя гроза напугала?

— Напротивъ, отвѣтила она,—я нисколько не испугана. Владиміръ Николаевичъ, сегодня какое число? спросила она Ахматова.

Взглядъ ея при этомъ какъ-то дрогнулъ и она покраснѣла.

— Пятнадцатое.

— Я долго буду помнить пятнадцатое число, медленно выговорила она.

Ни мужъ, ни сестра не придали значенія ея словамъ, за-то Ахматовъ просвѣтлѣлъ весь.

„Вотъ онъ отвѣтъ на мой вопросъ!" радостно мелькнуло у него.

Онъ потупилъ глаза, чтобы не выдать охватившаго его счастія.

— Хотя вы и военный человѣкъ, обратился къ нему Никольскій, — но я бы вамъ не совѣтовалъ отправляться въ такую погоду домой. Оставайтесь у насъ ночевать, а завтра утромъ—съ Богомъ.

— Владиміръ Николаевичъ остается у насъ на весь завтрашній день, вмѣшалась Софья Михайловна.—Или вы, можетъ быть, раздумали? лукаво спросила она, не глядя на Ахматова, очень занятая грибками на своей тарелкѣ.

— Если вы только позволите, смущенно проговорилъ онъ, между тѣмъ какъ въ душѣ его все пѣло отъ счастья.

Сидѣли еще за столомъ, когда вошелъ человѣкъ и доложилъ, что къ поручику пріѣхалъ изъ города деньщикъ по дѣлу. Деньщикъ этотъ, хохолъ Третьякъ, своей баснословной тупостью составлялъ чистое отчаяніе для Ахматова. Дамы, наслышавшіяся о немъ разныхъ анекдотовъ, просили, чтобы его позвали въ комнату напоказъ. Третьякъ, маленькаго роста, тщедушный человѣкъ, съ непомѣрно большой головой, рябымъ лицомъ, щетинистыми волосами, начинавшимися отъ бровей, и крохотными, блуждающими глазками, вошелъ, стуча сапогами, и неуклюже остановился.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Ахматовъ.

Третьякъ, держа руки по швамъ, браво проговорилъ, очевидно, заученную фразу:

— Ваше б—діе, тебя командиръ полка кликаетъ.

— Меня требуютъ?.. Для чего?

— Нэ моху знати, ваше б—діе.

— Да случилось тамъ что-нибудь?.. Ты ничего не слышалъ?

— Солдаты бачутъ—анаралъ пріѣхалъ.

— Какой генералъ?

— Якій-сь важный, каже главнокомандувущій, али якой другой.

Толку добраться было невозможно. Одно только было ясно Ахматову, что командиръ полка за нимъ послалъ и ѣхать слѣдовало сейчасъ же. Разставшись съ сожалѣніемъ съ Новопанскимъ и преисполненный впечатлѣній прожитаго дня, поручикъ въ 12 часовъ ночи сѣлъ на Ядвигу и, въ сопровожденіи своихъ двухъ солдатъ, рысью тронулся въ путь. Дорогой ему удалось вывѣдать отъ Третьяка еще одно обстоятельство,—именно, что сегодня вечеромъ полкъ, по приказанію пріѣхавшаго генерала, „погнали" на смотръ и что завтра утромъ ожидается парадъ. Ахматовъ предположилъ, что неожиданно пріѣхавшимъ начальствомъ былъ корпусный командиръ, не разъ уже налетавшій, какъ снѣгъ на голову, генералъ строгій, взыскательный, гроза подвѣдомственныхъ ему войскъ.

По догадкамъ Ахматова его могли ожидать большія непріятности. Съемка должна была быть представлена къ 7 часамъ вечера. Всѣ офицеры, вѣроятно, въ назначенное время находились уже на лицо, не было только одного его, Ахматова, котораго командиръ корпуса зналъ лично. Онъ могъ замѣтить его отсутствіе, спросить о причинѣ и узнать о его неисправности.

Корпусный командиръ зналъ Ахматова потому, что тотъ ежегодно бралъ на скачкахъ первые призы, образцово представлялъ на смотръ ввѣренную ему учебную команду и, кромѣ того, слылъ въ обществѣ за самаго воспитаннаго и ловкаго офицера въ полку. Онъ былъ въ модѣ, о немъ говорили, баловали, и генералъ неоднократно слѣдилъ одобрительнымъ взглядомъ за его танцами въ лагерной ротондѣ.

Вернувшись въ городъ, Ахматовъ бросился въ полковую канцелярію, гдѣ узналъ изъ приказа, что пріѣхалъ дѣйствительно корпусный командиръ, который произведетъ завтра, въ 9-ть часовъ утра, парадъ всему лагерному сбору. Сегодняшній вечеръ онъ дѣлалъ въ полку выводку лошадей.

Слѣдовало выяснить еще, замѣтило-ли высшее начальство отсутствіе Ахматова? Онъ отправился къ товарищамъ по эскадрону. Но они ничего опредѣлительнаго сказать не могли. Они говорили, что командиръ полка о немъ спросилъ, и разсердился, узнавъ, что онъ еще не возвращался, что корпусный командиръ, обходя фронтъ, остановился передъ ихъ эскадрономъ и о чемъ-то разговаривалъ съ полковникомъ, но о чемъ именно,—нельзя было разслышать.

Такъ мучившій Ахматова вопросъ до утра остался неразъясненнымъ.

Отъ волненія онъ не могъ долго заснуть, но мало-по-малу мысли его стали принимать другое направленіе. Образъ Софьи Михайловны началъ оттѣснять грозный ликъ разгнѣваннаго начальства, и когда молодой человѣкъ, наконецъ, задремалъ, то въ грезахъ ему представилось прелестное видѣніе въ бѣломъ платьѣ съ пунцовымъ кушакомъ.

„Не теряйте дни златые,
Ихъ не много въ жизни сей“

пѣла она, и притомъ такъ на него глядѣла, будто взглядомъ этимъ хотѣла ему сказать: „неужели ты еще сомнѣваешься, что я тебя люблю, что я твоя навѣки...“ „Я долго буду помнить пятнадцатое число“, шепталъ ему тотъ же сладкій голосъ.

Ахматовъ забылся въ самомъ счастливомъ настроеніи, и когда на слѣдующее утро Третьякъ заладилъ надъ нимъ: „Вставай, ваше б—діе! Пора, ваше б—діе!“—поручикъ открылъ глаза, ласково посмотрѣлъ на деньщика, улыбнулся и собрался было помечтать о чемъ-то очень пріятномъ, о чемъ именно—онъ еще не могъ вспомнить, но припомнитъ сейчасъ, какъ вдругъ лицо его омрачилось, онъ вскочилъ съ постели и началъ торопливо одѣваться.

Когда онъ сѣлъ у своего дома верхомъ, было половина восьмаго. Второй эскадронъ, въ которомъ онъ находился, ушелъ уже на военное поле, но Ахматовъ, тронувъ рысью, догналъ его еще въ городѣ. Эскадронный командиръ, ротмистръ Казинцевъ, темный брюнетъ, съ загорѣлымъ лицомъ и черными, сердито сверкавшими глазами, то придерживая на мѣстѣ горячившуюся подъ нимъ лошадь, то пуская ее въ галопъ, ѣздилъ около рядовъ и дѣлалъ замѣчанія насчетъ амуниціи, обмундированія и сѣдловки. Онъ волновался передъ смотромъ, мелькомъ взглянулъ на пристроившагося къ своему мѣсту Ахматова, не отвѣтилъ на его „здравствуй“ и, постепенно раздражаясь, продолжалъ распекать солдатъ. Выйдя на военное поле и увидѣвъ, что первый эскадронъ уже на мѣстѣ, онъ скомандовалъ „рысью“, пристроился къ нему и, вынувъ шашку, началъ ровнять.

— Гг. офицеры, возьмите направленіе! Корнетъ Сѣкиринъ, осадите немного! Поручикъ Ахматовъ, впередъ! Довольно! Первая шеренга на шагъ отъ офицеровъ! Кто тамъ на аршинъ высунулся впередъ?! бѣшено закричалъ онъ, пришпорилъ лошадь, съ мѣста поскакалъ и сразу осадилъ ее передъ вылѣзшимъ впередъ солдатомъ.

— Назадъ! Смотри у меня!.. яростно кричалъ онъ, оскаливая бѣлые, крѣпкіе зубы и потрясая шашкой.

— Здравія желаемъ! гаркнулъ первый эскадронъ въ отвѣтъ на привѣтствіе полковаго командира, шагомъ и съ озабоченнымъ видомъ ѣхавшаго по фронту.

— Смирно! Глаза направо! Гг. офицеры! съ неудовольствіемъ скомандовалъ Казинцевъ, не глядя на командира полка и повернувшись къ нему полу-оборотомъ.

При иныхъ обстоятельствахъ такая манера встрѣчать начальство показалась бы въ высшей степени непочтительной, да и самъ Казинцевъ на обыкновенномъ ученіи не позволилъ бы себѣ ничего подобнаго. Теперь же, въ виду опасности отъ предстоящаго смотра и общей отвѣтственности въ случаѣ его неблагопріятнаго исхода, отношенія между командирами полка и эскадрона упростились, и выказанное Казинцевымъ отсутствіе субординаціи никому не показалось недостойной для военнаго выходкой. У всѣхъ начальниковъ на душѣ была одна высшая забота, поглощающая всѣ остальныя—благополучно отбыть смотръ и угодить грозному корпусному командиру.

— Продолжайте, продолжайте! торопливо проговорилъ полковникъ.—Еще не готово?

— Гдѣ тутъ готово! съ сердцемъ отвѣтилъ эскадронный командиръ.—Имѣй я дѣло съ людьми—давно бы выровнялъ, а то, что прикажете дѣлать съ подобными олухами?!.. Охъ, примусь я за васъ! прохрипѣлъ онъ на солдатъ.

— Я думаю, лѣвый флангъ нужно шаговъ на десять осадить, сказалъ полковой командиръ.

— Слушаю-съ, сухо проговорилъ Казинцевъ, подумавъ про себя, что если и „этотъ“ начнетъ суетить и вмѣшиваться, то ранжировка до завтра не кончится.

Въ строю продолжалось еще нѣкоторое время движеніе, люди осаживали, подавались впередъ, отрывистымъ шепотомъ перебрасываясь замѣчаніями. Наконецъ эскадронъ былъ выровненъ въ одну струнку съ прочими эскадронами.

Войска лагернаго сбора были выстроены въ пять линій: въ первыхъ двухъ—пѣхота, въ третьей—артиллерія, въ четвертой и пятой—кавалерія.

Глухо и едва слышно долетѣла до драгунъ изъ первой линіи команда „смирно“ и, подхваченная десятками голосовъ, какъ эхо прокатилась по всѣмъ направленіямъ. Ахматовъ, стоя передъ своимъ взводомъ, видѣлъ, какъ на шоссе, примыкавшемъ къ военному полю, у группы верховыхъ лошадей остановилась коляска и изъ нея неуклюже, какъ-то бокомъ, вылѣзъ тучный генералъ—командиръ корпуса. Около верховыхъ лошадей засуетились; вѣроятно, садились въ сѣдло.

„Сейчасъ скомандуютъ, и по всѣмъ линіямъ грянетъ музыка. Уловлю-ли я отсюда эту команду?“ отъ нечего дѣлать думалъ про себя Ахматовъ.

Онъ напрягъ слухъ. Съ первой линіи, дѣйствительно, раздался голосъ, что-то такое прокричавшій, но это не была команда, и музыка не загремѣла. Тотъ же голосъ раздался вновь—Ахматовъ вздрогнулъ: ему показалось, что выкрикнули его фамилію.

— Быть не можетъ! удивился онъ. — Я ослышался! Но... что это?!

Изъ отдаленія явственно донеслось до него: „Поручика Ахматова!“

„Нѣтъ, это не ошибка!.. Ожиданія сбылись...“ весь обмирая, подумалъ Ахматовъ. — „Вчера я попался и вотъ... меня теперь требуютъ, чтобы разнести... ошельмовать при пѣхотѣ, штабныхъ...“

— Поручика Ахматова! Поручика Ахматова! зловѣще стало раздаваться все ближе и ближе по всѣмъ линіямъ.

Въ это время, махая руками и неестественно скорчившись на сѣдлѣ, подлетѣлъ къ драгунскому полковому командиру адъютантъ пѣхотной дивизіи и, взявъ подъ козырекъ, что-то доложилъ.

— Поручикъ Ахматовъ, къ корпусному командиру! крикнулъ полковникъ.

— Нечего дѣлать! прошепталъ поручикъ и, съ отчаянной рѣшимостью всадивъ Ядвигѣ шпоры, вынесся изъ строя.

Мгновеніе, которое ему понадобилось, чтобы проскакать пространство, отдѣлявшее его отъ командира корпуса, показалось ему цѣлой вѣчностью. Онъ ни о чемъ не думалъ, голова его была какъ въ туманѣ, онъ машинально отсчитывалъ линіи войскъ, которыя оставлялъ за собой. Миновавъ артиллерію, онъ разглядѣлъ группу всадниковъ. Пришлось скакать не прямо, а взять наискось, потому что начальство стояло за правымъ флангомъ пѣхоты, не подъѣхавъ еще къ войскамъ.

„Погубитъ или просто выругаетъ? мелькнуло у Ахма-

Психея. Съ карт. Павла Тумана, грав. Бренд'амуръ.

това.—А,—будь, что будетъ!“ рѣшилъ онъ и подлетѣлъ на всемъ скаку къ корпусному командиру, сразу осадилъ лошадь и остановился, какъ вкопанный.

Лицо генерала было серьезно и строго, живые, умные глаза его, казалось, видѣли человѣка насквозь. Взглянувъ на раскраснѣвшагося отъ скачки и волненія поручика, онъ улыбнулся, при чемъ суровое выраженіе замѣнилось ласковымъ и привѣтливымъ. Въ сущности, генералъ былъ добръ, и строгость его была напускная.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ, проговорилъ онъ густымъ басомъ. — Прошу состоять сегодня при мнѣ ординарцемъ, а если вы согласны, я возьму васъ совсѣмъ къ себѣ, въ адъютанты. Хотите?

Неожиданность предложенія такъ поразила Ахматова, что онъ не сразу нашелъ что̀ отвѣтить. Корпусный командиръ продолжалъ привѣтливо смотрѣть на него.

— Что же, хотите? переспросилъ онъ.

Ахматовъ въ знакъ согласія поклонился и пробормоталъ:

— Очень счастливъ, ваше высокопревосходительство.

Генералъ кивнулъ головой и черты его вновь приняли офиціальное, строгое выраженіе.

На слѣдующій день Ахматовъ разстался съ полкомъ и уѣзднымъ городомъ, уѣхавъ съ начальствомъ въ губернскій городъ, гдѣ помѣщался штабъ корпуса. Наканунѣ его отъѣзда товарищи справили проводы, и Ахматовъ пустился въ путь съ отяжелѣвшей головой. На сердцѣ у него тоже было не легко: онъ удалялся отъ Новопанскаго и хотя утѣшалъ себя, что не надолго, что хотя разстояніе и велико, но можно будетъ туда наѣзжать, все-таки ему было больно и грустно.

Два слова еще относительно нашего героя: живется ему на новой должности не дурно, онъ здоровъ, и головная боль у него прошла гораздо раньше другой, сердечной: по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ.

Чудесный ключъ.

(Разсказъ **В. Щ.**).

I.

Около десяти часовъ августовскаго теплаго утра, вагонъ одной изъ дачныхъ „кòнокъ“ только что тронулся въ путь—въ городъ. На платформу вскочила молодая дѣвушка, вошла въ вагонъ, и, увидя, что всѣ мѣста заняты, рѣшилась ѣхать стоя.

Дѣвушка, держа въ одной рукѣ сакъ-вояжикъ, а въ другой зонтикъ, чувствовала, что стоитъ не твердо, а въ случаѣ толчка—и ухватиться ей не за что. На одномъ изъ поворотовъ вагонъ порядкомъ качнуло, такъ что она сильно шелохнулась, и тутъ только замѣтила, что передъ ней, на уровнѣ ея таліи, чья-то широкая шляпа.

Она какъ ни старалась удержаться, все-таки вынуждена была ухватиться за плечо господина, обладателя шляпы, при чемъ сакъ-вояжъ скользнулъ и смялъ газету, которую тотъ читалъ.

— Ахъ, извините пожалуйста! сказала дѣвушка, покраснѣвъ.

— Благодарю-съ!.. Чуть на голову не сѣли!

И господинъ, поправивъ шляпу, свирѣпо взглянулъ на барышню, взглянулъ—и въ то-же мгновеніе стариковское лицо его просвѣтлѣло, а въ глазахъ заискрилось нѣчто совсѣмъ не свирѣпое.

— Соничка! Софья Ивановна!

— Ахъ, Леонидъ Петровичъ!

Они поздоровались.

— Какая... тѣсная встрѣча! Я, признаться, и не видѣлъ... Да что-жъ это я!

Леонидъ Петровичъ, румяный, благообразный старикъ, не по лѣтамъ молодцовато вскочилъ и любезно прибавилъ:

— Садитесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я могу постоять... Буду за вашу руку держаться.

Сидѣвшій тутъ же, желтолицый чиновникъ, не вытерпѣлъ и пробурчалъ:

— Да садитесь, коли предлагаютъ!

Соничка сѣла, но все-таки сказала:

— Какой же вы упрямый, Леонидъ Петровичъ!

Затѣмъ наступило молчаніе. Оно было прервано Леонидомъ Петровичемъ:

— Въ Гостиный Дворъ путешествуете?

— Да. А вы на свою службу?..

— На службу. Ну, какъ мамаша поживаетъ?

— Мамаша?—Она за лѣто поправилась. Да вотъ...

Вагонъ катился по Троицкой площади. Желтолицый сосѣдъ Софьи Ивановны всталъ и вышелъ, благодаря чему Леонидъ Петровичъ помѣстился рядомъ со своей спутницей.

— Да, очень поправилась, продолжала Софья Ивановна.—Вотъ завтра сами увидите.

— Завтра? Ахъ, да вѣдь завтра Натальи!

— Вспомнили!

— Буду, буду непремѣнно-съ. Что-жъ, приготовили имениннницѣ подарочекъ или ѣдете за нимъ?

— Надо кое-что въ Перинной линіи прикупить, да все это...

Дѣвушка махнула рукой.

— Все-таки вы что-то сочинили?

— Сочинила! И сказать-то совѣстно—диванную подушку! А двѣ ужь есть!.. За кистями вотъ ѣду.

— Что-жъ, вотъ именно *этой*, третьей-то, подушки у Натальи Васильевны и нѣтъ. Отлично!

— Смѣйтесь!—Я знаю, что̀ было бы очень хорошо подарить ей, да этого не достанешь ни за какія деньги.

— Что-жъ это такое?

— Не стоитъ говорить. Все равно не достать.

— А вы скажите. Почему не попробовать?

— Послѣ, послѣ, вотъ какъ пріѣдемъ.

Она замолчала; потомъ поговорили о погодѣ, о дачной жизни, а потомъ вмѣстѣ и вышли на Михайловской площади.

— Мнѣ еще рано на службу, замѣтилъ Леонидъ Петровичъ;—пойду и я съ вами въ Перинную. Позволите?

— Если не соскучитесь.

— Я съ барышнями не скучаю. Ну-съ, что же это такое, по-вашему, *невозможное* для покупки и подарка?

— А вотъ что... Постойте: мамаша вѣдь у меня умная?

Софья Ивановна сдѣлала удареніе на словѣ *умная*.

— Умная.

— Ну, а воли у нея нѣтъ надъ собой. Она такая нервная, чувствительная, способная увлекаться одною какою-нибудь мыслью, тогда ужь ничего не видитъ, а если мысль изъ непріятныхъ—мамаша сердится по нѣскольку дней, страдаетъ, плохо спитъ... Понимаете?.. Въ своемъ родѣ мученица!

— Есть такія, есть. Ну-съ?

— Ну-съ, а вѣдь все дѣло въ томъ, что не надо давать воли непріятной мысли, нужно *вообще* стараться думать и въ другомъ направленіи...

— Такъ, такъ. Вы сами такъ и поступаете?

Дѣвушка опустила глаза и сказала:

— Иногда удается... Какой вы любопытный! Не обо мнѣ рѣчь... Да, такъ вотъ я и говорю: если медаль имѣетъ двѣ стороны, то почему же не поглядѣть и на обратную? А то уставятся въ одну точку—и страдаютъ напрасно!

— Что̀ хорошаго!

— Понимаете теперь, въ чемъ штука? Ну, гдѣ же *это* купить? Развѣ есть такая... такой предметъ, который могъ бы направить мысли мамаши въ другую сторону каждый разъ, когда она задумывается и волнуется въ извѣстномъ направленіи?

Соничка даже остановилась и развела руками.

— А дорого я бы дала за такую штучку! прибавила она, вздохнувъ.

— Гм! Да, да... Наталья Васильевна очень впечатлительна, задумчиво проговорилъ Леонидъ Петровичъ,—въ этомъ вся и бѣда!.. Не поискать-ли въ самой бѣдѣ спасенія? мелькнуло у него въ головѣ.

— Именно—бѣда, печально отозвалась Соничка,—а я дарю мамашѣ—подушку!.. Постойте-ка, кажется, эта лавка... Нѣтъ, не эта. Дальше... Подушка, съ цвѣтами и узорами! Какой смыслъ?.. Вы не повѣрите, Леонидъ Петровичъ, если я скажу, что мамаша послѣ каждаго тиража — ну, просто — больна! Забрала себѣ въ голову, что должна выиграть — и каждый разъ страдаетъ чуть не цѣлую недѣлю. — Ужь такъ мнѣ ее жалко!

— А вы не пробовали показывать ей другую сторону медали?

— Пробовала... показывала,—ну, сейчасъ прогонитъ! А вотъ и *моя* лавка. Зайдете?

— Нѣтъ, въ подушечныхъ кисточкахъ я мало понимаю, да мнѣ, пожалуй, и пора. До свиданья, Софья Ивановна! Желаю успѣха.

— Ну, до свиданья, до завтра, Леонидъ Петровичъ! Да приходите прямо къ завтраку. Я такъ и мамашѣ скажу.

— Хорошо, хорошо! Приду... и не съ пустыми руками.

— Ужь это ваше дѣло.

— А вдругъ... достану?

— Что?

— Штучку-то эту...

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Не буду съ вами впередъ откровенничать, не буду... Ну, до свиданья!

Она мило кивнула ему и вошла въ лавку. Леонидъ Петровичъ тоже хотѣлъ мило кивнуть ей, но это у него совсѣмъ не вышло, и онъ, не спѣша, повернулъ къ Невскому.

II.

Вечеромъ того же дня въ гостиной хорошенькой дачки-особняка, въ мягкихъ креслахъ, у круглаго стола, сидѣла Наталья Васильевна, вдова-генеральша, мать Сонички, сухощавая дама лѣтъ пятидесяти, и раскладывала какой-то обширный „пасьянсъ“—въ четыре полныя колоды картъ. Лампа съ матовымъ шаромъ и зеленымъ прозрачнымъ абажуромъ мягко освѣщала блѣдное лицо генеральши. Темныя брови ея нависли надъ большими тусклыми, но добрыми, какъ бы усталыми глазами, а тонкія губы шевелились. Она что-то шептала. И вдругъ морщины разгладились, брови поднялись: Наталья Васильевна ударила слегка по столу рукой и радостно произнесла: „А вотъ и вышло! Что́ я говорила?..“

Она собрала карты, встала, зѣвнула и оглянулась, какъ бы ища кого-то.

— Ушла! Я и не замѣтила... Все тутъ вертѣлась... А, знаю!

Говоря это, генеральша вышла изъ гостиной, миновала сосѣднюю темную комнату и остановилась у запертой двери.

— Соня!—ты здѣсь?

— Здѣсь. А вамъ что-нибудь нужно?

Наталья Васильевна повернула ручку замка, но дверь не подавалась.

— Заперлась?!

— Это я отъ Жужутки.

— А?—Какія глупости!..

— Что? Надоѣла она. Выучилась лапками сама дверь отворять...

— Да ты что̀ дѣлаешь?

— Что дѣлаю?—Лежу. Отдыхаю. Устала сегодня.

За дверью осторожно стукнули стуломъ, потомъ что-то зашуршало, разомъ стихло, а потомъ голосъ Сонички громче произнесъ:

— Да войдите. Я ужь отдохнула.

— Не надо, не надо! Сиди, секретничай... Для меня же вѣдь что-нибудь! Мастери, мастери. Люблю я сюрпризы.

— Какіе сюрпризы?

Дверь отворилась, и Соничка, притворно зѣвая, прибавила:

— Скоро вы что-то пасьянсъ окончили!.. А сюрприза я никакого не дѣлаю... Гдѣ же онъ?

— Успѣла убрать, спрятала... Ну, хорошо, хорошо. Вѣрю, вѣрю! Пойдемъ-ка прогуляемся до чаю. Такой теплый, тихій вечеръ—на рѣдкость.

— Идемте, согласилась Соничка и, погасивъ свѣчу, пошла за мамашей.

Онѣ вышли на балконъ и сошли въ садъ, ярко-освѣщенный луной, гдѣ чернѣли цвѣточныя клумбы, уже немножко опустѣвшія, но еще украшенныя высокими георгинами, цвѣты которыхъ въ видѣ черныхъ и палево-бѣлыхъ шаровъ какъ бы повисли въ воздухѣ.

Мать и дочь медленнымъ шагомъ пошли по круговой аллеѣ.

— А какъ ты думаешь, Соня, начала Наталья Васильевна,— пожалуетъ завтра ко мнѣ Анна Егоровна? Говорили мнѣ, что она что-то дуется на меня...

— Явится, не безпокойтесь, увѣренно отвѣтила Соничка,—и даже съ большущей банкой варенья! Вѣдь она за лѣто столько наваритъ всякой всячины, что дѣвать некуда—ну, вотъ, и даритъ племянницамъ „свои труды“—въ надеждѣ, что ее другимъ отдарятъ. И дешево, и сердито!

— Ахъ, Соня, какъ ты о ней дурно думаешь!.. Нѣтъ, Анна Егоровна премилая дама.

— Ну, пусть такъ. А какіе другіе будутъ вамъ подарки? Вотъ что интересно.

— Нѣтъ, ужь меня это нынче мало интересуетъ, меланхолически замѣтила генеральша,—да вѣдь и подарки-то все одни и тѣ же... Кто оренбургскій платокъ притащитъ, кто новѣйшіе духи, кто—подушку на диванъ (Соничка искоса взглянула на мать), кто — коверчикъ... для разведенія моли... А между тѣмъ—вотъ вѣдь жду я ихъ! Мнѣ даже канунъ имянинъ пріятнѣе, чѣмъ самыя имянины. Гм! Такъ и Леонидъ Петровичъ обѣщалъ быть *не съ пустыми руками?*

— Да, обѣщалъ.

— Вотъ ужь онъ, вѣрно, что-нибудь поинтереснѣе принесетъ.

— Почему вы такъ думаете?

— А онъ—умный. Ну, кто карты даритъ? А онъ мнѣ въ прошломъ году какія карточки поднесъ! Царскія! До сихъ поръ цѣлы. Да и вообще старые-то люди куда лучше нынѣшнихъ молодыхъ... (Наталья Васильевна вздохнула). Вотъ хоть бы этотъ... ну, какъ его?..

— Василій Николаичъ? живо подхватила Соничка.

— Вишь, сейчасъ онъ у тебя на языкѣ!

— Чаще другихъ бываетъ, ну, я и подумала...

— А почему чаще-то?

— Вѣрно, ему у насъ нравится...

— Нравится... Чтó нравится? А-ахъ, Соня!

Соничка что-то замурлыкала—запѣла.

— Мурлыкай, мурлыкай! Будто я не вижу... А ничего нѣтъ въ немъ интереснаго: студентъ теперь, ну, черезъ годъ лѣкаремъ будетъ... Эка невидаль! Мало ихъ, лѣкарейто! Да, такихъ, вотъ, какъ нашъ домохозяинъ, Павелъ Павлычъ, ну, такихъ немного... Человѣкъ солидный, совсѣмъ одинокій, съ орденомъ... Многимъ дѣвицамъ понравился бы.

— Удивляюсь этимъ дѣвицамъ!

— Почему-же?

— Да ужь потому одному, что у него носъ...

— Что, носъ?

— Да развѣ вы не замѣтили, что онъ постоянно чихаетъ... Да изъ-за одного этого... О, Господи! Меня, напримѣръ, это, просто, привело-бы въ отчаяніе... Вѣчно имѣть передъ собой такой носъ!—Я-бы сохла, чахла, умерла-бы въ цвѣтѣ лѣтъ... Неужели вы этого хотите?

— Постой, постой! Вѣдь вотъ ты какая... актриса! Ко всему, милая, на свѣтѣ можно привыкнуть. Я, признаться, что-то этого чиханья не замѣтила, а если и чихаетъ—что-жь, домъ въ четыре этажа все-таки—домъ.

— Можетъ сгорѣть.

— Застрахованъ. Да погоди: домъ сгоритъ — деньги выдадутъ, а любовь сгоритъ—что̀ останется?

— Теплый пепелъ — дружба. Ахъ, мамаша, да вѣдь въ горѣньи-то любви и счастье наше! Любовь и кирпичный домъ— что за сравненье! Нѣтъ-съ, любовь выше всякаго дома, выше Эйфелевой башни!

— Вишь вѣдь куда вскарабкалась!

Съ балкона раздался звонкій голосъ горничной:

— Самоваръ подала-съ! Пожалуйте!

Соничка повернулась, проговорила:

— Я заварю, а вы еще погуляйте, мамочка! И, поцѣловавъ мамочку, побѣжала къ балкону.

III.

На другой день, утромъ, когда генеральша еще изволила почивать, въ гостиной на столѣ уже красовались на подносахъ: три большіе кренделя (одинъ даже въ видѣ буквы Н), одна „баба“ полуаршинная, двѣ большія коробки сладостей, букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а на диванѣ лежали: оренбургскій платокъ, коверчикъ и подушка съ кистями. Къ нѣкоторымъ „дарамъ“ были приколоты визитныя карточки поздравителей.

Когда имянинница вышла къ чаю, въ шумящемъ шелковомъ платьѣ лиловаго цвѣта, совсѣмъ готовая отправиться къ обѣднѣ, Соничка подвела мамашу къ дивану и „подарила“ ей подушку. Мамаша, конечно, выразила, и весьма натурально выразила, пріятное удивленіе при видѣ этой *новой* подушки, даже похлопала рукой по ней, и тутъ-же поцѣловала дочь.

Вернувшись отъ обѣдни, къ кофею, онѣ встрѣтили на балконѣ перваго гостя — Леонида Петровича. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ взялъ съ окна продолговатую коробку и, подавая ее имянинницѣ, произнесъ приличнымъ случаю тономъ:

— Дорогая Наталья Васильевна,—соблаговолите принять въ даръ сію вещицу. На видъ — это бездѣлка, но я позволяю себѣ...

Генеральша не дала ему договорить.

— Полноте, что вы, Леонидъ Петровичъ! И бездѣлка отъ васъ для меня драгоцѣнна.

Пока Наталья Васильевна не безъ нѣкотораго волненія развязывала ленточку, снимала бумагу съ коробки, Соничка, прищуривъ правый глазъ, шепнула гостю:

— Достали?

Леонидъ Петровичъ прищурилъ лѣвый глазъ, но совершенно серьезно прошепталъ:

— Да-съ.

Она улыбнулась, желая вызвать сочувственную улыбку на лицѣ старика, но этого, вопреки ожиданію, не случилось...

— Ключъ! воскликнула генеральша, повертывая въ рукахъ довольно длинную „бездѣлку“ изъ темнаго дерева, съ металлическими украшеніями, похожую по формѣ на ключъ отъ какихъ-нибудь замковыхъ или крѣпостныхъ воротъ въ рыцарскую эпоху.

— Да-съ, по виду — ключъ, подтвердилъ Леонидъ Петровичъ,—но это собственно—футлярчикъ. Ручка отвинчивается... Позвольте-съ! (Онъ взялъ ключъ). Вотъ такъ-съ — и является футлярчикъ, ну, напримѣръ, для вязальныхъ спицъ. Вѣдь вы вяжете что-нибудь?

— Иногда вяжу, вяжу... Спасибо, Леонидъ Петровичъ!.. Какой онъ все-таки... странный, ключъ-то!.. Такихъ, кажется, не бываетъ...

Ключъ опять перешелъ въ руки генеральши.

— Прошу васъ обратить вниманіе на то, что эта вещица весьма древняя (при словѣ „весьма“ гость потрясъ головой, дѣлая удареніе на буквѣ *а*), да-съ! Это не новѣйшее издѣліе. Моей прабабушкѣ мужъ привезъ этотъ ключъ съ острова Мальты... А вѣдь это было почти сто лѣтъ тому назадъ: при императорѣ Павлѣ. Извольте взглянуть: на бородкѣ ключа выцарапанъ годъ 1798.

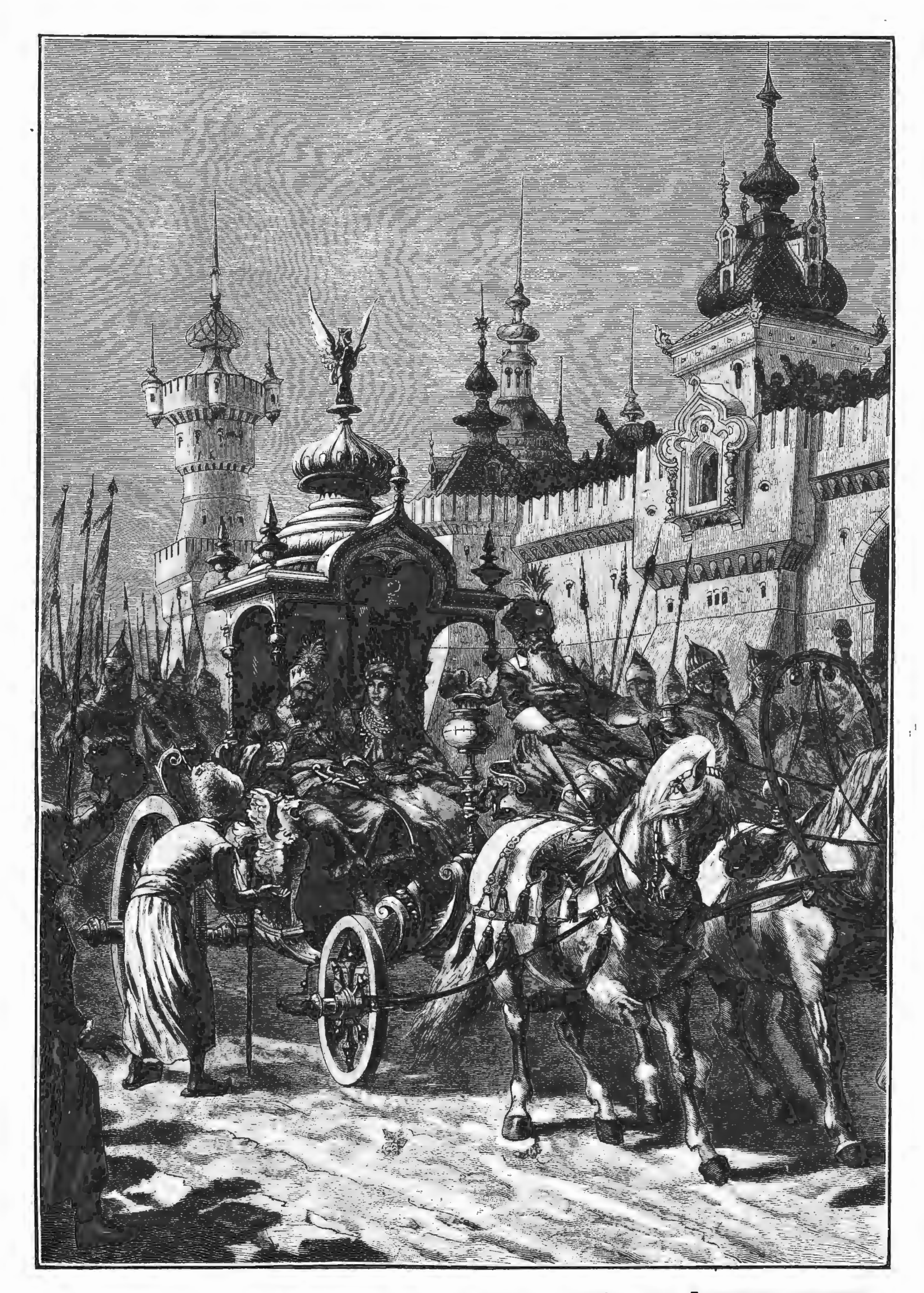
— Вижу, вижу... А вѣдь я думала, что это вы изъ магазина, сказала Наталья Васильевна и прибавила: — но, право, мнѣ совѣстно завладѣть такою фамильною вещью...

— Ужь я такъ рѣшилъ... Ничего, владѣйте!

И старикъ какъ-то весело подмахнулъ рукой.

— Ну, садитесь-же, садитесь. Будемъ пить теперь кофе.

2



Литер. альбомъ. „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ А. Пушкина. Встрѣча царя Додона съ колдуномъ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна, грав. Флюгель.

По раздѣлѣ добычи. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Вотъ сюда, на кресло, Леонидъ Петровичъ!.. Соня, снеси этотъ ключикъ туда... въ комодъ положи, въ верхній ящикъ.

— Позвольте-съ, мягко остановилъ Сонечку гость,—не уносите. Я-бы желалъ, чтобы мой подарокъ всегда былъ около мамаши... Наталья Васильевна,—вотъ, видите-ли, ключъ этотъ... А впрочемъ, лучше послѣ...

— Что такое? Говорите, говорите!

Любопытство генеральши было надлежащимъ образомъ задѣто.

— Футляръ—футляромъ, конечно, но... это не совсѣмъ простая вещица, медленно заговорилъ Леонидъ Петровичъ, садясь въ кресло, и вдругъ умолкъ, посмотрѣлъ пристально въ глаза Натальи Васильевны и спросилъ:

— Да вы вообще... мнительны?

— Я?.. Не знаю, право... Да что такое?

Она заволновалась и чуть не налила кофе въ сахарницу.

— О, не волнуйтесь, не бойтесь!

Старикъ взялъ ключъ, на который почтенная дама посмотрѣла недовѣрчиво и даже нѣсколько отклонилась.

— Страшнаго ничего нѣтъ, право, ничего! весело заговорилъ гость. — Въ этой штучкѣ, какъ мнѣ говорили, скрыта таинственная сила, способная измѣнять направленіе мыслей... Стóитъ взять въ руки этотъ ключъ, или даже двѣ-три минуты сосредоточить на немъ свое вниманіе, и появятся другія мысли, черныя или розовыя—все равно, но не *прежнія*. По фамильнымъ преданіямъ, по крайней мѣрѣ, такое чудесное свойство есть въ этой вещицѣ, да и самъ я, по собственному опыту, могу сказать: есть *что-то* въ ней. Нынче, знаете, истинно-мудрый человѣкъ говоритъ: отрицать факта я не могу, объяснить его также не могу, такъ лучше скажу: *не знаю* и стану ждать выясненія. Вотъ и все-съ, милостивая государыня! Какъ хотите, тáкъ и думайте.

Наталья Васильевна успокоилась, поблагодарила еще разъ Леонида Петровича за такой „удивительный“ подарокъ, предложила прибавить сливокъ въ кофе и, мелькомъ взглянувъ на ключъ, почувствовала... да, почувствовала, что онъ въ самомъ дѣлѣ какой-то *странный*, что въ немъ что-то есть, что только теперь она это *видитъ*, но чтó именно видитъ—объяснить не можетъ.

— Но мнѣ, право, совѣстно брать отъ васъ такую... рѣдкую вещь, произнесла генеральша,—можетъ быть, и вамъ она...

Леонидъ Петровичъ перебилъ ея рѣчь:

— Нужнà, вы думаете? Нѣтъ, нѣтъ! Да и вамъ, положимъ, ее не нужно, но ужъ возьмите, какъ интересный футлярчикъ!

— А мнѣ можно его испытать? спросила Сонечка.

— Попробуйте-съ.

— Да, да, попробуй, Соня, попробуй. Тебѣ это, пожалуй, было-бы.. Ахъ, Анна Егоровна! Хозяйка встала и пошла навстрѣчу входившей гостьѣ — полной дамѣ, державшей въ рукахъ дѣйствительно „большущую“ банку варенья. Дамы обнялись и поцѣловались.

— Моихъ трудовъ-съ, душечка, Наталья Васильевна! объявила Анна Егоровна.

— Еще пріятнѣе, еще вкуснѣе! ласково запѣла именинница, устанавливая новый подарокъ на окнѣ.—А какое, душечка, варенье?

— Вишневое, душечка, безъ косточекъ.

— Даже безъ косточекъ!?.

— Ни одной косточки, ангелъ вы мой!!.

— Ахъ, ангелъ вы мой! Вотъ ужъ можно сказать: самый сладкій подарокъ!

Черезъ полчаса въ гостиной уже было довольно людно: тутъ были и родственники генеральши, и просто добрые знакомые. Многіе брали въ руки „чудесный“ ключъ и восклицали: „Вотъ тáкъ штучка!“

Поздно вечеромъ, когда всѣ гости разошлись, Наталья Васильевна, отходя ко сну, невольно взглянула на ключъ и, зѣвая, проговорила:

— Выдумщикъ этотъ Леонидъ Петровичъ!

IV.

Къ первому сентября генеральша переѣхала въ городъ, на старую свою квартиру, а третьяго сентября, въ дождливое, сѣрое утро, она проснулась въ дурномъ расположеніи духа, что съ ней, впрочемъ, случалось часто.

Выбранивъ горничную за то, что булки оказались не довольно свѣжими (а было около одиннадцати часовъ), Наталья Васильевна придралась и къ дочери, бывшей въ сосѣдней комнатѣ, придралась потому, что у „Софьи Ивановны“ голова „изволитъ“ болѣть.

— И что это нынче за молодыя дѣвицы!.. ворчала она нарочно громко.—Уд-дивительно! Потанцуютъ до двухъ часовъ ночи, а ужъ на другой день и больны... А мы, бывало, до утра пляшемъ—и ничего! Да тò сказать—мы-то до двадцати трехъ лѣтъ въ дѣвкахъ не засиживались...

Сонечка лежала у себя въ комнатѣ, на кушеткѣ, и не старалась особенно вникать въ смыслъ мамашиныхъ рѣчей, зная со словъ горничной Глаши, что барыня „изволили“ нынче встать съ лѣвой ножки.

— Ахъ, эта Глашка меня убьетъ! вдругъ простонала генеральша и визгливо крикнула:—Глаша-а!

Глаша старалась не показываться на глаза барыни, но на такой зовъ надо было идти, и тутъ только она вспомнила, что кухарка домохозяина принесла часъ тому назадъ какой-то свертокъ для передачи барынѣ отъ барина.

Захвативъ этотъ свертокъ, дѣвушка предстала предъ Натальей Васильевной, которая, не смотря на вошедшую, проговорила:

— Ничего не видишь?

— Гдѣ-съ?

— Гдѣ-съ! ткнуть надо...

Глаша оглядѣла комнату, полъ и даже потолокъ, но ничего новаго не увидѣла.

— А это что? На креслѣ-то, на креслѣ! Подойди, нагнись, сдѣлай милость!

— Перышко отъ султана-съ, которымъ пыль...

— Знаю, что „которымъ пыль“, передразнила генеральша,—ну, и возьми это перышко... Погоди! что это у тебя въ рукѣ?

Горничная схватила перышко, сунула его въ карманъ, а свертокъ положила на столъ передъ барыней.

— Это хозяйская кухарка принесла! Отъ хозяина вамъ-съ.

Когда горничная ушла, Наталья Васильевна развернула свертокъ. Въ немъ оказались вчерашній номеръ газеты и таблица тиража билетовъ втораго внутренняго съ выигрышами займа. „Вчерашними“ номерами газеты и тиражными таблицами Павелъ Павловичъ аккуратно снабжалъ свою жилицу.

Не прошло и пяти минутъ—Сонечка услышала, что мамаша громко и неестественно засмѣялась.

„Н-ну, что-то не ладно тамъ“, подумала дѣвушка и, подкравшись къ дверямъ, заглянула въ гостиную.

„Такъ и есть: тиражная таблица! Мамаша наизусть знаетъ наши номера... Опять, значитъ, ничего не вышло. Ну, на цѣлый день пойдетъ воркотня... Уйти куда-нибудь, что-ли?..“

Сонечка снова легла на кушетку, а мамаша, отбросивъ таблицу, молча покачивала головой, потомъ — заговорила сама съ собой:

— Удивительно! Просто обидно даже... Скажите на милость! Въ іюльскій тиражъ маленькій номеръ вышелъ, да серія другая, теперь—серія вышла, такъ померокъ не тотъ! А?.. Будто на зло!.. Насмѣшка какая-то... Кажется, живу тихо, благородно, по-христіански—ну, нѣтъ поощренія, нѣтъ! Все не заслуживаю... Она встала и начала ходить.

— А всему причиной—Глашка! Изволитъ пѣтушьи перышки тутъ сѣять... Да можетъ быть не къ добру съ утра-то увидѣть на креслѣ пѣтушье перышко?!. Если-бы не это перышко—какъ знать—и другой-бы номеръ подошелъ?.. А вотъ пойду и сожгу въ кухнѣ этотъ дурацкій султанъ! Вездѣ пыль тряпочкой вытираютъ, а она—султаномъ!

Генеральша направилась въ ту комнату, гдѣ Глаша держала щетки, султаны и тому подобныя орудія чистки. Сонечка опять соскочила съ кушетки, пробѣжала на цыпочкахъ въ мамашину спальню, схватила тамъ со стѣны „чудесный“ ключъ и, проходя обратно чрезъ гостиную, положила его на столъ подъ газету.

Наталья Васильевна не нашла султана. Спросить о немъ ей не захотѣлось, и она стала еще сердитѣе. Она снова усѣлась въ кресло и призадумалась, потомъ взяла газету, не глядя на столъ, и принялась ее читать, но читала немного, зѣвнула, отложила газету и — глаза ея остановились на ключѣ.

— Какъ онъ тутъ очутился?.. А-а, это, вѣрно, Соня вздумала, когда я уходила... Глупости какія! (Генеральша передернула плечами). Да что она въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, чтобъ я такъ и повѣрила баснямъ этого... стараго краснобая?!. Вотъ еще!.. Деревянный футлярчишко... Поворотъ въ мысляхъ... Да чтò я — ребенокъ, что-ли?.. Какъ будто я и такъ не могу о другомъ думать!.. Захочу—и буду, безъ всякой указки!

Она отодвинула ключъ, стараясь, однако, не глядѣть на него и — вздохнула, потомъ на губахъ ея чуть замѣтно заиграла улыбка.

— Вѣдь выдумаютъ-же, право!.. Какъ будто я не знаю, что есть и другія мысли?.. Ну, напримѣръ, хоть насчетъ выигрыша... Ну, вотъ, что человѣку все мало, что человѣкъ завистливъ, жаденъ...

Наталья Васильевна закинула голову и зажмурила глаза. Такъ просидѣла она минуты двѣ, потомъ полуоткрыла одинъ глазъ, взяла ключъ и снисходительно улыбнулась.

— Игрушка и останется игрушкой, беззвучно заговорила она. — Все это пустяки, да и вообще, такъ-то если подумать: „тележка жизни“ катится подъ гору, а не на гору... Суета суетъ и всяческая суета!.. Да и въ самомъ дѣлѣ — ну, положимъ, выиграла-бы я цѣлую кучу денегъ, ну, и что-же? Чтоже мнѣ нужно? Бархатное платье? А зачѣмъ?.. Я и шелковыя-то рѣдко надѣваю... Квартиру больше? А что мнѣ въ большой квартирѣ?.. Приданое Сонѣ, конечно, было-бы куда пышнѣе, такъ опять-же — Сонѣ, а для *меня*-то что?.. Что-же мнѣ-то? Гм!.. Вотъ развѣ сѣраго попугайчика купила-бы... Такъ неужели для этого нужна куча денегъ? Слава Богу, пенсіонъ получаю не маленькій, захочу, и такъ попугайчика достану... Даже смѣшно!

Въ дверяхъ показалась Глаша съ подносомъ, на которомъ дымился кофейникъ. Глаша, не поднимая глазъ, подошла къ

столу и какъ-то особенно безшумно сняла все, что стояло на подносѣ, и разставила на столѣ.

Генеральша благосклонно взглянула на нее и спросила кротко:

— Этотъ фартучекъ ты сама шила?

— Сама-съ.

— Очень мило, очень мило! И бантикъ этотъ тебѣ къ лицу. Сливки вскипятили?

— Да-съ. Ничего не прикажете?

— Ничего. Гдѣ-же барышня?.. Соня, иди-же пить кофе!

Сонечка вошла и присѣла къ столу.

— Ну, что твоя головка? нѣжно спросила Наталья Васильевна, взявъ кофейникъ.

— Немножко еще болитъ.

— А вотъ я тебѣ кофею покрѣпче налью.

Сонечка сейчасъ-же замѣтила, что мамаша *другая* стала и, скрывая удивленіе, пожелала убѣдиться въ этомъ. Она покосилась на тиражную таблицу и лѣниво проговорила:

— А-а, таблица... Смотрѣли? Опять — ничего?

Мамаша слабо махнула рукой и сказала:

— Пусть другіе выигрываютъ. Не въ деньгахъ счастье... Ну ихъ!..

— Ваша правда.

— Что?.. Да налей сливокъ-то побольше!

Сонечка посмотрѣла на ключъ и ей показалось, что онъ хотя и лежитъ чинно-неподвижно, но въ этой его неподвижности что-то такое есть торжествующее, побѣдное, и какъ будто эта деревяшка все видитъ, все слышитъ...

V.

Первое отдѣленіе концерта только-что кончилось. Публика, продолжая хлопать, поднялась и шумѣла.

Леонидъ Петровичъ направился къ буфету, посматривая на оживленныя лица окружающей его толпы, и вдругъ увидѣлъ Сонечку подъ руку съ медикомъ-студентомъ. Они о чемъ-то весело разговаривали. Старикъ, не желая мѣшать имъ, рѣшилъ было пройти мимо, не окликая Сонечку, но въ эту минуту глаза ея встрѣтились съ глазами Леонида Петровича...

— Голубчикъ,— какъ я рада что встрѣтила васъ! заговорила она.—Вы насъ совсѣмъ забыли. Ну, здравствуйте, здравствуйте... Ахъ, что-же это я! Рекомендую: женихъ мой—Василій Николаевичъ. Да вы его у насъ видали... Поздравьте!

И Сонечка обратилась къ жениху:

— Вотъ, можете теперь идти курить, а мы немножко походимъ тутъ, побесѣдуемъ... Вы насъ потомъ найдете тамъ, гдѣ мамаша сидитъ.

Василій Николаевичъ поклонился и исчезъ въ толпѣ.

— Такъ вы — невѣста? Ну, поздравляю, поздравляю, отъ всего сердца!

И старикъ пожалъ руку Сонечки.

— Такъ это скоро у насъ...

Она запнулась и, не найдя подходящаго глагола, окончила, смѣясь:

— Вышло! И представьте...

— А я думалъ, что вы за Павла Павлыча?..

— Нѣтъ, нѣтъ! Мамаша-то хотѣла, но я... но мое сердце уже было занято... А знаете — вѣдь это я *вамъ* обязана... отчасти!

— Мнѣ?

— Да, да, вамъ-съ! Помните — ключъ?

— Какой ключъ?.. Ахъ, да, тотъ, что я подарилъ тогда... Ну-съ?

— Послушайте, голубчикъ, милый Леонидъ Петровичъ, скажите правду: вѣдь этотъ ключъ *совсѣмъ* простой? Все, что вы тогда разсказывали — басня? Да?..

— Пожалуй, басня.

— И онъ не съ острова Мальты?

— Съ Невскаго. Я купилъ его въ магазинѣ канцелярскихъ принадлежностей—помнится за одинъ рубль сорокъ копѣекъ... Помните, когда мы разстались въ Перинной? Ну, тогда я и купилъ эту вещицу...

— Одинъ рубль сорокъ копѣекъ!—Нѣтъ, вы шутите...

Тутъ Сонечка понизила голосъ.

— Но вѣдь этотъ ключъ, какъ хотите, драгоцѣнный... Онъ съ мамашей чудеса дѣлаетъ... Вѣдь онъ *дѣйствительно* заставляетъ ее... Постойте! Павелъ Павлычъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Я отказала. Мамаша ужасно огорчилась... Чтобы не раздражать ее, я въ тотъ день ушла къ однимъ знакомымъ, даже дома не обѣдала... Ну-съ, прихожу къ вечернему чаю домой; вижу — мамаша сидитъ за самоваромъ, такая *тихая*... „Что, говоритъ, не озябла-ли? Налить чаю?..“ Я попросила налить, сѣла къ столу, гляжу — а на диванѣ, около мамаши, вашъ ключъ... Бородка ключа торчитъ изъ-подъ складки платья... Понимаете?.. Ну, сидимъ, пьемъ чай, я разсказываю, гдѣ была, что слышала, да вдругъ и вздохнула... „Что, говоритъ, вздыхаешь?..“ Потомъ отодвинула она чашку и сказала: „Любитъ-ли онъ-то тебя?“—Кто?—„Да Василій-то твой Николаевичъ?..“—Если бы, говорю, не любилъ, такъ я бы... Но тутъ мамаша перебила меня:—„Хорошо, хорошо! Не мнѣ вѣдь жить съ нимъ, а тебѣ... Избрала его — ну, твое дѣло!..“ Она встала, обняла меня, поцѣловала и благословила, но, вставая, забыла, что ключъ-то на платьѣ лежитъ: онъ и брякнулся на полъ. Я сейчасъ подняла его и положила на столъ...

— Такъ вы думаете, что тутъ ключъ помогъ?

— Мамаша навѣрно съ нимъ бесѣдовала!

— Гм! Это любопытно.

— Что же это такое, наконецъ?.. Вѣдь если ключъ совсѣмъ простой...

— Ключъ-то, Софья Ивановна, совсѣмъ простой, да душа-то наша далеко не проста... О, это сложная исторія! Это вамъ женихъ вашъ лучше объяснитъ... Вотъ вы ему все это разскажите на досугѣ, онъ и успокоитъ васъ.

— Ну, хорошо. А позвольте съ, Леонидъ Петровичъ: а какъ же годъ-то на ключѣ такой старый, потомъ эти царапинки, пятна...

Леонидъ Петровичъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да вѣдь и вы съумѣли бы сдѣлать это?

Сонечка слегка покраснѣла и, быстро повернувшись, сказала:

— Идемте къ мамашѣ!

Столѣтіе нашего сентиментализма.

Теперь мы такъ привыкли къ реализму и протоколизму, что только историко-литературное образованіе можетъ помочь намъ перенестись въ другія литературныя времена и оцѣнить другіе литературные вкусы. И изящная литература, и художественная критика научили насъ объективному, холодному наблюденію жизни, и изображенію ея, точному и подчасъ сухому. Другой способъ наблюденія и иная манера изображенія для насъ почти невозможна, немыслима.

Попробуемъ перенестись за сто лѣтъ и припомнимъ старую повѣсть, которая у нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ вызывала слезы восторга и умиленія: — Прекрасную тѣломъ и душою поселянку, нѣжную и чувствительную Лизу встрѣтилъ Эрастъ, довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ. Красота Лизы оставила впечатлѣніе въ его сердцѣ, и подъ вліяніемъ этого любовнаго впечатлѣнія онъ началъ мечтать и мысленно переселился въ тѣ времена, въ которыя всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались, какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ счастливой праздности всѣ дни свои провождали. Эрастъ теперь понялъ, что натура призываетъ его въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ; задумалъ онъ оставить большой свѣтъ, потому что всѣ блестящія забавы его представились ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми страстная дружба невинной души питала его сердце; онъ хотѣлъ бросить сословныя предразсудки и, находя, что для него важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа, рѣшилъ жениться на прекрасной и чувствительной поселянкѣ. Но бракъ не удался, и этотъ прекрасный полевой цвѣтокъ погибъ трагическимъ образомъ.

Прочитавъ такую повѣсть, вы, пожалуй, скажете, что такихъ поселянокъ не бываетъ, что дворяне такъ не мечтаютъ, что авторъ смотритъ на жизнь не простыми глазами, а чрезъ стеклышко—то свѣтло-розовое, то мрачно-дымчатое, что авторъ и воспринимаетъ впечатлѣнія не такъ, какъ должно, и говоритъ не тѣмъ языкомъ, какой можетъ дать здравое и точное понятіе о жизненныхъ явленіяхъ. Вы безусловно правы съ своей точки зрѣнія. Но наши дѣды ничего этого не замѣчали и умилялись, и восторгались этою трогательною повѣстью. Мы разсказали содержаніе „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Эта повѣсть появилась въ 1792 году въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзина; стало быть ей теперь сто лѣтъ. Карамзину она доставила извѣстность, и даже славу, и была началомъ новаго направленія, надолго водворившагося въ нашей литературѣ, направленія сентиментальнаго. Въ томъ же году появилась и другая, въ томъ же родѣ, повѣсть Карамзина „Наташа боярская дочь“.

Новое направленіе пришлось по вкусу именно потому, что составляло довольно рѣзкую противоположность старому. Сентиментализмъ появился и развился въ европейской литературѣ въ XVIII в. по весьма серьезнымъ причинамъ. Боги и полубоги, герои и цари ложно-классическаго направленія въ то время успѣли уже достаточно надоѣсть читателямъ. Къ тому же появился и новый кругъ читателей. Люди изъ среды образованной буржуазіи, пріобрѣтшей въ XVIII в. особенное вліяніе, не могли уже удовлетворяться искусственно выстроенной и выглаженной придворной трагедіей и торжественной одой. Новыхъ читателей интересовала ихъ собственная, повседневная жизнь, съ ея горемъ и радостями, даже ея мелочи и подробности. Явилась литература мѣщанской семьи и повседнев-

ной жизни. Появилась и новая манера въ изображеніи этой жизни. Изысканная приличность и придворная торжественность классической школы уступили мѣсто сравнительно большей простотѣ и естественности. Герои классическаго направленія были величавы и торжественны, сухи и холодны. Любимымъ же героемъ новой литературы сдѣлался чувствительный человѣкъ; онъ противополагался придворному и завоевалъ надолго общія симпатіи. Всю литературу того времени Тэнъ называетъ библіотекой чувствительнаго человѣка. Нѣжный и чувствительный человѣкъ, который находитъ возможнымъ умиляться и проливать слезы по пяти—шести разъ въ сутки, наживаетъ отъ чувствительности чахотку, осмѣливается объясниться въ любви только на смертномъ одрѣ и умираетъ, потрясенный своимъ объясненіемъ — для насъ совсѣмъ не понятенъ и, не скроемъ, пожалуй, смѣшонъ. Но тогда писали спеціально для чувствительныхъ душъ. Характерно въ данномъ случаѣ обращеніе къ читателю Карамзина, въ повѣсти: „Наталья боярская дочь". Разсказавъ чувствительнымъ образомъ чувствительную повѣсть о томъ, какъ Наталья полюбила Алексѣя, „увидавъ его въ первый разъ и не слышавъ отъ него ни одного слова", Карамзинъ говоритъ: „не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствовали два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру".

Намъ теперь непонятны постоянные разговоры о нѣжной дружбѣ, вѣчная напряженность чувства, восхищеніе и умиленіе до слезъ, по случаю самыхъ обыкновенныхъ событій. Но тогда не умѣли иначе воспринимать впечатлѣнія и не умѣли иначе выражаться. Сдѣлаемъ, для примѣра, маленькую выдержку изъ „Писемъ русскаго путешественника", укрѣпившихъ сентиментализмъ въ нашей литературѣ:—„Я наслаждаюсь Швейцаріей... Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости... Я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую свирѣпыми страстями... Ахъ! есть-ли бы теперь, въ самую сію минуту, падлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы"...

Въ этомъ маленькомъ отрывкѣ сосредоточены и главныя черты сентиментализма XVIII в. Здѣсь обожаніе природы, восхваленіе простоты нравовъ, недовольство цивилизаціей и идеализація патріархальнаго времени. Направленіе сентиментальное принесло пользу въ томъ отношеніи, что хотя нѣсколько ограничивало распространеніе матеріализма. Не надо забывать въ оцѣнкѣ сентиментализма, какъ литературнаго направленія, что онъ, во всякомъ случаѣ, ближе къ жизни, чѣмъ бездушный псевдоклассицизмъ.

П. В.

Вернеръ Сименсъ. † 24 ноября 1892 г.

Къ рисункамъ.

Постники. (Рис. на стр. 1104 и 1105).

Медовый мѣсяцъ новобрачныхъ приближается къ концу. Время пролетѣло незамѣтно для счастливыхъ супруговъ въ шумныхъ праздникахъ и тихомъ уединеніи. Благодаря радостямъ новой жизни, всецѣло охватившимъ ихъ, они позабыли благія наставленія благочестиваго патера, — воспитателя молодаго супруга и духовника его жены. Они позабыли не только его наставленія, но и о немъ самомъ. Но онъ ихъ не забылъ и тайно слѣдилъ за ними. И вотъ, когда новобрачные совсѣмъ не ожидали посѣщенія благочестиваго отца, онъ явился къ нимъ какъ снѣгъ на голову. Что же увидѣлъ онъ, куда дѣвались всѣ его уроки?—Во время поста, да еще въ пятницу, на столѣ жареная куропатка! О горе!—земныя радости заглушили всѣ заботы о спасеніи души. Къ счастію — строгій наставникъ явился во-время, чтобы спасти ихъ грѣшныя души. Тихо выступая, приближается онъ къ испуганной четѣ, чтобы тотчасъ-же приняться за это спасеніе....

Психея. (Рис. на стр. 1109).

Поэтичная сказка древнихъ о Психеѣ и Амурѣ послужила симпатичною темою многимъ писателямъ и художникамъ. Психея, по греческой миѳологіи—олицетвореніе человѣческой души и любимица Эроса. Она обыкновенно изображалась летающей бабочкой или миловидной дѣвушкой съ крылышками бабочки. Апулей, римскій стихотворецъ, популяризировалъ ее въ своихъ твореніяхъ. Онъ передаетъ исторію Психеи въ слѣдующей фантастической картинѣ: у одного царя были три дочери; Психея—младшая изъ нихъ и притомъ—чудной красоты. Амуръ, забывая совѣты Венеры, своей матери, и увлеченный прелестью Психеи, съ помощью Зефира похищаетъ ее, укрываетъ въ таинственномъ жилищѣ и, невѣдомый и незримый, посѣщаетъ ее въ темнотѣ ночной. Какъ ни умолялъ ее Амуръ забыть міръ и людей, она видится и сообщается съ сестрами; за это Амуръ ее долженъ покинуть. Она долго скитается, претерпѣваетъ всякія невзгоды и наконецъ является передъ ревнивою Венерою, которая задаетъ ей для разрѣшенія трудныя задачи. Такъ ей приходится идти отыскивать источникъ живой воды. Открывъ нечаянно склянку съ этою водой, Психея вдругъ падаетъ безъ чувствъ. Спасителемъ снова является тотъ же Амуръ; усиленными мольбами уговариваетъ онъ Юпитера даровать ей безсмертіе и затѣмъ дѣлается ея супругомъ. Картина Тумана, переданная на нашемъ рисункѣ, представляетъ одно изъ лучшихъ изображеній Психеи. Она наклонилась и точно поражена собственной красотой, которую отражаетъ зеркальная поверхность пруда. Она, какъ прикованная, въ недоумѣніи, не вѣритъ своимъ глазамъ и... точно увлеклась мечтами о невѣдомомъ супругѣ.

Въ память 50-лѣтія оперы „Русланъ и Людмила“. Оригин. рис. (собств. „Нивы“) Н. Б., грав. Рашевскій.

Декораціи первой постановки оперы 50 лѣтъ назадъ:

Садъ Черномора. Замокъ Наины.

Декорація сада Черномора въ послѣдней, новѣйшей постановкѣ и торжественное вѣнчаніе бюста Глинки.

Литерат. альбомъ. „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ", А. Пушкина. (Рис. на стр. 1112).

Царь Додонъ съ Шамаханской царицей возвращается съ поля битвы. Она—„Вся сіяя, какъ заря, тихо встрѣтила царя". Подъѣзжая къ столицѣ, видитъ царь стараго друга, мудреца-колдуна, „въ сорочинской шапкѣ, бѣлой". Этотъ „старый другъ" досталъ царю волшебнаго золотого пѣтушка и царь обѣщалъ ему за это все, чего бы онъ ни попросилъ. Теперь мудрецъ говоритъ: „Подари ты мнѣ дѣвицу, шамаханскую царицу".

„Плюнулъ царь: „такъ лихъ же, нѣтъ,
„Ничего ты не получишь.
„Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь,
„Убирайся, цѣлъ пока:
„Оттащите старика..."

По раздѣлѣ добычи. (Рис. на стр. 1113).

Стаей хищныхъ птицъ налетѣли недруги на аулъ, пріютившійся на пологой скалѣ, какъ ласточкино гнѣздо. Перебили мужчинъ, спалили жилье и расхитили добро. Послѣ грабежа стали дѣлить добычу. Онъ захватилъ черноокую красавицу, посадилъ ее на коня и погналъ въ горы, унося съ собою то, что было ему дороже всѣхъ богатствъ деревушки.

Вернеръ Сименсъ. (Портр. на стр. 1116).

24 ноября умеръ въ Берлинѣ, 76 лѣтъ отъ роду, тайный совѣтникъ Вернеръ фонъ-Сименсъ, выдающійся піонеръ и основатель телеграфнаго сообщенія въ Европѣ, всю жизнь посвятившій электротехникѣ и прославившій свое имя. Онъ родился 13 дек. 1816 г. въ Лентѣ близь Ганновера и съ юныхъ лѣтъ уже пристрастился къ математическимъ наукамъ и естествознанію. Кончивъ курсъ въ Любекской гимназіи, онъ имѣлъ намѣреніе поступить въ инженеры, но отправленъ былъ въ Магдебургъ, гдѣ выдержалъ блестящимъ образомъ экзаменъ, принятъ нижнимъ чиномъ въ артиллерійскую бригаду прусской арміи и послѣ трехгодичнаго курса въ берлинскомъ артиллерійско-инженерномъ училищѣ переведенъ въ Виттенбергъ. Тутъ за участіе въ одной дуэли приговоренъ былъ къ заключенію въ крѣпости. Сидя въ Магдебургской цитадели, онъ нашелъ средство золоченія и серебренія гальваническимъ способомъ, за что удостоенъ патентомъ. Затѣмъ, уже молодымъ офицеромъ,—занялся пиротехническимъ дѣломъ и опытами изолированія землепроводовъ гуттаперчею. Ему же принадлежитъ изобрѣтеніе взрыва электрическимъ токомъ морскихъ торпедъ. Съ 1848 г. на него возложено было устройство перваго телеграфа между Берлиномъ, Ахеномъ и Франкфуртомъ-на-Майнѣ; затѣмъ—между Берлиномъ, Кельномъ и Вервье, а также Гамбургомъ и Бреславлемъ. Съ 1847 года онъ въ компаніи съ механикомъ Гальске, и при его содѣйствіи устраиваетъ телеграфную сѣть въ Россіи и проводитъ телеграфное сообщеніе между Лондономъ и Тегераномъ. Въ громадномъ заведеніи Сименса-Гальске приготовлены были всѣ шесть атлантическихъ кабелей, соединяющихъ теперь Европу съ Новымъ Свѣтомъ. Перечислить всѣ его изобрѣтенія въ небольшой статьѣ невозможно. Онъ открылъ способъ узнавать мѣсто поврежденія подводныхъ кабелей и способъ проложенія этихъ кабелей, изобрѣлъ много электродинамическихъ машинъ для промышленныхъ цѣлей, особенно же для электрическаго освѣщенія, на которое имѣлъ, какъ извѣстно, привилегію въ С.-Петербургѣ, Тифлисѣ и др. городахъ Россіи. За всѣ эти полезные труды онъ былъ удостоенъ въ Берлинѣ блестящаго юбилея на 70 г. отъ рожденія 13 декабря 1886 года. Его заслуги по электротехникѣ, конечно, долго еще и заслуженно будутъ цѣнимы тружениками по отрасли естественныхъ наукъ.

Похороны его были чрезвычайно торжественны. Отъ имени императора Вильгельма присутствовалъ принцъ Леопольдъ; представителями императрицы были графъ Секендорфъ и фрейлина ф.-Фаберъ; затѣмъ присутствовали Каприви, Беттигеръ, Бельшенъ, Шеллингъ и всѣ знаменитости. Явились представители не только изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, но и изъ другихъ частей свѣта, отъ многочисленныхъ ученыхъ и промышленныхъ обществъ. Вѣнковъ на гробъ было принесено столько, что въ похоронной процессіи ихъ везли на четырехъ длинныхъ фургонахъ; между вѣнками отличался доставленный по порученію знаменитаго Эдиссона съ надписью: „Моему другу В. ф.-Сименсу". Десятки тысячъ народа слѣдовали за траурной колесницей, многія сотни работницъ слѣдовали въ глубокомъ трауpѣ. Зрѣлище было дѣйствительно необычайное; то былъ поистинѣ достойный почетъ, оказанный неусыпному труду на пользу человѣчества.

Въ память пятидесятилѣтія оперы „Русланъ и Людмила". (Рис. на стр. 1117).

Въ настоящемъ нумерѣ, въ отдѣлѣ „Искусство", читатели найдутъ подробное описаніе торжественнаго спектакля-празднованія въ Маріинскомъ театрѣ пятидесятилѣтія оперы „Русланъ и Людмила". Помѣщаемый нами рисунокъ изображаетъ два снимка съ декорацій *первой* постановки оперы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Внизу же изображено торжественное вѣнчаніе бюста Глинки и декорація (садъ Черномора) новѣйшей, послѣдней постановки.

М. И. Глинка въ помѣстьѣ Г. С. Тарновскаго, Каченовкѣ (Черниг. губ.). (Рис. на стр. 1120).

Картина, изображающая съ правой стороны Глинку съ перомъ въ рукѣ за столомъ, во время созданія баллады Финна, и Н. А. Марковича, обработывающаго текстъ для этой баллады,—а съ лѣвой стороны—художника Штерберга, сидящаго за мольбертомъ, а позади художника — Г. С. Тарновскаго, — относится ко времени поѣздки Глинки по Малороссіи, предпринятой съ цѣлью набрать пѣвчихъ для придворной капеллы, т. е. къ 1838 г. Извѣстно, что Глинка вскорѣ послѣ громаднаго успѣха „Жизни за Царя" (1836 г.) былъ назначенъ капельмейстеромъ выше названной капеллы. Припомнимъ кстати знаменательныя слова императора Николая къ Глинкѣ при вступленіи послѣдняго въ должность: „Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и, надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ: мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и слѣдственно стоятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя *„итальянцами"*.

О времени, проведенномъ въ Каченовкѣ у Тарновскаго, Глинка довольно подробно разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" (стр. 132—137, изд. А. Суворина, 1887 г.); приведемъ нѣсколько строкъ изъ разныхъ мѣстъ: „Хозяинъ принялъ насъ радушно и отвелъ мнѣ съ помощниками (Палагинъ, Шеновъ, Саранчинъ и слуга Глинки, извѣстный Яковъ) пристанище въ оранжереѣ, которая примыкала къ дому". Открытая дверь изъ комнаты (на рисункѣ) ведетъ въ садъ. Во время пребыванія Глинки у Тарновскаго гостилъ Штернбергъ, по словамъ Глинки,—„талантливый художникъ, очень пріятный молодой человѣкъ". Онъ и нарисовалъ картину, принадлежащую сенатору г. Марковичу, сыну пріятеля Глинки, снятаго рядомъ съ нимъ за письменнымъ столомъ. Къ Тарновскимъ въ это время пріѣзжали помѣщикъ Скоропадскій и малороссійскій поэтъ Забѣлло.

Глинка съ удовольствіемъ вспоминаетъ о препровожденіи времени у Тарновскаго. Кстати тутъ онъ впервые услышалъ тѣ два №№ изъ „Руслана", которые у него имѣлись въ портфелѣ: персидскій хоръ „Ложится въ полѣ мракъ ночной" и маршъ Черномора; тутъ же онъ сочинилъ и балладу Финна. Вотъ что Глинка говоритъ собственно о ней: „Покамѣстъ я унисывалъ приготовленные уже стихи, Марковичъ грызъ перо (нелегко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ усердно и весело работалъ своею кистью". Этотъ моментъ и воспроизведенъ на рисункѣ: оригиналъ, принадлежащій А. Н. Марковичу, былъ выставленъ въ „Музеѣ Глинки" во время исполненія „Руслана" въ Маріинскомъ театрѣ 27 ноября. **В. Б.**

Политическое обозрѣніе.

Новое французское министерство начало свою дѣятельность съ декларацiи, которую прочелъ глава кабинета, Рибо, въ палатѣ 26 ноября. Декларацiи этой много рукоплескали. Въ ней сказано, какъ нами было сообщено, что кабинетъ будетъ и во внутреннихъ, и во внѣшнихъ вопросахъ слѣдовать прежней политикѣ, при чемъ выражено безусловное желаніе правительства помочь парламенту и судебному вѣдомству внести свѣтъ въ нынѣшнія дѣла. Это послѣднее желаніе проявилось въ уступчивости, сдѣланной кабинетомъ комиссіи дознанія по панамскому дѣлу, и ей сообщены не только всѣ документы судебнаго слѣдствія, но и произведено вскрытіе трупа барона Рейнака. Тѣмъ не менѣе дѣло далеко еще не разъяснено, и благодаря клеветнической оргіи въ газетахъ, къ дѣлу пристегиваются всевозможныя лица. Отъ газетныхъ нападокъ не укрылся и министръ Рувье. Въ *Figaro* напечатана замѣтка, направленная собственно противъ Клемансо съ его газетою *Justice*, и въ ней сообщено, что Герцъ, 20 лѣтъ назадъ простой аптекарскій ученикъ, а теперь одинъ изъ дѣльцовъ Парижа, вмѣстѣ съ Рувье и Клемансо провели съ барономъ Рейнакомъ день, предшествовавшій смерти послѣдняго, въ виду чего комиссія дознанія должна подвергнуть Герца допросу о послѣднихъ часахъ Рейнака. *Justice* объясняетъ, почему именно Герцъ, Рувье и Клемансо видѣлись съ Рейнакомъ наканунѣ его смерти: Рейнакъ, приведенный въ отчаяніе нападками прессы, надѣялся, что Герцъ и Констанъ будутъ въ состояніи прекратить нападки. Для этого Клемансо и Рувье отправились вмѣстѣ съ Рейнакомъ къ Герцу и Констану. Начато слѣдствіе по обвиненію въ подкупѣ должностныхъ лицъ и арестованы: Шарль Лессепсъ и бывшій депутатъ Фонтань. Рибо вышелъ изъ состава министерства, чтобы свободнѣе объясниться по поводу газетныхъ намековъ.

Германскій рейхстагъ препроводилъ военный законопроектъ въ коммиссію изъ 28 членовъ.

Интересны нѣкоторыя заявленія, какія были сдѣланы при обсужденіи этого законопроекта. Прусскій военный министръ заявилъ, что законопроектомъ создается лучшая организація въ мирное время и вѣрнѣйшій залогъ успѣха на войнѣ. Членъ центра Гюне сказалъ, что онъ строго анализируетъ проектъ, но надѣется придти къ соглашенію съ правительствомъ. Другой депутатъ, изъ той же партіи, графъ Прейсингъ, заявилъ, что въ Баваріи законопроектъ вызвалъ неудовольствіе и что вслѣдствіе этого баварская фракція центра полагаетъ, что соглашенія трудно будетъ достигнуть. Рихтеръ сообщилъ, что свободомыслящіе вотируютъ то, что требуется для введенія двухгодичнаго срока службы. Націоналъ-либералъ, ганноверскій оберъ-президентъ Беннигсенъ, сказалъ, что врядъ-ли большинство рейхстага одобритъ законопроектъ во всемъ его объемѣ, хотя географическое положеніе Германіи требуетъ напряженія всѣхъ ея силъ. Вотъ почему правительству слѣдуетъ требовать лишь того, что безусловно необходимо, если оно желаетъ, чтобы требованія его были исполнены рейхстагомъ. Имперскій канцлеръ выставилъ на видъ, что въ необходимости закона для дальнѣйшаго существованія имперіи онъ до такой степени убѣжденъ, что если рейхстагъ пожелаетъ взвалить на его плечи свою собственную отвѣтственность, то онъ спокойно ее приметъ.

Антисемитизмъ въ Австріи, борясь съ еврействомъ, самъ принужденъ бороться съ союзомъ, созданнымъ спеціально для борьбы съ нимъ. Вѣнскій ферейнъ анти-антисемитовъ представилъ на-дняхъ президенту палаты депутатовъ Смолкѣ петицію, въ которой проситъ его воспрепятствовать, пользуясь дисциплинарными правами, произнесенію невоздержанныхъ рѣчей въ рейхсратѣ. Этою мѣрою ферейнъ собственно думалъ добиться ограниченія нападокъ на еврейство. Въ отвѣтъ на такое странное заявленіе въ засѣданіи рейхсрата 27 ноября консервативный депутатъ Дипаули, при бурныхъ рукоплесканіяхъ младочеховъ, антисемитовъ и консерваторовъ, назвалъ упомянутую петицію неслыханнымъ посягательствомъ на права парламента.

Въ Германіи антисемитизмъ тоже разрастается. Графъ Каприви, правда, осуждаетъ его, и 30 ноября заявилъ въ палатѣ, что онъ не можетъ понять, какъ люди патріотическаго образа мыслей могутъ поддерживать его.

Norddeutsche Allgemeine Zeitung посвящаетъ длинную статью торговымъ переговорамъ съ Россіей. Газета указываетъ на благопріятные Германіи отзывы русской печати и затѣмъ говоритъ: „Въ Германіи экономическія отношенія оцѣнивались до сихъ поръ только съ экономической точки зрѣнія. Если большія русскія газеты, не встрѣчая возраженія съ компетентной стороны, думаютъ достигнуть цѣли другимъ путемъ, то онѣ возбудятъ сомнѣніе въ томъ, чтобы онѣ серьезно желали содѣйствовать соглашенію Россіи съ Германіей относительно экономическихъ отношеній“.

Въ Италіи, при обсужденіи въ палатѣ бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, Бринъ заявилъ, что Италія и ея союзники руководствуются политикою мира и исполнены рѣшимости приложить всѣ старанія къ улучшенію отношеній со всѣми державами, разсѣять всякія недоразумѣнія, избѣгать распрей и такимъ образомъ усилить гарантію мира. Министръ присовокупилъ, что Италія, держась такого образа дѣйствій, увѣрена въ томъ, что будетъ постоянно находиться въ согласіи со своими союзниками. Свою рѣчь Бринъ заключилъ словами: „Естественно, что столь лойяльная политика Италіи, которой она съ такимъ постоянствомъ слѣдуетъ столько лѣтъ и которая всегда разсѣивала самыя упорныя подозрѣнія, начинаетъ приносить плоды: недовѣріе и недоразумѣнія слабѣютъ“.

Въ Испаніи произошла перемѣна министерства. 26 ноября, въ засѣданіи палаты депутатовъ въ Мадридѣ, Сильвела заявилъ, что консерваторы будутъ поддерживать правительство не изъ сочувствія къ нему, но въ интересахъ отечества. Тогда Кановасъ предложилъ вотировать выраженіе довѣрія кабинету; предложеніе это принято 121 голосомъ однихъ либераловъ, такъ какъ республиканцы и консерваторы-диссиденты воздержались отъ голосованія. Кановасъ подалъ королевѣ-регентшѣ коллективное прошеніе кабинета объ отставкѣ. Новое министерство составлено Сагастой.

Въ Константинополѣ, 24 ноября, состоялся во дворцѣ большой банкетъ въ честь русскаго посольства. На банкетѣ присутствовали г. и г-жа Нелидовы съ сыномъ, первый драгоманъ и первый секретарь посольства, командиръ станціонера, великій визирь, министры, генералы и высшіе чины двора. Султанъ оказалъ своимъ гостямъ самый любезный пріемъ и пожаловалъ ордена лицамъ, сопровождавшимъ посла.

Разныя извѣстія.

— Е. И. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ назначенъ шефомъ 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка.

— Е. И. В. Великій Князь Дмитрій Константиновичъ произведенъ за отличіе въ полковники и назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскимъ полкомъ.

— По Высочайшему повелѣнію 22 октября учреждена правительственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ст. секретаря Грота, для пересмотра дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ.

— 1-го декабря состоялось въ помѣщеніи Общества поощренія художниковъ открытіе выставки Общества поощренія женскаго художественно-промышленнаго труда.

— 1-го декабря, по случаю 25-лѣтняго служенія почетнаго лейбъ-медика I. В. Бертенсона въ Рождественской городской больницѣ, состоялось чествованіе юбиляра.

— Въ понедѣльникъ, 30 ноября, Государь Императоръ принималъ въ прощальной аудіенціи прусскаго посла фонъ-Швейница, который имѣлъ честь вручить Императору свои отзывныя грамоты.

— Министерство Путей Сообщенія, говорятъ, приготовило проектъ о выкупѣ съ 1-го янв. 1893 года Оренбургской ж. дороги и представляетъ о томъ на утвержденіе въ Государственный Совѣтъ.

— Вслѣдствіе появляющихся въ газетахъ сообщеній о разныхъ мѣропріятіяхъ по учебной части, какъ-то: измѣненіи программъ, закрытіи VIII класса гимназій, сокращеніи занятій и т. п., Министерство Народнаго Просвѣщенія объявило, что всѣ свѣдѣнія о подобныхъ мѣропріятіяхъ, подлежащія обнародованію, печатаются въ *Правит. Вѣстникѣ*, а всѣ другія сообщенія не могутъ быть признаваемы соотвѣтствующими дѣйствительности.

— Въ январѣ состоится открытіе художественно-промышленнаго музея въ Строгоновскомъ училищѣ въ Москвѣ.

— Въ Эртелевомъ переулкѣ, 27 ноября, на домѣ гдѣ проживалъ въ 1854—1856 гг. М. И. Глинка, прибита мраморная доска, съ соотвѣтствующею надписью.

— 29 ноября Спб. комитетъ Православнаго миссіонерскаго общества чествовалъ въ Казанскомъ соборѣ память основателя алтайской миссіи, архимандрита Макарія, по случаю исполнившагося 8 ноября столѣтія со дня его рожденія.

— Въ Одессѣ 29 ноября произведена однодневная перепись.

— 24 ноября въ Ментонѣ освящена православная церковь во имя Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ. Внутренность церкви очень красива, иконостасъ и полъ въ алтарѣ мраморные. Главнымъ дѣятелемъ по устройству ея былъ А. И. Гончаровъ.

— Къ коммиссію по реформѣ Государственнаго Банка поступило четыре проекта реорганизаціи его: отъ члена Совѣта Министра Финансовъ г. Новосельскаго, товарища Министра Финансовъ г. Иващенкова, профессора Антоновича и г. Судейкина.

— Московскій Политехническій музей 30 ноября праздновалъ двадцатую годовщину своего существованія.

— Съ цѣлію обезпеченія женскихъ учебныхъ заведеній отъ занесенія въ стѣны заведеній холеры и заразныхъ болѣзней по возвращеніи воспитанницъ изъ домашнихъ отпусковъ, по соизволенію Государыни Императрицы, 19 ноября, въ предстоящіе праздники отпусковъ изъ институтовъ не будетъ, а взамѣнъ того будутъ предоставлены имъ развлеченія разнаго рода.

— 28 ноября исполнилась 15-я годовщина взятія Плевны. Въ 1877 г. въ этотъ достопамятный день отъ почившаго нынѣ Главнокомандующаго дѣйствующею арміею В. Кн. Николая Николаевича получена была телеграмма: „Плевна въ нашихъ рукахъ со всею арміею и Османомъ во главѣ“.

— На ноябрьской выставкѣ въ Ислингтонѣ былъ замѣченъ новаго устройства велосипедъ, приспособленный для передвиженія людей и перевозки грузовъ. Онъ состоитъ изъ четырехколесной повозки длиною въ 4 и шириною въ 1½ аршина. Переднія колеса приводятся въ движеніе двумя людьми, помѣщаемыми между ними на особомъ сидѣньи; заднія колеса, меньшаго размѣра,—служатъ для управленія ходомъ, для чего къ срединѣ задней оси придѣланъ вертикальный стержень, соединенный особымъ приборомъ, дающимъ возможность совершать полный поворотъ. Вѣсъ велосипеда около 3 пудовъ, а перевозимый на немъ грузъ можетъ быть до 18 пудовъ.

— Въ Кіевской обсерваторіи установленъ новый рефракторъ въ особой башнѣ. Инструментъ въ 2 саж. длиною стоитъ на чугунномъ фундаментѣ. На верху фундамента двѣ перекрещивающіяся оси, представляющія обыкновенную, такъ называемую параллактическую установку. На концѣ перпендикулярной оси положена труба, имѣющая продолговатый разрѣзъ и вмѣщающая въ себѣ двѣ отдѣльныя трубы объектива, которыя лежатъ рядомъ. Первый объективъ имѣетъ въ діаметрѣ 11 дюймовъ, другой 7 дюймовъ, и служитъ для фотографированія небесныхъ тѣлъ. Инструментъ этотъ обошелся въ 50.000 марокъ.

— Табаководство въ Туркестанѣ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Одинъ изъ мѣстныхъ русскихъ промышленниковъ, въ 1870 г. занявшійся посѣвами табаку, достигъ замѣчательныхъ результатовъ: одна десятина, по его словамъ, давала до 1400 р. дохода. Въ 1889 г. площадь табачныхъ плантацій равнялась 39 десятинамъ, а въ настоящемъ не менѣе 63 десятинъ. По сообщенію чиновника Министерства Государственныхъ Имуществъ, туркестанскіе табаки по ароматности, эластичности и жирности превосходятъ табаки южныхъ губерній.

— Неоднократно указывалось въ нашей музыкально-критической литературѣ на существенный пробѣлъ, на отсутствіе собранія критическихъ статей *А. Н. Сѣрова*. Извѣстно, что авторъ „Юдиѳи“, „Рогнѣды“ и „Вражьей

„силы“ составилъ себѣ прочное литературное имя своими критическими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ еще до выступленія въ качествѣ композитора. А. Н. Сѣровъ писалъ въ теченіе своей жизни въ 32 изданіяхъ; статьи его, отличающіяся глубокимъ знаніемъ дѣла, живымъ и бойкимъ изложеніемъ, не утратили своего значенія во многихъ отношеніяхъ и по настоящее время. Онъ былъ не только первымъ по времени, но и остается до сихъ поръ первымъ по значенію музыкальнымъ критикомъ. Впрочемъ, желающихъ ближе познакомиться съ дѣятельностью А. Н. Сѣрова можемъ отослать къ обстоятельному труду В. С. Баскина: „Русскіе композиторы“, въ которомъ подъ № 3 значится „А. Н. Сѣровъ“ (128 стр. изд. П. Юргенсона); подъ №№ 1 и 2 вышли: „А. Г. Рубинштейнъ“ и „М. П. Мусоргскій“.

Собраніе статей Сѣрова—цѣнный вкладъ въ литературу и оно предпринято въ настоящее время на щедроты Его Величества Государя Императора. Все изданіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ; къ первому приложенъ будетъ портретъ Сѣрова; два тома уже въ настоящее время отпечатаны. Наблюденіе за изданіемъ принадлежитъ комитету, состоящему подъ покровительствомъ Его Высочества Принца А. П. Ольденбургскаго. Въ составъ комитета вошли тоже питомцы Училища Правовѣдѣнія: Н. Н. Стояновскій (предсѣдатель), П. И. Чайковскій, А. А. Герке и А. Е. Молчановъ. Самое дѣятельное участіе въ этомъ изданіи принимаетъ вдова композитора. Появленію статей Сѣрова можно весьма порадоваться.

Искусство.

На праздновании пятидесятилѣтія „Руслана“ въ Маріинскомъ театрѣ все носило праздничный видъ: дамы въ бальныхъ платьяхъ, военные въ парадныхъ мундирахъ, штатскіе во фракахъ; многіе поздравляли другъ друга съ этимъ знаменательнымъ для исторіи русской музыки, днемъ. На спектаклѣ присутствовала сестра композитора, Людмила Ивановна Шестакова, положившая такъ много труда на изданіе сочиненій брата. Еще до начала наши артисты, съ главнымъ режиссеромъ во главѣ, поднесли ей букетъ, встрѣченный громомъ аплодисментовъ со стороны публики, переполнившей театръ.

Г. С. Тарновскій. В. П. Штернбергъ. Н. А. Маркевичъ. М. И. Глинка.

М. И. Глинка въ селѣ Каченовкѣ, за сочиненіемъ баллады Финна. Съ картины, принадлежащей **А. Н. Маркевичу**, грав. Мультановскій.

Спектакль начался. Увертюра, разумѣется, была дважды сыграна по оглушительнымъ требованіямъ всей залы. Въ антрактѣ между первымъ и вторымъ дѣйствіями, подали г-жѣ Шестаковой громадный вѣнокъ-звѣзду, въ центрѣ котораго, на черномъ фонѣ, красовалась надпись: „Глинка“, а на лучахъ—вышиты были нотами разныя фразы изъ „Руслана“; вѣнокъ былъ украшенъ лентами, на которыхъ можно было прочесть: на одной—„Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой“, а на другой—„За 50 лѣтъ службы брату“. Людмила Ивановна, сидѣвшая въ первой ложѣ бенуара, обставленной тропическими растеніями, была тронута до слезъ; оваціямъ въ ея честь не было конца; дѣйствительно, она одна изъ семейства Глинки дожила до этого радостнаго дня. Въ спектаклѣ участвовали всѣ лучшія силы труппы; вотъ составъ исполнителей: Людмила—г-жа Мравина, Горислава—г-жа Ольгина, Ратмиръ—г-жа Славина; Русланъ—г. Мельниковъ. Фарлафъ—г. Стравинскій, Баянъ—г. Михайловъ, Финнъ—г. Медвѣдевъ и Наина—г-жа Пильцъ.

Дирекція блеснула роскошной постановкой оперы; костюмы почти всѣ новые, поражаютъ роскошью, особенно на исполнителяхъ главныхъ героевъ; все блистало и сіяло. Наши художники гг. Андреевъ и Шишковъ сдѣлали новыя декораціи; первый—замокъ Наины (для третьяго акта), второй—замокъ Черномора (для четвертаго). Эта художественная картина, изображающая фасадъ замка и обширную (во всю сцену) лѣстницу, ведущую въ волшебные сады Черномора, вызвала бурю аплодисментовъ и желаніе поблагодарить художника. Картина получилась дѣйствительно ослѣпительная. Въ этомъ актѣ повторена была и знаменитая лезгинка, мастерски исполненная г-жей Петипа и г. Бекеффи. Прибавимъ кстати, что нѣкоторыя купюры возстановлены были на этотъ разъ, а именно: разсказъ головы во второмъ дѣйствіи: „Насъ было двое: братъ и я“ и терцетъ (цѣликомъ) въ третьемъ актѣ: „Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать“. Оба эти номера чрезвычайно понравились. Повторила еще г-жа Мравина часть своей аріи („Ахъ, ты доля, долюшка“).

По окончаніи четвертаго дѣйствія занавѣсъ взвился и предъ глазами зрителей предстала слѣдующая картина: на площадкѣ лѣстницы, ведущей въ замокъ Черномора, былъ установленъ бюстъ Глинки, обставленный тропическими растеніями; съ обѣихъ сторонъ стояли артисты труппы; на лѣстницахъ—хоры, мужской и женскій, и военный оркестръ; оперный же, подъ управленіемъ г. Направника, игралъ въ это время финалъ „Руслана“. Поочередно стали возлагать вѣнки на бюстъ Глинки режиссеръ оперы, нѣкоторые артисты, представители отъ хора, оркестра и балета, а также и члены ди-

рекціи Русскаго музыкальнаго общества; неоднократно приходилось подымать занавѣсъ для удовлетворенія публики, жаждавшей выразить свой восторгъ въ эту торжественную минуту. Спектакль этотъ останется надолго въ памяти тѣхъ, кто только попалъ на него.

Въ фойэ Маріинскаго театра былъ выставленъ Стасовымъ и привлекалъ вниманіе зрителей, толпившихся здѣсь во время антрактовъ, „Музей Глинки". Здѣсь собраны были разные предметы, принадлежавшіе Глинкѣ во время первой постановки геніальной оперы въ 1842 г. и въ настоящее время составляющіе собственность Императорской Публичной Библіотеки, гг. Стасова и Энгельгардта, г-жи Шестаковой, московской галлереи Третьяковыхъ и др. Всѣхъ номеровъ было выставлено здѣсь 36, которые, чтобы легче было оріентироваться, можно подвести подъ три группы. Разставлены были всѣ предметы съ обѣихъ сторонъ мраморнаго бюста Глинки, обыкновенно стоящаго въ фойэ этого театра. Къ первой группѣ относятся—бюстъ и портреты М. И. Глинки въ разные возрасты (портретовъ было 12); назовемъ изъ нихъ важнѣйшіе:

а) Портретъ М. И. Глинки, писанный на эмали въ 1817 г., на табакеркѣ отца его, на которой онъ изображенъ въ 13-ти-лѣтнемъ возрастѣ (вмѣстѣ съ матерью и сестрой Пелагеей); б) акварелью, 1824 г., изображающій Глинку 20 лѣтъ; в) рисованный въ Парижѣ въ 1845 г.; г) сдѣланный артистомъ Самойловымъ въ 1854 г. и д) масляными красками, писанный въ 1887 г. художникомъ Рѣпинымъ, на которомъ Глинка изображенъ полубольнымъ и сочиняющимъ „Руслана". Къ этой группѣ слѣдуетъ причислить и карикатуры на него, принадлежащія художникамъ Брюллову и Степанову (оба пріятели Глинки); послѣдняго — двѣ карикатуры; любопытна вторая изъ нихъ: „М. И. идетъ въ потомство, не ломая шапки предъ современниками". Вторую группу составляютъ разныя части оперы „Русланъ" (подлинные автографы; такихъ тринадцать номеровъ) и письма (одно къ Кукольнику, а другое — къ сестрѣ Л. И. Шестаковой).

Къ третьей группѣ принадлежатъ: а) фортепіано, находившееся въ домѣ у родителей Глинки, въ с. Новоспасскомъ Смоленской губерніи, на которомъ онъ игралъ и сочинялъ многія части „Жизни за Царя" и „Руслана" между 1830 и 1840 гг.; б) письменный столъ, на которомъ онъ писалъ свои оперы и „Записки"; при немъ стулъ, чернильница, перо и подсвѣчники; в) перстни его: одинъ съ фамильнымъ гербомъ, а другой, сдѣланный изъ его булавки, и г) голубая шелковая шапочка, вышитая жемчугомъ Л. И. Шестаковою въ 1853 г.; шапочку эту Глинка постоянно носилъ дома. Затѣмъ, были тутъ выставлены портреты знаменитыхъ артистовъ Петровыхъ (исполнителей Руслана и Ратмира), эскизы масляными красками и акварелью декорацій и костюмовъ, для постановки „Руслана", академика Роллера (при первой постановкѣ) и художниковъ Горностаева, Гартмана (при возобновленіи „Руслана" въ 1866 г.), и нашихъ современниковъ гг. Шишкова, Бочарова, Григорьева и Пономарева. Любопытны были еще: афиша перваго представленія „Руслана" и рисунки наружныхъ и внутреннихъ видовъ домовъ, гдѣ жилъ Глинка въ Петербургѣ и въ с. Новоспасскомъ.

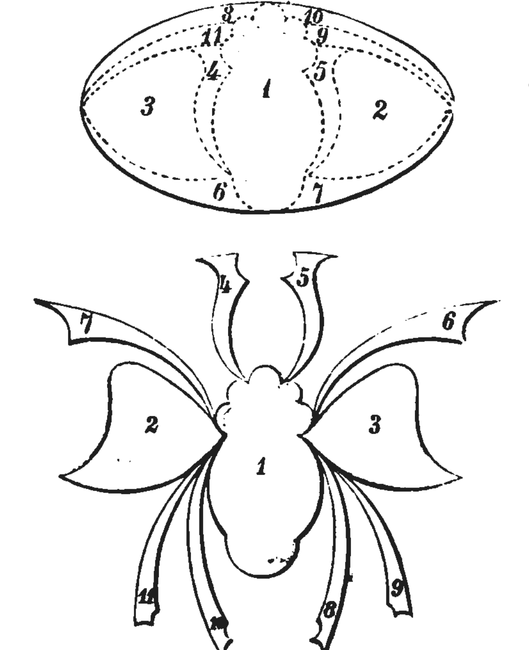
Въ заключеніе прибавимъ, что Никольская улица переименована въ улицу Глинки. **В. Баскинъ.**

Смѣсь.

Среди многочисленныхъ геологическихъ переворотовъ земного шара, такъ называемый юрскій періодъ, предшествовавшій отложенію мѣловыхъ и третичныхъ формацій, отличался обиліемъ гигантскихъ животныхъ изъ разряда ящерицъ по строенію ихъ тѣла. Они названы ихтіозаврами, игуанодонами и т. д. Эти допотопныя животныя водились въ моряхъ и на сушѣ, большинство же ихъ принадлежало къ земноводнымъ. Размѣры ихъ были громадны, — то были великаны, сравнительно даже со слонами и гиппопотамами. Первое ихъ нахожденіе сдѣлано было натуралистомъ Мантеллемъ, въ 1822 году въ Суссексѣ. Въ 1878 году, близь Монса, въ Бельгіи, найдено много костей такихъ животныхъ въ землѣ, на глубинѣ болѣе тысячи футовъ; изслѣдовавшій ихъ палеонтологъ ванъ-Бенединъ, призналъ въ нихъ кости игуанодоновъ. Съ необыкновенными предосторожностями пришлось ихъ извлекать изъ шахты, обливая сперва тонкимъ слоемъ гипса. Болѣе 6000 пудовъ этихъ костей, въ 35 вагонахъ, были привезены въ Брюссельскій музей естественныхъ наукъ. Благодаря такой находкѣ, музей этотъ сдѣлался одномъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ.

Вліяніе фіолетовыхъ лучей свѣта на качество вырабатываемаго пчелами меда и на развитіе самихъ пчелъ замѣчено было недавно однимъ французскимъ сельскимъ хозяиномъ. Подобное же наблюденіе сдѣлано было раньше относительно винограда. (г. в.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 38
(помѣщенной въ № 32).



Ребусъ № 50.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 36
(помѣщенной въ № 28)

1) a—g= h
2) $b:(f+c)=9:17$
3) $c^{d}=f-g$
4) $\sqrt{d-e}=\pm 3$
5) $b:2h=a:(d-f)$
6) e—c=18
7) d=28
8) h=3

1) a=18=Р
2) b= 9=И
3) c= 1=А
4) d=28=Ъ
5) e=19=С
6) f=16=О
7) g=15=Н
8) h= 3=В

ИНСАРОВЪ

Примѣчанія къ условіямъ:

4) Выраженіе $\sqrt{14+6\sqrt{5}}$ можетъ быть разложено на $\sqrt{9}+\sqrt{5}$.

6) Данное уравненіе слѣдуетъ привести къ виду: $3^{\sqrt{2x}}=729$; x=18.
2 2 2 2

7) Число опредѣляется изъ уравненій: x+y+z=77; y—4=10xz; 100x+10y+z+99=100z+10y+x.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ.—А. В. Лебедева, Батумъ—К Северина, Кременчугъ—С. Компанѣеца, Луга—М. А. Вейкопе, Моршанскъ—М. Рымаревой, Н. Александрія—А. Зубкова, Петроковъ—К. М. Леонтьева, Тифлисъ—Кн. Аматуки.

Рѣшеніе ребуса № 37 (помѣщеннаго въ № 30).

„Пока подъ чужой крышей не побываешь, своя, гдѣ течетъ, не узнаешь".

Рѣшеніе ребуса № 41 (помѣщеннаго въ № 34).

„Кто самъ собою не управитъ, тотъ и другихъ не наставитъ".

Рѣшеніе ребуса № 44 (помѣщеннаго въ № 37).

„Неправдою свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься".

За редактора издатель А. Ф. Марксъ.

ВАЖНОЕ ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ КАШЛЕМЪ.

Карамель изъ травъ „Нетти Боссъ“ продается исключительно въ аптекахъ и аптечныхъ магазинахъ. № 6132

Б. А. СЕМАДЕНИ, Кіевъ.

ЗА ПРАВДУ И ЗА ЧЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ

Cis-mol.-соната Г. фонъ-Аминтора.

Противъ „Крейцеровой Сонаты“ Л. Н. Толстого. № 6142

Переводъ съ нѣмецкаго М. Калмыкова.

Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10—1

„Цезарь и Минка“.

Самый извѣстный и обширнѣйшій въ Европѣ

ПИТОМНИКЪ ПОРОДИСТЫХЪ СОБАКЪ.

Удостоенъ золотыми и серебряными медалями, государственными и отъ обществъ.

ЦАНА въ Пруссіи.

Поставщики Его Импер. Велич. Государя Императора Всероссійскаго, Его Имп. В. Имп. Германскаго, Его И. Выс. Вел. Князя Павла Александровича, Его В. Вел. Султана Турецкаго, Его В. Имп. Марокскаго, Его К. В. Короля Нидерландскаго, Ея К. В. Королевы Италіи и Ея К. В. Королевы Нидерландской, Его К. Выс. Вел. Герцога Ольденбургскаго, Герцога Людвига Баварскаго, Ихъ К. В. принцессъ Фридр. Карла Прусскаго, Ихъ К. В. Принцессъ Альбрехта Прусскаго, а равно многихъ Имп. и Кор. принцевъ, царств. особъ и пр. и пр.

Богатый выборъ собакъ роскоши и сторожевыхъ, отъ самыхъ крупныхъ ульмск. договъ и горн. собакъ и до крошечн. салон. собачекъ, равно какъ лагавыхъ, охотничьихъ, барсучьихъ, борзыхъ и ищеекъ, какъ вполнѣ дрессированныхъ, такъ недрессированныхъ и щенковъ, съ полнымъ ручательствомъ. Франц. и нѣм. иллюстр. прейсъ-куранты — безплатно. — 5-ое изд. брошюры: „Взрощеніе, уходъ, дрессировка и болѣзнь породистой собаки“ съ 50 изображеніями породист. собакъ, премирован. почти исключительно первыми наградами, на франц. и нѣм. яз. за 10 мар. (5 руб.). Собств. постоянн. выставка нѣск. сотъ продажныхъ собакъ (ж.-д. станція Виттенбергъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЫ:

„Wittenberger Tageblatt“ отъ 14-го Окт. 1892 г. „Вчерашній день торжественно ознаменовался для мѣстнаго питомника породист. собакъ и разсадника птицъ. Ея К. В. Королева Итальянская изволила сдѣлать владѣльцу, г-ну Отто Фридриху, заказъ на партію собакъ и эта партія была вчера же отправлена прямо по адресу Королевы, въ ея виллу „Беата“ въ Монца. Почти одновременно съ тѣмъ, отъ принца Абдула Меджеда, изъ дворца „Ferieh“ въ Константинополѣ, былъ полученъ рескриптъ, которымъ принцъ даетъ знать о благополучномъ прибытіи значительной партіи голубей; при этомъ принцъ изволилъ сдать новый заказъ, какъ и 4 года тому назадъ, на большую партію собакъ. И наконецъ, питомникомъ отправленъ больш. транспортъ куръ на имя плантатора Mr. Stong въ Valdirisi въ Чили. Транспорту предстоитъ пробыть въ пути 8 мѣсяцевъ. Ц. № 6145

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НЕОБХОДИМО

всякому имѣющему занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то для гг. военныхъ инженеровъ, охотниковъ, золотопромышленниковъ, моряковъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, и также замѣняющія домашній пиджакъ

ВЯЗАНЫЯ КУРТКИ

изъ англійской крученой шерсти. Цѣны 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелковыми рукавами 15 и 18 руб. Цвѣта: черн., темносинія, коричневыя, сѣрыя и бордо.

Пересылка 1 руб. повсемѣстно. При выпискѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Въ магазинѣ Ю. Готлибъ. По Владимірской д. 2., уг. Невск. просп. Р. № 6130

XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ. XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ Ц. № 6036 6—4

„НОВОСТИ ДНЯ“,

большая ежедневная газета.

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, газета „Нов. Дня“ и въ 1893 году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ; кромѣ того, ежедневно помѣщаются интересные фельетоны и еженедѣльно будутъ помѣщаться портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Съ доставкой на годъ. . . . 9 р. — к. Съ доставкой на 3 мѣсяца . . . 3 р.
„ „ „ шесть мѣс. 5 „ 50 „ „ „ „ 1 мѣсяцъ . . . 1 „

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ“.

„БУДИЛЬНИКЪ“—БЕЗОПАСНЫЙ ДРУГЪ ДОМА.

Его преимущества передъ другими „друзьями дома“ неисчислимы:

1) „Будильнику“ 29 лѣтъ. Онъ опытенъ, но не легкомысленъ. Веселъ, остроуменъ и всегда приличенъ.

2) Онъ не надоѣдаетъ: является точно и аккуратно,—разъ въ недѣлю, въ назначенный день и часъ.

3) „Будильникъ“, какъ другъ дома, всегда съ запасомъ самыхъ свѣжихъ новостей: показываетъ массу интересныхъ карикатуръ и рисунковъ. Смотрите, мотайте на усъ и смѣйтесь.

4) За симъ заводитъ умную бесѣду: о политикѣ, погодѣ, общественныхъ дѣлахъ и соленыхъ огурцахъ. Вашъ другъ дома шутитъ, остритъ, каламбуритъ, направляя свои стрѣлы по адресу выдающихся событій политической, столичной и провинціальной жизни.

5) Дружески пожуривъ „кого слѣдуетъ“ за границей и въ столицахъ, онъ переходитъ въ нашу провинцію. Это одна изъ самыхъ любимыхъ его областей. Онъ цѣлую недѣлю рыщетъ по провинціи и, во время визита, преподноситъ вамъ итоги курьезовъ.

6) У него есть еще приложенія къ каждому номеру: вотъ вамъ библіографическая рѣдкость 1793 г., а вотъ и новинка — полный текстъ лучшихъ „веселыхъ пьесъ“, только что появившихся на сценѣ. И этого мало.

7) Въ теченіе 1893 года одинъ № „Будильника“ будетъ уступленъ самой публикѣ, отъ которой ожидаются мнѣнія о нашихъ артистахъ, литераторахъ и художникахъ. „Обрисовать“ художниковъ, „описать“ литераторовъ и „разгримировать“ артистовъ,—такова также задача вашего друга дома.

8) Бывая у васъ еженедѣльно, вашъ другъ дома, кромѣ того, дастъ вамъ на Пасху роскошную премію —

„БАСНИ КРЫЛОВА въ ЛИЦАХЪ.“ № 6095 5—2

(2-й выпускъ: 10 картинъ, исполненныхъ фототипіей, и текстъ басенъ).

Первый выпускъ въ 1892 году имѣлъ очень большой успѣхъ. На этотъ разъ „Будильникъ“ выбралъ наиболѣе типичныя басни и поручилъ иллюстраціи къ нимъ лучшимъ художникамъ: гг. Савицкому, Трутовскому, Богатову и друг.

9) „Будильникъ“, какъ другъ дома, имѣетъ еще преимущества — не опасно оставлять его наединѣ съ женой и онъ не разоряетъ займами мужа.

Если вы желаете имѣть его другомъ дома, — вотъ что ожидаетъ вашъ карманъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ, съ пересылкой во всѣ города, съ преміей 10 руб., безъ преміи—9 руб., на ½ года (безъ права на премію) 5 руб.

10) Какъ другъ дома, „Будильникъ“ допускаетъ также разсрочку: при подпискѣ ПЯТЬ рублей, остальные ПЯТЬ руб. въ маѣ 1893 г.

11) Наконецъ, АДРЕСЪ этого единственнаго друга дома, по которому слѣдуетъ пересылать подписныя деньги:

Москва, Тверская, д. Гинцбурга, Редакція „Будильника“.

„РОДНИКЪ“

журналъ для дѣтей школьнаго возраста,

ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ

ежемѣсячн. педагогич. листокъ,

издаются въ Петербургѣ подъ редакціею

Е. Сысоевой и Алексѣя Альмедингена.

„РОДНИКЪ“ (XII годъ изданія) выходитъ каждаго 1-го числа книжками большого формата, со многими рисунками.

„РОДНИКЪ“ одобренъ и рекомендованъ всѣми вѣдомствами. Почетный дипломъ съ педагог. выставки 1888 года.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“ (XVII годъ изданія) посвящено вопросамъ семейнаго воспитанія и обученія и дѣтскаго чтенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1893 годъ:

За 12 книгъ РОДНИКА съ доставкою и пересылкою . . . 5 р.
Тоже, съ приложеніемъ 12 №№ Воспитанія и Обученія . . . . 6 р.
Отдѣльно за 12 №№ Воспитаніе и Обученіе . . . . . . 2 р.

Адресъ Конторы: Петербургъ, Невскій, д. № 106. При „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ Н. Н. Морева. Mt. № 6146

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ВАЖНО по своей практичности и удобству, эластичные вязаные кальсоны безъ внутренняго шва.

Особенно рекомендую для верховой ѣзды. Цѣна: крученые въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки по 2 р. за каждые.

Въ спеціальномъ магазинѣ бѣлья

П. № 6143 **Ю. ГОТЛИБЪ,**

С.-Петербургъ, по Владимірской, уголъ Невскаго пр. Пересылка за каждыя 3 штуки 1 р., по Азіятской Россіи 1 р. 75 коп. Менѣе 3-хъ штукъ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА на 1893 ГОДЪ.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ остается вѣрной своему знамени.

Устраняя пріемы легкаго успѣха, мы, при посредствѣ многочисленныхъ корреспондентовъ, будемъ попрежнему слѣдить за многотруднымъ земскимъ дѣломъ и освѣщать нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской Земли, всѣхъ слоевъ нашего народа.

Мы памятуемъ, что люди—братья безъ различія національности; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы внутренняя и внѣшняя политика въ освѣщеніи газеты сливались, чтобы „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“ была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ. № 6079 7—5

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: **На годъ—9 руб., на полгода—5 руб., 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяцъ—1 р., для городскихъ—8, 4 р. 50, 2 р. 60, 90 коп.; за границу: на годъ—17 руб., полгода 9 руб.**

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ газета высылается безплатно со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ по 1 января 1893 года: годовымъ—въ теченіе ноября и декабря, полугодовымъ—въ теченіе декабря.

Иногороднымъ, желающимъ ознакомиться съ „РУССКОЙ ЖИЗНЬЮ“, газета высылается въ теченіе одного мѣсяца (ноября или декабря) за восемь семикопѣечныхъ марокъ.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 21. Редакторъ-Издатель А. Пороховщиковъ.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1893 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1893 года допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1893 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1893 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1893 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями — НАРАВНѢ СЪ ГОДОВЫМИ ПОДПИСЧИКАМИ.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

„НИВА“ 1893 г.

со многими безплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получать въ теченіе 1893 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № отъ 6—10 рис. и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

12 КНИГЪ ежемѣсячнаго безплатнаго литературнаго приложенія, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, изъ коихъ три книги (за АПРѢЛЬ, АВГУСТЪ и ДЕКАБРЬ) будутъ заключать въ себѣ собранія сочиненій

М. В. Ломоносова,
Императрицы Екатерины II и
Д. И. Фонъ-Визина.

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ портретами авторовъ гравированными на стали.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ исполненныхъ fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) „РУССКАЯ МОЛОДИЦА“, академика С. Ѳ. Александровскаго: 2) „ВЕЧЕРЪ НА НЕВѢ“, А. К. Беггрова; 3) „ЗАПОРОЖЕЦЪ“, С. И. Васильковскаго; 4) „НАХОДКА“, Н. Н. Каразина; 5) „ЦАРЕВНА СОФІЯ ПОЛУЧАЕТЪ У ТРОИЦЫ ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ГОЛИЦЫНА“, К. В. Лебедева; 6) „ЮДИѲЬ“, профессора Ганса Макарта; 7) „У ОКОЛИЦЫ“, профессора К. Е. Маковскаго; 8) „ГЕТМАНЪ“, И. Е. Рѣпина; 9) „ОХОТА НА ВОЛКА“, профессора Н. Е. Сверчкова; 10) „НА БАШТАНѢ“, академика К. А. Трутовскаго. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 8 вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью художника Н. Н. Каразина.

12 №№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

„Стѣнной календарь“ на 1893 г. печатанный красками.

Въ одномъ изъ первыхъ №№ будущаго года начнется печатаніемъ

послѣднее посмертное произведеніе

Ив. А. ГОНЧАРОВА.

Подписная цѣна см. на 1-й страницѣ.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій пр., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ (XIII г. изданія) на иллюстрир. журналъ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

для дѣтей школьнаго возраста.

„Дѣтскій Отдыхъ“ особенно рекомендованъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ училищъ, учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ. Учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Въ 1893 г. „Дѣтскій Отдыхъ“ будетъ выходить ежемѣсячно въ объемѣ отъ 8 до 10 листовъ печатнаго текста, со многими рисунками, по той-же программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1893 годъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ. . . . . 6 р.
" " " " полгода. . . 3 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ (конт. Н. Печковской) . . . . 5 р. 50 к.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1881 до 1887 гг. включительно продаются въ конторѣ редакціи по 3 р. 50 к., 1889 и 1890—по 4 р. 50 к. съ пересылк.

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ объявленій Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Господъ иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала „Дѣтскій Отдыхъ“: Москва, Сивцевъ Вражекъ, домъ князя Туркестанова.

Редакторы-издат.: Е. Сарачева-Фрейбергъ.
№ 6126 Е. Напалкова.

Ф. А. МАЛЬМГРЕНЪ.

Чернышевъ пер., № 16, въ СПБургѣ.

ЗОЛОТЫЯ
и БРИЛЬЯНТОВЫЯ ВЕЩИ

всякаго рода, изящной работы, въ большомъ выборѣ
по оптовымъ цѣнамъ
высыл. иногородн. налож. платежемъ.

П. № 6141

НУВЕЛЛИСТЪ.

„Нувеллистъ“ въ 1892 г. даетъ подписчикамъ до 100 форт. пьесъ, романсовъ и танцевъ. Премію роскоши. Альбомъ „Русскія пѣсни“ въ перел. на фортеп. Цѣнная премія „Нувеллиста“

ДВА КАБИНЕТНЫХЪ РОЯЛЯ
фабр. Я. Беккера

будутъ разыгрыв. между подписчиками 15-го декабря с. г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1893 г.

Подписная цѣна въ годъ 5 р., съ пер. или дост. 6 руб. Подписка принимается въ СПБ. въ Муз. Магаз. М. Бернардъ. Б. Морская 26. Mt. № 6138

Д-ръ Волицкій лѣчитъ наружныя, кожныя, грудныя болѣзни, ракъ и электротер. Невскій, 57, кв. 5. Отъ 2—3 и 6—7½ ч. в.

ФОТОГРАФІИ.

Студіи, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая посылка высылается за 5 р. Катал. по 20 к. Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Hauptpostfach. Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (5)

Ш. № 5922 20—18

Подробное объявленіе высылается за 6 двухкопѣечныхъ марокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1893 годъ. ежемѣсячный Изд. годъ 3-й.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МУЗА“

Музыкальный журналъ „МУЗА“ будетъ выходить 20-го числа каждаго мѣсяца тетрадями нотъ въ 30—34 страницъ большаго формата.

„МУЗА“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ пьесы для фортепіано въ 2 и 4 руки, романсы, танцы, дѣтскія пьески и пѣсенки, сочиненія для скрипки, для віолончели, народныя пѣсни и мн. др.

„МУЗА“ печатаетъ исключительно сочиненія, имѣющія безспорное значеніе въ музыкальномъ отношеніи и по красотѣ мелодій представляющія наибольшій интересъ для каждой музыкальной семьи.

„МУЗА“ имѣетъ дѣтскій отдѣлъ, назначенный служить пособіемъ при музыкальныхъ занятіяхъ съ дѣтьми.

Одновременно съ первою тетрадью музык. журнала „МУЗА“, гг. подписавшіеся на 1893 годъ получатъ

РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ:
АЛЬБОМЪ ОПЕРНЫХЪ ФАНТАЗІЙ
подъ заглавіемъ № 6118

„ОПЕРА ВЪ САЛОНѢ“

безплатно. 8—2

За прежніе годы всѣ экз. „МУЗЫ“ распроданы.

Подписная цѣна въ годъ. . 4 р. 50 к.
Съ доставкою и перес. . . 6 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается у А. Битнера.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 28.

О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ, музыка!
Не оставляй насъ!
буди чаще наши меркантильныя души!
ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ!

Н. Гоголь.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. | **МОСКВА,** Кузнецкій м., д. Захарьина.

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ и очень хорошаго достоинства,

ПОЛЕЗНЫЕ И ПРІЯТНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Смычки для скрипки по 50 коп., 1 р., $1\frac{1}{2}$, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

Футляры для скрипки по $3\frac{1}{2}$, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 руб.

Струны, канифоль и всѣ другія принадлежности.

Скрипки $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ какъ и большія.

Альты по 6, 12, 20, 30, 50, 75 и 100 р.

Смычки для альта въ 2, 4, 6, 10 и 15 р.

ВІОЛОНЧЕЛИ

по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 руб.

Смычки для віолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 руб.

Контрабасы по 35, 50, 75, 100, 150 и 200 руб.

Смычки для нихъ по 2, 3, 5 и 10 р.

ГИТАРЫ

по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.

(Гитары отъ 7 руб. и дороже имѣютъ механизмъ для струнъ).

ЦИТРЫ

по 8, 12, 20, 40, 60, 80, 100 и 125 р.

МАНДОЛИНЫ

по 10, 20, 30, 50, 75, 100 и 125 руб.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

по 12, 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 руб.

Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы, геликоны.

Охотничьи рожки по 3, 5, 6, 8, 12 и 15 руб.

Сигнальные рожки для пѣхоты по 4 р.

Кавалерійскія сигнальныя трубы по 7 р.

ФЛЕЙТЫ

по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.

Отъ 60 руб. и дороже собственной фабрики.

Пиколо-флейты по $1\frac{1}{2}$, 3, 5, 6, 10 и 20 р. Въ 20 р. собственной фабрики.

КЛАРНЕТЫ

по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 р.

Отъ 45 руб. и дороже собственной фабрики.

Трости и подушки.

Барабаны по 4, 6, 10, 12, 15, 30 и 50 р.

Барабаны большіе по 25, 35, 50, 60 и 90 руб.

Тарелки $3\frac{1}{2}$, 5, 10, 15, 20, 35, 60 и 75 руб.

Бубны малаго формата въ $1\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{2}$ р.

Бубны большаго формата въ 4, 7 и 10 р.

Треугольники по 75 к., $1\frac{1}{2}$ и 3 руб.

Бунчуки по 25 и 45 руб.

Ложки 3, 4 и 10 р.

Кастаньеты по 50 к., 1, 2 и 3 руб.

Металлофоны для оркестра по 40, 60 р.

Ксилофонъ для оркестра въ 10 руб.

ОКАРИНЫ

60 к., 75 к., 1, $1\frac{1}{2}$, 2, $2\frac{1}{2}$, 5 и 7 р.

ПАЛКА-ФЛЕЙТА

1, 2, 3 и 5 руб. **Легко играть на ней.**

Воздушная гармонія въ 6 и 10 руб.

ГАРМОНІИ

фабрики Кальбе, лучшія въ мірѣ:

Однорядныя въ 4, 5, $5\frac{1}{2}$, 6, 7, $7\frac{1}{2}$, 8, $8\frac{1}{2}$, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 руб.

Двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣнскія въ 22 р.

Трехрядныя въ 60 руб. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 руб:

Губныя гармоніи по 30, 50 к., 1 р. и дороже.

Бандоніоны 20, 30, 40 и 50 руб.

Нѣмецкія концертино по 3, 5, 8, 12 и 15 руб.

АНГЛІЙСКІЯ КОНЦЕРТИНО

по 24, 30, 40, 55, 70, 85, 100, 125, 140, 160, 200 р. и дороже.

Музыкальныя шкатулки малыя съ ручкой въ 2 и 3 р.

Малыя заводныя въ 6, 9 и 15 руб.

Большія заводныя въ 22, 28, 45, 65, 80 р. и дороже.

Большія заводныя съ колокольчиками и барабаномъ въ 150 и 200 руб.

ПОДСТАВКИ ДЛЯ ЕЛКИ

съ музыкой, играющія 4 пьесы 30 р.

СИМФОНІОНЫ

съ ручкой 6 р. Пьесы по 35 к.

Заводн., 40 тонн. 16 р. Пьесы по 35 к.

Заводн., 60 тонн. 30 р. Пьесы по 60 к.

Заводн., 84 тонн. 45 р. Пьесы по 75 к.

Заводные, 84 тонн. **Sublime Harmonie** 80 р. Пьесы по 1 руб.

Заводные Sublime Harmonie Piccolo 125 р. Пьесы по 1 р. 50 к.

ГАРМОНИФЛЮТЫ

3	окт. съ регист.	45 р.
$3\frac{1}{2}$	„ „ „	60 „
$3\frac{1}{2}$	„ „ „ трел. и сурд.	75 „
4	„ „ „ „ „ „	90 „

Желѣзныя складныя педали къ нимъ по 10 руб.

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

въ 5, 17 и 23 руб.

ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ

цѣна 6 р. Пьесы по 25 к.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

цѣна 22 руб. Пьесы по 50 коп.

ГЕРОФОНЪ

съ приспос. для громкой и тихой игры 26 руб. Пьесы по 50 коп.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

цѣна 28 руб. Пьесы по 60 коп.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

очень удобенъ для танцевъ. 65 руб. Ноты по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дор.

ПІАНО-МЕЛОДИКО

(новый механическій инструментъ со струнами) цѣна инструмента безъ нотъ 80 р. Ноты отдѣльно по 70 к. за метръ (=$1\frac{1}{2}$ аршина).

ФИСГАРМОНІИ

Инструменты весьма пріятнаго мягкаго тона, простой и прочной конструкціи, изящной отдѣлки. На фисгармоніи можно легко научиться играть и посредствомъ разныхъ регистровъ производить прекраснѣйшіе музыкальные эффекты. Играющему на фортепіано игра на фисгармоніи не составляетъ никакого затрудненія.

Лучшихъ американскихъ и французскихъ фабрикъ, а также извѣстнѣйшей фабрики Шидмайера рекомендованныя Главачемъ, Гензельтомъ, Листомъ и другими.

Въ 85, 100, 125, 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 225, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 700, 800, 1000 и 1200 руб.

Рояли и піанино лучшихъ русскихъ и заграничн. фабрикъ (также знаменит. Парижской фабр. Эраръ).
Піанино отъ 375 до 800 руб.
Рояли отъ 500 до 1500 руб.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО

прекрасный и практичный инструментъ, можно играть посредствомъ верченія ручки и какъ на обыкновенномъ піанино. Цѣна 600, 650, 750 и 850 р. Ноты по 1 р. 25 к. за метръ.

Аппараты, которые можно приставлять къ роялю или піанино, и посредствомъ верченія ручкою отлично выполнять всевозможныя пьесы:

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ

Цѣна 160 руб.

Ноты по 1 р. 25 к. за метръ (=$1\frac{1}{2}$ арш).

Механическій піанистъ. Цѣна 450 р. Ноты изъ картона за метръ 1 руб. и 1 р. 50 к.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

По полученіи задатка приблизительно $\frac{1}{3}$ стоимости заказа, требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ — БЕЗПЛАТНО.

НОТЫ-НОВОСТИ!

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ!

Album des dames, сод. нов. салонн. пьесы любимыхъ композит. въ 2 руки 1 р., въ роск. перепл. 2 р.

Что мнѣ сыграть? Сод. 77 нов. пьесъ и танц. въ легк. арр. въ 2 руки 1 р. 50; въ роск. пер. 2 р. 25.

Танцующій Петербургъ. Альбомъ новѣйшихъ танцевъ нынѣшн. сезона. Роск. изд. 1 руб. 50.

Цыгански. Ночи. сод. 25 нов. и люб. цыг. пѣсенъ 2 р. 50; въ роск. перепл. 3 р. 50.

Эйленбергъ. Альбомъ, сод. любим. соч. Эйленберга въ 2 руки 1 р. 50; въ перепл. 2 р.; въ 4 руки 2 р., въ перепл. 3 руб.

Новыя дѣтскія пѣсни соч. Рейнеке (русск. франц., нѣмецк., англійскія слова), 1 р.

Маленькій Паганини. 100 пьесъ и танцевъ въ легк. арр., сост. А. Бруннеръ. а) Для одной скр. 1 р., въ перепл. 2 р. b) Д. скр. съ форт. 2 р., въ перепл. 4 р. с) Д. 2-хъ скр. 2 р. d) Д. 2-хъ скр. съ форт. 2 р. 50.

Полныя оперы (отъ 75 к.). Класс. соч. Сборники всяк. рода въ деш. изд. въ роск. перепл. и безъ перепл. и всѣ ноты-новости въ обширн. выборѣ рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. Высылка немедленно.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

для взрослыхъ и дѣтей выучиваетъ добросовѣстно, дешево и скоро. Переговоры до 12 ч. дни. Загородный просп., д. № 26, кв. № 41.

ЗАИКАНІЕ

и другіе недостатки произношенія лѣчатся безъ помощи лѣкарствъ и операцій Профессоромъ ЛЕОНОМЪ БЕРКАНОМЪ

Основат. Института для заикъ въ Марсели. СПБ. Невскій, 81, кв. 10. Пріемъ отъ 2—4 ч. д.

„НЬЮ-ІОРКЪ"

Общ. Вз. Страх. Жизни.

Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. Руб. 265.748.783.

Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 октября 1892 г. Р. 2.614.937 95.

Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 5653 (26)

Главн. Уполн. П. П. Меллеръ.

КОНТОРА ЕГОРА МАЙЕРЪ

въ Москвѣ

(учрежденная въ 1872 г.)

СТРАХУЕТЪ отъ тиражей погашенія билеты 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрыш. займовъ.

Владѣльцевъ билетовъ, застрахованныхъ въ означенной конторѣ и вышедшихъ въ предшествовавшіе тиражи погашеній, покорнѣйше просятъ предъявить неотлагательно (хотя разсчетъ по обмѣну производится конторою въ теченіе 10 лѣтъ) чрезъ корреспондентовъ или прямо въ контору въ Москвѣ эти билеты для обмѣна на другіе, невышедшіе въ тиражъ. Ш. № 6097 3—3

Порученія изъ провинціи исполняются съ обратною почтою.

Всякія справки о процентныхъ бумагахъ высылаются немедленно, если на отвѣтъ будутъ приложены четырнадцать коп. почт. марками.

Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская багетная и рамочная фабрика.

С.-Петербургъ.

Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5966 (13)

РОСКОШНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

23 декабря 1892 г. поступитъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1892 г.

заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: „Изъ приключеній Горунина въ Италіи", разск. А. Н. Майкова, „Служитель Бога", истор. ром. въ 2 част. Гр. Е. А. Саліаса, „Стратонъ Стебельцынъ", пов. С. Н. Терпигорева (С. Атавы), „На берегахъ Невы и Темзы", больш. ром. В. П. Желиховской, „Дора", пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Зѣло досадительное дѣло", больш. истор. разск. П. Н. Полевого, „На Сикеморскихъ буграхъ", ром. В. П. Желиховской, „Тюленій островъ" (драма на морѣ) А. Я. Максимова и проч., и проч.

Къ этому тому безплатно прилагается:

1) Двѣнадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ", состоящихъ изъ роман., повѣст., разск., стихотв., научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: „Май мѣсяцъ въ Петербургѣ", очеркъ И. А. Гончарова, „Городъ и деревня", пов. Д. В. Григоровича, „Соломонія Сабурова", ист. разск. Сизова, „Шарикъ", разск. Г. П. Данилевскаго, „Другъ друга не поняли", разск. Н. Д. Маслова, „Какъ они разошлись", разск. Вас. И. Немировича-Данченко, „Борисъ Кутлинскій, пов. кн. М. Н. Волконскаго, „Исторія двухъ зипуновъ", разск. П. Н. Полевого, „Умники" пов. П. Д. Боборыкина, „Такіе дни", разск. гр. Е. А. Саліаса, „Сорвалось", разск. И. Н. Потапенко, „Юдоль", рапсодія Н. С. Лѣскова, „У отца Іоанна Кронштадтскаго", разск. И. Щеглова, „Довѣренное лицо", разск. кн. М. Н. Волконскаго и пр. Стихотворенія: А. Александрова, В. Величко, Д. Мережковскаго, К. Фофанова и др. Научная лѣтопись, задачи, игры, библіографія, смѣсь и пр.

Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ полныя собранія сочиненій: И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова.

Каждое собраніе сочиненій издано въ видѣ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

2) Художественный альбомъ „НИВЫ", заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ, исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковскаго, Навозова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7½ вершк. ширины. Картины выдаются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью акад. С. Александровскаго.

3) **12 №№** ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ", содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

4) **12 ЛИСТОВЪ** ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна полному экземпляру „НИВЫ" со всѣми приложеніями 5 р. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошн. коленкор. переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ" 1 р. 50 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ" (3 переплета „Сборника") и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Полежаева и Кольцова (4 переплета) 1 р. 75 к. Пересылка переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ" за 1892 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется 9 р. Пересылка на счетъ заказчика.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ", изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1892 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ

Сигары, сигареты, папиросы, табакъ турецкій и американскій

А. Г. РУТЕНБЕРГЪ въ Ригѣ. Первая сигарная фабрика въ Россіи. Существуетъ съ 1839 года

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин. или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—23

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (16)

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 год. № 5808

НОВОСТЬ

практично-экономическія

ГАЗОВЫЯ СВѢЧИ „КОЛУМБЪ"

Даютъ бѣлое яркое пламя и сильный свѣтъ — въ 4 газ. рожка; горятъ втрое свѣтлѣе стеариновыхъ и вдвое дешевле ихъ, сжигая малое колич. бензина; кладъ — въ домашн. обиходѣ. Всѣ др. свѣчи въ сравненіи съ газовыми — ночники. Газов. свѣчи вставл. въ любой подсвѣчникъ и при роскошн. никкел. составл. — изящное украшеніе въ домѣ, а но разнообр. примѣненію: на туалеты, піанино, письм. и ломб. столы и др. по эфек. — незамѣнимы. — Пара свѣчей съ перес. лишь 3 р. Адр.: Варшава, Хладная — 17. Съ требов. просятъ обращ. къ Г. Афанасьеву.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5420 (21)

I ЗАЕМЪ

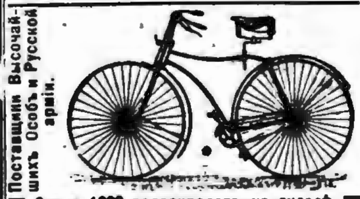
съ выигрышами, 2 января тиражъ, продаетъ за наличные и съ разсрочкою платежа,

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, НЕВСКІЙ, СПБ. № 6108 5—3

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.



Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.

САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

Торговый домъ (основ. въ 1863 г.) Ж. БЛОКЪ.

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—6 5982 Новый каталогъ 80 страницъ.

БЕЗПЛАТНО.

При этомъ № прилагаются 2 объявленія: 1) для всѣхъ гг. подписчиковъ отъ Товарищества Россійско-Американской резиновой мануфактуры; 2) для гг. городскихъ подписчиковъ отъ Товарищества „Проводникъ" въ Ригѣ.

Дозвол. ценэур., СПБ., 9 декабря 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXIII г. | № 51

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXIII | 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА“, „ПАРИЖС. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 19 декабря 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Вечерніи мечты. Съ карт. Анхеръ, грав. Брендамуръ.

Искушенія Саніасси.

Индійская легенда. **Е. М.**

I.

Въ Индостанѣ, на горѣ Виндхіи, спасался нѣкогда отшельникъ. Никто не зналъ откуда онъ родомъ, гдѣ выросъ, и немногіе помнили тотъ день, когда въ первый разъ взошелъ онъ на безплодную вершину горы, гдѣ въ тяжкомъ подвигѣ, умерщвляя свою грѣшную плоть, весь — восторженная молитва, весь — сосредоточенное міросозерцаніе, много лѣтъ стоялъ, худой и блѣдный, съ подъятой къ небу правой рукою, преклонивъ колѣна, съ полупотухшимъ взоромъ, устремленнымъ въ небо.

Всходило солнце, обливая его горячими тропическими лучами, проносилась грозовая туча и орошала его изсохшіе члены дождемъ, и уходила туча, и опять показывалось солнце, и заходило солнце, и поднималась блѣдная луна, и все мѣнялось вокругъ него,—а онъ стоялъ незыблемый, колѣнопреклоненный, съ высоко подъятой правой рукой и съ полупотухшимъ взоромъ, устремленнымъ въ небесную лазурь.

Міръ не существовалъ для него. Что было раньше, давно-давно, онъ или забылъ или отвергъ, только одна идея уничтоженія плоти, идея слiянія съ божествомъ улыбалась ему,—и вотъ для этой идеи онъ убилъ въ себѣ все человѣческое, и какъ воплощенная укоризна всему живущему, радующемуся и смѣющемуся человѣчеству, стоялъ на вершинѣ скалы, чуждый людямъ, равный богамъ, ожидая отъ Брамы награды за подвигъ.

Внизу, у подножья горы, взирая на обнаженную вершину, люди шептали благоговѣйно молитвы и говорили:

— Тамъ Саніасси...

Саніасси! Исчезло изъ памяти людской то имя, которое съ нѣжной любовью дала ему мать. Онъ былъ чуждъ всему живому, и люди прозвали его Саніасси, что значитъ „умершій для міра". Иногда какой-нибудь бѣдный поселянинъ-старикъ, наполнивъ корзину плодами, медленно восходилъ на скалу отшельника и приносилъ ему запасъ пищи. Низко склонивъ голову передъ святымъ человѣкомъ, говорилъ онъ ему:

— Помолись за меня, Саніасси!

Отшельникъ, слыша это названіе, еще восторженнѣе устремлялъ взоры въ небо, и на его изсохшихъ губахъ показывалось слабое подобіе улыбки. Если у этого полумертвеца еще оставалось что-нибудь живое, человѣческое, то только гордое сознаніе величія своего подвига, и ужасное названіе „Саніасси" звучало для него какъ отголосокъ будущаго, такъ тяжко заслуженнаго имъ, вѣчнаго блаженства.

II.

Проносились годы, рождались и умирали люди, а Саніасси не сводилъ восторженнаго, молящагося взора съ лазурныхъ небесъ.

И наконецъ каменистая безплодная Виндхія не выдержала тяжести подвига отшельника. Вдругъ покрылись расщелинами ея склоны, задымилась ея верхушка, и глубоко въ самыхъ нѣдрахъ, словно негодуя на равнодушіе боговъ, пронеслись раскаты грома: природа роптала, требовала справедливости,—и тамъ высоко въ свѣтломъ жилищѣ безсмертной тримурти этотъ ропотъ прозвучалъ какъ укоризна и нарушилъ блаженный покой боговъ.

Глянулъ сторукій Брама на землю, устремили свои очи Вишну и Сива, боги и богини и всѣ святые блаженные и увидѣли подвигъ Саніасси.

Великъ былъ подвигъ, такъ великъ, что ничто человѣческое не могло быть ему наградой, а божеской награды—безсмертія, не хотѣли ему дать ревнивые боги.

Три раза вздохнулъ Брама, зиждитель міровъ, и отъ его могучаго дыханія поколебалась вселенная. Но непреклонный Саніасси былъ незыблемъ на своей дымящейся скалѣ. Всѣ боги и богини и святые блаженные смотрѣли на Браму, ожидая его слова. Но онъ молчалъ, устремивъ свои незрячія и всевидящія очи впередъ.

И, наконецъ, сказалъ Брама, зиждитель міровъ:

— Великъ подвигъ этого человѣка, и достоинъ онъ безсмертія, но пусть боги испытаютъ его искушеніями— и, быть можетъ, не выдержитъ онъ соблазна.

Словно дуновеніе вѣтра пронеслось въ сонмѣ боговъ и богинь и блаженныхъ святыхъ: то ревнивые боги каждый по своему предлагалъ испытать Саніасси, но взглянулъ незрячими и всевидящими очами Брама, зиждитель міровъ, и стихло собраніе.

— Ты, Вишну, началъ Брама, — ты, міродержатель и міроправитель, испытай эту душу; тебѣ отдаю я его, дѣлай съ нимъ, что хочешь.

III.

Всталъ Вишну, міродержатель и міроправитель, и сказалъ:

— Слабъ человѣкъ! Въ скорбномъ несовершенномъ мірѣ все тлѣнъ и суета. Тлѣнъ и суета человѣкъ. Вотъ я возьму этого святаго, что такъ гордо стоитъ, устремивъ къ намъ подъятую руку, и подвергну его искушеніямъ роскоши, богатства и власти, и поколеблется онъ. Вся земля, которую вы видите подъ собою, глубоко-глубоко, до самой середины, пропиталась человѣческими слезами и кровью. Нѣтъ мѣста на ней, гдѣ бы человѣкъ не убилъ или не обидѣлъ себѣ подобнаго, и все это изъ-за богатства или славы. На берегахъ Ганга у Бенареса видѣлъ я святаго отшельника; онъ былъ древній старикъ, всю жизнь простоялъ онъ на одной ногѣ, молясь намъ, безсмертнымъ богамъ, его сѣдая борода выросла до земли. И вотъ я видѣлъ, какъ однажды, замѣтивъ у прохожаго кошелекъ съ золотомъ, онъ устремилъ на него взоръ тигра, и его полуизсохшая рука опустилась, чтобы схватить камень, и онъ убилъ прохожаго. Слава, почести, золото всесильны надъ человѣкомъ, и я искушу ими Саніасси.

— Да будетъ такъ, сказалъ Брама, зиждитель міровъ.

IV.

И слышитъ Саніасси внизу подъ горою звуки торжественной музыки. Выше и выше, громче и громче раздаются звуки роговъ, трубъ и отрывистые удары тамбуриновъ. Узкая тропинка переполнена идущими... слышенъ ихъ смѣхъ и громкій разговоръ... тяжелые шаги слоновъ... вотъ звонъ оружія, глухое рычаніе ручныхъ тигровъ, женское пѣніе... то поютъ священные гимны дѣвы-баядерки; ближе, ближе, и потянулась передъ святымъ отшельникомъ пышная процессія.

Впереди негры въ сверкающихъ бѣлыхъ тюрбанахъ, съ кривыми саблями, низко склонивъ головы передъ отшельникомъ, проходятъ, ведя ручныхъ тигровъ. За ними въ дорогихъ кашемировыхъ шаляхъ на чудныхъ коняхъ медленнымъ шагомъ ѣдутъ гордые наѣздники. А вотъ и слоны одинъ другаго красивѣе, а лучше всѣхъ и краше всѣхъ бѣлый пенджабскій слонъ. На головѣ у него усѣлся маленькій и ловкій какъ кошка индусъ съ золотымъ молоточкомъ въ рукѣ, а слонъ, умный какъ человѣкъ, закинулъ хоботъ и ласкаетъ своего проводника по шеѣ; на спинѣ у слона пышный паланкинъ, блещущій золотомъ, дорогими восточными тканями, украшенный на верху золотымъ шаромъ съ крупнымъ алмазомъ. По бокамъ слона въ тактъ музыкѣ мѣрно шествуютъ дѣвы-баядерки, напѣвая священные гимны, поднимая вверхъ полныя, сверкающія бѣлизной руки, украшенныя дорогими запястьями. А тамъ толпа, и ей нѣтъ конца, и она длинной змѣей протянулась по узкой тропинкѣ до самаго подножья горы, и слышатся восклицанія, подобныя грому:

— Саніасси! Саніасси!

И вдругъ все замолкло.

Выступилъ старикъ съ сѣдой бородою, подошелъ къ Саніасси и, преклонивъ колѣно, почтительно сказалъ:

— Всемогущій раджа, владыка Индостана! Взгляни милостиво на рабовъ своихъ! Вотъ твой любимый слонъ ждетъ тебя, покорно склонивъ голову; оставь заботы и печали — онѣ не для тебя! Чего хочетъ душа твоя — все будетъ исполнено: захочешь — и твои водолазы выловятъ тебѣ жемчугъ цѣлаго океана; нужно тебѣ золото — цѣлый міръ принесетъ его тебѣ къ твоимъ ногамъ; Востокъ и Западъ, Сѣверъ и Югъ принесутъ тебѣ свои дары, твое непобѣдимое войско, какъ божій бичъ пронесется по всей землѣ и покоритъ тебѣ все живущее, Саніасси! Мы изваяемъ твое изображеніе на дальнихъ скалахъ Запада, куда прячется свѣтлый богъ солнца—Индра, уходя на покой. Брось эту унылую вершину, Саніасси; не медли, мы ждемъ тебя!

И вся толпа, насколько ее могъ окинуть взоръ, заволновалась, какъ волнуется хлѣбная нива отъ вѣтра, и пронеслось восклицаніе:

— Саніасси!

И слаще всѣхъ, какъ звонъ мелодическихъ колокольчиковъ, пронеслись голоса баядерокъ:

— Саніасси, иди съ нами!

Незыблемый, съ высоко подъятой молитвенно рукою, съ потухшимъ взоромъ, устремленнымъ въ небесную лазурь, стоялъ Саніасси, и только его блѣдныя, изсохшія губы тихо прошептали:

— Все тлѣнъ и суета! О, зиждитель Брама, услыши меня!

V.

Встала въ совѣтѣ боговъ, сверкая неземною красой, кудрявая богиня Лакшми. Встала, и взоры всѣхъ боговъ и блаженныхъ святыхъ съ восторгомъ остановились на ней. Плавно, какъ лебедь, прошла она по собранію, словно хотѣла обрадовать всѣхъ своей благосклонной, чарующей улыбкой и, ставъ передъ Брамой-зиждителемъ, сказала нѣжнымъ голосомъ:

— Зиждитель-отецъ и вы всѣ, безсмертные боги, повѣрьте — слабъ человѣкъ! Видъ женской красоты ослабляетъ въ человѣкѣ всякую рѣшимость, и какъ мягокъ воскъ, изъ котораго художникъ лѣпитъ фигуры, такъ мягокъ человѣкъ въ рукахъ любящей женщины. Къ тебѣ, страшная богиня Кали, взываю—будь свидѣтельницей. Повѣдай намъ, не было-ли среди твоихъ служителей-туговъ, носителей священнаго платка со знакомъ крови на челѣ, не было-ли среди нихъ измѣнниковъ клятвѣ, данной тебѣ, страшная богиня? Я видѣла, что твои безпощадные жрецы не разъ отступали отъ ложа спящей дѣвы, и ихъ рука не рѣшалась набросить роковую петлю на ея шею... Браминъ и парія, раджа и невольникъ, погибшій грѣшникъ и факиръ— всѣ безсильны передъ женской земной красотою. Дайте мнѣ Саніасси, и я искушу его!

Глянулъ Брама-зиждитель незрячими, но всевидящими очами и произнесъ:

— Да будетъ такъ!

VI.

Былъ тихій вечеръ, загорались звѣзды на небѣ, изъ-за далекаго лѣса медленно выплывала луна. Внизу подъ горою, какъ ропотъ волнъ морскихъ, чуть слышался шумъ человѣческой жизни; блеяли овцы, возвращаясь съ поля, въ далекой пагодѣ пѣли жрецы вечернюю молитву Брамѣ-зиждителю.

Отшельникъ стоялъ на своей безплодной скалѣ, и его привычное ухо различало въ тысячахъ голосовъ вечера каждый отдѣльный голосъ; казалось, онъ зналъ каждую цикаду, которая немолчно звенѣла мелкимъ звономъ, притаясь гдѣ-то подъ камнемъ. Гасли въ небѣ облака,—изъ пурпурныхъ стали блѣдно-розовыми, потомъ палевыми, потомъ засинѣли какъ лаписъ-лазурь, наконецъ, потемнѣли и легли пятнами на небѣ. Воздухъ былъ душенъ, гдѣ-то далеко-далеко слышались глухіе раскаты грома — то приближалась гроза. Саніасси вдругъ почувствовалъ какое-то странное, необъяснимое волненіе; въ его изнеможенномъ тѣлѣ, казалось, текла не кровь, а расплавленный свинецъ, полуизсохшая рука его вдругъ какъ-то отяжелѣла, и онъ сталъ поддерживать ее другою рукою. Дрожь пробѣгала по членамъ, онъ чутко прислушивался къ невнятному ропоту приближающейся грозы.

И вдругъ, словно выплывая изъ сгущающихся сумерокъ, явилась передъ нимъ прекрасная дѣва. Окутанная въ бѣлое покрывало, охватывающее ея гибкій станъ, медленно подошла она къ нему и устремила на него пытливый, сверкающій взглядъ. Изумленный отшельникъ молча смотрѣлъ на нее.

Все показывало, что дѣвушка пришла издалека: края дорогаго полупрозрачнаго покрывала изорвались и висѣли клочьями, прекрасное лицо загорѣло отъ знойныхъ тропическихъ лучей, глаза, черные и глубокіе, устало и скорбно глядѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, волна черныхъ какъ смоль кудрей выбилась изъ-подъ жемчужнаго головнаго убора и падала на ея обнаженныя, сверкающія бѣлизной плечи. Грудь тяжело вздымалась отъ усталости.

И вдругъ въ этомъ безмолвномъ скорбномъ лицѣ какъ молнія сверкнула радость, выпрямились сжатыя брови, полуоткрылись уста, и въ страстномъ порывѣ она протянула къ отшельнику руки.

И вотъ послышался ея нѣжный, прерывающійся отъ страсти шепотъ:

— Саніасси, ты!.. Какое счастье! Какъ я искала тебя, какъ страдала, и вотъ, наконецъ, я съ тобою, любимый, желанный!.. Имя твое гремитъ по всей землѣ, какъ звонъ торжественнаго колокола; слава о немъ достигла моего роскошнаго дворца, оно мнѣ слышалось во снахъ... „Саніасси, Саніасси!“ какъ сладко это имя. Я ушла изъ дворца раджи, моего родителя, изранила мои маленькія ноги объ острыя камни Гималая, блуждала, умирая отъ голода, въ джунгляхъ Ганга; дикій тигръ повстрѣчался со мною, и, видя мои слезы, мое горе, сжалился надо мною и промолвилъ мнѣ человѣческимъ голосомъ: „Прекрасная! иди къ своему возлюбленному на Виндхію, онъ тамъ!“ — И я шла, шла,—и вотъ, наконецъ, съ тобою!

Гроза между тѣмъ приближалась. Небесный сводъ потемнѣлъ, пронесся первый порывъ вѣтра и снова все стихло на нѣсколько мгновеній, и вдругъ ослѣпительный блескъ молніи озарилъ вершину скалы, и потомъ снова непроглядный мракъ охватилъ все окружающее. Грянулъ громъ, нѣсколько крупныхъ капель дождя упали на землю.

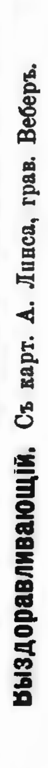
Едва сверкнула молнія, дѣвушка въ невольномъ страхѣ прижалась къ Саніасси и обвила его шею своими руками. Ея распустившіеся волосы скользнули по его щекѣ, а полный страсти взоръ проникалъ въ самую душу. Напрасно силился Саніасси не смотрѣть на дѣву, напрасно шепталъ онъ молитвы,—небеса были глухи къ его мольбамъ, а страстный, безумный лепетъ опьянялъ его.

— О, мой желанный, любимый! нѣтъ той ласки въ мірѣ, которою я не приласкала бы тебя! Забудь твое горе и страданіе, усни на моей груди, мой чистый голубь! Тридцать раджей сватались за меня, тридцать богатыхъ раджей, статныхъ и красивыхъ, и я всѣхъ отвергла для тебя, мой дорогой. Неужели же ты отвернешься отъ меня?!

Тучи заволокли все небо, громъ раздавался все сильнѣе и чаще. Жилы на вискахъ Саніасси бились съ страшною силой, словно удары молотка падали на его голову, полуизсохшая рука судорожно трепетала, молитвы мѣшались въ умѣ...

— Брама, Брама! безсильно взывалъ онъ.

Реальный пейзажъ: Стоячія воды. Съ картины Гальсвелля, грав. Джемсъ.



Выздоравливающій. Съ карт. А. Линса, грав. Веберъ.

Вся—трепетъ и мольба, прижалась къ отшельнику юная дѣва и, склонивъ на его плечо голову, говорила:

— Полюби, о, полюби меня, Саніасси, я молода и прекрасна! Я пришла къ тебѣ, одолѣвъ тысячи препятствій,—вотъ я вся передъ тобою — смотри! отъ этого взора трепетали владыки, за счастіе обнять меня многіе отдали бы жизнь, а я... я твоя, Саніасси, и объ одномъ молю тебя—поцѣлуй меня, и какъ собака у ногъ хозяина я умру около тебя счастливая, обнимая твои колѣни...

Напрасно силился Саніасси не смотрѣть: любящій, безумно-страстный взоръ проникалъ въ его душу, жегъ его, и не произносили его губы словъ молитвы.

Громъ гремѣлъ, не умолкая, и потрясалъ скалу отшельника. И вотъ онъ почувствовалъ жгучій поцѣлуй на своихъ губахъ, слышалъ какъ билось у него на груди и трепетало отъ страстныхъ рыданій молодое дѣвственное тѣло... Потомъ она кинулась передъ нимъ на колѣни, обвила его станъ цѣпкими какъ змѣи руками и порывисто заговорила:

— Саніасси,—ты боишься неба! смотри—небеса глухи и не видятъ насъ, мы съ тобою одни на этой скалѣ, любящіе и желающіе другъ друга!.. Насталъ нашъ часъ, и никто не вырветъ тебя изъ моихъ объятій!..

Словно встрепенувшись отъ сна, широкимъ размахомъ руки оттолкнувъ отъ себя прелестную дѣву, такъ что упала она головой о камень, — прерывающимся голосомъ заговорилъ Саніасси:

— Брама—зиждитель—жизнеподатель! порази меня громомъ, если неугоденъ тебѣ мой подвигъ, но здѣсь, въ присутствіи этой чарующей дѣвы, клянусь священной тримурти, клянусь тобою, сидящимъ на цвѣткѣ лотоса, — все тлѣнъ и суета, и, если жалокъ тебѣ созданный тобою человѣкъ, пошли мнѣ обѣтованное блаженство, дай слиться съ тобою и извѣдать безконечное...

И исчезло видѣніе какъ сонъ, какъ сладкая греза. Только тяжело поднималась исхудалая грудь отшельника, только далеко звучали замирающіе раскаты грома.

VII.

Снова въ сонмѣ боговъ возсталъ грозный богъ,—Сива. Какъ громъ пронесся его голосъ, и стихло собраніе, внимая словамъ высочайшаго.

— Брама, зиждитель міровъ, Вишну—міроправитель, прекрасно-кудрявая Лакшми и вы всѣ прочіе боги и святые блаженные, внимайте — слабъ человѣкъ! Вотъ вы искусили его всѣми искушеніями человѣческими, но забыли вы о его гибкомъ, колеблющемся, сомнѣвающемся, вопрошающемъ умѣ, и я искушу его умъ. Тлѣнъ и суета слава человѣческая; что мудрому человѣку богатство и роскошь? Лакшми прекрасно-кудрявая, ты забыла, что красота чаруетъ юношей и всесильна надъ немудрыми; Саніасси умертвилъ въ себѣ плоть, но его духъ какъ факелъ божій пылаетъ передъ нами, и равенъ онъ намъ по силѣ. Для искушенія его нельзя прибѣгать къ искушеніямъ плоти—соблазнимъ же его умъ. Я видѣлъ отшельниковъ настолько святыхъ и чистыхъ, что земля, по которой ступали они, загоралась подъ ихъ ногами, и вотъ лишь только сомнѣніе закрадывалось въ ихъ душу, они нарушали свои обѣты и шли искать утѣшенія за шумнымъ пиршествомъ, въ объятіяхъ баядерокъ. Дай мнѣ его, Брама—зиждитель, я испробую на немъ свои силы.

— Да будетъ такъ, произнесъ Брама, зиждитель міровъ.

VIII.

Однажды на вершину Виндхіи, тяжело дыша, съ видимымъ трудомъ взбирался нищій. Ничто не могло быть ужаснѣе этого нищаго: изможденное отъ голода и лишеній тѣло было покрыто проказой, какъ снѣгомъ. Суставы рукъ и ногъ, безобразно распухшіе отъ неизлечимаго недуга, казалось, вотъ-вотъ распадутся, глубокіе впалые глаза сверкали безумнымъ блескомъ, голова, лишенная волосъ, безпомощно тряслась. Жалобно стеня подползъ онъ къ ногамъ Саніасси и, грузно опустившись передъ нимъ, широко улыбнулся своей ужасающей улыбкой и произнесъ:

— Саніасси, святой отшельникъ, любимецъ боговъ, посмотри на созданіе вселюбящаго отца—Брамы!

Саніасси съ ужасомъ взглянулъ на безформенное существо, шевелившееся у его ногъ, а прокаженный продолжалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ изъ далекаго Непала. Не стану разсказывать, сколько мукъ вынесъ я на пути, но знай, что вѣра въ твою святость такъ сильна, что побѣдила мое невѣріе; разслабленный и умирающій я приползъ къ тебѣ, Саніасси! А знаешь-ли зачѣмъ? Я пришелъ сказать тебѣ: безумецъ, брось свою лживую мечту, спустись вонъ туда внизъ, гдѣ въ купѣ зелени виднѣются крыши людскихъ жилищъ, вонъ тамъ, гдѣ поднимается дымъ отъ ихъ скромныхъ очаговъ, гдѣ пахарь налегаетъ усталою грудью на плугъ, гдѣ дѣти, широко раскинувъ рученки, бѣгутъ къ матери и, ласкаясь, прижимаются къ ней. Пойди туда, встрѣтишь человѣка, упади передъ нимъ на колѣни и молись ему, какъ молишься ты своему Брамѣ, какъ я молюсь теперь тебѣ, святой отшельникъ!

Саніасси изумленно посмотрѣлъ на прокаженнаго.

— Что ты такъ смотришь на меня, Саніасси? продолжалъ тотъ.—О, молю тебя, выслушай меня. Я пришелъ къ тебѣ, чтобы излить свою душу и умереть у твоихъ святыхъ ногъ, но знай, что за всю твою святость я не отдамъ того сознанія, которое созрѣло у меня въ долгіе годы моихъ страданій, въ безсонныя ночи на окраинахъ городовъ, на грудахъ навоза, гдѣ позволяется отдыхать подобнымъ мнѣ несчастливцамъ. И такъ, отвѣчай, Саніасси, любимецъ Брамы, отвѣчай мнѣ безъ лукавства: вѣришь-ли ты въ Браму?

— О, Брама—зиждитель міровъ! восторженно произнесъ Саніасси.

Чудовище закопошилось у ногъ отшельника и, широко улыбаясь, повторило:

— Брама... зиждитель... благое начало, отъ котораго истекаетъ все добро міра, воплощенная справедливость и мудрость, онъ, котораго высочайшіе осмѣливаются называть только „всемогущій". Онъ—жизнь мірозданія, радость вселенной... онъ—сидящій на цвѣткѣ лотоса и, какъ говорятъ, мудро правящій міромъ... Таковъ Брама по мнѣнію людей и по твоему мнѣнію, Саніасси. А я утверждаю, что нѣтъ Брамы! Пусты небеса, безмолвны они, и не откликнутся на наше горе, на наши страданія, на наши проклятія и молитвы. Что ты скажешь на это, Саніасси?

— Брама всесильный, прости безумца! прошепталъ Саніасси.

— Безумца?! перебилъ прокаженный.—О, Саніасси, опомнись, пока еще не поздно. Вотъ я, самый святой человѣкъ въ Индостанѣ, съ дѣтства проведшій жизнь въ молитвѣ, прихожу къ тебѣ, выслушай меня. Я былъ богатъ и знатенъ, триста женъ было у меня, мои великолѣпные дворцы въ Непалѣ еще и теперь привлекаютъ взоры путника своею красотою. Однажды я позвалъ своего домоправителя, велѣлъ дать ему отчетъ о состояніи моего имущества, собралъ всѣ деньги, какія у меня были, продалъ дворцы и сокровища, и роздалъ все нищимъ. Въ глухой лѣсной трущобѣ, беззащитный отъ нападенія дикихъ звѣрей, прожилъ я долгихъ двѣнадцать лѣтъ такъ же колѣнопреклоненный и съ поднятой правой рукою, какъ ты. Смерти, смерти молилъ я у Брамы, но смерть не приходила. Колѣни мои вытерли впадины въ дикомъ камнѣ, рука омертвѣла, но глухи были небеса. И вотъ мое тѣло покрылось проказою, я заживо разлагался, и тщетно мой молящій

взоръ былъ устремленъ въ небесную лазурь. Ко мнѣ приходили люди; на лицахъ ихъ я видѣлъ жизнь, они и радовались и страдали не такъ, какъ я... И сомнѣніе закралось въ мою душу... И вотъ однажды въ глухую ночь, помню, деревья такъ страшно шумѣли и качались отъ вѣтра, я подумалъ: „если Брама испытываетъ наше долготерпѣніе, испытаю же и я его". И, самъ не знаю какъ,—я сорвалъ священные амулеты Брамы съ своей шеи и сталъ топтать ихъ ногами. Грома ждалъ я съ неба, но глухи были небеса. Вотъ и теперь—смотри, Саніасси...

И съ этими словами прокаженный быстро сорвалъ съ груди отшельника священные амулеты, бросилъ на землю и придавилъ ихъ погой.

— Ха, ха, ха! И на Виндхіи такъ же, какъ въ Непалѣ! Видишь, Саніасси, небеса глухи на мой ропотъ, а все оттого, что тамъ, въ бездонной синевѣ небесъ, куда такъ жадно взираешь ты, ища истины—нѣтъ ничего! Истина здѣсь, на землѣ, истина—мы съ тобою!

Прокаженный помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Нѣтъ тамъ и боговъ! Боги здѣсь, боги — это мы съ тобою. Я пришелъ къ тебѣ открыть эту простую, но никому невѣдомую истину, пришелъ обратить тебя на правый путь. Ты можешь повѣрить или не повѣрить мнѣ, можешь убить меня, но знай, что ты самъ въ душѣ думаешь такъ же, какъ я.

Саніасси, не отвѣчая, посмотрѣлъ на небо, а прокаженный продолжалъ постепенно слабѣющимъ отъ усталости голосомъ:

— Жалкій, презрѣнный родъ людской! Зачѣмъ нужны были ему боги, когда онъ могъ быть и долженъ быть счастливъ по своей волѣ, соблюдая только справедливость и любя ближнихъ. Саніасси! рай возможенъ на землѣ,—его могутъ создать себѣ люди любовью. Въ мою долгую жизнь я часто чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, и это было въ тѣ минуты, когда я дѣлалъ добро. Разъ, помню, дикій и неукротимый въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ на Браму и на все, чему ты вѣришь, я шелъ по дорогѣ въ Патну. И вотъ на окраинѣ дороги я увидѣлъ прокаженнаго. Онъ былъ ужасенъ, какъ теперь ужасенъ я. Странная мысль пришла мнѣ въ голову. Я думалъ: вотъ человѣкъ, котораго забылъ Брама и безсмерпые боги,—сдѣлаю я для него то, въ чемъ отказали ему боги, а по ихъ примѣру и люди, окажу ему милосердіе и братскую любовь. Я подошелъ къ прокаженному, склонился надъ нимъ и спросилъ: „братъ, какъ звали тебя люди?" и его нѣмѣющія уста прошептали: Инани... „Братъ мой, Инани, дай мнѣ поцѣловать тебя, я люблю тебя, братъ Инани; ты много страдалъ, позволь мнѣ побыть съ тобою". Я склонился къ нему, положилъ къ себѣ на грудь его больную голову, прижалъ уста къ устамъ... О, Саніасси, какъ посмотрѣлъ онъ на меня! Какъ радостно затрепетали его измученные члены, а я... я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ ту минуту. Тогда-то узналъ я своего бога, которому поклоняюсь съ той поры, какъ ты поклоняешься Брамѣ...

Послѣднія слова прокаженный говорилъ съ тяжкими усиліями. Смерть видимо приближалась къ нему; въ борьбѣ съ недугомъ онъ откинулся назадъ, его воспламененные взоры умоляюще смотрѣли на отшельника. Потомъ онъ заговорилъ, но такъ тихо, что Саніасси едва разобралъ смыслъ его словъ:

— Сжалься надо мною, Саніасси, дай мнѣ то, что когда-то я подалъ прокаженному, дай мнѣ свое человѣческое состраданіе... Вотъ наступаетъ мой смертный часъ. Ты, святой, праведный человѣкъ, закрой мнѣ глаза, и я благословлю тебя...

Все существо Саніасси проникло глубокой жалостью къ несчастному. Онъ чувствовалъ необъяснимое волненіе, его здоровая рука нѣсколько разъ протягивалась къ страждущему; казалось вотъ-вотъ онъ наклонится къ нему и прижметъ къ своему сердцу.

А прокаженный продолжалъ:

— Заклинаю тебя именемъ боговъ, которымъ ты вѣришь, Брамой-зиждителемъ, завѣщавшимъ людямъ дѣлать добро, Вишной—который самъ воплотился для спасенія рода человѣческаго, Сивой—грознымъ разрушителемъ и жизнеподателемъ,—приди ко мнѣ, Саніасси, и окажи мнѣ милосердіе.

У Саніасси въ глазахъ показались двѣ тяжелыя, крупныя слезы. Казалось, все существо его было потрясено, никогда еще онъ такъ не страдалъ, какъ въ эту минуту. Въ немъ происходила борьба, превышавшая силы человѣческія. А умирающій судорожно метался у его ногъ, цѣплялся за края его одежды и стоналъ надрывающимъ душу голосомъ.

Возвелъ очи свои Саніасси къ лазурному небу и рыдающимъ голосомъ произнесъ:

— Брама всесильный, прими мою послѣднюю жертву! Ты знаешь, какъ велика она. Я отдалъ тебѣ свою плоть,—возьми теперь мое сердце,—въ немъ нѣтъ больше мѣста для живаго. Клянусь бытіемъ и небытіемъ, все тлѣнъ и суета! Одинъ ты, Брама, великъ и святъ передо мною!

И исчезло видѣніе.

IX.

Возсталъ въ совѣтѣ боговъ мірозиждитель Брама и, топнувъ ногою такъ, что поколебалась вселенная, произнесъ:

— Поистинѣ силенъ этотъ человѣкъ. Долгій искусъ вытерпѣлъ онъ, и нѣтъ въ его существѣ ничего несовершеннаго. Онъ равенъ богамъ, и сила его подвига такова, что долженъ я его сдѣлать безсмертнымъ богомъ, посадить его рядомъ съ собою и отдать въ его власть все живущее. Безсмертные боги, богини и святые блаженные, внимайте моему слову: дамъ я Саніасси видимый міръ душъ во власть, но пусть выдержитъ онъ еще одно, послѣднее испытаніе, которымъ испытаю его я!

И все собраніе безсмертныхъ боговъ и богинь и святыхъ блаженныхъ отвѣтило:

— Великъ ты, Брама, да будетъ, какъ хочешь ты!

X.

Легкій предразсвѣтный вѣтерокъ еще дышалъ прохладой. На востокѣ, надъ синѣвшимъ въ туманѣ лѣсомъ, чуть порозовѣло небо. Было тихо кругомъ Саніасси. Ни звука не доносилось къ нему снизу, гдѣ виднѣлись людскія жилища. По небу тихо плыли маленькія бѣлыя облачка къ далекому морю, и за ними вслѣдъ уносились мысли и мечты факира. Облачка уплывали, появлялись новыя, мысли и грёзы рождались и исчезали, не оставляя въ душѣ глубокаго слѣда.

Но вотъ за лѣсомъ, какъ сверкающая точка, показался край солнца, и первый снопъ его лучей брызнулъ горячимъ свѣтомъ въ лицо отшельника. Все мигомъ ожило, зашевелилось, заголосило, закричало, и запѣли тысячи голосовъ. Вздрогнулъ Саніасси, окинулъ взоромъ вокругъ себя и увидѣлъ, какъ пробудился міръ, радостно ликуя съ появленіемъ свѣтоносного бога Индры.

Внизу, подъ горой, надъ хижинами, возносясь къ небу прямыми колоннами, потянулся голубоватый дымокъ. Буйволы глухо мычали въ своихъ стойлахъ, нетерпѣливо ожидая, когда хозяйка выпуститъ ихъ на пастбище. Къ далекому источнику, окутанныя въ бѣлыя покрывала, съ кувшинами на головахъ, шли дѣвушки, беззаботно напѣвая, какъ молоденькія птички. А дальше, словно торопясь одна передъ другой, усиленно махали крыльями вѣтряныя мельницы, качая воду изъ рѣки въ сѣть безчисленныхъ каналовъ, изрѣзывавшихъ рисовую ниву. За рѣкой, уходя въ даль, отъ края и до края небосклона, несокрушимой стѣной стоялъ дѣв-

ственный лѣсъ, весь обвитый ліанами, оглашаемый пѣніемъ птицъ и нестройными криками звѣрей.

Давно Саніасси не чувствовалъ такой бодрости, какъ въ это утро. Теплые солнечные лучи согрѣли его омертвѣлые члены, и онъ стоялъ непреклонный, неподвижный, какъ мраморное изваяніе.

Вдругъ изъ-за скалы, тамъ, гдѣ начиналась тропинка внизъ, легкимъ прыжкомъ, какъ молодая пантера, вскочилъ на площадку утеса рѣзвый мальчикъ. Онъ даже не взглянулъ на Саніасси, увлеченный своей игрой, радостно смѣясь, устремивъ свои живые глаза къ небу. Саніасси невольно посмотрѣлъ туда же, куда были обращены взоры мальчика.

Высоко-высоко виднѣлась какая-то черная точка. Вотъ она растетъ, растетъ, и Саніасси видитъ, что прямо на скалу падаетъ полосатый мячъ. Ребенокъ, весь дрожа отъ нетерпѣнія, слегка поворачиваясь на своемъ мѣстѣ и изгибая свой худощавый станъ, вдругъ легкимъ прыжкомъ отдѣлился отъ утеса и на-лету поймалъ мячъ. Его тонкіе, еще не окрѣпшіе мускулы, казалось, трепетали отъ только-что сдѣланнаго усилія, но онъ снова откинулся, и Саніасси видитъ, какъ со свистомъ, разсѣкая воздухъ, взвился пестрый мячикъ и исчезъ подъ облаками.

Смотритъ Саніасси на мальчика, смотритъ и силится вспомнить, гдѣ видѣлъ онъ его, и не можетъ вспомнить. А мальчикъ двигается по скалѣ, все ближе и ближе къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ Саніасси. Вотъ онъ опять бросилъ и поймалъ мячъ и потомъ, лукаво улыбаясь, посмотрѣлъ на отшельника, словно дразня, и какъ-то нараспѣвъ проговорилъ:

— Саніасси, Саніасси, а вѣдь ты не поймаешь!

Вспомнилъ, вспомнилъ Саніасси! Какъ молнія пронеслась въ его умѣ картина за картиной, воспоминаніе за воспоминаніемъ... Вотъ онъ рѣзвымъ, шаловливымъ ребенкомъ видитъ себя въ деревушкѣ на берегу Ганга, вдвоемъ съ этимъ самымъ мальчикомъ, съ Нарадой-Вайтіей,—и имя припомнилось ему,—видитъ себя на старомъ потертомъ коврикѣ въ школѣ суроваго брамина. Нараспѣвъ читаютъ они священныя Веды, а лучше всѣхъ читаетъ Нарада-Вайтія. Какъ любилъ его старый учитель, какъ завидовали ему прочіе школьники! Кончались часы ученья, и веселая ватага дѣтей, на перебой толкая другъ друга, смѣясь, разбѣгалась по деревушкѣ. Вспомнилъ Саніасси ихъ веселыя игры въ густыхъ тростникахъ на берегу Ганга, и всегда-то Нарада-Вайтія былъ первымъ; никто такъ не умѣлъ ловить мячъ, такъ влѣзать на деревья, такъ плавать... Вспомнилъ Саніасси, какъ, улегшись въ густой травѣ, искали они сочные стебли молочая, который почему-то очень нравился имъ; даже припомнился ему слегка горьковатый вкусъ этихъ стеблей...

— А ты, Саніасси, не поймаешь!..

Взвился мячъ и утонулъ въ лазури... Вотъ онъ падаетъ почти надъ головой Саніасси, а мальчикъ ловкимъ взмахомъ руки поймалъ его почти у самой подъятой руки отшельника и залился радостнымъ, звонкимъ смѣхомъ.

— Не поймалъ, не поймалъ!

Мальчикъ смѣется, а Саніасси слышитъ, какъ у него въ душѣ тоже все смѣется радостнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ; его старое сердце переполняется какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ. Снова взвился мячъ, исчезъ и опять упалъ внизъ, но на этотъ разъ уже такъ близко отъ его руки, что онъ даже почувствовалъ легкое дуновеніе вѣтра. И снова поймалъ Нарада-Вайтія мячикъ.

— Ахъ, Саніасси, да какъ же ты не умѣешь?!

Глянулъ отшельникъ вверхъ на черную точку въ небѣ, выпрямился весь, какъ лукъ съ туго натянутой и сразу опущенной тетивой, весь ожиданіе и волненіе... Ближе, ближе, растетъ черная точка, со свистомъ разсѣкая воздухъ... Вотъ-вотъ сейчасъ поймаетъ-поймаетъ Саніасси мячикъ... Но надо сдѣлать шагъ... другой... еще шагъ... Неужели мимо?! Надо опустить руку, хоть у земли поймать...

Сошелъ Саніасси, суровый отшельникъ, со своего мѣста, на которомъ его колѣни на молитвѣ вытерли глубокія впадины въ скалѣ, сошелъ, и опустилась его подъятая рука, чтобы поймать падающій мячъ...

И вдругъ исчезло видѣніе: ни мальчика, ни мяча... Взглянулъ Саніасси вокругъ, склонилась его голова, и медленно упалъ онъ на землю, уткнувшись лицомъ въ слѣдъ, вытертый на камнѣ его колѣнями...

XI.

Въ свѣтломъ жилищѣ боговъ, богинь и святыхъ блаженныхъ всевидящій Брама сказалъ:

— Боги, слабъ человѣкъ! Несовершененъ міръ земной и все въ немъ тлѣнъ и суета. Пусть жаждетъ человѣкъ слiянія съ божествомъ! Отъ созданія міра еще не было бо́льшаго подвига, какъ подвигъ Саніасси. Казалось, ничто не могло искусить его, и вотъ забылъ онъ священные обѣты, и ради чего?!

Слабъ человѣкъ!

А внизу, на вершинѣ безплодной Виндхіи, уткнувшись лицомъ въ землю, цѣпенѣя, лежалъ трупъ Саніасси...

Дума.

„Ка́мо пойду отъ Духа Твоего?..“

О нѣтъ,—отъ Бога не уйти!
О нѣтъ! Всевѣдущъ и всесиленъ,
Онъ, царь всей жизни, всѣхъ извилинъ
Земнаго скорбнаго пути!..

* * *

Дитя—язычникъ простодушный:
Язычникъ проситъ благъ себѣ,
Готовясь къ жизненной борьбѣ,
Природы голосу послушный...

* * *

Источникъ страховъ и чудесъ,
Источникъ благъ—Отецъ небесный!..
Но солнце встало—міръ чудесный
Съ туманомъ утреннимъ исчезъ!..

* * *

Объятъ сомнѣньемъ и гордыней,
Извѣдавъ натискъ первыхъ бурь,
Зоветъ небесную лазурь
Въ тревогѣ юноша—пустыней.

* * *

Смущенъ причудами судьбы,
Зоветъ онъ міръ не Божьимъ раемъ,—
Гнѣздомъ разврата, зла, борьбы,
Гдѣ мы живемъ и умираемъ
Въ цѣпяхъ, какъ жалкіе рабы!

* * *

Но, проклиная съ дикой страстью
Былой, низверженный кумиръ,
Онъ не забытъ Незримой Властью:

Въ лѣсной тишинѣ. Съ карт. Наппенбруха, грав. Клоссъ.

Онъ любитъ жизнь, онъ любитъ міръ,
Людей—собратьевъ по несчастью!

* * *

Пусть меркнутъ въ небѣ чудеса;
Земное знанье свѣтитъ ярче!
Пусть вѣра стынетъ: въ сердцѣ жарче
Горитъ любовь, любовь—краса!..

* * *

Но вдругъ... встаетъ вопросъ:—„Не Ты-ли,
„Не Ты-ль, забытый, вѣчный Богъ,
„Стремленье къ истинѣ возжегъ
„Во мнѣ,—въ ничтожной горсти пыли?..."
Что говоритъ въ немъ,—прахъ иль Богъ?!

* * *

Что говоритъ въ немъ,—страхъ иль совѣсть?
Воспоминанье-ль о быломъ?
Ведетъ-ли этотъ переломъ
Къ развязкѣ жизненную повѣсть?..

* * *

Какъ знать?!.. Но грозный, роковой
Вопросъ—не гость ума случайный,
А кличъ души, и, силой тайной
Подъятъ въ ней, плещетъ, какъ прибой!

* * *

Но вотъ... онъ стихъ. Въ лучахъ заката
Горитъ событій череда;
Звѣздой вечернею тогда
Восходитъ вѣра въ то, что свято,
Что чтимъ въ разсвѣтные года!

* * *

Ее пріемлетъ умъ послушный,
И къ Небу рвется сынъ земли,
Какъ духъ, влачившійся въ пыли,
И какъ язычникъ простодушный!..

Василій Величко.

Простая случайность.

Разсказъ **Алексѣя Луговаго.**

I.

Уголокъ парка.

На пригоркѣ, за кустами бузины, окружающими старую дуплистую липу,—гораздо больше тѣни, чѣмъ внизу, на дорожкѣ, куда сквозь листву вѣтвей солнце просыпало свои золотистые кружочки, разронявъ ихъ и по песку, и по травѣ, и по скамейкѣ.

Марья Александровна захлопнула книгу, осмотрѣлась кругомъ—ни въ томъ, ни въ другомъ концѣ аллеи никого не видно; оглянулась назадъ, встала и, немного подумавъ, вскарабкалась на невысокую крутую горку къ липѣ. Наверху, ухватившись за свѣсившуюся вѣтку бузины, она сдѣлала послѣдній прыжокъ и сразу исчезла въ зелени. Она знала и любила это мѣстечко. Здѣсь, на небольшой лужайкѣ, защищенная со всѣхъ сторонъ кустарникомъ, она была удалена отъ цѣлаго міра: только зелень кругомъ, да небо надъ ней.

Марья Александровна сѣла и снова раскрыла книгу. Но она слишкомъ долго читала передъ этимъ, и теперь, послѣ сдѣланнаго перерыва, у нея зарябило въ глазахъ, буквы сливались и прыгали.

Она положила книгу на траву, на минуту закрыла глаза, и, снова открывъ ихъ, стала смотрѣть въ небо.

Впечатлѣнія отъ прочитаннаго разсѣялись такъ же быстро, какъ зеленые круги, замелькавшіе въ глазахъ отъ продолжительнаго чтенія; теперь, обхвативъ руками колѣни, Марья Александровна думала уже совсѣмъ о другомъ:

„Милый онъ, славный!.. Смѣшной немножко... а все-таки люблю... Но когда же, наконецъ? Чего же онъ ждетъ? Ни объясненія, ни предложенія. Не самой же мнѣ?.. Неужели онъ такъ застѣнчивъ, что не рѣшается. Вздоръ! Вонъ Александръ Ивановичъ застѣнчивъ, такъ тотъ совсѣмъ по другому: всегда и во всемъ застѣнчивъ, всегда конфузится... А „милый Петинька" вовсе не таковъ. Что же это значитъ? Онъ какъ будто избѣгаетъ рѣшительнаго шага... Чего же онъ хочетъ?.. Неужели какіе-нибудь расчеты, соображенія о приданомъ.... Инженеръ вѣдь.... конечно, карьеристъ, какъ и другіе..."

Красивое лицо молодой дѣвушки омрачилось, каріе глазки, за минуту передъ тѣмъ улыбающіеся, мечтательно устремленные въ небо, теперь безпокойно забѣгали, какъ бы ища выхода изъ представившагося имъ ужаснаго положенія.

„Да нѣтъ, не можетъ быть!.. Чего же ему? Вѣдь я же одна у папà, а богатство папà, конечно, внѣ сомнѣній".

И все-таки что-то подступило ей къ сердцу, что-то давитъ въ горлѣ. Ей стало вдругъ такъ тяжело, какъ никогда не бывало.

„Проклятое богатство! почти вслухъ прошептала она.—Да неужели же не можетъ быть безкорыстной любви! Господи! неужели же мы дожили до того, что никому нельзя вѣрить, никого нельзя любить... Что если онъ интересуется только моими деньгами, если я для него только богатая невѣста?.. О, Господи, какъ я несчастна. Зачѣмъ тогда и богатство, если изъ-за него я начинаю терять вѣру въ того, кого я люблю".

„Но бѣдной я тоже не хочу быть, думала она чрезъ минуту.—Что лучше: такое вотъ недовѣріе къ любимому человѣку, какъ у меня теперь, или нищета?.. Нѣтъ, въ шалашѣ и съ милымъ не рай!.. А если быть бѣдной и выйти за богатаго... хотя бы за молодого, любимаго?.. Это еще хуже! Раба, купленная, игрушка!.. Ахъ, что это мнѣ сегодня какія мысли приходятъ..."

Она тряхнула головой, точно желала отвязаться отъ этихъ мыслей, какъ отъ назойливыхъ мухъ.

„А если онъ и вовсе меня не любитъ, если онъ совсѣмъ, ни безъ денегъ, ни съ деньгами не хочетъ на мнѣ жениться? Онъ вѣдь никогда объ этомъ не говорилъ", подумала она.

И эта мысль показалась ей страшно мучительной. Глаза ея широко раскрылись. Она смотрѣла въ одну точку.

„Господи, а я вѣдь люблю, люблю его! Я хочу, чтобъ онъ былъ моимъ! Я ни за что никому не уступлю его. Да когда же это все случилось, когда же это я успѣла влюбиться въ него? Почему это вдругъ сегодня мнѣ приходятъ въ голову всѣ эти мысли? Развѣ случилось что-нибудь особенное на этихъ дняхъ?"

Она припоминаетъ, какъ Петръ Николаевичъ былъ въ первый разъ представленъ ей въ прошломъ году у знакомыхъ, какъ онъ сталъ потомъ посѣщать ихъ, какъ нынѣшней весной онъ со своей матушкой поселился здѣсь, возлѣ нихъ, на дачѣ, какъ она вмѣстѣ съ нимъ, чаще чѣмъ съ другими, гуляла, каталась... вмѣстѣ читали... слушали музыку... Кажется, никогда ничего особеннаго не было. Милый, разговорчивый, остроумный, Петръ Николаевичъ ей нравился; но онъ не плѣнялъ ее своей красотой—онъ чаще казался ей забавнымъ со своими коротко стриженными волосами, маленькой рыжеватой бородкой и сѣрыми добродушными глазами. Въ шутку она называла его за-глаза „милый Петинька" и никогда и не думала смотрѣть на него, какъ на жениха. За что же собственно она его полюбила? И когда?.. Да развѣ она и въ самомъ дѣлѣ серьезно влюблена въ него?..

Марья Александровна подумала-подумала, и когда ей теперь вдругъ такъ захотѣлось сейчасъ же видѣть Петра Николаевича, говорить съ нимъ, слышать его голосъ, какъ никогда прежде, когда она почувствовала, что онъ родной ей, близкій, дорогой,—то она сказала себѣ: да, это любовь!

II.

Вдругъ ей послышалось, какъ будто онъ говоритъ, тамъ, у скамейки подъ горкой. Она вздрогнула и поблѣднѣла. Что это, галлюцинація? Нѣтъ, голосъ слышенъ явственнѣе. Ну, да, это онъ разговариваетъ, идя внизу по аллеѣ. Съ кѣмъ онъ?..

Марья Александровна встала и тихонько просунула голову между кустами. Но ей все-таки ничего не было видно, а выдвигаться еще впередъ она не рѣшалась, чтобъ не быть замѣченной. За то теперь она отчетливо слышала, какъ Петръ Николаевичъ, дойдя до скамейки, сказалъ:

— Сядемъ, мама, посидимъ.

— Сядемъ, послышался ей знакомый, слабый голосъ Натальи Васильевны.

Не смѣя пошевелиться, чтобъ не обратить на себя вниманія, Марья Александровна стала прислушиваться.

— Кузнецовъ занялъ теперь важный постъ въ министерствѣ, продолжалъ очевидно прерванный разговоръ Петръ Николаевичъ,—и чрезъ него я, въ память старой дружбы, надѣюсь легко пристроиться на выгодныхъ условіяхъ къ какой-нибудь дорогѣ на Югѣ.

— Все это такъ, Петя, возразила старушка, — а все-таки

скажу: напрасно ты это затѣваешь. Совсѣмъ, по-моему, не слѣдуетъ уѣзжать отсюда. Тѣмъ болѣе теперь: Кузнецовъ можетъ быть тебѣ очень полезенъ въ министерствѣ, и ты пойдешь не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь на линіи.

— Не то, не то вы говорите, мама.

— Нѣтъ то. И съ Марьей Александровной дѣло можетъ принять отличный оборотъ.

— Да никогда же этого не будетъ, мама, поймите вы меня!

— Заладилъ одно: не будетъ, да не будетъ. Да вѣдь ты же самъ говоришь, что любишь ее?

— Люблю. Ну, что же изъ этого?.. А она меня не любитъ.

— Да вѣдь ты ее не спрашивалъ?

— И спрашивать не буду.

— Ну, и глупо. Ну, хочешь я спрошу?

— Сохрани васъ Господи!—чуть не крикнулъ Петръ Николаевичъ.

— Значитъ такъ по-твоему и оставить? недовольнымъ, саркастическимъ тономъ спросила мать.

— Оставить и уѣхать отсюда.

— Глупо и опять глупо.

— Вы слишкомъ стары, мама, чтобъ понять это. Ну, да, я люблю ее, а жениться на ней мнѣ нельзя.

— Поухаживай еще... и тогда...

— Не говорите такихъ словъ, мама, они здѣсь неумѣстны. Вы взвѣсьте все. Начнемъ съ того, что я сдѣлаю предложеніе, а мнѣ откажутъ. Какъ вы думаете, каково это будетъ для моего самолюбія? Могу я рѣшиться поставить себя въ такое рискованное положеніе?

— Да почему ты непремѣнно думаешь, что откажутъ? Старикъ все по ся...

— Да прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до старика, она-то, сама-то откажетъ. Я для нея совсѣмъ не такая блестящая партія, чтобъ на меня стоило обращать вниманіе. Ей всего 19 лѣтъ, красива, богата, знакомства, связи,—да развѣ у нея такой жениха на умѣ, какъ я!

— Ты дѣйствительно говоришь что-то такое непонятное, задумчиво проговорила мать.

— Можетъ быть, мама, можетъ быть! Но вотъ что вы, вѣроятно, поймете. Любить-то я имѣю право?

— Кого любить?

— Да вообще любить, чистой любовью, ну, хоть вотъ Марью Александровну.

— Отчего же... конечно...

— Ну, такъ не хочу я, чтобъ у меня эта любовь отравлялась какими бы то ни было соображеніями о деньгахъ. Деньги я тоже люблю, *очень* люблю, но только какъ средство, мама. Моя жизненная энергія будетъ расходоваться на пріобрѣтеніе этихъ средствъ, а цѣль-то будетъ—счастливая семья. Такъ не хочу я, чтобъ моя жена была у меня въ числѣ средствъ, помогшихъ мнѣ устроить мое благосостояніе. Пусть она будетъ только цѣлью. Быть-можетъ, всѣ эти разсужденія не практичны. Надо мной, можетъ, посмѣются. Пускай! Что-жъ дѣлать, если я не похожъ на другихъ въ этомъ отношеніи. Но, мама, вѣдь я человѣкъ практической дѣятельности, такъ дайте же мнѣ среди всей нашей современной практичности хоть одинъ свѣтлый уголокъ въ душѣ, на который бы не ложилось никакой тѣни! Вѣдь иначе жить не стоитъ!

III.

„Неужели я слышала все это собственными ушами“, думала Марья Александровна, стоя за кустомъ.—„Господи, хоть бы ущипнулъ меня кто-нибудь!“

Она осторожно раздвинула кусты и, немножко высунувшись, могла окинуть взглядомъ аллею. Это былъ не сонъ, это была дѣйствительность, это были они: вдали, тамъ, гдѣ аллея начинала загибаться въ сторону, Марья Александровна увидала удалявшихся Петра Николаевича и Наталью Васильевну. Чрезъ двѣ-три минуты ихъ фигуры исчезли за деревьями, и Марья Александровна потихоньку вышла изъ своей невольной засады и спустилась съ пригорка.

Она то улыбалась, то дѣлалась задумчивой, и вдругъ снова улыбалась, разговаривала сама съ собой.

„Такъ вотъ за что я его полюбила... Да, онъ не такой, какъ всѣ... Милый, славный, милый!.. Но какой трусъ, боится меня... ай-ай, Петинька! А еще мужчина... Нѣтъ, надо принять рѣшительныя мѣры, чтобъ удержать его отъ этого бѣгства предъ... угрожающей ему опасностью сдѣлаться моимъ мужемъ. И такъ, вы меня любите, Петинька! Я васъ тоже. Главное препятствіе въ моемъ богатствѣ. Да, богатство при любви скверная штука. Вы совершенно правы, Петинька. Оно и меня вотъ только что сейчасъ заставило было усомниться въ вашихъ намѣреніяхъ. Да, да, вы совершенно правы: скверная вещь богатство при любви, но... но... но... какое бы подобрать *но*? Но... но разъ мы оба получили неопровержимыя доказательства, что мы любимъ, искренно любимъ другъ друга и оба такъ же искренно ненавидимъ это богатство, мѣшающее нашей любви, то... то... то оно вѣдь, пожалуй, можетъ и не помѣшать нашему браку. А въ семейной жизни оно еще ой-ой какъ пригодится. Я вѣдь хорошая хозяйка. Васъ смущаетъ мое богатство, такъ оставьте его, пожалуйста, въ покоѣ. Это не ваше дѣло, это по хозяйственной части, а съ вами мы будемъ разговаривать о чистой любви. Милый, славный, я тебя люблю!.. Да, да, да, люблю, любила, буду любить. Весь глаголъ съ причастіями, дѣепричастіями тебѣ проспрягаю. Миленькій, Петинька! Только вы должны, сударь, сейчасъ же жениться на мнѣ“.

Сѣвъ на скамейку, она постаралась сосредоточиться, чтобъ придумать, какъ теперь объясниться приличнымъ образомъ съ Петромъ Николаевичемъ и перебирала въ умѣ одинъ за другимъ самые разнообразные планы. Наконецъ, она что-то нашла, улыбнулась, подумала еще немного, вдругъ прыснула со смѣху и, вскочивъ со скамейки, быстрыми шагами, смѣясь и чуть не подпрыгивая, пошла по аллеѣ домой.

IV.

Александръ Ѳедоровичъ сидѣлъ на террасѣ своей дачи и, изнывая отъ жары, перелистывалъ какую-то новую французскую брошюру о теоріи вѣроятностей и о правилахъ биржевой игры, когда Марья Александровна вошла въ калитку садика и, сдерживая все еще душившій ее смѣхъ и стараясь казаться серьезной, стала подниматься на террасу. Замѣтивъ дочь, Александръ Ѳедоровичъ привѣтливо улыбнулся.

Когда-то инженеръ-строитель—Александръ Ѳедоровичъ давно оставилъ свою спеціальность и всецѣло отдался спекуляціямъ съ процентными бумагами; онъ велъ эти спекуляціи настолько удачно, что теперь состояніе его считалось больше милліона, а во Франціи, гдѣ у него была своя вилла, про него говорили, что онъ quatre fois millionn ire, переводя, очевидно, рубли на франки и даже не по биржевому курсу.

— Нѣтъ, знаешь, Мари, я кажется рѣшусь все-таки бросить всѣ дѣла, ради которыхъ я еще остался здѣсь, на дачѣ, произнесъ онъ навстрѣчу дочери, — и мы съ тобой укатимъ къ морю. При этой жарѣ я рискую скорѣе проиграть, чѣмъ выиграть на бумагахъ: голова отказывается соображать.

Марья Александровна обняла и поцѣловала его и, снова усаживая его въ кресло, сказала, невольно краснѣя:

— Какъ знаешь, папа, но...

— Что *но?* Что ты хочешь сказать, дорогая?

— Но... папа, мнѣ надо поговорить съ тобой серьезно.

— Вотъ какъ! шутливымъ и ласковымъ тономъ сказалъ Александръ Ѳедоровичъ.—Ужь не влюблена-ли?

Марья Александровна не сразу отвѣтила на этотъ вопросъ. Молча, съ серьезнымъ выраженіемъ лица, взявъ маленькую скамеечку, она сѣла на нее въ ногахъ у отца, подняла къ нему голову и, смотря ему въ глаза съ увѣренностью въ важности своего сообщенія, произнесла:

— Да.

— А, въ такомъ случаѣ это дѣйствительно серьезно, сказалъ Александръ Ѳедоровичъ, и лицо его приняло отчасти грустное, отчасти недовольное выраженіе.—Въ кого же? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Въ Петра Николаевича Копылова, твердо отвѣтила Марья Александровна.

Александръ Ѳедоровичъ уже готовъ былъ поморщиться, но во взглядѣ Марьи Александровны онъ увидѣлъ такую ласку и просьбу, что, боясь обидѣть дочь, онъ только сказалъ:

— Что-жъ, прекрасный молодой человѣкъ, но...

— Ты знаешь, какой Петръ Николаевичъ дѣльный человѣкъ, ты самъ любишь его, любишь даже совѣтоваться съ нимъ о какихъ-то тамъ доходныхъ и недоходныхъ дорогахъ, всегда говоришь, что онъ далеко пойдетъ...

— Да, да, только...

— Только ты, можетъ-быть, сомнѣваешься, любитъ-ли онъ меня, не расчетъ-ли имъ руководитъ?..

— Вотъ именно...

— Я имѣю самыя неопровержимыя доказательства его любви ко мнѣ.

— Развѣ уже было объясненіе? нахмурившись сказалъ Александръ Ѳедоровичъ.

— Да, папа. Я послѣ скажу тебѣ, какія это доказательства, и если ты не убѣдишься ими, то можешь взять свое слово назадъ, а пока ты долженъ дать согласіе на мой бракъ съ Петромъ Николаевичемъ: онъ проситъ моей руки.

Александръ Ѳедоровичъ молчалъ и думалъ. Онъ и самъ всегда чувствовалъ расположеніе къ Копылову, но никогда не намѣчалъ его въ женихи дочери. Онъ разсчитывалъ на кого-либо болѣе выдающагося. Но что-же дѣлать, разъ она его полюбила и дѣло дошло до объясненія... Копылова можно будетъ такъ „лансировать“, что онъ сразу выдвинется...

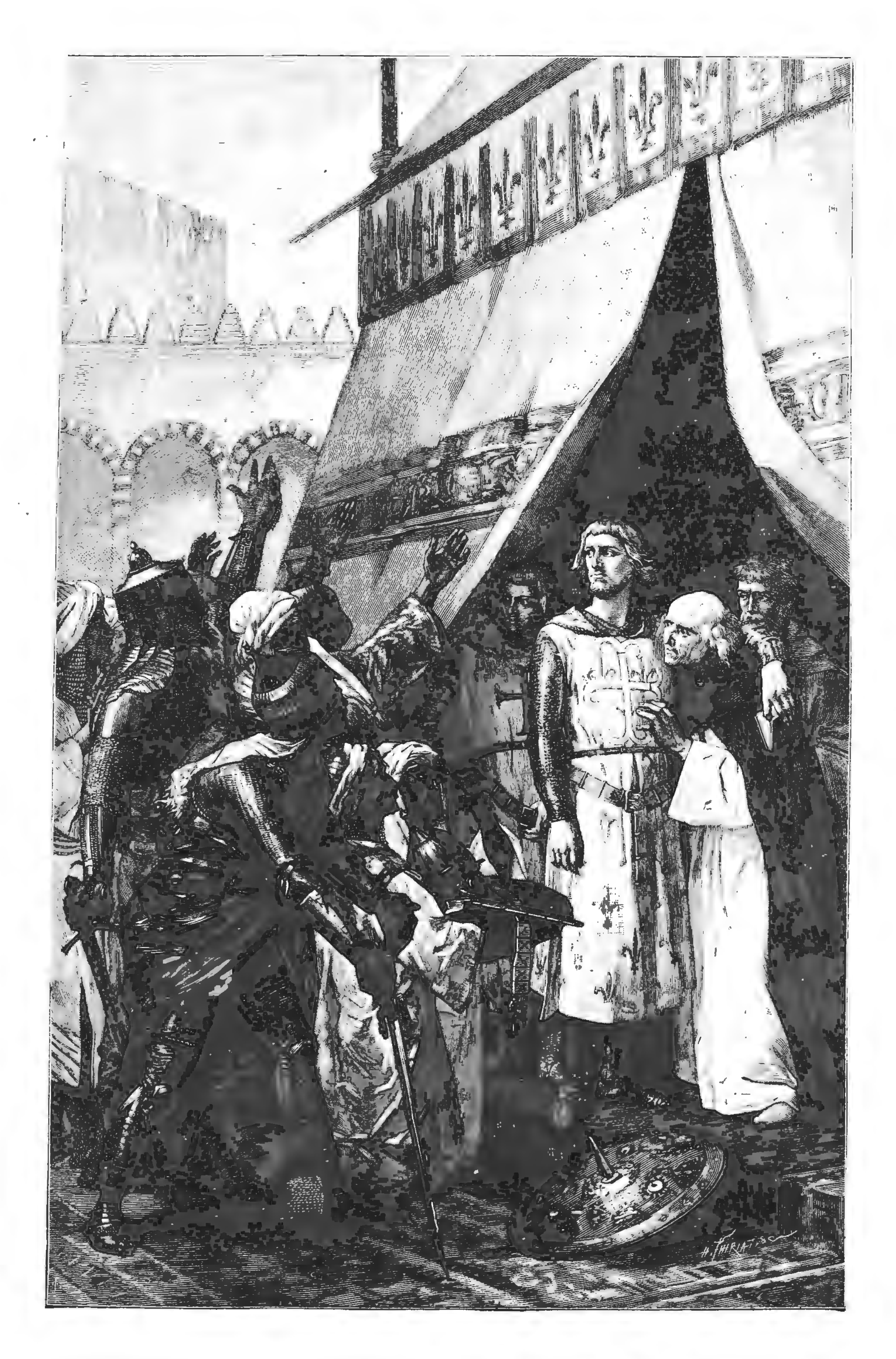
И въ головѣ Александра Ѳедоровича начинаютъ уже создаваться разные планы и комбинаціи, какими онъ сдѣлаетъ зятю блестящее положеніе въ обществѣ; Копыловъ уже окруженъ въ воображеніи Александра Ѳедоровича блескомъ, извѣстностью... богатство возрастаетъ... семья увеличивается... внучата...

Александръ Ѳедоровичъ не колеблясь долѣе протягиваетъ дочери руку и говоритъ съ торжественной улыбкой:

— Да.

Марья Александровна бросилась къ нему на шею, обнимала, цѣловала его и, присѣвъ къ нему на колѣни, шутливой скороговоркой, какъ шаловливый ребенокъ, начала лепетать:

2



Король Людовикъ Святой—въ Египтѣ. Эмиры подносятъ ему знаки верховной власти.
Карт. А. Кабанеля, грав. Тиріа.

На медвѣдя. Съ карт. Фалата, грав. Бонгъ.

— Папочка, милочка, ты вотъ что сдѣлай: пошли сейчасъ за нимъ, вели сказать, что тебѣ его нужно видѣть по важному дѣлу. А когда онъ придетъ, я буду здѣсь же возлѣ тебя, и ты при мнѣ прямо и скажи ему, что я передала тебѣ о его предложеніи и что ты согласенъ... Папочка, милый, дорогой, сдѣлай такъ, сейчасъ же пошли за нимъ. Вѣдь онъ, бѣдняжка, мучается, ждетъ. Ну, подумай, поставь себя на его мѣсто.

— Ахъ ты егоза, егоза, — улыбнувшись и качая головой, произнесъ Александръ Өедоровичъ,— замужъ хочешь выходить, а шалишь какъ ребенокъ. Ну, поди пошли, пошли за нимъ.

V.

Петръ Николаевичъ не заставилъ ждать себя: не прошло и десяти минутъ, послѣ того, какъ Марья Александровна послала за нимъ, а онъ уже показался у калитки цвѣтника. Издали раскланиваясь съ Александромъ Өедоровичемъ, онъ быстрыми шагами подошелъ къ террасѣ и сталъ подниматься по ступенькамъ. Завидя его, Марья Александровна встала и отошла отъ отца, а Александръ Өедоровичъ поднялся навстрѣчу Копылову и, взявъ его за руки, подвелъ и посадилъ на диванъ, не давъ ему даже обмѣняться рукопожатіемъ съ Марьей Александровной: молодые люди ограничились лишь любезнымъ поклономъ.

— Моя дочь,— началъ онъ дружескимъ тономъ,—сейчасъ сообщила мнѣ, что вы любите другъ друга и что вы сдѣлали ей предложеніе...

Но при этихъ словахъ Александръ Өедоровичъ замѣтилъ на лицѣ Петра Николаевича такое внезапное смущеніе, что невольно остановился. Петръ Николаевичъ сначала широко, въ недоумѣніи, открылъ глаза, потомъ покраснѣлъ, сталъ улыбаться, взглянулъ на Марью Александровну, увидалъ ея добродушно плутовскую улыбку и смущеніе, смутился еще болѣе, всталъ и, не зная что дѣлать, что сказать, могъ только пробормотать:

— Я... я... я...

— Вмѣсто нѣмецкаго „ja“, вы можете сказать и просто по-русски „да“,—пошутилъ Александръ Өедоровичъ.

Но Петръ Николаевичъ, у котораго въ ушахъ все еще звучали сказанныя сейчасъ Александромъ Өедоровичемъ слова: „вы любите другъ друга“, продолжалъ съ улыбкой смущенія смотрѣть то на отца, то на дочь, и опять началъ:

— Я... я...

Александръ Өедоровичъ громко разсмѣялся, а Марья Александровна, видя что нужно помочь жениху въ эту трудную минуту, сдѣлала два шага впередъ и обратилась къ отцу:

— Папà, я немножко предупредила намѣренія Петра Николаевича. Онъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ это предложеніе самъ, но, вѣроятно, не сегодня: все собирался съ духомъ, а, какъ видишь, въ рѣшительную минуту онъ оказывается немножко застѣнчивъ.

И, потупивъ глаза, она протянула обѣ руки Петру Николаевичу и робко, нѣжно произнесла:

— Вы не въ претензіи на меня за этотъ смѣлый шагъ? Папà съ своей стороны далъ мнѣ согласіе, а богатство *не бросить тѣни на тотъ свѣтлый уголокъ въ вашей душѣ*, гдѣ вы храните любовь ко мнѣ.

Петръ Николаевичъ слушалъ и ушамъ не вѣрилъ. Марья Александровна повторяла его слова: откуда она узнала ихъ? Но разсуждать было не время. Онъ схватилъ протянутыя ему руки и, покрывая ихъ поцѣлуями, шепталъ:

— О, какъ я счастливъ, какъ я счастливъ!

Онъ бросился къ Александру Өедоровичу, они обнялись и расцѣловались. И отдавъ дань первому порыву, Петръ Николаевичъ, все еще смущенный, улыбающійся и краснѣющій, робко обратился къ Александру Өедоровичу:

— Простите, Александръ Өедоровичъ, за смѣлость... позвольте мнѣ сказать Марьѣ Александровнѣ... по секрету?..

— Пожалуйста.

И отведя въ сторону свою невѣсту, Петръ Николаевичъ шепнулъ ей:

— Я васъ люблю, я счастливъ... но откуда вы знаете?

— Угадайте.

— Понять не могу. Моя мама не могла вамъ сообщить этого... я былъ все время съ ней... Вы подслушали?

— Изъ-за куста, пока вы разговаривали.

— Но какъ вы знали, какъ вы попали туда?

— Простая случайность. Я укрылась отъ солнца за кустами надъ той скамеечкой, куда вы пришли съ Натальей Васильевной, и слышала весь вашъ разговоръ.

— О, счастливая случайность! О, счастливая случайность!

И, покачавъ головой, онъ смѣясь прибавилъ:

— И какъ бы это было глупо съ моей стороны, если бъ я уѣхалъ!

— А что вамъ говорила ваша мамаша?

— Да, она говорила, что это глупо.

— Вотъ видите: надо было слушаться мамашу, она была права. Это только можно заставлять моего папà слушаться меня, а вамъ надо слушаться мамаши... а со временемъ и меня.

— О, да, да! Какъ я теперь счастливъ, какъ я счастливъ! Однако, надо же выдать эту тайну и Александру Өедоровичу.

Но Марья Александровна остановила его едва замѣтнымъ движеніемъ руки:

— Успѣемъ. Теперь скоро время обѣдать; вы останетесь у насъ. Я пошлю сейчасъ за Натальей Васильевной, а за обѣдомъ мы имъ все и разскажемъ.

VI.

Александръ Өедоровичъ и Наталья Васильевна только головами качали и смѣялись, и любовно глядѣли на молодую парочку, когда Марья Александровна разсказывала имъ, какъ устроилось сватовство.

По русскому обычаю подали шампанское, чтобъ поздравить жениха и невѣсту. Вмѣсто общепринятаго тоста, Петръ Николаевичъ, прежде чѣмъ выпить свой бокалъ, сказалъ:

— Я пью за мою дорогую невѣсту, за мою будущую жену, за наше счастье; но въ то же самое время я пью за счастливую случайность, безъ которой не было бы нашей теперешней общей радости.

— Да, случайность — великое дѣло, говорилъ потомъ за обѣдомъ Александръ Өедоровичъ.—Я въ своихъ многолѣтнихъ биржевыхъ операціяхъ тысячу разъ убѣждался, что случайность играетъ бо̀льшую роль, чѣмъ всѣ наши хитроумныя комбинаціи. Только нѣсколькимъ счастливымъ случайностямъ я обязанъ своимъ крупнымъ состояніемъ. Поэтому я съ особеннымъ довѣріемъ смотрю теперь на ваше будущее, дѣти мои: оно начинается счастливой случайностью. Будь я язычникъ, я поставилъ бы какое-нибудь символическое изображеніе ея среди моихъ пенатовъ и сжигалъ бы предъ ней неугасимый өиміамъ.

— Ахъ, какъ это отлично ты придумалъ, папа, воскликнула, захлопавъ въ ладоши, Марья Александровна.—Мы, когда поѣдемъ въ Италію, въ нашъ voyage de noce, закажемъ тамъ небольшую статуэтку: дѣвушку, выглядывающую изъ-за вѣтвей кустарника, подъ развѣсистой липой: дѣвушка эта пусть будетъ мой портретъ, а внизу подпись: le hasard, или какъ это будетъ по-итальянски: eventualità что ли?

— Да, отвѣтилъ Александръ Өедоровичъ.

Одинъ изъ лакеевъ снова наполнилъ бокалы шампанскимъ...

И еще долго продолжался обѣдъ среди оживленныхъ разговоровъ о предстоящей поѣздкѣ за границу.

Случай перваго холернаго бунта въ Россіи.

По воспоминаніямъ свидѣтельницы событія **А. Щ.**

Москва въ 30-хъ годахъ была мало похожа на нынѣшнюю Бѣлокаменную. Худо и мало мощеныя, лучшія улицы съ одноэтажными, деревянными строеніями, были неприглядны. Въ одномъ изъ лучшихъ предмѣстьевъ города, въ красивомъ домикѣ-особнякѣ, жилъ отецъ мой, пользовавшійся извѣстностью, какъ медицинское свѣтило. Чтобы носить этотъ титулъ, необходимо было доктору того времени быть по происхожденію нѣмцемъ. Отецъ много путешествовалъ, познакомился и изучилъ капризы азіатской холеры и написалъ объ ней ученую книгу. Въ виду ожидавшагося прибытія страшной гостьи въ Москву онъ пользовался большой славой и цѣнной практикой. Холера явилась. Трудно себѣ представить тотъ безумный страхъ, неописанное горе и отчаяніе, которые овладѣли всѣми. Въ домахъ ставни и двери заколачивались; кто только могъ— бѣжалъ, не зная даже куда, лишь-бы не оставаться въ Москвѣ. На улицахъ рѣдко кто рисковалъ показываться. Встрѣчались только отчаянные люди, грабившіе все безпощадно, да кареты, въ видѣ крытыхъ фуръ, выкрашенныя черною краскою; лакеи и кучеръ— въ родѣ факельщиковъ. Эти экипажи безпрекословно забирали всѣхъ заболѣвшихъ холерою для доставки въ больницы. Ужасъ былъ невыразимъ. Холера, несмотря на всѣ предосторожности, прокрадывалась въ Петербургъ. Отецъ мой получилъ предписаніе немедля явиться въ столицу. Мать въ страшномъ горѣ осталась одна со мной, окруженная человѣкъ двадцатью крѣпостной челяди, которая не долго думая забирала все что могла и отправлялась на всѣ четыре стороны. Остались при насъ только одна старуха—няня моя, служившая нѣсколько лѣтъ, пара вѣрныхъ собакъ, корова и нѣсколько лошадей. Что было дѣлать съ этою живностью? Убирать некому, кормить—нечѣмъ. Мать не знала что предпринять, плакала и молилась. Ночи черезъ двѣ страшный лай привелъ насъ въ ужасъ. Собаки метались и грызли опустѣлый овсяной ларь возлѣ конюшни.

— Охъ, смередушка! голосила няня, обнимая мать и благословляя меня.—Всѣ отъ насъ далеко снять; никто не услышитъ. Пойду я одна на смерть, а вы покуда, мои дорогія, схоронитесь.

И не давъ намъ опомниться, няня съ крикомъ выскочила на улицу.

— Что ты, окаянная, ревешь! кричалъ ей черезъ заборъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся полицейскій. — Никакъ тебя сатана на куски рветъ. Фу, ты, дьяволъ! Даже испужала спросонья.

Однако ему пришлось спуститься во дворъ и осмотрѣть овсяной ларь, возлѣ котораго безпокоились собаки. Мы испуганно смотрѣли въ окошечко сѣней. Въ ларѣ оказался рослый, красивый дѣтина, очень приличный на видъ и къ себѣ располагающій. Онъ объяснилъ, что онъ окончилъ курсъ въ духовномъ училищѣ, пробирается домой на родину и случайно попалъ для ночлега въ ларь. Пьяный полицейскій потащилъ его въ часть.

На другой день, вечеромъ, вбѣгаетъ няня, блѣдная, второпяхъ.

— Матушка! Полиція!.. едва выговорила она.

Мать также перепугалась, выходитъ. Каково-же было ея удивленіе, когда молодой человѣкъ, въ формѣ помощника квартальнаго, назвавшій себя Иваномъ Петровичемъ Лавровымъ, началъ цѣловать ея руки, обнимать няню, прося ихъ простить ему всю непріятность и безпокойство, которое онъ имъ причинилъ своимъ ночлегомъ въ ларѣ. Разумѣется, его пригласили въ столовую и угостили чаемъ. Онъ разсказалъ: когда стражъ представилъ его предъ ясныя очи квартальнаго, тотъ, грозно разспрося его обо всемъ, перемѣнилъ тонъ, и приказалъ ночевать въ дежурной на диванѣ. Дѣло было въ томъ, что по случаю внезапной смерти помощника квартальнаго, у него скопилось много письменной работы и онъ поручилъ часть ея Лаврову. Довольный работою Лаврова, квартальный предложилъ ему занять мѣсто помощника. Матушка моя, разумѣется, передъ Иваномъ Петровичемъ излила всѣ свои нужды и лишенія. Тотъ взялся все устроить и, дѣйствительно, устроилъ. Онъ немедля прислалъ намъ въ услуженіе надежнаго человѣка; лошадей, корову и собакъ переправилъ къ знакомому намъ помѣщику въ деревню. Онъ приходилъ ежедневно помогать намъ укладываться и развозить оставшіяся вещи куда пришлось. Продажа была немыслима. Наконецъ, оставалось самое трудное — отыскать подводы и лошадей для вещей и экипажа, чтобы ѣхать на долгихъ до Петербурга. Вся Москва, какъ въ 1812 году при Наполеонѣ, спѣшно выбиралась, не разбирая ни цѣнъ, ни средствъ, а потому достать лошадей казалось почти невозможнымъ. Находчивость и умѣнье нашего покровителя увѣнчались наконецъ желаемымъ успѣхомъ: Одинъ крестьянинъ Тверской губерніи, ломовой извозчикъ, оказался безъ паспорта. Пристращавъ его кутузкой, Иванъ Петровичъ уговорилъ его везти насъ въ Петербургъ, вмѣнивъ ему въ строгую обязанность по дорогѣ въ Твери пріобрѣсть себѣ паспортъ.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то мы уѣдемъ, твердила радостно мать, обращаясь къ нянѣ, едва таскавшей ноги отъ страха и усталости.

Чуть разсвѣло, уже пыхтѣлъ самоваръ, я наливала чай, а остальные суетились и укладывались.

— Ну, какъ этотъ мошенникъ да надуетъ, говорилъ озабоченно Лавровъ.

— Пріѣхали, пріѣхали, порадовала я всѣхъ, взглянувъ въ окно.

— Ну, слава Богу, точно гора съ плечъ свалилась.

Иванъ Петровичъ выбѣжалъ на дворъ. Тамъ поднялся шумъ.

— Ахъ, ты, мошенникъ! Я тебя сейчасъ засажу. Ты безпаспортный обманщикъ! кричалъ Лавровъ на ломового.

— Батюшка, заступитесь! молилъ тотъ. — Съ ихъ милостію допреже сего было поряжено.

— Что это такое за насиліе, пищала во всю мочь круглолицая, рябая дама, выглядывавшая изъ-подъ рогожки, закрывавшей передъ повозки. — Я не кто-нибудь — генеральша. Отецъ извѣстенъ всей Европѣ.

— А тамъ кто у тебя?

Изъ повозки выскочилъ въ нанковомъ сѣромъ костюмѣ, съ ясными пуговицами и въ фуражкѣ съ кокардой высокій, худой, блѣдный, лѣтъ 28, человѣкъ. Оказалось, что онъ поручикъ Ивановъ, — служилъ на Кавказѣ и вслѣдствіе недоразумѣній оставилъ полкъ; ѣдетъ теперь въ Петербургъ искать защиты. Въ кибиткѣ былъ еще портной, нѣмецъ Шульцъ, ни слова не понимавшій по-русски. У него былъ магазинъ въ Москвѣ. Теперь онъ переселялся въ Петербургъ. Капризничать много было некогда. Необходимо было выѣзжать, наваливать, укладывать и, помолясь, отправляться въ долгій и трудный путь. Мы поѣхали всѣ вмѣстѣ. Круглолицая, блѣдная дама оказалась женою статскаго совѣтника Панова; ѣхала она съ двумя дѣтьми къ мужу. Портной-нѣмецъ, ни слова не понимавшій по-русски, Шульцъ, лѣтъ 35, съ пріятной, добродушной физіономіей, былъ очень добрый и обязательный человѣкъ: видя бѣдственное положеніе нашего спутника, офицера Иванова, предложилъ ему мѣсто въ своей повозкѣ, одѣлъ его въ дорогу и снабдилъ деньгами на расходы. За это Ивановъ, въ знакъ благодарности, всячески старался угодить Шульцу. Онъ былъ довольно остроуменъ и преуморительно разговаривалъ знаками съ непонимавшимъ ни слова по-русски — Шульцемъ. Однообразно тянулись дни переѣзда до Твери. Мы остановились въ селѣ подъ городомъ и, чѣмъ идти въ избу, предпочли остаться въ большомъ нашемъ дормезѣ. Другіе размѣстились по избамъ. Погода была прелестная. Послѣ чая подошелъ къ намъ офицеръ Ивановъ, предлагая завтра, покуда извозчикъ выхлопочетъ себѣ паспортъ, погулять и осмотрѣть Тверь. Мать отказалась и няню также не отпустила.

Послѣ обѣда мы узнали, что офицеръ и нѣмецъ ушли въ городъ. Мы ходили гулять въ поле, пили тамъ чай, ужинали и мирно улеглись спать въ дормезѣ. Часовъ въ 10 вечера мать тревожно разбудила меня и няню.

— Слушайте! Слушайте! Что это?

Въ жизни моей я никогда послѣ не слыхала ничего подобнаго. Точно сильная буря клубила цѣлое море. Казалось, волны шумѣли, свистѣли, стонали и бились о скалы. Точно цѣлый водопадъ низвергался въ бездну. Земля дрожала, колыхалась, и густая пыль закрывала свѣтъ. Но вотъ это страшное явленіе ближе, ближе. Крикъ тысячной толпы, топотъ массы лошадей, бряцаніе оружія, и въ облакахъ пыли сотни зажженныхъ факеловъ бросали красноватый блескъ на эту ужасную картину.

Мы окаменѣли и, едва живыя, съ широко раскрытыми глазами, смотрѣли и не понимали, что это все значитъ.

Военный генералъ, въ полной формѣ, на лошади, окруженный свитой, подъѣхалъ къ нашему экипажу. Насъ вытащили и повели въ избу. Матушка, блѣдная, едва держалась на ногахъ; меня же не столько испугало, сколько интересовало это страшное происшествіе. Матушка сняла съ шеи портфель съ деньгами и бумагами.

Генералъ началъ подробно обо всемъ разспрашивать матушку, затѣмъ очень сожалѣлъ обо всемъ случившемся, просилъ успокоиться, а съ разсвѣтомъ выѣхать въ Петербургъ окольными путями.

Вотъ что случилось: Шульцъ и Ивановъ пришли въ Тверь. Прежде всего они зашли въ трактиръ и велѣли себѣ подать обѣдъ. Всѣ находившіеся въ то время въ трактирѣ заинтересовались новыми посѣтителями: одинъ изъ нихъ хорошо говорилъ по-русски; второй что-то говорилъ отрывисто, непонятно и оба между собой все время оживленно объяснялись знаками. Эта пантомима показалась крайне подозрительною. Пообѣдавъ, они гуляли по городу, все разсматривали, зашли въ портерную; тутъ, осушая бутылку за бутылкой, порядкомъ охмелѣли, нисколько не подозрѣвая, что съ самаго утра за ними зорко слѣдятъ, и не предчувствуя своей роковой гибели.

Вѣсть о появленіи оригинальныхъ гостей успѣла облетѣть весь городъ; толпы со всѣхъ концовъ стекались посмотрѣть холеру и ея предводителей. Полупьяные Шульцъ и Ивановъ, покачиваясь, вышли изъ портерной, толпа присмирѣла, раздвинулась; они, не придавая этому сборищу вѣроятно никакого значенія, пошли къ рѣкѣ, спустились съ берега, мутили воду руками и ногами; затѣмъ пошли къ городскому колодцу, смотрѣли въ глубь его и бросали вѣроятно камешки. Терпѣніе толпы лопнуло, улики подсыпки зелья были на-лицо. Праздный людъ давно разносилъ нелѣпые слухи, что холеры не существуетъ, что это злонамѣренные люди подсыпаютъ ядовитыя зелья, чтобы морить православный народъ и грабить его черезъ докторовъ-иностранцевъ. А теперь всѣ во-очію якобы узрѣли непреложную истину своего отравленія. Власти спятъ, ничего не хотятъ видѣть, жаловаться потатчикамъ безполезно, расправиться нужно самимъ, бунтовать всѣхъ и все бить не на животъ, а на смерть, довести тѣмъ до свѣдѣнія Батюшки-Царя и тѣмъ положить конецъ холерѣ и отравленію.

Защитить Шульца и Иванова было некому: власти не подозрѣвали, что разразится первый холерный бунтъ въ Россіи ради этихъ двухъ безобидныхъ людей, перекатится въ Петербургъ и принесетъ столицѣ страхъ и убытки ея жителямъ.

Разъяренная толпа мгновенно бросилась на двухъ ни въ чемъ неповинныхъ мучениковъ, била безпощадно ихъ, тиранила на всѣ лады, ломала имъ кости и наконецъ — опьяненная, усталая отъ злодѣяній — потащила трупы къ дому губернатора, бросилась въ больницы, вытаскивала больныхъ, била служащихъ, врывалась въ лавки, грабила товаръ, истребляла все на пути безъ разбора и жалости.

Шульцъ умеръ подъ ударами въ страшныхъ мученіяхъ; Ивановъ его пережилъ нѣсколькими минутами и, едва внятно сказавъ названіе села, гдѣ остановился, скончался.

Явился губернаторъ, всѣ власти; кавалерійскій полкъ тщетно успокоивалъ бунтующую чернь.

Повозку Шульца толпа свезла въ Тверь.

Едва разсвѣло и гулъ отдалился, мы окольными путями, окруженные конвоемъ, сбирались поспѣшно въ путь. Извозчикъ прощался съ семьей.

На другой день по тому же тракту черезъ Тверь ѣхали двѣ семьи евреевъ.

Ихъ приняли за оставшихся въ селѣ отравителей и страшно изуродовали: выкололи глаза, вытянули языки и переломали руки.

Отъ всего пережитого и видѣннаго матушка захворала горячкою. Она бредила всѣми ужасами этого кроваваго событія. Не дай Богъ никому не только участвовать, но даже быть зрителемъ подобныхъ звѣрствъ и истязаній!

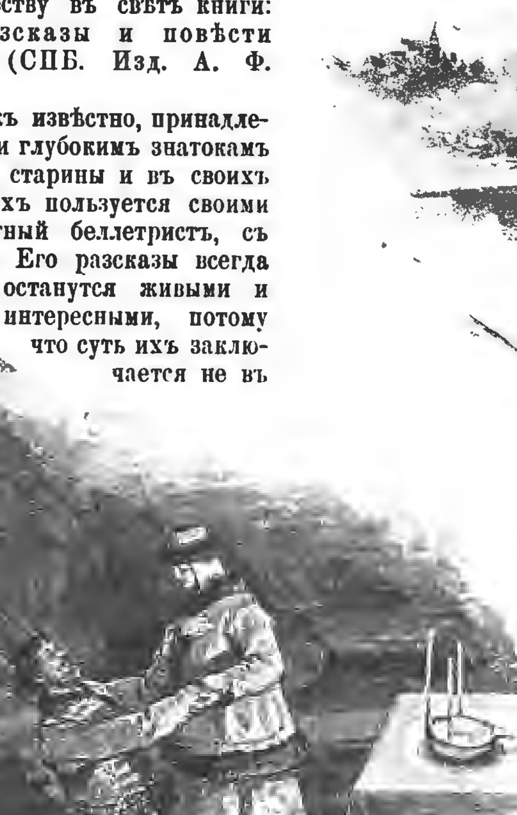
Иллюстраціи К. В. Лебедева къ „Историческимъ разсказамъ“ П. Н. Полевого.

Къ разсказу „Скоморохова жена.“

Когда художникъ пишетъ картину или дѣлаетъ рисунокъ для выставки, для продажи, и публика непосредственно можетъ любоваться его произведеніями,—онъ полный, такъ сказать, хозяинъ своего дѣла и можетъ отвѣчать только за свои собственные промахи. Въ совершенно другомъ положеніи находится иллюстраторъ. Его рисунокъ, прежде чѣмъ попасть на глаза публики, долженъ пройти черезъ руки многихъ другихъ лицъ для того, чтобы подвергнуться воспроизведенію посредствомъ тисненія. Гравюра только тогда можетъ быть хороша, когда помимо самаго рисунка и вся остальная работа—его воспроизводителей—безукоризненна. Кромѣ этого художнику иллюстратору приходится считаться и съ тѣмъ еще, что рисунокъ его будетъ воспроизведенъ въ другомъ, по большей части уменьшенномъ форматѣ, и не акварелью или тушью, а только одной типографскою краской. Въ виду этихъ чисто техническихъ затрудненій и у насъ, и за границей число опытныхъ иллюстраторовъ весьма не большое. К. В. Лебедевъ безспорно принадлежитъ однако по своему таланту къ этому сравнительно небольшому числу. Мы заимствуемъ нѣсколько его иллюстрацій изъ только-что вышедшей къ Рождеству въ свѣтъ книги: „Историческіе разсказы и повѣсти П. Н. Полевого“ (СПБ. Изд. А. Ф. Маркса).

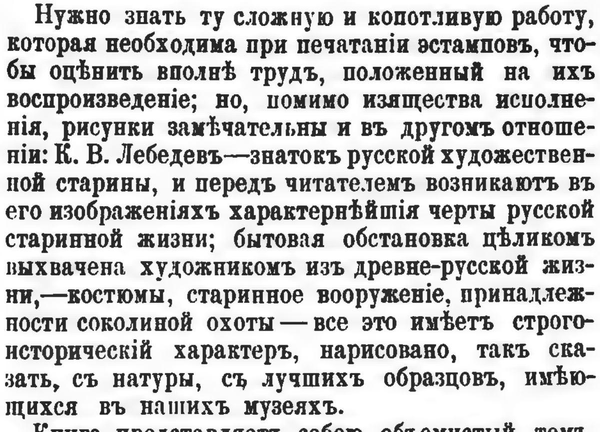
П. Н. Полевой, какъ извѣстно, принадлежитъ къ серьезнымъ и глубокимъ знатокамъ русской исторической старины и въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ пользуется своими знаніями, какъ опытный беллетристъ, съ умѣньемъ и тактомъ. Его разсказы всегда останутся живыми и интересными, потому что суть ихъ заключается не въ вымыслѣ, но въ правдивомъ изображеніи дѣйствительно историческихъ событій и характеровъ. Такимъ образомъ, названная выше книга является серьезнымъ и цѣннымъ изданіемъ. Всѣхъ рисунковъ и виньетокъ въ ней 65 (всѣ—работы художника К. В. Лебедева) и изъ нихъ — 24 роскошные эстампа на мѣди, исполненные fac-simile извѣстнымъ артистическимъ заведеніемъ Рихарда Паулуссена. Мы не можемъ воспроизвести образца этихъ 24-хъ эстамповъ, такъ какъ они печатаются на особой эстампной бумагѣ, и потому ограничиваемся лишь воспроизведеніемъ образцовъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ книги.

Къ разсказу „Смѣлымъ Богъ владѣетъ.“



Къ разсказу „Смѣлымъ Богъ владѣетъ.“

Къ разсказу „Русскій полонянникъ".



Нужно знать ту сложную и копотливую работу, которая необходима при печатаніи эстамповъ, чтобы оцѣнить вполнѣ трудъ, положенный на ихъ воспроизведеніе; но, помимо изящества исполненія, рисунки замѣчательны и въ другомъ отношеніи: К. В. Лебедевъ—знатокъ русской художественной старины, и передъ читателемъ возникаютъ въ его изображеніяхъ характернѣйшія черты русской старинной жизни; бытовая обстановка цѣликомъ выхвачена художникомъ изъ древне-русской жизни,—костюмы, старинное вооруженіе, принадлежности соколиной охоты — все это имѣетъ строго-историческій характеръ, нарисовано, такъ сказать, съ натуры, съ лучшихъ образцовъ, имѣющихся въ нашихъ музеяхъ.

Книга представляетъ собою объемистый томъ, болѣе чѣмъ въ 450 страницъ, и назначенная за нее цѣна (5 руб.) является до такой степени умѣренною, что ни въ русской, ни въ иностранной печати не появлялось до сихъ поръ иллюстрированнаго изданія, равнаго по дешевизнѣ. Для любителей изготовлено пятьдесятъ экземпляровъ нумерованныхъ (цѣна 25 рублей за экз.), печатанныхъ на слоновой бумагѣ. Эстампы въ этомъ изданіи воспроизведены на китайской лучшей бумагѣ.

Къ разсказу „Государевъ кречатникъ".

Къ разсказу „Государевъ кречатникъ".

Къ рисункамъ.

Вечернія мечты. (Рис. на стр. 1129).

Тихо догоралъ вечеръ. Красноватое зарево заката отражалось въ засыпавшемъ морѣ. Широкою зыбью легкій прибой набѣгалъ на пологій берегъ и, оставивъ на немъ длинную бѣлую полосу пѣны, соскальзывалъ обратно.

На длинной отмели, откуда открывалась взору безбрежная даль, остановились два старые рыбака. Видъ тихаго моря успокоительно дѣйствуетъ на ихъ души. Глядя на золотой отблескъ зари, они углубились, въ тихій вечеръ своей жизни, въ воспоминанія о прошломъ, когда имъ приходилось встрѣчаться не всегда съ такимъ тихимъ, привѣтливымъ моремъ.

Реальный пейзажъ. „Стоячія воды".
(Рис. на стр. 1132).

Пейзажъ, какъ художественное произведеніе, не сразу пріобрѣлъ самостоятельное значеніе въ живописи. Долгое время онъ служилъ лишь фономъ для картины и потому приноравливался къ освѣщенію и краскамъ главныхъ фигуръ, занимавшихъ первый планъ. Природу, какъ она есть, считали недостойною для сюжета картины и старались *украсить* ее, т. е. ввести симметрію и придать пейзажу декоративный характеръ. Переходъ отъ этихъ искусственныхъ изображеній къ дѣйствительному, точному воспроизведенію природы въ рисункѣ совершился постепенно. Картины пейзажной живописи обыкновенно дѣлятъ на три группы: а) пейзажъ идеальный, б)—поэтическій и в)—реальный. Идеальнымъ называется такой пейзажъ, въ которомъ главную роль играетъ не наблюденіе натуры, не изученіе ея, а фантазія художника. Деревья тутъ непремѣнно расположены симметрично. Формы ихъ такія, какихъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ; въ перспективѣ непремѣнно нарисованы развалины, похожія на искусственныя по-

стройки въ паркахъ. Все это ужасно дѣланно и похоже именно на декорацію. Представителемъ идеальнаго пейзажа можетъ служить Клодъ Лоррэнъ. Пейзажемъ поэтическимъ можно назвать такой, который хотя и не служитъ еще точнымъ воспроизведеніемъ природы, но все-таки болѣе или менѣе приближается къ ней. Примѣромъ тутъ могутъ служить картины Рюисдаля. Наконецъ, реальный пейзажъ—является результатомъ непосредственныхъ наблюденій художника надъ природою. Русскій человѣкъ,—реалистъ по преимуществу, и потому наши пейзажи, по своей реальности, могутъ стать на ряду съ лучшими заграничными произведеніями этого рода. Англичане, во многомъ схожіе съ нами въ отношеніи направленія въ искусствѣ, тоже враги всякой „дѣланности". Яснымъ примѣромъ тому можетъ служить картина „Стоячія воды" современнаго англійскаго художника Килея Гальсвелля, дышащая неподдѣльною простотою и исполненная правды. Тутъ природа, и природа довольно невзрачная,—взята какъ она есть, но тѣмъ не менѣе картина производитъ невольное впечатлѣніе.

Выздоравливающій. (Рис. на стр. 1133).

Дѣтское сердце, не испорченное жизнью, искренно проявляетъ горе и радость, и выражаетъ откровеннѣе любовь и ненависть, сострадание и отвращеніе. Посмотрите, съ какимъ непритворнымъ участіемъ гладитъ мальчикъ-подростокъ на больную таксу, которой онъ принесъ молока; какъ онъ осторожно, но въ то же время упорно отстраняетъ большую собаку, которая тоже не прочь полакомиться рѣдкимъ въ ея обиходѣ лакомствомъ.

Въ лѣсной тишинѣ. (Рис. на стр. 1137).

Полдень. Тихо и прохладно въ чащѣ дремучаго лѣса. Очарованная тишиною, невольно остановилась молодая дѣвушка и унеслась думами къ синему небу, на которомъ узорною сѣткою вырисовываются макушки вѣковыхъ сосенъ, недвижно стоящихъ, точно насторожѣ лѣсной тишины. Не знакома она еще съ житейскими, мелкими дрязгами, нѣтъ заботъ у ней, огорченій, и тихо и спокойно у нея на душѣ, и дай Богъ, чтобы это спокойствіе никогда не было нарушено...

Король Людовикъ Святой въ Египтѣ.

(Рис. на стр. 1140).

Французскій король Людовикъ IX Святой, по обѣту, данному имъ во время болѣзни, предпринялъ Крестовый походъ. Въ іюнѣ 1249 года онъ высадился въ Даміеттѣ и послѣ продолжительной осады этого города взялъ его приступомъ. Онъ завладѣлъ почти всѣмъ Египтомъ. Но въ 1250 году, 5 апрѣля, испыталъ неудачу, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ братьями Альфонсомъ и Карломъ, и долженъ былъ заплатить выкупъ (8,000 византійскихъ золотыхъ) и очистить Даміетту.

Во время пребыванія его въ Египтѣ,—рѣдкія качества его, умъ и ставшая легендарною справедливость были признаны самими невѣрными. Эмиры явились къ Людовику Святому, принеся ему знаки верховной власти.

Торжественный моментъ этого подношенія избралъ сюжетомъ для своей картины извѣстный французскій художникъ Кабанель: король, въ одѣяніи крестоносца, остановился при выходѣ изъ шатра, опершись на плечо своего исповѣдника, и, пораженный случившимся, вглядывается въ выраженіе лицъ пришедшихъ къ нему эмировъ, можетъ быть, сомнѣваясь въ искренности ихъ подношенія...

На медвѣдя. (Рис. на стр. 1141).

Не перевелись еще богатыри на Русской землѣ! Въ то время, какъ за-границею изобрѣтаются новыя ружья и разныя хитрыя приспособленія для охоты, русскій мужикъ смѣло идетъ на медвѣдя съ рогатиной или дубиной. Впрочемъ, въ охотѣ этого рода не одна сила играетъ первенствующую роль. Тутъ нужна большая сноровка и смѣтка; нуженъ расчетъ опытнаго глаза, чтобы во-время направить орудіе на звѣря, когда тотъ подымется на заднія лапы. Бывали случаи, что медвѣдь однимъ ударомъ перебивалъ рогатину, и тогда смѣлый охотникъ оставался безоружнымъ. Интересный моментъ взялъ художникъ для своего рисунка. Звѣрь только что показался. Онъ идетъ прямо на охотниковъ, и вотъ они застыли въ напряженномъ ожиданіи, готовя мѣткій ударъ и выжидая удобную минуту. Особенно характерно выраженіе ихъ лицъ.

Высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій. (Портр. на стр. 1148).

Вы свѣтъ міру, вы соль земли, говорилъ Самъ Господь апостоламъ, указывая имъ на высоту ихъ служенія. Дѣло епископа есть дѣло апостольское, и потому духъ епископа долженъ быть апостольскій. Епископъ поставляется на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ своею вѣрою, благочестивою жизнью, добрыми дѣлами и смиреніемъ.

Такою свѣтлою, обаятельною личностью является вновь назначенный 27 октября сего года на вновь учрежденную Финляндскую каѳедру Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, бывшій первый викарій С.-Петербургской епархіи и ректоръ С.-Петербургской духовной академіи.

Скромна его біографія, но вмѣстѣ съ тѣмъ высока и поучительна.

Высокопреосвященный Антоній, въ мірѣ—Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился въ 1845 году въ селѣ Ширингуши, Тамбовской губерніи, Спасскаго уѣзда. Отецъ его, одинъ изъ маститыхъ пастырей Тамбовской епархіи, еще и до сихъ поръ, несмотря на свои преклонные годы, продолжаетъ служить престолу Божію. Первоначальное образованіе Александръ Вадковскій получилъ въ Тамбовской духовной семинаріи, а затѣмъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ съ отличіемъ окончивъ курсъ въ 1870 году, двадцатипятилѣтнимъ баккалавромъ вступилъ на каѳедру церковнаго проповѣдничества.

Онъ попалъ въ то время какъ разъ въ среду людей христіански-образованныхъ, глубоко вѣрующихъ и защитниковъ просвѣщенія и духовной жизни. Вліяніе этой духовной интеллигентной среды несомнѣнно отразилось на молодомъ баккалаврѣ. Вскорѣ онъ вступилъ въ бракъ, и семейное счастье какъ бы яркой звѣздой свѣтило и передъ нимъ. Но... *въ мірѣ скорбни будете*, сказалъ Господь,—и эти слова судьбами Божіими какъ бы исполнились на молодомъ, цвѣтущемъ, полномъ силъ Александрѣ Васильевичѣ: въ теченіе очень короткаго времени онъ потерялъ любимую жену и двухъ своихъ дѣтокъ. Трудно и тяжело было перенести молодому ученому эту тяжелую потерю. Но безконечная вѣра и любовь къ Искупителю успокоили скорбь Александра Васильевича и привели его къ тому истинному пути, который ведетъ всѣхъ къ жизни вѣчной.

Въ 1883 году Александръ Вадковскій сталъ инокомъ Антоніемъ, а въ 1884 году, уже въ санѣ архимандрита, мы видимъ его инспекторомъ Казанской духовной академіи. Въ 1885 году онъ переведенъ былъ инспекторомъ же въ С.-Петербургскую духовную академію, а 1 мая 1887 года нареченъ во епископа Выборгскаго, викарія С.-Петербургской митрополіи, и назначенъ ректоромъ академіи.

Здѣсь, въ столицѣ, особенно ярко проявилась дѣятельность молодого епископа. Въ 1887 году онъ примкнулъ къ Обществу религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви и организовалъ дѣло студенческаго проповѣдничества въ залахъ и храмахъ Петербурга, гдѣ студентами ведутся и до сихъ поръ бесѣды, приносящія не малую пользу обществу.

Полезную дѣятельность проявилъ также преосвященный, состоя главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Эта административно-педагогическая дѣятельность была оцѣнена Высочайшею властью, и преосвященный получилъ драгоцѣнную панагію изъ кабинета Его Императорскаго Величества. Занимая въ теченіе 22 лѣтъ каѳедру церковнаго проповѣдничества въ двухъ академіяхъ, онъ напечаталъ массу статей по этому предмету и выпустилъ въ свѣтъ солидное сочиненіе подъ заглавіемъ „Изъ исторіи христіанской проповѣди".

Насколько свѣтла, обаятельна и симпатична личность высокопреосвященнаго Антонія, это можетъ сказать всякій, кто прошелъ его святую школу—его питомцы академіи. Въ каждомъ студентѣ преосвященный прежде всего видѣлъ человѣка, уважалъ его убѣжденія, уважалъ всѣ нравственныя права его, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго требовалъ законнаго исполненія нравственныхъ обязанностей. Дисциплинарныхъ взысканій у преосвященнаго не было, но порядокъ академической корпораціи былъ идеальный; все исполнялось безъ принужденія... Любвеобильное сердце и кротость ректора побѣждали каждаго. Студентамъ преосвященный былъ всегда доступенъ—дверь и квартира его были всегда открыты. Съ ними преосвященный обращался какъ съ дѣтьми; не разъ говаривалъ онъ: „Я рано потерялъ жену и дѣтей, и вотъ вы замѣнили мнѣ семью, вамъ я посвятилъ свои силы и жизнь. Служите радостью для меня и въ послѣдующемъ вашемъ служеніи. Будьте искренни и бойтесь особенно лжи".

Каждый, слушавшій лекціи преосвященнаго Антонія въ Духовной академіи, испыталъ на себѣ его отеческое отношеніе, сердечную любовь и попеченіе (испыталъ на себѣ любовь его и пишущій эти строки). Кто забудетъ его кроткій, ясный взглядъ, его постоянно ровную, задушевную рѣчь, его наставленія, утѣшенія; кто забудетъ его отзывчивость сердца!

Мы можемъ закончить словами одного духовнаго журнала, помѣстившаго подробную оцѣнку личности и дѣятельности преосвященнаго по отношенію къ академіи. „Для студенческой семьи, говорится тамъ,—этого малаго духовнаго стада,—преосвященный Антоній былъ по-истинѣ *пастыремъ добрымъ*, который *зналъ своихъ овецъ, глашалъ ихъ по имени и предъ ними ходилъ; и овцы знали его, гласъ его слышали и по немъ ходили*".

А. А. З.

Открытіе выставки Общества поощренія женскаго промышленно-художественнаго труда.

(Рис. на стр. 1148).

Общество поощренія женскаго художественно-промышленнаго труда, какъ извѣстно, имѣетъ своей задачей содѣйство-

вать бѣднымъ труженицамъ въ пріисканіи работы. Оно устраиваетъ собранія, выставки, склады матеріаловъ, рабочихъ, швейныхъ и др. машинъ и инструментовъ и устраиваетъ сношенія съ тѣми мѣстами, гдѣ произведенія женскаго труда могутъ имѣть обширный и выгодный сбытъ. Перваго декабря открылась устроенная названнымъ обществомъ выставка въ помѣщеніи Императорскаго общества поощренія художествъ. На молебствіи при открытіи присутствовали: Е. И. В. принцесса Евгенія Ольденбургская, управляющій министерствомъ Финансовъ, почетный членъ Общества поощренія художниковъ Нечаевъ-Мальцевъ и др. На выставкѣ въ одномъ отдѣлѣ находятся картины, рисунки акварелью, тушью и пр., и скульптурныя произведенія; во второмъ—живопись на стеклѣ и фарфорѣ, рѣзьба и выпиливаніе по дереву, шитье шелками и бисеромъ, искусственные цвѣты, въ послѣднемъ—кружева всякаго сорта, плетенье изъ камыша и пр.

Новое зданіе редакціи „Одесскаго Листка".

(Рис. на стр. 1149).

Въ лучшей части города Одессы, рядомъ съ Городскимъ театромъ, недавно отстроено и отдѣлано прекрасное зданіе для помѣщенія редакціи газеты „Одесскій Листокъ". Редакціи столичныхъ газетъ и журналовъ располагаютъ довольно скромными помѣщеніями, и въ виду этого фактъ возведенія для провинціальной газеты такого зданія является весьма интереснымъ. Зданіе построено по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора Ященко. Какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству, оно чрезвычайно изящно и вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Въ первомъ, нижнемъ, этажѣ помѣщается типографія, во второмъ—контора редакціи и типографіи, въ третьемъ—сама редакція и двѣ залы „кабинета для чтенія", въ которомъ имѣется свыше пятисотъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій. Публика допускается сюда безплатно. Верхній этажъ занятъ жилымъ помѣщеніемъ.

Освященіе зданія состоялось 25 октября и сопровождалось торжествомъ, на которомъ присутствовали Одесскій градоначальникъ, городской голова, гласные Думы и другіе представители административныхъ и общественныхъ учрежденій Одессы.

Приборы для новаго объясненія раздвоенности каналовъ на планетѣ Марсъ. (Рис. на стр. 1152).

Болѣе десяти лѣтъ особенное вниманіе ученыхъ астрономовъ обращено на планету Марсъ. Уже въ 1882 году директоръ Миланской обсерваторіи Чіапарелли пораженъ былъ открытіемъ на поверхности этой планеты безчисленныхъ, безпрестанно пересѣкающихся совершенно прямыхъ, какъ бы географическихъ линій, которыя названы, впрочемъ очень произвольно, *каналами*. Возникъ безконечный споръ относительно этихъ удивительныхъ каналовъ. Одни совсѣмъ отрицали ихъ существованіе, другіе доходили до предположенія, что они искусственнаго происхожденія, прорыты живыми существами, подобными роду человѣческому на землѣ, и шли затѣмъ къ предположенію о возможности нашихъ взаимныхъ сообщеній съ этими разумными существами.

Оставляя однако вопросъ о происхожденіи этихъ линій, обратились теперь къ физическимъ опытамъ для объясненія причины, почему эти прямыя линіи или каналы въ извѣстные періоды времени представляются ***раздвоенными*** на параллельныя линіи, совершенно между собою сходныя и лежащія бо́льшею частію на разстояніи 15 градусовъ, по измѣренію, сдѣланному Чіапарелли. Эта раздвоенность то исчезаетъ, то снова появляется, и зависитъ, по мнѣнію Чіапарелли, Перротена и др., отъ извѣстнаго, повторяющагося періодически состоянія атмосферы планеты. Большинство же астрономовъ держатся того мнѣнія, что это такого рода феноменальное явленіе, которому нѣтъ ничего подобнаго на земномъ шарѣ. Но существуютъ также попытки и болѣе точнаго опредѣленія: нѣкоторыя изъ нихъ отличаются бо́льшею или меньшею оригинальностью и даже странностью. Такъ, дѣлается предположеніе, что явленіе это не что иное, какъ оптическій обманъ: астрономъ Добре видитъ въ этихъ каналахъ глубокія разсѣлины поверхности Марса, вслѣдствіе расширенія планеты отъ геологическихъ причинъ; Физо считаетъ ихъ трещинами льдовъ, два края которыхъ представляются намъ будто бы въ видѣ каналовъ; Фламмаріонъ обращается за объясненіями параллельности ихъ къ помощи электричества. Все это доказываетъ только то, что настоящій вопросъ не очень легко поддается рѣшенію.

По мнѣнію же Менье, особеннаго затрудненія онъ не представляетъ. Менье основывается на слѣдующихъ произведенныхъ имъ опытахъ:—

На металлическомъ листѣ, хорошо отполированномъ, проводятся черныя матовыя линіи, болѣе или менѣе сходныя съ географическими очертаніями на Марсѣ. На листъ направляются солнечные лучи, или иное яркое освѣщеніе, какъ напр. электрическое; металлическій листъ покрывается плотно натянутою въ рамкѣ тонкою прозрачной кисеей, такъ чтобъ между листомъ и кисеей было разстояніе около четверти вершка. Тогда на кисеѣ, вслѣдствіе отраженія лучей полированною поверхностью листа и тѣней, отбрасываемыхъ начертанными на немъ линіями и пятнами, какъ тѣ, такъ и другіе представляются ***удвоенными***, что мы видимъ на прилагаемомъ рисункѣ (1).

При второмъ опытѣ металлическій листъ замѣняется такимъ же полированнымъ шаромъ, съ извѣстною намъ географическою картою планеты; шаръ покрывается стеклянною оболочкою, съ натянутою поверхъ кисеею. На такомъ приборѣ раздвоенія черныхъ линій представляются еще явственнѣе и еще болѣе похожи на рисунки, составленные по наблюденіямъ Чіапарелли, Перротена, Терби и др. (рис. 2).

Можно съ большою вѣроятностью, по мнѣнію Менье, допустить, что солнечный свѣтъ, переломляясь на поверхности Марса, отражаетъ географическія очертанія на окружающей планету атмосферѣ съ различною интенсивностью. Когда эта атмосфера чиста, двойныя очертанія должны блѣднѣть, но если планета облечена густымъ покрываломъ испареній на разстояніи допускающемъ отраженіе, какъ мы видѣли на кисеѣ, то пропускаемые сквозь насыщенную атмосферу лучи, очевидно, должны повторить эти очертанія.

Если высказанныя соображенія вѣрны, то наблюдаемое явленіе на Марсѣ не есть исключительное его свойство, и то же самое физическое свойство можетъ быть присуще Земному шару, Венерѣ и другимъ планетамъ. Марсъ находится только въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для нашихъ наблюденій, чѣмъ другія планеты.

Чіапарелли замѣтилъ, что параллельность каналовъ Марса часто нарушается, а иногда и совсѣмъ исчезаетъ. Это подтверждаетъ только соображенія Менье. Если въ указанномъ нами приборѣ ослабить натянутость кисеи, то параллельность линій неминуемо должна нарушиться.

Разныя извѣстія.

— 1 декабря Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о возвышеніи акциза на освѣтительныя нефтяныя масла.

— 31 октября состоялся Высочайшій указъ объ установленіи однообразнаго срока исчисленія старшинства пожалованія орденовъ за военные подвиги.

— Срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ прежняго образца продленъ до 1 мая 1894 г.

— Московскій генералъ-губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ пожертвовалъ 500 р. на устройство чайной въ Хитровскомъ рынкѣ въ Москвѣ.

— Государственный Совѣтъ утвердилъ проектъ правилъ о возвышеніи табачнаго акциза на 2 рубля съ пуда и объ увеличеніи на 50% платы за патентъ для продажи табачныхъ издѣлій.

— Въ январѣ состоится съѣздъ представителей благотворительныхъ обществъ для выработки мѣръ къ уничтоженію профессіональнаго нищенства.

— 10 декабря состоялось подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича торжественное открытіе перваго конгресса русскихъ архитекторовъ въ конференцъ-залѣ Академіи Художествъ.

— Государственный Совѣтъ утвердилъ законопроектъ, представленный министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, касающійся упорядоченія торговли скотомъ и лошадьми. Въ случаѣ сомнѣнія права собственности на продаваемый скотъ полицейскіе чины могутъ требовать отъ продавца удостовѣренія этого права. Удостовѣреніе при надобности выдается безвозмездно полицейскими, волостными и т. п. управленіями.

— Согласно проекту министерства Финансовъ предполагается значительно понизить размѣръ пошлинъ за право полученія привилегій и поставить таковой въ соотвѣтствіе со срокомъ, на который испрашивается привилегія.

— Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ, по ходатайству общества Черноморско-дунайскаго пароходства, предполагается переработать уставъ этого общества соотвѣтственно новымъ условіямъ дѣятельности его, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ недавно въ Сулинѣ.

— По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *Журналомъ Министерства Финансовъ*, съ 1 января 1893 года установляется новый тарифъ для товарныхъ поѣздовъ.

— Въ Государственномъ Совѣтѣ одобрено представленіе Министра Юстиціи объ измѣненіи законоположенія о расторженіи браковъ лицъ, подвергаемыхъ ссылкѣ въ Сибирь. Супругамъ осужденныхъ къ ссылкѣ или каторжнымъ работамъ предоставляется право, послѣ двухлѣтняго срока вступленія приговора въ законную силу, просить духовное вѣдомство о расторженіи брака.

— Духовное вѣдомство, по соглашенію съ

министерствомъ Финансовъ, установило слѣдующія правила: 1) Длина предназначенныхъ для церквей свѣчъ должна соотвѣтствовать ихъ толщинѣ (по окружности) взятой шесть разъ. 2) Въ отличіе отъ свѣчъ домашняго употребленія—церковныя должны имѣть бѣлую свѣтильню съ красною ниткой. Только съ этими признаками свѣчи признаются церковными.

— Недавно, какъ сообщаютъ изъ Ростова (Яросл. г.), при копаніи колодца близъ озера Неро найденъ вырѣзанный на камнѣ образокъ святителя Леонтія, ростовскаго чудотворца. Этотъ единственный экземпляръ образа на камнѣ относятъ къ XIV столѣтію.

— При работахъ по пересмотру торговыхъ законовъ въ особой комиссіи, учрежденной для составленія гражданскаго уложенія, какъ сообщаетъ *Вѣстникъ Фин., Пром. и Торговли*, въ основаніе принятъ дѣйствующій уставъ торговый, только нѣкоторые его отдѣлы, имѣющіе связь съ другими частями законодательства, исключены, а взамѣнъ ихъ внесены будутъ такіе, отсутствіе которыхъ наиболѣе было ощутительно, такъ напр.: матеріальное торговое право и торговыя сдѣлки, правила о торговой записи и о торговыхъ фирмахъ.

— Въ Петербургѣ открывается новое частное учрежденіе,—свадебная касса взаимопомощи для выходящихъ замужъ.

— Поручикъ Самойловъ, въ Воронежѣ, послѣ долгихъ трудовъ

Высокопреосвященный Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій.
Съ фот. Ясвоина, грав. Шюблеръ.

успѣлъ достигнуть замѣны почтовыхъ голубей соколами, которые послѣ дрессировки способны доставлять почту вѣсомъ до 4 фунтовъ со скоростью, какая немыслима для голубей.

— Убытки отъ волковъ въ Россіи достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Въ Новгородской губерніи ими истреблено болѣе 3,000 гол. крупн. и 17,000 мелк. скота. Въ Самарск. губ. убытки простираются до 300,000 руб.

Политическое обозрѣніе.

Панамское дѣло разрастается до ужасающихъ размѣровъ. Дрюмонова газета *Libre parole* напечатала, что взятки были даны множеству депутатовъ, журналистовъ и другихъ „нужныхъ“ людей! Улики и обвиненія сыплются отовсюду, безъ удержа и мѣры. Неудивительно, что борьба между обвиняемыми и обвинителями ведется не на животъ, а на смерть, чѣмъ пользуются различныя политическія партіи и стараются обратить это дѣло себѣ на пользу, не заботясь о томъ, что можетъ статься изъ-за такого неистовства съ самою страною. Поэтому правительству необходимо не мало энергіи и самообладанія, чтобы защитить себя и существующій порядокъ отъ всякихъ посягательствъ.

Къ счастью для націи, въ недостаткѣ подобныхъ качествъ нельзя упрекнуть нынѣшнее министерство, и оно проявило ихъ блестящимъ образомъ въ засѣданіи палаты 3 декабря.

Молебенъ при открытіи выставки женскаго промышленно-художественнаго труда, въ помѣщеніи Общ. Поощренія Художествъ въ СПБ.
Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Хелмицкій.

Въ этотъ день министры Буржуа и Рибо потребовали, чтобы немедленно было приступлено къ обсужденію предложенія Пуркери относительно расширенія полномочій парламентской слѣдственной коммиссіи; требованіе это предъявлено ими съ тою цѣлью, чтобы предложеніе Пуркери было немедленно же отвергнуто; при этомъ министры поставили вопросъ о довѣріи къ кабинету. Бриссонъ потребовалъ отсрочки обсужденія и сказалъ, что въ принципѣ онъ одобряетъ предложеніе Пуркери, но находитъ и настоящія полномочія слѣдственной коммиссіи достаточными. Палата большинствомъ 424 голосовъ противъ 122 постановила немедленно заняться обсужденіемъ предложенія Пуркери.

При этомъ обсужденіи, Буржуа заявилъ, что „кампанія ведется не противъ нѣкоторыхъ республиканцевъ, а противъ самой республики. Обязанность республиканцевъ можетъ быть выражена въ двухъ словахъ: хладнокровіе и единеніе“.

Рибо въ своей рѣчи заявлялъ, что „правительство хочетъ знать, пользуется-ли оно довѣріемъ палаты“. Сказавъ затѣмъ, что не допуститъ, чтобы въ его рукахъ власть республики ослабѣла, министръ-президентъ прибавилъ: „За этими возмущающимися добродѣтельными людьми кроется цѣлый планъ, который выступаетъ наружу, и дерзость начинаетъ подымать голову. Нападки косвенно направляются на республиканскія учрежденія. Правительство заклинаетъ палату собрать свои силы и слиться воедино вокругъ правительства, которое поведетъ республику къ оправданію людей, въ теченіе двадцати лѣтъ управлявшихъ ею“.

Послѣ многочисленныхъ и горячихъ преній предложеніе Пуркери было отвергнуто 271 голосомъ противъ 265.

Республиканскія и умѣренныя газеты поздравляютъ правительство по поводу проявленной имъ энергіи и предлагаютъ коммиссіи дознанія удовольствоваться предоставленною ей ограниченною ролью. Радикальные органы высказываютъ мнѣніе, что сегодня правительство нисколько не сильнѣе, чѣмъ было вчера, и что положеніе столь же опасно, какъ прежде. Монархическая печать говоритъ, что республиканцы хотятъ замять дѣло, и что правительство и коммиссія не пользуются болѣе довѣріемъ палаты, а потому должны выйти въ отставку.

Но ни кабинетъ, ни коммиссія не вышли въ отставку и не бросили въ такія тяжелыя времена начатаго ими дѣла. Напротивъ того, правительство еще энергичнѣе начало разоблачать тайну и преслѣдовать виновныхъ. Произведено не мало обысковъ и арестовъ, и въ палатѣ президентъ ея Флоке объявилъ, что имъ получено требованіе о разрѣшеніи судебнаго преслѣдованія пяти депутатовъ: Рувье, Жюля Роша, Арена, Пру и Дюгэ-де-ла-Фоконнери.

Въ сенатѣ Леройе получилъ такое же требованіе противъ сенаторовъ Леона Рено, Альбера Греви, Дюваля, Тевенэ и Девэса.

Въ Римѣ, въ сенатѣ при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ на 1892—93 г. депутат Піерантони замѣтилъ, что на генуэзскихъ празднествахъ, въ которыхъ участвовало столько націй, отсутствовалъ одинъ флагъ, при чемъ намекнулъ на восточный вопросъ и на предстоящія ограниченія судоходства по Черному морю. Далѣе Піерантони выставилъ на видъ, что нынѣ тройственный союзъ и колоніальная политика одобряются даже прежними ихъ противниками, а также указалъ на слухъ объ уступкахъ, сдѣланныхъ Портою Россіи, взамѣнъ гарантій оттоманскихъ владѣній въ Малой Азіи.

Новое зданіе Редакціи „Одесскаго Листка“ въ Одессѣ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Министръ Бринъ отвѣтилъ, что тройственный союзъ и колоніальная политика, преодолѣвъ сильную оппозицію, стали отнынѣ достояніемъ національнаго самосознанія. Этимъ Италія обязана Манчини. Перейдя затѣмъ къ общей политикѣ, министръ, возражая Піерантони, сказалъ, что тотъ придалъ неточное значеніе отсутствію флага извѣстной державы на генуэзскихъ празднествахъ. Всѣ государства благопріятно отвѣтили на приглашеніе Италіи, но нѣкоторыя извинились, что вслѣдствіе особыхъ затрудненій они не могутъ прислать судовъ. Бринъ присовокупилъ, что будетъ соблюдать крайнюю сдержанность въ вопросѣ о судоходствѣ въ Черномъ морѣ. Ему неизвѣстно, намѣрено-ли какое-нибудь государство возбудить этотъ вопросъ, а еще меньше, какое положеніе заняла бы въ такомъ случаѣ Италія.

Kölnische Zeitung подтверждаетъ слухъ объ образованіи новой партіи, такъ называемой національной. Программа ея явно направлена противъ нынѣшняго режима, и партія надѣется пріобрѣсти многочисленныхъ сторонниковъ во всей Германіи.

Въ Софіи народное собраніе, 4 декабря, большинствомъ 246 голосовъ противъ 5, вотировало законопроектъ о пересмотрѣ конституціи. Черезъ 3 дня собраніе вотировало во второмъ и третьемъ чтеніяхъ тотъ-же законопроектъ. На этотъ разъ нашлось больше противниковъ, и голоса противъ него подали тринадцать депутатовъ, въ томъ числѣ бывшіе министры Стоиловъ, Тончевъ и Странскій.

Искусство.

Нашимъ извѣстнымъ композиторомъ Чайковскимъ поставлены на Маріинской сценѣ два новыя произведенія: одноактная опера „Іоланта" и двухъ-актный балетъ „Щелкунчикъ". „Іоланта"—по счету восьмая опера г. Чайковскаго, если не считать передѣланнаго имъ „Кузнеца Вакулы" въ „Черевички" за отдѣльную оперу, а „Щелкунчикъ"—третій балетъ (первые два: „Лебединое озеро" и „Спящая красавица"). Одноактныя оперы теперь въ модѣ; впрочемъ, дѣло не въ количествѣ актовъ; „Іоланта" имѣетъ своимъ сюжетомъ драму Герца, а „Щелкунчикъ" написанъ на программу, сдѣланную изъ сказки Гофмана—„Ночныя видѣнія дѣвочки". Конечно интереснѣе бы было, если бы русскіе композиторы вдохновлялись сюжетами русскихъ поэтовъ...

Вотъ вкратцѣ содержаніе „Іоланты": она, слѣпая отъ рожденія,—дочь короля Прованса, Рене, не знаетъ своего несчастія и живетъ совершенно отдѣльно въ вогезскихъ горахъ; смертная казнь угрожаетъ тому, кто не только откроетъ ей роковую тайну, но и тому, кто даже проникнетъ въ ея жилище. Она обручена съ герцогомъ Бургундскимъ, который ее никогда не видалъ. Отецъ ея совѣтуется съ мавританскимъ врачемъ относительно ея исцѣленія; послѣдній говоритъ, что его лекарство лишь въ томъ случаѣ поможетъ ей, если узнавъ, что она слѣпа, она сама страстно пожелаетъ видѣть свѣтъ, т. е. почувствуетъ необходимость въ зрѣніи. На это король не соглашается. Объ ея слѣпотѣ никто не знаетъ; всѣ думаютъ, что она воспитывается въ монастырѣ (дѣйствіе происходитъ въ XV вѣкѣ).

Между тѣмъ два молодые человѣка, рыцарь Водемонъ и его пріятель герцогъ Бургундскій, заблудились на охотѣ и какимъ-то образомъ попали въ садъ замка Іоланты. Герцогъ ужь хочетъ уйти, но рыцарь очарованъ этимъ поэтическимъ уголкомъ и рѣшается остаться здѣсь, хотя бы ему пришлось поплатиться жизнью. Изъ бесѣдъ пріятелей, между тѣмъ, узнается, что герцогъ любитъ лотарингскую графиню Матильду и не промѣняетъ ее ни на какую Іоланту въ мірѣ. Узнавъ рѣшеніе пріятеля, плѣнившагося красотой Іоланты, герцогъ уходитъ за отрядомъ, чтобы спасти своего друга. Изъ дѣйствій Іоланты Водемонъ убѣждается, что она слѣпа; тѣмъ не менѣе онъ влюбляется въ нее и открываетъ ей ея роковую тайну. Появившійся король, конечно, хочетъ казнить его, но Іоланта, также полюбившая Водемона, проситъ за него отца. Врачъ находитъ, что теперь-то наступилъ моментъ, когда лекарство его подѣйствуетъ.

Король соглашается на предложеніе врача. Оставшись съ рыцаремъ, онъ узнаетъ кто онъ и на вопросъ послѣдняго, кто же женихъ Іоланты, указываетъ на подоспѣвшаго съ войскомъ герцога Бургундскаго; герцогъ тутъ же заявляетъ, что онъ любитъ другую; король возвращаетъ ему его слово. Въ это время врачъ возвращается съ прозрѣвшей Іолантой; король соединяетъ ее съ Водемономъ; всѣ благодарятъ Бога за чудесное исцѣленіе. Вотъ на этотъ поэтическій сюжетъ, трогательный самъ по себѣ, нашъ великій композиторъ написалъ музыку, но не лирическую, составляющую, какъ извѣстно по другимъ его операмъ, его cheval de bataille, а почти сплошь речитативную, обыкновенно наименѣе ему удающуюся. За исключеніемъ четырехъ-пяти №№ все время проходитъ въ разговорахъ, подъ довольно густой аккомпаниментъ оркестра. Опера длится безъ перерыва полтора часа.

Лучшимъ мѣстомъ „Іоланты" необходимо признать дуэтъ молодыхъ влюбленныхъ, да бойкую пѣсенку герцога Бургундскаго о своей Матильдѣ; сравнительно недурны еще два маленькихъ хорика въ началѣ оперы (подруги забавляютъ и убаюкиваютъ слѣпую Іоланту), аріозо короля и врача (въ восточномъ характерѣ); въ оперѣ слишкомъ много рѣчей. Исполненіе было поручено лучшимъ силамъ труппы. Самъ авторъ, конечно, былъ многократно вызываемъ, какъ послѣ оперы, такъ и послѣ балета, поставленнаго вслѣдъ за „Іолантой". Лучше всѣхъ былъ г. Яковлевъ (герцогъ); г-жа Фигнеръ старалась олицетворить „молоденькую дѣвочку"; г. Фигнеръ (Водемонъ) совсѣмъ былъ не въ ударѣ, что впрочемъ въ этомъ году съ нимъ вовсе не рѣдкость; поддержали оперу своими стараніями гг. Серебряковъ (король Рене) и Черновъ (врачъ).

Съ „Щелкунчикомъ" случилось нѣчто обратное: насколько безсодержательно и безсвязно либретто, настолько интересна музыка къ нему; даже жалко, что столько красивой, поэтичной и характерной музыки положено на такую слабую вещь по сюжету. Балетоманы, привыкшіе интересоваться въ балетѣ только танцами, остались недовольны музыкой, находя, что она „неудоботанцуема", если такъ можно выразиться; но это совершенно невѣрно: номера, назначенные собственно для танцевъ, очень „dansant" и нисколько не затрудняютъ исполнителей. Недовольство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что посѣтители балета застыли на рутинныхъ pas, къ которымъ они привыкли, а г. Чайковскій, какъ чуткій художникъ, слѣдящій за новыми вѣяніями въ искусствѣ, не старался на этотъ разъ угодить вкусамъ любителей хореографіи, а сверхъ музыки чисто балетной далъ нѣсколько поэтическихъ музыкальныхъ картинокъ. А можетъ быть безсвязность либретто переносится критиками и на музыку.

Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что „Щелкунчикъ" по музыкѣ своей далеко превосходитъ новую оперу и прежніе два балета. Первая картина перваго акта, посвященная дѣтскимъ забавамъ и танцамъ во время елки, прекрасно выдержана, именно въ духѣ дѣтскихъ забавъ (танецъ куколъ, танецъ Incroyables и Merveilleuses, дѣтскій маршъ, галопъ и др.). Вторая картина, происходящая въ лѣсу („Вальсъ снѣжныхъ хлопьевъ"), составляетъ рѣзкій контрастъ съ первой; авторъ даетъ замѣчательную музыкальную картину, которая интересна въ высшей степени даже безъ всякихъ группъ балеринъ въ костюмахъ, покрытыхъ снѣжными хлопьями; это—лучшій № „Щелкунчика" по содержанію и оркестровымъ краскамъ. Во второмъ актѣ (въ одной картинѣ) прелестенъ дивертисментъ, въ который входятъ: испанскій танецъ (шоколадъ), арабскій танецъ (кофе), китайскій (чай), танецъ шутовъ и другіе; каждый изъ нихъ въ своемъ родѣ chef-d'oeuvre по характерности и выдержанному колориту. Этотъ дивертисментъ неоднократно исполнялся съ громаднымъ успѣхомъ въ симфоническихъ собраніяхъ. Интересны также №№, назначенные для солистовъ (pas des deux и др.). Повторяемъ, нашъ великій композиторъ, къ сожалѣнію, потратилъ слишкомъ много силъ и вдохновенія на такую нестоющую вещь, какъ „Щелкунчикъ". **В. Баскинъ.**

Смѣсь.

Замѣтка о смерчахъ. Смерчи принадлежатъ къ числу тѣхъ явленій, которыя могли бы своимъ видомъ нагнать страхъ на моряковъ, встрѣтившихся съ ними. Но есть между моряками и сомнѣвающіеся въ томъ, чтобы смерчъ могъ причинить какой-нибудь вредъ встрѣтившемуся съ нимъ судну. Такъ, капитанъ Вульвортъ, состоявшій болѣе 40 лѣтъ на службѣ общества „Royal Mail Steam-Ship Company", видывалъ не малое число смерчей и говоритъ, что готовъ былъ-бы врѣзаться со своимъ пароходомъ въ любой изъ нихъ; но—извѣстный какъ метеорологъ—капитанъ Тойнби не совсѣмъ соглашается съ основательностью такой рѣшимости.

Чтобы видѣть, въ чемъ заключается это, устрашающее моряковъ, явленіе, лучше всего привести нѣсколько непосредственныхъ наблюденій очевидцевъ. Одинъ изъ нихъ, г. Атвудъ сообщилъ въ Британскомъ Метеорологическомъ Обществѣ слѣдующее:

22 февраля 1881 года, я находился, говоритъ онъ, на тихоокеанскомъ желѣзномъ пароходѣ „Honduras"... Пароходъ шелъ подъ парами, имѣя около 9 узловъ *) ходу, при противномъ ему, умѣренномъ вѣтрѣ отъ SO. Множество небольшихъ облаковъ темнаго цвѣта быстро неслось отъ O; облака эти очевидно направлялись отъ высокихъ вершинъ горъ Коста-Рика и Новой Гренады (или Колумбіи). „Honduras" находился приблизительно въ 15 миляхъ отъ берега, въ шир. 8° 30′ сѣв. долг., 86° 06′ западн. отъ Гринвича. Барометръ показывалъ 30.20 д. Въ шесть часовъ тридцать минутъ утра я увидѣлъ смерчъ, находившійся приблизительно въ 300 ярдахъ на N отъ судна. Діаметръ этого смерча близъ поверхности моря, повидимому, не превосходилъ 8—12 ф.; но далѣе вверхъ смерчъ, постепенно расширяясь, соединялся, на высотѣ 1200 до 1800 ф., съ облакомъ темнаго цвѣта. На положеніе вершины смерча сильно вліяло направленіе вѣтра.

Близъ поверхности океана смерчъ представлялъ совершенно особенный видъ; казалось, что онъ состоялъ изъ самаго тонкаго, паутинообразнаго тумана. Вокругъ колонны смерча пѣна и брызги волнъ подбрасывались до высоты 7—20 ф.; однако, какъ внимательно я ни наблюдалъ, я не замѣтилъ, чтобы колонна питалась водою съ поверхности моря. Смерчъ имѣлъ форму продолговатаго конуса, опрокинутаго вершиною внизъ, середина котораго была полá. Сквозь нижнія части смерча можно было видѣть берегъ и горы, находившіеся по другую его сторону. Въ теченіе 20 минутъ смерчъ продолжалъ вертѣться; но вдругъ связь его съ океаномъ порвалась, вѣроятно благодаря вѣтру, при чемъ я не замѣтилъ, чтобы хотя часть воды упала изъ смерча въ море. Паутинообразный видъ низа сохранялся до тѣхъ поръ, покамѣстъ колонна смерча не была постепенно поглощена тѣмъ массивнымъ облакомъ, изъ котораго она ранѣе образовалась. Еще до исчезновенія перваго смерча, повидимому изъ того-же плотнаго темнаго облака, образовался второй смерчъ.

Между тѣмъ вѣтеръ слегка усилился, и облако поднялось на значительно большую высоту. Оказалось, что эта новая колонна смерча произошла отъ одного изъ смежныхъ облаковъ, которыя неслись вокругъ перваго, обширнаго облака. Это вызвало перемѣну въ той части облака, которая была наиболѣе обременена парами; хотя послѣдняя, при ея пониженіи, не отдѣлялась отъ главной массы и—при помощи вѣтра, дувшаго въ то время крѣпко, приняла форму круглой колонны. Колонна эта, повидимому, не выдѣляла замѣтнаго количества воды въ океанъ, хотя ея сообщеніе съ нимъ установилось; не было видно ни кипѣнія воды, ни брызгъ.

Высота облака была болѣе чѣмъ вдвое, сравнительно съ начальною его высотою, и смерчъ представлялъ чрезвычайно красивый видъ, имѣя сходство съ длинною, серебристою трубкою, состоящею изъ паутинообразныхъ нитей. Вскорѣ вѣтеръ разрушилъ и этотъ смерчъ, такимъ-же путемъ, какъ и первый.

*) Около 16 верстъ въ часъ.

Наконецъ, изъ того-же облака, изъ котораго произошли два уже описанныхъ смерча, выдѣлился и третій, наиболѣе интересный.

Направленіе движенія облаковъ въ это время было на различныхъ высотахъ различно, а именно:

1. Верхній слой облаковъ несся съ большою быстротою съ сѣвера на югъ.

2. Средній—состоялъ изъ ряда плотныхъ, темныхъ массъ; нѣкоторыя изъ нихъ были невелики, но всѣ эти облака вообще направлялись отъ O на W, и повидимому шли отъ высокихъ горныхъ вершинъ Коста-Рика и Новой Гренады (высота горъ колеблется отъ 4000 до 12,000 футовъ надъ уровнемъ океана); изъ нихъ-то наиболѣе обширное облако произвело описанные здѣсь смерчи.

3. Нижній слой,—состоящій изъ множества небольшихъ темныхъ облаковъ, нависшихъ надъ поверхностію океана. Эти облака повидимому не двигались въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи, и не обладали тою большою плотностью, какую имѣли облака средняго слоя.

Третій смерчъ возникъ изъ обширнаго облака, бывшаго во второмъ или среднемъ слоѣ; но онъ не достигъ до поверхности океана, а слился съ однимъ изъ находившихся подъ нимъ облаковъ третьяго или нижняго слоя. Въ отношеніи діаметра столба, этотъ послѣдній смерчъ превосходилъ болѣе чѣмъ вчетверо первый изъ описанныхъ здѣсь смерчей; онъ былъ виденъ въ теченіе двадцати минутъ, т. е. до того времени, покамѣстъ не скрылся изъ виду въ массѣ какъ-бы слившихся облаковъ. Спустя немного времени, изъ верхнихъ облаковъ выступила внизъ небольшая колонна; но эта послѣдняя не достигла моря или другого облака, и вскорѣ была поглощена тѣмъ самымъ облакомъ, изъ котораго образовалась.

Послѣ описанія тѣхъ смерчей, которые г. Атвудъ видѣлъ въ Тихомъ океанѣ, онъ сообщаетъ подробности относительно одного смерча, видѣннаго имъ, при возвращеніи въ Англію, въ Атлантическомъ океанѣ.

20 февраля 1882 года, въ 11 ч. 15 м. утра, при бурномъ волненіи и при курсѣ NO 55°, я увидѣлъ (въ шир. 33° 12′ N, долг. 44° 50′ W) съ парохода „Донъ", по лѣвую сторону судна, смерчъ. Этотъ смерчъ находился приблизительно въ 1 милѣ отъ судна; казалось, онъ имѣлъ у основанія, находившагося на поверхности океана, 100 ярдовъ въ діаметрѣ, и поднимался приблизительно до высоты 500 ярдовъ. Надъ нимъ было видно весьма темное облако; оно, повидимому, было въ десять разъ выше вершины смерча, и съ нимъ вовсе не соединялось. Вѣтеръ былъ крѣпкій, почти отъ NO 30°, и плотныя облака двигались въ томъ-же направленіи. Сильные шквалы продолжались все утро, послѣ восхода солнца, но ни одинъ изъ нихъ не захватывалъ судна, которое дѣлало около 12½ *) узловъ въ часъ. Смерчъ, казалось, образовался на поверхности океана, у длинной окраины шквала, который, столкнувшись съ дувшимъ въ то время NO вѣтромъ, былъ оттиснутъ и не могъ достигнуть судна. Онъ сопровождался бурнымъ, пѣнящимся волненіемъ, туманомъ, облакомъ водянистаго цвѣта, и находился въ сильномъ вращательномъ движеніи, которое образовало пустой водный конусъ.

Этотъ смерчъ продолжался приблизительно въ теченіе десяти минутъ, потомъ медленно удалился въ ту сторону, откуда появился. Зарождался было и еще одинъ смерчъ, но исчезъ. „Въ заключеніе, говоритъ г. Атвудъ, я замѣчу, что тѣ смерчи, которые мнѣ пришлось наблюдать въ Тихомъ океанѣ, *были* опасны только для плаванія весьма малыхъ парусныхъ судовъ, или открытыхъ ботовъ".

В. В. Ивановъ.

Уходъ за золотыми рыбками въ акваріумахъ. Тѣснота для нихъ гибельна. Въ акваріумѣ должно быть не менѣе 8 стакановъ воды на каждую рыбку. Не слѣдуетъ мѣнять качества воды, не наливать рѣчной послѣ колодезной и обратно. Лѣтомъ возобновлять воду слѣдуетъ возможно чаще, даже каждый день, зимой — два-три раза въ недѣлю. Кормить—преимущественно зеленымъ салатомъ, муравьиными яйцами и желткомъ куриныхъ яицъ; возобновлять кормъ два раза въ недѣлю. Въ зимніе мѣсяцы—вовсе корма не дается, кромѣ, если желаютъ, тонкихъ облатокъ. На дно акваріума очень полезно насыпать крупный песокъ. При чисткѣ акваріума рыбокъ отнюдь нельзя брать руками. Если нужно вынуть рыбокъ—употребляютъ для этого легкій сѣтчатый савочекъ. Нужно избѣгать нагрѣванія воды солнечными лучами.

Арабскіе афоризмы. Человѣкъ не въ силахъ постигнуть своего существа, можетъ ли онъ постигнуть Существо Божеское? Твореніе не можетъ понять Творца, Который все создалъ.

Лучшій изъ людей тотъ, кто людямъ большую пользу приноситъ.

Учись у всякаго.

Направляй каждаго человѣка туда, гдѣ онъ способенъ принести наибольшую пользу.

Человѣкъ обязанъ вести борьбу для собственной защиты и не терять времени на борьбу безполезную.

Богатство менѣе цѣнно, нежели знаніе. Знаніе насъ защищаетъ, а богатство нужно защищать.

Только у людей возможно, чтобы одинъ человѣкъ стоилъ цѣлой тысячи людей.

Люди и книги должны всегда совершенствоваться.

Нѣтъ человѣка безъ грѣха. Если хочешь сохранить друга, то не обращай вниманія на мелочи.

Красота рѣчи заключается въ краткости выраженія мыслей.

Справедливость—гарантія государственнаго быта.

*) Около 22 верстъ.

Покорность возвышаетъ людей.

Ударъ дружеской руки чувствительнѣе удара врага.

Лучше одиночество, чѣмъ общество дурныхъ людей.

У выдающихся людей—и привычки особенныя.

Добрый совѣтъ—доброе дѣло.

Богъ презираетъ тиранящаго слугу своего.

Заплати работнику, прежде чѣмъ потъ на челѣ его испарится.

Если тебя обуялъ гнѣвъ—сядь пониже.

Тотъ паша достоинъ уваженія, который остается спокойнымъ и почтительнымъ, когда султанъ его отъ себя удаляетъ.

Къ вѣжливости нужно пріучаться съ дѣтства.

Красота заключается не въ красивой одеждѣ, а въ добромъ обращеніи.

Сдѣлай хорошему человѣку добро,—онъ будетъ признателенъ, а злой станетъ твоимъ врагомъ.

У каждаго человѣка два сосуда: въ одинъ онъ собираетъ ошибки ближнихъ, въ другой свои. Но выставляетъ онъ на видъ только первый.

Если считаешь себя правымъ—не кричи.

Кто не уважаетъ старость и не любитъ юность—того мы знать не должны.

Благо тому, кто такъ слѣдитъ за своими недостатками, что времени не имѣетъ замѣчать чужіе.

Остерегайся проклятій бѣднаго, это—гнетущая тягота.

Рай—жилище добродѣтельныхъ.

Человѣкъ — что дерево: оно даетъ плоды, пока за нимъ ухаживаютъ. Когда плоды сняты, оно забыто.

Корабль Колумба на всемірной выставкѣ въ Чикаго. Испанское правительство намѣрено послать на выставку точную копію каравеллы „Santa-Maria", на которой Христофоръ Колумбъ совершилъ свое первое путешествіе въ Америку. Корабль этотъ строится теперь на верфи Кадикса. Копіи двухъ другихъ каравеллъ „Пинты" и „Нины" уже изготовлены американцами. (г. в.)

Въ Лондонѣ въ настоящее время ночная полицейская стража каждую ночь задерживаетъ до 40 т. нищихъ и разныхъ бродягъ не знающихъ гдѣ голову приклонить.

Дочь, спасшая отца. Во время страшной рѣзни, происходившей въ Парижѣ 2-го и 3-го сентября 1792 г., среди возмутительнаго насилія, разыгрывались сцены самаго трогательнаго самоотверженія и преданности. Въ Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ, въ числѣ другихъ заключенныхъ въ августѣ, находился семидесятилѣтній старикъ, Шарль Веро де Сомбрейль, начальникъ инвалидовъ. Въ ту минуту, когда его хотѣли умертвить, онъ спасся отъ руки убійцъ, благодаря самоотверженной любви своей поразительно-прекрасной дочери Жермены. Убійцы, тронутые красотой молодой дѣвушки, обхватившей обѣими руками отца, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ, обѣщали пощадить старика, если Жермена поклянется въ „ненависти къ аристократамъ" и, въ подтвержденіе своей клятвы, осушить предлагаемый ей кубокъ.

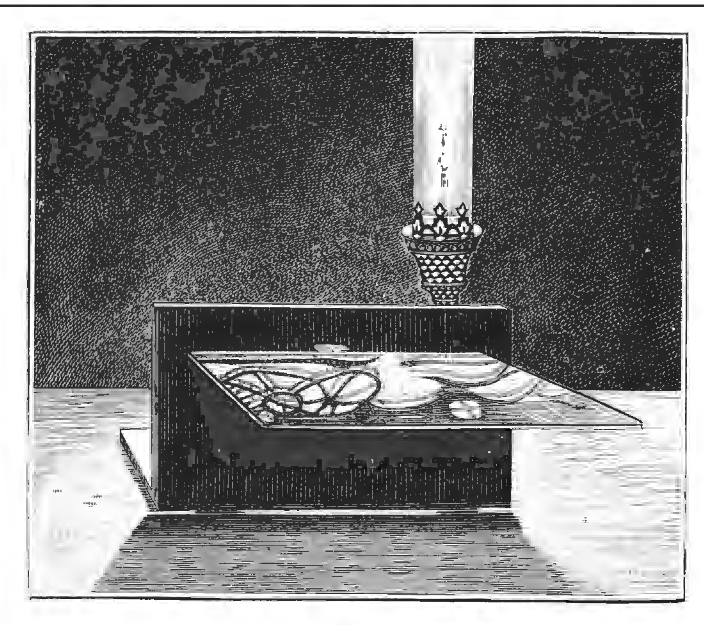
— Это ядъ? спросила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, это не ядъ, а похуже яда, отвѣчали ей;—это кровь умерщвленныхъ нашими руками аристократовъ. Гражданка Сомбрейль, осуши этотъ кубокъ и мы, въ награду за твое мужество, даруемъ тебѣ жизнь твоего отца.

Жермена быстро схватила кубокъ и залпомъ выпила его. Даже безчеловѣчные каннибалы были тронуты. Они подняли своими окровавленными руками упавшую безъ чувствъ дѣвушку и ея отца и понесли ихъ, при восторженныхъ кликахъ толпы, обратно въ домъ инвалидовъ. (с.)

О гробницѣ фараона Аменемха III, которую посѣтилъ г. Петри, въ иностранныхъ газетахъ пишутъ слѣдующее: Главную находку составляетъ алебастровый сосудъ, 18 д. длины, имѣющій форму ощипанной и готовой къ жаренью утки, съ надписью: „Царская дочь Птанефру". Затѣмъ, найдена превосходная алебастровая жертвенная доска, по краямъ которой вырѣзаны молитвы въ честь принцессы Птанефру. Самая же доска покрыта 110 рельефными изображеніями кувшиновъ, тарелокъ, чашекъ, кушаній, пирожныхъ, птицъ, зелени и т. п. Возлѣ каждаго кушанья вырѣзано его названіе, и такимъ образомъ получается полное меню трапезы покойниковъ, какое употреблялось за 2800 лѣтъ до Р. Хр. Замѣчательно, что у всѣхъ птицъ недостаетъ ногъ. Въ могилахъ найденъ г-мъ Петри осадокъ угля и кварца. Сверхъ того, имъ добыты изъ гробницъ разбитые сосуды великаго фараона, съ надписями, частью неизвѣстными, частью еще не разобранными. Вырытый г-мъ Петри туннель, посредствомъ котораго онъ проникъ изъ лабиринта въ гробницу, представлялъ большую опасность, а въ настоящее время, вѣроятно, уже обвалился и занесенъ пескомъ. (с.)

Китайскій телеграфъ. По издавна укоренившимся у китайцевъ привычкамъ, они вообще мало обращаютъ вниманія на разныя правительственныя предпріятія и относятся къ нимъ далеко не съ тѣмъ сочувствіемъ, котораго эти предпріятія заслуживаютъ. Такая же участь постигла и телеграфъ. Дороговизна его пугаетъ этотъ, вообще очень разсчетливый народъ, и потому до сихъ поръ телеграфъ въ Китаѣ служитъ только для коммерческихъ цѣлей богатыхъ купцовъ, а публика имъ почти не пользуется. Такъ одинъ путешественникъ англичанинъ, посѣтившій телеграфное бюро для отправки телеграммы, разсказываетъ: „послѣ долгихъ розысковъ удалось наконецъ найти „Тіенпао-шши" (молніеносное переговорное управленіе) въ дрожавшемъ отъ ветхости, двухъэтажномъ, жиломъ домѣ. Взобравшись по крутой, очень неудобной лѣстницѣ во второй этажъ, я вошелъ въ просторное



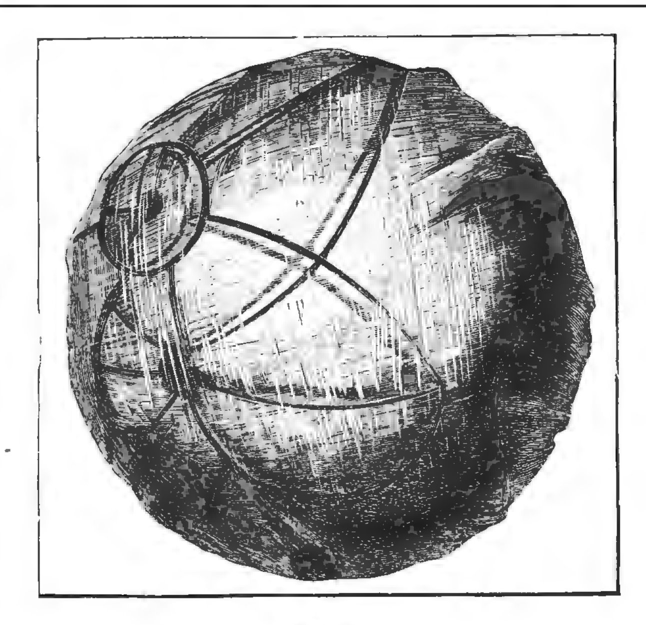


Рис. 1. Рис. 2.

Приборы для новаго объясненія раздвоенности каналовъ на планетѣ Марсъ.

Отзывы художниковъ и печати о главной преміи „Нивы“ на 1893 годъ—„Художественномъ Альбомѣ“.

ОТЗЫВЫ ХУДОЖНИКОВЪ:

С. Ѳ. АЛЕКСАНДРОВСКІЙ.

Вашъ художественный альбомъ, предназначенный въ качествѣ преміи *Нивы* на 1893 годъ, чрезвычайно интересенъ.

Уже предыдущіе Ваши альбомы отличались большимъ изяществомъ, но разсмотрѣвъ со вниманіемъ настоящій, я долженъ сказать, что, какъ воспроизведеніе хромолитографическое, — это верхъ совершенства.

За превосходную передачу моей акварели приношу Вамъ искреннюю мою благодарность.

А. К. БЕГГРОВЪ.

Акварель моя исполнена очень хорошо. Вообще, изданіе вышло разнообразное и изящное и будетъ имѣть большой успѣхъ.

И. Е. РѢПИНЪ.

Воспроизведеніе моего этюда, который Вы назвали „Гетманъ“, превосходно. Видно, что положены огромныя техническія средства и тщательный трудъ хорошихъ мастеровъ на выполненіе копіи...

К. А. ТРУТОВСКІЙ.

По моему мнѣнію, картины въ этомъ альбомѣ исполнены далеко лучше, чѣмъ въ прежнихъ двухъ альбомахъ. Исполненіе картинъ съ каждымъ годомъ совершенствуется.

Что касается до моей картины, то и она исполнена вполнѣ удовлетворительно.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„ДЕНЬ“, № 1606. Главная премія *Нивы* на 1893 г.—альбомъ изъ десяти картинъ, снимки съ произведеній лучшихъ русскихъ художниковъ. Всѣ картины одинаково хорошо исполнены, такъ что трудно которой-нибудь изъ нихъ отдать предпочтеніе. На предстоящій годъ это будетъ одна изъ лучшихъ премій при нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“, № 6018. Иллюстрированный журналъ *Нива* выпустилъ обычную премію своимъ подписчикамъ на 1893 г. На этотъ разъ премію составляетъ альбомъ изъ десяти хромолитографій съ акварельныхъ рисунковъ и картинъ извѣстныхъ художниковъ... Изъ этихъ хромолитографій, вообще прекрасно исполненныхъ, наиболѣе эффектны по краскамъ, по экспрессіи и по композиціи: К. Е. Маковскаго, И. Е. Рѣпина, А. К. Беггрова и Ганса Макарта.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“, № 309. Другія наши иллюстрированныя изданія тоже послѣдовали примѣру этого журнала и замѣнили аляповатыя олеографіи — художественными альбомами. Но всѣ они во многомъ уступаютъ преміямъ *Нивы*. Альбомы *Нивы* представляютъ большой интересъ въ смыслѣ развитія художественнаго вкуса читателя. На будущій 1893 годъ главная премія журнала *Нива*— это роскошный альбомъ, превосшедшій подобныя изданія предшествовавшихъ лѣтъ, заключающій въ себѣ десять прекрасно выполненныхъ и отпечатанныхъ на бристолѣ акварелей, по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ... Папка альбома превосходно исполнена акварелью художникомъ Н. Н. Каразинымъ.

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“, № 328. Альбомъ *Нивы* состоитъ изъ десяти очень хорошо исполненныхъ картинъ съ оригиналовъ извѣстныхъ художниковъ и представляетъ собою большое разнообразіе содержанія и характера живописи... Весь альбомъ представляетъ собою художественное украшеніе для стола всякаго любителя...

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“, № 262. Какъ мы ни предубѣждены вообще противъ всякихъ премій при нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, однако должны сознаться, что премія *Нивы* на слѣдующій годъ представляетъ собою далеко не то, что обыкновенно обѣщаютъ и даютъ своимъ подписчикамъ другіе хозяева другихъ иллюстрированныхъ изданій, зачатыхъ и рожденныхъ исключительно на почвѣ стяжательныхъ помысловъ и вожделѣній.

Г. Марксъ, надо правду сказать, большой знатокъ и мастеръ своего дѣла, поэтому какъ журналъ *Нива*, такъ и преміи къ нему выдѣляются изъ ряда другихъ подобныхъ изданій не только чистоплотностью, изяществомъ и безукоризненностью внѣшней стороны, но и устойчивымъ направленіемъ содержанія.

Премія *Нивы* на слѣдующій годъ и по внѣшности, и по выбору сюжетовъ, и по выполненію работъ представляетъ собою весьма пріятное явленіе. Она состоитъ изъ альбома прекрасныхъ акварелей, взятыхъ у извѣстныхъ профессоровъ и художниковъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ...

О внѣшней сторонѣ альбома, конечно, нечего и говорить. Давно извѣстно, что г. Марксъ дѣйствительно не щадитъ ни трудовъ, ни матеріальныхъ затратъ для того, чтобы доставить своимъ подписчикамъ, многочисленнымъ и разнообразнымъ, недорогое, пріятное и полезное семейное чтеніе. Поэтому мы смѣло можемъ рекомендовать *Ниву*, какъ городскимъ жителямъ, такъ и уѣзднымъ.

„ST.-PETERSBURGER ZEITUNG“, № 331. Воспроизведеніе оригиналовъ, съ точнымъ сохраненіемъ ихъ характера, безукоризненно до совершенства... Всѣ картины вложены въ картонную обложку съ рисункомъ Каразина... Мы можемъ только поздравить подписчиковъ *Нивы* съ пріобрѣтеніемъ такой великолѣпной даровой преміи, какъ и самого издателя, г. Маркса, съ блестящимъ успѣхомъ исполненія этого альбома въ его собственной мастерской.

„ST.-PETERSBURGER HEROLD“, № 332. Альбомъ, обѣщанный издателемъ старѣйшаго и самаго распространеннаго русскаго семейнаго журнала *Нива* своимъ многочисленнымъ читателямъ въ 1893 г., обращаетъ на себя всеобщее вниманіе прежде всего роскошно и художественно исполненною заглавною обложкою... Этотъ прелестный наружный видъ альбома совершенно соотвѣтствуетъ художественному его содержанію... Альбомъ *Нивы* можетъ служить украшеніемъ для стола каждой гостиной, а картины, вставленныя въ рамки, придадутъ прелестный видъ всякой комнатѣ...

помѣщеніе, въ которомъ, вначалѣ, отъ непривычной для глазъ полутемноты, ничего нельзя было разглядѣть; по мѣрѣ же того какъ предметы стали обрисовываться, я могъ разсмотрѣть, при слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ изъ маленькихъ оконъ, въ которыхъ стекла были замѣнены бумагою, что полъ былъ очень плохой, а потолокъ, выложенный сводомъ изъ кирпича,—безъ штукатурки. Въ одномъ углу, за пологомъ, помѣщалась кровать, освѣщенная небольшою лампочкою усерднаго курильщика опіума, въ другомъ — телеграфный сигнальный приборъ, прикрытый въ защиту отъ пыли и грязи шелковою тканью, и нѣсколько китайскихъ стульевъ съ крутыми высокими спинками. Кофръ и платяной шкафъ довершали всю меблировку. Щеголевато, въ шелковый костюмъ, наряженный китаецъ, лѣтъ тридцати, проворно вскочилъ съ постели и, радостно, громкими фразами привѣтствуя меня, просилъ сѣсть, а тутъ же находившійся восемнадцатилѣтній мальчикъ тотчасъ же поднесъ неизбѣжный чай. Но отправить телеграмму, безъ разрѣшенія Тао-шая или губернатора, находившагося въ разстояніи 40 англ. миль отъ этого бюро, телеграфный чиновникъ не имѣлъ права. Мальчикъ, ученый телеграфистъ изъ Шанхая, обязанъ былъ ежедневно передавать свѣдѣнія на слѣдующую станцію о состояніи телеграфной проволоки и въ этомъ заключалось все его занятіе, которое онъ исполнялъ двумя словами „All right". Другой, директоръ этого бюро, жаловался на большую скуку и, между прочимъ, очень горестно разсказывалъ, что однажды онъ „купилъ" у одного туземца-учителя англійскаго языка 2000 англійскихъ словъ, по 8 герм. марокъ за сотню—такъ онъ выразился,—а между тѣмъ употребляетъ только два слова: „All right," остальныя же 1998 онъ почти забылъ". (А.)

Благородное слово осужденной на смерть. Разсказываютъ, что Анна Болейнъ въ день казни писала Генриху VIII, своему бывшему супругу, слѣдующее: „Изъ простой фрейлины вы сдѣлали меня маркизой, изъ маркизы королевой, изъ королевы—дѣлаете

меня праведницей. Каждый разъ я васъ благодарила, благодарю и теперь." (в.)

Замѣчательное совпаденіе. Въ Луврѣ въ Парижѣ хранится собраніе различныхъ предметовъ, принадлежавшихъ Наполеону I, между прочимъ тетрадь географіи. Послѣднія слова, написанныя великимъ корсиканцемъ въ его ученической тетради, гласятъ:

„Св. Елена, небольшой островъ въ Атлантическомъ океанѣ."

Скорость передвиженія по желѣзнымъ путямъ достигаетъ теперь до невѣроятныхъ размѣровъ. Между Нью-Іоркомъ и г. Буффало, стоящемъ у истока Ніагары изъ оз. Эріэ, въ настоящее время находится въ обращеніи поѣздъ, дѣлающій 82 версты въ часъ; онъ пробѣгаетъ разстояніе въ 700 верстъ въ 8 час. и 28 минутъ. Поѣздъ состоитъ изъ четырехъ вагоновъ. Паровозы на четырехъ осяхъ съ двумя парами движущихъ колесъ съ діаметромъ почти въ сажень.

Новое интересное изданіе. Берлинское географическое общество собирается издать хранящіяся въ библіотекахъ древнія рукописи и карты, имѣющія отношеніе къ исторіи открытія Америки. Къ этому сочиненію будетъ приложенъ географическій атласъ изъ 35 большихъ картъ, изъ которыхъ 30 издаются впервые.

На всемірной выставкѣ въ Чикаго среди многихъ другихъ диковинокъ, устраиваемыхъ для привлеченія публики, будетъ показываться бассейнъ съ водою, посреди котораго будутъ возвышаться, конечно, въ миніатюрномъ видѣ, материки, острова и архипелаги нашей планеты, а сама вода съ помощью особыхъ приспособленій будетъ приводима въ движеніе, чтобы наглядно представить главнѣйшія теченія океановъ. (г. в.)

Подходящій отвѣтъ. По словамъ Вольтера, проживавшаго въ изгнаніи нѣкоторое время въ Лондонѣ, на вечерѣ, въ одномъ обществѣ, шла рѣчь о большой скупости герцога Мальбруга. Заинтересованный этимъ разговоромъ, одинъ изъ находившихся въ этомъ обществѣ обратился къ лорду Болингброку, принадлежавшему къ партіи противниковъ генерала, съ вопросомъ, какого онъ мнѣнія объ этомъ предметѣ „Онъ великій человѣкъ," послѣдовалъ отвѣтъ, „до того великій, что всѣ недостатки его я совсѣмъ забылъ..."

Реваншъ. Маршалъ Пелиссье († 1864) возвращался изъ дальней поѣздки съ женою и дочерью. Лошади были замучены и еле плелись. Раздосадованный маршалъ приказалъ ѣхать скорѣй. Кучеръ, старый солдатъ, покачалъ головою. Тогда Пелиссье ударилъ его палкой и сказалъ: „если я приказываю, ты долженъ слушаться."

Оскорбленный солдатъ обернулся и спокойно сказалъ маршалу: „Вы оскорбили меня напрасно, слѣзайте сейчасъ съ экипажа. (Дорога шла по горѣ, по бокамъ которой тянулись глубокіе овраги). Я повезу вашу жену и дочь. Если же вы не слѣзете, я опрокину экипажъ въ оврагъ." Въ глазахъ стараго солдата была такая рѣшимость, что маршалу ничего не оставалось, какъ вылѣзть и всю дорогу идти пѣшкомъ. (к.)

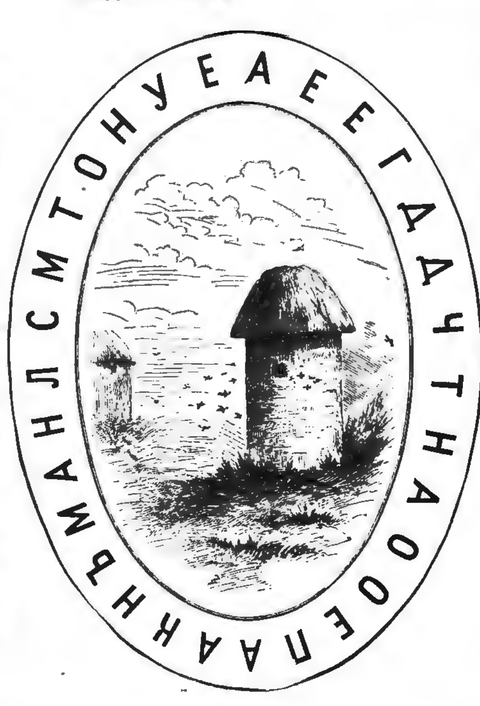
Памятникъ изъ стекла. Бартольди, знаменитый творецъ Американской статуи Свободы, въ настоящее время занятъ проектомъ памятника, который будетъ поставленъ на одной изъ площадей въ Парижѣ. Этотъ памятникъ въ честь храбрыхъ французскихъ воздухоплавателей, отличившихся въ франко-прусскую войну, изображаетъ воздушный шаръ, сдѣланный изъ стекла, въ желѣзной сѣткѣ, посрединѣ котораго находится сильная электрическая лампа. (к.)

СОДЕРЖАНІЕ:

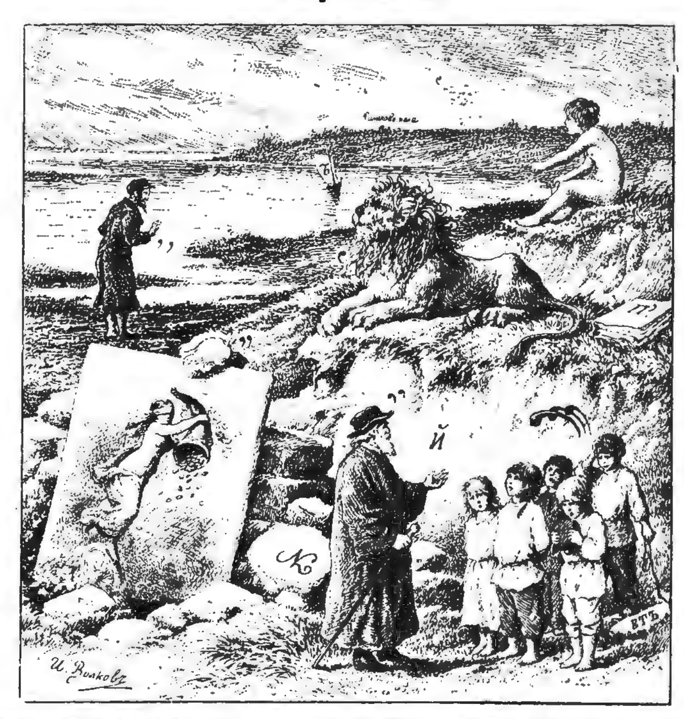
Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ князь **М. Н. Волконскій.**

Задача № 51.

Прочесть пословицу слѣдующимъ образомъ: принявъ за ея начало одну изъ буквъ, помѣщенныхъ въ овалѣ, и затѣмъ отсчитывая одинаковое число буквъ выписывать каждый разъ послѣднюю изъ нихъ, до тѣхъ поръ пока не останется въ овалѣ ни одной невыписанной буквы.



Ребусъ № 52.



№ 6039 12—8

Въ книжной торговлѣ специально для иногороднихъ А. Н. ПАНАФИДИНА
С.-Петербургъ, внутри Гостин. двора, 27.

ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ КНИГЪ

по всѣмъ отраслямъ науки, имѣющій въ себѣ 500 страницъ. № 6155 2—1
Ц. 40 к. съ перес. Выписывающіе съ налож. платеж. приплачиваютъ 10 к. за платежъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

XXXIV г. 1893 г.

ВѢСТНИКЪ

САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

Органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества Садоводства.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

подъ редакціею В. Н. КУТУЗОВА.

ПРОГРАММА

„Вѣстника Садоводства, Плодоводства и Огородничества“:

Статьи оригинальныя или переводныя о новыхъ или старыхъ, но замѣчательныхъ растеніяхъ, плодахъ и овощахъ.

Статьи практическаго содержанія о разведеніи или культурѣ растеній, плодовъ и овощей, какъ въ Россіи, такъ и за-границею.

Описаніе и культура растеній, годныхъ для содержанія въ жилыхъ комнатахъ.

Сообщенія о новыхъ открытіяхъ по садоводству, плодоводству и огородничеству.

Изобрѣтенія или усовершенствованія, относящіяся до садоводства.

Описаніе замѣчательныхъ садовыхъ заведеній русскихъ и иностранныхъ.

Хроника и мелкія извѣстія по садоводству, библіографическія замѣтки и т. п.

Вопросы, предлагаемые подписчиками, и отвѣты на нихъ (въ почтовомъ ящикѣ).

Отчетъ о дѣятельности Отдѣловъ Имп. Росс. Общества Садоводства.

Отчеты о засѣданіяхъ Имп. Россійскаго Общества Садоводства.

Годовой экземпляръ „Вѣстника Садоводства, Плодоводства и Огородничества“ составляетъ компактный томъ въ 36 лист. текста, съ 12 хромолитографіями и значительнымъ числомъ черныхъ рисунковъ.

Подписка принимается у казначея общества Э. И. Эндеръ (СПБ. Имп. Ботан. Садъ), въ конторѣ редакціи „Нивы“ (СПБ., Невск., № 6) и въ Помологическомъ саду д-ра Регеля и Кессельринга.

Для состоящ. на госуд. службѣ допускается подписка съ разсрочкой исключительно въ конторѣ Редакціи „Нивы“.

Подписная цѣна за годъ **8** руб., за 6 мѣс.—**4** руб. Для членовъ Имп. Росс. Общества Садоводства и его Отдѣловъ—**6** руб. съ доставк. или пересылк. На иные сроки подписка не принимается.

Статьи, сообщенія и вопросы, касающіеся до содержанія журнала, просятъ адресовать на имя редактора Василія Николаевича Кутузова, въ СПБ., Лѣсной Институтъ. № 6148

Относительно пріема подписки и объявленій, вообще всѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ, просятъ обращаться къ Э. И. Эндеру, СПБ. Имп. Ботан. Садъ.

Объявленія за страницу **10** р., полстраницы **6** р., четверть—**3** р. **50** к.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

на ежемѣсячный журналъ

„АРТИСТЪ“

(Годъ 5-й).

Въ журналѣ помѣщаются снимки съ картинъ преимущественно русскихъ художниковъ, портреты артистовъ и проч., исполненные

ГЕЛІОГРАВЮРОЙ, ФОТОТИПІЕЙ и ХРОМОЛИТОГРАФІЕЙ

романы, повѣсти и разсказы, статьи по искусству, воспоминанія артистовъ, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія для пѣнія и для ф.-п., корреспонденціи, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, режиссерскія указанія и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе гг.: **Вл. А. Александровъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, И. И. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Ц. А. Кюи, А. П. Ленскій, А. А. Луговой, К. Е. и В. Е. Маковскіе, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Вл. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, И. М. Прянишниковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, проф. Н. И. Стороженко, кн. А. И. Сумбатовъ, В. С. Сѣрова, проф. Н. С. Тихонравовъ, К. А. Трутовскій, П. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ** и друг.

„АРТИСТЪ“ съ приложеніемъ **„ДНЕВНИКА АРТИСТА“** выходитъ ежемѣсячно двѣнадцать разъ въ годъ. Съ сентября по апрѣль выходятъ книжки **„АРТИСТА“**, книжками отъ 30 до 40 листовъ, а съ апрѣля по сентябрь въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—**„ДНЕВНИКЪ АРТИСТА“**, книжками отъ 5 до 8 листовъ.

Подписная цѣна на годъ **10 р.**, съ пересылкой **12 р.**, за границу **14 р.**

Для лицъ подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится 4 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по **2** руб., „Дневника Артиста“ по **1** руб.

„Театральная Библіотека“ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній. Отдѣльные нумера **1** руб. Цѣна за томъ книжки) **3** р. Подписка (на годъ **3** руб., съ доставкой **4** р.) принимается **только** отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“. Разсрочка на „Артистъ“ и „Театральную Библіотеку“: при подпискѣ **5** руб. и ежемѣсячно по **3** руб.

Редакція и контора въ Москвѣ, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.

Издатель Ѳ. А. Куманинъ.

6149

РОСКОШНЫЙ РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ПОДАРОКЪ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.:

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

украшенные множествомъ оригинальныхъ рисунковъ и виньетокъ художника

К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Рисунки художника К. В. Лебедева, нашего извѣстнаго иллюстратора и большаго знатока русской художественной старины, представляютъ собою **24 эстампа на мѣди** и множество мелкихъ, въ высшей степени характерныхъ виньетокъ въ текстѣ, воспроизведенныхъ съ величайшимъ мастерствомъ совершеннѣйшими изъ современныхъ способовъ передачи художественнаго рисунка. Авторомъ книги, **П. Н. ПОЛЕВЫМЪ**, глубокимъ знатокомъ нашего историческаго прошлаго, въ этой книгѣ собраны лучшіе изъ его историческихъ разсказовъ и повѣстей, живописующихъ домашній бытъ, нравы, обычаи и семейную жизнь нашихъ предковъ. Каждая страница этихъ разсказовъ проникнута яснымъ пониманіемъ характеровъ и типовъ древней Руси и вполнѣ искреннимъ желаніемъ возвеличить имена тѣхъ дѣятелей, которые являлись горячими защитниками православія и русской народности... На стр. 1144 и 1145 этого № помѣщены нѣсколько виньетокъ, которыя даютъ маленькое понятіе о высоко-художественномъ исполненіи рисунковъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ.

Цѣна этой книги, въ виду ея значительнаго объема (болѣе 450 стр., большаго 8°) и роскошнаго изданія, назначается нами весьма умѣренная: **5 р.**, съ пересылкою **5 р. 80 к.**; въ красивомъ переплетѣ **6 р.**, съ пересылкою **7 руб.**

Для любителей роскошныхъ изданій мы напечатали особо „50 нумерованныхъ экземпляровъ" на **голландской** бумагѣ. Въ этихъ экземплярахъ всѣ 24 эстампа на мѣди отпечатаны на китайской бумагѣ. Цѣна этихъ нумерованныхъ экземпляровъ **25 руб.**, съ пересылкою **26 руб.**; въ роскошномъ полушагреневомъ переплетѣ **28 руб.**, съ пересылкою въ ящикѣ **30 руб.**

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40 | **Москва,** Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина

рекомендуетъ въ большомъ выборѣ, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго достоинства,

СКРИПКИ

по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., $1\frac{1}{2}$, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.

Футляры для скрипки по $3\frac{1}{2}$, 5, 7, 10, 15, 25, 40 и 60 р.

СТРУНЫ, канифоль и всѣ другія принадлежности.

Скрипки $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ величины для дѣтей по тѣмъ-же цѣнамъ какъ и больш.

Альты по 6, 12, 20, 30, 50, 75 и 100 р.

Смычки для альта въ 2, 4, 6, 10 и 15 р.

ВІОЛОНЧЕЛИ

по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 руб.

Смычки для віолончели по 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 р.

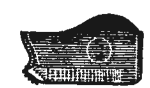
Контрабасы по 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.

Смычки для нихъ по 2, 3, 5 и 10 р.

ГИТАРЫ

по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.

(Гитары отъ 7 р. и дороже имѣютъ механизмъ для струнъ).

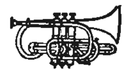


ЦИТРЫ

по 8, 12, 20, 40, 60, 80, 100 и 150 р.

МАНДОЛИНЫ

по 10, 20, 30, 50, 75, 100 и 125 р.



КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЫ

по 12, 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 р.

КОРНЕТЫ

въ 50, 60, 75 и 100 р. собственной фабрики, въ 90, 150 и 250 руб. извѣстнѣйшей фабрики Куртуа.

ФЛЕЙТЫ

по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и до 160 р.

Отъ 60 р. и дороже собственной фабрики.

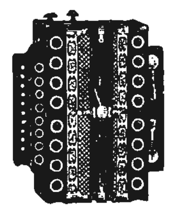
Пиколо-флейты по $1\frac{1}{2}$, 3, 5, 6, 10 и 20 р.

Въ 20 р. собственной фабрики.

КЛАРНЕТЫ

по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 руб.

Отъ 45 р. и дороже собственной фабрики.



ГАРМОНІИ

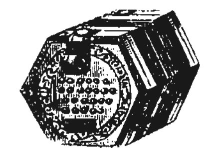
фабрики Кальбе, лучшія въ мірѣ:

Однорядныя въ 4, 5, $5\frac{1}{2}$, 6, 7, $7\frac{1}{2}$, 8, $8\frac{1}{2}$, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 руб.

Двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28, 30 р. и вѣнскія въ 22 руб.

Трехрядн. въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.

Губныя гармоніи по 30, 50 к., 1 р. и дор.



АНГЛІЙСКІЯ КОНЦЕРТИНО

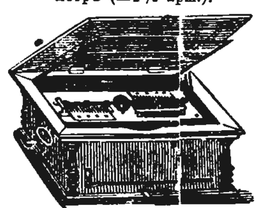
по 24, 30, 40, 55, 70, 85, 100, 125, 140, 160, 200 и дороже.

НАРОДНЫЙ ГАРМОНИФЛЮТЪ

въ 5, 17 и 23 р.

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Механическій музыкальный инструментъ со струнами, оригинально пѣвучій тонъ, похожій на тонъ оркестра изъ мандолинъ. Цѣна безъ нотъ 80 р. Ноты по 70 к. за метръ (=$1\frac{1}{2}$ арш.).



СИМФОНІОНЫ

Съ ручной, безъ нотъ 6 р. Ноты по 35 к.

Заводной, 40-тонн., безъ нотъ 16 руб. Ноты по 35 к.

Заводной, 60-тонн., безъ нотъ 30 руб. Ноты по 60 к.

Заводной, 81-тонн., безъ нотъ, 45 руб. Ноты по 75 к.

Заводной, 84-тонн., „Sublime Harmonie", безъ нотъ 80 р. Ноты по 1 р.

Заводной, 100-тонный, „Sublime Harmonie Piccolo", безъ нотъ 125 р. Ноты по 1 р. 50 к.

Новость! Часы съ музыкой

(съ механизмомъ 100-тонн. симфоніона), безъ нотъ, 250 р. Ноты по 1 р. 50 к.

ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

Изданія А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,

съ портретомъ автора, гравированн. на стали, и факсимиле.
☞ Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошн. коленкор. перепл. съ золот. тиснен.— 8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе

ГЁТЕ
„ФАУСТЪ"

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,

исполненными знаменитыми граверами: Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., для подписчиковъ „Нивы" 35 р., пересылка за 35 фунт. по разстоянію.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,
въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 р., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы" 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, въ СПБ.

Новѣйш. механ. инстр. со струнами 80 р. Ноты за метръ ($1^1/_2$ арш.) по 70 коп.
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ 60 руб.
Ноты по 1 р. 20 к. и дороже.
ГЕРОФОНЫ 25 р. АРИСТОНЫ 20 р.
Ноты къ нимъ за каждую пьесу по 50 к.
СЕРАФИНЫ 14 руб. Ноты къ нимъ за каждую пьесу по 35 коп.

АРИСТОНЪ-МАЛЮТКА
безъ пьесъ 6 руб.
Пьесы за каждую по 20 к.
Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ—безплатно.
Каталогъ нотъ для механическихъ инструментовъ—безплатно. Ц. № 6068 3—2

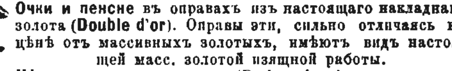
САРПИНКА И САРПИНСКАЯ ЧЕСУЧА

8—1 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ. Ц. № 6160

Пересылку тканей по заказамъ фирма принимаетъ **на свой счетъ.** | Альбомъ съ образцами высылается по требованію **безплатно.**

Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ", въ Пассажѣ.

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1848 года.
☞ БЕРЕГИТЕ ВАШИ ГЛАЗА! ☜
Экономія съ изяществомъ.



Очки и пенсне въ оправахъ изъ настоящаго накладнаго золота (Double d'or). Оправы эти, сильно отличаясь въ цѣнѣ отъ массивныхъ золотыхъ, имѣютъ видъ настоящей масс. золотой изящной работы.

Цѣна съ перископическими (Periscopique) стеклами, высшаго качества, шлифованными согласно научнымъ вычисленіямъ, съ провѣреннымъ правильнымъ фокусомъ, укрѣпляющими зрѣніе, съ пересылкой 4 руб. Оправа изъ французскаго золота 3 руб., изъ чистаго никелина 2 р. 50 к.—высыл. наложен. платеж.

При заказахъ обозначать, какія требуются стекла, для близорукаго или дальнозоркаго, на какомъ разстояніи заказчикъ ясно разбираетъ предметы, употреблялись-ли имъ уже ранѣе стекла, то какой № и сколько лѣтъ?

Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ-механикъ, г. Варшава, Королевская ул., № 49—8.
Прейсъ-курантъ безплатно. № 6156

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія.

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Шведскій зубной эликсиръ . . фл. 80 к
Шведскій зубной порошокъ . кор. 50 к
Шведская зубная паста . . . кус. 30 к
Шведская амикосовая вода . фл. 75 к

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. СПБ
Парфюмеръ І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Магазинъ обуви Н. В. Сизякова

2—1 существ. съ 1870 г. № 6153

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, Перинная линія, № 16. Постоянно большой выборъ готовыхъ форменныхъ сапогъ, мужской, дамской и дѣтской обуви, резиновыхъ галошъ и дорожныхъ вещей, а также пріемъ заказовъ. Извѣстный своею доброкачественностью и прочностью работы товаръ изящнаго фасона
СХОДНЫЯ ЦѢНЫ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. За условіями обращ. письменно: Генрихъ Блоккъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59. 10—2

Ц. № 5917 6—6

РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, пріобрѣло большую извѣстность.

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Отдѣльные нумера продаются въ редакціи по 6 коп.

О ПОДПИСКѢ
НА

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"
въ 1893 году.

„Правительственный Вѣстникъ"—оффиціальная газета, общая для всѣхъ Министерствъ и Управленій, издаваемая по Высочайшему повелѣнію съ 1869 года при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, будетъ выходить, по прежней программѣ, и въ 1893 году. Во исполненіе программы, распредѣленіе текста слѣдующее: **Придворныя извѣстія и церемоніалы.—Отдѣлъ дѣйствій Правительства:** Высочайшіе Манифесты; Именные Высочайшіе указы и повелѣнія, договоры съ иностранными державами; Высочайшіе рескрипты, грамоты, награды и приказы; указы и опредѣленія Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената; приказы по разнымъ вѣдомствамъ; распоряженія, объявляемыя Правительствующему Сенату Министрами и Управляющими Министерствами; циркуляры; положенія, правила, вѣдомости, росписанія, таксы, и проч. Правительственныя сообщенія. — **Отдѣлъ внутренній:** Извѣстія о Высочайшихъ Особахъ и столичныя; извѣстія изъ губерній и областей; разныя извѣстія по всѣмъ выдающимся вопросамъ; мелочи.— **Фельетонъ:** Статьи, составленныя по оффиціальнымъ источникамъ; статьи оригинальныя, заимствованныя или переработанныя, взятыя изъ правительственныхъ, ученыхъ, земскихъ и частныхъ изданій, по предметамъ государственной, общественной, научной, экономической и литературно-художественной дѣятельности.—**Телеграммы.—Иностранныя извѣстія.—Свѣдѣнія и распоряженія по дѣламъ печати.—Извѣщенія.—** Биржевой указатель. — Метеорологическій бюллетень. — **Казенныя и частныя объявленія.**—„Правительственный Вѣстникъ" выходитъ ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	Безъ дост. въ конт. редакціи.	Съ дост. на домъ въ СПБ. и съ пер. въ др. мѣста Импер.	За границу: Въ государства Всеобщаго Почтоваго Союза.
На годъ	10 р. — к.	12 р. — к.	18 р. — к.
„ 11 мѣсяцевъ . .	9 „ — „	11 „ 50 „	16 „ 50 „
„ 10 „ . .	8 „ 25 „	11 „ — „	15 „ — „
„ 9 „ . .	7 „ 50 „	10 „ — „	13 „ 50 „
„ 8 „ . .	6 „ 75 „	9 „ — „	12 „ — „
„ 7 „ . .	6 „ — „	8 „ — „	10 „ 50 „
„ 6 „ . .	5 „ 25 „	7 „ — „	9 „ — „
„ 5 „ . .	4 „ 50 „	6 „ — „	7 „ 75 „
„ 4 „ . .	3 „ 75 „	5 „ — „	6 „ 50 „
„ 3 „ . .	3 „ — „	4 „ — „	5 „ 25 „
„ 2 „ . .	2 „ 25 „	3 „ — „	4 „ — „
„ 1 „ . .	1 „ 25 „	2 „ — „	2 „ 25 „

Подписка принимается исключительно въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, у Чернышева моста.

Примѣчаніе. При годовой подпискѣ газета высылается съ 1-го января, а при подпискѣ мѣсячной—съ 1-го числа того мѣсяца, на который сдѣлана подписка. № 6157

Отдѣльные нумера продаются въ редакціи по 6 коп.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
Косметическіе спермацетовые,
(4) личные № 5898

УТИРАЛЬНИКИ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе двухъ пач. 2 руб., 4 пачки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ—красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская ул., № 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.—Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Ш. № 5922 20—19

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ на 1893 г. съ доставкою и пересылкою **4 руб. въ годъ за 12 книгъ.**
Годъ 3-й. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. Подробное объявленіе высылается по требованіямъ немедленно, БЕЗПЛАТНО, а пробный № за 35 коп. марками.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С. ПЕТЕРБУРГѢ. въ Редакціи, Верейская, 16, соб. и въ Конторѣ. Гостиный Дворъ. Магазинъ Пантелеева, № 63.
№ 6015 10—

Подробное объявленіе высылается за 6 двухкопѣечныхъ марокъ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
1893 годъ. ежемѣсячный Изд. годъ 3-й.
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МУЗА"

Музыкальный журналъ „МУЗА" будетъ выходить 20-го числа каждаго мѣсяца тетрадями нотъ въ 30—34 страницъ большаго формата.

„МУЗА" помѣщаетъ на своихъ страницахъ пьесы для фортепіано въ 2 и 4 руки, романсы, танцы, дѣтскія пьески и пѣсенки, сочиненія для скрипки, для віолончели, народныя пѣсни и мн. др.

„МУЗА" печатаетъ исключительно сочиненія, имѣющія безспорное значеніе въ музыкальномъ отношеніи и по красотѣ мелодій представляющія наибольшій интересъ для каждой музыкальной семьи.

„МУЗА" имѣетъ дѣтскій отдѣлъ, назначенный служить пособіемъ при музыкальныхъ занятіяхъ съ дѣтьми.

Одновременно съ первою тетрадью музык. журнала „МУЗА", гг. подписавшіеся на 1893 годъ получатъ
РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ:
АЛЬБОМЪ ОПЕРНЫХЪ ФАНТАЗІЙ
подъ заглавіемъ № 6118

„ОПЕРА ВЪ САЛОНѢ"

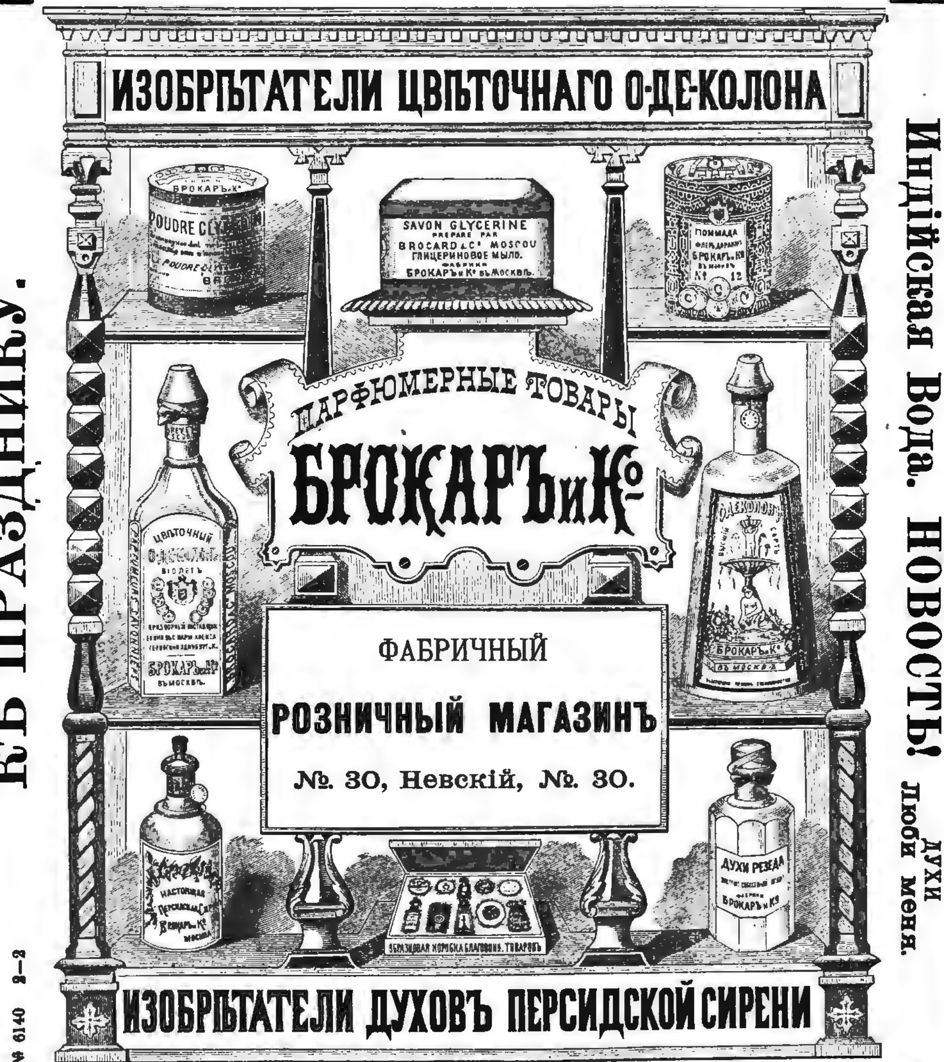
безплатно. 3—3
За прежніе годы всѣ экз. „МУЗЫ" распроданы.
Подписная цѣна въ годъ. . 4 р. 50 к.
Съ доставкою и перес. . . 5 р. 50 к.
ПОДПИСКА принимается у А. Битнера.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 23.

НОВАЯ КНИГА:
СПУТНИКЪ
МЕЛЬНИКА-МЕХАНИКА.

Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владѣльцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Сочиненіе С. Нотовича. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб. 50 к., въ кожаномъ — 3 р. 75 к., безъ переплета 3 р. Иногородные адресуютъ: Въ складъ мельничныхъ машинъ С. Нотовича въ Одессѣ, Базарная, № 66. Книга поступила также въ продажу въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" и др.

Ц. № 5933 20—5

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОДАРКОВЪ
КЪ ПРАЗДНИКУ.
№ 6140 2—2



НОВОСТЬ! для пульверизаціи въ комнатахъ
Индійская Вода. НОВОСТЬ!
ДУХИ Люби меня.

ПАВЕЛЪ БУРЕ В. № 5901 12—11
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ БЕРЛИНЪ, Егерштрассе, 46,
рекомендуетъ какъ новѣйшее произведеніе высшаго качества и въ богатой упаковкѣ парфюмерію

„BOUQUET RUSSE".

Духи — ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА. — Саше.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ и у дрогистовъ. № 5505 (19)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПРОДАЖУ:

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ,

ИЛИ МИНУТЫ ДУХОВНАГО ТРЕЗВЕНІЯ и СОЗЕРЦАНІЯ, БЛАГОГОВѢЙНАГО ЧУВСТВА, ДУШЕВНАГО ИСПРАВЛЕНІЯ и ПОКОЯ въ БОГѢ, ИЗВЛЕЧЕНІЕ изъ ДНЕВНИКА протоіерея
ІОАННА СЕРГІЕВА (КРОНШТАДТСКАГО).

Изд. 3-е съ прибавленіемъ Системат. Указателя, съ автограф. и портр. автора, снятымъ съ натуры, спеціально для этого изданія исполненнымъ фототипіею Фишеръ въ Москвѣ. Въ 2-хъ т. М. 92 г. Ц. за 2 тома 2 руб. 50 коп., въ корешковомъ перепл. 3 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ 3 руб. 50 коп.

Слово о зернѣ пшеничномъ.

О. Іоанна Сергіева; съ портр. автора. М. 92 г. Почтой выс. на 1 р. 40 экз., на 2 р.—100 экз. Поступило въ продажу 5-е дополн. изд., необходимое для сельскихъ жителей, которые не могутъ прибѣгать къ врачу и аптекѣ.

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ ДОМАШНІЙ ЛѢЧЕБНИКЪ. Практическое руководство КЪ САМОСОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ И ПРОДЛЕНІЮ ЖИЗНИ ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ. Предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней: наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыхъ и заразительныхъ и ихъ лѣченіе испытанными и врачебными средствами, безъ помощи врача и аптеки, по правиламъ аллопатіи, гомеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Болѣе 3000 рецептовъ лѣкарствъ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). ПОЛНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ КУРСЪ МЕДИЦИНЫ. 5-е знач. дополненное изданіе, въ 2 частяхъ, съ 150 рисунк., общедоступно изложен. *Д-мъ Андреевскимъ*, 1120 стран. убористаго шрифта. М. 93 г. Ц. 3 р., въ кореш. 3 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 4 р. Предлагаемая книга (еще 1-е изданіе) *удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ.* На почт. перес. просимъ прилагать 20 к. на рубль.

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА НА 1893 ГОДЪ,
съ 72 портрет. русск. публицистовъ, критиковъ и журналистовъ, множ. рис., прилож. и 2 карт. (Европ. Россіи и Вел. Сибирской ж. д.) содержитъ въ себѣ всевозм. справ. свѣд. ц. 15 к., съ перес. зак. банд. 28 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: въ МОСКВѢ, Никольская ул., рядомъ съ Ремесл. Управой, у книгопродавца А. Д. СТУПИНА.
Продается и въ С.-Петербургѣ у книгопродавца И. Л. Тузова. № 6158

XVIII годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА XVIII годъ
НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОЗА"

ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ
ТРИ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

1-ая „РУССКАЯ ЛИРА", сборникъ стихотвореній извѣстныхъ русскихъ поэтовъ и поэтессъ, въ золотомъ тисненномъ коленкоровомъ переплетѣ.
2-ая (главная) „ПѢСНИ О КОЛОКОЛѢ", Шиллера, съ превосходными иллюстраціями извѣстнаго художника Лиценъ-Майера.
3-ая КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ" НА 1894 г. съ рисунк., виньетк. и каррикатурами.

Въ теченіе года въ текстѣ журнала появятся два новыхъ отдѣла: „ЗАКОНЫ СВѢТА" Usages du monde, соч. баронессы Стофъ, съ юмористическими примѣчан. редакціи и „Юмористическая философія Стрекозы", составленная по всемірнымъ источникамъ.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою въ С.-Петербургѣ 9 руб., съ пересылкою во всѣ города 10 руб., за границу 12 руб. № 6183 3—2

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“, изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1892 годъ, по показанному образцу, 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.

Ч. ГОФМАНЪ.

Русско-Американская

багетная и рамочная фабрика.

С.-Петербургъ.

Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5966 (14

№ 6165 2—1

МЫЛО

ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ

ПРОВИЗОРА

А.М.ОСТРОУМОВА

КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

ВАЖНО по своей практичности и удобству, эластичные вязаные кальсоны без внутренняго шва.

Особенно рекомендую для верховой ѣзды. Цѣна: крученые въ 2 нитки 1 р. 50 к., въ 3 нитки 1 р. 75 к., въ 4 нитки по 2 р. за каждые.

Въ спеціальномъ магазинѣ бѣлья

Ц. № 6143 **Ю. ГОТЛИБЪ,** (2)

С.-Петербургъ, по Владимірской, уголъ Невскаго пр. Пересылка за каждыя 3 штуки 1 р., по Азіатской Россіи 1 р. 75 к. Менѣе 3-хъ штукъ не высылается. При пересылкѣ необходима мѣра пояса и длина.

ПИШУЩАЯ МАШИНА 25—6

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 5998

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

РОСКОШНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

23 декабря 1892 г. поступитъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1892 г.

заключ. въ себѣ массу гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ множества романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, популярно-научныхъ статей и между прочимъ слѣдующихъ капитальныхъ произведеній: „Изъ приключеній Горунина въ Италіи“, разск. А. Н. Майкова, „Служитель Бога“, истор. ром. въ 2 част. Гр. Е. А. Саліаса, „Стратонъ Стебельцынъ“, пов. С. Н. Терпигорева (С. Атавы), „На берегахъ Невы и Темзы“, больш. ром. В. П. Желиховской, „Дора“, пов. Вас. И. Немировича-Данченко, „Зѣло досадительное дѣло“, больш. истор. разск. П. Н. Полевого, „На Синеморскихъ буграхъ“, ром. В. П. Желиховской, „Тюленій островъ“ (драма на морѣ) А. Я. Максимова и проч., и проч.

Къ этому тому безплатно прилагается:

1) Двѣнадцать большихъ книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, состоящихъ изъ роман., повѣст., разск., стихотв., научн. статей и между прочимъ слѣдующихъ выдающихся произведеній: „Май мѣсяцъ въ Петербургѣ“, очеркъ И. А. Гончарова, „Городъ и деревня“, пов. Д. В. Григоровича, „Соломонія Сабурова“, ист. разск. Сизова, „Шарикъ“, разск. Г. П. Данилевскаго, „Другъ друга не поняли“, разск. Н. Д. Маслова, „Какъ они разошлись“, разск. Вас. И. Немировича-Данченко, „Борисъ Кутлинскій, пов. кн. М. Н. Волконскаго, „Исторія двухъ зипуновъ“, разск. П. Н. Полевого, „Умники“ пов. П. Д. Боборыкина, „Такіе дни“, разск. гр. Е. А. Саліаса, „Сорвалось“, разск. И. Н. Потапенко, „Юдоль“, рапсодія Н. С. Лѣскова, „У отца Іоанна Кронштадтскаго“, разск. И. Щеглова, „Довѣренное лицо“, разск. кн. М. Н. Волконскаго и пр. Стихотворенія: А. Александрова, В. Величко, Д. Мережковскаго, К. Фофанова и др. Научная лѣтопись, задачи, игры, библіографія, смѣсь и пр.

Четыре изъ этихъ книгъ заключаютъ въ себѣ полныя собранія сочиненій: **И. И. Козлова, А. С. Грибоѣдова, А. И. Полежаева и А. В. Кольцова.**

Каждое собраніе сочиненій издано въ видѣ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ томовъ, съ портретами авторовъ, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

2) Художественный альбомъ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ: **10 КАРТИНЪ,** исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: Айвазовскаго, Бенуа, Боголюбова, Дмитріева-Оренбургскаго, Зихеля, Котляревскаго, Кошелева, Лагоріо, Маковскаго, Навозова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 7½ вершк. ширины. Картины выдаются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью акад. С. Александровскаго.

3) **12 №№** ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

4) **12 ЛИСТОВЪ** ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Цѣна полному экземпляру „НИВЫ“ со всѣми приложеніями 5 р. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 22 фунта по почтовой таксѣ. Желающіе имѣть изданіе въ роскошн. коленкор. переплетахъ, благоволятъ сверхъ этого прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“ 1 р. 50 к. и за 7 перепл. на „Сборникъ“ (3 переплета „Сборника“) и сочиненія Козлова, Грибоѣдова, Полежаева и Кольцова (4 переплета) 1 р. 75 к. Пересылка переплетенныхъ экземпляровъ производится въ ящикахъ, за которые взимается по 75 к. Такимъ образомъ переплетенный экземпляръ „НИВЫ“ за 1892 г. со всѣми приложеніями, въ ящикѣ, обойдется 9 р. Пересылка на счетъ заказчика.

Поступило въ продажу для дѣтей и юношества НОВОЕ ИЗДАНІЕ

Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА

въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой.

1) Певериль-Пикъ.—2) Пертская Красавица.—3) Пиратъ.—4) Аббатъ.—5) Монастырь.—6) Пресвитеріане.—7) Карлъ Смѣлый.—8) Обрученные.—9) Ричардъ-Львиное Сердце.—10) Черный Карликъ. Mt. № 6163

Въ 1891 году была выпущена первая серія романовъ Вальтеръ-Скотта:

1) Веверлей.—2) Антикварій.—3) Робъ-Рой.—4) Айвенго.—5) Астрологъ.—6) Квентинъ Дорвардъ, — 7) Вудстокъ.—8) Замокъ Кенильвортъ.—9) Ламермурская невѣста.—10) Легенда о Монтрозѣ.

Въ каждой книжкѣ отъ 10 до 25 рисунковъ. — Цѣна каждаго изъ перечисленныхъ романовъ 40 коп., въ папкѣ 50 коп. Въ роскошныхъ переплетахъ можно пріобрѣсти только сборники по 5 романовъ вмѣстѣ. Цѣна каждаго сборника 2 руб. 80 коп. Складъ въ книжн. магазинѣ П. В. Луковникова, СПБ., Лештуковъ пер., № 2.

1 ЗАЕМЪ

съ выигрышами, 2 января тиражъ, продаетъ за наличныя и съ разсрочкою платежа,

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

59, НЕВСКІЙ, СПБ. № 6108 5—4

ВАЖНОЕ ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ

КАШЛЕМЪ.

Карамель изъ травъ „Нетти Боссъ“ продается исключительно въ аптекахъ и аптечныхъ магазинахъ. № 6132 (2)

Б. А. СЕМАДЕНИ, Кіевъ.

ФОТОГРАФІИ.

Студіи, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — Самая большая и прекраснѣйшая коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая посылка высылается за 5 р. Катал. по 20 к. Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Hauptpostfach. Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (6)

Только что вышло изъ печати изданіе А. О. Башкова: Кислова

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ КНИГА по хозяйству.

На каждый мѣсяцъ таблица съ указаніемъ дней и главнѣйшихъ статей прихода и расхода по хозяйству. — Общій счетъ за весь годъ.—Неприсутственные дни.—Листокъ для отмѣтки дней.—Памятный листокъ.

ЦѢНА: въ папкѣ . . . . 30 к.
въ коленк. изящн. переплетѣ. 50 к.

Складъ у А. О. Башкова, Невскій, 104.

Получать можно: въ главнѣйшихъ писчебумажныхъ и книжныхъ магазинахъ.

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРКИ.

Скоропечатная машина со шрифтомъ 15 р. ◆ Англійская пишущая машина 8 р. ◆ Каучуковые штемпеля по заказу 1 р., 1 р. 50 к., 2 р. и т. д. ◆ Земной глобусъ, укладывающійся въ карманъ 4 р. ◆ Барометръ-картинка измѣняющая цвѣтъ по погодѣ 1 р. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Заказы высылаются немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 к. марку

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ИЗЪ ОЧИЩЕН. ВОДКИ ДОМАШНИМЪ ПРОСТЫМЪ СПОСОБОМЪ РАЗНЫХЪ НАПИТКОВЪ *ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПО ВКУСУ И ДЕШЕВИЗНѢ*

1. Англійская горькая на 1 бут.	10 к.
2. Желудочная	10 „
3. Анисовая	10 „
4. Травникъ	10 „
5. Полынная (абсентъ)	15 „
6. Хинная	15 „
7. Померанцевая	15 „
8 Ерофеичъ (старин.)	30 „
9. Мятная } Новость	15 „
10. Лимонная } Новость	15 „
11 Рябиновая наливка	15 „
12. Вишневая наливка	15 „

Для приготовленія ликеровъ замѣняющихъ по вкусу лучшія заграничныя марки:

51. Бенедиктинъ (Монахоръ) за бан. 75 к

52. Розов., бан. 75 к.	55. Чайный, бан. 75 „
53. Мараскинъ. 75 „	56. Абрикотинъ. 75 „
54. Шартрезъ. 75 „	57. Ванильный. 75 „

Продажа и представ. при конторѣ аптек. и кондит. принадлежн. П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2. Выписывающ на 5 р. и болѣе въ Европ. Россіи, за пересылку не платятъ.

Ц. № 6161

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. **КИНУНЕНЪ**

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.

Главный складъ: С.-Петербургъ. Демидовъ пер., д. № 1. № 5976 (9)

Дозвол. цензур., СПБ., 16 декабря 1892 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 3 Ноября 1892 г.
Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческ. № 1.

Картонная звѣзда.

На высокую елку прикрѣпили, на самый верхъ ея, большую картонную звѣзду. Звѣзда была оклеена золотою бумагой и очень гордилась этимъ.

— Смотрите, какая я! говорила она, очутившись у самаго потолка и глядя на все окружающее сверху внизъ.

Восковыя свѣчи тоже гордились. Онѣ были сдѣланы изъ чистаго воска. Яблоки и груши старались дать понять, что они заграничные плоды и привезены издалека. Грецкіе орѣхи, облѣпленные сусальнымъ золотомъ, считали свое общество чрезвычайно блестящимъ. Но звѣзда превосходила всѣхъ своимъ высокомѣріемъ, потому что она была поставлена раньше и выше всѣхъ.

Потомъ вокругъ нея стали вѣшать свѣчи, яблоки, золотые орѣхи и красивые картонажи. Все это, какъ казалось ей, было компаніей если не совсѣмъ подходящею для нея по достоинству, то во всякомъ случаѣ терпимою.

И вдругъ рядомъ съ ней очутилась простая, маленькая деревянная коробочка.

Такое сосѣдство такъ обидѣло картонную звѣзду, что она сейчасъ-же покоробилась.

— Вы бывали когда-нибудь рядомъ съ такой невзрачной коробочкой? спросила она у грецкаго орѣха.

— Никогда! отвѣчалъ тотъ.

Цѣлый день съ утра убирали елку.

Коробочка все время молчала и будто не замѣчала намековъ, сыпавшихся кругомъ на ея счетъ.

Наконецъ зажгли елку. Открыли двери комнаты, въ которой стояла она, и впустили гостей. Сначала вошли взрослые; потомъ вбѣжали дѣти.

Дѣти запрыгали вокругъ елки, хлопая въ ладоши. Они не знали на что смотрѣть и чѣмъ любоваться... Имъ были приготовлены подарки на особыхъ столахъ. Они кинулись къ подаркамъ, потомъ—опять къ елкѣ...

— Папа, папа, кричалъ маленькій Гриша, сынъ хозяина дома,—сними мнѣ вонъ ту лошадку...

„Странно, подумала звѣзда, какъ это онъ не попросилъ, чтобы *меня* сняли для него. Впрочемъ онъ слишкомъ еще малъ, чтобы понимать прекрасное“.

Вслѣдъ за Гришей дѣти стали наперерывъ просить, чтобы имъ сняли то то̀, то другое изъ висѣвшихъ на елкѣ украшеній.

Но звѣзду, однако, не трогали.

„Неужели, снова подумала она,—мой блескъ производитъ на нихъ такое впечатлѣніе, что они не смѣютъ заикнуться обо мнѣ?..“

— Папа, сними мнѣ звѣзду... сказалъ въ это время Гриша.

„У этого мальчика есть вкусъ!“ рѣшила звѣзда и выпрямилась. Она была довольна. Ее сняли и отдали Гришѣ. Онъ приколол ее себѣ на грудь, и всѣ нашли это отличнымъ.

„Еще-бы!“ усмѣхнулась звѣзда...

— Ну, а тебѣ что снять? спрашивалъ отецъ Гриши бѣднаго мальчика, сына швейцара. Его тоже привели посмотрѣть на зажженную елку.

Бѣдный мальчикъ дичился и робко осматривался кругомъ, глядя блестящими глазами то на елку, то на дѣтей.

— Ну, говори Ваня, говори-же, повторялъ ему и Гриша,—папа сниметъ тебѣ...

— Мнѣ... мнѣ... вотъ это... нерѣшительно отвѣтилъ мальчикъ и показалъ на скромную деревянную коробочку.

„Ну, вотъ сейчасъ видна необразованность!“ подумала опять звѣзда, слышавшая на груди у Гриши весь разговоръ.

Коробочка была передана Ванѣ.

Онъ оглядѣлъ ее и хотѣлъ спрятать.

— Да ты открой ее,—сказалъ ему кто-то изъ взрослыхъ.

Ваня открылъ свою коробочку.—И вдругъ, къ удивленію его и всѣхъ дѣтей, оттуда выскочила прелестная куколка—фея, въ газовомъ платьи съ золотыми и брильянтовыми блестками, съ цвѣткомъ въ одной рукѣ и съ красивымъ жезломъ въ другой. Фея сидѣла на бабочкѣ съ переливавшимися цвѣтами радуги крыльями и качалась точно живая...

Дѣти ахнули и, обступивъ Ваню, любовались его игрушкою. Всѣ рѣшили, что она лучше всѣхъ остальныхъ.

„А меня, меня они забываютъ! недоумѣвала картонная звѣзда,—развѣ не я здѣсь первая?..“

Но на нее никто уже не обращалъ вниманія.

Гришѣ такъ понравилась коробочка съ феей, что онъ сталъ просить и для себя такую-же.

Но другой коробочки не было...

— Да ты посмотри, старались утѣшить его,—за то у тебя есть звѣзда—посмотри какая...

— Не хочу я звѣзды, говорилъ Гриша,—она просто картонная и ничего нѣтъ въ ней... не хочу я звѣзды...

И онъ снялъ ее съ себя и кинулъ на полъ...

На другой день, когда убирали комнату и выносили обобранную уже елку,—вымели вмѣстѣ съ соромъ и валявшуюся на полу картонную звѣзду, и никто не вспомнилъ и не пожалѣлъ о гордячкѣ...

К. Н.

Фонарикъ.

Была метель. Холодный вѣтеръ гудѣлъ и навѣвалъ груды липкаго снѣга. Въ углахъ небольшого двора снѣгъ доходилъ до самыхъ оконъ. Въ одномъ изъ нихъ мелькалъ огонекъ. Онъ освѣщалъ маленькую комнату, въ которой было бѣдно, но чисто прибрано. У стола, при свѣтѣ свѣчи, сидѣла за работой блѣдная женщина. Цѣлый ворохъ разноцвѣтной бумаги лежалъ передъ нею. Быстро вырѣзала она ножницами кружочки, полоски, фестончики и много другихъ штучекъ. За этой работой внимательно наблюдала дѣвочка,—лѣтъ четырехъ. Большой пуховый платокъ окутывалъ ее, какъ коконъ. Въ комнатѣ было не тепло. Спрятавъ поглубже свои ручонки, быстроглазая Варя слѣдила за движеніями позвякивавшихъ ножницъ.

— Ты дѣлаешь цвѣточки, мама? вдругъ спросила она.

— Да, отвѣчала мать,—цвѣточки и другія вещицы. Намъ заплатятъ передъ праздниками подороже, и намъ станетъ съ тобой, моя крошка, тепло и весело...

Прошло нѣсколько дней. Золотые и серебряные лоскутки бумаги и разноцвѣтныя вырѣзки превратились въ коробочки, ящички, фонарики, бомбоньерки... Маленькая Варя не отрывала глазъ отъ этихъ превращеній. Громко выражала она свое удовольствіе при появленіи каждой новой вещицы и была въ большомъ затрудненіи какой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Наконецъ она замѣтила, что лучше всѣхъ остальныхъ золотой фонарикъ. Это былъ дѣйствительно восхитительный фонарикъ. Золотыя стѣнки его были всѣ въ отверстіяхъ, заклееныхъ красною, синей, зеленой бумагой. На уголкахъ были придѣланы золотыя розы съ серебряными листьями. Мать Вари поставила въ фонарикъ зажженую свѣчу, и на стѣнкахъ его, въ прорѣзахъ, обозначились пестрые цвѣты, птички и бабочки. Варя отъ восхищенья не могла говорить. Весь вечеръ она только и думала про фонарикъ. Ночью, во снѣ, она увидала, что живетъ въ большомъ фонарикѣ: стѣнки вокругъ нея были золотыя; стекла въ окнахъ разноцвѣтныя; повсюду чудные цвѣты и на нихъ качались красивыя птицы съ кривыми клювами и разноцвѣтными хвостами...

Наступилъ канунъ Рождества. Бѣдная цвѣточница бережно уложила свою работу въ корзинку и пошла съ Варей къ Гостиному двору. Вдоль Невскаго проспекта стоялъ лѣсъ елокъ, а вокругъ двора, подъ арками, разставлены были столы съ разными разностями. Мать Вари встала въ одномъ изъ проходовъ, въ уголокъ. Много народу проходило мимо нихъ. Одни такъ гуляли, отъ нечего дѣлать, другіе спѣшили купить что-нибудь и заходили въ богатые магазины или останавливались у прилавковъ съ товарами. Простоявъ больше часу на одномъ мѣстѣ, цвѣточница рѣшила, было, перемѣнить мѣсто. Она вышла изъ темнаго угла съ Варей на улицу. „Берегись!“ раздался возлѣ нихъ голосъ кучера, и карета подкатила къ Гостиному двору. Въ испугѣ схватила мать свою дочку и при этомъ обронила нѣсколько коробочекъ на-земь. Дверца кареты отворилась и изъ нея вышла дѣвушка лѣтъ шестнадцати, съ пожилымъ и почтеннымъ господиномъ. Въ это время Варюшина мать поднимала съ земли коробочки и укладывала ихъ въ корзину.

— Папочка, вотъ то, что намъ нужно, сказала дѣвушка, указывая на корзину.

— Вы продаете? спросилъ ее пожилой господинъ.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ прицѣнился.

— Эта коробочка стоитъ 15 копеекъ, а этотъ ящичекъ—гривенникъ, указывала цвѣточница.

— А вся корзина? спросилъ онъ.

Такой неожиданный вопросъ смутилъ продавщицу, и она чуть слышно проговорила: „три рубля“. Три рубля стоила бумага, и труженица позабыла оцѣнить свою работу.

Варя въ это время внимательно слѣдила за тѣмъ, что происходило. Для нея было ясно одно: всѣ эти красивыя вещицы, которыя такъ нравились ей, и фонарикъ, главное фонарикъ, перейдутъ сейчасъ въ руки этого чужого, важнаго господина, онъ заплатитъ за нихъ и увезетъ, возьметъ себѣ, и Варя никогда не увидитъ своего фонарика. Бѣдная Варя,—а какъ она мечтала о томъ, что авось не найдется покупателя на ея любимую игрушку!

— Вы долго протрудились надъ этимъ? продолжалъ разспрашивать между тѣмъ покупатель.

— Двѣ недѣли,—былъ отвѣтъ.

„Три рубля—за двѣ недѣли труда!“ невольно подумалъ пожилой господинъ,— „и въ одинъ вечеръ всѣ эти бездѣлушки будутъ поломаны и изорваны“...

— Я покупаю всю корзину, проговорилъ онъ громко и при этихъ словахъ вынулъ изъ бумажника десятирублевую ассигнацію.

— У меня не будетъ сдачи, смущенно проговорила Варина мать.

— Она будетъ за вами, возразилъ пожилой господинъ также не безъ смущенія, боясь обидѣть продавщицу и не зная какъ оставить у нея сдачу.

Счастливая, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и улыбкой поспѣшила Варина мать поставить корзину въ экипажъ.

— А мой фонарикъ? неожиданно раздался голосъ Вари.

— Какой фонарикъ? разомъ спросили отецъ и дочь и ласково посмотрѣли на малютку.

— Золотой, съ пестрыми оконечками, бормотала Варя, прижимаясь къ матери.

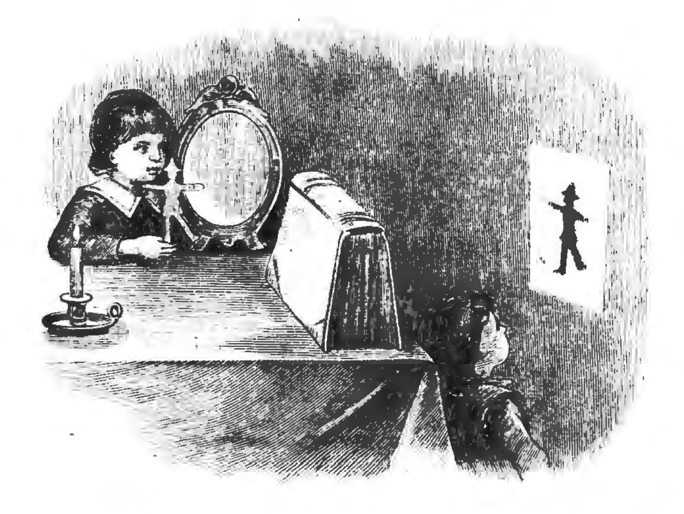
— Если онъ твой, то возьми его, сказалъ пожилой господинъ. И онъ вынулъ фонарикъ изъ корзины, положилъ въ него нѣсколько монетъ и съ улыбкой передалъ Варѣ.

Дѣвочка, видимо, понравилась ему съ перваго взгляда. Онъ спросилъ у ея матери адресъ и впослѣдствіи, принявъ участіе въ судьбѣ Вари, отдалъ ее въ училище. Варя выросла, стала давать уроки и зажила прекрасно. Золотой фонарикъ она постоянно хранила, какъ драгоцѣнность.

Л.

Новыя китайскія тѣни.

Обыкновенно до сихъ поръ, такъ называемыя „китайскія тѣни“ воспроизводились на освѣщенномъ сзади транспарантѣ, но для этого необходимы большія приготовленія. Способъ-же, показанный на нашемъ рисункѣ, очень не замысловатъ: — на стѣнѣ укрѣпляется листъ бумаги (можно на немъ, если угодно, сдѣлать легкими акварельными красками рисунокъ декораціи) и на этотъ листъ наводится отраженный зеркаломъ свѣтъ свѣчи или лампы. Если теперь между источникомъ освѣщенія и зеркаломъ помѣстить вырѣзанную изъ черной бумаги или тонкаго картона фигуру, то тѣнь ея обрисуется на листѣ и дастъ точный контуръ фигуры. Фигуры можно сдѣлать движущимися и разыгрывать цѣлыя сцены. Для отчетливости тѣни нужно закрыть свѣтъ книгой или экраномъ со стороны стѣны, на которой укрѣпленъ листъ, представляющій фонъ для тѣней.



Ариѳметическая шутка.

45—45=45.

Доказательство:

987654321=45
123456789=45
864197532=45

Чтеніе мыслей.

Попросите кого-нибудь задумать число дня его рожденія; затѣмъ удвоить его; къ полученному произведенію прибавить 5 и сумму эту умножить на 50. Къ этому новому произведенію прибавить число, опредѣляющее мѣсяцъ рожденія. Весь этотъ счетъ долженъ остаться неизвѣстнымъ для спрашивающаго и только конечная сумма сообщается ему: теперь, чтобы узнать число и мѣсяцъ дня рожденія даннаго лица, стоитъ только изъ этой конечной суммы вычесть 250, — и остатокъ своими цифрами прямо укажетъ число и мѣсяцъ.—Напримѣръ: день рожденія 24-е декабря—24×2=48; 48 + 5 = 53; 53 × 50 = 2650; 2650+12 (декабрь—12-й мѣсяцъ)=2662. Если вычесть изъ этой суммы 250, получится—2412, т. е. 24 декабря (12).

Дозвол. цензур. СПБ., 10 декабря 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса**, Ср. Подъяч. № 1.

XXIII г. № 52 — г. XXIII 1892

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬН. №№ СЪ 6—10 РИС. ВЪ КАЖДОМЪ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. 12 КНИГЪ „СБОРНИКА", ПАРИЖСК. МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 декабря 1892 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Куколка. Рис. Пигльгейма, грав. Брендамуръ.

Карточный домикъ.

Какъ ловко строишь ты, прелестное дитя,
Свой домикъ карточный и даже, не шутя,
Меня войти въ него задорно приглашаешь...
Но — я не муха, и — ты ничего не знаешь,
Не знаешь, что мой вздохъ тяжелый — вздохъ грозы,
Вздохъ бури для твоей искусственной постройки.
Что будетъ, если все вдругъ полетитъ:— и тройки,
И дамы, и валеты, и тузы!
Строй домикъ свой для мухъ, прелестная воструха,—
Я самъ не радъ, что я не муха.

Я. Полонскій.

Славельщики.

Святочный разсказъ **П. Н. Полевого.**

I.

Изрядный морозецъ пощипывалъ щеки, носы и уши москвичей, заставляя ихъ кутаться въ шубы и поднимать выше головы воротники тулуповъ и азямовъ, и напоминалъ имъ о томъ, что ужь Святки на дворѣ:—всего съ недѣлю и до Рождества-то осталось. Пестрая толпа всякаго сброднаго люда наполняла узкіе и темные проходы и проулки между деревянными и лубяными балаганами, занимавшими пространство нынѣшняго московскаго Гостинаго Двора своимъ безъисходнымъ лабиринтомъ. Каждый спѣшилъ закупить какую-нибудь обнову къ предстоящему празднику, и, выбирая эту обнову, переходилъ изъ лавки въ лавку, рылся въ товарѣ и бесѣдовалъ съ купцами, которые то уговаривали покупателя и умасливали ласкою, то вступали съ нимъ въ перебранку, которая нерѣдко оканчивалась тѣмъ, что покупатель уходилъ изъ лавки, сердито хлопнувъ дверью.

— Ишь, чортъ этакій! Песъ его дери! ворчалъ одинъ изъ покупателей, жалуясь степенному, старому купцу на его сосѣда:— цѣну заломилъ страшенную, да еще лается, будто я лавку его остужаю!..

— Чтò, батюшка, не дивись! отвѣчалъ ему степенный купецъ.—Иной покупатель и точно: стоитъ-стоитъ на порогѣ— ни взадъ, ни впередъ—а холодище-то вонъ какой завернулъ! Съ самой кончины блаженной памяти царицы Натальи Кирилловны такихъ морозовъ у насъ не бывало.

— Вотъ-вотъ! Помню — какъ-же? Еще въ тотъ годъ царь Петръ Алексѣевичъ по всей Москвѣ на Святкахъ съ боярами разъѣзжалъ — Христа славилъ. Какъ не помнить? Говорятъ, птица на-лету мерзла...

— Ну, вотъ и ноньче тоже изрядный пристукиваетъ... Вотъ оттого сосѣдъ-то тебя и покорить затѣялъ—тѣло-то зябнетъ, такъ хотѣлось ему около тебя хошь руки погрѣть... Хе-хе-хе!

Но морозъ, видимо, заставлялъ зябнуть и ежиться только старыхъ торговцевъ: на молодежи его вліяніе было вовсе не замѣтно. Купеческіе приказчики и „малые“, не заглядывая въ лавки, превесело толклись и топтались передъ дверьми ихъ, то поскакивая съ ноги на ногу, то похлопывая рукавицей о рукавицу, то надѣляя другъ друга здоровенными тумаками и толчками и разсыпаясь смѣхомъ.

— Ну васъ къ шуту! ворчалъ, растолкавъ ихъ, какой-нибудь покупатель.— Отъ васъ тутъ проходу нѣтъ.

Приказчики и „малые“ немедленно облѣпляли покупателя со всѣхъ сторонъ и отчаянно принимались его тащить и зазывать въ свои лавки:

— Господинъ честнòй! Къ намъ, къ намъ изволь жаловать... Товарецъ первѣющій: камки, киндяки, дороги разноцвѣтныя, сукно лундышъ, масаковое, лазоревое... Цѣна самая совѣстливая!.. Себѣ даже много дороже стòитъ... А тебѣ отдадимъ съ уваженіемъ!

Оглушенный ихъ криками покупатель заходилъ въ лавку только для того, чтобы отъ нихъ избавиться, а приказчики и „малые“ всей гурьбой набрасывались на какую-нибудь зазѣвавшуюся бабу:

— Боярынька, госпожа всемилостивая! голосили и горланили они на всѣ лады. — Тафты, фаты, нитки, иголки, шильцо и мыльцо и бѣлое бѣлильцо... Продаемъ противъ мѣры съ надбавкою! Заходи, дýра-баба, слушайся!

Только противъ одной лавки не замѣтно было этой сутолоки и возни. Молодой купеческій приказчикъ Никита Семеновичъ Хлобыстинъ, сидѣвшій въ той лавкѣ, среди товара, наваленнаго кругомъ огромными тюками и грудами, видимо, не обращалъ никакого вниманія на предпраздничную суету, оживлявшую весь московскій Гостиный Дворъ. Правда, и товаръ его былъ не такой, чтобы могъ шибко идти съ рукъ передъ праздникомъ — холсты, полòтна, пенька да пряжа; но тутъ было дѣло не въ товарѣ, а въ самомъ торговцѣ, который сидѣлъ у прилавка, занятый очень страннымъ и необычнымъ для торговца дѣломъ... Никита Семеновичъ читалъ книгу, и читалъ очень внимательно, перевертывая страницу за страницею и лишь изрѣдка отрываясь отъ нея, чтобы прислушаться къ выкрикиваніямъ и зазываніямъ сосѣднихъ приказчиковъ и сидѣльцевъ.

— Ишь, расписываютъ! говорилъ онъ самъ себѣ, досадливо ухмыляясь въ свою курчавую, русую бородку. — Словно затѣяли языкомъ всѣ гроши изъ міра выбрать.

И затѣмъ онъ опять углублялся въ чтеніе и читалъ такъ внимательно, что даже не замѣтилъ, какъ къ его дверямъ подошли двое какихъ-то высокихъ мужчинъ, глянули черезъ стекольчатое окошечко на товаръ и переступили порогъ лавки.

— Здравствуй, господинъ купецъ! раздалось за спиною у Никиты Семеновича.

Онъ оглянулся и привсталъ съ поклономъ навстрѣчу вошедшимъ господамъ, закутаннымъ въ шубы.

— Покажи намъ вотъ какого товару, по образчику,— сказалъ тотъ изъ вошедшихъ, который былъ повыше ростомъ и помоложе, и выложилъ на прилавокъ кусокъ грубаго полотна, въ родѣ парусины.

— Такого полотна здѣсь нигдѣ не сыщешь, господинъ честнòй! сказалъ Хлобыстинъ, вглядываясь въ образчикъ. — Ни въ эту мѣру, ни въ эту толщину у насъ полотенъ нѣтъ.

— Покажи, какія у тебя есть?

— Изволь смотрѣть — товаръ лицомъ продаемъ, не кроемся.

И, отодвинувъ книгу въ сторону, Никита Семеновичъ разложилъ передъ высокимъ господиномъ обрѣзки своихъ полотенъ.

— Эти твои холсты и полотна никуда не годятся! рѣзко отозвался покупатель, роясь въ обрѣзкахъ и расшвыривая ихъ по прилавку.

Никита Семеновичъ улыбнулся, взглянулъ на него, и сказалъ:

— Я тебя въ лавку зà-полу не затаскивалъ. Товаръ тебѣ кажу лицомъ, а коли ты въ немъ разобраться не умѣешь — въ томъ не моя вина.

Покупатель вспыхнулъ:

— Я-то разобраться не умѣю? Я въ полотнахъ еще и тебя разбираться научу!

— Не научишь, господинъ честной! И коли за споромъ дѣло, такъ я вотъ тебѣ изъ этихъ обрѣзковъ покажу такой, который получше твоего образца будетъ. А ты его отшвыриваешь!

И Хлобыстинъ подалъ одинъ изъ обрѣзковъ покупателю. Тотъ сталъ внимательно ощупывать и сравнивать, потомъ передалъ и образчикъ, и обрѣзокъ своему товарищу, который, послѣ осмотра, шепнулъ молодому:

— Der Kerl hat Recht. Das könnte man wohl nehmen!

— Вотъ видишь-ли? И твой товарищъ мой товаръ одобряетъ; а ты его захаялъ!

— Да развѣ же ты понимаешь по-нѣмецки? спросилъ Хлобыстина покупатель, зорко глянувъ на него своими быстрыми, черными глазами.

И тутъ только замѣтилъ нѣмецкую книгу на прилавкѣ.

— Вѣстимо, понимаю, отвѣчалъ съ улыбкой Хлобыстинъ. — Да какъ и не понимать-то?.. Батюшка-то мой

все больше съ голландскими да съ аглицкими нѣмцами торгъ-то велъ...

— А гдѣ же онъ торговалъ съ ними?

— Въ Архангельскомъ городѣ, да въ Ярославлѣ. Тамъ я и языку-то нѣмецкому выучился... Да видно на горе себѣ оттуда я и выѣхалъ-то! Смерть люблю и корабли, и море... Да дѣло-то такое вышло, что пришлось уѣхать...

— Какое же такое дѣло? съ любопытствомъ и участіемъ сталъ допрашивать Хлобыстина черноглазый, присаживаясь на прилавокъ.

— Отецъ-то, вишь, проторговался — заболѣлъ, да умеръ; а передъ смертью и говоритъ мнѣ: „ну, Никитушка, хоть я и знаю, что у тебя тутъ, въ Холмогорахъ, невѣста присмотрѣна, да ты этимъ дѣломъ повремени. Поѣзжай въ Москву: тамъ, у твоего дяди по матери, у Арефья Пазухина, оставилъ я тебѣ на черный день изъ ея приданаго надѣлочекъ, въ двѣ тысячи рублевъ,—авось ты на эти деньги опять расторгуешься...“

— Ну, и что же? нетерпѣливо перебилъ Хлобыстина черноглазый.

— Пріѣхалъ я къ дядѣ. Такъ и такъ, молъ, говорю,—по батюшкиному завѣту получить нельзя-ли? „Можно“, говоритъ, „только сначала прослужи у меня пять лѣтъ въ приказчикахъ“. Да такъ вотъ второй годъ меня и маетъ! Что ты съ нимъ будешь дѣлать, коли у него совѣсть такая скаредная?

— Что-жъ онъ? положилъ тебѣ какое жалованье?

— Какое тамъ жалованье! Кабы не свои послѣдніе гроши проживалъ, такъ и сытъ бы не бывалъ! Такой-то онъ ко всѣмъ домашнимъ скряга!

— Ну, а невѣста-то твоя что-же? За другаго, пожалуй, вышла?

— Нѣтъ — ждать-то ждетъ, да ужь очень сокрушается. Мнѣ вѣрить не хочетъ... Думаетъ, я тутъ съ другой въ любовь вошелъ...

— Хм! Плохо твое дѣло, какъ я посмотрю. А парень ты толковый и мнѣ нравишься, проговорилъ черноглазый.—У меня тутъ, по Москвѣ, пріятелей много, такъ можетъ-быть я тебѣ еще помогу какъ-нибудь... А почемъ этотъ твой хваленый-то холстъ?

— Три алтына съ деньгою.

— Дороговато... Коли скинешь денежку, такъ привози мнѣ разомъ кусковъ десятокъ—всѣ заберу.

— А куда везти-то, господинъ честной?

— Свезешь въ Преображенское—тамъ и деньги получишь... Кстати, тамъ и о дѣлѣ твоемъ покалякаемъ... Авось пригожусь.

— Спасибо на добромъ словѣ. А какъ величать тебя прикажешь?

— Спроси тамъ Петра Михайлова, дворянина, что изъ Воронежа пріѣхалъ... А обрѣзокъ-то твоего хваленаго холста я съ собой захвачу... Чтобы безъ обману было дѣло.

— Ужь это что-жъ говорить? Товаръ, каковъ есть, лицомъ продаемъ,—сказалъ Хлобыстинъ, подавая обрѣзокъ покупателю и кланяясь ему на прощанье.

II.

Старый купецъ, Арефій Ѳомичъ Пазухинъ, былъ человѣкъ очень богатый, и при богатствѣ своемъ, такой скряга, какихъ въ ту пору на Москвѣ поискать было. Половину года онъ въ Москвѣ не жилъ, а все разъѣзжалъ по Вологодскому, да по Ярославскому уѣзду, то скупая у крестьянъ полотна, холсты и пряжу по самымъ низкимъ цѣнамъ, то закабаляя ихъ работу себѣ за годъ впередъ всякими неправдами. Дѣло свое онъ велъ такъ искусно и ловко, что наживалъ на немъ громадные барыши; цѣлыя села на него работали, потъ и слезы на его товаръ проливая, послѣднія силы на работу истощая, и только съ хлѣба на квасъ перебиваясь; а онъ годъ-отъ-года богатѣлъ и каждую зиму, около святокъ, ссыпалъ деньги въ новую кубышку и тайкомъ хоронилъ ее въ углу своего подполья, отмѣтивъ новый нарѣзъ или крестакъ на своей биркѣ, которую носилъ на одномъ снуркѣ съ крестомъ-тѣльникомъ. Старикъ Пазухинъ былъ вдовый и бездѣтный, и копилъ деньги Богъ-вѣсть для кого. Копилъ по тупой страсти къ звонкому металлу, къ монетѣ, которую любилъ пересматривать и пересчитывать—копилъ, повинуясь какой-то неутолимой внутренней жаждѣ корысти и прибытка, которая не давала ему ни сна, ни покоя, и все побуждала изобрѣтать новыя и новыя средства и способы къ сбереженію и пріобрѣтенію богатствъ. А такъ какъ Пазухинъ, постепенно черствѣя, становился въ этихъ средствахъ и способахъ черезчуръ неразборчивымъ, то иногда и люди его въ глаза корили, и совѣсть, просыпаясь на мгновеніе, напоминала ему и о Богѣ, и о смертномъ часѣ. Но у Арефья была на этотъ случай своя сноровка... Почуявъ приступы укоровъ совѣсти, онъ отставалъ на нѣсколько дней отъ торговыхъ дѣлъ, и либо дѣлалъ взносъ въ обитель, либо свѣчу пудовую ослонную жертвовалъ въ приходскую церковь, либо собиралъ къ себѣ въ домъ нищую братію, калѣкъ и лёженокъ всякихъ, сажалъ ихъ за свой столъ, и хоть не щедро ихъ угощалъ, за-то самъ имъ служилъ и подавалъ всѣ ѣства и питья своими руками, и ходилъ около стола, приговаривая:

— Кушайте, нищая братія, на здоровье; поминайте въ молитвахъ грѣшнаго раба Арефья.

Такое именно угощеніе нищей братіи затѣялъ у себя Арефій и въ самый день Рождества. Племянникъ его еще наканунѣ, въ Сочельникъ, отпросился у него въ гости къ пріятелю и сказалъ, что вернется домой только къ вечеру на слѣдующій день; и другіе служащіе отъ него на праздникъ поразъѣхались — кто куда; такъ что онъ во всемъ своемъ большомъ домѣ остался одинъ-одинёшенекъ, со старой стряпухой и старымъ дворникомъ. Приказавъ накрыть въ столовой избѣ столъ и поставить на него немудрую трапезу, состоявшую изъ пяти караваевъ черстваго хлѣба, пяти корчагъ со щами и кашей и нѣсколькихъ жбановъ съ паточнымъ квасомъ, Арефій пошелъ въ свой приходъ, отстоялъ тамъ обѣдню и вышелъ изъ церкви на паперть, сплошь заставленную калѣками и нищими.

— Подай, купецъ, Христову милостыньку! Подай, Христа ради!... Одѣли ты насъ, людей бѣдныхъ! заголосила толпа на всѣ лады, назойливо протягивая руки къ Арефью.

— Подать мнѣ вамъ нечего — дома и кошель свой забылъ! Богъ подастъ! заговорилъ Арефій, отбиваясь отъ попрошаекъ. — А вотъ развѣ своей трапезой съ вами подѣлюсь. Выступай изъ толпы двадцатеро—ступай за мною, садись за мой столъ...

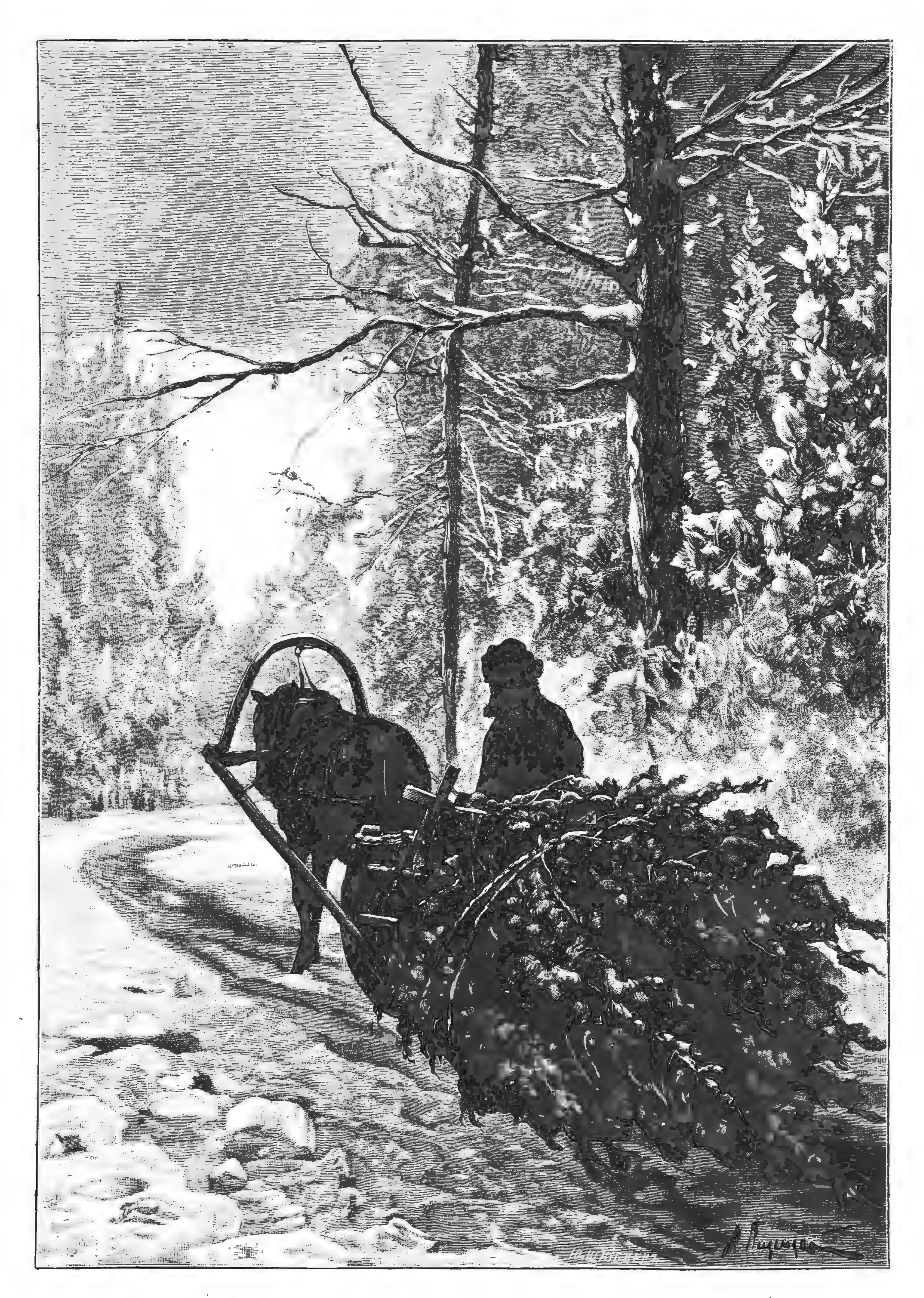
Передніе отхлынули отъ купца, бросая на него недовольные и озлобленные взгляды и что-то ворча себѣ подъ носъ. Но между задними рядами поднялись какіе-то толки и споры и изъ толпы отдѣлилось-таки десятка полтора калѣкъ и нищей братьи, которая подобострастно и покорно двинулась вслѣдъ за Арефьемъ, на ходу о чемъ-то переговариваясь вполголоса.

— Пойдемъ, пойдемъ, посмотримъ, какъ онъ угоститъ! говорилъ остальнымъ, плутовато подмигивая, какой-то ражій дѣтина, ковылявшій на костылѣ и на деревяшкѣ, подпиравшей подкорченную ногу.

— Коли по-прошлогоднему,—вполголоса проговорилъ другой, кривой нищій, съ очень нахальной и пьяной рожей,—такъ мы, братцы, его по-свойски отдѣлаемъ,— заставимъ стараго скрягу плясать по нашей дудкѣ!

— Ну, вы, потише! шепотомъ останавливала ихъ высокая и рябая старуха, въ лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ ея худощавое тѣло. — Не услышалъ бы звонъ, не хватился бы онъ.

Но Арефій ничего не слышалъ. Онъ такъ былъ про-



Въ городъ на Рождество. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) акад. **Писемскаго**, грав. Шюблеръ.

На святкахъ. Разъѣздъ послѣ маскарада. Картина А Вишегра, грав. Фельдвегъ.

никнутъ сознаніемъ того христіанскаго подвига, который собирался совершить, что даже далеко опередилъ нищую братью и шелъ бодро и скоро, насколько позволяли ему его старыя, хилыя ноги.

Вотъ наконецъ и Арефій, и гости пришли въ его домъ, собрались въ столовую избу, пропѣли сиплыми и разбитыми голосами обычные рождественскіе стихиры, и усѣлись за столъ.

Засуетился, завертѣлся кругомъ стола хозяинъ, то пододвигая корчаги съ кашей и щами, то разливая квасъ по деревяннымъ ковшамъ и чашкамъ.

— Кушайте, свѣты мои, на здоровье! съ обычнымъ смиреніемъ приговаривалъ старый скряга. — Помяните въ молитвахъ грѣшнаго раба Арефья!

— Помянемъ, помянемъ, хозяинушка! затараторила рябая старуха. — Ужъ вѣдомо, коли мы поминать не станемъ, тебѣ и спастись нельзя!

— Вѣстимо! Купецъ да нѣмецъ чорту первый кусъ! пробасилъ кривой нищій.

— Да что же ты это, хозяинушка! сказалъ вдругъ хромой калѣка, отхлебнувъ изъ ковша.—Аль ты насъ къ себѣ шутить позвалъ?

— Что такое? Что вы, братцы? тревожно спросилъ Арефій.

— Да развѣ квасомъ патошнымъ нищую братью въ праздникъ угощаютъ? Ты откуда такой обычай взялъ?

— Тьфу, кислядь, дрянь какая! послышались голоса и возгласы другихъ калѣкъ и нищихъ.

— Вонъ купецъ Толоконниковъ, али Кистеневъ—тѣ побѣднѣе тебя, а какъ насъ въ Покровъ-то винищемъ накачали... А ты, этакій богатѣй, и какія намъ ополощены подалъ!..

— Либо давай намъ вина, либо браги хмѣльной, а это самъ лакай на досугѣ! раздались грубые голоса.

— Да вы что же это? заговорилъ перепуганный Арефій. — Я васъ позвалъ — угощаю, чѣмъ Богъ послалъ, а вы...

— Знаемъ мы, что тебѣ Богъ посылаетъ — сундуки ломятся! закричали нищіе, обступая Арефія. — Бери его, братцы, вяжи его и бросай подъ столъ... Онъ одинъ дома! Пойдемъ въ его домѣ пошарить! Авось и найдемъ что закусить и выпить, чѣмъ и его угостить, стараго скареда, для праздника! Ха-ха-ха!

Арефій хотѣлъ кричать, отбиваться, но нѣсколько дюжихъ рукъ за него ухватились и вѣроятно ему пришлось бы очень плохо, если бы въ это мгновеніе не раздался на улицѣ свистъ, крики, звяканье бубенцовъ и топотъ троекъ, подскакавшихъ къ воротамъ.

— Эй, отворяй ворота! Отворяй! Впускай славельщиковъ! слышны были громкіе окрики съ надворья.

Нищая братья разомъ выпустила Арефья изъ рукъ и пометалась въ разныя стороны: кто залѣзъ за печку, кто сунулся въ чуланъ, кто укрылся подъ лѣстницей, кто успѣлъ юркнуть на чердакъ, кто въ людскую избу. Пазухинъ, перепуганный, остался среди избы въ нерѣшимости, когда къ нему вбѣжалъ его старикъ-дворникъ и завопилъ благимъ матомъ:

— Пропали наши головы, Арефій Ѳомичъ! Къ тебѣ самъ царь Петръ Алексѣевичъ съ боярами Христа славить пожаловалъ!

— Отворяй, не то ворота высадимъ! раздались грозные окрики за воротами.

— Ступай, ступай! Отворяй, Христа ради! залепеталъ старый скряга, и трепещущій, блѣдный выбѣжалъ на крыльцо, навстрѣчу нежданнымъ и незванымъ гостямъ.

III.

Ворота распахнулись настежь, и двадцать саней, расписныхъ, разукрашенныхъ, прикрытыхъ богатыми, пестрыми коврами, въѣхали во дворъ, гремя бубенцами и поскрипывая полозьями; всѣ сани были биткомъ-набиты славельщиками и нагружены всякимъ хмѣльнымъ запасомъ. Изъ первыхъ пяти саней выскочилъ самъ царь Петръ Алексѣевичъ и человѣкъ двадцать ближнихъ его бояръ и иноземцевъ, входившихъ въ составъ обычной царской „кумпаніи“. Всѣ были по праздничному принаряжены въ богатые кафтаны, въ высокія лисьи и собольи шапки, въ тяжелыя шубы нараспашку.

— Эй! крикнулъ царь приближеннымъ. — Запереть ворота и никого со двора не спускать до моего приказа! Теперь, честная кумпанія, мы къ такому богачу пріѣхали, что онъ насъ на-смерть заугощаетъ: раньше сутокъ отъ него и не выберешься! Здравствуй, хозяинъ ласковый, здравствуй!

А хозяинъ, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ на морозѣ передъ царемъ, только раскланивался, не смѣя и въ избу его позвать.

— Ты что-жъ насъ здѣсь морозишь? Въ домъ дорогихъ гостей зови! весело крикнулъ Пазухину Петръ, и первый сталъ подниматься на крыльцо. За нимъ пошли веселою гурьбою бояре и иноземцы, шумно переговариваясь и пересмѣиваясь между собою: всѣ, очевидно, знали заранѣе, что царь имъ готовитъ веселую потѣху...

И чуть только вся „кумпанія“ переступила порогъ столовой избы, царь махнулъ имъ рукою и вмѣстѣ съ товарищами-славельщиками звучно и стройно запѣлъ: „Христосъ рождается“...

Когда пѣніе окончилось, царь опустился на лавку, указалъ около себя мѣсто всей братіи и сказалъ хозяину привѣтливо:

— Ну, что же ты сталъ? Угощай славельщиковъ, какъ водится, по старинному московскому обычаю...

— Ра-ра-радъ бы, государь, да нечѣмъ—недо-стойно...

— А кого же ты здѣсь угощалъ этой неприглядной трапезой? сказалъ царь хмуря брови и поглядывая на столъ, забросанный корками, засыпанный кашею и залитый квасомъ.

— Нищую братію, государь—въ праздничекъ... Для спасенія ду-души...

— А! Каковъ? Какъ о душѣ заботится? Даже о тѣлѣ забылъ... Да гдѣ же гости-то твои?

— Раз-бѣ-жались, государь... Съ перепугу — попрятались...

— Отъ царскихъ очей попрятались? сказалъ Петръ, еще болѣе нахмуриваясь и покачивая головой. — Моисеичъ! Ты патріархъ кокуйскій—тебѣ въ вѣдѣніе всѣ калики и нищіе отданы... Поди, скажи нашимъ ребятамъ, чтобы весь домъ перерыли, разыскали всѣхъ хозяйскихъ гостей до единаго и привели сюда...

Бояринъ Зотовъ поднялся съ мѣста и вышелъ исполнять царское повелѣніе.

— Ну, а теперь, господа члены собора всешутѣйшаго, честная кумпанія! воскликнулъ Петръ.—Хозяинъ насъ не угощаетъ,—такъ мы его угостимъ. Францъ! Ступай—распорядись! Ты на эти дѣла великій мастеръ! добавилъ царь, обращаясь къ Лефорту.

И Лефортъ поспѣшилъ оправдать его лестный отзывъ. Мигомъ явились со двора слуги, убрали все со стола, накрыли его ковромъ, заставили закусками, сулеями, боченками съ медомъ, съ анисовой водкой, съ заморскими винами; а около этого запаса явились и пузатыя братины, и ковши почтенныхъ размѣровъ, и чудовищные серебряные стопы и достаканы.

— Вотъ видишь, какъ у насъ все мигомъ поспѣло? Ни дать, ни взять, какъ въ сказкахъ о скатерткѣ-самоверткѣ сказывается! Ну, теперь садись съ нами и пей во славу Божію, скупой хозяинъ! Намъ для тебя запаса не жалко!

Всѣ окружили столъ, каждый налилъ себѣ чего хотѣлъ, и Францъ Лефортъ съ уморительной гримасой поднесъ Арефью на подносѣ огромный стаканъ анисовки.

— Пьемъ за твое здоровье! сказалъ Петръ, съ усмѣш-

кой глядя на Пазухина, который трепетными руками принялъ стаканъ съ подноса и рѣшительно не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлать.—Пей же!..

— Не... н... не могу, государь! Ничего въ ротъ не беру, дерзнулъ пролепетать Пазухинъ.

— *Не могу* у насъ въ кумпанію не пускаютъ, сказалъ сурово царь. — И кто въ кумпаніи не пьетъ — тотъ, значитъ, о кумпаніи худо мыслитъ... Здоровье хозяина!

Всѣ гости разомъ осушили свои посудины и въ тактъ, какъ по командѣ, поставили на столъ чаши и кубки. А Пазухинъ, отъ перваго глотка анисовой закашлялся, замахалъ руками и расплескалъ анисовую по полу.

— Не могу, государь... Душа не принимаетъ, взмолился онъ, падая на колѣни передъ государемъ.

— Не можешь? строго замѣтилъ царь. — Хмѣльнаго въ ротъ не берешь—нищихъ да лёженокъ своими объѣдками кормишь—о спасеніи души думаешь... А можешь людей грабить—въ кабалу брать — жать ихъ такъ, что и писку нѣтъ?.. А? Вотъ ты каковъ?

— Батюшка-царь, одна клевета—ей-ей, одна клевета злыхъ людей, завистниковъ окаянныхъ!

— Какъ ты смѣешь это говорить! гнѣвно крикнулъ царь. — Я все это отъ твоего же родного племянника знаю! Эй, кликнуть сюда Никиту Хлобыстина!

Пазухинъ совсѣмъ растерялся, и не зналъ, куда ему глаза дѣвать, когда его племянникъ явился на порогѣ.

— Какъ ты смѣлъ его надѣлокъ присвоить? Какъ смѣлъ завѣтъ его отца не исполнить? Какъ смѣлъ его силою здѣсь у себя на службѣ удержать?

— Ви-ви-новатъ, государь... Хотѣлъ его испытать, тогда и отдать ему...

— Испытать? Ну, да благо я узналъ, такъ судъ мой коротокъ будетъ!.. Ты, немедля, выдашь ему надѣлокъ, да за твою провинность еще приплатишь ему лишнюю тысячу. А онъ малый дѣльный — иноземнымъ языкамъ обыченъ и цыфирь знаетъ—и корабли, и море любитъ... Я его беру къ себѣ на службу немедля... Князь Юрій— наблюди, чтобы сегодня же были Хлобыстину всѣ деньги выплачены... А за то, что старый скряга насъ не угостилъ, по своей скаредной жадности, собери на перекресткѣ сто человѣкъ мужиковъ и посадскихъ, сгони къ нему въ домъ, и пусть по тѣхъ поръ у него въ домѣ *христославятъ*, пока онъ имъ по рублю на человѣка не выдастъ!

Хлобыстинъ бросился цѣловать руку государю, который ласково потрепалъ его по плечу и промолвилъ:

— Завтра же отбывай на службу въ Архангельскій городъ, а по пути и къ невѣстѣ заѣзжай... А о дядюшкѣ своемъ не тревожься: я теперь его съ глазъ не спущу и своими заботами не покину.

И погрозивъ Пазухину пальцемъ, царь поднялся было съ мѣста со всею кумпаніей и уже сбирался выйти изъ столовой избы, когда Никита Мосеичъ Зотовъ появился на порогѣ сѣней:

— Господинъ бомбардиръ! обратился онъ къ царю.— Вся нищая братія въ сборѣ—мы тамъ ихъ десятка съ полтора разыскали — что̀ съ ними прикажешь дѣлать?

— Кто поздоровѣе да покрѣпче, тѣхъ отобрать и отправить въ Азовъ на судовыя работы; а остальнымъ дармоѣдамъ сказать, что только для великаго праздника я ихъ отъ батожья избавляю. Ну, что-жъ? Честная кумпанія—выпьемъ посошокъ на дорогу! Хлобыстинъ, беру и тебя въ нашъ потѣшный поѣздъ—поѣдемъ дальше Христа славить! Авось другіе хозяева пощедрѣе будутъ твоего дядюшки!

Находка.

Разсказъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

I.

Что это была за Рождественская ночь! Пройдутъ еще десятки лѣтъ, тысячи лицъ, встрѣчъ и впечатлѣній мелькнутъ мимо, слѣда не оставятъ, позади тебя длинный рядъ могилъ вытянется,—а она все будетъ передъ тобою какъ живая, въ лунномъ блескѣ, въ причудливой рамкѣ Балканскихъ вершинъ, гдѣ, казалось, всѣ мы были такъ близки къ Богу и его кроткимъ звѣздамъ... Я ее хорошо помню: точно еще вчера добрался до самаго темени Куруджи, сахарная голова которой еще наканунѣ съ самаго утра дразнила насъ: „все де вы прошли и осилили, а меня вамъ не одолѣть!“ И одолѣли; только сами, едва дорывшись до земли, свалились на нее, чтобы хоть немного отдышаться. Далеко-далеко въ таинственномъ свѣтѣ чудились безлистныя деревья, точно скелеты протягивавшія къ намъ снизу свои костлявыя руки; еще ниже—синими тѣнями намѣчались глубокія ущелья. Долина Казанлыка вся курилась бѣлымъ паромъ, а за нею и манилъ насъ, и призрачнымъ казался какой-то миражъ. Что̀ тамъ было: облака, заснувшія подъ луною, или горы—мы не знали. Налѣво, къ востоку, смѣлымъ взлетомъ, точно на ладони приподнятый къ самому небу, дремалъ Св. Николай съ траншеями нашихъ полузамерзшихъ богатырей, отстоявшихъ тутъ въ тяжелые дни третьей Плевны и честь и достоинство Россіи. Вѣчная память имъ теперь!.. Мало ихъ осталось между нами, но дѣло ихъ не пропало тамъ, гдѣ каждое добро, каждая тайная мысль, каждая безмолвная жертва и цѣломудренно не обнаруженное страданіе въ красную строку записано для суда и воздаянія...

II.

Какъ теперь помню: лежали мы пластомъ; усталь такъ морила, что не хотѣлось даже ближе къ костру придвинуться. Сырое дерево шипѣло, обвиваясь дымомъ, тысячи искръ взлетали въ высоту; когда оно трескалось, сотни золотыхъ змѣй, казалось, бѣгали въ самомъ полымѣ. Въ красной массѣ разгорѣвшагося угля порою открывались чьи-то огненныя очи и опять подергивались сизою пленкою. Фельдфебель послѣднимъ прилегъ. Ему пришлось указать мѣста всей ротѣ, повѣрить солдатъ, принять приказаніе отъ командира. Это былъ уже старый солдатъ, оставшійся на второй срокъ. Война подошла—стыдно ему показалось уходить отъ нея въ чистую. Я давно къ нему присматривался. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, у кого подъ холодною внѣшностью бьется горячее сердце. Брови нависли сурово—и глазъ не разберешь, а разсмотри ихъ— прямо къ нему со своимъ горемъ самый ледащій солдатишко довѣрчиво пойдетъ. Добрые, добрые они— и свѣтились, и ласкали, и точно смѣялись чему-то. Усы ощетинились—съѣстъ, а на губахъ, подъ ними, какая-то дѣтская, наивная улыбка... Легъ онъ, потянулся... „Ну, слава Богу, теперь для-ради Рождества Христова и отдохнуть можно!“ Къ огню повернулся, трубку вынулъ, закурилъ. Въ морозномъ воздухѣ балканской ночи запахло, и вкусно запахло, дешевою махоркой... „Вмѣсто чаю! засмѣялся онъ.—И дешево, и самовара не надо!.. Теперь до разсвѣта — покой!..“ И вдругъ мы вздрогнули оба. Близко-близко гдѣ-то залаяла собака. Да какъ еще!—Отчаянно, точно на помощь звала, будто во всю свою пасть орала: „Ратуйте, православные, пропадаемъ...“ Намъ было не до нея. Мы старались не слышать. Но какъ это было сдѣлать, когда лай становился все ближе и оглушительнѣе. „Раненая, что-ли? Или кто изъ лодырей пришибъ ее... Тоже, вѣдь, подлецы, забавляются; любо имъ Божіе творенье мучить!..“

III.

Собака очевидно бѣжала по всей линіи костровъ, не

останавливаясь нигдѣ. Запявъ самое темя Куруджи, мы, какъ я уже сказалъ, до земли дорылись, а отброшенный снѣгъ вокругъ насъ составилъ нѣчто похожее на валъ. Будь вѣтеръ — отъ него все-таки защита и за такимъ валомъ. Насъ уже пригрѣвало костромъ, у меня глаза слипались, и ни съ того, ни съ сего, я даже дома очутился за большимъ чайнымъ столомъ, должно быть засыпать началъ, какъ вдругъ лай послышался у меня надъ самыми ушами. Я приподнялся на локтяхъ! „Чего ты, дурная!" говоритъ рядомъ старикъ-фельдфебель. Именно дурная! Лохматая, въ какихъ-то плѣшинахъ, на кривыхъ лапахъ и неизвѣстно гдѣ утратившая хвостъ, собака взбѣжала на нашъ валъ и неистово заливалась, какъ-то смѣшно подымая острую, съ торчмя стоявшими ушами, морду. Уставая лаять, она зорко всматривалась въ насъ. Ко мнѣ подбѣжала—и вдругъ прочь кинулась. И даже заворчала. Я такъ и понялъ, что не оправдалъ ея довѣрія... Къ фельдфебелю сунулась, къ самой головѣ его; тотъ поманилъ ее. Она ему въ мозолистую лапу холоднымъ влажнымъ носомъ ткнулась, и неожиданно завизжала и заскулила, точно зажаловалась... Мы диву дались—и лаетъ, и визжитъ, и руку ему лижетъ, а потомъ ни съ того ни съ сего схватилась зубами за полу его шинели и потянула ее, смѣшно упираясь передними лапами въ землю, и все откидываясь на заднія. „Не спроста это! вырвалось у солдата. — Песъ умный... У его дѣло ко мнѣ есть!.." Точно обрадовавшись, что ее поняли, собака выпустила шинель и радостно-радостно залаяла, а тамъ опять за полу. „пойдемъ-де, пойдемъ скорѣе!.."

IV.

— Неужели вы пойдете? спросилъ я у фельдфебеля.—„Значитъ надо! Песъ завсегда знаетъ, что ему нужно... Эй, Барсуковъ—пойдемъ, на случай чего!.." Несуразный, но крѣпко-на-крѣпко сшитый солдатъ тоже поднялся. Про такихъ, какъ онъ, говорятъ: ветлужской работы—пятью ломами не прошибешь. Собака уже бѣжала впереди, и только изрѣдка оглядывалась, уже отрывисто и дѣловито тявкая: „Такъ де... Еще немного!.." Я опять сталъ засыпать у костра, мнѣ уже чудился конецъ этой войны, теплые дома, мягкія постели... Голубыя воды Эгейскаго моря, синяя глубь Босфора, съ золотою оправою его береговъ, бѣлое марево Стамбула и русскій пароходъ, на который я сажусь, чтобы вернуться домой, и родная молвь, и милыя, дорогія лица и дѣвичій смѣхъ, и забытая ласка матери... Должно-быть я долго спалъ такимъ образомъ, потому что въ послѣднія мгновенія сознанія въ моей памяти какъ-то осталось: луна надо-мною въ высотѣ;— а когда отъ внезапнаго шума я поднялся, она уже была позади и торжественная глубина неба вся искрилась звѣздами. „Клади, клади осторожнѣе!.. слышалось приказаніе фельдфебеля.—Ближе къ огню..." Солдаты подымались отъ костра, глядя сюда. Барсуковъ опускалъ на землю что-то завернутое, темное. Я протеръ глаза... Та же собака прыгала кругомъ, точно распоряжаясь, какъ опустить, какъ положить. Лаяла она уже тихо и ласкаясь ко всѣмъ, будто заискивая общей дружбы и расположенія. Даже мнѣ въ лицо ткнулась мордой—вставай-де, помогай и ты, чего пластомъ лежишь; развѣ не видишь, какое тутъ дѣло случилось! И уши у нея попрежнему торчкомъ, и лохмы дыбомъ.

V.

Я всталъ... Подошелъ... На землѣ, у костра, уже лежало то „темное", что я смутно различалъ спросонокъ. Не то свертокъ, не то узелъ, напоминавшій формою дѣтское тѣло. Стали раскутывать это темное, а фельдфебель торопливо разсказывалъ. Потомъ уже мнѣ удалось возстановить событія какъ они происходили. Собака привела нашихъ на засыпанный снѣгомъ скатъ горы. Тамъ лежалъ кто-то, точно заснувшій. Наклонились и прямо на нихъ, подъ луннымъ свѣтомъ, не мигая, смотрѣли большіе черные глаза. Блѣдное-блѣдное лицо съ плотно сжатыми губами и особенно рѣзко выступавшій на лбу изъ-подъ всклоченныхъ и примерзшихъ волосъ какой-то старый должно-быть, но теперь вздувшійся и посинѣвшій шрамъ. Собака ткнулась къ этому лицу, лизнула его и завыла, какъ-то странно подбирая задъ, должно-быть поняла, что оно ужь не улыбнется ей больше... „Закостенѣла!" тихо проговорилъ старый фельдфебель. — „Ишь руки, что твое дерево..." Онѣ бережно держали у самой груди какое-то сокровище, съ чѣмъ бѣдной „бѣженкѣ", какъ ихъ тогда называли, всего тяжелѣе было разстаться или что она хотѣла во что бы то ни стало, хотя бы цѣною собственной жизни, сохранить и отнять у смерти... Рукъ этихъ отвести нельзя было, ихъ пришлось оставить и распутывать изъ-подъ нихъ дорогую ношу... Чтò тряпокъ на ней оказалось! Все съ себя сняла несчастная, чтобы для другого существа сберечь послѣднюю искру жизни, послѣднее ея тепло... Подъ тряпками овечья шкура, и въ ней-то было завернуто это таинственное „нѣчто", къ чему такъ неистово приглашалъ лохматый песъ...

VI.

„Рабеночекъ?" толпились солдаты. — „Рабеночекъ и есть!.. Вотъ послалъ на Рождество Господь... Это, братцы, къ счастью..." Лохматка сидѣла, пытливо вглядываясь во всѣхъ, но замѣтивъ общее расположеніе къ „находкѣ", обрадовалась и на весь балканскій просторъ пролаяла такъ оглушительно, что отъ ближайшаго костра всталъ и пришелъ къ намъ „командиръ". „Что у васъ тутъ?"— „Дитю Богъ послалъ!.." Тотъ только брови поднялъ. Капитанъ самъ былъ семейный и толкъ въ этомъ понималъ. „Чего же вы его распутали?" Но Барсуковъ, нагрѣвъ надъ огнемъ овчину, живо завернулъ въ нее маленькое существо, довольно спокойно относившееся къ новой обстановкѣ. Ребенокъ велъ себя разсудительно, свыше всякой мѣры. „Хотите на меня смотрѣть, казалось, думалъ онъ,—ну, смотрите, меня отъ этого не убудетъ". На красномъ комочкѣ лица, изъ-подъ слегка припухшихъ вѣкъ, серьезно смотрѣли сѣрые глаза, останавливаясь то на мнѣ, то на „командирѣ", то на фельдфебелѣ. Носъ пуговкою, какъ-то сморщился. „Плакать собирается!" замѣтилъ кто-то. Ребенокъ и тутъ оказался на высотѣ своего положенія. Безбровый лобикъ его разгладился, ротъ вытянулся трубочкою, потомъ раскрылся и откровенно зѣвнулъ. „Вотъ-де вамъ, чего мнѣ надо.." Я дотронулся до его щекъ—мягкія оказались, теплыя... Глаза его блаженно закрылись и изъ-подъ овчины, на зло всей этой обстановкѣ — боевымъ кострамъ, морозной балканской ночи, ружьямъ, составленнымъ въ козлы и тускло блиставшимъ штыками, дальнему десятками ущелій повторенному выстрѣлу — передъ нами покойное-покойное было дѣтское личико, одною своею безмятежностью обезсмысливавшее всю эту войну, все это истребленіе, всѣ эти жестокіе инстинкты!..

VII.

Барсуковъ разжевалъ было сухарь съ сахаромъ, оказавшимся въ чьемъ-то запасливомъ солдатскомъ карманѣ, но старый фельдфебель остановилъ его. „Внизу сестры милосердыя. У нихъ для рабеночка и молочко найдется!.. Дозвольте отлучиться, ваше высокоблагородіе". Капитанъ дозволилъ и письмо даже написалъ, что рота беретъ находку на свое попеченіе... Лохматкѣ очень понравилось у огня. Она даже лапы вытянула и брюхомъ къ небу обернулась. „На-те-де. Вся я тутъ передъ вами, какая есть—не взыщите!" Но какъ только фельдфебель тронулся съ мѣста, она безъ сожалѣнія бросила костеръ и, ткнувши мордой въ руку Барсукова, со всѣхъ ногъ кинулась за нимъ. Старый солдатъ

„Съ праздникомъ!“ Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Оболенскаго, автотипія Ангерера.

несъ дитя подъ шинелью бережно. Я зналъ, какой страшный путь прошли мы, и съ невольнымъ ужасомъ думалъ о томъ, что̀ его ожидало:—почти отвѣсные спуски, скользкіе, обледенѣвшіе скаты, тропки, едва державшіяся на ребрахъ утеса... Къ утру онъ будетъ внизу, а тамъ — сдалъ ребенка и опять вверхъ, гдѣ рота уже построится и начнетъ свое утомительное движеніе въ долину Тунджи!.. Я заикнулся объ этомъ Барсукову. Несуразный ветлужанинъ, смотрѣвшій въ огонь, круто обернулся ко мнѣ и уставился на меня. „А Богъ-то?“ спросилъ онъ. — „Что?“ не понялъ я сразу.—„А Богъ-то, говорю?.. Нешь Онъ попуститъ?..“ Еще разъ издали донесся до меня веселый лай и я опять заснулъ, разогрѣтый огнемъ костра и успокоившійся послѣ только-что пережитаго волненія... И Богъ дѣйствительно помогъ старику... На другой день онъ разсказывалъ: „точно крылья несли меня. Тамъ, гдѣ одному было жутко днемъ, а тутъ въ туманъ спустился, ничего не вижу, а ноги сами идутъ и дитё ни разу не крикнуло!.. И сестры какъ обрадовались: скажи, говорятъ, капитану, что мы его выходимъ и собаку пріютимъ!“

VIII.

Но собака, сверхъ всякихъ ожиданій, поступила совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлось сестрамъ. Она осталась, было, и первые дни пристально слѣдила, не спуская глазъ съ ребенка и съ нихъ, какъ будто хотѣла убѣдиться, хорошо-ли будетъ ему и заслуживаютъ-ли ея песьяго довѣрія онѣ. Лохмачъ даже отъѣлся за это время. По ночамъ онъ ложился у постели „найденыша“ и неизмѣнно всякій его крикъ сопровождалъ лаемъ. „Вставайте-де. Чего спите, когда онъ кушать проситъ“. Но сестры вставали и безъ этого. Усталыя, измученныя послѣ цѣлаго дня безотрадной работы надъ ранеными, онѣ все-таки находили въ своихъ святыхъ душахъ неизсякаемые источники нѣжности и любви для этого жалкаго, осиротѣвшаго существа. Мало-по-малу убѣдившись въ томъ, что и безъ него ребенку будетъ хорошо, песъ позволилъ себѣ посѣщать госпитали, гдѣ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, безмолвно глядя на больныхъ, или опуская лохматую голову, погружался въ свои собачьи мысли о тщетѣ всего человѣческаго... Въ „послѣднее“ утро — почему „послѣднее“ — сейчасъ объ этомъ будетъ сказано — сестры видѣли, какъ вѣрный песъ сталъ передними лапами на постель къ ребенку и долго смотрѣлъ на него, а потомъ выбѣжалъ изъ палатки и, присѣвъ, задумался. Наконецъ, принявъ какое-то твердое рѣшеніе, онъ обѣжалъ всѣхъ сестеръ, приласкался къ каждой, явился на кухню къ полюбившемуся ему повару, и тому мокрымъ носомъ толкнулся въ руку—и исчезъ невѣдомо куда!..

IX.

Невѣдомо куда для „сестеръ“ — въ первое время. Наша рота двинулась изъ Казанлыка за Малые-Балканы, и вотъ на одномъ перевалѣ, гдѣ снѣгъ ужь остался позади—а царство невылазной грязи ожидало насъ впереди—не успѣли мы выстроиться, какъ передъ фронтомъ необыкновенно молодцовато, во весь карьеръ своихъ четырехъ кривыхъ лапъ, еще болѣе лохматая, вся залѣпленная слякотью, но оглушительно и весело лая, пронеслась знакомая собака. Она твердо знала разницу въ чинахъ, потому что прежде всего оставила грязные слѣды на груди капитана, потомъ завертѣлась у ногъ фельдфебеля и, наконецъ, радостно привѣтствовала Барсукова, кинувшись тому къ самому лицу... Барсуковъ отплюнулся, пробормоталъ: „ишь— паршивая“, но смотрѣлъ на пса добрыми и ласковыми глазами... Окончивъ съ этимъ, собака помѣстилась на правомъ флангѣ, около фельдфебеля, и съ тѣхъ поръ это было ея неизмѣннымъ мѣстомъ. Она и шла, и останавливалась съ нами. Солдаты ее полюбили и прозвали почему-то „ротной Аранкой“, хотя съ Аранкою у нея не было никакого сходства. Она была покрыта свѣтло-рыжею шерстью, а голова у нея оказывалась послѣ дождя, разумѣется, совсѣмъ бѣлой. Тѣмъ не менѣе, рѣшивъ, что на мелочи обращать вниманія не стоитъ, она стала и на имя „Аранки“ отзываться весьма охотно. Аранка, такъ и Аранка. Не все-ли равно — лишь бы съ хорошими людьми дѣло имѣть.

X.

Вы помните Хаскіойскія поля? Море грязи внизу— море непроглядная тумана надъ нею... Туманъ сливался съ грузными медлительными тучами. Въ немъ двигалось что-то громадное, темное, зловѣщее. Подошли наши войска — оттуда, изъ самыхъ нѣдръ этой мглы, грянули залпы. Мы отвѣтили тѣмъ же и ударили въ штыки—турецкіе таборы бѣжали, но за ними оказались сотни тысячъ бѣглецовъ. Жены съ дѣтьми, старики со старухами. Наши солдаты остановились. Жалость была на всѣхъ лицахъ. Но напуганное муллами, поднятое со своихъ мѣстъ султанскими эмиссарами, мирное населеніе долинъ Марицы и Тунджи со слѣпу кинулось за таборами. Куда?.. Развѣ они знали въ безсмысленной паникѣ. Голодные, терявшіе дѣтей въ этой слякоти, тысячами умиравшіе сами... Нѣсколько дней мы собирали еще дышавшихъ, еще живыхъ, и „ротная Аранка“ при этомъ дѣлала чудеса. Она рыскала по всему этому простору и громкимъ отрывистымъ лаемъ обозначала тѣхъ, кому еще могла принести пользу наша помощь. Она не останавливалась надъ мертвыми. Ея вѣрный собачій инстинктъ указывалъ ей, что тутъ вотъ подъ напухшими комьями грязи еще бьется сердечишко въ маленькомъ дѣтскомъ тѣлѣ. Она живо дорывалась кривыми лапами до него, и подавъ голосъ, бѣжала къ другимъ. Благодаря этому чудесному псу было спасено много жизней. „Тебѣ бы, по настоящему, медалю слѣдовало“, ласкали ее потомъ солдаты. Но животнымъ, даже самымъ благороднымъ, даютъ, къ сожалѣнію, медали за породу, а не за подвиги милосердія. Мы ограничились только тѣмъ, что уже въ Константинополѣ заказали ей ошейникъ, съ надписью: „За Шибку (Куруджу) и Хаскіой—вѣрному товарищу“...

XI.

Сонъ, грезившійся мнѣ у костра на самомъ темени Балканскихъ вершинъ — скоро исполнился. У моихъ ногъ ласково шумѣли синія воды Эгейскаго моря, въ лазурномъ царствѣ котораго до сихъ поръ чудится купающаяся Амфитрита; потомъ черезъ нѣсколько дней въ теплый свѣтъ уходили дивныя дали Геллеспонта и наконецъ все въ золотистомъ туманѣ стройное и художественное мерещилось несравненное марево Константинополя. Башни за башнями, дворцы за дворцами, минареты за минаретами. Какъ многоочивый змій апостола, оно по ночамъ горѣло тысячами огней—дразня наши ревнивые глаза вѣчною несбыточною сказкою русскаго Царя-града... А тамъ прибыли наши пароходы—и я помню, какъ старый фельдфебель пошелъ проводить меня съ неразлучавшейся съ нимъ Аранкой. „Кланяйтесь матушкѣ-Россіи. Авось и насъ Богъ приведетъ!..“ говорилъ онъ мнѣ, а Аранка съ берега лаяла на меня, ставя шерсть дыбомъ и уши торчкомъ. Чего-де ты, куда? Развѣ здѣсь не хорошо? Аль совсѣмъ ополоумѣлъ? Когда лодка моя отчалила—Аранка даже въ воду сунулась и завыла, считая меня, очевидно, погибшимъ... Тихо-тихо сбѣгался Константинополь въ одну кучу минаретовъ, сливался въ одинъ бѣлый комочекъ; темное и непривѣтливое бурей встрѣтило насъ Черное море, и черезъ два дня мы впервые въ эти полтора года издали разслышали торжественный звонъ родныхъ колоколенъ...

XII.

Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Сотни могилъ остались позади. Старыя были поблекли и слиняли.

Кто и помнитъ о нихъ—такъ про себя больше. Ѣхалъ я какъ-то по Задонскому приволью... Русскій просторъ охватывалъ меня отовсюду своими ласковыми зеленями, могучимъ дыханіемъ неоглядныхъ далей, неуловимою нѣжностью, что живоноснымъ источникомъ пробивается сквозь его видимое уныніе... Съумѣй подслушать его, найти, напейся его воскрешающей воды—и жива душа будетъ, и потемки разсѣются, и вѣра воскреснетъ, а сомнѣнію мѣста не останется въ сердцѣ, какъ цвѣтокъ открывшемся теплу и свѣту... И зло пройдетъ, и добро останется вовѣки-вѣковъ... Вечерѣло... Потянуло сыростью съ поемныхъ луговъ; тихій благовѣстъ донесся откуда-то... Мой ямщикъ добрался, наконецъ, до села и остановился на постояломъ дворѣ... Мнѣ не сидѣлось въ душной, полной назойливыхъ мухъ комнатѣ. Солнце садилось—я вышелъ на улицу... Вдали крыльцо. На немъ песъ растянулся — дряхлый, дряхлый... куцый. Прощальный лучъ заката блеснулъ на его ошейникѣ. У мужика—и собака съ ошейникомъ? Отъ нечего дѣлать — любопытенъ становишься. Подошелъ. Господи! Старый товарищъ... „За Шибку и Хаскіой". Аранка, милая! Но она только подняла голову и, не узнавъ меня, пробовала залаять — только ничего у нея не вышло... Хрипъ какой-то... Я въ избу — дѣдъ сидитъ на лавкѣ — мелюзга кругомъ шебаршитъ. Взрослые съ поля еще не вернулись. „Откуда у васъ собака эта?"— Наша, ротная!.. — „Батюшка, Сергѣй Ефимовичъ — вы-ли это?" крикнулъ я. Вскинулся старый фельдфебель—разомъ узналъ и по лицу знакомое что-то пробѣжало. Брызни на ветхую, слинявшую картину водой и на минуту поблекшія лица выступятъ на ней въ блескѣ и жизни молодости. О чемъ и что мы говорили—кому до того дѣло? Наше намъ дорого и на весь свѣтъ кричать объ этомъ даже стыдно, поди... Аранку мы позвали — едва доползла, волоча брюхо, и у ногъ хозяина улеглась, хрипя и задыхаясь... „Помирать намъ съ тобой пора — ротный товарищъ, гладилъ ее старикъ,—довольно пожили на покоѣ!.." Собака подымала на него угасавшіе глаза и повизгивала: „пора-де, охъ — давно пора!"—А помните какъ она браво тогда на Куруджѣ лаяла на насъ?..

— Ну, а что съ ребенкомъ сталось?..

— Пріѣзжала!.. И дѣдушка радостно улыбнулся. — Отыскала меня, старика...

— Здѣсь?

— Да! Вотъ какъ. Барышня совсѣмъ. И все у нея по хорошему. Меня приласкала — подарковъ навезла. Аранку въ самую морду поцѣловала. Просила ее у меня. „У насъ, говоритъ, ее холить станутъ"... Ну, да намъ-то не разстаться съ ней. И она отъ тоски подохнетъ.

— А Аранка ее узнала?

— Ну, гдѣ... Комочекъ вѣдь была она тогда... дѣвчонка-то... Эхъ, братъ, Аранка, пора намъ съ тобою на вѣчное успокоеніе. Пожили, будетъ?.. А...

Аранка вздохнула.

Черезъ годъ я былъ опять въ этомъ селѣ.

На кладбищѣ мнѣ показали бѣлый крестъ... Подъ нимъ дѣйствительно нашелъ успокоеніе старый фельдфебель... На кленѣ надъ нимъ заливались щеглы, дрались веселые чижи... Могилу всю травкой занесло. Наивные бѣлые цвѣтки ласково, по-дѣтски, смотрѣли на меня оттуда... Нахальный желтый курослѣпъ хотѣлъ было на самый холмикъ взобраться, да не смогъ—въ ногахъ остался. Вдали блестѣлъ крестъ надъ куполомъ сельской церкви... Тихо было, мирно, благолѣпно кругомъ...

— А Аранка гдѣ? спросилъ я.

— Собака-то... Какъ дѣдушко померъ — она съ могилки уйти не хотѣла. Не ѣмши, не пимши все жалилась и землю рыла. Да куда!—лапы у ей дряхлыя, слабыя... Тутъ и поколѣла... На этомъ мѣстѣ...

— Гдѣ ошейникъ ея?.. Не остался-ли?

— Нѣтъ, куда... Батько къ цѣловальнику сволокъ. Потому у насъ вотъ какъ пили тогда на селѣ, какъ рощу у барина покупали... Ну, и Аранкино добро туда же пошло...

Іерусалимъ — Виѳлеемъ.

Очеркъ.

Съ наступленіемъ великаго праздника Рождества Христова, воспоминанія о видѣнномъ и прочувствованномъ въ Святой Землѣ, какъ пчелиный рой, летятъ и тѣснятся въ головѣ паломника. Душевныя впечатлѣнія, полученныя имъ во время своего странствованія, не изглаживаются вовѣкъ. Уже пять лѣтъ канулo, какъ оставилъ я священный берегъ, а въ настоящую минуту непостижимо ярко развертываются предъ моими глазами священныя картины со всѣми евангельскими, историческими и легендарными сказаніями, картины палестинской природы, озаренной палящими лучами почти тропическаго солнца, и еще болѣе озаряемыя живительнымъ духовнымъ свѣтомъ. Вотъ небольшой холмъ, весь покрытый, какъ зеленымъ бархатнымъ ковромъ, кущею лѣсовъ и виноградными насажденіями, едва пустившими прозрачные, узорчатые листки. На вершинѣ холма стоитъ массивное, тяжелое, многоэтажное зданіе монастыря Св. Иліи. По безконечнымъ, многоколѣннымъ лѣстницамъ съ разными переходами, по коридорамъ и жилымъ помѣщеніямъ можно подняться на верхнюю площадку. Посреди этой площадки возвышается круглый, какъ древняя шапка Русскихъ царей, куполъ съ сіяющимъ на солнечныхъ лучахъ золотымъ крестомъ. Отсюда Іерусалимъ развертывается весь, какъ на рисункѣ. Ближе, такъ сказать, на первомъ планѣ, слѣва Сіонъ Давидовъ, при этомъ царѣ составлявшій верхній городъ, центръ городской жизни, теперь находящійся внѣ стѣнъ, покрытый кладбищами христіанскихъ исповѣданій и съ магометанскою мечетью, въ которой находится горница, какъ гласитъ преданіе, гдѣ совершена была Іисусомъ послѣдняя пасха; правѣе отъ Сіона Морія — возвышенность, на которой воздвигнутъ былъ храмъ Соломона, а потомъ не менѣе великолѣпный храмъ Ирóда, освященный присутствіемъ въ немъ Великаго Учителя. Нынѣ возвышается тамъ магометанская святыня *). Нѣсколько далѣе высится монументальный куполъ храма Воскресенія надъ Св. Гробомъ. Правѣе, за восточною городскою стѣною, за Іоасафатовою долиною, виднѣется подъемъ на Масличную гору, на нижней части которой недавно воздвигнутъ усердіемъ Членовъ Русской Императорской Фамиліи храмъ во имя Св. Маріи Магдалины, съ пятью островерхими куполами, осѣняемыми позлащенными крестами. Сѣвернѣе Елеонской горы, въ туманной дали, виднѣется пригорокъ „Новая Галилея", гдѣ собраны были ученики и апостолы предъ моментомъ Вознесенія Господня; ближе, у южнаго склона Елеона, гора Соблазна, гдѣ Соломонъ, въ угоду одной изъ своихъ женъ, дочери Египетскаго фараона, возвелъ капище идоловъ. По безплодной, каменистой возвышенности за сѣверной городской стѣною тянется и пропадаетъ на горизонтѣ путь въ Самарію и далѣе въ Галилею, Сирію къ Дамаску и Бельбеку. За возвышенностями съ восточной стороны, въ неизмѣримой дали, тянутся мрачными силуэтами зигзаги длинной цѣпи Моавитскаго хребта въ странѣ Заіорданской.

*) Мечеть Омара.

Нескончаемой вереницею проходятъ въ памяти событія, передаваемыя историческими книгами и совершившіяся на этомъ сравнительно незначительномъ пространствѣ. Отчетливо представляется и видъ многострадальнаго города во время земной жизни Спасителя съ безчисленными городскими башнями съ бойницами, златоверхими дворцами Иродовыми, среди роскошныхъ садовъ, и крѣпостью Антонія, возвышавшеюся у сѣверо-западной стѣны іудейскаго храма, откуда день и ночь зорко наблюдала римская стража за мятежнымъ народомъ. Отъ этого города не осталось камня на камнѣ, по пророчеству невинно пострадавшаго за насъ Агнца. И пророчество это сбылось чрезъ сорокъ лѣтъ по вознесеніи Христовомъ. Повѣсть о разгромѣ города Титомъ, передаваемая современниками, превосходитъ ужасами все, что только извѣстно изъ всемірной исторіи. Сопротивленіе іудеевъ было, поистинѣ, геройское. Вспомню здѣсь одинъ только эпизодъ о страданіяхъ въ обложенномъ городѣ. Онъ разсказанъ Іосифомъ-Флавіемъ, очевидцемъ. Одна мать, изстрадавшаяся отъ голода, забывъ природное материнское чувство, зарѣзала собственнаго ребенка и съѣла его до половины. Бѣжавшіе мимо солдаты, голодные, услыхавъ запахъ мяса, бросились къ ней, угрожая смертью, если не укажетъ, гдѣ спрятана „ея прови-

2

Рождественское утро. Рис. Рёстель, грав. Брендамуръ.

Христославцы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Н. Шаховского**, грав. Шюблеръ.

зія". „Вотъ, отвѣчала несчастная, — возьмите, что осталось... Я не все съѣла. Я убила сына. Если мать поѣла этого мяса, вамъ что же гнушаться, у васъ не материнское сердце". Съ ужасомъ бросились отъ нея люди на улицу и потомъ разсказывали въ городѣ. Сами римляне были поражены, когда до нихъ достигла эта вѣсть... Титъ распиналъ по 500 человѣкъ плѣнныхъ ежедневно, такъ что недоставало дерева для крестовъ и вѣшали двоихъ на одномъ крестѣ. Патріотизмъ народа обнаружился несомнѣнно при этой осадѣ. Но гибель народа была уже написана въ книгѣ судебъ. Умереть ему насталъ часъ ради великихъ цѣлей Провидѣнія. А эти цѣли стали понятны міру въ слѣдовавшіе затѣмъ вѣка. Сѣмя истинной вѣры брошено было въ еврейскую почву, но должнаго плода эта нація не дала. Она прикрѣпостила идею вѣры къ странѣ, городу, ко храму. Прозелитизмъ ей былъ незнакомъ. Не-евреи для нихъ не были люди. Проживъ 70 лѣтъ въ плѣну, этотъ народъ не оставилъ въ Вавилонѣ ни малѣйшаго сѣмени своей религіи. Для спасенія рода человѣческаго должно было явиться христіанство.

Такова неумолимая логика вещей, она есть проявленіе непреходящихъ законовъ Божіихъ...

Оставимъ ужасную картину агоніи народа и паденія великаго изъ градовъ и обратимъ взоры на югъ, къ столь же древнему, какъ и онъ, мѣстечку, гдѣ впервые возсіяло Слово.

Монастырь Св. Иліи, съ башни котораго раскрывается такой видъ на Іерусалимъ, стоитъ на полупути между нимъ и Виѳлеемомъ. На сѣверъ ровно три съ половиною версты до Святого града, и столько же до Виѳлеема—на югъ.

За лощиною, покрытою изумрудной растительностью, на склонѣ небольшого холма, но не спускаясь къ его подножію, расположено ничтожное по наружному виду селеніе, ничѣмъ бы и не отличавшееся отъ другихъ сосѣднихъ, если бы его не коснулась рука европейца. То древняя библейская Ефраѳа, Виѳлеемъ — домъ плодородія, домъ хлѣба, Бетъ-Ламъ — домъ плоти, съ царящею надъ всѣми зданіями Константиновскою базиликой на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ гласитъ лаконическая латинская надпись на серебряной звѣздѣ, „... de virgine Maria Jesus Christus natus est". Разстояніе между Іерусалимомъ и Виѳлеемомъ весьма небольшое, но характеръ двухъ городовъ различенъ. Въ Іерусалимѣ сталкиваются всѣ національности: и турокъ въ чалмѣ, и арабъ въ своемъ абайе — длинномъ, полосатомъ распашномъ халатѣ изъ верблюжьей шерсти, черный абиссинецъ, бритый кармелитъ, англійская миссъ и прокаженный, съ воплями „хаваджи" протягивающій вамъ руку съ полусгнившими пальцами. Толпа уличная снуетъ, торгуется, кричитъ, при малѣйшей ссорѣ блеститъ лезвее ножа. Все смотритъ на васъ мрачно, враждебно; четыре городскихъ квартала, населенные христіанами, армянами, евреями и магометанами, проникнуты какою-то непостижимою взаимною ненавистью. Виѳлеемъ, напротивъ, дышитъ простотой патріархальныхъ временъ. Туземцы преисполнены любовью къ пришлому люду, они встрѣчаютъ васъ привѣтливою, радостною улыбкою, сердечно, можно сказать, дружески жмутъ руку всякому незнакомцу, гостепріимны до приторности, что впрочемъ свойственно арабу. Типъ, въ особенности женщинъ и дѣтей, замѣчательно красивый, ихъ радушный, веселый взглядъ чаруетъ. И самый характеръ событій, имѣвшихъ мѣсто въ этомъ селеніи или его ближайшихъ окрестностяхъ, свидѣтельствуетъ, что эта чистота нравовъ, сердечныхъ, пріязненныхъ чувствъ и наружная красота — коренныя свойства мѣстнаго населенія. Таковы всѣ библейскія повѣствованія о Рахили, Руѳи, Саулѣ, Давидѣ, таковъ и евангельскій образъ Дѣвы Маріи.

Есть предположеніе, и основанное на нѣкоторыхъ данныхъ, что домъ Вооза и Руѳи, а впослѣдствіи и домъ Давида, былъ въ теченіе вѣковъ обращенъ въ ханъ, родъ караванъ-сарая или то, что̀ намъ извѣстно подъ названіемъ гостинницы. Такіе ханы, существующіе во многихъ мѣстахъ Палестины и нынѣ, строились въ видѣ станцій для путниковъ. То было не что иное, какъ обнесенныя крѣпкими и высокими стѣнами болѣе или менѣе обширныя площадки съ приспособленіями для возможно удобнаго помѣщенія человѣка и скота. Не было примѣра, чтобы въ одномъ и томъ же городѣ или селеніи выводилось болѣе одного хана. Въ Виѳлеемѣ, такомъ маленькомъ городкѣ, нельзя и допустить чего-либо подобнаго. Виѳлеемъ лежалъ на большой дорогѣ въ Египетъ. По обычаю, ханъ устраивался близъ дороги. Слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ Сиріи, такъ и въ Палестинѣ, гостинница, или ханъ, однажды устроенная, оставалась на томъ мѣстѣ и никогда не переносилась на другое; самая земля, на которой ханъ былъ построенъ, какъ предназначенный для страннопріимной цѣли, становилась въ нѣкоторомъ смыслѣ освященною, которую затѣмъ нельзя было осквернять обращеніемъ для какой-нибудь обыкновенной цѣли. А потому, если домъ Вооза послѣ Давида былъ дѣйствительно обращенъ въ такой пріютъ странниковъ, то однажды обращенный въ ханъ долженъ былъ оставаться такимъ навсегда, и есть основаніе предполагать, что Іосифъ и Марія останавливались въ Виѳлеемѣ именно въ этомъ ханѣ, а какъ онъ долженъ былъ находиться на краю города, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что базилика Константина, находящаяся именно на оконечности города, дѣйствительно выстроена на самомъ мѣстѣ Рождества Христова.

Старый Паломникъ.

На святой вечеръ.

Святочный разсказъ **Елены Бердяевой.**

Смеркалось. Тучи густою, тусклою пеленою тяжело и низко висѣли надъ небольшимъ, затерявшимся въ лѣсахъ Украйны сельцомъ Калиновкою. Шелъ крупный снѣгъ и пушистымъ покровомъ застилалъ сады и низенькія хаты. Морозъ стоялъ не особенно сильный, но вѣтеръ свирѣпствовалъ. Потемнѣвшая отъ времени дверь одной хаты отворилась:

— Ой, матинко, яка завирюха, свѣту Божьяго не видно, весело прозвенѣлъ серебристый дѣвичій голосокъ, и молодая дивчина, заслонивъ глаза рукою, чтобы прикрыть ихъ отъ снѣга, посмотрѣла по направленію къ воротамъ, но, убѣдившись что ничего, кромѣ слабо чернѣющихъ столбовъ, она не въ силахъ разглядѣть сквозь зыблющуюся пелену снѣга, направилась къ калиткѣ.

— Оксана,—ты? окликнули ее на улицѣ.

— Я,—Настя! Ну, разсказывай, дивчата идутъ всѣ? А хлопцы? Старая Моргуниха согласна?

— Дивчата, заговорила Настя,—побожились, что прибѣгутъ—будутъ собираться у околицы... И хлопцы обѣщали придти, и угощенье принесуть, и горилку! И твоего Петра видѣла—говорилъ, какъ-же, придетъ непремѣнно...

Переговоривъ съ Настей, Оксана вернулась въ хату.

Въ хатѣ ярко топилась громадная печь, у которой суетилась мать Оксаны, Параска—высокая, худая женщина, со строгимъ, морщинистымъ лицомъ и проницательными, впалыми глазами. Десятилѣтняя сестренка Ганка мыла ложки въ большой глиняной мискѣ. Трехлѣтній Ивась сидѣлъ возлѣ, на лавкѣ, и строгалъ что-то. Остапъ, батько, пріодѣтый, ради праздника, принималъ снисходительное участіе въ забавѣ сынишки.

— Куда бѣгала? рѣзко окликнула Оксану мать.

— Смотрѣла—довольно ли соломы постлано „Рудькѣ", боялась—не озябъ ли онъ.

И Оксана принялась помогать матери возлѣ печи.

За окнами все болѣе и болѣе темнѣло. Гулъ мятели не умолкалъ.

— Не пора ли часомъ и вечерять? степенно спросилъ сѣдоусый Остапъ.

— А что же! Можно и вечерять, согласилась Параска.—Оксана, вынимай изъ печи кутью.

— Ой кутья, ой кутья! радостно запѣлъ Ивась.

Поужинали. Мать потушила свѣчку, зажгла каганецъ и стала мыть посуду. Ганка прикорнула на лавкѣ, Оксана принялась мести полъ.

— Не пойдешь колядовать? спросила у нея мать, вымывъ посуду и взбираясь на печь.

— Холодно! коротко отвѣтила она.

— Ну и хорошо! Нечего въ святой вечеръ бѣганьемъ да баловствомъ заниматься, рѣшила Параска.

Оксана прилегла возлѣ Ганки.

Наконецъ Параска, повздыхавъ и поворочавшись, затихла. Уснулъ и отецъ. Оксана тихонько привстала.

— Только уйди безъ меня! зашептала вдругъ Ганка.—Мать разбужу и все разскажу ей! Я видѣла какъ прибѣгала Настя къ тебѣ,—видѣла... Бери и меня съ собой.

— Да съ чего ты? испугалась Оксана,—чего ты тамъ не видѣла?

— У Моргунихи пряники-медвяники будутъ!.. Я тоже къ ней хочу.

Пришлось согласиться изъ боязни, что сестра разбудитъ мать. Оксана разыскала у образовъ огарокъ тоненькой восковой свѣчки, принесенный ею, и скользнула въ холодную горенку, гдѣ хранилось ея добро въ кованой скрынѣ. Она поспѣшно надѣла праздничный нарядъ, захватила узелокъ съ угощеньемъ и вернулась въ хату.

— Ганко, спишь?

— Нѣтъ. Я чоботы надѣла и кожухъ. Завязывай меня хусткой...

Оксана пожала плечами, но закутала ее.

Выйдя за ворота, онѣ направились къ околицѣ. Темень стояла непроглядная, снѣгъ сыпался съ прежней силою, а вѣтеръ завывалъ такъ, что Ганка дрожала вся.

На околицѣ, кучкой, стояли дивчата и звонко болтали.

— А, вотъ и Оксана! послышались голоса.—Наконецъ-то пришла!.. Да кого это ты привела съ собою—Ганку?

— Да, Ганку; пронюхала, хитрая. А Настя гдѣ? спросила Оксана.

Дивчата захохотали.

— Тамъ, гдѣ и хлопцы! Придетъ разомъ съ хлопцами—и ждать ее нечего!

И дивчата двинулись гурьбою. Въ открытомъ полѣ не было видно дороги. Снѣгъ непроглядной завѣсой стлался передъ глазами, а признаки торнаго пути сгладилъ необъятный снѣговой коверъ, покрывшій всю землю. Дивчата брели наугадъ.

Трудно имъ было идти. Въ рыхлыхъ сугробахъ ноги увязали выше колѣнъ. Снѣгъ набивался въ сапоги, подъ платки, за воротники кожуховъ, таялъ и холодными струйками стекалъ по спинѣ.

Вотъ и лѣсъ, наконецъ. Высокія, мрачныя деревья угрюмы и черны. Вѣтеръ сорвалъ съ нихъ ризы серебрянаго инея и разнесъ его морозной пылью по воздуху,—стоятъ они, угрюмыя и печальныя, со стономъ качая голыми, точно иззябшими вѣтвями.

Дивчата робко пробирались межъ частыхъ стволовъ по глубокому снѣгу, едва узнавая мѣстность. Лѣсъ казался дикимъ и глухимъ, будто здѣсь никогда не ступала нога человѣческая.

— Ну, никакъ намъ замерзать здѣсь придется... Заблудились... сказала Оксана.—Подѣломъ, значитъ—не ходи на вечеринку въ самый Сочельникъ!

— Ой нѣтъ, не заблудились! Вонъ и хата! громко и радостно закричали въ это время.

Слегка оживившіяся дивчата вошли въ маленькія, тѣсныя сѣни и насилу нащупали въ темнотѣ дверь въ хату. Въ просторной, слегка покосившейся на-бокъ горницѣ, топилась печь. У окна на лавкѣ сидѣла тощая, сѣдая старуха съ злыми ястребиными глазками, провалившимся ртомъ и рѣзко выдавшимися впередъ носомъ и подбородкомъ. На колѣняхъ у нея лежалъ черный котъ, сонно шевеля пушистымъ хвостомъ и блестя круглыми, желтыми зрачками.

На подвѣшенной къ потолку палкѣ спалъ старый, нахохлившійся воронъ съ перебитымъ крыломъ.

Моргуниха лѣниво поднялась навстрѣчу гостямъ и, кивнувъ имъ головой, хрипло произнесла:

— И Настя здѣсь,—только что вышла. Сейчасъ придетъ.

— А, она ужъ здѣсь! А мы думали, что она не раньше, какъ съ хлопцами, явится, сказала Оксана, раздѣвавшая сонную сестренку.—Ну, ступай, малая, на печь,—грѣйся теперь!

Дѣвочка съ ловкостью кошки сейчасъ же взобралась туда. Стали вынимать изъ принесенныхъ узелковъ угощеніе: медъ, орѣхи, городскіе пряники, сѣмячки, леденцы въ пестрыхъ бумажкахъ, и принялись разставлять все это на столѣ. Моргуниха не принимала участія въ общей суетѣ.

Вошла Настя и, разсѣянно поздоровавшись съ подругами, начала шептаться со старухой. Она казалась какой-то странной:—глаза ея ярко и насмѣшливо блестѣли, волосы растрепались, лицо было блѣдно.

Усѣлись по лавкамъ. Всѣмъ стало какъ-то не по себѣ.

— Ну, чего же мы и вправду молчимъ—поколядуемъ хоть, дѣвушки, предложила Оксана.

Настя нахмурилась и сверкнула глазами.

— Поколядуемъ, поколядуемъ! согласились остальныя.

И затянули было торжественно-радостный напѣвъ праздничной пѣсни. Вдругъ гдѣ-то вблизи, возлѣ нихъ, раздался злой и наглый хохотъ.

— Кто смѣялся?.. Ты Оксана?

— Нѣтъ, это кажется Одарка...

— Не я! Нѣтъ, не я... Ужъ не Настя-ли?

— Нѣтъ, и не я, заявила Настя.—Да вы не бойтесь, глупыя... Это вамъ просто такъ показалось... Я ничего не слыхала! Можетъ хлопцы идутъ, такъ донесло вѣтромъ голоса впередъ... Да вы ужъ не колядуйте, бросьте,—лучше бабусю повеличаемъ со Христовымъ праздникомъ.

Въ это время раздался громкій стукъ въ дверь.

— Да входите, входите—нечего вамъ стучать, вскричала Настя, бросаясь навстрѣчу новымъ гостямъ.

Въ избу ввалилась цѣлая ватага хлопцевъ, осыпанныхъ снѣгомъ.

— Ну, что, колядовали?.. Много-ли наколядовали? стали спрашивать ихъ.

— Какого тамъ бисова батька! Стали бы мы колядовать! Вотъ нашли дураковъ! зычно хохотали хлопцы.

— Почему же бы и нѣтъ?

— Да такъ ужъ! Мы вотъ лучше съ вами здѣсь... Эхъ вы, красавицы! Ну, принимайте насъ честью, зовите садиться!..

И хлопцы принялись размѣщаться по лавкамъ. Двумъ изъ нихъ даже не хватило мѣста, и они усѣлись на порогѣ, у дверей.

„Почему это хлопцы не раздѣваются?" съ любопытствомъ подумала Оксана, разглядывая знакомыя лица, между которыми былъ и Петро, успѣвшій уже подмигнуть ей.

Паробки, выпивъ, отказались отъ всякой закуски, принесенной дивчатами.

— Нѣтъ, и не говори лучше, сказала Оксана Петро, просившему ее плясать съ нимъ,—грѣхъ плясать сегодня... И не приставай понапрасну. Вотъ посидимъ еще немного, да и по домамъ. Пусть кто-нибудь разскажетъ сказку — такъ, право, будетъ хорошо!

— Ну, ладно, коли такъ, согласился Петро и, усѣвшись прямо на столъ, началъ что-то разсказывать. Остальные хлопцы закурили люльки. Оксана задумчиво слѣдила за струйками дыма и удивлялась, почему это Петро сегодня такой — она и сама не могла опредѣлить, какой именно.

„Отчего онъ не скинулъ ни кожуха, ни шапки", думала дивчина. — „И лицо у него красное—видно выпилъ... А глаза страшные-страшные!.."

Оксанѣ показалось, что дремота овладѣваетъ ею. Дымъ отъ люлекъ наполнилъ хату удушливымъ, почти непроницаемымъ туманомъ.

„Господи, что это сегодня всѣ такіе чудные", продолжала недоумѣвать Оксана. — „Никогда я не видѣла ихъ еще такими".

— Оксана, Оксана, дай мнѣ пряника и сѣмячекъ сюда, раздался тоненькій голосокъ съ печки.

— Это ты, Ганка? Еще не спишь? невольно усмѣхнулась Оксана и, взявъ со стола немного лакомствъ, положила ихъ въ протянутую руку дѣвочки.

Она хотѣла отойти, но вдругъ почувствовала, что Ганка крѣпко держитъ ее за рукавъ и тихонько шепчетъ:

— Оксана, подойди сюда—скорѣе, говорю тебѣ, скорѣе!

— Чего ты? нетерпѣливо нагнулась та къ сестрѣ.

— Посмотри, Оксана, что это такое тамъ подъ лавками... Видишь? Вѣдь это хвосты, право — хвосты, вотъ точно такіе же, какъ тамъ, гдѣ Страшный Судъ намалеванъ... у чертей такіе же...

Оксана торопливо глянула подъ лавки. Въ самомъ дѣлѣ — изъ-подъ кожуха каждаго хлопца высовывался мохнатый, длинный черный хвостъ и, свернувшись кольцомъ, лежалъ на полу.

„Это черти! Правду говоритъ Ганка, пропали мы совсѣмъ", подумала она.

Глаза ея устремились на Петро — и у ея хлопца изъ-подъ кожуха высовывался длинный-предлинный черный хвостъ и кольцомъ лежалъ на полу, какъ у прочихъ!

— Знаешь, Оксана, убѣжимъ, сказала Ганка, — право, убѣжимъ!

— Да какъ убѣжимъ-то? Видишь, даже на порогѣ сидятъ, проклятые!

— Подожди, слышишь? Это Жучокъ, собака, просится въ хату. Мы его забыли на дворѣ. Ему тамъ холодно... Отойди отъ меня—я уже знаю, что дѣлать.

Оксана покорно отошла и сѣла возлѣ окна, тревожно озираясь. А Петро все продолжалъ начатый имъ необыкновенно страшный разсказъ. Дивчата смущенно молчали. Жучокъ продолжалъ пищать и скрестись за дверью.

— Оксана, раздалось вдругъ съ печки, — я забыла цуцика на дворѣ... онъ замерзнетъ! Ой, Окса-ана! Слышишь, цуцикъ визжитъ, захныкала Ганка.—Пойдемъ за цуцикомъ!

— Такъ пусть Оксана и сходитъ за твоей собакой, а тебѣ чего же лѣзть туда же! сердито закричалъ одинъ изъ хлопцевъ.

У Оксаны такъ и замерло сердце.

— Жучокъ не пойдетъ ко мнѣ—онъ меня боится, пояснила она, дрожа отъ страха.

— Веди-жъ скорѣе глупую свою дѣвчонку, да возвращайтесь, смотрите, поскорѣе... Дернуло же васъ собакъ за собой таскать!

— Подлая ты, Ганка, нарочно сердилась Оксана, одѣвая дѣвочку и торопливо хватая свой собственный кожухъ.

— Живѣе двигайтесь! Только другимъ мѣшаете! сказала Настя.

Дѣвочка взяла сестру за руку, и хлопцы, сидѣвшіе на порогѣ, встали и пропустили ихъ.

Едва только за дивчатами захлопнулась дверь, онѣ, осѣнивъ себя нѣсколько разъ крестнымъ знаменіемъ, бросились бѣжать изо всѣхъ силъ.

Ганка, держась за руку сестры, нисколько не отставала отъ нея. По пути имъ казалось, что вѣтви, словно живыя руки, хватаютъ ихъ за полы одежды и срываютъ съ головъ платки. Имъ чудилось, что сзади за ними раздается глухой топотъ, точно вслѣдъ мчится погоня. Жучокъ, высунувъ языкъ, скакалъ тутъ же. Наконецъ онѣ наткнулись на ворота околицы и Оксана упала на снѣгъ. Она почувствовала, что Ганка ее толкаетъ и теребитъ за плечо, но страшная лѣнь овладѣла ею и не было силъ подняться...

Однако, толчки становились все сильнѣе и настойчивѣе. Надъ ухомъ раздалось нѣсколько сердитыхъ словъ. Оксана съ усиліемъ повернула голову, раскрыла глаза и...

Тусклый свѣтъ ранняго утра скупо проникалъ въ крошечное, намерзшее окно и падалъ на строгое лицо матери, склонившейся надъ нею.

— Вставай же, говорятъ тебѣ! Вотъ разоспалась! Люди уже давно въ церковь идутъ—не близокъ свѣтъ! И Ганку буди...

Оксана встала. Тѣло ея ныло отъ неудобнаго спанья на узкой и жесткой лавкѣ. У стѣнки, скорчившись, спала Ганка. И разсмѣялась Оксана:

— Приснится же невѣсть что! Только колядки проспала!

Христославцы.

Сцена К. Н. В. (Рис. на стр. 1173).

— Нѣтъ, какъ ты хочешь, Степанида Матвѣевна, говорилъ купецъ Губкинъ женѣ, возвращаясь съ нею отъ обѣдни,—а я этого самаго Гаврилу выгоню, вотъ дай срокъ — празднику пройти—непремѣнно выгоню...

Толстая, неповоротливая Степанида Матвѣевна тяжело поспѣвала вслѣдъ за мужемъ и съ трудомъ отвѣтила ему на ходу:

— Грѣхъ, Герасимъ Силычъ, право грѣхъ, нынѣ великій праздникъ Рождества Христова, всякая тварь радуется, вишь и солнышко играетъ, а ты зло человѣку норовишь сдѣлать... А еще у обѣдни побывать сподобился... Не хорошо...

— А ты не осуждай. Я отлично понимаю и праздникъ, и что вотъ отъ обѣдни идемъ, и все прочее... и кротость свою чувствую..

— Какая-жъ это кротость, Силычъ...

— А вотъ такая, что твое разсужденіе терплю. Вотъ ты разсуждаешь, а я терплю, а Гаврилу все-таки выгоню...

Степанида Матвѣевна примолкла.

— Ты говоришь, началъ опять Губкинъ, хотя Степанида Матвѣевна шла молча и ничего не говорила, — ты говоришь, что Гаврила дворникъ рачительный, а я тебѣ говорю, что никуда онъ не годится. Я его нанялъ — думалъ онъ одинъ-одинёшенекъ, а вчера смотрю: полонъ дворъ ребятъ.—Чьи, спрашиваю? — новаго дворника, говорятъ...

— Что-жъ, возразила купчиха, — семейное дѣло не зазоръ — къ тому же Гаврила человѣкъ вдовый, въ солдатахъ былъ, чуть кавалерію не выслужилъ, а отъ ребятъ его — насъ не убудетъ...

— Не убудетъ—какъ же!—этакую ораву кормить... ты думаешь кто кормить-то ихъ станетъ, на чьи харчи сядутъ они, а?

— Ну, что-жъ, Герасимъ Силычъ, не объѣдятъ...

— То-то вотъ не объѣдятъ, а я говорю тебѣ, что это озорство. Мнѣ дворника съ ребятами не нужно.

— Да какъ же это, Герасимъ Силычъ, человѣкъ все-таки устроился, мѣсто получилъ и вдругъ сейчасъ послѣ праздника и вонъ... куда-жъ идти-то ему?

— А туда, откуда пришелъ. Сказано — выгоню и конецъ! Вотъ тебѣ и все!

Рѣшенія Герасима Силыча обыкновенно бывали безповоротны. Степанида Матвѣевна знала это по собственному опыту; и ей оставалось только пожалѣть объ участи Гаврилы, новаго ихъ дворника изъ солдатъ, имѣвшаго несчастіе провиниться тѣмъ, что у него было много дѣтей.

Пришли домой. Степанида Матвѣевна стала на столъ собирать — полудновать. Герасимъ Силычъ помѣстился у окна въ сосѣдней комнатѣ съ старшимъ приказчикомъ, пришедшимъ поздравить его съ праздникомъ.

— Степанида Матвѣевна, Степанида Матвѣевна! послышался шопотъ кухарки Дуняши въ полурастворенную дверь изъ передней, — христославцы пришли...

Степанида Матвѣевна обернулась.

— О, Господи! — сердитый онъ нынче, кивнула она въ сторону сосѣдней комнаты, — какіе христославцы-то?

— Вьюноши маленькіе... мальчишки которые...

Степанида Матвѣевна подошла къ двери:

— Герасимъ Силычъ—христославцы пришли.

Губкинъ сердито обернулся въ ея сторону:

— Эка невидаль —чего-жъ имъ надобно, твоимъ христославцамъ-то?

— Ну, извѣстно, по русскому обычаю...

— То-то по русскому обычаю... проговорилъ Герасимъ Силычъ, но поднялся все-таки съ мѣста и вышелъ встрѣтить христославцевъ.

Расторопная Дуняша успѣла уже у двери разложить старую парусину, чтобъ мальчики не натоптали и не наслѣдили бы на полу, вымытомъ и выскребленномъ со вчерашняго дня чисто-начисто.

Христославцы вошли. Ихъ было шесть человѣкъ малъ-мала-меньше. Впереди былъ самый маленькій, большеголовый, точно только по глупости и неразумѣнію робѣвшій меньше другихъ. Онъ даже съ парусины на полъ сошелъ.

Мальчики серьезно и дѣловито поклонились и занѣли нестройнымъ хоромъ дѣтскихъ голосовъ Рождественскій тропарь...

Все ихъ дѣло и состояло въ томъ, чтобы раскланяться, пропѣть, получить монетку на пряники и уйти.

Но когда они кончили пѣть, Герасимъ Силычъ подозвалъ къ себѣ старшаго, того, что побольше остальныхъ ростомъ былъ, и спросилъ:

— Что это ты поешь такое? а? что ты поешь, скажи мнѣ пожалуйста?

Мальчикъ, твердо знавшій, что такіе разговоры не входятъ въ программу ихъ посѣщенія, оробѣлъ и не зналъ, что отвѣтить...

Герасимъ Силычъ нахмурился...

— Отвѣчай же, мальчикъ, проговорила Степанида Матвѣевна,—ну, что ты поешь?—славлю Христа, скажи...

— Славлю Христа, повторилъ мальчикъ.

Расшалился. Рис. Ф. Дворакъ. грав Іерике.

Очень доволенъ подарками! Ориг. рис. Ижакевича, грав. Шюблеръ.

— Ну, а какъ слова, слова-то повтори... добивался Губкинъ.
— Слова-то, переспросилъ мальчикъ, понявшій наконецъ то, что отъ него хотѣли,—слова поются: Рождество Твое Христе Боже нашъ возсіяніемъ міра, Свѣтъ разума небо звѣздамъ...
— Вотъ и не такъ, не такъ, перебилъ сердито Герасимъ Силычъ,—и видно, что ты глупъ совсѣмъ—нужно пѣть: *Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума, въ немъ бо звѣздамъ служащіи...* а ты, - небо!.. Ну, какъ же послѣ этого отца твоего не выгнать изъ дворниковъ, а?—вѣдь отецъ твой дворникъ Гаврила, такъ?..
Мальчикъ потупился.
— Нѣтъ, Гаврила вотъ Митькинъ отецъ, а я сусѣдскій... проговорилъ онъ наконецъ.
— Сусѣдскій!.. протянулъ Герасимъ Силычъ,—ну, это особь статья, а который же тутъ Митька?—Митька, поди сюда...
Къ Губкину бодро подошелъ не оробѣвшій съ самаго начала большеголовый мальчикъ, бывшій впереди другихъ.
— А, вотъ ты какой, Митька! нѣсколько уже мягче сказалъ Герасимъ Силычъ, съ любопытствомъ разглядывая мальчугана.—Тропарь-то ты знаешь?
— Знаю, отвѣчалъ бойко Митька.
— А ну-ка скажи.
Митька прочелъ весь тропарь безъ ошибки...
— Молодцомъ, похвалилъ его Губкинъ.
— Я и стихи тоже знаю, вдругъ неожиданно проговорилъ Митька.
— Стихи... какіе же стихи?
Митька сдѣлалъ серьезное лицо, опустилъ руки по швамъ, видимо подражая солдатскимъ манерамъ отца, и, стараясь внятно произносить,—задекламировалъ:

Я, маленькій хлопчикъ,
Принесъ ржаной снопчикъ,
Христа величаю
И васъ съ праздникомъ поздравляю...

— И васъ съ праздникомъ поздравляю!.. разсмѣялся Герасимъ Силычъ,—ну, Митька, ты совсѣмъ молодецъ, погляжу,—распотѣшилъ ты меня, Митька,—ловко—словно какъ бы комплиментъ, значитъ... не зналъ я, что у Гаврилы сынъ такой есть... Степанида Матвѣевна, обратился онъ къ женѣ,—ты этому Митькѣ особливо пряникъ дай, а отцу его скажи, что, молъ, Герасимъ Силычъ прощаетъ его и харчи на ребятъ велѣлъ отпускать ему, а если служить будетъ такъ же хорошо, какъ дѣтей раститъ, такъ и жалованья ему прибавлю. Вотъ какъ у насъ...
Степанида Матвѣевна, обрадованная, слушала мужа, улыбалсь.
И въ домѣ купца Губкина праздники прошли очень весело.

Къ рисункамъ.

Въ городъ на Рождество. (Рис. на стр. 1164).

Нарубивъ молодыхъ елокъ, насадивъ ихъ на крестообразныя подставки и перекрестясь, поплелся въ городъ къ базару наканунѣ Сочельника. Плетется и, понукая лѣнивую лошаденку, прикидываетъ въ умѣ, что, Богъ дастъ, выручитъ. „Ахъ, кабы на шубенку хозяйкѣ перепало... ужъ, очень просила“. А дѣло выходитъ прибыльное, особенно въ большихъ городахъ. Иной разъ: „Пять рублевъ за деревцо-то перепадетъ... теперь, а въ будни и за сажень дровъ этого не выручишь!“... Интересно, дѣйствительно, подвесть когда-нибудь итогъ рождественской торговли елками. На одинъ Петербургъ, напримѣръ, если считать въ немъ среднимъ числомъ 800,000 жителей и на 30 человѣкъ по одной елкѣ, выйдетъ—болѣе 20,000 деревъ!

На святкахъ. Разъѣздъ послѣ маскарада.

(Рис. на стр. 1165).

Изъ всѣхъ общественныхъ удовольствій, безъ сомнѣнія, самое излюбленное—костюмированные балы, а еще болѣе маскарады. Фантастическій, характерный или историческій костюмъ, домино и маска—синонимы свободы. Путы, налагаемыя деспотизмомъ разныхъ общественныхъ условій, соблюдаемыхъ въ бальномъ собраніи — на время маскарада ослабляются, а съ ними расширяется и право остроумныхъ разговоровъ и шутокъ; одно ощущеніе, что эти путы на нѣсколько часовъ сдѣлались легче, уже располагаетъ къ веселости; пользоваться только правомъ, можно сказать, дѣтскимъ, замѣнить „вы“ дружескимъ „*ты*“—часто доставляетъ особую прелесть. Бесѣдовать съ лицами вовсе не знакомыми, бесѣдовать иногда дружески, высказывать другъ другу свободно то, что немыслимо при иныхъ жизненныхъ условіяхъ — несомнѣнно заставляетъ предпочитать маскарады другимъ общественнымъ собраніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, взгляните, какъ на прилагаемомъ снимкѣ съ картины художника Виніегра совершенно невинный намекъ красиваго молодого китайца весело принятъ шутомъ, покидающимъ роскошную залу съ двумя дамами, и какъ безобидно относятся къ нему эти дамы, благодаря своему веселому, праздничному настроенію.

Съ праздникомъ! (Рис. на стр. 1169).

Русскій человѣкъ, дѣловитый, сосредоточенный и медлительный въ работѣ, совершенно преображается въ минуту праздничнаго веселья, словно желая вознаградить себя безшабашною удалью за обычную свою сдержанность. Душа вина проситъ, жилки ходятъ, гуляемъ во-всю! Нашъ художникъ весьма типично схватилъ это праздничное настроеніе въ выраженіи характерной фигуры, изображенной на его рисункѣ. Видно, что человѣкъ дѣйствительно „гуляетъ“ и поздравилъ себя съ праздникомъ, и каждому встрѣчному говоритъ радостно „съ праздникомъ!“...

Рождественское утро. (Рис. на стр. 1172).

Радостно начался день Рождества Христова. Весело поднялось золотое солнце по безоблачному небу и послало на землю свои животворные лучи. Какъ стрѣлы понеслись они въ разныя стороны и, проникая сквозь окна просыпавшагося города, освѣтили одну картину разнообразнѣе другой. Здѣсь—стояла елка, богато разукрашенная наканунѣ, а рядомъ въ комнаткѣ, въ красивой кроваткѣ, подъ кисейнымъ пологомъ, спалъ ребенокъ и, казалось, готовъ былъ расплакаться. Ему снилось, что онъ не можетъ сразу играть всѣми игрушками, которыя ему подарили на елку во множествѣ, и другіе сломаютъ ихъ. Тамъ—въ другомъ мѣстѣ не было елки. Дѣти спали угрюмыя: имъ ничего не подарили. Они теперь узнали, что только хорошія дѣти могутъ ожидать подарковъ. Но вотъ одинъ изъ лучей проникъ въ комнатку подъ самою крышей. На столѣ стояла невзрачная елка и на ней, кое-гдѣ, висѣло нѣсколько яблоковъ и золоченыхъ орѣховъ. Но эта елка привѣтливо протягивала свои вѣтки спящимъ малюткамъ. Имъ грезилось о томъ, какъ неожиданно для нихъ было вчерашнее веселье и сколько радости имъ было благодаря той игрушкѣ, которую имъ подарили отъ чистаго сердца и съ горячей любовью. И эта игрушка лежала вмѣстѣ съ ними, точно желая раздѣлить ихъ свѣтлыя, тихія грёзы, которыя вѣяли надъ дѣтьми, счастливыми и въ бѣдности.

Расшалился. (Рис. на стр. 1176).

Краснощекій Миша проснулся въ своей колыбелькѣ и, щурясь, осмотрѣлъ комнату. Въ ней было тихо. Няня, которая обыкновенно по утрамъ тутъ-же распивала кофе у окна, должно быть отправилась на кухню. Тамъ она, думалось Мишѣ, сидитъ за столомъ съ кухаркою и передъ нею стоитъ блестящій кофейникъ. Мишѣ всегда хотѣлось потрогать этотъ кофейникъ, но няня говорила, что кофейникъ сдѣлаетъ биби,—обожжетъ ручку. Вдругъ шорохъ привлекъ вниманіе Миши. Котъ Васька, съ бѣлой мордой и грудью и черепаховой спиной, игралъ нянинымъ чулкомъ, гоняя клубокъ изъ угла въ уголъ.
— Тише, Васька! прошепталъ Миша,—ты опять расшалился.
И тутъ припомнилось Мишѣ, что то же наканунѣ говорила ему няня, когда онъ послѣ елки не хотѣлъ идти спать. И въ его памяти пронеслось, какъ его насильно раздѣли, положили подъ одѣяльце и долго убаюкивали. И Миша захотѣлъ то же продѣлать съ Васькой. Вылѣзъ изъ постельки, схватилъ жирнаго кота въ охапку, обнялъ его, какъ друга, и понесъ къ люлькѣ. Туда онъ его уложилъ и началъ укачивать, припѣвая: „Баю, баюшки, баю!“

Очень доволенъ подарками! (Рис. на стр. 1177).

Рождество—праздникъ дѣтей. Рѣдко кто изъ нихъ останется безъ подарковъ или лакомствъ. Бываютъ и такіе счастливчики, которые не знаютъ порой, какъ справиться съ ними. Къ числу такихъ баловней судьбы и людей можно причислить и того мальчугана, который нарисованъ у насъ на стр. 1177 возвращающимся съ утренней елки—полныя руки игрушекъ и сластей.

Уличные силуэты передъ праздниками.

(Рис. на стр. 1180).

Предпраздничная суета и хлопотливость повсюду замѣтны: въ деревнѣ и въ городѣ, на улицахъ и дома. Художникъ Н. Кравченко изобразилъ цѣлый рядъ уличныхъ типовъ. Нарисованы они въ силуэтахъ, но стоитъ всмотрѣться въ эти „китайскія тѣни“ и сразу узнаешь каждую фигуру въ отдѣльности. Среди нихъ встрѣчается и портниха съ картонкой, едва успѣвшая приготовить къ сроку заказъ (портнихи всегда запаздываютъ), и бѣдная женщина, несущая что-то въ узелкѣ; тутъ и уличный торговецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые продаютъ съ возовъ дичь, поросятъ и всякую другую замороженную „живность“; онъ расторговался передъ праздниками и весело возвращается домой въ пустыхъ саняхъ, посадивъ въ нихъ сынишку; тутъ и мальчики изъ лавокъ, везущіе и несущіе запроданный товаръ, и вѣчный отецъ семейства — чиновникъ, закутанный, плетется пѣшкомъ „съ порученьями жены“; въ сторонѣ пріютился татаринъ, обдѣлавшій дѣльце по случаю крайней надобности въ деньгахъ. Вдали виднадревняя старушка,

плетущаяся въ церковь; у костра грѣется въ тѣсномъ кружкѣ всякій людъ, не обращая вниманія на горячіе пирожки; и за всѣмъ наблюдаетъ „по службѣ“ вѣрный стражъ порядка—городовой, закутанный по уши въ башлыкъ, въ то время какъ какой-то господинъ продѣлываетъ то же изъ любви къ „любопытству“. Даже шарманщикъ, допускаемый нынче лишь на окраинахъ города, усерднѣе вертитъ ручку своего „отчаяннаго“ инструмента — въ надеждѣ выманить у добрыхъ людей лишній грошъ передъ праздниками...

Въ ожиданіи елки. (Рис. на стр. 1181).

Скучно тянулось время въ ожиданіи елки. Чтобы скоротать его, будущій Рафаэль воспользовался отсутствіемъ призора благодаря праздничной сутолокѣ и принялся разрисовывать стѣны мѣломъ. За этимъ занятіемъ его застала маленькая гостья, пріѣхавшая на елку. Но будущій художникъ обращаетъ на нее мало вниманія и, позабывъ даже, что пора одѣваться, рисуетъ на стѣнѣ трубочиста.

Рождество Христово — въ памятникахъ искусства.

Очеркъ **А. І. Львовича.**

До IV столѣтія было не мало споровъ и разногласій относительно самаго дня, въ который приличествуетъ праздновать Рождество Христово: одни праздновали его 25 декабря, другіе—6 января, находя необходимымъ соединить его съ Богоявленіемъ. Только къ началу V столѣтія указанныя разногласія прекращаются, и устанавливаются два отдѣльныхъ праздника—Рождества Христова и Богоявленія.

Фактъ этотъ въ связи съ гоненіями, которыми встрѣтилъ языческій міръ послѣдователей Христа, объясняетъ намъ причину, почему всѣ найденные памятники изображенія Рождества Христова не восходятъ ранѣе IV столѣтія. Катакомбы, въ которыхъ пріютился древній христіанинъ для совершенія своего богослуженія, очень рѣдко украшались живописью. Среди этого рода памятниковъ до настоящаго времени удалось разыскать только одно изображеніе Рождества Христова, а именно въ катакомбахъ Св. Севастьяна. Судя по нимбу и античной туникѣ Богоматери, это произведеніе должно быть отнесено къ IV—V вѣку. Художникъ изобразилъ событіе весьма просто: на одрѣ, замѣняющемъ ясли, лежитъ спеленатый Младенецъ; близъ Него—Богоматерь, молодая женщина въ туникѣ, съ падающими на плечи волосами; у яслей—волъ и оселъ. Гораздо болѣе многочисленны скульптурныя изображенія на ту же тему, которыми украшались саркофаги. Но и тщательные розыски среди изданныхъ въ разное время памятниковъ доставили только два десятка такихъ изображеній по большей части поврежденныхъ и относящихся къ IV—V в. Главнѣйшія черты всѣхъ этихъ изображеній Рождества Христова суть слѣдующія: навѣсъ, ясли, въ которыхъ лежитъ спеленатый Младенецъ, Богоматерь сидящая возлѣ яслей, волъ и оселъ, пастыри и волхвы. Самое простое изображеніе на саркофагѣ въ церкви Св. Амвросія въ Миланѣ: спеленатый Младенецъ лежитъ на постели; у головы и ногъ Его лежатъ волъ и оселъ. Въ болѣе сложныя композиціи входятъ всѣ вышеуказанныя подробности и фигуры вмѣстѣ съ нѣкоторыми второстепенными, которыхъ мы не поименовали. Но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что Рождество Христово въ скульптурѣ саркофаговъ не отличается обширнымъ разнообразіемъ. Это объясняется тѣмъ, что въ эпоху саркофаговъ художественныя начала греко-римскаго искусства отходили въ область исторіи, само искусство пало, а явившееся на смѣну ему византійское творчество еще дѣлало только первые шаги. Положеніе художника-христіанина того времени было весьма критическое: приходилось, во что бы-то ни стало, отрѣшиться отъ формъ классическаго искусства и создавать новыя, соотвѣтствующія религіознымъ воззрѣніямъ, полученнымъ въ нѣдрахъ христіанской Церкви. Воззрѣнія эти были одинаковы, форма, удачно созданная и согласованная съ ними, принималась всѣми и вызывала безчисленныя подражанія. Но какъ ни старался художникъ этого времени явиться самостоятельнымъ и порвать всякую связь съ античнымъ искусствомъ, тѣмъ не менѣе оно наложило печать своего вліянія на однообразныя формы христіанскаго творчества. Разсматривая отдѣльно вышепоименованные элементы, изъ которыхъ компановалось изображеніе Рождества Христова, легко указать на прототипы ихъ въ античной скульптурѣ: типы пастуха, роженицы, вола, осла, даже яслей въ изображеніяхъ на саркофагахъ обладаютъ замѣтнымъ и несомнѣннымъ сходствомъ съ соотвѣтствующими типами античнаго искусства.

Дальнѣйшее развитіе разсматриваемаго нами сюжета сохранилось на различныхъ древнихъ таблеткахъ каѳедръ и проч. Уже въ этихъ памятникахъ начинаетъ проступать вліяніе византійскаго искусства. Характернымъ уклоненіемъ является здѣсь звѣзда, сосудъ для омовенія Младенца, ложе, на которомъ лежитъ Богоматерь, и присутствіе Саломіи.

Памятники Византіи въ скульптурѣ, миніатюрѣ и мозаикѣ очень многочисленны. Въ нихъ Рождество Христово изображается не подъ навѣсомъ, какъ это мы видѣли въ памятникахъ древнехристіанскаго періода, а въ пещерѣ. Первый примѣръ такого изображенія относится къ VI—VII столѣтію. Это—ампулла въ церкви Св. Іоанна въ Монцѣ. Съ этого времени во всѣхъ византійскихъ памятникахъ, а также и русскихъ, пещера становится обычною составною частью композиціи. Это вполнѣ согласуется съ древнѣйшими многочисленными церковными преданіями, восходящими до II в. Тѣмъ не менѣе западное искусство, какъ древне-христіанское на саркофагахъ, продолжаетъ изображать Рождество Христово не въ пещерѣ, а въ хлѣву, въ стойлѣ подъ навѣсомъ. Въ этомъ случаѣ западные художники руководствовались исключительно Евангельскимъ указаніемъ на то, что Младенецъ былъ положенъ въ ясли. Самыя ясли, подъ которыми всѣ памятники письменности, начиная съ Ев. Луки, разумѣютъ обыкновенныя ясли для скота, но не колыбель, стали изображаться въ памятникахъ византійскихъ и русскихъ въ формѣ колыбели, продолговатаго ящика, иногда сложеннаго изъ камня, иногда же золотого. Возлѣ колыбели въ этихъ памятникахъ всегда помѣщается волъ и оселъ.

Волъ и оселъ составляли постоянную подробность въ изображеніи Рождества Христова, такъ какъ съ древнѣйшихъ временъ въ письменныхъ памятникахъ волъ всегда признавался символомъ силы, т. е. іудейскаго народа, а оселъ—невѣжества, т. е. язычниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ древнехристіанскомъ искусствѣ символизмъ имѣлъ весьма широкое распространеніе. Но эти символы, столь понятные народамъ Византіи и Востока, въ Россіи легко могли утратить и дѣйствительно утратили свой смыслъ. Большинство русскихъ подлинниковъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ намековъ на символическое значеніе вола и осла и даже замѣняетъ этихъ животныхъ общеизвѣстными въ Россіи — конемъ и коровою. На нашихъ иконахъ только болѣе поздняго періода эти фигуры окончательно исчезаютъ.

Мы сказали, что во всѣхъ видахъ памятниковъ древнехристіанскаго періода Богоматерь представляется сидящею. Такое положеніе ея вполнѣ соотвѣтствуетъ представленію о безболѣзненномъ рожденіи Христа. Отцы Церкви, церковные писатели, Труллъскій соборъ,—всѣ единогласно утверждаютъ, что Приснодѣва родила Спасителя безъ всякихъ болѣзней. Несмотря на это, византійское, а за нимъ и русское искусство не сохранило первоначальной фигуры сидящей Богоматери. Въ памятникахъ тѣхъ и другихъ Богородица стала изображаться въ лежачемъ положеніи, а на барельефѣ Аѳинскаго центральнаго музея даже съ закрытыми глазами. Такое положеніе является обычнымъ на всѣхъ памятникахъ вплоть до XVII столѣтія. Только съ XVII столѣтія Богоматерь начинаютъ изображать на иконахъ сидящей у яслей, или-же стоящей на колѣняхъ предъ Младенцемъ. Къ этому, вѣроятно, побудили знаменитыя картины выдающихся художниковъ Европы.

Рождество Христово является одной изъ излюбленныхъ темъ свѣтской живописи. До XV столѣтія, писаніе картинъ встрѣчается еще только въ видѣ исключенія. Какъ извѣстно, въ средніе вѣка писали красками, разведенными на клеѣ, гумми, яичномъ бѣлкѣ и т. п. липкомъ веществѣ. Изъ числа написанныхъ такими красками фресокъ, можно указать на фрески Джіованно Чимабуэ (род. 1240—ум. 1302). Время изобрѣтенія масляныхъ красокъ (первымъ примѣнилъ ихъ въ XV в. Ванъ-Дейкъ) совпадаетъ съ началомъ расцвѣта западнаго искусства. Съ этихъ поръ Рождество Христово становится однимъ изъ постоянныхъ сюжетовъ въ картинахъ художниковъ всевозможнѣйшихъ школъ. Общей характеристикой всѣхъ ихъ является то, что почти всѣ онѣ повторяютъ одинъ и тотъ-же излюбленный мотивъ, а именно—обожаніе Младенца, что привилось и къ русской гравюрѣ новаго времени. Мы не станемъ перечислять всѣхъ художниковъ, писавшихъ на эту тему. Упомянемъ только о трехъ картинахъ. Первая изъ нихъ принадлежитъ кисти знаменитаго Корреджіо (род. 1494—умеръ 1534). Его „Ночь“ вызвала всеобщій восторгъ современниковъ, заставила многихъ знатоковъ признать се удивительнѣйшимъ полотномъ въ свѣтѣ, первой картиной въ мірѣ. Но и до сихъ поръ она продолжаетъ вызывать всеобщее удивленіе. Первое, что поражаетъ въ картинѣ, это—простота композиціи: простота, вѣдь, необходимая принадлежность каждаго генія. Если бы мѣсто сцены было болѣе обширно, художнику было-бы легко умножить контрасты, удивить богатствомъ своего воображенія, подвижностью своихъ фигуръ, постепенностью въ переходахъ свѣта и тѣни, но, почти навѣрное, можно сказать, что общее чувство таинственнаго, сверхъестественнаго, тѣмъ такъ и вѣетъ отъ всей картины, было-бы утеряно. Здѣсь главный дѣйствующій факторъ—невидимъ, такъ сказать,—какъ въ большей части произведеній Рембрандта: это — свѣтъ, который и придаетъ всей мистической сценѣ чрезвычайную поэзію, вызывающую въ зрителѣ глубокое волненіе. Дитя Іисусъ родился. Онъ спитъ на связкѣ прутьевъ, прикрытыхъ соломой. Богородица на колѣняхъ склоняется съ умиленіемъ надъ новорожденнымъ и созерцаетъ Плодъ чрева своего съ выраженіемъ такого полнаго восторга, счастья и любви, которыя наполняютъ слезами глаза любой матери. Налѣво отъ этой группы стоитъ пожилой пастухъ и

Уличные силуэты передъ праздниками. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Кравченка, автотипія Ангерера.

двѣ женщины,—всѣ они глядятъ на ребенка. Въ верхней части композиціи, ангелы парятъ надъ колыбелью явившагося въ міръ Бога. Вотъ вся картина; но вся ея красота, вся ея невыразимая поэзія проистекаетъ изъ этого свѣта, который исходитъ отъ Новорожденнаго, заливаетъ лицо, грудь и плечи Богоматери, ослѣпляетъ женщинъ и пастуха, освѣщаетъ многочисленныхъ ангеловъ вверху картины, скользитъ по фигурѣ Іосифа и, наконецъ, смѣшивается, постепенно ослабѣвая, съ свѣтомъ зари, которая занялась на горизонтѣ. Весь геніальный талантъ Корреджіо вылился въ этомъ необычайномъ, блестящемъ, ослѣпительномъ и чистомъ свѣтѣ, столь соотвѣтствующемъ сверхъестественности событія.

Эта картина увлекла за собою художниковъ, но всѣ ихъ усилія не дали намъ ничего, кромѣ многочисленныхъ ничтожныхъ и блѣдныхъ подражаній. Въ настоящее время это знаменитое произведеніе Корреджіо находится въ музеѣ Дрездена.

Вторая картина, о которой мнѣ хочется сказать здѣсь, гораздо менѣе извѣстна публикѣ. Это „Поклоненіе пастуховъ"— Пальмы Веккіо (род. 1480—ум. 1548). Она находится теперь въ музеѣ Лувра. Композиція также чрезвычайно проста и вполнѣ оригинальна. Возлѣ стѣны пріютились Богоматерь и Іосифъ; между ними сидитъ Младенецъ. Передъ Нимъ склонился одинъ пастухъ. Голова его написана съ такой экспрессіей, что дѣлаетъ всю картину выдающейся изъ всѣхъ, ей подобныхъ. Все лицо дышитъ безпредѣльной покорностью и любовью къ Божеству, проникнутой необычайной глубиной, наивностью и нѣжностью. Марія и Іосифъ спокойны, какъ бы свыклись съ новымъ для нихъ положеніемъ и видятъ въ такомъ искреннемъ преклоненіи пастуха только то, что приличествуетъ Божественному происхожденію Младенца. Христосъ протягиваетъ руку пастуху. Вдали пейзажъ, дорога, идущая въ гору, скачетъ всадникъ. На этомъ замѣчательномъ полотнѣ поддѣлыватели подписей дважды написали имя Тиціана. Въ такомъ видѣ картина была продана Людовику XIV. Не боясь преувеличенія, можно сказать, что Французскій король, покупая эту вещь, достойную кисти высочайшихъ мастеровъ, и думая пріобрѣсти Тиціана, былъ, въ концѣ концовъ, обманутъ, если можно такъ выразиться, въ свою пользу.

Третья картина — Поклоненіе волхвовъ — принадлежитъ кисти французскаго художника Жана-Ипполита Фландрена (1809—1864). Она находится въ настоящее время въ церкви Сенъ-Жерменъ-де-Пре. Художникъ задался цѣлью не столько написать картину, сколько церковный образъ. Простота композиціи, благородство и чистота стиля — вотъ отличительныя черты этого высокаго произведенія. Согласно съ католическимъ обычаемъ, дѣйствіе происходитъ подъ навѣсомъ. Волхвы стоятъ на колѣняхъ, склонившись передъ малолѣтнимъ Христомъ. У входа подъ навѣсъ стоятъ многочисленные зрители. Позы и костюмы всѣхъ ихъ въ высшей степени просты, а лица серьезны и проникнуты глубокимъ чувствомъ. Эта картина дала Фландрену громкую извѣстность. До нашихъ дней, несмотря на то, что въ этомъ направленіи работали и работаютъ многіе, никто не можетъ оспаривать права этого французскаго художника на первое мѣсто въ области монументальной церковной живописи. Фландренъ своей картиною подарилъ Франціи національный стиль для церковной живописи. Въ этомъ отношеніи въ Россіи пока сдѣланы только слабыя попытки.

Искусство.

Живопись.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ очеркѣ „Рождество Христово—въ памятникахъ искусства", мы можемъ привести еще слѣдующія данныя:

Въ исторіи искусства изображенія Рождества Христова именуются различно: Ясли, Святыя Ясли (Crèche), Поклоненіе пастырей, Поклоненіе волхвовъ, Рождество (Nativité). Самыя извѣстныя картины на эту тему, которыми гордится исторія искусства принадлежатъ кисти Сандро Боттичелли, Франческо Граначчи, Гарофало, Пальма Веккіо, Парденоне, Тинторетто, Пауло Веронезе, Фаринато, Гвидо Рени, Рафаэля, Миланезе, Доменико, Маратти, Тиціано, Мурильо, Веласкеца, Маино, Менгсъ, Джіотто, Синьорелли, Рубенса, Рембрандта, Ванъ-деръ-Верфе, Джорджоне, Джуліо Романо, Пеленбурга.

Картина Рафаэля, подъ названіемъ Della Spinetta, находящаяся въ Ватиканскомъ музеѣ, была заказана великому художнику францисканскимъ монастыремъ Спинетты, около Тоди. Полагаютъ, что она была исполнена Рафаэлемъ вмѣстѣ съ Пинтуриккіо, по рисунку Перуджино. Картина изображаетъ прибытіе волхвовъ; они видны вдали среди прелестнаго пейзажа. На первомъ планѣ, на землѣ лежитъ Младенецъ Іисусъ, окруженный Дѣвой Маріей, Св. Іосифомъ и нѣсколькими ангелами, въ положеніи поклоняющихся. Между этими ангелами два несомнѣнно принадлежатъ кисти Рафаэля; голова Св. Іосифа и фигуры волхвовъ, вѣроятно, также принадлежатъ ему; Пинтуриккіо повидимому написалъ трехъ ангеловъ парящихъ надъ Младенцемъ и поющихъ славу Мессіи.

Рафаэлю-же приписывается и картина Берлинскаго музея; она написана на шелковой матеріи; краски картины сильно поблекли. Фигуры перваго плана почти въ натуральную величину; Младенецъ лежитъ на землѣ, покрытый коврами, одинъ край котораго, завернутый, служитъ Ему изголовьемъ. Марія и два большихъ ангела на колѣняхъ преклоняются передъ Мессіей, взоръ Котораго обращенъ на Св. Іосифа, стоящаго и опирающагося на посохъ. Позади нихъ видны ясли съ воломъ и осломъ, высовывающими головы въ двери. Направо волхвы, изъ которыхъ одинъ на колѣняхъ подноситъ золотую чашу Іисусу. Въ глубинѣ, по горѣ спускается караванъ. Въ воздухѣ—три ангела держатъ полосу, на которой написано: „Ecce agnus Dei."

Между ватиканскими коврами, исполненными, какъ извѣстно, по рисункамъ Рафаэля, хранится одинъ, изображающій Ясли или Поклоненіе пастырей. Чрезвычайно граціозна фигура Дѣвы Маріи, колѣнопреклоненной и укладывающей съ необыкновенною заботливостью своего Божественнаго Сына на солому яслей. Выраженіе лица пастыря, подносящаго Младенцу корзину съ цвѣтами и фруктами,—чрезвычайно трогательно. Другіе пастыри поклоняются Іисусу, а ангелы носящіеся въ воздухѣ воспѣваютъ Его.

Картина Герарда Гонтгорста „Ясли" находится въ Уффиціяхъ во Флоренціи. Младенецъ Іисусъ лежитъ въ ясляхъ: Дѣва Марія приподнимаетъ съ Него покрывало и съ любовью созерцаетъ Его. Два ангела, улыбаясь, поклоняются; Св. Іосифъ стоитъ въ тѣни. Всѣ эти фигуры—натуральной величины.

Другая картина, приписываемая тому-же художнику и находящаяся въ томъ-же самомъ музеѣ, изображаетъ Младенца Іисуса лежащаго на соломѣ яслей; вокругъ Него сгруппированы Марія, Св. Іосифъ и четыре пастыря, изъ которыхъ двое—колѣнопреклоненные; третій стоитъ, опершись на посохъ; четвертый закрываетъ рукой свои глаза, какъ-бы защищая ихъ отъ блестящаго свѣта, исходящаго отъ тѣла Божественнаго Младенца. Эти двѣ картины принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ кисти Гонтгорста; въ особенности вторая производитъ необыкновенное впечатлѣніе, благодаря мистическому свѣту, освѣщающему всю сцену. Гонтгорстъ нѣсколько разъ возвращался къ этому сюжету; изъ другихъ его картинъ на эту тему обращаютъ на себя вниманіе картина Кельнскаго музея и картина Дижонской галлереи.

Въ ожиданіи елки. Рис. М. Шмидтъ, грав. Гейеръ и Кирмзе.

Знаменитыя „Ясли“ Веласкеца хранятся въ National gallery въ Лондонѣ. Божественный Младенецъ лежитъ въ ясляхъ возлѣ головы вола; Дѣва Марія открываетъ Его, чтобъ показать Его пастырямъ; пастыри въ положеніи поклоняющихся подносятъ Ему куръ, ягнятъ и пр.; въ глубинѣ виденъ ангелъ, который ихъ велъ. Въ этой картинѣ — девять фигуръ натуральной величины. Віардо думаетъ, что эту картину ошибочно приписываютъ Веласкецу; онъ склоненъ видѣть въ ней кисть Цурбарана; другіе знатоки полагаютъ, что она принадлежитъ Риберѣ, но Штирлингъ и Бюргеръ доказали принадлежность ея кисти Веласкеца. Долгое время она находилась въ картинной галлереѣ графовъ Агилара въ Севильѣ; она была куплена барономъ Тайлоромъ для короля Людовика-Филиппа, а отъ этого послѣдняго перешла въ Лондонскую національную галлерею.

Въ Императорскомъ Петербургскомъ Эрмитажѣ мы находимъ множество картинъ величайшихъ европейскихъ художниковъ съ изображеніемъ Рождества Спасителя. Вотъ имена художниковъ главнѣйшихъ изъ этихъ картинъ: Лесюэръ, Боттичелли, Рицци, Граначчи, Гарофало, Пальма Веккіо, Бонифачіо, Парденоне, Тинторетто, Веронезе, Фаринато, Гвидо Рени, Миланезе, Доменико, Маратти, Мурильо, Хуанъ Веласкецъ, Леаль, Манно. Въ особенности замѣчательны картины Парденоне, Доменико, Веласкеца и Мурильо. Изъ русскихъ художниковъ—одинъ только Вас. Василевскій.

Европейская современная живопись чрезвычайно бѣдна изображеніями Рождества Спасителя. Мы можемъ указать здѣсь только на двѣ картины этого рода (Поклоненіе пастырей и Поклоненіе волхвовъ), принадлежащихъ кисти знаменитаго французскаго художника Бугро (Bouguereau). Обѣ эти картины были соединены вмѣстѣ, образуя такимъ образомъ диптику. Въ „Поклоненіи пастырей“, Младенецъ Іисусъ, спящій въ ясляхъ, около пастырей, поклоняющихся Ему, и Дѣвы Маріи, созерцающей Его, представляетъ центръ композиціи, фонъ которой теряется въ глубокомъ мракѣ. Въ другой картинѣ волхвы, опоясанные царскими поясами, на колѣняхъ подносятъ Божественному Дитяти ладанъ и мирру. Іисусъ, сидя на колѣняхъ Своей Матери, благословляетъ родъ человѣческій. Святой Іосифъ и нѣсколько слугъ, занимающіе второй планъ, находятся въ тѣни, и силуэты ихъ выдѣляются на фонѣ голубого неба и небольшихъ бѣлыхъ домиковъ вдали. Эти двѣ картины, принадлежащія къ лучшей манерѣ французскаго художника, представляютъ прекрасную группировку фигуръ, но производятъ мало впечатлѣнія. **В. Ч.**

Музыка.

Музыкальная литература, строго говоря, не богата произведеніями, иллюстрирующими собственно Рождество Христово, но это событіе входило, какъ составная часть, въ церковныя музыкальныя произведенія, посвященныя жизни Христа на землѣ, дѣлу спасенія рода человѣческаго, исторіи Страстей Господнихъ, исторіи Святой Дѣвы Маріи и проч. Духовная драма, сопровождаемая музыкой, возросла, можно сказать, на лонѣ Церкви; символическое изображеніе жизни Спасителя, по своему живому впечатлѣнію на чувства человѣка, безсомнѣнно вліяло сильнѣе и глубже на душу, чѣмъ чисто духовное, абстрактное ученіе; фантазія приходила на помощь уму, еще неспособному въ первое время христіанства сознательно осилить все величіе новаго ученія; отсюда такъ называемыя *мистеріи*, разыгрывавшіяся въ монастыряхъ и церквахъ и сопровождавшіяся пѣніемъ молитвъ, въ которомъ обыкновенно принимала участіе вся община.

Духовенство обыкновенно поощряло эти „зрѣлища“, ибо видѣло въ нихъ могучее средство для разъясненія массѣ понятнымъ для нея образомъ религіозныхъ вопросовъ и для ознакомленія ея съ событіями священной исторіи путемъ наглядныго ея изображенія; эти „зрѣлища“ вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекли народъ отъ безнравственныхъ свѣтскихъ игръ. Мистеріи были распространены во всей Европѣ и у насъ. Но со временемъ мистеріи значительно расширились; къ элементу духовному стали прибавлять свѣтскій; послѣдній сталъ брать верхъ надъ первымъ („ослиныя“ и „дурацкія празднества“) и Церкви пришлось бороться съ этимъ зломъ и запрещать эти игры, въ особенности во время Великаго поста. Такъ продолжалось до XVI вѣка, когда мистеріи мало-по-малу приняли другую форму, болѣе литературную, если такъ можно выразиться, и художественную; мы говоримъ о Laudi spirituali, actos sacramentales и собственно ораторіяхъ и Passions.

Уже въ началѣ XVI вѣка встрѣчаются въ итальянскихъ монастыряхъ собранія съ цѣлью религіознаго назиданія, нѣчто въ родѣ бесѣдъ съ музыкой; особенно поощрялъ ихъ извѣстный въ Римѣ Филиппъ де Нери, которому помогалъ въ этомъ дѣлѣ капельмейстеръ церкви Св. Петра Джіованни Анимуччіа, сочинявшій религіозные хоровые напѣвы, служившіе какъ-бы иллюстраціей къ прочтенному библейскому сюжету. Собранія эти и имъ подобныя, происходившія въ разныхъ мѣстностяхъ, пріобрѣтали мало-по-малу характеръ религіозныхъ представленій, соединенныхъ съ музыкой, сущность которыхъ составляла библейская исторія или Новый Завѣтъ, и сопровождавшихся соотвѣтственными событію гимнами. Названіе свое они получили по мѣсту, въ которомъ происходили, а именно — ораторія (Oratoire), т. е. монастырскій молитвенный залъ. Хотя въ этихъ Laudi spirituali еще нѣтъ сходства съ будущей ораторіей, но основные черты ея уже сказываются и въ этой первоначальной формѣ.

И здѣсь уже можно прослѣдить тѣ два важные признака, которые характеризуютъ этотъ родъ музыкальныхъ произведеній и въ періодъ его позднѣйшаго совершенства, при Генделѣ и Бахѣ, и отличаютъ его отъ оперы; во-первыхъ — историческое или, вѣрнѣе, библейское содержаніе, а во-вторыхъ — отсутствіе нагляднаго дѣйствія; послѣднее обстоятельство было особенно важно для искорененія изъ памяти народа того безобразія, до котораго дошли такъ называемыя „ослиныя“ и „дурацкія игры“, выродившіяся, благодаря внесенію свѣтскаго элемента, изъ мистерій. Съ установленіемъ этихъ двухъ признаковъ, сразу опредѣлилось высокое художественно-историческое назначеніе ораторіи — оберегать библейскую святыню отъ безчинствъ духовныхъ и свѣтскихъ представленій (припомнимъ братства: Compagnia del Gonfalone въ Колизеѣ, Confrérie de la Passion въ Парижѣ, товарищества изъ мейстерзингеровъ, мальчиковъ-хористовъ, жонглеровъ и бродячихъ паяцовъ въ Германіи и друг.).

Завоеванія въ области цивилизаціи не могли не оказать вліянія и на музыкальное искусство, которое всегда является отраженіемъ настроеній, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа; время выдвинуло такихъ колоссовъ церковной музыки, какъ Монтеверде, Палестрину, Орландо Лассо, Генриха Шютца и др., такъ много способствовавшихъ развитію формъ и обогащенію духовнаго содержанія музыки. Апогея своего ораторія и Passion достигли при геніяхъ, Бахѣ и Генделѣ, блещущихъ яркими звѣздами въ музыкальной литературѣ, хотя направленія того и другого совершенно различны; къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ здѣсь провести параллель между ними. Скажемъ только, что по вопросу, насъ интересующему, значеніе Баха шире и матеріалъ, даваемый его музыкой, богаче; у него, между прочимъ, есть одно (изъ первыхъ его произведеній) въ этомъ родѣ: „Weihnachts-Oratorium“, посвященное прославленію Божіей Матери, по случаю Рождества Христова; ораторія эта chef-d'oeuvre между многочисленными сочиненіями Баха. Все позднѣйшее, написанное Мендельсономъ, Листомъ и др., совершенно блѣднѣетъ въ сравненіи съ этимъ колоссомъ спеціально-церковной музыки.

В. Баскинъ.

Смѣсь.

Гаданіе у древнихъ народовъ. Гаданіе появилось на Востокѣ въ самой глубокой древности и произвело даже особый классъ гадальщиковъ, которые находились въ большомъ уваженіи у древнихъ. У евреевъ гаданіе также было сильно развито, и несмотря на положительныя запрещенія еще законодательствомъ Моисея, продолжало существовать очень долго и не могло быть искоренено совсѣмъ (Второз. XVIII, 10—11). Противъ гаданій сильно вооружались пророки: Исаія, Іеремія, Іезекіиль (Ис. VIII, 10; Іерем. XXIX, 8; Іезек. XII, 24, XIII, 6; Лев. XIX, 26; Числ. XXIII, 23; Зах. X, 2 и др). Самыми распространенными видами *гаданій* у евреевъ были: 1) гаданія по *кубкамъ* или *чашамъ* (Быт. XLIV, 5). Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что въ кубокъ или чашу наливали воду, а затѣмъ на воду капали растопленнымъ воскомъ, и изъ разныхъ причудливыхъ формъ, которыя принималъ воскъ въ водѣ, гадающіе выводили различныя заключенія относительно будущаго: женитьбы, успѣха на войнѣ, счастья дома, здоровья и т. п. Этотъ видъ гаданія должно считать самымъ древнимъ, ибо объ немъ упоминается уже въ исторіи Іосифа; 2)—*по печени*. Для этой цѣли убивали избранное животное и вынимали печень; если печень этого животнаго была красная и вообще здоровая, то это считалось хорошимъ признакомъ, а если она была суха, сморщена и вообще болѣзненна, то это считалось худымъ предзнаменованіемъ для гадавшаго; 3)—*стрѣлами* (Іез. XXI, 21). Этотъ способъ гаданія употреблялся преимущественно военнымъ людомъ глубокой древности; по свидѣтельству Іеронима, онъ состоялъ въ слѣдующемъ: на стрѣлахъ, обыкновенно, писали имена тѣхъ городовъ, противъ которыхъ предполагали открыть первыя дѣйствія въ какой-нибудь странѣ, затѣмъ, смѣшавъ эти стрѣлы съ такими надписями, клали ихъ въ-колчанъ. Первая вынутая стрѣла изъ колчана означала то, противъ какого города слѣдуетъ выступить впередъ. Пророкъ Іезекіиль, между прочимъ, съ своей книгѣ сообщаетъ слѣдующее: Вавилонскій царь Навуходоносоръ, когда выступилъ противъ Іудейскаго царя Седекіи и царя Аммонитскаго, встрѣтилъ на своемъ пути *двѣ пересѣкавшіяся дороги:* одна въ Іудею, другая въ землю Аммонитянъ; тогда Навуходоносоръ приказалъ царскимъ гадальщикамъ, слѣдовавшимъ въ обозѣ, произвести гаданье посредствомъ: *терафимовъ*, *печени* и, наконецъ, посредствомъ *стрѣлъ*. Этотъ способъ весьма былъ распространенъ у

арабовъ до Магомета, который запретилъ его; 4)—*посохомъ* или *жезломъ* (Осіи IV, 12). Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что лицо гадавшее, взявъ въ руки палку или жезлъ, измѣряло эту палку пальцами сверху внизъ или наоборотъ, и за каждымъ такимъ измѣреніемъ *ладонями* по порядку произносило: *да* или *нѣтъ*; затѣмъ, смотря по тому, какое слово (*да, нѣтъ*) произносилось при наложеніи въ послѣдній разъ ладони на палку, дѣлался выводъ о счастливомъ или несчастливомъ исходѣ предпринятаго дѣла. Кромѣ названныхъ способовъ гаданія у восточныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у евреевъ, существовало еще много другихъ; такъ гадали: по сновидѣніямъ, по полету птицъ и пѣнію ихъ, по встрѣчамъ, по чертамъ рукъ, на огнѣ, водѣ и т. п. (л.)

Водопроводы и канализація въ древности. На Востокѣ, гдѣ въ водѣ чувствуется всегда большой недостатокъ и гдѣ вода составляетъ предметъ первой необходимости не только для питья, но главнымъ образомъ для орошенія мѣстностей, которыя на значительныхъ пространствахъ часто бываютъ лишены ея, уже въ глубокой древности стали заниматься приведеніемъ въ исполненіе мысли: о снабженіи городовъ и мѣстностей, лишенныхъ хорошей воды, водою изъ отдаленныхъ резервуаровъ ея; слѣдствіемъ этого явились *водопроводы*. Уже въ Библіи упоминается о такихъ водопроводахъ (верхняго пруда) въ книгахъ: *Исходъ*, гл. VII, 3 и *II Паралип.* XXXII, 30. Цари іудейскіе, начиная съ Давида, при которыхъ городъ Іерусалимъ сталъ расти быстро, начали прилагать особенныя старанія къ удовлетворенію многотысячнаго города водою. Отличные водопроводы были построены знаменитымъ іудейскимъ царемъ Соломономъ; при царѣ Езекіи эти водопроводы были значительно увеличены. Послѣ плѣненія іудеевъ вавилонянами и разграбленія Іерусалима, водопроводы были попорчены и долго находились въ запустѣніи. Понтій Пилатъ снова возобновилъ эти водопроводы, часть которыхъ существуетъ даже въ настоящее время. Многочисленныя раскопки археологовъ свидѣтельствуютъ, что водопроводовъ на Востокѣ въ древности было очень много; особенность ихъ устройства отъ современныхъ намъ такихъ сооруженій состоитъ въ томъ, что водопроводы на Востокѣ обыкновенно строились поверхъ земли съ прочными сводами, а не въ глубинѣ земли, какъ у насъ, потому что въ древности не знали того обстоятельства, что вода можетъ подняться сама на ту же высоту, на которой находится источникъ *ея*. Иродъ первый устроилъ *канализацію въ г. Кесаріи и Іерусалимѣ;* съ цѣлью спуска всякихъ нечистотъ устроены были подземные каналы, чрезъ которые проходила вода, проведенная отъ г. Кармилъ въ Кесарію, и уносила городскія нечистоты на поля, которыя буквально, по свидѣтельству историка Евсевія Кесарійскаго, *омывались* водою и потому повидимому безплодная и каменистая почва Іерусалима и Кесаріи казалась цвѣтущимъ садомъ Іеговы. (л.)

Уваженіе къ бородѣ у древнихъ восточныхъ народовъ. Древніе народы Востока питали большое уваженіе, чуть не благоговѣніе къ бородѣ. У нихъ считалось большимъ оскорбленіемъ, если кто въ раздраженіи или для выраженія своего презрѣнія къ извѣстному лицу, щипалъ его бороду или брался за нее; напротивъ, *цѣлованіе бороды* было знакомъ особеннаго уваженія или дружбы. Вырываніе изъ бороды волосъ или полное снятіе ея и небрежное къ чистотѣ ея отношеніе служили знакомъ глубокой печали и скорби (1 Ездры IX, 3; Исх. XV, 2; Іер. XLI, 5, XLVIII, 37). Арабы и въ настоящее время прилагаютъ большую заботливость о бородѣ; они даже торжественно клянутся ею, а выраженіе: „да хранитъ Аллахъ твою бороду“ употребляется у нихъ, когда кому-нибудь желаютъ выразить самыя лучшія благожеланія. Передаютъ фактъ, что одинъ арабъ, раненый во время кровавой схватки въ нижнюю челюсть, рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ дозволить себѣ *сбрить* бороду, когда врачъ потребовалъ этого, чтобы освидѣтельствовать въ этомъ мѣстѣ рану. Сѣдая борода до сихъ поръ у жителей Востока считается символомъ мудрости. Ассиріяне, что видно изъ древнихъ ассирійскихъ памятниковъ, также весьма много занимались своими бородами, весьма тщательно и опрятно расчесывали ихъ и сохраняли; археологи говорятъ, что ассиріяне нерѣдко носили даже фальшивыя бороды, изъ чего видно, насколько важнымъ считалось имѣть хорошую бороду у восточныхъ народовъ. (л.)

Новая химическая лабораторія въ Петербургскомъ университетѣ, недавно открытая, должна затмить всѣ подобныя учрежденія въ Германіи, Австріи и Франціи. Она выстроена согласно всѣмъ современнымъ требованіямъ науки и представляетъ послѣднее слово ея. Бывшая до сихъ поръ лабораторія была крайне неудобна, мала и помѣщалась чуть-ли не въ подвалѣ. (г. в.)

Новый матеріалъ для изготовленія кредитныхъ бумажекъ и банковыхъ билетовъ найденъ недавно въ значительныхъ количествахъ въ Колумбіи въ Южной Америкѣ. Это минералъ, напоминающій собой азбестъ, янтарнаго цвѣта, совершенно прозрачный и несгораемый. Опыты, сдѣланные съ этимъ минераломъ въ Боготѣ, главномъ городѣ республики Колумбіи, показали его полную пригодность для изготовленія кредитныхъ билетовъ и, по всей вѣроятности, онъ получитъ вездѣ большое значеніе въ этомъ дѣлѣ.

Промышленныя выставки будущаго года. Въ апрѣлѣ 1893 г. Бельгійское королевское общество земледѣлія и ботаники устраиваетъ XIII-ую международную выставку земледѣлія. Наши сельскохозяйственныя общества получили уже приглашеніе принять участіе въ ней.

Сельскохозяйственную и промышленную выставку устраиваетъ въ будущемъ году и голландское правительство. Она откроется въ Батавіи, главномъ городѣ остъ-индскихъ колоній Голландіи, и продолжится съ мая по декабрь 1893 г. (г. в.)

Окраска чулокъ анилиновою краскою. Въ Парижѣ врачи замѣтили, что у нѣкоторыхъ дѣтей, носившихъ красные чулки, появляется на голеняхъ пузырчатая сыпь, сопровождающаяся сильнымъ зудомъ. При изслѣдованіи оказалось, что чулки были связаны изъ бумаги, окрашенной анилиновою краской конго, для фиксаціи которой употребляется дубильная кислота и рвотный камень. По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ испарины часть рвотнаго камня перешла въ растворъ, при чемъ содержащаяся въ немъ окись сурьмы могла проявить мѣстное раздражающее дѣйствіе на кожу.

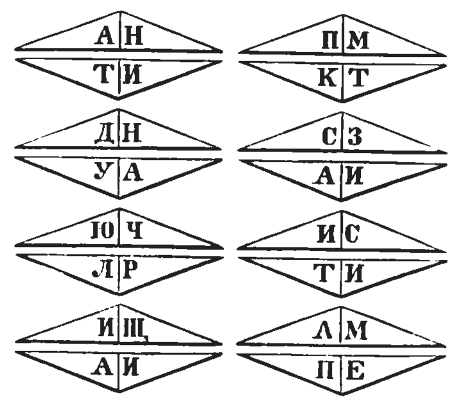
Новое растеніе съ клубнями недавно открыто въ западной Пруссіи. Оно похоже на обыкновенный картофель и съѣдобное. При изслѣдованіи оказалось, что это растеніе—давно исчезнувшій овощъ, служившій нѣсколько вѣковъ тому назадъ любимою пищею въ Бранденбургскомъ герцогствѣ.

Новые астероиды. По сообщеніямъ газеты *Italia*, астрономъ Шарлуа обсерваторіи въ Ниццѣ открылъ посредствомъ фотографіи шесть малыхъ планетъ, а Максъ Вольфъ въ Гейдельбергѣ еще двѣ; всѣ восемь принадлежатъ къ астероидамъ, находящимся между Марсомъ и Юпитеромъ.

Одинъ изъ жителей м. Лидса недавно объявилъ въ мѣстной газетѣ, что онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ поднялъ на улицахъ 11.000 булавокъ. Какова спина у этого господина!

Число періодическихъ изданій цѣлаго свѣта нынѣ достигаетъ цифры 47.000.

Рождественская задача „Звѣзда“ № 53.



Изъ данныхъ шестнадцати треугольниковъ составить звѣзду, на остріяхъ которой размѣстить восемь шаровъ. Найдя, затѣмъ, *шесть* словъ, значенія которыхъ слѣдующія: 1) Загородные дома въ Италіи, 2) Деревянный ковшъ для питья, 3) Названіе древней греческ. страны, 4) Принадлежность охотника, 5) Порода утокъ, 6) Топливо, — взять отъ каждаго изъ нихъ по двѣ крайнія буквы и разставить на шести шарахъ, а остальные два шара оставить свободными. Какъ треугольники, такъ и шары съ буквами должны быть расположены въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было прочесть привѣтствіе.

ШАХМАТЫ.

Рѣшенія задачъ №№ 39 и 47 „Нивы“.

№ 45. Н. Конделикъ (Прага.) Матъ въ 3 хода.
1. Л. a2 : c2, С : a1; 2. К. d3, Кр. : d3; 3. С. h7╪; или 2 . . ., ∞; 3. К. c5╪
a) 1 . . ., С : e1; 2. Ф : b1, ∞; 3. Л, С╪.
b) 1 . . ., С. : c2; 2. Ф. a7, ∞; 3. Ф╪.
c) 1 . . ., С. a2; 2. Ф. : a2, ∞; 3. Ф, С╪.
d) 1 . . ., С. b4 или a5; 2. Ф : d4†, Кр. : d4; 3. Л. c4╪.
e) 1 . . . d3; 2. Ф. : c3, ∞; 3. Ф╪.
f) 1 . . . g3; 2. Ф. a7, ∞; 3. Ф╪.

№ 46. Коцъ и Конелькорнъ. Матъ въ 4 хода.
1. С. d7—e8, С. e3†; 2. Кр. g2, С. : f4; 3. Ф. g4†; К. g4; 4. К. f3╪.
a) 1 . . . К. e4†; 2. Кр. g2, К. f6; 3. Ф. g4† и 4. К. f3╪.
b) 1 . . ., С : f4; 2. Ф. b5†, К : h5; 3. К. f3†, Кр. g4 или h3; 4. С. d7╪.

№ 47. М. Окунькова (Сима). Матъ въ 3 хода.
1. c5—c6, Кр. e4; 2. Ф. d3†, Кр. d5; 3. Л. a5╪.
a) 1 . . ., К. e3†; 2. Кр. d3, ∞; 3. Л, Ф.╪
b) 1 . . ., К. h4 ∞; (К. : g2; 2. С. : g2╪); 2. Ф. f3† и 3. Ф. b3╪.
c) 1 . . ., К. f2; 2. Л. a5† и 3 Ф. e2╪.
d) 1 . . ., С. или К. : e5; 2. Л. a5†, Ф, С╪. Остальные варіанты понятны.

№ 48. К. Вржбицкаго (Маріуполь). Матъ въ 2 хода.
1. С. b5—f1, ∞; 2. Матъ различными способами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Е. Ѳ. Андрезенъ (СПБ.); Н. С. Даржанъ (Кронштадтъ); А. Сусликовъ и Л. К. Истоминъ (Харьковъ); Н. Ф. Штрандманъ (Вейсенштейнъ).

При этомъ № прилагается Оглавленіе „Нивы“ за 1892 г.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ князь М. Н. Волконскій.

Къ нашимъ читателямъ.

Настоящій годъ „НИВЫ“ заканчивается этимъ №.. Читатели, имѣя передъ собою полный томъ журнала за годъ и двѣнадцать книгъ главнаго приложенія, — литературнаго сборника, могутъ сами судить объ обиліи литературнаго и художественнаго матеріала, даннаго нами въ теченіе года. Привлекая всегда къ участію въ „НИВѢ“ выдающіяся литературныя силы, мы въ этомъ году дали своимъ подписчикамъ произведенія первостепенныхъ русскихъ писателей и поэтовъ. Имена **Гончарова, Боборыкина, Григоровича, Данилевскаго, Лѣскова, Майкова, Немировича-Данченко, Полонскаго,** графа **Саліаса, Фета**, произведенія которыхъ заняли видное мѣсто въ „НИВѢ“ за 1892 годъ,— говорятъ сами за себя.

Въ книгахъ Сборника „НИВЫ“ даны на ряду съ новыми беллетристическими произведеніями полныя, тщательныя собранія сочиненій **Козлова, Грибоѣдова, Полежаева** и **Кольцова.** Полное собраніе стихотвореній **Кольцова** дано сверхъ сдѣланныхъ на 1892 годъ обѣщаній.

За 1892 годъ въ „НИВѢ“ помѣщено 608 превосходно выполненныхъ гравюръ и рисунковъ, не считая 900 рисунковъ и чертежей, помѣщенныхъ при модныхъ и другихъ приложеніяхъ. Въ видѣ обычной художественной преміи данъ роскошный альбомъ изъ десяти, печатанныхъ красками, картинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ самостоятельное художественное произведеніе.

Въ наступающемъ 1893 году „НИВА“, при неизмѣнномъ издательствѣ основателя ея А. Ф. Маркса и подъ новой редакціей кн. М. Н. Волконскаго, руководствуясь выработанной долголѣтнимъ опытомъ программой, будетъ живымъ, чисто-русскимъ журналомъ для семейнаго чтенія.

Съ первыхъ №№. „НИВЫ“ будущаго года начнется печатаніе интересной большой повѣсти графа **Саліаса „Джеттатура“**, дѣйствіе которой развертывается въ картинной обстановкѣ старой Венеціи. Затѣмъ предположенъ для помѣщенія цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя, приготовленныя уже къ печати, поименованы въ подробномъ объявленіи нашего журнала.

Въ первой, январской книжкѣ Сборника „НИВЫ“ появятся: посмертныя стихотворенія **А. А. Фета,** посмертное произведеніе **И. А. Гончарова,**—послѣднее литературное наслѣдство его; стихотвореніе **Я. П. Полонскаго;** повѣсть **С. Атавы (Терпигоревъ)**—**„Сморчки“**, исполненная обычнаго этому писателю юмора; новое произведеніе **Евг. Маркова,** правдиво и характерно рисующее черты изъ быта нашей провинціи...

Что касается художественной стороны журнала, то въ этомъ отношеніи „НИВА“, имѣя своими сотрудниками лучшихъ художниковъ и граверовъ, располагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣми техническими усовершенствованіями. Собственная типографія и артистическое заведеніе „НИВЫ“ спеціально приспособлены къ требованіямъ изящнаго иллюстрированнаго изданія.

Большая художественная премія „НИВЫ“ на 1893 г. — **Альбомъ изъ десяти картинъ**, печатанныхъ красками—исполнена по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ: — **С. Ѳ. Александровскаго, А К. Беггрова, С. И. Васильковскаго, Н. Н. Каразина, К. В. Лебедева, Ганса Макарта, К. Е. Маковскаго, И. Е. Рѣпина, Н. Е. Сверчкова** и **К. А. Трутовскаго.** Въ настоящее время картины выставлены въ книжныхъ магазинахъ столичныхъ и губернскихъ городовъ. О достоинствахъ воспроизведенія этихъ картинъ можно судить по отзывамъ печати и художниковъ, частію приведеннымъ въ прошломъ нумерѣ.

Затѣмъ, какъ и въ прежніе годы, мы позволяемъ себѣ выразить надежду, что наши постоянные труды и заботы объ улучшеніи и расширеніи журнала не прошли незамѣченными и что подписчики наши останутся нашими добрыми друзьями и на будущій годъ.

Въ книжной торговлѣ специально для иногороднихъ А. Ѳ. ПАНАФИДИНА
С.-Петербургъ, внутри Гостин. двора, 27.
ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ КНИГЪ
по всѣмъ отраслямъ науки, имѣющій въ себѣ 500 страницъ. № 6155 2—2
Ц. 40 к. съ перес. Выписывающіе съ налож. платеж. приплачиваютъ 10 к. за платежъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, издаваемый ОБЩЕСТВОМЪ СЧЕТОВОДОВЪ.
СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: УЧЕБНИКОВЪ, РУКОВОДСТВЪ, ПОСОБІЙ И СОЧИНЕНІЙ ПО СЧЕТОВОДСТВУ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: ПОЛГОДА 3 руб., ГОДЪ 6 руб., СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ 9 руб.
Все достойное подражанія, примѣненія, введенія въ жизнь будетъ предметомъ обсужденія въ нашемъ журналѣ. № 6170

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 66. | МОСКВА, Тверская, домъ Хомяковыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 годъ
на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ. Январь.	Іюль.	По четвертямъ года. Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ СПБ. въ конторѣ журнала	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Печковской и магазинѣ Карбасникова	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ доставкой въ СПБ.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто разсрочки, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ г. безъ повышенія годовой цѣны. Для служащихъ помѣсячная разсрочка за ручательствомъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: *Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9;* въ *Москвѣ* въ конторѣ Н. Печковской, въ книжн. магаз. *Н. П. Карбасникова* и друг.

Въ теченіе 1892 г. въ „Сѣв. Вѣстн.“ было, между прочимъ, напечатано: „Золото“, ром. *Д. Мамина-Сибиряка;* Жена, пов. *А. Чехова;* Севилья, *В. Немировича-Данченко;* Законныя жены, очерки *Ольги Шапиръ;* Трупъ, разск. *П. Боборыкина;* Vae victis, отрывокъ неоконч. романа *Софьи Ковалевской;* Петербургскій случай, пов. *К. Баранцевича;* Грани жизни, ром. *А. Лугового;* Общество грамотности, разск. *Каронина;* Передъ чѣмъ-то, *П. Боборыкина;* Обида, пов. *А. Шеллера* (Михайлова); Дневникъ Маріи Башкирцевой; Софья Ковалевская (Что я пережила съ нею и что она разсказывала мнѣ о себѣ), *Леффлеръ ди-Кайянелло,* перев. со шведск. Статьи: Неурожаи въ Россіи и ихъ причины, *Л. Весина;* Право и справедливость, проф. *С. Муромцева;* Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка, проф. *Ѳ. Леонтовича;* Наканунѣ новаго столѣтія, проф. *Алексѣя Веселовскаго,* Вѣнская музыкально-театральная выставка и др. *В. Стасова;* Кавалеры и круглоголовые, проф. *Максима Ковалевскаго;* Врагъ съ Востока, *Влад. Соловьева;* Борьба растеній съ засухой, проф. *К. Тимирязева;* Генрихъ Ибсенъ и его пьесы, *Н. Минскаго;* Судебная фотографія, *И. Щегловитова* и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной отдѣлъ. 2) Земскій отдѣлъ. 3) Провинціальная печать. 4) Новыя книги. 5) Письма изъ Америки, *В. Макъ-Гахана;* Письма изъ Парижа, *Роберъ де Серизи;* Письма изъ Италіи, *Л. Рускина;* 6) Внутреннее обозрѣніе. 7) Политическая лѣтопись, проф. *А. Трачевскаго* и 8) Литературныя замѣтки *А. Волынскаго.* II. № 6117 (8)

Издательница Л. Я. Гуревичъ. Редакторъ М. Н. Альбовъ.

САРПИНКА И САРПИНСКАЯ ЧЕСУЧА

8—2 СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКАЦІИ. Ц. № 6160
Пересылку тканей по заказамъ фирма принимаетъ **на свой счетъ.** | Альбомъ съ образцами высылается по требованію **безплатно.**
Адресъ: САРАТОВЪ, Торговому дому „БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ“, въ Пассажѣ.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5421 (20)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ подделокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46. Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 г.
на литературно-политическій журналъ

Годъ XII. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** Годъ XII.

Вступивъ во **второе десятилѣтіе** своего существованія, журналъ будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, **перваго числа,** книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за 1893 г., будутъ напечатаны романы: 1) **„Совѣсть заговорила“**, *А. Михайлова;* 2) **„Лицемѣры“**, *I. I. Ясинскаго;* 3) **„Волчья яма“**, *П. Летнева;* 4) **„Ночь“**, *Н. Ѳ. Бажина;* и пр., и пр.

Годовая цѣна: **12** руб. безъ доставки; **13** руб. съ дост.; **14** руб. съ перес. иногороднымъ; за границу **17** р. За полгода: **7** руб. съ перес.; за границу—**9** р. **Условія разсрочки** иногороднымъ (въ томъ числѣ и библіотекамъ для чтенія): **5** р. при подпискѣ (черезъ главн. контору); къ 15 апрѣля—**5** р.; къ 15 августа—**4** р. Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Главная контора: СПБ., Кузнечный пер., № 5. № 6168

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1893** годъ Ц. № 6.36 6—5 XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„НОВОСТИ ДНЯ“,

большая ежедневная газета.

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, газета „Нов. Дня“ и въ **1893** году будетъ выходить по программѣ прошлыхъ лѣтъ и попрежнему употребитъ всѣ усилія, чтобы дать читателю богатый матеріалъ по всѣмъ интересующимъ его областямъ; кромѣ того, ежедневно помѣщаются интересные фельетоны и еженедѣльно будутъ помѣщаться портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Съ доставкой на годъ. . . . 9 р. — к. | Съ доставкой на 3 мѣсяца . . . 3 р.
„ „ „ шесть мѣс. 5 „ 50 „ | „ „ „ 1 мѣсяцъ . . . 1 „

Адресъ: Москва, контора газеты „НОВОСТИ ДНЯ“.

XVIII годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА XVIII годъ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОЗА“

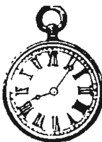
ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ

ТРИ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

1-ая **„РУССКАЯ ЛИРА“**, сборникъ стихотвореній извѣстныхъ русскихъ поэтовъ и поэтессъ, въ золотомъ тисненномъ коленкоровомъ переплетѣ.
2-ая (главная) **„ПѢСНИ О КОЛОКОЛѢ“**, Шиллера, съ превосходными иллюстраціями извѣстнаго художника Лиценъ-Майера.
3-ая **КАЛЕНДАРЬ „СТРЕКОЗЫ“ НА 1894 г.** съ рисунк., виньетк. и каррикатурами.

Въ теченіе года въ текстѣ журнала появятся два новыхъ отдѣла: **„ЗАКОНЫ СВѢТА“** Usages du monde, соч. баронессы Стофъ, съ юмористическими примѣчан. редакціи и **„Юмористическая философія Стрекозы“**, составленная по всемірнымъ источникамъ.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою въ С.-Петербургѣ 9 руб., съ пересылкою во всѣ города 10 руб., за границу 12 руб. № 6183 8—8



ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (17)
Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 5808

Ч. ГОФМАНЪ.
Русско-Американская багетная и рамочная фабрика.
С.-Петербургъ.
Складъ фабрики: Невскій пр. д. № 11, бель-этажъ. № 5966 (15)

„НЬЮ-ІОРКЪ“
Общ. Вз. Страх. Жизни.
Фондъ обезпеченія на 1 января 1892 г. **Руб. 265.748.783.**
Спеціальная гарантія для русскихъ страхователей составляетъ на 1 декабря 1892 г. Р. 2.714.072 23.
Сумма эта хранится въ Госуд. Банкѣ на имя **Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.** № 5653 (28)
Главн. Уполн. **П. П. Меллеръ.**

КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.
Кромѣ вещей опубликованныхъ въ прошлыхъ номерахъ, поступили еще и **карты гаданія: Дѣвицы Ленорманъ** 1 р. 20 к. ◆ **Альтотасъ или Тайны судьбы** (120 картъ) 1 р. 50 к. ◆ **Кто будетъ мой суженый** или **моя суженая** 80 к.
Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій 4.
Складъ Новыхъ Изобрѣтеній. Каталогъ (иллюстр.) всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. № 6171

ФОТОГРАФІИ.
Студіи, изъ жизни, и по моделямъ „Beautés“ и пр. — **Самая большая и прекраснѣйшая** коллекція въ мірѣ. Богатая образцовая посылка высылается за 5 р. Катал. по 20 к. **Adolf Estinger Kunstverlag. Wien I. Hauptpostfach.** Корреспонденція: на нѣм., франц. и англійск. яз. № 6073 (7)

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
(5) МИНДАЛЬНОЕ № 5914
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.** Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

Поставщики Высочайшихъ Особъ и Русской арміи.

Около 1000 велосипедовъ на складѣ. Кромѣ большинства полковъ болѣе 500 офицеровъ пользуются нашими велосипедами.
САМЫЙ ОБШИРНЫЙ въ Россіи складъ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
Торговый домъ **Ж. БЛОКЪ.** (основ. въ 1863 г.)
МОСКВА. С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Ц. № Кокандъ и Екатеринбургъ. 25—7
5982 Новый каталогъ 80 страницъ.
БЕЗПЛАТНО.

МЫЛО
ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА
КУСОКЪ 30 коп. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
ДВОЙНОЙ КУСОКЪ 50 коп.

Поступила въ продажу новая книга:
ГОРЬКІЙ ОПЫТЪ,
романъ **В. Фирсова.** Ц. 1 р. 50 к.

КУЗЬМИЧЕВА И БРУСНИЧНАЯ ТРАВЫ № 6172
съ описаніемъ ихъ употребленія и приготовленія высылаетъ за одинъ рубль сер. Аптекарскій магазинъ Шмидтъ. Саратовъ.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египет. № 5607 скаго моста, домъ № 7—2. 26—21
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.
№ 6135 10—1

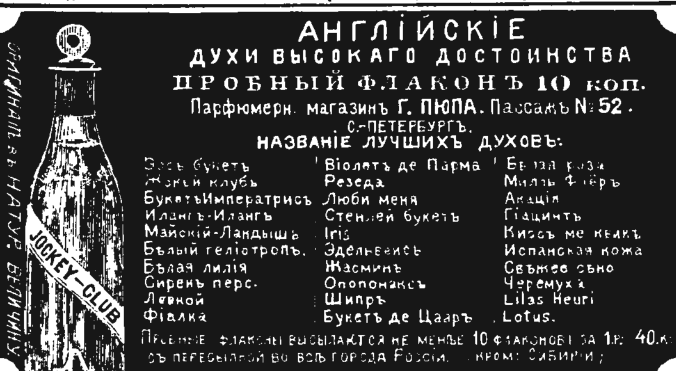
СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА НА 1893 ГОДЪ.
Благодаря богатству содержанія, полнотѣ и точности справочн. свѣдѣн., и также изяществу рисунк. и портр., онъ заслужилъ лестн. отзывы період. печ. Къ нему прил. **Стѣнной календарь и карта Россіи, печат. красками. Цѣна 15 к., съ пересылкой 28 к.**

I ЗАЕМЪ
съ выигрышами, 2 января тиражъ, продаетъ за наличныя и съ разсрочкою платежа,
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
59, НЕВСКІЙ, СПБ.
Открыто съ 4-го дня праздниковъ. № 6108 5—5

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое изданіе **Ф. Павленкова:**
„НЕСЧАСТЛИВЦЫ“
Э. Кандеза. Mt. № 6174
Повѣсть для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. Съ 65 рисунками, 230 страницъ.
Переводъ съ франц. В. И. Писаревой. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, СПБ., Лештуковъ пер., д. № 2.

№ 6012 10—9

Поступило въ продажу **для дѣтей и юношества** НОВОЕ ИЗДАНІЕ
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА
въ сокращенномъ переводѣ **Л. Шелгуновой.**
1) Певериль-Пикъ.—2) Пертская Красавица.—3) Пиратъ.—4) Аббатъ.—5) Монастырь.—6) Пресвитеріане.—7) Карлъ Смѣлый.—8) Обрученные.—9) Ричардъ-Львиное Сердце.—10) Черный Карликъ. Mt. № 6175
Въ 1891 году была выпущена первая серія романовъ **Вальтеръ-Скотта:**
1) Веверлей.—2) Антикварій.—3) Робъ-Рой.—4) Айвенго.—5) Астрологъ.—6) Квентинъ Дорвардъ.—7) Вудстокъ.—8) Замокъ Кенильвортъ.—9) Ламермурская невѣста.—10) Легенда о Монтрозѣ.
Въ каждой книжкѣ отъ 10 до 25 рисунковъ. — Цѣна каждаго изъ перечисленныхъ романовъ **40 коп.**, въ папкѣ **50 коп.** Въ роскошныхъ переплетахъ можно пріобрѣсти только сборники по 5 романовъ вмѣстѣ. Цѣна каждаго сборника **2 руб. 80 коп.**
Складъ въ книжн. магазинѣ П. В. Луковникова, СПБ., Лештуковъ пер., № 2.



№ 6131 (2)

PARFUMERIES
aux
Violettes de Parme
ED. PINAUD
Savon.... aux **Violettes de Parme**
Essences. aux **Violettes de Parme**
Huile.... aux **Violettes de Parme**
Poudre de Riz aux **Violettes de Parme**
37, BOULEVARD de STRASBOURG
PARIS
GRAND PRIX
EXPOSITION-PARIS 1889

Можно получить во всѣхъ большихъ магазин. или прямо съ фабрики. Прейсъ-кур. безплатно. № 5785 26—24

Рекомендую новѣйшіе препараты высшаго качества моего собственнаго изобрѣтенія
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Вазелиновое туалетное мыло .	кус.	30 к
Вазелиновая жирная пудра. .	кор.	60 к
Вазелиновый кольдъ-кремъ .	бан.	35 к
Вазелиновая помада	бан.	35 к
Ландышевое молоко	фл.	1 р

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.
Главный складъ: Демидовъ пер., № 1. Спб
Парфюмеръ I. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ЭЛЕОПАТЪ
ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ больш. Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 5976 (10)

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Генриха Блоккъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 19 декабря 1892 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., № 1.